

ГОГОЛЬ
в воспоминаниях,
дневниках,
переписке
современников

ГОГОЛЬ
В ВОСПОМИНАНИЯХ,
ДНЕВНИКАХ,
ПЕРЕПИСКЕ
СОВРЕМЕННИКОВ

3

3

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А. М. ГОРЬКОГО

ГОГОЛЬ В ВОСПОМИНАНИЯХ, ДНЕВНИКАХ, ПЕРЕПИСКЕ СОВРЕМЕННОКОВ

*Полный систематический свод
документальных свидетельств*

Научно-критическое издание

В трех томах

Том третий

Издание подготовил И. А. Виноградов

Москва
ИМЛИ РАН
2013

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ).
Проекты № 08–04–00261а, 13–04–16033д*

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание. В 3 т. Т. 3/ Издание подготовил И. А. Виноградов. — М.: ИМЛИ РАН, 2013. — 1168 с.

Книга представляет третий том издаваемого впервые полного систематического свода свидетельств о Гоголе его современников. Наиболее разнообразный по составу, том завершает собой ряд воспоминаний, дневниковых записей и переписки знакомых Гоголя в России и за границей: русских художников в Риме, друзей в Москве, Петербурге, Киеве, Одессе. Собраны свидетельства о Гоголе духовных лиц, документы о его паломничестве к Святым Местам, воспоминания о последних днях жизни Гоголя доктора А. Т. Тарасенкова и фельдшера А. В. Зайцева, документы Московской городской полиции и Московского надворного суда о кончине писателя. Наряду с эпистолярными и мемуарными свидетельствами близких Гоголю лиц, представлены переписка и мемуары о нем представителей западной партии. В заключение прилагается апокрифическая мемуарная литература о Гоголе. Большинство материалов расположено в виде систематических сводов, состоящих из нескольких разделов, мемуары сопровождаются историко-литературными и текстологическими комментариями. Значительная часть текстов подготовлена к изданию по автографам. Сводный именной указатель (ко всем трем томам издания) насчитывает около шести тысяч имен (более шестидесяти тысяч упоминаний). Издание носит энциклопедический характер.

Гоголь в воспоминаниях и письмах М. С. Щепкина

В. И. Веселовский

Первое знакомство Гоголя с Щепкиным

По поводу последней статьи о Гоголе, помещенной в «Русской Старине», 1872 г. (т. V, стр. 118–128), сын знаменитого артиста, П. М. Щепкин передал нам следующее о первом посещении Гоголем семьи его отца, Михаила Семеновича:

«Мы знали, что Гоголь, бывший профессором Петербургского университета и только что напечатавший “Вечера на хуторе близ Диканьки”, приехал в Москву. Это был его первый приезд сюда. Не помню, как-то¹ на обед к отцу собралось человек двадцать пять — у нас всегда много собиралось; стол по обыкновению накрыт был в зале; дверь в переднюю, для удобства прислуги, отворена настежь. В середине обеда вошел в переднюю новый гость, совершенно нам незнакомый. Пока он медленно раздевался, все мы, в том числе и отец, оставались в недоумении. Гость остановился на пороге в залу и, окинув всех быстрым взглядом, проговорил слова всем известной малороссийской песни:

Ходит гарбуз по городу,
Пытается своего роду:
“Ой, чи живы, чи здоровы,
Вси родичи гарбузовы?”

Недоумение скоро разъяснилось — нашим гостем был Н. В. Гоголь, узнавший, что мой отец тоже, как и он, из малороссов.

Н. В. Берг едва ли верно подметил ту черту характера Гоголя, что он был в обществе молчалив и необщителен до странности и оживлялся, только столкнувшись нечаянно с кем-нибудь из малороссов. Гоголь в нашем кружке — а большинство было русское — был всегда самым очаровательным собеседником: рассказывал, острил, читал свои сочинения, никем и ничем не стеснясь. Нелюдимом он являлся только на тех вечерах, которые устраивались так часто с Гоголем многими из его почитателей и почитательниц...»

Сообщаем эту заметку в убеждении, что нет ни одной *мелкой* черты, которая была бы *лишней* в отношении таких деятелей, как Н. В. Гоголь и М. С. Щепкин.

12 января <1872>. Москва.

Впервые опубликовано: *Веселовский В. И.* Первое знакомство Гоголя с Щепкиным // *Русская Старина*. 1872. № 2. С. 282–283. Печатается по автографу: *ИРЛИ*. Ф. 265. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 144–145.

Михаил Семенович Щепкин (1788–1863), актер.

Петр Михайлович Щепкин (1821–1877), сын М. С. Щепкина, юрист.

Владимир Иванович Веселовский (род. около 1833), выпускник Московского университета, адвокат, член Московского окружного суда, коллежский асессор. С 1868 г. назначен официальным опекуном (совместно с А. М. Достоевским и по его просьбе) впавшей в детство тетки братьев Достоевских А. Ф. Кумановой (рожд. Нечаевой, ум. в 1871); впоследствии поверенный в делах А. М. Достоевского.

Рассказ П. М. Щепкина опубликован Веселовским как отклик на «Воспоминания о Н. В. Гоголе» Н. В. Берга (см. в наст. изд.). Этот же эпизод — со слов самого М. С. Щепкина — сообщал ранее А. Н. Афанасьев в статье «М. С. Щеп-

кин и его записки» (1864) (см. в наст. изд.) и позднее — со слов А. М. Щепкина — М. А. Щепкин в «Воспоминаниях о М. С. Щепкине» (1900) (см. в наст. изд.).

Земляк и друг Гоголя М. С. Щепкин не оставил написанных мемуаров о Гоголе. До нас дошел ряд его устных рассказов и воспоминаний о писателе, которыми он делился с современниками. Помимо мемуаров и писем, собранных в настоящем разделе, воспоминания Щепкина о Гоголе см. также в наст. изд. в «Воспоминаниях о Гоголе С. Т. Аксакова, М. С. Щепкина, О. М. Бодянского в записи П. А. Кулиша», в воспоминаниях А. Д. Галахова «Сороковые годы» и в дневниковой записи О. М. Бодянского от 31 января 1854 г.

«Наш знаменитый комик М. С. Щепкин был горячим поклонником Гоголя и немало боролся с предубеждениями, существовавшими в обществе, в цензуре, даже среди драматических артистов, — против его любимого писателя. По словам Щепкина, даже такие артисты, как Мартынов, не понимали значения Гоголя, считая его грубым и сальным писателем. Цензура разделяла такой взгляд...» (*Вульферт В. К.* «Тяжба» Гоголя под цензурой Дубельта // *Русский Архив.* 1887. № 6. С. 256). «С 25 мая 1836 года по 4 июля 1863 года Щепкин выступил в <...> роли <городничего> в общей сложности (на сцене Малого театра и во время гастролей в Петербурге и провинции) сто сорок четыре раза» (*Холодов Е. Г.* Репертуар <русского театра в 1846–1861 гт.> // *История русского драматического театра: В 7 т. М., 1979. Т. 4. С. 63*).

¹ В начале июля 1832 г. Видеть М. С. Щепкина на сцене Гоголь мог ранее в отроческом возрасте, когда с августа 1818 по июнь 1819 г. и с весны по август 1820 г. обучался в Полтаве. Именно в 1818 г. Щепкин приехал в Полтаву, где стал ведущим актером театра, директором которого был И. П. Котляревский, содействовавший тогда выкупу Щепкина из крепостного состояния.

Среди литераторов, с которыми Гоголь познакомился в Москве в начале июля 1832 г., был также поэт И. И. Дмитриев (см. письмо к нему Гоголя из Васильевки около 20 июля 1832 г., а также в наст. изд. статью В. К. Пашкова «Черты из жизни Гоголя. Рассказ современника и соученика Гоголя <Т. Г. Пашенко>» и письмо П. А. Плетнева к В. А. Жуковскому от 8 декабря 1832 г.). Тогдашний отзыв Дмитриева о Гоголе передал позднее, в черновой редакции статьи «Иван Иванович Дмитриев» (1866) князь П. А. Вяземский (рукопись носит название «Домашний быт И. И. Дмитриева»): «...Встреча с Пушкиным и с Гоголем возбуждала в нем <Дмитриеве> даже радость. “О-о! Да он-таки смотрит Гоголем, — сказал он, проводивши почти до дверей <будущего> автора «Мертвых душ», проездом в свою Украину обедавшего у него. — Завтра же пошлю за его сочинениями и перечту их снова. У него и теперь много авторского запаса. Он не говорит *Батёвщина*, *Лагарповщина*. И Лагарп и Батё имели в свое время и всегда будут иметь свое место. Я благодарен, что меня ознакомили с этим молодым человеком. Я очень доволен, что его узнал: в нем будет прок!» (*Гиллельсон М. И., Мануйлов В. А., Степанов А. Н.* Гоголь в Петербурге. Л., 1961. С. 115). (См. также в наст. изд. второй (по счету) фрагмент из статьи Н. А. Лавровского «Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине» в разделе *Гоголь в документах Гимназии высших наук князя Безбородко в Нежине* и примеч. 62 к воспоминаниям С. Т. Аксакова «История нашего знакомства с Гоголем...»)

Из писем М. С. Щепкина

М. С. Щепкин — И. И. Сосницкому

От 28 апреля 1836 года. Москва.

<...> Пришли мне с первой почтой комедию «Ревизор»; здесь до сих пор нет в к<нижних> лавках. Комиссию твою я охотно готов исполнить, но против обыкновения, дружок, ты неаккуратно написал, ты пишешь, чтобы послать 4 фу<нта> хорошенького чаю, но ведь чай есть Маякон, цветочный и Сквозник¹, и всех сих сортов бывают хорошие и похуже, и потому я не знаю, какого выслать. <...> Ожидаю от тебя удовлетворительного ответа и тот же час вышлю в Великие Луки... <...>

Впервые частично опубликовано: Записки и письма М. С. Щепкина. Издание Н. М. Щепкина. М., 1864. С. 181; см. также: *Щепкин М. А. Михаил Семенович Щепкин. 1788–1863 г. Записки его, письма, рассказы, материалы для биографии и родословная.* СПб., 1914. С. 162. Печатается по изд.: Михаил Семенович Щепкин: Жизнь и творчество. В 2 т. М., 1984. Т. 1. С. 167.

Иван Иванович Сосницкий (1794–1871), петербургский актер, первый исполнитель роли городничего.

¹ Сквозник (часть фамильного прозвища Городничего в «Ревизоре») — «хитрый, зоркий умом, проницательный человек, пройда, пройдоха, опытный плут и пролаз» (словарь В. И. Даля); здесь: сорт чая. Примечательно, что о посылке Щепкиным, по просьбе Сосницкого, чая в Великие Луки (возможно, чая сорта «сквозник») Гоголь был извещен (см. в наст. изд. коммент. к письму М. С. Щепкина к И. И. Сосницкому от 26 мая 1836 г.). Чай этого сорта упоминается в черновой редакции первого тома «Мертвых душ», где помещица Коробочка говорит Чичикову: «...А что ж вы переворотили чашку. Ведь это сквозник по 10 рублей фунт. Выкушайте, батюшка, чашечку. Я нарочно приготовила покрепче». Возможно, и само фамильное прозвище своего будущего героя — Сквозника-Дмухановского — Гоголь «подслушал» во время своего пребывания проездом в Москве либо в июле или октябре 1832 г., либо в мае или августе 1835 г. В комедии «Женихи» (1833) встречается, в частности, слово «кулебяка», почерпнутое Гоголем в 1832 г. в Москве у С. Т. Аксакова. Беседы с Аксаковым послужили также Гоголю основой для упоминания в «Вии» в 1834 г. о рыбной ловле, об охоте на «стрепетов», «крольшнепов» и «дроф», также замечание в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» об охоте героя, Ивана Ивановича, на перепелов «под дудочку» и употребление здесь слова «качка» (утка). Со Щепкиным в 1832 г. Гоголь также сдружился, общался с ним и даже делился творческими планами (в частности, Гоголь познакомил тогда Щепкина с своей незавершенной комедией «Владимир 3-й степени»; см. в наст. изд. статью В. И. Родиславского «О комедии Н. В. Гоголя “Владимир 3-й степени”»); в 1835 г. Гоголь читал ему свою комедию «Женитьба» (см. примеч. к следующему письму).

Вероятно, во время своих четырех поездок через Москву в 1832 и 1835 гг. Гоголь не раз видел на сцене Щепкина. В 1838 г. анонимный критик, отмечая мастерское исполнение Щепкиным роли Городничего, восклицал: «Кажется, что Гоголь с него списывал своего городничего, а не он выполнял роль, написанную Гоголем» (Александринский театр // Литературные Прибавления к Русскому Инвалиду. 1838. 30 апр.). М. П. Погодин в 1853 г., в свою очередь, замечал: «Вывода на сцену многие действующие лица, Гоголь не имел ли в виду Щепкина?» («Прощальный обед М. С. Щепкину»; см. в наст. изд.). 25 мая 1836 г. сам Гоголь писал А. С. Пушкину о первой петербургской постановке «Ревизора»: «...Оба наши приятели, Бобчинский и Добчинский, вышли, сверх ожиданий, дурны (роли исполняли воспитанники петербургского театрального училища Петров и Крамолей. — *И. В.*) Хотя я и думал, что они будут дурны, ибо, создавая этих двух маленьких человечков, я воображал в их коже Щепкина и Рязанцева (В. И. Рязанцев играл на петербургской сцене с 1828 г., умер от холеры 28 июня 1831 г. — *И. В.*), но все-таки я думал, что их наружность и положение, в котором они находятся, их как-нибудь вынесет и не так обкарикатурит» («Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления “Ревизора” к одному литератору»).

В своей пьесе, в роли Городничего, Гоголь наблюдал игру Щепкина по крайней мере трижды: 17 октября 1839 г., 22 октября и 11 декабря 1851 г. (нельзя исключать также, что Гоголь присутствовал на московском представлении пьесы 23 апреля 1840 г., куда, возможно, водил мать с сестрами; см. в наст. изд. коммент. к мемуарам А. Т. Тарасенкова «Н. В. Гоголь в последнее время жизни»). В 1839 г., судя по реакции Гоголя, его впечатление от спектакля было сходным с тем, какое он испытал в 1836 г. от петербургской постановки (см. примеч. 136 к «Истории нашего знакомства с Гоголем...» С. Т. Аксакова). Сведениями о том, что Гоголь мог присутствовать на двух представлениях «Ревизора» в Москве в период с 17 октября 1841 по 23 мая 1842 г. (именно 19 декабря 1841 г. и 3 февраля 1842 г.) мы не располагаем (см. также коммент. к мемуарам А. Т. Тарасенкова «Н. В. Гоголь в последнее время жизни»). Вероятно, главным образом впечатлениями от спектакля 1839 г. вызваны строки письма Гоголя к М. С. Щепкину от 16 декабря (н. ст.) 1846 г. из Неаполя: «“Ревизора” нужно будет дать так, как следует (сколько-нибудь сообразно тому, чего требует, по крайней мере, автор его), а для этого нужно время. Нужно, чтобы вы переиграли хотя мысленно все роли, услышали целое всей пьесы и несколько раз прочитали бы самую пьесу актерам, чтобы они таким образом невольно заучили настоящий смысл всякой фразы, который, как вы сами знаете, вдруг может измениться от одного ударения, перемещенного на другое место или на другое слово. Для этого нужно, чтобы прежде всего я прочел вам самому “Ревизора”, а вы бы прочли потом актерам. Бывши в Москве, я не мог читать вам “Ревизора”. Я не был в надлежащем расположении духа, а пото-

му не мог даже суметь дать почувствовать другим, как он должен быть сыгран. Теперь, слава Богу, могу». Игрой актеров 22 октября 1851 г. Гоголь также не был доволен, для чего устроил для них 5 ноября 1851 г. авторское чтение «Ревизора», а 11 декабря ездил смотреть, насколько это чтение помогло постановке (см. в наст. изд. третью часть «Литературных воспоминаний» И. С. Тургенева, мемуары А. Т. Тарасенкова и статью Г. П. Данилевского «Знакомство с Гоголем»).

М. С. Щепкин — И. И. Сосницкому

От 7-го мая 1836 года. <Москва>.

Дружище, прилагаемое письмо¹ доставь как можно поскорее к Николаю Васильевичу Гоголю, который, кажется, жил в Малой Морской в доме Лепеня. Если же он переменил квартиру, то ты, верно, знаешь, и потому пришли мне его адрес. Он нам подарил пьесу на бенефис², и потому, если получишь от него, то поторопись об цензуре и потом доставь мне, разумеется, переписав. Как я рад, что ты удовлетворил его в комедии, он без ума от тебя. Прощай, брат. Целую тебя. Жду от тебя письма насчет чаю.

Гони к нам Гоголя. Прощай.

Твой друг М. Щепкин. <...>

Впервые частично опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 550. Печатается по изд.: Михаил Семенович Щепкин: Жизнь и творчество. В 2 т. М., 1984. Т. 1. С. 167.

¹ Письмо не сохранилось.

² Комедию «Женитьба». Известно о чтении Гоголем этой комедии в Москве сначала у М. П. Погодина, 4 мая 1835 г. (под названием «Женихи»), затем, в конце августа 1835 г., под названием «Женитьба», у И. И. Дмитриева. 6 декабря 1835 г. Гоголь писал М. П. Погодину в Москву: «Скажи <...> милому Щепкину: что ему десять ролей в одной комедии; какую хочет, пусть такую берет, даже может разом все играть. Мне очень жаль, что я не приготовил ничего к бенефису его. Так я был озабочен это время, что едва только успел третьего дня окончить эту пьесу (речь идет о «Ревизоре». — И. В.). — Той комедии, которую я читал у вас в Москве, давать не намерен на театр». Спустя пять месяцев, 29 апреля 1836 г., Гоголь сообщал Щепкину из Петербурга: «Комедию мою, читанную мною вам в Москве, под заглавием «Женитьба», я теперь переделал и переправил, и она несколько похожа теперь на что-нибудь путнее. Я ее назначаю таким образом, чтобы она шла вам и Сосницкому в бенефис здесь и в Москве, что, кажется, случается в одно время года. Стало быть, вы можете адресоваться к Сосницкому, которому я ее вручу. Сам же через месяца полтора, если не раньше, еду за границу и потому советую вам, если имеется ко мне надобность, не медлить вашим ответом и меньше предаваться общей нашей приятельнице лени». «Вручение» «Женитьбы» И. И. Сосницкому произошло в конце мая 1836 г., однако, выслушав комедию, актер нашел, что она незавершена, после чего Гоголь обещал ее переделать и выслать из-за границы «месяца через два» (см. в наст. изд. письмо Сосницкого к М. С. Щепкину от 30 мая 1836 г.).

М. С. Щепкин — И. И. Сосницкому

От 26 мая 1836 года. <Москва>.

Чаю 4 фунта в Великие Луки на имя е<го> б<лагородия> Егора Николаевича Коведяева отправлено 13-го мая. Цена за фунт 15 р<ублей> ассигнациями и 5 р<ублей> ассиг<нациями> за пересылку. Чай, смею уверить, превосходный; я отправил чай без письма...¹ <...> Теперь «Ревизор» дал немного мне приятных минут и вместе горьких, ибо в результате сказались недостатки в силах и в языке. Может быть, найдутся люди, которые были довольны, но надо заглушить ко мне в душу. Ну, меня в сторону. Ежели Н. В. Гоголь не уехал за границу², то сообщи ему,

что вчерашний день игрался «Ревизор»³, — не могу сказать, чтобы очень хорошо, но нельзя сказать, чтобы и дурно. Игран был в абонемент, и потому публика была высшего тона, которым, как кажется, она <комедия> многим не по вкусу. Несмотря на то, хохот был беспрестанно. Вообще принималась пьеса весело; на завтра билеты на бельэтажи и бенуары, а равно и на пятницу разобраны. Ежели получил от г. Гоголя пьесу «Женитьба», то, пожалуйста, переписав, пришли, а то, несмотря ни на какие неудобства, я сам за ней приеду. <...>

Впервые частично опубликовано: Записки и письма М. С. Щепкина. Издание Н. М. Щепкина. М., 1864. С. 181–182; см. также: *Щепкин М. А.* Михаил Семенович Щепкин. 1788–1863 г. Записки его, письма, рассказы, материалы для биографии и родословная. СПб., 1914. С. 162–163. Печатается по изд.: Михаил Семенович Щепкин: Жизнь и творчество. В 2 т. М., 1984. Т. 1. С. 169.

¹ См. в наст. изд. ответное письмо И. И. Сосницкого от 30 мая 1836 г. из Петербурга.

² Еще 21 марта 1836 г., то есть до премьеры «Ревизора» в Петербурге, директор петербургских Императорских театров А. М. Гедеонов писал директору московской конторы театров М. Н. Загоскину: «По предварительному моему с Вами сношению куплена мною Комедия “Ревизор” за 2500 р<ублей>, вследствие чего прошу Вас покорнейше приказать отправить следующие с Московской Конторы театров 1250 р<ублей> в С<анкт>-П<етер>б<ургскую> контору. Вместе с тем имею честь Вас уведомить, что за поспектакльную плату сочинитель не мог согласиться отдать свою пьесу по той причине, что расстроенное здоровье принуждает его ехать за границу и он нуждался в наличных деньгах, которые мною <9 марта 1836 г.> spolна ему и заплачены» (*Зайцева И. А.* К цензурной и сценической истории первых постановок «Ревизора» Н. В. Гоголя в Москве и Петербурге (по архивным источникам) // Гоголь: Материалы и исследования. М., 1995. С. 130). В свою очередь, М. П. Погодин 27 мая 1836 г., сообщая о новостях русской словесности, писал И. Н. Вагилевичу из Москвы: «Гоголь прославился малороссийскими повестями, а теперь пишет комедии — он в нынешнем году приедет во Львов» (отрывок из письма М. П. Погодина был напечатан в львовском журнале «Rozmaitości» (1836. № 38; 1837. № 41); цит. по: *Свенцицкий И. С.* Материалы по возрождению Карпатской Руси. Львов, 1906. Т. 1. С. 154).

³ Речь идет о премьеры «Ревизора» на сцене Малого театра в Москве 25 мая 1836 г.: «Ревизор. На Московской сцене. 1836, май 25, понедельник. Состав при первом представлении: Городничий — *Щепкин*; Жена его — *Львова Синецкая*; Дочь — *Ленская*; Хлопов — *Волков*; Жена его — *Кашина*; Судья — *П. Степанов*; Земленика — *Румянов*; Почтмейстер — *Потанчиков*; Добчинский — *Горшков*; Бобчинский — *Никифоров*; Хлестаков — *Д. Ленский*; Осип — *Орлов*; Гибнер — *Зеленин*; Люлюков — *Кочетовский*; Ростановский — *Прохонцев*; Коробкин — *Богданов 2*; Жена его — *Златопольская*; Частный пристав — *В. Степанов*; Свистунов — *Щелов 1*; Пуговицын — *Живокими 2*; Держиморда — *Максин 1*; Абдулин — *В. Соколов*; Пошлепкина — *Божановская*; Мишка — *Шуберт*; Половой — *Максин 2*; Жандарм — *Калинин*» (*Черневский С. А.* <Перечень спектаклей Малого театра в Москве, в которых исполнялись пьесы Гоголя. 1836–1897 гг.> // *ГЦТМ. Ф.* 299. Ед. хр. 1853. Л. 1). Следующие представления «Ревизора» в 1836 г. состоялись на московской сцене 26 и 29 мая, 2, 9, 12, 22 и 26 июня, 3 июля («Роль Хлестакова играл артист Петербургских театров Дюр»), 21 июля, 16 и 30 августа, 13 и 29 октября, 10 ноября, 18 декабря (там же; см. также: *Ельницкая Т. М.* Репертуарная сводка. Репертуар петербургского Александринского и московского Малого театров. 1826–1845 // История русского драматического театра: В 7 т. М., 1978. Т. 3. С. 305).

Анна Федоровна Ленская (ум. 14 апреля 1845), московская актриса.

М. С. Щепкин — И. И. Сосницкому

От 3-го июня 1836 года. <Москва>.

Сейчас получил от тебя, дружище, письмо, и сейчас отвечаю. Бранишь, что я не написал подробно об успехе пьесы, но я написал тебе все, что мог написать. Публика была изумлена новостью, хохотала чрезвычайно много, но я ожидал гораздо большего приема. Это меня чрезвычайно изумило; но один знакомый забавно объяснил мне этому причину: «*Помилуй, говорит,*

как можно было ее лучше принять, когда половина публики берущей, а половина дающей». И следующие разы это оправдали, принималась чрезвычайно хорошо, принимали с громкими вызовами, и она теперь в публике общим разговором, и, до кого она не коснулась, все в восхищении, а остальные морщатся. Ленский в Хлестакове очень недурен. Орлов¹ в слуге хорош. Бобчинский² и Добчинский³ порядочны, а особливо в сцене, где они являются с просьбой, один об сыне, а другой хлопочет о том, чтобы привести в известность о его местопребывании; а первой сценой я недоволен. Собой я большею частью недоволен, а особливо первым актом. Петр Степанов в суде бесподобен. Женщины я вообще недоволен, а особливо женой и дочерью⁴, чрезвычайно нежизненны. Вчера⁵ играли ее в четвертый раз, и публика каждый раз принимает ее теплее и теплее. Театр бывает всегда полон. Теперь доволен ли моим отчетом? Благодарю за хлопоты об моей поездке к вам, но я должен предупредить тебя, что я не иначе могу быть отпущен, как с половины августа до половины сентября, ибо дирекции нельзя раньше отпустить меня, потому что Живокини уехал на четыре месяца, Мочалов отпущен в Нижний, Бантышев⁶, кажется, к вам в Питер по делу, Синецкая начнет с половины месяца пить воды, а я остаюсь рабочим волом. Я для того извещил тебя о сем, чтобы ты знал о времени, когда случится говорить с директором. Что же касается до пьесы Н. В. Гоголя⁷, то ежели он взял ее переправить, нечего делать, будем ждать. Душевно желаю, чтобы письмо это его застало⁸. Ежели это случится, поцелуй его за меня на дорогу. <...>

Первые опубликовано: Записки и письма М. С. Щепкина. Издание Н. М. Щепкина. М., 1864. С. 182–183; см. также: *Щепкин М. А.* Михаил Семенович Щепкин. 1788–1863 г. Записки его, письма, рассказы, материалы для биографии и родословная. СПб., 1914. С. 163–164. Печатается по изд.: Михаил Семенович Щепкин: Жизнь и творчество. В 2 т. М., 1984. Т. 1. С. 170.

¹ Илья Васильевич Орлов (наст. фамилия Копылов; ум. в 1852), актер-комик, первый исполнитель роли Осипа в Малом театре, муж актрисы П. И. Орловой (рожд. Куликовой, сестры Н. И. Куликова и А. И. Шуберт); с 1825 г. играл на петербургской сцене; с 1828 по начало 1845 г. — на московской; в 1847–1850 г. вместе с женой служил в Одесском театре; в 1850/51 г. играл в Калуге, в 1852 г. — в Курске (см.: *Клинчин П.* Какой же Орлов играл Осипа и Скалозуба // Вопросы театра. М., 1970. С. 239–241). Ср. также: «Нашу сцену оставил замечательный актер, в продолжении семнадцати лет служивший усердно искусству, *И. В. Орлов*. <...> Лучшие роли его были *Скалозуба* в «Горе от ума» и *Осипа* в «Ревизоре». Г. Орлов играл на нашей сцене в последний раз в воскресенье, перед постом, 25 февраля <1845 г.>, и именно в роли *Осипа*» (*В. Р.* Московский Театр // Репертуар и Пантеон. 1845. Кн. 7. С. 16).

² Роль исполнял Н. М. Никифоров.

³ Исполнитель роли — актер Горшков.

⁴ Роли исполняли М. Д. Львова-Синецкая и А. Ф. Ленская.

⁵ 2 июня 1836 г.

⁶ Александр Олимпиевич Бантышев (1804–1860), оперный артист московских театров.

⁷ Имеется в виду комедия «Женитьба».

⁸ Гоголь уехал за границу 6 июня 1836 г.

М. С. Щепкин — И. И. Сосницкому

1836 года. Сентября 4-го дня. <Москва>.

<...> Теперь о Гоголе: где он? имеешь ли ты о нем какие сведения? Ты, Ваня, сделал маленькую оплошность, что оставил ему комедию для поправки¹. Он, занявшись другой комедией, забудет о ней совершенно. Если же ты ее получишь, то, ради Бога, тотчас переписав оную, вышли ко мне как можно скорее. <...>

Впервые частично опубликовано: Записки и письма М. С. Щепкина. Издание Н. М. Щепкина. М., 1864. С. 184; см. также: *Щепкин М. А.* Михаил Семенович Щепкин. 1788–1863 г. Записки его, письма, рассказы, материалы для биографии и родословная. СПб., 1914. С. 164–165. Печатается по изд.: Михаил Семенович Щепкин: Жизнь и творчество. В 2 т. М., 1984. Т. 1. С. 171.

¹ Речь идет о комедии «Женитьба».

М. С. Щепкин — И. И. Сосницкому

От 22 ноября 1836 года. Москва.

<...> Не знаю ничего, получил ли ты пьесу от Гоголя, которую ваша милость имели большую неосторожность отдать ему оную для переправки¹. Ежели получил, то, пожалуйста, вышли поскорей, а если нет и не знаешь ничего об нем, то я тебе скажу, что он в Лозанне, и я писал чрез Погодина², чтобы он выслал свою пьесу хотя без поправок, ибо у меня до сих пор нет ничего на бенефис. <...>

Впервые частично опубликовано: Записки и письма М. С. Щепкина. Издание Н. М. Щепкина. М., 1864. С. 184–185; см. также: *Щепкин М. А.* Михаил Семенович Щепкин. 1788–1863 г. Записки его, письма, рассказы, материалы для биографии и родословная. СПб., 1914. С. 165. Печатается по изд.: Михаил Семенович Щепкин: Жизнь и творчество. В 2 т. М., 1984. Т. 1. С. 171–172.

¹ Комедию «Женитьба».

² Письмо не сохранилось.

М. С. Щепкин — И. И. Сосницкому

От 9-го декабря 1836 года. <Москва>.

<...> Вчерашний день мне сказали, что у вас ставится пьеса Гоголя под названием «Сваха». Хотя и другое название, но это, я думаю, та же, что он нам давал. Если это точно правда, что она ставится, то как? В казну или кому-либо на бенефис? Если в казну, то, пожалуйста, извести, что дирекция за оную платит; если же на бенефис кому-либо, то попроси у бенефицианта переписать и вышли, от этого никакой помехи, я думаю, быть не может, ибо мой бенефис 8-го февраля. Только, пожалуйста, поскорее все вышли. <...>

Впервые частично опубликовано: Записки и письма М. С. Щепкина. Издание Н. М. Щепкина. М., 1864. С. 185–186; см. также: *Щепкин М. А.* Михаил Семенович Щепкин. 1788–1863 г. Записки его, письма, рассказы, материалы для биографии и родословная. СПб., 1914. С. 165. Печатается по изд.: Михаил Семенович Щепкин: Жизнь и творчество. В 2 т. М., 1984. Т. 1. С. 172–173.

М. С. Щепкин — С. Т. Аксакову

<28 сентября 1839. Москва>

Почтеннейший Сергей Тимофеевич. Спешу уведомить вас, что М. П. Погодин приехал, и не один; ожидания наши исполнились, с ним приехал Н. В. Гоголь. Последний просил никому не сказывать, что он здесь; он очень похорошел, хотя сомнение о здоровье у него беспрестанно

проглядывает. Я до того обрадовался его приезду, что едва ли не сухо его встретил; совершенно обезумел даже до того, что вчера просидел целый вечер у них и, кажется, путного слова не сказал, такое волнение его приезд во мне произвел, что я нынешнюю ночь почти не спал. Не утерпел, чтобы не известить вас о таком для нас сюрпризе: ибо, помните, мы совсем уже не ожидали его. Прощайте, сегодня, к несчастью, играю и потому не увижу его.

От 28 сентября 1839 года.

Ваш покорнейший слуга *Михайло Щепкин.*

Впервые опубликовано: Отрывок из рукописи Сергея Тимофеевича Аксакова: «История моего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852» // Русь. 1880. 6 дек. № 4. С. 18. Печатается по автографу (см. в наст. изд. раздел «С. Т. Аксаков. История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.>»).

М. С. Щепкин — А. А. Яблочкину

<6 октября 1852. Москва>

Милостивый государь Александр Александрович. Еще раз приношу вам мою душевную благодарность за ваше доброе внимание, оказанное мне, старику, в бытность мою в Питере, и от всего сердца желал бы хотя бы чем-нибудь поквитаться. Что наш «Разъезд»? Скоро ли из цензуры? Вышлите, пожалуйста, «Скупого рыцаря» Пушкина. Его тогда отослали к Елене Павловне для прочтения, а он мне будет нужен. Как скоро вы получите из цензуры «Разъезд», то, переписав и скрепя, вышлите поскорее, а я вам тотчас вышлю письменное право на оный. <...>

С искренним почтением честь имею пребыть Ваш, милостивый государь, покорный слуга
Михайла Щепкин.

От 6-го октября 1852 года.

Впервые частично опубликовано: Новое о Щепкине. Публикация и комментарий А. Клиничина (ходатайство и письма М. С. Щепкина, письмо П. А. Катенина) и Т. Ельницкой (письмо Я. С. Булгарина, из дневника А. Н. Афанасьевой) // Вопросы театра. М., 1965. С. 285. Печатается по изд.: Михаил Семенович Щепкин: Жизнь и творчество. В 2 т. М., 1984. Т. 1. С. 210.

Александр Александрович Яблочкин (1821–1895), с 1841 г. актер, затем режиссер Императорского Александринского театра.

¹ «Театральный разъезд после представления новой комедии» Гоголь для сцены не предназначал. В письме от 28 ноября (н. ст.) 1842 г., передавая Щепкину право на постановку своих драматических произведений (см. в наст. изд. коммент. к *Воспоминаниям М. С. Щепкина о Гоголе в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша*), Гоголь замечал: «...Последняя пьеса, Театральный разъезд, остается неприкосновенною, потому что ей неприлично предстать на сцене». Впервые пьеса была поставлена 20 апреля 1902 г., к пятидесятилетию со дня смерти писателя, в Мариинском театре в Петербурге артистами Александринского театра.

М. С. Щепкин — Е. Д. Щепкиной

От 30 мая 1853 года. <Санкт-Петербург>.

<...> Скука одолевала меня, но я со вчерашнего дня ожил, я получил приглашение на будущий понедельник к Софье Петровне Апраксиной читать для великого князя¹, но что именно, еще не знаю, а велено приготовить на всякий случай много, и Гоголя, и Пушкина, и каких-нибудь монологов. Итак, я сижу и работаю, читаю последние главы «Мертвых душ», чтобы быть

готову прочитать, какую главу прикажет. О, если бы ты знала, как мое старое сердце кипит и сколько сладких слез вытекло. <...>

Впервые опубликовано: <Дурьлин С. Н.> Николаев С. Из неопубликованных писем М. С. Щепкина // Советское искусство. 1938. 22 авг. № 111. С. 4. Печатается по изд.: Михаил Семенович Щепкин: Жизнь и творчество. В 2 т. М., 1984. Т. 1. С. 211.

Елена Дмитриевна Щепкина (рожденная Дмитриева, 1789–1859), жена М. С. Щепкина.

¹ Имеется в виду великий князь Константин Николаевич (1827–1892). Князь Д. А. Оболенский в 1855 г. вспоминал, что великий князь Константин Николаевич, узнав о работе С. П. Шевырева над рукописями Гоголя, поручил ему «просить Шевырева доставить ему для прочтения посмертные сочинения Гоголя. Шевырев немедленно исполнил желание Великого Князя и прислал Его Высочеству оставшиеся главы и отрывки из 2-го тома “Мертвых Душ” и “Авторскую исповедь”. «Это были первые списки, которые вышли из рук Шевырева», — добавлял Оболенский (см. в наст. изд. статью князя Д. А. Оболенского «О первом издании посмертных сочинений Гоголя», а также примеч. 15 к этой статье).

М. С. Щепкин — Е. Д. Щепкиной

<1–2 июня 1853. Санкт-Петербург.>

От 1-го июня 1853 года.

<...> 2-го июня. Вчера возвратился¹ в 4-м часу и потому проспал и, боясь опоздать отдать письмо на почту, так скажу только несколько слов. Вечер был превосходный, чтение удачно², великий князь до чрезвычайности мил и любезен. Дело об покойнике Гоголе по милости его высочества закипело³. <...>

Впервые опубликовано: <Дурьлин С. Н.> Николаев С. Из неопубликованных писем М. С. Щепкина // Советское искусство. 1938. 22 авг. № 111. С. 4. Печатается по изд.: Михаил Семенович Щепкин: Жизнь и творчество. В 2 т. М., 1984. Т. 1. С. 212.

¹ Из Стрельны, где Щепкин читал в загородном дворце великого князя Константина Николаевича.

² До этого М. С. Щепкин уже не раз устраивал публичные чтения произведений Гоголя. Так, в апреле 1841 г. М. С. Щепкин читал «Тараса Бульбу» на гастролях в Казани. Корреспондент «Москвитянина» сообщал: «Чем можно отблагодарить тебя, несравненный артист, за те прекрасные, истинно поэтические минуты, которые ты доставил некоторым жителям Казани и мне, заезжему страннику! И не одними представлениями на сцене, нет, — сколько раз читал он нам в коротком кругу любимого своего писателя Гоголя! Надобно слышать его, когда он примется за Тараса Бульбу; надобно взглянуть в выражение его лица; надобно ловить звуки его голоса. (Надобно видеть, как он беспрестанно меняет образы, читая то за то, то за другое лицо, — и как всякий раз верно схватывает каждого: из важного вдруг переходит в смешное, из великого в низкое, или наоборот; после слез смеется, после ярости — хныкает. Тарас как будто шит по его мерке. — Примеч. автора.) Как он забавен в первой главе повести, и между тем как непреклонный характер его уже предвещает грядущие бедствия! Описание степей Запорожья так живо, как будто слышишь шелест травы и видишь приседающих лыцарей. Но как ужасен он в сцене сыноубийства, как тяжело слышать из уст его это громовое: “Что, сынку?” Как больно смотреть на этого старца, плачущего по своему милому Остапе! Когда он рассказывал нам словами Гоголя все ужасы казни Остапа в присутствии миллиона народа и на вопль сына: “Слышишь ли, батько?” — ответил за Бульбу: “Слышу, сынку”, я вздрогнул вместе с миллионом народа и тут же рассмеялся до слез, представив себе испуганную фигуру Янкеля, так уморительно верно созданную Гоголем и так живо переданную Щепкиным» (А. Ж. Московские гости в Казани // Москвитянин. 1841. № 8 (цензурное разрешение 31 июля). С. 550; с подписью: «1841 года июня 15. Село З.»; см. также: Михаил Семенович Щепкин. Жизнь и творчество. В 2 т. М., 1984. Т. 2. С. 23–24).

В 1843 и в 1844 гг., во время Великого поста, в Москве, по инициативе М. С. Щепкина были устроены публичные чтения произведений русских писателей. Помимо Щепкина, участие в них принимали П. М. Садовский, П. С. Моча-

лов и другие актеры. Читались главным образом сочинения Гоголя: «Старосветские помещики», отрывок из «Тараса Бульбы», «Тяжба», «Утро делового человека», «Отрывок», «Лакейская», «Повесть о капитане Копейкине» (из «Мертвых душ»), «Театральный разъезд после представления новой комедии». Н. А. Ригельман сообщал: «Г. Щепкин <...> в продолжении прошлого поста <...> устроил в частном гостеприимном доме, при содействии других артистов, вечера для чтения, по одному на каждую неделю... <...> Он открыл свои вечера чтением рассказа — *старосветские помещики*. <...> Щепкин прочитал этот рассказ с большим чувством, проникнутый его грустным характером; но несмотря на то, что он сам был видимо тронут, мы бы желали более силы в передаче превосходных описаний природы, и особенно в последней элегической половине, где так глубоко разоблачено значение человеческих привязанностей. — Такое же замечание сделали мы о чтении отрывка из Тараса Бульбы. Может быть, причиной тому именно неподражаемое чтение Щепкина в пьесах комических: по сравнению ожидаешь равного совершенства и в роде важном; хотя отчасти несправедливо требовать этого от комика, который, посвящая себя изучению отрицательной стороны человека, необходимо делается несколько односторонним, и не имеет возможности возвыситься до положительно идеального, которого изображение во внешности следует совершенно противоположным условиям. <...> Зато он был истинным художником в чтении рассказа Гоголя — *Шинель*, и комических его отрывков — *Тяжба*, *Утро делового человека*, *Разъезд после представления новой комедии*, и других. Здесь <...> мы <...> видели перед собою <...> и Марью Александровну, требующую, чтобы ее тридцатилетний Миша непременно вступил в военную службу... <...> После Щепкина непосредственно надо упомянуть о Садовском, артисте большого таланта, отличающемся на сцене необыкновенною естественностью своей игры. Здесь он обнаружил то же дарование в чтении необыкновенно комического рассказа из *Мертвых Душ* — о *Капитане Копейкине*; жаль только, что излишняя поспешность и недостаток изучения не позволили ему выказаться в полном свете. Говорят, впрочем, что в чтении *Лакейских сцен*, которых нам не удалось слышать, он был уже гораздо окончатнее» (Ригельман <Н. А.> Вечера для чтения // Москвитянин. 1843. Ч. 3. № 5 (цензурное разрешение 18 мая). С. 293, 295–298).

На чтения 1843 г. Гоголь откликнулся статьей *V. Чтения русских поэтов перед публикою* в «Выбранных местах из переписки с друзьями» (статья датирована 1843 г.). Но такие же вечера устраивались Щепкиным и Великим Постом 1844 г. — 6, 11 и 15 марта, в зале дома Е. И. Новосильцева на Мясницкой. 4 марта 1844 г. в «Московских Ведомостях» было напечатано следующее объявление: «В понедельник, 6-го марта, в зале Е. И. Новосильцева, на Мясницкой, близ церкви Гребенской Божией Матери, дан будет первый вечер для любителей чтения, составленный Г. ЩЕПКИНЫМ; о подробностях будет извещено особыми афишами. Подписная цена на 3 вечера 5 р<ублей> сер<ебром>, на 1 — 2 р<убля> сер<ебром>» (Вечера для любителей чтения // Московские Ведомости. 1844. 4 марта. № 28. С. 182). См. также: «В субботу, 11-го марта, в зале Е. И. Новосильцева <...> дан будет *второй вечер для любителей чтения*, составленный Г. Щепкиным; начало в 8 часов» (Вечера для любителей чтения // Московские Ведомости. 1844. 9 марта. № 30. С. 194); «В среду, 15-го марта, в зале Е. И. Новосильцева <...> дан будет *третий вечер для любителей чтения*, составленный Г. Щепкиным. Начало в 8 часов» (Вечера для любителей чтения // Московские Ведомости. 1844. 14 марта. № 32. С. 208). А. И. Герцен в письме к Н. Х. Кетчеру от 15–16 марта 1844 г. сообщал: «В<е>чера *чтебные Мих<аила> Сем<еновича>* шли плоховато, выбор пьес очень дурен, он читал превосходно “*Заколдованное место*” и “*Тяжбу*” Гоголя, остальное шлехт» (нем. schlecht — плохо) (впервые опубликовано: *Герцен А. И.* Полн. собр. соч. и писем под ред. М. К. Лемке. Пг., 1915. Т. 3. С. 388–390; печатается по изд.: *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1961. Т. 22. С. 177).

По воспоминаниям актера Малого театра М. В. Лентовского — воспитанника М. С. Щепкина, Щепкин знал наизусть «Тараса Бульбу», а зимой и весной 1863 г. заставлял своего ученика разучивать целые главы из повести: «...<Щепкин> мучил меня жестоко, заставляя учить целые главы из “Вия”, “Тараса Бульбы”... <...> Он не только знал наизубок свои роли, но и целые <...> произведения: <...> “Ревизора”, “Разъезд”, “Тараса Бульбу” Гоголя <...> он говорил на память...» (Московский Листок. 1895. № 14). См. также в наст. изд. письмо М. В. Станкевич к родным от 22 февраля 1849 г.

³ См. в наст. изд. коммент. к статье А. И. Соколовой «Встречи и знакомства».

М. С. Щепкин — Н. М. Щепкину

<Между 5 и 8 июня 1853. Санкт-Петербург>

<...> В прошлый понедельник¹ у Софьи Петровны Апраксиной я читал для великого князя Константина Николаевича из «Мертвых душ» и старых и новых. Читал монолог Скупого рыцаря, и это навело на рассказ скупого Поддубнова, а потом рассказал «Полюби нас черненьких, а беленькими нас всякий полюбит» — ему сказали, что это мой рассказ². <...> Вечер этот надолго останется в старой голове моей. <...>

Впервые частично опубликовано: <Дурьлин С. Н.> Николаев С. Из неопубликованных писем М. С. Щепкина // Советское искусство. 1938. 22 авг. № 111. С. 4. Печатается по изд.: Михаил Семенович Щепкин: Жизнь и творчество. В 2 т. М., 1984. Т. 1. С. 214.

Николай Михайлович Щепкин (1820–1886), сын М. С. Щепкина, издатель и общественный деятель.

¹ 1 июня 1853 г.

² Рассказ М. С. Щепкина о сужденском чиновнике И. В. Котельникове, использованный Гоголем во второй главе второго тома «Мертвых душ». См. в наст. изд. мемуары М. С. Щепкина «Из моих записок» и фрагмент из статьи А. Н. Афанасьева «М. С. Щепкин и его записки».

М. С. Щепкин — С. В. Шумскому

<13 апреля 1860. Москва>

Милостивый государь Сергей Васильевич. С удовольствием представляю вам право дать на свой бенефис «Отрывок» из сочинений Н. В. Гоголя. Мне же это право передано и покойным автором и доверенным лицом от родных покойника, господином Кулишом, чего в удостоверение и письма их прилагаю, но которые прошу сохранить и возвратить мне по возвращении. От души желаю вам успеха. Это желание того, кто не умеет переставать любить.

Весь твой
Михайла Щепкин.

13 апреля 1860 года.

Впервые опубликовано: Филиппов В. А. Письма М. С. Щепкина к А. И. Шуберт // Голос Минувшего. 1914. № 6. С. 230. Печатается по изд.: Михаил Семенович Щепкин: Жизнь и творчество. В 2 т. М., 1984. Т. 1. С. 301.

Сергей Васильевич Шумский (наст. фамилия Чесноков, 1820–1878), актер Малого театра с 1841 по 1847 г. и с 1850 по 1878 г., в 1847–1850 гг. актер одесского театра.

Воспоминания М. С. Щепкина о Гоголе в
«Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша

<...> В первый приезд свой в Москву Гоголь сказал однажды М. С. Щепкину: «Ну, М<ихаил> С<еменович>, будет вам славная работа. У меня есть драма за выбритый ус¹ в роде «Тараса Бульбы»². Я скоро ее окончу»³. М<ихаил> С<еменович> имел неосторожность спросить у Гоголя об этой драме при свидетелях. Гоголь отперся и отвечал, что никогда не говорил ничего подобного; но, выходя из комнаты шепнул г. Щепкину на ухо: «Болтун! ничего больше не скажу». <...>

Впервые опубликовано: <Кулиш П. А.> Николай М. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и из его собственных писем. СПб., 1856. Т. 1. С. 330. Печатается по первой публикации.

¹ За выбритый ус — намеренно употребленный Гоголем в разговоре с Щепкиным украинизм. Значит: из-за выбритого уса. Ср. в воспоминаниях сестры Гоголя Ольги Васильевны, побывавшей в Москве в начале 1840 г.: «...Помню <...> актера Щепкина, который заговорил со мною по-малороссийски...» (см. в наст. изд. раздел *Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни*).

² Замысел «драмы за выбритый ус» (из эпохи Богдана Хмельницкого) восходит к осени 1836 г. Непосредственная работа над ней была начата в августе (н. ст.) 1839 г. О том, что эта драма имела близкое сходство с «Тарасом Бульбой», с еще большей очевидностью свидетельствует подготовительная запись П. А. Кулиша, сделанная непосредственно со слов Щепкина: «Тарас Бульба. Молчи, у меня есть пьеса с таким лицом, почти готовая. "Болтун! ничего не скажу"» (см. в наст. изд. «Воспоминания о Гоголе С. Т. Аксакова, М. С. Щепкина, О. М. Бодянского в записи П. А. Кулиша»). Сразу после сожжения драмы в 1841 г. (см. следующее примеч.) Гоголь приступает к работе над второй редакцией «Тараса Бульбы», в создании которой активно использует материалы, приготовленные ранее для драмы (см.: *Гоголь Н. В. Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания. Историко-литературный и текстологический комментарий. Издание подготовил И. А. Виноградов. М., 2009. С. 436–455*).

³ Под «первым приездом» Гоголя в Москву подразумевается период с 26 сентября 1839 г. по 18 мая 1840 г. От самого знакомства с М. С. Щепкиным в 1832 г. Гоголь был озабочен его актерской судьбой. Позднее в записной книжке 1845–1846 гг. он написал об актере следующую заметку: «Вмешали в грязь, заставляют играть мелкие, ничтожные роли, над которым <и> нечего дела <ть>. Заставляют то делать мастера, что делают ученики». Тогда же размышления о невзгодах актерской профессии Гоголь продолжил в статье «О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности» в «Выбранных местах из переписки с друзьями».

Стараясь помочь Щепкину, Гоголь 29 апреля 1836 г. послал ему «Ревизора» и одновременно обещал для исполнения на сцене «Женитьбу» (которую читал актеру в Москве в августе 1835 г.; см. в наст. изд. коммент. к письму М. С. Щепкина И. И. Сосницкому от 7 мая 1836 г.). Работа над комедией затянулась — и в 1838 г. Гоголь писал М. П. Погодину: «Меня ты очень разжалобил Щепкиным. Мне самому очень жалко его. Я о нем часто думаю. Я даже признаюсь, намерен собрать черновые, какие у меня есть лоскутки истребленной мною комедии и хочу что-нибудь из них для него сшить» (письмо от 1 декабря н. ст.). Речь в письме шла, по-видимому, об еще одной незавершенной комедии Гоголя — «Владимир 3-ей степени», с содержанием которой Гоголь познакомил М. С. Щепкина еще в 1832 г. (см. в наст. изд. фрагмент из статьи В. И. Родиславского «О комедии Н. В. Гоголя "Владимир 3-й степени"»). Однако и эта работа шла медленно, и по приезде в Москву осенью 1839 г. Гоголь пообещал Щепкину близкую к окончанию «драму за выбритый ус». По словам Гоголя в письме к М. П. Погодину от 10 сентября (н. ст.) 1839 г., он намеревался закончить драму в России до февраля 1840 г. По-видимому, обещание Щепкину «славной работы» над образом «драматического» «Тараса Бульбы» произошло именно в первые месяцы по приезде Гоголя в Москву, т. е. осенью 1839 г. (в те же месяцы, а именно 17 октября 1839 г., Гоголь впервые видел Щепкина в роли Гордничего в «Ревизоре»), так как к исходу 1839 г. Гоголь уже предложил Щепкину для его бенефисов другие драматические произведения, а именно три иностранных пьесы, переводы которых обещал исправить сам. Работа над двумя из них была завершена (комедия «Сганарель, или Муж, думающий, что он обманут женою» Мольера была назначена на несостоявшийся бенефис Щепкина 9 февраля 1840 г.; вторая комедия — «Дядька в затруднительном положении» графа Дж. Жиро — была выслана Гоголем Щепкину из Венеции 10 сентября (н. ст.) 1840 г.; обработка последнего, третьего перевода — какой-то пьесы Шекспира, — видимо, не была доведена Гоголем до конца (см. коммент. к разделу «Переводы под редакцией Н. В. Гоголя. Пьесы для бенефисов М. С. Щепкина» в т. 7 Полн. собр. соч. и писем Гоголя в 17 т. М.; Киев, 2009). Вероятно, обращение к этим пьесам последовало после того, как Гоголь не сумел завершить свою драму из украинской истории после активной работы над ней в Петербурге в ноябре 1839 г. (см. в наст. изд. письмо С. Т. Аксакова к сыну Константину от 27 ноября 1839 г., а также его «Историю нашего знакомства с Гоголем...»). Спустя более полутора лет Гоголь окончательно отказался от этого замысла и 26 августа (н. ст.) 1841 г. сжег драму после неудачного чтения ее во Франкфурте у В. А. Жуковского (см. в наст. изд. коммент. к письму Н. П. Огарева к М. Л. Огаревой от 26 августа (н. ст.) 1841 г.; к письму Н. М. Языкова А. М. Языкову от 21 февраля 1842 г.; *Воспоминания Ф. В. Чижова в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша* и «Воспоминания о Гоголе» П. В. Анненкова).

Спустя еще более года, 28 ноября (н. ст.) 1842 г., Гоголь отправил Щепкину письмо, удостоверяющее в том, что «все» «драматические сцены и отрывки, заключающиеся в четвертом томе» гоголевских сочинений 1842 г., принадлежат актеру, и что тот может давать их по своему усмотрению «в свои бенефисы». «Относительно же комедии Женить-

ба, — добавлял Гоголь, — вы устройте, по взаимному соглашению, с Сосницким таким образом, чтобы она шла в один и тот же день в бенефисы вам обоим, на петербургском и на московском театрах». (См. также в наст. изд. коммент. к письму В. Г. Белинского В. П. Боткину от 23 ноября 1842 г., а также письмо Белинского к Боткину от 9–10 декабря 1842 г.) По словам Н. В. Берга, «Щепкин <...> был один из самых близких к Гоголю людей. Все почти пьесы Гоголя шли в бенефисы Щепкина и потому не дали автору ничего ровно» (см. в наст. изд. «Воспоминания о Н. В. Гоголе» Н. В. Берга).

М. С. Щепкин

Из моих записок Фрагмент

<...> Жили в Курске, как я уже сказал, весело, и это продолжалось до губернатора А<ркадия> И<вановича> Н<елидова>¹, со вступления которого в управление губернией, не могу определить точно времени, когда это было, в 1808 или в 1809 году, общество начало расстраиваться и делиться на партии, так что к концу года его веселость исчезла... <...> ...Главное, что возмущало все общество, это то, что он не брал взятки. «Что мне в том, — говорил всякий, — что он не берет? зато с ним никакого дела не сделаешь». А в этом веке не было и жалобы на взятки, а был попрек от общества следующий: «Вот, говорят, был дурак — покойник такой-то: 25 лет был секретарем гражданской палаты, а умер — похоронить было нечем». В самом Курске было два человека, которых имена были записаны у каждого гражданина, имеющего дела, или в святцах, или в календаре: это П. М. Торжевский и Л. С. Баканов; да в Судженском уезде было знаменитое лицо Котельников² — тот самый, о котором Гоголь сказал в «Мертвых Душах» несколько слов, и в том числе фразу: «Полюбите нас черненькими, а белинькими нас всякий полюбит». Все означенные три лица считались за благороднейших людей, потому что брали и делали; а то все служащее брало и ничего не делало. Последний был по веку удивительное лицо, хотя служба его была как бы черновая; он был всю жизнь письмоводителем при исправниках. Я как его узнал, то он выражался, что он уже на 13-м исправнике ездит. «Как приведут, — говорит, — с выборов нового исправника, а особливо который служил прежде в военной службе, — приступу нет, точно дикий жеребец, бьется и задом и передом, и даже кусается; а как обгладить хорошенько, так такой в езде хороший станет, что любо-дорого!» Этот человек отличался необычной памятью, так что очень часто приезжали из других губерний спрашивать, что вот по такому делу не знает ли какого-нибудь закона, который бы был в пользу этого дела, и даже при выходе какого нового указа приезжали спрашивать: «Ну, что, Иван Васильевич, что вы скажете о новом указе?» — «Что же, ничего! лазейки две есть». И когда где случится дело, которое подходило под смысл этого указа, то, разумеется, тотчас бежали к И<вану> В<асильевичу>, и он указывал лазейку, за что брал условленную плату. И его всегда считали за благороднейшего человека. <...>

Первое опубликовано: *Щепкин М.* Из моих записок // Наше время. 1862. 18 марта. № 60. С. 240. Печатается по первой публикации.

¹ Аркадий Иванович Нелидов (1772–1834), курский губернатор с 1811 г.

² Иван Васильевич Котельников, титулярный советник, в 1810-х гг. служил в Судже секретарем земского суда. Рассказы Щепкина о И. В. Котельникове несколько раз вспоминал А. И. Герцен.

Воспоминания М. С. Щепкина о Гоголе в дневнике Ф. И. Буслаева

<...> 1852 г. Марта 19 (5-я неделя Великого Поста, середя). На второй неделе Великого Поста, в четверг утром¹ умер Гоголь. Уже на Масленице он чувствовал приближение смерти, говев, причащался на Масленице в четверг². По Москве носятся слухи, что он себя запостил. М. С. Щепкин рассказывал мне, что он заходил к Гоголю, когда тот уже был болен: он его не принял, из боязни, чтобы Щепкин, которого он уважал и слушался, не уговорил его подкрепить себя пищею³. [Во вторник на Масляницу] Один очевидец (Филип<п>ов) рассказывал мне, что во вторник на Масленицу⁴ он видел на станции железной дороги Гоголя, он был в хорошем расположении духа — он тогда провожал знаменитого в этой истории Ржевского Попа⁵. Гоголь, будто предчувствуя, завещал не торопиться после его смерти ни хвалю, ни порицаем⁶. Давно ли он умер? Не прошло еще и месяца — а вот уже из-за Гоголя поссорились Хавский с Булгариним, который в ответ на извещение о смерти Гоголя — написал грубость⁷, ругая талант Гоголя; поссорилась Московская цензура с Петербургскою, которая не хотела пропустить письмо Тургенева о смерти Гоголя, письмо весьма приличное, напечатанное потом в Москов<ских> Ведом<остях>⁸. — Поссорились с Университетом Славянофилы, которые хотели из Университетской Церкви или же с квартиры — похитить тело Гоголя в Приходскую Церковь⁹. — Глубокомысленный И. М. Снегирев, по случаю толков о Гоголе, с свойственной ему пакостию, изволил выразиться: «оно и точно! как посмотришь с другой стороны, так что же такого сделал Гоголь? Разве то-то, что показал Европе жопу России, которой он поднял подол». — Явление, в наше время, характеристическое — что некоторые личности вменяют Гоголю в вину его комическое вдохновение. Лучше бы было, если бы он писал подобно жужжанию так называемой «Пчелки», известной газеты, и хвалил то, что выставлено в его бессмертных сочинениях — достойным посмеяния. — Что сказать о самой смерти Гоголя? До сих пор никак не могу переварить я в своей голове сочетания двух несочетаемых идей — умерить себя постом — и умереть как должно Христианину, приобщившись Св. Таин. Вот до каких ухищрений дошел наш век, половина XIX столетия! Если — что и вероятнее всего — это запоздание произошло вследствие помешательства — то, признаюсь, как тяжело думать, что душа поэта не вынесла той тяжелой ноши, которую взяла на себя — выставить наши недостатки. Неужели любовь к родине должна была иметь в Гоголе такой роковой исход! А была в нем душа, вовсе не способная к тому, чтобы принадлежать запощеванцу. — Замечательный анекдот рассказал мне М. С. Щепкин: «Как-то недавно прихожу к Гоголю. Он сидит, пишет что-то. Кругом на столе разложены книги, все религиозного содержания. “Неужели все это вы прочли?” — спрашиваю его. “Все это надо читать”, — отвечал он. “Зачем же надо, — говорю я, — так много написано всего для спасения души, а ничего не сказано нового, чего не было бы в Евангелии. — А я, признаюсь, думаю, что [все эти книги ни к чему] всего этого написанного слишком много — запутанно”. Тут Гоголь принужденно отшутился, сказав что-то вроде: “Какой шутник!” А я продолжал: “Я и заповеди-то для себя сократил всего в две: люби Бога и люби ближнего, как самого себя”». — «Потом, — продолжал Щепкин, — я рассказал Гоголю следующий случай. [Как-то] Ехал я из Харькова в то время, как были открыты Мощи <св.> Митрофания¹⁰. Дай, думаю, заеду в Воронеж, не из набожности, а так, хотелось видеть, сколько может сделать вера человека. Приезжаю в Воронеж. Утро было восхитительное. Я пошел в церковь. На дороге попался мне мужик с ведром; в ведре что-то бьется. Смотрю — стерлядь. Думаю себе — Митрофаній еще подождет. Сторговал, купил рыбу — и снес домой. Потом пошел в церковь. Дорогою так восхищался природою, как никогда не запомню. Было чудесное утро. Прихожу в церковь. Народу множество — и такая преданность, такая вера, что я и сам умилился — до слез — и сам стал молиться: “Господи, Боже мой! Весь этот народ пришел Тебя молить о своих нуждах, бедах и болезнях — только я один ничего у Тебя не прошу, и молюсь слезно! Неужели Тебе нужны, Господи, наши лишения? Ты дал

нам, Господи, прекрасную природу — и я наслаждаюсь ею — и благодарю Тебя, Господи, от всей души!» «Тогда, — продолжал Щепкин, — Гоголь вскочил, обнял меня, вскричав: “Оставайтесь всегда при этом”». <...>

24 мая. <...> В Северн<ой> Пчеле в апреле и мае была напечатаны две подлейшие статьи о Гоголе¹¹, в которых Гоголя ставят ниже Нарезного, Дюма, Эжена Сю, Поль де Кока! Обе эти статьи стоят в связи с двумя случаями: первая относится к тому времени, когда Тургенев был посажен в Часть за то, что отослал в Москву и напечатал в Моск<овских> Вedom<остях> статью о Гоголе, которую не пропустил в Петербурге Мусин-Пушкин. О статье Тургенева может теперь судить всякий, прочитав в Моск<овских> Вedom<остях>. — Вторая статья Булгарина направлена на статью И. Аксакова о Гоголе в Московск<ом> Сборнике 1852 г.¹², — на статью действительно странную, написанную с тою целью, чтобы вдвинуть Гоголя в партию славянофилий. Только Северная Пчела эту статью так разобрала, что разбор кажется доносом. Точно так и в первой статье Булгарин доносит на Погодина, что он известие о смерти Гоголя осмелился поместить в своем Москвитянине¹³, окружив черненькою каемочкою, намекая, что этой чести удостоиваются Особы высшие. — Удивительно, как сбываются слова Гоголя в его Завещании — «не спешите ни хвалою, ни порицанием». — Сколько бед произошло от поспешных похвал. Даже Цензору¹⁴ был выговор за статью о Гоголе в Моск<овском> Сборнике.

Но самое ужасное, самое тягостное в потере Гоголя — именно то, что относится к его личному делу — к его страшной борьбе — художника с аскетом. Некая Смирнова, у которой Гоголь последние годы своей жизни жил, полагала своей целью убивать в нем художника¹⁵. Происками ее и других он сжигал свои сочинения: так, Смирнова сама признавалась, что Гоголь сжег несколько пьес вроде «Шинели»¹⁶. Эта почтенная дама, из легкой по поведению ставшая, как водится, ханжой в летах зрелых, — как нянька, взялась за Гоголя, чтоб поддерживать в нем Христианина против лукавых впадений художника. Она запрещала ему наслаждаться даже природою. Так однажды летом у нее в деревне он читал Четьи-Минеи — и задумался, да и засмотрелся и увлекся окрестностями. Тогда эта дама поймала его, как ленивого школьника, на праздной рассеянности — ему стало стыдно — и он принялся за чтение. Тургенев, передававший эти подробности¹⁷, читал рукописные письма Гоголя к этой даме, и тяжелое чувство оставили они в его душе: постоянно имя Бога, постоянно набожность — но ясности, свойственной такому предмету, нет. «Еще, — прибавил Тургенев, — во всех письмах Гоголя слышится какое-то смутное чувство — какое-то затаенное признание — как бы сказать — того — что он во всю жизнь свою не имел плотского сочетания с женщиною». — Эти рассказы о Гоголе напомнили мне два случая: отношения его к Щепкину, который так соблазнял Гоголя сочувствием с природою и с художествами — и еще одну пасквиль, впрочем, искренно, с убеждением признававшуюся у некоторых медиков — будто Гоголь умер от истощения от онанизма¹⁸. — Ух — гадко! — Вот до какого раздвоения дошел наш пакостный XIX вечишка! Поэт творит превосходные произведения — и потом сам хочет искоренить в себе праздный, лукавый дух поэта. Г-жа Смирнова хвалилась, что она и ее единомышленники неоднократно побуждали Гоголя сжечь «Мертвые души», но Гоголь отставал, говоря, что здесь главное дело не поэзия, а побеждение поэзии чем-то высшим¹⁹. <...>

Впервые частично использовано, с сокращениями подцензурного характера, в статье Ф. И. Буслаева «К воспоминаниям о Михаиле Семеновиче Щепкине» (1863) (см. ниже в наст. изд.). Отдельные фрагменты из дневника Ф. И. Буслаева печатались также: *Громов В. А.* Гоголь и Тургенев // Тургеневский сборник. Вып. 5. Л., 1969. С. 358–362; *Филин М. Д.* После смерти Н. В. Гоголя. Из дневника Ф. И. Буслаева // *Филин М. Д.* Люди Императорской России. Из архивных разысканий. М., 2000. С. 291–309. Печатается по автографу: *РГАЛИ*. Ф. 69. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 172 об.–174, 175 об.–177.

¹ 21 февраля 1852 г.

² 6 февраля 1852 г.

³ 13 февраля 1852 г. См. в наст. изд. раздел *Воспоминания о Гоголе графа А. К. Толстого, А. М. Жемчужникова и графа А. П. Толстого, записанные П. А. Кулишом.*

⁴ 5 февраля 1852 г.

⁵ Имеется в виду протоиерей Матфей Константиновский.

⁶ Из пятого пункта «Завещания» «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1847): «Завещаю по смерти моей не спешить ни хвалой, ни осуждением моих произведений в публичных листах и журналах: все будет так же пристрастно, как и при жизни».

⁷ Письмо Ф. В. Булгарина к П. В. Хавскому от 28 февраля 1852 г. см. в наст. изд.

⁸ См. в наст. изд. «Письмо из Петербурга» в третьей части «Литературных воспоминаний» И. С. Тургенева.

⁹ Об этих спорах см. также в наст. изд. в письме графа А. А. Закревского графу А. Ф. Орлову от 29 февраля 1852 г. и в авторском примечании 1 к мемуарам А. Т. Тарасенкова «Последние дни жизни Николая Васильевича Гоголя».

¹⁰ Торжественное открытие мощей святителя Митрофана, епископа Воронежского, состоялось 8 августа 1832 г. Однако в августе 1832 г. Щепкин находился в Москве. Речь, вероятно, идет об августе 1850 г., когда Щепкин возвращался с гастролей по южным городам (он выступал тогда в Воронеже, Харькове, Полтаве, Одессе).

¹¹ <Булгарин Ф. В.> Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная Пчела. 1852. 19 апр. № 87. С. 345–346; <Булгарин Ф. В.> Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная Пчела. 1852. 3 мая. № 99. С. 393–394. См. также в наст. изд. статью М. П. Погодина «Ответы г. Булгарину» и раздел «Ф. Б. Булгарин о Гоголе».

¹² См. в наст. изд. статью И. С. Аксакова «Несколько слов о Гоголе».

¹³ См. в наст. изд. некролог М. П. Погодина «Кончина Гоголя».

¹⁴ Имеется в виду князь Владимир Владимирович Львов (1805–1856), писатель. 28 ноября 1850 г. он был назначен цензором Московского цензурного комитета, а 27 августа 1852 г. уволен от должности «в пример другим» за пропуск в печать первого тома «Московского Сборника» и «Записок охотника» И. С. Тургенева (см.: *Гринченко Н. А., Патрушева Н. Г. Цензоры Москвы: 1804–1917. (Аннотированный список) // Новое литературное обозрение. 2000. № 44. С. 425).*

¹⁵ Мнение о том, что А. О. Смирнова «полагала своей целью убивать» в Гоголе «художника», принадлежит, по-видимому, И. С. Тургеневу (см. следующее примеч.) и не соответствует действительному характеру взаимоотношений Гоголя и Смирновой. Ср., в частности, ее письмо к графине Е. П. Ростопчиной из Рима от 1 марта (н. ст.) 1843 г.: «...Среди развлечений, вызванных пребыванием впервые в Риме, я до сих пор не отвечала на твое последнее доброе и милое письмо. <...> Рим стёр все *недавнее прошлое*, так как новые, захватывающие впечатления, получаемые в нем, совершенно заполнили голову, ум, сердце и душу. В Риме начинаешь вести особенно существование, полное желания слиться с прошлым, которое оставило в развалинах Рима вечное воспоминание о себе. Античный Рим сделался предметом всего моего любопытства, <...> и странно то, что это любопытство продолжается, и не бесплодно, так как я принялась читать и копаться в старине. Ты спросишь, дорогой друг, что делает во всем этот христианский Рим? Право, не знаю; до сих пор ничто не затронуло этой струны, несмотря на восхищение, которое всегда во мне возбуждает храм Св. Петра и множество других прекрасных церквей. Не знаю, что будет дальше, но до сих пор я по уши погружена в языческую и мифологическую древность. Впрочем, эти последние десять дней <период римского карнавала в 1843 г.: с 19 по 28 февраля (н. ст.)> окончательно пропали для занятий из-за масленицы, этого заразительного карнавала, который неудержимо влечет тебя, вооруженную *бомбами из цветов*, на безумный Корсо. Дело в том, что я, заклятой враг всяких публичных увеселений, принимала деятельное участие в этом прелестном, своеобразном и единственном увеселении Римского населения. Есть какое-то странное удовольствие в получении букетов и бросании их обратно, нередко в группу молодых художников, быть может мастеровых, которых не знаешь и которые обыкновенно направляют их с почтительной улыбкой. В окна немилосердно досаждают несколько молодых Итальянских девушек, и, конечно, красивейшие имеют предпочтение перед самыми знатными и нарядными. Наша великая княгиня <Мария Николаевна> и особенно великий князь <герцог Лейхтенбергский Максимилиан> принимали в этом очень живое участие; то, одетый в блузу, он катался в шарабане, то, стоя у себя на балконе, бросал букеты красавицам и целый воз дражж отвратительный Англичанкам, которых множество на карнавале. Сегодня <1 марта (н. ст.), так называемая «пепельная среда», начало католического Великого Поста в 1843 г.> все успокоилось, Рим снова принял свой обычный серьезный и сосредоточенный вид, а я возобновила свои странствования. Обыкновенно Гоголь бывает моим *сигетоне*, а он прекрасней-

ший проводник, так как обладает вкусом и показывает только то, что производит впечатление. Он избавил меня от осмотра остатков колонн и карнизов, о которых антиквары вам говорят с педантической важностью. За время своего пребывания здесь я была раз на балу у Потемкина и раз на вечере у Лютцова, Австрийского посла. Это дает тебе понятие о моем домохозяйстве. Живу так, потому что это мне нравится, а кроме того из-за здоровья, которое здесь хуже, чем было в России. Я очень страдала от головной боли; приписываю это беспрестанной перемене погоды: мы постоянно между сирокко и трамонтаной; такой плохой зимы в Италии не запомнят еще. С тех пор как великая княгиня вернулась из Неаполя, я иногда играла с нею в обычный вист вечером, вообще же сижу дома и принимаю у себя всех Русских, желающих доставить мне удовольствие своим посещением. С самого приезда моего у меня бывает Перовский, в обществе которого мне хорошо, и потому это мне очень приятно. Я избегаю знакомства с иностранцами, так как частые мои путешествия убедили меня, что в большинстве случаев оказываешься обманутою в своей предупредительности к ним и что между ними больше скучных, чем интересных людей. <...> После всех этих соображений я решила оставаться у себя, ограничиваясь свиданием с некоторыми соотечественниками и с знаменитым *monsieur Prospero*, о котором прошу напомнить Соне <Карамзиной>. Он — тот же Андрей <Карамзин>, по своей доброте и невинности» (*Сопер Н. Н. Письма А. О. Смирновой к графине Е. П. Ростопчиной // Русский Архив. 1905. Кн. 3. № 10. С. 224–226; датировка письма уточнена; в публикации ошибочно датировано: «Рим, 1-е Мая 1843»*).

¹⁶ О. Н. Смирнова, в частности, вспоминала: «Гоголь всегда говорил, что его доля — жалкая жизнь человека, особенно когда речь идет о бедных, малых и скромных мира сего <...> которым нужно столь немного, чтобы сделать их счастливыми или навсегда уничтожить. Он блестяще доказал это положение в одной из своих первых новинок — в «Шинели»... <...> Это было смелым новшеством — помещать целую драму в историю украденного сюртука. Когда он читал эту новость нескольким друзьям, то семилетняя девочка, которая играла в другой комнате и на которую не обращали внимания, в тот момент, когда бедный герой, после кражи его шинели, в горячке умирает, неожиданно разразилась такими жестокими рыданиями, что ее ничем не могли успокоить; ее уверяли, что бедный человек будет счастливее в другом мире; ребенок все равно плакал. Несколько дней спустя Гоголь захотел узнать, почему его герой так ее тронул, но малышка снова таяла в слезах. Весьма удивленный, Гоголь спросил ее, не смерть ли она так сильно оплакивает? «Нет, — отвечал ребенок, — другие тоже умирают; но то кажется таким жалким, так ужасно печалит, что было именно то, что он желал выразить...» (*Smirnoff Olga. Etudes et souvenirs // La Nouvelle Revue. Paris, 1885. V. 37. Novembre–Décembre. P. 14–15; на фр. яз.*). По свидетельству В. И. Шенрока, девочкой, оплакивавшей смерть Башмачкина, была сама О. Н. Смирнова (см. в наст. изд. преамбулу к переводу В. П. Горленко «Воспоминания г-жи Смирновой о Гоголе»); семь лет ей исполнилось в 1841 г. Возможно, чтение состоялось в период пребывания Гоголя в Петербурге с 26 мая по 5 июня 1842 г., когда Гоголь читал у А. О. Смирновой главы «Мертвых душ» и «Женитьбу». Сходное суждение о гоголевской повести высказывал позднее А. А. Григорьев: «...В образе Акакия Акакиевича поэт начертал последнюю грань обмельчания Божьего создания до той степени, что вещь, и вещь самая ничтожная, становится для человека источником беспредельной радости и уничтожающего горя, до того, что шинель делается трагическим *fatum* в жизни существа, созданного по образу и подобию Вечного...» (*Григорьев А. А. > А. Г. Гоголь и его последняя книга // Московский Городской Листок. 1847. 10 марта. № 62. С. 250*).

¹⁷ Подлинные обстоятельства описанного случая И. С. Тургенев исказил (см. в наст. изд. *Воспоминания А. О. Смирновой в «Затисках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша*).

¹⁸ О сходных слухах, пущенных в ход В. Г. Белинским после выхода в свет «Выбранных мест из переписки с друзьями» (не имеющих под собой оснований), сообщал также в своем дневнике О. М. Бодянский (см. в наст. изд. письмо В. Г. Белинского к В. П. Боткину от 6 февраля 1847 г. и раздел «Гоголь в дневниковых записях О. М. Бодянского 1852–1856 гг.»). См. также в наст. изд. мемуары Л. М. Жемчужникова «Мои воспоминания из прошлого» и свидетельство доктора А. Т. Тарасенкова.

¹⁹ Далее в дневнике Ф. И. Буслаева, сразу после записи от 24 мая 1852 г., следует запись от 15 июня 1852 г., где содержится сведения о личной жизни одного из главных недоброжелателей Гоголя Ф. В. Булгарина (очевидно, они внесены сюда Буслаевым в непосредственной связи со статьями Ф. В. Булгарина в «Северной Пчеле», упоминаемыми в записи от 24 мая): «Июня 15 дня. Вот любопытные подробности о семейной жизни Ф. В. Булгарина, мною слышанные. Он женат на женщине из распутного дома. При них до сих пор живет так называемая тетка жены его, известная в свое время Танта, содержательница увеселительных девиц. Теперь ей около 80 лет. Жена и эта Танта держат Ф <аддея>

В<енедиктович>а в руках, считают его доходы, и выдают ему сколько нужно денег; дома и дачу Карлово Булгарин купил на имя своей жены, которая, впрочем, постоянно имела у себя любовника, какого-то служилого в III-м Отделении г. Ордынского, от которого родились и все дети Булгарина. Сам Ф<аддей> В<енедиктович> это говорит своим детям, в шутку — так они похожи лицом на этого г. Ордынского. Такие странности семейной жизни Булгарина объясняются тем, что — как идет молва — будто Булгарин в смутное время, относящееся к 14 декабря, принес к этой Танте и ее племяннице — с которой тогда куртизанил — какие-то бумаги, чтобы сжечь. Они будто бы бумаги эти сожгли. Между тем связь Булгарина с племянницей бандарши продолжалась — и девица забрюхатела, вероятно, не от одного Булгарина. Тогда Танта коснулась до чувствительных струн любовника, предлагая ему руку ее племянницы, и когда Булгарин стал смеяться ее неуместному предложению — Танта пугнула его теми бумагами, уведомив его, что они вовсе не были сожжены, а хранятся у нее. Делать было нечего — и несчастный Булгарин женился. Говорят, что еще и до сих пор жена и Танта пугают его этими бумагами. Ужасное состояние, если все это правда! Немудрено, что Булгарин постоянно подвизается на поприще доносов, чтобы уравновесить заслугу своему преступлению, которое постоянно держит над его головой заслуженное наказание» (РГАЛИ. Ф. 69. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 177 об.–178).

О том, что «Булгарин был женат на публичной женщине», сообщал также барон А. И. Дельвиг (см.: *Дельвиг А. И. Полвека русской жизни*. М.; Л., 1930. Т. 1. С. 135). По поводу заключательного стиха о Булгарине в «Моей родословной» (1830) А. С. Пушкина: «...Он в Мещанской дворянин», — Дельвиг также замечал: «Последний стих намекает на то, что жена Булгарина была взята из тех непотребных домов, которыми изобилует Мещанская улица» (Там же. С. 139).

«Моя родословная» Пушкина явилась одним из ответов Булгарину на его так называемый «анекдот о Гофмане». В 1830 г. в «Литературной Газете» (от 7 марта, № 14) была помещена отрицательная рецензия барона А. А. Дельвига на роман Булгарина «Димитрий Самозванец» (СПб., 1830; в романе отмечались отсутствие художественности и характеров, многочисленные ошибки и «пристрастное предпочтение народа польского перед русским»). Булгарин, убежденный в том, что эта рецензия принадлежит Пушкину, 11 марта 1830 г. напечатал в «Северной Пчеле» (№ 30. С. 1–2; Смесь. *Анекдот*) памфлет на поэта, где под именем «доброе иноземца», литератора-немца Гофмана, вывел самого себя, а в образе «прирожденного француза, служащего усердием Бахусу и Плутосу, нежели Музам», — Пушкина.

В связи с этой полемикой, в которой были затронуты и Мещанская улица, и Гофман, невольно напрашивается сопоставление с героями повести Гоголя «Невский проспект», живущими в Мещанской улице, — в числе которых есть и Гофман (вместе с Шиллером и Кунцом), и падшая красавица (которые вместе представляют собой воплощение мысли Гоголя о превращении в торговом веке искусства в ремесло; подробнее см. в примеч. 37 к «Воспоминаниям о Гоголе» П. В. Анненкова). Есть в повести Гоголя и прямой намек на полемику Пушкина с представителями торгового направления в литературе — Булгариним и Гречем (ироническое замечание о литературных толках пошлых обывателей: «Они любят потолковать об литературе; хвалят Булгарина, Пушкина и Греча...»). Известно, что Пушкин в 1836 г., в рецензии на второе издание «Вечеров на хуторе близ Диканьки», назвал «Невский проспект» Гоголя «самым полным из его произведений» (см. в наст. изд.). Возможно, личным отношением к гоголевской повести объясняется, в свою очередь, та неприязнь (доходящая до клеветы), которой неизменно сопровождал свои отзывы о Гоголе Булгарин (см. в наст. изд. раздел *Ф. В. Булгарин о Гоголе*).

Ф. И. Буслаев

К воспоминаниям о Михаиле Семеновиче Щепкине

Кроме собственных записок Михаила Семеновича, которые, говорят, уже выходят в свет, в воспоминаниях его друзей и знакомых сохранилось множество интересных рассказов, которые с таким увлекательным добродушием и неподражаемым мастерством любил он сообщать в своих интимных беседах. Рассказы эти касались и старины, и новых порядков, и театра, и литературы, и серьезных предметов, и смешного, и пошлого, словом, всего, что трогало и волновало эту восприимчивую натуру; и все, что рассказывалось, было проникнуто живейшим участием рассказчика, потому что все это им самим было испытано, вытерплено и пережито.

Пишущему эти строки хотя и редко выпадали на долю эти интересные беседы с знаменитым комиком, но и то немного, что случилось ему от него услышать и в свое время записать, так любопытно для истории наших нравов и литературы, что он считает очень небесполезным поделиться с читающей публикой, надеясь, что его примеру последуют и другие, более богатые воспоминаниями об этом необыкновенном человеке, знаменитом в истории русского театра.

Рассказ Щепкина имеет предметом одно из последних свиданий его с Гоголем, если только не самое последнее, перед смертью этого писателя.

Известно, в каком тяжелом, безотрадном состоянии духа проводил Гоголь последние дни жизни. По Москве носились тогда слухи, что он заморил себя постом. Это было в 1852 году. Во вторник на масленице¹ его еще видели на железной дороге: он провожал одного своего знакомого, отправлявшегося во Ржев²; но и тогда он уже чувствовал приближение смерти и говел, а в четверг на той же неделе³ причащался; и с тех пор находился в таком отчужденном настроении духа, что уж не принял пришедшего к нему Щепкина⁴, из боязни, чтобы Михаил Семенович, которого он уважал и слушался, не уговорил его подкрепить себя пищей.

Чтобы понять в полном смысле следующий рассказ, надобно припомнить тогдашние толки о том, как и сам Гоголь и некоторые из его друзей систематически старались убивать в нем всякий художественный порыв. Ходили слухи об одной усердной даме⁵, которая вменила себе в священное призвание воспитывать и поддерживать в Гоголе христианина против лукавых впадений художника. Рассказывали, как один раз летом в деревне у этой благочестивой особы Гоголь читал Четью-Минею и задумался, засмотрелся на красивую местность, почувствовал красоту природы; тогда эта дама, будто нянька, поймала его, как ленивого школьника, на праздной рассеянности. Ему стало стыдно, и он усердно принялся за чтение⁶. Рассказывали⁷, будто та же самая особа хвалилась, что она и ее друзья не раз побуждали Гоголя сжечь *Мертвые Души*, но что Гоголь отстаивал свое произведение, объясняя, что в нем главное дело — не поэзия, а побеждение поэзии чем-то высшим.

До какой степени все это справедливо — не место судить здесь; только всем этим хорошо объясняется рассказ, о котором идет речь и который был записан мною со слов Щепкина 19 марта 1852 г., то есть через три недели по кончине Гоголя.

— Как-то недавно прихожу к Гоголю, — так рассказывал Щепкин. — Он сидит, пишет что-то. Кругом на столе разложены книги, все религиозного содержания.

— Неужели все это вы прочли? — спрашиваю я.

— Все это надо читать, — отвечал он.

— Зачем же надо? — говорю я, — так много написано всего для спасения души, а ничего не сказано нового, чего не было бы в Евангелии.

Тут Гоголь принужденно отшутился, сказавши что-то вроде: «Какой шутник!» — А я продолжал:

— Я и заповеди-то для себя сократил, всего на две: люби Бога и люби ближнего как самого себя.

Потом, — продолжал Щепкин, — я рассказал Гоголю следующий случай:

— Ехал я из Харькова в то время, как были открыты мощи Митрофания. Дай, думаю, заеду в Воронеж, хотелось видеть, что может сделать вера человека. Приезжаю в Воронеж. Утро было восхитительное. Я пошел в церковь. На дороге попался мне мужик с ведром; в ведре что-то бьется. Смотрю, стерлядь! Думаю себе: в церковь еще успею. Сторговал, купил рыбу и снес домой. Потом пошел в церковь. Дорогою так восхищался природой, как никогда не запомню. Было чудесное утро! Прихожу в церковь. Народу множество, и такая преданность, такая вера, что я и сам умилился до слез, и сам стал молиться: «Господи, Боже мой! Весь этот народ пришел Тебя молить о своих нуждах, бедах и болезнях. Только я один ничего у Тебя не прошу, — и молюсь слезно! Неужели Тебе нужны, Господи, наши лишения? Ты дал нам, Господи, прекрасную природу, и я наслаждаюсь ею и благодарю Тебя, Господи, от всей души».

Тогда, — присовокупил Михаил Семенович, — Гоголь вскочил и обнял меня, вскрикнув: «Оставайтесь всегда при этом!»

Впервые опубликовано: *Буслаев Ф.* К воспоминаниям о Михаиле Семеновиче Щепкине // Современная Летопись. Воскресные прибавления к «Московским Ведомостям». 1863. Декабрь. № 42 (цензурное разрешение 30 ноября). С. 6–7; см. также: *Буслаев Ф.* Комик Щепкин о Гоголе // *Буслаев Ф.* Мои досуги. М., 1886. Т. 2. С. 235–238. Основная часть статьи (от слов: «Как-то недавно прихожу к Гоголю...» до слов: «Оставайтесь всегда таким!») включена М. А. Щепкиным в «Рассказы М. С. Щепкина» (см.: *Щепкин М. А.* Рассказы М. С. Щепкина // Исторический Вестник. 1898. № 10. С. 218; см. также: *Щепкин М. А.* Михаил Семенович Щепкин. 1788–1863 г. Записки его, письма, рассказы, материалы для биографии и родословная. СПб., 1914. С. 346–347). Печатается по первой публикации.

¹ 5 февраля 1852 г.

² Подразумевается протоиерей Матфей Константиновский.

³ 7 февраля 1852 г.

⁴ 13 февраля 1852 г.

⁵ Имеется в виду А. О. Смирнова.

⁶ См. в наст. изд. коммент. к дневниковой записи Ф. И. Буслаева от 24 мая 1852 г. в разделе *Воспоминания М. С. Щепкина о Гоголе в дневнике Ф. И. Буслаева*.

⁷ Имеется в виду И. С. Тургенев.

А. Н. Афанасьев

М. С. Щепкин и его записки Фрагменты

<...> Еще в 1836 году¹ Пушкин завел с М<ихаилом> С<еменовиче>м речь о записках, настаивал на их необходимости и тут же сделал почин: первые строки предполагавшихся воспоминаний занесены на бумагу рукою незабвенного поэта. Щепкин принялся было за дело, рассказал о своем детстве, припомнил подробности своего первоначального воспитания; но скоро устал, и записки не подвигались вперед. <...> М<ихаил> С<еменович> с трудом владел литературною фразою, и это, кажется, охлаждало его в работе, постоянно отрывало от записок и лишало нас многого из того, что бы он мог рассказать. Такая потеря тем более чувствительна, что в его простой, подчас не совсем правильно построенной речи была та живая, художническая изобразительность, которая редко встречается в искусно выглаженных фразах присяжных литераторов. Подобным же достоинством, или, пожалуй, недостатком, отличался, как мы знаем, и Гоголь. Пополнить записки Щепкина лежит на обязанности его друзей и поклонников.

С М. С. Щепкиным и его семьей я познакомился на последнем году моего университетского курса. Это было зимою 1847 года. <...>

В период моего знакомства с М<ихаилом> С<еменовиче>м я имел привычку записывать для себя некоторые из его рассказов, хотя (к сожалению) делал это кратко, нередко спустя несколько дней после того, как слышал их из уст интересного старика, — и должен признаться, что его мастерские рассказы много потеряли в моем изложении. Да и вообще следует заметить, что подобный труд был нелегок. Живое слово Щепкина сопровождалось выразительной мимикой, изменением звуков голоса и комическим представлением действующих лиц, что придавало необыкновенную живость его воспоминаниям, но чего передать на бумагу нет возможности. Тем не менее я решаюсь сообщить записанное мною, как материал для биографии

¹ На рукописи означено: «17 мая 1836 г. Москва». — *Примеч. А. Н. Афанасьева.*

знаменитого артиста и для характеристики его времени и людей, с которыми он бывал в близких сношениях. Заметки мои будут отрывочны, но я надеюсь, что недостаток этот вознаградится их содержанием:

а) Знакомство М<ихаила> С<еменови>ча с Гоголем началось довольно оригинально. По приезде в Москву в 1832 году Гоголь, желая видеть знаменитого артиста, явился к нему в дом и застал многочисленное его семейство за обедом. Он вошел в залу с этими словами малороссийской песни:

«Ходить гарбуз по городу,
Пытаетця своего роду:
Чи вы живы, чи здоровы,
Вси родичи гарбузовы?»

В то время Гоголь еще был далек от тех мрачных аскетических взглядов на жизнь, которые впоследствии изменили его характер и так много повредили его творческому таланту; он бывал шуточно весел, любил вкусно и плотно покушать, и нередко беседы его с М<ихаилом> С<еменовиче>м склонялись на исчисление и разбор различных малороссийских кушаньев. Винам он давал названия *квартильного* и *городничего*, как добрых распорядителей, устроющих и приводящих в набитом желудке все в должной порядок; а жженке¹, потому что зажженная она горит голубым пламенем, давал имя Бенкендорфа. «А что? — говорил он Щепкину после сытного обеда, — не отправить ли теперь Бенкендорфа?» — и они вместе приготавливали жженку² и любовались ее пламенем. Остроты Гоголя были своеобразны, неизысканны, но подчас не совсем опрятны. Старик Щепкин помнил наизусть одно письмо Гоголя, писанное из-за границы к Бенардаки, где шутиливость поэта заявила себя с такою нецеремонною откровенностью, что это любопытное послание навсегда останется неудобным для печати³.

«Городничий» и другие роли из пьес Гоголя были лучшими в репертуаре Щепкина; здесь вполне выяснился его великий комический талант. Но, с другой стороны, ничто так не раскрыло истинного значения комедий и драматических сцен Гоголя, как превосходная игра Щепкина; поэт нашел в нем гениального объяснителя своих произведений, и едва ли когда выпадало такое счастье на долю другого драматического писателя, при его жизни. Это особенно тесно связывало обоих художников, не говоря уже об их общих симпатиях к Малороссии и ко всему родному. Гоголь не раз пользовался любопытными рассказами знаменитого артиста, как материалом для своих поэтических созданий. Случай, рассказанный в «Старосветских помещиках», о том, как Пульхерия Ивановна появление одичалой кошки приняла за предвестие своей близкой кончины, взят из действительности. Подобное происшествие было с бабкою М<ихаила> С<еменови>ча. Щепкин как-то рассказал о нем Гоголю, и тот мастерски воспользовался им в своей повести. М<ихаил> С<еменови>ч прочитал повесть и при встрече с автором сказал ему шутя: «А кошка-то моя!»⁴ — «Зато коты мои!» — отвечал Гоголь, и в самом деле коты принадлежали его вымыслу. В уцелевших от огня пяти главах второго тома «Мертвых душ» рассказ «полюби нас черненькими, беленькими нас всякой полюбят» сообщен автору также Щепкиным и есть действительно случившееся происшествие, и, по моему мнению, рассказ этот в устах Щепкина имел несравненно больше живости, чем в поэме Гоголя. Не один Гоголь — и другие русские писатели брали содержание для своих повестей из воспоминаний Щепкина; таковы повести: «Сорока-воровка»⁵, напечатанная в «Современнике» 1848 г. (№ 2), и «Собачка» графа Соллогуба — в альманахе «Вчера и сегодня». По словам М<ихаила> С<еменови>ча, для характера Хлобуева послужила Гоголю образцом личность П. В. Н<ащоки>на; а разнообразные присутственные места, упоминаемые при описании имения Кашкарева, действительно существовали некогда в малороссийском поместье графа Кочубея. Этим подтверждаются собственные слова Гоголя в его «Исповеди»: «У меня ум тот самый, какой бывает у большей части

русских людей, т. е. способный больше выводить, чем выдумывать. Мне всегда нужно было выслушать слишком много людей, чтобы образовалось во мне собственное мое мнение». Кстати припомним здесь не раз высказанное Гоголем желание, чтобы бывалые люди сообщали ему заметки о разных анекдотических случаях и нравах своего околотка, и откровенное признание, что подобные заметки необходимы ему для продолжения «Мертвых душ».

Для Щепкина Гоголь перевел с итальянского языка комедию «Дядька в затруднительном положении»; своими драматическими сочинениями дал ему право распоряжаться на театре, как полною собственностью; когда друзья М<ихаила> С<еменовича>⁶ перевели для него из Мольера комедию «Мнимый рогоносец», Гоголь взялся исправить этот перевод и переделал почти каждую фразу⁷. В печальную эпоху болезненно аскетического настроения Гоголь прислал М<ихаилу> С<еменовичу> из Рима «Развязку Ревизора» при письме⁸, в котором заявлял желание, чтобы означенная пьеса была дана Щепкиным в свой бенефис вслед за «Ревизором». В этой странной дидактической пьесе выведены на сцену: любители театра, М. С. Щепкин, который и должен был играть самого себя, другие актеры и молодая актриса. Они собрались вместе после представления «Ревизора»; все согласны, что Щепкин исполнил свою роль особенно прекрасно, и молодая актриса от лица всех присутствующих подносит ему венки и заставляет надеть на голову. Затем начинается спор о «Ревизоре», в котором Щепкин является разрешителем всех сомнений. Парадоксы следуют за парадоксами; устами действующих лиц автор силится доказать, что комедия его без конца и что эта неоконченность — намеренная, что в «Ревизоре» нет живых характеров, а на место их олицетворены порочные страсти. Само собою разумеется, что Щепкин не мог допустить и мысли дать в свой бенефис «Развязку», где должны увеичивать его на сцене⁹: такое смелое себя прославление было слишком чуждо его артистической скромности, и при его уме он, конечно, не мог пожелать сделаться баснею целого города. Но этого мало; он был глубоко огорчен самоотречением Гоголя и от 22-го мая 1847 года написал к нему прекрасное, дышащее светлым пониманием искусства письмо...¹⁰ <...>

Впервые опубликовано: *Афанасьев А. Н. М. С. Щепкин и его записки // Библиотека для Чтения. 1864. Февраль* (цензурное разрешение 10 марта). <Отд. 9>. С. 2, 6–10. Фрагмент статьи о знакомстве М. С. Щепкина с Гоголем в 1832 г. включен М. А. Щепкиным в «Рассказы М. С. Щепкина» (*Щепкин М. А. Рассказы М. С. Щепкина // Исторический Вестник. 1898. № 10. С. 216; Щепкин М. А. Михаил Семенович Щепкин. 1788–1863 г. Записки его, письма, рассказы, материалы для биографии и родословная. СПб., 1914. С. 343–344*). Печатается по первой публикации.

¹ В публикации ошибочно: «джонке»

² В публикации ошибочно: «джонку»

³ Имеется в виду письмо Гоголя к Д. Е. Бенардаки от конца августа (н. ст.) 1839 г. из Вены. Впервые это письмо было опубликовано по автографу (с сокращениями) в изд.: *Письма Гоголя к Д. Е. Бенардаки, к княгине В. Н. Репниной, графине Л. К. Вельгоровской, к графу В. А. Соллогубу и к его супруге. (Сообщено М. А. Веневитиновым) // Русский Архив. 1902. № 4. С. 725. По первой публикации, с исправлениями и дополнениями по копиям письма, хранящимся в ГАРФ (Ф. 279. Оп. 1. № 1073. Л. 31–32) и РГИА (Ф. 892. Оп. 3. № 1066. 2 л.), напечатано: *Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 11. С. 248–249.**

⁴ Н. И. Иваницкий в 1844 г. записал в своем дневнике: «16 сент<ября>. На прошедшей неделе в пятницу <8 сентября> был у Никитенки и видел Краевского. Никитенко отрекомендовал меня ему. <...> Говорили о Щепкине, который приехал сюда из Москвы. <...> Между прочим, Краевский упомянул, что *Старосветские помещики* Гоголя написаны с рассказа Щепкина» (Автобиография Николая Ивановича Иваницкого // Щукинский сборник. М., 1909. Вып. 8. С. 320).

⁵ Повесть А. И. Герцена.

⁶ Т. Н. Грановский и Н. Х. Кетчер (см. ниже в наст. изд. «Отрывки из моей памяти и переписки» А. Н. Афанасьева).

⁷ Перевод комедии Мольера «Сганарель, или Муж, думающий, что он обманут женою» был обработан Гоголем, вероятно, в конце 1839 г. В переводе Грановского и Кетчера, отредактированном Гоголем, пьеса Мольера впервые была

исполнена 4 октября 1840 г. (см. также в наст. изд. коммент. к *Воспоминаниям М. С. Щепкина о Гоголе в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша*).

⁸ Письмо от 24 октября (н. ст.) 1846 г. из Страсбурга.

⁹ «Развязка Ревизора» не получила разрешения театральной цензуры. «Что же касается собственно до пьесы, — писал А. М. Гедеонов (директор петербургских императорских театров) в ноябре 1846 г. П. А. Плетневу, — то по принятым правилам при Императорских театрах, исключаящих всякого рода одобрения артистов — самими артистами, а тем более венчания на сцене, она в этом отношении не может быть допущена к представлению» (см. в наст. изд.). В свою очередь Плетнев извещал Гоголя 21 ноября 1846 г.: «Твою пьесу “Развязка реви́зора” пропустили, но только к печатанию, а не к *представлению*, затем что увенчивать на сцене артисты товарища своего, по правилам нашей дирекции, не имеют права...».

¹⁰ 22 мая 1847 г. М. С. Щепкин, находившийся в то время под влиянием «западников» (см. ниже коммент. к дневнику А. Н. Афанасьева «Отрывки из моей памяти и переписки» и к статье М. А. Щепкина «Воспоминания о М. С. Щепкине»), писал Гоголю: «...До сих пор я изучал всех героев “Ревизора” как живых людей <...> Не давайте мне никаких намеков, что это-де не чиновники, а наши страсти; нет, я не хочу такой переделки: это люди, настоящие живые люди, между которыми я взрос и почти состарился...» Между тем данное Гоголем в «Развязке Ревизора» истолкование уездного города как «душевного города», а его чиновников как воплощения бесчинствующих в нем страстей, вовсе не предполагало того, чтобы сделать из «живых людей» — полнокровных художественных образов — некую аллегорию. Главным пафосом комедии, с которым она и создавалась, была идея возмездия, постигающего человека за совершаемые беззакония. Эту мысль и обнажает Гоголь в «Развязке», стремясь обратить каждого читателя или зрителя к самому себе. «Ревизор» — «Ревизором», — отвечал Гоголь М. С. Щепкину около 10 июля (н. ст.) 1847 г., — а примененье к самому себе есть неперемнная вещь, которую должен сделать всяк зритель изо всего, даже и не “Ревизора”, но которое приличней ему сделать по поводу “Ревизора”. Проблематику «Ревизора», раскрытую позднее в «Развязке», можно обнаружить в целом ряде гоголевских произведений, включая самые ранние: «Сорочинской ярмарке», «Записках сумасшедшего», «Тарасе Бульбе», «Коляске», «Риме», в статьях «О средних веках», «О ссловиях в государстве» (см. коммент. в изд.: *Гоголь Н. В. Ревизор. Комедия в пяти действиях. С приложениями*. М., 1996. С. 328–330).

Столкнувшись с неприятием «Развязки...» в кругу друзей, Гоголь отказался от ее публикации. Задуманное им издание «Ревизора» с «Развязкой» в пользу бедных не состоялось. Позднее, после смерти Гоголя, Щепкин, несмотря на высказанное в 1847 г. неприятие «Развязки Ревизора», по-видимому, пересмотрел свое отношение к этой пьесе (см. в наст. изд. статью Г. П. Данилевского «Петербургская жизнь»). См. также в наст. изд. примеч. 136 к «Истории нашего знакомства с Гоголем...» С. Т. Аксакова.

А. Н. Афанасьев

Отрывки из моей памяти и переписки Фрагменты

<...> От М. С. Щепкина слышал, будто Пушкин пригласил Белинского участвовать в своем «Современнике» в качестве рецензента, только с условием — подчинять свои личные воззрения в статьях тем мнениям, какие скажет ему сам Пушкин. Белинский, как ни худы были его финансовые средства в то время, не согласился на такое предложение. (Записано в 1849 г. весной!) <...>

[1852, после 21 февраля]. Любопытно, что в доброе другое время Гоголь любил шутку, подчас не совсем опрятную. Раз из Вены написал он Бенардаки письмо такого содержания: «только что сходил на двор и наворотил целую шапку, чего и тебе и всем благородным и добрым людям от души желаю. А неприятным и плутам другого зла не желаю, как того, чтоб они не срали целые три дни!»² Щепкин наизусть выучил его письмо и передавал его несколько раз; но я не

вполне запомнил Гоголевские выражения, но мысль та. О запахах Гоголь не раз говаривал: «сей час слышно, как пройдет *духовенство*, — *духами* так и пахнет!»³

Гоголь любил хорошенько покушать, пока не впал в монашеское настроение, и часто проводил время в росказнях с М. С. Щепкиным о разного рода малороссийских кушаньях, причем у обоих глаза бывали масляные и на губах слюнки. На масляной (незадолго перед смертью Гоголя) Щепкин пригласил его на блины⁴, но Гоголь задумал приготовить к говенью и не приехал, а когда Щепкин заехал к нему, не сказался дома. Кажется, Петух, представленный во 2 т <оме> «Мертвых душ», списан с самого Мих<аила> Семеновича, который любил и поест и поговорить о еде и который так же толст и на воде не тонет, как пузырь. <...>

Для Щепкинского бенефиса друзья его (Грановский⁵ и Кетчер) перевели Станареля (Мольеровскую пьесу «Мнимый роконосец») — и Гоголь ее всю исправил, переделавши почти всякую фразу⁶.

1862 г., август. Из рассказов М. С. Щепкина: «Раз пошел я великим постом на исповедь к священнику Другову⁷, он был почтенный старик лет шестидесяти, и говорил ему: “Прежде всего, батюшка, должен я вам покаяться, что я ношу звание актера или, как говорили прежде, лицедея, звание, признаваемое церковью чем-то греховным”. Другов отвечал, что тут недоразумение, что церковь восставала против сценических представлений в период борьбы своей с язычеством, когда и актеры были язычники, и пьесы игрались языческого содержания; а потом эта неприязнь к театру оставалась по преданию; но что театр, в сущности, есть школа, поучающая указанием на людские недостатки и пороки, и что, следовательно, и звание актера почтенно. “Ну, в этом грехе вы меня простили, батюшка! — продолжал Щепкин, — но едва ли простили во втором, но должен говорить откровенно, по совести. По званию комического актера мне часто достается представлять людей низких, криводушных, с гаденькими страстями, а изучая их характеры, стараясь передать их комическую сторону, я сам отделался от многих недостатков, и всем тем, что я сделался лучше, нравственнее, признаюсь — я обязан не церкви, а театру”. Другов: “Вы, может быть, правы, но церковь не в стенах и обрядах, а в вашем сердце; служите этой церкви, она вас больше всего пасет. Но не высказывайтесь таким образом вслух — эти обряды, иконы и стены нужны для массы”. В другой раз Щепкин говел и после причастия обратился к (другому) своему приходскому священнику с таким замечанием: “Как же, батюшка, ведь сегодня пост, и вы сами говорите, что не следует есть скоромного, а сегодня меня оскормили”. — “Как оскормили?” — “Да, дали мне тела и крови Христовой, а ведь кровь и мясо не постное”. — “Ну, вы всё шутите!” Рассказывая это, старик Щепкин прибавил: “По-моему, вся религия состоит; в этих правилах: люби Бога, люби ближнего и никому не делай зла! А все прочие обряды, посты — установление случайное”. Мне эта заметка показалась странною и не совсем искреннею, потому что рядом с этим он не только сам постится в первую и седьмую недели великого поста, но и насильно принуждает к этому своих детей и даже сердится за отступление от обычая. <...>

[1862, август]. При первом свидании Тургенева с Гоголем⁸ этот последний жаловался: за что, за что на меня нападает Герцен? я ему сделал? За что марает меня перед потомством? «Вы были для него идеалом писателя, указывающего недостатки русского правительства, и вдруг, когда издали вы вашу переписку⁹, это убеждение разом рассыпалось, и потому он должен был так же резко напасть на вас, как прежде высоко ставил». — «Да я вовсе не хотел нападать на правительство, напротив, я хотел показать, что Россия вовсе не такова, как ее знают министры; зная, что меня обвиняют в каких-то либеральных, неприязненных правительству намерениях, я и решил написать все это, но я сам сознаю, что сделал не так. Меня друзья подтолкнули издать эту книгу, и я теперь Бог знает что отдал, чтоб этой книги не было. (От М. С. Щепкина, который возил Тургенева знакомиться с Гоголем). <...>

Фрагмент записи от августа 1862 г.: «Из рассказов М. С. Щепкина – я обязан не церкви, а театру», – впервые опубликован: *Ельницкая Т.<М.>* Из дневника А. Н. Афанасьева / Новое о Щепкине. Публикация и комментарий А. Клиничина (ходатайство и письма М. С. Щепкина, письмо П. А. Катенина) и Т. Ельницкой (письмо Я. С. Булгарина, из дневника А. Н. Афанасьева) // Вопросы театра. М., 1965. С. 292. Фрагмент: «При первом свидании Тургенева с Гоголем – чтоб этой книги не было», – впервые напечатан: *Гриц Т. С. М. С. Щепкин и Тургенев* // Лит. наследство. Т. 76. М., 1967. С. 565. Остальные записи, за исключением двух отрывков: «Любопытно, что в доброе другое время – *духами* так и пахнет!»; «Для Щепкинского бенефиса – переделавши почти всякую фразу», – впервые опубликованы: *Афанасьев А. Н.* Отрывки из моей памяти и переписки // Михаил Семенович Щепкин: Жизнь и творчество. М., 1984. Т. 2. С. 153–154. Отрывки: «Любопытно, что в доброе другое время – *духами* так и пахнет!»; «Для Щепкинского бенефиса – переделавши почти всякую фразу», – публикуются впервые по автографу: *ГАРФ. Ф. 279. Оп. 1. Ед. хр. 1060. Л. 45–45 об., 32.* Остальные фрагменты печатаются по изд. 1984 г.

¹ Свидетельство о предложении В. Г. Белинскому А. С. Пушкина участвовать в «Современнике» – «подчиняя свои личные воззрения» мнениям Пушкина – передано М. С. Щепкиным, возможно, со слов самого Белинского, с которым Щепкин был близок. 20 апреля 1842 г. Белинский сообщал самому Гоголю: «...Больше всего этого меня радуют доселе и всегда будут радовать, как лучшее мое достояние, несколько приветливых слов, сказанных обо мне Пушкиным и, к счастью, дошедших до меня из верных источников».

Предложение и «приветливые слова» Пушкина Белинскому относятся к 1836 г. В начале мая 1836 г. в Москве в газете «Молва» была напечатана статья Белинского «Несколько слов о “Современнике”» (Ч. XI. № 7; цензурное разрешение 30 апреля). В статье, в частности, говорилось о том, что в Москве «очень трудно достать “Современника” за какие бы то ни было деньги». Прочитав эти строки, Пушкин в мае 1836 г., будучи в Москве, оставил для Белинского экземпляр «Современника». 27 мая 1836 г. он писал П. В. Нащокину: «Я оставил у тебя два порожних экз<емпляра> Современника. Один отдай кн<язю> Гагарину, а другой пошли от меня Белинскому (тихонько от Наблюдателей, NB <имеются в виду издатели журнала «Московский Наблюдатель»>) и вели сказать ему, что очень жалею, что с ним не успел увидаться» (*Пушкин*. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., АН СССР, 1949. Т. 16. С. 121; см. также: *Анненков П. В.* Материалы для биографии А. С. Пушкина. М., 1984. С. 373; согласно почтовому штемпелю, письмо было отправлено 2 июня). Позднее, в конце октября – начале ноября 1836 г., Нащокин, отвечая на не дошедшее до нас письмо Пушкина, сообщил: «Белинский получал от Надеждина, чей журнал <“Телескоп”> уже запрещен, 3 <тысячи> рублей ассигнациями». <Московский> Наблюдатель предлагал ему 5. – Греч тоже его звал. – Теперь коли хочешь, он к твоим услугам – я его не видал – но его друзья, в том числе и Щепкин, говорят, что он будет очень счастлив, если придет к тебе работать. – Ты мне опиши, – и я его к тебе пришлю». В конце письма Нащокин добавлял: «Не можешь ли уведомить, где Гоголь. Куды ему писать – меня просили узнать» (*Пушкин*. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., АН СССР, 1949. Т. 16. С. 181).

² См. в наст. изд. примеч. к статье А. Н. Афанасьева «М. С. Щепкин и его записки».

³ По-видимому, к некоторым свидетельствам М. С. Щепкина о Гоголе, касающимся церковной жизни, следует относиться с осторожностью. Несомненно, что Гоголь был более воцерковленным человеком, чем Щепкин, чтобы разделять все легкомысленные шутки последнего. В этом отношении близость Гоголя и Щепкина, находившегося в постоянных дружеских отношениях с представителями западнической партии – В. Г. Белинским, Т. Н. Грановским, А. И. Герценом, Н. П. Огаревым, М. А. Бакуниним, И. С. Тургеневым, И. И. Панаевым и др., – не следует преувеличивать. (В частности, в 1847 г. в «Современнике», в том же томе журнала, где была напечатана статья Белинского с резко отрицательным отзывом о «Выбранных местах из переписки с друзьями» (Т. 1. № 2), среди произведений И. И. Панаева («Родственники»), И. С. Тургенева («Деревня»), Н. П. Огарева («Бываю часто я смущен внутри души...») и Н. А. Некрасова («Тройка»), был опубликован отрывок из мемуаров М. С. Щепкина: <*Щепкин М. С.*> – – – в. Из записок артиста – – на // Современник. 1847. Т. 1. № 1 (цензурное разрешение 30 декабря 1846). С. 77–89.) Характерно, в частности, свидетельство В. О. Шервуда о том, что «когда Н<иколай> Вас<ильевич> леж<ал> больной, приехал Мих<аил> Семен<ович> Щепкин и зв<ал> его на блины: б<ыла> масленица <точнее, пятница 8 февраля 1852 г.>, и т<а>к рассказал ап<етитно> о св<оих> блинах, что у Гоголя невольно загорелись глаза: “отойди ты от меня, сатана, ты меня искушаешь”» (см. в наст. изд.). Это свидетельство подтверждается заметкой П. А. Кулиша «О последних днях Гоголя»: «В среду на перв<ой> нед<еле> поста <13 февраля 1852 г.> Щепкин приехал к Гоголю. Его не приняли. Ко-

гда потом втерся к нему кто-то в роде Погодина или Шевырева, он сказал: “Вас чорт так и посылает; давеча Щепкин приезжал; того не пустили; а тот бы заставил есть”» (см. в наст. изд. раздел «Воспоминания о Гоголе графа А. К. Толстого, А. М. Жемчужникова и графа А. П. Толстого, записанные П. А. Кулишом»). Близость М. С. Щепкина к западникам не могла не настораживать Гоголя — порой вызывая в нем подозрительность (см., в частности, в наст. изд. примеч. к статье М. А. Щепкина «Воспоминания о М. С. Щепкине»). 29 мая 1846 г. С. Т. Аксаков писал сыну Ивану по поводу посещения в Калуге А. О. Смирновой М. С. Щепкиным и В. Г. Белинским (с которым актер отправился в продолжительную поездку в Одессу и в Крым): «Как мне досадно, что я не предупредил Ал<ександру> Ос<иповну> насчет Белинского и даже Щепкина: жаль, что ты этого не сделал. Мне больно, что она допустила их, наравне с тобою, в свое короткое общество и удостоила Белинского спора, когда следовало только сказать, что она не хочет слушать его мнений об этом предмете. Щепкин тоже довольно гадок и еще больше смешон, проповедуя отчаянные западные идеи, как я слышал» (см. в наст. изд.). 1 июля 1846 г. И. С. Аксаков отвечал отцу: «...Я сказал ей свое мнение о Белинском и о Щепкине (тенденцию сего последнего я давно знаю, но он при мне об этом ни слова)...» (см. в наст. изд.). В свою очередь С. П. Шевырев 14 июня 1847 г. сообщал Гоголю о Щепкине: «Он, как думаю, находится под разными влияниями издателей “Современника”, тебе не сочувствующих. В нем есть какая-то перемена не совсем в его пользу как художника и как старика». Характерно, что и Белинский считал Щепкина «своим» — и потому мог писать ему, к примеру, следующее: «Скажу Вам несколько слов о приключениях в Питере рукописи Гоголя (речь идет о цензурном экземпляре первого тома «Мертвых душ». — И. В.). <...> ...Одоевский передал рукопись графу Вельгоровскому, который хотел отвезти ее к Уварову... <...> К счастью, рукопись не попала к сему министру погашения и помрачения просвещения в России. <...> Но и тут горе: рукопись отослана 7 марта, за № 109, на имя Погодина, а Гоголь ее не получал. Я думаю, что Погодин ее украл, чтоб <...> притаив ее до времени, выманить у (простоудушно обманывающегося насчет сего мошенника) Гоголя еще что-нибудь для своего холопского журнала. <...> Что, не явились ли в Москве мощи Ф. Н. Глинки или он по-прежнему гниет заживо, а Петромихали (Погодин) с Шевыркою пропитывают свой пакостный журнал запахом его смердящего тела? (Петромихали — имя ростовщика в первой редакции повести Гоголя «Портрет»; под «Шевыркою» Белинский подразумевал С. П. Шевырева. — И. В.) <...> ...Заставьте <...> юношей <сыновей М. С. Щепкина> что-нибудь писнуть ко мне. Славные ведь они ребята, хоть и носят прескверные имена: одно <Николай Михайлович Щепкин> напоминает мне Карамзина, а другое <Петр Михайлович Щепкин> — обглоданную вами светлость <имеется в виду министр Императорского Двора князь П. М. Волконский>...» и т. д. и т. п. (письмо от 14 апреля 1842 г.; *Белинский В. Г. Собр. соч.*: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 509–510). Примечательно однако, что Щепкин, съездивший в 1853 г. в Лондон к А. И. Герцену — подобно тому, как это сделал позднее, в 1857 г., художник А. А. Иванов, — в свою очередь, не был удовлетворен встречей с издателем «Колокола», призывал его прекратить эту газету и уехать в Америку. (Тогда же он читал Герцену сохранившиеся главы второго тома «Мертвых душ».)

⁴ По указанию А. О. Смирновой, в пятницу 8 февраля 1852 г. (см. в наст. изд. «Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову» А. О. Смирновой от 25 сентября — 2 октября (н. ст.) 1877 г.).

⁵ 20 февраля 1840 г. Т. Н. Грановский в письме Н. В. Станкевичу (начатом 12 февраля и отправленном 4 марта), в частности, сообщал: «Гоголь здесь давно, я его вижу раза два в неделю: он был у меня; но как человек он очень переменялся. Много претензий, манерности, что-то неестественное во всех приемах. Талант тот же» (Т. Н. Грановский и его переписка. М., 1897. Т. 2. С. 384). См. также в наст. изд. раздел *Гоголь в письмах Т. Н. Грановского*.

⁶ См. выше коммент. к воспоминаниям А. Н. Афанасьева «М. С. Щепкин и его записки».

⁷ Протоиерей Николай Петрович Другов (1777–1862), духовный писатель.

⁸ В период между 23 октября и 3 ноября 1851 г. См. в наст. изд. в третью часть «Литературных воспоминаний» И. С. Тургенева.

⁹ «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847).

Заметки о М. С. Щепкине (Выдержки из дневника <Н. В. Соколова>)

<...> 10 июля <1856. Москва.>

Сегодня был опять у Михайла Семеновича. <...> Много говорил со мной Михаил Семенович. Его рассказы так важны и многозначительны, так возвышают дух и укрепляют его в стремлении к истине, что не могу не записать по возможности всего, что слышал.

Под конец обеда М<ихаил> С<еменович> прочел стихи Шевченки, который издал тогда «Думы» на малороссийском языке. Эти стихи, с горячим чувством, тронувшим меня до глубины души, прочтенные Михайлом Семеновичем, — «Пустка». <...>

После этого разговор шел о Малороссии и характере малороссиян. М<ихаил> С<еменович> рассказал анекдот о хохле, который вез какого-то господина. Этот, желая ехать скорее, бил ямщика-хохла. Последний, несмотря на удары, не только не погонял лошадей, но даже не оглядывался назад. Лишь версты за полторы до станции он пустил коней во весь опор. Господин устыдился, что бесчеловечно поступал с таким бесчувственным человеком. На станции, когда ямщики спросили хохла, каков проезжий, он спустил с плеч рубашку и, показывая синяки от ударов, сказал: «Бачьте який» Проезжий спросил его, отчего ж он не ехал скорее. Ямщик добродушно отвечал: «Да ни хотилось», — и получил целковый на водку.

Говоря о песнях Малороссии, М<ихаил> С<еменович> заметил, что грусть их отличается от грусти русских песен какую-то мощною энергией и переходом к широкому раздолью, смеющемуся над тяжелой бедою. Потом речь зашла о Гоголе. После нескольких слов о его самолюбии М<ихаил> С<еменович> рассказал первое знакомство Тургенева с Гоголем. (Об этом напишу после.)

11 июля. Утро.

Постараюсь по возможности передать этот рассказ. Буду говорить от лица Михайла Семеновича.

Тургенев, приехав в Москву¹ (говорил почтенный М<ихаил> С<еменович>), был у меня и сказал между прочим, что желал бы познакомиться с Гоголем. Это было за год до смерти последнего. Я отвечал: «Хотите, поедете к нему вместе со мною?» — «Нет, неловко, он может подумать, что я набиваюсь». — «Ох, когда вы, господа, доживете до того времени, что перестанете обращать внимание на мелочи!» — возразил я Тургеневу, но этот остался при своем, и я вызвался тогда сказать Гоголю о желании Тургенева и передать последнему его ответ.

Вот я отправился к Николаю Васильевичу и застал его над церковными книгами. «Ну что Вы это делаете? Зачем Вы читаете эти книги? Разве Вы их не знаете, не знаете, что в них написано?» — «Знаю, — отвечал Гоголь, — но обращаюсь к ним снова, потому что нужны толчки душе нашей». — «Это так, — продолжал я, — но толчком для мыслящей души может служить все, что рассеяно перед нами в природе: и небо, и земля, и цветок, и пылинка». Потом я, переменяя разговор, спросил его: «Знаете ли, с Вами хочет познакомиться один русский писатель, но я не знаю, желаете ли Вы этого?» — «Кто же?» — «Да человек теперь у нас довольно известный, и, вероятно, Вы слышали».

29 августа. (Продолжаю в Ярославле.)

...«Это — Тургенев». Услышав фамилию, Гоголь вдруг начал говорить, что очень рад и что просит меня завтра же приехать к нему вместе с Тургеневым в 3 часа дня. Я удивился (продолжал М<ихаил> С<еменович>) этому скорому согласию, потому что Гоголь последнее время держал себя очень странно и был слишком неподатлив на новые знакомства. Позднее разреши-

лась для меня эта загадка. В четвертом часу на другой день² мы приезжаем. Гоголь встретил нас очень любезно. Когда Тургенев сказал, что его повести, переведенные на французский язык³ и читанные Тургеньевым в Париже, произвели сильное и прекрасное впечатление, Гоголь был заметно доволен и с своей стороны говорил любезности Тургеньеву; но вдруг он побледнел, переменялся в лице и, обратившись к Тургеньеву в страшном беспокойстве, спросил: «Скажите, зачем NN⁴ позволяет себе оскорблять меня своими выходками в иностранных журналах?» Тут понял я, прибавил добрый Михаил Семенович, почему Гоголю так хотелось видиться с Тургеньевым. — После ответа Тургеньева, «правда, — сказал Гоголь, — и я во многом раскаиваюсь, что послушался друзей меня окружавших, и если б можно было воротить назад сказанное, я сжег бы и уничтожил свою переписку с друзьями». — Так кончился разговор, и мы расстались. М<ихаил> С<еменович> говорит, что аскетизм сильно повредил Гоголю и что он был главной причиной его болезни и смерти. Так, перед смертью он почти ничего не ел всю масленицу и всю первую неделю поста. Он не хотел слушаться докторов и не брал в рот ничего, для того чтобы достойно окончить свой пост и достойно христианина причаститься Св<ятым> Даров. На вопрос мой об отношении Гоголя к женщинам М<ихаил> С<еменович> отвечал, что у него были любовные интриги, но все это тайно и мало известно.

3 декабря 1863 г.

Впервые опубликовано: <Урусов А. И., князь>. Иванов А. Заметки о М. С. Щепкине. (Выдержки из дневника) // Библиотека для Чтения. 1864. № 8 (цензурное разрешение 21 окт.). <Отд. 8>. С. 3–6; с подписью: «Н. Соколов. 3 декабря 1863 г.». Отрывок о малороссийских песнях включен М. А. Щепкиным в его «Рассказы М. С. Щепкина» (см.: Щепкин М. А. Михаил Семенович Щепкин. 1788–1863 г. Записки его, письма, рассказы, материалы для биографии и родословная. СПб., 1914. С. 344); фрагмент о знакомстве Гоголя с Тургеньевым — в его же «Воспоминания о М. С. Щепкине» (Щепкин М. А. Воспоминания о М. С. Щепкине // Исторический Вестник. 1900. Август. С. 445–446; Щепкин М. А. Михаил Семенович Щепкин. 1788–1863 г. Записки его, письма, рассказы, материалы для биографии и родословная. СПб., 1914. С. 373–374). Печатается по первой публикации.

Н. В. Соколов, переводчик, педагог. Князь А. И. Урусов в подстрочном примечании к записям Н. В. Соколова общал: «Почтенный переводчик учебников Мунка и Вебера, Н. В. Соколов, известный своей добросовестною и скромною педагогическою деятельностью, позволил нам воспользоваться несколькими отрывками из своих записок, в которых заключаются заметки о покойном М. С. Щепкине» (<Урусов А. И., князь>. Иванов А. Заметки о М. С. Щепкине. (Выдержки из дневника) // Библиотека для Чтения. 1864. № 8. <Отд. 8>. С. 1).

Князь Александр Иванович Урусов (1843–1900), литератор, юрист. Его перу принадлежат также запись воспоминаний о Гоголе А. А. Краевского (см. в наст. изд. статью Урусова «Театр. Заметки и наблюдения») и некролог М. С. Щепкину (<Урусов А. И., князь>. Русская сцена. Кончина Щепкина // Библиотека для Чтения. 1863. Июль. С. 110–123).

¹ 20 октября 1851 г.

² Между 26 и 31 октября 1851 г. (см. в наст. изд. примеч. 1 к третьей части «Литературных воспоминаний» И. С. Тургеньева).

³ Речь идет о переводе пяти повестей Гоголя на французский язык С. А. Геденова и И. С. Тургеньева, впервые опубликованном в 1845 г. в Париже Л. Виардо: «Тарас Бульба», «Записки сумасшедшего», «Коляска», «Старосветские помещики», «Вий». О том, что И. С. Тургеньев участвовал в переводе, Гоголь знал. См. в наст. изд. в *Воспоминаниях о Гоголе* С. Т. Аксакова, М. С. Щепкина, О. М. Бодянского в записи П. А. Кулиша: «Разговор с Тургеньевым. Французский перевод. Гоголь знал, кто помогал переводчику (Тургеньев)».

⁴ Имеется в виду А. И. Герцен.

О комедии Н. В. Гоголя «Владимир 3-й степени» Фрагмент

<...> ...Я, зная, как интересно все, относящееся к произведениям Гоголя, счел не лишним сообщить газете, посвященной преимущественно театру, те сведения, которые удалось мне собрать о комедии Гоголя *Владимир 3-й степени*, или, по другим, *Крест св. Владимира*.

В *Москвитяине* (книга 1-я, 1841 г.) было сообщено известие, перепечатанное и в Репертуаре за тот же год (кн. 2-я), что «из комедии *Владимир 3-й степени* написано Гоголем два действия»¹. <...>

Кстати замечу, что лучшая русская комедия, на которую Гоголь рассчитывал, чтобы «выпутаться из своих денежных обстоятельств», которая выдержала сотни представлений и долго, долго не сойдет с нашей сцены, одним словом, его комедия *Ревизор*, была куплена дирекцією императорских театров всего только за 3000 руб<лей> ассигн<ациями>^{1 2}. <...>

Желая разузнать подробнее об этой пиесе, я обращался с вопросами об ней к лицу, хорошо знакомому с Гоголем, к покойному М. С. Щепкину и от него узнал, что действительно Гоголь писал комедию «*Владимир 3-й степени*». Он даже читал некоторые из нее сцены, но потом бросил ее, впрочем, некоторые отрывки ее напечатаны в драматических сценах этого писателя, но знаменитый артист не объяснил мне, какие именно из напечатанных отрывков входили в состав комедии *Владимир 3-й степени*⁴.

Вот что я узнал от М. С. Щепкина о содержании этой комедии⁵. Герою ее был человек, поставивший себе целью жизни получить крест Св. Владимира 3-й степени. Известно, что из всех орденов — орден Св. Владимира пользуется особенными привилегиями и уважением и дается за особенные заслуги и долговременную службу. Даже теперь, когда с получением других орденов не даются уже дворянские права, как это было прежде, орден св. Владимира удержал еще за собою это право. Старания героя пиесы получить этот орден составляли ее сюжет и давали богатую канву для комедии, которую, как говорят, превосходно воспользовался наш великий комик. В конце пиесы герой ее сходил с ума и воображал, что он сам и есть Владимир 3-й степени. С особенною похвалою М. С. Щепкин отзывался о сцене, в которой герой пиесы, сидя перед зеркалом, мечтает о Владимире 3-й степени и воображает, что этот крест уже на нем. <...>

Первые опубликовано: <Родиславский В. И.> О комедии Н. В. Гоголя «Владимир 3-й степени» // Театральные Афиши и Антракт. 1865. 5 янв. № 5. С. 3–4; перепечатано: *Родиславский В.* О комедии Н. В. Гоголя «Владимир 3-й степени» // Беседы в Обществе любителей российской словесности при Императорском Московском университете. М., 1871. Вып. 3. С. 136–140. Печатается по первой публикации.

Владимир Иванович Родиславский (1828–1885), драматург, историк театра.

¹ См. в наст. изд. статью М. П. Погодина «Литературные новости».

¹ По «Положению о правах сочинителей и переводчиков драматических пиес и опер», Высочайше утвержденному 13 ноября 1827 г., *Ревизор* Гоголя должен был быть причислен к пиесам 2-го класса, так как «Положение» основанием для разделения пиес на классы принимает не внутреннее достоинство пиес, а только число актов и то, чем пиеса писана, — стихами или прозою, и оригинальные ли они, или переводные. Пиесы пятиактные оригинальные в прозе причислены ко 2-му классу, и автор мог получить за них одновременно 3000 р<ублей> ас<сигнациями> (maximum) или поспектакльную плату 1/15 часть из 2/3 сбора с каждого представления пиесы. Гоголь предпочел взять за *Ревизора* единовременную плату (3000 р<ублей>), но энергически настаивал, чтоб пиеса его была отнесена к 1-му классу и горько жаловался, что желание его не было исполнено. (См. *Драматический Сборник* 1859 года, книга XI, стр. 6)². — *Примеч. в изд. 1871 г.*

² Подробнее см.: *Зайцева И. А.* К цензурной и сценической истории первых постановок «Ревизора» Н. В. Гоголя в Москве и Петербурге (по архивным источникам) // Гоголь: Материалы и исследования. М., 1995. С. 118–135.

³ Ссылка на «Драматический Сборник 1859 года» указывает на опубликованные в этом издании «Театральные воспоминания» Р. М. Зотова (см. в наст. изд.).

⁴ На основе сцен «Владимира 3-ей степени» Гоголем были созданы драматические отрывки «Утро делового человека» (опубл. в т. 1 «Современника» 1836 г.; в письме к А. С. Пушкину от 2 марта 1836 г. Гоголь назвал этот отрывок «Утро чиновника»), «Тяжба», «Лакейская» и «Отрывок» (опубл. в «Сочинениях Николая Гоголя» 1842 г.).

⁵ Содержание комедии стало известно М. С. Щепкину, вероятно, в период с 18 по 23 октября 1832 г., когда Гоголь останавливался в Москве на обратном пути в Петербург. О замысле этой комедии см. также в дневнике А. Н. Афанасьева «Отрывки из моей памяти и переписки» в разделе «Гоголь в воспоминаниях и письмах П. В. Анненкова»).

М. А. Щепкин

Воспоминания о М. С. Щепкине Фрагменты

<...> О первом знакомстве Н. В. Гоголя со Щепкиным отец мой¹ рассказывал так. Как-то все сидели за обедом. Вдруг стукнула дверь из передней в залу, все оглянулись и увидели, что вошел незнакомый господин небольшого роста, в длинном сюртуке; слегка склонив голову набок, с улыбочкой на губах и скороговоркой он проговорил известное четверостишие: «Ходит гарбуз по городу». Вскоре, конечно, все узнали, что это Н. В. Гоголь. Михаил Семенович бросился его обнимать, и все послеобеденное время они просидели вдвоем в диванной, о чем-то горячо беседуя. Гоголь очень часто приезжал к Щепкину и оставался несколько раз ночевать. Однажды приехал Гоголь к Михаилу Семеновичу на дачу. Щепкин жил с семьей в то время на даче под Москвой, в Воынском. Гоголь выразил ему свою радость, что застал его на даче, говорил, что думает пожить у него, отдохнуть и немного поработать, обещался кое-что прочесть из «Мертвых Душ». М<ихаил> С<еменович> был вне себя от восторга, всем об этом передавал на ухо, как секрет. Но не успел Гоголь прожить трех дней, как приехал в гости к Михаилу Семеновичу Панаев², начинающий молодой литератор, которого отец мой характеризовал как человека зоркого, пронырливого и вообще несимпатичного. Когда сошлись все к вечернему чаю, Гоголь вошел с М<ихаилом> С<еменовичем> в столовую под руку, о чем-то тихо разговаривая, но по всему видно было, что разговор этот для Михаила Семеновича был крайне интересен. Лицо Щепкина сияло радостью. Гоголь же, наклонясь к нему, со свойственно ему улыбкой на губах продолжал что-то ему тихо передавать. Подойдя к столу, Гоголь быстро окинул всех взглядом и, заметя новое лицо, нервно взял чашку с чаем и сел в дальний угол столовой и весь как будто съежился. Лицо его приняло угрюмое и злое выражение, и во все время чаепития просидел он молча, а за ужином объявил, что рано утром на другой день ему надо ехать в Москву по делам. Так и не состоялось чтение его новых произведений, о чем сердечно горевал Михаил Семенович и все остальные члены семьи. После того Н. В. Гоголь заезжал к Щепкину еще несколько раз, но отец мой говорил, что таким веселым, каким он видел его на даче, он уже ни разу не видел Гоголя. Если Гоголь бывал, то как-то подозрительно оглядывал всех присутствующих³ и вообще уж был не прежний Гоголь. Иной раз Михаил Семенович расшевелит его каким-нибудь своим рассказом, Гоголь слегка улыбнется, но сейчас же опять нахмурится и весь как бы уйдет в себя. <...>

Впервые опубликовано: *Щепкин М. А.* Воспоминания о М. С. Щепкине // Исторический Вестник. 1900. № 8. С. 442–443; перепечатано: *Щепкин М. А.* Михаил Семенович Щепкин. 1788–1863 г. Записки его, письма, рассказы, материалы для биографии и родословная. СПб., 1914. С. 367–368. Печатается по первой публикации.

Михаил Александрович Щепкин (1853–1917), внук М. С. Щепкина, актер Александринского театра с 1897 г.

¹ Александр Михайлович Щепкин (1828 – 15 января 1885), сын М. С. Щепкина, чиновник, управляющий Тульской казенной палатой.

² Иван Иванович Панаев (1812–1862), литератор, друг В. Г. Белинского.

³ Вероятно, возникшая подозрительность Гоголя была связана с тем, что в доме земляка М. С. Щепкина он нередко встречал людей, радикальные взгляды которых по отношению к традиционной культуре России писатель не разделял. В частности, это прямо касается И. И. Панаева, встреченного Гоголем в один из первых визитов к Щепкину, после чего Гоголь и стал настороженно относиться к гостям Щепкина. Князь А. И. Урусов, в частности, писал: «Все, что было лучшего в мыслящей России, не миновало общества и знакомства М. С. Щепкина. Пушкин питал к нему дружеское расположение. Рукою великого поэта написаны первые строки “записок актера Щепкина”, которые он тогда же начал, по настойчивым убеждениям Пушкина. С Лермонтовым Михаил Семенович сблизился во время недолгого пребывания его в Москве, перед смертью. Дружба Щепкина и Гоголя известна всем, кто читал письма последнего. Белинский, Кудрявцев, Грановский были в доме Щепкина своими людьми. За тем же столом сживали Герцен, Огарев и Бакунин. Горячее чувство связывало покойного с Шевченко. Словом, от Пушкина до Тургенева, в его гостинной сходились люди самых противоположных направлений...» (<Урусов А. И., князь>. Русская сцена. Кончина Щепкина // Библиотека для Чтения. 1863. Июль. С. 120).

Ф. А. Бурдин

Воспоминания артиста об Императоре Николае Павловиче Фрагмент

<...> Вот как был пропущен «Ревизор». Жуковский, покровительствовавший Гоголю, однажды сообщил государю, что молодой талантливый писатель Гоголь написал замечательную комедию, в которой с беспощадным юмором клеймит провинциальную администрацию и редкой правдой и комизмом рисует провинциальные нравы и общество. Государь заинтересовался.

– Если Вашему Величеству в минуты досуга будет угодно ее прослушать, то я ее прочел бы вам.

Государь охотно согласился. С удовольствием выслушал комедию, смеялся от души и приказал поставить на сцене. Впоследствии он говаривал: «В этой пьесе досталось всем, а мне в особенности»¹. Рассказ этот я слышал неоднократно от М. С. Щепкина, которому, в свою очередь, он был передан самим Гоголем. <...>

Первые опубликовано: Бурдин Ф. А. Воспоминания артиста об Императоре Николае Павловиче // Исторический Вестник. 1886. Январь. С. 145–146. Печатается по первой публикации.

Федор Алексеевич Бурдин (1827–1887), артист и писатель. В 1839 г. поступил суфлером в Московский Малый театр, дебютировал в 1841 г., в 1847 г. перевелся на петербургскую сцену.

¹ «В Петербурге первое представление “Ревизора” в Александринском театре состоялось в воскресенье, 19 апреля 1836 г. В этот день в камер-фурьерском журнале записано: “Его Величество <...> с Государем Наследником проезжал в Александринский театр, где и присутствовал в ложе при представлении пьесы, откуда и возвратился во дворец в 10-ть часов”; 24 апреля, в пятницу: “45-ть минут 8-го часа полудня Их Величества выезд имели в карете в Александринский театр, где изволили присутствовать при <третьем> представлении российскими актерами пьесы <«Ревизор»> <...> возвратились 35 минут 11-го часа вечера”; там же были они и 29 апреля...» (Теребенина Р. Е. Записи о Пушкине, Гоголе, Глинке, Лермонтове и других писателях в дневнике П. Д. Дурново // Пушкин. Исследования и материалы. Т. 8. Л., 1978. С. 266). См. также письма Гоголя к М. С. Щепкину от 29 апреля 1836 г., к матери от 5 июня 1836 г. и в наст. изд. фрагмент из Книги для наклейки афиш с означением дневных замечаний инспектора российской

группы <А. И. Храповицкого>, дневниковую запись А. В. Никитенко от 28 апреля 1836 г., письмо П. В. Анненкова к М. М. Стасюлевичу от 16 августа (н. ст.) 1876 г. (пункт 12).

А. В. Щепкина

Михаил Семенович Щепкин в семье и на сцене Фрагменты

<...> Играл свои роли М. С. Щепкин всегда одинаково хорошо, потому что игра его основывалась на глубоком изучении роли и на обдуманной интонации в произношении ее. <...> В «Ревизоре», в роли Городничего, живая, но не суетливая игра М<ихаила> С<еменовича> рисовала вам человека глубоко уверенного в себе и своей смысленности, опытного и спокойного, привыкшего властвовать в своем мирочке. В конце пьесы вы видите его обманутым, но не разбитым: он снова является старшим в семье и, презрительно упоминая о случайной ошибке, о пустом фанфароне, смеется только над легкомыслием женщин. Все это ясно выражалось в походке, в движениях и интонации М<ихаила> С<еменовича> в этой роли. <...> В «Женитьбе» <...>, играя роль Кочкарева, он поражал живостью и беготней и каким-то энергичным проявлением того спокойного легкомыслия, с которым Кочкарев впутывался в чужие дела и с увлечением принимал горячо успех или неудачу своих забот о женитьбе приятеля. Эти свойства Кочкарева проглядывали в стремительной походке, в скороговорке и ободряющих взглядах, устремленных на робкого приятеля, которого он взялся пристроить. И все идет ровно и плавно, пока неожиданного не обрывается вдруг эта энергия при вести о бегстве его жертвы; на мгновение стоит он растерявшись (переход этот был замечательно хорош у М. С. Щепкина), и вдруг стремительно убегает отыскивать Подколесина, с новым приливом энергии. <...>

Сам М. С. Щепкин развивался одиноко; лишь позднее, в Москве, встретил он круг знакомых, разнообразное развитие которых, конечно, имело влияние и на его дальнейшее развитие. Так, знакомство с Н. В. Гоголем и появление его пьес в русском репертуаре значительно оживило и воскресило М. С. Щепкина, начинавшего хандрить от однообразия своих ролей. <...> Действительно, если он несколько дней сряду играл пустые роли и в пустых пьесах, то впадал в совершенную апатию и мрачно и молча ходил по комнатам. Но хорошая пьеса и хорошая роль могли преобразить М. С. Щепкина. Он оживлялся и начинал много говорить о новой пьесе, о трудных местах своей роли, но они одушевляли его. Так радовался он пьесам Тургенева, так одушевлялся пьесами Гоголя.

Щепкин очень любил пьесы Гоголя и самого автора, с которым хорошо был знаком; Гоголь, со своей стороны, был очень расположен к нему. Оба они знали и любили Малороссию и охотно толковали о ней, сидя в дальнем углу гостиной в доме М. С. Щепкина. Они перебирали и обычаи, и одежду малороссиян, и, наконец, их кухню. Прислушиваясь к их разговору, вы могли слышать под конец: вареники, голубцы, паляницы, — и лица их сияли улыбкою. Из рассказов М. С. Щепкина Гоголь почерпал иногда новые черты для лиц в своих рассказах, а иногда целиком вставлял целый рассказ его в свою повесть. Это делалось по просьбе М. С. Щепкина, который желал, чтобы характерные выражения или происшествия не пропали бесследно и сохранились в рассказах Гоголя. Так, М. С. Щепкин передал ему рассказ о городничем, которому нашлось место в тесной толпе, и о сравнении его с лакомым куском, попадающим в полный желудок. Так слова исправника: «полюбите нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит», — были переданы Гоголю М. С. Щепкиным. В одном из своих писем М. С. Щепкин сообщает Сосницкому, что Гоголь, будучи в Москве, показывал ему начатую пьесу «Женитьба». «И я советовал Н<иколаю> В<асильевичу> кое-что изменить и передал ему еще многое о купеческих обычаях при свадьбах», — прибавляет он¹. Нельзя утверждать, чтобы Гоголь всегда

охотно принимал советы, но М. С. Щепкин всегда заявлял свое мнение искренно и без утайки. Замечательно письмо его к Гоголю в 1847 году, после прибавленной Гоголем «Развязки Ревизора»; по тону письма видно, насколько М. С. Щепкин огорчен и раздражен переделкою лиц в «Ревизоре». «Я вам их не дам; не дам, пока существую, — писал он. — После меня переделывайте хоть в козлов, а до тех пор я не уступлю вам Держиморду, потому что и он мне дорог»². Так сильно привязывался М. С. Щепкин к любимым пьесам и стоял за их достоинства. Письмо его к Гоголю приложено к его «Запискам».

Так же сильно увлекли его пьесы Тургенева; при постановке их на сцену М. С. Щепкин с большим удовольствием играл в его пьесах. Когда И. С. Тургенев приезжал в Москву, то всегда бывал в доме М. С. Щепкина и иногда сам читал ему свою пьесу. И М. С. Щепкин любил анализировать все характеры его пьесы в присутствии самого Тургенева и вместе с ним. И. С. Тургенев относился к М. С. Щепкину с чрезвычайной мягкостью и добродушием, что было вообще свойственно характеру И. С. Тургенева.

Из пьес Тургенева М. С. Щепкин любил «Провинциалку»³, в которой он играл стряпчего. Но особенно нравилась ему пьеса «Нахлебник»⁴ и роль самого Нахлебника. Когда пьесу эту держивали и она долго не появлялась на сцене, то М. С. Щепкин пробовал ставить ее на домашнем спектакле у своих знакомых и разучивал роль Нахлебника с величайшим удовольствием и одушевлением. Роль эта занимала его в продолжение целой зимы, хотя, к сожалению, спектакль не состоялся. <...>

Впервые опубликовано: <Щепкина А. В.> А. Щ. Михаил Семенович Щепкин в семье и на сцене // Русские Ведомости. 1887. 28 марта. № 85. С. 2–3; перепечатано: Михаил Семенович Щепкин в семье и на сцене. Воспоминания А. В. Щепкиной // Русский Архив. 1889. Кн. 1. Вып. 4. С. 533–534, 537–538; Щепкина-Станкевич А. В. Михаил Семенович Щепкин. В семье и на сцене // Воспоминания Александры Владимировны Щепкиной. Сергиев Посад, 1915. С. 201–205, 210–213; включено в статью: Щепкин М. А. Воспоминания о М. С. Щепкине // Исторический Вестник. 1900. № 8. С. 443, 447; см. также: Щепкин М. А. Михаил Семенович Щепкин. 1788–1863 г. Записки его, письма, рассказы, материалы для биографии и родословная. СПб., 1914. С. 368–370. Печатается по первой публикации.

Александра Владимировна Щепкина (рожденная Станкевич, 1828–1917), дочь Владимира Ивановича Станкевича, жена Н. М. Щепкина, писательница. Познакомилась с М. С. Щепкиным в Москве в мае 1845 г.

¹ На самом деле имеется в виду не письмо М. С. Щепкина к И. И. Сосницкому из Москвы в Петербург, а письмо Сосницкого к М. С. Щепкину от 30 мая 1836 г. из Петербурга в Москву (см. в наст. изд.). Здесь Сосницкий, в частности, сообщает о Гоголе: «Я ему дал некоторые смешные идеи об обычаях купеческих невест».

² См. в наст. изд. коммент. к статье А. Н. Афанасьева «М. С. Щепкин и его записки».

³ См. в наст. изд. коммент. к письму В. П. Боткина И. С. Тургеневу 1852 г. («Я сейчас воротился от Черкасских...»).

⁴ Пьеса И. С. Тургенева «Нахлебник» должна была быть представлена в бенефис Щепкина — 31 января 1849 г. Однако она была запрещена цензурой и впервые поставлена на сцене только в 1862 г.

Воспоминания о Гоголе

С. Т. Аксакова, М. С. Щепкина, О. М. Бодянского в записи П. А. Кулиша (из материалов для биографии Гоголя)

Книга всякой всячины или подручная Энциклопедия. Составил Н. Г. Нежин. 1826¹.

Воспитанницы и пансионерки, назначенные к выпуску 1832 года – всего 56.

Вареники побид<еныки>².

Помяни нас, Госп<оди>, егда при<и>деши во Ц<арствии> Твоем³.

Место попеч<ителя> художн<иков>, которое потом занимал Кривцов. Оно давало 3000 р<ублей> ассигн<ациями>. Помощника Кривцова⁴.

Комедия отца Гоголева: жена заставл<яет> мужа ловить зайца поросенком⁵.

Тарас Бульба. Молчи, у меня есть пьеса с таким лицом, почти готовая. «Болтун! ничего не скажу»⁶.

Разговор с Тургеневым. Французский перевод. Гоголь знал, кто помогал переводчику (Тургенев).

– Что я сделал Герцену! Он [срамит] унижает меня перед потомством. Я отдал бы половину жизни, чтоб не издавать этой книги (Переписка). Жуковский такой мягкий человек. Он всякому моему слову придает вес.

– Для Герцена не личность ваша, а то, что вы передовой человек, кот<орый> вдруг сворачив<ает> с своего пути.

– Мне досадно, что друзья придали мне политич<еское> значение. Я хотел показать Переспикую, что я не то, и перешел за черту, увлекшись.

Наевшись струсит, успокоивал себя тем, что отправлял в желудок рюмку *Бенкендорфа*. Так называл он жженку из рому. Синее пламя – мундир.

Гоголь показывал Щепкину обрывки из оберток журнала. Для меня обертка была важнее содержания. – У Щепкина черновые пов<ес>ти.

На Развязку Ревизора (которую Г<оголь> прислал Щепкину к бенефису) Щепкин отвечал письмом, в котором не соглашался считать действующих лиц идеями⁷. Он привык видеть в них живых людей; «а после моей смерти переделывайте их хоть в козлов». Копия этого письма есть у Щепкина. Гоголь – по словам его – сбился с житейского такту (это было скоро после переписки): прислал к бенефису пьесу, в которой бенефицианта увенчивают.

Павлушка Медный Лоб (Свиньин) в Бессарабии обобрал нескольких Городничих, как Хлестаков; наконец попался, но при своих больших связях вывернулся. Пушкин жил в то вр<емя> в Бесс<арабии> и знал это и пересказал Гоголю⁸.

Д<ействительный> Ст<атский> С<оветник> Филип<п> Филип<пович> Вигель, сын генерала, бывшего в Киеве коменд<антом>. Там он родился и полюб<ил> рус<с>к<ий> язык. Директор Д<епартамен>та в Министерстве Просвещ<ения> и Духовн<ых> Дел. Живет то в Пет<ербурге>, то в Москве. Имеет поместье в Пензенской губ<ернии>. Автор «*En Vahigiements des Allemands en Russia*», изд. перед 1848. Может быть, он родился в Пензе, где отец его был губернатором.

Петр Яковл<евич> Ча<а>даев <...> полковник гвардии в отставке. Лет 30 живет на одной квартире и ни за что не соглаш<ается> оставить — даже только пока построят новые печки.

О Свиныне, касательно «Полтавы» Гоголя, сличить с тем, что сказано в «Доме Сумасшедших» Воейкова.

Мозер. Исправил часы без платы (<1 нрзб.>).

Ревизор — Павлушка Медный Лоб — до того, что начал принимать просьбы от колодников. (Гоголь у Аксаковых.)

Вот чужих статей писатель
И маляр чужих картин,
Книг безграмотных издатель,
Северный орел Свинын.
Он фальшивую монетой
Целый век перебивал
И, оплеванный всем светом,
На цепи приют сыскал.
Воейков⁹.

В письмах Жук<овского> в книге Тихонр<авова> есть одно место о Гоголе, котор<ое> не могли мы отыскать. Бод<янский> обещал отыскать и выписать.

Гоголь, бывши у Бод<янского> и увидевши портрет Присница¹⁰, сказал: и он был в Грешенберге¹¹. — Что ж вы не кончили? — «Холодно?» отвечал Гоголь¹².

Лишаи излечиваются посредством намазывания соком из березового прута, который зажечь с одного конца.

В Киеве в Мих<айловском> Мон<астыре> на столбах Иереней Лугду<нрзб.>ский <1 нрзб.> похо<ди>т на Иерею Фальковского¹³ (немножко). Рас<с>просить у Максимовича.

Первые собственноручные записи П. А. Кулиша были частично использованы им в изд.: <Кулиш П. А.> Выправка некоторых биографических известий о Гоголе // Отечественные Записки. 1853. № 2. Отд. 7. С. 115; <Кулиш П. А.> Опыт биографии Н. В. Гоголя, со включением до сорока его писем. Соч. Николая М. СПб., 1854. С. 43, 187; <Кулиш П. А.> Николай М. Записки о жизни Н. В. Гоголя... СПб., 1856. Т. 1. С. 13–15, 330; Т. 2. С. 49, 253–254. Фрагмент: «Разговор с Тургеневым - и перешел за черту, увлекшись», — впервые опубликован: Гиттисс В. В. Письмо М. С. Скуридина от 13 сентября 1851 г. // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 147. Фрагмент: «Тарас Бульба. ~ «Болтун! ничего не скажу», — впервые напечатан: Гоголь Н. В. Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания. Историко-литературный и текстологический комментарий. Издание подготовил И. А. Виноградов. М., 2009. С. 436. В полном объеме публикуется впервые по автографу: РГБ. Ф. 74. К. 11. Ед. хр. 43. 4 л.

Записи были сделаны П. А. Кулишом в ноябре–декабре 1852 г.

¹ По свидетельству самого П. А. Кулиша, рукописная «Книга всякой всячины, или подручная Энциклопедия» Гоголя находилась после смерти писателя у Аксаковых (см. в наст. изд. раздел *Фрагменты из воспоминаний С. Т. Аксакова в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша*; а также письмо И. С. Аксакова к И. С. Тургеневу от 26 февраля 1852 г. и примеч. 39 к разделу *Гоголь в Одессе. 1850–1851. <Дневник Е. А. Хитрово>*).

² Содержание заметки раскрыто П. А. Кулишом в статье «Выправка некоторых биографических известий о Гоголе» (см. в наст. изд. раздел *Воспоминания Н. С. Аксаковой в статье П. А. Кулиша «Выправка некоторых биографических известий о Гоголе»*, а также примеч. к статье Г. П. Данилевского «Хуторок близ Диканьки»). См. также в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...»: «За столом в приятельских домах он находил любимые свои кушанья, и между прочим вареники, которые он очень любил и за которыми не раз рассказывал, что один из его знакомых, на родине, всякий раз, как подавались на стол вареники, непременно произносил к ним следующее воззвание: «Вареники-побидёнки! сыром боки позапыханы, маслом очи позалываны — вареники, — —» (<Кулиш П. А.> Николай М. Записки о жизни Н. В. Гоголя... СПб., 1856. Т. 2. С. 253–254).

³ Возможно, имеются в виду строки из «Размышлений о Божественной Литургии» Гоголя: «С крылоса громко возглаголются во всеуслышанье блаженства, возвестившие в настоящем веке познания истины, а в будущем вечную жизнь. Собрание молящихся, взывая воззванием благоразумного разбойника, вопившего к Христу на кресте: *Во Царствии Твоем помяни нас, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем* <Лк. 23, 42>, повторяет вослед за чтецом <...> слова Спасителя...» Текст «Размышлений о Божественной Литургии» (подготовленных к печати в 1852 г. Шевыревым и переданных Н. П. Трушковскому) Кулиш переписал для себя позднее. 24 марта 1855 г., передавая в письме к неизвестному адресату свои впечатления от посещения могилы Гоголя, Кулиш замечал: «Теперь я переписываю его "Объяснение Литургии" ...» (ИРЛИ. Ф. 652. Оп. 2. Ед. хр. 56. Л. 96 об. 97; опубли.: *Виноградов И. А. Первый биограф Гоголя // Кулиш П. А. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. Издание подготовил И. А. Виноградов. М., 2003. С. 43*). Ни в «Опыте биографии Н. В. Гоголя...», ни в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» Кулиш о «Размышлениях о Божественной Литургии» не упомянул. Биограф воспользовался сделанным списком лишь тогда, когда в 1857 г. ему представилась возможность опубликовать это произведение в своей типографии. 13 июня 1857 г. Кулиш писал Шевыреву: «Видя из бумаг Гоголя, как много времени посвятили Вы приведению их в тот вид, в каком они перешли в мои руки, я вполне ценю Ваш подвиг дружбы к поэту, для которого Вы и после смерти остались тем, чем были при жизни» (*Балакишина Ю. В. К истории посмертных публикаций сочинений Н. В. Гоголя // Русская литература. 2011. № 2. С. 163*).

⁴ Имеется в виду впервые высказанное Гоголем в начале января 1840 г. в письме к В. А. Жуковскому намерение получить место конференц-секретаря при инспекторе русских художников в Риме П. И. Кривцове. См., в частности, в наст. изд. коммент. к письму В. А. Жуковского Наследнику Цесаревичу Александру Николаевичу около 13 января 1840 г.; письмо П. А. Плетнева к В. А. Жуковскому от 9 августа 1840 г.

Жена П. И. Кривцова, Елизавета Николаевна Кривцова (рожд. княжна Репнина-Волконская) была родной сестрой знакомой Гоголя княжны В. Н. Репнина-Волконской и родственницей бывшей ученицы Гоголя М. П. Балабиной (в замужестве Вагнер). Княгиня Е. П. Репнина-Волконская (рожд. Балабина), родная сестра М. П. Балабиной, была замужем (с 12 ноября 1837 г.) за братом Е. Н. Кривцовой князем В. Н. Репниным-Волконским. Имея в виду Е. Н. Кривцову, Гоголь в апреле 1838 г. писал М. П. Балабиной из Рима: «Нужно вам знать, что я приехал совершенно один, что в Риме я не нашел никого из моих знакомых. Ваша сестрица оставалась еще во Флоренции».

⁵ Речь идет об опубликованной позднее П. А. Кулишом комедии Гоголя-отца: *Гоголь В. А. Простак, или Хитрость женщины, перехитренная солдатом // Основа. 1862. № 2*. Содержание пьесы Гоголя-отца переключается с «малороссийской оперой» И. П. Котляревского «Москаль-Чаривник». (При этом в отличие от комедии Котляревского произведение Василия Афанасьевича изобилует церковной лексикой.) 10 октября 1839 г. Гоголь обещал И. И. Срезневскому «держать корректуру» второй книги «Украинского Сборника» (вышел в 1841 г.), где была опубликована опера Котляревского (см. в наст. изд. письмо И. И. Срезневского к матери от 15–16 октября 1839 г.). Об общем западном источнике комедии Гоголя-отца и «Москаля-Чаривника» Котляревского см.: *Дашкевич Н. П. Вопрос о литературном источнике украинской оперы И. П. Котляревского «Москаль-Чаривник» // Киевская Старина. 1893. № 10–12. С. 451–481*.

⁶ См. также в наст. изд. *Воспоминания М. С. Щепкина о Гоголе в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша*.

⁷ См. в наст. изд. коммент. к статье А. Н. Афанасьева «М. С. Щепкин и его записки».

⁸ Ср. в наст. изд. раздел *Гоголь в воспоминаниях, дневниках и письмах О. М. Бодянского* и коммент. к «Воспоминаниям о Гоголе» П. В. Анненкова.

⁹ Строфа из сатиры А. Ф. Воейкова «Дом сумасшедших» (1814–1838), написанная, предположительно, в 1828–1829 гг.

¹⁰ Винсент Присниц (1790–1851), врач, один из основателей гидротерапии, владелец водолечебницы в местечке Грешенберг-Фрейвальдау (Австрия) (ныне Приснитцовы Лазне в Есенике).

¹¹ В Грешенберге-Фрейвальдау у В. Присница Гоголь лечился дважды: первый раз вместе с графом А. П. Толстым с 23 августа по 21 сентября (н. ст.) 1845 г., второй раз — во второй половине июня (н. ст.) 1846 г.

¹² Фрагмент: «Гоголь, бывши у Бод<янского> ~ "Холодно?" отвечал Гоголь», — использован П. А. Кулишом в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» (см. в наст. изд. *Воспоминания о Гоголе О. М. Бодянского в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша*).

¹³ Преосвященный Ириней (Фальковский, 1762–1832), епископ Смоленский, духовный писатель.

Свидетельства о Гоголе актером, близких М. С. Щепкину

И. И. Сосницкий — М. С. Щепкину

С.-Петербург. 30-е мая 1836 года.

Скажи, пожалуйста, ленивой кабан, разве можно так писать к человеку, который интересуется знать об успехе пьесы? Я из твоего письма¹ только и узнал, что «Ревизора» сыграли и чай выслан. Но как сыграли? Кто что играл? Какой успех сделала пьеса? Ничего не знаю. <...> Как путный пишешь к Н. В. Гоголю², что будешь писать завтра ко мне; тот приходит, чтобы узнать — что, как? А мне совестно и письмо показать ему. Он спрашивает меня: «Ну, что?» А я ему отвечаю: «Чай выслан, но без письма». Тот вытаращил глаза на меня, думал: не помешался ли я, — но в убеждение, что точно выслан, я показал письмо и говорю: «Ничего! Я к этому привык. Вам бы надобно было написать ему об чае, то он бы написал ко мне об «Ревизоре»!» Николай Васильевич едет 6-го июня, и потому ты еще успеешь; поторопись, напиши или вели написать по подробнее.

«Женитьбу» ты раньше осени не получишь. Николай Васильевич ее взял переделать. Я побранил его за беспечность. Вообрази, что он читал мне пьесу так, как она у него была написана прежде — как и ты знаешь ее. Две прекрасные сцены не могут искупить целой комедии. А комедии-то и нет. Сюжета никакого — Бог знает зачем люди приходят и уходят. Он мне в оправдание говорит, что она у него написана три года назад. Я ему отвечаю, что зритель и критик этого не хочет знать, хоть бы она была писана 10 лет назад, а потребует от вас отчета, почему вторая пьеса еще слабее первой? Ну, он согласился со мною и обещал переделать всю совсем. Я ему дал некоторые смешные идеи об обычаях купеческих невест. Он берет комедию с собою и месяца через два ее вышлет. Как я получу и она выдет из цензуры, то ты тотчас получишь ее в Москве. <...>

Первые частично опубликовано: *Тихонравов Н.* Примечания редактора и варианты // *Гоголь Н. В.* Соч. 10-е изд. М., 1889. Т. 2. С. 696. Печатается по изд.: *Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853)* / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // *Лит. наследство.* М., 1952. Т. 58. С. 552.

¹ См. в наст. изд. письмо М. С. Щепкина И. И. Сосницкому от 26 мая 1836 г. из Москвы.

² Письмо не сохранилось.

М. П. Садовский

Федор Семенович Потанчиков (Воспоминания об актере прежнего времени) *Фрагмент*

<...> Федор Семенович был, как и прочие, выпущен¹ на незначительное содержание и занимал в труппе положение довольно скромное, не выпрашивая себе ролей, а играя все, что ему давали. Первый, очень крупный успех он имел в «Дмитрии Донском» Озерова... <...> Вторую ролью был почтмейстер в «Ревизоре»; в преданиях нашего театра Федор Семенович до сих пор

остаётся лучшим ее исполнителем. При первом представлении² у Федора Семеновича вышло пререкание с автором: Гоголь перед началом осматривал актеров, кто как одет и загримирован; подходит к Потанчикову и говорит: «Вы стары, надо бы быть помоложе». — «Почему же?» — спросил Федор Семенович. — «А потому что в пьесе почтмейстер должен представлять лицо нового направления; да кроме того и городничиха говорит дочери, что та с ним кокетничает». — «Я это знаю, — отвечал Федор Семенович, — но в жизни бывает, что девицы за неимением подходящих кавалеров кокетничают с немолодыми людьми; кроме того, пожилым я его изображаю потому, что в пьесе он значится надворным советником, а это такой чин, до которого с его умом и среди окружающего невежества дослужиться в молодых годах невозможно». — Гоголь помолчал несколько времени, подумал и сказал: «Да, вы правы, — это я ошибся. Играйте так, как ду-мали». <...>

Впервые опубликовано: *Садовский М. П.* Федор Семенович Потанчиков. (Воспоминания об актере прежнего времени) // Артист. 1889. Кн. 3. С. 39. Печатается по первой публикации.

Федор Семенович Потанчиков (1800–1871), московский актер.

Михаил Провович Садовский (1847–1910), московский актер.

¹ Ф. С. Потанчиков окончил Московскую театральную школу в 1820 г.

² На самом деле речь идет не о первом представлении «Ревизора» на сцене Малого театра в Москве 25 мая 1836 г., где Ф. С. Потанчиков также исполнял роль почтмейстера, а по-видимому, о спектакле 17 октября 1839 г.

В. И. Живокини

Из моих воспоминаний Фрагмент

<...> Из литераторов меня очень любил Гоголь. В первый раз он увидел меня в «Комедии с дядюшкой» в 42-м году¹. У Гоголя в ложе был Кетчер и еще кто-то из его знакомых, которым он, как мне потом передавали, сказал обо мне: «Вот прекрасный талант...»

В бенефис Щепкина он ставил «Женитьбу»² и настаивал, чтобы Кочкарева играл я³, тогда как Щепкину самому хотелось играть эту роль; но Гоголь настоял на своем и Кочкарева играл я⁴, хотя он меня и не видал, потому что во время представления не был в Москве. Гоголь жил у Погодина на Девичьем поле. Ему захотелось также, чтобы я играл Хлестакова в «Ревизоре»: он просил Щепкина познакомить меня с ним. Щепкин привез меня к нему, тут же захватил он с собою братьев Горшковых, очень похожих друг на друга, которых Гоголь прочил для Бобчинского и Добчинского. Он сам читал нам «Ревизора» и читал так прекрасно, что я просто испугался трудности роли Хлестакова и отказался⁵. Обрадовавшись сначала сходству Горшковых, Гоголь потом однако побоялся отдать им роли Бобчинского и Добчинского. Потом, когда в 43 г. Гоголь переставил на нашей сцене «Ревизора», он опять хотел оставить за мной Хлестакова, но я и тут отказался. Я всегда был осторожен на новые роли, почему отказался раз от роли Фигаро в «Женитьбе Фигаро», после того как два года репетировал ее. Ближе познакомился я с Гоголем в Полтаве. Мы со Щепкиным часто бывали у него, вместе ходили гулять. В одну из таких прогулок спускаемся мы к Ворскле, лежит на дороге свинья. Щепкин говорит: «Вот уж это чисто свиньи, валяются в грязи...» — «А почему мы знаем, — сказал на это Гоголь, — может быть, они об нас тоже теперь думают: “вот свиньи... Не понимают удовольствия валяться в грязи”...» — Гоголь всегда вообще был молчалив, разговорчивым делался он только в самом коротком кругу. <...>

Впервые опубликовано: *Живокини В. Из моих воспоминаний* // Библиотека Театра и Искусства. Бесплатное приложение к № 9 журнала «Театр и Искусство». 1914. Февраль. Кн. 2. С. 29–30. Печатается по первой публикации.

Василий Игнатьевич (Иванович) Живокини (наст. имя и фамилия Ламмона Джиованни, 1807–1874), московский актер.

¹ Пьеса П. И. Григорьева, поставленная в Петербурге в 1841 г.

² 24 октября 1842 г. М. С. Щепкин писал Гоголю в Рим: «Пользуясь вашим позволением, я заявил на свой бенефис вашу комедию “Женитьба”; ибо все издание ваше, как известно, выйдет в декабре, а мой бенефис февраля 5-го».

³ 28 ноября (н. ст.) 1842 г. Гоголь писал М. С. Щепкину из Рима: «Женитьбу, я думаю, вы уже знаете как повести, потому что, слава Богу, человек вы не холостой. А Живокини, который будет женить вас, вы можете внушить всё, что следует, тем более, что вы слышали меня, читавшего [эту пьесу] эту роль».

⁴ 6 февраля 1843 г. С. Т. Аксаков сообщал Гоголю: «Вчера сошел бенефис Щепкина... <...> Я не понимаю, милый друг, вашего назначения ролей. Если б *Кочкарева* играл Щепкин, а *Подколесина* Живокини, пьеса пошла бы лучше. По свойству своего таланта Щепкин не может играть вялого и нерешительного творенья; а Живокини, играя живой характер, не может удерживаться от привычных своих фарсов и движений, которые беспрестанно выводят его из характера играемого им лица; впрочем, надобно отдать ему справедливость: он работал из всех сил, с любовью истинного артиста, и во многих местах был прекрасен. Они желают перемениться ролями: позволите ли вы? В продолжение Великого поста они переучат роли, если вы напишете ко мне, что согласны на то». (Такое согласие было получено; см. ответ Гоголя Аксакову из Рима от 18–20 марта (н. ст.) 1843 г.)

⁵ Около 3 декабря (н. ст.) 1842 г. Гоголь писал М. С. Щепкину из Рима: «Позаботьтесь больше всего о хорошей постановке Ревизора! <...> У вас, с позволения вашего, ни в ком ни на копейку нет чутья! Да, если бы Живокини был крошку поумней, он бы у меня вымолил на бенефис себе Ревизора и ничего бы другого вместе с ним не давал, а объявил бы только, что будет Ревизор в новом виде, совершенно переделанный, с переменами, прибавленьями, новыми сценами, а роль Хлестакова будет играть сам бенефициант — да у него битком бы набилось наро<ду>». 24 октября (н. ст.) Гоголь вновь писал М. С. Щепкину: «Хлестакова должен играть Живокини».

Гоголь в переделках для сцены

1842. В б<енефис> Самарина¹, В пятн<ицу> 11 сентяб<ря> в 1 раз².

Мертвые души. Известного автора «Ревизора» Г. Гоголя, составленная Н. Н.³

Действ<ующие лица> при первом представ<лении>: Антон Васильевич Сысоев, полицей-
мейстер губернского города — Рославский, Анна Григорьевна, жена его — Самарина, Софья
Ивановна — Львова-Синецкая, Иван Андреевич Дробяжкин, почтмейстер — Щепкин, Панте-
лей Миронович Медведев, председатель палаты — Соколов, Ив<ан> Иванович Завалишин,
инспектор врачебной управы — Никифоров, Иван Семенович Собакевич, помещик — Шуберт⁴,
Александр Петрович Ноздрев, помещик — Живокини, Павел Ив<анович> Чичиков, поме-
щик — Немчинов⁵, Петрушка, слуга Чичикова — Турчанинов, Стефан, кучер его — П. Степанов,
Слуга — Ермилов⁶, Служанка — Струева.

2 <представление>, четв<ерг> 17 сентяб<ря>¹.

Публикуется впервые по автографу: ГЦТМ. Ф. 299. Ед. хр. 1854. Л. 1–2.

Сергей Антипович Черневский (1836–1901), главный режиссер Императорского Малого театра, муж Александ-
ры Петровны Щепкиной (1856–1930; внучка М. С. Щепкина, дочь П. М. Щепкина, артистка Малого театра с 1876 по
1903 г.).

Ср. также: «Мертвые души. Сцены из поэмы Н. В. Гоголя, составленные Н. И. Куликовым. <...> Пб.: 1842 сент<яб-
ря> 9, 11, 13, 18, 20, 27, ноябрь 4. М.: 1842 сент<ября> 11, 17; 1844 май 29» (Ельницкая Т. М. Репертуарная сводка.
Репертуар петербургского Александринского и московского Малого театров. 1826–1845 // История русского драма-
тического театра: В 7 т. М., 1978. Т. 3. С. 276); «Мертвые души. Сцены из поэмы Н. В. Гоголя, составленные Н. И. Ку-
ликовым. <...> Пб.: <...> 1852 янв<аря> 14 (сцена). М.: <...> 1846 дек<абря> 13, 20; 1852 янв<аря> 14» (Ельниц-
кая Т. М. Репертуарная сводка. Репертуар петербургского Александринского и московского Малого театров.
1846–1861 // История русского драматического театра: В 7 т. М., 1979. Т. 4. С. 350).

¹ Иван Васильевич Самарин (1817–1885), актер. Известен «отзыв Гоголя о Хлестакове-Самарине» (в московском
представлении «Ревизора» 17 октября 1839 г.): «Зачем он симпатичен!? Этому Хлестакову я первый подал бы есть, ес-
ли бы он был голоден: мой Хлестаков не должен возбуждать в зрителе чувство сострадания...» (К. А. Надежда Алекс-
еевна Никулина // Сезон, иллюстрированный артистический сборник, выходящий в Москве под ред. Н. П. Кичеева. М,
1887. Вып. 1. <Отд. 4>. С. 25).

² Речь идет о спектакле Малого театра в Москве.

³ Актером и режиссером русской драматической труппы в Петербурге Н. И. Куликовым (Н. Крестовским)
(1812–1891).

⁴ Михаил Андреевич Шуберт (1821–1854), актер Малого театра с 1833 г., актер Одесского театра в 1847–1853 гг.

⁵ Иван Иванович Немчинов (1818–1861), московский актер.

⁶ Имеется в виду либо Александр Алексеевич Ермолов, артист Малого театра с 1836 г., либо Петр Алексеевич Ер-
молов, артист Малого театра с 1840 по 1899 г.

---

¹ Не дотисано.

Гоголь в письмах А. В., М. В. и И. В. Станкевичей

А-р В. Станкевич — Н. М. Щепкину

20 февраля 1847 г.

<...> Получили мы письма Гоголя к друзьям¹. Вот, брат, штука-то! Я даже такого и не ожидал! Книжка довольно толстая, и ни строки путной. Читать ее тяжело, жалко и досадно, чорт знает как! Гоголь сделался Осипом, только резонерствующим в духе отвратительного ханжества. Есть поразительные вещи: в одном месте Гоголь говорит, что в нем такое сцепление мерзостей, какого он не встречал ни в ком. Эти мерзости, говорит он, отделил он только от себя в лицах, им воспроизведенных². Я думаю, что он тут просто врет на самого себя. Вряд ли после такой книжицы дождемся чего-нибудь путного от Гоголя. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация Н. Д. Эфрос // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 700. Печатается по первой публикации.

Александр Владимирович Станкевич (1821 – после 1870-х), писатель, брат поэта и философа Н. В. Станкевича (1813–1840).

Николай Михайлович Щепкин (1820–1886), сын М. С. Щепкина; впоследствии книгоиздатель.

¹ «Выбранные места из переписки с друзьями».

² Имеется в виду третье из «Четырех писем к разным лицам по поводу “Мертвых душ”».

Из писем Марии В. Станкевич

М. В. Станкевич — родным

<22 февраля 1849. Москва>
22 Генваря 1849 года. Москва.

Милые братья и дорогие сердцу кузины!

Вот уже скромной пост сменил шумную масляницу...¹ <...> Масляницу мы провели следующим образом: первые блины² ели у Щепкиных, с хорошею осетриною и икрою; потом³ были блины у нас — и были позваны мужья без жен и выпито много вина. Кажется, вам уж писали, что Петр Мих<айлович> Щеп<кин> и Балс⁴ хотели сделать сюрприз обществу, но вместо того очень срезались в «Тяжбе». <...> У Михайла Семеновича, когда мы ездил к нему на уху⁵, застали мы Гоголя; совсем незаметно, чтоб был великой человек, только глаза быстрые, быстрые, а все лицо очень похоже на нашего Увара. Он разговаривал с Мих<айлом> Сем<еновичем>, сидя на диване, вполголоса, и до нас только долетали слова: «Галушки, вареники... голубцы...», и изредка способ их приготовления; оба господина смотрели очень сладко; так и казалось, что вот-вот потекут у них слюни, — но Гоголь скоро уехал, а мы сели есть уху, и какую уху! всю желтую, как янтарь, из стерлядей и налимовых печенок! У! с кулебякой с визигой! <...>

Впервые упомянуто: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 720; частично опубликовано: *Гриц Т. С., Кли-*

чин А. П. и др. М. С. Щепкин. Летопись жизни и творчества. М., 1966. С. 428, 430. Печатается по автографу: РГБ. Ф. 70. К. 8421. Ед. хр. 30. Л. 1, 3 об.–4.

Мария Владимировна Станкевич (в замужестве Фролова, 1823–1851), сестра Н. В., И. В. и А. В. Станкевичей. См. о ней: Щепкина А. В. Сестра Маша // Воспоминания Александры Владимировны Щепкиной. Сергиев Посад, 1915. С. 108–124. Сестра М. В. Станкевич, Александра Владимировна, была замужем за сыном М. С. Щепкина – Николаем.

¹ Масленица в 1849 г. началась 7 февраля, Великий Пост — 14 февраля. Поэтому письмо не могло быть написано в январе и датируется 22 февраля (вторник на второй неделе Великого Поста).

² По-видимому, в понедельник 7 февраля 1849 г.

³ Во вторник 8 февраля 1849 г.

⁴ Так в автографе. Бабст Иван Кондратьевич (1824–1881), профессор политической экономии Московского университета; в студенческие годы жил в семье М. С. Щепкина и преподавал его сыновьям древние языки.

⁵ Между вторником 8 февраля и Прощеным воскресеньем 13 февраля 1849 г.

М. В. Станкевич — родным

11 декабря 1849 г. <Москва>.

<...> Михайло Семенович¹ с детьми приехал прочесть нам комедию Тургенева «Нахлебник», которая будет дана в его бенефис. Пришел и Пикулин², как две капли похожий на Ваню³ <...>, и Афанасьев⁴, нос которого — увы — послужил целью нескольким острогам. «Нахлебник» — чудная пьеса. Михайло Семенович расплакался, читая ее и воображая, как хороша она будет на сцене. Гоголь назвал ее безнравственной⁵, из этого можно заключить о ее достоинстве. До сих пор она еще в цензуре. В ней на сцене богатые помещики и мелкопоместные бедняки, над которыми первые потешаются, и тут-то выходит настоящая трагедия. Может быть, эта пьеса будет напечатана в «Современнике». <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 720. Печатается по первой публикации.

¹ Щепкин.

² Павел Лукич Пикулин (1822–1885), врач, приятель Т. Н. Грановского.

³ Имеется в виду Иван Владимирович Станкевич (1820–1907), брат М. В. Станкевич.

⁴ А. Н. Афанасьев.

⁵ См. также в наст. изд. фрагмент из статьи А. А. Григорьева «И. С. Тургенев и его деятельность по поводу романа «Дворянское гнездо»...»

Ив. В. Станкевич — Н. М. и А. В. Щепкиным

12 марта <1852>. Острогжск.

<...> Смерть Гоголя ужасно поразила меня. Нет сомнения, что тяжелая атмосфера играет немаловажную роль в смерти многих людей у нас. Что будет с 2-м томом «Мертвых душ», будут ли его печатать, осталось ли еще что-нибудь и к кому перешло? Это очень интересно. Неужели он сжег всё, что было у него? <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 754. Печатается по первой публикации.

Иван Владимирович Станкевич (1820–1907), брат поэта и философа Н. В. Станкевича (1813–1840).

Отрывки из воспоминаний. Д. М. Перевощиков Фрагмент

<...> Перевощиков любил Гоголя и не пропускал ни одного представления *Ревизора*, *Женитьбы*, даже сцен *Тяжба*¹, *Утро делового человека*² и др. С М. С. Щепкиным он был дружен. Гоголь также у него бывал, и раз я был приглашен на обед, когда у Перевощикова обедал знаменитый писатель. Не помню, что задержало меня, и я до сего дня сожалею об этом. Мне говорили после, что Гоголь был очень весел и рассказывал много малороссийских сцен. <...>

Впервые опубликовано: Материалы для характеристики русских писателей, художников и общественных деятелей. 1) Чаев Н. Отрывки из воспоминаний. VI. Д. М. Перевощиков // Русское Обозрение. 1896. № 3. С. 389. Печатается по первой публикации.

Николай Александрович Чаев (1824–1914), драматург.

Дмитрий Матвеевич Перевощиков (1788–1880), математик, астроном, писатель; с 12 марта 1848 по 3 мая 1851 г. ректор Московского университета; в 1851 г. переехал в Петербург. Сочинение Д. М. Перевощикова «Ручная математическая энциклопедия» (М., 1826–1837. Т. 1–13) Гоголь читал, будучи в Гимназии высших наук в Нежине (см. письма Гоголя к Петру П. Косяровскому от 13 сентября 1827 г. и к Павлу П. Косяровскому от 3 октября 1827 г.). П. А. Кулиш писал: «Гоголь берег книги, как драгоценность, и особенно любил миниатюрные издания. Страсть к ним до того развилась в нем, что, не любя и не зная математики, он выписал “Математическую энциклопедию” Перевощикова, на собственные свои деньги, за то только, что она издана была в шестнадцатую долю листа» (<Кулиш П. А.> Николай М. Записки о жизни Н. В. Гоголя. СПб., 1856. Т. 1. С. 28; см. также в наст. изд. *Воспоминания Н. Я. Прокоповича, а также К. С. Павлова и некоторых других знакомых Гоголя по Гимназии высших наук князя Безбородко в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша*). Д. М. Иофанов, приводя оценки Гоголя «по физико-математическим наукам» (см. в наст. изд. *Оценки успеваемости Гоголя в девятом классе гимназии, с августа 1827 по июль 1828 г.*), а также основываясь на содержании письма Гоголя к Павлу П. Косяровскому от 3 октября 1827 г., замечал: «...Не только удобство формата, как утверждал Кулиш, но главным образом содержание “Математической энциклопедии” Перевощикова заинтересовало юношу Гоголя. Он обстоятельно изучил содержание и дал, как мы видим, вполне грамотную развернутую характеристику и оценку энциклопедии» (Иофанов Д. Н. В. Гоголь. Детские и юношеские годы. Киев, 1951. С. 146).

¹ Премьера «Тяжбы» Гоголя на сцене московского Малого театра состоялась 30 января 1846 г.; представления шли также 5, 17 февраля, 26 ноября, 17 декабря 1846 г., 10 января, 5 июня, 10 сентября 1847 г., 9 декабря 1848 г., 22 сентября, 1 декабря 1849 г., 3 марта, 25 августа, 7 ноября, 26 декабря 1850 г., 31 января 1852 г.

² Премьера «Утра делового человека» состоялась в Москве в октябре 1863 г., в бенефис В. И. Живокини; в Петербурге, в Александринском театре, — 8 января 1871 г.

Гоголь в воспоминаниях, дневниках и письмах Ф. В. Чижова

Воспоминания Ф. В. Чижова в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша

<...> Я познакомился с Гоголем тогда, как он был сделан адъюнкт-профессором в С. Петербургском Университете¹, где я тоже был адъюнкт-профессором². Гоголь сошелся с нами хорошо, как с новыми товарищами; но мы встретили его холодно. Не знаю, как кто, но я только по одному: я смотрел на науку чересчур лирически, видел в ней высокое, чуть-чуть не священное дело, и потому от человека, бравшегося быть преподавателем, требовал полного и безусловного посвящения себя ей. Сам я занимался сильно, но избрал для преподавания искусство, мастерство (начертательную геометрию), не смея взяться за науку высшего анализа, которую мне тогда предлагали. К тому же Гоголь тогда, как писатель-художник, едва показался; мы, большинство, толпа, не обращали еще дельного внимания на его «Вечера на Хуторе»; наконец и самое вступление его в Университет путем окольным отдаляло нас от него, как от человека. По всему этому сношения с ним у меня были весьма форменные, и то весьма редкие. <...>

Расставшись с Гоголем в университете¹, мы встретились с ним в Риме в 1843 году³ и прожили здесь целую зиму в одном доме, на Via Felice, № 126. Во втором этаже жил покойный Языков⁴, в третьем Гоголь, в четвертом я. Видались мы едва ли не ежедневно. С Языковым мы жили совершенно по-братски, как говорится, душа в душу, и остались истинными братьями до последней минуты его; с Гоголем никак не сходились. Почему? Я себе определить не мог. Я его глубоко уважал, и как художника, и как человека. Перед приездом в Рим я много говорил об нем с Жуковским⁵ и от него от первого получил «Мертвые Души». Вечера наши в Риме сначала проходили в довольно натянутых разговорах. Не помню, как-то мы, заговорили¹¹ о М<уравье>ве, написавшем «Путешествие к Святым Местам» и проч. Гоголь отзывался об нем резко, не признавал в нем решительно никаких достоинств и находил в нем отсутствие языка⁶. С большею частию этого я внутренне соглашался, но странно резкий тон заставил меня с ним спорить. Оставшись потом наедине с Языковым, я начал говорить, что нельзя не отдать справедливости М<уравье>ву за то, что он познакомил наш читающий люд со многим в нашем богослужении и вообще в нашей Церкви. Языков отвечал:

– М<уравье>ва терпеть не мог Пушкин. Ну, а чего не любил Пушкин, то у Гоголя делается уже заповедью¹¹¹ и едва только не ненавистью⁷.

Не смотря, однако ж, на наши довольно сухие столкновения, Гоголь очень часто показывал ко мне много расположения. Тут, по какому-то непонятному для самого меня внутреннему упрямству, я, в свою очередь, отталкивал Гоголя. Все это, разумеется, было в мелочах. Например, бывало, он чуть не насильно тащит меня к С<мирнов>ой; но я не иду и не познакомился с нею (о чем теперь искренно сожалею) именно потому, что ему хотелось меня познакомить. Таким образом мы с ним не сходились. Это, пожалуй, могло случиться очень просто: Гоголь мог не полюбить меня, да и все тут. Так нет же: едва, бывало, мы разведемся, не пройдет и двух недель,

¹ Далее в публикации: (говорит г. Чижов),

¹¹ В публикации ошибочно: заговоривши

¹¹¹ В публикации ошибочно: заповеднею

как Гоголь пишет ко мне и довольно настойчиво просит съехаться, чтоб потолковать со мной о многом... Сходились мы в Риме по вечерам постоянно у Языкова, тогда очень больного, — Гоголь, Иванов и я. Наши вечера были очень молчаливы. Обыкновенно кто-нибудь из нас троих — чаще всего Иванов — приносил в кармане горячих каштанов; у Языкова стояла бутылка алеатино⁸, и мы начинали вечер каштанами, с прихлебками вина. Большею частью содержанием разговоров Гоголя были анекдоты, почти всегда довольно сальные. Молчаливость Гоголя и странный выбор его анекдотов не согласовывались с уважением, которое он питал к Иванову и Языкову, и с тем вниманием, которого он удостоивал меня, зазывая на свои вечерние сходки, если я не являлся без зову. Но это можно объяснить тем, что тогда в душе Гоголя была сильная внутренняя работа, поглотившая его совершенно и овладевшая им самим. В обществе, которое он, кроме нашего, посещал изредка, он был молчалив до последней степени. Не знаю, впрочем, каков он был у А. О. С<мирнов>ой, которую он очень любил и о которой говаривал всегда с своим Гоголевским восхищением: «Я вам советую пойти к ней: она очень милая женщина». С художниками он совершенно разошелся. Все они припоминали, как Гоголь бывал в их обществе, как смешил их анекдотами; но теперь он ни с кем не видался. Впрочем, он очень любил Ф. И. И<орда>на и часто на наших сходках сожалел, что его не было с нами⁹. А надобно заметить, что И<орда>н очень умный человек, много испытавший и отличающийся большою наблюдательностью и еще большею оригинальностью в выражениях. Однажды я тащил его почти насильно к Языкову.

— Нет, душа моя, — говорил мне И<орда>н, — не пойду, там Николай Васильевич. Он сильно скуп, а мы всё народ бедный, день-деньской трудимся, работаем, — давать нам не из чего. Нам хорошо бы так вечерок провести, чтоб дать и взять, а он все только брать хочет.

Я был очень занят в Риме и смотрел на вечернюю беседу, как на истинный отдых. Поэтому у меня почти ничего не осталось в памяти от наших разговоров. Помню я только два случая, показавшие мне прием художественных работ Гоголя и понятие его о работе художника. Однажды, перед самым его отъездом из Рима¹⁰, я собирался ехать в Альбано. Он мне сказал:

— Сделайте одолжение, поищите там моей записной книжки, в роде истасканного простого альбома; только я просил бы вас не читать.

Я отвечал:

— Однако ж, чтоб увериться, что точно это ваша книжка, я должен буду взглянуть на нее. Ведь вы сказали, что сверху на переплете нет на ней надписи.

— Пожалуй, посмотрите. В ней нет секретов; только мне не хотелось бы, чтоб кто-нибудь читал. Там у меня записано все, что я подмечал где-нибудь в обществе.

В другой раз, когда мы заговорили о писателях, он сказал:

— Человек пишущий так же не должен оставлять пера, как живописец кисти. Пусть что-нибудь пишет непременно каждый день. Надобно, чтоб рука приучилась совершенно повиноваться мысли.

В Риме он, как и все мы, вел жизнь совершенно студентскую: жил без слуги, только обедал всегда вместе с Языковым, а мы все в трактире. Мы с Ивановым всегда неразлучно ходили обедать в тот трактир, куда прежде ходил часто и Гоголь, именно, как мы говорили, к Фалькону (al Falcone). Там его любили, и лакей (cameriere) нам рассказывал, как часто signor Niccolo надувал их. В великий пост до Ave Maria, т. е. до вечерни, начиная с полудня, все трактиры закрыты. Ave Maria бывает около шести часов вечера. Вот, когда случалось, что Гоголю сильно захочется есть, он и стучит в двери. Ему обыкновенно отвечают: «Нельзя отпереть». Но Гоголь не слушается и говорит, что забыл платок, или табакерку, или что-нибудь другое. Ему отворяют, а он там уже остается и обедает.

В каком сильном религиозном напряжении была тогда душа Гоголя, покажет следующее. В то время одна дама, с которою я был очень дружен, сделалась сильно больна. Я посещал ее иногда по несколько раз на день и обыкновенно приносил известия о ней в нашу беседу, в ко-

торой все ее знали — Иванов лично, Языков по знакомству ее с его родными, Гоголь по наслышке. Однажды, когда я опасался, чтоб у нее не было антонова огня в ноге, Гоголь просил меня зайти к нему. Я захожу, и он, после коротенького разговора, спрашивает:

— Была ли она у Святителя Митрофана?

Я отвечал:

— Не знаю.

— Если не была, скажите ей, чтоб она дала обет помолиться у его гроба¹¹. Сегодняшнюю ночь за нее здесь сильно молился один человек, и передайте ей его убеждение, что она будет здорова. Только, пожалуйста, не говорите, что это от меня.

По моим соображениям, этот человек, должно быть, был сам Гоголь, потому что из всех знакомых больной, тогда был в Риме кроме меня, еще один только Р<игельма>н, человек весьма добрый, благородный, но, кажется, не из молящихся. Он очень любил эту даму; но все-таки не до такой степени, чтоб за нее усердно молиться.

Вот все, что я могу на этот раз припомнить о нашей римской жизни. Общий характер бесед наших с Гоголем может обрисоваться из следующего воспоминания. Однажды мы собрались, по обыкновению, у Языкова. Языков, больной, молча, повесив голову и опустив ее почти на грудь, сидел в своих креслах; Иванов дремал, подперши голову руками; Гоголь лежал на одном диване, я полулежал на другом. Молчание продолжалось едва ли не с час времени. Гоголь первый прервал его.

— Вот, — говорит, — с нас можно сделать этюд воинов, спящих при Гробе Господнем.

И после, когда уже нам казалось, что время расходится, он всегда говаривал:

— Что, господа? не пора ли нам окончить нашу шумную беседу?

Жуковский, как известно, очень любил Гоголя, но журил его за небрежность в языке; а уважая и высоко ценя его талант, никак не был его поклонником. Проживая в Дюссельдорфе, я бывал у Жуковского раза три-четыре в неделю, часто у него обедал, и мне не раз случалось говорить с ним о Гоголе. Прочтя наскоро «Мертвые Души», я пришел к Жуковскому. Признаюсь, с первого разу я очень мало раскусил их. Я был восхищен художническим талантом Гоголя, лепкою лиц, но, как я ожидал содержания в самом событии, то, на первый раз, в ряде лиц, для которых рассказ о мертвых душах был только внешним соединением, видел какое-то отсутствие внутренней драмы. Я об этом сообщил Жуковскому и из его слов увидел, что ему не был известен полный план Гоголя. На замечание мое об отсутствии драмы в «Мертвых Душах», Жуковский отвечал мне:

— Да и вообще в драме Гоголь не мастер. Знаете ли, что он написал было трагедию? (Не могу утверждать, сказал ли мне Жуковский ее имя, содержание и из какого быта она была взята; только как-то при воспоминании об этом мне представляется, что она была из русской истории.)¹ Читал он мне ее во Франкфурте¹². Сначала я слушал; сильно было скучно; потом решительно не мог удержаться и задремал. Когда Гоголь кончил и спросил, как я нахожу, я говорю:

— Ну, брат Николай Васильевич, прости, мне сильно спать захотелось.

— А когда спать захотелось, тогда можно и сжечь ее, — отвечал он, и тут же бросил в камин.

Я говорю:

— И хорошо, брат, сделал. <...>

¹ Вероятно, это была та драма, которою он хвалился С. Т. Аксакову в 1839 году. После он не хотел слышать от него и напоминания о ней. В первый приезд свой в Москву Гоголь сказал однажды М. С. Щепкину: «Ну, М<ихаил> С<еменович>, будет вам славная работа. У меня есть драма за выбритый ус в роде «Тараса Бульбы». Я скоро ее окончу». М<ихаил> С<еменович> имел неосторожность спросить у Гоголя об этой драме при свидетелях. Гоголь отперся и отвечал, что никогда не говорил ничего подобного; но, выходя из комнаты, шепнул г. Щепкину на ухо: «Болтун! ничего больше не скажу». Н. М. — Примеч. П. А. Кулиша.

После Италии мы встретились с ним в 1848 году в Киеве¹³, и встретились истинными друзьями. Мы говорили мало, но разбитой тогда и сильно большой душе моей стала понятна болезнь души Гоголя... Мы встретились у А. С. Данилевского, у которого остановился Гоголь и очень искал меня; потом провели вечер у М. В. Юзефовича¹⁴. Гоголь был молчалив, только при расставании он просил меня, не можем ли мы сойтись на другой день рано утром в саду. Я пришел в общественный сад рано, часов в 6 утра; тотчас же пришел и Гоголь. Мы много ходили по Киеву, но больше молчали; несмотря на то, не знаю, как ему, а мне было приятно ходить с ним молча. Он спросил меня: где я думаю жить?

— Не знаю, — говорю я, — вероятно, в Москве.

— Да, — отвечал мне Гоголь, — кто сильно вжился в жизнь римскую, тому после Рима только Москва и может нравиться.

Тут, не помню, в каких словах, он передал мне, что любит Москву и желал бы жить в ней, если позволит здоровье. Мы назначили вечером сойтись в Лавре, но там виделись только на несколько минут: он торопился.

В Москве — помнится мне, в 1849 году — мы встречались часто у Хомякова, где я бывал всякий день¹⁵, и у С<вербеевы>х¹⁶. Он тоже был всегда молчалив, и тогда уже видно было, что он страдал. Однажды мы сошлись с ним под вечер на Тверском бульваре.

— Если вы не торопитесь, — говорил он, — проводите меня до конца бульвара.

Заговорили мы с ним об его болезни.

— У меня все расстроено внутри, — сказал он. — Я, например, вижу, что кто-нибудь спотыкнулся; тотчас же воображение за это ухватится, начнет развиваться — и все в самых страшных призраках. Они до того меня мучат, что не дают мне спать и совершенно истощают мои силы. <...>

Впервые опубликовано: <Кулиш П. А.> Николай М. Записки о жизни Н. В. Гоголя... СПб., 1856. Т. 1. С. 106, 326–331; Т. 2. С. 240–241. Печатается по первой публикации.

Федор Васильевич Чижов (1811–1877), математик, адъюнкт-профессор Петербургского университета (1832–1845), литератор, искусствовед, впоследствии крупный промышленный и финансовый деятель, издатель и редактор сочинений Гоголя.

Воспоминания о Гоголе Чижова см. также в наст. изд. в разделе *Записки о Гоголе в дневнике А. В. Никитенко*.

¹ Гоголь был определен адъюнктом по кафедре истории Санкт-Петербургского университета 19 июля 1834 г.

² В те годы Ф. В. Чижов был близок к А. В. Никитенко, встречался с К. М. Базили, с 17 января 1835 г. начал давать уроки сыну сенатора П. Г. Галагана Григорию Павловичу (см. в наст. изд. «Воспоминания о Гоголе» Г. П. Галагана).

³ Ф. В. Чижов прибыл в Рим 13 марта (н. ст.) 1842 г. и к концу марта был уже близко знаком с А. А. Ивановым (см.: *Виноградов И. А.* Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях. Научное издание. М., 2001. С. 255, 256). В августе и сентябре (н. ст.) 1842 г. Чижов был в Дюссельдорфе, где встречался с В. А. Жуковским, и вернулся в Рим к 30 ноября (н. ст.) 1842 г. (см. в наст. изд. дневниковые записи Чижова от 21 августа и 30 ноября (н. ст.) 1842 г.). Гоголь с Н. М. Языковым приехали в Рим 4 октября (н. ст.) 1842 г.

⁴ Ф. В. Чижов познакомился и близко сошелся с Н. М. Языковым через Гоголя в конце ноября (н. ст.) 1842 г.

⁵ См. в наст. изд. дневниковую запись Ф. В. Чижова от 21 августа (н. ст.) 1842 г.

⁶ Речь идет о духовном писателе Андрее Николаевиче Муравьеве (1806–1874). См. также в наст. изд. дневниковые записи Ф. В. Чижова от 27 и 28 декабря 1842 г. Именно с прочитанной Гоголем зимой 1843/44 года в первом томе журнала «Христианское Чтение» за 1841 г. статьей А. Н. Муравьева «О Литургии» связано, в частности, начало работы Гоголя над «Размышлениями о Божественной Литургии» (подробнее см.: *Виноградов И. А.* К истории создания и публикации духовной прозы Гоголя // *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. Т. 6. С. 488, 491–493).

⁷ Н. М. Языков, в свою очередь, был невысокого мнения о стиле произведений А. Н. Муравьева (см. в наст. изд. коммент. к письму Н. М. Языкова Н. Н. Шереметевой от 29 декабря 1845 г.). Между тем уже к 1843 г. Гоголь изменил свое мнение о Муравьеве (см. предшеств. примеч.). А. О. Смирнова вспоминала: «Андрей Николаевич <...> писал о

Православной Церкви, познакомил невежественную публику с сокровищами Православия. Гоголь очень уважал его труд и говорил: «Вот человек, который исполнил долг пред Богом, Церковью и своим народом» (см. в наст. изд. второй раздел <Воспоминаний о Гоголе и его друзьях в альбоме А. О. Смирновой, предназначенном для ее сына Михаила>).

⁸ Правильно: алеатико (aleatico) — красное тосканское вино. Упоминается также Н. М. Языковым в письме к сестре Е. М. Хомяковой из Рима от 1 декабря (н. ст.) 1842 г. (см. в наст. изд.).

⁹ Отсутствие Ф. И. Иордана на гоголевских «сходках» отчасти объясняется шутками Гоголя и А. А. Иванова над влюбленностью Иордана в Е. П. Алферьеву (см. в наст. изд. письмо П. В. Анненкова к М. М. Стасюлевичу от 16 августа (н. ст.) 1876 г., а также коммент. к письму Ф. В. Чижова Г. П. Галагану от 3 декабря (н. ст.) 1842 г.).

¹⁰ Гоголь с Н. М. Языковым выехали из Рима в Гастейн 2 мая (н. ст.) 1843 г.

¹¹ Торжественное открытие мощей святителя Митрофана, епископа Воронежского, состоялось 8 августа 1832 г. Спустя сорок дней для поклонения мощам в Воронеж прибыл Император Николай Павлович. По свидетельству Г. П. Данилевского в статье «Хуторок близ Диканьки», в Васильевке во флигеле, где «обыкновенно жил и работал Гоголь», над кроватью в углу висел «образ св. угодника Митрофана» (см. в наст. изд.).

¹² 26 августа (н. ст.) 1841 г. (см. в наст. изд. коммент. к письму Н. П. Огарева к М. Л. Огаревой от 26 августа (н. ст.) 1841 г.; к письму Н. М. Языкова А. М. Языкову от 21 февраля 1842 г. и «Воспоминания о Гоголе» П. В. Анненкова).

¹³ Встреча Гоголя с Ф. В. Чижовым в Киеве произошла в конце мая 1848 г. См. в наст. изд. письмо Ф. В. Чижова к А. А. Иванову от 1 июня 1848 г.

¹⁴ Вероятно, об этом вечере идет речь в статье И. И. Ясинского «Анекдот о Гоголе. <Воспоминания Михольского>» (см. в наст. изд.).

¹⁵ См. в наст. изд. дневниковую запись П. И. Бартенева от 1 мая 1849 г.

¹⁶ Предположение, что под сокращением «С—х» могут подразумеваться Смирновы, — маловероятно. В 1849 г. А. О. Смирнова приехала в Москву 25 июня. Ф. В. Чижов на некоторое время уезжал из Москвы в Петербург и вернулся 4 июля 1849 г.; в этот день он не видел Гоголя (см. в наст. изд. письмо Чижова к А. А. Иванову от этого числа). 4 или 5 июля 1849 г. Гоголь вместе с Л. И. Арнольди и К. О. Россетом выехал из Москвы в Калугу к Н. М. и А. О. Смирновым.

Гоголь в дневниковых записях и письмах Ф. В. Чижова

Гоголь в дневнике Ф. В. Чижова 1842 г.

29 марта <н. ст.> 1842 г. <Рим>. Мастерская Айвазовского. <...> «Тишина на море» (Гагариной)¹. Беспредельное море, на горизонте сливающееся с небом, и на нем разбросано несколько лодок, ближайšie фигуры, которые не отражают на себе внимания, — вот вся картина. Припомните вы старосветских помещиков Гоголя: мухи, репа, кашка, тихая спокойная ночь, вот вся канва рассказа, но немногие без слез могли читать его. Никто без глубокого вздоха и потом без какого-то приятного ощущения полного спокойствия не смотрит на простую эту картину. Такой немирской тишины и так же превосходно исполнены все картины. <...>

21 августа <н. ст.> 1842. Дюссельдорф. <...> Вчера взял у Жуковского «Мертвые души» Гоголя и сегодня кончил — хороши, очень хороши, хотя есть места вялые. Вообще он не так знает Россию, как Малороссию, это раз. Другое, ему не нужно говорить о гостиницах и о женщинах, и те и другие дурны, сильно дурны. Но сколько души в самых простых сценах. Кучер его — это Поль Поттерова² коровка; просто, ничтожно само <по> себе и трогает сердце... <...>

30 <ноября (н. ст.) 1842. Рим>. <...> Нанял квартиру на Via Felice, № 126, в том же доме, где нанимают Гоголь и Языков; не знаю, хорошо ли это, но квартира хорошая, комната на солнце и стоит с чисткою платьем и сапогов 7 1/2 скуд, то есть с небольшим 35 рублей. Это еще сносно. <...>

Запись от 29 марта 1842 г. впервые опубликована: Описание картин И. К. Айвазовского, созданных в Италии в 1841–42 гг. (Из дневника Ф. В. Чижова) // Айвазовский. Документы и материалы / Составители М. С. Саргсян, Г. Г. Арутюнян, Г. М. Шатирян. Ереван, 1967. С. 56. Печатается по первой публикации.

Записи от 21 августа (н. ст.) и от 30 ноября 1842 г. впервые опубликованы: Записи о Гоголе в дневниках Ф. В. Чижова / Публикация Л. Каплана // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 778. Печатаются по автографу: Чижов Ф. В. Дневник 1842 и 1844 гг. Автограф. 226 л. // РГБ. Ф. 332. К. 1. Ед. хр. 5. Л. 7–7 об.

¹ Помета в скобках означает, кому принадлежала картина, — княгине Изабелле Адамовне Гагариной (рожд. Виленской), жене князя С. С. Гагарина..

² Поль (Паулюс) Поттер (1625–1654) — голландский художник, известный живописным изображением животных.

Ф. В. Чижов — Г. П. Галагану

21 ноября / 3 декабря 1842. Рим.

<...> ...Иордан отчего-то очень не в духе, дуется на А. А. Иванова и не ходит к Гоголю, отчего — неизвестно¹. <...>

Первые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 641. Печатается по первой публикации.

¹ Поведение Ф. И. Иордана объяснялось, по-видимому, насмешками Гоголя над увлечением Иордана Е. П. Алферьевой (см. в наст. изд. «Записки профессора и ректора Императорской Академии Художеств Федора Ивановича Иордана» и коммент. к ним).

Ф. В. Чижов — У. Д. Чижовой

<22 ноября / 4 декабря 1842. Рим>
Рим. [5] 4 декабря / 25 ноября 1842.

<...> Сюда наезжают теперь множество русских, но при моих занятиях я веду жизнь самую, самую уединенную. В одном со мною доме живут двое русских: Гоголь и наш поэт Языков, с ними провожу часто вечера и еще с двумя русскими художниками¹. Думаю, что недели через две приедет сюда и Григорий Павлович². Квартира моя почти одна комната, зато на солнце, так что я думаю всю зиму не придется топить железной печи, которой я в Италии терпеть не могу. Помните, бывало у нас мне 16 градусов в комнате было мало, а теперь частехонько пар виден от дыхания, особенно под вечер, и преспокойно я остаюсь, не топя комнаты, и не зябну. Я рад, что привык сносить комнатную свежесть воздуха. <...>

Фрагмент письма впервые опубликован: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 652. Печатается, в сокращении, по автографу: Чижов Ф. В. Письма из заграницы к родным — матери Чижовой Ул. Дм. и сестрам — Александре, Ольге и Елене Вас. Чижовым. 1841–1847, б. д. 35 п. 72 лл. // РГБ. Ф. 332. К. 9. Ед. хр. 13. Л. 16.

¹ Имеются в виду А. А. Иванов и Ф. И. Иордан.

² Галаган.

Гоголь в дневнике Ф. В. Чижова 1842—1844 гг.

Декабрь 8 <н. ст. 1842. Рим>. Как это скверно с моей стороны и даже хуже, в высочайшей степени неблагоприятно: толкую я о христианстве, читаю Евангелие, ханжу, и все это чистое ханжество. Вчера пришлось к пустому делу и я поступил самым неблагоприятным образом: был я утром у Сомова¹, это правда, что он смешно занимается греческою архитектурою и, как говорит, пишет о ней, справляясь с Каниною, который делает ссылки на Павзания² и Диодора Сицилийского³, но что же мне до этого? Днем я успел же все это с прибавками передать Иордану, а вечером Иванову, Гоголю и Языкову. Да и вообще во весь вечер я на всех что-нибудь да сказал худого, говорил о Скотти, о Княгине Паскевич⁴, — а Евангелие всякий день передо мною. Это не<нрзб.> хуже и в тысячу раз хуже бессознательных пороков, против которых часто я говорю с такою силою. <...>

Сейчас возвратился я из мастерской Ал<ександра> Анд<реевича> Иванова. Он показывал мне два свои рисунка, приготовляемые им для <великой княгини> Марии Николаевны. Он не знает, какой выбрать. Один представляет римский танец *il sospirò*⁵; дело состоит в том, что одна девушка стоит на коленях, кругом ее танцует другая; стоящая на коленях вздыхает, та, которая танцует, спрашивает: кто украл у тебя сердце, та в ответ показывает на кого-нибудь из зрителей, и тот волею или неволею должен пуститься в пляску. Последний момент изображен на картинке: девушка показала на длинного англичанина, и другая тащит его насильно. Все присутствующие хохочут.

Другая — простое пиришество римлян на *Ponte molo*. Женщины в готовности полднеть; направо стол, за которым еще остаются едящие; налево мужчины собрались в кружок; на втором плане группа немецких художников под предводительством Торвальдсена и Вагнера смотрят на эту сцену. В той и другой картинках вдали Рим, только с разных точек.

Я, когда посмотрел обе картинки, выбрал последнюю, сначала не составивши отчетливого суждения — почему. Приходит Гоголь и диктаторским тоном произносит приговор в пользу первой, говоря, что она в сравнении с тою — историческая картина, а та *genre*, что тут каждое лицо требует отдельного выражения, а там группы. Одним словом, что первая выше последней, и во всем этом у него был решительный приговор и никакого внимания к бедному моему суждению⁶. Разумеется, по непривычке, это немного оскорбляет, особенно тогда, когда только вчера он сказал, что рыцарство — в русской вежливости нашей перед ними, — а это невнимание к противному мнению, чем оно пахнет? Но, оставя это, я нахожу в его суждении совершенно непонятный взгляд на прекрасное и на искусство. В первой картине прекрасное в стороне, она может нравиться по исполнению и по верной передаче выражений, никак не больше, по крайней мере в том виде, какова она в составе картинке Иванова, да и не может быть изящною в полном значении слова, оно все подчинено естественности выражений, которые здесь более устремляются в комизм, а комизм, по моему мнению, может дойти до ступени прекрасного или общностию всей картины, [или возв<ы>шенным>] [то есть] или высоким комическим значением главного ее лица. Здесь нет ни того, ни другого. В другой картинке прекрасное таится в самом действии, то есть в самом танце; на месте художника я удалил бы стол с бутылками, поставил бы его так, чтоб он был свидетелем сцены, а не разрезывал бы группы; также поудалил бы (впрочем, она и то удалена) группу зрителей. Здесь полная свобода и грациозности движений и беспечности, следовательно истинной, спокойной красоте выражений каждого лица.

Заключение. Не смею произнести приговора, но тон Гоголя вообще мне не нравится, — в его пользу сильно говорит Иванов, потому я его не отталкиваю от себя, то есть внутри так, а ничто не привлекает. <...>

13 <декабря (н. ст.) 1842. Рим>. Письмо к Жуковскому. <...> На днях приехав в Рим⁷, я узнал от Гоголя⁸, что вам Бог дал дочь и что при этом супруга ваша, слава Богу, здорова. <...>

27 <декабря (н. ст.) 1842. Рим>. <...> Сегодня вечером заговорили мы о Муравьеве⁹. Гоголь говорит, что язык его вял; не знаю, сколько мне кажется, именно у него хорош язык. Гоголь говорит, что теперь трудно писать чистым языком, — да, у него самого¹ язык с сильными промахами. Когда я примусь дельнее работать? Надобно было бы читать и по-русски. Возьму завтра же Муравьева. Никак не могу согласиться, чтоб у него язык был вял, — правда и то, что я его мало очень помню. <...>

28 <декабря (н. ст.) 1842. Рим>. <...> Заходил я к <Н. М.> Языкову; разговорившись о Муравьеве, он говорит: «Ну что Гоголь городит, что язык Муравьева дурен, это все от того, что он Пушкина партии, даже он почти не читал Муравьева». Это к сведению. <...> Читаю Муравьева. Действительно, не вяло, а натянуто, и к тому же у него нет умения владеть языком, множество ошибок и недоглядов в языке, множество неясностей; вообще требовалось бы сильно его выправить. Ко всему этому у него нет такту, где можно говорить размеренную прозу <...> и где это совершенно излишне. <...>

19 <июня (н. ст.) 1844. Париж>. <...> Получил письма от А. П. Магденки и Гоголя¹⁰ — последний пишет, что он едет в Остенде¹¹. <...>

Остенде. 22 <июня (н. ст.) 1844>. Сглупил, батюшко Федор Васильевич, сильно сглупил, приехал в Остенде нипочто, привез ничего. Гоголь еще не приезжал сюда¹², — и то правда, я потерял только с небольшим 5 франков да день времени, последнее не шутка. Завтра утром пускаюсь прямо в Кёльн, потом в Дюссельдорф. <...>

31 <июля (н. ст.) 1844. Париж>. <...> Сегодня утром в пять или в шесть часов с половиною приехали мы в Париж. Получил я письма неутешительные в отношении к делам моим от Полякова. Еще от А. П. Магденки, А. А. Иванова¹³, Гоголя и Варвинского. <...>

2 <августа (н. ст.) 1844. Париж>. Время идет далеко не так деятельно, как бы мне хотелось. Сегодня купил Библии Ал<ександру> Анд<реевичу> Иванову¹⁴, книги А. П. Магденке, толковал с Дидроном¹⁵ и виделся с тою дамою, что рекомендовала гувернан<т>ку, и только. <...>

Первые частично опубликовано: Записи о Гоголе в дневниках Ф. В. Чиждова / Публикация Л. Каплана // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 778, 780, 782. Печатается по автографу: Чиждов Ф. В. Дневники за 1842–1844 гг. Автограф. 279 л. // РГБ. Ф. 332. К. 2. Ед. хр. 1. Л. 9–9 об., 10 об., 16 об., 18, 109 об., 130 об., 136 об., 137.

¹ О А. В. Сомове см. в наст. изд. коммент. к письму А. А. Иванова Ф. В. Чиждову от конца декабря (н. ст.) 1845 г.

² Павсаний (Павзаний, II в.), древнегреческий путешественник и писатель.

³ Диодор Сицилийский (около 90 — 21 г. до Р. Х.), древнегреческий историк.

⁴ Вероятно, речь идет о светлейшей княгине Варшавской, графине Эриванской Елизавете Алексеевне Паскевич (рожд. Грибоедовой, 1800–1856).

⁵ вздох (*ит.*).

⁶ Вероятно, предпочтение, отданное Гоголем первой акварели — «Октябрьский праздник в Риме. Сцена в лоджии. (Приглашение к танцу)» — объясняется ее тесной связью с содержанием главной картины А. А. Иванова, «Явления Мессии» (см.: *Виноградов И. А. Н. В. Гоголь и А. А. Иванов. К истории создания картины «Явление Мессии» // Виноградов И. А. Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях. Научное издание. М., 2001. С. 670–708).*

⁷ В конце ноября (н. ст.) 1842 г. (см. в наст. изд. дневниковую запись Ф. В. Чиждова от 30 ноября (н. ст.) 1842 г.).

⁸ См. письмо В. А. Жуковского к Гоголю от 14 ноября (н. ст.) 1842 г.

---

¹ самого *втисано*.

⁹ См. в наст. изд. коммент. к *Воспоминаниям Ф. В. Чижова в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша.*

¹⁰ Это письмо Гоголя неизвестно.

¹¹ 20 апреля (н. ст.) 1844 г. Гоголь сообщал также А. О. Смирновой: «Меня посылают в Остенде на морские волны...»

¹² Гоголь прибыл Остенде месяц спустя, 25–26 июля (н. ст.) 1844 г.

¹³ В середине июля (н. ст.) 1844 г. А. А. Иванов писал Ф. В. Чижову из Неаполя: «Я живу дверь в дверь с Зайцевским, у которого есть важные для меня книги, — и именно литографированный перевод Библии на русский язык Павского. — Ее-то чтением я занимаюсь в те часы, когда Зайцевского не бывает дома. — Но Зайцевский на днях уезжает, а мне никак не хочет поверить (свою) Павского Библию ни на минуту. Такое положение заставляет меня просить вас купить мне Библию в Париже; говорят, что недавно какой-то ученый рабин <С. Каен> перевел ее очень хорошо на французский язык. — В Библии славянской очень много чего не поймешь. — Библия Зайцевского ясна, как нельзя более и во многом рознится от славянской. — Павский переводил прямо с еврейского» (*Виноградов И. А. Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях.* Научное издание. М., 2001. С. 314). Чижов выполнил просьбу Иванова (см. следующее примеч.).

¹⁴ Имеется в виду Библия на древнееврейском и французском языках, с комментариями. А. А. Иванов просил купить ему это издание в письме к Ф. В. Чижову от середины июля (н. ст.) 1844 г. (см. предшествующее примеч.). Позднее, в середине февраля (н. ст.) 1845 г. Иванов обращался к Гоголю: «Сходите, пожалуйста, в Париже к издателю Библии, называется он S. Cahen, а живет в Rue Pavéz, № 1 — это где-то далеко, говорит Чижов, а прежде справьтесь у книгопродавцев Treuttel et Würtz: вышел ли последний том этой Библии, то есть: Эсфирь, Иов, Псалмы, Притчи, Эклезиасти и Песнь Песней? Прочие пятнадцать томов все уже имею и читаю. Чрезвычайно любопытное издание. Очень буду жалеть, если не буду иметь его полного. Если этот последний том вышел, то пришлите его на имя Скарятин, первого секретаря посольства в Риме». Спустя несколько месяцев, 22 сентября (н. ст.) 1845 г., А. А. Иванов писал также брату Сергею: «Если бы ты мог купить для меня в Париже шестнадцатый и последний том Библии Каена, который, вероятно, уже вышел, то сделал бы большое одолжение; все пятнадцать я имею, благодаря Чижову: La Bible. Traduction nouvelle, avec l'Hebreu en regard, par S. Cahen» (см. в наст. изд.). Позднее, 1 июня 1848 г., Чижов писал Иванову: «Теперь изыскания всех церковно-ученых показывают, что перевод семидесяти толковников лучше еврейского подлинника, который искажен сильно в позднейшие времена...» (см. в наст. изд.).

¹⁵ Вероятно, речь идет о французском археологе Адольфе Наполеоне Дидроне (1806–1867). В 1843 г. в Париже вышла книга Дидрона «Iconographie chrétienne» («Иконография христианства»). Осенью 1845 г. Гоголь привез А. А. Иванову семь прорисей на лист прозрачной кальки древних икон — иллюстраций из этой книги (см. в наст. изд. статью В. М. Зуммера «Рисунки Н. В. Гоголя в Музее Слободской Украины»). 12 ноября (н. ст.) 1844 г. А. А. Иванов в письме к Ф. А. фон Моллеру спрашивал: «У вас ли еще Чижов? <...> Не познакомились ли вы через него с Наполеоном во Флоренции?..» (*Боткин М. П. Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858.* СПб., 1880. С. 363). Опираясь на упоминание в письме о Чижове и учитывая постоянный интерес Иванова к иконографии, можно предположить, что речь здесь идет именно об археологе Адольфе Наполеоне Дидроне, а не о лингвисте Людовике Люсьене Наполеоне Бонапарте, племяннике Наполеона I, — как это предполагалось ранее.

Ф. В. Чижов — А. В. Никитенко

7-го февраля <н. ст.> 1843 г. Рим.

<...> ...В настоящей моей жизни я нахожу бездну наслаждений, и это что-нибудь да значит. День мой с 6-ти часов утра до 11-ти вечера, за исключением четырех или пяти часов для обеда, для свидания с Языковым (большим нашим поэтом) и Гоголем, для прогулки по галереям и мастерским художников, весь остальной день отдан Венеции или вообще изучению Италии. <...> Вы не можете себе представить тишины нашей жизни; теперь еще иностранцы много прибавляют шуму, а без них такая патриархальность, какой нигде не найдешь, кроме Рима! <...> Чтob видеть вполне состарившийся народ, чтob получить об этом понятие, непременно надобно быть в Италии. Все обрисовывает старость, начиная от любимой итальянцами шахматной игры до

их растабарывания в кофейнях, от их литературы, в области изящного вертящейся или на самых истертых истинах, или на самом подробном рассказе о старине, до всего решительно, везде все одно и то же. <...>

Первые опубликовано: Из архива А. В. Никитенко // Русская Старина. 1903. № 9. С. 677–678. Печатается по первой публикации.

¹ См. также в наст. изд. коммент. к письму VI «Писем из-за границы» П. В. Анненкова.

Ф. В. Чижов — А. А. Иванову

<11 июля (н. ст.) 1843. Венеция>

Гоголь сделал очень хорошо, что написал вам дружеский выговор¹; но, мой добрейший Александр Андреевич, никакие выговоры вас не исправят; не сердитесь на меня за это <...> Письмо Шаповаленки встревожило меня в первую минуту не самым делом, а тем, как вы его примете <...> В вашем деле я пока ничего не вижу худого, то есть особенно скверного. Вы пошлите бумагу; этим все должно кончиться <...> С чего вы вздумали, что мы, или я лично, вам припишу безрассудность рекомендации Серебрякова <...> К зиме я прибуду к вам и, может быть <...> мы немного разбудим его усыпление. Знаете ли, на его месте я уехал бы в уединенное место, без полотна, без красок, много, много с портфелью, Библиею и честным благородным словом самому себе: остаться там известное время, ведя самую трезвую и здоровую жизнь <...> Хорошо вы сделаете, если не поедете в Милан: зелень деревьев <...> лучше для ваших слабых глаз, чем внимательное присматривание к фреске.

Не знаю, что отвечать вам на голую фигуру Шаповаленки <...> Главное тут — ваша забота... <...> О средствах заботиться нечего; полторы тысячи вы имеете в руках, за остальное я ручаюсь вам. Что будет нужно мы получим из банка, существующего для нас под именем доброго и благородного сердца Г<а>лага<на> <...> Сил дать никто не в состоянии: что Бог дал, то и останется; но развить их и укрепить — вот дело человеческое... Часто думаю я о зимних сходках, *если они состоятся*. Мы все в руках судьбы, а я? Судьба повелевает мною в образе женщины...²

Первые опубликовано: *Б<артенев> П. Ф. В. Чижов к художнику А. А. Иванову // Русский Архив. 1884. Кн. 1. С. 395–396. Печатается по первой публикации.*

¹ Имеется в виду письмо Гоголя к А. А. Иванову от 17 мая (н. ст.) 1843 г.

² Имеется в виду Екатерина Васильевна Маркевич (1817 — 16 декабря 1847), жена Михаила Андреевича Маркевича (брата историка Н. А. Маркевича), с которой Чижов познакомился на Украине в 1840 г. во время пребывания в имении Галаганов Секиренцах (см.: *Симонова И. А. Федор Чижов. М., 2002. С. 42*).

Гоголь
в дневнике Ф. В. Чижова 1844 г.

25 <августа (н. ст.) 1844. Венеция>. Получил письмо от Гоголя из Остенде¹. Как видно, у него религиозное направление во всем. <...>

24 <ноября (н. ст.) 1844. Рим>. <...> ...Писать: 1) Гоголю² <...>

25 <ноября (н. ст.) 1844. Рим>. Алекс<андр> Андр<еевич>³ решительно болен, это сквер-

но и мерзко, особенно потому, что это отдалит его от работы, а и без того у нее много отдалений. <...> Письмо к Гоголю⁴ ... <...>

Первые упомянуто: Записи о Гоголе в дневниках Ф. В. Чижова / Публикация Л. Каплана // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 784. Печатается по автографу: Чижов Ф. В. Дневник 1842 и 1844 гг. Автограф. 226 л. // РГБ. Ф. 332. К. 1. Ед. хр. 5. Л. 81, 180 об.

¹ Ответное письмо Гоголя на послание Ф. В. Чижова из Парижа от 1 августа (н. ст.) 1844 г. не сохранилось.

² См. следующее примеч.

³ Иванов.

⁴ Письмо не сохранилось. 9 января (н. ст.) 1845 г. Гоголь писал А. А. Иванову из Франкфурта: «... Чижову поклонитесь и скажите, что я май и даже июнь месяц пробуду во Франкфурте; впрочем, он во всяком случае узнает обо мне у Жуковского».

Ф. В. Чижов — А. В. Никитенко

9-го сентября <н. ст.> 1844 г. Венеция.

<...> Я позабыл ответить Гебгардту¹, что с Гоголем и Языковым мы прожили целую зиму в Риме, в одном доме, всякий день проводили вместе вечера. Гоголь не горд, а имеет своего рода оригинальность в жизни, — это его дело, он постоянно живет во Франкфурте, а временно поехал в Остенде, пользоваться водами. На днях я буду отвечать ему на письмо². Во Франкфурте тоже и Жуковский, но мне нельзя было нынешнего года съездить туда, было далеко и не время, торопился в Италию. <...>

Первые опубликовано: Из архива А. В. Никитенко // Русская Старина. 1903. № 9. С. 683. Печатается по первой публикации.

¹ Карл Карлович Гебгардт (нач. 1800-х — 1880-е), писатель.

² См. коммент. к дневниковой записи Ф. В. Чижова от 25 августа (н. ст.) 1844 г.

Ф. В. Чижов — А. А. Иванову

5 мая <н. ст.> 1845 г. Венеция.

<...> Языков пишет, что Гоголь едет в Италию!¹ <...>

Первые опубликовано: Виноградов И. А. Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях. Научное издание. М., 2001. С. 343. Печатается по первой публикации.

¹ 29 марта 1845 г. Н. М. Языков писал самому Гоголю из Москвы: «Здесь про тебя ходят слухи вот какие: что ты учишься по-гречески, что собираешься в Италию и оттуда уже в Иерусалим, и только!» Вероятно, основанием для слухов послужили строки письма Гоголя к Н. Н. Шереметевой от 14 марта (н. ст.) 1845 г. из Франкфурта: «...Как только поможет Бог мне дотянуться до будущего года, то в начале его и не откладывая уже на дальнейшее время, отправляюсь в Иерусалим. С нынешнего лета или осени отправляюсь в Италию, с тем, чтобы оттуда быть наготове сесть на корабль».

Ф. В. Чижов — А. А. Иванову

20 сентября 1845 г. Секиренцы, Прилуцкого уезда.

<...> Батюшка ваш ждет вашего приезда, но что же и как же иначе хотите вы от старика? Однако помните, что не на вас одних возложен крест, и заставляете страдать людей самых близких! Гоголь любит мать, а обстоятельства заставляют предоставить ее горькой судьбе и постоянной разлуке с ним. <...>

Первые опубликовано: *Б<артнев> П. Ф. В. Чижов к художнику А. А. Иванову // Русский Архив. 1884. Кн. 1. С. 406. Печатается по первой публикации.*

Гоголь в дневнике Ф. В. Чижова 1845 г.

25 <октября 1845. Киев>. <...> Сейчас пойду в библиотеку, наберу для себя книг. <...> ...Еще возьму Гоголя, только для того, чтобы прочесть всего его вместо отдыха от чтения более замысловатого. К тому же я многого не читал, и еще одно: очень не худо сблизиться с его языком. Статья его «Рим» оставила довольно дурное впечатление, хоть больше по ошибкам против языка, нежели по его нехудожественности. Сколько я помню, у него много оригинальности в самом слоге и особенно, кажется, это заметнее всего в «Мертвых душах». <...>

27 <октября>. Вечер. <1845. Киев>. Вчера я читал «Женитьбу» Гоголя и еще некоторые драматические сцены¹. Везде видно множество наблюдательного таланта; множество таланта, это правда, но это одно голое наблюдение, не озаренное светом идеи. Я не понимаю одного, каким образом наши критики так превознесли его. Талант огромнейший, но самые произведения никак не могут занимать первоклассного места. Хотелось бы еще раз прочесть «Мертвые души», еще раз насладиться, но вместе с тем и посмотреть, таковы ли они мне покажутся, как показались прежде. <...>

31 <октября 1845. Киев>. <...> Минутами я беру в руки «Мертвые души» Гоголя и беспрестанно прошу внутренне извинения у нашего истинного таланта. Не знаю, с чего мне показались дурным и несовершенным его язык. Теперь он мне кажется превосходным. Нигде, решительно нигде я не заметил, чтоб он выходил за пределы, требуемые предметом. Везде он в рамках рассказа, везде сам язык ровно в ладу с содержанием и с ходом дела. В самых отступлениях он именно таков, каким нужно быть ему, чтоб высказать грусть, наполняющую душу писателя. Есть прогляды, никак не более; разумеется, хотелось бы не видеть их; по что же это такое? — не больше как почти типографические ошибки. <...>

1 <ноября 1845. Киев>. <...> Напрасно я ищу причины недеятельности в обстоятельствах, в направлении общества, в противоречии с моим внутренним бытом людей, меня окружающих. Всё это существует и для других. Гоголь, судя по его сочинениям, чувствует и глубоко чувствует всё то, что мне кажется, что я чувствую один; понимает и деятельно пускает в ход свои понятия; а между тем Гоголь работает, и, как видно, работает сильно. Не может быть, чтоб такая перемена в языке, какую видно в его сочинениях, начиная от его «Вечеров на хуторе близ Диканьки» до «Мертвых душ», совершилась без большой работы. Художественное совершенство происходило внутри его, но тут есть еще внешнее совершенство формы, что весьма и весьма важно. Я тоже работаю, тоже стараюсь об обработке моего языка, а между тем всё, или большая часть того, чем я являюсь в обществе, плохо и сильно плохо... <...>

Впервые опубликовано, за исключением заметки от 27 октября 1845 г., в изд.: Записи о Гоголе в дневниках Ф. В. Чижова / Публикация Л. Каплана // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 782. Печатается по автографу (запись от 27 октября 1845 г. публикуется впервые): Чижов Ф. В. Дневник за 1845 г. (январь-октябрь) (Италия, южные славянские страны, Россия). Автограф. 220 л. // РГБ. Ф. 332. К. 2. Ед. хр. 2. Л. 203, 208 об., 214 об., 215 об.

¹ Имеется в виду раздел «Драматические отрывки и отдельные сцены» в четвертом томе гоголевских сочинений 1842 г.: «Игроки», «Утро делового человека», «Тяжба», «Лакейская», «Отрывок», «Театральный разъезд после представления новой комедии».

Ф. В. Чижов — А. А. Иванову

4 ноября 1845 г. Секиренцы, Прилуцкого уезда.

<...> Запрещение Гоголевских «Мертвых Душ» у меня не выходит из головы и из сердца¹. <...> Теперь я перечитывал еще, то есть в третий раз, его сочинение; оно меня восхищает до того, что я сказать вам не умею. Сам не постигаю, почему многое делало при первом чтении иное впечатление. <...>

Впервые опубликовано: Б<артнев> П. Ф. В. Чижов к художнику А. А. Иванову // Русский Архив. 1884. Кн. 1. С. 411–412. Печатается по первой публикации.

¹ «Пущен был слух, будто вторая часть “Мертвых Душ” от того не выходит в свет, что ее запретила цензура» (примеч. П. И. Бартенева). См. также в наст. изд. письмо Н. М. Языкова Ф. В. Чижову от 21 октября 1845 г. из Москвы и письмо А. А. Иванова к отцу от середины декабря (н. ст.) 1845 г. из Рима.

Ф. В. Чижов — Н. М. Языкову

<Середина декабря 1845>

<...> Иванов грустит, Гоголь тоже — хоть этот по лени и не пишет, а пишет Иванов. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 678. Печатается по первой публикации.

Ф. В. Чижов — А. А. Иванову

11 мая 1846 г. Новгород-Северск.

Завьялова очень не полюбили¹; мне удалось сильно отстоять его; не его собственно я отстаивал, а художника пред обществом, которое, кроме богатства, не имеет никакого права судить его и им распоряжаться. Поклонитесь Гоголю. Об нем множество глупейших толков, и я сам не читал, а говорят, будто бы «Отечественные Записки» начали уже ругать его.

Впервые опубликовано: Б<артнев> П. Ф. В. Чижов к художнику А. А. Иванову // Русский Архив. 1884. Кн. 1. С. 416. Печатается по первой публикации.

¹ В Москве.

Ф. В. Чижов — А. Н. Попову

1 января <н. ст.> 1847 г. <Рим>.

<...> Гоголь в Неаполе, пишет, что хворает; я думал было поехать к нему, но теперь не имею времени. <...>

Впервые опубликовано: Записи о Гоголе в дневниках Ф. В. Чижова / Публикация Л. Каплана // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 784. Печатается по первой публикации.

Ф. В. Чижов — Н. М. Языкову

7 января <н. ст.> 1847¹. Рим.

<...> Иванов сильно работает, но картины решительно никому, ни Гоголю, ни мне, не показывает. <...> Он сильно работает, но много и очень много помех, которые сильно действуют на его характер, и мне его очень и очень жаль. <...>

Гоголя нет в Риме; он совершенно здоров, и ничего нет об нем странного; он в Неаполе, — много значит долго быть в Риме: впадаешь в такую патриархальность, при которой предисловие к «Мертвым душам» делается делом естественным. Каково-то оно принято? <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 692. Печатается по первой публикации.

¹ Н. М. Языков умер 26 декабря 1846 / 7 января (н. ст.) 1847 г., т. е. в день отправления настоящего письма.

Гоголь в дневнике Ф. В. Чижова 1847 г.

17 янв<аря> <н. ст.> 1847>. <...> Писано к Магденке и к Гоголю¹. <...>

29 <января (н. ст.) 1847>. Грустно и очень грустно. Языкова больше нет. Сегодня целый день я как потерянный. Что я в нем теряю, того уже ни в ком потерять не могу. Бог знает, что делает.

Завтра пишу к Кат<ерине> Алек<сандровне> Свербеевой, Гоголю и К<атерине> Маркевич. <...>

Я писал к Гоголю², надобно будет его увидеть и с ним поговорить о многом. Сильно хотелось бы теперь поехать в Неаполь, именно на карнавал, но не знаю, кажется, не решусь. <...>

15 <февраля (н. ст.) 1847>. <...> Хочу еще раз прочесть Мертвые души и буду отмечать, что мне не понравится, то есть, что покажется неправильным в языке:

Стр. 1, стр<ока> 8: сидел... ни *слишком толст*, ни *слишком тонок* нельзя при всей строгости сказать без глагола *был*. Сокращенные прилагательные всегда подразумевают глагол, след<овательно> если нет глагола подразумевается *есть* и не ладится с прошедшим временем. Стр. 1, стр<ока> 2 снизу: *не был* сопровождается против логики языка, кажется и по грамматике; *со* предполагает движение, потому глагол *сопровождать* можно употреблять или в настоящем или если в будущем и прошедшем, тогда непременно в многократном и никогда не в однократном.

8 стр<ока> 2 снизу: *весь длинный* не по-русски.

9 " — и *грязноватых* уже самих по себе (погодных перемен, а не кирпичей).

10 — 8 — *который был сообщен* будто бы тут сообщен.

11 — 12 и 15: *все которые*.

12 — 7: подавались блюда и потом винит<ельный> падеж пулярку.

13 — 1 снизу: Заснул два часа. Заснул нельзя сказать сколько, или если можно, то неопределенно.

14 — 9 — движения, народа и живости — неясность от столкновения трех родительных падежей.

15 — 9: *заметно было потемневших*.

— 20: *тоненьких дерев*; этот вид родительного *дерев* можно употреблять при прилаг<ательных> толстых.

16 — 11: *поддерживаемый* вдруг несколько ошибок. Одна — <номер> поддерживаемый, а не он; другая — отправился поддерживаемый, следов<ательного> слуга был с ним.

— — 15: *прищуря*, надобно прищурив прошедшее.

— и снизу 4 — *свернул опрятно*, — неуместно прилаг<ательное> опрятный.

19 — 6: *какой даже не везде видывано*; даже не везде — не логически.

21 — 6: *во что Бог послал в губ<ернский> город*. Во что Бог послал так; а если уже прибав<лять> в Губ<ернский> город, тогда в то, что Бог послал в губ<ернский> город.

24 — 7 снизу: *заметили* нет существ<ительного> кто заметил? а неопредел<енно> тут нельзя сказать, нет неопределенного глагола.

26 — 13: *и в том числе* так далеко от слова гостей, что не догадаешься, в каком.

— 16: *который* (Прокурор)

— 17: (Глава)

А все это <совестно>¹ замечать, потому что ошибки ученические, не соединенные нисколько собственно с языком, слогом, а просто недосмотрел грамматики и главное видно, что Гоголь не русский. На стр. 20 сравнение с мухами должно было бы кончиться словом *окном*, далее оно растянуто и как-то не соединено с ходом рассказа. <...>

1 Марта <н. ст. 1847. Рим>. <...> Вечер занимался с С. А. Ивановым математикой... <...> Явилось внутри очень гадкое: читал я Северную Пчелу, там Булгарин разбирает Гоголя³, поругивает его, и мне как будто бы не то что приятно, этого я не скажу, а немного отдохновительно, именно как будто высота Гоголя давила меня — чувство сильно пошлое и нельзя скрыть, оно явилось. <...>

4 <марта (н. ст.) 1847. Рим>. <...> Написал письма к К<атерине> В. Галаган, Григ<орию> П. Галаган<у>, Свербеевой и Комаровскому (и Гоголю, Гоголю не послал и отсылаю их завтра⁴). <...>

12 апр<еля н. ст.> <1847>. Флоренция. Сегодня получил очень милое письмо от Гоголя⁵. Это хорошо, но дурно то, что я много теряю времени. Это последнее <1 нрзб.> знакомство, что я делал, именно знакомство с Данилевским. Он хорош, все это так; но у меня времени не четвериками меряно, а я его трачу. <...> Сегодня Великанов⁶ говорил со мною о Данилевском, да, говорит, он человек образованный, это видно, часто много говорит от прочитанного. И это он сказал с таким неулыбающимся видом, что я не мог не засмеяться.

14. Писал вчера Гебгардту, сегодня Гоголю⁷.

Дневниковая запись от 15 февраля 1847 г. впервые опубликована, с неточностями и купюрой: Записи о Гоголе в дневниках Ф. В. Чижова / Публикация Л. Каплана // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 784–785. Остальные записи

¹ В копии оставлен пробел для неразобранного слова.

публикуются впервые. Все записи печатаются по: Дневник Ф. В. Чицова. 3 ноября 1845 — 1 апреля 1847 г. Машинописная копия // РГБ. Ф. 332. К. 2. Ед. хр. 3. Л. 1466–1469, 1470–1472, 1476, 1477; *Чицов Ф. В.* Дневник за 1847 (апр.-дек.) и 1848 (январь-март). Италия. Россия. Автограф. 28 л. // РГБ. Ф. 332. К. 2. Ед. хр. 4. Л. 18.

¹ Письмо Ф. В. Чицова к Гоголю датировано 15 января (н. ст.) 1847 г. Ответное послание Ф. В. Чицов получил 25 января (н. ст.) 1847 г. (см.: Записи о Гоголе в дневниках Ф. В. Чицова / Публикация Л. Каплана // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 784). На это несохранившееся письмо Гоголя Чицов отвечал на следующий день, 26 января (н. ст.) 1847 г.

² Письмо к Гоголю о смерти Н. М. Языкова Ф. В. Чицов писал 29 и 30 января (н. ст.) 1846 г.

³ Имеется в виду публикация: <Булгарин Ф. В.> Ф. В. Журнальная всякая всячина // Северная Пчела. 1847. 11 янв. № 8. В письме к Гоголю от 4–5 марта 1847 г. Ф. В. Чицов сообщал: «Не знаю, читали ли вы “Сев<ерную> Пчелу”; если не читали и если вам занимательно знать ее суждение (очень пошлое, это я говорю без духа партии), напишите, я выпишу».

⁴ Письмо Ф. В. Чицова к Гоголю датировано: «Марта 4, Рим».

⁵ Письмо от 25 марта (н. ст.) 1847 г. из Неаполя, где Гоголь писал Ф. В. Чицову: «Мне было очень прискорбно узнать из письма вашего (от 20 марта) о вашем решении так рано оставить Италию. А я думал было с вами увидаться в Риме, в первых числах мая. Мне хотелось о многом с вами переговорить лично, и это была единственная причина тому, что я не отвечал на ваше прежнее, очень доброе и милое письмо» (имеется в виду письмо от 4–5 марта (н. ст.) 1847 г.). 4 мая (н. ст.) 1847 г. Ф. В. Чицов выехал из Венеции в Россию. «В мае 1847 г., по доносу австрийского правительства, следившего за Чицовым в период его путешествий по землям австрийских славян, он был арестован при возвращении в Россию и доставлен с границы прямо в Петропавловскую крепость. <...> Через две недели Чицова освободили, но без права въезда в столицы, и за ним был учрежден полицейский надзор. Издательская деятельность была ему категорически воспрещена, и все литературные работы должны были представляться в III Отделение и даже лично Николаю I. <...> Чицов уехал в Киевскую губернию, где оставался до конца царствования Николая I» (*Швабе Н. К.* Архив Ф. В. Чицова // Записки Отдела Рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М., 1953. Вып. 15. С. 45). См. также: «Справка. 5-го Марта сего <1856> года получено в 3-м Отделении отношение Статс-секретаря Князя Голицына от 29-го февраля, при котором сообщена всеподданнейшая просьба Надворного Советника Чицова о разрешении ему представлять сочинения свои прямо в Цензурный Комитет, не представляя оных в 3-е Отделение, как это было приказано ему в 1848 году. Князь Голицын просил с возвращением этой просьбы сообщить по оной сведения, а также заключение по означенному ходатайству Чицова. Вследствие этого 3-ье Отделение на другой же день (6 марта за № 352) сообщило г. Статс-Секретарю Князю Голицыну, что Чицов был в 1847 году арестован по подозрению в прикосновенности его к Украинно-Славянскому Обществу, но подозрение это не подтвердилось и что Высочайшее повеление о представлении его сочинений в 3-ье Отделение дано было вследствие близких его сношений с известными за границую славянофилами. При этом сообщено было Князю Голицыну, что в представленных после того в 3-ье Отделение сочинениях Чицова не было замечено решительно ничего вредного и что напротив все статьи его, касающиеся преимущественно шелководства, выказывали его примерное трудолюбие и стремление к пользе общей, и потому удовлетворение помянутой просьбы его 3-ье Отделение с своей стороны находило возможным. 13 апреля 1856» (*Петров В.* Пантелимон Куліш у п'ятдесяти роки. Життя, ідеологія. Творчість. Київ, 1929. Т. 1. С. 209–210). См. также: *Виноградов И. А.* Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях. Научное издание. М., 2001. С. 474–477; и в наст. изд. фрагмент из мемуаров Л. М. Жемчужникова «Мои воспоминания из прошлого».

В октябре 1843 г. В. И. Штернберг, в частности, сообщал И. К. Айвазовскому из Рима: «На днях приехали Эпингер и Чицов, которые, как тебе известно, были в Черногории, Далмации, Кроации и <нрзб.>. Первый отрастил себе большую бороду, а второй совсем зарос бородой» (Айвазовский. Документы и материалы / Составители М. С. Саргсян, Г. Г. Арутюнян, Г. М. Шатирян. Ереван, 1967. С. 72–73). Помимо помощи австрийским славянам, Ф. В. Чицов зимой 1843/44 г. стал «инициатором создания <...> кружка, своего рода землячества, — еженедельных собраний русских художников в Риме. Они получили название “суббот”. <...> Дневник Чицова того времени доносит до нас свидетельства о том, какие именно произведения выносились на суд кружка. Так, в одну из “суббот” декабря 1843 года был заслушан перевод с итальянского, выполненный Александром Поповым; затем, пишет Чицов, “читали мы русские вещи Хомякова. Я думаю всегда оканчивать чтение чем-нибудь русским, но только именно русским”» (*Симонова И. А.* Фе-

дор Чижов. М., 2002. С. 69–70). 12 октября (н. ст.) 1844 г. художник И. С. Шаповаленко писал Г. П. Галагану: «Прошлую зиму г-н Чижов пригласил нас всех русских к себе, носящих русские фамилии, а не иностранные, и читал нам весьма занимательную статью о народе славянском и именно об тех, которые до сих пор находятся под властью Германии. В то время находился в Риме один студент московский г-н Попов, который там же читал историю искусств, переведил с французского и сообщил нам несколько славянских простонародных песен, в которых каждое слово очень близко нашему сердцу и нашему понятию» (*Маркина Л. А. Живописец Федор Моллер. М., 2002. С. 105*). А. А. Иванов в период между 10 и 12 ноября (н. ст.) 1844 г. писал Гоголю: «Патриотическая мысль Чижова — составить из наших русских художников одно целое, которое бы трудилось к живым успехам отечества, не понятна: она покуда вооружила еще более наших пришлецов, а русские по-старому остались и беспечны, и ленивы. Более всего меня теперь утешают письма Языкова, которых уже три, — истинно русские, они-то раздувают искру, которую Чижов заронил здесь в мою студию». Позднее, летом 1845 г., А. А. Иванов сообщал Н. М. Языкову: «У нас теперь является Моллер <...>. Он Чижова очень не любит, и точно, если б не отважный Чижов глубоко запустил в сердца двух из нас идею о народности Русской, то и мы оба, т. е. я и Серебряков, [охотно бы] подпали бы под иго нашего Кира. В настоящую минуту, когда уже Чижов ярко отрезал народность от приставных русских, уже у меня не достает духу просить Моллера [взаймы]: верю, что помогать ему, значит бить своих...» (*Зуммер В. С. Книга Боткина как источник для биографии Ал. Иванова // Мистецтвознавство. Збірник 1-й: Харківської секції науково-дослідчої катедри мистецтвознавства. Харків, 1928. С. 13*). 7 февраля (н. ст.) Чижов, в свою очередь, писал Гоголю по поводу своих отношений с Ф. А. фон Моллером: «Я русак, люблю Россию, потому что она — я, а я — она — не сойтись мне с людьми, которые ее любят за то, или за другое и считают себя ее частию. <...> Мы с Моллером встречаемся хорошо, — я имею все данные, чтоб чтить его как художника, как доброго человека <...> он не имеет причины презирать меня. Любить он меня не может: он читал мою статью (имеется в виду статья Чижова, получившая одобрение Гоголя: О работах русских художников в Риме. Письмо Ф. В. Чижова. Венеция, мая 1845 года // Московский литературный и ученый сборник. М., 1846. — *И. В.*). Поверьте, что я никак в душе не имею против полу-русских, Бог с ними! — но та же душа тянет к русским». Позднее в «Мыслях, приходящих при чтении Библии» (1846–1847) Иванов записал: «[Горячий] Чижов в неистовстве патриотизма создал нам новых врагов из [немцев] пришлецов. — Он не рассудил, что последнему народу в ряду образования человечества вверено самоотвержение, посредством которого он должен вступить на поприще действий. — Каждый Русской должен отречься от себя и трудиться, сколько силы достанет, в пользу всего человечества, где более всего его поймут свои, как свежие люди, сохранившие первообразную цельность нравов. Будет время, что человечество сознается, что без Русских им нельзя достичь до общей цели — благоденствовать во веки веков» (*Виноградов И. А. Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях. Научное издание. М., 2001. С. 655*).

⁶ Иван Ильич Великанов (ум. в 1874), купец, коммерции советник, поставщик итальянского мрамора.

⁷ Письмо к Гоголю состоит из двух частей: первая датирована 12 апреля (н. ст.) 1847 г., вторая — 14 апреля (н. ст.) 1847 г.

Ф. В. Чижов — Е. М. Хомяковой

Прилуки, 10 августа 1847.

<...> Просил бы я Алексея Степановича¹ передать Жуковскому и Гоголю подробности предлагаемого нами журнала², чтоб услышать их ответы. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 703. Печатается по первой публикации.

¹ Хомякова. См. в наст. изд. письмо Е. М. Хомяковой к П. М. Бестужевой от 13 июля (н. ст.) 1847 г. из Эмса.

² В письме к Гоголю от 4–5 марта (н. ст.) 1847 г. Ф. В. Чижов также сообщал: «Не знаю, не писали ли вам из Москвы, что мы с покойным Языковым хотели издавать журнал, то есть я хотел, а Языков давал мне свое имя и часть денег, весьма значительную. <...> Читая это, никак, пожалуйста, <не принимайте к себе,> смотрите посторонним взглядом, — то есть не думайте, что это предисловие к просьбе о вашем участии. Языков поверял мне ваши понятия об

участи в журнале, говорил, как вы упорно не хотели участвовать у Киреевского; после этого, разумеется, я никогда бы не стал и пытаться, потому что не имею ни малейшего права. Несмотря на то, мнение ваше для меня важно и очень важно. Мне хочется составить журнал из чисто оригинальных статей, если только можно, и этим больше, нежели чем-нибудь, высказать его русское направление».

Ф. В. Чижов — А. А. Иванову

1 июня 1848 г. Киев.

<...> Долго еще ждать от меня об иконописании, мои пустые дела, ослабление сил и совершеннейший их упадок, все останавливает... <...> С Библией много затруднений и едва ли не придется мне для себя, а следовательно и для Вас (можно пользоваться одним экземпляром) самому переписывать. Теперь изыскания всех церковно-ученых показывают, что перевод семидесяти толковников лучше еврейского подлинника, который искажен сильно в позднейшие времена... <...> Здесь в Киеве между высшим духовенством есть просвещенные люди, — если Бог даст Вам благополучно возвратиться, я внимательно присматриваюсь, <к> кому придется обратиться. Киев, кроме этого, представляет для художника много любопытного. Сюда со всех концов России собираются от 50 до 100 тысяч поклонников, все они живут даром в гостиннице, или вернее, на чистом воздухе, тут совершаются их горячие утренние и вечерние молитвы, — я не художник, а не могу проходить мимо без какого-то особого и сильного чувства. Четвертого дни приехал сюда Гоголь¹, возвращаясь из Иерусалима; он, кажется, очень и очень успел над собою, и внутренние успехи выражаются в его внешнем спокойствии. Сегодня он едет к матери в Полтав<скую> губернию, а потом в Москву. Мы сошлись хорошо, хоть разбитая душа моя не в состоянии была отозваться ни на какой призыв его... <...> Верите ли, [что] до того истощены силы, что написать письмо мне стало уже делом. Гоголь предсказывает укрепление тела и духа, но я до того упал, что даже нет утешения в мысли, что силы могут опять восстановиться². <...>

Отрывок из письма впервые опубликован: Записи о Гоголе в дневниках Ф. В. Чижова / Публикация Л. Р. Каплана // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 778. Печатается по автографу: РГБ. Ф. 111. К. 7. Ед. хр. 44. Л. 3–4.

¹ Гоголь приехал в Киев 28 мая 1848 г. О его разговоре с Ф. В. Чижовым в Киеве в 1848 г. см. также в наст. изд. *Воспоминания Ф. В. Чижова в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша.*

² Ср. следующую запись в дневнике Ф. В. Чижова: «11 июля <1848>. С некоторого времени грусть до того охватила меня, что я не могу с собою справиться, может быть, и не хочу справляться. Плачу едва не полдня, слезы явятся при первом вызове; ищу убежища везде, где только надеюсь найти его, всего больше у Тарковской. Она больна; видно, что она страдает, и мне уже довольно этого» (Дневник Ф. В. Чижова. 1848 (март–сентябрь). Киев. Умань. Одесса. Автограф. 15 лл. // РГБ. Ф. 332. К. 2. Ед. хр. 5. Л. 10).

Гоголь в дневнике Ф. В. Чижова 1849 г.

17 марта <1849>. Москва. Время идет, для записки довольно скопляется, а записывать нечего. Вчера и сегодня я в напряженном состоянии. Третьего дни прочел статью Уварова об Университетах; она написана вызванная временем. Сейчас же родилась у меня мысль написать против нее; я передаю эту мысль одному, другому и во всех нахожу сопротивление. <...> ...Я думаю и нахожу, должно признаться, что в моих мыслях больше личного самолюбия, нежели чистоты. Гоголь прав, — теперь людям надобно примолчать, иначе они заговорят глупость. В этих словах много мудрости. <...>

Публикуется впервые по автографу: *Чижов Ф. В.* Дневник за 1848 (сент.–дек.) – 1850 (апр.–окт.). Россия. Автограф. 52 л. // *РГБ. Ф. 332. К. 2. Ед. хр. 6. Л. 24–24 об.*

Ф. В. Чижов — А. А. Иванову

4 июля 1849 г. Москва.

<...> По искусству у нас сказать нечего, — Академия совершенно заснула; Григорович спит и ничего не делает; Брюл<л>ов сильно больной поехал на остров Мадеру, все его работы переданы Басину. Работы в Исакиевском соборе множество, но все до такой степени на заказ, и на скорую руку, что об искусстве нет и помину. В обществе петербургском и в мнении общественном есть один живописец — Айвазовский; у него решительно фабрика картин. Пишу к Вам чуть-чуть не на дороге. Гоголя еще не видал¹, не знаю, здесь ли он или куда уехал. Все мы в трепете за Вашу картину, и я просил бы Вас хоть две строчки написать, безопасна ли она², и где Вы теперь? <...>

Впервые опубликовано: *Виноградов И. А.* Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях. Научное издание. М., 2001. С. 516. Печатается по первой публикации.

¹ 4 или 5 июля 1849 г. Гоголь вместе с Л. И. Арнольди и К. О. Россетом выехал из Москвы в Калугу к Н. М. и А. О. Смирновым.

² 9 февраля (н. ст.) 1849 г. в результате революционных действий в Италии была провозглашена республика. Весной 1849 г. по призыву папы Пия IX против нее выступили армии католических государств — Франции, Австрии, Испании и Неаполитанского королевства. Рим был подвергнут осаде французскими войсками генерала Удино. 3 июля (н. ст.) Римская республика прекратила свое существование. Незадолго до того, 27 июня (н. ст.) 1849 г. А. А. Иванов, в частности, сообщал Ф. А. фон Моллеру: «Парабола бомб миновала место, в котором находится ваша студия, но дело осады еще не кончено. Я хотел свернуть вашу картину и нанять погреб с крепким сводом для складки всего, что у вас; но, покамест, это не нужно» (*Виноградов И. А.* Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях. С. 516).

Ф. В. Чижов — Е. М. Хомяковой

<1849>.

<...> Любите Гоголя. Он умеет говорить с Вами и любит Вас. А, право, хорошо в жизни иметь людей, нас любящих <...> Простите, что напишу Вам два слова наставления: я думаю, Вы не шутите над Гоголем, ради Бога, не шутите. Я с ним не схожусь, но это человек (как писатель), до того стоящий самого глубокого уважения, что малейшая попытка на шутку была бы оскорбительна. Любите его, его приходы всегда хороши. <...>

Впервые опубликовано: Записи о Гоголе в дневниках Ф. В. Чижова / Публикация Л. Р. Каплана // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 778. Печатается по первой публикации.

Ф. В. Чижов — М. А. Максимовичу

<Февраль 1850. Киев>

<...> Если увидите общих наших приятелей, всем по низкому поклону, особенно Хомякову, Гоголю¹ и почтеннейшей, благословенной семье Аксаковых. <...>

Впервые опубликовано: *Пономарев С.* Из писем к М. А. Максимовичу // Киевская Старина. 1883. Апрель. С. 851. Печатается по первой публикации.

¹ Спустя двадцать лет М. А. Максимович писал: «Вот кстати, вспоминались мне и *последние* Гоголевы ко мне строки, писанные в Москве, в апреле 1850 года, на Светлой неделе <24–29 числа>: “Христос воскрес! Всеконечно у Аксаковых сегодня. Завтра же мы приглашены с тобой к Погодину. Твой весь Н. Г.”» (Письмо о Киеве и воспоминания о Тавриде, *Михаила Максимовича*. СПб., 1871 (цензурное разрешение 2 окт. 1870 г.). С. 71. — Письмо пятнадцатое). Записка Гоголя датируется 26 апреля 1850 г. 24 апреля 1850 г., в Светлый понедельник, С. Т. Аксаков сообщал Максимовичу: «...Гоголь будет у нас в среду <т. е. 26 апреля>...» (см. в наст. изд.). Вероятно, в этот же день, 26 апреля 1850 г., Максимович подарил Гоголю третий том «Киевлянина» (цензурное разрешение 17 апреля 1850 г.) (воспроизведено в виде фотокопии в изд.: Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 727; см. также в наст. изд. коммент. к *Воспоминаниям М. А. Максимовича в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша*). В подаренном томе было, в частности, опубликовано стихотворение И. С. Аксакова «Свой строгий суд остановив...» (с датой: «1847 г.»), написанное под впечатлением от «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголя (см. в наст. изд. письма И. С. Аксакова родным от 21 января 1847 г. и князю Д. А. Оболенскому от 30 апреля 1847 г.):

«Свой строгий суд остановив,
Сдержав готовые укоры,
Гордыню духа усмирив,
Вперять внимательные взоры
В чужую душу полюби:
И в каждой, презренной и пошлой,
В ее неведомой глуби,
И в каждой молодости прошлой,
Отыщешь много струн живых,
Мгновений чистых и прекрасных,
Порывов доблестных и страстных,
И поэтически святых!

Благие в жизни времена
На долю каждому даются,
Когда душа его сильна
Добра взлелеять семена,
И светлым роем грёзы вьются;
И рвется сердцем к красоте,
И славу он и доблесть любит, —
Пока в житейской суете
Себя напрасно не погубит;
И постепенно, день за день,
Окаменеет он лениво...
Бери ж надежное огниво,
Ударь в бесчувственный кремь!..

Да не смутит же сор и хлам,
На сердце жизнью наносимый,
Твоих путей! пусть смело там
Они провидят мир незримый.
Любовью светлою дыша,
Вглядись в него: и пред очами

Предстанет каждая душа,
С своими вечными правами.
Поверь: нетленной красоты
Душа не губит без возврата;
И в каждом ты услышишь брата,
И божество признаешь ты!..»

(Аксаков И. К. N. N. // Киевлянин, издаваемый Михаилом Максимовичем. М., 1850. Кн. 3. С. 211–212).

Гоголь в дневнике Ф. В. Чижова 1852 г.

Декабрь 31 <1852>. 12 часов ночи. Секиренцы. Прощай, 1852 год, много ты у меня унес, — не стало Гоголя, а для меня вечно ты отнял чудное существо — Хомякову. Таких существ на земле часто не встретишь. <...>

Публикуется впервые по автографу: Чижов Ф. В. Дневник за 1850 (5 ноября) — 1855 (25 авг.). Россия. 50 л. // РГБ. Ф. 332. К. 2. Ед. хр. 7. Л. 23 об.

Гоголь в дневнике Ф. В. Чижова 1855–1856 гг.

30 <августа 1855>. Сегодня день прошел страшно лениво, почти все я пролежал и продремал. Ночью как-то не засыпалось, все шло на ум значение Гоголя в литературе. Он первый ввел натуральную школу, не только у нас, но до него ее не было вообще. Новая французская школа не могла назваться натуральной: в ней героем романа был не человек, а заданная мысль, или, всего чаще, болезнь человеческая, болезнь общественная; человек был только ее представителем, — оттого люди являлись сделанными на заказ. У Гоголя, как потом у Диккенса, явился человек как он есть, но не простой портрет Ивана Семеновича, Максима Максимовича и т. п., а портрет известного положения человека в обществе, оттого у него явились живые люди; общество явилось со всею мелочью, со всею ничтожностью, но живое, а не склеенное по заказу. По мне Гоголь выше Диккенса¹ большим углублением внутрь человека и братованием его с собою. Поэтому-то именно и прекрасно то, что Гоголь брал пошлые стороны общества: побратоваться с героем каждому приятно; пережить в себе с дюжинным человеком и еще того ниже, — это дело высокохристианское. <...>

Окт<ября> 3 <1855>. <...> В Гоголе важно проследить его внутреннюю переработку и проследить за его языком, — искренность, простота, выражающаяся в избегании местоимений и замещении их самими существительными, несмотря на то, что они повторяются. Как это неудачно у подражателей. <...>

Первые опубликовано, с купюрой: Записи о Гоголе в дневниках Ф. В. Чижова / Публикация Л. Р. Каплана // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 782–783. Печатается по автографу: Чижов Ф. В. Дневник за 1855 (авг.–дек.) и 1856 (январь–июнь). Россия. 24 л. // РГБ. Ф. 332. К. 2. Ед. хр. 7. Л. 2 об., 10 об.

¹ См. также в наст. изд. письмо В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской от 8 марта 1845 г., упоминание о Ч. Диккенсе — «меньшем брате нашего Гоголя» — А. С. Хомякова (см. в наст. изд. коммент. к его статье «Англия») и строки Ю. Ф. Самарина из рецензии на повесть графа В. А. Соллогуба «Тарантас»: «Дар наблюдения дело важное, но для того, чтобы виденное воссоздать, для того, чтобы написать картину, нужно избрать точку зрения, и на ней утвердиться. <...> Мы не в том упрекаем автора, что он не говорит от своего лица, не выдвигает своей мысли, а в том, что вовсе не

слыхал ее, что этой мысли нет. Она есть в произведениях Гоголя, и если не для всех она ясна, то это потому, что Гоголь слишком еще к нам близок; она есть у Диккенса, и у обоих она не вредит художественности» (<Самарин Ю. Ф.> М... З... К... Таранас. Путевые впечатления. Сочинение графа В. А. Соллогуба // Московский Литературный и Ученый Сборник. 1846 (цензурное разрешение 13 мая). С. 578).

Гоголь в дневнике Ф. В. Чижова 1857 г.

Марта 22 <1857>. <...> Теперь я читаю «Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя» — написанные Кулишом, и почему-то в начале чтения менее доволен ими, чем прежним изданием под именем «Опыта биографии Гоголя». Сам Гоголь, впрочем, чрезвычайно как останавливает на себе сочувствие на каждой строке. Вряд ли это не лучший способ — передавать всю переписку, только, по-моему, по местам расположены объяснения. Мне кажется, писавши биографию Языкова¹, всего лучше, немного коснувшись его поэтической природы, всё извлекать из ряда его писем и писем к нему. Жаль, что у Кулиша нет нигде писем к Гоголю, и то правда, что в его природе эти письма только нить, на которую нанизывались явления его внутренней жизни. С ним не могло быть такой искренней, задушевной переписки, как с Языковым. Этот отвечал на все явления современности, а в самом себе был чисто лирическим поэтом. Лиризмом своей природы он вызывал часто лирическую сторону жизни и у других. Гоголь больше изучал других, писал по требованию передать себя, хотя и не признавал сам этого требования. По его письмам кажется, он заботится о другом, а везде читаешь его самого; Языков передает себя, о себе говорит, а читаешь более всё о современной ему литературной деятельности. <...>

Впервые опубликовано: Записи о Гоголе в дневниках Ф. В. Чижова / Публикация Л. Р. Каплана // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 783–784. Печатается по автографу: Чижов Ф. В. Дневник за 1857–1862 гг. Россия. Западная Европа. 26 л. // РГБ. Ф. 332. К. 2. Ед. хр. 9. Л. 2.

¹ Среди бумаг Ф. В. Чижова сохранились многочисленные подготовительные материалы к биографии Н. М. Языкова.

Ф. В. Чижов — князю П. А. Вяземскому

<Начало 1870-х гг.>

<...> В задуманных «Мертвых Душах» была поэма в трех томах: l'inferno¹, то есть пошлость нашей современной жизни; il purgatorio² — нормальная жизнь настоящего общества, насколько не знакомая и никогда не бывшая доступной таланту Гоголя; наконец il paradiso³ — это идеал современного человека, человека русского⁴. Не знаю, насколько дошел он сам, насколько дослушался кружка близких ему людей, тогдашних Славянофилов <...>, но он в идеале русского человека кажется не вполне сознательно и не глубоко обдуманно, принимал идеал человека, то есть человека такого, до которого назначено достигнуть человеку на земле. Об этом я не буду распространяться, — это не гордость, не самохвалство, а вывод исторический. Русский может быть гадок, гаже других, и тем еще он гаже, чем идеалы его выше; но идеал его выше недосягаемо. Простите, об этом говорить не буду. <...>

Публикуется впервые по автографу: РГБ. Ф. 332. К. 10. Ед. хр. 14. Л. 2 об.

¹ Ад (*ит.*).

² Чистилище (*ит.*).

³ Рай (*ит.*).

⁴ В настоящем письме к князю П. А. Вяземскому Ф. В. Чижов повторяет мнение о «Мертвых душах» самого Вяземского (но не Гоголя). Поскольку «Мертвые души», задуманные в трех частях, были названы Гоголем «поэмой» — в то время как содержание первого тома ограничивалось сферой «пошлости», то уже после смерти писателя, в 1866 г., Вяземский предположил, что в основу трехчастного замысла поэмы было положено деление «Божественной комедии» Данте на «ад», «чистилище» и «рай». (См. в наст. изд. письмо князя П. А. Вяземского к Ф. В. Чижову 1866 г.) Предположение князя Вяземского, согласно которому содержание первого тома «Мертвых душ» оказывалось «адам», было подхвачено позднее (со ссылкой на Вяземского) критиком Алексеем Ник. Веселовским: «... Читателю ясно, что для романиста изображаемый им мир чудиков и уродов давно стал синонимом тьмы крошечной, где не осталось места ни одному честному влечению. Однажды сам автор наводит на сравнение с дантовым Адом, называя путеводителя, провожавшего Чичикова с его друзьями по гражданской палате до залы “присутствия”, новым *Виргилием*, “прислужившимся им, как некогда *Виргилий* прислужился Данту”. Но палата, да и весь старый суд были только одним из подразделений или адских рвов (*malebolge*) огромного темного царства...» (*Веселовский Ал.* Этюды и характеристики. М., 1894. С. 595). Во втором издании книги «Этюды и характеристики» Веселовский пояснял: «Мысль о возможности сравнить план обоих произведений высказана вскользь кн-зем > П. А. Вяземским в заметке, приложенной к одному письму Гоголя, Рус<ский> Архив, 1866, VII» (*Веселовский Ал.* Этюды и характеристики. Второе, значительно доп. изд. М., 1903. С. 596). Иных доказательств в подтверждение своего мнения Веселовский не привел. Несмотря на это, его гипотеза получила впоследствии распространение и стала одним из «аргументов» в идеологических спекуляциях вокруг «Мертвых душ» в советской критике: «Третья часть должна была относиться к первой, как рай относится к аду» (*С. Р. Н. В. Гоголь (1809–1852) // Смена. 1927. 6 марта. № 54. С. 3*); «Гоголь предполагал свою поэму написать в трех книгах (по образцу “Божественной комедии” Данте — ад, чистилище, рай), но уже работа над вторым томом показала всю *безуспешность* осуществления этого замысла» (*Бабушкин Н. Ф.* Н. В. Гоголь — великий русский писатель-патриот. Томск, 1952. С. 27).

Гоголь в воспоминаниях и письмах Г. П. Галагана

Г. П. Галаган

Воспоминания о Гоголе

Зиму с 1842 на 43 год я провел в Риме в одно время с Николаем Васильевичем Гоголем^I. Хотя и случилось много до того времени, встречали его раза два в Петербурге², но знаком с ним не был. Узнавши, что мой знаменитый земляк в Риме, я с величайшим нетерпением ожидал случая с ним познакомиться, что вообще считалось нелегко сделать, по общему мнению, считавшему его большим чудачком и необщительным человеком. Мне однако судьба благоприятствовала: Гоголь жил тогда на *via Felice* № <126>^I, занимая в доме 3-й этаж; в этом же доме, полном для меня самых приятных воспоминаний, жил во втором этаже (бель-этаже) Н. М. Языков, а в 4-м Фед<ор> Вас<ильевич> Чижов. Сей последний тотчас повел меня к Языкову, где я встретил и потом часто встречал Гоголя. Будучи еще тогда очень молод^{II}, я с некоторой робостью встретился с человеком, которого слава была уже так громка в нашем отечестве, и признаюсь, в душе не очень остался доволен первой встречей с ним. Гоголь поклонился мне очень сухо, даже не взглянув на меня и не спросив у меня ни слова о том, откуда я, давно ли приехал и тому подобное. Языков с свойственною ему приветливостию обласкал меня и просил почаще бывать. С тех пор начался ряд вечеров, проводимых в их обществе и которые навсегда останутся неизгладимы в моей памяти.

Прельстившись жизнью художников, которая тогда еще в Риме имела в себе^{III} столько поэтического и особенно своеобразного при сравнении с^{IV} физиономиею остальных обществ Европы, я решился совсем прекратить сношения с светским обществом Русских, которых в тот год в Риме был очень много, и присоединиться образом жизни к обществу наших художников. Утро и весь день был у меня всегда^V посвящен знакомству с Римом, его чудесами, его жителями, и вообще наслаждению римской жизни, вечером я часто бывал в театре и еще чаще в знакомом доме на *via Felice*. Там всегда собирался малый круг людей, тесно соединенный одинаковым образом мыслей и одинаковым направлением; собирались всегда у Языкова, которого состояние здоровья не позволяло почти двигаться с места: Гоголь, Чижов и художник Александр Андреевич Иванов были собеседниками. Между ними я, разумеется, был почти всегда только слушателем, как человек, которому судьба особенно полагала благоприятствовала, поставивши его хоть на время в тесный круг, из которого можно было вынести столько доброго. Как сегодня вижу я это маленькое общество в довольно обширной комнате. Мы всегда садились около большого круглого стола, и перед нами^{VI} становили маленькую бутылку знаменитого итальянского вина *aleatico*³. Беседа более всего имела предметом нашу Россию, о которой так

^I В рукописи для номера дома оставлен пробел.

^{II} очень молод вписано вместо: молодым человеком

^{III} Далее было: еще

^{IV} Далее было: остальными

^V всегда вписано.

^{VI} нами вписано.

всегда любит потолковать всякий из нас, особенно брошенный от нее в «прекрасное далеко». Гоголь был очень неровен в степени разговорчивости: иногда он просиживал почти совершенно молча целый вечер, потупя голову, и, по своему обыкновению, взглядывая на кого-либо в те минуты, когда тот на него не смотрел; иногда, напротив, он бывал очень разговорчив, то рассуждал о предметах весьма глубоких, то смешил нас своими юмористическими выходками^I. О сочинениях своих он не только никогда не говорил, но даже не любил, чтобы кто-нибудь из собеседников о них напоминал. Часто говорил об искусствах и всегда в мнениях своих сходился с Ивановым, с которым был особенно дружен. Трудно было узнать, кто из них двух был более под влиянием другого. Иванова я знал ближе, чем Гоголя, и мог заметить, что мнения Гоголя ценились им с каким-то глубоким уважением даже в отношении искусства^{II}. Показывая мне часто свою знаменитую картину, он и там в вещах важных любил сослаться на мнение Гоголя. О России и о всем русском Гоголь говорил часто с любовью, интересом, часто с юмором; выставял светлые стороны Русского народа и скорбел о темных сторонах нашего отечества. Впрочем, не могу теперь привести ничего особенно нового в его мнениях, может быть и потому, что те понятия, которые в то время развивались в нескольких избранных людях, сделались теперь достоянием большинства в обществе. О нашей с ним родной Малороссии Гоголь как бы избегал говорить. Сколько я помню, он относился только с особенною любовью о^{III} наших песнях⁴ и один раз, говоря о^{IV} Малороссии вообще, сказал: «Я бы, кажется, не мог там жить, мне было бы жалко, и я бы слишком страдал». Мы тогда говорили о современном состоянии нашего народа и нашего общества.

В суждениях своих о многих из наших общих римских знакомых Гоголь выражался всегда довольно резко и часто с насмешливыми эпитетами. Можно бы было по его тону прийти к тому заключению, что все эти знакомые ему сильно надоели. С Языковым он, кажется, тогда вместе и приехал в Рим; он его берег и ухаживал за ним, хотя, как я слышал, Языков иногда жаловался на деспотические распоряжения Гоголя в их домашнем быту⁵. Языков говорил нам один раз в отсутствии Гоголя, что он не знает, чем в настоящее время занимается Гоголь, что он пишет? и даже не решается о том у него спросить. У Гоголя на квартире был поставлен для Языкова^V бильярд, на котором^{VI} они иногда играли. В полдень он возил Языкова по городу в открытой коляске.

Вот каким представлялся мне тогда Гоголь в его домашнем быту. Остальное о нем я^{VII} мог себе дополнить извне. Вообще меня удивляло то явление, что все русские, за малым исключением, говорили о Гоголе и всем до его обиходной жизни касавшемся как о чем-то прошедшем, с характером воспоминания о нем, несмотря на то, что Гоголь был жив и даже находился в Риме. Художники в самых разнообразных рассказах вспоминали о нем, говоря: вот, Гоголь, бывало, вот тут сидит, или: Гоголь сочинил пресмешную песню на такого-то трактирщика (я помню даже о трактире al Gab**<b>iop<n>e**⁶, где его как-то худо накормили), или: вот Гоголь говаривал о таком-то художнике вот то или то. Все рассказы о нем наших художников за веселым столом в трактире al Lerge всегда свидетельствовали о самых юмористических выходках Гоголя. Когда клонился разговор о том, каков Гоголь теперь, то они всегда говорили с некоторой досадой: «Уж теперь Гоголь не тот, Бог его знает, что с ним сделалось». Иванов, который^{VIII} один из сво-

^I Далее было: Гоголь был особенно дружен.

^{II} Было: худ<ожества>

^{III} Далее было: ee

^{IV} Далее было: наше<й>

^V для Языкова *отписано*.

^{VI} Далее было: проводил

^{VII} Далее было: доп<олнил>

^{VIII} Далее было: более

их собратий был посвящен в самые тайны жизни Гоголя, также часто со смехом вспоминал о прежних выходках нашего великого писателя, а о настоящей жизни его говорил с особенным уважением и таинственностью, ему свойственно⁷. В светском обществе я замечал то же самое. Бывая иногда в добром русском семействе Обуховых⁸, я часто слышал жалобы дам на Гоголя, что он совсем их забыл, бывши прежде хорошо с ними знаком. Они все, а особенно старушка М. В. Обухова — почтенный тип московских барынь, и которую Гоголь прозвал *Казинью*⁹, всегда говорили, что он ужасный чудак и что к нему нельзя приноровиться, что он часто менялся в обращении, то будучи весел, то угрюм, и что даже в одеянии и особенно прическе любит фантазировать: то обстрижется совсем коротко, то опять запустит волосы, зачесывая их на лоб, на глаза, то зачесывая их назад. При мне Гоголь носил волосы довольно длинные и усы несколько подстриженные, как он изображен на портрете¹⁰. — Вообще ясно было видно, что Гоголь принял уже тогда новое направление и прервал почти всякую связь с прежними знакомыми. Были избранные, которых он посещал, и более всех, кажется, Г-жу Смирнову, которою он, как все тогда думали, очень увлекался, хотя об ней Гоголь совершенно избегал говорить при мне как человеку почти постороннем. Говорили между русскими, что он в нее влюблен. Мне любопытно было ее видеть, и увидевши ее, понял, что действительно можно было ею увлечься. Гоголь имел в Риме и особенно в окрестностях много любимых мест. Особенно говорил с восхищением о дороге, ведущей в *Campagna* из *Porta Pia*. С этой стороны характер местности чудно хорош; близко за городом стены, окружающие сады, исчезают, и обширная Кампания разом расстилается перед вами, в чудных линиях рисуются¹ вдаль Сабинские горы и вправо, поближе, горы Латинские, водопроводы арками бегут по равнине, и, одним словом, тут есть все то, чем восхищаются в Кампании люди, ее понимающие.

Еще приведу здесь два замечания¹¹ мои: Гоголь показался мне уже тогда очень набожным. Один раз собирались в русскую церковь все русские на всенощную. Я видел, что и Гоголь вошел¹¹, но потом потерял его из виду и думал, что он удалился. Немного прежде конца службы я вышел в переднюю¹², потому что в церкви было слишком душно, и там в полумраке заметил Гоголя, стоящего в углу за стулом на коленях и с поникнутой головой; при известных молитвах он бил поклоны.

На здоровье свое Гоголь очень жаловался и говорил мне один раз: «Вы не можете себе представить, до какой степени я иногда страдаю. У меня бывает бессонница: она начинается постепенно; с каждым днем я все меньше сплю, и доходит до того, что я несколько суток не замыкаю глаз, не будучи вместе в состоянии чем-либо заняться. В это время я сильно изнуряюсь. Потом сон опять возвращается постепенно. Засну $\frac{1}{4}$ часа в ночь, потом час и так далее».

В конце апреля 1843 г. я должен был оставить Рим. Простившись с Языковым, я пошел проститься с Гоголем. До того дни я только был один раз у Гоголя, не застав его дома, и более к нему не ходил, отчасти и потому, что в Риме закон светских приличий, заключающихся в визитах, почти не наблюдается. Я застал Гоголя сидящим возле билльярда. Он что-то читал¹³. Увидевши меня, он привстал, протянул мне руку и спросил, прямо ли я еду в Россию. Я отвечал, что у меня есть еще дело во Франкфурте и что в июне месяце надеюсь быть дома. Пожавши мне руку, он мне сказал совет¹⁴, и вот почти слово в слово его слова: «Вы едете в Россию, где намерены жить помещиком в своих имениях, это хорошо, и я считаю себя вправе дать вам дружеский совет: Вы будете встречать много разных людей, иные из них покажутся вам очень дурными. Не спешите их осуждать. Каков бы ни был там какой-нибудь становой или другой, подобный ему, не считайте¹⁵ себя вправе его презирать за его пороки. Старайтесь вникнуть в его

¹ Далее было: перед

¹¹ Было: две чер<ты>

¹³ Он что-то читал *вписано*.

¹⁴ совет *вписано*.

¹⁵ Было: не спешите

жизнь, во все стороны его жизни до такой степени, чтобы воображать, что вы на его месте, и спрашивайте вашей совести, что бы вы сами делали при таком воспитании и обстановке, какими наделила его судьба. Тогда вы увидите, как вы примиритесь с людьми и как будет легче: ведь вещь очень простая. Вот вам мой совет, прощайте, желаю вам от души счастья». Он пожал мне еще раз руку, и мы расстались. Признаюсь, после этого краткого напутственного слова я, идущий¹ от Гоголя, чувствовал себя совершенно счастливым. От таких людей, необщительных и несловоохотливых, каков был Гоголь, каждое слово ценится гораздо более, чем от других. Совет его всегда мне сопутствует в жизни, и я бы желал только иметь довольно силы, чтобы ему постоянно следовать.

После этой разлуки я уже более Гоголя не встречал¹³.

Впервые опубликовано: *Гусева Е. Н.* Воспоминания Г. П. Галагана о Н. В. Гоголе в Риме // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1984. Л., 1986. С. 64–69. Печатается по автографу: РГБ. Ф. 74. К. 9. Ед. хр. 19. Галаган Григорий Павлович. Воспоминания о Гоголе. Статья. Автограф с поправками. Подписан: «Г. Галаган». [1850-е]. На об. л. 6 — надпись карандашом, рукою П. А. Кулиша: «Записка Галагана о Гоголе в Риме». Номер поступления: М.3233/27. Материалы П. А. Кулиша. 6 л.

Григорий Павлович Галаган (1819–1888), богатый помещик, видный украинский общественный деятель, этнограф. Большое влияние на Галагана оказал славянофил Ф. В. Чижов, готовивший Галагана, с 17 января 1835 г., к поступлению на юридический факультет Петербургского университета. После окончания университета в 1840 г. Галаган поступил на службу в Черниговскую палату государственных имуществ. В 1848–1851 гг. исполнял обязанности председателя дворянства Борзенского уезда Черниговской губернии, в 1851–1854 гг. был совестным судьей Черниговской губернии. В 1858 г. был назначен в Черниговский комитет «об улучшении быта помещичьих крестьян». Позднее исполнял обязанности вице-президента временной комиссии по устройству быта крестьян Юго-Западного края при Киевском генерал-губернаторе (1863–1865). Для крестьян своего родового имения Секиронец (Сокиронец) Прилуцкого уезда создал в 1871 г. «ссудосберегательное товарищество» имени Павла Галагана (отца Г. П. Галагана). С 1869 по 1882 г. был председателем съезда мировых судей в Прилуках. В 1871 г. в Киеве на средства Г. П. Галагана была открыта Коллегия Павла Галагана — закрытое учебное заведение, насчитывавшее более пятидесяти учащихся. Являлся членом Киевской Археологической комиссии и председателем юго-западного отдела Русского географического общества; с 1883 г. состоял членом Государственного совета.

По предположению Е. Н. Гусевой, «воспоминания Галагана написаны вскоре после смерти Гоголя, в первой половине 50-х годов, по просьбе Кулиша. Это тем более вероятно, что Кулиш был хорошо знаком с Галаганом и состоял с ним в переписке. (См. Киевская Старина. 1899, т. 66, сентябрь, с. 342–354). Очевидно, в это же время Кулиш с аналогичной просьбой обратился к Федору Васильевичу Чижову, в 40-е годы — писателю-славянофилу, выступавшему по вопросам искусства, а после реформы 1861 г. почти полностью отдавшему себя строительству в России железных дорог. Чижов был другом и наставником Галагана. Обязанности ментора в семье Галаганов он исполнял уже в 1836 г. будучи профессором математики Петербургского университета, куда он готовил юного Галагана для поступления на юридический факультет. <...> Именно Чижов познакомил Галагана весной 1841 г. во время его первого заграничного путешествия с жившими в Риме художниками А. А. Ивановым, Ф. И. Иорданом и другими. Чижову Григорий Павлович был обязан и своим общением с Гоголем и Языковым, длившимся почти четыре месяца — с января по апрель 1843 г. По-видимому, сопоставив текст «Записки» Галагана с более полными и обстоятельными воспоминаниями Чижова, Кулиш остановился на последних и включил их в свою публикацию о Гоголе 1856 г. (Записки, т. 1, 106, 326–331, т. 2, с. 240–241). Между тем воспоминания Галагана при целом ряде сходных в чисто сюжетном плане моментов <...> никоим образом не дублируют воспоминаний Чижова» (*Гусева Е. Н.* Воспоминания Г. П. Галагана о Н. В. Гоголе в Риме // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1984. Л., 1986. С. 64).

Вероятнее, однако, предположить, что П. А. Кулиш получил в свое распоряжение мемуары Г. П. Галагана уже после выхода в свет «Записок о жизни Н. В. Гоголя...» и намеревался использовать рукопись для второго издания книги (см. в наст. изд. «Записку, составленную А. В. М<аркович>ем из письма к нему Кн<аяжны> В. Н. Р<епни>ной о Гого-

¹ идущий *вписано вместо:* шел

ле» и заметку П. А. Кулиша «Для биографии Гоголя» в разделе «Гоголь в письмах и воспоминаниях графа А. П. Толстого»).

¹ Г. П. Галаган приехал в Рим в середине декабря (н. ст.) 1842 г. (см. в наст. изд. письмо Ф. В. Чижова к матери от 4 декабря (н. ст.) 1842 г. с упоминанием, что «недели через две приедет сюда и Григорий Павлович») и уехал из Рима в конце апреля (н. ст.) 1843 г. (согласно строкам настоящих «Воспоминаний...»: «В конце апреля 1843 г. я должен был оставить Рим»). Гоголь вместе с Н. М. Языковым приехал в Рим 4 октября (н. ст.) 1842 г. и уехал из Рима с Языковым 2 мая (н. ст.) 1843 г.

² Галаган учился в Петербургском университете с 1836 по 1840 г., когда Гоголь здесь уже не преподавал. Встречи Гоголя с Галаганом в Петербурге могли состояться раньше при посредстве художника А. Н. Мокрицкого, который в 1835–1836 гг. давал уроки рисования Галагану и его сестре Марии Павловне (см.: *Дневник художника А. Н. Мокрицкого*. М., 1975. С. 39, 178).

³ Красное тосканское вино. См. также в наст. изд. коммент. к *Воспоминаниям Ф. В. Чижова в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша*.

⁴ В 1857 г. Галаган издал «Южно-руські пісні з голосами».

⁵ См., в частности, в наст. изд. письмо Н. М. Языкова к родным от 9 января (н. ст.) 1843 г.

⁶ Об этом трактате и его посетителях см.: *Записки ректора и профессора Академии Художеств Федора Ивановича Иордана* <а>. М., 1918. С. 214.

⁷ О взаимоотношениях Гоголя и А. А. Иванова см. также в наст. изд. в *Записках профессора и ректора Императорской Академии Художеств Федора Ивановича Иордана*.

⁸ О семье Обуховых и Марии Алексеевны Обуховой (в тексте мемуаров она ошибочно названа М. В. Обуховой) см. в наст. изд. в *Записках профессора и ректора Императорской Академии Художеств Федора Ивановича Иордана* и в коммент. к письму Н. М. Языкова к родным от 9 января (н. ст.) 1843 г.

⁹ По-видимому, от *cosina* (*ит.*) — хорошенькая женщина.

¹⁰ Вероятно, имеется в виду портрет Гоголя, написанный Ф. А. фон-Моллером в 1841 г. В 1908 г. в Сокиренцах еще находился «портрет Гоголя (в украинском костюме), которого до сих пор не приходилось видеть ни в одном издании его сочинений. На этом портрете у него удивительно прекрасное живое лицо» (*Савченко С.* Поездка в Сокиренцы воспитанников 34-го выпуска // *Ежегодник коллегии Павла Галагана*. С 1-го октября 1907 года по 1-е октября 1908 года. Киев, 1908. С. 164).

¹¹ Ранее Андр. Н. Карамзин в письме к матери от 20 апреля / 2 мая 1837 г. сообщал о праздновании тогда в Риме православной Пасхи 18/30 апреля: «Народу в капелле было много, бесчисленная Репнинская орда с многочисленной прислугой, Волконская, Акацатова, с графиней Дивьер, Раевская — все народ незнакомый, кроме того 10 русских артистов <т. е. художников> и Гоголь. Дьячки, вероятно, перед службой поссорились, а то бы не натурально было им петь так несогласие. После службы Кривцов повел всю команду разгавливаться dans les grands appartements du palais. Зала, в которой был накрыт стол, сияла, ярко освещенная, и вообще всего было вдоволь и все хорошо. Я подсел к артистам; они, узнавши мое имя, предложили мое здоровье, я отвечал, как следует, и знакомство скоро устроилось» (Римские письма А. Н. Карамзина к своей матери, Екатерине Андреевне // *Старина и Новизна*. М., 1916. Кн. 20. С. 96–97).

¹² То есть в притвор.

¹³ Указание исследователя А. Максимовича на то, что в 1848 г. Гоголь встречался с Ф. В. Чижовым в доме Галаганов, ошибочно (примечание А. Максимовича к письму Ф. В. Чижова Гоголю от 1 августа 1844 г. в изд.: Н. В. Гоголь. *Материалы и исследования*. М., Л., 1936. Т. 1. С. 142). Встречи эти происходили у А. С. Данилевского, у которого остановился Гоголь по приезду в Киев (см. в наст. изд. *Воспоминания Ф. В. Чижова в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша*).

Из писем Г. П. Галагана

Г. П. Галаган — Е. В. Галаган

<13 января 1843. Рим>

<...> С ним <Ф. В. Чижовым> в одном доме живут Языков — известный поэт и Гоголь: я с ними перознакомился; первый из них — предобрый и открытый человек, второй также прекрасный человек, но надобно привыкнуть к его обращению; он чистый малороссиянин, все сидит и молчит и как будто дует, а между тем искоса выглядывает на всех и замечает все, что делается; когда скажет что-нибудь, то умеет придать такой комизм своим словам, что нельзя не смеяться... <...>

Впервые опубликовано: *Гусева Е. Н.* Воспоминания Г. П. Галагана о Н. В. Гоголе в Риме // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1984. Л., 1986. С. 64–65. Печатается по первому изданию.

Г. П. Галаган — Е. В. Галаган

<17 февраля 1843. Рим>

<...> ...Вместе с просвещением, заняв у иностранцев обычаи и одежду, мы неприметно подвергнули и нашу Православную Церковь переменам, вовсе к ней не идущим. Мы начали строить храмы в римском вкусе, или в испорченном вкусе гососо, явились на Руси модели Св. Петра и Пантеона, явились французские церкви, как, напр<имер>, Смольный монастырь, и мы увлеклись модой, совсем забыли про наши святые храмы Киева или Москвы. Пора нам перестать думать, что все иностранное хорошо... Икона только тогда может называться иконой, когда она удержала в себе весь свой первобытный тип... Пусть картины украшают стены наших гостиных, но им не место в церкви¹. <...>

Впервые опубликовано: *Гусева Е. Н.* Воспоминания Г. П. Галагана о Н. В. Гоголе в Риме // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1984. Л., 1986. С. 68. Печатается по первой публикации.

¹ В настоящем письме Г. П. Галаган излагает содержание одной из бесед с Гоголем. Ср. во второй редакции повести Гоголя «Портрет» (1842): «Не в гостиную понесу я мои картины, их поставят в церковь. Кто поймет меня, поблагодарит, не поймет — все-таки помолится Богу».

Г. П. Галаган — А. А. Иванову

<23 ноября 1844. Секиренцы, Прилуцкого уезда>

<...> Желал бы я очень иметь о Вас побольше подробностей, знать не то, что Вы работаете, — я это знаю, но как проводите время вне работы, где проводите вечера после тех, которые мы просиживали вместе с Языковым, Гоголем и Федором Васильевичем¹. Это время останется для меня навсегда незабвенным. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 641. Печатается по первой публикации.

¹ Чижовым.

Гоголь в письмах И. П. Галахова к Ф. В. Чижев

И. П. Галахов — Ф. В. Чижев

<Осень 1845. Рим>

<...> Гоголь здесь, но, кажется, недотрога? <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 679. Печатается по первой публикации.
Иван Павлович Галахов (1809–1849), друг А. И. Герцена и Н. П. Огарева.

И. П. Галахов — Ф. В. Чижев

Рим. 31-е декабря <н. ст.> 1845.

<...> И Гоголь здесь, но от сближения с ним, видно, нашему брату, неизвестному человеку, надо отказаться. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 678. Печатается по первой публикации.

Гоголь в дневниках и письмах А. И. Тургенева

Гоголь в дневниковых записях А. И. Тургенева

Из дневников А. И. Тургенева 1834—1844 гг.

<...> 10 декабря <1834. Санкт-Петербург>. <...> ...Вечер у Жуков<ского> до 3 го часа: Пушкин, Велугорский, Чернышев-Кругл<иков>¹, Гогель². <пропуск> напомнил о шутке брата. Князь Адуевский. Пили за здоровье *Ивана Ник<олаевича>*³ <...>

<...> 1 сентября <н. ст. 1837. Франкфурт-на-Майне>. <...> У Убри⁴ — долго болтал о Пушк<ине>, о П<етер>бур<ге>. Тут и дочь его — Марченко⁵. Читал циркуляр гр<афа> Нес<сельроде> о непропуске русских без означения *куда* в П<етер>б<ург>. Явился автор *Гогель* — из Гишпани и Португалии⁶ и Италии. С ним о Пуш<кине>. <...>

Гогель был у меня, потом я у него. О Пушкине, о сочинении его: *Мертвые души*. <...>⁷

<...> 23 октября <н. ст. 1838. Париж>. <...> Поутру был у Гогеля — пишет Рус<скую> Ист<орию> в политическом отношении, объяснял происхождение русских городов и пр. Продолжает писать — свои *фантазии*. Завтра придет что-то читать мне. Полюбил Италию и хочет умереть там. Читал несколько стихов Кн<ягини> Зен<аиды> Волхон<ской> на пожар дворца⁸. <...>

24 октября <н. ст.> <...> Гоголь был у меня и читал отрывки из романа своего «*Мертвые души*». Верная, живая картина России, нашего чиновного, дворянского быта, нашей госуд<арственной> и частной, помещичьей нравственности. Покупает — мертвых — для обмана ими Правительства, за залога несуществующих крестьян в Ломбард, и потом земли, правитель<ство>м для населения продаваемые, — характеры, язык, *вся жизнь помещиков, чиновников*: все тут; и смешно и больно! К<нязь> Голиц<ын>⁹, познакомил их. Дал Гоголю Соврем<енник>. К Голиц<ыну>. — Гогеля комедия и Гизо! <...> ...Вечер у Свечиной¹⁰ — там одни русские: Голиц<ын>, два Тагар<ина>¹¹, Полуект<ова>, дочь ее. — Много о романе Гоголя, об Англии и Франции. <...>

25 октября <н. ст.> <...> ...Вложил письмо к Аржев<итинов>¹² о прошедших днях и панораму Коронации, описал роман Гоголя. <...> К Гоголю, в 6 час<ов> уехал, оставил, вероятно, книги мои Данилевск<ому>¹³ <...>

15 ноября <1839. Санкт-Петербург>. <...> Ввечеру у Козлова¹⁴ — и у Валуевых, отказался обедать у Соболев<ско>го. С Вяз<емским>, Жук<овским> и даже Вал<уевым>¹⁵, спор за поведение с мерзавцами: один *Гогель* — за меня. *Я не жилец здесь*: вот всегдашний результат моей здешней жизни¹⁶. <...>

5 декабря. <...> К Валуевым: здесь Жук<овский>, Гогель, Плетнев. Гогель читал опять те же главы из *Мертвы<х> душ*: все смеялись; главу из Италии¹⁷. <...>

7 декабря. <...> Обедал у Смирновой с Вяз<емским>, Гогелем; опять брат ее¹⁸ и А. Кар<амзин> арестованы¹⁹. <...>

11 декабря. <...> К Карамз<иным>, там читал Гоголь — знакомое и новое для меня, напр<мер> *Ноздрев* — до 2-х часов²⁰. <...>

12 февраля <1840. Москва>. <...> К Чаадаеву: там Павл<ов>, Орл<ов>, Корсак<ов>²¹, Киреев<ский>²², Жихарев²³ (племян<ник> Чаад<аева>), Гогель. <...>

16 февраля. <...> Возвратился к Сверб<еевым>: там Хомяков, Павлов, Гогель, Киреевский. Опять ссоры. Сверб<еев>а умно вмешалась: сравнил ее с Рекамье²⁴. <...>

18 февраля. <...> ...К Сверб<еевым> и к Елагиной, где и кончил вечер в споре с Хомяков<ым> и с Киреевским. Сверб<еева> просила за сестер Гогеля²⁵. <...>

19 февраля. <...> ...Провел вечер у Мурав<ьевой>²⁶. Сорока-Уварова хочет печатать что-то; отсоветовал. О Гогеле и сестрах его, по поручению Сверб<еевой>²⁷. <...>

21 февраля. <...> ...С Сверб<еевой> к Киреевским: там слышал статью Гогеля о римской Ануниции²⁸: я бы не с этой стороны желал видеть и следить римлян и Рим. Конечно, и в этом много истины, но всеми ли истинами должно заниматься эстетическое чувство? — Устал, уехал. <...>

22 февраля. <...> ...К Сверб<еевой> и к Елагиной, где видел сестер Гогеля. <...>

1 марта. <...> ...К Сверб<еевой> и к Елагиным; там спор с Хомяк<овым> и с Киреев<ким> о праве естественном; с Сверб<еевой> о Гоголе¹. <...>

11 марта. <...> После обеда и до вечера Сверб<еевы> и потом Хомяков и Гогель. <...>

28 апреля. <...> Обедал у Орлова с Вяз<емским>, к<нязем> Голицыным²⁹, Гогелем, Ча<а>даевым, Погодин<ым>, Давыдовым, генералами и проф<ессорами>. <...>

9 мая. <...> ...К Свербеевой. С ней у крыльца. Там и Павлов. Оттуда к Лермонтову, не застал, домой и к Гогелю³⁰, на Девичье Поле у Погодина: там уже la jéne Russie³¹ съехала: это напомнило мне и *наш поддевиченский Арзамас* при Павле I. Мы пошли в сад обедать. Стол накрыт в саду: Лермонт<ов>, К<нязь> Вязем<ский>, Баратынский, Сверб<еевы>, Хомяков, Самарин, актер Щепкин, Орлов, Попов, Хотяева и пр<очие> Глинки³²; веселый обед. С Лермонт<овым> о Барантах³³, о Кн<язе> Долгоруков<е> и о Бахерахтше. К<нязь> Долгоруков здесь и скрывается от публики. Жженка — и разговор о религии. В 9 час<ов> разехались. Приехал и Чадаев. Я домой и опять к Павлов<у>, кот<орый> ошибкой приглашен не был. <...>

10 мая. <...> Вечер у Сверб<еевой> с гр<афиней> Зубовой³⁴, Павловой: подарил ей лиру. Очень довольна. Лермонтов и Гогель. До 2-х часов. Гр<афиня> Зубова звала обедать завтра. Был у кн<ягини> Щерб<атовой>. Сквозь слезы смеется. Любит Лермонт<ова>³⁵. <...>

13 мая. <...> К Чадаеву: там Корф, Орлов, Павлов, Гоголь¹¹ — заполночь и домой³⁶. <...>

16 мая. <...> Гогель приезжал проститься, не застал³⁷. <...>

25 дек<абря 1842. Москва>. Р<ождество> Х<ристово>. <...> ...К Сверб<еевым> — первая пятница. Бар<он> Черкас<ов>³⁸, Хомяковы, Языков, гр<афиня> Зубова, к<нязь> Гагар<ин>³⁹, Росетти, Аксаков, Боборык<ин>. Спор за славян — и за Россию в прошедшем. Против Аксакова — за Мертвые души и пр.⁴⁰ <...>

1 января 1843. <Москва>. <...> К Сверб<еевым>, там опять спор с педантиком Шевырев<ым>⁴¹ о Западе и Востоке, сердится на меня, а обвиняет Запад. Чтение — Игроки Гогеля, отцом Аксаковых. Надувательская Россия! — Вот résumé honoré⁴², а славянофилы — все-таки на Европу⁴³. Россия и <1 нрзб.>. Сверб<еева> беспокоилась, зачем приехал не званный! <...>

15 января. <...> У меня были Хомяк<ов> и Бестужев (Андр<ей> Вас<ильевич>) о Гогеле... <...>

29 января. <...> ...К Шепингу⁴⁴. Там Аксаков читал *Ревизор* — по представлении *Ревизора* — Гогеля⁴⁵. Превосходно! <...>

8 февраля. <...> ...в 7-м часу к Сушк<овым> и с ними в русский театр: давали *Женитьбу* и *Игроков Гоголя*⁴⁶ и какого-то *Подставного*. И Щепкин не очень понравился. Женитьба неблаго-

¹ Так в автографе.

¹¹ Так в автографе.

пристойные, площадные, гадкие выражения. Государь прав. Что за люди! — и что за язык! В начале Игроков уехал. <...>

9 февраля. <...> ...С Бодэ — фрейлиной болтал о России, о *Мертвых душах*: просила *Marmier*⁴⁷ и проч. Советовала, как некогда и кн<яжне> Урус<овой>⁴⁸, не пачкать души дурным чтением, хотя бы и умным, как *Мертвые души*. <...>

19 февраля. <...> Я к Ховрин<ой>⁴⁹ на чтение Аксак<овым> Гоголя!: Конеч разговора после Ревизора⁵⁰ — прекрасно, но я спорил с Аксак<овым>. Потом к<нягиня> Мещ<ерская> и чтение *Шинели*: это русский *Wordsworth*⁵¹: любит человека во всей наготе его — первобытной и искусственно-общественной. К Сверб<еевым>. Мрак в окнах. И назад к Ховр<иной>, дослушал Шинель⁵². <...>

31 марта <1843>. <...> ...Я к Киреевск<им>. Там Хомяк<ов>, Аксак<ов>. Стихи Пушкина и проза Гоголя: Аксак<ов> и Хомяк<ов> ставят поэзию Гоголя выше Пушкинс<кой>!⁵³ <...>

30 марта / 11 апреля 1844 г. <Париж>. <...> ...К Смирновой, где и остался до 6 часов. <...> Остались одни: письма Гоголя к Смир<новой>, полные чувства и религии⁵⁴: рекомендует книги⁵⁵. Много о нем Смирнова: живет немногим, устроил сестер; пишет — нервы. Мне пришло на мысль пригласить его путешествовать вместе; и потом издать с ним переписку. Я не ожидал в нем такой глубины в христианстве⁵⁶. <...>

А. И. Тургенев

Хроника русского в Париже Фрагмент

<...> 9 января <н. ст. 1845> меня навестил молодой Русский писатель, Б<ецкий>⁵⁷. Я узнал, что он издатель Харьковского журнала: *Молодика* и *Антологии* из Жан-Поля-Рихтера⁵⁸, которую сего дня он принес мне. Он рассказал мне о своем путешествии в Германию и в Бельгию; он путешественник и писатель и обещал мне отрывки из журнала своего — для Москвитянина: напр<имер>, посещение его Жуковского, где видел и Гоголя (уже после меня); их беседа с вдовою Жан-Поль Рихтера в Барейте, от коей узнал много любопытных подробностей о Германском Юмористе... <...> Если он принесет мне отрывок о Жан-Поле, то я постараюсь отыскать в журнале 1825 или 1827 г. (не помню) — мое посещение самого Жан-Поля в Барейте, где он доживал и допивал свой век. <...> Я бы желал, чтобы г. Б<ецкий> доставил мне для Москвитянина: посещение его и описание салона и образа жизни Жуковского: это по всему принадлежит Москвитянину, ибо и Гений Жуковского — истый Москвитянин и Москва была его колыбелью. При первом свидании я напомню об этом г. Б<ецкому>. При сем случае он может известить читателей ваших и о Гоголе, который гнездится над переводчиком Одиссеи и читает перевод ее вслух переводчику; думает, что Гоголь *ничего не пишет*: так ему показалось, но Жуковский извещал меня, что он все утро над чем-то работает, не показывая ему труда своего. Гоголь писал сюда к Г<рафине> В<иельгорской>, что в Париж не приедет⁵⁹. Может быть и раздумает еще и не отложит приезда сюда на время, когда получит приглашение новое, от Г<рафа> Т<олстого> недавно ему посланное⁶⁰. Из записки NN. вижу, что он желал бы знать, что творят здесь так называемые Социалисты и Ком<м>унисты, и какое действие производят в разных слоях здешнего общества возбуждаемые ими силы или элементы? — Действие сие выражается более в книгах и в журналах, кои сосредоточивают их отголоски, нежели в самом обществе: да и как в него

¹ Так в автографе.

проникнуть? — вообще я весьма мало важности или существенного влияния на настоящее общество приписываю сим социальным или ком<м>унистическим проявлениям, не отказывая впрочем социализму в будущем влиянии на европейский общественный быт.

Из дневника А. И. Тургенева 1845 г.

6 января <н. ст. 1845. Париж>. <...> Бецкий <...> издатель *Молодика*, перев<одчик> Jean Paul Richter. Продолжаю от 7 генв<аря н. ст.>. <...> К Сверб<еевым>. Бецк<ий> о Жук<овском>, о Гоголе, коего критикует, о книгах⁶¹.

9 января <н. ст.>. <...> ...У меня опять Бецкий, не застал⁶². <...>

14 генв<аря н. ст.>. Продолжаю писать письмо к Жук<овскому> о К<нязе> Гол<ищине>, о его болезни, о Гоголе — для Москв<итянина>, и послал... <...> ...Гр<афиня> Велг<урская> уведомила, что Гоголь здесь. Был у Рекамье, не застал, у гр<афа> Толстого и Гог<оля>, не застал, у гр<афини> Велг<урской> — не застал. После обеда ко мне Гоголь — о Жук<овском>, болен, перевод лучше всех прежних стихов — стих полный, как пушк<инский>. С брат<ом>⁶³ о *Мертвых душах*. Ввечеру я к Лигерту: знакомство с Weiss⁶⁴ — автор об Испании, к гр<афу> Толстому, там Велгур<ская>, Гоголь — весь вечер с ними, не попал к Цирк<уру>⁶⁵. <...>

15 ген<варя н. ст.>. <...> ...для Бецкого (пришел сегодня), о свидании с Жук<овским>, уведомил о Гоголе. <...> У меня Бецкий был <?>, плохо о Ж<уковском>⁶⁶. <...>

18 генв<аря н. ст.>. Заходил к Гоголю с запис<кой> о Жук<овском> Павле⁶⁷. <...>

30 генв<аря н. ст.>. <...> У меня Гоголь — о Бак<унине> молчит⁶⁸, о Толст<ом> — молчит. Il n'a pas le courage des ses opinions⁶⁹, но — может быть, на чем возу сидит, ту и песенку поет. Дал ему книг и для гр<афини> Велгур<ской> (Брума⁷⁰). <...>

2 февр<аля н. ст.>, воскресенье. <...> Был у гр<афини> Велгур<ской>, тут и Гоголь. <...>

5 февр<аля н. ст.>. <...> ...К гр<афине> Велг<урской>, там Gerard⁷¹ и Гоголь: прочел стихи Язык<ова> *К не нашим*, и едва удержал бешенства. Гоголь не заступался, но находил, что обе партии неправы: напр<имер> Белинский и три журнала в П<етер>Бурге!⁷² Да там простор, хотя не евр<опейский>, уму, а в Москве — душно сердцу и уму русскому. Не дал стихов, взял слово — не писать к Яз<ыкову>⁷³. <...>

13 февр<аля н. ст.>. <...> Вечер у Толстого: там опять пенье цыганских песен — и вниз по мат<ушке> по Волге! Брат⁷⁴ закрывал глаза... Я мигнул, чтобы престали петь; Панаев с женою, рож<денной> Брянскою: дочь актера⁷⁵. <...>

21 февр<аля н. ст.>. <...> Вечер к гр<афу> Толст<ому>. На лестнице едва не задохся. Испугался. Кайсарова, Гоголь. Обещались зайти. <...>

24 февр<аля н. ст.>. <...> У меня вчера Гоголь, в четвер<г> собирается в путь. Писал к Морнет <?> о кукле. <...>

26 февр<аля н. ст.>. Получил куклу (13 fr<ancs> 50 s<entimes>^{1 76}) и послал к Гоголю⁷⁷. <...> У меня были Гоголь, гр<аф> Толстой (о Фредро) и Циркур. Он объяснил нам мессианизм так, что Гог<оль> и Тол<стой> не поехали к Мицкев<ичу> спрашивать его о нем⁷⁸. <...>

1 марта <н. ст.>. <...> Гоголь уехал. <...>

8 апреля <н. ст.>. <...> Писал к гр<афу> Толстому, прислал книги Гоголя, но не все!⁷⁹ <...>

9 апреля <н. ст.>. <...> ...Писал к Жуков<скому> о приезде: куда и когда? о книгах, не отдан<ных> Гоголем...⁸⁰ <...>

15 мая <н. ст. 1845. Франкфурт-на-Майне>. <...> В 8 1/2 — у Жуковского. Все утро сидел, читал, писал. — Гоголь уехал в Гомбург. <...>

¹ Следует: с<entimes>

17 мая <н. ст.>. <...> ...Приписал к гр<афине> Велгур<ской> в письме Гоголя⁸¹, кот<орый> приезжал к нам из Гомб<урга> — ему на 3 года 1900 р<ублей> сер<ебром>⁸². Письмо гр<афа> Орлова к Жук<овскому>⁸³. Читали *Одиссею, Ивана-царевича*⁸⁴. <...>

26 мая <н. ст.>. <...> Простился с Гоголем...⁸⁵ <...>

Статья А. И. Тургенева «Хроника русского в Париже» (составленная автором на основе дневниковых записей) впервые опубликована: <Тургенев А. И.> Хроника русского в Париже // Москвитянин. 1845. № 3 (цензурное разрешение 7 апр.). Смесь. С. 4–5. Дневниковые записи А. И. Тургенева от 9 и 10 мая 1840 г. впервые напечатаны: Герштейн Э. Дуэль Лермонтова с Барантом // Литературное наследство. Т. 45–46. М., 1948. С. 419–420; дневниковая запись от 10 декабря 1834 г. впервые опубликована: Тургенев А. И. Из «Дневника» // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников / Сост., подготовка текста и коммент. В. Э. Вацуру, М. И. Гиллельсона, Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович. В 2 т. М., 1985. Т. 2. С. 210; запись от 30 марта / 11 апреля 1844 г. впервые напечатана: Мильчина В. А., Осоват А. Л. Гоголь по материалам архива братьев Тургеневых // Шестые тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига; М., 1992. С. 63–64. Остальные записи впервые опубликованы: Гиллельсон М. Н. В. Гоголь в дневниках А. И. Тургенева // Русская литература. 1963. № 2. С. 138–143. Фрагмент из «Хроники русского в Париже», а также дневниковая запись от 30 марта / 11 апреля 1844 г. печатаются по первым публикациям; все остальные дневниковые записи печатаются по автографам (в большем объеме, сравнительно с предшествующими публикациями; в частности, впервые публикуются записи от 6 и 9 января 1845 г., связанные со статьей А. И. Тургенева «Хроника русского в Париже»): ИРЛИ. Ф. 309. Ед. хр. 305, 317, 318, 319, 320, 300 (ссылки на страницы дневника см. в примеч. ниже). Даты в своих русских дневниках А. И. Тургенев дает по старому стилю, в заграничных — по новому.

Александр Иванович Тургенев (1784–1845), общественный и государственный деятель, литератор, археограф, камергер, брат декабриста Н. И. Тургенева, член петербургской масонской ложи Полярной звезды (1807–1810).

Среди материалов Гоголя по русскому патриархальному быту, собранных в 1848–1850 гг., в списке названий кормовых, лекарственных и декоративных растений на латинском языке, после названия растения *Orlaya grandiflora* (Орляя крупноцветковая) — названного так в 1814 г. профессором Г. Ф. Гофманом в уважение ученых заслуг Joannis Orlay — директора нежинской Гимназии высших наук И. С. Орлая (прототипа «необыкновенного наставника» Александра Петровича во втором томе «Мертвых душ») — непосредственно следует (как и в книге Г. Ф. Гофмана) название *Turgenia latifolia* (Тургенция широколистная). Последнее растение Гофман назвал так в честь обучающегося в 1802–1804 гг. в Гёттингенском университете «директора канцелярии князя Голицына» А. И. Тургенева — Alexandri Turgeneff (см.: Hoffmann G. F. Genera Plantarum Umbelliferarum... М., 1814 (цензурное разрешение 17 авг.). Р. 58–59). (Отметим, что учеником и другом Г. Ф. Гофмана был приятель Гоголя М. А. Максимович.)

В 1822 г. архимандрит Фотий (Спасский), выступивший против еретических веяний александровской эпохи, пытался повлиять на министра духовных дел и народного просвещения князя А. Н. Голицына и добиться отставки А. И. Тургенева (занимавшего тогда в министерстве пост директора департамента духовных дел). В ответ на это в петербургском обществе была спровоцирована травля архимандрита. В этот период появляются приписываемые А. С. Пушкину эпиграммы на отца Фотия — «Разговор Фотия с гр. Орловой» («Внимай, что я тебе вещаю...»), «Гр. Орловой-Чесменской» («Благочестивая жена...»), «На Фотия» («Полу-фанатик, полу-плут...»).

¹ Граф Иван Гаврилович Чернышев-Кругликов (1787–1847), действительный тайный советник. С 14 января 1832 года — муж графини Софьи Григорьевны Чернышевой, старшей сестры декабриста графа З. Г. Чернышева.

² Так в источнике (ИРЛИ. Ф. 309. Ед. хр. 305. Л. 25 об.). А. И. Тургенев чаще пишет в дневниках «Гогель» вместо «Гоголь».

³ «Последняя фраза не совсем понятна. Упоминание о «шутке брата», недавние его именины (6 декабря) наводят на мысль, что тост был провозглашен за декабриста Николая Тургенева. По-видимому, Тургенев зашифровал запись: вместо Николая Ивановича поставил — Иван Николаевич, — и подчеркнул эти слова» (А. С. Пушкин в воспоминаниях современников / Сост., подготовка текста и коммент. В. Э. Вацуру, М. И. Гиллельсона, Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович. В 2 т. М., 1985. Т. 2. С. 473).

⁴ Петр Яковлевич Убри (Убриль) (1774–1847), действительный статский советник, управляющий Коллегией иностранных дел, дипломат, посланник во Франкфурте.

⁵ Жена дипломата С. П. Марченко.

⁶ Путешествие в охваченную междоусобной войной Испанию и Португалию Гоголь совершил в период с 15 июня (н. ст.) по 16 июля (н. ст.) 1837 г. См. в наст. изд. воспоминания А. С. Данилевского «Заграничная жизнь Гоголя в 1836–1839 гг.»; *Воспоминания А. О. Смирновой в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша, Воспоминания о Гоголе и его друзьях в альбоме А. О. Смирновой, предназначенном для ее сына Михаила, Воспоминания А. О. Смирновой о Гоголе в записи А. Н. Пыпина; Воспоминания о Гоголе. Письмо А. О. Смирновой к И. С. Аксакову от 25 сентября — 2 октября (н. ст.) 1877 г.; «Отрывки из дневника» А. О. Смирновой, присланные О. Н. Смирновой В. И. Шенроку около 1888 г.; письмо К. С. Аксакова к Г. С. и И. С. Аксаковым около 30 сентября 1839 г.*

⁷ *ИРЛИ*. Ф. 309. Ед. хр. 317. Л. 14 об. Речь, очевидно, шла о передаче Гоголю А. С. Пушкиным сюжета «Мертвых душ». См. также в наст. изд. письмо А. И. Тургенева к И. С. Аржевитинову от 17 октября 1842 г.

⁸ Стихотворение впервые опубликовано: <Бартенев П. И.> П. Б. Песнь Невская. 1837. (Неизданное стихотворение княгини З. А. Волконской) // *Русский Архив*. 1872. № 10. Стб. 1979–1982. Гоголевский список этого стихотворения см. в изд.: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. Т. 17. М.; Киев, 2010. С. 633.

⁹ Вероятно, князь Ф. Ф. Голицын, принявший в 1840 г. католичество.

¹⁰ Имеется в виду С. П. Свечина (с 1815 г. католического вероисповедания). Ее салон в Париже отличался религиозным направлением.

¹¹ Один из Гагариных — несомненно, князь Иван Сергеевич Гагарин (1814–1882), перешедший весной 1842 г. в католичество. Дядя князя И. С. Гагарина, князь Григорий Иванович Гагарин (1782 — 12 февраля 1837), русский посланник в Риме и Мюнхене, был женат на родной сестре С. П. Свечиной, Е. П. Соймоновой, которая под влиянием сестры также перешла в католичество. Второй из упоминаемых А. И. Тургеневым Гагариных — вероятно, отец И. С. Гагарина, князь Сергей Иванович Гагарин (1777–1862). См. также в наст. изд. коммент. к письму А. И. Тургенева В. А. Жуковскому от 17/29 сентября 1844 г.

¹² Иван Семенович Аржевитинов (1792–1848), двоюродный брат А. И. Тургенева, помещик, основатель (в 1818 г.) симбирской масонской ложи Ключа к добродетели.

¹³ *ИРЛИ*. Ф. 309. Ед. хр. 318. Л. 81 об. «Как память Гоголя, в семействе дочери А. С. Данилевского (г-жи Банных) хранятся многие книги Гоголя на французском и итальянском языках, преимущественно исторического содержания (перечень их см. в VI т. десятого изд. соч. Гоголя <М.; СПб., 1896>, стр. 689)» (см. в наст. изд. примеч. В. И. Шенрока к восемнадцатому разделу *Воспоминаний А. С. Данилевского о последних годах жизни Гоголя, в пересказе В. И. Шенрока*). Упомянутый В. И. Шенроком перечень книг см. также в изд.: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 9. С. 886–887.

¹⁴ Иван Иванович Козлов (1779 — 30 января 1840), поэт, переводчик; с 1821 г. слепой.

¹⁵ Петр Александрович Валуев (1815–1890), граф (с 1880 г.), государственный деятель, писатель, поэт. Был женат на дочери князя П. А. Вяземского Н. П. Вяземской.

¹⁶ *ИРЛИ*. Ф. 309. Ед. хр. 319. Л. 19 об.–20.

¹⁷ Имеется в виду незавершенный роман Гоголя, «отрывок» из которого под названием «Рим» был опубликован в 1842 г. Первое авторское чтение фрагментов этого романа, носившего название «Мадонна дей Фьори», состоялось в Риме весной 1839 г. М. П. Погодин 10 марта (н. ст.) 1839 г., на второй день по приезде в Рим, записал в своем дневнике: «Гог<оль> читал Мадон<на> degli fiogi» (см. в наст. изд. коммент. к этой дневниковой записи). Главы романа, получившего к тому времени название «Аннунциата», Гоголь прочел также 4 февраля 1840 г. в Москве в доме Аксаковых и 21 февраля того же года у Киреевских.

¹⁸ Аркадий Осипович Россет (1812–1881), прапорщик лейб-гвардии конной артиллерии, впоследствии генерал-майор, сенатор; брат А. О. Смирновой.

¹⁹ *ИРЛИ*. Ф. 309. Ед. хр. 319. Л. 23. А. О. Россет и Александр Николаевич Карамзин (1815–1888) вместе служили в лейб-гвардейской конной артиллерии. Их арест, видимо, был связан с нарушением ими офицерских обязанностей, что бывало с ними и раньше, в 1836–1837 гг. (см. об этом: Пушкин в письмах Карамзиных. 1836–1837. М.; Л., 1960. С. 120, 155–156).

²⁰ *ИРЛИ*. Ф. 309. Ед. хр. 319. Л. 24.

²¹ Петр Александрович Корсаков (1790, по др. сведениям около 1787 — 11 апреля 1844), переводчик, драматург, критик, цензор, в 1840–1841 гг. один из редакторов журнала «Маяк».

²² К. С. Аксаков в одном из своих писем, в частности, замечал о И. В. Киреевском: «Ив<ан> В<асильевич> странный человек; от него услышишь иногда такие неожиданные вещи, которые бы, кажется, нельзя ожидать от человека умного. В И<ване> К<иреевском> очень мало естественного и простого; человек, который не понимает, не любит природы, который, кажется мне, не понимает также и природы человека — народа, который является совершенно индивидуально, отвлеченно наполняясь категориями человеческими, — такой человек, обращаясь во внутренней и добросовестной работе своего духа, в истощительной заключенной деятельности, никогда не будет иметь, не вынесет свежей действительной мысли, свежего действительного чувства. Кир<еевский>, я думаю, ты знаешь, не понимает Гоголя» (Кошелев В. А. Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов. 1840–1850-е годы. Л., 1984. С. 33).

²³ Степан Петрович Жихарев (1788–1860), мемуарист, переводчик, драматург.

²⁴ Юлия Аделаида Рекамье (1777–1849), хозяйка литературного салона, в котором бывал А. И. Тургенев (см. в наст. изд. его дневниковую запись от 14 января (н. ст.) 1845 г.).

²⁵ Анну и Елисавету.

²⁶ Имеется в виду Е. Ф. Муравьева. См. о ней в наст. изд. в коммент. к письму А. П. Елагиной В. А. Жуковскому от 17 февраля 1840 г. См. также в наст. изд. письма А. И. Тургенева к князю П. А. Вяземскому 19 и 20 февраля 1840 г.

²⁷ См. также в наст. изд. письма А. И. Тургенева к князю П. А. Вяземскому из Москвы от 19 и 20 февраля 1840 г.

²⁸ См. также в наст. изд. письмо Т. Н. Грановского к Н. В. Станкевичу от 12 февраля — 4 марта 1840 г.

²⁹ Возможно, имеется в виду князь Д. В. Голицын.

³⁰ 9 мая — в день памяти святителя Николая Мирликийского — Гоголь устраивал в 1840 г. у М. П. Погодина свой именинный обед.

³¹ Молодая Россия (фр.).

³² Вероятно, Федор Николаевич Глинка (1796–1880) и его жена Авдотья Павловна (рожд. Голенищева-Кутузова, 1795–1863).

³³ Имеются в виду французский посланник в Петербурге барон Амабль-Гильом-Проспер-Брюжьер де Барант и его сын Эрнест де Барант. С последним у М. Ю. Лермонтова 18 февраля 1840 г. состоялась дуэль, вследствие которой поэт, по Высочайшему определению от 13 апреля 1840 г., был переведен в Тенгинский пехотный полк. На именинном обеде Гоголя Лермонтов оказался, будучи в Москве проездом на Кавказ.

³⁴ Подразумевается либо графиня Екатерина Александровна Зубова (рожд. Оболенская, 1811–1843), либо графиня Наталия Александровна Зубова (рожд. Суворова, 1775 — 30 марта 1844), дочь князя А. В. Суворова.

³⁵ В 1840 г. М. Ю. Лермонтов посвятил княгине Марии Алексеевне Щербатовой (рожд. Штерич) стихотворение «На светские цепи...».

³⁶ На следующий день, 14/26 мая 1840 г. А. И. Тургенев снабдил В. А. Панова, отправлявшегося с Гоголем за границу, рекомендательным письмом в Берлин к К. А. Фарнгагену фон Энзе, где упоминал о Гоголе как «оригинальнейшем поэте и драматическом писателе... во всей России» (*Ziegengeist G. Neue Zeugnisse über Varnhagens geplanten Žukovskij-Aufsatz (1840–1842) // Zeitschrift für Slawistik. 1990. Bd. 35. Heft 2. С. 166, 177–178*). Это письмо Панов вручил в Берлине по назначению только спустя год, в конце мая (н. ст.) 1841 г. (см. в наст. изд. примеч. 40 к «Воспоминаниям о Гоголе» П. В. Анненкова). Панаев сообщил тогда же Фарнгагену фон Энзе (согласно дневниковой записи последнего от 30 мая (н. ст.) 1841 г.) сведения о «Грановском, Шевыреве, Гоголе» (*Ziegengeist G. Neue Zeugnisse über Varnhagens geplanten Žukovskij-Aufsatz (1840–1842). S. 166*). Очевидно, именно о рекомендательном письме Тургенева к Фарнгагену идет речь в письме Панова к К. С. Аксакову от 6 июня (н. ст.) 1841 г. из Берлина: «Я был раза два у Фарнгагена, к которому я имел письмо» (см. в наст. изд.). Судя по всему, годовая отсрочка, последовавшая за вручением Панову письма к Фарнгагену, объясняется тем, что пребыванию в Берлине Панов предпочел личное общение с Гоголем.

³⁷ *ИРЛИ. Ф. 309. Ед. хр. 319. Л. 34, 34 об., 35, 35 об., 37, 38, 45 об., 48, 48 об., 49.*

³⁸ Барон Алексей Иванович Черкасов (1799–1855), декабрист, член Южного общества; после отбытия срока наказания определен в 1837 г. рядовым на Кавказ; 27 января 1843 г. уволен от службы; въезд в Москву был разрешен только в 1851 г.

³⁹ Князь С. И. Гагарин.

⁴⁰ *ИРЛИ. Ф. 309. Ед. хр. 319. Л. 190.*

⁴¹ Мнение о «педантизме» С. П. Шевырева было пушено в ход В. Г. Белинским в неприязненном памфлете против

Шевырева «Педант. Литературный тип», напечатанном в № 3 «Отечественных Записок» за 1842 г. (под псевдонимом Петр Бульдогов).

⁴² Достойное резюме (*фр.*).

⁴³ Вечер у Свербеевых 1 января 1843 г. А. И. Тургенев описал также в письме к брату Н. И. Тургеневу от 2/14 января 1843 г. (см. в наст. изд.).

⁴⁴ Дмитрий Андреевич Шеппинг (1790–1874), генерал-майор в отставке.

⁴⁵ Имеется в виду «Театральный разъезд после представления новой комедии». См. также в наст. изд. письмо А. И. Тургенева к князю П. А. Вяземскому от 1 февраля 1843 г. и дневниковую запись А. И. Тургенева от 19 февраля 1843 г.

⁴⁶ Премьера «Женитьбы» и «Игроков», в один спектакль, состоялась на сцене Московского Малого театра тремя днями ранее, 5 февраля 1843 г., в бенефис М. С. Щепкина.

«Состав <исполнителей> при первом представлении <«Женитьбы»>: Агафья Тихоновна — Орлова, Арина Пантелеимовна — Сабурова 1, Фекла Ивановна — Кавалерова, Подколесин — Щепкин, Кочкарев — Живокини 1, Яичница — П. Степанов, Ходилкин — Садовский, Жевакин — Орлов, Дуняша — Шебек, Стариков — В. Степанов, и Степан — Шуберт» (*Черневский С. А.* <Перечень спектаклей Малого театра в Москве, в кот. исполнялись пьесы Гоголя> // *ГЦТМ. Ф. 299. Ед. хр. 1852. Л. 6 (черновик); ГЦТМ. Ф. 299. Ед. хр. 1853. Л. 9 (беловик).*)

«Состав <исполнителей> при первом представлении <«Игроков»>: Ихарев — Д. Ленский; Утешительный — Щепкин; Швохнев — П. Степанов; Кругель — Ф. Сахаров; Глов старик — Усачев; Глов молодой — Самарин; Замухрышкин — Садовский» (*Черневский С. А.* <Перечень спектаклей Малого театра в Москве, в кот. исполнялись пьесы Гоголя> // *ГЦТМ. Ф. 299. Ед. хр. 1853. Л. 9 об.*).

8 февраля 1843 г. эта же постановка «Женитьбы» и «Игроков» была показана в Москве на сцене Большого театра. Следующие представления гоголевских комедий в Москве в 1843 г. состоялись в Малом театре 11 и 15 февраля (Там же. Л. 9). См. также в наст. изд. письмо А. М. Языкова к Н. М. Языкову от 24 февраля 1843 г.

⁴⁷ Подразумеваются сочинения Ксавье Мармье.

⁴⁸ Вероятно, имеется в виду княжна Софья Александровна Урусова (1804–1889), фрейлина; в замужестве княгиня Радзивилл.

⁴⁹ Марья Дмитриевна Ховрина (1801–1877), хозяйка московского литературного салона.

⁵⁰ Имеется в виду «Театральный разъезд после представления новой комедии». См. также примеч. выше.

⁵¹ Уильям Вордсворт (1770 — 23 апреля 1850), английский поэт.

⁵² *ИРЛИ. Ф. 309. Ед. хр. 319. Л. 190 об., 192, 194 об., 196, 196 об.*

⁵³ *ИРЛИ. Ф. 309. Ед. хр. 320. Л. 3.* Вероятно, об этом собрании у И. В., П. В. и М. В. Киреевских сообщила младшая дочь А. А. и А. П. Елагиных Елизавета Алексеевна (1825–1848) в письме к отцу из Москвы 1843 г. (без даты): «Вот кто у нас был: два Титова, Тургенев, Хомяков, Херцен <Герцен>, Аксаков. Сначала говорили о бенефисе Щепкина (5 февраля 1843 г.; см. выше примеч. к дневниковой записи А. И. Тургенева от 8 февраля 1843 г. — *И. В.*) и об Гоголе, а потом перешло в Гегеля. Крик был ужасный, Херцен и Аксаков горячились, а Хомяков их поддразнивал...» (*Парилова Г. Н., Соймонов А. Д.* П. В. Киреевский и собранные им песни // *Лит. наследство. Т. 79. М., 1968. С. 58.*)

⁵⁴ Речь, вероятно, идет о письмах Гоголя к А. О. Смирновой от 20 и 26 марта, от 7 апреля (н. ст.) 1844 г.

⁵⁵ В письме к А. О. Смирновой от 26 марта (н. ст.) 1844 г. Гоголь писал: «Не забывайте, среди Равиньянов и всяких новых проповедываний, старых или, справедливее сказать, вечных проповедываний. Купите теперь же, не отлагая, Боссюэта *Oeuvres philosophiques* <Философские произведения; *фр.*>, маленький томик издания Charpentier <Ж. Шарпантье>, и прочитайте теперь же две последние статьи, находящиеся в конце тома: 1-ая *Elevation a Dieu sur les mysteres de la religion Chretienne* <Возвышение к Божеству с помощью таинств христианской религии; *фр.*> и 2-ая *Traite de la concupiscence* <Трактат о вожделении; *фр.*>. Они вам могут помочь в преуспеянии в любви к Богу».

⁵⁶ См. также в наст. изд. письмо А. И. Тургенева к князю П. А. Вяземскому от 15/27-го апреля 1844 г. Позднее А. И. Тургенев высказал свое мнение о письмах Гоголя, адресованных Смирновой, самому писателю. Очевидно, это состоялось при последующей встрече Тургенева с Гоголем 7/19 сентября 1844 г. в доме В. А. Жуковского во Франкфурте (о встрече свидетельствует «лаконичная запись» в дневнике Тургенева за этот день — см.: *Мильчина В. А., Освоат А. Л.* Гоголь по материалам архива братьев Тургеневых. С. 65; а также письмо Тургенева князю П. А. Вяземскому от 8/20 сентября 1844 г. — см. в наст. изд.). Вследствие высказанного Тургеневым мнения Гоголь 24 октября (н. ст.) 1844 г. писал Смирновой из Франкфурта: «Я позабыл <сделать> вам не упрек, но вроде его. Мне кажется, что вы напрасно показы-

вае мои письма, [то есть я говорю о письмах, которые] в Париже вы показали Тургеневу. Из этого выходит что-то странное. Я получил нечто вроде комплимента за благородство чувств. Письма, особенно в роде этого, которое пишу к вам, должны оставаться между нами».

⁵⁷ Иван Егорович (Юрьевич) Бецкий (1818–1890), переводчик, прозаик, издатель альманаха «Молодик» (1843–1844).

⁵⁸ Антология из Жан-Поля Рихтера. СПб., 1844. Рец. на это изд.: *Тиунский Вл.* Библиография // Москвитянин. 1844. № 6. <Пагинация 3>. С. 61–64.

⁵⁹ 28 декабря (н. ст.) 1844 г. Гоголь писал графине Л. К. Вильгорской: «Что вы меня заманиваете Парижем, Рашелью (дебют французской актрисы Э. Рашель состоялся в 1838 г. — *И. В.*), магазинами и прочей дрянью? Разве вы не знаете, что если бы вы жили на Чукотском носу или в городе Чухломе и пригласили бы меня оттуда к себе, описав мне всю тоску тамошнего пребывания, то я бы скорее к вам приехал туда, чем в Париж? Ехать же в Париж во-первых мне нет надобности, во-вторых есть много к тому невозможностей, в-третьих это баловство». (Вильгорские приехали в Париж около 5 ноября (н. ст.) 1844 г., о чем графиня А. М. Вильгорская извещала Гоголя в письме из Парижа от 12 ноября (н. ст.) 1844 г.)

⁶⁰ Письмо не сохранилось. 23 декабря (н. ст.) 1844 г. графиня Л. К. Вильгорская писала Гоголю: «Граф Толстой сказал мне, что он приглашает вас в Париж, и показал мне назначенную для вас квартиру». По приглашению Толстого Гоголь выехал из Франкфурга 11 января (н. ст.) 1845 г. и прибыл в Париж 14 января (н. ст.). В письме к Н. М. Языкову, начатом во Франкфурте накануне отъезда, 10 января (н. ст.) 1845 г., но отправленном позднее, в первый день приезда в Париж, Гоголь сообщал: «Пробираюсь в Италию и беру дорогу (избегая горных переездов и частых пересестов) на Францию и Париж. В Париже проживу месяц, а, может быть, и более; самого Парижа я не люблю, но меня веселит в нем встреча с близкими душе моей людьми, которые в нем теперь пребывают, а именно с графинями Вильгорскими и гр<афом> Толстым...»

⁶¹ *ИРЛИ*. Ф. 309. Ед. хр. 300. Л. 25 об.–26.

⁶² *ИРЛИ*. Ф. 309. Ед. хр. 300. Л. 26.

⁶³ Имеется в виду Н. И. Тургенев.

⁶⁴ Возможно, имеется в виду французский библиограф Шарль Вейс (1779–1865), издавший в 1833 г. шеститомную «Biographie Universelle».

⁶⁵ Граф Адольф Мария Пьер де Сиркур (1801–1879), французский публицист и историк.

⁶⁶ *ИРЛИ*. Ф. 309. Ед. хр. 300. Л. 26.

⁶⁷ Имеется в виду родившийся 1/13 января 1845 г. сын В. А. Жуковского Павел (ум. в 1912). 24 января (н. ст.) 1845 г. Гоголь писал В. А. Жуковскому: «Известие о даровании вам сына было принято радостно всеми близкими вам друзьями...» Вероятно, записка А. И. Тургенева была приложена к этому письму.

⁶⁸ «...За три дня до записи А. И. Тургенева <27 января 1845 г.> в органе французской радикальной партии «La Réforme» была напечатана известная статья М. А. Бакунина, где он открыто выступил против крепостного права, против самодержавия, против деспотического режима Николая I. Вполне возможно, что А. И. Тургенев хотел знать мнение Гоголя об этой статье М. А. Бакунина» (*Гиллельсон М. Н. В. Гоголь в дневниках А. И. Тургенева // Русская литература. 1963. № 2. С. 142*). В 1843 г. Бакунин за связь с немецкими и швейцарскими левыми радикалами был вызван из-за границы в Россию и, после отказа выполнить это требование, в 1844 г. был заочно осужден правительствующим Сенатом к лишению всех прав и каторжной ссылке в Сибирь. В начале января 1845 г. указ об этом русском правительстве был опубликован в парижской «Судебной газете». Письмо Бакунина, напечатанное 27 января 1845 г. в газете «Реформа», стало ответом на эту публикацию.

⁶⁹ У него нет мужества для мнения (*фр.*).

⁷⁰ Имеются в виду сочинения английского лорд-канцлера и оратора Генри Брума (барона Брума и Во, 1778–1868).

⁷¹ Возможно, имеется в виду французский писатель Жерар де Нерваль (Gérard de Nerval, 1808–1855).

⁷² Стихотворение Н. М. Языкова «К ненашим» было адресовано «западникам» (Т. Н. Грановскому, А. И. Герцену и предположительно П. Я. Чаадаеву). В 1845 г. было включено Гоголем в список примеров «Учебной книги словесности для русского юношества» с названием «К нерусским». В начале февраля (до 5 числа н. ст.) 1845 г. Гоголь писал Языкову в ответ на присланное стихотворение: «Сам Бог внушил тебе прекрасные и чудные стихи “К не нашим”. Душа твоя была орган, а брацали по нем другие персты. Они еще лучше самого “Землетрясения” и сильнее всего, что у нас было

писано доселе на Руси». В следующем письме к Н. М. Языкову, от 12 февраля (н. ст.) 1845 г., Гоголь сообщал: «Тургенева видел раз и в другой мельком: он несет дичь. <...> Стихи твои “К не нашим” произвели такое же впечатление, как на меня самого, на моих знак<омых>, т. е. на гр<афинь> Виельгорских и на гр<афа> Толстого, которые от них без ума, но Тургенев, кажется, закрутит [слишком] нос, а может быть, даже и чихнет». См. также в наст. изд. письмо А. И. Тургенева к В. А. Жуковскому от 7 февраля (н. ст.) 1845 г. Отмечено, что «слово “ненаш” для читателя прошлого века предполагало дополнительный смысл, зафиксированный в волжских говорах и присутствующий в словаре Даля: “Ненаш — нечистый, недруг, лукавый, бес”. И в ходу была поговорка: “А ненаш его знает...”. Следовательно, уже по названию это стихотворение прямо соотносилось с другим названием — “Бесы”» (*Кошелев В. А.* Алексей Степанович Хомяков, жизнеописание в документах, в рассуждениях и разысканиях. М., 2000. С. 332).

⁷³ См. также в наст. изд. письмо князя П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу от 29 января 1845 г.

⁷⁴ Н. И. Тургенев.

⁷⁵ Подробнее об этом вечере А. И. Тургенев рассказал в своей «Хронике русского в Париже»: «...Знаете ли, отчего трепетало два вечера сряду мое московское сердце? От цыганских песен! — Вообразите себе весь табор Патриарших прудов в парижском салоне! не только знакомые звуки, самый пыл цыганских криков — в самой дикой ярости: топот ногами, размашки и хватки их и любимая их песня “Общество наше нам запрещает!”. И все это с верностью неимоверною! в четыре голоса, коим вторили еще два. Я дрожал, а может быть, и плакал: Петровское, Марьино роща, Сокольники, Москва жили передо мною. Недоставало одной Танюши! — Вдруг услышали мы заунывным, родным голосом: “Вниз по матушке по Волге”, — у меня забилось сердце; другой <Н. И. Тургенев> закрыл лицо руками: песельники догадались... и вдруг грянули: “Русский я мужик простой, вырос на морозе”, и проч. И это не сон, а быть... Французы, итальянцы и немцы восхищаются ими» (<*Тургенев А. И.*> Хроника русского в Париже // Москвитянин. 1845. № 3 (цензурное разрешение 7 апр.). Смесь. С. 9). Гоголь, располагавший в квартире графа А. П. Толстого отдельным входом в свою комнату, на этом вечере, вероятно, не присутствовал (см. письмо графини Л. К. Виельгорской к Гоголю от 23 декабря (н. ст.) 1844 г.).

⁷⁶ Около 5 рублей.

⁷⁷ «...Речь идет о кукле, которую А. И. Тургенев пересылал с Гоголем, по всей вероятности, для сына Жуковского» (*Лиллелсон М. Н. В.* Гоголь в дневниках А. И. Тургенева // Русская литература. 1963. № 2. С. 143).

⁷⁸ А. Мицкевич связывал мессианиззм с личностью Наполеона I. В 1844 г. А. И. Герцен, после прочтения первых двух курсов парижских лекций Мицкевича, в частности, записал в своем дневнике: «Мицкевич — славянофил, вроде Хомякова и С^не<кампания>, со всею той разницей, которую ему дает то, что он поляк, а не москаль...» (*Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 2. С. 333). Ф. В. Чижов 29 июня 1844 г. писал Н. М. Языкову о Мицкевиче из Парижа: «...Это славянин душою и телом, но все-таки славянин западный <...> Когда я приехал, лекции его уже кончались, я присутствовал только на одной последней, где он и показался чрезвычайно странным и которую он кончил раздачею Наполеона в апотеозе <...> Это не слово славянина, это влияние западной крови...» (*Розанов И. Н.* Н. М. Языков и Ф. В. Чижов. Переписка 1843–1845 гг. // Лит. наследство. Т. 19–21. М., 1935. С. 124).

⁷⁹ См. выше коммент. к дневниковой записи А. И. Тургенева от 25 октября (н. ст.) 1838 г.

⁸⁰ *ИРЛИ*. Ф. 309. Ед. хр. 300. Л. 26 об., 27 об., 28, 28 об., 29, 29 об., 30, 32 об.

⁸¹ В письме Гоголя к графине Л. К. Виельгорской от 17 мая (н. ст.) 1845 г. из Франкфурта сохранилось следующая карандашная приписка А. И. Тургенева: «Сейчас я видел письмо на почте на имя Лазарева, которое по вашему повелению просил отправлять ему в Париж».

⁸² См. в наст. изд. письма В. А. Жуковского к А. О. Смирновой от 16–28 января (н. ст.), 20 марта (н. ст.) и второй половины мая (н. ст.) 1845 г.; *Всеподданнейшие доклады С. С. Уварова 17 и 24 марта 1845 г. о денежном пособии Гоголю, с резолюциями Императора Николая I* и коммент. к этим письмам и докладам.

⁸³ Вероятно, имеется в виду письмо графа А. Ф. Орлова к В. А. Жуковскому от 30 апреля 1845 г. (см. в наст. изд. в коммент. к письму В. А. Жуковского графу А. Ф. Орлову от 7/19 апреля 1845 г.).

⁸⁴ *ИРЛИ*. Ф. 309. Ед. хр. 300. Л. 36 об. В письме к княгине В. Ф. Вяземской из Франкфурта-на-Майне от 6/18 мая 1845 г. А. И. Тургенев сообщал, что Гоголь накануне читал вслух стихотворную сказку Жуковского «Об Иване-царевиче и Сером волке» (см. в наст. изд.). См. также в наст. изд. письмо Н. М. Языкова к Н. Н. Шереметевой от 14 июля 1845 г.

⁸⁵ *ИРЛИ*. Ф. 309. Ед. хр. 300. Л. 38. «14 августа 1845 года приехал в Москву из Парижа А. И. Тургенев. <...> В Москву Тургенев приехал больным. “Я все страдаю, — писал он Сербиновичу 13 октября 1845 года, — и едва передвигаю

ноги от задышки и ревматизма...”» (*Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина*. СПб., 1894. Кн. 8. С. 237). 3 декабря 1845 г. А. И. Тургенев умер (Там же. Кн. 8. С. 239). 16 декабря 1845 г. А. О. Смирнова писала Гоголю из Калуги: «Вы, верно, знаете, что Тургенев умер скоропостижно в Москве; не успел и причаститься, хотя первый его крик был, когда сделалось ему дурно: “Попа! попа!” У игуменьи вынимают часть за его упокой».

Из писем А. И. Тургенева

А. И. Тургенев — князю П. А. Вяземскому

21-го июля 1836 г. Москва.

<...> Сегодня в первый раз увижу «Ревизора»¹. <...>

Впервые опубликовано: Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 3. С. 327. Печатается по первой публикации.

¹ 21 июля 1836 г. состоялось десятое по счету представление «Ревизора» на сцене Малого театра (см. в наст. изд. коммент. к письму М. С. Щепкина к И. И. Сосницкому от 26 мая 1836 г.).

А. И. Тургенев — князю П. А. Вяземскому

19 февраля 1840 г. Москва.

<...> Я был у княгини Мещерской. Гоголь в большом затруднении с сестрами. Нужно поместить их, а он горд, и в России талант его дохнет. Добрая Свербеева хлопочет, но придется приняться за Муравьеву. <...>

Впервые опубликовано: Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 4. С. 88. Печатается по первой публикации.

А. И. Тургенев — князю П. А. Вяземскому

20-го февраля 1840 г. Москва.

<...> А ргорос (между нами): Гоголь здесь очень в тонком¹ за сестер: не знает, что делать с ними, и в Москве ему не пишется. Хлопочет о их размещении по добрым людям; но жаль, что все одни и те же: Муравьева да Муравьева; а у ней и без того пансион сирот. <...>

Впервые опубликовано: Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 4. С. 92. Печатается по первой публикации.

А. И. Тургенев — И. С. Аржевитинову

Москва. 1842. Октября 17, утро.

<...> *Мертвые Души* читал мне автор, лет 5 или шесть назад в Париже¹, отчасти; с тех пор я брался за них, но не имел времени кончить, а суждения слышу ежедневно. Это живая картина:

---

¹ Так в публикации.

не в бровь, а прямо в глаз. Язык всей или почти всей России, и он говорит им. Только последняя страница о тройке, которая опережает всю Европу, — гнусная лесть: но ее, вероятно, написал Гоголь для цензуры; как же ты не узнал в этой книге и Симбирска, и Москвы, и всего русского мира. Конечно, в авторе и в его книге — есть большие недостатки, но книга его пойдет в ряду с воспитателями нашими: с *Недорослем*, с *Бригадиром*, с *Горе<м> от ума*, с *Ревизором*; она еще важнее; не в слогое дело, а в сущности, в действительности этой поэмы. С души тянет, и, следов<ательно>, вырвет, и мы на блевотину не возвратимся. Здесь не пропустили книги, в П<етер>б<урге> постыдились². Мысль принадлежит Пушкину: он завещал ее Гоголю³; прочту, по твоему приказанию, но теперь не время: перед мною биографии рукописные Новикова⁴, Лопухина⁵, Гамалея⁶, К<нязя> Репнина⁷, Шварца⁸, будет и батюшки⁹.

Впервые опубликовано: *Гиллельсон М. Н. В. Гоголь в дневниках А. И. Тургенева // Русская литература. 1963. № 2. С. 138–143. Печатается по копии: ИРЛИ. Ф. Р. III. Оп. 1. Ед. хр. 2026. Л. 53 об.–54.*

¹ См. в наст. изд. дневниковую запись А. И. Тургенева от 24 октября (н. ст.) 1838 г. По свидетельству П. В. Анненкова, во второй половине мае 1842 г. А. И. Тургенев «распространил» в Париже полученное им тогда из Москвы извещение о выходе из печати первого тома «Мертвых душ» (см. в наст. изд. «Воспоминания о Гоголе» П. В. Анненкова).

² Цензурную историю первого тома «Мертвых душ» см. в наст. изд. в коммент. к разделу *Книга для записей рукописей и книг Московского цензурного комитета*.

³ О том, что «мысль» «Мертвых душ» принадлежит А. С. Пушкину, А. И. Тургенев сообщает со слов самого Гоголя. См. выше дневниковую запись Тургенева от сентября (н. ст.) 1837 г. Позднее о передаче Пушкиным сюжета «Мертвых душ» Гоголь написал в «Авторской исповеди» (1847).

⁴ Николай Иванович Новиков (1744–1818), писатель, журналист, издатель, один из руководителей масонства в России.

⁵ Иван Владимирович Лопухин (1756–1816), публицист и государственный деятель, масон, сподвижник Н. И. Новикова.

⁶ Семен Иванович Гамалея (1743–1822), переводчик, один из крупных масонских деятелей.

⁷ Имеется в виду либо князь Николай Васильевич Репнин (1734–1801), генерал-фельдмаршал и дипломат, либо князь Петр Иванович Репнин (ум. в 1778), генерал-поручик, русский посланник при испанском дворе. И тот, и другой принадлежали к масонству.

⁸ Иван Григорьевич (Иоанн Георг) Шварц (1751–1784), профессор философии Московского университета, один из теоретиков масонства.

⁹ Иван Петрович Тургенев (1752–1807), директор Московского университета, переводчик, один из организаторов российского масонства, отец Александра, Николая и Сергея Ивановичей Тургеневых, членов масонских лож в XIX в.

А. И. Тургенев — Н. И. Тургеневу

2/14 января 1843 г. Москва.

<...> Вечер кончил я у Свербеевых¹, где слышал чтение новой комедии Гоголя, автора «Мертвых душ», «Игроки»: это — маленький шедевр в своем роде, изображающий нравы мелких русских помещиков и чиновников самым восхитительным образом. Плутни игроков и их жизнь в провинции нарисованы с натуры и по известным анекдотам. Главный обманщик поддается на обман, и автор вкладывает ему в уста отчаянное откровение о России: «*Продувательная Россия!*» Не знаешь ли ты еще значения слова *продуть* — обмануть, провести кого-нибудь? Чтец² был великолепен, а чтение вызвало новые споры между Шевыревым и мной; он все норовил обвинить во всем, что творится в России, — Европу, *Запад России*, и однако же предсказывал России в будущем просвещение Европы. Он не может простить мне мнения, которое вы-

сказал я о нем в письме из Парижа³. Это не мешает ему порой либеральничать в скучных академических рассуждениях и в «Москвитянине». <...>

Впервые опубликовано: Мильчина В. А., Осоват А. Л. Гоголь по материалам архива братьев Тургеневых // Шестые тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига; М., 1992. С. 61. Печатается по первой публикации.

Николай Иванович Тургенев (1789–1871), помощник статс-секретаря Государственного совета, декабрист, член «Союза благоденствия» и «Северного общества», после 1825 г. эмигрант.

¹ Описание вечера у Свербеевых 1 января 1843 г. см. также в наст. изд. в дневниковой записи А. И. Тургенева от того же числа.

² С. Т. Аксаков.

³ Возможно, имеется в виду следующий отзыв А. И. Тургенева о С. П. Шевыреве в письме к князю П. А. Вяземскому от 8 февраля (н. ст.) 1842 г. из Парижа: «Встретился с Шевыревым, который ругает Францию и уверяет, что Россия будет служить ей идеалом и спасется своей внутренней жизнью от гибельной ее литературы; а сам куврыкается перед самым развратным представителем ее словесности: перед Бальзаком» (Мильчина В. А., Осоват А. Л. Гоголь по материалам архива братьев Тургеневых. С. 62). См. статью С. П. Шевырева «Парижские эскизы. Визит Бальзаку» (Москвитянин. 1841. Ч. 1. № 2. С. 357–383).

А. И. Тургенев — князю П. А. Вяземскому

1-го февраля 1843 г. Москва.

<...> Я слушал чтение из «Разговоров» после представления «Ревизора»¹ и был свидетелем сцены, которую Гоголь прибавил бы к ним, если бы он мог вообразить, что человек, по постройке европейской и в самой Европе окороченный и здесь европейца корчивший, принял пересуды дамские и прочих лиц, хуливших сатиру на чиновников, за истинную сторону, а прочее за изнанку, и сам кивал головой и шептал одобрения тем, коих выставил на смех Гоголь. <...>

Впервые опубликовано: Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 4. С. 213. Печатается по первой публикации.

¹ Имеется в виду «Театральный разъезд после представления новой комедии». См. также в наст. изд. дневниковую запись А. И. Тургенева от 29 января 1843 г.

А. И. Тургенев — Н. И. Тургеневу

9/21 февраля 1843 г. Москва.

<...> Вчера я заказал для племянниц ложу в русском театре: там давали три пьесы, две из них Гоголя, только что поставленные¹. Одна, «Женитьба», вызвала много нареканий в петербургских газетах; говорят, что сам император не пожелал смотреть ее вторично вместе с семейством из-за дурного тона и царящих там непристойностей. Все же пьеса удержалась на театре. Я тоже слушал с отвращением низкие речи и пошлые, чересчур вульгарные выражения, коими она изобилует. Пьеса заставила чернь смеяться, но не только не возвышает, а пожалуй что и заставляет пасть еще ниже. Вторая пьеса — «Игроки», которую я уже слышал в чтении; она изображает провинциальные и столичные нравы с самой дурной стороны; это Гоголь «Мертвых душ» — весь серый и грязный. Обе пьесы предназначались для бенефиса Щепкина, лучшего нашего комического актера. <...> В Гоголе несомненно есть истинный комизм. Но публики было

немного. Один из женихов носит фамилию *Яшиников*, — стало быть, я буду *яшиницей*, — восклицает невеста, и отказывает. Говорят, что была речь — и о яйцах или яичках, при первом представлении, и шутку нашли слишком похабною. <...>

Первые опубликовано: Мильчина В. А., Осоват А. Л. Гоголь по материалам архива братьев Тургеневых // Шестые тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига; М., 1992. С. 62. Печатается по первой публикации.

¹ См. в наст. изд. коммент. к дневниковой записи А. И. Тургенева от 8 февраля 1843 г.

А. И. Тургенев — Н. И. Тургеневу

19 февраля / 1 марта 1843 г. Москва.

<...> Я привезу 4 части соч<инений> Гоголя, «Ревизор» его у меня в Париже. Другие комедии привезу. Сегодня пойду слушать чтение повести его «Шинель», — полагаю, что это еще одна картина нравов. Аксаков, его поклонник, будет ее читать у госпожи Ховриной¹. Каких ты мыслей о *Чичикове*? Осуждаешь ли ты, подобно многим, автора за то, что он сказал правду о России и изобразил самое высокое сословие, людей благородного происхождения самыми отвратительными? Разве внушаемое ими отвращение не делает чести художнику? Мнения расходятся... <...>

Первые опубликовано: Мильчина В. А., Осоват А. Л. Гоголь по материалам архива братьев Тургеневых // Шестые тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига; М., 1992. С. 63. Печатается по первой публикации.

Письмо представляет собой ответ на послание Н. И. Тургенева к брату от 19/31 января 1843 г. из Парижа: «...Привезите также, если есть что нового Гогеля <так в источнике>. Я с интересом и грустью читаю его «*Мертвые души*». Сначала читал и с негодованием за слог: этим слогом хорошо заставлять говорить описываемые им лица, но самому так же говорить — это едва стерпимо. Но сам автор сознается в этой вине, обвиняя русское общество за то, что не образовало еще разговорного языка. Это и справедливо, и я, прочитав это признание, более на автора не негодовал» (Мильчина В. А., Осоват А. Л. Гоголь по материалам архива братьев Тургеневых. С. 63).

¹ См. также в наст. изд. дневниковую запись А. И. Тургенева от 19 февраля 1843 г.

А. И. Тургенев — князю П. А. Вяземскому

17/29-го августа 1843 г.,

Баден-Баден, в великом герцогстве Баденском.

<...> Я оставляю и Гейдельберг, и Карлсруе и спешу к Жуковскому, который уехал отсюда накануне моего приезда и увез к себе и Гоголя¹. <...>

Первые опубликовано: Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 4. С. 258. Печатается по первой публикации.

¹ 27 августа (н. ст.) 1843 г. Гоголь вместе с В. А. Жуковским выехал из Бадена в Дюссельдорф.

А. И. Тургенев — князю П. А. Вяземскому

15/27-го апреля 1844 г. Париж.

<...> От Жуковского получил индийскую поэму¹. Скоро он будет во Франкфурт с Гоголем, коего переписка лучше книг его², ибо душа в ней слышнее. Постараюсь сдружиться с ним и погулять вместе под небом Шиллера и Гёте, если силы позволят. Отдохну с ним от здешней хандры и от идей неизлечимости и смерти, кои убивают душу прежде тела. Постараюсь также подалее пожить с Жуковским во Франкфурте³. <...>

Впервые опубликовано: Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 4. С. 276. Печатается по первой публикации.

¹ «Наль и Дамянти».

² См. в наст. изд. дневниковую запись А. И. Тургенева от 30 марта / 11 апреля 1844 г.

³ А. И. Тургенев гостил у В. А. Жуковского во Франкфурте-на-Майне в сентябре 1844 г.

А. И. Тургенев — князю П. А. Вяземскому

<Конец июня (н. ст.) 1844. Эмс>

<...> Сейчас у меня Смирнова. Через четыре дня едет прямо во Франкфурт; оставит детей с Жуковским, а с Гоголем обрыскает Бельгию и Голландию и в августе к вам¹.

Впервые опубликовано: Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 4. С. 288. Печатается по первой публикации.

¹ В конце июня (н. ст.) А. О. Смирнова приехала в Франкфурт, где провела две недели, «видаясь каждый день с Гоголем и Жуковским». «В том же году она возвратилась в Россию» (см. в наст. изд. *Воспоминания А. О. Смирновой в Записках о жизни Н. В. Гоголя...* П. А. Кулиша).

А. И. Тургенев — князю П. А. Вяземскому

8/20-го сентября 1844 г. Франкфурт-на-Майне.

<...> Гоголь вчера был у нас¹; обещает заглянуть и в Париж, но к весне. Теперь едет в Рюдесгейм² и возвратится сюда в мою комнату. <...>

Впервые опубликовано: Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 4. С. 297. Печатается по первой публикации.

¹ О встрече А. И. Тургенева с Гоголем 19 сентября (н. ст.) 1844 г. в доме В. А. Жуковского во Франкфурте см. в наст. изд. в коммент. к дневниковой записи Тургенева от 30 марта / 11 апреля 1844 г.

² 19 сентября (н. ст.) 1844 г. Гоголь выехал в Рюдесгейм, где в это время находились Виельгорские, и 21 сентября (н. ст.) вернулся во Франкфурт.

А. И. Тургенев — В. А. Жуковскому

17/29 сентября 1844 г.

<...> Поклонись Гоголю: мне очень жаль, что его не было со мной в St. Acheu¹! я уверен, что воображение его разыгралось бы при виде сего отвержения от всего мирского, по мирским, впрочем, началам. <...>

Впервые опубликовано: Мильчина В. А., Осват А. Л. Гоголь по материалам архива братьев Тургеневых // Шестые тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига; М., 1992. С. 64. Печатается по первой публикации.

16/28 сентября 1844 г. А. И. Тургенев по дороге из Франкфурта в Париж посетил князя И. С. Гагарина, перешедшего весной 1842 г. в католичество. См. в наст. изд. письмо И. С. Гагарина к Н. Н. Шереметевой от 28 марта 1849 г. с упоминанием о Гоголе.

¹ Монастырь иезуитов во французском селении Saint-Acheul (Сен-Ашель), недалеко от Амьена, названном в честь почитаемого католической Церковью святого, принявшего мученическую смерть в 303 г. В. С. Печерин в своих «Замогильных записках» вспоминал: «В 1844, когда я был уже священником, проезжая из Парижа в Бельгию, я заехал в St. Acheul повидаться с Гагариным. Он тогда был свежим и благочестивым новичием. Мне пришлось в его присутствии вынуть кошелек для того, чтобы расплатиться с извозчиком. Он смотрел на это с каким-то священным омерзением: "Ох! уж эти деньги! какая это гадость!" — А теперь он ежегодно получает из России 12 000 франков. О, sainte pauvreté!! pauvre homme! <О, святая бедность! бедный человек! фр.> Прими теперь в соображение, что иезуиты вообще стараются заманить в свой орден богатых и знатных, и ты можешь себе составить понятие о том, какие несметные у них накопились богатства и как могущественно их влияние даже в не католических странах — вот и Россия платит им ежегодную подать» (Печерин В. С. Замогильные записки // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи. Мемуары современников. Изд-во МГУ, 1989. С. 250). В другом месте своих записок Печерин вспоминал: «1 мая 1846 щегольской французский фрегат с трехцветным флагом вошел в Фальмутскую гавань <...> К нам вышли на берег два иезуитских миссионера <...> Несмотря на пресловутую иезуитскую осторожность и скрытность, эти господа как-то за столом проговорились и рассказали нам о всех их планах на случай, если с Божьей помощью им удастся возвратиться в Россию, как Гагарин будет во главе русских иезуитов и пр. и пр.» (Там же. С. 275).

А. И. Тургенев — В. А. Жуковскому

Париж. 1844. 12 октября <н. ст.>.

<...> Скажи Гоголю, что читаю «Москвитянина» три №№ его года. Божок Шевырев все умничает, особливо во *введении* к истории русской словесности¹, часто смешон философским важничанием и бессмыслицею, но есть и дельное в фактах. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. М. Добровольского // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 670. Печатается по первой публикации.

¹ Первые пять лекций С. П. Шевырева по истории древнерусской литературы были опубликованы в 1844 г. в № 1–4, 8 «Москвитянина»: Шевырев С. Введение в историю русской словесности. Чтение первое // Москвитянин. 1844. № 1 (цензурное разрешение 28 дек. 1844). Отд. 2. С. 219–239; Шевырев С. Введение в историю русской словесности. Чтение второе // Москвитянин. 1844. № 2 (цензурное разрешение 10 февр.). С. 534–559; Шевырев С. Введение в историю русской словесности. Чтение третье // Москвитянин. 1844. № 3 (цензурное разрешение 6 марта). С. 118–139; Шевырев С. Введение в историю русской словесности. Чтение четвертое // Москвитянин. 1844. № 4 (цензурное разрешение 11 апр.). С. 305–324; Шевырев С. Введение в историю русской словесности. Чтение пятое // Москвитянин. 1844. № 8 (цензурное разрешение 7 августа). С. 285–317.

Позднее лекции С. П. Шевырева вышли отдельным изданием: История русской словесности, преимущественно древней. XXXIII публичные лекции *Степана Шевырева*, О<рдинарного> Профессора Московского Университета. М., 1846. Т. I. Ч. 1 (лекции 1–5; цензурное разрешение 19 марта); Т. I. Ч. 2 (лекции 6–10; цензурное разрешение 1 авг.). По словам А. С. Хомякова в письме к Ю. Ф. Самарину от 6 апреля 1846 г., святитель Филарет, митрополит Московский и Коломенский, благословил Шевырева за «Историю русской словесности...» образом (см.: *Аксаков И. С. Письма А. С. Хомякова к Ю. Ф. Самарину // Русский Архив. 1879. № 11. С. 324*). Гоголь также высоко отзывался об этой книге и рекомендовал ее для чтения своим сестрам и графине А. М. Виельгорской. 21 августа 1846 г. Шевырев писал князю П. А. Вяземскому: «Посылаю Вашему сиятельству второй выпуск моей книги. <...> Прилагаемые два экземпляра прошу Вас покорнейше доставить, при случае, В. А. Жуковскому и Н. В. Гоголю. Недавно я узнал, что дошел до них и первый выпуск. Вам я тем обязан» (Письма М. П. Погодина, С. П. Шевырева и М. А. Максимовича к князю П. А. Вяземскому 1825–1874 годов. (Из Остафьевского Архива). Изданы с предисловием и примечаниями Н. Барсукова. СПб., 1901. С. 147–148). 18 декабря (н. ст.) 1847 г. Гоголь писал Шевыреву о его книге: «...Лекции русской литературы, вышедшие доселе выпуски, <...> отправь в Полтаву на имя сестры моей Анны». В тот же день Гоголь писал сестре Ольге: «...Рекомендую также и тебе прочесть книгу <...> Шевырева “Чтения русской словесности”. Это очень важная и полезная книга, написанная человеком истинно верующим и любящим Бога». 16 апреля 1849 г. Гоголь обращался также к Виельгорской: «Посылаю вам покамест книгу, которую вы, может быть, не читали. Если ж и читали, то все-таки прочтите, потому что в ней много есть такого, что с первого разу не дается. Это книга Шевырева о древней русской словесности. Она послужит вам прологом к чтению тех книг, в которых раскроется вам вполне русская жизнь». См. также коммент. в изд.: *Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 6. С. 565*.

А. И. Тургенев — В. А. Жуковскому

Париж. 1844. Октября 12/24.

Поклонись Гоголю и заставь его написать ко мне грамотку: я прочел 3 № «Москвитянина» и бесился на педанта Шевырева¹: опять захвастал. Я уже отвечал не ему, а о нем.

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. М. Добровольского // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 670. Печатается по первой публикации.

¹ См. в наст. изд. коммент. к дневниковой записи А. И. Тургенева от 1 января 1843 г.

А. И. Тургенев — В. А. Жуковскому

2/14 генваря 1845.

Я получил кучу писем от Сверб<еевых> и от Киреев<ского>. Просят, чтобы я уговорил Гоголя доставить «Москвитянину» что-нибудь пера его¹. Упроси ты, а если и мое слово не лишнее, то и я прошу.

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. М. Добровольского // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 670. Печатается по первой публикации.

¹ См. в наст. изд. коммент. к письму Ф. В. Чижова Е. М. Хомяковой от 10 августа 1847 г.

А. И. Тургенев — В. А. Жуковскому

Париж. 1845. 8/20 января.

<...> Где ты и как ты в это время? *Лежишь* ли, как слышу от Гоголя, или уже поправляешься? Гоголь расскажет тебе, что слышал о системе его¹ учения от Циркура.

В ту минуту как я послал к тебе последнее письмо, Вельгурская уведомила, что Гоголь здесь, и я видел же здесь его и о вас расспрашивал, а 3-го дня и гр<аф> Вельгурской и ему сообщил о *новом*. Он проживет здесь с месяц, как уверяет. <...> Письмо твое со стихами для Киреевского он получил.

Гоголь уверяет, что эти новые, как и стихи «Одиссеи», лучше всех твоих прежних, полнее, зрелее, простее, прекраснее. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. М. Добровольского // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 670. Печатается по первой публикации.

¹ Вероятно, речь идет о П. Я. Чаадаеве. См. в наст. изд. коммент. к письму А. И. Тургенева В. А. Жуковскому от 6 мая (н. ст.) 1845 г.

А. И. Тургенев — В. А. Жуковскому

Париж, 1845, 7 февраля <н. ст.>.

<...> Я сообщил твое письмецо и Вельгурской¹, которая была нездорова. <...> Гоголь ее ежедневно навещает, я — когда в силах. Третьего дня прочел я там послание Языкова «К не нашим» и так выбранился на фанатизм наших патриотов, что ввечеру сильнее болел. Пришли мне эти стихи, если имеешь. Гоголь не дает, хотя и не совсем одобряет их². <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. М. Добровольского // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 670. Печатается по первой публикации.

¹ Графине Л. К. Виельгорской.

² Стихотворение Языкова «К не нашим» получило полное одобрение Гоголя (см. в наст. изд. коммент. к дневниковой записи А. И. Тургенева от 5 февраля (н. ст.) 1845 г.).

А. И. Тургенев — В. А. Жуковскому

28 февраля <н. ст.> 1845 г. <Париж>.

<...> Гоголь перескажет тебе всё, что Вяземский писал ко мне. <...> Гоголя я редко видал. Попеняй ему. О Мицкевиче он перескажет¹. Книга его любопытна, не только лекции. Вторая часть будет о религии и политике. <...> Возьми у Гоголя стихи Языкова и перешли мне. Я уже писал о них в Москву. <...> Не знаю, увижу ли Гоголя. Посылаю к нему это письмо и собираюсь сам ввечеру к нему, навряд ли застану². <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. М. Добровольского // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 670. Печатается по первой публикации.

¹ См. в наст. изд. коммент. к дневниковой записи А. И. Тургенева от 26 февраля (н. ст.) 1845 г.

² Ср. в наст. изд. дневниковую запись А. И. Тургенева от 1 марта (н. ст.) 1845 г.: «Гоголь уехал».

А. И. Тургенев — В. А. Жуковскому

13/25 марта 1845 г. <Париж>.

<...> Стихи Языкова — символ их¹: что же ты не пришлешь мне их? Может быть я сужу о них хуже, чем должно, выслушав только один раз. Пожми руку у Гоголя и скажи ему, чтобы вырвался как можно скорее из объятий *родикийской*² церкви. Застану ли его во Франкфурте? <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. М. Добровольского // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 670. Печатается по первой публикации.

¹ Славянофилов.

² Так в публикации. Возможно, имеется в виду Лаодикийская церковь (Откр. 3, 14).

А. И. Тургенев — В. А. Жуковскому

Париж, 1845, 6 мая <н. ст.>.

<...> Что и где Гоголь? <...> Привезу тебе прочесть небольшое письмо Чаадаева к Цирку — прочтешь вместе с Гоголем¹. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. М. Добровольского // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 670. Печатается по первой публикации.

¹ Речь идет об известном письме П. Я. Чаадаева к французскому публицисту Адольфу де Сиркуру от 15 января 1845 г., отправленном Сиркуру через А. И. Тургенева 15 февраля 1845 г. Письмо посвящено проблеме Россия и Запад. «Наша <...> Церковь по существу, — писал Чаадаев своему адресату, — Церковь аскетическая, как ваша по существу — социальная: отсюда равнодушие одной ко всему, что совершается вне ее, и живое участие другой ко всему на свете» (цит. по: Чаадаев П. Я. Статьи и письма. М., 1989. С. 296).

Позднее в статье «Просвещение» «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1847) Гоголь писал: «Когда разбираю пристально нить событий мира, вижу всю мудрость Божию, попустившую временному разделению Церквей, повелешью одной стоять неподвижно и как бы вдали от людей, а другой — волноваться вместе с людьми; одной — не принимать в себя никаких нововведений, кроме тех, которые были внесены святыми людьми лучших времен христианства и первоначальными отцами Церкви, другой — меняясь и применяясь ко всем обстоятельствам времени, духу и привычек людей, вносить все нововведения, сделанные даже порочными несвятыми епископами; одной — на время как бы умереть для мира, другой — на время как бы овладеть всем миром; одной — подобно скромной Марии, отложивши все попеченья о земном, поместиться у ног Самого Господа, затем, чтобы лучше послушаться слов Его, прежде чем применять и передавать их людям, другой же — подобно заботливой хозяйке Марфе, гостеприимно хлопотать около людей, передавая им еще не взвешенные всем разумом слова Господни (вспоминается евангельское повествование о посещении Спасителем дома Марфы и Марии; см.: Лк. 10, 38–42. — И. В.). Благоую часть избрала первая, что так долго прислушивалась к словам Господа, вынося упреки недалновидной сестры своей, которая уже было осмелилась называть ее мертвым трупом и даже заблудшей и отступившей от Господа. Не легко применить Слово Христово к людям, и следовало ей прежде сильно проникнуться им самой. Зато в нашей Церкви сохранилось все, что нужно для ныне просыпающегося общества».

Сравнение Западной Церкви с Марфой и Восточной — с Марией Гоголь взял из статьи выпускника Санкт-Петербургской Духовной академии, известного впоследствии духовного писателя и цензора протоиерея Иоанна Константиновича Яхонтова (1819–1888) «О православии Российской Церкви» (чтение этой статьи послужило Гоголю одним из толчков к созданию книги о Литургии): «Тонко, благородно и остроумно сравнивает Стефан Яворский жалобы двух Церквей друг на друга с жалобами Марфы на Марию. Как нельзя сказать, которая из сих жен оставила другую: Марфа ли Марию, или обратно: “так и между сими двумя сестрами взаимное есть оставление. Восточная оставила Запад-

ную в союзе соединения; Западная же оставила Восточную в растлении, в поврежденности и новости Символа” (см. ответ его Сорбоннской Академии в 3-й части особо собранных его сочинений. Москва, 1805)» (Христианское Чтение. 1843. Т. 3. С. 58). (Проект Сорбонны о соединении церквей был привезен в Россию в 1717 г. Петром I.)

Позднее, в августе 1847 г., Гоголь в письме к графу А. П. Толстому (своему постоянному собеседнику по вопросам инославных исповеданий) высоко отозвался о трактате А. С. Хомякова «Церковь одна» (конец 1844 — начало 1845): «Еще нигде не была доселе так отчетливо и ясно определена Церковь, ее границы, ее пределы». Этот трактат Гоголь переписал для себя в отдельную тетрадь и считал, что он получит отклик во многих странах.

Весной 1849 г. в Москве стало известно Окружное Послание восточных Патриархов 1848 г. в Ответ на обращение римского папы Пия IX с предложением унии (опубл., в переводе А. С. Стурдзы: Христианское Чтение. 1849. Т. 2; том вышел в середине лета; отд. изд. СПб., 1850; см. также: *Стурдза А.* Новейшие церковные события в Константинополе // Москвитянин. 1849. Ч. I. (№ 1–4). Отд. V. С. 79–83 (с подписью: «Одесса. Ноября 15-го дня. 1848»); *Стурдза А.* Духовная жизнь и духовная словесность на Востоке. (Современные очерки) // Москвитянин. 1850. № 4 (цензурное разрешение 14 февр.). Отд. I. С. 267–280; с подписью: «Одесса. 8-го декабря 1849»). Свидетельство об этом находим в письме А. С. Хомякова от 1 марта 1849 г. к Ю. Ф. Самарину. Это Послание подвигнуло его к мысли об опубликовании трактата «Церковь одна» (*Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. М., 1900. Т. 8. С. 276–277). В связи с этим Гоголь, оценивая в письме к графине А. М. Виельгорской от 30 марта 1849 г. впервые опубликованный в том же году «Домострой» священника Сильвестра (ум. около 1566), вновь вспомнил о сравнении преосвященного Стефана (Яворского): «...[В этом быт<е>] видим соединенье Марфы и Марии вместе или, лучше, видим Марфу, не ропщущую на Марию, но согласившуюся в том, что она избрала благую часть, и ничего не придумавшую лучше, как остаться в повеленьях Марии, то есть заботиться только о самом немногом из хозяйства земного, чтобы чрез это <прйти> в возможность вместе с Марией заниматься хозяйством небесным». Следуя этому сравнению, можно заключить, что возможность «соединенья» Церквей Гоголь видел только при условии отказа Западной Европы от ее чрезмерного и пагубного для души «земного хозяйства» — хотя бы до уровня русского «Домостроя».

А. И. Тургенев — княгине В. Ф. Вяземской

<18 мая (н. ст.) 1845. Франкфурт-на-Майне>

Le 6/18 mai 1845. Francfort sur Mein.

<...> Копп étant absent, je n'ai pas pu encore le question<n>er sur notre ami: du reste Homère et Иван-Царевич¹ sont les meilleurs médecins. Gogol, qui est maintenant à Homburg, nous a lu hier tout ce charmant poème². <...>

Впервые опубликовано: Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 4. С. 310. Печатается по первой публикации.

¹ «Сказка о Иване-царевиче и сером волке» В. А. Жуковского.

² Копп отсутствовал, я не смог еще его спросить о нашем друге: впрочем Гомер и Иван-Царевич — наилучшие врачи. Гоголь, который теперь в Гомбурге, нам вчера прочитал всю эту прелестную поэму (*фр.*).

Свидетельства о Гоголе княжны В. Н. Репниной-Волконской и княгини З. А. Волконской (рожденной княжны Белосельской-Белозерской)

Гоголь в воспоминаниях княжны В. Н. Репниной-Волконской

Записка, составленная А<фанасием> В<асильевичем> М<аркович>ем
из письма к нему Кн<яжны> В. Н. Р<епни>ной о Гоголе

<31 декабря 1856–1859>

Кн<яжна> В. Н. Р<епни>на видела в первый раз Гоголя в Баден-Бадене, в 1836 году¹; спустя немного более года в Риме², а потом <в> Неаполе³ и опять в Риме⁴, в 1840 или 1841 г. в Женеве⁵; по возвращении его из Иерусалима, в Яготине⁶ (Полт<авской> губ<ернии>) и в Одессе⁷. Каждый из этих 4-х периодов знакомства ее с Гоголем дает особый оттенок его личности.

В Баден-Бадене она слышала, как он читал «Записки Сумасшедшего»⁸ (о которых один, очень искусный врач сказал, что последовательность, с которою Гоголь описывает постепенное расстройство рассудка, так хорошо представлено, что если бы доктор описывал в самом деле такого рода больного, он не мог бы лучше представить прогресса болезни) и «Ревизора», изменяя, при чтении последнего, тон, сообразно с характерами лиц этой комедии. Мимика и артистическая декламация Гоголя произвела на ее впечатление в пользу его высокого сценического таланта. (О комедии «Ревизор» слышала она, что переведший ее француз поклонник Гоголя, не мог найти издателя в Париже. Публика, говорили ему, не стерпела бы представление, в котором все бездельники.)

В Риме К<няжна> боле с ним познакомилась, замечала остроумье его, видела ум. В Неаполе Гоголь был очень болен, жил у них и, казалось, чрезвычайно был погружен в свою болезнь. Тут увидела она великодушное сердце Гоголя. Получив известие, что один из его приятелей⁹ в Париже без денег, в горести и больной, Гоголь забыл о своей болезни, занял у двух особ денег и поспешно уехал в Париж. Из Парижа он возвратился уже в Рим, и уплатил долг. Все это время он был очень любезен, — часто проводил у них вечера, которые, по словам К<няжны>, благодаря ему, были очень приятны. Сюда (в Рим) привезен был больной чахоткою Виельгорский. Гоголь ухаживал за ним, как обыкновенно умеют ухаживать за больными одни только женщины, и когда он скончался, Гоголь не отходил от его отца.

Раз <княжна> входит у комнату — это было в окрестностях Рима, в Фраскати — Гоголь сидит, держа в руках книгу. То была Библия, подаренная ему Виельгорским, в последние дни его жизни, на ней дрожащей рукою было написано: *другу моему Николаю*. Гоголь сказал с глубоким выражением: «Эта книга мне вдвое святее». Тогда в первый раз заметила она религиозное чувство Гоголя.

В Женеве К<няжна> встретила его неожиданно. Он туда приехал из Италии и поджидал на улице дилижанса в Дюс<с>ельдорф, куда отправлялся к Жуковскому: он спешил и не мог навестить ее родителей¹⁰. Заговоря о переписке, она услышала в ответ слова, сказанные с поспешностью, что и без писем можно друг друга помнить, или что-то подобное. С тех пор совсем прекратилась между ними переписка, которая и до того была, по словам К<няжны>,

незначительна и как бы искусственна, но, по-видимому, не совсем лишенная занимательности, если разошлась по рукам и не может быть собрана.

В Яготине, как само собой разумеется, все ему обрадовались. Он восхищался величественною роскошью яготинского сада, был очень доступен, снисходителен, добр, и так сказать, мягок и братски-любящ. Лицо его выражало отпечаток могучей перемены, происшедшей в его душе, — которой и прежде были ясны люди, но он был для них закрыт, когда почти одна ирония выказывалась наружу, отпечатлеваясь и в чертах его лица — остром носе и выразительных глазах. В Яготине Гоголь гостил дня два.

Из встречи с Гоголем в Одессе К<няжна> сообщает пока немного. На замечание ее, что хорошо бы было особое церковное служение во время бури на море, о тех, которые плывут, он сказал: «Это за нас делают Святые; они прибрежные люди, а мы плывем». А вот анекдот Гоголя в комическом роде. Какой-то господин, говорил Гоголь, выезжавши, отдал любимую собаку на попечение слуге. Возвратясь домой, он узнает, что собака издохла. Как же это случилось, спрашивает он у слуги. Человек отвечал: Воны ходыли, ходылы, силы на балкон, та и здохлы. (Обещаны и пополнения к этому, но я не дожидаясь их, а дожудусь, пришло.)

Я надеюсь, что эта записка будет для Вас интереснее самого полного от меня письма и послужит подарком на новый год.

Ваше письмо от 13 декабря из Москвы я получил только 30, т. е. вчера. Не могу довольно поблагодарить за теплоту его и сердечность. Не удивляйтесь, коли что чудное начтаете в моих словах. <...>

Публикуется впервые по автографу: *ЛМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 70. Л. 1–2 об.* Записка представляет собой письмо А. В. Марковича к П. А. Кулишу от 31 декабря 1856–1859 гг., составленное на основании письма к Марковичу княжны В. Н. Репниной-Волконской. Написано рукою жены А. В. Марковича М. А. Маркович. После издания «Записок о жизни Н. В. Гоголя...» (1856) П. А. Кулиш некоторое время продолжал собирать материалы о Гоголе. — по-видимому, для второго издания «Записок...», которое, однако, не состоялось.

Княжна Варвара Николаевна Репнина-Волконская (псевдоним Лизверская, 1809–1891), дочь Н. Г. и В. А. Репных-Волконских, фрейлина, писательница; племянница княгини З. А. Волконской (см. примеч. 13 к *Воспоминаниям княжны В. Н. Репниной-Волконской в записи В. И. Шенрока*); была знакома также с Т. Г. Шевченко, осужденным в 1847 г., вместе с Н. И. Костомаровым и П. А. Кулишом, за участие в сепаратистской деятельности Украинско-Славянского Общества. О встречах княжны В. Н. Репниной-Волконской с Гоголем см. также в наст. изд. дневник Е. А. Хитрово «Гоголь в Одессе. 1850–1851».

Афанасий Васильевич Маркович (1822–1867), этнограф; в 1847 г. также был осужден по делу Украинско-Славянского Общества; в октябре 1850 г. встречался с Гоголем у В. А. Лукашевича в селе Мехедовка Золотоношского уезда (см. в наст. изд. *Воспоминания Аф. Вас. Марковича в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша*).

Мария Александровна Маркович (рожд. Вилинская, псевдоним Марко Вовчок, 1833–1907), писательница.

Ранее, 12 декабря 1853 г., еще один знаковый П. А. Кулиша, осужденный по делу Украинско-Славянского Общества, писатель Александр Александрович Навроцкий (1823–1892) писал княжне В. Н. Репниной-Волконской: «...Вы когда-то были в переписке с Гоголем и, следовательно, у Вас, сохранились его письма. Здесь, в Петербурге, один талантливый литератор <П. А. Кулиш> занимается составлением полной биографии Гоголя, и, если действительно сохранились у Вас письма Гоголя, то, без сомнения, Вы не откажетесь служить этими материалами для общей пользы. Будьте уверены, что письма эти напечатаны на тех условиях, на каких Вы сами пожелаете, то есть с сохранением Вашего полного адреса или только под буквами, словом, какие Вы не предложите условия, они примутся с благодарностию и исполнятся со всевозможною точностию. За добросовестность этого человека я смело ручаюсь» (Лики Гоголя. Фотоальбом. Под общ. ред. М. С. Гомозковой. Авторы-составители Е. М. Варенцова, С. П. Белехова, В. Н. Куделина, Н. Г. Прохоров. М., 2009. С. 140). На это письмо В. Н. Репнина-Волконская, вероятно, не откликнулась,

вследствие чего П. А. Кулиш предпринял новую попытку получить от нее сведения о Гоголе, на этот раз через А. В. Марковича.

¹ В конце июля — середине августа (н. ст.) 1836 г.

² Во второй половине марта — первой половине июня (н. ст.) 1837 г., в июне (н. ст.) 1838 г.

³ В Неаполе и Каstellамаре в июле — начале сентября (н. ст.) 1838 г.

⁴ В первой половине июня (после 2 июня н. ст.) 1839 г., в окрестностях Рима, во Фраскати, на вилле Фальконьери.

⁵ Вероятно, во второй половине августа (н. ст.) 1841 г.

⁶ Судя по тому, что в Яготине (Егатине) Гоголь «восхищался величественною роскошью яготинского сада» (см. ниже), а также по тому, что о двухдневном пребывании там Гоголя княжна В. Н. Репнина-Волконская вспоминает после сообщения о возвращении Гоголя из Иерусалима и до рассказа о его проживании в Одессе с 24 октября 1850 г. по 28 марта 1851 г., то, вероятно, он побывал в Яготине проездом из Васильевки в Киев между 25 и 28 мая 1848 г. О том, что «видел <...> Гоголя в Яготине в 1848 г.», сообщал также князь Н. В. Репнин-Волконский (см. в наст. изд. публикацию А. И. Маркевича «Воспоминания князя» Н. В. Репнина о пребывании Гоголя в Одессе).

⁷ С конца октября 1850 по март 1851 г.

⁸ Сохранился неоконченный перевод «Записок сумасшедшего» на фр. язык В. Н. Репниной-Волконской (см.: *ГЛМ*. Ф. 1. Оп. 2. Д. 23. 6 лл.).

⁹ А. С. Данилевский. Ср. в публикации П. И. Бартечева «Из воспоминаний княжны В. Н. Репниной»: «...Когда он получил письмо от своего друга Александра Семеновича Данилевского о том, что он в Париже болен, без денег и не может поэтому вернуться в Россию, то Гоголь бросил свое лечение, занял у моего зятя Кривцова и у меня денег (которые он нам возвратил, приехавши из Франции) и поспешил выручить из беды Данилевского» (см. в наст. изд.).

14 августа (н. ст.) 1838 г. Гоголь писал А. С. Данилевскому из Неаполя (датировка письма уточнена): «Ты знаешь, ты можешь себе вообразить, с каким чувством читал я письмо твое. И как мне досадно было, как плакал я, что оно пришло ко мне поздно, что я его получил еще не в Риме. Я не знаю, что мне делать. Читаю в конце твоего письма: Приезжай в Париж. Я б приехал, я бы где-нибудь достал денег и непременно бы приехал, потому что обнять тебя после такой долгой разлуки — это такая радость. Но как это сделать. Если ты уже выехал? если я тебе уже не застану? (А. С. Данилевский собирался в то время в Россию. — *И. В.*) Письмо твое повергло меня в жесточайшее недоумение. Сижу над ним и ни на что не могу решиться. <...> Может быть, этот неприятный случай, так несчастный, эта история с векселем, может быть, она приключилась нарочно, чтобы тебе помешать этот год ехать». (Под «историей с векселем», случившейся с Данилевским, подразумевается «мошенническое похищение каким-то евреем присланных ему из дому денег»; см. в наст. изд. восьмой раздел воспоминаний А. С. Данилевского «Заграничная жизнь Гоголя в 1836–1839 гг.») Размышляя о том, как помочь Данилевскому, и не зная, находится ли еще он в Париже, Гоголь в тот же день, 14 августа (н. ст.) 1838 г., обратился к М. П. Погодину с просьбой: «Если ты богат, пришли вексель на 2000. Я тебе через год много через полтора их возвращу. <...> Если будешь посылать вексель, пожалуйста вели банкуру моему послать прямо к римскому банкуру Валентини...». (Оба письма — к Данилевскому и к Погодину — датированы Гоголем 20 августа, однако сохранившийся почтовый штемпель на письме к Погодину указывает, что оно было отправлено из Неаполя 14 августа (н. ст.). Очевидно, что письмо к Данилевскому также датировано ошибочно и относится к тому же дню, т. е. к 14 августа.)

В те же месяцы в Москве распространились слухи, будто Гоголь «отчаянно болен в Италии и даже посажен за долги в тюрьму». Эти слухи были вызваны письменным обращением Гоголя 18 апреля (н. ст.) 1837 г. из Рима к Государю с просьбой о материальной помощи (см. в наст. изд. коммент. к письму С. Т. Аксакова М. П. Погодину от второй половины июня (до 25 числа) 1838 г.). Вследствие этого друзьями Гоголя было решено собрать ему деньги. Получив письмо Гоголя от 14 августа (н. ст.) 1838 г. (вызванное стремлением помочь Данилевскому), Погодин 1 сентября 1838 г. выслал ему 2000 рублей ассигнациями, которые принадлежали не только самому Погодину, но также С. Т. Аксакову, Е. А. Боратынскому, Н. Ф. Павлову и И. Е. Великопольскому. Однако в первых числах сентября (н. ст.) 1838 г. Гоголь получает от Данилевского новое письмо, от 27 августа (н. ст.) 1838 г., в котором тот сообщает, что находится по-прежнему в Париже, и повторяет свою просьбу приехать к нему на помощь. Получив письмо Данилевского, Гоголь 5 сентября (н. ст.) 1838 г. будучи в Неаполе, отправил княжне В. Н. Репниной-Волконской в Каstellамаре письмо, в котором просил ее обратиться к П. И. Кривцову, чтобы тот ходатайствовал у римского банкира Д. Валентини о выдаче Гоголю

в Париже 1500 франков: «Чтобы Валентини написал к тому банкиру, которого он более знает и с кем в сношении он в Париже, выдать мне означенную сумму... <...> В ноябре месяце я сам вручу эти деньги Валентини, тем более, что ожидаемые мною в этом месяце деньги и без того придут к нему в руки...». Хотя Репнина жила совсем неподалеку («в Каstellла-Маре, в двух часах от Неаполя» — см. письмо Гоголя к А. С. Данилевскому от 15 августа (н. ст.) 1838 г.), Гоголь, не дожидаясь ответа, очевидно, в тот же день, 5 сентября (н. ст.), отправился в дорогу, известив Репнину в цитированном письме: «Об успехе этого дела напишите мне маленькую записочку в Париж...» 9 сентября (н. ст.) 1838 г. Гоголь был уже в Ливорно, на пути в Париж. В Париж он прибыл в середине сентября (н. ст.) 1838 г. и пробыл здесь более месяца, до 25 октября (н. ст.). 20 сентября (н. ст.) 1838 г., — очевидно, на первой неделе пребывания в Риме, сразу после получения денг, — Гоголь благодарил Репнину за помощь в поручительстве: «Благодарю вас, княжна, много, много, много, как только в силах благодарить мое сердце». В свою очередь, за получение 2000 рублей от Погодина Гоголь благодарил друга по возвращении в Рим, в письме от 1 декабря (н. ст.) 1838 г. Частью из полученных от Погодина денег Гоголь вновь оказал помощь Данилевскому, которому в письме от 31 декабря (н. ст.) 1838 г. сообщил: «Видит Бог, с какой готовностью и радостью помог бы тебе, и радость эта была бы мое большое счастье, но, увы!.. что делать? Делюсь по крайней мере тем, что есть; посылаю тебе билет в 100 франков, который у меня долго хранился. Я не трогал его никогда, как будто знал его приятное для меня назначение. На днях я перешлю тебе через Валентини франков, может быть, 200. Ты, по получении этого письма, наведайся к банкиру Ружемонту; от него их получишь. Я, приехавши в Рим, нашел здесь для меня 2000 франков от доброго моего Погодина, который, не знаю, каким образом, пронюхал, что я в нужде, и прислал мне их. Они мне были очень кстати, тем более, что дали мне возможность уплатить долг Валентини, который лежал у меня на душе, и переслать эту безделицу к тебе». В. И. Шенрок по поводу этого гоголевского письма замечал: «Особенно достойна внимания в этом отношении истинная деликатность Гоголя: выпросив деньги у Погодина, он объяснил дело в письме к Данилевскому случайностью» (см. в наст. изд. восьмой раздел воспоминаний А. С. Данилевского «Заграничная жизнь Гоголя в 1836–1839 гг.»).

¹⁰ Имеются в виду князь Николай Григорьевич и княгиня Варвара Алексеевна (рожд. графиня Разумовская) Репнины-Волконские.

П. И. Бартнев

Из воспоминаний княжны В. Н. Репниной о Гоголе

Прочитав в 8-й книжке «Русского Архива» сочинение С. Т. Аксакова «Мое знакомство с Гоголем», я сказала себе: не знаю, кого более любить, Аксакова или Гоголя? Оба родные души и что могу я своими мелкими подробностями прибавить к полноте книги С. Т. Аксакова¹?

В начале тридцатых годов в Петербурге, живя у сестры своей графини Александры Николаевны Кушелевой-Безбородко, я получила от своей родственницы Анны Алексеевны Олениной книгу «Вечера на хуторе близ Диканьки». Она не умела назвать мне автора, но очень хвалила произведение юного литератора. Не помню, какое произвела на меня действие эта книга, но верно, что не восторга, потому что об этом я бы помнила. К тому же я мало смыслила в литературе, мало читала, и не в состоянии была судить о достоинстве сочинения. Фантастическое и смешное мало были мне симпатичны: моя душа требовала высокого, святого. Мне не столько нужен слог, как *суть*, и вот вероятно вследствие этого и позднее для меня непостижимо было, почему вся читающая и образованная публика пришла в такой восторг при появлении первого тома «Мертвых Душ». Я дала слово Г. П. Галагану прочесть эту книгу; это Гомер, говорил он. Но типы «Мертвых Душ» и «Ревизора» так отвратительны, что ни ум автора, ни прелесть слога не могут заставить забыть, что утопаешь в грязи, ходя по тем дорогам, по которым шагают герои «Мертвых Душ» и «Ревизора». Но теперь о самом Гоголе.

¹ Глубокоуважаемая княжна Варвара Николаевна Репнина писала эти Воспоминания свои по нашей просьбе. — П. Б<артнев>.

В первый раз я его увидела в Баден-Бадене¹. Нас с ним познакомила Варвара Осиповна Балабина, милая, умная, добрая и смиренная женщина. Ее старшая дочь была замужем за моим братом; вся семья Балабиных была со мною коротко знакома. Отец, Петр Иванович, оригинального характера, честный и прямой человек. По настоянию императора Николая он надел жандармский мундир, но, кажется, недолго вынес его. Я помню, что на вопрос Натальи Кирилловны Загрязской генеральше Мёрдер (которая воспитывалась вместе с Варварой Осиповной у княгини Шаховской), почему Балабин подал в отставку, она отвечала: «*Parce que cet uniforme lui pesait*»². У Балабиных было три сына и две дочери. Старший Иван Петрович был женат на моей двоюродной сестре Уваровой; он был милый, веселый человек. Вторым — Виктор Петрович, был умен; я помню, что в Одессе у графини Остен-Сакен я про него сказала, что у Виктора ум беса и сердце ангела, и Озеров, который возвращался с посольства из Константинополя, нашел мое мнение о Викторе Петровиче справедливым. Я очень была дружна с Виктором. Третий брат, Евгений, не знаю, как и кем был увлечен в католичество. Меньшая дочь Марья Петровна, очень красивая и даровитая, была замужем за доктором Вагнером. В Бадене Гоголь читал нам «Ревизора». Я не бываю в театре, но могу сказать, что я присутствовала на представлении «Ревизора»: потому что Гоголь представлял всех действующих лиц, переменяя голос, разнообразя мимику каждого лица. Он читал изумительно хорошо; он тогда же прочитал нам «Записки Сумасшедшего», которые под конец вызвали слезы у Варвары Осиповны.

В Каstellамаре³ у нас было две дачи, потому что нас было большое общество: родители мои, Глафира Ивановна⁴ и я, брат мой с семейством и Павел Иванович Кривцов с своею женою (моей меньшей сестрой). Когда брат мой уехал, Гоголь оставался на его даче, где находилась одна из наших горничных, очень больная, для которой мать моя наняла сиделку; она же служила и Гоголю. Обедал он на нашей даче; обе принадлежали одному хозяину и разделялись дорогою. Гоголь часто сидел в моей комнате, где мы жили с Глафирой Ивановной. Туда приходил также молодой архитектор Дмитрий Егорович Ефимов⁵, с которым Гоголь постоянно спорил⁶. Гоголь тогда страдал желудком, и мы постоянно слышали, как он описывал свои недуги; мы жили в его желудке. Но когда он получил письмо от своего друга Александра Семеновича Данилевского о том, что он в Париже болен, без денег и не может поэтому вернуться в Россию, то Гоголь бросил все свое лечение, занял у моего зятя Кривцова⁷ и у меня денег (которые он нам возвратил, приехавши из Франции) и поспешил выручить из беды Данилевского. В Каstellамаре он читал нам первые две главы второго тома «Мертвых Душ»⁸ и тогда, или позже немного, говорил, что первый том — грязный двор, ведущий к изящному строению⁹.

В Риме он ухаживал, как сердобольная сестра, за умирающим молодым графом Виельгорским и однажды после его смерти¹⁰, на вилле Фальконьери, где мы жили, я застала Гоголя в моей комнате с книгою в руках и спросила его, что эта за книга; он мне ее передал. Это была Библия; на первом листке, дрожащей рукой покойного Виельгорского, написано было: «другу моему Николаю. Вилла Волконская»; числа я не помню. Гоголь сказал мне: «Эта книга вдвое мне святее». В Риме Гоголь часто к нам ходил и был очень забавен; я тогда была смешлива и от его рассказов хохотала во все горло. Между прочим он рассказывал, что в Нежинском Лицее был у них профессор греческого языка, грек¹¹. Он читал студентам Гомера, которого никто из них не понимал. Прочитав несколько строк, он подносил два пальца ко рту, щелкнет и, отводя пальцы, говорит: «чудесно», с сильным греческим выговором. Потом, прочитав о каком-то сражении, он перевел греческий текст словами: «и они положили животики свои на ножики», и весь класс разразился громким смехом. Тогда профессор сказал: «По-русски это смешно, а по-гречески очень жалко».

Потом, кажется, по возвращении из Иерусалима, Гоголь был у нас в Яготино¹², куда мы с моею матерью¹³ приезжали на время из Одессы. Гуляя со мной по саду, Гоголь восхищался деревьями и сравнивал их с мизерной растительностью Одессы. Я понимала, что ивы, клены, липы и пирамидальные тополи его восхищали. В Одессе, где Гоголь прожил довольно времени, он

почти ежедневно бывал у моего брата¹⁴, который отвел ему особенную комнату с высокой конторкой, чтобы ему можно было писать стоя; а жил он не знаю где. У моего брата жили молодые люди малороссияне, занимавшиеся воспитанием его младших сыновей¹⁵. Жена моего брата¹⁶ была хорошая музыкантша; Гоголь просил ее аккомпанировать хору всей этой молодежи на фортепиано, и они под руководством Гоголя пели украинские песни. К матери моей (мы жили в другом доме) он приходил довольно часто, был к ней очень почтителен, всегда целовал ей руку¹⁷. Он рекомендовал ей проповеди какого-то епископа Иакова¹⁸ и однажды, застав Глафиру Ивановну¹⁹, которая читала вслух матери моей «Мертвые Души», он сказал: «Какую чертовщину вы читаете, да еще в великий пост!» У матери моей была домовая церковь. Гоголь приходил к обеду, становился в угол за печкой и молился, «как мужичок», по выражению одного молодого слуги, то есть клал земные поклоны и стоял благоговейно. Этот же слуга доложил нам однажды, что пришел сочинитель, что Гоголя и нас рассмешило.

Прочитав в Яготине, по настоянию Г. П. Галагана, «Мертвые Души», вот что я тогда написала:

«Я читала *Мертвые Души*, против которых я имела сильное предубеждение, или лучше сказать неблагоразумное, не позволительное предубеждение; ибо предубеждение всегда не позволительно, как чувство без основания. Прочитавши эту замечательную книгу, во мне родилось к Гоголю чувство глубокого уважения, теплого, умиленного сочувствия; я чувствую себя в родстве с его душою. Я ему благодарна за наслаждение, которым подарила меня его книга, за выпрямившиеся понятия мои. Я благоговеею перед ним. Чтобы быть полезным ближнему, он бесстрашно, мужественно, просто, погружается в грязь и, узнав всю ее смрадность, из среды этого гнилого омута¹, [он] кричит людям: минуйте, минуйте этот омут! Это прекрасно, это человечно! Это христианский подвиг! А эти три-четыре страницы полные поэзии и чувства, которые, как светлые звезды, блестят посреди мертвых душ Чичикова, Ноздрева, Собакевича²⁰, как они хороши, как лучезарны, как освежительны для души, как они делают Гоголя существом близким сердцу, как трогательно, что, будучи проникнут чувством прекрасного, имея дар изливать это чувство, он как бы не позволяет себе ему вполне предаваться, и с истинным самоотвержением обращается к плачевно-грязной стороне нашего общества и нас врачует, разбирая все эти гнусные раны, наводящие на душу глубокую тоску. Какая разница между Гоголем и Сю²¹; величаяв простота, глубокомысленный смех, целительная ирония первого красноречиво говорят о любви к ближнему, о желании улучшения людей; он нравственен и занимается грязью, дабы ею не пачкались люди. Сю, как актер, желает производить впечатление, содрогание и погружает читателей своих в грязную лужу, из которой они выходят обессиленными, с распаленным воображением, с страстями еще более необузданными и часто с новыми пятнами.

Я читала *Мертвые души*, и вдруг Гоголь приехал к нам²². Лицо его носило отпечаток перемены, которая воспоследовала в душе его. Прежде ему были ясны люди; но он был закрыт для них, и одна ирония показывалась наружу, она колола его острым носом, жгла его выразительными глазами; его боялись. — Теперь он сделался ясным для других, он добр, он мягок, он братски сочувствует людям, он так доступен, он снисходителен, он дышет Христианством»²³.

Потом в Одессе²⁴ я дала ему прочесть эти строки; он сказал мне: «Вы меня поняли, но слишком высоко поставили в своем мнении».

Это я писала в 1846 году²⁵, теперь же в 1890 году почти полвека прошло и я не написала бы этого. Ныне я смотрю на мир иначе и задаю себе вопрос: кого исправили «Мертвые Души»? Я понимаю, что Гоголь сжег свое творение и не понимаю плача С. Т. Аксакова и недоумения многих по поводу того, что Гоголь под конец своей жизни не остался прежним Гоголем, юмористом, а сделался истинным христианином. Все и вся должно исчезнуть; в новом, обновленном

¹ омута *вписано вместо*: воздуха

мире тленное не будет иметь места, и Гоголь обновленный в Царстве Небесном уже не Гоголь земной, но бессмертная, ликующая душа, воспевающая «Свят, Свят, Свят!»

В заключение приведу отрывок письма, писанного из Москвы в Одессу вскоре по кончине Гоголя²⁶.

<...>¹ *Перевод.* «Что до Гоголя, не знаю, когда мысль будет в состоянии освоиться с печальной действительностью — не видать больше среди нас этого человека добра, многими достоинствами столь замечательного, столь простого, с такою сердечною горячностью отзывчивого, деятельного мыслью и волей, правдивого в речах. Эта была святая натура, один из людей добра, какие в наши дни все более пропадают. Кончина его была величественна и трогательна. Он очень любил моих братьев и, помня про них, продолжал посещать нас в их отсутствие. Случалось нам, если старших сестер не было дома, принимать его в своей комнате. Он любил этот уголок, интересовался нашими занятиями живописью и всегда находил теплое слово, чтобы поднять упавшую бодрость духа. Иногда смешил нас, как детей, своими полными самобытными рассказами, сводившими к какой-нибудь важной и глубокой мысли, брошенной как зерно, которое производило целый ряд полезных размышлений. И от всего этого уцелела лишь трава над его преждевременной могилой в уединенном уголке кладбища Данилова монастыря, где почит он возле своего друга, поэта Языкова, с одной стороны, а с другой, — возле г-жи Хомяковой, сестры своего друга, поэту он сам проводил в могилу незадолго до своей смерти. Мы видели его еще один раз в короткий промежуток между этими кончинами. Было это в четверг на масляной²⁷, а скончался он во вторник на второй неделе великого поста²⁸. Он был ясен, но сдержан и всеми своими мыслями обращен к смерти; глаза его блистали ярче, чем когда-либо, лицо было очень бледно. За эту зиму он очень похудел, но настроение духа его не заключало в себе ничего болезненного; напротив, оно было ясным более постоянно, чем прежде. Мысль, что мы его скоро потеряем, была так далека, так далека от нас; а между тем тон, с каким он прощался, на этот раз показался нам необычайным, и мы между собою заметили это, не догадываясь о причине. Ее разъяснила нам его смерть».

Впервые опубликовано: <Бартенев П. И.> Из воспоминаний княжны В. Н. Репниной о Гоголе // Русский Архив. 1890. № 10. С. 227–232. Печатается, за исключением отрывка из записной книжки В. Н. Репниной, по первой публикации. Отрывок из записной книжки («Я читала *Мертвые Души* — он дышет Христианством») приводится по автору: ГЛМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 26. Л. 33 об.–36. Ср. также публикацию этого отрывка в изд.: Лики Гоголя. Фотоальбом. Под общ. ред. М. С. Гомозковой. Авторы-составители Е. М. Варенцова, С. П. Белехова, В. Н. Куделина, Н. Г. Прохоров. М., 2009. С. 138. Воспоминания написаны по просьбе П. И. Бартенева (см. в тексте подстрочное примеч. Бартенева).

¹ В конце июля — середине августа (н. ст.) 1836 г.

² Потому что этот мундир тяготил его (*фр.*).

³ Речь идет о периоде между июлем и началом сентября (н. ст.) 1838 г. К этому времени предположительно относится акварельный портрет Гоголя работы А. А. Иванова, хранящийся в Государственном Русском Музее. «...В 1838 г. <...> и Гоголь, и Иванов провели июль и август в окрестностях Неаполя. Гоголь обосновался в Каstellамаре. Где тогда пребывал Иванов не установлено, но так как его пейзажи 1838 г. связаны с Помпеей и Каstellамаре, и именно там обосновались многие русские из римской “колонии”, в том числе и “мecenатствующие”, предположение, что художник остановился неподалеку от писателя, весьма правдоподобно. <...> Приведенные данные позволяют считать 1838 г. наиболее ранней возможной датой создания <Ивановым> акварельного портрета <Гоголя>» (*Уварова Н. И.* Неизвестный портрет Н. В. Гоголя работы А. А. Иванова // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1994. М., 1996. С. 306–307).

⁴ Г. И. Дунина-Барковская (рожд. Псиол). «О ней см. в “Русском Архиве”, 1889, III, 575. — П. Б.» (примеч. П. И. Бартенева). Сохранился карандашный набросок портрета Гоголя Г. И. Дуниной-Барковской, относящийся, по-

¹ Следует текст письма на *фр.* языке.

видимому, к этому периоду (см.: Портреты Н. В. Гоголя. Собраны и изданы под наблюдением Общества Любителей Российской Словесности при Императорском Московском Университете. Выполнено и издано худож. фототипией К. А. Фишер<а>. <Вступит. ст. М. Н. Сперанского>. М., 1909. С. 45; № 8; *Машковцев Н. Г.* Гоголь в кругу художников. Очерки. М., 1955. С. 148).

⁵ Д. Е. Ефимов (1811–1864), архитектор.

⁶ В. И. Шенрок, комментируя строки письма Гоголя к М. П. Погодину от 5 мая (н. ст.) 1839 г.: «И я похож теперь на Ефимова, который показывал тебе египетские древности...», — также отмечал: «...Речь идет об архитекторе Дмитрие Егоровиче Ефимове, с которым Гоголь всегда спорил, как сообщала нам княжна В. Н. Репнина. Он отличался самоуверенностью и самодовольством при ограниченных познаниях. Следует, впрочем, заметить, что Погодин далеко не так презрительно относился к Ефимову и многое в показанных ему портфелях признавал вовсе не лишенным интереса» (Письма Н. В. Гоголя. Ред. В. И. Шенрока. СПб., <1901>. Т. 1. С. 595–596).

⁷ П. И. Кривцов был женат на Елизавете Николаевне Репниной-Волконской, родной сестре княжны В. Н. Репниной-Волконской.

⁸ Первые свидетельства Гоголя о работе над вторым томом «Мертвых душ» появляются в конце 1840 г. (см. его письма к С. Т. Аксакову и к М. П. Погодину от 28 декабря (н. ст.) 1840 г.). В 1846 г. в одном из «Четырех писем к разным лицам по поводу “Мертвых душ”» Гоголь, имея в виду вторую том поэмы, также замечал: «Не легко было сжечь пятилетний труд... <...> ...то, над чем провел пять болезненных лет». Вероятно, сообщение княжны В. Н. Репниной-Волконской о чтении Гоголем «первых двух глав» второго тома «Мертвых Душ» относится не к периоду пребывания писателя в Каstellамаре в начале июля — августе (н. ст.) 1838 г., но либо ко времени его посещения Яготина между 25 и 28 мая 1848 г., либо к поре его проживания в Одессе с 24 октября 1850 по 28 марта 1851 г.

⁹ См. также три письма Гоголя 1842 г.: к П. А. Плетневу от 17 марта, к А. С. Данилевскому от 9 мая, к В. А. Жуковскому от 26 июня (н. ст.).

¹⁰ Граф И. М. Вильгорский умер 2 июня (н. ст.) 1839 г.

¹¹ Профессор греческого языка и словесности Х. Н. Иеропес.

¹² Между 25 и 28 мая 1848 г.

¹³ Княгиня В. А. Репнина-Волконская (рожд. графиня Разумовская).

¹⁴ Князь В. Н. Репнин-Волконский.

¹⁵ «У кн<язя> В. Н. Репнина к 1854 г. (см. Росс<ийская> Родосл<овная> книга, изд. кн<язем> П. Долгоруким, ч. 1. СПб. 1854 г., стр. 274) было, кроме старшего сына Николая, еще два сына: Петр и NN <Василий> и дочь Варвара. Одним из этих молодых людей был, вероятно, Арк. Ил. Павловский <...>, другим какой-то Животовский (сообщено Н. И. Ленцом)» (*Маркевич А. И.* Гоголь в Одессе // Записки Имп. Новороссийского ун-та. Одесса, 1902. Т. 88. Отд. 3. С. 31).

¹⁶ Княгиня Е. П. Репнина-Волконская (рожд. Балабина).

¹⁷ «Впрочем, в 1850-х годах существовал обычай, в силу которого мужчины “подходили к ручкам” всех дам» (*Маркевич А. И.* Гоголь в Одессе // Записки Имп. Новороссийского ун-та. Одесса, 1902. Т. 88. Отд. 3. С. 31).

¹⁸ Имеется в виду книга «Слова и речи преосвященного Иакова (Вечеркова, 1792–1850), епископа Нижегородского и Арзамасского» (2-е изд. СПб., 1847. Ч. 1–3). В 1902 г. Вл. А. Гиляровский описал экземпляр книги епископа Иакова с пометами Гоголя (см. в наст. изд. статью В. А. Гиляровского «Неизданное письмо Гоголя и его кресло»).

¹⁹ «Дунину-Барковскую, урожденную Псиол, — вдову, жившую у кн<ягини> В. А. Репниной» (*Маркевич А. И.* Гоголь в Одессе // Записки Имп. Новороссийского ун-та. Одесса, 1902. Т. 88. Отд. 3. С. 31).

²⁰ Княжна В. Н. Репнина-Волконская одна из первых отнесла название гоголевской поэмы «Мертвые души» к ее героям. В те же годы А. Е. Студитский, говоря о Гоголе как о продолжателе «разрушительного» направления, заданного О. И. Сенковским и поддержанного М. Ю. Лермонтовым, замечал: «...Мы хотели <...>, чтобы поэт взглянул <...> на нашу жизнь, чтобы в его созданиях, как в верном зеркале, мы могли видеть себя со всех сторон». В «Мертвых душах», продолжал критик, «одного лица нет живого — в благородном значении этого слова, <...> название столько же прилагается и к тем душам, которые торгуются, продаются, покупаются, вводятся в крепости, и к тем, которые торгуют, продают, покупают, заключают крепости! Самое отвращение общества к отвратительному торгу выразилось в мертвой, отвратительной форме! Мольер, изображая в своих высших комедиях пороки своего общества, считал обязанностью высказывать и его добродетели, у Гоголя нет еще ничего подобного! Преклоняемся пред дарованием поэта, но жалеем о

том мертвом направлении, по которому он шел до сих пор, изображая великую Русь и ожидаем с нетерпением новых произведений его гения, кои должны примирить с ним и недовольных» (*Студитский* А. Русская словесность в 1845 году // *Москвитянин*. 1846. № 1 (цензурное разрешение 30 янв.). С. 253–256).

²¹ «Евгений Сю — тогдашний модный романист. П. Б.» (примеч. П. И. Бартенева).

²² В Яготино.

²³ В публикации П. И. Бартенева отрывок из записной книжки княжны В. Н. Репниной напечатан в следующей редакции: «Я читала “Мертвые Души”, против которых имела сильное предубеждение, или, лучше сказать, неблагоприятное предубеждение; ибо предубеждение не хорошо тем, что оно не имеет основания. Когда я кончила читать эту замечательную книгу, во мне явилось к Гоголю чувство глубокого уважения, теплое, умиленное сочувствие; моя душа сроднилась с его душой. Я ему благодарна за наслаждение, которым подарила меня его книга, за выпрямившиеся понятия. Я благоговею перед ним. Чтобы быть полезным ближнему, он мужественно, просто, погружается в грязь и, испытав ее смрад, он, из среды этого гнилого омута, кричит людям: минуите, минуите этот омут! Это прекрасно, это человечно, это христианский подвиг. А эти три-четыре страницы полные поэзии и чувства, которые, как светлые звезды, блестят посреди Мертвых Душ, Чичикова, Ноздрева, Собакевича, как они хороши, лучезарны, как освежительны для души, как они делают Гоголя существом близким сердцу; как трогательно, что, будучи проникнут чувством прекрасного, он не позволяет себе предаваться ему и с истинным самоотвержением обращается к плачевно-грязной стороне человечества и врачует нас, разбирая все эти гнусные раны, наводящие на душу глубокую тоску. Какая разница между Гоголем и Сю. Величавая простота, глубокомысленный смех, целительная ирония первого красноречиво говорят о любви к ближнему, о желании исправления людей. Он и грязью занимается нравственно, чтобы ею не пачкались люди. Сю, как актер, желает производить впечатление, содрогание и погружает читателя в грязную лужу, из которой он выходит обессиленным, с воспаленным воображением, с страстями еще более необузданными и часто с новыми пятнами. Я прочла “Мертвые Души”, и вдруг Гоголь приехал к нам в Яготино. Лицо его носило отпечаток перемены, которая воследовала в душе его. Прежде ему были ясны люди; но он был закрыт для них, и одна ирония показывалась наружу. Она колола их острым его носом, жгла его выразительными глазами; его боялись. Теперь он сделался ясным для других; он добр, он мягок, он братски сочувствует людям, он так доступен, он снисходителен, он дышет христианством».

²⁴ В период с 24 октября 1850 по 28 марта 1851 г.

²⁵ Ошибка мемуаристки. Имеется в виду 1848 г. Записная книжка В. Н. Репниной-Волконской заполнялась в разное время и содержит записи, начиная от 2 февраля 1820 г. и кончая 5 октября 1866 г.; заметку о Гоголе перемежают записи 1846–1848 гг. 7 марта 1850 г. Т. Г. Шевченко писал княжне В. Н. Репниной: «Случайно как-то зашла речь у меня с вами о “Мертвых душах”, и вы отозвались чрезвычайно сухо <...> Меня восхищает ваше теперешнее мнение и о Гоголе, и о его бессмертном творении! я в восторге, что вы поняли истинно христианскую цель его! <...> Перед Гоголем должно благоговеть, как пред человеком, одаренным самым глубоким умом и самою нежною любовью к людям!» (*Шевченко* Т. Г. Собр. соч.: В 5 т. М., 1965. Т. 5. С. 301).

²⁶ Судя по упоминанию в письме о «траве» над могилой Гоголя «в уединенном уголке кладбища Данилова монастыря», послание относится к лету 1852 г. Неизвестный автор письма, молодая девушка, сообщает, что последний раз видела Гоголя «в четверг на масляной», т. е. 7 февраля 1852 г. Об этом дне в жизни Гоголя известно, в частности, то, что утром Гоголь исповедовался и причащался в своей бывшей приходской церкви; вечером был в этой церкви еще раз и просил отслужить благодарственный молебен; затем заезжал на несколько минут к М. П. Погодину. В письме неизвестной сообщается, что Гоголь «очень любил» ее братьев — которые в последние дни жизни писателя по каким-то причинам отсутствовали в Москве в том доме, где она жила, и что Гоголь приходил к ее «старшим сестрам». На этом основании можно с достаточной уверенностью предположить, что автором послания была одна из дочерей Аксаковых Любовь Сергеевна (1830–1867; см., в частности, в наст. изд. ее письмо к отцу от 4 октября 1851 г.). Известно, что С. Т. Аксаков с старшим сыном Константином проводил зиму 1851/52 г. в Абрамцево, тогда как его жена О. Сем. Аксакова с большой дочерью Ольгой (1821–1861) сняла дом в Москве (из других сыновей Аксаковых Иван тоже жил тогда в Москве, но отдельно от семьи, на квартире; Григорий — находился на службе в Петербурге). Во второй половине января 1852 г. в Москву приехали еще две дочери Ольги Семеновны, Вера (1819–1864) и Надежда (1829–1869). Из писем и воспоминаний старшей из них, Веры, явствует, что в то время состоялось несколько визитов к ним Гоголя — 19, 28, 30 января, 1, 3, 4, 7 февраля. Последнее из описанных В. С. Аксаковой гоголевских посещений пришлось как раз на 7 февраля 1852 г. (день, упоминаемый в послании неизвестной), а предпоследнее, 4 февраля, случилось в то время, ко-

гда в Москву приехала Любовь Аксакова. В дневнике от 4 февраля 1852 г. Вера Сергеевна записала, что в этот день Гоголь навестил их в тот час, когда «брат Константин, Митя <Д. Г. Карташевский> и Любенька только что приехали из деревни, самовар был на столе» (см. в наст. изд. раздел *Из записной книжки В. С. Аксаковой 1853 г. Последние дни жизни Гоголя*). Судя по сообщению в письме: «Случалось нам, если старших сестер не было дома, принимать его в своей комнате», — последний визит Гоголя к Аксаковым, 7 февраля 1852 г., состоялся в отсутствие старших дочерей Аксаковых, и встретила тогда писателя Любовь Сергеевна, вместе с двоюродным братом Д. Г. Карташевским. Вероятно, именно со слов сестры Вера Аксакова после смерти Гоголя сообщала М. Г. Карташевской о том, что писатель после визита к ним 4 февраля 1852 г., спустя три дня, 7 февраля 1852 г., зашел еще раз, после приобщения Святых Таин: «...Последние два дня сряду зашел при Мите <Карташевском>; он сказал только, что чувствует озноб по ночам. С тех пор он выходил, кажется, только в церковь. Это <т. е. первый визит при Карташевском> было <в> понедельник <4 февраля 1852 г.> на масляной, вечером; в четверг <день второго визита при Карташевском, 7 февраля> на масляной же он приобщился в церкви, имел какое-то видение или сон, что он умрет, и хотел в субботу <9 февраля> уже собороваться...» (см. в наст. изд.). Обращает на себя внимание и то, что в письме, цитируемом княжной В. Н. Репниной-Волконской, Гоголь назван «святой натурой» — примерно так же («святой человек») называет Гоголя в своих записках старшая сестра Л. С. Аксаковой Вера — как и сам С. Т. Аксаков: «Я признаю Гоголя святым, не определяя значения этого слова» (см. в наст. изд. статью С. Т. Аксакова «Одним сыновьям. <Письмо к К. С., Г. С. и И. С. Аксаковым>» от 23 февраля 1852 г.).²⁷ 7 февраля 1852 г.

²⁸ Ошибка. На самом деле Гоголь умер в четверг на второй неделе Великого Поста, 21 февраля 1852 г.

Воспоминания княжны В. Н. Репниной-Волконской в записи В. И. Шенрока

<...> ...Еще за год до кончины, когда он страшно состарился душевно, достаточно было ему услышать звуки родных мелодий, чтобы все в нем встрепенулось и ярко вспыхнула едва тлеющая искра воодушевления. Кн<яжна> Репнина рассказывала нам, как Гоголь во время своей жизни в Одессе в доме ее отца приобрел себе этим поэтическим энтузиазмом общую любовь, не исключая даже прислуги и дворни, которая восхищалась, во-первых, тем, что «сочинитель» молится совсем как простой человек, кладет земные поклоны и, вставая, сильно встряхивает волосами¹, и во-вторых, что он любит петь и слушать простые песни¹¹. Кроме того, той же кн<яжне> Репниной случилось и раньше убедиться в страстном чувстве любви Гоголя к Украине, ярко выразившемся однажды, когда, гуляя с нею, по возвращении из Иерусалима, в саду родового поместья Репниных, в Яготине (в Малороссии), он вдруг начал восторгаться высокими, рослыми деревьями (кленами) и вообще растительностью Украины. Сначала этот внезапный прилив восхищения показался княжне напускной аффектацией, но когда она переехала потом с отцом в Одессу и убедилась в преимуществе малороссийской растительности, она припомнила этот случай и поняла Гоголя... <...>¹

В воспоминаниях о Гоголе близко знавших его лиц нам приходилось часто слышать какие-то восторженно-умилительные ноты, и притом от таких, которые ценили в нем, как, напр<имер>, покойная княжна Репнина, именно человека, а не писателя. В признании за Гоголем чего-то величественного и прекрасного сходились они все, но подтвердить этого фактически или облечь свое впечатление в строго определенную рамку никто из них не мог...² <...>

¹ Гоголь обыкновенно становился за печкой домового церкви Репниных, но его оттуда все-таки видели. — *Примеч. В. И. Шенрока.*

¹¹ Для той цели Гоголь любил собирать детей и молодых людей и аккомпанировал им. Он вообще любил хорошую вокальную и инструментальную музыку. <...> О том же см. в «Русск<ом> Архиве», 1890, VIII, 195. — *Примеч. В. И. Шенрока.*

В числе семейств, встреченных Гоголем в Баден-Бадене³, он особенно сблизился с Балабиными и Репниными. По слышанном нами воспоминаниям княжны В. Н. Репниной, родные ее находились в то время в Баден-Бадене, потому что там временно проживала жена графа Кушелева-Безбородко⁴, мать известного впоследствии основателя и первого редактора «Русского Слова». В недавнее время от этого далекого прошлого покойная Репнина припоминала¹ лишь немного; но общее настроение Гоголя в Бадене ей было хорошо памятно¹¹. «Мы скоро с ним сошлись, — рассказывала она нам, — он был очень оживлен, любезен и постоянно смешил нас». По словам княжны Репниной, Гоголь ежедневно заходил к ним, сделался совершенно своим человеком и любил беседовать с бывшей своей ученицей, Марьей Петровной Балабиной (ныне госпожой Вагнер) и с ее матерью, Варварой Осиповной. Варвара Николаевна Репнина, заметив пристрастие Гоголя к десерту и лакомствам, старалась ему угодить и, желая доставить ему удовольствие, собственноручно приготавливала для него компот, который чрезвычайно нравился Гоголю; такой компот он обыкновенно называл «главнокомандующим всех компотов»¹¹¹. В это время Гоголь неподражаемо-превосходно читал Марье Петровне Балабиной «Ревизора» и «Записки Сумасшедшего», и своим чтением приводил всех в восторг^{11V}; а когда он дошел однажды до того места, в котором Поприщин жалуется матери на производимые над ним истязания, Варвара Осиповна Балабина не могла выдержать и зарыдала^V. О себе княжна Репнина прибавляет по этому поводу, что, с молодых лет никогда не посещая театра, она, — единственно благодаря необыкновенно мастерскому чтению Гоголя и особенно его искусству, переменяя голос, произносить весьма типично диалоги действующих лиц, — заранее составила себе удовлетворительное и верное представление о театре^{VI}. <...>

По воспоминаниям В. Н. Репниной, Гоголь был чрезвычайно ласков и почтителен со старухой Балабиной и всегда целовал у нее руку; он с нею состоял отчасти в переписке^{VII} и был еще дружнее, нежели с ее молодой дочерью...⁵ <...>

По словам княжны В. Н. Репниной, когда Гоголь получил известие о болезни Данилевского в Париже уже в 1837 г.⁶, то он занял денег у нее и у зятя ее Кривцова, которые вскоре возвратил^{VIII}. <...>

Из знакомых у Гоголя в это время в Риме не было почти никого, кроме Балабиных, Репниных и княгини Зинаиды Александровны Волконской, не считая, конечно, сожителя его Данилевского⁷. Об отношениях Гоголя к последнему мы уже много и подробно говорили; что касается до отношений его к другим поименованным лицам, то мы можем здесь сообщить некоторые новые подробности на основании рассказа княжны Варвары Николаевны Репниной.

¹ В изд. 1894 г.: В настоящее время от этого далекого прошлого г-жа Репнина припоминает

¹¹ В изд. 1894 г.: ей хорошо памятно

¹¹¹ Ср. в «Соч. и письмах Гоголя», т. V, стр. 278. — Примеч. В. И. Шенрока в изд. 1895 г.

^{11V} «Русск<ий> Архив», 1890, X, 227–228. — Примеч. В. И. Шенрока в изд. 1895 г.

^V Подобный же случай повторился однажды, также за границей, в семействе Смирновых: когда Гоголь читал «Шинель», то семилетняя девочка, которая играла в другой комнате и на которую не обращали внимания, неожиданно разразилась такими рыданиями, что ее ничем не могли успокоить. (См. «Nouvelle Revue», 1885, novembre, p. 14). Эта девочка была покойная О. Н. Смирнова. — Примеч. В. И. Шенрока в изд. 1895 г.

^{VI} О том же см. в воспоминаниях В. Н. Репниной в «Русском Архиве», 1890, X, 227–228. — Примеч. В. И. Шенрока в изд. 1895 г.

^{VII} См. «Русское Слово», 1860, XII, отд. 3, стр. 28. (Там в оглавлении письмо по ошибке обозначено: М. П. Балабиной, которой в действительности адресовано только второе, непосредственно затем напечатанное письмо.) — Примеч. В. И. Шенрока в изд. 1895 г.

^{VIII} «Русский Архив», 1890, X, 228. — Примеч. В. И. Шенрока в изд. 1895 г.

Мы говорили выше, что Гоголь прожил несколько недель в обществе Балабиных и Репниных в Баден-Бадене в 1836 году. «После этого¹, — рассказывала нам княжна В. Н. Репнина, — из Баден-Бадена поехали мы в Марсель и потом на барке в Италию. Мы ехали таким образом. По дороге в Марсель, в маленьком городке на Роне, в Pont Saint Esprit мы должны были ночевать, потому что мать занемогла. Потом мы продолжали прерванный путь с матерью и сестрой (Елизаветой Николаевной Репниной, вскоре после этого⁸ вышедшей замуж за начальника русских художников в Риме, Павла Ивановича Кривцова), а Марья Петровна Балабина отправилась с своей матерью до Авиньона. Потом мы поехали вместе в Лион экипажем, а из Лиона в Марсель. В Марселе сели на пароход, где нам сопутствовали три брата лордов Харвей, из которых один влюбился в Марью Петровну и сделал ей предложение, но получил отказ. В намерении посвататься он решился сопровождать Балабиных в Италию и поехал вместе с Варварой Осиповной, Марьей Петровной и с Глафирой Ивановной Дуниной-Борковской¹¹ в Ливорно. Это был первый город в Италии, в котором мы остановились. Мы должны были долго пробыть там, потому что наш корабль был в соприкосновении с Смирной, где свирепствовала тогда чума, и нас не пускали дальше, а сначала даже и в Ливорно. Мы должны были остаться в карантине и здесь получили печальное известие о смерти моей сестры, Кушелевой-Безбородко. Потом мы поехали в Пизу. Так как Пиза чрезвычайно скучный город, то Варвара Осиповна вскоре переехала во Флоренцию. В Пизе-то Артур Харвей и сделал предложение Марье Петровне. Она сначала даже дала было согласие, но отец ее, Петр Иванович, был в страшном негодовании, и дело расстроилось. Из Флоренции мы поехали в Рим. Сюда приехал потом и мой отец. Здесь мы опять встретились с Гоголем. У отца была сильная подагра. Он часто разговаривал с Гоголем, но они не сходились и почти всегда спорили. Отцу сильно не нравился сатирический склад ума Гоголя, и он был притом недоволен его произведениями, особенно «Миргородом»¹¹¹. Напротив, Варвара Осиповна очень любила Гоголя, как и вообще всегда ценила общество умных и образованных людей. Нас нередко навещал аббат Lanci⁹, имя которого не раз встречается в переписке Гоголя¹⁴. Помню, как однажды вечером Гоголь у нас, не переставая, говорил по-русски (он был тогда, что называется, в ударе), так что аббат, не понимая нашего языка, не мог во весь вечер проронить ни слова. На этот раз, — но это случилось только однажды, — и Варвара Осиповна осталась недовольна Гоголем и бранила его за недогадливость и неучтивость».

О княгине Зинаиде Александровне Волконской и ее отношениях к Гоголю княжна Репнина сообщила нам следующее¹⁰:

«Зинаида Александровна, урожденная княжна Белосельская-Белозерская, была жена родного моего (княжны Репниной) дяди, князя Никиты Григорьевича Волконского. Ее воспевали Веневитинов, Жуковский, Пушкин; Мицкевич в чудных стихах описал ее гостиную. Она жила сначала в Москве, где и встречалась с Веневитиновым и Мицкевичем. Позднее она приняла ка-

¹ Приводимые подробности имеют значение, между прочим, потому, что представляют нам вторую встречу Гоголя с Репниными и Балабинами в Риме делом несомненной случайности. — *Примеч. В. И. Шенрока в изд. 1895 г.*

¹¹ Глафира Ивановна Дунина-Борковская была неизменной подругой княжны В. Н. Репниной, имевшей несчастье пережить ее. О ней есть воспоминание в «Русском Архиве». — *Примеч. В. И. Шенрока в изд. 1895 г.*

¹¹¹ Хотя таким образом несогласие во взглядах несомненно отдаляло старика Репнина от Гоголя, но это не мешало собеседникам ценить друг в друге ум и отнюдь не нарушало их дружеских отношений. — *Примеч. В. И. Шенрока в изд. 1895 г.*

¹⁴ См. «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 320, 376 и проч. — *Примеч. В. И. Шенрока в изд. 1895 г.*

^v См. о ней также любопытный рассказ М. А. Веневитинова («Русский Архив», 1885, I, 118–120). — *Примеч. В. И. Шенрока в изд. 1895 г.*

толичество (тайным образом, вероятно, еще когда жила в Москве). Потом переехала в Петербург. Когда известие о возвращении ее в католицизм дошло до императора Николая Павловича, то он хотел ее вразумить и послал ей с этой целью священника. Но с ней сделался нервный припадок, конвульсии. Государь позволил ей уехать из России, и она избрала местом жительства Италию, что, конечно, было в связи с переменой религии. В Риме ее скоро прозвали Beata; она сначала очень полюбила Гоголя, но потом возненавидела. Это случилось позднее, по следующей причине. Когда умирал Иосиф Виельгорский, то у него ежедневно бывали Елизавета Григорьевна Черткова, урожденная Чернышева, графиня Марья Артемьевна Воронцова¹¹ и наконец Гоголь¹. Зинаида Александровна была уже тогда ярая католичка, и мне рассказывали, что Гоголь пошел прогуляться и вместе поискать священника для исповеди умирающего. Гоголь же потом сам читал для него отходную. Молодой Виельгорский причащался в саду, и мой отец поддерживал его и читал за него: "Верую, Господи, и исповедую". Но когда он умирал, то в его комнате уже был приглашенный княгиней Волконской аббат Жерве. Зинаида Александровна нагнулась над умирающим и тихонько шепнула аббату: "Вот теперь настала удобная минута обратиться его в католичество". Но аббат оказался настолько благороден, что возразил ей: "Княгиня, в комнате умирающего должна быть безусловная тишина и молчание". Тем не менее моя тетка¹³ (т. е. княгиня З. А. Волконская) что-то еще пошептала над Виельгорским и потом проговорила: "Я видела, что душа вышла из него католическая"¹⁴. Виельгорский же был перед смертью так слаб, что Черткова вместе с Гоголем нежно ухаживали за ним и держали тарелку, когда он ел. Но Черткова собиралась уехать, как этого требовал ее муж. В знак глубокой признательности к ней за хлопоты и попечения о нем Виельгорский, умирая, снял с руки кольцо, чтобы передать его Чертковой. Увидя это, Волконская почему-то с несдерживаемым негодованием произнесла: "c'est immoral!"¹⁵ Она находила, что когда Виельгорский умирал, то у него не должно было остаться никакого земного чувства»¹⁶. <...>

Во второе свое пребывание в Риме Гоголь сначала жил почти совершенно один, не имея никаких знакомых, кроме малоинтересных и несимпатичных ему русских художников, состоявших под начальством Павла Ивановича Кривцова, женившегося 12 ноября 1837 г. на Елизавете Николаевне Репниной. Остальные Репнины жили тогда во Флоренции, а Балабины давно уже возвратились в Петербург. <...> С Балабиной же, как с наиболее молодой, впечатлительной и отзывчивой корреспонденткой, Гоголь с особенным удовольствием делился не только своими лучшими итальянскими впечатлениями, но и сообщал ей в шуточной форме курьезные известия об общих знакомых. К числу последних принадлежали, например, археолог Мейер¹¹ и художники Ефимов, Кузьмин¹⁷, Никитин¹⁸, Каневский¹⁹ и прочие. Первый из них был очень предан семейству Балабиных и особенно любил Марью Петровну, а также и был расположен ко всем Волконским. У него была оригинальная странность: он часто влюблялся во многих близко знакомых ему особ и горячо уверял и доказывал, что в этом нисколько не обнаруживается его непостоянство, но, наоборот, это именно послужит доказательством постоянства самого чувства, которое не изменяется, но только избирает себе разные предметы обожания. Однажды он написал даже роман под заглавием: «Eduard in Rom», где в одном из действующих лиц,

¹ По воспоминаниям княжны В. Н. Репниной, когда Иосиф Виельгорский умирал, то отец его находился в Риме и был в полном отчаянии, а друг Луизы Карловны Виельгорской, Марья Артемьевна Воронцова, видя близость развязки, оставила все и поехала к ней навстречу; она получила известие от дочери Виельгорской, Апполинарии Михайловны, что мать ее не проливает ни одной слезы в немом ужасе и отчаянии. Тогда она оставила все и поехала к ней¹². — *Примеч. В. И. Шенрока в изд. 1895 г.*

¹¹ О нем «Соч. и письма Гоголя», т. V, 320, тут же другие шутки: «Здорова ли Мейерова блуза пыльного цвета» и проч. — *Примеч. В. И. Шенрока в изд. 1895 г.*

¹³ *Фамилий: Кузьмин, Никитин — не было в изд. 1894 г.*

по его собственному признанию, была изображена княжна В. Н. Репнина. Ей он посвятил книгу и, вручая экземпляр, торжественно просил прочитать; но, по воспоминаниям княжны, роман был так длинен и тяжел и наполнен множеством таких скучных и безжизненных археологических подробностей, что она не могла приневолить себя прочитать эту книгу, которая так и осталась неразрезанной до более благоприятного времени, никогда, впрочем, не наступившего. Над страстью этого Мейера к женскому полу подсмеивались все в доме Балабиных, и Гоголь также расточал относительно его чрезвычайно удачные и меткие насмешки. <...> Над художником Каневским Гоголь также посмеивался, говоря, что он может только нарисовать портрет Кривцова^{1 20}; портрет, впрочем, по воспоминаниям В. Н. Репниной, был действительно удачен. <...> Гоголь смеялся также над приехавшим в Рим из Петербурга земляком Базилевским^{II 21}. <...> Но больше всего любил Гоголь подтрунить над Магдалиной Александровной Власовой²², родной сестрой княгини^{III} Зинаиды Александровны Волконской. В противоположность последней, она была весьма ограниченная женщина, но чрезвычайно добрая и сердечная. Она имела серьезное лицо, на котором иногда совершенно неожиданно и некстати появлялась улыбка, которая обыкновенно сопровождалась неизменным восклицанием: «а ведь Емельяни уж уехал!» Эти слова она повторяла всем и каждому, нисколько не заботясь о том, знали ли ее собеседники Емельяни. Гоголь добродушно подсмеивался над этой странностью и, как юморист, любил копировать старушку, а однажды, в конце письма к Варваре Николаевне Репниной, также без всякого отношения к его содержанию, прибавил: «А ведь Емельяни уж уехал»^{IV 23}. Странная привычка г-жи Власовой объясняется ее неудавшимся страстным желанием устроить судьбу одной знакомой девушки, в которую влюбился Емельяни, но почему-то раздумав потом жениться и скрылся. Власова, по доброте своей, когда узнала об этом, долго ни за что не хотела поверить этому и расстаться с надеждой на возвращение Емельяни, и все повторяла, что он уехал. Гоголь дружески подшутил однажды по поводу несостоявшегося отъезда из Рима в Неаполь самих Репниных. Сборы были продолжительные, но кончились ничем. Тогда Гоголь написал, будучи в Риме, письмо к Варваре Николаевне, также еще не выехавшей из Рима, письмо²⁴, которое начиналось словами: «Итак, вы уже в Неаполе»²⁵. <...>^{V 26}. <...>

<Гоголь> к княжне В. Н. Репниной. Рим. 14 <июня 1838>. <...> «Жена того мужа, который, при воззещении о приходе к вам, назван был маленьким человеком, слава Богу, здорова». — По

^I «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 321. — *Примеч. В. И. Шенрока в изд. 1895 г.*

^{II} «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 356. По словам княжны В. Н. Репниной, Базилевский был большой оригинал, по еще страннее была его мать, отличавшаяся баснословной скупостью. У нее при Александре I был целый сундук с ассигнациями, который она тщательно хранила. Когда потом счет на ассигнации был заменен счетом на серебро, то их надо было разменять, и все они оказались сгнившими. Когда княжна Репнина гостила у нее с матерью, то она из какого-то нелепого опасения даже спала на своем заветном сундуке. У нее было два сына: старший был полковник и жестоко обращался с солдатами, другой, женатый на Грессер, племяннице министра двора Петра Михайловича Волконского, был необыкновенно ревнив. У него, хотя он был еще молод, были вставные зубы и парик, и, ложась спать, он весь, так сказать, разбирался на кусочки. Это семейство часто возбуждало насмешки Гоголя и Репниных. — *Примеч. В. И. Шенрока в изд. 1895 г.*

^{III} В источнике ошибочно: княжны

^{IV} «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 356. — *Примеч. В. И. Шенрока в изд. 1895 г.*

^V <...> Из лиц, упоминаемых около этого времени в переписке с Балабиными и Данилевским, назовем еще М-г Раче. По словам княжны Репниной, он был воспитанник княгини З. А. Волконской и ее двоюродного брата Александра Никитича Волконского (сын простого солдата). Гоголь часто пользовался им в качестве исполнителя поручений (см. о нем «Вестн<ик> Евр<опы>», 1890, II, 564, и «Соч. и письма Гоголя», т. V, 335 и 343). — *Примеч. В. И. Шенрока в изд. 1895 г.*

объяснению княжны Репниной, речь идет здесь о живописце Габерцеттеле, жена которого наивно рассказывала однажды о его картинах: «Мой муж так старательно рисует, что тотчас же соскабливает все нарисованное». Габерцеттель²⁷ был замечательно мал ростом». <...> В том же письме, выше, упоминается Mazzotti, жандарм, командовавший отрядом, — по словам Репниной, весьма дрянной человек²⁸. <...>

Княжна В. Н. Репнина также помнила, как выручал иногда Гоголь своего друга <А. С. Данилевского> из финансовых затруднений во время их жизни за границей²⁹. <...>

Печально вступил Гоголь в следующий, 1839 год, но зато в первой половине своей это был один из самых счастливейших годов его жизни. В это время в Рим приехали один за другим молодой граф Иосиф Виельгорский, Жуковский, супруги Шевыревы, Чертковы, Погодины и проч.¹ ³⁰<...>

Совершенно нелепо было бы также представлять себе Гоголя в последние годы исключительно мрачным, суровым аскетом. А. С. Данилевский, а также В. Н. Репнина, рассказывали нам, что даже в последний год жизни он иногда очень оживлялся, бывал весел, шутил. В Одессе у Репниных (за год до смерти; из Одессы он уехал в марте 1851 года) он с увлечением пел и слушал малороссийские песни. Смерть Гоголя было совершенно неожиданностью и для своих, и <для> Данилевского и кн<яжны> Репниной. О так называемом «умственном расстройстве» не может быть и речи³¹. <...>

В. Н. Репнина горячо защищала память Гоголя от каких бы то ни было нареканий, настаивала на том, что все, что казалось в нем странным, заслуживало в сущности глубочайшего уважения и что он был только отчасти грустен в последние годы. <...>³²

Сведения о первых публикациях отдельных фрагментов наст. мемуаров см. в примеч. ниже.

¹ Фрагмент: «...Еще за год до кончины ~ припомнила этот случай и поняла Гоголя...» — впервые опубликован: *Шенрок В. И.* Н. В. Гоголь в период «Арабесок» и «Миргорода» (1832–1835 гг.) // Вестник Европы. 1892. № 7. С. 19. Перепечатано: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1893. Т. 2. С. 50–52. Печатается по первой публикации.

² Фрагмент: «В воспоминаниях о Гоголе ~ в строго определенную рамку никто из них не мог...» — впервые опубликован: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1893. Т. 2. С. 360. Печатается по первой публикации.

³ В конце июля — середине августа (н. ст.) 1836 г.

⁴ Графиня Александра Николаевна Кушелева-Безбородко (рожд. княжна Репнина-Волконская, ум. в 1836–1837 гг.), сестра княжны В. Н. Репниной-Волконской.

⁵ Фрагмент: «В числе семейств, встреченных Гоголем в Баден-Бадене ~ нежели с ее молодой дочерью...» — впервые опубликован: *Шенрок В. И.* Н. В. Гоголь. Пять лет жизни за границей. 1836–1841 гг. // Вестник Европы. 1894. № 7. С. 188–189, 191. Перепечатано, с исправлениями и примечаниями: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1895. Т. 3. С. 128–129, 132–133. Печатается по последней публикации.

⁶ В августе (н. ст.) 1838 г. (см. в наст. изд. коммент. к *Записке, составленной А. В. М<аркович>ем из письма к нему Кн<яжны> В. Н. Р<епни>ной о Гоголе*).

¹ С другой стороны, почти в то же время Рим оставили Репнины, избегая встречи со свитой наследника Александра Николаевича, так как Николай Григорьевич Репнин был в опале. Еще когда Репнины жили в 1836 году в Баден-Бадене, они неожиданно узнали об этом. В письме к своей жене Н. Г. Репнин извещал ее, что на маневрах в Красном Селе неожиданно подъехал к нему Бенкендорф и сказал: «Отдайте вашу шпагу! Из уважения к вашей старости государь позволил вас наказать домашним арестом». — *Примеч. В. И. Шенрока*.

⁷ А. С. Данилевский, живший с конца лета — начала осени 1836 г. в Париже, приехал к Гоголю в Рим в мае (н. ст.) 1837 г. Гоголь 3 июня (н. ст.) 1837 г. сообщал Н. Я. Прокоповичу: «Данилевский теперь тоже здесь». В конце июня (н. ст.) 1837 г. Гоголь выехал из Рима и в начале сентября — начале ноября (н. ст.) того же года вновь встретился с Данилевским в Женеве. Впоследствии Данилевский отправился обратно в Париж и в Рим больше не приезжал (см. в наст. изд. пятый раздел воспоминаний А. С. Данилевского «Заграничная жизнь Гоголя в 1836–1839 гг.», письмо И. Ф. Золотарева к А. С. Данилевскому от 19 апреля (н. ст.) 1838 г., а также письмо Гоголя к матери от 24 ноября (н. ст.) 1837 г. из Милана). Позднее, в письме из Рима от 26 февраля (н. ст.) 1838 г. (ошибочно датированном Гоголем 2 февраля 1838 г.) Гоголь, сообщая Данилевскому об их общих римских знакомых, замечал: «Наконец я добился от тебя письма. Оно меня очень обрадовало». «Одно только мне непонятно, — продолжал Гоголь, — неужели ты не получил моего письма? Я был, по обыкновению, аккуратнее тебя и тотчас же, по приезде в Рим, написал к тебе письмо. Это было, если не ошибаюсь, в первых числах ноября» (на самом деле, в первых числах декабря; Гоголь прибыл в Рим около 30 ноября (н. ст.) 1838 г., однако, как и в письме к Данилевскому, ошибся целым месяцем, датировав свое письмо к В. А. Жуковскому от 30 ноября (н. ст.) 1837 г. — 30 октября). Далее в письме к Данилевскому от 26 февраля (н. ст.) 1838 г. Гоголь замечал о своем пропавшем послании: «Ты пожалуйста обыщи хорошенько *poste restante*. Это мне, признаюсь, очень неприятно; тем более, что я боюсь и за это письмо. Ты же мне ни слова не написал о своем адресе, так что я его должен адресовать тоже в *poste restante*. В прежнем письме я уже уведомлял тебя, что в Риме все живы, не только знакомые и русские художники, но даже и все те лица, с которыми встречался ты чаще на улице. <...> Только одна бедная хозяйка твоя, Роза, умерла. Обо всем этом я уже писал к тебе, и мне скучно повторять два <раза>. <...> (Репнины во Флоренции)».

⁸ 12 ноября 1837 г. (см. ниже).

⁹ Микеланджело Ланчи (Lanci, 1779–1867), римский аббат, археолог, профессор восточных языков.

¹⁰ Вероятно, со слов ее отца, князя Н. Г. Репнина-Волконского.

¹¹ Графиня М. А. Воронцова, приятельница графини Л. К. Виельгорской (католички), а также княгини З. А. Волконской. Подобно Волконской, М. А. Воронцова приняла католичество еще в середине 1810-х гг. Историю ее «обращения» в католичество (по незнанию русского языка и православных гайнств) см. в воспоминаниях княжны В. Н. Репниной-Волконской: *Репнина В.*, княжна. Из воспоминаний о прошлом // Русский Архив. 1870. № 7–9. Стб. 1725–1727. В числе других знакомых Гоголю великосветских дам, входила в состав первого Совета Женского Патриотического Общества, в ведении которого находился Патриотический институт благородных девиц, где с марта 1831 г. по апрель 1835 г. преподавал Гоголь: «Императорское Женское Патриотическое Общество было основано сразу по изгнании Наполеона из России в ноябре 1812 года императрицей Елисаветой Алексеевной. Общество состояло из дам высшего круга и ставило себе целью ослабить, по возможности, тяжелые последствия войны и облегчить участь пострадавших семей, сирот и раненых.

Состав первого Совета Общества:

1. Княгиня Варвара Алексеевна Репнина.
2. Графиня Марья Васильевна Кочубей.
3. Екатерина Алексеевна Уварова.
4. Княгиня Софья Григорьевна Волконская.
5. Аделаида Петровна Васильчикова.
6. Елизавета Марковна Оленина.
7. Графиня Марья Артемьевна Воронцова.
8. Софья Петровна Свечина.
9. Графиня Мария Дмитриевна Нес<с>ельроде.
10. Графиня Анна Ивановна Орлова.
11. Екатерина Владимировна Новосильцева.

12. Екатерина И. Бахерахт» (*Бардовский А. Ф.* Патриотический Институт. Исторический очерк за 100 лет. 1813–1913 г. СПб., 1913. С. 5).

В конце февраля 1813 г. Обществом был основан пансион, или институт, для дочерей раненых и погибших в Отечественной войне офицеров. Назывался этот институт сначала Сиротским училищем 1812 года, Училищем женских сирот 1812 года, Дом воспитания сирот 1812 года, Сиротским отделением 1812 года, Училищем Женского Патриоти-

ческого Общества, Институтом Женского Патриотического Общества и даже просто Патриотическим Институтом. «...В 1817 году по повелению Государя Императора Николая Павловича это Училище было по особому указу официально названо “институтом”» (*Бардовский А. Ф.* Патриотический Институт. Исторический очерк за 100 лет. 1813–1913 г. СПб., 1913. С. 7).

¹² 28 июля (н. ст.) 1839 г. граф Мих. Ю. Вильгорский сообщал Гоголю из Марселя: «Мы вообще ожидали Гр<афи-ню> Воронцову, которой приезд был бы для меня большой помощью. Она любит Графиню, которая и ее очень любит. Она была бы помощницей в моих беспрестанных разговорах с женой, у которой горесть все глубже и глубже укореняется. “Что я за мать, — говорит она часто, — я воображала только, что я его любила, и не умела умереть”, — и подобные парадоксы материнской любви, которых и пересказать вам не могу, но которые понятны вашему сердцу. Мы еще не совсем отложили надежду видеть Графиню, послав ей даже <1 нрзб.> приехать — в таком случае проживем <здесь> еще до 20-го августа, и если решительно она откажется, то в первых числах поедем, вероятно, по Рейну в Роттердам и оттуда, вероятно, в Брайтон или останемся в Марселе для пользования морским купанием».

¹³ Княгиня З. А. Волконская была замужем (с 1810 г.) за князем Никитой Григорьевичем Волконским (1781–1841), младшим братом князя Николая Григорьевича Репнина-Волконского (1878–1845), отца княжны В. Н. Репниной-Волконской. Их средний брат, князь Сергей Григорьевич Волконский (1878–1865), был декабристом, а сестра, княгиня Софья Григорьевна (1785–1868), была замужем за министром Двора и уделов князем П. М. Волконским.

¹⁴ См. также в наст. изд. письмо княгини З. А. Волконской к С. П. Шевыреву от 3–4 июня (н. ст.) 1839 г.

¹⁵ Это аморально (*фр.*).

¹⁶ Фрагмент: «По словам княжны В. Н. Репниной – у него не должно было остаться никакого земного чувства» — впервые опубликован: *Шенрок В. И.* Н. В. Гоголь. Пять лет жизни за границей. 1836–1841 гг. // Вестник Европы. 1894. № 8. С. 613, 629–631. Перепечатано, с дополнениями и примечаниями: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1895. Т. 3. С. 148, 188–191. Печатается по последней публикации.

¹⁷ Роман Иванович Кузьмин (1811–1867), архитектор.

¹⁸ Александр Степанович Никитин (1809–1880), архитектор.

¹⁹ Ксаверий Ксаверьевич Каневский (1804–1867), художник, католик. Осенью 1836 г. выставил в Риме картину «Царствующий папа совершает Св. Тайны в Св. Петре». В том же году написал портрет М. П. Балабиной (см. в наст. изд. статью Aventura «По следам Гоголя в Риме»).

²⁰ В апреле 1838 г. Гоголь писал М. П. Балабиной: «Вы спрашиваете еще, правда ли, что Каневский едет в Петербург. Это очень может случиться, и нет ничего удивительного; страннее, если бы он остался в Италии: для этого нужно иметь душу художника. Каневский может нарисовать хорошо портрет Кривцова, но до художника ему далеко, как до небесной звезды».

²¹ 18 января (н. ст.) 1839 г. Гоголь писал княжне В. Н. Репниной-Волконской: «Сколько у вас в Пизе англичан, столько у нас в Риме русских. Все они, по обыкновению, очень бранят Рим за то, что в нем нет отелей и магазинов, таких как в Париже, и кардиналы не дают балов. Один наш земляк, без сомнения, знакомый вам, Б–ский (тот, который потолще) за игрою в вист спросил: А где находится Ватикан? Когда игравшие с ним изумились такому неожиданному вопросу, он, нимало не смутившись, сказал, что это ничуть не удивительно, ибо он нет и двух недель, как в Риме, и потому очень мудрено в такое короткое время всё знать. Впрочем, это небольшое невежество он очень скоро поправил и изумил сведениями, которых никто в нем не предполагал. Когда повел его чичероне в церковь Петра, он немедленно спросил где же Павел? Ведь тут и Павел должен быть, — и когда кустод начал ему объяснять, что Павел дело совершенно другое и находится в другой стороне города, то наш соотечественник так начал ему говорить сильно и убедительно, что сам чичероне наконец убедился, что, точно, и Павел должен быть тут» (впервые опубликовано: Ненапечатанное письмо Гоголя // *Сын Отечества*. 1856. 2 дек. № 35. С. 186; автограф не сохранился).

В 1901 г. в примечании к инициалу «Б–ский» в этом письме В. И. Шенрок замечал: «Н. В. Репнина думала, что здесь речь идет о Базилевском. По словам княжны В. Н. Репниной, Базилевский был большой оригинал, но еще страннее была его мать, отличавшаяся баснословной скупостью. У нее при Александре I был целый сундук с ассигнациями, который она тщательно хранила. Когда потом счет на ассигнации был заменен счетом на серебро, то их надо было разменять, и все они оказались сгнившими. Когда княжна Репнина гостила у нее с матерью, то она из какого-то нелепого опасения даже спала на своем заветном сундуке. У нее было два сына: старший был полковник и жестоко обращался с солдатами, другой, женатый на Грессер, племяннице министра двора Петра Михайловича Волконского, был необыч-

новенно ревнив. У него, хотя он был еще молод, были вставные зубы и парик, и, ложась спать, он весь, так сказать, разбирался на кусочки. Это семейство часто возбуждало насмешки Гоголя и Репниных» (Письма Н. В. Гоголя. Ред. В. И. Шенрока. СПб., <1901>. Т. 1. С. 559).

Ранее, в 1892 г., В. И. Шенрок, сообщая, со слов А. С. Данилевского, об отношении к Гоголю его матери, также сообщал: «...Марья Ивановна не переставала иногда раздражать сына своей бестактностью... <...> Однажды она сильно заботилась о том, чтобы сын ее поехал познакомиться с отправившимся на некоторое время в Петербург богатым соседом, Базилевским. По словам А. С. Данилевского, мать Базилевского, известная своим скряжничеством, нажила огромное состояние; сам Базилевский был занят своим богатством и вообще был крайне несимпатичная личность. Ехать к нему, по мнению Данилевского, было бы просто неприлично и ненужно. Неудивительно, что по этому поводу Гоголь писал матери: "Вы всё еще, кажется, привыкли почитать меня за нищего, для которого всякой человек с небольшим именем и знакомством может наделать кучу добра. Но прошу вас не беспокоиться об этом"» (см. в наст. изд. раздел *А. С. Данилевский об отношении к Гоголю его матери*).

Приведенная В. И. Шенроком цитата взята из письма Гоголя к матери от 10 марта 1832 г., в котором речь на самом деле идет не о Базилевском, а о зяте графа М. М. Сперанского Александре Алексеевиче Фролове-Багрееве (1785–1845), муже Е. М. Фроловой-Багреевой (рожд. Сперанской; 1799–1857), который служил гражданским губернатором в Чернигове; с 1824 г. стал членом совета министерства финансов, с 1834 г. — сенатором. А. А. Фролов-Багреев был полтавским помещиком, и в 1832 г. на Украине с ним и познакомилась мать Гоголя. В ответ на предложение матери обратиться с Фролову-Багрееву Гоголь отвечал: «Мне очень странно, маминька, что вы столько хлопочете о Багрееве. Я верю, что он хороший человек и достоин всякого уважения; но, несмотря на то, не поеду к нему ни с сего, ни с другого в дом. <...> Вы всё еще, кажется, привыкли почитать меня за нищего, для которого всякой человек с небольшим именем и знакомством может наделать кучу добра. Но прошу вас не беспокоиться об этом».

Впервые это письмо было опубликовано в изд.: Соч. и письма Н. В. Гоголя. Издание П. А. Кулиша. СПб., 1857. Т. 5. С. 147–148. В публикации Кулиша фамилия Багреева была представлена инициалом Б****: «Мне очень странно, маминька, что вы столько хлопочете о Б****. <...> ... Однако я все-таки благодарю вас за желание, чтобы я познакомился с Б****...» Поэтому В. И. Шенрок, пользовавшийся публикацией Кулиша, следуя разъяснению А. С. Данилевского, полагал в 1892 г., что под инициалом Б**** имеется в виду Базилевский. Позднее, в 1901 г., Шенрок раскрыл инициал, напечатав письмо с правильной фамилией — Багреев. При этом он пояснил: «Покойный А. С. Данилевский при объяснении этого инициала колебался между двумя фамилиями: Базилевский и Багреев, но, сообщая мне подробности об этих лицах, высказывал свое заключение о том, что ехать к тому или другому было бы для Гоголя совершенно нестати и что это была совершенно неподобающая фантазия со стороны Марьи Ивановны навязывать сыну подобные знакомства. А. В. Гоголь полагала, что здесь в письме инициал Б. означает Багреева, что безусловно подтверждается копией, принадлежавшей Н. С. Тихонравову» (Письма Н. В. Гоголя. Ред. В. И. Шенрока. СПб., <1901>. Т. 1. С. 205).

²² Магдалина Александровна Власова (рожд. княжна Белосельская-Белозерская), сестра княгини З. А. Волконской.

²³ Письмо от 14 июня 1838 г.

²⁴ Имеется в виду то же письмо от 14 июня 1838 г.

²⁵ «Это была шутка, требующая разъяснения. Репнины каждый день собирались в Неаполь, наконец решили, что в назначенный день уедут непременно, но снова остались» (Письма Н. В. Гоголя. Ред. В. И. Шенрока. СПб., <1901>. Т. 1. С. 527).

²⁶ Фрагмент: «Во второе свое пребывание в Риме ~ и все повторяла, что он уехал», — впервые опубликован: *Шенрок В. И.* Н. В. Гоголь. Пять лет жизни за границей. 1836–1841 гг. // Вестник Европы. 1894. № 8. С. 636, 638–640. Перепечатано, с дополнениями и примечаниями: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1895. Т. 3. С. 205, 207–211. Печатается по последней публикации.

²⁷ Иосиф Иванович Габерцеттель (1791–1853), художник.

²⁸ Впервые опубликовано: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1895. Т. 3. С. 211; см. также: Письма Н. В. Гоголя. Ред. В. И. Шенрока. СПб., <1901>. Т. 1. С. 528. Печатается по первой публикации. Ср. также: «По словам княжны Репниной, "Mazzotti — жандарм, командовавший отрядом, весьма дрянной человек". Поклон именно от него, разумеется, тоже шутка...» (Письма Н. В. Гоголя. Ред. В. И. Шенрока. СПб., <1901>. Т. 1. С. 528).

²⁹ Фрагмент: «Княжна В. Н. Репнина также помнила ~ во время их жизни за границей» — впервые опубликован: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1895. Т. 3. С. 235. Печатается по первой публикации.

³⁰ Фрагмент: «Печально вступил Гоголь – Погодины и проч.» – впервые опубликован: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1895. Т. 3. С. 245. Печатается по первой публикации.

³¹ Впервые опубликовано: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1897. Т. 4. С. 752. Печатается по первой публикации.

³² Фрагмент: «Совершенно нелепо было бы – отчасти грустен в последние годы» – впервые опубликован: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1897. Т. 4. С. 843. Печатается по первой публикации.

Отрывки из воспоминаний княжны В. Н. Репниной-Волконской в записи П. И. Бартенева

...Перед самую кончиною молодого графа <И. М. Виельгорского>, он <Гоголь> обещал сидеть у него, но не пришел. Этим воспользовалась хозяйка виллы¹ и призвала к умиравшему аббата². J'ai vu son ame sortir tout-a-fait catholique (т. е. я видела, как душа его уходила совсем католическая), говорила она потом³.

Гоголь был у Репниных свой человек и гашивал у них за границей, в Яготине под Киевом и в Одессе. Позднее, в Москве, встретив где-то Гоголя, одна из Репниных обрадовалась и пригласила его к себе обедать запискою, на которой написала адрес: Н. В. Яновскому (так его звали в Малороссии). Гоголь обиделся, обедать не приехал и дал знать, что его имя Гоголь достаточно известно в Москве⁴.

Фрагмент: «...Перед самую кончиною молодого графа – говорила она потом», с примечанием: «(Слышано от племянницы ее супруга, княжны В. Н. Репниной). П. Б<артенев>» – впервые опубликован: Из писем к В. А. Жуковскому // Русский Архив. 1902. Кн. 2. С. 444.

Фрагмент: «Гоголь был у Репниных свой человек – достаточно известно в Москве», с примечанием: «(Слышано от княжны В. Н. Репниной). П. Б<артенев>» – впервые опубликован: Письма Гоголя к Д. Е. Бенардаки, к княгине В. Н. Репниной, графине Л. К. Вьельгорской, к графу В. А. Соллогубу и к его супруге. (Сообщено М. А. Веневитиновым) // Русский Архив. 1902. № 4. С. 726.

Тексты печатаются по первым публикациям.

¹ Княгиня З. А. Волконская.

² Имеется в виду аббат Филипп Олимп Жерве.

³ Текст представляет собой подстрочный комментарий к письму графа Мих. Ю. Виельгорского к В. А. Жуковскому от 14 мая (н. ст.) 1839 г. (см. в наст. изд.). Ранее, 30 ноября (н. ст.) 1838 г., граф Мих. Ю. Виельгорский сообщал также Жуковскому: «Гоголь бывает у меня и читал начало “Мертвых душ”» (впервые опубликовано: *Лямина Е. Э., Самовер Н. В.* «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского. М., 1999. С. 382). См. также в наст. изд. письмо графа Мих. Ю. Виельгорского к Жуковскому от 20 ноября (н. ст.) 1838 г. (с ошибочной датировкой; датировка уточнена: *Лямина Е. Э., Самовер Н. В.* «Бедный Жозеф». С. 387).

⁴ Текст представляет собой подстрочный комментарий к письму Гоголя В. Н. Репниной от 1838 г. из Кастеллама-ре.

О нежелании Гоголя, чтобы его называли Яновским, см. также в наст. изд. коммент. к *Воспоминаниям М. И. Гоголя в путевом дневнике С. П. Шевырева*. В письме к В. В. Тарновскому от 2 октября 1833 г. Гоголь также замечал: «Адрес мой: в Малой Морской, в доме под № 97, артиста Лепена; прямо Гоголю, Яновского не называть».

После юбилея
(Отрывки впечатлений и разговоров)
Фрагмент

<...> Моя мать рассказывала, что бывала в Москве у своей крестной матери, старенькой княжны Репниной¹. Старушка была очень религиозна, принимала у себя афонских монахов. И вот у нее бывал Гоголь. Приходил в красном бархатном жилете и читал старушке вслух Евангелие.

— Что же, он хорошо читал?

— Нет, нехорошо. Как-то сердито. И поднимал вверх указательный палец. Строго читал, будто не слово Божие, а какое-то собственное назидание.

Впоследствии, когда я читала его «Переписку», мне все представлялся красный жилет и укоризненно поднятый палец. <...>

Впервые опубликовано: Тэффи Н. После юбилея. (Отрывки впечатлений и разговоров) // Новое Русское Слово. Нью-Йорк, 1952. 16 марта. Печатается по изд.: Тэффи Н. После юбилея. (Отрывки впечатлений и разговоров) // Трудный путь. Зарубежная Россия и Гоголь. Из наследия русской эмиграции. М., 2002. С. 232.

Надежда Александровна Тэффи (псевдоним) (рожд. Лохвицкая, в замужестве Бучинская, 1872–1952), писательница.

¹ Княжны В. Н. Репниной-Волконской.

Гоголь в письмах княгини З. А. Волконской

Княгиня З. А. Волконская — В. А. Жуковскому

23 февраля <н. ст. 1839. Рим>.

<...> Гоголь *плачет* об вас... <...>

Публикуется впервые по автографу: ИРЛИ. Ф. 27.979 / СС1 6.30. Л. 2.

Княгиня Зинаида Александровна Волконская (Волконская, рожд. княжна Белосельская-Белозерская, 1789–1862), тетка княжны В. Н. Репниной-Волконской; певица и писательница, хозяйка литературно-музыкального салона, с 1829 г. жила в Италии; тайно оставила Православие, еще будучи в России.

Письмо княгини Волконской от 23 февраля (без указания года) было отправлено В. А. Жуковскому из Рима в Вену (a Vienne). Послание, очевидно, относится к 1839 г., т. к. Жуковский, выехавший из Рима 1/13 февраля 1839 г., находился в Вене 19–28 февраля / 3–12 марта 1839 г. (см.: Даты жизни и творчества В. А. Жуковского // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 14. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834–1847 гг. / Сост. и ред. О. Б. Лебедева, А. С. Янушкевич. М., 2004. С. 390). Послание к Жуковскому, написанное в Риме около 20 февраля (н. ст.) 1839 г., Гоголь также отправил в Вену: «Vienne (en Autriche)». (Отметим попутно, что в дневниковой записи Жуковского от 30 января (н. ст.) 1839 г. в первой публикации 1901 г. допущена ошибка: «После обеда в Vupatini». Следует: «...в Vupatini», т. е. в кукольный театр; см.: Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. М., 2004. Т. 14. С. 151; Джулиани Р. Рим в жизни и творчестве Гоголя, или Потерянный рай: Материалы и исследования / Пер. с итальянского А. Ямпольского. М., 2009. С. 37.)

Как сообщали И. Н. Бочаров и Ю. П. Глушакова, «гоголевских писем <...> в сохранившейся части архива З. А. Волконской, которая ныне находится в библиотеке Гарвардского университета в США», обнаружить не удалось: «Там имеется только шутилая запись писателя в альбоме сестры Волконской — М. А. Власовой, начинающаяся сло-

вами: «Как ни глуп индейский петух». Письма же Н. В. Гоголя к З. А. Волконской как в воду канули...» (Бочаров И., Глушакова Ю. Там, где родился образ птицы-тройки // Встречи с прошлым. Научно-популярные очерки. М., 1987. С. 89; см. также: Бочаров И. Н., Глушакова Ю. П. Итальянская пушкиниана. М., 1991. С. 333). «Особенно интересен девятый альбом, принадлежавший сестре З. А. Волконской — Марии Александровне Власовой. В нем много рисунков и стихов З. А. Волконской, стихов ее мужа Никиты Григорьевича и сына Александра Никитича, автографы С. П. Шевырева, И. П. Мятлева, А. Мицкевича, Ф. А. Буальде <французский композитор, 1775–1834>, рисунки иностранных и неизвестных русских художников. Именно этот альбом украшает упоминавшийся выше автограф Н. В. Гоголя» (Бочаров И. Н., Глушакова Ю. П. Итальянская пушкиниана. С. 331).

Высказано также предположение, что в Риме Гоголь сблизился с маленькой внучкой княгини З. А. Волконской: «У З. А. Волконской <...> хранился приписываемый Ф. Бруни рисунок-кариатура, изображающий Н. В. Гоголя с внучкой княгини на вилле близ Сан Джованни ин Латерано» (Бочаров И., Глушакова Ю. Гоголь в Риме // Советский музей. 1983. № 2 (74). С. 73; рисунок воспроизведен в качестве иллюстрации к статье: С. 71). Допустив, что рисунок был выполнен Ф. А. Бруни, исследователи, однако, позднее отказались от этого предположения, высказав новую (также не аргументированную) догадку, что автором шаржа был сам Гоголь. «Гоголь <...> сближается <...> с <...> маленькой внучкой княгини, о чем свидетельствует сохранившийся в архиве Гарвардского университета» рисунок, на котором в шаржированном виде писатель изображен вместе с этой девочкой. Возможно, что автором рисунка является сам Гоголь» (Бочаров И. Н., Глушакова Ю. П. Итальянская пушкиниана. М., 1991. С. 240–241). См. также подпись к рисунку в публикации 1987 г.: «Н. В. Гоголь с внучкой З. А. Волконской. Рисунок неизвестного художника. Библиотека Гарвардского университета США» (Бочаров И., Глушакова Ю. Там, где родился образ птицы-тройки // Встречи с прошлым. Научно-популярные очерки. М., 1987. С. 85).

В свою очередь, малоубедительна предпринятая позднее попытка вновь приписать изображение Гоголя «с внучкой княгини» художнику Бруни и приурочить к тому времени, когда Гоголь ухаживал за умирающим графом И. М. Виельгорским (скончавшимся 2 июня (н. ст.) 1839 г.). Найти доказательства в пользу авторства Бруни исследователям также не удалось. (Подкрепить мнение в пользу авторства Бруни можно было бы указанием на то, что в архиве Волконской сохранился ряд акварелей и рисунков этого художника — сообщения об этом имется в изд.: Бочаров И. Н., Глушакова Ю. П. Итальянская пушкиниана. М., 1991. С. 296, 329–330, 332. — И. Н. Бочаров и Ю. П. Глушакова даже отметили, что «ряд неподписанных рисунков сделан в характерной для Бруни манере и тоже не оставляет сомнений в том, что они принадлежат этому же художнику». Однако, как уже сказано, от гипотезы о принадлежности рисунка с Гоголем из архива Волконской Бруни те же исследователи отказались, выдвинув новую догадку, что «автором рисунка является сам Гоголь»; см. выше.)

Гадательный характер носит и аргументация позднейших исследователей (вновь приписавших рисунок Федору Бруни) о связи рисунка с болезнью Виельгорского: «Жозефа поместили на первом этаже дома <Волконской>... <...> Туда принесли простую металлическую кровать <?>. Скорее всего, именно ее <?> можно рассмотреть на рисунке, выполненном предположительно Ф. А. Бруни в это время. Художник в шаржированном виде изобразил Гоголя — тот сидит в кресле с газетой в руках и, возможно, читает вслух больному, лежащему в постели <?> (виден уголок одеяла). Возле окна, под рукой у Гоголя <?>, находится столик, а на нем какие-то предметы — вероятно, стакан с лекарством <?>, чашка или что-то подобное. В углу резвится котенок; вбежавшая в комнату девочка (очевидно, внучка княгини) остановилась, вопросительно глядя на Гоголя, который не обращает на нее внимания. Такова, возможно, была обстановка, окружавшая Жозефа в последние несколько недель жизни» (Лямина Е. Э., Сажовер Н. В. «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского. М., 1999. С. 434–435).

Помимо шаржированного рисунка неизвестного художника с маленькой девочкой (предположительно с «внучкой З. А. Волконской»), И. Н. Бочаров и Ю. П. Глушакова опубликовали и описали еще один неизвестный портрет Гоголя, хранящийся в частной коллекции в Италии: «Русскому живописцу, входившему в круг гоголевских приятелей по Риму, видимо, принадлежит <...> находящаяся в одном зарубежном собрании миниатюра писателя, написанная масляными красками на холсте. Гоголь изображен с длинными волосами, которые он стал носить с 1840 года. На нем темный сюртук и белая рубашка. По своему типу этот портрет ближе всего к работам Александра Иванова, наиболее верно передающим облик писателя. Но лицо его дано в ином развороте, который встречается на портретах Ф. Моллера. Совпадает с одной из работ Моллера (вариант Ивановского областного музея) и прическа Гоголя, с правым пробором, на миниатюрном изображении, тогда как на всех остальных портретах писателя, созданных после 1840 года, пробор у него на левой стороне. Этим, собственно,

исчерпывается общность миниатюры с работами Моллера. Перед нами, по-видимому, произведение какого-то другого русского художника, общавшегося с писателем в Риме и оставившего нам его неизвестный прижизненный портрет, написанный с натуры. Заметим, что до сего времени специалистами по иконографии Н. В. Гоголя были выявлены только две миниатюры с прижизненным изображением писателя. Одна из них до революции находилась в частном собрании в Баку и ныне утрачена. (Имеется в виду миниатюра из собрания М. В. Горохового; см.: *Машковцев Н. Г.* Гоголь в кругу художников. Очерки. М., 1955. С. 149. — *И. В.*) Бакинский портрет был написан маслом на картоне, и Гоголь на нем в другом costume, нежели на вновь открытой работе. Не совпадает изображение писателя на зарубежном портрете и с миниатюрой на слоновой кости, которая в настоящее время хранится в музее Института русской литературы (Ленинград). Предполагать, что наша зарубежная миниатюра была выполнена с натуры, позволяет <...> то, что она не повторяет ни один из известных достоверных портретов Гоголя» (*Бочаров И., Глушакова Ю.* Гоголь в Риме // Советский музей. 1983. № 2 (74). С. 73; см. также: *Бочаров И., Глушакова Ю.* Там, где родился образ птицы-тройки // Встречи с прошлым. Научно-популярные очерки. М., 1987. С. 88; *Бочаров И. Н., Глушакова Ю. П.* Итальянская пушкиниана. М., 1991. С. 256).

Княгиня З. А. Волконская — С. П. Шевыреву

<3–4 июня (н. ст.) 1839. Рим>

<...> Иосифа¹ нет. Он вчера² кончил свою жизнь, а Жерве³ обедал у меня. Ему было дурно, но никто не думал, что так скоро он умрет. Послали за мной, я с сестрой⁴, с Жерве и с Софьей⁵ и с Борисом⁶, были у Массими⁷, где смотрели церемонию. Мне что-то сердцу сказало: пора домой. Встретила гр<афа> Риччи⁸, он искал Гогела¹, не нашли. Гр<афиня> М. Воронцова⁹ была при нем и прибежала вовремя, и мы окружили его постелю; в большой моей комнате у стены угловой, и приняли, молясь, его чистую душу. Он ничего не отказывал, молился со мной, любил Богоматерь и правду, заслужил последнюю помощь, таинственный свет. Сегодня¹⁰ его выносим. Отец¹¹ жалок, но повинуется. Миньято¹² с ним ночевал третьего дни, и все с ним. Гогел¹¹ тоже, но Миньято полезнее; вот как разрушается, что на песке воздвигнуто. <...>

Впервые опубликовано: *Линниченко И. А.* Душевная драма Гоголя // Записки Имп. Новороссийского Ун-та. Одесса, 1902. Т. 88. Отд. III. С. 69–70; см. также: *Линниченко И. А.* Душевная драма Гоголя. Речь, произнесенная в зале Имп. Новороссийского Ун-та 17 марта 1902 года, в день университетских поминок о Гоголе. (Оттиск из т. 88 Записок Имп. Новороссийского Ун-та). Одесса, 1902. С. 17–18. Печатается по первой публикации.

См. также в наст. изд. разделы *Свидетельства о Гоголе С. Б. Шевыревой (рожденной Зеленской)* и *Воспоминания княжны В. Н. Репниной-Волконской в записи В. И. Шенрока.*

¹ Имеется в виду граф И. М. Виельгорский.

² 2 июня (н. ст.) 1839 г.

³ Филипп Олимп Жерве (Жербе, 1798–1864), аббат, с 1854 г. епископ Перпиньянский.

⁴ Имеется в виду М. А. Власова (рожд. княжна Белосельская-Белозерская).

⁵ Шевыревой.

⁶ Сын С. Б. Шевыревой.

⁷ Князь Франческо Ксаверио Массимо, папский церемониймейстер.

⁸ Граф Миньято Риччи (1792–1860 или 1877), поэт, камерный певец.

⁹ Графиня М. А. Воронцова.

¹⁰ 4 июня (н. ст.) 1839 г.

¹¹ Граф Мих. Ю. Виельгорский.

¹² Граф М. Риччи.

¹ Так в публикации.

¹¹ Так в публикации.

Из свидетельств о жизни Гоголя в Риме в 1837–1839 гг.

Свидетельства о Гоголе И. Ф. Золотарева

И. Ф. Золотарев — А. С. Данилевскому

Апреля 19 <н. ст.>, четверг <1838. Рим>.

Гоголь и я ждем тебя и не дождемся¹; так я и уезжаю в Неаполь, но хотел бы по возврате в Рим найти тебя подле меня и Гоголя нашим общим соседом. Он в *Strada Felice*², а я в *Via St. Isidore* (№ 17), где некогда жил наш Кипренский³, а потом наш Гоголь⁴, — ты мог опять поселиться в *Purificazione*, теперь, конечно, для тебе печальной и осиротевшей. Приезжай помянуть бывшее⁵, отыскать — тот крест смиренный, под коим улегся прах ее⁶, и склониться перед ним печальной головой, и разнежиться умиленною мечтою, — не так ли? <...> Во всяком случае ты много бы обрадовал и Гоголя и меня твоим приездом, и украсил бы, оживил бы нашу жизнь в Риме, и наши имеющие быть прогулки в Альбано, Фраскати, Тиволи и Дженсано, — и в Компанию также. В Рим — как в роман⁷, или в огромную повесть¹ все вчитываешься далее и более, и более и более находишь красоты... Что за природа, и что за история. Что за кипарисы — и что за развалины... А виллы-то — и окрестности Рима... Все это хорошо бы было обойти нам вместе с тобою!

Я все-таки думаю, что, воротясь сюда из Неаполя, найду тебя. Бросай же Париж и садись на Лионский дилижанс... Что тебе теперь в Париже, *Гризи* уехала, и *Рубини* с нею; приближается время духоты, жару, пыли и зловонных испарений. А здесь-то... много света, теплоты и отрады, — и даже найдешь сестер, родных сестер *Гризи*.

Итак, в Рим, во что бы то ни стало!.. Спешу к Гоголю. Уже 10^{-й} час. С ним вместе сегодня завтракаем и отправляемся в Ватикан. Обнимаю тебя от души, — до свидания в Риме⁸. <...> Пишите ко мне, адрес письма на имя Гоголя. *Strada Felice*, 126.

Золотарев.

Впервые частично опубликовано: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1895. Т. 3. С. 213–214. Печатается по автографу: РГБ. Ф. 74. К. 8. Ед. хр. 23. Л. 1–2; почтовая бумага: украшенный виньетками горизонтальный прямоугольник с двумя готическими инициалами внутри: «Н. З».

Иван Федорович Золотарев (1812–1881), в 1831–1836 гг. учился в Дерптском университете; 16 марта 1836 г. защитил кандидатскую диссертацию «О дипломатическом церемониале при дворе русских царей» (см.: *Манн Ю. В.* Гоголь. Труды и дни: 1809–1845. М., 2004. С. 482); познакомился с Гоголем и А. С. Данилевским во время поездки на пароходе по пути за границу в июне 1836 г.; впоследствии служил полковым командиром Грузинского линейного 18-го батальона; состоял товарищем председателя Славянского комитета.

«Гоголь приехал в Рим со своим знакомым Золотаревым 14 марта <26 марта н. ст.> 1837 года» (*Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1895. Т. 3. С. 178).

¹ Спустя три дня, 10/22 апреля 1838 г., И. Ф. Золотарев получил от А. С. Данилевского письмо к Гоголю из Парижа, которое в тот же день передал адресату (см. письмо Гоголя к Данилевскому от 23 апреля (н. ст.) 1838 г.).

---

¹ Слова: или в огромную повесть — *вписаны*.

² На Strada Felice (в настоящее время — Via Sistina), дом № 126, Гоголь жил во время четырех периодов своего пребывания в Риме в 1837—1843 гг.:

- 1) с конца ноября (н. ст.) 1837 г. по конец июня (н. ст.) 1838 г.;
- 2) с 15 ноября (н. ст.) 1838 г. по начало июня (н. ст.) 1839 г.;
- 3) с конца сентября (н. ст.) 1840 г. по середину августа (н. ст.) 1841 г.;
- 4) с начала октября (н. ст.) 1842 г. по начало мая (н. ст.) 1843 г.

³ Орест Адамович Кипренский (1783 — 5 октября 1836), художник. О проживании О. А. Кипренского в Риме по указанному адресу см. также в наст. изд. в статье В. Н. Гасперович «Н. В. Гоголь в Риме».

⁴ На улице Sant Isidore, дом № 17, Гоголь жил с конца марта по первую половину июня (н. ст.) 1837 г.

⁵ О пребывании Данилевского в Риме в мае—июне (н. ст.) 1837 г. Гоголь 3 июня (н. ст.) того же года сообщал Н. Я. Прокоповичу: «Данилевский теперь тоже здесь». Ранее, 30 марта (н. ст.) 1837 г. Гоголь писал Прокоповичу: «Данилевский обещался неделю после меня быть в Рим <т. е. около 2 апреля н. ст.>, но до сих пор его не вижу». В назначенное время Данилевский в Рим не прибыл, а в начале апреля (н. ст.) 1837 г. послал Гоголю в Рим письмо из Женевы. 15 апреля (н. ст.) 1837 г. Гоголь отвечал Данилевскому: «Напиши по крайней мере, где ты располагаешь быть через полтора месяца, ибо через полтора месяца я выеду из Италии заглянуть на какие-нибудь немецкие воды». Вероятно, в Риме Данилевский появился в мае (н. ст.) 1837 г.

В конце июня (н. ст.) 1837 г. Гоголь выехал из Рима, а позднее, 24 ноября (н. ст.) 1837 г., сообщал матери из Милана: «Я пробыл в Женеве больше, нежели думал (ожидаю из Петербурга нужных для меня писем). (Речь, очевидно, идет о получении Гоголем в Женеве 2 ноября (н. ст.) 1837 г. материальной помощи от Государя; см. в наст. изд. *Документы об оказании Гоголю Императором Николаем I денежного пособия в 1837 г.* и <Примечание к письму из Рима к редактору журнала «Современник» П. А. Плетневу от 2—30 ноября (н. ст.) 1837 г.> — И. В.) <...> Я с большою радостью оставил наконец Женеву, где, впрочем, мне не было скучно, тем более, что я там имел счастливую встречу с Данилевским, и таким образом мы провели осень довольно приятно...» В середине ноября (н. ст.) 1837 г. Данилевский отправился обратно в Париж, Гоголь — в Рим. Вероятно, Данилевский провожал тогда Гоголя до о. Изола Белла на озере Лаго-Маджоре, на границе Швейцарии и Италии, где и произошло их расставание (см. в наст. изд. пятый фрагмент раздела «Заграничная жизнь Гоголя в 1836—1839 гг.» из *Воспоминаний А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока* и коммент. к этому фрагменту). В Рим Гоголь прибыл около 30 ноября (н. ст.) 1837 г.

⁶ 26 февраля (н. ст.) 1838 г. Гоголь сообщал А. С. Данилевскому из Рима: «...Бедная хозяйка твоя, Роза, умерла».

⁷ Сравнение Рима с романом восходит к суждениям князя П. А. Вяземского, которые повторяет также Гоголь в письме к князю от 25 июня (н. ст.) 1838 г. из Рима и, ранее, в <Письме из Рима к редактору журнала «Современник» П. А. Плетневу> (от 2—30 ноября (н. ст.) 1837 г.). Это сравнение Гоголь мог прочесть в письме князя П. А. Вяземского к А. О. Смирновой от 21 августа 1835 г. (см. в наст. изд. коммент. к этому письму) и слышать от самого Вяземского — либо в Кронштадте 6 июня 1836 г., либо на праздновании дня рождения сына Вяземского Павла 2 июня 1836 г. (см. в наст. изд. коммент. к *Извещению газеты «Санкт-Петербургские Ведомости» от 17, 21 и 25 мая 1836 г. об отъезде Гоголя за границу*).

⁸ В Рим Данилевский больше не приезжал.

К. П. Ободовский

Рассказы о Гоголе

В семидесятых годах, бывая у известного поэта Я. П. Полонского, мне приходилось у него встречать одного из деятелей бывшего Славянского Комитета — Ивана Федоровича Золотарева¹.

В то время ему было лет шестьдесят с лишком; но годы, казалось, не коснулись его. Полный энергии, отзывчивый на каждое доброе дело, живо интересующийся политикой, литературой, искусством, он походил не на старца, заканчивающего свое земное поприще, а на юношу в лучшую пору жизни.

Много видел и наблюдал на своем веку И<ван> Ф<едорович>, да и поле для наблюдений у него было широкое, так как, постоянно вращаясь в разных литературных кружках, он был более или менее близко знаком со многими известными литераторами 30-х, 40-х и последующих годов.

Особенно был он близок с Гоголем. Рассказы И<вана> Ф<едоровича> о знаменитом писателе показались мне столь интересными, что я тогда же записал то, что мне казалось наиболее заслуживающим внимания.

Если мои краткие, отрывочные заметки об авторе «Мертвых Душ» прибавят хотя бы незначительную черту к характеристике великого писателя, я считал бы тогда эти заметки вполне достигшими их цели.

И. Ф. Золотарев жил с Гоголем в 1837 и 1838 гг. в Риме.

Жили они на одной квартире и виделись постоянно в течение почти двух лет пребывания И<вана> Ф<едоровича> в Италии.

Это была лучшая пора жизни писателя.

В то время, по словам И<вана> Ф<едоровича>, Гоголь был совсем не тем мрачным мистиком, почти анахоретом, каким он является в последний период своей жизни.

Напротив, в описываемую эпоху писатель был полон жизни: веселый, разговорчивый, он был весь, так сказать, охвачен красотой римской природы и подавлен массой памятников искусства, которыми был окружен.

До какой степени он был увлечен окружающей его обстановкой вечного города, указывает эпизод, происшедший при самом приезде И. Ф. Золотарева в Рим.

«Первое время, от новости ли впечатлений, от переутомления ли дорогой, или от чего другого, — рассказывал И<ван> Ф<едорович>, — я совершенно лишился сна.

— Совсем спать не могу, просто в отчаянье прихожу, — пожаловался я раз как-то Гоголю.

Велико же было мое удивление, когда, вместо сочувствия к моему тяжелому положению, Н<иколай> В<асильевич> пришел в восторг.

— Как ты счастлив, Иван, — воскликнул он, — что не можешь спать!..

— Да какое же тут счастье, помилуй, — возразил я, — что может быть тяжелее, мучительнее бессонницы!

— Как тебе не стыдно это говорить, — закричал Гоголь, — не горевать ты должен, а радоваться!

— Да почему же? — спросил я уже в совершенном изумлении.

— А потому, что твоя бессонница указывает на то, что у тебя артистическая натура, так как ты приехал в Рим, и он так поразил тебя, что ты не можешь спать от охвативших тебя впечатлений природы и искусства². И после этого ты еще не будешь себя считать счастливым!

Убеждать в действительной причине моей бессонницы великого энтузиаста, целые дни без отдыха проводившего в созерцании римской природы и памятников вечного города, я счел бесполезным».

В описываемую эпоху, как сказано выше, Гоголь вовсе не походил на того мрачного мистика, которым он сделался впоследствии, но уже в 1837–1838 гг. намечалось кое-что из тех черт, которые сделались господствующими в последний период его жизни.

Во-первых, он был крайне религиозен, часто посещал церкви и любил видеть проявление религиозности в других.

Во-вторых, на него находил иногда род столбняка какого-то: вдруг среди веселого, оживленного разговора замолчит, и слова от него не добьешься. Являлось у него это, по-видимому, беспричинно.

Затем в нем иногда проявлялась странная застенчивость. Бывало, разговорится, и говорит весело, живо, остроумно. Вдруг входит какое-нибудь новое лицо. Гоголь сразу смолкает и, как улитка, прячется в свою раковину.

К числу особенностей Гоголя принадлежали, по словам И<вана> Ф<едоровича>, его оригинальность в одежде и чрезвычайный аппетит.

Оригинальность Гоголя в выборе костюмов доходила иногда просто до смешного. Так, когда он был в Гамбурге³, то заказал себе все платье из тика⁴, и когда ему указывали на то, что он делает себя смешным, писатель возражал: «Что же тут смешного: дешево, моется и удобно».

Между прочим, сделав себе упомянутый костюм, он написал четверостишие⁵:

Счастлив тот, кто сшил себе
В Гамбурге штанишки.
Благодарен он судьбе
За свои делишки.

Четверостишие это он повторял потом целую неделю.

Вообще у Н<иколая> В<асильевича> была привычка, поймав какое-нибудь слово или рифму, которые ему почему-либо понравились, повторять их в течение нескольких дней.

Аппетитом Гоголь обладал чрезвычайным. Он любил и много, и хорошо покушать.

«Бывало, зайдем мы, — рассказывал И<ван> Ф<едорович>, — в какую-нибудь трактирню пообедать; Гоголь покушает плотно, обед уже кончен. Вдруг входит новый посетитель и заказывает себе какое-нибудь кушанье. Аппетит Гоголя вновь разгорается, и он, несмотря на то, что только что пообедал, заказывает себе или то кушанье, которое потребовал вновь пришедший посетитель, или что-нибудь другое».

Из наиболее любимых Гоголем кушаний было козье молоко, которое он варил сам особым способом, прибавляя туда рому (последний он возил с собой во флаконе). Эту стряпню он называл гоголь-моголем и часто, смеясь, говорил: «Гоголь любит гоголь-моголь».

Когда Н<иколай> В<асильевич> начинал писать, то предварительно делался задумчив и крайне молчалив. Подолгу, молча, ходил он по комнате, и когда с ним заговаривали, то просил замолчать и не мешать ему. Затем он залезал в свою дырку: так называл он одну из трех комнат квартиры, в которой жил с И. Ф. Золотаревым, отличавшуюся весьма скромными размерами, где и проводил в работе почти безвыходно несколько дней.

По убеждениям своим Гоголь был чисто русский человек, а не малоросс, каким его желают представить.

Согласно убеждению, вынесенному И. Ф. Золотаревым из совместной жизни с Гоголем в Риме, писатель горячо любил именно Россию, а не Малороссию только.

Любимую литературу его была литература русская, причем наиболее излюбленными Гоголем писателями был Жуковский и Пушкин.

Когда последний был убит, и весть об этом чрез посольство достигла до Рима, Н<иколай> В<асильевич> был глубоко поражен⁶. Целый день он не мог прийти в себя и долгое время спустя после этого события, поразившего горем всю Россию, был молчалив и задумчив.

И. Ф. Золотарев расстался с Гоголем в 1838 г., чтобы уж больше никогда с ним не встречаться. В течение года после того, как они расстались, они были в переписке, но через год переписка прекратилась, и затем уже И<ван> Ф<едорович> не имел никаких непосредственных сношений с творцом «Мертвых Душ».

Первые опубликовано: *Ободовский К. П.* Рассказы о Гоголе // Исторический Вестник. 1893. № 1. С. 36–38. Печатается по первой публикации.

¹ «Скончался в начале 80-х годов» (примеч. К. П. Ободовского).

² Ср. строки «Размышлений о Божественной Литургии» Гоголя: «... Человек не в силах глядеть неотлучно и беспрерывно в глаза пленившей его красоте: и пища, и питье, и презренные заботы жизни его отвлекают от <нее>, и плачет он горько на свое бессилие, на то, что не может весь предаться красоте. Небесные же Силы глядят неотлучно и беспрерывно в глаза пленившей их Красоте: и пищу, и питье, и все заботы существа своего черплют они из ней же, — из той же красоты, и в высокой полноте блаженства воспевают: “Свят, Свят, Свят Господь Саваоф”, ощущая и в самом наслаждении песнословить возрастающую полноту блаженства».

³ См. в наст. изд. примеч. 44 к статье Г. П. Данилевского «Хуторок близ Диканьки».

⁴ Тик — дешевая, идущая на обивку льняная или хлопчатобумажная ткань.

⁵ Об этом же четверостишии сообщал В. И. Шенроку А. С. Данилевский (см. в наст. изд. раздел «Заграничная жизнь Гоголя в 1836—1839 гг.» *Воспоминаний А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в рассказе В. И. Шенрока*).

⁶ О смерти А. С. Пушкина Гоголь узнал еще в Париже в конце февраля (н. ст.) 1836 г.

П. А. Матвеев

Н. В. Гоголь и его переписка с друзьями Фрагмент

<...> «Чистая, истинная красота, — говорил Гоголь, беседуя с художниками в Риме, — хвала Богу на земле». — Такой отзыв Гоголя о красоте мы слышали от нескольких лиц и между прочим от покойного И. Ф. Золотарева. Последний, встретивши случайно, зимой 1874—75 года в Риме одного старого художника-неудачника, знавшего Гоголя, в разговоре с ним о взглядах Гоголя на искусство, припомнил эти слова Гоголя. <...>

Впервые опубликовано: *Матвеев П. А.* Н. В. Гоголь и его переписка с друзьями // *Русский Вестник*. 1893. № 12. С. 212—213. Перепечатано: Николай Васильевич Гоголь и его «Переписка с друзьями». Историко-литературный очерк П. А. Матвеева. СПб., 1894. С. 74. Печатается по первой публикации.

Павел Александрович Матвеев (1844 — после 1898), критик, публицист; выпускник юридического факультета Харьковского университета; чиновник судебного ведомства, цензор (с 1881 г.) Санкт-Петербургского цензурного комитета. В качестве цензора оказывал активное противодействие революционно-демократической печати. В частности, по поводу публикации в № 10 «Русской Старины» за 1890 г. воспоминаний Н. А. Тучковой-Огаревой (1829—1913) П. А. Матвеев представил в Санкт-Петербургский цензурный комитет доклад, в котором указывал на то, что записки Тучковой-Огаревой «не могут быть дозволены в печати даже в бесцензурном историческом журнале», так как «сплошь наполнены злостной клеветой на Россию и правительственную власть 40-х и 50-х годов ради тенденциозного желания выставить в наиболее благоприятном свете Герцена и Огарева...» (*Переселенков С. А.* Наталия Алексеевна Тучкова-Огарева и ее «Воспоминания» // *Тучкова-Огарева Н. А.* Воспоминания. Л., 1929. С. XX). Известен также доклад П. А. Матвеева от 10 мая 1895 г. о сожженном марксистском сборнике «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития» (1895) со статьями В. И. Ульянова (Ленина), Г. В. Плеханова, П. Б. Струве и др. (Красный архив. М.; Пг., 1923. Т. 4. С. 308—316).

Экземпляр книги П. А. Матвеева «Гоголь и его переписка с друзьями» из фондов Государственной публичной исторической библиотеки России (Москва) (шифр К 45 2/142) имеет дарственную надпись: «Многоуважаемому П<етру> Ивановичу Бартеневу от автора в знак усердного почтения. 6 сентября 1894 г.»

Еще один фрагмент из книги П. А. Матвеева, а также его статью «Гоголь в Оптиной Пустыни» см. в наст. изд. в разделе *Свидетельства о Гоголе графа А. П. Толстого*.

По следам Гоголя в Риме Фрагмент

<...> Несмотря на свои восемьдесят лет, М. П. Вагнер¹ сохранила всю ясность своего ума... <...> Марья Петровна показала мне <...> письма Гоголя к ней², его рисунки пером малороссийской хаты и балкон дачи Моп Салм, около Стрельны, принадлежавшей семейству Балабиных и приобретенной впоследствии Императором Николаем Павловичем для своего сына Михаила Николаевича³.

Все эти живые воспоминания, вид пожелтевших листков бумаги с уборым почерком, на которых Гоголь изливал свои восторги Римом, свои первые впечатления, пережитые вместе со своею ученицей; портрет Марьи Петровны того времени, прелестной шестнадцатилетней девушки, сделанный художником Каневским, о котором уже упоминал Гоголь в своих письмах⁴, <...> — все это ярко воскресило предо мной образ нашего писателя... <...>

Первые опубликовано: *Aventino*. По следам Гоголя в Риме. (Памяти нашего незабвенного писателя) // Московские Ведомости. 1900. 20 окт. № 290. С. 3–4; см. также: *Aventino*. По следам Гоголя в Риме. С 5 фотографическими снимками. (К пятидесятилетию по кончине Гоголя). М., 1902. С. 4–5. Печатается по первой публикации.

¹ Мария Петровна Вагнер (рожд. Балабина, 1820–1901), дочь П. И. и В. О. Балабиных, ученица Гоголя. Общение Гоголя с М. П. Балабиной в Риме относится к весне 1837 г.

² «Большая часть писем <Гоголя>, адресованных М. П. Балабиной, опубликована. Их передала на родину дочь Марии Петровны Паола Вагнер (1856–1935). Однако некоторые письма остались в семейном архиве Вагнеров, они никогда не публиковались, и их судьба неизвестна. Наши попытки разыскать этот архив оказались безуспешными. Паола Вагнер, оставшаяся незамужней, умерла в глубокой бедности (она похоронена на римском кладбище Тестаччо рядом с матерью) в доме призрения и, видимо, не сохранила ни фамильных бумаг, ни портретов матери. И мы до сих пор так и не знаем, как выглядела юная приятельница Гоголя, хотя ее, как известно, писали отечественные художники...» (Бочаров И., Глушакова Ю. Там, где родился образ птицы-тройки // Встречи с прошлым. Научно-популярные очерки. М., 1987. С. 89; см. также: Бочаров И. Н., Глушакова Ю. П. Итальянская пушкиниана. М., 1991. С. 258–259).

³ Михаил Николаевич (13 октября 1832 — 1909), великий князь, четвертый сын Императора Николая I.

⁴ Имеется в виду письмо Гоголя к М. П. Балабиной от апреля (н. ст.) 1838 г.

Р. Джулиани

Рим в жизни и творчестве Гоголя Фрагмент

<...> 1837. 21 апреля <н. ст.>. Вместе с М. П. Балабиной, княжной В. Н. Репниной, дипломатом П. И. Кривцовым, художниками и стипендиатами Академии художеств Гоголь присутствует на торжественном собрании в Институте археологической корреспонденции¹ в честь дня основания Рима. <...> В книге посетителей за 1833–1843 гг. среди автографов тех, кто присутствовал на <...> заседании <...>, есть подпись Гоголя, написавшего свое имя тонким, ясным, бисерным почерком, причем не кириллицей, а латиницей — «N. Gogol». <...> Прочитав подписи участников, некоторые из которых итальянизированы до неузнаваемости (каждый придумывал собственную транслитерацию с кириллицы на латиницу и к тому же всякий раз писал свое имя по-разному), мы можем узнать, кто сопровождал Гоголя в тот день. Подписи стоят в

следующем порядке: «Mad<emoiselle> Balabin². P<rince>sse Repnin³. N. Gogol». Затем вперемешку с нерусскими фамилиями: «Dournoff»⁴, «P. Krivzow»⁵, «N. lefimoff»⁶, «Haberzette»⁷, «Gornostaeff»⁸. <...>

Впервые опубликовано: Джулиани Р. Новые материалы о Н. В. Гоголе: Галерея русских художников, первых римских знакомых писателя // Образ Рима в русской литературе. Международный сборник научных работ / L'immagine di Roma nella letteratura russa. Miscellanea di studi internazionale. Рим; Самара, 2001. С. 108. Печатается по изд.: Джулиани Р. Рим в жизни и творчестве Гоголя, или Потерянный рай: Материалы и исследования / Пер. с итальянского А. Ямпольской. М., 2009. С. 232, 15–16.

Рита Джулиани, профессор русского языка и литературы в Римском университете «Ла Сапьенца».

¹ Istituto di Corrispondenza Archeologica, на Капитолии. Учрежден в Риме 21 апреля 1829 г. Каждую неделю в Институте проводились открытые собрания, участники которых расписывались в книге посетителей.

² Спустя год, в 1838 г., письмо к М. П. Балабиной Гоголь начал с пометы: «Рим, м<еся>ц апрель, год 2588-й от основания города» (см. также помету на письме к А. С. Данилевскому от того же года: «Рим. 2588-й год от основания города, 13 мая»).

³ Из двух княжон Репниных-Волконских, сестер Варвары Николаевны и Елизаветы Николаевны, подпись, вероятно, принадлежит старшей Варваре, с которой, так же, как с М. П. Балабиной, был дружен Гоголь (его подпись стоит сразу после подписей Mad<emoiselle> Balabin и P<rince>sse Repnin). Менее вероятным представляется предположение, что подпись P<rince>sse Repnin была сделана княжной Е. Н. Репниной-Волконской. Эта предположение было сделано Р. Джулиани на том основании, что Елизавета Николаевна спустя полгода, 12 ноября <н. ст.> 1837 г., вышла замуж за П. И. Кривцова (подпись которого, в свою очередь, стоит ниже, «вперемешку с нерусскими фамилиями», в книге посетителей собрания 21 апреля (н. ст.) 1837 г.).

⁴ Александр Трофимович Дурнов (1807 – после 1867), архитектор. «В 1838 г. Александр Дурнов проживал неподалеку от Гоголя на виа Феличе, № 11, как было установлено В. Гасперович, которой мы и обязаны этим указанием. <...> Появление Дурнова в 1837 г. в собрании Института Археологической Корреспонденции в честь празднования основания Рима не было случайным эпизодом. В книге посетителей его подпись встречается пять раз, с апреля по июнь 1837 г. <...> 7, 14 и 21 апреля, 16 и 30 июня...» (Джулиани Р. Новые материалы о Н. В. Гоголе: Галерея русских художников, первых римских знакомых писателя. С. 118, 120).

⁵ П. И. Кривцов.

⁶ Николай Ефимович Ефимов (1799–1851), архитектор. «...Начиная с апреля 1837 г. в книге посетителей обнаруживаем «D. Jefimoff» (16 марта 1838 г. он итальянизирует свое имя в «Demetrio») — это Дмитрий Егорович Ефимов (1811–1864)» (Джулиани Р. Новые материалы о Н. В. Гоголе: Галерея русских художников, первых римских знакомых писателя. С. 113).

⁷ Иосиф Иванович Габерцеттель (1791–1853), исторический живописец.

⁸ Алексей Максимович Горностаев (1804–1862), архитектор и живописец. «...Принял участие в трех собраниях подряд, состоявшихся в Институте <...> 7, 14 и 21 апреля 1837 г.» (Джулиани Р. Новые материалы о Н. В. Гоголе: Галерея русских художников, первых римских знакомых писателя. С. 121).

Германская культура в Риме, с конца Средних веков Фрагмент

IX. Искусство и жизнь художников в эпоху романтизма

<...>

Понте Молло и Черваро

<...> ...Остроумно фантастические весенние праздники <...> праздновались обществом Понте-Моллистов¹ в пещерах Черваро². <...> Самобытно озорное <...> блестящее остроумием поведение этого союза <...> было <...> характерной составной частью римской жизни художника в эпоху романтизма. <...> Для римлян *Carnevale dei Tedeschi*³, как они называли этот праздник, в течение долгих лет был предметом гордости, гроты также назывались в народной речи *Grotte dei Tedeschi*, — наименование, которое сохранилось даже на итальянских картах генерального штаба. <...> Участие чужих художников было <...> правилом, в то время как руководство лежало бесспорно в руках немцев. <...>

Президентство Георга Буссе⁴ <...> открылось празднованием новогоднего вечера в Фиано⁵ <...> продолжилось там же 6 февраля 1839 маскарадом и увенчалось 1 мая большим карнавалом в Черваро, подробное описание которого оставил «верховный ганимед» Франц фон Гауди⁶. 133 участника были разделены <...> на 6 когорт, всадниками на лошадях руководил Леопольд Поллак⁷; среди участвующих нехудожников мы встречаем, кроме Гауди, писателей Франсуа Сабатье⁸ и Николая Гоголя. Флор⁹ сделал литографически размноженный рисунок этого праздника. <...> В карнавале в Черваро 28 апреля 1842 <...> количество участников <...> составляло 168, в том числе Гвидо Геррес¹⁰ и русский писатель Матфей Бибикив¹¹. <...>

Первые опубликовано, на нем. яз.: Noack F. *Das Deutschtum in Rom seit dem Ausgang des Mittelalters*. Berlin; Leipzig, 1927. Bd. 1. S. 506, 519–521. На сведения о Гоголе, приводимые в книге Ф. Ноака, обращено внимание в публикации Р. Джулиани: «1839. <...> 1 мая <н. ст.>. В качестве почетного гостя Гоголь участвует в так называемом “немецком карнавале” в Черваре, недалеко от Рима» (Джулиани Р. Рим в жизни и творчестве Гоголя, или Потерянный рай: Материалы и исследования / Пер. с итальянского А. Ямпольской. М., 2009. С. 235; см. также: Джулиани Р. Гоголь в Риме // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1997. № 5. С. 27). Текст печатается в переводе, по первой публикации.

Фридрих Ноак (1858–1930), немецкий историк, писатель, автор нескольких книг о жизни немецких художников в Риме.

¹ Общество Понте-Моллистов (*Ponte-Molle-Gesellschaft*) — община немецких художников в Риме; получила свое название от древнего римского моста *Ponte Mollo*, переход через который был последним шагом вступления новоприбывшего члена в Рим — так же, как обратный путь через *Ponte Mollo* означал окончание счастливого пребывания в «вечном городе». Переход по мосту означал для Понте-Моллистов допущение нового художника к немецко-римскому союзу, приобщение неопита к новой жизни. Этот многозначительный шаг сопровождался полусерьезным-полушутливым церемониалом.

² Обычай совершать карнавалы весенние поездки Понте-Моллистского общества к огромным покинутым каменоломням Черваро (Чербаро), в нескольких верстах от Рима, зародился весной 1812 г. Это был своеобразный праздник прощания художников, так как с наступлением лета многие из них покидали Рим для наблюдений в горах или других местах Италии.

³ Немецкий карнавал (*um.*). *Tedesco (um.)* — немец. Слово «тедески» встречается, в частности, в стихотворном послании Н. М. Языкова «К К. К. Павловой», неоднократно читанном Гоголем в 1840 г. друзьям и затем переданном М. П. Погодину для публикации в «Москвитяине»: «...Италии народ певучий, удалой, / И деревянные тедески!» (см.

в наст. изд. письма Е. М. Хомяковой к Языкову от мая 1840 г., В. А. Панова к К. С. Аксакову от 27 июня — 8 июля (н. ст.) 1840 г. и коммент. к письму Языкова брату от 16 февраля (н. ст.) 1843 г.). Ср. также в наст. изд. дневниковую запись Погодина от 17 января 1841 г.: «Подлинно, это деревянные Тедески!», и строки из статьи Ф. И. Тютчева «Россия и Революция» (1848) о немецких реформаторах: «Итальянцы <...> с неизменным упорством продолжают видеть в них <...> *Tedeschi* и *Barbari*...» (Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч.: В 6 т. М., 2003. Т. 3. С. 152; см. также: Тютчев Ф. И. Россия и Запад: Книга пророчеств. Статьи, стихи. М., 1999. С. 142); и из главы «Италия» (1849) незавершенного трактата Тютчева «Россия и Запад»: «Две вещи по обыкновению одинаково ненавидимы в Италии: *tedeschi* и *preti* <священники; ит.>» (Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч.: В 6 т. Т. 3. С. 189; см. также: Тютчев Ф. И. Россия и Запад: Книга пророчеств. С. 73).

⁴ Георг Генрих Буссе (1810—1868), немецкий художник, гравер. «Президентство» в развлекательном союзе Понте-Моллистов носило полусерьезный характер.

⁵ Трактир в Риме. Речь идет о вечере 31 декабря (н. ст.) 1838 г.

⁶ Барон Франц фон Гауди (1800 — 5 февраля 1840, Берлин), немецкий поэт и писатель.

⁷ Леопольд Поллак (1809—1880), живописец.

⁸ Франсуа Сабатье (1818—1891), французский критик, искусствовед, художник-любитель, меценат и переводчик.

⁹ Фердинанд Флор (1793—1881), немецкий художник. На его картине «Римский художественный праздник в Черваре первого мая 1839 г.» изображения Гоголя нет (см.: Джулиани Р. Рим в жизни и творчестве Гоголя, или Потерянный рай: Материалы и исследования / Пер. с итальянского А. Ямпольской. М., 2009. С. 48—49; Илл. 7).

¹⁰ Гвидо Геррес (1805—1852), немецкий писатель.

¹¹ Участие в немецком празднике 27 апреля (н. ст.) 1843 г. «писатель из Москвы» Матвей Павлович Бибиков (1812—1856) принимал с титулом и обязанностями «вождя колонны и адъютанта генералиссимуса», а за год перед тем, 28 апреля (н. ст.) 1842 г. — с титулом «кулинарного исполнителя». Кроме того, Бибиков присутствовал при церемонии Понте-Моллистов по прибытии новичка в Рим 3 мая 1842 г. См.: «*Bibikoff, Matthias*», *Dichter aus Moskau, ging über P<onte> M<olle> 3.5.1842; bei den Cervarofesten 28.4.42 als Küchenbesorger und 27.4.43 als Kohortenfürher und Adjutant des Generalissimus (DKV <Akten, Chronik Protokolle u<nd> s<o> w<eiter> <...> des Deutschen Künstlervereins zu Rom>)*» (Noack F. Das Deutschtum in Rom seit dem Ausgang des Mittelalters. Berlin; Leipzig, 1927. Bd. 2. S. 88, 49).

Воспоминания Бибикова об этих праздниках были опубликованы в 1853 г. в «Москвитянине» М. П. Погодина. «Президент общества Понте-Моллистов обязан <...> заботиться о празднике в Чербаро <...> Как женщины, так и итальянские артисты, не могут быть членами общества; но на этот раз для них делается исключение, и все желающие могут участвовать в празднике». Празднование начиналось рано: «Около шести часов <утра> весь поезд отправляется по дороге в Чербаро...». К полудню в одной из пещер устраивался обед, в другой — «представления в фантастико-юмористическом роде». «Это собрание костюмированных молодых людей, сидящих в красивых позах около циклопического стола, отряды фантастических карабинеров, занимающих входы в пещеру, в которых, на светлом, глубоком небе обрисовываются головы моделей, чучал <простолудинок> и мальчишек, пришедших поглазеть на праздник — все это, освещенное белым полусветом, как бы продолжительным бенгальским огнем, — составляет картину, которая никогда не изглаживается из памяти... <...> Около трех часов, *generalissimo* дает знак рукой, трубы и барабаны возвещают окончание обеда, и все высыпает вон. Тогда начинается увеселение другого рода: в соседней пещере, совершенно темной, готовы представления в фантастико-юмористическом роде. Тут являются привидения в разных видах, которые разговаривают с президентом; поют; и очень хорошо поют, но хористы невидимы. И из этого всего выходит что-то вроде мистерии, до смысла которой, после обеда, всегда бывает трудно добратся» (имеется в виду разговор президента Понте-Моллистов с оракулом, который «предсказывал» художникам выгодные заказы). Праздник заканчивался бегами и скачками на лошадях и ослах. «У всякой нации — свое знамя. У англичан, напр<имер>, на знамени изображена бутылка с портером и два боксера. У нас, русских, на одном из этих праздников, в котором и я участвовал, было знамя, которое, утвердительно можно сказать, заслужило пальму первенства: русский штоф и итальянская фиаска, переплетенные розами и лавром, с надписью: пьян, да умен — два угодья в нем, а с другой стороны перевод по-немецки: “*Betrunken und klug dabey, / Sind Tugenden zwei*”». «Торвальдсен каждый год участвовал в празднике и сиделся по правую руку президента» (Бибиков М. Праздник в Чербаро. Продолжение статьи: Понте-Моло. (Посвящается Н. А. Рамазанову) // Москвитянин. 1853. № 5 (цензурное разрешение 1 марта). Отд. VIII. С. 8—13).

В книге Ноака имеются также сведения об участии в немецких праздниках в Риме 9 декабря (н. ст.) 1843 г. и 2 мая (н. ст.) 1844 г. «скульптора из России» Н. А. Рамазанова: «*Ramasanoff, Nik-olaj*», *Bildh<aer> aus Rußland; in R<om>*

1843/44; ging 9.12.43 über P<onte> M<olle>; beim Cervarofest 2.5.44 Satyr (PM <Akten, Chronik Protokolle u<nd> s<o>w<eiter> der Ponte-Molle-Gesellschaft und des Deutschen Künstlervereins zu Rom>)» (*Noack F.* Das Deutschtum in Rom seit dem Ausgang des Mittelalters. Berlin; Leipzig, 1927. Bd. 2. S. 468, 49).

Кроме того, сообщается, что в карнавале немецких художников в пещерах Червары 28 апреля (н. ст.) 1842 г. принял участие, с титулом «кравчего», или «виночерпия», «скульптор из Петербурга» Иванов: «*Iwanoff*, Bildh<aer> aus Petersburg; in R<om> 1837–42; beim Cervarofest 28.4.42 als Mundschenk (PM <Akten, Chronik Protokolle u<nd> s<o>w<eiter> der Ponte-Molle-Gesellschaft und des Deutschen Künstlervereins zu Rom>; BD <Akten der Bibliothek der Deutschen zu Rom>)» (*Noack F.* Das Deutschtum in Rom seit dem Ausgang des Mittelalters. Berlin; Leipzig, 1927. Bd. 2. S. 296, 49). Очевидно, эта запись относится к скульптору Антону Андреевичу Иванову (1815–1848), а не к художнику Александру Андреевичу Иванову, как ошибочно указано в изд.: *Джулиани Р.* Рим в жизни и творчестве Гоголя, или Потерянный рай: Материалы и исследования. М., 2009. С. 49; см. также: *Джулиани Р.* Гоголь в Риме // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1997. № 5. С. 27.

2 мая (н. ст.) 1844 г. одну из колонн художников на карнавале в Черваро, проходившем с «большим блеском», при участии 309 человек, вел «петербургский архитектор Ипполит Монигетти» (*Noack F.* Das Deutschtum in Rom seit dem Ausgang des Mittelalters. Bd. 1. S. 522).

В праздниках в Черваро принимали также участие: в 1838 г. — Ф. И. Иордан, в 1842, 1843 и 1844 г. — художник В. И. Штернберг (последний в 1842 г. начал писать картину «Римский художественный праздник в Черваро»); в 1843 г. — архитектор А. И. Резанов (*Джулиани Р.* Рим в жизни и творчестве Гоголя, или Потерянный рай: Материалы и исследования. М., 2009. С. 49).

Н. В. Гоголь в Риме <1837—1846 гг.> Фрагменты

<...> ...Некоторые факты, связанные с пребыванием Николая Васильевича в Риме, пока до конца не известны или не точны. <...> ...В своих посланиях писатель был довольно скуп при описании собственных знакомств и бесед: о некоторых из них он оставил нам только несколько строчек. <...> Установить подробности, проливающие свет на эти связи Гоголя, нам в большой степени помогло кропотливое исследование документов Исторического Архива Римского Викариата (*Archivio Storico del Vicariato di Roma*), где хранятся сведения о жителях Рима с XVI века по 1870 год. Речь идет о церковных приходских книгах (*Stato delle Anime*), содержащих записи о ежегодной переписи населения, проводимой приходскими священниками перед Пасхой^I. <...> В списках <...> и англичане, и немцы, и датчане, и русские числятся протестантами («*protestanti*»). <...>

Нами были изучены прежде всего два церковных прихода исторического центра Рима — именно там преимущественно останавливались художники, скульпторы, известные писатели. Это приход церкви Св. Викентия и Анастасия (SS. Vincenzo e Anastasio) у фонтана Треви, в районе, считавшиеся в XIX веке центром культурной жизни Вечного Города, а также приход Св. Августина (S. Agostino) около площади Навона. И здесь нам удалось сделать немало неожиданных «открытий».

Как известно, Гоголь впервые приехал в Рим из Франции в марте 1837 года. <...> Из писем к матери^I, Н. Я. Прокоповичу² и М. П. Погодину³ <...> выясняется, что писатель остановился на виа Сант-Изидоро, № 17, в доме Джованни Массуччи <...>. Как следует из приходской книги^{II}, в то время там жила только его вдова, 34-летняя римлянка Тереза Сальпини с детьми Николао 5-ти лет и Джузеппе 2-х лет. Ей помогала по хозяйству сестра Аннунциата 21-го года. Хозяйка сдавала внаем комнаты и располагавшуюся рядом мастерскую (№ 16), что позволяло ей прокормить собственную семью.

Кстати, этот адрес был тогда знаком многим русским путешественникам, — ведь здесь, приехав в Рим, долго жили Орест Кипренский^{III} 4 и скульптор Самуил Гальберг^{IV} 5. <...>

Оказавшись в Риме <в конце ноября (н. ст.) 1837 г.> <...> Гоголь нашел себе квартиру на виа Феличе (нынешней виа Систина), № 126⁶ — бывшей тогда центром творческой жизни города. <...> <30 ноября (н. ст.)> 1837 г. сам писатель посылает свой адрес В. А. Жуковскому: «*Strada Felice, № 126, Ultimo piano*»^V. <...> Просматривая книгу прихода, которому принадле-

^I В библиографических ссылках используется следующее сокращение: SA — Stato delle Anime. <...> — *Примеч. В. Н. Гасперович.*

^{II} См. SA, SS. Vincenzo e Anastasio, 1837. — *Примеч. В. Н. Гасперович.*

^{III} Там же: 1820 г. — дом № 19; 1821 г. — дом № 18; 1827 г. — дом № 20; 1829 г. — дом № 17. — *Примеч. В. Н. Гасперович.*

^{IV} Там же: 1822 г. Он жил в доме № 17 на 2-ом этаже. — *Примеч. В. Н. Гасперович.*

^V Последний этаж. — *Примеч. В. Н. Гасперович.*

жала виа Феличе за 1838 год¹ и помня о том, что запись была сделана в предпасхальный период — скорее всего в марте месяце, мы имеем возможность познакомиться со всеми жителями дома № 126. Однако для несведущего читателя здесь требуется пояснение: у итальянцев принято считать этажи с нулевого, «земляного», этажа (piano terra), а не с первого, посему 1-й этаж в Италии соответствует 2-му в России и т. д. В дальнейшем по тексту мы будем придерживаться итальянской традиции, то есть следовать нумерации, обозначенной в приходской книге.

«1-й этаж:	незаселенный.
2-й этаж:	Аньезе Ринальди, вдова Оливьери из Мессины, 62 года; Франческо Булгарини, 24 года — служащий; Аньезе, 22 года; Филиппо, 21 год; Мария Луиза, 19 лет; дети ^{II} Мария Оттавия, 14 лет; Аделаида, 13 лет.
3-й этаж:	Анна Мария Ринальди, вдова Челли из Мессины, 67 лет; Сальваторе Челли, сын, 41 год; Санте Ринальди из Мессины, 77 лет ^{III} ; Анна Урбани, 30 лет — прислуга; Роза Пиккиоли, вдова Костантини, римлянка, 68 лет; Анна Костантини, незамужняя, 31 год; Пьетро Костантини, сын, 12 лет; Роза Костантини, дочь, 32 года; 3 испанца-художника, по 23 года ^{IV} ; 2 протестанта ^V .
4-й этаж:	Джузеппе Спатти из Феррары, 43 года — табачник; Аннунциата Костантини, жена, римлянка, 39 лет; Антонио, 6 лет; Луиза, 3 года; кто-то из Правительства».

Если верить указаниям Гоголя («Strada Felice, № 126, Ultimo piano»), писатель жил на последнем этаже. Неужели его считали «кем-то из Правительства»? Какого? Изучая приходскую книгу за следующий, 1839 год^{VI 7}, находим новые сюрпризы. Фамилии Гоголя ни сами хозяева, ни соседи не знают или не запомнили, зато они внимательно наблюдают за тем, с кем он встречается... <...> Обо всем, что было ими замечено в течение последних месяцев, итальянские «друзья» докладывают приходскому священнику. Итак, заглянем в книгу снова. В приходскую книгу за 1839 год священник внес имена следующих жителей дома № 126 по улице Феличе:

«Нижний этаж:	Джаннокези Франческо, римлянин, 23 года, сапожник;
---------------	--

¹ См.: SA, SS. Vincenzo e Anastasio, 1838. — Примеч. В. Н. Гасперович.

^{II} Очевидно, имеются в виду дети Аньезе Ринальди. — Примеч. В. Н. Гасперович.

^{III} Полагаем, брат хозяйки, которому Гоголь платил за квартиру, принимая вместе с Анненковым его за Джузеппе Челли. Это был единственный пожилой человек в доме. — Примеч. В. Н. Гасперович.

^{IV} Фамилии не указаны. — Примеч. В. Н. Гасперович.

^V Фамилии не указаны. Здесь в приходской книге стоят точки, только во второй строке указано: Швеция. Возможно, это были Н. Гоголь и И. Золотарев. Здесь и далее перевод с итальянского наш. В. Г. — Примеч. В. Н. Гасперович.

^{VI} См.: SA, SS. Vincenzo e Anastasio, 1839. — Примеч. В. Н. Гасперович.

1-й этаж:	Беларди Антония, римлянка, 28 лет; Анжелика, дочь, 1 год. Князь Делла Паче, жена, испанцы с двумя служителями.
2-й этаж:	Джилли Доменико, 50 лет, из Сецце, владелец недвижимости; Троис Джудитта, 42 года — римлянка, жена; Оттавио, 20 лет, сын; Розелли Франческа, 75 лет, из Сецце, вдова Джильи; Тереза, 35 лет — Амастриче — прислуга; Марчелли Вероника, 14 лет, прислуга; Де Лука Франческа, 30 лет, прислуга.
3-й этаж:	Ринальди Аннамария, 68 лет, из Мессины; вдова Челли Сальваторе, 42 года; сын Урбини Анна, 31 год, из Асколи; прислуга Мария, 40 лет; прислуга с двумя иностранцами, с подозрением, католики ли они; один поляк [?] Г [?] о» ^{1 8} . <...>

В марте 1839 г. в Рим приезжал М. Погодин (не исключено, что именно его приходский священник посчитал «вторым католиком»), которому Гоголь показывает Вечный Город. <...>

В проанализированной нами приходской книге за <1840 г.> <...> никого из русских на виа Феличе, № 126, не числится.

Последние месяцы 1840 г. и первую половину последующего года (вплоть до августа) Гоголь провел в Риме⁹, вновь планируя отъезд в Россию. На Страстную неделю, 28 апреля¹⁰ 1841 года, в Рим приехал П. В. Анненков. В российском посольстве он узнает адрес Гоголя и на следующий же день, после осмотра собора св. Петра, направляется на виа Феличе. Здесь в то время рядом с комнатой Николая Васильевича размещался Василий Панов — молодой славянофил, родственник Аксаковых. Священник приходской церкви в марте этого года вписывает в перечень жителей 3-го этажа известного нам дома по виа Феличе: «Panoff Basilio, russo, possidente» (Панов Василий, русский, помещик) и — на свой лад: «Cocoli Nicolo»¹¹ (Коколи Николо).

Относительно фонетической ассоциации хотелось бы сказать, что в Италии в XIX веке большим успехом среди местных жителей пользовались соленые лепешки — *соссол* — которые продавались на улицах. Помимо того, 12 апреля 1837 г. в этом же приходе скончался некий Джакомо Гоголи, проживавший на виа Сервити, № 26 — консультант Академии св. Луки¹¹¹. Воспоминание об этом факте тоже могло вызвать ассоциацию у священника.

Анненков, который займет впоследствии комнату Панова, говоря о своем первом визите к Гоголю, вспоминал встретившего его «в последнем этаже дома, сухого краснощекого старичка, почтенного владельца этажа¹¹, г. Челли». <...> Автор воспоминаний ошибается: это не мог быть

¹ Запись священника переведена нами дословно: «Con due forestieri col sospetto se sono cattolici», и ниже: «un Polacco G [?] о». Вся запись — более мелкими буквами, а последняя строчка — вообще другим почерком. Последнее слово неразборчиво, ясна только первая буква «G». — *Примеч. В. Н. Гасперович.*

¹¹ См.: SA, SS. Vincenzo e Anastasio, 1841. — *Примеч. В. Н. Гасперович.*

¹¹¹ Там же. Libro dei Morti (Книга усопших), 1837. — *Примеч. В. Н. Гасперович.*

не только г. Челли, но и брат хозяйки Санте Ринальди, который, вероятно, умер до марта 1839 года, так как уже тогда его не было в списке жителей¹². Кроме того, Гоголь жил на 3-м этаже (4-й по русской традиции) вместе с семьей хозяйки — Аннамари Ринальди. В этом доме были еще и 4-й и 5-й этажи, где иногда не жил никто. В 1841 г., согласно церковной книге, в доме на первом этаже жил испанский герцог Дориго [?] Зуго (71 г.) с женой Катериной, французенкой, а на 2-м этаже — три англичанина. <...>

После длительного пребывания на родине и лета, проведенного в Германии, писатель вместе с другом, поэтом Н. М. Языковым, в октябре 1842 г. возвращается в Рим и поселяется на своей старой квартире¹³. В приходской книге за 1842 г. фамилия Гоголя внесена вне списка справа и притом тем же почерком, что и в 1838 году, когда писателя посчитали католиком. Это доказывает, что не только на Пасху, но и в рождественский период, скорее всего в декабре, священник ходил по улицам своего района, вписывая новоприезжих жителей. <...> ...На этот раз впервые фамилия писателя написана правильно — «Gogol Nicolo — russo»¹. Любопытно только то, что запись сделана напротив имени и фамилии табачника Спетта Джузеппе, 47-ми лет, проживавшего на 4-м этаже с семьей¹¹. А ведь в письмах Николай Васильевич сообщал, что живет на 3-м этаже. Ради любопытства скажем, что у бывшей хозяйки Гоголя — Аннамари Ринальди на 3-ем этаже, кроме ее родственников, жили:

«Лонг [?] Луиджи — американец, художник, 29 лет, протестант;
Аншкофер [?] Антонио — немец, гравер, 29 лет».

Тогда как на 4-ом этаже жили:

«Клаве Пеллегрини — испанец, художник, 26 лет;
Бианки Джованни — швейцарец-художник, 36 лет;

[?] Луиджи — хорват, художник;

[?] Карл — швед-скульптор, 40 лет»¹¹. <...>

В приходской книге за 1843 год уже знакомым нам почерком вписаны без ошибок:

«3-й этаж: Гоголь Николо, русский, помещик.

4-й этаж: Чижов Теодоро, русский, 32 г., помещик»¹⁴. <...>

Последнее длительное пребывание Гоголя в Риме приходится на октябрь 1845 — июнь 1846 гг.¹⁴ <...> В письме «к А. А. Иванову между 10 и 23 октября (н. ст.) 1845 г.» Гоголь сообщает, что остановился в «Cesagi», тогда как на оборотной стороне — адрес: «Via Apolinaria 16». <...> Предполагаем, что в этой же гостинице задержался и Анненков, когда, прибывши в Рим и не найдя места в Hotel de Russie, он попал в отель на Корсо. <...> ...Адрес писателем написан неправильно. В Риме никогда не было виа Аполинария. В районе Трастевере есть виа Аполлония, но там в 1845 г. было только 15 домов. Недалеко от площади Навона есть церковь и площадь S. Apollinare, раньше была и улица. И вот здесь, в доме № 16 и проживал на 1-ом этаже А. А. Иванов со своими итальянскими друзьями — супругами Марини¹⁵, здесь же жил и брат художника — архитектор Сергей¹⁶. На наш взгляд, не исключено, что Иванов не получил ни этого, ни следующего письма Гоголя¹⁶. По всей вероятности, писатель по рассеянности перепутал не только двух святых, но и мужской и женский род. <...> В конце 1845 г. Гоголь сообщает

¹ SA, SS. Vincenzo e Anastasio, 1842. — Примеч. В. Н. Гасперович.

¹¹ Там же. — Примеч. В. Н. Гасперович.

¹¹ Там же. — Примеч. В. Н. Гасперович.

¹⁴ Там же, 1843: «Gogol Nicolo, russo, possidente; Thishoff Teodoro, russo, 32 anni, possidente». Фамилия поэта <Н. М. Языкова> нами не найдена. — Примеч. В. Н. Гасперович.

¹⁵ SA, S. Agostino, 1845; хочется подчеркнуть, что имена и профессии обоих братьев указаны правильно. Что касается их веры — замечено: «scismatico» (раскольник). — Примеч. В. Н. Гасперович.

друзьям свой адрес: «Via de la Croce № 81, 3 piano»^{1 17}. <...> ...Адрес этот соответствует дворцу князя Понятовского, племянника польского короля¹⁸. <...> ...В период проживания на этой улице Гоголя в <...> доме <№ 85> в 1846 г. весной числится известный итальянский писатель Сильвио Пеллико, с маркизой Фаллетти Джульетта ди Бароло¹¹. В связи с тем, что Гоголь оставался в Риме до мая, не исключено, что этот интересный человек мог привлечь внимание писателя, и их знакомство вполне вероятно. <...>

Впервые опубликовано: *Гасперович В. Н. В. Гоголь в Риме: Новые материалы // Образ Рима в русской литературе. Международный сборник научных работ / L'immagine di Roma nella letteratura russa. Miscellanea di studi internazionale. Рим; Самара, 2001. С. 83–101. Печатается, в сокращении, по первой публикации.*

Ванда Н. Гасперович (род. в 1946), президент Центра российской культуры в Риме, преподаватель Римского университета «Ла Сапьенца».

¹ «Мой адрес: Roma, Via di Isidoro, Casa Giovanni Massuci, № 17 (vicino alla piazza Barberini)» (письмо Гоголя к матери от 16/28 марта 1837 г.).

² «Мой адрес: Roma, via di Isidoro, casa Giovanni Massuci, 17 (vicino alla piazza Barbierini)» (письмо Гоголя к Н. Я. Прокоповичу от 30 марта (н. ст.) 1837 г.).

³ «Мой адрес. Via di Isidoro, 17, casa Giovanni Massuci» (письмо Гоголя к М. П. Погодину от 30 марта (н. ст.) 1837 г.).

⁴ О проживании О. А. Кипренского по указанному адресу Гоголю было известно (см. в наст. изд. в письме И. Ф. Золотарева к А. С. Данилевскому от 19 апреля (н. ст.) 1838 г.).

⁵ Скульптор Самуил Иванович Гальберг (1787–1839) был пенсионером петербургской Академии художеств в Риме в 1818–1828 гг.; по возвращении в Россию женился на дочери своего старшего товарища скульптора В. И. Демут-Малиновского. Гоголь по возвращении 30 октября 1832 г. из Васильевки в Петербург спустя некоторое время поселился в Новом переулке 2-й Адмиралтейской части, в доме В. И. Демут-Малиновского (см. письмо Гоголя к М. П. Погодину от 25 ноября 1832 г.; и статью: *Шубин Вл.* «Квартира моя... в доме Брунста» // Нева. 1982. № 12. С. 194). Дочь Демут-Малиновского Мария Васильевна училась в Патриотическом институте во время преподавания здесь Гоголя; окончила институт в январе 1832 г. (см. в наст. изд. примеч. 4 к разделу *Записки институтки. Предание о Патриотическом институте с 1818 г. по 1834 г.*).

⁶ В первый из четырех периодов своего проживания в Риме на улице Феличе, в доме № 126, Гоголь квартировал здесь с конца ноября (н. ст.) 1837 г. по конец июня (н. ст.) 1838 г.

⁷ Во второй из четырех периодов своего проживания в Риме на улице Феличе Гоголь квартировал в доме № 126 с конца 15 ноября (н. ст.) 1838 г. по начало июня (н. ст.) 1839 г.

⁸ Возможно, непрочитанное слово, начинающееся с литеры «Г» («G»), означает имя Гоголя.

⁹ В третий из четырех периодов своего проживания на улице Феличе Гоголь квартировал в доме № 126 с конца сентября (н. ст.) 1840 г. по средину августа (н. ст.) 1841 г.

¹⁰ Ошибка. На самом деле П. В. Анненков прибыл в Рим в среду Страстной недели 26 марта / 7 апреля 1841 г. (см. в наст. изд. коммент. к его «Воспоминаниям о Гоголе»).

¹¹ «Владельцем этажа» называл также П. В. Анненков хозяина гоголевской квартиры в Риме в доме № 126 по улице Феличе в письме к И. С. Тургеневу от 15 октября 1857 г. (см. в наст. изд. преамбулу коммент. к «Воспоминаниям о Гоголе» Анненкова). Ср. в повести Гоголя «Рим»: «Домы тут принадлежали двум, трем, а иногда и четырем владельцам, из которых один имеет только пожизненное право, другой владеет одним этажом и имеет право пользоваться с него доходом только два года, после чего, вследствие завещания, этаж должен был перейти от него к padre Vincenzo <отец

¹ Виа дела Кроче № 81, 3-ий этаж. По-итальянски пишется «via della Croce». <...> Сегодня дом, где жил Гоголь находится под тем же № 81. Стоит добавить, что в первой половине XIX в. на I этаже (piano terra) дворца находились конюшни. <...> — *Примеч. В. Н. Гасперович.*

¹¹ SA, S. Giacomo in Augusta, 1846. Первый русский перевод книги С. Пеллико «Мои темницы» появился в 1836 г. и был широко известен русской интеллигенции. — *Примеч. В. Н. Гасперович.*

Виценцо; *ит.*> на десять лет, у которого, однако же, хочет оттягать его какой-то родственник прежней фамилии, живущий во Фраскати и уже заблаговременно затеявший процесс».

¹² «В списках жителей дома “господин Челли” не фигурирует, но упоминается “Анна Мария Ринальди, вдова Челли...” В связи с этим Ванда Гасперович считает, что Анненков допустил ошибку... <...> Однако едва ли можно сомневаться, что Анненков имел дело с кем-то из мужчин хозяйского семейства Челли (может быть, тот жил в другом месте?). Ведь предположить здесь ошибку мемуариста трудно: на протяжении двух с лишним месяцев Анненкову приходилось не раз встречаться со своим хозяином (“...г. Челли, с которым так дружно жил впоследствии”). Наконец, самое главное: Celli как своего “старого хозяина” упоминает в 1845 г. <в письме к А. А. Иванову от 9 октября (н. ст.)> Гоголь» (*Манн Ю. В. Гоголь. Труды и дни: 1809–1845. М., 2004. С. 762*). См. также предшеств. примеч.

¹³ В последний из четырех периодов своего проживания в Риме на улице Феличе, № 126, Гоголь квартировал здесь с Н. М. Языковым с начала октября (н. ст.) 1842 г. по начало мая (н. ст.) 1843 г.

¹⁴ Гоголь пробыл тогда в Риме с середины октября (н. ст.) 1845 г. по 5 мая (н. ст.) 1846 г.

¹⁵ Хозяина квартиры, где жили Ивановы, звали Лодовик Марини.

¹⁶ Имеется в виду записка Гоголя, отправленная А. А. Иванову в октябре-ноябре (н. ст.) 1845 г.: «Что с вами, Александр Андреевич? Мне нужно с вами переговорить. Заходите в Скалинату, где я буду обедать в 4 ¹/₂».

¹⁷ Договор о найме квартиры был заключен 25 октября (н. ст.) 1845 г. См. в наст. изд. <*Сведения о найме Гоголем квартиры в Риме с 28 октября (н. ст.) 1845 г. по 18 апреля (н. ст.) 1846 г.*>.

¹⁸ Князь Станислав Понятовский (1755–1833), племянник польского короля Станислава Августа Понятовского.

Свидетельства о Гоголе А. В. Сухово-Кобылина и графини Е. В. Салиас де Турнемир (рожденной Сухово-Кобылиной)

М. Я. Бессараб

Сухово-Кобылин Фрагмент

<...> Александр Васильевич кончил Московский университет в двадцать один год¹. Он составил для себя большую программу, включавшую изучение литературы и философии в двух университетах — Гейдельбергском и Берлинском в течение трех лет, а во время каникул — путешествия по Италии, Голландии, Австрии и Франции. <...> Накануне отъезда Александр Васильевич навестил в Киеве своего бывшего учителя Михаила Александровича Максимовича. <...> Запись в дневнике Сухово-Кобылина: «Визит у Максимовича — он посылает со мной книги Гоголю». <...> Это поручение доставило Сухово-Кобылину великую радость: Гоголь был его любимым писателем. <...>

Александр приехал в Рим² со своим родственником и ближайшим другом Николаем Дмитриевичем Шепелевым. Они поселились на высотах Альбано в Locanda Emiliana и зачитывались Гоголем, как вспоминал впоследствии Сухово-Кобылин. <...>

Впервые опубликовано: Бессараб М. Я. Сухово-Кобылин. М., 1981. С. 57. Печатается по первой публикации.

Александр Васильевич Сухово-Кобылин (1817–1903), драматург, философ; брат графини Е. В. Салиас де Турнемир (рожденной Сухово-Кобылиной).

Майя Яковлевна Бессараб (род. в 1925), писатель и переводчик.

¹ В 1838 г.

² В первой половине 1839 г.

Ю. Д. Беляев

У А. В. Сухово-Кобылина Фрагмент

<...> Я ехал к А<лександр> В<асильевич>, заручившись на то его письменным согласием... <...> Мне рассказывали, что в молодости А<лександр> В<асильевич> считался в старой Москве одним из самых речистых спорщиков. В доме его отца собирался цвет тогдашней московской интеллигенции и шли нескончаемые споры и пререкания. Тут бывали и Шевырев, и Максимович, и Надеждин — все представители Московского университета и литературы. Г<-н> Сухово-Кобылин прекрасно помнит Гоголя. Он рассказывал мне, что, отправляясь однажды за границу, отвозил Гоголю в Киев письмо от Максимовича¹, а затем встретился с ним на корабле, путешествуя по Средиземному морю.

— В этом человеке, — рассказывал он, — была неотразимая сила юмора. Помню, мы сидели

однажды на палубе, Гоголь был с нами². Вдруг около мачты, тихонько крадучись, проскользнула кошка с красной ленточкой на шее. Гоголь приподнялся и, как-то уморительно вытянув шею и указывая на кошку, спросил: «Что это, никак ей Анну повесили на шею?» Особенно смешного в этих словах было очень мало, но сказано это было так, что вся наша компания покатилась от хохота. Да, великий это было комик. Равных ему я не встречал нигде, за исключением разве одного французского актера Буффе³, которого я частенько видал в своей молодости в парижских театрах... <...>

Первые опубликовано: *Беляев Юр.* У А. В. Сухово-Кобылина // Новое Время. 1889. 2 июня. № 8355. С. 2. Печатается по первой публикации.

Юрий Дмитриевич Беляев (1878–1917), критик, драматург.

¹ Речь идет о письме и книгах, отправленных М. А. Максимовичем Гоголю из Киева за границу. См. выше фрагмент из книги М. Я. Бессараб с дневниковой записью А. В. Сухово-Кобылина об этом случае.

² По-видимому, А. В. Сухово-Кобылин приехал в Италию из Германии в первой половине 1839 г. во время университетских каникул (см. выше фрагмент из книги М. Я. Бессараб «Сухово-Кобылин»).

³ Буффе (Marie Bouffé, 1800–1888), французский актер, на сцене с 1824 по 1864 г.

Из писем графини Е. В. Салиас де Турнемир

Графиня Е. В. Салиас де Турнемир — М. А. Максимовичу

Понедельник, 25 февраля 1852.

<...> 21-го февраля, в 8 часов утра скончался Николай Васильевич Гоголь. Болезнь его была продолжительна; как будто предчувствуя близкую смерть, он приобщился Св. Таин на Масленице¹. В понедельник или вторник² на первой неделе поста он встал в 2 часа ночи, спросил, тепло ли в приемной комнате, и на ответ своего камердинера Семена, что холодно, отвечал: все равно — мне надо распорядиться. Надел плащ, вышел в приемную и приказал своему человеку нести за ним шкатулки и портфели: вынул оттуда бумаги, перевязал их веревками и всунул в печь. После этого долго (говорят) сидел он, молча, и, наконец, зажег связку бумаг. Долго огонь не мог обратиться сквозз толстые слои бумаги, но, наконец, вспыхнул, и все погубило. Рассказывают, что покойник долго сидел неподвижно, и наконец проговорил: «нехорошо мы сделали, нехорошо, недоброе дело». Это было сказано по-малороссийски мальчику, бывшему его камердинером¹. Утром он лежал уже в постели, не пил, не спал и на все просьбы друзей своих, просивших его лечиться, не отвечал ни слова, слабел, и ему делалось все хуже и хуже. Однажды Шевырев просил его на коленях принять лекарства и плакал, Гоголь молчал, и, наконец, сказал спокойно: «Оставь меня, я хочу спать». Потеря ли сочинений, гордости и славы, убила его, или то было желание умереть, или, наконец, чувство близкой смерти, неотвратимой и неизбежной, кто может знать это? Как бы то ни было, но даже просьбы духовника его³ ни к чему не послужили. Он ничего не хотел принимать и не отвечал на вопросы докторов. В среду вечером (20 февр<аля>) ему стало хуже, показались некоторые признаки тифа, он впал в беспамятство. Этим воспользовались, чтобы подать ему помощь, посадили его в ванну. Он опомнился и раза два громко сказал: это бесполезно, бесполезно! В четверг, утром, 21 февр<аля>, в 8 часов он скончался в беспамятстве. Тело его было поставлено в приемной его комнате, в доме графа Толстого, где он жил, и комната не вмещала числа посетителей, приходивших поклониться покойнику. <...> Погодина не было в Мо-

¹ По-малорусски это будет: «Негарно мы зробили, негарно, недобре дило». В. Д. — *Примеч. В. В. Данилова.*

скве во время кончины и погребения Гоголя; Шевырев был болен (он занемог за два дня до смерти Гоголя)... <...>

Впервые опубликовано: *Данилов В. В.* Графиня Сальяс и Максимович. Письмо графини Е. В. Сальяс о кончине Н. В. Гоголя // *Русский Архив*. 1907. № 11. С. 436–440. Печатается по первой публикации.

Графиня Елизавета Васильевна Салиас де Турнемир (рожд. Сухово-Кобылина, 1815–1892), писательница (псевдоним Евгения Тур), сестра А. В. Сухово-Кобылина; в 1838 г. вышла замуж за французского графа Андре из рода Салиас де Турнемир; в 1846 г. за участие в дуэли граф был выслан из России и уехал во Францию, оставив жену с тремя детьми.

До замужества Елизаветы Васильевны в нее был влюблен Н. И. Надеждин. Один из эпизодов романа между молодыми людьми связан с ее восприятием повестей Гоголя в «Миргороде» или «Арабесках» (возможно, «Записок сумасшедшего»). В 1835 г. Надеждин, будучи в Петербурге, записал в своем дневнике: «31 марта, воскресенье, 7 часов утра. <...> Честь и слава Гоголю!.. Сегодня пойду, обойму его — расцелую... О, врач всех телесных и душевных болезней... всемогущий Гоголь!.. Разбойник! А ведь у меня сидит, как <1 нрзб.; в публикации 1962 г.: путной; в публикации 1994 г.: чумной>... Нет, чтоб полечить и меня... чтоб заставить быть также *очень веселым!* Диплом ему, диплом — на звание Доктора!.. Что перед ним Дядьковский с братией?» (подчеркнуто Н. И. Надеждиным). (Запись впервые частично пересказана биографом Надеждина Н. К. Козминым: *Козмин Н. К.* Николай Иванович Надеждин. Жизнь и научно-литературная деятельность. 1804–1836 / Записки историко-филологического факультета Имп. С.-Петербургского университета. Часть СХI. СПб., 1912. С. 488; впервые напечатано: *Осовцов С. А. Б. В.* и другие // *Русская литература*. 1962. № 3. С. 89; цитируется по изд.: *Манн Ю. В.* «Сквозь видный миру смех...». Жизнь Н. В. Гоголя. 1809–1835. М., 1994. С. 426, с дополнением по изд. 1962 г.)

Запись Надеждина связана с письмом С. Т. Аксакова от 26 марта 1835 г., в котором тот сообщал Надеждину о здоровье Е. В. Сухово-Кобылиной — тогдашней ученицы и избранницы адресата, родители которой были против брака дочери с Надеждиным. «У них теперь все здоровы, и *больные* выходят; читали Гоголя и, говорят, — были *очень веселы...*» — писал Аксаков (*Козмин Н. К.* Николай Иванович Надеждин. С. 488). Получив это письмо, Надеждин 30 марта 1835 г. записал в дневнике: «Я нашел на столе моем письмо из Москвы. У меня билось сердце, но что-то тайное удерживало читать его. Я прочел наконец... Ничего, ничего — молчание (реплика Поприщина из повести Гоголя «Записки сумасшедшего». — *И. В.*) Фи! какой вздор! Ну что ж! Я очень счастлив. Ведь я желал веселья... Так что ж — ну! *Очень веселы...* Того и было надобно!.. Ну! Ну! Ничего, ничего — молчание! ха! ха! ха! Слава Богу! А я здесь все сокрушался, все горевал... экой я дурак! Ничего, ничего — молчание! Да что ж я пишу? О, бессмысленный! <...> Ничего, ничего — молчание!..» (Там же. С. 488). На следующий день, 31 марта, Надеждин пришел к выводу, что его не любят; в дневнике он записывает: ему «все стало <...> ясно: “тайной не дорожат”, “неизвестность” для нее не “мучительна” — “все телесные и душевные болезни” прошли: помог “всемогущий врач” Гоголь! В результате пережитого — “усталость”; злой рок “сыграл” человеческими “намерениями”; “надо упитаться допьяна из реки забвения”, поспешить к министру и “от сердца” благодарить его за отставку» (Там же. С. 488).

¹ 7 февраля 1852 г.

² С понедельника 11 на вторник 12 февраля 1852 г.

³ В ту пору духовную помощь Гоголю оказывали два священника: отец Иоанн Диомидович Никольский, священник церкви Преподобного Саввы Освященного на Девичьем поле, и священник церкви Преподобного Симеона Столпника, впоследствии протопресвитер Храма Христа Спасителя, отец Алексей Иоаннович Соколов (ум. 1890-е гг.).

Графиня Е. В. Салиас де Турнемир — А. А. Краевскому

<Весна 1852. Москва>

<...> У нас едва успокоились, — смерть Гоголя поразила всех и еще более сожжение 2-й части «Мертвых душ». До сих пор все любящие русскую литературу и славу ее не могут ни образумиться, ни утешиться. Потеря невозвратимая, и у нас на Руси остались только таланты весь-

ма второстепенные и нет ни одного великого писателя. Бедность страшная. Гигант литературного мира унес все с собою в могилу, — после него не осталось клочка бумаги. Все это знают и, однако, не верят и ищут возможности отыскать то, что сгорело за несколько дней до смерти нашего великого Гоголя. Попытки отыскать у кого-нибудь копию или хотя отрывок из сочинений покойного нисколько не оправдываются успехом. Все приуныли, кроме славян, которые показали себя с тупой и крайне дурной стороны. Во время всеобщей скорби о погибших богатствах нашей литературы они занимались, как раскольники, отстаиванием каких-то прав на умершего¹ и едва не дрались над его трупом. Было и жалко и гадко видеть их. Но всего не перескажешь, да и не стоит труда говорить о них много. <...>

Впервые опубликовано: *Кулешов В. И.* Славянофилы и русская литература. М., 1976. С. 208–209. Печатается по первой публикации.

¹ См. в наст. изд. письмо Д. Н. Свербеева к жене от 26 февраля 1852 г.; письмо графа А. А. Закревского графу А. Ф. Орлову от 29 февраля 1852 г.; письмо А. С. Хомякова к А. Н. Попову от конца февраля 1852 г. и авторское примечание 1 к мемуарам А. Т. Тарасенкова «Последние дни жизни Николая Васильевича Гоголя».

Русские повести Николая Гоголя, переведенные на французский язык Луи Виардо Фрагмент

<...> До перевода г. Виардо¹ едва ли какой-нибудь француз прочел оригинальное произведение г. Гоголя. В таком же положении был и я. Однако на моей стороне есть преимущество, на котором я настаиваю: несколько времени тому назад, на пароходе, во время переезда из Рима в Марсель, я встретил автора². При этом случае разговор его, полный силы (доводов), отличающийся точностью и богатством наблюдений над нравами и фактами действительной жизни — дал мне возможность схватить на лету (*saisir un avant — goût*), предвкусить, так сказать, всю оригинальность и реализм его сочинений. Г. Гоголь, как видно, прежде всего заботился о верности в изображении нравов, о правдивости в воспроизведении жизни, о естественности — будь это в настоящем, или в историческом прошедшем; его интересует народный гений, и куда бы ни устремился его взор, он любит открывать присутствие этого гения и изучать его. Так, г. Гоголь сообщил мне, что он отыскал в Риме истинного поэта, поэта народного, по имени Белли³, который пишет сонеты на трансверинском наречии, но сонеты, связанные содержанием и составляющие поэмы. Г. Гоголь говорил, обнаруживая такое основательное знание предмета, что убедил меня в оригинальном и крупном даровании этого Белли, которого все путешественники совершенно игнорировали... <...>

Впервые опубликовано, на фр. языке: *Revue des Deux Mondes* <Обозрение двух миров>. 1845. 1. XII. С. 875–889; перепечатано в сборнике статей Ш. О. Сент-Бёва «*Premiers Lundis*» (Paris. 1878. Т. III, 24, 1878, стр. 24). Без двух последних фраз напечатано в переводе, приложенном к статье В. Г. Белинского «Отзывы французских журналов о Гоголе» (статья без подписи): «До перевода, изданного г. Виардо, сомнительно, чтобы кто-нибудь из Французов читал хоть одно из оригинальных произведений Гоголя. Я также не читал их прежде, но имел то преимущество, что несколько времени тому назад, на пароходе, между Римом и Марселем, встретил самого автора и по разговору его, в котором обнаруживался ум сильный, точный и в высшей степени наблюдательный, мог уже предвидеть, что оригинального и *действительного* (*reel*) должны заключать в себе его произведения. Гоголь, прежде всего, старается верно очертить нравы, открыть истинное, природное, как в настоящем, так и в историческом прошедшем; он погружается в народный дух, и куда ни обратит своего внимания, с любовью открывает и изучает его» (Русские Повести (*Nouvelles Russes*) Николая Гоголя, переведенные на французский язык Луи Виардо / <Белинский В. Г.> Отзывы французских журналов о Гоголе // Отечественные Записки. 1846. № 1 (цензурное разрешение 31 дек. 1845). Отд. 8. С. 46–47). Печатается в переводе князя А. И. Урусова: <Урусов А. И., князь>. Ал. Иванов. Театр. Заметки и впечатления // Порядок. 1881. 5 февр. № 35. С. 1. Перепечатано: Урусов А. И., князь. Театр. Заметки и впечатления // Урусов А. И., князь. Статьи его, письма его, воспоминания о нем. М., 1907. Т. 1. С. 292–293; Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя. М., 1897. Т. 4. С. 413. «А. И. Урусов цитировал эти строки в своей статье, помещенной 5 февр. 1881 г. в газете “Порядок”, № 35, по поводу предстоявшей тогда в Маринском театре новой постановки “Ревизора”; статья эта вошла в сборник “Кн<язь> А. И. Урусов. Статьи его, письма его, воспоминания о нем”, т. 1. М., 1907, стр. 292–293» (Лернер Н. Сент-Бёв о Гоголе // Звезда. М.; Л., 1930. № 1. С. 220).

Еще один перевод статьи Сент-Бёва см. в изд.: *Гиттиус В. В.* Гоголь. М., 1931: «...Что касается России, мы не удосужились (и это наша вина) познакомиться с ней, даже в то время, когда у нее были поэты — Пушкин и Лермонтов. Те-

перь речь идет о романисте и новеллисте, имя которого, высоко ценимое на его родине, все еще не проникло во Францию. До появления перевода г. Виардо вряд ли хоть один француз прочитал в оригинале что-нибудь из сочинений г. Гоголя; то же было и со мной, как и со всеми другими; но у меня было одно преимущество, о котором я хочу рассказать: несколько лет тому назад, на пароходе, отправлявшемся из Рима в Марсель, я встретил самого автора и после разговора с ним — разговора умного, ясного и богатого меткими бытовыми наблюдениями, — я уже мог предвкусывать всё своеобразие и весь реализм самих его произведений. Действительно, г. Гоголь заботится прежде всего о верности в изображении нравов, о воспроизведении действительного, натурального, как в настоящем, так и в историческом прошлом; его занимает национальный дух и куда бы ни обратились его взоры, он всюду готов находить его и изучать.

(Так, например, Гоголь говорил мне, что нашел в Риме настоящего поэта, народного поэта, по имени Белли, который пишет сонеты на трансверинском наречии, — сонеты, следующие друг за другом и образующие поэму. Он говорил мне подробно и убедительно о своеобразии и значительности таланта этого Белли, который остался совершенно неизвестен нашим путешественникам.)

Я слышал от образованных русских, что в Гоголе есть нечто общее с Мериме; такого рода сравнения всегда довольно случайны и приблизительны; несомненно только то, что г. Гоголь хочет не столько идеализировать, сколько наблюдать, что он не отступает перед грубыми и некрасивыми сторонами предмета и не останавливается перед подчеркиваемыми эми сторонами; он заботится только о натуральности, и многим обязан Шекспиру» (С. 177).

По поводу своей заметки о Гоголе сам Ш. О. Сент-Бев писал позднее князю Августину Петровичу Голицыну (1824–1875; католического вероисповедания): «Князь, вы мне говорите такие вещи, которые должны бесконечно льстить мне. При этом вы, к сожалению, вспомнили о нескольких страницах, которые я написал о Гоголе и сам давно забыл. Возвращаясь из Чивита-Векья в Марсель в 1839 г., я очутился на пароходе в обществе Гоголя и в эти два дня мог оценить, несмотря на то, что он владел французским языком не без трудностей, его редкий такт, его оригинальность, его художественную силу. Год или два спустя, когда перевели из него кое-что, я отважился написать другу другую в моей "Литературной хронике" в "Revue des deux mondes". У меня нет этой статьи, и я не знаю ее даты; но если вы возьмете указатель к "Revue des deux mondes" (Этот указатель очень подробный, существует и выдается отдельно подписчикам. — *Примеч. Сент-Бева. — И. В.*) и посмотрите, начиная с 1839 года, какие статьи или маленькие литературные обзоры я мог там поместить, вы встретите этот, довольно поверхностный, обзор. Жалею, что не могу избавить вас от этой скучной справки, если вам все еще хочется ее навести. Печально, что у нас, критиков, находящихся под гнетом непрестанной производительности, не было возможности в свое время изучить новейшие языки и литературы, заключающие в себе столько оригинальных писателей, которых мы ощущаем лишь сквозь некую завесу. Вы, спускаясь по реке от севера к югу, обладаете даром легкого усвоения языков, а вот нам приходится плыть против течения, переходить от легкого к трудному, и тут мы подвигаемся медленно. Благоволите, князь, принять вместе с моею благодарностью, выражение моего почтения. Сент-Бев» (*Лернер Н. Сент-Бев о Гоголе // Звезда. М.; Л., 1930. № 1. С. 219*).

Шарль Огюстен Сент-Бев (Sainte-Beuve, 1804–1869), французский поэт и критик. «Сент-Бев давно интересовался русской литературой. Встретившись в 1837 г. с Н. И. Гречем (Фельетон Н. Греча в «Северной Пчеле» 1858 г., № 236; цитир. М. Лемке в Полн. Собр. Соч. Герцена, т. IX, Пг., 1919, стр. 504. — *Примеч. Н. О. Лернера. — И. В.*), он спрашивал его "об успехах русского языка и литературы"» (*Лернер Н. Сент-Бев о Гоголе // Звезда. М.; Л., 1930. № 1. С. 220*).

В своей статье Сент-Бев останавливается главным образом на «Тарасе Бульбе», отчасти на «Старосветских помещиках». «А. О. Смирнова, ознакомившись с статьей С.-Бева, которую нашла недурной "для француза", немедленно писала о ней П. А. Плетневу («Переписка Я. К. Грога с П. А. Плетневым», II, 931), а впоследствии вспоминала о ней в своих записках о Гоголе («Русский Архив», 1895, I, 543)» (*Лернер Н. Сент-Бев о Гоголе // Звезда. М.; Л., 1930. № 1. С. 220*). См. в наст. изд. раздел *Свидетельства о Гоголе А. О. Смирновой (рожденной Россет) и ее дочери О. Н. Смирновой*.

¹ Луи Виардо (1800–1883), французский писатель, муж певицы П. Виардо.

² Встреча Ш. О. Сент-Бева с Гоголем произошла в июне (до 22 числа н. ст.) 1839 г., когда Гоголь вместе с графом Мих. Ю. Виельгорским совершил поездку морем из Чивитавеккья в Марсель для встречи графини Л. К. Виельгорской — матери умершего в Риме 2 июня (н. ст.) 1839 г. графа И. М. Виельгорского.

³ Джузеппе Джоакино Белли (1791–1863), итальянский поэт, писавший на римском диалекте.

Гоголь в письмах братьев Н. М. и А. М. Языковых и их друзей

Из писем Н. М. Языкова

Н. М. Языков — А. М. Языкову

1831. Октября 4.

<...> «Вечера на хуторе» — славная вещь! <...>

Впервые опубликовано: *Шенрок В.И.* Из писем Н. М. Языкова к брату его Александру Михайловичу // Русская Старина. 1903. № 3. С. 530–531. Печатается по первой публикации.

С поэтом Николаем Михайловичем Языковым (1803 — 26 декабря 1846), а также с его старшим братом, этнографом, геологом и общественным деятелем Петром Михайловичем Языковым (1798–1851), Гоголь познакомился 30 июня (н. ст.) 1839 г. в Ганау. Там же Гоголь жил вместе с Языковыми в сентябре (н. ст.) 1841 г. и пообещал тогда поселиться с Н. М. Языковым на одной квартире по возвращении больного поэта в Москву. Провел несколько месяцев с Языковым с июля (н. ст.) 1842 г. по конец мая (н. ст.) 1843 г., сопровождая его в поездке из Гастейна в Рим и обратно (в Рим предложил Языкову поехать Гоголь, они пробыли там с 4 октября (н. ст.) 1842 г. по 2 мая (н. ст.) 1843 г.). Подробнее см. наст. изд. в коммент. к письму Н. М. Языкова П. М. Бестужевой от 1 июля (н. ст.) 1839 г. и к письму Н. М. Языкова к родным от 9 сентября (н. ст.) 1842 г.

Н. М. Языков — В. Д. Комовскому

1831. Ноября 11. Москва.

<...> Я не читал еще повестей Белкина: их многие хвалят. А каков Гоголь Яновский? Он мне очень нравится. Может быть и за то, что житье-бытье парубков чрезвычайно похоже на студентское, которого аз есмь пророк! <...>

Впервые опубликовано: Н. М. Языков и В. Д. Комовский. Переписка 1831–1833 гг. Публикация М. Азадовского // Лит. наследство. Т. 19–21. М., 1935. С. 51. Печатается по первой публикации.

Василий Дмитриевич Комовский (1803–1851), переводчик и археолог, с 16 марта 1833 г. — библиотекарь Императорской публичной библиотеки, с 22 ноября 1836 г. — член Археографической комиссии, с 13 марта 1838 г. — директор канцелярии министра народного просвещения, с 6 февраля 1850 г. — председатель Археографической Комиссии.

17 ноября 1831 г. В. Д. Комовский отвечал Н. М. Языкову: «Как идеалист в поэзии я поклоняюсь тому и чествую того, кто наше стихотворство материальное и матерное — выносит в мир фантазии — свободный, безграничный. Поэтому-то и Гоголь-Яновский мне особенно по сердцу; не говорю уже (я хохол по происхождению, хотя ничего малороссийского никогда не видал и не знаю) — не говорю о родственной привязанности к малороссийскому и Малороссии, которая, вы согласитесь, есть самый поэтический член России и в географическом, и в историческом отношении. Может быть повестей Пушк<ина> не сумел я оценить по достоинству оттого именно, что читал их вслед за вечерами на Хуторе. Пожив в такой тесной связи с ведьмами и колдунами, не заслушаешься москаля, который думает, что и Бог весть как игриво его воображение, создавшее высокий вымысел о пьяном гробовщике, который во сне угощает мертвецов. У Пушкина не нашел я только ничего охаять; но ничего особенно похвалы достойного не отыскал» (Н. М. Языков и В. Д. Комовский. Переписка 1831–1833 гг. Публикация М. Азадовского // Лит. наследство. Т. 19–21. М., 1935.

С. 52, 54). 16 декабря 1831 г. Н. М. Языков писал В. Д. Комовскому из Москвы: «Пушкин здесь; кажется, он ничего не сделал важного в истекающем году, включая сюда и Белкина» (Там же. С. 55).

Н. М. Языков — А. М. Языкову

1831. Декабря 22.

<...> «Вечера на Диканьке» сочинил Гоголь-Яновский; мне они по нраву. Если не ошибаюсь, то Гоголь пойдет гоголем по нашей литературе: в нем очень много поэзии, смышленности, юмора <и> пр. <...>

Первые опубликовано: *Шенрок В.И.* Из писем Н. М. Языкова к брату его Александру Михайловичу // Русская Старина. 1903. № 3. С. 530–531. Печатается по первой публикации, с уточнением по изд.: *Мани Ю. В.* «Сквозь видный миру смех...». Жизнь Н. В. Гоголя. 1809–1835. М., 1994. С. 292; *Мани Ю. В.* Гоголь. Труды и дни: 1809–1845. М., 2004. С. 250.

Н. М. Языков — А. М. Языкову

1832. Января 6.

<...> Вот и «Вечера на Диканьке» — слава Богу!¹ <...>

Первые опубликовано: *Шенрок В.И.* Из писем Н. М. Языкова к брату его Александру Михайловичу // Русская Старина. 1903. № 3. С. 530–531. Печатается по первой публикации.

¹ «Эти слова, вероятно, сказаны по поводу слухов о выходе в свет 2-й части “Вечеров на хуторе”, которая была тогда впрочем еще в цензуре» (примеч. В. И. Шенрока).

Н. М. Языков — А. М. Языкову

1832. Июля 18.

<...> Свербеев познакомился с двумя петербургскими литераторами, проезжавшими через Москву: с князем Одоевским и с Гоголем. <...>

Первые содержание письма передано, в пересказе, В. И. Шенроком в 1893 г.: «...Приезд Гоголя обратил на себя внимание вообще литературного мира в Москве, как это видно из одного неизданного письма Языкова, где было отмечено: “Приехал Гоголь, петербургский литератор; познакомился со многими в Москве” (цитируем эти слова *приблизительно, на память*, не имея в настоящую минуту под руками переписки Н. М. Языкова)» (*Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1893. Т. 2. С. 117). Печатается по изд.: *Шенрок В. И.* Из писем Н. М. Языкова к брату его Александру Михайловичу // Русская Старина. 1903. № 3. С. 530–531.

Н. М. Языков — В. Д. Комовскому

1833. Февраля 14. <Село Языково
Корсунского уезда Симбирской губернии>.

Получили, получили и благодарим, благодарим! Все хорошо, все красота!¹ <...> Полагая печатание уже оконченным и выход моих стихотворений происходящим², прошу вас отдать, ко-

му следует, список, здесь прилагаемый, для отправления дарственных экземпляров в разные грады Российской империи. Еще прошу вас подписать на оных экземплярах: такому-то, такой-то, от автора.

В *Петербурге*:

Крылову, Пушкину³, Вяземскому⁴, Гнедичу, Хвостову⁵, Гоголю, Далю, Воейкову, Марлинскому⁶, Очкину. <...>

Впервые опубликовано: Н. М. Языков и В. Д. Комовский. Переписка 1831–1833 гг. Публикация М. Азадовского // Лит. наследство. Т. 19–21. М., 1935. С. 96. Печатается по первой публикации.

¹ Речь идет о первых четырех печатных листах книги «Стихотворения Николая Языкова» (СПб., 1833).

² Билет на выпуск «Стихотворений Николая Языкова» (СПб., 1833) был подписан 7 марта 1833 г., но книга вышла месяц спустя. Об ее выходе газета «Северная Пчела» сообщила 6 апреля 1833 г.

³ По предположению исследователей, экземпляр «Стихотворений Николая Языкова» В. Д. Комовский вручил А. С. Пушкину около середины апреля 1833 г. (*Абрамович С. Л.* Пушкин в 1833 году: Хроника. М., 1994. С. 128; *Летопись жизни и творчества Александра Пушкина*: В 4 т. Т. 4. 1833–1837. Сост. Н. А. Тархова. М., 1999. С. 42).

⁴ В письме к князю П. А. Вяземскому от 3 июня 1833 г. из Симбирска Н. М. Языков спрашивал о своей книге: «...Получили ли Вы мои стихотворения от сочинителя? Великодушно ожидаю, что скажет об них Полевой, сей безукоризненный, хотя громогласный вития! Пушкин некогда обещался отставив честь моей музы; если, дескать он получит на то литературные ерыжки. Потрудитесь напомнить ему об этом обещании» (Пушкин в неизданной переписке современников (1815–1837) / Публикация и комментарий Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 112). Отзыв Пушкина об издании стихотворений Языкова 1833 г. дошел до нас в изложении Гоголя в статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность»: «Когда появились его <Языкова> стихи отдельной книгой, Пушкин сказал с досадой: “Зачем он назвал их: «Стихотворенья Языкова!» их бы следовало назвать просто: «хмель»! Человек с обыкновенными силами ничего не делает подобного; тут потребно буйство сил».

⁵ Граф Дмитрий Иванович Хвостов (1757–1835), писатель.

⁶ Псевдоним писателя Александра Александровича Бестужева (1797–1837).

Н. М. Языков — М. П. Погодину

22 марта 1834 г.

<...> У нас есть нечто для Гоголя — по истории Малороссии, собираемся ему доставить.
<...>

Впервые опубликовано: *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений. <Л.>, АН СССР. 1940. Т. 1. С. 470. Печатается по первой публикации.

Н. М. Языков — Е. М. и Пр. М. Языковым

1835 года. Июня 28. <Село Языково
Корсунского уезда Симбирской губернии>.

<...> Очень рад, что вам понравились повести Гоголя¹ — это прелесть! Дай Бог ему здоровья, он один будет значительнее всей современной французской литературы — не выключая и Бальзака! Я не люблю Бальзака.<...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарий Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 548. Печатается по первой публикации.

Екатерина Михайловна Языкова (1817–1852) — сестра Н. М. Языкова, впоследствии жена А. С. Хомякова.
Прасковья Михайловна Языкова (в замужестве Бестужева; 1807–1862) — сестра Н. М. Языкова.

¹ Вероятно, имеются в виду повести сборника «Миргород».

Н. М. Языков — П. М. Бестужевой

Июля 1 дня <н. ст.> 1839. Ганау.

<...> В Риме найдем мы Гоголя¹, который вчера был у нас проездом в Мариенбад — с ним весело, он мне очень понравился и знает Рим, как свои пять пальцев, потому что жил в нем три года. Он, вероятно, много написал в Риме. В Мариенбаде съедется он с Погодиным и Шевыревым, там же будет и Шафарик!² Порядочная компания славян! <...>

У нас теперь довольно русских книг, даже по два экземпляра новейших — «Сто русских литераторов»; портреты хорошо гравированы, но, говорят, мало похожи — всех похуже, по словам Гоголя, Зотов — а что он писал — никто не знает³. <...>

Начало письма впервые опубликовано: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1895. Т. 3. С. 351; см. также: *Шенрок В.* Николай Михайлович Языков. 1803–1846 гг. // Вестник Европы. 1897. № 12. С. 618; *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1897. Т. 4. С. 42. Копия хранится: РГБ. Ф. 332. К. 66. Ед. хр. 4. Л. 16 об. Печатается по изд.: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 560.

¹ 30 июня (н. ст.) 1839 г. Гоголь по дороге в Мариенбад остановился в Ганау, где познакомился с братьями Н. М. и П. М. Языковыми. С конца августа (после 26-го числа н. ст.) по 26 сентября (н. ст.) 1841 г. он вновь жил в Ганау в обществе Языковых. 14 июля (н. ст.) 1842 г. Гоголь прибыл в Гастейн к Н. М. Языкову, откуда 17 сентября (н. ст.) 1842 г. они отправились вместе в Рим. В Риме Гоголь и Языков пробыли с 4 октября (н. ст.) 1842 г. по 2 мая (н. ст.) 1843 г. после чего вернулись вместе в Гастейн. Прибыв туда 14 мая (н. ст.) 1843 г., Гоголь пробыл в Гастейне с Языковым до конца мая этого года (28 мая н. ст. он был уже в Мюнхене), после этого их пути больше не пересекались, хотя переписка между ними не прекращалась вплоть до кончины Языкова в Москве 26 декабря 1846 г.

² Павел Иосиф Шафарик (1795–1861), чешский ученый-славист.

³ Портрет писателя Рафаила Михайловича Зотова (1795–1871) был помещен в первом томе изданного А. Ф. Смирдиным сборника «Сто русских литераторов» (1839).

Н. М. Языков — родным

<Средина июня (н. ст.) 1841. Швальбах>

<...> К<атерина>¹ очень и очень понравилась Жуковскому². Он в восторге от Х<омяко>вых. Мы видели его и жену его³; находим, что она ему кстати, по нем, и что он будет с нею счастлив, несмотря на несообразность возрастов. <...>

Впервые опубликовано: *Шенрок В.* Николай Михайлович Языков. 1803–1846 гг. // Вестник Европы. 1897. № 12. С. 623. Печатается по первой публикации.

¹ Е. М. Хомякова.

² В. А. Жуковский несколько раз встречался с Хомяковыми в Москве в январе–феврале 1841 г.

³ Брак В. А. Жуковского с баронессой Е. Рейтерн состоялся 21 мая <н. ст.> 1841 г. С четой Жуковских Н. М. и П. М. Языковы встретились в Ганау 7 июня <н. ст.> 1841 г. (см.: Даты жизни и творчества В. А. Жуковского // *Жуков-*

ский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 14. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834–1847 гг. / Сост. и ред. О. Б. Лебедева, А. С. Янушкевич. М., 2004. С. 403).

Н. М. Языков — родным

<Вторая половина июля (н. ст.) 1841. Швальбах>

<...> Мельгунов теперь в Вене, где проболел всю зиму. Он пишет мне¹, что Гоголь опять был в Риме, а теперь ездит по Далмации вместе с Княжевичем² и скоро будет в Вену. <...>

Впервые опубликовано: *Шенрок В.* Николай Михайлович Языков. 1803–1846 гг. // Вестник Европы. 1897. № 12. С. 623. Печатается по изд.: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 606.

¹ См. в наст. изд. письмо Н. А. Мельгунова к Н. М. Языкову от 12 июля <н. ст.> 1841 г. из Вены.

² Дмитрий Максимович Княжевич (1788–1844), археолог, этнограф, журналист; попечитель Одесского учебного округа. С. Т. Аксаков сообщал о встречах Гоголя с Д. М. Княжевичем в 1842 г., а также об их знакомстве в Риме: «...Он, по крайней мере до издания “Мер<твых> Д<уш>”, понимал и ценил Гоголя, он был с ним очень дружески знаком в Риме и, как гостеприимный славянин — не один раз угощал у себя Гоголя» (см. в наст. изд. «Историю нашего знакомства с Гоголем...» С. Т. Аксакова). О своем знакомстве с Гоголем (без указания на место и время их первой встречи) сообщал также сам Княжевич в письме Аксакову из Одессы от 20 октября 1839 г. (см. в наст. изд.). 27 февраля 1843 г. Княжевич писал также Аксакову, опять из Одессы: «Где теперь Гоголь? у вас ли еще? или опять улетел в Рим? Ох, этот Рим! Многих он с ума сводит!» (*Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1898. Т. 4. С. 699).

Однако сообщаемые Языковым сведения о путешествии Гоголя с Княжевичем по Далмации летом 1841 г. ошибочны. Речь в письме Мельгунова шла о Н. И. Надеждине, который, очевидно, вместе с Княжевичем навестил Гоголя в Риме в июне (н. ст.) 1841 г., перед отправлением в путешествие по Далмации. Предполагалось, что к концу июля (н. ст.) 1841 г. Княжевич и Надеждин опять будут в Риме.

О вышедшем позднее первом томе «Мертвых душ» Д. М. Княжевич отзывался критически. Н. Н. Мурзакевич вспоминал о Княжевиче: «Странная черта замечалась в покойном: был крайне снисходителен ко всем литераторам, он не мог спокойно слышать и говорить о Гоголе и его “Мертвых душах”» (Записки Н. Н. Мурзакевича. 1806–1883 // Русская Старина. 1887. № 56. № 12. С. 665; см. также: *Мурзакевич Н. Н.* Автобиография. СПб., 1889. С. 167).

Н. М. Языков — родным

<Конец июля (н. ст.) 1841. Швальбах>

<...> На днях встретился с Бакуниным; это один из московских юношей, занимающихся философией, такой, который из всех там судящих о Гегеле, читал Гегеля и теперь приехал в Эмс. Он мне очень понравился и показался дельным. Он герой и потому уже, что из офицерства перешел к наукам. <...>

Впервые опубликовано: *Шенрок В.* Николай Михайлович Языков. 1803–1846 гг. // Вестник Европы. 1897. № 12. С. 623. Печатается по первой публикации.

Н. М. Языков — А. М. Языкову

<Около 26 августа (н. ст.) 1841. Ганау>

<...> По отъезде Греча приехал известный Фарнгаген. Я с ним познакомился <...> Он пробыл в Эмсе два дни и потом заходил к нашему старику¹, проезжая Швальбах...² <...>

Первые опубликовано: <Суперфин Г. Г.> *Черныш Г. Г.* Неизвестное письмо Гоголя // Finitis Duodecim Lustris. Сб. ст. к 60-летию проф. Ю. М. Лотмана. Таллин, 1982. С. 115. Печатается по первой публикации.

<...Во второй половине августа <н. ст.> Языков съехался с женой брата <Петра Михайловича, Елизаветой Петровной (рожд. Ивашевой)> в Ганау. Здесь же <около 26 августа (н. ст.) 1841 г.> встретились они <Н. М. и П. М. Языковы> с Гоголем» (*Шенрок В.* Николай Михайлович Языков. 1803–1846 гг. // Вестник Европы. 1897. № 12. С. 622).

Публикуя отрывок из письма Языкова, Г. Г. Суперфин атрибутировал его как написанное П. М. Языковым («Языков П. М. — Языкову А. М. <...> без нумерации, без даты»), а к словам: «...заходил к нашему старику...», — добавил пояснение в угловых скобках: «<Н. М. Языкову>». Однако «стариком» в семье Языковых звали не Николая Михайловича, а его старшего брата Петра Михайловича. По-видимому, не П. М. Языков сообщает в письме к А. М. Языкову о посещении К. А. Фарнгагеном фон Энзе их брата Николая, а наоборот, сам Н. М. Языков рассказывает о визите Фарнгагена к П. М. Языкову.

Кроме того, Г. Г. Суперфин сопроводил письмо следующим комментарием: «...Вряд ли отрицательно мог говорить Гоголю о Фарнгагене П. М. Языков, лично познакомившийся с ним в начале августа <1841 г.> в Эмсе <на самом деле в Швальбахе>. <...> <Далее следует текст письма.> В дневнике Фарнгагена о личном знакомстве с Н. Языковым ничего не говорится» (<Суперфин Г. Г.> *Черныш Г. Г.* Неизвестное письмо Гоголя. С. 112, 115).

Местом отправления письма предполагается Ганау; предложенная датировка — около 26 августа (н. ст.) 1841 г. — объясняется тем, что с 26 августа (н. ст.) 1841 г. П. М. Языков уже не проживал в Швальбахе, а находился вместе с братом в Ганау (см. в наст. изд. коммент. к письму Н. М. Языкова Е. М. Хомяковой от 1 октября (н. ст.) 1841 г.).

В связи с упоминанием Н. М. Языкова о Фарнгагене Г. Г. Суперфин отметил также купюру в публикации 1952 г. письма В. А. Панова К. С. Аксакову от 6 июня (н. ст.) 1841 г. из Берлина (см. в наст. изд.). После фразы о Фарнгагене: «Он мне сказывал, между прочим, что он произведения г-жи Дюдеван, или George Sand, ставит наравне с лучшим, что произвела Германия», — следует: «После этого его хвала Пушкину в отношении к нему теряет совершенно свою цену» (<Суперфин Г. Г.> *Черныш Г. Г.* Неизвестное письмо Гоголя. С. 111–112).

¹ Петр Михайлович Языков (1798–1851), старший брат Н. М. Языкова («Старик»), богатый помещик и ученый-геолог.

² По-видимому, в Эмсе и в Швальбахе Фарнгаген был до приезда в Ганау.

Н. М. Языков — Е. М. Хомяковой

1841. 19 сентября <1 октября (н. ст.)>. Ганау.

<...> Мне пришлось еще зиму просидеть в Ганау. Брат Петр Михайлович¹ расскажет тебе, почему, как и чего ради это случилось. Он отправился отсюда в Дрезден, а потом и далее в Питер и на Русь, вместе с Гоголем, который провел с нами целый месяц², ожидая решения судьбы моей на будущий год: если бы мне ехать восояся, то и он пустился бы со мною. Вышло иначе.

Гоголь сошелся с нами, обещался жить со мною вместе, т. е. на одной квартире, по возвращении моем в Москву³. Он, кажется, написал много нового и едет издавать оно. Он премилый, и я рад, что брат Петр Михайлович не один пустился в дальний путь, а с товарищем, с которым не может быть скучно и который бывал и перебыл в чужих краях и знает все немецкие обычаи и поверья дорожные. Гоголь обещался приехать пожить и в Симбирске, чтобы получить истинное понятие о странах приволжских. Это было бы нам хорошо. <...>

Впервые опубликовано: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1895. Т. 3. С. 351–352; см. также: *Шенрок В. Николай Михайлович Языков. 1803–1846 гг.* // Вестник Европы. 1897. № 12. С. 622–623, 624; *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1897. Т. 4. С. 42. Печатается по первой публикации, с уточнением по рукописной копии: *Языков Н. М.* Письма к родным: братьям Александру и Петру, к сестре — Екатерине Михайловне Хомяковой и к Наталье Алексеевне Языковой, урожденной Наумовой — в отрывках. 1838–1843. Россия. Западн. Европа. Италия. 82 л. Копии с поправками, дополнениями и зачеркиваниями в тексте. В пп. 1839 г. приписки и письма Петра Мих. Языкова к Ал-дру Мих. Языкову и другим родным. Сшиты в шесть тетрадей // *РГБ*. Ф. 332. К. 66. Ед. хр. 4. Л. 37 об.

¹ Языков.

² «Приблизительно от половины августа до половины сентября 1841 г.» (примеч. В. И. Шенрока). Точнее, Гоголь жил в Ганау в обществе братьев Н. М. и П. М. Языковых с 26 августа по 26 сентября (н. ст.) 1841 г. В Ганау Гоголь переехал из Франкфурта-на-Майне, где встречался с В. А. Жуковским и читал ему свою драму из эпохи Богдана Хмельницкого (см. в наст. изд. коммент. к письму Н. М. Языкова А. М. Языкову от 21 февраля 1842 г.). 24 сентября (н. ст.) 1841 г., перед выездом из Ганау, Гоголь писал В. А. Панову: «Коли вы в Берлине, не уезжайте из Берлина: через дня два или три после сего письма я надеюсь быть сам у вас...» 26 сентября (н. ст.), т. е. «через два дня» — Гоголь вместе с П. М. Языковым отправился, через Берлин (с предварительным заездом в Дрезден), в Россию. 27 сентября (н. ст.) 1841 г. он был уже в Дрездене, откуда отправил письмо к Н. М. Языкову, оставшемуся в Ганау.

³ См. также в наст. изд. письмо Н. М. Языкова к А. М. Языкову от сентября 1841 г. и письмо Е. М. Хомяковой к Н. М. Языкову от 16–17 ноября 1841 г. С. Т. Аксаков в «Истории нашего знакомства с Гоголем...», в свою очередь, замечал: «...Возвращаясь в Россию, если не навсегда, то надолго, Гоголь не имел намерения жить у Погодина: он хотел жить вместе с Н. М. Языковым, который по болезни не мог тогда еще воротиться в Россию» (см. в наст. изд.). См. также в «Списке с заметок Веры Аксаковой, писанных карандашом, о Гоголе»: «В 1841 году он воротился один с намерением поселиться в Москве с Языковым» (см. в наст. изд.).

Н. М. Языков — А. М. Языкову

<Конец сентября — начало октября (н. ст.) 1841. Ганау>

<...> Гоголь рассказывал мне о странностях своей (вероятно, мнимой) болезни: в нем-де находятся зародыши всех возможных болезней; также и об особенном устройстве головы своей и неестественном положении желудка. Его будто бы осматривали и ощупывали в Париже знаменитые врачи и нашли, что желудок — вверх ногами! Вообще, в Гоголе чрезвычайно много странного, — иногда даже я не понимал слов его, — и чудного; но все-таки он очень мил, не правда ли? А в его огромном таланте никто, конечно, не сомневается. Он обещался в Москве жить со мною вместе!¹. <...>

Впервые опубликовано: *Шенрок В.* Николай Михайлович Языков. 1803–1846 гг. // Вестник Европы. 1897. № 12. С. 623; см. также: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1897. Т. 4. С. 43. Печатается по первой публикации.

¹ См. также в наст. изд. коммент. к письму Н. М. Языкова к Е. М. Хомяковой от 1 октября (н. ст.) 1841 г.

Н. М. Языков — родным

26 сентября <8 октября (н. ст.)>. 1841 г. Ганау.

<...> Гоголь в первый раз в Дрездене¹; стыдно ему будет не видеть Мадонны². <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 606. Печатается по первой публикации.

¹ В Дрезден Гоголь приехал вместе с П. М. Языковым 27 сентября (н. ст.) 1841 г. (см. в наст. изд. коммент. к письму Н. М. Языкова Е. М. Хомяковой от 1 октября (н. ст.) 1841 г., а также к ее письму брату от 16–17 ноября 1841 г.).

² Имеется в виду «Сикстинская Мадонна» С. Рафаэля в Дрезденской картинной галерее.

Н. М. Языков — родным

<27 ноября (н. ст.) 1841. Ганау>

<...> Известия о моем портрете¹ вполне удовлетворительны. Я нарисован чересчур цветущим и молодцеватым, а положение мне дано вальтерскоттовское. <...> Гоголев очерк, вопреки тому, что вы о нем пишете, очень хорош: Копп узнал его как раз. Я вклею его в мой альбом. <...>

Первые опубликовано: *Шенрок В.* Николай Михайлович Языков. 1803–1846 гг. // Вестник Европы. 1897. № 12. С. 624; см. также: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1897. Т. 4. С. 917. Печатается по первой публикации.

¹ «В память о совместной жизни в Ганау Гоголь и Языков заказали себе портреты» (*Шенрок В.* Николай Михайлович Языков. 1803–1846 гг. // Вестник Европы. 1897. № 12. С. 624).

Н. М. Языков — родным

1841. 24 декабря <н. ст.>. Ганау.

<...> В Гаштейн я заеду радостно и потому, что тамошний видный врач был нынче осенью у Коппа и перетолковал с ним обо мне, которого он любит. Статью этого врача Г. Д. Кине о Гаштейне я послал с Гоголем в Москву для перевода и издания в русскую публику — для пользы ученых и неученых наших — те и другие вовсе не знают этих сильнодействующих и важных, неизвестно чем действующих и высочайших целебных вод!¹ <...>

Отрывок из письма впервые опубликован, по рукописной копии: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 611. Печатается по указанной копии: *РГБ. Ф. 332. К. 66. Ед. хр. 4. Л. 37 об.*

¹ Брошюра немецкого врача Г. Д. Кине «Гаштейнские воды» вышла в Москве в 1842 г. См. также: <*Кине Г. Д.*> Гаштейнские воды (близ Зальцбурга) // Москвитянин. 1842. № 5 (цензурное разрешение 6 мая). С. 187–193. В записной книжке Гоголя 1842–1851 гг. сохранилась запись: «В типографию: <...> Взять Гаштейн».

Н. М. Языков — родным

<Конец 1841>

<...> Отчего хмурился Гоголь? Не пугало ли его путешествие столь многолюдное и сутолочное и не робел ли он молодой дамы? <...>

Первые опубликовано: *Шенрок В.* Николай Михайлович Языков. 1803–1846 гг. // Вестник Европы. 1897. № 12. С. 624; см. также: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1897. Т. 4. С. 165. Печатается по первой публикации.

Написано «по поводу какой-то приписки Гоголя к письму Петра Михайловича <Языкова>, не попавшей в изданное г. Кулишом собрание его писем» (*Шенрок В.* Николай Михайлович Языков. 1803–1846 гг. // Вестник Европы. 1897. № 12. С. 624).

Н. М. Языков — родным

<Конец 1841>

<...> Я получил письмо от Гоголя уже из Москвы¹. Он недоволен своим путешествием с нами²: он-де завезен против воли в Питер, и сделал таким образом большой крюк. Верно, Гоголь в хандре с дороги. В Москве он поселился в отдаленности от суеты мирской, на Девичьем Поле³, никуда не ездит. <...>

Впервые опубликовано: *Шенрок В. Николай Михайлович Языков. 1803–1846 гг.* // Вестник Европы. 1897. № 12. С. 624; см. также: *Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя. М., 1897. Т. 4. С. 165.*

¹ Письмо от 23 октября 1841 г.

² Имеется в виду П. М. Языков.

³ У М. П. Погодина.

Н. М. Языков — А. М. Языкову

<15 января (н. ст.) 1842. Ганау>

<...> Гоголь обещался прислать мне наши лит<ературные> новости — да что-то притаился — и перестал писать ко мне: он живет у Погодина пустынноически, однако ж бывает у Хомяк<овых>. Само собою разумеется, что он ничуть не участвует в спорах диалектических, которые снова начались у Сверб<еевых>. Гоголь характера тихого — и враг всякой сумятицы и шума. П<етр> М<ихайлович>¹, конечно, отыщет его в Москве... <...>

Января 15 дня 1842. Ганау.

Отрывок из письма впервые опубликован, по автографу: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 610. Копия хранится: РГБ. Ф. 332. К. 66. Ед. хр. 4. Л. 40–40 об. Печатается по автографу: ИРЛИ. Ф. 348. Ед. хр. 19.4.23. Л. 2.

¹ Языков.

Н. М. Языков — родным

<28 января (н. ст.) 1842. Ганау>

<...> Вчера получил я письмо от Гоголя¹, — несколько строк; он до сих пор не получил от меня ни одного письма с тех пор, как <он>² приехал в Москву, а я писал к нему шесть раз! Мне это тем досаднее, что в одном из пропавших писем к нему было и письмо к Авдотье Петровне³. Я все-таки не имею писем от Гоголя: видно, они продолжают пропадать. Странно и очень досадно мне, потому что я вообще пишу неохотно. Были в моем письме к нему письма и со вложением стихов⁴, — это еще досаднее писателю. <...>

Впервые опубликовано: *Шенрок В. Николай Михайлович Языков. 1803–1846 гг.* // Вестник Европы. 1897. № 12. С. 635; см. также: *Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя. М., 1897. Т. 4. С. 179.* Печатается по первой публикации.

¹ Письмо не сохранилось.

² В публикации ошибочно: «как я».

³ Елагиной.

⁴ В частности, имеется в виду стихотворение Н. М. Языкова «Г<оголю>» («Благословляю твой возврат...»), отправленное писателю в середине ноября (н. ст.) 1841 г. из Ганау и напечатанное в 1842 г. в шестом номере журнала «Москвитянин» (см. в наст. изд. коммент. к письму Е. М. Хомяковой Н. М. Языкову от 16–17 ноября 1841 г. и коммент. в изд.: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 11. С. 470; М.; Киев, 2010. Т. 17. С. 819–833). См. также в наст. изд. коммент. к письму А. М. Языкова Н. М. Языкову от 22 декабря 1841 г. и к ответному письму Н. М. Языкова к брату от 21 февраля 1842 г.

Н. М. Языков — А. М. Языкову

Февраля 21 дня <н. ст.> 1842. Ганау.

<...> На днях получил я письмо от Гоголя¹, в котором он укоряет меня в том, что я ни разу не писал к нему с самого его отъезда из Ганау, а я, по крайней мере, шесть писем отправил к нему в Москву по адресу, им оставленному!

Удивляюсь и не понимаю, почему это делается!..

Ей-ей, не знаю, как и какие стихи мои попали во 2 часть «Беседы» Смирдина², не знаю также, какие стихи мои привез Гоголь в «Москвитянин»³. В письмо его, которое напечатано в «Москвитянин»⁴, виден он как в зеркале, весь, вполне: это письмо историческое. Что переделал он в «Ревизоре»⁵? он, помнится, переделал и «Бульбу» для нового издания своих сочинений — заметил ли ты это⁶? <...>

Первые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 616. Печатается по первой публикации. Рукописную копию см.: РГБ. Ф. 332. К. 66. Ед. хр. 4. Л. 41 об.

¹ Письмо неизвестно.

² Во втором томе «Русской беседы» — собрания сочинений русских литераторов, изданном А. Ф. Смирдиным (СПб., 1841), стихи Языкова не напечатаны.

³ В первом номере «Москвитянина» за 1842 г. (цензурное разрешение 6 янв.) были напечатаны два стихотворения Н. М. Языкова: «Элегия» («Толпа ли девочек игривая, живая...») и «К стихам моим». Известен список «Элегии» Языкова рукою Гоголя с пометой Погодина. Этот список в числе 85-ти автографов известных писателей и деятелей XVIII – первой половины XIX в. находился в альбоме А. Е. Шиповой (рожд. графини Комаровской, 1806–1872). (Автографы были или вписаны на листы альбома, или наклеены на них.) Автограф Гоголя был описан в 1909 г. Б. Л. Модзалевским под 43-м номером: «43» «Элегия» (нач.: «Толпа ли девочек крикливая, живая...») с пометой рукой М. П. Погодина: «Стихотворение Языкова, переписанное Гоголем». <...> Наклеенный листок» (*Модзалевский Б. Л.* Альбом Анны Евграфовны Шиповой, рожд. графини Комаровской // Пушкин и его современники. СПб., 1909. Вып. 11. С. 89).

Позднее, 10 февраля 1842 г., Гоголь извещал Языкова в письме из Москвы, что в начале февраля получил от него «пару» «чудных» стихотворений, «которые дунули на всех свежестью и силою; все были восхищены ими <...> кроме всего прочего сила языка в них чудная. Так и подмывает, и невольно произносишь: Исполни наш язык!». Речь идет о стихотворениях Языкова «Альпийская песня» («Гастуна») и «Песня балтийским водам», напечатанных в 1842 г. в третьем номере «Москвитянина».

⁴ В шестом номере «Москвитянина» за 1841 г. (часть III; цензурное разрешение 31 мая 1841 г.) был напечатан «Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления “Ревизора” к одному литератору».

⁵ В новой редакции «Ревизора» было переделано начало четвертого действия (вместо первых трех явлений прежней редакции появились новые пять) и добавлено описание немой сцены.

⁶ После сожжения 26 августа (н. ст.) 1841 г. у В. А. Жуковского во Франкфурте драмы из эпохи Богдана Хмельницкого Гоголь в тот же день (см. в наст. изд. письмо Н. П. Огарева к М. Л. Огаревой от 26 августа (н. ст.) 1841 г.)

переехал из Франкфурта в Ганау (в 20 километрах от Франкфурта), где в течение месяца, до 26 сентября (н. ст.) 1841 г., жил в обществе братьев Н. М. и П. М. Языковых. Здесь он приступил к работе над второй редакцией «Тараса Бульбы», фрагменты которой читал Н. М. Языкову (подробнее см. коммент. к драме в изд.: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 7). Из всех напечатанных ранее произведений, которые Гоголь подверг значительной переработке при издании своих «Сочинений» в 1842 г. («Тарас Бульба», «Вий», «Портрет», «Ревизор»), наибольшее внимание писатель уделил именно «Тарасу Бульбе». В результате объем повести увеличился почти вдвое (вместо девяти глав первой редакции — двенадцать), существенно обогатился весь ее идейно-художественный замысел.

Н. М. Языков — Ек. П. Языковой

<Конец февраля — начало марта (н. ст.) 1842. Ганау>

<...> Гоголь до невероятности раздражителен и самолюбив как-то болезненно; хотя в нем это незаметно с первого взгляда, но тем хуже для него! В Москве он только и бывает, что у Хомяковых. «Я их люблю, — пишет он¹, — и у них отдыхаю душою...» <...>

Впервые опубликовано: *Шенрок В.* Николай Михайлович Языков. 1803—1846 гг. // Вестник Европы. 1897. № 12. С. 627; см. также: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1897. Т. 4. С. 167—168.

Письмо адресовано к дочери П. М. и Ел. П. Языковых Екатерине Петровне Языковой.

¹ В письме от 10 февраля 1842 г.

Н. М. Языков — родным

4 апреля <н. ст. 1842>. Ганау.

<...> Гоголь пишет ко мне письма мрачные, как осенняя ночь: у него хандра в высочайшей степени — и если она не пройдет, то, ей-ей, быть с ним худо. Гаштейн полезно освежил его — но исцелит ли вовсе болезнь, которая находится в самом характере: это себялюбие, самолюбие или эгоизм — что почти все равно (будь сказано между нами). <...>

Публикуется впервые по рукописной копии: *Языков Н. М.* Письма к родным: братьям Александру и Петру, к сестре — Екатерине Михайловне Хомяковой и к Наталье Алексеевне Языковой, урожденной Наумовой — в отрывках. 1838—1843. Россия. Западн. Европа. Италия. 82 л. Копии с поправками, дополнениями и зачеркиваниями в тексте. В пп. 1839 г. приписки и письма Петра Мих. Языкова к Ал-дру Мих. Языкову и другим родным. Сшиты в шесть тетрадей // РГБ. Ф. 332. К. 66. Ед. хр. 4.

Н. М. Языков — родным

<Между 17 и 26 апреля (н. ст.) 1842. Ганау>

<...> В половине мая, если отпустит Коп<п>, поеду я в Дрезден <...> отдохнуть хоть маломальски от лекарств и их благотельных действий — перед Гаштейном — куда, по предписанию Ко<пп>а же, отправится и Кн<язь> Хованский и Е<лизавета> П<етровна>¹. <...> Я уже писал тебе, что мне там квартира с 8 июля. Хорошо бы если бы П<етр> М<ихайлович>² и Гоголь и Б<алдов>³ хоть в конце мая поспешили бы в Дрезден — а потом уже... едва ли это сбудется; нелегко подняться из такой дали в такую даль. <...> Нынешним годом в Гаштейне будет много русских — Кн<язь> Мещерский⁴ с семейством, Е<лизавета> П<етровна>, Кн<язь> Хован-

ский с семействами же, вероятно, с Топорковыми <?> и прочими, Генерал Крейц⁵ с братом — потом П<стр> М<ихайлович>, Гоголь, Балд<ов> — и я — это просто будет колония — дай ей Бог здоровья! <...>

Публикуется впервые по рукописной копии: *Языков Н. М.* Письма к родным: братьям Александру и Петру, к сестре — Екатерине Михайловне Хомяковой и к Наталье Алексеевне Языковой, урожденной Наумовой — в отрывках. 1838–1843. Россия. Западн. Европа. Италия. 82 л. Копии с поправками, дополнениями и зачеркиваниями в тексте. В пп. 1839 г. приписки и письма Петра Мих. Языкова к Ал-дру Мих. Языкову и другим родным. Сшиты в шесть тетрадей // *РГБ*. Ф. 332. К. 66. Ед. хр. 4.

¹ Елизавета Петровна Языкова, сестра декабриста В. П. Ивашева, жена Петра Михайловича Языкова. В письме к С. Т. Аксакову от 4 июля 1845 г. Н. М. Языков отмечал, что Гоголь с Е. П. Языковой «давно знаком и не чинится» (см. в наст. изд.). За границей встречалась с А. И. Герценом (см. упоминание о ней в первой части «Былого и дум» А. И. Герцена: «Подробности дела я слышал от Языковой, которая ездила к брату (Ивашову) в Сибирь»; *Герцен (псевдоним Искандер) А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 8. С. 60).

² Языков.

³ Балдов, управляющий П. М. Языкова.

⁴ Князь Николай Иванович Мещерский (1798–1862), отставной гвардии полковник, разбитый параличом и лечившийся за границей.

⁵ Граф Киприан (Циприан) Антонович Крейц (1777–1850), генерал от кавалерии.

Н. М. Языков — родным

<26 апреля (н. ст.) 1842. Ганау>

<...> Я вчера получил письмо от Гоголя¹, в котором он говорит, что наши путешественники писали к нему², чтобы он был готов к отъезду (письмо из Москвы от 30-го марта), Гоголь продолжает хандрить немилосердно; говорят, что его болезнь крайне усиливается от досад, им в Москве претерпеваемых. Не знаю, что это значит. Я вообще не понимаю еще, что его тревожит и чего он хочет. <...>

Первые опубликовано: *Шенрок В.* Николай Михайлович Языков. 1803–1846 гг. // *Вестник Европы*. 1897. № 12. С. 627; см. также: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1897. Т. 4. С. 168. Печатается по первой публикации.

¹ Письмо от 30 марта 1842 г.

² Имеется в виду письмо П. М. Языкова (не сохранилось).

Н. М. Языков — родным

26 апреля <н. ст. 1842>. Ганау.

<...> В письме старика¹ не говорится ни слова о поездке в чужие края — а между тем Гоголь пишет мне², что он получил от него побуждение быть начеку к отъезду! Гоголь хандрит по-прежнему; я не понимаю его — он обещает мне объяснить, в чем дело, — здоровье его расстроилось-де снова от неприятностей и досады, им в Москве претерпленных. Вероятно, тут должно принять в соображение финансовые обстоятельства. Увидим. <...>

Публикуется впервые по рукописной копии: *Языков Н. М.* Письма к родным: братьям Александру и Петру, к сест-

ре — Екатерине Михайловне Хомяковой и к Наталье Алексеевне Языковой, урожденной Наумовой — в отрывках. 1838–1843. Россия. Западн. Европа. Италия. 82 л. Копии с поправками, дополнениями и зачеркиваниями в тексте. В пп. 1839 г. приписки и письма Петра Мих. Языкова к Ал-дру Мих. Языкову и другим родным. Сшиты в шесть тетрадей // РГБ. Ф. 332. К. 66. Ед. хр. 4.

¹ Старик — домашнее прозвище брата Н. М. Языкова, Петра Михайловича.

² В письме от 30 марта 1842 г.

Н. М. Языков — родным

30 апреля <н. ст. 1842>. Ганау.

<...> К Гоголю не пишу, потому что мое письмо не застанет его в Москве, по моему расчету. Он чрезвычайно как хандрит и хмурится: недоволен Московс<кою> жизнью: у него просто ипохондрия, а он думает, что болеет. Гаштейн ему поможет, как помог П<етру> М<ихайловичу>¹, он развеселел, при<о>бодрил и развернул нашего старика... <...>

Публикуется впервые по рукописной копии: *Языков Н. М.* Письма к родным: братьям Александру и Петру, к сестре — Екатерине Михайловне Хомяковой и к Наталье Алексеевне Языковой, урожденной Наумовой — в отрывках. 1838–1843. Россия. Западн. Европа. Италия. 82 л. Копии с поправками, дополнениями и зачеркиваниями в тексте. В пп. 1839 г. приписки и письма Петра Мих. Языкова к Ал-дру Мих. Языкову и другим родным. Сшиты в шесть тетрадей // РГБ. Ф. 332. К. 66. Ед. хр. 4.

¹ Языкову.

Н. М. Языков — родным

Июля 21 дня <н. ст.> 1842. Гаштейн.

<...> Июля 14 дня прибыл в Гаштейн Гоголь: он поместился в одном доме со мною и мы живем как братья. Он, слава Богу, здоров, не лечится и явился в здешний городок собственно ради меня. Этот подвиг его — есть истинное для меня благодеяние — и эпоха в моем заграничном странствовании и в жизни моей вообще. Он подзывает меня ехать вместе с ним зимовать в Рим, в противном же случае Гоголь проводит меня в Россию. Вероятно, что я решусь на первое. Кроме того, что врачи не советуют мне после гаштейнского лечения осенью пускаться на Север, вроде было бы неблагородно, неблагодарно тащить Гоголя назад в Москву — и еще во время слякоти и проч. «Почему же и не съездить в Рим?» — говорит Сильвестр¹. Но обо всем этом решительно напишу через неделю. <...>

Во время пребывания Елизаветы Петровны² в Гаштейне мне скучно не было: время проходило незаметно, как бы дома, я был между русскими, между своими, а теперь Гоголь утешает, освежает и бодрит меня своим примером и словом. Он привез мне «Мертвые души», которыми и наслаждаюсь, тем более, что почитаю это сочинение чрезвычайно полезным нашему любезному отечеству. Не забудь написать мне, какое впечатление сделало оно на Губернских и уездных дворян у нас в Симбирске? Как смотрят они на это живое зеркало — столько верно и нелепно показывающее им самим образы их или образины? <...>

Нынче в Гаштейне съезд превеликий: множество глав владетельных, княжеских и знаменитостей. <...> Июль и август здесь самый разгар курсов, накопление и стеснение людей несносное, так что мы принуждены были перейти на другую квартиру, которая вовсе не годится для жительства больным — теперь у меня промежуток лечения — три недели отдыха после ванн,

сильно меня рас<с>троивших! Другой курс начинается с 10 августа и продолжится, вероятно, недели с три же, не знаю, будет ли мне большая польза... <...>

Гоголь привез мне добрые вести о Хомяковых и о Москве вообще — слава Богу. <...>

Впервые частично опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 633–634. Печатается по первой публикации, с дополнением фрагмента: «Нынче в Гаштейне съезд превеликий – будет ли мне большая польза...», — по рукописной копии: РГБ. Ф. 332. К. 66. Ед. хр. 4.

¹ Сильвестр — крепостной слуга Языкова.

² Языковой.

Н. М. Языков — П. М. Бестужевой

Июля 27 дня <н. ст.> 1842. Гаштейн.

<...> ...Елизавета Петровна¹ и кн<ягиня> Хованская отбыли отсюда в Венецию, откуда последняя¹ поедет прямо в Россию, а Елизавета Петровна в Италию, в Рим зимовать — туда же и меня подзывают и она и Гоголь; но я еще не знаю, на что решусь; у меня теперь всё зависит от того, что сделают со мною здешние воды: если они помогут мне, то почему же и не съездить в столицу мира? — одна зима куда ни шла! — мне же там не может быть скучно. Гоголь найдет мне удобную, привольную квартиру и устроит житье-бытье мое добропорядочно — и я буду в своем кругу, со своими! Гоголь сидит теперь со мною, он нарочно для меня заехал в гаштейнскую трущобу — и мы вместе довольно хорошо перекочиваем здешнюю скуку. Награди его Бог за это доброе дело! Он привез мне вести о Хомяковых, у которых бывал часто, несмотря на то, что он вообще не любит знакомств и посещений. С ним ехать будет мне легко: он очень распорядителен и в Италии, как дома. Но об этом позже, когда решусь. Теперь же боюсь загадывать вперед, чтоб не сказать после, что рано пташка запела. <...>

Стихов пришлю тебе, когда они у меня будут писаться — теперь же мне не до них. Гоголь говорит, что в Риме я непременно распишусь, — дай Бог, чтоб он напророчил! Нынешний год мне бесплоден в этом отношении — как и в других: жду чего-то лучшего... <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 636. Печатается по первой публикации.

¹ Языкова.

Н. М. Языков — родным

<Июль — первая половина августа (н. ст.) 1842. Гаштейн>

<...> Не знаю, как благодарить Гоголя за все, что он для меня делает: он ухаживает за мною и хлопочет обо мне, как о родном; не будь его теперь со мною, я бы вовсе истомился. Вероятно, более, нежели вероятно, что я решусь ехать зимовать в Рим. <...>

Впервые опубликовано: *Шенрок В. Николай Михайлович Языков. 1803–1846 гг.* // Вестник Европы. 1897. № 12. С. 628–629. Печатается по первой публикации.

¹ В подлиннике описка: первая

Н. М. Языков — А. М. Языкову

<11 августа (н. ст.) 1842. Гаштейн>

Никогда скука не угнетала меня в Гаштейне так сильно, как ныне... <...> На днях начнется мой второй курс... <...> Я теперь в нерешимости: куда устремлюсь отсюда? Ей-ей, не хотелось бы мне еще более удаляться от России — и за горы, — а если поеду в Рим, то вовсе не потому, что надеюсь там повеселеть или поздороветь, а *единственно* потому, что не могу, т. е. боюсь один ехать домой, куда сердечно желаю, пора, уж как пора мне кончать мое сказанье и поместиться на место!

Гоголь путешествует *omnia sua secum portans*¹ — ему и горя мало, сделать в дилижансе, где он, как дома, лишнюю сотню миль; в Риме же ему вольготнее и привычнее, чем в Москве, где для него слишком шумно и многознакомо. Разумеется, он знает Рим, как свои пять пальцев, и что с ним ходить по тамошним достопамятностям было бы очень весело: но ведь это все возможно человеку ходячему и не немощному, а не... и проч.² Вышла ли жизнь Фон-Визина, соч. Кн<язя> Вяземского? Он прислал мне несколько листов ее, напечатанных уже — произведение большой важности и подвиг достославный и труд почтеннейший и вполне добросовестный.

Баратынский крайне помрачается духом — как видно из его стихотворений: *Сумерки*, — видно, что судьба угнетает его или что *его задавили*, как некогда А. Д. Маркова!! <...>

Августа 11 дня 1842 г. Гаштейн.

Отрывок из письма впервые опубликован: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 635. Рукописная копия хранится: РГБ. Ф. 332. К. 66. Ед. хр. 4. Печатается по автографу: ИРЛИ. Ф. 348. Ед. хр. 19.4.23. Л. 38.

¹ Все своё неся с собой (*лат.*).

² Н. М. Языков, вследствие болезни спинного мозга, передвигался с большим трудом.

Н. М. Языков — родным

Сентября 9 <н. ст.> 1842 г. Гаштейн.

<...> Еду в Рим!! <...> Мы пробудем несколько дней в Венеции: там, дескать, прохладно, а в Риме еще слишком жарко в сентябре. Гоголь берется доставить меня в Рим благополучно, а там устроить привольно на зиму, а в апреле отпустить восвояси — который путь у меня на Гаштейн — может быть, если посоветуют римские врачи то же, что советует Кине! <...>

Гоголь везде, как дома: везде водворяется по-своему и пишет: в Гаштейне он сидел так же, как и в Москве или в Риме: все утро один с пером в руке — и никому и ни на какой стук не отпирая двери! После обеда прохлаждается, лежа на диване и подремывая, гуляет и ложится спать часов в 9 — все это делается у него чрезвычайно аккуратно и вольготно, идет все это, как заведенные часы! Он же, слава Богу, здоров — чему он обязан, по его словам, преимущественно пиению воды римской, а прежде этого *лечения* никуда, дескать, не годился. Он и мне рекомендует ту же воду, говоря, что подобной — сладостной и освежительной — нет нигде! <...>

Первые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 636. Печатается по первой публикации с дополнением по рукописной копии: РГБ. Ф. 332. К. 66. Ед. хр. 4.

¹ Гоголь 30 августа (н. ст.) 1842 г. писал А. А. Иванову из Гаштейна: «Я буду в Риме около 15 октября. <...> Поищите квартиры для Языкова, которого знакомство доставит вам, верно, удовольствие». Гоголь и Языков выехали из Гас-

тейна в Рим 17 сентября (н. ст.) 1842 г. (см. в наст. изд. письмо Н. М. Языкова к родным от 26 сентября (н. ст.) 1842 г.); 22 сентября (н. ст.) они прибыли в Венецию (см. в наст. изд. письмо Н. М. Языкова к родным, написанное между 22 и 26 сентября (н. ст.) 1842 г.); 2 октября (н. ст.) 1842 г. они были в Болонье, 3 октября (н. ст.) 1842 г. прибыли во Флоренцию (см. в наст. изд. <Itinerarium, составленный на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя> С. П. Шевырева); 4 октября (н. ст.) 1842 г. прибыли в Рим (см. в наст. изд. письмо Н. М. Языкова к А. М. Языкову от 5 октября (н. ст.) 1842 г.).

Н. М. Языков — родным

<Между 22 и 26 сентября (н. ст.) 1842. Венеция>

<...> Я в Венеции, куда, под осенением Гоголя, благополучно прибыл 22 сентября, и где мы сидим довольно хорошо. Погода стоит негодная, но я все-таки уже видел площадь св. Марка и даже самый собор. <...> Не знаю, как благодарить Гоголя за все, что он для меня делает: он ухаживает за мною и хлопотет обо мне, как о родном; не будь его теперь со мною, я бы вовсе истомился. Вероятно, более нежели вероятно, что я решусь ехать зимовать в Рим. <...>

Первые опубликовано: *Шенрок В. Николай Михайлович Языков. 1803–1846 гг. // Вестник Европы. 1897. № 12. С. 628; см. также: Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя. М., 1897. Т. 4. С. 169–170. Печатается по первой публикации.*

Н. М. Языков — родным

<26 сентября (н. ст.) 1842. Венеция>

<...> Сентября 17 дня оставили мы Гаштейн — и 22 прибыли благополучно в Венецию, где и сидим добropорядочно: это путешествие наше шло быстро, несмотря на погоду, сильно противодействовавшую поспешению нашему: борей с дождем и холодом, особенно на высотах Бреннера¹, пытался воспрепятствовать одиноким странникам скорее добраться до перепутья, но напрасно! Мы было остановились в гостиннице (Европа), но вскоре перешли на частную квартиру, — ради уменьшения издержек и ради большего простора. Погода продолжает портиться — широко — дует теплом и дождем и покрывает еще небесною влагою Венецию, и без того уже влажную; сидим перед камином, ждем чего-то лучшего и едим виноград.

Не знаю, долго ли мы еще пробудем здесь: это все зависит от Гоголя, у которого я на руках, или, лучше, в руках. В Рим, дескать, рано: теперь там еще жары несноснейшие!

Хожу гулять на площадь Св. Марка — место восхитительное! Собор разительно похож на наши. Жаль, что мы здесь во время ущерба луны: это препятствует слышать *баркароллы*², плыва в таинственной гондоле! <...>

Сентября 26 дня 1842. Венеция.

Первые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 637–638. Печатается по автографу: *ИРЛИ. Ф. 348. Ед. хр. 19.4.23. Л. 42.*

¹ Бреннер — перевал в Альпах, у границы Австрии и Италии, высотой 1371 м.

² Баркарола (*barcarola; ит.*) — песня венецианских гондольеров.

Н. М. Языков — А. М. Языкову

<5 октября (н. ст.) 1842. Рим>

Возвещаю тебе, а ты возвести всем, кому о том знать подобает, что октября 4 дня 1842 года мы прибыли благополучно во град Рим!

Весь твой Н. Языков.

Октября 5 дня 1842 года. Рим.

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 640. Печатается по автографу: *ИРЛИ*. Ф. 348. Ед. хр. 19.4.23. Л. 44.

Н. М. Языков — А. М. Языкову

<5 ноября (н. ст.) 1842. Рим>

В Венеции пробыли мы неделю¹, но, так сказать, бесполезно, потому что погода не благоприятствовала ни осматриванию достопримечательностей, ни катанию в гондолах: тогда было время ущерба луны, сиянье которой необходимо для этого водоплавательного удовольствия, и дожди лили непрестанно. От Венеции до Рима путешествие наше шло также благополучно и скоро, несмотря на частые ночлеги, остановки и объезды, с коими оно было сопряжено вследствие проливных дождей, испортивших дороги и мосты, особенно в Папских владениях, где эта часть в большом небрежении — яко земная, вероятно. Я уже извещал тебя о прибытии нашем в Рим². Несколькими днями просидели мы в *Hotel de Russie*, потом перешли в частный дом на житье-бытье шестимесячное. Гоголь нашел мне квартиру в том доме, где сам обыкновенно пребывает, когда в Риме бывает³. Две комнаты, хорошо убранные и солнечные, в одной — камин; надо мною, в третьем этаже, сидит Гоголь — тоже в двух комнатах, в одной из них биллиард. Квартиры здесь довольно дороги, и вообще все не так хорошо устроено для иностранцев, как, например, в Германии, где все жизненные удобства всегда готовы к услугам путешественника. Погода очень теплая — и благосклонная к гулянью — по местам, озаренным улыбкою Феба, а в тени люди зябнут, особенно нездешние: и я в том числе — это так и быть должно, по словам медика, потому что здешний воздух сильно возбуждает нервы и делает их чувствительнейшими к переменам температуры; только северный человек зябнет на Юге больше, чем дома. <...>

Ноября 5 дня 1842. Рим.

Впервые частично опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 640. Рукописная копия хранится: *РГБ*. Ф. 332. К. 66. Ед. хр. 4. Печатается по автографу: *ИРЛИ*. Ф. 348. Ед. хр. 19.4.23. Л. 46.

¹ С 22 сентября по 1 октября (н. ст.) 1842 г.

² См. в наст. изд. записку Н. М. Языкова к А. М. Языкову от 5 октября (н. ст.) 1842 г.

³ Дом на *Strada Felice*, № 126.

Н. М. Языков — родным

22 ноября <н. ст. 1842>. Рим.

<...> Во Флоренции поселился русский купец Великанов¹, торгующий татарскими халатами и сапогами и табаком Жукова: все это, особенно же табак, раскупается у него нарасхват — а

он продает все это втридорога! В Риме есть тоже русский поселившийся мастеровой с вывеской: *обойщик Федоров!* <...>

Публикуется впервые по рукописной копии: *Языков Н. М.* Письма к родным: братьям Александру и Петру, к сестре — Екатерине Михайловне Хомяковой и к Наталье Алексеевне Языковой, урожденной Наумовой — в отрывках. 1838–1843. Россия. Западн. Европа. Италия. 82 л. Копии с поправками, дополнениями и зачеркиваниями в тексте. В пп. 1839 г. приписки и письма Петра Мих. Языкова к Ал-дру Мих. Языкову и другим родным. Сшиты в шесть тетрадей // *РГБ*. Ф. 332. К. 66. Ед. хр. 4.

¹ И. И. Великанов.

Н. М. Языков — Е. М. Хомяковой

<1 декабря (н. ст.) 1842. Рим>

Я получил твое письмо от 3-го октября — почта от Симб<ирска> до Рима — чертовская даль! — ходит 40 суток, — радуюсь твоему возврату, так сказать, домой, восвояси и сверх того к своим птенцам. Путешествия во время осени вообще — сопряжены с неудовольствиями — и приключение, бывшее с вами в пространных степях Башкирских, могло случиться и под небом Италии: так помню я, как мы тащились возле реки по осенней дороге, после дождей: тут идет дорога премерзкая — частью, какие у нас бывают, как в мою каретку, обыкновенно возимую 3 лошаадьми, заложили 6 — и мы с криком 3-х почталыонов, со свистом бичей и с опасностью опрокинутия экипажа или изломления колеса — бились несколько часов сряду; — хорошо еще, что это было утром. — В Церковном же государстве пути сообщения в таком небрежении, что дороги вовсе не поправляются, и через реку, которая разграничивает Папу от Тосканского Герц<ога>¹, нет и моста, а ездят просто руслом реки по валунам и булыжнику — и во время дождей пережидают, пока воды обмелеют! Святой Отец не соглашается дать Тосканскому половину денег, потребных на постройку моста!

Гоголь получает отовсюду известия, что его сильно ругают русские помещики; вот ясное доказательство, что портреты их списаны им верно и что подлинники задеты за живое! Таков талант! Многие прежде Гоголя описывали житье-бытье российского дворянства, но никто не рассердивал его так сильно, как он. Жаль еще, что эти портреты списаны не во весь рост. То ли было бы! но ведь тогда не можно бы напечатать М<ертвые> Д<уши>! Продолжение М<ертвых> Д<уш> должно быть важнее по части искусственной и творчества, чем эта первая часть. <...>

Жаль что мне нельзя привезть отсюда вина Aleatico² — это просто нектар — я его только что пробую — и уверен, что оно понравилось бы у нас особенно дамам, мужчинам же нашим нейдет, потому что его нельзя кувыркать в горло стаканами, а надобно тянуть по капле, так сказать, жуя, пропуская легонько сквозь губы; оно густо, как елей, мягко, сладко, как мед, цвету вишневого. <...>

Декабря 1-го 1842. Рим.

Отрывок письма впервые опубликован: *Азадовский М.* Судьба литературного наследства Н. М. Языкова // *Лит. наследство*. Т. 19–21. М., 1935. С. 369; см. также: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // *Лит. наследство*. Т. 58. М., 1952. С. 640; см. также: *Языков Н. М.* Соч. Л., 1982. С. 369. Рукописная копия хранится: *РГБ*. Ф. 332. К. 66. Ед. хр. 4. Л. 54–55. Печатается по автографу: *ИРЛИ*. Ф. 348. Ед. хр. 19.4.23. Л. 48–49.

¹ Леопольд II, великий герцог Тосканский (1797–1869).

² Красное тосканское вино. Упоминается также в «Воспоминаниях о Гоголе» Г. П. Галагана (см. в наст. изд.).

Н. М. Языков — родным

<Конец 1842. Рим>

<...> Брат Петр Михайлович¹ обещал прислать Гоголю собрание слов русских, им же для него записанных, и описание крестьянских изделий или ремесл, им же составленных. Гоголю то и другое теперь очень нужно, почему он и поручил мне написать о том по принадлежности?²
<...>

Впервые опубликовано: *Шенрок В.* Николай Михайлович Языков. 1803–1846 гг. // Вестник Европы. 1897. № 12. С. 636; см. также: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1897. Т. 4. С. 179. Печатается по первой публикации.

¹ Языков. Ранее, в период проживания Гоголя в Ганеу в обществе Н. М. и П. М. Языковых с конца августа (после 26 числа) по конец сентября (до 26 числа н. ст.) 1841 г. и возвращения с последним в Россию осенью того же года, Гоголь со слов П. М. Языкова внес в записную книжку 1841–1844 гг. заметку о «кошачьей» ярмарке в с. Жаровка Корсунского уезда Симбирской губернии (использована затем в «Шинели» — упоминание об употреблении на воротник шинели кошачьего меха), а также вписал сведения об Арзамасе.

² См. также в наст. изд. письмо Н. М. Языкова к родным от 9 января (н. ст.) 1843 г.

Н. М. Языков — родным

1843 года. Января 9 <н. ст.>. Рим.

<...> Я не нашел в Риме того мирного и вольготного житья-бытья, какое обещал мне устроить Гоголь; он великий охотник распоряжаться и хозяйничать, а распоряжается и хозяйничает крайне безалаберно и беспутно. Мне тесно и холодно; Сил<ьвестру> нет особой конурки; камин без закрывки, и тот один в двух комнатах. У меня 9°R¹; вставать поутру в эту температуру едва ли приятно и здорово кому, едва ли больному! Ёжусь, дрожу и зеваю; Гоголь с своим носом ходит по комнате и уверяет, что нам очень тепло! Само собой разумеется, что все дела идут здесь через него, по незнанию моему и Сильв<естра> языка здешнего, и что потому вздору выходит с три короба. Его непрестанно обманывают и обирают итальянцы, которым он верит, как честным, и которых чрезвычайно уважает: деньги бросает, как сор, — и хлопочет и суетится, будучи вполне уверен, что он всех перехитривает и всё покупает дешевле других, и болезненно обижается, когда ему противоречат в чем бы то ни было. Я сижу, как полоненный, и жду нетерпеливо, когда пройдут осенние месяцы и декабрь и январь — тогда будет мне теплее и привычнее к худому порядку домашнего быта! (Всё это между нами!)² <...>

Погода стоит дождливая, ветреная, холодная, домоседству, читаю Библию и повествование о России Арц<ыбашева>³. Он воздвиг себе вечный памятник этим трудом великим, добросовестным и преполезным. У нас очень и очень немного таких делателей. Русских новых книг и журналов здесь, кажется, нет; приезжающие и отъезжающие — большей частью наша знать — не литературная — и русского языка с собой не возит, или военщина наша манежная, от которой ничего и не требуется...

Знакомых здесь я еще не заводил: Гоголь почти что ни с кем не знаком или не знает. Но ведь мне и не нужно больших развлечений и беседований: мне всего бы лучше иметь возможность видеть Рим, а остальное время привольно сидеть дома, переключивая последнюю зиму за морем и надеясь времен лучших. <...>

Здесь теперь уже началась зима, пошли холода, 1-<г>о ниже ноля — с перемежками оттепели, приносимой ветром, глаголемым сирокко. Я продолжаю зябнуть и ежиться, сидя в температуре неблагоприятной, в одной комнате у меня печь, или, паче, камин, а другая, где я

сизу и нахожусь обычно, не бывает теплее + 11°. В первой бывает иногда и жарко — и пыл огненный! таким-то образом в моей квартире два разных воздуха! Это мне очень не по нутру, так сказать, но делать нечего, надо довольствоваться тем, что есть — покуда не поспеет весна, которую здесь обещают в половине февраля!

Русских в Риме множество: все, которые хотели зимовать в Неаполе, Флоренции и проч., слетелись нынче в Рим — потому что в Риме зимует Ея Высочество Герцогиня Лейхтенбергская⁴! И дело! Здесь и Перовский, герой Хивы⁵, и Обуховы⁶, знакомые Пин. <?>, эти последние уже давно таскаются по Италии, и в Риме зимуют вдругоряд: в столице искусства! Слышно, что Обуховы наняли прекраснейший *Palais* <?>, будут давать вечера и балы Русским художникам, находящимся в Риме. Какой-то купец Московский⁷ пожертвовал очень хорошо составленную библиотеку русских книг, недавно прибыла сюда последняя половина оных⁸ — новые журналы: Москвитянин и Отечественные Записки тоже есть: я читаю теперь последний: кажется мой запас стиховный уже весь истощился — и на нынешнюю зиму у меня нет ни малейшей надежды!

В Рим же на зиму будет из Флоренции и бывший симбирский губернатор Комаров⁹ — известный подлец; он, дескать, путешествует с молодою женой — и сам молодится, шнуруется, белится и румянится и, вдобавок к этому, немилосердно бьет не только своих российских лакеев, но и прислугу в гостиницах. Скажи Старику¹⁰, что он обещал Гоголю прислать собрание *слов и описание крестьянских ремесел*, им, Стариком, составленное. Гоголь ждет: ему теперь нужны эти оба предмета¹¹. <...>

Отрывок письма впервые опубликован, по рукописной копии: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 644, 646. Печатается по той же копии: РГБ. Ф. 332. К. 66. Ед. хр. 4. Л. 55–56 об.

¹ 11 °С.

² См. также в наст. изд. письмо Н. М. Языкова к родным от января 1843 г.

³ Имеется в виду издание: *Арцыбашев Н. С.* Повествование о России. Издание Московского Общества Истории и Древностей Российских под наблюдением Погодина. М., 1838–1843. Т. 1–3.

⁴ Мария Николаевна, великая княгиня (1819–1876), дочь Императора Николая I, в первом браке герцогиня Лейхтенбергская, во втором браке за графом Г. А. Строгановым.

⁵ Именование Н. М. Языковым графа В. А. Перовского «героем Хивы» иронично. В 1839–1840 гг. Перовский, будучи оренбургским военным губернатором и командиром Отдельного оренбургского корпуса, предпринял поход на Хиву, который оказался неудачен.

⁶ Имеется в виду Мария Алексеевна Обухова, ее сын, отставной ротмистр Василий Васильевич Обухов, его жена Екатерина Васильевна Обухова (рожд. Обрезкова), и две племянницы В. В. Обухова, дети его сестры, Мария и Екатерина Павловны Алферьевы, в младшую из которых был влюблен гравер Ф. И. Иордан (см. в наст. изд. *Записки профессора и ректора Императорской Академии Художеств Федора Ивановича Иордана*).

⁷ Алексей Иванович Лобков (ум. в 1868), купец, благотворитель.

⁸ «Реестр книгам, отправленным из Москвы в Рим Гоголю 1841 года Июля 11 дня» М. П. Погодиным, см. в изд.: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 9. Первая половина книг была получена в Риме в январе 1842 г. См. в наст. изд. коммент. к дневниковой записи М. П. Погодина от 31 декабря 1840 г.

⁹ Николай Иванович Комаров (1796–1853), симбирский гражданский губернатор с 27 февраля 1838 по 7 мая 1840 г.

¹⁰ П. М. Языкову.

¹¹ См. также в наст. изд. письмо Н. М. Языкова к родным от конца 1842 г.

---

¹ В источнике: запах

Н. М. Языков — родным

<Январь (н. ст.) 1843. Рим>

<...> Холодно мне и скучно и даже досадно, что я согласился на льстивые слова Гоголя и поехал в Рим, где он хотел и обещался устроить меня, как нельзя лучше; на деле вышло не то: он распоряжается крайне безалаберно, хлопочет и суетится bestолково, почитает всякого итальянца священной особью, почему его и обманывают на каждом шагу. Мне же, не знающему итальянский язык, нельзя ничего ни спросить, ни достать иначе, как чрез посредство моего любезнейшего автора «Мертвых Душ»; я же совещусь его беспокоить и вводить в заботы, тем па-че, что из них выходит вздор. <...>

Впервые опубликовано: *Шенрок В. Николай Михайлович Языков. 1803–1846 гг. // Вестник Европы. 1897. № 12. С. 629; см. также: Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя. М., 1897. Т. 4. С. 171. Печатается по первой публикации.*

«...Сильно привязавшись к Гоголю, Языков тем не менее без труда переносил его неудачные распоряжения, хотя, быть может, ничем этого не выказывал. — В данном случае в своих суждениях мы основывались на обширной и не напечатанной переписке Языкова. <...> Из писем видно, что в Риме жизнь представлялась Языкову не удобною в сравнении с германской: “здесь несравненно дороже, — писал он, — чем в Германии, хотя устройства для иностранцев нет такого, как умышленных немцев. В Гануа не было мне так скучно, как теперь в Риме. Я еще не могу наслаждаться осматриванием здешних великих достопамятностей и, вероятно, не буду в состоянии это делать, как бы следовало порядочному человеку”» (*Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя. М., 1897. Т. 4. С. 171–172*).

Н. М. Языков — А. М. Языкову

Февраля 16 дня <н. ст.> 1843. Рим.

<...> ...Помните, между прочим, что к концу июня нынешнего 1843 года должен я быть в блокаменной: пятилетний срок! Да и пора уже вообще мне восвоеси... довольно я потомился и истомился душою, тоскуя по своей земле, своим языке и своим.

Нынешняя зима в Риме пренегодная — такой, дескать, и старожилы здешние не запомнят; холодно, сыро, мрачно, дожди проливные, ветры бурные: на прошлой неделе от излишества вод и ветров вечный Тибр вздулся, можно сказать, вышел из себя — и затопил часть Рима так, что на некоторых улицах устроилось водное сообщение. Теперь он успокоился, но дожди продолжают и еще не дают надежды на приятный карнавал, которому быть послезавтра! До сих пор я никогда не видывал таких ливней, какие здесь: представь себе, что бывают целые дни, когда дождь льет, не переставая ни на минуту, с утра до вечера — а льет, как из ведра, как из ушата! Небо, как тряпка, воздух свищет, вода бьет в окна, по улице река течет, в комнате сумерки!.. Каков-то будет март — который здесь и обыкновенно крайне дождлив и ветрен? Говорят, что у нас вышел новый указ о странствующих и путешествующих в чужие края, по которому, дескать, вместо известных ежегодных взиманий с сих господ, повелевается взysкивать какие-то проценты!!! Напиши мне, как это? и уничтожается ли этим постановлением прежний <нрзб.>ветный срок пребывания русских за границею? Мне это важно: не знаю, когда удастся мне подняться из вечного града: говорят, что прежде конца апр<еля> нельзя переезжать Альпы; а мне — ведь я собираюсь заехать к Коп<п>у — может быть, еще нужно будет взять курс вод. Здешний медик дает мне пилюли для укрепления ног моих: от них, следств<енно>, и зависит прямизна или кривизна предполагаемого возврата моего восвоеси!! <...>

Я сижу в Риме чрезвычайно уединенно; с Гоголем, который сильно занят и сильно работает, выдаюсь во время обеда в 4 ч<аса> пополудни. После обеда дремлем вместе, вечером обыч-

новенно приходят к нам трое русских² (в числе их известный живописец Иванов¹ — это всё мое знакомство в Риме); часа с два болтаем, а в 9 часов расходится компания, всякий к своему шлафену⁵. Эта история повторяется у меня каждый день: в хорошую погоду езжу кататься и ходить за город!! Осматривать же галереи я еще не начинал, жду укрепления ног моих, которое для этого необходимо: зане в оных местах нет сидений...<...> Таким образом осматривание Рима в художественном отношении откладывается до будущего марта или апреля!!

Стихов для Москвитянина, т. е. вообще у меня теперь нет — и, вероятно, не будет долго еще — нынешняя зима вышла у меня вовсе не литературная — на весну же я и сам не надеюсь: тогда буду чаще выезжать и пользоваться бальзамом всеисцеляющей природы! Недавно читал я статью Шевырева⁶ о воспитании (напечатана в Журнале Министерства Народного Просвещения)⁶, славная вещь, спасибо ему. О каком послании ко мне Каролины⁷ пишешь ты — я не знаю — это может быть то, что было напечатано в Москвитянин⁸ 1841⁸ — другого я не знаю. Как обсуживает Каролина Карловна «Мертвые души»? Заодно ли с своим супругом⁹ или иначе? Гоголь ведет жизнь очень деятельную, пишет много; поутру, т. е. до 5 ч. пополудни, никто к нему не впускается, ни в будни, ни в праздник; это время всё посвящено у него авторству, творческому уединению, своему делу, а после обеда отдыхает у меня. Что же он сочиняет? — Не знаю! <...>

Наталя Алексеевна¹⁰ думает, что я в самом деле покупаю многое множество вещей дамских, какими славится Рим! — А таможни? — <1 руб.> же и роскошь следует истреблять, а не питать. <...>

Отрывок письма впервые опубликован: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 651–652. Печатается по первой публикации, с дополнением по рукописной копии: РГБ. Ф. 332. К. 66. Ед. хр. 4. Л. 57–58 об.

¹ См.: «...Срок дозволенного пребывания Российских подданных за границею, с узаконенными паспортами, назначен <указом от 17 апреля 1834 г.> для дворян пятилетний, а для лиц прочих сословий трехлетний. Принимая в соображение сие постановление и находя несправедливым, до истечения означенных сроков, распространять закон о взимании пошлин с заграничных паспортов <от 10 июля 1840 г.> на тех лиц, кои получили оные до того времени, с которого закон сей восприял свое действие <1 января 1841 г.>, Комитет <Министров> полагал обращать на сих лиц взимание пошлины за выданные им бессрочные заграничные паспорта не прежде, как по истечении дозволенного законом срока пребывания их за границею. <...> ...Правительствующий Сенат, согласно с оным, определяет: 1) С лиц, которые получили заграничные паспорта прежде 1841 года на срок, кончившийся в том же году, при возвращении их в Империю по тем просроченным паспортам, взимать пошлины за первое с 1841 года полугодие по 10 руб.<лей> серебром, а за последующие по 25 руб.<лей> серебром. 2) Взимать установленные пошлины и с тех лиц, которые хотя получили паспорта до 1841 года, без ограничения срока, но пробудут за границею более двух лет со дня состояния Высочайшего указа 10 июля 1840 года (13652) <т. е. с 1 января 1843 г.>» (15779. — Июня 23 <1842>. Высочайше утвержденное положение Комитета Министров, опубликованное 19 августа. — О дополнении правил о взимании пошлин с заграничных паспортов // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. СПб., 1843. Т. 15. Отделение 1. С. 685–686).

Указ от 10 июля 1840 г. определял: «За напечатание бланкетов взимается со всех паспортов единообразно по 50 коп.<еек> серебром. <...> ...Сверх платы за бланкет, взимается особая пошлина, за каждое значущееся в паспорте лицо на следующем основании: с паспортов срочных по 10 руб.<лей> серебром за каждые шесть месяцев, а с бессрочных полугодичная только плата, с тем, чтобы с получивших таковые паспорта, в случае пребывания долее за границею, при возвращении их в Россию довыскиваема была в пограничных таможах пошлина дополнительно, соответственно времени их отлучки. <...> Настоящие правила имеют воспринять действие свое с 1 января 1841 года» (13652. —

¹ Прочти статью Чижова о русских художниках в Риме — напечатанную в Спб. Ведомостях, № 224 и проч. 1842,³ и статью Шевырева в Москвитянин⁸, 1841.⁴ — *Примеч. Н. М. Языкова.*

Июля 10 <1840>. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, опубликованное 20 августа // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. СПб., 1841. Т. 17. Отделение 1. С. 484–485).

² А. А. Иванов, Ф. И. Иордан и Ф. В. Чижов. Об этих вечерах см. в наст. изд. в письме А. А. Иванова к Ф. В. Чижову от середины декабря (н. ст.) 1842 г.; в письме Ф. В. Чижова к матери от 4 декабря (н. ст.) 1842 г., в «Воспоминаниях Ф. В. Чижова в “Записках о жизни Н. В. Гоголя...” П. А. Кулиша», в «Воспоминаниях о Гоголе» Г. П. Галагана, в «Воспоминаниях Ф. И. Иордана».

³ Чижов Ф. В. Русские художники в Риме. (Письмо к А. Н. Очкину). Рим, 10 мая 1842 // Санкт-Петербургские Ведомости. 1842, 4, 6, 7 октября, № 224–226.

⁴ Шевырев С. Русские художники в Риме. (Из путевых записок 1840 года) // Москвитянин. 1841. № 11.

⁵ От немецкого «schlafen» — спать.

⁶ Статья С. П. Шевырева «Об отношении семейного воспитания к государственному. Речь, произнесенная в Торжественном Собрании Императорского Московского Университета 18 июня 1842» была напечатана в седьмом номере «Москвитянина» за 1842 г. (цензурное разрешение 10 авг.), а также в «Журнале Министерства Народного Просвещения». 1842. Ч. XXXV. Отд. II). См. также письмо Гоголя к С. П. Шевыреву от 2 марта (н. ст.) 1843 г. и коммент. к статье Гоголя «Просвещение» в изд.: Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М., Киев, 2009. Т. 6.

⁷ Имеется в виду стихотворное послание К. К. Павловой Н. М. Языкову «Приветствована вновь поэтом...» (1842).

⁸ В 1841 г. в № 2 журнала «Москвитянин» (цензурное разрешение 31 янв.) было опубликовано стихотворение Н. М. Языкова «К К. К. Павловой» (написанное 15 февраля 1840 г.) и стихотворный «Ответ Н. М. Языкову» К. К. Павловой, с подписью и датой: «К. Павлова. Июнь 1840».

⁹ Н. Ф. Павлов.

¹⁰ Языкова.

Н. М. Языков — родным

27 февраля <н. ст. 1843>. Рим

<...> В большом числе русских, находящихся теперь в Риме, красуется и г-жа Смирнова, урожденная Розетти¹, — не та ли это, которую Алексей Степанович² воспевал, во время оно, под именем девы-розы? Я редко вижу Гоголя с тех пор как она здесь; он у ней всякий день до позднего вечера: кажется, югозит вокруг нее. Я по церквам римским хожу — и даже собираюсь в наступающем марте осматривать и галереи: разумеется, только те, которые доступны ногам моим, — горько было <бы> мне уехать из Рима, не выдавши хоть сотой доли его славностей и чудес искусства! — Скакать на коне — не дерзну: вообще мое житье-бытье устроилось здесь крайне не по мне, неудобно, стеснительно, досадно. <...> Гоголь кланяется вам и Свербеевым. <...>

Отрывок письма впервые опубликован: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикации и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 648–649. Печатается по первой публикации, с дополнением по рукописной копии: РГБ. Ф. 332. К. 66. Ед. хр. 4. Л. 59.

¹ А. О. Смирнова приехала в Рим в двадцатых числах января (н. ст.) 1843 г.

² Хомяков.

Н. М. Языков — родным

<13 марта (н. ст.) 1843. Рим>

1 марта.

Погодина записки о Риме¹ очень любопытны и читаются легко и удовольствованно; хоть чересчур откровенно и, так сказать, на лету писаны. В них же сам Погодин изобразился как нель-

зя лучше, верите, во весь рост, во всем виде, волос в волос, голос в голос! Гречево путешествие² просто скучно. Хорошо было бы, если бы мне в конце апреля выбраться отсюда: май прокупаться в Гаштейне, а июль употребить на благополучное возвращение в Москву.

Публикуется впервые по рукописной копии: РГБ. Ф. 332. К. 66. Ед. хр. 4. Л. 59 об.

¹ Речь идет о публикации: <Погодин М. П.> Месяц в Риме // Москвитянин. 1842. Ч. I. № 2 (цензурное разрешение 16 февраля 1842 г.) (см. в наст. изд.).

² Имеется в виду статья: Гр<еч> Н. Письмо из Рима. Ф. В. Булгарину. 18/30 сентября 1841 // Северная Пчела. 1841. 30 окт. № 243. С. 971.

Н. М. Языков — родным

20 апреля <н. ст. 1843>. Рим.

<...> Распространившийся в Москве слух, будто бы я не могу один возвратиться восвояси, сочинен и выпущен в свет не мною¹, но одним из моих доброжелателей, имени коего и отчества не имею чести знать. <...> Недели через полторы, т. е. около конца текущего апреля или начала мая, мы собираемся подняться из Рима; Гоголь едет в Дюссельдорф — а я в Гаштейн — подкрепиться для обратного пути в Москву.

Здесь познакомился с мной полковник Розетти² (родной брат воспетой Ал<ексеем> Степ<ановичем>³ девы-розы), который едет к Присницу, по совету Иноземцева... <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 654. Печатается по первой публикации, с дополнением по рукописной копии: РГБ. Ф. 332. К. 66. Ед. хр. 4. Л. 60.

¹ Ср. письмо Н. М. Языкова к А. М. Языкову от 11 августа (н. ст.) 1842 г.

² А. О. Россет.

³ Хомяковым.

Н. М. Языков — А. М. Языкову

Мая 18 дня <н. ст.> 1843 г. Вильдбад-Гаштейн.

Мая 2 дня выехали мы из Рима: погода не благоприятствовала путешествию — ветреная, дождливая, холодная: мы все-таки поспешали. Два дня отдыхали во Флоренции, потом на Болонью, Модену, Верону, Баден, Инспрук, Зальцбург — кое-как, с переночковками, отдыхами — впрочем столь кратковременными, что они нисколько не подкрепляли меня, — добрались мы, так сказать, благополучно, до Гаштейна мая 14 дня — следственно, довольно скоро. Гоголь со мною еще; он торопится крайне: куда — сам не знает; просидит здесь неделю, потом в Дюссельдорф¹. Мне кажется, что ему просто некуда деваться, и потому-то, естественно, он ко мне вяжется².

Мы нашли Гаштейн *покрытым* — или, точнее сказать, накрытым несносною мглою: горы еще в снегу, дует Борей, и дождь идет постоянно; эта дрянь здесь уже давно, с месяц: вся весна, дескать, нынешний раз негодная — зато будет хорошо лето! Подождем. <...>

В Риме зимовал вместе со мною и полковник Барышников — брат П<етр> М<ихайлович> знает его — он нынешним летом отправляется в Россию — в Ревель — брать морские ванны — и приглашает меня ехать с ним одною гурьбою, я этому очень рад: конный пешему не товарищ — а больной больного разумеет лучше всякого приятеля и попутчика... <...>

Из Рима в один день со мною выехал Д<октор> Варвинский³ — прямо в Москву; он подручник Иноземцева, <...> дельный, как мне кажется; он расскажет обо мне в Москве верные известия. <...>

Отрывок письма впервые опубликован: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 658, 660. Печатается по первой публикации, с дополнением по рукописной копии: РГБ. Ф. 332. К. 66. Ед. хр. 4. Л. 60 об.–61.

¹ К В. А. Жуковскому.

² 17 мая (н. ст.) 1843 г. Гоголь писал С. П. Шевыреву из Гастейна: «Я остановился на несколько дней в Гастейне отдохнуть от дороги и погостить у Языкова. После этого отправлюсь в Дюссельдорф, где пробуду, может быть, долго»; 24 мая (н. ст.) 1843 г. С. Т. Аксакову: «Я заехал на несколько дней в Гастейн отдохнуть от дороги и отправляюсь в Дюссельдорф, где проведу часть зимы, а остальную в Голландии...»

³ Иосиф Васильевич Варвинский (1811–1878), профессор Московского университета, специалист по внутренним болезням.

Н. М. Языков — А. М. Языкову и П. М. Бестужевой

Июня 7 дня <н. ст.> 1843 г. Гаштейн.

В Риме пробыл я гораздо более, нежели предполагал и желал: мне сказали, что прежде первых чисел мая не должно пускаться через Апенины и Альпы: вышло все вздор! <...>

Гоголь назад тому две недели уехал в Дюссельдорф¹. Попова² он видел в Мюнхене. Слух, будто бы Гоголь читал в Риме Великой Княгине вторую часть Мертвых Душ³, несправедлив, — тем паче, что эта вторая часть еще не написана⁴. И он не представлялся Великой Княгине⁵, так же, как и я, — вероятно, потому, что у него нет и фрака, так же, как и у меня? Не всякому слуху веруйте и проч. <...>

Отрывок письма впервые опубликован: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 664. Печатается по первой публикации, с дополнением по рукописной копии: РГБ. Ф. 332. К. 66. Ед. хр. 4. Л. 61, 62–62 об.

¹ Гоголь выехал из Гастейна между 24 и 28 мая (н. ст.) 1843 г.

² В рукописной копии ошибочно: «Панова». Александр Николаевич Попов (1820–1877), историк, славянофил. 28 мая (н. ст.) 1843 г. Гоголь сообщал Н. М. Языкову из Мюнхена: «Здесь узнал я довольно печальную историю о Бакунине. Сей философ наделал просто глупостей и нынешнее его положение жалко. В Берлине он не ужился и выехал, куда не помню, как мне рассказывали, по причине, что не мог иметь никакого сурезного влияния. Вздумал он, с какою целью Бог ведает, для того ли, чтобы услужить новым философам Берлина и Шеллингу, написать в каком-то журнале статью на гегелистов, которых уничтожил вовсе и обличил в самом революционном направлении. Статья произвела негодование. Прусский король <Вильгельм II> запретил журнал и донес о сем русскому правительству. Бакунин должен был скрыться и теперь, говорят, в Цюрихе, всеконечно, без всяких обеспечений в будущем. Все это узнал я от Попова, московск<ого> кандидата, слушающего в Берлине лекции, приятеля Авдотьи Петровны и всех Елагиных, жившего у них почти в доме. Он же сказал мне, что старик Елагин (Василий) находится теперь в Праге и, вероятно, заедет к тебе в Гастейн».

Под «статей на гегелистов» М. А. Бакунина подразумевается его статья «Реакция в Германии», напечатанная под псевдонимом «Jules Elysard» в журнале левых гегельянцев (*Deutsche Jahrbücher für Wissenschaft und Kunst*. 1842. № 247–251. 11–12 October). В статье Бакунина не «обличил», а выступил в поддержку «гегелистов» за их «революционное направление». То есть, очевидно, Гоголь был о нем лучшего мнения.

³ См. в наст. изд. письмо А. М. Языкова к Н. М. Языкову от 5 мая 1843 г.

⁴ 28 мая (н. ст.) 1843 г. Гоголь писал Н. Я. Прокоповичу из Мюнхена: «Откуда и кто распускает всякие слухи обо мне? Говорил ли я когда-нибудь тебе, что буду сим летом в Петербург? или что буду печатать 2 том в этом году?.. <...> М<ертвых> д<уш> не только не приготовлен 2-ой том к печати, но даже и не написан. И раньше двух лет (если только мои силы будут постоянно свежи в это время) не может выйти в свет». 24 июля (н. ст.) того же года Гоголь сообщал также С. Т. Аксакову из Бадена: «Слухи, которые дошли до вас о М<ертвых> д<ушах>, все ложь и пустяки. Никому я не читал ничего из них в Риме, и верно нет такого человека, который бы сказал, что я читал что-либо вам неизвестное [ему или другим]. Прежде всего я бы прочел Жуковскому, если бы что-нибудь было готового. Но, увы, ничего почти не сделано мною во всю зиму, выключая немногих умственных материалов, забранных в голову».

⁵ По свидетельству других гоголевских современников, отрицаемое Н. М. Языковым представление Гоголя в Риме великой княгине Марии Николаевне все-таки состоялось (об этом Языкову Гоголь, очевидно, не сообщил). О визите Гоголя к великой княгине, относящемся к весне 1843 г., А. О. Смирнова вспоминала: «Представлялся В<еликой> К<нягине> Марье Никол<аевне> утром. Она оч<ень> милост<иво> приняла и раз приказа<ла> приглас<ить> на музык<альный> веч<ер> к гр<афу> Вьель<Горскому>, где она была» (см. в наст. изд. *Воспоминания А. О. Смирновой о Гоголе в записи А. Н. Пыпина*). Ср. также: «Гоголя пригласили на чтение к вел<иной> княгине. Тут был очень забавный случай: у Гоголя не оказалось фрака, у него был старый мундир. В. А. Перовский сказал ему, что он не годится, — слишком стар. Ханьков и мой дядя <А. О. Россет> отправились к русским художникам (Иванов был приглашен на чтение сам); фрака не нашли. Иванов обежал все немецкие мастерские, — pas de frac!.. <нет фрака (фр.)> Наконец, в Villa Medici у французов нашелся фрак по росту Гоголя, хотя и немного мешковат, и его нарядили. В 1858 г. Иванов еще вспоминал о фраке со смехом в Риме. Этот анекдот долго веселил римские мастерские...» (см. в наст. изд. *Воспоминания О. Н. Смирновой о Гоголе в статье В. И. Шенрока «А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь» (1888)*). Граф В. А. Соллогуб также свидетельствовал: «Он чуждался и бегал света, и, кажется, однажды во всю жизнь свою надел черный фрак, и то чужой, когда великая княгиня Мария Николаевна пригласила его в Риме к себе» (см. в наст. изд. *Воспоминания графа В. А. Соллогуба*).

Н. М. Языков — А. М. Языкову

25 июня¹ <н. ст. 1843>. Гаштейн.

<...> Гоголь теперь в Эмсе, где Жуковский с женою¹. Г<оголь> пишет², что Ж<уковский> совершенно счастлив и пишет много: у него уже готовы все песни перевода Одиссеи, да сверх того две повести в пятистопных стихах без рифм³, да еще виды на большое сочинение⁴! Вот какво! Вот главное! Гоголь еще неизвестно куда пустится из Эмса. Теперь он собирает все критики, писанные на Мертвые Души⁵, чтобы все их сообразить и по ним переделать Мертвые Души: он, дескать, затем и выдал первую часть, не написавши остальных, чтоб воспользоваться суждениями литераторов и все переправить!!! Кумушка! мне странно это! <...>

Отрывок письма впервые опубликован: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 664. Печатается по первой публикации, с дополнением по рукописной копии: РГБ. Ф. 332. К. 66. Ед. хр. 4. Л. 63. Датировка письма уточнена (см. ниже примеч. 1).

¹ Гоголь прибыл в Эмс из Висбадена 30 мая / 11 июня 1843 г. (см. в наст. изд. раздел *Р. Хюбнер. <Гоголь в Эмсе в 1843 и 1847 гг.>*). Поскольку в Висбаден Гоголь заехал тогда из Франкфурта лишь на два-три дня, с 9 по 11 июня (н. ст.) 1843 г., то, вероятно, он прибыл туда, чтобы отпраздновать в домовом православном храме в Висбадене праздник Святой Троицы, приходившийся в тот год на 30 мая / 11 июня. По-видимому, из Висбадена в Эмс Гоголь отправился после праздничной обедни и прибыл на место к вечеру того же дня.

Из Эмса Гоголь выехал в Баден-Баден 2 или 3 июля (н. ст.) 1843 г., так как 4 июля (н. ст.) он уже написал из Баден-Бадена письмо к А. О. Смирновой, дата отправления которого устанавливается почтовым штемпелем. Посколь-

¹ В источнике ошибочно: 25 июля

ку 8 июля (н. ст.) 1843 г. Гоголь написал оттуда же письмо к Языкову, то, очевидно, сообщать о том, что «Гоголь еще неизвестно куда пустится из Эмса», Языков в то время уже не мог, поэтому его письмо следует датировать не 25 июля, а 25 июня (н. ст.) 1843 г. (в то время Гоголь действительно был еще в Эмсе).

² В письме к Н. М. Языкову от 10 июня (н. ст.) 1843 г. из Висбадена Гоголь сообщал: «Во Франкфурте встретил я Жуковского... <...> При нем тоже две песни Одис<с>еи, которой я хоть и не видал еще, но, по всему судя, должны быть очень хороши... <...> да в пятистопных стихах еще две повести без рифм. Да виды есть еще на большое сочинение. <...> Отсюда я еду в Эмс, куда Жуковскому назначено с женою пробыть три недели. И потому ответ на это письмо ты пиши мне в Эмс».

³ Подразумеваются «Маттео Фальконе» и «Капитан Бопп» (1843).

⁴ Имеются в виду, по всей вероятности, «Две повести. Подарок на Новый год Москвитянину» (1844) или «Сказка о Иване Царевиче и сером волке» (1845).

⁵ См. в наст. изд. примеч. 293 к «Воспоминаниям о Гоголе» П. В. Анненкова.

Н. М. Языков — братьям

6 августа 1843. Москва.

<...> Я познакомился с К. Аксаковым, пылким рыцарем Москвы и Руси! <...>

Впервые опубликовано: *Парилова Г. Н., Соимонов А. Д.* П. В. Киреевский и собранные им песни // Лит. наследство. Т. 79. М., 1968. С. 58. Печатается по первой публикации.

Н. М. Языков — Н. Н. Шереметевой

2 марта 1844 г. Москва.

<...> Продолжайте сидеть взаперти, пока вас не выпускают, не то вы снова простудитесь — теперь погода переменилась, самая неблагоприятная, — укрепитесь хорошенько. <...> Я получил письмо от Гоголя¹: он очень тоскует и крайне тревожится душевно. <...> Он едет во Франкфурт. <...> Если хотите хоть маленькую грамотку написать к нему, то пришлите ее ко мне: я вложу в мое письмо. Выздоровливайте.

Впервые опубликовано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. Издание подготовили И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. М., 2001. С. 91. Печатается по автографу: *РГБ*. Ф. 340. К. 13. Ед. хр. 17. Л. 1–2.

¹ От 15 февраля (н. ст.) 1844 г. из Ниццы.

Н. М. Языков — родным

<7 апреля 1844>

<...> Получил я письмо от Гоголя¹: он теперь в Дармштадте, где и Жуковский, потому что Его Высочество Наследник будет там через неделю, и Наследник собирается в Россию. Гоголь собирается лечиться и будет советоваться с Коппом и поедет летом купаться в море. Гоголь вообще, слава Богу, здоров, но то и дело выдумывает себе болезни и часто неудачно, потому что вовсе не знает, так сказать, анатомию тела человеческого; так, например, по его мнению, сердце находится в правом боку, а там, где обыкновенно сердце, он полагает желудок. Он теперь пишет что-то о современной русской поэзии²; велит мне для этого прислать ему во Франкфурт мои стихотворения. Но с кем пошлю я их и их же у меня нет! Я пошлю ему новый указ о пре-

бывающих за границей: не побудит ли это его восвосяи; ведь ему, который живет своими трудами, 200 р<ублей> сереб<ром> в год сушая не-безделица. Ему этих денег станет на полгода в Германии или Италии. <...>

Впервые опубликовано: *Шенрок В.* Николай Михайлович Языков. 1803–1846 гг. // Вестник Европы. 1897. № 12. С. 646. Печатается по первой публикации, с уточнением по машинописной копии: *ГЛМ.* Ф. 327. Оп. 1. № 175. Л. 48–49.

¹ Письмо от 2 апреля (н. ст.) 1844 г.

² Речь идет о первоначальной редакции статьи «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность». В статье «О лиризме наших поэтов» (1845) Гоголь обращался к В. А. Жуковскому: «Прошлый год твоя <...> рука остановила меня, когда я уже было хотел послать Плетневу в Современник мои сказанья о русских поэтах...»

Н. М. Языков — Н. Н. Шереметевой

<Около 18 апреля 1844. Москва>

<...> Николай Васильевич <...> в Штутгарт <...> говеть поехал, как он пишет¹. Лето поедет он по водам, осенью в Рим, и в конце зимы оттуда намеревается в Иерусалим, говеть, туда же и Погодин². Он жалуется на нездоровье; но теперь весна, конечно, уже освежила его. Адрес Н<иколая> В<асильевич>а Frankfurt, Salwedelsgarten vor dem Scheimenthor. Лучше пришли-те ваше письмоцо ко мне: в конце этой недели я буду писать к нему.

Впервые опубликовано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. Издание подготовили И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. М., 2001. С. 94. Печатается по автографу: *РГБ.* Ф. 340. К. 13. Ед. хр. 17. Л. 18–19.

¹ Ср. в письме Гоголя к С. П. Шевыреву от 12 марта (н. ст.) 1844 г.: «Я еду говеть и встретить пасху в Штутгарт. Оттуда во Франкфурт к Жуковскому, который отныне переселяется туда на житье. Адресуйте во Франкфурт. <...> Церковь наша из Штутгарта переправляется в Дармштат, и поэтому я <не> еду в Штутгарт».

² О намерении М. П. Погодина побывать в Иерусалиме см. также в наст. изд. коммент. к разделу *Из документов и свидетельств о паломничестве Гоголя к Святым Местам.*

Н. М. Языков — родным

<27 октября 1844>

<...> Я получил письмо от Гоголя¹, где он говорит, что «петербургские литераторы п..., а московские б...». Правда, правда! Гоголь крайне сердит на Погодина за помещение его портрета в «Москвитяине» прошлого года². Помнишь ли? Портрет премерзкий! <...>

Впервые опубликовано: *Шенрок В.* Николай Михайлович Языков. 1803–1846 гг. // Вестник Европы. 1897. № 12. С. 646. Печатается по первой публикации.

¹ Письмо от 26 октября (н. ст.) 1844 г.

² Имеется в виду литография художника Павла Федоровича Зенькова (род. в 1824) с портрета Гоголя работы А. А. Иванова, опубликованная без ведома Гоголя М. П. Погодиным в одиннадцатом номере журнала «Москвитянин» за 1843 г. Гоголь выразил недовольство публикацией портрета. Сначала из анонимного сообщения в пятом номере «Отечественных Записках» за 1844 г. Гоголь узнал о публикации его портрета работы К. П. Мазера (точнее, литографии К. Поля с этого портрета) в альманахе И. Е. Бецкого «Молодик» на 1844 г.: «Портрет Гоголя, с fac-simile <...> довольно неудачен» (с. 6; заметка принадлежит В. Г. Белинскому). Факсимильно воспроизведенные под портретом стро-

ки Гоголя: «Я бы давно уже был на дороге в Рим. Гоголь», — были взяты издателем «Молодика» И. Е. Бецким из письма Гоголя к П. А. Плетневу от 7 марта 1840 г. из Москвы.

1 октября (н. ст.) 1844 г. Гоголь писал Н. М. Языкову: «Скажи Шевыреву, чтобы он объявил в Москвитянине, что мне крайне было неприятно узнать, что без моего спросу и позволения в каком-то харьковском повременном издании приложили мой портрет и какие-то facsimile записки... <...> Чтобы он объявил, что подобным мошенничеством не занимались прежде книгопродавцы, каким ныне занимаются литераторы. Я несколько раз отказывал книгопродавцам на их предложение награвировать мой портрет... <...> я имел еще на то свои причины, для меня слишком важные. И уж ежели бы пришлось мне позволить гравировку портрета, то, вероятно, это бы сделано было только для Москвитянина, а не для другого какого-либо издания... <...> Попроси <...> Погодина, чтобы он написал письмо к Бецкому в Харькове, он его, кажется знает, с запросом, каким образом и какими путями портрет мой зашел к нему в руки».

26 октября (н. ст.) 1844 г. Гоголь вновь писал Н. М. Языкову: «Каков между прочим Погодин! <...> Я воскипел негодованием на Бецкого за помещение моего портрета, и надобен же такой случай: вдруг сам Бецкий является из Харькова во Франкфурт для принятия от меня личного распекания. От него я узнаю, что Погодин изволил еще в прошлом году приложить мой портрет к "Москвитянину", самоуправно, без всяких оговорок, точно как будто свой собственный <...> большего оскорбления мне нельзя было придумать. Если бы Булгарин, Сенковский, Полевой, совокупившись вместе, написали на меня самую злейшую критику <...> это было бы совершенно ничто в сравнении с сим. На это я имею свои собственные причины, слишком законные <...> чего однако не хотел <...> изъяснять, имея тоже законные на то причины». «У меня только одна вещь и была — портрет, именно на ее-то он <М. П. Погодин> весь обломился всей своей медвежьей натурой», — добавлял Гоголь в письме к Языкову от 12 ноября (н. ст.) 1844 г.

Еще в 1840 г., в письме к жене М. П. Погодина Елизавете Васильевне, отправленном из Рима около 29 октября (н. ст.), Гоголь замечал: «[Мне досадно, что] Вы даже приберегли и спрятали портрет мой. Вы правы: я его вовсе не назначал вам. Я его выбросил потому, что вам хотел прислать всё-таки что-нибудь похожее на меня, а этот портрет не годится никому». Портрет Гоголя работы А. А. Иванова был написан позднее, в 1841 г. О каком портрете шла речь в письме Гоголя к Е. В. Погодиной, неизвестно. М. П. Сперанский указывал: «18 мая 1840 года Гоголь опять уехал из Москвы за границу, опять в Рим. Но до отъезда, надо полагать, был сделан с него карандашный портрет: в высоком кресле, голова опирается на левую руку, облокоченную на ручку кресла; он в глухом жилете с массивной цепочкой. Автором портрета был Мазер (Mazer): на рисунке его подпись и 1840 год» (см. в наст. изд. статью М. Н. Сперанского «Портреты Н. В. Гоголя»). Если допустить, что речь в письме к Погодиной шла именно о портрете работы К. П. Мазера, т. е. что и этот портрет, как и портрет, выполненный А. А. Ивановым, хранился ранее у Погодиных, то, очевидно, что при почти одновременной (для Гоголя) публикации обоих портретов писатель мог испытывать против М. П. Погодина сугубое раздражение.

По-видимому, портрет Гоголя работы А. А. Иванова был оставлен Гоголем у М. П. Погодина по просьбе последнего при отъезде из Москвы, 23 мая 1842 г. В 1844 г. Гоголь писал С. П. Шевыреву: «Я отдал этот портрет Погодину как другу, по усиленной его просьбе...» (письмо от 1 декабря н. ст.). А. А. Иванов в письме к В. А. Жуковскому, в свою очередь, сообщал о портретах Гоголя: «Два портрета, мною написанные в великой от всех тайне, подарены им самим, по его словам: один Вам, а другой г-ну Погодину...» (см. в наст. изд.). Н. В. Берг рассказывал об этом так: «М. П. Погодин постоянно просил своего приятеля о портрете, тот обещал. Проходили, однако ж, дни, месяцы, годы — портрета не было. Однажды, после отъезда Гоголя из Москвы <...> нашли в его номере, где он жил, как бы забытый портрет. Общий голос присудил отдать его М<ихаилу> П<етровичу>, как виновнику того, что портрет, так или иначе, явился» (см. в наст. изд. «Воспоминания о Н. В. Гоголе» Н. В. Берга). По предположению В. И. Шенрока, Погодин, опубликовав в журнале портрет, «опасался послать Гоголю "Москвитянин", сознавая свою вину перед ним» (Русская Старина. 1896. № 12. С. 621). Сам Гоголь в письме к Н. М. Языкову от 12 ноября (н. ст.) 1844 г. писал: «Насчет же отправки Москвитянина за 1843 год Погодин кажется пригнул. Ибо ни Жуковский, ни я его не получали». Кажется вполне правдоподобным предположение Н. Г. Машковцева, что публикация портрета Гоголя противоречила замыслу писателя явиться впервые перед русской публикой в образе одного из персонажей картины А. А. Иванова «Явление Мессии» — кающегося грешника, так называемого «ближайшего к Христу» (см. об этом: *Машковцев Н. Г. История портрета Гоголя // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. Т. 2*). В «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь писал: «Неосмотрительным образом похищено у меня право собственности: без моей воли и позволения опубликован мой портрет. По многим причинам, которые мне объявлять не нужно, я не хотел этого, не продавал никому права на его публично

издание и отказывал всем книгопродавцам, доселе приступавшим ко мне с предложениями, и только в таком случае предполагал себе это позволить, если бы помог мне Бог совершить этот труд, которым мысль моя была занята во всю жизнь мою, и притом так совершить его, чтобы все мои соотечественники сказали в один голос, что я честно исполнил свое дело, и даже пожелали бы узнать черты лица того человека, который до времени работал в тишине и не хотел пользоваться незаслуженной известностью. С этим соединялось другое обстоятельство: портрет мой в таком случае мог распродаться вдруг во множестве экземпляров, принеся значительный доход тому художнику <Ф. И. Иордану>, который должен был гравировать его. Художник этот уже несколько лет трудится в Риме над гравированием бессмертной картины Рафаэля "Преображение Господне" <...> ...Будет справедливой, если те, которые имеют достаток, станут вместо портрета моего покупать самый эстамп "Преображенья Господня" ...». Объясняя в письме к С. П. Шевыреву от 14 декабря (н. ст.) 1844 г. причины своего недовольства публикацией портрета М. П. Погодиным, Гоголь писал, что «у многих» из молодежи «бывают чистые стремления; но у них всегда бывает потребность создать себе каких-нибудь идолов. Если в эти идолы попадет человек, имеющий точно достоинства, это бывает для них еще хуже. Достоинств самих они не узнают и не оценят как следует, подражать им не будут, а на недостатки и пороки прежде всего бросятся: им же подражать так легко! Поверь, что прежде всего будут подражать мне в пустых и глупых вещах». «...Вместо того, — продолжал Гоголь, — чаще будем изображать им настоящий Образец человека, Который есть совершеннейшее из всего, что увидел слабыми глазами своими мир, и перед Которым поблдеют сами собою даже лучшие из нас...» «...Еще лучше, — размышляет далее Гоголь, уже непосредственно подходя к мысли о *преображении*, — если мы даже и говорить им не будем о Нем, о Совершеннейшем, но заключим Его сами в душе своей...» Характерно признание Гоголя в письме к Н. П. Демидову начала 1839 г.: «...я убежал старательно встречи с вами. Мне не хотелось, чтобы вы переменяли обо мне ваше доброе мнение. Мы обыкновенно воображаем видеть писателя чем-то более <...> чем он есть, и увидевши пошлую, даже слишком обыкновенную его фигуру, мы никак не можем соединить с ней то лицо, которое нам представлялось в мыслях. Вот почему мне не хотелось, чтобы вы меня когда-либо увидали, хотя очень хотел вас увидеть».

Н. М. Языков — родным

<11 декабря 1844>

<...> Прилагаю здесь и письмо Гоголя¹: оно мой лавр и лавр чистый и утешительный. Говорят, что у Жуковского уже готовы 10 песен «Одиссеи», и что сверх того он написал сказку². Почтеннейший старец и Нестор муз! <...>

Первое опубликовано: *Шенрок В.* Николай Михайлович Языков. 1803–1846 гг. // Вестник Европы. 1897. № 12. С. 646. Печатается по первой публикации.

¹ Письмо от 2 декабря (н. ст.) 1844 г. с откликом на стихотворение Н. М. Языкова «Землетрясение». Вместе с письмом к Н. М. Языкову от 26 декабря (н. ст.) 1844 г. легло в основу статьи «Предметы для лирического поэта в нынешнее время». В ответ на письмо от 2 декабря (н. ст.) 1844 г. Языков сообщал Гоголю: «*Собрание* моих стихотворений, то есть всего, что я до сих пор написал после первого, уже пропущено цензурой и скоро поступит в печать». Сохранился экземпляр «Новых стихотворений Н. Языкова» с дарственной надписью Гоголю: «Николаю Васильевичу Гоголю Н. Языков» (воспроизведено в виде фотокопии в изд.: Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 635).

² «Сказка о Иване Царевиче и сером волке» (1845).

Н. М. Языков — Ф. В. Чижову

11 января 1845 г. Москва.

<...> Сейчас получил я письмо от Гоголя¹. Он поехал в Париж, где пробудет месяц или два, а потом в Италию — но в Рим ли? еще не пишет. <...>

Впервые опубликовано: *Розанов И. Н.* М. Языков и Ф. В. Чижов. Переписка 1843–1845 гг. // Литературное наследство. Т. 19–21. М., 1935. С. 130–131. Печатается по первой публикации.

¹ Письмо, датируемое периодом между днем отъезда Гоголя из Франкфурта в Париж, 10 января (н. ст.) 1845 г., и днем отправления письма из Парижа 14 января (н. ст.) 1845 г. (согласно почтовому штемпелю).

Н. М. Языков — родным

<17 января 1845>

<...> Гоголь едет в Париж, оттуда в Италию; видно, ему наскучил Франкфурт. В Риме ему все веселее; он любит Италию и даже итальянцев до безумия. Гоголя перевели и по-французски, и Сент-Бев напечатал о нем статью¹, где равняет Гоголя с Шекспиром, и в «Debats» помещен перевод его «Вия»². Я этому сердечно рад: это освежит Гоголя едва ли не больше, чем освежила его холодная вода, и он примется за дело. <...>

Впервые опубликовано: *Шенрок В.* Николай Михайлович Языков. 1803–1846 гг. // Вестник Европы. 1897. № 12. С. 646–647; см. также: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1897. Т. 4. С. 172. Печатается по первой публикации.

¹ Фрагмент статьи Ш. О. Сент-Бёва см. в наст. изд.

² Имеется в виду перевод повести на французский язык И. С. Тургенева и С. А. Геденова, впервые опубликованный в 1845 г. в Париже Л. Виардо в числе переводов еще четырех повестей Гоголя («Тарас Бульба», «Записки сумасшедшего», «Коляска», «Старосветские помещики», «Вий»). Отдельно этот перевод «Вия» был перепечатан во французской газете «Journal des Débats» («Газета прений»). На эту публикацию в 1846 г. откликнулся В. Г. Белинский в январском номере «Отечественных Записок» (т. XLIV. № 1. Отд. 8. С. 45–51). Вероятно, отсюда этот факт и стал известен Н. М. Языкову.

Н. М. Языков — Н. Н. Шереметевой

25 января 1845 г.

<...> Сердечно радуюсь вашему выздоровлению <...> Посылаю вам письмо от Гоголя¹: он <...> жалуется на свое нездоровье... <...>

Впервые опубликовано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. Издание подготовили И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. М., 2001. С. 102. Печатается по автографу: РГБ. Ф. 340. К. 13. Ед. хр. 17. Л. 3.

¹ Письмо неизвестно. 27 января 1845 г. Н. М. Языков сообщал Гоголю из Москвы: «Н. Н. Шереметева была отчаянно больна, теперь поправляется; письмо твое послал я к ней в Рузу».

Н. М. Языков — А. М. Языкову

1845. Марта 4.

<...> Гоголю выпросил Уваров по 1000 р<ублей> ежегодно¹: честь и слава! Этак Гоголь освободится наверное от множества забот самых прозаических. <...>

Впервые опубликовано: *Шенрок В. И.* Из писем Н. М. Языкова к брату его Александру Михайловичу // Русская Старина. 1903. № 3. С. 533. Печатается по первой публикации.

¹ См. в наст. изд. письма В. А. Жуковского к А. О. Смирновой от 16–28 января (н. ст.), 20 марта (н. ст.) и второй половины мая (н. ст.) 1845 г.; *Всеподданнейшие доклады С. С. Уварова 17 и 24 марта 1845 г. о денежном пособии Гоголю, с резолюциями Императора Николая I* и коммент. к этим письмам и докладам.

Н. М. Языков — Н. Н. Шереметевой

17 марта 1845 г.

<...> Вчера вечером получил я письмо от Николая Васильевича: он говорит, что ему сильно нездоровится. <...> Он вложил в свое письмо ко мне письмо к Вам — посылаю вам его¹. Если будете писать к нему, то благоволите прислать вашу грамотку ко мне. Я третьего дня писал к нему². <...> Желаю вам скорейшего выздоровления. <...>

Впервые опубликовано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. Издание подготовили И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. М., 2001. С. 106. Печатается по автографу: РГБ. Ф. 340. К. 13. Ед. хр. 17. Л. 4–5.

¹ Письмо от 14 марта (н. ст.) 1845 г. из Франкфурта.

² Письмо от 10 марта 1845 г. из Москвы.

Н. М. Языков — А. А. Иванову

<19 мая 1845 г. Москва>

<...> Гоголь писал ко мне, что на осень и зиму 1845 года он переселится в Италию, вероятно в Рим, — он то и дело жалуется на расстройство своего здоровья¹. <...>

Впервые опубликовано: *Гусева Е. Н.* Из переписки А. А. Иванова и Н. М. Языкова (1844–1846 гг.) // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1980. Л., 1981. С. 371. Печатается по первой публикации.

Евгения Николаевна Гусева, искусствовед, сотрудник Государственного Русского Музея.

¹ См. письмо Гоголя Н. М. Языкову от 1 мая (н. ст.) 1845 г. из Франкфурта.

Н. М. Языков — Ф. В. Чижову

<19 мая 1845 г. Москва>

<...> Гоголь на осень и на зиму 1845 года, кажется, переселится в Рим. <...>

Впервые опубликовано: *Розанов И. Н.* М. Языков и Ф. В. Чижов. Переписка 1843–1845 гг. // Литературное наследство. Т. 19–21. М., 1935. С. 136. Печатается по первой публикации.

Иван Никанорович Розанов (1874–1959), литературовед.

Н. М. Языков — Н. Н. Шереметевой

<9 июня 1845. Москва>

Вчера получил я письмо от Николая Васильевича¹: это письмо крайне огорчает меня; он продолжает жаловаться на расстройство своего здоровья, сильно тоскует, говорит, что его телесные силы вовсе истощились, что ему нет никакой надежды выздороветь и что он только и

ждет, что смерти! Не знаю, до какой степени можно верить больному, и притом больному мнительному, когда он сам говорит о своей болезни; но вижу ясно, что это уже не хандра: хандра не может продолжаться целые полгода непрестанно! Я уже давно старался уверить его, что он сам себе болезнь выдумывает, что эти припадки ее ничто иное, как следствия жизни его одинокой и между немцами, что они пройдут, как только он освободится от всего этого злого наваждения. Мои уверения плохо действуют: он стоит на своем, да и только. Потрудитесь написать мне, не веселее письмо его к вам?

Выписываю вам окончание письма его ко мне: «В Москве будет на днях S***¹; ты должен с нею познакомиться непременно. Это же советую сделать Сергею Тим<офеевичу> Аксакову, и даже Надежде Николаевне Шереметевой. Это перл всех русских женщин, каких мне случилось из них знать прекрасных по душе. Но вряд ли кто имеет в себе достаточные силы оценить ее. И сам я, как ни уважал ее всегда и как ни был дружен с нею, но только в одни истинно-страждущие минуты и ее и мои узнал ее. Она являлась истинным моим утешителем тогда, как вряд ли чье-либо слово могло меня утешить, — и подобно двум близнецам-братьям бывали сходны наши души между собою!» Мне очень странны эти похвалы Николая Васильевича: я давно уже об ней справляюсь; но о сю пору ни от кого не слышал об ней ничего похожего на то, что он пишет; напротив, напротив, я слышал, что она. . . и проч.¹¹ Прощайте покуда. Будьте здоровы.

Ваш Н. Языков.

Июня 9 дня 1845. Москва.

Мой адрес: Н. М. Я<зыкову> в Москву на Кузнецкий мост, в дом Хомякова.

Первые опубликовано: <Якушкин Е. И.> Письма Н. М. Языкова к Надежде Николаевне Шереметевой // Библиографические Записки. 1858. № 20. Стб. 611–612; см. также: РГАДА. Ф. 181. Оп. 9. Ед. хр. 850. Л. 223; копия письма, принадлежавшая Е. И. Якушкину. Печатается по первой публикации.

¹ Письмо от 5 июня (н. ст.) 1845 г. из Гомбурга.

Н. М. Языков — С. Т. Аксакову

<10–15 июня 1845. Москва>

По случаю вопроса: как быть нам с Гоголем? я хотел было созвать у себя род веча; но мне не удалось это сделать: Шевырева нет уже в Москве, Погодин едет к Троице. Сегодня вечером переговорю с Хомяковым и завтра же напишу вам его мнение; ехать ли кому к Гоголю и кому именно¹? По моему ехать необходимо: это одно средство отогнать от него хандру, которая его сокрушает и давит и может задавить до смерти! А на другой вопрос кому ехать? у меня вовсе нет ответа. Я не знаю, кто из московских друзей Гоголя более люб ему? Погодин конечно заходит к вам — посоветуйтесь и с ним. Гоголь должен жить, по крайней мере, сто лет и должны беречь его для России, как зеницу ока, по крайней мере покуда мы живы!!

Сердечно радуюсь поправлению здоровья вашей больной²: надеюсь что деревенский воздух и благословенная деревенская жизнь укрепят и восстановят ее постепенно, более и более, сполна и вовсе.

Сердечно благодарю вас за желание Ваше видеть меня в вашем Радонежьи³: но увы! я должен сказать подобно Людмиле:

Не видать мне красных дней

---

¹ В автографе Гоголя: Смирнова; сокращение сделано публикатором письма Е. И. Якушкиным.

¹¹ Так в подлиннике. — Примеч. публикатора письма Е. И. Якушкина.

Не цвести душе моей!..

Знаете ли вы, что на московском небе явилась новая звезда или лучше новое созвездие? Мельгунов с супругой¹ Ш<евырев> и П<авлов> ездилы встречать молодых — и хвалят красоту глаз г-жи Мальцовой¹, хотя видели только ее половину.

Возвращаю вам письмо г-жи Смирновой: пишет она умно и довольно правильно: но ведь эти достоинства все-таки не мешают ей быть сиреною, плавающей в прозрачных водах соблазна: так понимает ее и Хомяков.

Жму вам руку крепко накрепко

Ваш Н. Языков

Клев вам на рыбу! и всем вашим мои почитание и поклон.

Впервые опубликовано: Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 158–159. Печатается по первой публикации.

¹ 10 мая 1845 г. Н. М. Языков писал Гоголю: «Грустно мне было читать твое письмо от 1 мая. Что это с тобою делается? Болезнь и хандра, хандра и болезнь... <...> Приписываю это знаешь ли чему? Долговременному пребыванию твоему между немцами, среди чужого языка! <...> ...Полно тебе кочевать в странах не русских и не православных». 5 июня (н. ст.) 1845 г. Гоголь отвечал Н. М. Языкову: «Друг мой, ты всё еще принимаешь дело легко и почти в шутку, приглашая меня в Москву. Больного в таком состоянии, в каком я, не призывают, но скорее к нему едут». Последнее письмо было получено Н. М. Языковым 8 июня 1845 г. (см. в наст. изд. письмо Н. М. Языкова к Н. Н. Шереметевоу от 9 июня 1845 г.). Прочитав это письмо, Языков и решил собрать у себя «род веча», чтобы решить, «ехать ли кому к Гоголю».

² Имеется в виду дочь С. Т. Аксакова Ольга.

³ Имени Аксаковых Абрамцево, находившееся в окрестностях села Радонеж.

⁴ Избранницей Н. А. Мельгунова была «немка из дворянской фамилии» Софья Карловна. За восемь дней до свадьбы (состоявшейся 18/30 октября 1844 г.) сам Мельгунов 10/22 октября 1844 г. сообщил С. П. Шевыреву из Мангейма: «Под моим обыском свадебным подписались Жуковский и Гоголь, заходящее и восходящее солнце русской словесности. Гоголь проводит зиму во Франкфурте у Жуковского и готовится писать вторую часть “Душ”, для которых собрал много материалов и сил. Так мне говорил Жуковский. Когда я месяца два тому назад был во Франкфурте и спрашивал о Гоголе, в Hôtel de Russie, где он стоял, то мне отвечали, что он уехал в Ост-Индию. Это было Остенде, где он купался и откуда воротился бодрым, оживленным: таким, по крайней мере, он мне показался. Первого тома “Душ” перепечатывать не хочет, пока не издаст по крайней мере второй части. Жуковский читал мне несколько отрывков из своего почти буквального перевода “Одиссеи”. <...> Недавно кончил он 8 первых песен; он намерен провести еще год за границей и, кончив перевод, приехать на житье в Москву. Это его твердое намерение. С Петербургом он простился; да петербургского в нем почти ничего и не осталось. Это старый Жуковский в двойном смысле слова» (*Кирпичников А. И.* Очерки по истории новой русской литературы. (Пушкинский период). 2-е изд., доп. М., 1903. Т. 2. С. 199).

Н. М. Языков — А. М. Языкову

1845 г. 25-го июня.

Ты, верно, заметил в письме Гоголя похвалы, восписуемые им г-же Смирновой. Эти похвалы всех здешних удивляют. Хомяков, некогда воспевавший ее под именем «Иностранки» и «Девы розы», считает ее вовсе не способной к тому, что видит в ней Гоголь, и по всем слухам, до меня доходящим, она просто сирена, плавающая в прозрачных водах соблазна. Она и Самарина к себе влечет; соблазнительница она славная — и только!

¹ Так в публикации. Возможно, описка. Следует: г-жи Мельгуновой

Впервые частично опубликовано: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1897. Т. 4. С. 194. Печатается по изд.: *Шенрок В. И.* Из писем Н. М. Языкова к брату его Александру Михайловичу // Русская Старина. 1903. № 3. С. 534.

Н. М. Языков — С. Т. Аксакову

<4 июля 1845. Башиловка>

Радуюсь, что мое желание: клев вам на рыбу! исполняется славно: 300 рыб в две недели т. е. 20 рыб в день: — ужение порядочное, а поимка щуки — подвиг геройский, — равняющий вас по крайней мере с Орлеанскою девою, одолевшей волка; или с каким-нибудь русским генералом, поймавшим турецкого пашу! Странно, что щука клевала на червяка: — это счастье; а что она не сорвалась у вас — это уже ваше искусство, сметливость, ловкость, просто стратегия рыболовная, которую употребили вы блистательно!

Присылайте письмецо к Гоголю: об его здоровьи будет у меня справка самая верная — в Гаштейн едет моя свояченица, — жена брата П<етра> М<ихайловича>¹; я уже писал к ней, чтобы она его осмотрела и расспросила об его болезни и сама (он с нею давно знаком и не чинится), и чтобы отобрала подробнейшее о нем сведение от тамошнего врача, который мне короткий приятель и человек знающий свое дело. Звать Гоголя сюда — едва ли нужно: общий наш возглас к нему, кажется мне, только что сильнее раскарежит хандру его.

Новый припадок, бывший с вашей больною², приписываю переменчивой погоде и жару. Бог милостив — и ваш ангел у него силен.

К вам собираются, на днях, наши славяно-русские доблестные юноши, предпринимающие пешеходное путешествие к Троице. Завидую им, потому что знаю, как им будет хорошо и весело и вольготно в вашей деревне, в вашем кругу, в вашем доме, в вашем семействе с вами и со всеми вашими. Я томлюсь в духоте и в жару летом: купанье в теплой, соленой воде не пускает меня на свежий воздух, ни утром, ни вечером.

Ваш богомолец

Н. Языков.

Из Питера слух, что Е<го> И<мператорское> В<еличество> опять не на шутку заболел ногами и что у Ее И<мператорского> В<еличества> аневризм. Русской Бог велик!

Июля 4 дня 1845.

Башиловка.

Впервые опубликовано: Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 159–160. Печатается по первой публикации.

¹ Ел. П. Языкова. Встреча не состоялась, так как Гоголь вместо Гаштейна отправился на лечение сначала в Карлсбад, затем в Грешенберг-Фрейвальдау.

² О. Серг. Аксаковой.

Н. М. Языков — Н. Н. Шереметевой

<14 июля 1845>

С того дня, как имел <...> беседовать с вами о Николае Васильевиче и его болезни, я не получал от него письма <...> получено мною письмо от А. И. Тургенева, который виделся с ним во Франкфурте¹, а об его болезненном состоянии не говорит ни слова: не правда ли в самом де-

ле, что теперешнее расстроенное состояние души нашего Николая Васильевича есть собственно не болезнь телесная, а только следствие хандры — очень естественной русскому, живущему и движущемуся между немцами да немцами! Вчера был у меня один мой знакомый, возвратившийся из чужих краев: он тоже был во Франкфурте неделю, виделся с Жуковским, <1 нрзб.> лично Н<иколая> Вас<ильевича> (которого в то время там не было) и про болезнь его ничего не слышал!! Из Гаштейна же будут у меня самые верные о нем сведения, туда едет Елизавета Петровна Языкова². Я поручил ей расспросить его самого и узнать от тамошнего врача, с каким коротко знаком, и какая болезнь — и болен ли в самом деле наш почтеннейший ипохондрик³? <...>

Июля 14 дня. 1845.

Письмо к Гоголю отправляю сегодня.

Первые опубликовано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. Издание подготовили И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. М., 2001. С. 115–116. Печатается по автографу: РГБ. Ф. 340. К. 13. Ед. хр. 17. Л. 6–7.

¹ См. в наст. изд. дневниковые записи А. И. Тургенева от 17 и 26 мая (н. ст.) 1845 г.

² Встреча Гоголя с Ел. П. Языковой не состоялась (см. в наст. изд. коммент. к письму Н. М. Языкова С. Т. Аксакову от 4 июля 1845 г.).

³ В конце июня — начале июля (н. ст.) 1845 г. Гоголь сжег первоначальную редакцию второго тома «Мертвых душ», предполагая оставить литературное поприще и уйти в монастырь. Об этом рассказывает в своих «Записках» Марфа Степановна Сабинина, дочь православного священника Стефана Сабинина, к которому Гоголь приехал в Веймар 29 июня (н. ст.) 1845 г. (см. в наст. изд.).

Н. М. Языков — А. М. Языкову

30 июля 1845 г.

<...> Надежда Николаевна сильно беспокоится о Гоголе, которого здоровье, по ее словам, крайне плохо: вчера получил я от него письмо¹. <...>

Первые опубликовано: *Шенрок В. И.* Из писем Н. М. Языкова к брату его Александру Михайловичу // Русская Старина. 1903. № 3. С. 535. Печатается по первой публикации.

¹ От 25 июля (н. ст.) 1845 г. из Карлсбада.

Н. М. Языков — Н. Н. Шереметевой

3 августа 1845 г.

<...> Я получил письмо от Николая Васильевича¹: он теперь в Карлсбаде! Из Франкфурта поехал было в Гаштейн, — не знаю, зачем на Дрезден: в Дрездене советовался с Карусом, который сказал ему, что вся его болезнь в печени и, что, следовательно, ему помогут карлсбадские воды — и вот он в Карлсбаде. Пишет, что уже две недели пьет тамошние воды, ослаб еще более, а пользы ни малейшей не почувствовал. <...>

Первые опубликовано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. Издание подготовили И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. М., 2001. С. 116. Печатается по автографу: РГБ. Ф. 340. К. 13. Ед. хр. 17. Л. 8.

¹ От 25 июля (н. ст.) 1845 г. из Карлсбада.

Н. М. Языков — Н. Н. Шереметевой

10 августа 1845 г.

<...> О посылке, которую вы поручили мне передать Боборыкину для доставления Гоголю, я знаю только то, что я отдал ее, своими собственными руками, Боборыкину — и что это было еще осенью 1843 года. С тех пор об ней и о взявшем ее — ни слуху, ни духу. Справедливо Николай Васильевич называет Боборыкина бабой-бабарихой¹: вероятно, она или потеряла вашу посылку, или возит ее, о сю пору, по Европе². Я продолжаю ждать письма от Гоголя — еще из Карлсбада, — а между тем пишу к нему во Франкфурт, — оттуда письма, конечно, к нему пересылаются, куда следует. Знаете ли вы, что и мы уже имеем надежду насладиться <1 нрзб.> А. О. Смирновой? В ноябре нынешнего года будет она в Москве, проездом в Калугу, где муж ее губернатором. В Калугу переведен на службу и И. С. Аксаков: вот и соловей к розе! <...>

Впервые опубликовано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. Издание подготовили И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. М., 2001. С. 120. Печатается по автографу: РГБ. Ф. 340. К. 13. Ед. хр. 17. Л. 10.

¹ См. письмо Гоголя к Н. М. Языкову от 15 июня (н. ст.) 1844 г.

² Посылка со сборником молитв и двусторонним дорожным образом Божией Матери Иверской и Святителя Николая отправлялась Н. Н. Шереметевой Гоголю дважды: в декабре 1843 г. (см. письмо Н. Н. Шереметевой к Гоголю от 19–20 января 1844 г.) и в декабре 1845 г. (см. письмо Н. Н. Шереметевой к Гоголю от 13 декабря 1845 г.). Посылка получена Гоголем в конце февраля — начале марта 1846 г. (см. письмо Гоголя к Н. Н. Шереметевой от 24 марта (н. ст.) 1846 г.).

Н. М. Языков — Н. Н. Шереметевой

8 сентября 1845 г.

<...> Я продолжаю ожидать письма от Гоголя и не знаю, где он теперь. Из Карлсбада, конечно, он уже давно уехал; говорят, он собирается оттуда в Италию. <...> На днях были в Москве <Аксаковы> провожали И<вана> С<ергеевича> на службу в К<алуг>у; любопытно будет знать, как подействует на молодое его сердце взгляды тамошней губернаторши¹, известные своею пронизательностью? <...>

Впервые опубликовано: <Якушкин Е. И.> Письма Н. М. Языкова к Надежде Николаевне Шереметевой // Библиографические Записки. 1858. № 20. Стб. 613. Печатается по первой публикации.

¹ А. О. Смирновой.

Н. М. Языков — А. М. Языкову

24 сентября 1845 г.

<...> Гоголь был у Призница¹, едет в Рим на зиму; обещал написать мне, что ему сделало во долечение. <...> Жуковский к будущей весне едет в Москву, и ему уже строят в ней дом. <...>

Впервые опубликовано: Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя. М., 1897. Т. 4. С. 370. Печатается по первой публикации.

¹ В. Присниц.

Н. М. Языков — Ф. В. Чижев

28 сентября 1845 г. Москва.

<...> Гоголь поехал на зиму в Рим, — он лечится холодной водою у самого ее чудодея¹ и пишет, что освежился.

Впервые опубликовано: *Розанов И. Н.* М. Языков и Ф. В. Чижев. Переписка 1843–1845 гг. // Литературное наследство. Т. 19–21. М., 1935. С. 142. Печатается по первой публикации.

¹ Имеется в виду В. Присниц.

Н. М. Языков — Ф. В. Чижев

21 октября 1845 г. Москва.

<...> Слух, вами мне сообщаемый, что 2 часть «Мертвых душ» не пропущена цензурою, еда ли верен! На днях была в Москве г-жа Смирнова... приятельница Гоголя: она объявила, что он написал какое-то богословское сочинение в 2-х томах², а о «Мертвых душах» у него, дескать, и помину нет. <...>

Впервые опубликовано: *Афанасьев В. В.* Жизнь Николая Языкова по документам, воспоминаниям // *Языков Н. М.* Свободомыслящая лира. М., 1988. С. 319. Печатается по первой публикации.

¹ Слух о завершении Гоголем второго тома «Мертвых душ» передавал также князь П. А. Вяземский в письме к В. А. Жуковскому от 17 мая 1846 г. (см. в наст. изд.)

² Ср. в наст. изд. письмо В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской от 27 декабря 1846 г.

Н. М. Языков — Н. Н. Шереметевой

29 декабря 1845 г.

<...> Поздравляю вас с наступающим новым годом — и желаю всех благ и во всем благого поспешения. Книгу, которую не взял с собою в Рим князь Голицын¹, я получил: она уже в другой раз ко мне возвращается тем же образом²! Видно не судьба ей доехать [на встречу] к Николаю Васильевичу! <...> От Гоголя я давно не имею писем, но госпожа Смирнова получает их от него часто. — Он, слава Богу, здоров — и бодр, и <1 нрзб.> — и принимается писать. <...>

Впервые опубликовано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. Издание подготовили И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. М., 2001. С. 132. Печатается по автографу: *РГБ*. Ф. 340. К. 13. Ед. хр. 17. Л. 12.

¹ Князь В. П. Голицын.

² Имеется в виду книга: *Норов А. С.* Путешествие по Святой Земле в 1835 году. 2-е изд. СПб., 1844. Ч. 1–2. Гоголь был знаком с А. С. Норовым и, в частности, встречался с ним в Гастейне в 1842 г. В письме к Н. М. Языкову от 5 апреля (н. ст.) 1845 г. Гоголь обращался с просьбой о присылке книги А. С. Норова: «Пришли мне “Путешествие к Св. Местам” Норова, хочу посмотреть, что за вещь». Н. М. Языков отвечал Гоголю в письме от 12 июня 1845 г.: «Путешествие А. Норова в Иерусалим я уже отдал Аксаковым, которые имеют с кем переслать его к тебе: оно мне очень понравилось: это не муравьевское! Книга дельная, ученая и необходимая всякому паломнику». 26 февраля (н. ст.) 1846 г. Гоголь извещал Н. М. Языкова: «Странная судьба книги “Путешествие в Иерусалим” Норова, которая никак не может до меня доехать, показывает мне, что в этот <год> еще не судьба ехать и мне в Иерусалим. Впрочем эта поездка в таком случае

только предпринималась, если бы я сам был готов и кончил свою работу, без которой нельзя мне ехать, как следует, с покойной совестью. О сем объясни и Надежде Николаевне». Н. М. Языков в январе 1846 г. отправил книгу Норова через князя П. А. Вяземского и графа Мих. Ю. Виельгорского. О получении книги Гоголь извещал Н. М. Языкова в письме от 21 июля (н. ст.) 1846 г. См. также в наст. изд. примеч. 7 к *Воспоминаниям Ф. В. Чижова в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша.*

Н. М. Языков — Н. Н. Шереметевой

25 февраля 1846 г.

<...> От Николая Васильевича я больше уже не получал писем — знаю только, по другим известиям из Рима, что он снова грустен и хандрит. Ему непременно должно жить в Москве или в Питере... <...>

Впервые опубликовано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. Издание подготовили И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. М., 2001. С. 137. Печатается по автографу: РГБ. Ф. 340. К. 13. Ед. хр. 17. Л. 15.

Н. М. Языков — Н. Н. Шереметевой

19 марта 1846 г. Москва.

<...> Я получил письмо от Николая Васильевича; вот вам выписка из этого письма...¹ <...>

Впервые опубликовано: <Якушкин Е. И.> Письма Н. М. Языкова к Надежде Николаевне Шереметевой // Библиографические Записки. 1858. № 20. Стб. 613. Печатается по первой публикации, с дополнением (в комментариях) цитаты из гоголевского письма по копии письма Н. М. Языкова: ГАРФ. Ф. 279. Оп. 1. Ед. хр. 146.

¹ Далее цитируются следующие строки из письма Гоголя к Н. М. Языкову от 26 февраля (н. ст.) 1846 г.: «Богу угодно посылать мне такие недуги, каких прежде никогда не было. Тяжело, тяжело, иногда так приходится тяжело, что хоть, просто, повеситься. Но верю и даже слышу, что все это во благо, и благословляю Бога за все. И в душе, и в голове много оттого выигрышу. Кроме того, и в эти тяжелые минуты не оставляю меня милосердие Его. Как ни сильны были телесные недуги, но душа не болела, и хандра не приходила. Из всех средств, на меня действовавших доселе, я вижу, что дорога и путешествие действовали благотельнее всего. А потому с весной начну езду и постараюсь писать в дороге. Дело, может быть, пойдет, тем более, что голова уже готова» (ГАРФ. Ф. 279. Оп. 1. Ед. хр. 146; опубли.: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. Издание подготовили И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. М., 2001. С. 140).

Н. М. Языков — А. А. Иванову

12 августа 1846 г. Москва.

<...> Гоголь теперь, кажется, в Остенде: и в Сицилию, и Сирию пустится он еще осенью или зимою, такие у нас о нем слухи... <...> Гоголь печатает вторым изданием первую часть «Мертвых душ»: не знак ли это, что второе у него уже готово? То-то бы славно! <...>

Впервые опубликовано: Гусева Е. Н. Из переписки А. А. Иванова и Н. М. Языкова (1844–1846 гг.) // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1980. Л., 1981. С. 374. Печатается по первой публикации.

Н. М. Языков — неустановленному лицу

<9 октября 1846. Москва>

<...> Не знаю, с чего пошел слух, что Гоголь сошел с ума и сжег продолжение «Мертвых душ». Я вчера получил от него письмо¹, в котором сумасшествие незаметно; а о своих сочинениях он обыкновенно ничего не пишет. <...>

Первые опубликовано: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1897. Т. 4. С. 174–175. Печатается по первой публикации.

¹ От 5 октября (н. ст.) 1846 г. из Франкфурта.

Н. М. Языков — А. П. Елагиной

Октября 15 дня 1846. <Москва>

<...> Гоголь сильно рассердился на Панова за его желание иметь Гоголеву статью в «Московский сборник»¹. Он прислал престранное предисловие ко второму изданию 1-й части «Мертвых душ», которое на днях выйдет. Будь я на месте Шевырева, заведующего этим изданием, я бы не напечатал такого предисловия²... <...>

Первые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 690–691. Печатается по первой публикации.

¹ 5 октября (н. ст.) 1846 г. Гоголь писал Н. М. Языкову: «И ты против меня! Не грех ли и тебе склонять меня написание журнальных статей, — дело, за которое уже со мной поссорились некоторые приятели? Ну, что во мне толку и какое оживление “Московскому сборнику” от статьи моей? <...> У нас воображают, что всё дело зависит от соединения сил и от какой-то складчины. Сложись-ка прежде сам да сделайся капитальным человеком, а без того принесешь сор в общую кучу. <...> А Панову скажи так, что я весьма понял всякие ко мне заезды по части статьи отдаленными и деликатными дорогами, но не хочет ли он понюхать некоторого словца под именем: *нет?* <...> Я их выбрано, но потом и притом таким образом, что они после брани подымут нос, а не опустят. <...> Ты прочти внимательно книгу мою, которая будет содержать выбор из разных писем». См. также в наст. изд. письмо Е. А. Свербеевой В. А. Жуковскому от 3 июня 1846 г.

² Второе издание «Мертвых душ» вышло в Москве в октябре 1846 г. (цензурное разрешение 25 августа 1846 г.).

Н. М. Языков — А. А. Иванову

<27 октября 1846. Москва>

Октября 14 дня Ф. В. Чижов пустился из Москвы в Питер, где пробудет недели с две и потом устремится в Италию и в Рим... <...> С ним посылаю я вам несколько рисунков, которым ваше русское сердце порадует¹. Ваши картонны получены Рисовальным классом... Письмо мое к Николаю Васильевичу² надписываю на ваше имя по его желанию³.

Первые опубликовано: *Гусева Е. Н.* Из переписки А. А. Иванова и Н. М. Языкова (1844–1846 гг.) // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1980. Л., 1981. С. 374. Печатается по первой публикации.

¹ Вероятно, речь идет о литографиях Корнелия Яковлевича Тромонина (ум. в 1847) рисунков московских древностей.

² Последнее письмо Н. М. Языкова к Гоголю от 27 октября 1846 г. На это письмо Гоголь отвечал 4/16 декабря из Неаполя. 26 декабря 1846 г. Языков скончался.

³ 5 октября (н. ст.) 1846 г. Гоголь писал Н. М. Языкову: «Адресуй в Рим или в poste restante, или на имя Иванова, что еще лучше».

Из писем А. М. Языкова

А. М. Языков — В. Д. Комовскому

<30 сентября 1833. Село Языково

Курсунского уезда Симбирской губернии>

<...> Вчера был у нас Пушкин, возвращавшийся из Оренбурга. <...> Знаете ли вы, что Гоголь написал комедию «Чиновник»?¹ Из нее Пушкин сказал нам несколько пассажей, чрезвычайно острых и объективных. <...>

Впервые опубликовано: *Садовников Д. Н.* Отзывы современников о Пушкине // Исторический Вестник. 1883. Декабрь. С. 537. Печатается по первой публикации.

Александр Михайлович Языков (1799–1874), брат поэта Н. М. Языкова.

¹ Имеется в виду незавершенная комедия Гоголя «Владимир 3-ей степени». По-видимому, Гоголь читал Пушкину эту комедию (или отрывки из нее) летом 1833 г. См. также в наст. изд. письмо Пушкина к князю В. Ф. Одоевскому от 30 октября 1833 г. и дневниковую запись Пушкина от 3 мая 1834 г.

А. М. Языков — В. Д. Комовскому

<30 мая 1835. Село Языково

Курсунского уезда Симбирской губернии>

<...> «Миргород» мы прочли с удовольствием; «Старосветские помещики» — прелесть; «Бульба» — тоже славная штука. Любите ли Вы Гоголя и как Вы его обсуживаете? <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 548. Печатается по первой публикации.

А. М. Языков — В. Д. Комовскому

30-го апреля <1>836. Москва.

Вчера Х. читал нам «Ревизора» — он прелесть! Впрочем, сначала странно, как глупо обманываются чиновники в проезде регистраторе. — Как всё смешно, как верны характеры, как верно всё, что они ни говорят!

На сцене это должно быть ужасно забавно.

Говорят, что Гоголь будет сюда — ставить «Ревизора» на здешнем театре. Мы, кажется,ждемся этого удовольствия. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 548. Печатается по первой публикации.

А. М. Языков — Н. М. Языкову

22 декабря 1841 г. <Москва>.

<...> Гоголь сидит дома и печатает свои «Мертвые души». <...> Говорят, Гоголь привез несколько новых твоих пьес и что Погодин, у которого Гоголь живет, держит их под спудом для «Москвитянина»¹. <...>

Первые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 610. Печатается по первой публикации.

¹ О публикации стихотворений Н. М. Языкова в 1841–1843 гг. в «Москвитянине» М. П. Погодина и о роли в этих публикациях Гоголя см. коммент. к разделу «Н. М. Языков» в изд.: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2010. Т. 17. См. также в наст. изд. коммент. к письму Н. М. Языкова к А. М. Языкову от 21 февраля 1842 г.

А. М. Языков — Н. М. Языкову

7 января 1842 г. Москва.

<...> У Гоголя сплин. Никуда не ходит, кроме Авдотьи Петровны¹. Любит очень, до страсти В«есселя»² и говорит его стихи чудесно. <...>

Первые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 610. Печатается по первой публикации.

¹ Елагиной.

² Семейное прозвище Н. М. Языкова. См. также в наст. изд. письмо Е. М. Хомяковой к Н. М. Языкову от 16 ноября 1841 г. и коммент. к этому письму.

А. М. Языков — Н. М. Языкову

Июня 21-го дня 1842 г. Станинное.

<...> Вышла 1-я часть «Мертвых душ» Гоголя, мы ее скоро получим, прочтем и напишем тебе, что найдем. <...>

«Мертвые души» произвели здесь разнообразные толки; большая часть читателей не поняла и не оценила их, как должно (это первая часть, завязки еще нет). Свербеев называет их отвратительною насмешкою, которая от первой до последней страницы преследует читателя и не дает ему отдохнуть спокойно. Но в этом-то состоит великое создание, что оно заставляет смеяться горько и не для одной забавы. — Вообще, тут в первый раз виден Гоголь, как писатель, вполне серьезный; он возмужал и окреп для подвига. Свербеев пишет, что переменял свое мнение! <...>

— Мы получили «Мертвые души»¹, прелесть, лучше всего прежнего; Гоголя дарование развилось удивительно, он, верно, пришлет их тебе, и ты позабавишься и усладишься. Пусть его пишет более и более: многие опасались, чтобы, живя в чужих краях, он не склонился к тамошнему и не сделался из русского, национального живописца живописцем итальянским. <...>

Первые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 630. Печатается по первой публикации.

¹ Экземпляр «Мертвых душ» был отправлен Гоголем П. М. Языкову тотчас по получении его из типографии — 18 мая (см. письмо Гоголя П. М. Языкову от 18 мая 1842 г.).

А. М. Языков — В. Д. Комовскому

21 июня 1842 г. Станишное.

<...> Как Вы нашли «Мертвые души»? Нам они очень понравились; мастерская, живая картина жизни, которой не касаются преобразования и которою живет большая часть наших власть предержащих. Вы никогда не бывали в губерниях и уездах и не можете чувствовать всё достоинство этой поэмы. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 630, 632. Печатается по первой публикации.

А. М. Языков — Н. М. Языкову

3-го октября 1842. Станишное.

<...> «Мертвые души» еще мало читали в нашей глуши. Наумовым¹ я принужден был дать свой экземпляр — иначе они не погляделись бы в это зеркало. — Суждения об них разные — от благоговения Шевырева до мнения Пикоти², которая пишет: «С каким нетерпением ждала я “Мертвые души”, и что же вышло? — кроме гадости, ничего нет хорошего. Читали ли Вы разбор Сенковского?»³ За это я просил Вас погонять ее. Но, может быть, ей не понравился характер Собакевича? <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 638–639. Печатается по первой публикации.

Письмо представляет собой ответ на послание Н. М. Языкова к А. М. Языкову от 21 июля (н. ст.) 1842 г. из Гастейна (см. в наст. изд.).

¹ Родственники жены А. М. Языкова Натальи Алексеевны (рожд. Наумовой).

² «Пикоть» — семейное прозвище сестры Языковых, Прасковьи Михайловны, в замужестве Бестужевой.

³ <Сенковский О. И.> Похождения Чичикова, или Мертвые Души. Поэма Н. Гоголя. Москва, в тип. Университетской, 1842, в 8. Том первый, стр. 475 // Библиотека для Чтения. 1842. Т. 53. Ч. 2. № 8. Отд. 6. С. 24–54.

А. М. Языков — В. Д. Комовскому

3 октября 1842 г. Станишное.

<...> Вся цена «Мертвых душ» — верность картин жизни нашей Руси. <...> Гоголь заслуживает большую признательность за то, что показывает действительно сущее и может укротить заносчивость ваших столичных преобразователей, которые, конечно, ничтожны перед Петром. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 632. Печатается по первой публикации.

А. М. Языков — В. Д. Комовскому

22 ноября 1842 г.

<...> ...<Брат Николай> теперь в Риме, куда прибыл 4 октября вместе с Гоголем, взявшим его на свои руки и свою ответственность. <...>

Первые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 640. Печатается по первой публикации.

А. М. Языков — В. Д. Комовскому

19 января 1843 г. Москва.

<...> Здешних писателей и читателей очень смущает остановка сочинений Гоголя и происшествие с цензорами¹. Гоголь имеет в Москве жарких и даже неистовых защитников и часто бывает темой прений и восторгов. Он теперь живет в Риме вместе с братом Николаем Михайловичем и готовит 2-ю часть «Мертвых душ», в которой должна явиться светлая сторона нашей Руси. <...>

Первые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 654. Печатается по первой публикации.

¹ См. в наст. изд. коммент. к *Записям о Гоголе в дневнике А. В. Никитенко*.

А. М. Языков — Н. М. Языкову

Февраля 24 / марта 8 <1843>.

<...> Сочинения Гоголя пропустили; говорят, что раскупаются хорошо; везде их читают и об них толкуют. Как хорош «Разъезд»! Мы видели на театре «Игроков» и «Женитьбу»¹. Последняя идет лучше, хотя есть комедия недоделанная, а в первой играют порядочно приказного² и старика Глова³, т. е. лица фальшивые, прочие еще не вошли в свои роли; даже Щепкин в «Игроках» плох, зато недурен в «Женитьбе».

Что случилось у тебя с Гоголем? Напиши подробнее, это нас всех интересует, и зачем же ты пишешь так мало, коротко и неясно? — Здесь распространилось мнение, что будто ты один возвратиться в Москву не можешь. Правда ли это⁴? <...>

А. И. Тургенев пишет⁵, что в Париже, читая «Мертвые души», «грустно и гадко!» <...>

Первые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 654. Печатается по первой публикации.

¹ «Женитьба» была впервые представлена в Москве 5 февраля 1843 г. в бенефис М. С. Щепкина, вместе с «Игроками» (см. в наст. изд. коммент. к дневниковой записи А. И. Тургенева от 8 февраля 1843 г.).

² Исполнитель роли — П. М. Садовский.

³ Роль исполнял Ф. Н. Усачев.

⁴ См. ответное письмо Н. М. Языкова от 20 апреля (н. ст.) 1843 г.

⁵ Письмо неизвестно. А. И. Тургенев находился в то время в Москве, поэтому в его сообщении о чтении «Мертвых душ» в Париже, вероятно, имелось в виду авторское чтение 24 октября (н. ст.) 1838 г., о котором Тургенев записал тогда в своем дневнике (см. в наст. изд.).

А. М. Языков — Н. М. Языкову

5 мая 1843 г. Москва.

<...> Здесь даже был слух из Петербурга, что ты познакомился с Вельгурским¹ и даже обратил на себя милостивое внимание вел<икой> княгини² (помнится, представлялся ей). Гоголь будто читал ей 2-й том «Мертвых душ», где прекрасно расписаны Москва и Петербург³. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 664. Печатается по первой публикации.

¹ С графом Мих. Ю. Виельгорским.

² Марии Николаевны.

³ См. в наст. изд. коммент. к ответному письму Н. М. Языкова брату от 7 июня (н. ст.) 1843 г.

А. М. Языков — В. Д. Комовскому

4-го ноября 1848-го. Москва.

<...> С Гоголем я познакомился; в обществе он очень интересен.

Все нападавшие на него за «Письма к друзьям», друзья и недруги, приняли его с открытыми сердцами и объятиями; зиму он проживет здесь. <...>

Читали ли Вы письмо Жуковского¹? <...> Скоро ли явятся его сочинения? Гоголь уже видел-де в Петербурге несколько томов. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 710. Печатается по первой публикации.

¹ Литературное письмо В. А. Жуковского к Гоголю «О поэте и современном его значении», напечатанное в 1848 г. в № 4 «Москвитянина».

А. М. Языков — В. Д. Комовскому

1 декабря 1848. Москва.

<...> В Историческом обществе, по случаю выхода Строева и Бодянского, выбрали в президенты Черткова, в секретари Беяева. Киреевский условился было с Бодянским печатать в «Чтениях» русские песни через книжку, т. е. в одной р<усские> п<есни> Киреевского, в другой — малороссийские Бодянского¹. Полезная ученая деятельность Б<одянского> теперь прекращается², и не знаю, как Киреевский распорядится изданием своего собрания³. О Б<одянском>, человеке важном для науки и жертве совершенно невинной, здесь все сожалеют: он был очень полезен и мог бы, кажется, оставаться на своем месте без дальних околичностей. <...>

Впервые опубликовано: *Парилова Г. Н., Соимонов А. Д.* П. В. Киреевский и собранные им песни // Лит. наследство. Т. 79. М., 1968. С. 65. Печатается по первой публикации.

¹ См. в наст. изд. дневниковую запись О. М. Бодянского от 21 декабря 1849 г. «В архиве Киреевского сохранилась тетрадь, озаглавленная «Песни народа червонно-русского, собранные Игорем Брониславовичем Паулем»» (*Соимонов А. Д.* П. В. Киреевский и его собрание народных песен. Л., 1971. С. 210). «Это переплетенная тетрадь в 1/4 в 119 листов, озаглавленная «Песни народа червонорусского». Эти песни были собраны И. Б. Паулем. <...> На л. 1 тетради ру-

кою Киреевского помечено: “Куплено мною у М. П. Погодина в 1838 г. П. К.” На обороте того же листа рукою О. М. Бодянского: “Получено от П. В. Киреевского 18 сентября 1848 г. О. Бодянский”. Второй документ — так же переплетенная тетрадь в $\frac{1}{8}$ в 19 листов, озаглавленная “Вирши и песни”. На последнем листе рукою Киреевского написано: “Доставлены от Г. Васильевича. П. К.” Ниже рукою Бодянского: “Получено от П. В. Киреевского 18 сент<ября> 1848 г. Москва. О. Бодянский”» (*Соймонов А. Д. Фольклорное собрание П. В. Киреевского и русские писатели // Лит. наследство. Т. 79. М., 1968. С. 114*).

² См. в наст. изд. коммент. к разделу *Гоголь в дневниковых записях О. М. Бодянского 1849–1851 гг.*

³ В следующем письме к В. Д. Комовскому А. М. Языков сообщал: «Идут сношения с Историческим обществом о том, станет ли оно печатать в своих “Чтениях” русские и малороссийские песни, как предполагал Бодянский, или нет?» (*Парилова Г. Н., Соймонов А. Д. П. В. Киреевский и собранные им песни. С. 65*).

А. М. Языков — В. Д. Комовскому

22-го апреля 1850-го г. Симбирск.

<...> О комедии Островского поговорим после¹. <...> Создания идеальные, изящные сами по себе; произведения копирующие также сами по себе. Где должно останавливаться списывающему портреты — дело сноровки живописца. «На зеркало неча пенять, коли рожа крива». — Нравственное и эстетическое отвращение, в Вас возбужденное Гоголем и Островским, — драгоценны; они-то и нужны и важны! Правящие не должны ли подумать о целых тысячах, которые подобны лицам, выведенным на свежую воду Гоголем и Островским? Верные картины состояния нашей образованности и наших нравов могут быть полезны тем, которые соображают то, что есть, с тем, что быть должно, при нынешнем переломном состоянии Вашего министерства². <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 732. Печатается по первой публикации.

¹ Имеется в виду комедия А. Н. Островского «Банкрот» («Свои люди — сочтемся!»).

² В. Д. Комовский был чиновником Министерства народного просвещения. См. коммент. к письму А. М. Языкову от 30 сентября 1833 г.

Д. А. Валув — Н. М. Языкову

(1841) <Москва>

Сегодня мы проводили Авдотью Петровну¹ в дальние заморские края. <...> Наши духовные, литературные и прочие приращения <...> идут добрым порядком. Сол<л>огуб выдал том повестей, Лермонтов пишет стихи со дня на день лучшие (надеемся выслать последние, чудные), Гоголь пишет, Ал<ексей> Ст<епанович>² работает, И. В. Кир<еевский> приготовляет большое сочинение (Ист<орию> Церкви). Москвитянин идет в гору... <...>

Печатается по изд.: *Хомяков А. С. Полн. собр. соч. М., 1900. Т. 8. С. 103.*

Дмитрий Александрович Валув (Волюев, 1820 — 23 ноября 1845), историк, редактор и издатель. Мать Д. А. Валужева А. М. Валужева (рожд. Языкова) приходилась родной сестрой Н. М. Языкову и Е. М. Хомяковой (рожд. Языковой).

¹ Елагину.

² Хомяков.

Н. Г. Буди́добрый — Н. М. Языкову

Сентября 16 дня 1846 г. <Тверь>.

<...> На днях я прочитал в московских газетах отрывок из письма Гоголя к Вам об «Одиссее», переведенной Жуковским. Зная могущество переводчика и необъятное богатство, и грацию, и гибкость, и звучность русского слова, легко поверить, что перевод будет художественно прекрасен, как сам подлинник. Зная высокий смысл и чистоту и прелесть «Одиссеи», легко поверить и тому, что появление ее у нас породит много действительного добра. Судорожно-вычурные писатели наши поучатся по «Одиссее» правдоподобию и нравственной цели вымысла и любезной простоте повествования. Впрочем, скорей будущих, нежели настоящих поэтов урезонит «Одиссея». Настоящие певцы слишком горды, слишком уверены в своих (часто сомнительных) силах, и старика Гомера они не послушают. <...>

«Одиссея» может заставить покраснеть (еще способного краснеть) гражданина, обвинительно уличив его во множестве отступлений от прямых обязанностей своих, — может даже поворотить его на другую дорогу; словом, «Одиссея» произведет у нас благотворное влияние, но частное, а не всеобщее, не такое, какого ожидает Гоголь. Целой массы, всего народа нашего не обвеет ее чистое и нежное дыхание: он не прочтает ее. Где у нас грамотные мещане, солдаты, портные и мужики? Да и довольно ли только прочтат или услышат? <...> Видно у нас в чем-то глубоко гнездится великая помеха всеобщему улучшению, и «Одиссее» не снять ее¹.

Но надежды Гоголя — надежды сердца благородного, сильно желающего нам спасительного обновления жизни. Читая его письмо, так и кажется, что он готов бы был, ценою собственного злополучия, укоренить правду во все сердца и влить счастье во все души, и во всяком возвышенном явлении уже думает видеть средство к исполнению этих заветных и святых стремлений, которых в этом мире чуть ли не вечно суждено оставаться лишь стремлениями. <...>

Первые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 688. Печатается по первой публикации.

Николай Григорьевич Буди́добрый, учитель русской грамматики в Тверской гимназии, позднее воспитатель и преподаватель 4-й Московской гимназии; воспитанник Московского университета, где учился одновременно с В. Г. Белинским. См. «Список своекоштных студентов и слушателей Императорского Московского университета словесного отделения 1832 года»: «*Слушатели*: <...> Буди́добрый Николай. — Уволенный из купечества. 1831» (Петрова К. Список студентов словесного отделения Московского университета за 1832 г. // Лит. наследство. Т. 56. М., 1950. С. 421).

¹Значение перевода В. А. Жуковского «Одиссеи» Гомера для упрочения народного быта Гоголь оценивал настолько высоко, что считал его определенно важнее отвлеченных рассуждений друзей о славянских началах. Известно, в частности, что Аксаковы критично отнеслись к переводу Жуковского (см. в наст. изд. письма С. Т. Аксакова к сыну Ивану от 29 июля 1846 г., от 22 и 28 ноября 1848 г., от ноября 1849 г., письмо К. С. Аксакова к брату от 28 ноября 1848 г., «Историю нашего знакомства с Гоголем...» С. Т. Аксакова, а также письма С. Т. Аксакова к самому Гоголю от 9 декабря 1846 г. и от ноября 1849 г.). Так, Константин Аксаков сообщал брату: «Получена "Одиссея" Жуковского. Это не Гомер. Мудрованья премного, особенно в начале». И тут же: «Из нескольких слов о нашей старине увидел я, что Гоголь ее самонадеянно не понимает» (см. в наст. изд.). В связи с этим Гоголь, защищая перевод «Одиссеи» от критики Аксаковых, а точнее, отстаивая заключенные в самой поэме Гомера древние патриархальные начала, сходным образом противопоставлял суждениям друзей содержание русского «Домостроя» — с описанным в этом памятнике сходным народным бытом: «Эти книги больше всего знакомят с тем, что есть лучшего в русском человеке. Они гораздо полезнее всех тех, которые пишутся теперь о славянах и славянстве людьми, находящимися в брожениях, в переходных состояниях духа, возрастах, подвластных воображенью, обольщениям самолюбивого ума и всяким пристрастиям» (письмо к графине А. М. Вильгорской от 30 марта 1849 г.). («Домострой» в свою очередь подвергся критике Аксаковых. К примеру, И. С. Аксаков в письме к отцу от 15 января 1850 г. — после встречи в Москве с Гоголем — приравнял этот памятник

к явлениям «немецкого духа»; прочитав его целиком, он высказался еще резче; см.: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 2. С. 268, 270, 296–297; Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 120.)

В этом отношении Гоголь, считавший, что правды «больше» на стороне славянофилов, чем западников (статья «Споры»), а в письме к М. П. Погодину от сентября 1851 г. упоминавший также о западниках как о «господах, до излишества живущих в Европе», был, очевидно, в еще большей степени «славянофилом», чем славянофилы Аксаковы. «Так свистун Пушкин вдруг, раньше всех Киреевских и Хомяковых, создает летописца в Чудовом монастыре, то есть раньше всех славянофилов высказывает всю их сущность и, мало того, — высказывает это несравненно глубже, чем все они до сих пор» (*Ф. М. Достоевский* — Н. Н. Страхову. 23 апреля (5 мая) 1871. Дрезден // Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1986. Т. 29. Кн. 1. С. 207). См. также в наст. изд. коммент. к разделу *Воспоминания о Гоголе О. Н. Смирновой в «Указателе к письмам Гоголя... в издании Кулиша» В. И. Шенрока.*

Свидетельства о Гоголе А. С. Хомякова, его родных и знакомых

Гоголь в письмах А. С. Хомякова и его жены Е. М. Хомяковой (рожденной Языковой)

Е. М. Хомякова — Н. М. Языкову

<Май (до 18 числа¹) 1840. Москва>

Гоголь в восторге от ваших стихов «Послание к Павловой»; выучил их наизусть². Он просит вас написать ему в Вену. Когда вы будете в Ганау, он непременно приедет туда; он любит вас ужасно и говорит всегда с большим восхищением об вас, так, как об Италии. Я люблю Гоголя; он очень добрый и любит сестер, заботится об них. Это все делает честь ему. Теперь он очень рад, что поместил одну у препочтенной и богомольной дамы, старой Раевской³; она соседка наша в Богучарове⁴, и я собиралась познакомиться с ней. Все здесь нападают на Гоголя, говоря, что, слушая его разговор, нельзя предполагать в нем чего-нибудь необыкновенного, Иван Васильевич Киреевский <говорит>, что с ним почти говорить нельзя: до того он пуст. Я сержусь за это ужасно. У них кто не кричит, тот и глуп. <...> Каролина Павловна¹ отвечает вам стихами⁵; ждите послания длинного... <...>

Первые опубликовано: Хомяков А. С. Полн. собр. соч. М., 1900. Т. 8. С. 105–106. Печатается по первой публикации. Датировка письма уточнена.

Екатерина Михайловна Хомякова (рожд. Языкова, 1817–1852), жена А. С. Хомякова, сестра Н. М. Языкова. В юности в Екатерину Михайловну был влюблен «*служка Божией Матери и Серафимов*» (как он сам себя называл) Николай Александрович Мотовилов, симбирский совестной судья, попечитель Серафимо-Дивеевского монастыря. Он намеревался жениться на Екатерине Михайловне и беседовал о ней как набожной девушке-«монастырке» с Серафимом Саровским (см.: *Нилус С.* Великое в малом. Новосибирск: Благовест, 1992 / Репринтное издание: Сергиев Посад, 1911. С. 142). В альбоме Хомяковой сохранился шаржированный портрет Гоголя неизвестного художника 1840-х гг. (бумага, карандаш; ГИМ) (*Машковцев Н. Г.* Гоголь в кругу художников. Очерки. М., 1955. С. 159).

Алексей Степанович Хомяков (1804–1860), поэт, публицист, философ-славянофил. «Хомяков познакомился с Гоголем, кажется, еще в Петербурге в 1831–1832 году: тогда “Гоголёк”, недавний выпускник нежинского лицея, начинающий литератор, живший на положении домашнего учителя в богатых петербургских домах, был введен в кружки Карамзиных, Одоевского, “девицы Россет”, в которых наездами бывал и Хомяков. Но никакой особенной дружбы между ними тогда не возникло — разве что мимолетные отношения» (*Кошелев В. А.* Алексей Степанович Хомяков, жизнеописание в документах, в рассуждениях и разысканиях. М., 2000. С. 237).

¹ 18 мая 1840 г. Гоголь вместе с В. А. Пановым выехал из Москвы в Италию.

² Послание «К К. К. Павловой» («Забьли вы меня? Я сам же виноват...»), написанное Н. М. Языковым 15 февраля 1840 г. в Ницце, Гоголь читал также в конце мая 1840 г., по дороге из Москвы за границу, В. А. Панову (см. в наст. изд. письмо В. А. Панова к К. С. Аксакову от 27 июня — 8 июля (н. ст.) 1840 г. и коммент. к письму Н. М. Языкова А. М. Языкову от 16 февраля (н. ст.) 1843 г.).

³ Гоголь перевез сестру Елисавету Васильевну от М. П. Погодина к П. И. Раевской 10 мая 1840 г.

⁴ Богучарово (Боучарово), имение А. С. Хомякова под Тулой.

---

¹ *Описка. Следует: Павлова, — или: Карловна*

⁵ «Ответ Н. М. Языкову» датирован К. К. Павловой июнем 1840 г.

Е. М. Хомякова — Н. М. Языкову

24 апреля 1841 г.

<...> Панов все сидит в Риме, любуясь и восхищаясь не Римом, а Гоголем, с которым он не может уже расстаться¹. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 598. Печатается по первой публикации.

¹ В. А. Панов выехал из Рима в день отправления Е. М. Хомяковой Н. М. Языкову настоящего послания, 24 апреля / 6 мая 1841 г. (см. в наст. изд. письмо В. А. Панова к К. С. Аксакову от 6 июня (н. ст.) 1841 г.).

Е. М. Хомякова — Н. М. Языкову

20 мая <1841>, Москва.

<...> Как я буду рада, когда услышу, что Гоголь у вас; он вас так любит. <...>

Впервые опубликовано: Хомяков А. С. Полн. собр. соч. М., 1900. Т. 8. С. 96. Печатается по первой публикации.

Е. М. Хомякова — Н. М. Языкову

20 октября 1841 г.

<...> Гоголя рада буду видеть очень¹, люблю его, он такой добрый и любит Вас. Жаль только, что он от Погодина не хочет никуда ездить; к Авдотье Петровне² и то утром будет ездить. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 609. Печатается по первой публикации.

¹ Гоголь приехал в Москву 17 октября 1841 г.

² Елагиной.

Е. М. Хомякова — Н. М. Языкову

<16–17 ноября 1841. Москва>

1841 года, Москва, 16-е ноября.

<...> Мне очень бы хотелось встретить где-нибудь Гоголя, но он теперь нездоров и не ездит никуда; говорят, у него славные есть Ваши стихи¹. Он любит Вас очень и говорит об Вас с совершенным восторгом. Как сидите Вы теперь одни? Гоголь говорит, что Вы стали еще бодрее перед его отъездом. Дай Бог, чтоб это была правда. <...> Гоголь представлял в лицах Вас с Бакуниным². <...>

<17 ноября>

Сегодня был у меня Гоголь. Милый Вессель³, Вы не можете вообразить, как я рада была видеть его, много рассказывал об Вас, и всё радостное; весело слушать, как он любит Вас, я полю-

била его очень. Он отдал мне Ваши подарки. <...> Какие милые серьги! За иголки отдала Гоголю двугривенный, чтоб не поссориться; мы хотим быть друзьями. Он очень худ, всё нездоров. Ждет Вас и сказывал, что будете жить вместе⁴. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 609. Печатается по первой публикации.

¹ Имеется в виду стихотворное послание Н. М. Языкова «Гоголю» («Благословляю твой возврат...», 1841), напечатанное позднее, под заглавием «Г ***», в шестом номере «Москвитянина» за 1842 г. Стихотворение представляет собой ответ Языкова на письмо к нему Гоголя из Москвы от 23 октября 1841 г. Судя по сообщению Е. М. Хомяковой, стихотворное послание было получено Гоголем (вместе с несохранившимся письмом Языкова) в середине ноября 1841 г.

В «Москвитянин» для публикации стихотворение было передано М. П. Погодину самим Гоголем. «Посылаю послание Языкова», — писал Гоголь Погодину во второй половине апреля 1842 г. На протяжении 1841–1843 гг. Гоголем в погодинский журнал было передано еще несколько стихотворений Языкова (см.: Неизданный Гоголь. Издание подготовил И. А. Виноградов. М., 2001. С. 546–565; а также коммент. к разделу «Н. М. Языков» в т. 17 Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2010). Почти все они отправлялись Погодину непосредственно по получении от Языкова. Послание «Гоголю», полученное ранее других опубликованных в 1842 г. в «Москвитянин», было, однако, передано в журнал позднее. По-видимому, это было сделано потому, что Гоголю казалось неудобным появление в печати посвященного ему стихотворения во время пребывания его самого в Москве, — тем более, что одно такое стихотворное посвящение — написанное С. П. Шевыревым («К Гоголю» — «Что ж дремлешь ты?»), Погодин уже напечатал в 1842 г. в № 1 журнала «Москвитянин». Поэтому Гоголь передал Погодину стихотворение Языкова лишь незадолго до своего отъезда за границу (18 мая 1842 г.), с расчетом, что оно появится в свет уже в его отсутствие.

² О своей встрече с М. А. Бакуниным Н. М. Языков сообщал сестре в письме от конца июля (н. ст.) 1841 г. из Швальбаха (см. в наст. изд.)

Гоголь 27 сентября (н. ст.) 1841 г. писал Н. М. Языкову из Дрездена: «Дорожное спокойствие было смущено [несколько] перелазкой из коляски в паровой воз (вероятно, перемена транспорта состоялась в Плауэне (Plauen), откуда начиналась в то время железная дорога до Лейпцига и Дрездена. — И. В.), где как сон в руку встретились Бакунин и весьма жесткие деревянные лавки. То и другое было страх неловко... но мы в Дрездене. Петр Михайлович <Языков> отправился к своему семейству (имеются в виду его жена Елизавета Петровна (рожд. Ивашева) и дочь Екатерина. — И. В.), а я остался один...» — То, что Гоголь не отправился тогда прямо от Лейпцига в Берлин (куда также в то время уже проложена была железная дорога), а свернув, проехал в Дрезден, объясняется, по-видимому, именно тем, что в Дрездене лечилась жена П. М. Языкова. По словам В. И. Шенрока, «сперва они взяли путь на Дрезден, где вскоре Петру Михайловичу пришлось оставить жену, для дальнейшего лечения» (Шенрок В. Николай Михайлович Языков. 1803–1846 гг. // Вестник Европы. 1897. № 12. С. 623). По-видимому, именно это несколько отсрочило время приезда Гоголя в Берлин, куда он первоначально собирался прибыть «через дня два или три» после получения В. А. Пановым в Берлине его письма из Ганау от 24–25 сентября (н. ст.) 1841 г. — т. е. в конце сентября — самом начале октября (н. ст.) 1841 г. (в Берлин Гоголь приехал 7 октября (н. ст.) 1841 г.) (О железных дорогах в Европе в первой половине XIX в. см.: Состояние сети железных дорог в Западной Европе в 1846 году / <Комаров> в. А. С. > Европейские железные дороги в историческом, географическом и статистическом отношениях. (С картой всех железных дорог в Европе — окончанных, ныне строящихся и проектированных) // Отечественные Записки. 1846. Т. XLVIII. № 9 (цензурное разрешение 31 августа 1846). Отд. 2. Вклейка между с. 56 и 57.)

³ Вессель — домашнее прозвище Н. М. Языкова. Этим именем (вероятнее всего, именем предшественника Лютера Иоганна Весселя, 1419–1489) Языкова в шутку называли в семье за то, что он долго жил в Германии (см.: Хомяков А. С. Полн. собр. соч. <3-е изд.>. М., 1904. Т. 8. С. 95) (с 1838 по 1843 г. Языков лечился за границей, преимущественно в Германии и Австрии). Весной 1840 г. Е. М. Хомякова писала брату: «Когда-то вы, Вессель, подумаете с возвратом в Россию и об судьбе своей. Как сержусь я на вас, Вессель, что вы прислали 8 чудных пьес Шевыреву, а нам ничего» (Хомяков А. С. Полн. собр. соч. <3-е изд.>. М., 1904. Т. 8. С. 102).

⁴ См. также в наст. изд. коммент. к письму Н. М. Языкова Е. М. Хомяковой от 1 октября (н. ст.) 1841 г.

Е. М. Хомякова — Н. М. Языкову

22 марта 1842 г.

<...> Гоголь в последний раз читал <у Киреевских> главу из своего романа и смешил нас ужасно. Он очень мил, всегда спрашивает об Вас. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 616. Печатается по первой публикации.

Е. М. Хомякова — Н. М. Языкову

1 апреля (1842). <Москва>

<...> Гоголь третьего дни¹ приходил обедать к нам. Я очень люблю его; он не так глубок, как другие, и поэтому с ним гораздо веселее. Он познакомился даже и с Машенькой². Он все не хорошо себя чувствует: у него пухнут ноги. Крепко собирается к вам и говорит, что будет счастлив, когда сядет в карету и уедет из Москвы. Повесть его в Москвитянин³ чудесная. <...>

Впервые опубликовано: Хомяков А. С. Полн. собр. соч. М., 1900. Т. 8. С. 110–111. Печатается по первой публикации.

¹ 30 марта 1842 г.

² Мария Алексеевна Хомякова (1840–1919), дочь А. С. и Е. М. Хомяковых.

³ Отрывок «Рим» был напечатан в № 3 «Москвитянина» за 1842 г. (цензурное разрешение 11 марта).

А. С. Хомяков — К. С. Аксакову

<5 мая 1842. Москва>

Любезный Константин Сергеевич, Н<иколай> Васильевич и Лизавета Вас<ильевна> Гоголь хотели сделать нам удовольствие приехать вечером к нам. Если вы их увидите прежде, чем они к нам соберутся, попросите быть не ранее 8 часов или половины 9-го. Православный Одоевский играет на органе в Немецкой кирхе в 8-ом, и так как жена моя¹ никогда не слыхала органа, то мне хочется ей доставить случай узнать этот инструмент во всей его красе. Надеюсь на вас и на Вашего батюшку, тем более, что нынче едва ли их <не> последний вторник².

Впервые опубликовано: Кузнецова А. Г. Гоголевские материалы в музее-заповеднике «Абрамцево» // Н. В. Гоголь и славянские литературы / Отв. ред. Л. Н. Будагова / РАН. Ин-т славяноведения. М., 2012. С. 193. Печатается по первой публикации.

А. Г. Кузнецова датировала записку А. С. Хомякова периодом «между 27 апреля и 18 мая 1840 г.». После приезда Гоголя с сестрами Анной и Елисаветой 22 декабря 1839 г. из Петербурга в Москву, старшая из сестер Анна 27 апреля 1840 г. отправилась с матерью и младшей сестрой Ольгой на родину в Васильевку. Сестра Елисавета осталась тогда в Москве на два года в семействе П. И. Раевской. В 1840 г. Гоголь прожил в Москве, перед отъездом за границу, до 18 мая. Следовательно, вместе с сестрой Елисаветой он мог посетить Хомяковых в указанный период с 27 апреля по 18 мая 1840 г.

Однако на самом деле совместное посещение Хомяковых Гоголя с сестрой состоялось позднее, а именно два года спустя, во время следующего пребывания Гоголя в Москве с 17 октября 1841 по 23 мая 1842 г. (Е. В. Гоголь прожила в Москве до конца мая 1842 г.). В этот период Гоголь также часто бывал у Хомяковых (см., в частности, в наст. изд. письмо Е. М. Хомяковой к брату от 16–17 ноября 1841 г.). Около 12 мая 1842 г. В. С. Аксакова сообщила М. Г. Карташев-

ской: «Мы были на вечере у Хомякова <речь идет о вечере 8 мая 1842 г.>, с Лизой, там был и Гоголь, но он уехал до ужина, а мы оставались ужинать» (см. в наст. изд.). 20 мая 1842 г. Гоголь был также на именинах А. С. Хомякова (см. в наст. изд. письмо Е. М. Хомяковой к брату от 21 мая 1842 г.). Таким образом, записка А. С. Хомякова могла быть отправлена и в период с 17 ноября 1841 по 20 мая 1842 г.

Уточнить дату письма позволяет время пребывания в Москве упоминаемого Хомяковым князя В. Ф. Одоевского. Последний приехал сюда, после десятилетнего отсутствия, в мае 1842 г. «В начале мая он в сопровождении <жены> Ольги Степановны прибывает в первопрестольную. Десять лет не ступала его нога на старинные мостовые. <...> ...Князь на первый взгляд — “Одоевский 32-го года” (слова А. С. Хомякова из недатированного письма к А. В. Веневитинову; см.: Хомяков А. С. Полн. собр. соч. М., 1900. Т. 8. С. 54. — И. В.). <...> Москва приветствовала редкого гостя чередой празднеств; он, в свою очередь, собрал всех в лютеранскую кирку, чтобы усладить слух москвичей Баховыми фугами — в собственном, органом исполнении (пересказывается содержание письма А. П. Елагиной к А. Н. Попову от 7 мая 1842 г.; см. ниже. — И. В.). <...> 4 июня Владимир Федорович вместе с женой отбывает в первое свое заграничное путешествие» (Турьян М. А. Странная моя судьба. О жизни Владимира Федоровича Одоевского. М., 1991. С. 347–348).

7 мая 1842 г. А. П. Елагина сообщала А. Н. Попову: «Я уезжаю 10-го... <...> Здесь продолжают праздники в честь Одоевского... <...> Он собрал нас всех в лютеранскую кирку дать нам фуги Баха на органе; съехалось карет 20; посидели все в кирке, а Немцы пришли и всех со стыдом выгнали и бранились, зачем нам die Thüre aufgemacht haben! <открыли прогулки; нем.>» (<Бартенев П. И.> П. Б. Из бумаг Александра Николаевича Попова // Русский Архив. 1886. № 3. С. 335).

Поскольку Хомяков в своей записке сообщает о том, что игра Одоевского на органе состоялась во вторник, то, согласно цитированному письму Елагиной от 7 мая, этот концерт в кирке — и, соответственно, посещение Гоголем Хомякова — следует датировать вторником 5 мая 1842 г. С этой датой вполне согласуется и то, что на вечер к Хомяковым Гоголь отправился лишь с сестрой Елисаветой. Спустя четыре дня, 9 мая 1842 г., в Москву вновь приехали, на именины Гоголя, его мать и сестра Анна. И хотя Елисавета, прожив два года в Москве, была, несомненно, ближе, чем Анна, знакома с кругом московских друзей брата, однако после 9 мая брать с собой в гости лишь Елисавету, без старшей сестры и матери, было бы, вероятно, для Гоголя затруднительным.

¹ Е. М. Хомякова.

² Очевидно, Хомяков не знал точной даты будущего отъезда Гоголя из Москвы (23 мая 1842 г.), так как «последний вторник» здесь Гоголя пришлось на 19 мая 1842 г.

Е. М. Хомякова — Н. М. Языкову

<21 мая 1842. Москва>

Пишу Вам с Николаем Васильевичем. <...> Добрый Гоголь обеща<ет> Вам заменить башку. Он пробудет с Вами как можно дольше, поедет с Вами в Гаштейн. Вообще трудно быть милее и добрее Гоголя. Я люблю его за его дружбу к Вам, и люблю его так, потому что его почти нельзя не любить. Он Вам будет живая грамота от нас, всё Вам расскажет; он видал даже малюток моих; Маша, которая не называет его иначе, как Гоголь-Моголь, любит его больше других. <...> Скоро мы перебираемся в деревню, съездивши прежде к Троице; поедет нас немного. <...> Николай Васильевич отказался.

В день именин его и Ваших¹ мы с Катериной Александровной Свербеевой были у него. <...>

Вчера именины Алексея Степановича². Гоголь подарил ему «Мертвые души», приятнейший подарок! <...> Воображаю, как рады Вы будете прибытию Николая Васильевича. <...>

Первые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 620–621. Печатается по первой публикации.

¹ 9 мая 1842 г.

² Именины А. С. Хомякова — день памяти святителя Алексея, митрополита Московского — 20 мая.

Е. М. Хомякова — Н. М. Языкову

26 июня 1842 г. <Москва>.

<...> Где Вы теперь, и добрался ли до Вас Гоголь, прочли ли Вы его «Мертвые души»? Они Вам понравятся, их не хвалит только один Павлов, повестей которого никто не понимает, даром, что они писаны по-русски. Он перестал писать совсем, да и хорошо. <...> Воображаю, как рады будете Вы видеть Гоголя! Все любят его в Москве, всем жаль, что он уехал. <...>

Первые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 630. Печатается по первой публикации.

А. С. Хомяков — К. С. Аксакову

<24 июля 1842>

Любезнейший Константин Сергеевич! Благодарю вас за письмо и за брошюрку¹. Не понимаю трусости Погодина: чего он испугался²? Чего пугался цензор? Храбрость была только с вашей стороны и то в смысле литературном, а не политическом. О Петербурге вы не говорите ничего, отстраняете его, — и только. Положим, что это не совсем лестно, да и ведь не революционно. Право, Погодин сам не понимает своих выгод: ему во всяком случае следовало напечатать вашу статью, уже не для того, чтобы было в критике имя не одного из редакторов, а для того, чтобы публика видела оценку серьезную, бесстрастную (т. е. без личной страсти) и чтобы петербургские журналы видели, что вопрос о Гоголе ими не понят, даже и теми, которые его хвалят. Кстати скажу, что в О<течественных> З<аписках> похвалы относятся более к уму журналиста³, чем к гению писателя, и что ровно никакого смысла нет в самом разборе.

Вам великое спасибо! Вы высказали смело свою мысль: вы указали на достоинство поэмы и на ее народное значение, и вы не побоялись насмешек за фанатическую любовь к Гоголю, или за еще большую любовь к в<елико>-русскому началу. Я, как вам известно, вполне разделяю с вами мнение о М<ертвых> Душах и об авторе и о том, что в нем заметно воскресение первобытной искренней поэзии⁴; но не прогновайтесь за некоторые критические замечания. Жаль, что вы не назвали нескольких имен великих поэтов, задавших себе большие задачи, но не вполне разрешивших свои задачи. Это пояснило бы мысль вашу, и даже благоговение, с которым вы назвали бы Гёте или Шиллера или Байрона, показало бы, что в вас не пристрастие, а чисто эстетическое чувство. <...>

...Вы совершенно правы, сказав, что М<алая> Россия получила возможность полного выражения, только подчинив себя в<елико>-русскому началу; но вы не сказали ничего лестного для М<алой> России, а она заслуживает особую похвалу. Она имеет то, чего мы не имеем, да и иметь не будем: большую грацию, большую склонность к объективности, большую художественность. Сравнение В<елико>-России с головою справедливо, но уничительно для других областей. Быть может, ее скорее можно сравнить с высшими органами головы по черепословию. В них низшие органы получают свою общую гармонию; но они не заключают в себе весь смысл головы.

Вот вам мои замечания не на ошибки, а на недосказы. <...>

Июля 24 дня 1842.

Первые опубликовано: Хомяков А. С. Полн. собр. соч. М., 1900. Т. 8. С. 344–346. Печатается по первой публикации.

¹ Речь идет о брошюре К. С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души» (1842).

² См. в наст. изд. коммент. к статье М. П. Погодина «Литературные новости».

³ Имеется в виду В. Г. Белинский.

⁴ См. об этом в наст. изд. в письме Хомякова к С. П. Шевыреву от второй половины августа 1842 г. и в примеч. 3 к статье А. С. Хомякова «Англия».

А. С. Хомяков — С. П. Шевыреву

<Вторая половина августа 1842>

Аксакову досталось от О<течественных> З<аписок>; да они, кажется, уже готовы и от Гоголя отступиться. Что за глупый народ! У них на одном ряду Сервантес, Байрон, Жорж Занд и Беранже. Аксаков увлекся далеко, но если он будет продолжать брошюрку свою, то, полагаю, выйдет дельное. Он пояснит то, что без пояснения кажется смешным и нелепым. Мысль его главная следующая: «Искусство утратило везде свою беззаботную свободу; в нем более придуманного, чем созданного. Гоголь (как древние и Шекспир) есть художник поневоле и без намерения». В этом много правды. О<течественные> З<аписки> говорят: «Гоголь зарожден В. Скоттом; без В. Скотта он был бы невозможен». Это просто бессмыслица. Ничего общего нет между ними¹.

Первая статья твоя о Гоголе² отличная. Я истинно благодарен тебе за нее; она может многих образумить и пояснить странные дисгармонии в душе многих читающих. <...>

Впервые опубликовано: <Бартенев П. И.> П. Б. Из бумаг С. П. Шевырева // Русский Архив. 1878. № 5. С. 61–62. Печатается по изд.: Хомяков А. С. Полн. собр. соч. М., 1900. Т. 8. С. 437–438.

¹ А. С. Хомяков имел в виду следующие строки статьи В. Г. Белинского «Несколько слов о поэме Гоголя “Похождения Чичикова, или Мертвые души”»: «...Мы думаем, что Гоголь, вышел совсем не из Гомера, и не состоит с ним ни в близком, ни в дальнем родстве, — думаем, что он вышел из Вальтера Скотта, из того Вальтера Скотта, который мог явиться сам собою, независимо от Гоголя, но без которого Гоголь никак не мог бы явиться» (Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1979. Т. 5. С. 57). Применительно к раннему периоду творчества Гоголя, утверждение Хомякова, что между Гоголем и В. Скоттом «ничего общего нет», справедливо лишь отчасти. Достаточно вспомнить известный пушкинский отзыв о «Тарасе Бульбе» — «коего начало достойно Вальтер Скотта» (см. в наст. изд. рецензию Пушкина на второе издание «Вечеров на хуторе близ Диканьки»; подробнее см.: Виноградов И. А. Комментарий // Гоголь Н. В. Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания. Историко-литературный и текстологический комментарий. М., 2009. С. 424–426). Не случайно сам Гоголь в статье «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году» выражал возмущение по поводу одного из критических высказываний О. И. Сенковского о В. Скотте. Гоголь писал: «Вальтер Скотт, этот великий гений, коего бессмертные создания объемлют жизнь с такою полнотою, Вальтер Скотт назван шарлатаном». — Имеются в виду следующие строки рецензии Сенковского: «Один умный человек <...> видя упадок своей стихотворной славы <...> кинулся <...> к насильственному средству славы, или попросту шарлатанству, и сделал искусственную смесь истины и вымысла <...> и в свете явился исторический роман. Род был не новый... <...> но Вальтер Скотт употребил всю силу своего дарования и все богатство своей исторической учености, чтоб его воскресить, обновить и облагородить» (<Сенковский О. И.> О. О..... О! Мазепа. Сочинение Фаддея Булгарина. Санктпетербург... // Библиотека для Чтения. 1834. Т. 2. Отд. 5. С. 16–17). Очевидно, что художественные, а также «охранительные» принципы В. Скотта были чрезвычайно важны для самого Гоголя как писателя (см. также в наст. изд. примеч. 98 к «Воспоминаниям о Гоголе» П. В. Анненкова). Тем не менее, настаивая на отличии произведений Гоголя от романов В. Скотта, Хомяков был во многом прав — даже применительно к «Тарасу Бульбе». Впоследствии исследователями не раз отмечались большая эпичность гоголевской повести, в сравнении с произведениями шотландского романиста, а также то, что, в отличие от Гоголя, религиозное и патриотическое одушевление героев подчас изображается В. Скоттом с иронией и не без осуждения (подробнее см.: Виноградов И. А. Комментарий // Гоголь Н. В. Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания. С. 551–552).

² Шевырев С. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Москва. В Универ. Типогр. 1842. В 8-ку, 475 стран. Статья первая // Москвитянин. 1842. № 7 (цензурное разрешение 10 авг.). С. 207–228.

А. С. Хомяков — Н. М. Языкову

16 ноября <1842>.

Так ты уж в Риме, любезный брат. Кланяйся от меня Колоссеуму, церкви Св. Петра и папе, которого надобно постараться обратить в Православие. <...> Будет ли только тепло тебе в твоём новом жилище? Я полагаю, что римляне лучше умеют строить соборы, чем складывать печи, а тебе печь нужнее собора. На полдень ли твоя квартира? Впрочем, это обстоятельство, вероятно, обратило на себя внимание Гоголя. Кланяйся ему; скажи, что никто ещё в России не пользовался такою искреннею и совершенною ненавистью некоторой школы словесников, как он. Может быть, вы этого не знаете, не получая журналов петербургских. Весело смотреть, как они грызут Мертвые Души. Это торжество тем чувствительнее, что ненависть возбуждена не только совершенством искусства, но и темным (ясного они иметь не могут) сознанием нравственного достоинства поэмы. <...>

Впервые опубликовано: <Бартенев П. И.> П. Б. Письма А. С. Хомякова // Русский Архив. 1884. № 5. С. 208. Печатается по первой публикации.

Е. М. Хомякова — Н. М. Языкову

18 января 1843 г.

<...> Николаю Васильевичу кланяйтесь от меня. Когда же он в Россию? <...> От Вас получила письмо¹. Сержусь, что наняли такую холодную квартиру. Как можно не на солнце? Разве Николай Васильевич не знает, что на солнце лучше? Здоров ли он и что делает? Вы об нем ни слова, как будто бы Москва недостойна получать известия о Гоголе. Пишет ли он или нет? Кланяйтесь ему от меня². <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 646. Печатается по первой публикации.

¹ Ср. в наст. изд. письмо Н. М. Языкова к родным от 9 января (н. ст.) 1843 г.

² «К этому же времени относятся и аналогичные строки о Гоголе в другом неизданном письме Хомяковой» (Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 646).

А. С. Хомяков — Н. М. Языкову

<4 апреля 1843. Москва>

<...> На нынешней почте пишу к Гоголю. Думаю, кто-нибудь выедет к тебе навстречу, но еще неизвестно кто. <...>

Апреля, 4 д<ня>. Москва.

Приписка Е. М. Хомяковой

Побраните мужа за его прозу. Это все вина Валугева: он оторвал его совсем от поэзии. Что, видели ли они Смирнову? Что говорил о ней Н<иколай> В<асильевич>? Влюблен или нет? Да говорят, не влюбиться нельзя.

Впервые опубликовано: *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. М., 1900. Т. 8. С. 102. Печатается по первой публикации.

Е. М. Хомякова — Н. М. Языкову

21 мая, Москва (1843).

Ты уже теперь, любезный брат Николай Михайлович, вероятно, в своей Гастуне? <...> Гоголю скажи мой поклон. Говорят, он много подвинулся в М<ертвых> Душах и читал великой княгине¹. Правда ли? Если правда, то радостная. <...>

Впервые опубликовано: *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. М., 1900. Т. 8. С. 114. Печатается по первой публикации.

¹ См. также в наст. изд. письмо А. М. Языкова к Н. М. Языкову от 5 мая 1843 г. и коммент. к ответному письму Н. М. Языкова к А. М. Языкову и П. М. Бестужевой от 7 июня (н. ст.) 1843 г.

А. С. Хомяков — Ю. Ф. Самарину

<10 октября 1844. Москва>

<...> Первая часть Валуево-Редкинской Библиотеки¹ для детей вышла. Пожалуйста, хвалите и распространяйте. Аксаков готовит туда статью: Князь Д. М. Пожарский². Обещают Жуковского и Гоголя. На вас надеемся. Дело истинно доброе. <...>

Октяб<ря> 10 дня.

Впервые опубликовано: *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. М., 1900. Т. 8. С. 248. Печатается по первой публикации.

¹ Имеется в виду журнал Д. А. Валуева и П. Г. Редкина «Библиотека для Воспитания», выходивший в 1843–1846 гг.

² Замысел статьи остался нереализованным.

Е. М. Хомякова — П. М. Бестужевой

<13 июля (н. ст.) 1847. Эмс>

13/25 июля 1847 г. Франкфурт-на-Майне.

<...> Здесь¹ мы нашли Жуковского, который также будет с семьей в Эмсе, а теперь у нас сидит Гоголь. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 703. Печатается по первой публикации.

Сообщаемая публикатором датировка и место отправления письма вызывают сомнения. 15 июля (н. ст.) 1847 г. В. А. Жуковский сообщал князю П. А. Вяземскому из Эмса: «Знаешь ли, с кем я живу под одною кровлею в Эмсе? — с Хомяковым. Он здесь с женою... <...> К нам подъехал и Гоголь, и мы на досуге триумвиратствуем» (см. в наст. изд.). См. также ниже письмо А. С. Хомякова к неизвестному лицу от 20 июля (н. ст.) 1847 г. из Эмса. По-видимому, послание Е. М. Хомяковой было отправлено 13 июля (н. ст.) 1847 г. — также из Эмса. См. также в наст. изд. раздел *Р. Хюбнер. <Гоголь в Эмсе в 1843 и 1847 гг.>*.

Прасковья Михайловна Бестужева (рожденная Языкова, 1807–1862), жена Петра Александровича Бестужева, оставшего штабс-ротмистра.

¹ «Здесь» — вероятно, во Франкфурте, во время проезда через этот город, до 10 июля (н. ст.) 1847 г.

А. С. Хомяков — неустановленному лицу

<20 июля (н. ст.) 1847. Эмс>
Эмс, 8 июля 1847.

<...> Здесь в Эмсе житье мне славное. Место милое. Гоголь погостил четыре дня. Жуковский здесь; пропасть написал и прекрасные вещи. Гоголь бодр и хорош; но нисколько нельзя предвидеть, что он будет писать или делать. Сам не знает. <...>

Впервые опубликовано: <Бартенев П. И.> П. Б. Письма А. С. Хомякова // Русский Архив. 1884. № 5. С. 211. Печатается по изд.: Хомяков А. С. Полн. собр. соч. М., 1900. Т. 8. С. 464.

А. С. Хомяков — А. Н. Попову

<13 февраля 1849. Москва>

<...> Гоголь едет в Иерусалим и теперь уже в море. Он писал из Мальты¹. <...>
13 ф<евраля>.

Впервые опубликовано: Хомяков А. С. Полн. собр. соч. М., 1900. Т. 8. С. 198. Печатается по первой публикации.

¹ Вероятно, имеется в виду письмо Гоголя к С. П. Шевыреву от 23 января (н. ст.) 1848 г.

А. С. Хомяков — А. Н. Попову

(Январь 1850. <Москва>)

<...> У нас здесь ровно ничего нет нового. Все по-прежнему; только Сверб<еевы> стали давать балы, а Аксаков пишет грамматику. Мамонов также, кажется, сильно трудится по живописи. Бодянский, вступив снова в университет, грызется неприличным образом с Шевыр<евым>. Ученость дремлет, словесность пишет дребедень, за исключением комедии Островского¹, о которой вы уже знаете и которая, говорят, превосходное творение, и продолжения «Бродяги»², не уступающего началу; да Гоголя, который очень весел и след<овательно>, трудится. <...>

Впервые частично напечатано: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1897. Т. 11. С. 73 (ошибочно датировано здесь 1849 г.); Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя. М., 1897. Т. 4. С. 782. Печатается по изд.: Хомяков А. С. Полн. собр. соч. М., 1900. Т. 8. С. 200.

¹ Банкрут (Свои люди — сочтемся).

² Поэма И. С. Аксакова.

А. С. Хомяков — А. В. Веневитинову

(Москва, <февраль> 1850.)

<...> ...Нынешний год родился у меня сын Николай¹. Назван по Языкову, крестный отец Гоголь (тоже Николай), родился на именины Жуковского². Коли малый не будет литератором, не верь уж ни в какие приметы. <...>

Впервые опубликовано: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1897. Т. 11. С. 117; см. также: *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. М., 1900. Т. 8. С. 82. Печатается по первой публикации.

¹ Николай Алексеевич Хомяков (1850–1925), государственный деятель, юрист, эмигрант. Крестины состоялись 31 января / 12 февраля 1850 г.

² 1/13 января 1850 г. — праздник Обрезания Господня и день памяти святителя Василия Великого.

А. С. Хомяков — А. Н. Попову

<Конец февраля 1852. Москва>
(Февраль 1852)

Только что удар пал мне на голову, новый удар, тяжелый для всех, последовал за ним: Николаенькин крестный отец, Гоголь наш, умер. Смерть моей жены¹ и мое горе сильно его потрясли; он говорил, что в ней для него снова умирают многие, которых он любил всей душой, особенно же Н. М. Языкова. На панихиде² он сказал: все для меня кончено. С тех пор он был в каком-то нервном расстройстве, которое приняло характер религиозного помешательства. Он говел и стал себя морить голодом, попрекая себя в обжорстве. Иноземцев не понял его болезни и тем довел его до совершенного изнеможения. В субботу на Масленице³ Гоголь был еще у меня и ласкал своего крестника. В субботу или воскресенье на первой неделе⁴ он был уже без надежды, а в четверг на нынешней неделе⁵ кончил. Ночью с понедельника на вторник первой недели⁶ он сжег в минуту безумия все, что написал. Ничего не осталось, даже ни одного черного лоскутка. Очевидно, судьба. Я бы мог написать об этом психологическую студию; да кто поймет, или кто захочет понять? А сверх того и печатать будет нельзя. После смерти его вышла распря⁷: друзья его хотели отпевать его в приходе, в церкви, которую он очень любил и всегда посещал, Симеона Столпника; университет же спохватился, что когда-то дал ему диплом почетного члена⁸ и потребовал к себе. Люди, которые во всю жизнь Гоголя знать не хотели, решили участь его тела, против воли его друзей и духовных братьев, и приход, общее всех достояние, должен был уступить домовой церкви, почти салону, куда не входят ни нищий, ни простолудин. Многознаменательное дело. Эти сожженные произведения, эта борьба между пустым обществом, думающим только об эффектах, и серьезным направлением, которому Гоголь посвящал себя, борьбе, решенная в пользу Грановских и Павловых и прочих городским начальством: все это какой-то живой символ. Мягкая душа художника не умела быть довольно строгою, и строгость свою обратила на себя и убила тело. Бедный Гоголь! Для его направления нужны были нервы железные.

Лежит он теперь все-таки рядом с Валуевым, Языковым и Катенькой и со временем со мною, в Даниловом монастыре, под Славянскою колонною Венелина. Так и надобно было. <...>

Впервые опубликовано: *Лясковский В. Н.* Алексей Степанович Хомяков. Его биография и учение // Русский Архив. 1896. № 11. С. 388; см. также: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1897. Т. 11. С. 536–537; *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1897. Т. 4. С. 870–871. Печатается по изд.: *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. М., 1900. Т. 8. С. 208–209.

Валерий Николаевич Лясковский (род. в 1858), педагог, историк; расстрелян большевиками в 1938 г.

¹ 26 января 1852 г. В. И. Хитрово записал в своем дневнике: «1852-й год. Этот год, с начала его, был несчастный для семейства Хомяковых. Неожиданно, 26 января, получили известие с Собачьей площадки, что Катерина Михайловна опасно больна: она простудилась, сделалась у нее горячка и вдобавок выкинула и теперь без всякой надежды. Я (Владимир > Иванович >) сейчас же отправился к Хомяковым, нашел А<лексея> С<тепановича> в кабинете за обедом с родными, еще были А. И. Кошелев и Павлов. А<лексея> С<тепанович> до того изменился, что поразил ме-

ня, сделался точно шестидесятилетний старик, говорит, что никакой нет надежды, чтобы Катерина Михайловна была жива. Ее сообщили Свят<ых> Таин и ожидают конца, начала уже бредить, меня это очень огорчило. А<лексей> С<тепанович> плачет и просил меня, чтобы я уехал, а завтра чтобы приехал, не понимаю, для чего он прогнал меня, с чувством пожал мне руку и заплакал; я пошел от него к Марье А<лексеевне>, которая тоже встретила меня с плачем; спрашивал про Катерину Михайловну: она простудилась, гуляя в своем саду, сделалась у нее горячка и воспаление в груди, а теперь она, говорят, уже при последнем издыхании.

27 (воскресенье). В полдень поехали навестить больную к Хомяковым, подвезжая к крыльцу сердце замерло: на крыльце сказали нам роковую весть, что Катерина Михайловна вчера в 11 час<ов> 30 мин<ут> ночи кончила жить!.. Я прошел к Алексею Степановичу, нашел его разговаривающим с Кошелевым, но не тревожил его, а сел на кресло и грустно задумался, А<лексей> С<тепанович> подошел ко мне и тоже начал плакать. Неожиданна была эта смерть женщины, полной жизни, в какую-нибудь неделю что она была больна.

По рассказам А<лексея> С<тепановича>, доктора много виноваты в ее смерти тем, что они дали порошок (каломель), от коего она преждевременно родила, и умерла более от изнеможения сил, чем от болезни, впрочем, от чего бы то ни было, а ее нет на свете. Тело лежит в маленькой зале, я ходил туда с генералом Плещеевым, а в большом зале шьют покров» (Давыдова Е. Воспоминания об Алексее Степановиче Хомякове // Наше наследие. 2004. № 71. С. 93).

См. также: Отрывок из записок Ю. Ф. Самарина. (Сообщено баронессой Э. Ф. Раден) // Татевский сборник С. А. Рачинского. СПб., 1899. С. 128–133.

² 27 января 1852 г.

³ 9 февраля 1852 г.

⁴ В субботу 16-го или в воскресенье 17 февраля 1852 г.

⁵ 21 февраля 1852 г.

⁶ С 11 на 12 февраля 1852 г.

⁷ См. также об этом в наст. изд. в письме Д. Н. Свербева к жене от 26 февраля 1852 г.; в письме графа А. А. Закревского графу А. Ф. Орлову от 29 февраля 1852 г. и в авторском примечании 1 к мемуарам А. Т. Тарасенкова «Последние дни жизни Николая Васильевича Гоголя».

⁸ См. в наст. изд. статью Н. П. Бочарова «Новинки для биографии Н. В. Гоголя».

А. С. Хомяков — П. М. и П. А. Бестужевым

<Первая половина мая 1852. Москва>

<...> ...Забыл сказать о важной новости. В книгах Гоголя нашли завалившиеся списки пяти глав Мертвых душ из второй части и толкование на Литургию. Этот подарок пришел мне в день моего рождения¹. <...>

Впервые опубликовано: Хомяков А. С. Письма П. М. и П. А. Бестужевым (1852–1858) / Публикация и коммент. Е. Е. Давыдовой // Хомяковский сборник. Томск, 1998. Т. 1. С. 83. Печатается по первой публикации.

¹ 1 мая 1852 г.

Англия. Письмо А. С. Хомякова Фрагменты

<...> ...Варны и Англи по-видимому, принадлежат Славянским семьям... <...> Англи перешли, как известно, из Померании, т. е. из Славянского поморья, в Тюрингию, а оттуда к устьям Рейна, откуда они переселились в Англию и дали ей свое имя. <...> Так думал я прошлого года в Остенде¹, где приятно делил время между купаньем, шатаньем по бесплодным дюнам,

пистолетной стрельбой и беседой с Русскими приятелями. Надобно же посетить землю Угличан, иначе Англичан, которая так близка к Остенде.

Был теплый Июльский вечер. После чая пошел я гулять по городу. Часов в 10 зашел в кофейню и вижу, что в 12 часов ночи отходит в Англию Тритон, лучший из пароходов, содержащих прямое сообщение Остенде с Лондоном. Я поспешил домой, сообщил это известие всей моей компании, и после очень короткого совещания решено было ехать. Полчаса сборов, да полчаса ужина, и в половине 12-го отправились мы, большие и малые, на пристань. (Гоголь нас проводил до пристани и пожал нам руку на прощанье².) Без четверти в 12 были мы на пароходе; в 12 часов заворчал котел, завертели колеса, и мы пошли. <...>

Кому не известно, что Англия не уступает почти никакой стране в отдельных отраслях наук, а в общности их превосходит все остальные земли Европы? Частным исключением можно, конечно, назвать превосходство Германии в философии... <...> Тут Германия владычествует: тут она действовала смело, и ее труд продолжается одною Россиею, дополняющею теорию о свободе художества теориею отношений художества к народу и самого художника к своим произведениям...¹ <...>

Впервые опубликовано: Англия. Письмо А. С. Хомякова // Москвитянин. 1848. Ч. III. № 7 (цензурное разрешение 28 июня). С. 1–2, 31. Печатается по первой публикации.

¹ Согласно сведениям заграничного паспорта, А. С. Хомяков с женой и двумя детьми, Дмитрием и Марией, прибыл в Остенде 25 июля <6 августа (н. ст.)> 1847 г. (см.: Хомяков А. С. О старом и новом. Статьи и очерки / Сост., вступ. ст. и коммент. Б. Ф. Егорова. М., 1988. С. 430). В этот же день Гоголь извещал графа А. П. Толстого: «Хомяков приехал. О тульском дворянстве говорит он, что тульские помещики сами изъявили желание составить комитет».

Историю создания тульского комитета по крестьянскому вопросу изучил позднее В. И. Семевский: «В начале 1844 г. тульские дворяне П. <Н.> Мяснов <род. в 1817>, В. Муравьев, гр<аф> Н. Н. Татищев, Ошанин и М. П. Болотов (к ним присоединились еще гр<аф> В. А. Бобринский <1804–1874; член Южного общества в 1824 г.>, <П. П.> Воронцов-Вельяминов <род. в 1796; член московской ложи Ищущих манны в 1820 г.>, И. Раевский и Ключарев... <...>) подали местному губернатору <князю А. М. Голицину> такое заявление: “Желая с верноподданническим усердием исполнить Монаршую волю, изъявленную в указе об обязанных крестьянах <от 2 апреля 1842 г.>”, они “встретили затруднение в том, что имения их, состоя в залоге в кредитных установлениях <...>, сверх того, по бедственному 1840 году обременились значительными долгами частными”. Имея все это в виду, они решились, “представить воззрению Государя Императора” следующие предложения. Каждый из них готов наделить своих крестьян и дворовых по 1 дес<ятине> земли на ревизскую душу “в вечную собственность”, включая в это число усадьбы, огороды, огуменники и выгоны. <...> Наконец, они “отказываются навсегда от всех крестьянских обязательных работ и прочих повинностей, приносящих ежегодно от каждой ревизской души, по самому крайнему исчислению, более 8 руб<лей> сер<ебром>”. За это освобождение крестьяне, кроме подушной подати, должны будут вносить по 3 руб<ля> сер<ебром> с каждой десятины земли; этот поземельный сбор <...> должен поступать <...> в государственные доходы, вследствие чего они увеличатся втрое. <...> За свои собственные интересы помещики не опасаются: они знают, что крестьянам придется сделаться их арендаторами. <...> В. Г. Белинский в письме к П. В. Анненкову <от 1–10 декабря 1847 г.> <...> между прочим говорит, что несколько лет тому назад “движение тульского дворянства в пользу” вопроса об уничтожении крепостного права “было остановлено правительством с высокомерным презрением”. Это обвинение основано на неверных слухах. В том же самом 1847 г. тульские дворяне, когда среди них был вновь поднят вопрос об изменении быта крепостных крестьян, заявили, что в ответ на представленный ими проект 1844 г. правительство потребовало, чтобы они исполнили одно условие — заручились согласием крестьян на свои предложения; <...> но

¹ Разумеется, этого успеха искать должно не в прогрессистах, насвистывающих чужие мысли с чужого голоса, а в мыслителях самостоятельных, в Гоголе (письма)³, в Жуковском (письмо о Слове)⁴, в Ш<евыреве>, в А<ксакове>⁵ и других. — *Примеч. А. С. Хомякова.*

добровольного согласия своих крепостных тульским дворянам было бы, разумеется, трудно добиться в данном случае. <...> ...Из официальных документов нам известно, что тульский губернатор обратился по Высочайшему повелению к местным дворянам, желавшим изменить положение своих крестьян, с запросом: “отказались ли они совершенно от предположений увольнения крестьян на представленных им условиях, или приготавливают новые проекты?” На это 9 дворян, подписавших проект 1844 г., отвечали следующее: “Мысль отрешения крепостного права, в обширном его значении, нас никогда не оставляла... <...> ...Нижеподписавшиеся отмеливаются испрашивать соизволения Государя Императора на составление комитета под наблюдением начальника губернии, с принятием в члены оного <...> помещиков, знающих основательно быт, нравы, понятия крестьян, выгоды местного земледелия и промыслов, которые <...> будут в состоянии приступить к составлению проектов относительно токмо собственных своих имений. <...>”. <...> В апреле 1847 года тульский губернатор объявил ходатайствовавшим <...> волю Государя, чтобы они ограничились составлением проекта освобождения крестьян в их собственных имениях. (Мяснов рассказывает в своих записках: “Вследствие этого начались наши совещания у губернатора, которым был тогда Ник. Ник. Муравьев (Амурский)... при рассуждениях завязывались большие и бестолковые споры”). К концу ноября того же года проект этот был готов и уже подписан тремя помещиками из числа желавших дать свободу своим крестьянам, прочие же в это время еще не подписали его или за отсутствием, или “за несовершенным одномыслием в порядке освобождения”... <...> К счастью для крестьян, составителям проекта не удалось добиться осуществления своих предположений: в 1848 году министерство внутренних дел нашло проект дворян Тульского уезда неудовлетворительным» (*Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. СПб., 1888. Т. 2. С. 238–243, 254).

² Согласно указанию А. С. Хомякова на «июльский» вечер, Гоголь проводил семью Хомяковых в Англию не позднее 31 июля / 12 августа 1847 г. Спустя два дня, 2/14 августа 1847 г., он сообщал графине Л. К. Виельгорской: «Я <...> чуть было не уехал в Лондон с Хомяковым и жалею, что этого не сделал, потому что к вашему приезду в Остенде успел бы возвратиться всячески». Хомяковы вернулись в Остенде к 27 августа / 8 сентября 1847 г. В этот день Гоголь общал С. П. Шевыреву: «Сейчас только что проводил Хомякова. Как мне приятно было с ним встретиться! <...> Но он пробыл [со мной] так мало. Я не успел с ним наговориться и только по отъезде его почувствовал, что о многом не спросил его». Хомяковы отправились тогда из Остенде в Париж, 5 <17> сентября 1847 г. были уже в Берлине, 11 <23> сентября — в Вержболово (ныне — г. Вирбалис), откуда через Ковно (Каунас) отправились в Петербург (см.: *Хомяков А. С.* О старом и новом. Статьи и очерки / Сост., вступ. ст. и коммент. Б. Ф. Егорова. М., 1988. С. 430).

³ Имеются в виду «Выбранные места из переписки с друзьями». При жизни Гоголя А. С. Хомяков упоминал о нем в своих статьях еще несколько раз, также всегда подчеркивая самобытность его творчества, сравнительно с подражательным характером современного искусства. В 1843 г. он, в частности, замечал: «...Сам великий Гёте, — создатель Фауста, гениальный поэт, — смешон, когда антицивирует и оглядывается: ладно ли?» Далее, подразумеваемая Гоголя, Хомяков заключал: «В наш век явился художник гениальный, который и мысль, и чувство, и форму берет только из глубины своей души, из сокровища современной жизни; и в его творении всё дышит, всё говорит, всё движется так живо, так самобытно, как в самой природе. Поймут ли его другие художники слова? воспользуются ли его примером искусства пластические? поймут ли и Баварцы, что современному Немцу нельзя быть ни Эллином, ни Мавром, ни Византийцем?» (*Хомяков*. Письмо в Петербург о выставке // *Москвитянин*. 1843. № 7 (цензурное разрешение 8 авг.). С. 221, 222). Эти слова Хомякова напоминают суждения о «Мертвых душах» К. С. Аксакова и Ю. Ф. Самарина о том, что поэма Гоголя «могла явиться только в России, у народа цельного, великого, жизненного, назначенного к великим подвигам» (цит. по: *Кошелев В. А.* «Мертвые души» Н. В. Гоголя в славянофильском истолковании // *Кошелев В. А.* Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов. 1840–1850-е годы. Л., 1984. С. 138; см. в наст. изд. коммент. к письму К. С. Аксакова А. Н. Попову от конца октября 1842 г., а также письма А. С. Хомякова к К. С. Аксакову от 24 июля 1842 г. и к С. П. Шевыреву от второй половины августа 1842 г.).

В 1844 г. Хомяков повторял: «Новая эра не будет уже довольствоваться <...> подражаниями старым формам, этим мертвым торжествам Баварского искусства. Она создаст новые живые формы, полные духовного смысла, в живописи и зодчестве, — были бы только художники вполне Русские и жили бы вполне Русскою жизнью. Словесность и музыка дали уже великий пример в Гоголе и Глинке. — Нет человечески истинного без истинно народного!» (*Хомяков*. Опера Глинки Жизнь за Царя // *Москвитянин*. 1844. № 5 (цензурное разрешение 18 мая). С. 103).

К 1845 г. относится следующее рассуждение Хомякова по поводу самобытности гоголевского творчества: «Россия около полутора лет занимает у своих западных братьев просвещение умственное и вещественное; и за всем тем мно-

го ли она себе усвоила, со многим ли сладила? <...> Не вошла к нам ни одна стихия науки, художества или быта (от западной философии до Немецкого кафтана), которая бы слилась с нами вполне, которая бы не оставила нам глубокого раздвоения. Мы называем свою словесность и считаем ряды более или менее почетных имён, и эта словесность по мысли и слову доступна только тем, которые и по внутренней жизни, и даже по наружности уже расторгли живую цепь преданий старины; за то и бледное слово, и бледная мысль обличают чужеземное происхождение привитого растения. Были, без сомненья, и в словесности нашей явления, которые кажутся исключениями; но эти явления суть только отдельные произведения или только части произведений, и никогда, до нашего времени, не было ни одного поэта (в стихах или прозе), который бы во всей целостности своих творений выступил как человек вполне Русский, как человек вполне свободный от примеси чужой. Конечно, тупа та критика, которая не слышит Русской жизни в Державине, Языкове и особенно Крылове, а в Жуковском, в Пушкине, и еще более, может быть, в Лермонтове, не видит живых следов старорусского песенного слова... <...> Тупа та критика, которая не сознает во всей нашей словесности характера особенного и принадлежащего только нам. Но этот характер никогда не развивался вполне; он робко выглядывал из-под чужих форм, не сознавая себя, иногда и стыдясь самого себя. Нашему времени было предоставлено услышать наконец голос художника вполне свободного, вполне самостоятельного. Трудно сказать, чем он спасен, — силою ли своего внутреннего духа, особенностью ли прекрасной, истинно художнической области, в которой он родился и которая была менее северных областей захвачена нашею умственной жизнью прошедшего столетия? Во всяком случае он принадлежит будущей эпохе, а не прошедшей. В нашу он является великим исключением, мало еще понятным для большей части читателей, получившим от образованности завидное право быть судьями» (Хомяков А. Письмо в Петербург // Москвитянин. 1845. № 2 (цензурное разрешение 1 марта). С. 78–79).

Спустя два месяца Хомяков замечал: «...Англия <...> везде <...> является как создание какого-то условного и мертвого формализма, какой-то душеубийственной борьбы интересов... <...> И действительно, такова Англия в ее фактической истории... <...> Но не такова внутренняя Англия <...> у которой есть еще предание, поэзия, святость домашнего быта, теплота сердца и Диккенс, меньшой брат нашего Гоголя... <...> Остается только вопрос, что возьмет верх, всеубивающий ли формализм или уцелевшая сила жизни...» (Хомяков. Мнение иностранцев о России // Москвитянин. 1845. № 4 (цензурное разрешение 26 мая). С. 28–29).

Сходные размышления в связи с творчеством Гоголя Хомяков высказывал также в 1846 г.: «Наша жизнь не перекипела и наши духовные силы еще бодры и свежи. Действительно, единственное высокое современное художественное явление (в художестве слова) принадлежит нам. Этою радостью подарила нас Малороссия, менее средней России принявшая в себя наплыв чужеземных начал. Между тем как Западная (Белая) Россия, сокрушенная ими, или обессилела, по-видимому, надолго, как Малороссия мало ими потрясена в своей внутренней жизни; собственно Средней или Великой Руси предстоит борьба с иноземным просвещением и с его рабскою подражательностью» (Мнение русских об иностранцах. Письмо к приятелю А. Хомякова // Московский Литературный и Ученый Сборник. 1846 (цензурное разрешение 13 мая). С. 163).

В связи с проблемой подражательности Хомяков в той же статье писал: «...Я желал бы, чтобы наши читатели и Литераторы поняли несколько пояснее смысл явления, <...> на которое уже наши журналы обратили свое поверхностное наблюдение... <...> Это явление есть довольно постоянное нападение на чиновника и насмешка над ним. Едва ли не Гоголь подал этот соблазнительный пример, за которым все последовали со всевозможным усердием. Эта ревность подражания доказывает разумность первого нападения, а пошлость подражания доказывает, что смысл нападения не понят. Для того, чтобы оценить это явление, надобно сперва понять — что такое чиновник. <...> ...Это слово <...> никогда не относится к некоторым должностям, по-видимому входящим в тот же служебный круг, — ни к посреднику, ни к предводителю, ни к городскому главе, ни к попечителю училищ, ни к профессору, ни к совестному судье; <...> оно вообще более относится <...> к вещественным формам, чем к тем, в которых выражается умственное или нравственное направление. <...> Глядя с этой точки зрения, можно понять всю нравственную истину Гоголя, и всю законность его глубокой, хотя добродушной и беспечной иронии и всю незаконность и слабость его подражателей. “Чиновник, — как это весьма хорошо понял один из наших журналов <...>, — есть нечто посредствующее между просвещением и жизнью, впрочем, не принадлежащее ни тому, ни другому”. Гоголь — художник, созданный жизнью, имел право понять и воплотить мертвенность этого лица в те неподражаемые образы Дмухановского и других, которые в его повестях или комедиях являются с такою яркою печатью поэтической истины. Но это право нисколько не принадлежало его подражателям — Литераторам, созданным или воспитанным чужеземною образованностию. Такова причина, почему и

подражания их, несмотря на талант писателей, выходят такими бледными и бессильными. Мертвенность человека — черта разительная и достойная комедии, дает жизни право насмешки и осуждения над ним, но она не дает этого права нашему просвещению, которое само в себе собственной жизни еще не имеет» (Там же. С. 189–191). См. также в наст. изд. коммент. к письму К. С. Аксакова Ю. Ф. Самарину от конца мая 1842 г.

⁴ Имеется в виду литературное письмо В. А. Жуковского «Слова поэта — дела поэта», написанное во Франкфурте 29 января 1848 г. и опубликованное под названием «О поэте и современном его значении. Письмо к Н. В. Гоголю» в № 4 «Москвитянина» за 1848 г. (цензурное разрешение 31 марта; <Отд. 4>. С. 11–26). Написано по поводу статьи Гоголя в «Выбранных местах из переписки с друзьями» «О том, что такое слово», а также в ответ на письмо Гоголя к Жуковскому от 10 января (н. ст.) 1848 г. из Неаполя, задуманное в качестве новой вступительной статьи (вместо «Завещания») «Искусство есть примирение с жизнью» ко второму изданию «Выбранных мест из переписки с друзьями» (не осуществлено).

⁵ Имеется в виду К. С. Аксаков.

М. А. Хомякова

Записная книга Фрагмент

<...> Сколько я помню мою мать, у нее кроме красоты было что-то ясное и детское в выражении лица, она была веселого характера, но без всякой насмешливости, и благодаря этому самые серьезные люди говорили с ней более задушевно, чем даже с людьми своего круга (своими друзьями). Так я слышала от отца, что Гоголь, ни с кем не говоривший из них об своей поездке в Святую Землю, ей одной говорил об том, что он там почувствовал. <...>

Первые опубликовано: Хомякова М. А. Воспоминания об А. С. <Хомякове> / Публикация и коммент. Е. Е. Давыдовой // Хомяковский сборник. Томск, 1998. Т. 1. С. 183; перепечатано: Алексей Степанович Хомяков в воспоминаниях современников / Сост., вступ. ст. и коммент. В. А. Кошелева и А. В. Кошелева. Тула, 2004. С. 54. Печатается по первой публикации.

Мария Алексеевна Хомякова (1840–1919), дочь А. С. и Е. М. Хомяковых.

Замечания (Mémoires de ma vie¹) Владимира Ивановича Хитрово. (Выписки из них). Воспоминания об Алексее Степановиче Хомякове Фрагмент

Замечания Владимира Ивановича Хитрово. — Об А. Ст. Хомякове

<...> 1850-й год. Между прочими незначительными свиданиями, от 15 января В<ладимир> И<ванович> вспоминает, что он вечером у А<лексея> С<тепановича> встретился «с известным автором Мертвых Душ Н. В. Гоголем и приятно провели свое время; много мы спорили и кричали с Алексеем Степановичем², но Гоголь поддерживал меня» (не объяснено, в чем спор заключался). <...>

Первые опубликовано: Сахаров В. И. Гоголь и А. С. Хомяков в мемуарах В. И. Хитрово // Лит. Россия. 1994. 24 июня, № 25 (1637). С. 6. Печатается по рукописи: ГИМ. Ф. 178. Ед. хр. 2. В-17. Хитрово Владимир Иванович (ум. 9 января 1866 г.). Воспоминания об Алексее Степановиче Хомякове. 1820–1853. Рукопись. 103 л. Л. 53 об.

Владимир Иванович Хитрово (1803–1866), родственник А. С. Хомякова. См. о нем: *Давыдова Е.* Воспоминания об Алексее Степановиче Хомякове // Наше наследие. 2004. № 71. С. 91.

¹ Воспоминания моей жизни (*фр.*).

² «А<лексей> С<тепанович> всегда очень любил спорить о религиозных предметах и в этих спорах нарочно придерживался различных противоположных мнений, то так, то иначе, чтобы посредством спора разъяснить себе яснее, что бы за и против мнения, которое он поддерживал» (*ГИМ. Ф. 178. Ед. хр. 2. В–17. Л. 95*).

А. Ф. Гильфердинг

Предисловие
«к запискам о всемирной истории
А. С. Хомякова «Семирамида» («И. и. и. и.»)
Фрагмент

Все бывавшие у А. С. Хомякова знали, что, кроме стихотворений, которые изредка у него выливались, кроме журнальных статей, за которые заставляли его братья приятели, кроме богословских рассуждений, которые он посылал печатать за границу, кроме механических изобретений и лингвистических изысканий, одинаково занимавших его всесторонний ум, он постоянно трудился над каким-то обширным ученым сочинением; но никому почти не было известно, какая это работа.

Однажды Гоголь, застав его за письменным столом и заглянув в тетрадку почтовой бумаги, которую друг его покрывал своим мельчайшим бисерным почерком, не оставляя на целом листе ни малейшего местечка неисписанным, — Гоголь прочел тут имя Семирамиды. «Алексей Степанович Семирамиду пишет!» — сказал он кому-то, и с того времени это название осталось за сочинением, занимавшим Хомякова¹. «Как подвигается Семирамида?» — спрашивали его приятели.

— Я нынче все лето проработал в деревне над своей Семирамидой, — так он однажды встретил пишущего эти строки, по возвращении в Москву, и видно было, что он очень был доволен таким употреблением летнего времени.

— Когда вы надеетесь кончить Семирамиду?

— Я ее никогда не кончу.

— Приступите ли вы скоро к печатанию вашей работы?

— При жизни моей я и не думаю ее печатать; может быть, после моей смерти кто-нибудь издаст.

Это говорил Хомяков тому же лицу, и так действительно случилось.

В настоящих двух томах читатель найдет эту «Семирамиду», которую покойный писал более 20 лет². Заглавие «Записки о всемирной истории» не принадлежит автору. Подлинная рукопись не носит никакого заглавия. Наверху первой страницы выставлены только, рукою автора, четыре буквы:

И. и. и. и.

Не знаем, что он этим хотел означить³. <...>

Первые опубликовано: *Гильфердинг А.* Предисловие // Полн. собр. соч. Алексея Степановича Хомякова. М., 1873. Т. 4, изданный под редакцию А. Ф. Гильфердинга / А. С. Хомякова Записки о всемирной истории. Ч. 2. (Обзор всемирной литературы). С. I–II; с датой: «1-го марта 1872 г.»; см. также: *Гильфердинг А.* Предисловие к первому изданию // Полн. собр. соч. Алексея Степановича Хомякова. М., 1900. Т. 5. С. XI–XII. Печатается по первой публикации.

Александр Федорович Гильфердинг (1831–1872), славист, этнограф.

¹ По-видимому, знакомство Гоголя с трудом А. С. Хомякова состоялось в 1849 – первой половине 1850 гг. (до отъезда Гоголя из Москвы на родину 13 июня 1850 г.). В ноябре 1850 г., в письме к К. С. Аксакову из Богучарово, Хомяков уже называл свой труд по-гоголевски: «Теперь тружусь с своею “Семирамидою” и попал на отдел удивительно занимательный, начало средних веков» («Крепкая связь единомыслия...». Хомяков и Аксаковы. Публикация, комментарий, послесловие Т. Ф. Пирожковой // Наше наследие. 2004. № 71. С. 96). О самой ассирийской царице Семирамиде (кон. IX в. до Р. Х.) Хомяков в своих записках упоминает несколько раз, и почти везде не как об историческом лице, но как о «божестве ассирийском», олицетворении «любви и красоты». Из всех этих упоминаний особенно примечательны рассуждения Хомякова по поводу славянского происхождения Семирамиды, наводящие на мысль, что не Гоголь «заглянул в тетрадку» друга, но, возможно, сам Хомяков зачитывал автору «Тараса Бульбы» отрывок из своего труда: «...Должно заметить, что сказка об Амазонках повторялась всюю древностию <...> что она везде обозначает Славянские жилища... <...> Что-нибудь да было в обычаях Славянских, чуждое другим племенам и подавшее повод ко всем этим выдумкам. Важный намек на это что-нибудь находим мы в факте, принадлежащем собственно области Славянской, в козачестве, и в холостых общинах воинов. Таково козачество Вендское в Юлине (Иомсбург<e>), таково позднейшее Запорожство. <...> Допущенное начало холостой жизни в пограничной страже <в публикации 1994 г.: в пограничной стране> объясняет отчасти возможность совершенного разделения между мужчинами и женщинами и существование особых женских племён. <...> Как бы то ни было, воспитание Семирамиды голубьями связывает ее неразрывно с богиною любви и подтверждает ее Бактрийское происхождение, <и> вывод имени <...> Семирамиды (или *Семи-рады*) из *Земли-рады*... <...> в честь которой до сих пор празднуется в день Преображения Господня голубиный праздник на берегах озера *Ванского* (Венедского)» (Полн. собр. соч. Алексея Степановича Хомякова. М., 1871. Т. 3, изданный под редакцией А. Ф. Гильфердинга / А. С. Хомякова Записки о всемирной истории. Ч. 1. С. 309–310, 408; см. также: Хомяков А. С. Соч.: В 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 269–270, 350). О том, что Хомякову было свойственно читать друзьям отрывки из своей «Семирамиды», свидетельствует, в частности, его письмо к А. В. Веневитинову от мая 1842 г.: «Одоевский здесь у нас. <...> По-прежнему хочет <...> современности индустриальной и материальной и древних пыльных знаний Алхимии и Кабалы. Впрочем, ты знаешь, что для меня и эти древности слишком новы. История кончается Семирамидою, а все, что хоть годом позже, се sont les compéragés d'aujourd'hui <это современные сплетни; фр.>. Насилу дождался я слушателя, и очень жаль, что его пребывание здесь так коротко. Не успею досказать и сотой части о Славянах до времен Семирамиды» (Хомяков А. С. Полн. собр. соч. М., 1900. Т. 8. С. 54), а также письмо И. С. Аксакова к родным от 8 апреля 1852 г.: «Вчера я сидел вечером у Хом-якова», который читал мне много из статей “Семирамиды”: о состоянии мира перед христианством, о Магомете и мн<ого>е др.» (Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 234).

² Над своими записками о всемирной истории Хомяков работал с 1836 по конец 1852 г. Начало работы над сочинением связано с появлением в сентябре 1836 г. в журнале «Телескоп» «Философического письма» П. Я. Чаадаева, где «основная проблема будущих исторических записок Хомякова поднималась негативно»: «Спор, не состоявшийся на журнальных страницах, отложился в историко-философском труде. <...> Труд Хомякова претендовал на то, чтобы восполнить пробел в современной ему историографии, почти игнорирующей славян...» (Кошелев В. А. Примечания // Хомяков А. С. Соч.: В 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 538–540). Ср. также гоголевские «Наброски очерка о славянах», положенные писателем в основу одной из его университетских лекций «Состояние Европы неримской и народов, основавшихся на землях, не принадлежавших Римской империи» (июль – август 1834 г.) (Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 8. С. 11–25). См. также: *Виноградов И. А.* Гоголь о единстве славян // Гоголь и традиционная славянская культура. Двенадцатые Гоголевские чтения. Сб. научных статей по материалам Междунар. науч. конф. Москва. 30 марта – 1 апреля 2012 г. / Под общ. ред. В. П. Викуловой. Новосибирск: Новосиб. изд. дом, 2012. С. 20–27.

³ Предложены две расшифровки криптограммы – «И<роническое> и<следование> и<стинной> и<стории>» (Цимбаев Н. И. Сергей Соловьев. М., 1990. С. 230; см. также: Цимбаев Н. И. «Иное дело – мы». Историсофия позднего А. С. Хомякова // А. С. Хомяков – мыслитель, поэт, публицист / Отв. ред. Б. Н. Тарасов. М., 2007. Т. 2. С. 119) и «И<следование> и<стины> и<сторических> и<дей>» (Хомяков А. С. Соч.: В 2 т. / Вступ. ст., сост. и подгот. текста В. А. Кошелева. Примеч. В. А. Кошелева, Н. В. Серебрянникова, А. В. Чернова. М., 1994. Т. 1. С. 539–540; *Серебрянников Н. В.* Датировка «И. и. и. и» и опыт раскрытия аббревиатуры // Хомяковский сборник. Томск, 1998. Т. 1. С. 274–282).

Из записок бывшего крепостного человека
Фрагмент

<...> 21 февраля (1852 г.) зашел в трактир и узнал, что скончался Николай Васильевич Гоголь. На Никитском бульваре, в доме графа Толстого, где жил Гоголь, весь двор был полон карет. Был губернатор Закревский и много генералов и господ. 23 февраля Гоголя отпевали в университетской церкви. Было очень много народу. Гроб несли студенты до Даниловского монастыря, где его и похоронили. Петр Иванович Крюков говорил, что Гоголь был настолько беден, что даже фрака порядочного не имел. Я видел Гоголя несколько раз, когда он приходил к Хомякову. Я хорошо помню его острый нос и сторбленную фигуру с опущенной вниз головой. Вечером стал читать «Мертвые Души». «Вечера на Хуторе» интереснее. <...>

Впервые опубликовано: *Бобков Ф. Д.* Из записок бывшего крепостного человека // Исторический Вестник. 1907. Май. С. 473. Печатается по первой публикации.

Федор Дмитриевич Бобков (1831 или 1832–1898), бывший крепостной дворовый человек штабс-капитана П. Н. Глушкова, уроженец д. Крапивино Юрьевского уезда Костромской губернии; в Москве с конца декабря 1847 г.; с 1861 по 1865 г. был оставлен у Глушковых в услужении по найму; с 1865 г. — помощник начальника станции железной дороги, впоследствии купец 1-й гильдии.

Свидетельства о Гоголе братьев Ю. Ф. и Д. Ф. Самариных

Гоголь в дневнике Ю. Ф. Самарина 1839–1841 гг.

<...> <1839>. Да, мы можем назвать себя счастливыми, что родились современниками Гоголя. Такие люди рождаются не годами, а столетиями. Это одна из тех первородных художнических натур, в которых нет ничего заученного, ничего заимствованного, ничего рассчитанного на эффект. Бесконечно разнообразен мир его внутреннего созерцания. Перенестись бы на один миг в этот очарованный мир, взглянуть бы на ту толпу людей в разнообразных костюмах и разнохарактерных и разноплеменных, окинуть взглядом бесконечную куда-то далеко растянувшуюся степь, уловить этот хор бесчисленных звуков, наверно доносящихся его слуху, сделаться на минуту Гоголем, и если не разорвется сердце, если не раздастся голова, ужели на единую жизнь запас воспоминаний! Счастлив и тот, кому удастся постигнуть Гоголя и оправдать свой восторг для себя и для других, счастлив, кто изучит его досконально и принесет ему не безотчетную дань удивления, но украсит главу его венком неувядающим. Убеждения того, кто не преклонит перед ним колени, кто, читая его, не забудет себя, чей эгоизм не растает перед палящими лучами его поэзии? — Я не буду тратить слов с теми, кто будет порицать Гоголя или не будет благоговеть перед ним безусловно, но я отвернусь от них, и эти люди потеряют всякую нравственную власть надо мною, всякое право иметь на меня влияние. Я не приду в задумчивость от их премудрости, ни одна мысль, ни одно чувство из их души не перельется в мою — мы с ними ни в чем не сойдемся. Но если они осмелятся посягнуть на великого гения, если нечистыми устами... <...>

31 июля <1841>. <...> В первый раз я встретился с Лермонтовым на вечере на Солянке¹. Он возвращался с Кавказа. Я был в восторге от его стихов на смерть Пушкина. После двух или трех свиданий он пленил меня простым обращением, детской откровенностью. После того я увидел его несколько лет спустя на обеде у Гоголя². Это было после его дуэли с Барантом. Лермонтов был очень весел. Он узнал меня, обрадовался; мы разговорились про Гагарина³; тут он читал свои стихи — Бой мальчика с барсом. Ему понравился Хомяков. Помню его суждение о Петербурге и петербургских женщинах. Лермонтов сделал на всех самое приятное впечатление. Ко мне он охотно обращался в своих разговорах и звал к себе. <...>

Фрагмент 1839 г. впервые напечатан: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. М., 1952. Т. 58. С. 580. Печатается по первой публикации.

Фрагмент 1841 г. впервые опубликован: Самарин Ю. Ф. Соч. М., 1911. Т. 12. С. 56; точная дата записи указана: Герштейн Э. Г. Отклики современников на смерть Лермонтова. (По неопубликованным материалам архивов Елагиных, Булгаковых, Каткова и Самариных) // М. Ю. Лермонтов: Статьи и материалы. М., 1939. С. 68. Печатается по изд.: Самарин Ю. Ф. Из дневника // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. Пенза, 1960. С. 211.

Юрий Федорович Самарин (1819–1876), публицист, критик-славянофил; познакомился с Гоголем у Аксаковых 6 января 1840 г. (см. в наст. изд. «Историю нашего знакомства с Гоголем...» С. Т. Аксакова).

¹ На Солянке жил князь Александр Петрович Оболенский (1780–1855), женатый на тетке Ю. Ф. Самарина по материнской линии Аграфене Юрьевне (рожд. Нелединской-Мелецкой). См. о них в наст. изд. в примеч. 5 к статье кня-

зя Д. А. Оболенского «О первом издании посмертных сочинений Гоголя». Самарин виделся у Оболенских с Лермонтовым в первой половине января 1838 г.

² 9 мая 1840 г. См. также в наст. изд. «Историю нашего знакомства с Гоголем...» С. Т. Аксакова, дневниковую запись А. И. Тургенева от 9 мая 1840 г. и письмо Е. А. Боратынский к А. Л. Боратынской от 10 мая (утро) 1840 г.

³ Имеется в виду князь И. С. Гагарин.

Ю. Ф. Самарин

С. Т. Аксаков и его литературные произведения Фрагменты

Прежде чем я приступлю к чтению отрывка из «Семейной хроники»¹ Аксакова, прошу позволения сказать несколько слов о покойном авторе книги. <...> Первое, что в нем невольно останавливает на себе внимание — это необыкновенно поздний расцвет его литературной деятельности. <...> Станным теперь покажется, что в молодости своей автор «Записок ружейного охотника»², «Семейной хроники» и «Детских годов Багрова-внука»³ переделал на русские нравы для московской сцены два-три французских водевиля⁴ и написал две или три журнальные статейки, кажется, в «Телескопе»⁵, в самый разгар его литературной войны с «Телеграфом» Полевого⁶. Перечитывая эти первые опыты, не только нельзя предугадать по ним позднейшего развития могучего таланта, а скорее можно было бы найти в них признаки бесплодного и мелкого литературного дилетантизма. Отчего же так поздно и под каким влиянием С. Т. Аксаков познал себя и явил тем, чем он был по природе своей?

Дело в том, что ему как истинному художнику нужна была сочувственная среда, настроенная к восприятию тех впечатлений, которое он мог ей дать. <...> Но вспомните то время, когда литературным движением управлял Полевой, когда споры о романтизме и классицизме играли ту же роль, какую играет теперь вопрос о древней и новой Руси, о значении народа и народности, и другие, возникшие из живого ощущения наших собственных домашних недугов, — и тогда вы поймете, что в те времена не могло прийти в голову поделиться с публикою воспоминаниями о природе Заволжского края, о наших степях и займищах, о том, что творится в курной избе, чему там радуются, чего ждут и о чем горюют...

Понятно, что С. Т. Аксаков сам не подозревал ни своего призвания, ни глубокого значения тех сокровищ, которые хранились в его памяти. Чтобы открыть ему глаза и вызвать к жизни его самородный, свежий талант, нужен был поворот в общественном сознании, известный у нас под названием «славянофильства», названием, которое почему-то казалось когда-то очень смешным тем, которые не понимали и не хотели понять его. Можно сказать, что это направление общественной мысли зачалось в доме С. Т. Аксакова, в кругу самых близких его друзей и почти ежедневных гостей его. Прежде всех и более всех содействовал пробуждению в нем сознания его литературного призвания Гоголь. После Пушкина, ничьим мнением Гоголь так высоко не дорожил, как мнением Сергея Тимофеевича. Весь первый том «Мертвых душ» был прочитан ему автором по несколько раз, с глаза на глаз, или в присутствии двух или трех близких к ним обоим людей. Читая, Гоголь беспрестанно взглядывал на Сергея Тимофеевича и следил за каждым выражением сочувствия или несочувствия на его лице. Между тем, я почти никогда не слышал между ними продолжительных бесед о достоинстве или недостатке той или другой главы «Мертвых душ». Бог ведает, как они переговаривались или перемигивались, но дело в том, что они друг друга понимали насквозь. Громадный успех «Мертвых душ» и необыкновенное уважение Гоголя к эстетическому чутью Сергея Тимофеевича были для него как бы откровением его собственного таланта. Я помню, с каким напряженным вниманием, уставив в него глаза, Гоголь по целым вечерам вслушивался в рассказы Сергея Тимо-

феевича» о заволжской природе и тамошней жизни. Он упивался ими, и на лице его видно было такое глубокое наслаждение, которого он и сам не в состоянии был бы выразить словами⁷. Гоголь пристал к С<ергею> Т<имеофеевичу> и потребовал от него, чтобы он взялся за перо и записал свои воспоминания. Сначала С<ергей> Т<имеофеевич> об этом и слышать не хотел, даже почти обижался. Потом мало-помалу Г<оголю> удалось его раззадорить⁸. Не говоря никому ни слова, он принял за самую скромную часть своих воспоминаний, то есть за ужение и за весь подводный мир⁹, и таким образом он прошел все царства природы, от рыб перешел к птицам, от птиц к людям. Г<оголь> следил за его работой с необыкновенным участием. Уезжая за границу, он потребовал, чтобы С<ергей> Т<имеофеевич> пересылал ему в Рим корректурные листы своих «Записок ружейного охотника». Сам он в то время работал над вторым томом «Мертвых душ», и я помню, что раз он писал С<ергею> Т<имеофеевичу>: «Дай Бог, чтобы мои мертвецы вышли бы так живы, как Ваши кулички»¹⁰. <...>

Впервые опубликовано: *Самарин Ю. Ф.* С. Т. Аксаков и его литературные произведения // Соч. М., 1877. Т. 1. С. 261–265. Заново по автографу (РГБ. Ф. 265. Карт. 71. Ед. хр. 2) напечатано: *Самарин Ю. Ф.* С. Т. Аксаков и его литературные произведения // *Самарин Ю. Ф.* Статьи. Воспоминания. Письма. 1840–1876 / Сост., вступ. ст. и коммент. Т. А. Медовичевой. М., 1997. С. 146–147. Печатается по последнему изданию.

Воспоминания были написаны для прочтения на литературном вечере в Самаре, между 1861 и 1863 гг.

¹ «Семейная хроника» С. Т. Аксакова была напечатана в Москве в 1856 г.

² «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» изданы в Москве в 1852 г.

³ «Детские годы Багрова-внука» впервые опубликованы в Москве в 1858 г.

⁴ Имеются в виду переводы С. Т. Аксаковым комедий Мольера «Школа мужей» (1819) и «Скупой» (1828).

⁵ Имеются в виду театральные обзоры и литературно-критические статьи С. Т. Аксакова, печатавшиеся во второй половине 1820-х — начале 1830-х гг. в «Московском Вестнике», выходившем в 1827–1830 гг. под редакцией М. П. Погодина, и в «Молве», издававшейся в 1831–1836 гг. вместе с «Телескопом» Н. И. Надеждиным.

⁶ Речь идет о полемике «Московского Телеграфа», выходившего с 1825 по начало 1834 г. под редакцией Н. А. Полевого, с «Телескопом» Н. И. Надеждина о романтизме и классицизме и о народности литературы.

⁷ В конце октября (после 20 числа) — первой половине декабря 1841 г. Гоголь со слов С. Т. Аксакова внес в свою записную книжку 1841–1844 гг. сведения об охотничьих собаках, псовой охоте, «блюдах», «птичьих и звериных криках», голубях, «рыбных ловлях», о промыслах «в Оренбургской губернии» (заметки перекликаются с содержанием книг С. Т. Аксакова «Записки об ужении рыбы», 1847; «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии», 1852; «Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах», 1855). Беседы с С. Т. Аксаковым отразились также в записной книжке Гоголя 1841–1845 гг. в заметках «Леса» и «Рыбы», а также в заметках, посвященных птицам: «Тудак...», «Болотные», «Утки нырки», «Утки», еще раз «Болотные», «Речные», «Степные», «Приморские птицы». Почерпнутые в беседах с С. Т. Аксаковым сведения были широко использованы Гоголем в первом и втором томах «Мертвых душ» (подробнее об этом см.: *Виноградов И. А.* Поэма «Мертвые души»: проблемы истолкования // *Гоголевский вестник*. М., 2007. Вып. 1). См. также в наст. изд. письмо С. Т. Аксакова к М. Г. Карташевской от 1 ноября 1841 г.

⁸ В письме к С. Т. Аксакову от 28 августа (н. ст.) 1847 г. Гоголь писал: «Мне кажется, что, если бы вы стали диктовать кому-нибудь воспоминания прежней жизни вашей и встречи со всеми людьми, с которыми случилось вам встретиться, с верными описаниями характеров их, вы бы усладили много этим последние дни ваши, а между тем доставили бы детям своим много полезных в жизни уроков, а всем соотечественникам лучшее познание русского человека. Это не безделица и не маловажный подвиг в нынешнее время, когда так нужно нам узнать истинные начала нашей природы, которые покуда мы рассматриваем только в мужике, да и то плохо».

⁹ «Записки об ужении рыбы» С. Т. Аксакова вышли в 1847 г.

¹⁰ Имеются в виду следующие строки письма Гоголя к С. Т. Аксакову от 20 сентября 1851 г.: «Здравствуйте, бодрствуйте, готовьте своих птиц, а я приготовлю вам душ, пожелайте только, чтобы они были живые, так же, как живы ваши птицы». По свидетельству Н. П. Трушковского, «Гоголь и С. Т. Аксаков сделали между собою условие, чтобы Гоголь приготовил осенью 1851 года к печати 2-й том «Мертвых душ», а Г. А<ксаков> — свои «Записки Ружейного

Охотника», и чтобы зимою вместе начать их печатание. Г. А.<ксаков> кончил свою работу и, желая подстрекнуть Гоголя, уведомил его об этом немедленно...» (*Трушковский Н.* От издателя // Сочинения Николая Васильевича Гоголя, найденные после его смерти / Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. В. Гоголя. Том второй (5 глав). М., 1855 (цензурное разрешение 26 июля). С. VI). В конце 1851 г. Гоголь отвечал Аксакову: «Поздравляю вас от всей души, что же до меня, то хотя и не могу похвалить<ся> тем же, но если Бог будет милостив и пошлет несколько деньков, подобных тем, какие иногда удаются, то, может быть, и я как-нибудь управлюсь».

Из писем Ю. Ф. Самарина

Ю. Ф. Самарин — А. Н. Попову

<Сентябрь–октябрь 1842>

<...> Кстати о Гоголе. Верно, «Мертвые Души» дошли до вас; верно, вы прочли их с наслаждением и думали о тех немногих, которые также безусловно ими наслаждались в Москве, не резонируя и не отыскивая в них того, чего нет, как сделал это Шевырев¹. Аксаков напечатал о поэме Гоголя брошюру, с которою я вполне согласен², хотя многие в этом случае сомневаются в моей искренности и на которую все восстали... <...>

Впервые опубликовано: *Попов Нил.* Письма Юрия Федоровича Самарина. (1840–1845) // Русский Архив. 1880. Кн. 2. С. 283. Печатается по первой публикации.

¹ Имеются в виду две статьи С. П. Шевырева: *Шевырев С.* Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Москва. В Универ. Типогр. 1842. В 8-ку, 475 стран. Статья первая // Москвитянин. 1842. № 7 (цензурное разрешение 10 авг.). С. 207–228; *Шевырев С.* Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Москва. В Универ. Типогр. 1842. В 8-ку, 475 стран. Статья вторая // Москвитянин. 1842. № 8 (цензурное разрешение 22 авг.). С. 346–376.

² См. также письмо Ю. Ф. Самарина к К. С. Аксакову от второй половины октября 1842 г., отправленное К. С. Аксаковым Гоголю в апреле 1843 г.: *Попов Нил.* Письма Юрия Федоровича Самарина. (1840–1845) // Русский Архив. 1880. Кн. 2. С. 241–332; *Шенрок В. И.* Николай Васильевич Гоголь в неизданных его письмах, а также в письмах его друзей // Русская Старина. 1890. № 2. С. 421–425; *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 12. С. 227–231.

Ю. Ф. Самарин — К. С. Аксакову

Петербург, сентября 10-го, 1844.

<...> Самое замечательное, по моему мнению, лицо в Петербурге это — Александра Осиповна Смирнова; с нею я выдаюсь часто и толкую о Гоголе. Он, как видно по тем письмам, которые она мне читала, очень ее полюбил и вызывал на нее сильное влияние. Они в постоянной переписке. Письма Гоголя к ней одного содержания с письмами его к Языкову и Шевыреву, но приспособлены к женскому пониманию. Он теперь в Бельгии, здоров, бодр и много пишет. До него дошла моя диссертация, которую он читал в последнее время¹. <...>

Печатается по изд.: *Самарин Ю. Ф.* Соч. М., 1911. Т. 12. С. 143.

¹ Имеется в виду магистерская диссертация Ю. Ф. Самарина, защита которой состоялась 3 июня 1844 г.: «Стефан Яворский и Феофан Прокопович как проповедники» (М., 1844). В письме из Петербурга от 9–26 сентября 1844 г. А. О. Смирнова спрашивала Гоголя: «Читали ли вы Самарина "Феофана"?». В письме от 3 ноября 1844 г. она же сооб-

шала: «Самарин вам пришлет “Феофана” и будет писать»; 26 ноября 1844 г.: «У меня для вас лежат два пакета книг, установка за оказией. Между ними и “Феофан” от Самарина»; 18 декабря 1844 г.: «При первой оказии перешлю <...> книгу Самарина». 24 декабря (н. ст.) 1844 г. Гоголь писал самому Самарину: «Благодарю вас за письмо и за усердное желание попотчевать меня вашим Феофаном, которым я однако уже попотчевал <себя> сам прежде. В книге много ума и видны большие средства, которыми наградил Бог автора. Но сущность самого предмета, как сами знаете, есть дело поповское. Как из этого сочинения, так и из других писанных вами и находя<щихся> в рукописи (если только присл<анное> Аксаковым мне о М<ертвых> д<ушах> есть ваше), видно то, что автору следует писать о многом, наиболее относящемся к современным вопросам: литературным ли, политическим ли, но главное дело не останавливаться».

Ю. Ф. Самарин — К. С. Аксакову и А. С. Хомякову

(Петербург, 1844.)

<...> Мысль о современном значении Москвы, пущенная в ход Аксаковым¹, встретила между нами и даже в более широком кругу сочувствие и одобрение; она сделалась предметом наших разговоров и сделалась, по своей общедоступности, господствующим интересом. В то время уезжал Гоголь. Ты помнишь, Аксаков, то письмо, которое он написал тебе²? Он упрекал тебя в том, что ты испортил ему то прекрасное, отрадное чувство, которое он питал к Москве; он просил тебе перестать толковать о значении Москвы, взяться за труд и т. д. Гоголь предчувствовал то, что теперь сбылось. Толки о Москве продолжались три года; вражда к Петербургу усилилась; на каждого выходца оттуда мы ополчались толпою и вымещали на нем наше негодование. Между тем, в продолжении этого времени Москва не явила ни одного плода своей умственной деятельности; таким образом она стала известна Петербургу и вообще всей России только с одной, чисто отрицательной стороны. Если бы мы меньше говорили о себе и больше заявляли прав на уважение, может быть, всеобщее внимание само собою обратилось бы на Москву... <...>

Печатается по изд.: Самарин Ю. Ф. Соч. М., 1911. Т. 12. С. 149–150.

¹ См., в частности: Аксаков К. С. Семисотлетие Москвы // Московские Ведомости. 1846. 23 апр. № 49. С. 344–346.

² Имеется в виду письмо Гоголя к К. С. Аксакову около 29 ноября (н. ст.) 1842 г. из Рима.

Ю. Ф. Самарин — К. С. Аксакову

(Петербург, <4 июня> 1845.)

Любезный Аксаков, пишу к тебе наскоро, по надобности, с поручением, которое и огорчит и изумит тебя. Смирнова получила на днях письмо от Гоголя¹, самое грустное и полное мрачных предчувствий. Он страдает ужасно и физически от болезни и нравственно от одиночества. Будучи не в состоянии помочь ему, она написала письмо к твоему батюшке², которое при сем прилагается. Содержание его мне известно из ее слов. Не знаю, что вы решите, а оставлять его там нельзя. Постарайтесь отправить к нему кого-нибудь или соединенными усилиями вызвать его в Москву. <...>

Печатается по изд.: Самарин Ю. Ф. Соч. М., 1911. Т. 12. С. 160–161.

¹ Подразумевается письмо Гоголя А. О. Смирновой из Гомбурга от 4 июня (н. ст.) 1845 г.

² См. в наст. изд. письмо А. О. Смирновой к С. Т. Аксакову от 4 июня 1845 г. и письмо В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской от 6 июня того же года.

Ю. Ф. Самарин — К. С. Аксакову

(Петербург, 1845, середина сентября.)

<...> Александра Осиповна Смирнова, наконец, получила записку от Гоголя¹ и, зная, как вы его любите, поручает мне переслать ее к твоему батюшке. <...>

Печатается по изд.: Самарин Ю. Ф. Соч. М., 1911. Т. 12. С. 167.

¹ Имеется в виду письмо Гоголя к А. О. Смирновой от 11 сентября 1845 г.

Ю. Ф. Самарин — К. С. Аксакову

(Петербург), 27 января (1846).

<...> Узнал я <...>, что ты получил письмо от Гоголя¹; я угадываю содержание — оно для меня в высшей степени любопытно. Я также получил от него письмо на днях², которое когда-нибудь сообщу тебе, но рассказать содержание трудно, а выписывать долго. Он вызывает меня на переписку; разумеется, я этим воспользуюсь³. <...>

Печатается по изд.: Самарин Ю. Ф. Соч. М., 1911. Т. 12. С. 169.

¹ Письмо от 25 ноября (н. ст.) 1845 г.

² Письмо от 3 января (н. ст.) 1846 г.

³ Первое письмо Ю. Ф. Самарина к Гоголю датируется маем — первой половиной июня 1846 г. На это письмо Гоголь ответил 24 июня / 6 июля 1846 г. из Карлсбада. Еще не получив ответа от Гоголя, Ю. Ф. Самарин 6/18 июля 1846 г., в преддверии отъезда за границу своего брата Михаила Федоровича, начал писать Гоголю новое письмо — и закончил свое послание, вместе с новой запиской, к 12/24 июля, накануне отправления брата за границу, получив к тому времени гоголевское письмо от 24 июня / 6 июля 1846 г. Письмо и записка Ю. Ф. Самарина к Гоголю от 6/18–12/24 июля и от 12/24 июля 1846 г. были переданы адресату М. Ф. Самариным в Париже между 10 и 20 августа (н. ст.) 1846 г. — В письме от 6 августа (н. ст.) 1846 г. из Остенде Гоголь запрашивал графа А. П. Толстого: «...пришлите ваш маршрут, чтобы я знал, где вас настигнуть и повидать, если вы не заедете в Остенде». Очевидно, последовало приглашение в Париж, куда Гоголь отправился после 10 августа (н. ст.) 1846 г. (отправленное в этот день Гоголем письмо к В. А. Жуковскому свидетельствует, что в это время он еще находился в Остенде). 25 августа (н. ст.) 1846 г. Гоголь вновь в Остенде, откуда пишет новое письмо В. А. Жуковскому, где сообщает, что «на днях <...> был обрадован почти неожиданным приездом любезного моего гр<афа> А. П. Толстого». Свидание Гоголя с братом Самарина, очевидно, состоялось после 10 августа — около 20 августа (н. ст.) 1846 г.; ответ же Гоголя Ю. Ф. Самарину был написан по возвращении в Остенде, в двадцатых числах августа (н. ст.) 1846 г. В этом письме Гоголь сообщал: «В проезд мой через Париж я познакомился с вашим братцем и от него получил ваше письмо...»

Ю. Ф. Самарин — А. О. Смирновой

Рига, 22 января 1847.

<...> Я получил письмо от Чижова из Рима. Он пишет, что Гоголь — в Неаполе, но к карнавалу прибудет в Рим. <...>

Печатается по изд.: Самарин Ю. Ф. Соч. М., 1911. Т. 12. С. 363.

Ю. Ф. Самарин — К. С. Аксакову
Черновые наброски

<Февраль 1847. Рига>

<...> О чем говорить теперь, если не о письмах Гоголя¹. <...> Вы знаете, что для меня Гоголь и каковы мои отношения к нему. <...> Но что же мне делать? Слова его не ложатся мне в душу. Многому я не могу почувствовать, многое меня оскорбляет и вызывает к противоречию. <...> Это отверстое Евангелие, эти тексты, помещик, заставляющий крестьян кланяться перед налоем и лобызать слова, которые он изредка слышит в церкви и пропускает мимо ушей. И все это говорит Гоголь. <...> Причина неудачи — в ошибочном понятии Гоголя о собственном его назначении. <...> Это не художественное произведение, а наставление. <...> Прежде он показывал, теперь он советует и объясняет. <...> ...Но Гоголь все-таки художник; он призван к тому, чтобы проповедовать живыми образами. <...> Не то впечатление я испытывал при чтении других его произведений, о которых он отзывается теперь с таким неестественным пренебрежением. <...>

Первые опубликовано: *Ефимова М. Т.* Ю. Самарин о Гоголе // Пушкин и его современники. Псков, 1970. С. 142–143. Печатается по первой публикации.

¹ Имеются в виду «Выбранные места из переписки с друзьями». В черновике неотправленного письма к Гоголю Ю. Ф. Самарин сообщал о своем впечатлении от этой книги: «Это впечатление так неприятно и тяжело, что оно становится преградой между Вами и мною и мне было бы совестно скрывать его от Вас. С первых же слов Вашей книги меня как бы оттолкнули от Вас» (*Ефимова М. Т.* Ю. Самарин о Гоголе // Пушкин и его современники. Псков, 1970. С. 142).

Ю. Ф. Самарин — К. С. Аксакову

(Рига, 1847, февраль.)

<...> Я не пишу к Сергею Тимофеевичу особо, потому что желаю, чтобы ты прочел это письмо при нем, особенно то, что относится к книге Гоголя и более *никому* бы не читал его и не говорил о его содержании. <...>

Говорить ли о книге Гоголя? Она произвела на меня тяжелое и грустное впечатление, такое грустное, какого я давно не испытывал. Прочтя ее, я написал было длинное письмо, которого не послал и в котором почти слово в слово говорил то же, что ты. Да, гордость, гордость отшельника, самая опасная из всех гордостей, затемняет его сознание о его призвании. <...> Вся книга должна была вылиться в другой форме. <...> Я уверен, что и образ помещика явился бы вовсе не в том виде, в каком представляется теперь, если бы он отлился в форме художественной, а не аналитической. Наконец, еще две вины: оскорбительный и крайне несправедливый приговор Погдину¹ и умышленное умолчание о Москве. <...>

Печатается по изд.: *Самарин Ю. Ф.* Соч. М., 1911. Т. 12. С. 187, 189–191.

¹ В статье «О том, что такое слово».

Ю. Ф. Самарин — А. О. Смирновой

(Рига), 26 марта 1847.

<...> У нас все продолжают толки о письмах Гоголя; не выходит ни одного номера журнала, в котором бы его не бранили. В этом отношении он будет доволен; у него наберется куча мнений самых разнообразных. <...>

Печатается по изд.: Самарин Ю. Ф. Соч. М., 1911. Т. 12. С. 366.

Ю. Ф. Самарин — А. С. Хомякову

(Рига, 1847, начало апреля).

<...> ...Петербургская цензура не пропускает ничего против «Отечественных Записок», «Современника» и в пользу Гоголя. <...>

Печатается по изд.: Самарин Ю. Ф. Соч. М., 1911. Т. 12. С. 423.

В письме к А. О. Смирновой от 22 февраля (н. ст.) 1847 г. Гоголь писал по поводу цензурных сокращений в «Выбранных местах из переписки с друзьями»: «Вся цензурная проделка для меня покамест темна и не разгадана. Знаю только то, что цензор <А. В. Никитенко> был, кажется, в руках людей так называемого европейского взгляда, одолеваемых духом всякого рода преобразований, которым было неприятно появление моей книги». В свое время марксистский исследователь Я. З. Черняк (из круга Л. Б. Каменева (Розенфельда) и М. О. Гершензона) самонадеянно заявлял по поводу этих строк Гоголя: «Нет нужды опровергать полную неосновательность этого предположения» (Лит. наследство. Т. 56. М., 1950. С. 584). Между тем сохранившиеся документы полностью подтверждают догадку Гоголя. О роли петербургской цензуры (именно приятеля В. Г. Белинского А. В. Никитенко) в сокращении, более чем на четверть, «Выбранных мест из переписки с друзьями» см.: *Виноградов И. А. Неизвестные автографы двух статей Н. В. Гоголя о Церкви и духовенстве. К истории издания «Выбранных мест из переписки с друзьями» // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Сборник научных трудов. Петрозаводск, 2005. Вып. 4. С. 219–245; Виноградов И. А. Цензурная история «Выбранных мест из переписки с друзьями» // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 6. С. 445–464.*

Ю. Ф. Самарин — А. О. Смирновой

(Рига), 1 мая 1847.

<...> Вчера я получил «Московские Ведомости», выписанные мною ради писем Павлова о Гоголе¹. В первом письме, в котором разбирается завещание, к сожалению, есть правда; следующие — из рук вон плохи. Павлов не дорос даже до ошибок Гоголя. Впрочем, на Гоголя все толки производят хорошее впечатление. Мне прислали из Москвы копию с письма его к кн<язю> Львову², которую к вам препровождаю. В каждом слове видна бодрость и охота к труду. Это письмо и меня ободрило, и мне хотелось бы ободрить вас. <...>

Печатается по изд.: Самарин Ю. Ф. Соч. М., 1911. Т. 12. С. 372.

¹ Три «Письма к Гоголю» Н. Ф. Павлова были опубликованы в № 28, 38 и 46 «Московских ведомостей» за 1847 г.

² Имеется в виду письмо Гоголя к князю В. В. Львову от 20 марта (н. ст.) 1847 г. из Неаполя.

Ю. Ф. Самарин — М. Ф. Самарину

Москва, 13 января, в ночь (1848).

<...> Читал ли ты мою статью о «Современнике»? Она послана была Гоголю¹. <...>

Печатается по изд.: *Самарин Ю. Ф.* Соч. М., 1911. Т. 12. С. 353.

М. Ф. Самарин, брат Ю. Ф. Самарина.

¹ Речь идет о публикации: <*Самарин Ю. Ф.*> *М... З... К...* О мнениях Современника исторических и литературных // Москвитянин. 1847. № 2. Сохранился отдельный оттиск этой статьи (90 с.) с дарственной надписью автора: «Николаю Васильевичу Гоголю от Самарина» (воспроизведено в качестве фотокопии: Лит. наследство. Т. 58. М., 1852. С. 721).

Ю. Ф. Самарин — А. Н. Попову

(Москва), 2 ноября (1848).

<...> Гоголь здесь, живет пока у Погодина, довольно весел и от людей не бегает. <...>

Печатается по изд.: *Самарин Ю. Ф.* Соч. М., 1911. Т. 12. С. 297.

Ю. Ф. Самарин — А. О. Смирновой

Москва, 25 мая 1849.

<...> Гоголь поручил мне сказать вам, что, несмотря на хандру и тоску, он на днях писал к вам¹, но адресовал письмо в дом Вилье, не зная, что вы переехали в Царское Село; позаботьтесь, чтоб оно не пропало. Гоголь провел зиму, которой опасался, как нельзя лучше; но к весне нервы расходились, приступила хандра, и в три дня лицо изменилось, даже голос ослабел, я думаю, больше от страха, чтобы старые недуги не возобновились. Теперь, однако, ему стало гораздо лучше. <...>

Печатается по изд.: *Самарин Ю. Ф.* Соч. М., 1911. Т. 12. С. 387.

¹ Письмо Гоголя к А. О. Смирновой датировано 27 мая 1849 г.

Ю. Ф. Самарин — А. Н. Попову

<Конец июля 1849. Измалково>

(Измалково, вторая половина июля 1849.)

<...> Гоголь ездил в Калугу к А. О. Смирновой¹ и, как носится слух, читал ей отрывки из 2-й части «Мертвых Душ». <...>

Печатается по изд.: *Самарин Ю. Ф.* Соч. М., 1911. Т. 12. С. 300–301.

¹ 4 или 5 июля 1849 г. Гоголь вместе с Л. И. Арнольди и К. О. Россетом выехал из Москвы в Калугу к Н. М. и А. О. Смирновым и 29 июля 1849 г. был уже в Москве.

Ю. Ф. Самарин — К. С. Аксакову

<7–9 марта 1850. Москва>

Любезный Аксаков, я был у тебя в пятницу, в субботу было чтение у Хомякова¹, а теперь начался пост; следовательно, время сидения по ночам и позднего вставания кончилось. <...> Вторая часть «Мертвых Душ» превосходна. Я был так вполне увлечен чтением, что мне просто было невозможно думать о достоинстве читанного и об оценке².

Печатается по изд.: Самарин Ю. Ф. Соч. М., 1911. Т. 12. С. 210.

Ю. Ф. Самарин приехал из Киева и был в Москве с 19 февраля по 10 марта 1850 г. в связи с болезнью отца Ф. В. Самарина.

¹ 4 марта 1850 г.

² Ср. ниже отзыв Ю. Ф. Самарина об этом чтении в письме к А. О. Смирновой 3 октября 1863 г.

Ю. Ф. Самарин — К. С. Аксакову

(Киев), 11 декабря (1850).

<...> Сегодня я был в переписке с сестрою Гоголя¹, которой в глаза не видал; я сообщил ей ваш адрес, а от нее узнал, что Гоголь здоров и зиму проводит в Одессе. <...>

Печатается по изд.: Самарин Ю. Ф. Соч. М., 1911. Т. 12. С. 211–212.

¹ Вероятно, имеется в виду Елисавета Васильевна Гоголь.

Ю. Ф. Самарин — К. С. Аксакову

(Киев, 1851, октябрь–ноябрь.)

<...> Недавно дошло до меня известие, что 2-ой том «Мертвых Душ» не пропущен. Судя по источнику, откуда оно идет, нельзя в нем сомневаться. Как я ни приговорен ко всему, а это известие меня сразило. Я все-таки надеялся, Бог знает почему, что на труд Гоголя не поднимется рука. Бедный Гоголь, я воображаю, как должно быть ему! <...>

Печатается по изд.: Самарин Ю. Ф. Соч. М., 1911. Т. 12. С. 216.

Ю. Ф. Самарин — Н. Ф. Самарину

Москва. 16 марта 1852.

Любезный Николенька, я буду отвечать на твое письмо от 3 марта¹. Я не писал тебе о болезни Гоголя, потому что 17 числа опасность ее еще не была видна, и я, признаюсь, до последней минуты, когда уже доктора не подавали никакой надежды, не верил, чтобы Гоголь мог умереть. <...> Ты теперь знаешь все обстоятельства, сопровождавшие последние дни и самую кончину Гоголя. Повторять их я не стану. Из нескольких строк, написанных им на клочке бумаги, кажется, накануне смерти², видно, что внутренняя борьба — эта борьба, неразлучная с высоким самосознанием и устремлением к добру всех сил души — достигла в нем крайнего напряжения. Некоторые слова в этих строках указывают на вынесенное им искушение злого духа, другие,

последние — на какое-то полученное им свыше откровение. Вообще, в последние дни он жил не с ними и не для нас, и что происходило в это время в его душе, известно одному Богу, к Которому он весь обращен был лицом. Другая неразрешимая тайна — сожжение второго тома «Мертвых Душ». Это есть уже наша общая утрата, и каждый по-своему старается разгадать ее страшный смысл. Некоторые видят в сожжении второго тома поступок художника, полного любви к своему произведению, но недовольного им, художника, которому легче разбить свое произведение, чем оставить его недовершенным и неполным. Другие видят в этом признак сомнения в правоте самого направления второго тома. Встревоженный упреками в односторонности своего взгляда, в безотрадности выведенных им образов, Гоголь искал примирения с тою действительностью, для беспощадного обличения которой он был рожден. Он искал идеалов там, где их нет, оправдывал то, что внутренне осуждал, что должен был осуждать. <...>

Первые опубликовано: Письмо Ю. Ф. Самарина к брату Н. Ф. Самарину по поводу кончины Гоголя // Московские Ведомости. 1909. 20 марта. № 65. С. 4; см. также: *Самарин Ю. Ф.* Соч. М., 1911. Т. 12. С. 355–357. Печатается по последнему изданию.

Николай Федорович Самарин (1829–1892), брат Ю. Ф. Самарина, общественный деятель.

¹ Не сохранилось.

² «Аще не будете малы...»; «Помилуй меня, грешного...»; «Как поступить, чтобы признательно...»

Ю. Ф. Самарин — К. С. Аксакову

(Киев, 11 мая 1852.)

<...> ...Мне попала в «Отечественных Записках» статья под заглавием: «Материал для биографии Гоголя», кажется, так¹. В ней описано его детство и пребывание в Нежинском училище. Статья прекрасная. Видно, что многое из привычек, даже причуд детства сохранилось в Гоголе до самой его смерти, разумеется, в других формах и размерах. Да, это был наш художник, художник нашего переходного, ищущего поколения. <...>

Печатается по изд.: *Самарин Ю. Ф.* Соч. М., 1911. Т. 12. С. 218.

¹ Имеется в виду статья П. А. Кулиша «Несколько черт для биографии Николая Васильевича Гоголя», напечатанная, без подписи, в апрельском номере «Отечественных Записок» за 1852 г.

Ю. Ф. Самарин — К. С. Аксакову

(Киев, 1852, конец мая — начало июня.)

<...> Правда ли, что найдены 4 главы «Мертвых Душ» и толкование на литургию? — Я получил последнее слово Гоголя к друзьям¹. Оно удивительно напоминает его. Это была его душевная мысль и та, на которой он остановился. Для настоящей минуты он безусловно прав. <...>

Печатается по изд.: *Самарин Ю. Ф.* Соч. М., 1911. Т. 12. С. 219–220.

¹ «Друзьям моим».

Ю. Ф. Самарин — И. С. Аксакову

(Киев), 10 июня (1852).

<...> Удивляет меня, что ни от вас, ни от Константина, ни от батюшки вашего я ничего не слышу о найденных главах «Мертвых Душ» 2-го тома и других сочинениях Гоголя, еще неизвестных. Об этом писал сюда Погодин, и слух дошел до Тифлиса. Оттуда мне пишут то же¹. <...>

Печатается по изд.: Самарин Ю. Ф. Соч. М., 1911. Т. 12. С. 225–226.

¹ В то время в Тифлисе служил брат Ю. Ф. Самарина Николай Федорович Самарин.

Ю. Ф. Самарин — А. О. Смирновой

<1859>

<...> Вспомните Гоголя, который изнемог, когда почувал громадность задачи, выросшей перед ним, задачи обновления художества в живой струе христианства.

Все же он один ее почувал, тогда как ни Гете, ни Байрон, никто и не подозревал. И много еще падет, исчахнет благородных деятелей и передовых людей, которых вся беда состоять будет в том, что русская грудь одного человека не вместит в себе задачи, заданной целому народу. Но, наконец, озарит же когда-нибудь, и весь народ сознает свое призвание¹. <...>

Впервые опубликовано: Ефимова М. Т. Ю. Самарин о Гоголе // Пушкин и его современники. Псков, 1970. С. 147. Печатается по первой публикации.

¹ В письме к А. О. Смирновой от 13 марта 1859 г. Ю. Ф. Самарин замечал: «Нельзя же не признать, что во всей Европе существует только один народ, носящий Христа в душе своей, только один, для которого не порвалась нить, связывающая земное с небесным, которого взоры беспрестанно сами собой обращаются кверху, а пальцы складываются для крестного знамения при всяком событии грустном и радостном» (Ефимова М. Т. Ю. Самарин о Гоголе // Пушкин и его современники. Псков, 1970. С. 147).

Ю. Ф. Самарин — А. О. Смирновой

3 октября 1863 г. Самара.

<...> Что за странное, загадочное явление этот Иванов¹, как будто другая половина Гоголя. Обоим подняла необыкновенная сила и глубина духовных требований, требований неосуществимых при современном строе общественной жизни, и оба оборвались на той минуте, когда утомленные исканием, они захотели опередить время и взять в руки идеал, которого действительность не давала. Я глубоко убежден, что Гоголь умер оттого, что он сознавал про себя, насколько его второй том ниже первого, сознавал и не хотел самому себе признаться, что он начинал подрумьянивать действительность.

Никогда не забуду и того глубокого и тяжелого впечатления, которое он произвел на Хомякова и меня раз вечером², когда он прочел нам первым две главы второго тома. По прочтении он обратился к нам с вопросом: «Скажите по совести только одно — не хуже первой части?» Мы переглянулись, и ни у него, ни у меня не достало духа сказать ему, что мы оба думали и чувствовали... <...>

...Россия до сих пор еще предмет веры, вся она в области чаемого и невидимого. Каково же в ней художнику, которому нужно не чаемое и невидимое, а действительное и осязаемое.

Не мудрено ли, что он, наконец, во что бы то ни стало захочет облечь свое чаяние в плоть и кровь и принять какого-нибудь оптинского монаха за идеал христианского настроения или какого-нибудь петербургского чиновника за гражданина обновленной земли. <...>

Первые два абзаца письма впервые опубликованы: *Чиж В. Ф.* Болезнь Н. В. Гоголя // Вопросы Философии и Психологии. 1903. Кн. 69. № 9–10. С. 681; с подстрочным примечанием В. Ф. Чижа: «Благодаря любезному разрешению Ф. Д. Самарина, привожу этот отрывок из неизданного письма Ю. Ф. Самарина к А. О. Смирновой от 3 октября 1863 г. (из Самары)». Печатается по первой публикации, с уточнениями и дополнением (третий и четвертый абзацы) по изд.: *Ефимова М. Т.* Ю. Самарин о Гоголе // Пушкин и его современники. Псков, 1970. С. 146 (письмо датировано в этом издании 3 октября 1862 г.).

¹ Художник А. А. Иванов.

² 5 марта 1850 г. 7 марта 1850 г. С. Т. Аксаков сообщал сыну Ивану о впечатлениях А. С. Хомякова и Ю. Ф. Самарина после авторского чтения первой главы «Мертвых душ»: «Разумеется, Самарин вполне оценил это великое произведение. Хомякова еще не видал: он сделал два замечания, по-моему неосновательные и пустые». См. также письмо Ю. Ф. Самарина к Гоголю от первой половины марта (после 5 числа) 1850 г. и в наст. изд. письмо Ю. Ф. Самарина к К. С. Аксакову от 7–9 марта 1850 г.

Д. Ф. Самарин — Н. Ф. Самарину

<24 февраля 1852>

Пишу тебе, чтобы описать то горестное событие, которое поразило всю Москву, найдет теплое сочувствие во всей России и которое, вероятно, дошло уже до Тифлиса, я говорю о смерти Гоголя. Он умер в четверг¹, в 8 часов утра, в доме графа Толстого на Никитском бульваре 44 лет. Никто наверное не знает болезни, от которой он умер, но, возможно, это была болезнь по преимуществу моральная: в последнее время он впал в мистицизм — не принимал почти никакой пищи всю масленицу и первую неделю поста, находясь под влиянием одного священника², и не хотел лечиться, будучи убежден, что в этот раз он не избежит смерти. На первой неделе поста³ он говорил гр<афу> Толстому, взять его рукописи, но тот не решился этого сделать, боясь нанести слишком сильный удар на его и до того уже морально расстроенное воображение. Заметив, что Толстой не исполнил его слова, что бумаги ещё все при нем, он ночью⁴ связал все бумаги и велел мальчику⁵, который за ним ходил (я это слышал от самого мальчика, который все время стоял около его гроба и горько плакал), положить их в печь; мальчик начал упрашивать не жечь их, но так как это ни к чему не вело, он хотел вынести бумаги из комнаты и заменить их другими, но Гоголь остановил его, приказал положить их в печь, пойти за огнем и никого не будить. Мальчик говорит: я думал, что сгорят только верхние бумаги, а средние останутся, однако нет: огонь подложили, пламя обхватило все бумаги, Гоголь подошел сам к печи и начал палкою мешать бумаги; часа три он продолжал это делать: все поггло, и 2-й том «Мертвых душ», который уже совсем был приготовлен к печати. На следующий день он говорил гр<афу> Толстому: «Я хотел сжечь ненужные бумаги, а лукавый меня попутал, я сжег 2-й том “Мертвых душ”; жалко, в них было много христианских чувств». Носятся слухи, что есть, может быть, отрывки некоторые у Шевырева, но до сих пор наверное не знают, потому что Шевырев болен, и он до сих пор не знает о смерти Гоголя. В пятницу⁶ в 8 часов вечера вынесли его тело в университетскую церковь, где день и ночь дежурили студенты при его гробе. Я дежурил в ночь с субботы на воскресенье⁷. Гроб его был украшен цветами и лавровым венком. Сегодня⁸ в 10 часов отпевали его тело, при огромном стечении народа; так было тесно, что нельзя было пошевелиться и держать свечи во время панихиды. Замечают, однако, что его смерть не произвела такого ощущения, как смерть Пушкина; оказалось даже, что многие не знали, кто был Го-

голь. Из университетской церкви мы (студенты) понесли его на руках до Данилова монастыря, где и предали земле его прах. Могила его близ Языкова, Венелина, Валуева, и недалеко от могилы Мишиной⁹. Так скончался последний истинный художник русский.

Впервые опубликовано: *Захаров Э. В.* Письмо о смерти Н. В. Гоголя из архива Самариных // Гоголевский вестник. М., 2007. С. 307–308. Печатается по первой публикации.

Дмитрий Федорович Самарин (1831–1901), брат Ю. Ф. Самарина, писатель и общественный деятель.

Николай Федорович Самарин (1829–1892), брат Ю. Ф. Самарина, общественный деятель.

¹ 21 февраля 1852 г.

² Подразумевается протоиерей Матфей Константиновский.

³ В первый день Великого Поста, 11 февраля 1852 г.

⁴ В ночь с 11 на 12 февраля 1852 г.

⁵ С. Григорьеву.

⁶ 22 февраля 1852 г.

⁷ С 23 на 24 февраля 1852 г.

⁸ 24 февраля 1852 г.

⁹ Любовь Евгеньевна Мишина (1832–1851), дочь воронежского помещика, сотрудница журнала для детей «Звездочка».

Гоголь в письмах, дневниках и воспоминаниях О. М. Бодянского

Из писем О. М. Бодянского к М. П. Погодину

О. М. Бодянский — М. П. Погодину

Прага. 30 апреля (12 мая) 1838.

<...> Грановский говорит, что, будучи в Берлине, он слышал от кого-то, что Гоголь живет теперь в Риме, бросил лечиться от уверенности, что он непременно должен умереть в конце нынешнего года. Он растолстел, ничем решительно не занимается, проводя все время в обществе наших художников и играя с ними не то в карты, не то в бильярд. Ведь он был в Испании? Что за ужасная судьба преследует лучшие наши головы! <...>

Впервые опубликовано: Попов Н. Письма к М. П. Погодину из славянских земель. (1835–1861). М., 1879. Вып. 1. С. 55. Печатается по первой публикации.

Осип Максимович Бодянский (1808–1877), славист, издатель литературных и исторических памятников, профессор истории и литературы славянских наречий в Московском университете, секретарь Общества истории и древностей российских.

Воспоминания О. М. Бодянского о Гоголе см. также в наст. изд. в разделах: *Любимые Гоголем украинские народные песни (по воспоминаниям С. Т. Аксакова, О. М. Бодянского, М. А. Максимовича); Воспоминания о Гоголе С. Т. Аксакова, М. С. Щепкина, О. М. Бодянского в записи П. А. Кулиша.*

О. М. Бодянский — М. П. Погодину

Вена 1839 г., окт<ября> 6 (18).

<...> Третьего дня получил письмо от Шафарика... <...> ...он пишет, что Ник<олай> Вас<ильевич> Гоголь взял у него Малоросс<ийские> и Польские песни, изданные В<асилавом> из Олеска¹, обещаясь послать назад ему из Вены, но он донныне не получал этой книги. Если он ее не получит, то очень трудно будет достать другой экз<емпляр>, потому что в Галиции оно теперь крайне редко. <...>

Впервые опубликовано: Попов Н. Письма к М. П. Погодину из славянских земель. (1835–1861). М., 1879. Вып. 1. С. 104. Печатается по первой публикации.

¹ См. в наст. изд. коммент. к *Воспоминаниям Н. С. Аксаковой в статье П. А. Кулиша «Выправка некоторых биографических известий о Гоголе».*

Из писем О. М. Бодянского к Г. П. Данилевскому

О. М. Бодянский — Г. П. Данилевскому

<30 октября 1851. Москва>

Исполняя Ваше желание, извещаю Вас, что земляк¹, с которым Вы, на днях, виделись у меня, поет и теперь, и охотно споет нам, у Гоголя. Я писал этому последнему; только пение он назначил не у себя, а у Аксаковых, которые, узнав об этом, упростили его на такую уступку. Если Вам угодно, пожалуйста ко мне завтра, часов в 6-ть вечера, и мы отправимся вместе.

Ваш О. Б.

30/X. 1851 г. Вторник.

О. М. Бодянский — Г. П. Данилевскому

Москва. 1852 г. февр<аля> 2 дня.

Да, почтеннейший земляк, время летит, а с ним и мы летим и улетучиваемся! Славные часы были, по осени, у нас редкие часы! Хотя я тут же, у источника этих сладостей, а все с тех пор ни разу не привелось отведать из него. Причина простая — семейство певуны² живет, большей частью, в Подмосковной и только изредка кто-нибудь из него наезжает сюда проведать больную сестру певунии, помещающуюся в маленьком домике и нуждающуюся пуще всего в тишине. <...> Что до Гоголя, то он, как вы знаете, живет на Никитском бульваре, в доме Талызина. Посылая ему Майковское произведение³, не обойдите и меня: я так мало имею случаев отведать подобного плода. Вкус Жуковского хорош, стало быть, двойное наслаждение: познаться с хваленым, поверить хвалителя. <...>

О. М. Бодянский — Г. П. Данилевскому

<28 февраля 1852. Москва>

<...> Вы желаете, чтобы я написал Вам о последних минутах Гоголя, о моих последних свиданиях с ним, о его смерти и бумагах на Москве, потерявшей его. Не скажу, добродию, не скажу. И теперь еще я хожу, как угорелый; на лекции по сю пору не соберусь никоим путем: все он, один он, в уме и в глазах. Когда-нибудь, может быть, соберусь с духом порассказать Вам. Нынче же замечу только: недели за две до смерти покойник видимо чах; он предчувствовал недоброе и потому на *масляной* говел и приобщался. В половине 1-ой недели Великого Поста соборовался⁴, а 21-го, в четверг, в 8-мь часов утра, его не стало. Болезнь — несварение желудка, от которой он не хотел вовсе лечиться; последовало воспаление, за коим он впал в беспамятство, и хотя тут поданы были врачебные пособия, да ба, да вже пропало, що з воза впало! Всем нам единою умрети; это еще не беда; но вот беда, что покойный, в ночь с понедельника на вторник⁵, часу во 2-м или 3-м, *сжег все свои бумаги дотла*. От що горе! Премного провинились в этом окружавшие его, из коих одному⁶ он отдавал⁷ весь свой портфель, туго набитый, а тот, разумеется, *поцеремонился*, как сам потом имел еще дух рассказывать. От що горе, так горе! <...>

28 февраля 1852 г., Москва.

Письма впервые опубликованы Г. П. Данилевским в его статье «Знакомство с Гоголем» (1886) (см. в наст. изд.). См. также: *Багалей Д. И.* Материалы для биографий южно-русских научно-литературных деятелей XIX века. I. Письма к Гр. Петр. Данилевскому / Оттиск из журнала «Киевская Старина». Киев, 1903 (цензурное разрешение 4 июня). С. 3–4. Печатается по автографам: РНБ. Ф. 236. Ед. хр. 35. Л. 1, 3–4; 5–6.

¹ Некто А—й, знакомый О. М. Бодянского, исполнитель народных песен. Приглашенный дважды, А—й к Аксаковым так и не явился (см. в наст. изд. статью Г. П. Данилевского «Знакомство с Гоголем»).

² Имеется в виду Н. С. Аксакова.

³ Речь идет о поэмах Аполлона Николаевича Майкова (1821–1897) «Савонарола» (1851) и «Три смерти» (1851). См. в наст. изд. статью Г. П. Данилевского «Знакомство с Гоголем».

⁴ Таинство соборования было совершено над Гоголем в понедельник второй недели Великого Поста, 18 февраля 1852 г.

⁵ В ночь с понедельника 11 февраля на вторник 12 февраля 1852 г.

⁶ Подразумевается граф А. П. Толстой.

⁷ 10 февраля 1852 г. См. в наст. изд. некролог М. П. Погодина «Кончина Гоголя».

Гоголь в дневниковых записях О. М. Бодянского 1849–1851 гг.

<...> 21-го декабря <1849. Москва>. Часа в три пополудни навестил меня Николай Васильевич Гоголь, пришедший с поздравлением о победе над супостаты¹.

— Максимович (М. А.) был у меня сейчас, — сказал Гоголь, — и сообщил мне новость о вас, и я немедленно же очутился у вас, чтобы вас обнять и поздравить с победою. Конечно, можно и без университета жить, но без средств к жизни что за жизнь? Вам же, для ваших прекрасных предприятий, более другого нужны средства.

Тут прямо разговор перешел к сборнику малороссийских песен, который я по весне показывал ему и который намеревался помещать в «Чтениях»². С этою целью начато было мною печатание «Галицких народных песен» (червонорусских), приобретенное от священника Галиции (сначала на приходе, где-то в Покутье, а с 1849 г. профессора русского языка в львовском университете) Якова Федоровича Головацкого³, отпечатано было не более 2-х листов, как буря приостановила и их вместе со многим другим. А чтобы помещение песен в издании Исторического общества и притом песен, хотя русских, но не Руси Московской, не могло возбудить каких-либо толков и пересудов, то я предпослал, прежде всего, собрание песен великорусских, принадлежащее Петру Васильевичу Киреевскому, — собрание чрезвычайно богатое и важное. На первый раз помещены были в 9 кн<иге> 1848 г. так называемые «стихи»⁴, из коих до того не было известно в печати ни одного и о которых отозвались с большою похвалою самые благонамеренные русские журналы («Отечественные Записки» и «Современник»); вслед за первым опытом предполагалось поместить «Разноречья» к тем «Стихам», которых набралось столько, как и самих «Стихов»⁵. <...>

21-го <26> декабря <1849>¹. Обедал у именинника К. С. Аксакова с Гоголем, Максимовичем (М. А.), Хомяковым, Свербеевым и еще два какие-то неизвестные мне, да родные именинника. Отец⁶, простудившись дня за три, не был за столом, но к нему после обеда все мы ходили один за другим. А<лексей> С<тепанович> рассказал анекдот (самим им выдуманный, но выданный за слышанный или вычитанный) на вечере у графини Апраксиной, в присутствии графа С. Г. Строганова, о том, что на каком-то острове велось испокон, кто вступал на престол царский — съест непременно человека. Когда спросили раз вступившего только что на престол царя, каково нравится ему это кушанье и что за причина такого странного вкуса, отвечал:

— Оно вовсе мне не по нутру, но, видите, так ведется-де, исстари.

¹ В публикации ошибочно: 21-го декабря (ср. выше дневниковую запись от этого числа). Память преподобного Константина Синадского — день именин Константина Аксакова — приходится на 26 декабря ст. ст. Запись датируется 1849 г., так как упоминаемый в ней М. А. Максимович находился в Москве зимой 1849/50 г.

Граф и графиня поняли намек и с тех пор не жаловали анекдотиста, который прибавил:

— И правду сказать, есть за что. Я никогда не мог ужиться с аристократами, никогда не поклонялся им.

— Зато, конечно, — подхватил Свербеев, — готов повалиться в ногах черни.

Общий смех удовольствия разразился со всех сторон, даже сам рассказчик видимо был доволен этим.

Свербеев называл Петра Яковлевича Чаадаева воплощенным себялюбием, который готов сказать, слыша о генерале Лидерсе⁷, что он проездом в Москве: «что это Лидерс не завернул ко мне? Странно!»

Генерал Плещеев⁸, слепой исполнитель предписаний начальства, но вне того своими суждениями о том и другом выводит хоть кого из терпения.

— Зачем ты это так делаешь? — спросил его знакомый.

— Затем, что в службе не рассуждают, а только исполняют, а вне ее наоборот.

Воротившись из отпуска, в котором пробыл лишний целый год, вместо 3-х месяцев, на вопрос о причине того великого князя Мих<аила> Пав<ловича>: «Учил актеров ярославских действиям царей». То есть, заметивши, что ярославские актеры плохо играют роли царские, он вздумал их поучить и прочил целый год. В характере этого человека замечательна еще та особенность, что при нем нельзя ничего похвалить из его вещей — тотчас же на другой день, даже скорее, пришлет ее хвалившему, и готов рассердиться и побраниться, если тот не примет оной. Подобный же чудац был и князь Цицианов.

— Какая у вас, князь, отличная пара лошадей.

— А что, хороша? Ведь это из моего завода.

— А что она стоит?

— Пара 200 р<ублей> ассигн<ациями>.

— Чувствительно, как дешево!

— Не угодно ли взять за эту цену!

И пара пошла за 200 р<ублей> ассигн<ациями>, между тем как он купил сам за две и более тысячи рублей, потому что у него и в помине не было завода. То же самое он делал и в других подобных случаях.

— Не понимаю, как можно быть в наше время национальным?.. — сказал, между прочим, Свербеев.

— А я так не понимаю, как можно не быть в наше время не национальным, — возразил я ему. <...>

9-го мая <1850>. Обед у С. Т. Аксакова. Появление мое изумило семейство его, сидевшее уже за обедом, потому что все они не ждали меня к себе, полагая, что и я отправился на обед к Н. В. Гоголю по случаю его именин (а родился он в марте), на каковой звал он всех, бывших у него с поздравлением, именно в сад к Погодину, и почти силой затащил с собою К<онстанти>на> и Гр<игория> Т. Аксаковых. Я сказал, что я не мог быть там уже потому одному, что никогда и никого не поздравляю ни с чем нарочно; а если бы и виделся как с именинником и получил приглашение, то не пошел бы никоим образом в такое место⁹. <...>

11-го мая. Везде то и дело, что ищут 55 № «Московских Ведомостей», в котором напечатано следующее в отделении 2 Прибавлений к ведомостям (объявления частные)¹⁰:

«Я, нижезначущийся, имею честь известить любителей егерской и псовой охоты, что я, оставив¹ по некоторым обстоятельствам военную службу, занимаюсь теперь дрессированием легавых и выездк<ов>¹¹ борзых и гончих собак, чем и сделался известным в здешнем околке,

¹ В изд. 1888 г. ошибочно: оставил

¹¹ В изд. 1888 г. ошибочно: выезд<д>ных

почему многие гг. охотники вверяли своих собак моему воспитанию, за самую умеренную плату, и по окончании курса получали их с опыта^I и остались ими вполне довольными, особенно борзыми и гончими, ибо первые, находясь^{II} без свор, не мечутся под гончих, а последние гонят верно, стойко и так позывисты, что мне стоило только подать голос в рог, как они в минуту являлись^{III} ко мне из дремучего леса, за что я и получал от гг. охотников письменные благодарности. Сверх сего я обучаю людей подвывать^{IV} волков, и так верно, что по отзыву этого зверя могу утвердительно определить число их стаи; а как в Мензелинском уезде в настоящее время показалось^V много прибыл<ых>^{VI} волков с белыми лапами, похищ<ающих>^{VII} преимущественно достойные государственных крестьян, которые хотя и сами воют также волком, но не могут еще с точност<ью>^{VIII} определить числа^{IX} кочующих стай, для чего нужно время; а потому я и предлагаю желающим^X мое знание и услуги и покорнейше их прошу^{XI} адресовать ко мне, Оренбург<ской> губ<ернии>^{XII}, в г. Мензелинск, где я имею мою корреспонденцию. Корнет Я. Атуев». См. стр. 508, столб<ец> 2-й.

Говорят, что это иносказание: под волками разумеет следует чиновников министерства государственных имуществ, обращающих в Оренбургской и других губерниях государственных крестьян. Оно, по некоторым слухам, прислано из Елабуги по почте в контору университетской типографии¹¹, а по надписи подано на почту крепостным человеком Атуева, Кречетовым; пролежало у обер-полицеймейстера¹² более 2-х месяцев и потом неожиданно явилось в печати. Судя по тому, что оно так долго лежало у этого последнего и что даже конверт сохранился в конторе, вероятно, не безызвестно было кой-кому о нем, что оно и от кого. Корректор, читая его, поставил было NB, но все-таки пропустил, не смея того сделать с цензурованным обер-полицеймейстером, хотя бы, однако, и мог, и должен был показать свое сомнение кому-либо выше себя в конторе или редактору. Этот, заведывая официальной частью «Московских Ведомостей», не имеет права вмешиваться в неофициальную их часть, которая вся на ответственности обер-полицеймейстера, состоя из объявлений, из коих ни одно не имеет быть напечатано без его просмотра и подписания. Однако же, и редактор, и корректор просидели под арестом (у себя дома) 3 дня, во избежание большего взыскания со стороны высшего начальства. В Москве в этот же самый день разнесся слух об этом объявлении, и, кажется, вдруг заговорили во всех ее углах о нем; по крайности я слышал от многих, часов через 5, 6 по выдаче ведомостей и притом в разных местах, совершенно противоположных концах города.

12-го мая. Наконец я собрался к Н. В. Гоголю. Вечером в часов 9 отправился к нему, в квартиру графа Толстого, на Никитском бульваре, в доме Талызиной. У крыльца стояли чьи-то дрожки. На вопрос мой: «дома ли Гоголь?», лакей отвечал, запинаясь: «дома, но наверху у графа». — «Потрудитесь сказать ему обо мне». Через минуту он воротился, прося зайти в жилие Гоголя, внизу, в первом этаже, направо, две комнаты. Первая вся устлана зеленым ковром, с двумя диванами по двум стенам (1-й от дверей налево, а 2-й за ним, по другой стене); прямо

^I В изд. 1888 г.: с опыта — *пропущено*.

^{II} В изд. 1888 г. *ошибочно*: находились

^{III} В изд. 1888 г. *ошибочно*: явились

^{IV} В изд. 1888 г. *ошибочно*: подзывать

^V В изд. 1888 г. *ошибочно*: показано

^{VI} В изд. 1888 г.: прибыли

^{VII} В изд. 1888 г.: похищавших

^{VIII} В изд. 1888 г. *ошибочно*: в точности

^{IX} В изд. 1888 г. *ошибочно*: число

^X В изд. 1888 г.: желающим — *пропущено*.

^{XI} В изд. 1888 г.: прошу их

^{XII} В изд. 1888 г.: адресовать в Оренбургскую губернию

печка с топкой, заставленной богатой гардинкой зеленой тафты (или материи) в рамке; рядом дверь у самого угла к наружной стене, ведущая в другую комнату, кажется, спальню, судя по ширмам в ней, на левой руке; в комнате, служащей приемной, сейчас описанной, от наружной стены поставлен стол, покрытый зеленым сукном, поперек входа к следующей комнате (спальне), а перед первым диваном тоже такой же стол. На обоих столах несколько книг кучками одна на другой: тома два «Христианского Чтения», «Начертание церковной библейской истории»¹³, «Быт русского народа»¹⁴, экземпляра два греко-латинского словаря (один Гедеринов), словарь церковно-русского языка, Библия в большую 4-ку московской новой печати, подле нее молитвослов киевской печати, первой четверти прошлого века; на втором столе (от внешней стены), между прочим, сочинения Батюшкова в издании Смирдина «русских авторов», только что вышедшее, и пр.

Минут через пять пришел Гоголь, извиняясь, что замешкался.

— Я сидел с одним старым знакомым, — сказал он, — недавно приехавшим, с которым давно уже не виделся.

— Я вас не задержу своим посещением?

— О нет, мы посидим, сколько угодно вам. Чем же вас потчевать?

— Решительно ничем.

— Чаем?

— Его я не пью никогда. Пожалуйста, не беспокойтесь нимало: я не пью ничего, кроме воды.

— А, так позвольте же угостить вас водицей содовой.

Тотчас лакей принес бутылку, которую и опорожнил в небольшой стакан.

— Несколько раз собирался я к вам, но все что-нибудь удерживало. Сегодня, наконец, уличил досуг и завернул к вам, полагая, что если и не застаю вас, то оставлю вам билетец, чтобы знали вы, что я был-таки в вашей обители.

— Да, — подхватил он, — чтобы знали, что я был у вас. Сегодня слуга мой говорит мне, что ко мне, около обеденной поры, какая-то старушка¹⁵ заходила и три раза просила передать мне, что вот она у меня была; а теперь я слышу, что она уже покойница. «Да скажи же Николасу Васильевичу», пожалуйста, скажи, что была у него: была нарочно повидаться с ним». Вероятно, бедняжка, уставши от ходьбы, изнемогла под бременем лет, воротившись в свою светелку, кажется, на 3 этаже.

Разговаривая далее, речь коснулась литературы русской, а тут и того обстоятельства, которое препятствует на Москве иметь свой журнал; «Москвитянина» давно уже никто не считает журналом, а нечто особенным.

— Хорошо бы вам взяться за журнал; вы и опытни в этом деле, да и имеете богатый запас от «Чтений» — книжек на 11–12 вперед; только для того нужно, прежде всего, к тому, что у меня, кое-что, без чего никакой журнал не может быть.

— Понимаю, — капитал.

— Года на три вперед, чтобы действовать наверное.

— Конечно, но тогда успех не подлежит сомнению.

— Вы бы собрали вокруг себя снова делателей?

— Думаю. Кто за деньгу не станет работать, если работали у меня и без денег? Уверен, все пишущее ныне в Петербурге писало бы мне, исключая разве 2–3 неизменных копий питерских предпринимателей. Особливо это вероятно тогда, когда бы плата превышала петербургскую заработку; много значит получить ее на месте, непосредственно, спустя неделю-две после набора статьи, нежели ждать, пока выйдет в Питере книжка, а там когда-то приказано будет уплатить комиссионеру причитающееся поставщику.

— Для большего успеха отечественного нужно, чтобы в журнале было как можно больше своего, особенно матерьялов для истории, древностей и т. п., как в ваших «Чтениях». Еще боль-

ше. Это были бы те же «Чтения», только с прибавкой одного отдела, именно «Изящная Словесность», который можно было бы поставить спереди или сзади и в котором помещалось одно лишь замечательное, особенно по части иностранной литературы (за неимением современного и старое шло бы). И притом так, чтобы избежать как можно немецкого педантизма в подразделениях. Чем объемистее какой отдел, тем свободнее издатель, избавленный от кропотливых забот отыскивать статьи для наполнения клеток своего журнала, из коих многие никогда бы без того не были напечатаны.

— Разумеется.

Перед отходом спросил я, где он хочет провести лето...

— Мне хотелось бы пробраться в Малороссию свою, потом на осень воротиться к вам, зиму провести где-либо потеплее, а на весну снова к вам.

— Что же, вам худо было у нас этой зимой?..

— И очень. Я зяб страшно, хотя первый год чувствовал себя очень хорошо.

— По мне, если не хотите выезжать за границу, лучше всего в Крыму.

— Правда, и я собираюсь попытаться это сделать в следующую зиму.

— Но и там скучно. Говорят, что на южном берегу с недавнего времени стали многие проводить зиму.

— За границу мне бы не хотелось, тем более, что там нет уже тех людей, к которым я привык, все они разбежались.

— Но если придется вам непременно ехать туда, разумеется, снова в Рим?

— Нет, там в последнее время было для меня уже холодновато, скорее всего в Неаполь; в нем проводил бы я зиму, а на лето по-прежнему убирался бы куда-нибудь на север, на воды или к морю. Купанье морское мне очень хорошо.

Прощаясь, он спросил меня, буду ли я на варениках¹⁶. «Если что-либо не помешает». Под варениками разумеется обед у С. Тим. Аксакова по воскресеньям, где непременно блюдом были всегда вареники для трех хохлов: Гоголя, М. А. Максимовича и меня, а после обеда, спустя час-другой, песни малороссийские под фортепьяно, распеваемые второю дочерью хозяина, Надеждою Сергеевною, голос которой очень мелодический. Обыкновенно при этом Максимович подпевал. Песни пелись по «голосам малороссийских песен», изданных Максимовичем¹⁷, и кой-каким другим сборникам (Вацлава из Олеска, где голоса на фортепьяно положены известным музыкантом Липинским)¹⁸, принесенным мною.

Почти выходя, Гоголь сказал, что ныне как-то разучиваются читать; что редко можно найти человека, который бы не боялся толстых томов какого-нибудь дельного сочинения; больше всего теперь у нас развелось *щелкоперов*, — слово, кажется, любимое им и часто употребляемое в подобных случаях. <...>

27-го октября <1850>¹⁹. Гр<аф> С. Г. Строганов рассказывает, что он, по просьбе Гоголя, через дочь его, графиню Толстую²⁰, бывшую с мужем²¹ за границей²², написал свое мнение о «Переписке Гоголя с друзьями»²³, которое заключил так: «человек спасен, но автор погиб». После сего Гоголь замолчал и был мрачен весь вечер. «Это человек, по словам Строганова, в высшей степени самолюбивый», что и я подтвердил с своей стороны. <...>

31-го октября <1851>. Вечер у Аксакова с г. Погорецким, штаб-лекарем в 6-м пехотном корпусе (родом из-под Василькова, Киевской губернии, и моим старым знакомым) и Г. П. Данилевским, тоже малороссом (из Екатеринославской губернии), служащим чиновником при товарище министра народного просвещения (Норове); пение разных малороссийских песен, к чему приглашены были Гоголем, с коим я познакомил Данилевского. Перед началом Гоголь, пришедший в 8 часов вечером, при разговоре между прочим заметил, что первую идею к «Ревизору» его подал ему Пушкин, рассказав о Павле Петровиче Свиныне, как он, из Бессарабии,

выдавал себя за какого-то петербургского важного чиновника, и только зашедши уж далеко (стал было брать прошения от колодников), был остановлен. «После слышал я, — прибавил он, — еще несколько подобных проделок, напр<имер>, о каком-то Волкове²⁴. <...>

Впервые опубликовано: *Павловский И. Ф.* Осип Максимович Бодянский в его дневнике 1849–1850 гг. // Русская Старина. 1888. № 11. С. 401–402, 405–409; *Павловский Ив. Фр.* Осип Максимович Бодянский в его дневнике 1849–1852 гг. // Русская Старина. 1889. № 10. С. 129, 133–134. Печатается по первой публикации. Последовательность записей, вследствие уточнения датировки, изменена.

¹ Речь идет о восстановлении О. М. Бодянского в должности профессора Московского университета в связи с публикацией в 1848 г. в «Чтениях Императорского Общества Истории и Древностей Российских» сочинения английского посла в России в 1588–1589 гг. Дж. Флетчера «О государстве русском», которое содержало весьма критические отзывы о Русской Церкви и русском царе и было издано в 1591 г. в Лондоне. (Гоголю книга Дж. Флетчера была известна еще в конце 1820-х гг. по публикации В. П. Титовым фрагмента из нее в поединском «Московском Вестнике» за 1827 год (ч. 1–2). Отсюда Гоголь внес тогда в свою «Книгу всякой всячины, или подручную Энциклопедию» выписки «Нравы русских» и «О старинных русских свадьбах». Кроме того, Флетчера обильно цитировал Н. М. Карамзин в своей «Истории государства Российского», с которой Гоголь также познакомился еще в Нежине.) Сочинение Дж. Флетчера, переведенное Д. И. Гиппиусом и Н. В. Калачевым, было представлено в 1847 г. в Общество Истории и Древностей Российских князем М. А. Оболенским. По прямому распоряжению председателя Общества, главы Московского цензурного комитета и попечителя Московского учебного округа графа С. Г. Строганова сочинение Флетчера было напечатано в первой книге «Чтений...» за 1848/49 г. и в сентябре 1848 г. вышло в свет. Секретарем Общества и редактором «Чтений...», подписавшим к печати публикацию очерка Флетчера, был О. М. Бодянский. 30 сентября 1848 г. на заседании Общества экземпляры только что вышедшей книги были розданы его членам, а 1 октября Бодянский представил книгу министру народного просвещения С. С. Уварову, бывшему тогда в Москве. Уваров — находившийся в давних неприязненных отношениях со Строгановым — и, возможно, уже предупрежденный о содержащихся в сочинении Флетчера «неодобрительных отзывах о русском правительстве и духовенстве» (*Белокуров С. А.* «Дело Флетчера» // Чтения в Имп. Обществе Истории и Древностей Российских. 1910. Кн. 3. Отд. III. С. 21), тут же распорядился о возвращении в Общество розданных книг и доложил о случившемся Государю. Вследствие доклада Уварова Бодянский в наказание за пропуск сочинения Флетчера был переведен из Московского университета в Казанский (по семейным обстоятельствам он не смог туда поехать и вышел в отставку) (см. также в наст. изд. письмо А. М. Языкова к В. Д. Комовскому от 1 декабря 1848 г.).

В дневнике М. П. Погодина 1846–1852 гг. в связи с этим сохранилась запись от 17 октября 1848 г.: «Бодянский с известием о доносе Снегирева Министру, а теперь распускает слухи на меня. О какое противное и скаредное создание!» (см. в наст. изд.). См. также запись Погодина от 28 ноября 1848 г.: «С Язык<овыми> о сплетнях. — Слышал их восклицания о Бодян<ском>, которого не знают в глаза, а теперь вступаются!» (см. в наст. изд.); и от 22 октября 1849 г.: «Гадости Бод<янского> о Григоровиче» (*Погодин М. П.* Дневник. 1846–1852 // *РГБ. Ф.* 231. Разд. I. К. 34. Ед. хр. 1. Л. 54). Бодянский в то время предположил, что Уваров был предупрежден о сочинении Флетчера М. П. Погодиным, — и вследствие этого надолго с Погодиным рассорился. Однако, по замечанию П. И. Бартенева, Бодянский «не знал (да и теперь многие не знают), что в так называемой Флетчеровой истории Погодин и Шевырев были совершенно безупречны. К великой чести Бодянского служит что, по кончине Погодина, он прочел в Обществе Истории и Древностей речь о нем с выражением раскаяния своего в ложном о нем мнении» (*Титов А. А.* Письма П. А. Кулиша к О. М. Бодянскому (1846–1848) // Русский Архив. 1892. № 11. С. 301). М. П. Погодин еще 23 декабря 1848 г. записал в дневнике: «К Шев<ыреву>. <...> Бод<янский> пред ним уже разливается слезами, только что обругавши и оклеветавши нас всех. — Что за гадости. Не хотелось его разуверять» (см. в наст. изд.). См. также в наст. изд. письмо С. Т. Аксакова к сыну Ивану от 15 ноября 1848 г. и коммент. к нему.

Следует подчеркнуть, что Бодянский не был инициатором публикации очерка Флетчера (полностью очерк был опубликован в России только в 1905 г.). Напротив, Бодянский предупреждал графа Строганова о возможных неприятностях. Главную ответственность за напечатание сочинения «О государстве русском» нес именно Строганов, который 16 ноября 1848 г. писал Уварову: «...Бодянский два раза обращал внимание мое на содержание Флетчера и несмо-

тра на его представление статья была назначена мною к печати» (*Белокуров С. А.* «Дело Флетчера». С. 14). Об этом же сообщил М. П. Погодин С. П. Шевыреву в письме от 10 октября 1848 года: «Оболенский указывал на места. Бодянский спрашивал Строганова 2 раза и читал ему все главы сполна» (Там же. С. 14).

Спустя некоторое время состоялось объяснение по этому делу графа Строганова с Государем. По свидетельству Бодянского, оно закончилось решением Императора удалить в ближайшем будущем графа Уварова с поста министра. Об этом Бодянский 23 декабря 1848 г. записал в своем дневнике: «Бывши у Государя, — говорит граф Строганов, — после обеда я отошел с ним к камину, где <...> он спросил меня: “Что там ты печатаешь такое?” “Государь, — отвечал я, — я печатал такое, что всегда готов напечатать. Флетчерово сочинение относится к царствованию Ивана Грозного и сына его Феодора; все худое, замеченное иностранцем о Руси того времени, не относится к нынешней, ничем на нее не похожей. Уваров по личной ко мне вражде решился наделять из этого шуму и представить В<ашему> В<еличест>ву как нечто зловредное. А я между тем напечатал его в журнале ученого Общества, бывшего под моим председательством, имевшего весьма тесный круг читателей <...> если ученым мы будем не дозволять знать и худую сторону нашу, тогда и в доброй свет усомнится”. “Хорошо, хорошо, — подхватил тогда Государь, — мы все это уладим скоро и пострадавший от Уварова (имеется в виду Бодянский. — *И. В.*) возвратится непременно на свое место, когда тот не будет более министром; а это, говорю тебе, скоро наступит”» (*Кочубинский А. А.* О. М. Бодянский в его дневнике // Исторический Вестник. 1887. № 12. С. 517).

Императору, конечно же, лучше других были известны и достоинства, и недостатки Уварова. Действительно, через год, 20 октября 1849 г., Уваров, — который незадолго до того, в 1846 г., был возведен в графское достоинство, — был снят с должности министра. (На эту должность был назначен его бывший заместитель, товарищ министра князь П. А. Ширинский-Шихматов — отличавшийся, не в пример своему предшественнику, глубокой религиозностью.) 4 декабря 1849 г. Бодянскому было разрешено вернуться в Московский университет. 20 декабря приказ об определении Бодянского в университет был напечатан в «Московских Полицейских Ведомостях», и на следующий день Гоголь и навестил «пострадавшего от Уварова», о чем и сообщает дневниковая запись Бодянского.

Поскольку восстановление Бодянского в должности оказалось связанным с отставкой Уварова, то поздравление Гоголя с «победой над супостатами», вероятно, предполагало критическую оценку деятельности бывшего министра — что вполне совпадало с сложившимся к тому времени подобным же отношением к Уварову самого Государя (подробнее об отношении Гоголя к Уварову см.: *Виноградов И. А.* Гоголь и Уваров. Неизвестная страница биографии писателя // Н. В. Гоголь. Загадка третьего тысячелетия. Первые Гоголевские чтения / Под общ. ред. В. П. Викуловой. М., 2002. С. 189–202; *Виноградов И. А.* Н. В. Гоголь и С. С. Уваров: Православие, Самодержавие, Народность // Духовный путь Н. В. Гоголя. М., 2009. Ч. 2. С. 184–227). (Уваров, впрочем, сам, в ответ на прошение О. М. Бодянского от 14 июля 1849 г. о восстановлении его на службе в Московском университете, ходатайствовал за него 9 августа того же года перед главным управляющим Инспекторским департаментом гражданского ведомства А. С. Таневым; см.: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1895. Т. 10. С. 553.) Примечательно еще одно свидетельство графа Строганова, переданное в 1892 г. П. И. Бартевым: «В последние годы своей жизни граф С. Г. Строганов (1794–1882) неоднократно передавал пишущему эти строки и другим про первое свое представление Николаю Павловичу по увольнению от должности попечителя. “Однако же, какое ты письмо написал в ответ? Ведь он <Уваров> был твой начальник!” — “Во-первых, расстояние между попечителем и министром еще не особенно большое; а во-вторых, Вашему Величеству лучше других известно, что за человек мой бывший начальник”. — “И то правда, и то правда!” — сказал Государь и пожал верному слуге своему руку» (*Б<артнев> П. И.* Об Украинно-славянском обществе. (Из бумаг Д. П. Голхвастова) // Русский Архив. 1892. № 7. С. 358).

Вражда между Уваровым и Строгановым проявилась, в частности, в том, что в 1847 г. последний, будучи попечителем Московского учебного округа, вышел в отставку, отказавшись огласить университетскому совету циркуляр Уварова, разъяснявший официальную точку зрения на славянофильство в связи с делом «кирилло-мефодиевского» общества. Сепаратистская деятельность разоблаченного в 1847 г. Украинно-Славянского общества (организаторы называли свой кружок Обществом Св. Кирилла и Мефодия) спровоцировала тогда правительственные гонения на московских славянофилов, началом которых и явился циркуляр Уварова. Дело дошло до того, что в 1847 г. было решено поощрить бывшего сотрудника Уварова в «Журнале Министерства Народного Просвещения» А. А. Краевского — превратившегося к тому времени в издателя либерально-западнических «Отечественных Записок» — «к продолжению помещения в его журнале статей в опровержение славянофильских бредней» (цит. по: *Симонова И. А.* Федор Чижов. М., 2002.

С. 102). — М. П. Погодин летом 1842 г., после встречи с западниками Е. Ф. Коршем и Т. Н. Грановским, предложившими ему участвовать в издании «Москвитянина», в частности, писал С. П. Шевыреву: «Грановский и Корш приезжали ко мне в воскресенье толковать о *Москвитянинах*. Я спросил их: возьмут ли они свято соблюдать нашу программу, отречутся ли от диавола и *Отечественных Записок*, будут ли почитать Христианскую религию, уважать брак. <...> Вот с чем я отпустил их» (переговоры ни к чему не привели; см.: *Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина*. СПб., 1892. Кн. 6. С. 280–281). В. А. Жуковский 1 августа (н. ст.) 1844 г. также сообщал Гоголю: «Гр<афиня> Вьельгорская привезла для вас несколько книг “Христианского Чтения” и несколько № бесовского, то есть “Отечественных Записок”». См. также в наст. изд. примеч. 5 к «Замечательному десятилетию» П. В. Анненкова.

Добавим, что, подобно А. А. Краевскому, со временем эволюционировал к либеральному западничеству еще один из ближайших сотрудников Уварова цензор А. В. Никитенко. В 1847 г. он возглавил журнал «Современник», переданный П. А. Плетневым в руки западников, а незадолго перед тем явился главным инициатором запрещения ряда статей религиозно-патриотического содержания в «Выбранных местах из переписки с друзьями» (см. об этом подробнее: *Виноградов И. А. Неизвестные автографы двух статей Н. В. Гоголя // Мир библиографии*. 2002. № 5. С. 20–27; *Виноградов И. А. К истории создания и публикации духовной прозы Гоголя // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. Т. 6. С. 445–464*). То же следует сказать и о И. И. Панаеве, состоявшем до 1845 г. при редакции «Журнала Министерства Народного Просвещения» и одновременно принимавшем активное участие в издании «Отечественных Записок».

² См., в частности, в наст. изд. письмо А. М. Языкова к В. Д. Комовскому от 1 декабря 1848 г.

³ Яков Федорович Головацкий (1814–1888), иерей, профессор и ректор Львовского университета, общественный деятель Галицкой Руси. В 1850 г. братом Я. Ф. Головацкого П. Ф. Головацкий был сделан первый перевод «Тараса Бульбы» на польский язык, в 1851 г. — на «галицко-русский» (украинский).

⁴ См. в наст. изд. *Предисловие <к тому «Русских народных стихов»>* П. В. Киреевского.

⁵ Далее в источнике примеч. И. Ф. Павловского: «Этими двумя с половиною листами и заканчивается 1849 год».

⁶ С. Т. Аксаков.

⁷ Граф Александр Николаевич Лидерс (1790–1874), генерал-адъютант.

⁸ Александр Павлович Плещеев (ум. в 1867), генерал-майор.

⁹ См. выше примеч. 1.

¹⁰ Далее цитируется полный текст объявления: Я, нижезначущий... ~ *Корнет Я. Атуев // Прибавления к № 55-му Московских Ведомостей*. (9-го мая 1850 года). Отделение II. Объявления частные. С. 508. В наст. изд. текст объявления печатается по первой публикации; искажения в публикации 1888 г. приводятся в подстрочных примечаниях.

9 мая 1850 г. настоящее газетное объявление читал на именинах Гоголя у М. П. Погодина А. С. Хомяков (см. в наст. изд. «Воспоминания о Н. В. Гоголе» Н. В. Берга).

¹¹ Здесь принималась плата за объявления и подписку на «Московские Ведомости», о чем отдельной строкой под заглавием газеты сообщалось в каждом ее номере: «Подписка принимается в Конторе Типографии Императорского Московского Университета».

¹² И. Д. Лужина.

¹³ Книга святителя Филарета, митрополита Московского и Коломенского, «Начертание церковно-библейской истории» (СПб., 1816), неоднократно переиздававшаяся (1819, 1823, 1839 и др.). В составленном М. П. Погодиным «Рестре книгам, отправленным из Москвы в Рим Гоголю 1841 года июля 11 дня» значится второе издание этой книги (см.: *Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. С. 721*).

¹⁴ Имеется в виду книга А. В. Терещенко «Быт русского народа». В 7 ч. СПб., 1848.

¹⁵ Н. Н. Шереметева; умерла 11 мая 1850 г.

¹⁶ В воскресенье 14 мая 1850 г.

¹⁷ См. в наст. изд. коммент. к *Воспоминаниям Н. С. Аксаковой в статье П. А. Кулиша «Выправка некоторых биографических известий о Гоголе»*.

¹⁸ См. также в наст. изд. коммент. к *Воспоминаниям Н. С. Аксаковой в статье П. А. Кулиша «Выправка некоторых биографических известий о Гоголе»*.

¹⁹ Дневниковая запись от 27 октября 1850 г. находится на отдельном листе.

²⁰ Графиня Софья Сергеевна Толстая (рожд. графиня Строганова, 1824 – 13 февр. 1852).

²¹ Имеется в виду граф Иван Петрович Толстой (1810–1873), брат А. П. Толстого.

²² 25 марта (н. ст.) 1847 г. Гоголь, в частности, писал А. А. Иванову из Неаполя: «Пишу к вам несколько строчек с граф<ом> Иван<ом> Петр<овичем> Толстым, который есть родной брат моего закадычного приятеля, Ал<ександра> Петр<овича>, стало быть, с тем вместе родной брат и Софье Петровне <Апраксиной>, вам довольно знакомой, а потому вы, если вам не будет это в тягость, позвольте взглянуть им на вашу картину. Граф и графиня (урожд. графиня Строганова) очень добрые люди, а потому вы можете им даже объяснить ваше положение. Они же едут, не останавливаясь, в Россию, стало быть, будут иметь случай заговорить и с другими о вашем положении».

²³ 2/14 июня М. П. Погодин писал Гоголю из Москвы по поводу статьи «О том, что такое слово» (с критикой Погодина): «А граф Строганов, прочитав твои письма, с кошачьей злобой говорит мне: “Ваши друзья говорят об вас то же”». Гоголь 8 июля (н. ст.) 1847 г. отвечал Погодину: «В конце своего письма ты, давши мне маленький урок, как оно и следовало, говоришь: “нужно любить, любить и любить”, и вслед за этим с чувством огорченного человека негодуешь на Строганова [за новую колкость] за неприглядную и злую колкость. Что сказать на это: “Надо любить и Строганова!” С тех-то именно нужно начать, которые нас огорчают, а иначе когда же мы выучимся любить?»

²⁴ Имеется в виду Платон Григорьевич Волков (около 1799 или 1800–1850), поэт, журналист, критик, сын вологодского помещика, воспитанник иезуитов, с 1822 г. подпоручик в отставке, в 1829–1830 гг. канцелярист департамента государственных имуществ Министерства финансов, карточный игрок. Об этом прототипе своего героя Гоголь мог узнать или от А. С. Пушкина, или от П. И. Балабина. В 1836 г. князь П. А. Вяземский, возможно, со слов Пушкина, сообщил: «В одной из наших губерний, и не отдаленной, был действительно случай, подобный описанному в “Ревизоре”. По сходству фамилии принял одного молодого проезжего за известного государственного чиновника. Все городское начальство засуетилось и приехало к молодому человеку *являться*. Не знаем, случилась ли ему тогда нужда в деньгах, как проигравшемуся Хлестакову, но, вероятно, нашлись бы заимодавцы» (<Вяземский П. А., князь> В. «Ревизор». Комедия. Соч. Н. Гоголя. С.-Петербург. 1836 // Современник, литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. 1836. Т. 2 (цензурное разрешение 30 июня). С. 294–295). Позднее граф В. А. Соллогуб указывал: «Пушкин познакомился с Гоголем и рассказал ему про случай, бывший в г. Устюжне Новгородской губернии, о каком-то проезжем господине, выдавшем себя за чиновника министерства и обобравшем всех городских жителей» (см. в наст. изд. фрагмент «Из воспоминаний» графа В. А. Соллогуба). Ср. также в наст. изд. в «Записках А. О. Смирновой» О. Н. Смирновой: «Вечером я рассказала Е<го> В<еличеству>, что Сверчок <А. С. Пушкин> дал Гоголю сюжет для комедии: какой-то игрок приезжает в провинцию и его принимают за важное лицо; эта история не выдуманная».

Сообщаемые Бодянским слова Гоголя о «проделке» «какого-то Волкова», а также свидетельство Соллогуба о случае с «проезжим господином» в Устюжне подтверждаются документально. 20 марта 1829 г. новгородский гражданский губернатор Август Ульянович Денфер (1785–1859) запрашивал устюжнского городничего (с 1824 г.) Ивана Александровича Макшеева: «...Известся частно, что проезжающий из Вологды на собственных лошадях и в карете некто в партикулярном платье с мальтийским знаком, проживает во вверенном Вам Городе более пяти дней, о причине столь долгого его нахождения, ниже и того, к какому он классу людей принадлежит, никто из жителей, даже и сами Вы не знаете, почему необходимости считаю иметь от Вас сведение, по какому случаю проживал он в Устюжне, не входил ли в общественные собрания <так> и в присутственные места и не обращал ли он какого-либо внимания на какие-нибудь предметы, ежели же он и ныне находится в Устюжне, спросить о звании его и меня без промедления времени уведомить» (*Поздеев А. А.* Несколько документальных данных к истории сюжета «Ревизора» // Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения. М.; Л., 1953. Т. 4. С. 32).

В ответ И. А. Макшеев 29 мая 1829 г. извещал губернатора, что «точно 10 мая был приехавший в вверенной мне город отставной подпоручик Вологодской помещик Платон Григорьев Волков, прибыл в город на почтовых лошадях с Вологодского тракта, а на другой день прибыли его лошади в карете; прислуга при нем: два лакея и кучер; сам был в партикулярном платье, имел Мальтийский знак. По приезде в город расположился в квартире, а на другой день пригласил к себе штаб-лекаря, брал у него лекарства, за которые его удовлетворил, я у него был, и он мне объявил, что по случаю болезни пробудет дней пять в городе, в домах был у меня два раза, у г-на исправника, у откупщика и на именинах у штаб-лекаря. В присутствие не входил, а был у меня в Городническом правлении частно, просил показать ему острог, где смотрел его расположение и сие делал, по моему заключению, из любопытства, в лазарет его пригласил штаб-лекарь, где он только посмотрел Аптеку, в училище духовном и Городовом был сам по себе, в соборе служил Молебен

и просил протопопа показать ему ризницу, и все оное делал отношением к лицам, до коего касалось, самым вежливым образом, а 17 мая отсюда отправился в С.-Петербург и будет иметь жительство уяди его Боборыкина в собственном его доме в Литейной части Фурштатской улице близ кирпичи св. Анны». В заключение Макшеев добавлял: «Я за нужное не полагал об партикулярном человеке довести до сведения Вашего Превосходительства, зная совершенно, что он не из числа подозрительных людей» (*Панов В.* Еще о прототипе Хлестакова // Север. 1970. № 11. С. 125).

5 июля 1829 г. начальник I округа корпуса жандармов (с 1826 по 1832 г.) генерал-майор П. И. Балабин сообщал А. Х. Бенкендорфу на основании доклада вологодского жандармского подполковника Дейнера: «Платон Волков после отъезда жены <имеется в виду бегство жены Волкова 1 января 1829 г.> надел на себя монашеский подрясник, вырастил бороду и ходил по церквам, говоря, что идет в монастырь. Но через месяц выбрился, надел фрак и отправился буд-то бы в Санкт-Петербург. А теперь в Вологде есть слухи, что он, проезжая через Устюжну, выдавал себя за чиновника канцелярии Вашего Высокопревосходительства, требовал себе квартиру, продовольствие для людей и лошадей, был на нескольких обедах у разных чиновников, обещал всем свою протекцию и, как говорят, оставлял адреса в канцелярию Вашего Высокопревосходительства, но неизвестно на чье имя. Г. Дейнер хотя и не может удостоверить в справедливости сих слухов, но счел обязанностью донести об оных, ибо такой дерзкий человек, как господин Волков, может еще выдумать что-нибудь вреднее» (Там же. С. 126–127).

4 декабря 1834 г. вологодский жандармский полковник Соколов, в свою очередь, докладывал начальнику I округа корпуса жандармов (с 1833 г.) генерал-майору Д. П. Полозову о «проступках» П. Г. Волкова: «Довел имение, будучи опекуном, до расстройства, расточил свое имущество и приобрел долгов до 50000 рублей, которых уплатить не в состоянии. Из имения дочери взял карету и 4-х лошадей, отправился в Петербург и все в Тихвине промотал, во время проезда в Устюжне, пользуясь легкомыслием некоторых лиц, выдавал себя за какого-то ревизора» (Там же. С. 127). См. также: *Аринин В. И.* Неразгаданные тайны Пушкина. М., 1998. С. 189–211; *Аринин В.* Хлестаков в Устюжне. Документальная повесть. Из стихов Платона Волкова. Вологда, 2008. С. 1–58.

Гоголь в дневниковых записях О. М. Бодянского 1852—1856 гг.

<...> 1/XI.52 г. В приезд свой в Петербург из Малороссии П. А. К<улиш> отдал мне все свои списки Малороссийских песен, сделанные им на отдельных листиках из печатных сборников. Тут ж и все те, которые находятся в сборнике Ходаковского, принадлежащем М. А. Максимовичу¹, и которые я сам лет 20 тому назад сделал для себя точно так же и из одного источника, только не на отдельных листиках, а всплошь, как они в упомянутом собрании следуют.

6/XI. В бытность у Ав. П. Елагинной² слышал я, вместе с К<улишом>, что Гоголь просил ее и еще кого-то принять на себя труд — те деньги, которые выручат за последнее издание его сочинений, раздать бедным. Вечером читал с П. А. К<улишом> статью Г. П. Данилевского, помещенную в 12-м № «Московск<их> Ведомостей» под заглавием «Хутор близ Диканьки»³. В ней исправил все неверности и промахи, а также по поводу ее вошел в некоторые подробности о последнем моем свидании с Н. В. Гоголем, что все записано было К<улишом>, со слов моих, для составления особой статьи⁴ в ответ Данилевскому и В. П. Г<аев>скому⁵ на его «Заметки для биографии Гоголя», помещенные в «Современнике» 1852 г., книга X, смесь, стр. 141–149. <...>

1853 г. <...> 26/I. После обеда у Н. В. Сушкова, пригласившего меня лично накануне, по случаю приезда брата его жены⁶ Ф. И. Тютчева, который, однако же, отозван был Графом С. С. Уваровым и пришел уже вечером, часу в 7-м. Разговаривая о том о сем, между прочим речь зашла о покойном Гоголе. Тут он показал мне письмо его к Ф. Ф. Вигелю, писанное в ответ, и вместе с тем и письмо Вигеля⁷. Оба взял я себе списать, как чрезвычайно замечательные характеристики того и другого. <...>

25/X⁸. Наконец, говорят, объявлен Манифест о войне с Турцией, подписанный 20-го Государем. Еще в конце сентября Ректор⁹ Университета поздравлял меня перед лекцией (в пятни-

цу¹⁰) с этим Манифестом, но оказалось, что немножко раненько, хотя, как говорится, с пальца не высосут. <...>

П. А. Кулиш проезжал снова, с 16 по 18-ое, через Москву и останавливался с женой и свояченицей¹¹ у меня. Хвалился очень удачной поездкой в Малороссию, где собрал довольно неизвестных доселе Дум у одного бандуриста, Шута, Черниговской губ<ернии> Сосницкого уезда, и подарил их мне, вместе с подлинными большими двумя письмами Н. В. Гоголя¹²... <...>

<...> 29/I. <1854> <...> Разговорившись о последнем его (К<ули>ша) сочинении о Гоголе, которое должно показаться в февральской книжке «Современника»¹³ и т. п., я ему рассказал, что повод к сочинению «Ревизора» был истинное происшествие, случившееся, как было мною уже замечено¹⁴, в Бессарабии с П. Свиным и рассказанное мне его близкими родственниками¹, что он тут же и записал, для памяти, при дальнейшей оценке его¹⁵. <...>

31/I. П. А. К<ули>ш, бывши у М. С. Щепкина¹⁶ с письмом от молодого Маркевича, А<ндрея> Н<иколаевича> (сына историка Малороссии¹⁷), которого Щепкин очень ценит, как отличного музыканта, между прочим сказал, что М<ихаил> С<еменович> на слова его: «Я приехал просить у Вас позволения прочесть Вам несколько отрывков из очерков Биографии Н. В. Гоголя, память которого для вас, как короткого его знакомого и почитателя, должна быть, конечно, драгоценна; а мне не хотелось бы сказать что-нибудь такого, что было бы не так или неприятно Вам», — рассказал тотчас следующее. Когда покойный Гоголь напечатал свой «Рим» в «Москвитянине»¹⁸, то, по условию, выговорил себе¹⁹ 20-ть оттисков, но тот²⁰, по обыкновению своему, не оставил, сваливая вину на типографию²¹. Однако Гоголь непременно хотел иметь их, обещав наперед знакомым по оттиску. И потому, настаивая на своем, сказал, разгораясь мало-помалу: «А если Вы договора не держите, так прикажите вырвать из своего журнала это число оттисков». — «Но как же, — заметил издатель, — ведь тогда я испорчу 20-ть экземпляров?» — «А мне какое дело до этого?.. Впрочем, хорошо: я согласен Вам за них заплатить, — прибавил Гоголь, подумав немного, — только чтоб непременно было мне 20-ть экз<емпляров> моей статьи, слышите? 20-ть экземпляров!»

Тут я увел его в его комнату, вверх, где сказал ему: «Зачем Вам бросать эти деньги так на ветер? Да за 20-ть целковых Вам наберут вновь Вашу статью». — «В самом деле? — спросил он с живостью. — Ах, Вы не знаете, что значит иметь дело с кулаком». — «Так зачем же Вы связываетесь с ним?» — подхватил я. «Затем, что я задолжал ему шесть тысяч рублей ассигнациями: вот он и жмет меня. Терпеть не могу печататься в журналах, — нет, вырвал-таки у меня эту статью! и что же, как же ее напечатал? Не дал даже выправить хоть в корректуре. Почему уж это так, он один это знает!» — «Ну, — подумал я (прибавил тут Щепкин), — потому это так, что иначе он и не сумеет: это его природа делать все, как говорится, тят да ляп²²».

«Бывши в Петербурге, — сказал Щепкин, — прошлым годом, я не мог отказать А. С. Норву²³ в желании его снять список с «Развязки Ревизора», а у него какой-то Данилевский²⁴, списав, распустил ее по городу, так что редко кто-либо не имеет ее теперь. Это мне не очень приятно». — «Конечно, — подумал я (заметил П<антелеймон> А<лександрович>²⁵), — однако этой неприятности обязан и я своим списком», с которого я тоже у него сделал себе снимок.

1/II²⁶. Отправившись утром к С. Т. Аксакову, в деревню Абрамцево, под Москвою, в 10-ти верстах от Троицы Сергиевой, П. А. К<ули>ш нашел совершенную готовность старика помогать ему в доставлении матерьялов для биографии Гоголя. Он снова повторил ему свое намерение сделать выписки из переписки своей с покойником, равно как дал письма к М. С. Щепкину и А. П. Елагиной о том же. Первый тотчас же сообщил десять писем к нему Гоголя²⁷, начиная с 26-го²⁸ апреля 1836 года, за месяц с небольшим до отъезда своего за границу, где намеревался пробыть только год, и потом, воротившись, поселиться в Москве. В письмах этих

¹ В издании 1887 г.: его близким родственником

преимущественно говорит о «Ревизоре», его постановке в Москве Щепкиным, по желанию самого сочинителя, и С. Т. Аксаковым, по вызову последнего, что, однако, первый отдавал вполне на усмотрение Щепкина. Говорит, что постановкой в Петербурге он решительно недоволен, тем более, что и Гедеонов, Директор Театра, делал разные неприятности, распределяя роли между актерами пристрастно. «Весь свет на меня вооружился, — замечает Гоголь. — чиновники, купцы, полицейские и даже писатели, — прибавляет, — бранят, бранят, а ходят смотреть. Что же было бы, если бы я изобразил Петербург, который далеко теперь лучше знаю, чем Губернию? Без высокого внимания Государя никогда бы не бывать Ревизору на сцене. Самая трудная в нем роль — Хлестакова, который просто глуп, и все, что ни говорит и делает, все говорит и делает экспромтом, несет вздор, потому что замечает, что его слушают, и притом плотно покушал; под конец заметно начинает краснеть, но не до того, чтобы замяться. Болтает он скороговоркой»²⁹ и пр. и пр.

4/II. Читал остальные письма Гоголя. В одном, без означения числа, месяца и года, но, судя по [адресу] штемпелю почтовому, от ...¹ ³⁰, говорит, между прочим, Щепкин <u>, чтобы он не пренебрегал и старыми, заигранными^{II} уже пиесами. «Вам предстоит долг заставить, чтобы не для автора пиесы и не для пиесы, а для актера-автора ездили в театр». Как это метко и верно, сужу по Рашели³¹, которая именно теперь сводит <с ума> своей игрой большей частью старых пиес, псевдо-классических пиес, точно так же и Москву, как Питер, Париж, Лондон, и всех будущих зрителей, потому что она актриса-автор.

В письме из Неаполя дек<абря> 16, 1847 г.³², говоря о необходимости отложить Ревизора с Развязкой до возвращения своего, Гоголь пишет: «Нужно, чтобы вы переиграли хотя мысленно все роли, услышали целое всей пиесы и несколько раз прочитали бы самую пиесу актерам^{III}, чтобы они таким образом невольно заучили настоящий смысл всякой фразы, который, как вы сами знаете, друг может измениться от одного удара, перемещенного на другое место или на другое слово». Ниже: «Словом, изгнать вовсе карикатуру и ввести их (актеров) в понятие, что нужно не *представлять*, а *передавать* прежде мысли, позабывши странность и особенность человека. Краски положить нетрудно; дать цвет роли можно и потом; для этого довольно встретиться с первым чудачком и уметь передразнить его; но почувствовать существо дела, для которого призвано действующее лицо, трудно, и без вас никто сам по себе из них этого не почувствует. Итак, сделайте им близким ваше собственное ощущение, и вы сделаете этим истинно доблестный подвиг в честь искусства. А между тем напишите мне (если книга моя «Выбранные места из Переписки» уже вышла и в ваших руках) ваше мнение о статье моей: «О театре и одностороннем взгляде на театр», не скрывая ничего и не церемонясь ни в чем, равным образом как и обо всей книге вообще. Что ни есть в душе, все несите и выгружайте внаружу».

В этом же письме: «Бывши в Москве, я не мог читать вам «Ревизора». Я не был в надлежащем расположении духа, а потому не мог даже суметь дать почувствовать другим, как он должен быть сыгран. Теперь, слава Богу, могу. Погодите, может быть, мне удастся так устроить, что вам можно будет приехать летом ко мне. Мне ни в каком случае нельзя заглянуть в Россию раньше окончания работы, которую нужно кончить».

В другом³³: «Переделку же я разумел только^{IV} в отношении к пиесе, заключающей «Ревизора». Понимаете ли это? В этой пиесе я так неловко управился, что зритель непременно должен вывести заключение, что я из «Ревизора» хочу сделать аллегорию. У меня не то в виду. «Ревизор» — «Ревизором», а применение к самому себе есть неперемнная вещь, которую должен сделать всяк зритель изо всего, даже и не «Ревизора», но которое прилично ему сделать по поводу

¹ В рукописи пробел.

^{II} В рукописи описка: заграничными

^{III} В рукописи ошибочно: актеру

^{IV} В рукописи ошибочно: не только

“Ревизора”. Вот что следовало было доказать по поводу слов: “Разве у меня рожа крива?” Теперь осталось все при всем: и овцы целы, и волки сыты. Аллегория аллегорией, а “Ревизор” — “Ревизором”. Странно, однако ж, что свидание наше не удалось. Видно, Бог не велит мне заниматься театром. Одно замечание насчет Городничего примите к сведению. Начало первого акта несколько у вас холодно. Не позабудьте также: у Городничего есть некоторое ироническое выражение в минуты самой досады, как, напр<имер>, в словах: “Так уж, видно, нужно. До сих пор подбирался к другим городам; теперь пришла очередь и к нашему”. Во втором акте, в разговоре с Хлестаковым, следует гораздо больше игры в лице. Тут есть совершенно различные выражения сарказма... Очень рад, что вы занялись ревностно писанием ваших записок. Начать в ваши годы писать записки — это значит жить вновь. Вы непременно помолодеете и силами и духом, а через то приведете себя в возможность прожить лишний десяток лет»³⁴. <...>

12/II. Кандидат нашего Университета по историко-филологическому факультету, бывший мой студент³⁵, в разговоре о переписке Гоголя с нашими писателями (по случаю «Опыта Биографии Гоголя», соч. Н. М., появившегося только что во 2-й книжке «Современника»), сообщил, что с писем Гоголя к матери и некоторым другим лицам Ш<евыре>в имеет лишь копии, но что подлинники все у матери; далее, что П<огоди>н охотно, кажется, передает К<улишу> переписку свою с Гоголем³⁶ и что он теперь разбирает еще кое-что из найденного вместе с «Острилицей»³⁷ в чемодане Гоголя, находившемся у Жуковского и переданного женой его А. П. Елагиной. «Мне передавали, — прибавил он, — что Жуковский в течение 4-х лет платил Гоголю по тысяче рублей сер<ебром>, испросив на это согласия Наследника Государя³⁸, которому был эти деньги должен»³⁹. Высокий пример с обеих сторон! <...>

7/<VI.1856>. Племянник Н. В. Сушкова, тоже Сушков⁴⁰, помещик Полтавской губ<ернии>, Кобеляцкого уезда, рассказывал за обедом у первого, что он был товарищем по ученью Гоголю в Нежинском Лицее, из коего потом перешел в Харьковский Университет и слушал в нем Юридические науки вместе с И. И. Срезневским. Никто не думал из нас, чтобы Гоголь мог быть когда-либо писателем даже посредственным, потому что он известен был в Лицее за самого нерадивого и обыкновенного слушателя и отличался наиболее *жартами*, которыми часто заставлял всех товарищей хохотать до беспамятства. Довольно бывало ему сказать одно слово, сделать одно движение, чтобы все в классе, как бешеные или сумасшедшие, захохотали в одно горло, даже при учителе, Директоре, кого бы то ни было; он же оставался как ни в чем не бывало: спокоен и важен. Пока не знали причин нашего смеха, обыкновенно наказывали нас за него тем, что мы должны были, провинившись, стоять, а он один сидеть; но, когда нам наскучило это, и мы объявили, в чем дело, уже один он стоял, а мы сидели. В театральных представлениях не было ему равного: тут Гоголь и тогда казался нам совершенством. Соучениками его, кроме меня, были Кукольник⁴¹ и Редкин. Первый считался первым по всему; а особенно силен был в Латинском и новейших языках, и частенько всех нас выручал.

13/VIII. Представлялись все Профессоры в Актовой Зале Министру Народ<ного> Просвещ<ения> Авр<ааму> Серг<еевичу> Норову, приехавшему на коронацию⁴², кажется, за день, и представлялись в мундирах, чего прежде не водилось за ним. Он указал нам на своего товарища, Кн<язя> П. А. Вяземского. Норов подходил к знакомым, в том числе и ко мне дважды, протягивая руку. Во второй раз спросил, в переписке ли я с Казанским Профессором Славянских наречий, прибавив, что он имеет много рукописей⁴³. А Вяземский, приблизившись к нам (стояли по факультетам), был наткнут Деканом (С. М. Соловьевым) на меня, сказавшим ему мою фамилию, так что я даже слышал; но, вероятно, князь туг на ухо, потому что, подошедши ко мне, сказал, что он видел меня уже у себя в Петербурге, от чего я принужден был отпереться. Тогда он заговорил о чем-то другом, чего я не мог хорошенько понять, тотчас свел речь на Гоголя, сказав, что в недавно изданном сочинении о нем («Записки о жизни...» и т. д. Кулиша), он часто встречал мое имя. Я отвечал ему, что, точно, мое имя в них попадается, хотя и не совсем часто.

Продолжая разговор, он заметил, что Гоголь слишком высоко было поднял тон в «Мертвых душах» и едва ли бы мог выдержать его в них. «А, скажите, пожалуйста, — спросил он меня вдруг, круто поворачивая, — от чего Гоголь умер?» — и, не дожидаясь ответа, прибавил тут же: «говорят, от онанизма. Правда ли?» «Не думаю, — отвечал я, — по крайней мере никогда ни от кого не слышал такого предположения». «Впрочем, я припоминаю, — прервал [его] Ф. И. Буслаев, стоявший рядом и вмешавшийся в разговор, — что в первое время по кончине Гоголя ходили действительно слухи об этой причине, но они скоро были оставлены как неосновательные»⁴⁴. «Что до меня, — сказал тогда я, — причиной смерти его была, как я и тогда и теперь полагаю и полагаю, отставка его желудка. Гоголь, как я всегда замечал¹, обедая с ним очень часто в доме С. Т. Аксакова, любил на порядках поесть, подобно отцу своему, и, подобно ему, часто страдал после сытного обеда; это была наследственная страсть или влечение, как хотите, к столу, и, как отец, по его же самому рассказам⁴⁵, поплатился за то жизнью, умерши от несваримости в желудке, так и он не избежал той же судьбы. Скажут, что он в последние две-три недели постничал. Да, постничал поневоле, и постничаньем только dokonчил, т. е. поворотивши слишком круто в крайность. Естественным последствием того было ослабление пищеварительного канала, кончившееся воспалением, от которого, по выражению Малороссиян, и дуба дав». <...>

Впервые опубликовано, с неточностями, сокращениями и с пропуском записей от 12 февраля 1854 г., от 26 января 1853 г., от 7 июня и 13 августа 1856 г.: *Кочубинский А. А. О. М. Бодянский в его дневнике // Исторический Вестник. 1887. № 12. С. 516–517, 524–525. Запись от 12 февраля 1854 г. впервые опубликована в изд.: Выдержки из дневника О. М. Бодянского // Сборник Общества любителей Российской словесности на 1891 год. М., 1891. С. 125 («По списку, хранящемуся в библиотеке Общества Любителей Российской Словесности»)*. Записи от 26 января 1853 г., от 7 июня и 13 августа 1856 г. впервые опубликованы, с неточностями: *Бодянский О. М. Дневник, 1852–1857 / Предисл., подгот. текста, подбор ил. и коммент. Т. А. Медовичевой. М., 2006. С. 78, 228–231. Печатается по рукописному списку дневника О. М. Бодянского (без конца, с 15 апреля 1852 г. по 28 июня 1863 г.; в конверте с дарственной надписью рукою М. А. Веневитинова: «Его Высокоородию Николаю Ильичу Стороженку. С искреннею признательностью от М. А. Веневитинова»); РГБ. Ф. 36. К. 6. Ед. хр. 1. Л. 4, 8, 18, 20–24, 40, 83–84. Сверено с позднейшим, сокращенным списком дневника О. М. Бодянского: РГБ. Ф. 36. К. 6. Ед. хр. 2. Л. 1, 3, 7–7 об., 12–12 об.*

¹ Зориан Доленга-Ходаковский (настоящее имя Адам Чарноцкий, 1784–1825), археолог, этнограф; был знаком с директором нежинской Гимназии высших наук (с 1821 г.) И. С. Орлаем, с которым в 1820 г. переписывался (см.: *Свенцицкий И. С. Материалы по возрождению Карпатской Руси. Львов, 1906. Т. 1. С. 25–30*). Две объемные рукописные книги собрания З. Доленги-Ходаковского, в которых находилось более тысячи песен, записанных в разных местах Волынской, Подольской, Киевской, Полтавской губерниях, в Червонной Руси и Галичине, принадлежали после смерти этнографа М. А. Максимовичу и в 1834–1837 гг. были в распоряжении Гоголя. Из этих книг Гоголь в первой половине 1830-х гг. сделал для себя многочисленные выписки, в частности, помещенные позднее в сборник 1839–1842 гг. «Южнорусские песни. <Тетрадь первая>» (подробнее см.: *Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 17 т. М.; Киев, 2010. Т. 17*). Настоящая дневниковая запись О. М. Бодянского свидетельствует о том, что хранившиеся у Максимовича рукописные книги Доленги-Ходаковского П. А. Кулишу были известны еще в 1852 г. — С Максимовичем Кулиш познакомился в 1839 г. Вскоре после их знакомства в альманахе Максимовича появились первые публикации Кулиша — «Малороссийские рассказы» (Киевлянин. 1840. Кн. 1. С. 205–228; с датой: «1839 г.») и «Огненный змей» (Киевлянин. 1841. Кн. 2. С. 180–288).

В книгах Доленги-Ходаковского, помимо собственных записей этнографа, содержится еще несколько фольклорных записей, сделанных другими лицами, в частности, находится несколько куплетов нецензурного содержания. Будучи хорошо знаком с содержанием рукописных книг Доленги-Ходаковского, Кулиш позднее заявлял: «У г. Максимовича хранятся цинические песни, записанные Гоголем в Киеве от знакомых...» (<*Кулиш П. А. > Николай М. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и из его собственных писем. СПб., 1856. Т. 1. С. 175*). В ответ на это сообщение Максимович, описывая пребывание Гоголя в Киеве летом 1835 г., указы-

¹ Далее в рукописи следует: всегда

вал: «Нельзя было мне не заметить перемены в его речах и настроении духа: он каждый раз возвращался неожиданно степенным и даже задумчивым. <...> Я думаю, что именно в то лето начался в нем крутой переворот в мыслях — под впечатлением древнерусской святыни Киева, который у Малороссиян 17-го века назывался *Русским Иерусалимом* <...> Биограф Гоголя перемешал мои рассказы о нем и неверно представил его пребывание в Киеве, сказав, что тогда “он был еще живой и даже немножко ветреный юноша”. Те “цинические песни”, о которых упоминает биограф, были записаны Гоголем не “в Киеве”, а еще в Петербурге 1834 года, в тех двух рукописных книгах Малороссийских песен, которые я посылал ему из Москвы, и которые того же года переслал он мне в Киев, чрез своих родичей Трошинских» (письмо от 5 марта 1868 г.; см. в наст. изд. «Письма о Киеве и воспоминания о Тавриде» Максимовича). (Отметим ошибку мемуариста. «Две рукописные книги» собрания Доленги-Ходаковского Гоголь выслал матери для возвращения Максимовичу позднее — в конце 1837 или в начале 1838 г.)

² 5 ноября 1852 г. В этот день П. А. Кулиш писал жене из Москвы: «Последний вечер в Москве провел в Элагиных, где познакомился с Авдотьей Петровной Елагиной, с которой был так дружен Жуковский. Она подарила мне портрет Гоголя» (Пантелеймович Кулиш. Листи до М. Д. Білозерського. Упорядкування, вступна стаття й коментарі О. Федорука. Львів; Нью-Йорк, 1997. С. 197–198).

³ См. в наст. изд.

⁴ Статья П. А. Кулиша получила название «Выправка некоторых биографических известий о Гоголе» (см. в наст. изд. фрагмент из этой статьи).

⁵ Фрагмент из статьи В. П. Гаевского см. также в наст. изд.

⁶ Дарья Ивановна Сушкова (рожд. Тютчева, 1806–1879), жена Н. В. Сушкова, сестра Ф. И. Тютчева.

⁷ Письмо Ф. Ф. Вигеля к Гоголю от 18 февраля 1847 г. из Москвы. В 1853 г. Н. В. Сушков намеревался поместить это письмо в третьем томе сборника «Раут» (цензурное разрешение 10 февраля 1854 г.; здесь была напечатана статья Сушкова «Обоз к потомству с книгами и рукописями»; см. в наст. изд.) Однако по докладу цензора И. М. Снегирева 4 сентября 1853 г. представлением Московского цензурного комитета от 7 сентября 1853 г. письмо Ф. Ф. Вигеля, вместе с письмом П. Я. Чаадаева к князю П. А. Вяземскому от середины марта 1847 — весны 1848 гг. (о «Выбранных местах из переписки с друзьями»), было охарактеризовано как содержащее «рассуждения о нашей народности, которые могут быть перетолкованы различным образом», и решением товарища министра народного просвещения А. С. Норова от 24 сентября 1853 г. запрещено (см. в наст. изд. коммент. к упомянутому письму П. Я. Чаадаева князю П. А. Вяземскому). Отрывок письма Вигеля (с искажениями) впервые опубликован: <Кулиш П. А.> Николай М. Записки о жизни Н. В. Гоголя... СПб., 1856. Т. 2. С. 114–118. Полнее, с небольшими цензурными исправлениями и сокращениями, напечатано в книге Н. В. Сушкова: Московский Университетский благородный пансион и воспитанники Московского университета. М., 1858. С. 8–25. Ответ Гоголя от 9 мая (н. ст.) 1847 г. из Неаполя был впервые напечатан Сушковым в альманахе «Раут» в 1854 г.

⁸ В рукописи ошибочно датировано: «25/VI». В изд. 1887 г. датировано 25 октября: «За сим переход к 25-му октября: “Наконец говорят, объявлен манифест о войне с Турцией <от 25 октября 1853 г.>... Еще в конце сентября ректор университета поздравлял меня перед лекцией с этим манифестом...”».

⁹ Аркадий Алексеевич Альфонский (1796–1869), хирург, ректор Московского университета в 1842–1848 и 1850–1863 гг.

¹⁰ 25 сентября 1853 г.

¹¹ Возможно, имеется в виду Надежда Александровна Белозерская (рожденная Ген, 1838–1912), писательница и переводчица, муж которой, писатель В. М. Белозерский, был родным братом жены Кулиша Александры Михайловны (рожденной Белозерской, украинской писательницы, известной под псевдонимом Ганна Барвинок).

¹² Имеются в виду два письма Н. В. Гоголя к Г. И. Высоцкому из Нежина от 17 января и 26 июня 1827 г., впервые опубликованные П. А. Кулишом в «Опыте биографии Н. В. Гоголя...» (СПб., 1854. С. 19–26), с сокращениями и примечанием: «За сообщение мне этих документов я обязан глубокою благодарностью И. Д. Юскевичу-Красковскому».

¹³ <Кулиш П. А.> Опыт биографии Николая Васильевича Гоголя. Николая М. // Современник. 1854. № 2–4.

¹⁴ В издании 1887 г. далее в скобках следует редакторское примечание А. А. Кочубинского: «где?». О. М. Бодянский имел в виду свою дневниковую запись от 31 октября 1851 г. (см. в наст. изд. раздел *Гоголь в дневниковых записях О. М. Бодянского 1849–1851 гг.*).

¹⁵ Запись П. А. Кулиша относится к ноябрю 1852 г. См. в наст. изд. *Воспоминания о Гоголе С. Т. Аксакова, М. С. Щенкина, О. М. Бодянского в записи П. А. Кулиша.*

¹⁶ С М. С. Щепкиным П. А. Кулиш познакомился еще в ноябре-декабре 1852 г. См. в наст. изд. *Воспоминания о Гоголе С. Т. Аксакова, М. С. Щепкина, О. М. Бодянского в записи П. А. Кулиша.*

¹⁷ Имеется в виду Николай Андреевич Маркевич (1804–1860), автор пятитомной «Истории Малороссии» (1842–1843).

¹⁸ Гоголь. Рим. Отрывок // Москвитянин. 1842. Ч. II. № 3 (цензурное разрешение 11 марта). С. 22–67.

¹⁹ У М. П. Погодина.

²⁰ Погодин.

²¹ Во второй половине марта — начале апреля 1842 г. сам М. П. Погодин писал Гоголю: «...Мне случилось позабыть однажды о напечат<ании> твоей статьи, то ты так рассердился, как будто бы лишили тебя полжизни, по крайней мере в твоём голосе я услышал и в твоих глазах это я увидел!» Упомянутый случай произошел, по-видимому, 14 марта 1842 г. Незадолго перед тем, в период между воскресеньем 8 марта и четвергом 12 марта 1842 г., Гоголь напоминал М. П. Погодину об обещанных оттисках повести «Рим»: «Не забудь отправить записку <в типографию> и сказать, чтобы к субботе <т. е. к 14 марта> непременно было готово». По-видимому, Погодин забыл тогда о просьбе друга и записку в типографию отправил, судя по всему, только после нового гоголевского напоминания, которое следует отнести к вечеру 14 марта, — т. е. к тому самому времени, когда Гоголь ожидал уже готовые оттиски — вероятно, именно тогда Гоголь и «рассердился» на Погодина. Записку в типографию (адресованную, по-видимому, ее владельцу Н. С. Степанову) Погодин отправил, вероятно, уже наутро следующего дня, 15 марта 1842 г., — и получил в тот же день ответ: «Михайла Петрович! Рим еще не отпечатан, потому что нет формата, да и некому печатать. Все допечатывают остальные листы Москвитянина». Ответ Н. С. Степанова Погодин тогда же доставил Гоголю, который с горечью откликнулся: «Ради Бога пусть отпечатают во что бы то ни было. Что за несчастье такое!» В свою очередь Погодин обратился к Гоголю с новой запиской: «Да ведь они пишут только, что нынче <т. е. 15 марта> не будет готово, а завтра-то <16 марта> непременно», — на что Гоголь отозвался коротко: «Хорошо». Через два дня, 17 марта 1842 г., полученные Гоголем оттиски «Рима» были отправлены П. А. Плетневу, о чем Гоголь извещал его в письме: «Посылаю вам отдельные брошюры статьи, напечатанной в Москвитянине, разошлите по адресам». Таким образом, главную «вину» в задержке оттисков «Рима» нес в глазах Гоголя Погодин, хотя эту вину отчасти можно было приписать типографии, чем, возможно, и воспользовался в своих оправданиях Погодин.

²² Ср. предание о том, что у М. П. Погодина был слуга по имени Тяпкин-Ляпкин (см. в наст. изд. коммент. к письму М. П. Погодина С. П. Шевыреву.

²³ А. С. Норов с 1850 г. был товарищем министра народного просвещения, с 1854 по 1858 г. — министром.

²⁴ Г. П. Данилевский, окончив в 1850 г. курс Петербургского университета, с 1851 по 1857 г. служил чиновником особых поручений при А. С. Норове.

²⁵ Кулиш.

²⁶ В рукописи ошибочно: «7/II».

²⁷ Десять писем Гоголя к М. С. Щепкину — от 28 апреля, от 10 мая и от 15 мая 1836 г., от 26 и 28 ноября (н. ст.), от 3 декабря (н. ст.) 1842 г.; от 24 октября (н. ст.), от 2 ноября (н. ст.), от 16 декабря (н. ст.) 1846 г. и около 10 июля (н. ст.) 1847 г. — были впервые опубликованы П. А. Кулишом в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» (СПб., 1856. Т. 1. С. 181–184, 317–321; Т. 2. С. 153–162). Ранее в «Опыте биографии Н. В. Гоголя...» (СПб., 1854) из № 2 «Московских Ведомостей» за 1853 г. Кулишом было перепечатано письмо Гоголя к М. С. Щепкину от 29 августа/10 сентября 1840 г. (С. 119–121; в «Записках...» — Т. 1. С. 263–265).

²⁸ Письмо от 28 апреля 1836 г.

²⁹ О. М. Бодянский пересказывает содержание писем Гоголя к М. С. Щепкину от 28 апреля и 10 мая 1836 г.

³⁰ Далее цитируется письмо Гоголя от 3 декабря (н. ст.) 1842 г. из Рима.

³¹ Рашель (псевдоним — Элиза, 1821–1858), французская актриса, гастролировавшая осенью 1853 г. в Петербурге и в начале 1854 г. в Москве.

³² 1846 г.

³³ Письмо к М. С. Щепкину, написанное около 10 июля (н. ст.) 1847 г. из Франкфурта.

³⁴ Вместо: «В одном, без означения числа, месяца и года ~ прожить лишний десяток лет», — в изд. 1887 г. напечатано: «Здесь небольшая выписка из письма от начала декабря неизвестного года из Рима о подражании Рашели и большая из письма от 16 декабря 1847 года и напечатанного у Кулиша, VI, 327, без конца. Последнее письмо заключается:

“начать в ваши годы писать записки, это значит жить вновь. Вы непременно помолодеете и силами, и духом, а чрез то приведете себя в возможность прожить лишний десяток лет”».

³⁵ Лицо неустановленное. Возможно, неназванный студент был знаком с племянником Гоголя Н. П. Трушковским и сообщал сведения со слов последнего. См. в наст. изд. письмо И. С. Аксаков — родным от июля 1854 г.

³⁶ В январе 1856 г. сорок девять писем Гоголя к М. П. и Е. В. Погодиным (47 и 2) 1832–1841 гг. опубликовал сам Погодин в «Москвитянине»: <Погодин М. П.> Письма Гоголя. К М. П. Погодину // Москвитянин. 1855. № 19 и 20. Октябрь (цензурное разрешение 19 янв. 1856). Кн. 1 и 2. С. 1–56. См. в наст. изд. коммент. к <Наброску воспоминаний о Гоголе> М. П. Погодина.

³⁷ Имеется в виду начало исторического романа Гоголя «Гетьман» (1833).

³⁸ Великого князя Александра Николаевича.

³⁹ См. в наст. изд. письма В. А. Жуковского к Наследнику Цесаревичу Александру Николаевичу около 13 января и от 13–14 января 1840 г.

⁴⁰ Иван Васильевич Сушков (1808–1873), пансионер Гимназии высших наук в Нежине с января 1823 г. по октябрь 1826 г.

⁴¹ В бумагах Н. В. Кукольника (1809–1868) сохранилась рукописная книжка 1840–1850 гг. «Анекдоты», в которой Кукольник записал, в числе других, анекдот, известный также по мемуарам о Гоголе графа В. А. Соллогуба (опубликованным в 1886 г.) (см. в наст. изд. *Воспоминания графа В. А. Соллогуба*): «В обществе, где весьма строго уважали чистоту изящного, упрекали Гоголя, что он сочинения свои испещряет грязью самой подлой и гнусной действительности. “Может быть, я и виноват, — отвечал Гоголь, — но что же мне делать, когда я как нарочно натыкаюсь на картины, которые еще хуже моих. Вот хотя бы и вчера, иду в церковь. Конечно, в уме моем уже ничего такого, знаете, скандального не было. Пришлось идти по переулку, в котором помещался бордель; в нижнем этаже большого дома все окна настезь; летний ветер играет с красными занавесками. Бордель будто стеклянный: все видно. Женщин много; все одеты, будто в дорогу собираются; бегают, хлопочут, посреди залы столик покрыт чистой белой салфеткой, на нем икона и свечи горят... Что бы это могло значить? — У самого крылечка встречаю пономаря, который уже повернул в бордель. “Любезный! — спрашиваю. — что это у них сегодня?” “Молебн, — покойно отвечал пономарь, — едут в Нижний на ярмонку; так надо же отслужить молебн, чтобы Господь благословил и делу успех послал”» (*Кукольник Н. Анекдоты / Курганов Е. Я. Между фольклором и литературой // Искусство Ленинграда. 1991. № 1. С. 69*).

⁴² Коронация императора Александра II состоялась 26 августа 1856 г.

⁴³ Речь идет об известном слависте, профессоре Казанского университета Викторе Ивановиче Григоровиче (1815–1876). В 1844–1847 гг. он путешествовал по славянским землям, где приобрел много древних рукописей, большая часть которых хранится ныне в Российской государственной библиотеке. В 1849 г. замещал О. М. Бодянского в Московском университете во время его отставки. В 1865 г. назначен профессором Новороссийского университета.

⁴⁴ О сходных слухах, не имеющих под собой оснований (пущенных в ход В. Г. Белинским после выхода в свет «Выбранных мест из переписки с друзьями»), сообщал также Ф. И. Буслаев в своем дневнике и Л. М. Жемчужников в своих мемуарах (см. в наст. изд. письмо Белинского к В. П. Боткину от 6 февраля 1847 г., «Воспоминания М. С. Щепкина о Гоголе в дневнике Ф. И. Буслаева» и мемуары Жемчужникова «Мои воспоминания из прошлого»). См. также в наст. изд. свидетельство доктора А. Т. Тарасенкова. О вероятных личных мотивах, стоявших за репликой А. С. Норова, см. в наст. изд. в коммент. к упомянутому письму Белинского В. П. Боткину от 6 февраля 1847 г.

⁴⁵ Сходные высказывания Гоголя см. в наст. изд. в коммент. к фрагменту из «Записок» В. О. Шервуда «Вечера у Шевырева (Гоголь)».

Воспоминания О. М. Бодянского в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша

<...> По совету своих друзей¹, издевавших на себе пользу Присничева лечения холодной водою, Гоголь отправился в Гrefенберг, но не выдержал полного курса и уехал от Присница полувыздоровевший. Во время последнего своего пребывания в Москве, увидя у О. М. Бодянского на стене портрет знаменитого гидropата, он вспомнил о Гrefенберге.

- Почему же вы не кончили курса? — спросил О<сип> М<аксимович>.
- Холодно! — отвечал одним словом Гоголь². <...>

Проезжая из Грeфенберга³ через чешскую Прагу, Гоголь обратил особенное внимание на национальный музей, заведываемый известным антиквариером Ганкою⁴, приходил туда несколько раз и рассматривал хранящиеся в нем сокровища славянской старины. Ганка никак не хотел верить, что перед ним тот самый Гоголь, которого сочинения он изучал с такою любовью (так наружность Гоголя, его приемы и разговор мало выказывали того, что было заключено в душе его); наконец спросил у самого поэта, не он ли автор таких-то сочинений.

- И, оставьте это! — сказал ему в ответ Гоголь.
- Ваши сочинения, — продолжал Ганка, — составляют украшение славянских литератур (или что-нибудь в этом роде).
- Оставьте, оставьте! — повторял Гоголь, махая рукою, и ушел из музея.

Но Ганка не таковский человек, чтоб разойтись с подобным путешественником, не взяв с него контрибуции. В альманахе, изданном в Праге Павлом Кларом, под заглавием: «*Libussa Taschenbuch für's Jahr 1852*», в жизнеописании Ганки, где приведены выписки из его альбома, на стр. 368 мы читаем:

«Желаю (вам) еще сорок шесть лет ровно здравствовать, работать, печатать и издавать во славу Славян. Дня 5 [17] августа 1845. Гоголь»⁵. <...>

Гоголь скучал в Москве летом, тем более, что все его знакомые жили по дачам; наконец, получив известие о выходе замуж одной из своих сестер, решился ехать к ней на свадьбу. Вышло, однако ж, не так. Миновав Калугу, он почувствовал один из тех припадков грусти, которые помрачали для него все радости жизни и лишали его власти над его силами. В таких случаях он обыкновенно прибегал к молитве, и молитва всегда укрепляла его. Так поступил он и теперь: захав в Оптину пустынь⁶, он провел в ней несколько дней посреди смиренной братии, и уже не поехал на свадьбу, а воротился в Москву. Первый визит он сделал О. М. Бодянскому, который не выезжал на дачу, и на вопрос его: зачем он воротился? отвечал: «Так: мне сделалось как-то грустно», и больше ни слова. <...>

Наступила осень; съехались в город рассеянные вокруг Москвы обитатели дач. Жизнь Гоголя потекла тем же порядком, что и в прошлом году. Он уж не чувствовал себя одиноким во время своих отъездов. В Москве зимою проживало два-три семейства, в которых он был принят как родной⁷. Там каждый был проникнут глубоким уважением к нему, каждый знал его привычки, его любимые удовольствия, и все старались угодить ему. Отправляясь туда на обед, или на вечер, он не имел надобности надевать ненавистный для него фрак¹, или советоваться с модою касательно цвета и покроя своего жилета, тем более, что в Москве вообще меньше, нежели в Петербурге, соблюдаются уставы своенравного *comme il faut*⁸. <...>

...Гоголь чувствовал себя своим в домах московских друзей своих. Он мог <...> распевать украинские песни своим, как он называл, «козлиным» голосом, мог молчать, сколько ему угодно, и находил всегда не только внимательных слушателей в те минуты, когда ему приходила охота читать свои произведения¹¹, но и строгих критиков. <...>

¹ Живя в Петербурге, еще во времена «Миргорода» и «Ревизора», Гоголь был принят очень радушно в одном доме, где к обеду непременно надобно было являться во фраке. Чтоб уклониться от соблюдения этой церемонии, Гоголь подкалывал булавками полы своего сюртука и являлся таким образом к обеду. Хозяева, по доброте своей, старались не замечать этой выходки и прощали ее поэту. — *Примеч. П. А. Кулиша.*

¹¹ Гоголю не нравилось, когда его упрасивали читать его сочинения в то время, когда он не чувствовал к тому охоты. В одном аристократическом доме, хозяйка, не зная еще, как он упрям, заставила его прочитать что-нибудь из «Мерт-

В это время он еще не думал о своей кончине. Он был совершенно здоров и чувствовал только слабость физических сил, которые надеялся подкрепить весною на родине в занятиях садоводством. За девять дней до масляной⁹, О. М. Бодянский видел его еще полным энергической деятельности. Он застал Гоголя за столом, который стоял почти посреди комнаты и за которым поэт обыкновенно работал сидя. Стол был покрыт зеленым сукном. На столе разложены были бумаги и корректурные листы. Г. Бодянский, обладая прекрасною памятью, помнит от слова до слова весь разговор свой с Гоголем.

— Чем это вы занимаетесь, Николай Васильевич? — спросил он, заметив, что перед Гоголем лежала чистая бумага и два очиненные пера, из которых одно было в чернильнице.

— Да вот мараю все свое, — отвечал Гоголь, — да просматриваю корректуру набело своих сочинений, которые издаю теперь вновь¹.

— Все ли будет издано?

— Ну, нет; кое-что из своих юных произведений выпущу.

— Что же именно?

— Да «Вечера».

— Как! — вскричал, вскочив со стула, гость. — Вы хотите посягнуть на одно из самых свежих произведений своих?

— Много в нем незрелого, — отвечал спокойно Гоголь. — Мне бы хотелось дать публике такое собрание своих сочинений, которым я был бы в теперешнюю минуту больше всего доволен. А после, пожалуй, кто хочет, может из них (т.е. «Вечеров на Хуторе») составить еще новый томик.

Г. Бодянский вооружился против поэта всем своим красноречием, говоря, что еще не настало время разбирать Гоголя, как лицо мертвое для русской литературы, и что публике хотелось бы иметь все то, что он написал, и притом в порядке хронологическом, из рук самого сочинителя.

Но Гоголь на все убеждения отвечал:

— По смерти моей, как хотите, так и распоряжайтесь.

Слово *смерть* послужило переходом к разговору о Жуковском. Гоголь призадумался на несколько минут и вдруг сказал:

— Право, скучно, как посмотришь кругом, на этом свете. Знаете ли вы? Жуковский пишет ко мне, что он ослеп?

— Как! — воскликнул г. Бодянский, — слепой пишет к вам, что он ослеп?

— Да; немцы ухитрились устроить ему какую-то штучку... Семене! — закричал Гоголь своему слуге по-малороссийски, — ходы сюды.

Он велел спросить у графа Т<олсто>го, в квартире которого он жил, письмо Жуковского¹⁰. Но графа не было дома.

— Ну, да я вам после письмо привезу и покажу, потому что — знаете ли? — я распорядился без вашего ведома. Я в следующее воскресенье¹¹ собираюсь угостить вас двумя-тремя напевами нашей Малороссии, которые очень мило Н<адежда> С<ергеевна> положила на ноты с моего козлиного пенья; да при этом уьемся и прежними нашими песнями. Будете ли вы свободны вечером?

— Ну, не совсем, — отвечал гость.

— Как хотите, а я уж распорядился, и мы соберемся у О<льги> С<еменовны> часов в семь; а впрочем, для большей верности, вы не уходите; я сам к вам заеду, и мы вместе отправимся на Поварскую.

вых Душ», не смотря на все его отговорки. Чтoб помучить ее в свою очередь, Гоголь развернул поэму на первой главе и прочитал описание губернской гостиницы. — *Примеч. П. А. Кулиша.*

¹ Они печатались разом в трех типографиях. — *Примеч. П. А. Кулиша.*

Г. Бодянский ждал его до семи часов вечера в воскресенье, наконец, подумав, что Гоголь за- был о своем обещании заехать к нему, отправился на Поварскую один; но никого не застал в до- ме, где они условились быть, потому что в это время¹² умер один общий друг всех московских приятелей Гоголя — именно жена поэта Хомякова — и это печальное событие расстроило пос- ледний музыкальный вечер, о котором хлопотал он. <...>

Первый отрывок («По совету своих друзей - одним словом Гоголь») впервые опубликован: <Кулиш П. А.> *Ни- колай М. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и из его собст- венных писем.* СПб., 1856. Т. 2. С. 49. Фрагмент: «За девять дней до масляной - о котором хлопотал он», — впервые напечатан: <Кулиш П. А.> Выправка некоторых биографических известий о Гоголе // *Отечественные Записки.* 1853. № 2 (цензурное разрешение 25 янв.). Отд. 7. С. 117–118, 113. Остальные отрывки впервые напечатаны: <Ку- лиш П. А.> Опыт биографии Николая Васильевича Гоголя. Николая М. // *Современник.* 1854. № 4. С. 102, 138–143; см. также: <Кулиш П. А.> Опыт биографии Н. В. Гоголя, со включением до сорока его писем. Соч. Нико- лая М. СПб., 1854. С. 150, 186–191. Печатается по изд.: <Кулиш П. А.> *Николай М. Записки о жизни Николая Ва- сильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и из его собственных писем.* СПб., 1856. Т. 2. С. 49–51, 250–251, 253–254, 258–259.

¹ Имеются в виду «советы», изложенные А. О. Россетом в письме к Гоголю от 28 марта 1845 г. (письмо было при- ложено А. О. Смирновой, для передачи Гоголю, к ее посланию В. А. Жуковскому от 27–28 марта 1845 г. из Петербурга; см.: <Бартенев П. И.> П. Б. Письма А. О. Смирновой к В. А. Жуковскому // *Русский Архив.* 1902. № 5. С. 114). П. А. Ку- лиш в период работы над «Записками о жизни Н. В. Гоголя...» выписал одну строку из послания А. О. Россета, оши- бочно приписав это письмо графу А. П. Толстому: «С<анкт>-Петербур<ург>. 1844, марта 28. ...так как на вид вы крепки, он велит, может, вам сначала становиться под душу. (Толстой советует Гоголю ехать к Присницу, изведая на себе его ле- чение)» (*РГБ.* Ф. 74. К. 11. Ед. хр. 57. Л. 1). Ср. в письме А. О. Россета: «Если пожалуетесь Призницу, что у вас бывают головные боли, он перед обедом или вечером предпишет головные ванны; вы их берите; так как на вид вы крепки, он велит, может быть, сначала становиться под душу, также перед обедом».

² См. также в наст. изд. «Воспоминания о Гоголе С. Т. Аксакова, М. С. Щепкина, О. М. Бодянского в записи П. А. Кулиша».

³ В Грэфенберг.

⁴ О. М. Бодянский переписывался с В. В. Ганкой. Часть писем последнего к Бодянскому 1841–1858 гг. опублико- вана в изд.: *Титов А. А.* Письма Вячеслава Ганки к О. М. Бодянскому. М., 1887. 40 с.

⁵ Ср. полный текст записи Гоголя в альбом В. Ганки: «Гоголь желает здесь Вячеславу Вячеславичу еще сорок шесть лет ровно для пополнения 100 лет здравствовать, работать, печатать и издавать во славу славянской земли и с таким же радующим приветствовать всех русских, к нему заезжающих, как ныне. 1845. 5/17 августа».

⁶ В Оптиной Пустыни 24 и 25 сентября 1851 г. Гоголь побывал уже в третий раз. Первые два посещения Гоголем Оптиной Пустыни — проездом из Москвы на родину и обратно в Москву — состоялись 17–19 июня 1850 г. и 2 июня 1851 г. Сохранилось предание, что Гоголь имел намерение остаться в монастыре (см. в наст. изд. письмо А. В. Гоголь к В. И. Шенроку от начала 1888 г. и «Беседы» преподобного Варсонофия Оптинского).

⁷ Имеются в виду «дом А<ксако>вых, дом Х<омяковы>, дом Э<лагины>, дом графов Т<олстых>»: «Это были прохладные оазисы в земном существовании нашего поэта, где он утолял сердечную жажду и запасался свежими нрав- ственными силами для дальнейшего пути» (<Кулиш П. А.> Опыт биографии Н. В. Гоголя, со включением до сорока его писем. Соч. Николая М. СПб., 1854. С. 188). По неприязни к «ретроградом» П. А. Кулиш, записывавший воспомина- ния О. М. Бодянского, не упомянул дома М. П. Погодина и С. П. Шевырева. Н. В. Берг, в частности, свидетельствовал, что «читающим» свои произведения «чаще других» в Москве слышал Гоголя именно Шевырев, — «чуть ли не самый ближайший к нему» из всех московских литераторов (см. в наст. изд. «Воспоминания о Н. В. Гоголе» Н. В. Берга). Бы- вали также периоды, когда, по свидетельству С. Т. Аксакова, «во всей Москве» переписывался с Гоголем один Погодин (см. в наст. изд. мемуары С. Т. Аксакова «История нашего знакомства с Гоголем...»).

⁸ Комильфо (*фр.*) — буквально: как надо, как следует; прилично, в соответствии с правилами светского приличия.

⁹ В пятницу, 25 января 1852 г.

¹⁰ Имеется в виду последнее письмо В. А. Жуковского к Гоголю от 4/16 января 1852 г. из Бадена, на которое Гоголь отвечал 2 февраля 1852 г.

¹¹ 27 января 1852 г.

¹² 26 января 1852 г.

Свидетельства о Гоголе В. Г. Белинского

Из писем В. Г. Белинского

В. Г. Белинский — И. И. Панаеву

Москва. 1838 г. Августа 10.

<...> Нет ли слухов о Гоголе? Как я смеялся, прочтя в «Прибавлениях», что Гоголь, *скрепя сердце*, рисует своих оригиналов¹. *Во время оно* я и сам так же врал...² <...>

Впервые опубликовано: *Панаев И. И.* Воспоминание о Белинском // Современник. 1860. Т. 79. № 1. С. 339. Перепечатано: *Белинский В. Г.* Письма / Редакция и примеч. Е. А. Ляцкого. СПб., 1914. Т. 1. С. 213. Печатается по изд.: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 11. С. 262. См. также: *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 147.

Свидетельства о Гоголе представителей западнической партии, друзей В. Г. Белинского, см. также в наст. изд. в разделах *Гоголь в письмах и воспоминаниях И. И. Панаева и А. Я. Головачевой (рожденной Брянской, в первом браке Панаевой); Из писем В. П. Боткина; А. Д. Галахов. Сороковые годы; Гоголь в воспоминаниях и письмах П. В. Анненкова; Гоголь в письмах и воспоминаниях И. С. Тургенева, его друзей и знакомых.*

Виссарион Григорьевич Белинский (1811–1848), критик, публицист. Познакомился с Гоголем в Москве у С. Т. Аксакова в период с 1 по 10 мая 1835 г. После знакомства долгое время искал сближения с Гоголем, однако писатель предпочитал общество славянофилов — Аксаковых, А. С. Хомякова, Н. М. Языкова, С. П. Шевырева, М. П. Погодина.

О негативной роли критических выступлений Белинского в судьбе Гоголя см.: *Виноградов И. А.* Гоголь и Белинский: К истории полемики // Гоголезнавчі студії. Гоголеведческие студии. Ніжин, 1999. Вып. 4. С. 50–73; *Виноградов И. А.* Гоголь — художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания. М., 2000. С. 347–369; *Виноградов И. А.* К истории создания и публикации духовной прозы Гоголя // *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. Т. 6. С. 419–542; *Виноградов И. А.* Спор К. С. Аксакова и В. Г. Белинского: Культурно-исторические аспекты полемики о жанре «Мертвых душ» // Гоголезнавчі студії. Гоголеведческие студии / Нежинский гос. ун-т им. Н. Гоголя, Гоголеведческий центр; Ин-т литературы им. Т. Г. Шевченко НАН Украины. Нежин, 2012. Вып. 2 (19). С. 17–75. См. также в наст. изд. примеч. 4 к воспоминаниям П. В. Анненкова «Замечательное десятилетие».

Особую роль сыграло в судьбе Гоголя известное «зальцбрунское» письмо Белинского 1847 г. С одной стороны, авторитету Гоголя как писателя этим бесцензурным посланием, получившим широкое распространение в списках, был нанесен определенный урон. И. С. Аксаков 16 мая 1849 г., в частности, сообщал А. О. Смирновой из Москвы: «Оттого ли, что время безусловного поклонения искусству прошло, оттого ли, что у всех в памяти его последняя книга, не знаю; но только Гоголь не только не играет никакой роли в здешнем обществе, но даже весьма небрежно трактуется им» (см. в наст. изд.). С другой стороны, вследствие негативной атмосферы, созданной вокруг гоголевского наследия зальцбрунским письмом Белинского, настроенное отношение к сочинениям Гоголя складывалось в цензуре (см., в частности, в наст. изд. коммент. к статье А. И. Соколовой «Встречи и знакомства»).

Негативное влияние оказали статьи Белинского о Гоголе на общественное сознание. На долгие десятилетия определяющим для читателей стало восприятие творчества Гоголя главным образом сквозь призму критики Белинского, причем для представителей самых противоположных партий. В частности, восприятием не столько собственно гоголевских произведений, сколько их радикальных интерпретаций объясняется противоречивое отношение к наследию Гоголя К. Н. Леонтьева, В. В. Розанова, а также некоторых духовных лиц (см., в частности, в наст. изд. примеч. 6 к фрагменту из книги С. А. Нилуса «Святые под спудом»). В силу внелитературных причин в публицистике и ученых статьях о Гоголе уже со второй половины XIX в. творчество писателя, вслед за Белинским, делилось на две части. С одной

стороны, гоголевские произведения, прежде всего «Ревизор» и «Мертвые души», истолковывались как прямая политическая сатира, направленная на свержение самодержавия, с другой — утверждалось мнение, будто вследствие изменившегося у писателя в конце жизни мировоззрения он вступил в противоречие со своим гением.

Ф. М. Достоевский, близко знакомый с Белинским в начале своего литературного поприща, позднее, в письме к Н. Н. Страхову от 5 мая (н. ст.) 1871 г., замечал: «...Всякий чуть-чуть значительный и действительный талант <...> всегда кончал тем, что обращался к национальному чувству, становился народным, славянофильским. <...> ...Если же действительного таланта нет, то не только останемся в выветрившемся слое, но еще эксплуатируется, перейдет в католичество и проч. и проч. Смрадная букашка Белинский (которого Вы до сих пор еще цените) был немощен и бессилён талантишком, а потому и проклял Россию и принес ей сознательно столько вреда...» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1986. Т. 29. Кн. 1. С. 207–208). С другой стороны, В. И. Ульянов (Ленин) в 1914 г. называл зальцбрунское письмо критика к Гоголю «одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати» (*Ленин В. И.* Из прошлого рабочей печати в России // Полн. собр. соч.: В 55 т. М., 1961. Т. 25. С. 94).

Начало противостояния Гоголя и Белинского относится, вопреки распространенному мнению, не к 1847 г., а к гораздо более раннему периоду: оно обозначилось еще в 1835 г. — в самой первой статье критика о гоголевских произведениях — «О русской повести и повестях г. Гоголя (“Арабески” и “Миргород”» (см. ниже примеч. 2 к письму В. Г. Белинского В. П. Боткину от 10–11 декабря 1840 г.). Главным в этом противостоянии был вопрос веры. В своем зальцбрунском письме Белинский заявлял: «...Смысл учения Христова открыт философским движением прошлого века. И вот почему какой-нибудь Вольтер <...> больше сын Христа, <...> нежели все ваши попы...» При этом Белинский добавлял: «...Русский народ — <...> это по натуре своей глубоко атеистический народ <...> в этом-то, может быть, и заключается огромность исторических судеб его в будущем». Таким образом, выдавая себя за последователя «истинного христианства», Белинский тут же от Христа отрекся. Если же указать на свидетельство о Белинском Достоевского — как отзывался критик о христианстве в частных беседах — то его зальцбрунское письмо к Гоголю можно назвать еще весьма сдержанным (см.: *Достоевский Ф. М.* — Страхову Н. Н. 18 (30) мая 1871. Дрезден // Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1986. Т. 29. Кн. 1. С. 215; см. также письмо В. Г. Белинского к В. П. Боткину от 7 сентября 1841 г.: *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 8. С. 483, 485.) «Дивное явление! — восклицал позднее о подобных метаморфозах святитель Игнатий (Брянчанинов), в связи с подобным же выступлением другого деятеля революционной демократии, А. И. Герцена, — ругатель Христа и враг Его принимается объяснять учение Христово» («Святитель *Игнатий* (Брянчанинов), епископ Кавказский и Черноморский». Замечания на отзыв журнала «Колокол» к Кавказскому епископу Игнатию // *Богословский Вестник*. 1913. № 2. С. 201). Сам Гоголь в неотправленном письме к Белинскому от конца июля — начала августа (н. ст.) 1847 г. обращался к критику: «Опомнитесь... <...> ...Уста ваши дышат желчью и ненавистью. <...> Вы согрите, как свечка, и других сожжете. <...> ...Какое невежество блещет на всякой странице! <...> Волтера называете оказавшим услугу Христианству... <...> Как <...> получа легкое журнальное образование, судить о таких предметах. <...> ...Нельзя судить о Русском народе тому, кто прожил век в Петербурге...»

¹ Имеются в виду следующие строки анонимного разбора повестей М. С. Жуковой, В. А. Владиславлева, П. П. Каменского и М. А. Маркова в «Литературных Прибавлениях к Русскому Инвалиду»: «...Гоголь схватывает только *резкие* черты характеров и, обрисовывая их своею волшебною кистью, сам, скрепя сердце, смеется над ними и заставляет других смеяться» (Критика и библиография // *Литературные Прибавления к Русскому Инвалиду*. 1858. 21 мая. № 21. С. 410). Позднее, в статье «Горе от ума... Сочинение А. С. Грибоедова» (1840), Белинский писал: «Изображая отрицательные явления жизни, поэт несколько не думает писать сатиры, потому что сатира не принадлежит к области искусства и никогда не может быть художественным произведением. Рисуя нравственных уродов, поэт делает это совсем не скрепя сердце, как думают многие: нельзя сердиться и творить в одно и то же время; досада портит желчь и отравляет наслаждение, а минута творчества есть минута высочайшего наслаждения. Поэт не может ненавидеть свои изображения, каковы бы они ни были; напротив, скорее он их любит, потому что они представляются ему уже просветленными идеями» (*Белинский В. Г.* Горе от ума... Сочинение А. С. Грибоедова // Собр. соч.: В 9 т. Т. 2. С. 202). Высказывание критика о том, что «рисуя нравственных уродов, поэт делает это совсем не скрепя сердце», расходится с представлением самого Гоголя о своем смехе, как «смехе сквозь слезы», — представлением, в котором нашли отражение слова св. апостола Павла во Втором послании к Коринфянам, где тот объясняет причины суровости, с какой он обличал коринфян за их прегрешения в предыдущем, Первом послании: «От великой скорби и стесненного серд-

ца я писал вам со многими слезами, не для того, чтобы огорчить вас, но чтобы вы познали любовь, какую я в избытке имею к вам» (гл. 2, ст. 4).

² Имеется в виду оценка произведений Гоголя в статье Белинского «О русской повести и повестях г. Гоголя (“Арабески” и “Миргород”)».

В. Г. Белинский — В. П. Боткину

Петербург. 1839, ноября 22 дня.

<...> Питер город знатный, Нева — река преобладающая...¹ <...> Да, и в Питере есть люди, но это все москвичи, хотя бы они и в глаза не видали белокаменной. Собственно Питеру принадлежит все половинчатое, полувосточное, серенькое, как его небо, истершееся и гладкое, как его прекрасные тротуары. В Питере только поймешь, что религия есть основа всего и что без нее человек — ничто, ибо Питер имеет необыкновенное свойство оскорбить в *человеке* все святое и заставить в нем выйти наружу все сокровенное. Только в Питере человек может узнать себя — человек он, получеловек или скотина²: если будет страдать в нем — человек; если Питер полюбит его — будет или богат или действительным статским советником. <...> В театре я был два раза (то есть в Александринском) и в третий страх не хочется идти... <...> Публика — господа офицеры и чиновники — зверинец орангутангов и мартышек — позор и оскорбление человечества и общества. <...>

У Краевского я встретился с Срезневским — необычайно острый муж: очень хорошо рассказывает о Гоголе и Основьяненке, — говорит, что что есть в одном, того недостает другому, что Гоголь берет форму, а Основьяненко изобретением, но что «Ревизор» — отвратительный фарс, «Старосветские помещики» — превосходное, гениальное создание, а «Тарас Бульба» — дрянь и прочее в этом роде³. <...>

Гоголя видел два раза⁴, во второй обедал с ним у Одоевского⁵. Хандрит, да есть от чего, и все с иронической улыбкою спрашивает меня, как мне понравился Петербург⁶. Невский проспект — чудо, так что перенес бы его да Неву, да несколько человек в Москву. <...>

Фрагменты письма впервые напечатаны: *Пылин А. Н.* В. Г. Белинский. Опыт биографии // Вестник Европы. 1874. № 12. С. 496–499. Полностью опубликовано: *Белинский В. Г.* Письма / Редакция и примеч. Е. А. Ляцкого. СПб., 1914. Т. 2. С. 1–10. Печатается по изд.: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 11. С. 419–420. См. также: *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 285, 290, 291. Печатается по первой публикации.

¹ Ср. в «Ночи перед Рождеством»: «“Что ж, земляк, <...> што балшой город?” <...> — “Губерния знатная! <...> Нечего сказать: дома балшущие...”»

² С. Т. Аксаков 16 ноября 1839 г. писал жене: «...Говорят, Белинский обезумлен бетизмом Петербурга» (Белинский в неизданной переписке современников (1834–1848) / Публикация Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 56. М., 1950. С. 132). Бетизм (от фр. bete) — скот, зверь. Позднее, 14 сентября 1840 г. Аксаков вновь сообщал жене из Петербурга: «...У меня вчера был Белинский. Говорит, что слишком тяжело жить. Кланяется Косте и желает, чтоб он прожил полгода в Петербурге!.. В этом есть правда» (Там же. С. 141).

³ См. в наст. изд. коммент. к разделу *Гоголь в письмах И. И. Срезневского*.

⁴ Первая из двух тогдашних встреч В. Г. Белинского с Гоголем произошла, вероятно, у С. Т. Аксакова около 15 ноября в 1839 г. (см.: *Оксман Ю.* Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского. М., 1959. С. 215). Незадолго перед тем, 11 ноября 1839 г., С. Т. Аксаков сообщал жене, О. Сем. Аксаковой: «Вчера <10 ноября 1839 г.> Гоголь обедал у нас и ушел в 8 часу. Мы объяснились и я, все же теперь, по прошествии 13 часов, нахожусь еще в волнении, так я был глубоко проникнут этою сценою. Это письмо должны прочесть только ты, моя бесценная Олинька, да ты, дражайший Константин. Никто более. Здесь знают Вера <Аксакова> да Маша <Карташевская>. <...> Да и как унизиться великому человеку до просьбы денег, в которой, наверно, еще получит отказ!.. Зато когда я уверил его (я его обманул), что у меня

деньги есть, что это меня не расстраивает, даже не стесняет, когда он почувствовал, что ему не стыдно, не совестно принять помощь от человека, заслуживающего эту честь, это счастье... Боже мой, какая радость разлилась по всему существу его...» (цит. по: *Мани Ю. В.* Гоголь. Труды и дни: 1809–1845. М., 2004. С. 556). В «Истории нашего знакомства с Гоголем...» описанное событие ошибочно датировано С. Т. Аксаковым 13 ноября 1839 г.: «13-го ноября этого года осталось для меня незабвенным днем на всю мою жизнь. После обеда, часов в 7, мы ушли с Гоголем наверх, чтоб поговорить наедине. <...> Прерываемым от внутреннего чувства, но в то же время твердым голосом я сказал ему, что я могу без малейшего стеснения, совершенно свободно располагать 2000 рублей; что ему будет грех, если он, хотя на одну минуту... <...> Видно, в словах моих и на лице моем выразалось столько чувства правды, что лицо Гоголя не только прояснилось, но сделалось лучезарным. <...> Я, конечно, был вполне счастлив; но денег у меня не было. Надобно было их достать, что не составляло трудности... <...> В тот же вечер я не вытерпел и нарушил обещание, добровольно данное Гоголю; я не мог скрыть моего восторженного состояния от Веры и друга ее Машеньки Карташевской...» (см. в наст. изд.).

⁵ Поскольку литературные приемы у князя В. Ф. Одоевского устраивались по субботам, то, вероятно, встреча состоялась 16 ноября 1839 г. См. также в наст. изд. письмо И. И. Панаева к К. С. Аксакову от 8 декабря 1840 г.

⁶ Иронию Гоголя — последовательного критика новейшей западной цивилизации — вызывала, вероятно, сама ситуация, когда едва переехавший из Москвы в Петербург на постоянное жительство один из главных «журнальных вождей» западничества Белинский был, очевидно, не в восторге от города, европейски «цивилизованный» быт которого «теоретически» должен был быть ему по душе.

В. Г. Белинский — К. С. Аксакову

СПб., 1840, января 10.

Любезный Константин, Панаев сию минуту прочел мне твое письмо к нему. Прошу тебя дружески извинить меня за мое к тебе письмо, грязное и не эстетическое, которое так глубоко оскорбило твое чувство¹. Поверь мне, что я не имел никакого намерения оскорблять тебя, а признаюсь в грехе — хотел только шутя намекнуть тебе на некоторые истины. <...>

Бога самого ради, уведоь меня тотчас же, какое произведет впечатление статья о «Горе от ума» на Гоголя². Я что-то и почему-то не ожидаю хорошего, — но во всяком случае не церемонься: надо *все* знать.

Радуюсь твоей новой классификации — Гомер, Шекспир и Гоголь...³ <...> Вот мы и сошлись с тобою; только у меня на месте Гоголя стоит Пушкин... <...>

Видел Жуковского в тот вечер, как на него все напали за намерение *продать Гоголя Смирдину*⁴. Жуковский — это воплощенное прекраснодушие. В делах жизни он даже и не юноша, а меньше, чем ребенок. <...>

Поклонись от меня Гоголю и скажи ему, что я так люблю его, и как поэта и как человека, что те немногие минуты, в которые я встречался с ним в Питере, были для меня отрадою и отдыхом⁵. В самом деле, мне даже не хотелось и говорить с ним, но его присутствие давало полноту моей душе, и в ту субботу, как я не увидел его у Одоевского, мне было душно среди этих лиц и пустынно среди множества. <...>

Первое опубликовано: <Аксаков И. С.> Письма В. Г. Белинского к К. С. Аксакову // Русь. 1881. 3 янв. № 8. С. 16. Перепечатано: *Белинский В. Г.* Письма / Редакция и примеч. Е. А. Ляцкого. СПб., 1914. Т. 2. С. 22–25. Печатается по изд.: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 11. С. 433, 435. См. также: *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 297, 299, 300.

¹ 25 ноября 1839 г. В. Г. Белинский и И. И. Панаев занесли С. Т. Аксакову свои письма К. С. Аксакову. Об этом В. С. Аксакова на следующий день, 26 ноября, сообщила брату: «Вчера Панаев и Белинский заходили, не застали отсеньки <С. Т. Аксакова> дома, принесли по письму к тебе и жалеют, что мы не сейчас можем их тебе доставить» (Белинский в неизданной переписке современников (1834–1848) / Публикация Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство.

Т. 56. М., 1950. С. 135). Письма Белинского и Панаева от 25 ноября 1839 г. не сохранились. Получив письмо Белинского, К. С. Аксаков был оскорблен, о чем в конце 1839 г. и сообщал И. И. Панаеву в послании, прочитанном Белинским (письмо не сохранилось). Белинскому Константин Аксаков спустя некоторое время также отправил записку: «Я давно уж получил письмо твое, Виссарийон, но не отвечал на него до сих пор. Ты нападаешь на Русских, на народность их, и между тем, в письме твоём, ты являешься Русским по преимуществу (по твоему определению Русского человека) в отношении к воню. Оно конечно, запах силен, но все мне гадко оставаться в нужнике: таково письмо твое» (*Коншина Е. Н.* Письма К. С. Аксакова к В. Г. Белинскому // Труды Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина. М., 1939. Сб. 4. С. 205). Белинский, ознакомившись с письмом Аксакова к Панаеву, написал в Москву комментируемое письмо с «дружескими» извинениями (на записку, адресованную ему лично, он, по-видимому, отвечать не стал). На извинения Белинского Аксаков тогда же откликнулся (вероятно, это произошло весной 1840 г.; письмо не сохранилось). Из ответного письма Белинского от 14 июня 1840 г. явствует, что дружеские отношения с ним К. С. Аксаков считал оконченными (хотя переписка между ними еще некоторое время продолжалась: спустя год, 18 июля 1841 г., Боткин писал Белинскому по поводу его послания к Константину Аксакову (также не сохранилось): «Прочел твое письмо к Аксакову. Ну, ну! Вот до чего дошло! Но меня это нисколько не удивило. В Аксакове лежала всегда возможность того, чем он теперь стал»; Письма В. П. Боткина. Публикация Н. В. Измайлова // Литературная мысль. Пг, 1923. Вып. 2. С. 180).

Позднее И. С. Аксаков, публикуя письма Белинского к К. С. Аксакову от 10 января, 14 июня и 23 августа 1840 г. и отмечая, что «во втором из них (на самом деле в первом. — *И. В.*) упоминается о каком-то письме, глубоко оскорбившем К<онстантина> С<ергеевича>, сообщал: «Сколько помнится из рассказов К<онстантина> С<ергеевича> (пишущий эти строки с 1838 по 1842 гг. не жил в Москве, а воспитывался в Петербурге), было еще письмо Белинского, преисполненное самых грубых, неистовых, цинических ругательств на Россию и русского человека и самоуверенной похвалы, что в этом его новом отношении к русской народности заключался “новый момент развития”, высшая точка зрения, истинное разумение деятельности. С свойственным ему остервенением искренности, Белинский мял и топтал беспощадно то, чему еще недавно сам поклонялся, глумился над Москвою и над новым направлением, которое уже возникло и созревало в К<онстантине> С<ергеевиче>. Это было каплею, переполнившее сосуд. К<онстантин> С<ергеевич> отвечал резким, коротким письмом, и разрыв совершился» (*Аксаков И. С.* Примечание редактора / Письма В. Г. Белинского к К. С. Аксакову // Русь. 1881. 3 янв. № 8. С. 15).

Судя по всему, «грязное и не эстетическое», «преисполненное» нападок «на Россию и русского человека» письмо Белинского 1839 г., оскорбившее Константина Аксакова, явилось определенным предвестием позднейшего оскорбительного письма Белинского к Гоголю по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями» 1847 г.

² См. в наст. изд. письмо В. Г. Белинского В. П. Боткину от 14–15 марта 1840 г., а также примеч. 3 ниже.

³ Как свидетельствует написанное в тот же период послание К. С. Аксакова к младшим братьям Ивану и Михаилу (воспитывавшимся в Петербурге), мысль о единстве «акта творчества» Гомера, Шекспира и Гоголя, которую Аксаков развил позднее в статье «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души» (1842), появилась у него именно в 1839 г., когда он слышал начальные главы «Мертвых душ» в чтении самого автора. 2 января 1840 г. Константин Аксаков писал братьям: «Гоголь бывает у нас часто, читал уже два раза после приезда. Я дивлюсь ему, и не только во время слушания его сочинений, но и тогда, когда просто с ним разговариваю. Можно бы много написать о характере его как художника, характере, который делает его художником по преимуществу и ставит его в один ряд с знаменитым бессмертным Греком и Англичанином. *Гомер, Шекспир и Гоголь* — вот чудное, пышное созвездие. — Напечатает ли он что-нибудь» (впервые частично опублик.: *Кошелев В. А.* «Мертвые души» Н. В. Гоголя в славянофильском истолковании // *Кошелев В. А.* Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов. 1840–1850-е годы. Л., 1984. С. 116; цит. по изд.: *Кошелев В. А.* Алексей Степанович Хомяков, жизнеописание в документах, в рассуждениях и разысканиях. М., 2000. С. 239; см. также: *Аксаков К. С.* Эстетика и литературная критика / Сост., подгот. текста, вступ. статья, коммент. В. А. Кошелева. М., 1995. С. 491). Само же представление о том, что произведения разные по содержанию могут быть «равны» между собой «в художественном отношении», Константин Аксаков высказывал еще в 1837 г. (см. в наст. изд. его письмо к М. Г. Карташевской от 16 января 1837 г.). Таким образом, несмотря на то, что свои мысли в брошюре «Несколько слов о поэме Гоголя...» Аксаков выразил «не совсем изящно» (см. в наст. изд. письмо А. П. Елагинной к А. Н. Попову от 23 сентября 1842 г.), скороспелыми их назвать нельзя.

Чтение Гоголем у Аксаковых первой главы первого тома поэмы состоялось 14 октября 1839 г., второй и третьей глав — 23 декабря того же года. По-видимому, возникшей мыслью о единстве «акта творчества» Гомера и Гоголя

К. С. Аксаков поделился тогда не только с братьями, но и с И. И. Панаевым, который 14 октября 1839 г. присутствовал на авторском чтении поэмы и которому К. С. Аксаков адресовал свое письмо, прочитанное 10 января 1840 г. Белинским. Позднее Панаев вспоминал, как Константин Аксаков «после чтения <...> ударял кулаком о стол и говорил: “Гомерическая сила! гомерическая!”» (см. в наст. изд. «Литературные воспоминания» И. И. Панаева). Далее в своих мемуарах Панаев сообщал: «На другой день я с Константином Аксаковым отправился к Белинскому... Аксаков передал ему о вчерашнем чтении с энтузиазмом, он говорил, что после первой главы «Мертвых душ» нельзя уже сомневаться в том, что Гоголь гений и что он подарит русскую литературу колоссальным произведением, в котором отразится вся Русь. Белинский слушал Аксакова с жадностью и смотрел на нас с завистью. “Чорт вас возьми, счастливыцы! — сказал он. — Я не знаю, чего бы я не дал, чтобы выслушать теперь эту главу...”» (см. там же).

По поводу несохранившегося послания К. С. Аксакова к Панаеву от конца декабря 1839 г. — с «новой» аксаковской «классификацией — Гомер, Шекспир и Гоголь» — Белинский и написал свое письмо к Аксакову от 10 января 1840 г. — что явствует из начальных строк этого послания (см. также выше примеч. 1 к наст. письму). Несомненно, помнил тогда Белинский и свое прежнее сравнение «Тараса Бульбы» с поэмами Гомера (относящееся к 1835 г.). В следующем письме к К. С. Аксакову, от 14 июня 1840 г., критик добавлял: «Пушкинская поэзия — наше искупление, а в созданиях Гоголя я вижу только “Тараса Бульбу” <...> “Тарас Бульба” выше всего остального, что напечатано из сочинений Гоголя» (Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 9. С. 388). В статье «Разделение поэзии на роды и виды», напечатанной в 1841 г. в «Отечественных Записках» (Т. 15. № 3), Белинский замечал: «Эпическое произведение не только ничего не теряет из своего достоинства, когда в него входит драматический элемент, но еще много выигрывает от этого. <...> Превосходный пример эпического произведения, проникнутого драматическим элементом, представляет повесть Гоголя “Тарас Бульба”. <...> Эта повесть <...> должна занимать почетное место между созданиями первого разряда величайших творцов» (Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 3. С. 308).

Следует в то же время иметь в виду, что понимание Белинским «Тараса Бульбы» оставляло желать лучшего. Отчетливо это понимание выразилось в статье критика «Горе от ума... Сочинение А. С. Грибоедова», которая была начата Белинским еще в августе 1839 г. и вышла в свет в январском номере «Отечественных Записок» за 1840 г. (см. также в наст. изд. коммент. к письму Белинского В. П. Боткину от 14–15 марта 1840 г.) В этой же статье наиболее показательным проявилась и связь оценок критиком «Тараса Бульбы» и «сатирической» составляющей творчества Гоголя, применительно к «гомеровской» теме. В комментируемом письме (от 10 января 1840 г.) Белинский спрашивал К. С. Аксакова по поводу своей статьи: «Бога самого ради, уведошь меня тотчас же, какое произведет впечатление статья о “Горе от ума” на Гоголя. Я что-то и почему-то не ожидаю хорошего, — но во всяком случае не церемонься: надо *все* знать». Действительно, оснований «не ожидать хорошего» в отзыве Гоголя об этой статье у Белинского было более чем достаточно. Здесь по поводу «Тараса Бульбы» Белинский, вопреки замыслу Гоголя показать в своем произведении общину людей, нашедших призвание в исполнении заповеди Спасителя о любви к братьям, заявлял, что сила сплочения запорожцев кроется... — «нет <...> не в православии», но в «кровавой сече» во время войны и «бешеной гульбе» во время мира (Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1976. Т. 2. С. 200). (Хотя в начале и в заключении разбора Белинский причислял Тараса Бульбу к «разумной» и даже «великой действительности», однако сосредоточил свой анализ преимущественно на снижающих чертах в образе героя, — на тех, что, по замыслу самого Гоголя, служат в повести указанием на то, что мешает запорожцам в исполнении их главного призвания.)

На что же мог рассчитывать в таком случае Белинский, желая услышать отзыв Гоголя о своей статье? Очевидно, по мнению Белинского, было в его работе и то, за что Гоголь мог простить ему выходку против «Тараса Бульбы». И действительно, отзыв Гоголя Белинский получил — и, конечно, не за «развенчание» Тараса Бульбы, а именно за развернутую далее в статье оценку «Ревизора». В письме от 14–15 марта 1840 г. Белинский сообщал В. П. Боткину: «Гоголь доволен моею статьею о “Ревизоре” — говорит — многое подмечено верно. Это меня обрадовало» (см. в наст. изд.). Очевидно, что гоголевский отзыв, переданный Белинскому кем-то из знакомых, касался лишь той части статьи «Горе от ума...», которая была посвящена «Ревизору» (см.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953. Т. 3. С. 452–470, 476–477, 485; Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 2. С. 212–228, 234, 241–242). Быть «довольным» статьей критика Гоголь мог лишь за то, что тот оценивал здесь «Ревизора» вне всяких политических тенденций, исключительно с художественной точки зрения, — пытаясь, в соответствии со своими теориями, понять, как вообще однозначно отрицательные (не приукрашенные, не фальсифицированные) образы могут быть содержанием поэзии: «...это отрицание жизни, пошлая, грязная действительность <...> каким же образом могла она сделаться содержанием художественного произ-

ведения?...» (*Белинский В. Г. Горе от ума... Сочинение А. С. Грибоедова // Собр. соч.: В 9 т. Т. 2. С. 201–202*). Как раз эту проблему решал для себя в те же месяцы и Константин Аксаков, выслушав начальные главы первого тома «Мертвых душ». И ему отрицательные образы гоголевского произведения также не помешали сделать вывод о высочайшем — «гомеровском» уровне мастерства писателя.

В связи со статьей Белинского «Горе от ума...» следует отметить еще один важный момент, имеющий отношение к полемике Константина Аксакова и Белинского 1842 г. по поводу «Мертвых душ». Сам Гоголь, сравнительно с современными ему «романтиками», всегда ощущал себя «классиком», или, вернее, стремился быть таковым. В 1836 г., в статье «Петербургская сцена в 1835–36 г.», он, в частности, замечал: «...Что такое было то, что называли романтизм? Это было больше ничего, как стремление подвинуться ближе к нашему обществу... <...> Но как только <...> выказывался талант великий, он уже обращал это романтическое, с великим вдохновенным спокойством художника, в классическое, или, лучше сказать, в отчетливое, ясное, величественное создание». В прочитанной Гоголем в 1840 г. статье Белинского «Горе от ума...» между прочим говорилось: «...Для классиков хуже чумы те авторы, которые не выставляют на своих сочинениях слов: *поэма, трагедия, драма, комедия, водевиль* <...> и пр.» (*Белинский В. Г. Горе от ума... Сочинение А. С. Грибоедова // Собр. соч.: В 9 т. Т. 2. С. 191*). Можно предположить, что отчасти именно эти строки побудили «классика» Гоголя в 1842 г., продолжая тлевшую с 1835 г. скрытую полемику с Белинским, «выставить» на заглавном листе первого тома «Мертвых душ» слово «ПОЭМА». (Именно так, крупными, выделяющимися буквами — крупнее даже самого заглавия — был обозначен жанр «Мертвых душ» на рисованной самим Гоголем обложке книги.) В этом смысле, т. е. в соответствии с содержанием статьи Белинского, это определение должно было означать не что иное как единство христианского содержания и классической формы (см. также в наст. изд. коммент. к письму В. Г. Белинского В. П. Боткину от 10–11 декабря 1840 г.). «Только в наш век искусство получило полное свое значение, примирение христианского содержания с пластицизмом классической формы...», — замечал Белинский в статье (*Белинский В. Г. Горе от ума... Сочинение А. С. Грибоедова // Собр. соч.: В 9 т. Т. 2. С. 194*). Образно говоря, Гоголь «ловил» критика на слове, и окончательным утверждением на обложке жанра «Мертвых душ» закреплял то, что в их противостоянии служило упрочению христианских ценностей («поэмой» Гоголь назвал впервые свое произведение еще на первых этапах работы над ним; см. его письма к В. А. Жуковскому от 12 ноября (н. ст.) и к М. П. Погодину от 28 ноября (н. ст.) 1836 г.). К сожалению, обращение Гоголя к «голосу» самого Белинского, критик не «услышал». Уже расправавшийся к тому времени с попытками «примирения с действительностью», Белинский на вопрос, «что это такое, почему “поэма”, так и не смог ответить ни после третьего, ни после последующих чтений этого “великого произведения”» (*Курилов А. С. В. Г. Белинский в жизни и творчестве. М., 2012. С. 113*).

⁴ В конце декабря 1839 г. См. в наст. изд. письмо В. А. Жуковского к А. П. Елагиной от первых чисел января 1840 г. и ответное письмо Елагиной Жуковскому от 8 января того же года. См. также в «Истории нашего знакомства с Гоголем...» С. Т. Аксакова: «На другой день <4 января 1840 г.> получил я письмо от Ив. И. Панаева, в котором он от имени Одоевского, Плетнева, Врасского, Краевского и от себя умолял, чтоб Гоголь не продавал своих прежних сочинений Смирдину за 5 тыс.<яч> (и новой комедии в том числе), особенно потому, что *новая комедия* будет напечатана в “Сыне Отечества” или “Библиотеке для Чтения”; а Врасский предлагает 6 тысяч с правом напечатать новую комедию в “Отечественных Записках”. Я очень хорошо понял благородную причину, которая заставляла Гоголя торопиться продажею своих сочинений, для чего он поручил все это дело Жуковскому; но о новой комедии мы не слыхали. Я немедленно поехал к Гоголю, и, разумеется, ни той, ни другой продажи не состоялось. Под *новой комедией*, вероятно, разумелись разные отрывки из недописанной Гоголем комедии, которую он хотел назвать: “Владимир третьей степени” (речь шла о комедии «Женитьба». — *И. В.*) Я не могу утвердительно сказать, почему Гоголь не дописал этой комедии; может быть, он признал ее в полном составе неудобною в цензурном отношении, а может быть, был недоволен ею, как взыскательный художник» (см. в наст. изд.).

⁵ Ср. свидетельство И. И. Панаева: «...Белинский <...> признавался, что ему всегда бывало немного тяжело в присутствии Гоголя» (см. в наст. изд. «Воспоминание о Белинском» И. И. Панаева).

В. Г. Белинский — В. П. Боткину

<18–20 февраля 1840. Санкт-Петербург>
СПб., 1840 <...> Февр. 19.

<...> Я очень рад за Кирюшу¹, что он так хорошо познакомился с Гоголем. Тем не менее, его надежды на Брюллова едва ли сбыточны. Вы ждете Брюллова на днях в Москву, а он и не думает ехать, и, говорят, пьет мертвую. Это обыкновенное явление в Питере, не как в Москве. Кукольник пьяница, Глинка пьяница, Брюллов тоже. После развода с женою² он, говорят, ничего не делает и только пьет. <...>

Фрагмент письма впервые напечатан: *Пытин А. Н.* В. Г. Белинский. Опыт биографии // Вестник Европы. 1874. № 12. С. 508–512. Полностью опубликовано: *Белинский В. Г.* Письма / Редакция и примеч. Е. А. Ляцкого. СПб., 1914. Т. 2. С. 38–51. Печатается по изд.: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 11. С. 453–454. См. также: *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 316.

¹ Художник К. А. Горбунов. См. в наст. изд. письмо В. П. Боткина к В. Г. Белинскому от 9–12 февраля 1840 г.

² К. П. Брюллов женился на Эмили Карлотте Катарине Тимм, которая была на 22 года младше жениха. Она была дочерью рижского бургомистра Г. Ф. Тимма, который в 1836–1839 гг. был направлен в Комитет редакции законов для Остзейских губерний и жил с семьей в Петербурге. Брат Эмили, В. Ф. Тимм, был учеником Академии художеств. Венчание состоялось 27 января 1839 г. Причиной последующего разрыва, окончившегося бракоразводным процессом в 1841 г., была супружеская неверность. «Юное очаровательное создание», ставшее спутником жизни прославленного русского живописца, оказалось глубоко порочным существом. Эмилия Карлотта состояла в интимной связи с одним из своих ближайших родственников и не пожелала разорвать эту связь даже после брака. Брюллов, видимо, узнал о порочных наклонностях своей невесты еще до брака, и свадьба чуть было из-за этого не разстроилась, но слезы и клятвы Эмили Карлотты и давление ее родственников сделали свое дело. Супружеский союз художника с дочерью рижского бургомистра продолжался чуть более месяца, которых было достаточно, чтобы Брюллов убедился, что его жена неисправима. Карл Павлович тяжело переживал эту скандальную историю, повредившую его репутацию. В своем письме министру императорского двора П. М. Волконскому и начальнику III Отделения А. Х. Бенкендорфу он писал: «Я расскажу... со всею откровенностью историю моей несчастной женитьбы... Я познакомился с Эмилией Тимм, дочерью рижского адвоката, приехавшего сюда по делам своего города... Красота ее и талант сильно пленили меня. Я влюбился страстно в эту девушку. Родители ее, в особенности отец, тотчас составили план женить меня на ней... Девушка <так> искусно играла роль влюбленной, что я не подозревал обмана... Между нами последовал разрыв. Родители девушки и их приятели оклеветали меня в публиче, приписав причину развода совсем другому обстоятельству... Я так сильно чувствовал свое несчастье, свой позор, разрушение моих надежд на домашнее счастье... что боялся лишиться ума» (*Бочаров И. Н., Глушакова Ю. П.* Итальянская пушкиниана. М., 1991. С. 69–70). После разрыва Э. Тимм уехала с родителями в Ригу. Впоследствии вышла замуж за сына Н. И. Греча, Алексея.

В. Г. Белинский — В. П. Боткину

<Около 22 февраля 1840. Санкт-Петербург>

<...> Желал бы что-нибудь знать о Гоголе, да К. Аксаков не отвечает на мои письма — видно, сердится на меня¹ — что ж делать. Вполне понимаю страдания Гоголя и сочувствую им. Понимаю и его Sehnsucht² к Италии. Родная действительность ужасна. Будь у меня средства, я надолго бы раскланялся с нею. Это мой идеал счастья теперь. Кажется, что бы лучше, как, имея деревню и семейство, уйти в сферу природы и семейного благополучия, но и там найдет тебя предводитель, исправник, земский суд, русский поп, окончивший курс богословия, пьяный лакей, которого непременно надо бить по роже, чтоб он тебя не бил по роже. А там еще черт дер-

нет подписаться на журналы — будешь видеть, как ерничает Сенковский и как <...> Полевой. Страшная и гадкая действительность! <...>

Впервые частично напечатано: *Пытин А. Н.* В. Г. Белинский. Опыт биографии // Вестник Европы. 1874. № 12. С. 516. Полностью опубликовано: *Белинский В. Г.* Письма / Редакция и примеч. Е. А. Ляцкого. СПб., 1914. Т. 2. С. 56–57. Печатается по изд.: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 11. С. 464. См. также: *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 325.

¹ См. в наст. изд. коммент. к письму В. Г. Белинского К. С. Аксакову от 10 января 1840 г.

² Тоска (*нем.*).

В. Г. Белинский — В. П. Боткину

<14–15 марта 1840. Санкт-Петербург>

<...> Гоголь доволен моею статьею о «Ревизоре» — говорит — многое подмечено верно¹. Это меня обрадовало. <...>

Впервые частично опубликовано: *Пытин А. Н.* В. Г. Белинский. Опыт биографии // Вестник Европы. 1874. № 12. С. 516–518. Полностью напечатано: *Белинский В. Г.* Письма / Редакция и примеч. Е. А. Ляцкого. СПб., 1914. Т. 2. С. 87–94. Печатается по изд.: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 11. С. 496. См. также: *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 354.

¹ Речь идет о части статьи В. Г. Белинского «Горе от ума» (Отечественные Записки. 1840. № 1), посвященной «Ревизору»: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953. Т. 3. С. 452–470, 476–477, 485. Так как Гоголь в то время находился в Москве, его отзыв об этой статье критика, вероятно, был передан Белинскому кем-то из общих знакомых. Ранее, в письме от 10 января 1840 г., Белинский просил узнать мнение Гоголя об этой статье у К. С. Аксакова (см. в наст. изд. коммент. к этому письму). Для самого Белинского эта работа была одной из самых «выстраданных». Хотя она была задумана в августе 1839 г. и вышла в свет спустя некоторое время в январском номере «Отечественных Записок» за 1840 г., однако представляет собой итог размышлений не нескольких месяцев, а целого трехлетия, истекшего со времени появления на сцене и в печати гоголевской комедии (1836). Осмысление «поэзии» «Ревизора» оказалось для Белинского настолько сложной задачей, что, вопреки своему обыкновению незамедлительно откликаться на новинки литературы, он молчал о комедии Гоголя более трех с половиной лет (см. подробнее: *Курилов А. С.* В. Г. Белинский в жизни и творчестве. М., 2012. С. 62–63, 77–79, 119). Тем острее был интерес Белинского к мнению Гоголя о его статье, когда она была закончена. См. также в наст. изд. коммент. к письму Белинского К. С. Аксакову от 10 января 1840 г.

В. Г. Белинский — В. П. Боткину

СПб., 1840, апреля 24.

<...> А кстати: ты познакомился с Гоголем¹ — вот так поздравляю и даже завидую. Чертовски досадно, что он едет не через Питер и что я его не увижу — хоть бы из окна в улицу посмотреть на него. <...>

Впервые частично опубликовано: *Пытин А. Н.* В. Г. Белинский. Опыт биографии // Вестник Европы. 1874. № 12. С. 526. Полностью напечатано: *Белинский В. Г.* Письма / Редакция и примеч. Е. А. Ляцкого. СПб., 1914. Т. 2. С. 121–122. Печатается по изд.: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 11. С. 519. См. также: *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 374.

¹ Вероятно, знакомство состоялось благодаря брату В. П. Боткина Николаю Петровичу (см. в наст. изд. коммент. к письму А. Я. Кульчицкого В. Г. Белинскому от 25–27 сентября 1840 г.).

В. Г. Белинский — В. П. Боткину

СПб., 1840, октября 4.

<...> Если что узнаешь о Гоголе — тотчас же уведомя. <...>

Впервые частично опубликовано: *Пытин А. Н.* В. Г. Белинский. Опыт биографии // Вестник Европы. 1874. № 12. С. 539–549. Полностью напечатано: *Белинский В. Г.* Письма / Редакция и примеч. Е. А. Ляцкого. СПб., 1914. Т. 2. С. 162–167. Печатается по изд.: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 11. С. 558. См. также: *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 404.

В. Г. Белинский — В. П. Боткину

<10–11 декабря 1840. Санкт-Петербург>

СПб. 1840 <...> Декабря 11.

<...> Аксаков сказывал, что Гоголь пишет к нему, что он убедился, что у него чахотка¹, что он ничего не может делать. Но это, может быть, и пройдет, как вздор. Важно вот что: его начинает занимать Россия, ее участь, он грустит о ней; ибо в последний раз он увидел, что в ней есть люди! А я — торжествую: субстанция общества взяла свое — космополит поэт кончился и уступает свое место русскому поэту². <...>

Впервые частично опубликовано: *Пытин А. Н.* В. Г. Белинский. Опыт биографии // Вестник Европы. 1874. № 12. С. 554–563. Полностью напечатано: *Белинский В. Г.* Письма / Редакция и примеч. Е. А. Ляцкого. СПб., 1914. Т. 2. С. 178–194. Печатается по изд.: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 11. С. 582. См. также: *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 426.

¹ В. И. Шенрок полагал, что в этих строках «слышны отголоски» письма Гоголя к М. П. Погодину от 29 октября (н. ст.) 1840 г. из Рима: «По счастью, доктора нашли, что у меня еще нет чахотки... <...> Безумный, я думал, ехавши в Россию: Ну хорошо, что я еду в Россию, у меня уже начинает простывать маленькая злость, так необходимая автору, против того-сего, всякого рода разных плевел, теперь я обновлю, и все это живее предстанет моим глазам, и вместо этого что я вывез? Всё дурное изгладилось из моей памяти, даже прежнее, и вместо этого одно только прекрасное и чистое со мною, всё, что удалось мне еще более узнать в друзьях моих...» (см.: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1898. Т. 4. С. 34). С. Т. Аксаков вспоминал: «Писем от Гоголя долго не было. Наконец пришло известие, что он был отчаянно болен <вероятно, подразумевается цитированное выше письмо Гоголя к Погодину от 29 октября (н. ст.) 1840 г.>, и вот письмо, которое я получил от него уже в январе 1841 года. “Рим, декабря 28 <н. ст. 1840>. Я много перед вами виноват, друг души моей Сергей Тимофеевич, что не писал к вам... <...> Я был тогда болен. <...> Теперь я пишу к вам, потому что здоров, благодаря чудной силе Бога, воскресившего меня от болезни, от которой, признаюсь, я не думал уже встать”» (см. в наст. изд. «Историю нашего знакомства с Гоголем...» С. Т. Аксакова).

² Слова Белинского являются в значительной степени провокационными и объясняются особым пониманием патриотизма самим критиком. Заявляя, что Гоголь, под давлением «субстанции общества», якобы из прежнего поэта-«космополита» теперь лишь становится «русским поэтом», Белинский в содержание упомянутой «субстанции» вкладывал свои представления о «русском» и подразумевал под этим прежде всего оппозиционность сложившимся формам русской государственности (сопровождаемую порой откровенными вспышками русофобии; см. в наст. изд. коммент. к письму В. Г. Белинского К. С. Аксакову от 10 января 1840 г.). В статье по поводу брошюры К. С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души» (1842) критик утверждал, что пафос гоголевской по-

эмы «состоит в противоречии общественных форм русской жизни с ее глубоким субстанциальным началом, доселе еще таинственным, доселе еще не открывшимся собственному сознанию и неуловимым ни для какого определения» (Белинский В. Г. Объяснение на Объяснение по поводу поэмы Гоголя «Мертвые души» // Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 6. С. 430–431). Под носителями «глубокого субстанциального начала» критик подразумевал прежде всех тех, чьи взгляды были близки его собственным, то есть лиц противоположительных и полупротестантско-полуатеистических воззрений, — в духе не-«примирения с действительностью». (Именно такое «личное» понимание патриотизма имел в виду Гоголь, упоминая в «Записках сумасшедшего» об открытии героя, «испанца» Поприщина, «что у всякого петуха есть Испания, что она у него находится под перьями».) 22 ноября 1839 г. Белинский писал В. П. Боткину: «Скажи Грановскому, что, чем больше живу и думаю, тем больше, *кровнее* люблю Русь, но начинаю сознавать, что это с ее субстанциальной стороны, но ее определение, ее действительность настоящая начинают приводить меня в отчаяние — грязно, мерзко, возмутительно, нечеловечески...» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 11. С. 420; см. также: Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 291). 7 декабря 1847 г. Белинский писал также К. Д. Кавелину: «...Честных, благородных и вместе с тем умных людей <...> на Руси, по сущности народа русского, должно быть гораздо больше, нежели как думают сами славянофилы (то есть истинно хороших людей, а не мелодраматических героев)... <...> Но вот горе-то: литература <...> не может представлять их художественно такими, как они есть на самом деле, по той простой причине, то их тогда не пропустит цензурная таможня. А почему? Потому именно, что в них человеческое в прямом противоречии с тою общественною средою, в которой они живут» (см. в наст. изд.). Это «опозиционное», присущее самому Белинскому мироощущение критик распространял едва ли не на весь русский народ, называя его, в письме к Гоголю от 12–17 июля (н. ст.) 1847 г., «атеистическим» (в чем, по мнению Белинского, и заключалась «огромность исторических судеб» русского народа «в будущем») (подробнее см. в наст. изд. в коммент. к письму В. Г. Белинского И. И. Панаеву от 10 августа 1838 г.). Позднее Ф. М. Достоевский в письме к Н. Н. Страхову от 30 мая (н. ст.) 1871 г. замечал о Белинском: «Я помню мое юношеское удивление, когда я прислушивался к некоторым чисто художественным его суждениям (н<a>прим<ер>, о “Мертв<ых> душах”). Он до безобразия поверхностно и с пренебрежением относился к типам Гоголя и только рад был до восторга, что Гоголь *обличил*» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1986. Т. 29. Кн. 1. С. 215). Именно «общественною средою» русской жизни, препятствующей «развитию» народа по западным меркам, Белинский объяснял, вопреки воззрениям самого Гоголя, пороки выведенных в «Мертвых душах» героев: «Но неужели же в русской действительности нет ничего лучше и благороднее Петрушки, Селифана, Коробочки, Собакевича, Чичикова?.. <...> Без всякого сомнения, есть... <...> Сверх того, надо еще сказать, что, находя лица, изображенные Гоголем, особенно безнравственными и глупыми, довольно ребячески преувеличивают дело и грубо его понимают. Эти лица дурны по воспитанию, по невежественности, а не по натуре, и не их вина, что со дня смерти Петра Великого прошло только 116, а не 300 лет» (Белинский В. Г. Литературный разговор, подслушанный в книжной лавке // Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 6. С. 359–360). Отсюда делался вывод о «невозможности» поэмы «пока» — в смысле утверждения в русской жизни западноевропейских «идеалов», и о невозможности поэмы вообще — в религиозном, или «древнем» смысле. «...Думать, что в наше время возможен древний эпос, — писал Белинский, — это так же нелепо, как и думать, что в наше время человечество могло вновь сделаться из взрослого человека ребенком...» (Белинский В. Г. Объяснение на Объяснение по поводу поэмы Гоголя «Мертвые души» // Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 6. С. 416). Повторяя мнение Шевырева о том, что в именовании «Мертвых душ» «поэмой», возможно, заключена ирония, критик утверждал, что в противном случае авторское определение жанра «Мертвых душ» кажется ему «великой ошибкой»: «Не зная, как, *впрочем, раскроется содержание* “Мертвых душ” в двух последних частях, мы еще не понимаем ясно, почему Гоголь назвал “поэмою” свое произведение, и пока видим в этом названии тот же юмор, каким растворено и проникнуто насквозь это произведение. Если же сам поэт почитает свое произведение “поэмою”, содержание и герой которой есть субстанция русского народа, — то мы не обинуясь скажем, что поэт сделал великую ошибку <...> субстанция народа может быть предметом поэмы только в своем разумном определении, когда она есть нечто положительное и действительное, а не гадательное и предположительное... <...> И потому великая ошибка для художника писать поэму, которая может быть возможна в будущем» (Белинский В. Г. Объяснение на Объяснение по поводу поэмы Гоголя «Мертвые души» // Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 6. С. 419–420).

Следует сказать, что с первых своих статей Белинский вступает в литературу как убежденный западник, апологет петровских преобразований, откровенно сочувствующий протестантизму. В частности, в 1836 г. он, сравнивая «Северную думу» — протестантизм — с католицизмом и Православием, без обиняков называл ее «истинным знанием» (в пе-

чать это признание не попало и было опубликовано впервые только в 1969 г.) (см.: *Белинский В. Г. Собр. соч.*: В 9 т. М., 1976. Т. 1. С. 322, 676–677). Осенью 1834 г., когда Гоголь готовил к изданию «Арабески» и «Миргород», Белинский, в «Литературных мечтаниях» (первая значительная статья критика, принесшая ему известность), замечал о русском народе: «Крепко стоял он за Церковь Божию, за веру праотцев... <...> Но... <...> это была жизнь... <...> односторонняя... <...> Петр был совершенно прав...»; «...Русская жизнь до Петра Великого была слишком... <...> односторонняя...» (Там же. Т. 1. С. 63, 65, 116). В статье «О стихотворениях г. Баратынского» (1835) Белинский добавлял: «...Народ довольствовался скудной житейской философией, лениво наследованною им от праотцев... <...> был чужд всякого движения вперед, всякого стремления к совершенствованию...» (Там же. Т. 1. С. 186). Подобное отношение к русской национальной культуре и ее сокровищнице — Православию, где духовное и нравственное совершенствование человека полагается целью всей его жизни, не было неожиданным для Белинского. Все это он высказывал и ранее, и с еще большей безапелляционностью, вполне предвосхищая обороты и интонации будущего Хлестакова. В 1830 г. он писал матери: «Маменька, Вы уже в другом письме увещеваете меня ходить по церквам... <...> Шататься мне по оным некогда, ибо чрезвычайно много других, гораздо важнейших дел... <...> Я пошел по такому отделению, которое требует, чтобы иметь познание и толк во всех изящных искусствах. И потому я прошу Вас уволить меня от нравочений такого рода: уверяю Вас, что они будут бесполезны» (Там же. Т. 9. С. 17).

Мировоззрение Белинского напрямую сказывалось в его литературных представлениях, в частности, во взглядах на литературный жанр поэмы. Еще в 1835 г., в статье «О русской поэзии и повестях г. Гоголя», критик, размышляя о противоположности «идеальной» и «реальной» поэзии, высказывался о «поэме» и ее отношении к современности следующим образом: «...Первобытное человечество <...> объясняло явления физического мира влиянием высших таинственных сил. <...> “Илиада” была <...> священной книгою, источником религии и нравственности <...> Но младенчество не вечно для человека <...> вера в богов и чудесное умерла <...> Мы требуем не идеала жизни, но самой жизни, как она есть. Дурна ли, хороша ли, но мы не хотим ее украшать <...> вот поэзия *реальная* <...> она не пересоздает жизнь, но воспроизводит <...> ее...» (*Белинский В. Г. Полн. собр. соч.*: В 13 т. М., 1953. Т. 1. С. 262–267). Для упрочения таких взглядов на значение литературы в современном обществе — служить верным «зеркалом» действительности — привлекался тезис о бессознательности настоящего художественного творчества. В своем западничестве Белинский выступал лишь против «слепой подражательности» и ратовал за создание «нашими руками» и «на родной почве» национального «просвещения», в основе которого главенствовала бы, однако, идея европейского прогресса (см.: *Белинский В. Г. Литературные мечтания* // Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953. Т. 1. С. 20–104). Именно как проявление этого национального «просвещения» (приведшего от «гимна», «поэмы» и «молитвы» «младенствующего человека» к современным — якобы заменившим их — «повести и роману») Белинский и истолковывал повести Гоголя в «Арабесках» и «Миргороде», найдя в них, по замечанию Я. М. Неверова, «свою любимую реальную поэзию» (в противовес «идеальной» — древнего источника «религии и нравственности») (см.: *Белинский В. Г. О русской повести и повестях г. Гоголя* // Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953. Т. 1. С. 262–267, 284; *Неверов Я. Обозрение русских газет и журналов за первую половину 1835 года* // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1836. № 8. С. 433).

Гоголь, внимательно прочитавший тогда статью Белинского, посвященную «Арабескам» и «Миргороду», впоследствии прямо возражал на эти (и подобные) заявления критика. По его словам в письме к П. В. Анненкову от 12 августа (н. ст.) 1847 г. (а также в письме к В. А. Жуковскому от 10 января (н. ст.) 1848 г.), создавая «Мертвые души», он провел «долгое время за Библией, за Моисеем, Гомером — законодателями веков минувших». Как вспоминал позднее Анненков, Гоголь в 1841 г. в Риме, в период создания первого тома «Мертвых душ», говорил, «что в известные эпохи одна хорошая книга достаточна для наполнения всей жизни человека. В Риме он только перечитывал любимые места из Данте, “Илиады” Гнедича и стихотворений Пушкина» (см. в наст. изд.). О насущной необходимости для «поэта-художника», перечитавшего «много всяких творений», оставить себе наконец «настолюною книгою одну только “Илиаду” Гомера» упоминал также Гоголь во второй редакции повести «Портрет» (1842). Весной 1836 г., когда собственная поэма Гоголя уже была начата, но еще не названа «поэмой», писатель в одной из рецензий, написанных для пушкинского «Современника», замечал: «Божественный Учитель и Спаситель наш первый открыл эту высокую тайну, облекши святыне божественные мысли Свои в притчи, которые слушали и понимали тысячи народов <...> Мы <...> наконец возвращаемся к той истине, которая была сказана еще в глубине младенческих сердец наших <...> Уже везде, во всех нынешних попытках романов и повестей, видно стремление осуществить, окрылить или доказать какую-нибудь мысль...» (рецензия на книгу Е. И. Ольдекопа «Картины мира»). Насущную потребность «поэмы», как произведения учителя-

ной литературы, для современности Гоголь подчеркивал позднее в статье «Об Одиссее, переводимой Жуковским» (1846). Повторяя здесь суждения Белинского о религиозно-нравственном содержании поэм Гомера и имея в виду «прогрессистские» высказывания критика по отношению к традиционной культуре России, он писал: «...“Одиссея” есть <...> нравственнейшее произведение и <...> единственно затем и предпринята древним поэтом, чтобы в живых образах начертать законы действий тогдашнему человеку <...> все нынешние обстоятельства как бы нарочно обставились так, чтобы сделать появление “Одиссеи” почти необходимым в настоящее время...» «Словом, — продолжал Гоголь, — на страждущих и болеющих от своего европейского совершенства “Одиссея” подействует. Много напомнит она им младенчески прекрасное, которое (увы!) утрачено, но которое должно возратить себе человечество, как свое законное наследство». Имея в виду противопоставление Белинским «идеала жизни» «самой жизни» — представленной в натуралистическом зеркале «реальной поэзии» — Гоголь в «Авторской исповеди» (1847) добавлял: «...Писатель-творец творит творенье свое в поученье людей <...> Нужно, чтобы в создание его жизнь сделала какой-нибудь шаг вперед <...> Возратить людей в том же виде, в каком и взял, для писателя-творца даже невозможно...».

Судя по этим высказываниям, авторское определение жанра «Мертвых душ» как «поэмы» преследовало цель подчеркнуть принадлежность этого произведения к высоким классическим образцам древней учительской литературы (об этом же свидетельствует вероятная «оглядка» Гоголя, при вынесении на титул книги слова «ПОЭМА», на заявление самого Белинского 1840 г. о том, что «в наш век искусство получило полное свое значение, примирение христианского содержания с пластицизмом классической формы»; см. об этом в наст. изд. в коммент. к письму В. Г. Белинского К. С. Аксакову от 10 января 1840 г.). Этим Гоголь отвечал не только Белинскому, но и Константину Аксакову, ибо, согласно Гоголю, его поэма заключала в себе не только древнее эпическое *созерцание* (на чем настаивал Аксаков), но и учительство, как учительным, по убеждению Гоголя, было и творчество Гомера. Надежды Гоголя на исполнение столь грандиозного замысла питал, в частности, отмеченный в 1835 г. всеми критиками успех Гоголя в создании произведения, действительно приближающегося к поэмам Гомера. Тот же Белинский, который отрицал в современной литературе возможность «идеальной поэзии», не мог не воскликнуть о гоголевском «Тарасе Бульбе»: «Если в наше время возможна гомерическая эпопея, то вот вам ее высочайший образец, идеал и прототип!..» (*Белинский В. Г. О русской повести и повестях г. Гоголя // Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953. Т. 1. С. 304*). Именно тогда, когда работа над первым томом «Мертвых душ» приближалась к концу, Гоголь создал вторую, окончательную редакцию «Тараса Бульбы» — превосходящую по объему первую почти в два раза и с еще большей отчетливостью обнаруживающую следы изучения писателем Библии и поэм Гомера. Очевидно, что высказанное Белинским в 1842 г. в полемике с К. С. Аксаковым утверждение, что с Гомером у Гоголя «нет ничего общего», диктовалось прежде всего тактическими соображениями (см.: *Белинский В. Г. Объяснение на Объяснение по поводу поэмы Гоголя «Мертвые души» // Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 6. С. 415*). По наблюдению М. Я. Ермаковой, слова Белинского, сказанные в этой полемике, что «“Илиаду” может напомнить собою только такая поэма <...> в которой <...> жизнь *полагается*, а не *отрицается*», вполне могли быть применены, в соответствии с ранним определением, к «Тарасу Бульбе» (*Белинский В. Г. Объяснение на Объяснение по поводу поэмы Гоголя «Мертвые души» // Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 6. С. 430; Ермакова М. Я. «Тарас Бульба» Гоголя как исторический роман-эпопея. Дис. ...канд. филол. наук. Горький, 1955. С. 267*). Однако к прежнему своему высказыванию о «Тарасе Бульбе» как «гомерической эпопее» Белинский не вернулся. Выделяя впоследствии, в «Ответе “Москвитянину”», гоголевскую повесть из других созданий Гоголя (где писатель является «живописцем пошлости жизни») как произведение «высоко трагическое», Белинский подчеркивал, что «из всех известных произведений европейских литератур» пример подобного, как в «Тарасе Бульбе», «слияния серьезного и смешного, трагического и комического, ничтожности и пошлости жизни со всем, что есть в ней великого и прекрасного, представляет только “Дон-Кихот” Сервантеса» (*Белинский В. Г. Ответ «Москвитянину» // Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 10. С. 244*).

В. Г. Белинский — В. П. Боткину

СПб., 1842 г., марта 14 дня.

<...> Уведомь тебя <...>, — проводивши меня, застал ли ты у себя Гоголя и Щепкина¹?

Что Гоголь? Печатает ли «Мертвые души»? <...>

Впервые частично опубликовано: *Пыпин А. Н.* В. Г. Белинский. Опыт биографии // Вестник Европы. 1875. № 2. С. 622–625. Полностью напечатано: *Белинский В. Г.* Письма / Редакция и примеч. Е. А. Ляцкого. СПб., 1914. Т. 2. С. 279–282. Печатается по изд.: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 12. С. 83. См. также: *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 492.

¹ По-видимому, речь идет о встрече Гоголя, в присутствии М. С. Щепкина, с Белинским в доме В. П. Боткина между 1 и 7 января 1842 г., во время которой Гоголь просил Белинского исполнить роль курьера: поручил ему передать в Петербурге князю В. Ф. Одоевскому рукопись первого тома «Мертвых душ» — для доставления «государю». Пакет был сопровожден письмами Гоголя к князю В. Ф. Одоевскому, А. О. Смирновой и к самому Императору Николаю I. (Отдельно, по почте, 7 января 1842 г. было отправлено также письмо к П. А. Плетневу.) См. в наст. изд. коммент. к разделу *Книга для записей рукописей и книг Московского цензурного комитета.*

В. Г. Белинский — В. П. Боткину

СПб., 1842, марта 31.

<...> *Неуважение к Державину*¹ возмутило мою душу чувством болезненного отвращения к Гоголю: ты прав — в этом кружке он как раз сделался органом «Москвитянина». «Рим» — много хорошего, но есть фразы; а взгляд на Париж возмутительно гнусен².

«Мертвые души» отправлены в Москву (цензурным комитетом) 7 марта, за № 109, на имя Погодина с передачей Гоголю. Но Гоголь не получал; подозревает Плетнев, Прокопович и я, что Погодин получил, но таит до времени, с целью выманить у него пока еще статейку для журнала. Нельзя ли разведать в почтамте — получил ли Погодин, и поскорее уведомить меня? <...>

Впервые частично опубликовано: *Пыпин А. Н.* В. Г. Белинский. Опыт биографии // Вестник Европы. 1875. № 2. С. 631–632, 639. Полностью напечатано: *Белинский В. Г.* Письма / Редакция и примеч. Е. А. Ляцкого. СПб., 1914. Т. 2. С. 289–292. Печатается по изд.: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 12. С. 90. См. также: *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 499.

¹ Белинский в статье «Русская литература в 1841 году», опубликованной в первом номере «Отечественных Записок» за 1842 год, писал о Г. Р. Державине: «Державин поздно ощутил свою силу, а ощутив, обнаружил ее в исполнинских и бесплодных проявлениях <...> Это только имя — не больше; поэт, а не поэзия <...> ...Поэзия Державина <...> чужда всякого содержания» (*Белинский В. Г.* Русская литература в 1841 году // Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1954. Т. 5. С. 528, 530). Очевидно, прочитав статью Белинского, Гоголь критически отозвался об этих высказываниях критика, отметил в них «неуважение к Державину» (подробнее см.: *Виноградов И. А.* Народная песня в творчестве Гоголя // *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2010. Т. 17. С. 702–705).

В статье о русской поэзии «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголь писал: «...Стремление Державина начертать образ непреклонного, твердого мужа в каком-то библейско-исполнинском величии не было стремленьем произвольным: начала ему он услышал в нашем народе. Широкие черты человека величавого носят и слышатся по всей Русской земле так сильно, что даже чужеземцы, заглянувшие вовнутрь России, ими поражаются еще прежде, чем успевают узнать нравы и обычаи земли нашей. Еще недавно один из них, издавший свои записки с тем именно, чтобы показать Европе с другой стороны Россию (маркиз Кюстин. — *Примеч. Н. В. Гоголя.* — *И. В.*), не мог скрыть изумленья своего при виде простых обитателей деревенских изб наших. Как пораженный, останавливался он перед нашими маститыми беловласыми старцами, сидящими у порогов изб своих, которые казались ему величавыми патриархами древних библейских времен. Не один раз сознался он, что нигде в других землях Европы, где ни путешествовал он, не представлялся ему образ человека в таком величии, близком к патриархально-библейскому. И эту мысль повторил он несколько раз на страницах своей растворенной ненавистью к нам книги».

Судя по этим словам Гоголя, его наибольшее внимание в книге А. де Кюстина «Россия в 1839 году» (Париж, 1843) привлек отрывок, посвященный описанию дороги от Москвы до Свято-Троицкой Сергиевой Лавры: «Нигде более, чем в этой части России, не видал я столько прекрасных старческих лиц — и безволосых, и седых. Лики Иеговы, непревзойденно писанные первым учеником Леонардо да Винчи, — творения не столь идеальные, как думалось мне при виде фресок Луини в Лайнате, Лугано, Милане. Здесь такие лики встречаются живые на пороге любой хижины; эти красавцы старики — румяные, круглощекие, с блестящими голубыми глазами, с умиротворенным выражением на лице, с серебристою, переливающейся на солнце бородой, оттеняющею безмятежно-благожелательную улыбку на устах... <...> Надобно побывать среди русских селян, чтобы постичь чистый образ патриархального общества и возблагодарить Господа за тот блаженный удел, что даровал Он, невзирая на все ошибки правительства, этим кротким созданиям, между рождением и смертью которых пролегал <...> долгая череда лет, прожитых в невинности. <...> Словно патриархи нашего времени, они на склоне лет своих величаво вкушают покой... <...> Если б из своего путешествия в Россию я привез одно лишь воспоминание об этих безмятежных старцах, сидящих у незапиравшихся дверей, — я и тогда не пожалел бы о тяготах поездки, в которой повидал людей, столь непохожих на крестьян любой другой страны» (Кюстин А., де. Россия в 1839 году. В 2 т. / Пер. с фр. под ред. В. Мильчиной. М., 1996. Т. 2. С. 185–186. — Письмо 29; сходные фрагменты в книге Кюстина см. также в указ. изд.: Т. 1. С. 309. — Письмо 18; Т. 2. С. 48. — Письмо 23).

² Оценивая «Рим», Белинский не мог не сравнивать гоголевскую повесть с присланными ему «Письмами из-за границы» П. В. Анненкова, печатание которых началось в 1841 г., через посредство критика, в «Отечественных Записках» — незадолго до публикации «Рима» в «Москвитянине». Хотя в «Письмах из-за границы» Анненкова определенно сказалось влияние Гоголя (см. коммент. этому произведению в наст. изд.), однако анненковские «Письма...» Белинский, очевидно, рассматривал прежде всего как произведение своего сторонника, тогда как в гоголевском «Риме» не без оснований видел отражение взглядов идейного противника. И то, что протезируемый Белинским Анненков оказывался в «Отечественных Записках» своего рода «троянским конем» Гоголя (поскольку повторял в своих «Письмах...» ряд гоголевских размышлений), только усиливало раздражение Белинского.

Неприязненный тон Белинского в его отзыве о «Риме» объясняется еще и тем, что этот отзыв является прямым ответом на откровенно восторженную оценку гоголевской повести своего адресата — давнего единомышленника Белинского Боткина (ср. в наст. изд. письмо В. П. Боткина к А. А. Краевскому от 16 марта 1842 г.). Очевидно, что Боткин, хваля повесть Гоголя, проявил, с точки зрения Белинского, досадную недалковидность. (Возможно, высокую оценку гоголевской повести В. П. Боткин дал под влиянием брата Н. П. Боткина, который, подобно Анненкову, также изучал Рим вместе с Гоголем; см. в наст. изд. коммент. к письму А. Я. Кульчицкого В. Г. Белинскому от 25–27 сентября 1840 г. Кроме того, сам В. П. Боткин был автором очерка «Письмо из Италии. Рим», опубликованного в 1842 г. в апрельском номере «Отечественных Записок», с датой: «Октябрь 29. 1841»; написан в основном в 1835 г.)

Позднее негативные отношения Белинского к «Риму» Гоголя было поддержано И. И. Лажечниковым, который 12 апреля 1842 г. писал критику: «В статье *Рим*, помещенной в Москвитянине, узнали ли вы Гоголя? По первым двум страницам думал я, что это посмертное произведение Марлинского» (В. Г. Белинский и его корреспонденты. М., 1948. С. 184). См. также в наст. изд. дневниковую запись Ф. В. Чижова от 25 октября 1845 г.

В. Г. Белинский — В. П. Боткину

СПб., 1842, апреля 4.

<...> Наши гении всему учились понемножку¹. Страшно подумать о Гоголе, ведь во всем, о чем он написал, одна натура, как в животном. Неужество абсолютное. Что он наблевал о Париже-то²! <...>

Первые частично опубликовано: *Пытин А. Н.* В. Г. Белинский. Опыт биографии // Вестник Европы. 1875. № 2. С. 632–633. Полностью напечатано: *Белинский В. Г.* Письма / Редакция и примеч. Е. А. Ляцкого. СПб., 1914. Т. 2. С. 293–295. Печатается по изд.: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 12. С. 95. См. также: *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 502.

¹ Строфа V главы 1 «Евгения Онегина» А. С. Пушкина.

² Подразумевается повесть Гоголя «Рим». См. также выше примеч. 2 к письму В. Г. Белинского В. П. Боткину от 31 марта 1842 г.

В. Г. Белинский — В. П. Боткину

СПб., 1842, апреля 13.

<...> Третьего дня (11 апреля) был на похоронах А. Я. Краевской. <...> 7 апреля <...> часу в 12 ночи <...> у нее снова <...> начинался бред и начались предсмертные страдания. <...> Я один; ужас, ужас, трагический ужас полился по моим жилам, дыхание занялось, волосы встали; прислушиваюсь в полуотворенную дверь — молчание — страшное молчание <...> Она умерла в беспамятстве <...> На другой день (3-й после смерти) она начала гнить; Краевский переехал к Брянским, и это известие о запахе его еще более растерзало. Хочу видеть! Я понял, что ему надо видеть, ибо гниущий труп всего лучше мог положить черту между ним и милым образом <...> На лбу ее было синее пятно, из носу и изо рта была пеною слабая кровь — вонь сильная; но он этого не чувствовал и горячо обнимал ее голову и целовал лоб. На другой день, увидев меня, он тотчас с рыданием начал мне жаловаться, что уж и узнать нельзя. Когда опустили в могилу, сложив руки, он как будто готов был рвануться туда, но, махнув рукою, скоро пошел прочь. Вообще его горесть не отчаянная, я даже не умею тебе характеризовать ее; но она объяснила мне, почему Гоголь считает «Старосветских помещиков» лучшим своим произведением. И оно, точно, лучшее его произведение. <...>

Первые частично опубликовано: *Лытин А. Н.* В. Г. Белинский. Опыт биографии // Вестник Европы. 1875. № 2. С. 633–634. Полностью напечатано: *Белинский В. Г.* Письма / Редакция и примеч. Е. А. Ляцкого. СПб., 1914. Т. 2. С. 296–302. Печатается по изд.: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 12. С. 98–99. См. также: *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 505–506.

В. Г. Белинский — М. С. Щепкину

СПб. 1842, апреля 14.

<...> Скажу вам несколько слов о приключениях в Питере рукописи Гоголя¹. Приехав в Питер, я только и слышал везде, что о подкинутых в гвардейские полки, на имя фельдфебелей, безмянных возмутительных письмах. Правительство было встревожено; цензурный террор усилился. К этому наделала шуму повесть Кукольника «Иван Иванович Иванов, или Все заодно», напечатанная в сборнике «Сказка за сказкою». Предводитель дворянства² хотел жаловаться; министр флота, князь Меншиков³, в Государственном совете сказал членам: «А знаете ли вы, дворяне, как вас бьют холопы палками» и пр. Дошло до государя и, по его признанию, граф Бенкендорф вымыл Нестору голову. Вследствие этого Уваров приказал цензорам не только не пропускать повестей, где выставляется с смешной стороны сословие, но где даже есть слишком смешное хоть одно лицо. <...> К этому еще Башуцкий написал пошлую глупость «Водовоз», в которой увидели невесть что; опять дошло до царя, и Башуцкий был у Бенкендорфа. <...> Ну, сами посудите, как было тут поступить? Вы, живя в своем Китае-городе, <...> ничего не знаете, что делается в Питере. И вот Одоевский передал рукопись графу Вельегорскому, который хотел отвезти ее к Уварову; но тут готовился бал у великой княгини, и его сиятельству некогда было думать о таких пустяках, как рукопись Гоголя. Потом он вздумал, к счастью, дать ее (приватно) прочесть Никитенко. Тот, начавши ее читать как цензор, промахнул как читатель, и должен был прочесть снова. Прочтя, сказал, что кое-что надо Вельегорскому показать Уварову. К сча-

стию, рукопись не попала к сему министру погашения и помрачения просвещения в России. В Питере погода на это меняется 100 раз, — и Никитенко не решился пропустить только кой-каких фраз, до эпизода о капитане Копейкине. Но и тут горе: рукопись отослана 7 марта, за № 109, на имя Погодина, а Гоголь ее не получал. Я думаю, что Погодин ее украл, чтоб променять на толкучем рынке на старые штаны и юбки; или чтоб, притаив ее до времени, выманить у (простоудушно обманывающегося насчет сего мошенника) Гоголя еще что-нибудь для своего холопского журнала. <...>

Р. С. Сейчас пришел ко мне человек, от которого я узнал, что рукопись Гоголь не получил вовремя по недосмотру Плетнева, следовательно, Погодин не воровал ее, да все равно: не теперь, так когда-нибудь украдет.

Впервые опубликовано: *Белинский В. Г. Письма / Редакция и примеч. Е. А. Ляцкого. СПб., 1914. Т. 2. С. 302–305; см. также: В. Г. Белинский о Гоголе. Статьи, рецензии, письма. Ред., вступ. статья и коммент. С. Машинского. М., 1949. С. 436–437. Печатается по изд.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 12. С. 103–104. См. также: Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 509.*

¹ Речь идет о цензурном экземпляре первого тома «Мертвых душ». Подробнее о цензурной истории поэмы см. в наст. изд. в разделе *Книга для записей рукописей и книг Московского цензурного комитета.*

² Александр Михайлович Потемкин (1787–1872), действительный тайный советник.

³ Светлейший князь Александр Сергеевич Меншиков (1787–1869), адмирал, генерал-адъютант.

В. Г. Белинский — В. П. Боткину

<15–20 апреля 1842. Санкт-Петербург>
<...> Апреля 20.

<...> «Мертвые души» Гоголь, наконец, получил. Я к нему послал письмо¹, которое думал доставить через тебя, но, полагая, что эта тетрадь не будет отослана, послал сегодня по почте. Прилагаю черновое: из него ты увидишь, что я повернул круто — оно и лучше: к черту ложные отношения — знай наших — и люби, уважай; а не любишь, не уважаешь — не знай совсем. Постарайся через Щепкина узнать об эффекте письма. <...>

Впервые частично опубликовано: *Пытин А. Н. В. Г. Белинский. Опыт биографии // Вестник Европы. 1875. № 2. С. 634–636. Полностью напечатано: Белинский В. Г. Письма / Редакция и примеч. Е. А. Ляцкого. СПб., 1914. Т. 2. С. 305–307. Печатается по изд.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 12. С. 105. См. также: Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 505–506.*

¹ Письмо от 20 апреля 1842 г.

В. Г. Белинский — В. П. Боткину

СПб. 1842, ноября 23 дня.

<...> Гоголь прислал вовремя «Сцену после представления комедии»¹ — удивительная вещь — умнее я ничего не читывал по-русски. <...>

Получил ли Михаил Семенович² комедию и сцены — «Игроки» и «Тяжба»? Пусть он поскорей уведомит, что берет — «Игроки» или «Тяжбу»³. 7 декабря бенефис Сосницкого⁴. <...>

Впервые частично опубликовано: *Пытин А. Н. В. Г. Белинский. Опыт биографии // Вестник Европы. 1875. № 2. С. 637, 645. Полностью напечатано: Белинский В. Г. Письма / Редакция и примеч. Е. А. Ляцкого. СПб., 1914. Т. 2. С. 319–321; см. также: Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 12. С. 117–118. Печатается по изд.: Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 520.*

¹ «Театральный разъезд после представления новой комедии» был послан Гоголем из Рима Н. Я. Прокоповичу. 26 ноября (н. ст.) 1842 г. Гоголь писал ему: «Ты, я думаю, уже давно получил “Разъезд”. Он более месяца, как послан к тебе».

² Щепкин.

³ 21 октября 1841 г. Н. Я. Прокопович извещал Гоголя: «“Женитьба” переписана для Щепкина и отдана в театральную цензуру, на этой же неделе отправится в Москву: она потому не была переписана до сих пор, что Никитенко держал рукопись до 30 сент<ября>, хотя я и таскался к нему раз двадцать. Щепкин пишет к Белинскому, что ты ему обещал для бенефиса еще отрывок; ты мне об этом ничего не говорил, и я недоумеваю, что ему послать, если он обратится ко мне и уверит честным своим словом, что ты действительно обещал ему». 24 октября 1842 г. М. С. Щепкин, в свою очередь, писал Гоголю: «Пользуясь вашим позволением, я заявил на свой бенефис вашу комедию “Женитьба”; ибо все издание ваше, как известно, выйдет в декабре, а мой бенефис февраля 5-го. Но я просил Белинского заранее отдать ее в театральную цензуру, дабы больше иметь времени ознакомиться с действующими, носящими человеческий образ. Я просил, тоже с вашего позволения, отдать некоторые сцены в цензуру, а равно и вновь присланную комедию “Игроки”, которую я тоже попросил бы у вас сыграть на бенефис. Это бы сильно подкрепило оный».

⁴ В письме к М. С. Щепкину от 26 ноября (н. ст.) 1842 г. Гоголь писал: «Относительно же комедии Женитьба: вы устройте, по взаимному соглашению, с Сосницким таким образом, чтобы она шла в один и тот же день в бенефисы вам обоим, на петербургском и на московском театрах».

Премьера «Женитьбы» состоялась в Александринском театре в Петербурге в бенефис И. И. Сосницкого 9 декабря 1842 г. Согласно записи в Журнале камер-фурьерской должности от 9 декабря 1842 г., на премьере присутствовала царская семья: «В 8-м часов вечера Его Величество с Государем Наследником Цесаревичем и Великою Княжною Ольгою Николаевною имели въезд в Александровский <так!> театр, а по окончании спектакля 30-ть мин<ут> 11-го часа возвратились во дворец, проходили во внутренние апартаменты Ее величества и кушали за вечерним столом в розовой комнате» (*Мани Ю. В. Гоголь. Труды и дни: 1809–1845. М., 2004. С. 649*). См. также в наст. изд. письмо М. Г. Карташевской к В. С. Аксаковой от второй половины декабря 1842 г., дневниковую запись А. И. Тургенева от 8 февраля 1843 г., его письмо к брату Н. И. Тургеневу от 9/21 февраля 1843 г. и дневниковую запись А. О. Смирновой от 11 марта 1845 г.

В московском Малом театре «Женитьба» была представлена впервые в бенефис М. С. Щепкина 5 февраля 1843 г.

В. Г. Белинский — В. П. Боткину

<9–10 декабря 1842. Санкт-Петербург>
СПб. 1842, декабря 9.

<...> Я сейчас из театра. «Женитьба» пала и ошккана. Играна была гнусно и подло, Сосницкий не знал даже роли. Превосходно играла Сосницкая (невесту), и очень, очень недурен был Мартынов¹ (Подколесин); остальные все — верх гнусности. Теперь враги Гоголя пируют. <...>

«Игроки» Гоголя запрещены театральною цензурою, то есть дураком — мальчишкою Гедеоновым, следовательно, запрещены произвольно, без всякого основания². Что до прочих пьес Гоголя — все они принадлежат М. С. Щепкину. Гоголь об этом пишет к Прокоповичу³, — и вот собственные слова его, которые выписываю с дипломатическою точностию: «Все драматические сцены, составляющие четвертую часть, принадлежат все Щепкину. Это нужно разгласить и распространить, чтобы меня не беспокоили и не тревожили другие актеры какими-нибудь письмами и просьбами. На всякую просьбу Щепкина снисходи и постарайся, чтоб сделано было всё, что он просит. Половина драматических отрывков должна остаться ему для будущего бенефиса в будущем году, потому что я для театра ничего не произведу никогда». Пожалуйста, передай это Михаилу Семеновичу. <...>

Впервые частично опубликовано: *Пытин А. Н.* В. Г. Белинский. Опыт биографии // Вестник Европы. 1875. № 2. С. 639–641. Полностью напечатано: *Белинский В. Г.* Письма / Редакция и примеч. Е. А. Ляцкого. СПб., 1914. Т. 2. С. 326–331. Печатается по изд.: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 12. С. 125. См. также: *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 523–524.

¹ Александр Евстафьевич Мартынов (1816–1860), актер Александринского театра.

² Премьера «Игроков» состоялась в бенефис М. С. Щепкина 5 февраля 1843 г. на сцене московского Большого театра (вместе с «Женитьбой»).

³ Письмо от 26 ноября (н. ст.) 1842 г.

В. Г. Белинский — В. П. Боткину

СПб. 1843, февраля 6.

<...> Кстати: подписка¹ идет недурно — лучше, чем в прошлый год, но у «Библиотеки для чтения» все-таки *больше* подписчиков. Пиши для российской публики! Гоголя сочинения идут тихо: честь и слава бараньему стаду, для которого и Булгарин с братией все еще высокие гении! <...>

Впервые опубликовано: *Пытин А. Н.* В. Г. Белинский. Опыт биографии // Вестник Европы. 1875. № 4. С. 554–555. Полностью напечатано: *Белинский В. Г.* Письма / Редакция и примеч. Е. А. Ляцкого. СПб., 1914. Т. 2. С. 326–331. Печатается по изд.: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 12. С. 130. См. также: *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 527.

¹ На журнал «Отечественные Записки».

В. Г. Белинский — В. П. Боткину

<31 марта — 3 апреля 1843. Санкт-Петербург>

<...> Апреля 3.

<...> Да что же ты не шлешь Прокоповичу денег за Гоголя; напхни также М. С. Щепкину (которому жму руку крепко-накрепко), чтобы и он выслал Прокоповичу 25 р<ублей> за переписку «Женитьбы» и «Игроков». <...>

Первые опубликовано: *Белинский В. Г.* Письма / Редакция и примеч. Е. А. Ляцкого. СПб., 1914. Т. 2. С. 355–361. Печатается по изд.: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 12. С. 155. См. также: *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 549–550.

В. Г. Белинский — А. И. Герцену

СПб. 1846, апреля 6.

<...> У художественных натур ум уходит в талант, в творческую фантазию, — и потому в своих творениях, как поэты, они страшно, огромно умны, а как люди — ограничены и чуть не глупы (Пушкин, Гоголь)¹. <...>

Первые опубликовано А. И. Герценом в дополнении к отрывкам из четвертой и пятой частей его мемуарного цикла «Былое и думы»: <Герцен А. И.> *И<сканде>р*. Старые письма. (Дополнение к Былому и Думам) // Полярная Звезда

да на 1859, издаваемая Искандером и Н. Огаревым. Лондон, 1859. Кн. 5. С. 208; см. также: Неизданные письма В. Г. Белинского к А. И. Гершену // Русская Мысль. 1891. № 1. С. 19. Печатается по изд.: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 12. С. 271. См. также: *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 592.

¹ См. в наст. изд. примеч. 121 к «Воспоминаниям о Гоголе» и примеч. 9 к «Замечательному десятилетию» П. В. Анненкова.

В. Г. Белинский — М. В. Белинской

<11–12 июня 1846. Харьков>

Харьков. 1846, июня 11.

<...> В Калугу приехали в субботу (18 мая), прожив в ней одиннадцать дней. <...> Пребывание в Калуге для меня останется вечно памятным по одному знакомству, которого я и не предполагал, выезжая из Питера. В Москве М. С. Щепкин познакомился с А. О. Смирновой. *C'est une dame qualite*¹; свет не убил в ней ни ума, ни души, а того и другого природа отпустила ей не в обрез. Она большая приятельница Гоголя, и Михаил Семенович был от нее без ума. Так как она приглашала его в Калугу (где муж ее губернатором), то я еще в Москве предвидел, что познакомлюсь с нею. Когда мы приехали в Калугу, ее еще не было там; в качестве хвоста толстой кометы, то есть Михаила Семеновича, я был приглашен губернатором на ужин в воскресенье², во время спектакля; потом мы у него обедали. Во вторник³ приехала она, а в четверг⁴ я был ей представлен. Чудесная, превосходная женщина — я без ума от нее. Снаружи холодна, как лед, но страстное лицо, на котором видны следы душевных и физических страданий, изменяет невольно величавому наружному спокойствию. Благодаря тебе, братец ты мой, тебе, моя милая судорога, я знаю толк в этого рода холодных лицах. Потом я у ней два раза обедал, в последний раскланялся, да еще в тот же вечер раскланялся с нею на лестнице, ведущей из-за кулис в ее ложу. Пишу тебе все это не больше, как материал для разговоров и рассказов при свидании, и потому в подробности не пускаюсь... <...> Выехали мы из Калуги со вторника на среду (29 мая), в 4 часа утра... <...>

Впервые частично опубликовано: *Лытин А. Н.* В. Г. Белинский. Опыт биографии // Вестник Европы. 1875. № 5. С. 143–144. Полностью напечатано Агриппиной Васильевной Орловой, сестрой М. В. Белинской: Из переписки Белинского с женою // Братская помощь пострадавшим в Турции армянам. М., 1897. Отд. 1. С. 6–10. Печатается по изд.: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 12. С. 281–282. См. также: *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 596.

Мария Васильевна Белинская (рожд. Орлова, 1812–1890), бывшая классная дама Екатерининского института, с 1843 г. жена В. Г. Белинского.

¹ Это достойная дама (*фр.*).

² 19 мая 1846 г.

³ 21 мая.

⁴ 23 мая.

В. Г. Белинский — В. П. Боткину

СПб. 29 января 1847.

<...> А славянофилы напрасно сердятся на Гоголя: он только консеквентнее¹ и добросовестнее их — вот и все². Мальчишки! Розгами бы их! <...>

Впервые частично опубликовано: *Пытин А. Н.* В. Г. Белинский. Опыт биографии // Вестник Европы. 1875. № 5. С. 153. Полностью напечатано: *Белинский В. Г.* Письма / Редакция и примеч. Е. А. Ляцкого. СПб., 1914. Т. 3. С. 160–163. Печатается по изд.: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 12. С. 320. См. также: *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 606.

¹ Последовательнее (от *фр.* consequent — последовательный).

² Подразумевается, по-видимому, недовольство семейства Аксаковых книгой Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» (см. в наст. изд. письма Аксаковых).

В. Г. Белинский — В. П. Боткину

СПб. 6 февраля 1847.

<...> 2-я книжка «Современника» вышла вовремя. Она лучше первой. Но Никитенко так поправил одно место в моей статье о Гоголе¹, что я до сих пор хожу, как человек, получивший в обществе оплеуху. Вот в чем дело: я говорю в статье, что-де *мы*, хваля Гоголя, не ходили к нему справляться, как он думает о своих сочинениях, то и теперь *мы* не считаем нужным делать это; а он, добрая душа! В первом случае *мы* заменил словом *некоторые* — и вышла, во-1-х, галимаття, а во-2-х, что-то вроде подлого отпирательства от прежних похвал Гоголю и сваления вины на других. А там еще цензора подрадели — и все это произвольно, без основания. Вот они — поощрения к труду! <...>

Читал ли ты «Переписку» Гоголя? Если нет, прочти. Это любопытно и даже назидательно: можно увидеть, до чего доводит и гениального человека онанизм². А славяноперды московские напрасно на него сердятся. Им бы вспомнить пословицу: неча на зеркало пенять, коли рожа крива. Они подлцы и трусы, люди неконсеквентные³, боящиеся крайних выводов собственного учения; а он человек храбрый, которому нечего терять, ибо все из себя вытряс, он идет до последних результатов. <...>

Впервые частично опубликовано: *Пытин А. Н.* В. Г. Белинский. Опыт биографии // Вестник Европы. 1875. № 5. С. 154–155. Полностью напечатано: *Белинский В. Г.* Письма / Редакция и примеч. Е. А. Ляцкого. СПб., 1914. Т. 3. С. 163–167. Печатается по изд.: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 12. С. 322–324. См. также: *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 608, 609.

¹ Имеется в виду статья «Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя».

² Слух, пущенный в ход В. Г. Белинским в целях дискредитировать «Выбранные места из переписки с друзьями». По-видимому, имея в виду эту клевету, доктор А. Т. Тарасенков в 1852 г. свидетельствовал о Гоголе: «...онанизм <...> не был подвержен» (см. в наст. изд. статью А. Т. Тарасенкова «Н. В. Гоголь в последнее время жизни»). Ранее, в письме к М. А. Бакунину, датированном 15–20 ноября 1837 г., сам Белинский признавался: «Итак, узнай то, что я так упорно ото всех скрывал, вследствие ложного стыда и ложного самолюбия — я был онанистом и не очень давно перестал им быть — года полтора или два. Я начал тогда, когда ты кончил — 19-ти лет. <...> Нет, Мишель, что ни говори, а я превосходнее тебя: я не был кадетом, не был офицером в Москве, без книг, без людей, без денег и сапог, я начал не мальчишкой, а юношею — нет, я выше тебя» (цит. по первой публикации: *Сажин В.* Рука победителя. Выбранные места из переписки В. Белинского и М. Бакунина // Литературное обозрение. 1991. № 11. С. 39). Публикуя в 1991 г. эти строки, В. Н. Сажин указывал: «Речь <идет> о победе, одержанной Белинским в эпистолярном поединке с Михаилом Бакуниным. <...> ...Для читателей этой переписки победа Белинского до сих пор не очевидна — ее свидетельство опущено во всех различных публикациях писем Белинского. <...> Спор вышел по поводу сообщения Бакунина в августе 1837 года о своей душевной победе над внешними обстоятельствами и «восстании» к подлинно духовному существованию. Белинского это задело. Его уязвило <...> заявление Бакунина о победе над собой, которое звучало (или так воспринималось Белинским) как укор отстающему другу. Белинский решил продемонстрировать, что цена победы Бакунина над

собой невелика, поскольку не так глубока степень его падения. Иное дело — пропасть, в какой находится Белинский. <...> Таким образом Белинский намеревался доказать Бакунину свое первенство в степени падения и тем объяснить невозможность собственного духовного “восстания”. <...> Следующий ниже текст, который явился решающим аргументом Белинского в эпистолярном поединке с Бакуниным, выпущен во всех изданиях. Печатаем его по автографу ГИМ (ф. 281, ед. хр. 8). Его место в цитируемом издании <Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9> на с. 111. За словом “в своем” следует читать — вместо отточия в скобках: “онанизме”. Далее идет решающее признание Белинского. <...> Выяснилось, между прочим, гораздо более сказанного. Выяснилась (или еще раз подтвердилась?) неумная жажда Белинского в каждой точке спора с оппонентом одерживать верх, причем ценой этого верховенства может быть и абсолютное, ничем не ограничиваемое самобичевание и саморазоблачение...» (Там же. С. 39).

Сходные признания скандального или провокационного характера были свойственны Белинскому и позднее, в частности, незадолго до клеветнического выпада против Гоголя как автора «Выбранных мест из переписки с друзьями». Одно из таких признаний дошло до нас в воспоминаниях Ф. М. Достоевского (который начинал свое поприще в окружении западников). Сам Достоевский считал этот эпизод важнейшим для характеристики воззрений Белинского как убежденного атеиста — и прямо с рассказа об этом полагал начать в конце 1872 г. свою известную статью о Белинском и Герцене в «Дневнике писателя». Однако в «Дневник писателя» это свидетельство Достоевского не попало и явилось в печати только спустя восемь лет, в изложении другого лица и в лишь случайно уцелевшей журнальной публикации. В полной мере это свидетельство стало известным только в 2001 г.

2 января 1873 г., на следующий день после выхода в свет № 1 журнала «Гражданин» с первой статьей «Дневника писателя», Достоевского навесил старший брат известного философа Вл. С. Соловьева писатель Всеволод Сергеевич Соловьев (1849–1903). Показывая ему журнал, Достоевский сказал: «Вот хотя бы о Белинском (он раскрыл № “Гражданина” с первым своим “Дневником писателя”), разве тут я все сказал, разве то я мог бы сказать! И совсем-то, совсем его не понимают. Я хотел бы просто привести его собственные слова — и больше ничего... ну, и не мог» (Соловьев В. С. Воспоминания о Ф. М. Достоевском // Исторический Вестник. 1881. Март. С. 607). В дневниковой записи Вс. Соловьева от 2 января 1873 г. и в одном из уникальных экземпляров «Исторического Вестника» за 1881 г., с текстом его «Воспоминаний о Ф. М. Достоевском», сохранились идентичные фрагменты, содержащие те слова Белинского, которые хотел, но не смог привести Достоевский в «Дневнике писателя»: «...Есть вещи, о которых если вдруг, так никто даже и не поверит. <...> ...Раз прихожу я к Белинскому; у него только что родилась дочь (Ольга, род. 13 июня 1845 г.; визит, вероятно, состоялся в сентябре. — И. В.), жена лежит рядом в комнате. Он показывает мне ребенка и говорит: “вот она! ну, если она вырастет и если почувствует влечение ко мне, а я к ней — так я и в связи с ней буду...”» (Викторович В. А. Достоевский о Белинском: «непечатное» // Литературные мелочи прошлого тысячелетия. К 80-летию Г. В. Краснова. Сборник научных статей. Коломна, 2001. С. 132–134). «И вы придаете такое значение этим скверным словам?! — возразил Достоевскому Вс. Соловьев, — да ведь от слова до дела еще далеко...» «Конечно, конечно, — отвечал Достоевский, — только Белинский-то был не такъв; он если сказал, то мог и сделать; это была натура простая, цельная, у которой слова и дело вместе» (Там же. С. 132–133).

Пущенный Белинским в 1847 г. порочащий слух о Гоголе распространял, в частности, Л. М. Жемчужников (см. в наст. изд. «Мои воспоминания из прошлого» Л. М. Жемчужникова). О «пасквиле» на Гоголя, сообщающем, что будто бы писатель «умер от истощения от онанизма», упоминал, в частности, Ф. И. Буслаев в дневниковой записи от 24 мая 1852 г.: «Ух — гадко!» (см. в наст. изд. раздел *Воспоминания М. С. Щепкина о Гоголе в дневнике Ф. И. Буслаева*). Позднее, 13 августа 1856 г., О. М. Бодянский записал в дневнике: «Представлялись все Профессоры в Актowej Зале Министру Народ<ного> Просвещ<ения> Авр<сааму> Серг<еевичу> Норову... <...> ...Он <...> свел речь на Гоголя <...> “А, скажите, пожалуйста, — спросил он меня вдруг, круто поворачивая, — от чего Гоголь умер?” — и, не дожидаясь ответа, прибавил тут же: “говорят, от онанизма. Правда ли?” “Не думаю, — отвечал я, — по крайней мере никогда ни от кого не слышал такого предположения”. “Впрочем, я припоминаю, — прервал [его] Ф. И. Буслаев, стоявший рядом и вмешавшийся в разговор, — что в первое время по кончине Гоголя ходили действительно слухи об этой причине, но они скоро были оставлены как неосновательные”» (см. в наст. изд. раздел *Гоголь в дневниковых записях О. М. Бодянского 1852–1856 гг.*). — Судя по приведенной реплике о Гоголе А. С. Норова, последний, по-видимому, не мог простить писателю образ моряка Жевакина в «Женитьбе», в котором нашли отражение отдельные черты самого Норова (см. в наст. изд. примеч. 9 к «Запискам» Н. Н. Мурзакевича).

³ Непоследовательные (от *фр.* consequent — последовательный).

В. Г. Белинский — В. П. Боткину

СПб. 7 февраля 1847.

<...> Какой Павлов написал статью о Гоголе — Н<иколай> Ф<илиппович>? Уведомь, равно как и о том, будет ли она напечатана и где¹? <...>

Впервые опубликовано: *Белинский В. Г. Письма / Редакция и примеч. Е. А. Ляцкого. СПб., 1914. Т. 3. С. 167–169.* Печатается по изд.: *Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 12. С. 325.* См. также: *Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 611.*

¹ Имеется в виду первая из трех статей Н. Ф. Павлова о «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголя. Статьи были напечатаны в № 28, 38, 46 «Московских ведомостей» за 1847 г. (от 6, 29 марта и от 17 апреля) и в том же году перепечатаны в «Современнике» (№ 5, 8).

В. Г. Белинский — В. П. Боткину

СПб. 17 февраля 1847.

<...> Прочти в 35 № (15 февраля) «Санкт-Петербургских ведомостей» статью Губера¹ о книге Гоголя: это замечательное и отрадное явление. <...>

Что за чудак Мельгунов! Пишет он к Панаеву, чтобы делать нам авансы Павлову для получения от него в «Современник» писем к Гоголю². Для этого нам должно перевести из каких-то немецких журналов отзывы о Павлове, вероятно, преувеличенные. К чему это? «Теперь (говорит Мельгунов), когда звезда Гоголя закатилась, звезда Павлова опять засияет». Что за ерунда! <...>

Впервые частично опубликовано: *Пытин А. Н. В. Г. Белинский. Опыт биографии // Вестник Европы. 1875. № 5. С. 158.* Полностью напечатано: *Белинский В. Г. Письма / Редакция и примеч. Е. А. Ляцкого. СПб., 1914. Т. 3. С. 171–177.* Печатается по изд.: *Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 12. С. 332.* См. также: *Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 616.*

¹ Эдуард Иванович Губер (1814 — 10 апреля 1847), поэт, переводчик, критик.

² См. в наст. изд. коммент. к письму Белинского В. П. Боткину от 7 февраля 1847 г.

В. Г. Белинский — И. С. Тургеневу

СПб. 19 февраля (3 марта) 1847.

<...> Гоголь покаран сильно общественным мнением и разруган во всех почти журналах, даже друзья его, московские славеноперды, и те отступились если не от него, то от гнусной его книги. <...>

Впервые опубликовано: *Тургенев И. С. Воспоминания о Белинском // Вестник Европы. 1869. № 4. С. 728;* см. также: *Белинский В. Г. Письма / Редакция и примеч. Е. А. Ляцкого. СПб., 1914. Т. 3. С. 177–181.* Печатается по изд.: *Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 12. С. 337.* См. также: *Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 620.*

В. Г. Белинский — В. П. Боткину

СПб. 28 февраля 1847.

<...> Спасибо тебе за пересылку письма Анненкова¹. <...> О статье моей о Гоголе² мне не хотелось бы писать к тебе, ибо я положил себе за правило — никогда и ни с кем не спорить о моих статьях, защищая их. Но на этот раз нарушаю мое правило потому, что ты болен... <...> Видишь ли, в чем дело: ты решительно не понимаешь меня, хотя и знаешь меня довольно. Я не юморист, не остряк; ирония и юмор — не мои оружия. Если мне удалось в жизнь мою написать статей пяток, в которых ирония играет видную роль <...>, — это произошло совсем не от спокойствия, а от крайней степени бешенства... <...> Теперь слушай: кроме того, что я болен и что мне опротивела и литература и критика так, что не только писать, читать ничего не хотелось бы, — я еще принужден действовать вне моей природы, моего характера. Природа осудила меня лаять собакою и выть шакалом, а обстоятельства велят мне мурлыкать кошкою, вертеть хвостом по-лиси. Ты говоришь, что статья «написана без довольной обдуманности и несколько сплеча, тогда <как> за дело надо было взяться с тонкостью». Друг ты мой, напротив, моя статья и не могла никак своею замечательностью соответствовать важности (хотя и отрицательной) книги, на которую писана, что я ее обдумал. Как ты мало меня знаешь! Все лучшие мои статьи несколько не обдуманы, это импровизации... <...> Статья о гнусной книге Гоголя могла бы выйти замечательно хорошою, если бы я в ней мог, зажмурив глаза, отдаться моему негодованию и бешенству³. Мне очень нравится статья Губера (читал ли ты ее?) именно потому, что она писана прямо, без лисьих верчений хвостом. Мне кажется, что она — моя, украдена у меня и только немножко ослаблена. Но мою статью я обдумал, и потому вперед знал, что отличною она не будет, и бился из того только, чтоб она была дельна и показала гнусность подлеца. И она такую и вышла у меня, а не такую, какую ты прочел ее. <...> Эффект этой книги был таков, что Никитенко, <е> пропустивший, вычеркнул у меня часть выписок из книги, да еще дрожал и за то, что оставил в моей статье. Моего он и цензора вычеркнули целую треть... <...> Ты решительно не понял этой книги, если видишь в ней *только* заблуждение, а вместе с ним не видишь артистически рассчитанной подлости. Гоголь — совсем не К. С. Аксаков. Это — Талейран, кардинал Феш, который всю жизнь обманывал Бога⁴, а при смерти надул сатану. Вообще, ты с твоею терпимостию доходишь до нетерпимости именно тем, что исключая нетерпимость из числа великих и благородных источников силы и достоинства человеческого. <...> И отзыв Анненкова о книге Гоголя⁵ тоже не отзывается терпимостию. <...>

Впервые частично опубликовано: *Пытин А. Н.* В. Г. Белинский. Опыт биографии // Вестник Европы. 1875. № 5. С. 159–160. Полностью напечатано: *Белинский В. Г.* Письма / Редакция и примеч. Е. А. Ляцкого. СПб., 1914. Т. 3. С. 183–186. Печатается по изд.: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 12. С. 338–340. См. также: *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 621–623.

¹ Письмо не сохранилось. Об этом послании В. П. Боткин 28 февраля 1847 г. писал П. В. Анненкову: «Зная, какую радость письмо Ваше принесет Белинскому, я послал его к нему» (см. в наст. изд.).

² Имеется в виду статья «Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя».

³ «Прочитав <...> письмо <Гоголя от 20 июня (н. ст.) 1847 г. из Франкфурта>, Белинский опять *залаял собакой, завыл шакалом, зажмурил глаза и весь отдался негодованию и бешенству*. В таком-то душевном настроении написал он, 15 июля 1847 г., в Зальцбрунне свой возмутительный *ответ Гоголю*. С красноречием и энергиею, не стесняясь цензурой, изложил Белинский миросозерцание западников, которых выразителями были *Отечественные Записки* и стал в то время преобразованный *Современник*, миросозерцание анти-православное и следовательно анти-русское, миросозерцание, с которым самоотверженно боролись Погодин и Шевырев в своем *Москвитянине*, в лекциях, в сочинениях, словенофилы в своих спорах, сочинениях и наконец сам Гоголь в своей книге. Миросозерцание это имело огромное влияние на духовное развитие целых последующих поколений, и в этом смысле *Ответ Белинского Гоголю* имеет значе-

ние акта исторического. Но нравственное чувство не позволяет нам привести его в его цельном виде» (*Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина*. СПб., 1894. Кн. 8. С. 596). См. также в наст. изд. коммент. к письму В. Г. Белинского К. С. Аксакову от 10 января 1840 г.

⁴ «...Кардинал Феш <...> был редкий знаток; отличался изящным вкусом и понимал все таинства художественной торговли. Почетных посетителей он обыкновенно сам водил по Галлерее. <...> От произведений, коих содержание не соответствовало строгости нравов, приличных служителю Церкви, он умно отклонял внимание посетителя...» (Кардинал Феш и его галерея // *Художественная Газета*. 1840. 1 янв. № 1 (цензурное разрешение 20 декабря 1839 г.). С. 39–40).

⁵ Отзыв неизвестен. Однако судя по сохранившейся переписке Гоголя с Анненковым, а также по мемуарам последнего о Гоголе, можно предположить, что этот отзыв во многом совпадал с восприятием гоголевской книги Белинским. Подробнее см.: *Виноградов И. А. П. В. Анненков — биограф Н. В. Гоголя* // *Н. В. Гоголь и его литературное окружение: Восьмые Гоголевские чтения: Сб. докл. Междунар. конференции / Под общ. ред. В. П. Викуловой*. М., 2009. С. 145–155.

В. Г. Белинский — В. П. Боткину

<15–17 марта 1847. Санкт-Петербург>
СПб. 15 марта 1847.

<...> Книга Гоголя как будто пропала, — и я немного горжусь тем, что верно предсказал (не печатно, а на словах) ее судьбу. Русского человека не надешь такими проделками, а если и надуешь, так на минуту. Если еще не вовсе забыто существование этой книги, так это потому, что от времени до времени напоминают о ней журнальные статьи. Статья Н. Ф. Павлова — образец мастерства писать. Я прочел ее несколько раз, и с каждым разом она кажется мне все лучше и лучше. Сколько ума, какая последовательность, как все ровно и цело; дочитывая конец ясно видишь начало и середину! Словом — чудо, а не статья! Сначала на меня произвел было неприятное впечатление взгляд на мертвопочитание *русской породы*; но я сообразил, что вся сила статьи в том и заключается, что Павлов бьет Гоголя не своим, а его же оружием, и имеет в виду доказать не столько нелепость книги, сколько ее противоречие с самой собою. Но особенно понравилась мне в статье одна мысль — умная до невозможности: это ловкий намек на то, что перенесенная в сферу искусства книга Гоголя была бы превосходна, ибо ее чувства и понятия принадлежат законно Хлестаковым, Коробочкам, Маниловым и т. п. Это так умно, что мочи нет! Жаль одного: что эта превосходная статья напечатана в «Московских ведомостях» — издании, сохраняющем свято внешние формы времен Петра Великого и читаемом только в Москве, да и то больше людьми солидными. Что как бы позволил нам Николай Филиппович перепечатать его статью в «Современнике»¹, и позволил бы не словесно, а письмом к Панаеву! Право, от этого не одним нам было бы хорошо: статья получила бы больше народности. <...>

Первые частично опубликовано: *Пытин А. Н. В. Г. Белинский. Опыт биографии* // *Вестник Европы*. 1875. № 5. С. 164–165. Полностью напечатано: *Белинский В. Г. Письма / Редакция и примеч. Е. А. Ляцкого*. СПб., 1914. Т. 3. С. 197–199. Печатается по изд.: *Белинский В. Г. Полн. собр. соч.*: В 13 т. М., 1956. Т. 12. С. 351–352. См. также: *Белинский В. Г. Собр. соч.*: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 633.

¹ Три письма Н. Ф. Павлова, посвященные «Выбранным местам из переписки с друзьями», были перепечатаны в № 5 и 8 «Современника» за 1847 г.

В. Г. Белинский — М. В. Белинской

Зальцбрунн. 5 июня / 24 мая 1847.

<...> Я вовсе раскис и изнемог душевно, вспомнилось и то и другое, насилу отчитался «Мертвыми душами». <...> Анненков придет к нам в Зальцбрунн 10 июня / 29 мая. Мы получили от него письмо¹. Июня 4 он выезжает из Парижа. <...>

Первые опубликовано А. В. Орловой, сестрой М. В. Белинской: Из переписки Белинского с женою // Братская помощь пострадавшим в Турции армянам. М., 1897. Отд. 1. С. 10–14. Печатается по изд.: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 12. С. 368. См. также: *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 647.

¹ Письмо не сохранилось.

В. Г. Белинский — М. В. Белинской

Париж. 22 августа <н. ст.> 1847.

В прошлую среду (18 августа <н. ст.>) неожиданно получил я твое письмо... <...> В среду <18 августа н. ст.> <...> является Анненков и подает мне твое письмо. Еще за неделю перед тем он подал мне также письмо, но то было от Гоголя¹. <...>

Первые опубликовано в изд.: Дело. Сборник литературно-научный... М., 1899. С. 368–369. Печатается по изд.: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 12. С. 392.

¹ Письмо от 10–12 августа (н. ст.) 1847 г. из Остенде.

В. Г. Белинский — К. Д. Кавелину

<22 ноября 1847. Санкт-Петербург>

<...> Насчет Вашего несогласия со мною касательно Гоголя и натуральной школы, я вполне с Вами согласен, да и прежде думал таким же образом. Вы, юный друг мой, не поняли моей статьи¹, потому что не сообразили, для кого и для чего она писана. Дело в том, что писана она не для Вас, а для врагов Гоголя и натуральной школы, в защиту от их фискальных обвинений. Поэтому я счел за нужное сделать уступки, на которые внутренне и не думал соглашаться, и кое-что изложил в таком виде, который мало имеет общего с моими убеждениями касательно этого предмета. Например, все, что Вы говорите о различии натуральной школы от Гоголя, по-моему, совершенно справедливо; но сказать этого печатно я не решусь: это значило бы наводить волков на овчарню, вместо того чтобы отводить их от нее. А они и так нашли на след, и только ждут, чтобы мы проговорились. Вы, юный друг мой, хороший ученый, но плохой политик, как следует быть истому москвичу. Поверьте, что в моих глазах г. Самарин не лучше г. Булгарина, по его отношению к натуральной школе, а с этими господами надо быть осторожну. <...>

СПб. 1847, ноября 22.

Первые частично опубликовано: *Лытин А. Н.* В. Г. Белинский. Опыт биографии // Вестник Европы. 1875. № 5. С. 181–182. Полностью напечатано: *Корсаков Д. А.* Из литературной переписки Кавелина (1847–1884 гг.) // Русская Мысль. 1892. № 1. С. 114. Печатается по изд.: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 12. С. 432. См. также: *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 633.

¹ Имеется в виду статья «Ответ “Москвитяину”».

В. Г. Белинский — В. П. Боткину

СПб. 1847, <2–6> декабря.

<...> ...Что касается до Н. Ф. Павлова, то, вместо писем о Париже с Сретенского бульвара, я бы советовал ему позаняться третьим письмом к Гоголю¹, да на этом уж и кончить, так как дальше идти ему, видимо, не суждено провидением. Когда мы получили в Париже тот № «Современника», где IV-е письмо, я захохотал, а Герцен пресерьезно остановил меня замечанием, что, верно, 3-е письмо не пропущено цензурою. Я даже покраснел от нелепости моего предположения. Но, воротясь в Питер, я узнал, что я был прав и что в отношении к литературе, как и многому другому, москвичи, действительно, находятся на особых правах у здравого смысла и смело могут издать сперва конец, потом середину, а *наконец* — начало своего сочинения. <...>

Впервые опубликовано: *Белинский В. Г. Письма / Редакция и примеч. Е. А. Ляцкого. СПб., 1914. Т. 3. С. 321–333.* Печатается по изд.: *Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 12. С. 448.* См. также: *Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 696–697.*

¹ Из статей Н. Ф. Павлова, посвященных «Выбранным местам из переписки с друзьями» Гоголя, в 1847 г. в «Московских Ведомостях» были напечатаны первая и четвертая (согласно авторскому обозначению) (см. в наст. изд. коммент. к письму В. Г. Белинского В. П. Боткину от 7 февраля 1847 г.). О том, что третье письмо Н. Ф. Павлова (до сих пор не обнаруженное) существовало, могут свидетельствовать слова В. П. Боткина в письме к А. А. Краевскому от 3 апреля 1847 г. из Москвы: «Вы конечно заметили в <Московских> Ведомостях “Письма к Гоголю” Н. Ф. Павлова. Вот образцовая критика, критика, напоминающая манерой своей Вольтера: Павлов бьет Гоголя его же оружием, и я не знаю, каково-то будет чувствовать себя он, читая эти письма. Их будет несколько; 3-е письмо превосходно» (Письма В. Г. Белинского и В. П. Боткина к А. А. Краевскому // Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1889 год. СПб., 1893. Приложения. С. 78). Мнение А. И. Герцена, что «3-е письмо не пропущено цензурою», позднее было поддержано исследователем В. П. Вильчинским, полагавшим, что неизвестная статья Н. Ф. Павлова (которая могла быть написана в период с 30 марта по 2 апреля 1847 г.) не попала в печать «по соображениям цензурного порядка» (*Вильчинский В. О письмах Н. Ф. Павлова к Н. В. Гоголю. (К оценке современниками «Выбранных мест из переписки с друзьями») // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1963. Т. 22. Вып. 5. С. 428.*)

В. Г. Белинский — К. Д. Кавелину

СПб. 1847, декабря 7.

<...> ...Многие, не видя в сочинениях Гоголя и натуральной школы так называемых «благородных» лиц, а все плутов и плутишек, приписывают это будто бы оскорбительному понятию <о> России, что в ней-де честных, благородных и вместе с тем умных людей быть не может. Это обвинение нелепое, и его-то старался я и буду стараться отстранить. Что хорошие люди есть везде, об этом и говорить нечего, что их на Руси, по сущности народа русского, должно быть гораздо больше, нежели как думают сами славянофилы (то есть истинно хороших людей, а не мелодраматических героев)... <...> Но вот горе-то: литература все-таки не может пользоваться этими хорошими людьми, не впадая в идеализацию, в реторику и мелодраму, то есть не может представлять их художественно такими, как они есть на самом деле, по той простой причине, то их тогда не пропустит цензурная таможня. А почему? Потому именно, что в них человеческое в прямом противоречии с тою общественною средою, в которой они живут¹. <...> Что между Гоголем и натуральною школою — целая бездна; но все-таки она идет от него, он отец ее,

он не только дал ей форму, но и указал на содержание. Последним она воспользовалась не лучше его (куда ей в этом бороться с ним!), а только сознательнее. Что он действовал бессознательно, — это очевидно, но Корш больше, чем прав, говоря, что все гении так действуют. <...> Петр Великий — не исключение. <...> Гений — инстинкт, а потому и откровение... <...> Сознательно действует талант, но зато он козлат, бесплоден; своего ничего не родит, но зато лелеет, растит и крепит детей гения. Посмотрите на Ж. Санд в тех ее романах, где рисует она свой идеал общества: читая их, думаешь читать переписку Гоголя. <...>

Впервые частично опубликовано: *Пыпин А. Н.* В. Г. Белинский. Опыт биографии // Вестник Европы. 1875. № 5. С. 191–192. Полностью напечатано: *Корсаков Д. А.* Из литературной переписки Кавелина (1847–1884 гг.) // Русская Мысль. 1892. № 1. С. 127–128. Печатается по изд.: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 12. С. 460–462. См. также: *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 708–710.

¹ См. в наст. изд. коммент. к письму В. Г. Белинского к В. П. Боткину от 10–11 декабря 1840 г.

В. Г. Белинский

Литературные и журнальные заметки
<Октябрь 1842>
Фрагмент

<...> Когда вышел «Ревизор», один известный критик¹ отказался писать о нем, видя в нем грязное произведение; один журнал отказался напечатать у себя повесть Гоголя «Нос», находя ее грязною...² <...>

Впервые опубликовано: <Белинский В. Г.> Литературные и журнальные заметки // Отечественные Записки. 1842. № 10 (цензурное разрешение 30 сент.; выход в свет 1 окт.). С. 126–134. Печатается по изд.: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 6. С. 406–407. См. также: *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1979. Т. 5. С. 329.

¹ Намек на С. П. Шевырева.

² 18 марта 1835 г. Гоголь отправил М. П. Погодину повесть «Нос» для публикации в «Московском Наблюдателе». Повесть была отвергнута редакцией журнала, в состав которой входил, в числе прочих, С. П. Шевырев. Позднее, в 1842 г., в статье, посвященной выходу в свет первого тома «Мертвых душ», Шевырев писал: «Самые неудачные создания Гоголя из прежних были “Вий” и те повести в “Арабесках”, в которых он подчинялся немецкому влиянию. Сюда же мы отнесем и “Нос”, напечатанный в “Современнике”» (*Шевырев С. П.* Похождения Чичикова, или Мертвые Души. Поэма Н. Гоголя. Статья вторая // Москвитянин. 1842. Часть 4. № 8 (цензурное разрешение 22 авг.). С. 373; см. также: *Шевырев С. П.* Похождения Чичикова, или Мертвые Души. Поэма Н. Гоголя. Статья вторая // Русская эстетика и критика 40–50-х годов XIX века. М., 1982. С. 77). Ср. также письмо С. Т. Аксакова к М. Г. Карташевской от 9 мая 1836 г.: «Мне жаль, что Вы в первый раз узнали Гоголя только по его “Носу”. В этой шутке есть свое достоинство, но <она>, точно, немножко сальна» (см. в наст. изд.).

27 июля 1836 г. цензор А. Л. Крылов писал А. С. Пушкину по поводу повести «Нос»: «...Может быть я в состоянии буду удержать <...> в статье г. Гоголя намеки о сахаре и ассигнациях; соблаговолите прислать ко мне эту часть статьи; завтра вечером <после заседания цензурного комитета> я буду иметь честь возвратить ее с окончательным заключением» (впервые опубликовано: *Шляткин И. А.* Из неизданных бумаг А. С. Пушкина. СПб., 1903. С. 261; печатается по изд.: *Пушкин.* Полн. собр. соч.: В 16 т. <Без м. изд.> Изд-во АН СССР, 1949. Т. 16. С. 143–144). На следующий день, 28 июля 1836 г. А. Л. Крылов извещал А. С. Пушкина: «Возвращая находившиеся у меня статьи, имею честь известить, что в сочинении г. Гоголя Комитет согласился допустить шутку на предпочтение *Ассигнаций*, оставив только исключенным другое место о *Сахаре*» (впервые опубликовано: *Шляткин И. А.* Из неизданных бумаг А. С. Пушкина.

СПб., 1903. С. 262; печатается по изд.: *Пушкин*. Полн. собр. соч.: В 16 т. <Без м. изд.> Изд-во АН СССР, 1949. Т. 16. С. 144).

Сохранился экземпляр «Современника» с написанной на А. С. Пушкина эпиграммой по поводу публикации в журнале повести Гоголя:

«У Гоголя валялся “Нос”,
От публики его он прятал,
Но вот вопрос:
Кто поднял нос:

И вздор как дело напечатал?»

(*Шляпкин И. А.* Из неизданных бумаг А. С. Пушкина. СПб., 1903. С. 262).

В. Г. Белинский

Литературные и журнальные заметки
<Декабрь 1842>
Фрагмент

<...> Из существовавших *прежде* журналов первый оценил Гоголя «Телескоп»¹, а совсем не тот, другой московский журнал, который отказался принять в себя повесть Гоголя «Нос», по причине ее пошлости и тривиальности, и не тот *именитый* критик, который отказался писать о «Ревизоре», как опять о тривиальном и грязном произведении...² <...>

Впервые опубликовано: <*Белинский В. Г.*> Литературные и журнальные заметки // Отечественные Записки. 1842. № 12 (цензурное разрешение 30 ноября; выход в свет 1 дек.). С. 105–112. Печатается по изд.: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 6. С. 504. См. также: *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1979. Т. 5. С. 352–353.

¹ Подразумевается рецензия на первую часть сборника Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки», написанная в 1831 г. Н. И. Надеждиным и опубликованная без имени автора в его журнале «Телескоп» (1831. Ч. 5. № 17–20. С. 558–561). С Надеждиным вплоть до закрытия «Телескопа» в 1836 г. Белинский активно сотрудничал. Однако в 1842 г. в полемике К. С. Аксакова с Белинским по поводу «Мертвых душ» Надеждин занял сторону Константина Аксакова (см. в наст. изд. коммент. к письму М. Г. Карташевской В. С. Аксаковой от 13 ноября 1842 г.).

² Имеются в виду журнал «Московский Наблюдатель» (1835–1839) и критик С. П. Шевырев. См. выше в наст. изд. коммент. к «Литературным и журнальным заметкам» В. Г. Белинского от октября 1842 г.

Гоголь в письмах и воспоминаниях И. И. Панаева и А. Я. Головачевой (рожденной Брянской, в первом браке Панаевой)

И. И. Панаев — К. С. Аксакову

С.-Петербург. 8 декаб<ря> 1839.

<...> Гоголя, хоть и редко, но я видел. Один раз мы втроем (я, Белинский и он) обедали у князя¹. <...>

Впервые опубликовано: Белинский ХЕ «Белинский В. Г.» в неизданной переписке современников (1834–1848) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 56. М., 1850. С. 135. Печатается по первой публикации.

Иван Иванович Панаев (1812–1862), писатель и критик, племянник В. И. Панаева. До 1845 г. состоял при редакции «Журнала Министерства Народного Просвещения» и одновременно принимал активное участие в «Отечественных Записках». Познакомился с Гоголем в октябре 1839 г. (по-видимому, 2 октября) — см. в наст. изд. воспоминания бывшей жены Панаева: *Воспоминания А. Я. Головачевой*. С 1847 г. издавал вместе Н. А. Некрасовым журнал «Современник».

¹ Имеется в виду князь В. Ф. Одоевский. Вероятно, обед состоялся в субботу 16 ноября 1839 г. (см. в наст. изд. коммент. к письму В. Г. Белинского В. П. Боткину от 22 ноября 1839 г.).

И. И. Панаев

Заметки и размышления Нового Поэта по поводу русской журналистики *Фрагменты*

Первая статья, попавшаяся мне на глаза в пятой книжке «Библиотеки для Чтения» была: *Неизданные письма Гоголя*¹.

Это имя на обертке «Библиотеки для Чтения» пробудило во мне некоторые мысли:

...Еще не один русский писатель, думал я, никогда не возбуждал о себе столько противоречащих суждений и толков при жизни и после смерти; еще никогда ни об одном русском писателе не собирали с таким усердием самых мелочных, микроскопических фактов; еще никогда ни один из русских писателей не возбуждал такого жаркого энтузиазма; еще ни одним литературным именем не спекулировали так, как именем Гоголя. Добродушные люди, которые встретили его один раз в жизни, как-нибудь случайно и даже не поменялись с ним ни одним словом, уже считают долгом писать об нем свои воспоминания; люди расчетливые собирают самые незначущие его записочки и письма к приятелям и более или менее искусно связав их собственными размышлениями², — мечтают о продаже этих записочек и писем в свою пользу и о приобретении себе небольшого капиталца на счет имени Гоголя; есть и такие, я думаю, которые не упустят случая прихвастнуть печатно знакомством с покойным и охотно готовы пофантазировать, пожалуй, на его счет... Кто же возьмется уличать таких господ?.. Мне показывал один журналист статейку, присланную ему для напечатания, под заглавием: «Еще несколько слов о Го-

голе... и из моих воспоминаний». Вся эта статейка, пересыпанная стереотипными фразами о значении Гоголя, заключала в себе только то, что автор ее где-то и когда-то повстречал Гоголя; что на Гоголе был в тот вечер коричневый жилет, что сюртук был застегнут на одну нижнюю пуговицу, а волосы, коротко остриженные сзади, длинными тесьмами падали на висках, закрывая часть щеки и что Гоголь, отозвав автора будущих о нем воспоминаний в сторону, спросил его: «Когда вы едете в Петербург?». — Это было в Москве. — «Завтра», — отвечал автор. «Гм!.. — сказал Гоголь, — так я вам дам поручение», но, как прибавляет автор, поручения ему ни какого не дал и уже более к нему не обращался... И это называется материалами для биографий!

Журналисты убеждены, что одно имя Гоголя на обертке их журналов может принести им тысячи подписчиков; самые подземные сочинители, не решающиеся никогда под собственной фирмой обращаться в известные журналы, смело являются в эти журналы, под эгидой Гоголя, с его незначительным словом, произнесенным когда-то и где-то, или с трехстрочной запиской, вымышленной у кого-нибудь из его приятелей.

Если бы я вздумал идти за так называемыми собирателями материалов для биографии Гоголя, если бы я захотел похвастать перед моими читателями моим знакомством с ним, — я мог бы напечатать и мои воспоминания об нем. В этих воспоминаниях я, конечно, уже не позволил бы себе увлекаться фантазией и начал бы их, например, хоть так:

«Один из старинных знакомых Гоголя³ пригласил к себе однажды вечером (это было, если не ошибаюсь, в 1849 году⁴, во время пребывания Гоголя в Петербурге) многих из молодых литераторов, объявил им, что у него будет Гоголь и что он желает с ними познакомиться. Я был также в числе приглашенных, но только не в качестве литератора, а так просто, потому что я был приятель приятеля Гоголя... Все собрались часам к восьми. Радушный хозяин дома, счастливый мыслию, что он принимает у себя одного из первых русских писателей, накопил удивительных крендельков к чаю и заказал бальтазаровский ужин, со всевозможными очень тонкими винами, обыкновенно употребляемыми. Нечего говорить, что все ждали Гоголя с величайшим нетерпением, что после девяти часов хозяин и хозяйка дома с беспокойством беспрестанно поглядывали на часы. Гоголь явился в 10 часов. На нем был черный сюртук; волосы его падали длинными тесьмами спереди и сзади (вероятно, он подстриг их сзади уже впоследствии, если верить вышеупомянутому автору), у него были также маленькие усики и борода... Хозяин бросился к нему навстречу. Гоголь довольно равнодушно поздоровался с ним, окинул быстрым, но едва заметным взглядом всех присутствовавших, отказался, к огорчению хозяев дома, от чая и пошел в следующую комнату. Там ему были представлены молодые литераторы; он уселся на диване, посматривая на все и на всех как-то вяло, флегматически, и от времени до времени поглаживая свою бородку. Молодые литераторы окружили его: он был к ним очень внимателен, с любопытством и видимым участием расспрашивал их о их будущих трудах, отзываясь о некоторых напечатанных их произведениях с большою похвалою. Говорил, однако, он вообще медленно, с расстановками, обнаруживал утомление и даже в самые минуты разговора был как будто занят какими-то другими мыслями. В половине двенадцатого он взялся за шляпу. Хозяин помертвел...

— А закусить-то чего-нибудь, Николай Васильич! — воскликнул он, — сделайте одолжение...

— Нет, я никогда не ужинаю, — возразил он нехотя, — это мне вредно...

— Ну, хоть чего-нибудь, — замирая, пробормотал хозяин, — чаю вы не пили... хоть рюмку вина...

— Вина? а какое у вас есть вино?

— Всякое, какое угодно: лафит, сотерн, мадера, портвейн, шампанское...

— Нет, я этого ничего не пью, а велите-ка мне подать рюмку *малаги*⁵.

Слова эти были решительным ударом для хозяина дома... О малаге ему и в голову не приходило. Кто же пьет малагу? Однако он отвечал: «Сейчас...» — и немедленно отправил человека за

малагой, наказав ему достучаться в погреб и достать бутылку малаги за какую бы то ни было цену.

Через полчаса бутылка малаги явилась перед Гоголем. Гоголь чуть помочил губы в налитую ему рюмку, протерся со всеми и уехал, несмотря на отчаяние хозяина. Делать было нечего — и мы пошли к ужину без Гоголя...»

Из этого отрывка, заимствованного из моих воспоминаний о Гоголе, биографы его могут, по крайней мере, вывести заключение, что Гоголь любил малагу, а из иных воспоминаний об нем не выжмешь даже и такого факта. <...>

Гоголь был величайший охотник писать письма и постоянно поддерживал переписку с многочисленными своими знакомыми и приятелями, но что до сих пор биографы извлекли из этих писем? Мы слышали, что недавно еще кто-то собрал до 100 его писем; г. Погодин объявил, что у него хранится писем до пятидесяти (если не ошибаемся)⁶. Разъяснит ли хотя несколько вопрос о Гоголе, как человеке, когда все письма эти будут обнаружены? <...>

Впервые опубликовано: <Панаев И. И.> Заметки и размышления Нового Поэта (по поводу русской журналистики // Современник. 1855. № 6 (цензурное разрешение 31 мая). <Отд. 6>. С. 254–256, 259–260. Печатается по первой публикации.

¹ Неизданные письма Гоголя. Первое из Лозанны. Второе из Рима. Третье из Франкфурта // Библиотека для Чтения. Журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод, издающийся под редакцию О. И. Сенковского и А. В. Старчевского. 1855. Т. 131. Май (цензурное разрешение 6 мая). С. 99–108; с предисловием от редакции, в котором сообщалось: «Любезное благорасположение А. С. Д<анилевского> предоставило нам несколько новых писем автора «Мертвых Душ»» (С. 99).

² Намек на П. А. Кулиша.

³ Имеется в виду А. А. Комаров.

⁴ Вечер состоялся в период пребывания Гоголя в Петербурге в 1848 г. с 16 сентября по 9 октября 1848 г. Высказано предположение, что на вечер, в числе других приглашенных литераторов, присутствовал Ф. М. Достоевский, который впоследствии, под впечатлением от этого вечера, использовал отдельные черты Гоголя при создании образа Фомы Опискина в повести «Село Степанчиково и его обитатели» (опубл. в 1859). В частности, с рассказом И. И. Панаева определенно перекликается эпизод «Села Степанчиково», когда Фома требует малаги, на что Бахчеев замечает: «И вина-то такого спросил, что никто не пьет!» (см.: *Тынянов Ю.* Достоевский и Гоголь. (К теории пародии). Пг., 1921; *Маргулис Ю.* Встреча Достоевского и Гоголя (начало осени 1848 года) // Воздушные пути. Альманах. (Нью-Йорк). 1963. № 3. С. 272–294; *Маргулис Ю. Э.* Встреча Достоевского и Гоголя (начало осени 1848 г.) // Байкал. (Улан-Удэ). 1977. № 4. С. 136–144; *Первушин Н. В.* Встречался ли Достоевский с Гоголем // Новый журнал. (Нью-Йорк). 1971. Т. 105. С. 164–172; *Архипова А. В.* Примечания // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972. Т. 3. С. 502–503; *Седуро Вл.* А все-таки встреча Достоевского с Гоголем была // Новый журнал. (Нью-Йорк). 1974. Т. 117. С. 84–100; *Первушин Н. В.* Гоголь и Достоевский. По поводу одной полемики // Новый журнал. (Нью-Йорк). 1975. Т. 121. С. 279–281; *Якубович И. Д., Орнатская Т. И.* Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 146; *Виноградов И. А.* Гоголь и юный Достоевский // Домашний лицей. 2003. № 3. С. 20–31; *То же* // Русский литературоведческий альманах. М., 2004. С. 229–246; *То же* // Наш современник. 2005. № 8. С. 249–256).

Обед, предположительно, состоялся в воскресенье 19 сентября 1848 г. А. А. Комаров устраивал свои обеды то по субботам, то по воскресеньям. 13 июня 1840 г. В. Г. Белинский, сообщая В. П. Боткину о своем знакомстве на обеде с П. В. Анненковым, замечал: «Анненков тебе сообщит и о моих новых знакомствах, особенно о Комарове. Я вошел в их кружок и каждую субботу бываю на их сходках» (*Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 384). По позднему свидетельству И. И. Панаева, обеды Комарова проходили по воскресеньям (см. в наст. изд. «Воспоминание о Белинском» И. И. Панаева 1860 г.). Гоголь приехал в Петербург в четверг 16 сентября 1848 г., пятницу 17 числа провел на даче Виельгорских на праздновании именин графини С. М. Соллогуб, после чего заез-

жал еще в Павлино к А. О. Смирновой (по-видимому, в субботу 18 сентября), а в пятницу 24 сентября 1848 г., сообщил А. С. Данилевскому об их общих друзьях и знакомых: «В Петербурге я успел видеть Прокоповича <...> и Анненкова...». Воскресный день между 16 и 24 сентября 1848 г. приходился на 19 сентября. Тем же числом, хотя и с отдельными ошибочными указаниями в аргументации, датирует обед у Комарова Ю. Э. Маргулис: «...Мы знаем, что этот обед состоялся в субботу и что Гоголь приехал в Петербург 15 <на самом деле 16 сентября 1848 г.>, а писал о встрече с Анненковым 24-го — поскольку 15 падало в 1848-м году на вторник <вторник был 14 февраля, 15-е число приходилось на среду>, а 24 на четверг <24 сентября 1848 г. выпадало на пятницу>, обед мог быть только в единственную за этот промежуток времени субботу, 19-го <в этот период суббота приходилась на 18-е>. Конечно, не исключено, что Гоголь встретил Анненкова отдельно, раньше обеда — в этом случае, обед был бы позже письма Данилевскому, в начале октября; но поскольку Гоголь несомненно придавал большое значение своей встрече с молодежью и несомненно спешил с нею, очень вероятно, что обед имел место 19-го <19-го в воскресенье>» (*Маргулис Ю. Э. Встреча Достоевского и Гоголя (начало осени 1848 г.) // Байкал. (Улан-Удэ). 1977. № 4. С. 144*). Следующие воскресные дни приходились на 26 сентября и 3 октября. В четверг 7 октября 1848 г. художник Н. П. Ломтев видел Гоголя на вечеру у Ф. А. Бруни, 19 октября (после отъезда Гоголя из Петербурга 9 октября) — встречал Достоевского у художника Н. А. Майкова (см. в наст. изд. дневник Н. П. Ломтева).

В то же время очевидно, что переключка между упоминаниями о «малаге» в воспоминаниях Панаева и в «Селе Степанчикове» Достоевского не может служить убедительным аргументом в пользу присутствия последнего на вечеру с Гоголем, так как с панаевским рассказом Достоевский мог познакомиться непосредственно по публикации 1855 г., т. е. в период самого начала вызревания замысла его повести. Этот факт не был принят во внимание исследователями, учитывавшими лишь публикацию И. И. Панаева 1860 г. — его статью «Воспоминание о Белинском» (см. эту публикацию в наст. изд. ниже) и, таким образом, ошибочно полагавшими, что эпизод с малагой был впервые напечатан уже после выхода в свет «Села Степанчикова». Если допустить, что Достоевский прочел статью Панаева в издании 1855 г., то, вероятно, она либо напомнила писателю встречу, которой он был участником, либо послужила единственным источником для создания пассажа о «малаге» в «Селе Степанчикове».

⁵ Просьба Гоголя носила, по-видимому, «знаковый» характер. В стихотворении Н. М. Языкова «Малага» это вино как «напиток смиренный и бесценный» противопоставляется «кипучим» винам, которые герой пил в молодости (*Языков. Малага // Москвитянин. 1842. Ч. I. № 2 (цензурное разрешение 16 февраля). С. 354–355*).

⁶ Возможно, имеется в виду редакционное примечание М. П. Погодина к рецензии Б. Н. Алмазова на «Опыт биографии Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша. В своем примечании Погодин, критически оценивая труд Кулиша, писал: «Главный недостаток, по нашему мнению, состоит в том, что автор не знал лично своего героя, и потому подле верной черты в его портрете, встречается иногда совершенно ложная. Это материалы для биографии Гоголя, а не биография. Притом автор воспользовался не всеми письмами: у меня, например, найдется их вероятно до двух сот, о которых у автора, судя по его сочинению, не было и чаяния!» (*М. П. <Погодин М. П.> <Редакционное примечание> / Б. А. <Алмазов Б. Н.> Современник, 1854 г., № IV, V // Москвитянин. 1854. Июль. Кн. 1 (№ 13) (цензурное разрешение 14 июля). Отд. 4. С. 36*). Однако, в январе 1856 г. Погодин, действительно, опубликовал лишь сорок девять писем Гоголя (см. в наст. изд. коммент. к «Наброску воспоминаний о Гоголе» Погодина).

И. И. Панаев

Воспоминание о Белинском Фрагменты

<...> ...Для того, чтобы иметь о Белинском полное понятие, видеть его во всем блеске, надобно было навести разговор на те общественные предметы и вопросы, которые живо его затрагивали... <...>

Один раз я застал его ходящим по комнате... <...>

— Да <...> если бы знали вы, какое вообще мучение повторять зады, твердить одно и то же — все о Лермонтове, Гоголе и Пушкине; не смей выходить из определенных рам — все искусство

да искусство!.. Ну какой я литературный критик! — Я рожден памфлетистом — и не смею пикнуть о том, что накипело в душе, отчего сердце болит! <...>

К числу общих наших приятелей, которого мы посещали довольно часто и у которого обыкновенно обедал Белинский по воскресеньям, принадлежал А. А. К<омаров>, преподававший русскую словесность в военно-учебных заведениях. А. А. К<омаров> глубоко уважал Белинского и был предан ему всею душою. Он был между прочим большой гастроном и с особенною любовью и мастерски приготовлял салат. Белинский всегда был очень доволен его обедами и, похваливая их хозяину дома, не упускал случая вернуть словцо об его двоюродном брате, который имел слабость также приглашать к себе на обеды, но кормил до крайности дурно.

— У А<лександра> А<лександровича>, — говаривал Белинский, — не испортишь желудка. Это не то, что у его двоюродного брата. Тот отравитель! На что желудка — у них (он указывал на меня и на Языкова¹, также очень близкого ему человека), булыжники переваривают, а после обеда вашего брата и они приставляют иногда пиявки к желудкам.

А. А. К<омаров> был очень хорош с покойным Прокоповичем и через него сошелся очень близко с Гоголем. Первое время своей известности Гоголь обыкновенно, приезжая в Петербург, останавливался у Прокоповича и часто бывал у К<омарова>. Здесь встречался с ним Белинский².

Белинский был в энтузиазме от Гоголя, как писателя — это всем известно, но как с человеком он никогда не мог сойтись с ним близко. Гоголь был слишком сосредоточен в самом себе и к тому же, по мере своей известности, начинал приобретать постепенно неприступность авторитета, все более и более сближаясь с другими литературными и светскими авторитетами. Открытый и искренний по натуре Белинский не терпел никакой напыщенности, натянутости и признавался, что ему всегда бывало немного тяжело в присутствии Гоголя.

Малороссийские устные рассказы Гоголя и его чтение (известно, что он был удивительный чтец и превосходный рассказчик) производили на Белинского сильное впечатление...

В то время Гоголь еще нередко позволял себе одушевляться в кругу своих старых несветских товарищей и приятелей и, готовя сам в их кухне итальянские макароны, до которых был величайший охотник, тешил их своими рассказами.

Упомянув о неприступности Гоголя и его странном обращении с его старыми приятелями, я кстати позволю себе сделать здесь небольшое отступление и расскажу об одном вечере (это уже было года два или три после смерти Белинского) у А. А. К<омарова>, на котором присутствовал Гоголь³. Гоголь изъявил желание А. А. К<омарову> приехать к нему и просил его пригласить к себе несколько известных *новых* литераторов, с которыми он не был знаком. А<лександр> А<лександрович> пригласил между прочими Гончарова⁴, Григоровича⁵, Некрасова и Дружинина⁶. Я также был в числе приглашенных⁷, хотя был давно уже знаком с Гоголем. Я познакомился с ним летом 1839 года в Москве, в доме Сергея Тимофеевича Аксакова. В день моего знакомства с ним он обедал у Аксаковых и в первый раз читал первую главу своих «Мертвых Душ»⁸. Мы собрались к А. А. К<омарову> часу в девятом вечера. Радужный хозяин приготовил роскошный ужин для знаменитого гостя и ожидал его с величайшим нетерпением. Он благоговел перед его талантом. Мы все также разделяли его нетерпение. В ожидании Гоголя не пили чай до десяти часов, но Гоголь не показывался, и мы сели к чайному столу без него.

Гоголь приехал в половине одиннадцатого, отказался от чая, говоря, что он его никогда не пьет, взглянул бегло на всех, подал руку знакомым, отправился в другую комнату и разлегся на диване. Он говорил мало, вяло, нехотя, распространяя вокруг себя какую-то неловкость, что-то принужденное. Хозяин представил ему Гончарова, Григоровича, Некрасова и Дружинина. Гоголь несколько оживился, говорил с каждым из них об их произведениях, хотя было очень заметно, что не читал их. Потом он заговорил о себе и всем нам дал почувствовать, что его знаменитые «Письма» писаны им были в болезненном состоянии, что их не следовало издавать, что он очень сожалеет, что они изданы. Он как будто оправдывался перед нами.

От ужина, к величайшему огорчению хозяина дома, он также отказался. Вина не хотел пить никакого, хотя тут были всевозможные вина.

— Чем же вас угощать, Николай Васильич? — сказал наконец в отчаянии хозяин дома.

— Ничем, — отвечал Гоголь, потирая свою бородку, — впрочем, пожалуй, дайте мне рюмку малаги.

Одной малаги именно и не находилось в доме. Было уже между тем около часа, погреба все заперты... Однако хозяин разослал людей для отыскания малаги.

Но Гоголь, изъявив свое желание, через четверть часа объявил, что он чувствует себя не очень здоровым и поедет домой.

— Сейчас подадут малагу, — сказал хозяин дома, — погодите немного.

— Нет, уж мне не хочется, да к тому же поздно...

Хозяин дома, однако, умолил его подождать малаги. Через полчаса бутылка была принесена. Он налил себе полрюмочки, отведал, взял шляпу и уехал, несмотря ни на какие просьбы.

Не знаю, как другим, — мне стало как-то легче дышать после его отъезда... <...>

Впервые опубликовано: *Панаев И. И.* Воспоминание о Белинском // Современник. 1860. Т. 79. № 1. С. 361–363, 364–366. Печатается по первой публикации.

¹ Михаил Александрович Языков (1811–1885), товарищ Панаева по Благородному пансиону, приятель Белинского.

² «...Белинский прибыл в Петербург в конце октября 1839 г. <...> по воскресеньям обыкновенно обедал у Комарова и бывал нередко у Прокоповича. <...> Но у Панаева неточность: Гоголь останавливался в 1839 г. у Плетнева и Жуковского и только в 1841 г. <и, возможно, в 1842> у Прокоповича...» (*Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1897. Т. 4. С. 44–45). См. в наст. изд. письмо С. Т. Аксакова к сыну Ивану от 25 мая 1842 г.

³ См. выше коммент. к статье И. И. Панаева «Заметки и размышления Нового Поэта по поводу русской журналистики».

⁴ Иван Александрович Гончаров (1812–1891), писатель.

⁵ Дмитрий Васильевич Григорович (1822–1899/1900), писатель.

⁶ Александр Васильевич Дружинин (1824–1864), писатель и критик.

⁷ На вечере присутствовал также П. В. Анненков. См. в наст. изд. раздел *Последняя встреча с Гоголем. (Из воспоминаний П. В. Анненкова о Москве осенью 1851 года)*.

⁸ Авторское чтение первой главы «Мертвых душ» у Аксаковых, а также «Тяжбы» — и следовательно, знакомство Гоголя с И. И. Панаевым — состоялось 14 октября 1839 г. (см. в наст. изд. письмо К. С. Аксакова к Г. С. и И. С. Аксаковым от 24–25 октября 1839 г.). См. в наст. изд. описание И. И. Панаевым этого чтения в его «Литературных воспоминаниях».

И. И. Панаев

Петербургская жизнь. Заметки Нового поэта Фрагмент

<...> Когда появился Гоголь с своим «Ревизором» и ввел впервые на сцену жизнь без всяких сантиментальных, риторических и других прикрас, жизнь действительную во всей беспощадной, неумолимой и изболочительной наготе — актеры, зрители и литераторы ахнули... <...> Страшный гвалт поднялся со всех сторон.

Я как сейчас вижу перед собою, после представления «Ревизора», автора «Руки Всевышнего», «Шуйского», «Роксоланы» и прочего, окруженного толпою бесчисленных поклонников (у него были тогда бесчисленные поклонники!). Поклонники г. Кукольника, озадаченные произведением Гоголя, спрашивали у своего учителя:

— Ну что? Какого вы мнения о новой пиесе?

И я как теперь слышу его слова, произнесенные свойственным ему доктринерским тоном:

— В Гоголе много таланта, бесспорно; но пиеса его жалкий фарс, не только недостойный искусства, но оскорбляющий его...

И автор «Роксоланы» глубоко вздохнул за униженное автором «Ревизора» искусство. <...>

Первые опубликовано: <Панаев И. И.> Петербургская жизнь. Заметки Нового Поэта // Современник. 1860. № 4. С. 435–436. Печатается по первой публикации.

И. И. Панаев

Литературные воспоминания Фрагменты

<...> Барон Розен был уверен в том, что он глубокий и единственный в России знаток драматического искусства и величайший драматический поэт. <...> Впоследствии он гордился тем, что, когда Гоголь на вечере у Жуковского в первый раз прочел своего «Ревизора»¹, он один из всех присутствовавших не показал автору ни малейшего одобрения и даже ни разу не улыбнулся, и сожалел о Пушкине, который увлекся этим оскорбительным для искусства фарсом и во время чтения катался от смеха. <...>

В описываемое мною время² <...> были еще известные немногим литературные небольшие сходки любителей, еще, так сказать, домашним образом занимавшихся литературой. К таким собраниям принадлежали вечера в квартирах у А. А. Комарова и кадетского капитана Клюге фон Клугенау. Они назывались *серапионовскими вечерами* (Гофман у нас был тогда в большом ходу). На этих вечерах *наши серапионы* читали по очереди свои сочинения. К числу их принадлежал и П. В. Анненков³, впоследствии получивший в литературе известность изданием Пушкина и критическими статьями. <...>

Знакомство с Надеждиным, который резко отличался от всех петербургских литераторов, возбудило во мне еще большее желание познакомиться с московскими литераторами. Москва начала очень занимать меня. На московскую литературу я смотрел всегда с большим уважением. Направление ее выражалось «Телеграфом», «Телескопом», «Молвою» и, наконец, «Московским Наблюдателем», редакцию которого принял на себя впоследствии Белинский; тогда выступали в Москве на литературное поприще молодые люди, только что вышедшие из Московского университета, — с горячею любовью к делу, с благородными убеждениями, с талантами... Это было самое блестящее время московской литературной деятельности. К Петербургу с его «Библиотекою» и «Северною Пчелою» я получил уже совершенное отвращение; петербургские литераторы также не возбуждали во мне никакого интереса. Я был знаком со всеми ими, не исключая даже Николая Иваныча Греча, который всегда обращался со мною с большою благосклонностию, хотя и изъявлял сожаление моему дяде⁴, что я связываюсь в литературе с людьми неблагонамеренными, которые заразят меня своими вредными идеями. Да, это справедливо: чтобы сохранить чистоту нравов и благонамеренность, я должен был поддерживать только связи с Н. И. Гречем и Ф. В. Булгариным. Теперь я вижу это ясно, но поздно...¹

---

¹ Фрагмента: Да, это справедливо - ясно, но поздно... — нет в изд. 1861 г.

Из находившихся в ту минуту в Петербурге литераторов я не был знаком только с Гоголем, который с первого своего шага стал почти впереди всех и потому обратил на себя всеобщее внимание^I. Мне очень захотелось^{II} взглянуть на автора «Старосветских Помещиков» и «Тараса Бульбы», с которыми я носился и перечитывал всем моим знакомым, начиная с Кречетова^{III} 5.

Кречетова^{IV} поразил или, вернее сказать, ошеломил «Бульба». Он во время моего чтения беспрестанно вскакивал с своего места и восклицал:

— Да это chef d'oeuvre⁶... это сила... это мощь... это... это... это...

— Ах, да не перебивайте, Василий Иванович, — кричали ему другие слушатели...

Но Кречетов^V не выдерживал и перебивал чтение беспрестанно, засовывал свои пальцы в волосы и раздирал свои волоски с каким-то ожесточением.

Когда чтение кончилось, он схватил себя за голову и произнес:

— Это, батюшка^{VI}, такое явление, это, это, это... сам старик Вальтер Скотт подписал бы охотно под этим Бульбою свое имя... У-у-у! это уж талант из ряду вон... Какая полновесность, сочность в каждом слове... Этот Гоголь... да это чорт знает что такое — так и брызжет умом и талантом...

Кречетов^{VII} долго после этого чтения не мог успокоиться.

Случай скоро представился мне увидеть Гоголя. Через А. А. Комарова я познакомился с Прокоповичем, учителем словесности в кадетских корпусах^{VIII}, стихотворцем⁷, большим чудачком и — главное — добрейшим человеком⁸. Прокопович в один год с Гоголем кончил курс в Нежинском лицее. Приятель Гоголя еще со школьной скамьи, Прокопович, горячо любивший литературу, после первых произведений Гоголя присоединил к своей школьной дружбе благоговейную привязанность к нему как к писателю. — Гоголь, по-видимому, был очень близок с ним: во время своего пребывания в Малороссии или за границей он всегда делал Прокоповичу различные поручения и, возвращаясь в Петербург, — останавливался у него.

Прокопович, узнав через А. А. Комарова мое желание посмотреть Гоголя, пригласил меня в тот день, когда Гоголь обещал у него обедать.

Наружность Гоголя не произвела на меня приятного впечатления. С первого взгляда на него меня всего более поразил его нос, сухощавый, длинный и острый, как клюв хищной птицы. Он был одет с претензией на щегольство, волосы были завиты и кок напереді поднят довольно высоко, в форме букли, как носили тогда. Вглядываясь в него, я все разочаровывался более и более, потому что заранее составил себе идеал автора «Миргорода», и Гоголь нисколько не подходил к этому идеалу. Мне даже не понравились глаза его — небольшие, пронизательные и умные, но как-то хитро и неприветливо смотревшие. Он занят был перед обедом приготовлением макарон по-итальянски (это было уже после второй поездки его за границу) и беспрестанно выходил на кухню смотреть за их приготовлением. За обедом он говорил мало и ел много. Разговор его не был интересен, он касался самых обыкновенных и вседневных вещей; о литературе почти не было речи, только, не помню к чему, он заметил, что по его мнению первый поэт после Пушкина — Языков и что он не только не уступает самому Пушкину, но даже превосходит его иногда по силе, громкости и звучности стиха. Меня еще неприятно поразило то, что в обращении двух друзей и товарищей не было простоты: сквозь любовь Прокоповича

^I Фрагмента: который с первого своего шага - всеобщее внимание. — нет в изд. 1861 г.

^{II} В изд. 1861 г.: хотелось

^{III} В изд. 1861 г.: К—ва

^{IV} В изд. 1861 г.: К—ова

^V В изд. 1861 г.: К—в

^{VI} В изд. 1861 г.: батюшко

^{VII} В изд. 1861 г.: К—в

^{VIII} В изд. 1861 г.: в кадетском корпусе

к Гоголю невольно проглядывало то подобострастие, которое обнаруживают всегда низшие к друзьям высшего ранга; Гоголь, в свою очередь, посматривал на Прокоповича тоже как будто немножко свысока. Тотчас после обеда мы все разошлись, и, когда я уходил, Прокопович заметил мне, что Гоголь сегодня был не в духе.

Я слышал, что, когда Гоголь бывал в духе — рассказывал различные анекдоты с необыкновенным мастерством и юмором; но после издания «Миргорода» и громадного успеха этой книги, — он принимал уже тон более серьезный и строгий и редко бывал в хорошем расположении... Иногда только он обнаруживал свой юмор перед людьми высшего общества, с которыми начал сближаться. — До этого и обращение его с Прокоповичем было гораздо проще и искреннее, так, по крайней мере, уверяют те, которые были знакомы с ним с самого приезда его в Петербург... <...>

Петербургская литература и журналистика, как я замечал уже, по мере моего сближения с нею, теряла для меня ту прелесть, в которой представлялась мне некогда издавека. Я видел, толкаясь за литературными кулисами, какие мелкие человеческие страстишки — самолюбие, корыстолюбие, зависть — двигали теми, которых я некогда считал за полубогов... Статьи Белинского в «Телескопе», в «Молве», повести Гоголя в его «Миргороде», стихотворения Лермонтова начинали несколько расширять мой горизонт, они повеяли на меня новою жизнью, заставляли биться сердце предчувствием чего-то лучшего. <...>

Даже имя Пушкина уже не так электризовало меня, как прежде. Его *Русские сказки* и *Анджело* неприятно действовали на всех его многочисленных и восторженных поклонников; его «Современник» был довольно холодно принят и в литературе и в публике¹. Большинство говорило, что поэту не следовало пускаться в журналистику, что это не его дело. <...>

В обществе неопределенно и смутно уже чувствовалась потребность нового слова и обнаруживалось желание, чтобы литература снизошла с своих художественных изолированных высот к действительной жизни и приняла бы хоть какое-нибудь участие в общественных интересах. Художники и герои с риторическими фразами всем страшно прискучили. Нам хотелось видеть человека, а в особенности *русского человека*¹¹. И в эту минуту вдруг является Гоголь, огромный талант которого первый угадывает Пушкин своим художественным чутьем и которого уже совсем не понимает Полевой, на которого еще все смотрели в то время как на передового человека¹¹¹.

«Ревизор» Гоголя имел успех колоссальный, но в первые минуты этого успеха никто даже из самых жарких поклонников Гоголя не понимал вполне значения этого произведения и не предчувствовал, какой огромный переворот должен совершить автор этой комедии. Кукольник после представления «Ревизора» только иронически ухмылялся и, не отрицая таланта в Гоголе, замечал: «А все-таки это фарс, недостойный искусства»⁹.

Вслед за Гоголем появляется Лермонтов. Белинский своими резкими и смелыми критическими статьями приводит в негодование литературных аристократов и всех отсталых и отживающих литераторов и возбуждает горячую симпатию в новом поколении.

Новый, свежий дух уже веет в литературе... <...>

В это время Щепкин был в полном расцвете своего таланта. Он производил тогда фурор в роли «городничего»... Влияние его на молодых людей, вступавших на сцену, было велико и бла-

¹ Одна только статья Гоголя в 1 № «Современника»: «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» наделала большого шума в литературе и произвела очень благоприятное впечатление на публику. — *Примеч. И. И. Панаева.*

¹¹ *Вместо:* нового слова — *русского человека.* — в изд. 1861 г.: чего-то свежего и нового.

¹¹¹ *Фрагмента:* огромный талант — как на передового человека. — нет в изд. 1861 г.

годетельно: он внушал им серьезную любовь к искусству и своими советами и замечаниями о игре их много способствовал их развитию. Щепкина ценили и любили все литераторы, и все были близки с ним. Шевырев отзывался об нем и его таланте с таким же энтузиазмом, как и Белинский... Блестящие рассказы Щепкина, исполненные малороссийского юмора, его наружное добродушие, вкрадчивость и мягкость в обращении со всеми, его пламенная любовь к искусству, о которой он твердил всем беспрестанно; толки о его семейных добродетелях, о том, что он, несмотря на свои незначительные средства и огромное семейство, содержит еще на свой счет сирот — детей своего товарища, и т. д., — все это, независимо от его таланта, делало для тогдашней молодежи Щепкина лицом в высшей степени интересным и симпатичным... Темные слухи, робко выходявшие откудова-то, о том, что Щепкин будто бы интриган и человек, умеющий ловко и льстиво подделываться к начальству и к сильным мира сего, были с негодованием заглушаемы...¹ Для меня Щепкин казался идеалом артиста и человека. Я даже чувствовал к нему вроде сыновней нежности!¹¹

После «Ревизора» любовь Щепкина к Гоголю превратилась в благоговейное чувство. Когда он говорил об нем или читал отрывки из его писем к нему, лицо его сияло и на глазах показывались слезы — предвестники тех старческих слез от расслабления глазных нерв, которые льются у него теперь так обильно, кстати и некстати¹¹¹. Он передавал каждое самое простое и незамечательное слово Гоголя с несказанным умилением и, улыбаясь сквозь слезы, восклицал: «Каков! каков!» И в эти минуты голос и щеки его дрожали... <...>

Перед отъездом нашим Михайло Семеныч объявил мне, что он на днях будет обедать у Сергея Тимофеича¹⁰ с Гоголем (который только что приехал в Москву¹¹), и с таинственным тоном прибавил умиленным и дрожащим голосом:

— Ведь он, кажется, намерен прочесть там что-то новенькое!..

Действительно, через несколько дней после этого Сергей Тимофеич пригласил меня обедать, сказав, что у него будет Гоголь и что он обещал прочесть первую главу «Мертвых душ».

Я ожидал этого дня¹² с лихорадочным нетерпением и забрался к Аксаковым часа за полтора до обеда, Щепкин явился, кажется, еще раньше меня...

В исходе четвертого прибыл Гоголь... Он встретился со мною, как с старым знакомым, и сказал, пожав мне руку:

— А, и вы здесь... Каким образом?

Нечего говорить, с каким восторгом он был принят. Константин Аксаков, видевший в нем русского Гомера, внушил к нему энтузиазм во всем семействе. Для Аксакова-отца сочинения Гоголя были новым словом. Они вывели его из рутины старой литературной школы (он принадлежал к самым записным литераторам-рутинерам) и пробудили в нем новые, свежие силы для будущей деятельности. Без Гоголя Аксаков едва ли бы написал «Семейство Багровых»¹³.

День этот был праздником для Константина Аксакова... С какою любовью он следил за каждым взглядом, за каждым движением, за каждым словом Гоголя! Как он переглядывался с Щепкиным! Как крепко жал мне руки, повторяя:

— Вот он, наш Гоголь! Вот он!

Гоголь говорил мало, вяло и будто нехотя. Он казался задумчив и грустен. Он не мог не видеть поклонения и благоговения, окружавшего его, и принимал все это, как должное, стараясь прикрыть удовольствие, доставляемое его самолюбию, наружным равнодушием. В его манере вести себя было что-то натянутое, искусственное, тяжело действовавшее на всех, которые смотрели на него не как на гения, а просто как на человека...

¹ Фрагмента: Темные слухи — были с негодованием заглушаемы... — нет в изд. 1861 г.

¹¹ Фразы: Я даже чувствовал к нему вроде сыновней нежности. — нет в изд. 1861 г.

¹¹¹ Слов: которые льются у него теперь так обильно, кстати и некстати — нет в изд. 1861 г.

Чувство глубокого, беспредельного уважения семейства Аксаковых к таланту Гоголя проявлялось во внешних знаках с ребяческой, наивной искренностью, доходившей до комизма¹. Перед его прибором, за обедом, стояло не простое, а розовое стекло; с него начинали подавать кушанье; ему подносили любимые им макароны для пробы, которые он не совсем одобрил и стал сам мешать и посыпать сыром.

После обеда он развалился на диване в кабинете Сергея Тимофеича и через несколько минут стал опускать голову и закрывать глаза — в самом ли деле начинал дремать, или притворялся дремлющим... В комнате мгновенно все смолкло... Щепкин, Аксаковы и я вышли на цыпочках. Константин Аксаков, едва переводя дыхание, ходил кругом кабинета, как часовой, и при чьем-нибудь малейшем движении или слове повторял шепотом и махая руками:

— Тсс! тсс! Николай Васильич засыпает!..

Об обещанном чтении Гоголь перед обедом не говорил ни слова; спросить его, сдержит ли он свое обещание, никто не решался... Покуда Гоголь дремал, у всех только был в голове один вопрос: прочтет ли он что-нибудь и что прочтет?.. У всех билась сердца, как они всегда бьются в ожидании необыкновенного события...

Наконец Гоголь зевнул громко.

Константин Аксаков при этом заглянул в щелку двери и, видя, что он открыл глаза, вошел в кабинет. Мы все последовали за ним.

— Кажется, я вздремнул немного? — спросил Гоголь, зевая и посматривая на нас...

Дамы, узнав, что он проснулся, вызывали Константина Аксакова и шепотом спрашивали — будет ли чтение? Константин Аксаков пожимал плечами и говорил, что ему ничего не известно.

Все томилась от этой неизвестности, и Сергей Тимофеич первый решился вывести всех из такого неприятного положения.

— А вы, кажется, Николай Васильич, дали нам обещание?.. вы не забыли его? — спросил он осторожно...

Гоголя подернуло несколько.

— Какое обещание?.. Ах, да! Но я сегодня, право, не имею расположения к чтению и буду читать дурно, вы меня лучше уж избавьте от этого...

При этих словах мы все приуныли; но Сергей Тимофеич не потерял духа и с большою тонкостью и ловкостью стал упрашивать его... Гоголь отговаривался более получаса, переменяя беспрестанно разговор. Потом потянулся и сказал:

— Ну, так и быть, я, пожалуй, что-нибудь прочту вам... Не знаю только, что прочесть?.. — И приподнялся с дивана.

У восторженного Щепкина задрожали щеки; Константин Аксаков весь просиял, будто озаренный солнцем; повсюду пронесся шепот: «Гоголь будет читать!»

Гоголь встал с дивана, взглянув на меня не совсем приятным и пытливым глазом (он не любил, как я узнал после, присутствия мало знакомых ему лиц при его чтениях) и направил шаги в гостиную. Все последовали за ним. В гостиной дамы уже давно ожидали его.

Он нехотя подошел к большому овальному столу перед диваном, сел на диван, бросил беглый взгляд на всех, опять начал уверять, что он не знает, что прочесть, что у него нет ничего обдуманного и оконченного... и вдруг икнул раз, другой, третий...

Дамы переглянулись между собою, мы не смели обнаружить при этом никакого движения и только смотрели на него в тупом недоумении.

— Что это у меня? точно отрыжка? — сказал Гоголь и остановился. Хозяин и хозяйка дома даже несколько смутились... Им, вероятно, пришло в голову, что обед их не понравился Гоголю, что он расстроил желудок...¹¹

¹ Вместо: с ребяческой — до комизма — в изд. 1861 г.: очень забавно

¹¹ Далее в изд. 1861 г.: и проч.

Гоголь продолжал:

— Вчерашний обед засел в горле, эти грибки да ботвиньи! Ешь, ешь, просто, чорт знает, чего не ешь...

И заикал снова, вынув рукопись из заднего кармана и кладя ее перед собою... «Прочитать еще “Северную Пчелу”, что там такое?..» — говорил он, уже следя глазами свою рукопись.

Тут только мы догадались, что эта икота и эти слова были началом чтения драматического отрывка, напечатанного впоследствии под именем «Тяжбы». Лица всех озарились смехом, но громко смеяться никто не смел... Все только посматривали друг на друга, как бы говоря: «Каково? каково читает?» Щепкин заморгал глазами, полными слез.

Чтение отрывка продолжалось не более получаса. Восторг был всеобщий; он подействовал на автора.

— Теперь я вам прочту, — сказал он, — первую главу моих «Мертвых душ», хоть она еще не обделана...

Все литературные кружки перед этим уже были сильно заинтересованы слухами о «Мертвых душах». Гоголь, если я не ошибаюсь, прежде всех читал начало своей поэмы Жуковскому. Говорили, что это произведение гениальное... Любопытство к «Мертвым душам» возбуждено было не только в литературе, но и в обществе.

Нечего говорить, как предложение Гоголя было принято его поклонниками...

Гоголь читал неподражаемо. Между современными литераторами лучшими чтецами своих произведений считаются Островский и Писемский: Островский читает без всяких драматических эффектов, с величайшею простотою, придавая между тем должный оттенок каждому лицу; Писемский читает, как актер, — он, так сказать, разыгрывает свою пьесу в чтении... В чтении Гоголя было что-то среднее между двумя этими манерами. Он читал драматичнее Островского и с гораздо большею простотою, чем Писемский...

Когда он окончил чтение первой главы и остановился, несколько утомленный, обеда глазами своих слушателей, его авторское самодлюбие должно было удовлетвориться вполне... На лицах всех ясно выражалось глубокое впечатление, произведенное его чтением. Все были и потрясены и удивлены. Гоголь открывал для своих слушателей тот мир, который всем нам так знаком и близок, но который до него никто не умел воспроизвести с такою беспощадною наблюдательностию, с такою изумительною верностию и с такою художественною силою... И какой язык-то! язык-то! Какая сила, свежесть, поэзия!.. У нас даже мурашки пробегали по телу от удовольствия.

После чтения Сергей Тимофеевич Аксаков в волнении прохаживался по комнате, подходил к Гоголю, жал его руки и значительно посматривал на всех нас... «Гениально, гениально!» — повторял он.

Глазки Константина Аксакова сверкали, он ударял кулаком о стол и говорил:

— Гомерическая сила! гомерическая!¹⁴

Дамы восторгались, ахали, рассыпались в восклицаниях.

Гоголь еще более вырос после этого чтения в глазах всех...

На другой день я с Константином Аксаковым отправился к Белинскому...

Аксаков передал ему о вчерашнем чтении с энтузиазмом, он говорил, что после первой главы «Мертвых душ» нельзя уже сомневаться в том, что Гоголь гений и что он подарит русскую литературу колоссальным произведением, в котором отразится вся Русь.

Белинский слушал Аксакова с жадностию и смотрел на нас с завистию.

— Чорт вас возьми, счастливыцы! — сказал он. — Я не знаю, чего бы я не дал, чтобы выслушать теперь эту главу...

Белинский в это время еще не был лично знаком с Гоголем¹⁵. (Он познакомился с ним впоследствии в Петербурге у Прокоповича.) После выхода «Миргорода» Белинский поражен был художественной силой Гоголя, особенно выразившейся в «Старосветских помещиках» и «Невском проспекте». От «Ревизора» он был вне себя.

Значение этой комедии он понял один из первых. Пушкин восхищался только удивительным комизмом автора...

Замечательно, что когда впоследствии Белинский начал разяснять великое общественное значение произведений Гоголя, Гоголь пришел в ужас от этих разяснений и объявил, что все не имел в виду того, что приписывают ему *некоторые* критики.

Гоголь, друг Жуковского и других литературных авторитетов, смотревших на Белинского очень неблагосклонно, между прочим боялся, кажется, что энтузиазм к нему молодого, не признаваемого ими критика, может несколько скомпрометировать его в глазах их...

Сергей Тимофеич Аксаков уговорил Загоскина (который не слишком жаловал Гоголя) дать «Ревизора» на московской сцене, по случаю приезда Гоголя в Москву...

Спектакль этот дан был сюрпризом для автора: Щепкин и все актеры наперерыв друг перед другом старались отличиться перед ним. — Большой московский театр, редко посещаемый публикою летом, был в этот раз полон¹⁶. — Все московские литературные и другие знаменитости были здесь в полном сборе: в первых рядах кресел и в ложах бельэтажа. Белинский, Боткин¹ и их друзья, еще не принадлежавшие тогда к знаменитостям, помещались в задних рядах. Все искали глазами автора, все спрашивали, где он? Но его не было видно. Только в конце второго действия его открыл Н. Ф. Павлов¹¹ в углу бенуара г-жи Чертковой¹¹¹.

По окончании третьего акта раздались громкие крики: «Автора! автора!» Громче всех кричал и хлопал К. Аксаков. Он решительно выходил из себя...

— Константин Сергееч!.. Полноте!.. поберегите себя!.. — восклицал Николай Филиппыч Павлов^{1V}, подходя к нему, смеясь и поправляя свое жабо...

— Оставьте меня в покое, — отвечал сурово Константин Аксаков и продолжал хлопать еще яростнее.

— За что же сердиться? Я желаю вам добра... Вот, — продолжал он^V, обращаясь ко мне, — Константин Сергееч на меня сердится за то, что я уговариваю его умерить свой энтузиазм, который может повредить его здоровью... В самом деле, ведь это вредно для здоровья так выходить из себя? Правда? а?..

Гоголь при этих неистовых криках (я следил за ним) все спускался ниже и ниже на своем стуле и почти выполз из ложи, чтобы не быть замеченным.

Занавес поднялся.

Актер вышел и объявил, что «автора нет в театре».

Гоголь, действительно, уехал после третьего действия, к огорчению артистов, употреблявших все Богом данные им способности для того, чтобы заслужить похвалу автора.

На публику этот отъезд произвел также неприятное впечатление; даже Константин Аксаков был недоволен этим.

— Нет, ваш Гоголь уж слишком важничает, — говорил ему Павлов^{VI}, — вы его избаловали... Не правда ли? А?... Согласитесь, что он поступил неприлично и относительно публики, и относительно артистов?.. а? Правду ведь я говорю?

— Да это он сделал напрасно, — заметил К. Аксаков с огорчением... <...>

Я вернулся в Москву в начале октября <1839 г.> 10 октября я получил письмо от г. Краевского¹⁷. Вот отрывки из него:

¹ В изд. 1861 г.: Б—н

¹¹ В изд. 1861 г. без инициалов: П—в

¹¹¹ В изд. 1861 г.: г-жи Ч*

^{1V} В изд. 1861 г.: П—

^V В изд. 1861 г.: П—

^{VI} В изд. 1861 г.: П—

«Христа ради, хлопчите сами, подбейте Павлова¹ и Погодина, чтоб вырвать у Гоголя статью для “Отечественных Записок”. Кстати. Я объявил было в “Литературных Прибавлениях” о приезде Гоголя в Москву; но Плетнев^{II} сказал мне, что получил от него письмо с просьбою — никому не объявлять, что он в Москве... Жуковский сказывал мне, что Гоголь через месяц будет в Петербурге. Его статья необходима; надобно употребить все средства, чтоб получить ее. Не пишу к нему сам, потому что эти вещи не делаются через письма, особенно с ним. *Растолкуйте ему необходимость поддерживать “Отечественные Записки” всеми силами.* Если же он сделался равнодушен к судьбам “русской словесности”, чего я не ожидаю^{III}, то *покажите ему впереди за статью хорошие деньги, в которых он, верно, нуждается.* Если ж ничто не возмет, то надо дожидаться приезда его сюда и здесь напасть на него соединенными силами...»

Отрывок из письма А. А. Краевского к И. И. Панаеву от 10 октября 1839 г. впервые опубликован: <Панаев И. И.> Петербургская жизнь. Заметки Нового Поэта // Современник. 1857. № 12. С. 263–264; см. также: <Панаев И. И.> Очерки из петербургской жизни Нового поэта. СПб., 1860. Ч. 2. С. 93–94. Остальной текст впервые опубликован, с сокращениями: Панаев И. И. Литературные воспоминания // Современник. 1861. № 1. С. 180–181; № 2. С. 634, 646–649, 664–667; № 9. С. 27–34, 43–44. Печатается по изд.: Панаев И. И. Литературные воспоминания. <Л.:> ГИХЛ, 1950. С. 64–65, 105, 120–122, 140–142, 169–176, 189.

¹ 18 января 1836 г. (см. в наст. изд. письмо князя П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу от 19–23 января 1836 г.). В 1847 г. в статье «Ссылка на мертвых» барон Е. Ф. Розен, вспоминая о слушании авторского чтения «Ревизора» на двух вечерах у Жуковского «за год с небольшим до смерти Пушкина» (и потом еще «еще раз десять» там же, «на тех литературных вечерах»), писал: «Сижу в кругу именитейших литераторов и нескольких почтенных, образованнейших особ; все вокруг меня аплодируют, восхищаются, тешатся. Напрягаю всячески внимание, чтобы понять причину этой общей потехи столь образованного, блистательного общества: не разумею ничего, кроме неестественности, несообразности, карикатурности пиесы». При этом автор заявлял о якобы согласии Пушкина с его, Розена, отрицательным мнением о гоголевской комедии (см. в наст. изд.).

² В середине 1830-х гг.

³ Во время, около осени 1833 г., П. В. Анненков получил от Гоголя прозвище Жюль Жанен (см. в наст. изд. коммент. к «Воспоминаниям о Гоголе» П. В. Анненкова).

⁴ В. И. Панаеву.

⁵ Василий Иванович Кречетов, преподаватель российской словесности Благородного пансиона при Петербургском университете.

⁶ Шедевр, образцовое произведение (*фр.*).

⁷ Н. Я. Прокопович начал писать стихи еще в Нежине, откуда, в частности, в конце 1825 г. послал в «Московский Телеграф» свой «Сон Ратмира (отрывок из поэмы)» (см. в наст. изд. письмо Н. Я. Прокоповича к неуставленному лицу от конца 1825 г.; см. также примеч. 2 к разделу *Воспоминания А. С. Данилевского о школьной жизни Гоголя, в пересказе В. И. Шенрока*). Будучи в гимназии, Прокопович издал однажды рукописный альманах «Литературный промежуток, составленный в один день + 1/2 Николаем Прокоповичем 1826 года» (см. в наст. изд. фрагмент из книги С. И. Машинского «Дело о вольнодумстве»). Позднее, в 1831 г., в Петербурге Прокопович напечатал в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» свое стихотворение «Мои мечты», а в «Северных Цветах» — стихотворение «Полночь», о котором Гоголь в письме к А. С. Данилевскому от 1 января 1832 г. заметил: «Сюда затесалась и Красненького Полночь» (Красненький — прозвище, данное Гоголем Прокоповичу за румяный цвет лица). В 1835 г. в «Библиотеке для Чтения» (т. 8, ч. 2; цензурное разрешение 28 янв.) появилась баллада Прокоповича «Полнолуние» (она открывала номер, предшествуя «Сербской песне» А. С. Пушкина), а в «Московском Наблюдателе» (ч. 2) — повесть в стихах «Своя семья». Возможно, последней публикацией Прокопович был обязан Гоголю. «П<рокопович> поместил в раз-

¹ В изд. 1861 г.: П—ва

^{II} В изд. 1861 г.: П—в

^{III} В изд. 1857 г.: я и ожидаю

ных периодических изданиях 11 стихотворений», в том числе две повести в стихах. По всей видимости, Гоголь выступил в качестве посредника при публикации первого большого произведения Панаева «Рокоповича», повести в стихах «Своя семья», напечатанного во 2 части «Московского Наблюдателя» за 1835 г. («Супрунок О. К. Н. В. Гоголь и его окружение в Нежинской гимназии. Библиографический словарь. Киев, 2009. С. 185). Вероятно, стихи друга были переданы Гоголем М. П. Погодину для помещения в журнале во время пребывания последнего в Москве в конце февраля — первой половине марта 1835 г. 11 марта 1835 г. Погодин в письме к редактору «Московского Наблюдателя» В. П. Андросову, после сообщения о встрече с Гоголем (см. в наст. изд. «Письмо из Петербурга» Погодина), замечал: «Поэта пророчат нам в молодом Прокоповиче, которого примечательная баллада помещена в библиотеке <в «Библиотеке для Чтения»>» («Погодин М. П.» М. П. Московский Наблюдатель. 1835. Ч. 1. Март. Кн. 2 (цензурное разрешение 30 марта). С. 446). Повесть Прокоповича была вскоре напечатана в майском номере журнала: *Прокопович Н. Своя семья*. Повесть в стихах // Московский Наблюдатель. М., 1835. Ч. II. Май. Кн. 1 (цензурное разрешение 15 июня). С. 5–33; с пометой: «С. Петербург»). (В том же номере было опубликовано стихотворение княгини З. А. Волконской на смерть в Риме дочери князя П. А. Вяземского Прасковьи: *Княгиня Зинаида Волконская*. Князю П. А. Вяземскому. На смерть его дочери // Там же. С. 113.)

В 1836 г. Прокопович посвятил себя педагогической деятельности, в то время как Гоголь по-прежнему прямо и исподволь стремился приобщить друга к литературному творчеству, в чем полагал настоящее его призвание (см. письма Гоголя к Прокоповичу от 25 января (н. ст.) 1837 г., от 27 апреля — 1 мая (н. ст.) 1838 г., от 20 июня (н. ст.) 1847 г. и статью Гоголя «О Современнике»).

⁸ Ср. в наст. изд. воспоминания В. Г. фон Бооля.

⁹ См. также в наст. изд. фрагмент из статьи И. И. Панаева «Петербургская жизнь».

¹⁰ Аксакова.

¹¹ Гоголь приехал в Москву 26 сентября 1839 г. И. И. Панаев познакомился с ним, вероятно, спустя неделю, 2 октября 1839 г., на обеде у Аксаковых. См. в наст. изд. воспоминания бывшей жены Панаева: *Воспоминания А. Я. Головачевой (рожденной Брянской, в первом браке Панаевой)*, а также письмо В. С. Аксаковой к братьям от 3 октября 1839 г.

¹² 14 октября 1839 г.

¹³ Именуются в виду «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука».

¹⁴ Впечатления К. С. Аксакова от авторского чтения первого тома «Мертвых душ» 14 октября 1839 г. легли впоследствии в основу его статьи «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души» (М., 1842), где рассматривалось сходство (в отношении к «акту творчества») Гоголя и Гомера: «...Глубоко значение, являющееся нам в «Мертвых Душах» Гоголя! <...> древний эпос восстает пред нами. <...> Да, это поэма, и это название нам доказывает, что автор понимал <...> всю великость и важность своего дела» (Аксаков К. Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души. М., 1842. С. 1, 5, 8). См. в наст. изд. коммент. к письму В. Г. Белинского К. С. Аксакову от 10 января 1840 г. и письмо К. С. Аксакова к М. Г. Карташевской от 16 января 1837 г.

¹⁵ В. Г. Белинский был знаком с Гоголем с 1835 г., но приглашен на чтение не был. Критик познакомился с Гоголем в Москве в период с 1 по 10 мая 1835 г., когда был в числе гостей на обеде у С. Т. Аксакова, где Гоголь собирался прочесть (но не прочел) комедию «Женихи» (см. в наст. изд. «Историю нашего знакомства с Гоголем...» С. Т. Аксакова).

¹⁶ Спектакль состоялся не летом, а осенью 1839 г. — 17 октября. Извещение о представлении было напечатано 14 октября 1839 г. в приложении к «Московским Ведомостям»: «ИМПЕРАТОРСКИЙ Московский Театр. <...> В Большом Театре. <...> Во вторник, 17-го октября, *не в счет абонемента: Ревизор*, оригинальная комедия в 5 действиях, в прозе, соч. *Н. Гоголя; дивертисмент. Начало в 7 часов*» (Прибавления к № 82 Московских Ведомостей (октябрь 14-го). 1839. С. 1082). О спектакле 17 октября 1839 г. см. в наст. изд. письма О. Сем. Аксаковой — Г. С. и И. С. Аксаковым от 18 октября 1839 г., Н. Ф. Павлова к С. П. Шевыреву от 20 октября 1839 г.; Н. П. Огарева к А. И. Герцену от 18 октября 1839 г., К. С. Аксакова к Г. С. и И. С. Аксаковым от 24–25 октября 1839 г., Т. Н. Грановского к Н. В. Станкевичу от 25 ноября — 10 декабря 1839 г., а также «Историю нашего знакомства с Гоголем...» С. Т. Аксакова, воспоминания С. А. Ермоловой о Гоголе в записи П. И. Бартенева и фрагмент из «Литературного обозрения» В. С. Межевича.

¹⁷ См. также в наст. изд. письмо Н. А. Мельгунова к Н. М. Языкову от 25 сентября / 7 октября 1839 г. О данном Гоголем в несохранившемся письме к князю В. Ф. Одоевскому от 25 января 1840 г. обещании «прислать повесть в «Отечественные записки»» (обещание осталось невыполненным) см. в наст. изд. письмо С. Т. Аксакова к О. Сем. и В. С. Аксаковым от 5 января 1840 г. и письмо И. С. Аксакова к К. С. Аксакову от 25 февраля 1840 г.

Воспоминания А. Я. Головачевой Фрагменты

<...> Я помню, что, когда ставили «Ревизора» на сцену, все участвующие артисты как-то потерялись; они чувствовали, что типы, выведенные Гоголем в пьесе, новы для них и что эту пьесу нельзя так играть, как они привыкли разыгрывать на сцене свои роли в переделанных на русские нравы французских водевилей.

После смерти Дюра¹ Максимову² дали роль Хлестакова; он явился к отцу, чтобы тот его прослушал.

Когда Максимов прочел свою роль, отец сказал ему:

— В глупом водевиле кривлянье нехорошо, а в такой комедии актера надо высечь. Ты запомни это. <...>

Собственный дом Аксаковых, кажется, был на Арбатской площади. Я помню хорошо, что против их дома стояли большие весы и валялись клоки сена на площади.

В зале нас³ встретили старики Аксаковы и были очень приветливы ко мне. Пришла Вера Сергеевна⁴ и сказала отцу и матери:

— Идите к гостю в кабинет, а мы пойдем в сад.

Сад для города был очень большой, и в нем было множество белых махровых роз.

Мы уселись в беседке и заговорили о сочинениях Гоголя.

Вера Сергеевна¹¹ благоговела перед его талантом и сказала мне:

— К нам неожиданно сегодня приехал обедать Гоголь; вот вы увидите самого автора.

Нас позвали обедать. Вера Сергеевна¹¹¹, идя в комнаты, сказала:

— Я вас должна предупредить, чтобы вы не удивились, если вам не представят Гоголя. Он не любит теперь никаких новых знакомств, особенно с дамами. Он такой стал болезненный, нервный, не может выносить даже за столом шума, так что меньшие мои братья и сестры⁵ сегодня обедают отдельно.

Я была очень довольна, что избавлюсь от представления мне Гоголя. Я очень конфузилась в такие минуты. Мы вошли в столовую одновременно, как в нее входил Гоголь с хозяином дома и Панаевым. Хозяйка дома усадила меня возле себя, а по другую сторону посадила Гоголя; ему было поставлено вольтеровское кресло. На противоположной стороне сидел хозяин дома с сыном⁶ и Панаевым. Трудно было иметь более сходства, какое я нашла у Аксакова-сына с отцом. Подростки-сыновья сидели между Панаевым и Гоголем, а возле меня Вера Сергеевна^{1V} и ее сестра лет 14⁷.

У прибора Гоголя стоял особенный граненый большой стакан и в графине красное вино. Ему подали особенный пирог, жаркое тоже он ел другое, нежели все. Хозяйка дома потчевала его то тем, то другим, но он ел мало, отвечал на ее вопросы каким-то капризным тоном. Гоголь все время сидел сгорбившись, молчал, мрачно поглядывая на всех, изредка на его губах мелькала саркастическая улыбка, когда о чем-то горячо стали спорить Панаев с младшим Аксаковым.

Когда встали из-за стола, Гоголь сейчас же удалился опять в кабинет отдыхать после обеда. А мы все уселись на большой террасе пить кофе. Хозяйка дома отдала приказание прислуге, чтобы не шумели, убирая со стола.

Вера Сергеевна^V пригласила меня пойти посмотреть, как дети на лужайке играют в серсо⁸. Я пошла с ней; она меня спросила, какое на меня произвел впечатление Гоголь. Я с наивной от-

¹ В источнике ошибочно: Марья Сергеевна

¹¹ В источнике ошибочно: Марья Сергеевна

¹¹¹ В источнике ошибочно: Марья Сергеевна

^{1V} В источнике ошибочно: Марья Сергеевна

^V В источнике ошибочно: Марья Сергеевна

кровенностью ответила, что он, должно быть, очень сердитый и капризный. Она стала разубеждать меня, что он от болезни сделался такой молчаливый и раздражительный и что сегодня он был особенно не в духе. <...>

Белинский возмутился, что Плетнев выговаривал себе четыре тысячи в год за право и едва согласился на три⁹.

— Нелепое запрещение издавать новые журналы развивает в литературе ростовщичество, но что поделаешь; надо, господа, соглашаться — пусть его подавится этими тремя тысячами!

Страшным ударом для Белинского было, когда в цензурном комитете нашли, что Панаев и Некрасов не настолько благонадежные люди, чтобы их можно было утвердить редакторами. О редакторстве Белинского нечего было и думать... <...>

Надо было приискать подходящего человека, которому разрешили бы редактировать «Современник». Обратились к Никитенке, он согласился. Белинский кипятился, что прибавится еще новый тысячный расход на фиктивного редактора, но делать было нечего. <...>

Панаев вкусил первые кислые плоды журнальной деятельности; притом же ему задал головоломку его превосходительнейший дядюшка В. И. Панаев, бывший литератор, воспевавший аркадских пастушков и пастушек. Дядя-генерал находил, что его племянник позорит старинную потомственную дворянскую фамилию, которую имел счастье носить, связавшись с разночинцами и торгашами. В. И. Панаев не признавал современную литературу; по его мнению, Гоголю надо было запретить писать, потому что от всех его сочинений пахнет тем же запахом, как от лакея Чичикова. Он приходил в ужас от того, что «Ревизора» дозволили играть на сцене. По его мнению, это была безобразная карикатура на администрацию всей России, которая охраняет общественный порядок, трудится для пользы отечества, и вдруг какой-то коллежский регистраторишка¹⁰ дерзает осмеивать не только низший класс чиновников, но даже самих губернаторов. В. И. Панаев занимал видное место по службе, был в генеральском чине, считал себя очень важным лицом в администрации и очень заботился о сохранении почета, который обязаны оказывать таким лицам¹¹. <...>

Смерть Белинского, может быть, избавила его от больших неприятностей. Только по удостоверению его доктора Тильмана¹², что дни больного сочтены, Белинского оставили в покое. Носились слухи, что ему грозила высылка из Петербурга и запрещение писать. Не было ли это для него равносильно смерти?

Я забыла упомянуть, что в 1847 году, не помню, в каком месяце, в Петербурге проездом был Гоголь. Он изъявил Панаеву желание приехать к нему вечером посмотреть на молодых сотрудников «Современника», причем, конечно, сделал свою обычную оговорку, чтобы ни посторонних лиц, ни дам не было. За час до прибытия Гоголя в кабинете Панаева собрались: Гончаров, Григорович, Кронеберг¹³ и еще кто-то, а из старых московских знакомых Гоголя были Боткин и Белинский¹⁴. Гоголь просидел недолго; когда он уехал, я вошла в кабинет и заметила, что у всех на лицах было недоумевающее выражение и все молчали, один Белинский, расхаживая по комнате, находился в возбужденном состоянии и говорил:

— Не хотел выслушать правды — убежал, еще лучше. Я в письме изложу ему все!.. Нет, с Гоголем что-то творится... И что за тон он принял на себя, точно директор департамента, которому представляют его подчиненных чиновников... Зачем приезжал?

На другой же день вечером Белинский пришел к Панаеву и прочитал свое известное теперь письмо к Гоголю. При чтении письма находилось несколько человек приятелей, и копия с него тут же была списана. Письмо было передано частным образом Гоголю. <...>

Впервые опубликовано: Воспоминания А. Я. Головачевой (Панаевой) // Исторический Вестник. 1889. № 1. С. 45; № 2. С. 301–302; № 4. С. 40–42, 54–55; см. также: Воспоминания А. Я. Головачевой-Панаевой. Русские писатели и ар-

тсты. 1824–1870. СПб., 1890. С. 23–24, 69–71, 176–178, 196–197; Панаева А. Я. (Головачева). Воспоминания. М., 1956. С. 37, 73–74, 158–159, 174. Печатается по первой публикации.

Авдотья (Евдокия) Яковлевна Головачева (1820–1893, рожденная Брянская, в первом браке Панаева), дочь актера Я. Г. Брянского (Григорьева), с 1839 г. жена И. И. Панаева (после замужества оставила театральную карьеру и переехала из Москвы в Петербург), со второй половины 1840-х гг. подруга («гражданская жена») Н. А. Некрасова, с 1865 г. жена А. Ф. Головачева, писательница.

¹ Николай Осипович Дюр (1807 — 16 мая 1839), актер Александринского театра.

² Алексей Михайлович Максимов (Максимов 1-й) (1813–1861), актер Александринского театра.

³ Рассказчицу и ее мужа И. И. Панаева. Речь в мемуарах идет, по-видимому, об обеде у Аксаковых 2 октября 1839 г., о котором В. С. Аксакова на следующий день сообщала братьям: «Вчера Гоголь обедал у нас, он очень забавен» (см. в наст. изд.)

⁴ Старшая дочь Аксаковых Вера Сергеевна.

⁵ Имеются в виду Михаил, Ольга, Любовь и Мария Аксаковы.

⁶ К. С. Аксаковым.

⁷ Вероятно, Н. С. Аксакова.

⁸ Серс (serceau — обруч; фр.) — игра в обруч, который подкидывается и ловится палочкой.

⁹ См.: *Евгеньев-Максимов В.* «Современник» в 40–50-х годах. Л., 1934. С. 36–38.

¹⁰ В. И. Панаев был непосредственным начальником Гоголя в Департаменте уделов, где начинающий писатель служил с апреля 1830 по март 1831 г. и где 3 июня 1830 г. был утвержден в чине коллежского регистратора. См. в наст. изд. *Документы о службе Гоголя в Департаменте уделов*, а также сведения о штатах Российской Империи за 1831 г.: «Департамент Уделов: Вице-Президент, Лев Алексеевич Перовский, Гофмейстер и Каммергер». <...> В Отделениях: <...> Во 2-м: Начальник, Н<адворный> С<о>в<етник> Владимир Ив<анович> Панаев, орд<ен> с<вятой> Ан<ны> 2 и с<вятого> Вл<адимира> 4 ст<епени>. К<а>в<алер>, им<енной> зн<ак> за XV л<ет службы>. — Столоначальники: 1-го стола, Т<и>т<улярный> С<о>в<етник> Александр Данил<ович> Уманов, орд<ен> с<вятой> Ан<ны> 3 ст<епени>. К<а>в<алер>, им<енной> зн<ак> за XV л<ет службы>; Помощник его, К<оллежский> Рег<истратор> Николай Вас<ильевич> Гоголь-Яновский» (Месяцеслов и Общий штат Российской Империи на 1831. СПб., <1831>. Ч. 1. С. 47–48).

По-видимому, графа Л. А. Перовского имел в виду Гоголь, когда 2 февраля 1830 г. писал матери: «...Собирайте все попадающиеся вам древние монеты и редкости <...> стародавние старопечатные книги, другие какие-нибудь вещи, антики, а особенно стрелы, которые во множестве находимы были в Псле. <...> Я хочу прислужиться этим одному вельможе, страстному любителю отечественных древностей, от которого зависит улучшение моей участи».

«В Департаменте Уделов Гоголь был плохим чиновником и, по собственным словам, извлек из службы в этом учреждении только разве ту пользу, что научился шить бумагу. Об этом он упоминал не раз, показывая сшитые в тетради письма Пушкина, Жуковского и других, которыми он дорожил (и не выпускал этих тетрадей из рук, в буквальном смысле слова)» (<Кулиш П. А.> Опыт биографии Н. В. Гоголя, со включением до сорока его писем. Соч. Николая М. СПб., 1854. С. 42).

¹¹ Отдельными чертами В. И. Панаева Гоголь, возможно, воспользовался при создании образа «значительного лица» в «Шинели» (см.: *Виноградов И. А.* Гоголь — художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания. М., 2000. С. 252).

¹² Карл Андреевич (Karl Henrich) Тильман (1802–1875), главный врач Петропавловской больницы в Петербурге.

¹³ Андрей Иванович Кронеберг (1815 или 1816–1855), писатель и переводчик, сын И. Я. Кронеберга.

¹⁴ «В VIII главе “Воспоминаний” г-жи Головачевой, напечатанной в апрельской книжке “Исторического Вестника” между прочим сказано, что в 1847 году Гоголь, находясь проездом в Петербурге, посетил Панаева и что последствием этого посещения было известное теперь письмо Белинского, прочитанное им на другой день после свидания с Гоголем, в кружке близких приятелей и затем переданное Гоголю частным образом. Это сообщение решительно противоречит тем несомненным фактам, которые нам известны... <...> Письмо Белинского было написано в июне 1847 года, из-за границы, из Зальцбрунна. Гоголь в 1847 году не был в Петербурге и вообще не был в России между 1842 и 1848 годами, а в 1848 г. приехал в Россию из Иерусалима (через Константинополь и по Черному морю), только

в мае месяце. В то время Белинский уже лежал на смертном одре и умер 26 мая, когда Гоголь жил в деревне Васильевке, приехав туда 16 мая. Когда Гоголь был осенью в Петербурге, Белинский был уже давно похоронен» (*Шенрок В.* К воспоминаниям А. Я. Головачевой // Исторический Вестник. 1889. № 5. С. 475–476).

Свидетельства о Гоголе братьев В. П., Н. П. и М. П. Боткиных

Из писем В. П. Боткина

В. П. Боткин — В. Г. Белинскому

<9–12 февраля 1840. Москва>

Москва, 9 февраля 1840.

<...> ...Кстати о Гоголе, — Кирюша¹ познакомился с ним, — и Гоголь его оценил и полюбил. Он обещает ему непременно, что Брюллов примет его к себе учеником и возьмет в Италию, а Брюллова на днях ждут сюда. Ты можешь себе вообразить, что даст Кирюше знакомство и разговоры с Гоголем, а особенно рассказы Гоголя об Италии и итальянских школах живописи, которые, видно, Гоголь пристально изучал, — дай Бог, если б пришлось Кирюше поскорее убраться отсюда, — только там свободно могли бы развернуться крылья его. <...>

Впервые опубликовано: *Белинский В. Г. Письма / Редакция и примеч. Е. А. Ляцкого. Пг., 1914. Т. 2. С. 383–384. Печатается по первой публикации.*

Василий Петрович Боткин (1811–1869), сын московского чаепрогонца П. К. Боткина, писатель и критик.

См. в наст. изд. ответное письмо В. Г. Белинского от 18–20 февраля 1840 г.

¹ Художник К. А. Горбунов.

В. П. Боткин — А. А. Краевскому

Москва, 16 марта 1842.

<...> В 3-м № Москвитянина помещен большой отрывок из романа Гоголя: «Рим». Это так хорошо, что сказать нельзя. Что за язык, что за краски, что за колорит! Между колоритом и манерою Брюллова и языком и колоритом Гоголя сходство необыкновенное. Как освещают они свои картины! Какая смелость в постановке и очерке фигур! У обоих все, до чего ни коснутся они, все становится рельефно и пластично. У Гоголя фоном картин всегда служит возвышенное поэтическое созерцание: оно сообщает яркому колориту его идеальность и воздушную прозрачность; не будь этого созерцания, колорит его сверкал бы только, а не грел. Вы изумитесь, как возмужало его искусство, как окреп его резец, — но оставляю вас насладиться самому. Покажите мое письмо Белинскому¹. <...>

Впервые опубликовано: Письма В. Г. Белинского и В. П. Боткина к А. А. Краевскому // Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1889 г. СПб., 1893. Приложения. С. 46. Печатается по первой публикации.

¹ 31 марта 1842 г. В. Г. Белинский отвечал В. П. Боткину: «“Рим” — много хорошего, но есть фразы; а взгляд на Париж возмутительно гнусен» (см. в наст. изд.). В послании к В. П. Боткину от 4 апреля 1842 г. В. Г. Белинский еще раз заявлял: «Наши гении всему учились понемножку. Страшно подумать о Гоголе, ведь во всем, о чем он написал, одна натура, как в животном. Неужество абсолютное. Что он наблевал о Париже-то!» (см. в наст. изд.). Позднее, в письме к А. А. Краевскому от 3 апреля 1847 г. В. П. Боткин замечал: «Скажу вам по секрету: я считаю литературное поприще

Бел<инского> поконченным. Он сделал свое дело. Теперь нужно и больше такта, и больше знания. Еще о рус<ской> литературе он может говорить (да и она у него, увы, сделалась рутиню), а чуть немного выходит из нее, из рук вон плохо: доказательством, напри<м>ер>, рецензия его в 3 № Совр<еменника> на романы Дюма» (Письма В. Г. Белинского и В. П. Боткина к А. А. Краевскому // Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1889 год. СПб., 1893. Приложения. С. 79).

В. П. Боткин — В. Г. Белинскому

18 апреля 1842. Москва.

<...> Вчера видел М. С. Щепкина — он сказал мне, что Мертвые Души получены и уже печатаются. <...>

Первые опубликовано: Письма В. П. Боткина. Публикация Н. В. Измайлова // Литературная мысль. Пг, 1923. Вып. 2. С. 181. Печатается по первой публикации.

В. П. Боткин — В. Г. Белинскому

Москва. 17 сентября 1842.

<...> ...М. С. Щепкин писал к тебе, что Гоголь позволил ему дать в бенефис комедию «Женехи» (кажется, эту, да, именно эту, которая будет напечатана в новом издании сочинений Гоголя). Следовательно ему нужен верный список с нее для представления в театральную цензуру. В письме он просил тебя похлопотать о списке и прислать ему. На письмо свое Щепкин не получил от тебя никакого ответа, так что сомневается даже, дошло ли это письмо до тебя. Теперь он просил меня написать к тебе о том же. Пожалуйста, похлопочи. Кажется, одного уверения М<ихаила> С<еменовича> достаточно, чтобы убедить Прокоповича в действительности обещания Гоголя. Сделай, или, по крайней мере, отвечай М<ихаилу> С<еменовичу> как можно скорее, потому что время к бенефису близится. <...>

Первые опубликовано: Письма В. П. Боткина. Публикация Н. В. Измайлова // Литературная мысль. Пг, 1923. Вып. 2. С. 182. Печатается по первой публикации.

В. П. Боткин — А. А. Краевскому

Москва, 24 декабря 1842.

<...> Не забудьте сказать Б<елинско>му, что я, положась на слова Грановского, наврал ему насчет второго издания «Мертвых душ». Все это вздор, и мне очень досадно, что я было повесил ему. А «Игроков» Щепкин получил проценсурованных. <...>

Первые опубликовано: Письма В. Г. Белинского и В. П. Боткина к А. А. Краевскому // Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1889 г. СПб., 1893. Приложения. С. 52. Печатается по первой публикации.

В. П. Боткин — А. А. Краевскому

1 февраля <1843>.

От вашей милости письмо имел честь получить, да получил еще соч<инения> Гоголя, за которые, не знаю, кому я должен: вам или Прокоповичу? <...>

Впервые опубликовано: Письма В. Г. Белинского и В. П. Боткина к А. А. Краевскому // Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1889 г. СПб., 1893. Приложения. С. 58. Печатается по первой публикации.

В. П. Боткин — П. В. Анненкову

Москва. 28-го февраля 1847 года. 17° морозу.

<...> ...Белинский едет — не могу вам только теперь сказать, на какие именно воды, знаю только, что куда-то в Силезию... <...> Главное в том, что средства есть, да еще и вы прибавляете к ним. Зная, какую радость письмо ваше принесет Белинскому, я послал его к нему. Рад я, что вы получили книжку при письме, которую просил я Огареву переслать к вам. Можете представить себе, какое странное впечатление произвела здесь книга Гоголя; но замечательно также и то, что все журналы отзывались о ней, как о произведении большого и полупомешанного человека, один только Булгарин приветствовал Гоголя, но таким язвительным тоном, что эта похвала для Гоголя хуже пощечины¹. Этот факт имеет для меня важность: значит, что в русской литературе есть направление, с которого не совратить ее и таланту посильнее Гоголя; русская литература брала в Гоголе то, что ей нравилось, а теперь выбросила его, как скорлупку выеденного яйца. Воображаю, какой удар будет напыщенному невежеству Гоголя, и ничего бы так не желал теперь, как вашей с ним встречи. Он теперь в Неаполе; говорят, что ходит каждый день к обедне и с большим усердием молится Богу. Замечательно еще то, что здесь славянская партия теперь отказывается от него, хотя и сама она натолкнула на эту дорогу. Хотелось бы мне сообщить вам обстоятельство о здешних славянофилах, но эти господа так разделены в своих доктринах, так что что голова, то и особое мнение; разумеется, и в них есть правая и левая стороны, и правой стороне книга Гоголя пришла совершенно по сердцу. <...>

Впервые опубликовано: П. В. Анненков и его друзья. Литературные воспоминания и переписка 1835–1885 годов. СПб., 1892. С. 529–530. Печатается по первой публикации.

¹ См.: <Булгарин Ф. В. > Ф. Б. Журнальная-всякая всячина // Северная Пчела. 1847. 11 янв. № 8.

В. П. Боткин — П. В. Анненкову

<20–29 марта 1847. Москва>

Москва. 20-го марта (1847 года).

<...> Наши славяне книгу Гоголя приняли холодно, но это потому только, что Гоголь имел храбрость быть последовательным и идти до последних результатов, а семена белены посеяны в нем теми же самыми славянами: «Нечего на зеркало бранить, когда рожа крива». Павлов (Н. Ф.) написал разбор книги Гоголя в форме писем к нему и для большего круга читателей печатает их в «Московских Ведомостях»¹; эти письма — образец остроумия, сарказма и ловкости. Я вам писал уже, кажется, о замечательном факте нашей журналистики; разумею то, как письма Гоголя были приняты журналами. Не нашлось ни одного журнала, чтоб похвалить их, но в публике, именно в московской и провинциальной, они нашли себе большую симпатию. Для

этой-то публики написаны письма Павлова. До сих пор напечатано только еще одно письмо; я вам пришлю его. <...>

29-го марта.

<...> Пришлю вам в следующем письме статью Павлова о книге Гоголя, как образец критики. А о критике вообще скажу только одно: нашего друга время, кажется, миновалось. Да об этом после, и между нами. <...>

Первые опубликовано: П. В. Анненков и его друзья. Литературные воспоминания и переписка 1835–1885 годов. СПб., 1892. С. 533–534. Печатается по первой публикации.

¹ См. в наст. изд. коммент. к письму В. Г. Белинского В. П. Боткину от 7 февраля 1847 г.

В. П. Боткин — П. В. Анненкову

Москва. 19-го июля 1847 года.

<...> Ты получил письмо от Гоголя¹? По рассказам, это письмо показывает, что Гоголь потелся наконец смысл к самым простым вещам и делам. <...>

Первые опубликовано: П. В. Анненков и его друзья. Литературные воспоминания и переписка 1835–1885 годов. СПб., 1892. С. 543. Печатается по первой публикации.

¹ Послание Гоголя к П. В. Анненкову, написанное, предположительно, 20 июня (н. ст.) 1847 г. во Франкфурте (одновременно с письмом к В. Г. Белинскому), не сохранилось. В мемуарах «Замечательное десятилетие» Анненков сообщал: «...Живя <...> с большим Белинским на водах в Силезии, в Зальцбрун<н>е, я <...> получил от Гоголя письмо...» По каким-то причинам мемуарист воздержался от публикации этого письма (см. в наст. изд. примеч. 29 к «Замечательному десятилетию» Анненкова).

В. П. Боткин — П. В. Анненкову

(Москва. 24-го и 25-го августа 1847 года).

<...> ...Поговорим, наконец, серьезно о ваших «Письмах»¹. <...> Гоголь упрекает их в «бесцельности». Но он хвалит мои «Письма»² за то же, за что бранит ваши. <...> Гоголь так погряз в доктринерстве, что уже не может понять всей прелести «бесцельности». Но я скажу более: ваши «Письма» в России не могут быть оценены по достоинству; я разумею людей образованных. Всякое молодое общество больше всего любит доктринерство, догматизм. <...> Ваши «Письма» бесцельны, то есть вы не поставили себе задачу «разрешить, каков нынешний французский человек!» (Гоголь клеветает на меня; мне в голову не приходило задавать себе вопрос о нынешнем «испанском человеке»). Что касается до меня, то один такой вопрос возбудил бы во мне смех, и я заранее был бы уверен, что разрешение будет пустой вздор или фразы. <...>

Все, что пишете вы о переписке с Гоголем, в высшей степени интересно. Впрочем я всегда относил «Переписку с друзьями» более к гордости своей гениальности и невежеству, нежели к расчетливой подлости. Но переписка Белинского и ваша с ним очень, очень важна в настоящем его положении. <...>

Бог знает, как любопытно прочесть письмо Белинского к Гоголю и ответ его, равно и письмо Гоголя к вам. Мы с Коршем задумали просить вас: нет ли какой возможности сообщить их нам. По крайней мере, хоть письмо Гоголя к вам. <...>

Впервые опубликовано: П. В. Анненков и его друзья. Литературные воспоминания и переписка 1835–1885 годов. СПб., 1892. С. 545–548. Печатается по первой публикации.

¹ Имеются в виду «Парижские письма» П. В. Анненкова. К тому времени были известны лишь первые шесть из девяти «Парижских писем» Анненкова, печатавшихся в «Современнике» (1847. № 1–6, 9, 11, 12; 1848. № 1).

² Имеются в виду «Письма об Испании» В. П. Боткина. Гоголь прочел первое письмо, напечатанное в № 3 «Современника» за 1847 г. (Письма печатались под общей рубрикой «Письма об Испании». В 10 и 12 номерах журнала за 1847 г. были опубликованы второе и третье письмо; позднее — остальные; отд. изд. 1857 г.). 12 августа (н. ст.) 1847 г. Гоголь писал П. В. Анненкову: «Недавно я прочел ваши письма о Париже. Много наблюдательности и точности, но точности дагеротипной... <...> Словом, в письмах не видно, зачем написаны письма. В то же время прочел я письма Боткина. Я их читал с любопытством. В них всё интересно, может быть, именно оттого, что автор мысленно занялся вопросом разрешить себе самому, что такое нынешний испанский человек...» См. также в наст. изд. коммент. к письму П. В. Анненкова М. М. Стасюлевичу от 16 августа (н. ст.) 1876 г.

В. П. Боткин — П. В. Анненкову

Москва. 10-го марта 1849 года.

<...> Теперь с месяц, как я воротился из Петербурга... <...> «Нахлебник» Тургенева очень хорош, хотя основной мотив и не совсем идет к русской жизни. На сцене эта пьеса произвела бы фурор, и Щепкин был бы превосходен. Она завязла, как вы уже, конечно, знаете, в известном болоте и дана не была. <...> Гоголь еще в Москве и собирается, кажется, весной за границу. Послезавтра он придет к нам обедать¹. У Щепкина будет сыгран «Нахлебник» в доме. Теперь репетиции идут. <...> ...Мы думаем с Николаем² проехать в Крым... <...>

Впервые опубликовано: П. В. Анненков и его друзья. Литературные воспоминания и переписка 1835–1885 годов. СПб., 1892. С. 557. Печатается по первой публикации.

¹ На обеде 12 марта 1849 г., вероятно, присутствовали также А. А. Краевский и А. Д. Галахов (см. в наст. изд. фрагмент из воспоминаний Галахова «Сороковые годы»).

² Имеется в виду Н. П. Боткин.

В. П. Боткин — И. С. Тургеневу

16 января 1852 г. Москва.

<...> Сочинения Гоголя здесь печатаются в 5 томах. Том 5-й будет состоять из *новых вещей*. <...>

Впервые опубликовано: В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка. 1851–1869. М.; Л., 1930. С. 14. Печатается по первой публикации.

В. П. Боткин — И. С. Тургеневу

21 февраля 1852 г. Москва.
5 часов вечера.

<...> Теперь скажу тебе весть печальную: сегодня в 8 часов утра — умер Гоголь. Странные обстоятельства предшествовали его смерти: три недели тому (это рассказывал граф Толстой, у которого жил Гоголь) входит Толстой к Гоголю и находит его совершенно мрачным. Человек его говорил потом ему, что в эту ночь¹ Гоголь встал в 3 часа ночи и жег бумаги. Он опять к Гоголю, — тот все молчит. Наконец стал говорить: «какую штуку сыграл нынче со мной лукавый: я знаю, что я с своими сочинениями сделал много вреда — но между моими бумагами были такие, которыми я очень дорожу и которые хотя уничтожают сделанный мною вред, и потому я решился сжечь все, кроме этих. Встал я и принялся жечь — а лукавый и подсунил прежде всего мне под руку именно эти листы». В этом состоянии ума и умер он. Недели за полторы у него сделался запор, Иноземцев посоветывал ему поставить клестир да и захворал сам². Приехав к нему чрез несколько дней — находит Тоголя хуже — клестир он не ставил. «Я ничего не хочу делать, — пусть будет воля Божия». Все близкие к нему на коленях умоляли его поставить клестир — он не соглашался. Вследствие запора сделалось воспаление — решили поставить пиявки — он и слышать не хотел. Говорят два священника³ несколько часов уговаривали его, доказывая, что поставить клестир — не значит идти против воли Божией — Гоголь не слушался. Овер⁴, призванный потом, говорил, что у него было решительное сумасшествие и что его надо было связать и насильно принять все нужные меры. Потом сделался с ним тиф и когда он впал в беспамятство, то ему ставили пиявки и опустили в ванну⁵. Но было уже поздно — тиф все усиливался — и он умер.

Я без разбора сообщал тебе дошедшие до меня слухи — может быть есть неточность в подробностях, — но они верны в основе: Гоголь умер в помешательстве, которое начавшись слегка уже несколько лет постепенно все усиливалось и наконец достигло своего крайнего развития. Характер этого помешательства очевиден. Об оставшихся у него бумагах — неизвестно основательно: говорят, будто он все их сжег.

Как бы там ни было, но смерть эта поражает своим необыкновенным характером. Во всем этом есть какая-то сила, сила индивидуальности, перед которою почтительно отступаешь. В этом человеке ничего не было половинчатого. Как глубоко въедался он в каждый создаваемый им образ, — так въелся он и в свою *idée fixe*⁶, которая все усиливаясь наконец задушила его.

10 час<ов> вечера.

Я сей час с панихиды — лицо Гоголя очень мало изменилось, только черты сделались резче. Вт что я еще узнал от слуги, который ходил за ним: за 11 дней до смерти⁷ — ночью сжег он все свои бумаги, он тогда болен еще не был, по крайней мере явно не был болен; но он говорил, что чувствует, что скоро умрет. Как только он сжег свои бумаги, — так словно он опустился и с тех пор собственно начинается его болезнь. Когда его сажали в ванну — это было за 1½ суток до смерти⁸ — он противился, не хотел — остальные сутки он был в беспамятстве, в беспамятстве и умер. Овер и бывшие при нем медики действительно говорили еще при жизни его qu' il faut le traiter comme un fou⁹, но меня поражает это предчувствие смерти, вследствие которого он и сжег свои бумаги и не хотел никаких медицинских пособий. Хоронить будут 24 февраля.

Бумаги сожжены им все; человек говорит, что была огромная кипа; это было в 2 часа; он спал от крыльца налево; но и направо 2 комнаты тоже были его. В последней был его кабинет. Он велел в ней открыть трубу, сам впахал туда бумаги и зажег их. Если что осталось, так разве 2-я часть Мертвых Душ, и то если она, как говорят, у Шевырева. Но и это неизвестно¹⁰. Шевырев болен, лежит и никого не принимает.

Если какие еще узнаю подробности, — то сообщу.

Считаю лишним просить тебя, чтобы ты сообщил все это Панаеву и Некрасову.

Впервые опубликовано: В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка. 1851–1869. М.; Л., 1930. С. 18–21. Печатается по первой публикации.

¹ В ночь с 11 на 12 февраля 1852 г.

² Ф. И. Иноземцев был приглашен к Гоголю между 5 и 11 февраля 1852 г. 14–15 февраля Ф. И. Иноземцев заболел и до самой кончины Гоголя его не посещал (см. в наст. изд. коммент. к мемуарам А. Т. Тарасенкова «Н. В. Гоголь в последнее время жизни»).

³ В ту пору духовную помощь Гоголю оказывали два священника: отец Иоанн Диомидович Никольский, священник церкви Преподобного Саввы Освященного на Девичьем поле, и священник церкви Преподобного Симеона Столпника, впоследствии протопресвитер Храма Христа Спасителя, отец Алексей Иоаннович Соколов (ум. 1890-е гг.).

⁴ Александр Иванович Овер (1804–1864), московский врач, профессор терапевтической клиники Московского университета, сын крупного французского чиновника, эмигрировавшего в Россию во время Французской революции 1789 г. К больному Гоголю был приглашен 18 февраля 1852 г. Лечил также дочь Аксаковых Ольгу.

⁵ 20 февраля 1852 г.

⁶ Навязчивая идея (*фр.*).

⁷ В ночь с понедельника 11 на вторник 12 февраля 1852 г.

⁸ 20 февраля 1852 г.

⁹ Надо смотреть на него как на сумасшедшего (*фр.*).

¹⁰ Позднее В. П. Боткин писал И. С. Тургеневу: «Гоголь положительно сжег все и после него ничего не остается. Mais tout bien considéré — я думаю, что его поприще было покончено. Он уже во 2-м томе “Мертвых душ” — старался выводить все идеалы — а с 1847 года его внутренняя ясность еще более помрачилась. Разумеется, жаль, — но *нового* он уже ничего не был в состоянии прибавить к написанному им» (В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка. 1851–1869. М.; Л., 1930. С. 27).

В. П. Боткин — П. В. Анненкову

Москва. 22-го февраля (1852 года), 8-й час утра.

Милый Павел Васильевич! Гоголь вчера, 21-го февраля, в восемь часов утра умер. Я пишу Тургеневу некоторые подробности о его смерти, и повторяться скучно; сходите к нему прочесть их. Все сжег перед смертью, все, — разве уцелела вторая часть «Мертвых Душ», но и это еще не верно. Ссылаюсь на письмо мое к Тургеневу, а вас пока обнимаю и крепко жму вашу руку. Ваш В. Ботк<ин>.

Впервые опубликовано: П. В. Анненков и его друзья. Литературные воспоминания и переписка 1835–1885 годов. СПб., 1892. С. 569. Печатается по первой публикации.

В. П. Боткин — М. А. Языкову

25 февраля 1852 г. <Москва>.

<...> О смерти Гоголя Вы уже знаете. Вчера были похороны, не пышные и великолепные, но самые трогательные по всеобщему участию. Что-то сердечное было во всей церемонии. До самой могилы несли гроб студенты, и сколько было слез! <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 747. Печатается по первой публикации.

В. П. Боткин — П. В. Анненкову

Москва. 12-го марта (1852 года).

<...> О Гоголе вы теперь столько же знаете, как и мы, москвичи. Вторая часть «Мертвых Душ» решительно не существует: это верно. <...>

Первые опубликовано: П. В. Анненков и его друзья. Литературные воспоминания и переписка 1835–1885 годов. СПб., 1892. С. 569–570. Печатается по первой публикации.

В. П. Боткин — И. С. Тургеневу

<1852. Москва>

<...> Я сейчас воротился от Черкасских¹, где обедал, и не могу тебе тотчас же не сообщить следующего: княгиня мне говорила, что Гоголь, месяца за два до смерти был у тетки ее и, говоря о литературе, сказал, «что во всей теперешней литературе больше всех таланту у Тургенева»². <...>

Первые опубликовано: В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка. 1851–1869. М.; Л., 1930. С. 32–33. Печатается по первой публикации.

¹ Князь Владимир Александрович Черкасский (1824–1878), государственный и общественный деятель.

² По свидетельству А. Т. Тарасенкова, Гоголь 22 января 1852 г. критически отозвался о пьесе И. С. Тургенева «Провинциалка»: «...С пренебрежением отозвался об Провинциалке. “Что это за характер: просто кокетка — и больше ничего”» (см. в наст. изд. мемуары А. Т. Тарасенкова «Н. В. Гоголь в последнее время жизни»). «Безнравственную» называл также Гоголь пьесу И. С. Тургенева «Нахлебник» (см. в наст. изд. письмо М. В. Станкевич к родным от 11 декабря 1849 г.).

Н. П. Боткин — А. А. Иванову

9 марта 1851 г. Москва.

Десять лет, как мы с вами не видались: не знаю, помните ли вы меня, но я вас помню и так же люблю, как прежде. Часто мы вас вспоминали с Н. В. Гоголем, который вас искренно любит; он теперь в Одессе и собирается ехать в Грецию, а может быть и в Италию.

Первые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 734. Печатается по первой публикации.

Николай Петрович Боткин (1813–1869), брат В. П. Боткина. См. о нем в наст. изд. в коммент. к письму А. Я. Кульчицкого В. Г. Белинскому от 25–27 сентября 1840 г. и в письме Ф. И. Иордана к А. А. Иванову от 18 августа 1851 г.

**Александр Андреевич Иванов.
Его жизнь и переписка. 1806–1858
Фрагменты**

<...> В два года, т. е. в 1838 году, картина «Мессия» была уже нарисована на холсте и слегка подмалевана. Общество поощрения художников прибавило Иванову еще на год содержание, объявив однако же, что это в последний раз. С этих пор у Иванова начинается постоянное беспокойство о средствах, и он лишает себя всего, чтобы только продолжать труд свой. <...>

В конце <...> 1838 года он познакомился с Н. В. Гоголем¹, который был в восторге от его картины, говорил о ней, кому только мог, водил в мастерскую художника своих знакомых. <...> С Гоголем он сошелся очень близко, и был с ним в переписке. Гоголь постоянно поддерживал его советами, утешая не унывать по случаю недостатка средств. <...> Когда Гоголь бывал в Риме, они были неразлучны. Иванов написал с него <...> два портрета масляными красками <...> и сделал для себя рисунок карандашом. <...>

Хотя и прежде Иванова знали по его «Магдалине», но после письма Гоголя² вся публика нетерпеливо начала ожидать окончания нового труда его. <...>

Впервые опубликовано: Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал Михаил Боткин. СПб., 1880. С. VIII–IX, XI–XII, X. Печатается по первой публикации.

Михаил Петрович Боткин (1839–1914), младший брат В. П. и Н. П. Боткиных, художник, искусствовед, археолог.

С А. А. Ивановым М. П. Боткин познакомился в Петербурге по возвращении художника в Россию 20 мая 1858 г.; спустя полтора месяца, 3 июля 1858 г., Иванов скончался. Сообщаемые Боткиным сведения, по-видимому, заимствованы от других лиц.

¹ Подразумевается прибытие Гоголя в Рим 15 ноября (н. ст.) 1838 г., после трехнедельного пребывания в Париже, куда он приезжал по просьбе своего школьного приятеля А. С. Данилевского. Знакомство Иванова с Гоголем состоялось, вероятно, ранее, еще в 1837 г. (см. в наст. изд. коммент. к письму А. А. Иванова отцу от февраля–марта 1841 г.).

² «Исторический живописец Иванов».

Сороковые годы Фрагмент

<...> Припомню несколько моих свиданий с Гоголем. Первое относится к тому времени, когда вслед за «Вечерами на хуторе близ Диканьки» явились «Арабески» и «Миргород». Автор их приехал в Москву, где у него уже было немало почитателей. В числе их, кроме Погодина и семейства Аксаковых, состоял и короткий их знакомый, А. О. Армфельд, профессор судебной медицины и в то же время инспектор классов в Николаевском сиротском институте, где я преподавал историю русской словесности. Он пригласил на обед близких знакомых, в том числе и меня, жаждавших лицезреть новое светило нашей литературы. Обедом не торопились, зная обычай Гоголя запаздывать, но потом, потеряв надежду на его прибытие, сели за стол. При втором блюде явился Гоголь, видимо смущенный, что заставил себя долго ждать. Он сидел серьезный и сдержанный, как будто дичился, встретив две-три незнакомые личности. Но когда зашла речь о повести Основьяенки (Квитки) «Пан Халявский», напечатанной в «Отечественных Записках»¹, тогда и он скромно вставил свое суждение. Соглашаясь с замечанием, что в главном лице (Халявском) есть преувеличения, доходящие до карикатуры, он старался, однако ж, умалить этот недостаток. Может быть, я ошибаюсь, но мне казалось, что он в невыгодном отзыве о Квитке видел как бы косвенную похвалу себе, намерение возвеличить его собственный талант. Вообще он говорил очень умно и держал себя отлично, не в пример другим случаям.

Вторая встреча устроилась в том же доме. Хозяин (Армфельд) играл в карты с С. Т. Аксаковым, а Гоголь, обедавший с ними, спал на кровати. Проснувшись, он вышел из-под полога, и я был представлен ему, как искренний поклонник его таланта, знакомивший институток с его сочинениями, которые читались мною по вечерам в квартире начальницы, разумеется, с исключением некоторых мест, не подлежащих ведению девиц. Гоголь, бывший в хорошем расположении духа, протянул мне руку и сказал, смеясь: «Не слушайте вашего инспектора, читайте все сплошь и рядом, не пропускайте ничего». — «Как это можно? — возразил Армфельд. — Всеу есть вес и мера». — «Да не все ли равно? Ведь дивчата прочтут же тайком, втихомолку».

Третий раз сошелся я с ним в Москве же, в книжной лавке Базунова², бывшей Ширяева³. Он просил показать ему вышедшие в его отсутствие¹ литературные новинки. Базунов выложил на прилавок несколько книг, в том числе и новое издание моей «Русской Хрестоматии», в трех книгах, из которых последняя, под названием «примечаний», заключала в себе биографические сведения о важнейших писателях и оценку их деятельности. Гоголь, разумеется, был превознесен выше облака ходячего, но и он польстил мне, когда в число отобранных им книг включил и мой учебник⁵.

Четвертое и последнее свидание было во время летней вакации, не помню какого года. Краевский приехал на побывку в Москву и остановился у В. П. Боткина. Каждое утро я отправлялся к ним на чаепитие и веселую беседу. В один из таких визитов неожиданно является Гоголь, по возврате из чужих краев⁶ — каких именно, тоже не помню. Я несколько сконфузился, вспомнив мое письмо к нему, написанное по поводу предисловия его ко второму

¹ Где он был перед этим временем, не припомню⁴. — *Примеч. А. Д. Галахова.*

изданию первого тома «Мертвых душ» и напечатанное в «Отечественных Записках» 1847 года¹⁷. Гоголь, на мой взгляд, изменился: похудел, стал серьезнее, сдержанней, не выказывая никаких причуд или капризов, как это им делалось нередко в других более знакомых домах. Боткин предложил где бынибудь сообща пообедать⁸. Гоголь охотно согласился: чего же лучше, — прибавил он, — как не в гостинице Яра, близ Петровского парка? Таким образом, мы провели время вчетвером очень приятно благодаря прекрасной погоде и повеселевшему дорогому гостю. За обедом он разговорился и даже шутил. Когда на закуску была подана вместо редиски старая редька, он позвал слугу и спросил его: что это такое? — «Редиска», — отвечал слуга. — «Нет, мой друг, это не редиска, а редище, точно так же, как ты не осленок, а ослище».

С этих пор и до самой его кончины мне не удалось с ним встречаться. В последний приезд его в Москву он жил в доме графа Толстого, его приятеля и одномысленника, где и заболел. Болезнь сначала казалась неважною; по крайней мере, никто не ожидал, что она окончится смертью. Многие навещали его в его положении и узнавали, что он держит строгий пост, кушает только просфоры с красным вином, не принимает никаких лекарств. К этим причинам телесного расстройств присоединились внутренние, моральные влияния: отречение от прежней своей деятельности, дошедшее до намерения сжечь рукопись второго тома «Мертвых душ», пренебрежение жизнью, ничем необъяснимое самоистязание... короче, мрак и тайна облекали его судьбу. Неожиданная скоротечность гибели поразила его читателей. На панихидах по нем возбуждались не одни горестные, но и мрачные чувства. Ходил слух, что незадолго до смерти Гоголя Шевырев на коленях умолял его принять лекарство. Гоголь, не отвечая, повернулся к нему спиной, а к стенке лицом. Тогда Шевырев не выдержал и громко сказал ему: «Упрямым хохлом ты жил, упрямым хохлом и умрешь»⁹.

Заключу двумя анекдотическими рассказами, слышанными от достоверных личностей.

Самые образованные семейства, жившие в Москве, интересовались нашим великим юмористом, ценили его талант и входили с ним в близкие отношения. Таковы были семейства С. Т. Аксакова и А. П. Елагиной, матери Киреевских, великой поклонницы немецкой поэзии. В один из своих визитов Гоголь застал ее за книгой. «Что вы читаете?» — спросил он. «Балладу Шиллера “Кассандра”». — «Ах, прочтите мне что-нибудь, я так люблю этого автора»¹⁰. — «С удовольствием», — и Гоголь внимательно выслушал «Жалобу Цереры» и «Торжество победителей». Вскоре после того он уехал за границу, где и пробыл не малое время. Возвратясь, он явился к Елагиной и застал ее опять за Шиллером. Выслушав рассказ о его путешествии и заграничной жизни, она обращается к нему с предложением прочесть что-нибудь из Шиллера: «Ведь вы так любите его». — «Кто? я? Господь с вами, Авдотья Петровна: да я ни бельмеса не знаю по-немецки; ваше чтение будет не в коня корм». Любопытно бы знать, для чего притворялся или просто лгал человек.

А вот второй пассаж, рассказанный мне Щепкиным, нашим гениальным комиком, боготворившим автора «Ревизора». Гоголь жил у Погодина, занимаясь, как он говорил, вторым томом «Мертвых душ». Щепкин почти ежедневно отправлялся на беседу с ним (ведь они оба были хохлы). Раз, — говорит он, — прихожу к нему и вижу, что он сидит за письменным столом такой веселый. — «Как ваше здравие? Заметно, что вы в хорошем расположении духа». — «Ты угадал; поздравь меня: кончил работу». Щепкин от удовольствия чуть не пустился в пляс и на все лады начал поздравлять автора. Прощаясь, Гоголь спрашивает Щепкина: «Ты где сегодня обедаешь?» — «У Аксаковых». — «Прекрасно: и я там же». Когда они сошлись в доме Аксакова, Щепкин, перед обедом, обращаясь к присутствовавшим, говорит: «Поздравьте Николая Васильевича». — «С чем?» — «Он кончил вторую часть “Мертвых душ”». Гоголь вдруг вскакивает: «Что за вздор! от кого ты это слышал?» — Щепкин пришел в изумление: «Да от вас самих;

¹ Февраль, отдел критики, т. 50. — *Примеч. А. Д. Галахова.*

сегодня утром вы мне сказали». — «Что ты, любезный, перекрестись: ты, верно, белены объелся или видел во сне»¹¹.

Снова спрашивается: чего ради солгал человек? Зачем отперся от своих собственных слов? <...>

Впервые опубликовано: *Галахов А. Д. Сороковые годы // Исторический Вестник. 1892. № 2. С. 403–406. Печатается по первой публикации.*

Алексей Дмитриевич Галахов (1807–1892), критик, историк литературы, профессор Петербургского университета, последователь В. Г. Белинского.

¹ Первая часть повести Г. Ф. Грицко-Основьяненко «Пан Халявский» была опубликована в «Отечественных Записках» в 1839 г. (эта часть повести при публикации была, в свою очередь, разделена на две половины, или две «части»): *Основьяненко Грицко. Пан Халявский. Часть первая // Отечественные Записки. 1839. № 6 (цензурное разрешение 14 июня). Отд. 3. С. 5–73; Основьяненко Грицко. Пан Халявский. Часть вторая // Отечественные Записки. 1839. № 7 (цензурное разрешение 14 июля). Отд. 3. С. 144–206.* Очевидно, что описанный обед у А. О. Армфельда состоялся либо в период с 26 сентября по 26 октября 1839 г., либо с 21 декабря 1839 г. по 18 мая 1840 г.

К этому времени относится также случайная встреча с Гоголем А. А. Фета. (В коммент. в наст. изд. к воспоминаниям Фета «Ранние годы моей жизни» пребывание поэта в московском пансионе Погодина ошибочно отнесено к 1837 г. На самом деле полгода в погодинском пансионе Фет провел, готовясь к поступлению в Московский университет, в 1838 г. 27 августа 1838 г. он был принят в университет и продолжал жить у Погодина; в январе-феврале 1839 г. переселился к родителям А. А. Григорьева.)

² Иван Васильевич Базунов (1785–1866), московский книгопродавец.

³ Александр Сергеевич Ширяев (ум. 15 февраля 1841), московский книгопродавец.

⁴ Встреча относится, по-видимому, к осени 1849 г., когда Гоголь вернулся в Москву из поездки в Калугу. По-видимому, именно эта встреча Галахова с Гоголем была «четвертой и последней», тогда как описанная далее, относящаяся к весне 1849 г., была предпоследней (см. ниже примеч. 5, 6, 7 и 8).

⁵ Полная русская хрестоматия. Составил А. Галахов. 3-е изд., дополненное примечаниями. М., 1849. Ч. 3. Примечания (цензурное разрешение 25 авг. 1849 г.). Вопреки заявлению мемуариста, что будто в томе «Примечаний» Гоголь был «превознесен выше облака ходячего», в этом издании содержится лишь краткая библиографическая справка о Гоголе (С. 46).

⁶ Речь идет о возвращении Гоголя из-за границы осенью 1848 г.

⁷ <Галахов А. Д.> *Сто-один. Письмо к Н. В. Гоголю по поводу предисловия ко второму изданию «Мертвых душ» // Отечественные Записки. 1847. № 2. Отд. 5. С. 77–82.*

⁸ Обед, вероятно, состоялся 12 марта 1849 г. (см. в наст. изд. письмо В. П. Боткина к П. В. Анненкову от 10 марта 1849 г.).

⁹ См. также в наст. изд. письмо С. П. Шевырева к С. Т. Аксакову от 6 января 1846 г. и письмо П. А. Плетнева к Я. К. Гроту от 17 декабря 1840 г.

¹⁰ За исключением «минутного» увлечения Ф. Шиллером в 1827 г. (см. в наст. изд. *Воспоминания Н. Я. Прокоповича, а также К. С. Павлова и некоторых других знакомых Гоголя по Гимназии высших наук князя Безбородко в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша*), отношение Гоголя к творчеству немецкого поэта всегда было критическим (см., в частности, в наст. изд. коммент. 37 к «Воспоминаниям о Гоголе» П. В. Анненкова).

¹¹ Вероятно, этот рассказ представляет собой отголоски эпизода конца сентября — октября 1839 г., связанного с драмой «за выбритый ус». См. в наст. изд. коммент. к *Воспоминаниям М. С. Щеткина о Гоголе в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша*.

А. Я. Кульчицкий — В. Г. Белинскому

<25–27 сентября 1840. Харьков>

25 сентября 1840. Харьков.

<...> Нынче я у одного моего товарища¹, приехавшего из Петербурга, и недавно путешествовавшего, видел карточку с именем *Гоголь*, и потом надпись внизу, его рукою, карандашом: Визит отдадите в Риме². Рука довольно женская, а уж знаменитая! Неужели она не напишет нам новых драм? <...>

Впервые опубликовано: В. Г. Белинский и его корреспонденты. М., 1948. С. 155–156. Печатается по первой публикации.

Александр Яковлевич Кульчицкий (1815–1845), писатель, переводчик, театральный критик. В 1837 г. окончил юридический факультет Харьковского университета; до 1842 г. жил в Харькове, после чего переехал в Петербург. В 1840 г. через посредство В. П. Боткина, который часто бывал в Харькове, вступил в переписку с В. Г. Белинским. Летом 1841 г. приезжал в Петербург для встречи с критиком (см.: *Ходанен Л. А. Кульчицкий Александр Яковлевич... // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь.* М., 1994. Т. 3. С. 226). В письме от 8 сентября 1841 г. Белинский в кощунственных выражениях отчитывал Боткина за то, что тот «оставил» Кульчицкого «в теплой вере» в Бога (*Белинский В. Г. Собр. соч.:* В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 485).

¹ Вероятно, имеется в виду В. П. Боткин, неоднократно бывавший в Харькове и общавшийся с Кульчицким (см. выше преамбулу коммент. к наст. письму, а также ниже примеч. 2). 22 ноября 1839 г. Белинский, в частности, писал Боткину: «Срезневский презирает Кульчицкого и весь этот кружок и тебя, понеже ты в этом кружке вращался в Харькове» (*Белинский В. Г. Собр. соч.:* В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 290).

² См. архивное описание визитки Гоголя, сделанное в 1938 г.: «Неизвестному. Н<е> д<атировано>. “Визит отдадите в Риме...” 1 л. (испис. карандаш. лицевая сторона визитной карточки (автографической) Гоголя). 78 х 47 ИЛИ. 652/34» (Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения. Л., 1938. Т. 1. С. 449; см. также: Описание материалов Пушкинского Дома. (Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома). Н. В. Гоголь. М.; Л., 1951. Т. 1. С. 21). В полном объеме записка Гоголя: «Визит отдадите в Риме № 126, Via Felice», — была напечатана в 1952 г. Г. М. Фридендером, с пометой: «Неустановленному лицу», и приблизительной датировкой: «Октябрь 1837 — апрель 1843» (*Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.:* В 14 т. <Л.>, 1952. Т. 12. С. 178). Содержание и дата письма А. Я. Кульчицкого позволяет более точно датировать гоголевскую записку и предположительно указать ее адресата.

До приезда в сентябре 1839 г. в Россию Гоголь дважды снимал квартиру в Риме по указанному на визитке адресу — Via Felice, № 126: с конца ноября (н. ст.) 1837 г. по конец июня (н. ст.) 1838 г. и с 15 ноября (н. ст.) 1838 г. по начало июня (н. ст.) 1839 г. Вернувшись 25 сентября (н. ст.) 1840 г. в Рим, Гоголь вновь поселился по тому же адресу (подробнее см. в наст. изд. в коммент. к письму И. Ф. Золотарева А. С. Данилевскому от 19 апреля (н. ст.) 1838 г., а также в коммент. к статье В. Н. Гасперович «Н. В. Гоголь в Риме»). Таким образом, во время пребывания в России сообщить кому-либо свой «привычный» римский адрес Гоголь мог только в период с осени 1839 по весну 1840 г.

Начальные строки записки Гоголя позволяют еще более уточнить эту датировку. Вероятно, визитка была оставлена адресату либо в последнюю неделю полуторамесячного проживания Гоголя в Петербурге с 30 октября по 17 декабря 1839 г. (именно около 11–17 декабря), либо в последнюю неделю неполных шести месяцев пребывания Гоголя в Москве с 21 декабря 1839 по 18 мая 1840 г. (именно около 12–18 мая). По-видимому, визитку Гоголь оставил, не застав кого-то дома, и случилось это либо в Петербурге незадолго до отъезда Гоголя в Москву, либо в Москве незадолго до отправления за границу: скорый отъезд делал в обоих случаях близкую встречу невозможной, и она отлагалась до Рима.

Еще точнее датировать гоголевскую записку позволяет попытка установить ее адресата. Предположить, кому Гоголь оставил свою визитку, при допущении, что это было сделано 11–17 декабря 1839 г. в Петербурге, затруднительно.

К тому же последующее довольно продолжительное пребывание Гоголя в Москве не исключало возможности встречи там в эти месяцы с адресатом визитки, и в таком свете гадаемое назначение Гоголем, почти за полгода, римской встречи выглядит преждевременным.

Более вероятной представляется датировка гоголевского визита 12–18 мая 1840 г., т. е. приурочение его к последним дням тогдашнего пребывания Гоголя в Москве. Такая датировка позволяет допустить, что записка была адресована московскому знакомому Гоголя (и А. С. Данилевского) с 1835 г., путешественнику и литератору Николаю Петровичу Боткину (см. письмо Гоголя к Н. П. Боткину 27 августа 1835 г.). С Н. П. Боткиным Гоголь встречался также в апреле (н. ст.) 1839 г. в Риме: тогда Н. П. Боткин привез Гоголю письмо А. С. Данилевского из Парижа (см. в наст. изд. примеч. 33 к разделу *Из статьи М. П. Погодина «Месяц в Риме (окончание)»*). (Отметим попутно, что с Н. П. Боткиным приехал тогда из Парижа в Рим некто Исаев — возможно, Сергей (1809 — после 1857) или Логин (1818 — после 1857), один из сыновей купца третьей гильдии, владельца московской ткацко-бумажной фабрики Марка Агеевича Исаева (1787–1849); см.: Книга адресов столицы Москвы, составленная <...> фон Метелеркампом и К. Нистремом. М., 1839. Ч. 3. С. 91; Указатель Москвы. Составлен <...> М. Захаровым. М., 1852. Т. 2. С. 20; Материалы для истории московского купечества. М., 1888. Т. 7. С. 105; М., 1889. Т. 8. С. 119; М., 1889. Т. 9. С. 102.)

Свидетельством того, что Гоголь общался с Н. П. Боткиным не только в 1835 и 1839 гг., но и весной 1840 г., могут служить строки письма В. Г. Белинского к старшему брату Н. П. Боткина Василию Петровичу от 24 апреля 1840 г., в которых критик выражал удовлетворение по поводу знакомства В. П. Боткина с Гоголем (см. в наст. изд.). По-видимому, знакомство состоялось именно благодаря Н. П. Боткину.

Перед отъездом за границу весной 1840 г. Гоголь искал попутчика, о чем дал объявление, напечатанное трижды, 6, 10 и 17 апреля 1840 г., в «Московских Ведомостях»: «Некто, не имеющий собственного экипажа, ищет попутчика до Вены, имеющего собственный экипаж...» Хотя в дорогу Гоголь отправился тогда с В. А. Пановым (изъявившим желание быть спутником Гоголя 13 апреля 1840 г.), однако примечательно, что именно Николай Боткин оказался позднее с Гоголем в Вене во второй половине — конце августа (н. ст.) 1840 г., во время тяжелой болезни писателя (в то время как Панов 11 июля (н. ст.) 1840 г. выехал из Вены в Мюнхен, условившись с Гоголем встретиться вновь в Венеции; см. в наст. изд. письма В. А. Панова к Аксаковым от 27 июня — 8 июля (н. ст.) и от 9/21 ноября 1840 г.). 2 сентября (н. ст.) 1840 г. Н. П. Боткин приехал вместе с Гоголем в Венецию, а затем с Гоголем и Пановым прибыл 25 сентября (н. ст.) в Рим (см. в наст. изд. раздел *Гоголь в воспоминаниях И. К. Айвазовского*, а также письмо А. В. Кольцова к В. Г. Белинскому от 15 декабря 1840 г. и письмо Н. П. Боткина к А. А. Иванову от 9 марта 1851 г.).

Визитку с гоголевским автографом Н. П. Боткин перед отъездом за границу, по-видимому, оставил брату, от которого она и стала известна А. Я. Кульчицкому (см. предшств. примеч.). О намерении Гоголя остановиться по пути в Рим в Вене Н. П. Боткин мог знать как от самого писателя, так и из упомянутого газетного объявления или от общих знакомых. О своих планах задержаться в Вене Гоголь, в частности, сообщал в 1840 г. в письмах из Москвы к В. А. Жуковскому от 3 мая и к матери от 17 мая, а также в письмах из Варшавы в Москву к М. П. Погодину от конца мая — начала июня (н. ст.) и к С. Т. Аксакову от 10 июня (н. ст.). 28 июня (н. ст.) 1840 г. Гоголь писал в Москву из самой Вены А. П. Елагинной: «Кто вздумает писать ко мне, тот да адресует в Вену в *poste restante*. Я здесь пробуду месяца полтора — пью воды. В сентябре же месяце адрес мой в Рим тоже *poste restante*». См. также письмо Гоголя из Вены к С. Т. Аксакову от 7 июля (н. ст.) 1840 г.

Гоголь в воспоминаниях И. К. Айвазовского

Н. Н. Кузьмин

Н. В. Гоголь и И. К. Айвазовский (По воспоминаниям И. К. Айвазовского) Фрагмент

С Гоголем И. К. Айвазовский познакомился в Италии. Он любил довольно часто рассказывать о нем и оживлялся порою при воспоминании о том расположении и дружбе, с которыми относился к нему постоянно Н. В. Гоголь. «Первым городом Италии, который я посетил, — рассказывает в одном из своих писем И. К. Айвазовский, — была, конечно, Венеция¹. После скучных Берлина, Дрездена, Вены, она несказанно нравилась мне. В Венеции я познакомился с Гоголем, проживавшим здесь с покойным Н. П. Боткиным^{1 2}. Впервые в жизни я, увидев тогда автора “Ревизора”, уже обдумывающего свои бессмертные “Мертвые души”, я скоро сдружился с ним и был удивлен оригинальной наружностью его. Если бы я был портретистом, я написал бы в ту пору портрет Гоголя. Низенький, сухощавый, с весьма длинным заостренным носом, с прядями белокурых волос, часто падавшими на маленькие прищуренные глазки, Гоголь выкупал эту непрigлядную внешность своею любезностью, неистощимой веселостью и проблесками своего чудного юмора, которым искрилась его беседа в приятельском кругу. Появление нового незнакомого лица мгновенно набрасывало тень на сияющее добротой и озаренное улыбкой лицо Гоголя: он умолкал, хмурился, как-то уходил в себя. Эту странную черту характера замечали в нем все его близкие знакомые. Со мною, однако же, он довольно скоро сошелся, и я не раз наслаждался его беседою». <...>

По приезде в Петербург из-за границы Айвазовский снова встретил у Панова^{1 3} Гоголя, который горячо приветствовал его после блестящих успехов за границей и, по воспоминаниям И<вана> К<онстантиновича>, за обедом у Панова^{1 11} сказал, обращаясь к нему, целый прочувствованный и согретый живым юмором спич по поводу полученной Айвазовским от папы Григория XVI за помещенную в римской галереи Ватикана знаменитую картину его «Хаос» золотой медали⁴.

Впервые опубликовано: <Кузьмин Н. Н.> Н. К—ин. Гоголь и И. К. Айвазовский. (По воспоминаниям Айвазовского) // Новое Время. 1900. 13 мая. № 8695. Приложение. С. 6. Перепечатано: <Кузьмин Н. Н.> И. К. Айвазовский и его произведения. Издание Ф. И. Булгакова. Текст составлен Н. Н. Кузьминым по автобиографии И. К. Айвазовского, его письмам и печатным материалам о нем. СПб., 1901. С. 24. Печатается по первой публикации.

Иван Константинович Айвазовский (Гайвазовский, 1818–1900), художник-маринист.

Николай Николаевич Кузьмин (псевдоним Никс), литератор.

---

¹ И. К. Айвазовский путешествовал вместе с В. И. Штернбергом (см. ниже статью П. П. Каратыгина «Иван Константинович Айвазовский и его художественная XLII-х летняя деятельность» и «Воспоминания о профессоре И. К. Айвазовском» Н. Н. Кузьмина). Об отправлении художников за границу летом 1840 г. в Отчете петербургской

---

¹ В публикации ошибочно: В. П. Боткиным

^{1 1} В публикации ошибочно: у Панаева

^{1 1 1} В публикации ошибочно: у Панаева

Академии художеств сообщалось: «Нынешнее лето <1840 г.> отправлены в Италию четыре Пейзажиста: Штернберг, Фрике, <С. М.> Воробьев и Гайвазовский, все ученики профессора Воробьева... <...> ...Живопись всех их имеет столь разные оттенки, что и следа одной школы в работах их незаметно. То же сказать можно об Архитекторах Бенуа и Щурупове, вместе с ними отправленных за границу, а равно и об уехавших на свой счет братьях Михаиле и Григорье Эльсонах, из коих один Пейзажист, а другой Архитектор, и о братьях Чернецовых, которые <...> теперь предприняли путешествие по Италии...» (Отчет Императорской Академии Художеств за 1839–1840 академический год // Художественная Газета. 1840. 15 дек. № 24 (цензурное разрешение 22 дек.). С. 6–7).

В период с 9 февраля по 18 мая 1840 г. Гоголь, будучи в Москве, обещал М. С. Щепкину подготовить к его бенефису литературный перевод на русский язык комедии итальянского драматурга графа Джованни Жиро (1776–1834) «Дядька в затруднительном положении» (1807) (подробнее см. в наст. изд. в примеч. 3 к *Воспоминания М. С. Щеткина о Гоголе в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша*). Эта работа была выполнена во время пребывания Гоголя в Венеции, в период с 2 по 10 сентября (н. ст.) 1840 г., — и, как сообщал сам писатель, перевод пьесы Жиро с итальянского языка был сделан тогда русскими художниками. 10 сентября (н. ст.) 1840 г. Гоголь, высылая из Венеции готовый текст перевода, писал М. С. Щепкину: «Ну, Михаил Семенович <...> комедия готова. В несколько дней русские наши художники перевели. И как я поступил добросовестно! всю от начала до конца выправил, перемарал и переписал собственною рукою». Кого имел в виду Гоголь под «русскими художниками», неизвестно, но в Венеции тогда были с ним Айвазовский и Штернберг.

Позднее путешествовавший с Айвазовским Штернберг написал портрет Гоголя в группе русских художников во Флоренции: «У собирателя русских картин Ник. Д. Быкова <...> *Итальянские шарлатаны*, карандашный рисунок Штернберга, с портретами: *Гоголя, Моллера, Рамазанова и Ставассера*» (Подробный словарь русских гравированных портретов. Составил Д. А. Ровинский. СПб., 1889. Т. 2. Приложения. С. 286). Главными действующими лицами этой жанровой композиции являлись уличные продавцы или фокусники. Местом действия картины «Шарлатаны», сюжет которой был разработан для В. И. Штернберга в 1842–1843 г. А. А. Ивановым, была Флоренция — место, куда Гоголь, Панов, Боткин, Айвазовский и Штернберг отправились после встречи в Венеции — и где нашли тогда Иванова. В одной из черновых тетрадей Иванова сохранился схематически набросанный эскиз и два варианта письма к Штернбергу, в которых имя Гоголя (и группа русских художников в целом), однако, не упоминается, зато говорится о группе из трех знаменитых современников-флорентийцев: «Одну группу можно сделать портретами (великих) замечательных людей Флоренции нашего времени. Росселини, Розини, Бартолини» (*Машковцев Н. Г.* Гоголь в кругу художников. Очерки. М., 1955. С. 129); «Хорошо бы поместить на первом плане кого-нибудь из знаменитых людей нашего времени, например»: Росселини или Бартолини, идущих наискось площади» (*Аленов М. М.* Александр Андреевич Иванов. М., 1980. С. 47–48). См. также в изд.: *Виноградов И. А.* Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях. М., 2001. С. 265–266.

Вероятно, к концу февраля — началу марта (н. ст.) 1841 г. — времени приезда Айвазовского и, вероятно, Штернберга в Рим (см. в наст. изд. коммент. к статье П. П. Каратыгина «Иван Константинович Айвазовский и его художественная XLII-х летняя деятельность») — относится свидетельство Штернберга о Гоголе, переданное Т. Г. Шевченко в его повести «Художник» (1856; опубли. в 1887): «А кстати, о Штернберге. Я недавно получил от него письмо из Рима <...> Пишет, что у Лепри видел он великий собор художников, в том числе и Иванова, автора будущей картины “Иоанн Предтеча проповедует в пустыне”. Русские художники подтрунивают исподтишка над ним, говорят, что он совсем завяз в Понтийских блотах и все-таки не нашел такого живописного сухого пня с открытыми корнями, который ему нужен для третьего плана своей картины. А немцы вообще в восторге от Иванова. Еще встретил он, в кафе Греко, безмерно расфранченного Гоголя, рассказывающего за обедом самые сальные малороссийские анекдоты» (*Шевченко Т. Г.* Художник // Собр. соч.: В 5 т. М., 1965. Т. 4. С. 225).

В октябре 1843 г. Штернберг писал также Айвазовскому из Рима: «Я написал маленькую картинку для Галагана <...>. На днях приехали Эпингер и Чижов, которые, как тебе известно, были в Черногории, Далмации, Кroatии и проч.» (*Манн Ю. В.* Гоголь. Труды и дни: 1809–1845. М., 2004. С. 762).

² Имеется в виду пребывание Гоголя в Венеции с Н. П. Боткиным и В. А. Пановым с 2-го по середину сентября (н. ст.) 1840 г. (25 сентября (н. ст.) 1840 г. Гоголь вместе с Н. П. Боткиным и В. А. Пановым прибыл в Рим.)

³ Имеется в виду В. А. Панов. Описанный случай произошел в Риме в середине марта (н. ст.) 1841 г. (см. следующее примеч., а также помещенную ниже статью Н. Н. Кузьмина «И. К. Айвазовский и его произведения»).

⁴ Написанная осенью 1840 — зимой 1840/41 гг. в Неаполе картина И. К. Айвазовского «Хаос» была выставлена в конце февраля — начале марта (н. ст.) 1841 г. в Риме. Папа Григорий XVI приобрел картину и наградил художника золотой медалью. В начале июня 1841 г. «Художественная Газета», редактируемая А. Н. Струговщиковым, сообщила: «В Одесском Вестнике <от 17 мая 1841 г., № 40> напечатаны любопытные известия об успехах Гайвазовского в Италии. <...> Художественная Газета <...> сохраняет в столбцах своих выписку из статьи Одесского Вестника. “В Риме и в Неаполе все говорят о картине Гайвазовского. В Неаполе так полюбили нашего художника, что дом его целый день наполнен посетителями. <...> В Риме, на художественной выставке, картины Гайвазовского признаны первыми. “Неаполитанская ночь”, “Буря” и “Хаос” наделали столько шуму в столице изящных искусств, что залы вельмож, общественные собрания и притоны артистов оглашались славою новороссийского пейзажиста... <...> Папа купил картину его “Хаос” и поставил ее в Ватикане, куда достаиваются быть помещенными только произведения первейших в мире художников. Изображение Хаоса, по общему мнению, отличается новою идеею и признано чудом искусства. Любопытно было бы получить описание этой картины, чтобы судить, до какой степени наш художник умел воспользоваться этой смутною и грандиозною идеею. Его святейшество пожелал непременно видеть Гайвазовского, видел его и, в знак отличного своего благоволения, пожаловал ему золотую медаль”» (Гайвазовский в Италии // Художественная Газета. 1841. № 11 (цензурное разрешение 8 июня). С. 1–3).

В основе замысла картины «Хаос» (*греч.* chaos — зияющее, пропасть, тьма; первобытный мрак, предшествующий сотворению мира) художником были положены строки второго стиха первой главы Книги Бытия: «Земля же невидима и неустроена: и тма вверху бездна: и Дух Божий ношашеся вверху воды». Для раннего периода творчества Айвазовского замысел подобного религиозного содержания является уникальным. Можно предположить, что его возникновением художник был во многом обязан встрече с Гоголем в сентябре 1840 г. Известно, что для Гоголя было свойственно придумывать сюжеты картин знакомым художникам. А. А. Иванову, к примеру, он помогал в разработке композиции «Явления Мессии» и жанровых картин «Октябрьские праздники»; Ф. А. фон Моллеру подсказал сюжеты картин «Крещение Владимира» и «Русалка» (для последней картины Гоголь собственноручно переписал для Моллера одноименное стихотворение А. С. Пушкина, подписав его: «Переписана на память и на чудное дело Н. Гоголем»; *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 17 т. М.; Киев, 2010. Т. 17. С. 636). В гоголевских бумагах сохранилась также выписка начальных стихов Книги Бытия (гл. 1, ст. 1–9), где строки, составляющие основу замысла картины Айвазовского, представлены в контексте источника (впервые опубликовано: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 9. С. 143). Выписка, назначение которой не вполне ясно, датируется 1830-ми — первой половиной 1840-х гг., т. е. сделана в период знакомства Гоголя с Айвазовским и создания художником картины «Хаос».

По поводу происхождения гоголевской выписки, «предвосхищающей» замысел «Хаоса», можно высказать следующее предположение. Во второй половине — конце августа (н. ст.) 1840 г., незадолго до встречи с Айвазовским, Гоголь пережил в Вене тяжелую болезнь, приступы которой напомнили ему предсмертные страдания графа И. М. Виельгорского, скончавшегося в Риме 2 июня (н. ст.) 1839 г. По словам Гоголя в письме к М. П. Погодину от 17 октября (н. ст.) 1840 г., он испытал тогда в Вене то «ужасное беспокойство», в котором видел «бедного Виельгорского в последние минуты жизни». Незадолго перед кончиной Виельгорский подарил Гоголю Библию, на которой «дрожащей рукою было написано: *другу моему Николаю*» — о которой Гоголь сказал тогда «с глубоким выражением»: «Эта книга мне вдвое святее» (см. в наст. изд. раздел *Гоголь в воспоминаниях княжны В. Н. Ретинной-Волконской*). Возможно, пережитая болезнь, напомнившая Гоголю смерть Виельгорского, и побудила писателя обратиться к чтению Библии, подаренной покойным другом.

Возможно, определенное влияние на попытку Айвазовского создать произведение духовного содержания оказал и пример встреченного тогда Айвазовским во Флоренции Иванова. Во всяком случае тот факт, что в основу картины Айвазовского были положены выписанные Гоголем в те же годы строки, мог иметь особенное значение для писателя, произнесшего спустя полгода после знакомства по поводу новой картины Айвазовского отдельный тост.

Поскольку Айвазовский привез в Рим картину «Хаос» ко времени карнавала, закончивавшегося в 1841 г. в воскресенье 7 марта (н. ст.), а 8 мая (н. ст.) того же года вернулся в Неаполь (см. ниже коммент. к статье П. П. Каратыгина «Иван Константинович Айвазовский и его художественная XLII-х летняя деятельность»), то застольную речь Гоголя следует датировать, очевидно, этим периодом. Уточнить эту датировку позволяет время отъезда из Рима В. А. Панова (присутствовавшего на обеде) — 6 мая (н. ст.) 1841 г. (см. в наст. изд. его письмо к К. С. Аксакову от 6 июня (н. ст.) 1841 г.). В то же время П. В. Анненков, прибывший в Рим в Великую Среду 7 апреля (н. ст.) 1841 г., о шумном успехе в Риме

картин Айвазовского не упоминает. Возможно, это случилось до приезда Анненкова, т. е. в период с конца февраля по конец марта (н. ст.) 1841 г., что позволяет датировать застольное приветствие Гоголя Айвазовскому предположительно серединой марта (н. ст.) 1841 г.

П. П. Каратыгин

**Иван Константинович Айвазовский и его художественная
XII-х летняя деятельность. 1836—1878
Фрагменты**

Первый год пребывания за границей. 1840—1841

<...> Путь молодым художникам — Айвазовскому и Штернбергу — лежал через Берлин, Дрезден, Вену и Триест; из последнего города Айвазовский прибыл в Венецию. <...> В Венеции проживал тогда наш незабвенный Гоголь, вместе с Николаем Петровичем Боткиным... <...>

«Он <Гоголь>, Боткин и Панов предложили мне ехать с ними во Флоренцию¹, на что я, разумеется, с удовольствием согласился. Ехали мы в наемной четверместной коляске и — каюсь в нашем общем грехе! — дорогою мы играли в преферанс, подмостив экипажные подушки вместо стола. Впрочем, это прозаическое занятие не мешало нам восхищаться красивыми местностями, попадавшимися на дороге.

По прибытии во Флоренцию, я осмотрел художественные сокровища столицы Тосканы, посетил палаццо Питти и т. д.² Здесь встретил я Александра Андреевича Иванова, на время приехавшего из Рима. От природы не слишком общительный, Иванов сказал, что прибыл во Флоренцию, чтобы скопировать несколько деревьев с пейзажей Сальватора-Розы для помещения их на своей картине “Явление Мессии народу”. При всем моем уважении к памяти Александра Андреевича, я, признаюсь, до сих пор не могу ни понять, ни объяснить себе: зачем ему понадобилось — на местности берегов Иордана, изображенной на его картине, — деревья с пейзажей Сальватора-Розы? ужели их недостаточно натуральных в окрестностях Рима?»

Из Флоренции, расставшись с Гоголем, Иван Константинович отправился на берега Неаполитанского залива³. Прожив месяц в Неаполе, Айвазовский, вместе с Штернбергом, отправился на родину Тассо, в Сорренто, где жил в доме, принадлежавшем певцу «Освобожденного Иерусалима». Из Сорренто художники отправились в Амальфи, где прожили также целый месяц. Из Сорренто, 2-го сентября 1840 года, они прибыли в Рим⁴. <...>

1847—1852

<...> В начале 1852 года художник был в Москве, где мельком видел Н. В. Гоголя. Ивана Константиновича поразила страшная худоба, бледность и страдальческое выражение лица великого нашего писателя. Тогдашний Гоголь был тенью этого веселого, милого собеседника, которого Айвазовский видел в Риме и Флоренции двенадцать лет тому назад. Мрачный мистицизм и религиозная восторженность, граничившая с помешательством, резко изменили Гоголя и нравственно и телесно. Немногими словами разменялся он с Иваном Константиновичем, но от них веяло мертвящею апатией, холодом кельи или могилы... <...>

Первые опубликовано: <Каратыгин П. П.> Иван Константинович Айвазовский и его художественная XII-х летняя деятельность // Русская Старина. 1878. № 7. С. 423—424; 1878. № 9. С. 70. Печатается по первой публикации.

Петр Петрович Каратыгин (1832—1888), сын актера П. А. Каратыгина, литератор.

¹ Цитируется письмо И. К. Айвазовского. Начало этого письма см. наст. изд. в статье Н. Н. Кузьмина «Гоголь и И. К. Айвазовский. (По воспоминаниям Айвазовского)».

² «По приезде во Флоренцию Гоголь и Айвазовский осмотрели художественные галереи и сокровища столицы Тосканы, посещали дворцы, музеи, палаццо и проводили в этих осмотрах целые дни вместе» (<Кузьмин Н. Н.> Н. К.—ин. Гоголь и И. К. Айвазовский. (По воспоминаниям Айвазовского) // Новое Время. 1900. 13 мая. № 8695. Приложение. С. 6).

³ В Неаполь И. К. Айвазовский отправился проездом через Рим, где пробыл неделю с 2/14 по 9/21 сентября 1840 г. (см. следующее примеч.).

⁴ 9 сентября 1840 г. (очевидно, 21 сентября н. ст.) И. К. Айвазовский сообщал в Петербург в правление Академии художеств: «Имею честь уведомить о прибытии моем в Рим 2-го сентября 1840 года и прошу покорнейше оно Правление выслать вексель на первую треть...» (Айвазовский. Документы и материалы / Составители М. С. Саргсян, Г. Г. Арутюнян, Г. М. Шатирян. Ереван, 1967. С. 48). Поскольку Гоголь, Н. П. Боткин и В. А. Панов были в Венеции в одно время с И. К. Айвазовским и В. И. Штернбергом в начале сентября (н. ст.) 1840 г. (со 2-го числа), то, очевидно, сообщаемое время приезда Айвазовского и Штернберга в Рим — 2 сентября 1842 г. — следует считать по старому стилю, т. е. полагать датой их приезда 14 сентября н. ст.

Гоголь вместе с Н. П. Боткиным и В. А. Пановым прибыл в Рим позднее, 25 сентября (н. ст.) 1840 г., когда Айвазовский отправился далее в Неаполь. 3 декабря (15 н. ст.) 1840 г. он сообщал оттуда в правление Академии: «Честь имею уведомить о получении мною векселя первую треть и 2-го сего декабря известия о милости Императорского Величества за картины. Благодаря за сделанное распоряжение, прошу покорнейше остальные 285 рублей серебром выслать вместе с векселем на вторую треть в Римское или Неаполитанское посольство. Два месяца как я в Неаполе и имею уже несколько картин, которые после Римской выставки отправлю в С.-Петербург...» (Айвазовский. Документы и материалы / Составители М. С. Саргсян, Г. Г. Арутюнян, Г. М. Шатирян. Ереван, 1967. С. 50).

В конце февраля — начале марта (н. ст.) 1841 г. (ко времени карнавала, заканчивавшегося в этом году 7 марта н. ст.), Айвазовский вновь приехал в Рим, где выставил свои картины. В дневнике Ел. В. Давыдовой, познакомившейся с Гоголем в декабре 1840 г. в Альбано (см. в наст. изд. раздел «Свидетельства о Гоголе Ек. В., Ел. В. и В. Л. Давыдовых»), в частности, сохранилась запись, посвященная событиям «за неделю с 28 февраля по 7 марта <н. ст.> 1841 г.»: «На этой <...> неделе Раевская повела нас к русскому художнику Айвазовскому, он — маринист, и его можно назвать среди первых художников в Риме. Мы видели у него дивные картины, прекрасные превосходные; одна, представляющая лунный свет в Неаполе, другая — тоже Неаполитанский залив <...> Это прелестно. Честь и слава РУССКИМ! <...> Он показался нам немного *хвастуном!* Но это правда, что он пишет свои картины с удивительной быстротой; эти большие картины он сделал за семь дней, другие берут три дня, а иногда один; никто не хочет этому верить и все удивляются, но я (наверное, по невежеству) не удивляюсь» (*Житомирская С. В.* Дневник дочери декабриста // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1978. Л., 1979. С. 73).

26 апреля / 8 мая 1841 г. Айвазовский вместе с В. И. Штернбергом и архитектором И. А. Монигетти вернулся в Неаполь (об этом свидетельствует письмо Айвазовского к В. И. Григоровичу из Неаполя, датированное 30 апреля 1841 г.) (Айвазовский. Документы и материалы / Составители М. С. Саргсян, Г. Г. Арутюнян, Г. М. Шатирян. Ереван, 1967. С. 52–53).

Н. Н. Кузьмин

И. К. Айвазовский и его произведения Фрагмент

О первой встрече Гоголя с Айвазовским в Венеции рассказывают следующий анекдот:

— Кто это такой? — спросил Айвазовский у Панаева¹.

— Это — Гоголь! — ответил Панаев¹.

¹ Ошибка. Следует: у Панова

¹¹ Ошибка. Следует: Панов

— А вы Айвазовский? — спросил Гоголь, услышавший их шепот, и, подойдя к молодому художнику, начал крепко пожимать ему руку.

— Знаете, Иван Константинович, — обратился Панаев¹ к Айвазовскому, — ведь *Гоголь ваш горячий поклонник*... Когда он любит ваши картины², он буквально захлебывается от восторга.

— Не мудрено, брат, захлебнуться, когда он дает в своих картинах такую чудесную воду, — ответил Гоголь, хлопнув дружески по плечу ладонью сконфузившегося от такой похвалы художника.

Со своей стороны Гоголь также высоко ценил Айвазовского, и как человека и как художника, и восхищался его картинами, признавая их явлением незаурядным.

Из Венеции Айвазовский поехал в Рим, где он намеревался выставить свои две картины: «Буря» и «Хаос». Вскоре прибыли туда и Гоголь с Панаевыми¹¹ и Боткиным³. Особенно сильное впечатление произвела в Риме картина «Хаос». Она так понравилась тогдашнему главе римской курии, папе Григорию XVI, что он решил купить ее и украсить ею стены Ватикана. Айвазовский продать «Хаоса» не захотел, а принес ее в дар Ватикану, за что папа Григорий XVI наградил молодого художника золотой медалью. Картина же «Хаос» и поныне украшает галерею Ватикана⁴. Золотую медаль Айвазовского спрыснули у Панаева¹¹¹ и Боткина шампанским. Присутствовавший тут же Гоголь во время разгара пиршества сказал, обращаясь к Айвазовскому:

— Исполать тебе, Ваня. Пришел ты, маленький человек, с берегов Невы в Рим и сразу поднял «Хаос» в Ватикане! И ведь что обиднее всего, — продолжал Гоголь после того, как Айвазовский бросился ему на шею от восторга, — мне бы в шею за это дали, а Ване Айвазовскому дали золотую медаль.

Этот анекдот еще при жизни Гоголя был напечатан в одном из журналов того времени⁵.

В 1842 году Айвазовский снова встретил Гоголя в Риме⁶ и неизменно проводил свои вечера «в келии» у Гоголя, куда иногда приходили и другие художники: Штернберг, Моллер, друг Н. В. Гоголя — известный художник Иванов и пр. Гоголя все любили и уважали. Он был душой всего этого небольшого кружка художников, совершенно отдельного от прочих русских художников⁷. Здесь много говорили об искусстве, толковали о художественных новостях Рима.

Иван Константинович рассказывал о существовании небольшого рисунка, сделанного еще в начале 1840-х годов, кажется, известным художником Пименовым, где изображены во весь рост, конечно, в небольшом виде, все наши художники «русской колонии», бывшие в Риме в одно время с ним и Гоголем: как-то: Ставассер⁸, Рамазанов, Иванов, Логановский, Штернберг и др., а посреди их Гоголь, но видеть этого рисунка нам не приходилось⁹.

Тогда же были написаны А. А. Ивановым (в начале 1840-х годов) и два очень удачные и схожие портрета Гоголя масляными красками. Один из этих портретов Н<иколай> В<асильевич> подарил Жуковскому, другой — Погодину. Кроме того, Иванов сделал для себя с него рисунок карандашом, который Гоголь, при вторичной встрече с ним во Флоренции, выпросил у него с тем, чтобы подарить Ивану Константиновичу. <...>

Первые опубликовано: <Кузьмин Н. Н.> И. К. Айвазовский и его произведения. Издание Ф. И. Булгакова. Текст составлен Н. Н. Кузьминым по автобиографии И. К. Айвазовского, его письмам и печатным материалам о нем. СПб., 1901. С. 24–26. Перепечатано: <Кузьмин Н. Н.> Гоголь и Айвазовский // Русские Ведомости. 1909. 26 апр. № 95. С. 4; с подстрочным примечанием: «Сообщено управляющим Айвазовского г. Крымом». Печатается по первой публикации.

¹ Ошибка. Следует: Панов

¹¹ Ошибка. Следует: с Пановым

¹¹¹ Ошибка. Следует: у Панова

¹ Имеется в виду В. А. Панов.

² И. К. Айвазовский был зачислен воспитанником петербургской Академии художеств в августе 1833 г. Гоголь мог быть знаком лишь с его картинами и акварелями 1835–1836 гг.

³ Гоголь с Н. П. Боткиным и В. А. Пановым приехал в Рим 25 сентября (н. ст.) 1840 г.

⁴ В начале XX в. римский папа Леон XIII подарил картину И. К. Айвазовского «Хаос» (1841) армянскому католическому монашескому ордену мхитаристов; с тех пор полотно находится в Музее Армянской конгрегации мхитаристов на о. Св. Лазаря в Венеции.

⁵ Публикация неизвестна.

⁶ В 1842 г. Гоголь с Айвазовским не встречались. В этом году Гоголь вместе с Н. М. Языковым приехал в Рим 4 октября (н. ст.). И. К. Айвазовский в то время был в Венеции, а в декабре 1842 г. отправился оттуда в Париж (см.: Айвазовский. Документы и материалы / Составители М. С. Саргсян, Г. Г. Арутюнян, Г. М. Шатирян. Ереван, 1967. С. 67–69).

⁷ Ср. в наст. изд. в *Воспоминаниях Ф. И. Иордана (1879 г.)*: «В Риме у нас образовался свой особый кружок, совершенно отдельный от прочих русских художников. К этому кружку принадлежали: Иванов, Моллер и я; центром же и душой всего был Гоголь, которого мы все уважали и любили».

⁸ Скульптор Петр Андреевич Ставассер (1816–1850) вместе со скульптором Антоном Андреевичем Ивановым (1815–1848), архитекторами Федором Ивановичем Эппингером (1816–1873), Карлом Андреевичем Бейне (1816–1858), гравером Андреем Андреевичем Пищалкиным (1817–1892) и художниками Пименом Никитичем Орловым (1812–1864) и Петром Степановичем Петровским (1814 – 29 мая / 11 июня 1842) был отправлен в Рим в июне-июле 1841 г. (см.: Художники, отправляющиеся за границу // *Художественная Газета*. 1841. № 12 (цензурное разрешение 14 июня). С. 4–7).

⁹ Возможно, речь идет о жанровом рисунке В. И. Штернберга. См. в наст. изд. коммент. к статье Н. Н. Кузьмина «Н. В. Гоголь и И. К. Айвазовский. (По воспоминаниям И. К. Айвазовского)».

Воспоминания о профессоре И. К. Айвазовском Н. Н. Кузьмина Фрагменты

<...> При рассказах о первом приезде своем в Италию и знакомстве с Гоголем И. К. Айвазовский оживлялся и довольно часто вспоминал о Гоголе и своей дружбе с ним. «Первым городом Италии, который я посетил, — говорил и писал мне он, — была, конечно, Венеция. После скучных Берлина, Дрездена, Триеста она несказанно нравилась мне. Развенчанная царица морей, спящая непробудным сном на берегу чудесного своего залива, очаровывала меня. В Венеции я и познакомился с нашим незабвенным Гоголем, проживавшим тогда здесь с покойным Николаем Петровичем Боткиным. Впервые в жизни увидев тогда автора “Ревизора”, уже обдумывающего свои бессмертные “Мертвые Души”, я скоро сдружился с ним и весьма был поражен оригинальностью нашего писателя и его странной оригинальною наружностью, прямо просившейся на полотно. Если бы я был портретистом, я бы в ту пору написал портрет с него. Низенький, сухощавый, с весьма длинным, заостренным носом, с прядями белокурых волос, часто падавшими на маленькие прищуренные глазки, — припоминал художник, — Гоголь выкупал эту неприглядную внешность любезностью, неистощимую веселостью и проблесками своего чудного юмора, которыми искрилась его беседа в приятельском кругу. Появление нового незнакомого лица, подобно дождевой туче, мгновенно набрасывало тень на сияющее доброю и озаренное улыбкою лицо Гоголя: он умолкал, хмурился, как-то сокращался, как будто уходил сам в себя, как в раковину, и начинал оригинальничать. Эту странную черту характера замечали в нем все его близкие знакомые. Со мною, однако же, он довольно скоро сошелся, и я не раз наслаждался его дружескою милою беседою. Гоголь предложил мне ехать с ним, с Боткиным и Панаевым¹ во Флоренцию, на что я, разумеется, с удовольствием согласился. Ехали

¹ Ошибка. Следует: Пановым

мы в наемной четвероместной коляске и — каюсь в нашем общем грехе — дорогою мы играли в преферанс, подмостив экипажные подушки вместо стола. Впрочем, это прозаическое занятие не мешало нам любоваться природой и восхищаться красивыми местностями, попадавшимися на дороге».

По приезде во Флоренцию Гоголь и Айвазовский осмотрели художественные сокровища столицы Тосканы, посетили дворцы и палаццо Питти и т. д. Они проводили в этих осмотрах целые дни вместе. Здесь встретили они знаменитого русского художника Александра Андреевича Иванова, на время приехавшего из Рима во Флоренцию искать вдохновения для своей знаменитой картины «Явление Мессии народу». От природы не слишком общительный, он мало говорил с ними.

По словам Айвазовского, Гоголь в то время не посвятил еще ему своей чудной, восторженной статьи². Иванов рассказывал только, что приехал скопировать несколько деревьев с пейзажей Сальватора-Розы, чтобы для чего-то перенести их в местность на берега Иордана. Во Флоренции И. К. Айвазовский расстался на время с Николаем Васильевичем Гоголем, и оставив его здесь, отправился на берега Неаполитанского залива, где прожил еще месяц в Неаполе вместе с молодым художником Штернбергом, а отсюда уже проехал на родину Торкватто Тассо, в Сорренто, где, по странному стечению обстоятельств, он жил в доме, принадлежавшем певцу «Освобожденного Иерусалима». Из Сорренто они отправились в разрушенный ныне живописный городок Амальфи, где тоже прожили целый месяц, и в сентябре³ только попал опять в Рим. Эти поездки ознакомили Айвазовского с колоритом и красками итальянского лазурного неба, воды и тайнами тамошней воздушной перспективы. Он работал в Италии целые дни без усталости... Эти воспоминания записаны со слов самого И. К. Айвазовского и представляют серьезный и значительный интерес для нас, как характеристика его отношений к Гоголю и некоторым знаменитым современникам. В прошлом году я получил об этой встрече также письмо от него, которое потом было напечатано в «Новом Времени»⁴.

Иван Константинович часто рассказывал также, что с Гоголем он встречался впоследствии в Петербурге и Москве⁵. Я слышал от Ивана Константиновича о существовании небольшого рисунка, сделанного еще в начале 40-х годов, кажется, известным художником Пименовым, где изображены во весь рост, конечно, в небольшом виде, все наши художники «русской колонии», бывшие в Риме в одно время с ним и Гоголем: как-то: Ставассер, Рамазанов, Иванов, Логановский, Штернберг и др., а посреди них Гоголь, но видеть этого рисунка мне не пришлось. <...>

В Бискайской бухте, по дороге от берегов Англии до Испании, корабль, на котором ехал Айвазовский, выдержал жестокую бурю... <...> Положение Барцелоны поразило И. К. Айвазовского <...> город был вместе с окрестностями в руках инсургентов; королевские войска занимали цитадель.

Отсюда художник отправился на Мальту и по возвращении с нее остался на всю зиму⁶ опять в Риме, где встречал Гоголя, который писал в ту пору свои «Мертвые души». <...>

Сам Иван Константинович в Петербурге еще недавно рассказывал нам, как в Венеции он обрадован был встречей с В. П. Боткиным и И. И. Панаевым⁷. С ними он познакомился и встречался и раньше, до отъезда в Италию, в Петербурге в кружках М. И. Глинки и Кукольника. Посещая в Венеции своих старых знакомых земляков, Айвазовский и увидел у них Н. В. Гоголя, которого он потом всегда так типично описывал. — «Кто это такой?» — тихо спросил Айвазовский у Панаева⁸. «Это Гоголь!» — ответил вполголоса Панаев

¹ «Новое Время» 13 мая 1900 г. № 8695. — *Примеч. Н. Н. Кузьмина.*

² *Ошибка. Следует:* с Н. П. Боткиным и В. А. Пановым

³ *Ошибка. Следует:* у Панова

ев¹, но творец «Мертвых душ», услышав вопрос художника и подойдя к нему, крепко, с волнением стал пожимать ему руку. «Вы Айвазовский, и я не знал раньше вас, не встречал нигде, ах, как я жалею об этом!» — воскликнул Гоголь, крепко сжимая ему руку и ежась по обыкновению. «Знаете, Иван Константинович, — обратился Панаев¹¹ к Айвазовскому, — ведь Гоголь ваш горячий поклонник. Он любит до смерти ваши картины, и когда ими любуется, то буквально захлебывается от восторга». «Не мудроно захлебнуться, когда в своих картинах он дает такую чудесную воду», — ответил наш Гоголь, дружески похлопывая по плечу ладонью сконфузившегося от таких красноречивых похвал Айвазовского.

В Петербурге, по приезде из-за границы⁸ после блестящего триумфа И<вана> К<онстантиновича> и помещения знаменитой картины его «Хаос» в римскую галерею Ватикана, за что папа Григорий XVI тогда же наградил художника золотой медалью, решено было отпраздновать получение этой медали пиришеством у Панаева¹¹¹ и Боткина. Пир удался на славу. Присутствовавший тут же Гоголь во время разгара пира сказал, обращаясь с прочувствованным, полным блестящего юмора спичем к Айвазовскому: «Исполать тебе, Ваня. Пришел ты, маленький человек, с берегов далекой Невы в Рим и сразу поднял «Хаос» в Ватикане!»

— И ведь что обидно, — закончил свою речь Гоголь после того, как Айвазовский бросился ему на шею от восторга, — подыми я в Ватикане хаос, — мне бы в шею за это дали — писаке, а Ване Айвазовскому дали золотую медаль...

Дружба Айвазовского с Гоголем окрепла в этот приезд его в Петербург и вскоре между ними завязалась переписка, которая, впрочем, недолго продолжалась, вследствие болезни Гоголя.

Вспоминая о возвращении из-за границы в нашу северную Пальмиру И. К. Айвазовского и о встречах его здесь с Гоголем у М. И. Глинки и Кукольника, мы не можем умолчать о кружке «братии», который в 1845 году почти распался. М. И. Глинка сам уехал вскорости концерттировать за границу, Кукольник занят был своим изданием «Художественной Газеты» и новыми повестями, а К. П. Брюллов — предался и всецело отдал себя своим бессмертным работам по украшению Исаакиевского собора. <...>

В начале 1852 года И. К. Айвазовский был в Москве после сопутствия императору Николаю Павловичу в плавание в Севастополь и присутствуя при морских маневрах конца 1851 года. Здесь художник встретил в последний раз Н. В. Гоголя. По рассказу Ивана Константиновича, встреча носила самый сердечный оттенок, и его поразила при этом страшная худоба, бледность и страдальческое выражение лица великого русского писателя.

Тогдашний Гоголь казался тенью того веселого, оживленного и милого собеседника, которого Айвазовский видел в Риме и во Флоренции двенадцать лет тому назад и вскоре после того встречал и оставил в Петербурге.

Мрачный, суровый мистицизм и религиозная пылкая восторженность, порой граничившая с помешательством, по его словам, резко изменили Гоголя и нравственно, и телесно. Во время этой встречи с Гоголем Иван Константинович успел только немногими фразами обменяться с Гоголем, но от слов нашего бессмертного певца Малороссии и дореформенной России веяло мертвящею апатиею, холодом кельи и могилы... <...>

Любимой прогулкой Айвазовского в Риме была прогулка на морском берегу или на Via Appia; он прерывал ее на время, чтобы пообедать во французском ресторане или трактире Falcione и затем до заката солнца снова гулял, любуясь морем и набрасывая эскизы в свой альбом, или осматривал древности, иногда вместе с Гоголем. По приезде в Рим, почти каждое у-

¹ Ошибка. Следует: Панов

¹¹ Ошибка. Следует: Панов

¹¹¹ Ошибка. Следует: у Панова

ро Иван Константинович заставлял Гоголя в кофейной *del buon gusto*, отдыхающим на диване после завтрака, состоявшего из большой чашки крепкого кофе и жирных сливок. Затем Гоголь спешил домой писать свой роман, а Иван Константинович отправлялся к себе и весь уходил в свою работу, которая быстро спорилась в его умелых руках. Но Гоголь писал медленно, и, по словам И<вана> К<онстантиновича>, только при отъезде его, когда они разъезжались в разные стороны, он прочел ему поэтические главы первого тома «Мертвых Душ». «Но что это было за чтение, с каким чувством и полнотой выражения, с каким огнем вдохновения бессмертный творец читал мне свой роман, в то время, как глаза его блистали неземным огнем, необычайно светились и проникали насквозь в душу, а на щеках пылал яркий румянец», — говорил Иван Константинович, вспоминая, что эти полные образных типов главы запечатлелись с тех пор и приобрели в его памяти особенный колорит. По словам И<вана> К<онстантиновича>, Гоголь не выносил римского зноя и при наступлении жаров бросал свои прежние привычки, запираясь надолго дома и жалуясь на свой организм и природу. При этом в доме закрывались ставни от палящих лучей южного солнца, и на письменном столе Гоголя появлялся полный графин чистой, прозрачной, холодной воды из каскада, который, в промежутках между работой, осушал он до дна, жалуясь на свой странный организм и говоря, что любимым напитком его была холодная вода⁹. В свободные вечера вместе с Айвазовским Гоголь перечитывал любимые места из Данте и стихов Пушкина. Гоголь, как истинный поэт и художник в душе, всем восхищался и особенно картинами Айвазовского. Встретив, вторично в Италии, в 1842 году Гоголя в Риме, Айвазовский неизменно проводил свои вечера «в келии» у Гоголя, куда иногда приходили и другие художники: Штернберг, Моллер, друг Н. В. Гоголя — известный художник Иванов и пр. Гоголя все любили и уважали. Он был душою всего этого небольшого кружка художников. Здесь много говорили об искусстве, толковали о художественных новостях Рима, и здесь развивался и креп талант И. К. Айвазовского. Тогда же были написаны А. А. Ивановым (в начале 1840-х годов) и два очень удачные и схожие портрета Гоголя масляными красками. Один из этих портретов Н<иколай> В<асильевич> подарил Жуковскому, другой — Погодину. Кроме того, Иванов сделал для себя с него рисунок карандашом, который Гоголь, при вторичной встрече с ним во Флоренции, выпросил у него с тем, чтобы подарить Ивану Константиновичу. <...>

С каким восторгом и горячностью относился к театру Виссарион Белинский, руководивший в ту пору общественным мнением и царивший безраздельно в литературных кружках, видно из его «Литературных мечтаний» — серьезной и искренней статьи, появившейся в конце тридцатых годов... <...> Иван Константинович говорил мне, что читал вместе с Гоголем эту статью вскоре по выходе ее в свет (он и обратил внимание мое на нее)¹⁰. <...>

Из Петербурга Иван Константинович уехал 83 лет...¹¹ <...> Пасху он, как всегда, желал встретить и провести в родной Феодосии. По болезни я не мог провожать его на вокзал, но был у него накануне отъезда и провел с ним целое утро... увы, последнее в жизни. Мы много говорили с ним о Л. Н. Толстом, Ф. М. Достоевском и Гоголе... <...>

Впервые опубликовано: Воспоминание о профессоре И. К. Айвазовском Н. Н. Кузьмина // Свет. Сборник романов и повестей. Ежемесячный журнал. 1901. Т. 5. Май. <Отд. 2>. С. 9–11, 13–15, 20; дополненное издание: Воспоминание о профессоре И. К. Айвазовском Н. Н. Кузьмина. СПб., 1901 (цензурное разрешение 22 июня). <Отд. 1>. С. 9–11, 13–15, 20; <Отд. 2>. С. 3–4; <Отд. 3>. С. 17–18, 52. Печатается по последнему изданию.

¹ Имеется в виду В. А. Панов.

² Речь идет о статье «Исторический живописец Иванов» в «Выбранных местах из переписки с друзьями» (1847).

³ Вероятно, 2 декабря (н. ст.) 1840 г. (см. в наст. изд. коммент. к статье П. П. Каратыгина «Иван Константинович Айвазовский и его художественная XLII-х летняя деятельность»).

⁴ См. в наст. изд. статью Н. Н. Кузьмина «Н. В. Гоголь и И. К. Айвазовский. (По воспоминаниям И. К. Айвазовского)».

⁵ И. К. Айвазовский был в Москве осенью 1848 г., где на выставке в Московском училище живописи и ваяния, проходившей с 27 сентября по 7 октября, выставлял свои картины (см.: <Шевырев С. П.> С. П. Выставка в залах Художественного училища // Москвитянин. 1848. № 11. Отд. 5. С. 45; Айвазовский. Документы и материалы / Составители М. С. Саргсян, Г. Г. Арутюнян, Г. М. Шатирян. Ереван, 1967. С. 104–105). Однако Гоголь был в то время в Петербурге и вернулся в Москву около 14 октября 1848 г., когда Айвазовского там, по-видимому, уже не было. Их встреча в Москве состоялась в апреле 1849 г. (см. в наст. изд. статью Н. А. Рамазанова «Гюдень в Москве»).

⁶ Речь идет о зиме 1843/44 г. Гоголя в это время в Риме не было.

⁷ Имеются в виду Н. П. Боткин и В. А. Панов.

⁸ Описанный случай произошел в Риме в середине марта (н. ст.) 1841 г. (см. выше примеч. 4 к статье Н. Н. Кузьмина «Н. В. Гоголь и И. К. Айвазовский» и статью Н. Н. Кузьмина «И. К. Айвазовский и его произведения»).

⁹ Ср. в «Воспоминаниях о Гоголе» П. В. Анненкова (1857): «На письменном его бюро стоял уже графин с холодной водой из каскада Терни, и в промежутках работы он опорожнял его дочиста, а иногда и удвоивал порцию. <...> При наступившем вскоре римском зное Гоголь довольно часто жаловался на особенное свойство болезненной своей природы — никогда не подвергаться испарине. <...> ...Гоголь крепче притворял внутренние ставни окон от неотразимого южного солнца...» (см. в наст. изд.)

¹⁰ Предание недостоверно. И. К. Айвазовский познакомился с Гоголем в Венеции в начале сентября (н. ст.) 1840 г. Статья В. Г. Белинского «Литературные мечтания» была напечатана в газете «Молва» в 1834 г. Источником ошибочных сведений является в данном случае письмо самого И. К. Айвазовского к Н. Н. Кузьмину от 29 июня 1889 г. из Феодосии: «Любезное письмо Ваше я имел удовольствие получить и весьма охотно отвечаю на все Ваши вопросы. <...> С Висс<арионом> Гр<игорьевичем> Белинским я встречался много раз в литературных кружках Петербурга и был у него по его приглашению один раз на Лиговской улице, через несколько лет после знакомства своего с А. С. Пушкиным <в сентябре 1836 г.>, по возвращении своем из-за границы незадолго до кончины великого критика. <...> Как далеко это время! Как много переменилось с тех пор, когда вместе с Гоголем я читал по выходе в свет серьезную и искреннюю статью Белинского “Литературные мечтания”, в которой с таким восторгом и горячностью относится он к театру, “любимому им всеми силами души”... А теперь так далеко это время и так мало осталось помнящих Белинского, как и Пушкина. Если это пригодится для Ваших статей о них, то можете напечатать, не повторяя, конечно, буквально моих слов» (Барсамоф Н. И. К. Айвазовский. <Симферополь>, 1950. С. 24–25).

¹¹ В 1900 г.

О. А.

Айвазовский и Гоголь

В февральской книжке журнала «Мир»¹ будут помещены письма Айвазовского к Н. Н. Кузьмину, автору книг об Айвазовском, в которых знаменитый художник рассказывает о своих встречах с писателем. Первое знакомство произошло в Венеции.

«С Гоголем, — рассказывает Айвазовский, — связаны в моей памяти лучшие воспоминания о моей молодости и поездке за границу по окончании академии. Я познакомился с нашим известным писателем в Венеции, где он проживал с покойным Николаем Павловичем¹ Боткиным. Со мной он довольно скоро сошелся, и я не раз наслаждался его дружеской, милой беседой».

Некоторое время Айвазовский и Гоголь пробыли вместе в Риме. Вот как описывает Айвазовский образ жизни Гоголя в столице Италии:

«Почти каждое утро, по приезде в Рим², я заставал Гоголя в кофейной “Del buon gust” отдыхающим на диване после завтрака за большой чашкой кофе, очень крепкого, с жирными

¹ Ошибка. Следует: Николаем Петровичем

сливками. Любимой нашей прогулкой в Риме была прогулка на морском берегу или *via Appia*. Затем до заката солнца я снова с Гоголем гулял, любясь морем и набрасывая эскизы в свой альбом, или осматривал древности, иногда вместе с Гоголем. Затем Гоголь заходил в кафе Греко, оттуда спешил домой писать свой роман, а я отправлялся к себе и весь уходил в работу. Только при отъезде Гоголь прочел мне поэтические главы первого тома «Мертвых Душ». В свободные вечера вместе с Гоголем перечитывали некоторые поэмы Пушкина и любимые места из Данте... Надо сказать вам, что Гоголь не выносил римского зноя и с наступлением жаров бросал свои прежние привычки, запираясь иногда на целые дни дома и жалуясь на свой организм и натуру. При этом на письменном столе Гоголя неизменно стоял полный графин чистой, холодной воды из ближайшего каскада; оттуда в промежутках между работой и чтением осушал он стакан за стаканом до дна, говоря, что любимый напиток его — вода».

Айвазовский пером художника изображает Гоголя за чтением «Мертвых Душ»:

«С огнем вдохновения бессмертный творец читал мне и свой роман. В то время глаза его сверкали неземным огнем, казалось, то метая молнии на всех окружающих, то необычайно мягко и кротко светилась, и вместе с нежным, вкрадчивым голосом, казалось, насквозь проникали в душу. На щеках его пылал яркий румянец, и он утолял внутренний жар водою, которую пил стакан за стаканом».

В Петербурге Айвазовский встретился с Гоголем на большом обеде³.

«За обедом, в присутствии многих художников, бессмертный творец «Мертвых Душ» обратился ко мне с следующим тостом: «Исполать тебе, Ваня. Пришел ты, маленький человек, с берегов далекой Невы в Рим и сразу поднял хаос в Ватикане. И ведь что обидно, — закончил свою речь Гоголь, — подними я в Ватикане хаос, мне бы в шею за это дали, а Ване Айвазовскому — золотую медаль»».

Гоголь намекает на золотую медаль, которую Айвазовскому дал папа за картину «Хаос», приобретенную для галереи Ватикана.

Последняя встреча художника и писателя произошла в Москве, незадолго до смерти Гоголя. Айвазовский был подавлен тем, что он увидел:

«Веселый, оживленный, милый собеседник, каким оставил я Гоголя в Петербурге, при встрече в Москве в начале 1852 года произвел на меня тягостное впечатление».

В феврале текущего года кончается 60 лет со дня смерти Гоголя. Воспоминания о нем являются весьма своевременны.

Впервые опубликовано: О. А. Айвазовский и Гоголь // Московская Газета. 1912. 27 февр. № 177. С. 2. Печатается по первой публикации.

¹ Номер не вышел. Последний выпуск журнала «Мир», после которого издание прекратилось, — № 1 за 1912 г.

² Вероятно, 2 декабря (н. ст.) 1840 г. (см. в наст. изд. коммент. к статье П. П. Каратыгина «Иван Константинович Айвазовский и его художественная XLII-х летняя деятельность»).

³ Описанный случай произошел в Риме в середине марта (н. ст.) 1841 г. (см. выше примеч. 4 к статье Н. Н. Кузьмина «Н. В. Гоголь и И. К. Айвазовский» и статью Н. Н. Кузьмина «И. К. Айвазовский и его произведения»).

Мои воспоминания Фрагмент

В начале октября 1840 г. переселились мы с берегов Неаполитанского залива в Рим, где прожили семь месяцев до конца апреля 1841 г. <...>

К великой моей радости, приехал в Рим мой университетский товарищ Василий Алексеевич¹ Панов¹, и тотчас же отыскал меня. <...>

Однажды утром в праздничный день сговорились мы с Пановым идти за город, и именно, хорошо помню и теперь, в виллу Albani, которую особенно часто посещал я. Положено было сойтись нам в cafe Gresco, куда в эту пору дня обыкновенно собирались русские художники. Когда явился я в кофейню, человек пять-шесть из них сидели вокруг стола, приставленного к двум деревянным скамьям, которые соединяются между собою там, где стены образуют угол комнаты. Это было налево от входа. Собеседники болтали и шумели: это был народ веселый и беззаботный. Только в том углу сидел, сгорбившись над книгою, какой-то неизвестный мне господин, и в течение получаса, пока я поджидал своего Панова, он так погружен был в чтение, что ни разу ни с кем не перемолвился ни единым словом, ни на кого не обратил хоть минутного взгляда, будто окаменел в своей невозмутимой сосредоточенности. Когда мы с Пановым вышли из кофейни, он спросил меня: «Ну, видел? познакомился с ним? Говорил?» Я отвечал отрицательно. Оказалось, что я целых полчаса просидел за столом с самим Гоголем. Он читал тогда что-то из Диккенса, которым, по словам Панова, в то время он был заинтересован. Замечу мимоходом, что по этому случаю узнал я в первый раз имя великого английского романиста: так и осталось оно для меня навсегда в соединении с наклоненною над книгой фигурою в полусвете темного угла.

Когда Панов устроился в своей квартире, Гоголь поселился у него² и прожил вместе с ним всю зиму 1840–1841 годов. На все это время Панов, забывая, что живет в Риме, вполне предался неустанным попечениям о своем дорогом госте, был для него и радушным, щедрым хозяином, и заботливою нянькою, когда ему нездоровилось, и домашним секретарем, когда нужно было что переписать, даже услужливым приспешником, на всякую мелкую потребу.

В жизни великого писателя всякая подробность может иметь важное значение, особенно если она касается литературы. Гоголь желал познакомиться с лирическими произведениями Франциска Ассизского, и я через Панова доставил их ему в том издании старинных итальянских поэтов, которое... рекомендовал мне мой наставник Франческо Мази.

Как-то случилось, что в течение двух или трех недель ни разу не привелось нам с Пановым видаться: ко мне он перестал заходить, я нигде его не встречал, спрашивал о нем у наших общих знакомых, но и от них о нем ни слуху ни духу — совсем запропастился. Наконец является ко мне, но такой странный и необычный, каким я его никогда не видывал, умиленный и просветленный, будто какая благодать снизошла на него с неба; я спрашиваю его: «Что с тобой? куда ты девался?» — «Все это время, — отвечал он, — был я занят великим делом, таким, что ты и представить себе не можешь; продолжаю его и теперь». И говорит он это так сдержанно, таинственно, чуть не шепотом, чтобы кто не похитил у него сокровище, которое переполняет его ду-

---

¹ В публикации ошибочно: Василий Иванович

шу светлую радостью. Будучи погружен в свои римские интересы, я подумал, что где-нибудь в развалинах откопан новый Лаокоон или новый Аполлон Бельведерский, и что теперь пришел Панов сообщить мне об этой великой радости. «Нет, совсем не то, — отвечал он, — дело это наше родное, русское. Гоголь написал великое произведение, лучше всех Лаокоонов и Аполлонов; называется оно “Мертвые Души”, а я его теперь переписываю набело». Тут в первый раз услышал я загадочное название книги, которая стала потом драгоценным достоянием нашей литературы, и сначала вообразил себе, что это какой-нибудь фантастический роман или повесть вроде Вия; но Панов разуверил меня, однако не мог ничего сообщить мне о содержании нового произведения, потому что Гоголь желал сохранять это дело в тайне. <...>

Первые опубликовано: *Буслав Ф. И.* Мои воспоминания // Вестник Европы. 1891. № 7. С. 189, 211–213; см. также: *Буслав Ф. И.* Мои воспоминания. М., 1897. С. 258–260. Печатается по первой публикации.

См. также в разделе *Гоголь в воспоминаниях и письмах М. С. Щепкина, его знакомых и близких*, мемуары М. С. Щепкина, записанные Ф. И. Буславым («Воспоминания М. С. Щепкина о Гоголе в дневнике Ф. И. Буслава» и статью Буслава «К воспоминаниям о Михаиле Семеновиче Щепкине»).

Федор Иванович Буслав (1818–1897), ученый-филолог. В 1839 г., вскоре после окончания университета (1838), принял предложение попечителя Московского учебного округа графа С. Г. Строганова совершить вместе с его семьей путешествие за границу (1839–1841). С октября 1840 г. по 15 апреля 1841 г. Буслав пробыл в Риме, где в это время жил Гоголь. (Согласно дневниковым записям Буслава, 19 апреля 1841 г. он был уже во Флоренции; см.: *РГАЛИ*. Ф. 69. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 49 об.–50.)

Своеобразным комментарием к жизни Гоголя в Риме могут служить следующие строки дневника Ф. И. Буслава: «Февр<ая> 23 <1841 г.>. Остался бы важнейший пробел в моем журнале, если бы я ничего не написал о Римском Карнавале. Сегодня его последний день. Я уже был на Корсо и видел маколетти, коими заключили шумный недельный праздник. Музыка, отряды войска и пушки дают сигнал к началу (в 2 часа) Карнавала, удалению карет (около 4 1/2 часов), лошадиной скачке (в 5 часов) и т. д., отчего все носит характер какого-то законом определенного и ограниченно-го обряда; оттого — при ограниченном времени — Италиянец дорожит минутами наслаждения. Простота и общежительность — вот источник, откуда должно вести [начало] характеристику карнавала: весь город здесь родня и друзья — перебрасываются конфетами или кариандолями из мела и цветами; будучи наряжены — воображают, что все им знакомы, и говорят со всеми — вот важный общежительный элемент в маскереде; он совершенно согласуется с бросаньем конфет и задуваньем моколей. Надо быть дитятей и наивным, как Италиянец, чтобы, нарядившись, без устали ежеминутно говорить глупости, или повторять одно и то же, что, разумеется, каждому встречному, услышавшему только раз, кажется новостью. Дети и взрослые — совершенно равняются на Карнавале. Многие гуляют наряженные — без всяких претензий на шутки — и наряжены как бы по обычаю, по необходимости; другие наряжены для того, что платье настоящее испортилось бы от мела и толкотни: таких, я думаю, особенно много. Иные выезжают просто в блузах и фуражках: ибо так удобнее бросить и получить меловые удары на простой блузе, а не на суконном платье, которое оттого испортилось бы: да в блузе и легче — особенно при такой восхитительной погоде, какая стояла во время Карнавала. Оттого кажется, что все как дома, кто как хочет — так и выходит: свобода — также одна из главных черт римского карнавала. Особенно оригинален вид Корсо во время Карнавала. Как самые костюмы и люди, так и экипажи, полные дамами, а кучер и лакей у них — маскированы — или турком или дамою и т. п. — носят характер поэтического беспорядка, при смене масок и немасок, щегольства и тряпок, праздничных украшений и домашних блуз; так и Корсо — с одной стороны, весь одет по-праздничному — т. е. из-за каждого окна вывешено красное покрывало; а с другой, — все магазины и лавки открыты, как в будни. — Удрученный недугом — я невольно забывался среди Корсо — увлеченный бегом, криком, шумом, хохотом, всеобщим веселием — под теплым небом. Перенести к нам Карнавал невозможно точно так же, как римский климат, цветы, свободу, наивность, простоту, беспорядки, — главных украшений Карнавала» (*РГАЛИ*. Ф. 69. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 15 об.–16).

Упоминание о Гоголе встречается также в дневниковой записи Ф. И. Буслава за 1842 г., в которой речь идет о публикации его статьи «Храм Св. Петра в Риме» в № 3 журнала «Москвитянин» (см. также в наст. изд. письма С. П. Шевырева к М. П. Погодину от 25 февраля, от конца февраля — начала марта и от 6 марта 1842 г.): «*Июля 26 <1842>*. <...> Святой Петр обнарудовал. Удивительное стечение обстоятельств: с рукописью от Шевырева отправился к Погодину —

и не застал обоих: потом обоих нашел — у Шевырева. Они читали корректуру Погодина, дело шло о Пантеоне. Погодин сказал, что мы с ним сошлись предметами: приятно для ученика! Я читал Шевырева перевод из Данта — ему нравилось: Погодин был занят своим и не слушал меня, говоря, что жалеет, что не имеет времени послушать: первый удар авторскому самолюбию. Я приехал домой в лихорадочном состоянии. Гоголь дал свою рукопись: Рим. Удар обухом для начинающего дарования: но я упросил напечатать в одном с ним №. Шевырев сказал, что мы сошлись в мысли о Св. Петре, когда смотришь на него издали. Для меня, суеверного — стечение обстоятельств пресущественное. Когда я принес свою рукопись — последний уж раз для печати — в универ<ситетскую> типогр<афию> — дожидаюсь в Профессорской: Наверху страшное хлопанье — Шевырев читал свои стихи на Железную дорогу — в первый раз в аудитории. Стечение обстоятельств. В первый раз увидел я напечатанным своего Петра — у Шевырева: приехал Погодин поздно вечером и привез №. “Вот я привез Св. Петра”, — сказал он мне улыбаясь. А я именно ему тогда привез от Графа Итальянского <?> сочинение о рукописи Болонской. Стечение обстоятельств. При том вообще я суевверен» (РГАЛИ. Ф. 69. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 99–100).

Упоминаемое Буслаевым стихотворение С. П. Шевырева «на Железную дорогу» было также опубликовано в 1842 г. в «Москвитянине» М. П. Погодина (с пометой: «16 февраля») вместе с повестью Гоголя «Рим»:

<...> Властью Царского глагола
Дума Руси решена:
Тот, Кому чреда престола
Лет грядущих суждена,
Сын Царя в Кремле рожденный,
В сердце Руси повитой,
Путь возводит окриленный
В колыбель Москвы родной.

Веселись, младое племя!
Любо вдаль смотреть очам:
Чудных дел благое семя
Ныне брошено векам;
Разодвинутые бездной,
Две столицы — два ядра
Сплавит вместе путь железный:
Слышишь это, тень Петра?

Все, что там зачато было
Перельется от Невы
В наше Русское горнило,
В сердце пламенной Москвы,
И отсель по жилам многим
Царства Руси молодой,
Потечет к странам убогим
Животворною волной. <...>

(Шевырев С. Железная дорога // Москвитянин. 1842. № 3 (цензурное разрешение 11 марта). С. 7–10).

В 1850 г. в статье «Об эпических выражениях украинской поэзии» Ф. И. Буслаев упоминал также о Гоголе в связи с характеристикой народных песен: «Обратив внимание на точку зрения, с которой мы смотрим на народную поэзию, читатель не удивится, почему, после Бодянского, Гоголя, Максимовича, Срезневского, мы вздумали писать об украинских песнях, о которых так много хорошего было сказано этими писателями. — Доселе более обращали внимание только на историческое и эстетическое значение народной словесности, оставляя без надлежащего исследования грамматическую часть ее» (<Буслаев Ф.> Об эпических выражениях украинской поэзии. (По поводу Сборника украинских песен, изданных М. А. Максимовичем в Киеве, в 1849 году) // Москвитянин. 1850. № 18 (цензурное разрешение 14 сент.). Отд. III. С. 19).

¹ В. А. Панов приехал в Рим с Гоголем и Н. П. Боткиным 25 сентября (н. ст.) 1840 г.

² На самом деле В. А. Панов со времени приезда в Рим снимал квартиру отдельно от Гоголя (см. в наст. изд. письмо В. А. Панова к К. С. Аксакову от 12 января (н. ст.) 1841 г.), а затем, вероятно, с февраля (н. ст.) 1841 г. — когда началась переписка первых пяти глав первого тома «Мертвых душ» и дополнений к «Ревизору», переехал на квартиру Гоголя.

Свидетельства о Гоголе Ек. В., Ел. В. и В. Л. Давыдовых

Ек. В. Давыдова — В. Л. и А. И. Давыдовым

<11> / 23 декабря 1840. Рим.

<...> Мы познакомились в Альбано с одним соотечественником-писателем, г-ном Гоголем. Это очень приятный человек, он часто нас посещает и читал нам много раз свои произведения, которые очень забавны. В последний раз мы договорились с ним, что он придет и прочтет нам своего «Ревизора», который, как говорят, имел большой успех несколько лет тому назад в Московском театре. Он его очень хорошо читал, и мы много смеялись, но этот род пьес мне не нравится; она может позабавить два-три раза, особенно, когда читает сам автор, потому что он читает ее более естественным образом, чем кто бы то ни было. Но если б мне пришлось читать ее самой, я б ее никогда не окончила, мне кажется. Что я люблю в Гоголе, это что он русский в душе, и когда бываешь с ним, кажется, что находишься в России, потому что он говорит только по-русски и вдобавок с малороссийским акцентом, что совсем родное сердцу¹.

Подлинник на фр. яз. (кроме последних четырех слов). Впервые опубликовано, в переводе: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 594. Печатается по первой публикации.

Екатерина Васильевна Давыдова, в замужестве Переслени (20 декабря 1822 – 1904), дочь декабриста В. Л. Давыдова. Письмо адресовано ее родителям, находившимся на поселении в Сибири.

¹ Давыдовы были родом с Украины, в их имении Каменка в двадцатых годах бывали А. С. Пушкин, многие декабристы, а впоследствии — П. И. Чайковский.

Гоголь в дневниковых записях Ел. В. Давыдовой 1841 г.

<...> <15 февраля (н. ст.) 1841. Рим>. В воскресенье (14 <февраля (н. ст.)>)¹ вечером мы имели случай познакомиться с княгиней Волконской — на чтении «Ревизора» Гоголя². Надо объяснить причину этого чтения. Есть один русский молодой человек, художник³, получавший пенсию от Общества *поощрения наук*, вдруг самым несправедливым образом и без предупреждения ее у него отнимают, и бедный юноша остается без копейки. Гоголь, тронутый до глубины *печенки* таким сокрушительным несчастьем, загорелся мыслью устроить платное чтение своего знаменитого «Ревизора»; он разослал билеты всем русским в Риме, по пиастру каждый, а в конце написал скромно в уголке мелкими буквами: «Кто может, и более». Итак, в воскресенье в 7 часов мы пришли в дом кн<ягини> Волконской, где должно было состояться чтение. Салон был полон русских. Мы познакомились с двумя Олферьевыми⁴; они вовсе не чинились. Мы все трое встретились как старые знакомые и сели вместе. Русские господа, которые сидели позади нас, все время хохотали, и мы испытывали немалое удовольствие, когда нам удавалось уловить хоть несколько русских слов.

Вынести это чтение можно было лишь ради его благотворительной цели, ибо эта комедия страшно скучна. «На пальчик, да да, да, прекрасный пассаж, я сзади петушком, черт тебя подери!» — вот небольшой образчик; да это еще только забавно, но в общем все это в очень гру-

бом роде; правда, что действие происходит в провинции среди необразованных людей, однако он должен был бы вывести хоть какой-либо характер более *comme il faut*, более благородный. <...> Домой мы вернулись около полуночи. <...>

16 февраля <28 н. ст.> 1841 г. Вечером у нас были неожиданные гости, и все такие разные, что это было очень смешно. Гоголь, который говорит только по-русски, аббат Феррари, с которым мы говорим по-французски, Стрэтты и г. Стрэшн, англичане, незнакомые друг с другом. У меня была долгая беседа с аббатом о карнавале. Теперь только и говорят, что о карнавале. <...>

23 февраля <7 марта (н. ст.), воскресенье> последний день карнавала. Вечером мы пошли в театр на Veglione⁵, как во Флоренции, но это не было забавно; было хуже, чем во Флоренции, потому что мы сидели во втором ряду, и маски не могли к нам подходить, но и вообще, мне кажется, что здесь больше бывает простой народ, чем люди из общества; совсем не было видно красивых масок: была одна, вся в красном, как в прошлом году во Флоренции, и по ее манерам мы решили, что это та же самая. Тетушка⁶ была с кн. Гагариной и Софьей Раевской⁷ в ложе, а мы трое с дядей⁸ в другой. Гоголь провел с нами некоторое время, трое масок вошли к нам в ложу, и мы их узнали прежде, чем они заговорили. Это были Стрэтт, Уиллс и Энсли. Последний, одетый садовником, принес нам увядшие цветы и сам представлялся нам как увядшая фиалка, отчего мы хохотали, как безумные. <...>

В четверг вечером⁹ <27 февраля / 11 марта> пришла нас повидать мисс Харботтл, и постепенно наша гостиная начала наполняться неожиданными посетителями. Г. Стрэшн, вся семья Обуховых¹⁰, Гоголь и Панов, и мы провели вечер довольно весело, играя в разные игры. Нам пришлось много смеяться над бедным г. Стрэшном. <...>

Приехав туда <в Колизей, 7/19 марта>, мы все бегали, играли в горелки; гуляли с факелами под аркадами. Мы встретили Гоголя и Панова, которые сказали нам, что здесь Обуховы, чему мы очень обрадовались. <...>

Подлинник на фр. яз. Впервые частично опубликовано, в переводе: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 594–596. Печатается по изд.: *Житомирская С. В. Дневник дочери декабриста* // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1978. Л., 1979. С. 72–73; с дополнениями по первой публикации.

Елизавета Васильевна Давыдова (5 октября 1823–1898), дочь декабриста В. Л. Давыдова. «В дневнике Ел. В. Давыдовой имеется еще несколько беглых упоминаний о посещении их дома Гоголем» (Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 596).

«Впервые Гоголь упоминается в <дневниковой> записи <Ел. В. Давыдовой> от 8 февраля <н. ст.> 1841 г., но из самого беглого перечисления гостей, среди которых был и Гоголь, видно, что знакомство к этому времени было уже достаточно давним» (*Житомирская С. В. Дневник дочери декабриста* // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1978. Л., 1979. С. 72).

¹ 14 февраля (н. ст.) 1841 г. — праздник Сретения Господня, неделя мясопустная (масленая).

² См. также в наст. изд. мемуары Ф. И. Иордана, графа Д. А. Милютина, В. О. Шервуда и коммент. к письму А. А. Иванова отцу от февраля–марта 1841 г.

³ И. С. Шаповалов (Шаповаленко, 1817–1890), художник.

⁴ Речь идет о Марии и Екатерине Павловнах Алферьевых. См. в наст. изд. коммент. к письму Н. М. Языкова родным от 9 января (н. ст.) 1843 г.

⁵ Ночной бал-маскарад (*ит.*).

⁶ Вероятно, Давыдова (рожд. графиня Орлова), жена брата В. Л. Давыдова, Петра Львовича.

⁷ Имеется в виду либо Софья Николаевна Раевская, сестра М. Н. Волконской, двоюродная сестра Ел. В. Давыдовой, либо Софья Никитична Раевская, сводная сестра В. Л. Давыдова, дочь его матери Екатерины Николаевны Давыдовой (рожд. графини Самойловой) от ее первого брака с Никитой Семеновичем Раевским (ум. в 1771).

⁸ Вероятно, Петр Львович Давыдов (1782–1842), генерал-майор.

⁹ Так в публикации 1952 г. В изд. 1979 г. этих слов нет. Вместо них следует примечание С. В. Житомирской: «На следующий день...», которое отсылает к дневниковой записи от 23 февраля / 7 марта 1841 г.

¹⁰ См. в наст. изд. коммент. к письму Н. М. Языкова родным от 9 января (н. ст.) 1843 г.

Гоголь в письмах В. Л. Давыдова

В. Л. Давыдов — Ек. В. и Ел. В. Давыдовым

8 февраля ст. ст. 1841. <Красноярск>.

<...> Я завидую вашему знакомству с г. Гоголем, мои дорогие дети¹; мне известна его комедия «Ревизор» и некоторые другие его сочинения, и я составил себе самое высокое мнение о его таланте. Это писатель, созданный для того, чтобы быть достойным представителем нашей литературы, так же, как он мог бы представлять и всякую иную. Вы не можете оценить его комедию так, как она этого заслуживает, потому что вы не знаете ни нравов, в ней обрисованных, ни (простите, крошки!) человеческого сердца — и слава Богу! Вы не можете судить об удивительной правдивости кисти Гоголя, о *vis comica*², о глубине этого поэта, и, однако, вы имели удовольствие слышать его «Ревизора». — Я прочел его раз десять и перечту еще снова: по моему мнению, это — шедевр³. <...>

Подлинник на фр. яз. Впервые опубликовано, в переводе: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 598. Печатается по первой публикации.

Василий Львович Давыдов (1792–1855), декабрист, находившийся в это время на поселении в Сибири.

¹ О своем знакомстве с Гоголем сообщила родителям Ек. В. Давыдова в письме от 23 декабря (н. ст.) 1840 г. (см. в наст. изд.).

² Силе комизма (*лат.*).

³ С этим отзывом Гоголь был ознакомлен (см. в наст. изд. письмо В. Л. Давыдова к дочерям от 24 июня 1841 г.).

В. Л. Давыдов — Ек. В. и Ел. В. Давыдовым

24 июня 1841. <Красноярск>.

<...> Мне очень приятно, что г. Гоголь знает, что в глубине Сибири он имеет пламенных читателей. Во время получения вашего последнего письма я читал сцены, добавленные им к «Ревизору»¹. Не знаю, знакомы ли вам другие сочинения этого автора. — Что касается меня, я нахожу их восхитительными, и, поверите ли, я настолько варвар, что предпочитаю их роману вашего Манцони, который я читал по-французски и пробовал читать по-итальянски (я имею в виду «Обрученных»)². <...>

Подлинник на фр. яз. Впервые опубликовано, в переводе: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 604. Печатается по первой публикации.

¹ «Новые сцены к комедии “Ревизор”» (1–5 явления IV действия) были напечатаны в 1841 г. в четвертом номере журнала «Москвитянин» (цензурное разрешение 27 марта).

² «Обрученные» («I promessi sposi»), роман итальянского писателя Александра Манцони (1785–1873).

В. Л. Давыдов — Ек. В. и Ел. В. Давыдовым

Красноярск. 20 февраля 1846 г.

<...> ...Я завидую вашему удовольствию от новой встречи с Гоголем¹ — автором «Ревизора» и «Мертвых душ». Это последнее сочинение я прочел два раза, и, конечно, я его перечту еще: оно увеличило восхищение, которое я уже испытывал к этому автору. <...>

Подлинник на фр. яз. Впервые опубликовано, в переводе: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 681. Печатается по первой публикации.

¹ Согласно приблизительным расчетам о двухмесячном следовании в то время писем из-за границы в Красноярск (см. выше письмо Ек. В. Давыдовой к В. Л. и А. И. Давыдовым из Рима от 11/23 декабря 1840 г., на которое В. Л. Давыдов ответил 8/20 февраля 1841 г.), письмо сестер Давыдовых, в котором они сообщали отцу о своей новой встрече с Гоголем, было отправлено в начале января (н. ст.) 1846 г. (послание не сохранилось). Гоголь находился в это время в Риме.

В. Л. Давыдов — Ек. В. и Ел. В. Давыдовым

Красноярск. 15 мая 1846 г.

<...> Как я благодарен г. Гоголю за его любезное внимание к вам и за превосходные чтения, которые он вам устраивал¹. Передайте ему это обязательно, прошу вас. Спросите же у него, когда появится вторая часть его «Мертвых душ»? — Я только что перечел первую — в третий раз — и не сомневаюсь в том, что перечту ее снова. Без спора, г. Гоголь — наш лучший современный писатель, и он далеко опередил всех остальных. <...>

Подлинник на фр. яз. Впервые опубликовано, в переводе: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 681–682. Печатается по первой публикации.

¹ В конце марта (н. ст.) 1846 г., когда, судя по дате ответного письма, сестры Давыдовы сообщили отцу о чтении Гоголя (послание не сохранилось), писатель находился в Риме, выехав оттуда в Париж и — далее — во Франкфурт после 5 мая (н. ст.) 1846 г.

Из воспоминаний генерал-фельдмаршала графа Д. А. Милютина

<...> ...Мы наконец въехали около 7 часов вечера 24 января (5 февраля) <1841 г.> в «вечный город». <...> ...Один вечер¹ случилось мне присутствовать на публичном чтении Гоголя, который тогда только что начинал приобретать известность; он читал своего «Ревизора» в зале кн<ягини> Волконской с благотворительной целью — в пользу одного бедного русского художника². <...>

Впервые опубликовано: Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина / Под ред. заслуженного ординарного профессора Военной Академии, Генерального Штаба генерал-лейтенанта Г. Г. Христиани. Издание Военной Академии. Томск, 1919. Т. 1. Кн. 1–3. С. 342; см. также: Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина / Под. ред. д-ра ист. наук, проф. Л. Г. Захаровой. М., 1997. С. 357. Печатается по первой публикации.

Граф Д. А. Милютин проживал в Риме с 5 февраля по 25 февраля (н. ст.) 1841 г.

¹ 14 февраля (н. ст.) 1841 г. См. также в наст. изд. дневниковую запись Ел. В. Давыдовой от 15 февраля (н. ст.) 1841 г., письмо А. А. Иванова к отцу от февраля–марта 1841 г. и мемуары Ф. И. Иордана.

² Имеется в виду И. С. Шаповалов.

Свидетельства о Гоголе А. А. Иванова и его родных

Из писем А. А. Иванова

А. А. Иванов — А. И. Иванову

<Февраль — март 1841. Рим>

<...> С художниками русскими я вообще часто выдаюсь, с Иорданом, однако же, чаще других. Сходки наши чем реже, тем мирнее, и даже есть надежда на уважение друг к другу. С некоторыми приезжими русскими я знаком, и в особенности с лучшим нашим литератором, Н. В. Гоголем. Это человек необыкновенный, имеющий высокий ум и верный взгляд на искусство. Как поэт, он проникает глубоко, чувства человеческие он изучил и наблюдал их, словом — человек самый интереснейший, какой только может представиться для знакомства. Ко всему этому он имеет доброе сердце. Вот пример его доброты. Некто из нашего общества, художник лет 20, Шаповалов, получал от Общества поощрения художников пенсioen в 80 руб<лей> в месяц; обращаясь к банкиру 1 февраля для капли сей живой воды, он получил отказ, увидев предписание от Общества. Таким образом он остался без куска хлеба. В отчаянии он был ни на что не способен. Гоголь, видя общее сострадание, несмотря на свое нездоровье, решается прочесть свое произведение «Ревизор» в пользу Шаповалова. Билет стоил не менее скудо, и вот в зале княгини Зинаиды Волконской собрались все русские¹. Для меня это было весьма важным — видеть отечественного лучшего писателя читающим свое собственное произведение. И в самом деле (это) было превосходно, вследствие чего собрано 500 руб<лей>, и Шаповалов с ними начинает важную копию с картины Перуджино, в Ватикане. Выдача денег и попечение о нем доверено мне, что сделаю единственно из уважения к Гоголю; в противном бы случае никакой охоты не имел заниматься учеником — обязанность самая несносная для непривычного и советливо ее понимающего.

Первые опубликовано: Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал Михаил Боткин. СПб., 1880. С. 137–138; см. также: Александр Андреевич Иванов (1806–1858). Письма и записные книжки. Сост., предисл. и примеч. Б. М. Бернштейна // Мастера искусства об искусстве. М., 1969. Т. 6. С. 302. Печатается по указанным изданиям (сводный текст).

Александр Андреевич Иванов (1806–1858), художник.

Андрей Иванович Иванов (1772–1848), художник, отец А. А. Иванова.

Начало знакомства Гоголя и Иванова относится, по-видимому, к апрелю (н. ст.) 1837 г. — к самым первым неделям пребывания Гоголя в Риме. Прибыв в «вечный город» 26 марта (н. ст.) 1837 г., Гоголь 18 апреля (н. ст.) сообщил В. А. Жуковскому: «...Здесь в Риме около 15 человек наших художников, которые недавно высланы из Академии...» По предположению Е. С. Некрасовой, встретиться Гоголь и Иванов должны были «едва ли не в первый день по приезде Гоголя в Рим, так как все художники и приехавшие русские сходились обедать в известную оsterию «Фальконе»» (Некрасова Е. С. Н. В. Гоголь и Иванов. Их взаимные отношения // Вестник Европы. 1883. № 12. С. 613). Более тесное общение между Гоголем и Ивановым началось в 1838 г. Почва для их сближения была отчасти подготовлена постоянным интересом Гоголя к живописи — и его собственными опытами в этой области, которым он отдал дань задолго до знакомства с Ивановым. «Я всегда чувствовал в себе маленькую страсть к живописи», — признавался Гоголь в 1834 г. в статье «Несколько слов о Пушкине». «Я прежде любил краски, когда очень молод был», — говорил он в 1851 г. (см. в наст. изд. раздел *Гоголь в Одессе. 1850–1851. <Дневник Е. А. Хитрово>*). Увлечение рисованием, зародившееся в Нежине — где Гоголь занимался под руководством учителя рисования К. С. Павлова (ученика художника В. К. Шебуе-

ва) — и где, по словам школьного приятеля А. С. Данилевского, делал в рисовании «большие успехи» (*Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя*. М., 1892. Т. 1. С. 106; см. в наст. изд.), писатель не оставлял и в последующие годы. В Петербурге для совершенствования в живописи Гоголь посещал классы Академии художеств — которые вели А. Е. Егоров и В. К. Шебуев (в свое время побывавшие в Италии). («В течение трех лет (1830–1833) Гоголь получал билеты на посещение академических классов»; «Именно в 1830 году академические классы стали доступными для вольноприходящих...»; *Молева Н.* Загадка «Невского проспекта» // *Знание — сила*. 1976. № 4. С. 43.). По словам матери Гоголя Марии Ивановны в письме к О. Д. Трошинской от 3 апреля 1831 г. — где она пересказывала содержание письма сына, он «положил на себя занятие в Академии художеств, желая усовершенствоваться в любимом своем искусстве, рисовании...» (см. в наст. изд.). Знаком был, в частности, Гоголь в Петербурге с В. И. Григоровичем, секретарем Академии художеств и Общества Поощрения Художников — непосредственным начальником А. А. Иванова в 1820–1830-х гг. Сохранилось новогоднее поздравление Гоголя В. И. Григоровичу от 1 января 1833 г., а также отказ Гоголя, уже из Рима, от 7 января (н. ст.) 1841 г. — тоже на имя Григоровича — состоять членом-корреспондентом Общества Поощрения Художников. (См. также в наст. изд. воспоминания М. Ф. Каменской.) Отправление Гоголя в Италию тоже отчасти объясняется его увлечением живописью. Многочисленные письма Гоголя из Рима 1838–1839 гг. свидетельствуют о его интересе к итальянской живописи. В Италии Гоголь не переставал рисовать и сам. В феврале 1839 г. он сообщал своему приятелю А. С. Данилевскому: «Мы с Жуковским рисовали на лету лучшие виды Рима. Он в одну минуту рисует их по десяткам, и чрезвычайно верно и хорошо». К своим опытам в рисовании Гоголь — автор «Портрета» (первая редакция которого была опубликована в 1835 г.) — относился критически, называя себя в шутку «mezzo-художником» (*mezzo*; *ит.* — середина, половина) (письмо Гоголя к В. А. Жуковскому от конца февраля (н. ст.) 1839 г.). Иванов считал его по преимуществу «теоретиком» в живописи (письмо А. А. Иванова к Гоголю от 29 мая (н. ст.) 1851 г.). Как свидетельствуют дошедшие до нас материалы, именно Гоголь взял на себя труд помочь художнику в разработке замысла и композиции его знаменитой картины «Явление Мессии» (1832–1857) (см.: *Виноградов И. А.* Явление картины — Гоголь и Александр Иванов // *Наше наследие*. 2000. № 54. С. 110–125; *Виноградов И. А.* Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях. Научное издание. М., 2001. С. 670–708).

В 1865 г. библиотекарь Императорской Публичной библиотеки в Петербурге А. Ф. Бычков сообщал: «В 1862 году Императорская Публичная Библиотека получила в дар из Рима, от архитектора С. А. Иванова <брата А. А. Иванова>, несколько черновых рукописей Гоголя, и в том числе отрывки из первой части Мертвых Душ (рукопись датируется осенью 1840 г. — *И. В.*). В этих отрывках, между прочим, находится и первоначальная редакция Повести о капитане Копейкине. В IV-м томе Полного собрания сочинений Н. В. Гоголя, изданного его наследниками (Москва, 1862) уже была напечатана эта первоначальная редакция, но помещенная там несколько разнится от предлагаемой теперь, которая любопытна еще в том отношении, что знакомит нас отчасти с художественною стороною деятельности Н. В. Гоголя, указывая, какие изменения постепенно вносил художник в свое творение, пока оно не принимало окончательные формы» (Повесть о капитане Копейкине. (*Первоначальная редакция*) // *Русский Архив*. 1865. Стб. 775). См. также в наст. изд. примеч. 154 к «Воспоминаниям о Гоголе» П. В. Анненкова.

В 1880 г. в Румянцевский музей по завещанию того же С. А. Иванова поступили бумаги А. А. Иванова, в числе которых находился еще целый ряд автографов Гоголя:

«<...> 3) *Официальные бумаги*, полученные <А. А.> Ивановым от общества поощрения художников и от академии художеств, и письма к нему от разных лиц, с 1830 по 1858 год, в количестве 550-ти номеров. <...> ...Обращают на себя внимание входящие в состав переписки Иванова сорок два *письма* к нему *Н. В. Гоголя*. Из них 36 напечатаны в собрании сочинений Гоголя 1857 года, изданном под редакцией Кулиша, и в статье его: переписка Гоголя с А. А. Ивановым, в «Современнике» 1858 года, № XI-й. Остальных писем в названных изданиях нет, а из напечатанных одно письмо (от 24-го апреля 1845 года) издано только до половины; очевидно, второго листа этого письма у издателя под руками не было. Наоборот, в настоящем собрании не оказывается оригиналов двух писем Гоголя (апрель и декабрь 1850 года), напечатанных в статье Кулиша на стр. 170-й и 171-й. В числе писем к Иванову оказалось одно черновое письмо Гоголя к матери, без означения года и месяца (*начинается*: «Почти дрожала рука моя от радости...» <имеется в виду письмо Гоголя к П. И. Раевской от 1840 — января 1841 г.>). <...>

4) *Собственноручные рукописи Н. В. Гоголя*, именно:

а) Из поэмы «Мертвые души», главы (рукопись, по которой Гоголь весной 1841 г. диктовал в Риме текст поэмы своим «переписчикам», В. А. Панову и П. В. Анненкову, датируется осенью 1839–1840 гг. — *И. В.*) <...>

- б) Из повести: “Тарас Бульба”, главы (имеется в виду полная авторизованная копия повести, в виде девятнадцати неслитых тетрадей, рукою сестры Гоголя Елизаветы Васильевны, датируемая декабрем 1841 г. — И. В.) <...>
- в) Первоначальная черновая редакция повести “Шинель” <...>
- г) Комедия Гоголя “Женитьба”.
- д) Сцены из неоконченной комедии, изданной под названием “Отрывок”.
- е) “Калмыки волжские в Астраханской Губернии”.
- ж) Экземпляр первого печатного издания комедии Гоголя “Ревизор”, 1836 года, с сделанными на нем автором исправлениями и дополнениями для третьего издания той же комедии, в собрании сочинений его 1842 года (т. 4). Первые пять явлений четвертого действия, соответствующие первым трем явлениям того же действия по изданию 1836 года, переписаны (не рукою Гоголя) со второго исправленного издания “Ревизора” 1841 года и исправлены и дополнены снова...» (Замечательное приобретение Отделения Рукописей Московского Публичного и Румянцевского Музеев. Переписка и бумаги Александра Андреевича Иванова // Голос (СПб.), 1880. 6 (18) апр. № 97. С. 6). См. также в наст. изд. коммент. к письму А. А. Иванова С. П. Шевыреву 1855 г.

¹ Чтение происходило 14 февраля (н. ст.) 1841 г. См. также в наст. изд. мемуары Ф. И. Иордана, графа Д. А. Милютина и дневниковую запись Ел. В. Давыдовой от 15 февраля (н. ст.) 1841 г.

А. А. Иванов — В. А. Жуковскому

<6 октября (н. ст.) 1841. Рим>

Ваше превосходительство! Вследствие письма Н. В. Гоголя от 20 сентября¹, где он, видя мое крайнее положение, решился вас беспокоить моими делами, я с живейшею радостью следую всем его советам и, во-первых, препровождаю к вам письмо к Государю Наследнику, содержание коего вам уже известно². Я только должен присовокупить, что 4 июня сего года просил о том же Общество Поощрения Художников; но как секретарь оно, г. Григорович (на имя коего было адресовано письмо), при смерти болен, то и не думаю, чтобы оно было там читано. Сознвая себя недостойным таковых ваших обо мне стараний, я не имею ни сил, ни средств благодарить вас. Я постараюсь по крайней мере настоящим трудом моим сделаться сколько-нибудь их достойным. <...>

Рим. Октября 6. 1841 г. <...>

Впервые опубликовано: Из бумаг В. А. Жуковского // Русский Архив. 1875. № 11. С. 366. Печатается по первой публикации.

¹ Письмо Гоголя к А. А. Иванову от 20 сентября (н. ст.) 1841 г.

² Прошение Наследнику было написано для А. А. Иванова Гоголем.

А. А. Иванов — Ф. А. фон Моллеру

<Конец апреля (н. ст.) 1842. Рим>

<...> Если поедете сухим путем, то я бы советовал ехать через Москву. Тут вы бы могли разделить Ваше горе с нашим почтеннейшим и добрейшим Гоголем, а он бы постарался вам сочинить письмо к Кривцову, так что из Москвы же можно бы было устроить и кончить все Ваши дела и приехать в Петербург уже совершенно и спокойным и здоровым¹. <...>

Родителям вашим² вы скажите, что Москву и Гоголя вам нужно непременно видеть³ для вашего сюжета, к которому вы готовитесь⁴. Тем более, что, приехав к ним, уже Вы найдете большое затруднение вскоре выехать из их дому. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 618. Печатается по первой публикации.

Федор Антонович фон Моллер (1812–1875), художник. Впервые в Рим прибыл осенью 1838 г. Гоголь в письме к князю В. Н. Репниной от июня 1839 г. называл Моллера «решительно нашим первым ныне художником».

Письмо является ответом на неизданное письмо Ф. А. фон Моллера от 11/23 апреля 1842 г. из Марселя (Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 618).

¹ Ф. А. фон Моллер был вынужден покинуть Рим вследствие преследований со стороны матери своей бывшей натурщицы Амалии Лаваньини (см. письма А. А. Иванова к Гоголю от первой половины мая (н. ст.) 1843 г., от конца мая — начала июня (н. ст.) 1843 г., а также в наст. изд. письма А. А. Иванова к Ф. А. фон Моллеру от конца сентября (н. ст.) 1842 г., от 14 января (н. ст.) 1843 г. и от конца июня — начала июля 1843 г.).

² Отец — адмирал Антон Васильевич (Отто Беренд) фон Моллер (1764 — 5 октября 1848 г.), мать — Ю. Ш. фон Моллер.

³ Встреча Моллера с Гоголем состоялась в Петербурге 27 мая 1842 г. (см. в наст. изд. письмо Ф. А. фон Моллера А. А. Иванову от 27 мая 1842 г.).

⁴ Крещение князя Владимира (см. письмо А. А. Иванова к Гоголю, написанное между 9 и 13 февраля 1842 г.).

А. А. Иванов — Ф. А. фон Моллеру

<1842. Рим>

<...> Если Вы поедете в Москву, то прошу Вас отдать Гоголю 96 скуд римских, и тогда уже вычтете опять из суммы, которую пришлете в Рим на уплату Ваших здесь долгов. <...> Я Гоголю объясню после причину, почему я ему деньги эти возвращаю. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 618. Печатается по первой публикации.

А. А. Иванов — Ф. А. фон Моллеру

<Июнь 1842. Рим>

<...> Сейчас получил я письмо от Гоголя¹. — Вот его слова точь-в-точь². Он советует притом немедленно и непременно писать к Жуковскому, прося его содействия и совета по сему делу. Я писал и жду ответа³.

Я совершенно согласен с Гоголем, и потому, если Вы не принимались писать за меня новую просьбу Наследнику, то и слава Богу. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 632. Печатается по первой публикации.

¹ Письмо от 16 мая 1842 г. из Москвы.

² В подлиннике пробел в несколько строк. Вероятно, имеется в виду следующий совет Гоголя: «Насчет вашего дела я советую все-таки прежде дожидаться ответа на представление Жуковского. Моллер пусть своим чередом скажет Юрьевичу, Юрьевич Государю Наследнику. Нужно только, чтобы ваше имя было известно как следует и кому следует, нужно, чтобы на вашей стороне была гласность. А входить официально с новой просьбой, основанной на новых уже причинах, мне кажется, неловко».

³ Письмо не сохранилось.

А. А. Иванов — Ф. В. Чижову

<Вторая половина августа (н. ст.) 1842. Рим>

<...> Если вы будете видеться с Жуковским, то <...> узнайте от него, где Гоголь, и перешлите приложенное здесь к нему письмо...¹ <...>

Первые опубликовано: Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал Михаил Боткин. СПб., 1880. С. 149–150. Печатается по первой публикации.

¹ Письмо А. А. Иванова к Гоголю от второй половины августа (н. ст.) 1842 г. Ответ Гоголя — из Гастейна от 30 августа (н. ст.) 1842 г.

А. А. Иванов — Е. В. Галаган

20 сентября (н. ст.) 1842 г. Рим.

<...> Я употреблю все усилия, чтобы познакомить его <Г. П. Галагана>¹ с Николаем Васильевичем Гоголем; если удастся, то это будет для него немалое приобретение — наш лучший поэт пять лет жил в Риме и прилежно изучал искусства. <...>

Первые опубликовано: *Гусева Е. Н.* Воспоминания Г. П. Галагана о Н. В. Гоголе // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1984. Л., 1986. С. 68. Печатается по первой публикации.

Е. В. Галаган, мать Г. П. Галагана. См. в наст. издании раздел *Гоголь в письмах и воспоминаниях Г. П. Галагана*.

¹ Григорий Павлович Галаган (1819–1888), помещик, воспитанник Ф. В. Чижова, впоследствии член Киевской Археологической комиссии и председатель юго-западного отдела Русского географического общества, член Государственного совета (с 1883 г.).

А. А. Иванов — Ф. А. фон Моллеру

<Конец сентября (н. ст.) 1842. Рим>

<...> Я решился теперь дожидаться Гоголя, который уже на днях должен быть в Риме¹. Ваше дело в Риме совсем уже не секрет, и Гоголь его услышит (от меня слышать об Вашем деле лучше, чем от кого-либо другого)². Кривцов с Гоголем другой, чем со мной, и я надеюсь на самый лучший оборот. <...>

Я бы желал, чтоб Вы купили для Василия³ и для меня ультрамарину в порошок <...>, а в Австрии карандашей венских, тех самых, что нам Гоголь подарил когда-то⁴. <...>

Первые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 638. Печатается по первой публикации.

Письмо является ответом на неизданные письма Ф. А. фон Моллера от 16/28 июля и 10/22 августа 1842 г. (Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 638).

¹ 30 августа (н. ст.) 1842 г. Гоголь сообщал А. А. Иванову из Гастейна: «Я буду в Риме около 15 октября». В Рим он прибыл вместе с Н. М. Языковым 4 октября (н. ст.) 1842 г.

² См. в наст. изд. коммент. к письму А. А. Иванова к Ф. А. фон Моллеру от конца апреля (н. ст.) 1842 г. О «деле» Ф. А. Моллера А. А. Иванов сообщил Гоголю еще в феврале 1842 г.: «Моллер чуть было не уехал в январе месяце курь-

ером в Россию, но слезы любовницы отложили его отъезд до апреля. — Как бы я желал взять разорвать эту позорную связь...»

³ Василий Алексеевич Серебряков (1810—1886), художник.

⁴ 20 сентября (н. ст.) 1839 г. Гоголь сообщал А. А. Иванову из Вены: «Вы получите также три дюжины венск<их> карандашей, которые я нахожу очень хорошими. Одну дюжину из них возьмите себе, другую отдайте Моллеру, а третью оставьте для меня».

А. А. Иванов — Ф. В. Чижев

<Средина декабря (н. ст.) 1842. Рим>

<...> В пять иду в Фалькон обедать. Как бы я желал, чтоб и Вы с Григорием Павловичем¹ обедали в это время в Фальконе — к нам, может быть, присоединился бы и Федор Иванович² да даже и сам Н. В. Гоголь — оттуда в «Von Goult», а в 7-мь часов я у [Гоголя] Языкова каждый вечер, где бывает постоянно и Гоголь — это потому, что Языков болен ногами и не выходит из дому. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 640. Печатается по первой публикации.

Ф. В. Чижев прибыл в Рим в конце ноября 1842 г. (см. в наст. изд. его дневниковую запись: «30 <ноября> 1842. Рим>. <...> Нанял квартиру на Via Felice, № 126, в том же доме, где нанимают Гоголь и Языков...»). Г. П. Галаган приехал в Рим в середине декабря (н. ст.) 1842 г. (см. в наст. изд. письмо Ф. В. Чижева к матери от 4 декабря (н. ст.) 1842 г. с упоминанием, что «недели через две придет сюда и Григорий Павлович»).

¹ Галаганом.

² Иордан.

А. А. Иванов — Ф. А. фон Моллеру

2/14 января 1843 г. Рим.

Получил я ваше последнее письмо накануне нашего нового года. Вечером читал его Н. В. Гоголю — мы радовались. Но в то же время Гоголь сказал, что он видел Амалию¹ в окно весьма похудевшую: она больна (кашляет). Я тоже слышал, что она, вспоминая вас, весьма тоскует, хотя и в связи с Орловым² на тех же условиях, что и с вами, но он не живет у них. Это все равно, потому что влюбленный в нее Орлов признался в своей страсти Шаповалову, взяв с него слово отнюдь никому об этом не говорить³. Мне он, однако ж, не мог не сказать, потому что между нами ничего нет тайного, а я вам говорю здесь по той же причине. Орлов говорит, что Амалия когда вспоминает об вас, то вздыхает и плачет, а меня прокликает. Я встретил Амалию в первый раз недель с пять назад, шедши скорым шагом, вечером, от Гоголя. Она мне закричала в негодовании: «Corri, corri! Possi esser scannato»⁴. Я смолчал. Месяц назад я опять ее встретил, днем, с матерью и Констанцей, на площади S. Giovanni Laterano, — она мне говорит: «Addio, s-re Alessandro, buona sera»⁵, а потом вполголоса: «Si ricordera»⁶...». Шедши скоро, я не слышал остальных слов. Тогда она казалась мне весьма здоровою — они все были так разряжены, что я едва узнал их с первого взгляда. Я спрашивал Н. В. Гоголя, что теперь мне делать? как поступить? Он опять говорит, что не нужно, чтобы вы приезжали в Рим. Все эти подробности я сегодня решил сообщить вам. <...> Признаюсь вам откровенно, что как ни важны материальные пособия, доставленные мне посредством вас от Государя, но беспокойства душевные едва ли позволят мне пользоваться ими.

Впервые опубликовано: Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал Михаил Боткин. СПб., 1880. С. 359–360. Печатается по первой публикации.

¹ А. Лаваньи.

² Пимен Никитич Орлов (1812–1864), художник. Прибыл в Рим около конца 1841 г. См.: П. Н. Орлов // Художественная Газета. 1841. № 16 (цензурное разрешение 18 авг.). С. 1–4.

³ В конце ноября 1843 г. Ф. А. фон Моллер писал А. А. Иванову из Неаполя: «Шаповалову я прошу сказать, что если Орлов будет говорить еще с ним о *ребенке*, то сказал бы он ему, что он наверное знает, что я его не признаю своим, ибо обдумав все обстоятельства, я совершенно убедился в том, что он не может быть моим; вследствие чего не хочу и знать ничего об этом ребенке» (РГБ. Ф. 111. К. 6. Ед. хр. 60. Л. 17 об.).

⁴ Беги, беги! Чтob тебя задавило! (ит.).

⁵ Прощайте, синьор Александр, добрый вечер (ит.).

⁶ Попомнишь (ит.).

А. А. Иванов — А. И. Иванову

<Конец января (н. ст.) 1843. Рим>

<...> Только что хотел посылать вам это письмо, как вдруг получил от Федора Антоновича¹ ужасную новость о смерти матушки, сообщенную мне моим самым коротким знакомым, Н. В. Гоголем. Не могу вспомнить без глубокой горести такую потерю, но более всего меня тревожит положение батюшки: оно должно быть невыносимо, тем более, что он только что оправился от своей болезни. <...>

Впервые опубликовано: Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал Михаил Боткин. СПб., 1880. С. 156–158; см. также: Александр Андреевич Иванов (1806–1858). Письма и записные книжки. Сост., предисл. и примеч. Б. М. Бернштейна // Мастера искусства об искусстве. М., 1969. Т. 6. С. 303–304. Печатается по указанным публикациям (сводный текст).

¹ Моллера. См. его письмо к Гоголю из Петербурга от 12 января 1843 г.

А. А. Иванов — Ф. А. фон Моллеру

<Начало 1843. Рим>

Виноват и очень виноват я пред вами! Как я встревожил вас моей опрометчивостью! Николай Васильевич¹ прочитав письмо, приложенное к вашему, дал мне выговор и на другой же день написал к вам письмо², которое вы, верно, уже читали.

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 655. Печатается по первой публикации.

¹ Гоголь.

² Не сохранилось.

А. А. Иванов — Ф. А. фон Моллеру

<Первая половина апреля (н. ст.) 1843. Рим>

<...> Спешу этим письмом заставить Вас еще в Петербурге. Гоголь просит вас приехать к нему в Дюссельдорф к первому числу июля месяца, для личного с ним свидания и разговора. Он находит это весьма нужным, и мне кажется, что свидание с ним ваше будет для вас весьма полезно, укрепительно и утешительно. На его ум я совершенно полагаюсь.

Гоголь отсюда едет вместе с большим Языковым в мае, в первых числах¹, в Гаштейн, а оттуда — один отправится в Дюссельдорф, где пробудет довольно долго. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 658. Печатается по первой публикации.

¹ 2 мая (н. ст.) 1843 г.

А. А. Иванов — Ф. А. фон Моллеру

30 апреля <н. ст.> 1843 г. Рим.

Н. В. Гоголь едет отсюда послезавтра, 2-го мая. Он просит вас приехать к нему в Дюссельдорф к 15-му июня по европейскому стилю. Если его там не застанете, то сейчас ступайте на почту, где получите на Ваше имя письмо от него *poste restante*, из которого увидите, где именно находится он. Это на всякий случай Вам он сообщает, потому что, может быть, будет не в самом Дюссельдорфе, а поблизости.

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 658. Печатается по первой публикации.

А. А. Иванов — Ф. А. фон Моллеру

<Средина июня (н. ст.) 1843. Рим>

Немало изумляюсь, что вы ни слова не говорите, чем у Вас кончился разговор с Гоголем насчет ваших дел в Риме¹? Ведь это весьма важно. Зная Гоголя, я не сомневаюсь, что он с вами об этом обстоятельстве говорил. Но так как вы все-таки ничего мне не рассказываете, то я продолжаю действовать так, как будто вы с Гоголем совсем не видались.

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 662. Печатается по первой публикации.

Письмо представляет собой ответ на послание Ф. А. фон Моллера от 4 июня (н. ст.) 1843 г. (см. в наст. изд.). Ответ Моллера — от 10/22 июня 1843 г. из Мюнхена — см. также в наст. изд.

¹ См. в наст. изд. коммент. к письму А. А. Иванова к Ф. А. фон Моллеру от конца апреля (н. ст.) 1842 г.

А. А. Иванов — Ф. В. Чижев

<Конец июня – начало июля (н. ст.) 1843. Рим>

Если знаете какую-нибудь особу в Петербурге, которая бы могла разнести слух там, что очень страдаю глазами, то это бы была большая для меня услуга. Смирнова об этом писала к своим родным и знакомым. Гоголь тоже напишет. — Ах, кстати, он ведь мне написал дружеский выговор: зачем я слишком взволновался при получении последней неприятности, которая ему кажется совсем неважною, а более за то, что беспокоил Жуковского и Перовского. <...> Амалия¹ умерла с неделю, я просил Гоголя прислать немедленно Моллера в Рим. Теперь уже можно. Он найдет здесь с кем разделить горе.

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 662. Печатается по первой публикации.

¹ А. Лаваньи.

А. А. Иванов — Ф. А. фон Моллеру

<Середина сентября (н. ст.) 1843. Рим>

На сих днях получил я письмо от Гоголя¹. Он очень заботился о вас и просил, чтобы склонить Вас отписать ему в Дюссельдорф о вашем положении. Я надеюсь, что вы к нему не замедлите отписать — он очень радуется, что вы проведете эту зиму с родными: он знал из газет, что сестры Ваши в чужих краях.

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 662. Печатается по первой публикации.

¹ От 1 сентября (н. ст.) 1843 г. из Дюссельдорфа.

А. А. Иванов — Ф. А. фон Моллеру

<Конец сентября (н. ст.) 1843. Рим>

Жалею очень, что Вы не хотите отвечать Гоголю сами, я уже ему тогда же отписал, а Вас теперь убедительно прошу написать к нему в Дюссельдорф хоть две строчки и потрудиться вложить мои приписочки, здесь приложенные, в Ваше к нему письмо.

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 662. Печатается по первой публикации.

А. А. Иванов — А. Н. Попову

<Май 1844. Неаполь>

<...> Покажите брату Москву¹, дайте юности его почувствовать народность в ее памятниках. Авось труд Ваш не пропадет, и со временем архитектор выстроит нам что-нибудь в духе русских.

Да, нам суждено в разные лета видеть представительную столицу России. Не знаю, как лучше: видеть ли ее юноше в ранних летах, где молодое воображение, поэзия представляет безот-

четно тысячи идей, попирающих одну другой, или уже в зрелых летах, испытав и поверив опытом все прекрасное в Европе, положительно определить, что принадлежит красотах собственнорусским.

Эти два вопроса часто были предметом спора моего с Гоголем². Мы их решим лет через десять опытами. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 668–669. Печатается по первой публикации.

В июле 1844 г. А. А. Иванов писал отцу: «Я послал письмо моему знакомому в Москве, А. Н. Попову, прося его познакомить брата с его знакомыми: Языковым, Хомяковым, (с) домами: Геласиных, Коровских, Варвинских» (*Боткин М. П. Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. СПб., 1880. С.166*).

¹ Летом 1844 г. младший брат А. А. Иванова, архитектор Сергей Андреевич Иванов (1822–1877), приехал в Москву.

² Необходимость первоначального воспитания в духе отечественных традиций, с освоения «красот» и святынь Москвы — а не Европы, отстаивал в данном споре Гоголь. Приписывать в этом случае Гоголю противоположную точку зрения (как это было сделано Ю. В. Манном: «По смыслу письма видно, что в этом “споре” Гоголь придерживался второй точки зрения: увидеть Москву следует в свете приобретенного “опыта”, трезвым взглядом и умом»; *Мани Ю. В. Москва в творческом сознании Гоголя. (Штрихи к теме) // Москва и «московский текст» русской культуры. М., 1998. С. 81*) можно лишь совершенно игнорируя глубокое религиозно-патриотическое содержание творчества Гоголя в целом, — с одной стороны; с другой — допустить такую ошибку можно только не зная ни биографии, ни взглядов на искусство гоголевского «оппонента» — А. А. Иванова. Во все годы обучения брата Иванова в петербургской Академии художеств Александр Иванов, — сам нигде в России, кроме Петербурга, не бывавший, ни о чем другом не помышлял, как только о том, чтобы для совершенствования в живописи брат его скорее приехал к нему в Рим. Именно в год пребывания брата в Москве он даже готов был, оторвавшись от своей картины, вернуться в Россию для ухода за престарелым отцом, чтобы «не препятствовать брату» выехать в Италию (см., в частности, его письмо к Н. В. Гоголю от января 1844 г.). Представление о должной, по мнению А. А. Иванова, последовательности в обучении художника он не только высказывал в беседах с Гоголем, но и неоднократно излагал в письмах: «...Если наш художник, вследствие глубокого своего учения за границей, окончит свои знания по России, то <...> из русской души его выйдет прекрасная русская архитектура...» (письмо к брату от октября 1844 г.); «Я думаю, что путешествие по России для художника творящего — лучше и вернее сделать по окончании учения своего в чужих краях» (письмо к Н. М. Языкову от 1 сентября 1845 г.) (*Боткин М. П. Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. СПб., 1880. С. 172, 187*).

А. А. Иванов — Ф. В. Чижову

<Июнь — июль 1844. Неаполь>

Любопытно ваше свидание с Гоголем — что-то он? Я, признаюсь, всячески останавливаю Шаповалова, чтоб не посылал он своих вещей в Петербург — хотя он говорит, что уже кончил альбанку с скальдиной¹ <...> Выставки нет в Петербургской академии художеств, случится в будущем 1845 году. Мы в разъезде, и потому хлопотать о Шаповалове в Петербурге теперь будет трудно. Зимой мы можем, конечно, лучше об этом подумать. Скажите об этом обо всем Гоголю. Ведь нужно и его участие, чтоб вырвать что-нибудь из Петербурга для Шаповалова.

Впервые опубликовано: Неизданные письма к Гоголю / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 810. Печатается по первой публикации.

¹ Имеется в виду картина Шаповалова «Римская зима». Скальдина (scaldino; *ит.*) — сосуд, употребляемый в Италии для обогрева комнаты.

А. А. Иванов — Ф. В. Чижев

<Август 1844. Рим>

Вы, Гоголь, Галаган, Магденко думаете, что Шаповаленко под моим надзором будет, наконец, образованный и хороший художник, и, основываясь на этом, прилагаете все, чтоб ему помочь.

Но я вижу иначе — и именно вот что заметно: у него есть талант, но разработать его превышает мои силы. <...>

Первые опубликовано: Неизданные письма к Гоголю / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 810–811. Печатается по первой публикации.

А. А. Иванов — Ф. А. фон Моллеру

12 ноября (н. ст.) 1844 г. Рим.

Третьего дня¹ получил я письмо от Гоголя². Вот что там мне сказано: «С вами ли Моллер? Если он с вами, то обнимите его, и попрекните его, что не отзывается ко мне». <...>

К нам уже утвержден Киль. Вчера прибыла сюда бумага из Петербурга³. У меня что-то сегодня голова начинает кружиться. <...>

Гоголю я уж отвечал⁴. Об вас сказал, что вы во Флоренции, и что посылаю к вам его адрес, что и исполняю.

Первые опубликовано: Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал Михаил Боткин. СПб., 1880. С. 362–363. Печатается по первой публикации.

¹ Т. е. 10 ноября (н. ст.) 1844 г.

² Письмо от 26 октября (н. ст.) 1844 г. из Франкфурта.

³ Генерал-майор Л. И. Киль, состоявший в свите Императора, 10 октября 1844 г. по Высочайшему повелению был назначен «Начальником над русскими художниками в Риме». Извещение об этом было получено русским посланником в Риме А. П. Бутеневым 30 октября / 11 ноября 1844 г. (см.: *АВПРИ*. Ф. 190. Оп. 525. Ед. хр. 629. Л. 193; Ед. хр. 697. Л. 48).

⁴ Имеется в виду письмо А. А. Иванова к Гоголю, отправленное между 10 и 12 ноября (н. ст.) 1844 г.

А. А. Иванов — И. С. Шаповалову

<Январь (н. ст.) 1845. Рим>

Теперь время написать об Вас всем моим знакомым в Петербург, чтоб постарались устроить Ваше счастье. Прежде чем я это сделаю, желаю знать, можете ли Вы оставить Ломтева¹, Федорова² и всех лакеев или не можете? Вы мне дайте письменное честное слово в рассуждении этого важного предмета. <...> Ответьте мне на это письмо в продолжение 7-ми дней и занесите его к Сусанне. Если через 7 дней я не увижу Вашего письма, то копия с этого мною будет послана к Гоголю, Чижев и всем тем, которые о Вас старались. Пусть знают, в какой пакостной степени Вы ко мне находитесь. Пусть обсудят, стоите ли Вы внимания. <...>

Первые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 674. Печатается по первой публикации.

¹ Николай Петрович Ломтев (1816–1863), исторический живописец. Гоголь и А. А. Иванов считали, что Н. П. Ломтев с друзьями-художниками спаивает И. С. Шаповалова (см. в наст. изд. письмо А. А. Иванова к Ф. В. Чижову от 8 ноября (н. ст.) 1845 г.). По воспоминаниям В. В. Стасова (1879), «Александр Иванов рассказывал с негодованием брату Сергею про “гусарское” поведение наших художников, про их попойки и вечные карты, про их буйные скачки верхом, под хмелек, в Альбано или Фраскати — от скуки, от праздности, от разгулявшегося безалаберного молодчества; про их шумные и крикливые беседы от беспредельной внутренней пустоты; про то, как иные, напившись до бесчувствия, засыпали на Piazza del Popolo, на ступенях обелиска, и просыпались рано поутру нагие, потому что их обчистили ночные воры, и приходилось идти стучать в дверь к ближайшим знакомым, чтоб, ради Бога, поскорей им выбросили рубашку в форточку, не то полиция накроет и заберет; про то, как другие товарищи, тоже натянувшись мертвецки пьяные, попадали в широкие бассейны фонтанов, на улице, и их потом вытаскивали оттуда еле живых; наконец, десятки анекдотов такого же интересного свойства: все это наполняло строгих, серьезных Ивановых глубоким негодованием и отвращением, и они сторонились от большинства русских пенсионеров, как от людей, может быть и не бесталанных, милых и добрых, но пустых, сильно-глуповатых и лишенных всякого интеллектуального стремления» (Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал Михаил Боткин. СПб., 1880. С. 416–417). В марте 1845 г. А. А. Иванов писал брату С. А. Иванову: «Молодое поколение, видя в наставниках своих безбожников, пьяниц, гуляк, картежников и эгоистов, приняло все эти качества в основание, и вот, свобода пенсионерская, способная усовершенствовать, оперить и окончить прекрасно начатого художника — теперь была обращена на усовершенствование необузданностей. Некогда думать, некогда углубляться в самого себя и оттуда вызывать предмет для исполнения. Сегодня у Рамазанова просиживают ночь за картами и вином, завтра у Ставассера, послезавтра у Климченко» (Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал Михаил Боткин. СПб., 1880. С. 185; Александр Андреевич Иванов (1806–1858). Письма и записные книжки. Составление, предисл. и примеч. Б. М. Бернштейна // Мастера искусства об искусстве. М., 1969. Т. 6. С. 306).

² Степан Федорович Федоров (Худояров, 1810–1865), художник.

А. А. Иванов — А. О. Смирновой

12 февраля 1845 г. Рим.

Благодарил бы я судьбу, если бы задвижка моей студии не отворялась бы ни для кого уже, не до окончания моей картины, но хоть до окончания малых способов моего содержания. Шаповалов кончил свои картины, посылает в Петербург. Похлопочите за него, он совершенно никого там не знает. Н. В. Гоголь, кажется, не случится там к тому времени. Вся надежда на вас. Я еще не благодарил вас за подарок Библии — я ее читаю, вместе с переводом французским с еврейского. Это весьма для меня полезно. Пименов¹ женился на римлянке², вопреки всем моим возражениям... Я совсем не забыл, что вам обещал сделать копию с моего «Иоанна», и это непременно исполню... Прошу поклониться от меня вашему брату³.

Первые опубликовано: Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал Михаил Боткин. СПб., 1880. С. 177–179. Черновой набросок письма. Печатается по первой публикации.

¹ Николай Степанович Пименов (1819–1864), скульптор.

² Корнелии Нибби.

³ Ар. О. Россет.

А. А. Иванов — Н. М. Языкову

1 мая (н. ст.) 1845 г. Рим.

<...> Удивляюсь я Гоголю, не пишет ко мне да и только; не хочет ли он меня внезапно встретить в Риме¹? Если узнаете что-нибудь об нем, прошу Вас сообщить мне.

Первые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 669; см. также: Гусева Е. Н. Из переписки А. А. Иванова и Н. М. Языкова (1844–1846 гг.) // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1980. Л., 1981. С. 370. Печатается по последнему изданию.

¹ 18 июня (н. ст.) 1845 г. в письме из Франкфурта Гоголь известил А. А. Иванова, что намерен приехать к нему «на осень и зиму». 24 октября (н. ст.) 1845 г. Гоголь прибыл в Рим.

А. А. Иванов — А. О. Смирновой

<1 мая 1845. Рим>

Не думайте, чтоб я был столь невежлив или беспечен, чтобы не ответить вам тотчас на столь доброе и отрадное ваше письмо от 16-го декабря. Я написал тогда же; но мне казалось, что лучше сначала послать под рассмотр Н. В. Гоголя, посредством которого и самое знакомство с вами я имел честь приобрести. С тех пор к недоумению моему ни от него, ни от других о нем не имею никаких слухов, а потому решился теперь писать прямо к вам... <...>

Картина моя, не знаю, подвигается ли; она каждый день пред моими глазами; я очень мало чем доволен. Сколько я ни домогался вообразить еще раз Иоанна Крестителя, но заключил тем, что кончил первую, не переменяя: она всем нравится. Очень помню вашу просьбу: сделаю вам с нее копийку. <...>

Благодарю сердечно вас, что желаете позаботиться о доставлении способов на окончание моего настоящего труда. <...>

Пименов женился и должен был бежать из Рима (она была католичка), которого цену впоследствии узнал во Флоренции. Жалеет, что не произвел ничего значительного, жалеет и ищет для этого способов; но теперь уж поздно: уж у него ребенок!

Остаюсь преданный вам Иванов.

Рим 1 мая 1845 г.

Первые опубликовано: Письма живописца А. А. Иванова к А. О. Смирновой // Русский Архив. 1896. Вып. 1. № 4. С. 603–604. Печатается по первой публикации.

А. А. Иванов — Н. М. Языкову

1/13 мая 1845 г. Рим.

<...> О Гоголе ни слуху, ни духу. В ноябре послал я к нему три письма¹, ни на одно нет ответа. Говорят, что он в Италии², но этому не верю. Он бы написал.

Первые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 669; см. также: Гусева Е. Н. Из переписки А. А. Иванова и Н. М. Языкова (1844–1846 гг.) // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1980. Л., 1981. С. 370–371. Печатается по последнему изданию.

¹ Сохранилось письмо, отправленное А. А. Ивановым Гоголю между 10 и 12 ноября (н. ст.) 1844 г.

² Гоголь находился в то время в Германии. См. в наст. изд. коммент. к письму А. А. Иванова Н. М. Языкову от 1 мая (н. ст.) 1845 г.

А. А. Иванов — С. А. Иванову

10/22 сентября 1845 г. Рим.

Вчера поздно приехал я со всем прибором из гор в Рим, где уже остаюсь до последних чисел июля будущего 1846 г. <...> Я думал эту зиму жить с тобой вместе... <...> Если бы ты мог купить для меня в Париже шестнадцатый и последний том Библии Каена, который, вероятно, уже вышел, то сделал бы большое одолжение; все пятнадцать я имею, благодаря Чижову¹: *La Bible. Traduction nouvelle, avec l'Hebreu en regard, par S. Cahen.* <...> Вообще все материалы здесь выписываются из Парижа и Лондона, всегда оборыш и дорого. Ты сюда вези для себя все, что тебе нужно, и совсем не надейся на Рим. <...> Когда задумаешь винить нас за перепсылку к тебе писем, то вспомни, сколько ты сам был виноват пред отъездом твоим за границу. Ведь я тогда истинно страдал, а между тем я занят еще более тебя. У меня, кроме моей особы, трое-четверо на руках, о счастья которых нужно думать, да еще и переписку вести с людьми дельными: Гоголем, Языковым и Чижовым. <...> У меня мысль была спровадить нынешней зимой тебя в Бари, чтобы сделать перспективный рисунок церкви соборной, где покоятся мощи Николая Чудотворца, столь важного святого для России. Но эта же мысль пришла теперь Раеву. Он туда собирается, а я об этом пятый год уже как думал. <...> Графа Толстого ждут. Волконский и Киль съехались в Геную, чтобы встретить Императрицу, и ехать с ней на приготовленном пароходе в Палермо. Сказывают, что Государь приедет посетить супругу свою в Палермо. <...>

Впервые опубликовано: Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал Михаил Боткин. СПб., 1880. С. 190–193. Печатается по первой публикации.

¹ См. в наст. изд. дневниковые записи Ф. В. Чижова от 31 июля и 2 августа (н. ст.) 1844 г. и коммент. к ним.

А. А. Иванов — Н. М. Языкову

<Средина октября (н. ст.) 1845. Рим>

Получил я от Гоголя письмо¹, его здоровье расстроено, он собирается к нам в Рим.

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 674. Печатается по первой публикации.

¹ От 9 октября (н. ст.) из Вероны.

А. А. Иванов — Ф. В. Чижову

Рим. 8 ноября <н. ст. 1845>.

<...> Гоголь здесь со мной в Риме. Это мне очень кстати для советов — ведь нынешняя зима самая замечательная. <...> Гоголь здоров и бодр с некоторыми нравственными переменами. Он меня просил известить Вас, чтоб Вы не оставались более году в России этот раз и, если можно, чтоб приехали этого лета в Ельголанд¹ остров, принадлежащий Англии. К нему пароход ходит

раз в неделю из Гамбурга. Там, говорят, самое лучшее место для купания в море. Гоголь там проведет целое лето — и уверяет, что очень хорошо будет именно с ним Вам свидеться после настоящего Вашего взгляда на Россию. <...> Вы, вероятно, скоро соберетесь в Москву. Гоголь просит Вас сыскать у Погодина Зенькова; это молодой художник, которого Вы во имя искусства должны раскусить и сказать мне, что он такое, и если он с талантом и призванием, то и похлопотать, чтобы он был прислан сюда. <...>

Гоголь говорит, что лучше всего будет, если вы Шаповаленко приищете место теперь в Малороссии, потому что ему здесь оставаться — значит спиться под предводительством Ломтева, и меня беспрестанно это тревожит. <...> Мы собираемся часто вместе к обеду в Фиано², т. е. Гоголь, Моллер, Сверчков³ и я. К нам хочет присоединиться Галахов⁴ — он здесь с сестрой. Но уже мне не до приятностей теперь. <...>

Первые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 673. Печатается по первой публикации.

¹ Остров Гельголанд (находился во владении Англии до 1890 г.).

² Трактир.

³ Владимир Дмитриевич Сверчков (1820–1888), художник.

⁴ Иван Павлович Галахов (1809–1849), друг Герцена и Огарева.

А. А. Иванов — Ф. В. Чижову

8 ноября (н. ст.) 1845 г. Рим.

Солнцев¹ напишет вид купола Петра в кустах, с дороги Aqua Acetosa, — зимой будет готов. Но Солнцев ленив и хвастун, все хвалит себя и свою работу — плохой знак для высоты художнической. Он мне сказывал, что брат его² назначен по Именному повелению ехать в славянские земли и в Италию, для срисовки всего, соприкосновенного русским школам и древностям. Вот наше проектированное путешествие в Альбанию! — хорошо, что еще русскому оно досталось. Вы говорите: «пусть все русские пишут, да пишут, все сбудете» и проч. Я это давно сам знал, да как нас заставить работать? Все как-то нам скучно или грустно в розницу, так и хочется сойтись; а сойдешься, так вот и пошли пировать, да пировать, а после и давай извиняться то летами, то незнанием новых мест. С первого взгляда (особенно, когда и сам едешь в той же карете) нельзя назвать нас мерзавцами, но, строго разбирая, это то же — совершенный обман. <...> Думают, что Киль ищет устроить академию: на его квартире уже отведен зал, для ежегодной выставки (работ) русских художников. К стыду нашему, он очень удачно сказал Ставассеру³, что деньги он будет давать только на его произведения, и что долги его, вследствие кутежей, знать он не хочет, и что как бы Ставассер ни нуждался, хоть бы с голоду умирал, он ему наверное ничего не даст. Эти слова оказались обидными и для Климченки⁴; однако ж, они все, и Рамазанов⁵, серьезно начали работать. Кто сам собой править не умеет, тому нужен правитель⁶. <...> Смотри в мою даль, я замечаю странную силу невежд, готовых попустить меня в жертву крайней нищеты и унижения. <...> Гоголь здесь со мной в Риме, здоров и бодр, с некоторыми нравственными переменами. Больше терпелив, и в мире с гадостями светскими. <...> Беда с русскими! Гоголь говорит, что русские лишены от природы *база*, на котором можно бы было все безопасно ставить и строить. Это меня теперь очень занимает. Что вы тут скажете, когда это оправдывается беспрестанно? Я грустен, — это потому, что, при всей моей ежедневной деятельности, люди приближаются ко мне, видят во мне бездействие, даже покушаются придумывать способы, чтобы возбудить меня к деятельности — это обиднее насильства невежественного властелина. Вытаскивать глубокие тайны из моей души в оправдание — значило бы истощать

силы, и только на короткое время заставляя их убедиться, а между тем, истощая свои силы на это, более ослабеваешь, чем на самой работе. Благодарю вас усердно за предложение мне сумм на окончание картины. Пока я еще не имею надобности, и желал бы очень не доживать до той степени, чтобы существовать вашими трудами. <...>

Впервые опубликовано: Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал Михаил Боткин. СПб., 1880. С. 195–198. Печатается по первой публикации.

¹ Егор Григорьевич Солнцев (ум. в 1865), художник.

² Федор Григорьевич Солнцев (1801–1892), художник, археолог.

³ Петр Андреевич Ставассер (1816–1850), скульптор.

⁴ Константин Михайлович Климченко (1816–1849), скульптор.

⁵ Николай Александрович Рамазанов (1817–1867), скульптор.

⁶ См. в наст. изд. коммент. к письму А. А. Иванова И. С. Шаповалову от января (н. ст.) 1845 г.

А. А. Иванов — А. И. Иванову

<Середина декабря (н. ст.) 1845. Рим>

<...> Сейчас же, пожалуйста, съездите к лучшему книгопродавцу купить <...> немедленно следующие книги: 1. Повествование о России Николая Арцыбашева, второй том, — первого не нужно¹. 2. О иконной живописи какого-то архиерея, теперь только изданное в печать². 3. Первый том Мертвых душ Гоголя, а если вышел второй, то и второй том. <...>

Строки с упоминанием о поэме Гоголя впервые опубликованы: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 678. Печатается по изд.: Неклюдова М. Г. «Библейские эскизы» А. А. Иванова (к истории создания и замысла; к вопросу о стиле) // Русское искусство XVIII — первой половины XIX века. Материалы и исследования. М., 1971. С. 114.

¹ См. коммент. к письму Н. М. Языкова родным от 9 января (н. ст.) 1843 г. из Рима.

² Имеется в виду книга преосвященного Анатолия «О иконописании». М., 1845.

А. А. Иванов — Ф. В. Чижову

<Декабрь (между 20 и 29 числами н. ст.) 1845. Рим>

Теперь только управился я с делами, послал к вам два письма самые важные: первое заключает приезд Государя в Рим, а второе — представление об нас. Это последнее нужно чтобы было под секретом между нами, и если вы послали его к Языкову, то остановите его, чтобы не посылать в Петербург. <...> Сомов разбит параличом почти насмерть, вследствие потребованных отчетов князем Волконским¹. Бедный Гоголь все прихварывает. Я думаю, что тут много моральных причин в его болезни: его сочинение не пропущено², а он к тому же еще бедный человек. Я его понимаю, потому что и сам нахожусь в подобном положении. Цвет России мной доволен, радуется, и с нетерпением ожидает моей картины, сам Царь тех же чувств. Но я все-таки вот и теперь остаюсь нищим, а нищий художник большого размера произведений несравненно бессильнее поэта, которого произведения все-таки меньше требуют материальных издержек. Князь Волконский решительно не только не хочет сам посылать представления об нас графа Толстого, но не хочет приказать своим именем, чтобы тот послал его к Лейхтенбергскому. Однако же, он едет к Лейхтенбергскому, хотя на слабых опорах. Я и граф никак не надеемся, что-

бы тут что-нибудь вышло. <...> Не одного вас обстановкаливают люди пошлые. Высунулся (я) в их толпу, именно потому, что видел их же погибающими, что чувствовал в себе силы им помочь, и что же? В то время, когда я не спал несколько ночей сряду, писал и переписывал сочинения представлений, не угодные одним выражением Солнцеву, послал к нему бумагу для предварительного рассматривания и подписи его имени, — что же вы думаете? При всех, у Лепри, Солнцева ходит, как бешеный зверь, и с позорным словом нападает на меня, кричит и не дает мне выговорить ни слова, — каково! Часов через шесть после этой ужасной сцены он со мной встретился один, извинился, что он горяч, — что что же делать? и проч. Он извинялся наедине, а у гостей и у других товарищей оставил меня в подлецах. Вот чем кончилась моя трагедия! Я дал слово не показываться в русское общество до окончания моей картины.

Овербек окончил картину свою «Положение в гроб»³ бесподобно, еще сделал несколько рисунков «Тайная Вечера» и «Христос, удрученный крестом, обращается к плачущей толпе» — бесподобно. Тут же «Маленький Христос-столяр пилит в присутствии Иосифа и Марии» — ну, уже это католическая дичь. В пору тому, что «Христос метлой метет стружки из-под Иосифова столярного станка». Нельзя, нельзя так вольничать, да и зачем? Поездке в славянские земли я очень рад, но я одного боюсь — лихорадки. Правда ли, что там *aria cattiva*⁴? Тогда беда, я захворюю и остановлю и вас, и брата моего⁵. Он сюда, я думаю, будет скоро. Он засел в Париже учиться математике у Бориспольца, русского отставного капитана артиллерии.

Первые опубликовано: Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал Михаил Боткин. СПб., 1880. С. 202–204; см. также: Александр Андреевич Иванов (1806–1858). Письма и записные книжки. Сост., предисл. и примеч. Б. М. Бернштейна // Мастера искусства об искусстве. М., 1969. Т. 6. С. 307. Печатается по указанным изданиям (сводный текст).

¹ Алексей Владимирович Сомов с октября 1840 г. по осень 1846 г. был секретарем директора русских художников-пенсионеров в Риме П. И. Кривцова (приходившегося ему дядей), с октября 1844 г. — секретарем Л. И. Килья (вступившего в эту должность). Бежал с казенными деньгами под чужим именем сначала во Францию, затем в Америку. В течение 1843–1845 гг. А. В. Сомов брал, заимобразно, с выдачей векселей на имя Министерства Императорского Двора, деньги у римских банкиров Торлони и К^о для выплаты русским художникам в Риме «как в долг, так и в счет уплаты за сделанные ими заказы и за купленные у них художественные произведения». Выдав художникам занятые у банкиров деньги, Сомов впоследствии, при поступлении денег из России, не возвращал их в банкирскую контору, а «удерживал часть оных у себя». После бегства Сомов 16 мая 1846 г. был предан, по Высочайшему повелению, уголовному суду (извещение об этом было получено в Риме 3/15 июня 1846 г.; *АВПРИ*. Ф. 190. Оп. 525. Ед. хр. 629. Л. 559). 20 июля / 1 августа 1847 г. Л. И. Килья был извещен о лишении «губернского секретаря Сомова <...> всех прав состояния» — с тем, чтобы «по возвращении из побега в Россию сослать в Сибирь, на поселение» — и о «продаже причитавшейся Сомову части из принадлежавших ему, вообще с братьями и сестрами его, в Тульской губернии 137 душ, для пополнения похищенных им денег, простирающихся до двадцати одной тысячи рублей серебром» (*АВПРИ*. Ф. 190. Оп. 525. Ед. хр. 696. Л. 111–112). Оставшиеся вексели были «заплачены сполна из Кабинета Его Величества» (*АВПРИ*. Ф. 190. Оп. 525. Ед. хр. 109. Л. 524–527; Ед. хр. 565. Л. 3).

² Слух о том, что цензурой не пропущен второй том «Мертвых душ», сообщил А. А. Иванову Ф. В. Чижов в письме от 4 ноября 1845 г. из своего украинского имения Секиренцы, Прилуцкого уезда: «Запрещение Гоголевских “Мертвых Душ” у меня не выходит из головы и из сердца...». Опубликовавший это письмо П. И. Бартевев сделал к сообщению Ф. В. Чижова примечание: «Пущен был слух, будто вторая часть “Мертвых Душ” от того не выходит в свет, что ее запретила цензура» (*Б<артенев> П. Ф. В. Чижов к художнику А. А. Иванову // Русский Архив. 1884. Кн. 1. С. 411–412; см. также в наст. изд.*).

³ Правильно: «Оплакивание Христа» (1845).

⁴ Дурной воздух (*ит.*).

⁵ С. А. Иванова.

А. А. Иванов — Ф. В. Чижову

Рим. 29 декабря <н. ст.> 1845.

<...> Я Вам уже говорил, что Гоголь здесь. Это, признаюсь, для меня так кстати, как нельзя более. Вы не поверите, как иногда дух мой мятется и волнуется обстановкой, обстоятельством и настоящим наездом гостей¹. А в Гоголе я нахожу роздых и успокоение. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 678. Печатается по первой публикации.

¹ «Наезд гостей» был вызван пребыванием в Риме с 1/13 по 5/17 декабря 1845 г. Императора Николая I. В 1839 г. при участии Императора состоялось возвращение в лоно Православной Церкви полуторамиллионной униатской паствы западных областей России. Визит Государя в Рим преследовал цель, с одной стороны, ослабить возникшее вследствие этого воссоединения напряжение между Ватиканом и Россией, с другой, — подойти к решению «польского вопроса», а именно, отклонить — через гласное свидетельство о взаимном доверии между Римом и Россией — латинское духовенство в Польше от участия в заговорах и даже привлечь его на свою сторону. Папа договорился с Николаем I о заключении конкордата (соглашения) с католической Церковью. 16 декабря (н. ст.) Император посетил студию А. А. Иванова. О том, что рассказал Иванов Государю о своей картине «Явление Мессии» см. в изд.: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 6. С. 565–567.

А. А. Иванов — Н. М. Языкову

30 декабря <н. ст.> 1845 г. Рим.

Я неосторожно поторопился послать мое письмо чрез вас к моему батюшке с докладами, сделанными об нас графом Толстым к его светлости князю Петру Михайловичу Волхонскому. Сделайте одолжение, когда получите от Чижова это письмо мое, то задержите его у себя до тех пор, пока я сам вам не скажу, чтоб его туда послать. А это письмо ваше препроводите к Ф. В. Чижову немедленно, так чтобы и он почувствовал надобность до времени молчать. Гоголь прихварывает, однако же выходит.

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 678. Печатается по изд.: *Гусева Е. Н.* Из переписки А. А. Иванова и Н. М. Языкова (1844–1846 гг.) // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1980. Л., 1981. С. 372.

А. А. Иванов — неустановленному лицу

30 декабря <н. ст.> 1845 г. Рим.

<...> Гоголь прихварывает и Вам нижайше кланяется. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 678. Печатается по изд.: *Гусева Е. Н.* Из переписки А. А. Иванова и Н. М. Языкова (1844–1846 гг.) // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1980. Л., 1981. С. 372.

А. А. Иванов — С. А. Иванову

<2 января 1846. Рим>

Купи ты, пожалуйста, эту книгу для Гоголя. Ты, кажется, знаком с его знакомым в Париже¹, который с тобой посылает другие для него книги: «Rituel des prières journalières a l'usage des Israélites. Hébreu et français, traduction de S. Anspach; 1 vol. in 8°, 2-me Odition, 4 fr.»².

Теперь только я управился с просьбами художников и представлениями на них Государю, по случаю его приезда в Рим. Все на мне лежало <...> Вот тебе выписка из представления архитекторов герцогу Лейхтенбергскому, при препровождении их представлений Государю, по случаю необыкновенного его путешествия в Рим:

«Награвирование превосходных рисунков архитекторов, прямо относящееся к украшению наших православных церквей, весьма полезно будет для всех вообще, не имеющих средств на выезд за границу, наших архитекторов, и в то же время покажет степень образования всей Европе трудившихся русских. Их содержания, как заметите в приложенной здесь бумаге, достает только для безвыездного прожития в Риме, но для годов путешествия во все стороны света необходимо им испросить хотя бы еще по полторы тысячи для каждого»...

Я тебя, может быть, буду просить купить мне еще экземпляр 16-ти томов Библии, Каэна.

Первые опубликовано: Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал Михаил Боткин. СПб., 1880. С. 206–208. Печатается по первой публикации.

¹ Графом А. П. Толстым.

² Речь идет о молитвеннике на древнееврейском языке с переводом на французский. Книга была необходима Гоголю в работе над «Размышлениями о Божественной Литургии».

А. А. Иванов — С. А. Иванову

10 января (н. ст.) 1846 г. Рим.

Я думал тебе послать сейчас еще денег моих, но придумал теперь еще лучше. Сходи ты с приложенным здесь письмом к графу Александру Петровичу Толстому (rue de la Paix, № 9), где получишь от него тысячу рублей ассигнациями, которую я здесь сегодня же заплачу Гоголю, чтобы передал графине Апраксиной, родной сестре помянутого Толстого, что находится теперь в Риме. <...> Тебе здесь тоже назначается работа от Государя, что особенно заплатится, как и другим пенсионерам-архитекторам.

Первые опубликовано: Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал Михаил Боткин. СПб., 1880. С. 208–209. Печатается по первой публикации.

А. А. Иванов — Н. М. Языкову

<Начало мая (н. ст.) 1846. Рим>

<...> Книгу Чижова¹ читал Гоголь. Он, сверх ожидания, ею доволен. Он едет 10-го отсюда. <...>

Первые опубликовано (фрагмент письма, опущенный при публикации М. П. Боткиным): Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 681. Печатается по первой публикации.

¹ Имеется в виду отдельный оттиск публикации: О работах русских художников в Риме. Письмо Ф. В. Чигова. Венеция, мая 1845 года // Московский литературный и ученый сборник. М., 1846. В статье значительное место было отведено описанию картины А. А. Иванова «Явление Мессии».

А. А. Иванов — Н. М. Языкову

<Июль (н. ст.) 1846. Неаполь>

Апраксина получила письмо от Гоголя¹, где он пишет ей, что приедет в Неаполь через месяц², и отсюда пустится в Сирию. Завидное путешествие (для того), кто часто погружается в откровение Божие, кто беспрестанно следит Библию! Мне бы очень хотелось видиться здесь с Гоголем, и я думаю остаться выждать его, а на будущей неделе съездить дней на 10 в Палермо, для срисовки греческих мозаик в Монреале. Не найду ли пиши для нашей превосходной церкви? Ведь, может быть, не удастся быть более в Неаполе. Усердно благодарю вас за книги, но «Древностей Московских»³ не получал. Вещь-то очень соблазнительная, всякому их хочется иметь у себя. <...>

Впервые опубликовано: Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал Михаил Боткин. СПб., 1880. С. 224–226. Печатается по первой публикации.

¹ Письмо не сохранилось. 18 июня (н. ст.) 1846 г. Гоголь сообщал графу А. П. Толстому: «Я получил письмо от Софьи Петровны, которая так убеждает и меня, и вас приехать в Неаполь...»

² Гоголь прибыл в Неаполь около 1 декабря (н. ст.) 1846 г.

³ Имеются в виду «Памятники Московских древностей» И. М. Снегирева.

А. А. Иванов — С. А. Иванову

10/22 июля 1846 г. Неаполь.

Самое важное это, что едет сюда Гоголь и будет в половине августа. Я решился его дожидаться здесь, хотя бы это стоило лишнюю неделю, тем более, что я здесь нашел себе верные занятия в Королевской Библиотеке. Шамполион, Денон и Роселини. Это все об Египте, воспитателе Моисея! <...>

Впервые опубликовано: *Машковцев Н.* Творческий путь Александра Иванова // Аполлон. 1916. № 6–7. С. 18; см. также: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 681. Печатается по первой публикации.

А. А. Иванов — неустановленному лицу

<1846. Рим>

<...> Очень бы желательно слышать что-нибудь о Николае Васильевиче¹. Общий воспитатель, вероятно, еще более усовершенствовался внутри себя. Неужели истинным способностям необходимо безобразное клеймо казенное, и особенно тогда, когда они еще не совсем утвердились в общем мнении. Я полагаю, что беседа художников для его будущего необходима: он зачерпнет из нее многое, чтобы создать план будущего блестящего для них действия. Не одетый в казенную форму, он гораздо откровеннее найдет сердца лучших, на которых опирается все в будущем, а исполнив свои сочинения и окончив удобопонятным обществу (образом),

приобретет законную себе определительность, как от нас, общества, так и от правительства, и то, что теперь было отвратительно, будет тогда и справедливо, и необходимо. <...>

Впервые опубликовано: Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал Михаил Боткин. СПб., 1880. С. 248–249. Печатается по первой публикации.

¹ Гоголе.

А. А. Иванов — Н. М. Языкову

4/16 декабря 1846 г. Рим.

<...> Гоголь в Неаполе, будет в Рим в феврале¹. <...>

Впервые опубликовано: Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал Михаил Боткин. СПб., 1880. С. 200–201; см. также: *Зуммер Вс. М.* Книга Боткина как источник для биографии Ал. Иванова // Мистецтвознавство. Збірник 1-й: Харківськоть секцій науково-дослідчоть катедри мистецтвознавства. Харків, 1928. С. 15. Печатается по первой публикации.

¹ 22 апреля (н. ст.) 1847 г. Гоголь сообщал А. А. Иванову, что предполагает быть в Риме «скоро после 5-го мая», — и прибыл туда 12 мая (н. ст.) 1847 г.

А. А. Иванов — Ф. В. Чижову

<Декабрь (н. ст.) 1846. Рим>

<...> Скажу вам важную новость: Гоголь наверное поедет нынешней весной, и даже очень скоро, поклониться Святому Гробу и напечатать свою вторую книгу¹, которую все благомыслящие ждут с благоговением.

Впервые опубликовано: Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал Михаил Боткин. СПб., 1880. С. 233–234. Печатается по первой публикации.

¹ Имеется в виду второй том «Мертвых душ».

А. А. Иванов — графу И. П. Толстому

<Апрель 1847. Рим>

Хотя Н. В. Гоголь и препоручил мне с вами быть совершенно открытым, объясняя мое прошедшее и настоящее положение, но я из многих опытов вижу, что совсем мне не следует говорить о личности и действиях высоких лиц по роду, как о своем круге. Тем более, что сам я весьма плохой знаток в жизни практической, своими занятиями всегда от нее отделяемый. — И потому ограничусь только тем, что более всего для меня ясно и нужно для ваших действий в Петербурге, если соблаговолите покровительствовать для меня. <...>

Виктор Владимирович¹ во второе посещение моей студии принес мне уверение, что меня беспокоить никто не будет в продолжении всего окончания картины. Откуда и на чем основываясь он мне это говорил, этого мне неизвестно. Если можно совершенно опереться на его слова, то мне более нечего и желать. — Но люди непостоянны, и вот почему на всякой случай нуж-

но вам знать, в чем мое было прошедшее затруднение. Меня внезапно заставили расписаться в неперменном окончании картины в один год, не дали даже и подумать. — Срок этому будет в сентябре. Если начнут тогда меня сызнова беспокоить, то совершенно разрушат и здоровье мое, и состав всего труда. — Предоставляю вам на рассмотрение, как тут лучше поступить. Предупредить ли особым Высочайшим повелением сентябрьское на меня нападение, или постараться прислать бумагу сюда из канцелярии генерала Адлерберга, чтобы деньги 5-ть тысяч взятые от меня были назад и отданы только тогда, когда картина будет окончена. В сем последнем случае, конечно, я буду в затруднении искать в заем денег у частных лиц. Но все-таки это лучше, чем быть беспрестанно беспокоену правительственными лицами нашего монархического неограниченного правления.

Впервые опубликовано: *Зуммер Вс. М.* Книга Боткина как источник для биографии Ал. Иванова // Мистецтвознавство. Збірник 1-й: Харківськoeff секція науково-дослідчoeff катедри мистецтвознавства. Харків, 1928. С. 10–11. Печатається по первой публикации.

¹ Граф Апраксин.

А. А. Иванов — С. А. Иванову

<Лето 1847. Неаполь>

Я здесь останусь еще три недели, что составит 30 бань — курс, для которого я сюда приехал. Мне очень нужно знать, согласен ты со мной путешествовать, в половине августа, во Флоренцию, Милан и Венецию, так, чтобы к октябрю быть в Риме и засесть крепко за работу? <...> Ты все как будто сердиться: поверь моей опытности, что ссора с самим собой и с другими останавливает все успехи и высокие действия, без которых весь свет был бы вздор. Мы, специально ведущие духовное развитие отечества, непременно должны искать премудрого примирения с властью, обращая ее нам в покровительство. Без согласия этих двух сторон нельзя ждать возможного преуспеяния. Ты очень дурно сделал, что не приготовился принять в Помпее важнейших особ. Ты меня поставил в обманщики. А что еще хуже, книжечку о Языкове и Гоголе¹ увез с собой, тогда как Софья Петровна² немедленно должна была ее послать к Гоголю. Сделай милость, сейчас же ее вышли на мое имя сюда.

Впервые опубликовано: Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал Михаил Боткин. СПб., 1880. С. 236–237. Печатається по первой публикации.

¹ Отдельный оттиск статьи князя П. А. Вяземского «Языков. — Гоголь» из «Санкт-Петербургских Ведомостей» 1847 г., 24 апр., № 90; 25 апр., № 91.

² Графиня Апраксина.

А. А. Иванов — графине С. П. Апраксиной

<Октябрь 1847. Рим>

Столь приближенный к вашему дому благословенными воспоминаниями Искии и Каstellамаре, я чувствую непреодолимое желание знать о положении и здоровье как вашем, так и достопримечательнейшего семейства вашего. Третьего дня, возвратясь в Рим, был у графа Строгонова, но он меньше мне мог сказать, чем я знаю. <...> В Риме все успокоилось; иностранцы, прожившие здесь десять лет, имеют право вступить в службу национальной гвардии, по своему

желанию. Так мне сказали английские художники; но почтеннейший наш художник Иордан стоял уже два раза на часах.

Видя вас особенно внимательными к течению дел моих, я должен вам сказать, что на днях получил бумагу следующего содержания: «Императорская Академия Художеств. Г-ну академику Александру Иванову. — Правление И<мператорской> А<кадемии> Х<удожеств>, препроводив к г-ну начальнику русских художников в Рим следующий вексель на Высочайше назначенную вам, по представлению Его Императорского Высочества, президента Академии, сумму на содержание в Риме на полгода, для окончания картины вашей, в 1 768 франков 80 сент<имов>, уведомляет вас о сем, с тем, чтобы вы явились к генерал-майору Килю за получением векселя». <...> Что это за бумага, вследствие чего она прислана, можно ли мне быть уверенным, что не понесу новых страданий, если возьму эти маленькие деньги? <...> Жду со дня на день Николая Васильевича¹, и тогда воспользуюсь его опытностью.

Впервые опубликовано: Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал Михаил Боткин. СПб., 1880. С. 243–244. Печатается по первой публикации.

¹ В конце сентября (н. ст.) Гоголь выехал из Остенде в Италию, направляясь, через Марсель, Ниццу, Геную, Флоренцию и Рим, в Неаполь.

А. А. Иванов — графине С. П. Апраксиной

<Октябрь 1847. Рим>

Вашему письму я немало изумился; там так велико выражено ваше ко мне расположение, что если бы рассказать это кому-либо, показалось бы невероятным. — Великое дело письма, они сохраняют минуты добродетельных чувствований, отделяя их от неизбежных обихода слабостей житейских, напоминающих всегда человеку о земном его происхождении, и доставляют, хотя на время, самые [высокие] отрадные часы. Жаль, что не из этого запаса выдает мне чувства свои Николай Васильевич¹. Он как-то все не может примириться с мыслью, что художник тоже в свою очередь может быть, как и он, почтенным человеком. — Я с ним на скором свидании. Любопытно, каким-то он меня гостинцем употчует.

Впервые опубликовано: *Зуммер Вс. М.* Книга Боткина как источник для биографии Ал. Иванова // Мистецтвознавство. Збірник 1-й: Харківськoнь секцінь науково-дослідчoнь катедри мистецтвознавства. Харків, 1928. С. 7. Печатается по первой публикации.

¹ Гоголь.

А. А. Иванов — графине С. П. Апраксиной

29 октября <н. ст.> 1847 г. Рим.

Черновой набросок

Получил я два векселя: один <от> Академии, о котором уже вам докладывал, а другой от Государя Наследника во 100 червонцев, присланный мне Жуковским с весьма замечательным письмом. Великой Поэт предлагает мне заняться tableau de genre!!! — среди самых решитель-

ных минут окончания моей картины. Ну, право, после этого я готов миролюбиво расцеловать и Устинова², и князя, и Килья.

[Как полезно мне было прошедшее лето у вас. Я узнал, что все, что стоит выше меня, тоже люди, способные также ошибаться и впадать в пороки, которые настолько же гнуснее наших, насколько и добродетели выше. — Благословенные сцены в Искио способны дух мой воскресить из самых горячайших пришибов жизненных и дать мне новые силы к существованию.]

Но отстраняюсь на время от мелочей и бирюлек, какие поочередно приходят в головы [соприкасающимся ко мне людям], не постигающим главной и великой мысли, что художники, и в особенности русские, назначение свое имеют в замирении всего человечества. Я сердечно рад, на безлюдьи великих харак<теров>, что сыскал в вас особу, способную почитать всю важность этого периода.

Слишком многих сил нужно бы было, чтобы привести все вдруг в систематический порядок; однако ж, постоянно имея главную цель, не нужно упускать ничего из вида, что может спешествовать оной.

Важным советником и твердым укрепителем этой большой мысли может быть, по моему мнению, Николай Васильевич³. Глубокий сердцеведец легко может укреплять дух каждого художника, достойного быть участником такого великого похода. Что в соединении с моими практическими знаниями по искусству составит уже верный почин.

Общество наше не без чувства уже и теперь: в проезд его молодые хотели его приветствовать торжественным обедом. Но мы еще не достигли той [законной] гармонии, которая бы нам определила законность старших, безобидную для младших. При развитии мысли вышеупомянутой все оживится, придет в одно целое, зажжет правильную и строгую деятельность, но тут очень-очень нужен глубокий сердцеведец.

Прошу вас обо всем об этом помыслить в самые лучшие минуты вашего прекрасного сердца. Поход достоин избранных [всех] и высших сословий, за его поручится само время; чем более мы будем жить, тем очевиднее будет его требование.

Медленное преуспеяние художника с талантом стоит больших трудов и усилий на избранной им тропе; недостаток способов продолжать ее, конечно, заставит его [вовсе] закабалиться и в ничтожную отрасль искусства. Вот об этом-то грустит теперь душа моя, [четверых] троих живописцев, довольно уже сформированных, мы должны лишиться в такое время, когда Академия совершенно потеряла всю силу выдавать вновь молодых.

Если непременно нужно замедление, то знайте, что чрез это погибнуть должны три живописца, далеко уже зашедшие в своей дороге. Знаю я из опыта, как трудно выбиваться художнику с талантом на тропу доступного ему совершенства; нельзя, не могу не принять эту гибель глубоко к душе.

Окончательная редакция

Извините, что опаздываю ответом на оба ваши письма. <...> Отлагал и потому, что ждал нашего общего друга и учителя, Николая Васильевича⁴, и потому не являлся до сего дня в канцелярию посольства. <...> Нужна бумага из Петербурга, в которой бы помещено было, что они меня не имеют права беспокоить посещением в студию, а иначе, говорит Устинов, Киль, как пристав над царскими заказами, или князь, по особой просьбе Государя, придут свидетельствовать, как продвигается моя картина. <...> Вы не поверите, как скучно смотреть на этих людей, которых все занятие состоит как будто в том, чтобы беспокоить людей, истинно и дельно занимающихся. Ясно, что тут недостает лица с глубоким сердцеведением, и способного понимать художника, — тогда все бы приняло благой оборот. <...> Покамест скажу, что получил от Устинова два векселя: один от Академии, о котором вам писал, а другой от Государя Наследника во сто червонцев, присланный мне Василием Андреевичем Жуковским, с весьма замечательным

письмом, о котором я буду говорить после. Вчера сюда прибыл Моллер, и весьма благодарил меня за ваше внимание к его здоровью, переданное мною по вашему поручению.

Черновой набросок письма впервые опубликован: *Зуммер В. М.* Книга Боткина как источник для биографии Ал. Иванова // Мистецтвознавство. Збірник 1-й: Харківською секцією науково-дослідчюю катедри мистецтвознавства. Харків, 1928. С. 7–8. Окончательная редакция впервые напечатана: Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал Михаил Боткин. СПб., 1880. С. 245–246. Печатается по первым публикациям.

¹ Жанровая картина (*фр.*).

² Устинов, первый секретарь русского посольства в Риме.

³ Гоголь.

⁴ По-видимому, послание написано во время пребывания Гоголя в Риме проездом в Неаполь, куда он прибыл, согласно его письмам из Неаполя, отправленным 20 ноября (н. ст.) 1847 г. А. С. Данилевскому, А. О. Россету и А. О. Смирновой, до 20 числа этого месяца.

А. А. Иванов — К. А. Бейне

<Конец декабря 1847. Рим>

Николай Васильевич¹, при засвидетельствовании вам своего поклона, просит вас написать к нему в Неаполь <...> как вы ехали из Байрута в Яфу и из Яфы в Иерусалим. В полной уверенности, что вы исполните это [лестное] поручение важнейшего из наших литераторов, остаюсь ваш покорный слуга... <...>

Впервые опубликовано: *Зуммер В. М.*, проф. Неизданные письма Ал. Иванова к Гоголю // Известия Азербайджанского гос. ун-та им. В. И. Ленина. Т. 4–5. Общественные науки. Баку, 1925. С. 47. Печатается по первой публикации.

Карл (Август) Андреевич Бейне (1816–1858), архитектор. В 1847 г. совершил путешествие в Сирию и Египет, осматривал храмы Иерусалима и Дамаска.

А. А. Иванов обратился к К. А. Бейне по просьбе Гоголя в письме от 28 декабря (н. ст.) 1847 г.: «Поклонитесь от меня Бейне и расспросите его, как он ехал из Байрута в Яфу, а из Яфы в Иерусалим. Во сколько дней? С [и с] какими удобствами и неудобствами? Попросите его, чтобы он написал небольшую об этом записочку». А. А. Иванов отвечал Гоголю в начале января (н. ст.) 1847 г. из Рима: «К Бейне напишу от вашего имени во Флоренцию, — и дам ему ваш адрес в Неаполь». К. А. Бейне писал Гоголю 13 января (н. ст.) 1848 г.

¹ Гоголь.

А. А. Иванов — графине С. П. Апраксиной

<Апрель–май 1848. Рим>

Граф А<лександр> П<етрович>¹ поручил мне извещать Вас о всем том, что получу от Н. В. Гоголя. Исполняя [такую приятную] наложенную на меня обязанность, я за нужное считаю скопировать здесь его письмо ко мне из Константинополя, только что мною полученное². Если принять его просто, то оно в себе ничего не заключает, кроме внимания ко мне. Желательно бы мне было не отвечать ему до личного свидания с Вами. Но как и где это будет, я даже не в силах теперь об этом и думать.

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 704. Печатается по первой публикации.

¹ Толстой.

² Письмо от 14/26 апреля 1848 г. из Константинополя.

А. А. Иванов — Ф. В. Чижову

<Июнь 1848. Рим>

<...> Радуюсь, что имею от вас благодатные известия о Гоголе. Читал я на днях его книгу «Выбранные места из переписки с друзьями». Не знаю, за что это на него так нападают — там есть превосходные места. Жаль, однако ж, что он там написал обо мне и Иордане¹: эти места неверны. <...>

Впервые опубликовано: Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал Михаил Боткин. СПб., 1880. С. 250–251. Печатается по первой публикации.

Послание представляет собой ответ А. А. Иванова на письмо Ф. В. Чижова от 1 июня 1848 г. из Киева (см. в наст. изд.).

¹ Имеются в виду статьи «Завещание» и «Исторический живописец Иванов».

А. А. Иванов — Ф. В. Чижову

Рим. 8 февраля <н. ст.> 1849.

<...> Часто мне теперь на мысль приходит Завьялов и Москва. — Ученые, литераторы, защитники Запада, славянофилы и всё, что звонит красивыми словами об искусствах, выслали *глубоко ученого рисовальщика русского* и взяли на его место Скотти, у которого самая высокая нота — *деньги и спекуляции*¹. Если б я знал наверное, что Н. В. Гоголь в Москве, я бы послал к нему об этом письмо²; может быть, его авторитет пособил бы разбить бессовестность и восстановить Завьялова еще с большею крепостью. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 716. Печатается по первой публикации.

¹ Речь идет об увольнении с должности инспектора Московского училища живописи, ваяния и зодчества художника Федора Семеновича Завьялова (1810–1856) и назначении на его место итальянца по происхождению Михаила Ивановича Скотти (1812–1861).

² 15 мая (н. ст.) 1849 г. А. А. Иванов писал Гоголю: «Хотел было я вас спросить о Завьялове — упрекнуть и вас, и Москву в бессовестности, но, так как это все останется без результатов, — все, все отлагаю до окончания моей картины».

А. А. Иванов — Ф. И. Иордану

<Осень 1850. Рим>

<...> Что касается до Дмитриева, или этой старой француженки, обманувшей Дмитриева, и старающейся и вас запутать, я бы советовал несколько не торопиться в действиях. Если бы она и захотела прикрыть бывшее бремя вами, то и тут надобно предохранить ваши трудовые деньги (от) ее нападения, а может быть еще и младенца никакого не было, и не будет. Если уже в самом деле вы выберетесь весной из Петербурга, то поезжайте в Москву — там будет в это время Гоголь. Рихтер¹, без сомнения, рад будет вам дать угол своей квартиры на время, тут в послед-

ний раз хорошо бы вам подумать о подруге в остальной вашей жизни, — не пренебрегайте этим мнением. Рихтер вас в самом деле любит, только вы должны в самом деле отбросить вами созданное обращение с женщинами и девицами. Конечно, этому много причиной наша прошлая итальянская жизнь, где мы совершенно отрезаны были от всякого семейного порядочного общества. <...>

Впервые опубликовано: Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал Михаил Боткин. СПб., 1880. С. 265–266. Печатается по первой публикации.

¹ Профессор архитектуры Федор Федорович Рихтер (1808–1868) был в то время директором Архитектурной школы при Московской Дворцовой конторе и встречался с Гоголем, в записной книжке 1842–1851 г. которого сохранились записи: «Шевыреву о Рихтере. У Рихтера о школах архитектур<ы> и рисованья и юношах, годных в учителя, о бедных, дающих уроки рисованья, о рисовальных школах и книгах, издан<ных> рисоваль<ными> школами»; «Рихтеру о Тоне и Ржевской цер<кви>». См. также в наст. изд. коммент. к мемуарам В. О. Шервуда «Вечера у Шевырева (Гоголь)».

А. А. Иванов — Ф. А. фон Моллеру

18 февраля 1851 г. Рим.

<...> Н. В. Гоголь мне писал от 16 декабря из Одессы, и в заключение своего письма говорит: «Если с вами Моллер, обнимите его покрепче и поздравьте от меня с новым годом».

Впервые опубликовано: Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал Михаил Боткин. СПб., 1880. С. 384–385. Печатается по первой публикации.

А. А. Иванов — Ф. А. фон Моллеру

6 апреля 1851 г. Рим.

От Н. В. Гоголя не получал, после того письма, известий. Он в отношении ко мне все еще живет жизнью 1830-х годов. Ожидаю, однако же, его письма через месяц.

Впервые опубликовано: Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал Михаил Боткин. СПб., 1880. С. 386. Печатается по первой публикации.

А. А. Иванов — Ф. А. фон Моллеру

20 мая (н. ст.) 1851 г. Рим.

Я еще получил от Н. В. Гоголя письмо¹; адрес его в Москву: близ Тверской, в Дегтярном переулке, г-ну профессору университета Степану Шевыреву, в собственном доме.

Впервые опубликовано: Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал Михаил Боткин. СПб., 1880. С. 389. Печатается по первой публикации.

¹ От 18 марта 1851 г. из Одессы.

А. А. Иванов — В. А. Жуковскому

Рим. 21 апреля 1852.

<...> Вследствие многих отзывов о кончине Николая Васильевича Гоголя, что, вероятно, Вам прежде меня известно, я решился приступить к желанию покойного: доставить случай награвировать его портрет именно тому художнику, на которого он указывает в книге своей «Переписка с друзьями»¹.

Два портрета, мною написанные в великой от всех тайне, подарены им самим, по его словам: один Вам, а другой г-ну Погодину², почему прошу покорнейше Вас переслать портрет в Петербург в верные руки Ваших знакомых для немедленного доставления его Федору Ивановичу Иордану и в то же время посредством Вашего письма свести художника с ними, чтоб устроить самым основательным образом подписку всеми журнальными извещениями, связями их, знакомствами и даже для большего укрепления проникнуть с этим к Императорскому Двору. Если бы при этом случае можно бы было запретить всякую продажу портрета Гоголя, кем-либо другим выгравированного или литографированного, кроме Иордана, было бы совершенно согласно с желанием покойного, которого имя уже для многих теперь священо. На сей раз не потрудитесь ли Вы написать Погодину, имеющему портрет такой же, как и Вы [упредив его, чтобы не возымел он мелочной алчности к испорчению благородного и бескорыстного общего дела], склонив к пожертвованию своих выгод, ибо он еще при жизни Гоголя позволил себе литографировать с подаренного ему портрета как тайну, совершенно вопреки покойному; таким образом ничего не будет испорчено в благородном и бескорыстном общем деле. <...>

Впервые частично опубликовано: Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал Михаил Боткин. СПб., 1880. С. 273–274. Печатается по изд. Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 759.

В. А. Жуковский умер 12 апреля 1852 г. Сообщая об этом Н. П. Боткину, А. А. Иванов писал: «Я совершенно уже не знаю, что тут делать. Не знаете ли Вы лично книгопродавца Гоголя в Москве или Петербурге? Нельзя ли чрез него объявить печатно желание покойного и приглашение подписаться на гравюру Иордана?» (Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал Михаил Боткин. СПб., 1880. С. 274).

¹ Ф. И. Иордану. Имеется в виду «Завещание».

² См. в наст. изд. коммент. к письму Н. М. Языкова к родным от 27 октября 1844 г.

А. А. Иванов — М. П. Погодину

<Май 1852. Рим>

Живя двадцать лет в захолустье от русской литературы, услышал как-то я весьма порицательные отзывы Гоголю за то, что он напечатал при жизни свое завещание. Теперь смерть совершилась. Я <...> написал к В. А. Жуковскому <...> просьбу исполнить завещание покойного. <...> Письмо мое, как видно, застало на столе самого Василия Андреевича. <...> Теперь прошу вас покорнейше во имя памяти общего нашего друга переслать портрет, вам принадлежащий, в Петербург <...> для передачи профессору Ф. И. Иордану, и вместе с тем напечатать во всех журналах воззвание к друзьям Гоголя о его желании, напомнив им его завещание¹. <...>

Фрагмент письма впервые опубликован: <Погодин М. П.> М. П. Отрывок из письма А. И. Иванова <так в публикации> к редактору из Рима // Москвитянин. 1852. № 15 (цензурное разрешение 4 авг.). Отд. 7. С. 110. См. также: Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал Михаил Боткин. СПб., 1880. С. 275; Машковцев Н. Г. Гоголь в кругу художников. Очерки. М., 1955. С. 66–67. Печатается по последнему изданию.

¹ Публикуя отрывок из письма А. А. Иванова, М. П. Погодин замечал: «По этому письму я писал к г. Иордану, отдавая портрет, писанный г. Ивановым, в полное его распоряжение» (<Погодин М. П.> М. П. Отрывок из письма А. И. Иванова <так> к редактору из Рима // Москвитянин. 1852. № 15 (цензурное разрешение 4 авг.). Отд. 7. С. 110).

А. А. Иванов — Ф. И. Иордану

<Июнь 1852. Рим>

<...> Послал письмо к Н. П. Боткину <...> прося совета, на что и получил ответ, что друзей у Гоголя много и что дело гравюры его портрета <...> еще не потеряно. Но ваше письмо меня приводит в крайнее сокрушение, ибо там слышится отказ награвировать портрет Жуковского, что тоже нисколько не унизило бы вашего искусства, в ожидании окончательной подписки на портрет Гоголя.

У нас еще прибавился знаменитый покойник — Карл Павлович Брюлло¹, и это может быть делом вашего бенефиса. Но вот беда: вы сами, как будто, в последнем письме проситесь на кладбище. <...>

Впервые опубликовано: Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал Михаил Боткин. СПб., 1880. С. 276. Печатается по первой публикации.

¹ К. П. Брюллоу умер 11/23 июня 1852 г. в местечке Манциано, в 30 милях от Рима.

А. А. Иванов — Ф. И. Иордану

<Начало января 1853. Рим>

Благодарю усердно за ваш ко мне панегирик, но я всегда в какой-то лихорадке, когда думаю, сколько от меня ждут, т. е. от моей картины. Я все сделал, чтобы вам доставить работу — гравировать портрет Гоголя; остается еще справиться, за кем дело остановилось, — справка, которая ничего, может быть, вам не прибавит <...>

Впервые опубликовано: Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал Михаил Боткин. СПб., 1880. С. 279. Печатается по первой публикации.

А. А. Иванов — графине С. П. Апраксиной

<Осень 1853. Рим>

С сердечным трепетом получил я ваше письмо от 12 (24) июня из рук сына, вами рекомендуемого, Михаила Семеновича Щепкина¹ <...> Вы просите меня к вам писать. <...> Скажу <...> здесь то, что чувствовал со дня знакомства с вашей особой, посредством незабвенного Николая Васильевича. <...> Я всегда замечал мои все планы и намерения несравненно меньшими, чем вы когда-либо предполагали, и потому <...> мне не остается ничего более, как совершить мой настоящий труд в границах моего знания в искусстве, и ждать от вас великой милости.

Впервые опубликовано: Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал Михаил Боткин. СПб., 1880. С. 282. Печатается по первой публикации.

¹ Д. М. Щепкина.

А. А. Иванов — Н. П. Трушковскому

<1855. Рим>

Желая удовлетворить вашей просьбе, я здесь копирую важное и последнее письмо ко мне Н. В. Гоголя¹. Я его вклеил в заглавный лист новых моих занятий, и потому в оригинале я его не могу отдать. <...> Прочие письма его составляют слишком грузный пакет, ибо наше знакомство едва ли не десятилетнее, почему я на это подожду нового вашего разрешения. Не думайте, чтобы я не дорожил оригинальностью и других писем важнейшего из людей, каких я встречал в жизни, но копировать такое множество писем — совсем не имею времени.

Впервые опубликовано: Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал Михаил Боткин. СПб., 1880. С. 288–289. Печатается по первой публикации.

¹ Письмо от июля — августа 1851 г.

А. А. Иванов — С. П. Шевыреву

<1855. Рим>

Зная вас лично как близкого приятеля Николая Васильевича Гоголя, я должен вам сказать, что покойник пред последним отъездом оставил у меня два сундука и пакет с бумагами¹. Что в них находится, я не знаю да и не считаю себя вправе знать. Теперь прибегаю к Вашему совету, что мне делать с этими вещами, может быть весьма драгоценными для многих?

Впервые опубликовано, с неточностями и ошибочной датировкой (1852 г.): Неизданные письма к Гоголю / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 808. Печатается по изд.: Воронцов В. А. Три этюда о Гоголе. (Из архивных разысканий) // Гоголь: история и современность. (К 175-летию со дня рождения). М., 1985. С. 451.

¹ Позднее, 18 сентября 1861 г. Ф. В. Чижов писал брату Иванова С. А. Иванову: «...Вчера я получил прилагаемое при сем письмо от сестры покойного Н. В. Гоголя Елисаветы Васильевны <...> Быковой <от 16 сентября 1861 г. из Москвы>. Недавно кто-то напечатал, что у Вас отыскалась связка рукописей Гоголя, — наследники обратились ко мне, как к близкому человеку покойному Николаю Васильевичу и как хорошо знающему Вас. Я полагаю, что это связка еще 1846 года, которая постоянно лежала за картиною, в углу, в мастерской покойного Александра Андреевича <...> Будьте так добры, Сергей Андреевич, не поленитесь ответить, потому что семейство Н. В. Гоголя очень заботится, не знает, нет ли там семейных писем <...> Теперь готовится второе издание полных его сочинений, хорошо если бы нашлось к нему что-нибудь новое» (*РГБ*. Ф. 111. К. 7. Ед. хр. 45. Л. 11–11 об.; копию этого письма, сделанную В. И. Шенроком, см.: *ИРЛИ*. Ф. 652. Оп. 2. Ед. хр. 32. Л. 42; из собрания журнала «Русская Старина»). И. С. Тургенев 10 марта (н. ст.) 1862 г. писал В. П. Боткину из Парижа: «Здесь Шевырев <...> Он мне сказал, что в Москве собираются печатать новое издание Гоголя, но для этого ждут сообщения от брата Иванова (архитектора) бумаг, оставленных Гоголем у покойного живописца. Но этот архитектор до сих пор остается глух ко всем обращенным к нему воззваниям и даже не отвечает. Он теперь в Риме. Пожалуйста, добейся от него толку; этим ты окажешь важную услугу и семейству Гоголя и всей русской публике. Если нужно, я готов написать просительное послание, хотя не знаком с ним лично. Пожалуйста, займись этим сурьезно» (*Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М., 1988. Т. 5. С. 25). Не получив ответа, Ф. В. Чижов отправил С. А. Иванову 20 марта 1862 г. новое письмо: «До нас дошли слухи, что у Вас оказалась связка бумаг покойного Гоголя. По моему мнению, в этой связке не должно быть ничего нового и вряд ли не помню я ее: она всегда лежала за картиною покойного Александра Андреевича. В письме моем к Вам я послал и письмо сестры Гоголя, которым она просит убедить Вас сказать, что это за бумаги. Все наследники дали мне доверенность на испрошение у Вас этих бумаг. Теперь это письмо берется доставить наш известный комик Островский; будьте так добры, по-

звольте взглянуть ему на бумаги Гоголя и известите потом об них. Ваше извещение я перешло к родным покойного Гоголя. Они поручили мне дешевое издание всех его сочинений и на днях оно уже вышло в свет. Если бы я знал, что Вы наверное в Риме, я послал бы Вам это издание при первом случае» (*РГБ*. Ф. 111. К. 7. Ед. хр. 45. Л. 14–14 об.). 14/26 марта 1862 г. И. С. Тургенев вновь писал В. П. Боткину из Парижа: «Я передам Шевыреву — что ты говоришь мне о бумагах Гоголя. — А все-таки потрудись взглянуть в эти бумаги» (*Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. Т. 5. С. 35). Часть рукописей Гоголя, в том числе автограф первого тома «Мертвых душ», датируемый 1840 г., была передана в 1862 г. С. А. Ивановым в Императорскую Публичную библиотеку в Петербурге (см. в наст. изд. коммент. к письму А. А. Иванова отцу от февраля — марта 1841 г.). Остальные рукописи Гоголя, хранившиеся в бумагах А. А. Иванова, были привезены в Россию только в 1880 г. По завещанию С. А. Иванова (ум. в 1877) они поступили в Румянцевский музей (см.: Замечательное приобретение Отделения Рукописей Московского Публичного и Румянцевского Музеев. Переписка и бумаги Александра Андреевича Иванова // *Голос* (СПб.), 1880. 6 (18) апр. № 97. С. 6; Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1879–1882 г. М., 1884. С. 43–49).

А. А. Иванов — Н. П., П. П. и М. П. Боткиным

24 марта 1858 г. Рим.

<...> Милостивый государь Михаил Петрович. Доктор Матюшенко мне подтвердил, что Николай Петрович¹ меня встретит в Петербурге², это бы было величайшее утешение, ибо на поверку, если взять все знакомства, какие имею, то это верно будет самое теплое и живое, оставшееся мне как наследство от Гоголя. <...>

Первые опубликовано: Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал Михаил Боткин. СПб., 1880. С. 303. Печатается по автографу: *РНБ*. Ф. 302. Ед. хр. 4. Л. 1–2 об.

¹ Боткин.

² В конце апреля (н. ст.) 1858 г. А. А. Иванов выехал из Рима в Россию.

А. А. Иванов — С. А. Иванову

<Конец марта — начало апреля (н. ст.) 1858. Рим>

Я все связал в паки¹ в студии и перенес в твою квартиру. <...> Гипсовые головы, два сундука с книгами [Гоголя], 14 стульев, диван и полки остались в студии, которую я вручаю Флавицкому. <...> Итак, я думаю на втором дне Пасхи² свернуть картину. <...>

Первые опубликовано: *Гусева Е.* Александр Иванов. Письма к брату // Советское искусствознание. Вып. 74. М., 1975. С. 340–341. Печатается по первой публикации.

¹ Пакет, сверток (*ит.*).

² Второй день православной Пасхи (первый день светлой седмицы) приходился в 1858 г. на 24 марта / 5 апреля.

Гоголь в дневниковых записях А. А. Иванова 1844—1849 гг.

<Лето 1844>. Я сегодня очень, очень скучен. <...> Вспоминаю последнее письмо Гоголя¹ и силюсь встать на новую, им указанную мне ступень.

<Лето 1847>. Comme le Fils de l'homme n'est pas venu pour Otre servi, mais pour servir, et vie pour la redemption de plusieurs².

Самоотвержение дано вполне только русским. Вот почему они, как последний народ в образовании, совершенно поймут Спасителя рода человеческого и приспособят Его учение ко всем отраслям образования человеческого. Но в настоящую, переходную минуту — минуту трудную для избранных, — можно ли допустить их до земного блаженства, т. е. до женитьбы³? Вот вопрос, который решит Гоголь напечатанием своего сочинения, который решу и я окончанием моей картины⁴. <...>

<1849>. Николай Васильевич Гоголь сделал меня известным, вывел на трескучую мостовую человеческих страстей: ходя по буграм и кочкам, трудно идти, невозможно спокойно углубляться в нисходящие думы. Этот опытный христианин пропустил весьма важный факт христианства, что прежде чем не вызрел человек и не почувствовал сам себе окончания, не должно ему выходить к людям, которые по слабости своей природы всегда готовы загрузить избранного своими тяготами.

Запись 1844 г. впервые опубликована: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каллана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 669. Печатается по первой публикации.

Записи 1847 г. впервые опубликованы: *Новицкий А.* Гоголь и Иванов // Русское Обозрение. 1893. № 3. С. 349; см. также: Опыт полной биографии А. А. Иванова. Составил А. Новицкий. М., 1895. С. 91; *Зуммер Вс. М.* Книга Боткина как источник для биографии Ал. Иванова // Мистецтвознавство. Збірник 1-й: Харківської секції науково-дослідчої кафедри мистецтвознавства. Харків, 1928. С. 6. Печатаются по последнему изданию.

Запись 1849 г. впервые опубликована: *Некрасова Е. С. Н. В.* Гоголь и Иванов. Их взаимные отношения // Вестник Европы. 1883. № 12. С. 642. Печатается по первой публикации.

¹ От 18 марта (н. ст.) 1844 г. из Ниццы.

² Так как Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих (*фр.*) — Стих 28-й главы 20-й Евангелия от Матфея.

³ В то время А. А. Иванов вынашивал планы женитьбы на графине Марии Владимировне Апраксиной (вышедшей вскоре замуж за князя Мещерского).

⁴ В черновике письма к Апраксиным Иванов замечал: «...Евангелист Лука в восторге описал последнюю ступень супружеского совершенства: они не женятся и замуж не будут выходить, как обыкновенные люди, [но яко Ангелы Божии]...». — Это своеобразное толкование слов Спасителя о *невступлении* в брак «сынов воскресения» (Иванов же стремился истолковать это состояние как «последнюю ступень *супружеского* совершенства») художник привел и в письме к Гоголю, на что тот отвечал: «Я не понимаю <...> зачем именно вы привели слова Евангелиста Луки. Если вы подумали о каком домашнем очаге, о семейном быте и женщине, то, сами знаете, вряд ли эта доля для вас! Вы — нищий, и не иметь вам так же угла, где приклонить голову, как не имел его и Тот, Которого пришествие дерзаете вы изобразить кистью! А потому Евангелист прав, сказавши, что иные уже не свяжутся никогда никакими земными узами» (письмо от 24 июля (н. ст.) 1847 г.).

Из писем А. И. Иванова к С. А. Иванову

А. И. Иванов — С. А. Иванову

17 августа 1847 г. Санкт-Петербург.

<...> Я, прочитав письмо Г^{на} Гоголя о моем сыне¹, не мог <...> остаться равнодушным к состоянию его; несмотря на то, что он почитает нищенство свое блаженством, но ему нужны средства для окончания картины, а не для иных каких нужд, а потому я пришлю ему вексель <...> в 1000 руб<лей> ассигнациями, от которых денег он не может отказываться, ибо они те самые, которые он мне прислал после бывшего у нас в доме пожара, но которые остались у меня без употребления. <...> Г^н Гоголь хорошо понимает состояние брата твоего, потому что и сам испытал нечто тому подобное, что испытал брат твой над трудами своими, и души их взаимно слились как бы в одно существо, угодное одно другому. <...>

Впервые опубликовано: *Виноградов И. А.* Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях. Научное издание. М., 2001. С. 471–472. Печатается по первой публикации.

Андрей Иванович Иванов (1772–1848), отец А. А. и С. А. Ивановых, академик живописи.

Сергей Андреевич Иванов (1822–1877), архитектор, младший брат А. А. Иванова.

¹ Подразумевается статья «Исторический живописец Иванов» в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголя.

А. И. Иванов — С. А. Иванову

8 октября 1847 г. Санкт-Петербург.

Читая сочинение Г^{на} Гоголя относительно к твоему брату, я представлял себе его терпящим крайнюю бедность, но терпящим оную добровольно, ибо сказано в сочинении, что нищенство почитает он за блаженство. Почитать оно таковым относительно к себе можно предоставить всякому на произвол его, но в отношении к трудам своим, принадлежащим уже не самому человеку, который исполняет оный по обязанности к отечеству, исполняющий не может и не должен располагаться произвольно в перенесении нужды к окончанию труда своего. <...> Вот почему я и хотел прислать ему 1000 руб<лей> ассигнациями; сумма незначительная, но все-таки что ни есть да значит на несколько времени, чем не иметь ничего, а потому и ничего и не делать. Я говорю так потому, что мне это так представляется, ибо брат твой был летом в Неаполе, а теперь пишет письмо из Флоренции; непрерывные переезды из одного места в другое дают о том понятие, что картину своею брат твой не занимается как следует, а почему, мне неизвестно, и так я должен сам собою о том догадываться, что он не имеет к тому средств (денежных), почему и хотел по возможности моей оных ему прислать, но из письма твоего и из слов Ф. А. Моллера вижу, что должен отклонить такое мое намерение... <...>

Впервые частично опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 704. Печатается по изд.: *Виноградов И. А.* Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях. Научное издание. М., 2001. С. 473.

А. И. Иванов — С. А. Иванову

12 ноября 1847 г. Санкт-Петербург.

<...> Ты писал мне, что брат твой получил какое-то огорчение по дирекции, учрежденной над русскими пенсионерами в Риме. — Брату твоему ожидать надлежит и впредь чего-либо подобного от дирекции, которая действует таким образом не сама собою, но по назначению от тех, кому не нравится долгое пребывание его за границею под предлогом окончания его работы, которая могла бы быть давно приведенною к концу, если бы он ею занимался по обыкновению всех художников, не выжидал какого-то вдохновения свыше. Я говорю здесь о вдохновении потому, что об оном узнал я из книги Г^{на} Гоголя, *Письма к друзьям*, где он много говорит об твоём брате относительно его чувствований, чувствований необыкновенных. <...>

Впервые опубликовано: *Виноградов И. А.* Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях. Научное издание. М., 2001. С. 480. Печатается по первой публикации.

Е. А. Сухих — С. А. Иванову

14 августа 1847 г. Санкт-Петербург.

<...> Ты мне делаешь вопрос: *что такое женщина?* Хотела бы знать, какая причина понудила тебя к такому вопросу. Ты пишешь, что теперь именно такое время, когда тебе необходимо знать, сколько можно вернее определение этого вопроса. К чему же? Или ты собираешься избрать себе жену из среды достойных итальянок? Прекрасно! В таком случае возьми в руки книгу Гоголя, исполненную истин чистых, под заглавием *«Избранные места из переписки с друзьями»* и читай страницу 17; между прочим он говорит: *«душа жены хранительный талисман для мужа, оберегающий его от нравственной заразы; она есть сила, удерживающая его на прямой дороге, и проводник, возвращающий его кривой на прямую, и наоборот, душа жены может быть его злом и погубить его на веки»*¹. Как хорошо это сказано, и я, не одаренная красноречием и философическими рассуждениями, преклоняю голову и совершенно отказываюсь рассуждать после нашего знаменитого писателя Гоголя. <...> — Итак, выбирай себе талисман — и если женщина невеста — сделавшись женой, оправдает твои упования, в таком случае это будет одно только счастье, а отнюдь не знание женщин; потому <что> нет женщины, которая, будучи невестой, не заставила бы жениха своего иметь о себе хорошее понятие, — а потом, сделавшись женой, муж узнает в полном смысле свою добродетельную невесту, тут приходит разочарование, но уже позднее, и судьба решена. — Значит, все зависит от счастья. <...>

Впервые опубликовано: *Виноградов И. А.* Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях. Научное издание. М., 2001. С. 472. Печатается по первой публикации.

Екатерина Андреевна Сухих (в замужестве Ганскау), дочь Андрея Акимовича (Екимовича) и Екатерины Андреевны Сухих (рожденной Ивановой), племянница А. А. и С. А. Ивановых.

¹ Цитируется статья «Женщина в свете».

Свидетельства о Гоголе С. А. Иванова

С. А. Иванов — В. В. Стасову

15 мая (н. ст.) 1862 г. Рим.

1848 год, памятный всем бывшим в то время художникам в Риме, положил замечательный предел. Не только нечего было думать о каких-либо вспоможениях со стороны правительства, но существовало на деле приказание выехать из Италии даже и тем, кто желал остаться на свой счет, как я, например. В таких обстоятельствах картина была почти оставлена за недостатком средств, и с этого года он начал делать рисунки, которые и составляют все альбомы и часть на отдельных листах. В особенности побудило брата к этому еще вот что: он увидел, что на имевшиеся у него деньги (у нас в 1848 г. скончался отец, оставив каждому по 3 000 <рублей> серебром) картины не кончить как следует, ибо, приближаясь к окончанию, требовались сильные издержки на модели; композиции же, которыми он занялся, не требовали издержек ни на модели, ни на краски. Он предпочел делать их, выжидая лучшего времени, наступление которого он, однако ж, не предполагал, чтобы могло продлиться так долго. <...> Мысль брата была: сделать в композиции Жизнь и Деяния Христа. Проектировалось исполнение всего живописью на стенах, в особю на то посвященном здании, разумеется, не в церкви. Сюжеты располагались следующим образом: главное и большое поле каждой стены должна бы занимать картина, или картины, замечательнейшего происшествия из жизни Иисуса; сверху же ее, или их (так сказать, по бордюру, хотя это слово не совсем тут верно) должны были быть представлены, но в гораздо меньшем размере, — относящиеся к этому происшествию или нарощие на него впоследствии предания или сказания, или сюжеты на те места Ветхого Завета, в которых говорится о Мессии, или происшествия подобные, случившиеся в Ветхом Завете, и т. д.

Так, например, на одной стене помещены внизу, рядом, — 4 больших <картины>, представляющие <моменты>: 1) Христос с Марфой, 2) Христос, тронутый при виде плачущей Марии, 3) Христос, молящийся до воскресения Лазаря, 4) «Лазарь, восстани!» — все четыре сюжета взяты из Еванг<елия> Иоанна, гл. XI, ст. 22, 33, 42, 44. Над ними, в меньшем размере, другие сюжеты Воскресения, как то: из Матф<ея> 9, 24; Луки 8, 51; Луки 7, 14; Луки 7, 15. Поверх всего, по бордюру, в малом размере: Илия воскрешает мальчика, Елисей воскрешает сына Сунами-тянки, Воскресение мертвого от прикосновения к костям Елисея, и др. <...>

Эти композиции, наполняющие все альбомы и большую часть отдельных рисунков, рождались, набрасывались углем и потом отделялись, так сказать, все разом, одновременно. Все это происходило в продолжении 8-ми лет, то есть с 1849 до начала 1858 — года его поездки в Петербург и кончины. Что это так, тому довольно доказательств; первым и главным, конечно, служит самый рисунок, освободившийся от всякой манерности и сделавшийся легким и покорным выражению мысли. Многие из рисунков были смыты и перетронуты. Зная теперь мысль брата, вам не трудно будет понять, что эти сюжеты не были сюжеты каприза, начатые и брошенные, как это бывало до сих пор у художников, а напротив, они все должны были быть подведены к концу, ибо они входили как части в целое...

Отчего вы спрашиваете: не после ли, не прежде ли знакомства с Гоголем [пришла Александру Андреевичу мысль приняться за эти композиции]? Неужели вы думаете, что Гоголь произвел когда-либо и что-либо важное в направлении А. А. Иванова? — Могу вас уверить, что ошибаетесь сильно: этот переворот не Гоголь произвел, а 1848 год. Не забудьте, что мы с братом были в Риме личными свидетелями всего, тогда происшедшего. Мы с ним читали в то время все, печатавшееся как в Риме, так и во французских газетах. В тот год все книгопродавцы римские доставляли очень дельные, но строго запрещенные книги с необычайной скоростью и легкостью; мы же со своей стороны не спали. Гоголь же от 1848 года нисколько не переменился, и, вместо того, чтобы остаться во что бы то ни стало за границей, чтобы поближе изучить это вре-

мя, он поспешно уехал в Россию и, потом, молиться Гробу Господню, что, я помню, немало изумляло моего брата¹. Брат никогда не был одних мыслей с Гоголем; он с ним внутренне никогда не соглашался, но в то же время никогда с ним и не спорил, избегая по возможности неприятные и, скажем откровенно, даже дерзкие ответы Гоголя, на которые Гоголь со своей гордостью не был скуп. Вспомните только то, что Гоголь все более и более впадал в bigotство², а брат напротив все более и более освобождался и от того немногого, что нам прививает воспитание.

Впервые опубликовано: Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал Михаил Боткин. СПб., 1880. С. 426–429. Печатается по первой публикации.

¹ Хотя между Гоголем и А. А. Ивановым существовали некоторые разногласия, однако заявление С. А. Иванова, что его брат «никогда не был одних мыслей с Гоголем», и слова о том, что паломничество Гоголя к Святым Местам «немало изумляло» А. А. Иванова, вызывают сомнение. В частности, в сентябре (н. ст.) 1846 г. Иванов писал Гоголю: «Если вы заблагорассудите взять меня с собой на поклонение Гробу Господню, то я готов совершенно».

² Bigotство – ханжество (от *фр.* bigot; *ит.* bigotto – ханжа, лицемер, святоша).

С. А. Иванов о Гоголе и А. А. Иванове в воспоминаниях В. В. Стасова Фрагменты

<...> В 1846 году приехал в Рим брат Иванова, Сергей, архитектор¹, пенсионером от Академии художеств. Он встретил его с большим восхищением. Уезжая из Петербурга, Иванов оставил его еще ребенком; тогда не знали даже, на какое поприще он будет направлен. Александр Андреевич относился к нему самым теплым образом, давал ему постоянно, в письмах, советы. Его радовало слышать от всех приезжавших из России, какие он делает успехи, и что он становится одним из самых талантливейших архитекторов. С нетерпением ждал он его приезда, и наконец встретил его в своей мастерской, целовал его, как своего сына. Их жизнь в Риме была самая близкая, поместились они вместе. Архитектор Иванов предался ученым архитектурным занятиям, засел в библиотеки, начал изучать классиков. Это все крайне утешало Александра Иванова: он стал уважать его и считал лучшим из ученых архитекторов. Картину свою он ему показывал в первое время, но потом и тот ее не видал. Только раз он его пригласил, чтобы спросить совета насчет типа раба: который выбрать из сделанных этюдов, для картины? Один был чрезвычайно характерен, с клеймом на лбу, кривым глазом, другой – похожий на тот, который теперь на картине. Гоголь постоянно советовал ему перенести в картину раба с клеймом, но Иванов архитектор пришел в ужас от этой головы, несмотря на то, что она ему очень нравилась, и он упрямился не воспроизводить в картине. Несмотря на всю теплоту их отношений, братья иногда не видались по целым неделям, хотя жили вместе. Один вставал до рассвета и с наступлением ночи ложился, другой – наоборот, вставал позднее и не видал, когда брат уже ушел, а когда приходил домой, то опасался разбудить брата. Сергей Иванов смотрел на брата как на отца, постоянно старался беречь его, отвести, удалить от него какую-либо неприятность. Только воскресенья они проводили целый день вместе, осматривая древности. Их любимая прогулка была на Via Appia, и там в небольшой остерии² они обедали, потом продолжали осматривать древности, и с закатом солнца приходили назад в Рим. День Иванова начинался рано: в пять часов он уже был на ногах и торопился приняться за работу; между 12-и и 2-х он делал отдых, и потом работал до тех пор, покуда становилось темно. <...>

<...> Вечером Александр Иванов, в 1846 г., еще неизменно проводил часа 2–3 у Гоголя, куда Сергей Иванов не ходил, и лишь остальной вечер они иной раз проводили вместе, у своих хозяев, или у их родственниц, сестер Монтеки и Марини. <...>

Впервые опубликовано: Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал *Михаил Боткин*. СПб., 1880. С. XVII–XVIII, 415–416. Печатается по первой публикации.

Воспоминания В. В. Стасова датируются 1879 г. Основанием отрывков послужило, вероятно, недошедшее до нас письмо к В. В. Стасову С. А. Иванова.

¹ С. А. Иванов приехал в Рим в начале марта 1846 г. В числе прочего, архитектор Иванов привез в Рим для Гоголя книги от графа А. П. Толстого. 18 апреля (н. ст.) 1846 г. Гоголь писал Толстому: «Наконец, получил от вас пис<ь>меццо от 4-го апреля; за месяц перед тем получил другое с Ивановым...»

² Osteria — трактир, кабачок (*ит.*).

Рисунки Н. В. Гоголя в Музее Слободской Украины Фрагменты

<...> 7 рисунков Гоголя в Музее Слободской Украины представляют перерисовку на прозрачную кальку иллюстраций «Iconographie chrétienne. Histoire de Dieu» М<essieurs> Дидрона (Париж, 1843; рис. 2, 6–8, 14, 24, 126), преимущественно из первого раздела книги — о нимбе, ореоле, «славе». Интерес к вопросам иконографии, знакомство с книгой Дидрона и техника калькирования пришли к Гоголю, возможно, от Ал. Иванова¹. <...> Прориси с иллюстраций Дидроновой «Histoire de Dieu», что хранятся в Музее Слободской Украины, не есть, конечно, результат художественного творчества Гоголя, как не являются также произведением Гоголя и выписки из Иоанна Лествичника — «Лествица, возводящая на небо», что хранятся в том же музее². Так же, как и рукопись, рисунки представляют собой любопытный материал, который характеризует круг интересов Гоголя (см. статью И. Ерофеева³ «Новый рукопис Гоголя», Черв<оний> Шлях, 1926, № 10). Со слов И. Ерофеева передаю историю этих рисунков. <Пресвященный> М<ихаил> Грибановский⁴, один из прототипов чеховского «Архиерея», что был викарным епископом в Полтаве, был близок к семье Головни и Быковых. От них он и получил в подарок ряд гоголевских реликвий, и среди них листок с рисунками. <Владыка> М<ихаил> Грибановский умер в Крыму, в Симферополе, в 1898 г. От него листок перешел к его приятелю А. И. Леонтьеву⁵, а от Л<еонтьев>ва получил его в 1925 г. во время музейной командировки И. Ерофеев. <...>

Впервые опубликовано, на укр. языке: *Зуммер В. М., проф.* Рисунки М. В. Гоголя в Музеї Слобідської України // Бюлетень Музею Слобідської України ім. Г. С. Сковороди. Харків, 1927–1928. № 4–5. С. 15–18 (отд. изд. — Харків, 1928). Печатается, в переводе, по первой публикации.

Всеволод Михайлович Зуммер (1885–1970), искусствовед, археолог.

¹ Семь прорисей на лист прозрачной кальки древних икон — иллюстраций книги А. Дидрона «Iconographie chrétienne» («Иконография христианства»), вышедшей в 1843 г. в Париже, были привезены А. А. Иванову Гоголем по приезде в Рим осенью 1845 г. Эти рисунки нашли прямое отражение к композиции «Явления Мессии» Иванова (см.: *Виноградов И. А.* Явление картины — Гоголь и Александр Иванов // Наше наследие. 2000. № 54. С. 110–125; *Виноградов И. А.* Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях. Научное издание. М., 2001. С. 670–708). См. также в наст. изд. примеч. 15 к разделу «Гоголь в дневнике Ф. В. Чижова 1842–1844 гг.» и коммент. к мемуарам В. О. Шервуда «Вечера у Шевырева (Гоголь)».

² «Заголовок <рукописи> <...> такой: “Из книги: Лествица, возводящая на небо” — на 92 стр., in 8. Написание ее каллиграфично... <...> Выборки, сделанные Гоголем, в своих темах типичны для настроений поры его “Переписки с друзьями”: “О подвизании, об уклонении от мира, о послушании, о покаянии, о гневе, о безгневи, о кротости” и т. п. Тут зародыш того наставничества, какое взял на себя Гоголь... <...> Тут реминисценция образа аскета из первой редакции повести “Портрет”; тут же есть и отзвуки любимых мыслей Гоголя — например, в разделе “О плаче” читаем про “плач наружный” и про “слезы душевные”, незримые, “которые проливаться могут всегда и всюду”. <...> Поражает своей огромностью <“величинністю”> выписки про “Гордость, тщеславие”... <...> В этой короткой заметке мы не рассматриваем всех выписок... <...> Рукопись до сего времени находилась среди бумаг покойного <владыки> М<ихаила> Грибановского, близкого родственника Гоголя — Быковым. Последние подарили ее Грибановскому в июле 1895 г.

Выходной лист в рукописи написан Кулишом» (*Ерофій Ів.* Новый рукопис Гоголя. (З рукописного відділу Музею Слободської України) // Червоний Шлях. Харків, 1926. № 2. С. 175–176). См. также в неопубликованной статье И. Ф. Ерофеева «Рукописи Н. В. Гоголя в Харьковском Историческом музее (бывш. им. Сковороды)», предназначенной для публикации в сборнике «Звенья», но возвращенной автору редакцией в 1938 г. «по его просьбе»: «В различные моменты розысков рукописного материала для собрания Харьковского музея им. Сковороды, сейчас преобразованного в исторический, нам посчастливилось приобрести ряд рукописей Гоголя. Большинство из них касается истории рода Гоголей-Яновских, кое-что дает материал для характеристики писательских и иных интересов автора Ревизора. Рукописи, о которых у нас будет речь, составляли часть архива Быковых, родственников писателя, частью — архива их знакомого по Полтаве — <преосвященного> М<сixaила> Грибановского. Помощь в деле знакомства с первым архивом нам оказал известный киевский журналист В. А. Чаговец. Большинство найденного материала не было опубликовано в свое время или опубликовывалось частично, в извлечениях. <...> ...Документ из архива Грибановского. Это большая рукопись — на 92 стр., in 8°. Рукопись эта писана самим Гоголем (выходной лист — П. Кулиша). Заглавие ее: “Из книги: Лествица, возводящая на небо”. Написана она каллиграфически...» (*РГАЛИ.* Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 63. Л. 2, 5). Подробнее см. в коммент. к сочинению Гоголя <О гневе и безгневии> в изд.: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 6. С. 663–668.

В настоящее время Харьковский Исторический музей, бывший Музей Слободской Украины им. Г. С. Сковороды, указанными материалами, включая автографы Гоголя, не располагает. Из этих материалов И. Ф. Ерофеев в свое время описал, с цитатами, жалобу Семена Лизогуба к «його милости пану Ивану Городницькому, сотнику Пирятинському» от 15 ноября 1744 г. по поводу «разбойного нападения», из с. Гуровка, на 3 листах, in 4 (см.: *Ерофій Ів.* Нови експонати в Музеї Слободської України ім. Сковороди. (Жовтнева виставка) // Червоний Шлях. Харків, 1926. № 11–12. С. 248; *Ерофій Ів.* З архівних матеріалів. Спадщина Гоголів-Яновських. (Рукописи в Музею Слободської України) // Червоний Шлях. Харків, 1926. № 11–12. С. 249–250; *Ерофій І.* Рукописний відділ Музею Слободської України ім. Сковороди // Бюллетень Музею Слободської України ім. Г. С. Сковороди. Харків, 1926–1927. № 2–3. С. 26); опубликовал записку к А. Д. Гоголю-Яновскому от соседа Федора Клименко: «Любезнейший сват Афанасий Демьянович, одолжите, братеку, невода, госте сей день... на завтра будут, да риби не ока, да пожалуйте, укажете моему, в какого вашего человека есть... Хочь мало продал би» (*Ерофій Ів.* З архівних матеріалів. Спадщина Гоголів-Яновських. С. 250). Из неизвестных материалов упоминалось также письмо князя Херджулидзева, «который советует деду <?> Гоголя жаловаться на обиды со стороны Ольвиопольского уездного суда» (*РГАЛИ.* Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 63. Л. 4), или, согласно другому описанию, «лист князя Херджулидзева від 12-го вересня <сентября> (року не зазначено) до Василя Афанасьевича Гоголя-Яновского в Миргород. Зміст — про готовність допомогати в якійсь судовій справі в Ольвіопольському суді. 1 стор. in 8°» (*Ерофій І.* Рукописний відділ Музею Слободської України ім. Сковороди. С. 27).

³ Иван Федорович Ерофеев, литературовед.

⁴ Преосвященный Михаил (в мире Михаил Михайлович Грибановский, 1856 — 19/31 августа 1898), епископ Прилуцкий, vicарий Полтавской епархии (в 1894–1895), епископ Таврический и Симферопольский (с 19 января 1897), богослов.

⁵ Александр Иванович Леонтьев, смотритель Симферопольского духовного училища, близкий друг, душеприказчик и биограф владыки Михаила (Грибановского).

Свидетельства о Гоголе братьев В. В. и Д. В. Стасовых

В. В. Стасов

Училище правоведения сорок лет тому назад, в 1836—1842 гг. Фрагменты

<1>

<...> ...Мы <...> крепко любили Пушкина, а статья Гоголя в «Арабесках» и восторженные декламации Оголина¹ скоро укрепили нас еще сильнее в нашем обожании той жизненной правды, той близости к настоящей, всем нам известной жизни, в восхищении красотой стихов. <...> Но Гоголя мы полюбили еще гораздо больше, и тут уже у нас было (наверно, как и в доброй половине России) настоящее маленькое помешательство. Первое, что я прочитал из Гоголя, это была «Повесть о том, как Иван Иванович поссорился с Иваном Никифоровичем», напечатанная в «Новоселье»², сборнике, составившемся из статей лучших тогдашних писателей, по поводу переезда книгопродавца Смирдина в новый магазин³. Вот где можно сказать, что новое поколение подняло великого писателя на щитах с первой же минуты его появления. Тогдашний восторг от Гоголя — ни с чем несравним. Его повсюду читали точно запоем. Необыкновенность содержания, типов, небывалый, неслыханный по естественности язык, отроду еще неизвестный никому юмор — все это действовало просто опьяняющим образом. С Гоголя водворился на России совершенно новый язык; он нам безгранично нравился своей простотой, силой, меткостью, поразительной бойкостью и близостью к натуре. Все гоголевские обороты, выражения быстро вошли во всеобщее употребление. Даже любимые гоголевские восклицания: «чорт возьми», «к чорту», «чорт вас знает», и множество других, вдруг сделались в таком ходу, в каком никогда до тех пор не бывали. Вся молодежь пошла говорить гоголевским языком. Позже мы стали узнавать и глубокую поэтичность Гоголя, и приходили от нее в такой же восторг, как и от его юмора. В начале же всех поразил, прежде всего остального, юмор его, с которым нам нельзя было сравнить ничего из всего, до тех <пор> нам известного. Мы раньше всего купили для нашего класса «Новоселье», и тотчас же толстый том был совершенно почти в клочках от непрерывного употребления. Тогда не только в Петербурге, но даже во всей России было полное царство Булгарина, Греча и Сенковского. Но нас мало заинтересовали «Похождения квартального» Булгарина и «Большой выход сатаны» Сенковского, появившиеся в этом томе. Ложный и тупой юмор Брамбеуса был нам только скучен, и мы только и читали, что «Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича»! Скоро потом купили два томика «Арабесок». Тут «Невский проспект», «Портрет» нравились нам до бесконечности, и я разделял общий восторг. Не могу теперь сказать — как другие, но что касается до меня лично, то я был тогда в великом восхищении и от исторических статей Гоголя, напечатанных в «Арабесках». «Шлецер, Миллер и Гердер», «Средние века», «Мысли об изучении истории» — все это глубоко поражало меня картинностью и художественностью изложения. Что, кабы нам на этот манер читали историю в классе, думал я сто раз, сравнивая статьи Гоголя с тою мертвечиною, тоской и скукой, какою нас угощали наши учителя под названием «истории», конечно и не подозревая, что у нас есть воображение, потребность жизни и пластичности. И, мне кажется, эти статьи не пропали даром. Они имели значительное влияние на отношение мое и моих товарищей к истории. Если б нашлись наши тогдашние тетради «сочинений», можно было бы увидеть и прочесть там (как

ни плохи и ни ordinарны были наши детские эти «сочинения»), что, например, на тему русского учителя «О пользе истории» мы именно писали, под влиянием Гоголя, о том, как пластично и картинно надо изображать в наше время историю, оставив в стороне сухую номенклатуру королей и принцев. Я живо помню эти наши тогдашние сочинения, читанные нами один другому, раньше чем подать учителю. Статьи Гоголя — отрывки из его несостоявшихся лекций в университете. Принесли ли они пользу тогдашнему университету и студентам, того я не ведаю, но что они были, Бог знает, как дороги и полезны нам, в училище правоверения, если не всем, то многим — это верно.

Повесть «Нос» мне привелось узнать при совершенно исключительных обстоятельствах. Однажды меня оставили в училище на воскресенье, в наказание за какую-то шалость, уж и не помню какую. Я, пожалуй, очень-то и не скучал бы об этом, потому что по воскресеньям оставалось довольно много товарищей — у кого родственники были за сотни и тысячи верст, и никого в Петербурге, у кого были только такие знакомые, к которым не хотелось ходить, наконец бывало всегда не мало наказываемых, иногда из лучших товарищей. Притом в воскресенье давали обед гораздо лучше, аппетитнее и обильнее, чем в остальную неделю. Катанье на коньках с горы, гулянье в саду и *pas de geant*⁴ оставались в нашем распоряжении как всегда, книги тоже, да еще сколько часов сряду, без перерыва классами — значит, можно было и не скучать. Воспоминание о семействе, куда не пустили, — ну, да ведь сколько же и вознаграждений, заставляющих забыть это лишение, и притом, ведь это была только отсрочка всего на шесть дней. Я скоро и утешился. Но спустя 2–3 часа я получил маленькую записку от моего отца⁵ (она у меня и до сих пор цела), которая разом отшибла все прекрасное, и немножко бессердечное, веселое расположение духа. Меня мой отец глубоко и сильно любил (хотя никогда не рассказывал этого словами) и не выдать меня при себе в воскресенье — это было для него серьезное лишение. Он мне писал, как ему печально, как ему больно мое отсутствие в воскресенье, и как его не веселит в эту минуту даже все остальное семейство наше, веселое и хохочущее рядом в других комнатах. У меня разом сердце упало, меня словно громом пришибло, и я, в глубоком унынии, почти рыдая, принялся писать письмо к моему отцу. Отправив его, я немножко успокоился уже от одного страстного, по-своему, лирического настроения, тут высказанного. И вот, в классе, где я печально сидел один и немножко сентиментально раскисал, до меня долетел громадный хохот, несшийся из зала. Я долго не вытерпел, выскочил из своего пустынного класса и увидел целую толпу наших правоверов, стоявшую около воспитателя, Алексея Симоновича Андреева⁶, и во все горло дружно хохотавшую от того, что он им читал. Я поскорее протеснился вперед, даром что тут большинство было из старших классов, стал жадно слушать, и через две секунды улетели далеко все мои печали, все мое самобичевание, все мои горестные размышления. Алексей Симонович Андреев был у нас один из самых любимых людей во всем училище; мы и всегда-то к нему льнули как к своему, близкому, а тут еще он любезно и милостиво читает нам какие-то чудесные, новые, неслыханно оригинальные вещи! Недавно только перед тем вышел тот номер «Современника», где напечатан был «Нос», и, даром что сам уже пожилой человек, А. С. Андреев разделял восхищение лучшей части России и страстно любил Гоголя. Я не знал в первую минуту, что такое читают, чье это сочинение — спрашивать было некогда, но меня, как и всех, поражала и приводила в безграничный восторг эта изумительная правда, натуральность разговоров, эта неслыханная комичность сцен. Алексей Симонович читал мастерски, и еще тем лучше, что сам был в восхищении и что окружавшая его толпа молодежи аплодировала зараз и читаемому и чтецу. С каким мастерством он воспроизводил нам речи и размышления майора Ковалева! Какой голос он ему придавал! Серьезный, важный, чиновничий, полувоенный, немножко надменный, немножко трусоватый, глупый и подчас подобострастный! Мы были в глубоком восхищении. Когда все кончилось, я спросил: что такое читали, и чье это? А, так вот кто! Опять Гоголь, тот самый, чьи «Иван Иванович и Иван Никифорович» наше вечное восхищение! Еще бы нам не восторгаться. И мы провели потом блаженно остальное воскресенье.

Впоследствии мы также в первый раз в чтении А. С. Андреева узнали «Коляску». Восторг и энтузиазм были те же. Как сам бывший немножко военным, Алексей Симонович не хуже настоящего талантливому актера передал нам голоса, мины, интонации, даже лица всех этих генералов, полковников, майоров и тоненьких офицериков, не заставших хозяина дома и от нечего делать отправившихся смотреть на дворе его лошадь и коляску.

Некоторые из нас видели тогда тоже и «Ревизора» на сцене. Все были в восторге, как и вся вообще тогдашняя молодежь. Мы наизусть повторяли потом друг другу, подправляя и пополняя один другого, целые сцены, длинные разговоры оттуда. Дома или в гостях нам приходилось нередко вступать в горячие прения с разными пожилыми (а иной раз, к стыду, даже и не пожилыми) людьми, негодовавшими на нового идола молодежи и уверявшими, что никакой натуры у Гоголя нет, что это все его собственные выдумки и карикатуры, что таких людей вовсе нет на свете, а если и есть, то их гораздо меньше бывает в целом городе, чем тут у него в одной комедии. Схватки выходили жаркие, продолжительные, до пота на лице и на ладонях, до сверкающих глаз и глухо начинающейся ненависти или презрения, но старики не могли изменить в нас ни единой черточки, и наше фанатическое обожание Гоголя разрасталось все только больше и больше.

Из училищной библиотеки мы доставали, я помню, в те же самые времена «Бригадира» и «Недоросля», по совету гоголевских оппонентов из учителей или знакомых. Фонвизин нельзя сказать, чтоб нам не нравился, но при сравнении, насколько еще выше и блестящее выходил Гоголь! <...>

Мне очень памяты пламенные схватки, доставшиеся на мою долю и происходившие по праздникам или на каникулах, всего чаще в доме у нашего родственника, старого архитектора Аничкина двorca, Дильдина⁷, о котором у меня довольно говорено в первой главе. Там я встречал народ самый разнокалиберный и, в числе других, несколько учителей из штатских и военных заведений. Несмотря на значительное расстояние лет (все они были, по малой мере, втрое старше меня), я постоянно вел с ними жаркую войну, и оттого именно любил бывать в этом доме. Всего чаще моим врагом и оппонентом был некто Олимпиев, учитель русского языка и словесности в одной из гимназий, точно такой же смешной и отсталый педант, как наши училищные Георгиевский⁸ и Кайданов⁹, человек, никогда не ходивший в гости иначе как с орденом на шее и в белом галстуке. Господи, сколько у меня произошло с ним битв уже из-за одного Гоголя, в особенности за «Ревизора», за «Невский проспект», за всю его «вечную грязь и непристойность»! А тут еще вмешивался от времени до времени, за обедом или в антракте между кофеем и вистом, тот или другой из старших. Иные из них уже кое-что слышали про Гоголя и даже, может быть, немножко читали его. Натурально, все были на стороне Олимпиева, — ведь он учитель, да и насколько же старше... <...>

<2>

<...> В последние три года пребывания в училище наш класс не только продолжал много читать, но читал все больше и больше. Время было такое, когда нельзя было не читать. Почти в каждой новой книжке «Отечественных записок» появлялось одно или несколько стихотворений Лермонтова, отрывки из «Героя нашего времени», непременно — одна большая статья Белинского и целый ряд мелких, его разборы книг. Я помню, с какою жадностью, с какою страстью мы кидались на новую книжку журнала, когда нам ее приносили, еще с мокрыми страницами, и подавали обыкновенно в середине дня, после нашего обеда. Тут мы брали книжку чуть не с боя, перекупали один у другого право ее читать раньше всех; потом, все первые дни, у нас только и было разговоров, рассуждений, споров, толков, что о Белинском да о Лермонтове. Боль-

шинство чудных мелких пьес этого последнего мы сейчас же знали наизусть. Белинский же был — решительно нашим настоящим воспитателем. Никакие классы, курсы, писания сочинений, экзамены и все прочее не сделали столько для нашего образования и развития, как один Белинский, со своими ежемесячными статьями. Мы в этом не различались от остальной России того времени. Громадное значение Белинского относилось, конечно, никак не до одной литературной части: он прочищал всем нам глаза, он воспитывал характеры, он рубил рукою силача патриархальные предрассудки, которыми жила сплошь до него вся Россия, он издали приготавливал то здоровое и могучее интеллектуальное движение, которое окрепло и поднялось четверть века позже. Мы все — прямые его воспитанники.

Появление «Мертвых душ», в конце лета 1842 года, было для нас событием необычайной важности. Эта книга пришла к нам в руки в конце лета, когда мы воротились с каникул. Классы еще не начинались, несколько дней оставалось совершенно свободными, и мы могли заниматься чем хотели — тем более что мы только что перешли в первый, то есть высший класс, получили шпаги и были уже чем-то вроде офицеров. Вот мы и употребили свободное время так, как нам было всего дороже: на прочтение залпом «Мертвых душ» всеми нами вместе, одной большой толпой, чтоб прекратить все споры об очереди. Время стояло чудесное, август был в тот год жаркий, и мы все полегли в нашем классе, расстегнув куртки и сняв галстуки, просто на пол, а трое из нас, Оголин, Замятин и я, как лучшие в классе чтецы, взялись громко читать по очереди — и вот в таком-то порядке мы в продолжение нескольких дней читали и перечитывали это великое, неслыханно оригинальное, несравненное, национальное и гениальное создание. Мы были все точно опьянелые от восторга и изумления. Сотни и тысячи гоголевских фраз и выражений тотчас же были всем известны наизусть и пошли в общее употребление. Гоголевский лексикон наш, уже с 30-х годов столько богатый, еще больше прежнего разрастался. <...>

Первые опубликовано: *Стасов В. В.* Училище правоведения сорок лет тому назад, в 1836–1842 гг. // Русская Старина. 1881. № 2. С. 410, 414–419; 1881. № 6. С. 274–275. Печатается по первой публикации.

Владимир Васильевич Стасов (1824–1906), критик.

¹ Александр Степанович Оголин (род. в 1821), соученик В. В. Стасова по Училищу правоведения; чиновник Департамента юстиции, впоследствии сенатор.

² Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем. (Одна из неизданных былей Пасечника рудаго Панька) // Новоселье. (Альманах). Издатель А. Ф. Смирдин. СПб., 1834. Ч. 2 (цензурное разрешение 29 дек. 1833). С. 479–569.

³ 19 февраля 1832 г. Гоголь присутствовал на обеде петербургских литераторов у А. Ф. Смирдина по случаю переселения его книжного магазина от Синего моста в новый дом на Невском проспекте и открытия там публичной библиотеки. 23 февраля 1832 г. Н. И. Греч сообщал: «В прошедшую пятницу, 19-го февраля, открыл он <А. Ф. Смирдин> сию библиотеку празднеством, на которое пригласил многих литераторов и других любителей просвещения. <...> Обеденный стол накрыт был в большой зале библиотеки, посреди шкафов, наполненных произведениями нашими и наших предшественников. (Сообщаем имена присутствовавших на сем празднике литераторов и художников, по азбучному порядку, для избежания всякой ранжировки: Е. В. Аладин, А. М. Алексеев (переводчик Геометрии Дюпена), В. Н. Берх, А. П. Брюл<л>ов, Ф. В. Булгарин, А. Ф. Воейков, Б. А. Врасский, князь П. А. Вяземский, П. И. Гаевский, С. А. Галактионов, Г. <так!> Гоголь-Ясновский <так!> (автор Вечеров на хutore), Греч, А. Н. Данилевский, И. Д. Ершов, В. А. Жуковский, К. А. Зеленцов, И. Т. Калашников, В. И. Карлгоф, Д. М. Княжевич, А. М. Княжевич, В. Д. Ковровский, И. А. Крылов, А. М. Корнилов, М. Е. Лобанов, К. П. Масальский, Андрей Аф. Никитин, Александр Никитич Никитин, А. С. Норов, князь В. Ф. Одоевский, Е. И. Ольдекоп, А. Н. Очкин, В. И. Панаев, П. А. Плетнев, А. С. Пушкин, Н. Ф. Рождественский, барон Г. А. Розенкамф, барон Е. Ф. Розен, А. Г. Ротчев, В. Н. Семенов, О. М. Сомов, А. И. Стойкович, Н. И. <Н. Г.> Устрялов, Н. И. Уткин, граф Д. И. Хвостов, С. С. де Шаллет, Д. И. Языков, М. Л. Яковлев, И. И. Ястребов, Б. М. Федоров.) В шестом часу сели за стол... <...> Любопытно и забавно было видеть здесь представителей веков минувшего, истекающего и наступающего; видеть журнальных противников, выражающих друг

другу чувства уважения и приязни... <...> После обеда гости, желая возблагодарить хозяина за радушное угощение <...>, положили составить общими трудами альманах: *Новоселье А. Ф. Смирдина*. Каждый обязался сообщить для сего статью — первый подписался В. А. Жуковский; все последовали его примеру» (*Греч Н.* Письмо к В. А. Ушакову // Северная Пчела. 1832. 26 февр. № 45). По воспоминаниям М. Е. Лобанова, озаглавленному «Обед у книгопродавца А. Ф. Смирдина. 19 февраля 1832 года», «гости разошлись в половине 11-го часа» (*Шимкевич К. А.* Литературный обед у Смирдина с участием Пушкина // Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Л., 1927. Вып. 31–32. С. 118).

Корреспондент газеты «Русский Инвалид» в свою очередь писал: «Февраля 19-го числа, в пятницу, известный новым изданием сочинений *Державина*, Баллад и повестей *Жуковского*, Басен *Крылова* и многими другими полезными предприятными на пользу просвещения А. Ф. Смирдин давал Русским Литераторам новоселье в прекрасном доме на Невском проспекте. Вверху, в светлых, обширных залах размещена Библиотека чтения, внизу великолепно отделанная книжная лавка. На сей праздник приглашено было до 120 Русских Писателей. Из них за болезнью и другими обстоятельствами, к сожалению, не находились: Князь А. А. *Шаховской*, Н. И. *Гнедич*, *Илличевский*, *Якубович* и немногие другие. Обед дан роскошный; собрание блестящее. Тут видели мы Графа Д. И. *Хвостова*, Ветерана Русских Словесников; Тайного Советника *Розенкампа*, Истолкователя Кормчей книги; Сенатора *Корнилова*, написавшего дельные замечания о Сибири, где Е<го> П<ревосходительство> был Губернатором; Ген<ерал>-Майора А. И. Данилевского, издателя отменно любопытных записок. На одном конце стола сидели: И. А. *Крылов*, В. А. *Жуковский*, А. С. *Пушкин*, Князь П. А. *Вяземский*, Барон Е. Ф. *Розен*, П. А. *Плетнев*. На другом — Б. М. *Федоров* (Автор недописанного Исторического романа Князь Курбский); *Масальский*, сочинитель романа Стрельцы; *Гоголь-Яснопольский* <так!>, остроумный сказочник; *Кашиников*, Автор весьма занимательного романа Дочь купца Жолобова; *Карлгоф*, написавший несколько приятных повестей; *Ротчев*, трудолюбивый, хотя не совсем счастливый прелат Шакспира <так!> и *Шиллера*. Средину стола занимали издатели Журналов, между коими заседал старейшина Русских Журналистов Н. И. *Греч*, 20 лет издающий Сын Отечества, и *Булгарин*, Автор остроумных статей о нравах и животрепещущих известиях о достопамятных происшествиях в столице. <...> Признательные, за радушное гостеприимство хозяина, Писатели, желая достойным образом возблагодарить его, сделали подписку, которою каждый обязался доставить ему статью своего сочинения. Сии статьи составят книгу, конечно, не менее, как в 4 части. Она будет продаваться в пользу А. Ф. Смирдина» (Внутренние известия // Русский Инвалид, или Военные Ведомости. 1832. 22 февр. № 46. С. 183).

⁴ гигантские шаги (*фр.*)

⁵ Василий Петрович Стасов (1769–1848), архитектор.

⁶ Воспоминания о Гоголе «Гоголь-профессор» А. С. Андреева см. в наст. изд.

⁷ Захар Федорович Дильдин, архитектор.

⁸ Петр Егорович Георгиевский (1791–1852), профессор русской словесности в Царскосельском лицее, с 1835 г. — в Училище правоведения.

⁹ Иван Кузьмич Кайданов (1782–1843), профессор истории Царскосельского лицея и затем в Училище правоведения; автор учебников по истории.

В. В. Стасов

Живописец В. И. Штернберг Фрагмент

<...> Дом Григоровича был в те времена (в 30-х и 40-х годах) чем-то вроде очень значительного и очень влиятельного художественного центра в Петербурге. Там собирались очень часто все наши художественные знаменитости. Там бывали и Пушкин, и Жуковский, и князь Вяземский, и Гоголь (только что входивший в славу), и Крылов, и Струговщиков, и множество всяких литераторов того времени, между прочим, Кукольник, Сенковский, Греч, Булгарин, но вместе с тем бывала там и вся Академия художеств, все профессора, академики, а также все ученики, казавшиеся наиболее талантливыми и выходящими из ряда. <...>

Первые опубликовано: *Стасов В. В.* Живописец Штернберг // Вестник Изыщных Искусств. 1887. Т. 5. Вып. 5. С. 369. Перепечатано: *Стасов В. В.* Живописец В. И. Штернберг // *Стасов В. В.* Статьи и заметки, не вошедшие в собрание сочинений. М., 1954. Т. 2. С. 301. Печатается по первой публикации.

В. В. Стасов

Гоголь и русские художники в Риме Фрагмент

<...> ...Фотогравюра, изображающая Гоголя с несколькими русскими художниками¹ в Риме, снята с дагерротипа, сделанного в 1845 г. с натуры французским фотографом Перро (Perrot, Roma, Via Pontefici, № 55). <...> Мы очень легко можем определить время снятия дагерротипа. В группе находятся, в числе других, Гоголь и живописец Штернберг; но до конца октября² их обоих не было в Риме. <...> Во второй половине <...> ноября³ Штернберга уже не стало: он умер от скоротечной чахотки. <...>

Поводом к этому послужил приезд в Рим вице-президента академии художеств графа Ф. П. Толстого, которого наши художники любили и уважали... <...> Граф Толстой сопровождал императора Николая I во время его поездки в Италию и в Палермо и присутствовал при всех заказах, данных императором нашим художникам. На память о Риме и нескольких днях, приятно проведенных вместе, наши художники решили сняться все вместе, и подарить свои портреты, группами, графу Толстому при его отъезде. Дагерротипом было сделано несколько разных групп: одна из них та, которую мы здесь воспроизводим; другая, где представлен также живописец Ал<ександр> Анд<еевич> Иванов, уцелела на том экземпляре, который принадлежит теперь Московскому публичному музею⁴; третья состояла из русских художников, смотрящих на тарантеллу, лихо отплясываемую молодым архитектором Монигетти и скульптором Рамазановым с моделью Мариуччей, и т. д.

На нашей фотографии (снятой в обратную сторону против дагерротипа) присутствуют следующие личности. В центре картины сидит *Гоголь*, во фраке и бархатном жилете, с тросточкою в руках. По одну сторону от него идут: архитектор *Бейне*, стоящий во весь рост, скрестив руки на груди; подле него архитектор *Эттингер*, положивший руку на плечо архитектора *Нотбека*; далее — скульптор *Рамазанов*, в большой серой шляпе, без сюртука, и опирающийся обеими руками на палку; у самого края картины, под занавесом — живописец *Орлов*, также в большой серой шляпе. Перед Рамазановым, скрестив руки на груди, сидит живописец *Михайлов*, разложивший себе шляпу на колена; подле него, опершись головою на руку, сидит *С. Л. Левицкий* (нынче фотограф, в то время пейзажист); на его колено опирается, сидя на полу, одна из знаменитейших тогдашних моделей *Мариучча*, в костюме «чучары»; по одну сторону ее полусидит, полулежит, прямо на полу скульптор *Ставассер*, обращенный лицом к зрителю; по другую ее сторону сидит, с улыбкою заглядывая ей в лицо, архитектор *Монигетти*, держащий сигарку в руке; рядом с ним — архитектор *Бравура*, в плаще, а пониже его, на полу, скрестив ноги и с палкою в руке — живописец *Мокрицкий*. По другую сторону от Гоголя стоит, заложив руку за пестрый клетчатый жилет, и в черной войлочной шляпе — живописец *Лавеццари*; перед ним — живописец *Штернберг*, которого голова, возвышающаяся тотчас над головою Монигетти, приходится у руки Гоголя, положенной им себе на колени; подле Лавеццари стоит, в громадной серой шляпе и задрапированный в еще более громадный плащ-альмавиву — живописец *Моллер*; немного отступая от него, у края картины, противоположного Орлову, помещается, опустив курчавую черную голову на грудь — архитектор и скульптор *Шурупов*. Наконец, позади всех, между Гоголем и Бейне, показывается голова *Глебова*: этот уже был ничуть не художник, а только отставной кавалергардский полковник, но зато «друг художников», как все тогда его называли, любитель художества и хороший человек. <...>

...Мне казалось, всем будет интересно увидеть, в первый и единственный раз, портрет Гоголя, нарисованный не рукою художника, а напечатанный солнцем. Потом, это единственный портрет Гоголя во весь рост⁵. <...>

Впервые опубликовано: *Стасов В.* Гоголь и русские художники в Риме // Древняя и Новая Россия. 1879. № 12. С. 524–526. Печатается по первой публикации.

Описание дагерротипа сделано В. В. Стасовым, вероятно, со слов живописца и фотографа Сергея Львовича Левицкого (1819–1898), автора фотогравюры, сделанной со снимка Перро. См. также в наст. изд. коммент. к дневниковой записи Н. П. Ломтева от 27 февраля (н. ст.) 1846 г.

За год до публикации В. В. Стасова, в 1878 г., художник И. Е. Репин написал портрет Гоголя, использовав при этом дагерротип 1845 г. Вероятно, дагерротип был предоставлен Репину Стасовым.

¹ На дагерротипе изображены: верхний ряд — живописец П. Н. Орлов, скульптор Н. А. Рамазанов, архитекторы Ф. И. Эппингер, К. А. Бейне, «друг художников» Глебов (отставной полковник), Н. В. Гоголь, живописцы А. Лавеццари, Ф. А. фон Моллер, архитектор и скульптор М. А. Шурупов; средний ряд — живописец Г. К. Михайлов, архитектор П. А. Нотбек, живописцы С. Л. Левицкий, В. И. Штернберг, архитекторы И. А. Монигетти, А. А. Бравура; нижний ряд — скульптор П. А. Ставассер, натурщица Мариучча, живописец А. Н. Мокрицкий.

² Гоголь прибыл в Рим 24 октября (н. ст.) 1845 г.

³ 8 ноября (н. ст.) 1845 г. См. в наст. изд. письмо Н. А. Рамазанова к П. А. и С. А. Смирновым от 9 ноября (н. ст.) 1845 г. из Рима.

⁴ См. в наст. изд. коммент. к дневниковой записи Н. П. Ломтева от 27 февраля (н. ст.) 1846 г.

⁵ Во весь рост (тоже сидящий) Гоголь представлен также на рисунке К. И. Рабуса.

Д. В. Стасов

Анекдоты и рассказы о Гоголе

1852. Октября 21. Гоголь приехал с Смирновым (Калужским Губернатором) и его женою Александрою Осиповною во Франкфурт-на-Майне; остановились они в трактире, и Смирнов с Гоголем поместились на ночь в одной комнате¹. Только ночью Смирнов слышит, что Гоголь что-то возится, встал с постели, снял простыню, разложил на пол (Смирнов молчит, едва удерживаясь от смеха, под одеялом) и сделал что ему следует, свернул простыню и бросил за окошко, и потом возвращается лечь в постель. «Ник<олай> Вас<ильевич>, что Вы это сделали?» — спросил его Смирнов. «Что прикажете делать, живот заболел смертельно, хотел я выйти, — дверь заперта». На следующее утро разбудил шум у дверей. Что же оказалось, что проходили рано утром <1 нрзб.>, честные немцы подняли простыню, развернули и захотели отдать по принадлежности кельнеру. Этот поднял страшную тревогу, хотел узнать, под каким окном подняли, узнал, что под окном русского князя, и едва-едва успокоился. — Смирн<ов> рассказывал этот анекдот по возвращении в Калугу при самом Гоголе, а тот сидел и улыбался.

У этого Смирнова в доме писал Гоголь и 2-ю часть Мертвых Душ, и написав, что-нибудь читал обыкновенно одной Ал<ексandre> Осиповне — никому больше. Это было летом, и как же он одевался, в будни: черные панталоны и сертук (фрака он уже не носил), синий бархатный жилет, застегнутый доверху, галстух черный — никогда не б<ыло> видно рубашки или воротника, белая шляпа, и никогда не н<осил> перчаток. В праздники тот же костюм, только вместо черных — простые нанковые панталоны. Коль скоро много гостей, отправляется он в конюшню, или сарай, и там разговаривает¹ с кучерами и <2 нрзб.>. В это время Барановский² ездил ре-

¹ разговаривает *вписано вместо*: болтает

визовать, когда он вернется, Гоголь сей час его допрашивает, «что вы ревизовали» — то-то и то-то; «расскажите же, пожалуйста, какие у них книги ведутся; для чего, сколько <1 нрзб.>?!», и пойдут бесконечные приставанья. То же самое и с дамами; вышивает ли какая дама, он ее сей час расспрашивает, и что такое, и для чего, и как цветок вышит и т. п.

Он очень любил Жуковского и постоянно рассказывал о нем разного рода <нрзб.>ойные скандальезные анекдоты, которые Жуковский очень любил. Напр<имер>, Жуков<ский> постоянно рассказывал, как он пойдет в cabinet anglais и что с ним там случается, и что ему там в голову пришло. <...>

1854. Февраля 27. Ал. Вас. Никитенко говорил мне, что Гоголь, приехавши в Петерб<ург>, стал добиваться места профессора и хотел именно, чтобы его сделали ординарным^I профессором, давали бы 6000 р<ублей> жалованья и заплатили б и его долги. На это никак не соглашались, что и примеров таких не бывало, да и штаты были небольшие, и Никитенке (который был тогда адъюнктом и^{II} секретарем при правлении округа) было поручено уговорить его ограничить свои желания. Гоголь согласился, и по рекомендациям разным — особенно Жуковского, а также и по тому, что уже были изданы *вечера на хуторе (?)*^{III}, он б<ыл> сделан адъюнкт-профессором и получал 600 р<ублей> жалованья. Гоголем были все ужасно недовольны. Студенты постоянно после лекций смеялись над его чтениями, п<отому> что постоянно бывали только взгляды и личные впечатления, все — а ргіогі. Гоголь сам это чувствовал, но не сознавался^{IV}, и раз как-то сказал Ник<итенко>: «Посмотрите когда-нибудь, у меня шесть фолиантов для университетских лекций». Ник<итенко> действительно раз зашел к нему и просил показать. Тот говорил: «да не знаю, где они у меня теперь, я только вчера и<х> обрезал», и более уже никогда не говорил об этом. Никитенке же, кажется, было поручено уговорить его, чтобы он вышел; Ник<итенко> сказал ему обняком^V, что, Ник<олай> Вас<ильевич>, ваше место не кафедры, и что вы не довольно к этому приготовлены, а Гоголь на это ответил: «Да, я вижу, что студенты не подготовлены достаточно, чтобы понимать^{VI} мои лекции». Ник<итенко> говорил вообще, что Гог<оль> старался всеми силами приобрести известность, и считал, что кафедра сделана для того, чтобы делиться внутренними впечатлениями. Смирения, о к<ото>ром он проповедовал, в нем никогда не было. Это б<ыл> чрезвычайно хитрый человек в достижении того, что хотел, а хотел он прежде всего — известности, и кинулся на кафедру^{VII}, пробоя своих сил³. <...>

Публикуется впервые по рукописи: Стасов Д. В. Анекдоты и рассказы о Гоголе, Жуковском, Пушкине и Лермонтове, записанные им со слов Е. И. Барановского и Е. А. Хвостовой. 1852–1854 г. // ИРЛИ. Ф. 294. Стасовы. Оп. 4. Ед. хр. 335. 2 л.

Дмитрий Васильевич Стасов (1828 — после начала 1890-х), брат В. В. Стасова.

¹ Описываемый случай произошел 27–28 августа (н. ст.) 1837 г. в Карлсруэ (см. в наст. изд. четвертый раздел «Биографии Александры Осиповны Чаграновой» А. О. Смирновой).

² Евгений Иванович Барановский, чиновник.

³ Мнение А. В. Никитенко в целом сходствует с высказываниями о Гоголе других западников — П. В. Анненкова, В. Г. Белинского, И. С. Тургенева.

^I ординарным *вписано*.

^{II} адъюнктом и *вписано*.

^{III} Так в источнике.

^{IV} но не сознавался *вписано*.

^V обняком *вписано*.

^{VI} Было (ошибочно): понимать

^{VII} Далее было: думая, что

Гоголь в воспоминаниях и письмах Ф. И. Иордана

Воспоминания Ф. И. Иордана (1879 г.) Фрагменты

<...> В Риме у нас образовался свой особый кружок, совершенно отдельный от прочих русских художников. К этому кружку принадлежали: Иванов, Моллер и я; центром же и душой всего был Гоголь, которого мы все уважали и любили. Иванов же к Гоголю относился не только с еще большим почтением, чем мы все, но даже (особенно в 30-х и в начале 40-х годов) с каким-то подобострастием. Мы все собирались всякий вечер на квартире у Гоголя, по итальянскому выражению «alle ventitre»¹ (в 23-м часу, т. е. около 7 1/2 часов вечера), обыкновенно пили русский хороший чай, и оставались тут часов до 9, или до 9 1/2 — не дольше, потому что для своей работы мы все вставали рано, значит ложились не поздно. В первые годы Гоголь всех оживлял и занимал, но скоро исчезло прежнее светлое его расположение духа. Сколько припомню, это перемена совершилась с ним около того времени, когда произошло его неудачное публичное чтение в Риме, летом 1841 г. Желая помочь художнику Шаповаленке, сильно бедствовавшему от безденежья, Гоголь объявил, что прочтет в его пользу своего «Ревизора». Княгиня Зинаида Волконская дала залу в своем Palazzo Poli, собрались все русские, находившиеся тогда в Риме. Плата была громадная — 5 скуд; мы, художники, были все налицо. Иванов рассказывал нам заранее: «Вот вы увидите-с, вот вы увидите-с, как Николай Васильич прочтет. Это просто чудесно-с! Никто так не может-с!» Поставили Гоголю стол на эстраде, а на нем — две свечи и стакан с сахарной водой. Но Гоголь стал читать так вяло, так невыносимо скучно, что нагнал тоску на всех. Уже с самого начала и тотчас после 1-го акта, гости стали один за другим расходиться. Под конец остались в зале одни мы, художники. Гоголь был жестоко оскорблен и обижен. Его самолюбие, столь всегда щекотливое, неизменно страдало, и он этого случая никогда потом не мог забыть. С тех-то пор, бывало, он, иногда в целый вечер, не промолвит ни единого слова. Сидит себе, опустив голову на грудь, и запустив руки в карманы шаровар, — и молчит. Не раз я ему говаривал: «Николай Васильич, что это вы как экономны с нами на свою собственную особу? Поговорите же хоть что-нибудь». Молчит. Я продолжаю: «Николай Васильич, мы вот все труженики, работаем целый день; идем к вам вечером, надеемся отдохнуть, рассеяться, — а вот вы ни слова не хотите промолвить. Неужели мы все должны только покупать вас в печати?» Молчит и ухмыляется. Изредка только оживится, расскажет что-нибудь. Признаться сказать, на этих наших собраниях была ужаснейшая скука. Мы сходились, кажется, только потому, что так было уже раз заведено, да и ходить-то более было некуда. С прочими же пенсионерами водить знакомство мы не желали, потому что там только и было, что вечное вино, да карты, да шум, да крик, да всякие шалости и баловство. Много ли разговаривал Иванов с Гоголем вне этих наших собраний, и был ли у них живой, важный обмен мыслей — того я не знаю, но что касается до наших вечеров, на квартире у Гоголя, то Иванов очень мало говорил, а все более прислушивался к другим, когда мы толковали о художественных новостях в Риме, о работах русских и иностранных пенсионеров, о прочитанном в газетах (мы одно время в складчину подписывались на русские газеты), а иногда, изредка, вспоминали тоже про Россию, про петербургское наше житье. Если Иванов иной раз вдруг и решался что-нибудь рассказать из увиденного на улице или из услышанного, он обыкновенно начинал смехом: «ха-ха-ха, а вот я сегодня...» Потом он, заминаясь и спутываясь, тянул, и кончал часто тем, что, бывало, вовсе ничего так и не расскажет. Про свои работы ни Гоголь, ни Иванов, — эта неразлучная парочка, —

никогда не разговаривали с нами. Впрочем, может быть, они про них рассуждали друг с дружкой, наедине, когда нас там не было.

Встречались мы с Ивановым не всегда только у Гоголя. Мы иной раз проводили, вечером, часок и в «Cafe del bon Gusto», особенно когда Гоголя не было в Риме. Я живо помню тот вечер, когда, сойдясь однажды в этом Cafe, как-то мы вдруг сказали друг другу: «Ну, я решил: начинаю завтра свою гравюру с “Преображения” Рафаэля». — «Ну, и я тоже решил: на днях начинаю свое “Появление Мессии”». Дело в том, что мы оба долго мечтали о предприятии большого труда, и оба равно не решались. Приехав в Рим из Англии, я долго не знал, на каком именно сюжете остановиться... <...> Полтора года я делал свой рисунок карандашом, и все еще твердо не решался на страшную для меня работу, но, наконец, в мае 1837 года, заказал медную доску в 1 1/4 пуда, приведшую в ужас моего хозяина, и, когда все было готово, сообщил Иванову, что — принимаюсь. Каково же было мое удивление, когда в ту же самую минуту Иванов, столько лет пробовавший себя на эскизах, и все не решавшийся окончательно приступить к давно задуманной картине, торжественно объявил мне, что и у него заказан холст в 7 1/2 аршин вышины и 10 1/2 ширины. Тут мы и принялись ревностно за работу². <...>

Наш римский кружок не распадался и во время довольно частых отъездов то того, то другого из нашей среды, из Рима, летом: одни из нас уезжали в Неаполь или куда-нибудь в другое приморское место на воды, другие в Германию или Россию, третьи (как например, Иванов) отправлялись делать этюды в разных местностях Италии. Тогда мы принимались переписываться друг с другом. У меня было, вследствие того, немало писем от Гоголя и Иванова. К несчастью, они не сохранились, и потому я считаю большою радостью для себя, что могу теперь перечитать, после 25 или 30 лет, хотя некоторые из писем Иванова ко мне, уцелевшие в виде черновых набросков в его записных тетрадах: они мне напоминают дорогое и незабвенное для меня время.

Впервые опубликовано: Воспоминания Ф. И. Иордана (1879 г.) // Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и деятельность. 1806–1858. Издал Михаил Боткин. СПб., 1880. С. 398–401. Печатается по первой публикации.

¹ Двадцать третий час дня по старому римскому исчислению.

² «Он долго не решался начать ее в огромных размерах. Мы часто сходились в мыслях: написать ее в размере исторических картин Н. Пусина <Н. Пуссена>. Однажды, вечером, он приходит в Café Bon Gusto и объявляет, что он решил, наконец, писать ее больше, чем “Медный змий” Бруни. Пожелав ему успеха, я сделал ему замечание, что большие наши картины будут занимать много места; они очень неудобны, посему, если начать, то следует разом начать и разом кончить, не тратя время на разъезды, которые он очень любил и которые затаили и отняли у него столько времени, что и через 20 лет работы он все-таки картину не кончил. Иванов много тратил времени, выслушивая советы гостей и случайных друзей» (Записки ректора и профессора Академии Художеств Федора Ивановича Иордана <а>. М., 1918. С. 153–154).

Записки профессора и ректора Императорской Академии Художеств Федора Ивановича Иордана Фрагменты

<...> Был у меня также приятель архитектор Томаринский, скромный малый, сын нашего академического диакона, Антона Осиповича¹, который был у нас псаломщиком в 1809 г., когда я мальчишкою был принят в академию. Отец Томаринского не убил времени даром: будучи нашим псаломщиком, он учился рисовать и писать красками. Академическая церковь имела хоругви, им написанные. К несчастью, будучи произведен в диакона, он начал сильным и принужденным голосом оканчивать Евангелие и многолетия на молебнах, надорвался, был

тщедушен и детей народил тщедушных. Сын его, талантливый архитектор, предчувствовал свою грудную болезнь, унаследованную от отца, употреблял все предосторожности от грудного недуга, но болезнь взяла свое, — он не мог избегнуть своей горестной участи. Простудившись, Томаринский получил сильную опухоль в боку, которая была полна разлагающейся материи. Ему сделали операцию, вышло огромное количество пахучей желтой воды и через несколько дней его не стало².

Я душевно оплакивал его кончину и гости, бывшие у меня вечером в день его похорон, П. В. Анненков, Н. В. Гоголь, А. А. Иванов, заметив это, предложили мне поехать с ними за город, чтобы развлечься. Н. В. Гоголь, любуясь на чудный закат солнца, описание которого, вероятно, понадобилось ему для какого-нибудь из его произведений, не имея с собою ни пера, ни бумаги, видимо, старался запечатлеть в своей памяти представившуюся нам чудную картину³. <...>

Томаринский, сын нашего дьякона, был человек лет за 35, среднего роста, всегда чисто одетый; вместе с ним приехал <...> Александр Васильевич Логановский, брат нашего академического священника, отца Михаила⁴, представлявший с ним, во всех отношениях, совершенную противоположность. Логановский, скульптор, был величайший добряк, и Томаринский подтрунивал над его неимоверною доброю и оригинальным простодушием. <...>

Во время моего пребывания в Риме туда приехал наша знаменитость Николай Васильевич Гоголь; люди, знавшие его и читавшие его сочинения, были вне себя от восторга и искали случая увидеть его за обедом или за ужином, но его несообщительная натура и неразговорчивость помаленьку охладили этот восторг. Только мы трое: Александр Андреевич Иванов, гораздо позже Федор Антонович Моллер и я остались вечерними посетителями Гоголя, которые были обречены на этих ежедневных вечерах сидеть и смотреть на него, как на оракула, и ожидать, когда отверзутся его уста. Иной раз они и отверзались, но не изрекали ничего особенно интересного.

Доброта Гоголя была беспримерна, особенно ко мне и к моему большому труду «Преображение». Он рекомендовал меня, где мог. Благодаря его огромному знакомству, это служило мне поощрением и придавало новую силу моему желанию окончить гравюру. Гоголь сидел обыкновенно опершись руками о колени, зачастую имея перед собою какие-нибудь мелкие покупки: они развлекали его. Часто встретишь его, бывало, в белых перчатках, щегольском пиджаке и синего бархата жилете; он всегда замечал шутя: «Вы — Рафаэль первого манера», и мы расходились смеясь. Гоголь многим делал добро рекомендациями, благодаря которым художники получали новые заказы. Его портрет, писанный Моллером — верх сходства; мне пришлось два раза гравировать с него.

В это же время приехал в Рим Ф. А. Моллер⁵, пенсионер академии художеств, красивый, молодой дворянин и художник с блестящим талантом и хорошими средствами, всегда веселый и крайне старательный. Его картина, известная под названием «Поцелуй», заставила говорить о нем весь Рим⁶; «Русалка», по стихотворению Пушкина, была менее удачна; наконец, он написал в Риме еще портрет Гоголя. <...>

Об Александре Андреевиче Иванове я <...> уже говорил. Это была странная личность; он всегда улыбался и в Н. В. Гоголе видел какого-то пророка. Гоголь давал ему наставления, которые Иванов рабски слушал. Я и Моллер, всегдашние вечерние посетители Гоголя, были в его глазах ничто перед Гоголем, и я душевно смеялся над его увлечением. <...>

Приезд наследника цесаревича привлек в Рим множество гостей, особенно русских; Н. В. Гоголь, воспользовавшись этим, как известный писатель, желая помочь одному земляку своему, малороссу, весьма посредственному художнику, Шаповаленко, объявил, что будет чи-

тать комедию «Ревизор» в пользу этого живописца, по 5 скуд за билет. Как приезжие русские, так и приятели художника все бросились брать билеты. Говорили, что Гоголь имеет необыкновенный дар читать, особенно «Ревизора», — комедию, обессмертившую его. Княгиня Зинаида Волконская дала ему в своем дворце, Palazzo Poli, большое зало, с обещанием дарового угощения. Съезд⁷ был огромный. Я был восхищен появлением, в числе гостей, двух сестриц Алферьевых, из коих младшая была ангелом красоты, скромности и несказанной доброты; я все время любовался ею⁸.

В зале водворилась тишина; впереди, полукруглом, стояло три ряда стульев, и все они были заняты лицами высшего круга. Посередине залы стоял стол, на нем графин с водою и лежала тетрадь; видим, Н. В. Гоголь с довольно пасмурным лицом раскрывает тетрадь, садится и начинает читать, вяло, с большими расстановками, монотонно. Публика, по-видимому, была мало заинтересована, скорее скучала, нежели слушала внимательно; Гоголь, время от времени, прихлебывал воду; в зале царствовала тишина. Окончилось чтение первого действия без всякого со стороны гостей одобрения; гости поднялись со своих мест, а Гоголь присоединился к своим друзьям. Явились официанты с подносами, на них чашки с отличным чаем и всякого рода печением. Я все посматривал на свой предмет, Алферьеву; увидал, что с нею была какая-то молодая бойкая дама⁹, высокого роста мужчина¹⁰, средних лет женщина¹¹ и старушка¹².

Во время чтения второго действия многие кресла оказались пустыми. Я слышал, как многие, выходя, говорили: «Этою пошlostью он кормил нас в Петербурге, теперь он перенес ее в Рим».

Доброе намерение Н. В. Гоголя оказалось для него совершенно проигранным. Несмотря на яркое освещение зала и на щедрое угощение, на княжеский лад, чаем и мороженым, чтение прошло сухо и принужденно, не вызвав ни малейшего аплодисмента, и к концу вечера зало оказалось пустым; остались только мы и его друзья, которые окружили его, выражая нашу признательность за его великодушное намерение устроить вечер в пользу неимущего художника.

Гоголь с растерянным видом молчал; с этого вечера характер его совершенно изменился: он предался строгой аскетической жизни, начал чаще и чаще посещать православную церковь, стал собирать разные реликвии, стал собираться в Иерусалим, сделался своенравным. Во время обеда, спросив какое-нибудь блюдо, он едва, бывало, дотронется до него, как уже зовет пологого и требует переменить кушанье по два, по три раза, так что полой трактира «Сокол» (il Falcone) Луиджи почти бросал ему блюда, говоря: «Сэр Николо, лучше не ходите к нам обедать, на вас никто не может угодить. Забракованные вами блюда хозяин ставит на наш счет».

Мы же трое: Иванов, Моллер и я, каждый вечер сидели у Гоголя и скучали, особенно я. Часто, бывало, говорил я ему: «Мы ведь, мастеравые, потрудившись целый день, идем к вам послушать что-нибудь веселое или назидательное, вы молчите и желаете, чтобы мы вас занимали. Вы думаете: не стану расточать перед вами мои слова, вы их найдете в печати; но ваши книги дороги, и вы, как будто из скупости, говорите: покупайте их, даром не дам».

Гоголь сделался скрытен, уехал вскоре в Иерусалим, оттуда, кажется, в Москву, и я услышал потом об его праведной кончине, яко истинного христианина; слышал от друга Рихтера о похоронах Гоголя, на которые собралась вся Москва.

Вечная память достойному труженику и христианину! Не мне молиться о твоей душе, ты сам себе изготовил место злочно, место покойно!

Вскоре после вечера у княгини Зинаиды Волконской, на котором Гоголь читал «Ревизора», я познакомился с семейством Обуховых, состоявшим из старушки матери, Марии Алексеевны, ее сына, Обухова — Василия Васильевича, отставного ротмистра уланского полка, его жены Екатерины Васильевны Обуховой, рожденной Обрезковой, и двух племянниц со стороны Василия В<асильевича>, детей его сестры, — Марии и Екатерины Павловны Алферьевых. Екатерина Павловна была предметом моей любви; ее дядя и тетушка принимали меня весьма ласково, но, видя, что я необдуманно хотел связать свою жизнь с девушкою, совершенно неравною

мне ни по состоянию, ни по годам, старались деликатно, без всякой для меня обиды, удалить меня от их племянницы. Равномерно и Екатерина Павловна относилась ко мне в полном смысле несочувственно... <...> Наконец настало время отъезда Обуховых. <...> Я согласился быть вечером у них... <...> ...Я простился с семейством Обуховых и, взглянув на предмет моей двухгодовой любви, я увидел, что лицо ее, при прощании со мною, повеселело.

Прошло лето, на зиму семейство любезных Обуховых вновь возвратилось в Рим, и я к искренней моей радости узнал, что Екатерина Павловна помолвлена за красавца гусара, к тому же богатого, г. Маслова¹³. Тем и окончились все мои мечты.<...>

Вскоре Рим был осчастливлен приездом молодой царской четы: великой княгини Марии Николаевны с герцогом Максимилианом Лейхтенбергским. Они видели мой труд и пожелали быть подписчиками на мою гравюру. <...>

В это время¹⁴ приехал в Рим наш писатель (П. В.) Анненков, с которым я познакомился. Он остановился у Гоголя, с которым был дружен, несмотря на все несходство их характеров. Анненков был характера веселого, открытого, что Гоголю не очень-то нравилось. Спустя несколько времени я увидел приехавшего к Гоголю известного поэта (Н. М.) Языкова¹⁵. Лицо его было в высшей степени страдальческое; он не мог ходить, страдая болезнью станвого хребта — последствие крайне неводержной его жизни. Он собирался, должно быть, долго пробыть в Риме, ибо я видел огромный сундук с книгами, который привезли из таможи к Гоголю, но болезнь заставила его поспешить обратно в Россию. Несколько времени спустя я получил через Ф. В. Чицова заказ выгравировать его портрет в малом виде и свободным манером. <...>

Настало утро 30-го октября 1855 г. <...> Утром в день свадьбы¹⁶ явился ко мне псаломщик университетской церкви, где должно было совершиться наше бракосочетание, с книгою и с установленными правилами для лиц иностранного исповедания¹⁷, вступающих в брак с православными. Я должен был подписать, что не буду противоречить обрядам Православной Церкви, что дети мои должны быть православными и т. д. <...> Мое занятие в то время состояло в гравировании портрета Н. В. Гоголя, завещанного самим Гоголем. Ко мне явился г. П. Кулиш с оригиналом Моллера, — портретом весьма схожим и хорошо написанным. Мне хотелось было выгравировать его строгим манером, но, в силу некоторых чисто личных соображений, я решился выгравировать его рисовальным манером, чему многие удивлялись. <...>

Первые опубликовано: Записки профессора и ректора Императорской Академии Художеств Федора Ивановича Иордана. Сообщ<ила> В. А. Иордан // Русская Старина. 1891. Март. С. 601–634; Апрель. С. 71–116; Май. С. 305–337; Июнь. С. 547–580; Июль. С. 25–70; Август. С. 239–264; Сентябрь. С. 519–546; Октябрь. С. 113–137; Ноябрь. С. 325–350; Декабрь. С. 619–658; перепечатано, с предисловием С. П. Виноградова и приложением составленных им каталога гравюр Ф. И. Иордана и списка портретов художника: Записки ректора и профессора Академии Художеств Федора Ивановича Иордан<а>. М., 1918. С. 1–334. Печатается по первой публикации.

¹ Антоний Осипович Томаринский, диакон церкви Сошествия Св. Духа в Императорской Академии художеств.

² М. А. Томаринский умер в ночь с 14/26 на 15/27 июня 1841 г. 29 декабря 1841 г. президент Императорской Академии художеств А. Н. Оленин писал российскому посланнику в Риме И. А. Потемкину: «На отношение Вашего Превосходительства за № 326 честь имею ответствовать, что Им<ераторская> Академия Художеств не может принять на себя ходатайство касательно требования денег на содержание умершего пенсионера Томаринского за сентябрьскую сего года треть, которые Ваше Превосходительство предполагаете употребить на уплату долгов покойного, тем более, что Томаринский умер в июне месяце, следовательно, по расчету должны оставаться деньги из присланного ему содержания за майскую треть, родители же Томаринского находятся, сколько мне известно, в бедности» (АВПРИ. Ф. 190. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 109. Л. 265).

³ П. В. Анненков в 1857 г. также вспоминал: «Первая наша поездка за город в Альбано возникла <...> по особенному поводу <...> Один молодой русский архитектор <М. А. Томаринский> <...> имел несчастье, занимаясь проектом реставрации известной загородной дачи Адриана, простудиться в Тиволи и получить злокачественную лихорадку <...> Во все время его тяжелой болезни Гоголь с участием справлялся о нем у товарища его по академии и квартире в Риме, скульптора Логановского <...> Бедный молодой человек <...> вскоре угас. Мы все собирались отдать бедному нашему соотечественнику последний долг, но Гоголь <...> боялся печальной церемонии и хотел освободиться от нее. За день до похорон <...> мы очутились в Альбано <...> С горы Альбано, как известно, открывается изумительный вид на Рим и всю его Кампанию <...> Особенно вечером, при закате <...> картина эта приобретала строгое, художественное величие, почти всегда производившее на Гоголя непостижимое действие: на него ниспадал род нравственного столбняка, который он сам изобразил в статье “Рим” <...> Два обычные спутники наши, А. А. Иванов и Ф. И. Иордан, прибыли в Альбано, похоронив бедного своего товарища. За обедом Ф. И. Иордан, сообщая несколько семейных подробностей о покойнике, заметил: “Вот он вместо невесты обручился с римской Кампанией”. — “Отчего с Кампанией?” — сказал Гоголь. “Да неумищих иноверцев хоронят иногда здесь просто в поле”. — “Ну, — воскликнул Гоголь, — значит, надо приезжать в Рим для таких похорон”» (см. в наст. изд. «Воспоминания о Гоголе» П. В. Анненкова).

⁴ Михаил Васильевич Логановский, протоиерей церкви Сошествия Св. Духа в Императорской Академии художеств.

⁵ Ф. А. фон Моллер приехал в Рим осенью 1838 г.

⁶ «Одно из самых замечательных, самых отрадных художественных явлений в настоящем году — это новая картина Ф. А. фон Моллера. <...> Совет *Императорской Академии Художеств* определил: <...> Федора Антоновича фон Моллера возвести в звание Академика *Императорской Академии Художеств*... <...> Картину Г<-на> фон Моллера признать достойною представления на всемирнолюбивейшее воззрение *Его Императорского Величества*» (<*Струговщиков А. Н.*> Поцелуй. Картина Ф. А. фон-Моллера // *Художественная Газета*. 1840. 1 авг. № 15 (цензурное разрешение 7 авг.). С. 16, 18–19). См. также: «Недавно Академия видела полученное из Рима произведение любителя-художника Ф. А. Моллера: *Поцелуй*, и радушно приветствовала нового отличного Русского Живописца. Произведение это — изящное в полном смысле слова, поразившее прекрасною идеею и исполнением Римлян, обворожившее нас, принадлежит *Его Императорскому Величеству*. Художник, путешествующий на свой счет, награжден от *Государя* 600 червонцев, которые будут доставлены ему в виде содержания в течении двух лет, а Академия почла обязанностию признать его своим Академиком» (Отчет Императорской Академии Художеств за 1839–1840 академический год // *Художественная Газета*. 1840. 15 дек. № 24 (цензурное разрешение 22 дек.). С. 8); «В Риме “Поцелуй” был принят с восторгом и увенчался полным успехом; ту же участь испытал он и в Петербурге; да как и быть иначе! Но обо всем этом мы уже говорили в свое время (см. № 15 *Художественной Газеты* 1840 г.)» (<*Струговщиков А. Н.*> Поцелуй. Картина Ф. А. фон-Моллера // *Художественная Газета*. 1841. № 7 (цензурное разрешение 22 марта). С. 2; авторство статьи указано: <*Струговщиков А. Н.*> От редакции // *Художественная Газета*. 1841. № 10 (цензурное разрешение 20 мая). С. 6). См. также в наст. изд. коммент. к разделу *Гоголь в письмах Ф. А. фон Моллера*.

⁷ 14 февраля (н. ст.) 1841 г.

⁸ См. в наст. изд. письмо П. В. Анненкова к М. М. Стасюлевичу от 16 августа 1876 г. и письмо Ф. В. Чижова к Г. П. Галагану от 3 декабря (н. ст.) 1842 г.

⁹ Вероятно, старшая сестра Екатерины Павловны Алферьевой Мария.

¹⁰ Очевидно, отставной ротмистр Василий Васильевич Обухов, дядя Е. П. Алферьевой.

¹¹ Вероятно, жена В. В. Обухова Екатерина Васильевна (рожд. Обрезкова).

¹² Имеется в виду Мария Алексеевна Обухова, мать В. В. Обухова.

¹³ Е. П. Алферьева вышла замуж за Галахова.

¹⁴ 28 апреля 1841 г.

¹⁵ Гоголь и Н. М. Языков приехали в Рим вместе 4 октября (н. ст.) 1842 г.

¹⁶ Брак Ф. И. Иордана с Варварой Александровной Пущиной.

¹⁷ Иордан был протестантского исповедания.

Петербургские новости и слухи Фрагмент

16 марта мы проводили за границу Федора Ивановича Иордана... <...> Цель его поездки — отпечатание новых оттисков своей знаменитой гравюры... <...> За границею удерживали артиста и говорили, что все первые оттиски его должно оставить там, а в Россию пустить не более десятка. «Все туда!» говорил художнику Гоголь, и слова его оправдались. Теперь во Флоренции начнется печатанье вторых оттисков. <...>

Впервые опубликовано: Д. Петербургские новости и слухи. С. Петербург. Середя, 25-го марта // Литературный Отдел Московских Ведомостей. 1853. 2 апр. № 40. С. 42. Печатается по первой публикации.

Статья, возможно, принадлежит перу Г. П. Данилевского.

Из писем Ф. И. Иордана

Ф. И. Иордан — Ф. В. Чижову

3/15 декабря 1847. <Рим>.

<...> От девиц Раевских я недавно имел случай получить для прочтения «Письма к друзьям» Н. В. Гоголя и, признаюсь, многими из них душевно восхищался, особенно письмом насчет перевода В. А. Жуковским «Одиссеи».

Впрочем, все-таки жаль, что тот, кто создан сочинять картины, пустился давать уроки, ибо легче разбирать и советовать, чем сочинять, — по крайней мере мне так кажется как художнику. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 704. Печатается по первой публикации.

Ф. И. Иордан — А. А. Иванову

29 мая 1850 г. Санкт-Петербург.

Извините меня, что до сих пор вы остались без моих известий <...> Я в Петербурге <...> в шумном и хлопотливом Петербурге... <...> Будущий год — если не ранее, надеюсь быть в Риме <...> Слышал от г. Скотти, что Н. В. Гоголь находится в Москве. <...>

Впервые опубликовано: Федор Иванович Иордан в 1850–1853 гг. Семь его писем в Рим к художнику А. А. Иванову. Сообщ<ила> Е. С. Некрасова // Русская Старина. 1892. № 2. С. 429–430. Печатается по первой публикации.

Ф. И. Иордан — А. А. Иванову

Страстная Пятница, 6 апреля 1851 г. <Санкт-Петербург>.

Я только что возвратился из Москвы, и остался ею доволен; приняли меня с Айвазовским отлично, дали публичный обед, коему причиною были добрые профессора: гг. Погодины и Шевыревы. Дай Бог им здоровья! Вследствие чего и продажа эстампов пошла для меня повыгод-

нее. Был на лекциях и восхищался Грановским и Шевыревым; все спрашивали о вас, о вашем труде и ждут с нетерпением возврата. Г-на Чицова я застал только что пред его отъездом к себе на свои плантации шелка¹. Жаль, что не было Н. В. Гоголя, тем более, день нашего обеда, 19-е марта, был день его рождения и вступления победоносного российского войска в Париж². Сколько событий в один день! Остановился я у Рихтера... <...>

Впервые опубликовано: Федор Иванович Иордан в 1850–1853 гг. Семь его писем в Рим к художнику А. А. Иванову. Сообщ<ила> Е. С. Некрасова // Русская Старина. 1892. № 2. С. 432–433. Печатается по первой публикации.

¹ К занятиям шелководством, к которому Ф. В. Чижов приглядывался еще во время пребывания в Италии в 1842–1845 и 1847 гг. и о котором написал потом свои «Письма о шелководстве» (1853; переизданы в 1870), он обратился, как бы выполняя пожелание А. С. Хомякова, высказанное в 1843 г. по поводу московской промышленной выставки: «Еще заметнее успехи <наши> в тканях шелковых; но этот успех был бы утешительнее, если бы мы не были вполне данниками чужих краев для сырого материала. К несчастью, Южная Россия еще производит слишком мало шелка и слишком плохо умеет его готовить, а она легко бы могла нас избавить от дани иностранцам» (Хомяков. Письмо в Петербург о выставке // Москвитянин. 1843. № 7 (цензурное разрешение 8 авг.). С. 222). С просьбами выслать ему для разведения итальянских шелковичных червей Чижов обращался в 1851–1852 гг. к Г. П. Галагану и А. А. Иванову в Италию.

² См. также в наст. изд. письмо С. П. Шевырева к М. П. Погодину от 12 марта 1852 г. и письмо М. А. Максиминовича к С. Т. Аксакову от 19 марта 1857 г.

Ф. И. Иордан — А. А. Иванову

18 августа 1851. <Санкт-Петербург>.

<...> ...Николай Петрович¹ везет и даст Вам все новости Петербурга и Москвы, — как и о нашем общем приятеле Н. В. Гоголе, который кончил свои «Мертвые души» и готовит пустить их в цензуру...² <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 737. Печатается по первой публикации.

¹ Боткин.

² Ср. с письмом Гоголя к П. А. Плетневу от 15 июля 1851 г. из Москвы: «Поспешил сюда с тем, чтобы заняться делами по части приготовления к печати “М<ертвых> д<уш>” второго тома, и до того изнемог, что едва в силах водить пером, чтобы написать несколько строчек записки, а не то, что поправлять или даже переписать то, что нужно переписать».

Ф. И. Иордан — А. А. Иванову

24 февраля 1852 г. Санкт-Петербург.

Только что получено здесь душевно прискорбное из Москвы известие, что 21 февраля скончался бесценный наш Н. В. Гоголь.

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 759–760. Печатается по первой публикации.

Ф. И. Иордан — А. А. Иванову

19 марта 1852 г. Санкт-Петербург.

С будущим Христос Воскресе! Поздравляю всех. В предыдущем письме я только что получил известие из «Северной Пчелы» о неожиданной, прискорбной и бедственной для нашей литературы потере Николая Васильевича Гоголя, который столько лет был нашим другом, другом счастливых дней Рима и благодетелем в предпринятых нами трудных работах. Во время масляной недели¹ он говел и приобщился Святых Тайн. — Подействовала ли на него святость сей великой тайны, или, как другие предполагают, что он простудился, только духовная и телесная боль явно оказалась опасною в виду своих приятелей, средств земных он не искал и отказался от всех пособий лучших врачей первопрестольной матушки, снова приобщился Святых Тайн и долгое время питал себя одною просфорю, пока настал роковой день 21-го февраля, в который день добрая и святая душа его отошла в вечность. <...> На руках перенесено было тело во гробе в университетскую церковь. <...> Стечение народа в продолжение двух дней было невероятное. Рихтер, который живет возле университета, писал мне, что два дня не было проезду по Никитской улице. <...> Ужасное стечение народа всех сословий и бесчисленное число экипажей следовало за гробом, который на руках был несен профессорами и всем почетным сословием до могилы в монастырь, где его положили возле почившего несколькими годами раньше Н. М. Языкова... <...> За два дня до своей смерти, ночью, топился у него камелек, и он все рвал и жег... <...> «Мертвых Душ» второй части не находят... <...> говорят, что и это сжег... <...> Родных никого не оказалось ни во время болезни, ниже при похоронах, так что он скончался в Москве, как наш брат умирает в Риме... <...> Вчера я встретил его портрет, литографированный с Моллера, чрезвычайно похожий; явился и другой, когда он лежит в гробу... <...> снята была также маска... <...> Были письма от В. А. Жуковского, который поражен и скорбит душевно от плачевного известия. Я уверен — и ваша слеза горячая, слеза искренней дружбы и признательности льется над другом, к которому вы так искренно были привязаны с первого дня вашего свидания и знакомства. Мир, мир праху его! <...>

Впервые опубликовано: Федор Иванович Иордан в 1850–1853 гг. Семь его писем в Рим к художнику А. А. Иванову. Сообщ<ила> Е. С. Некрасова // Русская Старина. 1892. № 2. С. 435–437. Печатается по первой публикации.

¹ В четверг 7 февраля 1852 г.

Ф. И. Иордан — А. А. Иванову

17 июля 1852 г. Санкт-Петербург.

Про дело Гоголя и Жуковского, т. е. про портреты, ни наследники, ниже народ — все замолчали и даже словца не слышу.

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 760. Печатается по первой публикации.

Ф. И. Иордан — А. А. Иванову

11 декабря 1852 г. Санкт-Петербург.

<...> Гоголя портрет замолк и ничего более не слышать, хотя и виделся с М. П. Погодиным, который продал или, лучше сказать, Император приобрел его богатую коллекцию русской

древности за 150 тысяч серебром, и он собирается отдохнуть, сделав путешествие к Светлому празднику к Святым Местам. <...>

Впервые опубликовано: Федор Иванович Иордан в 1850–1853 гг. Семь его писем в Рим к художнику А. А. Иванову. Сообщ<ила> Е. С. Некрасова // Русская Старина. 1892. № 2. С. 438–439. Печатается по первой публикации.

Ф. И. Иордан — А. А. Иванову

18 апреля 1853 г. Флоренция.

Судьба вновь меня бросила в Италию и вот уже второй день, как я нахожусь во Флоренции. <...> Перед отъездом съездил в матушку Москву, дабы проститься. Все об вас у меня спрашивали и весьма интересуются видеть оконченным ваш труд, особенно достопочтенный М. П. Погодин, с которым не худо бы было свести переписку, ибо редкий русак, любит русское, толковал долго о редком вашем произведении и просил свидетельствовать свое почтение. Портрет достославного Н. В. Гоголя остался втуне¹.

Впервые опубликовано: Федор Иванович Иордан в 1850–1853 гг. Семь его писем в Рим к художнику А. А. Иванову. Сообщ<ила> Е. С. Некрасова // Русская Старина. 1892. № 2. С. 440–441. Печатается по первой публикации.

¹ Литографию портрета Гоголя (работы Ф. А. фон Моллера) Ф. И. Иордан выполнил, по завещанию писателя, лишь четыре года спустя. Эта литография была помещена в издании «Сочинений и писем Гоголя», подготовленном П. А. Кулишом (СПб., 1857. Т. 1).

Пропуск на право прохода через парк Ариччио, выданный Гоголю 28 июня (н. ст.) 1841 г.

<...> 1841. <...> Июня 28 <16>. Рим. Гоголь получает пропуск на право прохода через парк палаццо Киджи в Аричче, близ Альбано. <...>

Впервые упомянуто: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 11. С. 468. Печатается по изд.: *Виноградов И. А., Воропаев В. А.* Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя // *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2010. Т. 16. С. 395; с уточнениями по оригиналу: *РГБ*. Ф. 74. К. 8. Ед. хр. 92. 1 л.

Документ на ит. яз., датированный: «Roma il 28 Giugno 1841», – сохранился в бумагах А. А. Иванова.

Гоголь в письмах Ф. А. фон Моллера

Ф. А. фон Моллер — А. А. Иванову

Петербург. 27 мая / 8 июня 1842 г.

<...> Вообразите себе мою радость; сию минуту был у меня Николай Васильевич Гоголь! Он пробудет здесь несколько дней¹, а потом, может быть, поедет за границу, а зиму, может, проведет в Риме. *Прошу, однако ж, молчать покамест об этом.* <...>

Первые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланства <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 622. Печатается по первой публикации.

Федор Антонович фон Моллер (1812–1874), русский художник. «Гвардии штабс-капитан Федор Антонович фон-Моллер, сын адмирала Антона Васильевича фон-Моллера, с самых юных лет полюбил рисовать и занимался им постоянно. <...> Будучи еще на службе, он в свободное время стал посещать академические классы рисования, и прошел все их отделения, делая замечательные успехи. <...> Открылась Польская компания, и обязанности службы, казалось, должны были отвлечь его от любимых занятий; но военные тревоги не охладили молодого любителя, и по возвращении он написал замечательную картину “Осада Остроленки”. *Государь Император* заметил ее и пожелал иметь ее у Себя. <...> Начав с живописи батальной, Моллер стремился перейти к высшему роду; испытывал силы свои в сюжетах исторических, и между прочим, обработывал в этюдах задуманную картину: “Альцеста освобождаемая Геркулесом из царства теней”. Доныне большая часть его произведений принадлежит к так называемой живописи de genre. Первая замечательная картина его в этом роде, “Семейство самого художника, с портретами”, была на выставке 1836 года и, конечно, памятна всем посетителям Академии. Приехал в Россию Брюллов; Моллер с ним сблизился и стал пользоваться наставлениями и руководством знаменитого художника; копировал с некоторых его работ и особенно с портретов. Сближение это имело решительное влияние на дарование Моллера. <...> Около этого времени Моллер оставил службу и решился совершенно посвятить себя искусству. С этою целью он отправился в Италию, и там написал превосходную картину <“Поцелуй”>... <...> В Риме “Поцелуй” был принят с восторгом и увенчался полным успехом; ту же участь испытал он и в Петербурге. <...> Картина <...> приобретена *Государем Императором* и теперь украшает покои *Его Величества*. Моллер удостоился звания академика и получил в вознаграждение значительную сумму денег. <...> Говорят, что Моллер теперь занят в Риме картиною “Русалка”, сюжет которой заимствован из превосходной баллады Пушкина, “Отшельник” <“Русалка”>. Мы в то же время слышали, что тяжкая болезнь художника едва не лишила нас прекрасного дарования в полном цвету его; но гроза миновала — и Моллер нас скоро обрадует своим новым, и без сомнения также прекрасным произведением» (<*Струговщиков А. Н.*> Поцелуй. Картина Ф. А. фон-Моллера // *Художественная Газета*. 1841. № 7 (цензурное разрешение 22 марта). С. 2; авторство статьи указано: <*Струговщиков А. Н.*> От редакции // *Художественная Газета*. 1841. № 10 (цензурное разрешение 20 мая). С. 6). См. также в наст. изд. коммент. к *Запискам профессора и ректора Императорской Академии Художеств Федора Ивановича Иордана*.

Гоголь познакомился с Моллером в Риме, куда тот впервые приехал осенью 1838 г. В первой половине июня (н. ст.) 1839 г. Гоголь писал княжне В. Н. Репниной-Волконской из Чивитавеккьи: «Как я жалею, что я вас не познакомил с моим большим приятелем, который теперь в Риме, Моллером. <...> Это решительно наш первый ныне художник...»

¹ Гоголь прибыл в Петербург 25–26 мая 1842 г. и пробыл здесь до 5 июня. Сам Ф. А. фон Моллер приехал в Петербург 2 мая 1842 г.

Ф. А. фон Моллер — А. А. Иванову

<Вторая половина июня 1842. Санкт-Петербург>

На днях был у меня Гоголь. Теперь он уже уехал за границу и вероятно зиму пробудет в Риме. Я ему ничего не говорил о моих запутанных обстоятельствах. Вы не поверите, как мне тяжело и неприятно не только говорить, но и думать об этом предмете. Бог знает, удастся ли мне с ним увидеться нынче в Италии. Едва ли. А здесь мне и думать некогда о занятиях и едва ли примусь серьезно за работу.

Впервые опубликовано: *Маркина Л. А.* Живописец Федор Моллер. М., 2002. С. 86. Печатается по первой публикации.

Ф. А. фон Моллер — А. А. Иванову

30 сентября 1842 г. Санкт-Петербург.

<...> Кланяйтесь, пожалуйста, всем нашим, а в особенности Шاپовалову и почтенному нашему Николаю Васильевичу, которому прошу рассказать всё мое дело¹ и просить его совету и помощи, в которых он мне, верно, не откажет². <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 638. Печатается по первой публикации.

«Упоминания о Гоголе встречаются еще в нескольких неизданных письмах Моллера к Иванову — от 12/24 декабря 1842 г., 17/29 января 1843 г. и др. В последнем из них содержится указание на не дошедшее до нас письмо Моллера к Гоголю» (Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 638).

¹ См. в наст. изд. коммент. к письмам А. А. Иванова к Ф. А. фон Моллеру от конца апреля (н. ст.) и от конца сентября (н. ст.) 1842 г.

² В черновом письме к Ф. А. фон Моллеру, относящемся к октябрю 1842 г., А. А. Иванов советовал ему, от своего имени и от имени Гоголя, «не трогаться из Петербурга до весны» или поехать в Венецию или в Сицилию, а в Петербурге «распустить слух, что он в Италию никогда не будет» (Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 638).

Ф. А. фон Моллер — А. А. Иванову

<Начало 1843>

<...> Виноват и очень виноват я пред Вами! Как я встревожил Вас моей опрометчивостью! Николай Васильевич, прочитав письмо, приложенное к Вашему, дал мне выговор и на другой же день написал к Вам письмо, которое Вы, верно, уже читали. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 655. Печатается по первой публикации.

Ф. А. фон Моллер — А. А. Иванову

12 января 1843. Санкт-Петербург.

Прошу вас покорнейше доставить вложенное здесь письмо Николаю Васильевичу, которому при этом случае прошу засвидетельствовать мое почтение. <...> Не забудьте, пожалуйста, отослать поскорее письмо к Гоголю¹.

Первые опубликовано: Неизданные письма к Гоголю / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 814. Печатается по первой публикации.

«В неизданных письмах Ф. А. Моллера к Иванову от 19 и 20 января 1843 г., написанных по тому же поводу, имеется еще несколько беглых упоминаний о Гоголе» (Неизданные письма к Гоголю / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 814).

¹ 12 января 1843 г. Ф. А. фон Моллер писал Н. В. Гоголю из Петербурга: «Начинаю с того, что прошу Вас письмо это прочесть *без свидетелей*; оно будет доставлено Вам Ивановым, которому, однако ж, содержание его *неизвестно*. Зная Вашу дружбу к любезному нашему Александру Андреевичу, я уверен, что Вы не откажетесь с возможною осторожностью сообщить ему печальную весть о болезни и кончине почтенной его матушки, воспоследовавшей к вечеру 6-го января. <...> Через неделю получит Иванов от меня и отца своего письмо с подробнейшими известиями». См. ниже письмо Ф. А. Моллера к А. А. Иванову от 20 января 1843 г.

Ф. А. фон Моллер — А. А. Иванову

20 января 1843 г. Санкт-Петербург.

<...> В 7 часов по полудни¹ <...> прекратилось ее страдание. Последние мысли ее были о вас. Она хотела меня видеть, но батюшка ваш не успел еще послать за мною, как ее уже не стало. По словам доктора, она скончалась от водяной в груди. Вполне чувствую весь ужас подобного известия. Надеюсь, что общий наш приятель, Гоголь, находится неотступно при вас. <...>

Первые опубликовано: Опыт полной биографии А. А. Иванова. Составил А. Новицкий. М., 1895. С. 116–117. Печатается по первой публикации.

¹ Мать А. А. Иванова Е. И. Иванова умерла 6 января 1843 г.

Ф. А. фон Моллер — А. А. Иванову

Москва. 4 марта 1843.

<...> Незадолго до моего отъезда из Петербурга получил я письмо от Николая Васильевича от 15 февраля, а через день и другое от него¹. Очень обрадовало и успокоило меня увидеть из этих писем, что в вас достало сил душевных довольно твердо перенести первое известие о постигшем вас несчастии². Беседа с добрым и почтенным нашими Николаем Васильевичем, надеюсь, мало-помалу опять совершенно возвратит вам спокойствие духа, столь необходимое для окончательного исполнения огромного труда Вашего. <...> Поблагодарите Гоголя за его любезное письмо, в немногих словах заключающее столь много милого для меня и занимательных, хотя и печальных известий о переменах в Риме, а в особенности за то, что он меня не разлюбил, узнав все мои слабости. Желая добросовестно исполнить его поручение, собрать мнения, столь различные о его последних произведениях, я решился писать ему уже по возвращении в Петербург. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 654–655; см. также: *Маркина Л. А.* Живописец Федор Моллер. М., 2002. С. 93. Печатается по первой публикации.

¹ Письма не сохранились.

² Речь идет о смерти матери художника Е. И. Ивановой. См. коммент. к письму Ф. А. фон Моллера А. А. Иванову от 12 января 1843 г.

Ф. А. фон Моллер — А. А. Иванову

6/18 апреля 1843 г. Санкт-Петербург.

<...> Так как Вы мне говорите в Вашем письме, что Гоголь из Гастейна едет прямо в Дюссельдорф, то, по моему расчету, он около этого время должен проезжать через Мюнхен, который находится на его дороге и где мы можем легко съехаться, без малейшей для него задержки. Я же чрез это избавлюсь от вторичного долгого и скучного путешествия в Дюссельдорф¹. <...> Итак, если Гоголь еще в Риме, то потрудитесь упросить его не лишать меня удовольствия видиться с ним в Мюнхене, где в случае надобности я охотно бы даже обождал его. Если его уже нет в Риме, то спишитесь с ним, получив от него ответ, потрудитесь меня немедленно же уведомить, адресуя письмо Ваше в Дрезден, пост ресторана, и для верности другое в Мюнхен.

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 658. Печатается по первой публикации.

¹ 17 мая (н. ст.) 1843 г. Гоголь сообщал А. А. Иванову из Гастейна: «К Моллеру я написал в Дрезден, назначая ему видиться со мною в Мюнхене, если ему нет возможности быть в Дюссельдорфе».

Ф. А. фон Моллер — А. А. Иванову

<28–30 мая (н. ст.) 1843. Дрезден>¹
Дрезден, 28 нового стиля мая 1843.

Любезный Александр Андреевич.

Вчера к ночи прибыл я в Дрезден и сегодня поутру отправил немедленно на почту, где получил как от вас, так и от Николая Васильевича письмо². С крайним сожалением вижу из вашего письма, что вы уже опять страдаете глазной болезнью; тогда когда я предполагал, что вы уже давно выздоровели. Что касается до повеления ехать в Петерб^{ург}, то вы об этом не слишком тужите и беспокоитесь. Ибо мне кажется, что этому можно еще довольно легко помочь, тем более, что с полученным на окончание вашей картины содержанием вы, так сказать, получили и разрешение оставаться в Италии до совершенного ее окончания. Прошу только написать мне немедленно одно письмо в Мюнхен, а другое во Флоренцию, *poste restante*; ибо я должен наверное знать, твердое ли намерение ваше, для совершенного окончания вашей картины отказаться от предстоящих вам работ в Иса^акии. Покамест прошу хранить совершенное *молчание* о моем содействии и о ваших намереньях, чтоб об этом никто бы не знал, в особенности наши соотечественники. Советую также не предпринимать ничего решительного без меня. Ссылаясь на болезнь вашу, можете получить отсрочку от Кривцова, а покамест дело может быть устроится. Какая досада, что я об этом не знал полторы недели тому назад, когда я был в Петербурге! Гоголь в своем письме назначает мне свидание в Минхене к 25 мая нового стиля, от чего я в совершенном недоумении, ибо сегодня уже 28. Решаюсь, однако ж, немедленно

ехать, хотя почти уже не надеюсь застать его там, ибо дилижанс, отправляющийся завтра в 10-м часу, пробудет почти целых 5 дней в дороге, и так я прибуду в Минхен только 3-го числа³. Сомневаюсь, что Гоголь будет ждать меня целую неделю, впрочем, это есть единственное средство получить по крайней мере известие, где его найти. Мне тем более нужно с ним видиться, что я везу ему все, что об нем было только напеча<та>но во всех рус<с>ких Журналах, Газетах и пр.⁴ Удивляюсь, что в письме своем Гоголь не назначил мне место, куды он едет из Минхена, на случай, что я туды не поспел бы к назначенному им числу. Вы не можете себе вообразить, в каком отчаянии, что мне должно ехать из Дрез<дена>, не видевши его. Прощайте, любезный Александр Андреевич, не унывайте, Бог даст, все устроится. Вот мои дела так похуже. Связался с разбойниками⁵, которые, не довольствуясь тем, что ограбили меня, еще лишают меня возможности спокойно работать и учиться в Риме.

Братишка и Братец ваш кланяются вам, последний проводил меня до парохода. Оба, слава Богу, здоровы. Кланяйтесь, пожалуйста, Шаповалову и Кривцову. Портрет, который он с него заказал, к сожалению, еще не совершенно окончен, почему я и не мог взять его с собою⁶. <...>

Впервые частично опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 660. Печатается по автографу: РГБ. Ф. 111. К. 6. Ед. хр. 50. Л. 1–2.

¹ Письмо имеет почтовый штампель: «DRESDEN / 30 Mai 43». Вероятно, два дня перед отправлением оно пролежало на почте.

² Письмо не сохранилось.

³ Ф. А. фон Моллер прибыл в Мюнхен 1 июня (н. ст.) 1843 г. (см. в наст. изд. коммент. к его письму А. А. Иванову от 4 июня (н. ст.) 1843 г.).

⁴ См. в наст. изд. коммент. к «Воспоминаниям о Гоголе» П. В. Анненкова.

⁵ Имеется в виду семья Лаваньи.

⁶ Имеется в виду портрет Императора Николая Павловича. 5 октября 1843 г. Ф. А. Моллер писал Иванову: «Кривцову скажите, что Портрет Государя, вероятно, уже прибыл теперь в Рим» (РГБ. Ф. 111. К. 6. Ед. хр. 50. Л. 11).

Ф. А. фон Моллер — А. А. Иванову

Минхен¹, 4 июня <н. ст.>² 1843.

Любезный Александр Андреевич.

Прибыв в четверг³ в Минхен, имел я удовольствие еще застать Гоголя здесь и прожить с ним до субботы, т. е. вчерашнего дня⁴. Вследствие первого консилиума, который мы имели насчет вашего дела⁵, я написал уже предлинное письмо в Петербург, в котором я снова обратился к той особе, которой вы обязаны вашим содержанием, назначенным вам в нынешнюю зиму⁶. Окончивши уже совсем письмо и прочитывая его, я заметил несообразность его, ибо покамест от Кривцова или даже от вас самих не поступит извещение о вашей болезни, о невозможности ехать и принять работу в Иса<a>кии, весьма естественно не может и воспоследовать никакого решения по этому делу от высшего начальства. Почему, обдумав еще раз наш предмет и посоветовавшись с Гоголем, положили мы, что вам непременно нужно начать действие самим и объявить Кривцову, что глаза ваши в таком положении, что вам и думать нельзя о путешествии в Россию и принятии заказов в Иса<a>кии: они, напротив, требуют самого строгого, внимательного и долговременного лечения. Что вам вовсе не хочется потерять глаза, что при столько далеком и трудном путешествии весьма легко может случиться, ибо и теперь, при малейшем усилии или даже душевном беспокойстве, они немедленно сильно воспаляются, несмотря на строгую диету, которую вы наблюдаете, вам и теперь по целым неделям приходится сидеть в

темной комнате. Вследствии всех этих бед и просите его довести до сведения высшего начальства, <1 нрзб.>, причины, лишаящие вас возможности участвовать в работах, которые при других бы обстоятельствах были бы столь лестными для вас, и просите его дозволение оставаться до совершенного вашего излечения в Риме. Само собою разумеется, что по прошествии полугода работы в Иса<a>кии будут розданы, и вас уже не будут более беспокоить⁷. Теперь только надобно вам с твердою решимости рассказать Кривцову все ваше дело, и будьте уверены, что он не найдет ничего сказать против столь законных и естественных причин, которые каждому доступны, ибо и 5-летнему мальчику понятно, что больному нельзя путешествовать, а с большими глазами нельзя работать, или предпринимать новых огромных, и еще к тому срочных работ. Николай Васильевич поручил только сказать вам, чтобы вы, главное, не тревожились бы напрасно, работали бы понемногу, если глаза ваши вам это дозволяют, а в отношении к Кривцову велел де<ржать> себя всегда совершенно одинаково *пассивно*, повторяя ему всегда то же самое, т. е., что глаза ваши все еще очень больны и что вам прежде совершенного излечения и думать нельзя об обратном путешествии в Россию и что вы в отчаянии, что не можете участвовать в Иса<a>киевских работах. Прошу только немедленно уведомить меня, каков будет ответ Кривцова и когда он об этом напишет в Петербург; ибо тогда только, если нужно, можно будет начать действовать мне. Прощайте, любезный Александр Андреевич. *Conregio*⁸, не унывайте. — Кланяйтесь Шаповалову. Я пробуду здесь еще недели две. Жду ваших писем с нетерпением. Ваш Федор Моллер. <...>

Впервые полностью опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 660–662. Печатается по автографу: РГБ. Ф. 111. К. 6. Ед. хр. 50. Л. 3–4.

¹ Мюнхен.

² Письмо имеет также почтовый штампель: «MÜNCHEN / 4 IUN 1843».

³ Четверг приходился на 2 июня (н. ст.) 1843 г. Следует предположить, что Ф. А. фон Моллер имеет в виду среду 1 июня (н. ст.) 1843 г. (см. следующее примечание).

⁴ Суббота приходилась на 4 июня (н. ст.) 1843 г. Поскольку письмо было, несомненно, отправлено 4 июня 1843 г., то, следует предположить, что, говоря о «вчерашнем дне», Ф. А. фон Моллер имеет здесь в виду пятницу 3 июня (н. ст.) 1843 г.

⁵ Имеется в виду стремление А. А. Иванова остаться в Италии, избежав выезда в Петербург в связи с срочными заказами для росписей строящегося Исаакиевского собора.

⁶ На запрос Иванова, кому он обязан назначением ему пособия, Ф. А. фон Моллер в одном из следующих писем отвечал, что назовет имя только при личном свидании (Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 662). Вероятно, это была Прасковья Николаевна Жеребцова (см. письма А. А. Иванова к Гоголю от 15 марта (н. ст.) 1845 г., а также письмо А. А. Иванова к Ф. В. Чижову от конца марта 1845 г.: «<П. Н. Жеребцова> дама умная и добрая, деятель сильный и уж настоящая русская. <...> Я Моллеру заметил, что удивляюсь, как он успел в Петербурге <в 1842 г.> через эту самую женщину столь важное дело для меня сделать» (*Виноградов И. А.* Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях. Научное издание. М., 2001. С. 339).

⁷ Подобные советы Гоголь дает также А. А. Иванову в письме от 17 мая (н. ст.) 1843 г. из Гастейны.

⁸ Антонио Корреджо (около 1489 — 1534), итальянский живописец. Его именем друзья называли А. А. Иванова (см. в наст. изд. раздел «Гоголь в дневнике графа И. М. Виельгорского»).

Ф. А. фон Моллер — А. А. Иванову

10/22 июня 1843 г. Мюнхен.

Напрасно полагаете вы, что мы с Гоголем не говорили о моем деле в Риме¹; хотя он мне, признаюсь, и ничего не сказывал о плане к свиданию с вами, который вы предлагаете в вашем письме. Он, напротив, советовал мне сколь возможно долее не ехать в Рим, чтоб дать время всему успокоиться, и предвещал мне, что эти люди непременно воспользуются моим присутствием и станут рассчитывать на меня и тревожить меня просьбами, от чего их ни Кривцов и никакая сила в мире не в состоянии будут удержать.

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 662. Печатается по первой публикации.

«В неизданном письме Моллера к Иванову от 27 января 1844 г. содержится отклик на полученное им, но не сохранившееся письмо Гоголя» (Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 662).

¹ См. в наст. изд. письмо А. А. Иванова к Ф. А. фон Моллеру от середины июня (н. ст.) 1843 г.

Ф. А. фон Моллер — П. М. Третьякову

<3 августа 1870. Санкт-Петербург>

<...> ...Я на днях только возвратился в Петербург и привез с собою снятый мною с натуры портрет Николая Васильевича Гоголя. Согласно Вашему желанию, платье оставлено мною неоконченным и вообще весь портрет оставлен мною в том виде, в каком он был, когда я его снимал с натуры — без всякого изменения. <...>

Впервые опубликовано: *Маркина Л. А. Живописец Федор Моллер*. М., 2002. С. 61, 63. Печатается по первой публикации.

И. С. Шаповалов — Ф. А. фон Моллеру

<Средина мая (н. ст.) 1843. Рим>

<...> Гоголь уехал отсюда за два дня до прибытия Вашего письма¹ и поручил Вам сказать, чтобы Вы прибыли к 15 числу июня в Дюссельдорф и если не застанете его самого там, то получите письмо от него на имя Ваше пост-рестант, из коего увидите, где он именно находится. Личное свидание с Гоголем, по мнению Иванова, и для Вас *крайне* необходимо. Иванов бы пожертвовал всем лечением неаполитанским единственно для этого свидания. Вы весьма будете раскаиваться, если не последуете его совету. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 658. Печатается по первой публикации.

¹ Гоголь выехал из Рима с Н. М. Языковым 2 мая (н. ст.) 1843 г.

Письмо из Рима Никколе Синчero <Н. А. Рамазанову> Фрагменты

<Лето 1847. Рим>

...На днях один из моих знакомых, в кипе книг, присланных ему из Петербурга, получил *выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя*.

Перелистывая эту книгу, я встретил письмо с заголовком: *Исторический живописец Иванов*. Любопытно, что пишет о нем Гоголь? Прочитал и у меня зарябило в глазах; что это такое?! Протер глаза... точно, — это пишет Гоголь; да где же исторический живописец Иванов? Тут и тени нет того художника, с которым я знаком вот уже три года!¹ Неужели, подумал я, зная хорошо и самого Иванова, и каким образом производилась и производится его картина, можно допустить, чтобы Гоголь так жестоко обманывал русскую публику и издевался над нею? <...>

Я, как вам известно, любезный Никкола, не принадлежу ни к партии Пуристов², ни к школе, основанной на правде и жизни; не курю фимиама исключительно в мастерской Овербека, и из моего уважения и удивления к именам Брюл<л>ова и Бруни не делаю обожания, и потому, прочитав выдумки Гоголя об Иванове, решился высказать действительную правду, от которой автор писем совершенно уклонился. <...>

По долгу совести и приличия, я позволю себе снять вымышленный, фантастический наряд, в котором автору выбранных мест угодно было представить русской публике нашего, точно замечательного, художника, производящего картину, в которой очень много прекрасного, но вместе с тем это не помешает несколько выставить исторического живописца Иванова таким, каков он есть, каким все привыкли его видеть, и каким некоторые, в свою очередь, его изучили. Гоголь, кажется, просто хотел оморочить, одурачить своих читателей, не знакомых с мистериями Рима; вот почему убедительно прошу вас, любезный Никкола, напечатать все мои заметки на неправды Гоголя в наиболее читаемой газете. <...>

...Окончанию труда Иванова немало мешают следующие причины: медленность механизма, до крайности щепетильная <его натура>; отдельное, педантическое изучение изображаемых им предметов; потом заранее разнесенная слава и порожденные ею ожидания в публике, которые по-видимому теперь пугают¹ самого художника; да и самая картина, делаемая им уже несколько лет, сколько можно заметить, ему пригляделась и прискучила, чрез то и энергия к труду, естественно, ослабла, что заставляет иных даже сомневаться и в окончательном успехе произведения. <...> Иванов, при всех приписываемых ему страданиях и терзаниях, здоров, полон, румян, страдает, правда, несколько глазами, однако имеет постоянно хороший аппетит и смеется при забавных рассказах за пятерых... <...> Может быть, на Иванова находит летаргия уныния при мысли о своей картине, которую он породил о себе столько преждевременных и преувеличенных похвал; но из сказанного мною выше и из того, что будет впереди, можно видеть, какую приятную смертью умирают нынче для всего в мире. <...>

Человек — всегда человек; и северный человек, хотя родился на севере, но очень симпатизирует всем знакомому девизу итальянской неги — *dolce far niente*³. Доказательством сказанно-

¹ В рукописи ошибочно: пугаются

му мною может послужить то, что несколько раз, по целым дням, я нежился на южном привлекательном солнышке вместе с Ивановым. Да и почему же в минуту отдохновения¹ не делать этого? И Рафаэль любил посибаритничать около своего домика в вилле Боргезе, что ему несколько не помешало сделаться великим; но ведь минуты отдохновения¹¹ иногда растягиваются в месяцы и годы! *Который (Иванов) как труженик сидел всю жизнь свою над работою и позабыл даже, существует ли на свете какое-нибудь наслаждение, кроме работы.* Тружеников постоянно застают в мастерской, а Иванов, вероятно, по поводу изучения *всякого камешка и древесного листика*, проводил большую часть времени не только, как говорит Гоголь, *в нездоровых Понтийских болотах, в пустынных местах Италии и захолустьях, находящихся вокруг Рима*; но и в Неаполе, на Искии, в Саренто, во Флоренции, Альбано, Дженано, Аричи и в Тиволи, — и трудно согласиться с автором письма, чтобы жизнь в подобных местах не доставляла прямого наслаждения и рассеянности художнику, покидавшему иногда на значительное время свою работу. <...>

...Гоголь говорит, что *достоинство картины уже начинает обнаруживаться всем и что весь Рим начинает говорить гласно, судя даже по нынешнему ее виду, в котором далеко еще не выступила вся мысль художника.* Хотя не весь Рим, но все-таки Рим точно говорил некогда о картине Иванова, а в последние годы об ней почти и помина нет, потому что обращают внимание на другие колоссальные и неколоссальные произведения, которые являются совершенно оконченными в мастерских художников. Теперь Рим толкует о превосходной группе Нимфы с Сатурном нашего прекрасного скульптора Ставассера⁴, а об Иванове если и говорят художники, то ограничиваются лишь вопросом: «*ma quando, Signor Ivanoff, finira il suo quadro?*»⁵... <...>

В Риме, в недавние времена, образовалась секта в исторической живописи, которая, вместо того, чтобы умно изучать произведения всех веков и родов, вместо того, чтобы, подобно пчеле, собирать разнокачественные соки с цветов, и, возвращаясь в свой улей, производить свой мед, — поставила себе в неперемнную цель приближаться из всех сил исключительно к характеру и достоинствам итальянских живописцев дорафаэльских времен, названных этою сектою *Пуристами*, почему и секта самая носит название Пуристов. Стиль Массачио, Фиезоле, Чимабуе, Джиотто и других принят ими за высочайший и единственный образец живописи⁶, — и это слепое увлечение вовлекло многих художников в такого рода вялое, скучное и безжизненное подражание, даже ошибкам и недостаткам обожаемых ими мастеров, что, право, стоя пред их картинами, можно заснуть. Такого рода сон одолевает многих и в мастерской главы пуристической школы, именно Овербека, несмотря на то, что он очень рачительно и достаточно педантически толкует публике сюжеты своих картин. К сожалению, многие талантливые люди смотрят на Овербека как на бога живописи и теряют совершенно самобытность своих дарований, кроя и склеивая свои картины по пуристическому аршину, а не создавая их по произволу своей фантазии. Следовало бы на всех городских воротах написать крупными буквами изречение великого ...¹¹¹ в предостережение разнонародных неопытных пришельцев, прибывающих беспрестанно в столицу Искус<с>тва. Зараза пуризма развилась ныне во всей своей повальной силе; страждущие этою болезнию опрокидывают все противопоставляемые ей картины и чрез это ожесточение впадают в совершенное беснование, во время которого все произведения, не носящие на себе отпечатка пуризма, не признаются созданиями чистого, прямого искусства; на них смотрят как на побочный плод кисти, и часто, что можно извинить только припадками беснования, эти фанатики поносят самым грубым и невежественным образом многие непричастные их секте славные имена, которые на самом деле заслуживают уважение и удивление, прокладывая сами себе светлый путь на трудном художественном поприще. Все, что в круге пуризма, то составляет у пуристов *высшую степень искус<с>тва*; а все, что антипуристическое, то назы-

¹ В рукописи: отдохновения

¹¹ В рукописи: отдохновения

¹¹¹ В рукописи оставлен пробел приблизительно в три строки.

вається *искусством нынешнего модного века*. — Вот голос фанатической секты, которая вербует таланты и губит их безвозвратно, и этот голос отозвался и в письмах Гоголя⁷, потому что Иванов говорит: если ему (Иванову) удастся в его картине выказать хотя осьмую часть тех достоинств, какими отличаются картины Овербека, то он сочтет себя счастливейшим⁸.

Если Гоголю вздумалось коснуться римского художественного мира, то следовало бы ему более точным образом ознакомиться и не быть под влиянием односторонних толков и вместе с тем преубеждений.

Теперь нужно сказать еще, что Овербек каждое воскресенье между посетителями всевозможных наций в мастерской своей является, уверяю вас, в высоком бархатном берете, синем бархатном не широко и до того длинном халате, что полы его падают на пол студии и в падении своем едва ли не красивее рисуют складки, нежели его кисть⁹. Истинно великий художник. Находясь около него, кажется, и от башмака его чему-нибудь научишься! Так видите ли, Овербек не одними рисунками и картинами хочет напоминать избранных им за образец мастеров; но имеет, по-видимому, решительное намерение всем существом своим окунуться в их время и даже костюмом своим перенести посещающую его публику в немодные века живописи. Не знаю, согласен ли будет Гоголь назвать такие выходки — высшей степени искусства (морочить публику) — шарлатанством и гаерством? А многие из посетителей мастерской Овербека более смотрят на него самого, на его шапку и халат, нежели на его произведения; и эти многие понимают, между прочим, что составляет высшую степень искусства; да на беду имеют также понятия и о высшей степени шарлатанства. <...>

Чтобы в Иванове не предполагали *ленивца и ничего не делающего человека*, то Гоголь предлагает *следить за его жизнью, которая скажет все*; а именно, как он *плюнул на все приличия и условия светские, надел простую куртку*, которая, впрочем, в большом употреблении и у прочих художников в Риме; как *отогнал от себя мысль об удовольствиях и пирушках*, между тем как в загородных поездках артистов, одушевленных простодушным весельем и сопровождаемых всегда изобретением какого-нибудь сюрприза для общества, я встречал в Иванове очень приятного и веселого собеседника, который не отказывался также делать верховые прогулки по горам, прямо из удовольствия. Еще далее Гоголь говорит, что <...> *ведет (Иванов) жизнь истинно монашескую*, — любопытно было бы знать, к какому ордену монахов причисляет автор выбранных мест исторического живописца, и как последний, *кортя день и ночь над своей работою*, встречается довольно часто гуляющим, охотно принимает участие в загородных поездках с проживающими в Риме русскими путешественниками, и вручая иногда ключ от мастерской своему ученику Ш<апаваленко>¹⁰, оставляет Рим на целые месяцы. <...> *Молясь ежеминутно* ему следовало быть осенену более Христианским смирением и любовью ко всему тому, что является прекрасного в светлой сфере искусства, и тогда Иванов не забрасывал бы, в виду нескольких доверившихся ему русских талантов, ничтожною и презрительною грязью те произведения, которые порождает кисть соотечественных нам художников, несравненно более плодovitых и гораздо более уважаемых всеми, нежели сам Иванов¹¹. <...>

В следующем письме к вам, любезный Никкола, я надеюсь сообщить подробно о суммах, какие получал Рафаэль и Михель Анджело за свои оконченные произведения; а вы, в свою очередь, потрудитесь выслать мне: Вечера на Хуторе и Арабески Гоголя, чтобы снять с души неприятное впечатление, произведенное на меня письмом его об Иванове.

P. S. Я выехал из Vicola del Vantagio, где через несколько домов от меня находилась мастерская исторического живописца Иванова¹², и вот вам мой новый адрес: Roma, via Felice, № 11¹³. Опять попал на прежнюю квартиру.

Ваш Молотков.

Содержание письма впервые пересказано: *Виноградов И. А.* «Жизненное дело» Гоголя и его статья «Исторический живописец Иванов» (по неопубликованным материалам) // Публицистическое и литературно-критическое наследие

Н. В. Гоголя (к 200-летию со дня рождения писателя). Сборник материалов всероссийской научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Н. В. Гоголя / Отв. ред. И. П. Щерблякин. Пенза, 2009. С. 67–84. Печатается, в сокращении, по копии конца 1840-х гг.: *ГИМ*. Ф. 457. Ед. хр. 31. Л. 1–34. Рукопись хранится среди писем Н. А. Рамазанова, К. А. Бейне, М. П. Бибикина.

Никколо Синчеро (sinсего — искренний, чистосердечный; *ит.*) — псевдоним Н. А. Рамазанова. Устанавливается на основании собственного свидетельства Рамазанова, а также сообщения Ф. А. Кони. В 1847 г., публикуя статью, подписанную: «Художник Никколо Синчеро», Кони пояснял: «Под этим псевдонимом скрывается один из даровитейших наших художников, который давно известен публике как превосходный артист и как искусный критик. Пантеон с особенною признательностию помещает его статью» (<Кони Ф. А. Примечание> / *Художник Никколо Синчеро*. Несколько слов о К. П. Брюллове и об И. Н. <И. К.> Айвазовском // Репертуар и Пантеон Театров, издаваемый И. Песоцким, под редакциею Ф. А. Кони. 1847. Т. 5 (цензурное разрешение 20 мая). <Отд. 6>. С. 7).

Позднее в статье о Брюллове сам Рамазанов замечал: «Чтобы объяснить наконец влияние Брюллова на нашу публику, повторю то, что я печатал о великом художнике в 1847 году, в одном из петербургских журналов» (*Рамазанов Н. Брюллов Карл Павлович // Рамазанов Н. Материалы для истории художеств в России. М., 1863. Кн. 1. С. 178*). Далее Рамазанов почти полностью привел первую половину статьи, напечатанной в 1847 г. под именем Никколы Синчеро (повторив ту ее часть, что была посвящена Брюллову), т. е. сам раскрыл свой псевдоним (ср.: *Художник Никколо Синчеро*. Несколько слов о К. П. Брюллове и об И. Н. <И. К.> Айвазовском. С. 1–4; *Рамазанов Н. Брюллов Карл Павлович. С. 178–180*).

Молотков, автор письма к Рамазанову, — очевидно, один друзей скульптора, с которым тот находился в Риме в первой половине 1840-х гг. (до своего отъезда оттуда в 1846 г.). Об этом, в частности, свидетельствует встречающийся в «Письме из Рима Никколе Синчеро» отзыв об И. Ф. Овербеке, совпадающий с тем, как отзывался об этом немецком художнике сам Рамазанов (см. ниже примеч. 9).

Как и мнимое именование адресата — Никколо Синчеро, фамилия Молотков, вероятно, также представляет собой псевдоним. Причем в самой адресации послания содержится, как думается, подсказка к «расшифровке» псевдонима. Можно предположить, что, поставленный под письмом к скульптору, этот псевдоним, в свою очередь, указывает на скульптора. В фамилии *Молотков* заключен вероятный намек на один из главных, наряду с резцом, инструментов ваятеля — *молоток*.

Из трех скульпторов, ближайших друзей Рамазанова в Риме, — Антона Андреевича Иванова (1815–1848), Петра Андреевича Ставассера (1805–1850) и Константина Михайловича Климченко (1816–1849), автором статьи мог быть лишь последний. Скульптор Антон Иванов, как и Рамазанов, в 1846 г. вернулся в Россию; Ставассер не может быть назван автором послания, во-первых, потому, что в самой статье он упоминается в третьем лице (см. ниже примеч. 4); а во-вторых, — потому, что ко времени отправления послания (середина 1847 г.) Александр Иванов был знаком с Ставассером уже не три года, а почти шесть лет (с осени 1841 г.; см.: *Виноградов И. А.* Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях. Научное издание. М., 2001. С. 245). «Три года» знакомства с Ивановым (т. е. со второй половины 1844 г.) — срок, указываемый в статье псевдонимом Молотковым (ср. его слова об Иванове: «...художник, с которым я знаком вот уже три года...»). Это сообщение является решающим аргументом в пользу авторства Климченко, так как из указанных лиц именно его имя впервые появляется в переписке Иванова весной 1845 г. (Там же. С. 338, 342).

Содержание «Письма из Рима Никколе Синчеро» отчасти повторяет возражения на статью Гоголя «Исторический живописец Иванов» самого Иванова (см. письмо А. А. Иванова к Гоголю от второй половины декабря (н. ст.) 1847 г., а также в наст. изд. дневниковые записи Иванова от лета 1847 г. и 1849 г.; письмо Иванова к Ф. В. Чижову от июня 1848 г., воспоминания М. И. Железнова «Братья Ивановы» и фрагмент из статьи П. М. Ковалевского «Об Иванове и его картине»).

Полемика Климченко с Гоголем по поводу подлинного облика Иванова имела и личные мотивы. Александр Иванов относился к Климченко, а также (некоторое время) к Рамазанову и Ставассеру, критически — как к тем, кто «сам собой править не умеет» и теряет время «за картами и вином» (см. в наст. изд. коммент. к письму А. А. Иванова И. С. Шаповалову от января (н. ст.) 1845 г. и письмо А. А. Иванова Ф. В. Чижову от 8 ноября (н. ст.) 1845 г.). Негативно отзывался также Иванов, по другим сообщениям, о Брюллове и Бруни — «двух пришлецах» русского искусства. На последние суждения Иванова определенно возражает Климченко в своей статье (см. ниже примеч. 11). Кроме того, Климченко настаивает на том, что Иванов являлся приверженцем школы пуристов (см. примеч. 7 и 8). В этой свя-

зи примечательно упоминание Рамазанова в статье 1847 г. о «завистниках» Брюллова в Риме как людях, «раздутых рафаэльскими и пуристическими претензиями» (<Рамазанов Н. А.> *Художник Никколо Синчеро*. Несколько слов о К. П. Брюллове и об И. Н. <И. К.> Айвазовском. С. 2; в статье Рамазанова 1863 г. эти строки были опущены). Вероятно, называя свою статью «Письмом из Рима Никколе Синчеро», Климченко прямо имел в виду публикацию Рамазанова 1847 г. (другие публикации под псевдонимом Никколо Синчеро нам неизвестны). Поскольку статья Рамазанова увидела свет в конце мая 1847 г., то это позволяет датировать адресованное ему позднее послание Климченко летом этого года.

¹ В годы знакомства К. М. Климченко с Ивановым в Риме неоднократно проживал и Гоголь: с 24 октября (н. ст.) 1845 г. по 5 мая (н. ст.) 1846 г.; 10–14 ноября (н. ст.) 1846 г.; 12 мая (н. ст.) 1847 г.

² Пуристами (от *lat. puritas* — чистота) называли в 1820–1850-х гг. группу немецких религиозных художников во главе с Фридрихом Овербеком (1789–1869) и Петером фон Корнелиусом (1783–1867), известных также под названием назарейцев (от Назарета — городка в Галилее, где прошли детские и отроческие годы Спасителя). В молодости Ф. Овербек вместе с группой своих соотечественников отправился в Рим, был очарован итальянскими мастерами, предшественниками Рафаэля, и через них пришел к пониманию немецких художников XV–XVI вв. В 1813 г. в Риме вместе с товарищами он перешел из протестантизма в католичество и поселился в брошенном при Наполеоне монастыре Св. Исидора. Овербек упрекал Микеланджело в «поклонении античности» и видел отсутствие страха Божия в произведении Рафаэля (см.: *Алтоф М. В.* Александр Андреевич Иванов. Жизнь и творчество: В 2 т. М., 1956. Т. 1. С. 137–139, 398; *Алленов М. М.* Александр Андреевич Иванов. М., 1980. С. 136). О спорах проживавших в Риме русских по поводу творчества пуристов, Н. В. Станкевич, в частности, сообщал Ф—м в письме из Рима от 25 марта 1840 г.: «<А. Т.> Мар<ко>ва я еще более любил: он развивался самостоятельно, след<овательно> не богато; но у него остался в чистоте натуральный здравый смысл, любовь к искусству сохранила в нем свободу духа. Особенно с выгодной стороны представился он мне в одном споре с Ш<евыревы>м. Ш<евырев> стал защищать направление новой немецкой живописи, старание подражать Перуджино и проч. Ш<евырев> видит в этом необходимую реакцию языческому направлению, начатому Микель-Анджелом, возвращение к типу первоначального предания. Аргументы его: “Ведь должна же быть христианская живопись! А коли так, так надо держаться типа, оставленного преданием”. Напрасно Мар<ков> старался возразить, что тип этот не дело предания, а дело художников; в ответ следовало исчисление образов, отступивших от типа, речь о Мадоннах-Римлянках и Христе-Аполлоне Микель-Анджело. Напрасно я старался объяснить, что духовный тип образов — в Евангелии, а наружный — в природе, что характер дает Евангелие, а черты — лица, подмечаемые свободным художником. Ничего! “Даже язычники имели тип” (уж на что негодяи!). — О том не думает, что мы обожаем духовный образ Спасителя, а не те или другие черты. А у язычников какой тип? Сам же Ш<евырев> говорит: Гомер. Тут Мар<ков> ему объясняет, что как у греков тип в Гомере, так наш в Евангелии. “Да Фидий ведь не прямо взял у Гомера, а у какого-нибудь другого художника!” — Ну так тот же взял у Гомера? Или он подсмотрел какого-нибудь бога? — Я старался поскорее кончить этот разговор, а то ведь пришли бы к неразрешимому. Конечно, Гомер дает не один характер, но и наружный очерк богов своих и делает его так прекрасно, что скульптор в самом деле одушевляется им и осуществляет его. Евангелие передает нам только Бога в духе. Живопись может только представить часть божества, сколько оно выказывается в наружных чертах; в них не может быть выражено все, что составляет содержание божественного, но этот человеческий лик принимает такое выражение, когда его носит божественное существо! Итак, *отблеск божества* — вот что составляет главное в христианской живописи. Я допустил бы тут еще предание — столько, сколько оно нужно для других, чисто исторических картин. Но понимаете ли вы *начало* противников? Они и сами не определяют слишком тип, оставляют много художнику. Но они *не свободно* требуют типа, не просто для распознавания этих лиц: нет! у них это другого рода требование: “Я не могу уважать вот это римское лицо, давайте мне то, которое сохранено преданием!” Они поклоняются *определенному*, они чтят *предание, данное* — они больше язычники, нежели они думают. Потом — ведь немецкая школа хочет не только сохранения этого преданного типа, она подражает манере старых живописцев, их складкам и проч. Это уж не может быть никак оправдано ничем. Тут Ш<евырев> вступает уже на техническое поле и уверяет, что в старину лучше делали складки! Тут уж недобросовестность, кажется. Впрочем, Ш<евырев> сознает, что, как реакция, эта школа имеет *свои крайности*. Я же в этой школе вижу то направление, которое заставило многих протестантов с поэтической душою принять католическую веру.. Когда не воспитана сила души, когда не очищена голова, не приучена к отчетливости, а неопределенные, страстные порывы волнуют все

существо, манят его в лучший, более свободный, поэтический мир — тогда невольно человек обращается к прежнему его небу, населенному живыми существами с их индивидуальностью, где царствует лицо, любимое с детства, кроткое, любящее (*das ewig Weibliche*) и где в каких-то полудуховных сферах, кажется, снится какой-то чудный сон! Не то ли делают и эти живописцы? Мадонны с человеческими лицами, просветленными чистою материнскою любовью, обновляющие божественное *в жизни*, — не по ним! У Перуджино сохранились кроткие образы, которое более их удивляетворяют! Прекрасные головки с красивою прической, чуждые сильного выражения, но *frompe*, с пассивным благоговением, часто с младенческою робостию и как будто замешательством в лице; в них есть что-то *не здешнее* — но это не значит высшее, а непохожее на здешнее и несколько фантастическое; их окружает нездешний цвет неба, нездешняя зелень и золотые венцы висят над ними на воздухе! Этого им и надо! Но довольно! Я не хотел было писать об этом подробно, а написал лист: как трудна категория меры!» (Николай Владимирович Станкевич. Переписка его и биография, написанная П. В. Анненковым. М., 1857 (цензурное разрешение 7 дек.). С. 327–328). Об отношении Гоголя к художникам-пуристам см. ниже примеч. 7.

³ Сладостное ничегонеделание (*um*).

⁴ Имеется в виду скульптурная группа «Нимфа и сатир, надевающий ей на ногу сандалию» П. А. Ставассера.

⁵ Когда же господин Иванов закончит свою картину? (*um*).

⁶ См., в частности, статью Ф. В. Чижова «Джованни Анджелико Фиезолийский, и об отношении его произведений к нашей иконописи» (Русская Беседа. 1856. Т. 4 (цензурное разрешение 20 дек.). Отд. 5).

⁷ Отношение Гоголя и Иванова к художественной школе пуристов отличалось от того, каким его полагал К. М. Климченко (см.: *Виноградов И. А.* «Жизненное дело» Гоголя и его статья «Исторический живописец Иванов» (по неопубликованным материалам) // Публицистическое и литературно-критическое наследие Н. В. Гоголя (к 200-летию со дня рождения писателя). Пенза, 2009. С. 67–84).

На протяжении многих лет Иванов действительно испытывал к Овербеку всегдашнее уважение, называл его «высочайшим и единственным» своим «судьей и советником» и записывал его суждения в свои альбомы и тетради. По мнению исследователей, даже последний труд Иванова — задуманный им в 1848 г. цикл библейских эскизов — был отчасти навеян творчеством художников-«назарейцев» — серией рисунков Овербека «Семь Тайнств», объединявших, как и у Иванова, сходные по смыслу события Ветхого и Нового Завета (*Котировский А. М.* Монументальные циклы Александра Иванова: метод и замысел // Советское искусствознание 83. М., 1984. Вып. 1 (18). С. 159), и обширным циклом композиций Корнелиуса, которые должны были украсить проектированное в Берлине кладбище для королевской фамилии (*Прахов А.* Материалы для биографии Александра Андреевича Иванова // Пчела. 1875. 22 июня. № 23. С. 295). Неудивительно, что в последний год жизни Иванов защищал творчество художников-пуристов в беседах с А. С. Хомяковым и В. В. Стасовым. Чтобы еще более приблизить Овербека к русским художникам, Иванов предлагал даже сделать его членом Российской Академии художеств и наградить орденом. (В числе прочего, Иванов изобразил немецких художников-«назарейцев» (а также Гоголя) в цикле своих акварелей «Октябрьские праздники» 1842 г.)

Однако, «сочувствие» Иванова творчеству немецких художников-«назарейцев» отнюдь не было безоговорочным. Так, сообщая в письме к отцу от 27 июня 1840 г. о картине Овербека «Союз религии с искусствами», Иванов, приветствуя ее появление, признает в то же время и правоту ее критиков: «Один из самых острых немецких противников, известный скульптор и живописец Вагнер <Иоганн-Мартин фон Вагнер (1777–1858), немецкий скульптор и живописец> замечает, впрочем не без основания, что аллегория Овербека никому не понятна, что фонтан с двумя чашами, составляющий основную мысль картины, никак разгадан быть не может без письменных объяснений, которые, в самом деле, сначала помещены были в газете, а после у самой картины прибиты были для публики <...> Вот и Овербек! как ни глубокомыслен, а замкнулся тоже в темноту, не достигнув совершенства аллегории, весьма, впрочем, немногим удававшейся» (*Боткин М. П.* Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. СПб., 1880. С. 126–129; см. также: *Бернштейн Б. М.* Александр Андреевич Иванов (1806–1858). Письма и записные книжки // Мастера искусства об искусстве. М., 1969. Т. 6. С. 300–301).

В сдержанной оценке немецкого художника Иванов находил понимание у одного из друзей Гоголя славянофила Ф. В. Чижова. Чижов посвятил Овербеку большую статью, в которой, говоря о подражании немецкому живописцу русских художников, замечал: «Когда дело шло о форме, мы и подчинялись; дошло до души, она первая встрепенулась и ощутила в себе сильное, неукротимое требование являться в собственном своем образе. Каким явится нам этот образ? Подождем этого от созданий истинно-русских художников...» (*Чижов Ф. В.* Овербек //

Современник. 1846. № 7. С. 69). В письме к Н. М. Языкову от 29 марта (н. ст.) 1844 г. Чижов замечал: «В архитектуре наших церквей, так же как и в письме образов, есть то же существенное отличие от католических, какое находим в наших двух совершенно различных разветвлениях христианских... <...> Католические или, правильнее, немецкие храмы петербургские нам не пример. Мы очень часто говорим об этом с Ивановым. Я полагаю, что в самых даже фресках мы должны как можно строго держаться Священного Писания и св. Отцев... <...> Поэтому вести такое изображение слов св. Евангелиста Луки, какое ввел Овербек, было бы у нас противурелигиозно. Он изобразил слово Луки и *пребывать в послушании* <имеется в 51-й стих второй главы Евангелия от Луки: "...и бе повинуюся има"> <...> так, что Спаситель в одном месте черпает воду, в другом поливает цветы, в третьем несет доски Иосифу, в четвертом метет комнату. Мне кажется, тут буквы приняты вместо смысла и совершенно не понят дух евангельского рассказа» (*Розанов И. Н. М. Языков и Ф. В. Чижов. Переписка 1843–1845 гг. // Литературное наследство. Т. 19–21. М., 1935. С. 117–118, 123*). Сам Иванов, сообщая Чижову в декабре 1845 г. о новых картинах Овербека, писал: «Овербек окончил картину свою "Положение в гроб" <"Оплакивание Христа", 1845> бесподобно, еще сделал несколько рисунков "Тайная Вечеря" и "Христос, удрученный крестом, обращается к плачущей толпе" — бесподобно. Тут же "Маленький Христос-столяр пилит в присутствии Иосифа и Марии" — ну, уже это католическая дичь. В пору тому, что "Христос метлой метет стружки из-под Иосифова столярного станка". Нельзя, нельзя так вольничать, да и зачем?» (см. в наст. изд.).

Таким же сдержанным, как оценка Иванова и Чижова, было отношение к художникам-пуристам Гоголя. По свидетельству П. В. Анненкова, общавшегося с Гоголем в Риме в 1841 г., писатель критически отзывался о художниках «назарейцах». Анненков вспоминал: «Раз после вечера, проведенного с одним знакомым живописца Овербека, рассказывавшим о попытках этого мастера воскресить простоту, ясность, скромное и набожное созерцание живописцев дорафаэлевской эпохи, мы возвращались домой, и я был удивлен, когда Гоголь, внимательно и напряженно слушавший рассказ, заметил в раздумье: "Подобная мысль могла только явиться в голове немецкого педанта"» (см. в наст. изд. «Воспоминания о Гоголе» П. В. Анненкова). Подтверждение этому свидетельству Анненкова можно найти у Гоголя в написанной в те же годы повести «Рим» (1842), где, говоря о постепенном знакомстве героя с древним Римом, рассказчик замечает, что приехавший после долгого отсутствия на родину римский князь изучал свой город «не так, как иностранец»-«педант», — «преданный одному Титу Ливию и Тациту, бегущий мимо всего, к одной только древности, желавший бы в порыве благородного педантизма скрыть весь новый город, — нет, он находил все равно прекрасным: мир древний, шевелившийся из-под темного архитрава, могучий средний век, положивший везде следы художников-исполинов и великоленной щедрости пап, и, наконец, прилепившийся к ним новый век...»

В творчестве художников-назарейцев Гоголя не устраивало прежде всего внешнее подражание старым мастерам, изучение старины извне, без вживания в живую ткань Предания Церкви. «...Пока в самом художнике не произошло истинное обращение ко Христу, не изобразить ему того на полотне», — замечал Гоголь в статье «Исторический живописец Иванов». Для достижения полноты «первобытного типа» иконы — без которого религиозное изображение не может, по убеждению Гоголя, считаться настоящей иконой — художнику необходимо вхождение в жизнь и опыт Церкви. Гоголю были созвучны суждения А. С. Хомякова, который в связи с картиной Иванова замечал о некоторых из «первоклассных произведений живописи»: «...Страшно развитая мускулатура в творениях великого Буонаротти, так многие подробности в бессмертных творениях Рафаэля (св. Варвара в Дрезденской Мадонне, положение Христа в Фолиньезской, почти вся дела Седия, и др.) носят на себе характер личного произвола, а не суть отражения христианского явления в художественном созерцании христианского духа. Многие из новейших поняли этот недостаток и хотели его избежать. Первые в этом критическом отношении были немцы <...> но понять этот недостаток было для них возможно, избежать — нельзя. <...> Многим был обязан наш Иванов Овербеку, которого он любил душевно, и за которого сильно заступался (как я это знаю из его спора со мною); в исполнении же немецкие живописцы остались ниже искомого ими идеала <...> ...Постоянно <...> старались они об одном — о ближайшем подражании наивности древних живописцев (полуиконописцев)... <...> Но все, что человек прививает себе насильно, остается бесполезным в художестве... <...> Иванов не впадал в ошибку современных нам до-Рафаэлистов. Он не подражал чужой простоте: он был искренно, а не актерски прост в художестве, и мог быть простым потому, что имел счастье принадлежать не пережитой односторонности латинства, а полноте Церкви, которая пережита быть не может...» (*Хомяков А. С. Картина Иванова. Письмо к редактору // Русская Беседа. 1858. Т. 3. С. 2, 9–11*).

Подобным образом и Гоголь формальным попыткам художников-пуристов вернуться к дорафаэлевской традиции предпочитал более осязаемое — «для всех, отдалившихся от христианства» — «веяние духа» в созданиях Рафаэля. Именно так формулирует Гоголь в повести «Портрет» (1842) эстетическое кредо русского художника, обучавшегося в Италии: «...Он не стоял ни за пуристов, ни против пуристов. Он равно всему отдавал должную ему часть, извлекая из всего только то, что было в нем прекрасно, и наконец оставил себе в учителя одного божественного Рафаэля». (Очевидно, таким же неприятием «педантизма» руководствовался Гоголь, и когда отвечал на обвинения Пушкина в «нехристианстве»: «...Есть много охотников действовать стгоряча, по пословице: "Рассердясь на вши, да шубу в печь", <...> через это уничтожается много того, что послужило бы всем на пользу. <...> Односторонность в мыслях показывает только то, что человек еще на дороге к христианству, но не достигнул его, потому что христианство дает уже многосторонность уму»; статья «О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности» «Выбранных мест из переписки с друзьями».)

Но при этом сама оценка творчества Рафаэля проистекала у Гоголя из представления о глубоких византийских корнях итальянской живописи. В одной из своих исторических выписок начала 1830-х гг. Гоголь отмечал: «Живописное искусство перешло из Византии в Русь прежде, нежели в Италию <...> Чимабуэ <...> обучаясь у греческих живописцев <...> воскресил это художество в своем отечестве» («Особые заметки»). «Падение Греческой Империи, — замечал также Гоголь в лекции «Обозрение Всеобщей Истории» (1835), — «<...> привело в западные Христианские земли бежавших Греков, а вместе с собой они перенесли ученость и вкус к изящному». Как вспоминала А. О. Смирнова, Гоголь любил Рафаэля, сравнительно с другими итальянскими живописцами, именно за «сжатый строгий рисунок» и, в частности, выделял Джованни Беллини за «божественную наивность». «Но все это, — добавлял Гоголь, — не может сравниться с нашими византийцами, у которых краска ничего, а все в выражении и чувстве» (см. в наст. изд.).

Подчеркивая превосходство живой жизни во Христе перед «рабским», «педантическим» следованием традиции, Гоголь писал С. П. Шевыреву о воспитании молодых людей: «...Чаще будем изображать им настоящий Образец человека, Который есть совершеннейшее из всего, что увидел слабыми глазами своими мир <...> еще лучше, если мы даже и говорить им не будем о Нем, о Совершеннейшем, но заключим Его сами в душе своей, усвоим Его себе, внесем Его во все наши движения <...> Не нужно даже <...> и говорить: "Я скажу в таком-то духе". Дух этот будет веять сам собою от каждого нашего слова» (письмо от 14 декабря (н. ст.) 1844 г.). В письме к В. А. Жуковскому от 28 февраля 1850 г. Гоголь также писал: «Друг, ты требуешь от меня изображений Палестины со всеми ее местными красками <...> Я думаю, что вместо меня всякий простой человек, даже русский мужичок, если только он с трепетом верующего сердца поклонился, обливаясь слезами, всякому уголку Святой Земли, может рассказать тебе более всего того, что тебе нужно».

Таким образом, вопреки мнению К. М. Климченко о якобы чрезмерном пристрастии Иванова и Гоголя к религиозной живописи художников-«назарейцев», и тот и другой одинаково сознавали и ее достоинства, и ее недостатки.

⁸ Настоящее свидетельство К. М. Климченко приводит, по-видимому, со слов самого Иванова. В опубликованных письмах и записных книжках Иванова, в мемуарной литературе о художнике, это свидетельство не встречается.

⁹ Ср. свидетельство Н. А. Рамазанова о том, как в начале 1846 г. А. А. Иванов показывал Рим живописцу М. Н. Воробьеву и, в частности, познакомил его с И. Ф. Овербеком. По словам Рамазанова, Иванов, «подобострастно смотревший на Овербека и его произведения, хотел непременно сам ввести Воробьева в мастерскую немецкого художника. Так и случилось в одно из воскресений, в дни, когда студия Овербека бывала открыта для всех желающих. М<аксим> Н<икифорович> со вниманием осматривал труды художника, но немало был смущен появлением самого Овербека среди публики в каком-то леонардовинчевском халате и в такой же средневековой шапке, — так что с трудом сдержал улыбку при ознакомлении с Овербеком, чрез посредство Александра Андреевича. Дело обошлось рукопожатием: М<аксим> Н<икифорович> говорил только по-русски. По выходе из мастерской Воробьев на восторженные похвалы Иванова Овербеку и на слова его, что все живописцы, включительно с говорившим, должны у Овербека учиться, в недоумении остановился и отвечал: "или я, братец, на старости лет выжил из ума, или ты повихнул: не тебе приходится учиться у Овербека, а он должен учиться у тебя!"» (Рамазанов Н. Материалы для истории художеств в России. М., 1863. Кн. 1. С. 32).

¹⁰ Шаповаленко (Шаповалов) Иван Савельевич (1817–1890), художник, мозаичист.

¹¹ Подразумеваются негативные отзывы Иванова о К. П. Брюллове и Ф. А. Бруни. 4 сентября 1842 г. Иванов, в частности, писал В. А. Жуковскому: «Имея впереди двух пришлецов, занявших быстротою эскизного исполнения все внимание русских, плодом коего я предвижу гибель для школы отечественной, я сделал все, что от меня зависело».

М. И. Железнов передавал, что Иванов называл стиль Брюллова «распутным» (*Алпатов М. В.* Александр Андреевич Иванов. Жизнь и творчество: В 2 т. М., 1956. Т. 2. С. 304).

¹² О том, что мастерская Иванова в Риме на протяжении многих лет (начиная с первой половины 1840-х гг.) находилась в переулке Vantaggio, близ Рипетты, сообщали также: *Рамазанов Н. А.* Воспоминания об отжившем театральном мире Петербурга и о пребывании Василия Андреевича Каратыгина с семейством в Риме // Москвитянин. 1853. № 12. Отд. 1. С. 190; *Ковалевский П. М.* Об Иванове и его картине // Отечественные Записки. 1859. № 3. Отд. 1. С. 117.

¹³ На улице Felice, в доме № 126, проживал в Риме в 1837–1843 гг. Гоголь (подробнее см. в наст. изд. в коммент. к письму И. Ф. Золотарева А. С. Данилевскому от 19 апреля (н. ст.) 1838 г., а также в коммент. к статье В. Н. Гасперович «Н. В. Гоголь в Риме»).

Воспоминания о Гоголе М. И. Железнова

М. И. Железнов

Заметка о К. П. Брюллове Фрагмент

<...> В мастерской Брюллова я видел Гоголя только один раз, вскоре по возвращении¹ из Италии, в 1849 г.¹¹ Гоголь пришел к Брюллову перед сумерками вместе с Бруни². До этого времени я никогда не видел Гоголя, но тотчас же узнал его по литографии, сделанной, как я впоследствии убедился, с портрета, написанного Ивановым. Костюм Гоголя состоял из серых шароваров, из черного бархатного короткого сюртука и из небрежно повязанного на шею малинового шелкового платка, на котором лежал довольно широкий, не накрахмаленный воротник рубашки. Неблагородство манер Гоголя сразу озадачило меня; но его лицо, в сравнении с портретом, показалось мне молоденьким и свеженьким огурчиком. Гоголь и Брюллов поцеловались три раза накрест, как у нас все целуются в Светлое Воскресенье. Только что Брюллов пустился в расспросы о Риме, Лукашевич³ вызвал его в другую комнату; а Гоголь обратился ко мне с вопросом:

— Скажите, где портрет Жуковского?

Этот портрет был повернут к стене и заставлен другими холстами. Я его отыскал и показал Гоголю. Посмотрев на него, Гоголь сказал:

— Жуковский много постарел с тех пор, как К<арл> П<авлович> его писал; но все-таки очень похож на свой портрет. Это лучший из портретов, написанных с Жуковского.

— О! это без сомнения! — подхватил Бруни и посмотрел на меня так, как будто хотел сказать: «Смотри же ты, непременно передай это Брюллову! Я, разумеется, Брюллову этого не передал^{III}».

Так как многие считают клеветой слух, что Гоголь хотел занять место дядьки при детях наследника⁴, то я расскажу, каким образом мне удалось видеть Гоголя во второй раз.

В конце декабря месяца 1851 г., я, вместе с моим покойным товарищем, А. Ф. Чернышевым⁵, приехал на несколько дней в Москву. Чернышев имел в Москве много знакомых и утром, отдохнув от путешествия, продолжавшегося не 22, а 36 часов^{IV}, отправился к ним с визитами. Воз-

¹ Далее в копии Н. К. Козмина: его

¹¹ Даты: в 1849 г. — нет в копии Н. К. Козмина, где сделано примечание: «Вероятно, в сентябре 1848 г.».

^{III} Вместо: по литографии, сделанной — этого не передал. — в копии Н. К. Козмина: по налитографированному портрету, на котором он представлен в халате. Костюм Гоголя составляли: черный бархатный сюртук и широкие алые шаровары. Неблагородство его манер сразу поразило меня; но его лицо, в сравнении с портретом, показалось мне молоденьким и свеженьким огурчиком. Гоголь и Брюллов поцеловались накрест, так, как у нас все целуются в Светлое Воскресенье. Только что Брюллов пустился в расспросы о Риме, Лукашевич вызвал его в другую комнату; а Гоголь обратился ко мне с вопросом: «Скажите, где портрет Жуковского?» Портрет был повернут к стене и заставлен другими холстами. Я его открыл. Посмотрев на него, Гоголь сказал: «Жуковский много постарел с тех пор, как К<арл> П<авлович> его писал; но все-таки очень похож на свой портрет. Это лучший из портретов, написанных с Жуковского». «О! это без сомнения!» — воскликнул Бруни и посмотрел на меня так, как будто хотел сказать: Смотри же ты, непременно передай это Брюллову. Я, разумеется, Брюллову этого не передал.

^{IV} Вместо: много знакомых и утром, отдохнув от путешествия, продолжавшегося не 22, а 36 часов — в копии Н. К. Козмина: знакомых и утром, отдохнув от путешествия, продолжавшегося вместо обещанных 22 часов, 36 часов

вратясь в гостиницу, он сказал мне, что генерал Фон-Брин⁶, начальник штаба находившихся в Москве войск, пригласил нас обоих к себе, чтобы сначала осмотреть с ним новый Кремлевский дворец, а потом пожаловать к нему на обед. Чернышев прибавил, что к обеду, быть может, придет Гоголь. Прямо из дворца, часа за два до обеда, Фон-Брин привез нас в свою квартиру. Его встретил в зале какой-то полковник, высокий, плотный, красивый мужчина, товарищ Гоголя по лицу⁷, который объявил, что Гоголь обещался приехать к обеду, если будет хорошо себя чувствовать; а потом, обратясь к Чернышеву, присовокупил:

— Алексей Филип<п>ович, если Гоголь, паче чаяния, к обеду не явится, то сегодня вечером попросите Мокрицкого (профессора живописи в Московском училище живописи и ваяния)⁸ передать ему, что место, которое он желает получить при детях наследника, уже занято и что ему нельзя получить этого места.

Чернышеву не было нужды передавать Мокрицкому слова полковника, потому что Гоголь сдержал слово и к четырем часам приехал к Фон-Брину.

За обедом у Фон-Брина, узнав, что я ездил с Брюловым на Мадеру, Гоголь осведомился, не утратил ли Карл Павлович в болезни способности сочно выражаться. Я ответил, что не утратил и сохранил прежнюю энергию; а кстатi спросил Гоголя, что заставило его сделать этот вопрос?

— Да так, — отвечал Гоголь, — жаль было бы, если бы он утратил этот дар. Один из наших хороших живописцев, которого я не назову, при мне показывал Брюллову свою картину и просил его сказать о ней свое мнение. Картина была в самом деле хороша, и Брюллов хвалил ее, но автору этого было мало: ему нужны были не похвалы Брюллова, а его замечания. Брюллов долго отделялся от замечаний и говорил: «Что же вам сказать? Картина, по-моему, право, хороша»; но потом он быстро встал с места, глаза у него заблестали, и он сказал: «Ну, если уже вы непременно хотите замечаний, то знайте, что всю вашу картину, от одного конца до другого, надо бы было потрогать Паганиньевским смычком».

Вот образцы критических замечаний Брюллова¹. <...>

Первые опубликовано: Заметка о К. П. Брюллове (из воспоминаний М. И. Железнова) // Живописное Обозрение. Художественно-литературный журнал. (СПб.), 1898. 9 авг. № 32. С. 643–644 (продолжающаяся публикация: Заметка о К. П. Брюллове (из воспоминаний М. И. Железнова) // Живописное Обозрение. (СПб.), 1898. 5 июля, № 27. С. 539–544; 12 июля, № 28. С. 559–564; 26 июля, № 30. С. 602–605; 2 авг., № 31. С. 624–626; 9 авг., № 32. С. 642–644; 16 авг., № 33. С. 662–666). Печатается по первой публикации. Варианты приводятся по копии Н. К. Козмина 1920-х гг., сделанной с неизвестного источника: РГАЛИ. Ф.1085. Козмин Н. К. Оп. 1. Ед. хр. 1. 4 л.

Михаил Иванович Железнов (1825–1891), живописец, мемуарист.

¹ На самом деле в 1848 г., вероятно, 7 октября. См. в наст. изд. дневниковую запись Н. П. Ломтева от этого числа.

² «Ф. А. Бруни (род. в 1800 г., ум. в 1875 г.) — известный художник, хранитель картинной галлерей Эрмитажа» (примеч. Н. К. Козмина).

³ «Помощник Бруни при Эрмитаже» (примеч. Н. К. Козмина).

⁴ Вероятно, при великом князе Николае Александровиче (1843–1865). В. Г. Белинский — не понимавший и не принимавший основных мотивов гоголевского творчества и приписывавший Гоголю в последние годы корыстолюбивое заискивание пред власть имущими, — в 1847 г., после выхода в свет «Выбранных мест из переписки с друзьями», сообщал в письме к Гоголю о ходивших в Петербурге слухах, будто книга была написана им «с целью попасть в наставники к сыну наследника». Очевидно, эти слухи имели под собой основание.

⁵ Алексей Филиппович. «Академик живописи (род. в 1827 г., ум. в 1863 г.)» (примеч. Н. К. Козмина).

⁶ «Сергей Францович фон-Брин был начальником штаба 6-го пехотного корпуса» (примеч. Н. К. Козмина).

⁷ Гинтовт Александр Людвигович (1811–1860); см. о нем в наст. изд. в коммент. к «Воспоминаниям о Гоголе Н. И. Билевича в путевом дневнике С. П. Шевырева».

¹ Слов: За обедом у Фон-Брина ~ замечаний Брюллова. — нет в копии Н. К. Козмина.

⁸ «Аполлон Николаевич Мокрицкий (род. в 1811 г., ум. в 1888 г.) — впоследствии академик Академии Художеств» (примеч. Н. К. Козмина).

Братья Ивановы.
Воспоминания М. И. Железнова
Фрагмент

<...> За день до отъезда Александра Андреевича из Рима¹ небольшое общество русских художников пригласило его в Понте-Моло, на прощальный обед. <...> На другой день, около трех часов пополудни, я пришел к Александру Андреевичу, чтобы проститься с ним перед его отъездом <...> Александр Андреевич <...> рассуждая о многом, говорил, что для будущих его предприятий ему необходимо взглянуть на Святые Места. Слушая рассуждения Александра Андреевича, я сказал, что вижу в нем совсем не того Иванова, о котором говорил Гоголь. Иванов отвечал: «Да-с, Гоголь своим письмом сделал мне много вреда-с, выставил меня в ложном свете-с, я таким никогда не был-с». «Как же он мог это сделать? — спросил я. — Значит он приписывал вам свои убеждения, зная, что вы их не разделяли?» «Это оттого-с, — отвечал Александр Андреевич, — что я такой, как вы видите-с; а Гоголь был малоросс». В этом упреке Гоголю Иванов совершенно ярко высказал самую неприятную черту. Зачем он сделал этот упрек? Ведь он знал, что я не имел никакого сомнения в справедливости показания Гоголя? Дружба Гоголя с Ивановым прежде всего основывалась на сродстве их религиозных убеждений и, если Александр Андреевич убедил Гоголя в своей религиозности, не имея ее, то пришлось бы сказать, что великорусс обошел малоросса <...> Вечером я проводил Александра Андреевича на площадь Дель-Клементино, где тогда находилась контора дилижансов, а Сергей Андреевич поехал провожать его в Чивита-Веккию. <...>

Впервые опубликовано: Братья Ивановы. Воспоминания М. И. Железнова // Живописное Обозрение. 1899. № 3. С. 57–58. Печатается по первой публикации.

¹ В июне 1857 г.

Об Иванове и его картине

Фрагмент

Иванов показывал несколько лет сряду свою картину художникам, и только увидав, что сор из избы разносится слишком неосторожно (даже на чужие полотна), решился закрыть двери студии. <...> Я познакомился с Ивановым в Риме за несколько лет до его смерти (в 1856 г.), и то случайно, так сказать, против его воли: войти в добровольное знакомство с Ивановым тогда было так же невозможно, как и проникнуть в его мастерскую. Это было время его мизантропии: он прятался от любопытства своих соотечественников за двойной дверью студии с тяжелым замком, и даже от домовладельца, отдававшего ему квартиру, не было другого ответа, кроме отрицательного покачивания пальцем, с прибавкою: «нет дома — и никогда не бывает!» Но родственнику Гоголя¹, издававшему переписку последнего с друзьями, вздумалось поручить мне достать от Иванова гоголевские письма. Тут я несколько смелее постучался в двери: то же покачивание пальца и отрицательный ответ встретили меня, как прежде. Делать было нечего: я прислал письмо. Дня через два Иванов явился сам вечером, с пучком писем. Это был человек одиличный, вздрагивавший при появлении всякого нового лица, раскланивавшийся очень усердно с прислугою, которую принимал за хозяев, — человек с движениями живыми и глазами бежавшими, хотя постоянно потупленными в землю, с густою проседею в курчавых несколько волосах и бороде, широкоплечий, среднего роста и мускулистый, с умною и истинно-русскою наружностью. Разговор начался, как водится, о Риме. «Вы, вероятно-с, видели уже все замечательное?» — спрашивал Иванов. «Самого замечательного мы не видели», — отозвался кто-то. «Чего же это-с: Ватикана?» «Вашей картины», — отвечали ему. Он заметался на стуле, принялся смеяться, как смеются люди, смущенные неожиданным оборотом разговора, и только твердил: «Ах, помилуйте-с! Что ж это такое-с? Этого никак нельзя-с говорить! Как это возможно-с!» Он очень настаивал на важности картин в Ватикане и особенно рафаэлевских. Но прямого мнения о Рафаэле не хотел высказать и уверял, что ему гораздо было бы любопытнее знать о том суждение дам. «Они иногда весьма интересно отзываются», — говорил он. В заключение Иванов приглашал непременно побывать у Овербека, говоря, что он замечательное явление в искусстве, и высказался, наконец, насчет Рафаэля, который, по его словам, стоял весьма высоко, *как школа*. Он был готов, по-видимому, разговориться, но первый намек на картину так и столкнул его со стула. «Да отчего вы не хотите ее показать?» — пристали к нему дамы, зная уже его расположение к их вкусу. «Да оттого-с, что она этого не стоит... Николай Васильевич (Гоголь) сделал мне много вреда похвалами: после его слов я не вправе выставить свою картину... С меня слишком много спросится». «Вы предоставьте судить другим...» «Извольте ехать-с к Овербеку!» — перебил, откланиваясь, Иванов, — а обо мне и говорить не стоит-с...» И уходя, обещал бывать часто. Прошла зима — Иванов не являлся. Надо было отсылать письма, а некоторых нельзя было напечатать, не предварив его. Но покачивающийся палец хозяина не открывал к тому никаких путей. Случайно я столкнулся с Ивановым на выставке. Мы вместе обошли картины: внимание его особенно останавливалось на тех, которые носили в себе следы какого-либо изучения; он прощал самые бездарные между ними, говоря, что они более могут принести пользы искусству, нежели хорошенькие сцены (*жанр*), нечего не прибавляющие для

дела. Наконец, мы остановились у картины русского художника-пансионера. Он долго и внимательно ее рассматривал; произносил по временам отрывистые: *а! вот что-с! угу!*.. и тому подобное; на все мои вопросы не дал ни одного ответа; был углублен во что-то, и, только пройдя несколько улиц, заметил, что «надо полагать, весьма, однако, трудно, было получить золотую медаль такому-то». К отсылке писем Гоголя в Россию² он оказался совершенно равнодушен, и на замечание мое, что некоторые из них слишком близко касаются лично его, ответил: «Я полагаю-с, это ничего не значит!» Замечательная черта в человеке, который прятался и бегал от публичности. <...>

Впервые опубликовано: *Ковалевский П. М. Об Иванове и его картине // Отечественные Записки. 1859. № 3. Отд. 1. С. 114–117. Печатается по первой публикации.*

¹ Имеется в виду племянник Гоголя Н. П. Трушковский, занимавшийся изданием гоголевских сочинений и писем. В 1855 г. Трушковский обратился к А. А. Иванову с письменной просьбой передать ему письма Гоголя (см. в наст. изд. ответ А. А. Иванова Н. П. Трушковскому 1855 г.). Очевидно, что в 1856 г. взять от Иванова письма Гоголя Трушковский поручил П. М. Ковалевскому.

² В 1858 г. письма были опубликованы в статье П. А. Кулиша «Переписка Н. В. Гоголя с А. А. Ивановым» в ноябрьском номере журнала «Современник», с посвящением Ф. И. Иордану (посвящение, вероятно, было вызвано тем, что в 1857 г. Иордан, согласно завещанию Гоголя, сделал литографированный портрет писателя работы Ф. А. фон-Моллера, который Кулиш приложил к изданному им в том же году в Петербурге первому тому «Сочинений и писем Гоголя»).

Гоголь в воспоминаниях и письмах П. В. Анненкова

П. В. Анненков

Письма из-за границы <В. Г. Белинскому. 1841–1842 гг.> Фрагменты

Письмо V

Рим. 28-го апреля <н. ст.> 1841 года.

<...> Вот я уже здесь две недели¹; отыскал Гоголя, который и указывает мне точки для наблюдения в этом море², где век римлян и век Микельанджело и Рафаэля соединились, чтоб сделать его неисчерпаемым. <...> ...Всякий заехавший в Рим совершенно отделяется от современности, забывает газеты, Европу, открытия и предается воспоминаниям истории и искусства: другого нет разговора, как статуя, картина, новая находка в этой земле, до сих пор еще наполненная шедеврами древних³. <...>

Письмо VI

Флоренция. 3-го сентября 1841 года.

<...> Я прожил в Риме три месяца⁴: характер города много способствовал тому. Вообразите себе, что на свете есть столица, куда надо приезжать для того, чтоб войти в самого себя и жить в каком-то благородном и плодovitом уединении, посреди древности и произведений искусства, из которых многие — граница творчества, за которую уж и не перейдут люди. Голос Европы доходит сюда ослабленный и едва внятный; но это не китайское отъединение от всеобщей жизни, а что-то торжественное и высокое, как загородный дом, где работал великий человек. <...> Но как же тихо бывает здесь заезжим нашим туристам, офицерам, советникам, поехавшим прогуляться немного, и проч.⁵ После великого восхождения на купол Петра да осмотра Ватиканских зал, бесконечных, как мне удалось слышать, да посещения ночью, с двумя факелами, Колизея, — хоть удавиться от скуки. <...> А я между тем жил рядом, стена об стену с Гоголем и сообществе трех или четырех русских художников⁶, которые, можно сказать без пристрастия, при нынешнем направлении живописи к картинам нравов или случайностей (*tableaux de genre*⁷) и вообще умелчании искусства, одни только и работают, что называется, по мере сил. Довольно упомянуть о колоссальных трудах гравера Иордана и живописца Иванова, которого «Магдалина» осталась в памяти даже у петербургской публики⁸. Первый уже четыре года трудится над эстампом с «Преображения» Рафаэля... <...> Иванов пишет картину «Появление Мессии». Множество групп, уже принявших крещение у Иоанна Предтечи, и несколько лиц, ожидающих его, вдруг поражаются словом учителя, который, простирая руки, с вдохновенным взором указывает им вдали на тихо приближающегося Иисуса: «Се Человек, у Которого недостойн я развязать и ремень сапога!» Видно электрическое действие этого движения на всех лицах, которое переливается и на зрителя, знающего, что с этого времени начинаются проповеди Иисуса и наша религия... Что еще сказать вам? Одно разве: при всем разнообразии этих лиц

нельзя не быть поражену естественностью всех их поз и какою-то эпическою простотою целою, которая так хорошо согласуется с евангельским рассказом. <...>

Итак, с ними-то жил я... Мы проезжали уединенные римские поля и были в горах, с которых вид на поля — что на море, с тою разницей, что никогда море не навет на вас такого расположения духа. Были во всех этих местах, прославленных красотою природы, историческими воспоминаниями, дворцами и виллами папских племянников, Альбано, Фраскати, Тиволи⁹, Субиако, и, наконец, углубившись еще далее в горы, на границе Аbruццо, в городах, которые лепятся на вершинах скал, к которым нет дорог и где только один способ сообщения известен: это верхом на осле. В этих городах встретили мы народонаселение совершенно дикое, едва знающее употребление монеты и, кажется, только сейчас вышедшее из первого состояния человека естественного, а la Rousseau¹⁰. И это рядом с Римом! Да что! В Сабинских горах есть еще деревни, где говорят по-латыни! Но со всем тем нельзя же даром жить на классической почве; как нынче, так и за несколько веков, люди и народы, приходящие в Рим, всегда уносили еще что-нибудь, кроме богатства его. Это моральное влияние Рима на народ, теперь обитающий около него, отразилось в общности его характера, имеющего что-то гордое, независимое, и проявилось в эстетическом вкусе, ему врожденном¹¹. Последнее качество всего более выказывается в празднествах, да не в тех, которые имеют какой-то официальный характер, как торжества святой недели, празднуемые больше, кажется, для иностранцев, чем для Рима, а в национальных праздниках июня месяца, когда знамена с изображением мучениц развеваются по ветру, капуцины со свечами в руках тянутся в длинных процессиях, проповедники на всех углах площадей поучают народ, и на улицах стреляют из петард. Какие тут встречаются женские лица, какие костюмы, и что иногда делают самые незначительные деревнюшки, так просто чудо! Так, например, в Женано мостовая, по которой идет духовная процессия, расчерчивается в прихотливые фигуры мелом: по ним сыплотся разнородные цветы; в числе этих фигур есть гербы папы, кардиналов, львы, арабески, все из цветов. Мостовая вдруг покрыта великолепным ковром, который, уж без всякого сомнения, превышает все ковры в мире яркостью красок. Едва только минует процессия, как все это количество роз, маку, лилий смешивается и составляет какую-то мраморную грудю. Где же это выдумается, скажите пожалуйста, кроме Рима? Буйные порывы римской черни, случающиеся очень часто и напоминающие времена итальянских республик средних веков, значительны еще тем, что это обыкновенно осуждение какого-нибудь преступления, не подлежащего законам. Так, когда принчипе Дориа обольстил девушку обещанием жениться на ней и привел ее к смерти обманом и изменой, народ своротил погребальную процессию жертвы с настоящей дороги и заставил ее пройти мимо дворца принчипе, который после этого и уехал из Рима. Да и сам я был свидетелем, как жестоко был освистан гроб другого принчипе, Пиомбино¹², не любимого за скупость и который запер свою великолепную виллу Людовизи¹³ и не пускал никого смотреть знаменитые статуи и фрески. Освистали мертвого¹⁴, освистали совершенно, хоть и полиция наверное знала, что Пиомбино будет освистан¹⁵.

19-го июля выехал я из Рима в Неаполь¹⁶, унося с собою воспоминание о всех древних чудесах его, мною весьма подробно осмотренных... <...>

Письмо VII

Женева. 26 октября 1841 года.

<...> Тороплюсь рассказать вам мое знакомство и целую неделю дружбы с миланским журналистом, издателем театральной газеты «Пират»¹⁷, господином Регли, получающим подарки от Донизетти¹⁸, Тальони¹⁹ и от всех певцов и певиц, проезжающих через Милан. Он, вот изволите видеть, совсем не так желчен, как иные прочие. На мое замечание о пошлости итальянской журналистики и о путанице этих мягких фраз в разборах и отчетах, которые словно занавеска,

колеблемая ветром у окна, и открывают внутренность комнаты и не открывают, он объявил мне, что это дело условное, что это вещь, непонятная для иностранца, но что есть похвальные фразы, выражающие осуждение! Пуф! Так, например, сказать: «опера вообще нравится» значит сказать, что опера никуда не годится, да и сам он, Регли, имел историю с любителем танцовщицы, про которую откровенно сказал, что она заслуживает внимания. Можете теперь представить, сколько надо употребить восторга и энтузиазма при разборе вещи действительно достойной похвалы. <...>

Письмо IX

Париж. 7-го февраля 1842 года.

<...> ...Публичные лекции знаменитейших профессоров Парижа <...> посещаемые всеми классами народа, принадлежат к числу парижских зрелищ, во-первых, по отсутствию, по крайней мере в философских и литературных лекциях, строгой науки, а во-вторых, по необычайному старанию профессоров сделать чтения свои как можно остроумнее, пестрее, замысловатее²⁰. <...>

Книгопродавцы прибегли с горя к картинкам и великолепным изданиям, чтоб завлечь охладевшую публику; новый роман Сулье²¹: «Если б молодость ведала! Если б старость могла!» издается еженедельно листками, со всею типографскою роскошью...²² <...> Политические брошюры распространяются страшно²³, так распространяются, что одному человеку уже и вычитать нельзя, что появляется в неделю. Я только хожу да посматриваю на окна книжных магазинов, где каждый день появляется новая афишка. Вчера возвещали о брошюре «Я бью стекла»; третьего дня: «Счет пощечин, полученных Францией»; сегодня: «Памфлет и история». Плюнешь всякий раз, да и отойдешь прочь! <...>

Первые опубликовано: <Анненков П. В.> А–в. Письма из-за границы. Письмо V // Отечественные Записки. 1841. № 6 (цензурное разрешение 30 мая). Отд. «Смесь». С. 91–102; <Анненков П. В.> А–в. Письма из-за границы. Письмо VI // Отечественные Записки. 1841. № 10 (цензурное разрешение 30 сент.). Отд. «Смесь». С. 81–87; <Анненков П. В.> А–в. Письма из-за границы. Письмо VII // Отечественные Записки. 1841. № 12 (цензурное разрешение 30 ноября). Отд. «Смесь». С. 79–82; <Анненков П. В.> А–в. Письма из-за границы. Письмо IX // Отечественные Записки. 1842. № 3 (цензурное разрешение 28 февр.). Отд. «Смесь». С. 15–22. Перепечатано: Анненков П. В. Письма из-за границы (1841) // Анненков П. В. Парижские письма. М., 1983. С. 27, 29–31, 36, 57–58. Печатается по первым публикациям.

Павел Васильевич Анненков (1813–1887), литературный критик и мемуарист, известен в русской литературе как составитель первого научного издания сочинений А. С. Пушкина (1855–1857), автор многочисленных воспоминаний.

В. П. Гаевский в письме к А. Н. Пыпину от 17 марта 1887 г., со слов А. А. Краевского, свидетельствовал, что «Письма из-за границы» были адресованы в 1841 г. П. В. Анненковым В. Г. Белинскому: «Краевский сообщил мне следующее: он встречался с Анненковым у Дм. Федорова, директора театрального училища, и Крутицкого, служившего при театрах (при Геденове) по хозяйственной части. Это было в конце 1830-х годов. Потом Анненков уехал за границу, откуда написал Белинскому письмо, доставленное им в редакцию “Отечественных записок”. Письмо понравилось, было напечатано (имеется в виду публикация в мартовском номере “Отечественных Записок” за 1841 г.: А–в. Письма из-за границы. Письмо I–II. – И. В.), и Белинский написал Анненкову в Париж (вероятно, в Берлин. – И. В.), чтоб он продолжал корреспонденцию» (*Боград В. Э.* Журнал «Отечественные записки». 1839–1848. Указатель содержания. М., 1985. С. 416). При публикации первых двух писем (от 12 ноября 1840 г. из Гамбурга и от 10 января 1841 г. из Берлина) они были сопровождаемы редакционным примечанием, написанным, вероятно, В. Г. Белинским. Это примечание заканчивалось следующей фразой: «Лучшее в письмах г-на Анненкова то, что они писаны не для печати и скорее могут быть названы импровизацией, чем сочинением» (Отечественные Записки. 1841. № 3. Отд. «Смесь». С. 15). Однако, если первые письма Анненкова, возможно, действительно, были «писаны не для печати», то последующие, безусловно, создавались с расчетом на публикацию. Важно и то, что в Рим к Гоголю Анненков приехал в 1841 г. не только как старый знакомый писателя по Петербургу (с 1833 гг. – см. в наст. изд. примеч. 35 и 37 к «Воспоминаниям о Гоголе» Анненков

ва), но в известной мере и как «человек Белинского», с которым Анненков близко сошелся в конце октября 1839 г., почти сразу по переезде критика из Москвы в Петербург и за год до отправления Анненкова за границу в октябре 1840 г. Именно Белинский, по свидетельству самого Анненкова, провожал его с М. Н. Катковым при их отъезде за границу: «В глухую осень 1840-го года (октября 5-го), мы <...> сели на последний пароход, отправлявшийся из Петербурга в Любек. Белинский, Кольцов и Панаев провожали нас до Кронштадта» (см. в наст. изд. «Замечательное десятилетие» Анненкова).

Позднее Анненков, будучи убежденным западником, открыто признавал себя «нравственным участником» создания зальцбруннского письма Белинского к Гоголю 1847 г.: «Ф. Достоевский попал на пять лет в арестантские роты за распространение письма Белинского к Гоголю, писанного при мне в Зальцбрунне в 1847 г. Как нравственный участник, не донесший правительству о нем, я мог бы тоже попасть в арестантские роты» (*Лернер Н.* Две зимы в провинции и деревне. С января 1849 по август 1851 года. Из воспоминаний П. В. Анненкова // *Былое.* 1922. № 18. С. 6). Сам Белинский, получив не дошедшее до нас послание Анненкова, в письме к В. П. Боткину от 28 февраля 1847 г. свидетельствовал: «...Отзыв Анненкова о книге Гоголя тоже не отзывается терпимостью» (см. в наст. изд.). Анненков считал зальцбруннское письмо Белинского разоблачением «пустоты и безобразия всех идеалов Гоголя» (см. в наст. изд. «Замечательное десятилетие» Анненкова). Известно также, что Анненков неоднократно — весной 1846-го и 1848-го гг. — встречался в Брюсселе и Париже с К. Марксом, с которым завязал переписку. Даже в эпоху наибольшего сближения Гоголя с Анненковым, в период переписки первого тома «Мертвых душ» в 1841 г., их отношения не обходились без идейных столкновений. Тон переписки Гоголя с Анненковым также весьма сдержан, а в последних письмах, 1847 г., прямо слышится продолжение полемики с Белинским.

Закономерно, что в мемуарах Анненкова о Гоголе, с которым мемуарист вступил в идейный спор еще при его жизни, не могла не сказаться определенная тенденция. Этой тенденцией продиктовано само обращение Анненкова к воспоминаниям о Гоголе. Главным побудительным мотивом создания мемуаров стал для Анненкова выход в свет в 1856 г. двухтомных «Записок о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша (см. в наст. изд. коммент. к письму П. В. Анненкова И. С. Тургеневу от 1 июня 1856 г. и к письму П. В. Анненкова к А. В. Дружинину от 1 сентября того же года). Кулиш — первый биограф Гоголя — лично не знал писателя и свое представление о художнике черпал из воспоминаний о нем других лиц. Наиболее важным для биографа явилось общение с С. Т. Аксаковым. Именно Кулиш впервые познакомил читателей с обширными воспоминаниями Аксакова о Гоголе. В процессе работы Аксаков посылал Кулишу пространные выдержки из своего труда, а при личной встрече дал прочесть ему рукопись воспоминаний и разрешил сделать из нее выписки (см. в наст. изд. раздел *Гоголь в письмах и воспоминаниях С. Т. Аксакова*). Прежде всего аксаковские материалы, «голос» славянофила Аксакова в книге Кулиша, и вызвал на себя критику Анненкова. Дело в том, что уже с самых первых своих мемуарных публикаций о Гоголе С. Т. Аксаков утверждал: «Да не подумают, что Гоголь менялся в своих убеждениях; напротив, с юношеских лет он оставался им верен» (см. в наст. изд. статью С. Т. Аксакова «Несколько слов о биографии Гоголя»). Это свидетельство С. Т. Аксакова и было оспорено спустя четыре года П. В. Анненковым, который, напротив, брался утверждать — в соответствии с выдвинутым В. Г. Белинским тезисом о «двух Гоголях», — что якобы «великую ошибку сделает тот, кто смешает Гоголя последнего периода с тем, который начинал <...> жизнь в Петербурге...» (см. в наст. изд. «Воспоминания о Гоголе» Анненкова). Доказательству этого тезиса и подчинены главным образом едва ли не все позднейшие мемуарные «свидетельства» Анненкова, касающиеся Гоголя. (Как показывает анализ, наиболее тенденциозные из этих «свидетельств» зиждутся либо на неполном знании вопроса, либо на недоразумении, либо являются прямой фальсификацией; см. в наст. изд. коммент. к «Воспоминаниям о Гоголе» Анненкова.) Не случайно, «Воспоминания...» Анненкова сразу по выходе получили хвалебные отзывы западников — И. С. Тургенева, В. П. Боткина, Н. Г. Чернышевского (см. в наст. изд. преамбулу коммент. к этим мемуарам).

Одно из наиболее показательных искажений Анненкова, допущенных им в его мемуарах, — представление о характере отношения Гоголя к наследию Вальтера Скотта (см.: *Виноградов И. А.* Обретение жанра: Народная песня и «Тарас Бульба» Гоголя // Н. В. Гоголь и народная культура: Седьмые Гоголевские чтения: Материалы докладов и сообщений Международной конференции / Под общ. ред. В. П. Викуловой. М., 2008. С. 71–72; см. также ниже). Столь же бездоказателен Анненков и в своих заявлениях о якобы недостатке образования Гоголя (см. также коммент. ниже). Свое неверное толкование — в духе разделения Гоголя на раннего и позднего — дает Анненков и якобы «удивившему» его в 1841 г. высказыванию Гоголя о пуристах — группе немецких художников во главе с Ф. Овербеком и П. Корнелиусом (см. в наст. изд. коммент. к статье К. М. Климченко «Письмо из Рима Никколе Синчеро»). Абсолютно недосто-

верным является сообщение мемуариста о том, что якобы в июне 1832 г. Гоголь, проезжая через Москву, «чрезвычайно хлопотал на заставе, чтоб прописаться и попасть в *Московские Ведомости* не “коллежским регистратором”, каковым был, а “коллежским ассесором”» (см. коммент. ниже).

Стремление во что бы то ни стало настоять на разности между ранним и поздним Гоголем заставляло Анненкова, судя по всему, и умалчивать о некоторых фактах гоголевской биографии, в которых христианские взгляды начинающего свое литературное поприще Гоголя проглядывали вполне определенно. Об этом, в частности, позволяет судить дневниковая запись фольклориста А. Н. Афанасьева, датированная 1861 г. (см. фрагмент из «Отрывков из моей памяти и переписки» А. Н. Афанасьева, помещенный в настоящем своде мемуарных свидетельств Анненкова). «Умолчание» Анненкова в его мемуарах об этом факте творческой биографии Гоголя оказалось столь долгим, что впервые этот факт был обнаружен лишь в 1984 г. Между тем это свидетельство проливает свет на религиозный замысел повести Гоголя «Записки сумасшедшего», носившей в черновой редакции название «Записки сумасшедшего мученика» (подробнее см.: *Виноградов И. А.* Крест миролюбцев. К первоначальному названию повести Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего» // Лит. Россия. 1994. 18 марта. № 11. С. 14).

Появившаяся в 1841–1842 гг. в журнале «Отечественные Записки» самая первая публикация Анненкова — адресованные Белинскому «Письма из-за границы» — также может рассматриваться как один из памятников мемуарной литературы о Гоголе (впоследствии сам Анненков пользовался этими «Письмами...» при создании «Воспоминаний о Гоголе»; см. коммент. ниже). Это самое первое появившееся в печати произведение Анненкова дает некий ключ к пониманию его биографических свидетельств о Гоголе в целом. Дело в том, что Анненков, который был лишь четырьмя годами младше Гоголя, в то же время далеко уступал ему талантом и известностью, и потому не мог не смотреть на прославленного писателя иначе как снизу вверх. В своих «Воспоминаниях о Гоголе» Анненков почти везде называет Гоголя по имени-отчеству — Николай Васильевич. Это в общем хорошо отражает значительную духовную дистанцию между Гоголем и его биографом. (Позднее М. М. Стасюлевич, переиздавший мемуары Анненкова, лишь в очень редких случаях сохранил эту особенность оригинала и почти везде заменил уважительное «Николай Васильевич» фамилией Гоголь. К сожалению, с этой редакторской правкой воспоминания Анненкова о Гоголе печатались до настоящего времени.)

В этой связи следует отметить и определенное участие Гоголя в судьбе Анненкова, когда тот предпринимал свои самые первые шаги в литературе. Около 1833 г. Гоголь прочел в рукописи какую-то «повесть» Анненкова — и за стремление молодого приятеля посвятить себя писательскому ремеслу дал ему прозвище Жюль Жанен (см. коммент. ниже). (С Белинским Анненков, как указывалось, познакомился лишь за год до своего отправления за границу.)

Первое опубликованное произведение Анненкова — «Письма из-за границы» — также несет на себе определенный след ученичества у Гоголя. Гоголь был проводником Анненкова по Риму: именно гоголевскими глазами Анненков открывал для себя этот мир, и простое сравнение анненковских «Писем из-за границы» с повестью Гоголя «Рим» показывает, что многими наблюдениями, встречающимися в «Письмах...», Анненков обязан Гоголю: гоголевские размышления над римской и парижской жизнью Анненков почти дословно повторяет в своих путевых записках, не ссылаясь, впрочем, на авторство Гоголя (о прямом знакомстве Анненкова с гоголевским «Римом» см. ниже примеч. 22, а также примеч. 39 к «Воспоминаниям о Гоголе» Анненкова). Дело объясняется тем, что «Письма из-за границы» Анненкова и гоголевский «Рим» были опубликованы почти одновременно, и потому Анненков не успел откорректировать свое произведение. Достаточно одного примера.

В свете культурно-исторической концепции Гоголя, в которой полярными точками являются Петербург и Москва, Париж и Рим, вовсе не удивительно, что, по свидетельству Анненкова, «намек на то, что европейская цивилизация может еще ожидать от Франции важных услуг, не раз имел силу приводить невозмутимого Гоголя в некоторое раздражение. Отрицание Франции было у него <...> невозвратно и решительно...» («Замечательное десятилетие»; см. в наст. изд.). Речь, конечно, шла не об отрицании Франции, а о неприятии Гоголем самой западноевропейской цивилизации. Останавливает внимание другое. Удивительно само появление в устах западника Анненкова критики в адрес той же самой парижской «цивилизованной» жизни в его «Письмах из-за границы». Удивляет это, впрочем, если не знать, что все эти якобы анненковские размышления — всего лишь прямое повторение того, что, по-видимому, не раз говорил ему ранее в Риме Гоголь, уже успевший до этого оценить все достоинства и недостатки Парижа.

Идейное влияние Гоголя ощутимо и в анненковских «Воспоминаниях о Гоголе. Рим, летом 1841 года». Так, под впечатлением от встреч с Гоголем, западник Анненков пишет: «...Всякий заехавший в Рим совершенно отделяется от

современности, забывает газеты, Европу, открытия и предается воспоминаниям истории и искусства: другого нет разговора, как статуя, картина, новая находка в этой земле... <...> Но как же тихо бывает здесь заезжим нашим туристам, офицерам, советникам, поехавшим прогуляться <...>! После <...> восхождения на купол Петра да осмотра Ватиканских зал, <...> да посещения <...> Колизея, — хоть удавиться от скуки. <...> А я между тем жил рядом <...> с Гоголем и сообществе трех или четырех русских художников...». Много лет спустя Анненков повторил эти размышления в «Замечательном десятилетии».

Противопоставление Рима как главного представителя консервативной, религиозной Европы и торгово-промышленного европейского севера, конечно, является непосредственным отражением взглядов Гоголя, но отнюдь не Анненкова. Ибо скучно было, как выясняется, в Риме, вместе с «заезжими туристами» и самому либералу Анненкову — и только благодаря Гоголю и Иванову ему удавалось отчасти одолевать эту скуку. «Бывало, едешь по этому великолепно обставленному пустырю, как по улице гробниц в Помпее...», — признавался мемуарист о своей римской жизни («Замечательное десятилетие»; см. в наст. изд.).

Влиянием Гоголя объясняется, очевидно, и то обстоятельство, что, несмотря на поставленную задачу: доказать различие между «ранним» и «поздним» Гоголем, Анненков часто «проговаривается». Интересно, в частности, свидетельство мемуариста, касающееся аскетического быта Гоголя, а именно, обыкновения проводить ночь в молитве, заменив сон недолгим дреманием в кресле: этот аскетический обычай Гоголь сохранил до конца жизни. Анненков свидетельствовал, что еще в начале 1840-х гг. писатель «добрую часть ночи» проводил, «дремля на диване и не ложась в постель», а «со светом взбивал и разметывал» ее, чтобы служанка, прибиравшая комнаты, не узнала об этом обычае своего жильца. Рассказав об этом обычае Гоголя, Анненков тут же, будто спохватившись, оговаривается: «Конечно, тут еще нельзя искать обыкновенных приемов аскетического настроения, развившегося впоследствии у Гоголя...» («Воспоминания о Гоголе. Рим, летом 1841 года»; см. в наст. изд.).

Влияние Гоголя на Анненкова нельзя недооценивать. Вероятно, именно «ученичеством» у Гоголя можно объяснить и то обстоятельство, что Французскую революцию 1848 г. либерал Анненков во многом все-таки не принял. В 1848 г. Гоголь сообщал А. С. Данилевскому: «В Петербурге я успел видеть <...> Анненкова, приехавшего на днях из-за границы. Все, что рассказывает он, как очевидец, о парижских происшествиях, — просто страх: совершенное разложение общества». Сам Анненков в 1848 г. писал брату Ивану из Парижа: «...Здесь четыре дня кряду происходила такая отвратительная, чудовищная резня, что решительно примера в истории подобного не было... <...> Кровь лилась рекою... <...> Уже считают более 10 тысяч убитых и раненых с обеих сторон: в числе первых 7 генералов и архиепископ парижский, приходивший увещать бунтовщиков и ими расстрелянный. <...> ...Все это страшно гадко, страшно отвратительно» (письмо от 4 июля; *Морозов И. Л.* «Горестная профанация» (Неопубликованные письма П. В. Анненкова о революции 1848 г. в Париже) // Исторический сборник. М.; Л., 1935. № 4. С. 255–256). Позднее, в статье «События марта 1848 года в Париже», Анненков добавлял: «Казалось, революция была сделана для того, чтобы показать, сколько тайлось в Париже нищеты, физического безобразия, позорных промыслов и болезней; все это вышло из темных закоулков, где все это крепко держало доколе полиция...» (*Анненков П. В.* События марта 1848 года в Париже. Из записок // Русский Вестник. 1862. Март. С. 275).

Анненков, который видел — и во многом не мог не видеть Рим иначе как глазами Гоголя, этим прежде всего и ценен для нас как мемуарист. Однако чем взрослее становился Анненков, чем более угасало для него непосредственное влияние и обаяние личности Гоголя, тем более резок и безапелляционен становился мемуарист в своих оценках. Это вполне ощутимо в позднейших воспоминаниях Анненкова о Гоголе — в «Замечательном десятилетии» и мемуарах «Две зимы в провинции и деревне». Таким, например, жалким и потеряннм выглядит у Анненкова Гоголь в последней зарисовке мемуариста: «В четыре часа по полудни я ехал с братом-комендантом куда-то обедать, когда неожиданно повстречался с Гоголем, видимо, направлявшимся в соборы к вечерне, на которую благовестили. Как бы желая отклонить всякое подозрение о цели своей дороги, он торопливо подошел к коляске и с находчивостью лукавого малоросса проговорил: “А я к вам шел, да, видно, не вовремя, прощайте”. Бедный страдалец!» («Последняя встреча с Гоголем. (Из воспоминаний П. В. Анненкова о Москве осенью 1851 года»; см. в наст. изд.). Вот таким заискивающим и неуверенным в себе — стыдящимся самой веры — выглядит Гоголь в этих позднейших, очевидно, далеких от достоверности воспоминаниях Анненкова. Предвзятость и стремление во что бы то ни стало подвести творческий путь Гоголя под установку, принятую по отношению к нему Белинским, к сожалению, внесли в мемуары Анненкова определенную долю тенденциозности, исказившую подлинный облик Гоголя.

¹ На самом деле три недели. П. В. Анненков приехал в Рим 26 марта / 7 апреля 1841 г. (см. в наст. изд. коммент. к его «Воспоминаниям о Гоголе»).

² По-видимому, тем, что именно Гоголь указывал П. В. Анненкову «точки для наблюдения» в Риме, а также, вероятно, тем, что Гоголь прочел Анненкову в рукописи отрывок своей незавершенной повести (или романа) «Рим», объясняющий многочисленные переключки «Писем из-за границы» с этой гоголевской повестью (см.: *Виноградов И. А.* П. В. Анненков — биограф Н. В. Гоголя // Н. В. Гоголь и его литературное окружение: Восьмье Гоголевские чтения: Сб. докл. Междунар. конференции / Под общ. ред. В. П. Викуловой. М., 2009. С. 145–155; а также коммент. ниже).

³ Гоголь в повести «Рим» писал: «Тут не было толков о понизившихся фондах, о камерных преньях, об испанских делах: тут слышались речи об открытой недавно древней статуе, о достоинстве кистей великих мастеров...»

⁴ Более трех с половиной месяцев, с 7 апреля по 19 июля (н. ст.) 1841 г.

⁵ «Что теперь Рим? — писал 29 марта 1845 г. из Рима М. С. Волков А. Баландину. — <...> Город <...> беспрестанно убывающий, разрушающийся, покидаемый, пустеющий. В нем есть только прошедшее, а настоящего нет ничего. Душа его — в картинах, статуях и зданиях» (Отрывки из заграничных писем (1844–1848) Матвея Волкова. СПб., 1857. С. 129). См. также в наст. изд. письмо Ф. В. Чижова от 7 февраля (н. ст.) 1843 г. «Нельзя не согласиться, — отмечал также в 1846 г. Н. Б. Герсеванов, — что вечный город представляет необыкновенную прелесть для некоторого класса людей; за то он не нравится всем другим. Любителю старины, артисту, здесь обширное поле для действий; антикварий, архитектор, живописец могут прожить здесь несколько лет, изучая любимый предмет, и остаться даже на всю жизнь; ипохондрику, охотнику до развалин есть где бродить и мечтать. Но всякому другому здесь жить неприятно; рассмотрение бессмертных произведений искусства не вознаградит его за неудобства всякого рода, встречаемые на каждом шагу, и, осмотрев все замечательное, путешественник с нетерпением считает дни и часы, чтобы скорее выехать из Рима» (*Герсеванов Н. Б.* Рим. (Из путевых впечатлений туриста) // Отечественные Записки. 1846. № 4. Отд. 8. С. 98). Позднее, в 1861 г., Герсеванов писал о пребывании Гоголя за границей: «Почему же, спросят читатели, не поселился он в Германии?... <...> Гоголю, по его грязной натуре, опрятная, честная Германия не могла нравиться, и в письмах своих он постоянно говорит о ней с отвращением <...> Зато грязный, наполненный нищими и развалинами Рим встретил его полное сочувствие» (*Герсеванов Н.* Гоголь пред судом обличительной литературы. Одесса, 1861. С. 82). Несомненно, именно подобных Герсеванову «туристов» имели в виду Гоголь и Анненков, говоря о скучающих в Риме «заезжих наших <...> офицерах, советниках, поехавших прогуляться немного, и проч.». «Я видел, — писал Анненков в «Замечательном десятилетии», — наших отдыхающих откупщиков, старинных степенных помещиков, офицеров от Дюссо <известный петербургский ресторатор>, зараженных археологией, толкующих о памятниках, камнях, Рафаэлях, перемешивающих свои вздохи возгласами об удивительно глубококом небе Италии и о скуке, которая под ним безгранично царствует, что много заставляло смеяться Гоголя и Иванова: по вечерам они часто рассказывали курьезные анекдоты из своей многолетней практики с русскими туристами» (см. в наст. изд.). Скучно было, впрочем, в Риме, вместе с «офицерами от Дюссо», и либералу Анненкову (см. преамбулу к наст. коммент.).

⁶ Имеются в виду А. А. Иванов, Ф. И. Иордан, Н. С. Пименов, А. В. Логановский.

⁷ Жанровая картина (*фр.*).

⁸ Картина А. А. Иванова «Явление Христа Марии Магдалине после воскресения» (1834–1836), присланная на выставку петербургской Академии художеств, заслужила высокую оценку (см.: <*Сенковский О. И.*> Выставка художественных произведений // Библиотека для Чтения. 1836, т. 18 (цензурное разрешение 29 авг.). Отд. 6. С. 57–58; Беглый взгляд на нынешнюю Выставку Академии Художеств (Подпись: В.) // Северная Пчела. 1836. 6 окт. № 228. С. 912; О нынешней выставке Императорской Академии Художеств // Журнал Общепольных Сведений. 1836. 24 окт. № 43. С. 356; <*Кукольник Н. В.*> С<анкт>-Петербургская выставка в Императорской Академии Художеств // Художественная Газета. 1836. Декабрь. № 9–10. С. 146–147). 24 сентября 1836 г. художник был удостоен звания академика, а картина 6 декабря 1836 г. представлена в дар от Общества Поощрения Художников Императору Николаю I.

⁹ См. в наст. изд. письмо П. В. Анненкова своим братьям И. В. и Ф. В. Анненковым от 8/20 мая 1841 г. В «Воспоминаниях о Гоголе» П. В. Анненков также писал: «На даче княгини З. Волконской, упиравшейся в старый римский водопровод, который служил ей террасой, он ложился спиной на аркаду богатых, как называл древних римлян, и по полусуткам смотрел в голубое небо, на мертвую и великолепную римскую Кампанию. Так точно было и в Тиволи, в густой растительности, окружающей его *каскатели*; он садился где-нибудь в чаще, упирал зоркие, недвижные глаза в темную зелень, купами сбегавшую по скалам, и оставался недвижим целые часы, с воспаленными щеками» (см. в наст. изд.).

¹⁰ Ж. Ж. Руссо.

¹¹ Слова П. В. Анненкова о характере итальянцев, «имеющего что-то гордое, независимое», и о их «врожденном» «эстетическом вкусе» — с последующим описанием украшенных цветами мостовых Дженсано (Женсано), повторяют строки Гоголя об итальянском народе в «отрывке» «Рим»: «В его природе заключалось что-то младенчески благородное. Эта гордость римским именем, вследствие которой часть города, считая себя потомками древних квиритов, никогда не вступала в брачные союзы с другими. <...> Потом черты природного художественного инстинкта и чувства: он видел <...> как выражалось невольно это чувство в живописных одеждах, в церковных убранствах, как в Дженсано народ убирал цветочными коврами улицы, как разноцветные листики цветов обращались в краски и тени, на мостовой выходили узоры, кардинальские гербы, портрет папы, вензеля, птицы, звери и арабески».

¹² Пиомбино (Piombo) — итальянский княжеский род.

¹³ Людовизи (Ludovisi, Ludovisi) — вилла в северной части Рима, построенная в XVII в. на месте садов Саллюстия кардиналом Людовизи.

¹⁴ Ср. строки Гоголя об итальянском народе в повести «Рим»: «Он порицает несправедливого притязателя, освистывает гроб покойника и впрягается великодушно в колесницу, везущую тело, любезное народу».

¹⁵ Роман князя Дориа, окончившийся смертью девушки, относится к 1838 г. Об этом случае Анненков, приехавший в Рим весной 1841 г., мог слышать от Гоголя, который 7 ноября (н. ст.) 1838 г. писал М. П. Балабиной: «Другой роман. Один из фамилии Дориев влюбился до безумия в одну девушку сироту хорошей, впрочем, фамилии, а главное — прекрасную собою. Все дело было между ними улажено, и через неделю свадьба, как вдруг Дорий получает известия, заставляющие его ехать в Геную. Он просит свою невесту переехать на время в монастырь, потому что он не желал бы ее видеть до тех пор в свете. Уезжает в Геную; оттуда пишет письмо, довольно страстное; жалуется на обстоятельства, которые заставляют его пробить немного доле; описывает ей великолепие своего генуэзского дворца и приурочивания, которые он делает к принятию ее. Из Генуи Дорий поехал в Париж и оттуда написал письмо, менее страстное, и наконец уведомил ее, что свадьба не может между ними состояться, что она должна позабыть его, что дядя его не соглашается на этот союз. Бедная невеста не сказала ни слова на это, никаких укоризн, но через пять дней умерла. Тело ее было выставлено в одной из римских церквей. Она и мертвая была прекрасна». В бумагах П. А. Кулиша сохранились воспоминания о Гоголе графа А. К. Толстого, касающиеся описанного случая: «А. К. Толстой о Гоголе: <...> Когда умерла невеста Дориа, странствереяне отправили посольство к родственникам — сожаление — ко дворцу — ругательствами — швыряли в окна. (Рас<с>просить вновь.)» (см. в наст. изд. *Воспоминания графа А. К. Толстого, А. М. Жемчужникова и графа А. П. Толстого, записанные П. А. Кулишом*).

¹⁶ См. в наст. изд. письмо П. В. Анненкова своим братьям И. В. и Ф. В. Анненковым от середины июля (н. ст.) 1841 г.

¹⁷ О литературно-театральном журнале «Pigata», издававшемся в Милане с 1835 по 1891 г., упоминает также Гоголь в повести «Рим» при описании парижской жизни римского князя: «Потом принимался он за чтение колоссальных журнальных листов и вспомнил о чахоточных журналишках Италии, о каком-нибудь "Diario di Roma", "il Pirato" и тому подобных, где помещались невинные политические известия и анекдоты чуть не о Термопилах и персидском царе Дарии».

¹⁸ Гаэтано Доницетти (1797 — 8 апреля 1848), итальянский композитор.

¹⁹ Филиппо Тальони (1777–1871), балетмейстер.

²⁰ В повести «Рим», в описании парижской жизни итальянского князя, Гоголь замечал: «В самой науке, в ее одушевленных лекциях, которых достоинство не мог не признать он, теперь стало ему заметно везде желание выказаться, хвастнуть, выставить себя; везде блестящие эпизоды, и нет торжественного, величавого течения всего целого».

²¹ Речь идет о романе французского писателя и драматурга Мельхиора Фредерика Сулье (1800–1847) «Si jeunesse savait et si vieillesse pouvait» (1841–1845).

²² О «типографской», или «типографической роскоши» издаваемой в Париже литературы писал и Гоголь в повести «Рим»: «Книжная литература прибегала к картинкам и типографической роскоши, чтоб ими привлечь к себе охлаждающееся внимание. Странностью неслыханных страстей, уродливостью исключений из человеческой природы силлись повести и романы овладеть читателем». Отметим, что письмо Анненкова было опубликовано в № 3 «Отечественных Записок» за 1842 г., вышедшем в свет 1 марта. Цензурное разрешение № 3 «Москвитянина» за 1842 г., где был впервые напечатан гоголевский «Рим» — 11 марта 1842 г. Исходя из близкого сходства цитируемых отрывков, следует предположить, что либо Гоголь воспользовался при создании повести статьей Анненкова, либо Анненков, про-

живавший с Гоголем в Риме весной — летом 1841 г., слышал ранее повесть в авторском чтении (и, возможно, сделал при этом какие-то записи). Последнее предположение представляется более вероятным. Гоголь действительно знакомил своих друзей в Риме с своей повестью. Об этом свидетельствует отрывок из неопубликованного произведения В. А. Панова с одноименным названием (см. в наст. изд. примеч. 39 к «Воспоминаниям о Гоголе» Анненкова). Кроме того, о «типографической роскоши» Гоголь упоминал уже в рецензии на альманах В. А. Владиславлева «Утренняя заря», опубликованной в 1842 г. (с подписью: NN) — за два месяца до выхода в свет письма Анненкова — в № 1 «Москвитянина» (цензурное разрешение 6 января). Это упоминание находится в начальных строках гоголевской рецензии, не попавших в печать (они были исключены из рецензии М. П. Погодиным и сохранились в автографе, опубликованном лишь в 1902 г.): «Начнем блестящим изделием типографической роскоши, легким сверкающим цветком, приветствующим наступающий 1842-й год». В соответствии со строками «Рима» Гоголь в рецензии на «Утреннюю зарю» (написанной, вероятно, по просьбе М. П. Погодина) как бы демонстративно игнорирует литературную (откровенно слабую) сторону альманаха, останавливаясь лишь на «типографической роскоши» и портретах красавиц. Соответствующий (критический и при этом обширный) разбор произведений, вошедших в альманах, вынужден был сделать (вычеркнув несколько ни к чему не обязывающих строк Гоголя) сам редактор «Москвитянина» М. П. Погодин.

²³ Похожее наблюдение встречается в повести Гоголя «Рим»: «...Всякий француз воспитывался этим странным вихрем книжной, типографски движущейся политики и, еще чуждый сословия, к которому принадлежал, еще не узнав на деле всех прав и отношений своих, уже приставал к той или другой партии, горячо и жарко принимая к сердцу все интересы, становясь свирепо против своих супротивников, еще не зная в глаза ни интересов своих, ни супротивников...»

П. Анненков

Материалы для биографии А. С. Пушкина Фрагмент

<...> Весьма важно для литературных соображений и то, что «Дубровский» написан ранее произведений Гоголя из Русского быта, веден иначе, чем они, и совсем в другом тоне; но мысль поставить современную жизнь на главный план, сохраняя ей те черты поэзии, драмы и особенностей, какие она заключает в себе, им обща.

В конце 1832 года Н. В. Гоголь жил неподалеку от Пушкина, в Малой Морской. Он издал тогда вторую часть своих «Вечеров на хуторе», за которыми последовали «Миргород», «Арабски» и «Ревизор». Все это выходило под глазами, так сказать, Пушкина и друзей его¹. Таким образом, со многими из произведений, заключавшимися в сборниках Гоголя, Пушкин знаком был еще до появления их: Н. В. Гоголь читал ему предварительно свои рассказы. Мы уже видели, с каким живым одобрением встретил он «Вечера на хуторе»; дальнейшее развитие Гоголя только увеличивало надежды его на будущность молодого писателя. Он понуждал его к начатию какого-либо большого создания, и Н. В. Гоголь сохранил нам слова поэта в одной из неизданных своих записок², слова, которые мы буквально переписываем здесь:

«...Но Пушкин заставил меня взглянуть на дело серьезно. Он уже давно склонял меня приняться за большое сочинение и, наконец, один раз, после того, как я ему прочел одно небольшое изображение небольшой сцены, но которое, однако ж, поразило его больше всего, мной прежде читанного, он мне сказал: “Как с этой способностью угадывать человека и несколькими чертами выставлять его вдруг всего, как живого, с этой способностью не приняться за большое сочинение: это просто грех!” — Вслед за этим начал он представлять мне слабое мое сложение, мои недуги, которые могут прекратить мою жизнь рано; привел мне в пример Сервантеса, ко-

¹ Издание «Вечеров» и самое заглавие этой книги (как ныне известно¹) задумано и совершено по совету П. А. Плетнева, который говорил тогда не умеющим ценить этот талант: «В его произведениях хранятся цельные куски золота». — *Примеч. П. В. Анненкова*.

торый хотя и написал несколько очень замечательных и хороших повестей, но, если бы не принял за “Дон-Кишота”, никогда бы не занял того места, которое занимает теперь между писателями; и в заключение всего отдал мне свой собственный сюжет, из которого он хотел сделать сам что-то вроде поэмы, которого, по словам его, он бы не отдал другому никому; это был сюжет “Мертвых душ”. (Мысль “Ревизора” принадлежит также ему).»

Итак, по сознанию самого Гоголя, и «Ревизор» и «Мертвые души» принадлежали к вымыслам Пушкина. В 1835 году, когда Гоголь знакомил Петербургских друзей своих с первым из сих произведений и довольно часто читал комедию на вечерах у разных лиц, Пушкин не устал слушать его. Наклонность поэта к веселости (самого драгоценному и самому редкому свойству в писателе, по его мнению) нашла здесь полное удовлетворение, как прежде в рассказе о ссоре Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем — и над обоими произведениями смех его был почти неистощим. Серьезную сторону в таланте Гоголя постигал он, однако ж, с замечательной верностью. Он считал одно время «Невский, проспект» лучшею повестью его³. В ней находил он замечательный шаг от идиллической, комической и даже героической живописи Малороссийского быта к более близкой нам действительности, которая под своею ровною поверхностью таит множество источников поэзии и разработка которой делается тем почетнее, чем она труднее. Взгляд Гоголя на способ создания, его манера представления лиц и образов прямо, без оговорок и умствований, совпадала с мыслями, какие имел Пушкин о сущности и достоинстве рассказа. Даже неправильность языка, иногда так сильно бросающаяся в глаза, особенно в первых произведениях Гоголя, находила оправдание у человека, который писал к Погодину: «Надо дать языку нашему более воли»⁴, а про себя говорил: «Прозой пишу я гораздо неправильно¹, а говорю еще хуже и почти так, как пишет Гоголь»⁵. Все это показывает несомненно одно: с ранних пор Пушкин прозревал в Гоголе деятеля, призванного дать новую жизнь той отрасли изящного, которую он сам пробовал с славой, но для которой потребен был другой талант, способный посвятить ей одной все усилия свои и подарить ее созданиями, долго и глубоко продуманными. На это и указывал он Гоголю, представляя тем самым еще раз подтверждение мысли, что в нравственном, как и в физическом, мире нет внезапных перескоков. То, что кажется явлением, отрезанным от всего прошедшего, при ближайшем рассмотрении оказывается естественным следствием предшествующего развития¹¹.

С другой стороны (и это весьма важно для большего пояснения самой личности нашего поэта), он не мог быть вполне доволен всем содержанием Гоголя в эту эпоху его развития. От зоркости Пушкинского взгляда не могли укрыться и резкое, по временам, изложение мысли, и еще жесткое проявление силы, не покоренной искусством. И та и другая часто еще у Гоголя вырывались наружу помимо эстетических условий, ограничивающих и умеряющих их. Притом же Гоголь не обладал тогда и необходимою многосторонностию взгляда. Ему недоставало еще зна-

¹ Т. е. стихов. Заметка, однако ж, не подтверждаемая прозаическими сочинениями Пушкина. — *Примеч. П. В. Анненкова.*

¹¹ Не можем удержаться, чтоб не привести здесь забавного рассказа самого Гоголя о попытках его познакомиться с Пушкиным, когда он еще не имел права на это в своем звании писателя. Впоследствии он был представлен ему на вечере у П. А. Плетнева, но прежде и тотчас по приезде в С.-Петербург (кажется, в 1829 году⁶), Гоголь, движимый потребностью видеть поэта, который занимал все его воображение еще на школьной скамье, прямо из дома отправился к нему. Чем ближе подходил он к квартире Пушкина, тем более овладевала им робость и наконец у самых дверей квартиры развилась до того, что он убежал в кондитерскую <так> и потребовал рюмку ликера... Подкрепленный им, он снова возвратился на приступ, смело позвонил и на вопрос свой: «Дома ли хозяин», услышал ответ слуги: «Почивают!» Было уже поздно на дворе. Гоголь с великим участием спросил: «Верно, всю ночь работал». — «Как же, работал, — отвечал слуга, — в картишки играл». Гоголь признавался, что это был первый удар, нанесенный школьной идеализации его. Он иначе не представлял себе Пушкина до тех пор, как окруженного постоянно облаком вдохновения. — *Примеч. П. В. Анненкова.*

чительного количества материалов развитой образованности, а Пушкин признавал высокую образованность, как известно, первым, существенным качеством всякого истинного писателя в России. Но мысли свои о людях Пушкин высказывал чрезвычайно осторожно, ценя всего более лицезвую сторону их жизни, как знаем. Наедине, однако ж, с особами, которым хотел показать признаки всей своей доверенности, он любил представлять образцы своего меткого определения характеров и наблюдательной способности. Отсюда и причина некоторых недоразумений как в отношении самого Гоголя, так и в отношении других его знакомых. Люди, слышавшие доверчивые его суждения, принимали их за нечто противоположное с теми, какие высказывал он перед светом, публично, когда собственно никакого противоречия между ними не существовало и одни не исключали других. Пишущий эти строки сам слышал от Гоголя о том, как рассердился на него Пушкин за легкомысленный приговор Мольеру: «Пушкин, — говорил Гоголь, — дал мне порядочный выговор и крепко побранил за Мольера. Я сказал, что интрига у него почти одинакова и пружины схожи между собой. Тут он меня поймал и объяснил, что писатель, как Мольер, надобности не имеет в пружинах и интригах, что в великих писателях нечего смотреть на форму и что куда бы он ни положил добро свое — бери его, а не ломайся»⁷. И таково было обаяние личности поэта нашего, что когда за три месяца до смерти Гоголя⁸ составитель этих материалов напомнил ему о Пушкине, то мог видеть, как переменялась, просветлела и оживилась его физиономия... <...>

Впервые опубликовано: *Анненков П.* Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина // Соч. А. С. Пушкина. С приложением материалов для его биографии, портрета, снимков с его почерка и с его рисунков и проч. Издание П. В. Анненкова. СПб., 1855 (цензурное разрешение 22 окт. 1854). Т. 1. С. 366–372; см. также: А. С. Пушкин. Материалы для его биографии и оценки произведений. СПб., 1873. С. 358–363. Печатается по первой публикации.

П. В. Анненков, вспоминая о том, как он стал издателем сочинений А. С. Пушкина и составителем его биографии, сообщал, что зимой 1849/50 г. (спустя более года после возвращения Анненкова в октябре 1848 г. из Франции в Россию) «Ланская, по первому мужу Пушкина, делами которой по дружбе к семейству занимался брат Иван <И. Ф. Анненков, сослуживец П. П. Ланского, мужа (с 1844 г.) Натальи Николаевны, рожд. Гончаровой, в первом браке Пушкиной>, пришла к мысли издать вновь сочинения Пушкина... <...> ...Брат Иван привез с собою в Москву известие, что дело издания Пушкина он порешил окончательно с Ланской, заключив с нею <21 мая 1851 г.> и формальное условие по этому поводу. Но издание, разумеется, очутилось на моих руках. Страх и сомнение в удаче обширного предприятия, на которое требовались, кроме нравственных сил, и большие денежные затраты, не покидал<и> меня и в то время, когда уже, по разнесшейся вести о нем, я через Гоголя познакомился с Погодиным, а через Погодина с Бартевым (П. Ив.), Нащокиным и другими лицами, имевшими биографические сведения о поэте. Вместе с тем я принялся за перечитку журналов 1817–1825 годов» (*Лернер Н.* Две зимы в провинции и деревне. С января 1849 по август 1851 года. Из воспоминаний П. В. Анненкова // *Былое.* 1922. № 18. С. 10, 16; далее в набросках Анненкова «Две зимы в провинции и деревне» следует рассказ о «последней встрече с Гоголем» в 1851 г.; см. в наст. изд. раздел *Последняя встреча с Гоголем.* (Из воспоминаний П. В. Анненкова о Москве осенью 1851 года). Сохранилась рекомендательная записка Гоголя к М. П. Погодину от сентября 1851 г.: «Павел Васильевич Ан<н>енков, занимающийся изданием Соч<инений> Пушкина и пишущий его биографию, просил меня свести его к тебе затем, чтобы набрать и от тебя материалов и новых сведений по этой части. Если найдешь возможным удовлетворить, то по мере сил удовлетвори, а особенно покажи ему старину, авось-либо твое собрание внушит уважение этим господам, до излишества живущим в Европе» (записка сохранилась в бумагах М. П. Погодина).

¹ Сведения были почерпнуты П. В. Анненковым у П. А. Кулиша (см.: <Кулиш П. А.> Несколько черт для биографии Николая Васильевича Гоголя // *Отечественные Записки.* 1852. № 4. Отд. 8. С. 15; <Кулиш П. А.> Опыт биографии Н. В. Гоголя, со включением до сорока его писем. Соч. Николая М. СПб., 1854. С. 45; см. также в наст. изд. *Воспоминания П. А. Плетнева в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша*).

² Имеется в виду «Авторская исповедь» Гоголя, впервые опубликованная Н. П. Трушковским в изд. «Соч. Н. В. Гоголя, найденные после его смерти» (М., 1855 (цензурное разрешение 26 июля). С. 257–258).

³ См. в наст. изд. рецензию А. С. Пушкина на второе издание «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Гоголя.

⁴ Письмо А. С. Пушкина к М. П. Погодину от конца ноября 1830 г.

⁵ Имеется в виду заметка А. С. Пушкина «Вот уже 16 лет, как я печатаю...» из незавершенной статьи «Опровержение на критики». В пушкинском автографе имя Гоголя, однако, не названо; вместо имени стоит «Г. **», означающее: «Господин **». Запись Пушкина относится к осени 1830 г., когда Гоголь только еще выступал на литературное поприще, и к нему не относится. Подробнее см.: *Гиппиус В.* Литературное общение Гоголя с Пушкиным // Уч. зап. Пермского гос. ун-та. Отдел общественных наук. Пермь, 1931. Вып. 1. С. 77–81.

⁶ В период со второй половины января (после 18 числа) по начало марта (до 9 числа) 1829 г., когда Пушкин был в Петербурге.

⁷ Сообщаемое П. В. Анненковым свидетельство Гоголя о том, что А. С. Пушкин дал ему «выговор» в ответ на замечание об однообразии «интриги» у Мольера, прямо перекликается с историей создания статьи Гоголя «Петербургские записки 1836 года». В первоначальной редакции первой части этой статьи, носившей название «Петербургская сцена в 1835–36 г.» и готовившейся в конце апреля 1836 г. для публикации в пушкинском «Современнике», встречается следующая характеристика Мольера: «...сам Мольер на сцене теперь длинен, со сцены скучен. Его план обдуман искусно, но он обдуман по законам старым...». Очевидно, именно за эти строки Гоголь и получил «выговор» от Пушкина, вследствие чего характеристика Мольера в окончательной редакции стала иной: «О Мольер, великий Мольер! ты, который так обширно и в такой полноте развивал свои характеры...» Позднее рассказ о различном отношении Гоголя и Пушкина к сценическим принципам Мольера (более или менее объективно переданный Анненковым в «Материалах для биографии А.С.Пушкина») превратился под пером мемуариста в свидетельство полного незнания Гоголем произведений французского драматурга. В «Воспоминаниях о Гоголе» Анненков заявлял: «...Он решительно ничего не читал из французской изящной литературы и принял за Мольера только после строгого выговора, данного Пушкиным за небрежение к этому писателю» (см. в наст. изд.). (Произведения Мольера были знакомы каждому тогдашнему гимназисту со школьной скамьи. Комедии французского автора не раз ставились на сцене нежинского школьного театра, одним из организаторов и активных участников которого был Гоголь. Сам Гоголь упоминает о пьесах Мольера в письме к матери из Нежина от 26 февраля 1827 г.) Содержание упомянутой статьи Гоголя и изменения, внесенные в нее после разговора с Пушкиным, не дают никаких оснований интерпретировать эту историю как свидетельство «недостатка <...> материалов развитой образованности» Гоголя, как это сделал Анненков уже в «Материалах для биографии А.С.Пушкина», и еще менее — допустить, будто Гоголь «решительно ничего не читал из французской изящной литературы», как заявил Анненков в «Воспоминаниях о Гоголе». Дело в том, что П. В. Анненкову статья «Петербургская сцена в 1835–36 г.» (опубликованная впервые лишь в 1896 г.) осталась неизвестна. В противном случае мемуарист, вероятно, воздержался бы от столь тенденциозных суждений, призванных подтвердить западнические суждения о Гоголе В. Г. Белинского.

⁸ Т. е. в конце декабря 1851 г.

П. Анненков

О значении художественных произведений для общества Фрагменты

<...> ...Там, где г. Островский перестает быть художником, там, где он является просто умным человеком, имеющим свои цели и особенные убеждения, как, например, во всех местах, где, покидая художническое обращение с предметом, он круто поворачивает на поучение или моральный вывод, там пропадает у него ясное выражение физиономий, мешается и путается представление самой народности и падает она снова в область споров, сомнений и противоречий. То же самое и по тем же причинам произошло с некоторыми описаниями и лицами второй части «Мертвых душ» Гоголя... <...>

...Кто же отнесет к числу *практически* полезных предметов науку *благородно* мыслить и *благородно* чувствовать, в которой Пушкин был учителем, не превзойденным доселе? Не потому

ли сам Гоголь так пламенно любил поэта и не мог произносить его имя без умиления и постоянно называл его своим великим наставником? <...>

Если бы Гоголь ограничился одною ролью художника до конца, он нашел бы в среде своей работы положительную сторону общества и вывел бы ее на свет так же свободно, как выведена им была другая, которая по существу своему всегда на показе и должна была первая попасться ему под руку. <...> Сбитый с толку требованиями друзей и требованиями врагов, он не выдержал призвания, усомнился в возможности художественным путем достичь примирения с самим собой, овладеть обеими сторонами искусства и внес в дело чисто *наставнический* элемент, на котором в искусстве ничего создать нельзя. <...> Не будем, однако ж, останавливаться на ошибке гениального писателя, имевшей горестные последствия для него и для литературы. Заключим, наоборот, статью нашу удивительным словом этого многостороннего человека, обладавшего самым высоким эстетическим смыслом, какой редко встречается в людях. В одной из литературных бесед своих он сказал: «Умное слово — никогда не доказывает себя; только художник доказывает умное слово». <...>

Первые опубликовано: *Анненков П.* О значении художественных произведений для общества // *Русский Вестник.* 1856. Т. 1. Февраль. Кн. 2. С. 717, 720, 730–731. Печатается по первой публикации.

П. Анненков

Воспоминания о Гоголе

Рим, летом 1841 года

I¹

С самой Вены торопился я в Рим, к страстной неделе², и наконец привел свой план в исполнение! Доехав до Анконы, я предпринял оттуда довольно оригинальное путешествие, которое покажется баснословным, когда железные дороги в Италии уничтожат последний отпрыск поколения ветуринов³. Я нанял в Анконе одного такого ветурина, человека уже весьма пожилого и обладателя старой кареты, в которую дуло даже из спинки ее, и двух тощих кляч. Мне привел его *cameriere*⁴ трактира, где я останавливался в Анконе. Мы уговорились сделать путешествие к вечному городу самым ускоренным способом, именно в одну неделю (200 итальянских миль переезда или около 350 верст), причем попечение на прокормление меня в это время и на доставление ночлегов возложено было тоже на возницу. Таким образом, за 12 скуд, или 60 франков, он делался в продолжение трех суток моим кучером, дядькой, оберегателем и полным хозяином моей воли. В этом отстранении личной свободы, а вместе с тем и ответственности за себя и за свое существование, было что-то очень приятное. Старик, весьма суровый с виду, но плутоватый, как все итальянцы, живущие около трактиров и больших дорог, ни разу не изменил горделивому слову, которым он возразил на мое беспокойное сомнение касательно достоинства будущего провианта. «Signor, son galant'uomo⁵, — сказал он, — и все лучшее, что найдем в гостиницах, будет вам предоставлено». И действительно, он был порядочным человеком в этом смысле, но в другом отношении никак нельзя было его упрекнуть в излишне суровом понимании своего долга. Во-первых, увидав на другой день рыхлую карету у подъезда гостиницы, я никак не мог вообразить, чтоб эта была та покойная, хорошая, красивая и *всем известная* карета, про которую мне говорил ветурино накануне, да и лошади не походили на тех статных, хороших, *любезных* лошадей, какие представлялись моему воображению благодаря его описа-

ниям. Но делать было нечего. Я сел в карету, скрепя сердце, и покуда привязывали чемодан к запяткам, весьма сурово посматривал на мальчишку в лохмотьях, который, подойдя к самой дверце, требовал милостыни с какой-то удивительной настойчивостью, с непостижимым выражением гордости, точно милостыня была казенная пошлина, взимаемая им по закону. Я решил-ся не давать милостыни, смотрел ему прямо в лицо, и, когда карета тронулась, имел удовольствие видеть, как, метнув свирепый взор, мальчик протянул кулак и сказал вполовину яростно и вполовину с недоумением: «Вот еще, едет в Лоретто, а милостыни не дает». Путь наш лежал через знаменитое Лоретто, славное своим собором и драгоценностью, в нем хранимой⁶. Но продолжая изложение не совсем твердых нравственных оснований моего ветурино, я должен еще прибавить, что накануне я выразил ему желание ехать один-одинешенек в карете и получил на то полное согласие его, заплатив предварительно за все три остальные места условленную плату. Я был действительно один в карете, когда мы тронулись от подъезда гостиницы, но, вероятно, ветурино размыслил, что желание мое принадлежит к числу тех варварских капризов капитала, которые можно не исполнять, хотя бы право на них и было утверждено законным контрактом. У самых ворот города сын ветурино, бойкий мальчик лет 12-ти, взятый им с собою для подмоги и для приобретения опыта в ремесле, отворил дверцы кареты и впустил туда двух калабрийских читадинов⁷, в весьма живописных костюмах, сказав мне с наглостью, обещавшей большие успехи в будущем: «Они до первого города, синьор». Оказалось, что в мысли ветурино и его потомка первый город был Рим, как, впрочем, и следует думать о нем всякому поэту и философу. Дело еще этим не кончилось. У меня было грустное предчувствие, что и третье пустое место будет вскоре занято, — так и случилось. Едва отъехали мы по шоссе несколько сажень, как увидели на дороге в желтом, весьма неживописном и потертом городском сюртуке молодого человека лет восемнадцати, с немецкой физиономией, здорового, мускулистого и несколько робко поджидавшего нашего подъезда⁸. Это был бедный сапожный подмастерье из католических кантонов Швейцарии, отправлявшийся в вечный город искать места в папской гвардии, после неудачных попыток прославиться где-нибудь в провинции. Он влез в карету неуклюже, но уклончиво и стыдливо, словно чувствуя за собой какой-либо проступок. Все места были заняты: я посмотрел в переднее оконце на ветурино. Он сидел на козлах в круглой шляпе с большими полями, в коричневом плаще с откидным капишоном, и с длинным бичом в руке — спокойно, неподвижно и хладнокровно, как будто жизнь и прошедшее его были чище зеркала, но молчание и суровость его выражали все-таки некоторую стыдливость и точно говорили: «Как быть? Мы живем этим». Только мальчишка его часто оборачивался назад и кидал на меня сквозь оконце испытующий взгляд.

И началось долгое путешествие. Происходило это в самой середине⁹ итальянской весны, в конце марта¹ месяца. Начало ее я застал в Венеции¹⁰, но там она имела совсем другой характер. Еще Гёте заметил, что Венеция город по преимуществу красок, света, тени и ярких живописных противоположностей¹¹. В мое время полное весеннее солнце отражалось и играло на его мраморных, разноцветных дворцах и соборах, на мозаиках их стен, на заливе, на колоннах площадей, на флагах и памятниках его, которые сверкали всей своей массой... Это было ослепительно, почти невыносимо для северного глаза. Довольно сказать, что даже и те архитектурные подробности, которые находились в тени и вырезывались резкими очертаниями на плоскости целого здания, залитого солнцем, даже и они были еще пропитаны каким-то голубым светом, словно волновавшимся на поверхности их. В Анконе характер природы изменился. Небо покрылось легкими белыми прозрачными тучами. В воздухе было что-то нежное, пахучее и ласкающее, окрестности лежали в ровном, задумчивом освещении, и только изредка волны мягкого света пробегали по виноградным и фруктовым садам. Ничто не раздражало глаза, но и ничто не заслоняло самой дальней точки горизонта. Все пространство покрыто было не туманом, а ка-

¹ В изд. 1857 и 1877 г. ошибочно: в конце апреля

кой-то умеренно-яркой пеленой, сохранявшей целиком очертания и формы предметов, но сглаживавшей резкость всех линий. Первые отпрыски Апеннин¹², вскоре показавшиеся нам, светились как перламутр, а дальние водопроводы, являвшиеся иногда по сторонам на горизонте, словно были написаны белой краской, несколько поблеклой от времени, по белому же, но свежему полю неба. Нега и томление выражались на всем, куда вы ни обращали взор, и вы невольно чувствовали, что при таких днях все должно зреть в земле и многое подыматься в сердце человека. Когда около полудня я всходил пешком на гору, где красовалась Лоретто со своим собором и дворцом, долина, которую мы только что миновали, выступала шаг за шагом перед глазами, со всеми ее белыми каменными хижинами, разбросанными так, как будто они упали с неба и рассыпались между виноградных кустов и фруктовых деревьев. Горы составляли окраину долины, и все вместе погружено было в такую возбуждающую, томительную тишину, в такое мертвое и вместе страстное молчание...

Миновав Лоретто, мы стали подыматься у Серравале на Апеннинские¹³ горы. Я большей частью шел пешком. Изредка перепалал теплый дождь, ужасно пугавший итальянцев, которые, как все южные народы, боясь дождя. На всякой покатоности ветурино останавливался, оглядываясь по сторонам и, завидев вдаль волов, уже приготовленных заранее для подмоги проезжающим, кричал: *buovi!*¹⁴ Мальчик-пастух издалека выговаривал себе байок (две копейки ассигн<ациями>) за труд, потом лениво приводил волов, припрягал к нашим лошадам, и мы тащились вверх. Случалось, что горы готовились запереть нас со всех сторон, врезывались одна в другую и загораживали дорогу, но белая шоссезная полоса все тянулась по одному боку скалы и к вечеру спускалась вниз — непременно в цветущую долину и фруктовый сад, где мы и заночевывали. Ночлеги эти и полуденные отдыхи в ущелиях составляли не последнюю прелесть нашего патриархального путешествия. Мы останавливались то в бедной австерии¹⁵, уединенно торчавшей при дороге, то в гостинице какого-либо местечка, имевшей притязание на пышность, как следует горожанке, но везде встречали ту же простоту итальянской жизни. В иных местах было лишнее блюдо, обыкновенно какая-либо зелень или рыба, подаваемая с видимой гордостью на стол самим хозяином; в других фляжка туземного вина, легкого и прозрачного, вызывала особенную похвалу собеседников; случалось также, что кровать совершенно голой комнаты покрыта была ситцевым одеяльцем необычайной и хвастливой пестроты, но везде за стол наш садился вместе с нами первый поселянин, возвращавшийся из соседнего местечка, да обыкновенно и сам хозяин или главный *самегиеге*, поставив блюдо, придвигал стул к посетителям, помещался сзади кого-либо и, опираясь на спинку чужого сидалища, вступал в живой и беглый разговор, удивительно выражавший общительность и природное любопытство племени. Ветурино мой почувствовал ко мне глубокое уважение, как только убедился, что я не расположен делать ему упреков за плохое понимание святости контракта: рано утром, когда после кофе выходили мы продолжать наше следование, он уже был на козлах, ласково улыбался мне и даже раз, поджидая остальных путешественников, указал глазами на сына и произнес:

— Возьмите его с собой *a Pietroburgo*.

— Пожалуй, — отвечал я.

— А что он будет там? — продолжал ветурино.

— Он будет солдатом в русской гвардии, — сказал я.

— Хочешь ты? — заметил отец, обращаясь к сыну, который стоял у двери, тоже улыбаясь, с свойственным ему лукавством.

Мальчик сделал сильный жест рукою и отвечал:

— Лучше быть аббатом.

Старик разразился хриплым хохотом и дернул лошадей, прибавив: *che birbone!*^{16!} Экой разбойник! Лаконическая шутка эта окончательно утвердила между нами самые удовлетворительные отношения.

Отношения мои с двумя калабрийцами — моими спутниками в карете — оказались чуть ли еще не лучше и во всяком случае гораздо замечательнее. Оба спутника были в коротеньких бархатных куртках, в панталонах до колена, в чулках и ботинках; классическая круглая шляпа с огромными полями и широкий плащ тоже украшали их, но первый знакомец, высокий, молодой и красивый мужчина, с горбатым носом и черными волосами, вел себя как испанский гранд. Он молча и с достоинством подавал мне руку поутру, мало говорил в карете, но с изысканной учтивостью отвечал на вопросы, почти всегда улыбаясь; вместе с тем он отдавал и принимал взаимные услуги, столь обыкновенные между путешественниками, очень важно и серьезно. Я часто посматривал на него украдкой, стараясь уяснить себе свойства и особенности этого изящества в обращении, которое в торговцах кожами, какими оба они были, меня чрезвычайно поражало... Я тогда еще не знал этой итальянской природы, носящей в себе самой возможность простого и естественного достижения всех родов красоты и благородства. Гораздо позднее ознакомился я с удивительными типами, которые в нищенской, прорванной куртке, наброшенной на плечо, стоят и смотрят как герои, и с чудными характерами, которые за обухом мясника или за прилавком портного мыслят, как рыцари. Товарищ моего испанского гранда был создан иначе. Это был живой человек, нисколько не красивый, широколицый, с лысиной на голове, уже пожилой и необычайно добродушный — качество, весьма ясно светившееся и в быстрых черных глазах его. Не знаю, за что он привязался ко мне с первого раза. Тут опять действовало врожденное итальянское добросердечие и то непосредственное чувство, которое у свежих народов бывает вообще неугомонно. Его видимо взволновало мое положение путешественника из далекой страны, без знакомых и друзей. Угождениям не было меры. Предупредительность не знала границ. Он суетился от глубокой, сердечной доброты и по действию живого воображения, мгновенно и случайно пораженного. Всю дорогу смотрел он за мной во все глаза и часто, наклоняясь ласково на мою сторону, спрашивал, улыбаясь: «А есть ли такие горы у вас, в *Рушии*?» Вопросы подобного рода почти не сходили у него с языка: усматривал ли он признаки внимания и удовольствия на моем лице, как тотчас же обращался с запросом: есть ли в *Рушии* шоссе, реки, лошади, австерии, собаки, деревья, и при моих утвердительных ответах оставался совершенно счастлив, словно ему подарили какое-либо поместье со всеми этими предметами. К этому надо прибавить самое решительное, абсолютное отсутствие всяких сведений и ученой образованности, заставившее его раз спросить: не одну ли веру с турками мы исповедуем? Зато суетливая доброта его не отступала от меня ни на шаг во всю дорогу. Помню, что раз под вечер мы достигли высшей точки Апен<н>ин: я, вместе с моим неотступным провожатым, шел пешком, и мы далеко оставили за собой ветурина. Когда открылась передо мной вся панорама этого хребта с горами, которые составляли бесчисленные перспективы для глаза, прерывая воздушное пространство своими вершинами и слабая в красках все далее и далее — я остановился в невольном изумлении. Тут не было ничего ломаного, угловатого и хаотического, как в Альпах, еще недавно мною покинутых; это было просто словно окаменелое, широкое море, где каждая волна приобрела самостоятельность, отразилась живописно на другой, а последняя уже слилась с белесоватой полосой неба. Оттенок вечерней зари, пробивавшейся сквозь облака, бросал на дальние вершины яркий, багровый свет и оттенял сильнее ближайšie к нам. Я хотел что-то сказать спутнику моему, но его не было возле меня. В это время подъехал ветурино и строгим голосом приказал нам садиться в карету, под тем предлогом, что теперь мы будем спускаться очень скоро, *рысью*. Я тотчас же повиновался, а за мной прыгнул в карету и пропавший мой спутник. Он с торжеством держал в руке пучок полевых цветов, набранных им в горах, и, подавая его мне, сказал отлично громким голосом, как обыкновенно говорят итальянцы иностранцу, на способность понимания которого не совсем надеются: «Положите, положите — эти цветы, эти цветы — в книжку свою, книжку свою — и когда будете в *Рушии*, у себя, — вспомните о них». Я положил цветки в путеводитель Муррая¹⁷, где они и теперь у меня покоятся.

Что касается до швейцарского подмастерья, то это был *пария* нашего общества. Все мои сопутники чувствовали себя по состоянию и гражданскому положению выше бедного юноши и оказывали ему совершенное невнимание; только один я отводил ему душу несколькими немецкими фразами, погружавшими его постоянно в какой-то трепет. Застенчивость и робость его — были непобедимы. Он не конфузился только тогда, когда спал, а спал он много в карете, и спал уже совершенно откровенно. Раскинувшись прямо и по сторонам, он делался тогда почти единственным хозяином кареты, предоставляя в ней товарищам своим, как будто из милости, кой-какие уголки. Вероятно, ветурино принял его в число сопутников за совершенную бездельницу, потому что смотрел на него и обращался с ним постоянно с презрением. Следуя привычкам своей родины, молодой швейцарец почти никогда не шел по шоссе, а большей частью карабкался целиком по горам и всегда опереживал возницу, строго придерживавшегося прямой линии. Раз, когда он, выскочив из кареты, прямо полез на скалу, я видел, как ветурино бросил на него невыразимо саркастический взгляд и произнес сквозь зубы, точь-в-точь как Лаблаш в «Севиальском цирюльнике»: «*Che bestia!*»¹⁸

Таким образом, за час до солнца, когда в горах еще волновалась сырость весенней ночи, начинали мы путешествие, закутываясь в свои шинели и прижимаясь к своим уголкам; но мало-помалу с возрастающей теплотой дня, иногда очень ярко показывавшегося из-за вершин, сбрасывали шинели, вместе с последними остатками дремоты. Тогда останавливались мы в какой-нибудь горной котловине, у подъезда одной из тех каменных хижин, построенных из едва обтесанного булыжника, где внизу у очага живет семейство хозяина, исправляя там и все свои нужды, — и завтракали. Часто случалось мне смотреть, сидя перед уединенной гостиницей, на клочок неба, видимый из ущелья, и любоваться облаками, которые пробегали вверху, точно китайские тени, свертываясь на узком полотне и оставляя по скату гор там и сям оторванные куски и точки прозрачного тумана. Иногда въезжали мы обедать и отдыхать в средневековое местечко, с мрачной башней у моста, перекинутого через обрыв, с романским собором в середине и с остатками полуразрушенного замка в конце, где еще иногда сохранялся аристократический донжон¹⁹... И чем грознее казалась наружность такого местечка, тем сильнее действовало сонное мертвое спокойствие, царствовавшее на его улицах. Казалось, шумная средневековая жизнь отошла отсюда для того, чтоб оставить за собой пустоту, изредка наполняемую порывами современной жизни, которая иногда мгновенно и бурно пронесится над этими местами, позабытыми историей, и снова покидает их на сон и невозмутимую тишину. Было что-то соответственное между нашим медленным, ленивым путешествием и этой летаргической жизнью, которая не заботится о времени, не бежит за ним с судорожной страстью, как остальная Европа, и равнодушно дает ему течь мимо себя... Как будто сам переживаешь это душевное состояние и радуешься, что мог испытать его. Невыразимое наслаждение доставляли мне те счастливые долины, которыми перерезываются Апен<н>ины, оставляя в воображении одно воспоминание своих садов. Читатель может найти в прекрасной книге мистер<a> Миттермайера об Италии²⁰ описание замечательно человеческих, мягких отношений между владельцами земель в этой стране и их фермерами, между фермерами и их работниками, отношения, удалившие язву сословной вражды, которой страдает Западная Европа. Все эти долины, разбитые на множество владельческих²¹ кусков, с их загородами, виноградниками, полями, садами, — живут как будто одновременной жизнью на всех своих точках. При спуске с горы видны на далекое пространство плоские кровли разбросанных хижин; присутствие человека с его трудом, заботами и радостями чувствуется, так сказать, во всех сторонах картины и дает ей совершенно особенный смысл. Каждая подробность ее словно говорит не только за себя, но и за человека, а все вместе представляется как восхитительный пейзаж и как покров, скрывающий мысль. Олицетворение само напрашивается здесь на каждом шагу. Помню необычайное впечатление, произведенное на меня чудной долиной Фолиньо, которую я видел случайно в полном блеске ясного солнца, в самый полдень. Изумительная тишина лежала на всех полях и огородах,

блестевших первою зеленью весны и еще вдобавок омываемых речкой, которая бежала, светясь и скрываясь по временам за кустами. Благоухание лаврового листа несло к нам на склон горы, по которому мы спускались в долину, развернувшуюся у подошвы ее. Съехав вниз, мы остановились. У самой дороги возвышался необычайно грациозный древний храмик Дианы, в чистом вкусе времен республики, омываемый рекою и чудно отражавшийся белыми колоннами и белыми стенами своими на зелени горы и полей. Нельзя было выбрать лучшего места для жилища чистой богини, и мертвая тишина, царствовавшая как в долине, так и вокруг самого храма, казалась еще остатком благоговейного уважения и культа, которыми некогда окружали это святилище.

Не стану описывать ни Фолиньо, ни Терни с его каскадом, ни Сполетто, ни других мест, прежде нами осмотренных; все это находится в бесчисленных описаниях Италии и обо всем этом надо говорить много и долго, если уже решишься²² говорить. Скажу только, что по приближении к Риму разбросанные деревни все более и более исчезают и появляются каменные хижины, толпящиеся друг к другу, как бы ища защиты от врагов в общинной и городской жизни. Средневековые башни и укрепления встречаются чаще. Вскоре открылись перед нами и покинутые, бесплодные поля Рима, по которым Тибр три раза извился широкой, мутной лентой прежде вступления своего в вечный город. Мы переехали его сперва у Боргет, затем через *Ponte Mollo* — мост, построенный еще Августом. Какое-то подобие массивного темного колпака, висевшего на небе, указало нам место, где находился Петр, но мы держались левее и через ворота *del Popolo* въехали в Рим, на великолепную площадь, украшенную обелиском, имея перед собой три улицы, начинавшиеся церквями, а налево²³ от себя гору Пинчио с ее чудными виллами, в которых еще не так давно, в XVI столетии, жители Рима видели прохаживающуюся тень Нерона, где-то тут погребенного. Мы приехали в среду на страстной неделе, 26 марта¹ 1841 года²⁴, после однедельного счастливейшего и в полном смысле насладительного вояжа.

Старомодная карета наша была, однако же, замечена всеми носильщиками, факинами²⁵ и *cicergone*²⁶, которые вьются около трактиров в Италии, как досадные и часто невыносимые насекомые. В трактире *Hotel de Russie*, на самой площади *del Popolo*, куда я тотчас бросился, не было ни одного номера, по милости гостей, прибывших к римским праздникам, особенно английских офицеров, смещенных на половину жалованья. Они в фантастических, выдуманных ими самими мундирах наполняли потом церкви и капеллы Рима, радуясь дешевизне его жизни и свободе носить какие угодно самозванные титулы. Я несколько раз изумлялся неутолимому, горячечному любопытству этих мирных воинов, соединенному с оттенком грубой насмешливости и презрения. Не успел, однако ж, я убедиться, что не найду пристанища ни в одном из соседних отелей, как какой-то *fac<c>hino*²⁷ подхватил мой чемодан и понесся вдоль Корсо. Волей или неволей я следовал за ним до тех пор, пока он не остановился у одного дома на Корсо, где подхватил меня уже поджидавший хозяин квартиры и приказал нести чемодан вверх, в две пустых и чистых комнатки. Тут произошла одна из тех штук, которые так чернят Италию в глазах людей, привыкших судить о всей стране по первому мошеннику, какой им попадет на дороге. Хозяин потребовал 150 франков платы за квартиру в продолжение одной²⁸ Святой недели, и я думал выказать удивительные познания местных цен, предложив ту же сумму за весь месяц. Это было ровно в шесть раз более того, что следовало, — и едва торг состоялся, как хозяин, полагая, вероятно, возможность существования *vendett'*²⁹ и в моей славянской крови, явился ко мне с контрактом, обязывавшим меня не портить ни диванов, ни стульев, ни столов, ни стен, ни рам, ни полов и проч. Подписав это обязательство, я переоделся и тотчас же вышел на улицу, расспрашивая у всех, куда пройти к русскому посольству, где намеревался взять адрес Н. В. Гоголя. Между тем облачное небо, сопровождавшее нас во все время путешествия, разрешилось проливным дождем, загнавшим всех в дома и кофейни. По колена в воде³⁰, с тру-

¹ В изд. 1857 и 1877 г. ошибочно: 28 апреля

дом отыскал я дом посольства, взял адрес у швейцара и еще с большим трудом возвратился домой, потому что ошибся улицей и плутал до тех пор, пока не наткнулся на извозчичью коляску, имевшую твердость не убежать восвояси от дождя.

На другой день, прежде визита к Гоголю, я отправился в собор Петра. Говорили некогда, что все дороги ведут к Риму; можно сказать, что все дороги в Риме ведут или к Капитолию, или к Петру. Легко узнал я направление, перешел Тибр по мосту, украшенному вычурными статуями, поглядел на колоссальную гробницу Адриана (крепость св. Ангела), похожую на громадную пивную стопу, и по прямой линии достиг великолепной колоннады, пропилен³¹ Петра, а затем вступил и в святилище, которое так долго грезилося моему воображению, но изображение ничего подобного и нарисовать не могло. Несмотря на несчастные украшения пиластров, принадлежащие к упадку вкуса, линии собора и сочетания их ясно обозначались и с первого шага как будто отнимали возможность измерить их глазом — так огромны были своды над головой, так страшно тяжело упирались в землю пиластры и росли вверх, к дугам потолка, которых принимали на себя. Многим знакомо двойное чувство, испытанное путешественниками при входе в этот храм — чувство бедности отдельного лица в виду колоссальной, вековой постройки, и чувство гордости за мысль и силу человека. Особенно это двойное, смешанное чувство нисходит на вас, когда, следуя по главному проходу (*nef*), уже поражающему широтой своего дугообразного потолка, вы идете прямо на массу света, которая бьет впереди, вступаете под самый купол и на одно мгновение совершенно теряетесь в этом неизмеримом *пространстве*, охваченном каменным Пантеоном. Размеры так страшны, что почти уничтожается понятие о них, и нужно какое-либо сравнение для ясного их представления. Колоссальный балдахин Бернини в середине, над гробницей Апостола, кажется беседкой, и вы с напряженным усилием соображаете меру его вышины, указываемую обыкновенно дорожниками. Долго бродил я по боковым отделам храма, изучая его памятники, большую частью ухищренной, затейливой манеры XVII столетия, останавливаясь перед колоссальными мозаическими картинами его и осторожно обходя исповеднические ложи, пред которыми стояли толпы народа, исполняющего в эти торжественные дни духовные свои обязанности. Особенно занимали меня бесчисленные эффекты, рождаемые в пространствах этого храма перспективой и взаимным сочетанием каменных и мраморных масс, различно освещенных. То из-за угла какого-нибудь пиластра виднелась колоссальная дуга главного прохода, черная и как бы отрезанная на ярком грунте пустого пространства, образуемого куполом; то выдвигался какой-либо памятник одной частью своей, словно оторвавшейся от общего целого; то открывался вкось балдахин Бернини в темном освещении, а за ним вдали угол папской кафедры, озаренной светлым лучом из окна. Свет окон ложился также на помост, перерезывался густыми тенями массивных пиластров, рождая непрерывные живописные эффекты, которые благодаря громадности здания имели колоссальный и грандиозный характер. Собор жил своей особенной жизнью... У одной стены я неожиданно наткнулся на моего калабрийского радушного знакомца. Мы обрадовались друг другу. Он рассказал мне, что в нынешнее утро он уже исповедался, был у причастия и завтра, кончив все с Римом, едет далее в Неаполь. С неизменной своей лаской он спрашивал меня о моих похождениях, глубоко опечалился при рассказе о дорогом найме квартиры и, узнав, что я намерен отсюда идти пешком отыскивать одного моего³² земляка, предложил себя в проводники. Вскоре оказалось, что Strada Felice, близ Monte Pincio, куда мы должны были направлять путь свой, была столь же мало знакома ему, как и мне. Он беспрестанно спрашивал всех прохожих о дороге и почти всегда брал не в ту сторону, которую указывали: излишнее желание отличиться услугой сбивало его поминутно с толку. Мы остановили даже одного весьма почтенного мужчину с важной физиономией и с зонтиком в руке. Он подробно изъяснил нам путь, а когда, по обыкновению, отойдя несколько шагов, проводник мой вдруг повернул ни с того ни с сего в переулок, совершенно противоположный указанному направлению, почтенный старец, позабыв лета и важность, пустился за ним вдогонку, крича: *Ma dove vada, corpo di Vacco?* — Да

куда же ты идешь, чорт возьми? — Запыхавшись, нагнал он проводника, сделал ему препорядочный выговор, поставил на надлежащий путь и, едва обращая внимание на мои изъявления благодарности, спокойно возвратился на свою дорогу. Наконец мы миновали великолепную церковь Maria Maggione, за ней дворец Барберини, встречая повсюду народ в необычайном движении и суете, как обыкновенно бывает перед праздниками там, где еще сохранилось понятие о праздниках, и наконец очутились в Strada Felice, у дома, носившего желанный 126 номер. Тут, поблагодарив от души моего благороднейшего сопутника, я крепко пожал ему руку, и мы расстались навсегда.

В последнем этаже дома, в просторной передней я наткнулся на сухого краснощекого старичка, почтенного владельца этажа, г. Челли, с которым так дружно жил впоследствии, и спросил его о квартире Н<иколая> В<асильевича>³³. Старичок объявил, что Гоголя нет дома, что он уехал за город, никому неизвестно, когда будет назад, да и по прибытии, вероятно, ляжет в постель и никого принимать не станет. Видно было, что почтенный старичок выговаривал затверженный урок, который ему крепко-накрепко был внушен Н<иколаем> В<асильевичем>³⁴, боявшимся посетителей, как огня. Но куда я старался убедить его в своих правах на свидание с его жильцом, дверь прямо перед нами отворилась, и из нее высунулась голова самого Гоголя. Он шуточно сказал старичку: «Разве вы не знаете, что это Жюль из Петербурга? Его надо впустить. — Здравствуйте. Что ж вы не приезжали к карнавалу?» — прибавил он по-русски, вводя меня в свою комнату и затворяя двери. Надо сказать, что около 1832 года, когда я впервые познакомился с Гоголем³⁵, он дал всем своим товарищам по Нежинскому Лицею и их приятелям прозвища, украсив их именами *знаменитых* французских писателей³⁶, которыми тогда восхищался весь Петербург. Тут были Гюго, Александры Дюма, Бальзаки и даже один скромный приятель, теперь покойный, именовался София Ге. Не знаю, почему я получил титул Жюль Жанена³⁷, под которым и состоял до конца³⁸. Комната Николая Васильевича была довольно просторна, с двумя окнами, имевшими решетчатые ставни изнутри. Обок с дверью стояла его кровать, посередине большой круглый стол; узкий соломенный диван, рядом с книжным шкафом, занимал ту стену ее, где пробита была другая дверь. Дверь эта вела в соседнюю комнату, тогда принадлежавшую В. А. Па<но>ву³⁹, а по отъезде его в Берлин⁴⁰ доставшуюся мне. У противоположной стены помещалось письменное бюро в рост Н<иколая> В<асильевича>⁴¹, обыкновенно писавшего на нем свои произведения стоя. По бокам бюро — стулья с книгами, бельем, платьем в полном беспорядке. Каменный мозаичный пол звенел под ногами, и только у письменного бюро да у кровати разостланы были небольшие коврики. Ни малейшего украшения, если исключить ночник древней формы, на одной ножке и с красивым желобком, куда наливалось масло. Ночник или, говоря пышнее, римская лампа стояла на окне, и по вечерам всегда только она одна и употреблялась вместо свечей. Гоголь платил за комнату 20 франков в месяц.

Последнее мое свидание с Гоголем было в 1839 году, в Петербурге, когда он останавливался в Зимнем дворце, у Жуковского. Первые главы «Мертвых Душ» были уже им написаны, и однажды вечером⁴², явившись в голубом фраке с золотыми пуговицами, с какого-то обеда, к старому товарищу своему Н. Я. Про<копову>вичу⁴³, он застал там всех скромных, безывестных своих друзей и почитателей, которыми еще дорожил в то время... Мы уже узнали, что он собирался прочесть нам новое свое произведение, но приступить к делу было не легко. Гоголь, как ни в чем не бывало, ходил по комнате, добродушно подсмеивался над некоторыми общими знакомыми, а об чтении и помину не было. Даже раз он намекнул, что можно отложить заседание, но Н. Я. Про<копович>, хорошо знавший его привычки, вывел всех из затруднения. Он подошел к Гоголю сзади, ощупал карманы его фрака, вытащил оттуда тетрадь почтовой бумаги в осьмушку, мелко-намелко исписанную, и сказал по-малороссийски, кажется, так: «А що се таке у вас, пане?» Гоголь сердито выхватил тетрадку, сел мрачно на диван и тотчас же начал читать, при всеобщем молчании. Он читал без перерыва до тех пор, пока истощился весь его го-

лос и зарябило в глазах. Мы узнали таким образом первые четыре главы «Мертвых Душ»... Общий смех мало поразил Гоголя, но изъявление нелицемерного восторга, которое видимо было на всех лицах, под конец чтения, его тронуло... Он был доволен. Кто-то сказал, что приветствие Селифана босой девочке, которую он сажает на козлы вместо проводника от Коробочки — приветствие: «ноздря» — не совсем прилично. Все остальные слушатели восстали против этого замечания, как выражающего излишнюю щекотливость вкуса и отчасти испорченное воображение, но Гоголь прекратил спор, взяв сторону критика и заметив: «Если одному пришла такая мысль в голову — значит и многим может прийти. Это надо исправить»⁴⁴. После чтения он закутался, по обыкновению, в шубу до самого лба, сел со мной на извозника, и мы молча доехали до Зимнего дворца, где я его ссадил. Вскоре потом он опять исчез из Петербурга⁴⁵.

Гоголь обрадовался нашей новой встрече, расспрашивал, каким путем прибыл я в Италию, одобрял переезд из Анконы с ветурином и весьма сожалел, что предварительно я не побывал в Париже. Ему казалось, что после Италии Париж становится сух и безжизнен, а значение Италии бросает само собой в глаза после парижской жизни и парижских интересов. Впоследствии он часто развивал эту мысль⁴⁶. Между тем время было обеденное. Он повел меня в известную историческую австрию под фирмой Lerge (заяц), где за длинными столами, шагая по грязному полу и усаживаясь просто на скамейках, стекается к обеденному часу разнообразнейшая публика: художники, иностранцы, аббаты, читадины, фермеры, принчипе⁴⁷, смешиваясь в одном общем говоре и истребляя одни и те же блюда, которые от долгого навыка поваров действительно приготавливаются непогрешительно. Это все тот же рис, барашек, курица, — меняется только зелень по временам года. Простота, общежительность итальянская всего более кидаются тут в глаза, заставляя предчувствовать себя и во всех других сферах жизни. Гоголь поразил меня, однако, капризным, взыскательным обращением своим с прислужником. Раза два менял он блюдо риса, находя его то переваренным, то недодваренным, и всякий раз прислужник переменял блюдо с добродушной улыбкой, как человек, уже свыкшийся с прихотями странного форестьера (иностранца), которого он называл синьором Николо. Получив, наконец, тарелку риса по своему вкусу, Гоголь приступил к ней с необычайной алчностью, наклоняясь так, что длинные волосы его упали на самое блюдо, и поглощая ложку за ложкой со страстью и быстротой, какими, говорят, обыкновенно отличаются за столом люди, расположенные к ипохондрии. В середине обеда к нам подсел довольно плотный мужчина, с красивой круглой бородкой, с необычайно умными, зоркими карими глазами и превосходным славянским обликом, где доброта и серьезная, пронизательная мысль выражалась, так сказать, осязательно; это был А. А. Иванов⁴⁸, с которым я тут впервые познакомился. Опорожнив свое блюдо, Гоголь откинулся назад, сделался весел, разговорчив и начал шутить с прислужником, еще так недавно осыпаясь строгими выговорами и укоризнами. Намекая на древний обычай возвещать первое мая и начало весны пушкой с крепости св. Ангела и на соединенные с ним семейные обыкновения, он спрашивал: намеревается ли почтенный сервиторе⁴⁹ *piantar il Mag<g>io* (слово в слово — сажать май месяц) или нет? Сервиторе отвечал, что будет ждать примера от синьора Николо и т. д. По окончании расчета за обед Гоголь оставил прислужнику, как и все другие посетители, два байока, а когда я с своей стороны что-то переложил против этой скудной суммы, он остановил меня замечанием: «Не делайте этого никогда. Здесь есть обычаи, которые дороже вашей щедрости. Вы можете оскорбить человека. Везде вас поблагодарят за прибавку, а здесь посмеются». Известно, что житейской мудрости в нем было почти столько же, сколько и таланта. Прямо из австрии перешли мы на Piazza⁵⁰ d'Espagna, в кофейню «Del buon gusto»⁵¹, кажутся, уселись втроем в уголку за чашками кофе, и тут Гоголь до самой ночи внимательно и без усталости слушал мои рассказы о Петербурге, литературе, литературных статьях, журналах, лицах и происшествиях, расспрашивая и возбуждая повествование, как только начинало оно ослабевать. Он был в своей тарелке и, по счастливому выражению гравера Ф. И. Иордана⁵², мог *брать* что ему нужно было или что стоило этого, полной рукой, не давая сам ничего. Притом же ему

видимо хотелось исчерпать человека вдруг, чтоб избавиться от скуки возвращаться к нему еще несколько раз. Наслаждение способностью читать в душе и понимать самого человека, по поводу того, что он говорит, — способностью, которой он, как все гениальные люди, обладал в высшей степени, тоже находило здесь материал... Не имея никаких причин размерять себя, а, напротив, считая необходимым для истины будущих сношений представить полный вид на самого себя, я говорил решительно все то, что знал, и все то, что думал. Гоголь прерывал иногда беседу замечаниями, чрезвычайно глубокими, но не возражал ни на что и ничего не оспаривал. Раз только он обратился ко мне с весьма серьезным, настоятельным требованием, имевшим вместе с тем юмористический оттенок, удивительно грациозно замешанный в его слова. Дело шло о покойном Гребенке, как о подражателе Николая Васильевича, старавшемся даже иногда подделаться под его первую манеру рассказа⁵³. «Вы с ним знакомы, — говорил Гоголь, — напишите ему, что это никуда не годится. Как же это можно, чтоб человек ничего не мог выдумать? Непременно напишите, чтоб он перестал подражать. Что ж это такое в самом деле? Он вредит мне. Скажите просто, что я сержусь и не хочу этого. Ведь он же родился где-нибудь, учился же грамоте где-нибудь, видел людей и думал о чем-нибудь. Чего же ему более для сочинения? Зачем же он в мои дела вмешивается? Это неблагородно, напишите ему. Если уже нужно ему за другим ухаживать, так пусть выберет кто поближе к нему живет!.. все же будет легче. А меня пусть оставит в покое, пусть непременно оставит в покое». Но в голосе и в выражении его было так много комического жара, что нельзя было не смеяться. Так сидели мы до самой ночи. Гоголь проводил меня потом к моей квартире и объявил, что завтра утром он придет за мной и покажет кой-что в городе.

На другой день⁵⁴ он действительно явился и добродушнейшим образом исполнил свое обещание. Он повел меня к Форуму, останавливал излишнюю ярость любопытства, обыкновенные новичкам порывы к частностям, и только указывал точки, с которых должно смотреть на целое и способы понимать его. В Колизее он посадил меня на нижних градинах, рядом с собою, и, обводя глазами чудное здание, советовал на первый раз только проникнуться им. Вообще он показывал Рим с таким наслаждением, как будто, по замечанию г-жи С<мирново>й⁵⁵, сам открыл его...

Это был тот же самый чудный, веселый, добродушный Гоголь, которого мы знали в Петербурге до 1836 г., до первого отъезда за границу. (Мы исключаем его быструю поездку в Любек в 1829 г., с столь же быстрым возвращением назад.). Правда, некоторые черты, как увидим, уже показывали начало нового и последнего его развития, но они еще мелькали на поверхности его характера, не сообщая ему одной, господствующей краски. 1841 год был последним годом его свежей, мощной, многосторонней молодости, и вот почему воспоминание с особенной силой привязывается к этому году. Надо сказать, что в Петербурге около Гоголя составилась круг его школьных приятелей и новых, молодых знакомых, которые любили его горячо и были ему по душе. Перед этим кругом Гоголь всегда стоял просто, в обыкновенной своей позиции, хотя сосредоточенный, несколько скрытный характер и склонность овладевать и управлять людьми не оставляли его никогда. Кроме жаркой привязанности, которую он питал вообще к двум-трем товарищам своего детства, — «ближайшим людям своим», как он их называл⁵⁶, — Гоголю должен был нравиться и тот откровенный энтузиазм, который высказывался тут к тогдашней литературной деятельности его, несмотря на совершенно короткое, нецеремонное обращение приятелей между собою. В этом круге он встречал только ласковые, часто им же воодушевленные лица, и не было ему надобности осматриваться, беречься и отклонять от себя взоры. За чертой круга Гоголь открывал себе широкий путь жизни всеми средствами, которые находились в его богатой натуре, не исключая хитрости и сноровки затрагивать наиболее живые струны человеческого сердца. Он сходил с этой арены в безвестный и, так сказать, уединенный круг своих приятелей, если не отдыхать (в это время он не отдыхал почти никогда, но жил постоянно всеми своими способностями), то, по крайней мере, сравнивать его бескорыстные суждения

о себе и ряд надежд, возлагаемых на него, с тем, что говорилось и делалось по поводу его особы на другом, более обширном поприще. Он был прост перед своим кругом, добродушен, весел, хотя и сохранял тонкий, может быть, невольный оттенок чувства своего превосходства и своего значения. Мало-помалу род поучения, ободрения и удовольствия, какие он почерпал в этом круге, становились ему менее нужны и менее привлекательны; жизнь начала нестись с такой силой вокруг него, показались такие горячие, страстные привязанности, действовавшие и на общественное мнение, как никем неведомый и запертый в себе самом кружок должен был потерять значение в его глазах. Притом же вскоре явились требования со стороны других приверженцев Гоголя⁵⁷, на которые старый круг не мог отвечать, и явления в самом Гоголе, которые трудно было понять ему; но почти ко всем его лицам Н<иколай> В<асильевич>⁵⁸ сохранил неизменное расположение, доказывавшее теплоту и благородство его сердца. Он даже в минуту развития самостоятельных, наиболее исключительных своих мнений еще вопрошал мысль прежних своих приятелей и прислушивался к ней с большим любопытством. Так, иногда писатель, пресыщенный критикой и разбором своих произведений, охотно склоняет ухо к мнению какого-либо оригинального чудака, живущего вдали партий, литературных вечеров и течения господствующих понятий.

«Записки о жизни Гоголя», изданные г. Кулишом^{1 59}, оценены публикой по достоинству. Это одна из немногих драгоценных книг последнего времени, которая исполнена содержания и способна к обильным выводам. Вообще только те книги и важны в литературе, которые заключают гораздо более того, что в них сказано. Вместе с превосходными воспоминаниями гг. Кульжинского⁶⁰, Иваницкого⁶¹, Лонгинова⁶², Чижова⁶³, г-жи С<мирново>й⁶⁴ и С. Т. Аксакова⁶⁵, передающими нам физиономию Гоголя в урывках, но удивительно живо и верно, вместе с замечательнейшими подробностями о жизни Н<иколая> В<асильевича>⁶⁶ и обстановке его жизни в разные эпохи, наконец с богатой коллекцией писем самого Гоголя, стоившей издателя, вероятно, не малых усилий, — книга представляет запас материалов для биографии Гоголя, какого вряд ли кто и мог ожидать. Имя издателя ее упрочено в нашей литературе этим добросовестным и благородным трудом. Во многих местах своей книги он с замечательным пониманием своей задачи отказывается от роли биографа. Действительно, биография Гоголя еще впереди. Вот почему заметки, которые следуют теперь, относятся совсем не к г. Кулишу¹¹, исполнившему все свое дело, а имеют в виду тех будущих составителей биографии Н<иколая> В<асильевича>⁶⁷, которые неизбежно воспитаются по «Запискам» г. Кулиша¹¹¹ и с помощью их должны будут построить картину жизни и развития этого во всех отношениях необыкновенного человека.

Прежде всего хотелось бы нам, чтоб навсегда отвергнута была система отдельного изъяснения и отдельного оправдания всех частных в жизни человека, а также и система горевания и покаяния, приносимого автором за своего героя, когда, несмотря на все усилия, не находит<ся> более слов к изъяснению и оправданию некоторых явлений. Направление это бесплодно. Там, где требуется изобразить характер, и характер весьма многосложный, — оно замещает старание понять и представить живое лицо легкой работой вычисления — насколько лицо подошло к известным, общепринятым понятиям о приличии и благовидности и насколько выступило из них. При этой работе случается, что автор видит прореху между условным правилом и героем своим там, где ее совсем нет, а иногда принимается подводить героя под правило

¹ В изд. 1857 г. было: изданные г. Н. М*; в изд. 1877 г.: Кулишем — и после фамилии подстрочное примечание М. М. Стасюлевича, сделанное на основе указания П. В. Анненкова в письме от 16 августа (н. ст.) 1876 г.: Под этими записками подписаны буквы Н. М., заимствованные г-м Кулишом у его приятеля Н. А. <Н. Я.> Макарова для своего литературного обихода.

¹¹ В изд. 1857 г. было: не к г. Н. М*

¹¹¹ В изд. 1857 г. было: г. Н. М*

без всякой нужды, только из ложного соображения, что герою лучше стоять на почетном, чем на свободном и просторном месте. Можно весьма легко избежать всех этих резких недоразумений, изобразив характер во всей его истине, или, по крайней мере, в той целостности, как он нам представляется после долгого обсуждения. Живой характер, глубоко обдуманый и искренно переданный, носит уже в себе самое пояснение и оправдание всех жизненных подробностей, как бы разнообразны, противоречивы или двусмысленны ни казались они, взятые врозь и отдельно друг от друга. Он освобождает биографа от необходимости стоять в недоумении перед каждым пятнушкой, придумывая средства, как бы вывести его поскорее, и отстраняет другую, еще важнейшую беду: видеть пятно там, где его совсем нет и где только существует игра света и тени, порождаемая естественным отражением характера на других предметах и лицах. Ввиду цельно изображенного характера умолкает также и всякая литературная полемика, которая без того приведена в необходимость поверять одни свидетельства другими, опровергать одну частность — другой частностью, сомнительный приговор — другим, что под конец представляет какую-то длинную цепь фактов, не приводящих ни к какому результату, и где истина кажется на всех точках, потому что ни на одной не остановилась окончательно. Глубоко продуманный, поэтически угаданный и смело изложенный характер имеет еще и ту выгоду, что он точно так же и принимается, как составился в уме жизнеописателя, т. е. целиком. Цельно изображенный характер может быть только целиком отвергнут или, наоборот, целиком принят, на основании строгих нравственных соображений. Без соблюдения этих коренных условий хорошего биографа автор будет походить всегда на человека, который стоит у весов день и ночь и беспрестанно обмеривает⁶⁸ приходящих, задерживая одну чашку, с событиями и обвинениями слишком тяжелыми, или подталкивая другую, с явлениями, в моральном смысле, несколько легковесными. Стрелка не придет никогда в свое правильное положение и центральной точки никогда не укажет.

Если с самого детства, с школьной жизни в Нежине, мы видим, что достижение раз задуманной цели или предприятия приводило в необычайное напряжение все способности Гоголя и вызывало наружу все качества, составившие впоследствии его характер, то будем ли мы удивляться, что вместе с ними появилась врожденная скрытность, ловко рассчитанная хитрость и замечательное по его возрасту употребление чужой воли в свою пользу. Станем ли мы скрывать, или, еще хуже, искать у читателя *отпущения* этим жизненным чертам, которые более всего предвещают не совсем обыкновенного человека. В школьной переписке Гоголя с матерью мы видим, по риторическому тону некоторых писем, что в них скрывается какое-то другое дело, чем то, которое излагается на бумаге, и имеем исторические, несомненные свидетельства в подтверждение невольных догадок, возбуждаемых ими. Многие места их, наиболее пышные, держатся за фактические основания совсем не того рода, какие молодой ученик старается выставить перед семейством. Посредством этих пышных фраз он растет в глазах своих родных с одной стороны и исполняет свои собственные намерения с другой. Это раннее проявление неколебимой воли, идущей упорно к своим тайным целям, по-нашему, заключает более поучения и выводов, чем самое прилежное исполнение задачи, спасти ежеминутно его репутацию, которую ни один человек, имеющий смысл в голове, никогда не заподозрит¹. Могут ли

¹ Приведем один пример из домашней его переписки, подтверждающей слова наши. Вот каким способом изъясняет он причину скорого своего возвращения из внезапной поездки за границу в 1829 году: «Несмотря на ваше желание, я не должен пробыть долее в Любеке: я не могу, я не в силах приучить себя к мысли, что вы беспрестанно печалитесь, полагая меня в таком далеком расстоянии» (Письмо к матери⁶⁹. Записки о жизни Гоголя, т. I, стр. 80). Г<-н> Н. М* принимает это объяснение, как единственно достоверное из всех других предположений о быстром возвращении его в отечество. Конечно, никто не станет опровергать, что Гоголь мог испытывать тоску по родным и знакомым, как и всякий другой человек; но кто вник в сущность его характера, тот никогда не согласится думать, что романтическое, сентиментальное чувство могло изменить одно все его намерения. Не лучше ли для самой славы Гоголя предполагать, как мы искренно убеждены, что бесполезность поездки и отсутствие при этом всякой цели погнали его назад. Менее твердый и

бросить все эти приемы своеобразного молодого человека, отводящего глаза самых близких людей от истинных своих чувств, от истинных своих намерений, могут ли они, говорим мы, бросить какую-либо тень на известную, страстную привязанность его к матери, на безграничную любовь к семейству, которого он был всю жизнь нравственным и материальным благодетелем, продолжая ту же самую роль покровителя и после смерти? Они открывают только особенности его характера, форму, какую принимали все его поступки и даже душевные его побуждения, и ими Гоголь гораздо лучше обрисовывается, чем посредством приложения к нему общих, отвлеченных понятий о нежности, чувствительности, доброте, годных для всех натур, как платье, сшитое не по одной известной мерке, пожалуй, может прийти на всякий рост.

С 1830 по 1836 г., то есть вплоть до отъезда за границу, Гоголь был занят исключительно одной мыслью — открыть себе дорогу в этом свете, который, по злоупотреблению эпитетов, называется обыкновенно большим и пространным; в сущности, он всегда и везде тесен для начинающего. Гоголь перепробовал множество родов деятельности — служебную⁷⁰, актерскую⁷¹, художественную⁷², писательскую. С появления «Вечеров на Хуторе», имевших огромный успех, дорога, наконец, была найдена, но деятельность его еще удваивается после успеха. Тут я с ним и познакомился⁷³. Он был весь обращен лицом к будущему, к расчищению себе путей во все направления, движимый потребностью развить все силы свои, богатство которых невольно создал в себе. Необычайная житейская опытность, приобретенная размышлениями о людях, выказывалась на каждом шагу. Он исчерпывал людей так свободно и легко, как другие живут с ними. Не довольствуясь ограниченным кругом ближайших знакомых, он смело вступал во все круга, и цели его умножались и росли по мере того, как преодолевал он первые препятствия на пути. Он сводил до себя лица, стоявшие, казалось, вне обычной сферы его деятельности, и зорко открывал в них те нити, которыми мог привязать к себе. Искусство подчинять себе чужие воли изощрялось вместе с навыком в деле, и мало-помалу приобреталось не менее важное искусство направлять обстоятельства так, что они переставали быть препонами и помехами, а обращались в покровителей и поборников человека. Никто тогда не походил более его на итальянских художников XVI века, которые были в одно время гениальными людьми, благородными любящими натурами и глубоко практическими умами. Ввиду этого напряженного развития всех сил, направленных к одной цели, будем ли мы сомнительно качать головой, когда увидим Гоголя, самоуверенно вступающего на профессорскую кафедру без нужного приготовления к ней, без качеств, составляющих истинного ученого⁷⁴? Станем ли томиться над изысканием *облегчающих обстоятельств*, когда встретим в письмах Гоголя к гг. Максимовичу, Погодину, например, уверение, что он трудится над Историей Малороссии в шести томах⁷⁵, над Всеобщей историей и географией, под заглавием «Земля и Люди»⁷⁶, в трех или двух томах, над Историей Средних Веков в восьми томах⁷⁷ (всего семнадцать или шестнадцать томов), между тем как он трудился над «Тарасом Бульбою», над статьями и повестями Арабесок и Миргорода. Нам все равно — верил ли он сам в эти и подобные им обещания, или нет: они составляют для нас только проблески, указывающие смысл тогдашнего его развития, черты характера, способные изъяснить его физиономию. Что они не лишены своего рода достоинства и поэзии — согласится всякий. В самом деле, картина, представляющая нам гениального человека, занятого устройством своего положения в свете и литературе, изысканием⁷⁸ средств для труда на обширном поприще, куда призывает его сознание своей силы, не заключает ли в себе гораздо более

самостоятельный человек, сделав ложный шаг, продолжал бы следовать далее по одному направлению, ожидая помощи, по обыкновению, от судьбы, случая, людей и проч. Гоголь, почувствовав, что он стоит на скользкой тропе, тотчас же возвращается назад и снова принимается отыскивать в отечестве своем настоящую почву деятельности, которая никак не давалась ему. Он удваивает силы и находит ее. Так всегда поступают необыкновенные люди, предназначенные к какому-либо роду общественного служения. — *Примеч. П. В. Анненкова. В изд. 1877 г. настоящее примечание перенесено М. М. Стасюлевичем в основной текст мемуаров; инициалы: Н. М*, — заменены фамилией: Кулиш*

нравственной красоты, поэзии и поучения, чем самое кропотливое разбирательство того, что было сказано им хорошего и что не так-то хорошо сказалось. Какую услугу оказывает биограф своему герою, когда, вместо того чтоб пояснить сущность его стремлений и благородство его целей, принимается разрешать противоречия, неизбежные в такой жаркой, лихорадочной жизни, и старается связать их скудной ниткой произвольных толкований, которая еще и рвется ежеминутно в руках исследователя? Как ни редко встречается эта бесплодная работа в превосходной книге г. Кулиша¹, но он не совсем свободен от нее. Всякий раз, как покидает он роль добросовестного собирателя материалов и приступает к истолкованиям — самые странные недоразумения, самые далекие соображения, совершенно чуждые делу, накаплиются под пером его, нисколько не поражая его ум своим неправдоподобием¹.

Вообще для биографа чрезвычайно важно смотреть прямо в лицо герою своему и иметь доверенность к его благодатной природе. Позволено трепетать за каждый шаг младенца, но шаги общественного деятеля, отыскивающего простора и достойной сцены своим способностям, как это было с Гоголем между 1830 и 1836 г., не могут быть измеряемы соображениями педагогического рода. Прежде всего надо знать тут, куда человек идет, что лежит в основании его характера, каков его способ понимания предметов и в чем заключается сущность его *созерцания* вообще. Здесь только и отгадка его физиономии, и одна неопровержимая истина. С другой стороны, охотникам до отрицательных данных, до прозаических фактов, низводящих человека к толпе, следует заметить, что в деле понимания характера эта система столь же мало приведет к цели, как и противоположная ей система ненужной поддержки и оправдания всех его поступков. Можно употребить, например, много времени и много бумаги на перечисление всех доказательств его осторожности в обращении с людьми и снисхождения к любимым их представлениям, посредством которого Гоголь приковывал к себе сердца знакомых в эту эпоху; можно также исписать порядочный лист, подбирая черты, в которых проявляется его врожденная скрытность, наклонность выставлять призраки и за ними скрывать свою мысль, и проч. Но чем более и чем остроумнее станем отыскивать и исторически подтверждать все наши, в сущности, весьма бедные находки, тем сильнее будет затемняться физиономия Гоголя и отходить от нас в даль и в туман. Оно и понятно. Физиономия его, как и физиономия всякого необыкновенного человека, должна освещаться сама собой, своим внутренним огнем. Она тотчас искажается, как подносят к ней со стороны грубый светоч, будь он самого розового или, наоборот, мрачного, гробового цвета. Пример правильной оценки Гоголя дал Пушкин. Известно, что Гоголь взял у

¹ В изд. 1857 г. было: книге Н. М.

¹¹ Таковы, между прочим, вопросы, задаваемые Г-ном > Н. М. самому себе по поводу одного письма Гоголя в 1829 году⁷⁹, где Н<иколай> В<асильевич> рисует собственный портрет в таких чертах: «Часто я думаю о себе: зачем Бог, создав сердце, может, единственное, по крайней мере редкое в мире, — чистую, пламенеющую жаркою любовью ко всему высокому и прекрасному душу, зачем Он дал всему этому такую грубую оболочку? Зачем Он одел все это в такую странную смесь противоречий, упрямства, дерзкой самонадеянности и самого униженного смирения». Слова эти строгие, но изображение истинного характера Гоголя должно значительно ослабить краски самой исповеди. Были *законные* причины для его противоречий и переходов. Г-н > Н. М* прибавляет свои пояснения к портрету, в которых, между прочим, находится следующая мысль: «Большую часть жизни употребил Гоголь на анализ самого себя, как нравственного, предстоящего пред лицом Бога существа, и как бы только случайно вдавался иногда в деятельность другого рода, которая составила его земную славу, — зачем, для чего это?» (Записки о жизни Гоголя, т. I, стр. 78). Вторая половина этого периода не совсем верна в отношении всей вообще жизни Гоголя, но, встреченная при описании первой эпохи его развития и приложенная к молодому Гоголю, искавшему земной славы всеми силами своей души, — она, с мыслию, в ней заключающеюся, отходит к тому роду толкований, о которых мы говорили сейчас и которые жидутся на соображениях, взятых вне сущности самого предмета. — *Примеч. П. В. Анненкова. В изд. 1877 г. настоящее примечание перенесено М. М. Стасюлевичем в основной текст мемуаров; дважды встречающиеся в примечании инициалы: г. Н. М*; Г. Н. М*, — заменены фамилией: г-м Кулишом; Г-н Кулиш; инициалы: Н. В. — заменены словом: последний.*

Пушкина мысль «Ревизора» и «Мертвых душ»⁸⁰, но менее известно, что Пушкин не совсем охотно уступил ему свое достояние. Однако ж, в кругу своих домашних, Пушкин говорил смеясь: «С этим малороссом надо быть осторожнее: он обирает меня так, что и кричать нельзя»⁸¹. Глубокое слово! Пушкин понимал неписанные права общественного деятеля. Притом же Гоголь обращался к людям с таким жаром искренней любви и расположения, несмотря на свои хитрости, что люди не жаловались, а, напротив, спешили навстречу к нему. Никогда, может быть, не употребил он в дело такого количества житейской опытности, сердцеведения, заискивающей ласки и притворного гнева, как в 1842 г., когда приступил к печатанию «Мертвых Душ». Плодом его неутомимого возбуждения и стремлений к одной цели при помощи всяких мер, которые, конечно, далеко отстоят от идеала патриархальной простоты сношений, было скорое появление «Мертвых Душ» в печати¹. Тот, кто не имеет «Мертвых Душ» для напечатания, может, разумеется, вести себя непогрешительнее Гоголя и быть гораздо проще в своих поступках и выражении своих чувств.

Поэтому неудивительно будет, если скажем, что именно в эту страстную, необычайно деятельную эпоху своей жизни Гоголь постоянно оставался существом высокого нравственного характера, не переставал быть ни на минуту по мысли, образу жизни и направлению благороднейшим человеком в строгом смысле слова. Помирить образ подобного человека с теми частностями, которые приводят в тупик поверхностного наблюдателя, не искажая и не перетолковывая их, значит именно понять и настоящую задачу биографа.

Мы сказали, что Гоголь часто сходил с шумного, трудового своего жизненного поприща в уединенный круг своих приятелей — потолковать преимущественно о явлениях искусства, которые, в сущности, одни только и наполняли его душу. Он никогда не говорил с приятелями об ученых своих предприятиях и других замыслах, потому что хотел оставаться с ними искренним и таким, каким его знали сначала. Гоголь жил на Малой Морской, в доме Лепена⁸², на дворе, в двух небольших комнатах, и я живо помню темную лестницу квартиры, маленькую переднюю с перегородкой, небольшую спальню, где он разливал чай своим гостям, и другую комнату, попросторнее, с простым диваном у стены, большим столом у окна, заваленным книгами, и письменным бюро возле него. В первый раз, как я попал на один из чайных вечеров его, он стоял у самовара и только сказал мне: «Вот, вы как раз поспели». В числе гостей был у него пожилой человек, рассказывавший о привычках сумасшедших, строгой, почти логической последовательности, замечаемой в развитии нелепых их идей. Гоголь подсел к нему, внимательно слушал его повествование, и когда один из приятелей стал звать всех по домам, Гоголь возражал, намекая на своего посетителя: «Ты ступай... Они уже знают свой час, и когда надобно, уйдут». Большая часть материалов, собранных из рассказов пожилого человека, употреблены были Гоголем потом в «Записках Сумасшедшего». Часто потом случалось мне сидеть и в этой скромной чайной, и в зале. Гоголь собирал тогда английские кипсеки с видами Греции, Индии, Персии и проч., той известной тонкой работы на стали, где главный эффект составляют необычайная обделка гравюры и резкие противоположности света с тенью. Он любил показывать дорогие альманахи, из которых, между прочим, почерпал свои поэтические воззрения на архитектуру различных народов⁸³ и на их художественные требования. Степенный, всегда серьезный Яким⁸⁴ состоял тогда в должности его камердинера. Гоголь обращался с ним совершенно патриархально, говоря ему иногда: «Я тебе рожу побью», что не мешало Якиму постоянно грубить хозяину, а хозяину заботиться о существенных его пользах и наконец устроить ему покойную будущность. Сохраняя практический оттенок во всех обстоятельствах жизни, Гоголь простер свою предусмотрительность до того, что раз, отъезжая по делам в Москву, сам расчертил пол

¹ *Вместо:* и стремлений - в печати. — в изд. 1857 г. было: окружающих к одной цели и всеми мерами, которые, конечно, далеко отстоят от идеала патриархальной простоты сношений, было скоро^{<е>} появление «Мертвых душ» в печати и в публике.

своей квартиры на клетки, купил красок и, спасая Якима от вредной праздности, заставил его изобразить довольно затейливый паркет на полу во время своего отсутствия. Приятели сходились также друг у друга на чайные вечера, где всякий очередной хозяин старался превзойти другого разнообразием, выбором и изяществом кренделей, прибавляя всегда, что они куплены *на вес золота*. Гоголь был в этих случаях строгий, нелицеприятный судья и оценщик. На этих сходках царствовала веселость, бойкая насмешка над низостью и лицемерием, которой журнальные, литературные и всякие другие анекдоты служили пищей, но особенно любил Гоголь составлять куплеты и песни на общих знаковых. С помощью Н. Я. Про<копови>ча и А. С. Д<анилевско>го⁸⁵ некоторые из них выходили действительно карикатурно метки и умерительны. Много тогда было сочинено подобных песен. Помню, что несколько вечеров Гоголь беспрестанно тянул (мотивы для куплетов выбирались из новейших опер — из Фенеллы⁸⁶, Роберта⁸⁷, Цампы⁸⁸) кантату, созданную для прославления будущего предполагаемого его путешествия в Крым, где находился стих:

И с Матреной наш Яким
Потянулся прямо в Крым.

В памяти у меня остается также довольно нелепый куплет, долженствовавший увековечить подвиги молодых учителей из его знакомых, отправлявшихся каждый день на свои лекции на Васильевский остров⁸⁹. Куплет, кажется, принадлежал Гоголю безраздельно:

Все *бобрами* завелись,
У Фаге все завились —
И пошли через Неву,
Как чрез мяжку мураву, и т. д.

Точно то же происходило и на обедах в складчину, где Гоголь сам приготавливал вареники, галушки⁹⁰ и другие малороссийские блюда. Важнее других бывал складчинный обед в день его именин, 9 мая⁹¹, к которому он обыкновенно уже одевался по-летнему, сам изобретая какой-то фантастический наряд. Он надевал обыкновенно ярко пестрый галстучек, взбивал высоко свой завитой *кок*, облакался в какой-то белый, чрезвычайно короткий и распашной сюртучок, с высокой талией и буфами на плечах, что делало его действительно похожим на *петушка*, по замечанию одного из его знакомых (Белуосова⁹²). Как далек еще тогда он был от позднейшей самоуверенности в оценке собственных произведений, может служить то, что на одном из складчинных обедов 1832 г.⁹³ он сомнительно и даже отчасти грустно покачал головой при похвалах, расточаемых новой повести его «Ссора Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем». «Это *вы* говорите, — сказал он, — а другие считают ее фарсом». Вообще суждениями так называемых избранных людей Гоголь, по благородно высокой практической натуре своей, никогда не довольствовался. Ему всегда нужна была публика. Случалось также, что в этих сходках на Гоголя нападала беспокойная, судорожная, горячая веселость — явное произведение материальных сил, чем-либо возбужденных. Вообще следует заметить, что природа его имела многие из свойств южных народов, которых он так ценил вообще. Он необычайно дорожил внешним блеском, обилием и разнообразием красок в предметах, пышными, роскошными очертаниями, эффектом в картинах и природе. «Последний день Помпеи» — Брюллова привел его, как и следовало ожидать, в восторг⁹⁴. Полный звук, ослепительный поэтический образ, мощное, громкое слово, все, исполненное силы и блеска, потрясло его до глубины сердца. О метафизическом способе понимания явлений природы и искусства тогда и в помине не было⁹⁵. Он просто благоговел перед созданиями Пушкина за изящество, глубину и тонкость их поэтического анализа, но так же точно с выражением страсти в глазах и в голосе, сильно уда-

рия на некоторые слова, читал и стихи Языкова. В жизни он был очень целомудрен и трезв, если можно так выразиться, но в представлениях он совершенно сходилса со страстными, внешне великолепными представлениями южных племен. Вот почему также он заставлял других читать и сам зачитывался в то время Державина. Чтение его, если уже раз ухо ваше по привычке к малороссийскому напеву, было чрезвычайно обаятельно: такую поразительную выпуклость умел он сообщать наиболее эффектным частям произведения и такой яркой колорит получали они в устах его! Можно сказать, что он проявлял натуру южного человека даже и светлым, практическим умом своим, не лишенным примеси суеверия... Если присоединить к этому замечательно тонкий эстетический вкус, открывавший ему точчас подделку под чувство и ложные, неестественные краски, как бы густо или хитро ни положены они были, то уже легко будет понять тот род очарования, которое имела его беседа. Он не любил уже в то время французской литературы, да не имел большой симпатии и к самому народу за «моду, которую они ввели по Европе», как он говорил: «быстро создавать и тотчас же, по-детски, разрушать авторитеты». Впрочем, он решительно ничего не читал из французской изящной литературы и принялся за Мольера только после строгого выговора, данного Пушкиным за небрежение к этому писателю⁹⁶. Также мало знал он и Шекспира (Гёте и вообще немецкая литература почти не существовали для него)⁹⁷, и из всех имен иностранных поэтов и романистов было знакомо ему не по догадке и не по слухам одно имя — Вальтер Скотта. Зато и окружил он его необычайным уважением, глубокой почитательной любовью. Вальтер Скотт не был для него представителем охранительных начал, нежной привязанности к прошедшему, каким сделался в глазах европейской критики; все эти понятия не находили тогда в Гоголе ни малейшего отголоска и потому не могли задобривать его в пользу автора... Гоголь любил Вальтер Скотта просто с художнической точки зрения⁹⁸, за удивительное его распределение материи рассказа, подробное обследование характеров и твердость, с которой он вел многосложное событие ко всем его результатам. В эту эпоху Гоголь был склонен скорее к оправданию разрыва с прошлым и к нововводительству, признаки которого очень ясно видны и в его ученых статьях о разных предметах, чем к пояснению старого или к искусственному оживлению его... В тогдашних беседах его постоянно выражалось одно стремление к оригинальности, к смелым построениям науки и искусства на других основаниях, чем те, какие существуют, к идеалам жизни, созданным с помощью отвлеченной, логической мысли, — словом, ко всем тем более или менее поэтическим призракам, которые мучат всякую деятельную, благородную молодость. При этом направлении два предмета служили как бы ограничением его мысли и пределом для нее, именно: страстная любовь к песням, думам, умершему прошлому Малороссии, что составляло в нем истинное охранительное начало, и художественный смысл, ненавидевший все резкое, произвольное, необузданно дикое. Они были, так сказать, умерителями его порывов. В этом соединении страсти, бодрости, независимости всех представлений, со скромностью, отличающей практический взгляд, и благородством художественных требований заключался и весь характер первого периода его развития, того, о котором мы теперь говорим.

Никогда, однако ж, даже в среде одушевленных и жарких прений, происходивших в кружке по поводу современных литературных и жизненных явлений, не покидала его лица постоянная, как бы приросшая к нему, наблюдательность. Он, можно сказать, не раздевался никогда, и застать его обезоруженным не было возможности. Зоркий глаз его постоянно следил за душевными и характеристическими явлениями в других: он хотел видеть даже и то, что легко мог предугадать. Сколько было тогда подмечено в некоторых общих приятелях мимолетных черт лукавства, мелкого искательства, которыми трудолюбивая бездарность старается обыкновенно вознаградить отсутствие производительных способностей; сколько разоблачено риторической пышности, за которой любит скрываться бедность взгляда и понимания; сколько открыто скудного житейского расчета под маской приличия и благонамеренности! Все это составляло потеху кружка, которому не малое удовольствие доставлял и тогдашний союз денежных инте-

ресов в литературе со всеми его изворотами, войнами, триумфами и победными маршами⁹⁹! Для Гоголя как здесь, так и в других сферах жизни ничего не пропадало даром. Он прислушивался к замечаниям, описаниям, анекдотам, наблюдениям своего круга и, случалось, пользовался ими. В этом, да и в свободном изложении своих мыслей и мнений круг работал на него. Однажды при Гоголе рассказан был канцелярский анекдот о каком-то бедном чиновнике, страстно охотнике за птицей, который необычайной экономией и неутомимыми, усиленными трудами сверх должности накопил сумму, достаточную на покупку хорошего лепажевского¹⁰⁰ ружья рублей в 200 (асс<игнациями>). В первый раз, как на маленькой своей лодочке пустился он по Финскому заливу — за добычей, положив драгоценное ружье перед собою на нос¹⁰¹, он находился, по его собственному уверению, в каком-то самозабвении и пришел в себя только тогда, как, взглянув на нос¹⁰², не увидел своей обновки. Ружье было стянуто в воду густым тростником, через который он где-то проезжал, и все усилия отыскать его были тщетны. Чиновник возвратился домой, лег в постель¹⁰³ и уже не вставал: он схватил горячку. Только общей подпиской его товарищей, узнавших о происшествии и купивших ему новое ружье, возвращен он был к жизни, но о страшном событии он уже не мог никогда вспоминать без смертельной бледности на лице... Все смеялись анекдоту, имевшему в основании истинное происшествие, исключая Гоголя, который выслушал его задумчиво и опустил голову. Анекдот был первой мыслью чудной повести его «Шинель», и она заронила в душу его в тот же самый вечер¹⁰⁴. Поэтический взгляд на предметы был так свойственен его природе и казался ему таким обыкновенным делом, что самая теория творчества, которую он излагал тогда, отличалась поэтою необыкновенной простотой. Он говорил, что для успеха повести и вообще рассказа достаточно, если автор опишет знакомую ему комнату и знакомую улицу. «У кого есть способность передать живописно свою квартиру — тот может быть и весьма замечательным востором впоследствии», — говорил он. На этом основании он побуждал даже многих из своих друзей приняться за писательство. Но если теория была слишком проста и умалчивала о многих качествах, необходимых писателю, то критика Гоголя, наоборот, отличалась разнообразием, глубиной и замечательной многосложностью требований. Не говоря уже о том, что он угадывал по инстинкту всякое не живое, а придуманное лицо, сознавая, что оно возбуждает в нем почти такое же отвращение, как труп или скелет, но Гоголь ненавидел *идеальничанье* в искусстве прежде критиков, возбудивших гонение на него. Он никак не мог приучить себя ни к трескучим драмам г. Кукольника, которые тогда хвалились в Петербурге, ни к сентиментальным романам г. Полевого, которые тогда хвалились в Москве¹⁰⁵. Поэзия, которая почерпается в созерцании живых, существующих, действительных предметов, так глубоко понималась и чувствовалась им, что он, постоянно и упорно удаляясь от умников, имеющих готовые определения на всякий предмет, постоянно и упорно смеялся над ними и, наоборот, мог проводить целые часы с любым конным заводчиком, с фабрикантом, с мастеровым, излагающим глубочайшие тонкости *игры в бабки*, со всяким специальным человеком, который далее своей специальности и ничего не знает. Он собирал сведения, полученные от этих людей, в свои записочки, которых было гораздо более, чем сколько их видел г. Кулиш¹, — и они дожидались там случая превратиться в части чудных поэтических картин. Для него даже мера уважения к людям определялась мерой их познания и опытности в каком-либо отдельном предмете. При выборе собеседника он не запинался между остроумцем, праздным, даже, пожалуй, дельным литературным судьей и первым попавшимся знатоком какого-либо производства. Он тотчас становился лицом к последнему. Но, по нашему мнению, важнее всего этого была в Гоголе та мысль, которую он приносил с собой в это время повсюду. Мы говорим об энергическом понимании вреда, производимого пошлостью, ленью, потворством злу с одной стороны, и грубым самодовольством, кичливостью и ничтожеством моральных оснований — с другой. Он относился ко всем этим явлениям совсем

¹ В изд. 1857 г.: г. Н. М.

не равнодушно, как можно заключить даже из напечатанных его писем о московской журналистике и об условиях хорошей комедии¹⁰⁶. В его преследовании темных сторон человеческого существования была страсть, которая составляла и¹⁰⁷ истинное нравственное выражение его физиономии. Он и не думал еще тогда представлять свою деятельность как подвиг личного совершенствования¹⁰⁸, да и никто из знавших его не согласится видеть в ней намеки на какое-либо страдание, томление, жажду примирения и проч. Он ненавидел пошлость откровенно и наносил ей удары, к каким только была способна его рука, с единственной целью: потрясти ее, если можно, в основании. Этот род одушевления сказывался тогда во всей его особе, составляя и существенную часть нравственной красоты ее. Честь бескорыстной борьбы за добро, во имя только самого добра и по одному только отвращению к извращенной и опошленной жизни, должна быть удержана за Гоголем этой эпохи, даже и против него самого, если бы нужно было. Несомненные исторические свидетельства тут важнее признаний автора¹⁰⁹, подсказанных другого рода соображениями и сильным подавляющим влиянием новых идей, позднее возникших в его сердце. Мы с своей стороны убеждены, что Гоголь имел, между прочим, в виду и этого рода деятельность, когда накануне 1834 года обращался к своему гению, к удивительным поэтическим дифирамбом, вопрошая будущее и требуя у него труда, вдохновения и подвига. Опубликованием этого документа, как и многих других, г. Кулиш¹ получил право на долгую признательность истории литературы нашей¹¹⁰. Чудно и многозначительно звучат последние слова этого воззвания к гению¹¹¹: «О, не разлучайся со мною! Живи на земле со мною хотя два часа каждый день, как прекрасный брат мой! я совершу, я совершу! *Жизнь кипит во мне*. Труды мои будут вдохновенны. Над ними будет веять недоступное земле божество. Я совершу! о, поцелуй и благослови меня!» Но кроме вдохновенных часов, каких Гоголь просил у своего гения, и кроме положительной деятельности, к какой приводило чувство *кипящей жизни и силы*, он еще, по характеру своему, старался действовать на толпу и внешним своим существованием; он любил показать себя в некоторой таинственной перспективе и скрыть от нее некоторые мелочи, которые особенно на нее действуют. Так, после издания «Вечеров», проезжая через Москву¹¹², где, между прочим, он был принят с большим почетом тамошними литераторами, он чрезвычайно хлопотал на заставе¹¹³, чтоб прописаться и попасть в Московские Ведомости не «коллежским регистратором», каковым был, а «коллежским ассесором». «Это надо», — говорил он приятелю, его сопровождавшему.

Таким был или, по крайней мере, таким представлялся нам молодой Гоголь! Великую ошибку делает тот, кто смешает Гоголя последнего периода с тем, который начинал тогда жизнь в Петербурге, и вздумает прилагать к молодому Гоголю нравственные черты, выработанные гораздо позднее¹¹⁴, и¹¹⁵ уже тогда, как свершился важный переворот в его существовании. Не скроем, что такого рода смешенья попадают в книгу г. Кулиша¹¹ довольно часто. Можно даже сказать, что он вообще смотрит на Гоголя с конца поприща, — недостаток, который смягчается отчасти содержанием представляемых документов и догадливостию, возбуждаемою ими неминуемо в самом читателе.

Между тем, трудясь за устройством своей жизни и особенно за наполнением ее обильнейшим содержанием, какое возможно было добыть, Гоголь встретил три обстоятельства, подсекшие, так сказать, всю эту деятельность в самой середине ее развития и устремившие его за границу. Мы не намерены искать причин его отъезда за границу в психическом настроении его, потому что, благодаря скрытности Гоголя, это осталось навсегда тайной, и всякое заключение тут поражено заранее несостоятельностью. Мы также вполне согласны, что собственные его объяснения, как по этому поводу, так и по всем другим, заключающиеся в безымянной записке (Авторская Исповедь)¹¹⁶ и в других автобиографических документах, *буквально верны и истин-*

¹ В изд. 1857 г.: г. Н. М.

¹¹ В изд. 1857 г.: г. Н. М.

ны¹¹⁷. Это наше убеждение, почерпнутое из внимательного изучения их; но мы должны сказать, что объяснения Гоголя опираются преимущественно на одну какую-либо поэтическую или моральную черту события, без сомнения, ему присущую, но открытую уже гораздо позднее, после долгого размышления о событии. Фактическая, материальная основа происшествия, живое впечатление, произведенное им с первого раза, цепь разнородных ощущений, им вызванных, пропускаются без внимания, как и следует быть в автобиографии, ищущей показать один только нравственный смысл события. Восстановить пропущенные подробности, доискаться первых причин явления, дополнить заметки автобиографии вводом всех красок действительности, сообщив таким образом плоть и кровь ее общим указаниям, — есть уже дело жизнеописателя. Одна из первых причин, оторвавших Гоголя от Петербурга, был неуспех его университетского преподавания. Гоголь понадеялся на силу поэтического воссоздания Истории, на способ толкования событий а priori, на догадку и прозрение живой мысли, но все эти качества, не питаемые постоянно фактами и исследованиями¹¹⁸, достали ему на несколько блестящих статей, на несколько блестящих лекций, а потом истощились сами собою, как лампа, лишенная огнепитательного вещества. Падение было горько для человека, возбудившего столько надежд и ожиданий, а вслед за ним последовало то ожесточенное преследование новых его книг, «Миргород» и «Арабески», тогдашней критикой, которое возбудило симпатический отголосок в публике, почти безусловно покорявшейся журналу¹¹⁹, выражавшему ее. Голос Москвы был тогда¹²⁰ заглушаем шумом петербургской журналистики, и потребно было мощное, энергическое слово Белинского¹²¹, чтоб поддержать автора и ослабить влияние, произведенное могущественным противником¹²²; но это не могло сделаться скоро. Как ни странно покажется, что к числу причин, ускоривших отъезд Гоголя, мы относим и журнальные толки, но это было так. Мы напомним прежде о том, что мнением публики Гоголь озабочивался гораздо более, чем мнениями знатоков, друзей и присяжных судей литературы, — черта общая всем деятелям, имеющим общественное значение, а петербургская публика относилась к Н<иколаю> В<асильевичу>¹²³, если не вполне враждебно, то, по крайней мере, подозрительно и недоверчиво. Последний удар нанесен был представлением «Ревизора». Читатель должен хорошо помнить превосходное описание этого театрального вечера, данное самим Гоголем¹²⁴. Хлопотливость автора во время постановки своей пьесы, казавшаяся странной, выходящей из всех обыкновений и даже, как говорили, из всех приличий, горестно оправдалась водевильным характером, сообщенным главному лицу комедии, и пошло карикатурным, отразившимся в других¹²⁵. Гоголь прострадал весь этот вечер. Мне, свидетелю этого первого представления, позволено¹²⁶ будет сказать — что изображала сама зала театра в продолжение 4-х часов замечательнейшего спектакля, когда-либо им виденного. Уже после первого акта недоумение было написано на всех лицах (публика была избранная в полном смысле слова), словно никто не знал, как должно думать о картине, только что представленной. Недоумение это возрастало потом с каждым актом. Как будто находя успокоение в одном предположении, что дается фарс, — большинство зрителей, выбитое из всех театральных ожиданий и привычек, остановилось на этом предположении с непоколебимой решимостью. Однако же в этом фарсе были черты и явления, исполненные такой жизненной истины, что раза два, особенно в местах наименее противоречащих тому понятию о комедии вообще, которое сложилось в большинстве зрителей, раздавался общий смех. Совсем другое произошло в четвертом акте: смех по временам еще перелетал из конца залы в другой, но это был как <ой>-то робкий смех, тотчас же и пропадавший; аплодисментов почти совсем не было; зато напряженное внимание, судорожное, усиленное следование за всеми оттенками пьесы, иногда мертвая тишина показывали, что дело, происходившее на сцене, страстно захватывало сердца зрителей. По окончании акта прежнее недоумение уже переродилось почти во всеобщее негодование, которое довершено было пятым актом. Многие вызывали автора потом за то, что написал комедию, другие за то, что виден талант в некоторых сценах, простая публика за то, что смеялась, но общий голос, слышавшийся по всем сторонам избранной публики, был:

«это невозможность, клевета и фарс». По окончании спектакля Гоголь явился к Н. Я. П<рокопови>чу в раздраженном состоянии духа. Хозяин вздумал поднести ему экземпляр «Ревизора», только что вышедший из печати¹²⁷, со словами: «Полюбуйтесь на сынку». Гоголь швырнул экземпляр на пол, подошел к столу и, опираясь на него, проговорил задумчиво: «Господи Боже! Ну, если бы один, два ругали, ну и Бог с ними, а то все, все...»

В начале лета 1836 года Гоголь уехал за границу на пароходе¹²⁸. Он действительно «устал душою и телом»¹²⁹, как сам говорит. Шесть лет непрерывного труда, разнообразных предприятий и волнений, даже не принимая в соображение последних тяжелых ударов, нанесенных всем его ожиданиям, — требовали сами собой отдыха. По первым письмам, полученным от него из-за границы, видно, что Гоголь скоро отыскал покой и ровное настроение духа. Это подтверждается и письмами, напечатанными г. Кулишом¹. Известие о смерти Пушкина в 1837 г.¹³⁰ потрясло Гоголя до глубины души, оставило навсегда незастывшую пустоту в его жизни, но нравственных оснований его несколько не изменило, по крайней мере — письма его, после жарких выражений тоски и боли по невозвратимой общественной и еще более личной для Гоголя утрате, — принимают снова характер тихого, спокойного созерцания людей, говорят о заботах, вызываемых плохим состоянием его здоровья, ясно дают подразумевать ровный, размеренный и спокойный труд — и во многих местах несут свидетельство, что Гоголь еще наслаждался природой и искусством просто, непосредственно, как человек, продолжающий свободно воспитывать мысль. Пелена известного однообразного цвета еще не распростиралась перед глазами его. Он только вошел в себя, но еще не обратился к самому себе с беспощадно кропотливым анализом; ограничил свою деятельность и установился в ней, но еще не давал ей значения аскетического подвига; слыхал жизнь, обычаи, мнения народов и вникал в них, но еще не делался судьей стран и убеждений... Цели чисто человеческие и земные еще мелькали перед ним со всеми очарованиями, какие заключают в себе, и это может показать следующий, неизданный отрывок из общего послания его к приятелям. Оно принадлежит к 1837 году и писано из Парижа, 25 января¹³¹.

«Да скажи, пожалуйста, — с какой стати пишете вы все про “Ревизора”: в твоём письме и в письме Пашенка, которое вчера получил Данилевский, говорится, что Ревизора играют каждую неделю, театр полон и проч. ... и чтобы это было доведено до моего сведения. Что это за комедия? Я, право, никак не понимаю этой загадки. Во-первых, я на Ревизора — плевать, а во-вторых... к чему это? Если бы это была правда, то хуже на Руси мне никто бы не мог нагадить. Но, слава Богу, это ложь: я вижу через каждые три дня русские газеты. Не хотите ли вы из этого сделать что-то вроде побрякушки и тешить меня ею, как ребенка? И ты! Стидно тебе! ты предполагал во мне столько мелочного честолюбия! Если и было во мне что-нибудь такое, что могло показаться легко меня знавшему тщеславию, то его уже нет; пространства, которые разделяют меня с тобою, поглотили *все* то, за что поэт слышит упреки во глубине души своей... Мне страшно вспомнить обо всех моих мараньях. Они вроде грозных обвинителей являются глазам моим. Забвенья, долгого забвенья просит душа. И если бы появилась такая моль, которая бы съела внезапно все экземпляры “Ревизора”, а с ним “Арабески”, “Вечера” и всю прочую чепуху, и обо мне в течение долгого времени ни печатно, ни изустно не произносил никто ни слова — я бы благодарил судьбу. *Одна только слава по смерти (для которой, увы, не сделал я до сих пор ничего) знакома душе неподдельного поэта. А современная слава не стоит кейки...*»¹³².

Здесь, конечно, виден шаг вперед, но по одному и тому же направлению. Он только перенес жажду славы с современников на потомство. Если письмо это удивило приятелей, знавших, как всегда дорожил он современным успехом и влиянием на публику, то это была их вина: они не поняли обыкновенного явления, замечаемого у всех гениальных писателей — при начале но-

¹ В изд. 1857 г.: и г. Н. М.

вого труда смотреть с отвращением на путь, уже пройденный¹³³. Гоголь еще мало изменился. Только в 1839 г. появляются у него фразы вроде следующей: «Германия есть ничто другое, как самая неблагоприятная отрыжка гадчайшего табаку и мерзейшего пива»¹³⁴. Тут уже сказалось влияние Италии и особенно Рима, в котором он провел весну 1837 и потом почти непрерывно два года (с осени 1837¹³⁵ по осень 1839). Влияние начинает все более усиливаться и проявляется отвращением к европейской цивилизации¹³⁶, наклоном к художественному уединению, сосредоточенности мысли, поиском за крепким основанием, которое могло бы держать дух в напряженном довольстве одним самим собою. Со всем тем особенности эти, возникающие мало-помалу в характере Гоголя, до такой степени еще слиты с прежним свободным и многосторонним направлением, что указать начало их, первый, так сказать, толчок, подвигнувший ум в эту сторону, — нет никакой возможности¹³⁷. Это все равно, что желать подсмотреть минуту, когда зарождается болезнь в человеке, или уловить мгновение, когда начинается развитие какой-либо части в организме его. Мало-помалу также Гоголь погружается весь в новый свой труд: «Мертвые Души». Если роман этот¹³⁸, по справедливости, может назваться памятником его, как писателя, то с неменьшей основательностью позволено сказать, что в нем¹³⁹ готовил он себе и гробницу, как человеку. «Мертвые Души» была та подвижническая келья, в которой он бился и страдал до тех пор, пока вынесли его бездыханным из нее. Мы постараемся¹⁴⁰ далее указать связь «Мертвых Душ» со всею последующей судьбой их автора, а теперь повторим¹⁴¹ прежде сказанное, что летом 1841 г., когда я встретил Гоголя, он стоял на рубеже нового направления, принадлежа двум различным мирам. По тайным стремлениям своей мысли, он уже отосился к строгому, исключительному миру, открывавшемуся впереди; по вкусам, некоторым частным воззрениям и привычкам художнической независимости — к прежнему направлению. Последнее еще преобладало в нем, но он уже доживал сочные дни своей молодости, ее стремлений, борьбы, падений и — ее славы!

На третий день моего приезда¹⁴² Рим, по случаю наступления праздников Святой недели, отдался весь ликованиям. Как в эти дни, так и в предшествовавшие им я почти совсем не видал Гоголя, будучи занят глазением на все духовные процессии, которыми наполнился город. Много времени, беготни, стоического равнодушия к своей особе потребно было, чтоб не пропустить какой-либо стороны католицизма, показываемой раз в год. Могу сказать только, что ни один англичанин не опередил меня ни в чем. Я присутствовал при «Омовении ног», которое производил папа в приделе Петра, при угощении им бедных священников в одной из сакристий того же храма, при исполнении *Stabat Mater* в сикстинской часовне¹⁴³, при крещении евреев в Латеране¹⁴⁴ одним из кардиналов св. коллегии, при общем покаянии в иезуитской церкви и проч. Гоголь посвящал меня в церемонии и направлял поиски, но сам не выходил из дома и не переменал образа жизни. Великолепна была физиономия города с наступлением праздников. Ковры и ткани покрыли стены домов, петарды трещали с окон, с балконов, из-под ног пешеходов, улицы запестрели окрестным народонаселением, прибывшим к торжеству в ярких, живописных костюмах и с не менее живописными лицами. В день самого праздника¹⁴⁵ я, как и следовало ожидать, присутствовал при папской литургии и видел, как с высоты балкона св. Петра, окруженный кардиналами, папа дал благословение народу и отпустил ему грехи. Вечером того же дня мы ходили с Гоголем и двумя русскими художниками по площади собора, любясь на чудное освещение его купола и перемену огней, внезапно производимую в известный час. Купол горел тихо, ровно в мрачной синеве неба, посреди чудной, теплой весенней ночи, под шепот водопадов соборной площади, под говор народа, двигавшегося во всех направлениях¹⁴⁶. Тут положено было, между прочим, что я перейду в комнату Па<но>ва¹⁴⁷ тотчас, как он уедет в Берлин¹⁴⁸, и, сделавшись близким соседом Гоголя, посвящу один час каждого дня на переписку, под его диктовку, уже совсем изготовленной первой части «Мертвых Душ».

II

Поселившись рядом с Гоголем, в комнате, двери которой почти всегда были открыты, я связан был с Николаем Васильевичем только одним часом дня, когда занимался перепиской «Мертвых Душ». Остальное время мы жили розно и каждый по-своему. Правда, в течение дня сталкивались мы друг у друга довольно часто, а вечера обыкновенно проводили вместе, но важно было то, что между нами существовало молчаливое условие не давать чувствовать себя товарищу ни под каким видом. Гоголь вообще любил те отношения между людьми, где нет никаких связующих прав и обязательств, где от него ничего не требовали. Он тогда только и давал что-либо от себя. В Риме система эта, предоставив каждому полную свободу действий, поставила каждого в нравственную независимость, которую он всего более дорожил.

Гоголь вставал обыкновенно очень рано и тотчас принимался за работу. На письменном его бюро стоял уже графин с холодной водой из каскада Терни, и в промежутках работы он опорожнял его дочиста, а иногда и удваивал порцию. Это была одна из потребностей того длинного процесса самоочищения, которому он следовал всю свою жизнь. Он имел даже особенный взгляд на свой организм и весьма серьезно говорил, что устроен совсем иначе, чем другие люди, и, если не обманывает меня память, с каким-то извращенным желудком¹⁴⁹. Я отослал тогда несколько скептически к его жалобам на свои немощи, и помню, что Гоголь возражал мне с досадой и настойчиво. «Вы этого не можете понять, — говорил он, — это так: я себя знаю». При наступившем вскоре римском зное Гоголь довольно часто жаловался на особенное свойство болезненной своей природы — никогда не подвергаться испарине. «Я горю, но не потею», — говорил он. Все это не мешало ему следовать вполне своим обыкновенным привычкам. Почти каждое утро заставлял я его в кофейной *del buon gusto*, отдыхающим на диване после завтрака, состоявшего из доброй чашки крепкого кофе и жирных сливок, за которые почасту происходили у него ссоры с прислужниками кофейни: яркий румянец пылал на его щеках, и глаза светились необыкновенно. Затем отправлялись мы в разные стороны до условного часа, когда положено было сходиться домой для переписки романа¹⁵⁰. Тогда Гоголь крепче притворял внутренние ставни окон от неотразимого южного солнца, я садился за круглый стол, а Николай Васильевич, разложив перед собой тетрадку на том же столе подалее, весь уходил в нее и начинал диктовать мерно, торжественно, с таким чувством и полнотой выражения, что главы первого тома Мертвых Душ приобрели в моей памяти особенный колорит. Это было похоже на спокойное, правильно разлитое вдохновение, какое порождается обыкновенно глубоким созерцанием предмета. Николай Васильевич ждал терпеливо моего последнего слова и продолжал новый период тем же голосом, проникнутым сосредоточенным чувством и мыслью. Превосходный тон этой поэтической диктовки был так истинен в самом себе, что не мог быть ничем ослаблен или изменен. Часто рев итальянского осла пронзительно раздавался в комнате, затем слышался удар палки по бокам его и сердитый вскрик женщины: *Ессо, ladrone!* (вот тебе, разбойник!) — Гоголь останавливался, проговаривал¹⁵¹, улыбаясь: «как разнежился, негодяй!» — и снова начинал вторую половину фразы с той же силой и крепостью, с какой вылилась у него ее первая половина. Случалось также, что он прекращал диктовку на моих орфографических заметках, обсуживал дело и, как будто не было ни малейшего перерыва в течении его мыслей, возвращался свободно к своему тону, к своей поэтической ноте. Помню, например, что, передавая ему написанную фразу, я вместо продиктованного им слова: *шекатурка* — употребил: *штукатурка*. Гоголь остановился и спросил: «Отчего так?» — «Да правильнее, кажется». — Гоголь побежал к книжным шкафам своим, вынул оттуда какой-то лексикон, приискал немецкий корень слова, русскую его передачу и, тщательно обследовав все доводы, закрыл книгу и поставил опять на место, сказав: «А за науку спасибо»¹⁵². Затем он сел по-прежнему в кресла, помолчал немного, и снова полилась та же звучная, по-видимому простая, но возвышенная и волнующая речь. Случалось также, что, прежде исполнения моей обязанности переписчика, я

в некоторых местах опрокидывался назад и разражался хохотом. Гоголь глядел на меня хладнокровно, но ласково улыбался и только проговаривал: «Старайтесь не смеяться, Жюль»¹⁵³. Действительно, я знал, что переписка замедляется подобным выражением личных моих ощущений, и делал усилия над самим собой, но в те годы усилия эти редко сопровождались успехом. Впрочем, сам Гоголь иногда следовал моему примеру и вторил мне при случае каким-то сдержанным полусмехом, если могу так выразиться. Это случилось, например, после окончания Повести о капитане Копейкине, первая редакция которой, далеко превосходящая в силе и развитии напечатанную, только недавно сделалась известна публике¹⁵⁴. Когда, по окончании повести, я отдался неурожайному порыву веселости, Гоголь смеялся вместе со мною и несколько раз спрашивал: «Какова повесть о капитане Копейкине?»

— Но увидит ли она печать когда-нибудь? — заметил я.

— Печать — пустяки, — отвечал Гоголь с самоуверенностью, — все будет в печати.

Еще гораздо сильнее выразилось чувство авторского самодовольствия в главе, где описывается сад Плюшкина¹⁵⁵. Никогда еще пафос диктовки, помню, не достигал такой высоты в Гоголе, сохраняя всю художническую естественность, как в этом месте. Гоголь даже встал с кресел (видно было, что природа, им описываемая, носится в эту минуту перед глазами его) и сопровождал диктовку гордым, как <им>-то повелительным жестом. По окончании всей этой изумительной VI главы я был в волнении и, положив перо на стол, сказал откровенно: «Я считаю эту главу, Николай Васильевич, гениальной вещью». Гоголь крепко сжал маленькую тетрадку, по которой диктовал, в кольцо и произнес тонким, едва слышным голосом: «Поверьте, что и другие не хуже ее». В ту же минуту, однако ж, возвысив голос, он продолжал: «Знаете ли, что нам до *cenare* (ужина) осталось еще много: пойдемте смотреть сады Саллюстия, которых вы еще не видали, да и в виллу Людовизи¹⁵⁶ поступимся!»¹. По светлому выражению его лица, да и по самому предложению видно было, что впечатления диктовки привели его в веселое состояние духа. Это оказалось еще более на дороге. Гоголь взял с собой зонтик на всякий случай, и как только повернули мы налево от дворца Барберини в глухой переулок, он принялся петь разгульную малороссийскую песню, наконец пустился просто в пляс и стал вывертывать зонтиком на воздухе такие штуки, что не далее двух минут ручка зонтика осталась у него в руках, а остальное полетело в сторону. Он быстро поднял отломленную часть и продолжал песню. Так отозвалось удовлетворенное художническое чувство: Гоголь праздновал мир с самим собою, и в значении этого бурного порыва веселости, который вполне напомнил мне старого Гоголя, я не ошибся и тогда. В виллу Людовизи нас, однако ж, не пустили, как Гоголь ни стучал в безответные двери ее ворот; решетчатые ворота садов Саллюстия были тоже крепко замкнуты, так как время сиесты¹⁵⁸ и всеобщего бездействия в городе еще не миновалось. Мы прошли далее за город, остановились у первой локанды¹⁵⁹, выпили по стакану местного слабого вина и возвратились в город к вечернему обеду в знаменитой тогда австерии¹⁶⁰ Фальконе (Сокол).

Важное значение города Рима в жизни Гоголя еще не вполне исследовано. Памятником и свидетельством его воззрения на папскую столицу времен Григория XVI может служить превосходная его статья «Рим», в которой должно удивляться не завязке или характерам (их почти и нет), а чудному противопоставлению двух народностей, французской и итальянской, где Гоголь явился столь же глубоким этнографом, сколько и великим живописцем-поэтом. Сущ-

¹ Римляне зовут ужином обед в 7 часов вечера, около вечерен, когда становится прохладнее, а обедают ровно в полдень, после чего или спят, или забираются в домах своих на все время полуденного зноя. Тому же порядку следовал и я, когда он не нарушался обязанностями туриста. Сады Саллюстия — ныне живописный огород¹⁵⁷, в котором разбросаны руины бывших построек, а великолепная вилла Людовизи замечательна тем, что отворяется для немногих посетителей, наделенных особенной рекомендацией посланников или значительных лиц города. В ней, как известно, сохраняются колоссальный бюст Юноны и знаменитая статуя «Ария и Петус». Причину ее недоступности объясняют покражей или порчей, произведенной в ней какими-то английскими туристами. — *Примеч. П. В. Анненкова.*

ность его воззрения на Рим излагать нет надобности, так как статья Гоголя хорошо известна всем русским читателям, но следует сказать, что под воззрение свое на Рим Гоголь начинал подводить в эту эпоху и свои суждения вообще о предметах нравственного свойства, свой образ мыслей и, наконец, жизнь свою. Так, взлелеянный уединением Рима, он весь предался творчеству и перестал читать и заботиться о том, что делается в остальной Европе. Он сам говорил, что в известные эпохи одна хорошая книга достаточна для наполнения всей жизни человека. В Риме он только перечитывал любимые места из Данте, Илиады Гнедича и стихотворений Пушкина. Это было совершенно ровень, так сказать, с городом, который, под управлением папы Григория XVI, обращен был официально и формально только к прошлому. Добродушный пастырь этот, так ласково улыбавшийся народу при церемониальных поездках и с такою любовью благословлявший его, умел остановить все новые почки европейской образованности и европейских стремлений, завязавшиеся в его пастве, и когда умер, они еще поражены были онеменением. О том, какими средствами достиг он своей цели, никто из иностранцев не спрашивал: это составляло домашнюю тайну римлян, до которой никому особенного дела не было. Гоголь, вероятно, знал ее: это видно даже по намекам в его статье, где мнение народа о господствующем клерикальном сословии нисколько не скрыто; но она не тревожила его, потому что если не оправдывалась, то, по крайней мере, объяснялась воззрением на Рим. Вот собственные его слова из статьи: «Самое духовное правительство, этот странный, уцелевший призрак минувших времен, осталось как будто для того, чтобы сохранить народ от постороннего влияния... чтобы до времени в тишине таилась его гордая народность»¹⁶¹. Последующие события доказали, что народ не был сохранен от постороннего влияния, и подтвердили убедительным образом старую истину, что государство, находящееся в Европе, не может убежать от Европы¹⁶². Оказалось и оказывается с каждым днем более, что Рим никогда не находился в таком уединении и в таком сиротстве, какие признаны были за ним наблюдателями. Необычайными мерами, еще в некоторой степени продолжающимися и теперь, с него была снята только работа, требуемая временем и его необходимостями: и благодаря этому обстоятельству народ предался одним природным своим наклонностям, артистическому веселью, остроумной беспечности и, столь свойственному ему, художническому творчеству. Сильное развитие этой стороны его характера заставило предполагать, что в ней и вся жизнь Рима, но колесо европейской истории не может миновать ни одного уголка нашей части света и неизбежно захватывает людей, как бы ни сторонились они. Стремление римского населения сделаться причастником общих благ просвещения и развития признается теперь законным почти всеми; но оно жило во многих сердцах и тогда. Гоголь знал это, но встречал явление с некоторой грустью. Помню, раз на мое замечание, «что, вероятно, в самом Риме есть люди, которые иначе смотрят на него, чем мы с ним», — Гоголь отвечал почти со вздохом: «Ах, да, батюшка, есть, есть такие». Далее он не продолжал. Видно было, что утрата некоторых старых обычаев, прозреваемая им в будущем и почти неизбежная при новых стремлениях, поражала его неприятным образом. Он был влюблен, смею сказать, в свое воззрение на Рим, да тут же действовал отчасти и малороссийский элемент, всегда охотно обращенный к тому, что носит печать стародавнего или его напоминает. Зато уж и Францию, которую считал родоначальницей легкомысленного презрения к поэзии прошлого, начинал он ненавидеть от всей души. О французском владычестве в Риме, в эпоху Первой империи, когда действительно сподвижники Наполеона I, вместе с истреблением суеверия, принялись истреблять и коренные начала народного характера, Николай Васильевич отзывался¹⁶³ с негодованием. Он много говорил дельного и умного о всесветных преобразователях, не умеющих отличать жизненных особенностей, никогда не уступаемых народом, от тех, с которыми он может расстаться, не уничтожая себя как народ¹⁶⁴, но упускал из вида заслугу всей истории Франции перед общим европейским образованием. Впрочем, твердого, невозвратного приговора, как в этом случае, так и во всех других, еще не было у Н<иколая> В<асильевича>¹⁶⁵: он пришел к нему позднее. Он тогда еще составлял его и потому довольно

часто оглядывался на свои мысли и проверял их на противоположных взглядах и на противоречии: он шел только к тому решительному приговору, который с такой силой раздался пять лет спустя в литературе нашей. Для подтверждения наших слов приведем один маловажный случай: кроме маловажных случаев, никаких других между нами и быть не могло, но именно потому, может быть, все случаи, касающиеся Гоголя, имели почти всегда значительную физиономию и сохранили в памяти моей точное выражение. Однажды за обедом, в присутствии А. А. Иванова, разговор наш нечаянно попал на предмет, всегда вызывавший споры: речь зашла именно о пустоте всех задач, поставляемых французами в жизни, искусстве и философии. Гоголь говорил резко, деспотически, отрывисто. Ради честности, необходимой даже в застольной беседе, я принужден был невольно указать на несколько фактов, значение и важность которых для цивилизации вообще признаваемы¹⁶⁶ всеми. Гоголь отвечал горячо и тем, вероятно, поднял тон моего возражения; однако ж спор тотчас же упал в одно время с обеих сторон, как только сделалась ощутительна в нем некоторая степень напряжения. Молча вышли мы из австрии, но после немногих задумчивых шагов Н<иколай> В<асильевич>¹⁶⁷ подбежал к первой лавочке лимонадчика, раскинутой на улице, каких много бывает в Риме, выбрал два апельсина и, возвратясь к нам, подал с серьезной миной один из них мне. Апельсин этот меня тронул: он делается, так сказать, формулой, посредством которой Гоголь выразил внутреннюю потребность некоторого рода уступки и примирения.

Вообще следует помнить, что в эту эпоху он был занят внутренней работой, которая началась для него со второго тома Мертвых Душ, тогда же им предпринятого, как я могу утверждать положительно¹⁶⁸. Значение этой работы никем еще не понималось вокруг него, и только впоследствии можно было разобрать, что для второго тома Мертвых Душ начинал он сводить к одному общему выражению как свою жизнь, образ мыслей, нравственное направление, так и самый взгляд на дух и свойство русского общества. Результаты этих изысканий и трудов над самим собой и над духовным бытом нашего общества публике известны, и мы покамест их не судим: мы только повторяем, что с подобными эпохами поворотов мысли и направления неизбежно связано колебание воли и суждения, как это и было здесь. Он осматривал и взвешивал явления, готовясь оторваться от одних и пристроиться к другим. Так, например, долго, с великим вниманием и с великим участием слушал он горячие повествования о России, заносимые в Рим приезжими, но ничего не говорил в ответ, оставляя последнее слово и решение для самого себя. Отсюда также и те длинные часы немого созерцания, какому предавался он в Риме. На даче кн<ягини> З. В<олконской>¹⁶⁹, упиравшейся в старый римский водопровод, который служил ей террасой, он ложился спиной на аркаду тогатых¹⁷⁰, как называл древних римлян, и по полусуткам смотрел в голубое небо, на мертвую и великолепную римскую Кампанию. Так точно было и в Тиволи¹⁷¹, в густой растительности, окружающей его *каскателли*¹⁷²; он садился где-нибудь в чаще, упирал зоркие, недвижные глаза в темную зелень, купами сбегавшую по скалам, и оставался недвижим целые часы, с воспаленными щеками. Раз после вечера, проведенного с одним знакомым живописца Овербека, рассказывавшим о попытках этого мастера воскресить простоту, ясность, скромное и набожное созерцание живописцев до-Рафаэлевой эпохи, мы возвращались домой, и я был удивлен, когда Н<иколай> В<асильевич>¹⁷³, внимательно и напряженно слушавший рассказ, заметил в раздумьи: «Подобная мысль могла только явиться в голове немецкого педанта»¹⁷⁴. Так еще никому, собственно, не принадлежал он, и выход из этого душевного состояния явился уже после отъезда моего из Рима. Я застал предуготовительный процесс: борьбу, нерешительность, томительную муку соображений. Письма от этой эпохи, собранные г. Кулишем, уже вполне показывают, куда стремилась его мысль, но письма эти, как магнитная стрелка, обращены к одной неизменной точке, а сам корабль прибегал ко многим уклонениям и обходам, прежде чем вышел на твердый и определенный путь.

Одна только сторона в Гоголе не потерпела ничего и оставалась во всей своей целостности — именно художническое его чувство. Гоголь не только без усталости любовался тогдашним Римом,

но и увлекал неудержимо всех к тому же поклонению чудесам его. Официальные католические праздники Пасхи, на которых, по стечению иностранцев, присутствует чуть ли не более насмешливых, чем верующих глаз, уже давно миновались. Значительная часть туристов разъехалась, и настоящий туземный Рим выступил один для новых духовных праздников, совпадающих с летними месяцами. Здесь, в виду итальянского народа, Гоголь не чуждался толпы. Он предупреждал меня о дне Вознесения¹⁷⁵, когда папа дает благословение полям Рима с высоты балкона Иоанна Латеранского, — и зрелище, на котором мы присутствовали в тот день, было не ниже наших ожиданий. Летнее солнце Италии осветило старые стены Рима, задернув голубой, прозрачной пеленой далекие албанские горы. Ближе к нам и в самую минуту благословения оно ударило нестерпимо ярко на белые головные платки коленопреклоненных женщин, на широкие соломенные шляпы мужчин, на разноцветные перья войска, тоже преклонившего колена, на красные мантии кардиналов — и произвело картину ослепительного блеска и вместе превосходной перспективы. Затем наступили торжества *Corpus Domini*¹⁷⁶. В семь часов вечера перед *Ave-Maria*, при самом начале вечерних прогулок наших, мы непременно встречали духовную процессию, импровизированный алтарь на углу улицы, аббата под балдахином с дарохранительницей, которою, после краткой молитвы, он благословлял падающий ниц народ. Вечернее солнце играло опять главную роль в картине, обливая пурпуром знамена, огромные полотна с фигурами святых, кресты разных величин, фонари, рясы нищенствующих монахов и загорелые лица итальянцев, пылавшие несколько мгновений неизобразимо ярким и теплым светом. О цветочных коврах Дженсано, раскладываемых по пути таких же процессий и составляющих подвижной рисунок с изображениями кардинальских гербов, арабесок, узоров из листьев и лепестков растений, Гоголь упоминает сам в статье о Риме¹⁷⁷. Николай Васильевич был неутомим в подметке различных особенностей этого народного творчества, которое окружало тогда духовные торжества¹⁷⁸, но могло существовать и помимо их. Так, очевидцы происшествий 1848–49 годов рассказывают об удивительных триумфальных арках, строимых в одну ночь неизвестными архитекторами, да и в мое время, как справедливо заметил Гоголь, любая лавочка лимонадчика на площади заслуживала изучения по рисунку украшений из зелени, винограда и лавра. Как велико было уважение Гоголя ко всякому проявлению самородной фантазии или даже сноровки, покажет следующий пример. В одной из кофейных он заметил, что стены и потолок ее покрыты сеткой из полосок бумаги, перегнутых надвое и приставленных к штукатурке. Узнав, что этим способом придумано сохранять заведения от порчи мух, гуляющих преимущественно по внешней стороне клеток, Гоголь долго рассматривал это хозяйственное изобретение и, наконец, воскликнул с чувством: «И этих-то людей называют маленьким народом!» Сметливость и остроумие в народе были для него признаками, свидетельствующими даже об историческом его призвании. Несколько раз повторял он мне, что нынешние римляне, без сомнения, гораздо выше суровых праотцев своих и что последние никогда не знали того неистощимого веселия, той добродушной любезности, какие отличают современных обитателей города. Он приводил в пример случай, им самим подсмотренный. Два молодых водоноса, поставив ушат на землю, принялись с глазу на глаз смешить друг друга уморительными анекдотами и остротами. «Я целый час подсматривал за ними из окна, — говорил Гоголь, — и конца не дождался. Смех не умолкал, прозвища, насмешки и рассказы так и летели, и ничего водевильного тут не было; только сердечное веселие, да потребность поделиться друг с другом обилием жизни». Н<иколай> В<асильевич> был¹⁷⁹ не прочь и от сильных, необузданных страстей, которые затемняют иногда сердце и ум этих любезных людей. Все естественное, самородное, уже по одному этому имело право на его уважение. Вот какой анекдот рассказывал он юмористически, но не без удовольствия. В его глазах один мальчишка пустил чем-то в другого, проходившего мимо, и, чувствуя, вероятно, важность ответственности за поступок, тотчас же шмыгнул в двери близлежащего дома, которые и припер за собою. Обиженный ребенок кинулся к дверям, старался выломать их и, видя невозможность одолеть преграду, стал вызывать оскорбите-

ля на личную расправу. Ответа никакого, разумеется, не последовало; ребенок истощался в бранных эпитетах, в самых ядовитых прозвищах и в ругательствах и не слышал ни малейшего отзыва. Тогда он лег у порога двери и зарыдал от ярости, но и слезы не утожили жажду мщения, которая кипела в этой детской груди. Он встал опять на ноги и принялся умолять своего врага хоть подойти к окну, чтоб дать посмотреть на себя, обещая ему за одно это прощение и дружбу... Но, оставляя в стороне анекдоты, скажем, что уважение Н<иколая> В<асильевича>¹⁸⁰ к проблескам цельной и свежей природы не ограничивалось одними людскими характеристиками: он и создания искусства ценил еще тогда по признакам силы, обнимающей сразу предмет, и чем менее заметно было в произведении искания, пробования и щупанья, тем более оно ему нравилось, но он простирали иногда определения свои до парадокса. Так, к великому соблазну А. А. Ив<ано>-ва, он объявил однажды, что известная пушкинская сцена из Фауста¹⁸¹ выше всего Фауста Гете, вместе взятого. Не должно думать, однако ж, чтоб наслаждение Римом и людьми его сделало самого Гоголя слабым и мягкосердечным; напротив, он обращался весьма строго с последними — и это *по принципу*. Притворная суровость его была тут противодействием римской сметливости, народного расположения к сарказму и природной беспечности итальянца. Он был взыскателен, и надо было видеть, как важно примеривал он новые башмаки, сшитые ему молодым парнем с блестящими черными глазами и лукавой улыбкой. Он его почти измучил осмотром и потом говорил мне, смеясь: «Иначе и нельзя с этим народом; чуть оплошай — заговорит тебя. Подсунет мерзость, поставит перед собой башмак, отступит шаг назад и начнет: “О, что за чудная *cosa*¹⁸²! о, какая дивная вещица! Никакой племянник папы не носил такого башмака. Посмотрите, синьор, какая форма каблука! Можно влюбиться до безумия в такую вещь”, и так далее». Придирчивость Гоголя была лицемерна уже и потому, что он никогда не сердился на те обыкновенные итальянские надувательства, которым, несмотря на всю свою строгость и сноровку, подвергался не раз. Так, вздумав сделать прогулку за город в обыкновенном нашем обществе, мы подрядили веттурина, дали ему задаток и назначили час отъезда. Но час прошел, а веттурина не являлся, употребив, вероятно, задаток на неотлагательные свои нужды и забыв о поручении. Все присутствующие оказывали ясные знаки нетерпения и громко выражали негодование свое, исключая Гоголя, который оставался совершенно равнодушен, а когда один из общества заметил, что подобной штуки никогда бы не могло случиться в Германии: там-де никто своего не даст и чужого не возьмет, — то Гоголь отвечал с досадой и презрением: «Да, но это только в картах хорошо!»

Еще одна черта. Мы, разумеется, весьма прилежно осматривали памятники, музеи, дворцы, картинные галереи, где Гоголь почти всегда погружался в немое созерцание, редко прерываемое отрывистым замечанием. Только уже по прошествии некоторого времени развязывался у него язык и можно было услышать его суждение о виденных предметах. Всего замечательнее, что скульптурные произведения древних тогда еще производили на него сильное впечатление. Он говорил про них: «То была религия, иначе нельзя бы и проникнуться таким чувством красоты».

Может статься, всего тяжелее было для позднейшего Гоголя победить врожденное благоволение к высокой, непогрешительной, идеальной пластической форме, какое высказывалось у него в мое время поминутно. Он часто забегал в мастерскую известного Тенерани любоваться его «Флорой», приводимой тогда к окончанию, и с восторгом говорил о чудных линиях, которые представляет она со всех сторон и особенно сзади. «Тайна красоты линий, — прибавлял он, — потеряна теперь во Франции, Англии, Германии и сохраняется только в Италии». Так точно и знаменитый римский живописец Камуччини, воспитанный на классических преданиях, находил в нем усердного почитателя за чистоту своего вкуса, грацию и теплоту, разлитые в его картинах, похожих на оживленные барельефы. Никогда не забывал Гоголь, при разговоре о римских женщинах или даже при встрече с замечательной женской фигурой, каких много в этой стране, сказать: «А если бы посмотреть на нее в одном только одеянии целомудрия, так

скажешь: женщина эта с неба сошла». Не нужно, полагаю, толковать, что поводом ко всем словам такого рода было одно артистическое чувство его: жизнь вел он всегда целомудренную, близкую даже к суровости и, если исключить маленькие гастрономические прихоти, более исполненную лишений, чем довольства. Так еще полно и невинно сохранял он в себе художнический элемент, который особенно разыгрывался, когда духота, потребность воздуха и гулянья заставляли прекращать переписку Мертвых Душ и выгоняли нас за город, в окрестности Рима.

Первая наша поездка за город в Альбано возникла, однако ж, по особенному поводу, который заслуживает упоминования. Один молодой русский архитектор (фамилия его совершенно вышла у меня из памяти¹⁸³) имел несчастье, занимаясь проектом реставрации известной загородной дачи Адриана, простудиться в Тиволи и получить злокачественную лихорадку. Благодаря искусству римских докторов через две недели он лежал без всякой надежды, приговоренный к смерти. Во все время его тяжкой болезни Гоголь с участием справлялся о нем у товарища его по академии и квартире в Риме, скульптора Лугановского¹⁸⁴ (теперь тоже покойного), но сам не заходил к умирающему, боясь, может быть, прилипчивости недуга, а может быть, опасаясь слишком сильного удара для своих расстроенных нервов. Бедный молодой человек кончался: я был при последних минутах его и видел, как после одной ложечки прохладительного питья, которое беспрестанно подавала ему, по здешнему обычаю, женщина, сидевшая у его изголовья, он вдруг бодро, необычайно зорко окинул большими глазами комнату и людей, в ней находившихся, но это было последнее усилие молодости; он тотчас же ослабел и вскоре угас. Мы все собирались отдать бедному нашему соотечественнику последний долг, но Гоголь, вероятно по тем же причинам, о каких было упомянуто, боялся печальной церемонии и хотел освободиться от нее. За день до похорон, утром, после чашки кофе, я поднялся по мраморной лестнице Piazza d'Espagna и увидел Гоголя, который задумчиво приближался к ней сверху. Едва только заметили мы друг друга, как Гоголь, ускорив шаги и раздвинув руки, спустился ко мне на площадку и начал с видом и выражением совершеннейшего отчаяния: «Спасите меня, ради Бога: я не знаю, что со мною делается... Я умираю... я едва не умер от нервного удара нынче ночью... Увезите меня куда-нибудь, да поскорее, чтоб не было поздно...» Я был поражен неожиданностью известия и отвечал ему: «Да хоть сию же минуту, Николай Васильевич, если хотите. Я схожу за веттурином, а куда ехать, назначайте сами». Через несколько часов мы очутились в Альбано, и, надо заметить, что как дорогой, так и в самом городке Гоголь казался совершенно покоен и ни разу не возвращался к пороению отчаянных своих слов, точно никогда не были они и произнесены.

С горы Альбано, как известно, открывается изумительный вид на Рим и всю его Кампанию, которому, может быть, только вредит самая его обширность и полнота. Далекое, безмолвное поле, усеянное руинами, по которому, кажется, ходит одно только солнце, меняя ежечасно краски и цвета его в виду недвижимой черты города и синего купола Петра! Особенно вечером, при закате, когда длиннее и гуще ложатся на землю тени гробниц и водопроводов, картина эта приобретала строгое художественное величие, почти всегда производившее на Гоголя непостижимое действие: на него ниспадал род нравственного столбняка, который он сам изобразил в статье Рим этими чудными чертами: «Долго, полный невыразимого восхищения, стоял он перед таким видом, и потом уже стоял так, просто, не восхищаясь, позабыв все, когда и солнце уже скрывалось, потухал быстро горизонт и еще быстрее потухали вмиг померкнувшие поля, везде устанавливал свой темный образ вечер»¹⁸⁵ и проч. (стран. 395, том III, изд. 1855). После утренней работы, еще до обеда, Гоголь приходил прямо к превосходной террасе виллы Барберини, господствующей над всею окрестностью, куда являлся и я, покончив с осмотрами города и окрестностей. Н<иколай> В<асильевич> садился¹⁸⁶ на мраморную скамейку террасы, вынимал из кармана книжку, читал и смотрел, отвечая и делая вопросы быстро и односложно. Надо сказать, что Гоголь перечитывал в то время Историю Малороссии, кажется г. Каменского¹⁸⁷, и вот по какому поводу. Он писал драму из казацкого запорожского быта, которую потом бросил равнодушно в огонь¹⁸⁸, недовольный малым действием ее на Жуковского¹⁸⁹: история Малороссии

служила ему пособием. О существовании драмы я узнал случайно. Между бумагами, которые Н<иколай> В<асильевич>¹⁹⁰ тщательно подкладывал под мою тетрадку, когда приготавлился диктовать, попался нечаянно оторванный лоскуток, мелко-намелко писанный его рукою. Я наклонился к бумажке и прочел вслух первую фразу какого-то старого казака (имени не припомню), попавшую мне на глаза и мною удержанную в памяти: «И зачем это Господь Бог создал баб на свете, разве только, чтоб казаков рожала баба...» Гоголь сердито бросился ко мне с восклицанием: «Это что?» — вырвал у меня бумажку из рук и сунул ее в письменное бюро; затем мы спокойно принялись за дело. Возвращаюсь к террасе Барберини. Более занятый своею мыслью, чем чтением, Гоголь часто опускал книжку на колена¹⁹¹ и устремлял прямо перед собой недвижимый, острый взгляд, который был ему свойственен. Вообще все окружающие Гоголя чрезвычайно берегли его уединение и пароксизмы раздумья, находившие на него, как бы предчувствуя за ними ту тяжелую, многосложную внутреннюю работу, о которой мы говорили. Иногда уходили мы с ним, и обыкновенно в самый полдень, под непроницаемую тень той знаменитой аллеи, которая ведет из Альбано в Кастель-Гандольфо (загородный дворец папы), известна Европе под именем альбанской *галереи* и утрудила на себе, неисчерпанная вполне, изображение и кисти столяких живописцев и столяких поэтов. Под этими массами зелени итальянского дуба, платана, пины и проч. Н<иколай> В<асильевич>, случалось¹⁹², воодушевлялся как живописец (она, как известно, сам порядочно рисовал). Раз он сказал мне: «Если бы я был художник, я бы избрал особенного рода пейзаж. Какие деревья и лан<д>шафты теперь пишут! Все ясно, разобрано, прочтено мастером, а зритель по складам за ним идет. Я бы сцепил дерево с деревом, перепутал ветви, выбросил свет, где никто не ожидает его, вот какие пейзажи надо писать!» — и он сопровождал слова свои энергическими, непередаваемыми жестами¹⁹³. Не надо забывать, что вместе с полной внутренней жизни и творчества Н<иколай> В<асильевич> обнаруживал¹⁹⁴ в это время и признаки самонадеянности, которая высказывалась иногда в быстром замечании, иногда в гордом мимолетном слове, выдававшем тайну его мысли. Он еще тогда вполне сберегал уверенность к себе, наслаждался чувством своей силы и полагал высокие надежды на себя и на деятельность свою. О скромности и христианском смирении еще и помину не было. Так, при самом начале моего пребывания в Риме, разгуливая с ним по отдаленным улицам его, мы коснулись неожиданно Пушкина и недавней его смерти. Я заметил, что кончина поэта сопровождалась явлением, в высшей степени отрадным и поучительным: она разбудила хладнокровный, деловой Петербург и потрясла его... Гоголь отвечал тотчас же каким-то горделивым, пророческим тоном, поразившим меня: «Что мудреного? человека всегда можно потрясти... То ли еще будет с ним... увидите». В самом Альбано, на одной из вечерних прогулок, кто-то сказал, что около шести часов вечера передние всех провинциальных домов в России наполняются угаром от самовара, который кипит на крыльце, и что само крыльцо представляет оживленную картину: подбежит девочка или мальчик, прильнет к трубе, осветится пламенем раздуваемых углей и скроется. Гоголь остановился на ходу, точно кто-нибудь придержал его: «Боже мой, да как же я это пропустил, — сказал он с наивным недоумением, — а вот пропустил же, пропустил, пропустил», — говорил он, шагая вперед и как будто попрекая себя. В том же Альбано, где мы теперь находимся, вырвалось у Гоголя восклицание, запавшее мне в душу. Два обычные спутники наши, А. А. И<ванов> и Ф. И. И<ордан>¹⁹⁵, прибыли в Альбано, похоронив бедного своего товарища. За обедом Ф. И. И<ордан>, сообщая несколько семейных подробностей о покойнике, заметил: «Вот он вместо невесты обручился с римской Кампанией». — «Отчего с Кампанией?» — сказал Гоголь. «Да неимущих иноверцев хоронят иногда здесь просто в поле». — «Ну, — воскликнул Гоголь, — значит, надо приезжать в Рим для таких похорон». Но он не в Риме умер и новая цепь идей под конец жизни заслонила перед ним и образ самого города, столь любимого им некогда.

Я еще ни слова не сказал о существенном качестве Гоголя, сильно развитом в его природе и которого он тогда еще не старался подавить в себе насильственно, — о юморе его. Юмор зани-

мал в жизни Н<иколая> В<асильевича>¹⁹⁶ столь же важное место, как и в его созданиях: он служил ему поправкой мысли, сдерживал ее порывы и сообщал ей настоящий признак истины — меру; юмор ставил его на ту высоту, с которой можно быть судьей собственных представлений, и наконец он представлял всегда готовую поверку предметов, к которым начинали склоняться выбор и предпочтению Н<иколая> В<асильевича>¹⁹⁷. Распростившись с юмором, или, лучше, стараясь искусственно обуздать его, Гоголь осуждал на бездействие одного из самых бдительных стражей своей нравственной природы. В то время, которое мы описываем, Н<иколай> В<асильевич>¹⁹⁸ сохранял еще юмор в полной свежести, несмотря на возникающую потребность идеализации окружающего и приближающийся перелом в его жизни. Так, мы знаем, что он смотрел на господствующее сословие в папском Риме, как на собрание ограниченных, малосведущих людей, склонных к материальным удовольствиям, но добродушных и мягкосердечных по натуре: лицо каждого аббата представлялось ему с житейской, вседневной стороны его, и он не заботился об официальной его деятельности, где то же простодушное лицо, лакомка и болтун, вырастает в меру своих обширных прав и власти, ему данной. Так же точно мы знаем, по статье «Рим», что Гоголь нашел место в картине и для рыжего капуцина¹⁹⁹, значение которого, помню, с жаром объяснял В. А. П<ано>ву²⁰⁰, ссылаясь на эффект, производимый нищенствующим братом, когда он вдруг появляется в среде пестрых итальянских женщин или удалой римской молодежи²⁰¹. Нельзя забыть также, что даже тяжелая красная карета кардинала с пудренными лакеями назади устаивалась в его разговорах ласкового и пояснительного слова. Все это представление предметов было бы очень далеко от истины и настоящего их достоинства, если бы не поправлялось его юмором, выводящим наружу именно ту резкую родовую черту предмета, по которой он правильнее судится, чем по соображениям и описаниям пристрастного мыслителя. Когда юмор, стесненный в своей естественной деятельности, замолк окончательно, что действительно случилось с Н<иколаем> В<асильевичем>²⁰² в последний период его развития, — критическое противодействие личному настроению ослабело само собой, и Гоголь был увлечен неукротимо и беспомощно своей мыслью... Множество проявлений этого юмора заключено в самой статье о Риме; присутствие его чувствовалось тогда почти в каждом разговоре Гоголя, но собрать проблески этой способности теперь нет никакой возможности. Большая часть их изгладилась из моей памяти, оставив только общее представление о своем характере. Случалось иногда, что это был осколок целого драматического представления, как, например, рассказ Гоголя о знакомстве с кардиналом Мец<ц>офанти²⁰³. Он очень любил этого кардинала-полиглота, маленького, сухощавого и живого старичка, который при первой встрече с Гоголем заговорил по-русски. Гоголь объяснял способ его выпутываться из филологических затруднений, так сказать, наглядно. Кардинал, обдумав фразу, держался за нее очень долго, выворачивая ее во все стороны, не делая шагу вперед, пока не являлась новая придуманная фраза, и при живости старика это имело комическую сторону, передаваемую Гоголем весьма живописно. Он наклонялся немного вперед и, подражая голосу и движениям президента «Пропаганды», начинал вертеть шляпу в руках и говорить итальянской скороговоркой: «Что это у вас какая²⁰⁴ прекрасная шляпа, прекрасная, круглая шляпа, также и белая, и весьма удобная — это точно прекрасная, белая, круглая, удобная шляпа» и проч. Впрочем, Гоголь отдавал справедливость удивительной способности кардинала схватывать отношения частей речи друг к другу в чуждом диалекте, а степень настоящего познания нашего языка у Мец<ц>офанти может показать следующая стихотворная записка его, буквально списанная мною с оригинала:

Любя Российских Муз, я голос их внимаю
И некие слова их часто повторяю.
Как дальний Отзв, я не ясно говорю:
Кто ж может мне сказать, что я стихи творю.
И. Меццофанти²⁰⁵.

Возвращаемся к городской нашей жизни. В Риме не было тогда постоянного театра, но какая-то заезжая труппа давала пьесы Гольдони, Нотте²⁰⁶ и переделки из французских водевилей. Спектакль начинался обыкновенно в десять часов вечера и кончался за полночь. Мы довольно часто посещали его, ради первой его любовницы, красавицы в полном смысле слова, очень хорошего *jeune premier*²⁰⁷, а более ради старика Гольдони, который, по весьма спокойному, правильному развитию сложных завязок в своих комедиях, составлял противоположность с путаницей и небывальщиной французского водевиля. Гоголь весьма высоко ценил итальянского писателя. Ночь до спектакля проводили мы в прогулках по улицам Рима, освещенным кофейнями, лавочками и разноцветными фонарями тех сквозных балаганчиков с плодами и прохладительными напитками, которые, наподобие небольших зеленых храмиков, растут в Риме по углам улиц и у фонтанов его. В тихую летнюю ночь Рим не ложится спать вовсе, и как бы поздно ни возвращались мы домой, всегда могли иметь надежду встретить толпу молодых людей без курток или с куртками, брошенными на одно плечо, идущих целой стеной и вполголоса распеваящих мелодический туземный мотив. Бряцание гитары и музыкальный строй голосов особенно хороши бывали при ярком блеске луны: чудная песня как будто скользила тогда тонкой серебряной струей по воздуху, далеко расходясь в пространстве. Случалось, однако же, что удушливый *сирок<к>о*²⁰⁸, перелетев из Африки через Средиземное море, наполнял город палящей, раскаленной атмосферой: тогда и ночи были знойны по-своему: жало удушливого ветра чувствовалось в груди и на теле. В такое время Н<иколай> В<асильевич> видимо²⁰⁹ страдал: кожа его делалась суха, на щеках выступал яркий румянец. Он начинал искать по вечерам прохлады на перекрестках улиц; опершись на палку, он закидывал голову назад и долго стоял так, обращенный лицом кверху, словно перехватывая каждый свежий ток, который может случайно пробежать в атмосфере. Наскучив прогулками и театрами, мы проводили иногда остаток вечера у себя дома за бостоном. Надо сказать, что ни я, ни хозяин, ни А. А. Иванов, участвовавший в этих партиях, понятия не имели не только о сущности игры, но даже и о начальных ее правилах. Н<иколай> В<асильевич> изобрел²¹⁰ по этому случаю своего рода законы, которые и прикладывал поминутно, мало заботясь о противоречиях и происходившей оттого путанице: он даже весьма аккуратно записывал на особенной бумажке результаты игры, неизвестно для чего, потому что с новой игрой всегда оказывалась необходимость изменить прежние законы и считать недействительными все старые приобретения и потери. Лучше всего была обстановка игры: Гоголь зажигал итальянскую свою лампу об одном рожке, не дававшую света даже столько, сколько дает порядочный ночник, но имевшую достоинства напоминать, что при таких точно лампах работали и веселились древние консулы, сенаторы и проч. Затем Н<иколай> В<асильевич> принимал²¹¹ в свое распоряжение фляжку *орвиетто*²¹², захваченную кем-нибудь на дороге, и мастерским образом сливал из нее верхний пласт оливкового масла, заменявший, тоже по древнему обычаю, пробку и укупорку. Вообще у Гоголя была некоторая страсть к рукодельям: с приближением лета он начинал выкраивать для себя шейные платки из кисеи и батиста, подпускать жилеты на несколько линий ниже и проч., и занимался этим делом весьма серьезно. Я заставал его перед столом с ножницами и другими портняжными матерьялами, в сильной задумчивости. Одно обстоятельство только тревожило меня, возбуждая при этом сильное беспокойное чувство, которое выразить я, однако же, не смел перед Гоголем, а именно: тогдашняя его причуда проводить иногда добрую часть ночи, дремля на диване и не ложась в постель. Поводом к такому образу жизни могла быть, во-первых, опасная болезнь, недавно им выдержанная и сильно напугавшая его, а во-вторых, боязнь обморока и замирания, которым он, как говорят, действительно был подвержен. Как бы то ни было, но открыть секрет Гоголя, даже из благодушного желания пособить ему, значило нанести глубочайшую рану его сердцу. Таким образом, Н<иколай> В<асильевич> довольно часто²¹³, а к концу все чаще и чаще приходил в мою комнату, садился на узенький плетеный диван из соломы, опускал голову на руку и дремал долго после того, как я уже был в постеле и тушил свечу. Затем переходил он к себе

на цыпочках и так же точно усаживался на своем собственном соломенном диванчике вплоть до света, а со светом взбивал и разметывал свою постель для того, чтоб общая наша служанка, прибиравшая комнаты, не могла иметь подозрения о капризе жильца своего, в чем, однако же, успел весьма мало, как и следовало ожидать. Обстоятельство это, между прочим, хорошо поясняет то место в любопытной записке Ф. В. Чижова о Гоголе 1843 года, где автор касается апатических вечеров Н. М. Языкова, на которых все присутствующие находились в состоянии полудремоты и после часа молчания или редких отрывистых замечаний расходились, приглашаемые иногда ироническим замечанием Гоголя: «Не пора ли нам, господа, окончить нашу шумную беседу» (Записки о жизни Гоголя, том I²¹⁴, стр. 330)²¹⁵. Вечера эти могли быть для Н<иколая> В<асильевича>²¹⁶ началом самой ночи, точно так же проводимой, только без друзей и разговоров. Конечно, тут еще нельзя искать обыкновенных приемов аскетического настроя, развившегося впоследствии у Гоголя до необычайной степени, но путь для них был уже намечен. Впрочем, все умерялось еще тогда наслаждениями художнической, созерцательной жизни, и самая бессонница, вызванная мнительностью, имела подчас поэтическую обстановку. Так, однажды во Фраскати мы долго разговаривали, сидя на окне локанды, глядя в темное голубое небо и прислушиваясь к шуму фонтана, который журчал на дворе. Беседа шла преимущественно об отечестве; Гоголь по временам вдыхал в себя ароматический запах итальянской ночи и при воспоминании о некоторых явлениях нашего быта приговаривал задумчиво: «А может быть, все так и нужно покамест». Вообще мысль о России была в то время, вместе с мыслью о Риме, живейшей частью его существования. Он вполне был прав, утверждая впоследствии, что никогда так много не думал об отечестве, как вдали от него, и никогда не был так связан с ним, как живя на чужой почве: чувство, испытываемое многими людьми с гораздо меньшими способностями и меньшим призванием, чем Гоголь. Между тем краткая свежесть ночи, тишина ее и однообразный плеск фонтана погрузили меня в дремоту: я заснул на окне в то самое время, как мне казалось, что все еще слышу говор фонтана и различаю шопот собеседника... Вероятно, Гоголь также продремал всю ночь на окне, потому что он разбудил меня поутру точно в том виде и костюме, как был накануне.

Между тем со мной случилось довольно неприятное происшествие. Выкупавшись в Тибре, я захватил сильную простуду, которая разрешилась опухолью горла, или жабой, по простонародному названию. Доктор никак не мог овладеть болезнью и, не зная, что делать, потребовал кровопускания. Я сопротивлялся этому общему итальянскому средству; но раз почтенный доктор вошел ко мне в сопровождении хозяина нашей квартиры, его домашних и фельдшера. По первым словам я убедился, что они решились на насилие, и покорно отдал себя в их распоряжение. Фельдшер быстро перевязал мне руку и с видом какого-то свирепого наслаждения приступил к делу. Всего забавнее, что сам доктор не мог удержаться от восторга при виде крови и закричал: *bel sangue!* *Ессо-ло* (вот она, кровь-то). Затем, почти прыгая около меня, он подтверждал фельдшеру не жалеть моей крови и просил о том же всех присутствующих, на лицах которых было написано душевное удовольствие. Комическая сцена, поразившая меня своей странностью и неожиданностью!

При первых признаках упорного недуга, сопротивляющегося медицинским средствам, Н. В. Гоголь²¹⁷ уехал²¹⁸ за город, написав оттуда хозяину нашей квартиры маленькую записку, в которой просил его заняться больным — *nostro povero ammalato*²¹⁹, как выразился. Кажется, вид страдания был невыносим для него, как и вид смерти. Картина немощи если не погружала его в горькое лирическое настроение, как это случилось у постели больного графа Иосифа Виельгорского²²⁰ в 1839 году, то уже гнала его прочь от себя: он не мог вытерпеть природного безобразия всяких физических страданий. Что касается до созерцания смерти, известно, как подействовал на весь организм его гроб г-жи Хомяковой, за которым он сам последовал вскоре в могилу²²¹. Вообще при сердце, способном на глубокое сочувствие, Гоголь лишен был дара и умения прикасаться собственными руками к ранам ближнего. Ему недоставало для этого той

особенной твердости характера, которая не всегда встречается и у самых энергических людей. Беду и заботу человека он переводил на разумный язык доброго посредника и помогал ближнему советом, заступничеством, связями, но никогда не переживал с ним горечи страдания, никогда не был с ним в живом, так сказать, натуральном общении. Он мог отдать страждущему свою мысль, свою молитву, пламенное желание своего сердца, но самого себя ни в каком случае не отдавал. Нельзя и требовать от природы человека, чего в ней не заключается (довольно, что натура была благородная и любящая по-своему), но замечание это показалось нам совершенно необходимым в виду тех безразличных, ничего не выражающих фраз об «ангельской» душе²²², «необычайном» сердце²²³ и проч., которые расточаются биографами Гоголя в попытках изображения его характера и характера его нисколько не определяют.

Я скоро выздоровел, а между тем время отъезда моего из Рима приближалось. До того мы успели сделать целым обществом прогулку в Сабинских горах, побывать в Олевано и Субиако, где нашли толпу русских художников, изучающих все эти превосходные и оригинальные местности. Гоголь нам не сопутствовал, он оставался в Риме¹, и потом весьма пенял на леность, помешавшую ему присоединиться к странническому каравану. Особенно сожалел он, что лишился удобного случая видеть те бедные римские общины, которые еще в средние века поселились на вершинах недоступных гор, одолеваемых с трудом, по каменистой тропинке, привычным итальянским ослом. Другого способа езды здесь нет. Многие живут там и доселе, связываясь с государством только посредством сборщика податей и местного аббата, их всеобщего духовника, сходя в долину для посева и сбора маиса и кукурузы, обмена своих овощей, а иногда, при благоприятных политических обстоятельствах, для разбоя и грабежа на дорогах. Как совершеннейшее проявление той естественной, непосредственной жизни, которую так высоко ценил Н<иколай> В<асильевич>²²⁴, они действительно заслуживали внимания его, особенно если вспомнить истинно живописные стороны, какими они, надо сказать правду, обладают в изобилии. Живописность и всякий проблеск самородной выдумки, как бы малозначительна ни была она, находили в Гоголе почти всегда лучшего и благорасположеннейшего ценителя. Помню, что в одно из наших путешествий по дорогам между Тиволи, Фраскати и Альбано мы наехали на узкую лощину, закраины которой так густо поросли кустами живой изгороди, что составили над тропинкой род зеленого, непроницаемого свода. Гоголь был в восхищении и сказал: «Вот какими дорогами надо бы обзавестись Европе»; но Европа обзавелась дорогами совсем в другом вкусе.

За день до моего отъезда из Рима мы перебрались в Альбано²²⁵, где решили ожидать прибытия почтовой кареты г-на Перети, в которой я взял место до Неаполя. На другой день после прощального дружеского обеда в обыкновенной нашей локанде Гоголь проводил меня до дилижанса и на расставаньи сказал мне с неподдельным участием и лаской: «Прощайте, Жюль. Помните мои слова. До Неаполя вы сыщете легко дорогу; но надо отыскать дорогу поважнее, чтоб в жизни была дорога; их множество, и стоит только выбрать...». Мы расстались. Я ехал на Неаполь с тем, чтоб осень провести в Верхней Италии, а на зиму переселиться в Париж.

В октябре 1841²²⁶ года в Париже получено было известие, что Н. В. Гоголь²²⁷ уехал в Россию для печатания первого тома «Мертвых душ».

¹ Известный наш художник Ф. А. Моллер, окончивший свою «Русалку», писал в это же время портрет Гоголя. По возвращении моем из Субиако я раз застал в его мастерской Н<иколая> В<асильевича> за сеансом. Вероятно, сеансы эти и были причиной, помешавшей Гоголю принять участие в нашей прогулке. Показывая мне свой портрет, Н<иколай> В<асильевич> заметил: «Писать с меня весьма трудно: у меня по дням бывают различные лица, да иногда и на одном дне несколько совершенно различных выражений», что подтвердил и Ф. А. Моллер. Портрет известен: это мастерская вещь, но саркастическая улыбка, кажется нам, взята Гоголем только для сеанса. Она искусственна и никогда не составляла главной принадлежности его лица. — *Примеч. П. В. Анненкова. В изд. 1877 г. дважды встречающиеся в настоящем примечании инициалы: Н. В. — заменены фамилией: Гоголя; Гоголь.*

Несколько подробностей, касающихся до истории появления этого тома в печати, мы намерены привести здесь же²²⁸, прерывая на время нить воспоминаний наших. С. Т. Аксаков в преходной записке своей о Гоголе, сообщенной г. Кулишом и, к сожалению, разделенной им на отрывки, в которых отчасти теряется общий характер повествования (см. Записки о жизни Гоголя. Спб. 1856), относит к концу 1840 года замечательную перемену тона в письмах Н<иколая> В<асильевича>²²⁹, получивших оттенок торжественности и мистического одушевления. С. Т. Аксаков объясняет это обстоятельство, во-первых, болезнью Гоголя в Вене, осеню того же года, открывшей душе Н<иколая> В<асильевича>²³⁰, по собственному его признанию, многое, что изменило все существование его, а во-вторых, причину перемены полагает в великом значении, какую возымели Мертвые Души для их автора, увидавшего, как под рукой его «незначащий сюжет вырастает в колоссальное создание, наполненное болезненными явлениями нашей общественной жизни»²³¹. Последняя догадка особенно справедлива. С приближением к концу своего заветного труда Н. В. Гоголь²³² начинает уже смотреть на себя как на человека, в жизни которого слышатся шаги неведомого, таинственного предопределения. Взгляд этот на самого себя все более и более укрепляется по мере развития работы и, наконец, переходит в убеждение, которое нераздельно сростается со всем его существованием. При поверке его писем всеми известными обстоятельствами его жизни, мы видим, как по мере окончания какой-либо части романа, свежих, живых отпрысков, данных им, или обогащения его каким-либо новым представлением, Гоголь проникается каждым из этих явлений, настраивает душу на высокий лад и возвещает друзьям события торжественными, пророческими намеками, приводившими их в такое недоумение сначала. Он смотрит на самого себя при таких случаях со стороны (объективно) и говорит о себе прямо с благоговением, какое следует питать ко всякому, хотя бы и непонятному, орудью предопределения. Его вдохновенные, лирические возгласы, частое провозвестие близкого и великого будущего до того совпадают с годами и эпохами окончания разных частей романа, с намерениями автора в отношении их, что могут служить несомненными свидетельствами хода его работ и предприятий. Тон писем Гоголя изменяется, как замечено, к концу 1840, именно к тому времени, когда Мертвые Души (первая часть) были готовы вчерне. В следующем за тем году наступает окончательная отделка и переписка глав, и мы видим, что в марте 1841 года Н<иколай> В<асильевич> зовет²³³ к себе в Рим М. С. Щепкина, Кон<стантина> Сер<геевича> Аксакова и потом М. П. Погодина, возлагая на них обязанность перевезти себя в Россию. В письме его встречаются следующие строки: «Меня теперь нужно беречь и лелеять... Меня теперь нужно лелеять не для меня — нет... Они сделают не бесполезное дело. Они привезут с собой глиняную вазу. Конечно, эта ваза теперь вся в трещинах, довольно стара, еле держится; но в этой вазе заключено теперь сокровище. Стало быть, ее нужно беречь»²³⁴. Когда, в августе того же года, переписка романа была совсем приведена к окончанию (т. е. две недели спустя после моего отъезда из Рима²³⁵), Гоголь отправляет к одному из своих лицейских товарищей, А. С. Данилевскому, письмо с советами касательно лучшего устройства его жизни, и вместе с тем из-под пера его выливаются эти вдохновенные черты: «Но слушай! теперь ты должен слушать моего слова, ибо вдвойне властно над тобою мое слово, и горе кому бы то ни было, не слушающему моего слова!.. О, верь словам моим! Властью высшею облечено отныне мое слово... Все может разочаровать, обмануть, изменить тебе, но не изменит мое слово... Прощай! Шлю тебе братский поцелуй мой и молю Бога, да снидет²³⁶ на тебя хоть часть той свежести, которую объемлется ныне душа моя, восторжествовавшая над болезнями хворого моего тела» и проч. (Зап<иски> о жизни Гоголя, т. I, стр. 273 и 285)²³⁷. Так возвещал он друзьям своим степени различного состояния своей рукописи, и, конечно, если тут есть часть простого авторского самолюбия, то уже в мере, которая пропадает незаметно в другом, сильнейшем настроении. После 1843 года, при работе за вторую часть Мертвых Душ, настроение это приобретает еще большее развитие, и тогда намеки, свидетельствующие о положении дела, о видах, какие имел автор на свое создание, о пути, который принял его творчество, становятся

еще более торжественными и проникаются еще более свойствами мистического, восторженно-го созерцания. Они делаются вместе с тем чаще, постоянное до тех пор, пока собрание их в одну книгу и издание в 1847 г. под именем «Выбранные места из переписки с друзьями», возмущают²³⁸, по нашему мнению, совершенное окончание второй части Мертвых Душ и скорое ее появление в свет²³⁹. Мы еще будем говорить об этой *решительной* эпохе в жизни Гоголя, которая значительно отличается от начальной или *предуготовительной*, в которой находимся, но теперь же скажем, что отыскать соответствие между подробностями тогдашней его переписки и состоянием второй части Мертвых Душ есть дело, конечно, трудное, но не невозможное для будущего биографа его.

И довольно замечательно, что даже простого сомнения в себе, не только христианского смирения, о котором так много толковали по поводу Гоголя, нет и признаков в его переписке вплоть до 1847 г., то есть до страшного переворота в его жизни, последовавшего за неуспехом выданной им книги. Правда, он учит всех наблюдать за собой, радоваться ударам, наносимым самолюбью, но всякий такой удар отражает от себя тотчас же и весьма решительно. Все его требования упреков, выговоров, просьбы о сообщении бранчивых критик, похвалы несправедливым заключениям литературных врагов его тоже не показывают никакого смирения. Он уже стоял выше этого, играл с безвредным жалом порицателей, даже хвалил их, как хвалит учитель фехтованья мальчика, нанесшего ему знакомый и предвиденный удар, но когда удар действительно был искусно рассчитан и поражал его, он подымался, как гроза, и с великою энергиею возвращал его противнику. Но в письмах Гоголя, скажут нам, есть, между прочим, ясные признаки упадка сил, есть искренние жалобы на творческую немощь, наконец есть нелицемерная покорность Провидению, надежда на Него и беспощадная оценка самого себя. — Действительно есть, и все это уже симптомы самого труда, самого процесса работы, столько же, сколько и известного нравственного состояния. Всякий раз, как они появляются, можно подразумевать, как нам кажется, что Гоголь еще занят развитием идеи или представления, что он одолевает творческим образом характер или происшествие, что, наконец, он еще носится в открытом море создания, колеблемый всеми соображениями писателя и без берега в виду. Эти эпохи есть вместе с тем и эпохи самых сильных физических его страданий...

Грозные, карающие письма Гоголя к друзьям и даже к семейству, которые так удивили многих, поясняются тоже состоянием его мысли в эту эпоху. Такими письмами он намекал на сокровища, которые в ней таятся, и, по нашему мнению, они пишутся всякий раз, как труженику, более и более переходившему к мистическому представлению своего призвания, кажется, что он открыл новую сторону в литературной задаче своей и стоит на высшей степени ее понимания. С вершины добытой художнической или мистической истины, что уже делалось для него все равно, он свободно бросает перуны вниз, к людям, еще не просвещенным тою благодатью, присутствие которой он сильно чувствует в себе. Под обаянием исключительной идеи Н<иколай> В<асильевич> начинает²⁴⁰ придавать, особенно с 1843 года, глубокое значение всякому обстоятельству, касающемуся лично до него или до друзей; таинственные, многозначающие признаки плодятся вокруг него; каждый простой случай жизни оживает, олицетворяется, получает вещное слово и пропадает, уступая место другому... Помню одно письмо Гоголя к поэту Н. М. Языкову, кажется пропущенное г. Кулишом, в котором он излагает мистическое значение грёфенберговского способа лечения холодной водой²⁴¹. Он обращает внимание друга на поучительную историю воды, как всеобщего медицинского средства, от начала веков предложенного человеку самим Промыслом. Отвергнутое заумничавшимся человеком, оно вновь открыто, но не академиями, не профессорами и современной наукой, а простым и бедным крестьянином австрийской деревушки! Но когда Гоголь сам попробовал ванны и души Грёфенберга, которые отчасти расстроили его слабые нервы, Н<иколай> В<асильевич> забывает²⁴² все свои прежние толкования и в другом письме к Н. М. Языкову откровенно проклинает²⁴³ Грёфенберг и его знаменитого доктора²⁴⁴. Ошибки не исправляют страстные увлечения: все, что каким-либо обра-

зом соприкасается с задачей его жизни, с созданием романа, является в необычайных размерах... Так, поручения его списывать статьи журналов и пересылать ему вместе с заметками о нравах и обычаях с ходячими толками и суждениями о нем самом, являются в свете его вдохновенных пояснений не просто материалами для питания и укрепления его литературной деятельности, а почти делом, приближающим великое будущее, и спасением для тех людей, которые займутся им. Есть несколько писем Н<иколая> В<асильевича> к г-же С<мирновой>²⁴⁵ в Калугу, где поручения этого рода представлены в виде нравственного подвига²⁴⁶, следствия которого могут быть гораздо важнее для того, кто принял его на себя, чем для того, кто прямо ими воспользуется. Иногда даже малейшие обстоятельства, каким-либо образом ускоряющие движение романа, облакаются тем же таинственным светом, в котором очертания всех предметов ложатся громадными, колоссальными линиями. Один сильный пример этого перевода очень обыкновенных потребностей жизни на высокий язык прозрений, предчувствий и мистических толкований мы берем из переписки покойного Н. Я. Прокоповича с Гоголем. Он относится к 1842, к эпохе печатания *Мертвых Душ* в Москве, и таким образом сам собою приводит нас к предмету нашего описания¹.

Читатель должен вспомнить прежде всего, что в октябре 1841 года²⁴⁸ Гоголь жил в Москве, представив там и рукопись свою на ценсурное одобрение. По затруднениям, которые встретились тогда, рукопись переслана была в Петербург и в марте месяце 1842 года получила полное цензорское одобрение, за исключением Повести о капитане Копейкине, которую следовало переделать²⁴⁹. Гоголь приступил к переделке повести и с нетерпением ждал прибытия своей рукописи, высланной в Москву для печатания, как говорили, тоже в марте, но рукопись пришла только в начале апреля, пролежав где-то добрый месяц. Все это время Гоголь томился, страдал, жаловался друзьям на пропашу труда и в неподдельной тоске спрашивал у всех об участи своей рукописи. Наконец приступлено было к печатанию. Дело, таким образом, приходило к развязке; горизонт уяснялся понемногу, и Гоголь задумал кстати выдать новое издание своих «Сочинений», но уже в Петербурге, и предоставил все хлопоты печатания покойному Н. Я. Прокоповичу, старому своему товарищу по Нежинскому Лицею, как известно²⁵⁰. 15 мая он написал ему следующее письмо:

«Благодарю тебя именно за то, что ты в день 9 мая¹¹ написал письмо ко мне. Это было движение сердечное; оно сквозит и слышно в твоих строках. Я хорошо провел день сей, и не может быть иначе; с каждым годом торжественней и торжественней он для меня становится. Нет нужды, что не сидят за пиром пирававшие прежде: они присутствуют со мной неотразимо, и много присутствует с ними других, дотоле не бывавших на пире. Ничтожна грусть твоя, которая на мгновенье осенила тебя в сей день; она была поддельная, ложная грусть: ибо ничего, кроме просветления мыслей и предчувствий чудесного грядущего, не должен заключать сей день для всех, близких моему сердцу. Обманула тебя, как ребенка, мысль, что веселье твое уже сменилось весельем нового поколения. Веселье твое еще и не начиналось... *Запечатлей же в сердце сии слова: ты узнаешь и молодость, и крепкое, разумное мужество, и мудрую старость*²⁵¹. Постепенно, торжественно спокойно, как, непостижимой Божьей властью, я чувствую отныне всех их разом в моем сердце. Девятого же мая я получил письмо от Данилевского²⁵². Я за него спокоен. Три-четыре слова, посланные²⁵³ еще из Рима, низвели свежесть в его душу¹¹¹. Я и не сомневался в том, чтобы не настало, наконец, для него время силы и деятельности. Он светло и твер-

¹ Все отрывки из писем Гоголя к Н. Я. Прокоповичу, приводимые в нашей статье, не изданы²⁴⁷. Полная переписка находится в руках его семейства и при будущих изданиях писем Николая Васильевича, вероятно, войдет в состав их. Она драгоценна по многим отношениям и особенно потому, что содержит в себе ключ к уразумению многих подробностей, не выговоренных Гоголем перед другими. — *Примеч. П. В. Анненкова. В изд. 1877 г. настоящее примечание отсутствует.*

¹¹ День именин Н. В. Гоголя. — *Примеч. П. В. Анненкова.*

¹¹¹ Отрывок из этого письма к Данилевскому приведен у нас несколько выше. — *Примеч. П. В. Анненкова.*

до стоит теперь на жизненной дороге. *Очередь твоя, имей в меня каплю веры, и живящая сила отделится в твою душу.* Я увижу тебя скоро, может быть через две недели. Книга тоже выйдет к тому времени; все почти готово. Прощай. До свиданья. Твой Г.»²⁵⁴

Торжество писателя и гражданина, достигающих последней цели своих стремлений, звучит в этом письме удивительно полным и могучим аккордом: мысль о близком появлении романа низводит небо в душу автора и дает ему чувствовать за раз наслаждения всех возрастов, по его словам. То же самое обещает он и приятелю, для которого приготавливает довольно сложную, хлопотливую, но совсем не блестящую и нисколько не вдохновенную работу — печатание и издание своих «Сочинений» в Петербурге. По поводу этой простой комиссии он заглядывает в будущее и немеет пред необычайными наградами, которые готовятся там за подвиг, доступный всякому только что грамотному и порядочному человеку. Надобно сказать, что по нашему глубокому убеждению, которое желали бы мы сообщить всем нашим читателям, Н. В. Гоголь²⁵⁵ был совершенно добросовестен, когда писал эти строки: он сам верил в необъятную важность своего плана! Как в этом случае, так и во всех других ему подобных, нет никакой возможности предположить, что рукой его водил один только голый, безобразный мещанский расчет — притянуть к себе чужие силы и ими воспользоваться. Кто знает свойство вообще исключительных идей литературного, мистического и всякого другого содержания поглощать все другие соображения и становиться всюду на первый план, тот никогда не придет к подобному заключению. Самый тон подобных писем, исполненный теплоты и одушевления, уже отстраняет от них подозрение в сухом обдумывании эгоистического замысла. Мы сейчас увидим, каков был Гоголь, когда действовал от своего лица и по обстоятельствам, а не по внушениям своей неизменной мысли: он становится другим человеком и выказывает новую сторону характера, совершенно противоположную той, которой теперь занимаемся. В настоящем случае, как и во всех с ним схожих, он был выше или, если хотите, ниже расчета. Он говорит с собеседником как *власть имущий*, как судья современников, как человек, рука которого наполнена *декретами*, устраивающими их судьбу по их воле и против их воли.

Но с этой высоты представления своей жизненной задачи Гоголь по временам сходил в толпу людей, когда требовала этого необходимость, и становился с ними лицом к лицу. Тогда обнаруживалась другая сторона его характера, о которой сейчас упомянули. Для борьбы с нерешительностью, равнодушием и противодействием он употреблял верные, чисто практические средства, и притом с разнообразием, энергией и дальновидностью расчета, заслуживающими изумления. Так было, между прочим, в эпоху печатания первого тома Мертвых Душ. Письмо к Н. Я. Прокоповичу, приведенное нами выше, имело еще приписку следующего содержания: «О книге можно объявить; постарайся об этом. Попроси Белинского, чтобы сказал что-нибудь о ней в немногих словах, как может сказать не читавший ее»²⁵⁶. Отправься также к Сенковскому и попроси от меня поместить в литературных новостях известие, что скоро выйдет такая-то книга²⁵⁷, — и больше ничего. В этом, кажется, никто из них не имеет права отказать»²⁵⁸. Это незначительный обрачик его хлопот о книге. Он писал министру просвещения, покойному графу Уварову, известное письмо, в котором, по глубокой сметливости, мелком говорит о нравственном значении нового своего произведения и указывает преимущественно на бедность и беспомощность своего положения, обнаруживая этим немаловажные познания в деловой логике и в материях, на которые она обращает особенно свое внимание²⁵⁹. Письмо было без означения года, числа и места, откуда послано, и г. Кулиш¹ в своей книге (т. I, с. 292) думает, что это произошло, может быть, от рассеянности, но это произошло не без умысла. Просьба выражала высшую степень незаслуженного страдания, до которого доведен человек, и могла обойтись без всех формальностей; отсутствие их, не говоря о другом, даже сообщало ей особенный

¹ В изд. 1857 г.: и г. Н. М.

вид искренности. Немного далее г. Кулиш¹ (стр. 294), по поводу этого письма и другого к бывшему попечителю Спб. округа, князю М. А. Д<ондукову>-К<орсако>ву²⁶⁰, точно в том же роде замечает: «Перечитывая эти письма, значительно мною сокращенные, удивляешься простодушию поэта и его незнанию самых обыкновенных приемов в сношениях с людьми такого рода, по такому делу и при таких обстоятельствах. Не думаю, однако ж, чтобы эти недостатки понижали его²⁶¹ хотя одним градусом во мнении истинно благородно мыслящего человека. Нет, зная ничтожество его в жизни практической, неловкости в сношениях с людьми, мелочные причуды характера, или какие бы то ни было нравственные недостатки, мы тем больше должны почитать пламень его таланта. Глядя таким образом на поэта, мы не оскорбим *его памяти своим любопытством, доискивающимся его высоких поступков или мыслей и самых мелких его слабостей*». Все это место, как и несколько других в книге г-на Кулиша¹¹, следует понимать буквально наоборот, и тогда оно будет соответствовать делу и выражать справедливое мнение. Простодушия поэта нет и признаков в обоих письмах; нарушение обыкновенных условий корреспонденции вышло, как нам кажется, совсем из другого источника, чем недостаток опытности; практический смысл Н<иколая> В<асильевича>²⁶² составлял его отличительное свойство, пока не пропал в одной исключительной идее; *к пламени его таланта* незачем обращаться благонамеренному и добросовестному исследователю, как бы к некоторому облегчительному обстоятельству в своем роде, а доискиваться причины его высоких поступков и мелких слабостей не значит оскорблять памяти Гоголя, перед которой благоговеет всякий образованный Русский, а значит только удовлетворить законной потребности в истине и в великом поучении, которое представляет жизнь каждого замечательного человека.

В дополнение, мы приводим здесь из переписки с Н. Я. Про<коповичем> один листок, который окончательно показывает, в каком тоне и на каких условиях требовал Гоголь ходатайства друзей перед людьми, от которых зависела судьба его рукописи, а стало быть и его собственная. Листок подтверждает также, что письма²⁶³ его к двум влиятельным лицам эпохи не были произведением минутной вспышки, а, напротив, составляли часть обдуманной системы. «Москва, февраль. Я получил твое уведомление, но такое же самое, назад тому полторы недели, я получил уже от Плетнева, и с тем вместе было сказано, чтобы я готовился к печати, что на днях мне прилетит рукопись; а между тем уже две недели прошло... Не затеялась ли опять какая-нибудь... история²⁶⁴? Пожалуйста, зайди к Плетневу и разведай. И попроси его, чтобы он был так добр и заехал бы сам к Уварову и¹¹¹ князю Д<ондукову>-К<орсако>ву. Последний был когда-то благосклонен ко мне. Пусть он объяснит им, что все мое имущество, все средства моего существования заключаются в этом, что я прошу их во имя справедливости и человечества, потому что я и без того уже много терпел и терплю. Меня слишком истомили, измучили эти истории²⁶⁵, и что я теряю²⁶⁶ много уже чрез²⁶⁷ одни проволочки, давно лишенный всяких необходимых (средств существования). Словом, пусть он объяснит им это. Не(уже)ли они будут так бесчувственны... Здоровье мое идет пополам, — иногда лучше, иногда хуже. Но я устал крепко, всеми силами и, что всего хуже, — не могу совсем работать. Чувствую, что мне нужно быть подалее от всего житейского дрягу: он меня томит»²⁶⁸. Конечно, материальная сторона предприятя не могла быть лишена всей своей важности в глазах человека, жившего одними своими литературными трудами, но намерение держаться одной этой стороны, как лучшей пособницы в настоящем деле, доказывает уже само по себе сильное познание эпохи и немалую практическую зоркость.

И не одни влиятельные лица того времени вызвали у Гоголя умение приноровляться к понятиям и взгляду общества, но и на самых друзьях своих Н<иколай> В<асильевич>²⁶⁹ еще ис-

¹ В изд. 1857 г.: г. Н. М.

¹¹ В изд. 1857 г.: г-на Н. М.

¹¹¹ Вместо: к Уварову и — в изд. 1857 и 1877 г. ошибочно: в квартиру

пытался способность говорить языком их помыслов и наклонностей. Зная постоянное желание бывшего издателя «Современника»²⁷⁰ украсить свой журнал его именем, Н<иколай> В<асильевич> пишет²⁷¹ к старому своему другу и покровителю письмо из Москвы от 6 февраля 1842. На этот раз Гоголь вдруг отказывается от печатания Мертвых Душ, просит возвратить ему рукопись, под предлогом необходимых исправлений, и только требует откровенного мнения друзей насчет достоинства и недостатков романа. Письмо это, если бы получено было своевременно в Петербурге, конечно, поразило бы всех почитателей его таланта, да, вероятно, и рассчитано было на произведение этого эффекта, способного удвоить их ходатайство²⁷² по общему делу. Не довольствуясь этим, Н<иколай> В<асильевич>, как бы²⁷³ ненароком, бросает еще в конце письма следующие слова:

«Р. S. Будет ли в “Современнике” место для статьи около *семи* печатных листов, и согласитесь ли вы замедлить выход этой книжки, выдать ее не в начале, а конце апреля, т. е. к празднику? Если так, то я вам пришлю в первых числах апреля. Уведомьте». Надо сказать, что единственная статья, которой он мог располагать, была именно «Рим», в чем удостоверяет нас сам автор, писавший к П<рокоп>овичу 13 марта: «В Москвитянин не повесть моя, а небольшой отрывок... Это единственная вещь, которая у меня была годная для журнала». Пообещав ее Современнику, Н<иколай> В<асильевич> отдал²⁷⁴ статью в Москвитянин, по причинам, которые опять сам же излагает: «П<огоди>ну я должен был дать что-нибудь, потому что он много сделал для меня, П<летне>ву я тоже должен, хотя до сих пор еще не выполнил». Статья «Рим» появилась в 3 № «Москвитянина» 1842, а вслед за тем, 17 марта, Гоголь высылает издателю Современника старую, хотя и вновь переделанную повесть «Портрет», которая вряд ли могла заменить для журнала подарок, сделанный Москвитянину, а в извещение пишет, что как ни силится составить для Современника «статью во многих отношениях современную», но, написав три «беспутных страницы», истребил ее совсем. Можно смело предполагать, что даже к этим трем «беспутным страницам» он никогда не приступал²⁷⁵. Вдобавок, Н<иколай> В<асильевич> старается²⁷⁶ еще убедить редакцию, что старая повесть более идет такому журналу, как Современник, который должен быть весь обращен к прошлому и почти не иметь другой цели, кроме воспоминания Пушкина и собрания друзей вокруг его могилы (Записки о жизни Гоголя, т. I, с. 295). Во всей этой, впрочем весьма обыкновенной журнальной истории важно для исследователя только одно обстоятельство, именно следующее: письмо, где Гоголь отказывается от печатания Мертвых Душ и обещает статью, было им придержано и отослано уже спустя две недели после написания (17 февраля). Н<иколай> В<асильевич> видимо²⁷⁷ причислял письмо к последним крайним мерам своим и ожидал еще известий. Когда более благоприятные известия достигли до Москвы, письмо потеряло свою самостоятельность и пошло в виде дополнения к другому, спокойному и уже частью веселому сообщению (см. Зап<иски> о Гог<оле>, т. I, стр. 291). Роль, на которую оно предназначалось, была снята с него, характер последнего, решительного удара потерял: оно оставалось только свидетелем протекших волнений писателя, которые должны еще были возбуждать участие и сострадание его друзей!

Мы упомянули раз имя Белинского. Ввиду влияния, которое имел этот замечательный деятель своего времени на значительный класс читателей, Н<иколай> В<асильевич> не мог²⁷⁸ оставить его без внимания и с первого же знакомства получил от него услугу, немаловажную по своим последствиям. Обычный, формальный ход рукописи Мертвых Душ, как мы уже сказали, встретил в Москве какого-то рода затруднения. Н<иколай> В<асильевич> еще²⁷⁹ не знал, на что решиться, когда, пользуясь случайным пребыванием Белинского в Москве, он назначил ему в доме одного общего знакомого²⁸⁰ свидание, но, как следовало ожидать, под условием величайшего секрета²⁸¹. Пренебречь ропотом друзей, завязав откровенные сношения с критиком, он не мог даже по убеждениям своим. Мы знаем положительно, что Н<иколай> В<асильевич>²⁸², вместе с другими членами обыкновенного своего круга, был настроен не совсем доброжелательно к Белинскому, и особенно потому, что критик стоял за суровую, отделе-

ченную, идеальную истину и, при случае, мало дорожил истиной исторической, а еще менее преданием, связями и воспоминаниями кружков. Гоголь несколько раз выражал недовольство свое критикой Белинского еще в Риме. С другой стороны, несмотря на тогдашнюю бдительность литературных партий и строгий присмотр за людьми, Н<иколай> В<асильевич> понимал²⁸³ опасность оставаться безвыходно в одном кругу, да и сочувствие к деятельности Гоголя, высказанное не раз Белинским, сглаживало дорогу к сближению: отсюда *секретные* сношения, первый пример которых подал, как известно, Пушкин, посылавший тайком критику нашему свои книги и одобрительные слова²⁸⁴. Не обвиняя никого, можно объяснить подобные явления чрезвычайной молодостью литературы и общества; но, как бы то ни было, при первом *таинственном* свидании Гоголя с Белинским²⁸⁵ Н<иколай> В<асильевич> решился²⁸⁶ на пересылку своей рукописи в Петербург, и тогда же обсуждены были меры для сообщения ей правильного и безостановочного хода. Белинский, возвращавшийся в Петербург, принял на себя хлопоты по первоначальному устройству этого дела, и направление, которое он дал ему тогда, может быть, решило и успех его. С ним, как мы слышали, пошла в Петербург и самая рукопись автора... Впрочем, как мы сказали, миновать известного нашего критика почти и не было возможности: он уже начинал делаться у нас странным анонимом. Никто не произносил его имени, но литературные прения, где бы они ни завязывались, постоянно имели в виду положения, им высказанные, не говоря уже о множестве статей, невольно и неудержимо направленных в ту сторону, где стоял замечательный аноним, существование и влияние которого они старались покрыть ложным презрением! Несколько позднее явление это еще развилось и обхватило большой круг. В разговорах любителей литературы, в обществе образованных людей, занимавшихся событиями отечественной жизни и ее направлением, даже на профессорских кафедрах красноречия аноним присутствовал неизбежно. Его надобно было непременно обойти, чтоб идти далее или в другую сторону. Точно так поступал и Гоголь: ни разу не произносит он имени Белинского во всей своей переписке с друзьями, но протягивает ему руку за спиной их²⁸⁷. После отъезда Белинского в Петербург Н<иколай> В<асильевич> получил²⁸⁸ от него длинное, пространное письмо с мыслями, касавшимися, вероятно, внутреннего значения Мертвых Душ и будущего их продолжения²⁸⁹. Так можно, по крайней мере, заключить из следующего отрывка, писанного Гоголем к Н. Я. Прокоповичу в мае 1842: «Я получил письмо от Белинского. Поблагодари его. Я не пишу к нему, потому что минуты не имею времени и потому, что, как сам он знает, обо всем этом нужно потрактовать и поговорить лично, что мы и сделаем в нынешний мой проезд через Петербург»²⁹⁰. Действительно, в доме П<рокопови>ча в Петербурге устроено было опять совещание, не требовавшее уже таких предосторожностей, как московский его предшественник, но все-таки носившее характер секрета, без которого Н<иколай> В<асильевич> не мог²⁹¹ его ни понять, ни представить себе. Через два месяца после выезда своего из Петербурга за границу, именно из Гаштейна (целебные источники в Тироле)²⁹², Гоголь делает еще следующую приписку к Прокоповичу, которая, если не ошибаемся, показывает присутствие некоторого чувства доверенности и уважения к критику: «Да, пожалуйста, попроси Белинского отпечатать для меня особенно листки критики Мертвых Душ, если она будет в Отечественных Записках, на бумаге, если можно, потонее, чтобы можно было прислать мне ее прямо в письмо, и присылай мне по листам, по мере того, как будет выходить»²⁹³. Конечно, тут есть частью выражение того любопытства, какое обнаруживал вообще Гоголь в отношении суждений и толков о себе, но тут есть вместе с тем, как нам кажется, и кое-что более. Таким образом, под покровом равнодушия и внешней холодности, способных обмануть глаза приятелей, он отдавал должное нравственной силе, не признаваемой другими²⁹⁴, и таким образом, скажем еще, люди самых различных положений в обществе самых разнородных стремлений и характеров действовали одинаково в его пользу или в пользу его дела.

Наконец Мертвые Души вышли из печати²⁹⁵. Алекс<андр> Иван<ович> Тургенев, получивший это известие из России, распространил его в Париже, и легко понять, с каким востор-

гом принято было оно всеми, которые отчасти ознакомились с содержанием и направлением романа²⁹⁶. С этих пор начинаются бесперывные разъезды Гоголя по Европе.

В мае 1842 он покидает Петербург²⁹⁷, направляется к югу, живет довольно долго с большим Н. М. Языковым в Гаштейне²⁹⁸, и осенью вместе с ним является в Рим, где остается на зиму 1842–1843. Весь следующий остаток 1843 проводит он в бесперывных разъездах; осенью посещает Дюссельдорф, где жил В. А. Жуковский, и, наконец, является (в декабре 1843) в Ниццу: здесь уже, благодаря обществу А. О. С<мирново>й²⁹⁹, гр<афини> В<иельгорской>³⁰⁰ и других близких людей, Гоголь останавливается несколько долее — вплоть до весны 1844. Затем он переселяется во Франкфурт, в загородный домик Жуковского, основавшего там свое местопребывание, и, с малыми отлучками в Баден, Остенде, Париж и на разные воды, живет у него до лета 1845. Таким образом, Ницца и Франкфурт остаются пунктами самого долгого его пребывания на одном месте. Затем является снова год безостановочных вояжей (от лета 1845 до весны 1846) и вместе с тем это год болезни, лечения, душевной тревоги, сменяемой невыразимыми порывами мистического экстаза, посещающего его все чаще и чаще. Он успокаивается несколько в Риме, но весной выезжает оттуда в Париж, направляясь к морским купаньям в Остенде, изменяет, однако же, на дороге свой маршрут и поворачивает из Парижа на Дунай, а оттуда через Швальбах (близ Рейна¹), где ожидает его В. А. Жуковский, с которым он так давно расстался, достигает цели путешествия. Из Швальбаха (30 июля), между прочим, Н<иколай> В<асильевич> отправляет³⁰¹ в Петербург к П. А. Плетневу первую тетрадку «Выбранной переписки с друзьями», заготовленную еще в Риме. Второй период его развития кончился; плоды римского созерцания, определяющий и идеализирующий взгляд на русское общество, теория безграничного самосовершенствования, поражающая художническую производительность в самом источнике, и, наконец, понимание себя, как орудия в руках предопределения, и мучительные догадки о видах и целях его в отношении к себе — все это окончательно воспиталось и созрело среди этих четырехлетних бесперывных разъездов, перемешанных с остановками... Покажем здесь степени этого развития, сколько позволяют пределы и цель нашей статьи, и вернемся снова к воспоминаниям.

Во второй половине 1842 и в начале 1843 мысль Гоголя еще далеко не достигла последних пределов того пути, по которому устремилась. Он занимается изданием своих «Сочинений», начатым в Петербурге, и входит в мельчайшие подробности касательно этого дела. Распределение статей, условия с книгопродавцами, время выпуска, выгоды, каких можно ожидать от предприятия, и, наконец, употребление будущих сумм — все взвешено и обсуждено им с необычайною аккуратностию: он занят жизнью весьма серьезно. Почта за почтою присылает Н<иколай> В<асильевич>³⁰² издателью своему перемены, дополнения, прибавки к разным статьям. Так прислано было окончание «Игроков»³⁰³ и велено было³⁰⁴ включить фразу в речь Утешительного, после слов: «На, немец, возьми, съешь свою семерку»: «Руте, решительное руте; просто карта-фоска». «Эту фразу, — прибавляет Гоголь, — включи непременно — она настоящая армейская и в своем роде не без достоинства». Вероятно, он и услышал ее где-нибудь тогда же. Так точно, усилив еще выразительность монолога Кочкарева, начинающегося словами: «Да что ж за беда? Ведь иным плевали несколько раз», Гоголь предписывает озаглавить комедию следующим образом: «Женитьба, совершенно невероятное событие, в двух действиях». Затем присылает³⁰⁵ он подробное описание немой сцены, которая должна быть приложена к концу Ревизора и выполнение которой он хочет сделать обязательным для актеров. Общий характер всех этих перемен и сила самой критической способности в Гоголе весьма хорошо выражаются следующим отрывком из письма Н<иколая> В<асильевича>³⁰⁶ к Н. Я. Прокоповичу: «Гаштейн»³⁰⁷. Июля 27/15 (1842). Я к тебе еще не посылаю остальных двух лоскутков. Потому что многое нужно переправить, особливо в *Театральном разъезде после представления новой*

¹ В изд. 1857 г.: на Рейне

письма. Она написана сгоряча, скоро после представления Ревизора, и потому немножко нескромна в отношении к автору. Ее нужно сделать несколько идеальной, т. е. чтобы ее применить можно было ко всякой пьесе, задирающей общественные злоупотребления, а потому я прошу тебя не намекать и не выдавать³⁰⁸, как написанную по случаю Ревизора. При корректуре второго тома прошу тебя действовать как можно самоуправной и полновластной: в *Тарасе Бульбе* много есть погрешностей писца. Он часто любит букву *и*; где она не у места³⁰⁹, там ее выбрось; в двух-трех местах я заметил плохую грамматику и почти отсутствие смысла. Пожалуйста, поправь везде с такою же свободою, как ты переправляешь тетради своих учеников. Если где частое повторение одного и того же оборота периодов, дай им другой, и никак не сомневайся и не задумывайся, будет ли хорошо, — все будет хорошо. Да вот что самое главное. В нынешнем списке слово: “слышу”, произнесенное Тарасом пред казнию Остапа, заменено словом: “чую”. Нужно оставить по-прежнему, т. е. “Батько, где ты? слышишь ли это? — Слышу”. Я упустил из виду, что к этому слову уже привыкли читатели и потому будут недовольны переменою, хотя бы она была и лучше». Так еще заботится Гоголь о себе, как о писателе, и презрения ко всей своей прошлой литературной деятельности³¹⁰ нет еще тут и признаков.

Совсем другое является с половины 1843... Прежде всего следует заметить, что выпуск второй части *Мертвых Душ* откладывается тогда на неопределенное время. Нам уже почти несомненно известно теперь, что эта вторая часть в первоначальном очерке была у него готова около 1842 года³¹¹ (есть слухи, будто она даже переписывалась в Москве в самое время печатания первой части романа). Вероятно, и тогда она уже носила определяющий и идеализирующий характер. Гоголь не скрывал как этого свойства нового произведения, так и относительной близости его появления. Он писал в 1842, что едет в Иерусалим, как только довершит свое произведение, и несколько раз повторяет эту мысль, намекая и на скорое исполнение плана: «Только по совершенном окончании труда моего могу я предпринять этот путь... Окончание труда моего пред путешествием моим так необходимо мне, как необходима душевная исповедь пред святым причащением»^{1 312}. Но с половины 1843 все изменяется: путешествие в Иерусалим уже становится не признаком окончания романа, а представляется как необходимое условие самого творчества, как поощрение и возбуждение его³¹³. Вместе с тем роман уходит в даль, в глубь и тень, а на первый план выступает нравственное развитие автора. В течение недолгого срока оно достигает такой степени, по мнению Гоголя, что сочинение уже не может равняться с ним и стоит неизмеримо ниже мысли творца своего. Николай Васильевич начинает молить Бога дать ему силы поднять произведение свое на высоту тех откровений, какие уже получила душа его. В половине 1843 друзья Гоголя извещаются письменно об изменившихся его намерениях касательно II-го тома *Мертвых Душ* и об устранении всех надежд на скорое его появление. Н. Я. Прокопович тоже получает своего рода предостережение. Пользуясь невинной его замечкой о нетерпении публики видеть продолжение романа, Гоголь отправляет ему следующее строгое и торжественное письмо, как все его письма, заключавшие намеки на видоизменения романа: «Мюнхен. Мая 28 (1843)³¹⁴. Твое письмо меня еще более удивило, чем, вероятно, удивило³¹⁵ мое тебя. Откуда и кто распускает всякие слухи обо мне? Говорил ли я когда-нибудь³¹⁶ тебе, что буду сим летом³¹⁷ в Петербурге? или что буду печатать II том в этом году? и что значат твои слова: *Не хочу тебя обижать подозрением в лености до такой степени, что будто ты не приготовил 2 тома Мертвых > Д<уш> к печати?* Точно М<ертвые> Д<уш> блин, который можно вдруг³¹⁸ испечь. Загляни в жизнеописание сколько-нибудь знаменитого автора или даже хотя замечательного. Что ему стоила большая обдуманная вещь, которой он отдал всего себя, и сколько времени заняла? Всю жизнь, ни больше, ни меньше. Где ж ты видел, чтобы произведший эпопею произвел, сверх того, пять, шесть других? Стыдно тебе быть таким ребенком и не знать этого! От меня менее всего можно требовать скорости тому, кто сколько-нибудь ме-

¹ См. Письма Гоголя, Т. V, стр. 508, письмо к Ш<ереметево>й. — *Примеч. П. В. Анненкова.*

ня знает. Во-первых уже потому, что я терпеливее, склонен к строгому обдумыванию и притом еще во многом терплю всякие помешательства от всяких болезненных припадков. Мертвые Души не только не приготовлен II том к печати, *но даже и не написан*, и раньше двух лет, если только мои силы будут постоянно свежи в это время, не может выйти в свет. А что публика желает и требует II-го тома — это не резон; публика может быть умна и справедлива, когда имеет уже в руках, что надобно рассудить и (над чем) поумничать; а в желаниях публика всегда дура, потому что руководствуется только мгновенною минутною потребностью. Да и почему знает она, что такое будет во II томе? Может быть, то, о чем даже ей не следует и знать и читать в теперешнюю минуту, и ни я, ни она не готовы для второго тома».

Так, после зимы в Ницце, все обращается для Гоголя в вопрос, начиная с его авторской деятельности. Содержание нашего отрывка, несмотря на презрительный и горделивый тон его, все еще держится предметов общественного и литературного свойства, но в письмах к московским друзьям Н<иколай> В<асильевич> весь³¹⁹ отдается мистическому направлению и в нем почерпает доводы для временного прекращения и изменения своей деятельности как писателя. С этой поры также начинает выказываться та наклонность к упрекам и выговорам, которая отличала потом все его сношения с людьми близкими и дальними. Высшее нравственное состояние, до которого он достиг, по его мнению, дозволяло и узаконяло голый упрек: Николай Васильевич потерял даже и представление о его житейском, оскорбляющем свойстве. Рядом с этим встречается, однако же, весьма трогательная и благородная черта характера в Гоголе. Как только раздавался голос живого человека, отозвавшегося на его удары, как только достигал до него вопль затронутой им³²⁰ души, Гоголь вдруг падал с высоты всего предполагаемого своего развития, предавался глубочайшему раскаянию, старался заглянуть или изменить смысл неосторожного выражения, и при этом все казалось ему хорошо — нежное, ласкающее слово, одобрение, поднимающее силы, мольба и лесть... Так действует он постоянно в течение четырех последних лет пребывания за границей со всеми друзьями своими.

К той же последней половине 1843 относим мы первое уничтожение рукописи Мертвых Душ³²¹ из трех, какому она подверглась. Если нельзя с достоверностью говорить о совершенном истреблении рукописи II тома в это время, то, кажется, можно допустить предположение о совершенной переделке его, равняющейся уничтожению. Так, по крайней мере, можно заключить из всех писем Гоголя и особенно из письма к В. А. Жуковскому от 2 декабря 1843: роман, за которым уже около трех лет работал автор, представляет в эту эпоху, по собственному его признанию, один первоначальный хаос: это труд, только что зарождающийся. Вот слова самого Гоголя: «Я продолжаю работать, т. е. *набрасывать на бумагу хаос, из которого должно произойти создание М<ертвых> Д<уш>*»³²². Труд и терпение, и даже приневоливание себя, награждают меня много. Такие открываются тайны, которых не слышала дотеле душа, и многое в мире становится после этого труда ясно. Попупражняясь хотя немного в науке создания, становись в несколько крат доступнее к прозрению великих тайн Божьего создания, и видишь, что чем дальше уйдет и углубится во что-либо человек, кончит все тем же: одною полною и благодарною молитвою»³²³. В смысле этих слов ошибиться, кажется, нельзя: набрасывание хаоса, из которого должно произойти создание М<ертвых> Д<уш>, не может относиться ни к продолжению романа³²⁴, ни к отделке какой-либо части его³²⁵. Не о постепенности в творчестве или обыкновенном ходе его говорит это место, а о новой творческой материи, из которой начинают отделяться части создания по органическим законам, сходным с законами мироздания. Старый роман был уничтожен; является другой, при обсуждении которого³²⁶ открываются тайны высокого творчества с тайнами, глубоко схороненными в недрах русского общества. Обновление романа³²⁷ было полное...

Между тем наступил 1844 год, важнейший во втором периоде Гоголевского настроения. Одну половину его Гоголь пробыл, как известно, в Ницце, а другую во Франкфурте, с временными отлучками из обоих городов, не заслуживающими упоминания. Он начинает этот год раз-

дачей экземпляров «Подражания³²⁸ Христу» друзьям, оставшимся в России³²⁹, и кончает признанием, что за работой самосовершенствования уже никакие земные утраты не в силах огорчить его. (Письма, Том VI, стр. 136.)³³⁰ «Сочинения» свои, с такими хлопотами изданные два года тому назад, он неоднократно объявляет произведениями глупой молодости, да и первая часть М<ертвых> Д<уш> не избегает почти того же отзыва (см. в Письмах Гоголя, Т. VI, стр. 204)³³¹. Наставления, упреки, идеалы для образа жизни и объяснения их посылаются друзьям в разных видах, перемешанные с тем возвращением на собственные слова и поправкой собственных слов, какие идут у него почти всегда рядом с самым твердым, по-видимому неизменным и решительным приговором. Он сосредоточивается весь на переписке с друзьями и на соображениях, касающихся романа. Там и здесь у него одна задача: помочь ближнему, и в его освобождении от пороков и несчастий времени найти собственное спасение; но он ищет общего благодатного лекарства, способного целить злые недуги зараз и награждать большого ничем не заслуженными радостями... Цель, таким образом поставленную, называет он своим житейским подвигом, забывает для нее опыт, науку и мало-помалу начинает выделять самого себя и мысль свою из современного развития, из насущных требований общества, из жизни. Он усиливается смотреть поверх голов, занятых обыденным, безотлагательным делом времени, открывает новые горизонты, перспективы, светлые сияния в тех сторонах, куда покамест нет никаких путей. Мираж этот кажется ему важнее всего, что делается около него. Торжественно принимает он на себя роль моралиста, но как мало было в нем призвания к этой роли, показала потом его книга «Выбранная переписка». В ней он оскорбляет общее чувство справедливости, проповедуя смирение там, где не было ни малейшей кичливости, требуя любви, жертв и примирения не у тех, которые провинились особенно постоянством отпора, сухости и презрения к другим. Мысль общества начинает уже скрываться от того человека, который первый ее открыл и почувствовал в себе, и это несчастное одиночество Гоголь принимает за высокий успех, рост в высоту, великое нравственное превосходство. Тогда сама собой является необходимость разрешения вопросов и литературных задач посредством призраков и фантомов, что так поражает в оставшейся нам второй части Мертвых Душ³³². Именно около этой эпохи задуманы лица вроде Костанжогло, который должен был явиться типом совершеннейшего помещика-землевладельца, типом, возникшим из соединения греческой находчивости с русским здравомыслием и примирения двух национальностей, родных по вере и преданиям. Участие призрака в создании еще виднее на другом лице — откупщике Муразове, который вместе с практическим смыслом, наделившим его монтекристовскими миллионами, обладает высоким нравственным чувством, сообщившим ему дар сверхъестественного убеждения. Крупная разжива со всеми ее средствами, не очень стыдливый по природе своей, награждена еще тут благодатию понимать таинственные стремления душ, открывать в них вечные зародыши правды и вести их с помощью советов и миллионов к внутреннему миру, к блаженству самодовольствия и спокойствия. Это примирение капитала и аскетизма поставлено, однако же, на твердом нравственном грунте, и здесь-то нельзя удержаться от глубокого чувства скорби и сожаления. Основная мысль второй части М<ертвых> Д<уш>, как и все нравственные стремления автора, направлены к добру, исполнены благих целей, ненависти и отвращения ко всякой духовной неурядице. Вторая часть М<ертвых> Д<уш> чуть ли не превосходит первую по откровенности негодования на житейское зло, по силе упрека безобразным явлениям нашего быта и в этом смысле, конечно, превосходит все написанное Гоголем прежде романа³³³. Самый замысел повести, даже в нынешнем несовершенном своем виде, поражает читателя обширностью размеров, а некоторые события романа, лучше других отделанные, с необычайным мастерством захватывают наиболее чувствительные стороны современного общества: довольно указать, в подтверждение того и другого, на план окончания второй части с одной стороны, на начинавшуюся историю Тентетникова — с другой. Да и в самой «Переписке» с друзьями, ныне изданной³³⁴, сколько попадает заметок, показывающих глубочайшее познание сердца человеческого, изо-

шренное постоянным наблюдением за собой и за другими, сколько светлого пояснения едва приметных душевных волнений, доступных только чувству и глазу опытного, искушенного психолога, наконец сколько отдельных моральных положений неотразимой истины и несомненного достоинства. Ввиду всех этих разбросанных сокровищ, у которых от близости с фальшивыми ценностями отнята или, по крайней мере, значительно ослаблена возможность принести пользу, грусть и истинное сожаление овладевают читателем, и невольно слышится ему, что жизнь великого и здравомыслящего писателя, осужденного на бесплодие самим направлением своим, должна неминуемо кончиться грозной и мучительной драмой.

К концу этого развития я опять встретился с Гоголем. Надо сказать, что со времени выезда моего из Рима я уже более не видал Гоголя вплоть до 1846 г. Два раза получил я от него по письму, в России, из которых первое³³⁵ заключало обыкновенные его комиссии, касавшиеся присылки книг и сообщения толков о его произведениях, а второе (1844³³⁶) содержало выговор за резкие суждения о людях, не понимавших или хуливших его литературную деятельность. Тем и ограничивались все наши сношения в течение пятилетней разлуки. Проезжая через Париж в 1846 г., я случайно узнал о прибытии туда же Николая Васильевича, остановившегося, вместе с семейством гр<афа> Т<олстого>³³⁷, в отеле³³⁸ улицы De la Paix³³⁹. На другой же день я отправился к нему на свидание, но застал его уже одетым и совсем готовым к выходу по какому-то делу. Мы успели перекинуться только несколькими словами. Гоголь постарел, но приобрел особенного рода красоту, которую нельзя иначе определить, как назвав красотой мыслящего человека. Лицо его побледнело, осунулось; глубокая, томительная работа мысли положила на нем ясную печать истощения и усталости, но общее выражение его показалось мне как-то светлее и спокойнее прежнего. Это было лицо философа. Оно оттенялось, по-старому, длинными, густыми волосами до плеч, в раме которых глаза Гоголя не только что не потеряли своего блеска, но, казалось мне, еще более исполнились огня и выражения. Николай Васильевич быстро перебежал через все обычные выражения радости, неизбежные при свиданиях, и тотчас заговорил о своих петербургских делах. Известно, что после издания своих «Сочинений» Гоголь жаловался на путаницу в денежных расчетах, которой, однако же, совсем не было: Николай Васильевич забыл только сам некоторые из своих распоряжений. Тогда уже все было объяснено, но Николай Васильевич не желал казаться виноватым и говорил еще с притворным неудовольствием о хлопотах, доставленных ему всеми этими расчетами. Затем он объявил, что через два-три дня едет в Остенде купаться³⁴⁰, а покамест пригласил меня в Тюльерийский сад, куда ему лежала дорога. Мы отправились. На пути он подробно расспрашивал, нет ли новых сценических талантов, новых литературных дарований, какого рода и свойства они, и прибавлял, что новые таланты теперь одни и привлекают его любопытство: «Старые все уже выболтали, а все еще болтают». Он был очень серьезен, говорил тихо, мерно, как будто весьма мало занятый своим разговором. При расставании он назначил мне вечер, когда будет дома, исполняя мое желание видеть его еще раз до отъезда в Остенде.

Вечер этот был, однако же, не совсем удачен. Я нашел Гоголя в большом обществе, в гостинице семейства, которому он сопутствовал³⁴¹. Николай Васильевич сидел на диване и не принимал никакого участия в разговоре, который вскоре завязался около него. Уже к концу беседы, когда зашла речь о разнице поучений, какие даются наблюдением двух разных народов, английского и французского, и когда голоса разделились в пользу того или другого из этих народов, Гоголь прекратил спор, встав с дивана и проговорив длинным, протяжным тоном: «Я вам сообщу приятную новость, полученную мною с почты». Вслед за тем он вышел в другую комнату и возвратился через минуту назад с писанной тетрадкой в руках. Усевшись снова на диван и придвинув к себе лампу, он прочел торжественно, с сильным ударением на слова, и заставляя чувствовать везде, где можно, букву о, новую «Речь» одного из известных духовных витий наших³⁴². «Речь» была действительно прекрасна³⁴³, хотя нисколько не отвечала на возникшее прение и не разрешала его нимало. По окончании чтения молчание сделалось всеобщим; никто не

мог ни связать, ни даже отыскать нить прерванного разговора. Сам Гоголь погрузился в прежнее бесстрастное наблюдение; я вскоре встал и простился с ним. На другой день он ехал в Остенде.

Все это было весной, когда для туриста открываются дороги во все концы Европы. Следуя общему движению, я направился в Тироль, через Франконию и южную Германию. По обыкновению я останавливался во всех городах на моем пути и прибыл таким образом в Бамберг, где и расположился осмотреть подробнейшим образом окрестности и знаменитый собор его. Последний, как известно, принадлежит XII столетию, времени полного развития так называемого романского стиля, и стоит на горе, у подножия которой раскинулся город, связанный так неразлучно с воспоминаниями молодости, по милости «Геца фон-Берлихингена»³⁴⁴. Романские соборы, признаюсь, действовали на меня еще более готических в Европе: они разнообразнее последних, символика их гораздо затейливее и в мистических их барельефах, перемешанных с забавными фигурами вседневной жизни, более порыва, свежести и молодости. Пищи для любопытства и изучения в каждом романском соборе чрезвычайно много, и вот почему на другой день моего приезда в Бамберг я часа два или три пробыл между массивными столбами его главной церкви. Усталый и измученный более наблюдением и соображениями, чем самую ходьбою, я покинул собор и начал уже спускаться вниз с горы, когда на другом конце спуска увидел человека, поднимающегося в гору и похожего на Гоголя как две капли воды. Предполагая, что Николай Васильевич теперь уже в Остенде и, стало быть, позади меня, я с изумлением подумал об этой игре природы, которая из какого-нибудь почтенного бюргера города Бамберга делает совершенное подобие автора «Вечеров на хуторе», но не успел я остановиться на этой мысли, как настоящий, действительный Гоголь стоял передо мною³⁴⁵. После первого моего восклицания: «Да здесь следовало бы жертвенник поставить, Николай Васильевич, в воспоминание нашей встречи», он объяснил мне, что все еще едет в Остенде, но только взял дорогу через Австрию и Дунай¹. Теперь дилижанс его остановился в Бамберге, предоставив немцам час времени для насыщения их желудков, а он отправился поглядеть на собор. Я тотчас поторопился с ним назад и когда, полный еще испытанных впечатлений, стал ему показывать частности этой громадной и великолепной постройки, он сказал мне: «Вы, может быть, еще не знаете, что я сам знаток в архитектуре». Обозрев внутренность, мы принялись за внешние подробности, довольно долго глядели на колокольни и на огромного каменного человека (чуть ли не изображение строителя), который выглядывал с балкона одной из них; затем мы возвратились опять к спуску. Гоголь принял серьезный, торжественный вид: он собирался послать из Швальбаха (на Рейне)³⁴⁶, куда ехал, первую тетрадку «Выбранной переписки» в Петербург и, по обыкновению, весь был проникнут важностью, значением, будущими громадными следствиями новой публикации. Я тогда еще и не понимал настоящего смысла таинственных, пророческих его намеков, которые уяснились мне только впоследствии. «Нам остается не много времени, — сказал он мне, когда мы стали медленно спускаться с горы, — и я вам скажу нужную для вас вещь... Что вы делаете теперь?» Я отвечал, что нахожусь в Европе под обаянием простого чувства любопытства. Гоголь помолчал и потом начал говорить отрывисто; фразы его звучат у меня в ушах и в памяти до сих пор: «Это черта хорошая... но все же это беспокойство... надо же и остановиться когда-нибудь... Если все вешать на одном гвозде, так уже следует запастись, по крайней мере, хорошим гвоздем...³⁴⁷ Знаете ли что?.. Приезжайте на зиму в Неаполь... Я тоже там буду». Не помню, что я отвечал ему, только Гоголь продолжал: «Вы услышите в Неаполе вещи, которых и не ожидаете... Я вам скажу то, что до вас касается... да, лично до вас... Человек не может предвидеть, где найдет его нужная помощь... Я вам говорю — приезжайте в Неаполь... я открою тогда

¹ Поездка эта принадлежала к числу тех прогулок, какие Гоголь предпринимал иногда без всякой определенной цели, а единственно по благотворному действию, которое производили на здоровье его дорога и путешествие вообще, как ему казалось. — *Примеч. П. В. Анненкова.*

секрет, за который вы будете меня благодарить». Полагая, что настоящий смысл загадочных слов Гоголя может быть объяснен приближающимся сроком его вояжа в Иерусалим, для которого он ищет теперь товарища, я высказал ему свою догадку. «Нет, — отвечал Гоголь. — Конечно, это дело хорошее... мы могли бы вместе сделать путешествие, но прежде может случиться еще нечто такое, что вас самих перевернет... тогда вы уже и решите сами все... только приезжайте в Неаполь... Кто знает, где застигнет человека новая жизнь...» В голосе его было так много глубокого чувства, так много сильного внутреннего убеждения, что, не давая решительного слова, я обещал, однако же, серьезно подумать о его предложении. Гоголь перестал говорить об этом предмете и остальную дорогу с какой-то задумчивостью, исполненной еще страсти и сосредоточенной энергии, если смею так выразиться, мерным, отрывистым, но пламенным словом стал делать замечания об отношении европейского современного быта к быту России. Не привожу всего, что он говорил тогда о лицах и вещах, да и не все сохранилось в памяти моей. «Вот, — сказал он раз, — начали бояться у нас европейской неурядицы — пролетариата... думают, как из мужиков сделать немецких фермеров... А к чему это?.. Можно ли разделить мужика с землей?.. Какое же тут пролетариатство? Вы ведь подумайте, что мужик наш плачет от радости, увидав землю свою; некоторые ложатся на землю и целуют ее как любовницу. Это что-нибудь да значит?.. Об этом-то и надо поразмыслить»³⁴⁸. Вообще он был убежден тогда, что русский мир составляет отдельную сферу, имеющую свои законы, о которых в Европе не имеют понятия. Как теперь смотрю на него, когда он высказывал эти мысли своим протяжным, медленно текущим голосом, исполненным силы и выражения. Это был совсем другой Гоголь, чем тот, которого я оставил недавно в Париже, и разнился он значительно с Гоголем римской эпохи. Все в нем установилось, определилось и выработалось. Задумчиво шагал он по мостовой в коротеньком пальто своем, с глазами, устремленными постоянно в землю, и поглощенный так сильно мыслями, что, вероятно, не мог дать отчета себе о физиономии Бамберга через пять минут после выезда из него. Между тем мы подошли к дилижансу: там уже впрягли лошадей, и пассажиры начали суетиться около мест своих. «А что, разве вы и в самом деле останетесь без обеда?» — спросил я. «Да, кстати, хорошо, что напомнили: нет ли здесь где кондитерской или пирожной?» Пирожная была под рукою. Гоголь выбрал аккуратно десяток сладких пирожков, с яблоками, черносливом и вареньем, велел их завернуть в бумагу и потащил с собой этот обед, который, конечно, не был способен укрепить его силы. Мы еще немного постояли у дилижанса, когда раздалась труба кондуктора. Гоголь сел в купе, поместившись как-то боком к своему соседу — немцу пожилых лет, сунул перед собой куда-то пакет с пирожками и сказал мне: «Прощайте еще раз... Помните мои слова... Подумайте о Неаполе». Затем он поднял воротник шинели, которую накинул на себя при входе в купе, принял выражение мертвого, каменного бесстрастия и равнодушия, которые должны были отбить всякую охоту к разговору у сотоварища его путешествия, и в этом положении статуи с полузакрытым лицом, тупыми, ничего не выражающими глазами еще кивнул мне головой... Карета тронулась.

Таким образом, расквитался я с ним с моей стороны за проводы из Альбано. Мы так же расстались у дилижанса в то время, но какая разница между тогдашним живым, бодрым Гоголем и нынешним восторженным и отчасти измученным болезнью мысли, отразившейся и на красивом, впалом лице его.

В 1847 году вышли, наконец, «Выбранные места из переписки с друзьями». В том самом Неаполе, куда звал меня Николай Васильевич, застала его буря осуждений и упреков, которая понеслась на встречу книги, сразила и опрокинула ее автора. Путешествие в Иерусалим было отложено. С высоты безграничных надежд Гоголь падал вдруг в темную, безотрадную пучину сомнений и новых неразрешимых вопросов. Известно, что тогда произошло. Вторая часть М<ертвых> Д<уш>, созданная под влиянием идей «Выбранной переписки», подверглась новой переделке. Гоголь противопоставляет впервые истинно христианское смирение ударам, которые сыплются на него со всех сторон. Глубоко трогательная и поучительная драма, еще ни-

кем и не подозреваемая, получает место и укореняется в его жизни. На первых порах Гоголь силится оживить все старые свои убеждения и примирить их с новым воззрением: он поясняет, оправдывает, изменяет смысл новой теории, возбудившей такой ропот, чтоб спасти от нее что-либо. Попытка напрасная! Корень созерцания, добытого с таким трудом, могущественно врос в его сердце и ни каких прививок к себе не допускает. Обязанный уступить требованиям современной жизни и неизбежным условиям творчества, Гоголь страдает и изнемогает под этим игом. Создание делается нравственной мукой. Жизнь его неожиданно разошлась двумя струями, двумя течениями и чем более старается он прорыть им одно общее ложе, тем сильнее расходятся они в разные стороны. Измученный и подавленный неблагоприятным трудом, он в третий, последний раз уничтожает рукопись Мертвых Душ³⁴⁹, но уже вполне и навсегда, и нисходит сам в могилу³⁵⁰. Рассказать все, что знаешь об этом страшном периоде его жизни, и рассказать добросовестно, с глубоким уважением к великой драме, которая завершила его, есть, по нашему мнению, обязанность каждого, кто знал Н. В. Гоголя и кому дороги самая неприкосновенность, значение и достоинство его памяти.

Первые опубликовано: *Анненков П.* Воспоминания о Гоголе. Рим, летом 1841 года. <I> // Библиотека для Чтения. 1857. № 2 (цензурное разрешение — 5 февр.). <Отд. 3>. С. 109–148; *Анненков П.* Воспоминания о Гоголе. II // Библиотека для Чтения. 1857. № 11 (цензурное разрешение 4 ноября). <Отд. 3>. С. 1–50. Перепечатано М. М. Стасюлевичем, с измененным названием, редакторскими исправлениями, пояснениями и сокращениями: *Анненков П. В.* Н. В. Гоголь в Риме летом 1841 года (1857 г.) // *Анненков П. В.* Соч. Воспоминания и критические очерки. Собр. статей и заметок. 1849–1868 гг. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1877. Отд. 1. С. 161–240. Печатается по первой публикации, с отдельными исправлениями по изд. 1877 г.

Историю создания «Воспоминаний о Гоголе», замысел которых связан с выходом в свет «Записок о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша (СПб., 1856. Т. 1–2; цензурное разрешение 15 января), см. в наст. изд. в коммент. к письмам П. В. Анненкова И. С. Тургеневу от 1 июня 1856 г. и А. В. Дружинину от 1 сентября 1856 г., а также в преамбуле к «Письмам из-за границы» П. В. Анненкова.

После выхода в свет первой части «Воспоминаний о Гоголе» Анненков 28 февраля 1857 г. сообщил И. С. Тургеневу из Петербурга: «Я хотел было вас <...> погрузить в совершенную душевную тоску, послав оттиски моих статей о Гоголе и Станкевиче, но раздумав, что вы “Библиотеку” и “Вестник” получаете сами — воздержался» (*Анненков П. В.* Письма к И. С. Тургеневу. 1852–1874. Издание подготовили Н. Н. Мостовская, Н. Г. Жигулин. СПб., 2005. Кн. 1. С. 56). Тургенев 16 марта (н. ст.) 1857 г. отвечал Анненкову: «...Вернувшись вчера в Париж, я нашел здесь 2-й № “Библиотеки” для ч<тения>” и прочел Вашу статью о Гоголе — и не могу удержаться, чтобы не сказать Вам великое спасибо и погладить Вас по седой головке за эту столь же прелестную, сколь умную вещь. Не говоря уже о том, что подробности о Гоголе драгоценны, то, что Вы говорите об обязанностях биографа, о целостном понимании характера и т. д. — золотые слова, — а описание путешествия из Венеции в Рим — чудо, так и веет Италией, весной, молодостью, счастьем беспечности и здоровья. Лишь изредка какой-нибудь неловкий оборот или поворот Ваших милейших медвежьих лапочек на мгновение нарушает гармонию... В одном месте слово: культ — так и черкнуло меня по спине — но все-таки повторяю: прелест! прелест! — и давно во мне затихшая литературная жила потрясена...» (*Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. М., 1961. Т. 3. С. 102). (Упомянув о слове «культ», Тургенев имел в виду следующую фразу Анненкова: «Нельзя было выбрать лучшего места для жилища чистой богини, и мертвая тишина, царствовавшая как в долине, так и вокруг самого храма, казалась еще остатком благоговейного уважения и культа, которыми некогда окружали это святилище»; см. в наст. изд.)

В. П. Боткин в марте 1857 г. писал также А. В. Дружинину по поводу первой части «Воспоминаний о Гоголе»: «...Анненкова статья отличная» (Письма к А. В. Дружинину (1850–1863) / Ред. и коммент. П. С. Попова. (Гос. лит. музей. Летописи. Кн. 9). М., 1948. С. 51). В свою очередь, Н. Г. Чернышевский заявлял, «что факты, сообщаемые г. Анненковым, значительно объясняют нам Гоголя как человека и что вообще взгляд г. Анненкова на его характер кажется едва ли не справедливейшим из всех, какие только высказывались до сих пор» (<*Чернышевский Н. Г.*> Заметки о журналах. Февраль 1857 // Современник. 1857. Т. 62. № 3. <Отд. 4>. С. 199; см. также: *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1948. Т. 4. С. 719).

15 октября 1857 г. Анненков вновь сообщал И. С. Тургеневу из Петербурга: «В декабре выйдет <...> вторая большая моя статья о Гоголе, куда и как все это переслать вам, уведомьте аккуратнее. <...> Вот просьба. Зайдите на Strada Felice, № 126, ultimo piano — к владельцу этажа и, если он окажется еще тем самым, у которого жил Гоголь и я (имеется в виду римлянин Челли. — *И. В.*), — поклонитесь ему и расспросите о первом из жильцов: это будет любопытно для вас, а мне страх как приятно получить известие о месте, наситенном пятнадцать лет тому назад» (Письма П. В. Анненкова к И. С. Тургеневу. Предисловие и примечания Н. М. Мендельсона // Труды Публичной библиотеки СССР им. Ленина. <М.:> Academia, 1934. Вып. 3. С. 71; перепечатано: *Анненков П. В.* Письма к И. С. Тургеневу. 1852–1874. Издание подготовили Н. Н. Мостовская, Н. Г. Жигулин. СПб., 2005. Кн. 1. С. 60).

И. С. Тургенев 12 ноября (н. ст.) 1857 г. отвечал Анненкову: «Вот уже скоро две недели, как я в Риме... <...> ходил на вашу квартиру в Via Felice; но уже все изменилось с тех пор, и хозяин другой — расспрашивать было некого. <...> Познакомился я здесь с живописцем Ивановым и видел его картину. По глубине мысли, по силе выражения, по правде и честной строгости исполнения вещь первоклассная. Не даром он положил в нее 25 лет своей жизни. Но есть и недостатки. Колорит вообще сух и резок, нет единства, нет воздуха на первом плане (пейзаж в отдалении удивительный), все как-то пестро и желто. Со всем тем я уверен, что картина произведет большое впечатление (будут фанатики, хотя немногие), и главное: должно надеяться, что она подаст знак к противодействию Брюлловскому марлинизму. С другой стороны, византийская школа князя Гагарина... Художеству еще худо на Руси. Остальные здешние русские артисты — плохи. Сорокин кричит, что Рафаэль дрянь и “всё” дрянь, а сам чепуху пишет... <...> Иванов — тот, напротив, замечательный человек; оригинальный, умный, правдивый и мыслящий, но мне сдается, что он немножко тронулся: 25-летнее одиночество взяло свое. Не забуду я (но это непременно между нами), как он, во время поездки в Альбано, вдруг начал уверять Боткина и меня — весь поблдевши и с принужденным хохотом — что его отравливают медленным ядом, что он часто не ест и т. д. Мы очень часто с ним видимся; он, кажется, расположен к нам» (*Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. М., 1961. Т. 3. С. 159–160).

В ответ на это Анненков 16 ноября 1857 г. писал Тургеневу из Петербурга: «Напомните обо мне Иванову и когда получите статью о Гоголе, дайте ему прочесть и спросите — так ли все. Очень любопытно знать его мысли об этом предмете» (Письма П. В. Анненкова к И. С. Тургеневу. Предисловие и примечания Н. М. Мендельсона // Труды Публичной библиотеки СССР им. Ленина. <М.:> Academia, 1934. Вып. 3. С. 72; перепечатано: *Анненков П. В.* Письма к И. С. Тургеневу. 1852–1874. Издание подготовили Н. Н. Мостовская, Н. Г. Жигулин. СПб., 2005. Кн. 1. С. 62). Хотя 13 декабря (н. ст.) 1857 г. Тургенев отвечал Анненкову: «...высылайте сюда <...> Гоголя непременно» (*Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. М., 1961. Т. 3. С. 175), однако, показал ли он Иванову статью Анненкова, неизвестно.

М. М. Стасюлевич, готовивший текст «Воспоминаний о Гоголе» Анненкова для издания 1877 г., сообщал: «Последние десять лет П. В. Анненков был вынужден, вследствие расстроенного здоровья, проводить почти постоянно за границей; сколько мы знаем, он посвящает свободное от болезни время на составление литературных воспоминаний об эпохе 40-х и 50-х годов (имеется в виду «Замечательное десятилетие» Анненкова. — *И. В.*); дружба и знакомство его со многими из писателей этой эпохи ругаются за интерес подобного труда, образец которого он дал нам в своих личных воспоминаниях о Гоголе, вошедших в состав настоящего первого отдела, вместе с прочими воспоминаниями» (*Стасюлевич М.* <Вступительная заметка> // *Анненков П. В.* Соч. Воспоминания и критические очерки. Собр. статей и заметок. 1849–1868 гг. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1877. Отд. 1. С. VI; с пометой: «С.-Петербург, 20 апреля 1877»).

Вследствие проживания Анненкова за границей, все исправления в тексте его «Воспоминаний о Гоголе» были сделаны в 1877 г. Стасюлевичем, которому Анненков передал право издания своих сочинений. 3 августа 1876 г. Анненков писал ему из Цюриха: «О благодарности моей к Вам говорить теперь не стану, добрейший Михаил Матвеевич, а вот что скажу. С нынешнего момента, если Вы согласитесь, разумеется, я делаю Вас моим литературным душеприкащиком, то есть передаю Вам, Михаилу Матвеевичу Стасюлевичу, в полное распоряжение все, что мною было когда-нибудь написано и что будет мною написано по смерти с правом печатать это добро, продавать, закладывать кому угодно и делать из него вообще что заблагорассудится... <...> На все вопросы Ваши буду отвечать аккуратно, только, ради Христа-Бога, чего Вы стесняетесь неразборчивыми или откушенными поправками? Заменяйте их своими, как Господь на душу положит, и потом умоляю — почистите меня маленько, пригладьте, где растрепан, выпустите то, что переговорено и договорите то, что косноязычно. Ведь это я мог бы себе позволить, а мое право я только переношу на Вас и клят-

венно утверждаю, что *спорить и прекословить* потом не буду. Одно желание хотел бы Вам еще поверить, но боюсь прибавить труда издателю. Хотелось бы именно получить список статей, выбранных Вами для печати. Не все же подряд отдаете Вы под станок» (М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке / Под ред. М. К. Лемке. СПб., 1912. Т. 3. С. 324–325).

В ответном письме Стасюлевич сразу обратился к Анненкову с рядом вопросов по поводу неясных мест в публикации «Воспоминаний о Гоголе» 1857 г. Вопросы были заданы по всему тексту мемуаров — первой и второй их части (последний вопрос относится к описанию встречи Анненкова с Гоголем в Париже в конце мая (н. ст.) 1846 г.) (см. в наст. изд. письмо Стасюлевича к Анненкову около 10 августа (н. ст.) 1876 г. и ответное послание Анненкова от 16 августа (н. ст.) 1876 г.). О том, как воспользовался Стасюлевич ответами Анненкова, см. ниже в примеч. к тексту мемуаров.

Очевидно, Стасюлевичу принадлежит и появившееся в 1877 г. измененное название мемуаров Анненкова — «Н. В. Гоголь в Риме летом 1841 года». В настоящем издании в качестве заглавия принято первоначальное название воспоминаний, которое сомнений в авторстве Анненкова не вызывает. В пользу такого решения говорит то, что замысел Анненкова был определенно шире, чем просто воспоминания о трехмесячном пребывании в Гоголем «в Риме летом 1841 года». Ориентированные на «Записки о жизни Н. В. Гоголя...» Кулиша, мемуары Анненкова претендовали на переосмысление биографии и творчества Гоголя в целом. Отсюда стремление мемуариста рассказать не только о пребывании Гоголя в Риме, но и охватить петербургский период жизни писателя, включая даже те годы, в которые Анненков еще не был знаком с Гоголем (см. коммент. ниже), пересказать далее, по книге Кулиша — с своими комментариями, опять-таки неизвестный мемуаристу (за исключением отдельных встреч) период жизни Гоголя после лета 1841-го, и, в итоге, напомнить о зальцбрунском письме Белинского к Гоголю 1847 г. и указать на якобы одолевавшее писателя в конце жизни стремление «оживить все старые» убеждения и «примирить» их с «новым» религиозным мировоззрением. Подзаголовок к первой части «Воспоминаний о Гоголе» — «Рим, летом 1841 года» (напечатанный в журнале шрифтом меньшего размера, чем основное название), сообщал не столько об общем содержании работы, сколько о том, с какого времени мемуарист начинает свои записки. Вероятно, по этой причине подзаголовок не был повторен автором в 1857 г. при публикации второй части «Воспоминаний о Гоголе», хотя и эта часть открывалась римскими воспоминаниями. Последние служили Анненкову лишь основой для далеко идущих выводов. Не случайно, когда позднее сам Анненков обратился к изданию Стасюлевича, то в авторском примечании к «Замечательному десятилетию» он предпочел избежать названия «Н. В. Гоголь в Риме летом 1841 года», обозначив свои мемуары лишь общими словами: «См. мои «Воспоминания и Критические очерки» т. I, в статье о Гоголе» (см. в наст. изд.).

¹ Цифры: «I» — нет в изд. 1857 г.

² Православная и католическая Пасха в 1841 г. совпадали и праздновались 30 марта / 11 апреля. Анненков выехал из Вены 25 февраля / 9 марта 1841 г., 2/14 марта был в Венеции, 19/ 31 марта в Анконе и прибыл в Рим в среду Страстной недели 26 марта / 7 апреля 1841 г. Ср. также свидетельство Анненкова в «Замечательном десятилетии» (1880): «В марте 1841 года я уже был в Риме, поселился близ Гоголя и видел папу Григория XVI действующим во всех многочисленных спектаклях римской Святой <Страстной> Недели...» (см. в наст. изд.).

³ Ветурино (*vetturino*; *ит.*) — извозчик.

⁴ Официант (*ит.*).

⁵ Синьор, я порядочный человек (*ит.*).

⁶ Лорето (*Loreto*), небольшой город в Центральной Италии, близ г. Анкона, известен Домом Богоматери (*Santa Casa*), в котором, по преданию, жила Пресвятая Богородица и который в конце XIII в. был перевезен из Назарета семьей Ангелов (владельцев Эпира) сначала в Далмацию, затем в Италию. Дом Богоматери находится в построенном для него соборе, фасад которого был закончен в конце XVI в. В «Письмах из-за границы» П. В. Анненков сообщал: «Первый предмет на пути моем, подвергшийся осмотру, была Лоретская церковь Богородицы. Вы знаете, под великолепным куполом ее стоит святой дом, где жила в Назарете Мария. Этот каменный четверугольник окружен снаружи другим, каррарского мрамора, на котором горельефы и статуи сивилл и пророков, чудеса искусства времен Возрождения. С наружной стороны окна, где случилось Благовещение, алтарь; внутри дома, на месте, где была главная дверь жилища, алтарь со статуей Мадонны из кедра, резьбы св. Луки, засыпанную драгоценными камнями. Великолепные серебряные лампы кругом карниза едва прогоняют мрак этого святилища, в котором вы видите мужчин и женщин, распростертых на полу, и слышите тихий плач и заглушаемое рыдание... Коленки приходящих к Мадонне за помощью

и утешением вытерли мрамор наружной ступеньки и превратили ее в желобок. Благочестивое предание говорит, что дом Марии был не все время переворотов в Сирии покрыт облаком от нечестивых глаз; потом ангелы перенесли его в Далмацию. Три года стоял он в Далмации, не производя большого влияния на христианский мир; тогда ангелы перенесли его в Лоретто. Иезуиты основали тут монастырь, и богатство всей католической Европы потекло к нему. Французы ограбили церковь и монастырь в 1798 году; теперь, однако ж, снова сокровищницы их полнеют, и богатеет сам город, производящий торговлю одними четками, серебряными сердечками, коронками из цветов и другими вещами для приношений знаменитой Лореттской Мадонне» (<Анненков П. В.> А—в. Письма из-за границы. Письмо V // Отечественные Записки. 1841. № 6 (цензурное разрешение 30 мая). Отд. «Смесь». С. 100; Анненков П. В. Письма из-за границы (1841) // Анненков П. В. Парижские письма. М., 1983. С. 26). О Доме Богородицы в Лорето см. также: Порфирий (Успенский), епископ. Святыни земли Итальянской. (Из путевых записок 1854 года) / Редактор-составитель Е. А. Лукьянов. М., 1996. С. 121–132.

⁷ Читадин (cittadino; *ит.*) — горожанин.

⁸ В изд. 1857 г. было ошибочно: «поезда»

⁹ В изд. 1857 г. было ошибочно: «среде»

¹⁰ В Венеции Анненков был 14 марта (н. ст.) 1841 г.

¹¹ Подразумевается описание Венеции в «Итальянском путешествии» (1816–1829) И. В. фон Гете.

¹² В изд. 1857 г. было ошибочно: «Апенин»

¹³ В изд. 1857 г. было ошибочно: «Апенинские»

¹⁴ *Вуови* (bovi) — волы (*ит.*).

¹⁵ Австерия (остерия, osteria; *ит.*) — трактир, кабачок.

¹⁶ *Birbone* — непорядочный человек, мерзавец, негодяй; шалун, озорник (*ит.*). М. М. Стасюлевич в 1876 г. спрашивал Анненкова: «*Che birbone!* Так ли это: не *lad-rone* ли? <Ladrone — разбойник; *ит.*> Затем следует по-русски: Экой разбойник! — в виде перевода того восклицания». Анненков 16 августа (н. ст.) 1876 г. отвечал: «Я помню хорошо этого *birbone*, потому что тут впервые встретился с чисто римским ругательным словом, напоминающим и доселе Кон-н>етабля Бурбонского» (письмо Стасюлевича к Анненкову около 10 августа (н. ст.) 1876 г. и ответ Анненкова см. в наст. изд.).

¹⁷ Имеется в виду одно из «Руководств для путешественников» английского издателя Джона Муррея (Murray, 1778–1843).

¹⁸ Какая скотина! (*ит.*).

¹⁹ Донжон (*фр.* donjon; от *нар.-лат.* dominio — башня господина) — главная башня в замке.

²⁰ Имеется в виду книга «Состояние Италии» (Italianische Zustände, 1844) немецкого криминалиста Карла Иосифа Миттермайера (1787–1868).

²¹ В изд. 1857 г. было: «владельческих»

²² В изд. 1877 г.: «решиться»

²³ В изд. 1857 г.: ошибочно было: «направо». М. М. Стасюлевич писал Анненкову: «Я сам въезжал в Рим чрез ворота del Popolo, и мне кажется, что *monte Pincio* будет при таком въезде на лево, а у Вас сказано: *направо*. Если Вы не припомните, то я, впрочем, справлюсь в Петербурге на карте Рима». Анненков 16 августа (н. ст.) 1876 г. отвечал: «Все-конечно *Pincio* налево от въезда. Статья наврала — автор привык видеть *Pincio* на право от *Corso* да так и бухнул» (письмо Стасюлевича к Анненкову около 10 августа (н. ст.) 1876 г. и ответное послание Анненкова см. в наст. изд.).

²⁴ Страстная Среда в 1841 г. приходилась не на 28 марта (9 апреля), а на 26 марта (7 апреля). О том, что Анненков приехал в Рим именно в среду 26 марта (ст. ст.) свидетельствует также упоминание им в «Письмах из-за границы» о церковных католических службах Страстной Недели, начиная со среды, и подробное описание службы Великого Четверга: «Я опишу вам теперь церемонии Страстной и Святой Недели. <...> В среду, четверг, пятницу вечером исполнялись в Сикстинской часовне, после псалмов, папскими певчими те духовные концерты, которые под именем *Miserere* <Miserere mei, Domine... — Помилуй мя, Боже... (*лат.*; Пс. 50)> так славятся в Европе; но я скажу вам, что мне чрезвычайно трудно было привыкнуть к голосу здешних певцов»; «В четверг на Страстной Неделе церковь Петра наполнилась народом. В одной из боговых часовен ее приготовлен был трон со скамейками, которые около двух часов пополуни заняты были кардиналами в красных шапках. У ног каждого из них сел духовный из свиты. Немного подалее, в белом одеянии, помещалось 12 сельских священников, изображавшие Апостолов. Ровно в полдень выстрелы с крепо-

сти Св. Ангела возвестили, что папа выступил из Ватиканских палат своих; он воссел на трон, совершенно закрытый длинною, широкою мантией, концы которой придерживали кардиналы-диаконы, так что видна была одна ветхая голова его, особенно отличающаяся каким-то болезненным, плачущим выражением. Тут кардинал прочел Евангелие; другие сняли с него мантию, подвязали фартук, и, окруженный свитой принцев Церкви, тронулся он к Апостолам, лил из золотой вазы воду на обнаженные ноги их и утирал полотенцем; так свершилось омовение ног, за которым следовало в одной из зал Петра угощение бедных священников. Тихо и не подымая глаз, ходил промежду двух рядов их папа, раздавая плоды, цветы и проч., между тем как принимающие падали на колени и целовали руки его» (<Анненков П. В.> А—в. Письма из-за границы. Письмо V // Отечественные Записки. 1841. № 6 (цензурное разрешение 30 мая). Отд. «Смесь». С. 101; Анненков П. В. Письма из-за границы (1841) // Анненков П. В. Парижские письма. М., 1983. С. 27–28).

²⁵ Факин (*facchino*; *ит.*) — носильщик.

²⁶ Cicegone — гид, проводник, чичероне (*ит.*).

²⁷ Носильщик (*ит.*).

²⁸ Слова: «одной» — нет в изд. 1877 г.

²⁹ Мщение, кровная месть (*ит.*).

³⁰ Вместо: «По колена в воде» — в изд. 1877 г. исправлено: «Промокши до костей»

³¹ В изд. 1857 г.: ошибочно было: «пропилей»

³² В изд. 1857 г. было: «своего»

³³ В изд. 1877 г.: «о квартире Гоголя»

³⁴ В изд. 1877 г.: «был внушен Гоголем»

³⁵ В письме от 16 августа (н. ст.) 1876 г. Анненков на вопрос М. М. Стасюлевича: «Впервые познакомился с Гоголем около 1832 года». Так ли?», — отвечал: «Именно в 1832 году, вскоре после появления “Вечеров на хуторе”» (письмо Стасюлевича к Анненкову около 10 августа (н. ст.) 1876 г. и ответ Анненкова см. в наст. изд.). Цензурное разрешение второй части «Вечеров на хуторе близ Диканьки» было дано 31 января 1832 г.; книга вышла в свет в начале марта этого года. Однако далее Анненков сообщает, что познакомился с Гоголем в то время, когда тот жил «на Малой Морской, в доме Лепена», т. е. не ранее осени 1833 г. (см. ниже примеч. 82). Прозвище, данное Гоголем Анненкову — Жюль Жанен, также не могло появиться ранее 1833 г. (см. ниже примеч. 37). Судя по всему, знакомство Гоголя с Анненковым состоялось осенью 1833 г. См. также примеч. 93.

³⁶ По свидетельству самого Анненкова в его «Воспоминаниях...», Гоголь «не любил уже в то время французской литературы, да не имел большой симпатии и к самому народу за “моду, которую они ввели по Европе”, как он говорил: “быстро создавать и тотчас же, по-детски, разрушать авторитеты”» (см. ниже).

³⁷ Возможно, прозвище Жюль Жанен Анненков получил от Гоголя не ранее осени 1833 г. за стремление посвятить себя литературе и журналистике. Оставив в 1832 г. Петербургский горный корпус, Анненков стал тогда вольнослушателем историко-филологического факультета Петербургского университета и, поступив в 1833 г. на службу в канцелярию Министерства финансов, в том же году оставил службу. По воспоминаниям И. И. Панаева, в те годы Анненков вошел в кружок почитателей Э. Т. А. Гофмана — «серапионов», и на «серапионовых вечерах» читал свои первые литературные опыты (см. в наст. изд. «Литературные воспоминания» И. И. Панаева). Позднее, 25 января (н. ст.) 1837 г., Гоголь просил Н. Я. Прокоповича обратиться к «Жюлю», т. е. к Анненкову, с предложением написать повесть: «Я читал одну из старых его повестей, которая длинна и растянута, но в ней много есть такого, что говорит, что вторая будет лучше, а третья еще лучше». В те же годы появился и ряд журнальных публикаций — переводов на русский язык — сочинений французского критика-фельетониста Ж. Г. Жанена (1804–1874), в том числе посвященных Гофману. Вероятно, все это вместе взятое и послужило поводом для прозвища, данного Анненкову Гоголем.

Летом 1833 г. в двух номерах «Московского Телеграфа» были напечатаны «Литературные признания» Ж. Г. Жанена (предисловие к его «Новым рассказам», 1833), в которых автор рассуждал о значении журналистской деятельности (Литературные признания Юлия Жанена // Московский Телеграф, издаваемый Николаем Полевым. 1833. № 9. Май (цензурное разрешение 27 июня). С. 34–73; № 10. Май (цензурное разрешение 10 августа). С. 197–238). (В тех же номерах журнала было опубликовано начало повести Н. А. Полевого «Живописец» (Там же. № 9. С. 74–131; № 10. С. 239–264), следы влияния которой можно обнаружить в повести Гоголя «Портрет».) Кроме того, ранее в том же 1833 г. в «Московском Телеграфе» был напечатан перевод «иронической» повести Ж. Г. Жанена «Гоффман и Паганини», содержание которой нашло отражение в образе пьяницы Гофмана в гоголевском «Невском проспекте». Эта публикация

была сопровождена следующим примечанием переводчика: «Читатели, знакомые с жизнью и сочинениями Гофмана, увидят в этих фантастических очерках верный портрет великого Германского писателя». В начале повести сообщалось: «Он <Гофман> любил полусвет соборной церкви, любил ее продолжительное эхо... <...> Очень часто Теодор плакал в этом храме, и уже потом шел предаться безумному веселью — в кабаке. Но храмы опустели во Франции: там нет более святых хоругвей, нет инокинь с белыми руками, нет благоухания роскошного, нет великолепного органа, нет музыки, нет более ничего. Теодор закрывает лицо перед храмом, не входит туда, и вздыхает проходя перед порталом, еще прекрасным. Зато каждый вечер уходит он, часом раньше прежнего, в кабак. Итак, и я не пойду в храм: пойду прямо в кабак. Поспешим, в этот час Теодор укрывается там...» (Гофман и Паганини. Соч. Юлия Жанена // Московский Телеграф. 1833. № 8. Апрель (цензурное разрешение 27 июня). С. 522–523). Далее рассказчик признается: «Я понял также, отчего я столько любил Теодора. Теодор — это само Искусство, скрытое, Искусство не понимающее себя, Искусство пьяное, ленивое, себялюбивое, однако ж Искусство истинное, народное, Искусство, которое презирает свет, и составляет славу какой-нибудь лавки, или счастье кабака» (Там же. С. 537–538). Возможно, эти признания рассказчика, в свою очередь, послужили Гоголю поводом назвать приятеля пьяниц-ремесленников Гофмана и Шиллера в «Невском проспекте» именем Кунц (die Kunst — искусство; нем.).

Изучение происхождения прозвища Анненкова позволяет, таким образом, обозначить некоторые особенности «петербургских» повестей Гоголя. Показательно, что в помещенном в 1833 г. Н. И. Надеждиным в «Телескопе» биографическом очерке Кс. Мармье «Гофман» также отмечалось пристрастие Гофмана к вину для возбуждения художнического воображения: «...не вино ему нравится, нет, совсем нет! ему сладостна новая теплота, разливаемая в нем вином... Пары Иоганнисбергского бросаются ему в мозг: воображение чувствует себя оседланным и пускается во весь опор. <...> ...Вы хотите, чтобы он не пил? — О! нет! это невозможно!..» (Мармье К. Гофман // Телескоп. 1833. Ч. 16. № 13. С. 109, 111). По словам самого Анненкова, зимой 1840/41 г. по приезде в Берлин он «прямо побегал в погреб, где пьянствовал Гофман» (<Анненков П. В.> А—в. Письма из-за границы. Письмо II // Отечественные Записки. 1841. № 3. Отд. «Смесь». С. 19; см. также: Анненков П. В. Письма из-за границы (1841) // Анненков П. В. Парижские письма. М., 1983. С. 10). В 1911 г. В. В. Розанов в статье «О происхождении некоторых типов Достоевского» указывал: «Кармазинов и Степан Трофимович, в каковых преобразовал Достоевский Тургенева и Грановского, суть эти вот именно “Шиллер” и “Гофман” гоголевского творчества <...> Гоголь взял самое мечтательное, самое эфирное и посадил в “сапожника”...» (<Розанов В. В.> Варварин В. О происхождении некоторых типов Достоевского // Русское Слово. 1911. 28 окт., 4 и 15 ноября, № 248, 254, 263; цит. по: Розанов В. В. Собр. соч. Легенда о Великом инквизиторе. М., 1996. Т. 7. С. 575). «Гоголь, сражаясь с романтизмом, дерзко награждает ничтожных и пошлых ремесленников громкими и святыми для романтиков именами известнейших писателей: Шиллера <...> и Гофмана...» (Макогоненко Г. П. Примечания // Пушкин А. С., Гоголь Н. В. Петербургские повести. М., 1986. С. 330; см. также: Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 9 т. М., 1994. Т. 3–4. С. 480–481; Виноградов И. А. Гоголь — художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания. С. 215–216; Дунаев М. М. Православие и русская литература: Учебное пособие для студентов духовных академий и семинарий. М., 1997. Ч. 2. С. 121–122). По-видимому, в именовании Анненкова Жюлем Жаненом Гоголь вкладывал такую же иронию, как и в «литературные» прозвища немцев-ремесленников. Остается лишь догадываться, была ли эта ирония понятна самому Анненкову. Возможно, мемуарист предпочел об этом умолчать.

Кстати сказать, еще одно из произведений Ж. Жанена — «Исповедь» (Париж, 1830), по-видимому, послужило князю В. Ф. Одоевскому и Гоголю толчком к зарождению замысла альманаха «Тройчатка» (в котором предполагалось также участие А. С. Пушкина; см. в наст. изд. письмо Одоевского к Пушкину от 28 сентября — 2 октября 1833 г.). В. В. Виноградов в 1925 г. указывал: «Вся эта идея коллективного “романа”, посвященного изображению жизни столичного дома — в разных его этажах, вела литератора 30-х годов к тем главам “La confession” Жанена (XLII–XLIII), которые к тому же были самим Жаненом выделены из романа (в “Revue de Paris”, 1830, т. XII) как наиболее яркая иллюстрация принципов <...> поэтики его школы» (цит. по: Виноградов В. В. Романтический натурализм. Жюль Жанен и Гоголь // Виноградов В. В. Поэтика русской литературы: Избранные труды. М., 1976. С. 79; см. также: Томашевский Б. В., Вольперт Л. И. Жанен... // Пушкин: Исследования и материалы / Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии». СПб., 2004. Т. XVIII/XIX. С. 142–143). Исследователь подразумевал начало XLII главы книги Жанена: «Есть нечто более любопытное, чем пирамиды Египта, Кремль или ледники Швейцарии; более удивительное, чем все чудеса, которые стремятся увидеть с такими затратами и усилиями: это большой парижский дом в многолюдном квартале, заселенный от фундамента до крыши. Чрезвычайная роскошь на втором этаже <в источнике: premier

étage; фр.>, крайняя нищета на чердаке, трудолюбивая деятельность в середине» (цит. по изд.: La Confession, par Jules Janin. Nouvelle Odition. Paris, 1861. P. 217). В письме Одоевского описывается «дом в три этажа»: «гостиная» (или, следуя описанию Жанена, premier étage — второй этаж; изобразить гостиную должен был сам Одоевский); «подвал» (или первый этаж — относительно premier étage — отводился Пушкину) и чердак (или, в сопоставлении с «домом» Жанена, третий этаж, «наполнение» которого, уготованное гоголевскому перу, может быть охарактеризовано и как «крайняя нищета», и как «трудолюбивая деятельность»). Примечательно, что замысел «Тройчатки» — как и получение Анненковым от Гоголя «титула Жана Жанена» — также относится к осени 1833 г. (После того, как Пушкин 30 октября 1833 г. ответил Одоевскому отказом (см. в наст. изд.), последний в конце 1833 г. сообщал М. А. Максимовичу: «Я печатаю — ужас — что! — с Гоголем “Двойчатку” <в публикации: Двейчатку>, книгу составленную из наших двух новых повестей...» (*Пономарев С.* Из писем к М. А. Максимовичу // Киевская Старина. 1883. № 4. С. 846). Замысел этот также не был осуществлен.)

³⁸ 24 мая 1835 г. Гоголь в письме из Полтавы, в частности, спрашивал Н. Я. Прокоповича: «...как пребывают Ге, Гус, Гюго, Жанен и проч. и проч.»

³⁹ В изд. 1877 г. ошибочно: «В. А. Панаеву». Первоначально В. А. Панов поселился в Риме отдельно от Гоголя (см. в наст. изд. письмо В. А. Панаова к К. С. Аксакову от 12 января (н. ст.) 1841 г.). По-видимому, позднее, когда началась переписка первых пяти глав «Мертвых душ» и дополнений к «Ревизору», Панов переехал к Гоголю и жил у него до самого своего отъезда из Рима 6 мая (н. ст.) 1841 г. (см. в наст. изд. его письмо к К. С. Аксакову от 6 июня (н. ст.) 1841 г.). В 1876 г. М. М. Стасюлевич спрашивал Анненкова: «В соседней комнате с Гоголем в Риме жил В. А. Па—в. Панаев, что ли?». П. В. Анненков в письме от 16 августа (н. ст.) того же года отвечал: «Прежде меня жил с Гоголем В. А. Панов, комнату которого я и занял. Это был молодой, добрый и несколько туповатый славянофил. Умер рано; от него есть в литературе путешестве не то в Хорватию, не то в Боснию или Герцеговину» (письмо Стасюлевича к Анненкову около 10 августа (н. ст.) 1876 г. и ответ Анненкова см. в наст. изд.). Однако вопреки этому указанию, фамилия была трижды восстановлена в изд. 1877 г. не по разъяснению Анненкова, а по ошибочной догадке Стасюлевича (см. также примеч. ниже).

«Образ Гоголя встречается в <...> недатированном тексте В. Панаова “Рим”; здесь рассказывается о путешествии вчетвером по римским окрестностям: “Отсюда брал свое небо Рафаэль. Здесь на берегу Тибра стоял человек небольшого роста, в белой с широкими полями круглой шляпе, с русыми обстриженными в кружок волосами, — он тоже устремляет взор свой на этот город, ему доступны не одни живописные его красоты. Он проникает своим взором и во внутренние его судьбы, видит его протекшее величие и б<уд>ущие надежды. Он сказал об нем слово, которое еще не говорил ни один из всех чужестранцев, вечно стекающихся в этот город (имеется в виду повесть “Рим”. — И. В.)» (<Суперфин Г. Г.> Черныш Г. Г. Неизвестное письмо Гоголя // Finitis Duodecim Lustris. Сб. ст. к 60-летию проф. Ю. М. Лотмана. Таллин, 1982. С. 113–114).

⁴⁰ В. А. Панов с 26 мая (н. ст.) 1841 г. по 9 августа (н. ст.) 1842 г. был слушателем Берлинского университета (см.: *Ziegengeist G.* Neue Zeugnisse über Varnhagens geplanten Žukovskij-Aufsatz (1840–1842) // Zeitschrift für Slawistik. 1990. Bd. 35. Heft 2. S. 177). См. также в наст. изд. примеч. к дневниковой записи А. И. Тургенева от 13 мая 1840 г.

Гоголь рассчитывал на встречу с Пановым в Берлине в конце сентября — начале октября (н. ст.) 1841 г. (см. адресованное Гоголем на имя П. И. Родионова письмо к Панову из Ганау в Берлин от 24–25 сентября (н. ст.) 1841 г.). Однако эта встреча не состоялась, так как Панаова тогда в Берлине не было. «Он занимался в Дрезденской королевской библиотеке. <...> ...В Берлин он вернулся 19 октября н. ст. 1841 г. (см. в наст. изд. его письмо к матери от 26–29 октября (н. ст.) 1841 г. — И. В.). Гоголь уже уехал на родину вместе с семейством П. М. Языкова, Хованскими и вдовой П. И. Родионова <А. И. Родионовой> с детьми. <...> Родионов Петр Иванович, на имя которого послано <...> письмо Гоголя к Панову, — симбирский помещик, родственник Пановых, Ивашевых и др. (Р о д и о н о в Д. П. Заметка о Родионовых // Русская Старина. 1878. Сент. С. 157–158). В дружеской и семейной переписке выставлен анекдотической фигурой. В мае 1841 г. вместе с женой и малолетними детьми выехал на лечение за границу (Симбир<ские> Губ<ернские> Ведомости, прибавления к № 16, 17, 18). Умер в Берлине в авг<усте>-сент<ябре> 1841 г. В Ганау при Гоголе о случившемся еще не знали» (<Суперфин Г. Г.> Черныш Г. Г. Неизвестное письмо Гоголя // Finitis Duodecim Lustris. Сб. ст. к 60-летию проф. Ю. М. Лотмана. Таллин, 1982. С. 112, 115).

Проезжая через Берлин в начале октября (н. ст.) 1841 г., Гоголь оставил для Панаова вывезенный им из Рима портрет возлюбленной приятеля Джулии (об этом портрете см. также в наст. изд. в письме самой Джулии к Панову от

9–11 мая (н. ст.) 1841 г.). В то время Гоголь отказался передать этот портрет А. И. Родионовой, которая 7 октября (н. ст.) 1841 г. сообщала Панову: «Гоголь не дает вам <нам?> портрет, не знаю его мнений на этот предмет, а я посылала сейчас к нему, и он говорит, я сам буду отвечать, что это значит» (Там же. С. 113). В письме от 26–29 октября (н. ст.) 1841 г. В. А. Панов, в свою очередь, писал матери из Берлина по поводу портрета Джулии: «Когда я приехал сюда, мне ужасно досадно было найти, что портрет мой оставлен здесь. Кажется кн<язь> Хованский, не понявши, вероятно, то, что слышал от Гоголя, уверил Анну Ивановну <Родионову>, будто я не хочу, чтобы портрет мой отвезли в Россию» (Там же. С. 113; см. также в наст. изд.).

«Судя по <...> письму Родионовой, отъезд <Гоголя> из Берлина состоялся не раньше 7 октября н. ст. (1841 г.; см. также письмо Гоголя к В. А. Жуковскому от 7 октября (н. ст.) 1841 г. из Берлина. — *И. В.*). 7 октября ст. ст. <19 октября (н. ст.) 1841 г.> Гоголь был уже в Петербурге (см. в наст. изд. письмо П. А. Плетнева к Я. К. Гроту от 7 октября 1841 г. — *И. В.*) <...> Та же дата названа в известии о прибытии в Петербург А. И. Родионовой, П. М. Языкова и др. <...> Ехали они, вероятно, не морем <...>, а дилижансами (пароходы из Любека были 1 и 8 окт<ября>). П. М. Языков сообщал, что он на свои деньги вез Гоголя (Языков П. М. — Языкову А. М. от 29 окт<ября> 1841 г.) из Петербурга в Сибирск <...>» (<*Суперфин Г. Г.*> *Черныш Г. Г.* Неизвестное письмо Гоголя // *Finitis Duodecim Lustris*. Сб. ст. к 60-летию проф. Ю. М. Лотмана. Таллин, 1982. С. 113, 115–116).

⁴¹ В изд. 1857 г.: «в рост Гоголя»

⁴² В период со второй половины ноября по 17 декабря 1839 г. Во время пребывания в Петербурге с 30 октября до 17 декабря 1839 г. Гоголь с самого приезда по 14–15 ноября жил у П. А. Плетнева, затем — у В. А. Жуковского. Чтения Гоголем первых четырех глав первого тома «Мертвых душ» у Н. Я. Прокоповича состоялись, по-видимому, после переезда Гоголя к Жуковскому во второй половине ноября — первой половине декабря 1839 г. Авторские чтения глав первого тома поэмы состоялись тогда же на квартире В. А. Жуковского (4 декабря), в домах П. А. Валуева (5 декабря) и Карамзиных (11 декабря), на квартире князя П. А. Вяземского (первая половина декабря).

⁴³ В изд. 1877 г.: «Н. Я. Прокоповичу». В 1876 г. М. М. Стасюлевич спрашивал Анненкова: «*Н. Я. Прокопович*. — Прокопович, конечно?». Анненков 16 августа (н. ст.) того же года отвечал: «Конечно Прокопович» (письмо Стасюлевича к Анненкову около 10 августа (н. ст.) 1876 г. и ответное послание Анненкова см. в наст. изд.).

⁴⁴ Как и в окончательном тексте, в сохранившихся редакциях третьей главы первого тома «Мертвых душ» (наиболее ранняя из которых — неполная — относится к 1836–1839 гг.) упомянутое «приветствие» Селифана босой девочке Пелагее отсутствует. Возможно, слово «ноздря» было либо исключено Гоголем из последующих реплик Селифана в разговоре с девочкой, либо заменено на слово «черноногая» в его последней фразе при прощании с Пелагеей: «Он остановился и помог ей сойти, проговорив сквозь зубы: “Эх ты, черноногая!”»

⁴⁵ Гоголь с сестрами Анной и Елисаветой и С. Т. и В. С. Аксаковыми выехал из Санкт-Петербурга в Москву 17 декабря 1839 г.

⁴⁶ Противопоставление Парижа и Италии лежит в основе повести Гоголя «Рим».

⁴⁷ Принчипе (*principe; ит.*) — князь.

⁴⁸ В изд. 1857 и 1877 г. ошибочно: «А. И. Иванов».

⁴⁹ Служитель, слуга, лакей (*ит.*).

⁵⁰ Площадь (*ит.*).

⁵¹ Хорошего вкуса (*ит.*).

⁵² Анненков приводит слова Ф. И. Иордана из воспоминаний Ф. В. Чижова, опубликованных П. А. Кулишом (см. в наст. изд. *Воспоминания Ф. В. Чижова в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша*).

⁵³ Подразумеваются «Рассказы пирятинца» (СПб., 1837) Е. П. Гребенки, обнаруживающие влияние «Вечеров на хуторе близ Диканьки».

⁵⁴ В день Пасхи 30 марта / 11 апреля 1841 г.

⁵⁵ Анненков приводит слова А. О. Смирновой из ее воспоминаний, опубликованных П. А. Кулишом: «Вообще (говорит А. О. Смирновой) он хвастал перед нами Римом так, как будто это его открытие» (см. в наст. изд. *Воспоминания А. О. Смирновой в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша*). В изд. 1877 г. слов: «по замечанию г-жи Смирново>й» — нет. Очевидно, к этому месту относится вопрос М. М. Стасюлевича, заданный Анненкову при подготовке его мемуаров к переизданию: «Кто такая была в Риме: г-жа С-ая?» (очевидно, Стасюлевич предположил здесь фамилию вроде С<осничко>й; см. также ниже примеч. 299). Анненков в письме от 16 августа (н. ст.) 1876 г. отвечал: «В Ри-

ме была одна старуха, имя которой начиналось с С., но полное ее прозвище выскочило у меня совершенно из памяти (имеется в виду М. А. Обухова. — И. В.). Замечательна она была тем, что в одну из ее внучек, Алферьеву, влюбился почти до безумия гравер Ф. И. Иордан и сделался поэтому предметом постоянных шуток и шпыняний со стороны Гоголя, Иванова и всего нашего круга в течение добрых 4–5 месяцев. Алферьева вышла потом замуж за Галахова, сына бывшего полицейстера. Впрочем я не уверен об этой ли С-ой дело идет в статье, так как вы не сообщили при каком случае она упоминается» (письмо Стасюлевича к Анненкову около 10 августа (н. ст.) 1876 г. и ответное послание Анненкова см. в наст. изд.). Поскольку в ответе Анненкова фамилия неизвестной (именно А. О. Смирновой) так не была названа, то слова «по замечанию г-жи С-й» Стасюлевич предпочел снять.

⁵⁶ Подразумеваются А. С. Данилевский и Н. Я. Прокопович.

⁵⁷ Имеются в виду П. А. Плетнев, В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, М. П. Погодин, С. П. Шевырев, Аксаковы и др.

⁵⁸ В изд. 1877 г.: «ко всем его лицам Гоголь»

⁵⁹ Примечание М. М. Стасюлевича появилось после ответа на его вопрос, обращенный к Анненкову: «Записки о Гоголе, изданные Н. М.?» 16 августа (н. ст.) 1876 г. Анненков отвечал: «Записки о Гоголе издал известный Кулиш, но так как после истории с Шевченко, III-е Отделение запретило ему что-либо печатать под своим именем, то он и взял напрокат у своего приятеля Н. А. <Н. Я.> Макарова начальные буквы его фамилии для своего писательского обихода» (письмо Стасюлевича к Анненкову около 10 августа (н. ст.) 1876 г. и ответ Анненкова см. в наст. изд.). О роли «Записок о жизни Н. В. Гоголя...» (СПб., 1856. Т. 1–2) П. А. Кулиша в создании «Воспоминаний о Гоголе» Анненкова см. в наст. изд. преамбулу коммент. к его «Письмам из-за границы», коммент. к письму Анненкова А. В. Дружинину от 1 сентября 1856 г., а также примеч. к самому тексту «Воспоминаний...».

⁶⁰ Воспоминания И. Г. Кулжинского впервые увидели свет в ноябрьском номере «Москвитянина» за 1854 г., а затем перепечатаны П. А. Кулишом в его «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» (Т. 1. С. 23–24) (см. в наст. изд. «Воспоминания учителя» Кулжинского).

⁶¹ Воспоминания Н. И. Иваницкого впервые были напечатаны в февральском номере «Отечественных Записок» за 1853 г. (в качестве редакторского дополнения к статье П. А. Кулиша: «Выправка некоторых биографических известий о Гоголе»), а затем были включены Кулишом в «Записки о жизни Н. В. Гоголя...» (Т. 1. С. 103–106) (см. в наст. изд. раздел А. А. Краевский. <Дополнение к статье П. А. Кулиша «Выправка некоторых биографических известий о Гоголе». (Письмо Н. И. Иваницкого к редактору «Отечественных Записок») >).

Ранее Н. И. Иваницкий в своей «Автобиографии...», сопровождающей подзаголовком: «Начато в 1843 году, в мае месяце в Вологде», и доведенной до конца 1848 г., также упоминал: «Учился я хорошо у одного только Никитенки, который уже начал меня отличать от других. Среднюю историю читал Гоголь. Первая его лекция <“О средних веках”>, напечатанная после в Арабесках, была превосходна; но чем дальше, тем хуже: он редко ездил на лекции, и ничего почти не читал. След<овательно> этот предмет я знал плохо» (Автобиография Николая Ивановича Иваницкого // Щукинский сборник. М., 1909. Вып. 8. С. 243).

⁶² «Воспоминания о Гоголе» М. Н. Лонгинова (см. в наст. изд.) были написаны по поводу «Опыта биографии Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша и впервые опубликованы в мартовском номере «Современника» за 1854 г. Перепечатаны Кулишом в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» (Т. 1. С. 23, 52, 84–86).

⁶³ Воспоминания Ф. В. Чижова о Гоголе были опубликованы П. А. Кулишом в «Записках...» (см. в наст. изд. *Воспоминания Ф. В. Чижова в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша*).

⁶⁴ В изд. 1877 г.: «Смирновой». Воспоминания о Гоголе А. О. Смирновой впервые увидели свет в «Записках...» П. А. Кулиша (см. в наст. изд. раздел *Воспоминания А. О. Смирновой в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша*).

⁶⁵ Обширные воспоминания С. Т. Аксакова о Гоголе впервые были напечатаны П. А. Кулишом в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» (см. в наст. изд. адресованные Кулишу мемуарные письма С. Т. Аксакова 1854 г. «Краткие сведения и выписки для биографии Гоголя» и «Продолжение кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя» С. Т. Аксакова, а также разделы: *Фрагменты из воспоминаний С. Т. Аксакова в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша; С. Т. Аксаков. Из Истории Нашего Знакомства с Гоголем <1832–1840 гг.> <Выписки рукою П. А. Кулиша. Конец ноября — начало декабря 1854 г.>*).

Кроме мемуаров современников, указанных Анненковым, Кулиш в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» поместил также воспоминания о Гоголе его матери, Марии Ивановны, К. М. Базили, Г. И. Высоцкого, Н. Я. Прокоповича,

К. С. Павлова, М. А. Максимовича, Н. Д. Белозерского, П. А. Плетнева, А. П. Елагиной, графа А. К. Толстого, М. С. Щепкина, О. М. Бодянского, А. В. Марковича, Н. Д. Мизко и др. (см. в наст. изд.).

⁶⁶ В изд. 1877 г.: «о жизни Гоголя»

⁶⁷ В изд. 1877 г.: «биографии Гоголя»

⁶⁸ В изд. 1877 г.: «беспременно обвешивает»

⁶⁹ Неточная цитата из письма Гоголя к матери из Травемюнде от 13/25 августа 1829 г. Гоголь отправился за границу около 26 июля 1829 г. и возвратился в Петербург спустя около двух месяцев, 22 сентября.

⁷⁰ Имеются в виду сведения, сообщенные П. А. Кулишом в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» (СПб., 1856. Т. 1. С. 84): «Апреля 1830 г. он определился на службу в Департамент уделов и занял место помощника столоначальника, — но не прослужил здесь и году». См. в наст. изд. *Документы о службе Гоголя в Департаменте уделов*, а также коммент. к *Воспоминаниям А. Я. Головачевой (рожденной Брянской, в первом браке Панаевой)*. Ранее, с середины ноября 1829 г. по февраль 1830 г. «студент» Гоголь служил, или точнее, проходил испытательный срок (был «употреблен на испытание») в Департаменте государственного хозяйства и публичных зданий (см. прошения Гоголя к министру внутренних дел А. А. Закревскому от 27–31 октября 1829 г., и к директору государственного хозяйства и публичных зданий И. У. Пейкеру от 25 февраля 1830 г.).

⁷¹ Сведения о предпринятой Гоголем в сентябре–октябре 1829 г. попытке поступить на петербургскую сцену были также почерпнуты Анненковым в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша (см.: <Кулиш П. А.> *Николай М. Записки о жизни Н. В. Гоголя...* СПб., 1856. Т. 1. С. 74; см. также в наст. изд. *Воспоминания Н. Я. Прокоповича, а также К. С. Павлова и некоторых других знакомых Гоголя по Гимназии высших наук князя Безбородко в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша*).

⁷² См. в наст. изд. коммент. к письму А. А. Иванова к отцу от февраля — марта 1841 г. Сведения о «художнической» деятельности Гоголя Анненков почерпнул из опубликованного П. А. Кулишом в «Записках...» (СПб., 1856. Т. 1. С. 96) отрывка из письма Гоголя к матери от 3 июня 1830 г.: «...каждый день <...> после обеда в 5 часов отправляюсь я в класс Академии Художеств, где занимаюсь живописью, которую я никак не в состоянии оставить... <...> В классе, который посещаю я, три раза в неделю, просидиваю два часа».

⁷³ Знакомство Анненкова с Гоголем состоялось лишь осенью 1833 г. (см. примеч. 35, 37).

⁷⁴ Вопреки заявлению Анненкова, будто Гоголь вступил «на профессорскую кафедру без нужного приготовления к ней», обширные материалы Гоголя по истории и географии, оставшиеся неизвестными мемуаристу, свидетельствуют об основательной подготовке писателя к лекциям (см.: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 8: Классные сочинения. Лекции и материалы по истории и географии. Заметки о русском быте). См. также ниже примеч. 121.

⁷⁵ Об этом Гоголь сообщил в письме к М. А. Максимовичу от 12 февраля 1834 г., цитируемом П. А. Кулишом в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» (СПб., 1856. Т. 1. С. 131).

⁷⁶ Об этом труде Гоголь упоминает в письмах к М. П. Погодину от 1 и 20 февраля 1833 г., также цитируемых П. А. Кулишом в «Записках...» (СПб., 1856. Т. 1. С. 153, 154).

⁷⁷ Сведения об этом Анненков почерпнул из письма Гоголя к М. А. Максимовичу от 22 января 1835 г., цитируемого П. А. Кулишом (см.: <Кулиш П. А.> *Николай М. Записки о жизни Н. В. Гоголя...* СПб., 1856. Т. 1. С. 148).

⁷⁸ В изд. 1857 г. вместо: «изысканием» — ошибочно было: «изысканных»

⁷⁹ Фрагмент из письма Гоголя к матери из Любека от 13 августа (н. ст.) 1829 г., цитируемый П. В. Анненковым по «Запискам...» П. А. Кулиша (СПб., 1856. Т. 1. С. 78).

⁸⁰ Ср. в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша: «...в «Авторской исповеди» <Гоголя> говорится даже, что сюжеты «Ревизора» и «Мертвых душ» даны были Гоголю Пушкиным» (СПб., 1856. Т. 1. С. 194). Хронология событий помогают восстановить письма самого Гоголя. 1 сентября 1835 г. он вернулся в Петербург после четырехмесячного отсутствия. Спустя более месяца, в письме от 7 октября 1835 г., он обратился к Пушкину с просьбой: «Пришлите <...>, если вы взяли с собою, мою комедию, которой в вашем кабинете не находится и которую я принес вам для замечаний <...> пришлите *Женитьбу*». В этом же письме содержится упоминание о «Мертвых душах»: «Начал писать Мертвых душ. Сюжет растянулся на предлинный роман и, кажется, будет сильно смешон. [Но теперь остановился] Но теперь остановил его на третьей главе. Ищу хорошего ябедника, с которым бы можно коротко сойтись. Мне хочется в этом романе показать хотя с одного боку всю Русь. Сделайте милость, дайте какой-нибудь сюжет, хоть какой-нибудь смешной или не смешной, но русской чисто анекдот. Рука дрожит написать тем временем комедию». Поскольку Пушкин

7 сентября 1835 года выехал в Михайловское и вернулся в Петербург лишь 23 октября, то, очевидно, его встреча с Гоголем (и передача Гоголем Пушкину «Женитьбы») могла состояться лишь в период с 1 по 7 сентября. Согласно позднейшему рассказу писателя в «Авторской исповеди», Гоголь прочел в те дни Пушкину «небольшое изображение небольшой сцены» (вероятно, именно отрывок из «Женитьбы»), после чего Пушкин дал ему сюжет «Мертвых душ»: «Он <Пушкин> уже давно склонял меня приняться за большое сочинение и наконец один раз, после того как я ему прочел одно небольшое изображение небольшой сцены, но которое, однако ж, поразило его больше всего мной прежде читанного, он мне сказал: “Как с этой способностью угадывать человека и несколькими чертами выставлять его вдруг всего, как живого, с этой способностью не приняться за большое сочинение! Это просто грех!” Вслед за этим начал он представлять мне слабое мое сложение, мои недуги, которые могут прекратить мою жизнь рано; привел в пример Сервантеса, который хотя и написал несколько очень замечательных и хороших повестей, но, если бы не принял за “Донкишота”, никогда бы не занял того места, которое занимает теперь между писателями, и в заключение всего отдал мне свой собственный сюжет, из которого он хотел сделать сам что-то вроде поэмы и которого, по словам его, он бы не отдал другому никому. Это был сюжет “Мертвых душ”. (Мысль “Ревизора” принадлежит также ему.)».

С приездом Пушкина в Петербург 23 октября 1835 г. — и второй его встречи осенью 1835 г. с Гоголем — последний, по-видимому, получил от поэта сюжет «Ревизора» и, оставив работу над «Мертвыми душами», в поразительно короткий срок, почти за месяц, с конца октября по начало декабря 1835 г., создал первоначальную редакцию нового произведения.

О том, что сюжет «Мертвых душ» принадлежал Пушкину, Гоголь сообщал также в сентябре (н. ст.) 1837 г. А. И. Тургеневу (см. в наст. изд. дневниковую запись А. И. Тургенева этого периода и его письмо к И. С. Аржевитинову от 17 октября 1842 г.).

По поводу передачи Гоголю сюжета «Ревизора» см. также в наст. изд. коммент. к статье Г. П. Данилевского «Основа Яненко (Г. Ф. Квитка). Материалы для истории украинской литературы», а также дневниковые записи О. М. Бодянского от 31 октября 1851 г. и 29 января 1854 г. и *Воспоминания о Гоголе С. Т. Аксакова, М. С. Щепкина, О. М. Бодянского в записи П. А. Кулиша*.

⁸¹ Вероятно, слова А. С. Пушкина были переданы Анненкову в первой половине 1850-х гг. вдовой поэта Н. Н. Ланской (рожд. Гончаровой), когда мемуарист стал издателем и биографом Пушкина (см. в наст. изд. коммент. к фрагменту из «Материалов для биографии А. С. Пушкина»). Это предположение подтверждается сведениями, сообщаемыми по поводу передачи Пушкиным Гоголю сюжета «Мертвых душ» племянником поэта Л. Н. Павлицевым (см. в наст. изд. раздел *Александр Сергеевич Пушкин. 1799–1837. Составлено под редакцией П. А. Ефремова* и коммент. к фрагменту «Из семейной хроники» Л. Н. Павлицева).

⁸² Квартиру в доме Лепена, № 97, на Малой Морской Гоголь снял лишь в начале июля 1833 г. и вплоть до 30 августа 1833 г. проводил лето на даче в Стрельне (см. его письма Гоголя к матери от 4 июля и 30 августа 1833 г.).

⁸³ В изд. 1857 г. ошибочно: «различных нравов»

⁸⁴ Нимченко.

⁸⁵ В изд. 1877 г.: «А. С. Данилевского». Далее в изд. 1877 г.: «товарища Гоголя по Лицею, человека веселых нравов». 16 августа (н. ст.) 1876 г. Анненков на вопрос М. М. Стасюлевича: «Кто это А. С. Д—ий, с помощью которого Гоголь составлял куплеты и песни?» — отвечал: «Это был А. С. Данилевский, товарищ Г<оголя> по лицей, ничем не замечательный, кроме способности к виршеплетству, но прямой, очень честный и веселый человек. Он, кажется, и теперь живет стариком в Полтаве и членом земства» (см. в наст. изд. письмо Стасюлевича к Анненкову около 10 августа (н. ст.) 1876 г. и ответное послание Анненкова).

⁸⁶ Речь идет об опере французского композитора Ф. Обера (1782–1871) «Фенелла» или «Немая из Португалии» (1828) (либретто Э. Скриба и Ж. Делавина).

⁸⁷ Имеется в виду опера французского композитора Дж. Мейербера (наст. имя и фамилия Якоб Либман Беер; 1791–1864) «Роберт-дьявол» (1831), приобретающая европейскую известность; в России поставлена в 1834 г. на сцене Большого театра в Петербурге.

⁸⁸ «Цампа» (1831) — опера французского композитора Л. Ж. Ф. Герольда (1791–1833).

⁸⁹ Вероятно, имеются в виду учителя Патриотического института благородных девиц, находившегося на Васильевском острове (см. в наст. изд. коммент. к разделу *Документы о службе Гоголя в Патриотическом институте благородных девиц*).

⁹⁰ В изд. 1857 г.: «голушки»

⁹¹ На именинных обедах Гоголя 9 мая Анненков мог присутствовать только дважды: в 1834 и 1836 г.

⁹² Ошибка. Имеется в виду свидетельство Н. Д. Белозерского, записанное П. А. Кулишом (см. в наст. изд. *Воспоминания Н. Д. Белозерского в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша*).

⁹³ Речь может идти только об именинном обеде Гоголя 9 мая 1834 г. «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» была впервые напечатана в 1834 г. во второй части альманаха А. Ф. Смирдина «Новоселье» (цензурное разрешение 29 декабря 1833). Работа над повестью также относится к 1833 г., хотя в альманахе Смирдина она появилась с датой: 1831 г., и с подзаголовком: «Одна из неизданных былей пасичника Рудого Панька». В письме к М. А. Максимовичу от 9 ноября 1833 г. Гоголь сообщил, что его «старинная повесть» находится у Смирдина; 2 декабря 1833 г. Гоголь читал повесть по рукописи А. С. Пушкину (см. в наст. изд. дневниковую запись Пушкина от 3 декабря 1833 г.).

⁹⁴ Картина К. П. Брюллова «Гибель Помпеи» была привезена в Петербург в конце июля 1834 г. и выставлена для обозрения в Эрмитаже между 12 и 17 августа. Под непосредственным впечатлением от этой картины Гоголь написал статью «Последний день Помпеи», датированную августом 1834 г.

⁹⁵ Заявление Анненкова в данном случае также не соответствует действительности. Как позволяет судить творческая история повести Гоголя «Вий», образ мертвой роскошной красавицы-помпеянки с картины Брюллова послужил Гоголю прототипом для создания образа мертвой панночки-ведьмы (см., в частности, в наст. изд. коммент. к письму В. С. Аксаковой М. Г. Карташевской от 11 ноября 1841 г., а также коммент. в изд.: *Гоголь Н. В. Собр. соч.*: В 9 т. Т. 2. С. 482; Т. 6. С. 505; *Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем*: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 6. С. 660–663). Несмотря на высокую оценку «Гибели Помпеи», Гоголь, очевидно, хорошо сознавал чувственный характер брюлловской живописи, противопоставляя ее в статье «Последний день Помпеи» религиозному искусству. Такую же оценку картины Брюллова давал позднее святитель Игнатий (Брянчанинов) в письме к художнику от 27 апреля 1847 г.: «Давно видел я, что душа ваша в земном хаосе искала красоты <...> Картина, которая бы решительно удовлетворила вас, должна бы быть картиною из вечности. <...> Всякая красота <...> должна быть помазана Духом, без этого помазания на ней печать тления; она (красота) помогает удовлетворить человека, водимого истинным вдохновением. <...> Когда ж из красоты дышит смерть, он отвращает от такой красоты свои взоры» (Архив Брюлловых // Русская Старина. 1900. Т. 103. № 9. Приложение. С. 163).

⁹⁶ Заявление Анненкова о том, что Гоголь «решительно ничего не читал из французской изящной литературы», лишено оснований и объясняется навязчивым стремлением мемуариста подтвердить тезис В. Г. Белинского о «невежестве» «реакционера» Гоголя (см. в наст. изд. коммент. к «Материалам для биографии А. С. Пушкина» Анненкова и коммент. к разделу <Гоголь о прочитанных по совету Пушкина иностранных книгах> в «Записках А. О. Смирновой», составленных О. Н. Смирновой).

⁹⁷ «По-видимому, сильно преувеличено. Гоголь не мог не иметь понятия о Гете, Шиллере, Тике, Гофмане, хотя бы по русским переводам; те же имена упоминаются в письмах и сочинениях Гоголя» (Гоголь в письмах и воспоминаниях. Составил В. Гиппиус. М., 1931. С. 79).

⁹⁸ Как показывает текстологический анализ, псевдо-свидетельство Анненкова о том, что Гоголь любил В. Скотта якобы «просто с художественской точки зрения», представляет собой простой пересказ характеристики Гоголем «драматического искусства» В. Скотта, а также Шиллера и Шекспира, в статье «Шлецер, Миллер и Гердер». По мнению Гоголя, историку, способному написать всемирную историю, необходимо владеть, помимо прочего, «высоким драматическим искусством» — искусством, состоящим «в драматическом интересе всего творения, который сообщил бы ему неодолимую увлекательность», и в умении «развивать крупные черты характеров в тесных границах», а также «занимательностью рассказа Вальтера Скотта и его умением замечать самые тонкие оттенки». Отсутствие в этой гоголевской статье какой-либо характеристики творчества В. Скотта с содержательной стороны дало Анненкову смелость утверждать, будто отношение Гоголя к шотландскому писателю — это лишь восхищение «художественным мастерством». Рассчитанное на то, что других свидетельств об отношении Гоголя к Вальтеру Скотту не существует, заявление Анненкова оказалось ошибочным. В статье «Петербургская сцена в 1835–36 г.», которая была опубликована впервые спустя девять лет после смерти Анненкова (и соответственно не была известна мемуаристу), сам Гоголь противопоставляет шотландского романиста писателям «отчаянно дерзким, какими производятся мятежи в обществах». Из этой статьи вполне определенно явствует, что уже «ранний» Гоголь разделял взгляды критиков, видевших в Вальтере Скотте «представителя охранительных начал».

⁹⁹ Имеется в виду так называемое «торговое направление» в русской журналистике, начало которому положил в 1834 г. выход в свет первого номера журнала «Библиотека для Чтения», издававшегося А. Ф. Смирдиным под редакцией О. И. Сенковского и Н. И. Греча. К этому времени относится замысел Гоголя написать «историю русской критики» (см. в наст. изд. дневниковую запись А. С. Пушкина от 7 апреля 1834 г.). Результатом этого неосуществленного замысла стала опубликованная в 1836 г. в первом томе пушкинского «Современника» статья Гоголя «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году». Заглавие этой статьи напоминает заглавие написанной ранее Гоголем статьи-лекции «О движении народов в конце V века». Эта переключка связана с представлением Гоголя о журнальной литературе (и журналисте) как новом «вожде» общества и нации в целом. Журналистскую деятельность Гоголь прямо описывает в этой статье в терминах военных кампаний (ср. с комментируемыми строками Анненкова о «союзе денежных интересов в литературе со всеми его изворотами, войнами, триумфами и победными маршами»): «Литературный корпус ограничился только слабою перестрелкою небольших, самовольно поднявшихся эскадронов...»; «...никогда, может быть, не было легче делать нападение... неприятель решительно действовал без всякого плана, враспынную, наездами и набегамы...»; «Этот журнал всегда оказывал оппозицию противу всякого счастливого наездника...» С азиатским «набегом» и сравнивается в статье появление в свет «Библиотеки для Чтения»: «Что ж делать? Это набег. Это явление, часто происходящее в природе... Всегда история извиняла счастливых завоевателей...». 20 февраля 1835 г. Гоголь, побуждая М. П. Погодина к более деятельному участию в издании «Московского Наблюдателя», писал: «Признаюсь, я вовсе не верю существованию вашего журнала более одного года. Я сомневаюсь, бывало ли когда-нибудь в Москве единодушие и самоотвержение, и начинаю верить, уж не прав ли Полевой, сказавши, что война 1812 есть событие вовсе не национальное и что Москва невинна в нем». Продолжает свою мысль Гоголь в письме к другому пайщику «Московского Наблюдателя», С. П. Шевыреву: «Москве предстоит старая ее обязанность спасти нас от нашествия иноплемennых языков» (письмо от 10 марта 1835 г.). Имея в виду статью Шевырева «Словесность и торговля», открывавшую «Московский Наблюдатель» (1835. Март. Кн. 1), Гоголь в статье «О движении журнальной литературы...», в частности, замечал: «...Автор <...> обратил внимание не на главный предмет. <...> ...Он гремел против пишущих за деньги, но не разрушил никакого мнения в публике касательно внутренней ценности товара. <...> Что литератор купил себе доходный дом или пару лошадей, это еще не беда; дурно то, что часть бедного народа купила худой товар и еще хвалится своею покупкою». Позднее эти размышления Гоголя нашли отражение в повести «Портрет» (см. коммент. в изд.: Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 3–4. С. 587). Характерно, что редактор «Московского Наблюдателя» В. П. Андросов, критически охарактеризованный в анонимной статье Гоголя («...г. Андросов явился в “Московском Наблюдателе” вовсе незаметным лицом»), полагая, что автором статьи был Пушкин, 1 мая 1836 г. с возмущением писал А. А. Краевскому: «...Пушкин удостоил меня вспомнить в статье о движении “Русских” жур<налов>”: Там, помнится мне, сказано, что я не высказал еще моего литературного мнения. Боже мой! Что это у них <за> литература?» (Мани Ю. В. Гоголь. Труды и дни: 1809–1845. М., 2004. С. 437).

¹⁰⁰ Лепаж — французский оружейник.

¹⁰¹ В изд. 1857 г. ошибочно: «перед собою на корму»

¹⁰² В изд. 1857 г. ошибочно: «взглянув на корму»

¹⁰³ В изд. 1857 г.: «в постелю»

¹⁰⁴ Подтверждение свидетельству Анненкова можно найти в статье Гоголя «Петербургская сцена в 1835–36 г.», написанной вскоре после первой постановки «Ревизора» — в конце апреля 1836 г. В этой статье содержится как бы самое ядро замысла «Шинели», опубликованной впервые в т. 3 «Сочинений Николая Гоголя» (СПб., 1842). Внимание к себе привлекают Приводимые Гоголем в статье характеристики двух противоположных подходов к исполнению служебного долга. С одной стороны, как бы подводя итог своих творческих усилий в изображении положительных и отрицательных художественных типов, Гоголь ставит в статье задачу создания принципиально нового художественного образа — который, в отличие от «уродов» «Ревизора», носил бы положительный характер, а в отличие от «Тараса Бульбы», был почерпнут из современной действительности. «Изобразите нам, — писал Гоголь, — нашего честного, прямого человека, который среди несправедливостей, ему наносимых <...> исполнен той же русской безграничной любви к Царю своему, для которого бы он и жизнь <...> готов принести, как незначущую жертву. Пусть он <...> не разглагольствует об этих чувствах, но упорно хранит в душе их, как старую свою святыню <...> воспитанную тысячелетием». С другой стороны, в числе отрицательных героев, заслуживающих обличения на русской сцене, Гоголь упоминает в статье о «чиновнике канцелярии, который вместо того, чтобы исполнять священные обязанности наложенной на него должно-

сти, думает только за тем, чтобы красиво была написана бумага». Слова Гоголя о преданном Государю и Отечеству, готовом к самопожертвованию человеке, а также размышление о чиновнике, озабоченном только внешним оформлением бумаги, в равной степени могут служить авторским комментарием к «Шинели» (подробнее см.: *Виноградов И. А.* «Я брат твой». О повести Н. В. Гоголя «Шинель» // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Сборник научных трудов. Вып. 3. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского унта, 2001. С. 214–239).

¹⁰⁵ Подразумевается В. Г. Белинский. Ср. отзыв Гоголя о Белинском 1835 г., переданный Анненковым в «Замечательном десятилетии»: «...Не понимаю, чем он (Белинский) <...> восхищается в повестях Полевого» (см. в наст. изд.).

¹⁰⁶ Имеются в виду статьи «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» и «Петербургские записки 1836 года».

¹⁰⁷ Вместо: «составляла и» — в изд. 1877 г. исправлено: «и составляла»

¹⁰⁸ Сам Гоголь в письме к А. О. Смирновой от 28 декабря (н. ст.) 1844 г. замечал о своей жизни 1830-х гг. среди петербургских литераторов: «Никто из них меня не знал. По моим литературным разговорам всякий был уверен, что меня занимает одна только литература...»

¹⁰⁹ Имеется в виду письмо Гоголя к С. Т. Аксакову из Рима от 28 декабря (н. ст.) 1840 г. Возражения Анненкова вызваны отрывком из мемуаров С. Т. Аксакова о Гоголе, включенных П. А. Кулишом в «Записки о жизни Н. В. Гоголя...», а именно пояснением Аксакова к указанному гоголевскому письму: «Очевидно, (продолжает С. Т. Аксаков), что это письмо написано уже совсем в другом тоне, чем все предыдущие. Этот тон сохранился уже навсегда. Должно верить, что *много чудного совершилось* с Гоголем, потому что он с этих пор изменился в нравственном существе своем. Это не значит, что он сделался другим человеком, чем был прежде; внутренняя основа всегда лежала в нем, даже в самых молодых годах; но она скрывалась, так сказать, наружностью внешнего человека. Отсюда начинается постоянное стремление Гоголя к улучшению в себе духовного человека и преобладание религиозного направления, достигшего впоследствии, по моему мнению, такого высокого настроения, которое уже несовместимо с телесным организмом человека. Я не спрашивал Гоголя в подробности, что с ним случилось, частью из деликатности, не желая насильно его природной скрытности, а частью потому, что боялся дотрагиваться до таких предметов и явлений, о которых одно воспоминание могло его расстроить. Слова самого Гоголя в этом письме утверждают меня в том мнении, что он начал писать “Мертвые души”, как любопытный и забавный анекдот, — что только впоследствии он узнал, говоря его словами, “на какие сильные мысли и глубокие явления может навести незначительный сюжет”, — что впоследствии мало-помалу составилось это колоссальное создание, наполнившееся болезненными явлениями нашей общественной жизни, — что впоследствии почувствовал он необходимость исхода из этого страшного сборища человеческих уродов, необходимость примирения...» (<Кулиш П. А.> *Николай М.* Записки о жизни Н. В. Гоголя... СПб., 1856. Т. 1. С. 272; см. также в наст. изд. «Краткие сведения и выписки из писем для биографии Гоголя <1836–1844 гг.> <Письмо к П. А. Кулишу. 10 июня 1854 г.>» С. Т. Аксакова и его же «Историю нашего знакомства с Гоголем...»).

¹¹⁰ Имеется в виду черновой набросок «1834», впервые опубликованный П. А. Кулишом (*Кулиш П. А.* <*Николай М.* Записки о жизни Н. В. Гоголя... СПб., 1856. Т. 1. С. 128–129). Курсив в цитате принадлежит П. В. Анненкову.

¹¹¹ В заметке Гоголя «1834» под «гением» подразумевается Ангел-Хранитель: «Молю тебя, жизнь души моей, [Хранитель Ангел] мой — Гений». Позднее, в конце 1840-х — начале 1850-х гг., Гоголь, обозначая в «Оглавлении» <к сборнику стихотворений> стихотворение графини Е. П. Ростопчиной «Туда, где жизнь. Вечерняя беседа души с Ангелом-Хранителем» (1840), написал: «“Беседа души с гением” гр. Е. Ростопчиной».

¹¹² Гоголь вместе с А. А. Божко выехал из Петербурга на родину около 27 июня 1832 г.; прибыл в ним в Москву около 30 июня и пробыл здесь до 7 июля 1832 г.

¹¹³ Вместо: «чрезвычайно хлопотал на заставе» — в изд. 1877 г. исправлено: «на заставе устроил дело так». Поправка была сделана М. М. Стасюлевичем, выразившим в 1876 г. справедливое сомнение в достоверности описанного Анненковым случая. В письме, отправленном около 10 августа (н. ст.) 1876 г., Стасюлевич спрашивал Анненкова: «“Чтобы попасть в Моск<овские> Вед<омости> не коллежским регистратором, *каковым был*, а коллежским ассессором” и т. д. Но это время Г<оголь> был уже адъюнктом университета; да притом и как воспитаник лицея, он не мог быть коллежским регистратором. Тут что-то не ладно, а выходит такая штука, что Гоголь на заставе, будучи кол<лежским> регистрат<ором>, объявил себя коллеж<ским> ассессором. Вот слово в слово у Вас: “Г<оголь> чрезвычайно хлопотал на заставе, чтобы попасть” и т. д. см. выше». В ответ Анненков заявлял: «Позвольте. Не то, что выходит такая штука —

будто Гоголь наврал на себя штабский чин, а действительно такая штука вышла в натуре и только осторожный не в меру тон статьи может рождать некоторое сомнение в этом факте. Гоголь подчистил на подорожной предикат “регистратор” и заместил его другим “ассессор”. Так он и был припечатан и явился в Москву, где ему была сделана овация — все это принадлежит к началу его карьеры. Адъюнктом Университета он еще не был, а задумывал сделаться им, а что он выпущен из Нежинского лицея, не имевшего всех прав Петербургского — регистратором — это несомненно. Следовательно бы автору, конечно, яснее выразиться, да как же говорить о подчистке — ведь это значило бы обвинять в уголовщине, на что я и теперь никак не могу согласиться» (письмо Стасюлевича к Анненкову и ответное послание Анненкова от 16 августа (н. ст.) 1876 г. см. в наст. изд.).

Несмотря на категорическое возражение Анненкова, сообщаемые им в данном случае сведения недостоверны. Основанием для псевдо-свидетельства Анненкова послужило то, что из нежинской Гимназии высших наук Гоголь, действительно, был выпущен с правом на чин коллежского регистратора (14-го, низшего класса). Как явствует из послужного списка Гоголя, в чине коллежского регистратора он был утвержден 3 июня 1830 г. при прохождении службы в Департаменте уделов (см. в наст. изд. <Аттестат, выданный Гоголю из правления Санкт-Петербургского университета 14 мая 1836 г.>). «Коллежским регистраторишкой» и называл Гоголя — уже в период выхода в свет «Ревизора» (1836) — его бывший начальник в Департаменте уделов В. И. Панаев — пришедшийся родным дядей И. И. Панаеву, близкому приятелю Анненкова с начала 1830-х гг. (см. в наст. изд. *Воспоминания А. Я. Головачевой (рожденной Брянской, в первом браке Панаевой)* и «Литературные воспоминания» И. И. Панаева). (Добавим, что, очевидно, периодом между 1829 и 1 апреля 1831 г. следует датировать подписи Гоголя, сделанную под рисунком известного художника: «Это я, Николай Васильев сын Гоголь-Яновский, — четырнадцатого класса», — которая была вклеена позднее в экземпляр четвертого тома «Сочинений Николая Гоголя» 1842 г. изд.; см.: Н. В. Гоголь в портретах, иллюстрациях, документах. 2-е изд. Л., 1959. С. 268.) Однако напрасно было бы искать в «Московских Ведомостях» 1832 г. сообщения о прибывшем в Москву «коллежском ассессоре» Гоголе. Вопреки рассказу Анненкова (и мнению о «свидетельству» В. И. Панаева), уже с момента поступления в Патриотический институт (с 1 апреля 1831 г.) Гоголю был присвоен чин 9-го класса — титулярный советник (см. в наст. изд. *Аттестат, выданный Гоголю в Департаменте уделов*). (Позднее, в первой половине 1834 г. — еще до зачисления адъюнкт-профессором в Петербургский университет (19 июля 1834 г.), Гоголь был уже коллежским ассессором (8-й класс). 8 июня 1834 г. он сообщил М. А. Максимовичу: «Я имею чин коллежского ассессора...») Недостоверное предание о начинающем карьере Гоголе — «коллежском регистраторе», тщеславно выдающем себя в 1832 г. за «коллежского ассессора», понадобилось Анненкову (который познакомился с Гоголем лишь в 1833 г.) с единственной целью: лишний раз подчеркнуть различие между «ранним» и «поздним» Гоголем. Именно после приведенного рассказа, Анненков заявляет: «Таким был <...> молодой Гоголь! Великую ошибку делает тот, кто смеялся Гоголя последнего периода с тем, который начинал <...> жизнь в Петербурге...»

¹¹⁴ В других отзывах о Гоголе Анненков был не столь категоричен; не отрицая религиозности писателя в раннем периоде, он лишь называл ее — в угоду своей концепции — «плутовством» (см. в наст. изд. его письмо к М. М. Стасюлевичу от 24 октября (н. ст.) 1874 г.).

¹¹⁵ Союза «и» — нет в изд. 1877 г.

¹¹⁶ Название «Авторская исповедь» (1847) было дано этому незаглавленному произведению Гоголя после смерти писателя С. П. Шевыревым. Впервые опубликовано Н. П. Трушковским в изд.: Сочинения Н. В. Гоголя, найденные после его смерти: Мертвые души, том второй (пять глав), и Авторская исповедь (М., 1855; цензурное разрешение — 26 июля 1855) (цензурное разрешение 2-го изд., «с издания 1855 г. без перемен» — 13 янв. 1856). Сокращенным вариантом «Авторской исповеди» является статья Гоголя «Искусство есть примирение с жизнью» (письмо к В. А. Жуковскому от 10 января (н. ст.) 1848 г.).

¹¹⁷ Подразумеваются следующие строки «Авторской исповеди»: «...Как только я почувствовал, что на поприще писателя могу сослужить так же службу государственную, я бросил все: и прежние свои должности, и Петербург, и общества близких душе моей людей, и самую Россию, затем чтобы вдали и в уединенье от всех обсудить, как это сделать, как произвести таким образом свое творенье, чтобы доказало оно, что я был также гражданин земли своей и хотел служить ей». Имея в виду эти слова Гоголя, П. В. Анненков возражает на следующие строки П. А. Кулиша в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...»: «...В “Авторской исповеди” мы находим новое объяснение, почему он оставил службу и удалился из России... <...> Он говорит, что причину этой поездки, кроме некоторых неприятностей, были задуманные им то-

гда “Мертвые души” и что этот труд свой он считал прямою государственною службою. Я уверен, что многим, знавшим Гоголя лично, покажутся странными слова его. Они приведут в недоумение и тех, кто будет перечитывать заграничные письма Гоголя, помещенные далее в моем “сборнике”. Припоминая его обыкновенные разговоры, его саркастические выходки и разные житейские дразги, никто не скажет, чтоб Гоголь в своей поездке за границу управлялся всего более желанием быть тем, чем он не в состоянии был показать себя на службе, то есть “гражданином земли своей”; ибо он не любил обнаруживать даже и перед близкими друзьями сокровеннейших движений души своей... <...> Потому-то многие, перед выездом его за границу, слышали от него только жалобы на северный климат и на разные неприятности в сношениях с холодными и тупыми людьми; некоторые объясняли себе его удаление из России неудачною привязанностью к одной девице, — привязанностью, которая не могла бы ни к чему привести его. Но никто ни прежде, ни после его отъезда не мог иметь и в помышлении, чтобы на этот раз государственная служба, как всегда, стояла впереди всех его действий. Есть люди — и их довольно много — которые, не находя возможности согласить в уже противоположные, по-видимому, поступки Гоголя в разные эпохи его жизни, полагают, что он только впоследствии начертил себе известный план поведения, и уверял себя и других, что он никогда не чувствовал и не действовал иначе. Но ведь это же самое говорят и относительно его религиозности, опираясь на нескольких словах, вырвавшихся у него из уст в минуты беззаботной веселости. А между тем он смертию своею доказал, что он был не только истинный христианин, но и покорнейший сын Православной Церкви. <...> ...Когда передо мной открылись все материалы для его биографии, которые читатель найдет в этой книге, и я вошел в более близкие отношения с душою поэта, мои сомнения и недоверчивость к нему начали уступать место вере в искренность его убеждений и удивлению к его постоянным усилиям возвыситься над самим собою» (*Кулиш П. А.* > *Николай М.* Записки о жизни Н. В. Гоголя... СПб., 1856. Т. 1. С. 186–188).

¹¹⁸ См. примеч. 74 и 121.

¹¹⁹ В изд. 1877 г.: «покоявшейся “Телескопу”». В 1876 г. М. М. Стасюлевич писал Анненкову: «Симпатический отголосок в петербург<ской> публике (к “Миргороду”), почти безусловно покорявшейся *Журналу*, выражавшему ее. Какой это журнал? Отецеств<енные> Зап<иски>? Да разве Белинский писал уже в это время (1832–34) там?» Анненков 16 августа (н. ст.) 1876 г. отвечал: «Симпатический Гоголю журнал был *Телескоп*, где литературной критикой заведовал, как известно, Белинский» (письмо Стасюлевича к Анненкову около 10 августа (н. ст.) 1876 г. и ответное послание Анненкова см. в наст. изд.).

¹²⁰ В изд. 1877 г.: «был сначала»

¹²¹ Далее в изд. 1877 г.: «в “Телескопе”». Речь идет о статье В. Г. Белинского «О русской повести и повестях г. Гоголя (“Арабески” и “Миргород”», опубликованной в сентябре 1835 г. в № 7 и 8 “Телескопа». Так же, как в письме к А. Н. Пылину от 1 июня (н. ст.) 1874 г. и в «Замечательном десятилетии» (см. в наст. изд.), Анненков в «Воспоминаниях о Гоголе» умалчивает о том, что в статье «О русской повести и повестях г. Гоголя.» Белинский поддержал язвительные отзывы об «Арабесках» Гоголя О. И. Сенковского (Библиотека для Чтения. 1835. Т. 9. Ч. 1 (цензурное разрешение 27 февр.). Отд. VI. С. 10) и Ф. В. Булгарина (Северная Пчела. 1835. 1 апр. № 73. С. 289–292). Представив Гоголя как гениального бессознательного художника («только поэт, а не другое что-нибудь»), Белинский крайне неприязненно отозвался тогда о Гоголе-мыслителе: «Я очень рад, что заглавие и содержание моей статьи избавляет меня от неприятной обязанности разбирать ученые статьи г. Гоголя, помещенные в “Арабесках”. Я не понимаю, как можно так необдуманно компрометировать свое литературное имя... Если подобные этюды ученость, то избавь нас Бог от такой учености!» (*Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 1. С. 184). Насколько справедлив был отзыв критика об «ученых статьях» «Арабесок» (четыре из которых были опубликованы ранее в «Журнале Министерства Народного Просвещения» С. С. Уварова), можно судить из того, что читанные Гоголем с кафедры Петербургского университета статьи-лекции этого сборника произвели большое впечатление не только на студентов, но и на А. С. Пушкина и В. А. Жуковского. Достоинство взглядов Гоголя как мыслителя отмечали в то время В. В. Стасов, В. К. Кюхельбекер, В. П. Боткин, К. Н. Бестужев-Рюмин, архимандрит Феодор (Бухарев), В. Т. Плаксин и др. Позднее С. А. Венгеров, благодаря публикациям Г. П. Георгиевского гоголевских материалов по истории и географии, окончательно опроверг представление о «ненаучности» ранних статей писателя (см. также примеч. 74). В 1842 г. и сам Белинский оценил их иначе. Однако с выходом в свет «Выбранных мест из переписки с друзьями» критик не замедлил вернуться к прежнему определению Гоголя как «только поэта». В своем известном зальцбруннском письме к Гоголю 1847 г. Белинский утверждал: «...Вы глубоко знаете Россию только как художник...» (*Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 8. С. 283). См. также в наст. изд. отрывок из письма В. Г. Белинского к А. И. Герцену от 6 апреля 1846 г.

¹²² В изд. 1877 г.: «многочисленными противниками»

¹²³ В изд. 1877 г.: «к Гоголю»

¹²⁴ Имеется в виду фрагмент из письма Гоголя к А. С. Пушкину от конца апреля 1836 г., опубликованный в 1841 г. под названием «Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления “Ревизора” к одному литератору».

¹²⁵ Премьера «Ревизора» состоялась в Петербурге на сцене Александринского театра 19 апреля 1836 г. Роль Хлестакова («главное лицо комедии») играл Н. О. Дюр. В «Отрывке из письма, писанного автором вскоре после первого представления “Ревизора” к одному литератору» Гоголь замечал: «Главная роль пропала; так я и думал. Дюр ни на волос не понял, что такое Хлестаков. Хлестаков сделался <...> чем-то вроде целой шеренги водевильных шалунов, которые пожаловали к нам повертеться из парижских театров. Он сделался просто обыкновенным вралем, — бледное лицо, в продолжение двух столетий являющееся в одном и том же костюме».

¹²⁶ Вместо: «Мне, свидетелю этого первого представления, позволено» — в изд. 1857 г. было: «Свидетелю этого первого представления позволено». 16 августа (н. ст.) 1876 г. Анненков на вопрос М. М. Стасюлевича: «Были Вы сами на первом представлении “Ревизора”? Это у Вас не ясно», — отвечал: «Вот подите! Мне казалось, что не может быть и сомнения в том, что только очевидец способен рассказать так подробно физиономию публики в вечер первого представления “Ревизора”, а затем еще и ночной чай в квартире Прокоповича, но, однако ж, вышло не ясно. Уясните это как-нибудь: я очень дорожу воспоминанием о знаменитом театральном вечере, на котором присутствовал вместе с императором Николаем Павловичем» (письмо Стасюлевича к Анненкову около 10 августа (н. ст.) 1876 г. и ответ Анненкова см. в наст. изд.).

¹²⁷ Отпечатанная книга (с цензурным разрешением от 13 марта 1836 г.) поступила в цензурный комитет 19 апреля 1836 г.; билет на выпуск книги из типографии был выдан цензором П. А. Корсаковым 20 апреля 1836 г. (см.: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. М., 2003. Т. 4. С. 597).

¹²⁸ «В городском архиве Любека <...> сохранились пожелтевшие листы со списками пассажиров, прибывших в 1836 году из Санкт-Петербурга в Травермюнде. На этой балтийской (остзейской) линии уже курсировали тогда три российских парохода: “Николай I”, “Александра” и “Наследник”. В списке пассажиров, прибывших на “Николае I” в Травермюнде 26 июня <н. ст.>, среди девяноста фамилий можно встретить и немало русских, в том числе небезызвестных. Это, к примеру, “княгиня Вяземская с детьми и прислугой (5 человек)”, “коллежский ассессор Галахов”, “граф Кутузов”, а также “господин Гоголь, чиновник” (Archiv der Hansestadt Lübeck. Amt Travemünde. VIII. b. Liste der mit dem Damfschiffe “Nicolay I” von St. Petersburg am 26 Juni 1836 in Travemünde angekommenen Passagiere. Unzahl I. Очевидно, Гоголь сам по прибытии отрекомендовался “чиновником” (Beamter), не назвав своей *свободной* профессии). Выехать из Травермюнде прибывший *чиновник* мог разве что на следующий день, то есть одну ночь, как минимум, пришлось провести ему в курортно-портовом городке. Скорее всего, остановился он в расположенной поблизости от порта, на набережной, гостинице “Hotel de Russie”, переименованной осенью 1914 года (начавшаяся Первая мировая война продиктовала срочную смену “вывесок”) в “Deutsche Kaizer” и сохраняющей это анахроничное название до сих пор» (впервые опубликовано: *Соколянский М. Г.* Гоголь в Любеке // Литературные мелочи прошлого тысячелетия. К 80-летию Г. В. Краснова. Сборник научных статей. Коломна, 2001. С. 91, 93; печатается по изд. *Соколянский М. Г.* Гоголь: грани творчества: Статьи. Очерки. Одесса, 2009. С. 11, 14; с дополнением по изд. 2001 г.).

¹²⁹ Цитируется «Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления “Ревизора”» к одному литератору, датированный Гоголем 25 мая 1836 г.

¹³⁰ О гибели А. С. Пушкина Гоголь узнал в Париже в конце февраля (н. ст.) 1837 г. См. в наст. изд. коммент. к письму Анд. Н. Карамзина матери от 1–5 марта (н. ст.) 1837 г.

¹³¹ Письмо к Н. Я. Прокоповичу в Петербург от 25 января (н. ст.) 1837 г. из Парижа.

¹³² Курсивное выделение заключительных строк письма принадлежит Анненкову. Публикуя «неизданный отрывок» из этого послания, Анненков, в частности, опустил в нем фрагмент, заключающий в себе гоголевскую критику парижской жизни (развернутую позднее в повести «Рим») (этот пропуск, очевидно, был сделан мемуаристом по идеологическим соображениям), а также два упоминания о самом Анненкове (под прозвищем Жюль): «Я попал в Париж почти нечаянно. В Италии холера, в Швейцарии холодно. <...> Я получил письмо от Данилевского, что он скучает в Париже, и решился ехать разделять его скуку. Париж город хорош для того, кто именно едет для Парижа, чтобы погрузиться во всю его жизнь. Но для таких людей, как мы с тобою, — не думаю, разве нужно скинуть с каждого из нас по

8 лет. К удобствам здешним приглядишься, тем более, что их более, нежели сколько нужно; люди легки, а природы, в которой всегда находишь ресурс и утешение, когда всё приесться, — нет: итак, нет того, что бы могло привязать к нему мою жизнь. Жизнь политическая, жизнь вовсе противоположная смиренной художнической, не может понравиться таким счастливым праздным, как мы с тобою. Здесь всё политика, в каждом переулке и переулке библиотека с журналами. Остановишься на улице чистить сапоги, тебе суют в руки журнал; в нужнике дают журнал. Об делах Испании больше всякой хлопот, нежели о своих собственных. Только в одну жизнь театральную я иногда вступаю: итальянская опера здесь чудная! <...> Скажи Жюлю: как, право, не совестно ему жить с мамзель Жорж. Ведь ей 67 лет. Да при этом видно, что она только красотой своей брала. Игра ее очень монотонна и часто напыщенна. Впрочем, говорят, что ее нужно видеть только в старых трагедиях, которых однако ж не играют вовсе на том театре, где она теперь находится. Играет она в театре Porte St. Martin, где играют только одни новые драмы и мелодрамы и где зрители шумят больше, нежели на всех других театрах. <...> Жюля особенно попроси, чтобы написал ко мне. Ему есть о чем писать. Верно, в канцелярии случился какой-нибудь анекдот. Если действующие лица выше надворных советников, то, пожалуй, он может поставить вымышленные названия или господин N. N. Скажи ему, что если он меня сколько-нибудь любит, пусть непременно напишет тоже повесть, напечатает и пришлет мне».

¹³³ Критически отзываясь о «Вечерах на хуторе близ Диканьке», «Арабесках» и «Ревизоре», Гоголь в то же время из своего предшествующего творчества особо выделял две повести «Миргород» — «Старосветские помещики» и «Тарас Бульба». В письме к В. А. Жуковскому от 18 апреля (н. ст.) 1837 г. он обращался к поэту с просьбой обратить на эти повести внимание императора Николая I: «Это те две счастливые повести, которые нравились совершенно всем вкусам и всем различным темпераментам. Все недостатки, которыми они изобилуют, вовсе неприметны были для всех, кроме вас, меня и Пушкина. Я видел, что по прочтении их более оказывали внимания. Если бы их прочел Государь! Он же так расположен ко всему, где есть [верные] теплота чувств и что пишется прямо от души...» Письмо это было впервые опубликовано в 1871 г. и осталось неизвестным Анненкову.

¹³⁴ Цитата из письма Гоголя к М. П. Балабиной от 30 мая (н. ст.) 1839 г. из Рима. Вопреки заявлению П. В. Анненкова, негативные отзывы Гоголя о Германии появились в его письмах задолго до посещения Италии. В частности, еще в 1829 г., в период создания «Вечеров...», посетив один из центров европейской торговли старинный немецкий город Любек — «известный торговыми своими сношениями всему миру», «из числа первых, составлявших знаменитый Ганзейский союз», — Гоголь в письме к матери описал его почти теми же красками, какие использовал в «Сорочинской ярмарке»: «...Вы увидите огромные фуры, которые здесь в большом употреблении, посреди которых укреплены на ремнях ящики (в роде всячего стула); в этих-то фурах вы увидите семейство, достойное фламандской школы, везущее в город продукты. В ящике обыкновенно сидит мать с дочерью; на лошади... сын... а сзади уже пешком какой-нибудь по нашему наймыт. Зато уж и езда: ничего хуже я не знаю. Лошади здоровы и жирны, как волы, а между тем не скорее их идут» (письмо от 13 августа (н. ст.) 1829 г.). Почти дословные переклички между содержанием этого письма и начальными строками «Сорочинской ярмарки» были отмечены П. А. Кулишом (<Кулиш П. А.> Николай М. Записки о жизни Н. В. Гоголя... СПб., 1856. Т. 1. С. 79). Позднее, 28 июня (н. ст.) 1836 г., Гоголь, едва выехав за границу, в письме к В. А. Жуковскому из Гамбурга обещал приготовить для пушкинского «Современника» «кое-что <...> из немецкой жизни» — «будет смешно» (письмо было впервые опубликовано в 1871 г. и осталось неизвестным П. В. Анненкову). В письме к Н. М. Смирнову от 3 сентября (н. ст.) 1837 г. из Франкфурта Гоголь также замечал: «...Франкфурт страшно пахнет жидом, включая в то число немцев» (письмо впервые опубликовано в 1909 г. и также осталось неизвестным Анненкову).

¹³⁵ В изд. 1857 и 1877 гг. ошибочно: «с осени 1838»

¹³⁶ Гоголевская критика европейской цивилизации также не объясняется, вопреки заявлениям П. В. Анненкова, позднейшим влиянием Италии, поскольку этой критикой пронизаны так называемые «петербургские» повести Гоголя, написанные еще до отъезда за границу: «Невский проспект», «Записки сумасшедшего», «Портрет», «Нос» (см.: *Виноградов И. А.* От «Невского проспекта» до «Рима» // *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 3–4. С. 505–570).

¹³⁷ Вопреки утверждению Анненкова, будто указать «начало» якобы нового направления Гоголя «нет никакой возможности», истоки его религиозности определенно усматриваются в воспитании будущего писателя в родной семье, а также в обучении Гоголя в нежинской Гимназии высших наук (см.: *Виноградов И. А.* Религиозное образование Гоголя в Нежинской гимназии высших наук // *Н. В. Гоголь и Православие.* М.: Отчий дом, 2004. С. 154–306).

¹³⁸ В изд. 1877 г. исправлено: «Если эта поэма». М. М. Стасюлевич, готовя в 1876 г. к переизданию мемуары Анненкова, в письме к нему замечал: «Везде “Мертвые Души” называются романом: это неловко, когда на главном их листе стоит: поэма». Анненков в письме от 16 августа (н. ст.) 1876 г. соглашался: «Это совершенно справедливо и требует поправки» (письмо Стасюлевича к Анненкову около 10 августа (н. ст.) 1876 г. и ответное послание Анненкова см. в наст. изд.). Однако, несмотря на выраженное Анненковым согласие, очевидно, что для западнического, заданного В. Г. Белинским восприятия «Мертвых душ» подчеркнуто-демонстративное именование в этом кругу читателей гоголевского произведения «романом» является более аутентичным, чем следование авторскому определению жанра «Мертвых душ». Хотя далее Стасюлевич в изд. 1877 г. еще пять раз заменил слово «роман» на «поэму» (все эти исправления отмечены ниже в текстологических примечаниях), однако в еще большем количестве случаев (в шестнадцати) он оставил именование Анненковым «Мертвых душ» «романом» без изменений. (Продолжением этой западнической традиции в отношении к авторскому определению жанра «Мертвых душ» стало решение, принятое в 1951 г. при подготовке текста первого тома поэмы в академическом собрании сочинений Гоголя, где слово «ПОЭМА», написанное крупными, выделяющимися буквами — крупнее даже самого заглавия — на рисованной самим Гоголем обложке книги, было снято; см.: *Гоголь Н. В. Мертвые души. I* // Полн. собр. соч.: В 14 т. <Л.:> Изд-во АН СССР, 1951. Т. 6. Текст и коммент. подготовили В. А. Жданов и Э. Е. Зайденшнур. С. 3, 5).

¹³⁹ В изд. 1877 г. исправлено: «в ней»

¹⁴⁰ В изд. 1877 г.: «Я постарюсь»

¹⁴¹ В изд. 1877 г.: «повторю»

¹⁴² 30 марта / 11 апреля 1841 г.

¹⁴³ См. выше примеч. 24.

¹⁴⁴ В изд. 1857 г.: «в Латране»

¹⁴⁵ 30 марта / 11 апреля 1841 г.

¹⁴⁶ Ср. в «Письмах из-за границы» Анненкова: «Не упоминая вам о других, побочных церемониях, как-то: бичевании при затушенных свечах у иезуитов, о крещении жидовского семейства у Иоанна Латеранского и о всеобщем покаянии, я прямо перейду к обеду Светлого Воскресения, совершавшейся самим папою. Начиная с полудня и до ночи, вся суббота гремела выстрелами, которые производились частными лицами в домах посредством петард, маленьких пистолетов и проч. В 10 часов, в воскресенье, предшествуемый кардиналами, швейцарскими латниками в костюмах средних веков, отрядом гвардии своей из дворян, всеми канониками и министрами своими, показался папа на носилках. Народ, наполнявший церковь, и два ряда солдат, стоявших по обеим сторонам шествия, преклонили колена. Так несом он был при трубном звуке и осеняемый двумя павлиньими опахалами до самого алтаря Св. Петра, где, сошед с человеческих плеч и воссев на трон, начал обедню. В 12 часов таким же образом внесли его в колоссальное окно главного фасада церкви. Поднявшись в носилках на ноги и рисуясь таким образом всею фигурой своею на темном фоне балкона, дал он благословение городу и миру. Войско застучало в барабаны, раздались пушечные выстрелы с крепости Св. Ангела, и когда все поуспокоилось, еще раз поднялся он, возвел глаза к небу и потом, опустив их на тьму тьмущую народа, наполнявшего площадь, новым благословением отпустил всем грехи. Тут полетели с балкона индульгенции и самый лист всеобщего отпущения вниз; народ кинулся ловить... Балкон опустел. Так кончилась церемония, не производившая на меня сильного впечатления. Гораздо лучше освещение купола Петровского. Вообразите себе на черном небе горящий, огненный пантеон. Как какой-нибудь неслыханный огромный матовый колпак лампы, висел он над вечным городом. В восемь часов была перемена огней. Еще не затих звук башенного колокола, как непостижимым механизмом облился он весь ярким блеском взамен первого нежного блеска своего, и долго за полночь еще видны были струи огненных полос на колоссальных боках его. Это чудо! В понедельник был фейерверк с крепости Св. Ангела — Адриановой гробницы. Каскады лились по стенам, на площадках являлись храмы; гром пушек придавал что-то грозное и величественное этому фейерверку, заключившемуся громоносным изображением извержения Везувия. С последнею ракетой кончились торжества, а с тем кончается и сие письмо мое» (<Анненков П. В.> А—в. Письма из-за границы. Письмо V // Отечественные Записки. 1841. № 6 (цензурное разрешение 30 мая). Отд. «Смесь». С. 102; *Анненков П. В. Письма из-за границы (1841)* // *Анненков П. В. Парижские письма. М., 1983. С. 28*).

¹⁴⁷ В изд. 1877 г. ошибочно: «Панаева»

¹⁴⁸ В. А. Панов выехал из Рима спустя три с половиной недели, 6 мая (н. ст.) 1841 г. (см. в наст. изд. его письмо к К. С. Аксакову от 6 июня (н. ст.) 1841 г.).

¹⁴⁹ Ср. в мемуарах доктора А. Т. Тарасенкова «Последние дни жизни Николая Васильевича Гоголя» (1856): «Гоголь нередко говаривал, когда ему нездоровилось, что у него особенная натура, на которую все влияния действуют не так, как на всех других, и что его нельзя мерить на одну мерку со всеми. Он относил свои слова к материальному устройству своего тела... <...> [Не имея, кажется, даже самых поверхностных сведений о устройстве тела и вообще ни о какой медицинской науке, он приписывал большую важность действию на здоровье некоторых незначительных предметов. Безвредные он почитал сильнодействующими, от маловажных он надеялся получить огромное влияние...] <...> Не имея, кажется, даже самых поверхностных сведений об устройстве тела и вообще ни о какой медицинской науке, он судил ошибочно о важности действия на здоровье различных предметов. Безвредные он почитал сильнодействующими, от маловажных он надеялся получить огромное влияние... <...> О лекарствах *аптечных* он имел понятие как о ядах и решительно отказывался от них; если же и принимал какое-либо лекарство, то скорее по совету тех, которые утверждали о его испытанной на себе пользе, нежели по назначению самих врачей» (см. в наст. изд.). В конце сентября — начале октября (н. ст.) Н. М. Языков сообщал брату: «Гоголь рассказывал мне о странностях своей (вероятно, мнимой) болезни: в нем-де находятся зародыши всех возможных болезней; также и об особенном устройстве головы своей и неестественном положении желудка. Его будто бы осматривали и ощупывали в Париже знаменитые врачи и нашли, что желудок — вверх ногами!» (см. в наст. изд.).

¹⁵⁰ В изд. 1877 г.: «для переписки поэмы»

¹⁵¹ В изд. 1877 г.: «приговаривал»

¹⁵² Исправив слова «щекатурную» и «щекатурка» в шестой и девятой главах первого тома «Мертвых душ», Гоголь, однако, сохранил прежнее написание в первой главе поэмы: «Наружный фасад гостиницы отвечал ее внутренности: она была очень длинна, в два этажа; нижний не был выщекатурен...». Неустойчива орфография этого слова и в позднейших письмах Гоголя к матери 1850 г. (В Толковом словаре В. И. Даля к слову «щекотурить» сделана пометка: «свойственный языку нашему, чем “штукатурить”»). В комедии «Женитьба» Гоголь использовал замечание Анненкова для создания особого стилистического эффекта. В словосочетании «щекотурщик щекотурит» (в разговоре Подколесина с Агафьей Тихоновой) он дважды последовательно исправил: «штукатурщик щекотурит» — «щекатурщик штукатурит».

¹⁵³ В 1876 г. М. М. Стасюлевич спрашивал Анненкова: «У Вас сказано, что Гоголь диктовал, но не прибавлено ясно: кому? Можно догадываться, что Вам, но это и будет только догадкой». 16 августа (н. ст.) 1876 г. Анненков отвечал: «Да как же не мне, когда и называет Гоголь писца своего “Жюлем”, прозвищем мне данным в Петербурге, и когда беседует с ним о поэме в самый разгар диктовки. Надо и это выяснить» (письмо Стасюлевича к Анненкову около 10 августа (н. ст.) 1876 г. и ответное послание Анненкова см. в наст. изд.).

¹⁵⁴ Имеется в виду публикация: Повесть о капитане Копейкине. (*В первоначальном виде*) // Сочинения и письма Н. В. Гоголя. Мертвые души. Издание П. А. Кулиша. СПб., 1857 (цензурное разрешение 28 марта). Т. 4. С. 548–554. Текст «Повести...» в этом издании представляет собой произвольно составленную контаминацию двух редакций, история происхождения которой до настоящего времени оставалась неизученной. Основным источником текста была редакция «Повести...», прошедшая цензуру в мае 1842 г. и напечатанная в том же году в первом издании поэмы. Другим источником, давшим основание сопроводить публикацию подзаголовком «*В первоначальном виде*», был, как показывает текстологический анализ, имевшийся в распоряжении Кулиша список той редакции «Повести о капитане Копейкине», что в составе первого тома «Мертвых душ» была отправлена Гоголем в петербургскую цензуру в начале января 1842 г. (см. в наст. изд. коммент. к разделу *Книга для записей рукописей и книг Московского цензурного комитета*). 5 апреля 1842 г. Гоголь получил рукопись назад с запрещением цензора А. В. Никитенко «Повести о капитане Копейкине». Срочно переделав «Повесть...», Гоголь 10 апреля 1842 г. выслал ее новую редакцию в Петербург. К 15 мая 1842 г. разрешенная рукопись «Повести...» была получена Гоголем и напечатана в 1842 г. в этой исправленной редакции в составе «Мертвых душ». Полученный из цензуры разрешенный автограф «Повести...» был вклеен в те дни в цензурную рукопись «Мертвых душ» на место вырезанных страниц первоначальной редакции повести (см. этот текст в изд.: *Гоголь Н. В. Повесть о капитане Копейкине*. Цензурная редакция // Полн. собр. соч.: В 14 т. <Л.>, 1951. Т. 6. С. 581–586). Вырезанная из цензурного экземпляра редакция «Повести о капитане Копейкине» осталась на хранении у М. П. Погодина и в 1852 г. была переписана Н. С. Тихонравовым, напечатавшим эту редакцию «Повести...» по своему списку спустя почти сорок лет — в 1889 г. (*Гоголь Н. В. Повесть о капитане Копейкине*. Редакция, зачеркнутая цензором // Соч. Н. В. Гоголя. 10-е изд. Текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Н. Тихонравовым. М., 1889. Т. 3. С. 270–276). Эту публикацию Тихонравов сопроводил пояснением: «Вырезанные из

цензурной рукописи листы «Повести о капитане Копейкине» были сообщены мне в 1852 году М. П. Погодиным, у которого они оставались с 1842 г.» (Там же. Т. 3. С. 531–532). По-видимому, П. А. Кулиш, в свою очередь, переписал запрещенный цензурой текст «Повести...» у Тихонравова, с которым общался в 1853–1855 гг. 2 июля 1854 г. Кулиш, в частности, писал О. М. Бодянскому: «Мне известно, что Вам послан экземпляр «Опыта». Передайте его от меня Тихонравову, чтоб я не показался ему неблагодарным; а Вам я готовлю экземпляр с приписками, как было обещано» (*Титов А. Письма П. А. Кулиша к О. М. Бодянскому*. Киев, 1898. С. 79–80). В 1853 г. Тихонравов напечатал в № 51 «Московских Ведомостей» (и отд. изд.) ряд библиографических замечаний и поправок на статью Кулиша «Несколько черт для биографии Н. В. Гоголя» (см.: *Тихонравов Н. Библиографические поправки и дополнения к статье: «Несколько черт для биографии Н. В. Гоголя» // Московские Ведомости*. 1853. 28 апр. № 51. Литературный отдел. С. 521–522); в 1855 г. помогал Кулишу в атрибуции рецензий, опубликованных Гоголем в первом номере журнала «Современник» (1836) (см.: <Кулиш П. А.> *Николай М. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя...* СПб., 1856. Т. 1. С. 166).

По изготовлении Тихонравовым своего списка автограф запрещенной редакции «Повести...» попал (вероятно, после смерти Погодина) в коллекцию рукописей красноярского купца Г. В. Юдина (1840–1912) и заново был обнаружен исследователями лишь в 1939 г. (см. в наст. изд. коммент. к некрологу Погодина «Кончина Гоголя»). Этот автограф был принят в качестве основного текста «Повести о капитане Копейкине» при подготовке первого тома «Мертвых душ» для академического собрания сочинений Гоголя (подготовленный для собрания текст впервые был опубликован в 1948 г. отдельным изданием; том собрания вышел в 1951 г.: *Гоголь Н. В. Мертвые души*. I // Полн. собр. соч.: В 14 т. <Л.>, 1951. Т. 6. С. 199–205).

Таким образом, варианты доцензурной редакции «Повести о капитане Копейкине» были впервые обнародованы Кулишом и, естественно, были «узнаны» Анненковым в публикации 1857 г. Фрагмент с «Повестью о капитане Копейкине» из рукописи, по которой Гоголь непосредственно диктовал Анненкову этот текст, был опубликован позднее. Эта редакция была напечатана в 1865 г. А. Ф. Бычковым по автографу, переданному в Императорскую Публичную библиотеку архитектором С. А. Ивановым (братом А. А. Иванова): Повесть о капитане Копейкине. (*Первоначальная редакция*) // Русский Архив. 1865. Стб. 775–788. Публикация была сопровождается предисловием А. Ф. Бычкова (см. в наст. изд. в коммент. к разделу *Гоголь в письмах А. А. Иванова*) и примечанием П. И. Бартенева: «Считаем долгом выразить нашу признательность как многоуважаемому Старшему Библиотекарю Императорской Публичной Библиотеки А. Ф. Бычкову за доставление этих любопытных разноречий, так и родственникам Н. В. Гоголя, дозволившим (при посредстве Ф. В. Чижова) поместить их в Русском Архиве. П. Б<артенев>» (Стб. 775); см. этот текст в изд.: *Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.*: В 14 т. <Л.>, 1951. Т. 6. С. 522–530). Текст «Повести...», переписанный рукою Анненкова (под диктовку Гоголя), впервые напечатан еще четверть века спустя: *Гоголь Н. В. Повесть о капитане Копейкине*. Одна из первоначальных редакций // Соч. Н. В. Гоголя. 10-е изд. Текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Н. Тихонравовым. М., 1889. Т. 3. С. 264–270; см. также: *Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем*: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 5. С. 496–501; в качестве вариантов к основному тексту использовано: *Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.*: В 14 т. <Л.>, 1951. Т. 6. С. 825–830.

В 1861 г. сын Н. Я. Прокоповича Николай Николаевич Прокопович (1835–1891), располагавший последней рукописью, сообщал, что «несколько позже» приобретения у него в 1858 г. этой рукописи (см. в наст. изд. примеч. 2 к письму Н. Я. Прокоповича А. С. Данилевскому от 23 марта 1842 г.), он, желая получить «сведения» о ее происхождении, обратился за разъяснениями к Анненкову, «одному из самых коротких знакомых Н. В. Гоголя и Н. Я. Прокоповича»: «От П. В. Анненкова мы узнали, что это та самая рукопись «Мертвых Душ», о которой он говорил в статье своей: «Воспоминание о Гоголе», помещенной в «Библиотеке для Чтения» (1857 года № 11)» (*Прокопович Н. Н. Заметка по поводу статьи «О рукописях Гоголя» // Время*. 1861. № 11. Отд. 2. С. 30). Незадолго до этого сообщения Н. В. Гербель утверждал, что будто бы публикация в 1857 г. «Повести о капитане Копейкине» была сделана Кулишом именно по рукописи, приобретенной графом Г. А. Кушелевым-Безбородко, вместе с рядом автографов Гоголя, «у семейства» покойного Прокоповича (сам Гербель выступал посредником в этом деле). Гербель писал: «В 1858 году эти рукописи были приобретены у семейства покойного Прокоповича графом Г. А. Кушелевым–Безбородко за 1200 руб<лей> сереб<ром>, и принесены им в дар лицу князя Безбородко... <...> ...«Повесть о капитане Копейкине», в первоначальном виде, уже напечатана в приложении к четвертому тому «Сочинений и писем Гоголя» (стр. 548–554), по доставленному мною списку, о чем г. Кулиш вероятно забыл упомянуть» (*Гербель Н. О рукописях Гоголя, принадлежащих лицу князя Безбородко // Время*. 1861. № 4. Отд. 1. С. 606, 611). Однако указание Гербеля на то, что при публикации доцензурной

редакции «Повести о капитане Копейкине» Кулиш якобы воспользовался «доставленным» им, Гербелем, списком, не соответствующий действительности. Этому противоречат и текстологические, и хронологические данные. С одной стороны, опубликованный Кулишом текст содержит определенные заимствования именно из цензурной рукописи — не имеющие соответствий в автографе Анненкова. С другой стороны, дата цензурного разрешения четвертого тома «Сочинений и писем Н. В. Гоголя», где Кулиш напечатал «в первоначальном виде» «Повесть о капитане Копейкине», — 28 марта 1857 г., предшествует (а не следует) кончине Н. Я. Прокоповича (1 июня 1857 г.) и, соответственно, приобретению в 1858 г. гоголевских рукописей графом Кушелевым-Безбородко. (История публикации Кулишем в 1857 г. «Повести о капитане Копейкине» осталась непроясненной в новом академическом изд.: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. М., 2012. Т. 7. Кн. 2. С. 496 (отв. ред. тома Ю. В. Манн; коммент. И. А. Зайцевой). В разделе «Источники текста» указанного издания публикация Кулиша также не отражена; см.: Т. 7. Кн. 2. С. 318.)

¹⁵⁵ Переписка первого тома «Мертвых душ» была начата Анненковым, после отъезда В. А. Панова (см. выше примеч. 39), именно с шестой главы.

¹⁵⁶ См. в наст. изд. коммент. к письму VI «Писем из-за границы» Анненкова.

¹⁵⁷ Ср. запись от 19 марта (н. ст.) 1839 г. в дорожном дневнике М. П. Погодина: «Взглянули чрез забор на сады Саллюстия, в которых разведен теперь огород, и вдали виднеется древняя стена — это, говорят, храм Венеры, обращенный с одной стороны в кузницу, только не Вулканом». См. в наст. изд. раздел *Из статьи М. П. Погодина «Месяц в Риме» («Год в чужих краях», ч. 2)*.

¹⁵⁸ Сиеста (siesta; *ит.*) — послеобеденный отдых в жаркое время дня.

¹⁵⁹ Локанда (locanda; *ит.*) — гостиница.

¹⁶⁰ Австерия (osteria; *ит.*) — таверна, харчевня.

¹⁶¹ Цитата из повести Гоголя «Рим».

¹⁶² Подразумеваются революционные события в Италии в 1848–1849 гг., с которыми Гоголь непосредственно столкнулся в январе 1848 г. в Неаполе, откуда вследствие этого был вынужден выехать в Иерусалим раньше, чем намеревался: «Из Неаполя меня выгнали раньше, чем я предполагал, разные политические смуты и бестолковщина, во время которых трудно находить <ся> иностранцу, любящему мир и тишину» (письмо к графине А. М. Вильгорской от 23 января (н. ст.) 1848 г. из Мальты). 22 января (н. ст.) 1847 г. он писал графу А. П. Толстому: «Может быть, вы уже оставили Неаполь. (А если не оставили, то сотворите благо, его оставивши). Дела короля <Фердинанда II> совершенно плохи: Мессина, Катания — всё возстало, и английские фрегаты повсюду, как у себя дома». Ранее, 18 января (н. ст.) 1848 г., Гоголь сообщал А. А. Иванову из самого Неаполя: «Я полагаю выехать на днях, — тем более, что оставаться в Неаполе не совсем весело. В городе беспокойно: что будет, Бог весть».

¹⁶³ Далее в изд. 1877 г.: «после»

¹⁶⁴ В изд. 1857 г.: «как народа»

¹⁶⁵ В изд. 1877 г.: «у Гоголя»

¹⁶⁶ В изд. 1857 г.: «признаваема»

¹⁶⁷ В изд. 1877 г.: «шагов Гоголь»

¹⁶⁸ 28 декабря (н. ст.) 1840 г. Гоголь сообщал М. П. Погодину из Рима: «...Занимаюсь переправками, выправками и даже продолжением Мертвых душ, вижу, что предмет становится глубже и глубже. Даже собираюсь в наступающем году печатать первый том...» В тот же день он писал также С. Т. Аксакову: «Я теперь приготавливаю к совершенной очистке первый том «Мертвых душ». Переменяю, перечищаю, многое перерабатываю вовсе и вижу, что их печатание не может обойтись без моего присутствия. Между тем дальнейшее продолжение его выясняется в голове моей чище, величественней, и теперь я вижу, что может быть современем кое-что колоссальное, если только позволят слабые мои силы. По крайней мере, верно, многие знают, на какие сильные мысли и глубокие явления может навести незначительный сюжет, которого первые, невинные и скромные главы вы уже знаете».

¹⁶⁹ В изд. 1877 г.: «княгини З. Волконской». В 1876 г. М. М. Стасюлевич спрашивал Анненкова: «На даче князя З. В.» — Волконского кто ли? Но был ли он З.?» 16 августа (н. ст.) того же года Анненков отвечал: «На даче *Княгини Зинаиды Волконской*» (письмо Стасюлевича к Анненкову около 10 августа (н. ст.) 1876 г. и ответ Анненкова см. в наст. изд.).

¹⁷⁰ Тогатый (от *ит.* togato) — облеченный в тогу.

¹⁴¹ В мае (до 20 числа н. ст.) 1841 г. (см. в наст. изд. коммент. к «Письмам из-за границы» Анненкова).

¹⁷² Маленькие водопады (*ит.*).

¹⁷³ В изд. 1877 г.: «когда Гоголь»

¹⁷⁴ См. в наст. изд. коммент. к статье К. М. Климченко «Письмо из Рима Никколе Синчери».

¹⁷⁵ Праздник Вознесения Господня, совершающийся на сороковой день после Пасхи, приходился в 1841 г. по православному и католическому календарю на 8/20 мая 1841 г.

¹⁷⁶ *Congrus Domini* — католический праздник Тела Господня, приходился в 1841 г. на 10 июня (н. ст.).

¹⁷⁷ См. примеч. 11 к «Письмам из-за границы» П. В. Анненкова.

¹⁷⁸ См., в частности, в наст. изд. коммент. к дневниковой записи М. П. Погодина от 30 марта (н. ст.) 1839 г. в разделе *Из дорожного дневника М. П. Погодина 1839 г.*

¹⁷⁹ В изд. 1877 г.: «Гоголь был»

¹⁸⁰ В изд. 1877 г.: «уважение Гоголя»

¹⁸¹ Содержание высоко оцененной Гоголем «Сцены из Фауста» (1825) А. С. Пушкина («Корабль испанский, трехмачтовый, / Пристать в Голландию готовый...») перекликается с принципиальным для Гоголя представлением об истоках новейшей европейской цивилизации. В своем конспекте лекций 1835 г. «Древняя Всеобщая История» он замечал: «Золото Перу и Чили <Чили> было основанием новой политики... <...> Золото Америки возвысило Испанию, оно же и погубило ее, передав всю промышленность Голландцам и возбудив деятельность Англичан». Здесь же Гоголь говорит о той значительной роли, которую сыграло золото Америки в мировой истории: «Такие эпохи если не громом, то по крайней мере следствиями могут сравниться с падением Рима, и тем более, что следствия падения Рима уже исчислены, известны, тогда как следствия вышесказанных происшествий не кончились даже и до этих пор». Подробнее см.: *Виноградов И. А.* Гоголь — историк и наблюдатель быта. (К истории и психологии «общества потребления») // Н. В. Гоголь и его творческое наследие. Десятилетия Гоголевские чтения / Под общ. ред. В. П. Викуловой. М., 2010. С. 120–127.

¹⁸² Вещь (*ит.*).

¹⁸³ Имеется в виду пансионер Императорской Академии художеств архитектор М. А. Томаринский, скончавшийся в Риме в ночь с 14/26 на 15/27 июня 1841 г. См. в наст. изд. коммент. к *Запискам профессора и ректора Императорской Академии Художеств Федора Ивановича Иордана.*

¹⁸⁴ Ошибочное написание фамилии скульптора Александра Васильевича Логановского (1812–1855) встречается также в письме Анненкова к братьям: от середины июля (н. ст.) 1841 г.: «Общество наше состояло из живописца Иванова, <...> из гравера Иордана, <...> из скульптора Лугановского...» (см. в наст. изд.). В изд. мемуаров Анненкова 1877 г. исправлено: «Логановского».

¹⁸⁵ Далее в повести следуют строки: «...над развалинами огнистыми фонтанами подымались светящиеся мухи, и неуклюжее крылатое насекомое, несущееся стоймя, как человек, известное под именем дьявола, ударялось без толку ему в очи. Тогда только он чувствовал, что наступивший холод южной ночи уже прохватил его всего, и спешил в городские улицы, чтобы не схватить южной лихорадки». Ф. И. Иордан, в свою очередь, свидетельствовал, что это гоголевское описание возникло под впечатлением от смерти архитектора М. А. Томаринского: «Я душевно оплакивал его кончину и гости, бывшие у меня вечером в день его похорон, П. В. Анненков, Н. В. Гоголь, А. А. Иванов, заметив это, предложили мне поехать с ними за город, чтобы развлечься. Н. В. Гоголь, любуясь на чудный закат солнца, описание которого, вероятно, понадобилось ему для какого-нибудь из его произведений, не имея с собою ни пера, ни бумаги, видимо, старался запечатлеть в своей памяти представившуюся нам чудную картину» (в наст. изд. *Записки профессора и ректора Императорской Академии Художеств Федора Ивановича Иордана*). О значении этого события для творческой эволюции Гоголя в целом см.: *Виноградов И. А.* Комментарий // *Гоголь Н. В.* Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания. Историко-литературный и текстологический комментарий. Издание подготовил И. А. Виноградов. М., 2009. С. 441, 449–452.

¹⁸⁶ В изд. 1877 г.: «Гоголь садился»

¹⁸⁷ Имеется в виду «История Малой России» Д. Н. Бантыша-Каменского (1822; 2-е изд. 1830). Гоголь пользовался этой книгой и при создании первой редакции «Тараса Бульбы» (1835). В свою очередь, в работе над второй редакцией повести Гоголь активно использовал материалы, приготовленные ранее для уничтоженной «драмы из казацкого запорожского быта», или драмы из эпохи Богдана Хмельницкого (см.: *Виноградов И. А.* Комментарий // *Гоголь Н. В.* Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания. Историко-литературный и текстологический комментарий. Издание подготовил И. А. Виноградов. М., 2009. С. 436–455).

¹⁸⁸ 26 августа (н. ст.) 1841 г.

¹⁸⁹ Анненков имеет в виду свидетельство Ф. В. Чижова, переданное П. А. Кулишом (см. в наст. изд. *Воспоминания Ф. В. Чижова в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша*).

¹⁹⁰ В изд. 1877 г.: «которые Гоголь»

¹⁹¹ В изд. 1877 г.: «на колени»

¹⁹² В изд. 1877 г.: Гоголь, случилось

¹⁹³ Слова Гоголя переключаются с его описанием сада Плюшкина в шестой главе первого тома «Мертвых душ».

¹⁹⁴ В изд. 1877 г.: «Гоголь обнаруживал»

¹⁹⁵ В изд. 1877 г.: «А. А. Иванов и Ф. И. Иордан». В 1876 г. М. М. Стасюлевич спрашивал Анненкова: «А. А. И—в. — Иванов, конечно? <...> Ф. И. И. — Фед<ор> Ив<анович> Иордан, конечно?». Анненков отвечал: «Иванов. <...> Иордан» (письмо Стасюлевича к Анненкову около 10 августа (н. ст.) 1876 г. и ответное послание Анненкова от 16 августа (н. ст.) того же года см. в наст. изд.).

¹⁹⁶ В изд. 1877 г.: «в жизни Гоголя»

¹⁹⁷ В изд. 1877 г.: «его выбор и предпочтение»

¹⁹⁸ В изд. 1877 г.: «он»

¹⁹⁹ Имеется в виду следующее место в повести «Рим»: «Тут самая нищета являлась в каком-то светлом виде, беззаботная, незнакомая с терзаньем и слезами, беспечно и живописно протягивавшая руку; картинные полки монахов, переходившие улицы в длинных белых или черных одеждах; нечистый рыжий капуцин, вдруг вспыхнувший на солнце светловерблюжьим цветом...»

²⁰⁰ В изд. 1877 г. ошибочно: «В. А. Панаеву»

²⁰¹ О том, что само ношение священником своей одежды является в известной мере исповедничеством, Гоголь писал позднее в «Выбранных местах из переписки с друзьями» (во второй статье «о нашей Церкви и духовенстве», названной «О том же») и в «Размышлениях о Божественной Литургии». Этот религиозный подтекст в разьяснениях Гоголя В. А. Панову об «эффekte, производимом нищенствующим братом, когда он вдруг появляется в среде пестрых итальянских женщин или удалой римской молодежи», очевидно, остался непонятым Анненковым.

²⁰² В изд. 1877 г.: «с Гоголем»

²⁰³ Джузеппе Меццофанти (1774–1849), кардинал, полиглот.

²⁰⁴ Вместо: «Что это у вас какая» — в изд. 1877 г.: «Какая у вас»

²⁰⁵ В изд. 1857 г.: «I. Меззофанти»

²⁰⁶ Имеется в виду барон Альберт Нота (1775–1847), итальянский драматург, последователь К. Гольдони.

²⁰⁷ первого любовника (*фр.*).

²⁰⁸ Сирокко (*scirocco*; *ит.*) — юго-восточный ветер.

²⁰⁹ В изд. 1877 г.: «Гоголь видимо»

²¹⁰ В изд. 1877 г.: «Гоголь изобрел»

²¹¹ В изд. 1877 г.: «Гоголь принимал»

²¹² Orvieto (орвието) — марка столового белого вина.

²¹³ В изд. 1877 г.: «Гоголь довольно часто»

²¹⁴ В изд. 1857 г. ошибочно: «том II»

²¹⁵ См. в наст. изд. *Воспоминания Ф. В. Чижова в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша*.

²¹⁶ В изд. 1877 г.: «для Гоголя»

²¹⁷ В изд. 1877 г.: «Гоголь»

²¹⁸ Далее в изд. 1877 г.: «тотчас»

²¹⁹ нашим бедным больным (*ит.*).

²²⁰ Граф И. М. Виельгорский умер 2 июня (н. ст.) 1839 г. (см. в наст. изд. *Свидетельства о Гоголе С. Б. Шевыревой*). Для его родных, прежде всего матери, которая не присутствовала при кончине сына, Гоголь во второй половине июня (н. ст.) обещал написать воспоминания о последних днях покойного. Это произведение, получившее название «Ночи на вилле», осталось незавершенным (см. коммент. в изд.: *Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 7. С. 763–777*). «Ночи на вилле» были впервые опубликованы П. А. Кулишом в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» (СПб., 1856. Т. 1. С. 227–230).

²²¹ Свидетельство о потрясении, какое испытал Гоголь от кончины 26 января 1852 г. Екатерины Михайловны Хомяковой (рожд. Языковой), жены А. С. Хомякова, Анненков почерпнул в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша: «Г-жа Хомякова была родная сестра поэта Языкова, одного из ближайших друзей Гоголя. Гоголь крестил у нее сына и любил ее, как одну из достойнейших женщин, встреченных им в жизни. Смерть ее, последовавшая после кратковременной болезни, сильно потрясла его. <...> Во все время говенья и прежде того — может быть, со дня смерти г-жи Хомяковой — он проводил большую часть ночей без сна, в молитве» (<Кулиш П. А.> Николай М. Записки о жизни Н. В. Гоголя... СПб., 1856. Т. 2. С. 260, 261). В свою очередь, Кулиш заимствовал эти сведения из письма С. П. Шевырева к М. Н. Синельниковой от 2 апреля 1852 г. (см. в наст. изд. коммент. к этому письму).

²²² Имеются в виду слова П. А. Кулиша о гоголевских «Ночах на вилле»: «Как бы то ни было, но этот отрывок интересен в высшей степени, как излияние нежной, можно сказать ангельской души поэта» (<Кулиш П. А.> Николай М. Записки о жизни Н. В. Гоголя... СПб., 1856. Т. 1. С. 227).

²²³ Имеется в виду замечание П. А. Кулиша по поводу признания Гоголя в письме к матери от 13 августа (н. ст.) 1829 г. из Любека: «Часто я думаю о себе, зачем Бог, создав сердце, может, единственное, по крайней мере редкое в мире, чистую, пламенеющую жаркою любовью ко всему высокому и прекрасному душу, зачем Он дал всему этому такую грубую оболочку...» Прочитывая эти строки, Кулиш замечал: «Вот внутренний портрет Гоголя, нарисованный им самим. Черты этого образа с годами прояснились, облагораживались и становились все выше и величественнее, но основания были все те же. И теперь, когда мы знаем его в разные периоды его жизни, мы, подобно ему, невольно задаем себе вопрос: зачем существовало это действительно редкое сердце, для чего явилась пред нами эта чистая, пламенная и высокая душа в вечной борьбе с собственными противоречиями?» (<Кулиш П. А.> Николай М. Записки о жизни Н. В. Гоголя... СПб., 1856. Т. 1. С. 78).

²²⁴ В изд. 1877 г.: «ценил Гоголь»

²²⁵ Гоголь и Анненков приехали в Альбано 18 июля (н. ст.) 1841 г. К поездке в Альбано Гоголь приготовился заблаговременно, получив для этого за три недели до поездки пропуск на право прохода через парк палатцо Киджи в Аричче, близ Альбано (см. в наст. изд. <Пропуск на право прохода через парк Ариччио, выданный Гоголю 28 июня (н. ст.) 1841 г.>).

²²⁶ В изд. 1857 и 1877 г. ошибочно: «1842»

²²⁷ В изд. 1877 г.: «Гоголь»

²²⁸ Частицы: «же» — нет в изд. 1877 г.

²²⁹ В изд. 1877 г.: «в письмах Гоголя»

²³⁰ В изд. 1877 г.: «открывшей ему»

²³¹ См. в наст. изд. раздел: С. Т. Аксаков. Из Истории Нашего Знакомства с Гоголем <1832–1840 гг.> <Выписки рукою П. А. Кулиша. Конец ноября — начало декабря 1854 г.>; а также «Историю нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.>» С. Т. Аксакова.

²³² В изд. 1877 г.: «Гоголь»

²³³ В изд. 1877 г.: «Гоголь зовет»

²³⁴ Неточная цитата из письма Гоголя к С. Т. Аксакову от 5 марта (ст. ст.) 1841 г. из Рима; приводится Анненковым по книге П. А. Кулиша (Кулиш П. А.> Николай М. Записки о жизни Н. В. Гоголя... СПб., 1856. Т. 1. С. 273).

²³⁵ 7/19 июля 1841 г.

²³⁶ Далее в изд. 1877 г.: «вместе с ним»

²³⁷ Письмо к А. С. Данилевскому от 7 августа (н. ст.) 1841 г. из Рима.

²³⁸ В изд. 1857 г.: «возвещает»

²³⁹ Как показывает текстологический анализ, второй том «Мертвых душ», первоначальная редакция которого была сожжена Гоголем в конце июня — начале июля (н. ст.) 1845 г., был, по-видимому, заново окончен писателем (хотя бы вчерне) перед отправлением в Иерусалим в январе 1848 г. (см.: Виноградов И. А. Поэма «Мертвые души»: проблемы истолкования // Гоголевский вестник. М., 2007. Вып. 1).

²⁴⁰ В изд. 1877 г.: «Гоголь начинает»

²⁴¹ Речь идет об австрийском враче из Грэфенберга, одном из основателей гидротерапии В. Приснице (см. о нем, в частности, в наст. изд. в коммент. к «Истории нашего знакомства с Гоголем...» С. Т. Аксакова). Хотя в Грэфенберге Гоголь впервые побывал лишь в 1845 г. (см. примеч. ниже), однако интерес к методу В. Присница проявил гораздо ранее,

что, вероятно, связано с тем, что подобный метод практиковал известный на Украине врач, домашний доктор Гоголей М. Я. Трахимовский (см. о нем в наст. изд. в коммент. к разделу *Воспоминания М. И. Гоголя в путевом дневнике С. П. Шевырева*). А. О. Смирнова, со слов Гоголя, рассказывала о его семье: «Их домашним доктором был Трохимовский. Он по своему лечил давно, до Греффенберга, холодной водой, вся процедура происходила у реки на солнце, не было ни завертывания в мокрые простыни, ни душа, раздражающих спинной мозг. “Бог, — говорил доктор, — так щедр и милосерден, что дает человеку на его потребу и в свое время, что ему нужно на пищу и на его здоровье”» (см. в наст. изд. раздел А. О. Смирнова. <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову>). 30 мая (н. ст.) 1839 г. Гоголь, в частности, писал М. П. Балабиной о Приснице: «Слышали ли вы о чудесах, производимых <...> медиком, воспитанным одною натурою, без помощи медицинских академий, и проч. и проч.? Я один из числа самых неверующих <...> Но <...> я <...> своими глазами видел такие чудеса...» (письмо впервые опубликовано П. А. Кулишом в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...». СПб., 1856. Т. 1. С. 224). 18 июня (н. ст.) 1843 г. в письме к Н. М. Языкову Гоголь повторял: «...Не столько самая вода изумила меня своими действиями <...> сколько гений исцеляющего ею, пред которым мы должны все поклониться <...> грех на душах наших, если мы этого не сделаем. Это значит — не благодарить перед величеством Божиим, вселившим в человека такое откровение...» Пред ним — «обязанным самому себе своим образованием» — «мало знают лучшие из книжников докторов», — замечал также Гоголь о Приснице в письмах к Д. Е. Бенардаки от июля 1842 г. и к А. С. Данилевскому от 20 июня (н. ст.) 1843 г. Позднее, в письме к Н. М. Языкову, начатом 10 января (н. ст.) 1845 г. во Франкфурте и отправленном 14 января (н. ст.) 1845 г. из Парижа, Гоголь замечал: «Намерение твое попробовать Призница и воды я считаю совершенно основательным и благоразумным. О сем, как помнишь ты, мы когда-то трактовали. По крайней мере, по моему мнению, следовало бы во всяком случае потолковать и посоветоваться лично с Призницею, чтобы быть потом покойну в совести и не пенять на самого себя. Ты сам знаешь, что это единственное лечение, которому я верил... <...> Весьма может быть, что и сам я примусь за это лечение, и тогда разделим вместе скуку греффенбергского местопребывания». Однако, вопреки словам Анненкова, никакого «страстного увлечения» методом Присница у Гоголя не было. За четыре месяца до первого лечения в Греффенберге, 1 мая (н. ст.) 1845 г., он, в частности, писал А. О. Россету: «Я не хлопочу из-за совершенного здоровья, и чуть только мне немного делается лучше — я подальше от докторов и леченья. Припомните, что я и вам советовал прежде вашего путешествия к Признице не пускаться в такие глубины водоврачевания, а довольствоваться <ся> просто утренним обливанием дома... <...> Я сам, бывши в Гастейне с Языковым, хотел было попробовать вод, но переменил это намерение единственно от того, что почувствовал себя вдруг лучше от одного гастейнского воздуха...»

²⁴² В изд. 1877 г.: «он забывал»

²⁴³ В изд. 1877 г.: «проклинал»

²⁴⁴ Письмо к Н. М. Языкову, где Гоголь «откровенно прокликает Греффенберг и его знаменитого доктора», неизвестно. Вероятнее всего, такого письма (призванного, по замыслу мемуариста, проиллюстрировать «ошибки» в «страстных увлечениях» Гоголя) не существовало. У Присница в Греффенберге-Фрейвальдау (ныне Приснитцовы Лазне в Есенике) Гоголь лечился дважды: первый раз вместе с графом А. П. Толстым, с 23 августа по 21 сентября (н. ст.) 1845 г., второй раз — во второй половине июня (н. ст.) 1846 г. Вскоре после первого лечения, 24 сентября 1845 г., Н. М. Языков сообщил брату: «Гоголь был у Призница, едет в Рим на зиму; обещал написать мне, что ему сделало водолечение» (см. в наст. изд.). 24 октября (н. ст.) 1846 г. Гоголь прибыл в Рим, о чем известил Н. М. Языкова письмом от 30 октября (н. ст.). В этом послании Гоголь замечал: «Из письма, при сем приложенного, к Сергею Тимофеевичу» узнаешь остальное о моих недугах...» В приложенном письме к С. Т. Аксакову от 29–30 октября (н. ст.) 1845 г. он сообщал: «...Холодное лечение мне помогло и заставило меня, наконец, увериться лучше всех докторов в том, что главное дело в моей болезни были нервы...» Н. М. Языков 21 ноября 1845 г. отвечал Гоголю: «Слава, громкая слава Приснице, что он восстановил, освежил, прибрл и освежил брнное тело твое». В письме к Н. Н. Шереметевой от середины сентября (н. ст.) 1845 г. из Греффенберга Гоголь также сообщал: «Нынешнее лечение холодной водою, по крайней мере, освежает и прогоняет печальные мысли. Я чувствую себя как будто крепче». Некоторым основанием для сообщения Анненкова о негативном отношении Гоголя к лечению В. Присница мог послужить фрагмент из «Записок о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша, где тот, имея в виду письмо А. О. Россета Гоголю от 28 марта 1845 г., сообщал: «По совету своих друзей, изведавших на себе пользу Присницева лечения холодной водою, Гоголь отправился в Греффенберг, но не выдержал полного курса и уехал от Присница полувыздоровевший. Во время последнего своего пребывания в Москве, увидя у О. М. Бодянского на стене портрет знаменитого гидрпата, он вспомнил о Греффенберге. “Почему же вы не кончили курса?” — спросил О<сип> М<аксимович>. “Холодно!” — отвечал одним словом Гоголь» (<Кулиш П. А.> Николай М. Записки о

жизни Н. В. Гоголя... СПб., 1856. Т. 2. С. 49; см. также в наст. изд. *Воспоминания О. М. Бодянского в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша*; и в воспоминаниях А. Т. Тарасенкова «Н. В. Гоголь в последнее время жизни»: «Лечение холодною водою у Пристница лет пять до смерти он исполнял неточно, разбавляя холодную воду теплою, всякий раз приступал к употребляемым там приемам с большою робостью, и вскоре, не окончив курса, бросил это лечение»). В еще одном письме к Н. М. Языкову, отправленном из Грешенберга в период второго лечения у В. Пристница, 24 июля (н. ст.) 1846 г., Гоголь сообщал: «...Нахожусь в недуге, увеличивающемся более и более, чувствую, что нужно куда-нибудь двинуться, и недостает сил...» (письмо впервые напечатано в 1961 г.). Незадолго до этого лечения, 23 апреля (н. ст.) 1846 г., Гоголь писал также матери: «Излишне заботиться о здоровье грех. Нужно ввериться одному Богу: Он вылечит»; 1 мая (н. ст.) 1846 г. — сестрам: «...Один Бог наш доктор <...> Его одного должно молить о излечении». Это представление об истинном врачебном искусстве — а также о присвоении себе корыстолюбивым «врачом»-ремесленником имени истинного Спасителя и Врача (для тех, кто «в болезни своей зыскал не Господа, а врачей» (2 Пар. 16, 12) — нашло отражение и в художественных произведениях Гоголя, в частности, в «Ночи перед Рождеством» (см.: *Виноградов И. А.* Гоголь — художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания. М., 2000. С. 53–55). Очевидно, что отношение Гоголя к современной медицине носило взвешенный, духовно-осмысленный характер, и имеет мало общего с заявлениями, сделанными мемуаристом.

²⁴⁵ Вместо: «Н. В. к г-же С.» — в изд. 1877 г.: «Гоголя к г-же Смирновой (жене губернатора, урожденной Розетти)». По поводу этого места М. М. Стасюлевич спрашивал Анненкова: «Г-жа С. в Калуге?..» Анненков 16 августа (н. ст.) 1876 г. отвечал: «Г-жа Смирнова, калужская губернаторша, рожденная Розетти, к которой Пушкин стишками относился. Это . . . и злая светская бабенка, сделавшаяся ко времени Гоголя одной из матерей Восточной Церкви и проповедницей аристократизма, долженствующей спасти нас от наплыва каналы в литературе, управлении и в свете» (письмо Стасюлевича к Анненкову около 10 августа (н. ст.) 1876 г. и ответное послание Анненкова см. в наст. изд.). Известно три стихотворных послания А. С. Пушкина А. О. Россет (в замужестве Смирновой): «Ее глаза» (1828), «Полубуйтесь же вы, дети...» (1830) и «В тревоге пестрой и бесплодной...» (1832).

²⁴⁶ Известно четыре таких письма Гоголя к А. О. Смирновой в Калугу — с поручениями «в виде нравственного подвига»: три письма из Рима — от 27–29 октября (н. ст.) 1845 г., от 27 января (н. ст.) и от 4 марта (н. ст.) 1846 г.; и — наиболее важное из всех — письмо, начатое 6 июня (н. ст.). 1846 г. в Праге и отправленное 6 июля (н. ст.) 1846 г. из Карлсбада (почти без изменений это письмо было помещено Гоголем в книгу «Выбранные места из переписки с друзьями» — статья XXI. *Что такое губернаторша*; статья подверглась запрещению цензора А. В. Никитенко и была впервые опубликована в 1860 г.).

²⁴⁷ Спустя год после первой публикации «Воспоминаний о Гоголе» П. В. Анненкова появилась статья Н. В. Гербея «Николай Яковлевич Прокопович и отношения его к Гоголю» (Современник. 1858. Т. 67. № 2. С. 267–290), в которой было опубликовано еще несколько писем Гоголя к Н. Я. Прокоповичу. В издании мемуаров Анненкова 1877 г., подготовленном М. М. Стасюлевичем, эта и другие, вышедшие к тому времени многочисленные публикации текстов Гоголя и мемуарных свидетельств о нем, учтены не были.

²⁴⁸ В изд. 1857 и 1877 г. ошибочно: «1842 года»

²⁴⁹ Цензурную историю первого тома «Мертвых душ» см. в наст. изд. в коммент. к разделу *Книга для записей рукописей и книг Московского цензурного комитета*. Историю публикации различных редакций «Повести о капитане Копейкине» см. выше в примеч. 154.

²⁵⁰ Слов: «старому своему товарищу по Нежинскому Лицею, как известно» — нет в изд. 1877 г.

²⁵¹ Далее в изд. 1877 г.: «Узнаешь их прекрасно»

²⁵² Далее в изд. 1877 г.: «Оно меня утешило». А. С. Данилевский в 1842 г. в чине губернского секретаря служил депутатом от Миргорода в Дворянском депутатском собрании Полтавской губернии (см.: Месяцеслов и общий штат Российской Империи на 1842. СПб., <1842>. Ч. 2. С. 205).

²⁵³ Далее в изд. 1877 г.: «мною»

²⁵⁴ Курсив в приведенном Анненковым фрагменте из письма Гоголя к Н. Я. Прокоповичу от 15 мая 1842 г. принадлежит мемуаристу.

²⁵⁵ В изд. 1877 г.: «всем, Гоголь»

²⁵⁶ В ответ на просьбу Гоголя В. Г. Белинский поместил в «Отечественных Записках» краткое извещение: «Давно и с нетерпением ожидаемый всеми любителями изящного роман Гоголя *“Похождения Чичикова, или Мертвые души”* на-

конец вышел в Москве и только что сейчас получен в Петербурге. Мы не успели еще прочесть его, спеша окончить эту книжку журнала. Но имевшие случай читать этот роман, или, как Гоголь назвал его, эту *поэму*, в рукописи, или слышать из нее отрывки, говорят, что, в сравнении с этим творением, все доселе написанное Гоголем кажется бледно и слабо: до такой высоты достиг вполне созревший и развившийся талант нашего единственного поэта-юмориста! Вскоре мы отдадим нашим читателям подробный отчет о “Мертвых Душах”, в отделе “Критики”... В этой статье мы обозрим всю поэтическую деятельность Гоголя и постараемся определить его настоящее значение как в сфере творчества, так и в русской литературе. Будет о чем поговорить, будет что сказать нового, чего еще у нас не было говорено...» (<Белинский В. Г.> Библиографические и журнальные известия // Отечественные Записки. 1842. № 6 (цензурное разрешение 31 мая). Отд. 6. С. 61).

²⁵⁷ Далее в изд. 1877 г.: «такого-то». О. И. Сенковский также откликнулся на просьбу Гоголя. В июньском номере «Библиотеки для Чтения» за 1842 г. было напечатано сообщение: «Еще любопытное известие: в Москве вышел и здесь получен новый роман господина Гоголя “Похождения Чичикова, или Мертвые души”, в одном большом томе» (<Сенковский О. И.> Литературная летопись. Май, 1842. Разные известия // Библиотека для Чтения. 1842. Т. 52. № 6. Отд. 6. С. 68). (Цензурное разрешение указанного номера журнала, № 6, датируется, предположительно, концом мая – началом июня 1842 г., на том основании, что цензурное разрешение предшествующего, пятого номера последовало 6 мая; последующего, № 7, — 30 июня.) Позднее, в августовском номере журнала за 1842 г., Сенковский напечатал критическую рецензию на «Мертвые души», в которой, в частности, иронизировал: «“Фуй, фуй! — кричите вы, я слышу, с ужасным негодованием. — Какие люди! какие понятия! И это, по-вашему, картина нравов и характеров России, поэма из русской жизни, цветки ее поэзии?” “Все типы, всё копии с натуры, всё создания, по словам “нашей поэмы”, почтеннейший читатель!” — важно отвечаю я. Вы, разумеется, этого не понимаете. Писать с натуры — великое искусство!» (<Сенковский О. И.> Похождения Чичикова, или Мертвые Души. Поэма Н. Гоголя. Москва, в тип. Университетской, 1842, в 8. Том первый, стр. 475 / Литературная летопись. Июль, 1842. Новые книги // Библиотека для Чтения. 1842. Т. 53. № 8. Отд. 6. С. 45–46).

²⁵⁸ Приводится первая половина приписки из письма Гоголя к Прокоповичу от 15 мая 1842 г.

²⁵⁹ Письмо Гоголя к С. С. Уварову, так же, как упоминаемое ниже письмо к князю М. А. Дондукову-Корсакову, написанные в одно и то же время (между 24 февраля и 4 марта 1842 г.), были отправлены Гоголем вместе с письмом к П. А. Плетневу от 4 марта 1842 г. Однако к моменту получения этих посланий необходимость обращения к Уварову и Дондукову-Корсакову отпала, так как 9 марта 1842 г. рукопись «Мертвых душ» была разрешена к печати. Письма остались у Плетнева. Подробнее см. в наст. изд. в коммент. к разделу *Книга для записей рукописей и книг Московского цензурного комитета*.

²⁶⁰ В изд. 1877 г.: «князю Д—К—ву». В 1876 г. М. М. Стасюлевич спрашивал Анненкова: «М. А. Д. К. — Мих<аил> Ан<дreeвич> Донд<уков>-Корсаков?» Анненков 16 августа (н. ст.) 1876 г. отвечал: «Дондуков-Корсаков» (письмо Стасюлевича к Анненкову около 10 августа (н. ст.) 1876 г. и ответное послание Анненкова см. в наст. изд.). Несмотря на разъяснение, фамилия в изд. 1877 г. осталась нераскрытой.

²⁶¹ В изд. 1877 г.: «понижали Гоголя»

²⁶² В изд. 1877 г.: «практический смысл Гоголя»

²⁶³ В изд. 1857 г. ошибочно: «письмо»

²⁶⁴ В изд. 1877 г.: «какая-нибудь умная история»

²⁶⁵ В изд. 1877 г.: «этой историей»

²⁶⁶ В изд. 1857 г. ошибочно: «терплю»

²⁶⁷ В изд. 1877 г.: «через»

²⁶⁸ Приводится письмо к Н. Я. Прокоповичу из Москвы от 24 февраля 1842 г.

²⁶⁹ В изд. 1877 г.: «он»

²⁷⁰ Далее в изд. 1877 г. пояснение в скобках: «(Плетнева)»

²⁷¹ В изд. 1877 г.: «Гоголь пишет»

²⁷² В изд. 1857 г.: «ходатайства»

²⁷³ В изд. 1877 г.: «Гоголь, как бы»

²⁷⁴ В изд. 1877 г.: «Гоголь отдал»

²⁷⁵ Предположение Анненкова о том, что в 1842 г. к работе над статьей для «Современника» Гоголь, вопреки его собственным признаниям, даже не приступал, нуждается в более серьезных доказательствах. Есть достаточные осно-

вания доверять словам Гоголя: «Я силится написать для Современника статью во многих отношениях современную, мучил себя, терзал всякий день и не мог ничего написать, кроме трех беспутных страниц, которые тот же час истребил». Так, во второй редакции повести «Портрет», отправленной Плетневу вместо статьи, обнаруживаются прямые следы обращения писателя к его прежней журналистской деятельности — здесь встречаются явные переключки с напечатанной ранее в пушкинском «Современнике» статьей «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году» (см. коммент. в изд.: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 3–4. С. 587). Кроме того, стремление Гоголя опубликовать статью в «Современнике», нереализованное в неудачной попытке 1842 г., обнаруживается несколько лет спустя, в 1846 г., сразу в трех гоголевских публикациях. Во-первых, в 1846 г. в «Современнике» была напечатана статья Гоголя «Об Одиссее, переводимой Жуковским» (помещена затем в качестве главы в книгу «Выбранные места из переписки с друзьями»). Во-вторых, по словам Гоголя в статье «О лиризме наших поэтов» в «Переписке с друзьями», в 1845 г. он собирался послать Плетневу в «Современник» свои «сказания о русских поэтах» (ставшие, в свою очередь, одной из заключительных глав новой книги). В-третьих, выслан 16 октября (н. ст.) 1846 г. Плетневу пятаку, окончательную, тетрадь «Выбранных мест...», Гоголь написал в качестве «программы или вступления» для плетневского журнала статью «О Современнике». Помимо этого, следует добавить, что связь с журналом Плетнева «Выбранных мест из переписки с друзьями» проявляется и в том, что в 1838 г. Гоголь предполагал опубликовать в «Современнике» письмо с благодарностью Императору за оказанную материальную помощь — своеобразный «опыт» и предвестие своей позднейшей книги (см. коммент. к «Письму из Рима к редактору журнала «Современник» П. А. Плетневу» в т. 7 Полн. собр. соч. в 17 т. М.; Киев, 2009).

²⁷⁶ В изд. 1877 г.: «Гоголь старается»

²⁷⁷ В изд. 1877 г.: «Гоголь видимо»

²⁷⁸ В изд. 1877 г.: «Гоголь не мог»

²⁷⁹ В изд. 1877 г.: «Гоголь еще»

²⁸⁰ Имеется в виду В. П. Боткин. См. в наст. изд. письмо к нему В. Г. Белинского от 14 марта 1842 г.

²⁸¹ 13 февраля 1842 г. В. С. Аксакова сообщала брату Ивану о Гоголе: «Он кончил первый том “Мертвых душ”, подал в цензуру, там Крылов остановил и сказал, что не решится пропустить сам; ты можешь вообразить себе, как это его расстроило. Теперь он послал рукопись в Петербург... с кем — не знаем наверное, но чуть ли не с Белинским, с которым, вероятно, он выдался у Боткина» (см. в наст. изд.).

²⁸² В изд. 1877 г.: «что Гоголь»

²⁸³ В изд. 1877 г.: «Гоголь понимал»

²⁸⁴ П. В. Анненков имеет в виду опубликованное им в «Материалах для биографии Александра Сергеевича Пушкина» (1855) письмо А. С. Пушкина к П. В. Нащокину от 27 мая 1836 г. (см. в наст. изд. коммент. к «Отрывкам из моей памяти и переписки» А. Н. Афанасьева в разделе *Гоголь в воспоминаниях и письмах М. С. Щепкина, его знакомых и близких*).

²⁸⁵ Между 1 и 7 января 1842 г.

²⁸⁶ В изд. 1877 г.: «Гоголь решился»

²⁸⁷ Вопреки заявлениям Анненкова, именно стремление Гоголя остановить развернутое радикальной критикой, во главе с Белинским, «перетолкование» его произведений — и «погребение» их настоящего смысла — явилось одним из главных мотивов создания «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1847). Подробнее о «примирительной» позиции Гоголя в споре с Белинским см. в примеч. 2 к «Замечательному десятилетию» Анненкова.

²⁸⁸ В изд. 1877 г.: «Гоголь получил»

²⁸⁹ Имеется в виду письмо В. Г. Белинского к Гоголю от 20 апреля 1842 г., впервые опубликованное в 1889 г. В этом письме Белинский, вопреки предположениям П. В. Анненкова о том, что это было «длинное, пространное письмо с мыслями, касавшимися, вероятно, внутреннего значения Мертвых Душ и будущего их продолжения», сообщал: «С нетерпением жду выхода ваших “Мертвых душ”. Я не имею о них никакого понятия: мне не удалось слышать ни одного отрывка, чему я, впрочем, и очень рад: знакомые отрывки ослабляют впечатление целого».

²⁹⁰ Отрывок из письма к Н. Я. Прокоповичу от 11 мая 1842 г. из Москвы.

²⁹¹ В изд. 1877 г.: «Гоголь не мог»

²⁹² В изд. 1877 г.: «из Гастейна (в Тироле)»

²⁹³ Отрывок из письма к Н. Я. Прокоповичу от 27–29 июля (н. ст.) 1842 г. из Гастейна. Этому письму предшествовала заметка в записной книжке Гоголя 1841–1845 гг.: «Прокоповича прислать листки из Отеч<ественных> записок о

Мертвых душах». Статьи Белинского, вместе с экземплярами сочинений Гоголя, были переданы Прокоповичем художнику Ф. А. фон Моллеру и от последнего были получены Гоголем в начале июня (н. ст.) 1843 г. в Мюнхене. 21 октября 1842 г. Прокопович сообщал Гоголю: «Я слышал, что Моллер в скором времени отправляется в Рим, и попрошу его взять с собою все, что будет готово к тому времени <речь идет о собрании сочинений Гоголя> <...> С Моллером же пошлются к тебе и статьи Белинского, в которых говорится о “Мертвых душах”». 28 мая (н. ст.) 1843 г. Гоголь писал Прокоповичу из Мюнхена: «С нетерпением жду Моллера с тем, чтобы получить от него экземпляр, который ты обещал прислать мне с ним». 28 мая (н. ст.) 1843 г. Моллер писал из Дрездена А. А. Иванову о предстоящей встрече с Гоголем: «...Я везу ему все, что об нем было только напеча<та>но во всех рус<с>ких Журналах, Газетах и пр.» (см. в наст. изд.). С Моллером в Мюнхене Гоголь встретился 1–3 июня (н. ст.) 1843 г. 10 июня (н. ст.) 1843 г. он сообщил Н. М. Языкову из Висбадена: «Мне прислали несколько выданных из журналов критик на М<ертвые> д<уши>. Замечательного, впрочем, немного; больше есть по части всяких. Лучшие критики большею частию из провинции. Одна из Екатеринослава замечательнее других...»

В рукописном фонде Гоголя Российской государственной библиотеки сохранилось двенадцать вырезок из журнала «Отечественные Записки» со статьями и рецензиями В. Г. Белинского 1842–1843 гг. о творчестве Гоголя (РГБ. Ф. 74. К. 8. Ед. хр. 96–107). Кроме того, в бумагах Гоголя оказались листы из журнала «Русский Вестник» со статьей Н. А. Полевого «Похождения Чичикова, или мертвые души. Поэма Н. Гоголя» (1842. № 5 и 6. Май и июнь. С. 33–57; РГБ. Ф. 74. К. 9. Ед. хр. 4); листы из журнала «Москвитянин» со статьями С. П. Шевырева о «Мертвых душах» 1842 г. (РГБ. Ф. 74. К. 9. Ед. хр. 5, 6); сокращенный список, рукою Н. В. Гоголя (озаглавленный «Критика М<ертвые> д<уш> из Современника») статьи П. А. Плетнева (без имени автора) «Чичиков или Мертвые души, Гоголя» из июльского номера журнала «Современник» за 1842 г. (в том же номере журнала была впервые напечатана вторая редакция повести Гоголя «Портрет»); вырезка из журнала той же статьи Плетнева (РГБ. Ф. 74. К. 9. Ед. хр. 9) (присланная, вероятно, после изготовления списка); вырезка из № 4 «Отечественных Записок» за 1843 г. со статьей Н. Д. Мизко («из Екатеринослава») «Голос из провинции о поэме Гоголя “Похождения Чичикова, или Мертвые души”» (с подписью: Н. М.; РГБ. Ф. 74. К. 8. Ед. хр. 109); и др.

24 сентября (н. ст.) 1843 г. Гоголь извещал Н. Я. Прокоповича: «Книги я получил, посланные с Моллером, за которые благодарю тебя. Критики я прочел также все с большим аппетитом. Жаль только, что ты не исполнил вполне моей просьбы и не прислал их всех. Зачем ты не велел скорописцу списать критик Сенковского?» (Статья О. И. Сенковского «Похождения Чичикова, или Мертвые Души. Поэма Н. Гоголя» была напечатана (без имени автора) в 1842 г. в «Библиотеке для Чтения». Т. 53. Ч. 2. № 8. Отд. 6. С. 24–54; первоначальную редакцию этой статьи см.: *Сенковский О. И.* Тысяча и одна ночь. Арабские сказки // Материалы и исследования. М.: Л., 1936. Т. 1. С. 228–241.) См. также следующее примеч.

²⁹⁴ Вопреки рассуждениям Анненкова о том, что будто бы Гоголь, поручая Н. Я. Прокоповичу прислать ему «листки критики Мертвых Душ» Белинского, отдавал тем самым «должное нравственной силе, не признаваемой другими», сам Гоголь 1 сентября (н. ст.) 1843 г. сообщал С. П. Шевыреву: «Я получил разные критики от петербург<ских> журналов [на] М<ертвые> д<уши>. Замечательнее всех в Современнике (имеется в виду статья П. А. Плетнева. — И. В.). Отзыв Полевого в своем роде отчасти замечателен. Сенковского, к сожалению, не имею и до сих пор не мог достать, как ни старался. А вообще я нахожу, что нет середины между благосклонностью и неблагосклонностью. *Белинский смешон*» (курсив наш. — И. В.). Письмо было впервые опубликовано в 1875 г. и осталось неизвестным Анненкову.

²⁹⁵ Печатание в Москве первого тома «Мертвых душ» завершилось 15–17 мая 1842 г.

²⁹⁶ См. в наст. изд. дневниковую запись А. И. Тургенева от 24 октября (н. ст.) 1837 г. С ноября 1841 по май 1842 г. П. В. Анненков находился в Париже (его «Письма из-за границы» этого периода датированы: VIII письмо — «Париж, 29-го ноября 1841 года»; IX — «Париж, 7-го февраля 1842 года»; X — «Париж, 18-го мая 1842 года»).

²⁹⁷ Из Петербурга за границу Гоголь выехал 5 июня 1842 г.

²⁹⁸ В изд. 1877 г.: «в Гастейне»

²⁹⁹ В изд. 1877 г.: «А. О. Смирновой». В 1876 г. М. М. Стасюлевич спрашивал Анненкова по поводу настоящего места, кто такая «в Ницце с Гоголем А. О. С—ая...» 16 августа (н. ст.) 1876 г. Анненков отвечал: «Та же А. О. Смирнова, неправильно написанная С—ая...» (письмо Стасюлевича к Анненкову около 10 августа (н. ст.) 1876 г. и ответное послание Анненкова см. в наст. изд.).

³⁰⁰ В изд. 1877 г. ошибочно: «гр. Виельгорского». Ошибка вызвана недоразумением, возникшим при ответе Анненкова на вопрос М. М. Стасюлевича: «...кто такой гр<аф> В. в Ницце?..». Анненков, по-видимому, не располагавший

текстом своих «Воспоминаний о Гоголе», отвечал: «...гр<аф> В. — есть молодой Граф Иосиф Вельегорский, сын не знаю которого из старых Вельегорских наших, Михаила или Матвея, но по словам всех знавших его честнейший и благороднейший юноша, рано умерший в чахотке» (письмо Стасюлевича к Анненкову около 10 августа (н. ст.) 1876 г. и ответное послание Анненкова от 16 августа (н. ст.) того же года см. в наст. изд.).

³⁰¹ В изд. 1877 г.: «Гоголь отправляет»

³⁰² В изд. 1877 г.: «присылает Гоголь»

³⁰³ При письме от 10 сентября (н. ст.) 1842 г. из Гастейна.

³⁰⁴ В письме от 26 ноября (н. ст.) 1842 г. из Рима.

³⁰⁵ При письме от 27–29 июля (н. ст.) 1842 г. из Гастейна.

³⁰⁶ В изд. 1877 г.: «из его письма»

³⁰⁷ В изд. 1877 г.: «Гастейн»

³⁰⁸ Далее в изд. 1877 г.: «ее»

³⁰⁹ В изд. 1857 г. ошибочно: «неуместна»

³¹⁰ Имеются в виду слова Гоголя из «Предисловия» к «Выбранным местам из переписки с друзьями»: «Мне хотелось хотя сим искупить бесполезность всего, доселе мною напечатанного...» Однако вопреки словам Анненкова, в этом признании Гоголя заключалось не «презрение ко всей своей прошлой литературной деятельности», а понимание писателем того, что христианский смысл его творчества остался под влиянием радикальной критики «бесполезен», т. е. недоступен для читателя. Изданием новой книги Гоголь стремился освободить свои произведения от наростшей на них коросты произвольных интерпретаций. С. П. Шевырев, комментируя в 1848 г. слова Гоголя о «бесполезности всего», им напечатанного (и имея в виду в первую очередь Белинского), замечал: «Ясно, что те самые люди, которые не поняли смысла его сочинений и начали ложный путь в нашей литературе, думая вести его от самого Гоголя, всего ближе навели его на ту мысль, что сочинения его были до сих пор бесполезны для большинства и что ему понадобилось снять с души хотя часть суровой за то ответственности... Если бы он сам сознал отсутствие пользы во всем им написанном, то не выдал бы вслед за “Перепискою” второго издания “Мертвых душ”» (*Шевырев С. Выбранные места из переписки с друзьями Н. Гоголя // Москвитянин. 1848. № 1. <Отд. 2>. С. 8*). В письме к П. А. Плетневу от 6 ноября 1846 г. Шевырев указывал в этой связи и на намерение Гоголя выпустить новое издание «Ревизора». «...Давно пора ему, — замечал в этом письме Шевырев, — для славы своей скинуть с себя пятно похвал и восклицаний, которые приносит ему Белинский» (см. в наст. изд.). Такое же мнение высказывал ранее, в письме к В. А. Жуковскому от 17 мая 1846 г., князь П. А. Вяземский: «Как он <Гоголь> счастлив, что не читает в русских журналах того, что говорится о нем. Там, где бранят его, было бы для него еще сносно. Но он сам бы себе огадился, читая похвалы себе, например, в Отечественных записках» (см. в наст. изд.). Д. К. Малиновский в 1850 г., имея в виду покойного уже к тому времени Белинского, замечал о «Переписке с друзьями»: «...В последней книге <...> мы не находим ничего нового, несогласного с предшествовавшим ей... <...> ...Эта книга возымела уже свое действие <...> она отняла много силы у тех, кто еще до ее появления был ее *непобедимым* противником» (*Малиновский Д. К. О том, как надо разуметь смешное в произведениях Гоголя // Н. В. Гоголь и Православие. М.: К единству! 2004. С. 469–470, 476*). См. также в наст. изд. коммент. к разделу *Гоголь в дневниковых записях О. М. Бодянского 1849–1851 гг.*

³¹¹ Мнение Анненкова и сообщаемые им «слухи» об окончании второго тома «в первоначальном очерке» около 1842 г. — не подтверждаемые другими свидетельствами, служат в концепции мемуариста основанием для последующего столь же сомнительного утверждения о первом уничтожении (или «совершенной перделке <...>, равняющейся уничтожению») рукописи второго тома в 1843 г. Говоря о якобы совершавшемся в это время «переломе» в мировоззрении Гоголя, Анненков затрагивает события того периода в жизни писателя, о которых он не мог судить как очевидец. После совместного пребывания в Риме в 1841 г., Анненков вновь встретился с Гоголем лишь спустя пять лет, в июле (н. ст.) 1846 г. (см. ниже).

³¹² Письмо к Н. Н. Шереметевой от 5 января (н. ст.) 1843 г. из Рима.

³¹³ Попытка Анненкова доказать, применительно к намерениям Гоголя отправиться в Иерусалим после завершения второго тома поэмы, «перелом» в мировоззрении писателя, приписав эту перемену к «половине 1843» г., также не находит себе фактического подтверждения (ср. с этим утверждением Анненкова коммент. в наст. изд. к письму С. Т. Аксакова к А. О. Смирновой от 31 марта 1846 г.).

³¹⁴ Письмо к Н. Я. Прокоповичу. Курсив во втором случае принадлежит Анненкову.

³¹⁵ В изд. 1857 г. ошибочно: «удивит»

³¹⁶ В изд. 1857 г. ошибочно: «когда-либо»

³¹⁷ В изд. 1857 г. ошибочно: «буду ныне летом»; в изд. 1877 г. ошибочно: «буду сам летом»

³¹⁸ Слова: «вдруг» — нет в изд. 1877 г.

³¹⁹ В изд. 1877 г.: «Гоголь весь»

³²⁰ Слова: «им» — нет в изд. 1877 г.

³²¹ См. выше примеч. 311.

³²² Курсив Анненкова.

³²³ Курсив Анненкова.

³²⁴ В изд. 1877 г.: «к продолжению поэмы»

³²⁵ В изд. 1877 г.: «е». Вопреки утверждению Анненкова, слова Гоголя вовсе не предполагают того единственного толкования, на котором настаивает мемуарист (см. в наст. изд. признания Гоголя об особенностях его творческой работы в примеч. 10 к «Замечательному десятилетию» Анненкова).

³²⁶ В изд. 1877 г.: «Старая поэма была уничтожена; является другая, при обсуждении которой»

³²⁷ В изд. 1877 г.: «поэмы»

³²⁸ В изд. 1857 г.: «Подражание»

³²⁹ 2 февраля (н. ст.) 1844 г. Гоголь писал С. Т. Аксакову, М. П. Погодину и С. П. Шевыреву из Ниццы: «Я посылаю вам Подражание Христу, не потому, чтоб не было ничего выше и лучше ее, но потому, что на то употребление, на которое я вам назначу ее, не знаю другой книги, которая была бы лучше ее. Читайте всякий день по одной главе, не больше...» В письме к С. П. Шевыреву от того же числа Гоголь писал: «При письме этом я прилагаю письмо ко всем вам. Ты прочитай его теперь же (прежде один) и купи немедленно во французской лавке четыре миниатюрные экземпляра Подражания Христу, для тебя, Погодина, С. Т. Аксакова и Языкова. Ни книжек не отдавай без письма, ни письма без книжек, ибо в письме заключается рецепт употребления самого средства, и притом мне хочется, чтоб это было как бы в виде подарка вам на новый год, исшедшего из собственных рук моих. Прислать вам отсюда книги нет средств; в конце письма ты увидишь лаконические надписочки, которые разрежь ножницами и наклей на всяком экземпляре. Купи еще один экземпляр для Ольги Семеновны Аксаковой». Позднее на «Imitation de Jésus Christ» («Подражание Иисусу Христу», около 1418; приписывается обычно Фоме Кемпийскому) Гоголь ссылался и в письме к П. А. Плетневу от первой половины декабря (н. ст.) 1844 г.; рекомендовал эту книгу графу А. П. Толстому (см. письмо к нему от 12 декабря (н. ст.) 1844 г.), А. О. Смирновой (см. письмо к ней от 9 января (н. ст.) 1845 г.); подарил книгу А. А. Иванову (см. письмо художника к Гоголю от сентября 1846 г.).

³³⁰ Имеется в виду письмо Гоголя к С. Т. Аксакову от 21 декабря (н. ст.) 1844 г. из Франкфурта. Письмо было впервые опубликовано П. А. Кулишом в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» (СПб., 1856. Т. 2. С. 14–17), однако Анненков ссылается на перепечатку этого письма в изд.: Соч. и письма Н. В. Гоголя. Издание П. А. Кулиша. СПб., 1857. Т. 6 (цензурное разрешение 28 марта). Письма, с 1843 по 1852 год. С. 134–139.

³³¹ Имеются в виду следующие строки письма Гоголя к А. О. Смирновой от 25 июля (н. ст.) 1845 г. из Карлсбада: «Друг мой, я не люблю моих сочинений, доселе бывших и напечатанных, и особенно “Мертвых душ”». Далее в письме Гоголь, однако, добавляет: «Но вы будете несправедливы, когда будете осуждать за них автора, принимая за карикатуру насмешку над губерниями, так же, как были прежде несправедливы хваливши. Возсе не губерния и не несколько уродливых помещиков, и не то, что им приписывают, есть предмет “Мертвых душ”. Это пока [покамест] еще тайна, которая должна была вдруг, к изумлению всех (ибо ни одна душа из читателей не догадалась), раскрыться в последующих томах, если бы Богу угодно было продлить жизнь мою и благословить будущий труд. Повторяю вам вновь, что [это еще] это тайна, и ключ от нее покамест в душе у одного только автора». Приведенные строки были впервые опубликованы П. А. Кулишом в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» (СПб., 1856. Т. 2. С. 44; с указанием: «к А. О. С—ой»), однако Анненков ссылается на публикацию этого письма в изд.: Соч. и письма Н. В. Гоголя. Издание П. А. Кулиша. СПб., 1857. Т. 6 (цензурное разрешение 28 марта). Письма, с 1843 по 1852 год. С. 204–206. В этом издании адресат письма не назван и обозначен условными инициалами «N. F.».

³³² Сохранившиеся главы второго тома «Мертвых душ» были впервые опубликованы Н. П. Трушковским в изд.: Сочинения Н. В. Гоголя, найденные после его смерти: Мертвые души, том второй (пять глав), и Авторская исповедь (цензурное разрешение 26 июля 1855; цензурное разрешение 2-го изд., «с издания 1855 г. без перемен», 13 янв. 1856).

О содержании этих глав Анненков отзывается в мемуарах во многом вопреки собственным первоначальным впечатлениям. 9 февраля 1853 г. он, по-видимому, присутствовал у А-ра Н. Карамзина на чтении князем Д. А. Оболенским глав второго тома (см. в наст. изд. дневниковую запись А. В. Никитенко от этого числа). В середине февраля 1853 г. он писал И. С. Тургеневу из Петербурга, что все современные литературные события показались ему «неуловимыми, математическими точками при слушании двух глав одного посмертного русского романа, — а какого — сами догадайтесь»: «Это колокол Ивана Великого, заглушающий все наши почтовые колокольчики. Довольно сказать, что первая часть “Мертвых душ” кажется перед ними незрелым произведением — впечатление, разделенное всеми слушателями со мной! Вот что сделала сосредоточенная мысль художника. Как Природа, так и характеры уже не описываются, а представляются весьма скудными чертами, но жизненными в такой степени, что глаза прожигают: от этого манера изложения столь широкая, что с первой строки вы посреди картины и только стоит оборачиваться во все стороны. Есть характер, которым занимались все наши писатели — человека, на все и ни на что не способного, со стремлениями, да без натуры, с решимостью в голове, да отступающего перед первой щепкой на дороге. Этот характер был в воздухе вероятно — за него взялся и Гоголь, но что вышел его *Тентетников* — долго говорить; также долго говорить о нравственной мысли самого романа. Довольно — это вещи гениальные!» (*Анненков П. В. Письма к И. С. Тургеневу. 1852–1874. Издание подготовили Н. Н. Мостовская, Н. Г. Жигулин. СПб., 2005. Кн. 1. С. 16–17*).

Письмо Анненкова послужило началом его переписки с И. С. Тургеневым, посвященной содержанию глав второго тома поэмы. 2 апреля 1853 г. Тургенев отвечал Анненкову: «Довелось мне слышать отрывки из первых двух глав продолжения “Мертвых душ” — вещь удивительная, громадная — но что такое фантастический наставник Тентетникова — Александр Петрович, что за лицо — и какое его значение? Не нравится мне также Улинька: ложью — (виноват!) ложью несет от нее — тою особенно неприятной ложью, которая с какой-то небрежной естественностью становится перед Вами в виде самой настоящей истины — я имел случай изучить ее в лице А. О. Смирновой, с которой Улинька, вероятно, списана. (А. О. Смирнова послужила прототипом самому Тургеневу для создания образа Д. М. Ласунской в романе «Рудин». Прототипом гоголевской Улиньки была графиня А. М. Виельгорская; см. в наст. изд. свидетельство И. С. Аксакова в письме к родным от 21 августа 1854 г. — *И. В.*) Не могу я также переварить Селифана, выдающего во сне, что он кружится в хороводе с прекрасными крестьянками — и не перевариваю я его не вследствие *направления* — а так — не верится мне что-то. Но все-таки Вы правы — это колокол Ивана Великого — а мы даже не колокольчики, как Вы выразились — а сверчки запечные — трещим — и с большим усердием трещим — но кому от этого какая польза?» (*Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. М., 1961. Т. 2. С. 141–142*).

Анненков 12 апреля 1853 г. возражал Тургеневу: «На учителя в Гоголе, Алекс<андра> Петровича, смотреть, кажется, нечего — он только мелькнул. Улинька тоже без движения остается и только выведена на сцену под ручку, как певунья фортепьянистом, который будет ей аккомпанировать. Но почему Селифан не может видеть во сне хоровода с девками — не знаю. Разве вот почему. Мы с малых ногтей всякого лирического оттенка в романе боимся суеверно. Конечно поэзия всякого лица должна быть точно такая же кривая, как его рожа, но и Селифан, пораженный хороводами, нисколько не делается от того Линдором. (Имя влюбленного вздыхателя в романе графа Альмавивы в «Севильском цирюльнике» Бомарше. — *И. В.*) Да только может вам кажется, что во сне могут видеть sny только особы первых 4 классов. Говоря без шуток, я считаю вашу заметку просто делом пугливости перед родом сказочного лиризма, который есть тоже род, как и всякий другой, и нисколько не лучше и не хуже» (*Анненков П. В. Письма к И. С. Тургеневу. 1852–1874. Издание подготовили Н. Н. Мостовская, Н. Г. Жигулин. СПб., 2005. Кн. 1. С. 20–21*).

21 апреля 1853 г. Тургенев отвечал Анненкову: «Я не боюсь сказочного элемента в романе — и мне потому только не верится в Селифановский сон, что мне кажется, что Гоголю он бы в голову не пришел, если б он не хотел смягчить и заглядить своих жестокостей в 1-ой ч<асти> “Мертвых душ” — заглядить их в смысле “Переписки”. — И не в одном этом замечается это желание подпустить “примирительного” элементу» (*Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. М., 1961. Т. 2. С. 144*).

6 октября 1853 г. Тургенев, прочитав привезенный в Спасское Д. Я. Колбасиным в конце сентября этого года список сохранившихся глав второго тома «Мертвых душ», вновь писал Анненкову: «Я все это время занят был по горло хозяйством, а la Tentetnikoff. — Продешевил пшеницу, упустил две-три постройки, купил дрянных лошадей — словом, хлопотал страшно. <...> Довелось мне перечесть 1-ую, 2-ую, 3-ью и 5-ую главы “Мертвых душ” (второго тома). 3-я глава (где Петух, Кошкарёв и Костанжогло) — вещь удивительная — совершенство. Что за гениальная карикатура, что за водопад здоровой веселости — этот Петух! Но 5-ая глава с невыносимым Муравовым — меня более нежели озадачи-

ла — она меня огорчила. Если все остальное было *так* написано — уж не вследствие ли возмутившегося художнического чувства сжег Гоголь свой роман? А должно полагать, что этой *Смирновщины* (мне при чтении беспрестанно мерещилась Ал<сехсандра> Ос<иповна>) было напушено вдоволь. Боже мой! Боже мой! За что же так губить и ломать, и коверкать себя» (*Назарова Л.* Тургенев о Гоголе // Русская литература. 1959. № 3. С. 157; *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. в 28 т. Письма: В 13 т. М., 1961. Т. 2. С. 183–184).

14 октября 1853 г. Анненков отвечал: «Вы довольны тремя главами “Мертвых душ” — это всего лучше, и вот почему. Литературная критика разделилась по поводу г. Костанжогло. Одни говорят: это подлейший плантатор, которому автор сообщил идеализацию еще подлейшую по намерению. Другие (и я в том числе) говорят: это тип разумного эксплуататора, который любит свое ремесло и знает, что для богатства собственного надобно, чтобы и все окружающие были богаты — и что в нем нет несколько пошлой идеализации, а только есть необходимая художественность. Вопрос важен. Он сводится на наш старый: можно ли в искусстве быть беспристрастным даже и к тем, которые стоят на противоположной стороне, или этого уж не можно? Любопытно бы знать, вы со мной или не совсем. Заметьте, что в обоих случаях вы будете правы, только мнение нужно знать. В нем та сущность, что в первом предположении — критик *благороден*, но без понимания деятельности художественной, а во втором он *подловат*, так как поэты всегда бывают подловаты. Я предпочитаю последнее. О пятой главе надо забыть. Это не глава, а программа главы или, лучше, это только намерение; кто не видел, как я, благодаря рукописям Пушкина, что при творчестве все намерения изменяются, тот знает, что об этом думать. Творчество — великое дело. Голова говорит: дай скажу чудовищность; приходит творчество и говорит или наоборот, или совсем не так, как голова хотела. Я думаю совсем иначе, чем вы, касательно уничтожения “Мертвых душ”. Гоголь истребил их не потому, что заподозрил грустное их направление, а, по-моему, наоборот — потому что творчество, не спрося его, дало им голос не тот, который он хотел. Впрочем, это предположение на ветер, как все предположения» (*Анненков П. В.* Письма к И. С. Тургеневу. 1852–1874. Издание подготовили Н. Н. Мостовская, Н. Г. Жигулин. СПб., 2005. Кн. 1. С. 32).

Отвечая, Тургенев 19 октября 1853 г. писал: «О 2-й части “Мертвых душ” и в особенности о Костанжогло — я на Вашей стороне, — хоть я не могу не заметить, что в этой 2-й части бежит какая-то нехорошая струя — иногда скрыто, иногда наружу; в характерах фантастического наставника, Муразова, Улиньки — он выступает на поверхность — и различается — а в иных местах чуть просачивается... в кой-каких выражениях Костанжогло, Кошкарева ее можно заметить — и они-то и подали повод к недоразумениям. Юпитер-Гоголь сердился кой-где — стало быть был виноват. Но есть места — охватывающие и потрясающие в одно время всю душу читателя. Помните прогулку Петуха в лодке — и песни рыбаков — и расшевеленного Чичикова — и безжизненную вялость Платонова. Это удивительное место» (*Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. в 28 т. Письма: В 13 т. М., 1961. Т. 2. С. 196–197).

31 октября 1853 г. Анненков отвечал: «Вы тонко и умно заметили, что у Гоголя есть какая-то струя нечистая, которая сочится между рассказом. Действительно, есть. Он твердо приступает к лицам, но первородный грех все виднеется. Это мне объясняет почему говорил он, что ему надо обделывать свои произведения вдоль и поперек. Он смывал родовые свои уродливости, которые вылезали и в минуты творчества наружу» (*Анненков П. В.* Письма к И. С. Тургеневу. 1852–1874. Издание подготовили Н. Н. Мостовская, Н. Г. Жигулин. СПб., 2005. Кн. 1. С. 35).

На эти строки Тургенев не ответил, а немного спустя, 14 ноября 1853 г., сообщил Анненкову: «Доставили мне 3-ью и 5-ую главу “Мертвых душ” (2-й части). 3-ья глава, где Петух и Костанжогло — удивительна — но 5-ая с небывалым и невозможным откупщиком Муразовым... Лучше не говорить о ней — и набросить, как почтительные сыновья Ноя — покров на обнажившегося нашего литературного отца» (*Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. в 28 т. Письма: В 13 т. М., 1961. Т. 2. С. 206).

³³³ В изд. 1877 г.: «поэмы»

³³⁴ Впервые «Выбранные места из переписки с друзьями» были изданы при жизни Гоголя в 1847 г. Книга, вследствие противодействия цензора А. В. Никитенко, была сокращена более чем на четверть. В 1854 г. С. П. Шевыревым по гоголевским автографам были подготовлены «Дополнения к Переписке с друзьями, соч. Гоголя». Однако решением помощника министра народного просвещения князя П. А. Вяземского, несмотря на его личное мнение, что эти дополнения «могут быть с пользой допущены к напечатанию», 3 ноября 1856 г. было дозволено лишь переиздание «Выбранных мест...» в прежней редакции, а публикация «Дополнений...» была отклонена. Книга была переиздана в 1856 г. в пятом томе «Сочинений Н. В. Гоголя». В значительно более полном объеме текст «Выбранных мест из переписки с друзьями» был издан лишь спустя десять лет в третьем томе Полного собрания сочинений Гоголя («Второе издание

его наследников, пополненное по рукописи автора». М., 1867; издание подготовлено Ф. В. Чижовым). Полная авторская редакция книги впервые напечатана лишь в 2009 г.: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 6. Подробнее см.: *Виноградов И. А.* Неизвестные автографы двух статей Н. В. Гоголя о Церкви и духовенстве. К истории издания «Выбранных мест из переписки с друзьями» // *Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков*. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Сборник научных трудов. Петрозаводск, 2005. Вып. 4. С. 219–245; *Виноградов И. А.* Цензурная история «Выбранных мест из переписки с друзьями» // *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 6. С. 445–464.

³³⁵ Письмо от 10 февраля (н. ст.) 1844 г. из Ниццы. Впервые опубликовано самим Анненковым в 1880 г. в «Замечательном десятилетии» (см. в наст. изд.). Указание Г. М. Фридлендера к этому письму в академическом собрании сочинений Гоголя 1952 г. изд.: «Впервые опубликовано в книге “П. В. Анненков и его друзья”, I. СПб. 1892, стр. 495–497» (*Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. <Л.>, 1952. Т. 12. С. 638), — ошибочно. Написано в ответ на письмо Анненкова из Парижа к Гоголю в Рим от 11 мая 1843 г. (впервые опубликовано в 1936 г.).

³³⁶ В изд. 1857 г. ошибочно: «1843». Имеется в виду письмо от 10 мая (н. ст.) 1844 г. из Франкфурта. Впервые опубликовано самим Анненковым в 1880 г. в «Замечательном десятилетии» (см. в наст. изд.). Указание Г. М. Фридлендера к этому письму в академическом собрании сочинений Гоголя 1952 г. изд.: «Впервые опубликовано в книге “П. В. Анненков и его друзья”, I. СПб. 1892, стр. 497–500» (*Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. <Л.>, 1952. Т. 12. С. 646), — ошибочно.

³³⁷ В изд. 1877 г.: «гр. Толстого». Далее в изд. 1877 г. пояснение в скобках: «(впоследствии обер-прокурора Синода)». Пояснение появилось вследствие вопроса, заданного Анненкову М. М. Стасюлевичем: «Кто граф Т., у которого был Гоголь в Париже? в улице de la Paix?» 16 августа (н. ст.) 1876 г. Анненков отвечал: «А это граф Толстой, впоследствии Обер-Прокурор Синода, святоша и в доме которого в Москве и умер Гоголь. . . . <Жена> его, говорят, страдала страстию к Архимандриту Троицкой Лавры (имеется в виду сводный брат графини А. Г. Толстой преподобный Антоний (Медведев). — *И. В.*) и потому заживо сделалась преподобной наставницей и молитвенницей о душах наших» (письмо Стасюлевича к Анненкову около 10 августа (н. ст.) 1876 г. и ответное послание Анненкова см. в наст. изд.).

³³⁸ В изд. 1857 г.: «в отели»

³³⁹ Гоголь не «сопутствовал» семейству Толстых, как писал Анненков, а приехал в Париж к графу А. П. Толстому. У Толстого в Париже Гоголь останавливался и в 1845 г., когда пробыл здесь с середины января по март (н. ст.). По свидетельству генерал-майора Н. Б. Герсеванова (почерпнутому из третьих рук), Гоголь в Париже «имел даровую квартиру у графа Т-олстого», в Неаполе <зимой 1846/47 г.> — у сестры его Софьи Петровны <Апраксиной>» (*Герсеванов Н.* Гоголь перед судом обличительной литературы. Одесса, 1861. С. 8). 18 апреля (н. ст.) 1846 г. Гоголь сообщил графу Толстому из Рима: «Думаю, с Божией помощью, двинуться из Рима через две недели, располагая зацепить Франции и Парижа единственно затем, чтобы взглянуть на вас. К концу мая, если не европейского, то нашего стиля, надеюсь вас увидеть...» Около 5 мая (н. ст.) 1846 г. Гоголь выехал из Рима и спустя несколько дней, в письме к В. А. Жуковскому, началом 10 мая (н. ст.) 1846 г. во Флоренции и отправленном 13 мая (н. ст.) 1846 г. из Генуи, сообщал: «В конце мая я полагаю быть у вас во Франкфурте. <...> Я только заеду на три дни в Париж, единственно для того, чтобы взглянуть на моего доброго гр<афа> А<лександра> П<етровича> Толстого, и оттуда чрез Бельгию во Франкфурт». 16 мая (н. ст.) 1846 г. Гоголь был в Ницце; во Франкфурт прибыл в начале июня (н. ст.), побывав, очевидно, в Париже в конце мая (н. ст.) 1846 г.

³⁴⁰ В Остенде Гоголь прибыл только 6 августа (н. ст.) 1846 г.

³⁴¹ Позднее Гоголь, в послании к графу А. П. Толстому, написанном из Остенде около 14 августа (н. ст.) 1847 г., замечал: «Если вы встретите Анненкова, того самого, который — помните? — был у меня в Париже при вас, то, пожалуйста, спросите его, получил ли он мое письмо к нему, адресованное в poste restante вместе с письмом к Белинск<ому>, с которым он в дружеских отношениях».

³⁴² Речь идет о «Слове в день восшествия на Всероссийский Престол Благочестивейшего Государя Императора Николая Павловича, говоренное в Кафедральной церкви Чудова монастыря, Синодальным Членом, Высокопреосвященнейшим Филаретом, Митрополитом Московским, Ноября 20-го дня, 1845 го». Слово святителя Филарета, святителя Филарета (Дроздова), митрополита Московского и Коломенского, в день девятнадцатой годовщины восшествия на престол Императора Николая Павловича было напечатано 15 января 1846 г. в газете «Московские Ведомости» (№ 7. Вторник. С. 43–44. Отдел «Смесь»). Газетная вырезка была прислана Гоголю в Рим О. Сем. Аксаковой. 23 марта (н. ст.) 1846 г. Гоголь писал С. Т. Аксакову: «Благодарю также О<льгу> С<еменовну> за сообщение прекрасной про-

поведи Филарета, которую я прочел с большим удовольствием». Газетная вырезка сохранилась в бумагах Гоголя. По принадлежавшему Гоголю экземпляру «Слово...» напечатано в кн.: Неизданный Гоголь. Издание подготовил И. А. Виноградов. М., 2001. Слово начинается цитатой из Первого соборного послания св. апостола Петра: «*Всех почитайте, братство возлюбите, Бога бойтесь, Царя чтите*, I Петр. 2, 17» (цит. по: Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 9. С. 751).

³⁴³ В изд. 1877 г.: «действительно не дурна»

³⁴⁴ Гец (Готфрид) фон Берлихинген (1480–1562), немецкий рыцарь, герой трагедии И. В. фон Гете «Гец фон Берлихинген с железною рюкою» (1773).

³⁴⁵ Встреча состоялась в период после 6 до 20–30 июля (н. ст.) 1846 г.

³⁴⁶ В изд. 1877 г. пояснения в скобках: «(на Рейне)» — нет.

³⁴⁷ Ср. в письме Гоголя к княжне В. Н. Репниной-Волконской от 18 января (н. ст.) 1839 г.: «Много было и других разных анекдотов, но на одном гвозде всего не повесишь, говорит русская пословица»; в письме к М. С. Щепкину от 3 декабря (н. ст.) 1842 г.: «Не стыдно ли вам быть так неблагоразумну: вы хотите все повесить на одном гвозде...»; в «Предупреждении для тех, которые пожелали бы сыграть как следует “Ревизора”» (1846): «Умный актер <...> должен рассмотреть главную и преимущественную заботу каждого лица, на которую издерживается жизнь его, которая составляет постоянный предмет мыслей, вечный гвоздь, сидящий в голове».

³⁴⁸ По предположению В. П. Дорофеева, в рассуждениях о «пролетариате», о кровной связи русского крестьянина с землей и т. д. обнаруживается знакомство Гоголя с секретной запиской министра внутренних дел Л. А. Перовского «Об уничтожении крепостного состояния в России» (ноябрь 1845 г.) (Анненков П. В. Литературные воспоминания / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. В. П. Дорофеева. <Без м. изд.>, 1960. С. 566).

³⁴⁹ Достоверно известно о двух сожжениях Гоголем рукописи второго тома «Мертвых душ»: первое произошло в конце июня — начале июля (н. ст.) 1845 г., второе, предсмертное, — в ночь с 11 на 12 февраля 1852 г. Мнение Анненкова о сожжении первоначальной редакции второго тома в 1843 г. ошибочно (см. выше примеч. 311).

³⁵⁰ В изд. 1877 г. вместо фрагмента «в его жизни. На первых порах - в могилу» — слова: «в его душе».

П. В. Анненков

Николай Владимирович Станкевич. Биографический очерк Фрагмент

<...> Почтенный биограф Н. В. Гоголя, оказавший такую важную услугу публике сообщением драгоценных материалов, касающихся жизни этого писателя, Н. М*¹, к сожалению, пропустил без внимания нравственную поддержку, данную Москвою автору «Мертвых Душ», поддержку, на которую он оперся при самом начале своего авторского поприща. Несмотря на одобрения Пушкина, Жуковского и их друзей, петербургская публика относилась к Гоголю, с тех пор как он перешел из малороссийской повести к русскому современному быту, если не враждебно, то по крайней мере весьма осторожно. Прием «Ревизора» доказал ее нерасположение и ее подозрительность. Неизвестно, что случилось бы с автором, впечатлительным до крайности, если бы Москва разделила сомнения и холодность петербургской публики, но здесь он встретил участие, поднявшее, как нам хорошо известно, нравственную бодрость его и сообщившее ему уверенность в своих силах. Последняя все более и более росла с тех пор... Нет сомнения, что Белинский первый положил твердый камень в основании всей последующей его известности, начав первый объяснять смысл и значение его произведений. Можно думать, что Белинский уяснил самому Гоголю его призвание и открыл ему глаза на самого себя: для этого есть несколько доказательств несомненного, исторического характера². <...>

Впервые опубликовано: *Анненков П. В.* Николай Владимирович Станкевич. Биографический очерк // Русский Вестник. Журнал литературный и политический, издаваемый М. Катковым. 1857. Т. 7 (цензурное разрешение 14 янв.). Кн. 3. С. 485–486. Перепечатано: Николай Владимирович Станкевич. Переписка его и биография, написанная П. В. Анненковым. М., 1857 (цензурное разрешение 7 дек.). С. 76–77; *Анненков П. В.* Соч. Воспоминания и критические очерки. Собр. статей и заметок. 1849–1868 гг. СПб., 1881. Отд. 3. С. 305–306. Печатается по первой публикации.

14 апреля 1860 г. С. П. Шевырев, в частности, писал князю П. А. Вяземскому: «Какую разницу я заметил между прежним поколением писателей, которое оканчивается Гоголем, и новым! В прежнем, чем более развивается писатель и крепнет, тем сильнее и выше пробивается святое зерно, заложенное в каждом нашею древнею жизнью, зерно сердечного сознания откровенной истины. Карамзин, Жуковский, вы, Пушкин, Гоголь это доказали. Теперь совершенно наоборот. В первых проявлениях слова и жизни очень сильно заметен след семейного религиозного влияния; далее, весь процесс жизни и развития литературного состоит в том, чтоб это зерно совершенно вырвать и обесплодить жизнь. Возьмите биографию Станкевича, написанную Анненковым. Это образчик всех. Возьмите Белинского — его первые критики и последние. Теперь все стремления обращены туда. Прежние поколения все возвращались к связи с коренным началом русским; новые все устремляются туда, чтобы эту связь долга уничтожить» (Письма М. П. Погодина, С. П. Шевырева и М. А. Максимовича к князю П. А. Вяземскому 1825–1874 годов. (Из Остафьевского Архива). Изданы с предисловием и примечаниями Н. Барсукова. СПб., 1901. С. 170).

¹ П. А. Кулиш.

² В 1874 г. настоящее заявление Анненкова, будто Белинский «уяснил самому Гоголю его призвание и открыл ему глаза на самого себя» и что этому якобы есть «несколько доказательств несомненного, исторического характера», вызвали вопрос А. Н. Пыпина, на который Анненков не смог дать удовлетворительного ответа (см. в наст. изд. письмо Анненкова к А. Н. Пыпину от 1 июня (н. ст.) 1874 г.). Спустя еще несколько лет, в «Замечательном десятилетии» (1880), Анненков попытался привести упомянутые «доказательства», однако это ему также не удалось (см. в наст. изд. примеч. 2, 4, 6–9, 12, 13 к «Замечательному десятилетию» Анненкова).

Ранее, в 1842 г. на постоянное подчеркивание самим Белинским своих «заслуг» в «открытии» таланта Гоголя, С. П. Шевырев, в частности, отвечал: «Но вот с другой стороны, из тесных рядов толкуемого рынка литературы, выскочило наглое самохвалство в виде крикливого пигмея, с медным лбом и размашистою рукою; обрадовавшись случаю из-за похвалы таланту похвалить самого себя, оно, ставши перед произведением, плял на нем свою тощую фигуру, силится прикрыть его собою, и потом показать вам, и уверить вас, что точно оно вам его показало, а без того вам бы его и не увидеть» (*Шевырев С.* Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Статья первая // Москвитянин. 1842. № 7. С. 207). 6 ноября 1846 г. Шевырев писал П. А. Плетневу о Гоголе: «...Давно пора ему для славы своей скинуть с себя пято похвал и восклицаний, которые приносил ему Белинский» (см. в наст. изд.).

Следует также иметь в виду, что «славянофильская» критика во многом опережала Белинского и в «открытии» таланта Гоголя, и в понимании мирового значения его творчества. К примеру, К. С. Аксаков в 1839 г. под влиянием авторского чтения «Тяжбы» и «Мертвых душ» замечал: «...Те тупы, которые только видят в его сочинениях *смешное*. Гоголь — великий, гениальный художник, имеющий право стоять, как и Пушкин, в кругу первых поэтов, Гете, Шекспира, Шиллера и проч.» (письмо К. С. Аксакова к братьям от 24–25 октября 1839 г.; см. в наст. изд.). Именно К. С. Аксакову принадлежит более глубокое, сравнительно с отзывами Белинского, понимание замысла первого тома «Мертвых душ» (подробнее см.: *Виноградов И. А.* Спор К. С. Аксакова и В. Г. Белинского: Культурно-исторические аспекты полемики о жанре «Мертвых душ» // Гоголезнавчі студії. Гоголеведческие студии / Нежинский гос. ун-т им. Н. Гоголя, Гоголеведческий центр; Ин-т литературы им. Т. Г. Шевченко НАН Украины. Нежин, 2012. Вып. 2 (19). С. 17–75).

Отрывки из моей памяти и переписки Фрагмент

<...> 1861 года. Май. От П. В. Анненкова слышал, что Гоголь написал комедию «Владимирский крест»¹ и, когда он жил в СПб., читал своим знакомым 2 акта. — Анненков был в числе слушателей. «Отрывок» («Собачкин»), «Лакейская», «Тяжба» и «Утро делового человека» — все отрывки из этой комедии. Герой комедии добивается получить владимирский крест, и судьба несколько раз безжалостно обманывает его чиновничье честолюбие: уже, кажется, все сделано, вот-вот повесят владимирский крест, а тут как нарочно что-нибудь да помешает. Последняя неудача сводит героя комедии с ума. Помешательство в том, что будто он сам есть не более как владимирский крест. Любопытны гоголевские рассуждения о кресте, вкладываемые в уста этого чиновника: «Боже мой, — говорил он, — ну что такое этот крестик, и стоит ли он, кажись, всех хлопот, золота будет в нем на столько-то рублей, ну эмали, пожалуй, еще на столько, — а чего не даст за него человек!» В последней сцене сумасшедший, воображая себя крестом, становится перед зеркалом, подымает [растопыривает] руки (так что делает из себя подобие креста) и не насмотрится на свое изображение. <...>

Впервые опубликовано: Афанасьев А. Н. Отрывки из моей памяти и переписки // Михаил Семенович Щепкин: Жизнь и творчество. М., 1984. Т. 2. С. 153–154. Печатается по первой публикации.

¹ О содержании этой комедии см. также в наст. изд. в статье В. И. Родиславского «О комедии Н. В. Гоголя “Владимир 3-й степени”».

П. В. Анненков

Замечательное десятилетие Фрагменты

<...> Известно, что Белинский выступил на литературное поприще статьей в «Молве» 1834 года, носившей название «Литературные мечтания — элегия в прозе». Это было обозрение русской словесности, обратившее на себя внимание бойкостью слова и характеристикой эпох и лиц, которая не имела никакого сходства с обычными и, так сказать, узаконенными определениями их в наших курсах словесности. Лирический тон статьи с философским оттенком, заимствованным от системы Шеллинга, сообщал ей особенную оригинальность. <...> Протестующий характер статьи <...> был очень ясен не только для <...> корифеев партии «Библиотеки для Чтения» <...>, но и людям, соглашавшимся со многими из ее положений, но не любившим видеть бесцеремонное колебание преданий, да еще на основании чужих философских систем. Таковы были Пушкин и Гоголь. И тот, и другой были оценены весьма благосклонно критиком, но сохраняли о нем почти всю жизнь упорное молчание. Первый, по свидетельству самого Белинского, только посылал к нему тайно книжки своего «Современника»¹, да говорил про него: «Этот чудак, почему-то очень меня любит»¹. Суждение второго мы сами слышали: «Голова недюжинная, но у нее всегда чем вернее первая мысль, тем нелепее вторая». Замечание касалось выводов, добываемых Белинским из своих эстетических и философских оснований и о прило-

¹ Пушкин прибавлял, по тому же свидетельству, секретно и еще замечание, что у Белинского есть чему поучиться и тем, кто его ругает. — Примеч. П. В. Анненкова.

жении этих выводов прямо и непосредственно к лицам и фактам русского происхождения, хотя тот же Гоголь указывал позднее на статьи Белинского о его собственной, Гоголевской деятельности, как на образцовые, по своей неотразимой истине и мастерскому изложению? <...>

Приезд Белинского в Петербург³ имел особенное значение <...> для небольшого круга тогдашних молодых людей, которые в литературном триумвирате О. И. Сенковского, Н. И. Греча и Ф. В. Булгарина, выросшем на благодатной почве Смирдинских капиталов, вконец ими истощенных, — видели как бы олицетворение затаенного презрения к делу образования на Руси, образец хитрой, расчетливой, но ограниченной практической мудрости, а наконец — ловко устроенный план надувательства благонамеренностью и патриотизмом тех лиц, которых нельзя было надуть другим путем. <...> Приезд Белинского был <...> особенно важен тем, что возвещал новую попытку бороться с литературными концессионерами, после трех неудачных попыток: двух в Москве, предпринятых сперва «Телескопом», а затем «Московским Наблюдателем», — журналом, даже и основанным именно с этой целью, в 1835 году¹. Третья, в Петербурге, взята была на себя «Современником» Пушкина — и тоже безуспешно. <...>

Поселясь в Петербурге, Белинский начал ту многотрудную, работающую жизнь, которая продолжалась для него восемь лет сряду, почти без всякого перерыва, потрясла и самый организм и заела его... <...>

...У Белинского, взамен общества, были тогда три постоянные, неразлучные собеседника, которых послушаться вдоволь он почти уже и не мог, именно — Пушкин, Гоголь и Лермонтов. О Пушкине говорить не будем: откровения его лирической поэзии, такой нежной, гуманной и вместе бодрой и мужественной, приводили Белинского в изумление, как волшебство или феноменальное явление природы. Он не отделился от обаяния Пушкина и тогда, когда, ослепленный творчеством Лермонтова, весь обратился к новому светилу поэзии и ждал от него переворота в самих понятиях о достоинстве и цели литературного призвания. При отъезде моем за границу в октябре 1840 года Белинский спросил, какие книги я беру с собою. «Странно вывозить книги из России в Германию», — отвечал я. — «А Пушкина?» — «Не беру и Пушкина»... — «Лично для себя, я не понимаю возможности жить, да еще и в чужих краях, без Пушкина», — заметил Белинский.

О втором его собеседнике — Гоголе — скажем сейчас несколько пояснительных слов. Но что касается отношений, образовавшихся между Белинским и третьим, самым поздним или самым новым и молодым его собеседником — именно Лермонтовым, то они составляют такую крупную психическую подробность в жизни нашего критика, что о ней следует говорить особо⁴.

Важное значение Белинского в самой жизни Н. В. Гоголя и огромные услуги, оказанные им автору «Мертвых Душ», уже были указаны нами в другом месте¹¹. Мы уже говорили, что Белинский обладал способностью отзываться, в самом пылу какого-либо философского или политического увлечения, на замечательные литературные явления с авторитетом и властью человека, чувствующего настоящую свою силу и призвание свое. В эпоху шеллингианства одною из таких далеко озаряющих вспышек была статья Белинского «О русской повести и повестях Гоголя», написанная вслед за выходом в свет двух книжек Гоголя: «Миргород» и «Арабески» (1835 г.). Она и уполномочивает нас сказать, что настоящим восприимчивым Гоголя в русской литературе, давшим ему имя, был Белинский⁶. Статья эта, вдобавок, пришлась очень кстати.

¹ Для поддержания этого издания, Гоголь принял на себя роль пропагандиста и собирал подписки со всех своих знакомых в Петербурге — и, прибавим, чрезвычайно настойчиво и энергично. Каждый из нас должен был иметь и имел своего «Наблюдателя». — *Примеч. П. В. Анненкова.*

¹¹ См. мои «Воспоминания и Критические очерки» т. I, в статье о Гоголе⁵. — *Примеч. П. В. Анненкова.*

Она подросла к тому горькому времени для Гоголя, когда, вследствие претензии своей на профессорство и на ученость *по вдохновению*, он осужден был выносить самые злостные и ядовитые нападки не только на свою авторскую деятельность, но и на личный характер свой. Я близко знал Гоголя в это время и мог хорошо видеть, как, озадаченный и сконфуженный не столько яркими выходками Сенковского и Булгарина⁷, сколько общим осуждением петербургской публики, ученой братии и даже приятелей, он стоял совершенно одинокий, не зная, как выйти из своего положения и на что опереться. Московские знакомые и доброжелатели его покамест еще выражали в своем органе («Московском Наблюдателе») сочувствие его творческим талантам весьма уклончиво, сдержанно, предоставляя себе право отдаваться вполне своим впечатлениям только наедине, келейно, в письмах, домашним образом. Руку помощи в смысле возбуждения его упавшего духа протянул ему, тогда никем не прошенный, никем неожиданный и совершенно ему неизвестный Белинский, явившийся с упомянутой статьей в «Телескопе» 1835-го года⁸. И с какой статьей! Он не давал в ней советов автору, не разбирал, что в нем похвально и что подлежит нареканию, не отвергал одной какой-либо черты, на основании ее сомнительной верности или необходимости для произведения, не одобрял другой, как полезной и приятной, — а, основываясь на сущности авторского таланта и на *достоинстве его мирозерцания*, просто объявил, что в Гоголе русское общество имеет будущего *великого писателя*. Я имел случай видеть действие этой статьи на Гоголя. Он еще тогда не пришел к убеждению, что московская критика, <о> е<сть> критика Белинского, злостно перетолковала все его намерения и авторские цели, — он благосклонно принял заметку статьи, а именно, что «чувство глубокой грусти, чувство глубокого соболезнования к русской жизни и ее порядкам слышится во всех рассказах Гоголя», и был доволен статьей, и более чем доволен, он был ошарашивлен статьей⁹, если вполне верно передавать воспоминания о том времени. С особенным вниманием остановился в ней Гоголь на определении качеств истинного творчества, и раз, когда зашла речь о статье, перечитал вслух одно ее место: «Еще создание художника есть тайна для всех, еще он не брал пера в руки, — а уже видит их (образы) ясно, уже может счесть складки их платья, морщины их чела, изборожденного страстями и горем, а уже знает их лучше, чем вы знаете своего отца, брата, друга, свою мать, сестру, возлюбленную сердца; также он знает и то, что они будут говорить и делать, видит всю нить событий, которая обвьет и свяжет между собою...» — «Это совершенная истина, — заметил Гоголь¹⁰, и тут же прибавил с полужастенчивой и полунасмешливой улыбкой, которая была ему свойственна, — только не понимаю, чем он (Белинский) после этого восхищается в повестях Полевого». Меткое замечание, попавшее прямо в больное место критика; но надо сказать, что, кроме участия романтизма в благожелательной оценке рассказов Полевого, была у Белинского и еще причина для нее. Белинский высоко ценил тогда заслуги знаменитого журналиста и глубоко соболезновал о насильственном прекращении его деятельности по изданию «Московского Телеграфа»; все это повлияло на его суждение и о беллетристической карьере Полевого.

Но решительное и восторженное слово было сказано, и сказано не наобум. Для поддержания, оправдания и укоренения его в общественном сознании Белинский издержал много энергии, таланта, ума, переломал много копий, да и не с одними только врагами писателя, открывавшего у нас реалистический период литературы, а с друзьями его. Так, Белинский опровергал критика «Московского Наблюдателя» 1835 г<ода>, когда тот, в странном энтузиазме, объявил, будто за одно «слышу», вырвавшееся из уст Тараса Бульбы, в ответ на восклицание казнимого и мучимого сына: «Слышишь ли ты это, отец мой?», будто за одно это восклицание — «слышу», Гоголь достоин был бы бессмертия¹¹; а другой раз опровергал того же критика, и не менее победоносно, когда тот выразил желание, чтобы в рассказе «Старосветские помещики» не встречался намек на *привычку*, а все сношения между идиллическими супругами объяснялись только одним нежным и чистым чувством, без всякой примеси.

Вспомним также, что «Ревизор» Гоголя, потерпевший фиаско при первом представлении в Петербурге и едва не согнанный со сцены стараниями «Библиотеки для чтения», которая, как

говорили тогда, получила внушение извне преследовать комедию эту, как политическую, несвойственную русскому миру, — возвратился благодаря Белинскому на сцену уже с эпитетом «гениального произведения»¹². Эпитет даже удивил тогда своей смелостью самих друзей Гоголя, очень высоко ценивших его первое сценическое произведение. А затем, не останавливаясь перед осторожными замечками благоразумных людей, Белинский написал еще резкое возражение всем хулителям «Ревизора» и покровителям пошловатой комедии Загоскина «Недовольные», которую они хотели противопоставить первому. Это возражение носило просто заглавие: «От Белинского», и объявляло Гоголя безоглядно великим европейским художником, упреждая окончательное его положение в русской литературе¹³. Белинский сам вспоминал впоследствии с некоторой гордостью об этом подвиге «прямой», как говорил, критики, опередившей критику «уклончивую» и указавшей ей путь, по которому она и пошла (см. библиографическое известие о выходе «Мертвых Душ», VI, 396, 400, 404 etc.). Таковы были услуги Белинского по отношению к Гоголю; но последний не остался у него в долгу, как увидим.

Николай Васильевич Гоголь жил уже за границей в описываемое нами время, и уже два года как основался в Риме, где и посвятил себя всецело окончанию первой части «Мертвых Душ». Правда, он побывал в Петербурге зимой 1839 года и читал нам здесь первые главы знаменитой своей поэмы, у Н. Я. Прокоповича¹, но Белинского не было на вечер: он находился случайно в Москве¹⁴. Вряд ли Гоголь и считал тогда Белинского за какую-либо надежную силу. По крайней мере, в мимолетных отзывах, слышанных мною от него несколько позднее (в 1841 году, в Риме) о русских людях той эпохи, Белинский не занимал никакого места¹⁵. Услуги критика были забыты, порваны, и благодарные воспоминания отложены в сторону. И понятно — отчего: между ними уже прошли статьи нашего критика о «Московском Наблюдателе», горькие отзывы Белинского о некоторых людях того кружка, который уже призывал Гоголя спасти русское общество от философских, политических и вообще западных мечтаний. Н. В. Гоголь видимо склонялся к этому призыву и начинал считать настоящими своими ценителями людей надежного образа мыслей, очень дорожащих тем самым строем жизни, который подвергался обличению и осмеянию. Николай Васильевич вспомнил о Белинском только в 1842 году, когда для успеха «Мертвых Душ» в публике, уже представленных на цензуру, содействие критика могло быть не бесполезно. Он устроил тогда одно *тайное* свидание с Белинским, в Москве, где последний случайно находился, и другое, хотя и не тайное, но совершенно безопасное, в кругу своих петербургских знакомых, не имевших никаких соприкосновений с литературными партиями: секрет свиданий был действительно сохранен, но, как я узнал после, они несколько не успели завязать личных дружеских отношений между писателями. Все это было, однако же, еще впереди и случилось уже в мое отсутствие из Петербурга и России.

Теперь же, накануне моего отъезда за границу в 1840 г<оду>, Белинский как-то особенно был погружен в изучение и пересмотр гоголевских сочинений. Он и прежде пропитался молодым писателем настолько, что беспрестанно цитировал разные лаконически-юмористические фразы, столь обильные в его творениях, но теперь Белинский особенно и страстно занимался выводами, какие могут быть сделаны из них и вообще из деятельности Гоголя. Можно было подумать, что Белинский поверяет Гоголем самые начала, свойства, элементы русской жизни и ищет уяснить себе, в каких отношениях стоят произведения поэта к собственным философским его, Белинского, воззрениям и как они с ними могут ужиться. Здесь следует заметить, что время изменения и перелома в созерцании Белинского определить весьма трудно с некоторой точностью. Фактически несомненно, что в следующем 1841 году свершился мгновенный поворот критика к новым убеждениям, но приготавливался он ранее и тогда, когда критик еще не покидал старой почвы и старой теории. Я сохраняю убеждение, что вместе с другими агентами его отрезвления — уроками жизни, развитием собственной его мысли и внушениями друзей —

¹ В изд. 1880 и 1881 г. ошибочно: Н. А. Прокоповича

Лермонтов и Гоголь были не последними агентами, что доказывается и статьями о них, написанными Белинским в течение 1840 года. Под действием поэта реальной жизни, каким был тогда Гоголь, философский оптимизм Белинского должен был разложиться, как только его серьезно сопоставили с картинами русской действительности. Никакими логическими изворотами нельзя было помочь беде, — следовало или соглашаться с художником, обещающим еще много новых созданий в том же духе, или покинуть его, как не понимающего той жизни, которую изображает. Притом же обличения Гоголя довершали ряд обличений, начатых уже самым строем жизни и критическим умом Белинского прежде. Конечно, более правильное понимание известной формулы Гегеля о томстве действительности и разумности, освободившее ум Белинского от философского обмана, дано было совсем не Гоголем, но Гоголь его подкрепил. Таким-то образом расплачивался Николай Васильевич с критиком за все, что получил от него для уяснения своего призвания¹; но вот что замечательно: обоим им было суждено поменяться ролями и разойтись по тем же дорогам, по которым пришли друг к другу. Пока Белинский, выведенный однажды на почву реализма, прокладывал себе дорогу все далее и далее по одному направлению, — романист, способствовавший ему обрести этот верно намеченный путь, возвращался сам, после долгих блужданий, к той исходной точке, на которой стоял, при самом начале, его критик. Обменявшись местами, они уже, каждый с своей стороны, стремились достичь крайних, последних выводов своего положения, и оба одинаково умерли страдальцами и жертвами напряженной работы мысли — мысли, обращенной в различные стороны. <...>

...Нигде в сильнейшей степени не сказались все самые видные качества эстетической критики Белинского, <...>, как именно в <...> разборе «Ревизора», которого Белинский противопоставлял «Горю от ума»¹⁶. <...> Между прочим здесь находилось множество мыслей, которые потом, к удивлению, были усвоены самим Гоголем и встречаются в его собственной защите этой комедии, как, например, мысль, что грубая ошибка городничего, принявшего мальчишку Хлестакова за ревизора, есть действие встревоженной совести. «Не грозная действительность, а призрак, фантом, или, лучше сказать, тень от страха виновной совести должна была наказать человека призраков (городничего)», — говорил Белинский в одном месте. Даже знаменитое положение Гоголя, что честное существо в «Ревизоре» есть смех, даже и оно сказано было Белинским прежде. Упомянув, что основа трагедии всегда зиждется на борьбе, возбуждающей сострадание и заставляющей гордиться достоинством человеческой природы, Белинский продолжает: «так и основа комедии — на комической борьбе, возбуждающей смех; однако же, в этом смехе не одна веселость, *но и мишение за униженное человеческое достоинство, и, таким образом, другим путем, нежели в трагедии, но опять-таки открывается торжество нравственного закона*»; и много еще подобных мест заключалось в статье. Я не вывожу из этого сближения никаких заключений, хотя и позвоительно думать, что Гоголь читал статью Белинского, по крайней мере, весьма внимательно. <...>

По всему складу мысли и деятельности К<атко>ва с первых же шагов его за границей, все яснее оказывалось, что он гораздо более занят мыслию водворить в своем отечестве новые основы положительного созерцания и верования, какие он открыл в позднейшей философии «Откровения» Шеллинга, чем призванием работать на просветление загубелой русской общественной среды, прямо и непосредственно, как того требовало время. Сам К<атко>в скоро подтвердил все догадки Белинского. Еще в Гамбурге, ступая, так сказать, впервые на почву Европы, он думал, что успех «Отечественных Записок» доставит ему и Белинскому средства безбедного существования на всю жизнь, а менее чем через год он прекратил все сношения с журналом. Было бы крайне поверхностно и мелочно объяснять дело неясности денежных

¹ В изд. 1880 г. ошибочно: произведения

расчетов между редакцией и сотрудником ее, между тем как дело разъяснялось вполне отвращением К<атко>ва следовать по пути бесповоротного отрицания, которого боится и не желает разъяснений. В 1842 году он на этом основании подозрительно относился даже к «Мертвым Душам» Гоголя, как я имел случай лично убедиться, и не столько к поэме, сколько к будущим ее панегиристам, которых предвидел и которых более опасался, чем выводов самого произведения. В глухую осень 1840-го года (октября 5-го), мы с ним сели на *последний* пароход, отправлявшийся из Петербурга в Любек. Белинский, Кольцов и Панаев провожали нас до Кронштадта. <...>

Зиму 40–41 годов мне привелось прожить в меттерниховской Вене. Нельзя теперь почти и представить себе ту степень тишины и немоты, которые знаменитый канцлер Австрии успел водворить благодаря неусыпной бдительности за каждым проявлением общественной жизни и беспредельной подозрительности к каждой новизне, на всем пространстве от Богемских гор до Байского залива и далее. Бывало, едешь по этому великолепно обставленному пустырю, как по улице гробниц в Помпее, посреди удивительного благочиния смерти, встречаемый и провожаемый призраками в образе таможенников, пашпортников, жандармов, чемоданчиков и визитаторов пассажирских карманов. Ни мысли, ни слова, ни известия, ни мнения, а только их подобию, взятые с официальных фабрик, заготовлявших их для продовольствия жителей массаами и пускавших их в оборот под своим штемпелем. Для созерцательных людей это молчание и спокойствие было кладом: они могли вполне предаться изучению и самих себя и предметов, выбранных ими для занятий, уже не развлекаясь людскими толками и столкновениями партий. Гоголь, Иванов, Иордан и много других жили полно и хорошо в этой обстановке, осуществляя собою, еще задолго до Карлейля, некоторые черты из его идеала мудрого человека, благоговейно поклоняясь гениям искусства и литературы, сберегая про себя святыню души, отдаваясь всем своим существом избранному делу и не болтая зря со всеми и обо всем, по последнему журналу. Но за мудрецами и за созерцательными людьми виднелась еще шумная, многоглазая толпа, не терпящая долгого молчания кругом себя, особенно при содействии южных страстей, как в Италии. Забавлять-то ее и сделалось главной заботой и политической мерой правительств. Кто не слышал об удовольствиях Вены и о постоянной, хотя и степенной, полицейски-чинной и размеренной оргии, в ней царствовавшей? Кто не знает также о праздниках Италии, о великолепных оркестрах, гремевших в ней по площадям главных ее городов каждый день, о духовных процессиях ее и об импрессариях, поставлявших оперы на ее театры, причем шумной итальянской публике позволялось, несмотря на двух белых солдат¹⁷, постоянно торчавших по обеим сторонам оркестра с ружьями в руках, — беситься как и сколько угодно. Развлекать толпу считалось серьезным, административным делом, — но повторять эту картину, вслед за многими уже свидетелями, не предстоит здесь, конечно, никакой надобности.

Одна черта только в этом мире, так хорошо устроенном, беспрестанно кидалась в глаза и поражала меня. Несмотря на всю великолепную обстановку публичной жизни и несмотря на строжайшее запрещение иностранных книг (в моденском герцогстве обладание книгой без цензурного штампа наказывалось ни более, ни менее, как *каторгой*), французская беспокойная струя сочилась под всей почвой политического здания Италии и разъедала его. Подземное существование ее не оставляло никакого сомнения даже в умах наименее любопытных и внимательных. Оно не было тайной и для австрийского правительства, которому оно беспрестанно напоминало о грустной необходимости считать себя, несмотря на трактаты, временным, случайным правительством в предоставленных ему провинциях, и умножать, для самосохранения, войско, бюджет, наблюдения, мероприятия и т. д.

В марте 1841 года¹⁸ я уже был в Риме, поселился близ Гоголя и видел папу Григория XVI действующим во всех многочисленных спектаклях римской Святой Недели, и притом действующим как-то вяло и невнимательно, словно исправляя привычную, домашнюю работу. В про-

межутках облачения и потом обрядов он, казалось, всего более заботился о себе, сморкался, откашливался и скучным взором обводил толпу сослужащих и любопытных. Старый монах этот точно так же управлял и доставшимся ему государством, как церковной службой: сонно и бесстрастно переполнил он тюрьмы Папской области не уголовными преступниками, которые у него гуляли на свободе, а преступниками, которые не могли ужиться с монастырской дисциплиной, с деспотической и вместе лицемерно-добродушной системой его управления. Зато уже Рим и превратился в город археологов, нумизматов, историков от мала до велика. Всякий, кто успевал продраться до него благополучно сквозь сеть различного рода негодяев и мошенников, его окружавшую, и отыскать в нем, наконец, спокойный угол, превращался тотчас же в художника, библиофила, искателя редкостей. Я видел наших отдыхающих откупщиков, старых степенных помещиков, офицеров от Дюссо, зараженных археологией, толкующих о памятниках, камнях, Рафаэлях, перемешивающих свои восторги возгласами об удивительно глубоком небе Италии и о скуке, которая под ним безгранично царствует, что много заставляло смеяться Гоголя и Иванова: по вечерам они часто рассказывали курьезные анекдоты из своей многолетней практики с русскими туристами¹⁹. К удивлению, я заметил, что французский вопрос далеко не безынтересен даже и для Гоголя и Иванова, по-видимому, успешных освободителей от суетных волнений своей эпохи и поставивших себе опережающие ее задачи. Намек на то, что европейская цивилизация может еще ожидать от Франции важных услуг, не раз имел силу приводить невозмутимого Гоголя в некоторое раздражение. Отрицание Франции было у него так неозвученно и решительно, что при спорах по этому предмету он терял обычную свою осторожность и осмотрительность и ясно обнаруживал не совсем точное знание фактов и идей, которые затрагивал.

У Иванова доля убеждения в той же самой несостоятельности французской жизни была ничуть не менее, но как часто случается с людьми глубоко-аскетической природы, — искушения и сомнения жили у него рядом со всеми верованиями его. Он никогда не выходил из тревог совести. Можно даже сказать про этого замечательного человека, что все самые горячие попытки его выразить на деле в творчестве свои верования и убеждения рождались у него так же точно из мучительной потребности подавить во что бы то ни стало волновавшие его сомнения. И не всегда удавалось ему это. Притом же, наоборот, с Гоголем он питал затаенную неуверенность к себе, к своему суждению, к своей подготовке для решения занимавших его вопросов, и потому с радостью и благодарностью опирался на Гоголя при возникающих беспрестанно затруднениях своей мысли, не будучи, однако же, в состоянии умиротворить ее вполне и с этой поддержкой. Вот почему при неожиданно возникшем диспуте нашем с Гоголем, за обедом у Фальконе, о Франции (а диспуты о Франции возникали тогда поминутно в каждом городе, семействе и дружеском кругу), Иванов слушал аргументы обеих сторон с напряженным вниманием, но не сказал ни слова. Не знаю, как отразилось на нем наше словопрение и чью сторону он втайне держал тогда. Дня через два он встретил меня на Monte-Pincio и, улыбаясь, повторил не очень замысловатую фразу, сказанную мною в жару разговора: «Итак, батюшка, Франция — очаг, подставленный под Европу, чтобы она не застывала и не плесневела». Он еще думал о разговоре, между тем как Гоголь, добродушно помирившись в тот же вечер со своим горячим оппонентом (он преподнес ему в залог примирения апельсин, тщательно выбранный в лавочке, встретившейся по дороге из Фальконе), забыл и думать о том, что такое говорилось час тому назад.

Надо сказать, что прения по поводу Франции и ее судеб раздавались во всех углах Европы — тогда, да и гораздо позднее, вплоть до 1848 года. Вероятно, они происходили в то же время и там, далеко, в нашем отечестве, потому что с этих пор симпатии к земле Вольтера и Паскаля становятся очевидными у нас, пробивают кору немецкого культурного наложения и выходят на свет. Но и при этом следует заметить, что русская интеллигенция полюбила не современную, действительную Францию, а какую-то другую — Францию прошлого, с примесью будущего, т<о> е<сть> идеальную, воображаемую фантастическую Францию, о чем говорю далее. <...>

Еще до возвращения моего на родину, именно в 1842 г<оду>, Белинский, вскоре после своего памфлета «Педант»²⁰ <...>, нанес еще и другой, тяжелый удар одной весьма почтенной личности московского круга — ныне покойному К. С. Аксакову. Известно, что К. С. Аксаков, при появлении первой части «Мертвых Душ», в том же 1842 г<оду>, написал статью, в которой проводил мысль о сходстве Гоголя по акту творчества и силе создания с Гомером и Шекспиром, находя, что только у одних этих писателей, да у нашего автора обнаруживается дар указывать в пошлых характерах и в самом пороке еще некоторую внутреннюю крепость и своего рода силу, которые почерпаются ими уже от принадлежности к мощной и здоровой национальности. К. С. Аксаков, приравнивая Гоголя к Гомеру по акту творчества, позабыл при том упомянуть о множестве гениальных европейских писателей, отличавшихся тоже необычайными творческими способностями, которые, таким образом, как будто ставились все ниже Гоголя, а вдобавок — еще прямо объявлял, что в деле романа, понятия как продолжение древнегреческого эпоса, — уже ни одно *современное европейское имя* не может быть поставлено рядом с именем Гоголя, ни в каком случае. Ничто не могло возмутить Белинского более этих афоризмов. Тот самый Белинский, который первый провозгласил Гоголя гениальным художником, объявлял теперь и печатно, и устно, что гениальность Гоголя, как создателя типов и характеров, хотя и не может быть опровергаема, но имеет все-таки значение относительное. По содержанию и внутреннему смыслу задач, разрешаемых русским автором, она ограничена умственным и нравственным положением страны, и дело, им производимое, не может идти ни в какое сравнение с вопросами и темами¹ европейского искусства, с целями, какие оно себе задавало и задает теперь в лице лучших своих представителей; что затем никакой предполагаемой крепости и силы народного духа в выводимых Гоголем на сцену лицах не обретается, ни о каком таком значении их, вероятно, автор и не думал, а если и думал, то ребячески ошибался. Вдобавок Белинский прибавлял, что Гоголь не только не выше всех европейских романистов, но, превосходя многих из них даром непосредственного творчества, наблюдения и поэтического чувства, уступает в объеме и значении основных идей некоторым, даже и не очень крупным явлениям европейской литературы. Все эти заметки наносили достаточно сильный удар новому, предпринятому толкованию Гоголя, но Белинский присоединил еще к этому несколько саркастических выводов из положений своего противника и заключал спор насмешкой. Последним ударом — *coup de grâce*²¹ — этой полемики со стороны Белинского было его заявление, что если судить по некоторым лирическим местам первой части «Мертвых Душ», в которых обещаются изумительные откровения относительно внутренней и внешней красоты русской жизни, то Гоголь может, пожалуй, утратить и значение великого *русского* художника. С тех пор имя Белинского пронеслось «яко зло» в лагере славянофилов, и даже сделалось у них как бы олицетворением наносной, ни с чем не связанной, чуждой народу петербургской цивилизации, между тем как сами они отписали за собой Москву, как город, где особенно живет и развивается чуткое понимание русского народного духа со всеми его чаяниями и представлениями. <...>

Как ни важны были, однако же, все эти вопросы, и к какой яркой полемике ни давали они повод, все же они не могли, заслонить ни на минуту перед Белинским чисто русского вопроса, который тогда целиком сосредоточивался у него на одном имени Гоголя и на его романе «Мертвые Души». Роман этот открывал критике единственную арену, на которой она могла заниматься анализом общественных и бытовых явлений, и Белинский держался за Гоголя и роман его цепко, как за нежданную помощь. Он как бы считал своим жизненным призванием поставить содержание «Мертвых Душ» вне возможности предполагать, что в нем таится что-либо другое, кроме художественной, психически и этнографически верной картины современного положения русского общества. Все силы своего критического ума напрягал он для того, чтоб

¹ В изд. 1880 и 1881 г.: и тэмами

отстранить и уничтожить попытки к допущению каких-либо других, смягчающих выводов из знаменитого романа, кроме тех суровых, строго обличающих, какие прямо из него вытекают. После всех своих отступлений в область европейских литератур, в область славянства и проч., он возвращался с этого поля более или менее удачных битв опять к своему постоянному, домашнему делу, только освеженный предшествующими кампаниями. Домашнее дело это заключалось преимущественно в том, чтоб выбить из литературной арены навсегда, если можно, как диких, коварных и своекорыстных ругателей гоголевской поэмы, так и восторженных ее доброжелателей, прозревающих в ней не то, что она действительно дает. Он не устал указывать правильные отношения к ней и устно и печатно, приглашая при всяком случае и слушателей и читателей своих подумать, но подумать искренно и серьезно о вопросе — почему являюся на Руси типы такого безобразия, какие выведены в поэме; почему могут совершаться на Руси такие невероятные события, какие в ней рассказаны; почему могут существовать на Руси, не приводя никого в ужас, такие речи, мнения, взгляды, какие переданы в ней.

Белинский думал, что добросовестный ответ на вопрос может сделаться для человека, добывшего его, программой деятельности на остальную жизнь и особенно положить прочную основу для его образа мыслей и для правильного суждения о себе и других.

К этому же времени относится и появление в русской изящной литературе так называемой «натуральной школы», которая созрела под влиянием Гоголя, объясняемого тем способом, каким объяснял его Белинский. Можно сказать, что настоящим отцом ее был — последний. Школа эта ничего другого не имела в виду, как указание тех подробностей современного и культурного быта, которые не могли еще быть указаны и разобраны никаким другим способом, ни политическим, ни научным расследованием. Кстати заметить: прозвище «натуральной» дано ей было корифеем риторического, бесталантного, фальшиво-благонамеренного изложения русской жизни, Булгариным, но из вражды к Белинскому прозвищу обрадовались, и прозвище усвоили даже и люди, глубоко презиравшие литературную и критическую деятельность Булгарина. Оно и до сих пор держится у нас, несмотря на свое происхождение и на свою бессмыслицу.

Покуда все это происходило вокруг имени Гоголя, сам он повернул в такую сторону, куда не пошли за ним и многие из тех, которые считались людьми, разделяющими все его взгляды. В феврале 1844 г<ода> я получил от него неожиданно и после долгого молчания следующее письмо:

«Февраля 10-го, Ниц<ц>а. 1844.

Иванов прислал мне ваш адрес и сообщил мне вашу готовность исполнять всякие поручения. Благодарю вас за ваше доброе расположение, в котором, впрочем, я никогда и не сомневался. Итак, за дело. Вот вам поручения: 1-е... (это первое поручение заключалось в понуждении друга Гоголя, товарища его по Нежину, а теперь поверенного по делу печатания «Мертвых Душ» в Петербурге, Н. Я. Прокоповича, к скорейшему доставлению наличных вырученных денег и расчетов. Как мало любопытное, мы его пропускаем и прямо переходим ко второму поручению, как самому существенному для нас, которое уже и выписываем целиком, с сохранением орфографии автора).

2<-е>. Другая просьба. Уведомьте, в каком положении и какой приняли характер ныне толки, как о М<ертвых> Душах, так и о сочинениях моих. Это вам сделать, я знаю, будет отчасти трудно, потому что круг, в котором вы обращаетесь, большею частию обо мне хорошего мнения, стало быть, от них, что от козла молока. Нельзя ли чего-нибудь достать вне этого круга, хотя чрез знакомых вашим знакомым, через четвертые или пятые руки? Можно много довольно умных замечаний услышать от тех людей, которые совсем не любят моих сочинений. Нельзя ли при удобном случае также узнать, что говорится обо мне в салонах Булгарина, Греча, Сенковского и Полевого, — в какой силе и степени их ненависть или уже превратилась в совершенное

равнодушие? Я вспомнил, что вы можете узнать кое-что об этом даже от Романовича¹ ²², которого, вероятно, встретите на улице. Он, без сомнения, бывает по-прежнему у них на вечерах. Но делайте все так, как бы этим вы, а не я интересовался. Не душно также узнать мнение обо мне и самого Романовича.

За все это я вам дам совет, который пахнет страшной стариной, но тем не менее очень умный совет. Тритесь побольше с людьми и раздвигайте всегда круг ваших знакомых, а знакомые эти чтобы непременно были опытные и практические люди, имеющие какие-нибудь занятия; а знакомясь с ними, держитесь такого правила: построже к себе и посписходительнее к другим, а в хвост этого совета положите мой обычай не пренебрегать никакими толками о себе, как умными, так и глупыми, и никогда не сердиться ни на что. Если выполните это, благодать будет над вами, и вы узнаете ту мудрость, которой уж никак не узнаете ни из книг, ни из умных разговоров.

Уведомьте меня о себе во всех отношениях, как вы живете, как проводите время, с кем бываете, кого видите, что делают все и знакомые и незнакомые.

В каком положении находится вообще картолюбие и ....любие, и что ныне предметом разговоров как в больших, так и в малых обществах, натурально в выраженьях приличных, чтобы не оскорбить никого. Затем, обнимая вас искренно и душевно и желая всяких существенных польз и приобретений, жду от вас скорого уведомления. Прощайте. — Ваш Г.

Адресуйте во Франкфурт на Майне, на имя Жуковского, который отныне учреждается там, и где чрез месяц я намерен быть сам».

Письмо принадлежало к числу тех, которые удивляли весьма близких к Гоголю людей, как Плетнева, например, своими бесконечными вопросами о толках и мнениях публики по поводу его сочинений. Гоголь требовал особенно перечета наиболее диких и безобразных мнений. Даже и не очень короткие знакомые Гоголя завалены были письмами подобного рода и подали повод думать, что любопытство это, под благовидным предлогом изучения отношений публики к его деятельности, прикрывает у него особый вид едкого тщеславия, которое способно еще доставлять ему некоторого рода наслаждение. Что касается до меня, я обрадовался письму Гоголя и написал ему пространный ответ²³ с откровенностью и добродушием, которые мне самому напоминали незабвенные вечера в Риме, Альбано, Фраскати и проч., когда мы проводили чудные южные ночи в бесконечных толках и разговорах о всем и о вся, когда за этими разговорами, как не раз случалось в Тиволи, даже вовсе не ложились в постель на ночь, а просиживали до утра на окне траттории²⁴, дремля под шум фонтана, который монотонно плескал посреди ее двора, перерезывая великолепные линии древнего греческого храма, высившегося на другом его конце. Тогда все понималось просто и так же говорилось. Но я ошибся жестоко — времена переменились. Не предчувствуя еще нового направления, принятого Гоголем, я неожиданно и невольно попал в больное место его мысли и растревожил ее. Хорошо помню, что, отвечая на его вызов, я представил ему положение партий относительно его романа и передавал полемику Белинского с ними, причем, конечно, не считал нужным отзываться осторожно ни об одной из них. Мне казалось, что я обязан был высказать ему всю мою мысль сполна, как он того просил, и потому, может быть с некоторым излишним пылом и негодованием, говорил и о врагах его из *салонов* Булгарина и Сенковского, и о друзьях его из московской партии. Не подозревая тесных связей, образовавшихся у Гоголя с последней в то время, я впал в одну из тех опрометчивых искренностей, которые заставляют человека раскаиваться в собственной своей правдивости. Гоголь, призывавший искренность, не выдержал этой и не понял дружеского письма.

¹ Тоже нежинский товарищ Гоголя, пробывавшийся в литераторы с большими усилиями и посещавший для того разные литературные круги. — *Примеч. П. В. Анненкова.*

В конце его, если не изменяет мне память, находилось еще замечание, что в ту переходную эпоху, в которой мы живем, почти невозможно себе и представить такого дела, которое бы получило отзвук в потомстве, так как оно, вероятно, не захочет и знать о некоторых надеждах и стремлениях нашего времени. Конечно, замечание принадлежало к разряду громких, но незрелых и заносчивых афоризмов, какие в частной интимной переписке сливаются нередко с пера у человека, желающего сказать скорее более, чем менее того, что ему кажется нужным, и не предвидящего вдобавок, что слово его будет прочитано не дружеским, а уже подозрительным глазом судьбы и цензора. Можно было ожидать опровержения и разъяснения замечания, но, конечно, не того, что я получил.

С спокойной совестью я отправил мое, не в меру откровенное, письмо и через два месяца получил на него ответ. Я был просто приведен в недоумение этим ответом. Он содержал в себе строжайший, более чем начальнический, а какой-то пасторский выговор, точно Гоголь отлучал меня торжественно от общения с верными своей церкви. Вместо мне знакомого добродушного, прозорливого, все понимающего и классифицирующего психолога — стоял теперь передо мною совсем другой человек, да и не человек, а какой-то проповедник на кафедре, им же и воздвигнутой на свою потребу, громящий с нее грехи бедных людей направо и налево, по власти, кем-то ему данной, и не всегда зная хорошенько, чем они действительно грешат. Тон письма сблизил меня совсем с толка, потому что я еще не знал тогда, что роль пророка и проповедника Гоголь уже давно усвоил себе, что в этой роли он уже являлся г-же Смирновой, Погодину, Языкову, даже Жуковскому и многим другим, громя и по временам бичуя их с ловкостью почти что ветхозаветного человека. Привожу это письмо целиком.

«Франкфурт, мая 10-го (1844).

Благодарю вас за некоторые известия о толках на книгу. Но ваши собственные мнения... смотрите за собой; они пристрастны. Неумеренные эпитеты, разбросанные кое-где в вашем письме, уже показывают, что они пристрастны. Человек благоразумный не позволил бы их себе никогда. Гнев или неудовольствие на кого бы то ни было всегда несправедливы; в одном только случае может быть справедливо наше неудовольствие, когда оно обращается не против кого-либо другого, а против себя самого, против собственных мерзостей и против собственного неисполнения своего долга. Еще: вы думаете, что вы видите дальше и глубже других, и удивляетесь, что многие, по-видимому, умные люди, не замечают того, что заметили вы. Но это еще Бог весть кто ошибается. *Передовые люди* не те, которые видят одно что-нибудь такое, чего другие не видят, и удивляются тому, что другие не видят; *передовыми людьми* можно назвать только тех, которые именно видят все то, что видят другие (все другие, а не некоторые), и, опершись на сумму всего, видят все то, чего не видят другие и уже не удивляются тому, что другие не видят того же. В письме вашем отражен человек, просто унывший духом и не взглянувший на самого себя. Если б мы все вместо того, чтоб рассуждать о духе времени, взглянули как должно всякой на самого себя, мы больше гораздо бы выиграли. Кроме того, что мы узнали бы лучше, что в нас самих заключено и есть, мы бы приобрели взгляд яснее и многосторонней на все вещи вообще и увидели бы для себя пути и дороги там, где греховное уныние все темнит перед нами и вместо путей и дорог показывает нам только самое себя, т<о> е<сть> одно греховное уныние. Злой дух только мог подшепнуть вам мысль, что вы живете в каком-то переходном веке, когда все усилия и труды должны пропасть без отзвука в потомстве и без ближайшей пользы кому. Да если бы только хорошо осветились глаза наши, то мы увидели бы, что на всяком месте, где бы ни довелось нам стоять, при всех обстоятельствах, каких бы то ни было, спешествующих или поперечных, столько есть дел в нашей собственной, в нашей частной жизни, что, может быть, сам ум наш помутился бы от страха, при виде неисполнения и пренебрежения всего, и уныние не даром бы тогда закралось в душу. По крайней мере, оно бы тогда было более простительно, чем теперь. Признаюсь, я считал вас (не знаю почему) гораздо

благоразумнее. Самой душе моей было как-то неловко, когда я читал письмо ваше. Но оставляю это, и не будем никогда говорить. Всяких мнений о нашем веке и нашем времени я терпеть не могу, потому что они все ложны, потому что произносятся людьми, которые чем-нибудь раздражены или огорчены... Напишите мне о себе самом, только тогда, когда почувствуете сильное неудовольствие против себя самого, когда будете жаловаться не на какие-нибудь помешательства со стороны людей, или века, или кого бы то ни было другого, но когда будете жаловаться на помешательства со стороны своих же собственных страстей, лени и недейтельности умственной. Еще: и луча веры нет ни в одной строчке вашего письма и малейшей искры смирения высокого в нем незаметно! И после этого еще хотеть, чтоб ум наш не был односторонен или чтоб был он беспристрастен. Вот вам целый воз упреков. Не удивляйтесь, вы сами на них напросились. Вы желали от меня освежительного письма. Но меня освежают теперь одни только упреки, а потому ими же я прислужился и вам.

А вместо всяких толков о том, чем другой виноват или не выполнил своей обязанности, постарайтесь исполнить те обязанности, которые я наложу на вас. Пришлите мне каталог Смирдинской бывшей библиотеки для чтения²⁵, со всеми бывшими прибавлениями. Он полнейший книжный наш Реестр, да присоедините к тому Реестр книг всех напечатанных Синодальной типографией²⁶: это можете узнать в Синодальной лавке. Да еще сделайте одну вещь: выпишите для меня мелким почерком все критики Сенков<ского> в Библиотеке для чтения на М<ертвые> Д<уши> и вообще на все мои сочинения, так чтобы их можно послать в письме. Сколько я ни просил об этом, никто не исполнил²⁷. Каталог Смирд<инский> есть, кажется, мой у Прокоповича. Пошлите тоже с почтой, которая ныне принимает посылки. Адресуйте в Берлин на имя служащего при тамошней миссии графа Мих. Мих. Виельгорского²⁸ для доставки мне, если почта не возьмется доставить во Франкфурт прямо на мое имя. Вот вам обязанности покамест истинно Христианские. От вас требует выполнения этого долга прямо, безвозмездно — Н. Гоголь».

Несмотря на совершенно неожиданный для меня учительский и раздраженный тон этого письма, оно меня все-таки глубоко тронуло: во-первых, и замечательным литературным своим достоинством, а во-вторых — и преимущественно какой-то беспредельной верой в новое созерцание, им возвещаемое. Загадкой оставалось для меня только следующее: каким процессом мысли Гоголь перенес прямо на меня все, что я говорил вообще о современных людях, и отыскал в моих сообщениях личный вопрос — уныние, ропот, недовольство судьбой и другие качества неудачного честолюбца. Но особенно не мог я понять, откуда тут взялся еще вопрос о религиозных моих убеждениях, о состоянии моей души и совести, так как исповедываться в них я не имел ни малейшего помысла перед Гоголем, да он и не возбуждал такого вопроса. Передавать толки публики о «Мертвых душах» и по этому поводу представить свидетельство о более или менее удовлетворительном состоянии своего религиозного чувства — кому же это могло прийти в голову? Впоследствии все это объяснилось. Письмо Гоголя, как и множество других таких же, полученных разными лицами в России, было одним из той гряды облачков, которая предшествовала появлению роковой книги «Переписка с друзьями». Письма возвещали ее близкое восшествие на горизонт. Гоголь, ужаснувшийся успеха своего романа между западниками и людьми непосредственного чувства, весь погружен был в замысел разоблачить свои настоящие исторические, патриотические, моральные и религиозные воззрения, что, по его мнению, было уже необходимо для понимания готовящейся 2-й части поэмы. Вместе с тем все более и более созревали в уме его надежда и план наделить, наконец, беспутную русскую жизнь кодексом великих правил и незыблемых аксиом, которые помогли бы ей устроить свой внутренний мир на образец всем другим народам. Но намерение оставалось еще покамест тайной для всех, и служить каким-либо пояснением действий Гоголя не могло. В потемках я отвечал Гоголю, что получил его письмо, благодарю за участие ко мне, не огорчаюсь его выговорами, не

отвергаю вовсе его советов, но считаю нужным указать ему на странную ошибку. Он считает меня человеком весьма высокого мнения о себе, надменным и страдающим гордостью, а между тем мог бы заметить в течение долгих наших сношений, что я скорее имел претензию считать себя ничтожнейшим из детей мира, и без всякого вознаграждения, о котором говорит поэт, употребивший однажды это выражение.

Затем корреспонденция наша прекращается надолго, до 1847 года, когда, живя уже с большим Белинским на водах в Силезии, в Зальцбрун<н>е, я опять получил от Гоголя письмо²⁹, но уже мягкое и отчасти грустное письмо. Книга его «Переписка с друзьями» уже вышла и принесла ему такую массу огорчений, упреков, наконец, клевет и незаслуженных оскорблений, что он склонился под этой бурей общественного негодования, как тростник — до земли. Состояние его духа отразилось и на письме, но об этом после. С тех пор уже благодушное, ласковое, снисходительное настроение не покидало Гоголя по отношению к старому его корреспонденту и собеседнику, и всякий раз, как мы встречались, до самой его смерти, выказывалось с новой силой. В 1851 году, за год до своей кончины, провожая меня из своей квартиры, в Москве, на Никитском¹ бульваре (дом графа Толстого), он, на пороге ее, сказал мне взволнованным голосом: «Не думайте обо мне дурного и защищайте перед своими друзьями, прошу вас: я дорожу их мнением».

Страдальческий, умиротворенный и на все уже подготовленный облик Гоголя, — Гоголя последних дней, — остался в моей жизни самым трогательным воспоминанием, наравне с обликом медленно умирающего и все еще волнующегося Белинского.

Бедный, запутавшийся друг, погибший добровольной и мучительной смертью именно потому, что жил в эпоху столкновения неустановившихся верований, одинаково важных и неустрашимых, и которую так горячо защищал против мнения о ее переходном состоянии! Чрезвычайно замечательно следующее обстоятельство. В марте 1848 года, занимаясь обработкой 2-й части «Мертвых Душ» в Москве, он пишет старому своему товарищу, уже упомянутому Н. Я. Прокоповичу, что труду его мешают, во-первых, недуги, а во-вторых — отражение на авторе всех невыгодных влияний шаткого *переходного* времени, в которое он живет. Итак, ужас и негодование, возбужденные в Гоголе одним намеком на то, что эпоха эта может быть названа переходною, миновались совершенно через четыре года, да и не только миновались, но сама мысль признана еще неоспоримой истиной, на основании личного опыта. Вот это замечательное место письма, с которого я тогда же снял точную копию, конечно, не объясняя никому причин, почему я считаю его особенно важным.

«Москва, 29 марта <1848>.

Болезни приостановили мои занятия “Мертвыми Душами”, которые пошли было хорошо. Может быть, болезнь, а может быть — и то, что как поглядишь, какие глупые настают читатели, какие бестолковые ценители, какое отсутствие вкуса... просто не поднимаются руки. *Странное дело, хоть и знаешь, что труд твой не для какой-нибудь переходной современной минуты, а все-таки современное неустройство отнимает нужное для него спокойствие*».

Как далеко стоит это признание от восклицания: «Злой дух только мог подшепнуть вам мысль, что вы живете в каком-то переходящем веке, когда все усилия и труды должны пропасть без отзвука в потомстве...» — Увы! Как еще положение это ни казалось опрометчиво, заносчиво и ложно, сказанное неловко и не вовремя, сам Гоголь, страстно опровергавший его, испытал еще сомнение в пользе своих усилий и трудов *для потомства*, — сомнение, результатом которого было, как известно, сожжение 2-й части «Мертвых Душ». Если бы дело состояло тогда в его власти, то результатом этого настроения могло бы быть и нечто большее — именно сожжение всех его трудов вообще. Правда, тут примешалась душевная болезнь, патологическое состо-

¹ В изд. 1880 и 1881 г. ошибочно: на Никольском

яние мозговых органов, — но разве переходные эпохи именно и не отличаются этими болезнями, которые сами суть не что иное, как произведение глухой борьбы начал в глубине души и мысли каждого развитого человека.

Со всем тем мне легко сознаться теперь и повторить, что замечание о бесплодности трудов, предпринятых в переходное время, которым я погрешил тогда и которое вызвало такие недоразумения, было вполне необдуманно и ложно в основании. Ни деятельность Гоголя, ни деятельность самого Белинского, а также и людей 40-х годов вообще из обоих лагерей наших не остались без следа и влияния на ближайшее потомство, да найдут, по всем вероятностям, еще не один отголосок и в более отдаленных от нас поколениях. Это убеждение только и могло вызвать составление настоящих «Воспоминаний». <...>

...Белинский начинал уже бояться самого себя, бояться тех еще не поработанных сил, которые в нем жили, и могли при случае, вырвавшись наружу, уничтожить за раз все плоды прилежного лечения. Он принимал меры против своей впечатлительности. Сколько раз случалось мне видеть, как Белинский, молча и с болезненным выражением на лице, опрокидывался на спинку дивана или кресла, когда полученное им ощущение сильно введало в его душу, а он считал нужным оторваться или освободиться от него. <...> Можно было ожидать, что, несмотря на все предосторожности, наступит такое мгновение, когда он не справится с собой, — и действительно, такое мгновение наступило для него в конце нашего пребывания в Зальцбрунне³⁰.

Надо знать, чем был за полгода до своей смерти Белинский, чтобы понять весь пафос этого мгновения, имевшего весьма важные последствия, и от дальнейших и окончательных результатов которого освободила его только смерть. Я подразумеваю здесь известное его письмо к Гоголю³¹, много потерявшее теперь из первоначальных своих красок, но в свое время раздавшееся по интеллектуальной России, как трубный глас. Кто поверит, что когда Белинский писал его, он был уже не прежний боец, искавший битв, а, напротив, человек, наполовину замиренный и потерявший веру в пользу литературных сшибок, журнальной полемики, трактатов о течениях русской мысли и рецензий, уничтожающих более или менее шаткие литературные репутации. <...>

Одного только не мог он переносить: спокойствие и хладнокровное размышление покидало его тотчас, как он встречался с суждением, которое, под предлогом неопределенности или неубедительности европейских теорий, обнаруживало поползновение позорить труды и начинания эпохи, не признавать честности ее стремлений, подвергать огулом насмешке всю ее работу, на основании тех самых отживших традиций, которые именно и привели всех к нынешнему положению дел. При встрече с ораторством или диффамацией такого рода Белинский выходил из себя, а книга Гоголя «Переписка с друзьями» была вся, как известно, проникнута духом недоверчивости и наглого презрения к современному движению умов, которое еще и плохо понимала. Вдобавок, она могла служить еще и тормозом для возникавших тогда в России планов крестьянской реформы... <...> Негодование, возбужденное ею у Белинского, долго жило в скрытом виде в его сердце, так как он не мог излить его вполне в печатной оценке произведения по условиям тогдашней цензуры, а потому, лишь представился ему случай к свободному слову, — оно потекло огненной лавиной гнева, упреков и обличений... <...>

Приближалось время окончания лечебного курса и нашего отъезда из Зальцбрунна. Белинский чувствовал себя гораздо лучше, кашель уменьшился, ночи сделались покойнее — он уже поговаривал о скуке житья в захолустьи. Почти накануне нашего выезда³² из Зальцбрунна в Париж я получил³³ неожиданное письмо от Н. В. Гоголя, извещавшего, что изданная им «Переписка с друзьями» наделала ему много неприятностей, что он не ожидает от меня благоприятного отзыва о его книге, но все-таки желал бы знать настоящее мое мнение о ней, как от человека, кажется, не страдающего заносчивостью и самообожанием. Это было первое письмо

после того надменно-учительского, о котором говорено, и первое после короткой встречи нашей в Париже и Бамберге. Оно довольно ясно обнаруживало в Гоголе желание если не утешения и поддержки, то, по крайней мере, тихой беседы. В конце письма Гоголь неожиданно вспоминал о Белинском и кстати посылал ему дружеский поклон, вместе с письмом прямо на его имя³⁴, в котором упрекал его за сердитый разбор «Переписки» во 2-м № «Современника». Это и вызвало то знаменитое письмо Белинского о его последнем направлении, какого Гоголь еще и не выслушивал доселе, несмотря на множество перьев, занимавшихся разоблачением недостатков «Переписки», попреками и бранью на ее автора. Когда я стал читать вслух письмо Гоголя, Белинский слушал его совершенно безучастно и рассеянно, — но, пробежав строки Гоголя к нему самому, Белинский вспыхнул и промолвил: «А, он не понимает, за что люди на него сердятся — надо растолковать ему это — я буду ему отвечать».

Он понял вызов Гоголя.

В тот же день небольшая комната, рядом с спальней Белинского, которая снабжена была диванчиком по одной стене и круглым столом перед ним, на котором мы свершали наши довольно скучные послеобеденные упражнения в пикет³⁵, — превратилась в письменный кабинет. На круглом столе явилась чернильница, бумага, и Белинский принялся за письмо к Гоголю, как за работу, и с тем же пылом, с каким производил свои срочные журнальные статьи в Петербурге. То была именно статья, но писанная под другим небом...

Три дня сряду Белинский уже не поднимался, возвращаясь с вод домой, в мезонин моей комнаты, а проходил прямо в свой импровизированный кабинет. Все это время он был молчалив и сосредоточен. Каждое утро после обязательной чашки кофе, ждавшей его в кабинете, он надевал летний сюртук, садился на диванчик и наклонялся к столу. Занятия длились до часового нашего обеда, после которого он не работал. Не покажется удивительным, что он употребил три утра на составление письма к Гоголю, если прибавить, что он часто отрывался от работы, сильно взволнованный ею, и отдыхал от нее, опрокинувшись на спинку дивана. Притом же и самый процесс составления был довольно сложен. Белинский набросал сперва письмо карандашом на разных клочках бумаги, затем переписал его четко и аккуратно набело, и потом снял еще с готового текста копию для себя. Видно, что он придавал большую важность делу, которым занимался, и как будто понимал, что составляет документ, выходящий из рамки частной, интимной корреспонденции. Когда работа была кончена, он посадил меня перед круглым столом своим и прочел свое произведение.

Я испугался и тона, и содержания этого ответа, и, конечно, — не за Белинского, потому что особенных последствий заграничной переписки между знакомыми тогда еще нельзя было предвидеть; я испугался за Гоголя, который должен был получить ответ, и живо представил себе его положение в минуту, когда он станет читать это страшное бичевание. В письме заключалось не одно только опровержение его мнений и взглядов: письмо обнаруживало пустоту и безобразие всех идеалов Гоголя, всех его понятий о добре и чести, всех нравственных основ его существования — вместе с диким положением той среды, защитником которой он выступил. Я хотел объяснить Белинскому весь объем его страстной речи, но он знал это лучше меня, как оказалось: «А что же делать? — сказал он. — Надо всеми мерами спасти людей от бешеного человека, хотя бы взбесившийся был сам Гомер. Что же касается до оскорбления Гоголя, я никогда не могу так оскорбить его, как он оскорблял меня в душе моей и в моей вере в него».

Письмо было послано³⁶, и затем уже ничего не оставалось делать в Зальцбрунне. Мы выехали в Дрезден, по направлению к Парижу.

Здесь, забегая вперед, скажу, что по прибытии в Париж Г<ерцен>, уже поджидавший нас, явился в отель Мишо³⁷, где мы остановились, и Белинский тотчас же рассказал ему о вызове, полученном им от Гоголя, и об ответе, который он ему послал. Затем он прочел ему черновое своего письма. Во все время чтения уже знакомого мне письма я был в соседней комнате, куда,

улучив минуту, Г<ерцен> шмыгнул, чтобы сказать мне на ухо: «Это — гениальная вещь, да это, кажется, и завещание его». <...>

Париж оказался уже не под силу Белинскому. С первых же дней лихорадочное движение толпы, днем и ночью шумящие и ослепляющие кафе и магазины, суета и говор, восстающие с раннего утра, и толки, перекрестным огнем раздающиеся со всех сторон, утомили его скорее, чем я ожидал. <...>

...Насколько становился Белинский снисходительнее к русскому миру, настолько строже и выскательнее относился к заграничному. С ним случилось то, что потом не раз повторялось со многими из наших самых рьяных западников, когда они делались туристами: они чувствовали себя как бы обманутыми Европой, смотрели на нее с упреком, как будто она не сдержала тех обещаний, какие надавала им втихомолку. <...>

Мы слышали, что позднее и уже находясь в Петербурге, Белинский принял известие о революции 48-го года в Париже почти с ужасом. Она показалась ему неожиданностью, оскорбительной для репутации тех умов, которые занимались изучением общественного положения Франции и не видели ее приближения. <...>

В Париж пришел также и ответ Гоголя³⁸ на письмо Белинского из Зальцбрунна. Грустно замечал в нем Гоголь, что опять повторилась старая русская история, по которой одно неосновательное убеждение или слепое увлечение непременно вызывает с противной стороны другое, еще более рискованное и преувеличенное, посылал своему критику желание душевного спокойствия и восстановления сил и разбавлял все это мыслями о серьезности века, занимающегося идеей полнейшего построения жизни, какого еще и не было прежде. Что он подразумевал под этим построением, — письмо не высказывало и вообще не отличалось ясностью изложения. Белинский не питал злобы и ненависти лично к автору «Переписки», прочел с участием его письмо и заметил только: «какая запутанная речь; да, он должен быть очень несчастлив в эту минуту». <...>

Первые опубликовано: *Анненков П. В. Замечательное десятилетие. 1838–1848. Из литературных воспоминаний // Вестник Европы. 1880. № 1. С. 216, 220–224; № 2. С. 469, 471–476, 481–482, 487, 498–501; № 3. С. 30–31, 36–45; № 5. С. 36–38, 54–56, 60–61, 63, 65. Перепечатано: Анненков П. В. Соч. Воспоминания и критические очерки. Собр. статей и заметок. 1849–1868 гг. СПб., 1881. Отд. 3. С. 1, 5, 7–8, 35–41, 46–47, 51–52, 62–65, 97–99, 103–111, 195–196, 211–213, 217–220, 222. Печатается по первой публикации.*

В письме к М. М. Стасюлевичу 16 августа (н. ст.) 1876 г. Анненков, сообщая о своей работе над новым мемуарным циклом, получившим затем название «Замечательное десятилетие», писал: «У меня есть действительно кой-какие новые документы о Гоголе, но они так сплочены в составляемых мною «Воспоминаниях», что вырвать их оттуда и вклеить в другое место нет никакой возможности» (см. в наст. изд.).

¹ Вероятно, Анненков подразумевает опубликованное им самим в «Материалах для биографии Александра Сергеевича Пушкина» (1855) письмо А. С. Пушкина к П. В. Нащокину от 27 мая 1836 г. (см. в наст. изд. коммент. к «Отрывкам из моей памяти и переписки» А. Н. Афанасьева в разделе *Гоголь в воспоминаниях и письмах М. С. Щепкина, его знакомых и близких*).

² Оценка Гоголем суждений о его произведениях Белинского всегда была сдержанной и часто негативной. Основанием же для заявления Анненкова о том, что Гоголь «позднее» якобы указывал на статьи о его произведениях Белинского «как на образцовые», послужили, очевидно, строки письма Гоголя к Белинскому от 20 июня (н. ст.) 1847 г. (опубликованного в 1855 г. А. И. Герценом в «Полярной Звезде», но ставшего известным Анненкову еще в 1847 г. от самого Белинского; см. ниже примеч. 29 и 34), а также, вероятно, сходные высказывания из письма Гоголя к Н. Я. Прокоповичу от того же числа (опубликовано позднее в изд.: П. В. Анненков и его друзья. Литературные воспоминания и переписка 1835–1885 годов. СПб., 1892. С. 512–514).

Слова Гоголя о Белинском в этих двух письмах 1847 г. — в год выхода в свет «Выбранных мест из переписки с друзьями» — представляют собой единственный (хотя и помноженный двумя автографами) собственноручный комплимент

тарный отзыв Гоголя о статьях критика. (Писатель явно рассчитывал, что Прокопович даст прочесть Белинскому не только то письмо, которое предназначалось ему лично, но и то, которое Гоголь адресовал самому Прокоповичу; Белинский, однако, в то время был уже в Зальцбрунне.) (Другие отзывы Гоголя о Белинском см. в примеч. 3 к письму В. Г. Белинского К. С. Аксакову от 10 января 1840 г., в примеч. 294 к «Воспоминаниям о Гоголе» Анненкова и ниже примеч. 9.)

Сравнивая тексты этих писем с воспоминаниями Анненкова, можно сказать, что между действительным содержанием гоголевских посланий и их «мемуарной» интерпретацией существует существенное расхождение. «Свидетельство» Анненкова представляет собой явное искажение слов Гоголя — и определенно противоречит тому контексту, в котором находится отзыв писателя о Белинском: Анненков возводит элементарное тактичное «снисхождение» Гоголя к трудам раздраженного критика до превосходной степени.

Восстанавливая контекст высказываний Гоголя 1847 г. о трудах Белинского, прежде всего следует отметить, что даже та публичная оценка критиком гоголевского творчества, которую можно назвать наивысшей («...г. Гоголь <...> становится на место, оставленное Пушкиным», — заявлял Белинский в 1835 г. в статье «О русской повести и повестях г. Гоголя ("Арабески" и "Миргород"»; *Белинский В. Г. Собр. соч.*: В 9 т. Т. 1. С. 183), конечно, могла польстить, но вряд ли могла встретить одобрение Гоголя, в силу ее определенной провокационности, способной породить напряженность в отношениях между писателями.

Такая же сдержанность в оценке суждений Белинского ощутима и в письме Гоголя к Прокоповичу 1847 г., откровенно рассчитанном на то, чтобы гоголевский школьный приятель смягчил раздражение критика против «Выбранных мест из переписки с друзьями». Преследуя эту цель, Гоголь, тем не менее, неспроста замечает, что Белинский мог принять прямо в свой адрес следующие строки в статье об «Одиссее» против западной литературы: «...Эти судорожные, больные произведения века, с примесью всяких неперевавшихся идей, нанесенных политическими и прочими брожениями, стали значительно упадать; только одни задние чтецы, привыкшие держаться за хвосты журнальных вождей, еще кое-что перечитывают, не замечая в простодушии, что козлы, их предводившие, давно уже остановились в раздумье, не зная сами, куда повести заблудшие стада свои».

Гоголь полагал, что не только эти строки, но и «всю книгу» Белинский мог принять «написанную на его собственный счет» и увидеть в ней «формальное нападение на всех разделяющих его мысли». Имея в виду раздражение критика по поводу вышедшей «Переписки» и желая умерить его, Гоголь, не отрицая указанной цели книги, писал самому Белинскому, что намерения его были и более широкими, и более миролюбивыми: «Я вовсе не имел в виду огорчить вас <...> я имел в виду небольшой щелчок каждому <...> Я думал, что мне великодушно простят и что в книге моей зародыш примирения всеобщего, а не раздора». Таким же «зародышем примиренья всеобщего» и стало напоминание в письме к Прокоповичу 1847 г. о прежних работах Белинского о гоголевских произведениях: «Вероятно, он принял на свой счет козла, который был к журналисту вообще. Мне было очень прискорбно это раздражение ... <...> ...Как бы то ни было, человек этот говорил обо мне с участием в продолжение десяти лет. Человек этот, несмотря на излишества и увлечения, указал справедливо, однако ж, на многие такие черты в моих сочинениях, которых не заметили другие, считавшие себя на высшей точке разумения перед ним. И я заплатил бы этому человеку благодарностью, когда я умею отдавать справедливость даже тем, которые выставляют на вид и отыскивают во мне одни недостатки! Напротив, я в этом случае только обманулся: я считал Белинского возвышенной, менее способным к такому близорукому взгляду и мелким заключеньям. <...> Пожалуй<й>ста, переговоры с Белинским и напиши мне, в каком он находится расположении духа ныне относительно меня».

В письме к самому Белинскому Гоголь, указывая на «оплошные выводы», которыми исполнена статья критика о «Выбранных местах из переписки с друзьями», в свою очередь, замечал: «Как можно, например, из того, что я сказал, что в критиках, говоривших о недостатках моих, есть много справедливого, вывести заключение, что критики, говорившие о достоинствах моих, несправедливы? Такая логика может присутствовать в голове только раздраженного человека, продолжающего искать уже одно то, что способно раздражать его, а не оглядывающего предмет спокойно со всех сторон. Ну а что, если я долго носил в голове и обдумывал, как заговорить о тех критиках, которые говорили о достоинствах моих и которые по поводу моих сочинений разнесли много прекрасных мыслей об искусстве? И если я беспристрастно хотел определить достоинство каждого и те нежные оттенки эстетического чувства, которыми своеобразно более или менее одарен был из них каждый? И если я выжидал только времени, когда мне можно будет сказать об этом, или, справедливой, когда мне *прилично* будет сказать об этом, чтобы не говорили потом, что я руководствовался какой-нибудь своекорыстной целью, а не чувством беспристрастия и справедливо-

сти? <...> ...Мне тяжело <...> когда против меня питает личное озлобление даже и злой человек, не только добрый, а вас я считал за доброго человека».

Очевидно, что увидеть в этих, призванных ослабить гнев критика, словах превосходную оценку Гоголем статей Белинского, можно лишь при очень предвзятом подходе. Не скупясь на добрые слова, Гоголь пытался лишь расположить критика — как представителя определенной части русского общества — к более объективным суждениям. Помимо указанных писем к Прокоповичу и Белинскому, это «снисхождение» к критику явно проглядывает и в послании Гоголя к князю П. А. Вяземскому того же 1847 г. — от 11 июня (н. ст.). Здесь Гоголь, имея в виду Белинского и его сторонников, которым Вяземский публично выразил в печати свое неодобрение, указывал: «...Выразились вы несколько сурово о некоторых моих нападателях <...> может быть <...> многие из них <...> влекутся даже некоторым <...> желанием добра <...> может быть, и нам будет сделан упрек в гордости за то, что несколько жестоко оттолкнули их...» В письме к С. П. Шевыреву от 11 февраля (н. ст.) 1847 г. Гоголь, порицая его за излишнюю осторожность по отношению к себе, в свою очередь, замечал: «Лучше бы ты эту осторожность наблюдал в своих прежних перепалках с Белинским и другими литераторами; подслащиванье можно употреблять в деле с людьми, стоящими на низшей перед нами ступеньке воспитанья...»

Своеобразие гоголевской позиции заключалось в том, что стремление спасти от искажения настоящий смысл своих произведений сочеталось у писателя при создании «Выбранных мест...» с ярко выраженными «примирительными» намерениями по отношению к своим «перетолкователям»-западникам, по слову Апостола: «...Я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти...» (Рим. 9, 3). Это, конечно, не означало согласия с их взглядами. «Разумеется, правды больше на стороне славянских и восточников...» — замечал Гоголь в статье «Споры» (см. также в наст. изд. коммент. к разделу <Воспоминания о Гоголе О. Н. Смирновой в «Указателе к письмам Гоголя... в издании Кулиша» В. И. Шенрока> и к письму Н. Г. Будьдоброго к Н. М. Языкову от 16 сентября 1846 г.). Гоголевская мысль заключалась в том, что, вместо бесплодной вражды, дружеские отношения с кем бы то ни было, а тем более со своими соотечественниками, приносят гораздо более пользы для распространения истины. В «Выбранных местах...» он прямо сравнивает гордого своей чистотой непримиримого «праведника» с евангельским богачом, отталкивающим «покрытого гноем нищего от великолепного крыльца своего». «Не нужно отталкивать от себя совершенно дурных людей и показывать им пренебрежение, — писал Гоголь сестре Елисавете 15 сентября (н. ст.) 1844 г., — лучше стараться иметь на них доброе влияние». (См. также письмо Гоголя к Н. М. Языкову от 5 апреля (н. ст.) 1845 г. и в наст. изд. коммент. к письму И. С. Гагарина Н. Н. Шереметевой от 28 марта 1849 г.) «Наблюдайте святыню со всеми!» Вот что мне сказал один раз один святой отшельник», — замечал также Гоголь 29 октября 1848 г. в письме к графине А. М. Виельгорской.

Христианское отношение к любому человеку лежало в основе отношения Гоголя к Белинскому, — тем более, что и оказание «доброе влияние», и распространение истины объединялись для Гоголя в едином понятии любви. В письме к Шевыреву из Одессы от 21 апреля 1848 г. (по поводу полемики критика с петербургскими журналистами в связи со статьей о «Переписке с друзьями»), Гоголь замечал: «Мне кажется подчас, что все то, о чем так хлопочем и спорим, есть просто суета, как и все в свете, и что об одной только любви следует нам заботиться. Она одна только есть истинно верная и доказанная истина».

Неким залогом примирения с Белинским должны были, по замыслу Гоголя, стать в его книге многочисленные преκληчки статьи-письма «О лиризме наших поэтов» (1846) со статьями, написанными критиком в так называемый «примирительный» период его деятельности — «Бородинская годовщина. В. Жуковского...» (1839), «Очерки Бородинского сражения... Ф. Глинки» (1839). — На близость письма Гоголя к идеям, изложенным Белинским в этих статьях, указывал еще в 1909 г. В. Г. Короленко (см.: *Короленко В.* Трагедия писателя. Несколько мыслей о Гоголе // Русское Богатство. 1909. № 5. <Отд. 2>. С. 169–170). Непосредственно в период создания и публикации этих статей Гоголь даже встречался с Белинским в Петербурге. — Достаточно указать, что весь замысел статьи «О лиризме наших поэтов» ясно читается в следующих строках статьи Белинского: «Ход нашей истории обратный в отношении к европейской: в Европе точкою отправления жизни всегда была борьба и победа низших ступеней государственной жизни над высшими <...> у нас <...> власть <...> всегда таинственно сливалась с волею Провидения <...> безусловное повиновение царской власти есть не одна польза и необходимость наша, но и высшая поэзия нашей жизни...» (*Белинский В. Г.* Бородинская годовщина. В. Жуковского... // Собр. соч.: В 9 т. Т. 2. С. 114–115). Эти слова Белинского в свою очередь восходят к размышлениям над русской историей М. П. Погодина, — а также к взглядам М. М. Щербатова, И. Н. Болтина, Н. М. Карамзина, еще ранее воплотивших в своих трудах разработанную в европейской историографии идею завоевания.

В неотправленном письме к Белинскому Гоголь дважды обращался к нему: «Позвольте мне напомнить прежние ваши работы и сочинения. Позвольте мне напомнить вам прежнюю вашу дорогу <...> Литератор существует для другого. Он должен служить искусству, которое вносит в души мира высшую примиряющую истину, а не вражду...»; «За чем вам было переменять раз выбранную мирную дорогу? <...> Дорога эта привела бы вас к примиренью с жизнью, дорога эта заставила бы вас благословлять все в природе». Последние строки прямо перекликаются с содержанием второй редакции «Портрета» — одна из частей которого, посвященная художнику, достойно употребившему свой талант, завершается утверждением, что «для успокоения и примирения всех нисходит в мир высокое создание искусства», а другая, — повествующая о художнике, совокупившем в себе «хулу и отрицанье» и погубившем свою душу, оканчивается сравнением его с «тем страшным демоном, которого идеально изобразил Пушкин» (в стихотворении «Демон», 1823). Слова Гоголя в письме к Белинскому — «благословлять все в природе» — явная реминисценция из этого пушкинского стихотворения: «И ничего во всей природе / Благословить он не хотел».

В свою очередь, предполагавшееся к публикации в новом издании «Переписки» письмо к Жуковскому от 10 января (н. ст.) 1848 г. «Искусство есть примирение с жизнью» также преследовало цель напомнить Белинскому (который в то время был еще жив) о «примирительной» эпохе его жизни (подробнее см.: *Виноградов И. А.* «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя: идейные предпосылки и мотивы создания // *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 6. С. 419–445). См. также ниже примеч. 4, 6–9, 11–13, 15.

³ В. Г. Белинский переехал из Москвы в Петербург в конце октября 1839 г.

⁴ Вопреки заявлениям Анненкова об «огромных услугах», оказанных Гоголю В. Г. Белинским, истолкования критиком гоголевских произведений чаще вызывали у Гоголя неприятие, чем одобрение (подробнее об этом см. в примеч. 2, 6, 9, а также в коммент. к письму В. Г. Белинского И. И. Панаеву от 10 августа 1838 г.). Во многом такой же медвежьей услугой явились и статьи Белинского, посвященные творчеству М. Ю. Лермонтова. В 1843 г. С. П. Шевырев, имея в виду высказывания Белинского о Лермонтове, в частности, замечал, что журнал, в котором печатались эти отзывы — «Отечественные Записки», «самою позорною клеветою чернит совесть покойного поэта перед глазами всей Русской публики, и не в шутку уверяет ее, что Русская поэзия в лице Лермонтова, в первый раз вступила в самую тесную дружбу, с кем бы вы думали?... с чертом!» (*Шевырев С.* Полная Русская Хрестоматия, или Образцы Красноречия и Поззии, заимствованные из лучших Отечественных писателей. Составил А. Галахов. Две части. Москва. XXI, 375, 434. (1843) // *Москвитянин.* 1843. Ч. III. № 6 (цензурное разрешение 15 июля). С. 504). В свою очередь М. П. Погодин, откликаясь в 1848 г. на смерть Белинского, следующим образом передавал свои впечатления от рассуждений последнего о поэзии Лермонтова: «Лежа <...> с переломленной ногой в 1844 году, я должен был читать что-нибудь самое легкое: разумеется, легче Петербургских журналов, при всей их тяжести, сыскать трудно, и мне позволили сначала перелистывать Отечественные Записки. Попадается мне похвала диаволу (прости, Господи, согрешение) при рассуждении о демоне, которого Лермонтов будто бы взял себе в друзья, и потому возвысился, а Пушкин имел слабость испугаться, и потому упал». (Имеются в виду следующие строки статьи Белинского 1842 г.: «Демон <...> служит и людям и человечеству, как вечно движущая сила духа человеческого и исторического. <...> Он внушал Сократу откровения его нравственной философии <...> внушал Аристофану его комедии < пр. > <...> Из русских поэтов первый познакомился с ним Пушкин, и тягостно было ему его знакомство... <...> Зато другой русский поэт, явившийся уже по смерти Пушкина, не испугался этого страшного гостя: он знаком был с ним еще с детства, и его фантазия с любовью лелеяла этот “могучий образ”...»; *Белинский В. Г.* <Стихотворения Е. А. Боратынского> // *Собр. соч.*: В 9 т. М., 1979. Т. 5. С. 181.) «Вот каковы наши критики, судии и рецензенты, — заключал Погодин, — а это был еще самый способный. Каковы же остальные герои Современника и Отечественных Записок, каковы же преемники Белинского!» (*Погодин М.* Несколько слов по поводу Некрологов Г<на> Белинского // *Москвитянин.* 1848. № 8. Критика. С. 44). По наблюдению современного исследователя, «в творчестве Лермонтова, “дьявольского таланта”, как неоднократно характеризовал поэта Белинский, критик почувствовал <...> “гордую вражду с небом”, допустившим неприглядное, “мерзкое”, “подлое”, “гнусное” устройство действительности...» (*Курилов А. С.* В. Г. Белинский в жизни и творчестве. М., 2012. С. 98). В стихах поэта Белинский усматривал «сатанинскую улыбку на жизнь» (письмо к В. П. Боткину от 17 марта 1842 г.; *Белинский В. Г.* *Собр. соч.*: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 494).

Примечательно в этой связи отношение к «Отечественным Запискам» самого Лермонтова. В этом журнале поэт напечатал почти все, что опубликовал при жизни. Журнал был основан в 1839 г. А. А. Краевским (см. в наст. изд. *Объявление об издании «Отечественных Записок» в 1839 году*), но с Краевским Лермонтов познакомился еще в 1836 г. —

в то время, когда тот был близок к С. С. Уварову и М. П. Погодину. «В последние месяцы» жизни Лермонтов определенно отходит от «Отечественных Записок» (см.: *Мануйлов В. Лермонтов и Краевский // Литературное наследство. Т. 45–46. Ч. II. М., 1948. С. 375–376*). По свидетельству П. А. Висковатого, со слов самого Краевского, весной 1841 г. Лермонтов «мечтал об основании <нового> журнала и часто говорил о нем с Краевским, не одобряя направления «Отечественных записок». — «Мы должны жить своею самостоятельную жизнью и внести свое самобытное в общечеловеческое. Зачем нам все тянуться за Европою и за французским?» (*Висковатый П. А. М. Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество. М., 1891. С. 368*).

В отличие от Белинского, намекавшего на «вражду» Лермонтова «с небом» и «дружбу» с темными силами, Гоголь, напротив, характеризовал поэта как несомненного противника демонического мира — и даже определял направление его художественного творчества почти в тех же выражениях, какими описал сущность собственного писательского метода. Иначе говоря, внутренний мир поэта Гоголь признавал сходным собственному, находя это сходство в борьбе с «пошлостью» и пороками, одолевающими душу. В одном из «Четырех писем к разным лицам по поводу «Мертвых душ»» Гоголь признавался: «Я не любил никогда моих дурных качеств, и если бы небесная любовь Божья не распорядила так, чтобы они открывались передо мною постепенно и понемногу, вместо того чтобы открыться вдруг и разом <...> я бы повесился. По мере того как они стали открываться, чудным высшим внушеньем усиливалось во мне желание избавляться от них; необыкновенным душевным событием я был наведен на то, чтобы передавать их моим героям». Сходным образом характеризовал Гоголь и Лермонтова — делая при этом лишь ту поправку, что в духовной брани поэту недоставало должной последовательности: «Признавши над собою власть какого-то обольстительного демона, поэт покушался не раз изобразить его образ, как бы желая *стихами от него отделаться* (т. е. «избавиться», «передать» герою. — *И. В.*). Образ этот не вызначен определительно, даже не получил того обольстительного могущества над человеком, которое он хотел ему придать. Видно, что вырос он не от собственной силы, но от усталости и лени человека сражаться с ним. В неоконченном его стихотвореньи, названном «Сказка для детей», образ этот получает больше определенности и больше смысла. Может быть, с окончанием этой повести, которая есть его лучшее стихотворение, *отделался бы он от самого духа* и вместе с ним и от безотрадного своего состояния (приметы тому уже сияют в стихотвореньях «Ангел», «Молитва» и некоторых других), если бы только сохранилось в нем самом побольше уваженья и любви к своему таланту» (статья «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность»; курсив наш. — *И. В.*).

Позднее Н. Д. Мизко замечал по поводу приведенных гоголевских признаний: «Возводимое Гоголем на себя личное сходство его с своими произведениями и их героями напоминает подобную же черту в характеристике Гёте, создававшегося, что сочинениями своими он освобождался от увлечений, его поражавших; так, например, в одном месте своей автобиографии, под названием «Истина и Вымысел», вот как объясняет он создание «Вертера»: *«Этим сочинением более чем каким-либо другим я избавился от бурного элемента, в который я был вовлечен сам собою и другими... <...> Я чувствовал себя, как бы после исповеди, опять веселым и свободным, вправе на новую жизнь. <...> Но сколько чувствовал я себя облегченным и просветленным чрез перемены действительности в поэзию, столько же друзья мои ошиблись, полагая, что должно поэзию обращать в действительность, разыгрывать такой же роман и, при случае, застрелиться, и что сначала произошло с некоторыми, потом отразилось и в массе публики, и эта книжечка, бывшая для меня столь полезною, была признана очень вредною» (Wahrheit und Dichtung, dreizehntes Buch, Goethe's poetische und prosaische Werke. Stuttgart und Tübingen, 2-re Band, S. 787). Признания Гёте подтверждены фактами его жизни, которая, при помощи его собственных о себе и бесчисленного множества других о нем сведений, разоблачена до мельчайших подробностей. А что знаем мы о внутренней и даже внешней жизни нашего Гоголя...» (<*Мизко Н. Д.*> *Н. Д. Голос из провинции об отрывках из второй части поэмы Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души» // Отечественные Записки. 1856. Т. 106. № 6. <Отд. 2> С. 51–52*).*

Судя по всему, Гоголю были известны признания И. В. фон Гете по поводу его романа «Страдания юного Вертера» (1774). Обращает на себя внимание то, что в своих аналогичных гетевским признаниях Гоголь настаивает на том, что его исторгнутые из души образы вызывают у читателя отвращение — и тем оказывают положительное, а не дурное влияние (тогда как герой Гете, напротив, вызывал у читателей увлечение своим негативным примером, — породив тем самым, как известно, целую эпидемию самоубийств, вплоть до России). Вероятно, именно на Белинского главным образом и были рассчитаны строки Гоголя о передаче им и Лермонтовым своих душевных состояний в образы. В январе 1840 г., когда Гоголь жил в Москве и даже обещал в это время князю В. Ф. Одоевскому «прислать повесть в «Отечест-

венные записки» (см. в наст. изд. письмо И. С. Аксакова к К. С. Аксакову от 25 февраля 1840 г.), Белинский в статье «Менцель, критик Гете» писал: «Гете в своем “Вертере”, по собственному признанию, выразил <...> состояние своего духа, тяжело страдавшего; “Вертером”, по собственному же его признанию, он и вышел из своего мучительного состояния. И вот истинная причина, почему чтение “Вертера” производит на душу <...> тяжкое, дисгармоническое впечатление...» (Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 2. С. 179). Спустя полгода Белинский вновь обратился к этим признаниям Гете — и на сей раз прямо применил их к творчеству Лермонтова, именно к образу Печорина, героя «сатанинского величия»: «...Мы крепко убеждены, что он <Лермонтов> навсегда расстался с своим Печориним. В этом убеждении утверждает нас признание Гете, который говорит в своих записках, что, написав “Вертера”, бывшего плодом тяжелого состояния его духа, он освободился от него и был так далек от героя своего романа, что ему смешно было видеть, как сходила от него с ума пылкая молодежь... Такова благородная природа поэта... <...> Объектируя собственное страдание, он освобождается от него; переводя на поэтические звуки диссонансы духа своего, он снова входит в родную ему сферу вечной гармонии...» (Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 3. С. 149).

Очевидно, что в «Выбранных местах из переписки с друзьями» разворачивается скрытый диалог Гоголя с Белинским. На это, в частности, указывает близость гоголевского письма «О лиризме наших поэтов» к идеям, изложенным Белинским в статьях так называемого «примирительного» периода его деятельности (см. выше примеч. 2). Это же, очевидно, касается и признаний Гоголя в «Переписке с друзьями» о связи его внутреннего мира с выведенными им героями. Однако, намеренное обращение Гоголя в своей книге к статьям Белинского, написанным в «примирительный» период жизни критика, как известно, только усилило озлобление последнего. Свою статью «Менцель, критик Гете» Белинский даже называл «гадкой» (письмо к В. П. Боткину от 10–11 декабря 1840 г.; Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 9. С. 420).

⁵ Речь идет о статье «Гоголь в Риме летом 1841 года (1857 г.)». Авторское название: «Воспоминания о Гоголе. Рим, летом 1841 года» (см. в наст. изд.)

⁶ Значение и уникальность статьи Белинского «О русской повести и повестях г. Гоголя (“Арабески” и “Миргород”»)» в судьбе писателя Анненков явно преувеличивает. Вышедшая в свет в сентябре 1835 г. в № 7 и 8 «Телескопа» — спустя восемь месяцев после появления «Арабесок» и «Миргорода», она лишь повторяла и обобщала суждения о произведениях Гоголя предшествующей критики (в том числе отрицательные; см. ниже примеч. 7 и 8). Ее отличие от других рецензий заключалось в том, что творчество писателя рассматривалось здесь в контексте общего развития русской прозы, в результате чего делался вывод о первостепенной роли Гоголя в этом процессе, — последнее в некоторой степени могло повлиять на самооценку писателем своего творчества.

⁷ «Выражение “ярые выходки” к написанным в это время статьям Сенковского и особенно Булгарина — не применимо. Об исторических статьях “Арабесок” отзывались отрицательно все (в том числе и Белинский). О повестях были разные отзывы, но даже Сенковский, нападавший на Гоголя, похвалил некоторые из них. Критика Булгарина о повестях “Арабесок” и “Миргорода” была, в общем, сочувственной» (Гоголь в письмах и воспоминаниях. Составил В. Гиппиус. М., 1931. С. 109).

⁸ Так же, как в «Воспоминаниях о Гоголе» 1857 г. (см. в наст. изд. примеч. к ним 121) и в письме к А. Н. Пыпину от 1 июня (н. ст.) 1874 г. (см. в наст. изд.), Анненков умалчивает о том, что в статье «О русской повести и повестях г. Гоголя...» Белинский поддержал язвительные отзывы об «Арабесках» Гоголя О. И. Сенковского и Ф. В. Булгарина.

⁹ Строк о том, что «чувство глубокой грусти, чувство глубокого соболезнования к русской жизни и ее порядкам слышится во всех рассказах Гоголя», — нет в статье Белинского «О русской повести и повестях г. Гоголя (“Арабески” и “Миргород”)), — следовательно, сочувствовать этому высказыванию Гоголь, вопреки заявлению Анненкова, не мог. С большой натяжкой можно сказать, будто «передача» Анненковым «слов Белинского здесь приблизительная» (см.: Гоголь в письмах и воспоминаниях. Составил В. Гиппиус. М., 1931. С. 110). В таком случае следует предположить, что сам Гоголь именно так интерпретировал статью Белинского, как это позднее «приблизительно» передавал Анненков. Между тем содержание «всех рассказов» Гоголя в «Миргороде» и «Арабесках», а также самой статьи Белинского, определено шире предложенного Анненковым толкования.

«Свидетельство» Анненкова о том, что Гоголь якобы был «осчастливлен» статьей Белинского, не вызывает доверия еще и потому, что ряд положений этой статьи вызвал прямые возражения Гоголя. В частности, это касается одного важного и принципиального для Гоголя вопроса, а именно теории о бессознательности художественного творчества, принятой в 1835 г. Белинским в отношении к гоголевским произведениям. По сути, эта теория и определение Гоголя

как художника, творящего в состоянии «поэтического сомнамбулизма», означала для критика на практике возможность произвольного истолкования его произведений, а возникающие при этом противоречия выдавались в соответствии с ней за противоречия между «гениальной» художественной интуицией и якобы неглубоким мировоззрением писателя. Стремление отрицать или дискредитировать авторскую мысль в художественном произведении, придав ему иное толкование, наряду с восторженными похвалами, пронизывает большинство критических выступлений Белинского, посвященных гоголевскому творчеству. Именно этим объясняется упомянутое Анненковым «убеждение» Гоголя, «что московская критика, т<о> е<сть> критика Белинского, злостно перетолковала все его намерения и авторские цели».

Своеобразный отклик Гоголя на теорию Белинского, можно увидеть в черновой редакции «Ревизора», создавшегося писателем непосредственно по прочтении статьи о его повестях Белинского. Завравшийся Хлестаков здесь, в частности, восклицает: «А как странно сочиняет Пушкин. Вообразите себе: перед ним стоит в стакане ром, рублей по сту бутылка... и потому уж как начнет писать, так перо только: тр... тр... тр...» Весьма кстати для Гоголя пришлось здесь — как бы прямым пояснением к «теории» Белинского — мнение о пушкинском творчестве провинциальных обывателей, которое сам Пушкин излагал в письме к жене Наталье Николаевне от 11 октября 1833 г. из Болдино. Это суждение Гоголь прямо использовал в 1836 г. в своей комедии: «Знаешь ли, что обо мне говорят в соседних губерниях? Вот как описывают мои занятия: как Пушкин стихи пишет — перед ним стоит штоф *славнейшей* настойки — он хлоп стакан, другой, третий — и уж начнет писать! — Это слава!» (*Пушкин*. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., АН СССР, 1948. Т. 15. С. 87).

На присутствии глубокой мысли в современных «романах и повестях» Гоголь прямо настаивал в 1836 г. в рецензии на книгу Е. И. Ольдекопа «Картины мира», написанной для пушкинского «Современника». По-видимому, прямо повторяя в этой рецензии слова Белинского из статьи «О русской повести и повестях г. Гоголя...», что «может быть, некогда история сделается художественным произведением» (*Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 1. С. 145), Гоголь подчеркивал необходимость осмысленного подхода к созданию подобного произведения: «...Никогда мысль не кажется нам <...> так оглушительна своим величием <...> когда она <...> читается духовными нашими глазами из целого создания поэта <...> И вот уже история показывает умам соединение с философией и образует великое здание». См. также в наст. изд. примеч. 2 к письму В. Г. Белинского В. П. Боткину от 10–11 декабря 1840 г.

В черновых набросках статьи «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году» (опубликованных после смерти Анненкова) Гоголь называл «вкус» Белинского «молодым и опрометчивым» — и лишь обещающим «будущее развитие». «...Отзыв Гоголя о Белинском, — замечал по этому поводу М. П. Еремин, — при внимательном рассмотрении оказывается положительным, может быть, только наполовину» (*Еремин М. П.* Пушкин — публицист. 2-е изд., переработанное и доп. М., 1976. С. 384). Сдержанное суждение Гоголя о Белинском, конечно же, не исключает того, что какие-то высказывания критика в 1835 г. были приняты Гоголем во внимание, но можно заметить, что определение Гоголем «вкуса» Белинского как «молодого и опрометчивого» — «необразовавшегося», но основанного «на чувстве и душевном убеждении» — во многом повторяет гоголевскую характеристику в той же статье европейской литературы, в которой, по словам писателя, вследствие «политических волнений» во Франции, «распространился беспокойный, волнующийся вкус. Являлись опрометчивые, бессвязные, младенческие творения, но часто восторженные, пламенные <...> эти явления <...> отражались и в России...» Сходным образом в 1851 г. Гоголь говорил своей знакомой Е. А. Хитрово о революционных событиях во Франции 1848 г.: «Не одни женщины увлеклись, но и умные, пламенные люди» (см. в наст. изд. запись от 19 января 1851 г. в дневнике Е. А. Хитрово «Гоголь в Одессе. 1850–1851»). «Опрометчивость» же людей, «какими производятся мятежи в обществах», Гоголь объяснял в статье «Петербургская сцена в 1835–36 г.» (также оставшейся неизвестной Анненкову) тем, что «они не видят границ, ломают без рассуждения все и всегда, и желая исправить несправедливость <...> в обратном количестве наносят столько же зла».

В том же «Замечательном десятилетии» Анненков неоднократно выражал недоумение, почему Гоголь в 1841 г. совершенно забыл об «услугах», оказанных ему в 1835 г. Белинским; по словам мемуариста, в отзывах писателя «о русских людях той эпохи Белинский не занимал никакого места» (вернее сказать, критик вызывал тогда прямое недовольство Гоголя; см. ниже примеч. 15). Примечательно, что даже отчество Белинского — Григорьевич — Гоголь помнил нетвердо. В 1847 г., в неотправленном письме к критику он называл его Виссарионом *Ивановичем*: «Нет, Вис<с>арион И<ванович>, нельзя судить о Русском народе тому, кто прожил век в Петербурге...» (*РГБ*. Ф. 74. К. 7. Ед. хр. 1. Л. 5).

¹⁰ Свидетельство Анненкова в данном случае подтверждается другими высказываниями Гоголя. Так, в 1839 г. писатель рассказывал С. Т. Аксакову, что «у него составлена в голове трагедия из истории Запорожья, в которой все готово, до последней нитки, даже в одежде действующих лиц», и он считает, что «ему будет с лишком достаточно двух

месяцев, чтобы переписать ее на бумагу» (см. в наст. изд. раздел «Из Истории Нашего Знакомства с Гоголем» С. Т. Аксакова. (Выписки рукою П. А. Кулиша); «Историю нашего знакомства с Гоголем...» С. Т. Аксакова — здесь, в частности, см. также письмо С. Т. Аксакова к Гоголю от 3 июля 1842 г.). 18 июня 1842 г. В. С. Аксакова писала М. Г. Карташевской: «...Написана ли вторая часть <“Мертвых душ”> — этого никто не знает; т. е. что она у него является уже ясною в голове, это он сам говорит; но он был даже недоволен, когда спросили его, написал ли он вторую часть, недоволен потому, что это не может делаться так скоро. Прежде еще он говорил отесеньке, что он до тех пор не начинает писать и описывать какое-нибудь лицо, пока оно совершенно ясно, отчетливо с ног до головы, не явится перед ним» (см. в наст. изд.). 22 января 1850 г. И. С. Аксаков замечал также в письме к родным по поводу второго тома «Мертвых душ»: «Я думаю, что у Гоголя *все* написано, что он уже дал полежать своей рукописи и потом вновь обратился к ней для исправления и оценки, словом, поступает так, как сам советует другим. В противном случае он не стал бы читать и заниматься отделкою подробностей и частных» (см. в наст. изд.). Как вспоминал Н. В. Берг, в 1850 г. Гоголь, говоря о том, как он обычно пишет свои произведения, замечал, что «сначала нужно набросать все как придется <...> плохо, водянисто, но решительно все...» (см. в наст. изд. «Воспоминания о Н. В. Гоголе» Н. В. Берга) (ср. также письмо Гоголя к А. А. Иванову от 18 марта (н. ст.) 1844 г.). По свидетельству А. О. Смирновой, в 1851 г. Гоголь говорил И. С. Тургеневу: «...Главное — не спешите печатать. Обдумывайте хорошо, пусть скорее создастся повесть в вашей голове и тогда возьмитесь за перо...» (см. в наст. изд. «Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову» А. О. Смирновой). (Е. М. Феоктистов писал позднее И. С. Тургеневу: «Помните ли, что Гоголь сам говорил Вам о том, до какой степени надо выносить и вырастить в себе самом лицо, предполагаемое для изображения»; письмо от 18 февраля 1853 г.; см. в наст. изд.) «Верю, что если придет урочное время, — замечал также Гоголь о работе над вторым томом «Мертвых душ» в «Выбранных местах из переписки с друзьями», — в несколько недель совершится то, над чем провел пять болезненных лет». Здесь же Гоголь замечал, что второй том «уже сидит» у него «в голове», — и вновь напоминал о «той старой истине, которую век мы должны помнить <...>, а именно: по тех пор не приниматься за перо, пока все в голове не установится <...> в <...> ясности и порядке». С этими признаниями перекликаются и слова Гоголя в письме к В. А. Жуковскому от 2 декабря (н. ст.) 1843 г.: «Я продолжаю работать, то есть набрасывать на бумагу хаос, из которого должно произойти создание Мертвых душ».

¹¹ С. П. Шевырев, которому Гоголь 10 марта 1835 г. выслал «Миргород» и которого просил высказать о сборнике свое мнение в «Московском Наблюдателе», особо отметил «слышу» Тараса, произнесенное перед казнью Остапа: «*Это слышу!* останется навсегда памятным в нашей литературе, и если бы г. Гоголь не избрал ничего другого, кроме этого славного *слышу*, то одним этим мог бы заставить молчать всякую злонамеренность критики» (Московский Наблюдатель. 1835. Март. Кн. 2 (цензурное разрешение 30 марта). С. 411). Смысл этого эпизода заключается, по наблюдениям позднейших исследователей, в том, что Остап, подобно многим другим христианским мученикам и исповедникам, получает утешение в свои предсмертные минуты. Отцовское «Слышу!» становится здесь слышанием Самого Небесного Отца. Белинский же, возражая Шевыреву, писал, что он не ставит этого эпизода повести «в слишком большую заслугу» Гоголю. Вразрез с содержащейся в повести гоголевской мыслью о религиозном одушевлении Тараса перед смертью звучала и фраза Белинского о том, что Тарас потому «не чувствовал своих ужасных мук <...> что чувствовал одну жажду мести к враждебному народу» (Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1976. Т. 1. С. 182; Белинский. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953. Т. 1. С. 305).

¹² Утверждение Анненкова, будто «Ревизор» Гоголя в 1836 г. был «едва не согнан» со сцены, но утвердился там «благодаря Белинскому», абсолютно недостоверно. За исключением одного краткого высказывания (см. следующее примеч.), Белинский молчал о комедии Гоголя более трех с половиной лет со времени ее появления на сцене (см. в наст. изд. коммент. к письму В. Г. Белинского В. П. Боткину от 14–15 марта 1840 г.). Под статьей Белинского, с характеристикой «Ревизора» как «гениального произведения», Анненков мог подразумевать лишь анонимную статью «Театральная хроника», напечатанную в июне 1836 г. в № 9 газеты «Молва», с подписью: «А. Б. В.» (А. Б. В. Театральная хроника. Ревизор, комедия г. Гоголя // Телескоп. 1836. № 9 (цензурное разрешение 15 июня). <Отд. II>. Молва. С. 250–264; статья, возможно, принадлежит Н. И. Надеждину; см.: *Осовцов С. А. Б. В. и другие // Русская литература. 1962. № 3. С. 75–101*). Если Анненков действительно имел в виду публикацию А. Б. В. (в самом деле уникальную), то, во-первых, значение ее он явно преувеличил, и, во-вторых, приписать ее Белинскому он мог лишь вопреки хорошо известной ему заметке «От Белинского» (см. следующее примеч.), где сам критик замечал по поводу безымянной публикации: «...В № 169 “Северной Пчелы” мне <...> приписана статья об игре гг. актеров здешнего театра в “Ревизоре” Гоголя. Мне было бы очень приятно подписать свое имя <под этой статьей> <...> но долг справедливости повелевает мне

отклонить от себя незаслуженную честь <...> хотя <я> и согласен с большею частию мнений, выраженных в этой статье с талантом, умением и знанием своего дела...» (*Белинский В. Г. Собр. соч.*: В 9 т. М., 1976. Т. 1. С. 514).

¹³ Статья «От Белинского», с подписью: «Виссарион Григорьев сын Белинский», была напечатана в № 12 газеты «Молва» за 1836 г. (цензурное разрешение 13 авг.). В этой статье, вопреки заявлениям Анненкова, что будто в ней Гоголь объявлялся «великим европейским художником» и что якобы этим «упрочивалось окончательно его положение в русской литературе», содержится лишь замечание, что «Ревизор» г. Гоголя превосходит, а «Недовольные» г. Загоскина... что делать?... очень плохи» (*Виссарион Григорьев сын Белинский. От Белинского // Телескоп. 1836. № 12 (цензурное разрешение 13 авг.). <Отд. II>. Молва. С. 335; см. также: Белинский В. Г. Собр. соч.*: В 9 т. М., 1976. Т. 1. С. 516). См. также в наст. изд. примеч. 2 к очерку Анненкова «Николай Владимирович Станкевич».

¹⁴ Когда Гоголь 14 октября 1839 г. читал первую главу первого тома «Мертвых душ» у Аксаковых, то Белинский, который был в то время в Москве, приглашен на чтение не был (см. в наст. изд. «Литературные воспоминания» И. И. Панаева).

¹⁵ Это свидетельство мемуариста неточно. Оценка Гоголем деятельности Белинского никогда не была нейтральной или безразличной. Сам Анненков в написанных двадцатью годами ранее «Замечательного десятилетия» «Воспоминаниях о Гоголе» (1857) указывал, что в Риме в 1841 г. Гоголь «несколько раз выражал недовольство свое критикой Белинского» (см. в наст. изд. «Воспоминания о Гоголе» Анненкова). Анненкову запомнился следующий отзыв Гоголя о Белинском: «Голова недюжинная, но у нее всегда чем вернее первая мысль, тем нелепее вторая» (см. в наст. изд. первый фрагмент из «Замечательного десятилетия» Анненкова).

¹⁶ Об отношении Гоголя к статье В. Г. Белинского «Горе от ума... Сочинение А. С. Грибоедова» (Отечественные Записки. 1840. № 1) см. в наст. изд. в коммент. к письму В. Г. Белинского К. С. Аксакову от 10 января 1840 г.

¹⁷ Имеются в виду австрийские солдаты, носившие белую форму.

¹⁸ П. В. Анненков прибыл в Рим в Страстную Среду 26 марта / 7 апреля 1841 г.

¹⁹ См. примеч. 5 к «Письмам из-за границы» П. В. Анненкова.

²⁰ Имеется в виду памфлет В. Г. Белинского против С. П. Шевырева (см. в наст. изд. коммент. к дневниковой записи А. И. Тургенева от 1 января 1843 г.).

²¹ Последний удар (*фр.*).

²² Имеется в виду В. И. Любич-Романович.

²³ Письмо не сохранилось.

²⁴ Траттория (*trattoria; ит.*) — трактир, закусочная.

²⁵ Роспись российским книгам для чтения, из библиотеки А. Смирдина. СПб. 1828. Составил В. Г. Анастасевич. В 1829 и 1832 гг. вышли два прибавления к этой росписи.

²⁶ Каталог книгам, продающимся в синодальных книжных лавках в С. Петербурге и Москве. М. 1840 и 1844.

²⁷ См. в наст. изд. примеч. 293 и 294 к «Воспоминаниям о Гоголе» Анненкова.

²⁸ Позднее, Высочайшим указом от 10 апреля 1853 г. графу М. М. Виельгорскому было разрешено присоединить к своей фамилии фамилию своего прадеда графа Д. М. Матюшкина и именоваться графом Виельгорским-Матюшкиным.

²⁹ Из пяти писем, отправленных Гоголем из Франкфурта 8/20 июня 1847 г., — к Н. Я. Прокоповичу, В. Г. Белинскому, А. О. Смирновой, Н. Н. Шереметевой и Анненкову — последнее не сохранилось. Письмо к Белинскому, отправленное в Петербург вместе с письмом к Прокоповичу, было переправлено последним в Зальцбрунн через приятеля Белинского Н. Н. Тютчева (1815–1878) (получено в Зальцбрунне 12 июля (н. ст.) 1847 г.). Каким путем и в какой день дошло по адресу письмо, отправленное Гоголем Анненкову, достоверно неизвестно (см. ниже примеч. 33 и 34). Спустя полтора месяца, 12 августа (н. ст.) 1847 г., Гоголь, будучи в Остенде, написал Анненкову новое письмо (на этот раз в Париж), которое отправил одновременно с письмом к Белинскому от 10–12 августа (н. ст.) 1847 г. (см. в наст. изд. примеч. 341 к «Воспоминаниям о Гоголе» Анненкова). В новом письме Гоголь, вопреки заявлению Анненкова, будто писатель «склонился» в то время под «бурей общественного негодования, как тростник — до земли», вновь обратился к Анненкову с рядом наставлений — в частности, призванных обратить последнего к изучению русской жизни (см. в наст. изд. коммент. к письму В. П. Боткина П. В. Анненкову от 24–25 августа 1847 г. и коммент. к письму П. В. Анненкова М. М. Стасюлевичу от 16 августа (н. ст.) 1876 г.).

³⁰ Белинский выехал из Петербурга 5/17 мая 1847 г. и прибыл в Зальцбрунн (ныне г. Щавно-Здруй в Польше) вместе с И. С. Тургеневым 22 мая/3 июня 1847 г. Анненков приехал в Зальцбрунн вечером 29 мая/10 июня 1847 г. (т. е.

спустя неделю после прибытия туда Белинского и Тургенева; см.: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1956. Т. 12. С. 368, 372) и пробыл там с Белинским до конца его лечения по 3/15 июля 1847 г.

³¹ Письмо В. Г. Белинского к Гоголю составлялось четыре дня, с 30 июня/12 июля по 3/15 июля 1847 г., в Зальцбрунне. См. ниже в «Замечательном десятилетии» Анненкова: «В тот же день <12 июля (н. ст.)> <...> Белинский принял за письмо к Гоголю»; «Три дня сряду <13–15 июля (н. ст.)> <...> был молчалив и сосредоточен <...> ...Он употребил три утра на составление письма к Гоголю...» Письмо было завершено Белинским 17 июля (н. ст.) 1847 г. в Дрездене.

³² 15 июля (н. ст.) 1847 г.

³³ Речь идет о несохранившемся письме Гоголя к Анненкову от 20 июня (н. ст.) 1847 г. из Франкфурта (см. в наст. изд. коммент. к письму В. П. Боткина Анненкову от 19 июля 1847 г., а также примеч. 29 выше).

³⁴ Имеется в виду письмо Гоголя к Белинскому от 8/20 июня 1847 г. из Франкфурта. Вопреки сообщению мемуариста, это послание, по-видимому, не было приложено к письму Гоголя Анненкову от того же числа, но, возможно, пришло отдельно. Оно было передано Н. Я. Прокоповичем Н. Н. Тютчеву, который, в свою очередь, возможно, отправил гоголевское послание, вместе с своим письмом к Белинскому, в редакцию «Современника». При этом в письме к Белинскому от 22 июня/4 июля 1847 г. Н. Н. Тютчев пересказал содержание письма Гоголя к Н. Я. Прокоповичу от 8/20 июня 1847 г.: «Прилагаемое письмо принес мне вчера Прокопович. Вместе с тем он прочел мне письмо, которое он получил сам. Там сказано, “что из вашей статьи видно, что Вы приняли его последнее сочинение как манифест против себя и всех ваших знакомых, что он такого воззрения не ожидал с вашей стороны, и что ему ваша статья была тем больнее, потому что вы 10 лет говорили о нем с любовью, разяснили читающей публике много, и указали те многие достоинства, которых кроме вас никто не подметил”. Но гораздо более странно — интереснее другое место письма к Гоголю <так в публикации; следует: к Прокоповичу>. Он спрашивает: “Какой появился *новый Гоголь?* в русс<кой> лит<ературе>?” — просит предупредить книгопродавцев — для предупреждения обмана, и почти грозит печатным объяснением. — Возвращаясь к своей книге, он говорит, что всеобщее восстание против нее вынудит его к печатным объяснениям. — Зетем прощайте. — Что это никто из вас не пишет ни слова, ни вы, ни Т<ургенев>, ни А<нненков>. <...> Некрасов побывал в Москве и заключил с кем следует союзы, особенно с В. П. Б<откиным>...» (В. Г. Белинский и его корреспонденты. М., 1948. С. 278). Между 25 и 27 июня (7 и 9 июля н. ст.) 1847 г. франкфуртское письмо Гоголя к Белинскому от 8/20 июня 1847 г. было, наконец, отправлено из Петербурга в Зальцбрунн, о чем 27 июня/9 июля Прокопович сообщал Гоголю: «Я несколько виноват перед тобою, что не известил тебя в прошлом письме об отъезде Белинского за границу: тогда письмо твое к нему не прогулялось бы понапрасну сюда. Но все равно, оно отправилось по первой же почте к нему в Силезию в Зальцбрунн, откуда ты, вероятно, и получишь от него ответ». В ответном письме к Гоголю, начатом 12–15 июля (н. ст.) 1847 г. в Зальцбрунне и отправленном 17 июля (н. ст.) 1847 г. из Дрездена, Белинский сообщал: «...Нынешним летом начинающаяся чахотка прогнала меня за границу, и N <имеется в виду либо Н. Я. Прокопович, либо Н. Н. Тютчев, либо Н. А. Некрасов> переслал мне ваше письмо в Зальцбрунн, откуда я сегодня же <15 июля (н. ст.)> еду с Ан<ннковым> в Париж через Франкфурт-на-Майне».

³⁵ Пикет — здесь: карточная игра.

³⁶ Письмо к Гоголю было отправлено из Дрездена 17 июля (н. ст.) 1847 г.

³⁷ 29 июля (н. ст.) 1847 г.

³⁸ Имеется в виду письмо Гоголя к В. Г. Белинскому от 10–12 августа (н. ст.) 1847 г.

Последняя встреча с Гоголем (Из воспоминаний П. В. Анненкова о Москве осенью 1851 года)

Гоголь в это время¹ жил у Толстого, на Никитском, кажется, бульваре и тогда все еще готовил второй том «Мертвых Душ». По крайней мере, на мое замечание о нетерпении всей публики видеть законченным, наконец, его жизненный и литературный подвиг вполне — он мне отвечал довольным и многозначительным голосом: «Да... вот попробуем!» Я нашел его гораздо более осторожным в мнениях после страшной бури, вызванной его «Перепиской», но все еще

оптимистом в высшей степени и едва понятным для меня. Он почти ничего не знал или не хотел знать о происходящем вокруг него, как, например, о недавнем предложении Липранди² послать его для осмотра всех частных библиотек по всей России, отклоненном с ужасом и негодованием самим правительством, а о ссылках и других мерах отзывался даже, как о вещах, которые по мягкости исполнения были отчасти любезностями и милостями по отношению ко многим осужденным³. Он также продолжал думать, что, по отсутствию выдержки в русских характерах, преследование печати и жизни не может долго длиться, и советовал литераторам и труженикам всякого рода пользоваться этим временем для тихого приготовления серьезных работ ко времени облегчения. Эту же мысль развивал он при мне и в 1849 году⁴ на вечере у Александра Комарова. Тогда произошла довольно наивная сцена. Некрасов, присутствовавший тоже на нем, заметил: «Хорошо, Николай Васильевич, да ведь за все это время надо еще есть». Гоголь был опешен, устремил на него глаза и медленно произнес: «Да, вот это трудное обстоятельство». Вместо смысла современности, утерянного им за границей и последним своим развитием, оставалась у него по-прежнему артистическая восприимчивость в самом высшем градусе. Он взял с меня честное слово беречь рощи и леса в деревне и раз вечером предложил мне прогулку по городу, всю ее занял описанием Дамаска⁵, чудных гор, его окружающих, бедуинов в старой библейской одежде, показывающихся у стен его (для разбойничества), и проч., а на вопрос мой, какова там жизнь людей, отвечал почти с досадой: «Что жизнь! Не об ней там думается!» Это была моя последняя беседа с чудною личностью, украсившею вместе с Белинским, Герценом, Грановским и другими мою молодость. Подходя к дому Толстого на возвратном пути и прощаясь с ним, я услышал от него трогательную просьбу сберечь о нем доброе мнение и поратовать о том же между партией, «к которой принадлежите». С тех пор я уже его не видал, если не считать случайной встречи в Кремле после того. В четыре часа по полудни я ехал с братом-комендантом⁶ куда-то обедать, когда неожиданно повстречался с Гоголем, видимо, направлявшимся в соборы к вечерне, на которую благовестили. Как бы желая отклонить всякое подозрение о цели своей дороги, он торопливо подошел к коляске и с находчивостью лукавого малоросса проговорил: «А я к вам шел, да, видно, не вовремя, прощайте». Бедный страдалец⁷!

Первые опубликовано: Последняя встреча с Гоголем. (Из воспоминаний П. В. Анненкова о Москве осенью 1851 года) // П. В. Анненков и его друзья. Литературные воспоминания и переписка 1835–1885 годов. СПб., 1892. С. 515–516; см. также: *Анненков П. В.* Две зимы в провинции и деревне // *Анненков П. В.* Литературные воспоминания. М., 1989. С. 513. Печатается по первой публикации.

Первая публикация мемуарного отрывка, осуществленная А. Н. Майковым, была сопровождается примечанием о том, что «воспоминание П. В. Анненкова о его последней встрече с Гоголем» извлечено «из памятных заметок Павла Васильевича, которые еще не могут быть преданы печати» (<*Майков А. Н.* Предисловие> // П. В. Анненков и его друзья. Литературные воспоминания и переписка 1835–1885 годов. СПб., 1892. С. VII). Мемуары «Две зимы в провинции и деревне. С января 1849 по август 1851 года» были задуманы Анненковым в конце 1877 г. как продолжение «Замечательного десятилетия». Работа над замыслом, однако, не была завершена; от нового труда остался лишь ряд подготовительных набросков.

¹ Среди мемуарных набросков Анненкова «Две зимы в провинции и деревне. С января 1849 по август 1851 года» воспоминание о «последней встрече с Гоголем» следует сразу после рассказа Анненкова о том, как в сентябре 1851 г. он приступил к работе над биографией и переизданием сочинений А. С. Пушкина (см. в наст. изд. коммент. к фрагменту из «Материалов для биографии А. С. Пушкина» Анненкова).

² Иван Петрович Липранди (1790–1880), генерал-майор, военный историк, в 1840–1856 гг. чиновник особых поручений при министре внутренних дел; организовал наблюдение по раскритиговке заговора петрашевцев.

³ За год перед тем, 18 мая 1849 г., А. О. Смирнова писала Гоголю о петрашевцах: «О наших коммунистах ничего не слышать, над ними производится суд. То, что рассказывали в первые дни, если не преувеличено, так гадко, так мерзко,

что нельзя довольно благодарить Бога, что их вовремя переловили. Сочувствия они ни в ком не возбудили, а презрение во всех. По-христиански следовало бы пожалеть; но общество не все единомысленно». П. И. Бартенев 6 мая 1849 г. записал в своем дневнике: «...Был у Хомякова <...> Говорили между прочим о заговорщиках, насчет перемены формы правления, пойманных в Петербурге. Найден список лиц, которых заговорщики определили уничтожить, и между ними четвертое лицо, говорят, занимает С. П. Шевырева!» (*Виноградов И. А.* Материалы по изучению масонского и декабристского движения, полученные Гоголем от декабриста И. А. Фонвизина и Н. Н. Шереметевой // Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. М., 2001. С. 233).

⁴ Обед состоялся в 1848 г., предположительно, 19 сентября (см. в наст. изд. коммент. к статье И. И. Панаева «Заметки и размышления Нового Поэта по поводу русской журналистики» и к письму П. В. Анненкова И. С. Тургеневу от 3 февраля 1858 г.).

⁵ Маршрут своего следования из Бейрута в Иерусалим Гоголь описал по возвращении в Бейрут в письме к С. П. Шевыреву от 18/30 марта 1848 г.: «С помощью генерального нашего консула в Сирии Базили, моего старого товарища по школе, путь в Иерусалим, через Сидон и древний Тир и Акру, а оттуда <т. е. из Акры> через Назарет, совершил». Побывать в Дамаске Гоголь мог на обратном пути из Иерусалима в Бейрут в более чем трехнедельный период между 23 февраля / 6 марта 1848 г. (в этот день Гоголь получил в Иерусалиме благословение от наместника Иерусалимского патриаршего престола митрополита Мелетия) и 18/30 марта 1848 г. (в этот день Гоголь отправил из Бейрута цитированное письмо к С. П. Шевыреву). По пути из Иерусалима Гоголь мог повернуть в Дамаск от Назарета, где провел в тот период с Базили два дня, застигнутый дождем (см. в наст. изд. коммент. к «Воспоминаниям» В. Б. Бланка). Не исключена также возможность, что в Дамаске Гоголь побывал не по пути из Иерусалима в Бейрут, а уже по возвращении туда, в почти трехнедельный период между 18/30 марта и 6/18 апреля 1848 г. Прямая дорога из Бейрута до Дамаска занимала тогда три дня (через Бальбек — пять дней). Об этом в письме от 1/13 января 1848 г. сообщал Гоголю А. К. Бейне: «Если и вас интересуют Бальбек и Дамаск, то вот вам маршрут: Из Бейрута первый ночлег на вершине Ливана в Хане, второй в Захле (христианский городок) и на третий день в Бальбеке, оттуда в Дамаск два дня езды и ночлег в третий день. Весьма вероятно, что там еще застанете караван армян (караван "армянских поклонников", который, по сообщению Бейне, обычно отправлялся из Бейрута, через Назарет, в Иерусалим. — *И. В.*), иначе лучше воротиться прямым путем в Бейрут, что возьмет три дня пути».

⁶ Иван Васильевич Анненков (1814–1887), с 1848 г. полковник, с 1853 г. генерал-майор, с 1860 г. начальник первого округа корпуса жандармов, с 1862 г. петербургский обер-полицеймейстер, с 1867 г. петербургский комендант, генерал-адъютант (с 1868), генерал от кавалерии (с 1878); автор «Истории лейб-гвардии Конного полка, от 1731 по 1848 г.» (СПб. 1849. Ч 1–4).

⁷ О сомнительной достоверности последнего свидетельства о Гоголе см. в наст. изд. преамбулу к «Письмам из-за границы» Анненкова.

Из писем П. В. Анненкова

П. В. Анненков — И. В. и Ф. В. Анненковым

8/20 мая 1841. Рим.

<...> Недавно с Гоголем были мы в Тиволи, удивительной загородной деревне Рима. <...>

Первые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Е. М. Хмельской // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 606. Печатается по первой публикации.

Федор Васильевич Анненков (1805–1869), брат П. В. Анненкова, нижегородский губернатор.

Помимо отрывков из писем П. В. Анненкова, собранных в настоящем разделе, см. также в наст. изд. его переписку с И. С. Тургеневым 1853 г. по поводу глав второго тома «Мертвых душ» в коммент. к «Воспоминаниям о Гоголе» Анненкова.

П. В. Анненков — И. В. и Ф. В. Анненковым

<Средина июля (н. ст.) 1841. Рим>

Пишу вам, любезные братья, последнее письмо из Рима, почти перед самым отъездом в Неаполь¹. Прожил я здесь три месяца², более чем хотел, и долго буду помнить об этом городе. Причиной этому — славный Гоголь, а потом и несколько русских художников, с которыми я познакомился, и жили мы, таким образом, весело, осматривая всё, что есть лучшего, обедая вместе, — не видал как пролетели три месяца, а вот, однако ж, наступил июль месяц, жары сделались нестерпимые, а я еду еще южнее, в Неаполь и Сицилию <...>

Общество наше состояло из живописца Иванова, который рисует чудную картину — «Иоанна Крестителя» <...>; из гравера Иордана, начавшего гравировать «Преображение» Рафаэля, и это будет первый эстамп в Европе, передающий верно этот шедевр Рафаэля, после которого он и умер, точно не оставалось ему ничего больше делать на земле; из скульптора Лугановского³, сделавшего по заказу Государя-Наследника статую «Аббадонна, плачущий уединенно о потере блаженства» <...> Таково-то было наше общество.

Первые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Е. М. Хмелевской // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 605. Печатается по первой публикации.

¹ П. В. Анненков выехал с Гоголем из Рима в Альбано 6/18 июля (н. ст.) 1841 г. На следующий день, 7/19 июля 1841 г., Анненков отправился далее в Неаполь. На письме имеется также надпись о получении: 19 июля.

² Более трех с половиной месяцев, с 7 апреля по 19 июля (н. ст.) 1841 г.

³ А. В. Логановского.

П. В. Анненков — И. С. Тургеневу

23 апреля 1855 г.

<...> Кстати. Вам велено поклониться от барышен Гоголь¹, да не больших, толстых, басыщих, а тех маленьких и пищащих, что мы видели. Одна при мне получила вензель² вчера, Оля, кажется: вышло изумление, недоумение, смирение, возбуждение, а все было известно наперед. <...>

Первые опубликовано: Письма П. В. Анненкова к И. С. Тургеневу. Предисловие и примечания Н. М. Мендельсона // Труды Публичной библиотеки СССР им. Ленина. <М.:> Academia, 1934. Вып. 3. С. 53; перепечатано: *Анненков П. В.* Письма к И. С. Тургеневу. 1852–1874. Издание подготовили Н. Н. Мостовская, Н. Г. Жигулин. СПб., 2005. Кн. 1. С. 42. Печатается по первой публикации.

¹ Вероятно, речь идет не о сестрах Гоголя, а о сестрах *Гогель*.

² Вензель Императрицы для ношения на груди получали за особые успехи воспитанницы женских учебных заведений.

П. В. Анненков — И. С. Тургеневу

<1 июня 1856. Чирьково>

<...> Перешлите мне *по тяжелой почте* кипу Чернышевского¹. Это будет безделица по почте. Кипа эта мне нужна, да и не даром же заставлять работать Чернышевского. Ничего нет приятнее для человека, когда труд и одоление его гуляют в пространстве. Пожалуйста пришли-те. <...>

Впервые опубликовано: Письма П. В. Анненкова к И. С. Тургеневу. Предисловие и примечания Н. М. Мендельсона // Труды Публичной библиотеки СССР им. Ленина. <М.:> Academia, 1934. Вып. 3. С. 58; перепечатано: *Анненков П. В.* Письма к И. С. Тургеневу. 1852–1874. Издание подготовили Н. Н. Мостовская, Н. Г. Жигулин. СПб., 2005. Кн. 1. С. 48. Печатается по первой публикации.

¹ «По-видимому, речь идет о <первых четырех> статьях Н. Г. Чернышевского из серии «Очерки гоголевского периода русской литературы», которые печатались в «Современнике» (1855, № 12; 1856, № 1, 2, 4, 7, 9–12). Центральной фигурой этих очерков был В. Г. Белинский. Судя по письму к Дружинину <от 1 сентября 1856 г.; см. ниже в наст. изд.>, Анненков в это время задумал свои воспоминания о Н. В. Гоголе. Летом в деревне он читал «Записки о жизни Гоголя», составленные П. А. Кулишом, и, возможно, под их впечатлением выбрал из разных тем, предложенных ему Дружининым, тему о Гоголе в Риме» (*Анненков П. В.* Письма к И. С. Тургеневу. 1852–1874. Издание подготовили Н. Н. Мостовская, Н. Г. Жигулин. СПб., 2005. Кн. 1. С. 333).

Как и в «Очерках гоголевского периода русской литературы» Чернышевского, имя Гоголя изначально оказывается у Анненкова преимущественно связанным с именем Белинского. Не случайно, одновременно с работой над мемуарами о Гоголе, Анненков начинает писать и воспоминания о Белинском (развернутые впоследствии в «Замечательном десятилетии»). Какие-то недошедшие до нас мемуарные записки о критике Анненков посылает в то время Чернышевскому, который в шестой статье «Очерков гоголевского периода русской литературы» указывал: «Кстати заметим, что в настоящей статье мы пользовались воспоминаниями, которые сообщил нам один из ближайших друзей Белинского, г. А<нненков>, и потому ручаемся за совершенную точность фактов, о которых упоминаем. Мы надеемся, что интересные воспоминания г. А<нненков>а со временем сделаются известны нашей публике, и спешим предупредить читателей, что тогда наши слова окажутся не более, как развитием его мыслей. За ту помощь, какую оказали нам его воспоминания при составлении настоящей статьи, мы обязаны принести здесь искреннейшую благодарность глубокоуважаемому нами г. А<нненков>у» (<*Чернышевский Н. Г.*> Очерки гоголевского периода русской литературы. <...> Статья шестая // Современник. 1856. № 9 (цензурное разрешение 31 авг.; выход в свет 11 сент.). С. 15; см. также: *Чернышевский Н. Г.* Очерки гоголевского периода русской литературы // Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1947. Т. 3. С. 210).

П. В. Анненков — А. В. Дружинину

<1 сентября 1856. Симбирск>

Ласковое и доброе Ваше письмо, почтеннейший Александр Васильевич, получено мною не под фантастическим древом познания лени и обеднения, а в шатре целомудрия и воздержания. Я все время обогащал ум мой познаниями из Русской Беседы, Записок о Гоголе¹ и проч. Сия последняя книга, нет сомненья, крайне любопытна и вполне будет полезна, если кто-нибудь возьмется написать на нее еще книгу². Итак, вы приступаете к делу издания³. «Приветствую тебя, Цезарь, — умирающие тебя приветствуют»... <...> Что мы? Я полагаю, что мы уже не живем... <...> Умерли мы, Александр Васильевич, только похорон не было. <...> Это сущая истина, и пришла она мне в голову при чтении реестрика тем, сообщенных Вами. Вспомните: поездка в Ломбардию, знакомство с Гоголем, провинциальные письма, все прошлое, отжившее, прахом покрытое. Одну из этих тем, однако ж, за которые, между прочим Вам большое спасибо, и именно тему времяпрепровождения с Гоголем в Риме я непременно обработаю для Вас, в Москве, где буду в конце сентября. Но, ради Бога, ищите вы молодых людей, чтоб разбавить дух мертвечины, который неизбежно нанесут Вам однокорытники наши, уже давно усопшие. Воспоминания, толкования, обсуждения бывших теорий и изложения бывшей жизни, — все это попахивает землей, и после всего этого окна открывать следует. Изобретите Вы, во что бы то ни стало, пару молодых, независимых, капризных, дерзких и несносных талантов. <...> Почти наверное можно сказать, что таких талантов Вы не найдете, но хоть немножко увлечения, страсти, самонадеянности. Вот уже с Гоголя никто не ходил у нас с головой и носом, поднятым

кверьху, а ведь это, сами знаете, в соединении с молодостью и свежестию — картина наиприятнейшая. <...> Я буду в Петербурге к концу октября. <...>

1-е сентября, Симбирск.

Первые опубликовано: Письма к А. В. Дружинину (1850–1863) / Ред. и коммент. П. С. Попова. (Гос. лит. музей. Летописи. Кн. 9). М., 1948. С. 26–27. Печатается по первой публикации.

¹ <Кулиш П. А.> Николай М. Записки о жизни Н. В. Гоголя... СПб., 1856. Т. 1–2.

² Согласие, данное Анненковым А. В. Дружинину, написать для «Библиотеки для Чтения» воспоминания о «времяпрепровождении с Гоголем в Риме», указывает на то, что «книгой» на «Записки...» П. А. Кулиша, по сути, и явились мемуары Анненкова «Воспоминания о Гоголе. Рим, летом 1841 года».

³ В 1856 г. А. В. Дружинин возглавил журнал «Библиотека для Чтения», в связи с чем обратился к друзьям с предложением примерных тем желаемых статей.

П. В. Анненков — И. С. Тургеневу

<3 февраля 1858. Санкт-Петербург>

<...> Как посмотришь на путь, открывающийся ныне всякому, кто имеет что-либо сказать, то не без грусти подумаешь о многих, уже косноязычных от долгого воздержания. Меня поражает замечательный факт — в публике и в тех, кто выше публики, развилось сознание, что русская литература есть весьма важное совещательное место, обладающее идеями, познаниями и аргументами¹, на которых не мешает проверять собственные соображения. Как давно народился этот факт, можете судить по тому, что его еще не было в живых при вашем отъезде за границу. Помню я, что в 1849 г.² Гоголь находил необычайную пользу для литературы в тогдашней системе цензурного ограничения: это, говорил он, временной арест, чтобы заставить людей *мыслить*. Иногда кажется, что он был прав. Десять лет молчания, которое способно было бы отупить всякую другую, не молодую нацию, подготовили у нас только настоящую литературу, которая теперь и ломится в жизнь, как ребенок из утробы матери. <...>

3 февраля 1858. С. П. Б.

Первые опубликовано: Письма П. В. Анненкова к И. С. Тургеневу. Предисловие и примечания Н. М. Мендельсона // Труды Публичной библиотеки СССР им. Ленина. <М.:> Academia, 1934. Вып. 3. С. 78; перепечатано: Анненков П. В. Письма к И. С. Тургеневу 1852–1874. Издание подготовили Н. Н. Мостовская, Н. Г. Жигулин. СПб., 2005. Кн. 1. С. 67. Печатается по первой публикации.

¹ Взглядом, суждением (*фр.*).

² Речь идет о встрече Гоголя с петербургскими литераторами у А. А. Комарова 19 сентября 1848 г. (см. в наст. изд. коммент. к статье Анненкова «Последняя встреча с Гоголем»).

П. В. Анненков — А. Н. Пыпину

1 июня н. ст. <1874>. Баден-Баден.

По приезде сюда¹ я нашел здесь Ваше письмо, Многоуважаемый Александр Николаевич, не могу не отметить, что мысль заняться биографией Белинского² пришла Вам в счастливую минуту. Я порадовался новым сведениям и сокровищам, вывезенным Вами из поездки в Москву, как собственным приобретениям, да это и есть наше общее приобретение. Что касается до моих заметок, то значение их по отношению к характеристике эпохи очень мало, но в смысле оп-

ределения личности Белинского они, может быть, не безделица и служить ими я готов до истощения.

Слова из биографии Станкевича, на которые Вы требуете разъяснения, относятся к эпохе Арабесок Гоголя и его Ревизора³.

В то время Гоголь переживал очень тяжелые минуты жизни, почти такие, какие выпали на его долю после знаменитой Переписки. Арабески совпадают с его неудачною попыткою профессорства, и трудно себе представить ту массу ругательств, которые они вызвали у недоброжелателей Гоголя, взявших их предметом для обличения невежества, пустозвонства и самонадеянности автора. Гоголь страдал в чувстве своего призвания. О Ревизоре нечего распространяться. Тон нападков на Ревизора как на административную сатиру и комедию, вовсе несвойственную русским нравам и порядкам, был задан, как тогда говорили, самим министром Уваровым, и эхом его сделалась Библиотека для чтения⁴. Московские друзья Гоголя в эту эпоху опасались *публично* ошибиться в оценке его таланта и выражали ему более приватно и на ухо свои симпатии⁵. Белинский же, наоборот, проследил шаг за шагом деятельность Гоголя⁶, открыв ему самому сильные ее стороны, причем указал и основную мысль его произведения⁷. Эффект был удивительный, и вышло так, что, убежав из России в 1838 году⁸ почти со стыдом за свою деятельность, Гоголь уже был неузнаваем в 1840 г., когда я опять с ним встретился в Риме⁹. Он видел уже самого себя вполне, стоял твердо на ногах, и все это благодаря незнакомому критику, к которому мало-помалу стали прислушиваться и осторожные московские друзья Гоголя, отрица однако ж заслугу первого оценщика и игнорируя его¹⁰. К удивлению, и Гоголь позабыл о нем, вспомнив только гораздо позднее, при издании 1-го тома Мертвых душ, когда опять критик сделался нужен¹¹.

Вот что я хотел сказать теми словами в биографии Станкевича, которые Вы цитировали.
<...>

Впервые опубликовано: *Коновеевская И.* Несколько слов о Гоголе // Вопросы литературы. 1987. № 12. С. 271–273. Печатается по первой публикации, с дополнением по изд.: *Мани Ю. В.* Гоголь. Труды и дни: 1809–1845. М., 2004. С. 625.

¹ Вероятно, речь идет о возвращении Анненкова из Ниццы в Баден в конце мая 1874 г.

² В письме от 14 января 1874 г. А. Н. Пыпин обращался к Анненкову с просьбой: «У меня есть к Вам большая просьба, внимание к которой с Вашей стороны я принял бы за особенное одолжение. Я уже довольно давно возымел мысль о биографии Белинского. <...> Первым делом было, конечно, собрать материал... <...> В последних месяцах прошлого (т. е. 1873) года я провел, с этой целью, несколько недель в Москве и собрал из разных рук довольно значительное количество переписки Белинского» <...> Я давно уже имел в виду обратиться и к Вашему содействию...» (Материалы о Белинском из архива А. Н. Пыпина. Сообщение Т. К. Ухмыловой // Лит. наследство. М., 1951. Т. 57. С. 304).

³ Имеются в виду следующие слова из монографии Анненкова «Николай Владимирович Станкевич. Переписка его и биография...»: «Можно думать, что Белинский уяснил самому Гоголю его призвание и открыл ему глаза на самого себя: для этого есть несколько доказательств несомненного, исторического характера» (см. в наст. изд.). Предпринятая спустя несколько лет после ответа А. Н. Пыпину, в 1880 г., новая попытка Анненкова привести эти «доказательства», также не увенчалась успехом (см. в наст. изд. примеч. 12 и 13 к «Замечательному десятилетию» Анненкова).

⁴ Суждение Анненкова о том, что «Библиотека для Чтения» была «эхом» министра народного просвещения С. С. Уварова, неверно. Четыре из «ученых статей» «Арабесок», негативно оцененных в конце февраля 1835 г. О. И. Сенковским в «Библиотеке для Чтения», первоначально были напечатаны в «Журнале Министерства Народного Просвещения» Уварова. Сам Гоголь в 1835 г. ожидал себе поддержки именно от уваровского журнала. Еще до публикации статьи Белинского об «Арабесках» и «Миргороде» (где критик поддержал мнение Сенковского) Гоголь 22 января 1835 г., посылая М. П. Погодину экземпляр «Арабесок», обращался к нему с просьбой: «Изъяви свое мнение об исторических статьях в каком-нибудь журнале. Лучше и приличнее, я думаю, в Журнале Просвещения. Твое слово мне поможет. Потому что и у меня, кажется, завелись какие-то ученые неприятели». Надеяться на поддержку министерского журнала Гоголь имел тем большие основания, что «ученые неприятели» Гоголя были неприятелями и Уварова. 8 августа 1835 г.

А. В. Никитенко, в частности, записал в дневнике следующие слова Уварова: «Я знаю, что хотят наши либералы, наши журналисты и их клеветы: Греч, Полевой, Сенковский и проч. <...> Если мне удастся отодвинуть Россию на пятьдесят лет от того, что готовят ей теории, то я исполню мой долг и умру спокойно» (*Никитенко А. В. Дневник: В 3 т. <Л.>, 1955. Т. 1. С. 174*).

⁵ Печатные рецензии «московских друзей» Гоголя часто опережали выступления Белинского. Так, два отклика на «Миргород» Гоголя — М. П. Погодина и С. П. Шевырева — были напечатаны в «Московском Наблюдателе» еще в марте 1835 г. Обширная статья Белинского о «Миргороде» и «Арабесках» появилась лишь полгода спустя. Среди обобщенных в ней суждений о Гоголе предшествующей критики определенно угадываются высказывания Погодина и Шевырева, причем с последним Белинский даже спорит за верную оценку тем знаменитого «Слышу!» Тараса Бульбы (см. в наст. изд. примеч. 11 к «Замечательному десятилетию» Анненкова). Это же относится и к восприятию «Мертвых душ» К. С. Аксаковым, который и «приватно», и печатно ранее и глубже Белинского оценил содержание гоголевской поэмы (см. в наст. изд. примеч. 2 к статье Анненкова «Николай Владимирович Станкевич»).

⁶ Преувеличение Анненкова (см. в наст. изд. примеч. 121 к «Воспоминаниям о Гоголе» Анненкова и примеч. 6 к его «Замечательному десятилетию»).

⁷ О «Ревизоре» В. Г. Белинский написал только в 1840 г. в статье «Горе от ума» (см. в наст. изд. коммент. к письму В. Г. Белинского В. П. Боткину от 14–15 марта 1840 г.). Рискованное утверждение Анненкова, будто Белинский открыл тогда самому Гоголю «основную мысль его произведения», объясняется, по-видимому, тем, что Анненков разделял теорию Белинского о «бессознательности» подлинного художественного творчества — вследствие чего «открывать» и толковать замысел писателя можно было произвольно (подробнее см. в наст. изд. в примеч. 121 к «Воспоминаниям о Гоголе» Анненкова и в примеч. 9 к его «Замечательному десятилетию»).

⁸ Имеется в виду отъезд Гоголя за границу в июне 1836 г.

⁹ П. В. Анненков встретился с Гоголем в Риме весной 1841 г.

¹⁰ См. в наст. изд. примеч. 2 к статье Анненкова «Николай Владимирович Станкевич».

¹¹ Говоря о том, что «при издании 1-го тома Мертвых душ» Белинский «сделался нужен» Гоголю, Анненков намекает на какое-то важное участие критика в публикации поэмы, тогда как Белинский в этом деле выполнил, по сути, лишь роль посыльного (см. в наст. изд. коммент. к письму Белинского В. П. Боткину от 14 марта 1842 г.).

П. В. Анненков — М. М. Стасюлевичу

24 октября н. ст. 1874.

Baden-Baden. Lichtenthalerstrasse, 9.

<...> Я получил книжку о Гоголе¹ и письмо Ваше при ней. Краткая биография Гоголя² есть вещь замечательно ловкая и вот в каком смысле. Написать краткую биографию Гоголя казалось мне труднее, чем написать подробную, и я ожидал найти в Вашей статье сбор фактов и чисел с приглашением читателя понимать и группировать их, как сам знает. Однако ж оказалось, что в статье есть основная мысль и коренной мотив, к которым все факты и сводятся, так что читатель освобождается от задачи шарить в своем уме разгадки дела. А из этого выходит, что уже и будущая просторная биография Гоголя не пройдет без внимания перед сей краткой и должна будет на ней остановиться — волей или неволей. Это я и называю замечательной ловкостью. Конечно спорных вопросов еще остается немало, хоть например тот, действительно ли в первый, молодой период жизни Гоголь отпирается тем ключом, который Вы даете — т. е. разладицей между талантом и мистическим (лирическим, по скромному Вашему выражению) строем своей жизни³. Я все держусь — и не без причины — того мнения, что в первую пору своего развития Гоголь был совсем свободным человеком⁴, чрезвычайно искусно пробивавшим себе дорогу, а то, что кажется в нем порывами в иной мир, чем действительный, должно считать не более, как маленьким, невинным плутовством, отводившим глаза и потешавшим людей, иначе настроенных, чем он. Лирическим субъектом он сделался вполне только тогда, когда успехи его внушили ему идею об особенном его призвании на Руси, не просто литературном, а ре-

форматорском. Тогда он и заговорил с друзьями языком ветхозаветного пророка, тогда и явилась разладица между талантом и умственным настроением, которая и свела его в могилу. Но будет, простите болтовне, конечно, все-таки не разрешающей самого вопроса. Она только годна на то, чтоб не оставить сомнения в существовании вопроса. <...>

Впервые опубликовано: *Стасюлевич М. М.* Письма И. С. Тургенева, П. В. Анненкова, гр<афа> А. К. Толстого и И. А. Гончарова к редактору «Вестника Европы». (1874-й год) // Памяти В. Г. Белинского. Литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов. М., 1899. С. 370–371. Печатается по изд.: М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке / Под ред. М. К. Лемке. СПб., 1912. Т. 3. С. 308–309.

¹ Речь идет об издании: Русская Библиотека. Т. III. Николай Васильевич Гоголь. Старосветские помещики. Вий. Повесть о том, как поссорился И<ван> И<ванович> с И<ваном> Н<икифоровичем>. Ревизор. Похождения Чичикова <Мертвые души. Т. 1. Гл. 1–4>. Портрет <литография Гоголя>. — Биография. — Белинский о Гоголе. Печатано в типографии М. Стасюлевича. СПб., 1874. LXXV+374 с. В разделе «Белинский о Гоголе» здесь была напечатана подборка, составленная из фрагментов статей Белинского «О русской повести и повестях г. Гоголя (“Арабески” и “Миргород”» (1835), «Горе от ума... Сочинение А. С. Грибоедова» (1840), «Похождения Чичикова, или Мертвые души» (1842).

² Имеется в виду биографический очерк М. М. Стасюлевича о Гоголе, напечатанный в т. 3 издававшейся им «Русской Библиотеки»: <*Стасюлевич М. М.*> Николай Васильевич Гоголь. Биографический очерк // Русская Библиотека. Т. III. Николай Васильевич Гоголь. СПб., 1874. С. I–LIII.

³ В начале очерка М. М. Стасюлевич замечал: «Вслед за изданием “Ревизора”, в июне 1836 г., Гоголь, мучимый телесными недугами и душевными тревогами, признаки которых восходили в нем до самой эпохи детства, удаляется на целых двенадцать лет за границу... <...> В заграничный период своей скитальческой жизни Гоголь написал первый том задуманной им обширной поэмы “Мертвые души” (1842 г.), приготовил несколько глав второго тома, но сжег их (1845 г.), а вместо того поручил издать “Выбранные места из переписки с друзьями” (1847 г.), которую он вел деятельно во время своих странствований за границею. Этот последний сборник открыл в первый раз всем, что было прежде известно одним друзьям автора, а именно, то тяжелое и мучительное душевное состояние, которое Гоголь переживал давно, в борьбе с самим собою, то падая под бременем недуга, то торжествуя над ним мощною силою своего таланта, то вновь платя сторицею дань недугу за каждую светлую минуту творчества» (<*Стасюлевич М. М.*> Николай Васильевич Гоголь. Биографический очерк. С. II, III). Комментируя письмо Гоголя к матери от 23 апреля 1825 г. по случаю смерти отца, Стасюлевич также замечал: «Шестнадцати лет трудно так рассуждать в самый день получения известия о смерти любимого отца, без известного задатка душевных наклонностей, которые со временем могут привести к опасной экзальтации религиозного чувства. <...> ...Все его существование было обречено на бесконечный ряд душевных мук, которые если не могли в нем задушить таланта, то только благодаря силам этого таланта» (Там же. С. VII, VIII). Под отождествлением Стасюлевичем «мистического» и «лирического» начал у Гоголя подразумевается комментарий биографа к строкам «Авторской исповеди», где Гоголь рассказывает о начале работы над «Мертвыми душами»: «Я думал, что лирическая сила, которой у меня был запас, поможет мне изобразить так эти достоинства, что к ним возгорится любовью русский человек, а сила смеха, которого у меня также был запас, поможет мне так ярко изобразить недостатки, что их возненавидит читатель, если бы даже нашел их в себе самом». По поводу этих строк Стасюлевич замечал: «Нигде Гоголь не выразил с такой ясностью сознание своей двойственности, овладевшей окончательно его нравственным существом, как именно в настоящем признании присутствия в нем двух сил: “лирической силы” и “силы смеха” — т. е. болезненного своего настроения и силы таланта. “Лирическая сила” доводила его только до того сомнения, в котором он считал себя великим орудием Провидения; а “сила смеха”, т. е. талант, между тем делала свое» (Там же. С. XXXVI).

⁴ См. в наст. изд. примеч. 108 к «Воспоминаниям о Гоголе» Анненкова.

П. В. Анненков — М. М. Стасюлевичу

<16 августа (н. ст.) 1876. Гурнигель>

*Ответы
(по пунктам)*¹

16 августа 1876. Гурнигель. Hotel des Bains.

1. Мне было 28 лет в 1841 году, когда я попал в Рим. Коротенький, но вообще довольно верный *curriculum vitae*² моей особы находится в Энциклопедическом лексиконе Березина, под буквою А³. Не имея статьи под рукой, не могу делать ни дополнений к ней, ни поправок, но если бы таковые потребовались Вам еще по просмотре ее — то готов каждую минуту.

2. Я помню хорошо этого *birbone*, потому что тут впервые встретился с чисто римским ругательным словом, напоминающим и доселе Кон<н>етабля Бурбонского⁴.

3. Всеконечно *Pincio* налево от въезда. Статья наврала — автор привык видеть *Pincio* направо от *Corso* да так и бухнул.

4. Именно в 1832 году, вскоре после появления «*Вечеров на хуторе*».

5. Прежде меня жил с Гоголем В. А. Панов, комнату которого я и занял. Это был молодой, добрый и несколько туповатый славянофил. Умер рано; от него есть в литературе путешествие не то в Хорватию, не то в Боснию или Герцеговину.

6. Конечно Прокопович.

7. В Риме была одна старуха, имя которой начиналось с С.⁵, но полное ее прозвище выскочило у меня совершенно из памяти. Замечательна она была тем, что в одну из ее внучек, Алферьеву, влюбился почти до безумия гравер Ф. И. Иордан и сделался поэтому предметом постоянных шуток и шпыняний со стороны Гоголя, Иванова и всего нашего круга в течении добрых 4–5 месяцев. Алферьева вышла потом замуж за Галахова, сына бывшего полицмейстера. Впрочем я не уверен об этой ли С-ой дело идет в статье, так как вы не сообщили при каком случае она упоминается.

8. Записки о Гоголе издал известный Кулиш, но так как после истории с Шевченко, III-е Отделение запретило ему что-либо печатать под своим именем, то он и взял напрокат у своего приятеля Н. А. Макарова⁶ начальные буквы его фамилии для своего писательского обихода.

9. Это был А. С. Данилевский, товарищ Г<оголя> по лицу, ничем не замечательный, кроме способности к виршплетству, но прямой, очень честный и веселый человек. Он, кажется, и теперь живет стариком в Полтаве и членом земства.

10. Позвольте. Не то, что выходит такая штука — будто Гоголь наврал на себя штабский чин, а действительно такая штука вышла в натуре и только осторожный не в меру тон статьи может рождать некоторое сомнение в этом факте. Гоголь подчистил на подорожной предикат «регистратор» и заместил его другим «ассессор». Так он и был припечатан и явился в Москву, где ему была сделана овация — все это принадлежит к началу его карьеры. Адъюнктом Университета он еще не был, а задумывал сделаться им, а что он выпущен из Нежинского лицея, не имевшего всех прав Петербургского — регистратором — это несомненно. Следовало бы автору, конечно, яснее выразиться, да как же говорить о подчистке — ведь это значило бы обвинять в уголовщине, на что я и теперь никак не могу согласиться.

11. Симпатический Гоголю журнал был *Телескоп*, где литературной критикой заведовал, как известно, Белинский.

12. Вот подите! Мне казалось, что не может быть и сомнения в том, что только очевидец способен рассказать так подробно физиономию публики в вечер первого представления «Ревизора», а затем еще и ночной чай в квартире Прокоповича, но, однако ж, вышло не ясно. Уясни-

те это как-нибудь: я очень дорожу воспоминанием о знаменитом театральном вечере, на котором присутствовал вместе с императором Николаем Павловичем.

13. Это совершенно справедливо и требует поправки.

14. Да как же не мне, когда и называет Гоголь писца своего «Жюлем», прозвищем мне данным в Петербурге, и когда беседует с ним о поэме в самый разгар диктовки. Надо и это выяснить.

15. На даче *Княгини Зинаиды Волконской*.

16. Иванов.

17. Иордан.

18. Г-жа Смирнова, калужская губернаторша, рожденная Розетти, к которой Пушкин стишками относился. Это . . . ! и злая светская бабенка, сделавшаяся ко времени Гоголя одной из матерей Восточной Церкви и проповедницей аристократизма, долженствующего спасти нас от наплыва каналы в литературе, управлении и в свете.

19. Дондуков-Корсаков.

20. Та же А. О. Смирнова, неправильно написанная С—ая, а гр<аф> В. — есть молодой Граф Иосиф Вельгорский, сын не знаю которого из старых Вельгорских наших, Михаила или Матвея, но по словам всех знавших его честнейший и благороднейший юноша, рано умерший в чухотке.

21. А это граф Толстой, впоследствии Обер-Прокурор Синода, святоша и в доме которого в Москве и умер Гоголь. . . . ! <Жена> его, говорят, страдала страстию к Архимандриту Троицкой Лавры⁷ и потому заживо сделалась преподобной наставницей и молитвенницей о душах наших.

Я и не воображал, добрейший Михаил Матвеевич, что кто-нибудь теперь мог заинтересоваться «Провинциальными письмами»⁸, а вот Вы и заинтересовались, только их надо почистить, не от одних *господ*, справедливо уколовших Вам глаза, но и от других наивностей, коими исполнены. Нельзя ли переслать их ко мне на одну только недельку, под бандеролью⁹. Переделывать их не буду, а только помою, почищу. Вы мне не написали, какие статьи войдут в Сборник...¹⁰ <...> У меня есть действительно кой-какие новые документы о Гоголе, но они так сплочены в составляемых мною «Воспоминаниях»¹¹, что вырвать их оттуда и вклеить в другое место нет никакой возможности. С ужасом думаю, что эти «Воспоминания» необходимо еще переписать, а они выросли в толстые тетради, а я, по моим головокружениям, к такому труду не способен. Скажу Вам, как литературному моему душеприкащику откровенно, хотя и с запинкой, что факты из жизни старых наших партий, в них рассказанные, будут для многих любопытны и покажутся, может статься, важнее и умнее лица, их передающего. <...>

Впервые опубликовано: М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке / Под ред. М. К. Лемке. СПб., 1912. Т. 3. С. 326–328. Печатается по первой публикации.

¹ Вопросные «пункты» М. М. Стасюлевича по поводу мемуаров Анненкова о Гоголе см. в наст. изд. в письме Стасюлевича к Анненкову около 10 августа (н. ст.) 1876 г. О том, как воспользовался Стасюлевич полученными ответами см. в наст. изд. коммент. к «Воспоминаниям о Гоголе» Анненкова.

² Жизнеописание, краткие сведения о чьей-либо жизни (*лат.*).

³ См.: Анненков Павел Васильевич // Русский энциклопедический словарь, издаваемый профессором С.-Петербургского университета И. Н. Березиным. СПб., 1874. Отд. I. Т. 2. <Литера> А. С. 73. Здесь сообщалось, что «самый капитальный труд Анненкова составляет издание «Сочинений Пушкина», предпринятое им в 1854–55 гг., с примечаниями и приложениями тщательно собранных «Материалов» для биографии поэта». Мемуары Анненкова о Гоголе в статье не упоминались.

¹ Так в публикации.

¹¹ Так в публикации.

⁴ Шарль де Бурбон (1490–1527), коннетабль (главнокомандующий армией) Франции.

⁵ Речь идет о Марии Алексеевне Обуховой.

⁶ Н. Я. Макарова.

⁷ Имеется в виду сводный брат графини А. Г. Толстой (рожд. княгини Грузинской) преподобный Антоний (Медведев, 1792–1877), архимандрит Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, побочный сын князя Г. А. Грузинского, внук грузинского царевича Александра Бакаровича. См. в наст. изд. третий фрагмент второго раздела <Воспоминаний о Гоголе и его друзьях в альбоме А. О. Смирновой, предназначенном для ее сына Михаила>, коммент. к этому фрагменту, а также статью И. Родионова «Воспоминания В. А. Нащокиной о Пушкине и Гоголе». Преподобный Антоний был учеником преподобного Серафима Саровского и стал наместником Лавры согласно предсказанию старца. Сам Серафим Саровский завещал похоронить его с тем образом преподобного Сергия Радонежского, который прислал ему из Лавры его ученик отец Антоний. А. О. Смирнова, посетив в 1847 г. Свято-Троицкую Сергиеву Лавру, сообщала Гоголю, что наместник Антоний, ученик преподобного, «очень многим доволен» в гоголевской книге «Выбранные места из переписки с друзьями», «радуется духу» Гоголя и желает ему «не бояться говорить громко в этом мире» о христианских истинах (см. в наст. изд. примеч. 23 к <Воспоминаниям о Гоголе и его друзьях в альбоме А. О. Смирновой, предназначенном для ее сына Михаила>). В 1849 г., во время посещения Лавры самим Гоголем, о. Антоний благословил его образом (см. в наст. изд. письмо В. С. Аксакова к М. Г. Карташевской от 29 августа 1849 г.).

⁸ «Провинциальные письма» Анненкова, начатые после совершенного им летом 1849 г. путешествия от Богородска до Симбирска, печатались в 1849–1851 гг. в «Современнике» (1849. № 8, 10, 12; 1850. № 1, 3, 5, 9; 1851. № 1, 10; см. также: Анненков П. В. Накануне пятидесяти лет. Письма из провинции (1849 г.) // Анненков П. В. Соч. Воспоминания и критические очерки. Собр. статей и заметок. 1849–1868 гг. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1877. Отд. 1. С. 1–160). По-видимому, появление «Провинциальных писем» стало исполнением пожелания, высказанного Гоголем Анненкову в письме от 12 августа (н. ст.) 1847 г., когда Гоголь ознакомился с шестью из девяти «Парижских писем» Анненкова (Современник. 1847. № 1–6, 9, 11, 12; 1848. № 1): «Недавно я прочел ваши письма о Париже. Много наблюдательности и точности, но точности дагеротипной. Не чувствуется кисть, их писавшая; сам автор — воск, не получивший формы... <...> В то же время прочел я письма Боткина (имеются в виду «Письма об Испании» В. П. Боткина. Гоголь прочел первое письмо, напечатанное в № 3 «Современника» за 1847 г. — И. В.). <...> В них всё интересно, может быть, именно оттого, что автор мысленно занялся вопросом разрешить себе самому, что такое нынешний испанский человек, и приступил к этому смиренно <...>, не влюбившись в первый выведенный им вывод, как делают это люди с горячим темпераментом, не рассматривающие того, что выведен вывод только из двух, из трех сторон дела, а не изо всех, как случается это с Белинским... <...> Я подумал: что если бы на место того, чтобы дагеротипировать Париж <...>, начали вы писать записки о русских городах, начиная с Симбирска...» См. также в наст. изд. письмо В. П. Боткина к Анненкову от 24–25 августа 1847 г.

⁹ Очевидно, пройдя опыт заочного — по вопросам М. М. Стасюлевича — редактирования своих «Воспоминаний о Гоголе», Анненков в дальнейшем счел более удобным держать редактуру своих статей при непосредственной работе с текстом.

¹⁰ Вопрос об этом был задан Анненковым в предыдущем письме к Стасюлевичу — от 3 августа (н. ст.) 1876 г. (см. в наст. изд.). Ответ на вопрос был получен Анненковым в следующем письме Стасюлевича, на которое Анненков отвечал 24 августа (н. ст.) 1876 г. (см.: М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке / Под ред. М. К. Лемке. СПб., 1912. Т. 3. С. 329).

¹¹ Речь идет о воспоминаниях «Замечательное десятилетие» (см. в наст. изд.).

П. В. Анненков — М. Е. Салтыкову-Щедрину

13 октября (н. ст.) 1880 г.

<...> ...Гоголь <...> на требования друзей о выпуске 2-й части «Мертвых душ» отвечал: пускай раскусят хорошенько первую. Литература, как сено: прессованное и в кольцо свернутое более держится. <...>

М. М. Стасюлевич — П. В. Анненкову

<Около 29 июля / 10 августа 1876. Санкт-Петербург>

Пункты¹

1. Сколько Вам было лет в 1841 г., когда Вы наблюдали Гоголя и писали под его диктовку первый том «М<ертвых> Д<уш>»? Так как Вы не девица и не собираетесь замуж, что это вопрос — скромный, а мне он нужен, потому что я напишу к сборнику маленькое предисловие. — Вообще мне не повредило бы иметь от Вас коротенькое curriculum vitae.

2. *Che birbone!* Так ли это: не *lad-rone* ли? Затем следует по-русски: Экой разбойник! — в виде перевода того восклицания.

3. Я сам въезжал в Рим чрез ворота del Popolo, и мне кажется, что *monte Pincio* будет при таком въезде налево, а у Вас сказано: *направо*. Если Вы не припомните, то я, впрочем, справлюсь в Петербурге на карте Рима.

4. «Впервые познакомился с Гоголем около 1832 года». Так ли?

5. В соседней комнате с Гоголем в Риме жил *В. А. Па-в.* Панаев, что ли?

6. *Н. Я. Про-вич.* — Прокопович, конечно?

7. Кто такая была в Риме: *г-жа С-ая?*

8. Записки о Гоголе, изданные *Н. М.?*

9. Кто это *А. С. Д-ий*, с помощью которого Гоголь составлял куплеты и песни?

10. «Чтобы попасть в Моск<овские> Вед<омости> не коллежским регистратором, *каковым был*, а коллежским ассессором» и т. д. Но это время Г<оголь> был уже адъюнктом университета; да притом и как воспитанник лицея он не мог быть коллежским регистратором. Тут что-то не ладно, а выходит такая штука, что Гоголь на заставе, будучи кол<лежским> регистрат<ором>, объявил себя коллеж<ским> ассессором. Вот слово в слово у Вас: «Г<оголь> чрезвычайно хлопотал на заставе, чтобы попасть» и т. д. см. выше.

11. «Симпатический отголосок в петербург<ской> публике (к «Миргороду»), почти безусловно покорявшейся *Журналу*, выражавшему ее». Какой это журнал? Отецеств<енные> Зап<иски>? Да разве Белинский писал уже в это время (1832–34) там?

12. Были Вы сами на *первом* представлении «Ревизора»? Это у Вас не ясно.

13. Везде «М<ертвые> Д<уши>» называются романом: это неловко, когда на заглавном их листе стоит: поэма.

14. У Вас сказано, что Гоголь диктовал, но не прибавлено ясно: кому? Можно догадываться, что Вам, но это и будет только догадкой.

15. «На даче князя З. В.» — Волконского что ли? Но был ли он З.?

16. *А. А. И-в.* — Иванов, конечно?

17. *Ф. И. И.* — Фед<ор> Ив<анович> Иордан, конечно?

18. Г-жа С. в Калуге. Та ли же эта особа, св. № 7?

19. *М. А. Д. К.* — Мих<аил> Ан<дреевич> Донд<уков>-Корсаков?

20. В Ницце с Гоголем *А. О. С-ая*; та ли же, которая была в №№ 7 и 18? кто такой гр<аф> *В.* в Ницце, живший тогда же с Гоголем?

21. Кто граф Т., у которого был Гоголь в Париже? в улице de la Paix?

А последнее мое примечание таково, что эти Воспоминания о Гоголе весьма замечательная вещь, и из-за нее одной стоило бы предпринять сборник. Лучшего о Гоголе ничего не сказано,

и как жаль, что я не имел этой статьи под руками, когда два года тому назад строчил в Киссингене свой биографический очерк для Русской Библиотеки¹!

Впервые опубликовано: М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке / Под ред. М. К. Лемке. СПб., 1912. Т. 3. С. 325–326. Печатается по первой публикации.

Михаил Матвеевич Стасюлевич (1826–1911), историк, публицист, общественный деятель.

Ответы на вопросные «пункты» М. М. Стасюлевича по поводу «Воспоминаний о Гоголе» (1857) П. В. Анненкова см. в наст. изд. в письме последнего к Стасюлевичу от 16 августа (н. ст.) 1876 г. О том, как воспользовался Стасюлевич ответами Анненкова см. в наст. изд. коммент. к «Воспоминаниям о Гоголе» Анненкова.

¹ «Михаил Матвеевич, ценя историко-литературный материал, заключающийся в сочинениях Анненкова, очень внимательно относился к изданию его “Воспоминаний и критических очерков” и для того, чтобы избежать возможных ошибок, обо многом спрашивался у автора и между прочим просил его ответить на целый ряд вопросов, явившихся после прочтения статьи о Гоголе, предназначавшейся в I том. Анненков удержал у себя самое письмо, а “Пункты” вернул, посылая свои на них “Ответы”» (примеч. М. К. Лемке).

² См. в наст. изд. коммент. к письму П. В. Анненкова М. М. Стасюлевичу от 24 октября (н. ст.) 1874 г.

Гоголь в письмах Н. Н. Шереметевой (рожденной Тютчевой), ее знакомых и близких

Из писем Н. Н. Шереметевой

Н. Н. Шереметева — М. И. и Е. В. Гоголь

Покровское. Октября 9 <1842>.

Часто, Почтеннейшая Марья Ивановна, своими письмами не хочу тревожить, а хотя изредка, и тем буду довольна. Вы тогда не поленитесь сказать о себе и о достойном вашем сыне, о котором, бывши в сентябре в Москве, виделась с предобрými Аксаковыми, от них слышала о Николае Васильевиче. Теперь, думаю, он в Риме¹. Вы, надеюсь, мне скажете, где он и как его адрес. У Аксаковых спрашивала, что знают о вас, о ваших хлопотах. Они мне сказывали, что от вас имели, что хлеба и много у вас, но ни почем. Помогите вам Господи устроить свои дела. Понимаю, как это вас тяготит, и с таким семейством. Дай, Боже, слышать, что вы спокойнее, чему сердечно порадуюсь. Из письма вашего вижу, как дорога дорога вам стала; все хлопоты, да Господь вас не оставит по благодати Своей. Вы писали, что просили подождать, получили приятной ответ, потерпят¹ ли вам. Что Лиза привыкает, очень рада и больше еще порадуюсь, когда узнаю, что она относительно вас исполняют свою обязанность, как должно хорошей дочери. Тогда без сомнения и к другим хороша будет, потому что будет следовать вашим советам, а вы наверное все, что ей скажете, будет ей на пользу. Говорите, что вы уверены, что я в молитве не забываю о Николае Васильевиче. Истинно, с самого отъезда его не менее о нем молюсь, как о своих детях. Помогите ему Господи свершить свой путь и возвратиться благополучно. Очень о нем помнится. Спаси его Господи! Очень вам благодарна за подробное описание об себе с самого детства². Надо пребывать в этой уверенности, все, что с нами случается, не без промыслу — стало <быть> угодно так Господу, да Он нам поможет повиноваться во всем Его святой воле. <...>

Благодарю милую Лизу за письмо, рада, что привыкаешь к деревне; уверена, что далее, то более убедишься в том, что самое главное с помощью Божию приобрести умение довольствоваться тем положением, в которое провиденью угодно нас поставить. Тогда везде будет отрадно. Потому что, выполняя свои обязанности, вознаграждена будет истинным удовольствием, следовательно, скуке места нет. А для того, чтобы поступать, как должно, надобно, милая Лиза, молиться и просить помощи свыше. Отец Небесный нас не оставит. Если мы с любовью...³

Первые опубликовано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. Издание подготовили И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. М., 2001. С. 61–62. Печатается по автографу: РГБ. Ф. 74. К. 8. Ед. хр. 76.

Надежда Николаевна Шереметева (рожд. Тютчева, 1775 — 11 мая 1850), тетка Ф. И. Тютчева, теща декабриста И. Д. Якушкина.

П. А. Кулиш свидетельствовал: «...Известно, что Гоголь участвовал денежными пожертвованиями в христианских попечениях покойной Шереметевой о бедных и нуждающихся. В письмах его к ней об этом не упоминается, но я слышал от людей, достойных веры, что он не раз вверял в ее распоряжение деньги, откладываемые им для помощи бедным» (<Кулиш П. А.> Николай М. Записки о жизни Н. В. Гоголя... Т. 1. С. 279–280).

¹ Гоголь прибыл в Рим 4 октября (н. ст.) 1842 г.

¹ В автографе: потерпят

² Можно предположить, что в своем письме М. И. Гоголь сообщила Шереметевой и о том, как ее брак с Василием Афанасьевичем Гоголем-Яновским — отцом будущего писателя — был благословен Божией Матерью. Мария Ивановна не раз рассказывала об этом позднее в своих автобиографических записках (см. в наст. изд.).

³ Окончание письма до нас не дошло. 7 ноября 1842 г. М. И. Гоголь писала О. Сем. Аксаковой: «Давно уже не получаю от вас ни строчки, почтенная Ольга Семеновна! и не знаю ничего ни о ком из моих знакомых, от вас только и почтенной Надежды Николаевны я имела сведения обо всех» (см. в наст. изд.).

Н. Н. Шереметева — О. Сем. Аксаковой

<1–2 ноября 1842. Покровское>

Покровское. Ноября 1.

Хочется знать, что на вашем свете делается, очень просто отношусь к вам, почтеннейшая Ольга Семеновна, — уверена, что вы не поленитесь написать в Четверг в *Рузу*, и тем одолжите, нет ли каких известий о Николае Васильевиче, да хранит его Господь повсюду Своею благодатью. Если будете к нему писать, пожалуйста, скажите, что я к нему и в Венецию и в Рим писала и всегда о нем помню. <...>

Впервые опубликовано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. Издание подготовили И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. М., 2001. С. 65. Печатается по автографу: *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 15. Ед. хр. 70.

Н. Н. Шереметева — О. Сем. Аксаковой

Покровское. Ноября 8. <1842>.

Опять к вам пишу, да еще и с *гневом* пишу — можно ли так поступать, как почтеннейшая Ольга Семеновна — сказать и не исполнить: *Посылаю вам копию с письма Николая Ва<сильевича>*¹: где же она. Заслушались комедию — неужели из такого большого семейства, как ваше, не нашлось ни одной доброй души, которая бы решилась пожертвовать 10 минут, чтобы ближнему доставить удовольствие. Я уверена, чтобы возлюбленная Вера Сергеевна охотно бы это сделала, оторвалась бы от слушания приятного чтения, дабы другому сделать приятное, а меня очень бы сим порадовали, чтобы я что-нибудь узнала о достойнейшем Николае Васильевиче, с коим, смею сказать, в непрерывных сношениях, вспоминая часто о нем с любовью пред Тем, Который один все видит и один все может, да Он его не покинет и наставит на путь Ему угодный. Крепко о сем молю Отца Небесного, да благословение Его сопутствует с ним повсюду. — Христос с вами. Я вас просила и еще повторяю, что я к нему в Венецию и в Рим писала — а помнится о нем бесконечно. Спаси его, Господи. Грустно вспомнить, что он на чужбине без писем, без денег. И согласна с вами, что очень его жаль, но со всем тем, как подумаешь, что все не без промыслу устроится — и что самое лишение это не без пользы для его чистой души. — А заключаю тем, что вы получите это в среду, и тотчас за перо списывать письмо Николая Ва<сильевича>: и в четверг ко мне отправить, чем одолжите человека, вас любящего. — В последний раз, как была в Москве, помните, говорили запретить Мертвые души. Думаю, что вздор. В октябре из Лицеи внук² ко мне писал, что у них будет праздновать<ся> день открытия Лицеи, будет театр, и две сцены будут из Мертвых душ. Если бы запрещено было, то в казенном заведении не позволили бы представлять. Тот раз вы сказали, что хотели много писать, но Щепкин помешал, не угодно ли теперь попомнить, скажите о себе и о своих поподробнее. <...>

Впервые опубликовано: Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 157–158. Печатается по автографу: *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 15. Ед. хр. 70.

¹ Речь, вероятно, идет о письме Гоголя к С. Т. Аксакову от 18 августа (н. ст.) 1842 г. из Гастейна.

² Вероятно, Е. И. Якушкин.

Н. Н. Шереметева — М. И. и Е. В. Гоголь

Покровское. Июня 8 <1844>.

Перед отъездом в Петербург я к вам, Почтеннейшая Марья Ивановна, писала¹, услыша о потере вашей². Нынче ровно неделя, как я домой возвратилась, и отвечаю на письмо ваше, благодарю за оно³. Дай Бог, чтоб сие нашло вас попокойнее. Вы думали, что я праздник встречала здоровая, нет, все была больна, даже в самое Светлое Воскресенье⁴ всю обедню просидела. Стоять не могла, и с больною ногою и в Петербург поехала. И доселе на сей счет похвалиться не могу; как Господу угодно. Николин день⁵ была в Петербурге и мысленно вас с дорогим вашим именинником поздравляла. Дай Бог, чтоб он был здоров и покоен. Как вы описываете о последних минутах Марьи Васильевны, вас должно это успокоить и даже утешить, что она с таким чувством переселялась на вечное блаженство... <...>

Впервые опубликовано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. Издание подготовили И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. М., 2001. С. 96. Печатается по автографу: РГБ. Ф. 74. К. 8. Ед. хр. 76.

¹ Письмо, отправленное, по-видимому, в начале апреля 1844 г. до нас не дошло.

² Речь идет о смерти дочери М. И. Гоголь Марии Васильевны Трушковской, последовавшей 24 марта 1844 г.

³ Письмо до нас не дошло.

⁴ 26 марта 1844 г.

⁵ 9 мая.

Н. Н. Шереметева — О. Сем. Аксаковой

<20–21 марта 1845. Москва>

Третьего дни мне из правой руки пускали кровь. Поэтому не могла вам ответить на дружескую вашу записку. <...> Вчера¹ было рождение Николая Васильевича, дай Бог ему спастись. Третьего дни от него получила² и вчера ему отвечала³, но за рукой не могу писать, а он, бедный, все нездоров. <...>

Впервые опубликовано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. Издание подготовили И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. М., 2001. С. 109. Печатается по автографу: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 15. Ед. хр. 70.

¹ 19 марта 1845 г.

² Письмо от 14 марта (н. ст.) 1845 г. из Франкфурта.

³ Письмо к Гоголю датировано 20 марта 1845 г.

Н. Н. Шереметева — М. И. Гоголь

Москва. Генваря 28 <1847>.

Письмо ваше, Почтеннейшая Марья Ивановна от 2 генваря получила, благодарю за оно. Очень согласна с вами, как вы желаете, чтобы Господь вас утешил благополучным возвращением Николая Васильевича, помощи ему, мой Боже, исполнить свое обещание, побывать в Святых

Местах. Спрашиваете о Погодине, он здесь. В исходе декабря я его видела на погребении у Языкова Николая Михайловича, который так был дружен с Николаем Васильевичем — как-то он примет это известие¹. Думаю, с покорностью, по теперешним его христианским правилам, да поможет ему Господь во всем повиноваться Его святой воле. Вчера был сороковой день незабвенной и добродетельной Прасковье Ивановне Раевской². Жаль ее для себя, больно потерять такого человека. Я в мою жизнь мало встречала таких радушных. Ей ничто не чуждо, все бывало близко, и горе другого делила с любовью и с нею всегда спешила на помощь к нуждающимся. <...>

Первые опубликовано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. Издание подготовили И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. М., 2001. С. 151–152. Печатается по автографу: РГБ. Ф. 74. К. 8. Ед. хр. 76.

¹ Н. М. Языков умер 26 декабря 1846 г.

² По другим источникам, П. И. Раевская умерла 21 декабря 1846 г. (Московский Некрополь. СПб., 1908. Т. 3. С. 3).

Н. Н. Шереметева — С. П. Шевыреву

<14 мая 1847. Москва>

В надежде, почтеннейший Степан Петрович, на всегдашнее ваше и ко всем снисхождение отношусь к вам с просьбою. Начально прошу, извините, что сим вас беспокою, зная, как вы заняты. — Слышала, что вы получили от Николая Васильевича Гоголь¹. Потрудитесь сказать, где он теперь и как его адрес, и меня Христа ради простите, что сим вас утруждаю, и заключаю сие желанием вам всего, что может соделать ваше прямое счастье насчет семейства вашего; свыше этой радости на земле нет. <...>

От 14-г<о> маяя.

Первые опубликовано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. Издание подготовили И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. М., 2001. С. 167. Печатается по автографу: РНБ. Ф. 850. Ед. хр. 611.

¹ Вероятно, имеется в виду письмо Гоголя к С. П. Шевыреву от 27 апреля (н. ст.) 1847 г.

Н. Н. Шереметева — С. П. Шевыреву

<13 февраля 1848. С. Покровское>

Чувствительно благодарю почтеннейшего и истинно мною уважаемого Степана Петровича за письмо ваше и за доставление от Николая Васильевича¹; я уже в деревне получила, да благословит Господь путешествие его и по благи Своей поможет ему свершить оное в чувствах Ему, милосердному Отцу нашему, угодных. <...> Я недавно была в Москве и получила от Николая Васильевича письмо², что он собирается в путь и до отъезда еще писать будет. Я тот же день к нему отвечала и отправила в Неаполь 3 фев<раля>, а он в генваре выехал, управи, Господи, и сей и все пути его жизни. <...> Теперь позвольте вас попросить; может вам известно где-нибудь на пути его достигнуть, прилагаю к нему несколько строк, сделайте одолжение при письме вашем и мое отправить. <...> Мне жаль, что Николай Васильевич не мог прочесть статью вашу в Москвитяине, ему приятно бы было³. <...>

От 13 февраля 1848^{-го} года.

Прошу вас, если что узнаете, как вы говорите, о общем нашем друге, сделайте одолжение известить, чем чувствительно обяжете и порадуете. <...>

Впервые опубликовано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. Издание подготовили И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. М., 2001. С. 189–190. Печатается по автографу: РНБ. Ф. 850. Ед. хр. 611.

¹ Имеется в виду письмо Гоголя от 23 января (н. ст.) 1848 г. с о. Мальты.

² От 12 января н. ст. 1848 г.

³ Имеется в виду статья С. П. Шевырева о «Выбранных местах из переписки с друзьями», опубликованная в № 1 «Москвитянина» за 1848 г. Косвенным откликом Гоголя на эту статью могут служить строки его письма к Шевыреву из Одессы от 21 апреля 1848 г. Свое послание Гоголь написал после прочтения критических статей Шевырева в четвертом номере «Москвитянина» за 1848 г., которые явились ответом на нападки петербургских изданий («Северной Пчелы», «Отечественных Записок» и «Современника») на статьи Шевырева, помещенные в первом номере «Москвитянина» за тот же год. «Голос твой теперь нужен, — писал Гоголь Шевыреву. — Но, мне кажется, всем нам следует во всех своих действиях теперь больше, чем когда-либо прежде, *умерять себя*, помня ежеминутно, что мы все нервически-неспокойны в нынешнюю эпоху. <...> Мне кажется подчас, что все то, о чем так хлопочем и спорим, есть просто суета, как и все в свете, и что об одной только *любви* следует нам заботиться. Она одна только есть истинно верная и доказанная *истина*. Кто проникнется ею, тот говори прямо обо всем: правда повеет от слов его. О! да поможет нам Бог, и тебе и мне, возрастить эту любовь в сердцах наших».

Н. Н. Шереметева — М. И. Гоголь

Ащерино. Марта 19 <1848>.

Где-то дорогой Новорожденной; Бог видит, как все эти годы о нем помнится, и с любовью вспоминаю о нем пред Милосердным Господом, а уже с тех пор, как узнала, что отправился к Святым Местам, всегда помню и от всей души молю Милосердного Господа, дай Бог ему достигнуть, куды так давно стремился, и сподобиться поклониться Гробу Господню и возвратиться на родину благополучно. Я к вам не так давно писала¹, а сегодня несколько слов, чтобы поздравить вас с дорогим-предорогим новорожденным. Куды вы теперь к нему пишете? Поздравляю вас с приближающим<ся> великим Праздником². Дай Бог нам сей торжественный день и встретит и проводить в радости духовной. Когда вы ожидаете возвращения Николая Васильевича? <...>

Впервые опубликовано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. Издание подготовили И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. М., 2001. С. 196–197. Печатается по автографу: РГБ. Ф. 74. К. 8. Ед. хр. 76.

¹ Письмо до нас не дошло.

² Светлое Воскресение Христово праздновалось в 1848 г. 11 апреля.

Н. Н. Шереметева — С. П. Шевыреву

<7 апреля 1848. Покровское>

<...> Уверена, в заутреню при радостном услышании Христос Воскресе как мы с вами вспомним о Николае Васильевиче. Дай Бог, чтобы уже он был там, куды так давно душа его стремится. О Всемилосердный, не остави его и возврати на родину благополучно.

Уверена, почтеннейший Степан Петрович, что вы о нем узнаете, одолжите меня известить, чем много обяжете и успокоите. <...>

Впервые опубликовано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. Издание подготовили И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. М., 2001. С. 197–198. Печатается по автографу: РНБ. Ф. 850. Ед. хр. 611.

Н. Н. Шереметева — С. П. Шевыреву

11 апреля <1848. Покровское>.

Христос Воскрес!

Благодарю вас от души, истинно мною уважаемый Степан Петрович за такое попечение меня порадовать известием о Николае Васильевиче¹; и говорите, если бы нынче пришло, именно сегодня получила ваше дружеское обязательное письмо. Слава Богу, что он там, не умею передать, как я за него радуюсь и благодарю Бога, что он достиг желаемого. Сегодня я от него из Иерусалима несколько строк получила, оно¹ давно писано, от 17 февраля, почти два месяца², что он лето проведет в Малороссии, а в августе может будет в Москву, но кажется мне по его словам, что это не совсем верно; как лучше для пользы его, для пользы души его, так и устрой, Господи. И я нынче к нему писала, как получила почту и от него письмо получила, свое dokonчила и отправляю в Константинополь к нему, да управит Господь его путем. <...> Сегодня точно по благодати Божией сподобилась для такого великого дня приобщиться Святых Таин. <...>

Первые опубликовано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. Издание подготовили И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. М., 2001. С. 198–199. Печатается по автографу: РНБ. Ф. 850. Ед. хр. 611.

¹ См. в наст. изд. письмо С. П. Шевырева от 8–10 апреля 1848 г.

² Имеется в виду письмо от 17 февраля 1848 г. из Иерусалима.

Н. Н. Шереметева — О. Сем. Аксаковой

<11–12 апреля 1848. Покровское>

Покровское. Апреля 11.

<...> К Николаю Васильевичу пишу и прошу Веру Сергеевну подписать, куды следует отправить... <...>

Первые опубликовано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. Издание подготовили И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. М., 2001. С. 200–201. Печатается по автографу: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 15. Ед. хр. 70.

Н. Н. Шереметева — С. П. Шевыреву

<2 мая 1848. Покровское>

Не знаю, как и благодарить, душевно и истинно мною уважаемый Степан Петрович за дружеское ваше расположение. Письмо ваше сегодня имела утешение получить¹. Благодарю Бога, помогшего¹¹ ему свершить обет, столь давно им данный — и неисполнение одного иногда может теснило его чистую душу. От всего сердца благодарю Милосердного Господа, сохранившего его, и да с Его Отцовскою Помощию возможет он на родине и трудиться и поступать, как Ему, Премилосердному, угодно. Поверьте, почтеннейший Степан Петрович, с тех пор, как он из Москвы ехал, в нынешнем месяце будет шесть лет², поверьте Богу, что не было дня ни единого, в который бы я о нем не вспоминала с любовью пред Тем, Которой один все видит и один все может, да Он его не покинет и наставит и поможет творить Его святую волю. <...>

---

¹ В автографе вместо: оно — ошибочно: мое

¹¹ В автографе: помогшему

Как утешительно вспомнить, что наш друг в России. Бог видит, как все эти шесть лет мне о нем помнилось и с каким чувством всегда и сию минуту вручаю его Отцовскому Покрову. <...>

Впервые опубликовано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. Издание подготовили И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. М., 2001. С. 203–204. Печатается по автографу: РНБ. Ф. 850. Ед. хр. 611.

¹ См. в наст. изд. письмо С. П. Шевырева к Н. Н. Шереметевой от 29 апреля 1848 г.

² Гоголь выехал из Москвы 23 мая 1842 г.

Н. Н. Шереметева — М. И. Гоголь

Маия 16 <1848. Покровское>.

<...> Я слышала, что из Одессы имели от Николая Васильевича известие, а доехал ли он к вам, не знаю¹. <...> На прошедшей¹ почте писала к нему в Полтаву доставить в Васильевку, а теперь пишу, чтобы вас поздравить с радостным возвращением вашего достойного сына, да Отец Небесный сохранил его повсюду Своею благодатию. <...>

Впервые опубликовано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. Издание подготовили И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. М., 2001. С. 208–209. Печатается по автографу: РГБ. Ф. 74. К. 8. Ед. хр. 76.

¹ Гоголь приехал в Васильевку 9 мая 1848 г.

Н. Н. Шереметева — С. П. Шевыреву

<12 сентября 1848. Покровское>

<...> Слышу, что Николай Васильевич в Москве, и я в какой-то уверенности была на ваше обязательное расположение, что вы потрудитесь несколько слов о сем написать, и я ту минуту бы поехала взглянуть на него, а теперь не знаю, долго ли он пробудет в Москве¹. Говорят, в Петербург едет, почему и прибегаю с покорнейшею просьбою, быв в душе уверена в вашем снисхождении, что вы не откажетесь в сем случае одолжить меня несколько слов написать, долго ли Николай Васильевич пробудет в Москве, где он остановился. Очень и очень хочется его видеть. Я теперь бы поехала, несмотря, что жду из-за границы внука², который пишет, что он к 17<-му> будет сюда. Он бы меня здесь подождал. Но меня что останавливает: в Москве двоюродная племянница моя умерла и ее везут в деревню верстах в 10<-ти> отсюда, будет погребение и все семейство ее. Право, ехать-то в таком случае невозможно себе позволить, для собственного удовольствия отлучиться и не попомнить должного. Почему и остаюсь и решилась к вам прибегнуть и прошу вас ради Христа, напишите, что вы знаете о Николае Васильевиче, долго ли он пробудет в Москве. Если могу застать его хоть на один час, я приеду на него взглянуть, а то грустно, зная его так близко, и не видать. <...>

Прилагаю письмецо к Николаю Васильевичу³, одолжите доставить, не знаю, где он остановился. <...>

От 12 сентября 1848^{г<о>} года.

С<ело> Покровское.

А если в Москве не застанет Николая Васильевича, сделайте милость переслать к нему, вам его петербургской адрес известен. <...>

---

¹ В автографе: На прошедшей

Впервые опубликовано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. Издание подготовили И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. М., 2001. С. 211–212. Печатается по автографу: РНБ. Ф. 850. Ед. хр. 611.

¹ Гоголь приехал в Москву 7 сентября 1848 г. и выехал в Петербург 12 сентября вечером или 13-го утром. 13 октября 1848 г. Гоголь вернулся в Москву.

² Е. И. Якушкин.

³ Письмо от 12 сентября 1848 г.

М. А. Фонвизин — И. А. Фонвизину

4 февраля 1847 г. Тобольск.

Друг мой сердечный, брат Иван Александрович. Письмо твое от 18-го января, № 6, я получил. Мы оба очень благодарны тебе за намерение прислать нам последнее сочинение Гоголя. Сообщаемое тобою о внутренней перемене, в нем происшедшей, есть событие тем более утешительное, что Гоголей у нас не много. Все произведения его обличают огромный талант, и в этом отношении едва ли кто-нибудь из современных русских литераторов может с ним сравниться; ибо все они более или менее подражатели, а Гоголь в высокой степени самобытен. — В его «Мертвых душах», несмотря на всю карикатурность, столько истинной пользы — столько верной наблюдательности — столько неподдельного глубокого чувства! Невозможно удержаться от смеха, видя уморительные проделки всех этих гротесков; но это смех горький, оставляющий в душе читателя безотчетное скорбное чувство. Если правда, что Гоголь уничтожил вторую часть своей поэмы, то можно об этом пожалеть: он, вероятно, выставил бы в ней изящные идеалы русского человека, в противоположность карикатурам, так живо обрисованным в первой части. Да и Чичикова, верно, он вывел бы на более обширное поприще деятельности и сделал бы из него важное лицо. — «Мертвые души» оправдывают один французский стих: *et le vrai n'est pas toujours vraisemblable*¹. И точно, что, кажется, невероятнее завязки и главной пружины действия всей сказки: покупка и продажа мертвых душ! А я помню, что, действительно, когда-то случилось нечто подобное: один спекулятор (его уже нет на свете) перевел в собственное маленькое имение, и где-то в глуши, слишком двести умерших душ из вотчин своей жены и свояченицы, вместе с немногими живыми душами — и после все эти мертвые души заложил в Опекунский совет. При этом соблюдены были все законные формы, т. е. совершены акты покупки; мертвые души перечислены в другую губернию; в гражданской палате взято свидетельство на залог и пр. Это случилось вскоре после нашего французов. — Не знаю, какие последствия имела эта спекуляция — вероятно, за смертью замысловатого изобретателя никто не потерпел. Все эти подробности слышал я от его близкого родственника, покойного М<ихаила> В<асильевича> Бибикова, который, если ты помнишь, жил у нас. — Если Гоголь точно предал огню свой пятилетний труд, всеми с таким нетерпением ожидаемый, то это такая жертва, на которую очень немногие способны, — жертва, показывающая всю искренность и силу новых его убеждений. Я слышал, что он много времени провел с Жуковским — не он ли подействовал на него так благотворно? Вот как я заговорился о Гоголе — опять повторю: точно, у него необыкновенный талант! Возьми хоть, например, газетное его объявление о переводе Одиссеи — много ли найдешь у нас таких прекрасных страниц? — А его Тарас Бульба? — Что если бы он при теперешнем своем религиозном направлении написал *Старосветских помещиков* (одна из его повестей). Что бы это вышла за прелесть! <...>

Впервые опубликовано: *Фонвизин М. А.* Соч. и письма. Иркутск, 1979. Т. 1. С. 308–309. Печатается по автографу: РГБ. Ф. 319. К. 1. Ед. хр. 5. Л. 7–8.

Михаил Александрович Фонвизин (1788–1854), племянник Д. И. Фонвизина, генерал-майор (с 1820), с 1822 г. в отставке, масон, декабрист, друг И. Д. Якушкина — зятя Н. Н. Шереметевой. В 1827 г. отправлен в Сибирь, с 1838 по

1853 г. жил на поселении в Тобольске. С М. А. Фонвизиним был близко знаком руководитель Алтайской духовной миссии в Бийске преподобный Макарий (Глухарев), которого в 1840 г. Гоголь пригласил в наставники к своим сестрам (см.: Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 244).

Иван Александрович Фонвизин (1798–1853), брат М. А. Фонвизина, полковник (с 1817), с 1820 г. в отставке, масон, декабрист, друг И. Д. Якушкина. С 1826 по 1846 г. жил в своем имении Марьине Бронницкого уезда Московской губернии под надзором полиции. Ср. характеристику И. А. Фонвизина в донесениях А. Х. Бенкендорфу начальника 2-го округа корпуса жандармов генерал-майора А. А. Волкова в 1827 г. — в «Списке особам, взятым на замечание по тайным их сборищам» и «Списке о лицах, обративших на себя замечания»: «Фон-Визен <так в источнике> Иван Александрович <...> отставной из Свиты полковник. Имеет большое родство и знакомство, давнишний масон, нрава крутого, злопамятного и непостоянного, а потому и не любим как родными, так и людьми своими. В числе преступников 14 декабря <1825 г.> был взят в С. Петербург, но возвратился, а брат его сослан. Состояние у него до 2000 душ в разных губерниях. В сем Обществе <масонов> не почитается за дальновидного человека, жена его была из фамилии Пушиных и скончалась, когда он был взят в С. Петербург. Живет в своем доме Мясницкой части, под № 322-м» (Масоны в жандармских донесениях (конец 20-х — начало 30-х гг. XIX в.) / Публ. В. Е. Корнеева // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 2003. С. 172–173, 179–180).

¹ и правда не всегда правдоподобна (*фр.*).

И. С. Гагарин — Н. Н. Шереметевой

<28 марта 1849. Лаваль¹>

<...> Чрезвычайно меня утешило, что Вы мне сообщаете о Николае Васильевиче; потрудитесь поблагодарить его за воспоминание² и скажите ему, что я давно уже поминаю его в своих грешных молитвах, а теперь и за святым алтарем. Ему Господь даровал редкий талант и в день Страшного Суда, Он будет от него требовать отчета в употреблении его таланта. Для благого употребления сего таланта нужна ему большая благодать и, следовательно, теплая, ревностная, непрестанная молитва. Кроме того, Господу угодно, чтобы мы употребляли на Его служение и для Его славы и другие средства, чтобы мы трудились в поте лица нашего, как было сказано Адаму. Учение и наука, без молитвы и любви Божией, суетны и опасны; но учение и наука, с молитвою, с любовью к Богу и ближнему, с сердцем чистым, с искренним желанием быть полезным на деле спасения души, особенно приятны Богу. — Я чрезвычайно утешен буду, если узнаю, что Николай Васильевич растворяет учение молитвою и молитву учением. Церковная история представляет его деятельному и наблюдательному уму обильное поприще. <...>

Из Лавала — 28 марта 1849 года.

Фрагмент письма опубликован: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарий Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 716–717. Полностью напечатано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. Издание подготовили И. А. Виноградов, В. А. Ворopaев. М., 2001. С. 267–269. Печатается по автографу: РГБ. Ф. 340. К. 35. Ед. хр. 6. Л. 32–33.

Иван Сергеевич Гагарин (1814–1882), князь, весной 1842 г. перешел в католичество; в 1843 г., после принятия в Париже новициата (послушничества) в Ордене иезуитов, был лишен права вернуться на родину, о чем в паспорте, выданном ему в русском посольстве в Париже, была сделана отметка: «Иван Сергеевич Гагарин <титул не упоминается> пребывает за границей без права возвращения в Россию» (*Полонский Я.* Литературный архив И. С. Гагарина // *Временник Общества друзей русской книги.* Париж, 1932. Т. 3. С. 139). Н. Н. Шереметева была дружна с матерью И. С. Гагарина княгиней Варварой Михайловной Гагариной (рожденной Пушкиной, 1779–1854), тяжело переживавшей разлуку с единственным сыном. Шереметевой было понятно горе матери Гагарина. Если перешедшего в католичество князя, так же, как и декабристов, можно с полным правом назвать наследником внеконфессионального мистицизма alexandrovской эпохи, то, с своей стороны, письма Шереметевой к Гагарину за границу представляют собой как бы послания к еше

одному находящемуся в далекой «ссылке» «декабристу» — они проникнуты такой же сострадательной материнской любовью к «блудному сыну». Конфессиональные вопросы в этих письмах (как и политические вопросы в письмах в Сибирь) Шереметева не затрагивает, пытается преодолеть духовное и физическое отчуждение христианской любовью (см.: Переписка Н. Н. Шереметевой с И. С. Гагариным // Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. М., 2001. С. 254–271).

В письме от 19 сентября 1845 г. Шереметева сообщала Гагарину о преподобном Серафиме Саровском: «...Не так давно в Тамбовской губернии в одной пустыне один Старец высокой жизни заперся в своей келье и многие годы не открывал иначе дверь, как раз в неделю, когда приходили к нему с святыми дарами, никого не видал в продолжении многих лет. <...> Потом вышел, совершал Литургию и, кто приходил к нему, всех принимал и говорил незабвенные истины. Скончался как праведник; бывши здоров, приобщился Святых Таин, назавтра нашли его на коленях умершим. Память его чтут, видя, что многое и со многими совершилось, как он предсказывал» (РГБ. Ф. 340. К. 35. Ед. хр. 10. Л. 21; опубл.: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. С. 259).

¹ В Лавале Гагарин учился в католической богословской школе Дом Сен-Мишель.

² Зная о всегдашнем отношении Гоголя к падшему собрату («...не бросайте никакого человека, не отрезывайте возврата никому, следуйте за отрешенным...» — «Что такое губернаторша», 1846), можно предположить, что его отношение к иезуиту Гагарину — как и к еще целому ряду лиц, взгляды которых писатель не разделял, но общения с которыми не устранился (декабристы, В. Г. Белинский, католические ксендзы И. Кайсевич и П. Семененко и др.), — тоже основывалось на стремлении «подать руку изнемогшему духом» («Авторская исповедь»). В 1859 г. Н. В. Неводчиков (впоследствии архиепископ Кишиневский Неофит) вспоминал о содержании своей беседы с Гоголем в октябре 1850 г.: «Не помню хорошенько как, только разговор у нас зашел о человеке, готовом потеряться. “Дайте ему хоть малейшую точку опоры, да протяните ему руку, и он поднимется”, — сказал Гоголь» (см. в наст. изд.). См. также в наст. изд. примеч. 2 к «Замечательному десятилетию» П. В. Анненкова.

И. А. Фонвизин — Н. Н. Шереметевой

28 мая 1849 г. Москва.

<...> Письмо Ваше от 21–22го мая получил и вместе письмо к Николаю Васильевичу Гоголю и записку о Константине Павловиче Мельковиче, к которому посылал Яков Васильевич¹, он приказал благодарить Вас за воспоминание, облегчения от болезни не чувствует. — У Николая Васильевича третьего дня был сам и побеседовал с ним около двух часов; я уже извещал Вас, что в самый Троицын день² он был у меня, а во вторник³ я поутру заехал к нему не вовремя, он принимал ванную. — Письмо Ваше сам вручил ему, и он удивляется, что вы не получили еще письма его, писанного, по словам его, за неделю⁴. — После ванны, говорит, что чувствует себя гораздо лучше. Не знаю, что может мне доставить мое знакомство Николаю Васильевичу, но скажу Вам, что мне с ним чрезвычайно легко и свободно и я с своей стороны желаю продолжения знакомства, не позволяя себе мечтать о мнимой пользе, доставляемой моим знакомством. — Николай Васильевич между прочим рассказал мне следующее: Хозяин его Гр<аф> Толстой накануне моего посещения был в одном доме⁵ и поражен был особенным выражением лиц людей, которых он там встретил, все живущие в этом доме казались ему вместе испуганными и обрадованными — и вот случай, который был тому причиною. — Молодая, больная барышня этого дома попросила богоявленской воды, ей подали и оставили одну в комнате; после этого раздался из этой комнаты необыкновенный крик, на который сбежались все слышавшие его; барышню находят на постели стоящую на коленях и как бы беседующую с стоящим перед ней человеком, которого, однако же, никто из предстоящих не видал; барышня тотчас сказала вошедшим, чтобы они стали на колени, ибо перед нею Спаситель; барышня молилась Спасителю и заметно было, что она торопилась в молитве и боялась, что не успеет назвать всех тех, о которых желала просить, после она сказала, что слышала от Спасителя, что она будет здорова⁶. — Гр<аф> Толстой был там на другой день и прежде, нежели ему сказали о том,

догадался, что в доме случилось что-нибудь необыкновенное по лицам живущих в нем. Что Вы говорите о терпении, то конечно, это превосходнейшее лекарство, какое только может быть, потому я каждый день прошу у Господа, чтобы Он даровал Вам с любовью и терпением нести возложенный Им на Вас крест. — Простите. Всею душой предан<ный> Иван Фон-Визин. P. S. Сестра Катя⁷ и Александра Фед<оровна> свидетельствуют Вам почтение.

Отрывок из письма впервые опубликован: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 716. Полностью напечатано: *Виноградов И. А.* Гоголь и Надежда Николаевна Шереметева: отношения и переписка // Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. М., 2001. С. 33–35. Печатается по автографу: РГБ. Ф. 340. К. 35. Ед. хр. 1. Л. 4–5.

Подробнее о характере взаимоотношений Гоголя с И. А. Фонвизиным см.: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. М., 2001.

¹ Возможно, речь идет о Якове Васильевиче Смирнове (1806–1868), родственнике графа М. М. Сперанского, преподавателе латинского языка в 1 московской гимназии, отличавшемся религиозностью и благотворительностью.

² 22 мая 1849 г.

³ 24 мая.

⁴ Имеется в виду письмо Гоголя к Шереметевой от 20 мая 1849 г.

⁵ Возможно, имеется в виду дом Игнатьевых. См. в наст. изд. статью Н. А. Голушкова «Кое-что из жизни Гоголя в Москве».

⁶ Вероятно, об этом случае Гоголь рассказывал тогда же Аксаковым — и не нашел понимания. «В начале мая 1849 года, — вспоминал С. Т. Аксаков, — <...> Гоголь перепугал нас всех, говоря серьезно и с уверенностью о самых нелепых бреднях суеверных людей. Я приписывал и теперь приписываю нравственное состояние Гоголя пребыванию его в доме Толстых. Попы, монахи с их изуверными приказаниями, ханжество, богомольство и мистицизм составляли его атмосферу, которая никому не вредила, кроме Гоголя: ибо он один со всею искренностью предавался этому направлению» (см. в наст. изд. «Продолжение кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя» и «Историю нашего знакомства с Гоголем...» С. Т. Аксакова).

⁷ Вероятно, имеется в виду Екатерина Федоровна Пушина (ум. после 1854), свояченица И. А. Фонвизина, которая после смерти его жены Евдокии Федоровны (рожд. Пушиной, 1801–1826), взяла на себя заботы по дому.

Е. И. Якушкин — И. К. Бабсту

16 ноября 1851 г. <Москва>.

<...> На днях выйдет «Племянница»¹, и Гоголь собирается печатать 2-й том «Мертвых душ», который окончен совершенно и который уже он читал у Назимова². Шевырев уже покупает, по его поручению, бумагу для печати³. <...>

Первые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарий М. Я. Блинчевской // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 544. Печатается по первой публикации.

Евгений Иванович Якушкин (1826–1905), юрист, этнограф, сын декабриста И. Д. Якушкина, внук Н. Н. Шереметевой. Иван Кондратьевич Бабст (1824–1881), ученик Т. Н. Грановского, впоследствии экономист.

¹ «Племянница» — роман Евгении Тур (графини Ел. В. Салиас де Турнемир).

² Упоминание о чтении Гоголем В. И. Назимову 2-го тома «Мертвых душ» содержится также в приветственном адресе, поданном Назимову в 1863 г. служащими в Вильно: «Вспомним, <...> как был близок к вам наш несравненный Гоголь, читавший вам свои последние творения и желавший передать их в ваше распоряжение...» (Владимир Иванович Назимов. 1802–1874 // Русская Старина. 1874. № 4. С. 759).

³ См. также в наст. изд. письмо В. С. Аксаковой к С. Т. Аксакову от 15 октября 1851 г.

Кое-что из жизни Гоголя в Москве

В промежуток времени от 1868 по 1875 гг. мне пришлось столкнуться с двумя семьями, где бывал Николай Васильевич Гоголь во время своего пребывания в Москве.

Первая — это семья Киреевских, близких родственников известного славянофила Киреевского. Семья их принадлежала в то время к высшему кругу московского общества, и Гоголь был введен в дом графиней Толстой.

Первый визит Гоголя, как мне рассказывала старушка Киреевская (урожд<енная> графиня Толстая), доживавшая свой век в своем имении Нижегородской губ<ернии>, произвел на нее неважное впечатление: «совсем, совсем не представительная личность, — говорила она, — какой-то неуклюжий, носатый, длинноволосый, пришел, сел в уголок и все время промолчал, как какой-то приживальщик».

Второй раз Николай Васильевич был приглашен в дом Киреевских на литературный вечер, где он прочел свой рассказ «Шинель». Жизнь мелкого чиновника с его душевными волнениями и невзгодами, среди чтения в этот вечер высокопарных и ничего не говорящих произведений, произвела громадное впечатление. Автор был награжден бурными аплодисментами, но скромность его заставила только краснеть, быть очень неуклюжим и незаметно скрыться с вечера.

Вторая семья, где бывал Гоголь более запросто, это — Игнатевы, крупные помещики Тульской губ<ернии>. Семья эта была на виду у Москвы.

Не помню рассказа о первом знакомстве с Гоголем, но затем он бывал у них очень часто и, как мистик, более всего сошелся с одной из дочерей Игнатевых, девушкой, очень нервной и слышавшей в то время ясновидящей¹. Целые вечера проводил Гоголь, забившись в угол обширной гостиной Игнатевых с симпатичной ему девушкой, и только разъезд гостей заставлял их расстаться.

Эта первая дочь Игнатевых вышла при жизни Гоголя замуж за О., а через полтора года, впадши в летаргический сон, умерла. Смерть ее сильно повлияла на здоровье Николая Васильевича.

Московские мистики в то время были уверены, что жизнь г-жи О. перешла в ее портрет, и Гоголь, посещая семью Игнатевых, долго засиживался перед портретом в каком-то угнетенном состоянии.

Впервые опубликовано: <Голушков Н. А.> Н. Г-в. Кое-что из жизни Гоголя в Москве // Столичная молва. Политическая и литературная газета. (М.), 1909. 27 апр. № 55. С. 3. Печатается по первой публикации.

Николай Александрович Голушков, поэт, журналист (см.: Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. М., 1956. Т. 1. С. 269).

¹ См. в наст. изд. письмо И. А. Фонвизина к Н. Н. Шереметеевой от 28 мая 1849 г.

Гоголь в письмах Я. Н. Толстого к князю П. А. Вяземскому

Я. Н. Толстой — князю П. А. Вяземскому

<Ноябрь 1842. Париж>

<...> Примите мое истинное благодарение за письмо и присылку книги «Мертвые души». Этот отличный и живописный роман перенес меня мыслями на берега Волги, к давно оставленным мною Пенатам и доставил приятный отдых, особенно после читанных мною отвратительных картин Евгения Сю, где описан домашний быт извергов, населяющих парижские вертепы. <...> Как нам не судить криво о выходящих в России книгах, когда мы здесь никакого русского журнала не получаем, кроме «Северной пчелы»? Держась поневоле мнения этого журнала, я считал «Мертвые души» скучною книгою, но, прочтя, удостоверился в противном. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 643–644. Печатается по первой публикации.

Яков Николаевич Толстой (1791–1867), штабс-капитан лейб-гвардии Павловского полка, старший адъютант Главного штаба, участник Отечественной войны 1812 г.; с 1823 г. находился в заграничном отпуске. Член и председатель общества «Зеленая лампа» (1819–1820), знакомый А. С. Пушкина, который посвятил ему стихотворение «Стансы Толстому» (1819), член Союза благоденствия. Привлекался к следствию по делу декабристов, но отказался вернуться в Россию из-за границы, где находился с 1823 г. В 1837 г. назначен корреспондентом Министерства народного просвещения в Париже. Вышел в отставку в 1866 г. в чине тайного советника.

Я. Н. Толстой — князю П. А. Вяземскому

3/15 сентября 1852 г. Париж.

<...> Существование человека на этой скорбной земле уже и без того является цепью страданий и просчетов, где сумма огорчений намного превышает сумму радостей, как Вы прекрасно заметили в Вашем последнем письме к бедному Гоголю: «Ложка меду и бочка дегтю»¹. <...>

Подлинник на фр. яз. Впервые опубликовано (в переводе): Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 644. Печатается по первой публикации.

¹ Письмо неизвестно.

<Гоголь в Эмсе в 1843 и 1847 гг.>

<...> Гоголь <...> редко <...> чувствовал себя здоровым. Баден-Баденом, Гастейном и Мариенбадом он был разочарован, так же, как позже Бад-Гомбургом, Карлсбадом и Грефенбергом, с холодным водолечением по Присницу. Итак, Бад-Эмс. В курортной книге от 11 июня 1843 г. мы находим регистрацию:

In der Grünen Laube¹
626 Nr. Gogol, Part. a<us> Moskau².

Part. — сокращение для Particulier и должно означать здесь частное лицо. «Grünen Laube» был небольшим, скромным домом, который давал приют лишь немногим гостям. Он находился на Mainzer Straße³ и на плане Бад-Эмса, приложенном Людвигом Шпенглером к его книге «Der Kurgast in Ems» (1853), имеет номер 129⁴. В начале июля Гоголь должен был уехать, так как в курортной книге от 5 июля он уже не значится⁵.

Гоголь не мог быть недоволен лечением в Эмсе, иначе он не возвратился бы сюда в 1847 г.⁶ Как видно из курортных книг, он находился здесь с середины июля, уехав не позднее 3 августа; но не в июне, как можно прочесть на помещенной на доме «Рапогата» мемориальной доске. Таким образом, жил он опять на Mainzer Straße, но на этот раз несравненно взыскательнее. Великолепный дом, законченный в 1840 г., собственность архитектора Христиана Койхена, знал много именитых гостей.

Как Гоголь мог позволить себе такой дорогой отель, непонятно⁷. Денежные затруднения и долги были постоянным состоянием писателя. <...> При его пристрастии к Италии, прежде всего, к Риму, «Рапогата», построенная в стиле итальянского неоренессанса, с типичным горизонтальным кровельным окончанием, должна была казаться Гоголю очень привлекательной. Фасад с избытком формальных элементов и балюстрадами, пожалуй, давал писателю ощущение пребывания в палатце. <...>

Впервые опубликовано, на нем. яз.: *Hübner R. Nicolai Wassiljewisch Gogol // Hübner R. Johann Kaspar Lavater, Nicolai W. Gogol, Kaiserin Eugenie und Alfred Krupp zur Kur in Bad Ems <Иоганн Каспар Лафатер, Николай В. Гоголь, императрица Евгения и Альфред Крупп на лечении в Бад-Эмсе; нем.>. (<Serien> Bad Emser Hefte. Nr. 79). Bad Ems, 1989. S. 12–13. На отдельные сведения о Гоголе, приводимые в книге Р. Хюбнера, обращено внимание в изд. 2004 г.: «Запись в курортной книге позволяет точно установить, что приехал Гоголь в Эмс к 11 июня, а уехал до 5 июля; зарегистрировался как “Particulier (то есть частное лицо) aus Moskau” и жил на Mainzer Strasse в маленьком скромном домике под названием Grüne Laube, вмещавшем лишь небольшое количество гостей» (*Мани Ю. В. Гоголь. Труды и дни: 1809–1845. М., 2004. С. 664*). Текст печатается в переводе, по первой публикации.*

Гоголь приехал в Эмс в день Святой Троицы — 30 мая / 11 июня 1843 г., по-видимому, побывав в этот день с утра на праздничной службе в православной домово́й церкви в Висбадене (см. в наст. изд. коммент. к письму Н. М. Языкова А. М. Языкову от 25 июня (н. ст.) 1843 г.).

¹ Бука.: В зеленом садовом домике (нем.).

² Господин Гоголь, частное лицо из Москвы (нем.).

³ Набережная реки Лан; дом «Grünen Laube» находился неподалеку от моста.

⁴ К изданию приложен «Фрагмент плана Бад-Эмса 1853 года. Стрелка указывает на дом "Grünen Laube" на Майнцской улице, в котором жил Гоголь» (*Hübner R. Johann Kaspar Lavater, Nicolai W. Gogol, Kaiserin Eugenie und Alfred Kurr zur Kur in Bad Ems. S. 15–16*).

⁵ Гоголь выехал из Эмса в Баден-Баден 2 или 3 июля (н. ст.) 1843 г. (см. в наст. изд. примеч. 1 к письму Н. М. Языкова А. М. Языкову от 25 июня (н. ст.) 1843 г.).

⁶ В Эмсе Гоголь был также проездом в конце июля – начале августа (н. ст.) 1846 г. (см. письма Гоголя от 1 августа (н. ст.) 1846 г. к А. В. Никитенко и от 6 августа (н. ст.) 1846 г. к графу А. П. Толстому). В 1847 г. Гоголь находился в Эмсе с 13 по 16 июля (н. ст.) (см. следующ. примеч.).

⁷ В 1847 г. Гоголь провел в Эмсе лишь четыре дня «под одною кровлею» с семействами Жуковских и Хомяковых (см. в наст. изд. письма Е. М. Хомяковой к П. М. Бестужевой от 13 июля (н. ст.) 1847 г.; В. А. Жуковского к князю П. А. Вяземскому от 14 июля – 1 августа (н. ст.) 1847 г.; А. С. Хомякова к неизвестному лицу от 20 июля (н. ст.) 1847 г.; Е. А. Свербеевой к С. П. Шевыреву от 17 августа 1847 г.).

Из отдельных свидетельств о жизни Гоголя за границей в 1844 г.

Надписи на альбоме, подаренном Гоголю в Ницце в марте 1844 г.

НИЦЦА.

1844

Г<рафиня> Л. К. Виельгорская.

Г<рафиня> А. М. Виельгорская.

Г<граф> М. М. Виельгорский¹.

Г<граф> В. А. Соллогуб.

Г<рафиня> С. В. Соллогуб².

.....³

Г<рафиня> С. И. Соллогуб⁴.

А. О. Смирнова.

Н. В. ГОГОЛЮ

А ГОГОЛЬ Е. Е. ЖУКОВСКОЙ

Печатается по фотокопии в изд.: Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 671.

Имена написаны по кругу, в лучах восьмиконечной звезды, в центре которой вписаны обведенные кругом слова: «НИЦЦА. 1844». В Ницце Гоголь провел зиму 1843/44 г. в обществе Виельгорских, Соллогубов и Смирновой. 19 марта (н. ст.) 1844 г. он выехал из Ниццы в Дармштадт. По-видимому, альбом был подарен Гоголю при прощании. Слова: «А ГОГОЛЬ Е. Е. ЖУКОВСКОЙ», — появились на титульном листе позднее и свидетельствуют, что Гоголь спустя непродолжительное время передал альбом жене В. А. Жуковского Елизавете Евграфовне Жуковской. Вероятно, это случилось во Франкфурте, куда Гоголь приехал в апреле (н. ст.) 1844 г.

¹ Граф Михаил Михайлович Виельгорский (1822–1855), дипломат, сын Мих. Ю. и Л. К. Виельгорских.

² Графиня Софья Владимировна Соллогуб (1842–1850), дочь В. А. и С. М. Соллогуб.

³ Возможно, место оставлено для имени графини Софьи Михайловны Соллогуб (рожд. Виельгорской; 1820–1878), жены В. А. Соллогуба, дочери Мих. Ю. и Л. К. Виельгорских.

⁴ Графиня Софья Ивановна Соллогуб (рожд. Архарова; 1791–1854), мать В. А. Соллогуба.

Упоминание о Гоголе в путевом дневнике кн<яжны> Ал<ександры> Влад<имировны> Голицыной 1844 г.

<...> <Карлсбад>. <Июня> 8 / <мая> 27 <1844>. *Суббота*. Писала к сестре¹. — Обедали у нас Граф<иня> и Граф В. Сол<л>огуб, он очень веселый, приятный, много рассказывал про Гоголя, он теперь в Бадене², неужели я его никогда нигде не встречу. Смешные анекдоты Гоголя и один Жуковского. Когда наследник путешествовал по России, в одном городке городничий раздвигал народ и одного толкнул в спину, сказав: «с благоговением, собака»³. <...>.

Публикуется впервые по автографу: *РНБ. Ф. 1000. Собр. един. пост. Оп. 3. № 1550. 102 л. Л. 78 об. – 79. Дневник кн. Голицыной Александры Владимировны. В переплете. 25/13 апр. – 4 авг. 1844. Автограф. Прилож.: программа концерта 11 июля 1844 г. в Карлсбаде. На фр. яз. Печ. с владельческой пометой. Путешествие по Италии (осмотр памятников архитектуры и живописи), переезд в Германию; пребывание в Карлсбаде, Чехии, Польше; возвращение в Россию. Наиболее подробные записи касаются Италии и Германии. Природные и климатические условия. Архитектура городов, картинные галереи, музеи, театры, монастыри и монастырские библиотеки. Отрывочные записи о быте населения Польши. Упоминания: о пребывании Николая I в Лондоне, о его проезде через Берлин, Штеттин и др. Упом.: И. К. Айвазовский, В. В. Апраксин, К. П. Брюллов, Н. В. Гоголь, И. Ф. Паскевич, К. Ф. Рылеев, В. А. Соллогуб и др.*

Княжна Александра Владимировна Голицына (3 февраля 1831 – 15 июля 1900); вероятно, путешествовала с родителями: князем Владимиром Сергеевичем Голицыным (1794–1861) и княгиней Прасковьей Николаевной (рожд. Матюниной, 1798–1881). Впоследствии А. В. Голицына была близка к графине А. Г. Толстой (см. в наст. изд. статью В. А. Гиляровского «Неизданное письмо Гоголя и его кресло»).

¹ Возможно, имеется в виду княгиня Марья Ивановна Голицына (рожд. Похвиснева), жена брата княжны А. В. Голицыной князя Александра Владимировича Голицына.

² В Бадене Гоголь находился во второй половине мая (н. ст.) 1844 г., в период после 19 до 29 числа (см. в наст. изд. примеч. 17 к *Воспоминаниям А. О. Смирновой в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша* и письмо Гоголя к В. А. Жуковскому из Бадена от 29 мая (н. ст.) 1844 г.).

³ Анекдот был известен также А. О. Смирновой: «Когда Жук путешествовал с наследником, в каком-то уездном городе городничий в церкви начал <текст утрачен>ками простой народ <утрачены три строки текста> со всех сторон, поравнявшись с каретой Жуковского, он ему сказал: “Накройте, ваша жизнь слишком драгоценна”. Ну так я вам говорю: с благовоением, собака» (см. в наст. изд. второй раздел «Биографии Александры Осиповны Чаграновой» А. О. Смирновой).

Из воспоминаний Гр<игория> Мих<айловича> <Левашова> о пребывании Гоголя в Мангейме в июне 1844 г.

С<ело> Левашово. 1863. Ноября 26.

Давно, очень давно; прошло более 20 лет с тех пор, как на Рейне, в Мангейме¹, в Hotel de l'heugore <?>¹ (который содержал тогда предобрый человек по имени Г-н Фор), я провел несколько незабвенных дней с Ник<олаем> Вас<ильевичем> Гоголем. Боже мой! Что было это для меня за счастливое время! В чем заключалось счастье этого времени, это знаю только я один, и воспоминание о нем уйдет со мной в могилу^{II}. Я^{III} заговорил о Гоголе только потому^{IV}, что мне сегодня пришли на память слова его и возбудили, наконец, во мне желание, — или, вернее, решимость, — писать мои записки.

— Что вы не пишете? — сказал мне Гоголь. — В вас есть что-то очень похожее на талант, только, кажется, привычки писать вы не имеете; а привычка эта^V приобретается следующим

¹ Далее было: у Зарта <?>

^{II} Я раздумал уносить мою тайну в могилу и решаюсь в ней покаяться. Дело в том, что в Мангейме я каждый день ходил на рыбную ловлю и при содействии известного рыбака Г-на Денеля, который доставлял мне живцов, т. е. маленьких живых рыбок, мне удавалось нередко ловить больших щук, что приводило меня в совершенный восторг!.. — Примеч. Г. М. Левашова.

^{III} Было: но я

^{IV} Было: для того

^V эта вписано вместо: писать

образом: дайте себе слово писать каждый день хоть по несколько строк, но непременно каждый день; даже когда вы в дороге¹, и тогда берите с собою маленькую тетрадку, да карандаш — и хоть что-нибудь напишите.

— Хорошо писать, — сказала я Гоголю, — когда есть мысли в голове, но бывают^{II} такие дни или часы, в которые, по крайней мере мне, ничего в голову не лезет. Что тогда будешь делать^{III}?

— Как это? — сказал Н-иколай> В-асильевич>. — Вы все-таки пишете. — Ну, начните хоть так: ничего мне в голову не лезет! Что ж мне делать, что ничего^{IV} в голову не лезет? Да от чего ж это уж ничего мне в голову не лезет? Да только точно ли ничего мне в голову не лезет? . . . . И наконец вы дойдете до того, что что-нибудь вам в голову и влезет².

Публикуется впервые по автографу: *ГАРФ*. Ф. 9599. Оп. 1. № 59. Л. 1–2. Рукопись 1863–1868 гг.

Имя мемуариста — Григорий Михайлович (предположительно, Левашов; род. около 1809 г.; село Левашово, где написаны воспоминания, возможно, являлось его родовым именем). Вырос в богатой дворянской семье, жившей в 1825 г. в собственном доме в Москве, у Пресненских прудов. Отец мемуариста — Михайло Львович; тетка — Авдотья Львовна, в замужестве Толстая, действительная статская советница; дед — Лев Васильевич (предположительно, либо сын генерал-аншефа Василия Яковлевича Левашова (1667–1751), либо сын обер-егермейстера Василия Ивановича Левашова (ум. в 1804); внебрачным сыном В. И. Левашова был В. В. Левашов (1783–1848), возведенный в 1833 г. в графское достоинство). Приятелем отца мемуариста был Петр Николаевич Дмитриев, который в 1819 г. был «миллионер и жил по-царски». Управляющим домом был грек Павел Петрович Фронгопуло. Мемуарист был знаком с графом Петром Михайловичем Бутурлиным, с доктором Филиппом Ивановичем Пфелером (ум. в 1840-х гг.), с графиней Пелагеей Васильевной Муравьевой (дочерью Н. Н. Шереметевой), с графиней Муравьевой-Карской (обе Муравьевы — родственницы мемуариста; в то время, когда он писал о них, находились в преклонном возрасте). Племянником мемуариста был С. К. Волков. Григорий Михайлович был также знаком с дочерью Ф. И. Тютчева Екатериной Федоровной (Kitty Тютчевой, 1835–1882), с Сушковыми, у которых она воспитывалась (родная сестра Тютчева Дарья Ивановна была замужем за Николаем Васильевичем Сушковым), с еще одной дочерью Тютчева Анной Федоровной (1829–1889), женой И. С. Аксакова. Называл себя «либеральным человеком Николаевского времени» (*ГАРФ*. Ф. 9599. Оп. 1. № 59. Л. 7 об.). В 1844 г. встречался в Париже с М. А. Бакуниным и В. П. Боткиным (Там же. Л. 6). Внучатым братом мемуаристу приходился замешанный в декабристском заговоре Василий Петрович Ивашев, бывший в 1825 г. ротмистром Кавалергардского полка и адъютантом графа П. Х. Витгенштейна (В. П. Ивашов был ослан; отец его — Петр Никифорович Ивашев, мать — Вера Александровна Ивашева, сестра — Елизавета Петровна, в замужестве Языкова; нелегально ездил к брату в Сибирь; с последней был знаком Гоголь; см. в наст. изд. коммент. к письму Н. М. Языкова родным от 21 июля (н. ст.) 1842 г.). Позднее Григорий Михайлович вспоминал о декабристском заговоре: «Боже мой, Боже мой, что это было за время! В редком доме не оплакивали отца, сына, племянника, мужа, брата или друга, а между тем в них же проклинали бунтовщиков! Мне не раз удавалось слышать такие рассуждения: “Да! Надо сознаться, что люди окончательно развратились! Подумайте, кто у нас бунтует? Нищие, оборванцы, что ли? Пьяницы, Санкулоты что ли? — Нет, сударь, нет! Первые Русские фамилии: Князья Одоевские, Волконские, Голицыны, Оболенские, Графы Чернышовы! Да и кого тут нет? Все лучшие фамилии замешаны в этом проклятом заговоре! А спросить бы их, чего им не доставало? Мы сами Князьки, мы сами Царьки! Так нет, этого мало — будем бунтовать! У меня тоже племянника взяли, славный был мальчик; но признаюсь, что мне не столько жалка, сколько садка вся эта проклятая история”. Для исторической верности скажу, что эти слова произнесены были при мне родною теткою Василия Петровича Ивашева» (Там же. Л. 15).

¹ Гоголь жил в Мангейме во второй половине июня (н. ст.) 1844 г.

² Гоголь побуждал писать не одного Г. М. Левашова, но и многих других своих знакомых и друзей, в частности, С. Т. Аксакова, увлекавшегося, в частности, как и Левашов, рыбными ловлями. М. С. Щепкину Гоголь около 10 июля

^I в дороге *вписано вместо*: в гостях

^{II} бывают *вписано вместо*: есть

^{III} делать *вписано вместо*: писать

^{IV} Далее было: мне

(н. ст.) 1847 г. писал: «Очень рад, что вы занялись ревностно писанием ваших записок. Начать в ваши годы писать записки, это значит жить вновь. Вы непременно помолодеете и силами и духом, а чрез то приведете себя в возможность прожить лишней десяток лет».

Граф В. А. Соллогуб вспоминал: «За границей я жил целый год с Гоголем, сперва в Баден-Бадене, потом в Ницце. <...> Он постоянно мне твердил: "Пишите, поставьте себе за правило хоть два часа в день сидеть за письменным столом, и принуждайте себя писать". "Да что ж делать, — возражал я, — если не пишется!" "Ничего... возьмите перо и пишите: сегодня мне что-то не пишется, сегодня мне что-то не пишется, сегодня мне что-то не пишется, и так далее; наконец надоеет и напишется"» (см. в наст. изд. «Воспоминания графа В. А. Соллогуба»).

Ф. В. Чижову Гоголь также говорил: «Человек пишущий так же не должен оставлять пера, как живописец кисти. Пусть что-нибудь пишет непременно каждый день. Надобно, чтоб рука приучилась совершенно повиноваться мысли» (см. в наст. изд. *Воспоминания Ф. В. Чижова в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша*).

15 февраля (н. ст.) 1844 г. Гоголь обращался к Н. М. Языкову: «Не переставай уведомлять меня о всяком состоянии души твоей, в духе ли, просто ли упадет тоска и бездействие, или одолеет тобою совершенное нежелание писать — извещай и об этом. Нет нужды, что письмо твое будет состоять иногда из двух строчек и заключаться в таких словах: "Не хочется писать, не о чем писать, скучно, тоска, прощай!" Написавши даже и эти слова, ты верно уже почувствуешь некоторое облегчение».

Воспоминания неизвестного о пребывании Гоголя в Остенде в июле—сентябре 1844 г., в изложении П. А. Кулиша

<...> ...Для людей, знавших его <Гоголя> издали, он казался в Остенде несчастным ипохондриком, вечно одиноким и задумчивым. Действительно, он любил уединенные прогулки, и его видали каждый день, в известные часы, в черном пальто и в серой шляпе, бродящим взад и вперед по морской плотине, с наружным выражением глубокой грусти. <...>

Впервые опубликовано: <Кулиш П. А.> *Николай М. Опыт биографии Николая Васильевича Гоголя // Современник. Литературный журнал, издаваемый с 1847 года И. Панаевым и Н. Некрасовым. 1854. Т. 44. № 4* (цензурное разрешение 31 марта). Отд. 4. С. 101; в следующей редакции: «В Остенде помнят его, в черном пальто и в серой шляпе, бродящим ежедневно взад и вперед по морской плотине, вечно одиноким и задумчивым. Его принимали там за несчастного ипохондрика или мизантропа...»; перепечатано: <Кулиш П. А.> *Опыт биографии Н. В. Гоголя, со включением до сорока его писем. Сочинение Николая М. СПб., 1854. С. 149. Печатается по изд.: <Кулиш П. А.> *Николай М. Записки о жизни Н. В. Гоголя... СПб., 1856. Т. 2. С. 17.**

Дневник 1844–1848 гг. Фрагменты

Рота. 1844 год. Июль <...> 21 <н. ст.>. Воскресенье. <...> После обеда был Иванов¹, читали Гоголя «Утопленницу». <...>

1846 год. <...> Февраль <27 н. ст.>. Пятница. <Рим>. Объявление карнавала. <...>
Читаю «Мертвые Души» Гоголя. Завтра М. Б. Дагерротип для графа Толстого². <...>

1848 год. <...> Май <...> 3. Понедельник. <Санкт-Петербург>. Был у г. Чиждова³ – ходили к г. Писареву⁴ и не застали. NB. У Гоголя слышу первый раз – «Кругозор»⁵. Рус<ское> слово, а горизонт – иностранное. <...>

Читаю – «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя. <...>

Читал Гоголя и думал, что еще у нас никто не говорил так много правды. <...>

Октябрь. <...> 7. Вечером был у Бруни. Был Гоголь, А. Брюллов, Басин⁶, Кузьмин⁷, Марков⁸, Федотов⁹, я с Козлом¹⁰ и проч.¹¹ <...>

19. Был у Николая Аполлоновича Майкова¹². Был Достоевский. <...>

Ноябрь <...> 30. <...> Читаю «Переписку с друзьями» Гоголя. <...>

Первые опубликовано: Дневник художника Николая Ломтева. 1844–1851. Предисловие, общая ред. и примеч. М. М. Раковой / Российская Академия художеств. НИИ теории и истории изобразительных искусств. М., 1996. С. 17, 35, 44, 48. Печатается по первой публикации.

Николай Петрович Ломтев (1816–1863), исторический живописец.

¹ Вероятно, скульптор Антон Андреевич Иванов (1815–1848). Был отправлен в Рим вместе с П. А. Ставассером летом 1841 г.

² В феврале (н. ст.) 1846 г. находившиеся в Риме русские художники сделали несколько памятных дагерротипных снимков, предназначавшихся для графа Ф. П. Толстого, который «сопровождал Императора Николая I во время его поездки в Италию и в Палермо, и присутствовал при всех заказах, данных Императором нашим художникам» (см. в наст. изд. статью В. В. Стасова «Гоголь и русские художники в Риме»). 13 февраля (н. ст.) 1846 г. граф Толстой получил «первую доску» с портретами В. Е. Раева, скульптора Ант. Анд. Иванова, А. К. Росси, П. А. Ставассера, Н. А. Рамазанова, доктора Розенберга, И. А. Монигетти, Е. Г. Солнцева, А. И. Резанова, Г. Г. Эльсона, А. А. Пищалкина, А. Н. Мокрицкого. 17 февраля (н. ст.) 1846 г. был сделан дагерротип с портретами художников А. А. Иванова, Ф. А. фон Моллера, Ф. И. Иордана, А. А. Пищалкина, В. А. Серебрякова, Е. Г. Солнцева, В. Д. Сверчкова, И. С. Шаповаленко, Е. И. Ковригина, С. М. Воробьева, Л. Х. Фрикке, С. Ф. Федорова, А. Н. Мокрицкого и В. Е. Раева (Гусева Е. Н. О дагерротипе «А. А. Иванов в группе русских художников в Риме» // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1995. М., 1996. С. 253, 254, 256). Ранее, в период между 24 октября (н. ст.) 1845 г. и 8 ноября (н. ст.) 1845 г., был сделан дагерротип русских художников с Гоголем (см. в наст. изд. указанную статью В. В. Стасова).

³ Ф. В. Чижов.

⁴ Вероятно, имеется в виду Александр Александрович Писарев (1780 – 23 июля 1848), генерал-лейтенант, писатель.

⁵ Имеется в виду одно из трех словоупотреблений Гоголя (вероятно, первое) в «Выбранных местах из переписки с друзьями»: «...Два предмета вызывали у наших поэтов этот лиризм, близкий к библейскому. Первый из них — *Россия*. При одном этом имени как-то вдруг просветляется взгляд у нашего поэта, раздвигается дальше его кругозор...» («О лиризме наших поэтов»). См. также: «...Свет не в силах встретиться прямо со Христом. Ему далеко до небесных истин христианства. Он их испугается, как мрачного монастыря, <...> если не возведешь его на некоторое высшее место, откуда ему станет видней весь необъятный кругозор христианства...» («О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности»); «Вот если бы ты <...> собрал бы <...> дельные замечания на мою книгу... <...> Как бы от этого раздвинулся мой кругозор!» («Четыре письма к разным лицам по поводу “Мертвых душ”»).

⁶ Петр Васильевич Басин (1793–1877), исторический живописец, портретист, пейзажист.

⁷ Роман Иванович Кузьмин (1811–1867), архитектор.

⁸ Возможно, Алексей Тарасович Марков (1802–1878), исторический живописец, портретист.

⁹ Возможно, Павел Андреевич Федотов (1815–1852). См. в наст. изд. «Воспоминания о русском художнике Павле Андреевиче Федотове» А. В. Дружинина.

¹⁰ Александр Алексеевич Козлов (1818–1884), живописец.

¹¹ Вероятно, присутствовал также художник М. И. Железнов. См. в наст. изд. его «Заметку о К. П. Брюллове».

¹² Николай Аполлонович Майков (1794–1873), художник, отец братьев Майковых: Аполлона, поэта (1821–1897), Валериана, критика (1823 – 15 июля 1847) и Леонида, историка литературы (1839–1900).

Отношение вице-директора Департамента государственного казначейства А. И. Ростовцева к министру народного просвещения С. С. Уварову

Министерство Финансов.
Департамент Государственного
Казначейства.
Часть Распорядитель.
Отделение 3.
Стол I.

31 марта 1845 г.
№ 10590.

По Высочайшему повелению.

Об ассигнованных
1000 р<ублей>
сер<ебром>
литератору Гоголю.

<31 марта 1845. Санкт-Петербург>

В Департамент Народного Просвещения.

Во исполнение Высочайшего повеления, объявленного Г. Министру Финансов Г. Министром Народного Просвещения от 26-го сего Марта, за № 445, предписано Главному Казначейству пожалованные Литератору Николаю Гоголю по 1000 р<ублей> сер<ебром> в год, в течении трех лет, отпускать под росписку Ректора С. Петербургского Университета Действительного Статского Советника Плетнева; о чем Департамент Государственного Казначейства имеет честь уведомить Департамент Народного Просвещения.

Вице-Директор (подпись).

Впервые опубликовано: Дело о пособии Гоголю в 1845 году // Литературный музей. (Цензурные материалы 1-го Отд<еления> IV секции Государственного Архивного Фонда). Под ред. А. С. Николаева и Ю. Г. Оксмана. Пг., <1921>. Вып. I. С. 75. Печатается по первой публикации.

Александр Иванович Ростовцев (1800–1867), тайный советник, вице-директор Департамента государственного казначейства.

Гоголь в воспоминаниях протоиерея Иоанна Базарова

Воспоминания протоиерея И. И. Базарова

Фрагмент

<...> Мои воспоминания о Жуковском были напечатаны в «Русском Архиве»¹, и потому я не повторяю их здесь. Припомню только одно обстоятельство, назидательное для меня самого. Как первые крестины для меня были в доме Жуковского², так и первая исповедь, которую мне пришлось совершить, была также над ним. Я не забуду, как меня, молодого и неопытного духовника, подавлял собою авторитет этого тогда уже маститого поэта, которого мы изучали в школах как одного из важнейших корифеев нашей отечественной литературы. Выслушав его глубокую, можно сказать, высоко христианскую исповедь, я не мог ему ничего другого сказать, как сознаться в своей молодости и пастырской неопытности перед ним. В ответ на это он поцеловал мне руку, сказав: «Лучше этого урока смирения вы и не могли мне преподать».

Вскоре мне пришлось в семействе же Жуковского познакомиться и с другим нашим литературным художником Н. В. Гоголем. Это было время начинавшейся его нервно-нравственной болезни. Раз я получил от него из Франкфурта записку такого содержания: «Приезжайте ко мне причастить меня, я умираю»³. Приехав на этот зов в Sachsentrausen (заречная сторона Франкфурта, где жил Жуковский), я нахожу мнимо умирающего на ногах, и на мой вопрос, почему он считает себя таким опасным, он протянул мне руки со словами:

— Посмотрите! совсем холодные!

Однако мне удалось убедить его, что он совсем не в таком болезненном состоянии, чтобы причащаться на дому, и уговорил его приехать в Висбаден поговорить, что он и исполнил⁴. При этом случае, бывши у меня в кабинете и рассматривая мою библиотеку, он заметил и свои сочинения.

— Как! — воскликнул он чуть не с испугом, — и эти несчастные попали в вашу библиотеку!

Это было именно то время, когда он раскаивался во всем, что им было написано. Потом он заехал ко мне по пути из Эмса. Рассказывая, что он встретил там так много русских дам, сделал замечание, что верно у русских женщин такая уж дрянная натура, что им чаще других приходится отправляться в Эмс на лечение.

— И все это наш славный Петербург тому виною! — заметил он.

Случилось мне потом и еще встречать его у Жуковского, но он был мрачен, почти ничего не говорил и больше ходил по комнате, слушая наши разговоры. <...>

Впервые опубликовано: Воспоминания протоиерея И. И. Базарова // Русская Старина. 1901. Февраль. С. 294; с редакционным примечанием: «Иван Иванович Базаров писал свои “Воспоминания” по желанию королевы Виртембергской Ольги Николаевны, духовником которой он был более 40 лет. *Ред.<актор Н. Ф. Дубровин>*». Печатается по первой публикации.

О. Иоанн Иоаннович Базаров (1819–1895); окончил в 1843 г. Санкт-Петербургскую Духовную академию, в 1844 г. рукоположен в священники малой домово́й церкви, основанной 21 марта 1844 г. при Русской Миссии во Франкфурте-на-Майне, и откомандирован в Висбаден (близ Франкфурта); в 1851 г. переведен в Штутгарт; протоиерей с 1853 г.

¹ Базаров И. Последние дни жизни Жуковского. Письмо из Стутгарта 17/29 апреля 1852 года // Русский Архив. 1869. Т. 1. Стб. 99–111; с примечанием: «Перепечатано, с дозволения автора, из Известий 2-го отд. Имп. Акад. Наук, т. 1-й, стр. 249–256» (С. 111) (см. ниже в наст. изд.).

² Крестины сына Жуковского Павла (1/13 января 1845–1912).

³ Датируется серединой апреля (н. ст.) 1845 г.

⁴ Гоголь был в Висбадене на Пасху 15/27 апреля 1845 г., выехав туда вместе с В. А. Жуковским из Франкфурта в Великую Среду 11/23 апреля 1845 г. (см. в наст. изд. дневниковые записи Жуковского от 11/23–13/25 апреля этого года, а также письмо А. С. Жиряева к В. В. Ганке от 20 мая (н. ст.) 1845 г.).

Воспоминания о В. А. Жуковском. Письмо священника И. Базарова *Фрагмент*

Знакомство мое с В. А. Жуковским началось за границей в 1843 году, вскоре после того, как он переселился из Дюссельдорфа на житье во Франкфурт на Майне. <...> Принимая участие во всем отечественном, В. А. Жуковский равно интересовался и нашим духовным образованием. Рассказы мои об успехах образования духовного юношества в России последнее время радовали его сердечно. Он справедливо видел в этих успехах новую зарю будущего счастья и величия России. Для него Церковь была святым началом Русской жизни. Как при этом случае, так не раз и после, говорил он мне с восторгом о величии нашей Православной Церкви¹, которое, по его мнению, выражается особенно в ее искренности. Он любил сравнивать ее с Римско-католическою, был очень доволен, когда раз в разговоре о сем предмете я выразил ему характеристику этих двух церквей в коротких словах, сказав, что церковь Римская есть суровая госпожа для своих поклонников, тогда как церковь Православная есть нежная мать чад своих. Любимым автором его в этом отношении был Стурдза. <...>

Первые опубликовано: Воспоминания о В. А. Жуковском. Письмо священника И. Базарова // Известия Императорской Академии Наук по отделению русского языка и словесности. СПб., 1853. Т. 2. Лист 34. С. 139–140. — Напечатано по распоряжению Императорской Академии наук. 6 мая 1853 года. Печатается по первой публикации.

---

¹ Невольно приходит мне при сем на мысль отзыв о нашей церкви и другого нашего знаменитого поэта-литератора, Н. В. Гоголя. Бывши у меня в Висбадене в 1847 году, он обратил внимание на строящуюся на одной горе близ Висбадена православную церковь и заметил: «Как это странно, что немцы, сами не сознавая того превозносят нашу Православную Церковь. До сих пор только одна православная церковь находилась в Германии — это надгробная церковь королевы Виртембергской Екатерины Павловны на горе Ротенберг, близ Стутгарда. Вот теперь строят другую, и тоже на горе! Как будто самый Промысл указывает на то, что Православная Церковь должна стоять *выше* всех других. И подождите (прибавил он) недолго, и она загорится звездою первой величины на горизонте христианства». — *Примеч. о Иоанна Базарова.*

А. С. Жиряев — В. В. Ганке

<20 мая (н. ст.) 1845. Берлин>

<...> Русскую Пасху¹ встречал в русской церкви в Висбадене, где познакомился с двумя русскими знаменитостями: Жуковским и Гоголем. Оба приехали из Франкфурта говеть и разговляться. Последний намерен ехать в Испанию¹ и Португалию: он в природе своей — прямая противоположность тому, каким он является в своих уморительных Повестях и Комедиях: гипохондрик в высшей степени. Впрочем, он действительно не совсем-то здоров, хотя болезнь свою он уже слишком преувеличивает в своем воображении.

На обратном пути в Берлин я пробыл день в Веймаре, где познакомился с русским протоиереем Степаном Карповичем Сабининым². Он весьма усердно занимается филологическими исследованиями... <...> Он занимается теперь сравнением русского языка с исландским и находит, что ударения русских слов совершенно те же, как и в исландском языке. <...>

Берлин,

20 / 8 мая 1845.

Впервые частично опубликовано: *Кочубинский А.* Будущим биографам Н. В. Гоголя. Заметки // Вестник Европы. 1902. Март. С. 13. См. также: Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Материалы для истории славянской филологии. Издал В. А. Францев. Варшава, 1905. С. 358–359. Печатается по последнему изданию, с исправлением по первой публикации.

Александр Степанович Жиряев (1815–1856), юрист. По Высочайшему повелению от 13-го февраля 1842 г. был отправлен за границу, где занимался юридическими науками в Берлине, Праге и Гейдельберге. Вернулся в Россию в 1846 г.

¹ Праздник Светлого Христова Воскресения приходился в 1845 г. на 15/27 апреля.

² Протоиерей Степан Карпович Сабинин (1789–1863), археолог и богослов.

Гоголь в письмах и воспоминаниях Н. А. Рамазанова и его друзей

Из писем Н. А. Рамазанова

Н. А. Рамазанов — П. А. и С. А. Смирновым

Рим. 9 ноября <н. ст.> 1845.

Милые мои, Павлуша и Соничка, крепко целую и обнимаю вас! <...> 7 ноября вечером мы были у бедного Штернберга¹ и я читал вслух сочинение Гоголя, а 8 ноября Штернберг в 9 часов утра уронил из глаза прощальную слезу с жизнью и оставил нас навсегда. <...>

Публикуется впервые по автографу: ГИМ. Ф. 457. Ед. хр. 2. Л. 59 об.

Письмо адресовано скульптором Николаем Александровичем Рамазановым (1817–1867) в Петербург его сестре Софье Александровне и ее мужу Павлу Алексеевичу Смирновым.

Кроме материалов, собранных в наст. разделе, свидетельства о Гоголе одного из друзей Рамазанова имеются также в публикации: <К. М. Климченко>. *Молотков. Письмо из Рима Никколе Синчеро <Н. А. Рамазанову>* (см. в наст. изд.).

¹ Василий Иванович Штернберг (1818–1845), художник.

Н. А. Рамазанов — П. А. и С. А. Смирновым

19 Генваря <н. ст.> 1846. Рим.

<...> Ах, Павлуша, теперь только я вижу всю жалкость нашей литературы, имея случай читать вещи, которые и не снились нашим мудреным головушкам, которые с виду кажутся очень учеными. Единственный Гоголь, которому воздвигнут олтари, впоследствии, за *Мертвые Души* и *Шинель*; — вот писатель, который станет на ряду с Сервантесом и Мольером. Дивная услуга России. — Не знаю, дают ли ему настоящую цену в отечестве или только оскорбляются? <...>

Публикуется впервые по автографу: ГИМ. Ф. 457. Ед. хр. 2. Л. 64.

Н. А. Рамазанов — А. А. Иванову

Москва, генваря 10, 1852 г.

<...> Нижеподписавшийся находится в Белокаменной и на днях встретился в бенефис Щепкина в Большом театре¹ с Н. В. Гоголем, почему и может сказать, что Николай Васильевич здрав, но крайне задумчив и скучен. <...>

Впервые опубликовано: Н. В. Гоголь. Материалы к проектированию нового памятника. М.; Л., 1936. С. 32. Печатается по изд.: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 742, с уточнением по: *Машковцев Н. Г.* Гоголь в кругу художников. Очерки. М., 1955. С. 162.

¹ 9 января 1852 г. В этот вечер были представлены следующие пьесы: «Беда от сердца и горе от ума», «Вести, или убитый живой», «Письмо без адреса», «Гаррик во Франции» и интермедия: «Артисты между собою» (Московские Ведомости. 1852. 8 янв. № 4).

Н. А. Рамазанов — Н. В. Кукольнику

<21–22 февраля 1852. Москва>

Кланяюсь Нестору Васильевичу и сообщаю крайне горестную весть...

Сего числа¹ после обеда прилег я на диван почитать, как вдруг раздался звонок и слуга мой Терентий объявил, что приехал г. Аксаков и еще кто-то и просят снять маску Гоголя. Эта нечаянность так поразила меня, что я долго не мог опомниться, хотя и вчера еще Островский, бывши у меня, говорил, что Гоголь крепко болен; но никто не ожидал такой развязки. В минуту я собрался, взял с собою моего формовщика Баранова и отправился в дом Талызина, на Никитский бульвар, где у графа Толстого проживал Николай Васильевич. Первое, что я встретил — это была гробовая крышка малинового бархата... стало быть нет никакого сомнения уже, что мы лишились необыкновенного человека! В комнате нижнего этажа я нашел останки так рано взятого смертию.

В минуту вспикел самовар, был разведен алебастр и лицо Гоголя было им покрыто. Когда я ощупывал ладонью корку алебастра — достаточно ли он разогрелся и окреп, то невольно вспомнил завещание (в письмах к друзьям), где Гоголь говорит, чтобы не предавать тело его земле, пока не появятся в теле видимые признаки разложения, — после снятия маски можно было вполне убедиться, что опасения Гоголя были напрасны²; он не оживет, это не летаргия, но вечный, непробудный сон! Хотя Гоголь во время болезни не хотел принимать лекарств, однако быть не может, чтобы он охотно расстался с жизнью.

Худо закрытый правый глаз его светился каким-то мутным, оловянным цветом, и как бы хотел еще раз посмотреть на жизнь.

Хоронят Гоголя в воскресенье, 24-го февраля. Он захворал, как мне говорили, от перехода со скоромной пищи на постную, ибо говел на первой неделе; перед смертию он соборовался³. Не выдаю за совершенную истину, но меня уверяли, что Гоголь незадолго перед смертию сжег в печке все заготовленные сочинения, в том числе и рукопись второго тома «Мертвых душ». При уходе от тела Гоголя наткнулся у крыльца на двоих безногих нищих, которые сидели на лубках, на снегу.

Подал я им и подумал: эти безногие бедняки живут, а великого Гоголя уж нет.

Впервые опубликовано, без первой фразы: *Данилевский М. Г. Г. П.* Данилевский, по личным его письмам и литературной переписке. (Письма братьев Аксаковых, Достоевских, князя П. А. Вяземского, П. Плетнева, А. Краевского, Даля Луганского, Костомарова, О. Бодянского и других). Харьков, 1898. С. 24–26. Печатается по первой публикации, с дополнением по изд.: *Одной «страшной тайной» станет меньше.* Найдено письмо, проливающее свет на смерть Гоголя // *Известия.* 2002. 29 апреля. № 75. С. 8.

Согласно публикациям самого Н. А. Рамазанова, описываемые в настоящем письме события относятся к 21 февраля 1852 г. (см. ниже в наст. изд. раздел: *Н. А. Рамазанов. Московская городская хроника. Художественные известия*). По указанию Ю. В. Манна, письмо датировано 22 февраля 1852 г. (*Известия.* 2002. 29 апреля. № 75. С. 8). По-видимому, послание было отправлено Н. А. Рамазановым на следующий день после того, как было написано.

¹ 21 февраля 1852 г.

² См. также в наст. изд. публикацию Н. А. Рамазанова «Московская городская хроника. Художественные известия» и письмо А. Н. Костылева П. И. Баргеву от 9 марта 1852 г.

³ Таинство соборования было совершено над Гоголем в понедельник второй недели Великого Поста, 18 февраля 1852 г.

Н. А. Рамазанов — С. П. Шевыреву

Сентября 27. 1852. <Москва>.

<...> Матвеев¹, которому я поручал сделать для Вас копию с портрета Н. В. Гоголя, кончил ее. Если Вы его вознаградите 30-ю рублями серебром, он будет очень благодарен.

Я, со своей стороны, прошу Вас покорнейше одолжить мне эту самую копию дней на пять для окончания миниатюры, с нее начатой. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 768. Печатается по первой публикации.

¹ Вероятно, художник Иван Матвеев (род. в 1814), бывший ученик Московского училища живописи и ваяния, в 1850 г. получивший звание свободного художника.

Н. А. Рамазанов — С. П. Шевыреву

<Октябрь 1852. Москва>

Портрет Н. В. Гоголя был задержан для копии М. С. Щепкину. Если нет особенной спешности к отдаче портрета, то прошу Вас покорно позволить продержать его недели три для копии М. П. Погдину. Работать будет тот же аккуратный Матвеев, почему за целость оригинала отвечаю. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 768. Печатается по первой публикации.

Н. А. Рамазанов — С. П. Шевыреву

<1853–1854>

Отлучившись в воскресенье по неожиданной надобности, я промедлил временем и по возврате домой узнал, что Вы уже приезжали взглянуть на бюст Гоголя. Премного перед Вами виноват и прошу извинения. Замечания Ваши переданы мне А. Г. Собоцанским, и я ими воспользовался, почему буду просить Вас вновь, в будущее воскресенье, взглянуть на бюст, чем премного обяжете искренне уважающего Вашего покорного слугу Рамазанова.

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 768. Печатается по первой публикации.

Н. А. Рамазанов

Гюдень в Москве

В то время, как царская фамилия приезжала в Москву для освящения нового кремлевского дворца¹, прибыл и французский художник Гюдень, имевший помещение в кавалерском флигеле того же дворца.

Тогда Гюдень был приглашен пообедать запросто в одном доме, в обществе художников, литераторов, и в том числе Гоголя. Известно, каково бывает это запросто в доме зажиточного радужного московского барича.

Начать с того, что Гюдень заставил всех очень долго ждать себя и голодать, почему брат хозяина дома поехал за ним в карете; наконец раздался звук колокола на парадной лестнице и в залу вошла французская знаменитость, в каком-то синем казакине, с грудью, сплошь увешенной орденами разных наций. В это мгновение мы входили в залу же из гостиной, с противоположной стороны, — и Гоголь увидав Гюдена в таком странном наряде, тут же заметил: да это курьер, а не художник! — Чтобы занять французского живописца, каждый из гостей ловчился говорить по-французски (большинство плохо говорило на этом языке). Перед обедом хозяин дома отрекомендовал присутствовавших, называя писателя Гоголя, почтенного сценического артиста М. С. Щепкина и других художников и литераторов. Айвазовский, давно знакомый с Гюденом, сидел рядом с ним... стало быть французский художник знал, был предупрежден, с кем он обедает; но удивляясь, действительно прекрасным, живым картинам из русской истории, бывшим в ряду празднеств, сопровождавших освящение новокремлевского дворца², Гюдень воскликнул: «я думал, что праздники ограничатся рядом военных эволюций и парадов, и никак не воображал, чтобы русские, здесь в Москве, могли устроить такие бесподобные, вполне изящные картины!» — Мы переглянулись, иной пожал плечами, а Гоголь с видимою решительностью не говорить более с Гюденом, обратился к остывавшему уже в его тарелке борщу, да и прочие гости смолкли, и Айвазовскому одному пришлось вести разговор с иностранным художником. В конце обеда, сам Гюдень начал занимать нас, вынимая из кармана то письмо к нему от герцога Рейхштатского³, то письмо Людовика-Филиппа и других именитых особ, которые давал на прочтение. В это время подавали мороженое и письма эти обошли круговую гостей, без прочтения. И после обеда мне слышалось замечание Гоголя: да это курьер, а не художник!

Впервые опубликовано: *Рамазанов Н.* Гюдень в Москве // *Рамазанов Н.* Материалы для истории искусств в России. М., 1863. Кн. 1. С. 237–238. Печатается по первой публикации.

Жан Антуан Теодор де Гюден (Gudin, 1802–1880), французский художник.

¹ Освящение Большого Кремлевского дворца, сооруженного по проекту архитектора К. А. Тона после разрушений Кремля в 1812 году, состоялось в пасхальную ночь 3 апреля 1849 г.

² В честь освящения Большого Кремлевского дворца в субботу Светлой седмицы, 9 апреля 1849 г., в доме московского генерал-губернатора графа А. А. Закревского было устроено театрализованное шествие, в котором были представлены жители народов мира и знаменитых русских городов и областей — Киева, Владимира, Москвы, Петербурга и др., а также исторические лица: Добрыня, Ермак, Иван Сусанин, князь Д. М. Пожарский, М. В. Ломоносов и др. 11 апреля 1849 г. это празднество было повторено в зале благородного собрания. См. также в наст. изд. коммент. к письму С. Т. Аксакова к сыну Ивану от 8 марта 1849 г.

³ Наполеон II Бонапарт (1811–1832), герцог Рейхштатский (с 1818 г.), сын Наполеона I.

Н. А. Рамазанов

Московская городская хроника. Художественные известия

<...> В последние пятнадцать лет снятие масок с покойников так распространилось, что скульптор и формовщик стали так же необходимы при мертвеце, как гробовщик и можжевельник. Признаюсь, трудно отнести подобное положение художника к счастливым часам его жизни. <...>

21-го февраля <1852 года>, после обеда, раздался звонок в моей квартире, и явился сильно встревоженный г. А<ксако>, который объявил о смерти Н. В. Гоголя. Правда, до того уже были точные слухи о тяжкой болезни последнего; но вряд ли кто равнодушно мог вынести весть

о смерти этого человека. Однако нельзя было медлить; я позвал старика формовщика¹, и чрез четверть часа мы были уже на Никитском бульваре, в доме графа Т<олстого>. Гробовая крышка, встреченная нами у входа, подтвердила внезапную горестную весть. Я взошел по парадной лестнице в верхние покои, где в совершенной темноте ходил по комнатам хозяин дома, и на вопрос: где Н. В. Гоголь? он ответил, указывая обратно на лестницу: там, внизу. Когда я подошел к телу Гоголя, он не казался мне мертвым. Улыбка рта и не совсем закрытый правый глаз его породили во мне мысль о летаргическом сне, так что я не вдруг решился снять маску; но приготовленный гроб, в который должны были положить, в тот же вечер, его тело, наконец, беспрепятственно прибывавшая толпа желавших проститься с дорогим покойником, заставили меня и моего старика, указывавшего на следы разрушения², поспешить снятием маски, после чего с слугою, мальчиком Гоголя, мы очистили лицо и волосы от алебаstra и закрыли правый глаз, который, при всех наших усилиях, казалось, хотел еще глядеть на здешний мир, тогда как душа умершего была далеко от земли. <...>

Впервые опубликовано: *Рамазанов Н.* Московская городская хроника. Художественные известия // Литературный отдел Московских Ведомостей 1853 года, февраля 26-го дня, № 25-й. С. 260; см. также: *Рамазанов Н.* Маски с умерших // *Рамазанов Н.* Материалы для истории художеств в России. М., 1863. Кн. 1. С. 233. Печатается по первой публикации.

¹ Имеется в виду формовщик Баранов.

² См. также в наст. изд. письмо Н. А. Рамазанова к Н. В. Кукольнику от 21–22 февраля 1852 г. и письмо А. Н. Косылева П. И. Бартеневу от 9 марта 1852 г.

Ф. Г. Аралов — Н. А. Рамазанову

24 апреля 1852 г. <Санкт-Петербург>.

<...> Благодарю Вас за присылку маски Гоголя, которую Степанов¹ получил исправно. <...>

Наш расчетливо-холодный Петербург принял слишком равнодушно известие о смерти Гоголя. Мало того, великоученый муж, Ф. В. Булгарин, не постеснялся даже напечатать в «Северной пчеле», что покойный Гоголь был ни больше, ни меньше как весьма обыкновенный рассказчик, шутник, малороссийский балагур, век свой рисовавший не живые характеры людей, а безобразные карикатуры². <...> Вслед за тем получено печальное известие о смерти в Бадене В. А. Жуковского. Вот еще место порожнее среди нашей литературы! По крайней мере, Жуковский наслаждался при жизни своей всем обаянием славы поэта. Его все любили, уважали; он умер, завещав потомству замечательные творения своей долговременной поэтической жизни; на свежей могиле его почитают благословение современников, и дальнейшее потомство не откажет поэту в своей любви и душевной признательности. Мир праху его! Это была кроткая, любящая душа, не оскорблявшая испорченный наш век бичом сатиры, снисходительно взиравшая на слабости смертных. Не такова участь Гоголя! Последний умер, не высказав, может быть, и половины того, что предстояло совершить ему. Умер многими не понятый, оскорбляемый при жизни, и теперь, когда могила, казалось, должна бы поглотить все личные отношения людей, и теперь не перестают издеваться над его прахом. Грустно и досадно! <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Н. Д. Эфрос // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 760, 762. Печатается по первой публикации.

Федор Григорьевич Аралов, чиновник петербургского Воспитательного дома в 1829–1833 гг., приятель композитора А. С. Даргомыжского.

¹ Вероятно, генерал от инфантерии, писатель Петр Александрович Степанов (1805–1891), автор воспоминаний о А. С. Даргомыжском.

² Имеется в виду публикация: <Булгарин Ф. В.> Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная Пчела. 1852. 19 апр. № 87. С. 345–346. В защиту Гоголя от нападок Ф. В. Булгарина, высказанных в этой статье, выступили М. П. Погодин (см. в наст. изд. статью М. П. Погодина «Ответы г. Булгарину») и Г. П. Данилевский (см. в наст. изд. коммент. к «Воспоминаниям Аксаковых в статье П. А. Кулиша «Выправка некоторых биографических известий о Гоголе»»).

Из писем М. П. Бибикова к Н. А. Рамазанову

М. П. Бибиков — Н. А. Рамазанову

21 ноября <1855>.

<...> Какой это Шаповалов, у которого ты был на вечере? Уж не тот ли добрый и милый малый, которого я знал в Риме и которого тогда все звали синьором Шаповаленко? Если это тот самый, пожалуйста, поклонись ему от меня. И если это тот самый, то можешь употребить его на дело очень занимательное. Он в Риме все время жил с Гоголем, или, по крайней мере, виделся с ним каждый день (Гоголь даже подарил ему [свой] альбом своих эскизов с римской природы) и может дать тебе о Гоголе любопытнейшие сведения и подробные, интереснейшие детали о его художнической жизни в Риме. Шаповалов же, как большая часть малороссов, красноречив и рассказывает очень оригинально и приятно. Попробуй [написать] описать с его слов эту эпоху из жизни великого нашего писателя. Тем более статья твоя будет занимательна, что до сих пор, кроме малозначачих писем Гоголя, ничего нет относящегося ко времени его пребывания в Италии. Право, попробуй, дело хорошее, и тебе придется по душе. Вещь, верно, из твоих рук выйдет превосходная — и статью твою Краевский оторвет у тебя с руками и заплатит тебе все, что захочешь. — *За это я тебе ручаюсь.* Напиши мне, если дело пойдет на лад, и я внесу мою лепту и дам тебе кое-какие сведения и подробности о жизни Гоголя в Риме.

Впервые частично опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация Н. Д. Эфрос // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 596. Печатается по автографу: ГИМ. Ф. 457. Ед. хр. 7. Л. 97об.–98.

Матвей Павлович Бибиков (1812–1856), писатель. См. также о нем в наст. изд. в разделе *Ф. Ноак. Германская культура в Риме, с конца Средних веков.*

М. П. Бибиков — Н. А. Рамазанову

<19 апреля 1856>

19 апреля¹. Христос Воскресе! <...> ...Ну не скотина ли безымянный критик С<анкт-Петербургских> Ведомостей! по поводу письма Гоголя к Погодину², вот, он говорит: Откуда такое безусловное благоговение Гоголя к Погодину, не кроется ли оно в том, что Погодин часто одолжал Гоголя деньгами? Гоголь впрочем очень хорошо знал, что ссуда денег не всегда признак любви и бескорыстного желания добра, под нею часто кроется задняя мысль, желание овладеть, для личных своих целей, волею и временем одолженного человека. — Это из рук вон низко! <...> спрашивается: с какого права этот господин вмешивается в дела, чисто партикулярные, двух приятелей? (а как Гоголь-то любил Погодина!) После такой непристойной и бессердечной выходки всякое благородное, бескорыстное чувство позволяет печатно втоптать в говно. Да этот господин во сто раз несноснее желчного Белинского, озлобленного на весь мир бедностью и чахоткой. — Сам Белинский, не любивший ни Погодина, ни Шевырева, не решился б сказать такую гадость.

Публикуется впервые по автографу: ГИМ. Ф. 457. Ед. хр. 7. Л. 50 об.–51.

¹ На 19 апреля приходилась в 1856 г. Лазарева суббота.

² По-видимому, имеется в виду рецензия на публикацию в январе 1856 г. сорока девяти писем Гоголя к М. П. и Е. В. Погодиным 1832–1841 гг.: <Погодин М. П.> Письма Гоголя. К М. П. Погодину // Москвитянин. 1855. № 19 и 20. Октябрь (цензурное разрешение 19 янв. 1856). Кн. 1 и 2. С. 1–56.

Записки Фрагмент

<...> 1845-й год. <Веймар> <...> 17 (29) июня мы всей семьей поехали навестить семейство профессора Коха¹; всего два часа езды на лошадах. Когда вечером мы вернулись, то узнали, что приехали и были у отца Николай Васильевич Гоголь и граф Александр Петрович Толстой.

На другой день мы пришли к отцу, и я первый и последний раз видела знаменитого писателя. Он был небольшого роста и очень худощав; его узкая голова имела своеобразную форму — френолог бы сказал, что выдаются религиозность и упрямство. Светлые волосы висели прямыми прядями вокруг головы. Лоб его, как будто подавшийся назад, всего больше выступал над глазами, которые были длинноватые и зорко смотрели; нос сгорбленный, очень длинный и худой, а тонкие губы имели сатирическую улыбку. Гоголь был очень нервный, движения его были живые и угловатые, и он не сидел долго на одном месте: встанет, скажет что-нибудь, пройдет несколько раз по комнате и опять сядет. Он приехал в Веймар, чтобы поговорить с моим отцом о своем желании поступить в монастырь. Видя его болезненное состояние, следствием которого было ипохондрическое настроение духа, отец отговаривал его и убедил не принимать окончательного решения. Вообще Гоголь мало говорил, оживлялся только когда говорил, а то все сидел в раздумьи. Он попросил меня сыграть ему Шопена; помню только, что я играла ему. Моей матери² он подарил хромолитографию — вид Брюлевской террасы³; она наклеила этот вид в свой альбом и попросила Гоголя подписаться под ним. Он долго ходил по комнате; наконец сел к столу и написал: «Совсем забыл свою фамилию; кажется, был когда-то Гоголем». Он исповедывался вечером накануне своего отъезда, и исповедь его длилась очень долго⁴. После Св. Причастия он и его спутник сейчас же отправились в дальнейший путь в Россию⁵, пробыв в Веймаре пять дней⁶. <...>

Впервые опубликовано: Записки Марфы Степановны Сабининой // Русский Архив. 1900. № 4. С. 534–535; см. также: *Игумен Макарий <Веретенников>*. Памяти протоиерея Стефана Сабина // Журнал Московской Патриархии. 1984. № 4. С. 17; *Воропаев В. А.* «Духом схимник сокрушенный...» // Прометей. Т. 16. М., 1990. С. 265. Печатается по первой публикации.

Марфа Степановна Сабина (1831–1892), дочь протоиерея Степана Карповича Сабина (1789–1863), археолога и богослова; одна из основательниц Общества Красного Креста в России (первоначально — «Общество попечения о раненых и больных воинах»), настоятельница крымской Благовещенской общины сестер милосердия (1876–1892). «Сабинины происходят от Ивана Сусанина, дочь которого Антонина вышла замуж за Сабина» (Записки Марфы Степановны Сабининой // Русский Архив. 1900. № 4. С. 519). В 1823 г. Сабинин получил место священника при русской дипломатической миссии в Копенгагене и более четырнадцать лет прожил в Дании. Его дочь вспоминала: «Выдающиеся способности моего отца, как богослова, педагога и археолога, обратили на него внимание императора Николая Павловича, и в 1837-м году, по высочайшему повелению, он был переведен в Веймар духовником к великой княгине Марии Павловне, супруге грос-герцога Саксен-Веймарского Карла Фридриха» (Записки Марфы Степановны Сабининой // Русский Архив. 1900. № 4. С. 527). «Осенью 1843-го года мы переехали на новую квартиру, в которой прожили до самой смерти моего отца. Эта квартира была тем удобна, что в том же доме помещалась и православная церковь» (Записки Марфы Степановны Сабининой // Русский Архив. 1900. № 4. С. 532). М. С. Сабина получила первоклассное музыкальное образование (ее учителями были Клара Шуман, Г. фон Бюлов, Фр. Лист и др.), состояла

преподавательницей музыки при Саксен-Веймарском дворе, с 1860 г. — при русском Императорском дворе. Является автором двух опер и многих других музыкальных произведений.

В конце июня — начале июля н. ст. 1845 г. Гоголь сжег первоначальную редакцию второго тома «Мертвых душ», предполагая оставить литературное поприще и уйти в монастырь. 29 июня (н. ст.) 1845 г. он приехал в Веймар к о. Степану Сабину.

¹ «1844-й год. <...> Профессор Карл Кох отправился путешествовать на Кавказ; он был ботаник и, по возвращении из Кавказа, он издал описание своего путешествия. Мой отец и он, да и вообще его и наше семейства, находились в дружеских отношениях. Впоследствии он был назначен директором ботанического сада в Берлине, где и оставался до конца своей жизни» (Записки Марфы Степановны Сабининой // Русский Архив. 1900. № 4. С. 533).

² Александра Тимофеевна Сабина (рожд. Вещезорова, 1806–1882).

³ Одна из достопримечательностей Дрездена, названная по имени Генриха Брюля (1700–1763), министра Августа III, короля Польского и курфюрста Саксонского.

⁴ 14 июля (н. ст.) 1845 г. Гоголь сообщил В. А. Жуковскому из Берлина: «Для душевного моего спокойствия оказалось мне нужным отъезд в Веймар. Граф Толстой также говел вместе со мною. Добрый веймарский священник советовал мне убедительно посоветоваться еще на дороге с знаменитым доктором в Галле, *Крукенбергом*. К сему склонял меня и граф Толстой, видевший усиливавши<еся> мои припадки, исхуданье и странный, болезнен<ный> цвет кожи».

⁵ На самом деле Гоголь держал путь в Берлин и по дороге туда заехал в Галле, чтобы встретиться с местным врачом.

⁶ С воскресенья 29 июня по четверг 3 июля (н. ст.) 1845 г.

Свидетельства о Гоголе в записи Н. П. Бочарова

Н. П. Бочаров

Новинки для биографии Н. В. Гоголя <Диплом на звание почетного члена, выданный Гоголю Императорским Московским университетом> Фрагмент

Эти новинки только что привез в Москву В. А. Гиляровский, возвратившийся третьего дня из трехнедельной поездки по Яновщине, Полтавской губернии. <...>

Как члену общества любителей российской словесности, Н<иколай> В<ладимирович> Быков передал В. А. Гиляровскому для хранения в общество диплом Н. В. Гоголя на звание почетного члена московского университета.

Вот подлинный текст этого диплома:

«Состоящий под Высочайшим покровительством Государя Императора Николая Павловича Императорский московский университет, уважив отличные в ученом свете заслуги и литературные труды по части русской словесности господина коллежского советника Николая Васильевича Гоголя, признает его почетным своим членом, с полной уверенностью в его содействии московскому университету во всем, что к успехам наук способствовать может. Дан в Москве июня 16 дня 1845 года».

Подписали:

Попечитель московского учебного округа, Его Императорского Величества генерал-лейтенант, сенатор и кавалер граф Сергей Строганов.

Ректор Аркадий Альфонский¹.

Секретарь совета Василий Спекторский. <...>

Впервые опубликовано: *Бочаров Н.* Новинки для биографии Н. В. Гоголя // *Русское Слово*. 1901. 20 окт. № 289; перепечатано: *Новинки для биографии Н. В. Гоголя* // *Киевская Газета*. 1901. 21 окт. № 293. С. 2; *Новое Время*. 1901. 22 окт. № 9208. Фототипическое воспроизведение см.: *Курьер*. 1902. 21 февр. № 52; а также: *Николай Васильевич Гоголь. Материалы, собранные А. А. Бахрушиным. 1893–1912: В 3 т. М., СПб., 2009. Т. 1. С. 446.* Печатается по первой публикации.

Николай Петрович Бочаров (1838–1912), статистик и археолог.

¹ Аркадий Алексеевич Альфонский (1796–1869), ректор Московского университета (1842–1848), доктор медицины и хирургии.

Н. В. Гоголь в Москве (Историческая справка) Фрагменты

<...> Говорят, что Н. В. Гоголь особенно любил прогуливаться по Пречистенскому бульвару. Могу подтвердить это рассказом очевидца и современника Н. В. Гоголя, записанным мною лет 15 тому назад.

Гоголь нередко посиживал на скамеечке Пречистенского бульвара и беседовал со своим знакомым Петром Васильевичем Хавским¹, с которым он встречался у М. П. Погодина. П. В. Хавский – автор книги под названием: «*К семисотлетию Москвы*» (1147–1847 г.). Это был первый библиографический указатель для первостольной².

П. В. Хавский в то время только что окончил составленную им церковную «Хронологию»³. Кроме того, перу его принадлежит множество исторических статей, помещенных в различных журналах и газетах.

У Хавского недалеко от бульвара был в переулке свой дом: следовательно, встречи случались часто. Материал для собеседников был обильный. Как-то раз Н. В. Гоголь и П. В. Хавский согласились вместе поехать на обед к весьма известному в то время в Москве фабриканту серебряных изделий Сергею Ивановичу Губкину⁴, о чем и уведомили его. Местом сбора для поездки назначен Пречистенский бульвар.

С. И. Губкин ждет гостей. Проходит после обычного обеденного времени час, другой, но ни Гоголя, ни Хавского нет. Наскучив ожиданием, С. И. Губкин посылает за ними своего ученика Борисова.

Не найдя дома ни Гоголя, ни Хавского, Борисов отправился на Пречистенский бульвар, где и нашел двух приятелей, с увлечением беседовавших друг с другом. Оказывается, они за интересной беседой забыли о том, что обещали быть у С. И. Губкина.

Рассказ этот мною записан лет 15 тому назад со слов самого Борисова, которого Губкин посылал разыскивать Гоголя и Хавского.

Окончив учение, Яков Алексеевич Борисов был потом мастером у Губкина, а в то время, когда он передавал мне свои воспоминания, у него была уже своя мастерская за рекой Москвой, на Кузнецкой улице. <...>

Что же касается до С. И. Губкина, то в свое время он славился своими изделиями, отличавшимися чистотою отделки и художественностью работы. <...>

Первые опубликовано: *Бочаров Н. Н. В. Гоголь в Москве. (Историческая справка) // Русское Слово. 1908. 12 июня. № 135. С. 5. Печатается по первой публикации.*

¹ Петр Васильевич Хавский (1774–1876), юрист, историк, археолог.

² Впервые этот труд был издан в 1839 г. под названием «Указатель источников истории и географии Москвы с ее древним уездом». Переиздано, с небольшими изменениями, под заглавием: «Семисотлетие Москвы (1147–1847), или указатель источников ее топографии и истории за семь веков». В 1868 г. появилось третье издание, под названием «Древность Москвы».

³ Имеются в виду «Хронологические таблицы», изданные в трех книгах в 1848 г.

⁴ Имеется в виду и владелец фабрики и магазина серебряных изделий в Москве Михаил Иванович Губкин (см.: Указатель Москвы. Составлен по распоряжению г. Московского обер-полицеймейстера редактором Ведомостей Московской городской полиции М. Захаровым. М., 1852. Ч. 2. С. 44, 141).

Маска с Н. В. Гоголя и дом, где он скончался (Историческая справка) Фрагмент

<...> Что <...> касается до дома гр<афа> Т., на Никитском бульваре, то многие ошибочно предполагают, что это был дом гр<афа> Толстого, обер-прокурора Святейшего Синода. В доме этом только жил гр<аф> Толстой, а у него в квартире, в нижнем этаже, проживал Н. В. Гоголь. В действительности же дом этот принадлежал Талызину, что подтверждается и следующей выпискою из метрической книги приходской церкви Симеона Столпника на Поварской улице:

«В метрической книге московской пречистенского сорока Симеоновской, на Поварской, церкви, за тысяча восемьсот пятьдесят второй (1852) год, в третьей части — о умерших в Москве под № 2 мужска пола записано так: месяца февраля двадцать первого числа помер живший в доме тайного советника Александра Стефановича Талызина¹, коллежский ассесор Николай Васильевич Гоголь, 43 лет, от простуды; погребен двадцать четвертого числа того же месяца в Даниловском монастыре. Погребение совершал приходский священник Алексей Иоаннович Соколов² с диаконом Иоанном Михайловым Пушкиным, дьячком Георгием Александровичем Линьковым и пономарем Петром Кириловым Марковым».

В настоящее время дом этот принадлежит г-же Шереметевой и фототипические рисунки с него вошли уже в приложения к периодическим изданиям.

Я застал этот дом еще в его первоначальном виде. Со стороны Никитского бульвара над нижним этажом, где проживал Н. В. Гоголь, был зимний сад со стеклянными оранжерейными окнами во всю стену второго этажа.

Уже по кончине В. А. Шереметева, владевшего этим домом после Талызина, зимний сад обращен в жилые комнаты и, таким образом, по наружному фасаду со стороны бульвара дом этот стал двухэтажным.

Лет 20 тому назад показывали мне и комнаты в нижнем этаже, где жил Н. В. Гоголь. Цел был тогда и исторический камин³.

Что же касается до найденного теперь кресла Н. В. Гоголя, то первое известие о нем я получил от М. Н. Покровской, урожденной графини Толстой, доньне здравствующей в своем имении «Гончары».

Рудаков, служивший у графов Толстых при жизни Н. В. Гоголя, сам рассказывал Марье Николаевне Покровской, что он хранит у себя гоголевское кресло, которое он, по кончине Н<иколая> В<асильевича> и по переезде гр<афини> Толстой в собственный дом на Кудринской-Садовой, и перенес с собою⁴.

Первые опубликовано: *Бочаров Н.* Маска с Н. В. Гоголя и дом, где он скончался. (Историческая справка) // Русское Слово. 1902. 23 февр. (8 марта). № 53. С. 3. Печатается по первой публикации.

¹ Поскольку ко времени кончины Гоголя граф А. П. Толстой, судя по приведенной Н. П. Бочаровым выписке из метрической книги, не был владельцем дома на Никитском бульваре (см. также в наст. изд. раздел *Документы Московской городской полиции и Московского надворного суда о кончине Гоголя*), то, возможно, домовая церковь здесь появилась позднее (см. в наст. изд. примеч. 17 к письму С. П. Шевырева М. Н. Синельниковой от 2 апреля 1852 г.). Разрешение на создание домового храма вряд ли могло быть получено на съемное, арендуемое помещение.

² «В 1852 году поминальная суббота совпадала с праздником Сретения, и потому поминальную субботнюю службу служили в пятницу. Гоголь в этот день молился в своем приходе, у Симеона Столпника, где в то время священствовал Алексей Иванович Соколов, ныне протопресвитер храма Христа Спасителя» (*Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1897. Т. 11. С. 531).

³ Ср. также описание 1934 г.: «На Никитском бульваре, под № 7-а, парадным фасадом на широкий двор, стоит длинный двухэтажный особняк. Он очень прост и почти лишен архитектурных украшений, огромный балкон посредине дома поднимают неуклюжие квадратные столбы. Кремовая с белым раскраска особняка изъедена временем и непогодой. На боковом фасаде, выходящем на бульвар, — мраморная доска с полустертой золоченой надписью: “Въ этомъ домѣ жилъ и умеръ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ. 1852”. <...> В просторной передней, прямо против входа — приземистые колонны, между ними — деревянная лестница на второй этаж. Гоголевские комнаты внизу, направо и налево от лестницы. <...> Если наружный вид дома со времени Гоголя остался без изменений, то внутри от прежнего — только передняя, массивные арки и холодные комнаты. Какие именно комнаты занимал Гоголь, как они были обставлены, сейчас можно восстановить только по воспоминаниям современников, не всегда точным и подробным. Его рабочим кабинетом была достаточно светлая и просторная угловая комната в правой половине дома — два окна на двор, два на бульвар. <...> Умер Гоголь в другой половине дома, левой, и также, вероятно, в угловой комнате, окнами во двор. Прямых указаний об этом современники не оставили. Еще более расплывчаты их указания на то, где были сожжены “Мертвые души”. В этой половине дома три камина, и ни один из них не похож на ту печь, о которой писал Погдин, или на тот камин, который памятен по известной картине Клодта “Гоголь сжигает рукопись «Мертвых душ». Сейчас в особняке общежитие Ком<мунистического> института просвещения. Почти каждый из жильцов, в комнате которого сохранился камин, утверждает, что “Мертвые души” были сожжены именно в его камине. Таких каминов нам пришлось видеть несколько... <...> В одном из своих писем Гоголь писал: “А<лександр> П<етрович> (гр<аф> Толстой) живет так уединенно и таким монастырем, что и я, любящий тишину, переехал к нему” <письмо к протоиерею Матфею Константиновскому от 28 декабря 1848 г.>. Эта монастырская обстановка <...> <поддерживалась> тем <...> великопостным звоном, который с утра до вечера стоял над Москвой. Звонили у обоих Борисов и Глебов — у Арбатских ворот и на Поварской, у Федора Студита, у Большого Вознесения, у Симеона Столпника... От “монастыря” гр<афа> Толстого давно ничего не осталось. <...> Мимо старого особняка, который так и просится быть гоголевским музеем, проносятся трамваи, автомобили, автобусы. Премит улица, и ничто кроме малозаметной мемориальной доски не напоминает о последней <...> странице биографии Гоголя» (Б. А. Дом, в котором умер Н. В. Гоголь // Литературная газета. 1934. 28 марта. № 38 (354). С. 4).

Об истории создания на Никитском бульваре, в доме № 7-а, музея Гоголя, — завершившейся в 2005 г., при директоре Городской библиотеки № 2 им. Н. В. Гоголя В. П. Викуловой, образованием мемориально-библиотечного центра «Дом Гоголя», см.: *Виноградов И. А.* От дома Талызина к Дому Гоголя // Дом-музей писателя: история и современность. Одиннадцатые Гоголевские чтения. Сб. статей по материалам Междунар. науч. конф. Москва. 1–3 апреля 2011 г. / Департамент культуры г. Москвы; ГБУК «Дом Гоголя — мемориальный музей и научная библиотека»; под общ. ред. В. П. Викуловой. Новосибирск: Новосиб. изд. дом, 2011. С. 39–49.

⁴ См. в наст. изд. статью В. А. Гиляровского «Неизданное письмо Гоголя и его кресло». Василий Иванович Рудаков, брат Александра Ивановича Рудакова (также служившего дворецким у графа А. П. Толстого), сын Веры Гавриловны Рудаковой (рожд. Медведевой), сводной сестры преподобного Антония (Медведева). В семье В. И. Рудакова хранилось, в частности, письмо к Гоголю отца Матфея Константиновского от 12 февраля 1852 г.: «Письмо о. Матфея печатается нами с подлинника, принадлежащего Е<л>. Ф. Рудаковой, жене управляющего домом гр<афа> А. П. Толстого, где умер Гоголь, — В. И. Рудакова. Спустя несколько времени после смерти Гоголя комната, в которой он умер, была отведена под квартиру управляющего, и там было найдено письмо о. Матфея. Оно занимает две странички почтовой бумаги, мелко исписанные со всех четырех сторон и сложенные втрое. Письмо было отослано Гоголю не по почте, так как конверта не было: перегнутое втрое, письмо было запечатано сургучом и на одной стороне надписан <...> адрес» (*Дурылин С.* Неизданное письмо о. Матфея к Гоголю // *Весы.* 1909. № 4. С. 68).

Записи о Гоголе в курортной книге Карлсбада 1845 г.

Перечень отдыхающих на курорте, прибывших 20 июля (н. ст.) 1845 г. Фрагмент

DER ANGEKOMMEN P. T. CURGÄSTE			
Partheien-Zahl	Ankunft ¹	NAMEN, CHARACTER UND WOHNUNG ²	Personen-Zahl ³
2371	20. Juli ⁴	Herr Nicolaus von Gogol, Partikulier, aus Moskau	1

Перечень лиц, выехавших из Карлсбада 15 августа (н. ст.) 1845 г. Фрагмент

Abgegangen sind:	
P<artheien>-Z<ahl> 2371.	Hr. Nicolaus v. Gogol, n<ach> Gräfenberg ⁵ .

Печатается по фотокопии в изд.: Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 677; дата отъезда Гоголя из Карлсбада приводится по изд.: Фридкин В. М. Пропаший дневник Пушкина. Рассказы о поисках в зарубежных архивах. М., 1987. С. 59 (см. ниже примеч. 4).

В 1710, 1711 и 1712 гг. в Карлсбаде был Петр I, установив на одной из вершин Карлсбадских гор дубовый крест, с вырезанными им же инициалами, отчего эта вершина стала называться «высотой Петра» (Peterhöhe). В 1830 г. на этой скале в честь Петра I был установлен каменный памятник с его бюстом. «Петр Великий приезжал в Карлсбад для лечения, но его ум не мог оставаться в покое. В Карлсбаде и его окрестностях не оставалось ни одной фабрики, ни одной мастерской, которых бы он не посетил, а в некоторых из них он сам работал. Он работал на лесах дома “Pfan” в самом Карлсбаде; в деревне Пиркенгаммере собственноручно выковал железную подкову и железную палку, о чем свидетельствует надпись в одном из зданий этой деревни. Карлсбадское предание повествует о том, что Петр I-й строил здесь модели кораблей и крепостей, которые увез с собою в Россию. До сих пор еще сохранилось в Карлсбаде несколько предметов, связанных с именем и личностью Петра I, и рассказов о разнообразных происшествиях, героем которых был этот государь» (Мальцев А. П., протоиерей. Берлинский Братский Ежегодник. Православные церкви и русские учреждения за границу. Справочник с календарем на 1906 год. СПб., 1906. С. 147).

¹ Прибытие (нем.).

² Имя, характеристика и проживание.

³ Число людей (нем.).

⁴ Ср. также сообщение В. М. Фридкина, пользовавшегося той же курортной книгой Карлсбада (современное название — Карловы Вары), а именно «изданием списков путешественников, приезжавших на лечение в Карловы Вары в прошлом веке (“Carlsbader Badeliste” — Курортная книга Карлсбада; нем.): «Просматривая как-то эти списки за 1845 год, я нашел под номером 2371 сообщение о прибытии 20 июля <н. ст.> Гоголя. Согласно этой регистрации, <г-н Николай фон Гоголь из Москвы, штатский, прибыл без сопровождающих лиц и остановился в доме “Russia” на

Егерштрассе. Через несколько страниц я нашел сообщение об отъезде Гоголя 15 августа <н. ст.> 1845 года в Есенские лазни <в Гreifenберг; см. примеч. ниже>» (*Фридкин В. М. Пропавший дневник Пушкина. С. 58*).

⁵ См. в наст. изд. сведения, внесенные С. П. Шевыревым в «Itinerarium, составленный на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя»: «1845 <...> 8-го авг<уста (н. ст.)> из Карлсб<ада> в Грейфенберг, через Прагу». Вероятно, время действительного отправления Гоголя из Карлсбада — 15 августа (н. ст.) 1845 г. (см. примеч. выше); в паспорте отметка о выезде была, по-видимому, сделана за неделю до самого отъезда. В курортное местечко Гreifenберг-Фрейвальдау (Gröfnberg-Freiwaldau; современное название — Приснитцовы Лазне в Есенике) Гоголь отправился на водное лечение к врачу В. Присницу. В Прагу Гоголь приехал 17 августа (н. ст.) 1845 г., в Гreifenберг — 23 августа (н. ст.) 1845 г.

В середине сентября 1845 г. Гоголь написал из Гreifenберга письмо к графине А. М. Виельгорской с новыми наставлениями по поводу ее «пациента», о котором упоминал ранее в письме к ней же от 23 ноября (н. ст.) 1844 г. (речь, возможно, шла о графе В. А. Соллогубе, доставлявшем огорчения своей жене Софье — родной сестре Виельгорской; ср. письмо Гоголя к А. О. Смирновой от 24 сентября (н. ст.) 1844 г.). В письме из Гreifenберга Гоголь призывает Виельгорскую удвоить усилия: «Не смущайтесь ни недоступностью его, ни сумрачностью вида, ни сухостью приема и подходите к нему как нежнейшая сестра подходит к брату, снедаемая только одним желанием внести утешение в страждущую душу, о том одном только помышляющая, о том одном только молящая и просящая у Бога ежеминутно только того, чтобы внушил для этого средства, просветил и обучил ее разум». А о собственном «нашем здоровье, нашей хандре» следует позабыть (цит. по: *Мани Ю. В. Гоголь. Труды и дни: 1809–1845. М., 2004. С. 735*).

Сведения о найме Гоголем квартиры в Риме с 28 октября (н. ст.) 1845 г. по 18 апреля (н. ст.) 1846 г.

1845. <...> *Октября 25 <13>. Рим.* <Домовладелицы> Антонина и Виттория Гуэрра (Guerra) заключают договор с Гоголем о сдаче ему в наем части их квартиры на улице Креста (Via della Croce, № 82¹). По договору Гоголь получает в пользование две меблированные комнаты и большой зал на третьем этаже палатцо <князя> Понятовского (palazzo Pouniatoski). <...> Текст договора рукою В. Гуэрра, на ит. яз.

Октября 28 <16>. Рим. Антония и Виттория Гуэрра получают от Гоголя плату за наем квартиры с 28 октября по 24 ноября (н. ст.). <...> Текст расписки, выданной Гоголю В. Гуэрра, на ит. яз. <...>

Ноября 25 <13>. Рим. Антония и Виттория Гуэрра получают от Гоголя плату за наем квартиры с 25 ноября по 24 декабря (н. ст.). <...> Текст расписки, выданной Гоголю В. Гуэрра, на ит. яз. <...>

Декабря 26 <14>. Рим. Антония и Виттория Гуэрра получают от Гоголя плату за наем квартиры с 26 декабря по 28 января (1846). <...> Текст расписки, выданной Гоголю В. Гуэрра, на ит. яз. <...>

1846. <...> *Января 29 <17>. Рим.* Антония и Виттория Гуэрра получают от Гоголя плату за наем квартиры с 29 января по 25 февраля. <...> Текст расписки, выданной Гоголю В. Гуэрра, на ит. яз. <...>

Февраля 26 <14>. Рим. Антония и Виттория Гуэрра, предположительно, получают от Гоголя плату за наем квартиры с 26 февраля по 24 марта. Расписка не сохранилась; см. <1846> *Января 29 <17> и Марта 25 <13>. <...>*

Марта 25 <13>. Рим. Антония и Виттория Гуэрра получают от Гоголя плату за наем квартиры с 25 марта по 2 мая. <...> Текст расписки, выданной Гоголю В. Гуэрра, на ит. яз. (на листе бумаге, бывшей в употреблении у Гоголя, с филигранью: орел с распахнутыми крыльями на трех камнях в круге; изображение см.: Соч. *Н. В. Гоголя*. 10-е изд. Текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Н. Тихонравовым. М., 1889. Т. 1, между с. 2 и 3; № 4).

Марта 29 <17>. Рим. Антония и Виттория Гуэрра получают от Гоголя отдельную (возможно, дополнительную) плату за наем квартиры с 29 марта по 18 апреля. <...> Текст расписки, выданной Гоголю В. Гуэрра, на ит. яз., на листе бумаге, бывшей в употреблении у Гоголя, с филигранью: орел с распахнутыми крыльями на трех камнях в круге. См. также <1846> *Марта 25 <13>.*

Впервые опубликовано: *Виноградов И. А., Воронин В. А.* Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя // *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2010. Т. 16. С. 542, 545, 549, 551, 553, 555. Печатается по первой публикации, с уточнением по подлинникам: *РГБ*. Ф.74. К. 8. Ед. хр. 95. Л. 1–6.

Расписки сохранились в бумагах А. А. Иванова.

О проживании Гоголя в Риме в 1837–1843 гг. по другому адресу (Страда Феличе, дом № 126) см. в наст. изд. в статье В. Гасперович «Н. В. Гоголь в Риме».

¹ В автографе: in Via della Croce № 82, — где, по-видимому, допущена описка. Следует: in Via della Croce № 81

Общая ведомость деньгам, розданным по Высочайшему повелению Государя Императора Николая Павловича в Риме

Черновая редакция

Дек<абрь> 1845.

Денежные награды.
Бедным и просителям. <...>
[Сверх того] по особым прошениям.

Скуды

<...> Франц<узам> Двум	[120] 150
К<о>лл<ежской> Сов<етнице> Оболенск<ой> в пособие на проезд в Болонью	150
[Нашему <?> из<вестному> п<исате>лю Гоголю, по болезни] ^I	[250] ^{II}

Публикуется впервые по рукописи: *АВПРИ*. Ф. 190. Оп. 525. Ед. хр. 655. Л. 340.

Запись о Гоголе находится в черновой редакции документа и отсутствует в окончательной редакции ведомости, где сообщается: «Сверх того, по словесным Высочайшим повелениям выдано:

рим<ские> скуды

Двум французским челобитчикам, подавшим просьбы о вспомоствовании	150
Коллежской Советнице Оболенск<ой>, подавшей в Риме просьбу на Высочайшее имя, по ее делу, на путевые издержки из Рима в Болонью	150»

(*АВПРИ*. Ф. 190. Оп. 525. Ед. хр. 655. Л. 172).

---

^I Зачеркнуто в рукописи карандашом.

^{II} Зачеркнуто в рукописи карандашом.

Свидетельства о Гоголе Ф. М. Достоевского

Из писем Ф. М. Достоевского

Ф. М. Достоевский — М. М. Достоевскому

1 февраля <1846. Санкт-Петербург>.

<...> «Бедные люди» вышли еще 15-го. Какую ожесточенную бранью встретили их везде! <...> Но я помню, как встречали Гоголя, и все мы знаем, как встречали Пушкина. <...> Ругают, ругают, ругают, а все-таки читают. <...> Так было и с Гоголем. <...> Ругали, ругали его, ругали — ругали, а все-таки читали и теперь помирились с ним и стали хвалить¹. <...> Представь себе, что наши все, и даже Белинский нашли, что я даже далеко ушел от Гоголя. <...> Во мне находят новую оригинальную струю (Белинский и прочие), состоящую в том, что я действую Анализом, а не Синтезом, то есть иду в глубину и, разбирая по атомам, отыскиваю целое, Гоголь же берет прямо целое и оттого не так глубок, как я. Прочтешь и сам увидишь. <...> Сегодня выходит Голядкин². <...> Голядкин в 10 раз выше «Бедных людей». Наши говорят, что после «Мертвых душ» на Руси не было ничего подобного, что произведение гениальное и чего-чего не говорят они. С какими надеждами смотрят на меня! Действительно, Голядкин удался мне донельзя. <...> Тебе он понравится даже лучше «Мертвых душ», я это знаю. <...>

Впервые опубликовано: Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883. Отд. 2. С. 43–45. Печатается по изд.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1985. Т. 28. Кн. 1. С. 117.

Федор Михайлович Достоевский (1821–1881), писатель; начинал свою литературную карьеру в окружении западников; за чтение «в заседании» петрашевцев 15 апреля 1849 г. «письма Белинского в ответ Гоголю», 23 апреля того же года был арестован и через восемь месяцев, в декабре того же года, «за недонесение о рапространении преступного о религии и правительстве письма литератора Белинского» приговорен к «смертной казни расстрелянием», замененной на эшафоте четырехлетней каторгой в Омске, с лишением всех прав состояния и последующей сдачей в солдаты (см. в наст. изд. *Приговор по делу петрашевцев, опубликованный в газете «Русский Инвалид» от 29 декабря 1849 г.*). Потомственное дворянство было возвращено Достоевскому лишь в 1857 г.; полицейский надзор за ним сохранялся до 1875 г.

Михаил Михайлович Достоевский (1820–1864), военный инженер, писатель, журналист, коммерсант, старший брат Ф. М. Достоевского.

¹ По свидетельству Н. Н. Фон-Фохта, «...достаточно было по какому-либо поводу упомянуть о Гоголе, чтобы вызвать у Достоевского горячий восторг, до такой степени он преклонялся пред гением этого великого писателя. Много раз, вспоминая различные места из произведений Гоголя, он говорил, что по реальности изображаемых лиц и по неподражаемому юмору он ничего высшего не знает ни в русской, ни в иностранной литературах. Например, говорил он однажды, ничего более характерного и остроумного не мог придумать ни один писатель, как это сделал Гоголь, когда Ноздрев, после тщетных усилий заставить Чичикова играть в карты и окончательно рассердившись, вдруг отдает приказание своему слуге: “Порфирий, ступай, скажи конюху, чтобы не давал овса лошадям его, путь их едят одно сено”. Это был такой гениальный штрих в характеристике Ноздрева, который сразу выдвинул всю фигуру его и наиболее сильно очертил все внутреннее содержание этого бесшабашного человека» (*Фон-Фохт Н. Н.* К биографии Ф. М. Достоевского // *Исторический Вестник.* 1901. № 12. С. 1030–1031).

² Повесть Ф. М. Достоевского «Двойник».

Ф. М. Достоевский — М. М. Достоевскому

5 сентября <1846. Санкт-Петербург>.

<...> Я тебе ничего не говорю о Гоголе, но вот тебе факт. В «Современнике» в следующем месяце будет напечатана статья Гоголя — его духовное завещание, в которой он отрекается от всех своих сочинений и признает их бесполезными и даже более. Говорит, что не возьмется во всю жизнь за перо, ибо дело его молиться. Соглашается со всеми отзывами своих противников. Приказывает напечатать свой портрет в огромнейшем количестве экземпляров и выручку за него определить на вспомоществование путешествующим в Иерусалим и проч. Вот. — Заключай сам. <...>

Первые опубликовано: Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883. Отд. 2. С. 48–49. Печатается по изд.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1985. Т. 28. Кн. 1. С. 125.

Ф. М. Достоевский — М. М. Достоевскому

<20-е числа октября 1846. Санкт-Петербург>

<...> Желаю вам всем счастья, друзья мои. Гоголь умер во Флоренции 2 месяца назад.

Первые опубликовано: Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883. Отд. 2. С. 57. Печатается по изд.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1985. Т. 28. Кн. 1. С. 133.

Объяснения и показания Ф. М. Достоевского
по делу петрашевцев
Фрагменты

<Объяснение Ф. М. Достоевского>

<...> В сущности, я еще не знаю доселе, в чем обвиняют меня. Мне объявили только, что я брал участие в общих разговорах у Петрашевского¹, говорил *вольнодумно* и что, наконец, прочел вслух литературную статью: «Переписку Белинского с Гоголем»². <...>

Меня обвиняют в том, что я прочел эту статью «Переписка Белинского с Гоголем» на одном из вечеров у Петрашевского. Да, я прочел эту статью, но тот, кто донес на меня, может ли сказать, к которому из переписывающихся лиц я был пристрастнее? Пусть он припомнит, было ли, не только в суждениях моих (от которых я воздержался), — но хотя бы в интонации голоса, в жесте во время чтения, что-нибудь способное выказать мое пристрастие к одному лицу преимущественно, чем к другому из переписывающихся? Конечно, он не скажет того. Письмо Белинского написано слишком странно, чтоб возбудить к себе сочувствие. Ругательства отвращают сердце, а не привлекают его; а все письмо начинено ими и желчью написано. Наконец, вся статья — образец бездоказательности, недостаток, от которого Белинский никогда не мог избавиться в своих критических статьях и который усиливался по мере истощения нравственных и физических сил его в болезни. Письма эти написаны в последний год его жизни, во время пребывания за границею. Несколько времени я был знаком с Белинским довольно коротко. Это был превосходнейший человек как человек. Но болезнь, сведшая его в могилу, сломила в нем даже и человека. Она ожесточила, очерствила его душу и залила желчью его сердце. Воображение его, расстроенное, напряженное, увеличивало все в колоссальных размерах, и показывало ему такие вещи, которые один он и способен был видеть. В нем явились вдруг такие недостат-

ки и пороки³, которых и следа не было в здоровом состоянии. Между прочим явилось самолюбие, крайне раздражительное и обидчивое. В журнале, в котором он числился сотрудником и где за болезнью очень мало работал, — ему связывала редакция руки и уже не давала писать слишком серьезных статей. Это оскорбляло его. И вот в этом-то состоянии он написал письмо свое к Гоголю. — В литературном мире не безызвестно весьма многим о моей ссоре и окончательном разрыве с Белинским в последний год его жизни. Известна тоже и причина нашей размолвки: она произошла из-за идей о литературе и о направлении литературы. Взгляд мой был радикально противоположный взгляду Белинского. Я упрекал его в том, что он силится дать литературе частное, недостойное ей назначение, низводя ее единственно до описания, если можно так выразиться, *одних газетных фактов* или скандальных происшествий. Я именно возражал ему, что желчью не привлечешь никого, а только надоешь смертельно всем и каждому, хватая встречного и поперечного на улице, останавливая каждого прохожего за пуговицу фрака и начиная сильно проповедывать ему и учить его уму-разуму. Белинский рассердился на меня, и, наконец, от охлаждения мы перешли к формальной ссоре, так что и не видались, наконец, друг с другом в продолжение всего последнего года его жизни. Я давно желал прочесть эти письма. В моих глазах эта переписка — довольно замечательный литературный памятник. И Белинский и Гоголь — лица очень замечательные. Сношения их между собою весьма любопытны, тем более для меня, который был знаком с Белинским. Петрашевский случайно увидал эти письма в моих руках, спросил: «Что такое?» — и я, не имея возможности показать ему эти письма тотчас, обещал их привезти к нему в пятницу⁴. Сам я вызвался и уже потом должен был сдержать слово. Я прочел эту статью ни более ни менее как литературный памятник, твердо уверенный, что она никого не может привести в соблазн, хотя она и не лишена некоторого литературного достоинства. Что до меня касается, я буквально не согласен ни с одним из преувеличений, находящихся в ней. Теперь я прошу взять в соображение следующее обстоятельство: стал ли бы я читать статью человека, с которым был в ссоре именно за идеи (это не тайна; это очень многим известно), да еще писанную в болезни, в расстройстве умственном и душевном, — стал ли бы я читать эту статью, выставляя ее как образец, как формулу, которой нужно следовать? Я только теперь понял, что сделал ошибку и что не следовало мне читать этой статьи вслух; но тогда я не спохватился; ибо даже и не подозревал того, в чем могут обвинить меня, не подозревал за собой греха. Из уважения к человеку, уже умершему, замечательному в свое время, которого многие уважают за некоторые литературно-эстетические статьи его, написанные действительно с большим знанием литературного дела, — наконец, из щекотливого чувства по поводу ссоры нашей за идеи, которая многим известна, я прочел всю переписку, воздержавшись от всяких замечаний и с полным беспристрастием. <...>

Первые опубликовано: Космополис. 1898. Сентябрь. С. 193–212; см. также: Показание Ф. М. Достоевского // Петрашевцы. М., 1907. С. 89–90; *Бельчиков Н. Ф.* Достоевский в процессе петрашевцев. М.; Л., 1936. С. 76, 84–86; *Бельчиков Н. Ф.* Достоевский в процессе петрашевцев. М., 1971. С. 97, 104–106. Печатается по изд.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1978. Т. 18. С. 119, 126–128.

Ф. М. Достоевский был арестован 23 апреля 1849 г. и восемь месяцев провел под следствием в Алексеевском равелине Петропавловской крепости. Допрашивался 8, 11, 17 и 20 июня 1849 г.

¹ Михаил Васильевич Петрашевский (Буташевич-Петрашевский, 1821–1866), юрист, публицист, переводчик, организатор кружка (1845), в котором изучались и пропагандировались социалистические учения. В 1849 г. осужден на бессрочную каторгу.

² Копию зальцбруннского письма В. Г. Белинского к Гоголю 1847 г. Ф. М. Достоевский получил из Москвы от А. Н. Плещеева, которому, в свою очередь, передал ее студент С. В. Ешевский (1829–1865, с 1858 г. профессор истории Московского университета), знакомый П. Н. Кудрявцева и Т. Н. Грановского.

³ См. в наст. изд. коммент. к письму В. Г. Белинского В. П. Боткину от 6 февраля 1847 г.

⁴ 15 апреля 1849 г.

<Показания Ф. М. Достоевского>

<...> <Вопрос.> Известно, что на собрании у Петрашевского, 15 апреля <1849>¹, Петрашевский читал речь по поводу отдания первенства вопросу о судопроизводстве... <...> ...Покажите, по какому случаю вы читали на этом собрании письмо Белинского к Гоголю.

<Ответ.> <...> Я прочел письмо Белинского к Гоголю, вызвавшись сам, при свидании с Петрашевским у Дурова². Я дал обещание и уже не мог отказаться от него. Петрашевский напомнил мне об этом обещании уже у себя на вечере. Впрочем, он не знал и не мог знать содержания письма. Я его прочел, стараясь не выказывать пристрастия ни к тому, ни к другому из переписывавшихся. По прочтении письма я не говорил об нем ни с кем из бывших у Петрашевского. Мнений об этой переписке тоже не слыхал. При чтении слышны были иногда отрывочные восклицания, иногда смех, смотря по впечатлению, но из этого я не мог заметить чего-нибудь целого. К тому же, быв занят чтением, я не могу даже сказать теперь, чьи были восклицания и смех, которые были слышны.

Сознаюсь, что я поступил неосторожно. <...>

Впервые опубликовано Н. Ф. Бельчиковым в изд.: Красный архив. 1931. Т. 2 (45). С. 136–146; Т. 3 (46). С. 160–176. См. также: *Бельчиков Н. Ф.* Достоевский в процессе петрашевцев. М.; Л., 1936. С. 120–122; *Бельчиков Н. Ф.* Достоевский в процессе петрашевцев. М., 1971. С. 131–133. Печатается по изд.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1978. Т. 18. С. 145–146.

¹ См. также: Дело петрашевцев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 1. С. 331, 404; 1941. Т. 2. С. 100.

² Сергей Федорович Дуров (1815–1869), поэт, прозаик, переводчик. Весной 1849 г. вокруг С. Ф. Дурова возник литературный кружок («литературно-музыкальный салон»), в который входили Ф. М. и М. М. Достоевские, А. Н. Плещеев, А. И. Пальм, А. П. Милюков, Н. А. Спешнев, П. Н. Филиппов и др. В декабре 1849 г. осужден по делу петрашевцев и вместе с Ф. М. Достоевским отправлен в Омск.

Гоголь в письмах А. Н. Плещеева

А. Н. Плещеев — Ф. М. Достоевскому

14 марта 1849 г. Москва.

<...> Об обществе московском не могу еще ничего сказать вам; я нашел только двух, трех старых знакомых, да и то петербургских. Не был еще ни у Раstopчиной, ни у родственников Евгении Петровны Майковой, к которым имею письма. Был только у Галахова и у Щепкина. Оба, кажется, хорошие люди, простые, добрые без претензий и очень умные. Щепкин особенно мне нравится. Что за молодой старик! <...> Я незаметно просидел у него несколько часов.. Он рассказал мне много интересных вещей, между прочим, говоря о русских актрисах, коснулся анекдота о сороке-воровке и рассказал мне его так, что, уверяю Вас, Искандерова повесть¹ не производит и половины того впечатления, какое изустный рассказ Щепкина, потому что здесь больше искренности; видно, что человек от сердца говорит, не становится на ходули. У него слезы блистали на глазах, когда он говорил о свидании своем с этой актрисой, которой он мне и имя назвал, так же как и имена прочих лиц этой повести.

Нынче вечером буду у Галахова, где меня познакомят с Кудрявцевым. Все знающие его отзываются как о благороднейшем, прекраснейшем человеке. И Галахову и Кудрявцеву очень нравится ваша Неточка². С Гоголем эти люди не знают. Он здесь в самом подлом кружке Швырева, Погодина etc. <...>

Меня предлагали познакомить с Хомяковым, но я отказался, но с Вельтманом, может быть, познакомлюсь чрез одного своего родственника; Вельтман теперь издает «Москвитянин» и хорошо платит. <...>

Первые опубликовано: Дело петрашевцев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 3. С. 288–289. Печатается по первой публикации.

Алексей Николаевич Плещеев (1825–1893), поэт и писатель, приславший Достоевскому из Москвы письмо Белинского к Гоголю (Дело петрашевцев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 3. С. 274). А. Н. Плещеев был арестован в Москве 28 апреля 1848 г.

¹ Повесть А. И. Герцена «Сорока-воровка». См. в наст. изд. статью А. Н. Афанасьева «М. С. Щепкин и его записки».

² Повесть Ф. М. Достоевского «Неточка Незванова» (Отечественные Записки. 1849. № 1, 2, 5).

А. Н. Плещеев — С. Ф. Дурову

26 марта 1849 г. Москва.

<...> Рукописная литература в Москве в большом ходу. Теперь все восхищаются письмом Белинского к Гоголю, пиеской Искандера «Перед грозой» и комедией Тургенева «Нахлебник». <...>

Первые опубликовано: Полярная Звезда на 1862 г. Лондон, 1861. Кн. 7. Вып. 1. С. 71. Печатается по первой публикации.

**Приговор по делу петрашевцев,
опубликованный в газете «Русский Инвалид»
от 29 декабря 1849 г.
Фрагменты**

<...> Пагубные учения, народившиеся смуты и мятежи во всей Западной Европе и угрожающие ниспровержением всякого порядка и благосостояния народов, отозвались, к сожалению, в некоторой степени и в нашем отечестве. <...>

По произведенному исследованию обнаружено, что служащий в министерстве иностранных дел титулярный советник *Буташевич-Петрашевский* первый возымел замысел на ниспровержение нашего государственного устройства с тем, чтобы основать оное на безначалии. Для распространения своих преступных намерений он собирал у себя в назначенные дни молодых людей разных сословий. Богохуление, дерзкие слова против Священной Особы ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, представление действий Правительства в искаженном виде и порицание Государственных лиц — вот те орудия, которые употреблял *Петрашевский* для возбуждения своих посетителей. <...>

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО <...> повелел: прочитав подсудимым приговор Суда при сборе войск и, по совершении всех обрядов, предшествующих смертной казни, объявить, что ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР дарует им жизнь, и затем, вместо смертной казни, подвергнуть их следующим наказаниям: <...>

№ 10. — *Имена преступников*. Отставного инженер-поручика Федора Достоевского (27-ми лет). — *Главные виды преступлений, судом обнаруженные*. За участие в преступных замыслах, распространение одного частного письма, наполненного дерзкими выражениями против Православной Церкви и Верховной Власти и за покушение к распространению, посредством домашней литографии, сочинений против Правительства. — *Заключение генерал-аудитора*. Подвергнуть смертной казни расстрелянием. — *ВЫСОЧАЙШАЯ конфирмация*. Лишив всех прав состояния, сослать в каторжную работу в крепостях на четыре года и потом определить рядовым. <...>

Первые опубликовано: Русский Инвалид. 1849. 29 дек. № 276. С. 1101–1102; перепечатано: Петрашевцы. М., 1907. С. 3, 6. Печатается по первой публикации.

Из отдельных свидетельств о жизни Гоголя за границей в 1846—1847 гг.

Граф Ф. П. Толстой

Путевые записки за границей Фрагмент

5/17 февраля 1846 г. <Рим>.

<...> ...Пошел обедать к Софье Петровне Апраксиной, которая непременно просила меня прийти к ней обедать. Там я встретил Гогеля, которого я еще здесь не видал. Я сначала его не узнал, он мне показался моложе и лучше, конечно от того, что гораздо опрятнее, нежели прежде, как бывал у меня в Петербурге¹. Несмотря на то, что он болен, что утверждает и Розенберг, его лечащий, у него цвет лица очень хорош, свежий, здоровый, и он совсем не худ, и никак нельзя подозревать, чтоб в нем крылась какая-нибудь болезнь, — у него странный припадок, он по временам холодеет весь, и этот холод сопровождается у него самым неприятным чувством, во всем его составе, и это бывает у него, когда он встает ото сна чрез час после завтрака, и тут бывает самый сильный пароксизм, и еще раз то же бывает вечером. Сверх того, сказывал мне Розенберг, он очень мнителен и уверен, что его болезнь неизлечима; он, как видно, очень короток в доме Софьи Петровны и любим ими всеми. И это с Москвы, где Гогель изменил прежним своим правилам и образу мыслей, которые выражались во всех прежних сочинениях, и перешел в ханжи и познакомился и сдружился с сыном² Софьи Петровны, вполне ханжою.

Гогель здесь кинул всех своих знакомых художников и других, с которыми был короток до перемены образа мыслей и правил жизни <...>

Теперь он играет роль <в> аристократических домах, которые он посещает, какого-<то> углубленного в думы человека и потому по большей части всё молчит, как и сегодня — и за столом, и после стола, почти ничего не говорил. — Зато хозяйка с дочерьми³ с подобострастием слушают его молчание. Они слышали, что он замечательный русский писатель, и им как русским, хоть совсем почти не знающим русский язык, не оказывать уважение человеку, отличившемуся в русской литературе! Он обещался непременно зайти ко мне, но мне сдается, что он у меня не будет... <...>

Первые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 698–699. Печатается по первой публикации.

Граф Федор Петрович Толстой (1783–1873), вице-президент Академии художеств, член масонских и декабристских организаций.

¹ См. в наст. изд. фрагмент из «Воспоминаний» дочери Ф. П. Толстого М. Ф. Каменской.

² Гоголь с большим уважением относился к сыну графини С. П. Апраксиной — графу Виктору Владимировичу Апраксину (1822–1898) (см. в наст. изд. коммент. к разделу *Гоголь в письмах графа В. В. Апраксина*). Однако очевидно, что граф Ф. П. Толстой имеет здесь в виду не сына, а брата Апраксиной — графа А. П. Толстого.

³ Имеются в виду графини Наталья и Мария Владимировны Апраксины.

**Паспорт на проезд в Неаполь и обратно,
выданный Гоголю в Риме 21 марта (н. ст.) 1846 г.**

По указу ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА
САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКОГО, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Объявляется через сие всем, и каждому, кому о том ведать надлежит, что показатель сего
Господин Профессор Гоголь отправляется отсюда в Неаполь с возвратом.

Во свидетельство того и для свободного проезда дан сей паспорт за подписанием моим и с
приложением печати Миссии.

В Риме 9/21 Марта дня 1846.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕГО ГОСУДАРЯ
Моего, Тайный Советник, Чрезвычайный Посланник и Полномочный Министр при Дворах
Римском и Тосканском и Орденов Св. Александра Невского, Белого Орла, Равноапостольного
Князя Владимира Большого креста второй степени, Св. Анны первой степени, Св. Станислава
первой степени и Королевско-Греческого ордена Спасителя Большого креста первой степени
Кавалер

А. Бутенев.

Первые опубликовано: *Виноградов И. А., Воропаев В. А.* Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя // *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2010. Т. 16. С. 554–555. Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 74. К. 8. Ед. хр. 90. Л. 1–2.

Паспорт выписан на печатном бланке на двух листах, на русском и французском языках. Имя Гоголя, место назначения и дата вписаны (выделено курсивом). На обороте 1 л. прописки Гоголя в Неаполе и в Риме, на ит. яз. Документ в тот же день (в день выдачи) был заверен в римской полиции.

Протоиерей Тарасий Серединский

**Записки заграничного священника
Фрагмент**

<...> Когда я приехал в Неаполь, в то время (1846 г.) жила там генеральша А<праксина>. Вскоре после моего первого к ней визита, я был приглашен к ней на обед. Перед обедом, когда слуга доложил, что обед готов, генеральша сказала, скажите господину Гоголю. Потом, когда явился этот господин, она представила его мне. Лицо его было совершенно простое, обыкновенное, не представляющее ничего особенного, une figure commune, как говорят французы. Украшением его служили усики и эспаньолетка. Череп его был несколько остроконечный, конусообразный. На темени был у него вихор. За обедом он говорил очень мало. В разговоре обнаруживалась его наблюдательность и меткая характеристика лиц, однако ж все было так просто, что я был сдержан в разговоре, боясь попасть впросак, признав его знаменитым писателем. Через несколько дней он был у меня. Я бывал у него. Однажды он прислал мне записку об отслужении Литургии и молебна. Он провел две зимы в Неаполе¹. Во вторую зиму я его исповедывал и приобщал, и потом служил для него напутственный молебен, когда он уезжал в Иерусалим.

В бытность свою в Париже² г. Гоголь отозвался обо мне моему свояку, протоиерею Вершинскому³, так: «очень серьезен и совсем другой в общественной жизни. <...>

Впервые опубликовано, по копии, переписанной сыном о. Тарасия Серединского: *Гитиус В. В.* Письмо к Т. Ф. Серединскому (1846–1848 г.) // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 115. Печатается по первой публикации.

Протоиерей Тарасий Федорович Серединский (1822–1897) воспитывался в Херсонской Духовной семинарии. В 1845 г. закончил Санкт-Петербургскую Духовную академию. 28 июля 1846 г. принял священство, 14 августа 1846 г. возведен в ученую степень магистра, 20 августа 1846 г. назначен настоятелем Христорождественской церкви при русском посольстве в Неаполе (располагавшейся на вилле княгини В. П. Бутера (рожденной Шаховской), близ Палермо; см.: *АВПРИ*. Ф. 190. Оп. 525. Ед. хр. 706. Л. 35–36), где состоял до 1859 г. (позднее, до 1886 г., — настоятель посольской церкви Св. равноапостольного князя Владимира в Берлине). Известный духовный писатель, автор многочисленных трудов по богословию, посвященных изучению западных конфессий в свете православного вероучения. Гоголю, работавшему с 1843 г. над книгой о Божественной Литургии, мог быть, в частности, известен первый труд отца Тарасия Серединского «О Богослужении Западной Церкви» (СПб., 1849). В 1860-х гг. протоиерей Тарасий Серединский был законоучителем детей великого князя Константина Николаевича (сына Императора Николая I) (1827–1892) — он был наставником великих князей Константина (1859–1915; известного впоследствии поэта, печатавшего свои произведения под инициалами «К. Р.»), Дмитрия (1860 — расстрелян большевиками в 1919 г.), Вячеслава (1862–1879), великих княжон Ольги (1851–1931; с 1867 г. королевы Греции) и Веры (1854–1912; герцогини Виртембергской).

Православная церковь при русском посольстве существовала в Неаполе с начала XIX в. (церковь и причт были переведены в Неаполь из Турина). 15 февраля 1844 г. распоряжением Императора Николая I в Неаполе была учреждена новая церковь и утвержден штат при ней. Первый назначенный в Неаполь священник Петр А. Сперанский спустя два года вернулся в Петербург (29 сентября 1845 г. возведен в ученую степень магистра; в конце апреля 1846 г. определен, по Высочайшему повелению, «сверх штата», к церкви Петергофского дворца и в июне 1846 г. отбыл из Рима; *АВПРИ*. Ф. 190. Оп. 525. Ед. хр. 706. Л. 5, 78); вместо него был назначен иерей Т. Ф. Серединский, который не позднее 24 августа 1846 г. выехал из Петербурга и прибыл в Неаполь 7/19 октября 1846 г. (*АВПРИ*. Ф. 190. Оп. 525. Ед. хр. 706. Л. 34, 120). 13/25 ноября 1846 г. в Неаполь были доставлены и до 15/27 ноября вручены отцу Тарасию его магистерский крест, диплом магистра и аттестат (*АВПРИ*. Ф. 190. Оп. 525. Ед. хр. 706. Л. 62, 129). Первое время пребывания в Неаполе отец Тарасий «терпел крайнюю нужду по причине дороговизны содержания, посему послан<ник> граф Л. С. Потоцкий в 1847 г. просил о прибавке ему жалованья. Государь Император 8 марта приказал выдать единовременное пособие в количестве годового оклада, т. е. 1524 руб<ля>» (*Мальцев А. П., протоиерей*. Берлинский Братский Ежегодник. Православные церкви и русские учреждения за границей. Справочник с календарем на 1906 год. СПб., 1906. С. 230). Отметим, что в начале декабря (н. ст.) 1846 г. с просьбой о помощи к Императору Николаю Павловичу обратился и Гоголь, который просил Государя о выдаче ему заграничного паспорта для паломничества в Святую Землю. В официальной переписке об этом принимал участие и русский посланник в Неаполе граф Л. С. Потоцкий (см. в наст. изд. раздел *Из документов и свидетельств о паломничестве Гоголя к Святым Местам*).

Сохранился также письменный отзыв о. Тарасия Серединского о «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголя (см.: Неизданный Гоголь / Изд. подгот. И. А. Виноградов. М., 2001. С. 421–425; *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 9. С. 758–764).

¹ Гоголь прожил в Неаполе зиму 1846/47 г. (со второй половины ноября по 11-е мая н. ст.) и первую половину зимы 1847/48 г. (с 20-го ноября (н. ст.) по вторую половину января).

² Имеется в виду пребывание Гоголя в Париже в период с 27–28 мая по 6 июня (н. ст.) 1847 г.

³ Протоиерей (с 1835 г.) Дмитрий Степанович Вершинский (1798–1858), богослов, профессор (с 1830 г.) философии Петербургской Духовной академии, настоятель (с 1835 г.) русской посольской церкви в Париже.

Гоголь в письмах братьев В. А. и Н. А. Мухановых

В. А. Муханов — сестрам

17 (29) августа 1846 г. Остенде.

Здесь мы нашли Гоголя, с которым познакомились¹. Он очень замечателен, в особенности по набожному чувству, христианской любви и складной, правильной речи. Охотно беседуя обо всех предметах, он не любил говорить о своих сочинениях и о том, что пишет. Недавно читал он нам два прекрасные письма молодого Жерве² к своему отцу, писанные из Оптиной пустыни. Мы слушали с умилением. Сколько веры и любви в молодом подвижнике, оставившем мир и все прелести в тех летах, когда они так обольщают человека, и посвятившем себя Богу! Какое тихое и торжественное спокойствие в этой душе, достигшей пристани.

В. А. Муханов — сестрам

24 августа (5 сентября) 1846 г. Остенде.

Продолжаем довольно часто видеться с Гоголем; он внушает сочувствие и особенно приятен, как человек истинно верующий и которого Бог посетил Своею благодатью. На днях я встретил его на берегу моря, вечер был прекрасный, и месяц светил чудесно. Встречаю Гоголя.

— Знаете ли, — сказал он, — что со мной сейчас случилось? Иду и вдруг вижу перед собою луну, посмотрел на небо, и там луна такая же. Что же это было? Лысая голова человека, шедшего передо мною.

Впрочем, он молчалив, и говорит охотно, когда уже коротко познакомится.

Н. А. Муханов — сестрам

8 (20) сентября 1846 г. Остенде.

Здесь Гоголь, которого мы довольно часто видаем. Никак нельзя сказать, чтобы это был автор *Тараса Бульбы*, *Старосветских помещиков* и *Записок сумасшедшего* — прочих его творений я не люблю. Впрочем, он очень теперь набожен, что, вероятно, переменит и направление его сочинений.

В. А. Муханов — сестрам

14 (26) сентября 1846 г. Остенде.

Иногда, и даже довольно часто, случалось мне видеть Гоголя, но при людях разговор идет общий и по большей части ничтожный. Когда же удастся с ним беседовать наедине, как назидательна речь его! Вчера в третий раз посчастливилось мне так поговорить с ним, и я чувствовал, как вера его согревала мою душу. Через несколько дней едет он во Франкфурт, для свидания с Жуковским, оттуда в Италию, где проживет два-три месяца и потом отправится в Иерусалим. Он жалуется на здоровье и даже с трудом может переносить римскую зиму.

В. А. Муханов — сестрам

24 февраля (8 марта) 1847 г. Париж.

Хорошо, если свет ее оценит³, в ней много прекрасного, и она, конечно, принадлежит к малому числу книг, которые всегда читаешь и перечитываешь с пользой и удовольствием. Какое право давать советы? говорят иные. Излагать святые истины, направлять людей к добру и отводить от мрака к свету, что может быть выше этого назначения, которое есть назначение писателя! Письма Гоголя, по мне, — лучше всего написанного им прежде и, когда я буду иметь возможность завестись своим экземпляром, то вряд ли не всегда они будут при мне.

В. А. Муханов — сестрам

28 мая (9 июня) 1847 г. Париж.

Отсюда в воскресенье⁴ уехал Гоголь, который провел здесь неделю в одной гостинице с нами. Мы почти каждый день обедали с ним у Толстых; здоровье его совершенно поправилось: он все время был весел, разговорчив и бодр, одним словом — другой человек, а не тот, которого мы встретили прошлым летом в Остенде. Путешествие его в Иерусалим не совершилось, потому что вырученные за последнюю книгу деньги пришли поздно, а без них не с чем было пуститься в дальний путь. Кстати о книге: удивительно, что после критик, больше жестоких и исполненных остервенения, он не только вовсе не раздражен, но, напротив, покойнее и светлее духом прежнего. Вяземский прислал брату статью свою об Языкове и Гоголе⁵; он один, кажется, из печатных судей понял сочинителя *Переписки с друзьями*, и объяснил удовлетворительно, почему произошло недоумение между Гоголем и его ценителями по поводу последней книги: невозможно единомыслие при возвращении на предметы с противоположных точек.

Н. А. Муханов — сестрам

28 мая (9 июня) 1847 г. Париж.

...à Francfort nous trouverons Жуковский et Gogol, et nous passerons une journée avec eux⁶.

В. А. Муханов — сестрам

<19 июня (1 июля) или 20 июня (2 июля) 1847. Баден>

20 июня (1 июля) 1847 г. Баден.

На пути сюда, во Франкфурте, надеялись видеть Жуковского, но он был в Дармштадте⁷, куда ожидали Государя Наследника. Зато провели день с Гоголем⁸, который ездил вместе с нами в Гомбург, известный своими водами и играми, этою язвою германских вод. Мы много говорили с ним о последней его книге; он не любит толковать о своих сочинениях, но на сей раз изменил своему правилу. Ему многие ставят в вину, что без всякой причины, без малейшего права, он вздумал быть всеобщим наставником. Между тем ему никогда подобная мысль не приходила в голову. Занимаясь сочинением, для которого нужно было ему собрать много материалов и в особенности узнать мысли и мнения его соотечественников о некоторых предметах, о которых он намерен говорить в своем творении, он издал свою переписку, чтобы вызвать толки и прения. Цель его достигнута. Он получил множество писем с заме-

чаниями на книгу. Если бы я не был кругом виноват перед Марией Сергеевной¹, то просил бы ее доставить мнение о книге Гоголя, но мнение искреннее, откровенное. Я переслал бы автору, который принял бы с величайшей признательностью. Замечательно, что именно, когда думают наши литераторы, что Гоголь потерян для словесности, он вознесся на такую высоту, с которой, если пустить в свет какое сочинение, то оно будет несравненно лучше всего доселе им написанного.

В. А. Муханов — сестрам

4 (16) августа 1847 г. Остенде.

Здесь, тотчас по приезде, явился к нам Гоголь, и свиделись мы с Хомяковым⁹. Несколько дней, проведенных с последним¹⁰, были совершенным праздником. Какое сокровище знания и остроумия и вместе какая доброта, какое всегда ровное расположение! Правду говорит Гоголь, что этому человеку не с чем в себе бороться, нечего стараться побеждать в себе. К сожалению, он недолго оставался с нами; пробыв в Остенде несколько дней, пустился в Англию, где предстоит обширное поле его любознательности. И здесь костюм его не изменился: он не оставил мурмолки и зипуна.

Н. А. Муханов — сестрам

4 (16) августа 1847 г. Остенде.

...la reste de notre temps se passe avec Gogol¹¹.

В. А. Муханов — сестрам

12 мая 1859 г. Санкт-Петербург.

Сегодня отправляется туда <в Москву> С. П. Апраксина, добрая, умная и христиански направленная женщина, которую очень уважал покойный Гоголь¹¹.

Первые опубликовано: *Миловский Н.*, священник. К биографии Гоголя. (О знакомстве его с братьями Мухановыми.) М., 1902. С. 9–16; см. также: *Миловский Н.*, священник. К биографии Гоголя. (О знакомстве его с братьями Мухановыми.) // Московские Ведомости. 1902. 21 февр. № 52. Печатается по первой публикации.

Владимир Алексеевич Муханов (1805–1876) и его брат Николай Алексеевич (1802–1871), сыновья сенатора Алексея Ильича Муханова (ум. в 1836), имевшего также четырех дочерей: Татьяну, Екатерину, Елизавету (фрейлин Императорского Двора) и Прасковию (ум. в 1894).

Миловский Николай Михайлович (1861–1927), протоиерей (см. о нем: *Голубцов С.*, протоиерей. Профессора МДА в сетях Гулага и ЧеКа. М., 1999. С. 91–92).

---

¹ 29 июля (н. ст.) 1846 г. А. О. Россет писал Гоголю из Петербурга: «Если столкнетесь где-нибудь с Мухановыми, передайте им поклон... <...> Я их вам рекомендую; оба очень хорошие люди; особенно со вторым, мне кажется, вы бы сошлись». Братья В. А. и Н. А. Мухановы приехали в Остенде вместе с графом А. П. Толстым, о чем Гоголь 25 августа

---

¹ Мария Сергеевна Муханова, фрейлина Высочайшего двора — двоюродная сестра наших Мухановых. Любопытные автобиографические записки ее напечатаны в *Русском Архиве* и изданы отдельной книгой в 1878 г. — *Примеч. о. Н. М. Миловского.*

¹¹ Гр<афиня> Софья Петр<овна> Апраксина, сестра гр<афа> А. П. Толстого. — *Примеч. о. Н. М. Миловского.*

(н. ст.) 1846 г. извещал В. А. Жуковского: «...На днях я был обрадован почти неожиданным приездом любезного моего гр<афа> А. П. Толстого, вам весьма известного, который прибыл сюда вместе с двумя братьями Мухановыми...»

² Петр Александрович Жерве, отставной поручик; в 1844 г. стал насельником Оптиной Пустыни; после августа 1851 г. уволен из монастыря по собственному прошению. «1844 года. Генваря. В первых числах сего Генваря <...> поступил в Скит на жительство Отставной Поручик Петр Александрович Жерве, получивший воспитание в Пажеском Корпусе. Послушание его: Канонархом, а в Келейном Занятии: Токарное и Письменное» (РГБ. Ф. 214. Ед. хр. 360. Л. 49; опубли.: Летопись скита во имя святого Иоанна Предтечи и Крестителя Господня, находящегося при Козельской Введенской Оптиной пустыни: В 2 т. / Сост. монах Марк (Хомич А. Г.). М., 2008. Т. 1. С. 97). «1851 год. <...> Сего августа Послушник Петр Александр<рович> Жерве паки перешел из Скита в Обитель» (РГБ. Ф. 214. Ед. хр. 360. Л. 214; опубли.: Летопись скита во имя святого Иоанна Предтечи и Крестителя Господня... Т. 1. С. 206).

³ Имеются в виду «Выбранные места из переписки с друзьями».

⁴ 25 мая / 6 июня 1847 г.

⁵ Имеется в виду статья князя П. А. Вяземского «Языков. — Гоголь», напечатанная в 1847 г. в № 90 и 91 «Санкт-Петербургских Ведомостей» (от 24 и 25 апреля) и, вероятно, присланная Н. А. Муханову в виде отдельного оттиска (см. также в наст. изд. коммент. к письму П. Я. Чаадаева князю П. А. Вяземскому от середины марта 1847 — весны 1848 гг.). Фрагмент этой статьи Вяземского см. в наст. изд.

⁶ Во Франкфурте мы найдем Жуковского и Гоголя и проведем день с ними (фр.).

⁷ Поездку в Дармштадт В. А. Жуковский совершил в июне 1847 г.

⁸ Гоголь пробыл во Франкфурте с 10 июня по 10 июля (н. ст.) 1847 г.

⁹ 17/29 июля 1847 г. Ф. И. Тютчев писал жене Эрнестине Федоровне из Карлсруэ: «Предчувствие подсказало мне, что твой брат <барон Карл Пфеффель> уже выехал из Мюнхена. Я предполагал это ввиду того, что на мое письмо он ответил молчанием. Но это вряд ли стоит считать неудачей, ибо ничто не мешает мне съездить к нему в Остенде. Многие из моих знакомых тоже предполагают поехать туда. <...> Оба брата Мухановых, мои соотрапезники и верные баденские спутники, тоже будут там, равно как и две наших литературных знаменитости, — Хомяков и Гоголь. <...> Итак, весьма вероятно, что я съезжу в Остенде, но еще не могу сказать, когда» (Тютчев Ф. И. Соч.: В 2 т. М., 1984. Т. 2. С. 136–137). 6 августа (н. ст.) 1847 г. Гоголь сообщал графу А. П. Толстому из Остенде: «Хомяков приехал... <...> Мухановых и Тютчева еще нет».

22 июля (н. ст.) 1847 г. Ф. И. Тютчев сообщал также жене из Бадена о своем прибытии во Франкфурт 10 июля (н. ст.): «Жуковский и Гоголь, для которых я привез письма и посылки, уехали в самый день моего приезда» (Тютчев Ф. И. Соч.: В 2 т. М., 1984. Т. 2. С. 134). 12 августа (н. ст.) 1847 г. Тютчев приехал из Франкфурта к Жуковскому в Эмс, где до него, с 13 по 16 июля (н. ст.) 1847 г., также был Гоголь (см. в наст. изд. письма из Эмса Е. М. Хомяковой к П. М. Бестужевой от 13 июля (н. ст.) 1847 г., В. А. Жуковского к князю П. А. Вяземскому от 14 июля — 1 августа (н. ст.) 1847 г. и А. С. Хомякова к неизвестному лицу от 20 июля (н. ст.) 1847 г.).

Еще ранее, в ноябре-декабре 1844 г., Ф. И. Тютчев спрашивал у князя П. А. Вяземского: «Если бы я не знал, князь, как вы не любите одолжать книги, я решился бы попросить у вас несколько русских книг, например: один или два тома Гоголя, последнего издания, где находятся отдельные произведения, с которыми я еще не знаком» (Там же. Т. 2. С. 101–102). 13 апреля 1847 г. Ф. И. Тютчев писал также П. Я. Чаадаеву из Петербурга: «...Я охотно поболтал бы с вами вволю о литературных и других наших занятиях прошедшей зимы, каковы “Переписка” Гоголя, ваш огромный “Московский сборник” (имеется в виду славянофильский “Московский литературный и ученый сборник”. М., 1846. — И. В.) и т. п., но увыл трудно беседовать на расстоянии шестистер верст, и что бы там ни говорили, а письменная беседа утомляет почти так же, как партия в шахматы по переписке...» (Там же. Т. 2. С. 126).

¹⁰ А. С. Хомяков прибыл в Остенде 6 августа (н. ст.) 1847 г. и отправился в Англию не позднее 12 августа (н. ст.) 1847 г. См. в наст. изд. коммент. к фрагменту статьи А. С. Хомякова «Англия».

¹¹ Остаток нашего времени протекает с Гоголем (фр.).

**Отношение секретаря Собственной
Ее Императорского Величества Императрицы
Александры Федоровны канцелярии И. П. Шамбо
к министру народного просвещения
графу С. С. Уварову**

<17 января 1847. Санкт-Петербург>

Собственная Ее
Императорского Величества
Канцелярия.

17 января 1847 г.
№ 63.

Ответ на № 38.

Его Сия<тельство>ву
Графу С. С. Уварову.

Милостивый государь Граф Сергей Семенович.
Препровожденный ко мне при отношении Вашего
Сиятельства от 10-го сего января экземпляр сочине-
ния *Н. Гоголя*, под названием: *Выбранные места из пе-
реписки с друзьями*, — я имел счастье всеподданнейше
представить Государыне Императрице, и Ее Импера-
торское Величество всемилостивейше соизволила
благодарить Автора за поднесение этой книги.

Уведомляя о сем Вас, милостивый государь, я
имею честь быть с совершенным почтением и предан-
ностью Вашего Сиятельства всепокорнейший слуга
Иван Шамбо.

Впервые опубликовано: Официальная переписка о поднесении «Выбранных мест из переписки с друзьями» высочайшим особам // Литературный музей. (Цензурные материалы 1-го Отд<еления> IV секции Государственного Архивного Фонда). Под ред. А. С. Николаева и Ю. Г. Оксмана. Пг., <1921>. Вып. I. С. 80. Печатается по первой публикации.

Иван Павлович Шамбо (1783–1848), секретарь Императрицы Александры Федоровны, учитель немецкого языка великого князя Александра Николаевича.

Свидетельства о Гоголе Г. С. Батенькова

Г. С. Батеньков — Н. А. Бестужеву

7 октября 1855 г., на Соломенном¹.

Бывает время, когда чувству человека предстанет вдруг дурная сторона жизни во всем ее громадном безобразии и не просияет ни один луч уму от благотворного света. Душа предается справедливой скорби и негодованию, не видя ничего, кроме произведений зла, организованного и окрепшего. Отсюда мысли о двух началах, когда сохраняется еще память добра: о сатане — если ищется утешение в религии, и почти отчаяние, когда нет ни того, ни другого пособия. Кто не испытал подобного состояния? Надобно разве совсем погрязнуть в этой тьме, чтобы ее не приметить. Умный Гоголь не мог вынести и потерял талант и жизнь, единожды до того коснувшись. Собственный мой опыт в этом роде научил меня выразуметь ваше последнее письмо.

В пылкой молодости со мною бывало это часто: тогда, обыкновенно, замыкался я в самом себе, как решительный эгоист. Но сердце всегда заставляло вспоминать, или искать что-то лучшее; итак, мало-помалу, познание добра и зла стало для меня серьезною наукою и благодетельным искусством, некоторым охлаждением страстного на них взора. Но я имел большой досуг, и не знаю, в какой мере метод мой применим к другому. О нем тот же Гоголь писал ко мне², что он чувствует его истину, но как-то не мог ею воспользоваться на самом деле. <...>

Впервые опубликовано: <Гиргас Л. Ф.> Гавриил Степанович Батеньков. Историко-биографический очерк // Русская Старина. 1889. № 8. С. 337. Печатается по первой публикации.

Гавриил Степанович Батеньков (1793–1863), подполковник, масон, декабрист, сотрудник М. М. Сперанского. В 1827–1846 гг. содержался в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости. В 1846–1856 гг. был на поселении в Томске.

Николай Александрович Бестужев (1791–1866), капитан-лейтенант, литератор, брат А. А. Бестужева (Марлинского), масон, декабрист; приговорен к бессрочной каторге; с 1839 г. жил на поселении в Селенгинске.

¹ Так Г. С. Батеньков называл устроенное им в четырех верстах от Томска дачное помещение, где он проводил большую часть лета.

² Письмо не сохранилось.

Г. С. Батеньков

Данные. Повесть собственной жизни Фрагмент

<...> ...Прочитав «Исповедь»¹ Гоголя и зная вполне его состояние, желал я изъяснить ему его: написал сряду два к нему письма; одно, и лучшее, не дошло². На другое он отвечал³, благодарил и обещал не почитать свои *Мертвые Души* ни слишком великим делом, ни грехом смертным. <...>

Впервые опубликовано: Батеньков Г. С. Данные. Повесть собственной жизни <1861> // Русский Архив. 1881. Кн. 2. № 4. С. 261. Печатается по первой публикации.

В записной книжке Гоголя 1846–1850 гг. сохранился помяник, или список лиц, которых Гоголь собирался помянуть по прибытии в Святую Землю. Список этот, включающий в себя имена самых близких писателю людей — друзей и родственников, неожиданно оканчивается фамилией декабриста Г. С. Батенькова: «Чьи имена вспомнить у Гр<оба> Св<ятого>: <отца> Матвея Александр<овича>, Надежду Николаевну Ш<ереметеву>, всю родную семью мою, Александру Осиповну С<мирнову>, Степана Петровича Шев<ырева>, Михаила Петров<ича> Погод<ина>, Александра Петровича Толстого, Петра Александровича Плетнева, Василия Андреевича Жуков<ского>, Вьельгорских, Аксаковых и всех близких сердцу друзей и благодетелей. Батинков...»

История появления имени Батенькова в «помянике» Гоголя такова. В 1846 г. Батеньков, проведенный в одиночном заключении двадцать лет, был освобожден из заточения и отправлен на поселение в Томск. (Такому долговременному заключению в Петропавловской крепости Батеньков подвергся один из всех декабристов, так что М. О. Гершензон в свое время выдвинул даже гипотезу, будто Батеньков «был посажен в крепость по его собственному желанию»; *Гершензон М. Русские пропилеи. М., 1916. Т. 2. С. 21–22.*)

По прибытии в Сибирь Батеньков прочел гоголевские «Выбранные места из переписки с друзьями» и — как сам он позднее сообщал об этом в своих записках — отправил Гоголю два письма. Как позволяют судить дошедшие до нас материалы, эти письма, если не тоном, то своим содержанием во многом напоминали известное «зальцбрунское» письмо к Гоголю Белинского 1847 г. Согласно сохранившемуся в бумагах Батенькова отрывку одного из писем, ссыльный декабрист советовал Гоголю в последующих томах «Мертвых душ» «перестановить мысль и возвысить пошлость уже во вторую ступень», — показав ее связь «со столицей» (см. примеч. ниже).

Долгое заключение, очевидно, не развеяло декабристских иллюзий Батенькова, и он, подобно радикально настроенному Белинскому, истолковывавшему «Ревизор» и «Мертвые души» в духе политической сатиры, ожидал от Гоголя произведений, написанных в том же духе. Позднее, в статье, посвященной «Мертвым душам», Батеньков, в частности, писал: «...Теперь едва ли уже Хлестаков не гордничим, и дух его едва ли не вознесся до парения в департаментах <...> необходимо усилить концепцию <...> Эта концепция должна быть та же, что была (ибо Гоголь в прежних творениях точно прекрасен), та же, но непременно в новом моменте. Может быть ниже, басистее, но зато несравненно глубже» (*Снытко Т. Г. Г. С. Батеньков-литератор // Лит. наследство. Т. 60. Кн. 1. М., 1956. С. 317–318.*)

По словам Батенькова, его первое письмо к Гоголю — «лучшее» письмо — до писателя не дошло. На другое Гоголь «отвечал, благодарил и обещал не почитать свои *Мертвые Души* ни слишком великим делом, ни грехом смертным» (см. выше).

Между тем в письмах Батенькова речь шла не только о гоголевской поэме и об усилении ее «концепции». Другой темой был вопрос религиозный. Как сообщал Батеньков в своей автобиографии, сразу после осуждения его в 1826 г. на многолетнее заключение он «полагал остаток жизни провести в крайнем смирении и непрестанной молитве» — «стоя на коленях перед образом по целым дням» (*Батеньков Г. С. Данные. Повесть собственной жизни <1861> // Русский Архив. 1881. Кн. 2. № 4. С. 260–261.*) Однако путь, на который в своем вынужденном «затворе» попытался вступить бывший масон-декабрист — в прошлом член ложи «Избранного Михаила» в Петербурге (1816) и один из основателей ложи «Восточного Светила на востоке Томска» (1818–1821) — оказался ему не по силам. Взятый на себя, без соответствующей подготовки, подвиг закономерно привел к истощению душевных сил, к надрыву, и «внезапным осиянием ума» Батеньков, по его словам, «увидел», что путь, им выбранный, «есть только отрицание и не ведет ни к чему кроме изнурения» (Там же. С. 261).

Батеньков признавался, что избрал тогда другое средство для борьбы с душевными страданиями — «обратился внутрь самого себя» и «воспользовался методом масонов к обозрению и устройству представшего» ему «нового мира» (Масонские воспоминания Батенькова // *Пытин А. Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX в. Пг., 1916. С. 468.*) Как позволяет судить содержание одного из писем Батенькова, где он подробно описывает совершившийся в нем перелом, закончившийся неудачей «молитвенный подвиг» Батенькова был очевидным следствием демонического наваждения, ввергнувшего его в состояние духовной прелести.

«В Генваре или Феврале 1828 года, — писал Батеньков, — последовало действительное наитие духа. Казалось, весь покой, в котором я находился, наполнился волнующимся пламенем, столько же видимым, сколько и понятным. Само собой разумеется, что пламя не могло сожигать, было невещественное и я разумел это. Разумел также, что со мною происходит то самое, что происходило с пророками и в день Пятидесятницы. С этого времени слал я уже стихи чрезвычайно сильные и умные. В них развивалась наиболее свобода веры, мысли и гражданского быта, стремление к слиянию

добра и зла в идее жизни <...> На Страстной неделе 1828 года произошло новое потрясение души <...> я <...> стал слышать голос. С этого дня я не имел уже воли и должен был беспрекословно <...> покоряться влечению силы, далеко превосходившей естественное состояние <...> В день Пасхи <8 апреля> <...> восторг достиг своей высшей степени. Я почувствовал себя Творцом, равным Богу, и вместе с Богом решился разрушить мир и пересоздать <...> Голос <...> поставил меня на колени на непрерывную молитву перед образом Троицы и мучил, повелевая и отменяя свои повеления и изъяснения. Так простоял я на коленях целый месяц <...> Видя несообразность с разумом такой жестокости, я решился не повиноваться Ангелу и оставил молитву, устремясь всеми силами души к обыкновенной жизни» (*Гершензон М.* Русские пропилеи. Т. 2. С. 33–35). Тогдашний комендант Петропавловской крепости А. Я. Сукин назадолго до Страстной седмицы 1828 г., 26 марта, сообщал А. Х. Бенкендорфу: «...Содержащийся в Алексеевском равелине Государственный преступник Батеньков на прошедшей неделе принял намерение не употреблять никакой пищи и питья и лишился вовсе сна; а в словах и суждениях своих показывает иногда себя человеком в уме помешанным. Посещение присланного к нему <24 марта> для Христианского утешения Казанского Протоиерея Петра <Мыслевского> не произвело над ним желаемого действия и никакой перемены в словах и суждениях его...» (*Модзалевский Б. Л.* Декабрист Батеньков. Новые данные для его биографии // *Русский исторический журнал.* 1918. Кн. 5. С. 110). Исследователи сходятся во мнении о последовавшем тогда умственном расстройстве Батенькова. Наиболее явственно это состояние отразилось в двух посланиях Батенькова к Государю 1835 г., а также и в его записках 1845 г. (см.: <*Гиргас Л. Ф.*> Гавриил Степанович Батеньков. Историко-биографический очерк // *Русская Старина.* 1889. № 8. С. 329; *Модзалевский Б. Л.* Декабрист Батеньков. С. 117–126, 128–129). Не менее примечательна для характеристики душевного состояния Батенькова написанная им много позднее, в 1856 г., «Песнь скопца», выдержанная в духе хлыстовских гимнов: «Христу хвала! Христу хвала! / Небес веселых высота! / Телес бесполох чистота!» (*Илюшин А. А.* Поэзия декабриста Г. С. Батенькова. Изд-во Московского ун-та, 1978. С. 147). Екатерина Ивановна Елагина (рожд. Моейр, 1818–1890), в семье которой Батеньков жил некоторое время после возвращения из Сибири, отмечала также «громадное самолюбие» бывшего декабриста (*Гершензон М.* Русские пропилеи. Т. 2. С. 94).

Намерением поделиться с Гоголем своим «молитвенным» опытом — или, иначе говоря, вывести писателя из «заблуждения» (как полагал Батеньков) — тот и объяснял отправление своих писем к Гоголю. «Впоследствии, — замечал Батеньков в записках, — прочитав “Исповедь” Гоголя и зная вполне его состояние, желал я изъяснить ему его...» (см. выше). Однако ответ Гоголя, очевидно, не удовлетворил Батенькова, ибо позднее, в статье о «Мертвых душах», тот вновь выразил неудовольствие по поводу религиозности писателя: «...Не скроем: нам страшно, что Гоголь впадает в мистицизм, прямой или патриотический» (*Снытко Т. Г. Г. С. Батеньков-литератор.* С. 318). Тем, что Гоголь «не смог» воспользоваться предложенным ему методом «слияния добра и зла», Батеньков и объяснял «потерю» писателем «таланта и жизни» (см. в наст. изд. письмо Г. С. Батенькова к Н. А. Бестужеву от 7 октября 1855 г.).

¹ Имеются в виду «Выбранные места из переписки с друзьями».

² Сохранился черновой отрывок письма Г. С. Батенькова к Гоголю 1847 г. (см.: *Снытко Т. Г. Г. С. Батеньков-литератор* // *Лит. наследство.* Т. 60. Кн. 1. М., 1956. С. 314; *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2010. Т. 17. С. 898–904).

³ Письмо не сохранилось.

Из документов и свидетельств о паломничестве Гоголя к Святым Местам

Дело Е<го> И<мператорского> В<еличества>
Воен<но>-Походн<ой> Канцелярии за № 37
по всеподданнейшему письму Гоголя о выдаче ему
загран<ичного> паспорта
для путешествия к Св<ятым> Местам
<С приложением документов Министерства
внутренних дел и Министерства иностранных дел>

От Военно-Походной Канцелярии

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО
ВЕЛИЧЕСТВА.
ВОЕННО-ПОХОДНАЯ КАНЦЕЛЯРИЯ.
№ 37.

По всеподданнейшему письму 8-го класса Гоголя о выдаче ему паспорта
для путешествия к Святым местам.

Началось 30 декабря 1846 года

Кончилось 14 апреля 1847 —

На 9 листах.

ОПИСЬ бумагам, в сем деле содержащимся

№	Означение бумаг	На скольких листах
	Всеподданнейшее прошение Н. Гоголя ¹	2.
	Копия с отношения Графу Нессельроде ² , от 9 Января 1847 г. № 10.	2.
	Копия с отношения Н. И. ¹ Гоголю, от 9 Января № 12 ³ .	1.
	Копия с отношения Графу Потоцкому ⁴ , от 9 Января № 9.	1.
	Отношение Графа Нессельроде, от 14 Января № 156.	2.
	Отношение от него же, от 9-го Апреля № 992.	1.
		9.

Младший Чиновник Рапасов.

Титульный лист и описание дела впервые опубликованы: *Виноградов И. А.* Документы о паломничестве Н. В. Гоголя к Святым Местам // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сю-

¹ Так в оригинале.

жет, жанр: Сборник научных трудов. Петрозаводск, 2008. Вып. 5. С. 309. Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. Ф. 652. Оп. 1. Ед. хр. 37. Титульный лист, оборот листа.

В заключении дела имеется также запись: «В сем деле писанных и пронумерованных листов девять. Делопроизводитель *Н. Шедов*. Младший Чиновник *Рапасов*» (*ИРЛИ*. Ф. 652. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 10; опубликовано: *Виноградов И. А.* Документы о паломничестве Н. В. Гоголя к Святым Местам. С. 332).

Помещаемые в настоящем разделе материалы «Дела Е-го И-мператорского В-еличества Воен-но-Походн-ой Канцелярии за № 37 по всеподданнейшему письму Гоголя о выдаче ему заграничного паспорта для путешествия к Святым Местам» (6 единиц) хранятся в Рукописном отделе Пушкинского Дома (*ИРЛИ*. Ф. 652. Оп. 1. Ед. хр. 37. 12 л.). При подготовке к изданию материалы дела сверены с копией, снятой в 1915 г. при его отправке, по Высочайшему повелению, из Военно-ученого архива Главного управления Генерального штаба (в 1906–1918 гг.; ныне фонды *РГВИА*) в музей Пушкинского Дома (местонахождение указанной копии: *РГВИА*. Ф. 970. Оп. 2. Ед. хр. 470). Кроме того, в настоящем издании материалы дела Военно-Походной Канцелярии дополнены документами Архива внешней политики Российской Империи МИД РФ (*АВПРИ*. Ф. 339. Оп. 926. Ед. хр. 26 — «Дело об отправлении литератора Николая Гоголя к Св. Местам. СПб. Главного Архива М. И. Д.», 14 единиц). Указанные дополнительные документы непосредственно связаны с делом Военно-Походной Канцелярии и поясняют его. Документы расположены хронологически. Все материалы печатаются по оригиналам.

Кроме письма самого Гоголя к Императору Николаю I от начала декабря (н. ст.) 1846 г. (см. ниже примеч. 1), к документам дела, не помещенным в наст. разделе, относятся несохранившийся заграничный паспорт, выданный Гоголю «для путешествия по Святым Местам сроком на полтора года» от 15 января 1847 г. (выписку из этого паспорта см. в наст. изд. в разделе *Itinerarium, составленный С. П. Шевыревым на основании отметок в паспортах Гоголя*) и еще пять официальных посланий.

Во-первых, письмо начальника Его Императорского Величества Военно-Походной Канцелярии графа В. Ф. Адлерберга к Гоголю от 9 января 1847 г. (упомянуто в описи на третьем месте). Копия этого письма хранится в деле (*ИРЛИ*. Ф. 652. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 5; напечатано: *Виноградов И. А.* Документы о паломничестве Н. В. Гоголя к Святым Местам. С. 314–315). Еще одна писцовая копия этого послания, подписанная графом В. Ф. Адлербергом, хранится в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки (*РНБ*. Ф. 850. Шевырев С. П. Ед. хр. 59. Л. 1; опубли.: *Линниченко И. А.* Новые материалы для биографии Н. В. Гоголя // *Русская Мысль*. 1896. № 5. С. 176). Послание Адлерберга исключено из наст. раздела, т. к. печатается, в соответствии с его назначением, в издании писем к Гоголю (см. полн. собр. соч. Гоголя, включающее в себя первое полное издание его переписки: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 14. С. 60).

Сюда же относится письмо государственного канцлера, министра иностранных дел графа К. В. Нессельроде к управляющему Императорской миссией в Неаполе графу Л. С. Поттоцкому от 20 января 1847 г. Сохранившийся черновик этого послания находится в Архиве внешней политики Российской Империи МИД РФ (*АВПРИ*. Ф. 339. Оп. 926. Ед. хр. 26. Л. 11–12; впервые опубли.: *Виноградов И. А.* Документы о паломничестве Н. В. Гоголя к Святым Местам. С. 327–328). Это письмо Нессельроде к Поттоцкому, данное последним для прочтения Гоголю в Неаполе 5 марта (н. ст.) 1847 г., также включено в состав писем, полученных (или прочитанных) самим Гоголем (*Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. Т. 14. С. 144–145).

В издание переписки Гоголя отнесены еще три послания, также полученные писателем, вместе с заграничным паспортом, от графа Поттоцкого 5 марта (н. ст.) 1847 г.:

— письмо графа Нессельроде к Гоголю, содержащее рекомендательное письмо к управляющему Императорской миссией в Константинополе М. М. Устинову от 20 января 1847 г. (*РНБ*. Ф. 850. Ед. хр. 780; опубли.: *Линниченко И. А.* Новые материалы для биографии Н. В. Гоголя. С. 177; см. также: *Виноградов И. А.* Документы о паломничестве Н. В. Гоголя к Святым Местам. С. 322–323; *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. Т. 14. С. 146);

— письмо товарища министра иностранных дел Л. Г. Сенявина к Гоголю, содержащее рекомендательное письмо к русскому генеральному консулу в Бейруте К. М. Базили от 20 января 1847 г. (*АВПРИ*. Ф. 339. Оп. 926. Ед. хр. 26. Л. 10; черновик письма; опубли.: *Виноградов И. А.* Документы о паломничестве Н. В. Гоголя к Святым Местам. С. 326; см.: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. Т. 14. С. 146–147);

— письмо Л. Г. Сенявина к Гоголю, содержащее рекомендательное письмо к русскому генеральному консулу в Александрии А. М. Фоку от 20 января 1847 г. (*РНБ*. Ф. 850. Ед. хр. 795; опубли.: *Линниченко И. А.* Новые материалы для био-

графини Н. В. Гоголя. С. 177–178; см. также: *Виноградов И. А.* Документы о паломничестве Н. В. Гоголя к Святым Местам. С. 324–325; *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. Т. 14. С. 147–148).

О решении Гоголя, принятом в 1842 г., отправиться в Иерусалим после завершения второго тома «Мертвых душ» см. в наст. изд. в коммент. к письму С. Т. Аксакова А. О. Смирновой от 31 марта 1846 г. 9 мая 1842 года Гоголь писал А. С. Данилевскому: «Это будет мое последнее и, может быть, самое продолжительное удаление из отечества: возврат мой возможен только через Иерусалим». Благословение на паломничество Гоголь получил в начале февраля 1842 г. в Москве от владыки Иннокентия (Борисова), которому 22 мая того же года писал: «...Наша встреча была назначена свыше. Она залог полной встречи у Гроба Господа. <...> В Риме я пробуду никак не менее двух лет, то есть пока не кончу труд, а там в желанную дорогу!»

Намерение совершить паломничество с кем-нибудь из близких вновь появляется у Гоголя в середине 1840-х гг. Н. М. Языков около 18 апреля 1844 г. писал Н. Н. Шереметевой из Москвы: «Николай Васильевич <...> в Штутгарт <...> говеть поехал, как он пишет <в послании к С. П. Шевыреву от 12 марта (н. ст.) 1844 г.>. Лето поедет он по водам, осенью в Рим, и в конце зимы оттуда намеревается в Иерусалим, говеть, туда же и Погодин» (см. в наст. изд.) 17 февраля 1845 г. Языков сообщал самому Гоголю: «Погодин собирается в Иерусалим; на второй неделе Великого Поста он пустится отсюда, а на последней будет говеть у Гроба Господня». О намерении М. П. Погодина отправиться в Святую Землю извещала также Гоголя Шереметева, передавая слова Аксаковых: «От них слышала, что Погодин собирается в Иерусалим, чтобы Страстную неделю там быть». В письме к Языкову от 5 апреля (н. ст.) 1845 г. Гоголь спрашивал: «...Уехал ли Погодин в Иерусалим или отложил свою поездку на другое время. В последнем случае объяви ему о моем намерении, и если ему случится ехать на Рим, то, вероятно, мы отправимся тогда вместе». 29 марта 1845 г. Языков отвечал: «Погодин едет в Мариенбад, а его путешествие в Святую Землю, кажется, отложено в долгий ящик». 12 июня того же года Языков снова писал Гоголю: «Слышно, что Погодин не переменал своего намерения побывать в Святой Земле, но я еще не говорил с ним об этом; уведомят тебя, когда и как он решился». В тот же день, 12 июня 1845 г., Языков сообщал брату Александру: «Погодин <...> как слышно, собирается осенью нынешнего года исполнить свой давнишний план путешествия к Святым Местам. Он едет к зиме в Рим и оттуда водой в Иерусалим, а из Иерусалима водою же в Одессу и таким образом восвоится. Само собой разумеется, что при сей верной оказии Погодин напишет путешествие к Святым Местам и его раскупят и что паломнику сочинителю выгода будет большая» (Русская Старина. 1903. № 3. С. 534). Летом — осенью 1846 г. Погодин совершил путешествие за границу, однако в Иерусалиме не побывал. 10 сентября (н. ст.) 1846 г. Гоголь писал ему: «...Если ты выехал с тем, чтобы ехать в Святую Землю <...> то не следует оставлять такого намерения...» Погодин отвечал: «Иерусалим — оставлю, если Бог даст, до следующего лета».

Совершить паломничество в Святую Землю намеревались также с Гоголем художник А. А. Иванов и граф А. П. Толстой. В сентябре (н. ст.) 1846 г. Иванов писал Гоголю: «Если вы заблагорассудите взять меня с собой на поклонение Гробу Господню, то я готов совершенно». В середине февраля (н. ст.) 1847 г. он же писал Гоголю: «Моллер, подавая мне письмо ваше <от 4 февраля (н. ст.) 1847 г.>, утвердительно сказал, что вы в Иерусалим не едете, — значит, что и мое положение разрешено». В начале января (н. ст.) 1848 г. художник писал Гоголю в Неаполь: «Мне все кажется, что вы дождетесь меня, чтобы ехать вместе в Палестину. Что будет гораздо лучше для обоих». В январе–феврале (н. ст.) 1847 г. Гоголь писал также протоиерею Матфею Константиновскому из Неаполя: «Напишите мне письмецо в Неаполь... <...> Приложите в моем письме маленькое письмецо, хотя также из двух строчек, к гр<афу> Александру Петровичу Толстому, который также к этому времени придет в Неаполь, с тем, чтобы выпроводить меня к Святым Местам, а может быть, даже и самому туда пуститься, если Богу будет угодно поселить ему такую мысль».

Имея в виду в первую очередь Погодина, Гоголь 8 ноября (н. ст.) 1846 г. сообщал Шереметевой: «Со многими из людей, близких мне, которые намеревались тоже к наступающему Великому Посту ехать в Иерусалим, случились <...> непредвиденные препятствия, заставившие иных возвратиться даже с дороги, в которую было уже пустились. А я иначе и не думал пускаться, как с людьми близкими сколько-нибудь моей душе». В письме к ней же от 1 апреля (н. ст.) 1847 г. из Неаполя Гоголь повторял: «Поездка моя в Иерусалим несколько отодвинулась, по причине всяких хлопот <...> а наконец и по той причине, что я не отважился отправиться один. Почти со всеми, имевшими то же намерение <...> отправиться в этом году в Иерусалим, случились непредвиденные препятствия. А мне — надобно вам знать — необходимо для этой дороги товарищество близких сердцу душ».

Осенью 1846 г. Гоголь писал самому Погодину: «Ты не поехал в Иерусалим и был прав, принявши за указание встретившиеся препятствия. Когда готово сердце и зовет Бог душу на такое дело, тогда не останавливают нас никакие препятствия...». 11 февраля (н. ст.) 1847 г. Гоголь еще раз обращался к другу: «По всему вижу, что, кажется, дело хочет устроиться так, дабы мы встретились в Иерусалиме у Гроба Господня». «Если ты еще не переменял своего намерения, — замечал Гоголь в письме к Погодину от 30 апреля (н. ст.) 1847 г., — как бы нам хорошо было теперь отправиться вместе». В тот же день он писал А. М. Погодиной: «Уведомляю вас, что если любезный сын ваш Михаил Петрович отправится к Святым Местам, то он найдет во мне верного попутчика».

15 января (н. ст.) 1847 г. Гоголь обращался к протоиерею Димитрию Вершинскому из Неаполя: «От Тарасия Федоровича Серединского я узнал, что вы также собираетесь в Иерусалим. Весьма буду рад, если придется нам вместе и совершить это путешествие. Уведомляю вас, что я думаю отсюда подняться в середине февраля месяца. Если вам будет возможно тоже около этого времени прибыть в Неаполь, то напишите словечка два». 10 мая (н. ст.) 1847 г. Гоголь, желая поддержать А. О. Смирнову, писал ей из Неаполя: «Не проездиться ли вам в Остенде? Как бы мы вновь провели прекрасно время вместе! и как бы поблагодарили Бога за самые недуги наши, заставившие нас вновь увидеться! Прекрасна встреча с родными и с старыми товарищами нашего детства, но встреча с теми, с которыми породнились душами во имя Христа, еще прекрасней. А там — почему знать? — если самая дорога вам станет помогать и езда, почему вам не съездить в одно время со мною в Иерусалим? Может быть, после этого путешествия все бы отлегло тоскливое от души вашей». Спустя еще несколько месяцев, 5 декабря (н. ст.) 1847 г., в письме из Неаполя Гоголь спрашивал Ивана: «Узнайте, не отправляется ли кто также в Иерусалим около этого времени; в таком случае дайте ему мой адрес. Мне очень будет приятно иметь попутчика-земляка». В конечном счете Гоголь отправился в Иерусалим один.

Отъезд из Неаполя состоялся после 6/18 января 1848 г. В Иерусалим Гоголь прибыл 16/28 февраля 1848 г. вместе с своим однокашником К. М. Базили, встреченным в начале февраля (н. ст.) в Бейруте (в ту пору Базили исполнял должность русского генерального консула в Сирии и Палестине). О неосуществившихся намерениях Гоголя пробыть в Иерусалиме до «времени Пасхи» (11/23 апреля 1848 г.), а «потом побывать во всех местах, озаменованных святыми событиями», см. в наст. изд. коммент. к письму С. П. Шевырева Н. Н. Шереметевой от 8–10 (20–22) апреля 1848 г. По-видимому, не желая оставаться без надежного попутчика (тем более попутчика до самой России), Гоголь к 18/30 марта 1848 г. вместе с Базили, получившим служебный отпуск, вернулся в Бейрут (см. в наст. изд. коммент. к «Воспоминаниям» В. Б. Бланка). 6/18 апреля 1848 г., в Великий Вторник, Гоголь вместе с семейством друга выехал из Бейрута в Константинополь; во вторник Светлой седмицы, 13/25 апреля, они были в Константинополе, 14/26 апреля выехали из Константинополя в Одессу.

¹ Прошение Гоголя к Императору Николаю I от начала декабря (н. ст.) 1846 г. из Неаполя. Впервые опубликовано: Гофман М. Л. Неизданное письмо Гоголя к Императору Николаю I // Временник Пушкинского Дома. 1914. Пг., <1915>. С. 89–90. Автограф хранится: ИРЛИ. Ф. 652. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 1–2. Письмо имеет помету графа В. Ф. Адлерберга: «Высочайше повелено сообщить Гр<афу> Нес<с>ельроду, чтобы он выслал ему отсюда паспорт на свободный проезд к Св. Местам, в Сирию, Египет и Турцию, и чтобы поручить его особому попечению наших Миссий и Консульств в тех местах; о чем уведомить и Гоголя. 29-го Декабря 1846». Кроме того, на письме имеются еще две канцелярских пометы: «30-го Декабря 1846». «9 Января к Графу Нес<с>ельроде № 10».

² Граф Карл Васильевич (Карл Роберт) Нессельроде (1780–1862), государственный канцлер (с 1844), министр иностранных дел (с 1814 по 1856).

³ Об этом письме графа В. Ф. Адлерберга к Гоголю от 9 января 1847 г. см. выше в преамбуле к наст. коммент.

⁴ Граф Лев Северинович Потоцкий (1789–1860), член Государственного Совета (с 16 июля 1846), действительный тайный советник (с 21 апреля 1847), чрезвычайный посланник и полномочный министр при Неаполитанском Дворе с 19 августа 1841 г. по май 1847 г.

<Начальник Его Императорского Величества Военно-Походной
Канцелярии граф В. Ф. Адлерберг — государственному канцлеру,
министру иностранных дел графу К. В. Нессельроде>

<9 января 1847. Санкт-Петербург>
№ 112. — 13 Янв<аря> 1847¹.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО
ВЕЛИЧЕСТВА
Военно-Походная
Канцелярия¹¹
В С.-Петербурге.
9-го Генваря 1847.
№ 10.

Его Сият<ельств>ву
Графу К. В. Нессельроде.

Милостивый Государь
Граф Карл Васильевич.

Известный литератор наш Николай Гоголь, уволенный от службы с чином 8-го класса, обратился к Государю Императору со всеподданнейшим письмом о выдаче ему паспорта, для путешествия к Святым местам.

Его Величество, по прочтении сего письма, Вы со-
чайше повелеть мне соизволил: сообщить Вашему Сия-
тельству, дабы Вы, Милостивый Государь, приказали снаб-
дить Г. Гоголя беспошлинным паспортом, на полтора года,
для свободного проезда к святым местам и вместе с тем со-
общили бы Посольству нашему в Константинополе, а равно
всем Консулам нашим в Турецких владениях, в Египте, Си-
рии и Малой Азии, что Государю Императору бла-
гоугодно дабы Г-ну Гоголю было оказываемо с их стороны
всевозможное покровительство и попечение. Сверх того
Его Величество желает, чтобы независимо от таковых
сообщений Ваших означенным лицам Г-н Гоголь был бы
снабжен еще и рекомендательными к ним же письмами от
Вашего Сиятельства.

О Вы сочайшей воле сей, уведомляя Ваше Сиятель-
ство, для зависящего исполнения, считаю долгом присово-
купить, что я ныне же известил об оной Г. Гоголя, который
находится теперь в Неаполе.

Примите, Милостивый Государь, уверение в совершен-
ном моем почтении и преданности.

В. Адлерберг.

Первые опубликовано, по подлиннику, с ошибочной датировкой (14 января 1847 г.): И. М. Николай Васильевич Гоголь. Отпуск Н. В. Гоголя ко Св. местам, 1847 г. // Русская Старина. 1880. № 9. С. 196. Заново по оригиналу напеча-
тано: *Виноградов И. А.* Документы о паломничестве Н. В. Гоголя к Святым Местам // Евангельский текст в русской ли-
тературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сборник научных трудов. Петрозаводск, 2008.
Вып. 5. С. 313. Копия, хранящаяся в *ИРЛИ* (Ф. 652. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 3–4), напечатана: *Виноградов И. А.* Документы
о паломничестве Н. В. Гоголя к Святым Местам. С. 311–312. Печатается по подлиннику: *АВПРИ*. Ф. 339. Оп. 926.
Ед. хр. 26. «Дело об отправлении литератора Николая Гоголя к Св. Местам. СПб. Главного Архива М. И. Д.». Л. 1 б.

Граф Владимир (Эдуард) Федорович Адлерберг (1792–1884), генерал-адъютант, генерал от инфантерии, началь-
ник Военно-Походной Канцелярии Императора и член Военного Совета.

---

¹ № 112. — 13 Янв<аря> 1847. — *вписано красными чернилами.*

¹¹ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО / ВЕЛИЧЕСТВА / Военно-Походная / Канцелярия — *текст печатного бланка.*

**<Начальник Его Императорского Величества Военно-Походной
Канцелярии граф В. Ф. Адлерберг — управляющему
Императорской миссией в Неаполе графу Л. С. Потоцкому
Копия>**

<9 января 1847. Санкт-Петербург>

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО
ВЕЛИЧЕСТВА
Военно-Походная
Канцелярия
В С.-Петербурге.
9 Января 1847.
№ 9.

Его Сияте^{ль}ству Графу
Л. С. Потоцкому.

Генерал-Адъютант Адлерберг свидетельствуя свое совершенное почтение Его Сиятельству Графу Льву Севериновичу, имеет честь покорнейше его просить приказать доставить по принадлежности прилагаемый при сем пакет¹ за № 12 на имя чиновника 8-го класса Николая Ивановича¹ Гоголя, который ныне находится в Неаполе.

Подписал: Генерал-Адъютант Адлерберг.

Верно: ...¹¹

Впервые опубликовано: *Виноградов И. А.* Документы о паломничестве Н. В. Гоголя к Святым Местам // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сборник научных трудов. Петрозаводск, 2008. Вып. 5. С. 316. Печатается по оригиналу: *ИРЛИ*. Ф. 652. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 6.

¹ В пакете находилось письмо графа В. Ф. Адлерберга Гоголю от 9 января 1847 г., полученное Гоголем в Неаполе в начале февраля (н. ст.) 1847 г. (см. письмо Гоголя к П. А. Плетневу от 6 февраля (н. ст.) 1847 г., а также преамбулу к наст. коммент.).

**<Директор Департамента внутренних сношений Министерства
иностранных дел В. А. Поленов — управляющему
Императорской миссией в Неаполе графу Л. С. Потоцкому>**

1 отд<еления> 3 ст<ол>
№ 61.
7 января¹¹¹ 1847.

<9 января 1847. Санкт-Петербург>
Господину Чрезвычайному Посланнику
и Полномочному Министру при Неаполитанском Дворе.

Департамент внутренних сношений, препровождая при сем вашему Сиятельству пакет¹ на имя находящегося в Не-

---

¹ Так в источнике.

¹¹ Подпись делопроизводителя отсутствует.

¹¹¹ Вероятно, описка. Следует: 9 января

аполе Г. Гоголя, покорнейше просит доставить оный по принадлежности и по получении почтить Д<епартамен>т уведомлением.

Публикуется впервые по подлиннику: *АВПРИ*. Ф. 339. Оп. 926. Ед. хр. 27. Л. 1.

В деле Министерства иностранных дел «О препровождении пакетов на имя находящегося в Неаполе Г. Гоголя. 1847» к настоящему письму, а также к посланию В. А. Поленова графу Л. С. Потоцкому от 21 января 1847 г. (см. ниже) сделано примечание: «Пакеты были получены от Директора Д<епартамен>та без входящ<ей> бумаги» (*АВПРИ*. Ф. 339. Оп. 926. Ед. хр. 27. Л. 1).

Василий Алексеевич Поленов (1776 – 21 июля 1851), член Совета Министерства иностранных дел (с 1849), директор Департамента внутренних сношений, начальник главного архива министерства и государственного архива (с 1834), писатель.

¹ В пакете, очевидно, находилось, письмо графа В. Ф. Адлерберга графу Л. С. Потоцкому от 9 января 1847 г. (см. выше), заключавшее в себе послание графа В. Ф. Адлерберга Гоголю от того же числа (см. в изд.: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 14. С. 60).

<Государственный канцлер, министр иностранных дел граф
К. В. Нессельроде — министру внутренних дел графу Л. А. Перовскому>
Черновое письмо

<14 января 1847. Санкт-Петербург>

По № 112.
Министру Внутренних
Дел Перовскому
№ 155.
14 Генв<аря>
1847.

От Г. Канцлера

М<илостивый> Г<осударь>
Лев Алексеевич.

Г. Ген<ера>л-Адъютант Адлерберг уведомил меня, что известный литератор Николай Гоголь, уволенный от службы с чином 8-го класса, прислал к Государю Импер<ато>ру из Неаполя бесподданнейшее письмо, в коем просит¹ о выдаче ему паспорта для путешествия к Святым местам; и что Его Вел<ичест>во по сему письму, Вы с<очай>ше повелеть соизволил: объявить^{II} мне, чтоб я распорядился о снабжении Г. Гоголя беспощлиным заграничным паспортом на полтора года, для проезда к святым местам.

О таком Вы с<очай>шем повелении имею честь сообщить по принадлежности Вашему Высокопре<восходительст>ву, покорнейше прося прислать^{III} ко мне заграничный паспорт для Г. Гоголя, к коему оный будет доставлен чрез посредство Миссии нашей в Неаполе.

Прим<ите> увер<ение>...^{IV}

^I просит *вписано вместо*: ходатайствует

^{II} объявить *вписано вместо*: сообщить

^{III} прислать *вписано вместо*: доставить

^{IV} *Не дописано.*

Впервые опубликовано: *Виноградов И. А.* Документы о паломничестве Н. В. Гоголя к Святым Местам // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сборник научных трудов. Петрозаводск, 2008. Вып. 5. С. 316–317. Печатается по оригиналу: *АВПРИ*. Ф. 339. Оп. 926. Ед. хр. 26. «Дело об отправлении литератора Николая Гоголя к Св. Местам. СПб. Главного Архива М. И. Д.». Л. 2.

<Граф К. В. Нессельроде — графу В. Ф. Адлербергу>

К делу.

<14 января 1847. Санкт-Петербург>

15 Января 1847.

Милостивый Государь

Владимир Федорович.

Получив отношение Вашего Высокопревосходительства от 9-го Января, № 10, с изображением *Высочайшего* повеления о снабжении Литтератора Гоголя, предпринимającego путешествие ко святым местам, беспошлинным заграничным паспортом и рекомендательными письмами к нашим дипломатическим агентам в Турции, — я сообщил по принадлежности Г. Министру Внутренних Дел *Высочайшую* волю о выдаче Г. Гоголю заграничного паспорта, так как от Министерства Иностранных Дел даются таковые паспорта только лицам, состоящим¹ в ведомстве оногo, или отправляемым от сего Министерства по делам службы за границу; все же прочие лица снабжаются заграничными паспортами от Министерства Внутренних Дел. При чем я просил Г. Действительного Тайного Советника Перовского паспорт для Г. Гоголя прислать ко мне, для доставления ему чрез посредство Миссии нашей в Неаполе.

О таковом распоряжении имею честь уведомить Ваше Высокопревосходительство, присовокупляя, что по получении от Г. Министра Внутренних Дел означенного паспорта, я отправлю оный вместе с потребными для Г. Гоголя рекомендательными письмами к Посланнику нашему при Неаполитанском Дворе, для передачи сему Литтератору. В то же время я не премину послать предписания Миссии и подлежащим Консульствам нашим в Турции об оказании ему покровительства и всевозможного содействия.

Его Высокопревосходительству
В. Ф. Адлербергу.

№ 156
14 Января 1847.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Граф Нессельроде.

Впервые опубликовано: *Виноградов И. А.* Документы о паломничестве Н. В. Гоголя к Святым Местам // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сборник научных трудов. Петрозаводск, 2008. Вып. 5. С. 319–320. Печатается по оригиналу: *ИРЛИ*. Ф. 652. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 7–8.

Сохранился также черновик настоящего отношения, датированный тем же числом: «По № 112. Генерал-Адъютанту Адлербергу. № 156. 14 Генв<аря> 1847. От Г. Канцлера» (*АВПРИ*. Ф. 339. Оп. 926. Ед. хр. 26. «Дело об отправ-

¹ В черновике письма: состоящим *вписано вместо:* служащим

лении литератора Николая Гоголя к Св. Местам. СПб. Главного Архива М. И. Д.». Л. 3–4. Опубликовано: *Виноградов И. А. Документы о паломничестве Н. В. Гоголя к Святым Местам. С. 317–318*).

<Граф А. А. Перовский — графу К. В. Нессельроде>

№ 155 (1 т.).

<15 января 1847. Санкт-Петербург>
17 Янв<аря> 1847¹.

Милостивый Государь

Граф Карл Васильевич.

В следствие отношения Вашего Сиятельства от 14-го сего Января за № 155, имею честь препроводить к Вам, Милостивый Государь, заграничный паспорт для находящегося в Неаполе Литератора Николая *Гоголя* на проезд к Святым местам, покорнейше прося Вас, Милостивый Государь, поручить, кому будет следовать, при выдаче сего паспорта Г. Гоголю истребовать от него паспорт, по коему он ныне проживает за границую.

Примите, Милостивый Государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Л. Перовский.

№ 111.

15 Января 1847.

Его Сия<ельст>ву,
Гр<афу> К. В.
Нессельроде

Первые опубликовано: *Виноградов И. А. Документы о паломничестве Н. В. Гоголя к Святым Местам // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сборник научных трудов. Петрозаводск, 2008. Вып. 5. С. 318–319. Печатается по оригиналу: АВПРИ. Ф. 339. Оп. 926. Ед. хр. 26. «Дело об отправлении литератора Николая Гоголя к Св. Местам. СПб. Главного Архива М. И. Д.». Л. 5.*

<Граф К. В. Нессельроде — управляющему Императорской миссией в Константинополе М. М. Устинову>

<20 января 1847. Санкт-Петербург>

По № 155.

Д<ействительному> С<татско-
му> С<оветни>ку Устинову
(в Констан<тинопо>ле).

№ 228.

20 Генв<аря> 1847.

От Г. Каницлера

М<илостивый> Г<осударь>

Михаил Михайлович.

Г. Генерал-Адъют<ан>т Адлерберг уведомил меня, что известный литератор Николай Гоголь, уволенный от службы с чином 8-го класса, прислал к *Государю Импер<ато>ру* из Неаполя всеподданнейшее письмо, в коем просит о выдаче ему паспорта для путешествия ко Святым местам; и что

---

¹ 17 Янв<аря> 1847. — *вписано красными чернилами.*

Его Вел<ичест>во по сему письму, Выс<очай>ше повелеть соизволил: объявить мне, чтоб я распорядился о снабжении Г. Гоголя беспрошленным заграничным паспортом на полтора года, для проезда к святым местам, и чтобы я сообщил Миссии нашей в Констан<тинопо>ле, а также Консулам в Египте, Сирии и Малой Азии, что *Государю Импер<ато>ру* благоугодно, дабы Г-ну Гоголю было оказываемо с их стороны всевозможное покровительство и попечение.

Сообщая Вашему Пре<восходительст>ву о таковом *Выс<очай>шем* повелении, прошу во исполнение оногo прислать надлежащие^I предписания Ген<еральны>м Консулам нашим в Египте, Бейруте и Смирне, Консулу в Салонике, Вице-Консулу в Яффе и Дарданеллах; а о последующем меня уведомить, равно как и впредь извещать о путешествии Г. Гоголя по Турции^{II}.

К сему считаю долгом присовокупить, что^{III} ныне же я отправляю^{IV} к Г. Посланнику нашему при Неаполитанском Дворе, для передачи Г. Гоголю, заграничный для него паспорт и рекоменда<те>льные об нем письма: к Вашему Прев<осходительст>ву и к Г. Кол<лежскому> Сов<етни>ку Фоку и Над<ворному> Сов<етни>ку Базили.

Прим<ите> увер<ение>...^V

Впервые опубликовано: *Виноградов И. А.* Документы о паломничестве Н. В. Гоголя к Святым Местам // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сборник научных трудов. Петрозаводск, 2008. Вып. 5. С. 317–318. Печатается по оригиналу: *АВПРИ. Ф. 339. Оп. 926. Ед. хр. 26.* «Дело об отправлении литтератора Николая Гоголя к Св. Местам. СПб. Главного Архива М. И. Д.». Л. 6–7.

Михаил Михайлович Устинов (1800–1871), чиновник Министерства иностранных дел в 1833–1854 гг. (управляющий Императорской миссией в Константинополе с 6 июня 1846 по 11 августа 1847 г., директор департамента хозяйственных и счетных дел).

---

^I надлежащие *вписано вместо*: соответствующее

^{II} по Турции *вписано вместо*: по Восток<у>

^{III} *Далее было*: вместе с

^{IV} отправляю *вписано вместо*: посылаю

^V *Не дописано.*

<Директор Департамента внутренних сношений Министерства
иностраннных дел В. А. Поленов — управляющему
Императорской миссией в Неаполе графу Л. С. Потоцкому>

<21 января 1847. Санкт-Петербург>

1 отд<еления> 3 ст<ол>
№ 476.
21 января 1847.

Господину Чрезвычайному Посланнику и Полномочному
Министру при Неаполитанском Дворе.

Департамент внутренних сношений, препровождая при сем
Вашему Сиятельству пакет¹ на имя находящегося в Неаполе Г. Гоголя¹, покорнейше просит приказать доставить оный по при-
надлежности и по получении почтить Д<епартамен>т уведомле-
нием.

Публикуется впервые по подлиннику: *АВПРИ*. Ф. 339. Оп. 926. Ед. хр. 27. Л. 2.

В деле Министерства иностранных дел «О препровождении пакетов на имя находящегося в Неаполе Г. Гоголя. 1847» к настоящему письму, а также к посланию В. А. Поленова графу Л. С. Потоцкому от 9 января 1847 г. (см. выше) сделано примечание: «Пакеты были получены от Директора Д<епартамен>та без входящ<ей> бумаги» (*АВПРИ*. Ф. 339. Оп. 926. Ед. хр. 27. Л. 1).

¹ В пакете находились предназначенные для Гоголя заграничный паспорт и рекомендательные письма для проезда к Святым Местам, а также сопроводительное письмо графа К. В. Нессельроде графу Л. С. Потоцкому от 20 января 1847 г. (см. в изд.: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 14. С. 144–148).

<М. М. Устинов — графу К. В. Нессельроде>

<14 февраля 1847. Пера>
№ 622. — 3 Марта 1847.¹¹

Его Сия<тельст>ву
Гр<афу> К. В. Нессельроде.

Милостивый Государь
Граф Карл Васильевич.

Во исполнение предписания вашего Сиятельства от 20 Января, № 228, я не оставил предварить Генеральных Консулов наших в Египте, Бейруте, Смирне, Консула в Салониках и Вице-Консула в Яффе и Дарданеллах о предпринимаемом, с В ы с о ч а й ш е г о разрешения, известным литератором Николаем Гоголем путешествии ко Святым Местам, предписав сим Агентам оказывать ему всевозможное покровительство и попечение, и в случае нужды зависящие пособия, а также доложить Миссии о местах, которые посещаемы будут Г-м Гоголем.

О таковом распоряжении моем доводя до сведения Императорского Министерства и предоставляя себе и впредь извещать Вас, Милостивый Государь, о путешествии Г. Гоголя по Турции, не лишним считаю присовокупить, что

---

¹ Так в источнике.

¹¹ № 622. — 3 Марта 1847. — *вписано красными чернилами.*

в случае прибытия его в Константинополь я не премину оказать ему покровительство и содействие Миссии, согласно тому участию, которое Государю Императору благоугодно Всемилостивейше принять в путешествии сего Литтератора.

С глубоким почтением и совершенною преданностию честь имею быть

Вашего Сиятельства
покорнейшим слугою

Пера.
№ 52.
14 февраля
1847.

Михаил Устинов.

Впервые опубликовано: *Виноградов И. А.* Документы о паломничестве Н. В. Гоголя к Святым Местам // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сборник научных трудов. Петрозаводск, 2008. Вып. 5. С. 328–329. Печатается по оригиналу: *АВПРИ*. Ф. 339. Оп. 926. Ед. хр. 26. «Дело об отправлении литтератора Николая Гоголя к Св. Местам. СПб. Главного Архива М. И. Д.». Л. 13.

<Граф А. С. Потоцкий — графу К. В. Нессельроде>

<7/19 марта 1847. Неаполь>
№ 941. — 4 Апр<еля> 1847¹.

Министерство Иностранных
Дел.
Императорская
Миссия в Неаполе^{II}.
№ 12.
Марта 7/19 дня
1847 года
по Департаменту
Хоз<зяйственных> и
Счетн<ых> Дел
Е<го> С<иятельств>ву
Графу К. В.
Нессельроду.

Милостивый Государь
Граф Карл Васильевич.

Немедленно по получении мною 20 февраля / 4 марта сего года доставленных мне предписаний Вашего Сиятельства от 20 Января за № 232¹, паспорта и писем для находящегося здесь Литтератора Николая Гоголя², я передал их ему³, предоставив ему вместе с тем прочесть вышеозначенное предписание. Согласно с желанием Г. Гоголя, я считаю долгом повернуть к Вы с о ч а й ш и м Стопам и представить Вам, Милостивый Государь, живейшую благодарность его за облегчение ему как посещения Св. Мест, так и исполнения предпринимаемого им ученого труда⁴. Сильно расстроенное здоровье сего сочинителя не позволяет ему, однако, отправиться немедленно, и он находится в необходимости отложить отъезд свой на Восток до конца будущего лета, чтоб начать, с наступлением весны, пользоваться минеральными водами на берегах Рейна.

¹ № 941. — 4 Апр<еля> 1847. — *вписано красными чернилами.*

^{II} Министерство / Иностранных Дел / Императорская / Миссия в Неаполе — *текст печатного бланка.*

С истинным почтением и совершенною преданностию
имею честь быть
Вашего Сиятельства
покорный слуга

Граф Лев Потоцкий.

Впервые опубликовано: *Виноградов И. А.* Документы о паломничестве Н. В. Гоголя к Святым Местам // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сборник научных трудов. Петрозаводск, 2008. Вып. 5. С. 329–330. Печатается по оригиналу: *АВПРИ. Ф. 339. Оп. 926. Ед. хр. 26.* «Дело об отпращивании литератора Николая Гоголя к Св. Местам. СПб. Главного Архива М. И. Д.». Л. 14.

¹ См. в изд.: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 14. С. 60.

² См. в изд.: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 17 т. Т. 14. С. 144–148.

³ Позднее, в письме к директору Департамента внутренних сношений Министерства иностранных дел В. А. Поленову от 18 мая (н. ст.) 1847 г., граф Л. С. Потоцкий ошибочно датировал получение двух пакетов для Гоголя (от 9 января и 21 января 1847 г.) 23-м апреля (н. ст.) 1847 г.:

«*Отметка о получении:*»

№ 4405. — 20 июня 1847.

Министерство Иностранных Дел.
Императорская Миссия
в Неаполе.
Мая 6/18 дня 1847 года.
№ 30.

В Департамент
Внутренних Сношений

Препровожденные ко мне Департаментом Внутренних Сношений при отношениях от 7-го <ошибка; следует: 9-го> и 21-го января сего года за №№ 61 и 476 два пакета на имя находящегося в Неаполе 8-го класса Гоголя получены мною 11/23 минувшего апреля <ошибка; следует: 20 февраля/4 марта> и переданы немедленно Г. Гоголю.

О чем считаю долгом Департамент сим уведомить.

Посланник: *граф Лев Потоцкий*
(*АВПРИ. Ф. 339. Оп. 926. Ед. хр. 27. Л. 3.*)

⁴ По-видимому, речь идет о задуманной Гоголем книге по географии России для юношества (см. письма Гоголя к графиням С. М. Соллогуб и А. М. Виельгорской от 20 октября 1849 г., к графу Л. А. Перовскому или князю П. А. Ширинскому-Шихматову или графу А. Ф. Орлову от июля 1850 г. и «Оглавление» предполагаемого V тома собрания сочинений Гоголя 1851–1852 гг.). Замысел этой книги — «живой географии России» — возник, вероятно, в преддверии казавшегося близким окончания работы над вторым томом «Мертвых душ».

<Директор Азиатского департамента А. Г. Сенявин — управляющему Императорской миссией в Константинополе М. М. Устинову>

<8 апреля 1847. Санкт-Петербург>

По № 941.

От Г. Директора

Действительному Статскому
Советнику Устинову
(в Константинополе)

№ 980

8 Апреля 1847.

Милостивый Государь

Михаил Михайлович!

Миссия наша в Неаполе уведомила, что литератор Николай Гоголь, на путешествие коего к святым местам последовало Высочайшее соизволение, находится в необходимости, по причине сильно расстроенного здоровья, отложить отъезд свой на Восток до конца будущего лета. О чем имею честь сообщить¹ Вашему Превосходительству в дополнение к отношению Господина Государственного Канцлера от 20-го Января, № 228.

Примите уверение...¹¹

Впервые опубликовано: *Виноградов И. А.* Документы о паломничестве Н. В. Гоголя к Святым Местам // *Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сборник научных трудов. Петрозаводск, 2008. Вып. 5. С. 330. Печатается по оригиналу: АВПРИ. Ф. 339. Оп. 926. Ед. хр. 26. «Дело об отправлении литератора Николая Гоголя к Св. Местам. СПб. Главного Архива М. И. Д.» Л. 15.*

Лев Григорьевич Сенявин (1805–1861), товарищ министра иностранных дел (с 1850), директор Азиатского департамента (с 1841 по 1848).

<Граф К. В. Нессельроде — графу В. Ф. Адлербергу>

<9 апреля 1847. Санкт-Петербург>

14 Апреля 1847.

Доложено Его Величеству. — 14
Апреля 1847.

Милостивый Государь,

Владимир Федорович!

По получении от Г. Министра Внутренних Дел беспослинного заграничного паспорта для литератора Гоголя, предпринимającego путешествие ко святым местам, я отправил сей паспорт вместе с потребными для него рекомендательными от меня письмами, к Посланнику нашему при Неаполитанском Дворе, для передачи Г. Гоголю.

Ныне Г. Тайный Советник Граф Потоцкий, уведомив меня о вручении литератору Гоголю паспорта и писем, присокупил, что он находится в необходимости, по причине

Его Высокопревосходительству В. Ф. Адлербергу.

№ 992

9 Апреля 1847.

---

¹ сообщить *вписано вместо*: уведомить

¹¹ *Не дописано.*

сильно расстроенного здоровья, отложить отъезд свой на восток до конца будущего лета, а между тем, с наступлением весны, пользоваться минеральными водами на берегах Рейна.

О таком отзыве Посланника нашего в Неаполе имею честь сообщить Вашему Высокопревосходительству в дополнение к отношению моему от 14 Января, № 156.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Граф Нессельроде.

Фрагмент письма впервые опубликован: *Гофман М. Л.* Неизданное письмо Гоголя к Императору Николаю I // Временник Пушкинского Дома. 1914. Пг., <1915>. С. 91. Заново по оригиналу напечатано: *Виноградов И. А.* Документы о паломничестве Н. В. Гоголя к Святым Местам // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сборник научных трудов. Петрозаводск, 2008. Вып. 5. С. 332. Печатается по оригиналу: *ИРЛИ.* Ф. 652. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 9. Черновая редакция письма, хранящаяся: *АВРИ.* Ф. 339. Оп. 926. Ед. хр. 26. «Дело об отправлении литератора Николая Гоголя к Св. Местам. СПб. Главного Архива М. И. Д.». Л. 16; напечатана: *Виноградов И. А.* Документы о паломничестве Н. В. Гоголя к Святым Местам. С. 331.

Гоголь на острове Корфу у мощей святителя Спиридона Тримифунтского. Свидетельства Н. П. Киреевской (рожденной Арбеновой) и отца Порфирия (Григорова)

Преподобный Макарий Оптинский — А. И. Воейковой

26 Генваря 1849 года. <Оптина Пустынь>.

<...> Что ты до сих пор не могла видеть наших св. угодников мощи и другие святыни, в этом нет твоей вины, а случаи и образ воспитания тебя удаляли, а впоследствии болезнь папичьки твоего. Теперь же ничто тебе не препятствует. Только бы дал Господь здоровье. Пожалуй хоть с маминькой поезжайте в Москву, и к Троице. <...> Кстати о св. мощах идет речь, скажу вам общенное мне в письме от Нат<альи> Петр<овны>¹, а им пересказывал Гоголь, бывший в прошлом году в Корфу²; там есть мощи Св. Спиридона Тримифунтского. На открытии, Английский путешественник³ бывши там желал видеть мощи Св. Спиридона без покрова, что и было исполнено. Англичанин осматривал св. мощи (которые, как говорит Гоголь, сохранились совершенно невредимыми, и представляют вид недавно умершего человека), начал рассуждать о том, что это св. мощи набальзамированы, и что это особенно известный род бальзамирования, употребляющийся еще в Египте, и состоит в том, что мертвому вырезают кусок из спины, — чрез отверстие вынимают внутренность, и наполняют тело Ароматическими веществами. Когда он это говорил и монахи его слушали, может быть иные и начинали сомневаться, тогда св. мощи вдруг сами собою повернулись в раке, и перево<ро>тились к нему спиною! Это так поразило Англичанина, что он тут же с ума сошел, а весь город ни о чем не говорил, как об этом происшествии, когда Гоголь туда приехал. <...>

Впервые опубликовано: *Собрание писем Макария Оптинского к мирским особам: В 3 т.* Петрозаводск, 2010. Т. 1. С. 298. Печатается по первой публикации.

Анна Ивановна Воейкова, в монашестве (с начала 1850-х гг.) м. Магдалина, духовная дочь преподобного Макария Оптинского, монахиня Троицкого Севского женского монастыря.

¹ Наталья Петровна Киреевская (рожд. Арбенева, 1809–1900), жена И. В. Киреевского (с 1834 по 1856 г.). В юности была духовной дочерью преподобного Серафима Саровского, после его кончины в 1833 г. — старца Филарета Новоспасского и после кончины последнего (в 1842 г.) — преподобного Макария Оптинского. Совместно с мужем участвовала в изданиях Оптиной Пустыни. 19 марта 1900 г. преподобный Варсонофий Оптинский (в ту пору рясофорный монах Павел) записал в Летописи скита Оптиной Пустыни: «Сегодня вечером привезено из Москвы в Оптину Пустынь тело в Бозе почившей Натальи Петровны Киреевской, благодетельницы Скита и Монастыря. На иждивение ее была издана большая часть святоотеческих творений, переведенных братией Скита под руководством Старца О. Макария. На ее же средства устроен был придел во имя Преподобного Макария Египетского в скитском храме. Иконы в сем приделе высокой художественной работы и были исполнены в Москве. Воспитанная в строго церковном духе, Н<аталья> П<етровна> имела решающее влияние на образ мыслей и перемену в религиозных убеждениях своего мужа, известного русского ученого и писателя Ив. В. Киреевского, в смысле полной и искренней преданности его Св. Православной Церкви. В свою очередь и сам Киреевский повлиял в том же смысле на своих друзей, — на знаменитых писателей: Гоголя, Аксакова, Хомякова и друг<их>, а чрез них и на большую часть русского образованного общества. В этом заключается великая заслуга покойной перед Церковью и отечеством. <...> При жизни Старца О. Макария была его духовной дочерью, пользуясь его полным доверием и любовью о Христе, а также многих выдающихся духовных иерархов, и особенно Московского Митрополита Филарета, и светских высокопоставленных лиц» (Летопись Скита во имя Св. Иоанна Предтечи и Крестителя Господня, находящегося при Козельской Введенской Оптиной Пустыне // РГБ. Ф. 214. Ед. хр. 367. Л. 17–18; опубли.: Летопись скита во имя святого Иоанна Предтечи и Крестителя Господня, находящегося при Козельской Введенской Оптиной пустыни: В 2 т. / Сост. монах Марк (Хомич А. Г.). М., 2008. Т. 2. С. 255–256).

² По предположению С. О. Захарченко, Гоголь посетил о. Корфу по пути в Иерусалим «в конце января 1848 года» (Захарченко С. О. Гоголь на Корфу // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Петрозаводск. 2012. № 5. С. 74). «Подтверждением того, что в то время морской путь из Неаполя до Иерусалима проходил через Триест <?>, Корфу (современное название — Керкира) и Смирну (из-за беспокойного Средиземного моря, несовершенности судов того времени и маломерности пароходика, ходившего из Неаполя до Смирны), является письмо Антония (Бочкова) о. Макарию Оптинскому от 16 сентября 1851 года: “По дороге в Триест заезжали мы в Корфу, и Господь привел меня неожиданно к нетленным и святым мощам святителя и угодника своего св. Спиридона Тримифунтского. Я возблагодарил его за избавление нас от страшной 30-часовой качки, от которой пароход наш в 260 сил мотался, как малая лодка, к ужасу нашего зрения. Противный ветер остановил его на 12 часов”» (Там же. С. 73–74).

Поскольку путь Гоголя из Неаполя до Корфу лежал через Мальту, откуда он отправился 15/27 января 1848 г. (о чем сообщал графу А. П. Толстому), то, вероятно, на Корфу Гоголь прибыл около 19/31 января 1848 г. Согласно уточненным данным, в Бейрут Гоголь прибыл не в начале февраля (н. ст.) 1848 г., а немного позднее — 30 января / 11 февраля. (До этого, 25 января / 6 февраля, он был в Смирне, 27 января / 8 февраля — на Родосе; см. в наст. изд. коммент. к воспоминаниям протоиерея Петра Соловьева «Встреча с Гоголем в 1848 г.».)

³ Ср. также в наст. изд. рассказ Гоголя об уверовавшем англичанине в дневниковой записи Е. А. Хитрово от 9 февраля 1851 г.

**Письмо преподобного Амвросия Оптинского
о почитании святых мощей
Фрагмент**

<1870-е. Оптина Пустынь>

<...> С IV века и донныне Греческая Церковь хвалится целокупными мощами угодника Божия святого Спиридона Тримифунтского, которые не только нетленны, но в продолжение XV веков сохранили мягкость. Николай Васильевич Гоголь, будучи в Оптиной пустыни, передавал издателю жития и писем затворника Задонского Георгия (отцу Порфирию Григорову¹), что он сам видел мощи святого Спиридона и был свидетелем чуда от оных. При

нем мощи обносились около города, как это ежегодно совершается 12 декабря², с большим торжеством. Все, бывшие тут, прикладывались к мощам, а один английский путешественник не хотел оказать им должного почтения, говоря, что спина угодника будто бы была прорезана и тело набальзамировано; потом, однако, решился подойти, и мощи сами обратились к нему спиной. Англичанин в ужасе пал на землю перед святыней. Этому были свидетелями многие зрители, в том числе и Гоголь, на которого сильно подействовал этот случай. <...>

Впервые частично опубликовано в 1900 г. (см. ниже в наст. изд. фрагмент из статьи И. Л. Щеглова «Гоголь в Оптиной пустыни»). Печатается по изд.: Собрание писем блаженной памяти Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия к мирским особам. Ч. 1. Второе издание Козельской Введенской Оптиной Пустыни, с дополнениями. Сергиев Посад, 1908. С. 81–82.

¹ Отец Порфирий (в мире Григоров Петр Александрович; около 1803–1851), бывший гвардейский офицер, с 1834 г. инок Оптиной Пустыни, с 1836 г. рясофорный послушник; 22 июля 1850 г. пострижен в мантию с именем Порфирий. С отцом Порфирием Гоголь познакомился во время пребывания в Оптиной Пустыни 17–19 июня 1850 г.

Отец Порфирий является составителем и автором книги «Письма в Бозе почивающего Затворника Задонского Богородицкого монастыря Георгия <Машурина>, с присовокуплением краткого известия о жизни его, составленные из записок живших при нем келейных» (М., 1844; 2-е изд. 1845; 3-е изд. 1850). Из первого издания этой книги Гоголь сделал выписку в 1844 г. (см. его сборник 1843–1844 гг. «Выбранные места из творений св. Отцов и учителей Церкви» в изд.: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 9. С. 133–134). Третье издание этой книги Гоголь получил от отца Порфирия в 1851 г. 6 марта 1851 г. Гоголь писал ему: «Много благодарю вас и за письмо и за книгу Затворника. Как она пришлась мне кстати в наступивший Великий пост!» В своей книге о. Порфирий рассказал, в частности, о явлении Затворнику Георгию преподобного Серафима Саровского.

² Гоголь не был свидетелем описанного события, совершившегося в день памяти святого — 12/24 декабря 1847 г., так как прибыл на о. Корфу спустя месяц, в конце января (н. ст.) 1848 г. (см. выше примеч. 2 к письму преподобного Макария Оптинского к А. И. Воейковой от 26 января 1849 г.). Отметим, что день почитания святителя Спиридона Тримифунтского был памятен Гоголю еще с юношеских лет; о случае в Нежине с Федором Бороздиным, которого 12 декабря 1825 г. Гоголь назвал Спиридоном, рассказывал позднее бывший соученик Гоголя Г. И. Высоцкий (см. в наст. изд. *Воспоминания Г. И. Высоцкого в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша*; добавим попутно, что некоторое время Высоцкий служил становым приставом в Переяславле: «Полтавская губерния. <...> В Переяславле. <...> В Земском суде. <...> *Стан-Совой> прист<ав>* 14 кл<асса> Герасим Ив<анович> Высоцкий»; Месяцеслов и Общий штат Российской Империи на 1839. СПб., <1839>. Ч. 2. С. 355).

И. Л. Щеглов

Гоголь в Оптиной пустыни
(Из дорожных заметок)
Фрагмент

<...> ...Порывшись, накануне моего отъезда из Оптиной, в Сборнике писем и заметок премника о. Макария, Оптинского старца о. Амвросия, я натолкнулся на очень любопытный рассказ старца, записанный им со слов о. Порфирия Григорова о посещении Гоголем, в одно из его странствий по Средиземному морю, города Тримифунта, что на острове Кипре, где хранятся, как известно, «целокупные» мощи св. Спиридона, епископа Тримифунтского¹, многопрославленные мощи, сохранившие в продолжение пятнадцати веков, нетленность и даже мягкость. Гоголь не только самолично видел эти мощи, но, вдобавок, оказался случайным свидетелем необыкновенного от них чуда². При нем мощи обносились около города, — как это ежегодно совершается 12 декабря — с большим торжеством; все бывшие тут прикладывались к мощам, а

один английский путешественник не хотел оказать им должного почтения, говоря, что спина угодника будто бы была прорезана и тело набальзамировано: потом, однако, решился подойти, — и мощи сами обратились к нему спиной. Англичанин в ужасе пал на землю пред святыней. Гоголь, бывший в толпе зрителей, по словам отца Порфирия, был сильно потрясен этим случаем. <...> В подлинности <...> рассказа нет ни малейшего основания сомневаться. — О. Порфирий был на редкость светлая и правдивая личность, притом ближайший друг Гоголя... <...>

Впервые опубликовано: *Щеглов Ив.* Гоголь в Оптиной пустыни. (Из дорожных заметок) // Литературное приложение к «Торгово-Промышленной Газете». 1900. 24 дек. № 46. С. 2; с подписью: «Гор. Калуга, 29 августа 1900 г.». Перепечатано: *Щеглов Ив.* Гоголь в Оптиной пустыни. (Из дорожных заметок) // *Щеглов Ив.* Подвижник слова. Новые материалы о Н. В. Гоголе. СПб., 1909. С. 65; *Щеглов Ив.* Гоголь в Оптиной пустыни. (Из дорожных заметок) // *Щеглов Ив.* Н. В. Гоголь. <СПб.>, 1912. С. 65. Печатается по первой публикации.

¹ Мощи святителя Спиридона, родившегося на Кипре и бывшего епископом кипрского города Тримифунта, на самом деле хранятся в городе Корфу, на одноименном острове.

² Гоголь не был свидетелем описанного события (см. выше примеч. 2 к *Письму преподобного Аверосия Оптинского о почитании святых мощей*).

Протоиерей Петр Соловьев

Встреча с Гоголем в 1848 г.

При предполагаемом открытии памятника Николаю Васильевичу Гоголю и издании полной биографии этого замечательного писателя каждая строка о нем, сколько-нибудь освещающая характер Н<иколая> В<асильевича>, будет не лишнею для полноты составляемой биографии. В виду этого не могу умолчать о своей неожиданной встрече с приснопамятным Николаем Васильевичем на пароходе в Средиземном море.

Это было в январе 1848 года. На пути в Иерусалим мы отправились из Константинополя в Смирну на австрийском пароходе «Махмудиэ», а в Смирне пересели на другой пароход той же компании Ллойда — «Истамбул», идущий к берегам Сирии, — в Бейрут. На «Истамбуле» было много народу, и большую часть поклонников, ехавших в Иерусалим на поклонение св. местам. Каких представителей наций тут не было! Пестрые, разноцветные костюмы рябили глаза, а разговор на разных диалектах, споры, песни, смех — все отзывалось какою-то, по восточному выражению, вавилониею: какая смесь одежд и лиц, имен, наречий, состояний! Весь этот люд в общем были как бы земляки; одни только мы, русские, были особняками среди этой разношерстной толпы и не принимали никакого участия в общей суматохе подвижных *восточных* *человеков*. Но оказалось, что кроме нас тут же были еще русские люди, и при том — недюжинные представители русской народности. Один из них был высокий, плотный мужчина лет 55-ти в темно-синей с коротким капишоном шинели на плечах и с красною фескою на голове, другой же маленький человечек с длинным носом, черными жиденькими усами, с длинными волосами, причесанными а la художник, сутуловатый и постоянно смотревший вниз. Белая поярковая с широкими полями шляпа на голове и итальянский плащ на плечах, известный в то время у нас под названием «манто», составляли костюм путника. Все говорило, что это какой-нибудь путешествующий художник. Действительно, это был художник, наш родной гениальный сатирик Николай Васильевич Гоголь, а спутник его — генерал Крутов¹.

«Ну и слава Богу, — подумал я, — нашего полку прибыло, все-таки будет веселее путешествовать». Положим, что путешествие где бы то ни было, а особенно вдаль от отечества, сближает между собой людей всех слоев, однако я, по своей застенчивости, как студент-бурсак, считал неприличным как бы домогаться сближения и знакомства с такими важными земляками. Кто знает — понравится ли им такое дерзновение маленького человека? Нужно было ждать какого-нибудь благоприятного случая к сближению, который и не замедлил представиться.

При остановке у Родоса мы съехали с парохода на остров осмотреть город с его историческими постройками рыцарей-крестоносцев и посетить местного православного митрополита, жившего за городом. Владыка принял нас радушно, угощал по обычаю чашкою кофе и глико (варенье) с водою, а при прощании снабдил нас целою корзиною превосходных апельсинов из своего сада. На пароходе о. П<орфирий> поручил мне попотчевать родосскими гостинцами и земляков-спутников, что я не замедлил исполнить, отобрав десятка два лучших плодов. Гоголь и ген<ерал> Крутов не отказались от лакомства и поблагодарили меня за любезность. Тем дело и кончилось. Но, вероятно, о. А<рхимандрит> П<орфирий>, на расспросы их о мне, отрекомендовал им меня яко художника, потому что спустя полчаса Николай Васильевич вышел на палубу, где тогда я находился, и прямо направился ко мне. Не входя ни в какие объяснения, он показывает мне маленькую, вершка в 2, живописную (масляными красками) на дереве икону святителя Николая Чудотворца и спрашивает мнения — искусно ли она написана? Затем он, пока я всматривался в живопись, поведал мне, что эта икона есть верная копия в миниатюре с иконы святителя в Бар-граде (Бары), написана для него по заказу искуснейшим художником и теперь сопутствует ему в путешествиях, потому что святитель Мирликийский Николай — его патрон и общий покровитель всех христиан, по сушу и по морям путешествующих. Я полюбовался иконою, как мастерски написанною, и оговорил, что не могу ничего сказать о верности копии, не видав прототипа, и еще заметил, что у нас на православных старинных иконах святитель изображается несколько иначе, особенно по облачению, и что последнее прямо говорит о латинском происхождении барградского изображения святителя. На мой отзыв Н<иколай> В<асильевич> ничего не возразил, но по всему видно было, что он высоко ценил в художественном отношении свою икону и дорожил ею, как святынею. Тем наше короткое знакомство и закончилось. В Бейруте я уже не встречал более Николая Васильевича, потому что мы поместились на иерусалимском подворье подле митрополии, а Н<иколай> В<асильевич> у нашего генерального консула г. Базили — своего однокашника по воспитанию в нежинском лицее.

Мы остановились в Бейруте дней на десять, а Н<иколай> В<асильевич> с Крутовым, в сопровождении Базили, отправились в Иерусалим, и выехали оттуда ранее нашего приезда в Эль-Кудс (Иерусалим). Куда знаменитый наш поклонник иерусалимской святыни отправился из св. Града — я не знаю, знаю только то, что в это время в Н<иколае> В<асильевиче> совершился известный переворот в образе его мыслей, на что указывало его путешествие к св. Местам Палестины и его меланхолическое настроение, столь не гармонизировавшее с духом его первых гениальных юмористических произведений.

1880 г. декабря 13-го дня.

Первые опубликовано: *Священник Петр Соловьев*. Встреча с Гоголем в 1848 г. // Русская Старина. 1883. Сентябрь. С. 553–554. Печатается по первой публикации.

Протоиерей Петр Алексеевич Соловьев (1825–1898), духовный писатель. С 1848 по 1855 г. находился в составе первой духовной русской миссии в Иерусалиме, потом был священником в Петербурге. В пору знакомства с Гоголем отец Петр, выпускник Санкт-Петербургской Духовной семинарии, был послушником.

Основанную в 1848 г. в Иерусалиме Русскую Духовную миссию возглавлял архимандрит Порфирий (в мире Константин Александрович Успенский, 1804–1885), впоследствии епископ Чигиринский, известный духовный пи-

сатель, этнограф, археолог, историк и богослов. В составе миссии находился также святитель Феофан (в мире Георгий Васильевич Говоров, 1815–1894), в то время иеромонах (с 1841), будущий епископ Тамбовский, Владимирский и Суздальский, знаменитый богослов и подвижник, Затворник Вышенский, причисленный к лику святых.

Среди дипломатической переписки сохранилось письмо русского посланника в Константинополе В. П. Титова к К. М. Базили от 22 января / 3 февраля 1848 г., проясняющее полномочия и состав основанной в Иерусалиме Русской Духовной миссии:

«Секретно

Пол<учено> 30 января <11 февраля (н. ст.) 1848 г.>

<Текст печатного бланка:>

Министерство Иностранных дел

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРАТОРСКАЯ МИССИЯ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

<Рукописный текст:>

№ 28.

Января 22 дня 1848 года.

Его Высокобл<а>г<о>р<о>дию К. М. Базили.

Милостивый Государь, Константин Михайлович.

Я уже имел случай доверительно сообщить Вам копию с Инструкции, коею по Вы с о ч а й ш е м у повелению снабжен в С<анкт>-Петербурге Архимандрит Порфирий. — Из оной Вы знаете, на каких основаниях учреждается на первый раз Российская духовная Миссия в Иерусалиме, и какой предоставлен ей круг действия. — А потому не входя по сему предмету в подробности, я ограничусь извещением Вас, что о. Порфирий снабжен от С<анкт>-Петербургского Митрополита <Антония (Рафальского)> рекомендательным письмом к Патриарху Иерусалимскому <Кириллу>, с изъяснением, что сей Архимандрит, посетив Восточные Святыни, пожелал туда возвратиться и пробыть при Св<ятом> Гробе несколько лет, что Св. Синод благословил его на то и воспользовался случаем, дабы отпустить с ним Иеромонаха Феофана и двух воспитанников С<анкт>-Петербургской Семинарии Соловьева и Крылова, разделяющих такое богоугодное желание; что вследствие сего Архимандрит и его спутники поручаются покровительству Патриарха и Святогробской братии, с просьбою облегчить временное их жительство в Иерусалиме, допускать их к совершению в Святом Граде Богослужения и вообще принять их сообразно тем чувствам взаимной любви, доверия и братства, какие всегда существовали между Российской и всеми восточными Церквями.

Согласно сему, после неоднократных встреч с О<тцом> Порфирием, которые доставили мне повод изустно развить и подтвердить сему духовному лицу правила осторожности, преподанные в инструкции высшего Начальства, он отправляется ныне в Бейрут, и если там Вас не застанет, встретится, конечно, с Вами в Иерусалиме. — Затем я покорно прошу Вас, Милостивый Государь, приложить заботливость, дабы он встретил от Патриарха Кирилла и Святогробской Братии благоприятный прием и между прочим получил приличное помещение для себя и для находящихся при нем лиц. — Вообще Вам предстоит стараться, во всем, что входит в круг Ваших занятий, содействовать успеху благой цели, какую Правительство и Церковь имеют в виду.

Я вполне уверен, что по чувствам благочестия Вы исполните сию обязанность с привычным Вам усердием к совершенному удовольствию Начальства, соблюдая с О<тцом> Архимандритом самые дружелюбные отношения. В таком убеждении прошу Вас принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

В. Титов»

(АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 9. Receptions <Входящие> 1848. № 1–66. Л. 96, 103; частично опубли.: *Виноградов И. А.* Документы о паломничестве Н. В. Гоголя к Святым Местам // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сборник научных трудов. Петрозаводск, 2008. Вып. 5. С. 308).

В настоящее письмо вложена (л. 97–102) «Копия Инструкции Архимандриту Порфирию, отправляемому в Иерусалим», с указанием «состоять там не иначе как в качестве поклонников» в течение трех лет и извещением о «разрешении Блаженнейшего Патриарха <Иерусалимского Кирилла> служить Литургию на Славянском языке» (л. 98). Кроме того, в инструкции поясняется, что «отправляемые на первый раз воспитанники Духовно-Учебных заведений должны исполнять звание послушников» (л. 97–97 об.).

Поскольку дипломатическая депеша В. П. Титова к К. М. Базили от 22 января / 3 февраля 1848 г., полученная в русском консульстве 30 января / 11 февраля (н. ст.) 1848 г., была, вероятно, доставлена в Бейрут самим о. Порфирием, совершившим путешествие на том же пароходе, что и Гоголь, то это позволяет точно датировать время прибытия Гоголя в Сирию и встречу с Базили — 30 января / 11 февраля (н. ст.) 1848 г.

Эта дата подтверждается дневниковыми записями епископа Порфирия:

«1847 год. <...> Декабрь. <...> День 23-й <1848, января 4 (н. ст.)>. Был я у посланника В. П. Титова и говорил ему: а) об упрочении будущей судьбы членов нашей духовной миссии в Иерусалиме, б) о холодности наших синодалов к духовенству, служащему при министерстве иностранных дел, в) о трудности путешествовать по Сирии и Палестине в месяцах декабре и январе по причине разлития горных потоков и грязи и г) о нашем помещении в Архангельском монастыре Св. Града. <...>

1848 год. <...> Январь. <...> День 22-й <февраля 3 (н. ст.)>. <...> ...Был у посланника <...> и простился с ним. В пять часов по полудни пароход унес меня с малою дружиною моею из Царяграда. <...>

День 25-й <февраля 6 (н. ст.)>. <...> Пристань у Смирны. (Здесь миссия, возглавляемая о. Порфирием с одного парохода перешла на другой, на борт которого поднялся также Гоголь; отплытие парохода «Истамбул» из Смирны состоялось, по-видимому, на следующий день, 26 января / 7 февраля 1848 г. — И. В.)

День 27-й <февраля 8 (н. ст.)>. Я в Родосе. <...>

День 30-й <февраля 11 (н. ст.)>. Якорь брошен в пристани Бейрутской» (Епископ Порфирий (Успенский). Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записки. СПб., 1896. Т. 3. С 1 января 1846 по 20 марта 1850 г. С. 177, 190, 192; отмечено: Гуминский В. М. Путешествие Гоголя по Святой Земле // Новая русская книга. 2011. № 11 (203). С. 24; Первая миссия в Иерусалиме. Хроника Первой Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Сост. М. И. Щербакова // Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. М.: Издание Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, 2012. № 1. Ч. 1. С. 22–23).

¹ Возможно, имеется в виду генерал-майор Михаил Иванович Крутов (1802–1853), брат инспектора Академии художеств, коллежского советника Андрея Ивановича Крутова (1794–1860).

В. Б. Бланк

Воспоминания¹ Фрагмент

<...> В Бейруте мы получили полуофициальное известие из посольства¹, что к нам едет писатель Гоголь, и чтобы консульство постаралось быть ему полезным во время путешествия его в Иерусалим и пребывания в Бейруте. Базили был ему товарищем по Нежинскому лицей и по приезде его в Бейрут сопровождал его до Иерусалима. Оттуда Гоголь вернулся один, а Базили остался там по делам службы². Я часто навещал его. Он был очень приветлив, но грустен, был набожен, но не ханжа, никогда не навязывал своих убеждений и не любил разговора о религии. Часто посещал он жену Базили и приглашал меня показывать ему окрестности Бейрута. По возвращении Базили пожелал сам ознакомить его с бейрутским обществом, чтобы рассеять немного его грустное настроение³. Однажды, входя в дом консула, на лестнице я встретил уходившего Гоголя и на мой вопрос, что он так рано уходит, он махнул рукой и отвечал: «Ваше бейрутское общество страшную тоску на меня навело; я ушел потихоньку, пора домой; не говорите Базили, что меня встретили». Войдя в зал, я увидел бейрутского пашу, с поджатыми ногами сидевшего на шахнесе и пожирающего глазами двух англичанок Чёрчель, только что окончивших

¹ Достопочтенный В. Б. Бланк, внук славного архитектора Карла Ивановича Бланка и сын стихотворца Александровских времен Бориса Карловича (+1825), ныне почетный мировой судья Липецкого уезда Тамбовской губернии. П. Б. — Примеч. П. И. Бартенева.

учение в одном из аристократических лондонских пансионов: они танцевали польку с фигурами. Возле паши сидел красивый мужчина в турецком военном костюме в кресле. Базили позначил меня с ним; это был Омер-паша⁴, родом иллириец, и по сходству его языка с нашим, он немного понимал по-русски. Я сел возле него, и он, нагнувшись ко мне, указал на бейрутского пашу и заметил: «Посмотрите, как жадно глядит на англичанок, так и забрал бы их в гарем». Мы оба рассмеялись. Жалка судьба этих бедных девушек-сирот. Отец их, по смерти своей жены, поселился в Сирии, в деревне, надел арабский костюм и окружил себя мастерами, выписал к себе дочерей, и они, образованные девушки, должны были довольствоваться обществом простолудинов. Жена Базили заметила им, насколько им, вероятно, скучна их жизнь; они промолчали, а отец отвечал за них: «Помилуйте, мы окружены самым привлекательным обществом, сапожниками, кузнецами, портными; все полезный и деловой люд». Старшая дочь с глазами полными слез сказала: «Отец, если уже ты нас поселил в таком обществе, то грешно тебе смеяться над нами». <...>

Впервые опубликовано: Воспоминания Василия Борисовича Бланка (1831–1848) // Русский Архив. 1897. № 10. С. 215–216. Печатается по первой публикации.

Василий Борисович Бланк (1821–1897); в 1831 г. поступил в 1-ю Петербургскую гимназию; в начале 1846 г. окончил Петербургский университет и поступил в Институт восточных языков и на службу в Министерство иностранных дел. В конце 1846 г. получил назначение в Турцию. На службе в Бейруте был до конца 1849 г.

¹ Возможно, речь идет об официальном послании от 20 января (н. ст.) 1847 г. (ср. в наст. изд. отношение графа К. В. Нессельроде управляющему Императорской миссией в Константинополе М. М. Устинову от 20 января (н. ст.) 1847 г.).

² Более вероятно, что Гоголь и К. М. Базили вернулись из Иерусалима в Бейрут вместе. 16/28 февраля 1848 г. Гоголь писал В. А. Жуковскому из Иерусалима: «Я здесь не остаюсь долго, спеша возвратиться в Россию вместе с моим старым школьным товарищем, Базили, с которым и прибыл сюда...» Спустя день, 18 февраля / 1 марта 1848 г., Гоголь извещал оставшуюся в Бейруте жену Базили, Маргариту Александровну: «Ехали мы прекрасно, приехали и того лучше, собираемся ехать к вам тоже с наслаждением». К этому письму сам К. М. Базили сделал приписку: «Поздравляю с отпуском, но решительно некогда писать». Речь идет о служебном отпуске К. М. Базили, получив который, он с женой отправился в Россию вместе с Гоголем.

Еще одно подтверждение тому, что из Иерусалима в Бейрут Гоголь возвратился вместе с Базили, находится в гоголевской записной книжке 1846–1850 гг. Судя по расположению записей в этой книжке, находящаяся здесь заметка: «Николай Гоголь – в Св. Граде» (л. 13 об.), – следует до записи: «В Назарете дождь задержал нас двое суток» (л. 14 об.). О том, что указанная запись о Назарете относится именно к *обратному* пути Гоголя из Иерусалима, свидетельствуют также строки письма Гоголя к В. А. Жуковскому от 28 февраля 1850 г., где порядок описания окрестностей точно соответствует последовательности движения паломников из Иерусалима (а не наоборот): Иудея (Иерусалим и обратный вид на Мертвое море) – Самария – Галилея (Назарет): «...Выехав из Иерусалима и видя перед собою все холмы да холмы, я уже не ждал ничего – вдруг с одного холма <...> предстали горы. Странные горы: они были похожи на бока или карнизы огромного, высунувшегося углом блюда. Дно этого блюда было Мертвое море. <...> Никаких других видов, особенно поразивших, не вынесла сонная душа. Где-то в Самарии сорвал полевой цветок, где-то в Галилее другой; в Назарете, застигнутый дождем, просидел два дня, позабыв, что сижу в Назарете...» Таким образом, упоминание в гоголевской записной книжке о Назарете, несомненно, относится ко времени возвращения Гоголя из Иерусалима и может служить прямым указанием на то, что в Бейрут Гоголь ехал тогда вместе с Базили: «В Назарете дождь задержал нас двое суток».

Можно также предположить, что В. Б. Бланк, вспоминая, спустя почти полвека, о якобы одновременном приезде Гоголя и Базили в Бейрут, принял за продлившееся пребывание Базили в Иерусалиме («...Базили остался там по делам службы») недельное отсутствие генерального консула в Бейруте во время совместной поездки его с Гоголем в Дамаск в период между 18/30 марта и 6/18 апреля 1848 г. (см. в наст. изд. примеч. 5 к воспоминаниям П. В. Анненкова «Последняя встреча с Гоголем»).

³ Речь идет о том времени, когда Гоголь и Базили с семейством в течение почти трех недель, начиная с конца марта (н. ст.) 1848 г., ожидали в Бейруте парохода до Константинополя, куда они отправились 6/18 апреля 1848 г., в Великий Вторник. (В Константинополь они прибыли через неделю, 13/25 апреля 1848 г., во вторник Светлой седмицы.)

⁴ Омер-паша (в христианстве (с 1866) Михаил Латош, ум. в 1871), генерал-майор турецкой армии, в 1851 г. усмирял восстание в Боснии и Герцеговине; в 1852 г. действовал против черногорцев. При начале восточной войны 1853–1856 гг. командовал турецкой армией, действовавшей против русских на Дунае.

Тысяча лет русского паломничества. Каталог выставки Фрагмент

<...> 67. Коробочка-реликварий с изображением Благовещения. Вифлеем. 1840-е гг. Перламутр; резьба, гравировка. 6 × 4,9. Пост<упление> из сейфа бывшего коммерческого банка Юнкера в 1928 г. (собрание П. М. Мальцева). ГИМ 64075 ПЯ 339. <...>

68. Образок «Распятие с предстоящими». Вифлеем. 1840-е гг. Перламутр; рельефная и пропильная резьба, гравировка. 8,1 × 5,9 × 0,9. Пост<упление> из сейфа бывшего коммерческого банка Юнкера в 1928 г. (собрание П. М. Мальцева). ГИМ 64075 ПЯ 340. На титле вырезано: INRI. <...>

По легенде, оба памятника привезены из Иерусалима Н. В. Гоголем, посетившим Святую Землю в начале 1848 г. <...>

Впервые опубликовано: <Елькова Е. Ю.> Е. Е. <Аннотация> // Тысяча лет русского паломничества. Каталог выставки. Государственный Исторический музей. 24 ноября 2009 г. — 28 февраля 2010 г. М., 2009. С. 56. Печатается по первой публикации.

В издании имеется также изображение первой из реликвий.

Потап Михайлович Мальцев (1852–1919), старообрядец, уроженец с. Балакова, Самарской губернии, одной из крупнейших хлебных пристаней на Волге. Занимался собиранием книг и архивных документов, преимущественно XVIII – первой четверти XIX вв. В числе реликвий из фонда П. М. Мальцева, хранившихся в сейфе бывшего Коммерческого банка Юнкера, в ГИМ был передан также фрак Гоголя.

Хранящаяся в ГИМ «коробочка-реликварий с изображением Благовещения» упоминается в статье В. А. Чаговца «На родине Гоголя»: «Общий отдел могут занимать религиозные реликвии, в особенности связанные с посещением Иерусалима: пальмовая трость с кипарисовой ручкой, приобретенная поэтом в Святой земле и затем привезенная в подарок сестре; перламутровый ящик с изображением Благовещения Пр<есвятой> Девы Марии, некогда наполненный маленькими крестиками, предназначенными для раздачи народу...» (см. в наст. изд.).

Князь Ал. М. Дондуков-Корсаков — российскому вице-консулу в Яффе Н. С. Марабути

№ 36.

Вице-Консулу Марабути.

Бейрут.

Мая 26 дня 1848.

Милостивый Государь

Николай Степанович.

Прибывшая сюда уже с некоторого времени сестра Ваша доставила мне письмо от 28 апр<еля> / 10 мая, коим Вам угодно было снабдить ее, равно как и книги, доставленные от О<тца> Архимандрита Порфирия, и с своей стороны я не оставлю озаботиться о удобном

отправлении ее в Константинополь. На днях получил я равномерно донесения Ваши за № 16, 17, 18, 19 и 20, равно как и бумагу о выданных пособиях бедным поклонникам. Поспешая благодарить Вас за сообщенные известия о состоянии Общественного здоровья страны, о ходе торговли в течении последних четырех месяцев, а также за сведения о поклонниках, долгом считаю уведомить Вас, м<илостивый> г<осударь>, что счет учинен<н>ых Вами расходов в течении январской трети текущего года, был мною предварительно обревизован и найден исправным, будет представлен начальству, а между тем, согласно желанию Вашему, наличность израсходованной Вами суммы, а именно 1815 турецких пиастров¹, была мною выдана поверенному Вашему драгоману Генерального Консульства Хабибу Бустрасу, которому переданы вместе с тем 161 пиастр², издержанных¹ на пособие бедным поклонникам и следующих¹¹ к возврату из суммы, пожертвованной г. Гоголем. О таком распоряжении извещаю Вас, м<илостивый> г<осударь>, прошу Вас принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Впервые опубликовано: *Виноградов И. А.* Документы о паломничестве Н. В. Гоголя к Святым Местам // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сборник научных трудов. Петрозаводск, 2008. Вып. 5. С. 333. Печатается по автографу: *АВПРИ*. Ф. 208. Консульство в Бейруте. Оп. 819. Ед. хр. 421. Л. 53–54.

Николай Степанович Марабути, российский вице-консул в Яффе, коллежский регистратор, бывший греческий вице-консул, с 1839 г. на русской службе, в 1844 г. принят в российское подданство.

Письмо к вице-консулу Н. С. Марабути от 26 мая 1848 г. представляет собой неподписанный черновик официальной депеши, отправленной в Яффу из российского консульства в Бейруте. Поскольку генеральным консулом в Сирии и Палестине в ту пору был друг Гоголя надворный советник К. М. Базили, то можно было бы предположить, что депеша составлена им. Тем не менее это не так.

Отправитель письма устанавливается на основании другого, более позднего послания, адресованного тому же вице-консулу Марабути — от 6 сентября 1848 г. — и написанного тем же почерком. В этом послании Базили упоминается в третьем лице: «...я решил доставить г. Базили дальнейшие <...> переговоры...» (*АВПРИ*. Ф. 208. Оп. 819. Ед. хр. 460. Л. 188). Депеша от 6 сентября 1848 г. также не имеет подписи, однако в архиве Министерства иностранных дел сохранилась сделанная другим лицом выписка из этого послания, озаглавленная: «Выписка из депеши Князя Д<ондукова>-К<орсако>ва к г. Марабути от 6-го сентября» (*АВПРИ*. Ф. 208. Оп. 819. Ед. хр. 421. Л. 7). Из этого следует, что публикуемая депеша (с упоминанием имени Гоголя, от 26 мая 1848 г.) была также написана не Базили, а князем Дондуковым-Корсаковым.

По свидетельству В. Б. Бланка, во время отъездов Базили из Бейрута в связи с болезнью жены (Маргариты Александровны; ум. в 1848), временно замещал его на посту генерального консула в Сирии и Палестине либо сам В. Б. Бланк, либо третий секретарь русского консульства в Константинополе князь Дондуков-Корсаков — «сын попечителя Петербургского учебного округа» (Воспоминания Василия Борисовича Бланка (1831–1848) // Русский Архив. 1897. № 10. С. 185–186, 207, 216–217, 223). Из старших сыновей попечителя Санкт-Петербургского учебного округа князя М. А. Дондукова-Корсакова (1794–1869) наиболее известны двое: Александр Михайлович (1820–1893), генерал-адъютант, главноначальствующий на Кавказе; и Алексей Михайлович (1822–1894), камергер, действительный статский советник, член Смоленского окружного суда (см.: Список лиц рода Корсаковых, Римских-Корсаковых и князей Дондуковых-Корсаковых с краткими биографическими сведениями. СПб., 1913. С. 49, 51, 62; см. также: Поколенная роспись рода Корсаковых, Римских-Корсаковых и князей Дондуковых-Корсаковых // Список лиц рода Корсаковых, Римских-Корсаковых и князей Дондуковых-Корсаковых с краткими биографическими сведениями. СПб., 1913. После 66 с.). Из двух этих лиц отправителем письма был князь Алексей Михайлович. См.: «Министерство Иностранных Дел. <...> ...Находятся в Ведомстве Министерства: <...> В чужих краях: <...> Чрезвычайные Посланники и Полномочные Министры: <...> В Константинополе: <...> ...Испр<авляющий> д<олжность> К<оллежского>

¹ В источнике ошибочно: издержанные

¹¹ В источнике ошибочно: следующие

С<е>к<ретаря> Кн<язь> Ал<екс>ей Мих<айлович> Дондуков-Корсаков» (Адрес-календарь, или Общий штат Российской Империи на 1848 год. СПб., <1848>. Ч. 1. С. 134).

Из письма явствует, что российский вице-консул в Яффе Н. С. Марабути располагал суммой, пожертвованной Гоголем (вероятно, для нужд Русской Духовной Миссии в Иерусалиме), из которой в конце февраля–марте Марабути были издержаны на нужды паломников около 9 рублей серебром (161 пиастр).

¹ Т. е. около 104 рублей серебром (российский серебряный рубль составлял в то время 17 1/2 пиастров; см.: *АВПРИ*. Ф. 208. Оп. 819. Ед. хр. 460. Л. 227).

² Около 9 рублей серебром.

Из воспоминаний и свидетельств о пребывании Гоголя в Одессе весной 1848 г. (с отдельными сведениями о периоде 1850—1851 гг.)

Движение пароходства при Одесском порте <Сообщение газеты «Одесский Вестник» от 17 апреля 1848 г. о прибытии Гоголя в Одессу>

<...> Сегодня, 16-го апреля, в 10 ½ часов утра, после 41 часа плавания, <прибыл> пароход-фрегат *Херсонес*¹, ком<андир> кап<итан>-лейт<енант> Гугаев, из *Константинополя*, с 37-ью пассажирами. <...> В числе пассажиров, прибывших на пароходе «Херсонес» находятся: русский генеральный консул в Сирии *К. М. Базилли* и знаменитый русский писатель *Н. В. Гоголь*.

Впервые опубликовано: Движение пароходства при Одесском порте // *Одесский Вестник*. 1848. 17 апреля. № 30 и 31. С. 1. Перепечатано: *Маркевич А. И.* Гоголь в Одессе // *Записки Имп. Новороссийского ун-та*. Одесса, 1902. Т. 88. Отд. 3. С. 5. Печатается по первой публикации.

Ряд сведений о жизни Гоголя в Одессе с 16 апреля по 7 мая 1848 г. см. также в разделе *Из мемуаров и свидетельств о пребывании Гоголя в Одессе осенью 1850 — весной 1851 гг. (с частичными сведениями о периоде 1848 г.)*.

¹ «От Одессы в Константинополь плавают, туда и обратно, по три раза в месяц три парохода: “Одесса”, “Крым” и “Херсонес”. Каждый из них в 260 сил. Один из этих пароходов остается запасным, а два плавают постоянно, выходя из Одессы 10, 20 и 30 чисел каждого месяца, в зимнее время, т. е. с 10-го сентября по 20 марта, в 4 часа, а в летнее — в 5 часов по полудни, а из Константинополя 6, 16 и 26 чисел каждого месяца, в зимнее время в 2 часа, а в летнее в 4 часа по полудни. На всякий рейс употребляют они от 36 до 40 часов» (*Новороссийский календарь на 1849 год, издаваемый от Ришельевского Лицея*. Одесса, 1848 (цензурное разрешение 4 авг.). С. 149–150).

Н. Н. Мурзакевич — М. П. Погодину

<Вторая половина апреля 1848. Одесса>

<...> Гоголь приехал и выдерживает карантин. 30 апреля выходит в город Одессу, и мы его встречаем обедом у Отона¹. <...>

Впервые опубликовано: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1895. Т. 9. С. 470. Печатается по первой публикации.

Николай Никифорович Мурзакевич (1806–1883), историк и археолог, профессор Одесского университета. См. также в наст. изд. фрагменты из «Записок» Мурзакевича в разделе *Из мемуаров и свидетельств о пребывании Гоголя в Одессе осенью 1850 — весной 1851 гг. (с частичными сведениями о периоде 1848 г.)*.

¹ Цезарь Людвигович Отон (Autonne, ум. в 1860), одесский ресторатор. Ресторан Отона находился «в городском доме, на Ришельевской улице, против театра» (*Маркевич А. И.* Гоголь в Одессе // *Записки Имп. Новороссийского ун-та*. Одесса, 1902. Т. 88. Отд. 3. С. 38).

Значение Гоголя в истории русской литературы Фрагменты

<...> Известно, что Гоголь <...> уже больной, на возвратном пути из Ерусалима сидел в нашем одесском карантине и от руки не то чертил, не то рисовал пером на бумаге. Рисунки эти и теперь берегутся у его товарища по лицу, у г. Базили. Гоголь рисовал здесь карикатуры то каравана пилигримов, то кое-что из нравов подбульварной публики. <...>

Я приведу вам один анекдот, слышанный мною после смерти Гоголя, который ему и приписывали. «В страшном захоlustье, в селе около хаты дьячок с писарем читают в Губернских Ведомостях публикацию о вызове молодых людей воспитываться на казенный счет в одном из высших учебных заведений Петербурга и рассуждают о том, как из такого окончившего воспитания может человек выйти. Прислушался к разговору шедший из шинка простолудин и, вернувшись к жене, начал уговаривать ее: *“дадим воспитание Хунзыку, из него человек выйдет, человеком сделается, нашу старость спокоит”*. Повез муж помещику пшеницу в Питер и захватил с собою Хунзыка. Стоит солдат у ворот большего дома, он все порядки учебные знает. Взяв себе за хлопоты какую-то монету, он принимает Хунзыка и наказывает явиться за ним через 4 года. Когда через 4 года простолудин явился за Хунзыком, то у ворот застал того же самого солдата. Вспомнил солдат и объяснил, что Хунзык точно окончил воспитание, но по воле начальства назначен городничим в Тамбовскую губернию. И действительно оказалось, что в городе городничий Хонзык, по фамилии Хунзык. В приемный день и час — является простолудин, взявши с собою на всякий случай в пазуху клок сена, а в кармане плетку. Когда же городничий вышел, то простолудин подбежал к нему с клоком сена и с словами: *“тпрусь, тпрусь, что не узнал”* и даже начал было вынимать плетку, как городничий отдал приказ взять его, как сумасшедшего. Простолудин бросился за дверь, приговаривая, как ты скотину не учи, все скотиной и останется». Не ручаюсь за то, действительно ли этот анекдот принадлежал Гоголю и был рассказан им, но он может дать понятие о том, какие ходили в то время анекдоты. <...>

Впервые опубликовано: Некрасов И. С. Значение Гоголя в истории русской литературы // Некрасов И. С. О значении Лермонтова и Гоголя в истории русской литературы. Две публичные лекции. Одесса. 1887. С. 30–31, 24. Печатается по первой публикации.

Н. Г. Тройницкий

<Гоголь в Одессе> Фрагмент статьи «День памяти Пушкина 6 (26) июня 1880 года в Императорском Новороссийском университете»

<...> ...Один из старожилов одесских, г. Тройницкий <...> имел произнести свое стихотворение, посвященное воспоминанию о встрече с Гоголем <...> в Одессе, лет тридцать тому назад.

Раньше чем произнести свое стихотворение, г. Тройницкий сказал несколько живых слов, вспоминая обстоятельства, вызвавшие его музу.

«Честью находиться и говорить здесь я, — начал г. Тройницкий, — обязан случайному обстоятельству. У меня сохранилось стихотворение неизвестного в литературе автора¹, посвященное Гоголю, в память знакомства с ним, при возвращении его из Италии. Так как в стихотворении встречается несколько стихов об отношениях Пушкина к Италии, о его творчестве и

смерти, то распорядители праздника и пожелали, чтобы стихотворение было прочтено сегодня. Вот довод и оправдание, почему я читаю вещь, только косвенно уносящуюся к настоящему торжеству.

Брат поэта, Лев Сергеевич Пушкин, был замечательно остроумный человек и феноменальной памяти. Он знал на память и превосходно читал все ходившие тогда в рукописи русские стихи. Он и познакомил автора с Гоголем.

После продолжительного пребывания в Италии, Гоголь, по прибытии в Одессу, отправился с парохода, прямо в карантин, которого в ту пору не мог миновать ни один пассажир из-за границы¹. Лев Сергеевич с нашим автором² отправились в карантин, где на их звонок вышел из своего номера Гоголь. Физиогномия Гоголя, при первом взгляде на него, поражала своим саркастическим выражением. Он рассеянно перебирал четками и приветствовал навестивших его знаком своей руки. Его отделяли от посетителей четверные проволочные решетки на довольно значительное пространство, так что разговаривать оказывалось довольно неудобным. Явственно доносился только плеск береговой волны, а по ту сторону залива как бы трепетала в струях знойного миража прилегающая к морю степь.

Гоголь не раз заходил к автору стихотворения и Льву Сергеевичу, в дом Крамаревой, на Де-рибасовской, где они оба квартировали.

Гоголь вспоминал об Италии, о Пушкине, о порядках в отечестве, о новейших явлениях в русской литературе и рассказал несколько анекдотов. Вообще ему было привольнее в дружеском кружке, чем в большом обществе. Гоголь проживал у Сабанеева моста, во флигеле дома, ныне принадлежащего графине Толстой, в двух комнатках. В одной из них стоял только круглый ясеневый стол, на котором лежала одна книжечка — Новый Завет, на греческом языке. В другой — кровать, два стула и у окна ясеневая конторка, на которой лежала толстая тетрадь в полулист. Гоголь уже находился тогда под разъезжающим настроением того мистицизма, из которого, по-видимому, он и сам не усматривал выхода, и который натолкнул его на злополучную решимость сжечь вторую часть «Мертвых Душ» и ускорила его смерть.

Воспоминания о знакомстве и беседах с Гоголем выразились в следующем стихотворении:

ГОГОЛЮ

В память знакомства с ним, при возвращении его, чрез Одессу, из Италии.

Ты возвращался из страны,
Где столько красок и весны;
Где в мире вольного искусства,
Такой простор для дум и чувства;
Где светлым мраморным богам
Курился долго фимиам;
Где обаяньем дышат донны;
Где изваянные Мадонны
По перекресткам и дворцам
Подъемят взоры к небесам;
Где в храмах прежних поколений
Уж не возносится молений;
Где древний мир приют нашел;
Где католичества престол.

¹ Гоголь прибыл сюда на русском пароходе, в сопровождении г. Базили. — *Примеч. в изд. 1880 г.*

* * *

О той полуденной стране,
Ее богах, ее весне,
Ее чарующих созданных,
Гремящих славою преданьях,
Великий наш певец мечтал,
Хотя ее и не видал¹:
В нее лишь мыслью уносился,
Лишь духом с нею он родился,
И лик ее, как бы живой,
Сиял пред вещею душой.

* * *

Ты, на пути в свой край родимый
На скифский берег наш ступил,
И мир иной, родной картиной,
Тебя отвсюду окружил.
Перебирая молча четки,
Ты нам привет послал рукой
Сквозь карантинные решетки,
И здесь мы встретились с тобой:
Брат знаменитого поэта^{II},
Да я — ничем не именитый,
Да ты — зашелец знаменитый.
Горячим воздухом одета,
Виднелась цепь через залив;
Волны рокочущей отлив
До слуха чутко доносился,
Пока ты с нами не простился.

* * *

Был ясный день, и зной томил,
Когда ты кров мой посетил.
И незаметно время мчалось,
И многое припоминалось
Про зарубежный жизни строй,
И нам присущий быт родной
И про твои с *поэтом* встречи.
О *нем* — владыке русской речи,
Высоком, искреннем певце,
В терново-лавровом венце
Унесшем в глубь своей могилы
Такие творческие силы,
Нам грустно было вспоминать
И раны сердца растравлять.

---

¹ Известно, что Пушкину ни разу не довелось побывать за границей. — *Примеч. в изд. 1880 г.*

^{II} Лев Сергеевич Пушкин. — *Примеч. в изд. 1880 г.*

* * *

Ни люстр, висящих с потолка,
Ни бронз, ни утвари красивой,
В укромной сени уголка,
Когда в Одессе суетливой
Ты проживал, я не видал.
О них ты мало помышлял.
Всего две горенки: в одной
Завет Спасителя, в другой —
Где воплощалась мысль твоя,
Лежала рукопись. В ея
Потом сожженные листы
Ты заносил свои мечты,
И думал ты, что труд упорный,
Многострадальный, плодотворный,
Свершен. Один удар резца
До вожделенного конца,
Тебе казалось, оставался.
И ты простился и расстался,
Расстался с нами навсегда...

* * *

Всему здесь жребий и чреда!
Ты мыслил много, и страдал,
И умер. Не осуществился
Тебя томивший идеал.
Из дальнего переселился
Ты в оный мир, где нет ни слов,
Ни мнимых радостей, ни грез,
Ни воздыханий, ни печали,
Что прежде сердце волновали.
Туда, туда — тебе вослед,
Я посылаю свой привет
Твоим несбывшимся мечтам
И недомолвленным речам...

Одесса. <...>

Впервые опубликовано: День памяти Пушкина 6 (26) июня 1880 года в Императорском Новороссийском университете // Записки Императорского Новороссийского университета. Одесса, 1880. Т. 31. Отд. 3. С. 396–401; отд. изд. — День памяти Пушкина 6 (26) июня 1880 года в императорском Новороссийском университете. Одесса, 1880. С. 46–51; перепечатано, с сокращениями: *Тройницкий Н. Г.* Гоголь в Одессе // Из прошлого Одессы. Сборник статей. Составлен Л. М. де Рибасом. Одесса, 1894. С. 125–129; см. также: *Каллаш В. В.* Заметки о Гоголе: I. Снятие маски с Н. В. Гоголя Н. Рамазановым; II. Воспоминания о Гоголе «комнатного надзирателя»; III. «Иностранец Василий Федоров»; IV. Гоголь в Одессе в 1848 году; V. А. Григорьев о Гоголе (1847) // Исторический Вестник. 1902. № 2. С. 682–685. Печатается по первой публикации.

Николай Григорьевич Тройницкий (ум. в 1892), писатель, воспитанник первого выпуска Ришельевского лицея (1832), вместе с старшим братом А. Г. Тройницким (1807–1871) много лет редактировал «Одесский Вестник».

«...Тройницкий <...> к сожалению <...> смешал события 1848 г. и 1850–1851 года, — впрочем, не настолько, чтобы их трудно было распределить. Так показание, что Гоголь не раз заходил к нему, Тройницкому, и к Пушкину, жившим в

доме Крамарева на Преображенской ул.<ище> (ныне пассаж Менделевичей), может относиться к обоим годам, ибо трудно предполагать, чтобы Гоголь, столь недолго пробывший в 1848 г. в Одессе, успел *несколько раз* посетить Троицкого и Пушкина: довольно, если он был у них по разу; между тем известно, что он бывал у Пушкина в 1850–1851 г. Но относить это показание Троицкого целиком к 1850–1851 г. нельзя, так как он вспоминает в своих стихах, что Гоголь посетил его во время зноя, тогда как в 1850–1851 г. он был в Одессе в ноябре–марте. Дальнейший рассказ Троицкого, что Гоголь вспоминал об Италии, о Пушкине, о порядках в отечестве, о новейших явлениях в русской литературе и рассказал несколько анекдотов — опять может относиться к обоим периодам. Мне кажется, точнее передают свидание Гоголя с Троицким в 1848 г. те строфы, какими продолжается стихотворение, начинающееся изображением Гоголя в карантине: “Был ясный день и зной томил, <...> И раны сердца растравлять”» (*Маркевич А. И.* Гоголь в Одессе // Записки Имп. Новороссийского ун-та. Одесса, 1902. Т. 88. Отд. 3. С. 10–11).

¹ «...Свидание с Гоголем Троицкий позднее изобразил в <...> стихах... <...> Он приписал их неизвестному (в литературе) автору, но в частной беседе не скрывал, что это его стихи» (*Маркевич А. И.* Гоголь в Одессе // Записки Имп. Новороссийского ун-та. Одесса, 1902. Т. 88. Отд. 3. С. 6).

² «Л. С. Пушкин и Н. Гр. Троицкий были в то время членами Одесской портовой таможи» (*Маркевич А. И.* Гоголь в Одессе // Записки Имп. Новороссийского ун-та. Одесса, 1902. Т. 88. Отд. 3. С. 6).

Гоголь в воспоминаниях и письмах А. С. Стурдзы

А. С. Стурдза

День памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя Фрагмент

<...> Говорить о Жуковском, не упоминая, хотя мимоходом, о современных ему знаменитых писателях, почти невозможно. Здесь речь идет о Н. В. Гоголе, который в свою очередь сблизился с Жуковским и обрел в нем радушного ценителя и друга. Впоследствии Гоголь говорил со мною о Жуковском с чувствами неизгладимой благодарности¹, хвалясь между прочим тем, что великий наш поэт, при взаимных встречах в Германии, сообщал ему свои неизданные творения, следовательно дорожил мнением его.

С Гоголем, — давно уже известным русской публике по некоторым замечательным повестям и по Аристофановской комедии Ревизор, — я встретился очень поздно и вдобавок за границей. В 1836 году у подошвы Швейцарских гор и в окрестностях Берна я увидел впервые нашего умного и своеобразного наблюдателя и живописца русских нравов и жизни. Это было в гостях у нашего посланника Д. П. Северина². Я был только немым свидетелем приятной, но мимолетной беседы, после которой суждено было мне встретить опять Гоголя ровно через 10 лет, и где же? в Риме, в посольской православной церкви, среди умиленных и возвышенных молитвословий великого пятка³. По окончании службы мы подошли друг к другу, возобновили минутное знакомство, и оно в Риме же утвердилось взаимными посещениями и беседами лицом к лицу. Тогда-то, к моему изумлению, я нашел в Гоголе не колкого сатирика, не изобретательного рассказчика и автора умных повестей, а человека, стоявшего выше собственных творений, искушенного огнем страданий душевных и телесных, стремившегося к Богу всеми способностями и силами ума и сердца. Я должен сказать здесь, что беседы наши в Риме отразились потом, как в зеркале, в Выбранных местах из переписки Гоголя с друзьями. Итак, несмотря на бесчисленные толки о нем, Гоголь мыслил глубоко, говорил искренно и писал во всеулышание именно то, чем полна была душа его, что составляло его убеждение, добытое размышлением, опытом и страданиями. Расставаясь со мною в Риме, он дал мне слово, что, обозрев православный восток и поклонившись гробу Господню, непременно заедет в Одессу

через полтора года, и слово его сбылось. Он нечаянно посетил меня⁴ на моей приморской даче, вместе с умным спутником своим К. М. Базили⁵. Но свидание наше было минутно, Гоголь спешил к родным в Малороссию, а оттуда в Москву. Я уже потерял было надежду на новую с ним встречу, когда получил от него письмо из Москвы⁶ с вестию, что он опять стремится к югу, чтобы заняться умственной работою под благоприятным небом и в безмятежной тишине. Я поспешил отсоветовать ему новую разлуку с родиною⁷, и всячески старался доказать, что Одесса приютит его как нельзя лучше и доставит ему желанный досуг. На это письмо Гоголь отвечал (15-го сентября 1850 г.⁸) условным согласием, которое он высказал в достопамятных выражениях, проливающих яркий свет на неразгаданную многими личность его, и потому, как мне кажется, достойных известности. Вот выписка из письма его: «свиданье с вами меня радует многу. Благословенны те чистые стремленья к святому, вследствие которых люди становятся родными и близкими друг другу! Как надежны, как неразрывны становятся тогда наши связи! Не нужно и стараться тогда быть милым другому; сам собою становится мил человек человеку. Душевно бы хотел прожить сколько долее в Одессе, и даже не выезжать за границу вовсе. Скажу вам откровенно, что мне не хочется и на три месяца оставлять Россию. Ни за что бы я не выехал из Москвы, которую так люблю. Да и вообще Россия всё мне становится ближе и ближе. Кроме свойства родины, есть в ней что-то еще выше родины, точно как бы это та земля, откуда ближе к родине небесной. Но на беду пребыванье в ней зимою вредоносно для моего здоровья. Не столько я хлопочу и грущу о здоровье, сколько о том, что в это время бываю неспособен к работе. Последняя зима в Москве у меня почти пропала вся даром. Между тем вижу, что окончание сочинения моего нужно и могло бы принести пользу. Много, много, как сами знаете, есть того, что позабыто, но не должно позабываться, что нужно выставить в живых, говорящих примерах, — словом, много того, о чем нужно напомнить нынешнему современному человеку, и что принимается ушами многих только тогда, когда скажется в высоком настроении поэтической силы. А сила эта не подымается, когда болезненна голова. Обыкновенно работает у меня там, где находится ненатопленное тепло, где я могу утреннее утруждение головы развеять и рассеять послеобедним пребыванием и прогулками на благорастворенном теплом воздухе; без того у меня голова на другой день не свежа и не годится к делу. Но верю, что Бог властен сделать всё, и Его милосердию нет границ: может и под суровым воздухом Черного моря, в самой Одессе, всё еще холодной для меня, найти свежее расположение духа — и тогда, разумеется, я ни за что не выеду за границу. С радостью проведу несколько месяцев с вами».

После этого письма Гоголь прибыл в Одессу⁹, и, как нарочно, умеренная зима ласково встретила и покоила невзыскательного любителя тишины, нешумных бесед и уединенных кабинетных занятий. Сколько ни старались тогда заманить его в круг так называемого большого света, — он вежливо уклонялся, сколько мог, от самых лестных приглашений, довольствуясь прогулками и частым посещением весьма немногих, в том числе и меня. Истощался ли дружеский разговор, Гоголь охотно принимался за чтение вслух и читал, как говорил, т. е. с приятною важностию. Когда я бывал у него, он с удовольствием уверял меня, что умственная работа подвигается у него вперед и услаждает для него часы уединения. Даже в доме князя Р^епина отвели для Гоголя особую комнату, где он занимался делом, а потом выходил в гостиную и там отдыхал в дружественном собеседовании. Во все воскресные и праздничные дни можно было встретить Гоголя в церкви, в толпе молящихся. А во время великого поста¹⁰ Гоголь умел отторгаться без огласки от сообщества людей и посвящать по несколько дней врачеванию души своей и богомыслию. Впрочем, сердце влекло его на родину, к милым родным, которым он обещал провести с ними Святую Пасху, некогда им так превосходно описанную в Переписке с друзьями. Говоря со мною о скором отезде своем в Малороссию, Гоголь с умилением приговаривал: «Да знаете ли, что после первых лет молодости моей я не имел счастья отпраздновать в родной семье Светлое Воскресение Христово». Тогда приспела нам из Германии приятная весть, что Жуковский с семейством решительно собирается в обратный путь и непременно приедет в Мо-

скву летом. Эта надежда еще более ускорила отъезд Гоголя из Одессы¹¹; ему хотелось и погостить, дорогою, в отеческом доме, и встретить Жуковского в древней нашей столице. Но время изменило дружбе нетерпеливой. Путешествие Жуковского, к сожалению, было отложено, а Гоголь прохворал в Москве большую часть зимы, хотел было убежать от нее на юг, доехал, как я слышал, до Калуги, и воротился¹². Итак, недаром страшил его любимый север, ускоривший, по всем вероятностям, развитие его болезни. <...>

Первые опубликовано: *Стурдза А.* Дань памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя // Москвитянин. 1852. № 20. Октябрь. Кн. 2 (цензурное разрешение 22 окт.). Отд. I. С. 224–228; с подписью: «Окна. Сентябрь 1852 года». Печатается, в сокращении, по первой публикации.

Александр Скарлатович Стурдза (1791–1854), сын молдавского боярина С. Д. Стурдзы, дипломат, член Ученого комитета Министерства иностранных дел, духовный писатель, публицист.

¹ См., в частности, в наст. изд. отрывок из письма княгини З. А. Волконской к В. А. Жуковскому от 23 февраля (н. ст.) 1839 г.

² См. в наст. изд. письмо Д. П. Северина князю П. А. Вяземскому от 20 сентября (н. ст.) 1836 г. Дмитрий Петрович Северин (1792–1865), дипломат, член литературного «Арзамаса». Первая жена Северина, Елена Скарлатовна (1794–1818), была сестрой Стурдзы.

³ 5/17 апреля 1846 г.

⁴ С 1 по 7 мая 1848 г. Сохранилось письмо А. С. Стурдзы к Гоголю от 3 мая 1848 г.

⁵ Позднее, 27 декабря 1880 г., К. М. Базили сообщал Н. В. Гербелю: «Так как Гоголь незадолго до своей смерти жил у меня, то многие почтенные люди весьма сердечно спрашивали у меня, как и когда проявлялись признаки умопомешательства» (*Мани Ю. В.* Гоголь. Завершение пути: 1845–1852. М., 2009. С. 251).

⁶ От 6 июня 1850 г.

⁷ Имеется в виду письмо от 21 июня 1850 г.

⁸ Письмо от 15 сентября 1850 г. было отправлено из Васильевки.

⁹ 24 октября 1850 г.

¹⁰ Великий Пост начинался в 1851 г. 19 февраля, Пасха праздновалась 8 апреля.

¹¹ 28 марта 1851 г.

¹² Около 26 сентября 1851 г.

Из писем А. С. Стурдзы

А. С. Стурдза — М. П. Погодину

<Вторая половина>¹ апреля 1848 г. Одесса.
<...> Н. В. Гоголь и К. М. Базили прибыли на днях в нашу одесскую пристань. <...>

Первые опубликовано: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1895. Т. 9. С. 470. Печатается по первой публикации.

¹ В публикации ошибочно: «12 апреля».

А. С. Стурдза — Н. В. Неводчикову

<Конец 1850. Одесса>

<...> Гоголь прилежно занимается греческою библией и, спасибо ему, — частит к нам. <...>

Впервые опубликовано: <Неводчиков Н. В.> Н. Н.—в. Воспоминание о Н. В. Гоголе // Библиографические Записки. 1859. № 9. Стб. 267. Печатается по первой публикации.

См. также в наст. изд. раздел *Преосвященный Неофит (Неводчиков), архиепископ Кишиневский*. Воспоминание о Н. В. Гоголе.

*Преосвященный Неофит (Неводчиков),
архиепископ Кишиневский*

Воспоминание о Н. В. Гоголе

Возвращаясь из Иерусалима на родину, Гоголь впервые прибыл в Одессу в апреле 1848 года. Как пассажир константинопольского парохода, он должен был выдержать карантин. Здесь, сквозь две предохранительные решетки, увидел я Гоголя. А. С. Стурдза поручил мне приветствовать его с приездом и предложить ему добрые услуги. Вероятно, тронутый таким вниманием, Николай Васильевич разговорился со мной более, чем я ожидал. Он принялся меня спрашивать об Александре Скарлатовиче, а потом о городе, именно: любят ли в нем чтение? много ли книжных лавок? можно ли найти в них английские книги? Он даже коснулся собственно меня и, узнав, что я занимаюсь воспитанием внука¹ Александра Скарлатовича, заметил о важности сего занятия: «Да, вся безалаберщина, какая набирается нам в голову, как-то сосредоточивается и уясняется, когда готовимся передать ее другим». В заключение он попросил прислать ему в карантин «Мертвые Души» и два-три нумера «Москвитянина». — Гоголь находился в переписке с А. С. Стурдзою. От 6 июня 1850 г. из Москвы он писал к нему:

«Уже прошло два года с тех пор, как увидались мы в Одессе. Мы виделись мало: час с небольшим. Только прошлись по саду вашего приятного обиталища да едва тронулись в разговоре таких вопросов, о которых хотелось бы душе поговорить подольше. Но, несмотря на то, этот час и эта прогулка остались в памяти моей как что-то очень отрадное. Может быть, Бог приведет меня опять к вам в Одессу. Мои увеличившиеся недуги заставляют меня выехать снова куда-нибудь на юг. Не столько побуждает меня к этому самое сохранение здоровья, сколько желание найти место, где бы можно мне кончить свою работу. Голове потребно то благодатное освежение, какое бывает у меня только под небом благорастворенного климата. Нынешнюю зиму я провел в Москве очень дурно и ничего не мог работать. Благодаря милосердью Божье, конечно, и это дурное время было не без пользы, но как подумаю о том усыплении и бездействии сил, в какие повергают меня холод и стужа зимы, — заране<е> пробирает страх. Хочу провести три зимние месяца где-нибудь в Греции или на островах Средиземного моря. Где именно — на счет этот решусь, может быть, только в Одессе. Очень меня обрадуете, если несколькими строчками уведомите о себе, адресуя в Полтаву — в деревню моей матери Васильевку, где я пробуду, может быть, июль и весь август. Передайте душевный мой поклон Т<итовым>. Если Р<епнины> там, то очень меня обяжете, уведомивши словечком о них и передавши им также мой душевный поклон.

Весь ваш, искренно вас уважающий и любящий много *Н. Гоголь*».

В ответ на это письмо А. С. Стурдза отозвался так (от 21-го июня 1850 года): «Почтеннейший Николай Васильевич! Дорогой, но неожиданный гость — письмо ваше из Москвы застало меня здесь, тотчас по возвращении моем из-за Днестра, где прожил я около двух месяцев в оазисе¹ покойной сестры моей² и куда думаю опять возвратиться на столько же времени в августе, аще Бог повелит. Надежда на свидание с вами более досужное радует меня. Да как бы нам не разъехаться? Больно слышать, что вы опять замышляете долговремен-

¹ В публикации В. И. Шенрока: в имени

нюю отлучку из-под родного неба. Здоровью вашему едва ли помогут эти частые странствования...¹

Мы все, более или менее, в этой юдоли хвораем тем же недугом: разладом, борьбой духа с плотью. Московская зима напугала вас, вам не дают работать, творить в безмятежи умственном. Так пожалуйте к нам, милости просим; отведайте житья в южной России, проведите несколько зимних месяцев на южном берегу Тавриды, остальные с нами в Одессе. Здесь найдете вы цвет Малороссии: доброе, уветливое¹¹ семейство Р<епниных>; сердечно благочестивое и умное О<тца> М. П<авловского>³, М<ихневича>⁴ и других, подобных им. Преосв<ященный> Иннокентий останется с нами на всю зиму. Он, узнав от меня, что вы в Полтаве и намерены у нас побывать, обрадовался и просил меня передать вам поклон и благословение. Я не только желаю, но и предчувствую, что край наш придется вам по сердцу и по здоровью.

А. Н. М<уравьев> в марте гостил у нас около двух недель и, кажется, увез с собою приятные впечатления и добрую память о нашем уездном городке. Все зависит от выбора круга знакомых, в котором гость для всех замечательный, но не всем милый сумеет поставить себя».

Ответ Гоголя:

«Сентября 15.

После разных странствований приехавши в Полтаву, нашел я там бесценнейшее письмо ваше, добрейший и почтеннейший Александр Скарлатович. Не говорю вам о том, как получить его мне было отраднo. Хотел было тот же час вам отвечать и благодарить за дружелюбное ваше расположение, но, перечтя в другой раз, увидел, что ответ пролежит в Одессе даром по причине отлучки вашей, как пишете, до самого октября. Вследствие этого отложил и пишу теперь¹¹¹. Свиданье с вами меня радует много. Благословенны те чистые стремленья к святому, вследствие которых люди становятся родными и близкими друг другу! Как надежны, как неразрывны становятся тогда наши связи! Не нужно и стараться тогда быть милым другому; сам собою становится мил человек человеку. Душевно б хотел прожить сколько можно доле в Одессе, и даже не выезжать за границу вовсе. Скажу вам откровенно, что мне не хочется и на три месяца оставлять Россию. Ни за что б я не выехал из Москвы, которую так люблю. Да и вообще Россия всё мне становится ближе и ближе; кроме свойства родины, есть в ней что-то еще выше родины, точно как бы это та земля, откуда ближе к родине небесной. Но на беду пребыванье в ней^{11V} вредоносно для моего здоровья. Не столько я хлопочу и грущу о здоровье, сколько о том, что в это время бываю неспособен к работе. Последняя зима в Москве у меня почти пропала вся даром. Между тем вижу, что окончанье сочиненья моего нужно и могло б принести пользу^{11V}. Много, много, как сами знаете, есть того, что позабыто, но не должно забываться, что нужно выставить в живых, говорящих примерах, — словом, много того, о чем нужно напомнить нынешнему современному человеку и что принимается ушами многих только тогда, когда скажется в высоком настроении поэтической силы. А сила эта не подымается, когда болезненна голова. Обыкновенно работает у меня там, где находится ненатопленное тепло, где я могу утреннее утруждение головы развеять и рассеять послеобеденным пребыванием и прогулками на благорастворенном теплом воздухе; без того у меня голова на другой день не свежа и не годится к делу. Но верю, что Бог властен сделать всё, и Его милосердию нет границ: может и под суровым воздухом Черного моря в самой Одессе, всё еще холодной для меня, найти свежее рас-

¹ Далее в публикации В. И. Шенрока следует: Недаром Гораций где-то сказал: «Qui patriae exul, se quoque fugiti <Кто эмигрант, тот и себя убегаёт (лат.)».

¹¹ В публикации В. И. Шенрока: приветливое

¹¹¹ Последующие строки письма были напечатаны А. С. Стурдзю в статье его: *День памяти Н. В. Гоголю*. Смотри *Москвитянин*. 1852, XX, стр. 224–8. — *Примеч. Н. В. Неводчикова*.

^{11V} Далее в публикации 1859 г. пропущено: зимою

^V Тут были написаны слова: *может быть, многим*; но потом зачеркнуты. — *Примеч. Н. В. Неводчикова*.

положение духа — и тогда, разумеется, я ни за что не выеду за границу. С радостью проведу несколько месяцев с вами, в ожидании чего

ваш весь *Н. Гоголь*!

...Прошу вас также передать преосвященному Иннокентию мою чувствительную благодарность за его пастырское благословенье. Благословенье пастыря есть уже само по себе благодатный подарок, а соединенное с тем любовным чувством сердечного участия, с каким верно оно соединено у него, вдвойне благодатно. Не позабудьте также передать поклон мой О<тцу> М. П<авловскому> и всем, кто меня помнит.

Если поможет Бог, то первых чисел октября полагаю быть в Одессе».

Однако в Одессу Гоголь приехал не в начале, а в конце октября. Приехав, он не замедлил посетить Александра Скарлатовича. Тот, торопясь кончить какое-то дело, поручил мне встретить и занять жданного гостя. Николай Васильевич узнал меня и заговорил со мною, как со знакомым. Он жаловался на ужасно дурную дорогу, какую нашел под Одессой. По его выражению, его коляска почти тонула в грязи и в воде. Не помню хорошенько, как, только разговор у нас зашел о человеке, готовом потеряться. «Дайте ему хоть малейшую точку опоры, да протяните ему руку, и он поднимется», — сказал Гоголь.

После этого, чуть ли не на другой день, я уехал в Екатеринославль. Александр Скарлатович переписывался со мною, в одном из своих писем он мимоходом заметил: «Гоголь прилежно занимается греческою библией и, спасибо ему, — частит к нам».

Сверх чаяния, привелось мне встретиться с Гоголем и еще раз в январе 1851 г. Проезжая через Одессу, я остановился у Александра Скарлатовича на три-четыре дня. В один из этих дней обедал у него Николай Васильевич. Как теперь вижу его, смиренно сидящего за столом и говорящего об одной из книжек Творений св. отцов в русском переводе. «А вы что читаете?» — вдруг спросил он меня. — «Второй том Сказаний русского народа»⁵. — «Славная книга, — заметил он, — там есть отдел особенно любопытный: народный дневник».

Первые опубликовано: <Неводчиков Н. В.> *Н. Н.—в.* Воспоминание о Н. В. Гоголе // Библиографические Записки. 1859. № 9. Стб. 263–268. Печатается по первой публикации. Кроме того, в 1861 г. Н. В. Неводчиков опубликовал начальную часть (менее половины) дневника Е. А. Хитрово с записями о Гоголе: Воспоминания о Н. В. Гоголе // Библиографические Записки. 1861. № 11. Стб. 324–330. См. в наст. изд. раздел *Гоголь в Одессе. 1850–1851.* <Дневник Е. А. Хитрово>.

Неофит (в мире Неводчиков Николай Васильевич, 1822–1910), в 1848 г. был секретарем А. С. Стурдзы и домашним учителем в его доме, впоследствии епископ Елизаветградский (с 1880), епископ Туркестанский и Ташкентский (с 1883), архиепископ Кишиневский и Хотинский (с 1892 по 1898).

¹ Князь Г. Е. Гагарин-Стурдза, старший сын князя Евгения Григорьевича Гагарина и дочери А. С. Стурдзы княгини Марии Александровны Гагариной-Стурдза. В 1848 г. А. С. Стурдза было разрешено учредить из принадлежавшего ему в Бессарабии имения Мансырь (Манзырь) заповедное княжеское владение, с тем, чтобы оно перешло к старшему его внуку и чтобы последний именовался, с потомством, князем Гагариным-Стурдза.

² Графиня Роксандра Скарлатовна Эдлинг (рожд. Стурдза, 1786 — 16 января 1844), фрейлина Императрицы Елизаветы Алексеевны. Способствовала знакомству Императора Александра I в 1815 г. с баронессой В. Ю. Крюденер и И. Г. Юнгом-Штилингом; в 1816 г. вышла замуж за графа А. К. Эдлинга.

³ Протоиерей Михаил Карпович Павловский (1810–1898), законоучитель Ришельевского лицея, профессор богословия Новороссийского университета.

⁴ Иосиф Григорьевич Михневич (1809–1885), писатель, профессор философии Ришельевского лицея в Одессе.

⁵ Имеются в виду «Сказания русского народа о семейной жизни своих предков» И. П. Сахарова (СПб., 1836. Кн. 1;

---

¹ *Далее в изд. 1859 г. пропущено:* Благодарю много добрейшего Неводчикова за его милую приписочку в вашем письме. Нет, я его не позабыл и помню: такое радушное участие и такое доброе расположение не позабываются.

1837. Кн. 1–3; 1841–1849. Т. 1. Кн. 1–4; Т. 2. Кн. 5–7). Среди материалов по русскому патриархальному быту, собранных Гоголем в 1848–1850 гг., имеется ряд выписок из «Народного дневника», помещенного Сахаровым в «Сказаниях русского народа» (СПб., 1849. Т. 2. Кн. 7): «Егорий весенний», «Никола весенний», «Юрий осенний», «Никола зимний».

Н. А. Скальковский

Письмо в редакцию
<Гоголь в дневниковых записях А. А. Скальковского>
Фрагмент

<...> ...Я просмотрел многотомный дневник моего отца Аполлона Александровича, которому, как историку запорожских казаков и гайдамаков, сочинения автора «Тараса Бульбы» были, конечно, весьма симпатичны. Гоголь и в Одессе, городе, считавшемся тогда полуиностранным, пользовался тогда огромною популярностью, и я отлично помню, как в конце сороковых и начале пятидесятих годов, т. е. до поступления моего в гимназию, у нас в доме по вечерам в кругу родных и гостей громко читались очень часто сочинения Гоголя, особенно драматические и повести.

О пребывании Гоголя в пятидесятих годах я в дневнике отца ничего не нашел, Гоголь был совсем больной и его, вероятно, не тревожили, но в дневнике за 1848 г. я нашел следующие две отметки, которые и выписываю целиком:

1-го мая, суббота. ...Приехал морем Гоголь писатель; ему давали обед, но меня не уведомили, но я познакомился с ним на лестнице, и он сказал, что знает меня по слуху о моих книгах...

2-го мая, воскресенье. ...Утром ездил к писателю Гоголю, ни его наружность, ни разговор ничего не обещали. Мы долго толковали о литературе, о его «Мертвых душах» и проч., и я не мог заметить в нем ни энтузиазма (как у нас), ни теплоты таланта, как у Крашевского¹...

Известно, что на большинство людей, особенно встретившихся с ним в первый раз, Гоголь производил неблагоприятное впечатление. Лестница, о которой говорится выше, конечно, знаменитая лестница с Бульвара к морю, которую показывали всем приезжим, а слова после энтузиазма: «как у нас», — вероятно, относятся к энтузиазму в Одессе к сочинениям Гоголя. Семидесятитомный дневник моего отца состоит из беглых заметок и никогда им редактирован не был. Крашевский был приятелем отца и тогда часто приезжал в Одессу из Волынской губернии, где у него было имение.

Впервые опубликовано: *Скальковский Н.* Письмо в редакцию // Новое Время. 1901. 4 ноября. № 9221. Печатается по первой публикации.

Аполлон Александрович Скальковский (1808–1898/99), историк, статский советник, служил секретарем в одесском отделении коммерческого совета.

¹ Вероятно, имеется в виду польский писатель Иосиф Игнатий Крашевский (1812–1887).

Заметки и вести
<Сообщение газеты «Одесский Вестник» от 19 мая 1848 г.
о пребывании Гоголя в Одессе и его отъезде>

<...> Мы извещали, что 16-го апреля к нам приехал из Константинополя Н. В. Гоголь, на возвратном пути из Сирии. По выходе его из карантина, 1-го мая, некоторые из его товарищей по лицу и друзей, в сообществе многих почитателей знаменитого русского таланта, давали его обед. 4-го мая¹ Николай Васильевич оставил нас и отправился в Малороссию.

Впервые опубликовано: К. К. Заметки и вести // Одесский Вестник. 1848. 19 мая. № 40. С. 210. Перепечатано: Внутренние известия // Санкт-Петербургские Ведомости. 1848. 5 июня. № 124. С. 491. Печатается по первой публикации.

¹ Гоголь выехал из Одессы в Васильевку 7 мая 1848 г.

Гоголь на родине накануне отъезда в Москву и Петербург летом 1848 г. (отдельные свидетельства)

А-р Мих. Маркович — А. С. Данилевскому

<Около 8 июня 1848. С. Сварково
Глуховского уезда Черниговской губернии>

<...> Мне уже приятно было прочитать в газетах, что наш Гоголь в Одессе¹, суди же, с каким удовольствием узнал я из твоего письма, что он был у вас в Киеве. Очень бы желал иметь случай с ним увидеться. Ты мне ничего не сказал о его здоровье. Не захочет ли он, не нужно ли ему в это время, что он пробудет в Малороссии, проездиться по ней? Как бы я доволен был, если б он завернул в нашу сторону и, разумеется, в Сварково². Ты можешь уверить его, что я нимало его ни в чем не стесню и встречу его так, как давно невиданного брата. <...>

О рукописи он напрасно заботится: все, что он от меня получил, было им возвращено...¹
<...>

Впервые опубликовано: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1897. Т. 4. С. 830. Печатается по первой публикации.

Александр Михайлович Маркович (1790–1865), историк, этнограф; дядя жены А. С. Данилевского Ульяны Григорьевны (рожд. Похвисневой).

15 июня 1848 г. У. Г. Данилевская, по-видимому, посылая Гоголю в Васильевку настоящую «вырезку» из письма А. М. Марковича, писала: «Посылаю вам листок из письма моего дяди, который больше относится к вам, нежели ко мне, и на которой я не могу отвечать, не спросивши у вас, что мне сказать ему». Поскольку в послании А. М. Марковича упоминается посещение Гоголем Киева (в Киев к Данилевским Гоголь приехал из Васильевки 28 мая 1848 г., а 1 июня отправился обратно), то, очевидно, письмо следует датировать периодом между 1 и 15 июня 1848 г. — приблизительно около 8 числа. Примечание В. И. Шенрока к цитированному письму У. Г. Данилевской, что с ее «дядей, упоминаемым в этом письме», Гоголь «познакомился и сошелся еще в это свидание в Киеве летом 1848 года», судя по всему, ошибочно (см. в наст. изд. четвертый раздел *Воспоминаний А. С. Данилевского о последних годах жизни Гоголя, в пересказе В. И. Шенрока*).

¹ См. в наст. изд. раздел *Заметки и вестн.* <Сообщение газеты «Одесский Вестник» от 19 мая 1848 г. о пребывании Гоголя в Одессе>, а также второй раздел *Воспоминаний А. С. Данилевского о последних годах жизни Гоголя, в пересказе В. И. Шенрока*.

² В с. Сварково у А. М. Марковича Гоголь побывал вместе с А. С. Данилевским на пути из Васильевки в Москву 30 августа — 2 сентября 1848 г. (см. письма Гоголя из Сварково к П. А. Плетневу от 1 сентября 1848 г., к сестре А. В. Гоголь, оттуда же, от начала сентября 1848 г.; письмо к А. С. Данилевскому от 5 сентября 1848 г., из Орла в Сварково; а также в наст. изд. четвертый раздел *Воспоминаний А. С. Данилевского о последних годах жизни Гоголя, в пересказе В. И. Шенрока*).

Той же осенью, в ноябре 1848 г., Маркович приехал в Москву. 11 ноября 1848 г. Гоголь писал ему: «Если вы жела-

---

¹ Последние строки написаны на обороте вырезки из письма. Если они относятся не к Гоголю, то письмо следует считать написанным в 1848 г., что вообще вероятнее, но безусловно утверждать нельзя. — *Примеч. В. И. Шенрока*.

ете видеть редкий музей русских древностей (имеется в виду «Древлехранилище» М. П. Погодина. — *И. В.*) и почти всех замечательных московских литераторов и ученых, то приезжайте сегодня ввечеру ко мне и к Погодину, который вам будет сердечно рад. Приезжайте запросто, одевшись, как одеваетесь дома. Дам и модных людей не будет» (речь идет о торжественном — в честь приезда Гоголя — праздновании дня рождения М. П. Погодина 11 ноября 1848 г.; см. в наст изд. его дневниковую запись от того же числа).

См. также письма Гоголя к Марковичу от конца декабря 1848 или начала января 1849 г. (Маркович в то время еще оставался в Москве), от 1 июля и 6 декабря 1849 г.; от середины февраля 1850 г.; от начала апреля (после 3 числа) 1849 или от конца апреля (после 23 числа) 1850 г.

В Сварково у Марковича Гоголь гостил еще раз 25–26 июня 1850 г., проездом из Москвы в Васильевку (см. письма Гоголя к Марковичу от 25 июня и от 27–30 июня 1850 г.).

Разрешение на проезд в Санкт-Петербург и Москву, выданное Гоголю в Полтаве 17 августа 1848 г.

№ 11856

Свидетельство

Дано сие Дворянину Полтавской Губернии Миргородского уезда Чиновнику 8 класса Николаю Васильевичу *Гоголю* в том, что на проезд его в города С. Петербург¹ и Москву² по собственным делам препятствий никаких нет, в чем подписом с приложением герба моею печати свидетельствую 1848 года Августа 17 дня.

Полтавский Гражданский
Губернатор *Ознобишин*³.

Печатается по фотокопии, приведенной в изд.: Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 709.

¹ 20 июня 1848 г. Гоголь писал Н. Я. Прокоповичу: «Я думал было приехать напрямик в Петербург и потому не писал к тебе, но дело поворотилось не так; мне придется еще с месяц прожить в деревне, потом в Москву. В конце августа только надеюсь заглянуть в Петербург».

² По пути в Петербург Гоголь останавливался проездом в Москве на шесть дней, с 7 по 12–13 сентября 1848 г.

³ Николай Ильин Ознобишин (1798–1853), полтавский гражданский губернатор (с 1845), действительный статский советник.

Из воспоминаний о пребывании Гоголя в Петербурге осенью 1848 г.

Петербургское театральное училище в воспоминаниях Н. И. Куликова Фрагмент

<...> ...Все театральное управление в Петербурге <...> перешло в ведение директоров: князя Гагарина, а за ним А. М. Гедеонова. Оба эти директора, воспитанные на французский лад, <...> русской словесности, даже грамоты, не знали. По крайней мере, Гедеонов неправильно писал, и не только не следил за русской литературой, он даже не читал ничего, кроме рецензий о театрах в «Северной Пчеле». <...>

Заметив об отношении директора к литературе, представим историческую сценку свидания его с Гоголем, которая наглядно докажет, как знал и ценил А. М. Гедеонов русскую словесность.

Надо помнить, что в последний приезд из-за границы Николай Васильевич Гоголь извне пользовался всеобщим уважением и славою от современников, и внутренне сам был преисполнен и славою, и самоуважением.

В Москве, проездом, он уж не квартировал, как прежде, у друзей С. Т. Аксакова и М. П. Погодина, а в хоромах Талызина, графа Толстого.

Так, приехав и в Петербург¹, расположился в доме и квартире графа М. Ю. Вельгорского, где проживал и В. А. Соллогуб, женатый на дочери графа.

Соллогуб за великую себе честь считал сопровождать Гоголя в знакомые дома, в ученые заседания и в театры.

Так, в одном из спектаклей Александринского театра², во время антракта, он, вбежав в уборную Мартынова, кричал: «Гоголь, Гоголь идет похвалить вашу игру!»

За ним является и сам Николай Васильевич, важный, серьезный, гордый, говоря: «Хорошо, Мартынов, я доволен... я заметил, что вы играли свою роль *con amore!*!»

Потом Соллогуб проводил его до уборной В. В. Самойловой³. «Никогда, — рассказывала Вера Васильевна, — так свысока не хвалил нас и государь!».

— Мило, мило, а главное, — умно провели свою роль... Вы и Мартынов помирили меня с русской сценой.

В таком-то настроении он вздумал посетить директора театров.

При входе Гоголя в канцелярию Гедеонова⁴ начальник репертуара А. Л. Невахович⁵, вскочив с места, с восторгом раскланиваясь, приветствовал автора «Мертвых душ». Кивнув ему головой, Гоголь спросил: «Где Александр Михайлович?»

— Пожалуйста сюда в кабинет, — и расшаркиваясь, ввел его в кабинет, где директор сидел спиной ко входу: он в эту минуту крепко занят был цифирью по случаю огромного дефицита.

Гоголь (развязно подходя к нему): Здравствуйте, Александр Михайлович!

Гедеонов (мельком взглянув на него): Здравствуйте! (*снова углубляясь в работу*). Что вам нужно?

Гоголь: Я Гоголь.

Гедеонов (с нетерпением): Так что же нужно?

Гоголь (растерявшись): Где ваш сын Этьен?

Гедеонов (обертываясь и указывая рукой): Так через переднюю к нему... (*увидав Неваховича*). Александр Львович! Проводите его к Степану Александровичу⁶!

«Как ни смешна эта сцена, — рассказывал Невахович, — а мне жаль было Гоголя, когда он, то бледный, как полотно, то красный, как рак, шел со мной из кабинета до комнаты директорского сына». <...>

Впервые опубликовано: Петербургское театральное училище в воспоминаниях Николая Ивановича Куликова // Русская Старина. 1886. № 12. С. 623–625. Печатается по первой публикации.

Николай Иванович Куликов (псевдоним Н. Крестовский, 1812–1891), брат актрис А. И. Шуберт и П. И. Орловой (рожденных Куликовых), выпускник Московского театрального училища (1830), с 1834 г. артист Московской драматической труппы, с 1837 г. артист Александринского театра в Петербурге; здесь же с 28 октября 1838 г. по 21 июля 1852 г. состоял режиссером русской драматической труппы, после чего вышел в отставку. 9 сентября 1842 г. в бенефис Куликова в Александринском театре была поставлена его инсценировка «Комические сцены из новой поэмы *Мертвые души* сочинения Гоголя (автора Ревизора)...» (постановка осуществлена без согласия Гоголя; см. в наст. изд. коммент. к письму В. С. Аксаковой М. Г. Карташевской от 6 сентября 1842 г.). Премьера этой инсценировки в Москве состоялась на сцене Малого театра 11 сентября 1842 г. (см. в наст. изд. статью С. А. Черневского «Гоголь в переделках для сцены»). В 1848 г., с разрешения Гоголя, Куликов ставил «Сорочинскую ярмарку». В 1852 г. в соавторстве с К. Д. Ефимовичем инсценировал «Тараса Бульбу» (премьера 1 декабря 1852 г. на сцене Александринского театра, 21 января 1853 г. — на сцене Большого театра в Москве; в 1859 г. — в Одессе).

¹ В Петербурге Гоголь пробыл с 16 сентября по 9 октября 1848 г. Гоголь приехал сюда (с намерением вскоре возвратиться в Москву) за деньгами, хранившимися у П. А. Плетнева (см. письмо Гоголя к Плетневу от 2–4 апреля 1848 г. из Бейрута), а также для того, «чтобы взглянуть на многое собственным глазом» (см. письма Гоголя к В. А. Жуковскому от 15 июня 1848 г. из Полтавы и к М. П. Погодину от 6–7 октября 1848 г. из Петербурга) и, кроме того, навестить друзей, в частности, графиню А. М. Виельгорскую. 15 июня 1848 г. он писал ей из Полтавы: «Может быть, мне удастся на несколько деньков заглянуть к вам в Петербург около августа месяца. Хотя это и не совсем для меня удобно, но мне так хочется увидеть и обнять многих, что я, вероятно, употреблю с своей стороны все силы к тому, несмотря на всеместные холеры, болезни и всякие бесчинства». 8 июля 1848 г. Виельгорская отвечала Гоголю из Павлино (дача Виельгорских под Петербургом): «...Приезжайте к нам скорее: мы вас ожидаем с нетерпением и увидим с душевной радостью».

Сразу по приезде в Петербург 16 сентября 1848 г. Гоголь сообщал Плетневу: «Был у тебя уже два раза. На дачу (имеется в виду дача Спасская мыза, где проводил свободное время Плетнев. — *И. В.*) не мог попасть и не попаду, может быть, ни сегодня, ни завтра. <...> Я еду сейчас с Миха<и>л<ом> Юрьев<ичем> Виельгор<ским> в Павлино, а от туда в Павловск (к А. О. Смирновой. — *И. В.*). По случаю торжественного фамильного их дня (дня именин графини С. М. Соллогуб (рожд. Виельгорской) 17 сентября. — *И. В.*), отказаться мне было невозможно». Позднее, в мае 1849 г., в письме к Виельгорской Гоголь признавался: «...Я много выстрадался с тех пор, как расстался с вами в Петербурге» (см. также в наст. изд. раздел <Из воспоминаний родственников Виельгорских>. *Фрагменты из «Материалов для биографии Гоголя» В. И. Шенрока*, коммент. к письму графа В. В. Апраксина матери от 20 августа (н. ст.) 1847 г. и примеч. 24 к дневниковой записи Е. А. Хитрово от 6 января 1851 г.).

² Речь идет о пьесах других авторов, так как гоголевские комедии в период пребывания Гоголя в Петербурге с 16 сентября по 9 октября 1848 г. в Александринском театре не ставились.

³ Вера Васильевна Самойлова (в замужестве (с 1853) Мичурина, 1821–1880), петербургская драматическая актриса и певица; на сцене с 1839 г.; дочь артистов Василия Михайловича Самойлова (1782–1839) и Софьи Васильевны Самойловой (рожд. Черниковой, 1786 или 1787–1854), сестра артистов Василия Васильевича (1812–1887), Марии Васильевны (в замужестве Загибениной, 1807–1880-е), Надежды Васильевны (по мужу Макшеевой, 1818–1899) и Любви Васильевны (род. в 1807) Самойловых.

⁴ Александр Михайлович Гедеев (1786–1867), директор Императорских театров (с 1833).

⁵ Александр Львович Невахович (1810–1880), переводчик, поэт-дилетант, начальник репертуарной части дирекции Императорских театров, брат М. Л. Неваховича.

⁶ Степан Александрович Гедеев (1815–1878), драматург, археолог, директор Императорских театров с 1867 по 1875 г.

Гоголь в воспоминаниях Н. А. Некрасова

А. С. Суворин

Недельные очерки и картинки

Фрагмент

<...> — Один я между идеалистами был практик, — говорил Некрасов <...>, — и когда мы создавали журнал, идеалисты это прямо мне говорили и возлагали на меня как бы миссию создать журнал. <...> Мне случалось писать без отдыха более суток. Времени не замечаешь; никуда ни ногой, огни горят, не знаешь, день ли, ночь ли; приляжешь на час, другой и опять за то же. Теперь хорошо вспоминать об этом, а тогда было жутко, и не раз мне приходили на память слова Белинского, которые он сказал мне за неделю до смерти: «Я все думаю о том, — говорил он, лежа грустный, бледный, — что года через два и вы будете лежать так же беспомощно, как я. Берегите себя, Некрасов». Но разве можно было себя беречь?.. А как на нас смотрели тогда — я не говорю о властных особах, а, напр<имер>, такие знаменитости, как Гоголь. Раз он изъявил желание нас видеть. Я, Белинский¹, Панаев и Гончаров надели фраки и поехали представляться, как к начальству. Гоголь и принял нас, как начальник принимает подчиненных: у каждого что-нибудь спросил и каждому что-нибудь сказал. Я читал ему стихи к «Родине»². Выслушал и спросил: «Что ж вы дальше будете писать?» — «Что Бог на душу положит». — «Гм», — и больше ничего. Гончаров, помню, обиделся его отзывом об «Обыкновенной Истории»³... <...>

Первые опубликовано: <Суворин А. С.> *Незнакомец*. Недельные очерки и картинки // Новое время. 1878. 1 янв., № 662. С. 3–4. Перепечатано: Суворин А. С. Недельные очерки и картинки // Лит. наследство. Т. 49–50. М.; Л., 1946. С. 203–204. Печатается по первой публикации.

Николай Алексеевич Некрасов (1821–1877), поэт.

Алексей Сергеевич Суворин (1834–1912), журналист, издатель, театральный критик.

¹ Встреча с Гоголем на вечере у А. А. Комарова состоялась 19 сентября 1848 г. Белинского на этой встрече быть не могло. Он умер 26 мая того же года.

² Стихотворение Н. А. Некрасова «Родина» (1846).

³ Роман И. А. Гончарова «Обыкновенная история» был напечатан в № 3 и 4 «Современника» за 1847 г. (отд. изд. — ч. 1–2 — СПб., 1848).

Из записок А. С. Суворина

<...> 16 янв<аря> 1875 г.

Обедал у Некрасова. Никого не было. <...> Вспоминал о письмах Белинского, которые приводит Тургенев в своих воспоминаниях¹: «он мялся, покашливал». Как же было не мяться и не покашливать, когда денег не было платить Плетневу², Никитенке³; Белинский забрал пропасть и требовал себе пай. <...> За неделю до смерти я был у него. Он лежал грустный. «Что с вами, В<иссарион> Г<ригорьевич>?» — «Я думаю о том, — сказал он, — что года через два и вы будете лежать так же беспомощно, как я. Берегите себя, Некрасов». Это он сказал с такою душою, как только можно говорить человеку, которого любишь. Мне кажется, он любил меня и предвидел, что я еще пригожусь. <...> Один знакомый Гоголя написал, что он желает нас видеть. Мы поехали, я, Белинский⁴, Панаев и Гончаров. Я читал стихи «к Родине». Выслушал и спросил: «Что же вы дальше будете писать?» — «Что Бог на душу положит». Гончаров обиделся отзывом его об «Обыкновенной истории». Гоголь немножко ломался и выглядел избалованным. <...>

Впервые опубликовано: Из записок А. С. Суворина. (К десятилетней годовщине со дня его смерти) // Новое Время. Редактор-издатель М. А. Суворин. (Белград), 1922. 24 авг. № 397. С. 2–3; см. также: *Краснов Г. В.* Из записок А. С. Суворина о Некрасове // Прометей. М., 1969. Т. 7. С. 288, 290. Печатается по первой публикации.

«Публикуемые записи двух встреч с Некрасовым 16 января 1875 года и 19 марта 1877 года не вошли в “Дневник” Суворина, изданный в Петрограде в 1923 году. Они известны лишь по публикации в газете “Новое время” (Белград), 1922, 24 августа. Эти записи послужили в свое время основой для статьи и воспоминаний Суворина о Некрасове: “Недельные очерки и картинки” (“Новое время”, № 380 (1877 г.), № 662 (1878 г.)). Первый очерк был опубликован еще во время болезни поэта» (*Краснов Г. В.* Из записок А. С. Суворина о Некрасове // Прометей. М., 1969. Т. 7. С. 286).

¹ Имеются в виду воспоминания И. С. Тургенева о В. Г. Белинском, опубликованные в 1869 г.

² П. А. Плетнев в октябре 1846 г. передал «Современник» А. В. Никитенко, Н. А. Некрасову и И. И. Панаеву на определенных условиях.

Ф. В. Чижов 16 октября 1847 года писал Гоголю о «Современнике» — «перешедшем от Плетнева к Панаеву, Никитенке и Белинскому»: «Судя по именам этих трех главных распорядителей, мне кажется, что Петр Александрович сильно погрешил, передав журнал Пушкина людям далеким от убеждений покойного нашего поэта. Н. М. Языков в письме к Гоголю от 27 октября 1846 года сообщал: «...“Современник” купили Никитенко, Белинский, И. Тургенев и прочие такие же, следственно, с будущего 1847 г. сей журнал, основанный Пушкиным, будет орудием щелкоперов» (щелкопер — писец, бумагомарака, газетный писака). Подробнее о передаче П. А. Плетневым А. В. Никитенко журнала «Современник», а также об отношении Плетнева к Гоголю в первой половине 1840-х годах см.: *Виноградов И. А.* Первый биограф Гоголя // *Кулиш П. А.* Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. Издание подготовил И. А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 8–13.

³ А. В. Никитенко был официальным редактором журнала.

⁴ См. в наст. изд. коммент. к фрагменту из статьи А. С. Суворина «Недельные очерки и картинки».

В. П. Шнейдер

<Граф> Петр Петрович Семенов <Тянь-Шанский> о своих встречах с Гоголем

Петр Петрович Семенов Тянь-Шанский рассказывал, что в 40-х годах не раз видел Гоголя у учителя Русской Словесности Школы Гвардейских Подпрапорщиков¹, у которого жил пенсионер.

П<етр> П<етрови>ч был привезен из деревни в 15-ти летнем возрасте своими родственниками для помещения в Училище, но так как его обучение было чрезвычайно запущено, в деревне он был предоставлен всецело самому себе — он жил с душевнобольной матерью — читал все, что только было в библиотеке его отца, в именье Урусово Ряз<анской> губ<ернии>, т<ак> что познания в истории, поэзии, литературе, как русской, так и французской, были блестящи, но иногда прерывались на каком-нибудь факте, если не было следующего тома в библиотеке; а из арифметики он едва-едва справлялся с первыми четырьмя правилами. Таким образом, он не пошел ни к одному классу и был помещен на частную квартиру учителя словесности, украинцу, жившему при школе, для подготовки в трехмесячный срок к вступительным экзаменам.

К нему-то в это время и заходил неоднократно *Гоголь*, и П<етр> П<етрови>ч слушал их разговоры, которые велись главным образом на темы текущих злободневностей литературы.

Публикуется впервые по рукописи: *РГАЛИ*. Ф. 909. Фонд Александра Петровича Шнейдера (1887 — после 1937) и Варвары Петровны Шнейдер, художницы. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 3. (Рукописи В. П. Шнейдер).

Граф Петр Петрович Семенов (1827–1914; с 1906 — Семенов-Тянь-Шанский), русский географ, статистик, ботаник и энтомолог; государственный деятель; был дружен с Н. Я. Данилевским, знаком с Ф. М. Достоевским, М. Е. Сал-

тыковым-Щедриным и др.; приходился племянником литератору и цензору В. Н. Семенову (см.: *Грот К. Я.* Василий Николаевич Семенов, литератор и критик // Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Л., 1928. Вып. 37. С. 184–187), подписавшему в 1834 г. к печати второе издание «Вечеров на хуторе близ Диканьки», а также сборники «Арабески» и «Миргород» (о знакомстве Гоголя с В. Н. Семеновым см. в наст. изд. коммент. к статье А. С. Гироголифова «О ненапечатанном рассказе Н. В. Гоголя “Прачка”»). П. П. Семенов был родственником В. Б. Бланка, у которого жил по приезду в Петербург в сентябре 1841 г. (см. воспоминания В. Б. Бланка о Гоголе в наст. изд.). В 1938 г. сын Семенова-Тянь-Шанского географ Вениамин Петрович Семенов-Тянь-Шанский (1870–1942), «как бы выполняя завет гоголевских “Арабесок”, написал книгу для чтения по общегеографическим вопросам под названием “Географические арабески”, представляющую собой популярную сводку материалов первого тома “Большого Советского Атласа Мира”» (*Паламарчук П. Г.* Примечания // *Гоголь Н. В.* Арабески. М., 1990. С. 418). Книга не издана (см.: *Семенов-Тянь-Шанский В. П.* «Слово о полку Игореве» — глазами географа / Публикация, предисловие и примечания П. М. Поляна // Альманах библиофила. М., 1986. Вып. 21. С. 261).

Варвара Петровна Шнейдер (1860–1941), художница и этнограф; с 1912 по 1919 г. попечительница женской Школы Народного Искусства имени Императрицы Александры Феодоровны (страстотерпицы); в 1936 г. вместе с сестрой Александрой Петровной Шнейдер была выслана в Саратов.

См. также в наст. изд. заметку В. П. Шнейдер «Александра Алексеевна Чичерина <рожденная Капнист> тоже видела Гоголя».

¹ Речь идет о поэте Александре Александровиче Комарове (1813–1874), преподававшем русскую словесность в школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров с 1839 по 1855 г. (В 1827–1830 гг. преподавателем русской словесности в школе был В. А. Половцов, в 1830–1832 гг. — П. А. Плетнев; в 1832–1833 гг. — М. И. Тальзин; в 1830–1839 и в 1855–1860 гг. — В. Т. Плаксин.) Вероятно, П. П. Семенов видел Гоголя у А. А. Комарова осенью 1848 г. — уже после окончания Петербургского университета (1845–1848). В школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров П. П. Семенов поступил осенью 1842 г., где был зачислен сразу в третий класс; закончил школу весной 1845 г. Впоследствии он вспоминал: «Учителя у нас были все очень хорошо подобраны. Между ними были и профессора университета <...>, а также и такие талантливые и интересные люди, какими были по русской литературе Комаров и известный друг Гоголя — Прокопович... <...> Учитель русского языка в младших классах, Прокопович, <...> передавал нам литографированные записки, составленные строго по программе, сам же, к большому нашему удовольствию, значительную часть времени занимался чтением нам лучших произведений нашей литературы и в особенности сочинений своего друга Гоголя, конечно, с очень обстоятельными объяснениями. Учитель русской литературы в высших классах, Комаров, также читал нам очень много из лучших произведений русской литературы, а стихотворения читал с таким мастерством, что мы его заслушивались. Все это было связано и оживлено настоящим курсом эстетики, а также самым основательным критическим обзором истории русской литературы. Для нас всех, не исключая самых ленивых, его лекции были истинным наслаждением. Задавал же он нам не уроки, а сочинения, предоставляя нам самим выбирать темы из нескольких, названных им более для примера, причем объяснял, также для примера, с каких точек зрения можно писать на эти темы» (Мемуары П. П. Семенова-Тянь-Шанского. Детство и юность (1827–1855 гг.). Пг., 1917. Т. 1. С. 151, 154). Отметим также, что в старших классах школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров учился с 1829 по март 1831 г. друг Гоголя А. С. Данилевский.

Из воспоминаний и свидетельств о жизни Гоголя в Москве, Калуге и Подмоскowie в 1848—1852 гг.

Гоголь в воспоминаниях и письмах Н. В. Берга

Н. В. Берг

Воспоминания о Н. В. Гоголе. 1848—1852

В первый раз встретился я с Гоголем у С. П. Шевырева в конце 1848 года¹. Было несколько человек гостей, принадлежавших к московскому кружку литераторов, которых называли славянофилами². Сколько могу припомнить, все они были приглашены на обед для Гоголя, только что воротившегося из Италии и находившегося тогда в апогее своего величия и славы. Трудно представить себе более избалованного литератора и с большими претензиями, чем был в то время Гоголь. Вся Россия любит во всем пересолить; Москва еще больше. Московские друзья Гоголя, точнее сказать *приближенные* (действительного друга у Гоголя, кажется, не было во всю жизнь), окружали его неслыханным, благоговейным вниманием. Он находил у кого-нибудь из них, во всякий свой приезд в Москву, все, что нужно для самого спокойного и комфортабельного житья: стол с блюдами, которые он наиболее любил; тихое, уединенное помещение и прислугу, готовую исполнять все его малейшие прихоти. Этой прислуге с утра до ночи строго внушалось, чтоб она отнюдь не входила в комнату гостя без требования с его стороны; отнюдь не делала ему никаких вопросов; не подглядывала (сохрани Бог!) за ним. Все домашние снабжались подобными же инструкциями. Даже близкие знакомые хозяина, у кого жил Гоголь, должны были знать, как вести себя, если неравно с ним встретятся и заговорят. Им сообщалось, между прочим, что Гоголь терпеть не может говорить о литературе, в особенности о своих произведениях, а потому никоим образом нельзя обременять его вопросами «что он теперь пишет?», а равно «куда поедет?», или: «откуда приехал?» И этого он также не любил. Да и вообще, мол, подобные вопросы в разговоре с ним не ведут ни к чему: он ответит уклончиво или ничего не ответит. Едет в Малороссию — скажет: в Рим; едет в Рим — скажет: в деревню к такому-то... стало быть, зачем понапрасну беспокоить!

Я достаточно был «намуштрован» по этой части и как-то так сжился с понятиями московских друзей Гоголя, что к нему нужно относиться именно так, как они относились, что это было для меня в высшей степени естественно и просто. Шум имени Гоголя, эффект его приездов в Москву (по крайней мере в известных кружках), желание многих взглянуть на него хоть в шелку — все это производило на меня в ту пору весьма сильное впечатление. Признаюсь: подходя к двери, за которую я должен был увидеть Гоголя, я почувствовал не меньше волнения, с каким, одиннадцать лет спустя, подходил в первый раз к двери марсальского героя³.

Гостиная была уже полна. Одни сидели, другие стояли, говоря между собою. Ходил только один, небольшого роста человек, в черном сертуке и брюках, похожих на шаровары, остриженный в скобку, с небольшими усиками, с быстрыми и пронизательными глазами темного цвета, несколько бледный. Он ходил из угла в угол, руки в карманы, и тоже говорил. Походка его была оригинальная, мелкая, неверная, как будто одна нога старалась заскочить постоянно вперед, отчего один шаг выходил как бы шире другого. Во всей фигуре было что-то несвободное, сжатое, скомканное в кулак. Никакого размаху, ничего открытого нигде, ни в одном движении, ни

в одном взгляде. Напротив, взгляды, бросающиеся им то туда, то сюда, были почти что взглядами исподлобья, наискось, мельком, как бы лукаво, не прямо другому в глаза, стоя перед ним лицом к лицу. Для знакомого немного с физиономиями хохлов — хохол был тут виден сразу. Я сейчас сообразил, что это Гоголь, больше так, чем по какому-либо портрету. Замечу здесь, что ни один из существующих портретов Гоголя не передает его как надо. Лучший — это литография Горбунова с портрета Иванова, в халате¹. Она, случайно, вышла лучше оригинала; что до сходства: лучше передала эту хитрую, чумацкую улыбку — не улыбку, этот смех мудреного хохла как бы над целым миром... Гоголевская мина вообще схвачена вернее всего в очерке Э. А. Мамонова, сделанном *наизусть*². Но этот очерк страдает недостатками, свойственными произведениям такого рода: многое неверно, нос длиннее, чем был у Гоголя; он так длинен, как Гоголь (одно время занимавшийся своею физиономиею) его воображал. Волосы не совсем так. Зато галстук повязан точь-в-точь как повязывал его Гоголь.

Хозяин представил меня. Гоголь спросил: «Долго ли вы в Москве?» — И когда узнал, что я живу в ней постоянно, заметил: «Ну, стало быть, наговоримся, натолкуемся еще!» — Это была обыкновенная его фраза при встречах со многими, фраза, ровно ничего не значившая, которую он тут же и забывал.

В обед, за который мы все скоро сели, Гоголь говорил не много, вещи самые обыденные.

Затем я стал выдать его у разных знакомых славянофильского кружка. Он держал себя большей частью в стороне от всех. Если он сидел и к нему подсаживались с умыслом «потолковать, узнать: не пишет ли он чего-нибудь нового?» — он начинал дремать, или глядеть в другую комнату, или просто-запросто вставал и уходил. Он изменял обыкновенным своим порядкам, если в числе приглашенных вместе с ним оказывался один малороссиянин, член того же славянофильского кружка³. Каким-то таинственным магнитом тянуло их тотчас друг ко другу: они усаживались в угол и говорили нередко между собою целый вечер, горячо и одушевленно, как Гоголь (при мне по крайней мере) ни разу не говорил с кем-нибудь из великорусов⁴.

Если ж не было малороссиянина, о котором я упомянул, — появление Гоголя на вечере, иной раз нарочно для него устроенном, было почти всегда минутное. Пробежит по комнатам, взглянет; посидит где-нибудь на диване, большей частью совершенно один; скажет с иным приятелем два-три слова, из благоприличия, небрежно, Бог весть где летая в то время своими мыслями, — и был таков.

---

¹ История этого портрета⁴ может быть рассказана как черта Гоголева характера. М. П. Погодин постоянно просил своего приятеля о портрете, тот обещал. Проходили, однако ж, дни, месяцы, годы — портрета не было. Однажды, после отъезда Гоголя из Москвы, отъезда, как все его отъезды, внезапного, таинственного, без всяких проводов, нашли в номере, где он жил, *как бы забытый портрет*. Общий голос присудил отдать его М. П. Погодину, как виновнику того, что портрет, так или иначе, явился. Почему бы не отдать руками? Почему портрет не кончен? Почему это только эскиз, набросанный кое-как, когда торопят, грозят уйти, не сидят спокойно? Во всем этом, во всех этих мудреных *проделках* Гоголь рисуется едва ли не больше, чем на портрете, *как бы забытом* им в Москве, когда он уезжал куда-то. Наконец и то: почему портрет рисовал Иванов, живописец вовсе не портретный?..

О портрете работы Моллера (опять-таки не портретиста) слышал я, что он заказан был Гоголем для отсылки в Малороссию, к матери, после убедительных просьб целого его семейства. Гоголь, по-видимому, думал тогда, как бы сняться *покрасивее*; надел сюртук, в каком никогда его не видали, ни прежде, ни после; растянул по жилету невероятную бисерную цепочку; сел *прямо*, может быть для того, чтоб спрятать от потомков сколь возможно более свой длинный нос, который, впрочем, был не особенно длинен.

Опубликование портрета Гоголя, сделанное друзьями без его ведома, взбесило его. Он долго не мог забыть этого и в так называемом *завещании*, в ст<атье> VII, говорит: «Завещаю... Но я вспомнил, что уже не могу этим располагать. Неосмотрительным образом похищено у меня право собственности: без моей воли и позволения опубликован мой портрет...» Н. Б. — *Примеч. Н. В. Берга*.

Ходил он вечно в одном и том же черном сюртуке и шароварах. Белья не было видно. Во фраке, я думаю, видали Гоголя немногие. На голове, сколько могу припомнить, носил он большую часть шляпу, летом — серую, с большими полями.

Однажды, кажется в том же 1848 году, зимой, был у Погодина вечер⁸, на котором Щепкин читал что-то из Гоголя. Гоголь был тут же. Присидев совершенным истуканом в углу, рядом с читавшим, час или полтора, со взглядом, устремленным в неопределенное пространство, — он встал и скрылся...

Впрочем, положение его в те минуты было точно затруднительное: читал не он сам, а другой; между тем вся зала смотрела не на читавшего, а на автора, как бы говоря: «А! вот ты какой, господин Гоголь, написавший нам эти забавные вещи!»

Другой раз⁹ было назначено у Погодина же чтение комедии Островского *Свои люди сочтемся!*, тогда еще новой, наделавшей значительного шуму во всех литературных кружках Москвы и Петербурга, а потому слушающих собралось довольно: актеры, молодые и старые литераторы, между прочим графиня Ростопчина, только что появившаяся в Москве после долгого отсутствия и обращавшая на себя немалое внимание. Гоголь был зван также, но приехал среди чтения; тихо подошел к двери и стал у притолоки. Так и простоял до конца, слушая, по-видимому, внимательно.

После чтения он не проронил ни слова. Графиня подошла к нему и спросила: «Что вы скажете, Николай Васильевич?» — «Хорошо, но видна некоторая неопытность в приемах. Вот этот акт нужно бы подлиннее, а этот покороче. Эти законы узнаются после и в непреложность их не сейчас начинаешь верить».

Больше ничего он не говорил, кажется, ни с кем, во весь тот вечер. К Островскому, сколько могу припомнить, не подходил ни разу. После, однако, я имел случай не раз заметить, что Гоголь ценит его талант и считает его, между московскими литераторами, самым талантливым. Раз, в день его именин¹⁰, которые справлял он, в бытность свою в Москве, постоянно у Погодина в саду, ехали мы с Островским откуда-то вместе на дрожках и встретили Гоголя, направлявшегося к Девичьему полю. Он соскочил со своих дрожек и пригласил нас к себе на именины; мы тут же и повернули за ним. Обед, можно сказать, в *исторической аллее*, где я видел потом много памятных для меня других обедов с литературным значением, — прошел самым обыкновенным образом. Гоголь был ни весел, ни скучен. Говорил и хохотал более всех Хомяков, читавший нам, между прочим, знаменитое объявление в «Московских ведомостях»¹¹ о *волках с белыми лапами*, явившееся в тот день¹¹. Были молодые Аксаковы, Кошелев, Шевырев¹², Максимович...

Графиня Ростопчина завела в том году субботние литературные вечера, на которых бывали все молодые московские литераторы того времени. Из прежних являлся изредка один Погодин. Впрочем, раз я видел там еще Н. Ф. Павлова. Гоголь не заглянул почему-то ни разу, несмотря на старое знакомство с хозяйкой, у которой, по ее словам, очень часто бывал в Риме. Ему *первому* прочла она своего Барона¹³. Гоголь выслушал очень внимательно и просил повторить. После того сказал: «Пошлите без имени в Петербург: не поймут и напечатают»¹¹. Она так и сделала. Понял или нет тот, кто получил, этого я не знаю, но стихи были напечатаны¹⁴ и прошли нисколько не замеченные большинством. *Тень Наполеона* видели в рисунке немногие. Когда явилось истолкование за границей, полиции было приказано отобрать где можно курьезный листок, и это послужило к большему распространению и славе сказанных стихов.

В следующем 1850 году я видал Гоголя чаще всего у Шевырева. Говорили, что он пишет *второй том «Мертвых душ»*, но никому не читает, или уж крайне избранным. Вообще в это

¹ Она носила тогда название: *Банкрот*. — Примеч. Н. В. Берга.

¹¹ 9-го мая 1849 года. — Примеч. Н. В. Берга. Указание года ошибочно. Следует: 9-го мая 1850 года.

¹¹¹ Я слышал это от самой графини. Н. Б. — Примеч. Н. В. Берга.

время, в этот *последний* период жизни Гоголя в России, очень редко можно было услышать его чтение. Как он был избалован тогда относительно этого и как раздражителен, достаточно покажет следующий случай. Одно весьма близкое к Гоголю семейство, старые, многолетние друзья, упростили его прочесть что-то из «второго тома». Приняты были все известные меры, чтобы не произошло какой помехи. Отпит заранее чай, удалена прислуга, которой приказано более без зова не входить; забыли только предупредить няньку, чтобы она не являлась в обычный час с детьми *процаться*. Едва Гоголь уселся и водворилась вождеденная тишина — дверь скрипнула, и нянька, с вереницею ребят, не примечая никаких знаков и маханий, пошла от отца к матери, от матери к дядюшке, от дядюшки к тетушке... Гоголь смотрел-смотрел на эту патриархальную процедуру вечернего прощания детей с родителями, сложил тетрадь, взял шляпу и уехал. Так рассказывали.

В ту эпоху слышал Гоголя читающим чаще других Шевырев, чуть ли не самый ближайший к нему из всех московских литераторов. Он заведовал обыкновенно продажей сочинений Гоголя. У него же хранились и деньги Гоголя; между прочим <ему> был вверен какой-то особый капитал, из которого Шевырев мог, по своему усмотрению, помогать бедным студентам, не говоря никому, чьи это деньги. Я узнал об этом от Шевырева только по смерти Гоголя. Наконец Шевырев исправлял, при издании сочинений Гоголя, даже самый слог своего приятеля, как известно, не особенно заботившегося о грамматике. Однако, исправив, должен был все-таки показать Гоголю, что и как исправил, разумеется, если автор был в Москве. При этом случалось, что Гоголь скажет: «Нет, уж оставь по-прежнему!» Красота и сила выражения иного живого оборота для него всегда стояли выше всякой грамматики.

Жил в то время Гоголь крайне тихо и уединенно у графа Толстого (что после был обер-прокурором) в доме Талызина, на Никитском бульваре, занимая переднюю часть нижнего этажа, окнами на улицу; тогда как сам Толстой занимал весь верх. Здесь за Гоголем ухаживали как за ребенком, предоставив ему полную свободу во всем. Он не заботился ровно ни о чем. Обед, завтрак, чай, ужин подавались там, где он прикажет. Белье его мылось и укладывалось в комоды невидимыми духами, если только не надевалось на него тоже невидимыми духами. Кроме многочисленной прислуги дома, служил ему, в его комнатах, собственный его человек, из Малороссии, именем Семен¹⁵, парень очень молодой, смиренный и чрезвычайно преданный своему барину. Тишина во флигеле была необыкновенная. Гоголь либо ходил по комнате из угла в угол, либо сидел и писал, катая шарики из белого хлеба, про которые говорил друзьям, что они помогают разрешению самых сложных и трудных задач. Один друг¹⁶ собрал этих шариков целые вороха и хранит благоговейно... Когда писание утомляло или надоедало, Гоголь подымался наверх, к хозяину, не то — надевал шубу, а летом испанский плащ, без рукавов, и отправлялся пешком по Никитскому бульвару, большею частью налево из ворот. Мне было весьма легко делать эти наблюдения, потому что я жил тогда как раз напротив, в здании коммерческого банка.

Писал он в то время очень вяло. Машина портилась с каждым днем больше и больше. Гоголь становился мрачнее и мрачнее...

Однажды, кажется у Шевырева, кто-то из гостей, несмотря на принятую всеми знавшими Гоголя систему не спрашивать его ни о чем, особенно о литературных работах и предприятиях, — не удержался и заметил ему, «что это он смолк: ни строчки вот уже сколько месяцев сряду!» Ожидали простого молчания, каким отделялся Гоголь от подобных вопросов, или ничего не значащего ответа. Гоголь грустно улыбнулся и сказал: «Да! как странно устроен человек: дай ему все, чего он хочет, для полного удобства жизни и занятий, тут-то он и не станет ничего делать; тут-то и не пойдет работа!»

Потом, помолчавши немного, он сообщил следующее:

«Со мною был такой случай: ехал я раз между городками Дженсано и Альбано¹, в июле месяце. Среди дороги, на бугре, стоит жалкий трактир, с бильярдом в главной комнате, где веч-

¹ В Папской области. — *Примеч. Н. В. Берга.*

но гремят шары и слышится разговор на разных языках. Все проезжающие мимо непременно тут останавливаются, особенно в жар. Остановился и я. В то время я писал первый том «Мертвых душ» и эта тетрадь со мною не расставалась. Не знаю почему, именно в ту минуту, когда я вошел в этот трактир, захотелось мне писать. Я велел дать столик, уселся в угол, достал портфель и под гром катаемых шаров, при невероятном шуме, беготне прислуги, в дыму, в душевной атмосфере, забывая удивительным сном и написав целую главу¹⁷, не сходя с места. Я считаю эти строки одними из самых вдохновенных. Я редко писал с таким одушевлением. А вот теперь никто кругом меня не стучит, и не жарко, и не дымно...»

В другой раз, в припадке подобной литературной открытости, тоже, кажется, у Шевырева, Гоголь рассказал при мне, как он обыкновенно пишет, какой способ писать считает лучшим.

«Сначала нужно набросать *все* как придется, хотя бы плохо, водянисто, но решительно *все*, и забыть об этой тетради. Потом через месяц, через два, иногда более (это скажется само собою) достать написанное и перечитать: вы увидите, что многое не так, много лишнего, а кое-чего и недостает. Сделайте поправки и заметки на полях — и снова забросьте тетрадь. При новом пересмотре ее новые заметки на полях, и где не хватит места — взять отдельный клочок и приклеить сбоку. Когда все будет таким образом исписано, возьмите и перепишите тетрадь собственноручно. Тут сами собой явятся новые озарения, урезы, добавки, очищения слога. Между прежних вскочат слова, которые необходимо там должны быть, но которые почему-то никак не являются сразу. И опять положите тетрадку. Путешествуйте, развлекайтесь, не делайте ничего или хоть пишите другое. Придет час — вспомнится заброшенная тетрадь: возьмите, перечитайте, поправьте тем же способом, и когда снова она будет измарана, перепишите ее собственноручно. Вы заметите при этом, что вместе с крепчением слога, с отделкой, очисткой фраз — как бы крепчает и ваша рука; буквы ставятся тверже и решительнее. Так надо делать, по-моему, *всегда раз*. Для иного, может быть, нужно меньше, а для иного и еще больше. Я делаю восемь раз. Только после восьмой переписки, непременно собственною рукою, труд является вполне художнически законченным, достигает перла создания. Дальнейшие поправки и пересматривание, пожалуй, испортят дело; что называется у живописцев: *зарисуеться*. Конечно, следовать постоянно таким правилам нельзя, трудно. Я говорю об идеале. Иное пустишь и скорее. Человек все-таки человек, а не машина».

Писал Гоголь довольно красиво и разборчиво, большую часть на белой почтовой бумаге большого формата. Такими бывали по крайней мере последние, доведенные до полной отделки его рукописи.

Раз я видел Гоголя в Большом московском театре, во время представления «Ревизора»¹⁸. Хлестакова играл Шумский; городничего Щепкин. Гоголь сидел в первом ряду, против середины сцены, слушал внимательно и раз или два хлопнул. Обыкновенно (как я слышал от его друзей) он бывал не слишком доволен обстановкой своих пьес и ни одного Хлестакова не признавал вполне разрешившим задачу. Шумского чуть ли не находил он лучшим. — Щепкин играл в его пьесах, по его мнению, хорошо. Это был один из самых близких к Гоголю людей. Все почти пьесы Гоголя шли в бенефисы Щепкина и потому не дали автору ничего ровного.

В 1851 году мне случилось жить с Гоголем на даче у Шевырева, верстах в 20-ти от Москвы, по рязанской дороге¹⁹. Как называлась эта дача, или деревня, не припомню. Я приехал прежде, по приглашению хозяина, и мне был предложен для житья уединенный флигель, окруженный старыми соснами. Гоголя совсем не ждали. Вдруг, в тот же день после обеда, подкатила к крыльцу наемная карета на паре серых лошадей и оттуда вышел Гоголь, в своем испанском плаще и серой шляпе, несколько запыленный.

В доме был я один. Хозяева где-то гуляли. Гоголь вошел балконной дверью, довольно живо. Мы расцеловались и сели на диван. Гоголь не преминул сказать обычную свою фразу: «Ну, вот теперь наговоримся: я приехал сюда пожить!..»

Явившийся хозяин просил меня уступить Гоголю флигель, которого я не успел даже и занять. Мне отвели комнату в доме, а Гоголь перебрался ту же минуту во флигель со своими портфелями. Людям, как водится, было запрещено ходить к нему без зова и вообще не вертеться без толку около флигеля. Анахорет продолжал писать *второй том* «Мертвых душ», вытягивая из себя клещами фразу за фразой. Шевырев ходил к нему, и они вместе читали и перечитывали написанное²⁰. Это делалось с такою таинственностью, что можно было думать, что во флигеле, под сению старых сосен, сходятся заговорщики и варят всякие зелья революции. Шевырев говорил мне, будто бы написанное несравненно выше первого тома. Увы! дружба сильно увлеклась...

К завтраку и к обеду Гоголь являлся не всегда, а если и являлся, то сидел почти не дотрагиваясь ни до одного блюда и глотая по временам какие-то пилюльки. Он страдал тогда расстройством желудка: был постоянно скучен и вял в движениях, но нисколько не худ на лицо. Говорил не много и тоже как-то вяло и неохотно. Улыбка редко мелькала на его устах. Взор потерял прежний огонь и быстроту. Словом, это были уже развалины Гоголя, а не Гоголь.

Я уехал с дачи прежде и не знаю, долго ли там оставался Гоголь. Лето того года я прожил у себя в деревне и, когда воротился в Москву, то услышал, что Гоголем написано уже одиннадцать глав второго тома, но он все ими недоволен, все поправляет и переписывает... вероятно, переписка этих одиннадцати глав повторилась более восьми заветных раз.

Зимой, в конце 1851 года и в начале 1852 года, здоровье Гоголя расстроилось еще больше. Впрочем, он постоянно выходил из дому и бывал у своих знакомых. Но около половины февраля захирел не на шутку и слег. По крайней мере уже его не видно было пробирающимся по Никитскому и Тверскому бульварам. Само собою разумеется, что все лучшие врачи не отходили от него, в том числе был и сам знаменитый А. И. Овер. Он нашел нужным поставить клистир и предложил сделать это лично. Гоголь согласился, но когда приступили к исполнению, он закричал неистовым голосом и объявил решительно, что мучить себя не позволит, что бы там ни случилось. «Случится то, что вы умрете!» — сказал Овер. «Ну что ж! — отвечал Гоголь, — я готов... я уже слышал голоса...»

Все это передавали мне окружавшие в то время Гоголя. Он все-таки не казался так слаб, чтоб, взглянув на него, можно было подумать, что он скоро умрет. Он нередко вставал с постели и ходил по комнате, совершенно так, как бы здоровый. Посещения друзей, по-видимому, более отягощали его, чем приносили ему какое-либо утешение. Шевырев жаловался мне, что он принимает самых ближайших к нему уж чересчур по-царски; что свидания их стали похожи на аудиенции. Через минуту, после двух-трех слов, уж он дремлет и протягивает руку: «Извини! дремлетса что-то!» — А когда гость уезжал, Гоголь тут же вскакивал с дивана и начинал ходить по комнате.

К сочинению своему он стал относиться в это время еще более подозрительно, только с другой, религиозной стороны. Ему воображалось, что, может быть, там заключается что-нибудь опасное для нравственности читателей, способное их раздражить, расстроить. В этих мыслях, приблизительно за неделю до кончины, он сказал своему хозяину, Толстому: «Я скоро умру; свежи, пожалуйста, эту тетрадь к митрополиту Филарету и попроси его прочитать, а потом, согласно его замечаниям, напечатай».

Тут он передал графу довольно большую пачку бумаг, в виде нескольких тетрадей, сложенных вместе и перевязанных шнурком. Это было одиннадцать глав второго тома «Мертвых душ». Толстой, желая откинуть от приятеля всякую мысль о смерти, не принял рукописи и сказал: «Помилуй! ты так здоров, что, может быть, завтра или послезавтра сам свезешь это к Филарету и выслушаешь от него замечания лично».

Гоголь как будто успокоился, но в ту же ночь²¹, часу в третьем, встал с постели, разбудил своего Семена и велел затопить печь. Семен отвечал, что надо прежде открыть трубу наверху, во втором этаже, где все спят: перебудишь! «Пооди туда босиком и открой так, чтобы никого не

будить!» — сказал Гоголь. Семен отправился и действительно открыл трубу так осторожно, что никто не слышал, и, воротясь, затопил печь. Когда дрова разгорелись, Гоголь велел Семену бросить в огонь ту связку бумаг, которую утром отдавал Толстому. Семен говорил нам после, будто бы он умолял барина на коленях не делать этого, но ничто не помогло: связка была брошена, но никак не загоралась. Обгорели только углы, а середина была цела. Тогда Гоголь достал связку Kochергой и, отделив тетрадь от тетради, бросал одну за другой в печь. Так рукопись, плод стольких тягостных усилий и трудов, где, несомненно, были многие прекрасные страницы, сгорела.

Была ли это минута *просветления*, минута высокого торжества духа над телом, убаюканным льстивыми словами недальновидных и добродушных друзей, — минута, когда великий художник проснулся в слабом, отходящем в иную жизнь человеке и сказал: «Нет! это не то, что нужно... задача не выполнена: сожги!» — Или это была совсем другая минута, — минута умственно-го расстройства? Я готов стоять за первое...

Подвиг (если это был подвиг) совершился, однако же, не вполне: в шкапу нашлись потом наброски Гоголя, приведенные в некоторую полноту и довольно чисто переписанные рукою самого Гоголя на больших почтовых листах. Забыл он об этих тетрадях, что ли, или оставил их умышленно?..

21 февраля Гоголя не стало. Об этом быстро узнал весь город. Скульптор Рамазанов снял в ту же минуту с покойного маску. Кто-то положил лавровый венок. Двое неизвестных мне художников²² сделали очерк лица покойного, в гробу, с лавровым венком на голове. Эти листки ходили по Москве. Но грубая спекуляция, а может и просто глупость, выпустила тогда же в свет нелепую литографию²³, изображавшую *сожжение рукописи*. Гоголь сидит, в халате, перед пылающим камином, мрачный, со впалыми щеками и глазами. Подле стоит на коленях Семен. Сзади подбирается смерть, с изогнутыми атрибутами. Рукопись пожирается пламенем...

Похороны были торжественные. Некоторые из знакомых Гоголя вынесли гроб на плечах. В том числе находился и я. Снег был чрезвычайно глубок, при легком морозе. У Никитских ворот мы передали гроб студентам, которые шли кругом кучами и постоянно просились нас заменить. Студенты донесли гроб до своей церкви, считавшейся в то время самой аристократической и модной. Там произошло отпевание. В числе многих официальных лиц высшего круга я видел попечителя Московского учебного округа генерал-адъютанта Назимова, в полной форме. Из университетской церкви гроб понесли также на руках вплоть до кладбища, в Данилов монастырь, верст 6–7. Тут я опять увидел Назимова, над самой могилой, когда в нее опускали гроб.

Гоголь положен неподалеку от Языкова. На гробнице написано изречение Ефрема Сирина²⁴: «Горьким словом моим посмеюся...»

Январь 1871. Варшава.

Первые опубликовано: *Берг Н. В.* Воспоминания о Н. В. Гоголе. 1848–1852 // Русская Старина. 1872. Январь. С. 118–128. Печатается по первой публикации.

Николай Васильевич Берг (1823–1884), поэт–переводчик, журналист, историк.

¹ По-видимому, речь идет о званом обеде у С. П. Шевырева 18 октября 1848 г. по случаю дня рождения последнего. Вероятно, в этот день М. П. Погодин прочитал Гоголю посвященное ему стихотворение. (7 сентября 1848 г. Гоголь приехал в Москву после более чем шестилетнего отсутствия, спустя несколько дней, 12 сентября вечером или 13-го утром, выехал в Петербург и вернулся в Москву 13 октября 1848 г.). Позднее стихотворение было напечатано в погодинском «Москвитянине», без имени автора, с подписью: «Москвич», и датой: «1848. Октября 18. Москва». Поскольку из всех московских друзей Гоголя только Погодин побывал к тому времени на родине писателя (о чем прямо упоминается в стихотворении: «Хуторок, тебе знакомой, // Да и нам...»), то, вероятно, автором посвящения является именно он:

«Николаю Васильевичу Гоголю»

Милый Гоголь наш, здорово!
Ты вернулся к нам опять!
Дай сказать с тобой мне слово,
Дай тебя расцеловать!

Побеседуй-ка с друзьями!..
Ты всегда нам мил, пригож,
На Руси живешь ли с нами,
Или за морем живешь.

Мы следили за тобою
С той поры, наш друг и брат,
Как расстался ты с Москвою,
Года три тому назад.

И туда, где пышны доли
Дружно ластятся к горам;
Где катаются гондолы
По лиманам и рекам;

Где цветут леса густые
Кипарисов и олив;
Где лимоны золотые
Рдеют подле алых слив;

Где зимой пылают розы,
И ручьи бегут, шумят,
И раскидывает лозы
Темно-синий виноград;

Где на ясный день похожа
Восхитительная ночь;
Где, мечты твои тревожа,
Юга пламенная дочь, —

Где твоя Аннунциата
Блещет вечной красотой:
Милый Гоголь наш, туда-то
Мы летели за тобой;

И тебя, как ты с чужими
Жил среди чужой земли,
Мы молитвами святыми
Издаля берегли.

Знали мы, что ты недаром
Меж развалин и могил

В Риме вечном, в Риме старом
Наблюдательно бродил.

Было нам порой известно,
Где живут твои мечты,
И что русским словом честно
Как художник правишь ты.

А когда мы услышали,
Что пришел к тебе недуг:
Все, исполнены печали,
Все глядели мы на юг;

Боязливо мы глядели;
Боязливо иногда
Говорили: неужели
Не вернётся он сюда?

Знать, и *этого* судьбою
Нам утратить суждено!
Или, Русь, еще тобою
Мало жертв принесено?!

И повсюду весть промчалась,
Будто смерть косой своей
В дверь к тебе уже стучалась...
Но воскрес ты для друзей!

Ты воскрес, простился с Римом
И с Неаполем своим;
И пустился пиллигримом
В дальний путь, в Ерусалим.

И туда, в страны Востока,
За тобою, друг и брат,
Мы летели, где широко
Степи знойные лежат;

Где чакалка ночью плачет,
Между камнями присев;
Где пантера с тигром скачет;
Где рыкает ярый лев;

Где кочует между ними,
Степи страшный господин,
С кобылицами своими,
Смуглоликий Бедуин;

Где порою ураганы
Ходят, рыскают кругом,
Засыпая караваны
Удушающим песком.

Тщетно путник одинокой
Ищет хладного ключа:
Не бежит в степи широкой
Он, сверкая и журча.

Но далёко, за песками
Благодатный есть поток:
Искони его струями
Древний славится Восток;

Там бежит река святая,
Тиховодный Иордан,
К берегам своим собирая
Мирны сонмы Христиан;

Через степь они стремятся,
Тонут в прахе и песке,
Чтобы только искупаться
В благодатной той реке,

И побыть хотя немного
На священных берегах,
Что когда-то зрели Бога,
В их крещенного струях.

Полетел и я туда бы,
Перенес бы зной и труд!
Пусть свирепые Арабы
Эти воды стерегут!

Пусть они и злы, и ловки,
Пусть их носят за спиной
Узкоствольные винтовки
Да копье в сажень длинной:

Я швырну иному грозно
Перед очи два ствола...
Пробормочет, да уж поздно:
Ля иляге эль Алла! ⁽¹⁾

Так-то ты, по воле Бога,
Много видел городов
И наслушался ты много
Всяких разных языков;

Разговаривал с тобою
Рима гордый гражданин,
Турок с пестрою чалмою,
В алом фесе Бедуин,

И лихие Черногоры;
И Немецкий буттерброт;
И Французы-шелкоперы;
И Евреи, плут-народ.

В синем море-окиане
Ты поплавал... но скажи,
Как увидел ты в тумане
Милой Руси рубежи;

Как услышал вдруг ты снова
Чудный Русской наш язык,
Наше царственное слово,
От которого отвык;

И потом, как показалось
Все знакомое вокруг:
Что, скажи, с тобою стало
В эту пору, милый друг?

И потом, как пред тобою,
Величава и светла,
Волга, лентой голубою
Извиваясь, потекла;

Как увидел ты озера
Пенношумные вдали,
Где валы встают, как горы,
Где гуляют корабли;

Как увидел ты разливы
Дорогих своих степей,
И с обильной жатвой нивы
Малороссии твоей;

Как тебя примчали кони
В этот Руси уголок, —
И когда, как на ладони,
Ты увидел хуторок,

Хуторок, тебе знакомой,
Да и нам... когда потом
Хаты, крытые соломой,
Показались кругом,

И, одетые в запаски, ⁽²⁾
Запестрели пред тобой
И Пидорки, и Параски
Разноцветною толпой,

И Оксана промелькнула,
И за ней прошел кузнец,
Забубенный твой Вакула,
Богатырь и молодец;

И слышалась простая
Где-то песня чумака, ⁽³⁾
Прямо за сердце хватая,
То унывна, то бойка...

Наконец, как ясным взором
Ты завидел далеко
Домик с низеньким забором,
Где живал Рудый Панько;

Как узнал свои скворешни
И колодец журавцом;
И родимые черешни,
Что склонились над крыльцом;

И баштаны ⁽⁴⁾ с кавунами, ⁽⁵⁾
И травой поросший двор,
И повиснувший кистями
Виноград через забор;

И потом, как, подъезжая,
Встретил ты старушку-мать,
И, смеясь, и рыдая,
Стал ее ты обнимать,

И горячей головою
На плеча ее поник... —
Что подеялось с тобою,
Милый Гоголь, в этот миг?..

Где же лучше, веселее?
За морями что ли, друг?
Там, где нашего теплее,
Где цветет роскошный юг?

Аль с Арабами степными,
Под убогим их шатром?
На Руси ли, со своими,
Где семья, где отчий дом?

Ась?.. вот то-то и оно-то!
Ты утупившись стоишь!
Загадался⁽⁶⁾ отчего-то,
Загадался и молчишь...

Но пока промолвишь слово,
Я скажу тебе опять:
Милый Гоголь наш, здорово!
Дай тебя расцеловать.

Москвич.

1848. Октября 18.
Москва.

Примечания <М. П. Погодина>

(1) Ля иляге эль Алла! — Нет Бога, кроме Бога!

(2) Запaska — особенный род одежды у малороссиянок.

(3) Чумак — малороссийский крестьянин-промышленник. Чумаки возят на волях, в продолжении почти целого года, из города в город, соль, пшено и т. п.

(4) Баштан — сад с огородом. Турецкое слово.

(5) Кавун — арбуз.

(6) Загадаться — задуматься

(<Погодин М. П.> *Москвич*. Николаю Васильевичу Гоголю // Москвитянин. 1848. № 11 (цензурное разрешение 29 окт.). <Отд. 1>. С. 1–8).

² К времени написания мемуаров о Гоголе Н. В. Берг разошелся со славянофилами, и потому в его воспоминаниях о писателе есть определенный оттенок недоброжелательства (см., в частности, в наст. изд. коммент. к воспоминаниям Д. К. Малиновского «Нечто о Гоголе»).

³ «Марсальским героем» называли Дж. Гарибальди, начавшего в 1860 г. из порта Марсала на о. Сицилии свой поход по Италии.

⁴ Подробнее см. в наст. изд. в коммент. к письму Н. М. Языкова родным от 27 октября 1844 г.

⁵ См. в наст. изд. статью М. Н. Сперанского «Портреты Н. В. Гоголя».

⁶ М. А. Максимович или О. М. Бодянский. Ср. соответствующее место воспоминаний Н. В. Берга в книге Н. П. Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина»: «По свидетельству современников, “в гостях Гоголь держал себя большей частью в стороне от всех. Если он сидел и к нему подсаживались, он начинал дремать, или глядеть в другую комнату, или просто за просто вставал и уходил. Он изменял обыкновенным своим порядкам, если в числе приглашенных вместе с ним оказывался малороссиянин М. А. Максимович, член того же Словенофильского кружка. Каким-то таинственным магнитом тянуло их тотчас друг к другу: они усаживались в угол и говорили нередко между собою целый вечер горячо и одушевленно, как Гоголь ни разу не говорил с кем-нибудь из Великоруссов. Если же не было упомянутого малороссиянина, появление Гоголя на вечеру, иной раз нарочно для него устроенном, было почти всегда минутное. Пробежит по комнатам; посидит где-нибудь на диване, большею частью совершенно один; скажет с иным приятелем два-три слова, из благоприличия, небрежно, Бог весть где летая в то время своими мыслями — и был таков”» (*Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина*. СПб., 1896. Кн. 10. С. 327). В. И. Шенрок к словам: «оказывался один малороссиянин, член того же славянофильского кружка», — сделал примечание: «Бодянский» (*Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя*. М., 1897. Т. 4. С. 801).

⁷ См. в наст. изд. возражение П. М. Щепкина на эти слова Н. В. Берга в статье В. И. Веселовского «Первое знакомство Гоголя с Щепкиным».

⁸ Вероятно, имеется в виду торжественное (в честь приезда Гоголя) празднование дня рождения М. П. Погодина 11 ноября 1848 г. Приглашенный на вечер новый помощник попечителя Московского учебного округа (1848–1849 гг.) князь Г. А. Щербатов отвечал Погодину: «Я воспользуюсь с величайшим удовольствием вашим приглашением приехать праздновать вместе с вами день вашего рождения и с своей стороны надеюсь, что вы не откажете мне приехать ко

мне во вторник <16 ноября> провести вечер. Вы меня очень обяжете, если уговорите Гоголя принять тоже мое приглашение и тем доставить мне случай возобновить старое наше с ним знакомство» (*Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина*. СПб., 1896. Кн. 9. С. 478).

⁹ 3 декабря 1849 г.

¹⁰ 9 мая 1850 г.

¹¹ О настоящем газетном объявлении см. в наст. изд. в дневниковой записи О. М. Бодянского от 11 мая 1850 г.

¹² По указанию Н. П. Барсукова, С. П. Шевырев на этом обеде, «по домашним обстоятельствам», не присутствовал. «К Гоголю я писал записку, — читаем в его письме к Погодину, — но оно доехало только до его городского дома. Хотел послать к тебе, да кучер Иса<й>я сошелся с Николаем и праздновал свои именины <9 мая память пророка Исаии> мертвецки пьяный» (*Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина*. СПб., 1897. Кн. 11. С. 137).

¹³ Имеется в виду аллегорическая баллада Е. П. Ростопчиной «Насильный брак» (1845), в которой в образах старого властного барона и насильно взятой им «коварной» и неблагодарной жены изображались отношения России с Польшей. Чтение баллады Гоголю могло состояться в период с конца 1845 — по февраль (н. ст.) 1846 г.

4 января 1846 г. А. О. Смирнова писала графине Ростопчиной из Калуги: «Тысячу раз спасибо, милая и дорогая Eudoxie, за твои два большие прелестные письма... <...> Воспоминание, начавшее уже сглаживаться, точно озарилось солнечным лучом и воскресло вместе с желанием снова увидеть Италию, которую я люблю за ее природу, столь богатую и в то же время скудную, до такой степени лишенную высокоствольной растительности и в то же время столь богатую разнообразием мелких растений, изумительно яркую по колориту, а иногда столь величаво-мрачную. Люблю ее, древнюю, языческую, свидетелями которой являются исполинские памятники; люблю ее в ее темных молчаливых катакомбах, в ее церквах, соединявших верных одному и единственному христианскому исповеданию; люблю ее в свободном, самопроизвольном и блестящем развитии искусств; люблю ее даже в ее жалком настоящем состоянии, в ее моральном оскудении, которое не возмущает, а интересует, трогает и внушает какую-то нежную симпатию и сочувствие, не имеющие ничего унижительного. <...> Наслаждайся хорошенько, дорогая Eudoxie, и перестань взирать с <со>жалением на город, дающий одни искусственные удовольствия. Впрочем, в Риме и Неаполе, окруженных образцовыми творениями, ты найдешь тоже удовольствия и общество, о котором, кажется, сожалеешь. <...> Только в Риме ты увидишь Рафаэля во всем его действительно чудесном превосходстве... <...> Почему ничего не говоришь о дивных картинах Леонарда да Винчи?... <...> Отсюда вижу, что ты начинаешь поддаваться обаянию красок; сделай милость, не возлюби Болонскую школу. Я надеюсь, что Гоголь будет ангелом-хранителем твоих художественных впечатлений; он поразительно чувствует искусство. <...> У меня вдруг целый наплыв воспоминаний: Галатеи, Амуры, Фарнезина, Сивиллы, Св. Августин, Преображение, Музыкант, все это проносится перед моими глазами, ослепленными восторгом удивления. Когда ты будешь на форуме Траяна, поклонись palazetto Valentini, который находится между двумя церквями. Там жила Александра Осип<овна>, ваша покорная слуга, и прожила несколько мирных, спокойных и приятных дней, вся погруженная в прошедшее, которое тогда ее примиряло с настоящим, грустным и бесцветным. <...> Не спеши, любезная моя, все высматривать, поспеши на впечатления, дай время всякому созреть и прийти в границы разумного и светлого созерцания и потом уже берись за перо и выливай нам его в звучных рифмах, в поэтической фразе. Я бы тебе советовала писать нечто в роде дневника всякий вечер, когда полька этому не помешает... <...> Записывая не только что скажет древность или Микель-Анжело и Рафаэль из своей рамки, но даже то, что говорит monsignor Prospero, хотя он не мудрец современный, а только аб<б>ат с тоненькими ножками в черненьких чулках и притом изрядно глуп. <...> Наши мнения и взгляды совершенно расходятся, но это не мешает мне любить тебя и по сердечному влечению, и по привычке. <...> Надеюсь, что прелестный Виктор <сын Ростопчиной> совершенно избавился от лихорадки; если она вернется к нему в Риме, обратись к Vohle, моему гомеопату: это прекрасный доктор, он очень помог Ольге <дочери Смирновой>, а также сыну Перовского. Он Дунайский мужик и насмешит вас. <...> Повидай художника Иванова; я бы очень желала знать, что Государь думает об его картине. Иванов одинаково интересен как человек и как художник. <...> Если Моллер в Риме, попроси его сделать для меня твой портрет масляными красками, медальоном, как делали их прежде. Это легко устроить через Гоголя. Если он откажется, закажи какому-нибудь другому художнику; я хочу устроить себе маленькую галерею портретов моих друзей. <...> Тетя Цицианова и Лев Арнольди живут с нами, так как у нас настоящее палатцо в три этажа. <...> ...Вечером за чайным столом собираются тетя, Лев и молодой Аксаков, умный мальчик и в то же время поэт. <...> К 12-ти часам каждый направляет путь к своей берлоге, а я еще читаю какой-нибудь роман <...>, а потом я слезами утоляю жажду своей души. Такой образ жизни не способствует восстано-

влению моего здоровья, но я не дорожу ни здоровьем, ни жизнью. <...> Если мне говорят, что подобная печаль есть неблагодарность к Провидению, я отвечаю, что меланхолия не может мешать исполнять свои обязанности и что, исполняя их, получаешь свое помилование» (*Сопен Н. Н.* Письма А. О. Смирновой к графине Е. П. Ростопчиной // Русский Архив. 1905. Кн. 3. № 10. С. 227–232).

27 января (н. ст.) 1846 г. сам Гоголь сообщал А. О. Смирновой из Рима: «Графиня Ростопчина тоже здесь. Она, при доброте и уме, пустовата. Это вовсе не *книга*, написанная о каком-нибудь одном и притом дельном предмете, а шитые лоскутки всего: *tutti frutti* <букв. всякие фрукты; смесь; *ит.*>. Она, разумеется, всякий день по балам...» Далее Гоголь добавлял, что именно для таких людей, как Ростопчина, «которые еще не избрали поприще и находятся покамест на дороге», «готовятся “Мертвые души”»: «Тогда только уяснятся глаза у многих, которым другим путем нельзя сказать иных истин».

¹⁴ Стихотворение было напечатано 17 декабря 1846 г. в «Северной Пчеле».

¹⁵ Григорьев.

¹⁶ Имеется в виду М. П. Погодин. См. об этом в наст. изд. в статье П. К. Мартыянова «Гг. Погодины и газета “Жизнь”».

¹⁷ Г. П. Данилевский также свидетельствовал (возможно, со слов Н. В. Берга), что лирическое отступление в начале седьмой главы первого тома «Мертвых душ», Гоголь написал в июле (н. ст.) 1838 г. в трактире местечка Манчиано, в нескольких километрах от Рима: «...Знают ли читатели, где он писал все лучшие лирические места в своей поэме (“Счастлив путник, когда после далекой дороги...” и др.)? Он их писал, полный тоски по родине, близ местечка *Манчиани*, в одной таверне на большой дороге в Рим, в нижнем этаже, почти под землею, приютившись у треножного столика, под шум и говор игроков, игравших на бильярде, в верхней комнате таверны, под свинцовою крышею, раскаленную зноем полуденного солнца! Его спасало то, что он тогда не знал еще по-итальянски и потому не понимал говора толпы, беспрестанно входившей и выходившей из таверны» (см. в наст. изд. фрагмент из статьи Г. П. Данилевского «Петербургская жизнь»). 21 марта 1851 г. Гоголь повторил этот рассказ в Одессе в беседе с Е. А. Хитрово (см. в наст. изд. ее дневниковую запись от этого числа).

¹⁸ 11 декабря 1851 г.

¹⁹ Во второй половине июля 1851 г. на даче у С. П. Шевырева (село Троицкое, или Кагулово, по Рязанской дороге; см. <Запись С. П. Шевырева своего адреса на обороте визитной карточки> из записной книжки Гоголя 1842–1851 гг. в изд.: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 9. С. 764). См. также в наст. изд. фрагмент из статьи М. Г. Данилевского «Г. П. Данилевский, по личным его письмам и литературной переписке».

²⁰ «В августе <в конце июля> 1851 г. Гоголь прочел С. П. Ш<евыреву> шесть глав совершенно оконченных к печати, и седьмую почти готовую» (*Трушковский Н.* От издателя // Сочинения Николая Васильевича Гоголя, найденные после его смерти / Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. В. Гоголя. Том второй (5 глав). М., 1855 (цензурное разрешение 26 июля). С. VIII; предисловие «От издателя» сопровождается пометой: «Москва. 20-го июля 1855 г.»).

²¹ С 11 на 12 февраля 1852 г.

²² Петр П. Соколов и П. Ф. Зеньков.

²³ Имеется в виду гравюра «Последние дни жизни Н. В. Гоголя» (1852) художника Александра Степановича Солоницкого (ум. после 1852) (домашний учитель рисования, готовивший М. Ю. Лермонтова к поступлению в пансион при Московском университете; в 1839 г. удостоен звания неклассного художника за картину «Родители, учащие детей своих благочестию»). «Если эта литография <“Последние дни жизни Н. В. Гоголя”> и “сочинена” А. Солоницким, то это относится главным образом к обстановке (символические фигуры), но лицо Гоголя нарисовано, по-видимому, на основании непосредственного наблюдения, по памяти; тип выдержан правильно; м<ожет> б<ыть>, можно упрекнуть художника за фигуру писателя: она вышла длинна, тогда как Гоголь был, как известно, не большого, скорее малого роста. Литография вышла вскоре после смерти Гоголя; поэтому весьма возможно ее оригинальное происхождение и с этой стороны» (*Сперанский М. Н.* Портреты Н. В. Гоголя // Портреты Н. В. Гоголя. Собраны и изданы под наблюдением Общества Любителей Российской Словесности при Императорском Московском Университете. Исполнено и издано худож. фототипией К. А. Фишер. М., 1909. С. 9; № 22).

²⁴ Пророка Иереми (см. Иер. 20, 8).

Графиня Ростопчина в Москве
(Отрывок из воспоминаний)
Фрагменты

<...> Общество отделило графиню Ростопчину от грациозных трутней, которые были способны только кокетничать, танцевать, без умолку лепетать по-французски всякий вздор: ее стали называть «писательницей». В ее салон заглядывали прямо с литературными целями и настроением, прямо выслушать какое-нибудь новое ее произведение: Жуковский, Пушкин, Плетнев, Тургенев, Григорович, Дружинин, Соллогуб... показывался там временами и бирюк-Гоголь... <...>

Отдав все должное обществу, в котором жила и которое смертельно любила, наплясавшись, наволновавшись, настрадавшись досыта, всласть, графиня поехала с мужем¹ путешествовать², отдохнуть от петербургских тревог и суеты, освежиться, отрезвиться...

Ехали через Польшу в коляске. Хорошая погода позволяла обозревать край на значительное пространство: эти цветущие поля, эти красивые фольфарки, это улучшенное сравнительно с нашим сельское хозяйство, в общем и в деталях.

— Чего еще им надо? — ворчал граф, — живут лучше нашего, всего у них вдоволь, а все не сидится спокойно, все бунтуют! Чего стоит нам этот проклятый край, с тех пор, как приобретен! Я бы, на месте государя, бросил его на съедение немцам, и конец!

Всю дорогу он выражал свое неудовольствие против поляков, попросту сказать, ругался, где помягче, где покрепче. Въехали в Германию, и там досталось полякам «на орехи»...

Графиня, по обычаю своему, возражала тихо и деликатно, в самых нежных женских формах, зная по опыту, что возражения другого характера, более серьезные и жесткие, только подольют масла в огонь: граф еще пуще станет брюзжать и ругаться.

Графиня возражала тихо, точнее сказать, почти ничего существенного не говорила, но в мыслях своих нисколько не соглашалась с мужем. Польша представлялась ей в ином освещении: она жала поляков, лишенных свободы, самостоятельности, отечества, вечно страдающих, вечно недовольных... как поэт, она стала думать под конец стихами и привезла их с собою в Рим, где граф думал провести осенние и зимние месяцы. В первый свободный час графиня присела к своему рабочему столу и набросала на листке бумаги тревожившие ее в дороге рифмы, разумеется, в лучшем и совершеннейшем виде. Вышло нечто в роде баллады, которую графиня, после окончательной отделки, назвала: «Насильственный брак», и спрятала в портфель, как невозможную для печати.

Через несколько времени после этого приехал в Рим Гоголь³ и, узнав, что в числе русских живут там и Ростопчины, очень скоро очутился у графини. Разговорились о том, о сем; дошли и до литературы.

— Что вы теперь пишете? — спросила графиня у своего гостя, не любившего таких вопросов, — нет ли у вас чего нового?

Гоголь отвечал, что он, «может быть, напишет что-нибудь в Риме; вероятно, сложа руки, сидеть не станет... но теперь у него ничего нет».

(Это был его всегдашний ответ при подобных расспросах, получавший ту или иную форму и окраску, смотря по месту и условиям, где, как и кем спрашивалось.)

— Может быть, у вас есть что-нибудь новое, — сказал он, немного погодя, хозяйке, — вы всегда так много и так мило писали!

Графиня была совершенно противоположных ему свойств: никогда не скрывала ни от кого своих стихотворных и прозаических тайн. Бывала с этой стороны временами даже чересчур откровенна: напрашивалась на чтения, душила гостей поэмами, драмами, романами... она обрадо-

валась вопросу Гоголя и сейчас же отвечала: «есть нечто... маленькие пустячки... хотите выслушать?»

— Прошу об этом покорно! — был ответ.

Графиня прочла «Насильственный брак»⁴, не приподнимая, однако же, маски.

Гоголь попросил прочесть еще раз и потом сказал: «Пошлите в Петербург: не поймут и печатают. Чем хотите ручаюсь!»

— Как не понять! Помилуйте! — сказал автор, — ребенок поймет.

— Говорю вам: не поймут! Пошлите! Вы не знаете тупости нашей цензуры, а я знаю. Пошлите!

Послали к Булгарину, и пьеса явилась на страницах «Северной Пчелы», без имени автора. В самом деле, прочли и не поняли, по крайней мере, масса. Были, однако, читатели, которые задумывались над этим стихотворением, прочитывали раз, два и три, и, все-таки, не находили «тени Наполеона». <...>

Вдруг приходит в Петербург *разъяснение* стихотворения в какой-то французской газете: все бросились перечитывать заброшенный листок, пошел шум. «Насильственный брак» сделался известною всякому мальчику пьесой, особенно после того, как III Отделение вздумало отбирать у подписчиков «Северной Пчелы» роковой номер и всячески уничтожать его по всем публичным местам. Стихотворение стало гулять по городу в бесчисленных списках. Уже было известно и имя автора, и засияло новыми лучами. Слава графини Ростопчиной, как поэта, выросла втрое, в течение нескольких дней. Говорили, что ее вызвали из-за границы в Петербург, что ей *сильно досталось*; *досталось точно так же* и Булгарину...

На самом деле ее перестали принимать во дворце и, как кажется, выслали в Москву. Могло быть и так, что графиня сама бежала из Петербурга от этого шума, сплетен, толков и пересудов... Это было около 1847 года. <...>

...Островский написал комедию «Банкрот». Все знающие дело ахнули. <...> Михаил Петрович Погодин <...> решил устроить у себя чтение «новой комедии», о которой столько все говорили. Трудность, и не малая была лишь в том, чтобы «достать автора», познакомиться с ним без лишних церемоний, без визитов, прямо — «с корабля на бал!»

Михаил Петрович поручил уладить это дело одному товарищу Островского по воспитанию⁵. Островский обещал приехать и читать. Дело было о масляной (1849 года)⁶. Хозяин затеи придрался к этому и звал разных знакомых «на блины». В числе приглашенных были: Гоголь, Хомяков, Шевырев⁷, актер Щепкин; некоторая часть «молодой редакции» «Москвитянина» (кто был поближе к Островскому) и Ростопчина. Были люди, кто хотел больше видеть автора «Насильственного брака», чем слушать новую комедию...

Островский явился ранее других, с толстой тетрадью, одетый во фраке. Графиня приехала (как кто-то сейчас же заметил: в одиночных санях на одну лошадь), когда уже набралось довольно народу в верхнем помещении дома. Одета она была очень просто. Все глаза смотрели только на нее, и, кажется, всем она понравилась. Большинство присутствующих видело ее тут в первый раз. Погодин сейчас же представил ей всю свою «молодежь». Графиня осматривала представленных очень внимательно. Потом все уселись на самой невзыскательной мебели хозяйского кабинета: трех кушетках и нескольких стульях и креслах. Иным пришлось лепиться на подоконниках или даже просто стоять. Островский поместился в левом углу, у окон, и едва начал читать, как, невидимо и неслышно ни для кого, подкрался коридором Гоголь и стал в дверях, прислонившись правым плечом к притолоке, и так оставался во все время чтения.

Пьеса произвела на всех присутствующих сильное впечатление. Все акты были выслушаны с самым полным вниманием, без одобрений, в мертвой тишине. Разумеется, было два-три от-

¹ От самой графини. — *Примеч. Н. В. Берга.*

дыха. По окончании чтения главные лица ринулись кучей благодарить автора. По образу жизни своей Островский очень редко сталкивался с такой массой разнообразного народа, особенно в таких условиях, как это устроилось у Погодина, а потому был неловок, краснел, потуплял глаза. <...>

Мне вздумалось подойти к Гоголю и спросить его мнение о пьесе. Он сказал, что «при несомненном и большом таланте автора проглядывает неопытность, юность в технике дела. Необходимо, чтобы такой-то акт (он его назвал цифрой) был покороче, а такой-то подлиннее. Все это он узнает впоследствии, может быть, очень скоро узнает, но пока не имеет об этом ни малейшего понятия. Пишет, как талант-самородок, сплеча, не оглядываясь и руководствуясь только вдохновением. А это не годится и невозможно. Техника — другое вдохновение; вдохновение тогда, когда нет вдохновения!.. Но талант, решительный талант!»

О языке пьесы, наиболее нас поражавшем, Гоголь не сказал ни слова, вероятно потому, что этого дела хорошо не смыслил. Он победил русский язык вообще и знал все его тонкости и прелести; умел с ними справляться временами как самый высочайший художник русского происхождения, но словесных оттенков русской речи победить никогда не мог, да, кажется, об этом и не старался, так как это дело очень трудное, для большинства писателей даже прямо невозможное. Надо жить с этими словесиями, на языке которых хочешь говорить печатно. Островский заговорил купеческим языком, как *никто из наших писателей*, потому что *жил и вращался* среди купцов с малого возраста. <...>

Впервые опубликовано: *Берг Н. В.* Графиня Ростопчина в Москве. (Отрывок из воспоминаний) // Исторический Вестник. 1893. Март. С. 692–694, 699–701; с редакционным примечанием: «Статья эта была передана в наше распоряжение покойным Н. В. Бергом еще в 1883 году, за год до его кончины, причем он просил нас напечатать ее лишь после смерти одного из лиц, о которых в ней говорится <речь идет о графе А. Ф. Ростопчине>. В настоящее время мы имеем возможность исполнить его желание. *Ред.*». Печатается по первой публикации.

¹ Граф Андрей Федорович Ростопчин (1813 — 24 ноября 1892), тайный советник, библиофил, писатель.

² Весной 1845 г.

³ Гоголь жил в Риме с 24 октября (н. ст.) 1845 г.

⁴ См. в наст. изд. коммент. к «Воспоминаниям о Н. В. Гоголе» Н. В. Берга.

⁵ Н. В. Берг имеет в виду самого себя.

⁶ На самом деле чтение состоялось 3 декабря 1849 г.

⁷ С. П. Шевырев из-за болезни на чтении не присутствовал.

М. Г. Данилевский

**Г. П. Данилевский, по личным его письмам
и литературной переписке
Фрагмент**

<...> Осенью 1851 года Г<ригорий> П<етрович> занялся собиранием и изучением материалов для биографий малороссийских писателей Сковороды и Основьяненко. Для этого ему пришлось войти в пространную переписку с знаменитым впоследствии митрополитом Макарием¹, профессором О. Бодянским и, наконец, с Н. В. Гоголем, с которым Г<ригорий> П<етрович> незадолго перед тем лично познакомился в Москве у Аксаковых и О. Бодянского. В одном из своих писем к нему² Г<ригорий> П<етрович> выразил надежду, что Гоголь не оставит его опытным советом в предпринятой им работе, и просил разрешить ему в скором времени повидаться с ним лично. Гоголь в это время уже серьезно хандрил, часто болел и на письмо Г<ри-

горя> П<етровича> ответил³, что ждет его у себя осенью в Москве, но где именно, — еще наверно не знает, так как пока будет продолжать проживать в деревне у С. П. Шевырева. То же самое Гоголь передал лично Николаю Бергу, навещавшему его у Шевырева⁴. Н. Берг не замедлил уведомить о том Г<ригория> П<етровича> и в своем письме прибавил несколько характерных строк о тогдашней уединенной жизни Гоголя. «...Я только что от Шевырева, где стрелял дупелей и бекасов, и где жил еще Гоголь и остался там, когда я уезжал. Он жил бирюком, в уединенном флигеле, совершенно особо от всех, в лесу — и являлся к нам только на обед и вечером. Но и тут деликатность запрещала нам заговаривать с ним... сам же он говорил необыкновенно мало».

К сожалению, свидание Г<ригория> П<етровича> с Гоголем более уже не состоялось⁵. 21-го февраля следующего года, в 8 часов утра, Гоголь скончался. <...>

Впервые опубликовано: *Данилевский М. Г.* Г. П. Данилевский, по личным его письмам и литературной переписке. (Письма братьев Аксаковых, Достоевских, князя П. А. Вяземского, П. Плетнева, А. Краевского, Даля Луганского, Костомарова, О. Бодянского и других). Харьков, 1898. С. 18–20. Печатается по первой публикации.

Михаил Григорьевич Данилевский, сын Г. П. Данилевского, беллетрист и драматург.

¹ Имеется в виду митрополит Московский и Коломенский Макарий (в мире Михаил Петрович Булгаков, 1816–1882), историк Церкви, богослов.

² Не сохранилось.

³ Письмо не сохранилось.

⁴ Во второй половине июля 1851 г.

⁵ По свидетельствам самого Г. П. Данилевского, О. М. Бодянского и И. С. Тургенева (см в наст. изд.), Данилевский встречался с Гоголем 31 октября и 5 ноября 1851 г.

Из писем Н. В. Берга

Н. В. Берг — В. В. Ганке

<19 апреля 1852. Москва>

<...> Вы, конечно, знаете, что мы лишились нашего великого Гоголя. Это поразило нас всех ужасно. До сих пор не можем опомниться. Все, что у него оставалось ненапечатанным, он сжег, а равно и 2-й том Мертвых Душ. В 40-й день по кончине его были поминки в Даниловском монастыре (где он положен рядом с Языковым, Валуевым и Венелиным) и трапеза для 40 человек бедных. Это было в понедельник на Святой. Ст<е>пан П<етрович> Шевырев прочел за нашим обедом (который был там же, в покоях архимандрита) *Светлое воскресенье* Гоголя. Все были тронуты до слез. Немного таких мгновений, какие мы прожили там, дается человеку на земле! Мир праху твоему, великий человек!.. На памятнике, который хотят поставить ему друзья, будет (как говорили на поминках) написано следующее: *Горьким словом моим посмеюся*. Не помню, откуда это. Чуть ли не из книги И<исуса> Сына Сирахова¹. На поминках присутствовали Шевырев, Погодин, Хомяков, П. Киреевский, Елагин², Грановский, Соловьев, Островский (замечательный из молодых писателей) и друг<ие>, — всего около 40 человек. На похоронах его была, можно сказать, вся Москва.

Я имею лишнюю гипсовую маску, снятую с Гоголя; уведоьте, как бы мне вам ее переслать, я бы переслал. <...>

Если до Вас доходит «Москвитянин», прочтите там статейку Погодина о кончине Гоголя³: это самые верные и трогательные известия. Ничего лучше и проще нельзя написать. Эти строки целиком должны войти в историю русской словесности.

Москва, 19 апреля 1852.

Впервые опубликовано: Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Материалы для истории славянской филологии. Издал В. А. Францев. Варшава, 1905. С. 54–55. Печатается по первой публикации.

¹ Из Книги пророка Иереми (гл. 20, ст. 8).

² Василий Алексеевич Елагин (1818–1879), историк-славянофил, публицист, автор исторического труда «Об «Истории Чехии» Франца Палацкога» (1847).

³ *Погодин М. П.* Кончина Гоголя // Москвитянин. 1852. № 5 (цензурное разрешение 4 марта; цензор. Д. С. Ржевский). Отд. VII. С. 47–50 (см. в наст. изд.). В апреле 1852 г. в «Москвитянин» Погодина было помещено также стихотворение Н. В. Берга «Над гробом Гоголя»:

«Ударил час — и нет у нас *его!*
Пыгливое еще закрылось око,
Еще у нас не стало одного,
Кто ведал Русь и жизнь ее глубоко!

И он, как те, угас во цвете лет —
И все сердца исполнились печали,
И поняли, кого меж нами нет,
Кого мы невозвратно потеряли...

А между тем, когда меж нами жил
И действовал, и мыслил этот гений,
Исполненный живых, чудесных сил
И тайных, неразгаданных видений, —

Тогда вполне его не понимал
Никто из нас, по-своему толкуя
О том, что он в душе своей скрывал,
Один за всех страдая и тоскуя.

И малодушно был он осужден,
И много в нем увидели пороков,

И много нареканий вынес он
И горько-оскорбительных упреков.

Но все молчал, таясь от всех вдали...
И умер он, и вдруг нам грустно стало,
Что мало жизнь мы эту берегли,
И может ей сочувствовали мало.

И все ко гробу мы спешим,
Где скрылся он, борьбою утомясь,
И плачем там, склоняясь перед ним
И за душу покойного молясь.

Как будто смерть разоблачила нам
Его неразделенные страданья
И шутки со слезами пополам,
И вечное, упорное молчанье,

Как будто нам теперь лишь уяснен
Великий дух — и мы должны сознаться,
Что вправе был задумываться он
И в самого себя уединяться»

(*Берг Н.* Над гробом Гоголя // Москвитянин. 1852. № 8 (цензурное разрешение 15 апр.). Отд. I. С. 273–274).

Н. В. Берг — Я. К. Гроту

Москва. 21 апреля 1852 г.

<...> В 40-й день по кончине Гоголя его друзья и знакомые (Погодин, Шевырев, Хомяков, Соловьев, Грановский, Островский и др.), в числе 40 человек собрались помянуть его в Даниловом монастыре — где похоронен Гоголь рядом с Языковым, Валуевым и Венелиным, — отстояли обедню, и сели за трапезу, в покоях архимандрита¹. Во время трапезы С. П. Шевырев прочел *Светлое Воскресенье* Гоголя (поминки эти происходили на Святой, в понедельник²). — Все были тронуты до слез. <...> Кроме нашей трапезы, устроена была трапеза для бедных — человек около 50. За нашей, между прочим, было решено поставить покойному памятник, на котором написать слова (сколько помню, из книги Иисуса, сына Сирахова³) — «*Горьким словом моим посмеюся*». — На той же неделе во вторник⁴ у Ст<епана> Петровича Шевырева была

прочтена *Развязка Ревизора* Гоголя — тетрадка, отысканная в бумагах С<тепана> Петровича. Весьма хорошая, задушевная вещь. <...> ...Не желаете ли Вы иметь гипсовую маску, снятую с лица Гоголя в день его кончины? Я имею лишнюю, которую с тем и приобрел, чтобы переслать Вам... <...>

Впервые опубликовано: Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 3. С. 762. Печатается по первой публикации.

¹ Имеется в виду архимандрит Пармен (Соколов) (ум. в 1855), настоятель Свято-Даниловского монастыря с 1848 г.

² 31 марта 1852 г.

³ Из Книги пророка Иеремии (гл. 20, ст. 8).

⁴ 1 апреля 1852 г.

Н. В. Берг — В. В. Ганке

<11 июня 1852. Москва>

<...> В добавление к известиям о последних минутах Гоголя сообщу Вам еще несколько подробностей. Может быть, Вам и любопытно будет узнать их. Когда сильно занемог Гоголь, вся Москва приняла в этом участие. Все при встречах друг с другом спрашивали: «А что слышно об Гоголе? Каков он?» В четверг 21 февраля разнеслась по городу ужасная весть о его кончине. Он умер на квартире графа Толстого, в доме Талызина на Никитском бульваре. Все бросились поклониться покойному. Комнатка, где стояло тело, была постоянно полна народом. Маску сняли немедленно. 22 фев<аля>, в пятницу, в 8 часов вечера была назначена панихида и вынос тела в университетскую церковь. Между посетителями был попечитель Московского учебного округа Его Превосходительство Генерал-Адъютант Владимир Иванович Назимов. По выслушании панихиды, тело вынесли на руках и несли вплоть до церкви друзья и знакомые покойного. На другой день было две панихиды, причем в церковь стекалось множество народа. В день погребения (воскресенье, 24 февраля) вся церковь наполнилась народом, а также сени, крыльцо и часть улицы. Было до 4 тысяч человек. Тут заметили лежащий в головах покойного свежий лавровый венок, принесенный неизвестно кем. К концу обедни прибыл Г<-н> Московский Военный Генерал-Губернатор, Его Сиятельство Граф Арсений Андреевич Закревский. Все должностные лица были в мундирах. По окончании обедни и отпевания — тело вынесли из церкви на руках профессора: Грановский, Соловьев, Кудрявцев и др. и передали внизу, на улице, народу. Много было желавших нести тело, и так оно было донесено до монастыря, несмотря на дурную дорогу и снег по колена и на значительное расстояние, — от университета до Даниловского монастыря верных 5 верст, — все шли пешком, не чувствуя усталости... Экипажи тянулись бесконечной вереницей сзади... Так мы похоронили нашего великого Гоголя! И никто не запомнит таких похорон, никогда не было такого общего сочувствия к писателю (кроме, разумеется, похорон Пушкина в Петербурге), такой общей печали...

По прошествии 6 недель был распечатан шкаф его¹, и там найдено несколько тетрадей разных неизвестных сочинений: 5 глав (не совсем отделанных) 2-го тома Мертвых Душ, внутренняя биография² и некот<орые> другие. Все это будет издано в свет при первой возможности. С. П. Шевыреву поручено Академией Наук составить биографию покойного, для чего Степан Петрович едет нынешним летом в Полтавскую губернию³, где родился Гоголь, и где живы еще его мать и 3 сестры. Предполагаемая надпись на памятнике, найденная случайно Шевыревым, находится у пророка Иеремии. <...>

Москва, 1852. Июня 11.

Отрывок из письма («Когда сильно занемог Гоголь <...> его мать и 3 сестры») впервые опубликован, в переводе: Poslední doby N. Gogola a pozůstalé spisy jeho // LumTg. 1852. № 11. Печатается по изд.: Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Материалы для истории славянской филологии. Издал В. А. Францев. Варшава, 1905. С. 57–58.

¹ 1 мая 1852 г., т. е. спустя десять недель после кончины.

² Имеется в виду неозаглавленное гоголевское произведение, название которому — «Авторская исповедь» — было дано С. П. Шевыревым.

³ С. П. Шевырев посетил Васильевку 10 июля 1852 г.

Н. В. Берг — Я. К. Гроту

<14 августа 1852. Москва>

<...> Москва. 14 августа 1852 г.

PS. Маска, снятая с лица Гоголя и назначавшаяся для Вас, поступает во владение П. А. Плетнева¹. <...>

На днях воротился из своей поездки в Полтавскую губернию С. П. Шевырев, которому поручено академией составление биографии Гоголя. Не знаю, что он привез оттуда, ибо не успел еще с ним видеться.

Первое опубликовано: Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 3. С. 763. Печатается по первой публикации.

¹ В начале января 1853 г. Н. В. Берг писал П. А. Плетневу: «Очень рад, что маска Гоголя дошла до Вас в целости» (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Т. 3. С. 769).

Из воспоминаний о посещении Гоголем в Москве дома И. В. Капниста в 1848–1851 гг.

И. А. Арсеньев

Слово живое о неживых (Из моих воспоминаний) Фрагмент

<...> У И. В. Капниста гр<аф> Зотов¹, А. Я. Булгаков² (бывший московский почт-директор) и я собирались часто, по вечерам, играть на бильярде, до которого все мы были большие охотники, хотя я никогда не мог научиться хорошо играть на нем. Несколько раз, у Капниста, мне довелось видеть гениального Гоголя³, который редко пускался в разговоры и всегда выглядывал «букой».

Один только раз удалось мне видеть Гоголя в хорошем расположении духа и вздумавшим представлять в лицах разных животных из басен Крылова. Все мы были в восхищении от этого действительно замечательного impromptu⁴, которое окончилось внезапно вследствие случайного приезда к Капнисту Михаила Николаевича Муравьева⁵, который не был знаком с Гоголем.

Капнист, знакомя Гоголя с Муравьевым, сказал: «Рекомендую вам моего доброго знакомого, хохла, как и я, Гоголя». Эта рекомендация, видимо, не пришлась по вкусу гениальному писателю, и на слова Муравьева: «Мне не случалось, кажется, сталкиваться с вами», — Гоголь очень

резко ответил: «*Быть может, ваше превосходительство, это для меня большое счастье, потому что я человек больной и слабый, которому вредно всякое столкновение*».

Муравьев, выслушав эту жёлчную тираду, отвернулся от Гоголя, который, ни с кем не прощившись, тотчас же уехал. Впоследствии я слышал от Ивана Васильевича⁶, что Гоголь не на шутку на него рассердился за «*непрошенную* (как он выразился) *рекомендацию*».

Наружность Гоголя была очень непривлекательна, а костюм его (венгерка с бранденбургскими) придавал ему крайне невзрачный вид. Кто не знал Гоголя, тот никогда бы не догадался, что под это некрасивой оболочкой кроется личность гениального писателя, которым гордится Россия.

Впервые опубликовано: *Арсеньев И. А.* Слово живое о неживых. (Из моих воспоминаний) // Исторический Вестник. 1887. Март. С. 569–570. Печатается по первой публикации.

Илья Александрович Арсеньев (1820–1887), журналист.

¹ Граф Николай Иванович Зотов, действительный статский советник.

² Александр Яковлевич Булгаков (1781–1863), московский почт-директор (с 1832 г.), сенатор (с 1856 г.), друг В. А. Жуковского и князя П. А. Вяземского.

³ В своих воспоминаниях И. А. Арсеньев указывал: «Я переехал, в конце 1848 года, из Москвы на постоянное жительство в Петербург...» (*Арсеньев И. А.* Слово живое о неживых // Исторический Вестник. 1887. Апрель. С. 77). Поэтому видеть Гоголя у И. В. Капниста мемуарист мог с 13 октября по конец декабря 1848 г.

⁴ Экспромт, импровизация (*фр.*; *англ.*).

⁵ Михаил Николаевич Муравьев, граф Виленский (с 1865 г.); муж (с 1818 г.) старшей дочери Н. Н. Шереметевой Пелагии Васильевны. В 1826 г. был арестован по делу о декабристах, но вскоре отпущен. Впоследствии проявил себя как верный поборник государственных интересов России (защите его от либеральных нападок Ф. И. Тютчев посвятил в 1863 г. стихотворное послание «Его светлости князю А. А. Суворову»). С 1842 г. — управляющий Межевым корпусом; с 1849 г. — генерал-лейтенант; член Государственного Совета (с 1856 г.), виленский, гродненский, ковенский и минский генерал-губернатор, командующий войсками Виленского военного округа, главный начальник Витебской и Могилевской губерний (с 1863 г.).

⁶ Капниста.

Графиня И. П. Капнист

Воспоминания о графе П. И. Капнисте Фрагмент

<...> Приезд Государя в Москву¹ был ознаменован в высшем обществе особенным оживлением. <...> Отличаясь гостеприимством, Иван Васильевич² расположил к себе все московское общество и Петр Иванович привык к обширному кругу приятных светских знакомых. <...> Гоголь считался земляком и своим человеком³; еще в Полтавской губернии коротко сошелся он с семьей Капнистов. Петр Иванович помнил его милым, общительным, слегка рассеянным. Он часто острил на счет литераторов и поэтов своей эпохи. Раз, говорит он поэту Глинке, вдохновлявшемуся библейскими сюжетами: «Перелагать псалмы в стихи, это то же что варить яйца». «Как так?» — спрашивает Глинка в недоумении. «А так, — переваришь яйца, — станут крутые, есть можно; недоваришь, — будут всмятку, опять вкусно. Так точно и псалмы, как их ни перекладывать, всегда выйдет хорошо». <...>

Впервые опубликовано: *Капнист Ина П., графиня.* Воспоминания о графе П. И. Капнисте // *Капнист П. И.* Соч. Т. 1. М., 1901. С. LIII. Печатается по первой публикации.

Графиня Ина Петровна Капнист (род. в 1860-х гг.), жена графа Метакса, дочь графа П. И. Капниста (1830–1898), внучка И. В. Капниста, правнучка В. В. Капниста.

¹ В августе 1851 г.

² Иван Васильевич Капнист (1798–1860), московский генерал-губернатор, сын В. В. Капниста.

³ 24 июня 1849 г., в день празднования Рождества Иоанна Крестителя, Гоголь присутствовал на именинном обеде И. В. Капниста. Накануне последний писал Гоголю: «Я был у Вас, любезнейший Николай Васильевич, и к сожалению не застал. Прошу Вас усерднее приехать завтра 24-го числа в Сокольники обедать к сердечно Вас любящему имениннику И. Капнисту. Сестра Соф<ья> Вас<ильевна> и Вас<илий> Ан<тонович> <Скалон> с детьми <Александрой (род. в 1835) и Василием (1841–1876)> ко мне приехали и очень желают Вас видеть». Об этом обеде у Капниста вспоминал позднее Л. И. Арнольди (см. в наст. изд. его воспоминания «Мое знакомство с Гоголем»).

Из воспоминаний о Гоголе <М. А. Григоровской>

По словам М. А. Григоровской, бывшей воспитательницы детей Капниста¹, состоявшего в начале пятидесятых годов московским губернатором, в доме последнего бывал запросто Н. В. Гоголь. Часто он являлся с своим приятелем, знаменитым актером Щепкиным, обедать; тогда для него готовились его любимые кушанья: борщ, галушки и взвар. Щепкин читал гостям произведения Гоголя в рукописях в присутствии автора, который, прерывая чтение поправками, своим неподражаемым юмором и мимикой вызывал продолжительный смех. Гоголь обладал способностью приводить общество в веселое настроение, поэтому считалось за особенное, за двойное удовольствие, как выражались домашние гр<афа> Капниста, быть с Гоголем в театре. Его остроумные вставки и дополнение в игру чужой пьесы смешили до слез, а в антрактах получалось отрадное зрелище душевного отношения молодежи к писателю.

По слабости здоровья Н<иколай> В<асильевич> садился в глубину ложи, прося, чтобы его хорошенько загородили, спрятали от студентов. С хмурым, страдальческим видом он острил и над своей болезнью. Ему принадлежит шутовское изречение: «лучше иметь маленький деревянный дом, чем большую каменную болезнь»². Но, не видя его из зрительного зала, молодые почитатели его таланта скучивались у двери губернаторской ложи так, что трудно было отворить ее под их напором. Студенты, между ними и бедняки малороссы, на нужды которых Н<иколай> В<асильевич> щедро уделял из своего заработка, шумно звали его, пока Н<иколай> В<асильевич> не выглянет из-за двери. Тогда его приветствовали с энтузиазмом, вытаскивали в коридор, душили объятиями и утомленного, измученного, как он говорил, вносили бережно в ложу. Граф³ Капнист, любя молодежь и будучи малороссом, снисходил к беспорядку, и есть еще в живых бывшие хлопчики простого звания, обязанные протекции Гоголя своим образованием и службой в канцелярии московского губернатора.

Первое опубликовано: Из воспоминаний о Гоголе // Новое Время. 1902. 21 февр. № 9328. С. 4. Печатается по первой публикации.

¹ И. В. Капниста.

² Каменная болезнь (желчнокаменная, почечнокаменная, слюннокаменная, мочекаменная) – образование камней во внутренних органах.

³ См. в наст. изд. коммент. к письму графа А. П. Толстого к графине С. П. Апраксиной от 1–2 мая 1852 г.

Свидетельства о Гоголе Н. В. Сушкова
и графини Е. П. Ростопчиной (рожденной Сушковой)

Н. В. Сушков

Обоз к потомству с книгами и рукописями
Фрагменты

<...> Когда я накидал на бумагу впечатления, какие произвел на меня Гоголь, которого читал я урывками, между делом и досугом, при служебных занятиях, я еще — как говорится — в глаза его не видал. Мы встретились позже, мало-помалу сознакомились и хоть не часто, да запросто и спросту бывали друг у друга¹. Скоро покинули меня предубеждения, порожденные во мне против него как толками людей, ставивших его, словно мифического Грека или Римлянина, полубогом, так и толкованиями людей, кидавших в него грязью. Не зная его лично, я не очень любил автора в человеке; узнав его ближе, я вполне полюбил человека в авторе. <...>

Бессмертие удаляет мысль о смерти. Бессмертие — удел живых духом, а не мертвых делом. Гоголь сам это понял: он два раза сжигал и окончательно сжег продолжение своей повести-анекдота «Мертвые души». Он почувствовал, что зайдя в глубокую грязь и тину, невозможно выйти чистым на твердый берег. <...> ...После изнанки, преувеличенной изнанки нашего, будто бы, современного общества, невозможно было автору «Мертвых душ» изобразить лицевую его сторону в той строгой соответствии лиц и характеров, в той строгой совокупности частей и подробностей, которые могли бы слить в одно целое две половины разновременного труда, два совершенно отдельные произведения по духу, по цели, по краске, по кисти, в одно созвучно-художественное творение. <...> Наш изящный ценитель всего художественного, который еще в 1812 г. — как сказал Стурдза в своей занимательной статье «Беседа любителей Русского слова и Арзамас» — уже стоял на духовной кафедре, уже пленял слушателей своих силою и глубиною слова²! который — прибавлю — обрабатывая Русский язык — в келлии Святительской, в одно время с Карамзиным, борющимся с нашим могучим языком — в кабинете литератора, и Сперанским, трудившимся над этим богатым языком — в канцелярии государственного мужа, — остался окончательным художником Русского слова! наш любимый Проповедник — его узнают и без имени — сказал Гоголю на его намерение написать вторую часть «Мертвых душ»: «Николай Васильевич! оставьте старое, как было; если хотите написать продолжение в другом духе и направлении, напишите отдельно новое сочинение...» — Я привел только мысль нашего глубоко духовного мыслителя; слова, может быть, и не совсем так были сказаны... <...>

...Щербина издал в Одессе греческие — будто бы — стихотворения³. По-моему: греческие книги пишутся на греческом, как русские на русском и т. д. Иное дело, если бы г. Щербина напечатал собрание переводов, или хоть подражаний греческим писателям. Но об этом после. В декабре 1851, в доме Милютиных, в приходе «Ст<арого> Пимена»⁴ собрался небольшой кружок писателей и читателей. За обедом хозяин, желая обратить внимание собеседников на молодого стихотворца, наклонил речь к «Новым греческим стихотворениям Щербины»⁵. Гоголь, узнав, или не узнав его, прямо сказал, что после первых греческих стихотворений можно было бы сочинителю попробовать свои силы в другом роде⁶, а не подражать самому себе и не писать новых греческих стихотворений, потому что — все Афродита, да Афродита... не вспомню теперь, как кончил он свое рассуждение. <...>

...21 февраля 1853 минул год, как скончался Н. В. Гоголь. Теплая молитва напутствовала его до последнего жилища — в Данилов монастырь. В грустном раздумьи возвращались в Москву

толпы друзей и почитателей покойника (24-го февраля 1852). Дружно-духовно помянули его в сороковой день⁷ молитвою в храме Божиим, на могиле, и в келлии Архимандрита⁸. Умиленно прослушали за трапезой монашеской последнее-печальное слово писателя-христианина: «Светлое Воскресение»⁹. <...>

Первые опубликовано: Обоз к потомству с книгами и рукописями. Из записок Н. В. Сушкова / 18. Гоголь // Раут. Исторический и литературный сборник. Издание Н. В. Сушкова. М., 1854. Кн. 3 (цензурное разрешение 10 февр.). С. 357, 395–396, 398–399, 409. Печатается по первой публикации.

Николай Васильевич Сушков (1796–1871), драматург, поэт, журналист, дядя поэтессы графини Е. П. Ростопчиной (рожденной Сушковой).

К своему «Обозу...» Н. В. Сушков собирался присоединить в 1853 г. письмо Ф. Ф. Вигеля к Гоголю от 18 февраля 1847 г. и письмо П. Я. Чаадаева к князю П. А. Вяземскому от середины марта 1847 — весны 1848 г. (о «Выбранных местах из переписки с друзьями»), однако решением товарища министра народного просвещения А. С. Норова от 24 сентября 1853 г. публикация этих писем была запрещена (см. в наст. изд. коммент. к упомянутому письму П. Я. Чаадаева князю П. А. Вяземскому и коммент. к дневниковой записи О. М. Бодянского от 26 января 1853 г.).

¹ Сохранился экземпляр издания: Бедность и благотворительность. Драма в пяти действиях, с куплетами. Н. В. Сушкова. М., 1847 (цензурное разрешение 7 авг.); 87 с., — с дарственной надписью автора: «Николаю Васильевичу Гоголю. Сушков» (воспроизведено в виде фотоконии в изд.: Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 689).

² Цитируются слова о святителе Филарете, митрополите Московском и Коломенском, из воспоминаний А. С. Стурдзы (см.: *Стурдза А. С. Беседа Любителей русского слова и Арзамас в царствование Александра I-го — и мои воспоминания* // Москвитянин. 1851. № 21. Ноябрь. Кн. 1 (цензурное разрешение 24 окт.). С. 12).

³ «Греческие стихотворения» Н. Ф. Щербины были изданы в Одессе в 1850 г.

⁴ Приход церкви преподобного Пимена Великого в Старых Воротниках (Старопименовский переулочек, 5/9).

⁵ «Новые греческие стихотворения» Н. Ф. Щербины были изданы в Москве в 1851 г.

⁶ Сходные советы Гоголь давал поэтам Н. М. Языкову и Ф. Н. Глинке (см.: *Виноградов И. А. Народная песня в творчестве Гоголя // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М., Киев, 2010. Т. 17. С. 704–706*; а также в наст. изд. «Воспоминания о графе П. И. Капнисте» графини И. П. Капнист).

В конце 1835 г. в Петербурге Гоголь, после завершения 4 декабря работы над «Ревизором», на одном из вечеров у князя В. Ф. Одоевского или у В. А. Жуковского встречался также с поэтом В. Г. Тепляковым, готовившим тогда к изданию свои «Фракийские элегии»: Стихотворения Виктора Теплякова. СПб., 1836 (цензурное разрешение 17 апр.). Т. 2. Ч. 1. Фракийские элегии. (Писаны в 1829-м году). Ч. 2. Стихотворения разных годов; с предисловием князя В. Ф. Одоевского от 16 марта 1836 г. (книга вышла в свет осенью 1836 г.; рецензия А. С. Пушкина на это издание появилась, без подписи, в 1836 г. в третьем томе журнала «Современник»). В. Г. Тепляков в своем дневнике «Греция и возвращение в Россию. Афины, 14/26 октября 1834 г.», отмечая свои встречи в Петербурге с 15 октября 1835 по 21 июля 1836 г., записал:

«1835 год. <...> Ночью в дилижансе в Петерб<ург>. 15-го октября — <Ю. Н.> Бартев. Остановился в Обух<овской> гостинице. Переход к Демуту <в трактир Демута на набережной Мойки>. <...> Вечера кн<язя> <В. Ф.> Одоевского и Жуковского. Соболевский, <А. С.> Норов <1 нрзб.> — Плетнев. — <А. П.> Величко. Пушкин. Гр<аф> М<их>. Виелгурский. — Крылов. — Бенедиктов. — Гоголь и его «Ревизор». — Переход к <1 нрзб.>.

1836. Встреча нового года у кн<язя> Одоевского. Фр<акийские> Эл<егии> у Жуковского для прочтения при Вел<иком> князе <Алексадре Николаевиче> <1 нрзб.>. <...> Благополучное окончание дела. — Отправление в К<онстантинополь>. — Печатание II тома стихотворений. <...> ...<Б. А.> Врасский. — <В. О.> Балабина и проч. — В П<етербург>ге до 21 июля» (*Фрейдель К. В. Пушкин в дневнике и письмах В. Г. Теплякова // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1969. Т. 6. С. 278*).

Еще одна встреча В. Г. Теплякова с Гоголем (не отмеченная в цитированном дневнике) состоялась 5 февраля 1836 г. на вечере у П. А. Плетнева (см. в наст. изд. дневниковую запись А. Н. Мокрицкого от этого числа, а также письмо Ф. Ф. Вигеля к М. Н. Загоскину от 31 мая 1836 г.).

⁷ 31 марта 1852 г.

⁸ Имеется в виду архимандрит Пармен (Соколов) (ум. в 1855), настоятель Свято-Даниловского монастыря с 1848 г.

⁹ Статью Гоголя «Светлое Воскресенье» читал С. П. Шевырев.

Из писем графини Е. П. Ростопчиной

Графиня Е. П. Ростопчина — М. П. Погодину

<Конец ноября 1849. Москва>

<...> С радостью приеду в вашу келью прочесть *Нелюдимку* вам, Шевыреву, Щепкину, Садовскому, Вельтману, если можно, нашему Гоголю, и вообще кому вам угодно. Назначьте мне день и час; я заранее даю вам слово явиться аккуратно, а вы знаете, что слово мое *всегда* исполняется!¹ <...>

Впервые опубликовано: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1895. Т. 10. С. 333. Печатается по первой публикации.

Графиня Евдокия Петровна Ростопчина (рожд. Сушкова, 1811/12 — 1858), племянница Н. В. Сушкова, поэтесса.

О встречах Гоголя с графиней Е. П. Ростопчиной в Риме в конце 1845 — начале 1846 г. — и об отношении к ней Гоголя — см. в наст. изд. в разделе *Гоголь в воспоминаниях и письмах Н. В. Берга*.

¹ Написано в ответ на предложение М. П. Погодина прочесть драму «Нелюдимка» на его вечере.

Графиня Е. П. Ростопчина — М. П. Погодину

<Последние числа ноября — до 3 декабря 1849. Москва>

<...> Благодарствуйте, благодарствуйте, и от души, Михаил Петрович! <...> Горю желанием *низко, низко поклониться Островскому*. <...> ...Если наш Гоголь решится осчастливить меня своим вниманием, то я тем более ему обрадуюсь, что уж более полугода с ним не видалась и даже ничего не знаю о его здоровье!¹ <...>

Впервые опубликовано: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1895. Т. 10. С. 334. Печатается по первой публикации.

¹ Написано в ответ на сообщение М. П. Погодина о приглашенных на вечер 3 декабря 1849 г.

Графиня Е. П. Ростопчина — М. П. Погодину

<Декабрь, после 5 числа, 1849. Москва>

<...> А что наши литераторы люди *не светские*¹, в этом виноваты не они, а все наше безграмотное, бестолковое, антинациональное высшее общество, не любящее ни русского слова, ни русского характера, ни русского человека. Мои милые французы и те, которых вы мне называете, образовались в лучшем круге, возле женщин, каковые были: Сталь, Рекамье, Pauline de Meulan (первая жена и воспитательница Гизо), следственно, — как же сравнивать? — А посмотрели бы вы Тьера и теперешних выскочек! Вот грубияне, неучи и дикие в полном значении. Нет, и у нас бывали люди, когда было кому их образовывать, когда были открыты дома Муравьева, Карамзина, княгини Волконской; а теперь, где свет, где теплота, где духовная жизнь, от которой бы развиться нежным цветам светского обхождения, светской ловкости, светского навы-

ка?.. Повторяю, люди есть, нужна им обработка, а это женское дело, а наши дамы играют в преферанс, злословят, сплетничают между собой,

— *К военным людям так и льнут*, —

да принимают ласково только камер-юнкеров, да богатых женихов. Зачем им бедные поэты, не завитые писатели, не смазливые ученые?.. *Cela d'écarterait leur salon*², а вот потому-то и хочу я затеять у себя сперва притон, и потом, мало-помалу, завести и *салон* для артистов, мыслящей и пишущей братии. <...>

Гоголю я назвала Смирнову потому, что из всех светских измен и обманов, для меня всех тягостнее, всех ужаснее те, которые происходят от существа, щедро одаренного, особенно от женщины: я еще того устаревшего, классического верования, что женщину Бог послал на землю, чтоб любить, мирить и благотворить... Виновата, — *я мщу*, говоря правду, тем хуже для тех, кому она глаза колет! <...>

Первые опубликовано: *Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина*. СПб., 1895. Т. 10. С. 338–339. Печатается по первой публикации.

¹ По свидетельству Н. П. Барсукова, эти слова графини Е. П. Ростопчиной являются ответом на замечание М. П. Погодина в письме к ней от 5 декабря 1849 г., что «наши авторы очень глупы и не умеют обходиться с женщинами» (*Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина*. СПб., 1895. Т. 10. С. 338). Эту же фразу, частично относящуюся, по видимому, и к Гоголю, М. П. Погодин записал ранее, 3 декабря 1849 г., в своем дневнике (см. в наст. изд.). Сын М. П. Погодина Д. М. Погодин позднее свидетельствовал: «...припомнил мне ответ Гоголя известной поэтессе, графине Ростопчиной, которая, будучи у нас на вечере, когда А. Н. Островский читал в первый раз свою комедию “Банкрут” (переименованную впоследствии в “Свои люди — сочтемся”), по окончании чтения подошла к Николаю Васильевичу и спросила его: “Отчего он сделался таким отшельником-бюроком и не бывает у ней?” “Зачем? — процедил сквозь зубы сконфуженный автор “Мертвых душ”, — я не понимаю вас, вы не понимаете меня; я чужд циклу ваших идей, вы — моему...”» (см. в наст. изд. статью П. К. Мартянова «Гг. Погодины и газета “Жизнь”»).

² Это портило бы вид их салона (*фр.*).

Графиня Е. П. Ростопчина — В. А. Жуковскому

1/13 марта 1852 г.

Принимаюсь за перо, Василий Андреевич, чтобы поблагодарить вас за ваш прекрасный, отраднй подарок, и вместе с тем, чтобы отвечать вам за приношение приношением. Но, к несчастью, наши не похожие на ваши, — от вас все усладительное — все это доказывает редкий и благотворный избыток мысли, жизни, сил: от нас, — вести о смерти, об утрате, об уничтожении дарования и творчества, — какая противоположность!

Вероятно до вас уже достигли слухи о смерти, почти неожиданной, Гоголя... Это одно слово красноречивей целых инфолий, — и более доскажет вам грустного, чем все описания! Не стало *его*, нашего представителя перед Европою в качестве народного повествователя и моралиста, — *его*, которого так убийственно хвалили и так несправедливо порицали у нас в последние годы, — *его*, кому непрощенные друзья более вредили, и во всех отношениях, чем самые опасные враги; — *его* — столь великого и гениального в своей сущности, и столь умаленного ложными учениями и направлениями, привитыми его слабой натуре этим язвою — роем шмелей, везде прилипающих к таланту, чтобы его задушить в своих эгоистических объятиях...

Но, к вечному и неутешному нашему горю, в последний год его недожитой жизни, Гоголь переработался, окреп, выздоровел душою и телом, победил это наитие трансцендентальных бредней и теорий, которыми его отравляли *друзья*, принялся опять работать, воскрес — и окон-

чивши вторую часть *Мертвых Душ*, обещал нам новые создания своего созревшего таланта, — и вот, в эту самую минуту, он у нас похищается, не столько болезнью, сколько убийственным упрямством (он отказывался принимать не только лекарства, но даже пищу!) и к довершению этой безутешной утраты, — вообразите, — он сжег все свои бумаги, все рукописи, тетради, черновые, переписанные, — все, все, до последнего клочка, и мы никогда не узнаем, что нам приготовил его светлый, исполинский ум, освободившийся из-под гнета его долго опутывавших обстоятельств, недугов, влияний!..

Жаль, невыразимо жаль его, а *пуще вас*, и ваше сердце, нянчившее и взлелеевшее Гоголя столь нежным попечением и сочувствием, ваше теплое сердце, матерински открытое всякому молодому дарованию, — оно поймет, оно разделит те чувства тяжелой скорби, которыми полно теперь все, что знало, ценило и любило бедного Гоголя! — В прежние две зимы, им проведенные в Москве, я его редко видела; он удалялся от всех, хандрил, отмалчивался, и мне слишком больно было его таким встречать, нынче же он опять стал бывать у меня, шутить, показывать, что ему приятно мое всепреданное уважение; нынче он сам *говорил мне с удовольствием* о приготовляемых им новинках, — а вы знаете, как это редко с ним случалось, и как много доказывала в нем бодрости такая сообразительность!..

Я радовалась, благодарила Бога, — а вот и всему конец, и это возрождение было только предшественником его смерти! — С головы его чудно прекрасной выразительной в гробе, в день его торжественных и *утешительных* похорон (о которых вы, конечно, уже подробно извещены) с головы его выпросила я несколько веток и цветов, и спешу уделить вам часть моего сбора — вам, первому покровителю покойного, кому он обязан началом своей известности, и кого он не переставал благословлять, в чем, впрочем, вторим ему от души, и все мы, поклонники души вашей столько же, сколь и Вашей славы! — Еще посылаю вам рисунок, его портрет, набросанный для меня одним из наших новых поэтов (не в смысле Некрасовском только!) *Бергом*, прекрасным и ревностным тружеником и поборником русского слова. Этот эскиз один из удачнейших, между многими, схваченными нашими артистами и любителями в эти три дня нашего поклонения усопшему. — Потому-то место его в руках ваших! Еще посылаю вам несколько строк, посвященных мною памяти друга, собрата, учителя; они, говорят, выразили на свежей гробнице общее чувство всех сердец, проникнутых общою утратою. Как-то покажутся они *вам*, чье одобрение мне всегда так драгоценно! <...>

Впервые частично опубликовано: *Гофман М. Л.* Последние дни Гоголя. (Новые материалы) // Руль. (Берлин). 1925. 25 янв. № 1260. С. 2–3. Печатается по изд.: Из архива В. А. Жуковского. Сообщил М. Л. Гофман // Благонамеренный. Журнал русской литературной культуры / Редактор кн<язь> Д. А. Шаховской. Руководитель Григ<орий> Соколов. (Брюссель), 1926. Кн. II. Март–апрель. С. 145–148.

Письмо было отправлено В. А. Жуковскому А. Я. Булгаковым.

Графиня Е. П. Ростопчина — П. А. Плетневу

Москва, 4 марта 1852.

<...> ...Вот Вам, добрый и душевно уважаемый друг мой, вот Вам *посылка*, которую смело можете назвать замогильною, — *цветы с головы Гоголя в гробу*, собранные мною для немногих и лучших его избранных... <...> Здесь наверное уже знают, что он за несколько дней до кончины сжег *все*, что у него было бумаг: *два часа горело*... Какое самоубийство!.. Но вчера мне сказали, тоже наверное, что будто в Петербурге есть рукописный экземпляр второго тома *Мертвых*

---

¹ Этот портрет Гоголя в гробу (карандашный рисунок) находится в настоящее время в Онегинском музее. — *Примеч. М. Л. Гофмана.*

Душ, посланный им через гр<афа> Михаила Ю. Виельгорского в собственные руки Государя... Дай-то Бог, чтоб то была правда!.. <...>

Впервые опубликовано: Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 3. С. 758–759. Печатается по первой публикации.

Графиня Е. П. Ростопчина — М. П. Погодину

23 мая 1852 г.

<...> Не сержусь я на вас, — да и не за что: доброе слово от души меня никогда не сердит, — но поймите же меня, наконец, и знайте, что мне несродно, невозможно идти в ногу с общим мнением, а скорее всегда приходится следовать по своей собственной стезе, наперекор ему, потому что оно, это знаменитое общее мнение, всегда составлено из личной придури каких-нибудь водителей, которым безмолвно и глупо повинуются толпа, не имеющая своего суждения. Оно-то теперь и вздумало превозносить уродство паче прекрасного, — грязь и бедность душевную выше гения и любви, прозу над идеалом; она-то, неспособная сочувствовать ничему великому, обрадовалась произведению новейшей литературы, представившему ей картину посредственности, обиденности и обыкновенности, где она с наслаждением узнает и называет знакомые все лица... Оставьте Гоголя! Разве я когда-нибудь думала, могла думать его тревожить и оскорблять?.. Разве я не из первых, едва ли не искреннее и смелее всех прочих, отозвалась воплем дружбы и уважения над его прахом и памятью мне дорогими?.. Не путайте дела! Оно не между Гоголем и Жуковским, — эти два великие любители и понимали друг друга! Да Гоголь-то, что он сам, как не сильнейший из поэтов?.. Не клеймил ли он своим презрением и своим горьким смехом все низкое и презренное в любимом или уважаемом человечестве. Этот горький смех не есть ли в нем болезненная, но трепещущая поэзия... Гоголь описывал смешное и отвратительное, — да человек-то в нем всегда оставался неприкосновенен, личность его осталась на высоте своей гениальности. — Нет, — борьба между бездарными подражателями, непризнанными творителями, которые, раскусив, что им на поприще поэзии нет места и дела, обрадовались возможности действовать в прозе, — и принялись наперерыв утучневать навозом своим широкое поле осиротевшей литературы... Легко, удобно, выгодно! Вот они и хвалят этот род литературы, единый, который им по плечу. Гоголь у них знамя, украденное знамя, которым они прикрывают свою нищету и наготу! Гоголь у них камень, которым они хотят уничтожить и раздавить ненавистную им поэзию!.. *Die Ideale sind zerronnen!* А за них-то, за идеалы, кумиры моей молодости, заступаюсь я, и смело выхожу и ополчаюсь при каждом случае против реалистов, германистов, грязистов и всей пресмыкающейся пишущей братии. <...>

Впервые опубликовано: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1897. Т. 11. С. 94–95. Печатается по первой публикации.

Графиня Е. П. Ростопчина — А. В. Дружинину

Москва, 23-е апреля 1854.

<...> ...Я нахожусь в новом раздраженьи и озлобленьи по поводу новых странных и нелепых толков москвичей и, особенно, *москвитян* обо мне. <...> ...Г<осподин> Хомяков, личный враг мой (потому что я некогда не захотела принять его немойтой руки), давным-давно разглашает о мне разные небылицы, называет меня *врагом* Руси и православия... <...> Они сочинили нам какую-то мнимую древнюю Русь, к которой они хотят возвратить нас, <...> эти люди убили нам

Языкова во цвете лет, удушили его талант под изуверством; эти же люди уходили Гоголя, окормя его лампадным маслом, стеснив его в путях суеверных обрядов запоздалого фанатизма, который для них заменяет широкую благодать настоящей веры, коей признак есть терпимость и любовь, а не хула и анафема! Вот за что я спорю с этою шайкою московских мудрецов постников... <...>

Впервые опубликовано: Письма к А. В. Дружинину (1850–1863) / Ред. и коммент. П. С. Попова. (Гос. лит. музей. Летописи. Кн. 9). М., 1948. С. 267–268. Печатается по первой публикации.

Графиня Е. П. Ростопчина

Похороны Гоголя Фрагмент

<...> Вечная память <...> тебе, горячее сердце патриота, понявшее святую Русь, и посвятившее ей свои лучшие, свои любимейшие вдохновения!.. <...> Теряем тебя в полном цвете жизни, <...> в то самое время, когда здоровье твое казалось нам восстановленным, после многолетних потрясений, и когда, обманутые твоим мнимым возрождением, мы ожидали от тебя так много дивных созданий и красноречивейших страниц... <...> Около гроба Гоголя, под влиянием общего чувства горестной утраты, стеклось со всех концов Москвы всё, что уважало талант его, чтило его личность. Всё, что сочувствовало славе отечества и дорожило его знаменитостями, окружало почтительно того, кого все оплакивают столь единодушно. У Гоголя не было в Москве ни семейства, ни родственников, а между тем у него нашлась семья, огромная семья — соединенная узами одного и того же сожаления, одной и той же печали. — При жизни Николая Васильевича болезнь иногда отдаляла его даже от самых преданных ему друзей; нынче все друзья и все почитатели встретились у подножия гроба его... <...> На руках понесли и донесли Гоголя до могилы сперва профессора, потом студенты Московского университета, которого он был почетным членом, и, наконец, бесчисленное множество любителей русского слова и русской славы. От церкви Университета до самой ограды отдаленного монастыря не только огромный поезд не убавлялся и не разрознивался, но к нему беспрестанно приставали новые путники и провожатели разных званий и сословий. <...>

Впервые опубликовано: <Ростопчина Е. П., графиня>. *Гр. Е. Р. . . на. Похороны Гоголя* // Ведомости Московской Городской Полиции. 1852. 27 февр. № 47. С. 201; в разделе «Часть неофициальная», с подписью: «Москва. Воскресенье, 24 февраля 1852». Печатается по первой публикации.

Гоголь в воспоминаниях Д. К. Малиновского

Д. К. Малиновский

<История знакомства>

В 1847-м году, будучи московским студентом 2-го курса, послал я чрез покойного С. П. Шевырева¹ большой пакет к Гоголю в Италию², куда он (в предисловии ко второму изданию *Мертвых душ*) просил своих читателей выслать ему заметки, которые помогли бы ему более узнать Россию³. Содержанием моего юношеского послания были мои собственные личные излияния пред человеком, которого в своем представлении далеко отделил я в то время от всех

известных мне современников, высоко ценя искренность, свежесть, живой аромат его поэзии. Замечу здесь, что я ждал получить отзыв на каждое свое чувство, на каждую частную мысль свою — отзыв гениального творчества на все неустраившиеся струны души моей. И пусть не осудит читатель молодого человека, когда сознаюсь, что получив первое короткое и сжатое письмо Гоголя⁴, я был недоволен им... Лестный отзыв писателя о моих силах прошу читателя отставить без особого внимания.

Как ни мало удовлетворило меня первое письмо Гоголя⁵, но, сделавшись ему знакомым, я, конечно, не думал покидать этого знакомства. Особым толчком для моих новых писем к именитому и любимому писателю, и отчасти для нового содержания этих писем послужило появление «Переписки с друзьями». «Вы открыли светской литературе дверь в новую область», — с трепетом радости писал я к Гоголю⁶, тогда как вокруг меня раздавались порицания той же самой книги. Я сообщил ему некоторые собственные бывшие тогда в голове моей мысли, и их-то он называет во втором письме⁷ моею *философиею*.

По получении второго письма Гоголя однажды мне говорят, что у меня был невысокий господин в белой, пуховой шляпе и велел мне сказать: был у меня тот, кого я так желал видеть; велено также было мне передать, что он едет теперь в Петербург, но скоро возвратится и остановится у Погодина⁸. Я догадался, что это был Гоголь. Ко времени возвращения Гоголя в Москву я написал ему записку. «М<илостивый> Г<осударь> Н<иколай> В<асильевич>. Вы поставили меня в совершенно неловкое и затруднительное положение. После вашего визита ко мне, каким вниманием могу отвечать вам я? Зачем вы лишили меня таким образом свободного к вам обращения!.. Извините за смелую откровенность, но думаю, что, по отношению между нами, правильнее было бы, если б вы с своей стороны уведомили меня запискою о вашем желании видеть меня...» С чувством тревоги ехал я потом на Девичье Поле... Не знаю, как достало у меня смелости позвонить в колокольчик у двери М. П. Погодина. Но будучи введен наверх, будучи прежде всего искренно спрошен о своем здоровье, будучи вдруг поставлен духовно возвышенным человеком в сродную мне простодушную сферу отношений человека к человеку, я почувствовал себя вполне своим с первого слова...

Через год (в 1849 г.) я поступил юнкером в 17-ю артиллерийскую бригаду, содержавшую, побатарейно, караулы в Москве. Как до того времени, так и во время моего пребывания в Москве юнкером, я очень нередко бывал у Н. В. Гоголя, квартировавшего, как известно, на Никитском бульваре, в доме гр<афа> Толстого.

Первые опубликовано: <Погодин М. П.> Два письма Н. В. Гоголя // Русский Архив. 1865. № 9. Стб. 1278. См. также: Малиновский И. Д. Знакомство Гоголя с моим отцом // Записки Общества истории, философии и права при Императорском Варшавском университете. 1902. Вып. 1. С. 77–91. Печатается по первой публикации.

Дмитрий Константинович Малиновский (1826–1871), студент математического факультета Московского университета, впоследствии преподаватель математики во 2-м Московском кадетском корпусе; один из прототипов помещика Тентетникова во втором томе «Мертвых душ». См.: Виноградов И. А. «А нет ли и во мне какой-нибудь части Чичикова?» Проблемы интерпретации и текстологии второго тома поэмы // Гоголевский вестник. М., 2007. Вып. 1. С. 184–198; Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 14. С. 513–542.

¹ Степан Петрович Шевырев (род. в 1806) скончался в 1864 году.

² Имеется в виду письмо Д. К. Малиновского к Гоголю от 19 декабря 1845 — 13 декабря 1846 г.

³ Имеется в виду предисловие ко второму изданию первого тома поэмы «К читателю от сочинителя» (1846). На это предисловие откликнулась также некая жительница Ветлужского уезда Костромской губернии. Среди бумаг Н. С. Тихонравова в рукописном отделе РГБ хранились (до 2008 г.) ее обширные воспоминания о столичной жизни, озаглавленные «Материалы для [второго тома] продолжения “Мертвых душ”, доставленные Н. В. Гоголю из провинции, по его печатной просьбе» (РГБ. Ф. 298. Разд. I. К. 37. Ед. хр. 4; указано Н. Л. Виноградской в изд.: Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. М., 2012. Т. 7. Кн. 2. С. 601; в настоящее время эта рукопись, оставшаяся неопубликованной,

утеряна и по указанному шифру не числится). Воспоминания неизвестной были отправлены Гоголю П. А. Плетневым при письме к М. П. Погодину от 6 июля 1851 г. (см. в наст. изд.). 15 июля 1851 г. Гоголь отвечал Плетневу: «Получил пересланное тобой описание [филантропического] филармонического быта в большом свете, по поводу «Мертвых» д<уш>». Две страницы пробежал: правописание не уважается и грамматика плоха, но есть, показалось мне, наблюдательность и жизнь».

⁴ Первое письмо к Д. К. Малиновскому было отправлено Гоголем при письме к С. П. Шевыреву от 10 марта (н. ст.) 1847 г. и получено Шевыревым в день Пасхи 23 марта.

⁵ «Числа и года не означено на обоих письмах» (примеч. М. П. Погодина).

⁶ Имеются в виду следующие строки письма Д. К. Малиновского к Гоголю от 5 апреля 1847 г.: «Может быть, я брежу, а мне думается, что ваша книга — дверь в новую область». Эти слова Малиновский напомнил Гоголю два года спустя, в письме от 22–25 апреля 1849 г.: «Прочитав вашу книгу, я написал к вам, что вы по моему мнению открыли ею для пера дверь в новую область».

⁷ Письмо Гоголя к Д. К. Малиновскому от июля (н. ст.) 1847 г. из Франкфурта или Остенде.

⁸ Гоголь приехал в Москву 7 сентября 1848 г. и выехал в Петербург 12 сентября вечером или 13-го утром. В Москву Гоголь вернулся через месяц, 13 октября 1848 г.

Д. Малиновский

Нечто о Гоголе¹

В № 9-м «Русского Архива» за 1865 г.¹¹ напечатаны два письма ко мне Гоголя. Передам здесь еще нечто о покойном [Гоголе — те]¹¹¹ отрывочные мысли, которые мне пришлось от него слышать и которые сохранились в моей памяти. Это^{11V} для читателя не лишнее; лишним считаю — воспроизвести в целостности свое оригинальное знакомство с покойным писателем, о чем уже^V сказано несколько слов в «Русском Архиве».

«*Всякий человек есть Господня святыня*», — сказал^{11V} мне однажды Н<иколай> В<асильевич>. «Эти слова, — продолжал он, — взяты, кажется, из Священного Писания; их сказал мне один благочестивый священник. Вот как должно нам смотреть на каждого человека». Умолчать ли, что эти простые слова Гоголя, с восприимчивостью усвоенные пишущим эти строки, имели большое влияние на его последующий образ мыслей? Прежде мой взгляд на людей был¹¹¹ почти таков, что только эрудиция делает человека *человеком*. Потом я думал уже иначе — все люди в известном отношении предо мною поравнялись, не взирая на различие своего образования, и даже, смею сказать, своего нравственного состояния. Суждение о дурном поступке я стал отделять от суждения о целом человеке и невлюбил решительных и полных нравственных осуждений человека, в роде, напр<имер>, частого в житейском разговоре словца «подлец». С тех же пор по-своему я понял смысл христианской молитвы, заставляющей каждого из нас называть первым грешником самого себя.

Однажды разговор коснулся некоторых мнений о Божестве Искупителя. «Может ли обыкновенный человек, — сказал Гоголь, — назвать себя Богом и тут же не потерять рассу-

¹ *Вместо заглавия:* Нечто о Гоголе — в автографе первоначально было: Воспоминание о Гоголе.

¹¹ за 1865 г. *вписано*.

¹¹¹ *Вместо:* о покойном [Гоголе — те] — в газетной публикации: о покойном.

^{11V} *Было:* Все это

^V уже *вписано*.

^{11V} *Было:* передал

¹¹¹ *Далее было:* таков

ка? Александр Македонский велел себе воздавать божеские почести тогда уже, когда помрачил свой разум^I. Сказать слова Спасителя мог только Бог»^{II}.

Раз мы разговорились о чудесах христианского мира. «Чудо, — сказал покойный Н<иколай> В<асильевич>, — не есть^{III} явление противуестественное; все дело в том, что мы естество-то знаем близоруко, и, конечно, никогда его не узнаем как должно. Некоторые чудеса, описанные в Библии, считались противуестественными, а потом, глядишь, наука же открывает, что они естественны и возможны».

Мы говорили об истинно великих людях. «Очень замечательно, — сказал Гоголь, — что люди нравственно великие и что-либо благое для человечества сделавшие, рождались всегда от отца и матери не мелкодушных, благочестивых и добродетельных». Теперь не помню, какие именно исторические примеры приводил он мне здесь.

«Скажите, Н<иколай> В<асильевич>, — спрашивал я, — как так мастерски, рельефно и живо умеете вы представлять всякую пошлость». Легкая улыбка показалась на его лице и после короткого молчания он тихо и доверчиво мне сказал^{IV}: «Я представляю себе, что чорт большею частью так^V к человеку близок, что^{VI} без церемонии его^{VII} оседлывает, и^{VIII} шпорит куда хочет, заставляя его^{IX} делать дурачества за дурачествами^X».

Суетных молодых людей образованного общества Н<иколай> В<асильевич> любил называть *щелкопёрами*, и говорил, что большею частью они не знают чорта потому, что сами для него вовсе не интересны; он их оставляет без всякого внимания в полной уверенности, что они и сами не уйдут^{XI} от него; «разве, разве, — прибавил он, — когда-нибудь он спрячет у них перчатку, и они долго не найдут ее, вот все его проделки с ними»^{XII}.

Я как-то заметил ему по некоторому случайному поводу, что творчество таланта должно быть, как мне кажется, легко, свободно, игриво^{XIII}. «Да, — отвечал он, — оно похоже на игру шампанского».

^I Было: рассудок

^{II} Фрагмент: Умолчать ли - только Бог». — зачеркнуто в рукописи карандашом; в газетной публикации отсутствует.

^{III} В газетной публикации вместо: не есть — исправлено: не всегда есть

^{IV} Фрагмент: «Скажите, Н<иколай> В<асильевич> - мне сказал — зачеркнуто в рукописи карандашом; в газетной публикации отсутствует. Вместо него в автографе карандашом вписано и в газетной публикации напечатано: Говоря об изображении человеческих глупостей, Н<иколай> В<асильевич> сказал

^V так зачеркнуто в рукописи карандашом; в газетной публикации отсутствует.

^{VI} что зачеркнуто в рукописи карандашом; в газетной публикации отсутствует. Вместо этого в автографе вписано и в газетной публикации напечатано: и

^{VII} его вписано.

^{VIII} Вместо: и — было: его

^{IX} В издании 1902 г. вместо: как так мастерски - заставляя его — следует: как так мастерски вы умеете представлять всякую пошлость. Очень рельефно и живо!» Легкая улыбка показалась на его лице, и после короткого молчания он тихо и доверительно мне сказал: «Я представляю себе, что чорт, большею частью, так близок к человеку, что без церемонии садится на него верхом и управляет им как самую послушную лошадью, заставляя его

^X Вместо: делать дурачества за дурачествами — было: делать всякие дурачества.

^{XI} Было: не пойдут. В газетной публикации: не идут

^{XII} В издании 1902 г. вместо: Суетных молодых людей - его проделки с ними». — следует: Суетных образованных молодых людей Н<иколай> В<асильевич> любил называть *щелкопёрами* и говорил, что они большею частью незнакомы с чортом потому, что сами для него вовсе не интересны, и он их оставляет самим себе без всякого внимания с своей стороны, в полной уверенности, что они не уйдут и сами от него: «разве, разве, — прибавил он, — когда-нибудь он спрячет у них перчатку, и они долго потом ее ищут; вот все проделки его с ними».

^{XIII} В газетной публикации: легко, свободно, живо. В издании 1902 г.: легко, свободно и живо.

С предчувствием или без предчувствия великой реформы 19го февраля¹, Н<иколай> В<асильевич> сетовал на то, что наши образованные и благородные люди не привыкли и не хотят заниматься никакой ручной¹ работой, что человеку так необходимо и спасительно. «Как мне приятно и полезно, — прибавил он, — то, что я стараюсь обходиться без слуги и сам (иногда?) мету себе комнату»^{II 2}.

Однажды разговор зашел о новом тогда произведении Островского «Свои люди сочтемся». «Я дважды слышал эту пьесу в чтении, один раз читал мне ее Садовский, в другой раз сам автор», — сказал Гоголь³. Некто позволил себе здесь заметить, что это пьеса, от первой строки до последней написана узорчатым языком, и что было бы с нею, если б все ее разговоры перевести на обыкновенный простой язык. «Да, — сказал Гоголь, — может быть она тогда кое-что потеряла бы. По моему мнению, автор сделал в своей пьесе то упущение, что старик-отец в последнем акте вдруг, без ведома читателя и зрителя, является узником. Я бы на месте автора предпоследний акт непременно кончил тем, что приходят и берут старика в тюрьму; тогда зритель и читатель были бы приготовлены к силе последних сцен»^{III}.

Когда мне случалось упоминать о *Мертвых Душах* и о неизвестном мне втором томе, то Гоголь всегда говорил, что надеется вывести в этом томе личности крупнее предшествовавших^{IV}.

Были и, может быть, есть люди, говорящие, что Гоголь в последнее время^V был чуть ли не помешан. Подобные речи может быть имеют для себя какое-нибудь основание. Я с своей стороны таких оснований в знакомстве с Гоголем не находил. Во-первых, я с моей точки зрения никогда не находил какой-либо логической уродливости в «Переписке с друзьями», напротив, как сказано в «Русск<ом> Архиве», относился к ней с живым и сильным сочувствием; во-вторых, и при личных свиданиях с Гоголем, продолжавшихся до первых чисел января 1852 г.^{VI}, я мог в нем видеть только усталого, сосредоточенного и глубокомысленного человека. До сих пор неизгладимо во мне ясное впечатление мягкого, благородного, серьезного и в то же время бе-

¹ Было: никакими ручными

^{II} В издании 1902 г. вместо: наши образованные ~ мету себе комнату». — следует: наши так называемые образованные и благородные люди не привыкли и не хотят заниматься никакими ручными работами, тогда как это человеку необходимо и спасительно. «Как мне приятно и полезно, — прибавил он, — то, что я стараюсь обходиться без слуги и сам (иногда) мету себе комнату».

^{III} Слова Гоголя я передаю, как могу, своими словами, и не имею таланта воспроизвести характерное его слово; короче сказать, я передаю его мысли, а не подлинные слова. — Примеч. Д. К. Малиновского в автографе. В газетной публикации примечание исправлено: Слова Гоголя я передаю, как могу, своими словами, и не имею таланта воспроизвести характерную его речь, короче сказать, я передаю его мысли, а не подвижные слова. В издании 1902 г. это примечание отсутствует.

В рукописи слова: последних сцен — исправлены карандашом: последними сценами (исправление не нашло отражения в газетной публикации). В издании 1902 г. вместо: без ведома читателя - к силе последних сцен — следует: без всякого ведома и ожидания читателя и зрителя, является узником. Я бы на месте автора предпоследнее действие непременно окончил бы тем, что приходят и берут старика в тюрьму. Тогда и зритель и читатель были бы ощутительно приготовлены к силе последнего акта.

^{IV} В издании 1902 г. вместо: Когда мне случалось ~ крупнее предшествовавших. — следует: Когда разговор заходил о «Мертвых Душах» и о неизвестном мне тогда втором томе, то Гоголь всегда говорил, что надеется вывести в нем личности крупнее предшествовавших.

^V В газетной публикации: в последние дни

^{VI} Когда я отправился на службу в г. Новоржев Псковск<ой> губ<ернии>. — Примеч. Д. К. Малиновского.

зыскусственного и простого образа Гоголя^I. Покойный не отталкивал меня от себя, [как другие], ни гордостью, ни какою-либо натянутою^{II} сдержанностью, ни самую серьезною своею самоуглубленностью. Познакомившись с ним, я уже не сетовал на краткость и скупость его выражения^{III}, ибо знал, что они происходят не от эгоизма. Безыскусственная окончательность его внешнего образа была полная, по самому^{IV} придирчивому глазу нельзя было заметить в нем никакой претензии, кроме свежести и чистоты костюма. Как теперь помню небольшой рост, солидный сюртук, бархотный глухой жилет, высокий галстук и длинные темные волосы, гладко падавшие на острый профиль. Разговаривая или обдумывая что-нибудь, он потряхивал головой, откидывая волосы назад, или иной раз вертел небольшие красивые усы свои; при этом бывала и добродушная, кроткая улыбка на его лице, когда он, доверчиво разговаривая, поглядывал вам в лицо. Когда беседа не оживляла его, он сидел немного откинувшись назад и несколько скорбившись, как будто утомленный или углубленный в продолжительную думу. Бывали также минуты, когда он быстро ходил и почти бегал по комнате, говоря, что этого требует его нездоровье, а остывавшая будто бы его кровь. — В беседах о страданиях человека прекрасная природа его^V никогда себя не унижала до сетования на них; задумчивый и прекрасный образ Гоголя как будто молча учил терпению, любви и добру.

Я бывал у Гоголя по его назначению, всегда утром, должно быть^{VI} около 1го или 2го часа. Раз был при мне С. П. Шевырев, несколько знавший меня. По поводу моей личности начался небольшой разговор о философских способах вести жизнь. Гоголь ходил по комнате, Шевырев стоял у печки и рассуждал на ту тему, что полезно и должно избегать всех крайностей, и держаться в жизни середины. «Да! золотая середина!.... Подите-ка — отыщите ее!! Она-то самая трудная вещь в жизни и есть....» — говорил Гоголь.

Энергически оживленным я его почти не видал, да и характер бесед со мною не подавал к тому повода. Раз только, когда я был в недоумении, какую избрать мне дорогу, он быстро и с сосредоточенною^{VII} задумчивостью стал ходить по комнате. Он предложил мне избрать военную службу на Кавказе. «Я бы на вашем месте непременно там отличился.... Я б там много сделал!...» — говорил он, быстро^{VIII} ходя и углубляясь в свои мысли.

Вот и все, что я мог собрать в ослабевших воспоминаниях моих из слышанных мною мнений Гоголя, которые счел нелишним сообщить читателю. Теперь сам я сильно скорблю о том, что во все время моего знакомства с Гоголем гораздо больше был занят своим собственным расстроенным внутренним миром, чем личностью и мнениями замечательного человека. Оттого-то и скудно в моих воспоминаниях то, что могло бы быть абсолютно интересно для читателя. Как желал бы я вернуть прошлое для того, чтоб с полным вниманием изучать интересную и отчасти замкнутую натуру Гоголя! Но прошедшего и не вернешь, и не переделаешь.

^I Нет, безыскусственности и простоты в Гоголе не было. *Ред<актор>*. — *Примеч. М. П. Погодина, вписанное карандашом внизу страницы автографа и напечатанное в газетной публикации.*

^{II} В газетной публикации: помянутою

^{III} В газетной публикации: выражений

^{IV} В газетной публикации: по самому

^V Было: природа Гоголя

^{VI} Слов: должно быть — в газетной публикации нет.

^{VII} Было: сосредоточенностью

^{VIII} Окончание рукописи не сохранилось. Последние слова абзаца («ходя и углубляясь в свои мысли») печатаются по газетной публикации. *Заключительный абзац:* Вот и все, что я мог собрать - и не вернешь, и не переделаешь. — *печатается по изданию 1902 г. В газетной публикации вместо этого было:* Вот почти и все, что мог я собрать о Гоголе в ослабевших моих воспоминаниях. Выбор скудный, главным образом — оттого, что во все время моего знакомства с замечательным человеком я, увы, гораздо больше был занят своим собственным неустроенным миром, чем его личностью.

Впервые опубликовано: *Малиновской Д.* Нечто о Гоголе // Русский. Газета политическая и литературная. (М.), 1868. 30 июля, № 22. С. 1–2. При публикации издателем и редактором газеты М. П. Погодиным были сделаны два сокращения и внесена правка. Д. К. Малиновский спустя три недели после публикации, 23 августа 1868 года, писал М. П. Погодину: «Очень Вам благодарен за напечатание моих воспоминаний о Гоголе, хотя и сделаны Вами небольшие в них изменения. Главное, что мне грустно, это типографские ошибки, которые прилипли к моей фамилии. Это, как говорится: на бедного Макара и шишки валяются. На следующей странице я помещаю Вашему вниманию эти ошибки. <...> *Напечатано*: сами не идут от него... — *Должно читать*: не уйдут; *Напечатано*: легко, свободно и живо... — *Должно читать*: игриво; *Напечатано*: не отталкивал *помянутою* сдержанностью... — *Должно читать*: натянутою; *Напечатано*: Малиновской... — *Должно читать*: ...кий. Есть еще нетипографические ошибки, а отступления от текста: Чудо не «всегда» есть явление противуестественное — не есть явление. Но для последнего изменения нужно продолжительное толкование, следовательно, его и делать до времени не нужно» (РГБ. Ф. 231. Разд. II. К. 20. Ед. хр. 4^л. Л. 17 об.–18). На двух отмеченных сокращениях в статье Малиновский в письме к Погодину не остановился.

Автограф статьи (без окончания, с редакторской правкой М. П. Погодина) хранится в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Ф. 231. Разд. 3. К. 8. Ед. хр. 12. Л. 1–2). Кроме того, фрагмент воспоминаний, начиная со слов: «Скажите, Николас Вильгельм...», и кончая словами: «...личности крупнейшие предшественники» (в несколько иной, более тщательно обработанной редакции), а также заключительный абзац «Вот и все, что я мог собрать в ослабевших воспоминаниях моих...» были напечатаны еще раз сыном Д. К. Малиновского: *Малиновский И. Д.* Знакомство Гоголя с моим отцом // Записки Общества истории, философии и права при Императорском Варшавском университете. 1902. Вып. 1. С. 77–91.

В настоящем издании текст печатается по автографу, за исключением окончания, которое воспроизводится частично по газетной публикации (слова: «ходя и углубляясь в свои мысли»), и по публикации 1902 г. (заключительный абзац). Варианты автографа и печатных изданий приводятся в примечаниях.

¹ Имеется в виду манифест Императора Александра II об освобождении крестьян от крепостной зависимости 19 февраля 1861 г.

² В написанных три года спустя после публикации воспоминаний Д. К. Малиновского мемуарах его гимназического товарища Н. В. Берга (разошедшегося к тому времени со славянофилами) это сообщение как бы ставится под сомнение: «Московские друзья Гоголя, точнее сказать приближенные (действительного друга у Гоголя, кажется, не было во всю жизнь), окружали его неслыханным, благоговейным вниманием. Он находил у кого-нибудь из них во всякий свой приезд в Москву все, что нужно для самого спокойного и комфортабельного житья: стол с блюдами, которые он наиболее любил; тихое, уединенное помещение и прислугу, готовую исполнять все его малейшие прихоти. Этой прислуге с утра до ночи строго внушалось, чтоб она отнюдь не входила в комнату гостя без требования с его стороны; отнюдь не делала ему никаких вопросов; не подглядывала (сохрани Бог!) за ним. Все домашние снабжались подобными же инструкциями. <...> ...За Гоголем ухаживали как за ребенком, предоставив ему полную свободу во всем. Он не заботился ровно ни о чем. Обед, завтрак, чай, ужин подавались там, где он прикажет. Белье его мылось и укладывалось в комоды невидимыми духами, если только не надевалось на него тоже невидимыми духами. Кроме многочисленной прислуги дома, служил ему, в его комнатах, собственный его человек, из Малороссии, именем Семен, парень очень молодой, смиренный и чрезвычайно преданный своему барину» (см. в наст. изд.)

³ О первом авторском чтении у М. П. Погодина пьесы «Банкрот» («Свои люди — сочтемся!») 3 декабря 1849 г., на котором присутствовал Гоголь, вспоминал также Н. В. Берг (см. в наст. изд. его «Воспоминания о Н. В. Гоголе») и фрагмент из его статьи «Графиня Ростопчина в Москве. (Отрывок из воспоминаний)». См. также в наст. изд. дневниковую запись М. П. Погодина от 3 декабря 1849 г., статью П. К. Мартынова «Гг. Погодины и газета “Жизнь”», письмо Е. А. Елагина к Н. А. Языковой от 25 марта 1850 г., фрагмент из статьи С. В. Максимова «Александр Николаевич Островский. (По моим воспоминаниям)».

<Отрывок из воспоминаний>

В дневнике моем я называл себя слабым человеком с высокими стремлениями: это определение довольно верно. Не трудно представить себе, что подобный человек мог навести Гоголя на грустные мысли. К тому же полученное мною образование было недостаточно. Сам Гоголь впоследствии заметил мне, что я до крайности беден знакомством с фактами, и советовал мне поэтом читать историю. Находил во мне и тот важный недостаток, что я не умею владеть собственными мыслями и мгновенно в них теряюсь, увлекаясь первым новым впечатлением. А между тем охота писать была во мне страшная: я словесно и письменно безжалостно осаждал покойного Николая Васильевича.

Приведу здесь нечто о свидании с Гоголем студента М. И. Орлова, моего старинного друга, бывшего у Гоголя по моей просьбе¹. Я тогда только что поступил в юнкера и жил в городе Верее. По некоторому стечению обстоятельств я вдруг пожелал быть переведенным в гвардейскую артиллерию. Чрез М. И. Орлова я просил Гоголя похлопотать об этом переводе, и вот что мой ходатай писал мне по этому случаю:

«На другой день (29 октября 1849 года) в назначенный срок я узрел Николая Васильевича и... о впечатлениях разного рода молчу, потому что это подробности. После необходимого с моей стороны коротенького вступления и после двух-трех слов с его стороны, сказанных по поводу этого предисловия, он начал таким образом: «Да, он пишет мне о том, что хочет перевестись в гвардию. Но я не знаю, нужно ли это непременно. Посоветовался ли он об этом деле с людьми более знающими? Будет ли в этом какая выгода? И позволит ли ему состояние? Мне хотелось бы знать, что это желание перевестись — обдуманность или следствие беспокойного духа?» Далее он высказал следующее: «Конечно, в иных случаях советовать нельзя; но мое мнение такое, что если уже он поступил в эту службу, так прежде всего должно заботиться о точном исполнении долга и ежедневных обязанностей, какие возлагает на него служба, и думать, что при избрании этого поприща участвовал не один наш собственный произвол, но признавать, что в этом избрании присутствует Сила, свыше распоряжающая»²... При этом на лице его показалось то, что, кажется мне, хорошо выражает французское *sourire doucement*³... «А остальное, — продолжал он, — придет само собой, чем меньше мы об нем думаем». Вот весь экстракт нашей беседы. А на прощанье повторил: «Я рад сделать пользу вашему товарищу, буду во всяком случае стараться⁴; а если увижу какую выгоду, то еще больше буду хлопотать: это моя обязанность, потому что...» Но тут внимание мое несколько рассеялось, и я не разобрал последних слов».

Первые опубликовано: Малиновский И. Знакомство Гоголя с моим отцом // Варшавский Дневник. 1902. 21 февр. № 51. С. 3; перепечатано, с примечанием И. Д. Малиновского: Малиновский И. Д. Знакомство Гоголя с моим отцом // Записки Общества истории, философии и права при Императорском Варшавском университете. 1902. Вып. 1. С. 88–89. Печатается по последней публикации.

В журнальной публикации И. Д. Малиновский к воспоминаниям своего отца о Гоголе сделал примечание: «Писано в шестидесятых годах».

¹ См. об этом письмо Д. К. Малиновского к Гоголю от 20 октября 1849 г. из Верей: «...Мы <Д. К. Малиновский и его брат Сергей> уже поступили в 17^{-ю} бригаду полевой артиллерии, в легкую № 3 батарею; теперь, когда пришло к нам Монаршее соизволение избрать род службы, мы желали бы быть переведены в Гвардейскую артиллерию. <...> ...Прошу моего товарища и друга быть у Вас и ждать Ваших ответов и приказаний. <...> Зовут его Матвей Иванович Орлов; он студент 4^{-го} курса Словесного отделения». Сохранилось также письмо М. И. Орлова к Д. К. Малиновскому от 15–17 октября 1849 г. в ответ на упоминаемую в мемуарах просьбу о ходатайстве (см. в наст. изд.).

² Сходный совет Гоголь давал в 1849 году брату А. О. Смирновой Л. И. Арнольди, который, в частности, вспоминал: «Гоголь говорил со мною о моей службе и советовал не брать видных мест. “На них всегда найдутся охотники, — прибавил он, — а вы возьмите должность скромную, не блестящую, и постарайтесь быть именно в этой должности полезным; тогда вы увидите, как будет вам весело на душе”» (см. в наст. изд.). «Поверьте, — говорит во втором томе «Мертвых душ» Муразов Хлобуеву, — что если вы взяли <сь> за должность свою таким образом, как бы вы ею служили Тому, Кому вы молитесь, у вас бы появилась деятельность, и вам никто из людей не в силах охладить».

³ Sourire doucement — тихо улыбаться (фр.).

⁴ В письме к Гоголю от 20 октября 1849 г. Д. К. Малиновский упоминает о том, что Гоголь посылал его ранее к полковнику А. Л. Гинтовту: «...Вы сами хотели сказать ему слово обо мне, — теперь это может быть весьма действительно: если Вам угодно будет раскрыть ему наше дело, как оно есть, то я, кажется, уверен, что оно, с позволения Вашего, будет в шляпе». А. Л. Гинтовт был соучеником Гоголя по Гимназии высших наук в Нежине (поступил в гимназию в 1827 г. и окончил ее двумя годами позже Гоголя, в 1830 г.). С 1848 по 1854 г. Гинтовт служил дежурным штаб-офицером в штабе 6-го армейского корпуса, впоследствии получил звание генерал-майора. Подробнее о А. Л. Гинтовте см. в наст. изд. в коммент. к разделу *Воспоминания о Н. В. Гоголе Н. И. Билевича в путевом дневнике С. П. Шевырева*.

М. И. Орлов — Д. К. Малиновскому

<15–17 октября 1849. Москва>
1849, Октября 15. Суббота.

<...> Что касается до поручения к Гоголю¹, не знаю, почему бы мне отказываться от него: исполнение с первого разу кажется не слишком трудно. Делай, как знаешь, — я готов к нему сходить. Только, пожалуйста, — обо мне ни слова лишнего. «Придет, де, скажи, к Вам такой-то (имярек) и только». — Не знаю только, там ли он живет, где прежде жил. Впрочем — ничего: найти можно. <...>

Понедельник. 17 Октября.

Да напиши мне, пожалуйста, толком, в чем должна заключаться эссенция моей вступительной речи к Гоголю. — Кстати. Сев<ерная> Пчела обещает скорого выхода 2^й части Мертвых Душ. А Жуковский напечатал уже последние 12 песен Одиссеи. Торжествует русская литература! <...> А Петр Александрович² недавно воротился из путешествия по Святым местам русским и проехал около 25 городов; был в Малороссии и остался ею недоволен после гоголевских и пушкинских описаний. <...>

Первые опубликовано: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. М.; Киев, 2009. Т. 14. С. 546. Печатается по автографу, хранящемуся в гоголевском фонде РГБ: Ф. 74. К. 8. Ед. хр. 40. Л. 2, 4.

Матвей Иванович Орлов, студент 4 курса историко-филологического факультета Московского университета.

¹ Имеется в виду просьба Д. К. Малиновского ходатайствовать о его переводе в гвардейскую артиллерию (см. в наст. изд. <Отрывок из воспоминаний> Д. К. Малиновского).

² Плетнев.

Отрывки из моей памяти и переписки Фрагмент

1848 г. 26 октября <к отцу>. <...> Видел недавно у М. С. Щепкина Гоголя: он среднего роста, лицо — несколько выдающееся вперед и весьма выразительное, глаза исполнены живости, носит усы, испаньолку и длинные черные волосы. Весь вечер говорил он тихо, вполголоса и преимущественно с стариком Щепкиным, других, кажется, не хотел удостаивать своим разговором. Рассказывают о нем, что наконец образумился и сам недоволен своей «Перепискою». Дай-то Бог, а плохо верится. Здесь собираются дать Гоголю публичный обед¹.

Впервые опубликовано, с ошибочной датировкой (26 декабря), без последней фразы: *Ельницкая Т.<М.>* Из дневника А. Н. Афанасьева / Новое о Щепкине. Публикация и комментарий А. Клиничина (ходатайство и письма М. С. Щепкина, письмо П. А. Катенина) и Т.<М.> Ельницкой (письмо Я. С. Булгарина, из дневника А. Н. Афанасьева) // Вопросы театра. М., 1965. С. 290–291. См. также: *Афанасьев А. Н.* Отрывки из моей памяти и переписки // Михаил Семенович Щепкин: Жизнь и творчество. М., 1984. Т. 2. С. 153–154. Печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 279. Оп. 1. Ед. хр. 1060. Л. 3.

¹ Имеется в виду торжественное — в честь прибытия Гоголя в Москву — празднование М. П. Погодиным дня своего рождения 11 ноября 1848 г.

Т. А. Бакунина — А. А. Вульф (рожденной Бакуниной)

27 октября 1848 г. <Москва>.

<...> Гоголь в Москве. <...> Приехал веселый, оживленный, говорливый — лучше, чем был когда-нибудь. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 711–712. Печатается по первой публикации.

Татьяна Александровна Бакунина, сестра М. А. Бакунина и Александры Александровны Вульф (рожд. Бакуниной, 1816–1882), известной своей дружбой с В. Г. Белинским.

Князь Д. А. Оболенский

О первом издании посмертных сочинений Гоголя. Воспоминания. 1855 г.

Автор вариантов «Мертвых душ» отыскался. Г. Ястржембский¹ многократно печатно заявил², что не ожидал от своей литературной шалости таких серьезных последствий; что читающая публика введена в заблуждение помимо его воли и желания и что, наконец, опубликованные варианты всецело принадлежат перу его — г. Ястржембского³. Некоторые, однако, продолжают относиться к этому заявлению с недоверием и, по-видимому, остаются в убеждении, что варианты эти писаны Гоголем. Признаюсь, меня мало интересует знать, сам ли г. Ястржембский сочинил эти варианты или кто другой; для меня несомненно только, что все, сколько-нибудь знавшие лично покойного Гоголя и знакомые с историей издания его посмертных сочинений, согласятся со мной в том, что опубликованные в «Русской старине» (в январе 1872 г.) варианты «Мертвых душ» писаны не Гоголем.

Не касаясь здесь содержания этих вариантов и слога их, носящих явные признаки неудачной подделки под манеру Гоголя, — *материально* невозможно, чтобы в чьих-либо руках могла находиться рукопись II-й части «Мертвых душ», не согласная с теми вариантами, которые изданы были в 1855 году Трушковским, а впоследствии г. Кулишом.

Судьба привела меня быть одним из участников в хлопотах и заботах об издании посмертных сочинений Гоголя. Смею думать, что правдивый рассказ о ходе всего этого дела не лишен интереса и может послужить к разъяснению возникших недоразумений.

По необходимости я должен начать рассказ свой с свидания моего с Гоголем в 1849 году.

I

В первых числах июля месяца 1849 года⁴, проездом через Калугу в имение отца моего⁵, я застал Гоголя, гостившего у А. О. Смирновой, и обещал ему на обратном пути заехать за ним, чтобы вместе отправиться в Москву. Пробыв в деревне недолго, я в условленный день прибыл в Калугу⁶ и провел с Гоголем весь вечер у А. О. Смирновой, а после полуночи мы решили выехать.

С Гоголем я познакомился еще в 1848 году летом в Москве⁷, и мы видались часто. Родственные мои отношения к графу А. П. Толстому, у которого Николай Васильевич в то время жил в Москве, и дружба моя с кругом людей, которых Гоголь, по справедливости, считал самыми близкими своими друзьями, расположили его в мою пользу, и он не раз выказывал мне знаки своего дружеского внимания. Оттого ли, что неожиданно представилась ему приятная оказия выехать в Москву, куда торопился, или от другой причины, только помню, что весь вечер Гоголь был в отличном расположении духа и сохранил его во всю дорогу. Живо справил он свой чемоданчик, закрывавший все его достояние, — но главная забота его заключалась в том: как бы уложить свой портфель так, чтобы он постоянно оставался на видном месте. Решено было поставить портфель в карете к нам в ноги, и Гоголь тогда только успокоился за целостность его, когда мы уселись в дормез и он увидел, что портфель занимает приличное и безопасное место, не причиняя, вместе с тем, нам никакого беспокойства.

Портфель этот заключал в себе только еще вчерне оконченный *второй* том «Мертвых душ»¹.

Читатели моего поколения легко могут себе представить, с каким чувством возбужденного любопытства смотрел я всю дорогу на этот портфель.

Чем был для молодых людей нашего поколения Гоголь — о том с трудом могут судить люди новейшего времени¹¹.

Я принадлежал к числу тех поклонников таланта Гоголя, которые и после издания его «Переписки с друзьями» не усомнились в могучей силе его дарования.

¹ Первая глава была, кажется, совершенно уже отделана, потому что он читал ее за несколько дней до нашего выезда из Калуги А. О. Смирновой. Помню, что А. О. Смирнова была в восхищении от этой главы и говорила, что влюблена в Тентетникова. По возвращении в Москву, Гоголь писал ей и кончил письмо словами: «кланяется вам Тентетников!»⁸. — К<нязь> Д. О<боленский>.

¹¹ Некоторые позднейшего времени статьи о Гоголе могут служить доказательством, какая бездна отделяет понимание Гоголя новейшими критиками от того непосредственного, живого и могучего влияния, которое Гоголь действительно имел на нравственное развитие современной ему молодежи. Здесь не место протестовать против странной оценки социальных и политических убеждений Гоголя; здесь не место разбирать, кто из современных писателей глубже и шире относится к жизненным вопросам общества. Скажу только, что поколение, выработавшее и осуществившее все реформы последнего десятилетия, воспитано Пушкиным и Гоголем и приготовлено их нравственным влиянием к деятельности и плодотворному труду, хотя ни Пушкин, ни Гоголь не написали ни одного трактата о какой-либо реформе и не переносили на русскую почву социального бреда иноземных мыслителей. — К<нязь> Д. О<боленский>.

Из рассказов графа А. П. Толстого, которому Гоголь читал еще вчерне отрывки из 2-й части «Мертвых душ»⁹, я уже несколько знал, какой серьезный оборот должна принять поэма в окончательном своем развитии. Письма самого Гоголя о «Мертвых душах»¹⁰ готовили также публику к чему-то неожиданному. Все это усиливало мое любопытство, и я, пользуясь хорошим расположением духа Гоголя и скверной дорогой, мешавшей нам скоро уснуть, заводил на разные лады разговор о лежащей в ногах наших рукописи. Но узнал не многое. — Гоголь отклонял разговор, объясняя, что много еще ему предстоит труда, но что черная работа готова и что, к концу года, надеется кончить, ежели силы ему не изменят. Я выразил ему опасение, что цензура будет к нему строга, но он не разделял моего опасения, а только жаловался на скуку издательской обязанности и возни с книгопродавцами, так как он имел намерение, прежде выпуска 2-й части «Мертвых душ», сделать новое издание своих сочинений.

К утру мы остановились на станции чай пить. Выходя из кареты, Гоголь вытащил портфель и понес его с собою, — это делал он всякий раз, как мы останавливались. Веселое расположение духа не оставляло Гоголя. На станции я нашел штрафную книгу и прочел в ней довольно смешную жалобу какого-то господина. Выслушав ее, Гоголь спросил меня:

— А как вы думаете, кто этот господин? Каких свойств и характера человек?

— Право не знаю, — отвечал я.

— А вот я вам расскажу. — И тут же начал самым смешным и оригинальным образом описывать мне сперва наружность этого господина, потом рассказал мне всю его служебную карьеру, представляя даже в лицах некоторые эпизоды его жизни. Помню, что я хохотал, как сумасшедший, а он все это выделял совершенно серьезно. За сим он рассказал мне, что как-то одно время они жили вместе с Н. М. Языковым (поэтом) и вечером, ложась спать, забавлялись описанием разных характеров и за сим придумывали для каждого характера соответственную фамилию. «Это выходило очень смешно», — заметил Гоголь и при этом описал мне один характер, которому совершенно неожиданно дал такую фамилию, которую печатно назвать неприлично, — «и был он родом из грек!» — так кончил Гоголь свой рассказ.

Утром, во время пути, при всякой остановке выходил Гоголь на дорогу и рвал цветы, и ежели при том находились мужик или баба, то всегда спрашивал название цветов; он уверял меня, что один и тот же цветок в разных местностях имеет разные названия и что, собирая эти разные названия, он выучил много новых слов, которые у него пойдут в дело.

За несколько станций до Москвы я решился сказать Гоголю:

— Однако, знаете, Николай Васильевич, ведь это бесчеловечно, что вы со мной делаете. Я всю ночь не спал, глядя на этот портфель. Неужели он так и останется для меня закрытым?

Гоголь с улыбкой посмотрел на меня и сказал:

— Еще теперь нечего читать; когда придет время, я вам скажу.

Мы расстались с Гоголем в Москве. Я отправился в Петербург и от друзей Гоголя часто получал известия, что Гоголь усердно работал. Зимой 1851 года Гоголь провел в Одессе, откуда вернулся в июле месяце в Москву и привез с собою уже совершенно окончанный 2-й том «Мертвых душ».

Осенью 1851 года, будучи проездом в Москве, я, посетив Гоголя, застал его в хорошем расположении духа, и на вопрос мой о том, как идет «Мертвые души», он отвечал мне:

— Приходите завтра вечером, в 8 часов, я вам прочитаю.

На другой день, разумеется, ровно в 8 часов вечера я был уже у Гоголя; у него застал я А. О. Россета, которого он тоже позвал. Явился на сцену знакомый мне портфель; из него вынул Гоголь одну довольно толстую тетрадь, уселся около стола и начал тихим и плавным голосом чтение первой главы.

Гоголь мастерски читал: не только всякое слово у него выходило внятно, но, переменяя часто интонацию речи, он разнообразил ее и заставлял слушателя усваивать самые мелочные оттенки мысли. Помню, как он начал глухим и каким-то гробовым голосом: «Зачем же изобра-

жать бедность, да бедность, да несовершенство нашей жизни, выкапывая людей из глуши, из отдаленных закоулков государства? Что же делать, если уже такие свойства сочинителя и, заболев собственным несовершенством, уже и не может он изображать ничего другого, как только бедность, да бедность, да несовершенство нашей жизни, выкапывая людей из глуши и отдаленных закоулков государства? И вот опять попали мы в глушь, опять наткнулись на закоулочек». После этих слов внезапно Гоголь приподнял голову, встряхнул волосы и продолжал уже громким и торжественным голосом: «Зато какая глушь и какой закоулочек!»

За сим началось великолепное описание деревни Тентетникова, которое, в чтении Гоголя, выходило как будто писано в известном размере. Все описания природы, которыми изобилует первая глава, отделаны были особенно тщательно. Меня в высшей степени поразила необыкновенная гармония речи. Тут я увидел, как прекрасно воспользовался Гоголь теми местными названиями разных трав и цветов, которые он так тщательно собирал. Он иногда, видимо, вставлял какое-нибудь звучное слово единственно для гармонического эффекта.

Хотя в напечатанной первой главе все описательные места прелестны, но я склонен думать, что в окончательной редакции они были еще тщательнее отделаны.

Разговоры выведенных лиц Гоголь читал с неподражаемым совершенством. Когда, изображая равнодушное, облепившееся состояние байбака Тентетникова, сидящего у окна с холодной чашкой чая, он стал читать сцену происходящей на дворе перебранки небритого буфетчика Григорья с ключницей Перфильевной, то казалось, как бы действительно сцена эта происходила за окном и оттуда доходили до нас неясные звуки этой перебранки.

Граф А. П. Толстой сказывал мне, что ему не раз приходилось *слышать*, как Гоголь писал свои «Мертвые души»: проходя мимо дверей, ведущих в его комнату, он не раз слышал, как Гоголь один, в запертой горнице, будто бы с кем-то разговаривал, иногда самым неестественным голосом. В черновых рукописях видны следы этой работы. Каждый разговор переделывался Гоголем по несколько раз. Зато как живо, верно и естественно говорят все его действующие лица¹.

Рассказ о воспитании Тентетникова, сколько мне помнится, читан был Гоголем в том виде, как он напечатан в первом издании 1855 года. Причина же выхода в отставку Тентетникова была гораздо более развита, чем в тех вариантах, которые до нас дошли. Но ничего подобного на глупые анекдоты о директорской шинели и галошах и о Сидоре Андреевиче, вставленных в варианты, изданные в 1872 г., не было и быть не могло; ибо причина выхода в отставку Тентетникова имела весьма глубокое нравственное основание.

¹ Неужели этой одной приметы недостаточно, чтобы признать напечатанные варианты поддельными? Неужели мог Гоголь, хотя бы начерно, написать такую фальшь, как, например, разговор крестьян Тентетникова и суждение их о барине:

« — А что, дядя Пахом, барин-то говорит красно?

— Ну, известно, что красно, ведь их только тому и учат.

— А что, бишь, он говорил, — я стоял подальше и не расслышал?

— Ну, а Бог ведает, что он *баял*. Что-то похоже на то, как отец Афанасий в церкви *бает*. Вестимо, *книжки* эти не по нам. Бабы тоже рассуждали:

— Ишь какой он *добренский* — и в ноги-то кланяться не дает. А уж молодец какой! И все говорит: полюбите меня, полюбите, да и посмотривает на девок. Ишь ты какой, весь в покойника отца» («Русская Старина», 1872 г., январь, стр. 95).

Неужели мог Гоголь, вместо великолепного описания вьезда Тентетникова в деревню написать такую безграмотную, сентиментальную ерунду, как например:

«И вдруг забилось у него сердце. И ему живо представились все *подробности* его счастливого детства, и он увидел себя *малюткой*, которого *вел за руку* отец, гуляя по полям; и он увидел мать, *выходящую* навстречу отцу, *возвращающемуся* с усталым малюткой, и он *почувствовал себя на руках матери*, которая *прижимала* его к сердцу и *спрашивала с нежностью*, не слишком ли он устал» и т. д. («Русск<ая> Стар<ина>», 1872 г., январь, стр. 94). — К<нязь> Д. О<бленский>.

Помню, что это место в чтении Гоголя особенно меня поразило по тонкости его психического анализа борьбы, происходящей в благородной душе молодого человека, с возвышенными чувствами и бескорыстными желаниями добра и пользы поступающего на службу. Таким был Тентетников, — не нужно забывать, что под влиянием чудного наставника развилось пылкое сердце мальчика и пробуждены были в нем все честные, благородные порывы и стремления; но Тентетников лишился своего наставника, когда «еще не успел образоваться и окрепнуть начинавший в нем строиться высокий внутренний человек; что, не испытанный измлада в борьбе с неудачами, не достигнул он до высокого состояния возвышаться и крепнуть от преград и препятствий; что растопившийся, подобно разогретому металлу, богатый запас великих ощущений не принял последней закалки». Поэтому, еще в школе, когда изменился характер преподавания и воспитания, он благодаря природному уму чувствовал, что не так должно преподавать, но как — не знал, и он «повесил нос». Но, по мере того как приближалось время к выпуску, сердце его билось. Он говорил себе: «Ведь это еще не жизнь, это — только приготовление к жизни, настоящая жизнь на службе». Там подвиги — и он жаждет их. С таким настроением поступает Тентетников на службу. С рвением принимается за работу. Прежде всего его несколько смущает механизм занятий, которому, ему казалось, придают слишком большое значение. Но он с этим примиряется в надежде все-таки добраться до сути дела, где найдет пищу своим благородным стремлениям и где, может быть, его ожидают подвиги. Он принимается за дело, как бы оно ни казалось вначале мелким. Действительно, уже в должности столоначальника, у него в руках дела, направление которых уже много от него зависит. Он пишет, пишет новые законы, пишет распоряжения о благоустройстве отдаленнейших мест, о которых не имеет ни малейшего понятия. Пишет заочно наказания, разрешающие участь целого народонаселения, о действительных нуждах которого он ничего хорошенько не знает. Решает на бумаге дела людей, живущих за 3 т<ысячи> верст. Ум и совесть говорят ему, что тут есть какая-то фальшь и что из всего этого может произойти много вздору, при всем желании его добра и пользы. Он чувствовал, что не так следовало бы идти делам, а как — не знал. И он утратил веру в службу. Вот разгадка, почему Тентетников «свыкнулся с службой: но только она сделалась у него не первым делом и целью, как он полагал было вначале, но чем-то вторым. Она служила ему распределением времени, заставив его более дорожить оставшимися минутами». При таком настроении, легко мог Тентетников подчиниться влиянию людей раздраженных и наискиваться на неприятности. При первом случае он выходит в отставку.

Вот тема, которая развита была Гоголем с поразительной живостью, — Тентетников выставлен был лицом в высшей степени симпатичным. Утратив веру в свой идеал, чувствуя себя безоружным в борьбе с неразрешимыми противоречиями, он, может быть, по примеру других, окончательно и примирился бы с ними, чиновное честолюбие взяло бы верх над голосом совести, ежели бы не представилось воображению его другое поприще деятельности, еще не испытанное им, но заманчивое по обилию средств к практическому приложению всего запаса добрых и благородных намерений, которыми полна была душа его. Он поехал в деревню.

Чудное описание этой деревни в чтении Гоголя выходило так прелестно, что когда он кончил его словами: «Господи, как здесь просторно!» то мы, оба слушателя, невольно вскрикнули от восхищения.

Затем приезд Чичикова, разговор его с Тентетниковым и весь конец первой главы, сколько мне помнится, Гоголь читал совершенно согласно с текстом издания 1855 года. Окончив чтение, Гоголь обратился к нам с вопросом:

— Ну, что вы скажете?

Будучи под впечатлением тех прелестных картин и разнообразных описаний природы, которыми изобилует первая глава, я отвечал, что более всего я поражен художественной отделкой этой части, что ни один пейзажист не производил на меня подобного впечатления.

— Я этому рад, — отвечал Гоголь и, передав нам рукопись, просил, чтобы мы прочли ему вслух некоторые места.

Не помню, г. *Россет* или я исполнил его желание, и он прислушивался к нашему чтению, видимо, желая слышать, как будут передаваться другими те места, которые особенно рельефно выходили при его мастерском чтении.

По окончании чтения г. Россет спросил у Гоголя:

— Что, вы знали такого Александра Петровича (первого наставника Тентетникова) или это ваш идеал наставника?

При этом вопросе Гоголь несколько задумался и, помолчав, отвечал:

— Да, я знал такого¹¹.

Я воспользовался этим случаем, чтобы заметить Гоголю, что, действительно, его Александр Петрович представляется каким-то лицом идеальным, оттого, быть может, что о нем говорится уже как о покойнике, в третьем лице; но как бы то ни было, а он, сравнительно с другими действующими лицами, как-то безжизнен.

— Это справедливо, — отвечал мне Гоголь и, подумав немного, прибавил: — Но он у меня оживет потом.

Что разумел под этим Гоголь — я не знаю.

Рукопись, по которой читал Гоголь, была совершенно набело им самим переписана; я не заметил в ней поправок.

Прощаясь с нами, Гоголь просил нас никому не говорить, что он нам читал, и не рассказывать содержания первой главы.

Несколько дней спустя я уехал в Петербург, обещав Гоголю, в случае нужды, хлопотать в цензурном комитете, ежели будут какие-либо препятствия к новому изданию полного собрания его сочинений.

Пришла осень. От общих наших друзей узнал я, что Гоголь хандрит; но никто не беспокоился насчет его здоровья. В феврале месяце 1852 года, по случаю кончины дяди моего¹², отправился я в отпуск в Москву. Прибыв туда 22-го февраля, я поражен был известием, что накануне скончался Гоголь и что перед смертью он сжег вторую часть «Мертвых душ».

Вечером я отправился к А. П. Толстому. Тело покойного Гоголя уже было вынесено в университетскую церковь. От гр<афа> Толстого узнал я все подробности странной кончины Гоголя и все подробности сожжения рукописей. Убитый горем, вошел я в комнату, среди которой стояла кафельная печь, еще полная пепла от сгоревшей рукописи. Перед аналоем протяжно читал дьячок псалмы, и в ту минуту, когда я отворил заслонку печи, услышал я могильным голосом произнесенные слова:

«И бых яко человек не слышай и не имый во устех своих обличения» (Пс<алтирь>. Каф<изма> 6, стих 15).

II

Не стану описывать здесь похорон Гоголя. Много было толков и суждений о последних днях его и о причинах, побудивших его сжечь труд всей своей жизни. Много об этом было писано и напечатано. Всякий судил под влиянием личных впечатлений. Самые близкие друзья Гоголя не знали его, и в этом сознались уже после его смерти.

Акт сожжения «Мертвых душ» может быть только объяснен таким подробным анализом особенных нравственных свойств этого необыкновенного человека и таким подробным изучением самой задачи, задуманной Гоголем и разрешить которую он надеялся «Мертвыми душами», что нет возможности сколько-нибудь убедительно и ясно изложить это в краткой журнальной статье.

Вскоре после похорон Гоголя все находившиеся в квартире его бумаги, все до последнего листка, были переданы графом А. П. Толстым — С. П. Шевыреву.

Смерть Гоголя, как громовой удар, поразила нашу литературу. Все газеты и журналы наполнены были статьями о Гоголе. Это окончательно возмутило цензурное управление, уже прежде подозрительно относившееся к Гоголю, считая его знаменем или главою либеральной партии. Особенно злобно относился к Гоголю бывший в то время попечителем С.-Петербургского учебного округа *Мусин-Пушкин*, председательствовавший в главном управлении цензуры.

Цензорам объявлено было приказание — строго цензуровать все, что пишется о Гоголе, и, наконец, объявлено было совершенное запрещение говорить о Гоголе. *И. С. Тургенев* за коротенькую статью, напечатанную в «Московских ведомостях» 13-го марта 1852 года, где он назвал Гоголя великим писателем, по особому распоряжению посажен был в Петербурге на съезжую, во вторую часть, и просидел там две недели. Наконец даже имя Гоголя опасались употреблять в печати и взамен его употребляли выражения: «известный писатель».

Вот при каких условиях друзья и родственники Гоголя должны были начать хлопоты об издании его сочинений и в том числе найденных отрывков из 2-й части «Мертвых душ».

Высшее петербургское общество в то время относилось с полным равнодушием к русской литературе вообще, а к утрате Гоголя в особенности.

Весьма тесный кружок людей, ценивших творения Гоголя, был совершенно бессилен противодействовать в высших сферах влиянию «Северной Пчелы», под редакцией Булгарина. Газета эта, владея искусством действовать на слабые струны лиц, в то время власть имевших, была единственною представительницею общественного мнения в глазах этих лиц. Она умела опозлить и вместе с тем представить в опасном виде восторженные похвалы поклонников Гоголя¹. Замечательно, что арест *И. С. Тургенева* в съезжем доме не произвел в высшем петербургском обществе никакого особого впечатления. Место заключения — «съезжий дом», куда, сажали тогда пьяниц, показался некоторым лицам только странным и знаменательным, об этом много шутили и смеялись².

Между тем, нельзя было надеяться на какой-либо успех в ходатайстве о разрешении издания сочинений покойного Гоголя, пока не заинтересуются в этом деле лица, имеющие влияние в высших сферах. Задача заключалась в том, как достигнуть этой цели.

К счастью, на помощь явился Михаил Семенович *Щепкин* (известный московский артист). В конце 1852 года, прибыв в Петербург, для участия в представлениях Александринского театра, он при содействии некоторых лиц старался снять опалу с памяти Гоголя, изыскивая случаи читать разные его сочинения во влиятельных салонах³. — При помощи друзей Гоголя это ему удалось вполне. Щепкину не раз посчастливилось читать Гоголя в присутствии покойной Великой Княгини Елены Павловны и Великого Князя Константина Николаевича. Кроме ис-

¹ До чего это доходило, видно из письма *Ф. В. Булгарина* 1852 г., по поводу смерти Гоголя¹³; оно напечатано в «Русской старине», изд. 1872 г., т. V, стр. 481–482. — К<нязь> Д. О<боленский>.

² По поводу ареста *И. С. Тургенева* нельзя не привести две-три подробности. Статья его о Гоголе должна была явиться в «Петербургских Ведомостях», но Мусин-Пушкин, ярый ненавистник Гоголя, зачеркнул всю статью, выразив мнение, что о таком писателе преступно отзываться столько восторженно, как это сделал г. Тургенев. Иван Сергеевич послал статью в Москву к В. П. Боткину¹⁴, только для того, чтоб показать, что Петербург не остался равнодушен к страшной потере, понесенной всей Россией с кончиной Гоголя. Боткин ли или его друзья напечатали статью Тургенева, конечно, с разрешения московской цензуры, ничего не ведавшей о запрещении ее в Петербурге. Появление статьи взбесило Мусина-Пушкина. Он нажаловался начальству, изобразил Тургенева «бунтовщиком» — и автор «Записок Охотника» водворен был в съезжую 2-й части, что на Офицерской улице, близ Большого театра. Рассказывают, что Ивану Сергеевичу довелось бы провести время в среде пьяниц и уличных мошенников, как вдруг судьба послала ему ангелов-спасительниц: то были две дочери его тюремщика — частного пристава; эти девицы оказались попечительницами таланта г. Тургенева, приняли в нем большое участие, невольно обрадовались «счастливому случаю» познакомиться с ним лично и убедили своего родителя — вместо помещения г. Тургенева в «сибирку» — дать ему приют в их квартире. Здесь Иван Сергеевич и провел две недели. — *Примеч. князя Д. А. Оболенского.*

куства читать, М. С. Щепкин, весь проникнутый любовью и уважением к памяти покойного своего друга, умел так трогательно рассказывать о нем свои воспоминания и так живо изображать всю несправедливость гонения на его память, что невольно подчинялся своему убеждению самых равнодушных слушателей.

Горючими слезами оканчивал обыкновенно Михаил Семенович свою защиту, и я не раз был свидетелем, как благотворно действовали эти слезы.

Весной 1853 года М. С. Щепкин вновь приехал в Петербург и на этот раз привез с собою несколько рукописей покойного Гоголя, — в числе их были «Развязка Ревизора», которую он читал в Стрельне у Великого Князя Константина Николаевича¹⁶.

Между тем Шевырев занимался в Москве разбором бумаг покойного Гоголя. В числе их оказалось несколько оконченных глав 2-го тома «Мертвых Душ» и несколько отрывков из 2-й, а может быть даже и 3-й части. Рукописи эти, очевидно, были черновые, с таким множеством помарок, что разобрать их было делом весьма трудным. Шевырев, которому Гоголь успел прочесть почти весь *второй* том, мог один только, по памяти, восстановить текст, ближе всего подходящий к той редакции, которая была сожжена. При содействии племянника покойного Гоголя, г. Трушковского, труд этот был кончен весною 1853 года.

Великий Князь Константин Николаевич, узнав об этом, поручил мне просить Шевырева доставить ему для прочтения посмертные сочинения Гоголя. Шевырев немедленно исполнил желание Великого Князя и прислал Его Высочеству оставшиеся главы и отрывки из 2-го тома «Мертвых Душ» и «Авторскую Исповедь».

Это были первые списки, которые вышли из рук Шевырева.

По прочтении этих рукописей, Великий Князь легко мог убедиться, что в цензурном отношении они не представляли ни малейшего повода к какому-либо преследованию, а потому, высоко ценя талант покойного Гоголя и горячо принимая к сердцу интересы отечественной литературы, он решился, чрез посредство гр<афа> Орлова (шефа жандармов), ходатайствовать пред Государем Императором о разрешении семейству Гоголя издать как старые, так и посмертные его сочинения. Вследствие сего ходатайства, *Высочайше* было повелено рассмотреть все сочинения Гоголя в московской цензуре. Несмотря на это повеление, московская цензура долго не решалась высказать своего мнения и, наконец, не желая принять на свою ответственность последствия своего окончательного решения, представила все дело в петербургское главное управление цензуры, хотя с робким, но благоприятным мнением в пользу издания. В главном управлении влиятельный голос попечителя с<анкт>-петербургского университета *Мусина-Пушкина*, без всякого сомнения, взял бы верх над робкой защитой других членов, ежели бы министр народного просвещения — *А. С. Норов* и начальник штаба шефа жандармов¹⁷, по настоятельной просьбе Великого Князя, не приняли на себя труда, личного в заседании управления, высказать свое мнение в пользу издания сочинений Гоголя, как новых, так и старых, с тем однако, чтобы заглавие «Мертвых Душ» было переименовано и названо «Похождениями Чичикова». Согласно этому мнению, составлен был всеподданнейший доклад, удостоенный Высочайшего утверждения.

Вот краткий рассказ о тех затруднениях, с которыми, в течение двух с лишком лет, приходилось бороться издателям сочинений Гоголя.

Изданные в 1855 году главы 2-й части «Мертвых Душ» совершенно сходны с тем списком, который прислан был Шевыревым Великому Князю Константину Николаевичу. По этому списку я читал у разных лиц в Петербурге, и, между прочим, многие из петербургских литераторов в первый раз услышали это новое произведение Гоголя при моем чтении у покойного Николая Алексеевича *Милютин*¹⁸.

Помню, что, по просьбе многих лиц, я давал свою рукопись для прочтения на дому, причем легко могли быть сняты с нее копии. Знаю также, что и Шевырев не стеснялся выдавать копии с своего списка. Таким образом, главы 2-й части «Мертвых Душ» ходили уже по рукам в списках в значительном числе экземпляров, еще прежде появления их в печати.

Бывший в руках г. Ястржембского экземпляр, очевидно, был тот самый первоначальный список, который издан в 1855 г. На нем, действительно, после 2-й главы написано было карандашом (в скобках): «Здесь пропущено примирение генерала Бетрищева с Тентетниковым; обед у генерала и беседа их о 12-м годе; помолвка Уленьки за Тентетникова; молитва ее и плач на гробе матери¹⁹; беседа помолвленных в саду. Чичиков отправляется, по поручению генерала Бетрищева, к родственникам его для извещения о помолвке дочери и едет к одному из этих родственников — полковнику Кашкарову».

Г. Ястржембскому легко было воспользоваться этой темой, чтобы позабавиться подражанием Гоголю, — тем более, что подробности он мог узнать из статьи *Л. И. Арнольди* «Мое знакомство с Гоголем», напечатанной в 1862 году в «Русском Вестнике»²⁰. В этой статье весьма верно изложено содержание четырех первых глав 2-й части, и хотя статья эта появилась в свет только в 1862 году, но весьма многие лица, из рассказов Шевырева, Аксаковых и А. О. Смирновой, знали содержание многих глав, совершенно для нас утраченных. Таким образом, и г. Ястржембский мог слышать от Прокоповича или от кого-либо другого те мотивы, которые он воспроизвел в своих вариантах.

Ежели г. Ястржембский желает продолжать свою забаву, то я могу указать ему еще несколько мотивов из последних глав второй части, о которых г. Арнольди не упоминает, но которые я слышал от Шевырева. Например: в то время когда Тентетников, пробужденный от своей апатии влиянием Уленьки, блаженствует, будучи ее женихом, его арестовывают и отправляют в Сибирь; этот арест имеет связь с тем сочинением, которое он готовил о России, и с дружбой с недоучившимся студентом с вредным либеральным направлением. Оставляя деревню и прощаясь с крестьянами, Тентетников говорит им прощальное слово (которое, по словам Шевырева, было замечательное художественное произведение). Уленька следует за Тентетниковым в Сибирь, — там они венчаются и проч.

Вероятно, в бумагах Шевырева сохранились какие-либо воспоминания о слышанных им главах 2-го тома «Мертвых Душ»; по крайней мере мне известно, что он намерен был припомнить содержание тех глав, от которых не осталось никаких следов, и изложить их вкратце на бумаге.

В последующих изданиях г. Кулиша приведены варианты, уцелевшие в черновых рукописях, переданных графом Толстым Шевыреву; и можно утвердительно сказать, что, кроме этих рукописей, ни *у кого* и *никогда* не могло быть строки из 2-го тома «Мертвых Душ», — ибо невозможно допустить, чтобы сам Гоголь решился выпустить из своих рук сокровище, над которым постоянно дрожал, опасаясь, чтобы оно не сделалось известным прежде окончательной отделки.

С лишком 20 лет прошло со дня кончины Гоголя — и мы еще не имеем беспристрастной и верной оценки творений и личности этого великого моралиста. А между тем, время идет и кружок людей, испытавших на себе силу нравственного влияния Гоголя и оценивших уже после его смерти все непонятные стороны характера и духовной жизни этого необыкновенного человека, — все редет и редет. Некоторые из новейших исследований о значении Гоголя должны служить укором тем почитателям его, которым могли бы разъяснить всю ошибочность исходной точки воззрения современных мыслителей на значение писателей, подобных Гоголю. Неужели суждено Гоголю, в глазах грядущих поколений, занять то незавидное место, которое отводят ему нынешние ценители заслуг писателя, всецело преданного одной высоконравственной мысли, без всякого отношения к изменчивым политическим и социальным стремлениям современного общества?

Первые опубликовано: О первом издании посмертных сочинений Гоголя. Воспоминания кн<язя> Д. Оболенского. 1855 г. // Русская Старина. 1873. Декабрь. С. 940–953. Печатается по первой публикации.

Князь Дмитрий Александрович Оболенский (1822–1881), судебный чиновник, член кружка великой княгини Елены Павловны; с первой половины 1850-х гг. служил в морском министерстве; впоследствии — товарищ министра

государственных имуществ (с 1870 по 1872 гг.), член Государственного совета (с 1872 г.). Князь Д. А. Оболенский находился в родственных отношениях с графом А. П. Толстым, Е. А. Свербеевой (приходившейся ему двоюродной сестрой), был знаком с П. А. Кулишом, М. С. Щепкиным, Аксаковыми, А. О. Смирновой, С. П. Шевыревым и др. Ср., в частности, в письме И. С. Аксакова к родным от 14 декабря 1848 г.: «С Александром Толстым я обедал раз у Оболенского, в Петербурге» (см. в наст. изд.).

Воспоминания о Гоголе князя Д. А. Оболенского см. также в наст. изд. в разделе *Затиски о Гоголе в дневнике А. В. Никитенко*.

¹ Николай Феликсович Ястржембский (1808–1874), полковник, инженер путей сообщения, профессор институтов путей сообщения, технологического и гражданских инженеров, писатель, знакомый Н. Я. Прокоповича по 2-му кадетскому корпусу; автор литературной подделки первых трех глав второго тома «Мертвых душ» (не предназначавшейся для печати), опубликованной в 1872 г. М. М. Богоявленским: *Богоявленский М. М. Похождения Чичикова, или Мертвые души*. Поэма Н. В. Гоголя. Новые отрывки и варианты // Русская Старина. 1872. № 1. С. 85–117.

² См.: *Ястржембский Н. Ф.* Литературные курьезы // С.-Петербургские Ведомости. 1873. 20 июня (2 июля). № 167; *Ястржембский Н. Ф.* Еще по поводу «литературного курьеза». (Письмо в редакцию «СПб. Ведомостей») // С.-Петербургские Ведомости. 1873. 7 (19) июля. № 184; *Ястржембский Н. Ф.* Корреспонденция // С.-Петербургские Ведомости. 1873. 12 (24) авг. № 220; *Ястржембский Н. Ф.* К вопросу о подделке Мертвых душ Гоголя // Голос. 1873. 24 авг. (5 сент.). № 233; 28 авг. (9 сент.). № 237; *Ястржембский Н. Ф.* Ответы «Вестнику Европы» // Голос. 1873. 17 (29) сент. № 257; *Ястржембский Н. Ф.* Изложение дела о вариантах Мертвых душ, напечатанных в январской книжке «Русской Старины» за 1872 г. // Голос. 1873. 8 (20) октября. № 278.

³ «Курьезно опростоволосился некий критик <В. Ф.> Чижов, напечатавший в “Вестнике Европы” <1872. № 7> целую критическую статью с изысканиями насчет “полного отрешения Гоголя от диких идей, высказанных им в “Переписке с друзьями”». Критик нашел и причину этого — такую казалось ему влияние письма к Гоголю Белинского. <...> Целый год общество и критика прожили в приятном неведении своего заблуждения. “Русская Старина” еще в ноябре узнала всю правду. Скоро узнали ее и все. В старых “Биржевых Ведомостях” неожиданно появилось письмо Ястржембского, где он заявлял, что эти отрывки из Гоголя — минимые и делал их он, Ястржембский. “Р<усская> Старина” сделала ему запрос. И в 1873 г. огласила его ответ. <...> Богоявленский оправдывался <...> Ястржембский <...> ответил еще с большей категоричностью <...>: “Я восхитился <...> первой частью <«Мертвых душ»> и в то же время страшно негодовал за его «Переписку с друзьями» и за вторую часть «Мертвых Душ». Под влиянием известного письма Белинского я часто обдумывал, как бы следовало переделать вторую часть «Мертвых Душ», чтобы она сделалась достойным продолжением первой» (Смоленский. Поддельный Гоголь. (Забывтый анекдот) // Биржевые ведомости. 1909. 20 марта. № 11017. С. 2).

⁴ После 4 или 5 июля 1849 г.

⁵ Князь Александр Петрович Оболенский (1780–1855), сенатор, калужский губернатор в 1825–1831 гг. О жене князя А. П. Оболенского, матери князя Д. А. Оболенского, княгине Аграфене Юрьевне Оболенской (рожд. Нелединской-Мелецкой, 1789–1828) А. О. Смирнова 14 января 1846 г. сообщала Гоголю из Калуги: «Была здесь в старину княгиня Оболенская, дочь Нелединского, которая здесь и скончалась. Все сословия, начиная от нищих и до самых богатых, купцов и дворян, все единодушно по ней плакали. Она умерла тому лет 15, но память ее так жива во всех сердцах, что беспрепятственно слышу что-нибудь новое на ее счет. Муж ее был губернатором и очень посредственного ума; она ни во что не входила, но меж тем имела на всех самое благотворное влияние. Она не завела ни одной школы, ни одного приюта и не собирала подачек для нищих, а все повторяют в больницах, богадельнях, тюремных замках и в духовенстве: “Нет, уж не будет более второй княгини Оболенской!”». В статье «Что такое губернаторша» «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголь писал: «...Княгиня <...> О***, бывшая <...> губернаторшей в том же вашем городе К***, не завела никаких заведений, ни приютов, не прошумела нигде дальше своего города, не имела даже никакого влияния на своего мужа и не входила ни во что, собственно правительственное и официальное, а между тем донныне никто в городе не может о ней вспомнить без слез, и всяк, начиная от купца до последнего бобыля, до сих пор еще повторяет: “Нет, не будет другой никогда княгини О***!”».

⁶ В последних числах июля, до 28 числа.

⁷ Гоголь приехал в Москву после шестилетнего отсутствия 7 сентября 1848 г. Его знакомство с князем Д. А. Оболенским состоялось, вероятно, после переезда от М. П. Погодина в дом графа А. П. Толстого 4 или 5 декабря 1848 г.

⁸ Письмо от 29 июля 1849 г.

⁹ В декабре 1848 — первой половине 1849 г.

¹⁰ Имеются в виду «Четыре письма к разным лицам по поводу “Мертвых душ”» в «Выбранных местах из переписки с друзьями».

¹¹ Подробнее о прототипе этого героя см.: *Виноградов И. А.* «Необыкновенный наставник»: И. С. Орлай как прототип одного из героев второго тома «Мертвых душ» // Новые гоголеведческие студии. Симферополь; Киев, 2005. Вып. 2 (13). С. 14–55; *Виноградов И. А.* «А нет ли и во мне какой-нибудь части Чичикова?» Проблемы интерпретации и текстологии второго тома поэмы // Гоголевский вестник. М., 2007. Вып. 1. С. 158–184.

¹² Имеется в виду князь Андрей Петрович Оболенский (1769 — 19 февраля 1852), попечитель Московского учебного округа в 1817–1825 гг. См. в наст. изд. коммент. к «Воспоминаниям о последних днях жизни Н. В. Гоголя» Д. Н. Свербева.

¹³ Имеется в виду письмо Ф. В. Булгарина к П. В. Хавскому от 28 февраля 1852 г. (см. в наст. изд.).

¹⁴ Е. М. Феоктистову (см. в наст. изд. письмо И. С. Тургенева к Е. М. Феоктистову от 26 февраля 1852 г. и коммент. к разделу *Гоголь в письмах Е. М. Феоктистова к И. С. Тургеневу*). В апреле 1852 г. за содействие напечатанию в «Московских Ведомостях» письма Тургенева о смерти Гоголя В. П. Боткин, так же, как и Феоктистов, был отдан под надзор полиции (Тургенев, после ареста, был выслан в свое имение). Полицейский надзор за Боткиным был снят 1 ноября 1856 г. (см.: *Бельчиков Н. Ф.* К истории «Письма из С.-Петербурга о смерти Гоголя» // Документы по истории литературы и обществственности. И. С. Тургенев. М.; П., 1923. Вып. 2. С. 163–164).

¹⁵ М. С. Щепкин находился в Петербурге с 22 июля по 1 октября 1852 г. 4 сентября 1852 г. он читал сочинения Гоголя у великой княгини Елены Павловны (*Гриц Т. С., Клиничин А. П.* и др. М. С. Щепкин. Летопись жизни и творчества. С. 480; см. также: <*Дурьлин С. Н.*> *Николаев С.* Из неопубликованных писем М. С. Щепкина // Советское искусство. 1938. 22 авг. № 111. С. 4). Чиновник по особым поручениям при великом князе Константине Николаевиче А. В. Головин 20 сентября 1852 г. сообщал С. П. Шевыреву из Стрельны: «Государь Великий Князь Константин Николаевич, узнав на днях от г-споди на Щепкина, что у Вас находятся некоторые бумаги покойного Гоголя, и между прочим “Толкование его на Литургию” и несколько глав 2-й части “Мертвых душ”, изволил приказать мне уведомить Вас, что Его Императорское Высочество весьма желал бы прочесть эти бумаги и будет Вам особенно признателен, если б Вы нашли возможным сообщить их Его Высочеству (в пакете с надписью “в собственные руки”) на самое короткое время» (*Балакишина Ю. В.* К истории посмертных публикаций сочинений Н. В. Гоголя // Русская литература. 2011. № 2. С. 161; см. также: *Гриц Т. С., Клиничин А. П.* и др. М. С. Щепкин. Летопись жизни и творчества. М., 1966. С. 482). 27 сентября 1852 г. С. П. Шевырев отвечал А. В. Головину из Москвы: «Письмо Ваше, в котором Вы мне выразили волю Государя Великого Князя Константина Николаевича о доставлении Его Императорскому Высочеству бумаг покойного Н. В. Гоголя, пришло ко мне в то время, как я их переписывал. Важнейшие из оставшихся: 1) “Авторская исповедь”, 2) “Размышления о Литургии” и 3) пять черновых глав из 2-го и, может быть, из 3-го тома “Мертвых душ”, писаны большею частью неразборчиво — и целые страницы перемараны так, что потребны большие усилия, чтобы разобрать их. Вот почему я осмеливаюсь, вместо подлинников, представить высокому вниманию Государя Великого Князя мои копии двух первых сочинений, которые только только что окончил и посылаю с нынешнею же почтою... <...> Главы же из “Мертвых душ” я буду иметь счастье доставлять Государю Великому Князю по мере того, как они будут переписываться. <...> “Размышления” я намерен был предварительно представить на рассмотрение Высокопреосвященнейшему Митрополиту Московскому, но теперь исполню это впоследствии, когда угодно будет Государю Великому Князю возвратить мне их» (*Балакишина Ю. В.* К истории посмертных публикаций сочинений Н. В. Гоголя // Русская литература. 2011. № 2. С. 162). Копии получены великим князем 29 сентября 1852 г. и возвращены обратно Шевыреву при письме А. В. Головина от 6 октября 1852 г. (см.: *Балакишина Ю. В.* К истории посмертных публикаций сочинений Н. В. Гоголя. С. 162–163). При этом с копий Шевырева были, в свою очередь, сняты копии (см. в наст. изд. письмо А. О. Смирновой к П. А. Плетневу от 25 октября 1852 г.).

3 ноября 1852 г. Шевырев послал великому князю копии первых двух глав второго тома «Мертвых душ», около 10 ноября 1852 г. — копию третьей главы, 21 ноября 1852 г. — копии четвертой и заключительной глав (см.: *Балакишина Ю. В.* К истории посмертных публикаций сочинений Н. В. Гоголя // Русская литература. 2011. № 2. С. 163–165). 24 ноября 1852 г. великий князь Константин Николаевич запросил Шевырева через Головина подробные сведения об обстоятельствах дела: «Его Высочеству было бы весьма приятно узнать подробности о предполагаемом Вами новом из-

дании сочинений Гоголя и потому я имею честь покорнейше просить Вас сообщить мне все, что признаете заслуживающим внимания о ходе предприятия» (*Балакишина Ю. В.* «Для пользы Русской Словесности...»: К истории посмертных публикаций сочинений Н. В. Гоголя // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М., 2012. Вып. 3. С. 169–170). В ответ Шевырев 1 декабря 1854 г написал великому князю подробное письмо (Там же. С. 170). См. также в наст. изд. коммент. к письму С. П. Шевырева графу А. Ф. Орлову от 22 мая 1853 г. и примеч. 2 к статье А. И. Соколовой «Встречи и знакомства».

¹⁶ Сохранилось два письма князя Д. А. Оболенского к С. П. Шевыреву, свидетельствующие о том, что Оболенский принимал непосредственное участие в проведении сочинений Гоголя через петербургскую цензуру (см. в наст. изд. коммент. к статье А. И. Соколовой «Встречи и знакомства»). Подробнее об этой цензурной истории см. в сопроводит. статье к т. 6 Полного собрания сочинений и писем Н. В. Гоголя в 17 т. (М.; Киев, 2009).

¹⁷ Т. е. начальника штаба корпуса жандармов.

¹⁸ Николай Алексеевич Милютин (1818–1872), товарищ министра внутренних дел, член Государственного совета, брат графа Д. А. Милютина. См. в наст. изд. раздел *Из воспоминаний генерал-фельдмаршала графа Д. А. Милютина*.

¹⁹ Н. П. Трушковский в 1855 г., возможно, со слов С. П. Шевырева, замечал по поводу образа Уленьки в несохранившейся редакции первой главы второго тома поэмы: «...Говорят, что очерк ее был удивительный...» (*Трушковский Н.* От издателя // Сочинения Николая Васильевича Гоголя, найденные после его смерти / Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. В. Гоголя. Том второй (5 глав). М., 1855 (цензурное разрешение 26 июля). С. VIII–IX).

²⁰ См. в наст. изд.

Гоголь в дневниковых записях, письмах и воспоминаниях П. И. Бартенева

П. И. Бартенев

Мои записки с февраля 1849 года (2-й год студенчества)

Фрагменты

<Начало февраля (до 11 числа) 1849>. Если поэт вообще предполагает прекрасную душу, то такой поэт, какой является в произведениях Гоголя, который умел из ничтожного и грязного породить высокое и художественное, обладающий такую удивительную ваятельную силу, такой поэт должен иметь душу не только прекрасную, но и глубоко добродетельную; а между тем все говорят про Гоголя, что он гордец. Стоит вспомнить анекдот о Берлине¹, который рассказывал Катков¹. <...>

Мая 1ая. <...> В 8 часов вечера я отправился к Хомякову по его приглашению. Сначала сидели в кабинете, толковали о том, чью сторону должна принять Россия в предстоящей войне, Славянскую или антиславянскую. Хомяков утверждал, что непременно Славянскую, и что первым делом Русских по вступлении в Галицию будет истребование, чтобы Галиция б<ыла> сделана особ<ым> герцогством. К. С. Аксаков был на его стороне. Главным противником был Павлов. Во время разговора незаметно отворилась дверь, и вошел, поклонившись только некоторым (видно было, что он был тут уже давно, шляпа его лежала в кабинете), *Гоголь*; Мы<кыртчьянц> тотчас толкнул меня и сказал, что это Гоголь. Меня несколько задело за живое. Гоголь сел в угол дивана, далеко от света, так что я не мог порядочно рассмотреть лица его, и большею частью все молчал, переговариваясь только изредка¹¹ голосом малороссийским, несколько странным, с сидевшим возле А. М. Языковым, братом покойного поэта. Я устремился на него

¹ В автографе: о берлине

¹¹ Далее было: с

весь. Человек он весьма низенький, с черными длинными волосами, также и усами, но без бакенбард, и все лице от щек до шеи, на к<оторой> б<ыл> намотан скудный галстух, как-то голо. На нем бархатный жилет, золотая цепь, и род сюртука-кафтана, к<ак> носят Малороссияне <?>. Он часто позевывал, тербил пальцами по подушке; наконец спросил себе воды, выпил и, ни с кем не простившись, взял шляпу и¹ тихонько вышел. Вот мои первые впечатления при виде Гоголя. В его манерах и особенно голосе мне, не знаю основательно ли, припомнился О. М. Бодянский.

Вечер и ужин шли очень весело; ужинали на столиках; к сожалению мне пришлось сидеть с дамами, и подле меня с одной стороны сидел *Чадаев*, с другой *Чижов*, премилый человек, любящий Италию. — Аксаков был просто душа, с каким чувством он читал стихи Хомякова «Ключ»! — Хомяков всех занимал и привлекал своею любезностью.

Воротился я почти в 5 часов утра, и сегодня встал в 11 часу. <...>

Впервые частично опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 718. См. также: *Зайцев А. Д.* Петр Иванович Бартенев. М., 1989. С. 25–26. Печатается по автографу: *Бартенев П. И.* Мои записки с февраля 1849 года (2-й год студенчества) // РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 8. Ед. хр. 14. Л. 1, 9 об.–11.

Петр Иванович Бартенев (1829–1912), историк, археограф, основатель и издатель журнала «Русский Архив». Многочисленные публикации Бартенева разнообразных свидетельств о Гоголе (кроме материалов, помещенных в наст. разделе, см. также публикации: *П. И. Бартенев.* Воспоминания *С. А. Ермоловой о Гоголе*; *Свидетельства о Гоголе А. О. Смирновой (рожденной Росет)* и ее дочери *О. Н. Смирновой*; *П. И. Бартенев.* Рассказы о *Пушкине. Тетрадь 1851–1860 гг.*; *Гоголь в воспоминаниях княжны В. Н. Репниной-Волконской*; *Гоголь в Одессе. 1850–1851.* <*Дневник Е. А. Хитрово*> и мн. др.) могут быть поставлены в один ряд с разысканиями *П. А. Кулиша*, *Н. П. Барсукова*, *В. И. Шенрока* и др.

¹ Содержание анекдота *П. И. Бартенев* не пересказывает. См. также в наст. изд. письмо *М. Н. Каткова* к *А. Н. Попову* от 20 февраля 1843 г.

Из писем П. И. Бартенева к П. А. Бессонову

П. И. Бартенев — П. А. Бессонову

Репьевка. Июня 23. 1849 года.

Любезный Бессонов! Я выехал из Москвы гораздо позже, чем предполагал, именно 15 числа, проехал 850 верст быстрого пути и теперь живу на берегу *тихоструйной* Сызрани, как звал реку эту покойник Языков в послании к Рейну¹. <...>

Степан Петрович <Шевырев> все еще в Москве: жена его хворает. Когда я прощался с ним, он поручил мне отвезти поклон его родной Волге, которая в Сызрани производила на него первые впечатления жизни. У меня впереди есть одна и верная надежда, именно жить под одною кровлею с Гоголем: он нынешним летом намерен отправиться в эти страны к приятелю своему, симбирскому губернатору князю Черкасскому² и дал обещание прожить несколько времени у Бестужевых³. <...>

Впервые опубликовано: Письма П. И. Бартенева П. А. Бессонову, 1848–1887 гг. / Публ. *А. К. Афанасьева*, *Ф. А. Петрова* // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 2007. Т. XV. С. 258–259. Печатается по первой публикации.

Об университетском товарище Бартенева П. А. Бессонове см. в наст. изд. в коммент. к разделу *Гоголь в письмах и воспоминаниях П. А. Бессонова*.

---

¹ Далее было: не

¹ Имеется в виду стихотворение Н. М. Языкова «К Рейну» (1840).

² Князь Петр Дмитриевич Черкасский, камер-юнкер, губернатор Симбирска в 1849–1852 гг.

³ См. также в наст. изд. письмо Е. А. Елагиной к Н. А. Языковой от 25 марта 1850 г.

П. И. Бартенев — П. А. Бессонову

СПб., 1852. 21 марта.

<...> Что за удивителные сплетни против тебя? Господи, Боже мой, избавь нас от всего этого: бедный, бедный Шевырев, как он унижается, как мне его жаль. Значит, ты не можешь узнать, издает ли он сочинения Гоголя, есть ли у него что-нибудь из второго тома и правда ли, что у него пакет, к<оторый> должен быть вскрыт чрез 6 недель по смерти Гоголя. Напиши, если знаешь? А я слышал, что Толстой в отчаянии, что не успел взять 2-го тома. Портрет Мамоновский у меня есть, он, мне кажется, довольно похож; один, что в гробу, я здесь видел. <...>

Впервые опубликовано: Письма П. И. Бартенева П. А. Бессонову, 1848–1887 гг. / Публ. А. К. Афанасьева, Ф. А. Петрова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 2007. Т. XV. С. 272. Печатается по первой публикации.

Примечание П. И. Бартенева к письму Гоголя Ф. Н. Беляеву от 5 марта (н. ст.) 1845 г.

Подлинник этого письма подарен мне известным латинистом Ф. Н. Беляевым, который в 1845 году жил в Париже наставником в одном русском семействе, а позднее служил помощником библиотекаря в Московском университете.

Впервые опубликовано: Помощь голодающим. Научно-литературный сборник. М., 1892. С. 464. Печатается по первой публикации.

Воспоминания о Гоголе П. И. Бартенева в «Материалах о жизни Гоголя» В. И. Шенрока

<...> Как мы слышали от П. И. Бартенева, Гоголь так всегда держал себя у Хомяковых: он капризничал неимоверно, приказывая по несколько раз то приносить, то уносить какой-нибудь стакан чая, который никак не могли ему налить по вкусу; чай оказывался то слишком горячим, то крепким, то чересчур разбавленным; то стакан был слишком полон, то, напротив, Гоголя сердило, что налито слишком мало¹. Одним словом, присутствующим становилось неловко; им только оставалось дивиться терпению хозяев и крайней неделикатности гостя. В разговорах, как мы слышали из разных источников, Гоголь часто не принимал участия, молча и презрительно поглядывая на собеседников; у иных зарождалась даже мысль, что этот прием употреблялся им в некоторых случаях нарочно для прикрытия своего невольного смущения. <...>

Впервые опубликовано: Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя. М., 1897. Т. 4. С. 757. Печатается по первой публикации.

¹ «У Хомяковых Гоголь бывал очень часто; он близко сошелся не только с самим Алексеем Степановичем, но и с женой его, Екатериной Михайловной, с которой познакомился еще в 1841 г., а в начале 1850 г. крестил у них сына, на-

званного по его имени Николаем (см. «Жизнь и труды Погодина» XI, 117, «Русск. Арх.», 1896, XI, стр. 378)» (примеч. В. И. Шенрока).

Б. А. Садовский

Записки
Фрагмент

<В 1909 г.> [В. Я. Брюсов дал мне письмо] От В. Я. Брюсова я получил письмо к престарелому издателю «Русского Архива» Петру Ивановичу Бартеневу. Меня встретил маленький, высохший старичок на костыле. Мы поговорили. Он взял для журнала мою статью «Тургенев», я стал у него бывать.

Бартенева давно уже не выходил никуда и мало общался с внешним миром. <...> Кого он только не знал и с кем не встречался! <...> Это ему Чаадаев рассказывал про лицейские проказы и шалости Пушкина, с ним Гоголь говорил о переводе Одиссеи за чайным столом у Сергея Тимофеевича Аксакова! <...>

[Статью мою о Тургеневе оценил Петр Иванович во сто рублей, я предпочел взять половину, а в качестве оплаты из другой половины достались мне] четыре письма Гоголя к Сербиновичу¹. <...>

Первые частично опубликовано: *Рабкина Н.* Знаменитый издатель «Русского Архива» // Альманах библиофила. М., 1980. Вып. VIII. С. 143–144. Печатается по автографу: *Садовский Б. А.* Записки. 1881–1916. Часть шестая. Москва. 1921–1930. Черновой автограф. 48 лл. // РГБ. Ф. 669. К. 1. Ед. хр. 10. Л. 17–20.

¹ Вероятно, имеются в виду четыре письма Гоголя К. С. Сербиновичу, опубликованные ранее П. И. Бартеневым в «Русском Архиве» (1876. № 10; 1909. № 4): от июня 1829 г., от конца января — начала февраля 1834 г., от мая 1834 г., от 29 сентября 1834 г.

Воспоминания П. И. Бартенева в записи его дочери Т. П. Бартеновой
Фрагмент

<...> В доме Хомякова <...> встречался я и с Гоголем, который производил не на меня одно неприятное впечатление: это был какой-то недотрога, довольно скудно одетый, но с великолепным бархатным жилетом с золотою цепью часов. Помню, как, возвратившись из университета с лекции Каткова о психологии, разговорился я с Гоголем о том, достигнут ли психологи до того, чтобы явственно представить, что должен был ощущать Одиссей, когда перед тем, как прийти во дворец Антиноя, он после стольких испытанных бедствий молился Афине в предгорной роще. Гоголь капризничал: подавали ему чай, и он находил то слишком полным стакан, то не долито, то мало сахара, то слишком много. По большей части он уходил беседовать с Екатериною Михайловною <Хомяковой>, достоинства которой необыкновенно ценил. Ее кончина в январе 1852 года очень его поразила, и он заболел своей смертельной болезнью. <...>

<В 1849 г. С. П. Шевырев передал Бартеневу> 25 рублей, сказав, что эти деньги даны ему одним желающим остаться в неизвестности человеком для выдачи прилежным студентам (позднее мы узнали, что это был Гоголь). <...>

Первые опубликовано: *Зайцев А. Д.* Петр Иванович Бартенева. М., 1989. С. 23–24. Печатается по первой публикации. Воспоминания были продиктованы П. И. Бартеневым его дочери в начале XX в.

П. Ю. Бартенеv

Петр Иванович Бартенеv. Некролог
Фрагмент

<...> Там¹ П<етр> И<ванович> встретился и познакомился с Гоголем, но не успел с ним сблизиться; один раз только имели они продолжительный разговор о том, что чувствовал Одиссей, выброшенный на остров Феаков, в связи с задачами и целями психологии. <...>

Впервые опубликовано: *Бартенеv П. (младший)*. Петр Иванович Бартенеv. Некролог // Русский архив. М., 1990. Вып. 1. С. 7. Печатается по первой публикации.

Петр Юрьевич Бартенеv, внук П. И. Бартенева, издатель «Русского Архива» с 1912 по 1917 г.

¹ У А. С. Хомякова.

С. С. Сидорова-Бартенева

Мой дед Петр Иванович Бартенеv в моих воспоминаниях
Фрагмент

<...> Гоголя Дед частенько встречал в доме Алексея Степановича Хомякова на Собачьей Площадке и морщился, рассказывая о нем, что он был всегда¹ небрежно и грязновато одет и производил впечатление человека физически неопрятного и носящего отпечаток болезненного душевного разлада, всегда садился к сторонке и был молчалив. <...> Гений Гоголя был как-то Деду чужд, и насколько я могу припомнить, у меня положительно не осталось в памяти, чтобы Дед когда-нибудь читал нам Гоголя или цитировал его на память. А ведь Дед с самого нашего младенческого возраста — я говорю, нашего, подразумевая моих братьев, Николая и Владимира, и меня — постоянно читал нам вслух и у себя в кабинете, и приезжал с книжкой к нам, когда мы жили уже не в его доме. <...>

Публикуется впервые по автографу: Сидорова-Бартенева Софья Сергеевна. Мой дед Петр Иванович Бартенеv в моих воспоминаниях. Москва, 1940 // *РГАЛИ*. Ф. 46. Оп. 8. Ед. хр. 61. Л. 33–34.

А. Д. Зайцев

Петр Иванович Бартенеv
Фрагмент

<...> К специальному, целенаправленному изучению творчества и биографии Пушкина Бартенеv приступил во время обучения в Московском университете, не без влияния, оказанного на него в этом направлении С. П. Шевыревым. В одной из своих студенческих работ, написанных им на третьем курсе¹ и называвшейся «Художественное сознание русских поэтов», Бартенеv большое внимание уделяет рассмотрению творчества Пушкина. Пр процитируем:

«Для узнания художественного сознания Пушкина мы уже не имеем отдельных статей, как у Жуковского, который систематически излагал сам свои мысли об искусстве... <...> Но зато ни

---

¹ *Далее было*: неопратно

один из поэтов русских в своих стихотворениях так много не говорил о себе, своих чувствах, мыслях, как Пушкин...

...Припомним также загадочное стихотворение “Отрывок”, которое Гоголь в статье о лиризме наших поэтов назвал таинственным побегом из города². По словам Гоголя, которые удалось узнать мне частным образом, Пушкин за год до смерти действительно хотел бежать из Петербурга в деревню; но жена не пустила...»

Впервые опубликовано: *Зайцев А. Д.* Петр Иванович Бартенева. М., 1989. С. 78. Печатается по первой публикации. Андрей Дмитриевич Зайцев (1951–1997), историк, археограф.

¹ В 1849–1850 гг.

² Подразумевается стихотворение А. С. Пушкина «Странник» (1835; впервые опубликовано в т. 9 посмертного Собрания сочинений Пушкина в 1841 г. под заглавием «Отрывок»). В статье «О лиризме наших поэтов» «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголь писал: «Не говоря уже о Ломоносове и Державине, даже у Пушкина слышится этот строгий лиризм повсюду, где ни коснется он высоких предметов. Вспомни только стихотворенья его: к пастырю Церкви, “Пророк” и, наконец, этот таинственный побег из города, напечатанный уже после его смерти». В другой статье — «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» — Гоголь еще раз напоминал об этом пушкинском стихотворении: «...Еще замечательней было то, что строилось внутри самой души его и готовилось осветить перед ним еще больше жизни. Отголоски этого слышны в изданном уже по смерти его стихотвореньи, в котором звуками почти апокалипсическими изображен побег из города, обреченного гибели, и часть его собственного душевного состояния».

Сообщение П. И. Бартенева подтверждается записью в дневнике Е. А. Хитрово от 1 февраля 1851 г., передавшей слова Гоголя о Пушкине: «Он хотел оставить Петербург и уехать в деревню; жена и родные уговорили остаться» (см. в наст. изд.).

Гоголь в письмах друзей П. И. Бартенева

С. Марков — П. И. Бартенева

3 апреля 1846 г.

<...> Об Гоголе иногда говорят, но занимательного мало и нового ничего. <...> Ходят слухи, что 2-я часть «Мертвых душ» печатается; другие, напротив (впрочем, даже одни и те же), толкуют, что и 1-я их часть запрещена. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 682. Печатается по первой публикации.

Сергей Марков, студент Московского университета.

А. Н. Костылев — П. И. Бартенева

9 марта <1852>. Воскресенье. <Москва>.

<...> Об Гоголе написал сам Катков¹. Да, мой друг, Гоголь умер! что можно прибавить к этому? Печаль была общая и непритворная. Одна только Ростопчина, которая превращается в литераторную дрянью, чтобы не сказать более, — нарушила ее своими ахами и охами, помещенными в «Полицейской газете»² рядом с объявлением курского мужика, получившего соловьев *прямо из-под натурь!*. <...>

---

¹ Бессонов говорит, что было и другое объявление — о продаже имения, состоящего из 7 душ без земли. — *Примеч.* А. Н. Костылева.

Литографированный портрет с подписью: «Н. В. Гоголь во гробе» и fac-simile вышел и продается, кажется, по полтиннику. <...> Этот портрет снят, должно быть, младшим Самариным; другой портрет делала Павлова. Сняли и маску, причем содрали несколько кожи с носа³, но, кажется, первый бюст не удался; должны были, как говорили студенты, дежурившие при гробе, снимать другой раз. Но об этом отложим, мой друг, говорить до личного свидания. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 753. Печатается по первой публикации.

Александр Николаевич Костылев (ум. в 1856), сотрудник «Московских ведомостей», университетский товарищ П. И. Бартенева.

¹ Речь идет о некрологической заметке в № 24 «Московских ведомостей» от 23 февраля 1852 г. (см. в наст. изд. <Некролог Гоголю> М. Н. Каткова).

² Имеется в виду статья графини Е. П. Ростопчиной «Похороны Гоголя» (см. в наст. изд.).

³ См. в наст. изд. письмо Н. А. Рамазанова к Н. В. Кукольнику от 21 февраля 1852 г. и публикацию Н. А. Рамазанова «Московская городская хроника. Художественные известия».

Гоголь в воспоминаниях и письмах Я. К. Грота

Я. К. Грот

Воспоминание о Гоголе

До 1849 года я с Гоголем встречался редко, хотя давно познакомился с ним. Мы оба не жили в Петербурге и, только съезжаясь на короткое время с разных сторон, виделись иногда у П. А. Плетнева. Но в означенном году, летом, я был в Москве, и тут мы посещали друг друга¹. Гоголь жил тогда у гр<афа> Толстого в д<оме> Талызина на Никитском бульваре, поблизости Арбатских ворот. Из его разговоров мне особенно памятно следующее. Он жаловался, что слишком мало знает Россию; говорил, что сам сознает недостаток, которым от этого страдают его сочинения. «Я нахожусь в затруднительном положении, — рассуждал он, — чтобы лучше узнать Россию и русский народ, мне необходимо было бы путешествовать, а между тем уж некогда: мне около 40 лет, а время нужно, чтобы писать». Отказываясь поэтому от мысли о путешествиях по России, Гоголь придумал другое средство пополнить свои сведения об отечестве. Он решил просить всех своих приятелей, знакомых с разными краями России или еще собирающихся в путь, сообщать ему свои наблюдения по этому предмету. О том просил он и меня. Но любознательность Гоголя не ограничивалась желанием узнать Россию со стороны быта и нравов. Он желал изучить ее во всех отношениях. Мысль эта давно занимала Гоголя, и для достижения этой цели он не пренебрегал даже и самыми скудными средствами. Живя за границею, он не переставал читать книги, которые казались ему пособиями для этого. И что же читал он, для своего назидания, с особенным вниманием? *Россию* Булгарина²! Это рассказывал мне тогда А. О. Россет, возвратясь из чужих краев, где он часто заставал Гоголя за этим чтением. Гоголь подчеркивал карандашом любопытнейшие места в книге Булгарина. Взяв с меня обещание доставлять ему заметки о тех местах России, которые я увижу, Гоголь стал расспрашивать меня и о Финляндии, где я жил в то время. Между прочим его интересовала флора этой страны; он пожелал узнать, есть ли по этому предмету какое-нибудь хорошее сочинение, и попросил выслать ему, когда я возвращусь в Гельсингфорс, незадолго перед тем появившуюся книгу Нюландера «Flora fennica»³, что я и исполнил впоследствии.

В Москве жил я у старого приятеля моего, Д. С. П<ротопопо>ва⁴, на Собачьей площадке. Раз вдруг подъезжает к дому красивая карета, и из нее выходит Гоголь. Я рассказал ему, что мой хозяин может доставить ему много материалов для изучения России, потому что долго жил в разных губерниях и по службе имел частые сношения с народом. Гоголь изъявил желание познакомиться с П<ротопоповым>, но в тот раз это было невозможно, так как приятель мой был в это самое время хотя и дома, но занят по должности.

Между тем Гоголь вскоре куда-то уехал, а я, по непредвиденным обстоятельствам, возвратился в Гельсингфорс ранее, чем предполагал. Послав Гоголю обещанную книгу о финляндской флоре, я писал ему⁵, что П<ротопопов> ждет его, и с тем вместе сообщил отрывок из одного письма П<ротопопова> ко мне, как образчик взгляда его на русский народ.

Вот что отвечал мне Гоголь⁶, приехавший опять в Москву:

«Очень благодарю вас за ваше доброе письмо, которое нашел по приезде в Москву. Мне самому очень жалко, что не удалось с вами еще повидаться. Благодарю вперед за предстоящее знакомство с П<ротопоповым>, которого я непременно отыщу. Его замечания о русском народе, приложенные в вашем письме, совершенно верны, отзываются большой опытностью, а с тем вместе и ясностью головы. Прощайте и не забывайте меня.

Ваш весь Гоголь».

Вскоре после того Гоголь действительно ездил к моему приятелю, но не застал его дома. Погруженный в дела службы, П<ротопопов>, который сверх того был всегда немножко нелюдим, не поехал к Гоголю, и они не познакомились лично.

Прилагаю здесь самый отрывок из письма Д. С. П<ротопопова>, понравившийся Гоголю. Начальные буквы имени автора должны быть знакомы читателям *Дня*, в котором он иногда помещает свои статьи по предметам, также касающимся интересов народа.

«В жизни нашей собственная личность исчезает: Русаку своя особа не стоит гроша, он любит жить общею с другими жизнью. Ему только те милы наслаждения, которые он разделяет с другими. Мужик, заработав лишний рубль, несет его не в кассу, а в кабак, потому что там он повеселится с приятелями, которые в свою очередь пригласят его повеселиться на их добычу. Разглядите это свойство Русского народа, беззаботность о своей личности, и вы поймете и их неряшливость, и бескапитальность, и незаботу о совершенстве труда. На что ему украшать свою жизнь, заботиться о будущем?

Он чувствует в себе обилие сил на то, чтобы, когда наступит нужда, поработать из всей мочи, потерпеть донельзя и все это сделать для того только, чтобы выйти из трудного положения, а не для того, чтоб оградить себя на будущее время от беды. Посмотрите: вот сгорела деревня, мужики и рвутся и мечутся, чтобы поскорей построить свои избы; построили – и довольны. Что им за дело, что новая постройка не обеспечивает их от пожара? Пусть горит, они опять примутся хлопотать как муравьи: на то им Бог дал и силы. Поговорите с ними о прошлом: они не станут говорить вам, как прежде жили хорошо, а станут говорить с увлечением о том, как они метались в нужде, как они боролись с нуждою. Вспомните рассказы их о 12-м годе; что в их рассказах? Повесть о том, как они жили в лесах, как по неделям сидели без хлеба, как били их Французы и особенно Поляки; и чем подчивали они своих гостей незваных.

Станным, может быть, покажется, если я скажу, что Русский любит труд и нужду, и любит труд не как средство и нужду не как нужду, а так самих по себе. Продолжительное наслаждение, счастье и спокойствие грепят ему на совести¹. Ну что это, он говорит, мне все хорошо да хорошо: так не должно быть, это вражеское навождение; это или дьявол насылает, или Бог во гневе хочет излить на меня все сладкое, чтобы дать мне на том свете горькое. Знать грешник я большой».

¹ Знаете ли вы это слово: «грепеть»? Оно мужицкое и похоже в значении на *трутить*, *натирать*. — *Примеч. Я. К. Грота.*

Впервые опубликовано: Грот Я. Воспоминание о Гоголе // Русский Архив. 1864. № 2. Стб. 177–179. Печатается по первой публикации.

Яков Карлович Грот (1812–1893), лингвист, историк литературы.

¹ О встречах Я. К. Грота с Гоголем 22 и 25 июня и 4 или 5 июля 1849 г. см. в наст. изд. письма Я. К. Грота к П. А. Плетневу от 28 июня 1849 г. и от 11–12 июля 1849 г.

² Имеется в виду издание: <Иванов Н. А.> Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях. Ручная книга для русских всех сословий *Фаддея Булгарина*. СПб., 1837 (цензурное разрешение 27 сент. 1836). Ч. 1. Истории; СПб., 1837 (цензурное разрешение 26 дек. 1836). Ч. 2. Истории; СПб., 1837 (цензурное разрешение 1 июля 1837). Ч. 3. Истории; СПб., 1837 (цензурное разрешение 26 сент. 1837). Ч. 4. Истории; СПб., 1837 (цензурное разрешение 24 апр. 1837). Ч. 1. Статистики; СПб., 1837 (цензурное разрешение 24 апр. 1837). Ч. 2. Статистики. Н. П. Барсуков замечал: «Но это доказывает только проницательность Гоголя. Сочинение, известное под именем *России* Булгарина, имеет такое заглавие: *Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношении* (в четырех частях и две части статистики) и принадлежит перу известного профессора Николая Алексеевича Иванова, а Булгарин был только издателем его. О сочинении этом с полным уважением отозвался в свое время знаменитый Шафарик, да и до сих пор, по мнению А. А. Котляревского, “оно не сделалось лишним” (Сочинения А. А. Котляревского. СПб., 1889. II, стр. 129–130)» (*Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1895. Т. 10. С. 319).

³ Имеется в виду книга финского энтомолога и ботаника Уильяма Нюландера (Nylander, 1822–1899), вышедшая в 1848 г.

⁴ Дмитрий Степанович Протопопов (1808–1871), чиновник, писатель, начальник Комиссии для уравнивания денежных сборов с Государственных крестьян в Московской губернии (с 1848), впоследствии тайный советник, член Совета Министра государственных имуществ.

⁵ Письмо Я. К. Грота к Гоголю от 26 октября 1849 г.

⁶ Письмо Гоголя к Я. К. Гроту было приложено к посланию П. А. Плетневу от 15 декабря 1849 г.

Из писем Я. К. Грота

Я. К. Грот — П. А. Плетневу

Г<ельсинг>форс, суббота, 18 августа 1845.

<...> <17 августа>. Ехав в купальни, завез Россету Отечественные Записки и Северную Пчелу. Он жалел о подкупности Н<икитен>ки, которого знал еще в доме Стерича, и о бездействию Гоголя. <...>

Впервые опубликовано: Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 2. С. 524. Печатается по первой публикации.

Помимо писем Я. К. Грота, собранных в наст. разделе, см. также в наст. изд. письмо Грота к П. А. Плетневу от 7 апреля 1843 г. в разделе *Гоголь в воспоминаниях С. И. Барановского*.

Я. К. Грот — П. А. Плетневу

Москва, 28 июня 1849.

<...> 22 июня. <...> Под вечер поехал я с Шевыревым в Сокольники и в так называемый скит Преображенский, раскольничью богадельню, учрежденную в виде монастыря, и где сами призрешаемые служат в моленной по очереди (беспоповщина). <...> Д. И. Коптев¹ здесь смотрителем и вводит много улучшений. Когда мы возвратились домой (т. е. к Шевыреву) в 10 часов, пришли: сперва Берг, потом Гоголь. Гоголя нашел я лучше, чем вообра-

жал. Он был разговорчив и весел. Я с ним вместе отправился домой и подвез его к его квартире. <...>

25 июня. <...> Шевырев потчевал меня обедом в Новотроицком трактире... <...> Посидел у Гоголя: собирается поехать по России, но еще колеблется, ехать ли, ибо дорожит временем, а жизнь коротка. При мне получил он записку от Смирновой² с уведомлением, что она приехала в Москву из Петербурга. <...> Вечером в 10 ч<асов> к Шевыреву для соглашения о завтрашней поездке³; Гоголь, сей час вышедший от него, объявил мне, что не едет, ибо должен проводить старого друга. <...>

26 июня. Ночью приехал Протопопов... <...>

Первые опубликовано: Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 3. С. 443. Печатается по первой публикации.

¹ Дмитрий Иванович Коптев (1820–1867), поэт, переводчик, чиновник особых поручений при московском генерал-губернаторе графе А. А. Закревском (с мая 1849 г.).

² Записка не сохранилась.

³ Намеченная на 26 июня 1849 г. поездка вокруг города, «вне вала Москвы».

Я. К. Грот — П. А. Плетневу

<11–12 июля 1849. Москва>

<...> 12 июля.

<...> Теперь здесь нет ни Шевырева, ни Гоголя: Шевырев на другой день после нашего последнего свидания¹ уехал в деревню... <...> Гоголь чуть ли не в тот же день² отправился также гостить к кому-то в деревню недели на три. Он был у меня два раза: раз во время моей поездки в Троицу³, а в другой — накануне своего отъезда, чтобы проститься со мною. Садясь в карету, просил он меня впоследствии писать к нему, особенно если случится мне собрать какие-нибудь сведения касательно русского народа. Здесь ходит по рукам переписка его с Белинским: она есть и у меня. <...>

Первые опубликовано: Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 3. С. 455. Печатается по первой публикации.

¹ Я. К. Грот был у С. П. Шевырева вечером 4 июля 1849 г.

² 4 или 5 июля 1849 г. Гоголь вместе с Л. И. Арнольди и К. О. Россетом выехал из Москвы в Калугу к Н. М. и А. О. Смирновым.

³ Я. К. Грот выехал в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру во вторник 28 июня, в 8 часов вечера, вернулся поздним вечером в пятницу 1 июля 1849 г.

Я. К. Грот — С. П. Шевыреву

<3 сентября 1849. Гельсингфорс>

<...> Гоголь, вероятно, уже воротился из своей поездки. Потрудитесь передать ему, как мне жаль было, что я не мог дожидаться его в Москве. Он просил у меня достать ему финскую флору. Я и хотел тотчас же исполнить его желание, но, к сожалению, узнал, что финской флоры никогда еще не было издаваемо; есть флора шведская, но она довольно значительно отличается от финской. <...>

Гельсингфорс. 3 сентября 1849 г.

Впервые опубликовано: Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 3. С. 781. Печатается по первой публикации.

Я. К. Грот — П. А. Плетневу

Г<ельсинг>форс, 18 марта 1850.

<...> Теперь жена моя¹ знакомит меня с Жорж Занд, которой я до сих пор почти совсем не знал, но в которой она чрезвычайно ценит высокий талант писательницы, хотя и не жалует ее идей о женщине. Вчера кончили мы чтение Гоголева Тараса Бульбы, повести, которую до сих пор ей не удалось прочесть. <...>

Впервые опубликовано: Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 3. С. 504. Печатается по первой публикации.

¹ Наталья Петровна Грот (рожд. Семенова, 1825 или 1828 — 1899), педагог, критик.

Я. К. Грот — П. А. Плетневу

Г<ельсинг>форс, понедельник, 2 апреля 1850.

<...> Мы много занимаемся чтением вслух; кончив Valentine Ж. Занд, мы теперь читаем Гоголя. <...>

Впервые опубликовано: Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 3. С. 506. Печатается по первой публикации.

Я. К. Грот — П. А. Плетневу

Рязанской губ., село Архангельское, на мызе особой, воскрес<енье>, 2 июля 1850.

<...> ...Мы ехали так скоро, что в пятницу¹ после обеда были в Москве. <...> С Протопоповым виделся я часто <...> с Гоголем не успел повидаться; знаю только, что он каждое воскресенье обедает у близких знакомых жены моей, Мухановых. Бывши в Гельсингфорсе, я однажды² послал к нему отрывок из письма Протопопова о русском народе; этот «погсеаи»³ так восхитил Гоголя, что он был с визитом у Протопопова, но, не застав его, оставил у него карточку; а этот, не зная повода, заключил, что карточка явилась к нему по ошибке, и не отдал визита.

В Москве пробыли мы только три дня и выехали оттуда в прошлый вторник⁴. <...>

Впервые опубликовано: Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 3. С. 516. Печатается по первой публикации.

¹ 23 июня 1850 г.

² При письме к Гоголю от 26 октября 1849 г.

³ Отрывок (фр.)

⁴ 27 июня 1850 г.

Три письма к Н. В. Гоголю, писанные в 1848 году Фрагменты

К читателю

<...> ...Это сочинение было писано еще при жизни покойного, за двенадцать лет доселе по следующим обстоятельствам и побуждениям. Известно, что, когда покойный Гоголь издал «выбранные места» из своей переписки, образовалось общее почти мнение, будто он отказывается от своих прежних творений, как уже противных новому его направлению. Одни, именно прежние его поклонники, считали его изменником пред искусством и самою истиною и приписывали эту перемену болезненному его расстройству. Другие, и это даже самые поборники начал, провозглашенных Гоголем в «выбранных местах из переписки», большею частию с недоверием смотрели на эту книгу и отыскивали в покойном признаки духовной гордости. Иные, может быть, и из самых его друзей, колебались между тем и другим взглядом на Гоголя, жалели, судили, недоумевали. Были и такие, как мне известно, и это наилучшие из всех, которые с живейшею любовью поддерживали и развивали возникшее в нем сознание истины в одном Христе; но они не заботились и, может быть, не могли отчетливо помирить Гоголя с прежнею деятельностью, так, чтобы он благословлял и с бодростию продолжал свое поприще. <...> Надобно было из слов и дел самого Гоголя выяснить пред ним и пред публикой, что в существе дела не было и нет противоречия между прежнею его деятельностью и новым духовным сознанием: в первой уже глубоко завито было последнее, — последнее, вполне раскрывшись только увенчивало первую¹. Раскрытию этого, во славу Христовой истины и благодати, освящающей и освещающей верующего человека во всех его путях, и посвящены были «три письма», здесь предлагаемые, которые, при самом написании их, были назначаемы непременно в печать, но по обстоятельствам доселе оставались в рукописи.

Гоголь умер. Но понятия о нем остались и иногда повторяются прежние... <...> Дело и значение Гоголя остаются и доселе для одних загадочными, а у других только односторонне решенными. <...>

Ему самому были читаны из этих писем только некоторые коротенькие отрывки, по черновым листам. Замечательное в его речах, или близко относящееся к предмету писем, отмечено в разных местах в примечаниях под чертою.

«Но зачем человеку духовному вмешиваться в дела и запутанности мысли и литературы светской? что общего у богословской точки зрения с мирским словом?» На подобные возражения (которые приходилось мне слышать и при самом изучении Гоголя) прежде всего хочется рассказать один случай, касающийся также Гоголя.

Ему случилось быть в одном из высших духовных учебных заведений². Студенты приняли его с восторгом. И когда при этом высказано было Гоголю, что особенно живое сочувствие возбуждает он к себе тою благородною открытостью, с которою он держится в своем деле Христа и Его истины, то покойный заметил на это просто: «Что ж? Мы все работаем у одного Хозяина». И так вот и светский человек не хотел отделять своего дела от благодатного владычества Христова; тем более служителю Христовой благодати свойственно и должно служить распространению благодатного осенения на все, сколько возможно. <...>

Письмо первое

<...> Поэту дано, говорил Гоголь в устной беседе, живет других *чувствовать*. Не мудрено, что поэтическое чувство упреждает во многом отчетливую мысль и опыт. <...>

...Ничего из этого отделения³ не было читано Гоголю, хотя и были разговоры с ним о его личных обстоятельствах. <...>

Говоря однажды об училищном воспитании, Гоголь вспомнил свою училищную жизнь, в которой особенно благодетельным для самого духовного своего развития находил садовые и огородные свои занятия возделыванием земли, рассаживанием и проч^{<ее>} под^{<обное>}. Всему этому, говорил он, много обязан я тем, что еще свежего сохранилось в душе моей. <...>

Письмо второе

<...> Могу сказать, что в главном и существенном, действительно, Бог дал, не допущено у меня ошибки⁴. Помнится, когда кое-что прочитал я Гоголю⁵ из моего разбора «мертвых душ», желая только познакомить его с моим способом рассмотрения этой поэмы, то и его прямо спросил, чем именно должна кончиться эта поэма. Он, задумавшись, выразил свое затруднение высказать это с обстоятельностью. Я возразил, что мне только нужно знать, оживет ли, как следует, Павел Иванович? Гоголь как будто с радостью подтвердил, что это непременно будет и оживлению его послужит прямым участием сам Царь, и первым вздохом Чичикова для истинной прочной жизни должна кончиться поэма⁶. В изъяснении этой развязки он несколько распространился, но, опасаясь за неточность припоминания подробностей, ничего не говорю об этих его речах. — «А прочие спутники Чичикова в “Мертвых душах”? — спросил я Гоголя, — и они тоже воскреснут?» — «Если захотят», — ответил он с улыбкою; и потом стал говорить, как необходимо далее привести ему своих героев к столкновению с истинно хорошими людьми, и проч., и проч. В другие свидания мои с ним я уже, связанный обстоятельствами, не заговаривал с ним о моем деле касательно его самого как писателя. За полгода до смерти, если не ошибаюсь, именно 1-го октября предпоследнего пред его смертью года, он сам заговорил о моем деле, по поводу готовой выйти в свет критики о нем немца. Из его речей мне можно было с грустию видеть, что не мешало бы сказаться и благоприятному о его «переписке» голосу: мне виделся в нем уже мученик нравственного одиночества, — одной из самых тяжелых пыток для душ симпатичных, каковы вообще, кажется, малороссы и особенно каков был покойный Гоголь. <...>

Первые опубликовано: <Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев)>. Три письма к Н. В. Гоголю, писанные в 1848 году. СПб. 1861. С. 3–6, 51, 59, 61, 138–139. Печатается по первой публикации.

Архимандрит Феодор (в мире Александр Матвеевич Бухарев, 1822–1871), профессор Московской Духовной академии (с 1852 г.), духовный писатель, близкий к славянофильским кругам; окончил жизнь мирянином, подав в Святейший Синод прошение о сложении духовного и монашеского сана (1862), которое было удовлетворено.

Протоиерей А. А. Лебедев в 1871 г. (в ту пору — иерей), вспоминая об архимандрите Феодоре и его «Трех письмах к Н. В. Гоголю...», сообщал: «Первое из этих писем он представил <в 1849 г.> покойному митрополиту Московскому, без разрешения которого нельзя было напечатать ни одного более или менее серьезного сочинения никому из подведомого ему духовенства. Митрополит взял у него статью, но выразил неудовольствие за такой предмет занятий профессора по Священному Писанию. После этого обстоятельства Феодор захворал и остался в Москве, в больнице при тамошней Духовной семинарии. Здесь списался он с Гоголем, и с этого времени <с 19 августа 1851 г.; см. ниже> познакомился с ним» (впервые напечатано, без имени автора: Голос. 1871. 3 мая. № 121. С. 1; цит. по изд.: Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев): *pro et contra* / Сост., вступ. ст., примеч., указ. Б. Ф. Егорова; вступ. ст., примеч., хроника жизни А. М. Бухарева Н. В. Серебрянникова; примеч., библиогр., указ. А. П. Дмитриева. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного ин-та, 1997. С. 324).

Спустя три года М. П. Погодин в «Воспоминаниях об Александре Матвеевиче Бухареве (Архимандрит Феодор)», напечатанных 7 апреля 1874 г. в «Московских Ведомостях», также замечал: «Я слышал о нем много от Гоголя, с кото-

рым он был в близкой связи, и даже написал о нем книгу. Кстати, расскажу здесь анекдот. Когда автор, бакалавр Академии, представил свою книгу митрополиту Филарету, то митрополит выразил ему сильное неудовольствие за неприличный предмет занятий и на все его доводы говорил: “Это глупо”, или “Это гордо”, — так что Бухарев замолчал. Тогда митрополит сказал ему с сердцем: “Почему ты ничего не говоришь?” — “Потому, — отвечал Бухарев, — что я не хочу, сколько от меня зависит, говорить ни глупых, ни гордых речей”. Эти слова так подействовали на митрополита Филарета, что он вдруг смягчился и сказал ласково: “Ну вот, ты уже и рассердился!” — тотчас переменял совершенно тон и начал относиться уважительно. О. Феодор занемог вскоре после этой беседы и пролежал несколько дней в больнице. По выздоровлении, пред отъездом в Лавру, явился опять к митрополиту, который принял его с особенной лаской и провел с ним часа два в отечески-откровенной беседе, отказывая прочим посетителям». «Я в жизнь свою, — продолжал Погодина, — встретил еще одного человека, также в высшей степени замечательного, отца Матвея, Ржевского священника, друга Гоголева, с которым лет 15 тому назад познакомил меня Т. И. Филиппов (см. в наст. изд. дневниковые записи Погодина от 4, 13 марта 1849 г., от 16, 22 августа, 26, 29 сентября 1852 г. — *И. В.*). Александр Матвеевич поразил меня силою своего убеждения в истинах христианства, <...> а отец Матвей — силою своего убеждения в Промысле Божиим и высшем участии в судьбе каждого человека, у которого волос с головы не может пропасть без воли Божией. <...> Александр Матвеевич рассказал мне некоторые черты о нем и отзывался о нем с великим уважением» (цит. по: Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев): *pro et contra*. С. 331, 333). (Пересказанный Погодиным «анекдот» заимствован из письма к нему жены Бухарева (с 1863 г.), Анны Сергеевны (рожд. Родышевской, 1840 — после 1918), от 31 мая 1871 г.; см.: Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев): *pro et contra*. С. 392.)

Перу архимандрита Феодора принадлежит наиболее глубокий и содержательный в критической литературе разбор «Мертвых душ». (Этот разбор составил вторую главу (или «письмо») его книги.) По свидетельству В. С. Аксаковой, слышавшей отзыв Гоголя о заметках архимандрита Феодора сразу после их знакомства в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре 19 августа 1849 г., суждения отца Феодора пришлись Гоголю по душе. Архимандрит Феодор вспоминал об этой встрече: «Помнится <...> кое-что прочитал я Гоголю из моего разбора “мертвых душ”, желая <...> познакомить его с моим способом рассмотрения этой поэмы...». В. С. Аксакова в письме к М. Г. Карташевской от 29 августа 1849 года сообщила: «У Троицы Гоголь виделся с от<цом> Феодором, бакалавром (От<ец> Феод<ор> не был прежде знаком с Г<оголем>... — *Примеч. В. С. Аксаковой*. — *И. В.*), который писал ему чрезвычайно умные и замечательные, по словам Гоголя, заметки на его книгу...» (см. в наст. изд.).

В основу своего анализа архимандрит Феодор положил созвучную взглядам самого Гоголя мысль о степени соответствия-несоответствия образа жизни героев христианским заповедям, идею должного, — и потому оказался весьма близок к авторскому пониманию характеров героев. Именно архимандрит Феодор, указав на отсутствие в главном герое «Мертвых душ» Чичикове «всего, что есть живого в православном русском: безусловной верности Царю, самопожертвования для отечества» и «христианской любви к людям», открыл связь замысла поэмы с утверждением начал Православия, Самодержавия, Народности (см.: *Феодор (Бухарев), архимандрит*. О героях поэмы «Мертвые души» // Н. В. Гоголь и Православие. Сборник статей о творчестве Н. В. Гоголя. М.: К единству! 2004. С. 205–230). Глубоко созвучен архимандриту Феодору оказался «пророческий» пафос поэмы. Как вспоминал бывший студент Московской Духовной академии протоиерей Сергей Сергеевич Модестов (1832–1914), «о Гоголе даже на классе Священного Писания читал лекции известный архимандрит Феодор Бухарев, причислявший Гоголя чуть не к пророкам-обличителям, вроде Иеремии, плакавшем о пороках людских» (Из воспоминаний протоиерея С. С. Модестова // У Троицы в Академии. 1814–1914. Юбилейный сборник исторических материалов. М., 1914. С. 121).

Однако в связи с последующей судьбой о. Феодора, снявшего с себя церковный сан и вступившего в брак, особое внимание привлекает характерное для «Трех писем к Н. В. Гоголю...» частое обращение А. М. Бухарева к размышлениям о роли женской красоты в возможном перерождении главного героя «Мертвых душ» Чичикова, а также к письмам-статьям Гоголя из его последней книги о благотворном влиянии женщины в современном обществе.

Заставляет задуматься и сомнительное утверждение о. Феодора в предисловии к его книге о «чрезвычайной духовной пользе» от чтения статей В. Г. Белинского, полученной им во время обучения в Московской Духовной академии — в отношении «именно к богословскому его образованию». («Такие мысли развивает о. Феодор в предварительной статье своей “К читателю”. Насколько они справедливы, видно с первого разу», — высказывался по поводу этих строк в 1861 г. рецензент «Трех писем к Н. В. Гоголю...» отец П. А. Матвеевский; цит. по: Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев): *pro et contra*. С. 471.)

Мысли о «духовной пользе» статей Белинского о Феодор развивает сразу за тем фрагментом, где приводит слова Гоголя: «Мы все работаем у одного Хозяина» (см. выше). «...Мне лично известен, — сообщает архимандрит Феодор, — один человек, который чрезвычайную духовную пользу, относящуюся именно к богословскому его образованию, получал от светского писателя, известного притом направлением, со всем по-видимому противоположным и Гоголевскому, как это последнее выражено в выбранных местах из переписки Гоголя. “Когда во мне, — говорил этот человек, — только что возбуждалась самостоятельная мысль, я любил читать в “Отечественных Записках” статьи, относящиеся к критике, писанные покойным Белинским. Само собою разумеется, что настоящего значения его мыслей я не понял, или лучше понимал их по-своему. Известно, что он иногда в развитии своих мыслей цитировал тексты из Св. Писания. Он давал этим текстам свою мысль, а я понимал их в их надлежащем значении, и соответственно этому понимал и всю его речь. И потому выходило, что следя систему его мыслей, извращающую Христову истину, я в своем уме развивал живую систему самой Христовой истины. И сколько, помню, радостей было у меня, что вот наконец взялись люди за ум углубляться в премудрость Божию и раскрывать ее свет для всяких дел! Я обманывался; но, благодаря именно такому чтению Белинского, мысль моя довольно развилась и окрепла в светлом, живом и отчетливом направлении Веры. Добрые следствия этого для меня вышли самые неоцененные. С одной стороны, я уже никак не останавливался на одной букве текстов, изучаемых в богословских науках; ум мой, верный направлению Веры, всегда стремился входить в самую силу догматов, и Святые Отцы для меня были авторитетами живой, обнимающей в высших своих представителях (как в святых, Василии Великом, Григории Богослове, Иоанне Златоусте, Иоанне Дамаскине и др.) все современное им образование, мысли Веры. С другой стороны, когда случалось слышать и изучать ту или другую науку по началам новейшей философии, ум мой всегда работал на возведении этой науки и ее начал к истине Христовой, как это было у меня (только не так сознательно) и при чтении Белинского. Мысль моя так настроилась, что безотчетно не поддавалась в науке никому и ничему, обращая все в разумное по вере служение Христу. Рим. XII, 1. После этого, как же я могу смотреть и на светскую литературу, как стороннюю и чужую для моего богословского образования? Напротив, по собственному моему опыту вижу, что иное направление мысли и слова, и не признавая открытым образом Христа своим начальоводцем, тем не менее может находиться под Его же незримым водительством и благоуправиться Им на посылу веры и любви к Христовой истине, подобно язычнику Киру, освободившему Израиля от вавилонского плена”. Ис. XLV, 1–5. Так то говорит нередкий этот близкий ко мне человек, и знаю, что он говорит совершенную правду» (<Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев)>. Три письма к Н. В. Гоголю, писанные в 1848 году. СПб. 1861. С. 6–7).

В 1905 г. протоиерей В. В. Лаврский свидетельствовал об этих строках архимандрита Феодора: «Здесь он говорит о себе в третьем лице, как бы о ком-то другом; но я знаю из личных его бесед со мной, что это относится к нему самому и именно ко времени его студенчества в Московской академии» (цит. по: *Лаврский В. В., прот<оиерей>*). Мои воспоминания об архимандрите Феодоре (А. М. Бухареве) // Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев): pro et contra. С. 146). Ранее, в 1896 г., об этом же сообщала А. С. Бухарева: «В предисловии к письмам к Гоголю Александра Матвеевич говорит, какое влияние имело на него чтение статей Белинского. Говорит он о себе в третьем лице. <...> ...Если взять во внимание, что письма к Гоголю были написаны в 1848 г. <...>, через два года по поступлении Александра Матвеевича в монашество; <...> нельзя не увидеть, что то, что письма эти в себе содержат, давно уже созрело в мыслях и чувстве их автора» (*Бухарева А. С.* Александр Матвеевич Бухарев (архимандрит Феодор). Из материалов для биографии // Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев): pro et contra. С. 366).

¹ Если Аксаковы в оценке гоголевского творчества настаивали на невозможности соединения христианства и искусства, то архимандрит Феодор первый, применительно к первому тому «Мертвых душ», обозначил христианское содержание гоголевских художественных образов (см. преамбулу к наст. коммент.).

² Имеется в виду посещение Гоголем вместе с отцом Феодором студентов Московской Духовной академии 1 октября 1851 г. (см. в наст. изд. «Заметку» В. В. Крестовоздвиженского).

³ Замечание относится к следующим строкам «Письма первого»: «Перейдем к вашим объяснениям лично о себе самом. С моей стороны не будет неприлично коснуться пред вами самими отчасти и того, что касается прямо вашей личности...» (С. 59).

⁴ Замечание относится к следующим строкам «Письма второго»: «Как бы то ни было, но главная, управляющая всею поэмою мысль, столь слышная во всем, нередко прямо изрекающая свое живое слово, во всяком случае не может измениться» (С. 138).

⁵ 19 августа 1849 г. (см. выше преамбулу к наст. разделу).

⁶ В «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь в числе источников русской поэзии и своего творчества указывал пословицы и слово церковных пастырей, народную песню и церковные песни и каноны, а также важнейшее политическое событие в истории России — принятие русскими царями в лице Петра I императорского достоинства. Это событие, породившее, по Гоголю, «верховный лиризм» одической поэзии Ломоносова и Державина, поставило Россию перед лицом ее истинного призвания — быть Священной Империей, главным назначением которой является «стремление к свету», то есть спасение душ подданных, «приближение иного Царствия». Еще в 1834 г. в статье «Несколько слов о Пушкине» он замечал: «Русская история только со времени последнего ее направления при императорах приобретает яркую живость...» Эти размышления имеют прямое отношение к замыслу «Мертвых душ» (см.: *Виноградов И. А. Исторические воззрения Гоголя и замысел поэмы «Мертвые души» // Гоголеведческие студии. Ніжин, 2001. Вып. 7. С. 77–93; Виноградов И. А. «Дело, взятое из души...» // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 5. С. 561).*

Свидетельство на проезд в Тульскую, Орловскую и Калужскую губернии и обратно в Москву, выданное Гоголю 24 августа 1849 г.

<...> 1849. <...> 24 августа. «Свидетельство», выданное Гоголю московским обер-полицеймейстером¹, «для свободного следования в губернии Тульскую, Орловскую и Калужскую и обратно в Москву». См. подлинник (в музее Т. Г. Шевченко в Киеве). <...>

Первые опубликовано: *Михайлова А. Н. Даты жизни Н. В. Гоголя. 1848–1852 // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. <Л.>. 1952. Т. 14. С. 17. Печатается по первой публикации.*

Свидетельством Гоголь, по-видимому, воспользовался в период с 7 сентября по начало октября 1849 г. Незадолго перед тем, с 31 августа по 6 сентября 1849 г., он побывал в Абрамцево у Аксаковых, после чего вернулся, вместе с О. Сем. Аксаковой, в Москву (см. в наст. изд. письмо С. Т. Аксакова к И. С. Аксакову от 8 сентября 1849 г.; ранее, с 14 по 20 августа 1849 г. Гоголь уже гостил в Абрамцево, поэтому его поездка туда в конце августа была второй). После 6 сентября Гоголь, вероятно, отправился к А. О. Смирновой в Калугу (как и посещение Абрамцево, эта поездка в Калугу также была второй за год: первая состоялась в июле). Спустя месяц, 13 октября 1849 г., С. Т. Аксаков сообщил сыну Ивану: «Гоголь воротился в Москву» (см. в наст. изд.). В свою очередь Смирнова 29 октября 1849 г. писала Гоголю из Калуги: «Ося <И. О. Россет, брат Смирновой> вчера приехал и рассказал, как вы завязли в знаменитом Малом Ярославце...»

¹ Генерал-майором Иваном Дмитриевичем Лужиным (1804–1868).

Гоголь в письмах А. И. Кошелева

А. И. Кошелев — А. Н. Попову

1-го февраля 1850 года. Москва.

<...> Москва чрезвычайно тиха и скучна <...> Гоголь живет и пуще всего заботится о своем здоровье. <...>

Первые опубликовано: *<Бартенев П. И.> П. Б. Из бумаг Александра Николаевича Попова // Русский Архив. 1886. № 3. С. 353. Печатается по первой публикации.*

А. И. Кошелев — В. А. Жуковскому

26 февраля 1852 г. <Москва>.

<...> Ей¹ сделалось лучше — занемог тяжело Н. В. Гоголь. Хотя он почти никого к себе не впускал, тем не менее мы об нем беспокоились. У него была сильнейшая нервная горячка и к тому же он не хотел ничего принимать. На масленице еще был на ногах, говел, приобщился Св. Тайн². На первой неделе решительно никого видеть не хотел. Гр<аф> Толстой (у которого он жил), Капнист и Хомяков, с которыми он был особенно дружен, насильно взошли к нему, но он попросил их оставить его наедине. Во вторник 2-ой недели³ он вторично приобщился Св. Тайн и соборовался. Вечером впал в беспамятство, усилился бред и в четверг 21-го февраля, в 8 час<ов> утра, отошел к вечности, о которой в последнее время он непрерывно говорил. С кончины Хомяковой он часто говаривал: «Как торжественна смерть. Что было бы с жизнью, если бы не было смерти? Смерть одна дает смысл жизни». Третьего дня мы предали его тело земле, и он положен в Даниловом монастыре, подле Языкова и Хомяковой — тут приготовил себе место и Хомяков. — Не буду вам говорить, как эта потеря поразила весьма многих и в особенности его друзей. — Вы вполне и глубоко это чувствуете. — К усугублению нашей и общей горести служит следующее обстоятельство: с понедельника на вторник 1-й недели⁴ он видел сон; вследствие этого сна он встал в 3-м часу ночи, велел открыть трубу и сжег все свои бумаги. Так погиб во второй раз 2-й том «Мертвых Душ» и «Изъяснение Литургии», которыми восхищались все слышавшие чтение этих двух великих творений. В кабинете в портфеле его не осталось ни строчки его руки. Надеялись сперва, что что-либо уцелело у Шевырева, который издает его прежние сочинения и с которым покойник был очень дружен; но все надежды оказались тщетными. Шевырев читал более половины 2-го тома, и как у него память славная, то он изложил содержание первых 7 глав⁵. — Шевырев, Хомяков и Сер<гей> Тим<офеевич> Аксаков напишут всякий, что может в пополнение «сведений о его почти таинственной жизни после издания 1-го тома “Мертвых душ”»... <...>

Впервые опубликовано: Гофман М. Л. Последние дни Гоголя. (Новые материалы) // Руль. (Берлин). 1925. 25 янв. № 1260. С. 2–3. Печатается по первой публикации.

¹ Речь идет о болезни дочери А. И. Кошелева Д. А. Кошелевой.

² 7 февраля 1852 г.

³ В понедельник 18 февраля 1852 г.

⁴ С 11 на 12 февраля 1852 г.

⁵ Записки неизвестны.

В. О. Шервуд

Вечера у Шевырева (Гоголь) Фрагмент из «Записок»

14 ноября <18>95 г., втор<ник>.

Не раз случ<алось> бывать на вечер<ах> у Ст<епана> Петр<овича> <Шевырева>. Народно б<ыло> много; вид<ел> я там Погодина, Аксаковых и Гоголя. В это вр<емя> много б<ыло> говорено о Рафаэле и вообще о западн<ом> искусстве. Наши славянофилы б<ыли> хорошие знатоки европ<ейской> цивилизации. Высказывались мнения и в возможностях русского искусства, причем все разговоры сосредоточив<ались> на Алексан<дре> Андреевиче Иванове.

Шевыр<ев>, Гоголь, Чижов посыл<али> Иванову древние иконы¹. Гоголь был другом Иванова, к<а>к<-то>¹ он сам расск<азывал> мне, что спал с ним на одной кровати, и для меня не ост<алось> никак<ого> сомнения, что вся сила высокорелигиоз<ного> одушевления и традиционность типов Иванова в его картине «Яв<ление> Хр<иста> народу» б<ыло> наполовину делом т<а>к назыв<аемых> «Славянофилов». Гоголь иногда рассказывал анекдоты, к<ото-рые> мне не нравились, т<а>к что я даже не мог смеяться, когда другим это казалось забавным. Упомяну неск<олько> слов о Чижове. Я не знаю его биографии, но помню, что он б<ыл> редактором коммерческ<ого> журнала². Ч<и>ж<о>в <был> большого^{II} ума, крупного образования, и с необыкновен<но> прекрасным умом соединял глубоко эстетич<еские> и религиозные чувства. Иванова он ценил и понимал. Не помню, кто-то рассказыв<ал> мне, что у Иванова не б<ыло> хорошего манекена; тогда Чижов заказал ему в Париже такой необыкновен<ный> манекен, что когда Чиж<ов> б<ыл> в мастерской Иванова, впустили в мастерскую заведе<н>ый манекен, п<оследний>, сделав неск<олько> шагов, раскланялся Иванову. Чиж<ов> поддержив<ал> православие на Востоке и щедро рассылал утварь, ризы и богослужебные книги. Позже я встрет<ился> с ним у св<оего> приятеля механика Дрожжина и более^{III} мог понять его серьезные работы об экономич<еском> положении России. Смолоду я б<ыл> оч<ень> осторожен, и если позвол<ял> себе разевать рот, <то только> ч<то>б<ы> ответ<ить> к<ому>-либо на вопрос; а если и случ<алось> встав<ить> слово, то это б<ыла> задолго продуманная и прочувствованная мысль, кот<орую> я вклеивал с крайней осторожностью. Общество б<ыло> выше меня, и я держ<ался> в нем, к<а>к ученик. Сидишь где-ниб<удь> в уголке на стуле; меня оч<ень> заним<ал> Гоголь. Его рассказы из тех произведений, к<оторые> б<ыли> у него на очереди, но Г<оголь> производ<ил> поражающее впечатл<ение> св<оим> искренним юмором, но он изменялся в лице, к<а>к будто и самый костюм на нем становился другим, и он, меняя всевозм<ожные> голоса, рассказыв<ал> сцены из св<оих> произвед<ений>. Приведу рассказ Ю. Ф. Самарина, наск<олько> я его помню, конечно, к<а>к в Италии впервые русским друзьям читал Гог<оль> «Ревизора»³. Одна из особ<енных> черт гениальных людей, к<оторая> т<а>к резко выдавалась у Гоголя, это – способность уходить в себя, к<а>к будто он не замеч<ал> окружающего. «Мы уже давно собрались, – гов<орил> Юр<ий> Фед<орович>, – в большой зале; недалеко от двери б<ыл> поставлен стол, 2 свечи и стак<ан> воды. Все жд<али> с нетерпением появл<ения> Н<иколая> Вас<ильевича>. Дверь отворил<ась>, и бледный как мертвец, с серьезн<ым>, значит<ельным> выраж<ением> лица, с тетр<ады> в рук<ах>, вош<ел> Гог<оль>. По обыкнов<ению> он читал к<а>к самый превосход<ный> актер: он не назыв<ал> имен, но по измен<ению> голоса м<ожно> б<ыло> догадыв<аться> о лицах. И в то вр<емя>, как все не могли удержаться от невольного хохота, Гог<оль>, все такой же бледный и серьезный, спокойно сидел, и ни 1 фибр его лица не дрогнул при общем заразительном смехе!» Вообще он каз<ался> серьезным: <сидел> понуривши голову, прядь волос спадала на его лоб и придав<ала> ему еще более^{IV} унылый вид; но черты лица его б<ыли> ясны: он не хмурился; можно б<ыло> думать, что это эпическое спокойствие^V к<а>к бы выражалось^{VI} его равнодушие. Он редко улыбался, да и улыбка его б<ыла> скорее насмешливая, чем добродушная. Одевался он франтом, носил альмавиву⁴, только в последние годы его жизни я его встретил раз в дождливую погоду в шинели, к<оторая> б<ыла> сдел<ана> из так<ого> простого материала, что вся к<а>к-то торчала во

^I к<а>к<-то> описано.

^{II} В автографе вместо слова: большого – условный знак «большее»: >

^{III} В автографе вместо слова: более – условный знак «большее»: >

^{IV} В автографе вместо слова: более – условный знак «большее»: >

^V Было: что в этом эпическом спокойствии

^{VI} Было: выражалось

все стороны, и это далеко не б<ыло> элегантно. Гоголю я также б<ыл> рекомендован, и после нескольких<их> вечеров к<а>к-то раз он незаметно пересажив<ался> с одного стула на другой и наконец как буд<то> нечаянно очутился рядом со мной. Я невнятно сделал ему неск<олько> вопросов, и тут он впервые высказ<ал> мне надежды свои на будущ<ость> русск<ого> искусства: живоп<иси> и архитектуры. Странно, что он <так> чувствов<ал> русск<ую> архитектуру. Он расск<азал> о друг<их> архитектурах, о как<ом>-то смешении разн<ых> стилей, гов<орил>, что железо к<а>к новый материал дости<гло> возможности игривых, живых форм, парящих ввысь⁵; вм<есте> с тем он восхищ<ался> и египетск<им> стилем, его примитивной и изящн<ой> раскраской и, хотя не упомин<ал> о русск<ом> стиле, но все те элементы, на¹ к<оторые> он указывал, действит<ельно> составляют стороны русск<ого> зодчества. Гог<оль> позв<ал> меня к себе, и вот в 1-ый раз я забрался к нему на Ник<итский>^{II} бульв<ар> в д<ом> гр<афа> Толстого. Он жил внизу, где и скончался. На диване карельской березы с клеенч<атой> или кож<аной> обивкой сид<ел> в халате Н<иколай> Вас<ильевич>. Перед ним — круглый стол того же дерева, на к<отором> лежали буквально клочки бумаги в виде каких-то треугольников^{III}, листков^{IV}, оторванных от писем, на к<оторых> б<ыло> написано по неск<олько> слов. Я спрашив<ал> потом Шевырева, что это за явление? — Н<иколай> В<асильевич>, прежде чем окончательно написать свое произведение, и только те слова, к<оторые> производ<ят> сильное впечатление, — он записывал. Словом, он собир<ал> т<ак> одни бриллианты и потом со всем искусством соедин<ял> их в целое. Я часто думал, что самое высокое проявление литературы есть поэзия. Не говоря уже о высок<ом> поэтич<еском> одушевляющ<ем>^V настроении, она им<еет> и краткость, и силу, и необык<новенную> благозвучность, к<оторая> составл<яет> величайшую^{VI} прелесть ч<еловечес>кой речи; поэт<ому> поэтов всегда цитируют; но, увы! многих прозаиков речения цитировать нельзя, разве т<а>к, к<а>к это дел<ал> англичанин: «пойдемте в сад» — Вальтер Скот<т>, или: «подали завтракать» — Уильки Коллинз, а Гоголя-то, оказывается, цитировать можно. Я зн<ал> людей, к<оторые> наизусть знали его целые страницы. Возьмите вы любые 10 строчек из Гоголя, вы найдете в них интерес. Вот эта ювелирная работа — такое любовное отношение к слову и делает истинного художника, к<аки>м> б<ыл> Гоголь. «Что вы komponуете?» — спросил меня Н<иколай> Вас<ильевич>. В это вр<емя> я сочинял большую^{VII} композицию «Смерть Самсона». Конечно, это б<ыл> детский лепет. Я расск<азал> Н<иколаю> В<асильевич>, что мне хочется изобразить Пир Филистимлян, жертвопринош<ения> Молоху, разнуданность земных страстей, и в это вр<емя> Самсон раздвигает колонны — в мощной и крестообразной позе. Словом, люди увлекаются, не думая, что над ними каждый час может разразиться страшная гроза. Гоголь знал, к<а>к трудно писать огромные^{VIII} картины — по работе Иванова; расск<азал> мне весь ужас этого подвига и заключ<ил> такими словами: «Я знаю, Вам хочется расписать Кремлевскую стену, но погодите, смиритесь до возможности, и если Вам предложат расписать блюдо, то делайте и это, но т<а>к, к<то>б Вы могли себе сказать, что лучше этого я не могу сделать, и поверьте, что Вы этим путем пойдете вперед и будете достойны служить св<оему> отечеству!» Я никогда не реш<ался> посещ<ать> его без его приглашения. Случалось, кому-ниб<удь> нуж<ен> урок из его знакомых, он расск<азывал> про этих людей, дела

^I на вписано.

^{II} Ник<итский> вписано чернилами вместо: Пречист<енский>

^{III} В автографе вместо слова: треугольников — нарисованы (в качестве условного обозначения) два треугольника.

^{IV} листков вписано.

^V поэтич<еском> одушевляющ<ем> вписано.

^{VI} Далее было: ee

^{VII} В автографе вместо слова: большую, — условный знак «большее»: >

^{VIII} В автографе вместо слова: огромные, — два условных знака «большее»: >>

очень тонкие и меткие замечания, и дав¹ советы, прежде чем познакомить меня с этими лицами, но когда отдельная речь кончалась, я вставал, и он часто удержив¹ меня, но я заяв¹ ему, что я не имею никак¹ права для св¹ удовольствия или даже пользы отнимать у России драгоцен¹ минуты его¹ творчества. Наконец я узн¹, что Гоголь захворал. Я яви¹ на его квартиру, ч¹ узнать о его здоровье, и Алексей Терент¹ Тарасенков передал мне все подробности⁶. Полож¹ было трагич¹. Его подозрев¹ в сумасшествии, его подозрев¹ в как¹-то изумительн¹ болезнях, но, по свидет¹ Тарасенкова, ничего подоб¹ не было¹. Раз приехал к нему Вице-губерн¹ Капнист и еще неск¹ друзей, и вот они стоят в комнате, где леж¹ на диване Н¹ В¹. Он б¹ лицом к стенке див¹, на к¹ висела икона. Но друзья б¹ неосторожны, и до Гог¹ долет¹ слово, из к¹ он ясно м¹ понять, что они счит¹ его умалишенн¹. Капн¹ тверд¹: «Бедный Колушка, бедный!» Но Гог¹ обернулся и гов¹ ему: «У вас в канцелярии 10 л¹ служит на одном месте чиновник⁷, честный, скромн¹ и толковый труженик, и нет ему ходу и никакой награды; обратите вним¹ на это, В¹ Превосх¹, хотя бы в мою память». Кто же в это вр¹ имел больше¹¹ здрав¹ смысла и справедл¹ отнош¹ к жизни. Не стану повторять, что уже напис¹ в брошюре Ал. Т. Тарасенкова⁸ о послед¹ минутах Гоголя, несомненно для меня одно, что болезнь Гог¹ б¹ органич¹, наследств¹ расстройство желудка. Я слыш¹ от него, как они в Италии пиров¹ в к¹-то отеле, и Гоголь становился на бочку и произнос¹ похвальные речи повару. Но эти обеды ему никогда не проход¹ даром. Он сам рассказ¹ мне, к¹ он хворал желудком. Дело в том, что его отец умер на том же году ж¹ и таким же загадочн¹ недугом, в к¹ все-таки б¹ заметно к¹-то органич¹ расстр¹ желудка⁹. Когда Н¹ Вас¹ леж¹ больной, приехал Мих¹ Семен¹ Щепкин и зв¹ его на блины¹⁰: б¹ масленица, и т¹ рассказ¹ ап¹ о св¹ блинах, что у Гоголя невольно загорелись глаза: «отойди ты от меня, сатана, ты меня искушаешь». Не стану описывать возмут¹ отнош¹ к похоронам Гог¹, того Гог¹, к¹ написал Тараса Бульбу, к¹ до сих пор подымает дух не т¹ русского, но и всего славянства. Не могу не упом¹, что в Англии некто напис¹ неск¹ писем, к¹ вызывали патриотич¹ чувства, и парламент за 3–4 письма назнач¹ ему громад¹ пожизн¹ пенсию. Вот это так. Слова Гог¹ точно б¹ пророчеством: мне пришлось рисовать блюдо на коронацию Вел¹ Госуд¹ Алекс¹ Ник¹, и блюдо это одним материалом — золотом стоило 40000 рублей. Все же я б¹ оч¹ молод и скорее чувствовал, чем понимал этих великих людей. <...>

Первые опубликовано: *Воропаев В.* «Меня очень занимал Гоголь...» Из «Записок» В. О. Шервуда // Лит. газета. М., 1986. 9 апр. № 15. С. 6. См. также: *Воропаев В.* «Меня очень занимал Гоголь...» Из «Записок» В. О. Шервуда // Собеседник. Литературно-критический сборник. М., 1987. С. 275–281; *Воропаев В.* Державы вечная любовь... // Куранты: Историко-краеведческий альманах. Вып. 3. М., 1989. С. 268–275; *Шервуд В. О.* Воспоминания / Вступ. ст. А. Л. Дмитренко. Подготовка текста В. А. Воропаева и Т. М. Марсаковой. Коммент. А. А. Кононова // Лица: Биографический альманах. <Вып.> 8. СПб., 2001. С. 297–378. Печатается по автографу: РГБ. Ф. 526. К. 1. Ед. хр. 24. Л. 23–28. Шервуд Владимир Осипович. «Записки». Тетрадь № 3. 1895 окт. 17 — 1896 дек. 29. Автограф карандашом. 136 лл. + (I–III).

Владимир Осипович Шервуд (1832–1897), архитектор, скульптор и живописец. Происходил из обрусевшего английского рода. Лишившись родителей в раннем детстве, учился в чертежной школе при Воспитательном доме, затем —

¹ удержив¹ *вписано чернилами вместо: останавл¹*

¹¹ его *вписано чернилами вместо: Вашего*

¹¹¹ *В автографе вместо слова: больше, — условный знак «больше»: >*

в Архитектурной школе при Московской Дворцовой конторе (Московском дворцовом архитектурном училище), откуда перешел в Московское училище живописи, ваяния и зодчества, получил звание художника, впоследствии стал академиком живописи. По проектам В. О. Шервуда построено здание Исторического музея на Красной площади, возведены московские памятники героям Плевны и хирургу Н. И. Пирогову, памятник императору Александру II в Самаре.

В 1852 г. один из наставников Шервуда в Московском училище живописи, ваяния и зодчества Н. А. Рамазанов писал о начинающем художнике: «Эскизы *Шервуда* обличают богатую фантазию, еще не выхолненную строгим изучением условий искусства. Рядом с большими достоинствами сочинения встречаются и непростительные промахи. Талант Шервуда можно уподобить красивому коню, скачущему чрез пропасти и несущему гриву по ветру. Немало надо умения и ловкости взнуздать такого коня, чего, однако, желаем искренно» (*Рамазанов Н.* Нечто о художественном в Москве // *Москвитянин.* 1852. № 10. (Май. Кн. 2). Отд. VII. С. 91).

С Гоголем Шервуд познакомился в пору своего обучения в архитектурной школе, в то время, когда начинающий художник зарабатывал на жизнь частными уроками. Их знакомство состоялось в первой половине 1850 г., о чем свидетельствует заметка в записной книжке Гоголя 1842–1851 гг., относящаяся к этому году. Помимо Шервуда, в гоголевской заметке упоминается давний знакомый Гоголя и А. А. Иванова по Риму, директор архитектурной школы, где обучался Шервуд, профессор архитектуры Ф. Ф. Рихтер: «Шевыреву о Рихтере. У Рихтера о школах архитектур<ы> и рисованья и юношах, годных в учителя, о бедных, дающих уроки рисованья, о рисовальных школах и книгах, издан<ных> рисоваль<ными> школами. У Погодина. О богобоязни мастеров и рисовальщиков. Чистописание. Шервуд». Знакомство Гоголя с Шервудом состоялось, очевидно, через Ф. Ф. Рихтера и С. П. Шевырева. Последний, видя ограниченность средств Шервуда, порой поручал ему небольшие заказы, — возможно, эта помощь оказывалась из благотворительной суммы, которую Шевыреву передал Гоголь «на вспоможение бедным людям, занимающимся наукою и искусством».

В письме к Н. С. Тихонравову 1890-х гг. сам Шервуд называл себя «художником, первыми шагами которого руководил Николай Васильевич». Он писал: «Меня, конечно, как художника, первыми шагами которого руководил Николай Васильевич, крайне занимает постановка его памятника <...> Слава Богу, средства достаточные собраны для сооружения памятника. <...> Главная причина, которая заставила меня решиться беспокоить вас своим письмом — чисто художественная; я думал прежде, что можно на пьедестале поставить сценки из произведений Гоголя и усердно поработал над созданием таких барельефов, но увыл несмотря на художественное достоинство их, они совершенно невозможны. Вам лучше судить, какого рода образы преобладают в творчестве Гоголя, положительные или отрицательные; но во всяком случае нельзя обойтись без последних. Однако, когда я изобразил их, то пришел в совершенный ужас, за что мы рядом с его личностью выставим эти пошлые морды, когда вся сила его юмора была направлена на то, чтобы уничтожить их с лица земли Русской. Нет, искусство наше тут неуместно. — Вам придется самим характеризовать его подвиг, его же святыми изречениями, которые будут грозно звучать в потомстве неумолимым судом над пошлостью, убивающе всякое человеческое достоинство. Простите, что обеспокоил Вас; но я думал, что мой неудачный опыт с барельефами, быть может, и не будет лишним в деле, которое Вы всесторонне обнимаете Вашим компетентным взглядом и которое, конечно, выведете на Свет Божий...» (*РГБ.* Ф. 526. К. 5. Ед. хр. 24. Л. 1).

¹ 14 декабря (н. ст.) 1844 г. Ф. В. Чижов писал Н. М. Языкову из Рима: «Есть к вам просьба: Ал<ександру> Анд<ревичу> Иванову необходимо знать, как изображалось у нас Воскресение Спасителя. Все, что он ни читает, сколько мы не толкуем, а останавливаемся на одном: что эта минута соединяется в нашей Церкви с искуплением душ, то есть сошествием во ад. Исторического рассказа о воскресении нет, кроме того, что разбежались, и быть не могло, потому что ни Евангелисты, ни кто из Апостолов тут не был. Пожалуйста, растолкуйте брату Иванову <С. А. Иванову>, что нужно перерисовать со *старых образов* сочинение Воскресения Христова...» (*Розанов И. Н. М. Языков и Ф. В. Чижов.* Переписка 1843–1845 гг. // *Литературное наследство.* Т. 19–21. М., 1935. С. 130). В тот же день А. А. Иванов, в свою очередь, обращался к Языкову: «Федор Васильевич <Чижов> к вам пишет и торопит меня сказать вам два слова... <...> Позовите, пожалуйста, брата моего к вам и укажите ему, где бы можно было в Москве найти иконные образа изображения «Воскресения Христова», и с этих композиций <...> потрудился бы мне начертить в маленьком виде, дабы иметь понятие, как нам передали греки сей образ...» (*Бернштейн Б. М. Александр Андреевич Иванов (1806–1858).* Письма и записные книжки // *Мастера искусства об искусстве.* М., 1969. Т. 6. С. 305). По приезде в Рим осенью 1845 г. Гоголь

привез А. А. Иванову семь прорисей на лист прозрачной кальки древних икон — иллюстраций книги А. Дидрона «Iconographie chrétienne» («Иконография христианства»), вышедшей в 1843 г. в Париже. См. в наст. изд. статью В. М. Зуммера «Рисунки Н. В. Гоголя в Музее Слободской Украины».

² Имеется в виду журнал «Вестник Промышленности» (1857–1861).

³ О чтении Гоголем «Ревизора» в Риме в доме княгини З. А. Волконской 14 февраля (н. ст.) 1841 г. см. также в наст. изд. дневниковую запись Ел. В. Давыдовой от 15 февраля (н. ст.) 1841 г., мемуары Ф. И. Иордана, графа Д. А. Милютина, и коммент. к письму А. А. Иванова отцу от февраля–марта 1841 г. Пересказ В. О. Шервуда является единственным свидетельством о присутствии на этом чтении Ю. Ф. Самарина.

⁴ Альмавива (по имени графа Альмавивы — героя комедии Бомарше «Севильский цирюльник») — широкий мужской плащ особого покроя.

⁵ Свидетельство В. О. Шервуда перекликается с содержанием статьи Гоголя «Об архитектуре нынешнего времени» (1835), в которой писатель предсказал возникновение и развитие архитектуры железных и железобетонных конструкций XX в. из храмовых сооружений средневековой готики. По словам исследователя, Гоголь на полвека опередил «французского архитектора Виолле ле Дюка, который в своих теоретических трудах пропагандировал внедрение металлических конструкций в архитектурную практику» (*Ключарев Ю.* Статья Гоголя «Об архитектуре нынешнего времени» // Архитектура СССР. 1952. № 2. С. 21).

⁶ Встреча В. О. Шервуда с доктором А. Т. Тарасенковым произошла после 16 февраля 1852 г. Впервые Тарасенков был приглашен к больному Гоголю 13 февраля 1852 г., однако Гоголь тогда его не принял. Второй раз Тарасенков был приглашен к Гоголю 16 февраля. «А. Т. Тарасенков не был, как иногда считают, домашним врачом Гоголя. <...> Из «Записок» Шервуда явствует, что Тарасенков пользовал семью графа А. П. Толстого, в доме которого жил Гоголь, и лишь поэтому взялся лечить писателя. Известная книга Тарасенкова «Последние дни жизни Н. В. Гоголя» основана не только на личных наблюдениях, но и на сведениях, полученных от других лиц. В этой связи любопытно замечание Шервуда о Тарасенкове: «Он был, между прочим, доктором Толстых и следил последнее время за болезнью Гоголя, которую и описал в брошюре и где, между прочим, были ему сообщены и мною некоторые факты»» (*Воропаев В.* «Меня очень занимал Гоголь...». Из «Записок» В. О. Шервуда // Собеседник. Литературно-критический сборник. М., 1987. С. 276–277).

⁷ Имеется в виду сын иерея И. Д. Никольского (см. в наст. изд. мемуары А. Т. Тарасенкова «Н. В. Гоголь в последнее время жизни»).

⁸ Вероятно, имеется в виду отдельный оттиск статьи А. Т. Тарасенкова «Последние дни жизни Николая Васильевича Гоголя» (Отечественные Записки. 1856. № 12) (см. в наст. изд.).

⁹ Гоголь умер на 43-м году жизни, его отец — на 48-м. 2 апреля 1852 г. С. П. Шевырев сообщал М. Н. Синельниковой: «Он почти не хотел говорить о своей болезни; сказал мне, что его постигла болезнь та самая, от которой умер отец его, что нашел на <н>его страх смерти, но что отец Матвей, Ржевский священник, которого он очень уважал, успокоил его» (см. в наст. изд.). (Позднее это сообщение было пересказано П. А. Кулишом в «Опыте биографии Н. В. Гоголя...» (1854) и перепечатано в его «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» (1856); см. в наст. изд. коммент. к указанному письму С. П. Шевырева.) Доктор А. Т. Тарасенков, в свою очередь, сообщал о Гоголе: «Когда ему предлагали кушать что-либо другое, он отказывался болезнью, объясняя, что чувствует что-то в животе, что кишки у него перевертываются, что это болезнь его отца, умершего в такие же лета, и притом от того, что его лечили»; «...Уверенный в своей болезненности и необходимости умереть, как умер его отец в эти же лета и от этой же болезни, он видел ясное подтверждение своих догадок, действительно имея болезненные ощущения в животе и неправильные кишечные отправления. Этим умер отец, этим должен умереть и он — таково было его убеждение!» (см. в наст. изд. мемуары А. Т. Тарасенкова 1856 г. «Последние дни жизни Николая Васильевича Гоголя»). С незначительными отличиями те же строки встречаются и в черновом автографе мемуаров А. Т. Тарасенкова «Н. В. Гоголь в последнее время жизни» 1852 г. (см. также в наст. изд.). Сходное свидетельство о Гоголе содержится также в дневниковой записи О. М. Бодянского от 13 июля 1856 г. (опубликовано в 1887 г.): «...Причиной смерти его была, как я и тогда и теперь полагаю и полагаю, отставка его желудка. Гоголь, как я всегда замечал, обедая с ним очень часто в доме С. Т. Аксакова, любил на порядках поесть, подобно отцу своему, и, подобно ему, часто страдал после сытного обеда; это была наследственная страсть или влечение, как хотите, к столу, и, как отец, по его же самому рассказам, заплатил за то жизнью, умерши от несваримости в желудке, так и он не избежал той же судьбы» (см. в наст. изд.).

¹⁰ По указанию А. О. Смирновой, в пятницу 8 февраля 1852 г. (см. в наст. изд. <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> А. О. Смирновой от 25 сентября — 2 октября (н. ст.) 1877 г.).

Е. Н. Бастамова (рожденная Алмазова)

Из личных воспоминаний о Н. В. Гоголе

Николая Васильевича Гоголя я видела один раз в Москве в 1850 году. Он приезжал к моей родственнице Шереметьевой¹. Шереметьева пригласила меня, чтобы дать мне случай повидать Гоголя. Нас было только трое — я, Гоголь и Шереметьева. Гоголь, видя, с каким благоговением я смотрю на него, обратился с речью прямо ко мне. «Университеты, — говорил он, — не нужны и вредны для русского человека... русскому человеку нужна только грамота... нам нужно учиться у дьячков»... Эти речи произвели на меня очень странное впечатление²; по наружности он произвел на меня впечатление большого, — небольшого роста, с бледно-желтоватым, даже зеленоватым лицом. Познакомилась же Шереметьева с Гоголем очень оригинальным образом³. Была она раз на одном парадном обеде, на котором присутствовал и Гоголь. Старушка Шереметьева была большая оригиналка. У нее были стриженные волосы и она ходила в чепце. После обеда она сняла свой чепец и повесила пред собою на палку, бывшую у нее в руках. Увидев это, Гоголь рассмеялся и попросил познакомиться с нею. Гоголя представили ей; он развалился, почти разлеся около нее на диване. «Батюшка, я вижу, что ты — большая знаменитость, но можешь вести себя все-таки по-приличнее», — сказала она Гоголю. Это смутило, даже ошеломило Гоголя. Он начал с нею разговор, и они после этого разговорились и долго мирно беседовали. С этих пор Гоголь и стал бывать у Шереметьевой и между ними даже завязалась переписка⁴.

Когда я жила во Ржеве, мне рассказывали, что в 1851 году приезжал во Ржев Н. В. Гоголь, чтобы побывать у о. Матвея Константиновского. Это была первая, как мне говорили, встреча Гоголя с о. Матвеем. О. Матвей даже и не подозревал тогда, что он виделся с знаменитым писателем, — с таким смирением держал себя перед ним Н. В. Гоголь. Уже после, спустя долгое время, в разговоре с Тертием Ивановичем Филипповым он, между прочим, сказал ему, что у него был какой-то Николай Васильевич Гоголь. «Ведь это знаменитый писатель», — пояснил Т. И. Филиппов. Тогда о. Матвей прислал ко мне за сочинениями Гоголя, чтобы познакомиться с ними.

О. Матвей был замечательный проповедник; свои проповеди всегда говорил экспромтом на какой-либо текст из Евангелия, читанного за богослужением. Говорил он очень просто с частыми примерами из жизни. Сам он был строгой жизни, великий постник, но от других не требовал строго соблюдения поста. Он был всегда такой жизнерадостный.

Во время нашествия французов многие храмы были разграблены и осквернены французами, мощи выброшены из раков. Рассказывают, что раскольниками в это время была похищена глава святого Саввы⁵. Однажды ночью к о. Матвею постучался один раскольник, скрывавший лицо и передал главу святого Саввы. О. Матвей созвал духовенство и с большими почестями перенес в собор. Вскоре после этого, как говорят, вызвал к себе о. Матвея городничий и спрашивал его, как он не схватил этого человека. Потом сделан был по этому поводу донос на о. Матвея. На допросе требовали, чтобы он сказал имя человека, принесшего ему голову. Он отвечал, что может назвать этого человека только одному государю. Его потребовали в Петербург. Был ли он допущен к государю и что он говорил с государем, это осталось неизвестным никому. Известно только, что государь задержал его в Петербурге на целую неделю, заставлял служить его в дворцовой церкви и пожелал выслушать проповедь. О. Матвей после рассказывал, что в начале обедни, на которой присутствовал государь, он чувствовал себя очень смущенным, но после прочтения диаконом Евангелия успокоился и забыл все. «Мне удалось хорошо

сказать при государе», — говорил после о. Матвей. Глава святого Саввы была отправлена после этого в Тверь⁶.

Раскольники ужасно не любили о. Матвея и даже подожгли его дом. Его проповеди так сильно на многих действовали, что раскольники считали его совратителем. Когда умирал раскольничий беглый поп Василий, о. Матвей явился к нему со св. дарами, и с такой силой увещевал его раскаяться перед смертью, что тот ломал руки и, очевидно, страдал очень сильно, но не сказал ни слова. «Вспомни, брат, что ты был таким же священником, как и я», — говорил ему о. Матвей. Поп Василий так и не сказал ни одного слова; в соседней комнате стояли раскольнические начетчики и рвались убить о. Матвея, если его увещания подействуют на умирающего. После этого раскольники особенно озлобились на о. Матвея за то, что он приезжал обратиться к нему.

Грубости в о. Матвее не было. Мне рассказывал один еврей, что он часто бывал у о. Матвея. О. Матвей много и очень просто беседовал с ним, читал ему Евангелие и толковал его, даже позволял ему приходить в церковь и присутствовать на литургии оглашенных. «Если ты чего не поймешь теперь, подумай, и может быть, Бог поможет тебе понять». Еврея очень поражало то, что православный священник так относится к нему, еврею¹¹.

Однажды явился в собор Толстой, много наслышанный об о. Матвее. В церкви он стоял впереди всех. О. Матвей по обычаю произносил проповедь. На этот раз он начал проповедь так: «Многие приходят в церковь с разными намерениями; одни приходят помолиться, другие покаяться, а иные посмотреть и послушать, что скажет поп». Говорил все это он, уставившись глазами на Толстого. Толстой очень смутился, и тотчас после обедни сделал ему визит. С этого времени началось между ними знакомство.

Первые опубликовано: Из личных воспоминаний о Н. В. Гоголе. (Из воспоминаний Елизаветы Николаевны Бастамовой) // Сборник Тверского Общества Любителей Истории, Археологии и Естествознания. Тверь, 1903. Вып. 1. С. 248–251. Печатается по первой публикации.

Публикация была сопровождена примечанием: «Сообщено в заседании Общества 8 февраля 1902 г. Елизавета Николаевна Бастамова, урожденная Алмазова, родилась в 1824 году, в настоящее время ей 78 лет. Она — родная сестра известного поэта Б. Н. Алмазова».

¹ Правильно: «Шереметевой».

² Ср. строки письма А. П. Елагин к Н. Н. Шереметевой от 24 июня 1849 г.: «Знаете ли вы, что Иван Вас<ильевич> <Кириевский> и жена его с своей спутницей теперь в Петербурге? Они повезли Васю в Лицей. Мне этого очень не хотелось. Несмотря на известность их воспитания, дома он рос благочестиво и покорно. Боюсь этого буйного Лицея. Где только и слышишь шалости и глупости. Но мои опасения, может быть, и лишние, Бог сохранит бедного моего мальчика. Иван так огорчен этой разлукой, что плакал громко. — Все, что делает он, все не по своей воле, и часто не по душе. Горько мне об нем неизяснимо» (Письма Авдотьи Петровны и Елизаветы Петровны Елагиных. 1837–50 г. 102 л. // РГБ. Ф. 340. К. 34. Ед. хр. 5. Л. 61).

³ Знакомство состоялось, вероятно, в апреле 1840 г. (см. в наст. изд. раздел *Гоголь в письмах А. П. Елагиной*).

⁴ Переписка Гоголя с Н. Н. Шереметевой относится к 1842–1850 гг.

⁵ Имеется в виду св. Савва Московский (ум. около 1410), игумен Спасо-Андроникова монастыря. Память его совершается 13 июня ст. ст.

⁶ Ср.: «Просясь с Ржевом, преосв<ященный> Савва вспоминает об одном, умершем в 1857 г., соборном протоиерее, Матфее Константиновском, как замечательном ораторе и проповеднике. (Это духовный наставник Гоголя. П. Б<артнев>. — *Примеч. П. И. Бартенева. — И. В.*) “О. Матфей обладал счастливым и, можно сказать, необыкновенным даром слова. Этот дар слова и вместе дар проповедничества составляли характеристическую черту его. Когда он

---

¹ Эта глава в настоящее время хранится в ризнице Тверского кафедрального собора. — *Примеч. Е. Н. Бастамовой*.

¹¹ В то время жители Ржева относились к евреям с особою нетерпимостью. — *Примеч. Е. Н. Бастамовой*.

говорил, речь его лилась рекой. На церковной кафедре он был неистощим и в высшей степени назидателен. Это был редкий импровизатор. Таков он был на всех местах своего служения; но в г. Ржеве главной его заботой, соответствовавшей и самому его назначению, было искоренение особенно усилившегося здесь в то время раскола и распространение православной веры между заблуждающимися или удаляющимися от единения с Св. Церковью. В течение первых двух лет он ежедневно ходил по домам раскольников, весьма сильно и убедительно доказывал им несправедливость их верования. Но, к сожалению, этот проповедник истины не мог иметь больших успехов. Между тем, по излишней ревности к делу Божию, он допустил себя вступить в такое искушение, которое причинило ему и его семье великую скорбь, а именно: 1 Мая 1853 г. (Стало быть, через год с небольшим по кончине Гоголя. П. Б. — *Примеч. П. И. Бартенева.* — И. В.) он принял от неизвестного человека ящик с какими-то мощами, будто бы главою преподобного Саввы, похищенную <...> из Московского Андрониевского монастыря, и внес эту мнимую святыню в собор, где пред оною совершил соборное молебное пение. Об этом произведено было, по распоряжению Св. Синода, строгое секретное дознание и требовалось заключение от Московского митрополита Филарета. Дело кончилось тем, что предписано было хранить эти мнимые мощи в ризнице Тверского кафедрального собора под печатью, где они и до сего времени хранятся» (*Литов А. А. Из записок Саввы Архиепископа Тверского // Русский Архив. 1906. Т. 1. Вып. 1–4. С. 401–402*). Об этом событии см. также в наст. изд. в «Воспоминаниях о последних днях жизни Н. В. Гоголя» Д. Н. Свербеева и в статье И. Л. Щеглова «Гоголь и о. Матвей Константиновский».

А. В. Дружинин

Воспоминания о русском художнике Павле Андреевиче Федотове Фрагмент

<...> ...Он <Федотов> очень уважал Гоголя и на одном вечере, после долгого разговора с автором «Бульбы», сказал потихоньку одному из присутствующих: «Приятно слушать похвалу от такого человека! Это лучше всех печатных похвал!». <...>

Впервые опубликовано: Дружинин А. Воспоминание о русском художнике Павле Андреевиче Федотове. СПб., 1853 (цензурное разрешение 16 марта 1853 г.). С. 32; см. также: Дружинин А. В. Воспоминание о русском художнике Павле Андреевиче Федотове // Собр. соч. СПб., 1865. С. 699–700; Дружинин А. В. Воспоминание о русском художнике Павле Андреевиче Федотове. М., 1918. С. 44; Дружинин А. Воспоминания о русском художнике Павле Андреевиче Федотове // *Лецинский Я. Д.* Павел Андреевич Федотов. Художник и поэт. Л.; М., 1946. С. 196. Печатается по первой публикации.

Павел Андреевич Федотов (1815 — 14 ноября 1852), живописец и рисовальщик. Его первая встреча с Гоголем произошла, вероятно, 7 октября 1848 г. в Петербурге, на вечере у художника Ф. А. Бруни (см. в наст. изд. дневниковую запись Н. П. Ломтева от этого числа). Позднее П. А. Федотов приезжал в Москву, где пробыл с февраля по июнь 1850 г. Здесь он сблизился с Н. А. Рамазановым, встречался с М. П. Погодиным и С. П. Шевыревым (см. в наст. изд. дневниковую запись И. М. Снегирева от 24 февраля 1850 г.). 10 апреля 1850 г. в Москве в Училище живописи, ваяния и зодчества была открыта художественная выставка, в которой принял участие Федотов. В мае 1850 г. его картины были выставлены также в галерее графа А. Ф. Ростопчина (Садовая-Кудринская, № 15) (галерея открыта Ростопчиным для публичного осмотра с 8 января 1850 г.). Вероятно, новая встреча Федотова с Гоголем состоялась в феврале–июне 1850 г. именно в доме Ростопчина — в салоне жены последнего графини Е. П. Ростопчиной, — а похвала Гоголя могла относиться и к поэме Федотова «Поправка обстоятельств», и к его картине «Сватовство майора» (*Лецинский Я. Д.* Павел Андреевич Федотов. Художник и поэт. Л.; М., 1946. С. 46; см. также: *Земсков Б. С.* Гоголь в Москве. М., 1954. С. 97).

В отклике П. М. Леонтьева на работы П. А. Федотова, опубликованном в 1850 г. в «Москвитянине», упоминалось имя Гоголя: «...Не основан ли комизм очень многих сцен, неподражаемо изображенных или описанных нашим Гоголем, на некотором преувеличении? Смелость и своенравие иногда идут художнику и нравятся в нем, лишь бы была сохранена мера: успех в искусстве по большей части зависит не столько от того, что позволяет себе художник, сколько от то-

го, до какой степени он себе это позволяет. <...> Г. Федотов <...> дает нам типы действительных лиц, типы из разных слоев общества. Только эта особенность изменяет характер произведений; относит их уже к другому роду, к другому направлению, и можно сказать слово, назвать направление по имени, — к направлению сатирическому, преобладающему и в теперешней литературе. <...> Сатира, в том значении ее, которое было плодом ее окончательной выработки, является в <Древнем> Риме во время разложения Римского общества. По характеру, ямб и сатира различаются тем, что ямбический поэт нападает на лица, по большей части на своих личных неприятелей, сатирический поэт клеймит недостатки целого общества, или по крайней мере целых его классов. Путь, по которому идет первый, открыт поэту всякого времени; по пути второго можно с успехом идти только в известные времена. <...> Резкого различия родов и направлений теперь нет и быть не может; тем менее может являться у нас сатирическое направление во всей его безотрадной чистоте: в христианском обществе для него нет места. Но знакомство с яркими различиями может помочь нам лучше заметить соответствующие им более тонкие оттенки. <...> К характеристическим, типическим странностям данного времени и места нельзя относиться так, как к странностям преходящим, случайным, или как к странностям, всюду сопровождающим человека. Улыбка, более или менее злая, становится постоянною принадлежностью, входит почти во все мирозерцание такого художника и передается зрителю с тем большею силою, чем сильнее талант художника: навивный хохот или беззаботный смех становятся невозможными» (<Леонтьев П. М.> П. Л. Эстетическое кое-что по поводу картин и эскизов г. Федотова // Москвитянин. 1850. № 10 (цензурное разрешение 14 мая). <Отд. 6>. С. 25, 27–28, 21–32).

Свидетельства о Гоголе графов А. П. и И. П. Толстых и графини А. Г. Толстой (рожденной княжны Грузинской)

Граф И. П. Толстой — А. А. Иванову

<Конец марта (н. ст.) 1847. Рим>

Граф Толстой привез с собой из Неаполя письмо г-ну Иванову от Н. В. Гоголя¹, но имеет поручение вручить его лично, а потому сожалеет весьма, что не застал г. Иванова, и просит его к себе завтра утром в половине 11-го. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 704. Печатается по первой публикации.

Граф Иван Петрович Толстой (1810–1873), брат А. П. Толстого.

¹ Имеется в виду письмо от 25 марта (н. ст.) 1847 г.

Из писем графа А. П. Толстого

Граф А. П. Толстой — графине С. П. Апраксиной

26 октября / 7 ноября 1847 г. Неаполь.

<...> Обедаю в 5 часов с Гоголем и иногда с Циммерманом¹. <...>

Подлинник на фр. яз. Впервые опубликовано, в переводе: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 704. Печатается по первой публикации.

Граф Александр Петрович Толстой (1801–1873). См. о нем в наст. изд. статью Т. И. Филиппова «Воспоминание о графе Александре Петровиче Толстом».

¹ Циммерман, врач, лечивший русских художников в Италии.

Граф А. П. Толстой — М. П. Погодину

<Один из воскресных дней, 21, 28 октября —
4, 11, 18, 25 ноября 1848. Москва>

Возвращаю вам, почтеннейший Михаил Петрович, статью вашу несколько исправленную не мною, а самим графом Сен-При (отцом покойного)¹, который очень и очень благодарен вам и желал бы с вами повидаться. А для того не согласитесь ли вы обязать и его, и вас¹ с женой, и с Н. В. Гоголем, приехать послезавтра, т. е. во вторник, к нам кушать (в 4 часа)²?

---

¹ В публикации ошибочно: и нас

Впервые опубликовано: *Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина*. СПб., 1897. Т. 11. С. 242. Печатается по первой публикации.

15 сентября 1851 г. во время путешествия по России скончался граф Алексей Сен-При (род. в 1805). М. П. Погодин написал о почившем графе слово воспоминания «и написанное <...> послал на цензуру графа А. П. Толстого, который, прочитав статью», отвечал автору настоящей запиской (*Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина*. Т. 11. С. 242).

¹ Граф Арман Эммануэль Шарль Сен-При (1782–1863); был губернатором Одессы и Подолии (до 1822 г.), после чего переселился в Париж.

² Написано до переезда Гоголя от М. П. Погодина к графу А. П. Толстому, состоявшегося 4 или 5 декабря 1848 г., о чем свидетельствует дневниковая запись Погодина: «Декабрь 4 <1848>. Прощальное объяснение с Гоголем» (*Смирнова-Чикина Е. С. К летописи жизни Н. В. Гоголя // Известия АН СССР*. 1966. Т. 25. Серия литературы и языка. Вып. 2. С. 137).

Граф А. П. Толстой — графине С. П. Апраксиной

<4 февраля 1852. Москва>

<...> ...<Я> вовсе не являюсь поклонником сочинений <Гоголя> <...>

Подлинник на фр. яз. Впервые опубликовано, в переводе: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 755. Печатается по первой публикации.

Граф А. П. Толстой — М. П. Погодину

<5 марта 1852. Москва>

<...> Думаю, что последние строки о действии и участии лукавого в сожжении бумаг¹ можно и должно оставить. Это сказано было мне одному без свидетелей: я мог бы об этом не говорить никому, и, вероятно, сам покойный не пожелал бы сказать это *всем*. Публика не духовник, и что поймет она об такой душе, которую и мы, близкие, не разгадали. Вот и еще замечание: последние строки портят всю трогательность рассказа о сожжении бумаг. Извините: пишу лежа и прошу во всяком случае нисколько не останавливаться за моим мнением, которое есть мнение больного. <...>

Впервые опубликовано: *Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина*. СПб., 1897. Т. 11. С. 535. Печатается по первой публикации.

Черновую редакцию записки см. в наст. изд. в коммент. к некрологу М. П. Погодина «Кончина Гоголя».

¹ Имеются в виду следующие строки некролога М. П. Погодина «Кончина Гоголя»: «Поутру он сказал гр<афу> Т<олстому>: “Вообразите, как силен злой дух! Я хотел сжечь бумаги, давно уже на то определенные, а сжег главы «Мертвых душ», которые хотел оставить друзьям на память после своей смерти”» (см. в наст. изд.).

Граф А. П. Толстой — графине С. П. Апраксиной

<1–2 мая 1852. Москва>

<1 мая>

<...> ...Со времени кончины Г<оголя> и моей болезни никого не вижу. — Я был и остаюсь до сих пор занят печальной обязанностью, которую она на меня возложила: Даже сегодня и в этот самый момент у меня находятся гр<аф> Капнист¹ и Шевырев, вчера² мы взломали печати, чтобы осмотреть то, что осталось из его бумаг: Это тягостное и утомительное занятие, которое продлится еще несколько дней. — Мы обнаружили вновь несколько тетрадей, избежавших уничтожения, но все это неполно, исчеркано, разорвано и потребуются терпение Шевырева, чтобы его использовать. Это будет:

1. Четыре первых главы второго тома «Мертвых душ».

2. Объяснение Литургии, которое, насколько я знаю, он никогда никому не читал, кроме меня, и которое он предполагал издать без имени автора. — (Неполностью: есть лишь Проскомидия целиком и Литургия Верных — остальное отсутствует³).

3. Множество писем и Предисловие, одним словом, новое издание, пересмотренное и дополненное, Переписки с друзьями.

4. Большое число не скрепленных между собою листов заметок, выписок, начал писем и проч. по различным вопросам литературным и в особенности религиозным.

5. Множество тетрадей копий и выдержек из переводов Св. Отцов.

6. Наконец письма, которые он получал: среди прочих большой пакет писем Жуков<ского>.

Это все-таки лучше, чем ничего. Юношество сможет увидеть, что было серьезного и христианского в том Гоголе, которого оно знало только как сатирика и фрондера.

Я вам еще расскажу, мой дорогой друг, в другой раз о том, что можно сделать для матери и сестер покойного. Предстоит лишь получить разрешение напечатать все, что было вновь найдено, когда оно будет приведено в порядок,— если только цензура не будет возражать на это, чему я не верю. — Впрочем, Бог знает, потому что наша цензура в настоящее время совершенно необъяснима. Я надеюсь, однако, что они не предпримут каких-либо исключительных мер, чтобы арестовать бумаги, которые мы только что обнаружили. Поэтому я Вас обязываю обещанием не рассказывать слишком в подробностях никому, за исключением Оболенской⁴. Моя жена сообщила обо всем в двух словах графиням Виельгорским.

Мы обнаружили завещание, прощальные слова, обращенные к его друзьям; молитвы, вещи весьма трогательные для его сестер и др. — Я оставлю копии некоторых из этих молитв и сообщу их Вам <...>.

<2 мая>

...Я буду заниматься сегодня и еще несколько дней. Я не знаю достаточно Шевырева, чтобы доверить ему без меня это дело и оставить его одного хозяином этих бумаг, тем паче что я нахожу и извлекаю мои письма, ко мне, и также Ваши, мой дорогой друг. — У меня щемит сердце видеть наиболее сокровенные мысли, сообщенные покойному, отданными без защиты мне, Шевыреву, а позднее другим, может быть, и т. д.

Когда все будет приведено в порядок, мы отошлем все матери покойного, а перед этим я помешу бумаги, которые будут мною запечатаны, у Капниста, который проявляет истинный интерес ко всей семье. <...>

Первые опубликовано (в другом переводе): <Георгиевский Г. П.> Письмо Н. В. Гоголя — С. П. Апраксиной и переписка о Гоголе между А. П. Толстым и Погодиным // Записки Отдела рукописей / Всесоюзная библиотека им. В. И. Ленина. М., 1938. Вып. 1. С. 35. Печатается по изд.: Паламарчук П. Г. Список уцелевших от сожжения рукописей Гоголя // Гоголь: История и современность. М., 1985. С. 488–490.

Письмо ошибочно датировано графом А. П. Толстым 2 января 1852 г. Вероятно, письмо было начато 1 мая и отправлено 2 мая 1852 г.

¹ Иван Васильевич Капнист (1795–1860), московский гражданский губернатор в 1844–1855 гг., сын В. В. Капниста. Предок Капнистов Стомателло Капнисси получил графский титул в 1702 г. Однако в России род Капнистов был признан в графском достоинстве лишь в 1876–1877 гг.

² Вскрытие опечатанных в день кончины Гоголя его бумаг и имущества происходило 30 апреля 1852 г. (см. в наст. изд. *Документы Московской городской полиции и Московского надворного суда о кончине Гоголя*).

³ Возможно, рукопись Литургии оглашенных, о которой не упоминает Толстой, была обнаружена среди неразобранных бумаг Гоголя позднее.

⁴ Возможно, речь идет о княгине Ольге Ивановне Оболенской (рожд. Арнольди) (1824–1851), сестре Л. И. Арнольди.

Граф А. П. Толстой — графине С. П. Апраксиной

3 февраля 1853 г. Нижний Новгород.

<...> Мы часто здесь беседуем о Гоголе с человеком, который мало знал его лично, но весьма высоко ставит его произведения. Это г. Даль. <...>

Подлинник на фр. яз. Впервые опубликовано, в переводе: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 617. Печатается по первой публикации.

П. А. Кулиш

Для биографии Гоголя <Заметка о воспоминаниях графа А. П. Толстого для несостоявшегося переиздания «Записок о жизни Н. В. Гоголя...»>

Мечты Гоголя.

Об огромном храме, вокруг которого образуется город. Рассказывал граф А. П. Толстой. Он же: История Византии.

Впервые опубликовано: *Виноградов И. А.* Воспоминания о Гоголе и письма к нему графа А. П. Толстого (из неопубликованных материалов П. А. Кулиша) // Н. В. Гоголь и русская литература. К 200-летию со дня рождения великого писателя. Девятое Гоголевские чтения: Сб. докл. Междунар. науч. конференции, Москва 1–5 апреля 2009 г. / Под общ. ред. В. П. Викуловой. М., 2010. С. 79. Печатается по автографу: РГБ. Ф. 74. К. 11. Ед. хр. 41. Л. 1.

Автограф П. А. Кулиша написан в два слоя на двух листах. К нижнему слою относятся записи — на л. 1, красно-коричневым карандашом: «Для биографии Гоголя»; далее вписана полустершаяся строка обычным карандашом: «К Макарову <?> о Вигеле»; ниже, красно-коричневым карандашом: «В Совр<е>меннике» 1855, № 12, статья о Гоголе» (имеется в виду напечатанная без имени автора статья Н. Г. Чернышевского «Очерки гоголевского периода русской литературы. (Сочинения Н. Гоголя. Четыре тома. Изд. 2. М., 1855. Сочинения Н. В. Гоголя, найденные после его смерти. Похождения Чичикова, или Мерт<в>ые души. Том второй (пять глав). М., <1855.> Статья первая // Современник. 1855. № 12. Отд. 3). На л. 2 красно-коричневым карандашом сделана запись: «О Гоголе для 2-го изд<ания>». К верхнему слою автографа относится запись на л. 1: «Для биографии Гоголя. Мечты Гоголя. Об огромном храме, вокруг которого образуется город. Рассказывал граф А. П. Толстой. Он же: История Византии».

См. также в наст. изд. отрывок из воспоминаний графа А. П. Толстого о Гоголе в разделе *Воспоминания о Гоголе графа А. К. Толстого, А. М. Жемчужникова и графа А. П. Толстого, записанные П. А. Кулишом*.

Свидетельство графа А. П. Толстого, что «Г<оголь> носил всегда при себе письма О<тца> Матвея», а также отрывки из писем графа к Гоголю 1844–1845 гг. были включены П. А. Кулишом уже в «Записки о жизни Н. В. Гоголя...» (см. в наст. изд. *Воспоминания графа А. К. Толстого, А. М. Жемчужникова и графа А. П. Толстого, записанные П. А. Кулишом* и коммент. к статье И. Родионова *Воспоминания В. А. Нащокиной о Пушкине и Гоголе*). Беседа Кулиша с графом Толстым о Гоголе и истории Византии состоялась, вероятно, позднее. Ср. в наст. изд. опубликованные в 1859 г. воспоминания П. К. «Встреча с Гоголем», где, как и в заключительных строках настоящего отрывка («Он же: История Византии»), приводятся высказанные Гоголем в присутствии графа А. П. Толстого взгляды Гоголя на историю Византии.

Запись в нижнем слое автографа о Макарове («К Макарову <?> о Вигеле») свидетельствует, по-видимому, об обращении Кулиша за сведениями о Ф. Ф. Вигеле к своему земляку Николаю Яковлевичу Макарову (1829–1892), фамилия которого Кулиш подписывал свои публикации в тот период, когда печататься ему было запрещено (до апреля 1856 г.). С Н. Я. Макаровым, родственником влиятельного графа Ар. В. Кочубея, уроженцем Полтавской губернии, обучавшемся в 1838–1845 гг. в Нежине, Кулиш, вероятно, познакомился еще тогда, когда в 1838 г. служил канцелярским чиновником в правлении нежинского Лицея князя Безбородко. Ближе с Макаровым Кулиш сошелся в период ссылки в Туле, где Макаров служил директором Московско-Тульского банка. В 1853–1853 гг. он являлся сотрудником «Современника», в 1854–1861 гг. служил в Государственном контрольном управлении; в последние годы жизни (в 1891–1892 гг.) занимал пост члена совета министра финансов. «В дружеском кругу петербургских литераторов нередко именно через Макарова устанавливались контакты с Герценом» (*Голованова Т. П.* Тургенев в кругу петербургских украинцев // Тургеневский сборник. Л., 1969. Вып. 5. С. 368–369).

П. А. Матвеев

Н. В. Гоголь и его переписка с друзьями Фрагмент

<...> Гоголь желал видеть в нашем дворянстве как бы сосуд, заключающий нравственное благородство страны... <...> Он полагал, что такое понятие о призвании дворянства живет в нем, и его можно пробудить даже в худших его представителях <...>, обратившись к их благородному чувству, их можно вызвать на поступки, которые засвидетельствуют о таком сознании. Здесь, кажется, Гоголь имел в виду предстоявшую дворянству деятельность в деле освобождения крестьян, о котором в то время много говорили в высших сферах и о чем Гоголь знал от Жуковского, Смирновой и Толстого... <...>. — Я об этом слышал от покойного К. К. Зедергольма (в пострижении о. Климент)¹, умершего в Оптиной Пустыни в 1878 г. Он был весьма близок к графу А. П. Толстому, при котором служил по духовному ведомству. Он передавал мне некоторые любопытные воспоминания графа о Гоголе. <...>

...Смирнова, Л. И. Арнольди, С. П. Шевырев и некоторые другие лица, которым Гоголь читал первые главы II тома, вынесли впечатление высокого художественного достоинства прочитанных автором глав. — И. С. Аксаков, как это мне лично известно, и впоследствии считал первые главы II т. в той редакции, которую они получили в 1850 году и которая не дошла до нас, в доселе известных вариантах, — высоким созданием искусства. <...>

Впервые опубликовано: *Матвеев П. А.* Н. В. Гоголь и его переписка с друзьями // Русский Вестник. 1893. № 12. С. 236; 1894. № 1. С. 263. Печатается по первой публикации.

О П. А. Матвееве см. в наст. изд. в коммент. к разделу *Свидетельства о Гоголе И. Ф. Золотарева*.

¹ Иеромонах Климент (в мире Константин Карлович Зедергольм, ум. в 1878), сын лютеранского пастора Карла Альбертовича Зедергольма (1786–1867). По свидетельству Льва Александровича Кавелина (1822–1891; впоследствии

архимандрит Леонид, наместник Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, известный историк и археограф), «началом обращения» Зедергольма к Православию стали гоголевские «Выбранные места из переписки с друзьями». (С Кавелиным Гоголь, вероятно, был знаком. Об этом может свидетельствовать заметка в его записной книжке 1846–1850 гг.: «Кавелин, дом Галина. Неофит на Троицком подворье».) В августе 1853 г. послушник Л. А. Кавелин записал в летописи скита Оптиной Пустыни: «1853-й год. <...> Август. <...> 8. <...> На днях прибыл в Обитель некто Г<-н> Зедергольм, намеревающийся принять Православное Исповедание веры. Он сын бывшего Немецкого Пастора Зедергольма, который отставлен от сей должности (не могу иначе выразиться, ибо считаю Лютеранского Пастора не более, не менее, как Профессором Теологии, читающим ее публичные лекции в кирке), за то, что открыто увещевал Немцев не принимать Православной веры. <...> 13. Сего числа К. К. Зедергольм присоединен к Православию в Скитской Церкви... <...> По рассказам Константина Карловича, Отец его родом из Финляндии, у него несколько сыновей — все на службе. К<онстантин> К<арлович> самый младший. Изучение Русских Писателей ознакомило его с Русским духом, чему, без сомнения, также немало способствовало и вообще воспитание в М<осковском> Университете, где все еще тлеет искра духа сего. Особенно воодушевлен он Гоголем, и “Переписка с друзьями” была началом его обращения к Православию, как сам он говорил мне» (РГБ. Ф. 214. Ед. хр. 361. Л. 129 об., 132 об., 133 об.–134; опубл.: Летопись скита во имя святого Иоанна Предтечи и Крестителя Господня, находящегося при Козельской Введенской Оптиной пустыни: В 2 т. / Сост. монах Марк (Хомич А. Г.). М., 2008. Т. 1. С. 282).

П. А. Матвеев

Гоголь в Оптиной Пустыни

<...> Оптина Пустынь весьма своеобразный монастырь. Она привлекала толпы богомольцев со всех концов России, хотя в ней не было чудотворных мощей, как в других монастырях — она славилась в народе духовными подвигами и жизнью иноков *не прошедшего, а настоящего*. <...>

Оптина Пустынь известна своими переводами и изданиями творений учителей-иноков Аввы Дорофея¹, Варсонофия Великого² и психолога-отшельника Исаака Сирина³.

Я имел случай близко знать одного из монахов Оптиной Пустыни, о<тца> Климента, в мире Константина Карловича Зедергольм, сына лютеранского пастора в Москве. В годы моей юности я не раз бывал и подолгу жил в Оптиной Пустыни, где похоронены мои отец и мать, усердные почитатели этого монастыря. Я бывал в Оптиной Пустыни студентом университета и пользовался расположением о<тца> Климента, питавшего, как он сам говорил, некоторую слабость к университетской молодежи и любившего потолковать о литературе и науке; о<тец> Климент был большой знаток классической филологии¹.

Он был очень близок, до и после пострижения в монахи, к гр<афу> А. П. Толстому, которого я также видал в Оптиной Пустыни, и слышал от о<тца> Климента немало рассказов графа о Гоголе, но, к сожалению, только отчасти мною записанных¹¹.

Вопрос «об оздоровлении народных корней», как принято теперь выражаться, много занимал Гоголя в последние годы его жизни. «Горе писателям, которые станут своими легкомысленны-

¹ Отец Климент был магистр Московского университета, ученик Грановского и Кудрявцева. П. М. Леонтьев, с которым он был очень дружен, желал оставить его при университете, но он поступил на службу в св. Синод, был командирован в Константинополь, во время греко-болгарской церковной распри, и провел некоторое время на Афоне, а вернувшись в Россию, пошел в монахи. Его жизнеописание, составленное известным К. Н. Леонтьевым, помещено в «Рус<ском> Вестнике», а также издано отдельно книжкой. — *Примеч. П. А. Матвеева.*

¹¹ Гр<аф> Ал<ександр> Петрович Толстой, бывши обер-прокурором Синода, в первые годы царствования Александра II-го, в квартире которого, на Никитском бульваре в Москве, скончался Гоголь, умер в 1874 г. Библиотека его разошлась во все руки и пропала бесследно. — *Примеч. П. А. Матвеева.*

ми писаниями извращать и развращать душу народа — лучше бы им с мельничным жерновом на шее броситься в воду», — говорил он. В Оптиной Пустыни Гоголь прилежно читал книгу Исаака Сирина — не знаю, в рукописи или в печатном издании — и она произвела на него большое впечатление. Я видел у о<тца> Климента первый том «Мертвых душ» (I-го издания). Экземпляр этот принадлежал гр<афу> Толстому — с заметками Гоголя карандашом, на полях XI-й главы. Заметки эти любопытны, и я приведу их здесь. В XI-й главе I-й части, посвященной характеристике Чичикова, Гоголь, говоря о *прирожденных человеку страстях*, придавал им высокое значение. В сделанной Гоголем карандашом на полях заметке было написано: «Это я писал в “*прелести*”¹, это вздор — природженные страсти — зло, и все усилия разумной воли человека должны быть устремлены для искоренения их. Только дымное надмение человеческой гордости могло внушить мне мысль о высоком значении природженных страстей — теперь, когда стал я умнее, глубоко сожалею о “гнилых словах”, здесь написанных. Мне чужалось, когда я печатал эту главу, что я путаюсь, вопрос о значении природженных страстей много и долго занимал меня и тормозил продолжение “Мертвых Душ”. Жалею, что поздно узнал книгу Исаака Сирина, великого душеведца и прозорливого инокa. Здравая психология, и не кривое, а прямое понимание души встречаем лишь у подвижников-отшельников. То, что говорят о душе запутавшиеся в хитро сплетенной немецкой диалектике молодые люди, — не более как призрачный обман. Человеку, сидящему по уши в житейской тине, не дано понимания природы души».

Во время посещения Гоголем Оптиной Пустыни игуменом ее был отец Моисей⁴, старец высокой жизни, мудрый и любвеобильный, как сказано в его жизнеописании, составленном вышеуказанным отцом Климентом¹¹.

Отношения Гоголя к Оптиной Пустыни представляют интерес в том смысле, что там он встретил мудрых иноков, благодушных и согретых истинно христианской любовью и глубоким смирением души. Они не пугали впечатлительного художника потрясающими картинами вечных мук за его авторскую деятельность, они не считали служение искусству тяжким грехом, как Ржевский священник о<тец> Матвей Константиновский, которого надо признать едва ли не одним из главных виновников сожжения второго тома «Мертвых Душ».

Я слышал в начале 60<-х> годов от одного инокa Оптиной Пустыни, сколько помню, о<тца> Павлина, заведовавшего монастырской библиотекой и лично знавшего Гоголя, поразившее меня указание на настоящее содержание «Мертвых Душ» — духовное возрождение «Мертвых Душ» первой части в последующих томах.

То же мне говорил о<тец> Климент, посвященный рассказами гр<афа> А. П. Толстого в действительное содержание поэмы Гоголя. Промыслу Божию не угодно было, по нашим грехам, чтобы Николай Васильевич докончил свое недоконченное и, как он сам говорил и писал, «недоношенное» произведение, — а в целом оно, конечно, должно было быть добрым и душеспасительным делом.

— Размышляя о кончине Ник<олая> Вас<ильевича> Гоголя, я всегда повторяю мысленно, — говорил мне не раз о<тец> Климент, — «Узрят кончину праведника и не уразумеют, что усоветова о нем Господь»⁶.

Это изречение Св. Писания начертано на гробнице И. В. Киреевского в Оптиной Пустыни.

Гоголь несомненно унес с собой в могилу некоторую тайну, которую мы без него должны разгадывать. Его глубоко удручал сложный и трудный вопрос, поставленный им в последней (XI) гл<аве> первой части «Мертвых Душ», отчего в беспредельном пространстве Русской земли, где все так широко и крупно, обнаруживается такая духовная пустота жизни и так мелки и ничтожны люди. Вопрос об оскудении духа жизни на Руси, после Великого Петра, занимал

¹ Прелесть — монашеский термин — означает почти то же что и слово обольщение. — *Примеч. П. А. Матвеева.*

¹¹ В одном из писем Гоголя, напечатанном в «Рус<ской> Старине»⁵, Гоголь с умилением отзывался об игумене о. Моисее, косившем сено в страдную пору вместе с прочими иноками монастыря. — *Примеч. П. А. Матвеева.*

Гоголя не менее его московских друзей-славянофилов, хотя, по его мнению, высказанному в переписке, он решал вопрос менее односторонне и несколько иначе, чем они.

Впервые опубликовано: *Матвеев П.* Гоголь в Оптиной Пустыни // Русская Старина. 1903. № 2. С. 301–304. Печатается в сокращении по первой публикации.

¹ Преподобный Дорофей, из обители аввы Серида (VII в.); память совершается 5 июня ст. ст. См. заметку Гоголя в записной книжке 1841–1846 гг.: «Авва Дорофей, иногда с<мотреть>».

² Преподобный Варсонофий Великий (VI в.); память совершается 6 февраля ст. ст.

³ Преподобный Исаак Сирий, епископ Ниневийский (вторая половина VII – первая половина VIII в.), память совершается 28 января ст. ст.

⁴ Преподобный Моисей (в мире Путилов Тимофей Иванович, 1782–1862), настоятель Оптиной Пустыни с 1826 г., архимандрит (с 1853 г.); память совершается 16 июня и 11 октября.

⁵ Вероятно, имеется в виду публикация: *Шенрок В. И.* Николай Васильевич Гоголь в его неизданной статье и письмах // Русская Старина. 1890. № 3.

⁶ Книга Премудрости Соломона, гл. 4, ст. 17.

Графиня А. Г. Толстая (рожденная княжна Грузинская) — А. О. Смирновой

<13 марта 1852. Москва>

Мы долго не отвечали вам, многоуважаемая Александра Иосифовна; муж¹ потому, что он и до сих пор болен, в постели и писать не может, а я говела.

Очень, очень нам грустно и безотраднo. Когда увидимся, это будет у нас предмет хотя печальных, но неистошцимых разговоров: так грустно, что мне эта потеря делает понятным совет *Иоанна Лестничника*, что от грусти и уныния одно только надежное лекарство: *память смерти*.

Из поручений ваших одно исполню непременно, пришлю что-нибудь вам; что касается до Библии², если она найдется, когда снимут печати³, пришлю ее также к вам. Тут будут присутствовать Губернатор⁴ и Хомяков, которым я и передам ваше желание. — Портрет же мужу известен один только у Хомякова, есть еще другой портрет у Погодина, но того мы, однако, не видали; с которого из них хотите вы иметь копию?

Мы очень радуемся, что здоровье ваше, как говорят, поправляется и что Мандт⁵ лечит вас удачнее Иноземцева.

Муж мой целует ваши ручки, а я прошу принять уверение моего искреннего и глубокого уважения.

Г<рафиня> Анна Толстая.

Москва, 13 марта.

Публикуется впервые по автографу: *РГБ.* Ф. 474. К. 4. Ед. хр. 81. Л. 1–2; на л. 1 помета рукою П. И. Бартечева: «Графиня А. Г. Толстая по смерти Гоголя».

¹ Граф А. П. Толстой.

² Очевидно, речь идет о Библии, принадлежавшей Гоголю.

³ Распечатывание бумаг Гоголя состоялось 1 мая 1852 г.

⁴ Московский гражданский губернатор И. В. Капнист.

⁵ Мартын Мартынович Мандт (ум. в 1858), лейб-медик Императора Николая I.

Гоголь в письмах Святогорца, иеросхимонаха Сергия (Веснина)

Святогорец, иеросхимонах Сергий (Веснин) —
о<тцу> А<нтонию (Бочкову) >

<28 апреля 1850. Москва>

<...> Сегодня вечер у меня был чисто литературный... <...> ...Нагрязнул Бартенев с литератором Сушковым, с генеральскою звездою на груди и тут же мой лучший друг, прекрасный по сердцу и чувствам Николай Васильевич Гоголь¹, один из лучших литераторов. Суждения были о моем пере: все единогласно отдают честь моим талантам, и сделали несколько замечаний на вольность моей литературы. <...>

Я в особенно близких отношениях здесь с графом Толстым, у которого принят как домашний, и который был губернатором в Твери... <...> Граф Толстой прекрасного сердца и очень прост. По знакомству он выслал экземпляр моих писем одному из городских священников Тверской губернии², и тот читал мои сочинения в церкви вместо поучений на первой неделе Вел<икого> поста³, о чем извещал графа. Много чести моему перу, сказал я графу, когда он извещал меня об этом. <...>

28 апреля 1850 г.

Впервые опубликовано: Собрание сочинений и писем Святогорца к друзьям своим о Св. Горе Афонской, Палестине и русских святых местах. Новое издание в четырех томах. Т. 4. СПб., 1865. С. 29–30. Печатается по первой публикации.

Сергий (в мире Веснин Семен Авдиевич, псевдоним Святогорец, 1814–1853), иеросхимонах Афонского Пантелеимоновского монастыря, духовный писатель.

Антоний (в мире Алексей Поликарпович Бочков, 1803–1872), иеромонах (с 1844), игумен Черемнецкого Иоанно-Богословского монастыря (1862–1868), духовный писатель.

¹ См. также в наст. изд. коммент. к письму А. О. Смирновой И. С. Аксакову от 28 июня 1850 г.

² Имеется в виду протоиерей Матфей Константиновский.

³ 6–12 марта 1850 г.

Святогорец, иеросхимонах Сергий (Веснин) — И. П. Р.

<1 июля 1850. Санкт-Петербург>

<...> Я редко выезжаю, потому что меня удерживает дома корректура 2-й части Писем. Впрочем, жалею, что взял на себя эту работу. Справедливо мне говорил Гоголь Н. В., чтобы не брать на себя корректуры. Увлекаясь мыслию, я не вижу опечаток. <...>

1 июля 1850 г.

Впервые опубликовано: Собр. соч. и писем Святогорца к друзьям своим о Св. Горе Афонской, Палестине и русских святых местах. СПб., 1865. Т. 4. С. 39. Печатается по первой публикации.

Личность адресата (И. П. Р.) не установлена.

Святогорец, иеросхимонах Сергий (Веснин) — Евд. Ник.

<19 апреля 1852. Афон, Космо-Дамиановская пустынь>

<...> Смерть Гоголя — торжество моего духа. Покойный много потерпел и похворал, — надобно, и пора ему на отдых в райских обителях. Жаль только, что он не побывал у нас. Я очень любил его; в Одессе мы с ним видались несколько раз, и наше расставание было условное — видаться здесь¹. Судьбы Божии непостижимы! В последнее время его считали помешанным, за то, что он остепенился и сделался христианином. Вот ведь мирская-то мудрость! Толкуйте с миром! <...>

19 апреля 1852 г.

Первые опубликовано: Собрание сочинений и писем Святогорца к друзьям своим о Св. Горе Афонской, Палестине и русских святых местах. Новое издание в четырех томах. СПб., 1865. Т. 4. С. 65. Печатается по первой публикации, с уточнением по изд.: Биография Святогорца, письма его к друзьям своим о Святой Горе Афонской. 2-е изд. М., 1873. С. 78–83.

Личность адресата (Евдокия Николаевна) не установлена.

¹ После отъезда из Одессы о. Сергий 3 марта 1851 г. сообщал Гоголю из Константинополя: «Наскоро пишу вам, торопясь на почту и к отъезду сегодня из Константинополя в Солунь на австрийском пароходе. Церквей православных в Константинополе 46». «12 марта 1851 года Святогорец благополучно возвратился на Афон» (Жизнеописание Святогорца // Собрание сочинений и писем Святогорца к друзьям своим о Св. Горе Афонской, Палестине и русских святых местах. Новое издание в четырех томах. СПб., 1865. Т. 4. С. 145).

Святогорец, иеросхимонах Сергий (Веснин) — Евд. Ник.

<15 августа 1852. Афон, Космо-Дамиановская пустынь>

<...> За портрет Гоголя — спасибо. Покойный, расставаясь со мною в Одессе, дал слово — только съездить в Москву на лето, с целью издания своих творений, а потом к осени 1851 года прибыть на Афон. Таковы-то наши предположения! Думы за горами, а смерть за плечами! Жизнь Гоголя поучительна: в последнее время он был строгим христианином, — и это радует меня. И Загоскин помер! Тяжелый год для русской литературы! Любопытно слышать, как скончался Загоскин; так же христиански, как Жуковский и Гоголь? <...>

15 августа 1852 г.

Первые опубликовано: Собрание сочинений и писем Святогорца к друзьям своим о Св. Горе Афонской, Палестине и русских святых местах. Новое издание в четырех томах. СПб., 1865. Т. 4. С. 70–71. Печатается по первой публикации.

Из публикаций о пребывании Гоголя в Оптиной Пустыни

Пояснение к письму Н. В. Гоголя иеромонаху Оптиной Пустыни отцу Филарету от 19 июня 1850 г. Письмо неустановленного духовного лица редактору «Домашней Беседы» В. И. Аскоченскому 1863 г.

В бумагах настоятеля нашей обители покойного о. архимандрита Моисея нашлось собственноручное письмо незабвенного Н. В. Гоголя, писанное им в 1850 году к одному старцу-иеромонаху. Из расспросов я узнал, что Николай Васильевич, посетив в этом году нашу обитель¹, слушал в церкви всенощное бдение, во время которого молился весьма усердно и с сердечным умилением, потом посетил некоторых старцев и уехал в Белевский уезд в с. Долбино, имение покойного И. В. Киреевского, одного из *истинных* друзей своих, откуда и написал предлагаемое письмо. <...>

Впервые опубликовано: Письмо Н. В. Гоголя // Домашняя Беседа. 1863. Вып. 2. 18 мая. С. 457–458. Печатается по первой публикации.

Ряд сведений о пребывании Гоголя в Оптиной Пустыни см. также в наст. изд. в разделах: *Гоголь на острове Корфу у мощей святителя Спиридона Тримифунтского*; П. А. Матвеев. *Гоголь в Оптиной Пустыни*; С. А. Нилус. *Святые под спудом. Тайна православного монашеского духа. (Келейные записки Оптинского иеромонаха Евфимия Трунова и отрывки из Оптинского монастырского архива)*; Преподобный Варсонофий Оптинский. *Беседы*. См. также письма В. А. Муханова к сестрам от 29 августа (н. ст.) 1846 г. и А. В. Гоголь к В. И. Шенроку от начала 1888 г.

В конце июля 1852 г., возвращаясь из Васильевки, в Оптину Пустынь заезжал С. П. Шевырев; он прочел тогда ее насельникам сочинение Гоголя о Литургии. В летописи скита монастыря, которую вел тогда послушник Л. А. Кавелин (впоследствии архимандрит Леонид), сохранилась запись об этом посещении: «1852 года. <...> Июль. <...> 28. На ночь прибыл в Обитель Ординарный Профессор Московского Университета по части Русской Словесности Степан Петрович Шевырев, проездом из Малороссии, куда ездил с тою целью, чтобы навестить родных покойного Н. В. Гоголя, утешить старушку-мать его и собрать материалы для биографии покойного, которую он имеет поручение написать от Академии Наук. В бумагах Гоголя: нашлось 4 черновые главы 2-й части *Мертвых душ* и *Объяснение на Божественную Литургию* — произведение, запечатленное цельностию духа и особенным лирическим взглядом на предмет, сам по себе вызывающий писателя на мысли высокие и чувства трогательные. Г<-н> Шевырев поутру после обедни посетил Скит и, обойдя его, зашел в келлии Батюшки <преподобного Макария Оптинского>, беседовал с нами (рабочими) долго и ласково, читал письма Н. В. Гоголя, между которыми особенно показалось нам замечательным писанное тогда, когда ему было еще 14 <16> лет (в 1824 году <23 апреля 1825 г.>), к Матери по случаю смерти Отца, читал также вышеупомянутое *Объяснение на Божественную Литургию*, прося у Батюшки замечаний на это посмертное произведение того, кто, проникнувшись живою верою в Искупителя, и сам смиренно искал у Старца руководства на стезях, к Нему ведущих (имеются в виду три посещения Гоголем Оптиной Пустыни: в июне 1850-го и в июне и сентябре 1851 г. — *И.В.*), и если не успел еще принести желаемых плодов, то, по крайней мере, положил доброе начало — залог чистого произволения» (РГБ. Ф. 214. Ед. хр. 361. Л. 38 об.–39 об.; впервые опубликовано: Воронцов В. А. С. П. Шевырев о последних днях жизни и смерти Н. В. Гоголя // Хозяева и гости усадьбы Вяземы. Материалы III Голицынских чтений 20–21 января 1996 года. Большие Вяземы, 1996. Ч. 2. С. 287–288; см. также: Котельников В. А. Православные подвижники и русская литература. На пути к Оптиной. М., 2002. С. 265–266; Летопись скита во имя святого Иоанна Предтечи и Крестителя Господня, находящегося при Козельской Введенской Оптиной пустыни: В 2 т. / Сост. монах Марк (Хомич А. Г.). М., 2008. Т. 1. С. 233). Впоследствии в библиотеке скита Оптиной Пустыни появился экземпляр

гоголевских «Размышлений...» издания П. А. Кулиша 1857 г.; в настоящее время этот экземпляр хранится в Российской государственной библиотеке (шифр: И 101/431).

Филарет, иеромонах (1785–1864), наместник Московского Новоспасского монастыря (с 1839 г.); в 1843 г. определен в Оптину Пустынь.

Виктор Ипатьевич Аскоченский (1813–1879), адъюнкт-профессор Киевской Духовной академии (до 1844 г.), писатель, поэт, журналист, историк.

¹ 17–19 июня 1850 г.

Д. П. Богданов

Оптина Пустынь и паломничество в нее русских писателей Фрагмент

<...> Нисколько не менее, если даже не более, было влияние старцев Оптиной пустыни на Н. В. Гоголя. Знакомству Гоголя с этой обителью и привязанности с его стороны к ее братии очень много способствовало то обстоятельство, что в 1845 году калужским губернатором был назначен Н. М. Смирнов, с женой которого, Александрой Осиповной, урожденной Россет, Гоголь находился в самых дружеских отношениях. Заезжая в Калугу к Смирновым, Гоголь почти всегда по дороге останавливался в Оптиной Пустыни и в духовных беседах оптинских старцев находил облегчение от мучительной меланхолии, которая властвовала над его душой в последние года его жизни. <...> По словам современников, Гоголь в Оптиной пустыни был два раза¹, хотя весьма вероятно, что он был в ней гораздо больше. <...> Особенно сильно приковывали к себе внимание Гоголя старцы Моисей, Антоний² и Макарий³. По монастырским воспоминаниям, эти личности были таковы. Старец Моисей был игуменом монастыря. Проводя время в постоянных трудах по управлению обителью, он неукоснительно исполнял все правила и обязанности монастырской жизни. Главной и отличительной чертой его было изумительное нищелюбие. Всем, кто нуждался в его помощи, никогда не было с его стороны отказа. Он всегда был готов поделиться с бедняком последней копеечкой и искренно радовался, когда ему удавалось оказать кому-либо помощь. Интересны были его отношения с монастырскими рабочими. Он никогда с ними не торговался, и когда его упрекали за это, он, оправдываясь, говорил: «Ведь это та же милостыня». За это пренебрежение его к деньгам монастырская братия прозвала его «гонителем денег». Начальник скита, старец Антоний, был родной брат игумена Моисея. Необыкновенно трудолюбивый, смиренный, он служил для всей братии примером по исполнению церковных служб и монастырских работ, несмотря на тяжелую болезнь ног, которой он страдал более тридцати лет. Третий старец, поразивший душу Гоголя, Макарий, был иноком высокой духовной жизни. Его советами и указаниями пользовалась вся монастырская братия, для которой он был неустанным наставником на пути к христианскому совершенствованию. Высокий подвижнический ум старца Макария более всего привлекал к себе душу великого писателя. <...> ...Здесь, в простых, бесхитростных духовных беседах с иноком Макарием, Гоголь, по собственному его признанию, отдыхал душой и забывал свою меланхолию. По воспоминаниям современников, отношения между Гоголем и старцем Макарием были самые искренние. Все запросы и сомнения своей души Гоголь нес на разрешение этого мудрого инок, который с дружеской готовностью выслушивал их и давал советы и указания. В обители Оптинского монастыря сохранился в высшей степени интересный документ, свидетельствующий об этой духовной связи между великим писателем и старцем Макарием. При имеющейся в монастырской библиотеке книге Гоголя «Избранные места из переписки с друзьями» приложена

копия с письма, в котором есть отзыв об этой, так много нашуемшей в свое время, книге. Копия отзыва писана рукою старца Макария, который, видимо, переписывая этот отзыв, вполне сочувствовал перевороту в образе мыслей великого писателя, вступившего на склоне дней своих на путь самоотречения и самоуничужения. Отзыв этот таков: «С благодарностью возвращаю вам книгу, которую вы мне доставили. <...> Вне сего пути, сначала узкого и прискорбного для ума и сердца, всюду мрак, всюду стремнины и пропасти. Аминь»⁴. <...>

Впервые опубликовано: *Богданов Д. П.* Оптина Пустынь и паломничество в нее русских писателей // Исторический Вестник. 1910. Октябрь. С. 330. Печатается по первой публикации.

¹ В Оптиной Пустыни Гоголь был трижды: 17–19 июня 1850 г., 2 июня 1851 г., 24–25 сентября 1851 г.

² Преподобный Антоний Оптинский (в мире Путилов Александр Иванович; 1795–1865), скингумен, настоятель Малоярославецкого Николаевского монастыря (1839–1853); память совершается 7 августа и в Соборе Оптинских старцев.

³ Преподобный Макарий Оптинский (в мире Иванов Михаил Николаевич; 1788–1860), иеросхимонах Оптиной Пустыни, духовник монастыря с 1836 г., начальник Иоанно-Предтеченского скита (с 1839 г.), переводчик и издатель святоотеческих творений; память совершается 7 сентября и 11 октября.

⁴ Приводится письмо от февраля–марта 1847 г. святителя Игнатия (Брянчанинова), в ту пору архимандрита, настоятеля Троице-Сергиевой пустыни близ Петербурга, впоследствии епископа Кавказского и Черноморского. «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя были переданы святителю Игнатию его духовной дочерью, бывшей ученицей Гоголя М. П. Вагнер (рожд. Балабиной). Письмо святителя Игнатия (Брянчанинова) (авторизованный список, посланный Гоголю П. А. Плетневым и сохранившийся в бумагах писателя) см. в изд.: *Неизданный Гоголь / Изд. подгот. И. А. Виноградов. М., 2001. С. 419–420; Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 9. С. 756–758.*

Архимандрит Агатит (Беловидов)

Жизнеописание Оптинского старца иеросхимонаха Макария Фрагмент

<...> ...Нередко посещал старца Макария благочестивый граф Александр Петрович Толстой, бывший обер-прокурор Св. Синода, и служивший при нем чиновником особых поручений Константин Карлович Зедергольм (впоследствии иеромонах Оптинского скита о. Климент); сенатор Петр Иванович Соломон¹ с семейством; известный писатель Иван Васильевич Киреевский, который направил к старцу Макарию другого известного писателя, Николая Васильевича Гоголя. В первый свой приезд в Оптину Пустынь, в летнее время, Гоголь, по рассказу оптинского старожилы, бывшего настоятеля Оптиной обители архимандрита Досифея², прожил на монастырской гостинице недели три³. Во все это время он ежедневно посещал старца и подолгу с ним беседовал. Со своей стороны, и старец, посещая почти ежедневно в послеобеденное время гостиницы, заходил в номер, в котором помещался Гоголь. Также достоверно известно, что батюшка о. Макарий с христианской точки зрения не одобрял его светскую литературную деятельность и советовал ему оставить писательство в этом роде и начать новую жизнь во Христе, по заповедям Евангельским. И Гоголь во всем согласился, приняв близко к сердцу наставления старца Макария. Во время пребывания сего почтенного гостя в Оптиной Пустыни предложено было ему, между прочим, конечно, с благословения старца Макария, прочитать книгу св. Иоанна Лествичника⁴. Прочитавши оную, Гоголь высказался о ней так: «Какая глубокая психология!» Слышно было, что по возвращении его из Оптиной в Москву душевное его

настроение совершенно изменилось. Он уже не только перестал писать в смехотворном тоне, но и сожалел о том, что прежде им было написано, и даже выражал желание, если бы можно было, уничтожить все свои светские литературные произведения. Но за такой поворот Гоголя в его воззрении на жизнь умные миролюбцы провозгласили его тронувшимся в уме. А так как привлек его к старцу Макарию Иван Васильевич Киреевский, то и к Киреевскому те же умные люди отнеслись неблагосклонно. После того Гоголь еще два приезжал в Оптину к батюшке о. Макарию и во время своего пребывания на монастырской гостинице усердно посещал церковные службы в скиту. <...>

Впервые частично опубликовано: *Воропаев В.* Гоголь и монашество // Журнал Московской Патриархии. 1993. № 4. С. 108. Печатается по изд.: <*Агапит (Беловидов), архимандрит*>. Жизнеописание Оптинского старца иеросхимонаха Макария. М., 1997. С. 196–197.

«Подготовленное к печати оптинскими насельниками в начале нынешнего века <жизнеописание Оптинского старца иеросхимонаха Макария> <...> так и не было издано и до 1989 года оставалось под спудом, пока митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим <1926–2003> не передал рукопись в возрождающуюся Оптину» (*Лукьянов Е.* Оптинской святости мудрый хранитель. (Архимандрит Агапит — автор Жизнеописания старца Макария) // <*Агапит (Беловидов), архимандрит*>. Жизнеописание Оптинского старца иеросхимонаха Макария. М., 1997. С. 401).

Агапит (в мире Андрей Иванович Беловидов, 1842–1922), схиархимандрит, духовный писатель; в Оптиной Пустыни с 1865 г., с 1876 г. — иеромонах, с 1896 г. — архимандрит.

¹ Правильно: Петр Петрович Саломон (1819–1905), член Государственного Совета, действительный тайный советник, благотворитель Оптиной Пустыни.

² Архимандрит Досифей (в мире Илья Никифорович Силаев, 1827–1900), настоятель Оптиной Пустыни.

³ Гоголь пробыл в Оптиной Пустыни в свой первый приезд не три недели, а три дня: с 17 по 19 июня 1850 г.

⁴ В библиотеке Оптиной Пустыни хранились, в числе прочих, следующие рукописи: *Преподобного Иоанна Лествичника лествица и слово к псалтырю*, перевод старца Паисия Величковского, писана рукою настоятеля Оптиной пустыни о. архимандрита Моисея в бытность его в Свенском монастыре, в звании рясофорного монаха в 1810 г., в 4 д<олю> листа; *Книга св. Исаака Сирина* о молчании и безмолвии и житии тихом, писана полууставом Свенского монастыря монахом Маркеллом в 1811 году в лист, 242 листа (Историческое описание Козельской Введенской Оптиной Пустыни. 2-е изд., испр. и доп. оной пустыни *И<еромонахом> Л<еономом (Кавелиным)>*). СПб., 1862. С. 248).

«Лествицу» св. Иоанна Синайского Гоголь читал еще в юношеском возрасте. В распоряжении П. А. Кулиша был обширный сборник выписок Гоголя из этой книги (подробнее см. в наст. изд. в коммент. к статье В. М. Зуммера «Рисунки Н. В. Гоголя в Музее Слободской Украины»). В Оптиной Пустыни Гоголь познакомился с рукописной книгой св. Исаака Сирина, о которой отзывался сходным образом: «Жалею, что поздно узнал книгу Исаака Сирина, великого душеведца и прозорливого инока. Здравая психология, и не кривое, а прямое понимание души встречаем лишь у подвижников-отшельников» (см. в наст. изд. статью П. А. Матвеева «Гоголь в Оптиной Пустыни»).

Подорожная на проезд из Канева до Одессы, выданная Гоголю 3 октября 1850 г.

По указу Его Величества Государя Императора
Николая Павловича,
Самодержца Всероссийского
и прочая, и прочая, и прочая.
№ 1023

От Города Канева до города Одессы; Коллежскому Ассессору Николаю Гоголю, следующему по собственной надобности с будущим под его Экипаж почтовых давать по четыре лошади с проводником, за указание прогони, без задержания данна¹ в Городе Каневе 1850 года Октября 3 дня.

С сей подорожной за 474 версты 9 руб<лей> 48 коп<еек> взято.

Киевский Гражданский Губернатор, Действительный
Статский Советник и Кавалер *Фундуклей*¹.
Казначей *Рядвольский* <?>.
Бухгалтер *Квятковский* <?>.

Печатается по оригиналу: ГИМ. Ф. 281. Оп. 2, год 1832–1850. Ед. хр. 23. Л. 4. В начале XX в. подорожная находилась у В. А. Гиляровского: «...находятся у г. Гиляровского принадлежащие ему лично: Подорожная Гоголя из города Канева в Одессу» (*Бочаров Н.* Новинки для биографии Н. В. Гоголя // Русское Слово. 1901. 20 окт. № 289; перепечатано: Новинки для биографии Н. В. Гоголя // Киевская Газета. 1901. № 293. 21 окт. С. 2). В 1902 г. подорожная была представлена на Гоголевской выставке в Москве: «К <...> поездке Гоголя <в Одессу> относится фигурировавшая на Гоголевской выставке в Москве подорожная от Канева до Одессы» (*Маркевич А. И.* Гоголь в Одессе // Записки Императорского университета. Одесса, 1902. Т. 88. Отд. 3. С. 15; см. также в наст. изд.).

Вероятно, подорожная (подписи на которой или были сделаны заранее или представляют собой факсимиле) была выдана Гоголю каневским городничим Иваном Павловичем Кошманом.

В Канев Гоголь прибыл 3 октября 1850 г. из Кагорлыка, куда, в свою очередь, приехал из Васильевки (отъезд — после 23 сентября 1850 г.), вместе с матерью и сестрами, к проживавшему в Кагорлыке больному старику А. А. Трошинскому. 1 октября 1850 г., в день именин матери, Гоголь «вместо подарка» читал в Кагорлыке «из второго тома “Мертвых душ”» (см. в наст. изд. раздел *Из дневника Е. В. Гоголь 1848–1850 гг.*). Из Кагорлыка в Канев Гоголь, по-видимому, выехал также 3 октября 1850 г.

По пути из Канева, проездом в Одессу, Гоголь останавливался в селе Мехедовка Золотоношского уезда Полтавской губернии у В. А. Лукашевича (см. в наст. изд. *Воспоминания Аф. Вас. Марковича в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша*), откуда выехал после 15 октября (возможно, 17-го числа) 1850 г. (см. в наст. изд. статью А. И. Маркевича «Гоголь в Одессе»).

В Одессу Гоголь прибыл 24 октября 1850 г. (см. в наст. изд. дневниковую запись Е. А. Хитрово) и остановился в доме А. А. Трошинского. Возвращаясь из Одессы в марте 1851 г., Гоголь вновь побывал в Кагорлыке у Трошинского, где тогда продолжали оставаться мать и сестры писателя (см. в наст. изд. коммент. к разделу *Подорожная на проезд из Канева до Одессы, выданная Гоголю 3 октября 1850 г.*).

¹ Подпись Ивана Ивановича Фундуклея (1804–1880), киевского гражданского губернатора (с 1839 г. по 1852 г.), археолога (с 1867 г. — член Государственного Совета).

¹ Так в подлиннике.

Воспоминания Аф. Вас. Марковича в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша

Когда Гоголь ехал зимовать в Одессу, один из моих знакомых, А. В. Маркович, встретил его у В. А. Лукашевича, в селе Мехедовке, Золотоношского уезда. Это было в октябре 1850 года¹. Вот что замечено г. Марковичем достойного памяти из тогдашних разговоров Гоголя.

Когда в гостиную внесли узоры для шитья по канве, он сказал, что наши старинные женщины оставили в работах своих образцы изящества и свободного творчества, и шили без узоров; а нынешние не удивят потомства, которое, пожалуй, назовет их бестолковыми.

О Святых Местах он не сказал своего ничего, а только заметил, что Пужула, Ламартин и подобные им лирические писатели не дают понятия о стране, а только о своих чувствах, и что с Палестиной дельнее знакомят ученые прошлого века, сенсуалисты, из которых он и назвал двух, или трех.

Осматривал разные хозяйственные заведения и, когда легавая собака погналась за овцами и произвела между ними суматоху, он заметил, что так делают и многие добрые люди, если их не выводят на их истинное поле деятельности.

Кто-то наступил на лапку болонке, и она сильно завизжала. «А не хорошо быть малым!» — сказал Гоголь.

По поводу разнощика, забросавшего комнату товарами, он сказал: «Так и мы накупили всякой всячины у Европы, а теперь не знаем, куда девать».

За столом судил о винах с большими подробностями, хотя не обнаруживал никакого пристрастия к ним.

Когда ему читали переведенные на малороссийский язык псалмы Давида, он останавливался на лучших стихах, по языку и верности переложения. Он слушал с видимым наслаждением малороссийские песни, которые для него пели, и ему особенно понравилась:

Да вже третій вечір, як дівчину бачув;
Хожу коло хати — їй не видати...

Впервые опубликовано: <Кулиш П. А.> *Николай М. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и из его собственных писем.* СПб., 1856. Т. 2. С. 241. Печатается по первой публикации.

Афанасий Васильевич Маркович (1822–1867), этнограф. В 1846 г. окончил Киевский университет; в 1847 г. был осужден вместе с Н. И. Костомаровым, П. А. Кулишом, Т. Г. Шевченко и др. за причастность к сепаратистской деятельности Украинско-Славянского Общества и сослан в Орел. См. также в наст. изд. *Записку, составленную Афанасием Васильевичем Марковичем из письма к нему Княжну В. Н. Репниной о Гоголе* и примеч. 21 к «Запискам» Н. Н. Мурзакевича.

¹ В Мехедовку Гоголь прибыл около 4–5 октября 1850 г. из Канева (где останавливался 3 октября 1850 г.), по пути из Кагорлыка (отъезд — также 3 октября). Из Мехедовки в Одессу Гоголь отправился, вероятно, 17 октября и прибыл в Одессу 24 октября 1850 г. (см. в наст. изд. коммент. к разделу *Подорожная на проезд из Канева до Одессы, выданная Гоголю 3 октября 1850 г.*).

Из мемуаров и свидетельств о пребывании Гоголя в Одессе осенью 1850 — весной 1851 гг. (с частичными сведениями о периоде 1848 г.)

Заметки и вести «Сообщение газеты «Одесский Вестник» от 28 октября 1850 г. о прибытии Гоголя в Одессу»

На днях¹ в наш город приехал Н. В. Гоголь, который, как говорят, намерен провести здесь зиму. <...>

Впервые опубликовано: Заметки и вести // Одесский Вестник. 1850. 28 окт. № 86. С. 3. Перепечатано в № 256 «Санкт-Петербургских Ведомостей» от 11 ноября 1850 г. Печатается по первой публикации.

Ряд сведений о пребывании Гоголя в Одессе с 24 октября 1850 г. по 28 марта 1851 г. см. также в наст. изд. в воспоминаниях княжны В. Н. Репниной-Волконской, в письмах Святогорца, иеросхимонаха Сергия (Веснина), а также в разделе *Из воспоминаний и свидетельств о пребывании Гоголя в Одессе весной 1848 г. (с отдельными сведениями о периоде 1850–1851 гг.)*.

6 июня 1850 г. Гоголь писал А. С. Стурдзе из Москвы в Одессу: «Может быть, Бог приведет меня опять к вам в Одессу. <...> Голове потребно то благодатное освежение, какое бывает у меня только под небом благорастворенного климата. <...> Хочу провести три зимние месяца где-нибудь в Греции или на островах Средиземного моря. Где именно — на счет этот решусь, может быть, только в Одессе». 21 июня 1850 г. Стурдза отвечал Гоголю: «Больно слышать, что вы опять замышляете долговременную отлучку из-под родного неба. <...> ...Отведайте житья <...> в Одессе. Здесь найдете вы цвет Малороссии: доброе, уветливое семейство Репниных; сердечно благочестивое и умное О<тца> М. Павловскаго, Михневича и других, подобных им. Пресвященный Иннокентий останется с нами на всю зиму».

28 июня 1850 г. А. О. Смирнова сообщала И. С. Аксакову из Калуги о Гоголе: «Он проехал здесь с Максимовичем, здоровье его плохо; если Бог поможет ему получить паппорт за границу, он, вероятно, поселится в Афинах или на Афоне и кончит там второй том» (см. в наст. изд.).

Как и перед отправлением в Святую Землю в 1847 г., Гоголь летом 1850 г. предпринял шаги к оформлению заграничного паспорта (историю получения Гоголем паспорта в 1847 г. см. в наст. изд. в разделе *Из документов и свидетельств о паломничестве Гоголя к Святым Местам*). С этой целью, а также надеясь получить от Наследника денежное пособие, Гоголь, будучи в Васильевке, 10–18 июля 1850 г. составил письмо, предназначенное для вручения либо министру внутренних дел графу Л. А. Перовскому, либо министру народного просвещения князю П. А. Ширинскому-Шихматову, либо начальнику III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии графу А. Ф. Орлову. 18 июля 1850 г. Гоголь, очевидно, по предварительной договоренности с Смирновой во время проезда Калуги, отправил ей свое послание, с племянником Н. П. Трушковским, и просил ее в случае одобрения ею письма направить его одному из указанных в заголовке трех адресатов, по ее усмотрению, или же, посоветовавшись с графом А. К. Толстым, «обратить» это письмо к самому Наследнику.

30 июля 1850 г. А. О. Смирнова отвечала Гоголю: «Вот что мы решили... <...> Толстой написал вам прилагаемое письмо к Наследнику, которому вы можете дать свои выражения... <...> Он <...> дает совет ваше письмо вместо того, чтобы адресовать к какому-нибудь министру, адресовать к Олсуфьеву. Он, т. е. Олсуфьев, передаст ваше письмо великому князю, а сам <...> словесно объяснит то, что Его Высочество не может иметь времени прочесть. <...> Поспешите, потому что из Петербурга пишут, что великий князь едет на Кавказ». К письму Смирновой были приложены два послания, составленные графом А. К. Толстым от лица Гоголя на основании его официального письма от 10–18 июля 1850 г.: одно — к Наследнику Александру Николаевичу, и другое, сопроводительное, — к гофмаршалу двора Наследника В. Д. Олсуфьеву.

Незадолго до получения ответа от Смирновой Гоголь 1 августа 1850 г. писал княгине Е. П. Репниной–Волконской в Одессу: «Удрученный снова всякого рода недугами, я, может быть, приеду в Одессу с тем, чтобы отголе пуститься в климаты теплейшие. А, может быть, придется пробыть в Одессе и часть зимы. Во всяком случае, я бы хотел знать, остаетесь ли вы эту зиму в Одессе, равномерно и княгиня, ваша маминька, и княжна Варвара Николаевна (которым всем прошу передать мой душевный поклон, князя обнимите)». 16 августа 1850 г. княгиня Е. П. Репнина-Волконская отвечала Гоголю: «...Княгиня Варвара Алексеевна, княжна и все мы пробудем будущую зиму здесь <...> приезжайте же скорей!»

20 августа 1850 г. Гоголь отвечал Смирновой: «Письмо ваше <...> получил вместе с двумя проектами официальных писем. Мне кажется, что и вы и Толстой совершенно правы. Хочу поступить совершенно так, как вы придумали, хоть и не знаю, даст ли мне это исполнить какая-то непостижимая лень... <...> Впрочем, чтобы не считали меня капризным, я употреблю все силы переписать оба письма, смягчивши требования вспоможенья <...>; препровожу оба письма к Плетневу, чтобы он передал их Олсуфьеву, хоть это всё и будет уже поздно, потому что Наследник, вероятно, уже будет в это время в дороге. <...> От Стурдзы я получил на днях из Одессы весьма милое письмо с дружеским званием в Одессу. Если бы Одесса сделалась хоть на этот год Коринфом или Байрутом, с какой бы я радостью остался в России! <...> В Одессу я выезжаю не раньше 15-го сентября...»

15 сентября 1850 г. Гоголь отвечал и Стурдзе на его письмо от 21 июня: «Душевно бы хотел прожить сколько можно доле в Одессе, и даже не выезжать за границу вовсе. Скажу вам откровенно, что мне не хочется и на три месяца оставлять России. Ни за что бы я не выехал из Москвы, которую так люблю. Да и вообще Россия всё мне становится ближе и ближе. Кроме свойства родины, есть в ней что-то еще выше родины, точно как бы это та земля, откуда ближе к родине Небесной. Но на беду пребыванье в ней зимою вредно для моего здоровья. <...> Обыкновенно работаю у меня там, где находится ненадолго тепло, где я могу утреннее утруждение головы развешать и рассеять последним пребываньем и прогулками на благотворенном теплом воздухе; без того у меня голова на другой день несвежа и не годится к делу. Но верю, что Бог властен сделать всё, и Его Милосердию нет границ: может и под суровым воздухом Черного моря, в самой Одессе, всё еще холодной для меня, найти свежее расположение духа — и тогда, разумеется, я ни за что не выеду за границу. <...> Прошу вас <...> передать Пресвященному Иннокентию мою чувствительную благодарность за его пастьерское благословенье. <...> Не позабудьте также передать поклон мой Отцу М. Павловскому и всем, кто меня помнит».

По-видимому, в конце августа — сентябре 1850 г. Гоголь внес в подготовленные графом А. К. Толстым письма к Наследнику и В. Д. Олсуфьеву свои исправления. Однако отправлять эти послания к Плетневу, как намеревался ранее, не стал. 11 сентября 1850 г. Смирнова писала Гоголю из Калуги: «Спешу с ответом на ваше последнее письмо <не сохранилось>, но едва ли мое добредет к вам до 20-го (до времени отъезда Гоголя из Васильевки в Кагорлык и Одессу. — И. В.). Кажется, вы так устроились, что планы ваши едва ли могут осуществиться в отношении к получению денежного пособия, да и сам паспорт придет позднею. Во всяком случае вам лучше быть поближе к западу и послышаться зова <...> Стурдзы. <...> Во всяком случае, осень там <в Одессе> лучше провести, чем в Васильевке, и когда подведет паспорт, то легко придумать, как добраться до Афона».

26 октября 1850 г. Гоголь отвечал Смирновой (уже из Одессы): «Вы правы насчет моих распоряжений по части денежных пособий и выезда. Точно, я плохо распорядился. Такая находка лень по этой части, что просто не могу с собой сладить... <...> Может быть, придется остаться в Одессе и всю зиму...»

Перезимовав в Одессе и отправившись весной 1851 г. в Москву, Гоголь, однако, не оставил своего намерения побывать на Афоне. По свидетельству иеромонаха Сергия (Веснина), с которым Гоголь встречался в Одессе в январе-феврале 1851 г., писатель, расставаясь с ним, «дал слово — только съездить в Москву на лето, с целью издания своих творений, а потом к осени 1851 года прибыть на Афон» (см. в наст. изд. раздел *Гоголь в письмах Святогорца, иеромонаха Сергия (Веснина)*; ср. также в наст. изд. свидетельство А. П. Толченова в его воспоминаниях «Страница для биографии Гоголя» о данном писателем весной 1851 г. «обещании на следующую зиму приехать в Одессу»). Смерть помешала Гоголю выполнить свое намерение.

¹ 24 октября 1850 г. (см. в наст. изд. дневниковую запись Е. А. Хитрово).

И. Т. Лисенков — Криворотовым

13 ноября 1850 г. Санкт-Петербург.

<...> Записку эту прилагаю при письме Н. В. Гоголя¹, известного писателя; я писал к нему, чтоб купить его сочинения для напечатания; у нас в торговле почти ничего нет его сочинений, а покупателей на него много, то позвольте вас попросить покорнейше, поворожите, чтоб продал мне оригинал для напечатания каких бы то ни было его сочинений; пусть он объявит вам цену, а я перешлю к вам тотчас деньги для уплаты ему, а вы получите рукопись от него, а то у нас совершенно нечего читать и нечем торговать. Надобно вам сказать о нем — он прескромный человек, и, может, скоро не добьетесь от него ответа, то нельзя ли вам его пригласить к себе на чай и поразговориться с ним по-домашнему. Он прежде был такой молчаливый и таинственный, что напечатал он в первый раз свое сочинение: «Ганц Кюхельгартен или картины», принес ко мне на продажу² и через неделю спросил, продаются ли. Я сказал, что нет, он забрал их — и только и видели, должно быть печка поглотила и тем кончилось, что и теперь нигде нет этой книги и публика не знает и не видала его первого произведения. <...>

Впервые опубликовано: *Шенрок В. И.* К биографии Н. В. Гоголя // Русская Старина. 1898. № 6. С. 605–606. Печатается по первой публикации.

Иван Тимофеевич Лисенков (1795–1881), петербургский книготорговец и издатель, знакомый А. С. Пушкина.

¹ Письмо к одесским издателям Криворотовым приложено И. Т. Лисенковым к письму Гоголю от того же числа. Получив это послание, Гоголь 2 декабря 1850 г. писал П. А. Плетневу: «С недавнего времени книгопродавцы стали меня осаждать письмами. Пожалуста, пошли человека в дом Пажеск<ого> корпуса сказать Лисенкову, который надоедает более других, что я буду сам в Петербурге».

² В книжных лавках «Ганц Кюхельгартен» появился после 5 июня 1829 г., когда Гоголь обратился с письменной просьбой к цензору К. С. Сербиновичу «ускорить выдачу билета на выпуск в продажу» (письмо без даты). См. также в наст. изд. раздел *В. С. Нечаева*. <Гоголь в дневнике К. С. Сербиновича> и примеч. 4 к статье В. П. Бурнашева «1829 г. Гоголь и Романович-Любович...»

А. С. Пушкин — князю П. А. Вяземскому

5 декабря 1850. Одесса.

<...> Гоголь в Одессе с начала осени и пробудет здесь до конца зимы. Он Вам кланяется и надеется увидеться с Вами весною в Петербурге. Здоровье его поправилось, и я никогда не видел его таким веселым болтуном, каким он теперь сделался. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 734. Печатается по первой публикации.

Гоголь в Одессе. 1850–1851 <Дневник Е. А. Хитрово>

Гоголь приехал в Одессу 1850 г. октября 24. Обедал. Очень красноречиво рассказывал о Константинополе, — как массы зелени, перемешанные с строениями, возвышаются на горе. Четыре дерева платановых необыкновенной толщины. Что могло их спасти?.. Не религиозная ли какая мысль? На Востоке оливковые деревья так почитаются, что во время войны все истребляется, а их оставляют... Почему вода здесь у берегов замерзает? — Потому что не довольно солена.

26 <октября>. Обедал.

28. Обедал и читал о Б. и Б.¹ в «Одесском Вестнике» сладкозвучным голосом и с протягиваемым чисто русским, не искаженным иностранным выговором (*vierge de tout mélange*¹): просты, строгий, принужденно, принужденность, Ателло^{II}, ролями.

18 ноября. Нахожу, что Гоголь стал лучше выговаривать. Впрочем, он все стихи читал.

Обедал Ильин². Начнет хвалить какого-нибудь автора, превознесет до небес и обземе. Долго хвалил «Тяжбу» Тургенева³, а потом кончил тем, что «конечно, без «Ревизора» эта пьеса не существовала бы». Прежде нежели он сказал это, Гоголь сказал: «Нельзя кому-нибудь ее прочесть?» Княгиня⁴ подхватила: «Да вы сами». Князь туда же, Ильин тоже, я сперва потихоньку княгине, потом вслух: «Слишком много чести Тургеневу!» Гоголь на князевы слова было сказал: «Почему ж?», но потом отклонил: «Ведь я ленив; я бы лучше послушал!»

21-го. Он был. Опять княгиня хотела было принести книжку с Тургеневым, чтоб он читал вслух. «Зачем! Зачем!» — по-моему, с явным видом опасения. А та трудится все из-за того, чтоб торжествовать надо мною: я как-то с ее молодыми людьми спорила, что у Тургенева не истинный талант. А жаль, жаль, что забыла о празднике⁵: не худо бы было сходить к обедне, хотя наружно, если не внутренно, почтить праздник.

23-го. Вопрос сделал князю и мне: «Кому честолюбие более свойственно, мужчине или женщине?» Князь: «Женщине». — Я: «Женщине». — Он^{III}: «Почему бы это так?» — Я: «Да с женщины оковы сняли». — Он^{IV}: «Так они и стали оковы накладывать». — Я: «Вы нам теперь разрешите этот вопрос». — Он^V: «Я оттого и спрашивал, что сам в недоумении».

Перед обедом я ему сказала: «Старая княгиня⁶ замечательная женщина». Он^{VI}: «Да, как твердо она выдержала свой характер в продолжение всей жизни».

26 ноября. Гоголь: «А ведь вам это некоторого рода наслаждение делать сигары?». Княгиня: «Подумайте, эти^{VII} господа думать не могут, не куря сигар». — Гоголь: «Почему бы это так?» — Алекс<андр> Фед<орович> Бодров⁷: «Очень естественно: дым причиняет раздражение в мозгу». — Княгиня: «Все же не сам человек достигает до мыслей». — Гоголь: «Да, это унижительно для человека! Ночью — мечты. Поутру — мысли. После обеда — грезы».

Княгиня Долгорукова к нему писала⁸, раз всего его видевши^{VIII}, звала к себе на вечер, говоря, что у нее будет прекрасный пол, а он так чувствует красоту, и что ей хотелось бы представить славу России и своим и иностранцам. Ответ⁹ был (в чем я упрекнула), что «по слабости здоровья» и т. д. Я: «Какая хитрая! Это, чтоб завладеть автографом». — Гоголь: «Нельзя же было: дама пишет. Я у нее был с визитом». — Я: «Вам надобно поучиться быть невежливым». — Гоголь: «Не могу! А бывало, я так, не останавливаясь, был неучтив».

Намедни он сказал: «Человек со временем будет тем, чем смолodu был».

30. Третьего дня я заплакала, подумавши о том, что надобно же расставаться с Гоголем... Княгиня говорила о Тегнере, Фритиофе^{IX 10}. Гоголь и не слыхал никогда о нем; у меня что-то мелькало в голове. Грот¹¹ перевел с шведского. Княгиня восхищается этой поэмою. Гоголь: «Да в чем дело?» — Она^X: «Молодой человек любит одну девушку». — Гоголь: «Так дело обыкновен-

¹ Так в изд. 1861 г. В изд. 1902 г.: о Б.

^{II} Вместо: Отелло. — Примеч. В. И. Шенрока.

^{III} Так в изд. 1861 г. В изд. 1902 г. вместо: Он — Гоголь

^{IV} Так в изд. 1861 г. В изд. 1902 г. вместо: Он — Гоголь

^V Так в изд. 1861 г. В изд. 1902 г. вместо: Он — Гоголь

^{VI} Так в изд. 1861 г. В изд. 1902 г. вместо: Он — Гоголь

^{VII} Так в изд. 1861 г. В изд. 1902 г. вместо: эти — многие

^{VIII} Так в изд. 1861 г. В изд. 1902 г. вместо: раз всего его видевши — что рада всегда видеть его

^{IX} Так в изд. 1861 г. В изд. 1902 г. вместо: о Тегнере, Фритиофе — о «Фритиофе» Тегнера

^X Так в изд. 1861 г. В изд. 1902 г. вместо: Она — Княгиня

ное». (Я бы желала, чтобы у меня навек в ушах остались звук его голоса и полный выговор всех слогов.) Княгиня: «Да, но советы, которые дают ему родители, очень хороши». — Гоголь: «Но лица в ней каковы? Есть ли барельефность?» — Она¹: «Как же, много замечательного». — Гоголь: «Да что же, мысли ли автора или сами лица?»

Гоголь: «Француз играет, немец читает, англичанин живет, а русский обезьянствует. Много собачьей старости»¹².

При Ильине он много толковал о том, как пишут: иной пишет то, что с тем или с другим случалось, что его поразило. Можно было заключить из его слов, что есть люди, которые творят. Я ушла. Пришел с толстою тетрадю «Отечественных» Записок» А...¹¹ и что-то читал, но в восьмом часу Гоголь ушел.

О «Современнике»: «При Плетневе он был тоньше». К<нягиня>: «Лучше ли теперь “Современник”?»¹³ — «Хорошо этими книгами запастись вместо оружия: убить можно». Княгиня: «Кого? скуку?» — На это эха не было, а молчание.

28 декабря. Гоголь бывал реже. О комиссиях Нессельроде он отвечал мне: «Это как бы говорили мне о каком-нибудь¹⁴... Это немцы, живущие насчет России... Он¹³ любит деревья».

29 декабря. Он обедал здесь. Княгиня должна была исповедываться за столом. Он спросил (сидел подле меня, а потом, встряхнув немного волосами, взглянул и на меня): «Какая мысль доставляет более всего спокойствия?» Я молчала, княгиня запнулась. Он продолжал: «За все с нами случающееся благодарить Бога. Странно, что мы, не делая этого, доказываем, что мало надеемся на Того, Кто лучше всех все знает, — на Бога». После обеда княгиня уехала. Он остался. Говорили о ботанике. Я ему записала адрес...¹⁵ Le Maont. Перелистывая каталог Неаполитанского ботанического сада, он нашел *Adiantum засушенный*, и когда я ему стала говорить о сходстве его листьев с листьями *Salisburia adianthifolia*, он схватил карандаш и нарисовал листок этого дерева, которое видел во Франкфурте в саду у Жуковского¹⁴. Когда он говорил о том, что за все Бога надобно благодарить, у меня слезы текли из глаз. — Вчера мы обедали с ним у княгини-матери. Поздравляя, он руки у меня поцеловал. Он был очень весел; говорил, что этот праздник¹⁵ здесь, в Одессе, напоминает Светлое Христово Воскресенье: народ на улице, все нараспашку. За обедом подле него сидела. Он говорил о записках: один всегда писал все, что делал всякий день, и упоминал о том, где и с кем <обедал>, прибавляя часто: «подпихом». О любви народа к хорошему басу у дьякона он рассказывал анекдот. При Екатерине у дьякона был такой густой голос, что хоть лопатой греб! Как грянет в октаву: «Братие!», — как кулаком ударит¹⁶. О том, что я ему сказала: «Мудрено воспитание». — «Нет, не мудрено. Сделали мудреным. Стоит отцу и матери сидеть дома и чтоб ребенок рано почувствовал, что он член общества». — А читать надобно? — «И читать можно¹⁷: книги — подспорье хорошее для всех, хорошо и для детей».

1 января¹⁸ 1851.

— В какие лета выучились вы читать?

— Я думаю, как и все, лет в семь.

¹ Так в изд. 1861 г. В изд. 1902 г. вместо: Она — Княгиня

¹¹ Написано неразборчиво; кажется: Аркадий. — Примеч. В. И. Шенрока.

¹³ Так в изд. 1861 г. В изд. 1902 г. вместо: К<нягиня>: «Лучше ли теперь “Современник”?» — На вопрос княгини, лучше ли теперь «Современник»? — Г<оголь>:

¹⁴ После этого следует неразборчивое слово; кажется: узор. — Примеч. В. И. Шенрока.

¹⁵ Перед словом «Le Maont» стоит совершенно неразборчивое слово. — Примеч. В. И. Шенрока.

¹⁶ Так в изд. 1861 г. В изд. 1902 г.: «Как ударит кулаком!»

¹⁷ Так в изд. 1861 г. В изд. 1902 г. вместо: общества. — А читать надобно? — «И читать можно — следует: общества. А читать надобно, и читать можно

¹⁸ Так в изд. 1861 г. В изд. 1902 г.: января

— Но ведь вас не очень много занимали?

— Нет. Зачем. Все дело в том¹, чтоб заохотить ребенка учиться, а уж там и не заботиться. Я долго не говорил, до трех лет; но уж потом р говорил^{II}: рцы слово твердо.

Обедали у старой княгини Репниной. «Любимый мой святой — Василий Великий» (он же помнит об уединении его). «О вере как рельефно он написал, о такой неосозаемой вещи».

Накануне нового года он был у нас, с тех пор нет. Много о садоводстве говорили и о ботанике^{III}.

4-го. Обедали у старой княгини. Голые стены напоминают мне о разнице с убранством дворцов Волконских и Дурн<ово>¹⁶. И она в диком своем платье и простом чепце; слуги ее, довольно чисто одетые в сюртуках, маленькие, неуклюжие... Что-то странно и несколько скорбно! Гоголь там же был. Я уже его видела у обедни. Он как-то сказал: «В нашей церкви».

6-го. Он был у нас. Сейчас после обеда он поместился на диване, и я также, но далеко от него. Услышав от Марфы Андреевны, я ему сказала: «Княжна Варета¹⁷, всех жидов перекрестив, принялась теперь за татар». Она в этот день в семь часов утра крестила татарина.

6-го января за столом она мне попрекнула пальцами. Она осуждала, что у княгини Марии Петровны¹⁸ есть пальмы. Гоголь, который совершенно против этого, как против европейской роскоши, согласился с нею; но когда я ему сказала, что спор состоит в том, что княжна не имеет права требовать, чтоб вместо покупки пальм должно деньги отдать бедным, Гоголь <сказал>: «О, это невозможно!»

6-е. Скоро после обеда я ушла к себе и долго осталась; ушла с умыслом, чтоб оставить всех разобраться по местам. Прихожу и нахожу Гоголя у кушетки; княгиня лежала, и подле за столом Аркадий¹⁹ с журналом. Он до того постарался отыскать об Аристофане. Гоголь попробовал было читать, но нашел слог тяжелым. Этот мальчишка^{IV} в ответ: «И мне тоже казалось вначале, но потом понравился». Гоголь, переставая читать: «Да он (т. е. автор, Ордынский²⁰) не об искусстве Аристофана говорит, а желает из его сочинений узнать быт его времени», — и прибавил: «Нет, я лучше вам почитаю комедию Мольера “Агнесу”²¹, которую начал; мне нужно ее кончить; меня просили в театральной дирекции²², а дома никак не соберусь; вы меня одолжите». Но запальчивый мальчишка^V схватил Аристофана и своим гнусливым грубым голосом начал наваривать. Наконец унялся, и Гоголь начал. Кн<язь> увез заносчивого м<альчишку> в театр, и мы остались втроем. Гоголь так вошел в роль отвергнутого старика, так превосходно выразил горько-безнадежные страсти, что все смешное в старике исчезло: отзывалась одна несчастная страсть, так что последний ответ Агнесы кажется неуместным. Немного великодушия, с чем и Гоголь согласился. Гоголь был вне себя. Лицо его сделалось, «как у испуганной орлицы»²³. Он долго был под влиянием страстных дум, может быть, разбуженных воспоминаний²⁴. Я с грустью думаю о разлуке с ним. В новый год я не вытерпела и сказала ему: «Скоро я вас не буду видеть». — «Нет, я скоро у вас буду».

6-го. При рассматривании «le bon homme rit encore»²⁵ он сказал: «То, что прежде было (говоря о других играх), еще умнее этого было». Наконец уехал. При прощании взор его был торжествен. Приедет ли он нынче? Пишу, а слезы на глазах.

14 января. После того, как Гоголь был два раза, раз утром^{VI}. Я была больна. С ним был оз-

¹ Так в изд. 1861 г. В изд. 1902 г. вместо: Я думаю, как и все, лет в семь. ~ Все дело в том — следует: «Я думаю, как и все, лет в семь. Но ведь нас не очень много занимали; нет, зачем! Все дело в том

^{II} Так в изд. 1861 г. В изд. 1902 г. вместо: но уж потом р говорил — следует: но уж я потом говорил

^{III} Фразы: Много о садоводстве говорили и о ботанике — нет в изд. 1902 г.

^{IV} В изд. 1861 г.: мальчик

^V В изд. 1861 г.: мальчик

^{VI} Так в изд. 1861 г. В изд. 1902 г.: один раз поутру

ноб в продолжение двух дней. Дит<е>рихс²⁶ сказал ему, что до этого не надо допускать, что это предшествование удара.

Как-то Гоголь говорил о семействе Капниста: воспитывались дома и более из разговоров отца учились всему. Еще раз он говорил: «Еще не догадались, что нет добра в том, чтоб слишком занимать детей». О сочинении Одоевского и Заблоцкого²⁷ он говорил, что слышал от Барановского²⁸, которого посылали ревизовать школы, что мальчики пересмеивались чему-то; он спросил у них, что их смешит. — «Да вот книжка, в которой пишут, что весною пашут; да это и всякий знает!» Сегодня, с Вареем²⁹ читая эту книгу, я надрывалась внутренним смехом. Там учитель у работающих крестьян спрашивает: «Ты рано поднялся на работу?» — «Вестимо, батюшка!» и т. д. В этом слове заключается все, и все подмостки глупые Одоевского и Заблоцкого рушатся сами собою. Намедни Павловский, корифей здешний, объявил мне, что я ошибаюсь, что в Одессе есть люди, которые гораздо приятнее в разговорах, нежели Гоголь. Вот Ильин, например. В другой раз он мне сказал: «А вам Гоголь читал вслух “Певцы” Тургенева? И ему понравилось!» — Я: «Печатное можно читать» (я говорила о том, что рукопись читать не стоит того). — Он: «Не все умно». — Я: «Это давно известно». — «А вот как хорошо пишет Евгения Тур: “Долг”». — «Княгиня, говоря при мне, находила это глупым». — Он: «Да как! Это превосходно! У нее язык лучше, нежели у Гоголя». О Тургеневе я сказала прежде: «А все-таки он ни до чего не дойдет!» — Он: «Уж он дошел! Вы отстали от века, вы староверка, вам все прежде нравится; вы теперешнего оценивать не умеете!» — Я: «Чтобы все это слышать, мне надобно было в Одессу приехать!» Он говорил: «Я вам говорю!» — Я: «Ваши слова для меня ничего не значат: вы молодой, неопытный человек, и все, что вы ни говорите, <все равно> как бы вы молчали». И на это была его рацея вышеприведенная.

17 января. Гоголь: «Что достойно замечания, то проходит без замечания, а что не стоит внимания, то замечено». О Чихачевых он сказал 15 января: «Думают, что все надобно высказать, что все интересно, что на ум пришло». Лицо, как у испуганной орлицы! — Аристофаном занимается. Ах, если бы он что-нибудь написал для малого числа актеров, как Мариво. Он ныне готовил *план для Марс*¹.

22 января. Четyre дня сряду был Гоголь; обедал, исключая одного дня, в который был вечером (19-го, в день рождения княгини). Вчера он был сонный. Говорили об открытиях. Он бранил лампы. Я сказала: «А сколько открытий и заведений¹¹ на моей памяти! Шоссе и дилижансы от Москвы до Петербурга, стеарин, дагерротип». — Гоголь: «И на что все это надобно? Лучше ли от этого люди? Нет, хуже!» — Я: «Я рада была стеарину, чтоб не снимать со свечи, из лени». — Он: «Да». Я сказала, что Велигурский позвал Гризи и Марио обедать. Он один только! Князь Волконский, несмотря на все просьбы, не позвал, так как он зывал Виардо с мужем, Тамбурины и Рубини. Гоголь: «Ну, Велигурскому талант выше всего». Гоголь: «Дибича солдаты звали “Самовар большой”. Он был умен, но не очень». Я: «А Паскевич?» Он: «Этот *вот как* умен, очень просто: он не начнет никакого дела, не приготовивши провианту на три месяца. Он — главное — думал о довольстве солдат; а другой, ничего не приготовивши, начнет».

19 января. Гоголь: «А что вышло на поверку? Они все пили и ели³⁰ (1848 г. во Франции)¹¹¹». — Я: «Да, а как все унеслись тогда надеждами!» — Гоголь: «Да, вообразили, что никто выше не будет, что великие люди не нужны». — «Одна княжна Варета осталась при своих мыслях». Гоголь: «А вы очень воспламенялись?» — Я: «О, чрезвычайно! Как жаль было расставаться с надеждами на улучшение, да и теперь еще меня эти надежды не покидают». — Гоголь: «И меня нет. Но откуда же это придет? Не от людей же?» — Я: «Откуда же?» — Гоголь: «От ми-

¹ Не разобрано. — Примеч. В. И. Шенрока.

¹¹ Так в изд. 1861 г. В изд. 1902 г. вместо: открытий и заведений — следует: нововведений

¹¹¹ Так в изд. 1861 г. В изд. 1902 г.: пили и ели в 1848 г. во Франции

лосердия». — Но не сказал какого³¹, а продолжал¹: «Не одни женщины увлеклись, но и умные, пламенные люди».

20-го. Читал «Одиссею». Я не узнала первой главы: так прекрасна она мне показалась, пройдя через его голос, язык, душу и физиономию. Он не делал жестов, но подо мною диван дрожал, на котором он сидел подле меня. Гоголь: «Русский, если что знает, что делается педантом». Раз, бывши молодым человеком, он пришел заказывать печать к М.¹¹ На вопрос: какое поле? — Гоголь не умел отвечать. Тот рассердился и стал выговаривать ему: «Как же вы¹¹¹ не знаете, что такое поле: так, видно, вы геральдикой не занимались и шли ко мне, не знаяши, кто я. Ведь геральдика большая наука, а обо мне и во французских журналах было писано». Гоголь: «В Москве хорошие переплетчики и знаменитые». Я: «И Хитров есть»³². Он: «И Дурнов, и Муравьев». — Я: «Но только не Хитров и не Дурнов». Гоголь: «Русский человек педант. Мне раз переплели не так, как я хотел, у Хитрова отданную книжку в его отсутствие. Вот я и жалуюсь и говорю, что не так. Хитров позвал подмастерье, которому отдал, и сказал: “То-то! Вот ты русский, а таки у тебя чести нет; когда бы ты был немец, ты бы хорошо сделал. А ты русский! На, вот же тебе!” И дал ему две пощечины. Мне так было совестно». — Я: «Да, еще осталась некоторая закоснелость в Москве». Гоголь: «Нет, уж и в Москве стала выводиться».

20 января. Гоголь: «Какая верность в описаниях Гомера; и теперь проеэжаешь по этим местам и узнаешь их. И как рельефно все описано! Ведь вот мы прочли (“Газ. Петерб.”) описание Лиссабона: все разбросано, и ничего не остается в голове».

21 января. Гоголь: «Я прежде любил краски, когда очень молод был». Я: «Да, вы могли быть живописцем. А прежде что любили?» Гоголь: «А прежде, маленьким еще, — карты». Я: «Это значит деятельность духа». Гоголь: «Какая деятельность духа! Пол-России только и делает. Это — бездействие духа».

25 января. Князь: «Придумайте, пожалуйста, что бы такое сделать, чтоб выработать деньги: мне непременно нужна одна сумма денег. Стану сигары делать». Гоголь: «Где вам этим заниматься? Это надобно пройдохе (это слово он сказал перифразами). Чем ни попало заманить покупателей, напыщенными объявлениями и пр.». Кн<язь>: «Ну, и я это сделаю». Гоголь: «Нет, не сумеете!» Я: «Мне кажется, что вам и без того столько дела — дай Бог только управиться: мать, супруга, хозяйство». Кн<язь>: «Да что же, когда мне нужна сумма денег». (Я подозреваю — для чего; он как-то говорил, что Арк<адию> непременно надобно было б ехать на Мадеру.) Гоголь: «Да, многие выдумывают себе дела, а посмотреть — которое бы нужно было делать, и не сделано и предоставлено другим делать». — Кн<язь>: «Нет, я стану делать сигары». Гоголь: «Да вот что: ведь это безнравственно. Нельзя: совестно!» Кн<язь>: «Что до этого — ведь не остановить». — Гоголь: «Все так, да как-то совестно!» — Князь, наконец, прощаясь серьезно, говорит: «Подумайте же!» Гоголь: «Нет, как мне утруждать голову? Я не могу».

24 января. М-те Гойер³³ выехала с вопросом: «Скоро ли выйдет окончание “Мертвых Душ”?» — Гоголь: «Я думаю, через год». — Она: «Так они не сожжены?» (При этих словах я убежала.) Он: «Да-а-а... Ведь это только нача-а-ло было...» Он был сонный в этот день от русского обеда^{1V}.

26 января. Был 24-го. Читал нам проповедь Филарета на Сергиев день на стих: «Ищите Царствия Божия». Как мило, радушно и простодушно он все пояснял! То на княгиню, то на меня посмотрит своими живыми голубыми глазами и скажет: «Слушайте! У него можно учиться!»

¹ Так в изд. 1861 г. В изд. 1902 г. вместо: а продолжал — Гоголь

¹¹ Все до сих пор напечатанное было впервые помещено в «Библиографических Записках» за 1861, стр. 328–330, но там вместо полных имен, напр<имер>, Тургенева, Ильина, княгини Репниной, поставлены лишь буквы. — Примеч. В. И. Шенрока.

¹¹¹ Так в изд. 1861 г. В изд. 1902 г. вместо: ему: «Как же вы — следует: шутками. «Вы

^{1V} На этой фразе заканчивается публикация 1861 г.

Он на деле все испытал; он не то, что придумал. Кто больше его занят? И удивительно, когда только он время находит, чтоб писать. Кажется, нет возможности найти свободной минуты, — а он доказывает противное!» — Княгиня: «А разве он очень занят?» — Гоголь: «А как же? А служение? А Синод и проч.?» Филарет говорит о краже³⁴ воскресных дней. Гоголь: «О, как это часто со мною случалось! А проку-то и не вышло; когда внутренно устроен человек, то у него все ладится. А внутренно чтоб устроенным быть, надобно искать Царствия Божия, и все прочее приложится вам». Я на другой день, вставши, прочла утренние молитвы. Хотела и ввечеру то же сделать, но не сумела: заснула в 10 ч <асов> и проснулась в 6. Прочла молитвы утренние. Отыскала о том, что Гоголь говорил, что мы молимся: «Прости мое неведение». Читала псалмы, и в первом псалме как нарочно подтверждение словам бесподобного Гоголя. Там говорится о праведном: и вся, елика аще творит, успеет¹. Потом в ссылках на пророчество Иеремии страшно гласится о соблюдении Субботы. Читала Димитрия Ростовского до 9 числа. Гоголь читает всякий день главу из Библии и Евангелие на славянском, латинском, греческом и английском языках. Гоголь: «Как странно иногда слышать: “К стыду моему, должна признаться, что я не знаю славянского языка”. Зачем признаваться? Лучше ему выучиться: стоит две недели употребить». Говорили о пожаре в доме Иннокентия. Гоголь: «Пушкин всегда ездил на пожары и любил смотреть, как кошки ходят по раскаленной крыше. Пушкин говорил, что ничего нет смешнее этого вида». Г<оголь>: «В самом деле жалко бедных!» Но тут и «в самом деле» и «жалко» не идут к словам Пушкина. В них высказывается душа Гоголя, тогда как в тех словах высказывалась душа Пушкина. В «Арапе Петра Великого» вдруг dissonance: «по несчастию, при дворе регента не было лицемерия». Вряд ли лучше было бы от лицемерия. Часто меня Пушкин так по сердцу дерет, Гоголь же — никогда. Иногда он живо представит, как говорила m-me Гойер грязные предметы, и так живо, что нос зажмешь или отвернешься, но нравственное чувство никогда не бывает оскорблено. Помогите ему Бог!

27 января. Ильин Николай Петрович, читал вслух «Завтрак у предводителя» Тургенева. С великим терпением выслушал всю пьесу Гоголь; только при чтении действующих лиц он говорил: «Зачем о летах? Он столько раз говорит: 35, 40, 42 и т. д.» Ему показалось растянуто. «Вообще, — прибавил он, — у Тургенева мало движения, а жаль: пока молод еще, надобно себя настроить». Я зевала слушаю. Ко мне подошел (я как будто не вижу его, сижу и шью мою подушку), Гоголь спросил: «Ну, вы наслаждались?» Я: «Чем?» — Г<оголь>: «Ну да женщиной: она очень хороша!» Я: «Да, она хороша, да утомительно и все дагерротипно слишком, т. е. дагерротипно так, когда человек тронется в то время, когда его снимают». «Женщина хороша!» Он рад, что хоть что-нибудь можно похвалить!

3 <февраля>. Счастливый день! Почему? Гоголь от души говорил, от своей возвышенной души. Счастье, наслаждение его слушать! Еще до того, за обедом, сидя подле него и глядя в другую сторону, я думала: «Зачем же я на него не смотрю? Зачем не улавливаю малейшего движения его умной, светлой физиономии?» Княгиня, бесцветное это создание и собрание всего хорошего понемножку и по недостатку страсти и воли удерживающаяся на границе, хотя и становится на скользком пути, княгиня сказала: «А третья проповедь лучше второй» (вторая была неуспешно сказана). Я: «Мне хотелось бы прочесть». — Княгиня: «Ах, я отослала к княжне». — Я: «Тогда я попрошу там». — Гоголь: «На стих: “Претерпевый до конца, той спасется”». — Я: «Замечательный стих, единственный, который против самоубийства. Это мне некогда Дмитрий³⁵ сказал, когда (я вспоминаю прогулку в коляске в вилле Памфили с Акем.), я не умела ему отвечать на странные его грезы». Г<оголь>: «Это такой нелепый грех, что невозможно было Христу о нем говорить. К чему?» После обеда он дочитал «Чужим добром не наживешься»³⁶ (в «С<анкт>-Пет<ербургской> газете»³⁷) Соллогуба. В первом номере читая, когда напал на что смешное, несколько глупо-смешное, то он, смотря на меня <говорил>: «у этого хоть смеш-

¹ В публикации ошибочно: о праведном и вся, елика аще говорить умеет

ное вырвется!» Во втором номере также было забавное, но для меня и его, которые понимаем, что такое журналист Петербургский и Славянин Московский. Княгине показалось бледно; нам же только тем было сносно, что мы понимали намеки. — Г<оголь>: «Да это он Аксакова хотел выставить в Олеговиче. Ах, бедный он! Жаль!» — Я: «Неужели же его слова за что-нибудь примутся?» — Гог<оль>: «Чьи?» — Я: «Да Соллогуба! Что он значит?!» Г<оголь>: «Да *его* жаль, что он неуместно насмехается». В третьем номере ему наконец показалось, что кто-то, спавши, «свернулся кренделем». — Я: «Слышите ли: кренделем?» — Гоголь на меня взглянул и сказал: «да он у меня украл!» — Я: «Тут все хуже и хуже пойдет». — Гоголь: «Правда, скучно и длинно». Я досказала развязку. — Гог<оль>: «Кого бы он хотел представить в Ухарева? Краевского? Или, лучше, Некрасова?»³⁸ — Я: «Понятия о них не имею. Их нигде не слышать и не видеть в Петербурге». — Гоголь: «Бог знает, откуда взялись и где пребывают!» — Потом дочел (и как дочел!) «Бориса Годунова». Когда он кончил, мне хотелось вслух произнести благодарственную молитву за посланное мне утешение слышать эту пьесу, прочитанную Гоголем³⁹. Княжна по милости своей касается высоких предметов, хотя смешивая мелкое с глубоким. Гоголь: «Совсем другое дело творчество и импровизация: все то же, что смелый и пьяный. Когда бывает лихорадка, когда? Когда воплощается мысль? Нет, тогда спокойным чувством настроена душа». Возражения. «Эта лихорадка бывала прежде. Это молодое чувство, когда напишешь что-нибудь пламенное. Если мысли писателя не обращены на важные предметы, то в нем будет одна пустота. Надобно любовью согреть сердца; творить без любви нельзя. А что без любви написано, то холодно. Иногда бывает самодовольство: делаешь что-нибудь хорошо, доволен собою, а после увидишь, как недостаточно. Святые падали, гордясь тем, что благодать им сошла», и т. д. Намедни, 1 февраля, на вопрос княгини, что делать, чтобы согласовать жизнь с долгом? что сделать, чтоб помешать коснуться душе мыслей со стороны? — Гоголь сказал: «Я это вам дам все письменно». Ясно было, что княгиня подумала, что ей особенный будет ответ; но вышло, что он о сочинении своем говорил. — Княгиня: «Отчего же не теперь?» — Гог<оль>: «Как я могу теперь сказать? Я не проповедник! Не мое дело судить. Я мнение свое могу сказать, но, полное, обдуманное, только письменно. Оттого и писатель бывает, что не умеет хорошо на словах высказать свою мысль. Если б я умел хорошо высказать свою мысль, кто бы велел мне писать?» Нынче, уж совсем прощаясь, он увидел «Perspective». «А что это? Перспектива? Я сколько ни спрашивал у живописцев, все мне признавались, что ни к чему не ведет, и точно: у всякого свой глаз, и иной приятно видит, как в перспективе не бывает: там все длиннее et plus disgracieux⁴⁰». — Я: «А я учусь перспективе». — Гог<оль>: «Напрасно!» — Я: «Ах, Боже мой!» — Гог<оль>: «Да вы, я вижу, любите теории». — Я: «Очень». Он ушел. Я предалась комическому отчаянию. Княгиня побежала его назад звать, чтобы он сказал мне, чтобы я продолжала, а то я брошу. «Продолжайте! продолжайте!» — прокричал он.

1 февраля. Мы как-то одни остались. На прежде изреченную им брань французов я сказала: «Я не могу не любить французов, французскими книгами вскормлена и вспоена. Все французское: и моды, и тон». Гог<оль>: «Да, правда, что Франция для нас — другая родина». Нынче мы одни говорили об англичанах. Гог<оль>: «Странно, как у них всякий человек особо и хорош, и образован, и благороден, а вся нация — подлец; а все потому, что родину свою они выше всего ставят». Вчерашний грек, гувернер Гагарина, внука Стурдзы, сказывал мне, что на Ионических островах (он из Кафалонии) дела все управляются на итальянском языке и что во всех школах введено изучение английского языка. Когда возникло дело...¹ они радовались. На мое замечание, что верхняя палата осудила Пальмерстона, мой тонкий грек сказал: «c'est de la politique». Лазарев мне сказывал, что жидов мало в Греции, потому что грека мудрено обмануть. Гоголь на вопрос княжны, был ли Пушкин импровизатор или творец, отвечал: «Пушкин был необыкновенно умен. Если он чего и не знал, то у него чутье было на все. И силы телесные были таковы,

¹ Не разобрано. — Примеч. В. И. Шенрока.

что <их достало бы> у него на девяносто лет жизни. Тяжело русскому человеку быть в бездействии в чужих краях; сейчас заметишь русского: все действует, на месте не посидит!»

О Пушкине: «Но я уверен, что Пушкин бы совсем стал другой. И как переменялся. А это замечательное сочинение...^{1 41} Он хотел оставить Петербург и уехать в деревню; жена и родные уговорили остаться». Я: «Если б жена была повыше, ничего бы не вышло». Гог<оль>: «Повыше, все так... Но он сам ее ввел в общество». Я: «Она была прескромная в девушках, но не ума». Дочь Пушкина сердится, когда скажут, что она похожа на отца. — Гог<оль>: «Это не делает чести матери. А может быть, и неправда»¹¹.

9 февраля. Был нынче. Нашел очень хорошим письмо княжны Варетты о старых девушках. На мои слова, что оно слишком горько, он сказал: «стоило бы сильнее обозначить места, смягчающие это положение; это письмо лучше всего: в нем все испытано, тогда как другое понято *постигновением*, и постигновения много!» Сколько игры в его физиономии, когда он думает, и как все, что он говорит, глубоко обдуманно, даже самые мелочи. Он говорил о Нижегородском епископе Иакове⁴², умершем в Петербурге (он был вызван Синодом), что ему скучна и тяжела была жизнь петербургская. Он сильно писал проповеди о смерти. Еще он говорил об одном англичанине⁴³, который дошел до духовной жизни не так, как другие, которые с молоком всасывают правила и убеждения и веру, заповеданную родителями, неприкосновенно сохраняют. Он, напротив, сомневался во всем и не знал, что избрать себе незыблемую опору. Погруженный раз в такие думы, он увидел покойника, которого несли мимо. «Да вот, — он подумал, — самое верное! Вернее смерти ничего нет!» И с этой мысли началось его обращение. Княгиня рассказывала об одной девочке, которую заставляли сохранять свято Воскресенье у англичан. Когда ей говорили о Боге, она отвечала: «Ах, нет! Слишком будет скучно!» Гог<оль>: «Странно требовать от детей больше того, чтобы они ходили в церковь». Княгиня: «Не лучше ли им бегать и резвиться по Воскресеньям?» Гог<оль>: «Когда от нас требуется, чтоб мы были, как дети, какое же мы имеем право от них требовать, чтоб они были, как мы?» Чудные письма княжны Варетты! В них слышны биение сердца и теплота души, руководившие живописное и смелое это перо! Как на Зареме: «На мне горят его лобзанья!»⁴⁴ Нет, я запатываемая судьбою и отвергаемая, или, лучше, изверженная из жизни, я не то что не признаю, но не чувствую себя причисленною к многочисленному ополчению отверженных, осмеянных, затоптанных, к ополчению старых девушек. Почему это состояние ненормальное, двусмысленное, страдальческое? Стоит отбросить все притязания на счастье и уметь видеть, что счастье ни в каком положении не обретается. Напротив, свобода, которой она может пользоваться, дает ей независимый характер, через который она выше других может стать. Стоит ей лишь быть полезной и без желчи смотреть на протекшую свою жизнь. Что до этого, что она остается одна в духовной пустоте, окруженная обломками надежд? Всякому своя доля. Только бы чувствовать, что имеешь право дышать, как и все живущее на земле. Нет, не согласна я с Гоголем, что страницы эти справедливы. Жалка старая девушка, которая смешна так же, как и замужняя, жалка, которая не понимает, в чем состоит достоинство жизни. В тридцать лет старая уж девушка! Это одни слова; на опыте доказывается беспрестанно противное этому. Стара плясать, и хохотать, и кокетничать, так принимайся за серьезные занятия, да дельно и настойчиво вразуми подчас и мать; и то также на опыте доказывается, что родители всё малыми детьми считают детей взрослых. Мудрено вырваться из оков, но вырваться можно!

Марта 3. С тех пор прошла и масленица⁴⁵, и первая⁴⁶, и вот вторая неделя⁴⁷, которая уже утекла. На масленице почти не видала Гоголя, кроме Понедельника⁴⁸. В Воскресенье⁴⁹ от тоски

¹ В публикации после слов: стал другой — следует сноска: После этого в подлиннике стоит: «И как переменялся. А это замечательное сочинение» и затем пропуск в полстроки. В наст. изд. указанные строки печатаются в основном тексте.

¹¹ Конечно, неправда. П. Б. — Примеч. П. И. Бартенева.

и скуки после обеда я собралась пойти в тот дом. Только что встречаю Гоголя, и поскорее назад. Он меня не видал. Княгиня было предложила читать Пушкина, но он не согласился и ради великого поста стал читать Филарета, «как все искали прикоснуться к Христу», что и нам возможно через причастие. В течение недели он был несколько раз. Обедал. Службу длинную у княгини смиренно всю выстаивал. Он мило говорит о рассеянии во время молитв, как кто-то говорит в нас. В Пятницу⁵⁰ с воодушевлением прочел житие Пелагии. В голосе слышались красоты слога или мыслей того, что он читает. Как орел, встрепенулся, и хотя был с опущенными глазами, но блеск какой-то исшел из них, когда он прочел: «И аще изведеши честное от недостойного, яко уста мои будеши». Иеремия, 15, 19. — Я: «Как хорошо!» Он взглянул на меня и повторил стих; в глазах оставался и теплился тот огонь, который возгорелся в первую минуту восторга. Когда бывало сказано: «Дьявол прииде», он говорил: «т. е. помышление». Потом говорил: «Этим душам так все ясно, что они натурально и дьявола могут видеть. Такая чистота может у того быть, кто познал всю глубину мерзости». Как-то он говорил на мои слова, что Дебольский говорит в «Попечении Церкви»¹, что нет трапезы^{II} на четыре первые дни. «Ну, что Дебольский! Кто это знает, как было; это уже^{III} после, когда уставы монастырские пошли, а апостол именно говорил: “Ядый ядущего да не осуждает”». Третьего дня еще раз перечитывал житие св. Пелагии. Я вошла — он читал. Он взглянул и сказал: «Это то, что мы читали». Как дорого всякое его слово, относящееся именно ко мне, хотя самое пустое! Читал «Звездочку», разбор статьи о Неаполитанцах Чистякова⁵¹. «Верно, что не был в Италии. И зачем так восхищаться?! Только поселят желанья, которые волнуют! Те же самые потом поедут и, не найдя, чего ожидали, бранят Италию. Нет, всего лучше читать детям книги для больших, вот историю Карамзина с девятого тома». В сочинении шестнадцатилетней девочки как невинно! Какой^{IV} галантер поцеловал ручку у Екатерины и дерзнул посмотреть ей в глаза: видно, она не знает, что и такие высокие люди не дерзали смотреть в глаза. И что это такое: и бюст императора, и образ спасительный, и гнездо ласточки, и портрет Екатерины?! Нет, лучше детских книжек не писать. При чтении, критика его неуловима для передачи всей соли, которую она приправляется. Когда смешно, что скажет, смеешься, как когда Мольера читал, а горькие истины долго потом гнездятся в сердце.

5 марта. Я как-то осмелилась сказать, почему бы ему не писать записок своих. Гог<оль>: «Я как-то писал, но, бывши болен, сжег. Будь я более обыкновенный человек, я б оставил, а то бы это непременно выдали; а интересного ничего нет, ничего полезного, и кто бы издал, глупо бы сделал. Я от этого и сжег». Рассказывал, как из острога близ Воробьевых гор отправляют в Сибирь, как купцы съезжаются, поют молебен напутственный; все молятся, иные на коленях и со слезами. И так все умирительно, что, кажется, весело б было быть на их месте. Об артистах нынешних: «Сколько у них огня в пальцах, а души нет». Намедни с князем положительно сказал: «Все пройдет, словеса же мои» и проч. Вчера после обедни я спрашиваю: «Скажите, нет ли где вашего портрета?» Гог<оль>: «Кажется, нет. Впрочем поискать, не найдется ли между уродами».

6 марта. Раз я прихожу и застаю, что он читает Иакова. «Итак, страшный суд будет, будет непременно!» Все те же его искры из глаз и встряхнутые волосы, и то же неизгладимое на меня впечатление. Намедни он рассказывал, что князь Мещерский⁵², пошедши в монастырь, днем работал больше всех монахов, а ночь проводил за картами. Странно такое фальшивое отношение, подобно тому, как блудный сын «мертв бе».

¹ Дебольский, Григорий Сергеевич, <протоиерей>, автор сочинения «Попечение Православной Церкви о спасении мира». — *Примеч. В. И. Шенрока.*

^{II} В публикации ошибочно: что нет Троицы

^{III} В публикации без знаков препинания: как было это уже

^{IV} Не разобрано. — *Примеч. В. И. Шенрока.*

15 марта. Были у Стурдзы, Александра Скарлатовича. Гоголь со мною согласился, что у Иоанна Златоуста красота и обилие импровизатора. L'improvisation va droit au coeur et quand le sermon est écrit, il perd de son charme. Un célèbre prédicateur œcuménique. Tant qu'il disait par coeur ses sermons, il ne plaisait; mais une fois, qu'il s'est laissé aller à l'improvisation, il emportait tous les coeurs. Il écrivait le commencement et puis il échelonnait tous les sermons de textes. Pour Innocent il est temps de retoucher ses sermons⁵³. Гоголь обедал. После обеда взял «Последование монахини» и начал себе под нос, но вслух, читать. Третьего дня⁵⁴ он стал говорить, что наконец бросят города и станут жить в деревнях, что бросят такие покойные мебели, которые купили для здоровья, и полюбят простоту. Если он будет себе делать мебели, то сделает их деревянные. Читая «Четь-Минею», Гоголь сказал: «Ведь странно нам, как прочтешь о чудесах, а не сказал ли Христос, что во имя Его мы больше Его можем сделать». При этом рассказал, что один священник в Москве сделал чудо, но так темно что-то: кто-то был болен и исцелел, видевши во сне, что он плачет, и, точно, проснувшись он плакал часа полтора и излечился от болезни, он, которой чудом только мог исцелиться. В первый раз, как он придет, подойду и начну говорить о Киеве и о том, что свет мне постыл.

21 марта. <Гоголь сказал> как-то: «Нельзя осудить в чем бы то ни было; сейчас сам то же сделаешь». Вчера обедал Ильин. Подавали homages. Князь, в то время, как мы ели их, резал двух огромных индеек. Когда мы уже поели, он принялся за омаров. Я дала это заметить Гоголю и сказала: «Как устал резать и теперь как спешит кушать!» Гог<оль>: «Я знал одного человека, который очень любил конфеты, и вот, бывши в школе, ему раз привезли конфет; все его обступили, и он все конфеты роздал, а сам остался с пустой бумагой, и он пальцем подбирал крошки и в рот клал». — Князь: «Кто это?» — «Тот-то». Говорили о Цицианове, который скажет, что он дешево что-то достал, а когда просили его за такую же цену достать, то он своих приплачивал. — Гог<оль>: «Нет, это мы к случаю князя рассказываем». После обеда говорили о Кологривом, который здесь живет странником¹ с воротами на запор. Гог<оль>: «Думают, что уединение что-нибудь делает для настроения духа. Вот мне так никогда так много не случилось работать, как тогда, когда у меня был кабинет в бильярдной. Я работаю, а подле меня стукотня шарами. Избаловать себя немудрено». (Господину Ильину): «Ну, что нового читали?» — Ильин: «Повесть какую-то написала дама». — Гог<оль>: «Дамы своим влечением и увлечением уносят нас в неизвестный для нас мир». — Гог<оль>: «Ну, в Тургенева все-таки живость есть, все-таки русское». Намедни, когда мы остались одни с ним и князем, князь нас стал потчевать скандалезными анекдотами. Я ушла. Когда княгиня возвратилась, и я пришла. Гог<оль>: «А мы вас выгнали? Что это перед вами лежали за книги?» — «Каталог волокитств с рисунками». Стал против меня и дразнит.

18 марта. У княгини старой всеобщая и приятнейший вечер. Гоголь читал юбилей Блудова, а до того я перелистывала календарь, больше оттого, что князь опять начал скандальные истории. Гог<оль>: «Какое смирение и самоотвержение читать календарь!» С княжной Варетой говорили о том, что я недовольна ежом малороссийским, Алек<сандром> Ф<едоровичем> Бодровым. Намедни Гоголь прочел в житии Василия Великого, почему запретили вход в алтарь женщинам, и прибавил: «Женщинам запрещено становиться вперед, и дело: поневоле развлечешься»⁵⁵.

22 марта. Как-то недавно <Гоголь сказал>: «Если когда буду делать себе мебели, то сделаю деревянные, немного выдолбленные: и покойно, и здорово; а настанет время, когда бросят все эти покойные мебели и примутся за простые; почувствуют наконец, что роскошь к хорошему не ведет». Как-то читал нам псалмы и с особенным восторгом прочел о Христе и Божией Матери: «Отрыгну сердце мое». Пс<алом> 44. Потом читал: «Небеса поведают славу», и прибавил: «Только в славянском все хорошо, все возвышенно!» Читал еще пс<алом> 17.

¹ Т. е. отшельником. — Примеч. В. И. Шенрока.

27 марта. Уехал. Вчера обедал и совсем простился. Благодарил князя и княгиню, обратился ко мне и сказал: «Благодарю вас, Екатерина Александровна!» Но я в эту минуту подходила с выпискою о черенках, сделанных мною для него⁵⁶. «Вот еще для вас». — Гог<оль>: «Что это?», и очень был благодарен, как и за два signes⁵⁷, которые я для него сделала; сушеных крокусов ему дала, варенья, я варила. Уезжая, поцеловал руку у меня. С балкона кланялись с ним. Потом, встретясь с кем-то рука с рукой, повернул за угол и скрылся. Но мне не горько было, а как-то радостно. В руках у меня была зеленая шерсть, цвета надежды; потом эта приятная для него встреча, все это как бы предвещало что-то хорошее. Настал вечер. Приехали Гойеры, Гартль⁵⁸, Долгорукие-Аргутинские⁵⁹, Кесслер⁶⁰, Лангвейн⁶¹, княжна Варета, Глафира Ивановна Дунина-Борковская, Молодецкая с дочерью⁶². Пошли чай пить. Я села по обыкновению подле...¹ Вдруг входит Гоголь. Я так и вскочила и с радостью к нему подошла. Нашла случай ему сказать, что я Бога благодарю (и что не успела ему этого сказать), что его так часто видала и слушала его назидательные речи. Потом случилось сесть рядом. Я ему сказала, что они бы вывели приятное предвещание из того, что он, скрываясь из глаз наших, встретился с кем-то и подал руку, и так скрылся. — Гоголь: «А у вас есть замечания?» — Я: «Да я беспрестанно что-нибудь вывожу из окружающего меня». — Гоголь: «Да ведь вы свечу чорту поставили». — Я: «Как? Неужели это грех?» — Гоголь: «Конечно, да и очень дурно! Из-за Понедельника вам случится отложить что-нибудь, что было бы вам полезно». Нас перебили. Потом опять. Я: «Да так это грех?» — Гоголь: «Конечно. Неужели вы об этом на исповеди никогда не говорили?» — Я: «Нет. Это не довольно глубоко во мне; я это за вздор считаю». Прежде я сказала: «Ведь я не то, чтоб верила приметам, а невольно меня всякие мысли преследуют». — Гоголь: «И это Бог знает, какие искушения станут преследовать, а вы в это время молитесь». — Я: «От других искушений стоит того, чтоб отгребаться, а это невинно». — Гоголь: «Как невинно?!»

28 марта. И скучно и грустно, и некого ждать, и некого слушать, и некем руководиться! Свет затмился и пустота, как в нежилом доме, когда гнилью запахнет; и хочется вырваться, и не знаешь, куда и как. А все от неустройства в душе! Все воспоминания и сожаления тяготят душу. Ночь не спала: все думала о том, как буду в Киеве. Страшно будет одной, какие меры к существованию и к тому, чтобы не обокрали. Припомнила о Хомутове и о советах его пользоваться остатком молодости. — Вчера гуляли с княгиней Гагариной⁶³ и встретились с Стурдзой.

Продолжение. 29 марта. Ему подали чай и крепкий. Я у него взяла чашку. Гоголь: «Я вами располагаю». Я: «Хорошо, очень хорошо!» Когда играл Гартль, Гоголь: «Как всякая нота слышна! Хорошо, очень хорошо! Много чувства!» Как выразительно он слушал. Нынче княжна Варета говорила: «Гартль бывает разный человек, когда говорит и когда играет; когда он разговаривает, у него веселое лицо, когда играет, его лицо напоминает Перуджиновых святых». Умна она и добра! Часов в 9 Гоголь уехал. Гартль играл фугу Баха, и так мелко и скоро, что меня стало по сердцу колотить. Князь Аргутинский был моего мнения: недовольно глубоко и торжественно он играл. Гартль играет в карты и танцует даже solo... Что со мною будет? Боже мой!

30 марта. Рождение Люли. С тех пор, как познакомилась с Стурдзой, стала желать пойти в сестры милосердия. Намедни на вечер при Гартле кто-то прошел, и повеяло духами. Мне противно стало. Мне хотелось быть в эту минуту между страждущими, перевязывать раны и проч. Намедни я говорю княгине Марии Гагариной-Стурдзе о моем желании. Она мне славно отвечала: «Если этой мысли должно осуществиться, то она еще более развернется и созреет, а нет — так отпадет и завянет; спешить не надобно». Мне бы хотелось пожертвовать на одну постель и потом войти в заведение. Нынче у обедни у княгини мне вдруг пришла мысль, как весело будет себя заживо погрести, расположив всем своим при себе. Буду стараться все хорошим заводиться.

¹ Не разобрано. — Примеч. В. И. Щенрока.

Намедни 31 марта, в Среду на 5 неделе, пошла я к княгине к стоянию Марии Египетской. Княжны Вареты не было. Я уже начала сокрушаться, как время проведу после всенощной, как вдруг Гоголь пришел к «Слава в вышних Богу», а после и княжна Варета. Вечер был прекрасный, но не назидательный. Анекдот о Гнедиче. Говоря о «Громобое», Гнедич указывал рукою назад: «С хвостом, рогами» и проч. Потом, как Гнедич оригинально нанимал квартиру, говоря: «Как она дурна! Паук! Паук! Паук!» — и указывал на все четыре стороны. «Где кухня?» — «Лопатой отгребали!» — Говорили о снах. Глафира распространялась о своих снах без остановок. Она видела раз, как приобщается тайнам.

В Воскресенье 25-го. Опять там была. Он читал о вере¹ Василия Великого и сорока мучениках с таким убеждением, что хоть кого заманит верить, веровать и любить. «В самом деле, — сказал он в ответ на мысль Василия Великого, — как сорок мучеников все вдруг помолятся, тогда хорошо будет». Как-то он говорил княгине: «Надеюсь, и вам будет полезно прочесть то, что я теперь пишу». Раз, застав старую княгиню и Глафиру за «Мертвыми Душами», сказал: «А это что! Это грязный дворник¹¹, который должен привести к чистому дому».

Одесса. 1851 23 апреля. Мысль княгини писать к Жуковскому о детских книгах. Гоголь перед отъездом своим, в самый день отъезда <сказал>: «Ну, что же? Пишите! Он теперь только и занят, что воспитанием». — Княгиня: «А как он принимается?» — Гоголь: «У него одно: Бог. Он с главного начал». Как странно было толковать о книгах детских, когда Гоголь не раз говорил, что дети должны читать книги, писанные для больших! Странная женщина! Все доискивается чего-то, а дети растут в невежестве и черствости чувств. Она больна, а они и не думают, а все потому, что она приучает их к эгоизму и бесчувственности. Все, что она ни делает, не почерпнуто из сущности дела, а из фраз, взятых в руководство книг.

<Первая половина февраля 1852>. Княжна Варета не имеет своего мнения; она остроумна, но не умеет размышлять и распознавать, что ей нравится. Намедни читает в *Revue des deux mondes* статью о Гоголе, в которой не раскусили, что «Тарас Бульба» — гениальное произведение⁶⁴; стало быть, перевод совершенно искажен, и судить по нем невозможно; а она читает и находит: «C'est très juste ce qu'on dit de lui»⁶⁵. Потом проникновенную критику читает во 2 № «Москвитянина» за 1852 г.⁶⁶ и опять находит, «que c'est très juste!»⁶⁷ В этой критике Гоголь исполин, а в той — обыкновенный, посредственный талант.

14 <февраля>. Нынче получила она письмо от Гоголя; в нем письмо к невестке ее⁶⁸. В этом он пишет, что принимается за издание прежних грехов¹¹¹ и просит, чтобы молились за него, а княжне Варете пишет, что листья земляной груши хорошо нюхать для излечения слепоты (даже темной воды), смешивая с табаком, или одни. «Нападут от того всякие насморки и отделения мокрот; воследует то, что излечат». Стану и я молиться о нем: авось либо он вспомнит и обо мне.

9 марта. Вот неделя, как известна стала роковая весть. Ольга писала о смерти Гоголя, когда еще он не остыл. Как грустно! Как тяжело! Сколько потерянных надежд!.. Неужели бумаги его сожжены? Не могу вспомнить об этом!

Начальная часть дневника — записи, начиная от 24 октября 1850 г. и кончая по 24 января 1851 г., с сокращениями (всего менее половины от общего объема дневниковых записей) — впервые опубликована Н. В. Неводчиковым: Воспоминания о Н. В. Гоголе // Библиографические Записки. 1861. № 11. Стб. 324–330. Полностью напечатано, с примечаниями В. И. Шенрока и П. И. Бартенева: *Шенрок В. И.* Гоголь в Одессе. 1850–1851 // Русский Архив. 1902. № 3. С. 543–562. Печатается по последней публикации, с исправлениями и дополнениями по изданию 1861 г.

¹ Дале в публикации следует сноска: Сверху приписано: «Василия Великого». В наст. изд. эти слова печатаются в основном тексте.

¹¹ Так в публикации.

¹¹¹ Т. е. сочинений. — Примеч. В. И. Шенрока.

Авторство дневника указано в 1906 г. в статье А. И. Маркевича «Воспоминания князя» Н. В. Репнина о пребывании Гоголя в Одессе» (см. в наст. изд.).

Екатерина Александровна Хитрово (ум. 2 февраля 1856), в период ведения дневниковых записей о Гоголе — воспитательница княжны В. В. Репниной-Волконской, дочери князя В. Н. Репнина-Волконского и княгини Е. П. Репниной-Волконской; позднее (в 1855 г.) настоятельница сердобольных сестер и сестер Крестовоздвиженской общины в Симферополе.

О времени своего знакомства с Гоголем Е. А. Хитрово не сообщает. Возможно, это случилось еще в 1830-х гг., когда Е. А. Хитрово была воспитательницей Петра Павловича Дурново (1835–1918), сына гофмейстера Павла Дмитриевича Дурново (1804 – 1864 или 1869), с которым Гоголь 3 июля (н. ст.) 1836 г. встретился в Аахене (см. в наст. изд. *Записки о Гоголе в дневнике П. Д. Дурново*). В дневниковой записи от 3 февраля 1851 г. Е. А. Хитрово вспоминает о своем пребывании в Риме и своей беседе там с князем Дмитрием Петровичем Волконским (1805–1859), братом жены П. Д. Дурново Александры Петровны Дурново (рожд. княжны Волконской, 1804–1859) — дочери светлейшего князя П. М. Волконского. (Жена П. М. Волконского светлейшая княгиня Софья Григорьевна (рожд. княжна Волконская, 1785–1868) была сестрой князя Н. Г. Репнина-Волконского, отца В. Н. Репнина-Волконского.)

В подстрочном редакторском примечании в изд. 1861 г. сообщалось: «Предлагаемые “Воспоминания о Гоголе” сообщены нам Н. В. Неводчиковым» (Воспоминания о Н. В. Гоголе // Библиографические Записки. 1861. № 11. Стб. 324). Публикация дневника Е. А. Хитрово явилась продолжением статьи Н. В. Неводчикова «Воспоминание о Н. В. Гоголе», опубликованной двумя годами ранее в том же журнале: *Н. Н.—в. Воспоминание о Н. В. Гоголе* // Библиографические Записки. 1859. № 9. С. 263–268 (см. в наст. изд.). Публикацию 1861 г. открывала вступительная заметка Н. В. Неводчикова: «Еще более частил Николай Васильевич к Репниным», как видно из заметок одной покойницы, тогда у них жившей. Заметки эти, очевидно, писанные не для печати, а про себя, на скорую руку, с единственной целью: поймать и сберечь как можно более слов и даже движений гениального писателя, по-моему, очень любопытны. Они здесь помещаются с опущением лишь немногих недомолвок и намеков, совершенно непонятных для читателя» (Воспоминания о Н. В. Гоголе // Библиографические Записки. 1861. № 11. Стб. 324).

Публикацию 1902 г. предвараля заметка В. И. Шенрока: «В 1848 году, во второй половине апреля, возвращаясь из Палестины на родину, Гоголь прибыл в Одессу, где был задержан карантинном по случаю свирепствовавшей в то время холеры. Он заочно возобновил свое знакомство с известным одесситом Александром Скарлатовичем Стурдзой, начавшееся в 1836 г. случайною встречей у подножия Швейцарских гор, в окрестностях Берна. Стурдза послал к Гоголю в карантин с приветом близкого к нему молодого человека Н. В. Неводчикова, который был под его начальством наставником в одном приюте и домашним учителем внука Стурдзы. Он говорил с Гоголем о трудностях своего призвания. После этого они обменялись несколькими письмами, судя по сохранившимся ответам Неводчикова, напечатанным мною в «Материалах для биографии Гоголя» (т. IV, стр. 697–698). В 1850 г. Гоголь был снова в Одессе, провел там зиму, часто выдался с Неводчиковым, и к этому времени относится нижеследующий дневник, в котором делала свои заметки неизвестная нам особа женского пола. Часть этого дневника вместе с воспоминаниями Неводчикова о Гоголе была напечатана в «Библиографических Записках» (1859, XI, 263–268 и 1861, IX, 324–330); но печатание не было доведено до конца вследствие прекращения этого издания. Лет пять назад мы вошли в переписку с Неводчиковым (тогда уже преосвященным Неофитом) и получили от него предлагаемый дневник. — *Владимир Шенрок*» (*Шенрок В. И. Гоголь в Одессе. 1850–1851* // Русский Архив. 1902. № 3. С. 543).

Замыкало публикацию 1902 г. послесловие П. И. Бартенева: «В Одессе в это время (1850–1851) жили в разных домах две княгини Репнины: вдова княгиня Варвара Алексеевна, внука гетмана Разумовского, бывшая (в 1814) вице-королева Саксонская, с незамужнею дочерью своей княжною Варварою и воспитанницею сей последней, родственницею Гоголя, молодою вдовою Глафирой Ивановной Дуниною-Борковскою (урожденной) Псиол), и княгиня Елисавета Петровна, супруга единственного сына старой княгини, князя Василья Николаевича, сестра недавно умершей в Риме Марии Петровны Вагнер. Это дочери жандармского генерала Петра Ивановича Балабина и его супруги француженки Парис (воспитанницы княгини В. А. Шаховской). Плетнев сблизил с Балабинами Гоголя, когда тот еще не имел никакой известности. У младшей княгини жила плененная Гоголем пожилая и высоко нравственная девица Екатерина Александровна, которая вела вышелепещенный дневник и которой фамильное имя остается для нас неизвестным. П. Б.» (Гоголь в Одессе. 1850–1851 // Русский Архив. 1902. № 3. С. 562).

¹ Чистый от любой примеси (фр.).

² Николай Петрович Ильин. «Один из одесских знакомых Гоголя. См. “Одесский Вестник”, 1869, № 67, и “Материалы для биографии Гоголя”, т. IV, стр. 699, примеч.» (примеч. В. И. Шенрока). «Видный член одесского общества, в то время, кажется, нигде не служивший» (Маркевич А. И. Гоголь в Одессе // Записки Имп. Новороссийского ун-та. Одесса, 1902. Т. 88. Отд. 3. С. 34).

³ Возможно, имеется в виду пьеса И. С. Тургенева «Безденежье», напечатанная в 1846 г. в № 10 «Отечественных Записок».

⁴ «Княгиня Елисавета Петровна Репнина, урожденная Балабина. Упомянутый далее князь — ее супруг князь Василий Николаевич. П. Б.» (примеч. П. И. Бартенева).

⁵ Введение во храм Пресвятой Богородицы.

⁶ Княгиня В. А. Репнина-Волконская (рожд. графиня Разумовская).

⁷ «Управляющий именьями Репнинных» (примеч. П. И. Бартенева).

⁸ Письмо не сохранилось.

⁹ Ответное письмо не сохранилось.

¹⁰ Имеется в виду поэма шведского поэта-романтика Эсайаса Тегнера (1782–1846) «Сага о Фритьофе» (1825).

¹¹ «Яков Карлович, известный переводчик “Фритиофа”» (примеч. В. И. Шенрока). Первое издание перевода Гро-та «Саги о Фритьофе» вышло в Гельсингфорсе в 1841 г.

¹² Имея в виду детское заболевание с таким названием, атрофию, при которой больной становится похож на старую собаку. Этим заболеванием страдал двоюродный брат А. О. Смирновой Иван Сергеевич Кахов. Об этом Смирнова сообщала в своих автобиографических записках: «Катя <Ел. И. Кахова> замужем за Каховым — славный человек, и живут они в Пондике, да несчастье с сыном: у него собачья старость. Я видела часто бедного Ваню. Он точно был похож на старую собаку, уши отвисли, он сидел на корточках и засыпал, сидя на плече у матери. И 7 лет томился и он, и она. <...> Нас посылали с Клемой <К. О. Россет> два раза в неделю к нему, он грустно улыбался, когда мы резвились перед ним, он лакал молоко, как собака. Бывает у бедных детей атрофия, но болезни, подобной бедного Вани, я никогда не видела» (Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания / Издание подгот. С. В. Житомирская. М., 1989. С. 90–91).

Название болезни «собачья старость» употребил в 1841 г., в широком контексте, С. П. Шевырев при разборе образа Печорина в «Герое нашего времени» М. Ю. Лермонтова: «В первой его молодости, с той минуты, когда он вышел из опеки родных, — он стал наслаждаться бешено всеми удовольствиями, которые можно достать за деньги, и, разумеется, удовольствия эти ему опротивели. Он пустился в большой свет: общество ему надоело; он влюблялся в светских красавиц, был любим, но их любовь раздражала только его воображение и самолюбие, а сердце оставалось пусто... Он стал учиться — и науки ему надоели. Тогда ему стало скучно: на Кавказе он хотел разогнать свою скуку Чеченскими пулями, но ему стало еще скучнее. Его душа, говорит он, испорчена светом, воображение беспокойно, сердце ненасытно, ему все мало, а жизнь его становится пустее день ото дня. Есть болезнь физическая, которая носит в простонародии неприятное название собачьей старости: это вечный голод тела, которое ничем насытиться не может. Этой болезни физической соответствует болезнь душевная — *скука* — вечный голод развратной души, которая ищет сильных ощущений и ими насытиться не может. Это самая высшая степень апатии в человеке, проистекающей от раннего разочарования, от убитой или промотанной юности. То, что бывает только апатиею в душах рожденных без энергии, восходит на степень голодной, ненасытной скуки в душах сильных, призванных к действию. Болезнь одна и та же, и по корню своему, и по характеру, но разнится только по тому темпераменту, на который нападает. Эта болезнь убивает все чувства человеческие, даже сострадание. <...> Евгений Онегин, участвовавший несколько в рождении Печорина, страдал тою же болезнию; но она в нем осталась на нижней степени апатии, потому что Евгений Онегин не был одарен энергией душевной; он не страдал сверх апатии гордостью духа, жаждою власти, которою страдает новый герой. <...> Апатия, следствие развращенной юности и всех пороков воспитания, породила в нем томительную скуку; скука же, сочетавшись с непомерною гордостью духа властолюбивого, произвела в Печорине злодея. Главный же корень всему злу — западное воспитание, чуждое всякого чувства веры. <...> А между тем эта душа была сильная душа, которая могла совершить что-то высокое... <...> Век гордой философии, которая духом человеческим думает постигнуть все тайны мира, и век суетной промышленности, которая угрождает наперерыв всем прихотям истощенного наслаждениями тела, — такой век этими двумя крайностями выражает сам собою недуг, его одолевающий. Не гордость ли человеческо-

го духа видна в этих злоупотреблениях личной свободы воли и разума, какие заметны во Франции и Германии? Разврат нравов, унижающий тело, не есть ли зло, признанное необходимым у многих народов Запада и вошедшее в их обычай? — Между этими двумя крайностями как не погибнуть, как не иссохнуть душе, без питательной любви, без веры и надежды, которыми только и может поддерживаться ее земное существование? <...> Фауст не представляет ли гордость несытого ничем духа и сластолюбие, соединенные вместе? Манфред и Дон-Жуан Байрона не суть ли эти обе половинки, слитые в Фаусте в одно, из которых каждая явилась у Байрона отдельно в особом герое? Манфред не есть ли гордость человеческого духа? Дон-Жуан не олицетворенное ли сластолюбие? Все эти три героя — три великие недужные нашего века, три огромные идеала, в которых поэзия сокупила все то, что в разрозненных чертах представляет болезненное современное человечество» (*Шевырев С.* Герой нашего времени // Москвитянин. 1841. Ч. I. № 2 (цензурное разрешение 31 янв.). С. 528–529, 532, 533–534).

Выражение «собачья старость» употребил еще раз сам Гоголь в письме к С. Т. Аксакову от 21 декабря (н. ст.) 1844 г., где замечал о диссертации сына Аксакова, Константина, «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» (закончена, вчерне, в 1839 г.; напечатана в 1846): «...У него одежда, в которую он одевает мысль, не только не прозрачна, но даже не по ней <...> тут иногда мысли то же, что короткие ноги в больших сапогах, так что формы самой ноги-то не видишь, а становится только смешно, что на ней большой сапог. Еще Константину Сергеевичу не смекает, что в эту пору лет, в какой он <находится>, не следует вовсе заботиться о логической последовательности всякого рода развятий. Для это<го> нужно быть или вовсе старику или вовсе немцу, у которого бы в жилах текла картофельная кровь, а не та горячая и живая, как у русского человека. (Ср. строки главы "О науке" гоголевской "Учебной книги словесности для русского юношества": "Нам не нужно то постепенное, медленное развитие мыслей, не прерывающийся исход и вывод одного из другого, без которого немец не ступит шага и не пойдет по дороге". — *И. В.*) Поэтому-то у него оказывается в статьях одна претензия на логическую последовательность, а самой ее нет. Живая душа, русское сердце и нерасчетливая молодость пробиваются на всяком шагу и чрез это еще сильней становится противоположность двух несоединенных вещей. Чрез это самый тон слога неверен, фальшив, не имеет никакой собственной личности и не служит орудием к выраженью того, что хотел писатель им выразить. Черты ребячества и черты собачьей старости будут в нем попадаться беспрестанно одни подле других и будут служить вечным предметом насмешек журналистов, насмешек глупых, но в основании справедливых. <...> Живой пример ему я. Я старше годами, умею более себя обуздывать, а при всем том сколько я натворил глупостей в моих сочинениях, именно стремясь к той полноте, которой во мне самом еще не было, хотя мне и казалось, что я очень уже созрел; и над многими местами в моих сочинениях, которые даже были похвалены одними, другие очень справедливо посмеялись. Там есть очень много того, что похоже на короткую ногу в большом сапоге; а всего смешней в них претензии на то, чего в них, покамест, нет».

Ср. отрывок из описания имения Плюшкина в первом томе «Мертвых душ»: «...Наконец дверь отворилась, и вошел Прошка, мальчик лет тринадцати, в таких больших сапогах, что, ступая, едва не вынул из них ноги <...> у Плюшкина для всей дворни, сколько ни было ее в доме, были одни только сапоги...». К образу Плюшкина применимо и само понятие «собачьей старости» (см.: *Виноградов И. А.* «Дело, взятое из души...» // *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 5. С. 543–544).

¹³ Т. е. граф Нессельроде. П. Б.» (примеч. П. И. Бартечева).

¹⁴ О. Н. Смирнова вспоминала: «...Гоголь <...> умер в январе <21 февраля> 1852. Он жил тогда в Москве, у графа Александра Толстого, его друга; заканчивал третий <второй> том и перedelывал последние главы *Мертвых Душ*. Он наметил также план работы по созданию грамматики русского и малорусского языка (Гоголь был украинцем) (в бумагах Гоголя сохранились материалы для "объяснительного словаря" русского языка 1848–1851 гг. — *И. В.*); задумывал отправиться в путешествие, желая проехать по России, Востоку, снова увидеть Италию, Испанию, чтобы составить общедоступную ботанику, в которую хотел внести не только сравнительный словарь народных названий растений, но и легенды о цветах, собранных в России, на Востоке, в Италии, в Испании. Кроме того, он составил план начального воспитания, программа которого была также им сожжена (ср. заметку в записной книжке Гоголя 1841–1844 гг.: "Развить статью о воспитании во 2-й части", — относящуюся к образу Тентетникова в первой главе второго тома поэмы; а также письмо Гоголя к С. П. Шевыреву от 2 марта (н. ст.) 1843 г. и его статью "Христианин идет вперед". — *И. В.*); в то же время он изучал английский язык; очень хорошо рисует, он хотел проиллюстрировать свою книгу ботаники и начал составлять гербарий. Во время его болезни он оставался почти до конца без сна, отклоняя любую пищу. Началась прерывистая горячка, и через двадцать один день он умер. Те врачи, которые его окружали, поняли ее опасность и истинный

характер, однако в тот момент было уже слишком поздно, чтобы спасти его: у него был тиф» (*Smirnova Olga. Etudes et souvenirs // La Nouvelle Revue. Paris, 1885. V. 37. Novembre-Décembre. P. 19-20; на фр. яз.*). См. также в наст. изд. преамбулу к переводу В. П. Горленко «Воспоминания г-жи Смирновой о Гоголе».

¹⁵ Рождество Христово 25 декабря по ст. ст.

¹⁶ Е. А. Хитрово до приезда в Одессу была воспитательницей сына гофмейстера Павла Дмитриевича Дурново Петра Павловича Дурново (см. в наст. изд. статью А. И. Маркевича «Воспоминания кн-зя» Н. В. Репнина о пребывании Гоголя в Одессе»). См. также в наст. изд. *Запись о Гоголе в дневнике П. Д. Дурново*.

¹⁷ «Княжна Варвара Николаевна Репнина, о ней см. «Русск<ий> Архив» 1897, II, 473. У матери ее, старой княгини Варвары Алексеевны, была в Одессе домовая церковь. П. Б.» (примеч. П. И. Бартенева).

¹⁸ «Волконской, ур<ожденной> Кикиной. П. Б.» (примеч. П. И. Бартенева). Княгиня Мария Петровна Волконская (рожд. Кикина, 1816–1856), жена князя Д. П. Волконского.

¹⁹ «Арк<адий> Ил<ыч> Павловский, херсонский уроженец, окончил в 1849 г. Ришельевский лицей, следовательно в 1850–1851 гг. был еще очень молод...<...> В дневнике он изображен заносчивым, спорщиком и т. п., но Н. И. Ленц, бывший в 1850–1851 гг. студентом лицея и близко знавший А. И. Павловского, вспоминает о нем с большим уважением. Впоследствии А. И. Павловский долго был преподавателем географии в С.-Петербурге, издал известный сборник «Природа и люди» и скончался 1 сентября 1889 г.»; «Аркадий Ильич <...> детям кн-зя» Репнина давал уроки по мифологии; г. Лернер сообщает даже (со слов Н. И. Ленца), что уроки эти очень нравились Гоголю, на них нередко присутствовавшие» (*Маркевич А. И. Гоголь в Одессе // Записки Имп. Новороссийского ун-та. Одесса, 1902. Т. 88. Отд. 3. С. 34*).

²⁰ «Известный эллинист» (примеч. В. И. Шенрока). Борис Иванович Ордынский (1822–1861), писатель и переводчик, профессор греческой и римской словесности Казанского и Харьковского университетов. В 1849 г. напечатал в «Отечественных Записках» три статьи об Аристофане.

²¹ «Это — комедия l'Ecole des femmes <Школа женщин> (1662), где старик Арнульф, приготавливавший для себя в молодой девушке Агнессе жену-рабыню, влюбляется в нее под влиянием ее непорочной любви к юноше Орасу. П. Б.» (примеч. П. И. Бартенева).

²² Чтение Гоголем одесским актерам комедии Ж. Б. Мольера «Школа женщин» состоялось в январе 1851 г., после 9 числа (см. в наст. изд. статью А. П. Толченова «Страница для биографии Гоголя (Из воспоминаний провинциального актера)» и воспоминания А. И. Шуберт «Моя жизнь»).

²³ Стих из «Пророка» А. С. Пушкина.

²⁴ Возможно, воспоминаний о графине А. М. Виельгорской (см. в наст. изд. раздел <Из воспоминаний родственников Виельгорских>. Фрагменты из «Материалов для биографии Гоголя» В. И. Шенрока, коммент. к письму графа В. В. Апраксина матери от 20 августа (н. ст.) 1847 г. и примеч. 1 к разделу *Петербургское театральное училище в воспоминаниях Н. И. Куликова*). К характеристике нравственного облика А. М. Виельгорской (см. в наст. изд. письмо И. С. Аксакова к родным от 21 авг<уста> 1854 г. и коммент. к этому письму) следует указать также на строки ее письма к Гоголю от 18–21 марта 1846 г.: «Не говоря о личных обстоятельствах, только и слышишь в городе о несчастиях, о голоде и болезнях. В некоторых из наших губерний умирают с голода; здесь, в Петербурге и около города, свирепствует заразительная болезнь, le typhus, от которой множество людей каждый день умирает. Доктора говорят, что во время холеры не было больше умирающих, чем теперь. Несмотря на то, всю зиму танцевали, веселились, и я с прочими, только с разницею, что мне почти всегда было скучно или близко к тому и что мне большой свет ужасным образом надел. <...> Где же умные люди? где же возвышенные души?»

²⁵ Добряк опять смеется (*фр.*). Вероятно, название игры.

²⁶ Михаил Карлович Дитерихс (1812–1873), выпускник Дерптского университета (1834), ученик Н. И. Пирогова, доктор медицины (1836), врач Одесского института благородных девиц и Одесской лечебницы для приходящих.

²⁷ Имеется в виду одно из совместных изданий князя В. Ф. Одоевского и А. П. Заблочкиго-Десятковского: либо один из четырех выпусков сборника для крестьян «Сельское Чтение» (1843–1848), либо популярное издание для народа «Рассказы о Боге, человеке и природе» (СПб., 1849).

²⁸ «Илья Иванович Барановский, моряк, переписывался с Гоголем. См. «Мат<ериалы> для биограф<ии> Гоголя», IV, 833–834» (примеч. В. И. Шенрока).

²⁹ Княжна Варвара Васильевна Репнина-Волконская, дочь князя Василия Николаевича и княгини Елисаветы Петровны Репниных-Волконских.

³⁰ Ср. реплику Хлестакова из второго действия «Ревизора»: «Как же они едят, а я не ем? Ведь для того и живешь, не правда ли?»

³¹ 23 декабря 1850 г. Гоголь писал А. О. Смирновой из Одессы: «Много порывает<ся> отовсюду всяких пропаганд, грызущих, по-видимому, как мыши, все тверд<ые> основы. Но как вспомнишь, что над нами всеми Бог, без воли коего не падет волос с главы, что Он превосходит всё неизмеримостью своего милосердия... <...> — так станет вдруг ничтожно и низко всё то, чем мы смущаемся!».

³² Переплетчик Хитрово (см.: Указатель Москвы. Составлен по распоряжению г. Московского обер-полицеймейстера редактором Ведомостей Московской городской полиции М. Захаровым. М., 1852. Ч. 2. С. 91).

³³ «А. Н. фон Гюйер в 50-х годах был чиновником особых поручений при новороссийском генерал-губернаторе» (Маркевич А. И. Гоголь в Одессе // Записки Имп. Новороссийского ун-та. Одесса, 1902. Т. 88. Отд. 3. С. 33).

³⁴ «Т. е. несоблюдении» (примеч. В. И. Шенрока).

³⁵ Князь Дмитрий Петрович Волконский (1805–1859), сын светлейшего князя П. М. Волконского, отец княгини Софьи Дмитриевны (1841–1875), жены (с 1868 г.) князя Н. В. Репнина-Волконского.

³⁶ «Иначе: “Сотрудники”. Любопытно указание Гоголя, что выведенные здесь литераторы изображают: Олегович — К. Аксакова, а Ухарев — не то Краевского, не то Некрасова» (Маркевич А. И. Гоголь в Одессе // Записки Имп. Новороссийского ун-та. Одесса, 1902. Т. 88. Отд. 3. С. 33).

³⁷ Санкт-Петербургские Ведомости. 1851. № 13–16.

³⁸ В образе Ухарева граф В. А. Соллогуб вывел И. И. Панаева.

³⁹ Еще в конце 1830 — начале 1831 г. Гоголь, сразу по выходе из печати пушкинского «Бориса Годунова», написал статью об этой драме. Статья Гоголя «Борис Годунов. Поэма Пушкина» впервые была опубликована в 1881 г. И. С. Аксаковым, который сообщал: «Кажется, в 1842 г. Гоголь, уезжая за границу, оставил К<онстантину> С<ергееви>чу Аксакову на хранение черновые свои тетради и записные книги. Когда, по возвращении его из-за границы, К<онстантин> С<ергееви>ч напомнил ему о них, Гоголь махнул рукой и сказал, что они ему не нужны. В них заключаются первоначальные наброски некоторых повестей “Вечеров на Хуторе близ Диканьки”, “Тараса Бульбы”, “Портрета”, “Невского Проспекта”, “Коляски”, всего “Ревизора”, а также некоторых журнальных, напечатанных в “Собрании его сочинений” статей. Эти книги и тетради были на рассмотрении П. А. Кулиша, которого издание сочинений Гоголя <СПб., 1857. Т. 1–6> и до сих пор остается самым полным. Из них и извлеч П. А. Кулиш начало трагедии “Альфред” (см. во втором томе “Записок о жизни Н. В. Гоголя...” Кулиша, в разделе “Приложения”, “Набросок начала безымянной трагедии из английской истории”; с. 281–302. — И. В.) и начала некоторых повестей, помещенные им в 3 томе под заглавием: “Начатые повести” (имеются в виду: отрывок из романа “Тетьман” “Мне нужно видеть полковника...”, начало “Повести из книги под названием: Лунный свет в разбитом окошке чердака на Васильевском острове...” (“Страшная рука”), отрывки “Я давно уже ничего не рассказывал вам”, “Дождь был продолжительный...”, “Фонарь умирал...”, <Рудокопов> (“Я знаю одного чрезвычайно замечательного человека”); см.: Начатые повести // Соч. и письма Н. В. Гоголя. Издание П. А. Кулиша. СПб., 1857. Т. 3 (цензурное разрешение 28 марта). С. 318–324; с подстрочным примечанием: “Найдены в бумагах Гоголя и списаны издателем”. Все эти наброски и отрывки первоначально были напечатаны Кулишом в 1856 г. в восьмой главе первого тома “Записок о жизни Н. В. Гоголя...” — с. 164–165, 167–169, 171–175. — И. В.). При новом, тщательном осмотре этих тетрадей и книг, из которых, надобно заметить, многие исписанные листы, как можно судить по обрывкам, оставшимся в корешке, вырваны самим Гоголем, найдена мною рукопись, тщательно рукою Гоголя переписанная, под заглавием: «“Борис Годунов”. Поэма Пушкина». Она должна быть отнесена к 1831 г., когда появилась эта драма или поэма, как назвал ее Гоголь. На рукописи видны зачеркнутые слова: “Петру Александровичу Плетневу”, и сверху, неизвестно чьею рукою <рукою Гоголя>: “Как вам кажется, как вы находите это сочинение?” Оно замечательно, по нашему мнению, сочетанием юмористического таланта, несомненно проявляющегося на первых страницах, с тем лиризмом (очень еще тогда молодым), который был всегда, так сказать, подпочвой художественного реализма нашего великого писателя. — Затем другое, помещаемое нами ниже произведение — это уцелевшая в переплетенной нашей странице, отрывок из какой-то неизвестной драмы, — черновой набросок с недополненными словами, без проставки, большею частью, имен лиц при их речах. Пред этой страницей вырвано, как видно, из книги много таких же страниц. <...> Странно, что Кулиш, довольно обстоятельно описывая в тех же своих “Записках” (т. I, стр. 161) книги и тетради, хранившиеся у К. С. Аксакова, — ни слова не говорит о печатаемых нами теперь произведениях. — Все эти рукописи Гоголя приготовляются нами к сдаче в Румянцевский Публичный Музей» (<Аксаков И. С.> От редактора / Из

неизданных бумаг Гоголя // Русь. 1881. 31 янв. № 12. С. 19). См. также в наст. изд. раздел *Фрагменты из воспоминаний С. Т. Аксакова в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша* и письмо И. С. Аксакова к И. С. Тургеневу от 26 февраля 1852 г.

⁴⁰ и некрасивее (фр.).

⁴¹ Под «замечательным сочинением» Пушкина подразумевается, вероятно, стихотворение «Странник» (1835), впервые опубликованное в т. 9 посмертного Собрания сочинений Пушкина в 1841 г. под заглавием «Отрывок». См. также в наст. изд. коммент. к фрагменту из книги А. Д. Зайцева «Петр Иванович Бартенеv». Возможно, со строками пушкинского стихотворения связано и упоминание Гоголя в статье «Предметы для лирического поэта в нынешнее время» о своем герое Плюшкине: «О, если бы ты мог сказать ему то, что должен сказать мой Плюшкин, если доберусь до третьего тома “Мертв<ых> душ”!» «Словами Плюшкина» — свидетельством его «воскресения» — вполне могли стать в третьем томе поэмы следующие строки этого стихотворения: «Я осужден на смерть и позван в суд загробный — / И вот о чем крушусь: к суду я не готов...» (подробнее см.: *Виноградов И. А.* «Дело, взятое из души...» // *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 5. С. 563–564). С этими размышлениями перекликаются и строки Гоголя в «Выбранных местах из переписки с друзьями» (в главе «Завещание») об его недошедшем до нас произведении «Прощальная повесть»: «...Соотечественники! страшно!.. Замирает от ужаса душа при одном только предслышании загробного величия... <...> Стонет весь умирающий состав мой, чья исполнинские возрастанья и плоды, которых семена мы сеяли в жизни, не прозревая и не слыша, какие страшилища от них подымутся... Может быть, “Прощальная повесть” моя подействует сколько-нибудь на тех, которые до сих пор еще считают жизнь игрушкой, и сердце их услышит хотя отчасти строгую тайну ее и сокровеннейшую небесную музыку этой тайны».

На последние строки Гоголя позднее обратил внимание преподобный Варсонофий Оптинский. В черновике письма к неустановленному лицу от конца апреля 1892 г. будущий старец (в ту пору послушник Павел, только что причисленный к братии) замечал: «Вся обстановка такой обители начинает действовать на вас неотразимо; при помощи благ<одати> Божией духовный взор ваш начинает проясняться, [и] вы за молитвы старцев и отца вашего духовного, начинаете более чутко прислушиваться к таинственному биению пульса дотоле почти неведомой для вас духовной жизни, начинаете постигать, хотя отчасти, строгую ее тайну и сокровеннейшую небесную музыку этой тайны, как выразился однажды Гоголь, вынесший это впечатление отчасти из личного опыта; вследствие того-то...» <не дописано> (*Варсонофий Оптинский (Плеханков), преподобный*. Заметки и мысли 1892 года. Часть 2-я // *РГБ*. Ф. 214. Ед. хр. 321. Л. 3; выписка для публикации представлена Мариной Анатольевной Можаровой). См. также в наст. изд. раздел *Преподобный Варсонофий Оптинский. Беседы*.

⁴² Преосвященный Иаков (Вечерков, 1792–1850), архиепископ Нижегородский и Арзамасский. См. о нем в наст. изд. в коммент. к статье П. И. Бартенева «Из воспоминаний княжны В. Н. Репниной о Гоголе».

⁴³ Рассказ Гоголя об обращении англичанина перекликается с сообщениями Н. П. Киреевской и о. Порфирия (Григорова) о пребывании Гоголя на острове Корфу у мощей святителя Спиридона Тримифунтского (см. в наст. изд. раздел *Гоголь на острове Корфу у мощей святителя Спиридона Тримифунтского*).

⁴⁴ Стих из поэмы А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан».

⁴⁵ С 12 по 18 февраля 1851 г.

⁴⁶ С 19 по 25 февраля 1851 г.

⁴⁷ С 26 февраля по 4 марта 1851 г.

⁴⁸ 12 февраля 1851 г.

⁴⁹ 25 февраля 1851 г.

⁵⁰ 2 марта 1851 г.

⁵¹ Михаил Борисович Чистяков (1809–1885), педагог, писатель. Речь идет об его статье, напечатанной в журнале А. О. Ишимовой «Звездочка»: *Чистяков*. Живость воображения и чувства у Неаполитанцев // *Звездочка*. Журнал для детей, посвященный благородным воспитанницам институтов Ее Императорского Величества, издаваемый Александром Ишимовым. 1851. № 1 (цензурное разрешение 15 янв.). С. 44–48. По небольшой статье М. Б. Чистякова у непосвященного читателя могло бы сложиться впечатление о неаполитанцах как о народе, который поголовно — от преступников до знати — постоянно читает и слушает стихи Т. Тассо и поет арии из опер и «любимые песни своего родного края» — кто в пути, кто за работой, кто под фортепьяно, кто под гитару.

⁵² Князь Прокофий Васильевич Мещерский (1736–1818), генерал-лейтенант, бывший петербургский гражданский губернатор (в 1800 г.), гофмаршал (с 1800 г.), актер-любитель, автор од, управляющий театральной дирекцией (с ноября 1800 по март 1801 г.); с 1812 г. жил в Курском Знаменском монастыре (монашество не принял).

⁵³ Импровизация берет за душу, и когда проповедь написана, она теряет из своей привлекательности. Знаменитый вселенский проповедник. Пока он наизусть говорил свои проповеди, они нравились; но тогда, когда он имел повод к импровизации, он уносил все сердца. Он писал начало и затем распределял тексты всех проповедей. Иннокентию пора исправлять проповеди (фр.).

⁵⁴ 13 марта 1851 г.

⁵⁵ Настоящее правило нашло отражение в одной из ранних повестей Гоголя – в «Ночи перед Рождеством» (см.: *Виноградов И. А. ...И по ту, и по эту сторону Диканьки // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 1–2. С. 521–523; То же // Творчество Н. В. Гоголя в контексте православной традиции / Научн. ред., сост., предисл. Г. В. Мосалевой. Ижевск, 2012. С. 148–150).*

⁵⁶ Выписка «О размножении растений черенками» из книги Дж. Линдлея «Теория садоводства» в переводе И. О. Шиховского (СПб., 1845), сделанная для Н. В. Гоголя Е. А. Хитрово в Одессе 26 марта 1851 г., опубликована: *Неизданный Гоголь / Изд. подгот. И. А. Виноградов. М., 2001. С. 412–413; см. также: Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 8. С. 582–584.*

⁵⁷ Знаки (фр.).

⁵⁸ Слепой пианист.

⁵⁹ «...Кн<язей> Долгоруких-Аргутинских бывало тогда в Одессе двое: Иосиф и Николай Давидовичи – оба тираспольские помещики; сестры их принимали участие в Одесском женском благотворительном обществе» (*Маркевич А. И. Гоголь в Одессе // Записки Имп. Новороссийского ун-та. Одесса, 1902. Т. 88. Отд. 3. С. 50*). Князь И. Д. Долгорукий-Аргутинский был смотрителем Тираспольского уездного училища; членом Одесского женского благотворительного общества была княжна Екатерина Давидовна Долгорукая-Аргутинская (см.: *Новороссийский календарь на 1849 год, издаваемый от Ришельевского Лицея. Одесса, 1848 (цензурное разрешение 4 авг.). С. 306, 321*).

⁶⁰ Учитель музыки.

⁶¹ «Кто такие Кessler и Лангвейн, не знаю; в конце 60-х годов я помню в Одессе немолодого уже музыканта Кessler; может быть, речь идет о нем. Не был ли и Лангвейн каким-либо артистом» (*Маркевич А. И. Гоголь в Одессе // Записки Имп. Новороссийского ун-та. Одесса, 1902. Т. 88. Отд. 3. С. 50*).

⁶² «Млодецкие – известные землевладельцы в юго-западном крае. А. И. Млодецкая <была> замужем за кн<язем> Г. Е. Гагариным-Стурдзой, внуком А. С. Стурдзы» (*Маркевич А. И. Гоголь в Одессе // Записки Имп. Новороссийского ун-та. Одесса, 1902. Т. 88. Отд. 3. С. 50*).

⁶³ Княгиня Мария Александровна Гагарина-Стурдза, дочь А. С. Стурдзы.

⁶⁴ Вероятно, имеется в виду публикация в 1851 г. в «Revue des Deux Mondes» (№ 22) статьи П. Мериме, в которой содержание «Тараса Бульбы» было охарактеризовано как изображение «пиратской республики» (см.: *Мериме П. Избранные произведения. М.; Л., 1930. С. 507*).

⁶⁵ Это очень справедливо, это то, что мы говорим о нем (фр.).

⁶⁶ Имеется в виду статья А. А. Григорьева: <*Григорьев А. А.*> Г. Русская литература в 1851 году. Статья вторая. Общий взгляд на современную изящную словесность, и ее исходная историческая точка // *Москвитянин. 1852. № 2. Январь. Кн. 2. Отд. V. С. 13–28.* «Исходною историческою точкою» современной литературы А. А. Григорьев называл в статье Гоголя.

⁶⁷ Что это очень справедливо (фр.).

⁶⁸ Имеются в виду письма к княжне В. Н. Репниной и к княгине Е. П. Репниной-Волконской (рожд. Балабиной) от 2 февраля 1852 г.

Записки Фрагменты

<...> Тягостны для меня воспоминания о 1850 годе. Но решившись изложить исповедь мою без утайки, скажу о тяжелой двойной моей борьбе. Наплыв богатых польских семейств, под предлогом воспитания детей в Одессе, где власть грозного киевского генерал-губернатора Бибикова на них не простиралась, имел пагубное влияние на лицей. Под предлогом приготовления молодых людей к поступлению в студенты лицейя, но действительно для того, чтобы связать свои сношения с заграничными патриотами, поляки, щедрою рукою отсыпая деньги за уроки, деморализовали многих профессоров. <...> Лихоимство развивалось с каждым днем: приемы в студенты, переводы из курса в курс и выпуск сопровождались циническими вымогательствами преподавателей: Линовского¹, Камарницкого², Зеленецкого³, Петровского⁴, Гассгагена⁵. Писались за деньги даже сочинения для студентов! <...> Триумвират оппозиционный, состоявший из Соколова⁶, Кузьмина⁷ и меня⁸, был слаб и при большинстве голосов бессилен⁹. И Соколов, при всем бескорыстии, увлекся страстью к игре. <...> Бывший военным губернатором Одессы Дм. Дм. Ахлестышев, которого семейный круг поддерживался как его умною и доброю женою, так и им самим, по случаю назначения его в Москву сенатором¹⁰, закрылся.

В Ахлестышеве Одесса потеряла одного из лучших своих градоначальников... <...> Назначенный градоначальником Ал. Ив. Казначеев¹¹ и его благоверная супруга — «синие чулки», по многим причинам, не могли собрать вокруг себя общество, в котором с приятностью можно было бы отдохнуть от трудов. Оставалось небогатое семейство П. П. Титова¹², достаточно поплатившегося за известное 14-е декабря, брата константинопольского посла¹³, его супруга, Юл<ия> Мих<ай>ловна, была дочь коменданта, убитого в 1831 году в Варшаве¹⁴. У них собирались: добрые старички — оба Катакази¹⁵ (из них один бывший греческий посланник), Негри, иногда граф Л. С. Потоцкий (сын первого харьковского попечителя¹⁶), Казначеевы... <...> Так минули зима, весна и лето¹⁷. Преград не существовало никаких. Холостое общество Н. П. Ильина, Л. С. Пушкина, М. А. Кологривова, кн<язя> Васильчикова и других я почти забыл, готовясь к семейной жизни... <...>

С восторженною радостью приветствовал холостой кружок возвратившегося блудного сына. <...> Приятели не раз ожидали, что мои ухаживания за Р. Г. Л. кончатся гименеевскими узамы. Но прежнего счастья я не находил. <...> Тяжелый год мой заключил я статейкою для календаря, разумеется новороссийского: «Одесская городская публичная библиотека и ее успехи»¹⁸. Затем отправился в Москву и С.-Петербург, чисто для рассеянья¹⁹.

Прибыв в С.-Петербург на другой день нового 1851 года, я, после короткого отдыха, явился в министерство по заведенному обычаю. <...>

Опера, вечера у старых и новых знакомых, в том числе у П. А. Плетнева, к которому я имел письмо от Гоголя²⁰, завершали хлопотливые утра. От Плетнева я узнал об опале, постигнувшей в Киеве Костомарова и Кулиша. Их подвергли полицейскому преследованию за малороссийский сепаратизм²¹. Костомарова, адъюнкта университета, сослали в Саратов, на службу в губернскую канцелярию, Кулиша, отправлявшегося за границу, возвратили и поместили в С.-Петербурге, в министерстве внутренних дел. О всем этом писал мне Кулиш, не жалуясь на свою судьбу. <...>

На возвратном пути в Одессу я провел десять дней в Москве, в семействе Лачиновых, переселившихся сюда в 1841 году. <...> Бедный М. П. Погодин жаловался на медвежью услугу Гоголя, от которого я привез письмо²². Гоголь осень и зиму 1849 г.²³ проводил в Одессе: обедали мы ежедневно вместе и большею частью проводили и вечера вместе. Гоголь в своих «Письмах» справедливо осуждал неизъяснимую «попешность» Погодина во всех его делах, которая ему

и другим часто вредила. В Москве почти все свои вечера я проводил у А. Д. Черткова, сделавшегося в это время отчаянным славянофилом. Начитанный, благородный старик даже в этрусских надписях видел славянское наречие. Прежнего моего спутника Иосифа М. Бодянского я застал в опале за помещение в «Чтениях Московского Общества Истории и Древностей» «Сказания о России, англичанина Флетчера»²⁴. Неосмотрительного редактора удалили от секретарства по обществу и перевели в Казанский университет, куда упрямый малороссиянин не поехал, и теперь сидит без должности. <...>

По случаю преждевременных оттепелей мой обратный путь сопровождался труднопроезжаемой грязью, а в Херсонской губернии разливом рек. <...>

Проводив Н. В. Гоголя на его родину, где он хотел в семействе встретить Пасху, я предался полному бездействию. <...>

Впервые опубликовано: Записки Н. Н. Мурзакевича. 1806–1883 // Русская Старина. 1889. № 2. С. 245–252; см. также: Записки Н. Н. Мурзакевича / Николай Никифорович Мурзакевич. Автобиография. Примеч. и биографический очерк кн-язя > В. Д. Дабижа. (Оттиски из исторического журнала «Русская Старина» 1886–1889 гг.). СПб., 1889. С. 218–225. Печатается по первой публикации.

См. также в наст. изд. письмо Н. Н. Мурзакевича к М. П. Погодину от второй половины апреля 1848 г. из Одессы в разделе *Из воспоминаний и свидетельств о пребывании Гоголя в Одессе весной 1848 г. (с отдельными сведениями о периоде 1850–1851 гг.)*.

¹ Владимир Альбертович Линовский (1818–1863), профессор практического судопроизводства Ришельевского лицея.

² Андрей Яковлевич Комарницкий (Камарницкий), адъюнкт-профессор государственного права Российской Империи и законодательства о повинностях и финансах Ришельевского лицея в 1842–1854 гг.

³ Константин Петрович Зеленецкий (1812–1858), профессор российской словесности Ришельевского лицея. 23 марта 1851 г. П. А. Плетнев писал Гоголю: «Пожалуста, поклонись Мурзакевичу, Зеленецкому, Саржинскому <Шаржинскому> и всем, кто в Одессе меня вспомнит».

⁴ Владимир Васильевич Петровский (род. в 1815), профессор прикладной математики Ришельевского лицея.

⁵ Христиан Генрихович Гасстаген, профессор химии и технологии Ришельевского лицея.

⁶ Григорий Иванович Соколов (1810–1852), писатель, историк, педагог; инспектор Ришельевского лицея (с 1845 по 1850 г. включительно).

⁷ Василий Несторович Кузьмин (1797–1855), востоковед, профессор арабской, персидской и турецкой словесности Ришельевского лицея.

⁸ Мурзакевич был профессором российской истории и статистики.

⁹ В 1851 г., вследствие ревизии в Ришельевском лицее товарища министра народного просвещения А. С. Норова, директор лицея О. Г. Михневич был переведен на должность инспектора, а директором был назначен Н. Н. Мурзакевич, вступивший в эту должность 20 декабря 1851 г.

Рассказывая о том, чем была вызвана внезапная ревизия Норова, Мурзакевич заключал: «И, таким образом, по Высочайшему повелению, налетел Авраам Норов, некогда сладострастный автор «Путешествия по Сицилии, в 1822 г.», а теперь (1851 г.) паломник и автор описания Святой Земли; безногий, добрый, но крайне рассеянный старик...» (Записки Н. Н. Мурзакевича. 1806–1883 // Русская Старина. 1889. № 2. С. 259–260). Мурзакевич имел в виду книги Норова «Путешествие по Сицилии, в 1822-м году» (СПб., 1828. Ч. 1–2) и «Путешествие по Святой Земле в 1835 году» (СПб., 1838; 2-е изд. СПб., 1844; о получении Гоголем последней книги Норова в 1846 г. см. в наст. изд. в коммент. к письму Н. М. Языкова Н. Н. Шереметевой от 29 декабря 1845 г.).

К словам: «...Норов, некогда сладострастный автор «Путешествия по Сицилии, в 1822 г.»...», — Мурзакевич сделал примечание: «См. его Путешествия, томы I, стр. 66, 71, 83, 91, 123, 170, 184, 189, 219; II, стр. 9, 10, 29, 39, 59, 121, 133». Вполне вероятно, именно «Путешествие по Сицилии, в 1822-м году» Норова подразумевал за несколько лет перед тем Гоголь, создавая в «Женитьбе» (1833–1842) комические диалоги героев о Сицилии: «...У них ведь возле каждого дома балкончики, и крыши, вот как этот пол, совершенно плоски. Бывало, эдак смотришь, и сидит эдакой розанчик...» Ср. у

Норова: «Домы главных улиц <...> не имеют крыш, которые заменены террасами... <...> ...жилые этажи испещрены <...> балконами. К вечеру все жители переселяются на них... <...> Глаза <...> беспрестанно останавливаются на прелестных лицах женщин...» (*Норов А. Путешествие по Сицилии, в 1822-м году.* СПб., 1828. Ч. 1 (цензурное разрешение 19 сентября 1827 г.). С. 65). Характерно в этой связи замечание анонимного рецензента первых представлений «Женитьбы» на сцене Александринского театра в 1842 г. по поводу образа моряка Жевакина: «...Изображать такими красками морских офицеров, отличающихся у нас вообще образованностью, знакомых с правилами чести и общечития, ей, ей, недостойно писателя, слышущего нравописательным и сатирическим» (Репертуар Русского и Пантеон Всех Европейских Театров, на 1842 год. 1842. Кн. 24. <Отд. 2>. С. 16–17). По-видимому, посмотрев «Женитьбу», и сам Норов узнал себя в гоголевском герое (см. в наст. изд. коммент. к письму В. Г. Белинского к В. П. Боткину от 6 февраля 1847 г.).

В период общения с Мурзакевичем в 1851 г. Гоголь говорил своей одесской знакомой Е. А. Хитрово по поводу одной из журнальных статей об Италии: «И зачем так восхищаться?! Только поселят желания, которые волнуют! Те же самые потом поедут и, не найдя, чего ожидали, бранят Италию» (см. в наст. изд. дневниковую запись Хитрово от 3 марта 1851 г.). Сам Гоголь ко времени появления в его комедии реплик об «италианочках» уже побывал в Италии и составил собственные «путевые записки» — повесть «Рим». Однако его изображение Парижа и Рима в этой повести — отнюдь не рядовое описание вояжа, «поселяющее желания», но масштабное художественное полотно, заключающее в себе глубокую культурно-историческую концепцию.

¹⁰ 6 декабря 1848 г.

¹¹ Александр Иванович Казначеев (1788–1880), градоначальник Одессы (с конца 1848 г.; см. в наст. изд. коммент. к воспоминаниям П. М. Надимова), сенатор (с 1854 г.), друг семьи Аксаковых. 7 ноября 1850 г. Гоголь сообщал С. Т. Аксакову из Одессы: «Видел я Казначеева, который мне показался весьма добрым человеком. Часто выдаюся со Стурдзой, с кн. Репниными, Титовыми и со многими старыми товарищами по школе <имеются в виду братья Александр и Андрей Орлаи>...» (см. в наст. изд. коммент. к *Воспоминаниям Н. Д. Мизко в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша*).

¹² Петр Павлович Титов (1800–1878), поручик, член Северного общества (1824), коллежский советник (с 1848 г.).

¹³ В. П. Титова.

¹⁴ Имеется в виду генерал от инфантерии Михаил Иванович Левицкий (1761–1831), комендант Варшавы с 1814 г. Его дочь Юлия (в замужестве Титова) была фрейлиной.

¹⁵ Константин Антонович Катакази (род. в 1775), бессарабский гражданский губернатор в 1818–1826 гг., и Гавриил Антонович Катакази (1794–1867), дипломат.

¹⁶ Графа С. О. Потockого.

¹⁷ 1850 г.

¹⁸ О посещении Гоголем Одесской городской библиотеки, которой заведовал Н. Н. Мурзакевич, см. ниже *Отчет Одесской Городской публичной библиотеки за 1850 г.*

¹⁹ Судя по отправленному Гоголем через Мурзакевича письму к С. П. Шевыреву от 15 декабря 1850 г., которое должно было быть вручено адресату по пути Мурзакевича в Петербург, из Одессы Мурзакевич выехал не ранее этого числа. Гоголь писал Шевыреву: «Пользуюсь оказией и отвечаю тебе на твое письмо через Николая Никифоров<ича> Мурзакевича, который к Рождеству <к 25 декабря 1850 г.>, вероятно, уже будет в Москве». В феврале 1851 г. Гоголь спрашивал Шевырева: «Я писал к тебе с Мурзакевичем, получил ли ты это письмо?» (на это письмо Шевырев ответил 3 марта 1851 г.).

²⁰ Письмо Гоголя к П. А. Плетневу, отправленное с Мурзакевичем, по-видимому, 15 декабря 1850 г., не сохранилось. 23 марта 1851 г. Плетнев, отвечая Гоголю на следующее его письмо, от 25 января 1851 г., замечал: «На другое письмо твое, присланное с Мурзакевичем, я потому не отвечал, что ждал отзыва на свое первое <от 14 декабря 1850 г.>».

²¹ Историю ареста П. А. Кулиша осенью 1846 г. и его последующей ссылки в Тулу см., в частности, в наст. изд. в преамбуле к разделу *Воспоминания М. И. Гоголь в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша*, а также в изд.: *Виноградов И. А. Первый биограф Гоголя // Кулиш П. А. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем.* М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 17–19. Очевидно, то, что именно Кулиш, осужденный по делу Украина-Славянского Общества, взялся позднее за составление биографии Гоголя, свидетельствует, что из писателя сразу после его смерти пытались сделать знамя малороссийского сепаратизма. Однако, работая над гоголевской биографией, Кулиш как представитель сепаратистской партии столкнулся с непреодолимыми трудностями: неизменной объединительной позицией Гоголя по отношению ко всем славянским народам, включая рус-

ский и украинский. Отсюда — зародившаяся еще в 1843 г. острая неприязнь Кулиша к гоголевскому «Тарасу Бульбе» (подробнее см.: *Виноградов И. А. Первый биограф Гоголя. С. 3–14, 46–63*). См. также в наст. изд. коммент. к разделу *Записка, составленная Аф. Вас. М<аркович>ем из письма к нему Кн<язны> В. Н. Р<етни>ной о Гоголе*.

²² Письмо Гоголя к М. П. Погодину, отправленное с Мурзакевичем предположительно 15 декабря 1850 г., не сохранилось.

²³ Имеется в виду осень 1850 г. и зима 1850/51 г.

²⁴ См. об этом в наст. изд. в коммент. к разделу *Гоголь в дневниковых записях О. М. Бодянского 1849–1851 гг.*

Отчет Одесской Городской публичной библиотеки за 1850 г.

Особые происшествия

Библиотеку в сем году, кроме г<осподина> градоначальника¹, обозревали... князь П. А. Вяземский² и Н. В. Гоголь.

Впервые опубликовано: *Зленко Г. Д. Одесские тетради: Литературоведческие очерки и разыскания. Одесса, 1980. С. 25*. Печатается по первой публикации.

Публичная Городская библиотека была учреждена в Одессе в 1829 г. Библиотекарем ее с 1843 г. по 1853 г. был Н. Н. Мурзакевич (см.: Новороссийский календарь на 1849 год, издаваемый от Ришельевского Лицея. Одесса, 1848 (цензурное разрешение 4 авг.). С. 185, 405). С 1843 по 1858 г. Мурзакевич заведовал также Одесским городским музеем древностей.

¹ А. И. Казначеева.

² Князь П. А. Вяземский проезжал через Одессу по пути из Иерусалима в середине августа 1850 г. — до приезда туда Гоголя 24 октября того же года. 18 августа 1850 г. Вяземский писал Эрн. Ф. Тютчевой из Одессы: «Мы предполагаем уехать отсюда завтра или послезавтра утром...» (Переписка П. А. Вяземского с Эрн. Ф. Тютчевой (1849–1850) / Пер. с фр. и публ. Л. В. Гладковой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 2011. Т. XX. С. 640). (См. также в наст. изд. коммент. к дневниковой записи М. П. Погодина от 21 октября 1851 г.) Об одесских библиотеках Вяземский сообщил Тютчевой еще на пути в Константинополь. В письме из Одессы от 28 июня 1849 г. он замечал: «Библиотеки здесь оснащены. Г-жа Сенявина сказала бы, что здесь встречаются довольно замечательные *интеллектуальности*. Мы встретили здесь несколько старых добрых знакомых и обрели новых, весьма любезных и приятных» (Там же. С. 520).

Свидетельства о Гоголе Н. Д. Мизко

Воспоминания Н. Д. Мизко в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша

<...> В первый раз <...> я увидел Гоголя января 9-го 1851 года, у одного старого его знакомого, А. И. О<рла>я¹. Хозяин представил меня Гоголю в своем кабинете, где он просидел целый вечер. Разговор был, между тремя, или четырьмя лицами, общий — о разных предметах, не касавшихся литературы. Меня собственно, как уроженца и жителя Екатеринославской губернии, Гоголь расспрашивал о Екатеринославе, о каменном угле в нашей губернии, о Святогорском монастыре на меловых горах (Харьковской губернии, на границе Екатеринославской)¹, в

¹ *Примеч. П. А. Кулиша.*

котором я был; узнав же о намерении моем побывать за границу, сделал несколько замечаний о плане и удобствах заграничного путешествия.

Через день я сделал визит Гоголю, в квартире его, в доме Трошинского. Это было около двух часов дня. Он стоял у конторки и, когда я вошел, встретил меня приветливо. Я представил ему экземпляр моего сочинения: «Столетие Русской Словесности»², сказав, что для меня очень лестно, если книга моя будет находиться в его библиотеке. Он благодарил меня пожатием руки и потом спросил:

— Вы, кажется, еще что-то издали в Одессе?

Я отвечал, что напечатал «Памятную Записку» о жизни моего отца³, в небольшом количестве экземпляров собственно для родных и друзей, и просил его принять от меня экземпляр, так как, по сочувствию его к человечеству, он сродни и лучший друг каждому человеку. Он благодарил меня и сказал:

— Я описываю жизнь людскую, поэтому меня всегда интересует живой человек более, чем созданный чьим-нибудь воображением, и оттого мне любопытнее всяких романов и повестей биографии, или записки действительно жившего человека.

Перелистав мою книгу «Столетие Русской Словесности», которую держал в руках, Гоголь заметил:

— А, у вас везде приведены образцы из наших писателей! Это очень полезно. А то вообще господа преподаватели словесности сами лишь перечитывают сочинения наших писателей за своих слушателей, а им навязывают свои взгляды, чаще же и не свои, а заимствованные. Лучше, если бы учащиеся сами читали сочинения отечественных писателей; тогда в понятиях о литературе нашей было бы более самостоятельности.

Затем Гоголь спросил:

— Это вы писали статью о «Мертвых Душах» из провинции?

Я отвечал утвердительно и сам спросил: читал ли он ее?

Он отвечал, что читал за границей, не скоро после того, как она была напечатана.

— А я думал, что она не попалась вам в руки, — отвечал я, — судя по предисловию ко второму изданию «Мертвых душ», в котором вы жалуетесь, что из провинции не было подано ни одного голоса¹.

— Кажется, — сказал Гоголь, — я читал статью вашу, написавши уже предисловие. Я тогда же получил письмо из провинции. Оно не было напечатано. Меня интересовали мнения провинциальные. Истинно русская жизнь сосредоточена преимущественно в провинции⁴.

От этого разговор перешел к жизни в Одессе, к итальянской опере. Гоголь стал рассказывать об итальянских театрах, об Италии, жаловался на ветер с моря и что он не может довольно согреться. Наконец я раскланялся.

Он просил посещать его, примолвив:

— Я буду рассказывать вам про Италию прежде, чем вы ее сами увидите.

Через несколько дней Гоголь заплатил мне визит в квартире моей, в гостинице Каруты, на бульваре. Он вошел в залу, не будучи встречен слугою, и начал ходить взад и вперед, в ожидании, что кто-нибудь появится. Слыша его шаги и полагая, что это кто-нибудь из домашних, его окликнули из гостиной вопросом: «Кто там?», — на который он отвечал громко:

— Николай Гоголь.

¹ Заглавие статьи моей: «Голос из провинции о поэме Гоголя “Мертвые души”». Она была напечатана в «Отечественных Записках» 1843 года, № 4. — *Примеч. Н. Д. Мизко.*

Примечание Николая М. <П. А. Кулиша>: В письме к Языкову, от 10-го июня (кажется) 1843 года: Гоголь упоминает об этой статье, а именно: «Мне прислали несколько выдранных из журналов критик на “Мертвые души”. Замечательного, впрочем, немного. Лучшие критики большею частью из провинции. Одна из Екатеринослава замечательнее других».

Посидев немного, он сделал замечание, что в комнате тепло, не смотря на то, что окнами на море. Разговор незаметно склонился к Италии. Гоголь, между прочим, рассказывая об умении англичан путешествовать, хвалил дорожный костюм англичанок, отличающийся простотой, при всем удобстве⁵. <...>

Впервые опубликовано: <Кулиш П. А.> Николай М. Записки о жизни Н. В. Гоголя... СПб., 1856. Т. 2. С. 245–247. Перепечатано: *Одессит*. Воспоминание о пребывании Гоголя в Одессе // Правда. (Одесса). 1880. 20 июня. № 158. С. 2. Печатается по первой публикации.

Воспоминаниям Н. Д. Мизко предшествует в книге вступительная заметка П. А. Кулиша: «Из моих знакомых, видевших Гоголя в Одессе, я имел случай расспросить только одного, именно Н. Д. Мизко. Он сообщил мне на словах и потом на бумаге историю своего знакомства с Гоголем. Представляю извлечения из его записки».

Николай Дмитриевич Мизко (1818–1881), критик, журналист. В 1843 г. опубликовал в журнале «Отечественные Записки» (№ 4) статью о «Мертвых душах»: «Голос из провинции о поэме Гоголя Похождения Чичикова, или Мертвые души» (с подписью: *Н. М.*; вырезка с этой статьей сохранилась в бумагах Гоголя; см.: *РГБ. Ф. 74. К. 8. Ед. хр. 109*). В 1852 г., после смерти Гоголя, Мизко перевел на украинский язык первые пять глав повести «Тарас Бульба» (пятую главу не полностью; автограф с пометой переводчика: «Переведено в Киеве 18⁵⁻⁶/XII 52 г.»; и с посвящением П. А. Куделину, от 19 августа 1857 г., хранится в *РГАЛИ. Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 18, 39 лл.*).

¹ Имеется в виду один из братьев Орлаев, Александр или Андрей. В первый свой приезд в Одессу, в 1848 г., Гоголь сообщал А. С. Данилевскому: «Здесь я встретил многих знакомых и наших соучеников. Орлаи оба, Александр и Андрей, прекрасные [мал<ые>] люди и будут от души хлопотать о тебе» (письмо от 4 мая). Наиболее давним знакомым Гоголя из братьев Орлаев был Александр Иванович Орлай де Карва (1805–1870-е; в Гимназии высших наук в Нежине обучался с ноября 1821 по ноябрь 1822). Незадолго до описываемого визита, в конце 1850 г., А-р И. Орлай вышел в отставку: «Одесса, 5-го января. Высочайшим приказом, *по военному ведомству*, 14-го декабря <1850>, дежурный штаб-офицер дежурства Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора, состоящий по кавалерии полковник *Орлай 1-й*, уволен от службы генерал-майором, с мундиром и с пенсионом одной трети жалованья» (Одесский Вестник. 1851. 6 янв. № 2. С. 1). «Старым знакомым» Гоголя был и Андрей Иванович Орлай де Карва (1813 – после 1857; в Гимназии высших наук в Нежине обучался с ноября 1822 по сентябрь 1826), подполковник, с 24 марта 1849 г. по 24 октября 1854 г. находился в отставке. Судя по тому, что более продолжительное общение в гимназии Гоголь имел с младшим Орлаем, можно предположить, что Н. Д. Мизко видел Гоголя именно у Андрея Орлая.

² Столетие Русской Словесности. Сочинение Николая Мизко. Одесса, 1849 (цензурное разрешение 8 ноября). 340 с. В книге дана высокая оценка «Ревизора» (с. 313–314), содержится краткий очерк творчества Гоголя в целом (с. 330–333).

³ <Мизко Н. Д.> Памятная записка о жизни Дмитрия Тимофеевича Мизко. Одесса, 1849 (цензурное разрешение 16 августа). 32 с.

⁴ Еще в 1834 г. Гоголь писал М. П. Погодину: «Ведь в столице нашей <в Петербурге> чухонство, в вашей <в Москве> купечество, а Русь только среди Руси» (письмо от 11 января). «Спасение России, что Петербург в Петербурге», – заметил также Гоголь в разговоре с Погодиным в 1848 г. (см. в наст. изд. дневниковую запись Погодина от 18 октября 1848 г.).

⁵ «О том, что он обедал с Гоголем у <Л. С.> Пушкина <...> Мизко не упоминает» (*Маркевич А. И.* Гоголь в Одессе // Записки Имп. Новороссийского ун-та. Одесса, 1902. Т. 88. Отд. 3. С. 37).

Тургенев.
Его тридцатилетняя литературная деятельность и его типы
Фрагмент

<...> ...Пишущий эти строки не лишним считает упомянуть, что в 1843 г., — когда появилось первое печатное сочинение г. Тургенева¹, а в майской книжке «Отечественных Записок» рецензия на него Белинского, — в предыдущей апрельской книжке «Отечественных Записок» напечатана статья пишущего эти строки — «Голос из провинции о поэме Гоголя Похождения Чичикова, или Мертвые души», с подстрочным о ней примечанием редакции, или, лучше сказать, Белинского¹, с которым он через три года, в 1846 г. имел случай познакомиться, во время поездки Белинского с Щепкиным на юг России, и слышать подтверждение его лестного для автора мнения, о той статье². — Через пять лет потом он познакомился в Одессе с Гоголем, который еще в самый год появления той статьи лестно выразился о ней в письме к Языкову³. Но в 1852 г. не стало Гоголя, а в 1856 г. <...> в июньской книжке «Отечественных Записок» напечатана другая статья пишущего эти строки — «Голос из провинции об отрывках из второй части поэмы Гоголя Похождения Чичикова, или Мертвые души»⁴. При свидании с Гоголем автор статьи слышал от него следующие слова: «Меня интересовали *мнения провинциальные*: истинно русская жизнь сосредоточена преимущественно в провинции». <...>

Впервые опубликовано: <Мизко Н. Д.> Тургенев. Его тридцатилетняя литературная деятельность и его типы. (Отклик из провинции по поводу последней повести «Вешние воды»). Соч. Н. М. Воронеж, 1872. С. 131–132. Печатается по первой публикации.

¹ Имеется в виду поэма И. С. Тургенева «Параша».

² В своей статье о первом томе «Мертвых душ» Н. Д. Мизко настаивал на реалистичности гоголевских образов. В напечатанном, без подписи, подстрочном примечании к статье Мизко В. Г. Белинский замечал: «С удовольствием помещая эту прекрасную статью, доставленную нам из Екатеринославля, и видя в ней выражение самостоятельного и вместе с тем не противоречащего духу нашего журнала мнения, мы желаем в этом случае быть только посредниками между публикою и неизвестным нам автором этой статьи... <...> — *Ред.*» (Отечественные Записки. 1843. Т. 27. № 4. Отд. V. С. 31).

³ Имеется в виду письмо Гоголя к Н. М. Языкову от 10 июня (н. ст.) 1843 г. (см. выше подстрочное примеч. к разделу *Воспоминания Н. Д. Мизко в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша*).

⁴ <Мизко Н. Д.> Н. Д. Голос из провинции об отрывках из второй части поэмы Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души» // Отечественные Записки. 1856. Т. 106. № 6. <Отд. 2> С. 45–66. В своей статье Н. Д. Мизко, указывая, как и в статье о первом томе «Мертвых душ», на реализм Гоголя в изображении отрицательных типов, замечал: «...Всякое самосознание начинается не иначе, как с отрицания. <...> Вспомним, что гремевший с пастырской кафедры на противников реформы Петровой Феофан горячо сочувствовал первому нашему сатирику Кантемиру, который, подобно Гоголю, на чужбине писал горькую правду о своем дальнем отечестве, *смеясь в стихах, а в сердце о злонравных плача* (Сат<ира> IV. К Музе своей. Не то же ли у Гоголя “видимый миру смех и незримые, неведомые ему слезы”? <...>). Так и достойная преемница <...> Петра I-го, Екатерина II-я, шествовала по пути, проложенному им, *чистя нравы* законами и в то же время своими комедиями и сказками, а своим монаршим вниманием поощряя Державина и Фонвизина, бичевавших современных им общественных слабости и пороки. <...> ...Лица второй части поэмы, которыми выражена *отрицательная* сторона современной нашей общественной жизни <...> равносильны глубоким типам первой части, с которыми имеют даже кровное родство (так Тентетников напоминает Манилова, а Платон Платонов — Мижурова, равно как Петух — Собакевича, а Хлобуев — Ноздева), <но> по сущности <...> своей <...> они составляют шаг вперед: ибо если в первой части являются слюшшь и рядом пошлые люди, которые <...> иными и быть не могут <...> то во

¹ Отечественные Записки 1843 г. № IV. Отд. V. Стр. 27. — *Примеч. Н. Д. Мизко.*

второй части мы находим людей, в природе которых есть зачатки свойств лучших... <...> ...Обращением к *светлой* стороне жизни служат остальные лица второй части поэмы. Но, к сожалению, лица эти не живые личности <...> это мертвые олицетворения разных поучительных идей» (<Мизко Н. Д. > Н. Д. Голос из провинции об отрывках из второй части поэмы Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души». С. 53, 59–60).

А. П. Толченов

Страница для биографии Гоголя (Из воспоминаний провинциального актера)

В 1851 году я был в числе актеров русской одесской труппы. В начале января мне встретилась надобность повидаться с членом дирекции театра А. И. Соколовым¹. Дома я его не застал. Дай, думаю, побываю у Оттона¹, не найду ли его там?.. Действительно, Соколов оказался у Оттона. Кончив с Александром Ивановичем немногосложное дело, по которому мне надо было с ним видеться, я полюбопытствовал узнать, по какой это причине он так поздно обедает (был час восьмой вечера). «Вы, сколько мне известно, враг поздних обедов... неужели вы заседаете здесь с двух часов?» — спрашивал я Соколова. «Именно так — заседаю с двух часов, — был ответ. — Что вы смеетесь... Здесь, батюшко, Гоголь, вот что!» — «Где? в ресторане?..» — «Ну, да он приходит поздно — часу в пятом, шестом... мой желудок так долго ждать не может... вот я пообедаю в свое время, да и сижу, поджидаю. Начнут наши подходить понемногу, а там и Гоголь приходит, садится за обед, а мы составляем ему компанию. Вот почему я и заседаю здесь с двух часов... Однако, пойдемте, я представляю вас ему... Хоть он терпеть не может новых лиц, но вы человек “маленький”, авось он не будет при вас ёжиться... пойдем!»

Мы вошли в другую комнату, которая из общей ради Гоголя превратилась в отдельную и отворялась только для его знакомых. Робко, с бьющимся сердцем, переступал я порог заветной комнаты. Все собеседники Гоголя были более или менее хорошо мне знакомы, но при мысли видеть Гоголя, говорить с ним, — нервная дрожь пробирала меня.

При входе в комнату я увидел, прямо против дверей, сидящего за столом худощавого человека. Острый нос, небольшие пронзительные глаза, длинные, прямые темноватые волосы, причесанные а la мужик, небольшие усы — вот что я успел заметить в наружности этого человека, когда при скрипе затворяемой двери он вопросительно взглянул на нас. Это был Гоголь. Соколов представил меня. «Добро пожаловать», — сказал Гоголь, вставая и с радушной улыбкой протягивая мне руку. «Очень рад. Садитесь здесь, возле меня», — добавил он, отодвигая свой стул и давая мне место. Я сел. Робость моя совершенно пропала. Гоголь, с которого я глаз не спускал, занялся исключительно мною. Расспрашивая меня о том, давно ли я на сцене, сколько мне лет, когда я из Петербурга, он, между прочим, задал мне также вопрос: люблю ли я искусство, которому посвятил себя? — «Если б я не любил искусство, — отвечал я, — то пошел бы по другой дороге... да во всяком случае, Николай Васильевич, если б я даже и не любил искусства, то наверно вам в этом бы не признался». — «Чистосердечно сказано!» — заметил, смеясь, Гоголь. «Но хорошо вы делаете, — продолжал он, — что, служа искусству, любите его... Оно только тому и дается, кто его любит. Искусство требует всего человека. Живописец ли, музыкант ли, писатель ли, актер ли — должны вполне отдаться искусству, чтобы иметь в нем значение, а то лучше быть ремесленником, нежели лезть в артисты, не любя искусства»¹¹. Слова эти, несмотря на то, что в них не было ничего нового, произвели на меня впечатление — так просто,

¹ Оттон, известный ресторатор в Одессе. Еще Пушкин упоминает о нем в «Евгении Онегине». — *Примеч. А. П. Толченова.*

¹¹ Я передаю только смысл говоренного Гоголем; подлинных слов его я не записывал. — *Примеч. А. П. Толченова.*

задушевно, тепло они были сказаны. В тоне Гоголя не было ни докторальности, ни педантизма, с которыми иные почитают делом совести изрекать юношам самые истертые аксиомы поношенной морали.

Увидя в руках моих бумагу, Гоголь спросил: «Что это? Не роль ли какая?» — «Нет, это афиша моего бенефиса, которую я принес для подписи Александру Ивановичу (Соколову)». — «Дайте полюбопытствовать». Я подал ему афишу, которая, по примеру всех бенефисных афиш, как провинциальных, так и столичных, была довольно велика². «Гм! а не долго ли продолжится спектакль? афиша-то великонька», — заметил Гоголь. «Нет, пиесы небольшие; только ради обычая и вкуса большинства публики афиша, как у нас говорится, расписана». — «Однако все, что в ней написано, действительно будет?» — «Разумеется». — «То-то! Вообще не прибегайте никогда ни к каким пуфам, чтоб обратить на себя внимание. Шарлатанство в артисте просто неприлично... Давно я не был в театре, а на ваш праздник приду!» Затем разговор сделался общим. Гоголь был, как говорится, в ударе. Два или три анекдота, рассказанные им, заставили всю компанию смеяться чуть не до слез. Каждое слово, вставляемое им в рассказы других, было метко и веско... Между прочим, он выразился, что никак не может «насобачиться» по-французски. Разошлись по домам часов в девять¹.

До окончания бенефиса я не имел случая, за недосугом, видеть Гоголя, но он сдержал свое обещание и был в театре в день моего бенефиса, в ложе директора Соколова, и, по словам лиц, бывших вместе с ним, весь спектакль высидел с удовольствием. Вслед за моим бенефисом шел бенефис г-жи <А. И.> Шуберт, которая выбрала для этого спектакля «Школу женщин» Мольера. Соколов, зная, как трудно молодым актерам, воспитавшимся совершенно на иных началах, передавать так называемые классические произведения, просил Николая Васильевича прочесть актерам «Школу женщин»³, чтоб дать им верный тон и тем облегчить для них понимание и передачу мольеровской комедии. Гоголь согласился, и для чтения положили собраться в квартире режиссера труппы А. Ф. Богданова⁴, которого Гоголь знал еще в Москве¹¹. В назначенный вечер актеры и актрисы, участвовавшие в комедии, собрались у Богданова⁵. Из не занятых в пиесе артистов была приглашена П. И. Орлова, из лиц посторонних театру Н. П. Ильин¹¹¹. В восемь часов пришел Гоголь с Соколовым. Войдя в комнату и увидя столько

¹ Далее в изд. 1876 г. следует фрагмент представляющий собой, по-видимому, редакторскую вставку Н. П. Карцова: Такова была моя первая встреча с Гоголем. Я с трудом мог прийти в себя от изумления — так два часа, проведенные в обществе Гоголя, противоречили тому, что мне до тех пор приходилось слышать о Гоголе как о члене общества. Все слышанное мною про него в Москве и Петербурге так противоречило виденному мною в этот вечер, что на первое время удивление взяло верх над всеми другими впечатлениями. Я столько слышал рассказов про нелюдимость, недоступность, замкнутость Гоголя, про его эксцентрические выходы в аристократических салонах обеих столиц; так жив еще был в моей памяти рассказ, слышанный мною за два года в Москве, о том, как приглашенный в один аристократический московский дом, Гоголь, заметя, что все присутствующие собрались собственно затем, чтоб посмотреть и послушать его, улегся с ногами на диван и проспал, или притворился спящим, почти весь вечер, — что в голове моей с трудом переваривалась мысль о том, чтоб Гоголь, с которым я только расстался, которого видел сам, был тот же человек, о котором я составил такое странное понятие по рассказам о нем... Сколько одушевления, простоты, общительности, заразной веселости оказалось в этом неприступном, хоронящемся в самом себе человеке...

«Неужели, — думал я, — это один и тот же человек, — засыпающий в аристократической гостиной, и сыплющий рассказами и заметками, полными юмора и веселости и сам от души смеющийся каждому рассказу смехотворного свойства, — в кругу людей, нисколько не участвующих и не имеющих ни малейшей надежды когда-нибудь участвовать в судьбах России?»

¹¹ Далее в изд. 1876 г. следует пояснение, по-видимому, принадлежащее редактору Н. П. Карцову: так как Богданов был женат на родной сестре М. С. Щепкина, а известно, как близок был Гоголь к дому Щепкина.

¹¹¹ Далее в изд. 1876 г. следует примечание, сделанное, вероятно, редактором Н. П. Карцовым: Как прочих артистов, так и знакомых Николая Васильевича не пригласили из опасения испугать Гоголя многолюдством.

незнакомых лиц, Гоголь заметно сконфузился. Когда же стали ему представлять всех присутствующих, он совершенно растерялся, вертел в руках шляпу, комкал перчатки, неловко раскланивался и, вдруг увидя меня, — человека уже знакомого ему, — быстро подошел ко мне и как-то нервически стал жать мои руки¹. Впрочем, замешательство Гоголя было непродолжительно. Как только окончилась рекомендация, каждый стал продолжать прерванный разговор, поднялся говор, раздался смех, и Гоголь, заметя, что его присутствием никто не стесняется, сам оживился, и пошла самая одушевленная беседа между ним, Л. С. Богдановой⁶ (сестра М. С. Щепкина), П. И. Орловой, Соколовым, Ильиным и другими. Русские и малороссийские анекдоты, поговорки, прибаутки сменяли один другой. После чаю разговоры прекратились; общество сгруппировалось вокруг стола, за которым сидел Гоголь, и началось чтение. Гоголь читал мастерски, но мастерство это было особого рода, не то, к которому привыкли мы, актеры. Чтение его резко отличалось от признаваемого при театре за образцовое отсутствием малейшей эффектности, малейшего намека на декламацию. Оно поражало своей простотой, безыскусственностью и вместе с тем образностью, и хотя порою, особенно в больших монологах, казалось монотонным и иногда ухо оскорблялось резким ударением на цезуру стиха, зато мысль, заключенная в речи, рельефно обозначалась в уме слушателя и, по мере развития действия, лица комедии принимали плоть и кровь, делались лицами живыми, со всеми оттенками характеров. Впоследствии, на одном из вечеров у Оттона, Гоголь читал свою «Лакейскую» — и лицо дворецкого еще до сих пор передо мною как живое. Перенять манеру чтения Гоголя, подражать ему, — было бы невозможно, потому что все достоинство его чтения заключалось в удивительной верности тону и характеру того лица, речи которого он передавал, в поразительном умении подхватывать и выражать жизненные, характерные черты роли, в искусстве оттенять одно лицо от другого, т<о> е<сть> в том, что в сценическом искусстве называется созданием характера, типа. Тут подражанию не может быть места, — тут возможно только сознательное усвоение взгляда на данный характер, облегчение в понимании поэтического произведения, ознакомление с приемами, при помощи которых должно приступать к изучению или созданию роли. Таков, по моему мнению, идеал сценического учителя. Такой учитель не довольствовался бы чтением с его голоса, рутинным умением повышать и понижать голос на определенных местах и искусным употреблением раз навсегда установленных эффектов.

Чтение комедии часто прерывалось замечаниями как со стороны Гоголя, так и со стороны слушавших. Пять действий комедии были прочтены незаметно. Вечер заключился ужином, за которым, нарочно для Гоголя, были приготовлены некоторые малороссийские блюда.

Через несколько дней, когда роли у актеров были уже тверды, Николая Васильевича пригласили на репетицию, и, несмотря на его обыкновение ранее четвертого часу не выходить из дому, он пришел на репетицию в десять часов. Репетиция была на сцене. Кроме игравших никого не было. Гоголь выслушал внимательно всю пьесу. По окончании репетиции каждому из игравших актеров, по очереди и в стороне, сделал по несколько замечаний; одобрил вообще всех игравших; а г-жею Шуберт (Агнеса) остался особенно доволен, но вообще был серьезен и сосредоточен; ёжилась, кутался в шинель и жаловался на холод, который, как известно, действовал на него неблагоприятно. Да и сам по себе театр днем, тускло освещаемый, сквозь запыленные окна, одним дневным светом, с прибранными декорациями, на месте которых остаются одни голые, словно остовы, рамки для кулис, с безмолвной, погруженной в полумрак залой, в которой глухо раздаются голоса говорящих на сцене, способен нагнать тоску на впечатлительного человека.

В день представления «Школы женщин»⁷, также и в бенефис Богданова, поставившего «Лакейскую»⁸, Гоголь, несмотря на свое обещание прийти, в театре не был.

¹ Далее в изд. 1876 г. следует дополнение, сделанное, по-видимому, редактором Н. П. Карцовым: отчего я в свою очередь сконфузился

В кругу театральных Гоголь был еще раз у П. И. Орловой⁹ на вечере, устроенном ею нарочно для него, по случаю выраженного им однажды желания поесть русских блинов, которыми Орлова, как москвичка, и вызвалась его угостить. Гоголь ел блины с большим аппетитом и похваливая их, смеялся сам и смешил других, нисколько не стесняясь присутствием некоторых, совершенно ему незнакомых лиц, напротив, внимательно вслушивался в их разговоры и рассказы¹ и оставался довольно долго. Но кроме этих исключительных случаев я бывал, не менее двух раз в неделю, в обществе Гоголя у Оттона, в той же маленькой комнате, в которой увидел его в первый раз и куда Гоголь приходил обедать в известные дни, раза два-три в неделю. Гоголь приходил туда часов в пять, иногда позднее — приходил серьезным, рассеянным (особенно в дни относительно холодные), но встречали его обыкновенно так радушно, задушевно, что минут через пять Гоголь делался сообщителен и разговорчив. Послеобеденная беседа продолжалась часу до десятого, иногда и далее. Постоянными собеседниками Гоголя у Оттона были А. И. Соколов¹¹, Н. Н. Мурзакевич, Н. П. Ильин, М. А. Маршанский¹⁰ и А. Ф. Богданов. Иногда бывал еще кто-нибудь из общих знакомых, но редко. Я присутствовал в этом кружке в качестве «юноши, подающего надежды». С приходом Николая Васильевича являлся самолично Оттон, показывавшийся только в торжественных случаях, и добродушно вступал в переговоры с Гоголем касательно его обеда — одно блюдо отвергал, другое советовал, но все его красноре-

¹ Далее в изд. 1876 г. следует дополнение, принадлежащее, по-видимому, редактору Н. П. Карцову: расспрашивал сам об особенностях местной жизни, а меня с любопытством допрашивал о житье-бытье одесских лиценстов (в то время место нынешнего Новороссийского университета занимал Ришельевский лицей), между которыми у меня было много знакомых. Вообще к молодежи Гоголь относился с горячей симпатией, которая сказалась мне и в расспросах меня о моей собственной жизни, о моих наклонностях и стремлениях и в тех советах, которыми он меня подарил.

¹¹ Ни Соколова, ни Ильина нет уж в живых. Александр Иванович Соколов воспитывался в московском университете. В то время, о котором идет речь, занимал он должность непрямого члена одесского приказа общественного призрения и место директора русской труппы. Собственно инициативой Соколова, при ходатайстве бывшего одесского военного губернатора Д. Д. Ахлестышева, была учреждена в Одессе дирекция русского театра, с ежегодным пособием от города в восемь тысяч рублей серебром. (До тех пор в Одессе русские труппы бывали только наездом.) Время директорства Соколова было блистательным временем одесской русской сцены. При его управлении одесская публика постоянно видела на русской сцене такие таланты, как П. И. Орлову, А. И. Шуберт, С. В. Шумского, Н. М. Медведеву, Л. Н. Левкееву. Остальная труппа, составленная из бывших воспитанников петербургского и московского театральных училищ, по выбору Соколова, трудилась дружно, добросовестно под его руководством. В его же время играли на одесской сцене, как гости, одновременно: М. С. Щепкин, Н. В. Самойлова, В. В. Самойлов, В. И. Живокини. Шумского, вызванного в Москву, заменил известный провинциальный комик К. Т. Соленик (уже покойный). Трудно передать, как любила и уважала Соколова вся труппа. При глубокой, страстной любви к искусству, Соколов обладал полным знанием сцены и верным эстетическим чувством, в оценке степени и характера таланта артиста. Удачу или неудачу актера, одобрение или неодобрение публикой чьей-нибудь игры, Соколов принимал также близко к сердцу, как свое личное дело. Образованный, развитый ум, мягкая натура, невыразимая деликатность обращения, почти юношеский жар в вопросах искусства — делали понятной горячую любовь к нему артистов. Если б директора театров обладали хотя половиной качеств Соколова, наши провинциальные театры имели бы не то значение, которое они имеют теперь... Николай Петрович Ильин, друг и товарищ Соколова, не занимал в Одессе никакого официального места, но как человек образованный, редкий, превосходного сердца, живого, хотя подчас парадоксального ума, одаренный замечательным даром слова, пользовался большой известностью и общей любовью в одесском обществе того времени. Он был убит в Кутаисе бешеным горцем, от ударов которого хотел защитить князя А. И. Гагарина, бывшего кутаисского генерал-губернатора, при котором состоял чиновником особых поручений. Соколов и Ильин переселились в Одессу, в числе других замечательных молодых людей, в блистательное время управления новороссийским краем князя М. С. Воронцова, который, как известно, любил окружать себя образованными людьми. Соколов и Ильин со многими другими, в числе которых был и Лев Сергеевич Пушкин, пользовались в свое время большим уважением в одесском обществе. — *Примеч. А. П. Толченова.*

чие в восхвалении разных тонких, французских кушаньев не достигало цели, и Гоголь обыкновенно составлял свой обед из нехитрых, простых блюд, преимущественно мясных... Отгон, вздохнув и добродушно улыбаясь, удалялся. Перед обедом Гоголь выпивал рюмку водки, во время обеда рюмку хереса, а так как собеседники его редко обедали без шампанского, то после обеда — бокал шампанского. Когда Гоголь кончал обед, вся компания группировалась около него, и Николай Васильевич заваривал на тарелках жженку. Жженка выходила превкусная, но сам Гоголь пил очень мало, просиживая целый вечер за одной рюмкой. Тут начиналась беседа — веселая, одушевленная, непритязательная. В веселости Гоголя было много заразного, но вообще его веселость всегда была покойна, тиха, ровна и немногоречива. Собеседники его, как будто по уговору, старались избегать в разговоре всякого намека на предметы, которые могли бы смутить веселость Гоголя. Раз, впрочем, было спрошено его мнение о современных русских литераторах, но Гоголь отказался отвечать, ссылаясь на малое знакомство с современной литературой¹. В другой раз кто-то прямо предложил ему вопрос: чему должно приписать появление в печати «Переписки с друзьями»? — «Так было нужно, господа...» — отвечал Гоголь, вдруг задумчиво и таким тоном, который делал неуместными дальнейшие вопросы.

Иногда на Гоголя находили минуты задумчивости, рассеянности, но весьма редко; вообще же мне не привелось подметить в нем, несмотря на частые встречи во время его пребывания в Одессе, ни одной эксцентрической выходки, ничего такого, что подавляло бы, стесняло собеседника, в чем проглядывало бы сознание превосходства над окружающими. Постоянно он был прост, весел, общителен и совершенно одинаков со всеми в обращении. Новых лиц, новых знакомств он, действительно, как-то дичился. Бывало, когда в комнату, в которой обедал Гоголь со своими постоянными собеседниками, входило незнакомое ему лицо, Гоголь замолкал, но если присутствующие встречали вошедшее лицо дружески и радушно, Гоголь переставал дичиться и спокойно продолжал разговор. Если же встреча вошедшему была только официально вежлива, то Гоголь уходил в себя и решительно не говорил ни слова, пока появившийся господин не скрывался. Говорил Гоголь охотно об Италии, о театре, рассказывал анекдоты, преимущественно малороссийские, слушал же с большим вниманием всевозможные рассказы, касавшиеся русской жизни; и с заметным удовольствием ловил в рассказах характеристические черты разных сословий, с любопытством расспрашивал об особенностях одесской жизни и, если предмет его занимал, интересовал, или был ему мало знаком, настойчиво добивался от рассказчика объяснения мельчайшей подробности, но сам старательно избегал разговора о литературе и о самом себе...¹¹ Ни колоссальной гордости, ни самообожания, ни неприступности, которые обыч-

¹ Далее в изд. 1876 г. следует, по-видимому, редакторское дополнение Н. П. Карцова: отозвавшись, впрочем, с большой симпатией о Тургеневе

¹¹ Далее в изд. 1876 г. следует дополнение, принадлежащее, вероятно, редактору Н. П. Карцову: Не позволяя себе никаких выводов из приводимых фактов, не могу, однако, не высказать по поводу их двух-трех предположений. Гоголя часто обвиняли в самообожании, скрытности, замкнутости. Не проще ли объяснить его сдержанность в сношениях с людьми условиями русской, особенно петербургской жизни того времени, в которое жил Гоголь? Кто не помнит, как осторожны, осмотрительны, сосредоточены были каждый и каждая в Петербурге в те годы, даже с лицами знакомыми. Не прерывалась ли там всякая беседа, всякий живой разговор при появлении лица неизвестного? Петербургский житель даже в провинции, где языки и тогда работали гораздо свободнее, являлся всегда застегнутым на все пуговицы; его сейчас можно было узнать, куда бы он ни явился — в театр ли, на гулянье ли, в клуб ли!

С другой стороны, кому тоже неизвестно, как жадно большинство читающего русского люда сороковых годов ловило каждую подробность, каждую черту из частной жизни общественных деятелей того времени, особенно писателей, даже не такого размера, как Гоголь. По обстоятельствам, известным каждому, печатное слово принималось более или менее официально, и каждый, кто как умел, старался читать между строк. Отсюда — развитая, как нигде, страсть к письменной литературе, отсюда же и жажда к разузнаванию частной жизни влиятельного писателя, желание, часто назойливое, вызнать сокровенное мнение писателя о данном предмете... Отговоркой: «Я высказываю свое мнение печат-

новенно приписываются Гоголю, он не высказывал. Гораздо чаще в нем проглядывали не то робость, не то застенчивость, какая-то неуверенность и нерешительность... Также вопреки общему мнению, мне привелось видеть, что Гоголь с человеком наименее значительным сходиллся скорее, проще, был более самим собою, а с людьми влиятельными застегивался, как говорится, на все пуговицы. Объяснять противоречия моих наблюдений с общепринятым мнением не берусь. Я просто рассказываю то, что видел, показываю Гоголя в том свете, в котором он мне представился. О темных сторонах его характера говорили слишком много, да позволено будет вписать хоть одну страничку посветлее в его биографию.

Жил Гоголь в Одессе за Сабанеевым мостом, в доме <А. А.> Трошинского¹. По его собственным словам, выходил он из дому редко ранее четвертого часа¹¹. Из его же слов знаю, что он довольно часто посещал семейства князей Репнина и Д. И. Гагарина¹¹.

Постоянный костюм Гоголя был: темно-коричневый, с бархатными отворотами, сюртук; жилет темный, с цветными разводами, на шее или шарф фантастического рисунка, или просто черная шелковая косынка, зашпиленная крест-накрест простой булавкой. Иногда на галстук выпускались от сорочки отложенные остроугольные воротнички; шинель коричневая, с бар-

но» — нельзя было отделаться от любознательности публики: она хотела знать именно то, что печатно не высказывалось. Боже мой! каких историй, рассказов, анекдотов не ходило в публике того времени про Белинского, Тургенева, Некрасова, Ф. Достоевского и др.<угих>. Гоголь без всякого самообожания мог знать, что каждая подробность о его жизни полна интереса для общества, что каждое слово, сказанное им о ком-нибудь или о чем-нибудь, непременно подхватится, разнесется и может получить такое значение, которого он давать ему и не думал. Надо взять в соображение, что, кроме той части общества, которая действовала на различных поприщах официальной и публичной жизни и на которую, за немногими исключениями, передовые люди того времени и проводившиеся ими идеи имели весьма ограниченное влияние, в большинстве возбуждая даже злобу и ненависть, — кроме этой части общества выдвигалась на жизненную арену другая публика, новое общество, только еще готовившееся действовать. Я говорю про молодежь того времени, молодежь преимущественно недостаточную, даже бедную, трудившуюся и учившуюся в одно и то же время. Вот эта-то новая публика с жадностью ловила каждую подробность из жизни любимого писателя, и вот на эту-то публику, к слову сказать, литература сороковых годов имела огромное и благотворное влияние.

Помню и эти годы, помню, сколько знакомых обежишь, бывало, во сколько кондитерских забежишь в первых числах месяца, чтоб только иметь возможность прочитать вышедшую в свет новую книжку «Отечественных Записок». С каким терпением, с какою страстною тоской сидишь, бывало, часа два-три в кондитерской, медленно прихлебывая холодный чай в ожидании, пока освободится заветная книжка... и когда попадетя она в руки, прежде всего, разумеется, с жадностью читаешь статьи Белинского, узнававшиеся каким-то чутьем, если можно так выразиться, так как Белинский под статьями не подписывался. Помню также, какое торжество бывало, когда учитель словесности, довольный учениками, приносит книжку «Отечественных Записок» со статьей Белинского! как береглась эта книжка! сколько раз перечитывалась!.. какую энергию и жажду к труду возбуждали рассказы о труженической, почти мученической жизни Белинского... Его неутомимая деятельность, несмотря на всевозможные препятствия, его твердость в перенесении различных невзгод, преследований и физических болезней, его страстная, гуманная, нежная душа, сквозившая в статьях, — имели чарующее влияние на молодые, восприимчивые сердца... Это влияние на многих осталось на всю жизнь... Многих знаю я, которые до сих пор, уже потерятые, помятые жизнью, без умиления не могут произнести имени Белинского и продолжают честно трудиться во имя его... Мне кажется, литераторы еще мало знают о размере влияния Белинского на ту часть среднего, образованного общества, которое в литературе не высказывается, мемуаров о себе не ведет и вообще таит про себя свои сокровенные убеждения, руководясь только ими в своих действиях на жизненном поприще.

Возвращаюсь к Гоголю.

¹ Далее в изд. 1876 г. следует пояснение, еписанное, вероятно, редактором Н. П. Карцовым: где мне привелось быть у него всего один раз

¹¹ Далее в изд. 1876 г. дополнение, сделанное, по-видимому, редактором Н. П. Карцовым: и гулял до самого обеда

хатным воротником, на легкой вате, в морозные дни енотовая шуба. Шляпа с конусообразной тульей, перчатки черные.

Голос Гоголя был мягкий, приятный; глаза пронизательные...

За несколько дней до отъезда Гоголя из Одессы, на второй или на третьей неделе поста, постоянные собеседники Гоголя у Оттона давали ему там же прощальный обед. День выдался солнечный, и Гоголь пришел веселый. Поздоровавшись со всеми, он заметил, что недостает одного постоянного собеседника — Ильина. «Где же Николай Петрович?» — спросил Гоголь Соколова. Соколов отвечал, что Ильин ночью сильно захворал. Внезапная болезнь Ильина произвела на Гоголя дурное впечатление. Он задумался и хотя видимо старался быть любезным и разговорчивым, но это ему не удавалось. Рассеянность и задумчивость, одолевавшие его, сообщились и остальному обществу, и потому обед прошел довольно грустно. После обеда Гоголь предложил пойти навестить Ильина. Все охотно согласились. Ильина нашли поправляющимся. Гоголь сказал ему несколько теплых слов и хотел тут же проститься с нами; но все единодушно изъявили желание проводить его до дому. Вышли вместе. Гоголь был молчалив и на половине дороги к своей квартире, на Дерибасовской улице, снова стал прощаться... Никто не стал настаивать на дальнейших проводах. Гоголь подтвердил данное прежде обещание на следующую зиму приехать в Одессу. «Здесь я могу дышать, — говорил он, — осенью поеду в Полтаву, а к зиме и к вам... Не могу переносить северных морозов... весь замерзаю и физически и морально...» Простился тепло с каждым; но и он, и каждый из нас, целуясь с ним прощальным поцелуем, были как-то особенно грустны. Гоголь пошел, и мы молча стояли на месте и смотрели вслед ему, пока он не завернул за угол. Не суждено нам было видеть его более. Через год Гоголя не стало.

Впервые опубликовано: <Толченев А. П.> *Тол — в Александр*. Страница для биографии Гоголя. (Из воспоминаний провинциального актера) // Иллюстрированная Газета. (Пг.) 1866. 1 сент. № 34. С. 140–141; 8 сент. № 35. С. 156–157; перепечатано, с исправлениями и поясняющими дополнениями редактора: *Толченев А.* Гоголь в Одессе. 1850–1851 г. (Из воспоминаний провинциального актера) // Музыкальный свет. Газета музыки, театра и изящных искусств. Редактор-издатель Н. П. Карцов. 1876. № 30–33. С. 239, 243–245, 254–255, 262–263; *Толченев.* Гоголь в Одессе. 1850–1851 г. (Из воспоминаний провинциального актера) («Музык<альный> Свет» 1876 г., №№ 29–33) // Из прошлого Одессы. Сборник статей. Сост. Л. М. де Рыбасом. Одесса, 1894. С. 104–125. Печатается по первой публикации.

Александр Павлович Толченев (ум. 1888), актер и драматург, сын актера Павла Ивановича Толченова; в 1845 г. окончил Петербургское театральное училище, поступил в русскую драматическую труппу Александринского театра. В начале 1850-х гг. переехал в Одессу и прослужил на провинциальной сцене до 1875 г., затем вернулся в Петербург. В 1885 г. разбит параличом, умер в больнице. «...Я помню игру Толченова; далека была она от естественности; он был актер в манере Рыбакова, но плоховатый» (*Маркевич А. И.* Гоголь в Одессе // Записки Имп. Новороссийского ун-та. Одесса, 1902. Т. 88. Отд. 3. С. 43).

Николай Петрович Карцов (1845–1878), выпускник Училища правоведения (1866), композитор и музыкальный критик, издатель журнала «Музыкальный Свет».

¹ Александр Иванович Соколов, исправляющий должность председателя совета и правления одесского приказа общественного призрения, директор русской труппы Одесского театра.

² «Бенефис Толченова был 9 января 1851 г.; афиша действительно была длинная; см. «Од<есский> Вестн<ик>» 1851 г. № 2» (*Маркевич А. И.* Гоголь в Одессе // Записки Имп. Новороссийского ун-та. Одесса, 1902. Т. 88. Отд. 3. С. 41). «Во вторник, 9-го января, назначен бенефис г-на *Толченова*. <...> ...Ограничиваемся <...> указанием <...> состава его бенефиса: 1) *Окно во втором этаже*, др<ама> в 3-х кар<тинах>, соч<инение> Корженевского, перев<од> с польского (г-жа Орлова, гг. Толченев, Максимов, Соленик и проч.); 2) *Губернские сплетни*, оригинальная ком<едия> <А. П. Толченова> в 2-х д<ействиях> и 3-х картинах (почти вся труппа); 3) *Пансионерка* <“La petite cousene” Ш. А. Де-

курселя и Т. Баррьера; пер. с фр. К. А. Тарновского и Ф. М. Руднева>, вод<евиль> в 1 д<ействии>, с француз<ского> (г-жи Орлова, Шуберт, гг. Толченев, Воробьев), и 4) *Все кончилось*, фарс-дивертисмент <Н. А. Ермолова>, забавный и совершенно в новом роде (г-н Воробьев пропоет колыбельную песню публике)» (Бенефис г-на Толченева // Одесский Вестник. 1851. 6 янв. № 2. С. 2).

³ Согласившись на просьбу А. И. Соколова, Гоголь предварительно, 6 января 1851 г., прочел «Школу жен» Ж. Б. Мольера у княгини Е. П. Репниной-Волконской (см. в наст. изд. дневниковую запись Е. А. Хитрово от 6 января 1851 г.).

⁴ Александр Федорович Богданов (ум. в 1877), танцовщик и актер московской группы (с 1830), режиссер одесского театра (в 1847–1853), режиссер московского Малого театра (с 1861) (ум. в 1877), муж Е. С. Богдановой (рожд. Щепкиной).

⁵ Об этом чтении см. также в наст. изд. в воспоминаниях А. И. Шуберт «Моя жизнь».

⁶ Елизавета Семеновна Богданова (рожд. Щепкина, 1802–1871), сестра М. С. Щепкина, жена А. Ф. Богданова.

⁷ «8 февраля» (Маркевич А. И. Гоголь в Одессе // Записки Имп. Новороссийского ун-та. Одесса, 1902. Т. 88. Отд. 3. С. 43).

⁸ «11 февраля; в афише нет названия “Лакейская”, а сказано: “Сцена из комедии Н. В. Гоголя”» (Маркевич А. И. Гоголь в Одессе // Записки Имп. Новороссийского ун-та. Одесса, 1902. Т. 88. Отд. 3. С. 43). Одесская постановка «Лакейской» стала сценической премьерой этого драматического отрывка Гоголя. В Московском Малом театре премьера «Лакейской» состоялась лишь в 1863 г. (28 января); на сцене Александринского театра — в 1886 г.

⁹ В то время П. И. Орлова расставалась с театром. 30 января 1851 г. состоялся ее прощальный бенефис на одесской сцене (см.: А—у. Прощальный бенефис П. И. Орловой // Одесский Вестник. 1851. 27 янв. № 8. С. 1).

¹⁰ «Михаил Александрович Моршанский был в то время чиновник особых поручений при начальнике Одесского таможенного округа...» (Маркевич А. И. Гоголь в Одессе // Записки Имп. Новороссийского ун-та. Одесса, 1902. Т. 88. Отд. 3. С. 44).

¹¹ «Кн<язь> Д. И. Гагарин был в то время инспектором Одесского центрального карантина» (Маркевич А. И. Гоголь в Одессе // Записки Имп. Новороссийского ун-та. Одесса, 1902. Т. 88. Отд. 3. С. 47).

Обед, данный Н. В. Гоголю в Одессе

Недавно *Новороссийский Телеграф*¹, отозвавшись на нашу статью об обеде, данном графу А. К. Толстому², заметил, что в прошлое царствование Одесса *давала публичный обед Н. В. Гоголю*. Мы усумнились в этом факте, потому что ничего подобного не слышали от одесских старожил, — и спросили *Телеграф*: где, когда и кем был дан этот обед³? Последовало молчание. Мы собрали более обстоятельные сведения, — и вот что узнали. *Никогда Одесса не давала публично обеда Н. В. Гоголю*, — а в 1851 году кружок от 20 до 30 чел<овек> близких знакомых и приятелей Николая Васильевича давал ему дружеский обед в ресторане Маттео, который помещался в верхнем этаже дома Кирико, где и в недавнее время помещалось коммерческое казино. Теперь, в этом же доме, магазин г. Петрококино заменил магазин г. Вагнера. В числе участвовавших находились Лев Сергеевич Пушкин (брат поэта), г. Ильин (убитый впоследствии в Кутаисе) и Н. Г. Тройницкий. В свое время эти лица были известны в своем кружке как живые библиотеки всей современной литературы. Первые два отличались также заметным даром декламации. Никаких посторонних лиц не было, никаких спичей не произносили; шла только оживленная литературная беседа, да припоминались перлы современной литературы.

Первые опубликовано: Обед, данный Н. В. Гоголю в Одессе // Одесский Вестник. 1869. 27 марта. № 67. С. 222. Печатается по первой публикации.

¹ Новороссийский Телеграф. 1869. № 40.

² См.: Одесский Вестник. 1869. 18 марта. № 60. С. 201–202.

³ См.: Промахи // Одесский Вестник. 1869. 20 марта. № 62. С. 209.

Гоголь в воспоминаниях А. Л. Деменитру

Н. О. Лернер

Несколько новых слов о пребывании Гоголя в Одессе в 1850–51 гг.

Фрагменты

<...> Настоящие строки имеют целью сообщить воспоминания о Гоголе одного почтенного одесского старожилы, в дни своей юности имевшего случай пожимать ту руку, которая написала «Мертвые души», и любезно поделившегося этими немногими и незначительными, но все же освященными драгоценным именем Гоголя воспоминаниями с пишущим эти строки... <...>

<...> Во второй раз Гоголь прибыл в Одессу в октябре 1850 года, измученный, большой, рассчитывая поправить на юге свое слабое здоровье, и прожил здесь всю зиму 1850–1851 гг. На третьей неделе Великого Поста 1851 г. он уехал из Одессы. К этому-то времени и относятся немногие воспоминания о Гоголе почтенного старожилы, действительного с<татского> с<оветника> Антона Людвиговича Деменитру (старшего брата известного героя-студента Ришельевского лицея, ныне покойного, отличившегося в 1854 году своим редким мужеством на знаменитой Щеголевской батарее, во время бомбардирования Одессы флотом союзников¹). В настоящее время Антон Людвигович один из очень немногих, которые помнят Гоголя, и это придает его коротенькому рассказу особый интерес.

В бытность в Одессе Гоголя проживал в ней младший брат А. С. Пушкина Лев Сергеевич, некогда непоседливый, пылкий «Левушка» и «*vallant capitaine*»², как звали его близкие, а потом мирный член одесской таможни (скончался 19-го июля 1852 г. в Одессе). В его семье, гостеприимной, любезной и общительной, собиралось лучшее одесское общество. Сам хозяин дома, живой, умный, образованный и добродушный, был в очень близких отношениях со многими писателями и выдающимися людьми. В Одессе у него часто бывал молодой Я. П. Полонский; одним из первых Лев Сергеевич признал и оценил по достоинству развивавшийся с необычайной силою поэтический талант незабвенного Н. Ф. Щербина¹. Бывал у него и Гоголь, друг его великого брата. В доме Л. С. Пушкина, жившего на углу Греческой и Преображенской ул<иц>, зимою 1850–51 гг. имел случай познакомиться с Гоголем и А. Л. Деменитру, тогда студент Ришельевского лицея.

По его рассказу, худой, бледный, с длинным, выдающимся и острым, словно птичьим, носом, Гоголь своею оригинальной наружностью, эксцентрическими манерами произвел на своего нового знакомого весьма странное впечатление какого-то «буки». На великом писателе тогда уже лежала печать нездешнего мира. Все окружающие оказывали творцу «Мертвых душ» знаки величайшего внимания, но Гоголя это стесняло и коробило, и он относился как-то небрежно к этим проявлениям уважения своих поклонников. Он был вял, угрюм, сосредоточен; говорил очень мало. За обедом его всячески старались растормошить, — что называется, «разговорить», заводя речь о предметах, которые, казалось, могли его заинтересовать, но он был по-прежнему молчалив и угрюм. Одна дама обратилась к нему с каким-то вопросом, но уткнувшийся в свою тарелку Гоголь ничего не ответил, как будто и не расслышал вопроса (а может быть, и в самом деле не расслышал). Его оставили в покое и заговорили о местных одесских делах и делишках. Кто-то произнес фамилию негоцианта-грека Родоканакис³. При этом слове Гоголь на мгновение встрепенулся и спросил студента Деменитру, сидевшего рядом с ним:

- Это что такое? фамилия такая?
- Да, — подтвердил Деменитру, — это фамилия.

¹ В конце 1849 г. Щербина напечатал в Одессе первый сборник своих произведений «Греческие стихотворения». (Книжка эта ныне очень редка.) Н. Л. — *Примеч. Н. О. Лернера.*

— Ну, это Бог знает что, а не фамилия, — сказал Гоголь. — Этак только обругать человека можно: ах ты, ррродоканака ты этакая!..

Все рассмеялись, а Гоголь опять погрузился в свои мысли. Обед кончился. Хозяева и гости перешли в гостиную. Зашел разговор о Лермонтове. Лев Сергеевич достал и показал гостям перчатку Лермонтова, снятую с руки безвременного погибшего поэта после его злополучной дуэли с Н. С. Мартыновым. Все с любопытством поглядели на эту реликвию, но Гоголь не обратил на нее ни малейшего внимания и, казалось, не слушал и рассказа хозяина дома о Лермонтове, которого Лев Сергеевич близко знал. Это, впрочем, понятно. Со второй половины сороковых годов Гоголь был уже не тот пламенный юноша-поэт, который написал «Вечера на хуторе», не тот гениальный художник, в полном расцвете своего дарования, который создал «Ревизора» и «Мертвые души». Иначе отнестись к памяти погибшего на поединке представителя свободной, кристально чистой поэзии, гордо возвеличивавшей человеческий дух и права личности, не мог мрачный, истерзанный душевным недугом, мистически настроенный автор «Переписки с друзьями».

Жил Гоголь за Сабанеевым мостом, в доме А. А. Трощинского, ныне принадлежащем Депп, на Надеждинской улице. В этом доме проживала также, по соседству с Гоголем, семья Картамышевых⁴, у которых часто бывал А. Л. Деменитру¹. В доме Трощинского Гоголь жил в находившемся во дворе отдельном флигеле, до сих пор сохранившемся без значительных изменений, и занимал во втором этаже две небольшие комнатки. Бывая у живших бок о бок с Гоголем Картамышевых, Ант<он> Л<юдвигович> иногда слышал несшиеся из комнат Гоголя вздохи и шепот молитвы: «Господи помилуй! Господи помилуй!»¹¹

Когда совершился с Гоголем печальный внутренний перелом, и явилась в свет «Переписка с друзьями», Гоголь, как известно, стал смотреть на свою прежнюю литературную деятельность как на тяжкий грех и, сознавая, что ей обязан своею славой, старательно избегал каких бы то ни было знаков внимания к нему, как к писателю. Зачитывавшиеся его произведениями студенты Ришельевского лицея, как рассказывает А. Л. Деменитру, с благоговением, смешанным с удивлением и любопытством, оглядывали на улице странно одетого, с сумрачным и скорбным, бледным лицом гениального поэта, уже человека «не от мира сего». Те, что были посмелее, даже следовали за ним; правда, в довольно почтительном отдалении. Это раздражало Гоголя, и, завидя студентов, шедших ему навстречу, он иной раз бегством в первые попавшиеся ворота спасался от стеснявшего и тяготившего его, так сказать, и внешне, и внутренне, внимания молодежи. <...>

Первые опубликовано: *Лернер Н.* Несколько новых слов о пребывании Гоголя в Одессе в 1850–51 гг. // *Русская Старина.* 1901. № 11. С. 323–326. Перепечатано: *Новое Время.* 1901. 2 ноября. № 9219. Печатается по первой публикации.

¹ Имеется в виду подвиг студентов Ришельевского лицея Скоробогатого, Деменитру (Диминтиру, «родом француз») и Пуля (впоследствии георгиевские кавалеры), оказавших помощь батарею прапорщика А. П. Щеголева во время бомбардирования Одессы в Страстную субботу 10 апреля 1854 г. (см.: *Зеленецкий К.* Записки о бомбардировании Одессы 10 апреля 1854 года. Одесса, 1855. С. 62).

² Храбрый капитан (*фр.*).

³ Имеется в виду почетный гражданин Одессы, купец Федор Иванович Родоканак.

⁴ Вероятно, имеются в виду Александр (1817–1894) и Константин (1819–1880) Вонифатьевичи Картамышевы, журналисты.

---

¹ Один из членов этой семьи, Константин Вонифатьевич Картамышев, литератор, был впоследствии основателем газеты «Новороссийский Телеграф», ныне уже не издающейся. — *Примеч. А. Л. Деменитру.*

¹¹ А. Л. Деменитру до сих пор отлично помнит те комнаты, в которых жил Гоголь, и легко может их указать. — *Примеч. Н. О. Лернера.*

Гоголь в Одессе

Живущий ныне в Одессе бывший член херсонского окружного суда действительный> ст<атский> сов<етник> А. Л. Деменитру лично знал Гоголя и неоднократно встречался с ним в Одессе. В беседе с нами г. Деменитру передал нам несколько интересных подробностей из жизни Гоголя в Одессе.

— Гоголь прибыл в Одессу, — рассказывает г. Деменитру, — в 1850 г. на обратном пути из путешествия по Святым местам¹. Я был тогда студентом Ришельевского лицея и занимал квартиру в первом этаже дома, принадлежащего теперь Мими, на углу Греческой и Преображенской ул. Во втором этаже этого же дома жил тогда брат нашего знаменитого поэта А. С. Пушкина — Лев Серг<еевич> Пушкин. Он служил ранее в Нижегородском драгунском полку, расположенном на Кавказе, но, вследствие расстроенного здоровья, оставил военную службу и переселился в Одессу.

Здесь он поступил на службу в таможню и был назначен членом ее. Я был хорошо принят в доме Л. С. Пушкина. У него был открытый дом и хозяин его слыл за хлебосола и отличался гостеприимством. У него собирались представители различных слоев общества и проводили время очень весело. Когда Гоголь прибыл в Одессу, то он также стал навещать Л. С<ергеевича>. Посещения Гоголя сделали еще более интересными вечера в доме Л<ьва> С<ергеевича>. Гоголь всегда был центром всеобщего внимания. Около него группировались кружки. Каждый старался ловить его слово; обращали внимание на малейшее его движение и пр. Но, к сожалению, Гоголь в большинстве случаев бывал в сумрачном настроении, мало говорил, не поддерживал общего разговора, а часто совсем молчал и даже не отвечал на вопросы.

Однажды я получил от Л. С. Пушкина записку с приглашением на обед. На него был зван и Гоголь. К обеду явились также член одес<ской> таможни Моршанский и бывший тогда в Одессе екатеринославский предводитель дворянства Мизко. Входит Гоголь в испанской мантилье, подбитой бархатом. Вид у него сумрачный.

За столом ни с кем не заговаривал. Я постарался сесть рядом с ним. На меня, юношу, в высшей степени интересовавшегося родной литературой, Гоголь производил сильное впечатление. К нему приступили с различными расспросами, но он молчал и не давал ответов. Тогда завязался разговор на общежитейскую тему. Во время разговора кто-то назвал фамилию известного в Одессе греческого негоцианта. Фамилия его оканчивалась на — «ки»².

— Как, как его зовут? — вдруг спросил Гоголь.

Ему повторили фамилию.

— Да этой фамилией можно обругать человека, — заметил Гоголь, повторив ее вслух.

В газетах появилось известие, что Гоголь жил в Одессе в доме Толстого, у Сабанеева моста.

— Мне положительно известно, что это неверно, — продолжал А. Л. Деменитру, — Гоголь жил в Надеждинской ул<ице>, в доме своего родного дяди Трошинского³ — полтавского помещика. Я часто навещал в этом доме одного своего приятеля⁴, и мы, сидя в квартире, нередко слышали пение Гоголя. Он обыкновенно исполнял духовные песнопения. В Одессе Гоголь поддерживал хорошие отношения с тогдашним директором Ришельевского лицея Мурзакевичем и инспектором лицея Соколовым⁵. Мурзакевич был большим нумизматом, а Гоголь интересовался нумизматикой. Мы, студенты, тогда обожали Гоголя и всячески выказывали ему свое особое внимание. Едва он показывался на улице, как его окружала толпа студентов и провожала его всю дорогу. Он не любил таких знаков выражения ему внимания. Это его смущало и он перебежал на другую сторону улицы, чтобы скрыться от любопытных взоров посторонних.

Впервые опубликовано: М—ль Г. Гоголь в Одессе // Одесский Листок. 1901. 25 окт. № 275. С. 1. Перепечатано: Гоголь в Одессе // Киевская Газета. 1901. 29 окт., № 299. С. 3; Гоголь в Одессе // Литературный Вестник. 1902. Т. 3. Кн. 1. С. 141–142. Печатается по первой публикации.

¹ В октябре 1850 г. Гоголь прибыл в Одессу из Москвы. По возвращении из Иерусалима Гоголь был в Одессе весной 1848 г.

² Ф. И. Родоканаки.

³ «Но не говорится, что это был дом Ковалевской» (Маркевич А. И. Гоголь в Одессе // Записки Имп. Новороссийского ун-та. Одесса, 1902. Т. 88. Отд. 3. С. 30).

⁴ «Конечно, одного из Картамышевых; может быть, и Картамышевы жили тогда во флигеле дома Трошинского, т. е. ныне Шульца?» (Маркевич А. И. Гоголь в Одессе // Записки Имп. Новороссийского ун-та. Одесса, 1902. Т. 88. Отд. 3. С. 30).

⁵ «Гр. И. Соколов; он перешел из инспекторов лицея 23 ноября 1850 г. в одесские цензоры» (Маркевич А. И. Гоголь в Одессе // Записки Имп. Новороссийского ун-та. Одесса, 1902. Т. 88. Отд. 3. С. 30). Григорий Иванович Соколов (1810–1852), писатель, инспектор Ришельевского лицея (с 1845 г.), цензор, редактор «Записок Императорского Общества сельского хозяйства Южной России» (с 1847 по 1852 г.).

Г. М—ль

Еще о Гоголе в Одессе

Третьего дня мы сообщали несколько фактов о жизни Гоголя в Одессе, со слов бывшего члена херсонского окружного суда А. Л. Деменитру. Другой старожил Одессы, местный финансовый деятель и гласный думы О. С. Хаис, передавал нам, что он, еще будучи мальчиком, встречал Гоголя в Одессе. Гоголь был большим приятелем тогдашнего директора Ришельевского лицея, профессора Мурзакевича, с которым часто гулял. В 1850 году Гоголь прибыл в Одессу.

— Я тогда учился, — рассказывал г. Хаис, — в 6-ти классном общественном училище, помещавшемся на Троицкой улице. Это училище было двухразрядное и особого типа. Директором его был пользовавшийся большой известностью в Одессе Штерн¹. В это училище приглашали и директора Мурзакевича, присутствовавшего на экзаменах, и проч. Раз он посетил училище с прибывшим в Одессу министром народного просвещения Норовым. Поэтому мы, ученики, отлично знали его. Как-то раз я и еще несколько совсем маленьких учеников 1-го и 2-го класса вместе с двумя старшими учениками пошли по Ришельевской улице на Дерибасовскую, в дом Вагнера, где помещался Ришельевский лицей. В то время Ришельевская улица считалась главной в городе. Оттуда мы отправились на Надеждинскую улицу. Вдруг нам навстречу идет профессор Мурзакевич с каким-то господином. У того лицо было очень серьезное и вид сумрачный. Мурзакевич с ним о чем-то оживленно беседовал. Узнав Мурзакевича, мы ему поклонились. За нами шли несколько посторонних лиц и вдруг одно из них произнесло:

— Господа, это Гоголь!

Откровенно говоря, мы, малыши, не имели тогда еще понятия о Гоголе.

Кто-то из нас заметил:

— Может быть, «Гоголь-Моголь»? Фамилия Мурзакевича начинается на М., а его спутника на Г.

Малыши при этом расхохотались.

— Как вам не стыдно так говорить? — произнес один из старших учеников. — Это наш знаменитый русский писатель.

На следующий день в училище стало известно о нашей встрече с Гоголем. Когда директор узнал, что мы не знали, с кем встретились, то он ознакомил нас с биографией знаменитого писателя и возбудил у нас глубокий интерес к его личности.

Первые опубликовано: М—ль Г. Еще о Гоголе в Одессе // Одесский Листок. 1901. 27 окт. № 277. С. 2. Перепечатано: Курьер. 1901. 31 окт. № 301. Печатается по первой публикации.

¹ Василий (Базилиус) Штерн (1798–1853), педагог и общественный деятель.

Воспоминания одесских знакомых Гоголя в записи Ал. Ив. Маркевича

А. И. Маркевич

Гоголь в Одессе Фрагменты

<...> ...Кого он <Гоголь> мог увидеть в Одессе¹ еще, кроме <...> А. А. Трошинского, Н. Гр. Тройницкого, Л. С. Пушкина и Н. В. Неводчикова? Несомненно, во-первых, сына Трошинского — Дмитрия и его духовника^{1 3}; затем <...> своих товарищей <Александра и Андрея И. Орлаев>; далее А. С. Стурдзу, которого он посетил (вместе с Базили) немедленно по выходе из карантин на его приморской даче «Приют»¹¹... <...>

Вероятно, при посредстве Стурдзы состоялось знакомство Гоголя с профессором Ришельевского лицея <протоиереем> М. К. Павловским⁴, человеком к Стурдзе очень близким. Позднее Гоголь в письме к Стурдзе¹¹¹ просит передать поклон Павловскому, уже как знакомому, который может его помнить. В этом же письме Гоголь говорит и о других таких же знакомых, видимо, подразумевая под ними профессоров лицея И. Г. Михневича и Н. Н. Мурзакевича, — тоже бывших с Стурдзою в хороших отношениях^{1V}. <...>

Бывал Гоголь в 1848 г. в Одессе еще у какого-то Авр—ва^V, и не раз, так как последний в шутовском письме к Гоголю^{VI} выражается так: «Я очень рад с одной стороны, что ты уехал из Одессы, ибо я замечал некоторую слабость в тебе к моей жене»⁵.

Отыскал Гоголя в Одессе единоутробный брат А. С. Данилевского В. В. Черныш. Наконец, можно предполагать, что Гоголь виделся и с архиепископом Иннокентием, который в это вре-

¹ Гоголь позднее, 22 ноября 1848 г.², писал из Москвы матери со слов духовника Д. А. Трошинского, что последний вовсе не так дурен в душе, как о нем думают. Д. А. Трошинский окончил в 1850 г. Ришельевский лицей и умер в Полтаве в конце 80-х годов. — *Примеч. А. И. Маркевича.*

¹¹ Дача эта находится возле так называемого Малого Фонтана и ныне принадлежит внуку Стурдзы кн<язю> Анат<олию> Евг<еньевичу> Гагарину. Письмо Стурдзы Гоголю от 3 мая имеет дату «Приют»; а другое письмо, от 21 июня 1850 г., — «Приют близ Одессы». Дача верстах в 5 от Одессы. — *Примеч. А. И. Маркевича.*

¹¹¹ В сентябре 1850 г. — *Примеч. А. И. Маркевича.*

^{1V} В письме к Гоголю из Одессы в 1850 г. <...> Стурдза пишет не только о Павловском, но и о Михневиче, и при этом вскользь, как о лицах, уже известных Гоголю. — *Примеч. А. И. Маркевича.*

^V Удобнее всего было бы читать: «Аврамова», но в Новороссийском Календаре того времени я подходящего не отыскал; вероятно, это было лицо не служащее. — *Примеч. А. И. Маркевича.*

^{VI} От 8 мая 1848 г. <...> — *Примеч. А. И. Маркевича.*

мя устраивал Архиерейскую дачу за Тираспольской заставой¹. Жил Гоголь тогда, вероятно, у Трощинского, как и три года спустя.

6 мая Гоголь выехал из Одессы с каким-то попутчиком^{II}... <...>

Вскоре по возвращении из Одессы в Малороссию Гоголь был у кн<язей> Репниных в м. Яготине^{III}⁶ и восхищался здесь деревьями, сравнивая их с плохой растительностью Одессы.

Прошло две зимы, которые Гоголь провел в Москве... <...> приближение зимы 1850–1851 г. заставило его подумать о нашем городе. <...>

...Гоголь выехал из Малороссии лишь во второй половине октября <1850 г.> (кажется 17-го^{IV})^{IV} и, как он писал матери⁸: с большим трудом добрался, или, лучше сказать, доплыл до Одессы <...> и в это время убедился еще более в том, что нужно держаться раз принятого правила: выезжать до 15 октября, а с 15-го сидеть на месте и не отваживаться на дорогу. <...>

Прибыл Гоголь в Одессу 24 октября, что доказывается дневником одной особы⁹, записавшей, что Гоголь приехал этого числа и в тот же день обедал у кн<язя> В. Н. Репнина. <...>

Пробыл на этот раз Гоголь до конца марта^V, т. е. пять месяцев, или такой промежуток времени, в течение которого мог достаточно хорошо познакомиться с Одессою и ее обществом, да и общество это, при всей обособленности жизни Гоголя, все же имело возможность его узнать. Немудрено поэтому, что о пребывании его в Одессе зимою 1850–1851 г. сохранилось немало воспоминаний: А. С. Стурдзы, Н. В. Неводчикова, княжны В. Н. Репниной, одной дамы¹⁰, жившей у кн<язя> В. Н. Репнина, Н. Г. Тройницкого, А. Л. Деменитру, Н. Д. Мизко, актера Толченова и еще кое-кого, хотя воспоминания не названных здесь лиц имеют уже анекдотический характер^{VI}. Кроме того немаловажный материал для знакомства с пребыванием Гоголя в это время в Одессе доставляет и его переписка. Так как свод в одно всего имеющегося в моем распоряжении материала представлял бы затруднения, иногда непреодолимый, то я использую его следующим образом: я сообщу раньше всего некоторые сведения, находящиеся в переписке Гоголя, как, по моему мнению, более достоверные, а затем приведу воспоминания о нем в извлечении или даже в пересказе.

По приезде в Одессу Гоголь поселился в доме А. А. Трощинского; по крайней мере в письме к Шевыреву от 7 ноября он дает ему этот свой адрес; также позднее и другим своим коррес-

¹ Но во всяком случае Гоголь не мог в 1848 г. видиться с Д. М. Княжевичем, как это сообщает Шенрок (Матерьялы, IV, 698–699, примечание), ибо Д. М. Княжевич умер 1 октября 1844 г. Не познакомился Гоголь тогда и с А. И. Качаевым, так как впервые увидел его в 1850 г. — см. Письма, IV, 359. Вообще у Шенрока в указанном выше примечании слиты в одно все знакомые Гоголя в Одессе и в 1848 г. и в 1850–1851 г. Точно так же и В. В. Каллаш в статье о Гоголе (Исторический Вестник <ик> 1902 г. № 2), в главе «Гоголь в Одессе», сбитый неточным изложением фактов у Тройницкого, отнес к 1848 г. и то, что происходило с Гоголем уже в 1850–1851 г. — *Примеч. А. И. Маркевича.*

^{II} С. Базили? — *Примеч. А. И. Маркевича.*

^{III} Полтавской губ<ернии>, Пирятинского уезда. — *Примеч. А. И. Маркевича.*

^{IV} Столь поздний выезд Гоголь приписывал лени, одолевшей его в Малороссии. К этой поездке Гоголя относится фигурировавшая на Гоголевской выставке в Москве подорожная от Канева до Одессы. — *Примеч. А. И. Маркевича.*

^V Время выезда Гоголя из Одессы указано в дневнике той же особы — 27 марта, что подтверждается следующими сообщениями. Последнее датированное письмо Гоголя из Одессы помечено 21 марта (Письма, IV, 378), причем Гоголь сообщает, что он предполагает к Страстной быть уже в Кагарлыке (имении Трощинских); Страстная же неделя в 1851 г. была 1–7 апреля. С другой стороны, письмо Плетнева к Гоголю, написанное 23 марта в Петербурге, уже не застало его в Одессе; отсюда оно было послано в деревню Гоголю довольно поздно и он ответил на него 6 мая (ibid., 382). <...> — *Примеч. А. И. Маркевича.*

^{VI} См о них далее. Бывший профессор Одесской семинарии Л. С. Мацевич показывал мне в августе 1899 г. письмо к нему протоиерея г. Николаева, о. Карчевского, еще живого, бывшего псаломщиком при церкви кн<ягини> В. А. Репниной (см. далее), с воспоминаниями о Гоголе. У Л. С. Мацевича есть и еще кое-какие материалы для биографии Гоголя, которые, конечно, желательно было бы видеть скорее опубликованными. — *Примеч. А. И. Маркевича.*

пондентам, но в письме к Смирновой от 26-го и к матери от 28 октября адреса еще нет; возможно, что Гоголь сперва остановился в гостинице и лишь в начале ноября перебрался в дом Трощинского, которого в то время в Одессе не было.

Определить этот дом не трудно: он находился, по указаниям Гоголя в его переписке, в I части, в I квартале. Я пересмотрел весь список домов I части г. Одессы в 1851 г. и нашел там лишь один дом, принадлежавший генерал-майору А. А. Трощинскому — на Надежной (ныне Надеждинская) улице, который теперь принадлежит Е. И. Шульцу и означен № 9^I; очевидно здесь и жил Гоголь, что подтверждается и показаниями лиц, сообщившими о пребывании Гоголя в Одессе, что он жил именно на Надеждинской улице.

Между тем имеются указания^{II}, что Гоголь жил хотя и на этой улице и в доме Трощинского, но принадлежащем ныне П. Ковалевскому и С. Депп, а также, что он жил у Сабанеева моста, в доме ныне гр<афини> Е. Г. Толстой^{III}. В виду этого разноречия я предполагал сперва, что Трощинскому могло принадлежать все место на углу Надеждинской улицы и Сабанеевского проезда, от дома Шульца до дома гр<афини> Толстой включительно; но разыскания мои в городском архиве показали, что в 1850 г. дом П. Ковалевского и С. Депп принадлежал М. Ковалевской, а дом гр<афини> Толстой — Хорвату. Следовательно, все показания о том, что дом Трощинского был иной, а не Е. И. Шульца, должны быть отвергнуты^{IV}.

Встречается еще указание^V, что Гоголь в Одессе жил также у кн<язей> Репниных, перебравшись будто бы туда от Трощинского. Кн<язей> Репниных находилось в то время в Одессе две семьи: Вдова кн<язя> Н. Гр. Репнина (Волконского), кн<ягиня> Варвара Алексеевна (урожденная гр<афиня> Разумовская), с дочерью княжн<ой> Варварой Николаевной, и сын кн<язя> Н. Гр. Репнина молодой князь Василий Николаевич с женою Елисаветой Петровною (урожденной Балабиной) и с детьми; жили эти родственные семьи однако не вместе^{VI}. Гоголь,

^I Дом этот в 1850–1851 г. был, кажется, в таком же виде, как и теперь, по крайней мере у Е. И. Шульца сохранился план постройки его, помеченный 1849 г. — *Примеч. А. И. Маркевича.*

^{II} См. статью Н. О. Лернера в Русск<ой> Стар<ине> 1902 г. <1901> № 11, стр. 325, будто бы со слов А. Л. Деменистру <...>. — *Примеч. А. И. Маркевича.*

^{III} Это говорит Н. Т. Тройницкий, а также Н. О. Лернер в более ранней статье в Одесск<ом> Листке 1900 г. № 52 — со ссылкой на слова Одесского старожилы Н. И. Ленца, который, однако, мне этой ссылки не подтвердил. — *Примеч. А. И. Маркевича.*

^{IV} Относительно приводимого г. Лернером показания г. Деменистру я еще буду говорить, здесь же замечу только, что все три дома: Шульца, Ковалевского и Депп и гр<афини> Толстой, находятся в одном квартале и очень близко один от другого, так что ошибка в показании о местожительстве Гоголя, сделанная 30–50 лет спустя, довольно простибельна. — *Примеч. А. И. Маркевича.*

Еще одно показание о местожительстве Гоголя в Одессе сообщил мне М. Г. Зусман, со слов учителя своего Э. Ф. Вобста, величайшего почитателя Гоголя; Вобст же в то время был студентом II курса Ришельевского Лицея. По словам Вобста, Гоголь жил в так наз<ываемом> Чудном доме, на углу Преображенской и Елисаветинской улиц, ныне принадлежащем г. Санцу и уже перестроенном. — *Примеч. А. И. Маркевича.*

^V Матерьялы IV, 817. — *Примеч. А. И. Маркевича. Имеется в виду следующее замечание В. И. Шенрока: «В Одессе Гоголь имел одно время в полном распоряжении дом отсутствующего дяди А. А. Трощинского, а потом переселился к Репниным, не переставая упорно работать над продолжением своего труда, а часы отдыха уделяя беседе с домашними или иногда принимая участие в составлявшемся для него хоре малороссийских песен» (Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя. М., 1897. Т. 4. С. 819).*

^{VI} Где жили эти две семьи? Кн<ягиня> В. А. Репнина жила на Садовой ул<ице>, в своем доме, бывшем Шостака; об этом хорошо помнят Г. Г. Маразли, бывавший у кн<ягини> Репниной, и Н. И. Ленц. Дом этот, почти без перестроек, перешел потом к Бальшу, далее к С. А. Бродскому, и тогда здесь последовательно были: гостиница Алексеева и, очень долго, Благородное Собрание; теперь здесь выстроилось большое здание почты. Усадьба кн<ягини> Репниной занимала, впрочем, и то место, где теперь дом Демидовой кн<ягини> Сан Донато, но здесь тогда был сад, а также и по

как видно будет далее, часто бывал в обоих семействах, и княжна В. Н. Репнина прямо говорит, что она не знает, где тогда жил Гоголь, но что у брата ее была для него особая комната для занятий. То же сообщает и Стурдза: «Даже в доме кн<язя> Репнина отвели для Гоголя особую комнату, где он занимался делами». Очевидно, многие одесситы, не близко знавшие Гоголя, и полагали, что он жил у кн<язя> Репнина.

О помещении Гоголя в доме Трошинского Тройницкий сообщает следующие сведения: Гоголь жил во флигеле дома¹, в двух комнатах... <...>

Мурзакевича <...> вместе с Гоголем видел одессит О. С. Хаис¹¹. <...>

К <...> кружку Стурдзы принадлежали: Казначеев, одесский градоначальник, с которым Гоголь тогда познакомился, и Титовы, т. е. П. П. Титов¹¹, непрременный член строительного комитета, и супруга его Ю. М. Титова; по воспоминаниям одесских старожилов, Титовы были люди гостеприимные и жили в Одессе очень открыто.

Посещал Гоголь и в этот приезд Н. Гр. Тройницкого и Л. С. Пушкина, из коих первый жил в собственном доме на Новой улице^{IV}, близ Троицкого монастыря, а второй на углу Греческой

другую сторону, где ныне дом Еранцевой. В доме кн<ягини> Репниной, в той части его, которая находилась с левой стороны, если стать против него, и которая делала как бы выступ к улице, была у кн<ягини> Репниной домашняя церковь; священником был известный одесситам о. Михаил Диевский (сообщено Н. И. Ленцом), а псаломщиком о. Карчевский (см. выше <...>). По продаже дома кн<ягинею> Репниною церковь перешла в дом гр<афа> М. Д. Толстого (на углу Преображенской и Софиевской ул<иц>), где оставалась очень долго; теперь она закрыта. Но относительно местопребывания кн<ягини> Репниной в Одессе в это время есть и иные показания; так о. Карчевский писал в 1899 г. Л. С. Мацеевичу, что дом, где жила кн<ягиня> Репнина и где была ее церковь, находился у Сабанеева моста и принадлежал гр<афу> Мошинскому. В списке одесских домов в 1851 году такого дома не имеется и Г. Г. Маразли, знавший гр<афа> Мошинского, не помнит даже, чтобы у него был в Одессе дом. Не желал ли о. Карчевский сказать, что дом принадлежал гр<афу> Млодецкому? У него действительно был дом на углу Надеждинской улицы и Сабанеевского проезда, перешедший к г. Штейнбергу, затем к г-же Цион (жене известного физиолога и публициста), а ныне к г. фон Деши. Кн<язь> В. Н. Репнин жил на углу Херсонской и Торговой ул<иц>, вблизи нынешнего здания Университета, в д. Кандыбы (ныне Агаркова); это хорошо помнит Н. И. Ленц, нередко бывавший у жившего с кн<язем> Репниным А. И. Павловского <...>. Правда, у кн<язя> Репнина в то время был и собственный дом в Одессе — на Екатерининской площади (последовательно принадлежал Мичри, Катакази, Анушу, а теперь д<ом> Монисова и Блюгермана), и Стурдза выражается так, как будто бы кн<язь> Репнин жил в собственном доме, но даже на моей памяти здесь был очень плохой дом, где кн<язю> Репнину трудно было бы помещаться. Н. О. Лернер говорит, что кн<язь> Репнин жил на Херсонской ул<ице> в собственном доме, ссылаясь на Н. И. Ленца. Не принадлежал ли дом Кандыбы раньше кн<язю> Репнину? — *Примеч. А. И. Маркевича.*

Я имел случай говорить с кн<ягиней> А. И. Гагариной-Стурдза, урожденной Млодецкой, и узнал от нее, что кн<ягиня> В. А. Репнина действительно жила сперва в доме Млодецких, у Сабанеева моста, где была и церковь; позднее же кн<ягиня> Репнина приобрела дом Шостака, куда и переехала на жительство. Кажется, это было незадолго до приезда Гоголя, которого кн<ягиня> Гагарина-Стурдза видела, впрочем, у кн<ягини> Репниной уже на Садовой улице. — *Дополнение, помещенное А. И. Маркевичем в конце статьи.*

¹ По сообщению г. Деменитру — во 2-м этаже, который существует и теперь, направо от ворот; заметим пока, что флигель этот задней стороной вплотную примыкает к флигелю дома П. Ковалевского и С. Десп. — *Примеч. А. И. Маркевича.*

¹¹ О. С. Хаис в то время был воспитанником училища г. Штерна. Когда он с товарищами проходил по Сабанееву мосту, они заметили, что впереди их шел хорошо известный им в качестве высшего учебного начальства, и довольно грозного, Мурзакевич с другим господином. Кто-то из старших воспитанников произнес: «Гоголь!» Тогда какой-то мальчик скаламбурил: «Гоголь-гоголь», подразумевая под последним Мурзакевича. Все захохотали, но старшие уняли мальчиков, и когда воспитанники вернулись в училище, то г. Штерн разъяснил им, кто такой Гоголь, и возбудил в них охоту прочесть его произведения (сообщено мне О. С. Хаисом). — *Примеч. А. И. Маркевича.*

¹¹¹ В публикации ошибочно: П. И. Титов

^{IV} Теперь дом Августинович, на улице Маразли. — *Примеч. А. И. Маркевича.*

и Преображенской улиц¹; бывали и они у Гоголя. Воспоминания Тройницкого о жилище Гоголя приведены выше; не невозможно, что и некоторые указания, отнесенные мною к 1848 г.¹¹, могут касаться последующего времени, но вот что наверное в воспоминаниях Тройницкого относится к 1850–1851 г.: «Вообще Гоголю было привольнее в дружеском кружке, чем в большом обществе... Гоголь уже находился тогда под разбедующим настроением того мистицизма, из которого, по-видимому, он и сам не усматривал выхода». В окончании уже не раз цитированного мною стихотворения Тройницкий выражается так: «Ни люстр, висящих с потолка. <...> Расстался с нами навсегда».

По воспоминаниям Гр. А. Тройницкого, Гоголь бывал у отца его (брата Н. Г. Тройницкого) А. Г. Тройницкого¹¹ и даже обедал у него; но других сведений о пребывании Гоголя в Одессе Гр. А. Тройницкий сообщить мне не мог. <...>

Мне рассказывал М. М. Дитерихс¹², что он ребенком пришел с родителями^{IV} обедать к Л. С. Пушкину и увидел сидящего в зале в кресле незнакомого человека с такою страшною изможденной физиономией, что испугался и расплакался. Это был Гоголь. Такой отзыв о наружности Гоголя в это время подтверждается и другими свидетельствами^V.

Чтобы исчерпать все сведения о Гоголе в воспоминаниях А. Л. Деменитру, приведу еще два места: Деменитру бывал у Картамышевых, живших, по его словам, в доме, ныне принадлежащем Ковалевскому и Депп, бок о бок с Гоголем, и иногда слышал несшийся из комнаты Гоголя вздох и шепот молитвы: «Господи помилуй! Господи помилуй!». Мне кажется, что этим показанием Деменитру объясняется его воспоминание, что и Гоголь жил в доме Ковалевской: Картамышевы, вероятно, жили во флигеле этого дома, вплотную соприкасавшемся с флигелем дома Троицкого, в котором жил Гоголь; при обычной тонкости одесских стен, Деменитру мог слышать, что делается у Гоголя, и потому заключить, что он живет в одном доме с Картамышевыми.

Другое воспоминание г. Деменитру заключается в том, что Гоголь старательно избегал каких бы то ни было знаков внимания к нему, как к писателю. Зачитывавшиеся его произведениями студенты Ришельевского лицея с благоговением, смешанным с удивлением и любопытством, оглядывали на улице странно одетого с сумрачным и скорбным болезненным лицом, гениального поэта, уже человека «не от мира сего». Те, что были посмелее, даже следовали за ним, правда, в довольно почтительном отдалении. Это раздражало Гоголя и, завидя студентов, шедших ему навстречу, он иной раз бегством в первые попавшиеся ворота спасался от стеснявшего и тяготившего его, так сказать и внешне и внутренне, внимания молодежи^{VI}. <...>

Кн<ажна> В. Н. Репнина дала в Одессе¹³ прочесть Гоголю свой отзыв о Мертвых Душах, написанный ею в 1846 г.¹⁴, довольно восторженный, и Гоголь сказал ей: «вы меня поняли, но слишком высоко поставили в своем мнении».

¹ Так у Лернера, — конечно, на основании показания А. Л. Деменитру в другой редакции рассказа Деменитру <...> указано, что Пушкин жил во II этаже дома, ныне принадлежащего г. Мими, а сам г. Деменитру в I этаже этого дома. — *Примеч. А. И. Маркевича.*

¹¹ См. выше <...>. — *Примеч. А. И. Маркевича.*

¹¹ Он был в то время членом Совета Одесского Института Богородных Девиц и редактором газеты «Одесский Вестник». Дом А. Г. Тройницкого находился на углу Нежинской и Дворянской ул<иц> и ныне принадлежит В. Н. Рашеву. — *Примеч. А. И. Маркевича.*

^{IV} Отец его чуть ли не лечил Гоголя в Одессе — см. далее. — *Примеч. А. И. Маркевича.*

^V Интересно однако, что незадолго до этого времени Гоголь сделал предложение гр<афине> Вельгорской; впрочем, в письме к ней он говорит о себе скорее как о ее хранителе. — *Примеч. А. И. Маркевича.*

^{VI} В. М. Масалов, в то время гимназист (затем известный одесский учитель, ныне покойный), рассказывал мне, что он раз шел по Преображенской за человеком в длинном плаще. Кто-то сказал ему, что это Гоголь; Масалов ускорил шаг; но Гоголь заметил это и вошел в первые ворота. — *Примеч. А. И. Маркевича.*

Немного дополняют эти сведения воспоминания о Карчевского, бывшего псаломщиком в домово́й церкви кн<ягини> Репниной. О. Карчевский обучил церковному пению хор мальчиков, и они пели в этой церкви. Гоголь посещал ее по праздникам и, судя по наблюдениям о Карчевского, молился искренно. О глубокой в то время религиозности Гоголя говорила о Карчевскому и кн<ягиня> Репнина. Пение устроенного им хора очень нравилось Гоголю, и он просил его обучить церковным напевам его, Гоголя, слугу; но у того не оказалось способностей и дело не пошло. <...>

Перед отъездом знакомые давали Гоголю обеды; один был дан кружком 25–30 приятелей в ресторане Маттео, и в числе участников были Л. Пушкин и Н. Троицкий. Речей не было¹. <...>

Скажу в заключение, что смешение фамилий Гоголь и Гогель повело к рассказам о том, что Гоголь в бытность в Одессе посещал своих родственников, имевших дачу возле Дюковского сада; на даче этой (Гогеля, ныне Бенетато) собирались некогда масоны, и сага¹⁵ вводит Гоголя в их круг. Все это лишь недоразумение.

Впервые опубликовано: *Маркевич А. И.* Гоголь в Одессе // Записки Имп. Новороссийского ун-та. Одесса, 1902. Т. 88. Отд. 3. С. 1–52; отд. изд. — Одесса, 1902. С. 1–52. Печатается по первой публикации.

Алексей Иванович Маркевич (1847–1903), историк; учился в Лицее князя Безбородко; профессор Новороссийского университета. См. также в наст. изд. фрагмент из его публикации 1895 г. «Николай Васильевич Гоголь».

¹ В апреле — мае 1848 г.

² Имеется в виду письмо от 28 ноября 1849 г. из Москвы.

³ Лицо неустановленное.

⁴ По словам А. О. Смирновой, «на Гоголя имел большое влияние протоиерей Павловский, почтенный и добрейший Священник, когда Гоголь жил у Репниных в Одессе» (см. в наст. изд. <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> А. О. Смирновой от 25 сентября — 2 октября (н. ст.) 1877 г.). См. также сопроводительную записку протоиерея Михаила Павловского к Гоголю, при посылке иконы святителя Николая Чудотворца, от 30 октября 1850 г.

⁵ В письме от 8 мая 1848 г. из Одессы: «...ибо я замечал некоторую слабость к тебе в моей жене, которая в настоящую минуту разрешается только нижайшим поклоном». В автографе письма читаются только первые три литеры фамилии отправителя: «Весь твой Авр<нрзб.>» (окончание фамилии не читается; см.: *РГБ.* Ф. 74. К. 8. Ед. хр. 1). Возможный автор письма — чиновник городской магистратуры Одессы, коллежский регистратор Феофан Константинович Авраменко (см.: Адрес-календарь, или Общий штат Российской Империи на 1848 год. СПб., 1848. Ч. 2. С. 208; Новороссийский календарь на 1849 год, издаваемый от Ришельевского Лицея. Одесса, 1848 (цензурное разрешение 4 авг.). С. 184).

⁶ В Яготине Гоголь побывал в период между 25 и 28 мая 1848 г., проездом из Васильевки в Киев. См. в наст. изд. примеч. 6 к *Записке, составленной А. В. М<аркович>ем из письма к нему Кн<яжны> В. Н. Р<епни>ной о Гоголе.*

⁷ Источник, откуда почерпнута эта дата, неизвестен.

⁸ 28 октября 1850 г. из Одессы.

⁹ Е. А. Хитрово (см. в наст. изд. ее дневник «Гоголь в Одессе. 1850–1851»).

¹⁰ Е. А. Хитрово.

¹¹ Имеется в виду Петр Павлович Титов, коллежский советник, неперемный член одесского строительного комитета (см.: Адрес-календарь, или Общий штат Российской Империи на 1849 год. СПб., 1849. Ч. 2. С. 207).

¹² Михаил Михайлович Дитерихс (1871–1941), хирург.

¹³ В 1850–1851 гг.

¹⁴ Правильно, в 1848 г. См. в наст. томе раздел *П. И. Бартенев. Из воспоминаний княжны В. Н. Репниной. О Гоголе* и коммент. к этому разделу.

¹⁵ Т. е. баснословное предание.

---

¹ Очень краткое указание см. в «Одесск<ом> Вестн<ике>», 1869, № 67. Ресторан Маттео находился в верхнем этаже д<ома> Кирико, ныне Новикова, на углу Ришельевской и Дерибасовской улиц. — *Примеч. А. И. Маркевича.*

**Воспоминания кн<язя> Н. В. Репнина
о пребывании Гоголя в Одессе**

Напечатавши статью «Гоголь в Одессе» (Одесса, 1902 г.), я счел нужным послать ее киевскому губернскому предводителю дворянства князю Николаю Васильевичу Репнину знавшему Гоголя в то время, когда он проводил зиму в Одессе; причем я просил кн<язя> Репнина сообщить мне: кто была та Екатерина Александровна, которая вела дневник о пребывании Гоголя в Одессе, напечатанный Архиеп<ископом> Неофитом в «Русск<ом> Архиве» 1902 г. № 2? Вскоре я получил от кн<язя> Репнина очень любезный ответ, в котором он пишет:

«Весьма Вам благодарен за присылку Вашей интересной статьи о Гоголе в Одессе. Наш знаменитый писатель был столь близким человеком для всей нашей семьи, и я об нем сохранил лично столь сердечное воспоминание, что мне особенно приятно было прочесть собранные Вами о нем воспоминания. Из тогдашних взрослых сочленов нашей семьи я один уцелел и в состоянии дать разъяснения относительно некоторых личностей и фактов, что исполняю с удовольствием. Для большей систематичности я свои заметки изложил на особых листках в порядке Вашей статьи со ссылками на страницы и примечания. Надеюсь, что эти скромные заметки Вас удовлетворят...»¹

Далее, в своем письме кн<язь> Н. В. Репнин и делает разъяснения и дополнения к моей статье. Привожу их полностью, позволяя себе только их немного систематизировать.

«Знакомство с Гоголем всей нашей семьи, — пишет кн<язь> Н. В. Репнин, — началось еще с конца тридцатых годов в Риме, где в то время жил мой дед кн<язь> Николай Григорьевич¹¹ с моей бабушкой и тетками: Ольгой, Варварой Николаевной и Елизаветой Николаевной Кривцовой и с мужем последней П. Н. Кривцовым. Вместе с ними жила молоденькая девица Глафира Ивановна Псиол, впоследствии Дунин-Барковская. Вместе с дедом и бабушкой жили мой отец и мать с малолетними детьми: мною и братом моим Петром. Кроме того одновременно с нами жила в Риме и бабушка моя с материнской стороны Варвара Ивановна Балабина с дочерью Марией Петровной, совсем юною. В то время приехал в Рим Н. В. Гоголь с архитектором Дм. Ив. Ефимовым, академиком, который был известен в Петербурге под именем Хаджи-Ефимов, после его путешествия на Восток. Ефимов был хорошо знаком с Балабинами, и Гоголь в Риме стал давать уроки моей тетке Марии Петровне¹; с того времени и начались приятельские отношения с ним нашего семейства. Тогда мне было только 3 1/2 года, и потому я не помню Гоголя в это время. Первое же мое воспоминание о нем относится к 1844 году², когда весною бабушка моя В. И. Балабина приютила у себя двух сестер Гоголя, по окончании ими курса в патриотическом институте. Это было в Петербурге; мы жили с отцом и матерью у бабушки, и я хорошо помню приезд сестер Гоголя, затем его посещения до отправки сестер в Малороссию.

¹ Кн<язь> Репнин, между прочим, упрекает меня за то, что я в статье своей пишу его фамилию *Рѣпнин*, тогда как следует писать *Репнин*; он имеет много фамильных документов, и везде эта фамилия писалась: Репнин; так пишут ее члены этой фамилии и в настоящее время. Охотно извиняюсь пред уважаемым князем и впредь всегда буду писать кн<язь> Репнин, ибо лучше всего произносить и писать фамилию так, как пишут их люди, их носящие; но в оправдание себя сообщу, что у меня в руках были сотни документов начиная с XVI в., где я безразлично встречал написания Репнины и Рѣпнины, и последнее мне казалось осмысленнее. Карамзин (что известно и кн<язю> Н. В. Репнину) тоже писал Рѣпнины. — *Примеч. А. И. Маркевича.*

¹¹ Н. Г. Репнин знаменитый малороссийский генерал-губернатор. Впрочем, все лица семьи кн<язей> Репниных настолько известны, что нет цели сопровождать имена их комментариями. — *Примеч. А. И. Маркевича.*

Потом видел я Гоголя в Яготине в 1848 г. и, наконец, в Одессе в 1850–1851 г. Я пользовался особым его расположением и он неизменно всякий раз, как меня видел, всегда приветствовал словами: “а, здравствуй, тезка”.

Кн<ягиня> В. Ал. Репнина, переехавши из м. Яготина в Одессу, поселилась сперва в доме Младецкого, у самого Сабанеева моста, с правой стороны и перед ним, если идти от Надеждинской ул<ицы> к Екатерининской площади; прожила она в этом доме год или два, а потом купила дом на Садовой ул<ице> от Бальша¹. Мне было в это время 16 лет и я живо помню толстого Бальша, сын которого с 1851 г. был моим товарищем по юридическому отделению Ришельевского лицея. Дом был куплен у Бальша с массою ценной мебели, из которой часть и теперь находится у меня. Бабушка прожила в этом доме до 1853 г.¹¹ Когда во время бомбардировки Одессы одна бомба пробила крышу над ее гостиной, то она переехала на Молдаванку, а оттуда совсем уехала в Яготин. Кому продала она дом не помню, так как еще летом 1852 г. я переехал в Петербург.

Кн<язь> В. Н. Репнин с семейством 4 года, с октября 1848 г. до лета 1852 г., жил в Одессе, на углу Херсонской и Торговой улиц в доме Кандыбы¹¹¹, а летом у Малаго Фонтана на даче Цициния¹¹⁴. В доме Кандыбы в бельэтаже особая комната, с окнами во двор и входом прямо с верхней площадки парадной лестницы, была отведена в распоряжение Гоголя. Приходил он работать обыкновенно около 3-х часов пополудни, и всем в доме было приказано проходить без шума мимо дверей этой комнаты. Здесь он писал вторую часть «Мертвых душ». В своем доме на Екатерининской ул<ице> отец мой никогда не жил.

Во время пребывания Гоголя в Одессе, он положительно писал вторую часть «Мертвых душ». Об этом всем нам было известно от него самого. Перед отъездом, в марте месяце, он вечером читал вслух написанную им вторую часть «Мертвых душ», и я теперь еще хорошо помню из них инциденты Тентетникова и Петуха и произведенное ими на меня впечатление. Мне в марте 1851 г. минуло 17 лет, поэтому я мог совершенно сознательно ко всему относиться и отлично помню это чтение. Помню также, что при чтении нас было не очень много слушателей. Меня допустил Гоголь к слушанью, во-первых, по возрасту, а, во-вторых, потому, что я с малолетства был его любимцем, когда ему приходилось бывать в нашей семье.

Еще припоминаю особое впечатление, какое произвело на меня при чтении Гоголем второй части “Мертвых душ”, — его серьезное невозмутимое выражение лица, когда он читал самые смешные эпизоды; это еще более усиливало комизм содержания.

Упоминаемая в Вашей статье (стр. 32 и примеч. 2) пожилая девица была Екатерина Александровна Хитрово. Она была первоначально воспитательницей Петра Павловича Дурново³. Вращаясь в Петербурге в домах отца его⁴, деда — министра двора кн<язя> П. М. Волконского и сына последнего кн<язя> Д. П. Волконского⁵, она так привыкла к роскошной обстановке, что, прибывши в Одессу, куда была приглашена моим отцом для воспитания моей сестры, никак не могла ужиться с более скромной обстановкою и всегда и все критиковала. Это была особа очень образованная, но с весьма деспотическим характером и, как воспитательница, она прожила у нас недолго. Дальнейшая ее судьба перенесла ее на другое поле действия; она вскоре поступила сестрой милосердия в существовавшую в то время в Одессе общину; впоследствии

¹ В моей статье ошибочно сказано (стр. 18, примеч. 4), что дом от кн<ягини> Репниной перешел к Бальшу. — Примеч. А. И. Маркевича.

¹¹ Вероятно, до 1854 г., так как в этом году была бомбардировка Одессы. — Примеч. А. И. Маркевича.

¹¹¹ Н. И. Ленц говорит, что дом Кандыбы был на углу Херсонской и Конной ул<иц>, теперь это дом Шретера. — Примеч. А. И. Маркевича.

¹¹⁴ Раньше принадлежала бар<ону> Рено, а после Цициния; затем перешла к Новосельскому, а от него к Бухарину; теперь разбилась на части и главная принадлежит генер<алу> Бекману. — Примеч. А. И. Маркевича.

она сделалась начальницей этой общины и в Крымскую кампанию в Севастополе оказала подвиги самоотвержения; кажется, там же она и скончалась от тифа¹.

Молодые люди жившие у нас в доме были: оканчивающий курс (в лицее) Аркадий Ильич Павловский, родственник профессора протоиерея Михаила Павловского, и Александр Осипович Животовский; они, вместе с Александром Федоровичем Бодровым, давали уроки моим меньшим братьям Петру и Василию; я же с осени 1848 г. уже был гимназистом, а в августе 1851 г. поступил студентом в Ришельевский лицей^{II}. А. И. Павловский, в то время очень молодой, лет 20 — не больше, был живого и смешливого характера и часто нарочно дразнил Е. А. Хитрово, чтобы возбудить ее гнев.

Николай Петрович Ильин^{III} был приятель и завсегдатай семейства кн<язя> Дм. Ив. Гагарина, жившего в своем доме^{IV} за тогдашней биржей^V и музеем древностей. Впоследствии Н. П. Ильин уехал на Кавказ погостить к брату кн<язя> Дм. Ив. Гагарина — кутаисскому губернатору кн<язю> А. И. Гагарину, и в Кутаисе же был убит одновременно с ним^{VI}.

Полагаю, что Е. А. Хитрово ошиблась, указав, что Гоголь уехал 27 марта. Не 28-го ли? Вывожу из того, что она упоминает о съезде ваших знакомых, в том числе и молодежи, вечером накануне отъезда Гоголя. 27 марта — день моего рождения и, вероятно, к нам все съехались в этот день, а не накануне. Впрочем, это лишь моя догадка.

Гартль — слепой на оба глаза, кажется, даже от рождения был отличный пьянист; Кесслер — был тогда моим учителем музыки. Кто такой Лангвейн? — не помню^{VII}.

Впервые опубликовано (за исключением фразы: «Для большей систематичности — заметки Вас удовлетворят...») в изд.: *Маркевич А. И. Воспоминания кн<язя> Н. В. Репнина о пребывании Гоголя в Одессе // Записки Императорского Одесского Общества Истории и Древностей. Т. 26. Одесса, 1906. Отд. 5. С. 78–82 (посмертная публикация). Отрывок перепечатан: Зленко Г. Адрес «Мертвых душ» // Литературная Россия. 1976. 1 октября. С. 16; Зленко Г. Д. Одесские тетради: Литературоведческие очерки и разыскания. Одесса, 1980. С. 24–25. Указанная фраза печатается по изд.: Зленко Г. Д. Одесские тетради... С. 23; остальной текст — по первой публикации.*

Князь Николай Васильевич Репнин-Волконский (1834–1918), сын В. Н. и Е. П. Репниных-Волконских, корнет, полковой адъютант, впоследствии киевский губернский предводитель дворянства, член Государственного совета.

В 1890 г. этнограф и критик В. П. Горленко сообщил редактору журнала «Киевская Старина» Е. А. Кивлицкому о двух неизвестных гоголевских лекциях по всемирной истории, хранившихся в архиве князя Н. В. Репнина-Волконского. «Рукопись эта, — писал Горленко, — была у меня в руках. Она принадлежит князю Репнину и взята была мной из его архива <...> По сходству почерка и отчасти по слогу я сразу сделал предположение о принадлежности этих рукописей Гоголю. Но Н. В. Стороженко, с свойственным ему холодным взглядом... стал оспаривать мое мнение, доказывая, что почерк похож на Дунин-Борковской, жившей у Репниных. Несколько времени я держал рукописи у себя, желая показать их <С. И.> Пономареву как эксперту по гоголевскому почерку (очень менявшемуся в разные периоды), но,

^I Это не совсем точно. Е. А. Хитрово была только сестрой-надзирательницей сердобольных сестер (Стурдзовской Общины). По желанию Великой Княгини Елены Павловны она была командирована в Симферополь для исполнения там, в течение одного года, обязанностей главной сестры-надзирательницы Крестовоздвиженской Общины сестер попечений о раненых и больных; в Симферополе же Е. А. Хитрово и скончалась 2-го февраля 1856 г. Тело ее перевезено было в Одессу и, согласно воле покойной, предано земле на кладбище Стурдзовской Общины при Воскресенской церкви. (См.: Пятидесятилетие Стурдзовской Общины. Одесса. 1900 г., стр. 10–11). — *Примеч. А. И. Маркевича.*

^{II} Этими сведениями дополняются указания в моей статье на стр. 31, примеч. 1. — *Примеч. А. И. Маркевича.*

^{III} О нем говорится в моей статье, как о лице из Гоголевского кружка в Одессе. — *Примеч. А. И. Маркевича.*

^{IV} Он и теперь принадлежит кн<язьям> Гагариним. — *Примеч. А. И. Маркевича.*

^V Ныне Городская дума. — *Примеч. А. И. Маркевича.*

^{VI} Кн<язем> Дадешкальяни. — *Примеч. А. И. Маркевича.*

^{VII} Эти лица были на вечере у кн<язей> Репниных накануне отъезда Гоголя. См. в моей статье стр. 50 и примеч. 1. — *Примеч. А. И. Маркевича.*

не дождавшись его, я поддался сомнению и сам и, не застав кн<язя> Репнина в Киеве, отдал рукописи (две тетради) Н. Стороженку для возвращения их, вместе с другими бумагами, Репнину. Бывши в последний раз в Киеве, я купил новое, замечательное тихонравовское издание Гоголя... и, к удивлению своему, в томе пятом, на стр. 539, нашел маленький отрывок «Введение в древнюю историю», представляющий, как мне кажется (репинской рукописи у меня нет, и я сужу по памяти) буквально начало (первые одна или две страницы) рукописи Гоголя, бывшей у меня...» (*Айзеншток И. Я.* Н. В. Гоголь и Петербургский университет // Вестник Ленинградского государственного ун-та. Серия общественных наук. 1952. № 3. С. 36). В. П. Горленко имеет в виду отрывок Гоголя 1834 г. «Введение», опубликованный в 1887 г. одной из учениц Гоголя, Е. Умецкой, и перепечатанный в 1889 г. Н. С. Тихонравовым в пятом томе 10-го издания Сочинений Гоголя (см.: Неизданные заметка и письмо Н. В. Гоголя // Новое Время. 1877. 24 мая, № 442. С. 1; *Тихонравов Н. С.* Примечания редактора и варианты // *Гоголь Н. В.* Соч. 10-е изд. М., 1889. Т. 5. С. 682; *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 8. С. 115–116).

¹ Уроки М. П. Балабиной Гоголь давал еще в Петербурге в 1831 г.

² Правильно: к 1839 г.

³ Петр Павлович Дурново (1835–1918), генерал от инфантерии, член Государственного Совета.

⁴ Павел Дмитриевич Дурново (1804 –1864 или 1869), гофмейстер, муж (с 1831 г.) дочери светлейшего князя П. М. Волконского Александры (Алины) Петровны (1804–1859).

⁵ Князь Дмитрий Петрович Волконский (1805–1859), отец княгини Софьи Дмитриевны (1841–1875), жены (с 1868 г.) мемуариста, князя Н. В. Репнина-Волконского.

Ф. Е. Никольский

Гоголь в Одессе

Пребывание мое на юге можно отнести к самому лучшему времени моей тогдашней жизни, ввиду климатических условий и по смыслу обиденной жизни. Прежде всего поразило меня — это южный климат и его особенности, располагающие к здоровой жизни. Поездка моя туда <...> в марте месяце¹, когда еще у нас в России снега, вьюги и морозы, а между тем я, начиная от Полтавы, ехал уже зеленеющими и цветущими полями; в Одессу же приехал, там уже на бульварах были в цвету белые акации, а это было в конце марта. При виде всего этого я ощущал какую-то особую радость, и думалось мне, что в таком климате болеть нельзя и что я с Божьей помощью выздоровлю. Такие предчувствия, как оказалось после, меня не обманули, и я уже к осени этого лета, после удачного лечения по методу доктора Шмидта², настолько был здоров, что по несколько часов мог гулять по прекрасной Ришельевской улице и по бульвару над взморьем, что между прочим, должен был делать по приказанию доктора, заставлявшего иногда сыграть с ним несколько партий даже на бильярде. Такое мое положение чуть было не сбilo меня с толку намерением уехать в Москву, но доктор и слышать этого не хотел, сказавши, что я только отудобел и что для полного излечения моей болезни нужно взять еще один курс принятого мною лечения, т. е. пробыть еще одно лето, и что только после того, если с такой же пользой пройдет еще этот курс, какую принесло нынешнее лето, то, по его словам, могу ехать на все четыре стороны. Благоразумие заставило меня остаться. Но кроме того и г. А. И. Казначеев и А. И. Соколов³ поддерживали мнение доктора, прибавив к тому, что мне нести трудовую, сидячую жизнь еще нельзя, а следовательно, об университете пока надо забыть.

О способе лечения моего распространяться много не буду, а скажу только, что я в первый сезон, как я уже сказал, с половины апреля до 20 мая принимал морские грязи на Куяльницком лимане, а вслед за тем отправлен был на Южный берег Крыма в Евпаторию на морские купанья. Курс купанья продолжался полтора месяца, т. е. июнь и половина июля, а с половины июля нас, купающихся больных от приказа Общественного призрения, шесть человек, в числе ко-

торых был и я, перевезли в Алупку, в имение светлейшего князя М. С. Воронцова, для пользования виноградом, где я, между прочим, и пробыл до последних чисел августа вместе с одним студентом Харьковского университета, лечившимся от нервного расстройства и малокровия. Все расходы по лечению моему, как-то: содержание, медикаменты и все переезды и разъезды и устройство жизни в Алупке и плата за виноград, — одним словом, весь больничный пансион мой был производим за счет приказа Общественного призрения, по приказанию градоначальника А. И. Казначеева. (Чтобы далее не повторяться, то скажу, что и на втором году был тот же порядок лечения, как и на этот раз.)

Оставшись еще на сезон⁴, я, однако, боялся, что меня замучает скука, потому что мне строго была запрещена сидячая жизнь и в особенности какая бы ни то умственная работа, но благодаря А. И. Соколову и частично А. И. Казначееву я избежал предполагаемой мной опасности. Когда я возвратился из Крыма, г. Соколов тотчас же предложил мне у себя квартиру. Он был холост и занимал довольно большое помещение в доме приказа Общественного призрения, куда перетащил и меня, определивши мне две порядочные комнаты, даже с особым ходом. В Одессе он имел большое знакомство, так что не было ни одного вечера, чтобы у него не было пяти-шести человек гостей, когда он был дома, а особенно когда начинался театральный сезон, тогда к городским гостям присоединялись и гости артисты, потому собственно, что он был одним из директоров Одесского театра. Поэтому, как оказалось, и некогда было скучать, тем более что все удовольствия на подобных вечерах заключались большей частью не в оргиях или попойках, а в чтении чего-либо нового в литературе, умственных суждениях, оценке их же артистов или разборе какой-либо новой пьесы. Сам он был любитель театрального искусства, и потому чаще всего вели суждение о театре. Особенно в то время являлись часто на гастроли в Одессу артисты императорских театров. В бытность мою пребывали там такие артисты и артистки, как, например: М. С. Щепкин, Н. В. Самойлова⁵, и уже пожилая Е. С. Семенова⁶ (причем замечу, сыгравшая еще довольно хорошо Офелию) и артисты: г. Максимов, г. Толченев и мой добрый Санчо-Панцо — г. Воробьев, ныне уже покойники. Но что для меня было всего приятнее, так это то, что на одном из подобных вечеров посчастливилось познакомиться с нашим незабвенным Н. В. Гоголем.

Этого вечера я никак не могу забыть по тому впечатлению, какое на меня произвел этот гениальный человек, так что умолчать об этом было бы непростительно. Встреча моя с ним была, как помнится, в проезд его из Иерусалима через Одессу⁷. О том, что он будет вечером у г. Соколова, я узнал накануне от А<лександр> И<ванович> и непременно желал увидеть его, как что-то необыкновенное, влекущее к нему и возбуждающее особое любопытство, которое только может явиться при желании видеть какую-нибудь знаменитость. Н<иколай> В<асильевич> в то время был уже в апогее своей славы, так как же было не пожелать взглянуть, а может быть, и поговорить с таким человеком. Видеть-то я его видел, а говорить-то пришлось очень мало, да и он был далеко не так разговорчив: вообще о нем говорили, что он в обществе был мало разговорчив, а на этот раз почти весь вечер совершенно был угрюмым. Как после оказалось, такое его настроение было вследствие тех слухов, какие носились тогда в обществе относительно иерусалимских дел, связанных с политическим настроением европейских государств в смысле тех замешательств⁸. Весь мой разговор с ним ограничился тем, как говорится, — «здравствуйте и прощайте». А<лександр> И<ванович> подвел меня к нему и отрекомендовал как студента Московского университета. Он, подавая мне руку, сказал: «Так это хорошо, а какого факультета?» Я ответил, что юридического. «А какого курса?» Я сказал: «Первого». «Значит, встали на первую ступень умственного развития; ну, дай вам Бог добраться до верхней площадки этой лестницы». И замолчал. Вот весь разговор наш с ним. Но и эти немногие слова для меня были тогда драгоценным даром от него. Впрочем, надо заметить, что он и с другими, бывшими в тот вечер, также говорил отрывочно и, видимо, с нежеланием слишком много разглаговольствовать. А между тем присутствующие старались по возможности втянуть

его в общий разговор, а особенно поэт Щербина, «хохол», как он называл себя, более всех старался, как говорится, подмолодить его, относясь к нему по-малороссийски; но Н<иколай> В<асильевич> или просто отмалчивался, или отвечал коротко, или просто однословно. И такое его мизантропство никого не удивляло, потому что из переписки его с друзьями, разобранной Белинским, все знали уже о перемене его настроения, в смысле религиозном, а особенно, как видно, укоренившемся в нем после посещения им Иерусалима; но страннее всего мне казалось то, что больше всего он старался уклониться от разговоров о каких-либо литературных толках и суждениях и вообще о литературе и литературных деятелях. Он тогда или вставал с кресла и отходил к окну, а если оставался на месте, то как-то нервно повертывался в кресле. Не зная того психического настроения, в каком он находился на этот раз, лица, не знакомые с ним и с его, так сказать, душевным недугом, могли бы назвать его отношения к тем лицам, среди которых он находился, не знающим общественных условий. Оно и действительно было странно видеть этого хмурого и довольно исхудалого человека, сидевшего потупя нос или медленно проходившего по комнате к окну между довольно многочисленным обществом, толковавшим, спорившим и говорившим то о литературе, то о злобах дня, — людьми, собравшимися именно из желания поделиться с ним своими взглядами и услышать от него самого что-либо, чем он в то время дышал и как он думал о будущем; а между тем он, как бы невежа какой, видимо, игнорировал всем тем, что происходило в его присутствии, считая как бы нестоящим с ними входить в какие-либо рассуждения. Тогда как, кстати сказать, то общество, в котором он находился, состояло из людей, чтущих его как гениального писателя, и людей вполне образованных, как, например, хозяина А. И. Соколова, барона Рено⁹, тогдашнего директора Одесского театра, градоначальника А. И. Казначеева, почитавшего его до обожания, доктора Шмидта, Н. В. Самойловой, директора Ришельевского лицея, брата А. С. Пушкина — Льва Сергеевича и нескольких человек из ученого мира — лицея и других. Может быть, Н<иколай> В<асильевич> и потому был в таком настроении, что все это общество он считал за зрителей, собравшихся посмотреть на него, как бы на какую диковинку. Да это, пожалуй, и так, потому что, несмотря на то, что они с А<лександром> И<вановичем> между собой были друзья, он не засиделся на вечере, так что, любя поест, не остался даже поужинать и на просьбу хозяина, чтобы он отведал хлеба-соли его, отозвался нездоровьем и тем, что ему нужно приготовиться к отъезду в Москву, говоря: «побачить мою милую», которую, как он высказался, «так долго не бачил, и моих милых два Михалка¹» (напомянул Погодина и Щепкина). По уходе его А. И. Соколов проговорил: «А ведь он сделался страннее, нежели прежде был, прежде он был все-таки податливее на разговор, иногда даже пел малороссийские песни, а на этот раз из рук вон; был каким-то нелюдимкой и вот с своим братом, хохлам, — указывая на Щербину, — не хотел много даже разговаривать, тогда как в другое время с такими людьми, как он, говорил и любил побалакать по-свойски». А доктор Щеглов, психиатр по специальности, заметил в нем какую-то ненормальность, проговорил, что он или был чем-либо особенно занят и обдумывал, или же, как сказал Белинский, что он немножко умственно свихнулся. «Ну и хватил же ты, А<лександр> Васильевич, ты, кажется, ко всем хочешь применить свою психику; просто на него нашел такой стих, вот и все», — проговорил А. И. Соколов. Однако впоследствии оказалось, что Щеглов частью был и прав, и если Н<иколай> В<асильевич>, как мы знаем, и не был расположен к тому, на что намекал он, то все-таки в последних действиях Н<иколай> В<асильевич> перед кончиною не был нормален в его душевных способностях. А то, что было говорено Щегловым, было говорено менее, кажется, чем за год до смерти Николая Васильевича. Это было летом 1851 г.¹⁰

Моя встреча с Николаем Васильевичем Гоголем была во второй сезон моего лечения.

¹ В публикации: Михалко

Первые опубликовано: *Никольский Ф. Е.* Гоголь в Одессе / Вступ. ст. и публикация Н. Ф. Бельчикова // Прометей. Т. 2. М., 1967. С. 114–119. Печатается по первой публикации.

Федор Егорович Никольский (1816–1900), сын дьячка; за провинности попал из бурсы в монастырскую тюрьму, затем — в тюремный замок. Познакомился здесь с кандидатом на кафедру естественных наук Варшавского университета Яворским, который за три года заключения прошел с Никольским программу гимназии. В августе 1843 г. Никольский сдал экзамены в Казанский университет, готовясь к ним вместе с Л. Н. Толстым у адъюнкт-профессора В. А. Сбоева, и был принят на медицинский факультет. В августе 1846 г. перешел на юридический факультет Московского университета. Вследствие болезни легких прервал учение и 5 марта 1849 г. выехал в Одессу. После выздоровления жил в Пензенской губернии, сблизился с кружком Н. П. Огарева и Н. М. Сатина, и через них состоял в переписке с А. И. Герценом. В 1860–1870-х годах сотрудничал в «Отечественных записках» Н. А. Некрасова (см.: *Никольский Ф. Е.* Гоголь в Одессе / Вступ. ст. и публикация Н. Ф. Бельчикова. С. 114).

¹ Ф. Е. Никольский выехал из Москвы на лечение в Одессу 5 марта 1849 г.

² Христиан Мартынович Шмидт, главный врач Одесского приказа Общественного призрения и заведующий Куляницким лиманом.

³ Непременный член одесского приказа общественного призрения, директор русской труппы Одесского театра.

⁴ 1850–1851 гг.

⁵ Надежда Васильевна Самойлова (по мужу Макшеева, 1818–1899), актриса Александринского театра с 1838 г.

⁶ Екатерина Семеновна Семенова (в замужестве княгиня Гагарина; 1786–1849), драматическая актриса петербургской сцены.

⁷ Указание мемуариста ошибочно. Возвращаясь из Иерусалима, Гоголь после прохождения одесского карантина с 16 по 30 апреля 1848 г. пробыл в Одессе с 1 по 7 мая этого года. В то время Ф. Е. Никольского еще не было в Одессе. Его встреча с Гоголем состоялась в период пребывания писателя в Одессе с 24 октября 1850 г. по 28 марта 1851 г. Гоголь приехал тогда в Одессу из Москвы.

⁸ Имеется в виду обострение взаимоотношений России и Франции из-за ключей к вифлеемскому храму, ставшее преддверием Крымской войны 1853–1855 гг.

⁹ Барон Осип Иванович Рено (Жозеф Жан Рейнонд, род. около 1794), католического исповедания, член одесской масонской ложи Эвксинского (Евксинского) порта (в 1819–1821 гг.); в 1825 г. чиновник по особым поручениям при Новороссийском генерал-губернаторе князе М. С. Воронцове, коммерции советник, директор Одесского театра.

¹⁰ Очевидно, разговор состоялся в марте 1851 г., незадолго до отъезда Гоголя из Одессы.

П. М. Надимов

<Воспоминания актера> Фрагмент

<...> По выезде Д. Д. Ахлестышева из Одессы¹ назначен был губернатором Т<айный> С<оветник> А. И. Казначев².

К нему приезжал гостить Н. В. Гоголь.

И в это время¹ для такого дорогого гостя А. Ф. Богданов устроил у себя семейный вечер. Н. В. Г<оголь> был знаком с женой А. Богданова, родной сестрой М. Щепкина³, с которым Н<иколай> В<асильевич> был в дружеских отношениях, бывал у них в доме; и вот на этом вечере Н. В. Г<оголь> сам изъявил желание прочесть несколько отрывков из своего соч<инения> «Мертвые Души», от которого все артисты были в восторге, слушавши чтение такой знаменитости. При нем ставили «Ревизора»⁴. Распределение ролей было так: Городничего — А. Зверев, Жену — Л. Млотковская, дочь — М. Кителот, Хлестакова — М. Максимов, Осипа — И. Орлов (кото-

¹ в это время *вписано*.

рый считался лучшим исполнителем из игравших эту роль), Бобчинского — С. Шумский, Добчинского — М. Воробьев, почтмейстера — ...¹, Землянику — ...², Купца и Жандарма — П. Николаев, Пошлепкину — Е. Николаева, Мишку, слугу город<ничего>, я играл под фамилией Павлов.

Н. В. Гоголь был на репетициях, а во время антрактов, прохаживаясь по сцене с артистами, делал свои замечания и советы. Многие в Одессе говорят, что в присутствии Н. В. Гоголя роль Осипа играл П. Николаев, это неверно; он играл то, что указано мною выше. Во время спектакля он сидел в ложе губернатора, выходил³ на сцену, и вообще остался очень доволен исполнением артистов. <...>

Впервые опубликовано, с сокращениями и неточностями: *Клинчин А. П.* Провинциальный театр <в 1846–1861 гг.> // История русского драматического театра: В 7 т. М., 1979. Т. 4. С. 235. Печатается по автографу: ГЦТМ. Ф. 533. Ед. хр. 22. С. 36–38.

Павел Моисеевич Надимов (1831 — после 1881), актер, антрепренер. В зимний театральный сезон 1881/82 г. в Житомире труппа П. М. Надимова играла «Тараса Бульбу» (см.: *Ванченко К. И.* Воспоминания украинского актера // Голос Минувшого. 1915. № 7–8. С. 152).

¹ В 1849–1850 гг.

² Некоторое время А. И. Казначеев, переведенный в Одессу из Симферополя в конце 1848 г., исполнял должность одесского градоначальника при военном губернаторе Одессы (с 1840 г.) Д. Д. Ахлестышеве (6 декабря 1848 г. назначен сенатором). После отъезда Ахлестышева из Одессы Казначеев не был назначен военным губернатором, а остался в должности градоначальника, при этом должность военного губернатора Одессы была упразднена. (До приезда Казначеева в Одессу губернатор Ахлестышев сам исполнял обязанности одесского градоначальника.)

³ Елизаветой Семеновной Богдановой (рожд. Щепкиной).

⁴ Впервые в Одессе «Ревизор» был поставлен в 1837 г.

А. И. Шуберт (рожденная Куликова)

Моя жизнь Фрагменты

<...> Мы с матерью часто бывали в театре. Петербургская драматическая труппа того времени (40-х годов) была небольшая, но талантливых актеров много. <...>

Преобладавший трагический репертуар выдвинул В. А. Каратыгина. <...> Брат Каратыгина, П. А., играл сначала любовников. Он был очень красив, высокого роста и с прекрасными голубыми глазами. Черный фрак и голубая лента через плечо очень шли к нему. Потом он перешел на роли комиков. В то время комические роли считались самыми легкими: это называлось «дураков представлять». Он бранил Гоголя и называл его грязным писателем. Припоминаю здесь одну беседу с ним, происшедшую уже много позднее. <...>

...Однажды, во время антракта, он берет меня под руку, подводит к одной декорации (сцена представляла сельский пейзаж) и спрашивает:

- Что это изображает?
- Навоз, — отвечаю.
- И вы не плачете?
- О чем?

---

¹ В рукописи оставлен пробел.

² В рукописи оставлен пробел.

³ В рукописи ошибочно: походил

— Это не напоминает вам вашего Гоголя?

И прочел целую диссертацию на тему о том, что сцена должна воспроизводить только изящное. Очень умно говорил, я не умела бы ему прекословить. Даже Мартынов¹ говорил:

— Как я мог не верить ему? Я соглашался с его суждениями, а на сцене инстинктивно исполнял дело Гоголя.

Это мне передал потом Островский. <...>

Припоминаю еще по поводу постановки «Женитьбы» Гоголя супругов Сосницких². Он имел аристократические манеры и был прекрасен в ролях старых бар, но Кочкарева сыграл очень плохо. Его жена играла невесту, говорила жеманным тоном. Вся пьеса показалась очень скучной и провалилась в первое представление. Я не узнала ее, когда увидела в Москве³: точно пьесу с иностранной сцены пересадили на родную. <...>

Здесь кстати вспомнить, как отличился раз М<ихаил> С<еменович>⁴. Государь Александр II гостил как-то в Москве и пожелал назначить «Горе от ума». В одном из антрактов Государь пришел за кулисы и в полумраке разговаривал с Шумским.

Мих<аил> Сем<енович>, заложивши руки за спину, подошел к ним и слушал, о чем говорят. Государь говорит:

— Отчего теперь не пишут таких пьес, как «Ревизор» и «Горе от ума»?

— Оттого, Ваше превосходительство, что теперь другие интересы в России, другие вопросы поднялись, не до театра.

Государь ничего не ответил и отошел.

— Кто этот генерал? — спрашивает Щепкин.

— Да Государь.

— Ай, батюшки. <...>

В этом году Ахлестышев оставил Одессу (1849) и на его место прибыл А. И. Казначеев⁵, очень добрый, но какой-то бестолковый. <...>

Лето, жара, сборы упали. Надо знать, что тогдашний театр в Пале-рояль был маленький, как бомбоньерка. <...> Дела дирекции трещали. В это время в Одессу приехал Гоголь. Я увидела его первый раз у Богдановых, куда его пригласили на малороссийскую слявянку. Он мне очень не понравился своим напыщенным тоном. Я привыкла к поклонению и обожанию, а он очень резко сказал:

— Возьмите у нее слявянку, так много нельзя, это очень крепко.

Я обиделась и ушла в другую комнату, и он никакого внимания. (Какова дура?!). Не знаю, о чем он беседовал, все его слушали с подобострастием. Узнав, что я даю в свой бенефис (1852 г.)⁶ «Школу женщины», он выразил желание прочесть ее нам вслух и читал прескверно: со стихом не ладил. Был на нескольких репетициях и каждый раз присутствовал в губернаторской ложе. <...>

Впервые опубликовано: Моя жизнь. Воспоминания артистки А. И. Шуберт. 1827–1833 гг. // Ежегодник Императорских театров. 1911. Вып. V. С. XXXV, XXXIX–XL, XLVI, LX; Вып. VI. С. LXXXVIII–LXXXIX. Печатается по первой публикации.

Александра Ивановна Шуберт (рожд. Куликова, во втором браке Яновская, 1827–1909), сестра актера и режиссера Н. И. Куликова и актрисы П. И. Орловой, жена актера М. А. Шуберта, одна из учениц М. С. Щепкина. С 1843 г. играла на Александринской сцене под руководством своего брата, в 1845 г. перешла в Малый театр; в 1847–1853 гг. служила в Одессе, затем играла в Санкт-Петербурге, в Москве, с 1867 г. — в провинциальных театрах и частных столичных труппах.

¹ А. Е. Мартынов.

² Премьера «Женитьбы» состоялась в Александринском театре в Петербурге в бенефис И. И. Сосницкого.

³ Премьера «Женитьбы» в московском Малом театре состоялась 5 февраля 1843 г. в бенефис М. С. Щепкина.

⁴ Щепкин.

⁵ См. в наст. изд. коммент. к <Воспоминаниям актера> П. М. Надимова.

⁶ 8 февраля 1851 г. (см. в наст. изд. коммент. к статье А. П. Толченова «Страница для биографии Гоголя (Из воспоминаний провинциального актера)»).

**Подорожная на проезд из Одессы до Москвы,
выданная Гоголю 26 марта 1851 г.**

**По указу Его Величества Государя Императора
Николая Павловича, Самодержца Всероссийского
и прочая, и прочая, и прочая.
№ 1068**

*От Города Одессы до Москвы Коллежскому Ассесору Николаю Гоголю с будущим под собственный Экипаж из Почтовых
давать по четыре лошади с проводником, за указание прогони, без задержания Дана в
Г. Одессе Марта 26 1851 года.*

*Херсонский Гражданский
Губернатор, Генерал-Майор Оленич Гнен<енко>¹.*

Печатается по фотокопии, приведенной в изд.: Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 733.

¹ Собственноручная подпись Кирилла Иоакимовича (Акимовича, Якимовича) Оленича-Гнененко (ум. в 1853), херсонского гражданского губернатора (с 1848 по 1851 г.), генерал-майора.

**Подорожная на проезд из Одессы до Богуслава,
выданная Гоголю 26 марта 1851 г.**

**По указу Его Величества Государя Императора
Николая Павловича, Самодержца Всероссийского
и прочая, и прочая, и прочая.
№ 1726**

*От Одессы до Богуслава¹ Коллежскому Ассесору Николаю Гоголю с будущим под собственный
Экипаж
давать по четыре лошади с проводником, за указание прогони, без задержания дана в Одессе
Марта 26 1851 года.*

С сей подорожной за 389-ть верст 8 руб<лей> 9 копеек взято.

*Херсонский Гражданский
Губернатор, Генерал-
Майор и Кавалер Оленич Гнен<енко>².*

*Казначей Юрескул³.
Бухгалтер Сидоренко.*

Печатается по фотокопии, приведенной в изд.: Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 731.

¹ Имеется в виду местечко Богуслав (ныне город) в Каневском уезде Киевской губернии. Адрес подорожной указывает, что из Одессы Гоголь направлялся в Кагорлык к А. А. Трошинскому, где в то время продолжали гостить (с октября 1850 г.) мать писателя и его сестры. 21 марта 1851 г. Гоголь сообщал матери из Одессы: «Я полагаю выехать на будущей неделе, так, чтобы к страстной <к 2–7 апреля 1851 г.> быть в Кагорлык. Если поможет Бог совершить путь благополучно, то или в субботу <31 марта>, или в воскресенье <1 апреля> доберусь до Кагорлыка». Отметим попутно, что предположение Е. З. Тарланова, что к апрелю 1851 г. относится чтение Гоголем в Кагорлыке матери «первой главы» второго тома «Мертвых душ» ошибочно (см. в наст. изд. примеч. 7 к разделу *Из дневника Е. В. Гоголь 1848–1850 гг.*). Это чтение, о котором М. И. Гоголь упоминала в письме к М. П. Погодину от 24 марта 1852 г. (см. в наст. изд.), относится к 1 октября 1850 г. (см. в наст. изд. дневниковую запись Е. В. Гоголь от этого числа).

² Собственноручная подпись херсонского гражданского губернатора К. И. Оленича-Гнененко.

³ Собственноручная подпись казначея одесского земского суда коллежского ассессора Игнатия Ивановича Юрескула.

Александра Алексеевна Чичерина <рожденная Капнист> тоже видела Гоголя

Александра Алексеевна Чичерина († в 1918 г. лет 70-ти), урожденная Капнист, рассказывая о своем детстве, любила вспоминать, как видела Гоголя. Небогатая, но в высшей степени живописная усадьба ее родителей Капнистов, Михайловка, была расположена на речке Псле, — одноэтажный дом с надписью: «*parva domus magna quis!*» — был окружен дубами, и вот она прямо видит, как к стволу одного из них прислонилась оживленно разговаривающая фигура. Что-то поразило ее во всем облике говорившего, отличное от обычных посетителей, а глаз ребенка зафиксировал темно-красный жилет гостя¹, пришедший на уровне ее головки — гость был Николай Васильевич Гоголь, приехавший к ее родителям.

Его образ она сохранила на всю жизнь в памяти.

Публикуется впервые по рукописи: *РГАЛИ*. Ф. 909. Фонд Александра Петровича Шнейдера и Варвары Петровны Шнейдер, художницы. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 4. (Рукописи В. П. Шнейдер).

Александра Алексеевна Чичерина (рожденная Капнист; 27 ноября 1847–1918), дочь Алексея Васильевича Капниста, внука В. В. Капниста; была замужем за юристом и философом Борисом Николаевичем Чичериным (1828–1904). Гоголя она, вероятно, видела в мае 1851 г., будучи трех с половиной лет от роду.

См. также в наст. изд. заметку В. П. Шнейдер «<Граф> Петр Петрович Семенов <Тянь-Шанский> о своих встречах с Гоголем».

¹ О хранившемся после смерти писателя в Васильевке, у племянника Н. В. Быкова, «темно-красном» жилете Гоголя упоминали также В. А. Чаговец: «Показывают также красный бархатный жилет поэта...»; и В. А. Гиляровский: «У Н. В. Быкова. <...> Темно-красный бархатный жилет Гоголя...» (см. в наст. изд. статью Чаговца «На родине Гоголя» и статью Гиляровского «В Гоголевщине. (Из последней поездки)»). По-видимому, об этом же жилете вспоминала княжна В. Н. Репнина-Волконская: «Гоголь <...> приходил в красном бархатном жилете...» (см. в наст. изд. статью Н. Тэффи «После юбилея»).

**Святыня под спудом.
Тайна православного монашеского духа
(Келейные записки Оптинского иеромонаха
Евфимия Трунова и отрывки из
Оптинского монастырского архива)
Фрагменты**

<...> 1851 год. <...> 2-го июня. <Оптина Пустынь>. Пополудни прибыл проездом из Одессы в Петербург¹ известный писатель Николай Васильевич Гоголь. С особенным чувством благоговения отслушал вечерню, панихиду на могиле своего духовного друга, монаха Порфирия Григорова², потом всенощное бдение в соборе. Утром в воскресенье 3-го числа он отстоял в скиту литургию³ и во время поздней обедни отправился в Калугу, поспешая по какому-то делу. Гоголь оставил в памяти нашей обители примерный образец своего благочестия.

Большая была бы сила для Церкви Христовой на земле в лице Николая Васильевича Гоголя, если бы не так поздно обратилась она к истинному благочестию! Какая бездна ума, таланта, энергии затрачена им была, и на что же? На осмеяние души родного русского человека! Великий дар Божий — талант писателя, но и какова же возложена на него ответственность! И как мало на земле людей таланта, постигающих, на что дарование это дано им от Бога, разумеющих истинный смысл Господней притчи о талантах! На что, на какую мелочь житейскую, на какой, в сущности, вздор, именуемый нами «делами», размениваем и разматываем мы наше духовное богатство, забывая о «едином на потребу»! Гоголь хотя и поздно, но все же истинно и искренне понял назначение христианского писателя, устранился страшного ответа, который ему придется дать пред Домовладыкой, от всего сердца принес покаяние в содеянном им тяжком грехе осмеяния Божьего творения — души христианской: на нем и в нем милосердие Божие победило грех человеческий. Но что сказать о других великих русских талантах? Вспомним горестный конец обоих «властителей» верхов русской мысли — Пушкина и Лермонтова, и скажем себе с сердечным трепетом: «страшно грешнику впасть в руце Бога Живаго!»... <...>

1857-й год. <...> 8 апреля <Светлый понедельник>. Пополудни прибыла в обитель нашу Мария Ивановна Гоголь⁴, мать покойного известнейшего писателя Николая Васильевича Гоголя. С Марией Ивановной был и внук ее, Николай⁵. Она прожила у нас до 17 апреля.

Боже мой! до чего велико и страшно писательское призвание, тот божественный талант, который вручается Тобою Твоему избраннику не для самоуслаждения себялюбивой человеческой гордости, не для скорогибнущей земной славы, а для славы Святейшего Имени Твоего, да святится оно в сердцах человеческих и да устроит в них Царствие Твое — Царство любви и благодарности к Тебе, к миру духовному и внешнему, премудростию Твоею созданному, любви и благоволения к венцу создания Твоего — к человеку, которого Ты малым чем умалил еси от Ангел, венчав его и честью, и славою, и за спасение которого Ты пролил Честнейшую Кровь Твою и на крест вознес Пречистое Тело Твое. Ты Бог-Слово, в Троице Пресвятой славимый, не на разрушение, а на созидание дал человеку божественное слово Твое, освятил уста его Хлебом

небесным, дающим жизнь миру, чтобы ни одно слово гнилое не изошло из уст освященных и не погубило ни одной души человеческой для блаженной вечности, ни одной словесной овцы Христовой не извело из ограды пажитей Господних. Привести и соблюсти Христу во всей полноте любви Его душу христианскую — вот единственная задача христианского писателя, вот истинное употребление доверенного ему таланта. Лукавое, оязычившееся время наше едва ли не навсегда утратило разумение смысла, значения и назначения писательского дара и, ублажая духовную гордость человеческого сердца писателя, отводит его с прямого, истинного пути и увлекает в бездну глубин сатанинских, из тьмы которых нет возврата к свету высоты небесной и тем более — пренебесной. Духом отрицанья и сомненья дышат произведения новейших светских писателей, явной и тайной насмешкой проникнуты они, ядовито осмеивая не только то, что достойно, как слабость, сожаления и исправления, но и самую добродетель и святое святых сокровенной человеческой души. Кому, падши, поклоняются они?.. Гоголю со всей его чистой христианской душой, с сердцем, напоенным Христовой истиной, не удалось миновать общего течения взбаламученного житейского моря, и свой большой корабль он подчинил его силе и воле, думая совершить большое плавание и... разбил его со всеми доверившимися его наблюдению пассажирами об утес отрицания и сомнения. Талант, данный на созидание, обратился на разрушение⁶: под жгучим ядом насмешки обличения прожглось и провалилось рубище, прикрывавшее доселе наготу общества русского, а на соткание ему новой ни силы, ни разума, ни дарования не хватило у того «духа», который талантом Гоголя обливал все его произведения своим ядом. Исполнилось и на Гоголе Господнее слово: «без Мене не можете творити ничесоже».

Трудно представить человеку непосвященному всю бездну сердечного горя и муки, которую узрел под ногами своими Гоголь, когда вновь открылись затуманенные его духовные очи, и он ясно, лицом к лицу, увидал, что бездна эта выкопана его собственными руками, что в ней уже погружены многие, им, его дарованием, соблазненные люди, и что сам он стремится в ту же бездну, очертя свою бедную голову... Кто изобразит всю силу происшедшей отсюда душевной борьбы писателя и с самим собою, и с тем внутренним его врагом, который извратил божественный талант и направил его на свои разрушительные цели? Но борьба эта для Гоголя была победоносна, и он, насмерть израненный боец, с честью вышел из нее в царство незаходимого Света, испутив свой грех покаянием, тесным соединением со спасающею Церковию и злоречием мира.

Да упокоит душу его милосердный Господь в селениях праведных! <...>

Впервые опубликовано: <Нилус С. А.> Святыня под спудом. Тайна православного монашеского духа (продолжение) // Троицкое Слово. Издание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры / Цензор и редактор Епископ Никон <Рождественский>. 1910. 15 авг. № 28 (цензурное разрешение 10 июля). С. 442–443 (первая запись); То же // Троицкое Слово. 1910. 19 дек. № 48 (цензурное разрешение 3 дек.). С. 760–761 (вторая запись). См. также: Святыня под спудом. Тайна православного монашеского духа. С. Нилуса / Оттиск из №№ журнала «Троицкое Слово» за 1910 и 1911 г. Сергиев Посад, 1911 (цензурное разрешение 7 мая; цензор и редактор Епископ Никон). С. 81–82, 156–157; Нилус С. Святыня под спудом. Тайна православного монашеского духа. Издание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1991. С. 112–113, 214–216. Печатается по первой публикации.

Ряд сведений о пребывании Гоголя в Оптиной Пустыни см. также в наст. изд. в разделах: *Гоголь на острове Корфу и мощей святителя Спиридона Тримифунтского*; П. А. Матвеев. *Гоголь в Оптиной Пустыни*; *Из публикаций о пребывании Гоголя в Оптиной Пустыни*; *Преподобный Варсонофий Оттинский. Беседы*. См. также письма В. А. Муханова к страмам от 29 августа (н. ст.) 1846 г. и А. В. Гоголь к В. И. Шенроку от начала 1888 г.

Евфимий (в мире Гермоген Ермилович Трунов, 1809–1886), иеросхимонах, летописец Оптиной Пустыни; происходил из семьи щигровских помещиков Курской губернии.

Сергей Александрович Нилус (1862–1929), духовный писатель.

Преосвященный Никон (в мире Николай Иванович Рождественский, 1851–1919), с 1906 г. епископ Вологодский и Тотемский, с 1913 г. — архиепископ, духовный писатель, председатель вологодского отдела Союза Русского Народа,

редактор и издатель журнала «Троицкое Слово», со второго номера которого началась, с продолжением, публикация книги С. А. Нилуса «Святыня под спудом». Почитал Гоголя и А. С. Хомякова как «носителей русских заветов христианских»; в 1912 г. в статье «Гипноз всеобщего обучения», в частности, замечал: «Вспомните, как определял наш великий Гоголь понятие просвещения <в одноименной статье>. <...> Для жизни не столько нужно обучение, сколько воспитание, и во всяком случае — воспитание в христианском духе есть само по себе добро, а обучение само по себе ни добро, ни зло...» (Архиепископ *Никон (Рождественский)*. Православие и грядущие судьбы России. М., 1994. С. 186).

В предисловии к запискам о Евфимия С. А. Нилус сообщил: «Предлагаю благочестивым читателям материал, <...> выясняющий истинную тайну монастырской миссии... <...> Материал этот: келейные заметки, письма, черновики, а также записи некоторых выдающихся событий внутренней монастырской жизни, мною найденные в книгохранилищах Оптиной Пустыни, мною собранные и систематизированные в форме дневника ныне уже приложившегося к праотцам Оптинского иеромонаха Евфимия (Трунова). Не ему одному принадлежит этот материал, — он был достоянием коллективного Оптинского духа, — но я присвоил его ему одному; потому что при жизни восстановителя Оптинской славы, Архимандрита Моисея, он был к нему едва ли не самым близким лицом; потому что он вел дневник всему тому, чему был очевидным свидетелем во все время долголетней своей иноческой жизни, начавшейся еще во дни основателя старчества в Оптиной Пустыни, старца Льва, продолжавшейся при его преемнике по старчеству, старце Макарии, и окончившейся во дни современника нашего, старца Амвросия Оптинского, и, наконец, потому, что, по отзывам его современников, он сам был иноком выдающейся духовной жизни. Дневник отца иеромонаха Евфимия послужил мне канвою с намеченным его рукою узором, но самый узор, как и драгоценнейший жемчуг дивного шитья, составлен и собран из многоцветных раковин, извлеченных из сокровенных глубин безбрежного и бездонного моря великого Оптинского духа, питавшего православную русскую мысль в таких богатырских ее представителях, как — братья Киреевские, Гоголь, Достоевский и те «молодшие» — богатыри, имена которых — как звезды на тверди православного русского неба. Во всем, что собрано здесь, самоизмышленного моего нет... <...> Что же касается изложенных здесь фактов, принадлежащих к области духовной христианской жизни и ее силы, то моего в них — только одна редакция. <...> ...Смелости моей и дерзновения оправданием да послужит быстрота и натиск злобного духа времени, устремляющегося внушить присным своим рабам и служителям похоронить навеки еще живое и жизнетворное тело православного монашества: при таких условиях начавшейся роковой борьбы некогда размышлять о достоинстве оружия...» (*Нилус С.* От составителя // Святыня под спудом. Тайна православного монашеского духа. (Келейные записки Оптинского иеромонаха Евфимия Трунова и отрывки из Оптинского монастырского архива) // Троицкое Слово. Издание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры / Цензор и редактор Епископ Никон. 1910. 14 февр. № 2 (цензурное разрешение 8 февр.). С. 27–28).

Указанию на сборный характер материалов, помещенных в книге, соответствует и подзаголовок публикации, печатавшийся в первых номерах журнала (в последующих номерах и в отдельном издании книги отсутствующий): «Келейные записки Оптинского иеромонаха Евфимия Трунова и отрывки из Оптинского монастырского архива». Согласно сообщению Нилуса, что дневник иеромонаха Евфимия послужил ему «канвою» для выражения «коллективного Оптинского духа», хронологические записи, приводимые в книге, несомненно, принадлежат о. Евфимию; тогда как абзацы, следующие за этими дневниковыми заметками, возможно, представляют собой фрагменты более позднего происхождения. В частности, скорее к концу XIX в., чем к первой его половине, может относиться оценка современной литературы в отрывке, следующем после записи от 8 апреля 1857 г.: «Духом отрицанья и сомненья дышат произведения новейших светских писателей, явной и тайной насмешкой проникнуты они, ядовито осмеивая <...> и самую добродетель и святое святых сокровенной человеческой души». Такого рода литература — осмеивающая самые нравственные устои — могла получить распространение лишь при более либеральной цензуре, чем во времена Императора Николая I. По-видимому, появившиеся в качестве комментария к дневнику о. Евфимия заметки связаны с противостоением антихристианским веяниям новой эпохи (на время «начавшейся роковой борьбы» указывает Нилус в своем предисловии). Именно к концу XIX в. произведения Гоголя, вследствие возобладания в критике последователей Белинского, окончательно приобрели статус осмеивающей русскую жизнь сатиры; в этом только качестве они рассматриваются в записках (см. ниже примеч. 6).

¹ На самом деле в Москву.

² Об отце Порфирии (Григорове) см. в наст. изд. в воспоминаниях Л. И. Арнольди «Мое знакомство с Гоголем» и в разделе *Письмо преподобного Амвросия Оптинского о почитании святых мощей*.

Вероятно, Гоголю было рассказано о том, как скончался о. Порфирий: «1851 год. <...> Март. <...> Многие из братьев нашей Обители с 5-го числа заболели от простуды горлом, сильным насморком и головною болью, в особенности же, монах Порфирий, у которого заболевание через 4–5 дней перешло в сильный кашель и горячку... <...> ...О. Порфирий <...> с утра понедельника <12 марта 1851 г.> решительно повторял, что ему непременно должно умереть между 14-м и 17-м сего месяца. <...> На вопрос старца своего, отца Амвросия, почему он знает, что ему должно умереть между 14-м и 17-м числом, о. Порфирий ответил: “Так говорят у затворника, отца Илариона”. — Сей затворник, 90-летний старец, давно знакомый о. Порфирию, живет в Лебедянском уезде <Тамбовской губернии, в селе Троекурово> за 300 верст от нашей обители. — “Отец Иларион послал мне с Анной Васильевной рубашку и масло и приказал поспешить. Что ж это не несут ко мне?”. Эти слова о. Порфирий повторял в понедельник и во вторник. Всем казалось, что он это говорит в бреду от сильного жара, в состоянии беспамятства. Это тем более представлялось вероятным, что затворник, находясь за 300 верст от больного, не мог ни от кого в один день получить известия о болезни о. Порфирия. Но в среду 14 марта, утром, к удивлению всех, приехала в нашу обитель Анна Васильевна Андреевская (урожденная Гессе), козельская помещица, и прислала со своим человеком в келью к о. Порфирию посланные ему затворником о. Иларионом рубашку, пузырек деревянного масла и кусок ржаного хлеба. Госпожа Андреевская при этом сказывала, что она отправлялась по усердию своему к затворнику Илариону, не зная ничего об о. Порфирии, а о. Иларион <...> дал отвезти о. Порфирию рубашку, масло и хлеб и, улыбнувшись, советовал ей поспешить к нам, сказав: “Еще захватишь ли его?” <...> 14-го пополудни о. Порфирий надел на себя присланную рубашку затворника. <...> В ночь с 14-го на 15-е, в 3 часа пополудни, в начале утрени, о. Порфирий просил удостоить его приобщения Св. Таин и, когда иеромонах Паисий приобщил его и предложил запить теплотою, о. Порфирий ответил: “Нет, батюшка! В моем положении легко может возмутиться рвота”. Это были последние слова его. Тут же на лице его заметили отображение некоего благодатного утешения; лицо его, бывшее от жара красным, сделалось вдруг бело и приятно, дыхание тоже тихо и кратко. Отец Паисий начал читать отходную, и в половине чтения отходной о. Порфирий тихо и незаметно усле о Господе до последней трубы Архангела...» (<Нилус С. А.> Святыня под спудом. Тайна православного монашеского духа (продолжение) // Троицкое Слово. Издание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры / Цензор и редактор Епископ Никон. 1910. 25 июля. № 25 (цензурное разрешение 10 июля). С. 393–395).

³ В скитской летописи записи от 3 июня 1851 г. отсутствуют (см.: РГБ. Ф. 214. Ед. хр. 360. Л. 211). Имеется только запись от 2 июня: «1851 год. <...> Июня 2. Прибыл в Скит Московского Данилова Монастыря Иеромонах Вассиан, пожертвовал от своего усердия в Скитскую церковь Сосуды серебряные позолоченные черневой работы». К этой записи сделано позднейшее примечание: «О<тец> Вассиан служил в Скит<ской> Церкви 24 июня и 8 июля, а 10-го утром отправился в Москву...» (РГБ. Ф. 214. Ед. хр. 360. Л. 211; опубли.: Летопись скита во имя святого Иоанна Предтечи и Крестителя Господня, находящегося при Козельской Введенской Оптиной пустыни: В 2 т. / Сост. монах Марк (Хомич А. Г.). М., 2008. Т. 1. С. 204).

⁴ О своем посещении Оптиной Пустыни 8–17 апреля 1857 г. рассказывала также сама мать Гоголя в письме к С. Т. Аксакову от конца апреля — мая 1857 г. (см. в наст. изд.). То, что М. И. Гоголь, проживавшая далеко от Оптиной Пустыни, тем не менее знала о ней, останавливалась здесь, жертвовала (в частности, в 1853 г.) деньги в обитель (см. коммент. к указанному письму), а также то, что сестре Гоголя Анне было известно о желании брата «поселиться в Оптиной пустыне» (см. в наст. изд. ее письмо к В. И. Шенроку от начала 1888 г.), говорит о том, что сам Гоголь рассказывал родным об этом монастыре и о своем желании «и на всяком месте своего странствия быть в Оптинской пустыне» (письмо Гоголя к иеромонаху Оптиной Пустыни отцу Филарету от 15 июня 1850 г.). В скитской летописи сведения о посещении М. И. Гоголь Оптиной Пустыни 8–17 апреля 1857 г. отсутствуют (см.: РГБ. Ф. 214. Ед. хр. 361. Л. 343 об.–352; см. также: Летопись скита во имя святого Иоанна Предтечи и Крестителя Господня, находящегося при Козельской Введенской Оптиной пустыни: В 2 т. / Сост. монах Марк (Хомич А. Г.). М., 2008. Т. 1. С. 397–402).

⁵ Н. П. Трушковский.

⁶ Еще при жизни Гоголя (а тем более в последующую, предреволюционную эпоху) в общественном сознании широкое распространение получило мнение о гоголевских произведениях как служащих к разрушению традиционных основ русской жизни. Основанием для такого восприятия «Ревизора» и «Мертвых душ» послужило не столько собственное содержание сочинений Гоголя, сколько их произвольные интерпретации радикальными критиками, начиная с В. Г. Белинского. Когда «Белинский начал разъяснять <...> значение произведений Гоголя, Гоголь пришел в ужас от этих разъяснений и объявил, что вовсе не имел в виду того, что приписывают ему *некоторые* критики» (свидетельст-

во И. И. Панаева в его «Литературных воспоминаниях» — см. в наст. изд.). Именно против интерпретаций Белинского Гоголь публично выступил в 1847 г., издав книгу «Выбранные места из переписки с друзьями» (см.: *Виноградов И. А.* «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя: идейные предпосылки и мотивы создания // *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 6. С. 419–445). В 1847 г. в неотправленном письме к критику Гоголь также писал: «...Как ни рассматрю все прежние сочинения мои, вижу, что они не могли соблазнить вас. Как ни смотреть на них, в <них нет лжи некоторых> современных произведений. <...> Когда я писал их, я благоговел п<ред тем, пред> чем человек должен благо<го>веть. Насмешк<a> и нелюбовь слышалась у меня не над Властью, не над коренными законами нашего Государства, но над извращением, над уклонениями, над неправильными толкованиями, над дурным <приложением>, над струпом, который накопился... <...> Нигде не было у меня насмешки <над тем>, что составляет основание Рус<c>кого характера и его великие силы. <...> Моя ошибка в том, что я мало обнаружил Рус<c>кого человека, я не развернул его, не обнажил до тех великих родников, которые хранятся в его душе. Но это нелегкое дело» (см. также в наст. изд. преамбулу к разделу *Свидетельства о Гоголе В. Г. Белинского*).

Очевидно, что использование гоголевских сочинений в разрушительном революционном процессе берет свое начало не в авторском замысле, но объясняется их злоупотреблением. Христианская мысль о воскрешении «мертвых душ», обращенная в гоголевских произведениях к каждому человеку лично, религиозный призыв к очищению нравов, восстановлению «узаконенного порядка» и «невидимая брань» с мистически реальным злом, превращалась под пером революционно-демократической критики в прямую проповедь уничтожения и человеконенавистничества. При этом попытка Гоголя остановить такое, несовместимое с подлинной культурой, «употребление» его сочинений выдавалось, вопреки здравому смыслу, за умаление их «общественного звучания». Такую судьбу в руках распространителей противообщественных учений разделили в XIX–XX вв., вместе с гоголевскими произведениями, многие явления отечественной культуры, не исключая текстов Священного Писания. С последним явлением также был знаком Гоголь, о чем свидетельствует его замечание в неотправленном письме к Белинскому о «нынешних ком<м>унистах и социалистах, объясняющих, что Христос повелел отнимать имущества и грабить тех, которые нажили себе состояние». «Все можно извратить и всему можно дать дурной смысл, человек же на это способен», — замечал Гоголь (см. также в наст. изд. коммент. к письму В. Г. Белинского И. И. Панаеву от 10 августа 1838 г.).

Нечто о Н. В. Гоголе (Выдержки из заметок)

Внимательно читая русские наши журналы и газеты (от доски до доски), мы время от времени находим в них много недосмотров, очевидных ошибок и немаловажных погрешностей, происшедших, вероятно, от спешной, срочной работы. (Мы отнюдь не обвиняем редакторов... Боже нас сохрани обвинять редакторов!) Скажут: авторские промахи легко заметить: согласны, но если эти промахи так рельефны, то почему же и не заметить их, имея одну благонамеренную цель — добросовестность; почему не указать на них сочинителю, который, издавая в свет свои произведения отдельную книгу, может исправить то, что действительно оказалось несправедливым, утрированным? Кто без греха, а литературные грехи не весть беда какая. Он описался, обмолвился во всеуслышание, как иной говорун оговорится¹: ему заметят его описку, его обмолвку — и конец этой истории. Продолжительная полемика нынче не в моде. Мы думаем, что из суммы достоверных сведений получаются данные. Вы, например, напечатали биографический очерк известного писателя... Позвольте у вас спросить: отколы вы заимствовали ваши о нем сведения? Вы, положим, будете отвечать: я так слышал! Но вам могут возразить русским присловьем: «Не всякому слуху верьте». Мало ли что говорят! «На чужой роток не накинешь платок», — гласит другая русская поговорка. Из этого следует, что при составлении биографий надобно руководствоваться осторожностью. Осторожность — дочь благоразумия. Приступая к заметкам и мелочам литературным, мы далеки от мысли затронуть, огорчить авторское самолюбие (которого, заметим в скобках, ничего не может быть раздражительнее), напротив, мы надеемся (и не шутя это говорим) заслужить от авторов разбираемых нами статей небольшую благодарность. Заслуга за заслугу. «Укоряющие нас более приносят нам пользы, нежели те, которые нам льстят», — сказал кто-то, не помним, из древних писателей.

Итак, начнем с «Московских Ведомостей» как старшей газеты на Руси, газеты, читаемой всеми званиями и на всем пространстве необозримого нашего отечества. В прошлом 1852 году (№ 124, см. литер. отдел) напечатана была довольно любопытная статья, принадлежащая перу г. Данилевского². Многие биографические подробности этой статьи о Н. В. Гоголе написаны прекрасно, местами даже увлекательно, и мы от души благодарили редактора «Московских Ведомостей» за помещение статьи г. Данилевского. Кто не согласится, что незабвенный Н. В. Гоголь составлял в нашей юной литературе одно из светил первой величины? Следовательно, каждый момент, каждая черта из его кратковременной жизни драгоценна для почитателей столь редкого таланта...

В упомянутой статье г. Данилевский, по-видимому, желал только придать интерес описанному им хутору и свои предположения и впечатления выдал нам за несомненную былинку, что дело идет о материалах для будущей истории русской литературы. Биография кого бы то ни было не требует никаких излишних украшений, риторической обстановки, а тем менее гадательных предположений.

«Осенью прошлого года (1850), — говорит г. Данилевский, — он было (Гоголь) опять поехал на хутор, к свадьбе¹ своей сестры; но по причине болезни принужден был остановиться в Туле, провел несколько времени в близлежащем монастыре, а потом приехал обратно в Москву».

Если вам угодно, то событие, о котором рассказывает биограф, само по себе маловажно, ибо что из того следует, что Н. В. Гоголь, приехав в Тулу, заболел и, прорадав несколько времени в каком-то близлежащем монастыре, возвратился в Москву? Решительно ничего потому, что все это взято вместе, если бы и действительно было, ничего не доказывает, ничего не объясняет. Ни бросает яркого отблеска на литературные произведения покойного, ни обрисовывает его характер. Словом, этот маленький эпизод, одни слова, слова.

Нижеподписавшийся свидетельствует, что такого события никогда не было потому, что сам покойный Н. В. Гоголь говорил нижеподписавшемуся, что «Тула, может статься, его знает, но он с Тулою не знаком». Он жалел о том, что обстоятельства не позволяли ему осмотреть наш славный оружейный завод. «Сколько раз, проезжая ваш город, говорил нам Н. В. Гоголь, я не выберу времени посмотреть, что делается на вашем оружейном заводе, едва ли не лучшем, как уверяли меня, во всей Европе». Так, или почти так, говорил нам Н. В. Гоголь, с которым мы... Но об этом речь будет впереди.

Г. Данилевский положительно утверждает, что Н. В. Гоголь, «по причине болезни, принужден был остановиться в Туле...» Всем и каждому известно, что Гоголь действительно страдал хроническим недугом (от которого это литературное созвездие угасло), но он в Туле всегда останавливался только для перемены почтовых лошадей, или во время обеда, ужина, или когда пил чай, кофе. Но Гоголь никогда не проживал ни в Туле, ни в ее окрестностях одного дня. «Мне никогда не удавалось пробыть в Туле долее двух, много трех часов», — говорил нам знаменитый путешественник. А г. Данилевский, получив сведения из неверных источников, рассказывает, что Гоголь, напротив, «провел несколько времени в близлежащем (от Тулы) монастыре». С того начать, что никакие монастыри близ Тулы нет и никогда не существовало. У нас в городе находится одна иноческая обитель, и то женская, а мужская упразднена еще в 1764 году. Мы, кажется, доказали, что Н. В. Гоголь не мог прожить столько дней потому, что монастыря-то нет ни в ближайших, ни в дальних окрестностях нашего города.

Напротив, в «Современнике» (см. № 4, 1854 г.) господин Николай М.³ рассказывает об одной и той же поездке из Москвы Н. В. Гоголя совсем иначе⁴. Почтенный биограф, изучив свой предмет, как кажется, довольно основательно, говорит, что Н. В. Гоголь поехал из Москвы к сестре на свадьбу⁵, но близ Калуги заболел, остановился в Оптиной пустыне, где и провел несколько дней. Потом, находясь под влиянием грустных ощущений, продолжал путь свой на родину. Вот это дело другое. Словом, обширная и во многом удовлетворительная статья г. Николая М., напечатанная в «Современнике», заслуживает безусловного доверия относительно своих выводов; ибо факты ее — не сомнительны, между тем как известие г. Данилевского, к сожалению, является несправедливым.

Статья г. Данилевского пробудила в нас грустные и вместе приятные воспоминания о знакомстве нашем с покойным Н. В. Гоголем. Кстати, или не кстати, расскажем здесь (как утерпеть!) благосклонному читателю (мы не льстим) о первой и последней встрече нашей с бессмертным творцом «Мертвых душ», создании, которое мы не признаем, впрочем, за поэму, а сочинителя ее за второго Гомера, но о котором, как носят слухи, до сих пор жалеют друзья и недруги его...

Постоянно живши в поместье нашем, селе Торхове (счастливейшее время!), лежащем на тринадцатой версте от Тулы, мы также постоянно приезжали в город по делам: одни только дела вызывали нас из мирного нашего убежища...

¹ Вероятно, г. Покровский (см. «Москвитянин» 1853 и 1854 годов) заметит, что говорится и, следовательно, пишется, поехал куда? На свадьбу, а не к свадьбе. Это слово произошло от глагола «сватаю», «сватать», следовательно, вместо буквы «д» надлежит писать «т». — *Примеч. Н. Ф. Андреева.*

В одну из таких поездок — то было летом в 1851 году, — мы, по обыкновению, в понедельник⁶ были в Туле и, окончив бесконечные дела наши, отправились обедать в Петербургскую ресторацию, которую с незапамятных времен содержит тульский гражданин В. В. М - - - н⁷, гражданин, ума чрезвычайно бойкого, светлого, пронизательного... Словом — это наш Излер!⁸ Итак мы, окончив дела, говорим, явились в сказанную гостиницу. Увы! теперь мы жалеем и о конченных делах наших, сданных уже в архив... Таков человек! Невольно вспоминается глубоко знаменательный стих поэта:

А старой нам печали жаль⁹!

В общей зале, куда мы вошли, один-одинехонек расхаживал из угла в угол проезжающий, которого экипаж без лошадей стоял у подъезда упомянутой нами гостиницы. Проезжающий на вид имел лет около сорока (так с первого взгляда показался он нам), среднего роста, белокурый и вообще очертательность лица довольно схожа с портретом, приложенным к одной из книг «Москвитянина», какжется, 1842 года¹⁰. Тогда нам и в голову не приходило вспомнить об этом портрете; но, рассматривая лицо проезжающего, мы более и более убеждались в том, что где-то его видали; все в нем было что-то знакомое, и мы глядели на безмолвного собеседника нашего с удвоенным вниманием. (Это он заметил, как мы узнали после от него.) Захватив мимоходом листок, лежавший на длинном столе, мы сели на стул, стоящий в амбразуре окна, обращенного к крепости; потом взглянули в листок, на котором написаны были названия яств. Мы отметили карандашом, что хотелось нам есть, отдали карту обеда служителю и — закурили сигару. Проезжающий продолжал ходить по зале, мы продолжали курить и оба молчали. Этот господин, думали мы, удивительно как похож на кого-то, но на кого именно, мы не могли отдать себе в том удовлетворительного отчета. Значит идея о портрете мелькала в нашей памяти и мгновенно уносила, как мечта, в безграничную область воображения... «Одни люди, — говорит Мармье¹¹, — иногда самые перевозносимые, не пробуждают в нас никакого симпатического чувства, другие, о которых не слышали, с которыми встретились случайно, увлекают нас с первого взгляда каким-то неизъяснимым очарованием. Мы чувствуем, как наш взор мирно покоится на них; как наша душа, при других сжатая, отворяется здесь, чтобы пройтись¹² в сладостной откровенности самые веселые свои мысли». Заложив руки за спину и ходив крупными шагами по комнате, незнакомец начинал и сам бросать на нас неуловимые взгляды; иногда он останавливался, смотрел на ехавшие по улице экипажи, тирал фуляровым платком пыль с своего лица и опять продолжал ходить. Ни один проезжающий и ни один служитель во все это время не беспокоили нас — мы остались одни...

Наконец на соборной колокольне ударило три часа, через пять минут и столовые часы, стоящие в зале, пробили три часа пополудни.

— Пора обедать! — сказал собеседник наш служителю, который в это время принес в обеих руках две маленькие фаянсовые мисы с горячим супом.

— Все готово, извольте кушать, — отвечал расторопный служитель, принимая от мальчика две тарелки с пирожками и помещая их на стол близ двух приборов, назначенных один для проезжающего, а другой для нас.

Мы оба подошли к столу и сели один против другого.

— Я всю ночь ехал, не останавливаясь, — сказал незнакомец, доверчиво обращаясь к нам, — и это, может быть, возбудило порядочный аппетит, что со мною бывает очень редко.

— Вы едете в Москву? откуда? — спросили мы его с каким-то неведомым, смутным чувством боязни.

— В Москву, из Полтавской губернии, и, если хотите, из Миргородского уезда, — отвечал проезжающий, кушая суп и держа в левой руке пирожок, с очевидным намерением не оставить от него ни кусочка.

Слова незнакомца: «Миргородского уезда», чуть-чуть не навели нас на мысль о городе, в котором когда-то будто бы происходили прелестные сцены, так превосходно описанные в сочинении, известном под этим названием. Само собою разумеется, что тогда мы вспомнили бы и о портрете, о котором выше упоминали, но мысль о Миргороде, мелькнувшая в голове нашей, опять улетела в то мгновение, когда проезжающий спросил нас:

— А вы здешние, туляне, или так же, как и я, приехали из уезда дальней губернии?

— Да, мы из поместья, верст за тринадцать, — отвечали мы со всевозможною учтивостью.

— Такое близкое расстояние от города дает вам возможность вместо прогулки часто бывать в Туле, — продолжал незнакомец.

— Согласны, что летом прогулка в деревне имеет истинное наслаждение, но позвольте вам доложить, прогуливаться против своего желания каждую неделю два раза за тринадцать верст, и притом по чрезвычайно дурной дороге, — это, воля ваша, тяжелое наказание, мука: это то же, что читать несколько раз одну и ту же скучную, пошлую книгу...

Незнакомец внимательно посмотрел на нас, несколько нахмурился, но через секунду лицо его опять прояснилось, и он сказал:

— Жалею, что ваше поместье лежит не на шоссе... — и прибавил после короткой паузы. — Я имею порядочное понятие о хороших и в особенности о плохих дорогах... Действительно, последние хоть кого выведут из терпения.

Несмотря на эту учтивость, мы благодаря нашей наблюдательности заметили, что сравнение наше дурных дорог со скучными книгами не нравится собеседнику нашему. Быть может, подумали мы, что он любитель книг, библиоман, собирающий повсюду редкие издания. Опять догадка наша довольно близко подходила к истине.

Разговаривая таким образом, мы уничтожили наши порции супа «с амлетом» и принялись за «духовую» говядину, как названа она была на карте, хотя в говядине не оказалось никакого запаха. Вошел служитель проезжающего¹³, поставил на стол бутылку хересу, которого налицо было немного более половины. Вслед за служителем явился мальчуган из книжной лавки с озабоченным видом. Положив на стол «Отечественные Записки», мальчуган сообщил нам важную весть, а именно, что этот превосходный журнал... «прислан к нам хозяином его...»¹⁴

Собеседник наш, казалось, не замечал лежавшего журнала на столе, что и подало нам повод думать о нем совсем противное тому, что прежде мы думали. Он предложил нам выпить с ним рюмку хересу.

— Это «подкрепительный», — проговорил он шутливым тоном, наливая в рюмку вино. — Так, по крайней мере, называют его в Харькове, где я приобрел столь редкую драгоценность, которая, в сущности, есть не что иное, как весьма обыкновенный херес.

Странная ведь! Люди с неизмеримо высоким дарованием, с огромными сведениями (сколько раз удавалось нам быть тому очевидными свидетелями) всегда уклоняются от дельного, умного, серьезного разговора с теми, которых они вовсе не знают. Видно, правда, что «человеческая природа, когда брать ее гуртом, — горда, себялюбива». Исключения редки, и к таким отрадным исключениям принадлежал наш собеседник. Он рассказывал нам о далеких своих странствиях: о Риме, Неаполе, Генуе, Пизе, Флоренции, Венеции... Слова текли рекою. Мы слушали его с возрастающим вниманием. Начитавшись всевозможных и даже невозможных путешествий, мы иногда осмеливались не согласиться с ним, противоречить ему, но снисходительный незнакомец объяснял дело так ясно и с такой любезностию, с таким добродушием, что мы невольно принимали его светлые замечания за несомненную истину. Мы говорили мало, но когда говорили, то высказывались нараспашку. «Есть благородные люди, — пишет, кажется, Бурьен¹⁵, — способные понимать и разделить все наши мысли, все наши воображения; им желалось бы поверить все тайны сердца, все доброе и прекрасное». Замечательно, что собеседник наш во все продолжение своего рассказа о путешествии своем по чужим краям ни разу не упомянул о литературе, между тем как после он только и говорил об одной литературе. (Смотри ниже.)

После обеда нам подали кофе, мы закурили сигары. Время летело, было уже около пяти часов. Тучи, гонимые юго-восточным ветром, корсарами носились по серому небу; накрапывал крупный, но редкий дождь, и мы спешили оставить город прежде разгула непогоды. Между тем в коридоре раздался шум, топанье, как будто целый кавалерийский взвод ворвался в «почтовую гостиницу» и ведет атаку на общую залу. Дверь из коридора растворилась, и к нам нахлынуло полдюжины голодных путешественников, приехавших в дилижансах. Они все потрбовали обедать.

— Живей! проворнее! — кричала нетерпеливая молодежь, снимая с себя плащи, пальто и пальто-саки, а рейзе-саки и фуражки побросала она на диван и столики, стоящие перед зеркалами.

Все пришло в движение! Служители засуетились, забегали, посуда зазвенела, двери захлопали; буфетчик (Степан), один из отличнейших буфетчиков во всей средней полосе России, находясь за своим прилавком, бросался за графинами и легкой закуской из шкафа в шкаф так ловко, с такой быстротой и энергией, что надобно было удивляться, как он вдребезги не перебьет своего хрустала и фаянса; как он не отхватит себе всех четырех пальцев на левой руке острым ножом, которым акробатически резал хлеб, икру и сыр!..

— Прощайте! Нам пора ехать, — сказали мы, кланяясь и подходя к тому, с кем обедали.

Он встал со стула, на котором сидел, протянул руку с особенною вежливостью и отвечал:

— До приятного свидания; прощайте! прощайте!

Казалось, он хотел что-то еще сказать, но молчал, держа нашу руку в своей руке с искренним радушием.

Бросив прощальный взгляд на незнакомца, мы пошли «бесшумною стопою» в галантерейный магазин, примыкающий к коридору, с намерением взять покупку нашу, сделанную еще до обеда, как вдруг слышим, что нас громко называют по имени и отчеству. Оглянувшись, мы увидели служителя гостиницы (Осипа), бежавшего за нами: он просил нас возвратиться. Собеседник наш стоял на конце коридора, у отворенной двери залы, и, когда мы подошли к нему, полные недоумения, он сказал:

— Извините, что обеспокоил вас: желаю знать, с кем я имел удовольствие обедать?

Мы сказали ему нашу фамилию.

— А моя фамилия Гоголь... Слышали вы о таком прозвище?

Надобно знать, что у нас в Туле незадолго до того служил полицеймейстером однофамилец¹⁶ его, и мы вместо ответа обменялись с ним вопросами.

— Наш бывший полицеймейстер родня вам?

— Может быть дальний родственник, не знаю... Меня зовут Николай Васильевич...

Торжественный момент в нашей жизни! Тогда мы вспомнили о портрете, который олицетворился, вышел из рамы, как живой... Н. В. Гоголь стоял перед нами с улыбкою, которой мы не умеем назвать, но значение ее мы хорошо понимали.

Проникнутые необыкновенным воодушевлением:

— Николай Васильевич! — вскричали мы вне себя от радости, — так это вы, наш знаменитый писатель, честь и слава нашей литературы? Ура!..

Не отрицаем, что неумеренный наш возглас, конечно, далеко заходил за пределы дозволенного; но так как мы, энтузиасты, всегда находимся под влиянием первых впечатлений, то, забывая все на свете приличия, обнаружили его по-военному, по-артиллерийски; а к рядам артиллеристов мы когда-то имели честь принадлежать.

Н. В. Гоголь взял нас под руку, как давнишнего знакомого, и сказал вполголоса, убедительным тоном и насмешливо улыбаясь:

— Тише, тише! мы можем обратить на себя общее внимание.

— Так что ж? — возразили мы, все еще находясь под влиянием нашего восторга, — пусть все узнают, что между нами, будничными людьми, находится один из величайших романтических гениев.

Сказав эту фразу, внушенную нам присутствием Н. В. Гоголя, который, если мы не ошибаемся, был тронут до глубины души нашею провинциальною бесцеремонностию, мы оба вошли в зал и заняли прежние места за столом.

Предлагаем вам, господа биографы Н. В. Гоголя, одну черту из жизни его или один случай в его многочисленных поездках, как угодно. Согласитесь, что все это обрисовывает характер Гоголя несравненно вернее собственноручных его записок, например, записки его к лавочнику. Мы думаем, что одни только случайные элементы движения души обнаруживают характер ощущений, а не обдуманые наши действия в обществе. То, о чем мы вам рассказали, заслуживает, по нашему мнению, некоторого размышления и соображения. Спрашивается: для чего Н. В. Гоголь, прощаясь с нами, не хотел узнать нашей фамилии, тогда как он это легко мог сделать? По всему видно, что он выжидал от нас того же; но мы не решились быть любопытными потому, что не имели права спрашивать у проезжающих, кто они такие.

Если то, что мы рассказали вам, читатель, требовало бы положительных доказательств, личных удостоверений, подкрепляющих наши слова, в таком случае нам оставалось бы одно средство защищать нашу добросовестность — свидетелями всей этой патетической сцены; а у нас ввиду «таковых» три налицо; следовательно, более нежели определяет закон в делах поважнее того, о чем здесь идет речь. Будем продолжать наш правдивый рассказ.

Молодые путешественники, не занимаясь нашими объяснениями, один по одному ушли в миллиардную играть на пролаз и пить допель-кюммель. Мы опять остались вдвоем. Мы могли бы украсить статью нашу блестящими мыслями, юмористическими очерками, оригинальным взглядом на периодические издания и другими прекраснейшими литературными вещами, высказанными знаменитым нашим собеседником (он был в самом веселом расположении духа, в ударе, как говорится); но, разбирая в настоящую минуту заметки наши, набросанные торопливою рукою в тот же вечер, в который мы расстались с ним, мы — не решаемся украсить ими статьи нашей. Может быть, «покоившийся в саване своей славы», как выразился Жюль Жанен¹⁷ о Байроне, не пожелал бы видеть в печати того, что говорилось им не для читающей публики... А жаль! Те, которые коротко знали его, уверились бы, что выдаваемое нами за гоголевское, никому не могло принадлежать, кроме Н. В. Гоголя.

Несмотря на то, что ненасытная наша жажда ловила каждую его мысль, каждое его выражение, но мы не имели физической возможности запомнить всего, что он говорил в течение четырех с лишком часов. Однако ж смеем вас уверить, главные положения рассказа от нас не ускользнули: мы уловили их. Мимоходом скажем, что мы имеем маленькую способность надолго сохранить в памяти чужие мысли, которые, однако ж, никогда не выдаем за свои. Умываем руки в литературном хищничестве.

И теперь, когда мы по какому-нибудь редкому случаю бываем в общей зале Петербургской гостиницы, глаза наши невольно ищут того места за столом, где он сидел, где ходил, в которое окошко наблюдал за нашею гражданскою деятельностью. Во все это мы влюбились, как Гофман влюблялся в неодушевленные предметы, с тою только разницею, что нас увлекает былое, действительное, а Гофман описывает фантастические образы, созданные собственным его воображением. В то время мечты теснятся в душе нашей, которые призывают великую тень усопшего стихами великого поэта:

Приди ж...
Минувшею мне жизнью повеи;
Побудь со мной, продли очарованье,
Дай сладкого вкусить воспоминанья¹⁸.

Первые опубликовано: Андреев Н. Нечто о Н. В. Гоголе. (Выдержки из заметок) // Тульские Губернские Ведомости. 1855. 8–15 янв., № 2–3. Часть неофициальная. С. 6–8, 11–14, с указанием: «Тула», и примечанием: «Статья эта со-

общена в Редакцию Губ<ернских> Введом<остей> И. Ф. Андреевым. — *Редак<тор>*»; перепечатано: Андреев Н. Ф. Нечто о Н. В. Гоголе / Публ. Е. С. Смирновой–Чикиной // Прометей. Т. 5. М., 1968. С. 333–338. Печатается по первой публикации.

Николай Федорович Андреев (1795–1864), писатель, историк, помещик Тульской губернии, отставной артиллерийский офицер, в 1844–1855 г. уездный депутат дворянского собрания по Тульскому уезду. В 1842–1852 г. опубликовал в журнале М. П. Погодина «Москвитянин» ряд статей, посвященных тульскому краю.

¹ Так в источнике.

² См. в наст. изд. статью Г. П. Данилевского «Хуторок близ Диканьки».

³ П. А. Кулиш.

⁴ Н. Ф. Андреев имеет в виду фрагмент из работы П. А. Кулиша, написанный со слов О. М. Бодянского (см. в наст. изд. *Воспоминания О. М. Бодянского в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша*).

⁵ Так в источнике.

⁶ В понедельник 9 июля 1851 г.

⁷ Так в источнике. Имеется в виду Василий Константинович Мурзин, купец 2-й гильдии.

⁸ Владелец ресторанов и увеселительных заведений в Петербурге.

⁹ Парафраза из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина: «А старой мне печали жаль» (гл. VI, строфа XIV).

¹⁰ Имеется в виду литография П. Ф. Зенькова с портрета Гоголя работы А. А. Иванова (1841), помещенная М. П. Погодиным в № 11 журнала «Москвитянин» за 1843 г. Подробнее см. в коммент. к письму Н. М. Языкова родным от 27 октября 1844 г.

¹¹ Ксавье Мармье (1809–1892), французский писатель и путешественник.

¹² Так в источнике.

¹³ Семен Григорьев.

¹⁴ Вероятно, П. И. Пантелеевым, владельцем тульской книжной лавки.

¹⁵ Луи-Антуан Бурьенн (1769–1832), секретарь Наполеона. Цитируются «Записки Бурьенна о Наполеоне, Директории, Консульстве, Империи и восшествии Бурбонов» (1829; русский перевод 1831–1836).

¹⁶ Имеется в виду тульский полицеймейстер (до 1849 г.) майор Валерий Федорович Гоголь, в 1852 г. — полицеймейстер первого отделения Москвы.

¹⁷ Жюль Жанен (1806–1874), французский критик.

¹⁸ Из вступления к «старинной повести» В. А. Жуковского «в двух балладах» «Двенадцать спящих дев» (1817).

Из отдельных свидетельств о пребывании Гоголя в Москве в 1851 г.

А. И. Соколова (рожденная Денисьева)

Встречи и знакомства Фрагменты

Первые мои литературные впечатления относятся к началу пятидесятых годов, когда я сама о литературной карьере еще и не думала, и когда для меня встреча с «настоящими литераторами» была чуть не целым событием. <...> Впервые лицом к лицу с «настоящими литераторами» я встретила в год моего выпуска из Смольного института, в Москве¹, в доме Николая Васильевича Сушкова. <...> В числе лиц, с которыми мне там приходилось часто встречаться, был Федор Сергеевич Офросимов, богатый московский домовладелец и очень образованный человек, близко стоявший ко всему, что высшая интеллигенция считала в своих рядах.

В то время, когда я его узнала, он был еще холостым человеком; позднее он женился на сестре цензора Ржевского², и впоследствии, переселившись в Рязань, был там городским головою.

Офросимов был хорошо и близко знаком с Гоголем, который охотно делился с ним своими еще ненапечатанными произведениями. Так, он одним из первых прочел вторую часть «Мертвых душ» и сообщал отрывки из рукописи в доме Сушковых. Я живо помню вечер этого чтения, собравшего в сушковский салон весь цвет московской интеллигенции. Первое впечатление по окончании чтения было не в пользу капитальной литературной новинки... Слушатели, очевидно, ждали чего-то большего, и только глубокое уважение к славному имени автора вызвало те аплодисменты, какими покрылись последние слова прочитанного отрывка.

Было ли это до или после смерти Гоголя, я сказать определенно не могу, знаю только, что сам Офросимов получил прочитанные им отрывки из рук самого Гоголя. <...>

...Упомяну о личной моей встрече с Гоголем <...> в доме цензора Ржевского, жена которого, помимо своего исключительного ума, была еще и выдающейся музыкантшей. <...> В доме Ржевских я единственный раз в жизни видела бессмертного автора «Мертвых душ», в то время уже угрюмого, сосредоточенного и больного.

Он встретился и познакомился с Ржевским у Погодина, и первый выразил желание быть у него³.

Ржевский с признательностью откликнулся на такое лестное и почетное для него желание и просил назначить день, когда великому писателю угодно будет почтить его дом своим присутствием.

Наталья Сергеевна, узнав от мужа, кого ей придется принимать у себя, встревожилась, и чем ближе подходил день, назначенный Гоголем, тем сильнее она волновалась и робела, несмотря на то, что робость была вовсе не в ее характере.

— Ну, вот так и чувствую, что сразу попаду в «дамы приятные во всех отношениях», — говорила она, приглашая к себе на этот вечер гостей, выбор которых на этот раз принял на себя сам Ржевский, обыкновенно очень мало входивший в дела жены и часто вовсе не выходивший к гостям, ежедневно собиравшимся в его доме.

Гоголь, в назначенный им самим вечер, приехал сравнительно довольно поздно и, приветствовав всех молчаливым поклоном, поместился в стороне, в амбразуре окна, заметив, что в последние дни он плохо выносит большое освещение.

Говорил он тихо и как-то болезненно медленно, и мне в его выговоре почудился малоросский акцент.

Он почти нехотя поддержал беседу об условиях современной цензуры, изредка вставляя свое слово в общий поток быстро разгоревшегося спора...

Еще неохотнее ответил он на несколько лично к нему обращенных вопросов и оживился только тогда, когда Наталья Сергеевна, по его настоятельному желанию заняв место у рояля, запела какую-то малороссийскую песню...

Он спросил у нее, была ли она в Малороссии, заметил, что для того, чтобы понять настоящий характер малороссийской музыки, надобно ее слышать на месте, и, узнав, что Наталья Сергеевна сама пишет романсы, и прослушав ее музыку на слова Кольцова: «Так и рвется душа», обещал прислать ей для переложения на музыку стихотворение, недавно доставленное ему в рукописи и очень ему понравившееся.

Не знаю, исполнил ли он это свое обещание, но самое предложение уже было в высшей степени лестно и для певицы и для самого Ржевского, с несвойственным ему усердием ухаживавшего за своим почетным гостем.

Уехал Гоголь довольно рано, наотрез отказавшись от ужина и опять приветствуя, как и раньше, всех присутствовавших одним общим поклоном.

Впечатление, оставленное им в присутствовавших, в общем было похоже на разочарование. Ничего крупного, ничего выдающегося из обычной среды... Что-то холодно тусклое и как бы отживающее...

— Воля ваша, да он прямо помешанный какой-то! — первый воскликнул, после отъезда великого писателя, постоянный посетитель дома Ржевских, Павел Михайлович Хрущев, отличавшийся смелым выражением своих, не всегда разумных, суждений.

Ржевский бросил в его сторону взгляд глубокого, недоумевающего удивления...

— Ну, вот! — воскликнула Наталья Сергеевна, более откровенная, нежели муж. — Говорила я, чтобы Хрущева вычеркнуть из списка приглашенных!.. Не права я была?..

— Да... Мнение по меньшей мере рискованное!.. — заметил, пожимая плечами, Фросимов.

— Которое я, к стыду своему, вполне разделяю! — шепнула мне по-французски сидевшая подле меня Кити Тютчева⁴, все время не спускавшая глаз с Гоголя, все произведения которого она перечитала от доски до доски, несмотря на то, что еще не особенно хорошо усвоила себе русский язык.

Позднее Ржевский передавал, что Гоголь, при новой встрече с ним, выразил желание вновь посетить его, но при условии, что никого незнакомого ему в этот вечер не будет.

Сколько мне известно, обещание это не было исполнено великим писателем, и больше в доме Ржевских он не был.

Ежели я не ошибаюсь, то все это происходило менее чем за год до его смерти. <...>

Впервые опубликовано: Соколова А. И. Встречи и знакомства // Исторический Вестник. 1911. Т. 123. № 1. С. 97, 98, 104–108. Печатается по первой публикации.

Александра Ивановна (Урвановна) Соколова (рожд. Денисьева, 1833–1914), журналистка, прозаик, мемуаристка, двоюродная сестра Е. А. Денисьевой, сблизившейся в 1850 г. с Ф. И. Тютчевым; мать литератора В. М. Дорошевича (1865–1922), автора лубочной перделки «Тараса Бульбы»: <Дорошевич В. М.> *Дорошкевич В. М.* Тарас Бульба. Повесть из казачьей жизни запорожцев. М.: Издание И. А. Морозова. 1884 (перизд.: М., 1888; М., 1900; М., 1901; М., 1913).

¹ После выпуска из Смольного института в 1851 г. мемуаристка жила в Москве у своей тетки А. Д. Денисьевой.

² Дмитрий Семенович Ржевский (1810–1868), выпускник Московского университета (в 1838 г.), цензор Московского цензурного комитета с 29 ноября 1850 г. по 26 ноября 1854 г. (см.: *Гриценко Н. А., Патрушева Н. Г.* Цензоры Москвы: 1804–1917. (Аннотированный список) // Новое литературное обозрение. 2000. № 44. С. 428). Подписал к печа-

ти некролог М. П. Погодина «Кончина Гоголя» (см. в наст. изд.) и второе издание гоголевских «Сочинений», увидевшее свет после смерти писателя. Первое цензурное разрешение собрания было дано Д. С. Ржевским 10 октября 1851 г., второе, 2 июня 1855 г., — цензором Иваном Ивановичем Бессомыкиным (1801–1882; в должности цензора Московского цензурного комитета состоял с 5 января 1855 г. по 4 июня 1871 г.). При этом второе цензурное разрешение гоголевского собрания также должен был дать Ржевский. 27 марта 1853 г. ему, по прошению С. П. Шевырева, было поручено вновь рассмотреть остановленные в связи с кончиной Гоголя «Сочинения» (см.: ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 56. 107 л. Л. 30 об.–31; ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 328. Л. 32, 34–34 об.). Ржевский представлял в цензурный комитет свое мнение о сочинениях Гоголя дважды: 10 апреля 1853 г. и 26 ноября 1854 г.

В донесении, заслушанном на заседании Московского цензурного комитета 10 апреля 1853 г., Ржевский отмечал, что «он в направлении всех сочинений, заключающихся в сем издании, хотя и не находит с своей стороны ничего предосудительного, но считает, однако, долгом представить на обсуждение Комитета следующие соображения... Сочинения Гоголя, заключающиеся в сих 4-х томах, пользуются... большою известностию, особенно комедии его, которые постоянно разыгрываются на всех наших театрах, как Императорских, так и частных. Несмотря на то, мнения касательно нравственного впечатления, или влияния некоторых из его комедий и повестей весьма различны. Так, например: в известной его комедии «Ревизор» многие видят осмеяние не личных пороков недобросовестных исполнителей законов, а всех в массе взятых провинциальных должностных лиц и утверждают, что комедия эта не в состоянии исправить чиновников, а напротив, может поселить недоверие и неуважение к законным властям. В повести «Шинель» видят также осмеяние обращения Начальников с подчиненными, намек будто бы на совершенную бесполезность бедному человеку искать законным образом удовлетворения самых справедливых требований своих и пр. Не разделяя несколько мнений этих, он, Г. Ржевский, считает, однако, долгом покорнейше просить Комитет разрешить, в какой степени заслуживают они внимания» (ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 328. Л. 45 об.–47). На основании этого заключения цензурным комитетом было тогда же решено «представить Г. Товарищу Министра Просвещения <А. С. Норову> на разрешение, в какой мере заслуживают внимания известные укоризны, которыми хотят порицатели Гоголя затмить славу этого вполне благонамеренного и высоконравственного писателя...» (ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 328. Л. 4; см. также: ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 34 об.–35).

С. П. Шевырев, узнав о содержании отзыва цензора Д. С. Ржевского, предложил тогда матери Гоголя прибегнуть к помощи Императора. Это советовал сделать в письме к Шевыреву (по-видимому, от середины апреля 1853 г.) князь Д. А. Оболенский, который сообщал: «Непредвиденные обстоятельства совершенно изменили весь план наших действий. Из прилагаемой при сем записки... вы увидите, что Наследник уже начал сам читать «Мертвые Души», и что Государь также изъявил желание прочесть их. Кто доставил Наследнику рукопись, ни мне, ни Головнину <секретарь великого князя Константина Николаевича> до сих пор еще неизвестно. Во всяком случае, последствия чтения *Мертвых Душ* Государем предвидеть невозможно. Может быть, все это устроилось к лучшему, а может быть, — и нет. На Бога надейся и сам не плошай. Мать Гоголя непременно должна написать Государю... Письмо это должно быть прислано при письме к графу Орлову. Когда все эти письма получатся здесь, Великий Князь берется хлопотать, чтобы граф Орлов при докладе Государю предложил поручить пересмотреть все рукописи, предполагаемые к печатанию, какому-нибудь одному доверенному лицу, как-то барону Корфу или Ростовцеву, или кому-нибудь другому. Ежели Государь на это изъявит согласие, в таком случае В<еликий> Кн<язь> будет действовать на это доверенное лицо... Очень будет досадно, ежели опустим выгодную минуту» (Высший А. П. Гоголь и цензура // С.-Петербургские Ведомости. 1902. 17 февр. № 47. С. 2). (См. в наст. изд. письмо С. П. Шевырева к М. И. Гоголь-Яновской от середины апреля 1853 г. с черновыми проектами прошений Марии Ивановны к Императору Николаю I об издании сочинений ее сына.)

28 мая 1853 г. великий князь Константин Николаевич отправил просьбу М. И. Гоголь графу А. Ф. Орлову для представления Императору. 2 июня 1853 г. последовало решение Государя о рассмотрении сочинений Гоголя в «обыкновенной цензуре». В этот день Оболенский сообщал Шевыреву: «Дело наше идет, с Божьей помощью, отлично. В<еликий> К<нязь> сам писал к графу Орлову... Ходатайство... увенчалось успехом. Государь приказал рассмотреть все сочинения Гоголя, как старые, так и новые, мимо обыкновенной цензуры... Вчера мы с Михаилом Семеновичем были веселы, как дети» (Высший А. П. Гоголь и цензура // С.-Петербургские Ведомости. 1902. 17 февр. № 47. С. 2). См. также в наст. изд. письмо М. С. Щепкина к жене от 1–2 июня 1853 г. Однако Высочайшее распоряжение было понято М. С. Щепкиным, а также князем Д. А. Оболенским неправильно. Государь отказал в рассмотрении сочинений Гоголя в исключительном порядке (через петербургский цензурный комитет), а распорядился о прохождении их в «обыкно-

венной цензуре», вследствие чего гоголевские сочинения были вновь отправлены в Москву. В письмах от 3 и 11 июня 1853 г. А. В. Головин сообщал князю Д. А. Оболенскому, что «гр<аф> Орлов по-видимому весьма неясно объяснил великому князю на словах решение Государя о Гоголе, ибо из присланной бумаги видно совсем другое. <...> Великий князь опять говорил с гр<афом> Орловым о Гоголе, чтобы показать свое искреннее участие, и граф сказал ему, что он предписал не задерживать в Москве, но скорее переслать все сюда в комитет, где Дубельт и где он может сам иметь наблюдение. <...> Я вовсе не считаю дело потерянным, но вижу случай показать на деле настойчивость и продолжать идти к цели, несмотря на препятствия» (*Линниченко И. А. Новые материалы для биографии Н.В.Гоголя. С. 187–189; см. также: Балакишина Ю. В. «Для пользы Русской Словесности...»: К истории посмертных публикаций сочинений Н. В. Гоголя // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М., 2012. Вып. 3. С. 172–173).*

Обращение Московского цензурного комитета к товарищу министра народного просвещения А. С. Норову о разрешении издания сочинений Гоголя последовало в декабре 1853 г. 28 ноября 1853 г. В. И. Назимов лично отправился с сочинениями Гоголя из Москвы в Петербург (см.: *ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 327. Л. 76 об.*). В Петербурге он передал их А. С. Норову вместе с представлением, датированным 5 декабря 1853 г. Рассмотрев это представление, А. С. Норов отметил, что в нем отсутствуют «подробное донесение цензора и заключение Цензурного Комитета, как о содержании и общем направлении рассматриваемых сочинений, так и о каждом из мест, представляющихся сомнительными», — вследствие чего решено было «печатные 4-е части передать Цензору Ржевскому для вторичного просмотра, а рукописи Цензору Похвисневу» (*ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 338. Л. 46*). Дело о разрешении сочинений Гоголя вновь возвратилось в Москву.

22 ноября 1854 года Н. П. Трушковский писал К. С. Аксакову: «Приехавши от вас <...> я принялся хлопотать в цензурном комитете, немного его и расшевелил, начали думать, придумывать, что делать, но и до сих пор ничего не придумали. Наконец Мих<аил> Петр<ович> Погодин предлагает свое мнение, за которым я к нему завтра отправляюсь; а дня через два и в Петербург, куда также едет и Назимов, и еще раз попробую там, нельзя ли будет выхлопотать разрешение» (*Балакишина Ю. В. «Для пользы Русской Словесности...»: К истории посмертных публикаций сочинений Н. В. Гоголя // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М., 2012. Вып. 3. С. 166*).

Донесения цензоров Д. С. Ржевского и И. И. Похвиснева, которым было поручено рассмотрение сочинений Гоголя, были заслушаны на заседании Московского цензурного комитета 26 ноября 1854 г. (см.: *ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 1. Ед. хр. 57. Л. 96 об.; ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 351. Л. 11–15 об.; ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 344. Л. 94 об.–95 об.*).

Представленное 26 ноября 1854 г. донесение Ржевского, на имя В. И. Назимова, касалось на этот раз произведений всех четырех томов собрания: «Рассмотрев, по поручению Комитета, 4-ре тома Сочинений Н. Гоголя, изданных в С. Петербурге в 1842 году, имею честь донести нижеследующее.

Первый том заключает в себе повести и рассказы большую часть фактического содержания. По духу и направлению они не представляют ничего противного общим Правилам Ценсурного Устава, — но в подробностях находится много мест и выражений, возбуждающих сомнение и требующих разрешения Главного Ценсурного Начальства. — Места эти отмечены карандашом, в самом подлиннике.

Второй том содержит: 1) Рассказ «Старосветские Помещики», вполне соответствующий ценсурным требованиям; 2) Тарас Бульба. Яркое и живое изображение Запорожской Сечи и [республиканских] обычаев, бывших в употреблении у Казаков, требует разрешения Главного Ценсурного Начальства. Кроме того некоторые отдельные места отмечены карандашом; 3) Вий. Содержание фактическое, основанное на местных народных предраассудках. Отдельные места отмечены карандашом. 4) Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем, заключает в себе комический рассказ о медленности судопроизводства и бездействии в низших инстанциях.

Третий том. 1) Невский Проспект. Описание различных сцен в <1 нрзб.> офицера, представленных в смешном виде, что делает всю повесть сомнительною для пропуска. Отдельные места отмечены карандашом. 2) Портрет. — Отдельные места отмечены карандашом. 3) Шинель. — Замечания, сделанные Главным Ценсурным Начальством по поводу повестей «Мечтатель» <была напечатана в № 12–14 «Москвитянина» за 1854 г.> и «Записки Почтмейстера» (имеются в виду напечатанные в 1854 г. в «Москвитянина» повесть В. Ф. Лихачева «Мечтатель. Рассказ доктора» и очерк Раевского «Из записок почтмейстера». — *И. В.*) могут вполне относиться и к сей повести. 4) Нос. — Содержание фактическое. Цель автора темна и способна быть истолкована различным образом, а потому пропуск этого рассказа требует разрешения Главного Ценсурного Начальства. 5) Коляска, 6) Записки сумасшедшего. — Отдельные места отмечены карандашом. 7) Рим. Одобрено вполне.

Четвертый том. 1) Ревизор. — Замечания, сделанные на повесть “Мечтатель” вполне относятся к этой Комедии. 2) Женитьба. Отдельные места отмечены карандашом. 3) Игроки. — Запрещенная азартная игра в Гостиннице, совершение фальшивого акта и описание различных обманов, употребляемых игроками, делают эту комедию сомнительною для пропуска. 4) Утро делового человека, 5) Тяжба, 6) Лакейская, 7) Отрывок и 8) Разъезд. — Отдельные места отмечены карандашом.

В заключение честь имею присовокупить, что сочинения, заключающиеся в означенных четырех томах, печатаемые сначала отдельно, каждое в современных журналах, а потом изданные в 1842 году все вместе, никогда, сколько мне известно, не подвергались никакому замечанию со стороны Цензурного Начальства. — Комедии же этого автора постоянно разыгрывались и разыгрываются на *Императорских* театрах. — То и другое обстоятельство может служить указанием на то, что Правительство не находит сочинений этого автора предосудительными, еще менее вредными. — К тому же заключению приводит даже самое строгое рассматривание сочинений этих, если, при этом рассматривании руководствоваться правилом, изъясненным в 6 статье Цензурного устава, в которой именно предписывается цензуре в суждениях своих принимать всегда за основание явный смысл речи, не дозволяя себе произвольного толкования оной в дурную сторону. Тем не менее, однако, имея в виду неоднократные замечания по поводу разных статей, в которых, несмотря на ясное безукоризненное направление всего содержания, некоторые [отдельные] места, отдельно взятые, подверглись осуждению потому единственно, что могли быть истолкованы в превратном смысле и подать повод к неблагоприятным заключениям, считаю долгом представить все сочинения Н. Гоголя на благоусмотрение Московского Цензурного Комитета» (ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 351. Л. 14–15 об.).

30 ноября 1854 г. новое отношение на имя министра народного просвещения А. С. Норова по прибытии в Петербург В. И. Назимов. «По своему содержанию отношение от 30 ноября 1854 г. не содержало ничего принципиально нового по сравнению с отношением от 5 декабря 1853 г. Назимов оставался “при том же мнении как относительно благонамеренности сочинений Гоголя, так и высокого их значения в нашей литературе” и просил разрешения “на издание сочинений этого писателя без перемен и исключений, которые не только повредят их достоинству, но и могут дать повод к злоупотреблению в приискании по прежним изданиям выпущенных мест, которое придаст им такое толкование, какого прежде они никогда не имели”. Но если в 1853 г. Назимов надеялся, что Норов разрешит печатания своей собственной властью <...>, то в 1854 г. он просит только “об исходатайствовании Высочайшего разрешения”» (Балакишина Ю. В. «Для пользы Русской Словесности...»: К истории посмертных публикаций сочинений Н. В. Гоголя // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М., 2012. Вып. 3. С. 166).

По-видимому, извещенный о донесении Д. С. Ржевского от 26 ноября 1854 г. великий князь Константин Николаевич 29 января 1855 г. писал графу А. Ф. Орлову: «Узнав от профессора Шевырева, что в главное управление цензуры поступило полное собрание сочинений Гоголя, которое предполагается напечатать в пользу семейства автора, которое находится в крайней бедности, и при том имея в виду, что сочинений этих уже нет в продаже <...> я прошу Ваше Сиятельство принять на себя труд: просить от моего имени члена помянутого главного управления генерал-лейтенанта Дубельта постараться <...>, чтобы разрешение комитета на издание этих сочинений последовало по возможности в непродолжительном времени. Сверх того, я просил бы Леонтия Васильевича оказать просвещенное содействие еще по одному обстоятельству этого издания. Я слышал, будто московские цензоры находят нужным исключить в новом издании Гоголя многие места, напечатанные в первом издании; подобное распоряжение, мне кажется, будет иметь следствием то, что внимание публики обращено будет именно на эти исключенные места и молодые люди, которые купят новое издание, станут вписывать в него, для полноты, непропущенные места первого издания. <...> Сверх того, личность Гоголя, его религиозные верования и преданность Престолу слишком известны, чтобы можно было подозревать в его сочинениях какое-либо неблагонамеренное направление. Как сатирик и комик он осуждал дурное и смеялся над смешным, но цель его всегда была хорошая и плоды его сатиры были всегда полезны» (Лемке М. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. По подлинным делам Третьего отделения С<обственной> Е<го> И<мператорского> В<еличества> Канцелярии. СПб., 1908. С. 221–222; Балакишина Ю. В. «Для пользы Русской Словесности...»: К истории посмертных публикаций сочинений Н. В. Гоголя // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М., 2012. Вып. 3. С. 174). «Письмо аналогичного содержания Константин Николаевич послал и министру народного просвещения Норову. Норов <...> ответил великому князю, что вполне разделяет его мнение «относительно лица и сочинений Гоголя» и готов в Главном Управлении Цензуры всемерно содействовать пропуску в печать трудов этого “отличного писателя”» (Балакишина Ю. В. «Для пользы Русской Словесности...»: К истории посмертных публикаций сочинений Н. В. Го-

голя // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М., 2012. Вып. 3. С. 174). 31 января 1855 г. Л. В. Дубельт внес в главное управление свое особое мнение, в котором предложил четыре тома сочинений Гоголя 1842 г. издания, а также пять глав второго тома «Мертвых душ» и «Авторскую исповедь» печатать «без всяких исключений и изменений» (*Лемке М. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. По подлинным делам Третьего отделения С<обственной> Е<го> И<мператорского> В<еличества> Канцелярии. СПб., 1908. С. 222–226*). Главное управление цензуры согласилось с мнением Дубельта, и «Государь утвердил всеподданнейший доклад министра» (Там же. С. 227). Спустя полмесяца, 18 февраля 1855 г., Император Николай I скончался. Разрешение на издание сочинений было дано новым Императором, Александром II, в Царском Селе 15 мая 1855 г. (см.: Литературный музей. <1922>. Кн. 1. С. 83; см. также в наст. изд. коммент. к письму И. С. Аксакова родным от 6 апреля 1855 г.). На представлении А. С. Норова «О новом издании сочинений Гоголя» Александр II написал: «Согласен» (*Балакишина Ю. В. «Для пользы Русской Словесности...»: К истории посмертных публикаций сочинений Н. В. Гоголя // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М., 2012. Вып. 3. С. 175*). 25 мая 1855 г. разрешение на издание сочинений Гоголя было получено в Москве (*ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 365. Л. 46 об.*); оно было заслушано на заседании цензурного комитета 27 мая (*ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 357. Л. 60–61*).

Таким образом, вследствие заступничества великого князя Константина Николаевича Петербургский цензурный комитет не придал замечаниям цензора Ржевского существенного значения, сочтя возможным «оказать снисхождение к встречающимся в означенных сочинениях Гоголя некоторым несколько резким суждениям и описаниям и не совсем эстетическим картинам и выражениям» (отношение министра народного просвещения А. С. Норова от 20 мая 1855 г.; *ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 357. Л. 61–61 об.*; *ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 360. Л. 83–84*). Доклад 26 ноября 1854 г. о сочинениях Гоголя был одним из последних докладов Ржевского в должности цензора Московского цензурного комитета. За два дня перед тем, 24 ноября, он, вследствие болезни, был назначен на новую должность — директора училищ Тверской губернии (см.: *ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 1. Ед. хр. 57. Л. 87 об.–88 об., 94 об.–96 об.*; *ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 351. Л. 10*). По этой причине окончательное цензурное разрешение было подписано цензором И. И. Бессомыкиным.

³ Визит Гоголя к цензору Д. С. Ржевскому мог состояться либо в июне (с 5 по 25 число), либо в первой половине июля 1851 г. Этот визит, очевидно, был связан с задуманным Гоголем осенью 1850 г. в Одессе новым изданием своих сочинений в пяти томах (первые четыре тома предполагалось печатать без изменений с издания 1842 г.). Печатание этого собрания было начато через год, в октябре 1851 г., после подписания Ржевским 10 октября 1851 г. соответствующего разрешения (см. предшествующее примеч.). Вероятно, еще из Одессы Гоголь обратился с письмом к профессору Московского университета Василию Николаевичу Лешкову (1810–1881), исполнявшему с 21 января 1847 г. по 17 ноября 1850 г. должность цензора Московского цензурного комитета (вероятно, именно вместо ушедшего Лешкова на вакантное место цензора и был принят 29 ноября 1850 г. Ржевский). Гоголь писал Лешкову: «В сочинениях моих насмешки <не> над прави<тельством>, но над людьми, употребляющими во зло доверие правительст<ва>, не над постановленья<ми>, но над злоупотребленьем их. Все это у недальновидного цензора часто смешивает<ся> [с теми сочиненья<ми>, которые имеют вполне вредную [неблаго<родную>] и недостойную Рус<ского> цель] <смешивает<ся> в понятии и заставл<яет> его с боязнью смотреть на невинную, сколько-нибудь резкую фразу <и> заставляет смотреть подозрительнее». 3 марта 1851 г. С. П. Шевырев писал Гоголю из Москвы по поводу готовящегося собрания: «Не знаю еще, что скажет цензура? Пожалуй, захочет марать. Многие у Загоскина не пропускают и марают». 5 июня 1851 г. Гоголь вернулся в Москву, затем вновь ненадолго ее покинул (с 25 июня по начало июля), и вернувшись, 15 июля (после вероятного визита к цензору Ржевскому), сообщил П. А. Плетневу: «...Здесь цензура из рук вон. Ее действия до того загадочны, что поневоле начнешь предполагать ее в каком-то злоумышлении и заговоре против тех самых положений и того самого направления, которые она будто бы (по словам ее) признает. Ради Бога, пожертвуй своим экземпляром сочинений моих и устрой так, чтобы он был подписан в Петербурге. Здешние бабы-цензора отказываются даже и от напечатанных книг, особенно если они цензурованы петербургским цензором. <...> Прежде хотел было вместить некоторые прибавления и перемены, но теперь не хочу: пусть всё остается в том виде, как было в 1 издании. Еще пойдет новая возня с цензорами. Бог с ними!» Известия, полученные от Плетнева, в свою очередь, были неутешительны. В письме из Петербурга от 23 июля 1851 г. тот сообщал Гоголю, что московские цензоры «хоть строги, но понимают, чем занимаются, а здешние — просто идиоты», и советовал обратиться напрямую к попечителю Московского учебного округа и председателю Московского цензурного комитета В. И. Назимову: «...Генерал Назимов, если ты явишься к нему и объяснишь, в чем твоя просьба, непременно сам вызовется быть твоим цензором: это он сделал с Ос-

тровским и готов делать со всеми, у кого только заметил талант». Гоголь, очевидно, воспользовался советом Плетнева, и 30 сентября 1851 г. сообщал С. П. Шевыреву, что за неделю перед тем, 23 сентября, Назимов «приезжал с известием, что он пропускает всё и что нужно обыкновенным порядком только доставить цензору, который прямо подпишет, и дело готово». Очевидно, к тому времени необходимость в личном визите Гоголя к цензору Ржевскому уже отпала.

⁴ Дочь Ф. И. Тютчева Екатерина, сокурсница мемуаристки по Смольному институту.

П. Д. Шестаков

Воспоминания о В. И. Назимове Фрагмент

<...> Во время роскошной иллюминации в честь двадцатипятилетия царствования государя императора Николая Павловича¹, на вышку дома 4-й гимназии, помещавшейся тогда в известном доме Пашкова, где теперь Румянцевский музей, собралось большое общество военных и статских генералов, так как с этой вышки представлялся великолепный вид на иллюминированную Москву. По распоряжению директора, воспитанники — старшие — встречали каждого гостя в приемной и провожали на вышку. Между собравшимися звездоносцами выделялся одетый в черный сюртук худой, длинноволосый, невзрачный человечек, на которого со вниманием смотрели все знатные гости наши, а воспитанники просто поедали его глазами. Это был знаменитый автор «Мертвых Душ», Н. В. Гоголь. Помню, как он, долго любясь на расстилающую под его ногами грандиозно освещенную нашу матушку Москву, задумчиво произнес: «Как это зрелище напоминает мне вечный город»². <...>

Впервые опубликовано: Шестаков П. Д. Воспоминания о В. И. Назимове // Исторический Вестник. 1891. № 3. С. 710–711 (посмертная публикация А. Рождествина). Печатается по первой публикации.

Петр Дмитриевич Шестаков (1826–1889), педагог, писатель; в 1846–1852 гг. — учитель 4-й Московской гимназии, позднее — инспектор Московского университета (в 1860–1863 гг.), инспектор кадетских училищ, попечитель Казанского учебного округа (с 1865 г.).

¹ 22 августа 1851 г. В этот же день И. М. Снегирев записал в своем дневнике: «Август <...> 22. День коронации Императора Николая I. Погода прекраснейшая. Я ездил во дворец для представления. Народу было множество в Кремле, на площади и на кровлях. Шествие царского семейства было блистательное и великолепно-торжественное. <...> Русские наряды дам мне понравились. Из дворца шли в Успенский собор, оттуда опять во дворец. <...> Я ездил в 4-ю гимназию в доме Пашкова смотреть с бельведера иллюминация Кремля, великолепно освещенного. Там виделись с семьей г. Назимова, с Гоголем и Погодиным» (см. в наст. изд.).

² О значении этого высказывания Гоголя см.: Виноградов И. А. Москва и Рим в творчестве Гоголя // Москва в русской и мировой литературе. Сборник статей. М.: Наследие, 2000. С. 117–155.

Воспоминания о Гоголе Р. М. Павлова, записанные Г. П. Георгиевским

<...> Через десять лет после смерти Гоголя в Москве открылось учреждение, которое стало хранилищем огромного количества его автографов. Это учреждение — Румянцевский Музей, переименованный теперь в Государственную Библиотеку СССР имени В. И. Ленина. Учреждение это поместили в популярный в Москве дом Пашкова. В последние десять лет своей жизни Гоголь полюбил это прекрасное создание Баженова и, живя на Никитском бульваре у А. П. Толстого, ходил в домовую церковь университетского пансиона, который помещался в

доме Пашкова. — Один из студентов пансиона, свидетель и очевидец этих посещений, Рафаил Михайлович Павлов¹ (брат Ник<олая> Мих<айловича> Павлова (Бицына)², впоследствии помощник библиотекаря Румянцевского Музея, рассказывал, что Гоголь стоял у левого клироса, тщательно кутаясь в шинель, и что студенты пожирали взорами прославленного автора «Ревизора» и «Мертвых душ». Слушал эти рассказы и скульптор Андреев³, который воплотил фигуру Гоголя, по рассказам Р. М. Павлова, в памятнике на Гоголевском бульваре в Москве. <...>

Печатается по архивному источнику (статья Г. П. Георгиевского и А. А. Ромодановской «Рукописи Н. В. Гоголя»), хранящемуся в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки: *Георгиевский Г. П., Ромодановская А. А. Рукописи Н. В. Гоголя. Каталог. 1939 // РГБ. Ф. 217. К. 2. Ед. хр. 12. Л. 1.*

Сохранившаяся в архиве статья предназначалась в качестве вступительной для издания «Рукописи Н. В. Гоголя» (описание гоголевских автографов из фондов Государственной библиотеки СССР; ныне — РГБ), и отличается от опубликованной в 1940 г. (Рукописи Н. В. Гоголя. Каталог. М., 1940). Фрагмент: «Один из студентов пансиона ~ на Гоголевском бульваре в Москве», — в опубликованном варианте отсутствует. Сведения, сообщаемые в этом отрывке (возможно, исключенного цензурой), впервые были обнародованы Г. П. Георгиевским в 1940 г. в газетной статье, посвященной собранию рукописей Румянцевского музея:

«Полностью представлен Гоголь. Над его рукописями мне пришлось много поработать, подготавливая к печати книгу гоголевских текстов (имеется в виду издание: Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя. Вып. 3. СПб., 1909. — *И. В.*). Эти тексты были извлечены из рукописей Николая Васильевича. Они свидетельствуют об огромном круге предметов, которыми интересовался писатель. Это — литература, и русская история, и география.

Рукописи Гоголя отличаются от толстовских и пушкинских тем, что в них совершенно нет авторской правки (черновые рукописи Гоголя свидетельствуют о значительном объеме авторских исправлений. — *И. В.*). Гоголь сначала долго обдумывал произведение, а потом уже садился писать и писал набело. У него была исключительная память, он все держал в голове. Так он писал по три-четыре, а то и по пяти вариантов одного и того же произведения, каждый раз заново, на чистых листах. Это были не копии, а новые редакции.

Жил Гоголь на Никитском бульваре и по праздникам ходил в домашнюю церковь при «благородном пансионе» Московского университета. В церкви студенты засматривались на автора «Ревизора» и «Мертвых душ». Среди студентов были сотрудник нашей библиотеки, недавно скончавшийся Р. М. Павлов. Он рассказывал, что Гоголь все время кутался в шинель, словно ему было холодно. Эти рассказы Павлова слышал скульптор Н. Андреев и на их основании слепил фигуру Гоголя в шинели для памятника, который стоит на Гоголевском бульваре в Москве» (*Георгиевский Г.*, проф. Среди рукописей // *Известия. 1940. 29 сент. № 227. С. 4.*)

Григорий Петрович Георгиевский (1866–1948), выпускник Петербургской Духовной академии, сотрудник Румянцевского музея (с 1890 г.) (ныне Российская государственная библиотека), хранитель рукописей, историк, археограф, профессор.

¹ Рафаил Михайлович Павлов (1833–1911), сын профессора М. Г. Павлова, выпускник Московского университета, помощник библиотекаря Румянцевского музея (с 1864 по 1906 г.), публицист, критик.

² Николай Михайлович Павлов (псевдоним Н. Бицын, 1835–1906), писатель и историк, крестник С. Т. Аксакова. Впервые полностью издал «Историю нашего знакомства с Гоголем...» С. Т. Аксакова (см. в наст. изд.); автор статьи «Гоголь и славянофилы» (Русский Архив. 1890. № 1), член Союза Русских Людей.

³ Николай Андреевич Андреев (1873–1932), скульптор, автор памятника Гоголю на Пречистенском (ныне Гоголевском) бульваре (1909). В 1951 г. этот памятник с бульвара был убран и в 1959 г. перенесен во двор дома А. И. Талызина, где умер Гоголь и где ныне располагается «Дом Гоголя — мемориальный музей и научная библиотека» (Никитский бульвар, дом 7а).

Подорожная на проезд из Москвы до Полтавы,
выданная Гоголю 20 сентября 1851 г.

По указу Его Величества Государя Императора
Николая Павловича,
Самодержца Всероссийского
и прочая, и прочая, и прочая.
№ 3746

От Москвы до Полтавы Коллежскому Ассессору Николаю Васильевичу Гоголю^I с будущим^{II} из почтовых

давать по три лошади с проводником, за указание прогони, без задержания выдана в Москве 20 Сентября 1851 года.

С сей подорожной за 840 верст 12 руб<лей> 60 копеек взято и 30 к<копеек> за бланк.

Московский Военный

Генерал-Губернатор,

Генерал-Адъютант *Граф Закревский.*

Казначей <подпись>
[Бухгалтер]^{III}

Печатается по фотокопии, приведенной в изд.: Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 835.

---

^I Так в источнике.

^{II} Далее пропущено: под собственный экипаж

^{III} Слово зачеркнуто.

Заметка <О посещении Гоголем Московской Духовной академии 1 октября 1851 г.>

Читая в 62-м № *Моск<овских> Вед<омостей>* рассказ г. Глаголя о гонении, воздвигнутом семинарским начальством на Гоголя и Пушкина¹, мы припомнили другую историю, смысл и значение которой понятны без объяснений. Дело вот в чем.

Не знаем, как теперь, но в пятидесятых годах (1848–1852) студенты М<осковской> Д<уховной> Академии с особенною любовью читали и перечитывали сочинения Гоголя; многие выдержки из его повестей, особенно из «Мертвых Душ», учили наизусть; а «Ревизора» и «Женитьбу» несколько раз даже играли в своих комнатах, хотя без всякой почти сценической обстановки, зато без помощи суфлера. Словом, произведения Гоголя были в то время постоянным предметом суждений и занятий воспитанников. При таком настроении, при этом дружном увлечении Гоголем, весьма естественно в каждом из воспитанников проявлялось желание видеть Н<иколая> В<асильевича> ча лицом к лицу. Что если бы он встретился где-нибудь? Что если бы вошел сюда? и т. д. Зная, что Н<иколай> В<асильевич> нередко бывает в Лавре, студенты, в встречавшихся лицах, напоминающих какими-нибудь чертами портрет Гоголя, воображали, что видят самый оригинал. Как бы то ни было, но счастье видеть Н<иколая> В<асильевича> казалось несбыточным, хотя Троицкая Лавра не слишком далеко отстоит от Москвы, куда уже возвратился Гоголь. Но судьба ли жалилась над бедными студентами, или, как говорят, сердце сердцу весть подало, только настал и для студентов счастливый день, в который они увидели наконец желанного Гоголя. Это было 1-го октября 1851 года. В послеобеденное время, часа в 4 или 5, студенты пользовались по-своему свободным от учебных занятий временем; одни гуляли по посаду, другие, оставшиеся в комнатах, или читали, или ходили и курили, или покоились на диванах и столах, положив под головы огромные фолианты классиков и Отцов Церкви. Один, помнится, играл на скрипке. Вошедший в это время в комнаты старших студентов профессорский слуга, по физиономии и приемам лучший тип гоголевского Петрушки, объявил, что сейчас придет отец Ф<еодор>² с *Голицыным*. — «Так что ж?» — спрашивают студенты. — «Только-с! так приказано сказать», — и с этими словами он вышел из студенческих комнат, где в ожидании гостя порядок нисколько не изменился. Через несколько минут показался в дверях почтенный наставник студентов в сопровождении псевдо-Голицына. Студенты встали. Некоторые, видя в незнакомом посетителе знакомые черты, заметили вполголоса: «Это Гоголь!» О. Ф<еодор>, подойдя к группе студентов, сказал: «Вы, господа, просили меня (полновесное спасибо тому товарищу, который передал почтенному наставнику единодушное желание студентов) представить вас Н<иколаю> В<асильевичу> Гоголю, — я исполняю ваше желание». Обращая потом к дорогому гостю, он прибавил: «Они любят вас и ваши произведения». Не берусь, да и мудрено слишком передать, что чувствовали в это время воспитанники, смотрешие прямо в лицо Гоголю, которым грезил каждый из них, как грезят пансионерки черными усами и эполетами. Очень естественно, что при такой неожиданности студенты не сказали ни слова. Молчал и Н<иколай> В<асильевич>. Он казался нам скучным и задумчивым. Это обоюдное молчание продолжалось несколько минут. Наконец один из студентов, собравшись с мыслями, сказал за всех: «Нам очень приятно видеть вас, Н<иколай> В<асильевич>, мы лю-

бим и глубоко уважаем ваши произведения». Н<иколай> В<асильевич>, сколько можем припомнить, так отвечал приветствовавшим его *духовным воспитанникам*: «Благодарю вас, господа, за расположение ваше. Мы с вами делаем общее дело, имеем одну цель, *служим одному Хозяину... У нас один Хозяин*». Начав говорить несколько потупившись, Н<иколай> В<асильевич> произнес последние слова устремив глаза к небу. Заметно в нем было какое-то смущение; он хотел сказать еще что-то, но как будто не нашелся и вслед за тем навсегда раскланялся со студентами, произнеся последнее: «Прощайте!» Только теперь очнулись воспитанники от тупого чувства, в которое повергла их неожиданность появления Н<иколая> В<асильевича>, и он вышел из дверей академических комнат при дружном, но отрывистом рукоплескании студентов. Спустя месяцев пять после посещения Гоголем Духовной Академии, в тех же комнатах и при той же обстановке, безвестные читатели Гоголя тяжело вздыхали при вести о смерти его, последовавшей также неожиданно, как неожиданно было посещение 1-го октября. В ближайшее каникулярное время многие из нас, проезжая через Москву, не миновали Даниловского монастыря, чтобы не остаться в долгу у покойного за посещение Академии.

Если в свидетельствах рассказанного нами случая не только не сохранилась любовь к Гоголю, но они еще возбуждают гонения на тех, которые читают произведения Гоголя, то или чересчур держатся они пословицы: «*No pores mutant mores...*»^{1 3}

Первые опубликовано: *Крестовоздвиженский В. Заметка // Московские Ведомости. 1860. 26 мая. № 114. С. 901–902. Печатается по первой публикации.*

Василий Васильевич Крестовоздвиженский, выпускник Вифанской Духовной семинарии (1848) и Московской Духовной академии (1852), инспектор Кадетского корпуса.

¹ Имеется в виду публикация: *Материалы для физиологии общества // Московские Ведомости. 1860. 18 марта. № 62. 483–486.* Под общим заглавием здесь были собраны семь статей разных авторов, из которых В. Крестовоздвиженский обратил внимание на четвертую (без заглавия, с обозначением: IV), подписанную: «Глаголь» (С. 485). В статье сообщалось: «Около года тому назад поступил новый начальник в одну семинарию и вот как повел себя. Первым повелением его было, чтобы никто из учеников не смел читать “светских книг”. <...> Но на этом не останавливались. Решено было сжечь все “безнравственные” сочинения, находящиеся в ученической библиотеке, и преимущественно Пушкина и Гоголя. Пушкина “за то, что тот описывает плотскую греховную любовь”, а Гоголя — “за то, что иногда черкается”. Но это почему-то не удалось. Говорят, будто бы этому воспротивились из опасения пожара».

² Имеется в виду архимандрит Феодор (Бухарев), бакалавр по классу библейской истории и греческого языка в Московской Духовной академии (с осени 1846 г.), профессор академии (с 1852 г.). См. в наст. изд. фрагменты из его книги «Три письма к Н. В. Гоголю, писанные в 1848 году».

³ Почести изменяют нравы (*лат.*). Выражение из сочинения Плутарха «Жизнь Суллы».

---

¹ Так в публикации.

Гоголь в письмах и воспоминаниях И. С. Тургенева, его друзей и знакомых

Из писем И. С. Тургенева

И. С. Тургенев — Т. Н. Грановскому

С.-Петербург, 4-го декабря 1839 года.

<...> Оттого ли, что я гораздо более ожидал от Петербурга, чем он может дать, — но мне здесь довольно грустно. Судите сами: у Плетнева я был и застал его над корректурой «Современника». От него я узнал, что Гоголь живет у Жуковского, хандрит жестоко и едет обратно в Рим. Он прочел им как-то главы две-три из нового своего романа¹, и — говорят — превосходная вещь этот роман, но он делает это с большим трудом — и печатать не хочет. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 576. Печатается по изд.: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М., 1982. Т. 1. С. 143–144.

Иван Сергеевич Тургенев (1818–1883), писатель.

Помимо отрывков из писем И. С. Тургенева, собранных в настоящем разделе, см. также в наст. изд. его переписку с П. В. Анненковым 1853 г. (о содержании сохранившихся глав второго тома «Мертвых душ») в коммент. к «Воспоминаниям о Гоголе» Анненкова.

¹ Речь идет о чтении «Мертвых душ» В. А. Жуковскому в Москве 9 октября 1839 г. (см. в наст. изд. дневниковую запись Жуковского от этого числа).

И. С. Тургенев — П. Виардо

1847. 1 декабря <н. ст. 18>47. Среда.

<...> Один из моих друзей, но это между нами, показал мне письмо Гоголя, в котором этот человек, вообще такой высокомерный и придиричивый, говорит с большой похвалой о вашем покорном слуге¹. Одобрительный отзыв такого мастера доставил мне большое удовольствие. <...>

Оригинал на фр. языке. Впервые опубликовано, в русском переводе: Русские Ведомости. 1911. 28 июля. № 173. Печатается по изд.: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М., 1982. Т. 1. С. 234, 370.

Полина Виардо-Гарсия (1821–1910), французская певица, композитор; жена Л. Виардо.

¹ 7 сентября (н. ст.) 1847 г. Гоголь писал П. В. Анненкову: «Изобразите мне также портрет молодого Тургенева, чтобы я получил о нем понятие как о человеке; как писателя, я отчасти его знаю: сколько могу судить по тому, что прочел, талант в нем *замечательный* и обещает [писателя] большую деятельность в будущем».

И. С. Тургенев — М. П. Погодину

С.Петербург. 4/16-го декабря 1851. Вторник.

<...> Если Вы увидите Гоголя, не забудьте поклониться ему — от имени одного из самых малых учеников его. Когда-то он подарит нам продолжение «Мертвых душ»? <...>

Печатается по изд.: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М., 1987. Т. 2. С. 111.

И. С. Тургенев — И. С. Аксакову

С.Петербург. Понедельник, 31-го дек<абр> 1851.

<...> Поклонитесь от меня Гоголю. Что, он здоров? <...>

Впервые опубликовано: Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения. М.; Л., 1953. Т. 4. С. 192. Печатается по изд.: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М., 1987. Т. 2. С. 114.

И. С. Тургенев — П. Виардо

<21–24 февраля 1852. Санкт-Петербург>

С.-Петербург, 21 февраля 1852.

<...> Нас поразило великое несчастье: Гоголь умер в Москве, умер, предав все сожжению, — все — второй том «Мертвых душ», множество оконченных и начатых вещей, — одним словом, все. Вам трудно будет оценить всю огромность этой столь жестокой, столь полной утраты. Нет русского, сердце которого не обливалось бы кровью в эту минуту. Для нас он был более, чем только писатель: он раскрыл нам нас самих. Он во многих отношениях был для нас продолжателем Петра Великого. Быть может, эти слова покажутся вам преувеличенными, внушенными горем. Но вы не знаете его; вам известны только самые незначительные из его произведений; и если б даже вы знали их все, то и тогда вам трудно было бы понять, чем он был для нас. Надо быть русским, чтобы это почувствовать. Самые пронизательные умы из иностранцев, как, например, Мериме, видели в Гоголе только юмориста английского типа. Его историческое значение совершенно ускользнуло от них. Повторяю, надо быть русским, чтобы понимать, кого мы лишились. <...>

Подлинник на фр. языке. Впервые опубликовано: *Cosmopolis*. 1896. № 7, juillet. С. 141. Печатается по изд.: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. М., 1961. Т. 2. С. 47, 394.

И. С. Тургенев — Е. М. Феоктистову

С.-Петербург. Вторник. 26-го февр<аля 18>52.

Вы не можете себе представить, друзья мои, как я вам благодарен за сообщение подробностей о смерти Гоголя, — я уже писал об этом Боткину! Я перечитываю каждую строку с какой-то мучительной жадностью и ужасом, — я чувствую, что в *этой* смерти *этого* человека кроется более, чем кажется с первого взгляда — и мне хочется проникнуть в эту грозную и горестную тайну. Меня это глубоко поразило — так глубоко, что я не помню подобного впечатления. При этом я был подготовлен другими обстоятельствами, которые вы, вероятно, скоро узнаете — ес-

ли уже не узнали². Тяжело, Феоктистов, тяжело, и мрачно, и душно... Мне, право, кажется, что какие-то темные волны без плеска сомкнулись над моей головой, — и иду я на дно, застывая и немея.

Но об этом когда-нибудь при личном свидании... А оно будет довольно скоро, если ничего не случится, — около 10 апреля я в Москве³, на Фоминой неделе.

Вы мне пишете о статье, которую я должен написать в «Современник», — не знаю, удастся ли мне... В этом случае нельзя сесть и писать не обдумавши, — надо попасть в тон, а уже думать о необходимости попасть в тон, когда говоришь о смерти Гоголя, тяжело и жестоко.

Я рад, что его хоронили в университетской церкви, и, действительно, нахожу вас счастливыми, что удостоились нести его гроб. Это будет одно из воспоминаний вашей жизни. Что вам сказать о впечатлении, произведенном его смертью здесь? Все говорят о ней, но как-то вскользь и холодно. Однако есть люди, которых она глубоко огорчила. Другие интересы тут все поглощают и подавляют.

Вы мне говорите о поведении друзей Гоголя. Воображаю себе, сколько дрянных самолюбий станут вбираться в его могилу, и примутся кричать петухами, и вытягивать свои головки — посмотрите, дескать, на нас, люди честные, как мы отлично горюем и как мы умны и чувствительны — Бог с ними... Когда молния, разбивает дуб, кто думает о том, что на его пне вырастут грибы — нам жаль его силы, его тени...

Я послал Боткину стихи, внушенные Некрасову вестью о смерти Гоголя⁴; под впечатлением их написал я несколько слов о ней для «С.-Петербургских ведомостей», которые посылаю вам при сем письме в неизвестности, пропустит ли их и не исказит ли их цензура⁵. Я не знаю, как они вышли, но я плакал навзрыд, когда писал их.

Прощайте, мой добрый Е<вгений> М<ихайлович>. Скоро напишу вам опять. Жду от вас и от Боткина всех подробностей, которые вы только услышите. <...>

P. S. Кажется, нечего и говорить, что под статьей о Гоголе не будет выставлено моего имени. Это было бы бесстыдством и почти святотатством. <...>

Впервые опубликовано: Тургенев и круг «Современника». М.; Л.: Academia, 1930. С. 151–152. Печатается по изд.: Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. М., 1961. Т. 2. С. 47–49.

Письмо представляет собой ответ на послание Е. М. Феоктистова И. С. Тургеневу от 25 февраля 1852 г. (см. в наст. изд.) и одновременно откликом на письмо В. П. Боткина к И. С. Тургеневу от 21 февраля 1852 г. (см. в наст. изд.).

¹ Письмо не сохранилось.

² В ответном письме от 3 марта 1852 г. Е. М. Феоктистов указывал: «Очень заинтересовали в вашем письме слова о тех обстоятельствах, которые вас подготовили к смерти Гоголя. До сих пор мы тут не имеем и понятия о этих обстоятельствах» (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. М., 1961. Т. 2. С. 432).

³ К 10 апреля 1852 г. Тургенев в Москву не выехал, 16 апреля был арестован.

⁴ Стихотворение Н. А. Некрасова «Блажен незлобивый поэт», опубликованное позднее в мартовском номере «Современника» за 1852 г.

⁵ «Письмо из Петербурга» И. С. Тургенева впервые опубликовано: <Тургенев И. С.> Т. . . . . в. Письмо из Петербурга // Московские Ведомости. 1852. 13 марта. № 32. С. 328, с подписью: «24-го февраля 1852, С.-Петербург». См. в наст. изд. «Литературные воспоминания. III. Гоголь (Жуковский, Крылов, Лермонтов, Загоскин)» И. С. Тургенева.

И. С. Тургенев — И. С. Аксакову

Петербург, 3 марта 1852 г.

...Скажу вам без преувеличения, с тех пор, как я себя помню, ничего не произвело на меня такого впечатления, как смерть Гоголя, — все, что Вы говорите о ней¹ — сказано мне прямо из

души. Эта страшная смерть — историческое событие — понятна не сразу: это тайна, тяжелая, грозная тайна — надо стараться ее разгадать... но ничего отрадного не найдет в ней тот, кто ее разгадает... все мы в этом согласны. Трагическая судьба России отражается на тех из русских, кои ближе других стоят к ее недрам — ни одному человеку, самому сильному духом, не выдержав в себе борьбу целого народа — и Гоголь погиб! Мне, право, кажется, что он умер, потому что решился, захотел умереть, и это самоубийство началось с истребления «Мертвых душ»... что касается до впечатления, произведенного здесь его смертью... да будет Вам достаточно знать, что попечитель здешнего университета г<граф> Мусин-Пушкин не устыдился назвать Гоголя публично писателем лакейским². Это случилось на днях по поводу нескольких слов, написанных мною для «С.-Петербургских» ведомостей» о смерти Гоголя (я их послал Феоктистову в Москву). Г<граф> Мусин-Пушкин не мог довольно удивиться дерзости людей, жалеющих о Гоголе. Честному человеку не стоит тратить на это своего честного негодования. — Сидя в грязи по горло, эти люди принялись есть эту грязь — на здоровье. Благородным людям должно теперь крепче, чем когда-нибудь, держаться за себя и друг за друга. Пускай хоть эту пользу принесет смерть Гоголя...

Впервые опубликовано: Всемирный Вестник. 1907. № 1. Приложение. С. 9–10. Печатается по изд.: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. М., 1961. Т. 2. С. 49–50.

¹ См. в наст. изд. письмо И. С. Аксакова к И. С. Тургеневу от 26 февраля 1852 г.

² 20 апреля 1852 г. цензор А. В. Никитенко записал в своем дневнике: «...Председатель цензурного комитета <граф М. Н. Мусин-Пушкин> объявил, что не будет пропускать статей в похвалу Гоголя, "лакейского писателя"» (*Никитенко А. В. Дневник*: В 3 т. Без м. изд., 1955. Т. 1. С. 351).

И. С. Тургенев

Литературные воспоминания.
IV. Поездка в Альбано и Фраскати
(Воспоминание об А. А. Иванове)
Фрагмент

<...> Иванов глубоко сожалел о современном направлении наших художников (один из них¹ при мне величал Рафаэля *бездарным*) и рассказывал нам кое-что о Брюллове и о Гоголе, которого называл постоянно Николаем Васильичем. Из его почтительных, но осторожных отзывов о нашем великом писателе можно было заключить, что он особенно хорошо изучил его. Гоголь нисколько не понимал Иванова, хотя превозносил его «Явление Христа»; ведь тот же Гоголь приходил в восторг от «Последнего дня Помпеи»; а любить эти две картины в одно и то же время значит не понимать живописи¹. Иванов с особенным сочувствием упоминал о страшном впечатлении, произведенном на Гоголя всеобщим осуждением его «Переписки»; об этом, да еще о 1848 годе, Иванов говорил не иначе как с содроганием. Может быть, ему в голову приходило, что «вот и мою картину, пожалуй, так же разбранят», а в началах, которые чуть было не восторжествовали в 1848 году, он почему-то видел конец и разорение всякого художества. <...>

Впервые опубликовано: *Тургенев Ив.* Поездка в Альбано и Фраскати. (Воспоминание об А. А. Иванове) // Век. Журнал общественный, политический и литературный. 1861. 12 апр. № 15. С. 522; с датой: «Март, 1861 г.»; см. также: *Тургенев И. С.* Литературные и житейские воспоминания. (Вместо вступления; I. Литературный вечер у П. А. Плетне-

¹ В изд. 1861 г.: в одно и то же время невозможно

ва; II. Воспоминания о Белинском; III. Гоголь (Жуковский, Крылов, Лермонтов, Загоскин); IV. Поездка в Альбано и Фраскати. (Воспоминания об А. А. Иванове); <V>. По поводу «Отцов и Детей»; <VI>. Человек в серых очках. (Из воспоминаний 1848 года); <VII>. Наши послали. (Эпизод из истории июньских дней 1848 г., в Париже); <VIII>. Казнь Тропмана; <IX>. О соловьях; <X>. Пэгас // *Тургенев И. С.* Соч. М., 1880. Т. 1. Печатается по изд.: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. М.; Л., 1967. Т. 14. С. 86.

7 апреля 1861 г. П. В. Анненков писал И. С. Тургеневу по поводу настоящей статьи: «Статью Вашу я получил и уже передал ее Дружинину... <...> В статье я вычеркнул только анекдот о вечерах у Гоголя, так как он приведен уже у Кулиша. Все остальное прекрасно, хотя мысль, что Иванов технически не свободен, вряд ли верна. Он духовно несвободен, а потому и технику заставил насильственно идти мерным, архиерейским шагом» (Письма П. В. Анненкова к И. С. Тургеневу. Предисловие и примечания Н. М. Мендельсона // Труды Публичной библиотеки СССР им. Ленина. <М.:> Academia, 1934. Вып. 3. С. 120). По указанию Н. Н. Мостовской и Н. Г. Жигулина, вычеркнутый «анекдот» о вечерах у Гоголя хранится: *ИРЛИ. С. XIV.347 (Анненков П. В. Письма к И. С. Тургеневу. 1852–1874. Издание подготовили Н. Н. Мостовская, Н. Г. Жигулин. СПб., 2005. Кн. 1. С. 382)*. По мнению комментаторов, аналогичный анекдот о молчаливом Гоголе приводит П. А. Кулиш, цитируя В. П. Гаевского (<*Кулиш П. А.*> *Николай М.* Записки о жизни Н. В. Гоголя... СПб., 1856. Т. 1. С. 195). См. в наст. изд. «Заметки для биографии Гоголя» В. П. Гаевского.

Так же, как мемуары П. В. Анненкова, воспоминания о Гоголе И. С. Тургенева, в свою очередь, во многих отношениях не могут быть признаны объективными. На предвзятость в этом случае Тургенева, также объясняющуюся его принадлежностью к западнической партии, в частности, указывалось: *Айзеншток И. Я.* Н. В. Гоголь и Петербургский университет // Вестник Ленинградского гос. ун-та. Серия общественных наук. 1952. № 3. С. 25–26, 30–31. См. коммент. к статье И. С. Тургенева «Литературные воспоминания. III. Гоголь».

См. также в наст. изд. коммент. к письму М. Г. Карташевской к В. С. Аксаковой от 20 августа 1845 г.

¹ Е. С. Сорокин.

И. С. Тургенев

Литературные воспоминания. III. Гоголь (Жуковский, Крылов, Лермонтов, Загоскин) Фрагмент

Меня свёл к Гоголю покойный Михаил Семенович Щепкин. Помню день нашего посещения: 20-го октября¹ 1851 года Гоголь жил тогда в Москве, на Никитской, в доме Талызина, у графа Толстого. Мы приехали в час пополудни: он немедленно нас принял. Комната его находилась возле сеней, направо. Мы вошли в неё — и я увидел Гоголя, стоявшего перед конторкой с пером в руке. Он был одет в темное пальто, зеленый бархатный жилет и коричневые панталонны. За неделю до того дня я его видел в театре, на представлении «Ревизора»²; он сидел в ложе бельэтажа, около самой двери, — и, вытянув голову, с нервическим беспокойством поглядывал на сцену, через плечи двух дюжих дам, служивших ему защитой от любопытства публики. Мне указал на него сидевший рядом со мною <Е. М.> Ф<еоктистов>. Я быстро обернулся, чтобы посмотреть на него; он, вероятно, заметил это движение и немного отодвинулся назад, в угол. Меня поразила перемена, происшедшая в нем с 41 года. Я раза два встретил его тогда у Авдотьи Петровны Е<лаги>ной³. В то время он смотрел приземистым и плотным Малороссом; теперь он казался худым и испитым человеком, которого уже успела на порядках измыкать жизнь. Какая-то затаенная боль и тревога, какое-то грустное беспокойство примешивались к постоянно пронизательному выражению его лица.

Увидев нас со Щепкиным, он с веселым видом пошел к нам навстречу и, пожав мне руку, промолвил: «Нам давно следовало быть знакомыми». Мы сели. Я рядом с ним, на широком диване; Михаил Семенович на креслах, возле него. Я попристальнее взгляделся в его черты. Его белокурые волосы, которые от висков падали прямо, как обыкновенно у казаков, сохранили еще цвет молодости, но уже заметно поредели; от его покатога, гладкого, белого лба по-прежнему так и веяло умом. В небольших карих глазах искрилась по временам веселость — именно веселость, а не насмешливость; но вообще взгляд их казался усталым. Длинный, заостренный нос придавал физиономии Гоголя нечто хитрое, лисье; невыгодное впечатление производили также его одутловатые, мягкие губы под остриженными усами: в их неопределенных очертаниях выражались — так, по крайней мере, мне показалось — темные стороны его характера: когда он говорил, они неприятно раскрывались и выказывали ряд нехороших зубов⁴; маленький подбородок уходил в широкий бархатный черный галстук. В осанке Гоголя, в его телодвижениях было что-то не профессорское, а учительское — что-то напоминавшее преподавателей в провинциальных институтах и гимназиях. «Какое ты умное, и странное, и большое существо!» — невольно думалось, глядя на него. Помнится, мы с Михаилом Семеновичем и ехали к нему, как к необыкновенному, гениальному человеку, у которого что-то тронулось в голове... вся Москва была о нем такого мнения. Михаил Семёнович предупредил меня, что с ним не следует говорить о продолжении «Мертвых Душ», об этой второй части, над которую он так долго и так упорно трудился и которую он, как известно, сжег перед смертью, — что он этого разговора не любит. О «Переписке с Друзьями» я сам не упомянул бы, так как ничего не мог сказать о ней хорошего. Впрочем, я и не готовился ни к какой беседе — а, просто, жаждал видиться с человеком, творения которого я чуть не знал наизусть. Нынешним молодым людям даже трудно растолковать обаяние, окружавшее тогда его имя; теперь же и нет никого, на ком могло бы сосредоточиться общее внимание.

Щепкин заранее объявил мне, что Гоголь не словоохотлив: на деле вышло иначе. Гоголь говорил много, с оживлением, размеренно отталкивая и отчеканивая каждое слово — что не только не казалось неестественным, но, напротив, придавало его речи какую-то приятную вескость и впечатлительность. Он говорил на «о»; других, для русского слуха менее любезных, особенностей малороссийского говора я не заметил. Всё выходило ладно, складно, вкусно и метко. Впечатление усталости, болезненного, нервного беспокойства, которое он сперва произвел на меня, — исчезло. Он говорил о значении литературы, о призвании писателя, о том, как следует относиться к собственным произведениям; высказал несколько тонких и верных замечаний о самом процессе работы, о самой, если можно так выразиться, физиологии сочинительства, и всё это — языком образным, оригинальным — и, сколько я мог заметить, нимало не подготовленным заранее, как это сплошь да рядом бывает у «знаменитостей». Только когда он завёл речь о цензуре, чуть не возвеличивая, чуть не одобряя ее, как средство развивать в писателе сноровку, умение защищать своё детище, терпение и множество других христианских и светских добродетелей — только тогда — мне показалось, что он черпает из готового арсенала. Притом, доказывать таким образом необходимость цензуры — не значило ли рекомендовать и почти похваливать хитрость и лукавство рабства⁵? Я могу еще допустить стих итальянского поэта: «Si, servi siam; ma servi ognor frementi»¹; но самодовольное смирение и плутовство рабства... нет! лучше не говорить об этом. В подобных измышлениях и рассудительствах Гоголя слишком явно выказывалось влияние тех особ высшего полёта, которым посвящена большая часть «Переписки»; отсюда шел этот затхлый и пресный дух. Вообще я скоро почувствовал, что между мирозерцанием Гоголя и моим — лежала целая бездна. Не одно и то же мы ненавиде-

¹ Мы рабы... да; но рабы, вечно негодующие. — Перевод П. В. Анненкова.

ли, не одно любил; но в ту минуту — в моих глазах всё это не имело важности. Великий поэт, великий художник был передо мною, и я глядел на него, слушал его с благоговением, даже когда не соглашался с ним.

Гоголь, вероятно, знал мои отношения к Белинскому, к Искандеру; о первом из них, об его письме к нему — он не заикнулся: это имя обожгло бы его губы. Но в то время только что появилась — в одном заграничном издании — статья Искандера, в которой он, по поводу пресловутой «Переписки», упрекал Гоголя в отступничестве от прежних убеждений. Гоголь сам заговорил об этой статье⁶. Из его писем, напечатанных после его смерти (о! какую услугу оказал бы ему издатель, если б выкинул из них целые две трети, или, по крайней мере, все те, которые писаны к светским дамам... более противной смеси гордыни и подысквания, ханжества и тщеславия, пророческого и прихлещательского тона — в литературе не существует!), — из писем Гоголя мы знаем, какую неизлечимой раной залегло в его сердце полное фиаско его «Переписки»⁷ — это фиаско, в котором нельзя не приветствовать одно из немногих утешительных проявлений тогдашнего общественного мнения. И мы, с покойным М. С. Щепкиным, были свидетелями — в день нашего посещения — до какой степени эта рана наболела. Гоголь начал уверять нас — внезапно изменившимся, торопливым голосом, — что не может понять, почему он изменил впоследствии; — что он всегда придерживался одних и тех же, религиозных и охранительных начал — и, в доказательство того, готов нам указать на некоторые места в одной своей, уже давно напечатанной, книге... Промолвив эти слова, Гоголь с почти юношеской живостью вскочил с дивана и побежал в соседнюю комнату. Михаил Семёныч только брови возвел горе — и указательный палец поднял... «Никогда таким его не видал», — шепнул он мне...

Гоголь вернулся с томом «Арабесок» в руках — и начал читать на выдержку некоторые места одной из тех детски-напыщенных и утомительно-пустых статей, которыми наполнен этот сборник. Помнится, речь шла о необходимости строгого порядка, безусловного повиновения властям и т. п.⁸ «Вот видите, — твердил Гоголь, — я и прежде всегда то же думал, точно такие же высказывал убеждения, как и теперь!.. С какой же стати упрекать меня в измене, в отступничестве... Меня?» — И это говорил автор «Ревизора», одной из самых отрицательных комедий, какие когда-либо являлись на сцене! Мы с Щепкиным молчали. Гоголь бросил, наконец, книгу на стол и снова заговорил об искусстве, о театре; объявил, что остался недоволен игрою актеров в «Ревизоре», что они «тон потеряли» и что он готов им прочесть всю пьесу с начала до конца. Щепкин ухватился за это слово и тут же уладил, где и когда читать. Какая-то старая барыня⁹ приехала к Гоголю; она привезла ему просфору с вынутой частицей. Мы удалились.

Дня через два¹⁰ происходило чтение «Ревизора» в одной из зал того дома, где проживал Гоголь. Я выпросил позволение присутствовать на этом чтении. Покойный профессор Шевырев также был в числе слушателей, и — если не ошибаюсь — г-н Погодин. К великому моему удивлению, далеко не все актёры, участвовавшие в «Ревизоре», явились на приглашение Гоголя; им показалось обидным, что их словно хотят учить! Ни одной актрисы также не приехало. Сколько я мог заметить, Гоголя огорчил этот неохотный и слабый отзыв на его предложение... Известно, до какой степени он скупился на подобные милости. Лицо его приняло выражение угрюмое и холодное; глаза подозрительно насторожились. В тот день он смотрел точно больным человеком. Он принялся читать — и понемногу оживился. Щеки покрылись легкой краской; глаза расширились и посветлели. Читал Гоголь превосходно... Я слушал его тогда в первый — и

в последний раз. Диккенс также превосходный чтец, можно сказать, разыгрывает свои романы, чтение его — драматическое, почти театральное: в одном его лице является несколько перво-классных актеров, которые заставляют вас то смеяться, то плакать; Гоголь, напротив, поразил меня чрезвычайной простотой и сдержанностью манеры, какой-то важной и в то же время навивной искренностью, которой словно и дела нет — есть ли тут слушатели и что они думают. Кажется, Гоголь только и заботился о том, как бы вникнуть в предмет, для него самого новый, и как бы вернее передать собственное впечатление. Эффект выходил необычайный — особенно в комических, юмористических местах; не было возможности не смеяться — хорошим, здоровым смехом; а виновник всей этой потехи продолжал, не смущаясь общей веселостью и как бы внутренне дивясь ей, все более и более погружаться в самое дело — и лишь изредка, на губах и около глаз, чуть заметно трепетала лукавая усмешка мастера. С каким недоумением, <с каким> изумлением Гоголь произнес знаменитую фразу Городничего о двух крысах (в самом начале пьесы): «Пришли, понюхали и пошли прочь!» — Он даже медленно оглянул нас, как бы спрашивая объяснения такому удивительного происшествия. Я только тут понял, как вообще неверно, поверхностно, с каким желанием только поскорей насмешить — обыкновенно разыгрывается на сцене «Ревизор». Я сидел, погруженный в радостное умиление: это был для меня настоящий пир и праздник. К сожалению, он продолжался недолго. Гоголь еще не успел прочесть половину первого акта, как вдруг дверь шумно растворилась, и, торопливо улыбаясь и кивая головою, промчался через всю комнату еще очень молодой, но уже необыкновенно назойливый литератор¹¹ — и, не сказав никому ни слова, поспешил занять место в углу. Гоголь остановился; с размаху ударил рукой по звонку и с сердцем заметил вошедшему камердинеру: «Ведь я велел тебе никого не впускать!» Молодой литератор слегка пошевелился на стуле — а впрочем, не смутился нисколько. Гоголь отпил немного воды — и снова принялся читать: но уж это было совсем не то. Он стал спешить, бормотать себе под нос, не доканчивать слов; иногда он пропускал целые фразы — и только махал рукою. Неожиданное появление литератора его расстроило: нервы его, очевидно, не выдерживали малейшего толчка. Только в известной сцене, где Хлестаков завирается, Гоголь снова ободрился и возвысил голос: ему хотелось показать актеру, исполнявшему роль Ивана Александровича¹², как должно передавать это действительно затруднительное место. В чтении Гоголя оно показалось мне естественным и правдоподобным. Хлестаков увлечен и странностию своего положения, и окружающей его средой, и собственной легкомысленной юркостью; он и знает, что врет — и верит своему вранью: это нечто вроде упоения, наития, сочинительского восторга — это не простая ложь, не простое хвастовство. Его самого «подхватило». «Просители в передней жужжат, 35 тысяч эстафетов скачет — а дурачье, мол, слушает, развесив уши, и какой я, мол, бойкий, игривый, светский молодой человек!» Вот какое впечатление производил в устах Гоголя Хлестаковский монолог. Но, вообще говоря, чтение «Ревизора» в тот день было — как Гоголь сам выразился — не более, как намек, эскиз; и все по милости непрошенного литератора, который простер свою нецеремонность до того, что остался после всех у побледневшего, усталого Гоголя и втерся за ним в его кабинет.

В сенях я расстался <с ним> и уже никогда не увидел его больше; но его личности было еще суждено возыметь значительное влияние на мою жизнь.

В последних числах февраля месяца следующего 1852-го года я находился на одном утреннем заседании вскоре потом погибшего общества посещения бедных — в зале Дворянского собрания, — и вдруг заметил И. И. Панаева, который с судорожной поспешностью перебежал от одного лица к другому, очевидно сообщая каждому из них неожиданное и невеселое известие, ибо у каждого лицо тотчас выражало удивление и печаль. Панаев, наконец, подбежал и ко мне — и с легкой улыбкой, равнодушным тоном промолвил: «А ты знаешь, Гоголь помер в Москве. Как же, как же... Все бумаги сжег — да помер» — помчался далее. Нет никакого сомне-

ния, что, как литератор, Панаев внутренне скорбел о подобной утрате — притом же и сердце он имел доброе — но удовольствию быть первым человеком, сообщающим другому огорашивающую новость (равнодушный тон употреблялся для большего форсу), — это удовольствие, эта радость заглушали в нем всякое другое чувство. Уже несколько дней в Петербурге ходили темные слухи о болезни Гоголя; но такого исхода никто не ожидал. Под первым впечатлением сообщенного мне известия я написал следующую небольшую статью.

Письмо из Петербурга¹

Гоголь умер! — Какую русскую душу не потрясут эти два слова? — Он умер. Потеря наша так жестока, так внезапна, что нам все еще не хочется ей верить. В то самое время, когда мы все могли надеяться, что он нарушит, наконец, свое долгое молчание, что он обрадуется, превзойдет наши нетерпеливые ожидания, — пришла эта роковая весть! — Да, он умер, этот человек, которого мы теперь имеем право, горькое право, данное нам смертию, назвать великим; человек, которым мы гордимся, как одной из слав наших! — Он умер, пораженный в самом цвете лет, в разгаре сил своих, не окончив начатого дела, подобно благороднейшим из его предшественников... Его утрата возобновляет скорбь о тех незабвенных утратах, как новая рана возбуждает боль старинных язв. Не время теперь и не место говорить об его заслугах — это дело будущей критики; должно надеяться, что она поймет свою задачу и оценит его тем беспристрастным, но исполненным уважения и любви судом, которым подобные ему люди судятся перед лицом потомства; нам теперь не до того: нам только хочется быть одним из отголосков той великой скорби, которую мы чувствуем разлитую повсюду вокруг нас; не оценивать его нам хочется, но плакать; мы не в силах говорить теперь спокойно о Гоголе... самый любимый, самый знаковый образ неясен для глаз, орошенных слезами... В день, когда его хоронит Москва¹³, нам хочется протянуть ей отсюда руку — соединиться с ней в одном чувстве общей печали. Мы не могли взглянуть в последний раз на его безжизненное лицо; но мы шлем ему издалека наш прощальный поклон¹¹ — и с благоговейным чувством слагаем дань нашей скорби и нашей любви на его свежую могилу, в которую нам не удалось, подобно Москвичам, бросить горсть родимой земли! — Мысль, что прах его будет покоиться в Москве, наполняет нас каким-то горестным удовлетворением. Да, пусть он покоится там, в этом сердце России, которую он так глубоко знал и так любил, так горячо любил, что одни легкомысленные или близорукие люди не чувствуют присутствия этого любовного пламени в каждом им сказанном слове! Но невыразимо тяжело было бы нам подумать, что последние, самые зрелые плоды его гения погибли для нас невозвратно — и мы с ужасом внимаем жестоким слухам об их истреблении...

Едва ли нужно говорить о тех немногих людях, которым слова наши покажутся преувеличенными или даже вовсе неуместными... Смерть имеет очищающую и примиряющую силу; клевета и зависть, вражда и недоразумения — все смолкает перед самою обыкновенною могилой: они не заговорят над могилою Гоголя. Какое бы ни было окончательное место, которое оставит за ним история, мы уверены, что никто не откажется повторить теперь же вслед за нами:

Мир его праху, вечная память его жизни, вечная слава его имени!

T<ургене>в¹¹¹.

¹ Московские Ведомости, 1852-го года, марта 13-го, № 32, стр. 328 и 329. — *Примеч. И. С. Тургенева.*

¹¹ В изд. 1869 г.: прощальный привет

¹¹¹ По поводу этой статьи (о ней тогда же кто-то весьма справедливо сказал, что нет богатого купца, о смерти которого журналы не отозвались бы с большим жаром) — мне вспоминается следующее: одна очень высокопоставленная дама — в Петербурге — находила, что наказание, которому я подвергся за эту статью, было незаслуженно — и, во вся-

Я препроводил эту статью в один из Петербургских журналов; но именно в то время цензурные строгости стали весьма усиливаться с некоторых пор... Подобные «crescendo» происходили довольно часто и — для постороннего зрителя — так же беспричинно, как, напр<имер>, увеличение смертности в эпидемиях. Статья моя не появилась ни в один из последовавших за тем дней. Встретившись на улице с издателем, я спросил его, что бы это значило? — «Видите, какая погода, — отвечал он мне иносказательно речью, — и думать нечего». — «Да ведь статья самая невинная», — заметил я. «Невинная ли, нет ли, — возразил издатель, — дело не в том; вообще имя Гоголя не велено упоминать. Закревский на похоронах в андреевской ленте присутствовал: этого здесь переварить не могут». Вскоре потом я получил от одного приятеля¹⁴ из Москвы письмо, наполненное упреками: «Как! — восклицал он. — Гоголь умер, и хоть бы один журнал у вас в Петербурге отозвался! Это молчание постыдно!» — В ответе моем я объяснил — сознаюсь, в довольно резких выражениях — моему приятелю причину этого молчания и в доказательство, как документ, приложил мою запрещенную статью. Он ее представил немедленно на рассмотрение тогдашнего попечителя Московского округа — генерала Назимова¹⁵ — и получил от него разрешение напечатать ее в «Московских Ведомостях». Это происходило в половине марта, а 16 апреля я — за послушание и нарушение цензурных правил — был посажен на месяц под арест в части (первые двадцать четыре часа я провел в сибирке и беседовал с изысканно-вежливым и образованным полицейским унтер-офицером, который рассказывал мне о своей прогулке в Летнем саду и об «аромате птиц») — а потом отправлен на жительство в деревню. Я насколько не намерен обвинять тогдашнее правительство: попечитель С.-Петербургского округа, теперь уже покойный Мусин-Пушкин, представил — из неизвестных мне видов — все дело как явное неповиновение с моей стороны; он не поколебался заверить высшее начальство, что он *призывал меня лично, и лично передал мне запрещение цензурного комитета печатать мою статью* (одно цензурское запрещение не могло помешать мне — в силу существовавших постановлений — подвергнуть статью мою суду другого цензора), а я г. Мусина-Пушкина и в глаза не видал и никакого с ним объяснения не имел. Нельзя же было правительству подозревать сановника, доверенное лицо, — в подобном искажении истины! Но все к лучшему; пребывание под арестом, а потом в деревне принесло мне несомненную пользу: оно сблизило меня с такими сторонами русского быта, которые, при обыкновенном ходе вещей, вероятно, ускользнули бы от моего внимания.

Уже дописывая предыдущую строку, я вспомнил, что первое мое свидание с Гоголем происходило гораздо раньше, чем я сказал вначале. А именно: я был одним из его слушателей в 1835 г., когда он преподавал (!) историю в С.-Петербургском Университете. Это преподавание, правду сказать, происходило оригинальным образом. Во-первых, Гоголь из трех лекций непременно пропускал две, во-вторых, даже когда он появлялся на кафедре — он не говорил, а шептал что-то весьма несвязное, показывал нам маленькие гравюры на стали, изображавшие виды Палестины и других восточных стран — и все время ужасно конфузился. Мы все были убеждены (и едва ли мы ошибались), что он ничего не смыслит в истории — и что г. Гоголь-Яновский, наш профессор (он так именовался в расписании лекций), не имеет ничего общего с писателем Гоголем, уже известным нам как автор «Вечеров на Хуторе близ Диканьки». На выпускном эк-

ком случае, слишком строго, жестоко... Словом, она горячо заступалась за меня. «Но ведь вы не знаете, — доложил ей кто-то, — он в своей статье называет Гоголя великим человеком!» — «Не может быть!» — «Уверяю вас». — «А! в таком случае, я ничего не говорю: je regrette, mais je comprends qu'on ait du sevir <мне жаль, но я понимаю, что его следовало строго наказывать; фр.>». — Примеч. И. С. Тургенева.

замене из своего предмета он сидел, повязанный платком, якобы от зубной боли — с совершенно убитой физиономией — и не разевал рта. Спрашивал студентов за него профессор И. П. Шульгин. Как теперь вижу его худую, длинноносую фигуру с двумя высоко торчавшими — в виде ушей — концами черного шелкового платка. Нет сомнения, что он сам хорошо понимал весь комизм и всю неловкость своего положения: он в том же году подал в отставку. Это не помещало ему, однако, воскликнуть: «Непризнанный взошел я на кафедру — и непризнанный схожу с нее!»¹⁶ — Он был рожден для того, чтоб быть наставником своих современников: но только не с кафедры!¹⁷. <...>

«Письмо из Петербурга» впервые опубликовано: <Тургенев И. С.> Т. . . . . в. Письмо из Петербурга // Московские Ведомости. 1852. 13 марта. № 32. С. 328, с подписью: «24-го февраля 1852, С.-Петербург». («Письму из Петербурга» И. С. Тургенева предшествует в газете «Письмо к друзьям Гоголя» С. Т. Аксакова.)

Остальная часть воспоминаний впервые опубликована: Тургенев И. С. Литературные воспоминания. (Вместо вступления; I. Литературный вечер у П. А. Плетнева; II. Воспоминания о Белинском; III. Гоголь (Жуковский, Крылов, Лермонтов, Загоскин); IV. По поводу «Отцов и Детей») // Тургенев И. С. Соч. Издание братьев Салаевых. СПб., 1869. Ч. I. С. LXIX–LXXXI; см. также: Тургенев И. С. Литературные и житейские воспоминания. (Вместо вступления; I. Литературный вечер у П. А. Плетнева; II. Воспоминания о Белинском; III. Гоголь (Жуковский, Крылов, Лермонтов, Загоскин); IV. Поездка в Альбано и Фраскати. (Воспоминания об А. А. Иванове); <V>. По поводу «Отцов и Детей»; <VI>. Человек в серых очках. (Из воспоминаний 1848 года); <VII>. Наши послали. (Эпизод из истории июньских дней 1848 г. в Париже); <VIII>. Казнь Тропмана; <IX>. О соловьях; <X>. Пэгэз) // Тургенев И. С. Соч. М., 1880. Т. 1. С. 63–75.

Тексты печатаются по первым публикациям.

¹ Визит к Гоголю датируется И. С. Тургеневым ошибочно. На самом деле встреча состоялась в последних числах октября 1851 г. — спустя некоторое время после представления «Ревизора» в Малом театре в понедельник 22 октября. Сам Тургенев сообщает, что его визит к Гоголю состоялся спустя «неделю» после этой постановки, т. е. около понедельника 29 октября 1851 г. С другой стороны, Г. П. Данилевский 1 или 2 ноября 1851 г. был на вечере у С. П. Шевырева, где узнал о готовящемся авторском чтении «Ревизора» — о том, что Гоголь уже «предложил, по совету Щепкина, лично прочесть главные сцены этой комедии Шумскому, Самарину и другим артистам» (см. в наст. изд. статью Г. П. Данилевского «Знакомство с Гоголем»). Поскольку решение о чтении было принято Гоголем во время визита Тургенева, а к 1–2 ноября артисты уже были извещены об этом желании Гоголя, то, вероятно, встреча Гоголя с Тургеневым состоялась в последние пять–шесть дней октября 1851 г., то есть приблизительно с 26 по 31 октября.

² 22 октября 1851 г. Спустя год Г. П. Данилевский вспоминал: «Мы не можем <...> не вспомнить последнего представления “Ревизора” прошлой осенью в Москве, где нам удалось видеть первый дебют, в роли Хлестакова, г. Шумского. Гоголь, узнав об этом дебюте, был также в театре. Ложи, партер и до последней скамьи в райке, — все было полно снизу доверху. И надо было видеть, как шел “Ревизор” в этот вечер! Надо было видеть, какое впечатление на зрителей производили своею игрою Щепкин, Садовский — этот беспримерный Осип — и, наконец, Шумский! Даже и эти маленькие, хлопотливые и почти незаметные на петербургской сцене человечки, Добчинский и Бобчинский, производили удивительный эффект. Говорят, автор “Ревизора” в этот спектакль остался вполне доволен выполнением своей комедии. Он пожелал только сам прочесть роль Хлестакова Шумскому. По его приглашению, собрались к нему <5 ноября 1851 г.> все первые артисты московской сцены и некоторые из литераторов. Мы как теперь видим перед собою бледное лицо автора, исполненное глубокого юмора, и никогда не забудем впечатления, произведенного на нас этим чтением. Гоголь был великий актер. Никто лучше его не читал его собственных произведений; и после него может только читать их один Щепкин» (<Данилевский Г. П.> ** Хроника петербургских новостей и увеселений. Сентябрь 1852 // Современник. 1852. Т. 35. № 10 (цензурное разрешение 14 окт.). Отд. VI. С. 228–229; авторство установлено: <Суровщиков М. М.> Список сочинений Г. П. Данилевского с 1846-го по 1861-й год // Прибавление к Харьковским Губернским Ведомостям. 1861. 10 февр. № 16. С. 127). См. также в наст. изд. статью Г. П. Данилевского «Знакомство с Гоголем», примеч. 137 к «Истории нашего знакомства с Гоголем...» С. Т. Аксакова, коммент. к письму М. С. Щепкина к И. И. Сосницкому от 28 апреля 1836 г. и мемуары А. Т. Тарасенкова.

³ В период с 17 октября 1841 по 26 марта 1842 г., когда И. С. Тургенев и Гоголь одновременно находились в Москве. В то время Тургенев познакомился с К. С. Аксаковым и А. С. Хомяковым. В 1869 г. Тургенев вспоминал: «...С Константином Сергеевичем Аксаковым я познакомился в Москве зимою 1841-го года. Я только что вернулся из Берлина и был весь, так сказать, пропитан философией Гегеля, которую изучал в течение 3-х семестров... <...> В Москве существовало тогда несколько домов, в которых чуть ли не каждый вечер происходили словесные препинания о предметах важных... и ненужных; о предметах отвлеченных: философских и политических... <...> Покойный А. С. Хомяков играл роль первенствующую... <...> Чаадаев, тоже первоклассный корифей, держался в стороне, в некотором надменном отдалении. <...> Помню мое первое столкновение с самим великим Алексеем Степановичем... <...> О победе, разумеется, не могло быть и речи; но и позорного поражения я не потерпел. <...> Я <...> начал с тех пор раза три в неделю проводить вечера то у Х<овринных>, то у Е<лагиных>, то у С<вербеевых>, возвращаясь домой, часу в третьем ночи, в тупую болью в голове... <...> На одном из подобных вечеров я первый раз встретился с Константином Сергеевичем Аксаковым. <...> Впрочем, я в ту пору не сошелся с ним; поменялся с ним посещением — и только. Весной я уехал в Петербург. В Петербурге я познакомился с Белинским и со всем его кружком. <...> Все мои симпатии были на стороне Белинского... <...> ...Когда я опять очутился в Москве зимой 1851-го года, дом Аксаковых был закрыт для меня. — И между тем, именно в том году я снова сблизился не только с К. Аксаковым, но и всем его семейством» (*Тургенев И. С. <Семейство Аксаковых и славянофилы>*). (Публикация Н. П. Генераловой, А. Я. Звигильского, В. А. Кошелева) // Русская литература. 1995. № 4. С. 151–152).

⁴ Г. П. Данилевский в 1886 г. по поводу этих слов И. С. Тургенева замечал: «В описание И. С. Тургенева вкрались некоторые неверности, особенно в изображении Гоголя, на которого он в то время глядел, очевидно, глазами тогдашней, враждебной Гоголю и дружеской ему самому критики. Он не только в лице Гоголя усмотрел нечто хитрое, даже лисье, а под его «остриженными» усами — ряд «нехороших зубов», чего в действительности не было, но даже уверяет, будто в ту пору Гоголь «в своих произведениях рекомендовал хитрость и лукавство раба». Вечер чтения он, также ошибочно, отнес к 22 октября; оно, как удостоверенияют сохраненные у меня письма, было 5 ноября» (см. в наст. изд. статью Г. П. Данилевского «Знакомство с Гоголем»).

⁵ См. предшествующее примеч.

⁶ Извлечения из брошюры А. И. Герцена «О развитии революционных идей в России» (Париж, 1851; на фр. языке) были незадолго перед тем присланы Гоголю М. С. Скуридиным в письме от 13 сентября 1851 г.

⁷ Говоря о «неизлечимой ране», якобы полученной Гоголем вследствие неприязненного отношения светского общества к его «Выбранным местам из переписки с друзьями», И. С. Тургенев преувеличивает.

⁸ Вероятнее всего, Гоголь зачитывал И. С. Тургеневу строки из своей статьи «О преподавании всеобщей истории» в сборнике «Арабески» (1835). Впервые эта статья, под названием «План преподавания всеобщей истории», была напечатана в 1834 г. в № 2 «Журнала Министерства Народного Просвещения» С. С. Уварова, провозгласившего в своей деятельности на посту министра следование началам Православия, Самодержавия, Народности. «...Цель моя, — писал Гоголь в статье, — образовать сердца юных слушателей <...> чтобы <...> не изменили они своему долгу, своей Вере, своей благородной чести и своей клятве — быть верными Отечеству и Государю».

⁹ Лицо неустановленное.

¹⁰ 5 ноября 1851 г. Еще об одном публичном чтении Гоголем «Ревизора» в 1849–1851 гг. вспоминал актер Александр Александрович Стахович (1830–1913), познакомившийся с М. С. Щепкиным осенью 1848 г.: «“Ревизора” я видел в первый раз на сцене в 1846 г. <...> Первого актера, которого я увидел в роли городничего, был Сосницкий <...> а поразил меня и привел в восторг в этой роли М. С. Щепкин. <...> ...Щепкина я видел в первый раз в 1848 году... <...> Не буду сравнивать игру Щепкина и Садовского, оба играли городничего прекрасно, каждый в своем роде. Один только раз имел я счастье слышать, как читал городничего во 2-м действии и монолог к купцам в 5-м действии сам Н. В. Гоголь; я должен сознаться, что пред этим чтением померкла чудная игра обоих артистов» (*Стахович А. А. Ключки воспоминаний // Рампа и жизнь. 1909. 8 ноября. № 32. С. 744*); «Лучшие чтецы, которых я слышал, были: Гоголь, Садовский, Писемский, Островский (своих произведений) и Щепкин» (*Стахович А. А. Ключки воспоминаний. М., 1904. С. 55*).

¹¹ Имеется в виду Г. П. Данилевский. См. в наст. изд. его статью «Знакомство с Гоголем».

¹² С. В. Шумскому.

¹³ 24 февраля 1852 г.

¹⁴ Имеется в виду Е. М. Феокистов (см. в наст. изд. письмо И. С. Тургенева к Е. М. Феокистову от 26 февраля 1852 г. и коммент. к разделу *Гоголь в письмах Е. М. Феокистова к И. С. Тургеневу*).

¹⁵ Владимир Иванович Назимов (1802–1874), попечитель Московского учебного округа и председатель Московского цензурного комитета.

¹⁶ Искаженная цитата из письма Гоголя к М. П. Погодину от 6 декабря 1835 г.: «Неузнанный я взошел на кафедру и неузнанный схожу с нее».

¹⁷ По замечанию И. Я. Айзенштока, «при всей своей кажущейся несомненной убедительности воспоминания Тургенева не могут быть признаны вполне достоверными. <...> Подтекстом всего данного эпизода было для Тургенева противопоставление гениального художника Гоголя бездарному Гоголю-профессору, противопоставление, безусловно, целиком вытекавшее из литературно-политической борьбы вокруг Гоголя, которая в конце шестидесятых — начале семидесятых годов приобретала новую остроту и значимость. <...> В полемическом запале Тургенев привнес в свою характеристику Гоголя-профессора преувеличение и шарж, исказил историческую действительность. <...> Говорить всерьез о неявке Гоголя на лекции, после документальных материалов, опубликованных Н. И. Мордовченко (Н. И. Мордовченко. Гоголь в Петербургском университете (Неизданные письма Гоголя <к ректору Петербургского университета А. А. Дегурову> и документы о нем) // Уч. зап. ЛГУ, сер. филол. наук, вып. 3, 1939, стр. 356–359), в настоящее время невозможно» (Айзеншок И. Я. Н. В. Гоголь и Петербургский университет // Вестник Ленинградского гос. ун-та. Серия общественных наук. 1952. № 3. С. 25–26, 30–31).

Гоголь в письмах Е. М. Феокистова к И. С. Тургеневу

Е. М. Феокистов — И. С. Тургеневу

<25 февраля 1852. Москва>

Тургенев, сейчас получил Ваше письмо и думаю, что мое еще успеет попасть на почту. Благодаря Вас за письмо Ваше, — давно я не получал ничего милее этого¹. Но дело не в том — весь интерес теперь в Гоголе. Вчера мы похоронили его. Вся Москва решительно была на похоронах. Огромная университетская церковь не вмещала народу — кроме Назимова, Закревский² и пр. были в полных мундирах — также профессора, которые некоторое время несли гроб и передали его потом студентам и прочему народу. Гроб не дали ставить на колесницу и на руках донесли его до могилы в Даниловом монастыре, верных 6 верст. Я нес его до могилы и опускал в нее гроб. Пишу Вам эти подробности, потому что в них наиболее выразилось странное уважение к Гоголю. Когда тело его лежало в университете, церковь была отперта, и даже ночью приходил народ поклониться ему. Можно сказать, что вся Москва перебивалась у гроба. Он лежал в лавровом венке, а в руках был букет иммортелей. Я сорвал листок с венка и взял цветок иммортелей — на память. Теперь другие подробности. Как Вы полагаете, слухов об оставшихся сочинениях — бездна. Достоверно то, что он всё сжег. Но вчера единогласно говорили, что у гр<афа> Толстого, его главного друга, у которого он жил и умер, остался запечатанный пакет, который откроют чрез 6 недель. Что в нем — неизвестно. Достоверно известно только то, что 2-я часть «Мертвых душ» сожжена.

В последнее время Гоголь занимался огромным сочинением: «Толкование на литургию» — не оно ли осталось?

Чтоб дать Вам понятие об графе Толстом — вот его поступок: он не хотел Гоголя хоронить в университетской церкви, и, когда его перенесли туда, он отказался взять погребение на свой счет, говоря: «Если так, то пусть хоронит кто хочет» — и его хоронили на счет университета. Похороны, впрочем, были великолепные. Погодин не был тогда в Москве, а Шевыреву еще и теперь не говорят о смерти Гоголя, ибо он сам болен тифом. Но Аксаковы и Хомяков — великолепны; когда-нибудь Вы услышите об их похождениях. Много рассказывать! Теперь все спрашивают гоголевского мальчика³ о подробностях его жизни, но он, кажется, понял свое интересное положение и развивает в себе Хлестакова. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. М. Добровольского // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 743. Печатается по первой публикации.

Евгений Михайлович Феоктистов (1829–1898), литератор, выпускник Московского университета; впоследствии начальник Главного управления по делам печати. В апреле 1852 г. за содействие напечатанию в «Московских Ведомостях» письма И. С. Тургенева о смерти Гоголя Феоктистов был отдан под надзор полиции (Тургенев, после ареста, был выслан в свое имение). Тогда же Феоктистову было предписано «немедленно вступить в государственную службу», после чего он стал давать уроки в Александровском кадетском корпусе и поступил гувернером детей графини Ел. В. Салиас де Турнемир. Полицейский надзор за ним был снят 2 июня 1856 г. (см.: *Бельчиков Н. Ф.* К истории «Письма из С.-Петербурга о смерти Гоголя» // Документы по истории литературы и общественности. И. С. Тургенев. М.; П., 1923. Вып. 2. С. 162).

Ответное письмо И. С. Тургенева к Е. М. Феоктистову от 26 февраля 1852 г. (см. в наст. изд.) Феоктистов представлял в 1852 г. графу Закревскому в доказательство того, что, принимая участие в публикации «Письма из Петербурга» Тургенева, он не знал о запрещении этой статьи в Петербурге (Там же. С. 161).

¹ Письмо неизвестно.

² Арсений Андреевич Закревский (1783–1865), московский военный генерал-губернатор. См. также в наст. изд. письмо Н. Ф. Павлова к А. В. Веневитинову от 1 марта 1852 г.

³ Имеется в виду Семен Григорьев, крепостной мальчик Гоголя, бывший его слугою в 1848–1852 гг., когда Гоголь жил в Москве в доме графа А. П. Толстого на Никитском бульваре. После смерти Гоголя Семен был отправлен в Васильевку и отдан в услужение Н. П. Трушковскому, племяннику Гоголя. См. также в наст. изд. письмо М. И. Гоголь Н. П. Трушковскому от 30 января 1853 г.

Е. М. Феоктистов — И. С. Тургеневу

3 марта <1852>.

Милый Тургенев, завтра утром посылаю Вам по тяжелой почте литографированный здесь портрет Гоголя в гробу, очень изрядно сделанный. Продавался он здесь студентами в очень малом количестве. Я чувствую и знаю, как тяжела была для Вас особенно эта наша великая потеря, и потому не считаю лишним доставить Вам всё, что дает наималейшее воспоминание о Гоголе. Когда он лежал в гробу, то, как Вам известно, в руках его был букет иммортелей. Во время прощания около гроба сделалась просто драка. Всякий хотел не только проститься с ним, но и достать себе хоть ветку из его букета. Я достал одну ветку также, и вместе с портретом получите цветок с этой ветки.

Что сказать Вам? Тяжело и скучно. Очень заинтересовали в Вашем письме слова об обстоятельствах, которые Вас подготовили к смерти Гоголя. До сих пор мы тут не имеем и понятия об этих обстоятельствах <...>

Забыл совсем: когда я пишу к Вам, около меня лежит маска, снятая с мертвого Гоголя Рамазановым. Страшное сходство. Посылать в Петербург боюсь — расшибется, а к приезду Вашему приобрету для Вас.

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. М. Добровольского // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 744. Печатается по первой публикации.

Е. М. Феоктистов — И. С. Тургеневу

18 февраля 1853 г.

<...> Помните ли, что Гоголь сам говорил Вам о том, до какой степени надо выносить и вырастить в себе самом лицо, предполагаемое для изображения. <...>

Впервые опубликовано: Громов В. А. Гоголь и Тургенев // Тургеневский сборник. Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. Вып. 5. Л., 1969. С. 358. Печатается по первой публикации.

К. Н. Леонтьев

Тургенев в Москве
(Из моих воспоминаний)
1851—1861 гг.
Фрагмент

<...> Что касается до Гоголя, то в пору <...> свиданий наших с Тургеневым¹ он был еще жив; я знал, что он в Москве, но не имел ни малейшего даже желания видеть его или быть ему представленным, потому что за многое питал к нему почти личное нерасположение. Между прочим и за «Мертвые души», или, вернее сказать, за подавляющее, безнадежно прозаическое впечатление, которое произвела на меня эта «поэма». Положим, что безукоризненную и вескую художественность этого произведения я уже начинал сознавать; Белинский своими статьями и Георгиевский² своей изустной критикой утвердили меня в этом последнем понимании; но что ж мне было делать, если во мне неискоренимо было то живое эстетическое чувство, которое больше дорожит поэзией действительной жизни, чем художественным совершенством ее литературных отражений!

Ни карикатуры слишком жестокой, ни сатиры, ни комизма с ядовитым оттенком я никогда особенно не любил, а тогда, весь и за себя и за других пострадавший, я даже ненавидел все это — и Тургеневу пришлось напоминать мне о «Тарасе Бульбе», об очерке «Рим», о могучей поэзии повести «Вий», чтобы помирить меня с гением, которого последние и самые зрелые, но злые все-таки и сухие творения («Ревизора», «Игроки», «Мертвые души») почти заслонили от меня все эти другие восхитительные его повести; восхитительные не только по форме, но и по содержанию, по выбору авторского мировоззрения.

Тургенев повторил также одобрительно мнение Герцена о том, что «Гоголь бессознательный революционер», потому что он изображает русскую жизнь с самой пошлой, возмутительной точки зрения... Одобрял, впрочем, он Герцена (я это хорошо помню) — не в смысле политическом, не в смысле какого-нибудь прямого сочувствия или коренным реформам или народным восстаниям, а только в том смысле, что Герцен верно понял тот род влияния, который, между прочим, могут иметь сочинения Гоголя, независимо от собственной воли автора и неожиданно для его сознания³. Эта мысль совершенно для меня новая, изумили меня, но как-то неуверительно, она опять сделала только некоторый вред Гоголю в моем мнении и больше ничего... Я слишком многое любил в русской жизни; другой жизни никакой не знал тогда, — разве по книгам; слишком многое мне в этой окружающей меня русской жизни нравилось, чтобы я мог желать в то время каких-нибудь коренных перемен; я хотел только, чтобы помещики и чиновники были к простолудинам как можно добрее и больше ничего... <...>

Меня <...> еще долго продолжало гораздо больше интересовало то, что Гоголь лицом на какого-то неприятного полового похож, или то, — отчего это у него ни одна женщина в повестях на живую женщину не похожа... <...> А революционер ли Гоголь или нет — мне не до того было тогда! <...>

Впервые опубликовано: *Леонтьев К. Н.* Тургенев в Москве. (Из моих воспоминаний) // Русский Вестник. 1888. Март. С. 271–272, 274; см. также: *Леонтьев К.* Мои дела с Тургеневым и т. д. // *Леонтьев К.* Собр. соч. СПб., 1914. Т. 9. С. 107–108, 111; *Леонтьев К.* Страницы воспоминаний. СПб., 1922. С. 26–27. Печатается по первой публикации.

Константин Николаевич Леонтьев (1831–1891), писатель, критик, религиозный мыслитель, представитель позднего славянофильства.

¹ К. Н. Леонтьев познакомился с И. С. Тургеневым весной 1851 г.; встречался с ним также осенью того же года.

² Приятель К. Н. Леонтьева студент Алексей Георгиевский.

³ Спустя два года эта мысль была положена К. Н. Леонтьевым в основу критической оценки Гоголя в статье «Анализ, стиль и веяние. О романах гр. Л. Н. Толстого» (1890).

Из воспоминаний о жизни Гоголя в Москве в 1851—1852 гг.

Воспоминания С. М. Загоскина Фрагменты

<...> 8-е ноября <1851>, день его <М. Н. Загоскина> именин¹, прошло, конечно, без малейшего приема, но в этот день у него перебывало такое множество лиц с поздравлением, что составила большая груда визитных карточек, какой я еще никогда не видал в нашем доме. Подобное внимание приятелей и знакомых больного именинника очень тронуло его.

День этот остался мне хорошо памятным по следующему случаю: в то время как мы, т<о> е<сть> отец, братья с женами и я, сели обедать, раздался в передней звонок, и вслед за тем без доклада вошел в столовую человек средних лет, небольшого роста, худой, с длинными волосами и острым, крючковатым носом. Вид его был болезненный, угрюмый и мрачный. То был Николай Васильевич Гоголь. Поцеловавшись с отцом и кивнув нам головой, Гоголь отказался от сделанного ему приглашения с нами отобедать и сел около батюшки. Хотя я и прежде видал Николая Васильевича, но всегда издали, а потому был несказанно рад, что, наконец, судьба дала мне возможность насладиться лицемерием любимого мною писателя и послушать его умные речи... увы, на этот раз мне пришлось разочароваться!.. Гоголь смотрел исподлобья, упорно молчал, отвечая на все вопросы лишь словами: да и нет. Помолчав и просидев не более четверти часа, он встал, снова поцеловался с отцом, кивнул нам головой и удалился медленными шагами. Отец, очень любивший и уважавший Николая Васильевича, но давно не видавший его, нашел в нем большую перемену, как в физическом, так и в нравственном отношении и, вместе с тем, пришел к убеждению, что наш великий писатель несомненно должен быть серьезно болен. Это свидание Гоголя с моим отцом было последним в их жизни, так как отец никуда не выезжал, а Гоголь более не посещал его и скончался в феврале следующего года. <...>

21-го февраля Москва, с нею и вся Россия, были поражены и опечалены неожиданною кончиною Гоголя. Когда я сообщил эту горькую весть отцу, то он со слезами на глазах воскликнул: «я ожидал!», — и затем прибавил: «зная христианские чувства Гоголя, я не могу сказать: Господи! упокой душу раба Твоего Николая! — а скажу: раб Божий Николай, моли Бога о нас!». Если батюшка был такого высокого мнения о Гоголе-христианине, то, мне кажется, оно утвердилось в нем со времени появления в свет в печати «переписки Гоголя с его друзьями», в которой знаменитый писатель круто отрекся от всего, что составляло его земную славу и земное бессмертие. Отречение это в свое время послужило поводом к немалому переполоху среди публики и друзей Гоголя, объяснявших поступок его даже ненормальностью его рассудка.

Отец же признавал в этом отречении не что иное, как полнейший переворот в духовной жизни Николая Васильевича, внезапно сбросившего с себя «ветхого человека» и подчинившего все свои действия и помыслы истинно редкому среди людей евангельскому смирению². <...>

Впервые опубликовано: Воспоминания С. М. Загоскина // Исторический Вестник. 1900. Март. С. 929–930, 933–934. Печатается по первой публикации.

Сергей Михайлович Загоскин (1833–1897), младший сын М. Н. Загоскина.

¹ 8 ноября празднуется Собор Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных.

² «Есть предание <...> о необыкновенном восторге, вызванном “Перепискою с друзьями” в Загоскине, который говорил в 1847 г., что он готов нарочно поехать в Италию обнять автора» (*Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1897. Т. 4. С. 801).

Н. И. Перельгин

Из семейной хроники Фрагмент

<...> ...У меня <...> была богатая тетя, Антонина Ивановна, жившая в Москве, которая почему-то не любила меня, а всю привязанность отдала моему младшему брату. После смерти тетушки брат мой описал ее жизнь и свое пребывание у нее. Эти записки он прислал мне; они очень типичны, а потому я, с его согласия, представляю их вниманию читателя. Вот его записки.

«Моя тетя, Антонина Ивановна, была одной из самых элегантных дам сороковых годов прошлого столетия. Молодая вдова, лет двадцати семи, красавица собой, с прекрасными изящными манерами, блондинка, с черными жгучими глазами и гордою осанкой, она производила фурор на собраниях и балах... <...>

Антонина Ивановна жила в собственном хорошеньком особняке на Арбате. <...> Салоны ее посещались не одними великосветскими людьми, но и писателями, художниками и артистами, в числе которых бывали Гоголь, Загоскин, Скот<т>и, Рабус, Щепкин и другие. Я жил у тети и часто видал их; мне было тогда десять лет. Особенно сильное впечатление на меня: Тургенев — своей колоссальной фигурой и Гоголь — своим длинным носом и не то печальным, не то сосредоточенным лицом. Он редко оживлялся, а большей частью сидел молча, в сторонке от других. Тетя относилась к нему с большим уважением. <...> Раза два читал и Гоголь отрывки из своих сочинений; он читал превосходно и любил, чтобы его слушали со средоточенным вниманием, а потому, я помню, он во второй раз не закончил своего чтения, так как заметил, что двое из слушателей начали перешептываться между собою. Гоголь, ни слова не сказав, встал, сложил свою рукопись, раскланялся с тетей и, несмотря на ее просьбы, рассерженный, уехал домой. <...>»

Впервые опубликовано: *Перельгин Н. И.* Из семейной хроники // Исторический Вестник. 1903. Апрель. С. 36–37. Печатается по первой публикации.

Н. И. Перельгин, поэт.

И. А. Бунин

Из записей Фрагмент

Рассказ моего гувернера о Гоголе:

— Я его однажды видел. Это было в одном московском литературном доме. Когда мне его показали, я был так поражен, точно увидел что-то сверхъестественное. Подумать только: Гоголь! Я смотрел на него с неопишущей жадностью, но запомнил только то, что он стоял в толпе, тесно окружавшей его, что голова у него была как-то театрально закинута назад и что панталоны на нем были необыкновенно широки, а фрак очень узок. Он что-то говорил, и все его почтительно и внимательно слушали. Я же слышал только одну его фразу — очень закругленное изречение о законах фантастического в искусстве. Точно этой фразы не помню. Но смысл ее был таков, что, мол, можно писать о яблоне с золотыми яблоками, но не о грушах на вербе¹.

Печатается по изд.: Бунин И. А. Из записей // Собр. соч.: В 6 т. М., 1988. Т. 6. С. 557.

Иван Алексеевич Бунин (1870—1953), писатель.

¹ Возможно, Гоголь употребил в разговоре украинскую поговорку: «На верби груши, а на осичи кыслыци <на осиче яблоки> не растут» (Малороссийские поговорки и пословицы, собранные В. Н. С<мирницким>. Харьков, 1833. С. 14).

Молитва Гоголя

А. А. Третьяков

Молитва Гоголя

К Тебе, о Мать Пресвятая,
Дерзаю вознести мой глас,
Лице слезами омывая:
Услышь меня в сей скорбный час,
Прими теплейшие моления,
Мой дух от зол и бед избавь,
Пролей мне в сердце умиление,
На путь спасения наставь.
Да буду чужд своей я воли,
Готов для Бога все терпеть;
Будь мне покровом в горькой доле;
Не дай в печали умереть.
Ты всем прибежище несчастным,
За всех молитвенница нас,
О, защити, когда ужасный
Услышу судный Божий глас,
Когда раскроют вечность, время,
Глас трубный мертвых воскресит,
И книга совести все бремя
Грехов моих изобличит.
Стена Ты верных и ограда,
К Тебе молюся всей душой:
Спаси меня, моя отрада,
Умилосердись надо мной!

Сообщено мне иеромонахом Гефсиманского Скита, о. Исидором (Грузинским)¹, родом из с. Лыскова, брат которого был камердинером в доме гр. А. П. и А. Г. Толстых (на Никитском бульваре), где умер Гоголь.

Впервые опубликовано: Третьяков А. А. Молитва Гоголя // Русский Архив. 1897. № 8. С. 656. Печатается по первой публикации.

Приписываемая Гоголю молитва впервые была напечатана в 1894 г. (без имени Гоголя) в типографии Киево-Печерской лавры на отдельном листе большого формата (510 × 380; цензурное разрешение 8 октября 1894 г.) под названием «Песнь молитвенная ко Пресвятой Деве Марии Богородице» (обнаружено в следственном деле священномученика протоиерея Михаила Павловича Дьякова (1873—1937), настоятеля Казанской Кладбищенской церкви г. Щигры;

передано внуком о. М. П. Дьякова Михаилом Алексеевичем Дьяковым (1951—2010) в мемориальный музей «Дом Гоголя» в Москве). Без имени Гоголя эта молитва печаталась также в «Собрании листков для душеполезного чтения» (Благословение Свято-Афонского Ильинского скита. Одесса, 1896. № 66).

Известна фольклорная запись молитвы, сделанная в дер. Жильчиха Ветлужского р-на Нижегородской обл. от уроженки этой местности М. Д. Голубевой, 1911 г. рожд.:

Тебе, о Мать Пресвятая,
Держаю вознести свой глас.
Лицо слезами омываю,
Услышь меня в мой скорбный час.
И Ты, Отец чадолюбивый,
Мне руку помощи прости,
Проси венец мне у Владыки
И запись дел плохих сотри.

(История Ветлужского края. Историко-краеведческое издание. Урень, 1999. С. 179).

В 1917—1918 гг. молитва Гоголя была переписана страстотерпией Императрицей Александрой Феодоровной в ее записную тетрадь во время заточения царской семьи. Впервые эта тетрадь была опубликована в 1928 г. в эмиграции генерал-майором А. В. Сыробоарским в книге «Скорбная Памятка», которая была издана «В память святого труда Царственных Сестер Милосердия в дни Великой Войны» (Исповедь души Ея Величества перед Богом // Письма Святых Царственных Мучеников из заточения. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1998 (1-е изд. — Джорданвилль, Свято-Троицкий монастырь, 1974; под ред. Е. Е. Алферьева). С. 398—399).

Хорошо известна гоголевская стихотворная молитва среди православных верующих Польши. См., в частности, сборник молитв под названием «Богосланик», вышедший в 2001 г. 6-м изданием в Белостоке. Молитва помещена здесь без указания авторства Гоголя на русском языке и в польской транскрипции (Bohoŋasnik / Wydawca Bractwo Młodzieży Prawosławnej Diecezji Białoostocko-Gdańskiej. Wydanie VI. Białyostok, 2001. С. 60—62). См. также: *Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л.* «Гоголевская молитва» в народных литературах восточных славян // Н. В. Гоголь и славянские литературы / Отв. ред. Л. Н. Будагова / РАН. Ин-т славяноведения. М., 2012. С. 206—212.

Возможно, именно эту молитву имел в виду Гоголь под названием «Моя Молитва» в «Оглавлении <к сборнику стихотворений>», написанном в конце 1840-х или в начале 1850-х гг. Сходные стихотворные молитвы Гоголь мог многократно слышать в Риме, где их традиционно распевали в преддверии Рождества Христова пастухи-волынщики, так называемые «пифферари» (pifferari): «...Расхаживая попарно или группами по улицам Рима, они останавливаются перед каждым образом Мадонны <...> и <...> вообразите, что три или четыре недели сряду, по несколько раз в день, вы обязаны выслушать один и тот же мотив...» (*Бибиков М.* Выдержки из записной книжки туриста по Италии // *Москвитянин*. 1853. № 7. Отд. VIII. С. 115—116). «Вот песня пиффераров, переданная подстрочно: Ave Maria! Мы многогрешные, С горьким раскаяньем, С теплой молитвою, С плачем, рыданием, К чистым стопам Твоим, В прах повергаемся, Молим прощения, Во грехах каемся. Ave Maria! Дева небесная, Мать Искупителя, Будь Ты, — чистейшая, Будь нам заступницей У трона светлого Сына родимого, Судьи бесстрастного И справедливого» (Там же. С. 116—117).

¹ Иеромонах Гефсиманского скита Свято-Троицкой Сергиевой Лавры отец Исидор (в мире Иоанн Козин, или Грузинский); род. в имени князя Г. А. Грузинского в с. Лысково Макарьевского уезда Нижегородской губернии около 1814 г., ум. 4 февраля 1908 г.; бывший крепостной графа А. П. Толстого и графини А. Г. Толстой (рожд. княжны Грузинской). Некоторое время был келейником у преподобного Антония (Медведева), сводного брата графини Толстой. См. в наст. изд. примеч. 23 к <Воспоминаниям о Гоголе и его друзьях в альбоме А. О. Смирновой, предназначенном для ее сына Михаила>.

Молитва Гоголя

К Тебе, о Матерь Пресвятая!
Дерзаю вознести мой глас,
Лице слезами омывая:
Услышь меня в сей скорбный час,
Прими теплейшие моления,
Мой дух от зол и бед избавь,
Пролей мне в сердце умиление,
На путь спасения наставь.
Да буду чужд своей я воли,
Готов для Бога все терпеть;
Будь мне покровом в горькой доле —
Не дай в печали умереть.
Ты всем прибежище несчастным,
За всех Молитвенница нас,
О, защити, когда ужасный
Услышу судный Божий глас,
Когда раскроет вечность время,
Глас трубный мертвых воскресит,
И книга совести все бремя
Грехов моих изобличит.
Стена Ты верных и ограда,
К Тебе молюся всей душой:
Спаси меня, моя отрада,
Умилосердись надо мной!

Эта «Молитва», не помещенная в «Полном собрании сочинений Н. В. Гоголя» и потому почти совсем неизвестная русским читателям, имеет свою историю.

Среди Гефсиманского Скита, в девяностых годах прошлого столетия, был иеромонах о. Исидор (Грузинский), имевший брата, который состоял камердинером в доме гр. А. П. и А. Г. Толстых (на Никитском бульваре, ныне Катковых), где, как известно, жил в последние годы и скончался Гоголь. По списку, сообщенному названным иеромонахом, А. А. Третьяков, московский археолог, напечатал эту «Молитву» (Р<усский> А<рхив> 1897 г., кн. 8), но с несколькими неточностями. Теперь она появляется в более исправном виде.

Первые опубликовано: *К-ий*. Молитва Гоголя // Московские Ведомости. 1909. 20 марта. № 65. С. 1. Перепечатано: Молитва Гоголя // Русское Знамя. 1909. 30 апр. № 95. С. 2. Печатается по первой публикации.

Соль земли, то есть Сказание о жизни Старца Гефсиманского Скита
Иеромонаха Аввы Исидора, собранное и по порядку изложенное
недостойным сыном его духовным Павлом Флоренским
Фрагменты

ГЛАВА 2-ая,
в которой повествуется, как Старец встретил бы благочестивого читателя,
если бы этот последний побывал у Старца, когда пришел поклониться
святыням Гефсиманского Скита

<...> О. Исидор всегда скажет что-нибудь ободряющее. <...> Скажет какие-нибудь стихи религиозного содержания. <...> Упомянет о Н. В. Гоголе (брат о. Исидора был камердинером у графов Толстых и присутствовал при смерти Гоголя), которого о. Исидор весьма чтит, — главным образом, кажется, за усиленно распространяемые о. Исидором стихи:

«К тебе, о Мати Пресвятая,
держав вознести свой глас» и т. д.,

которые о. Исидор приписывает Гоголю. <...>

ГЛАВА 8-ая,
из которой чистосердечный читатель усмотрит, что великое смирение о Духе Святом
сочетается с великою независимостью

<...> Мысль о церковном единстве <...> была одною из наиболее заветных мыслей Старца. Однажды он написал даже письма об этой вещи Государю Александру III, Gladстону и Бисмарку. Письма были карандашом, еле-грамотны и, конечно, по-русски. Gladстону и Бисмарку Старец послал, кроме того, некоторые наши богослужебные книги и молитву к Божией Матери, составленную Н. В. Гоголем. Неизвестно, дошли ли посылки и письма, отправленные в иные страны, но известно то, что письмо к Государю дошло до Двора, и оттуда был прислан выговор в Скит. Впоследствии о. Исидор сам рассказывал неоднократно о своих подвигах и слегка смеялся над неожиданным исходом дела. Но он продолжал быть бесстрашным и независимым. <...>

ГЛАВА 13-ая,
из которой читатель узнает, чему учил Старец Исидор в своих беседах

<...> Иногда же он давал в руки гостю толстую книжицу — переложение псалмов на стихи, составленное каким-то слепым священником¹, и, обратив внимание на это последнее обстоятельство («слепой ведь!») просил почитать его — достаточно тяжеловесные — стихи вслух. Припоминалась в иные разы Державинская ода «Бог». Но чаще всего он с большой теплотой отзывался о Н. В. Гоголе и наизусть говорил составленную Гоголем стихотворную молитву к Пресвятой Богородице. Всякий раз, сперва произнесет быстро эпитафия: «Никто же притекаяй к Тебе, посрамлен от Тебя исходит, Пречистая Богородице Дево, но просит благодати и приемлет дарование к полезному прошению»². Затем же начинал и самую молитву:

«К тебе, о Мати Пресвятая,
дерзаю вознести свой глас» и т. д.¹

Эту молитву он почему-то очень любил. <...>

ПРИБАВЛЕНИЯ:

Листки, которые раздавал Отец Исидор

I

Молитва, составленная Гоголем к Пресвятой Богородице; молитву эту любил читать о. Исидор. Она не помещена в «*Полном собрании сочинений Н. В. Гоголя*», но со слов о. Исидора была напечатана в «*Русском Архиве*» 1899 г.¹¹, кн. 8, А. А. Третьяковым, и в «*Московских Ведомостях*», 1909, № 65, К—им. Отец же Исидор знал ее от своего брата, камердинера в доме гр. А. П. и А. Г. Толстых (Москва, Никитский бульвар, ныне дом Катковых), где жил в последние годы Гоголь.

«Никтоже притекай к Тебе,
посрамлен от Тебе исходит,
Пречистая Богородице Дево,
но просит благодати и приемлет
дарование к полезному прорешению».

К Тебе, о Матерь Пресвятая!
Дерзаю вознести мой глас,
Лице слезами омывая:
Услышь меня в сей скорбный час,
Прийми теплейшие моления,
Мой дух от бед и зол избавь,
Пролей мне в сердце умиление,
На путь спасения наставь.
Да буду чужд своей я воли,
Готов для Бога все терпеть.
Будь мне покровом в горькой доле —
Не дай в печали умереть.
Ты всем прибежище несчастных,
За всех молитвенница нас!
О, защити, когда ужасный
Услышим¹¹¹ судный Божий глас,
Когда закроет вечность время,
Глас трубный мертвых воскресит,
И книга совести все бремя
Грехов моих изобличит.

---

¹ Эти и другие молитвы будут помещены ниже, в Приложениях. — *Примеч. о. Павла Флоренского.*

¹¹ *Следует:* 1897

¹¹¹ Услышу. — *Примеч. о. Павла Флоренского.*

Стена Ты верным и ограда!
К Тебе молюся всей душой:
Спаси меня, моя отрада,
Умилосердись надо мной!

<...>

Впервые опубликовано: *Флоренский П., доц<ент>*. Соль земли, то есть Сказание о жизни старца Гефсиманского Скита Иеромонаха Аввы Исидора, собранное и по порядку изложенное недостойным сыном его духовным Павлом Флоренским // Христианин. Журнал церковно-общественной жизни, науки и литературы / Редактор Издатель, Ректор Моск<овской> Дух<овной> Академии Епископ Евдоким <Мещерский>. Сергиев Посад, 1908. Т. 3. Октябрь (цензурное разрешение: конец сентября — начало октября). С. 439–441 (Глава 2); Ноябрь (цензурное разрешение: конец октября — начало ноября). С. 642–643 (Глава 8); Христианин. 1909. Январь (цензурное разрешение 2 янв.). С. 199 (Глава 13); Май (цензурное разрешение 2 мая). С. 143–144 (Прибавления). Отдельным изданием книга была напечатана в 1909 г. издательством Свято-Троицкой Сергиевой Лавры; книга была переиздана в 1984 г. иждивением монастыря Св. Германа Аляскинского (Платина, Калифорния); см. также: Соль земли, то есть Сказание о жизни старца Гефсиманского Скита иеромонаха Аввы Исидора, собранное и по порядку изложенное недостойным сыном его духовным Павлом Флоренским // *Флоренский П. А.*, священник. Соч.: В 4 т. / Сост. и общ. ред. игумена Андроника (А. С. Трубачева), П. В. Флоренского, М. С. Трубачевой. М., 1994. Т. 1. С. 571–637 (приводимые в наст. изд. фрагменты см.: С. 576–577, 593, 610, 632). Печатается по первой публикации.

Иерей Павел Александрович Флоренский (1882–1937), богослов, философ, ученый, священномученик, расстрелян большевиками в 1937 г. Со старцем Гефсиманского скита Свято-Троицкой Сергиевой Лавры иеромонахом Исидором (Грузинским) о. Павел Флоренский познакомился во время учебы в Московской Духовной академии. В письме к матери от 8 ноября 1904 г. он сообщал: «Ходил навесить своего старца Исидора. Пошел к нему с недоумением, а вернулся легко и радостно, — с силами. Он — совсем простой, из бывших крепостных графа Толстого (не писателя), но понимает многое гораздо лучше ученых богословов, так что мысли, самые дорогие мне, с радостью выслушиваешь от него, — мысли, которые многие не понимают» (*Кравец С. Л.* Примечания // *Флоренский П. А.*, священник. Соч.: В 4 т. Т. 1. С. 751). До самой своей кончины старец Исидор наставлял о. Павла во время его учебы в Московской Духовной академии.

Почитателем старца Исидора был также преосвященный Евдоким (в мире Василий Иванович Мещерский, 1869–1935), редактор и издатель журнала «Христианин» (1907–1915), где печатались главы из книги о. Павла; в 1903–1909 гг. — ректор Московской Духовной академии; с 1904 г. — епископ Волоколамский, викарий Московской епархии; впоследствии один из руководителей обновленчества, бывший архиепископ Нижегородский (с 1919; в 1924 г. запрещен в служении).

¹ Имеется в виду «Псалтырь в стихах» (СПб., 1818) законоучителя Смольного института протоиерея Гавриила Абрамовича Пакатского (1756–1830).

² Богородичен 6-го гласа по тропаре святому.

Гоголь в воспоминаниях и письмах Свербеевых

Д. Н. Свербеев

Воспоминания о Петре Яковлевиче Чаадаеве Фрагмент

<...> ...Чаадаев сам заискивал знакомства с известными чем-либо иностранными путешественниками и заботился, чтобы их у него видели; не менее старался он сблизиться и с русскими литературными и другими знаменитостями. Я помню, как, давно уже, ленивый и необщительный Гоголь, еще до появления своих Мертвых Душ, приехал в одну среду вечером к Чаадаеву¹. Долго на это он не решался, сколько ни упрашивали общие приятели упрямого малоросса; наконец он приехал и, почти не обращая никакого внимания на хозяина и гостей, уселся в углу на покойное кресло, закрыл глаза, начал дремать и потом, прохрапев весь вечер, очнулся, пробормотал два-три слова в извинение и тут же уехал. Долго не мог забыть Чаадаев такого оригинального посещения, и конечно, оно вспомнилось ему при чтении Гоголя, а может быть, и при суждении о его произведениях². <...>

Впервые опубликовано: *Свербеев Д. Н.* Воспоминания о Петре Яковлевиче Чаадаеве // Русский Архив. 1868. Стб. 995; с подписью: «27-го апреля 1856-го года. Москва». Печатается по первой публикации.

Дмитрий Николаевич Свербеев (1799–1874), дипломат, мемуарист, хозяин московского литературного салона.

¹ Визит Гоголя к П. Я. Чаадаеву состоялся 12 февраля 1840 г. (см. в наст. изд. дневниковую запись А. И. Тургенева от этого числа).

² См. в наст. изд. письмо П. Я. Чаадаева к князю П. А. Вяземскому от середины марта 1847 – весны 1848 гг.

Из писем Д. Н. Свербеева

Д. Н. Свербеев — Н. М. Языкову

<2 января 1843>

Вчера на нашей пятнице¹ Аксаков отец прочел комедию Гоголя: «Игроки», — разумеется, между нами не было ни одного игрока. Должно ожидать огромного успеха на театре, но дело не обойдется без великой брани. Так было и теперь еще продолжается с толками о «Мертвых Душах». Если бы автор мог подслушать и собрать все различные суждения об этом гигантском творении; то, дав им личность и художественную форму, *скроил бы из них превосходную новую комедию-драму*. «Мертвые Души» не нравятся, во-первых, всем мертвым душам, в которых западное воспитание и западный образ жизни умертвили всякое русское чувство. Потом восстанут на него все Чичиковы и Ноздревы высшего и низшего разряда. Далее с ребяческим простодушием выходит на Гоголя Манилов, особенно Коробочка. Последние очень наивно говорят: «охота же была и сочинителю рассказывать такую дрянь, которая везде встречается ежедневно и что из этого прибыли?» Загоскины, Павловы и проч. не говорят совсем о «Мертвых Душах» и только презрительно улыбаются, когда услышат издалека одно название. Порядочными людьми принято впрочем не упоминать об этой поэме при наших повествователях, а то всякий

раз выходит какая-нибудь личность. Но все ждут второго тома, — друзья Гоголя с некоторым опасением, а завистники и порицатели, говоря: «посмотрим, как-то он тут вывернется».

Первые опубликовано: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1897. Т. 4. С. 104. Печатается по первой публикации.

Д. Н. Свербеев по женской линии приходился троюродным братом Н. М. Языкову.

Кроме писем Д. Н. Свербеева, собранных в наст. разделе, см. также его письмо к С. Т. Аксакову от 16 января 1847 г. о «Выбранных местах из переписки с друзьями» (послание было отправлено С. Т. Аксаковым Гоголю при письме от 27 января 1847 г.) в изд.: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1896. Т. 4. С. 519–523; *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 14. С. 93–96.

¹ 1 января 1843 г.

Д. Н. Свербеев — Е. А. Свербеевой

3 августа 1846 г.

<...> Предполагаю, что ты не найдешь необходимым сообщать кому бы то ни было вчерашние мои замечания на статью Гоголя, может быть так же сторяча написанные, как и эта статья¹. Зачем сердить друзей и недругов порицаниями того, что их восхищает? <...>

Первые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 685. Печатается по первой публикации.

Екатерина Александровна Свербеева (рожд. княжна Щербатова; 1808–1892), жена Д. Н. Свербеева.

¹ Замечания Д. Н. Свербеева на статью Гоголя об «Одиссее» неизвестны.

Д. Н. Свербеев — Е. А. Свербеевой

14 декабря <1851. Москва>.

<...> Сашу¹ возил я, по поручению матери, к Чаадаеву и Гоголю, которого они знают по Одессе. Гоголь удивил меня своей пронизательностью. Советовал Саше, когда он будет в Петербурге, еще более беречь здоровье, нежели деньги, а он таков, что может промотать и то и другое. <...>

Вчера был 1-й четверг у Кошелевых, вечер (мужской) не удался. Все приехали вразброд — одни так рано, Шевырев и Гоголь, что я уже их не застал, и Павлов приехал после меня. <...>

Первые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 742. Печатается по первой публикации.

В неизданном письме к жене от 24–25 декабря 1851 г. Свербеев также упомянул, что у него 21 декабря вечером были Гоголь и Скарятин (Владимир Дмитриевич), а также приехавший в этот день А. М. Языков (Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 742).

¹ Имеется в виду Александр Щербатов.

Д. Н. Свербеев — Е. А. Свербеевой

12 февраля 1852 г. <Москва>.

<...> Гоголь тоже болен. Я заходил к нему вчера с Языковым¹. Нас не приняли. Кошелев тоже. Этот говорит, что Гоголь и болен, и гоним, и тут же хандрит. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 747. Печатается по первой публикации.

¹ Подразумевается А. М. Языков.

Д. Н. Свербеев — Е. А. Свербеевой

26 февраля 1852 г. <Москва>.

<...> Ох, если б это была моя последняя весть тебе об утрагах этого времени! На беду нет! Ты еще лишилась человека, которого много любила и которого чтили все. Гоголя не стало! Я писал тебе слегка о его болезни¹. Долго я не верил этому: думаю, хандрит; да и в самом деле было что-то очень похожее. Я его встречал часто у Хомякова; казалось, был весел. Вдруг слышу — болен, не принимает никого. Я к нему заезжал два раза, в последний с Языковым². Он никого не пускал. Слышу, что после свидания³ с каким-то аскетом, священником из Тверской губ<ернии>⁴, Гоголь вдруг гоним на масленице и держит, как оказалось после, самый строжайший пост. — Потом, говорят, изнемогает он от самой скудной пищи; просто от голода, который производит в нем сильное ослабление и, наконец, воспаление в кишках. Большой противится всем убеждениям и не принимает никакого лекарства, не пьет даже бульона. Хомяков к нему вломился. Шевырева и Погодина он прогнал, Иноземцева тоже. Овер объявляет ему, что будет лечить его как сумасшедшего. Гоголь, говорят, начинает принимать лекарства, но было уже поздно; он умирает 21 февраля, в 8 часов утра.

Еще до кончины узнали, что за день или два он ночью⁵ тайно от всех сжигает все свои сочинения и тут же «Мертвые души»; после не осталось ни строки, кроме чужих к нему писем. Университет, — говорят, по предложению Грановского, — переносит на руках — сперва попечителя и профессоров, потом студентов — тело славного покойного в свою церковь, которая не запирается совсем до погребения его в Даниловом монастыре рядом с Языковым. Все приходят толпами проститься с великим писателем; друзья, приятели оплакивают и доброго человека. 3-го дня, 24 февраля, в воскресенье, похоронили его. <...>

К стыду и сожалению, наши общие приятели — Хомяков, Кошелев и другие, т. е. Самарин, Аксаковы, вздумали было оспаривать желание университета и настоятельно требовать, чтобы Гоголя отпевали в приходской церкви. По обыкновению, кричали, спорили, шумели, многих рассердили, тех, которые поумнее, насмешили, и не успели ни в чем. Решительно, их раздражение доходит до крайности и, к великому несчастью, вносится в общественную и частную жизнь. К несчастью, этот новый печальный случай лучше всего доказывает, что общение с ними невозможно. Я не спорю с Хомяковым, уважая его собственную скорбь⁶, вследствие которой он сделался еще раздражительнее и нелепее; но не могу простить другим, особливо Кошелеву, которого нарочно избегал все эти дни, а вчера, приглашая к себе, сказал Ольге Федоровне, чтобы она как-нибудь предупредила мужа не начинать со мной и при мне разговора о похоронах Гоголя, чтобы нам о том не спорить. Ты не можешь себе представить, какой невыгодный для себя произвели все они говор по городу; я только и прошу везде, где бываю, не вмешивать меня во все эти толки⁷. <...>

Первые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 746–747. Печатается по первой публикации.

¹ См. в наст. изд. письмо Д. Н. Свербеева к Е. А. Свербеевой от 12 февраля 1852 г.

² А. М. Языков.

³ 5 февраля 1852 г.

⁴ Имеется в виду протоиерей Матфей Константиновский.

⁵ С 11 на 12 февраля 1852 г.

⁶ Кончину жены А. С. Хомякова Е. М. Хомяковой.

⁷ См. в наст. изд. ответное письмо Е. А. Свербеевой от 5 марта 1852 г., а также письмо графа А. А. Закревского графу А. Ф. Орлову от 29 февраля 1852 г.; письмо А. С. Хомякова к А. Н. Попову от конца февраля 1852 г. и авторское примечание 1 к мемуарам А. Т. Тарасенкова «Последние дни жизни Николая Васильевича Гоголя».

Д. Н. Свербеев — Е. А. Свербеевой

29 февраля <1852. Москва>.

<...> Приятели наши, взволнованные своею неудачею похоронить Гоголя, как им хотелось, не вдруг успокоились и вздумали было новое средство сердить мнимую противную себе партию: дня четыре тому получил я вечером при Чижове подписку на памятник Гоголю¹ с надписью из псалма, изобретенного Хомяковым: «Возлюбих любящих Тя, возненавидех ненавидящих Тя»². Я тотчас отвечал, что не соглашаюсь с этой надписью, а потому не подписываюсь. Я отвечал, что готов участвовать в памятнике Гоголя как писателя, а не как христианина, тем более, что такая надпись придавала бы ему религиозное направление, ревностное не по разуму. Говорят, теперь они соглашаются изменить надпись³. <...> Самарин сильно горюет по Гоголе. <...> Ищут, ищут повсюду, нет ли где какого списка со 2-го тома «Мертвых душ», сожженных самим автором, и нигде не находят.

Пронесся слух, будто Гоголь отдал список вел<икой> кн<ягине> Ольге Николаевне или Жуковскому; об этом можешь узнать сама. Я списал для себя в художественном классе портрет Орлова⁴, теперь списывают для меня у Хомякова портрет Гоголя. <...>

Первые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. М. Добровольского // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 748. Печатается по первой публикации.

¹ См. также в наст. изд. письмо С. И. Астракова к Н. П. Огареву от 27 февраля 1852 г.

² Ср. 2 Цар. 19, 6; Пс. 138, 21.

³ На могиле Гоголя в Даниловом монастыре на каменном основании была положена трапедия из темно-серого камня, в головах — каменная Голгофа, на которой был водружен большой позолоченный крест. На памятнике было высечено несколько надписей. Одна из них: «Горьким словом моим посмеюся. Иеремия. гл. 20, ст. 8», — по свидетельству Н. В. Берга, была предложена Шевыревым (см. в наст. изд. письмо Н. В. Берга к В. В. Ганке от 11 июня 1852 г.).

«Могилу Гоголя <...> можно издалика заметить по возвышающемуся в головах ее ближе к сказанному зданию большому гладкому медному кресту. Последний укреплен на массивной неправильной формы каменной глыбе, имеющей 1 арш<ин> 10 вершк<ов> вышины и выкрашенной в черную краску. На передней части глыбы, под крестом, имеется небольшая отшлифованная площадь, на которой можно разобрать нижеследующее изречение, изображенное золотыми церковнославянскими буквами:

Ей, гряди, Господи Иисусе.

Апокалипс. ГЛ: КВ: СТ: К:

Перед этой глыбой на самой могиле лежит массивная, гладко отполированная черная каменная плита, под которой с левой (южной) стороны виднеется из-под земли серый скошенный по краю камень.

На верхней стороне плиты надпись золотыми печатными буквами гласит:

Здесь
погребено тело
Николая Васильевича
Гоголя.
Родился 19-го марта 1809 года,
скончался 21-го февраля 1852 года.

На боковой стороне (восточной) в ногах:

Горьким словом моим посмеюся.
Иеремия, гл. 20, ст. 8

На южной стороне:

Муж разумивый престол чувства.
Притчей, гл. 12, ст. 23
Правда возвышает язык.
Притчей, гл. 14, ст. 34

На северной стороне:

Истинным-же, оуста исполнит смеха,
оустне же их исповедания.
Иова, гл. 8, ст. 21.

Могила Гоголя, по-видимому, посещается многочисленными почитателями. Как верхняя часть плиты, так и особенно поверхность креста со всех его сторон и снизу доверху, а также и выступы неровной поверхности каменной глыбы и отшлифованной ее части исписаны <...> многочисленными фамилиями посетителей, различными изречениями и даже стихами. Большинство надписей сделано карандашом, но, к сожалению, крест и особенно отшлифованная часть глыбы, где имеется приведенная выше надпись золотыми буквами, безжалостно исцарапаны не в меру ретивыми поклонниками писателя.

Это — общая участь могил и памятников наших славных писателей и общественных деятелей» (Нижегородский Листок. 1895. 24 июля. № 195).

«К задней стороне памятника тесно примыкает другой — громадная необделанная глыба гранита, неправильной формы. На ней водружен высокий массивный крест из толстых медных пластин, спаянных в углах. На глыбе по вправленной в нее мраморной доске надпись: *Ей, гряди, Господи Иисусе* (Апок., гл. 22, ст. 20)» (Чествование памяти Н. В. Гоголя // Русское Слово. 1902. 22 февр. (7 марта). № 52. С. 2).

⁴ М. Ф. Орлов.

Д. Н. Свербеев — А. Н. Попову

12 марта 1852 г. <Москва>.

Елагина А. П. поручила мне исполнить за нее комиссию к Вам О. С. Аксаковой: к Вам доставят портрет Гоголя в 50 экз<емпляров> Мамонова. Продавайте его по 1 р<ублю> экз<емпляр> и деньги перешлите О. С. Аксаковой!. Прочтите в 5 № «Москвитянина» прекрасную ста-

тью Погодина «Кончина Гоголя»². В ней найдете Вы все подробности. Я не охотник до Михаила Петровича, но должен отдать справедливость этим двум-трем страницам. Они превосходны во всех отношениях.

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 752. Печатается по первой публикации.

¹ См. в наст. изд. письмо А. Н. Попова к С. Т. Аксакову от второй половины марта 1852 г.

² См. в наст. изд. 23 марта 1852 г. М. П. Погодин, в частности, писал князю П. А. Вяземскому: «Жестоко поразила нас всех смерть Гоголя. И вместе нельзя не удивляться судьбе русской словесности! Только что созреет человек, только что приготовится действовать — вдруг вихорь, Бог знает откуда, и вырывает его в самую лучшую его минуту. Меня не было в Москве: надо же было случиться, что именно на эту роковую неделю я должен был ехать по Высочайшему повелению в Суздаль. Посылаю вам страницы, облитые слезами» (Письма М. П. Погодина, С. П. Шевырева и М. А. Максимовича к князю П. А. Вяземскому 1825–1874 годов. (Из Остафьевского Архива). Изданы с предисловием и примечаниями Н. Барсукова. СПб., 1901. С. 46).

Д. Н. Свербеев

<Воспоминания о последних днях жизни Н. В. Гоголя>

Сам я об О<тце> Матвее узнал не мно<го>, да и то, <что> узнал о нем, было в моих глазах для него невыгодно, хотя Кирее<вский> и Шевырев с Погод<иным> его защищали. Он, как эти его доброхоты уверяли, подвергся в это время гонению Эпархи<ального> начальства за недонесение оному одного странного случая¹. К о<тцу> Матвею является однажды неизвестный ему прохожий, один из множества боголюбцев, и представляет какой-то ящик, а в нем чью-то, каким, не помню, именем названную², голову святого, просит до времени сохранить у себя и удаляется. О<тец> М<атвей>, поверив святости мощей, торжественно перенес этот, с головой святого, ящик с подобающей честью в свою, кажется, соборную г. Ржева церковь и немедленно, по требованию стекающейся обычно в этих случаях толпы, принялся новооткрытым мощам молебствовать. Но он забыл предварительно донести о том Архиепископу³, и его за подобную оплошность начали или пытались преследовать.

О<тец> Матвей появился в Москве вскоре по кончине Хомяковой⁴, которую похоронили все мы в Даниловом монастыре рядом с ее братом, поэтом Языковым; <З нрзб.> приступить <?> в [огромной] ограде этой обители. Немало насельников истлели с тех пор, как положили всеми исправно забытого ныне славянофила Юрия Венелина, который скоропостижно умер на квартире своего двоюр<одного> брата, доктора Мол<нрзб.>, в соседней Петропавловой больнице. 2<-го> положили с ним рядышком юношу Валуева, первомученика славянских надежд, потом поэта Языкова, сестру его Хомякову, потом Гоголя, а там и самого Хомякова. — Записываю эту небольшую черту Московской жизни, что<бы> знали и не забывали о ней новые доктринеры славянства.

Припоминаю, что приезд о<тца> Матфея в Москву был перед масленицей или на первых ее днях. Пронесся слух, что Гоголь начал или уже начинает говеть на первых ее днях. Мне передавали Оболенские это собственными словами Гоголя. Будто бы он болел, по собственным его словам, предавшись обычному разгулу и обжорству¹ этой широкой недели, и потому, чтобы

¹ Впрочем боязнь разгула и обжорства в Гоголе была напрасная и им на себя наклепан<н>ая. Он ничего почти не пивал и, будучи чрезвычайно мнителен насчет своего здоровья, воздерживался от малейших излишеств в пище на обедах, которые любил пожирать одним воображением. Пусть вспомнят <2 нрзб.> по его уверению, все его <4 нрзб.>. — Примеч. Д. Н. Свербеева.

не повредить благочестивому строю своему после бесед с О<тцом> Матвеем, предполагает заранее уединиться в молитве и упражнении в подвигах раскаяния и спасения⁵. Меня давно уже ничто не могло удивить в Гоголе после его «Переписки с друзьями», и весть о его свиданиях с Ржев<ским> свящ<енником> и с ним беседах, о его религиозном восторге, о его каких-то таинственных видениях, предчувствиях и т. д., принята мною была <1 нрзб.>. Я имел уже несчастье однажды в открове<нных> разговорах моих с глазу на глаз с Хомяковым предложить ему пари, что <2 нрзб.> Гоголь ранее трех лет либо совсем рехнется, либо умрет. Помню, Хо<мяков> пари не принял, но не совсем приличным моим предложением очень смутился и даже его почти не оспаривал. — Предчувствие мое сбылось гораздо ранее.

С первых чисел февраля друзья Гоголя толковали промеж себя, что Гоголь весь погрузился в себя, удалился ото всех, никого не посещал, никого не принимал, иначе как по докладу и под условием просидеть с ним не долее какого-нибудь получаса. Одни, как Х<омяков>, этому радовались, думая, что великий писатель трудится над 2<-м> т<омом> «Мертвых <душ>» и восторжествует после всеми таким признаваемого падения, споткнувшись на брошенный им же себе камень «Переписки с друзьями». Другие, скорее пессимисты, чем всегдашний оптимист Х<омяков> и паче всех обожавшая Гоголя восторж<енная> семья Аксаковых, за него перепугались и ни о чем другом, как о самозаклчении Гоголя, не говорили. Те и другие внушали мне навестить затворника. Я был допущен, с предупреждением от слуги пробыть недолго. Принял он меня ласково, посадил и через 2–3 минуты судорожно вскочил со своего стула, говоря, что ему давно уже нездоровится. Нашел я его каким-то странным, бледным и, судя по глазам, чем-то встревоженным и пламенеющим. — Я несколько подождал и от него вышел. Таким видел я его в последний раз¹ дней за 5 пред концом⁶. Одновременно с Гоголем тяжело заболел 80-летний Кн<язь> А. П. Оболенский, бывший в мое время П<опечителем> У<ниверситета>, родной дядя моей жены⁷. Он был нежнее и ласковее ко мне, чем к другим своим многочисленн<ым> родственникам. Я также крепко любил и уважал этого почтенного старца. Всю эту предсмертную неделю его жизни проводил я почти безвыходно в доме его на Рождественке и¹¹ очень мало знал о ходе болезни Гоголя, а между его друзьями толков о ней было много. Докторов, как и друзей, пускал он к себе редко. Болезнь его поддерживалась в нем предчувствиями, непреклонной волей отвергать всякое врачебное средство и, всего более, наложенным им на себя строжайшим постом для изнурения плоти. Он в продолжение всех мясопустных дней, будучи все время на ногах, не имел другой пищи, как одну просвиру в день, а вместо питья употреблял одно красное доброе вино. Само собой привело это его к констипациям⁸. Напрасно врачи и его приятели убеждали больного употреблять более правильную пищу. Они посылали даже к Митрополиту⁹ за разрешением для него поста с убеждением повиноваться советам врачей. То и другое от Владыки ему было передано, вместе с христианским архипастыр<ским> увещанием. Все однако было напрасно. М<ожет> б<ыть>, отзыв в «Совр<ременной> Лет<описи>» несправедлив, м<ожет> б<ыть>, Овер и предупреждал его, что он умрет, если будет противиться врачебной помощи. Но я решительно отрицаю, чтобы Овер, знаменитый Московс<кий> доктор с привычками европейскими, а не исключительно русскими, предложил ему лишь поставить клистир. Подобное предложение могло быть сделано Иноземцевым, который свято чтит всяких русских художников. О голосах-предвестниках смерти, которые будто бы уже слышал Гоголь, я тоже что-то припоминаю. О том же, что все его близкие толковали, что ему необходимо промывательное, вспоминаю теперь удивительный до смешного рассказ Шевырева, передаваемый им при мне Киреев<скому> и Х<омякову> тотчас после трагикомической сцены: «Пришел <к> Гоголю, насилиу добился, чтобы ему обо мне доложили. Он, убеждаемый слугой, согласился принять, но только на одну минуту. Взошел я к нему сильно взволнованный». — До какой степени перетревожен был Ш<евы-

¹ Далее было: за три-четыре<е>

¹¹ Далее было: редко доходила

рев>, мог он нам и не рассказывать, мы это видели. — «Бросился я перед ним на колени. Ник<олай> В<асильевич>, говорю, ради самого Бога, поставь клистир. — Вон, закричал он, — и я в одну мину<ту> вышел и пришел к вам с этой страшной вестью».

Покуда все это происходило на Никит<ском> б<ульваре> в доме Гр<афа> Толстого, куда съезжались осведомляться о больном по неск<ольку> раз в день не одни славянофилы, но и тогдашние западники, и [стоя] и в сенях и на дворе, не допускаясь к упорствующему против всех Гоголю, о чем с унынием рассуждали все, я безотлучно почти находился при моем больном Кн<язе> Оболенском и гршил, как в том теперь каюсь, не вполне <2 нрзб.> полагал опасения друзей преувеличенными и подозревал в самом болящем как бы желание пугать собой милых приятелей и быть предметом заботливой для <1 нрзб.> тревоги всех Московс<ких> литератур<ных> кружков. Мои предубеждения привели меня наконец к тому, что я на известия о близкой кончине поэта, когда сообщали мне их другие родственники умирающего старика Оболен<ского>, отвечал чуть не улыбкой, их успокоившей.

Наш добрый старец скончался за одни сутки перед смертью Гоголя¹⁰, и когда Лопухин с <1 нрзб.> упреком объявил мне о смерти Гоголя, мне было очень, очень грустно и еще более тяжело на душе и совести. С одной панихиды в то же утро 20 февра<ля> поехал я на другую. Тут я с большим горем узнал о сожжении автором его «Мер<твых> душ» и о последних подробностях. Из всего тут мне на все лады пересказанного я убедился, что Гоголь под сильным влиянием душевной болезни, которая во врачебной науке справедливо называется mania religiosa, сам уморил себя голодом. Питание одной просвиры в продолжение, м<ожет> б<ыть>, более недели было недостаточно для его организма. Запивание красным хорошим вином такой малой пищи остановило естественные отправления; слышанные им голоса и какое-то умоисступление увеличили физич<еские> причины воспаления, а потом и смерти. Были, однако, люди, которые считали его кончину каким-то чудом. — Слухам и рассказам о ней не было конца, общество взволновалось.

После похорон Оболенск<ого> многочисленной семьей, непритворно просто ею¹ оплаканного, перенес я искреннюю душевную мою горесть, увеличенную во мне сильнейшими упреками совести за мое неверие в болезнь и осуждение умершего в притворстве, к гробу поэта; но и тут встретило меня другое неожиданное смущение¹¹.

Два фрагмента: «С первых чисел февраля ~ дней за 5 пред концом»; и: «...очень мало знал о ходе болезни Гоголя ~ одно красное доброе вино», — впервые опубликованы: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация Л. М. Добровольского // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 750. Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 472. Оп. 1. Ед. хр. 20. 6 л.

¹ Об этом событии, случившемся 1 мая 1853 г., см. также в наст. изд. в воспоминаниях о Гоголе Е. Н. Бастамовой (рожд. Алмазовой) и в статье И. Л. Щеглова «Гоголь и о. Матвей Константиновский».

² Именем преподобного Саввы Московского.

³ Преосвященному Гавриилу (Розанову, 1781–1858), архиепископу Тверскому и Кашинскому с 1848 по 1857 г.

⁴ Умерла 26 января 1852 г.

⁵ Гоголь проводил отца Матфея во Ржев во вторник вечером 5 февраля 1852 г., на второй день масленицы.

⁶ Т. е. около 16 февраля 1852 г. До этого, 11 февраля 1852 г., Д. Н. Свербеев приходил к Гоголю с А. М. Языковым, но их не приняли (см. в наст. изд. письмо Д. Н. Свербеева к жене от 12 февраля 1852 г.).

⁷ Князь Андрей Петрович Оболенский (1869 — 19 февраля 1852) был старшим братом матери Е. А. Свербеевой (рожд. княжны Щербатовой), княгини Варвары Петровны Щербатовой (рожд. княжны Оболенской, 1774–1843), жены генерал-майора князя Александра Федоровича Щербатова (1772–1817).

¹ В автографе ошибочно: им

¹¹ Не дотисано.

В некрологе о князе Анд. П. Оболенском М. П. Погодин писал: «Непростительную вину принял бы на себя Москвитянин, если б не посвятил, хотя сколько-нибудь, слов в память о *Князе Андрее Петровиче Оболенском*. Отсутствие редактора было причиною их замедления, — по возвращении он думал о собрании нужных сведений, как появилась в Ведомостях прекрасная статья г. Свербеева <имеется в виду публикация: *Свербеев Д.* Некролог // Московские Ведомости. 1852. 22 марта. № 36. С. 369>. Собирать сведения оказалось теперь совершенно ненужным: ничего нельзя собрать и сказать вернее, лучше, к сердцу — успешнее. Мы украсим нашу летопись следующим отрывком из статьи: “Мирно скончался, исполненный дней, князь Андрей Петрович 19-го февраля 1852 года, на 83-м году своей доброй жизни. Болен он был недолго: дней пять, шесть — не более. <...> ...Семья <...> проводила его 22-го февраля до мирной Донской обители, опустила в могилу, засыпала землею. Крестьяне подмосковных сел князя отнесли туда на руках своего доброго помещика”» (*Погодин* > М. Московские известия // Москвитянин. 1852. № 7 (цензурное разрешение 1 апр.). Отд. VII. С. 114–116).

⁸ Constipatio (лат.) — запор.

⁹ Митрополиту Филарету.

¹⁰ 19 февраля 1852 г. Позднее, 12 марта 1852 г., Д. Н. Свербеев сообщал А. Н. Попову: «Вы знаете, что семья Оболенских лишилась своего патриарха доброго, честного, ласкового Кн<язя> Андрея Петровича, которого я уважал и любил почти как отца, так что с его кончиной, такого чувства, какое я имел к нему в продолжении целой 1/4 века, ничто уже во мне не заменит. Он также особенно пред другими мужьями своих род<ных> племянниц любил меня, и я, хоть и стыдно в этом признаваться, горько заплакал над могилой этого старика. Через день после его похорон простились мы здесь и с Гоголем. <...> Прочтите в № 5 “Москвитянина” прекрасную статью Погодина: Кончина Гоголя. В ней найдете Вы все подробности. Я не охотник до М<ихаила> П<етровича>, но должен отдать справедливость этим двум-трем страницам. Они превосходны во всех отношениях. Митя мой немного кашляет, как и все мы в Москве и не мог собраться написать» (цит. по машинописной копии: *РГАЛИ*. Ф. 472. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 2–3; отрывок письма, по той же копии, впервые опубликован: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 752).

Гоголь в письмах Е. А. Свербеевой (рожденной княжны Щербатовой)

Е. А. Свербеева — В. А. Жуковскому

3-е июня 1846. Москва.

<...> Панов¹ послал Вам через Вяземского изданный им «Московский литературный сборник», в котором участвуют Языков, Хомяков, Вяземский, Аксаковы, Самарин, Павловы, Шевырев и другие московские литераторы и ученые. Хорошо, если бы Вы могли подействовать на Гоголя и склонить его к участию в этом издании². Это дело трудное, и только Вы одни разве можете в нем успеть, не говоря ему, что мы Вас об этом просили.

Если Вы сами вздумаете откликнуться на серьезный призыв к Вам москвичей, Вы можете ко мне прислать, что Вы назначите для сборника. Я передам это в редакцию. <...>

Первые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 682. Печатается по первой публикации.

Екатерина Александровна Свербеева (1808–1892), дочь генерал-майора князя Александра Федоровича Щербатова (1772–1817) и княгини Варвары Петровны Щербатовой (рожд. княжны Оболенской, 1774–1843), жена Д. Н. Свербеева.

¹ В. А. Панов.

² См. в наст. изд. коммент. к письму Н. М. Языкова А. П. Елагиной от 15 октября 1846 г.

Е. А. Свербеева — А. Н. Попову

11 августа <1846. Москва>

<...> Языков вчера читал Ваше письмо. Ничего не понимает в той новой книге Гоголя, которая угрожает нам¹. Он от него получил письмо из Швальбаха от 22 июля, и он ему ни слова; но для меня, что он говорит о его «Самсоне», теперь поясняет, что Вы пишете, т. е. видится в этих словах это новое его сочинение². <...>

Не правда ли? Как Вы думаете? Сейчас только прочла это письмо. <...>

Первые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 685. Печатается по первой публикации.

¹ Речь идет о «Выбранных местах из переписки с друзьями». Судя по этому сообщению, о готовящемся издании книги Гоголя А. Н. Попову, находившемуся в Петербурге, стало известно спустя менее недели после того, как рукопись поступила на рассмотрение цензора А. В. Никитенко (см. в наст. изд. письма Я. К. Грота к П. А. Плетневу от 27 и от 31 июля 1846 г.).

² Е. А. Свербеева цитирует далее отзыв Гоголя в письме к Н. М. Языкову от 21 июля (н. ст.) 1846 г. о его стихотворении «Самсон».

Е. А. Свербеева — А. Н. Попову

15 августа 1846 г. <Москва>.

Спешу отвечать Вам. Не знаю, что ожидать нам от книги Гоголя¹: что-то странное. <...> Я не разглашу вестей о книге, скажу одному Языкову и Сергею Тимофеевичу и попрошу обоих не говорить другим. <...>

Первые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 686. Печатается по первой публикации.

¹ Имеются в виду «Выбранные места из переписки с друзьями». См. коммент. к предшествующему письму Е. А. Свербеевой к А. Н. Попову от 11 августа 1846 г.

Е. А. Свербеева — А. Н. Попову

24 сентября 1846 г.

<...> Очень жаль, что Вам не случилось видеть листы печатаемой книги Гоголя. Что-то мы в ней прочтем? <...>

Первые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 690. Печатается по первой публикации.

Письмо представляет собой ответ на послание А. Н. Попова из Петербурга от середины сентября 1846 г. (см. в наст. изд.).

Е. А. Свербеева — А. Н. Попову

22 января 1847 г.

<...> Здесь книга Гоголя занимает всех, все кричат, жестоко нападают на него. Каролина Карловна¹ в каком-то исступлении! Николай Филиппович² написал критику³ и нынче читает ее у Киреевского — он, который никогда не признавал таланта гениального Гоголя с жадностью бросился на эту книгу — прибирает эпитафии из «Тартюфа», хлопочет, кричит. Это отвратительно — признаюсь Вам, не могу я хладнокровно всё это выслушивать. Как жалки люди, как жадно ловят они всякую возможность осмеять, опорочить талант. Как гадко радуются возможности падения всякой знаменитости. Павлов от этого не вырастет ни на волос — что же за отвратительная суетливость. Жалкие люди! <...>

Первые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 701–702. Печатается по первой публикации.

¹ Павлова.

² Павлов.

³ Три «Письма к Гоголю» Н. Ф. Павлова о «Выбранных местах из переписки с друзьями» были опубликованы позднее в № 28, 38 и 46 «Московских ведомостей» за 1847 г. (от 6, 29 марта и от 17 апреля).

Е. А. Свербеева — А. Н. Попову

22 марта 1847 г.

<...> Получил Сергей Тимофеевич Аксаков славное письмо от Гоголя¹. Как я рада, что мы с Вами одни в нем не обманулись, не сомневаясь. Все другие отчаялись и жестоко поступали с ним — совсем не по-дружески. Позвольте мне послать Ваше письмо к нему о его книге — оно его утешит — дайте его напечатать². Павлов, своими громами вооруженный, для меня кажется очень сам напуган своим громким голосом и как будто стыдится, что заговорил или, лучше, выкрикнул так громко, а голосу-то и не хватит, мне кажется, у червячка. Пускай же и накажется за громадность своего предприятия. Хотел было поднять скалу на Гоголя, а скала рушится на нем, мне так это видится. <...>

Первые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 702. Печатается по первой публикации.

¹ Письмо от 6 марта (н. ст.) 1847 г. из Неаполя.

² Письмо неизвестно.

Е. А. Свербеева — С. П. Шевыреву

17 августа 1847 г.

<...> Хомяковы должны были быть в Остенде, куда и Гоголь поехал. Я, кажется, писала к Вам, что Гоголь был у Хомяковых в Эмсе, где жил с своей семьей и Жуковский. Гоголь, пишет Катерина Михайловна¹, похудел, но здоров. <...>

Первые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 703. Печатается по первой публикации.

¹ Хомякова.

Е. А. Свербеева — А. Н. Попову

7 декабря 1849 г.

Гоголя я очень давно не видала — уже с месяц. Им я очень довольна. Он хорош, спокоен душой, мирен со всеми. Весело смотреть на него. Он достоин себя — я радуюсь, глядя на него. Да, в нем душа лучше, может быть, нежели мы думали. Он больно умен — ум сам по себе; он, по моему, красивее душой, нежели умом, — она преобладает в нем, оттого-то он так и хорош. Мне весело на него смотреть — отдохнешь, когда на него посмотришь пристально: так много грустного вокруг нас, так устанешь, глядя на всех и каждого — легко на сердце станет, когда есть на кого взглянуть весело. Не такое ли впечатление сделал Гоголь на Вас? <...>

Первые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 723. Печатается по первой публикации.

Е. А. Свербеева — Д. Н. Свербееву

5/17 марта 1852 г.

<...> Кончина Гоголя меня более тронула и поразила¹; ты знаешь, как я любила его, он был добрым нам всем приятелем. <...> Я не имею слов сказать, что я чувствую. Бедная его мать и сестры!.. Гоголь наш! Мир ему! Славная его душа! Сколько добра он сделал мне, нынче летом ни разу не говорил он со мной, чтобы не дать мне добрый, строгий, любящий совет; не раз я помяну его и погорюю об нем. Итак, Москва приняла прах его, он любил Москву, помнишь, как он нам в последний раз говорил о Москве? Как же «Мертвые души»? Он сжег их! Не найдутся ли они где-нибудь? Это потеря большая. Давно виделось, что он близок <к смерти> <...> Летом еще я глядела на него, с беспокойством. Но жаль Гоголя, и ты это скажешь; как нам всем не сказать того же? Мир душе его! Теперь Данилов монастырь для нас всех дорог. <...> Его никто не мог понять. Бедная его мать! <...> Поцелуй детей, поцелуй Митю. Гоголь у него на рождение еще обедал у нас. <...> Невольно слезы льются из глаз моих, но это легче, нежели горе без слез. <...>

Первые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 747–748. Печатается по первой публикации.

Письмо представляет собой ответ на послание Д. Н. Свербеева к жене от 26 февраля 1852 г. (см. в наст. изд.).

¹ Более — чем смерть дяди, князя А. П. Оболенского.

Н. Д. Свербеев — К. С. Аксакову

2 апреля 1846 г.

Желая иметь некоторые биографические сведения о Гоголе, обращаюсь к Вам, почтенный Константин Сергеевич. Я полагаю, что никто лучше Вашей семьи не знает Гоголя, поэтому Вам будет весьма нетрудно решить следующие вопросы: 1-е. Место и год рождения Гоголя; 2-е. Воспитание и вступление в службу; 3-е. Род службы и путешествия за границу; наконец, 4-е. К какому времени относятся главные его сочинения? Чем скорее Вы решите сии вопросы, тем буду я Вам благодарнее¹.

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 682. Печатается по первой публикации.

Николай Дмитриевич Свербеев (1829–1860), сын Д. Н. и Е. А. Свербеевых, чиновник Главного управления Восточной Сибири.

¹ Цель запроса Н. Д. Свербеева не установлена; ответ К. С. Аксакова неизвестен.

А. Д. Свербеев

Мои воспоминания Фрагменты

23-е Марта 1916 года.

Приближаясь к концу дней моих и пригвожденный уже вторую зиму, если не к одру болезни, то к близкому к нему кабинету, вздумалось мне написать мои воспоминания о нашей семье Свербеевых и особенно о многих братьях и сестрах, покинувших нас для лучшего мира. <...>

Начинаю с самого обворожительного человека в нашей семье, старшего ее члена, брата моего Николая Дмитриевича¹. Рано оставил он свою семью (31 г<ода>), но оставил ее с такой обаятельной о себе памятью, что только можно удивляться, как несмотря на малое число прожитых им лет, он успел оставить о себе такую светлую память. (Родился он в 1829 году в Киеве.) Родители его особенно любили, а мы его братья и сестры им не только любовались, но усиленно искали постоянного с ним общения <...> Товарищи с ним по университету были с ним особенно близки и дружны и я с удовольствием вспоминаю все оживление последних двух комнат Кротковского дома в Москве, в нашем же коридоре, напротив детской, в кот<орой> жили мы, где жил наш общий любимец, первый студ<ент> Моск<овского> Унив<ерситета> из нашей семьи брат мой Николинька. В Московском светском обществе, где он был частым посетителем, а также среди нашего многочисленного родства он пользовался большой популярностью, был самым любимым гостем, ввел в наш дом много интересных своих товарищей, среди коих были, м<ежду> пр<очим>, замечательные певцы и образовался целый музыкальный хор, котор<ым> мы наслаждались по воскресеньям и слушателями коего были постоянно А. С. Хомяков, братья Аксаковы и Гоголь. <...>

...Брат Николинька поступил в Университет в 1846 году и кончил курс в 50-м на истор<ико>-филолог<ическом> факультете <...> Товарищами его были: А. П. Базилевский, П. А. Васильчиков, Граф Г. С. Строганов, И. И. Новиков и известный ученый Петр Алексеевич Бессонов, а также милый козак Червленной Ст<а>ницы Обл<асти> Войс<ка> Дон<ского> Александр Семенов, чаровавший нас постоянно своим дивным тенором. Все оживленные собрания студентов происходили на квартире моего брата и для нас, его маленьких соседей, они составляли любопытное и крайне приятное зрелище. Все эти милые студенты были нашими друзьями и так<им> образом началась наша связь с Москов<ским> Унив<ерситетом>, куда я поступил в 1852-м году, также 17-ти летним юношей. Вся эта молодежь, собиравшаяся у брата наверху в его комнатах, постоянно сходила вниз к моим родителям в их большие апартаменты и пользовалась их широким гостеприимством, знакомясь с обширным кругом родных и друзей. У нас собирались в то время так наз<ываемые> «славянофилы» и сходявшиеся с ними вначале дружелюбно так наз<ываемые> «западники». Среди них выделялись следующие: Хомяков, Аксаковы, Гоголь, Чижов, Кн<язь> Одоевский, Языковы, Киреевские, Мельгунов, а с другой стороны Чаадаев (троюр<одный> брат моей матери) и знаменитые Грановский и Соловьев и многие другие. По пятницам, для нас, маленьких, еще недоступных, собиралось у моих родителей самое лучшее по образованию и научному развитию. <...>

Кстати скажу о Гоголе. На воскресных собраниях, где пел наш хор студентов, он всегда сидел в стороне и мало разговаривал. Помню, отец мой, кот<орый> любил нас, детей, побранить и называл брата Володю и меня Добчинским и Бобчинским, а сестру Ольгу Бабусей, в один из таких воскресных вечеров подвел нас к Гоголю и представил под этими названиями. Разумеется, мы были страшно сконфужены, но, к удивлению нашему, Гоголь сконфузился еще больше и стал нас спрашивать, в какой гимназии мы учимся, когда как прекрасно знал, что нас никуда из дому не отдадут. Был он частый посетитель нашего дома и особенно часто бывал у моей матери в то лето², кот<орое> она провела с больной сестрой Варенькой в Петровском парке. Влиянию Гоголя мы были обязаны тем, что нас заставили поститься не только все посты, но и по сред<ам> и пятн<ицам>, за что мы его совсем не благословляли. До какой степени Гоголь менялся в своем обращении, когда он был вне многочисленного общества и особенно когда оставался один с нами, немногими слушателями, доказывает тот последний вечер, который он, за несколько недель¹ до своей смерти, провел у отца моего на Соб<ачьей> Площ<адке>. Слушателями были, кроме отца моего, один я и брат Владим<ир>. Гоголь был в особенном ударе и рассказывал нам самые смешные и забавные анекдоты, причем, пока мы разражались громким хохотом, оставался всегда серьезным и невозмутимым. После того я больше не видал его в живых, но стоял у его гроба среди многочисленных Моск<овских> студентов и огромной толпы т<ак> наз<ываемой> «всей Москвы», когда его отпевали в церкви Москов<ского> унив<ерситета>. <...>

Из Аксаковых мы особенно часто видали у родителей старшего брата Константина Сергеевича... <...> Особенно близок к семье Аксаковых был брат мой Николай Дмитр<иевич> и часто бывал у них в Москве и в подмосковном имении Абрамцеве, где часто встречался с Гоголем, подолгу жившим у Аксаковых. <...>

Брат мой Н<иколай> Д<митриевич> окончил курс в Моск<овском> Универ<ситете> весною 50-го года. В том же году, осенью, он по желанию родителей, отправился в далекую В<осточную> Сибирь на службу к Н. Н. Муравьеву³, впоследствии, после присоединения Амура ставшему Гр<афом> Амурским. <...>

В том же 56-м году, кажется, в ноябре месяце, вернулся брат мой Н<иколай> Д<митриевич> с женою в Москву к родителям, поселился во дворе <...> и прожил там зиму... <...>

Старшая сестра моя Варвара Дмитриевна (о ней упоминаю только мимоходом, чтобы сказать несколько слов о ее муже Л. И. Арнольди) была особенной любимицей нашей детской, в кот<орой> мы ее всегда приветствовали, как будто проглянул нам солнечный луч. Веселая, жизнерадостная, замечательно красивая, она радовала нас своим прекрасным голосом, когда распевала свои и наши любимые песни и романсы. 18-ти лет она появилась в так наз<ываемом> Моск<овском> свете и нашла несомненный успех благодаря своей красоте и веселому нраву. Позднее тяжелая болезнь приковала ее на долгое время к домашней жизни и только после заграничной поездки, куда ее повезла моя мать с двумя другими сестрами, она отдохнула от своего недуга и в 52-м году вернулась в свою семью и родную Московскую среду. В 1854 г. она вышла замуж за умного, красивого и нарядного Льва Ивановича Арнольди⁴, брата по матери известной при русском дворе и в литературном нашем обществе красавицы Алекс<андры> Иосиф<овны> Смирновой, друга Пушкина, Гоголя, Вяземского, Алексея Толстого и всех замечательных в то время поэтов и писателей, кот<орым> она много помогала, часто заступаясь за них перед строгим¹¹ Императором> Никол<аем> I. <...>

Вторая моя сестра Екатерина Дмитриевна была на два года старше меня и родилась в 1833 г. Лицом она была особенно некрасива, у нее был Свербеевский тип, белокурые волосы и большие голубые глаза. <...> Первую молодость Ек<атерина> Дмитр<иевна> провела спокой-

¹ недель *вписано вместо:* дней

¹¹ строгим *вписано вместо:* властным

но и не без веселья и радости, пока не заболела старшая сестра Варв<ара> Дмитр<иевна>. Тогда она себя совершенно посвятила уходу за ней, провела при ней лето в Петровском парке, где очень много видала Гоголя и стала его поклонницей. Осенью 51-го года, она вместе с 15-ти летнею сестрою Ольгою, матушкой и выздоравливающей Вар<варой> Дмитр<иевной> поехали на зиму в Дрезден, а весною в Париж и Италию, где провели лето в Сорренто. Все они вернулись в окт<ябре> 52-го в наш новый дом на Собачьей площадке и меня уже застали студ<ентом> I курса М<осковского> Унив<ерситета>. <...>

Отрывок впервые опубликован (по копии, хранящейся в *ИРЛИ*): Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация Л. М. Добровольского // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 723. Печатается по автографу: *РГАЛИ*. Ф. 472. Свербеевы. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 1, 3, 5–9, 16, 18, 20, 50.

Александр Дмитриевич Свербеев (1835–1917), сын Д. Н. Свербеева, сенатор, костромской вице-губернатор, сарматский губернатор.

¹ Н. Д. Свербеев.

² Вероятно, в мае — начале июня 1850 г. (до 13 числа) 1850 г.

³ Николай Николаевич Муравьев (1809–1881), граф Амурский (с 1858 г.), генерал-губернатор Восточной Сибири в 1847–1861 гг.

⁴ 24 ноября 1845 г. И. С. Аксаков, будучи в Калуге, писал родным об Л. И. Арнольди, что тот «в восторге от Константина, от Москвы, от всего направления. Так поразило его все это мысленное движение, добросовестные убеждения и забвение всех предрассудочных условий и понятий. Константин — по его словам — просто прелесть; он помнит все его слова, движения, жесты, в восхищении от его дара слова, от обилия мыслей, от энергии выражений. Разумеется, я еще пуше поддал жару, рассказав многое про Константина, и он нарочно хочет ехать в январе в Москву, чтоб познакомиться с ним поближе и заставить нас что-нибудь да делать» (*Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 221*).

Дневник Елисаветы Ивановны Поповой 1847—1852 гг. Фрагменты

<...> 1847 год. 9 января, четверг. <...> Приехав к Свербеевой, я взошла к ней, и она, почти не дав мне времени поклониться, вдруг спросила: «Знаете ли, что Иван Васильевич¹ получил письмо, что Авдотья Петровна² больна?» <...> «Знаете ли вы, — продолжали почти в один голос Катерина Александровна и Николенька³, — что, судя по новой книге Гоголя, видно, что он с ума сошел?» «Да, это может случиться, — отвечала я, почти сама не зная, о ком говорят. Николенька хотел непременно, чтобы я выслушала несколько замечаний на Гоголя, напечатанных в Отечественных Записках⁴, но для меня это было жестоким принуждением: я не знала, как дожидаться конца. <...>

20 января, понедельник. Катерина Александровна⁵ оставила меня обедать. Зная мои чувства, она велела накрыть стол для нас двоих в своем кабинете. Она прочла мне свое письмо к Гоголю⁶; оно писано от любящей и верующей души, и потому прекрасно. Она просила меня его поправить, но кроме некоторых неважных ошибок, мне хотелось сохранить прелесть душевной простоты и свободы ее писем к друзьям своим. Дмитрий Николаевич⁷ читал также мне два свои произведения: письмо к С. Т. Аксакову о Гоголе⁸ и письмо к дворянскому предводителю об определении самими дворянами отношений крестьян к первым. Слог и того и другого письма совершенно русской и потому приятен русскому уху, но письмо против Гоголя невыносимо: Катерина Александровна сказала, что оно ей не нравится, и мне также не понравилось. Я угадала ее чувства и вполне согласна с нею. <...>

1849 год. Июнь. 15 июня. <...> Вечером была у Хомяковых, где были, кроме любезных дам, Гоголь и Самарин [Ю. Ф.] <...>

Впервые опубликовано: Дневник Елисаветы Ивановны Поповой. Под ред. кн. Н. В. Голицына. СПб., 1911. С. 9–10, 13–14, 154. Печатается по первой публикации.

Елисавета Ивановна Попова (ум. в 1876 г.), дочь московского книгопродавца Ивана Васильевича Попова.

¹ Киреевский.

² Елагина, мать И. В. Киреевского.

³ Свербеевы.

⁴ В январском номере «Отечественных Записок» за 1847 г., в отделе «Библиографическая хроника» (с. 69–71), была напечатана заметка В. Н. Майкова (без подписи) о «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголя.

⁵ Свербеева.

⁶ От 20 января 1847 г.

⁷ Свербеев.

⁸ Письмо Д. Н. Свербеева к С. Т. Аксакову от 16 января 1847 г. было отправлено Гоголю Аксаковым 27 января 1847 г.

Из отзывов современников о Гоголе

Гоголь в дневниковых записях Г. Н. Геннади 1845—1856 гг.

24 июля <1845>. Местность чрезвычайно действует на расположение духа. Если живешь где-нибудь долго или постоянно, то непременно подвергаешься известному влиянию. <...> Гоголь в Мертвых душах, везде, где описывает усадьбу помещика, его дом и окольные строения, старается показать отношение между наружным видом имения и характером его хозяина. Это чрезвычайно оригинально и верно в применении к русской жизни. В самом деле, помещик степной, необразованный, каким он в разных личностях выведен на сцену Гоголем, строится без архитектора, а по своему плану и произволу, естественно его характер и образ мыслей¹; и это в большей или меньшей степени, смотря по обстоятельствам. Видно, что Гоголь много ездил по России, или уже по природному дару наблюдательности подметил эту черту русской жизни. В Европе это не так — там просвещение на все налагает печать однообразия, моды и пр. Там оригинальность должна быть искус<с>твенна, иначе она смешна. В наших помещичьих усадьбах, при многих общих чертах, есть яркие особенности. Но редко заметно притязание на оригинальность или искусственность, все образовалось по воле помещика и особенности являются потому, что различны характеры помещиков. Как сходно описание дома Плюшкина-скряги в Мертвых душах с нашим Юшинским¹ домом. Тот же образ построения: к одному корпусу все делала пристройки, да крыльца. Все для практических целей. Вот контур плана дома. <...>

Да, велик Гоголь, стократно велик в самых простых своих замечаниях и описаниях. Кажется, описать место, или строение нетрудно; всмотришься, да и пиши или вообрази себе живее, создай сам. Да не тут-то было. Кто как Гоголь подметит всякую особенность, иногда черту неуловимую для глаза простого человека ненаблюдательного? Кто сквозь стены помещичьего дома узнает так самого помещика как Гоголь. А есть люди, к<ото>рые называют описания его скучными и растянутыми. Для них теряется впечатление целого. Они читают только исчисление внешних предметов в его дивных описаниях. <...>

12 сент<ября> <1846>. <...> От чего у русского человека привычка говорить с запинками, перемежая речь разными приговорками, вставками и проч. — Почтмейстер в Мертвых душах Гоголя любил украшать речь, или, как гов<орит> Гоголь, уснащать речь множеством разных частиц. Но это уже другое дело. Не честь в русской простонародной молве неопределенные частицы де, мол, дескать, к<ото>рые часто вставляются в разговор, или слово «говорит», если передают чужое слово, слово того, к<ото>рое любил Акакий Акакиевич... «Доложи барину, пришел, мол, Степан староста, нужное, мол, дело», или «пришел *дискать* за делом», скажет мужик лакею барина, почесывая в затылке. — Помнится, Капитан Копейкин в М<ертвых> д<ушах>: Приходит он в комис<с>ию: ну это, говорят, зачем еще! ведь вам уже сказано. «Да что, *говорит*, я не могу, *говорит*, перебиваться кое-как». Что касается до частицы «де», к<ото>рая также употребляется при передаче чужих речей, то она старинного происхождения и часто встречается в актах, но в форме «ден»... <...>

<...> *Генваря 16. — 1855 года.* <...> Был у нас вчера толк и спор с Циммерманом² и Жемчужниковым о литераторах. Ц<иммерман> утверждал, что литераторы большею частью люди не-

¹ Не закончено.

хорошие, неблагородные, нехорошего сердца. Он отчасти прав, особенно относительно тех, которые в сочинениях выразили по преимуществу ум. Грибоедов, Лермонтов, даже Батюшков имели много дурного в характере. Про Батюшкова мне отец говорил, что он во время финляндского похода заслужил между офицерами известность сплетника. Он был чрезвычайно раздражителен и занят собою, ужасный *petit-maître* <?>. Отец его знал в Дрездене, правда уже перед его сумасшествием, недолго¹. — Пушкин также далеко не такая высокая, по сердцу и правилам, личность, как его выставили биографы. Про Гоголя нельзя заикнуться перед людьми, которые его уважают как писателя, но не знали его как человека. Если же допросить близких и знакомых, то окажется, что в нем не видно было той любви к человеку, которую критики полагают в основу его сатиры. Под конец жизни он стал святоша и сдружился с такими людьми, как Жуковский, Стурдза, Шевырев. — Жук<овский> как человек, кажется, безукоризнен, но как придворный... Из биографии Гоголя, из писем его, видно, что в нем было много поползновений идти по кривым путям жизни, а самолюбие в нем развилось до такой степени, что он наконец сам обрывался, как в Переписке с друзьями, которою он думал себе поставить пьедестал, но оказалось, что он в статуи не годится. — Мне отчасти грустно писать эти строки; но я, на сон грядущий, много думал об этом и едва ли не согласился с мыслию, что литературное ремесло портит человека. Можно разве исклчить поэтов и то немногих, которые кадят *одним музам*...

Примеры, которые я вижу в современном кружке литераторов, настолько, насколько я их знаю, меня еще больше убеждают в этой мысли... <...>

19 марта 1856. — *Гр<игорий> Петров<ич> Данилевский* <...> немножко, а иные говорят «и очень» хвастун и... врун. Он и письменно попадался. Напр<имер>, напечатал он о Гоголе статейку: *Хуторок близ Диканьки*^{II}, где описывает жительство Гоголя. Кулеш, издатель «Опыта биографии Гоголя», напечатал в «Отеч<ественных> Записках» поправки и доказательства, что тут многое наврано^{III}. Данилевский пронюхал об этой критике, до ее появления, и тотчас перепечатал статью свою в *Инвалиде* 1853, № 26, с *поправками*³. <...>

Апрель 1856. <...> Был у Н. И. Греча... <...> В разговоре, когда я заметил, что напрасно сравнен Гоголь с Поль-де-Коком, — Греч начал ругать Гоголя, что это человек был без религии, хотя и фанатик, без любви к добру, к истине, что видел только пошлое и дурное. «Поль-де-Кок выказал мерзавцев, волокит, шалунов, но все они *bon enfant*⁴, вы их любите и цель у него нравственная»... Усов⁵ выпустил мнение, что писатель должен представлять идеальное, возвышенное, а не то, что у нас перед глазами, что надо скрывать. Вот современники-то! Напали они также вдвоем на нынешние изображения мужиков, что дескать они неверны, разукрашены. Они того мнения, как и многие, что мужики наши, как и везде, скверны, грубы и мошенники... <...>

Публикуется впервые по автографу: *РНБ*. Ф. 178. Ед. хр. 7. Л. 31 об.–34, 63; Ф. 178. Ед. хр. 9. Л. 3–4, 7, 9.

Григорий Николаевич Геннади (1826–1880), библиограф.

¹ В Юшино, Смоленской губернии, Сычевского уезда, имени Г. Н. Геннади.

² Вероятно, Аким Константинович Циммерман (1817–1887), преподаватель юридических наук в Лицее князя Безбородко в Нежине в 1840–1859 гг.

³ Имеется в виду публикация: *Данилевский Г.* Хуторок близ Диканьки. (Родина Н. В. Гоголя) // *Русский Инвалид*. 1853. 1 февр., № 26. С. 101–105, с примечанием: «Статья эта напечатана в 124 № “Московских Ведомостей”. Теперь она предлагается, с поправками некоторых биографических подробностей, сделанными автором по указанию знающих людей. — *Редакция*». При повторном издании статьи Г. П. Данилевский действительно воспользовался

¹ недолго *вписано*.

^{II} Моск<овские> Вед<омости> 1852 № 124. — *Примеч. Г. Н. Геннади*.

^{III} наврано *вписано вместо*: не так

некоторыми (не всеми) из критических замечаний П. А. Кулиша, однако с его «критикой» он познакомился, отнюдь не «до ее появления», как полагал Г. Н. Геннади, а непосредственно по журнальной публикации (см. в наст. изд. коммент. к указанной статье Г. П. Данилевского).

⁴ Добрые малые (фр.).

⁵ Павел Степанович Усов (1828–1888), публицист,

Б. И. Ордынский — А. А. Краевскому

1846 года, августа 9.

<...> Мне было ужасно досадно прочесть в «Московских ведомостях» в конце июля статью Гоголя «Об «Одиссее», переводимой Жуковским». Нужно Вам сказать, что я Гоголя высоко ценю, много обязан его сочинениям, едва ли не больше чем... университету. И вдруг — читаю статью его, написанную с каким-то желчным, почти личным раздражением, унижающим Гоголя; с увлечением, непростительным в наше время, когда, по собственным словам его, устали и перестали очаровываться и разочаровываться; с увлечением, решительно обманчивым, но этого мало — с незнанием дела. Кто не знает греческой литературы и прочтет Гоголеву статью, подумает, что «Одиссея» выше всего в греческой литературе. Что же скажет Гоголь об «Илиаде», которую все, кто только ни читал «Илиаду» и «Одиссею», со времени существования их, ставят далеко выше «Одиссеи»? Гоголь даже, кажется, поставил «Илиаду» ниже «Одиссеи». По крайней мере, он ничего об ней не говорит, кроме следующих пространств слов: «Объем ее («Одиссеи») велик: «Илиада» пред нею — эпизод». Что хотел сказать этим Гоголь, право, не понимаю! «Илиада» и «Одиссея» так различны, что можно с таким же правом сказать, что «Одиссея» — эпизод «Илиады». Вообще об этой статье можно много толковать и о многом сомневаться. Но самое любопытное место — о самом Одиссее: что он «во всякую трудную и тяжелую минуту обращался к своему милому сердцу, еще и не подозревая, что сим внутренним обращением к себе он уже творил ту внутреннюю молитву Богу, которую в минуты бедствий совершает всякий человек, даже не имеющий никакого понятия о Боге»¹. На это можно заметить: 1) *милое* сердце по особенному свойству в гомерическом языке слова *φίλος* значит просто *свой*; так же говорится у Гомера *φίλαι χεῖρες* — свои руки. 2) Одиссею, человеку, еще древними прозванному *практическим*, вовсе нейдет такая нравственная настроенность духа. Такие обращения к милому сердцу в «Илиаде» и в «Одиссее» почти исключительно бывают у Одиссея, человека осторожного и *всегда* прежде начатия дела, особенно важного, раздумывающего с собою, так или иначе поступить ему. Есть места, в которых такие обращения к милому сердцу обнаруживают в Одиссее даже маленькую трусость <...> Слишком опрометчивы тоже слова Гоголя: «Как глупы немецкие умники, выдумавшие, будто Гомер — миф, а все творения его — народные песни и рапсодии!» <...>

О Гоголе я распространился потому, что только сегодня прочел его статью, и она меня сильно раскачала: я не мог удержаться, чтоб не передать Вам впечатления, которого мне некому здесь передать. <...>

Первые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 684–685. Печатается по первой публикации.

Борис Иванович Ордынский (1823–1861), писатель и переводчик; старший учитель греческого языка в Ярославской гимназии, впоследствии профессор греческой и римской словесности сначала в Казанском, потом в Харьковском университетах. Автор разборов перевода «Одиссеи» Жуковского, напечатанных в «Современнике» и «Отечественных записках».

¹ В одной из своих выписок раздела <50>. *Изречения из Св. Иоанна Златоуста* сборника «Выбранные места из творений св. Отцов и учителей Церкви» Гоголь следующим образом пересказывал слова святителя об Апостоле Павле:

«Павел, уставши от гонений, помолился Богу о прекращении их, не получил просимое, и гонения не прекращались; во-просил душу свою и услышал в ней голос Господа...». В источнике выписки слов: «вопросил душу свою и услышал в ней голос Господа», — нет (см. коммент. к выписке в изд.: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 9. С. 828).

Гоголь в письмах А. Н. Попова

А. Н. Попов — Е. А. Свербеевой

<Средина сентября 1846. Санкт-Петербург>

<...> Сочинение Гоголя¹ почти отпечатано и скоро выйдет; издатели хранят его в тайне и даже мне не показали ни одного печатного листа. <...> Одоевский совершенно рехнулся, с ним просто говорить нельзя, готовит исповедь своих убеждений, разумеется против нас, и напечатает ее в сборнике Белинского². Довольно трудно написать исповедь убеждений, ибо ему нечего исповедывать: он не грешен ни в каком убеждении. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 690. Печатается по первой публикации.

См. в наст. изд. ответное письмо Е. А. Свербеевой от 24 сентября 1846 г.

Александр Николаевич Попов (1821–1877), историк. Присутствовал на именинном обеде Гоголя 9 мая 1840 г. (см. в наст. изд. дневниковую запись А. И. Тургенева от того же числа). О встрече Гоголя с Поповым в Мюнхене 28 мая (н. ст.) 1843 г. см. в наст. изд. в примеч. 2 к письму Н. М. Языкова А. М. Языкову и П. М. Бестужевой от 7 июня (н. ст.) 1843 г.

¹ «Выбранные места из переписки с друзьями».

² Речь идет о несостоявшемся альманахе В. Г. Белинского «Левиафан». 14 января 1846 г. критик писал А. И. Герцену: «Альманах должен выйти к Пасхе...» (*Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 578); ему же, 20 марта 1846 г.: «Имя моему альманаху — “Левиафан”. Выйдет он осенью...» (Там же. Т. 9. С. 589). «Переход “Современника” в руки Некрасова и Панаева заставил Белинского передать весь полученный им для “Левиафана” материал в редакцию нового журнала» (Белинский в неизданной переписке современников (1834–1848) / Комментарий Н. Д. Эфрос // Лит. наследство. Т. 56. М., 1850. С. 178). О какой статье князя В. Ф. Одоевского идет речь в письме, не установлено.

А. Н. Попов — С. Т. Аксакову

<Вторая половина марта 1852. Санкт-Петербург>

Письма Вашего о Гоголе, которое очень хотел бы прочесть, я не получил, но получил неизвестно от кого 50 экземпляров портрета Гоголя¹ и несколько дней не знал, что с ними делать, пока не получил письма от Д. Н. Свербеева². Я продал все портреты и 50 руб<лей> сер<ебром> с сею почтою отправляю к Дмитрию Николаевичу³. О смерти Гоголя что могу сказать? Мне жаль его как человека, много страдавшего душевно, но сожалением вовсе не объясняется то чувство, которое испытываю, узнав о его кончине. Бывают в жизни каждого мгновения, в которые будто отрывается часть души, умирает одна из сил душевных и наступает тяжелое сознание внутренней пустоты. Пуст стал мир искусства на Руси без Гоголя, и кто сколько-нибудь способен чувствовать искусство, тот, конечно, и в себе самом не может не ощутить этой внутренней пустоты. Смерть Гоголя есть вместе с тем и смерть одной из лучших, по крайней мере утешительных, сил души в нас самих.

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 752. Печатается по первой публикации.

¹ Портреты были отправлены А. Н. Попову М. Г. Карташевской (см. в наст. изд. ее письмо к В. С. Аксаковой от 16 марта 1852 г.).

² См. в наст. изд. письмо Д. Н. Свербеева к А. Н. Попову от 12 марта 1852 г.

³ Свербееву.

В. И. Шенрок

<О карикатуре М. А. Неваховича «Шествие в храм славы»>

<...> По поводу упадка творчества Гоголя и чрезмерной медленности, с какой писался 2 том «Мертвых Душ», появилась в 1846 г. известная карикатура Неваховича «Шествие в храм славы» (См. «Ералаш», 1846, лист 24-й). <...>

Впервые опубликовано: Письма Н. В. Гоголя. Ред. В. И. Шенрока. СПб., <1901>. Т. 3. С. 155. Печатается по первой публикации.

Михаил Львович Невахович (1817 – 23 августа 1850), водевилист, художник-карикатурист, издатель журнала «Ералаш» (1846–1849).

Письмо неустановленного лица о «Выбранных местах из переписки с друзьями», сохранившееся в бумагах Гоголя

<Начало 1847. Москва>

Несколько дней в Москве, разумеется, в Москве литературной, говорят только о последнем сочинении Гоголя — Письмах к его приятелям; — я прочел это сочинение; надобно сознаться, что это любопытное произведение; критика Мертвых Душ замечательна и единственна в своем роде, два письма о Церкви Православной¹ исполнены вещей хороших (bonne choset!), но когда окончишь это чтение, неприятно устаешь, слышав человека, говорящего только о себе самом, все к себе относящего, и рассказывающего вещи, которые унижают достоинство человека и разрушают всю прелесть (sous charme), как самолюбие играет главную роль в этой исповеди, и как восторженность (exaltation) Гоголя кажется ненатуральной, спрашиваешь себя, не есть ли это исповедь больного? Одно время докажет нам, если автор в состоянии произвести что-либо после этого перерождения; или, если будучи рожден для высокого в тривиальном, он не отказался от призвания своего, сделав первый шаг для своего облагораживания (pour l'ennoblie), человек, может быть спасся, но сочинитель может быть потерян, что было бы очень жалко.

Публикуется впервые по переводу (с фр. яз.), рукопись которого хранится в рукописном фонде Гоголя РГБ: Ф. 74. К. 8. Ед. хр. 85.

¹ Статьи «Несколько слов о нашей Церкви и духовенстве» и «О том же».

П. Я. Чаадаев — князю П. А. Вяземскому

<Средина марта 1847 — весна 1848. Москва>

...Поговорим <...> о деле, и Вам и нам общем. У Вас, слышно, радуются книгою Гоголя¹; а у нас, напротив того, ею очень недовольны. Это, я думаю, происходит оттого, что мы более вашего были пристрастны к автору. Он нас немножко обманул, вот почему мы на него сердимся. Что касается до меня, то мне кажется, что всего любопытнее в этом случае не сам Гоголь, а то, что его таким сотворило, каким он теперь пред нами явился. Как вы хотите, чтоб в наше надменное время, напыщенное народною спесью, писатель даровитый, закуренный ладаном с ног до головы, не зазнался, чтоб голова у него не закружилась? Это просто невозможно. Мы нынче так довольны всем своим родным, домашним, так радуемся своим прошедшим, так потешаемся своим настоящим, так величаемся своим будущим, что чувство всеобщего самодовольства невольно переносится и к собственным нашим лицам. Коли народ русский лучше всех народов в мире, то, само собою разумеется, что и каждый даровитый русский человек лучше всех даровитых людей прочих народов. У народов, у которых народное чувство искони в обычае, где оно, так сказать, поневоле вышло из событий исторических, где оно в крови, где оно вещь пошлая, там оно, по этому самому, принадлежит толпе и ум высокий никакого действия иметь уже не может; у нас же слабость эта вдруг развернулась, наперекор всей нашей жизни, всех наших вековых понятий и привычек, так что всех застала врасплох, и умных и глупых: мудрено ли, что и люди, одаренные дарами необыкновенными, от нее дуреют! Стоит только посмотреть около себя, сейчас увидишь, как это народное чванство, нам доселе чуждое, вдруг изуродовало все лучшие умы наши, в каком самодовольном упоении они утопают, с тех пор, как совершили свой мнимый подвиг, как открыли свой новый мир ума и духа! Видно, не глубоко врезаны в душах наших заветы старины разумной; давно ли, повинувшись своенравной воле великого человека, нарушили мы их перед лицом всего мира, и вот вновь нарушаем, повинувшись, какому-то народному чувству, Бог весть откуда к нам занесенному!

Недостатки книги Гоголя принадлежат не ему, а тем, которые превозносят его до безумия, которые преклоняются пред ним, как пред высшим проявлением самобытного русского ума, которые ожидают от него какого-то преобразования русского слова, которые налагают на него чуть не всемирное значение, которые, наконец, навязали на него тот гордый, не сродный ему патриотизм, которым сами заражены, и таким образом задали ему задачу неразрешимую, задачу невозможного примирения добра со злом: достоинства же ее принадлежат ему самому. Смирение, насколько его есть в его книге, плод нового направления автора; гордость, в нем проявившаяся, привита ему его друзьями. Это он сам говорит, в письме к <князю> Львову, написанном по случаю этой книги². Разумеется, он родился не вовсе без гордости, но все-таки главная беда произошла от его поклонников. Я говорю в особенности о его московских поклонниках. Но знаете ли, откуда взялось у нас на Москве это безусловное поклонение даровитому писателю? Оно произошло оттого, что нам понадобился писатель, которого бы мы могли поставить наряду со всеми великанами духа человеческого, с Гомером, Дантом, Шекспиром, и выше всех иных писателей настоящего времени и прошлого³. Это странно, но это сущая правда. Этых поклонников я знаю коротко, я их люблю и уважаю, они люди умные, хорошие; но им надо во что бы то ни стало возвысить нашу скромную, богомольную Русь, над всеми народами в мире, им непременно захотелось себя и всех других уверить, что мы призваны быть какими-то наставниками народов. Вот и нашелся, на первый случай, такой крошечный наставник, вот они и стали ему про это твердить на разные голоса, и вслух и на ухо; а он, как простодушный, доверчивый поэт, им и поверил. К счастью его и к счастью русского слова, в нем таился, как я выше сказал, зародыш той самой гордости, которую в нем силились развить их хваления. Хвалениями их он пресыщался; но к самим этим людям он не питал ни малейшего уважения. Это можете видеть из этой его книги и выражается в его разговоре на каждом слове. От этого роди-

лось в нем какое-то тревожное чувство к самому себе, усиленное сначала болезненным его состоянием, а потом новым направлением, им принятым, быть может, как убежищем от преследующей его грусти, от тяжкого, неисполнимого урока, ему заданного современными причудами. Нет сомнения, что если б эти причуды не сбили его с толку, если б он продолжал идти своим путем, то достиг бы чудной высоты; но теперь, Бог знает, куда заведет его друзья, как вынесет он бремя их гордых ожиданий, неразумных внушений и неумеренных похвал!

У нас в Москве, между прочим, вообразили себе, что новым своим направлением обязан он так называемому Западу, стране, где он теперь пребывает, иезуитам. На этой счастливой мысли остановился наш замысловатый приятель в «Московских Ведомостях», и, вероятно, разовет ее в следующем письме с обычным своим остроумием⁴. Но иезуитство, как его разумеют эти господа, существует в сердце человеческом с тех пор, как существует род человеческий; за ним нечего ходить в чужбину; его найдем и около себя, и даже в тех самых людях, которые в нем укоряют бедного Гоголя. Оно состоит в том, чтобы пользоваться всеми возможными средствами для достижения своей цели; а это видано везде. — Для этого не только не нужно быть иезуитом, но и не надо верить в Бога; стоит только убедиться, что нам нужно прослыть или добрым христианином, или честным человеком, или чем-нибудь в этом роде. В Гоголе ничего нет подобного. Он слишком спесив, слишком бескорыстен, слишком откровенен, откровенен иногда даже до цинизма, одним словом, он слишком неловок, чтобы быть иезуитом. Некоторые из его порицателей особенно отличаются своею ловкостью, искусством промышлять всем, что ни попадет им под руки, и в этом отношении они совершенные иезуиты. Он больше ничего, как даровитый писатель, которого чрез меру возвеличили, который попал на новый путь и не знает, как с ним сладить. Но все-таки он тот же самый человек, каким мы его и прежде знали, и все-таки он, и в том болезненном состоянии души и тела, в котором находится, стократ выше всех своих порицателей — и когда захочет, то сокрушит их одним словом и разметет, как былые не-потребное.

<29 апреля 1847>

Эти строки были написаны до получения вашей книжечки⁵; с тех пор был я болен и не мог писать. Благодарю за присылку. — Не стану переначинать письма; а скажу вам в двух словах, как сумею, свое мнение о вашей статье. Вам, вероятно, известно, что на нее здесь очень гnevаются. Разумеется, в этом гневe я не участвую. Я уверен, что если вы не выставили всех недостатков книги, то это потому, что вам до них не было дела, что они и без того достаточно были выказаны другими. Вам, кажется, всего более хотелось показать ее важность в нравственном отношении и необходимость оборота, происшедшего в мыслях автора, и это, по моему мнению, вы исполнили прекрасно. Что теперь ни скажут о вашей статье, она останется в памяти читающих и мыслящих людей как самое честное слово, произнесенное об этой книге. Все, что ни было о ней сказано другими, преисполнено какою-то странною злобою против автора. Ему как будто не могут простить, что, веселивши нас столько времени своею умною шуткою, ему раз вздумалось поговорить с нами не смеясь, что с ним случилось то, что ежедневно случается в кругу обыкновенной жизни с людьми менее известными, и что он осмелился нам про это рассказать по вековечному обычаю писателей, питающих сознание своего значения. Позабывают, что писатель, и писатель столь известный, не частный человек, что скрыть ему свои новые, душевные чувства было невозможно и не должно; что он, не одним словом своим, но и всей своей душою, принадлежит тому народу, которому посвятил дар, свыше ему данный; позабывают, что при некоторых страницах слабых, а иных и даже грешных, в книге его находятся страницы красоты изумительной, полные правды беспредельной, страницы такие, что, читая их, радуешься и гордишься, что говоришь на том языке, на котором такие вещи говорят. Вы одни относитесь с любовью о книге и авторе: спасибо вам! День ото дня источник любви у нас более и более иссякает, по крайней мере в мире печатном: итак, спасибо вам еще раз! На меня находит

невыразимая грусть, когда вижу всю эту злобу, возникшую на любимого писателя, доставившего нам столько слезных радостей, за то только, что перестал нас тешить и, с чувством скорби и убеждения, исповедуется пред нами и старается, по силам, сказать нам доброе и поучительное слово. Все, что мне бы хотелось сказать вам на этот счет, вы отчасти уже сказали сами несравненно лучше, чем бы мне удалось тоже выразить, особенно на языке, которым так бессильно владею; но одно, о чем намекал уже в первых своих строках, кажется, упустили из виду, а именно высокомерный тон этих писем. Я уже сказал, какому влиянию его приписываю; но нельзя же, однако, и самого Гоголя в нем совершенно оправдать, особенно при том духовном стремлении, которое в книге его обнаруживается. Это вещь, по моему мнению, очень важная. Мы искони были люди смиренные и умы смиренные; так воспитала нас Церковь наша. Горе нам, если изменим ее мудрому ученью! Ему обязаны мы всеми лучшими народными свойствами своими, своим величием, всем тем, что отличает нас от прочих народов и творит судьбы наши. К сожалению, новое направление избраннейших умов наших именно к тому клонится, и нельзя не признаться, что и наш милый Гоголь, тот самый, который так резко нам высказал нашу грешную сторону, этому влиянию подчинился. Пути наши не те, по которым странствуют прочие народы; в свое время мы, конечно, достигнем всего благого, из чего бьется род человеческий; а может быть, руководимые святою верою нашею, и первые узрим цель, человечеству Богом предназначенную; но по сию пору мы еще столь мало содействовали к общему делу человеческому, смысл значения нашего в мире еще так глубоко таится в сокровениях Провидения, что безумно бы было нам величаться пред старшими братьями нашими. Они не лучше нас; но они опытнее нас. Ваша деловая петербургская жизнь заглушает вас; вам не все слышно, что гласится на земле русской. Прислушайтесь к глаголам нашим; они поведают вам дивные вещи. В первой половине статьи вашей вы сказали несколько умных слов о нашей новоизобретенной народности; но ни слова не упомянули о том, как мы невольно стремимся к искажению народного характера нашего. Помыслите об этом. Не поверите, до какой степени люди в краю нашем изменились с тех пор, как облеклись этой народною гордынею, неведомой боголюбивым отцам нашим. Вот что меня всего более поразило в книге Гоголя и чего вы, кажется, не заметили. Во всем прочем с вами заодно. Поклонитесь Тютчеву, княгине⁶ сердечный мой поклон; сыну вашему⁷ *une bonne poignee de main*⁸.

Басманная. 29 апреля 1847 г.

В 1853 г. Н. В. Сушков намеревался опубликовать настоящее письмо П. Я. Чаадаева в третьем томе сборника «Раут». (Здесь была напечатана статья Н. В. Сушкова «Обоз к потомству с книгами и рукописями»; см. в наст. изд.) Однако по докладу цензора И. М. Снегирева 4 сентября 1853 г. представлением Московского цензурного комитета от 7 сентября 1853 г. письмо П. Я. Чаадаева, вместе с письмом Ф. Ф. Вигеля к Гоголю от 18 февраля 1847 г., было расценено как содержащее «рассуждения о нашей народности, которые могут быть перетолкованы различным образом», и решением товарища министра народного просвещения А. С. Норова от 24 сентября 1853 г. запрещено (ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 329. Л. 59 об.—60; Ф. 31. Оп. 1. Д. 68. Л. 81—81 об., 79 об.). Впервые опубликовано: *Сушков Н. В.* Московский Университетский Благородный Пансион. М., 1858. Приложения. С. 26—29. См. также: Выдержки из старых бумаг Остафьевского Архива. Письма к кн. П. А. Вяземскому... с объяснениями кн. П. А. Вяземского // Русский Архив. 1866. № 7. Стб. 1082—1088; Вестник Европы. 1871. № 6. С. 335—340; Соч. и письма П. Я. Чаадаева / Под ред. М. Гершензона. М., 1913. Т. 1. С. 279—285; Письмо П. Я. Чаадаева Князю П. А. Вяземскому. (Из Остафьевского Архива Князей Вяземских) // Старина и Новизна. М., 1916. Кн. 20. С. 171—175. Печатается по изд. 1913 г.

Письмо П. Я. Чаадаева — запоздалый ответ на послание князя П. А. Вяземского от 6 января 1847 г. (см. в наст. изд.). Чаадаев, написав письмо, долго не отправлял его адресату, а тем временем давал списывать свое послание разным людям (см. в наст. изд. письмо Вяземского Чаадаеву от февраля 1848 г.).

¹ Речь идет о «Выбранных местах из переписки с друзьями».

² Имеется в виду письмо Гоголя к князю В. В. Львову от 20 марта (н. ст.) 1847 г. из Неаполя.

³ П. Я. Чаадаев подразумевает семью Аксаковых, и прежде всего поддержанную А. С. Хомяковым и Ю. Ф. Самаринным брошюру К. С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души» (М., 1842). Вызревание замысла статьи Аксакова относится к концу 1839 г. (см. в наст. изд. коммент. к письму В. Г. Белинского К. С. Аксакову от 19 января 1840 г. и коммент. к «Литературным воспоминаниям» И. И. Панаева). В тот же период, а именно, 12 февраля 1840 г., состоялся единственный визит Гоголя к Чаадаеву. Впечатления, полученные Чаадаевым от этого посещения (во все время визита Гоголь дремал), могли, по мнению Д. Н. Свербева, сказаться в суждениях Чаадаева о Гоголе: «Долго не мог забыть Чаадаев такого оригинального посещения, и конечно, оно вспомнилось ему при чтении Гоголя: а может быть, и при суждении о его произведениях» (см. в наст. изд. фрагмент из «Воспоминаний о Петре Яковлевиче Чаадаеве» Д. Н. Свербева).

В отношении Чаадаева к «Мертвым душам», очевидно, нашла отражение и история с публикацией в 1836 г. — в год выхода «Ревизора» — известной чаадаевской статьи «Философические письма к г-же ***. Письмо 1-ое» (первое из восьми писем). Письмо было напечатано в октябрьском номере журнала Н. И. Надеждина «Телескоп». В сравнении с шумным успехом гоголевской комедии (обличившей современные нравы) Чаадаеву казалось несправедливым, что за публикацию его «философического» письма (с критикой не только современности, но и самой русской истории — «истории наших предков») журнал был закрыт, Надеждин сослан в Усть-Сысольск (ныне — Сыктывкар), а сам Чаадаев объявлен сумасшедшим. Позднее в своей «Апологии сумасшедшего» (1837; опублик. в 1862) Чаадаев не без оскорбленного чувства — и с уверенностью в своем превосходстве — замечал: «...Капризы нашей публики удивительны. Вспомним, что вскоре после напечатания злополучной статьи <...> на нашей сцене была разыграна новая пьеса (на самом деле премьера «Ревизора» состоялась не «вскоре после», а за пять месяцев до появления статьи Чаадаева. — И. В.). И вот, никогда ни один народ не был так бичуем, никогда ни одну страну не волочили так в грязь, никогда не бросали в лицо публике столько грубой брани и, однако, никогда не достигалось более полного успеха. Неужели же серьезный ум, глубоко размышлявший о своей стране, ее истории и характере народа, должен быть осужден на молчание, потому что он не может устами скомороха высказать патриотическое чувство, которое его гнетет? Почему же мы так снисходительны к циническому уроку комедии и столь пугливы по отношению к строгому слову, проникающему в сущность явлений?» (Чаадаев П. Я. Статьи и письма / Вступ. ст. и коммент. Б. Н. Тарасова. М., 1987. С. 145).

⁴ Имеется в виду первая из трех статей, или «писем» Н. Ф. Павлова по поводу книги Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», напечатанных в № 28, 38, 46 «Московских Ведомостей» за 1847 г. (от 6, 29 марта и от 17 апреля) и в том же году перепечатанных в «Современнике» (№ 5, 8).

⁵ Имеется в виду статья князя П. А. Вяземского «Языков. — Гоголь», напечатанная в 1847 г. в № 90 и 91 «Санкт-Петербургских Ведомостей» (от 24 и 25 апреля) и, вероятно, присланная П. Я. Чаадаеву в виде отдельного оттиска (см. также в наст. изд. коммент. к разделу *Гоголь в письмах братьев В. А. и Н. А. Мухановых*). Фрагмент этой статьи Вяземского см. в наст. изд.

⁶ В. Ф. Вяземской.

⁷ П. П. Вяземскому.

⁸ Крепкое рукопожатие (*фр.*).

Дневник Николая Алексеевича Арбузова 1850—1852 гг.

<...> *Сентябрь. 1850. 1. Пятница.* <...> ...Вечеру я поехал в дилижансе по большой Петергофской дороге. — Наскучил мне Петербург...<...> Но куда ж идти? <...> Одно ожидает — ехать гостить к Полозовым, которые живут на Петергофской дороге...¹ <...>

2—14. <...> По вечерам производилось чтение, но русское. Я читал всей Полозовской компании — Пушкина и Гоголя. Были один вечер монахи у Полозова. Я читал Ревизора. *Отцы-пустытники* были восхищены этим². <...>

Октябрь 1850. 12 четв<ерг>, 13 пятн<ица>, 14 субб<ота>. Все эти дни, так сказать, — только обживался. Утром на службе³, вечером дома; обедал у своих. Один; брат Степа все в отсутствии. Развеселил только Шихматов⁴; пришел; беседовали; читали превосходное произве-

дение Гоголя — *Невский проспект*; рассуждали о женщине; пошли ужинать к Излеру⁵, и вернулся я домой, провожаемый Шихматовым, в час ночи⁶. <...>

Май 1851. 19–31. <...> Я провел с ним <Шихматовым> недавно весьма приятный вечер у меня в чтении неисчерпаемого Гоголя и Фауста. Гуляем с ним, и в последней прогулке один случай возбудил в нас совершенно равное ощущение. Мы шли по одному из грязных, немощенных переулков Коломны. Перегоняют нас какой-то фронт с писарем-лихачом. Последний, давая нам дорогу, — попал в грязь и запачкал свой новый сюртук, которым намерен, вероятно, щегольнуть все лето. «Ах, чорт побери, замарали», — сказал он, выпрыгивая снова на деревянный тротуар к своему товарищу и желая скрыть досаду.

Как узнали мы потом, этот человек возбудил в нас обоих какую-то жалость, жалость которая стесняет грудь.

Вспомнили мы при этом случае о Гоголе, который так метко схватывает подобные тайные обстоятельства, облекая их в свой неподражаемый юмор!..⁷ <...>

Июль 1851. 7 суббота. Редкий день наделял меня такими восторгами, как этот. Я был совершенно обьят чистым, радостным порывом души за чтением Гоголевой статьи о русских поэтах и за чтением стихов Языкова, который, за исключением некоторых стихотворений, слышанных мною от Шихматова, совершенно для меня нов. Его стихи столько заключили силы, размашистого, русского буйства, столько исполненной мощи молодости, столько мужественно выраженных юношеских стремлений, что нельзя не прийти в восторг от них!..

Потом напал я на статью Гоголя о русских поэтах, про которых Гоголь говорит с такой любовью и увлекательностью, что я вообразил себя в среде их, наших драгоценных литераторов. Я полюбил еще больше этих давнишних знакомцев, увы, заочных, и прослезился над воспоминаниями о них.

И как бы был обрадован и утешен, когда напал на отзывы Гоголя о том самом Языкове, который восхитил меня утром, которому я даже написал несколько строк в моем восторге и из стихов которого некоторые места заучил наизусть.

Гоголь восторженно отзываясь об этом поэте, и меня не менее обрадовало то, что стихи, особенно поразившие меня в Языкове и которые я заучил, — нашел я выписанными и у Гоголя. — Пушкин прослезился над посланием Языкова к Давыдову⁸; Гоголь говорит, что первый раз тогда видел он слезы на лице Пушкина. Он выписал также слова, сказанные Пушкиным, когда первый раз увидел он издание стихотворений Языкова. «Зачем, — сказал он с досадою, — назвал он это: Стихотворения Языкова; надобно бы просто назвать это: Хмель; человек с обыкновенными силами ничего подобного не сделает; для этого потребно буйство сил».

Все это меня взволновало, расшевелило.

Я долго не мог опомниться от этого.

С другой стороны неприятно задумался над двумя обстоятельствами. Гоголь писал многое в этой книге¹ под влиянием болезненного состояния; он хандрит и ханжит иногда несносным образом и тем более досадно это слушать, что знаешь, он теперь опять на старой дороге. Во многом я с ним был не согласен.

Другое; задумался я над самим собою; как далек я от поэта, от такого, какого ныне ожидаем! Неужели все надежды мои, все, все, все «дары поэзии святы» — все было обманом?

Страшно!..⁹<...>

Июль 1851. 16, понедельник. С нетерпением ожидал я этого дня, дабы видеть солнечное затмение. Для наших астрономов это праздник. Во многих местах России оно полное. К сожалению, затмение у нас было видно только при исходе и весьма слабо. — Однако все смотрели, во-

¹ Выбранные места из Переписки с друзьями. — *Примеч. Н. А. Арбузова.*

руженные закопченными стеклами. Через 35 лет будет полное затмение в Москве. Увижу ли я его?!...¹⁰ <...>

Август 1851. 5–9. <...> Читаю и немного, очень немного занимаюсь. Читаю же Библию, Гоголя, а именно его статью о Существо Русской поэзии и, наконец, все того же разгульного, светлого Языкова. — Вчера, 8-го числа утром, приехал к нам в гости брат отца моего Дмитрий Николаевич, с женою и малым сыном. Это тот самый Дмитрий Николаевич, у которого в Киеве живет брат мой Степа. <...>

Ужасно тяжело было мне вечером после разговора с дядей Дмитрием Николаевичем о ходе дел и вообще о состоянии России. Редко могут из глаз моих выдаться слезы искреннее и горьче тех, которые пролил, возвратясь к себе в комнату после этого разговора, пролил над Россиею, которую люблю и за которую отдал бы все, что властен только дать, если бы мог этим жертвоуованием вывести ее из состояния ее жалкого, пошлого!..

Было время, я кричал: «все худо, все нестерпимо несправедливо в России!» — я не чувствовал ничего, что делается внутри моей необъятной родины, ничего не заставляло меня ее не любить, кроме одного только подражания школьным вольнодумцам. Но я заплатил дань ребячеству... <...> Теперь другое дело; теперь я многое узнал, во многое более или менее вник, многое услышал и вычитал и выведаль, и чем более я привязывался любовью к России, тем более сокрушался; и признав за глупость прежние восклицания в хулу ее, — только в тиши, в тайне болел и скорбел над ней душою! <...> ...Причину всего зла — страшное ярмо индивидуальности Монарха с необразованно-чванными своими вельможами!

Страшно заглянуть в омут гражданского управления... <...> Это притон всего подлого, что только может зародиться в бедной душе человека... И это христианская земля, та земля, о которой кричат: «здесь сохранилось настоящее учение Христово!» <...> Ужасно быть патриотом; дорого стоит любить тебя, Россия! <...>

Тяжело было на душе после этого разговора. Я хотел чем-нибудь утешиться и взял Гоголеву статью о нашей поэзии и поэтах наших. Я кончил эту статью. Действительно, утешительно подействовало на меня это чтение. И вы, великие люди, и вы, наши поэты, — вы сами плакали над нашею Русью! Пусть смеются, пускай хохочет партер при разыгрывании «Горя от ума» — оно было писано со слезами! То самое относится и к «Мертвым душам» и к «Шинели» и к «Запискам Сумасшедшего» Гоголя!

Боже! если не Ты правишь всем — что же такое это все и чем это все кончится!¹¹? <...>

Август. 1851. 10–15. <...> На днях кончил я также книгу Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». — Разнообразные впечатления оставило во мне это последнее произведение нашего великого юмориста. Но большею частью впечатления были тяжело-грустными. Все, что написано им до тяжкой болезни, поколебавшей его в основании, свежо и занимательно, и все это читал я с удовольствием, особенно статьи «О лиризме наших поэтов» и «В чем же наконец состоит существо русской поэзии».

Так хорошо разбирает он наших поэтов, с такою любовью к ним вспоминает он каждого и так сильно заставляет сочувствовать этим русским талантам. Не читал, пожирал я эти строки. И долго, долго, окончив их, думал о нашей Поэзии и ее представителях!

Но статьи, на которых лежит печать тяжелой болезни автора, по-моему, — несносны. Религиозность, пробужденная опасностью умереть, доходит до какого-то монашеского пустословия, особенно в статье «о нашем духовенстве». Гоголь религиозен и в статьях, до болезни писанных, но та религиозность разумная, утешительная, тогда как в другом месте она утончена до мистицизма.

К чему это предисловие и замечание!¹²? Как ужасно тяжело и как напрасно читать их!

Словом, кроме некоторых статей, не полюбилось мне чтение Гоголевой переписки, и слух, носившийся об авторе, будто бы он с ума сошел, не без основания!¹³. <...>

Август. 1851. 18–23. <...> ...Это время в особенности нападаю часто на разговоры о России, и крайне приходится мне, слезно сожалеть о многом. Да, Россия еще спит, или, лучше сказать,

что впрочем едва ли не хуже для нее, она находится в том положении, когда проснешься внезапно и некоторое время не знаешь, ни где ты, ни что ты такое, ничего не можешь ни придумать, ни объяснить себе! Россия еще в грустном положении, и прав был Пушкин, когда воскликнул, слушая чтение Гоголя «Мертвых душ», — «Боже! как грустна наша Россия!»¹⁴ <...>

9 мая 1852. Пятница. Москва. <...> ...Сегодня исполнилось мое желание: я посетил могилу Гоголя. <...> ...Гоголь похоронен в Даниловом монастыре. <...> От места моего здесь жительства, монастырь этот находится в расстоянии по крайней мере десяти верст. <...> Возвращаясь к экипажу, встретил я монаха, который объявил мне, что сегодня отслужена была панихида над могилой Гоголя. Был один только Шевырев. «Славный человек, — прибавил монах, — он долго стоял на коленях и плакал над могилою. А в день похорон¹⁵ за обедом, который был им устроен в монастыре и на котором, кроме множества гостей, были все университетские профессора, Шевырев привел всех в слезы. Он читал вслух сочинение покойника»¹⁶.

Последнее сильно на меня подействовало; оно тронуло меня до глубины души. Над самую могилу поэта раздалось его собственное слово, залог его бессмертия. — И любовались все высказанною в этом слове душою!¹⁷ <...>

Публикуется впервые по автографу: РНБ. Ф. 1000. Собр. отд. пост. Оп. 2. Ед. хр. 56. Арбузов Николай Алексеевич. «Мой журнал или сборник ежедневных впечатлений». Дневник. № 14. 1850–1852 гг. Ссылки на страницы автографа см. в примеч. ниже.

Николай Алексеевич Арбузов (1829–1864), поэт.

¹ РНБ. Ф. 1000. Собр. отд. пост. Оп. 2. Ед. хр. 56. Л. 4.

² РНБ. Ф. 1000. Собр. отд. пост. Оп. 2. Ед. хр. 56. Л. 8 об. Сходный случай (сомнительной достоверности) был описан позднее И. Л. Щегловым: *Щеглов Ив.* Полночный Ревизор. (Единственный случай) // *Щеглов Ив.* Подвижник слова. Новые материалы о Н. В. Гоголе. СПб., 1909. С. 98–108; То же // *Щеглов Ив.* Н. В. Гоголь. <СПб.,> 1912. С. 98–108. Свое повествование Щеглов сопроводил примечанием: «Присоединяю настоящий рассказ к материалу о Гоголе как подлинное происшествие, переданное мне одним моим приятелем, провинциальным актером» (с. 98). Перепечатано: *Щеглов И.* Полночный Ревизор. (Единственный случай) / Публ. и вступ. заметка П. Г. Горелова // Прометей. М., 1990. Т. 16. С. 356–360.

³ В 1848–1855 гг. Н. А. Арбузов служил во II отделении Императорской канцелярии.

⁴ Князь Ширинский-Шихматов.

⁵ Иван Иванович Излер (1811–1877), владелец ресторанов и увеселительных заведений в Петербурге. 18 мая 1849 г. А. О. Смирнова писала Гоголю из Царского Села: «Скажу вам, что Конкордия и все заведения, покровительствуемые Излером, другом человечества, процветают. И тошно и гадко смотреть, как стараются заводить то, что обезобразило Париж и весь Запад».

⁶ РНБ. Ф. 1000. Собр. отд. пост. Оп. 2. Ед. хр. 56. Л. 17 об.

⁷ РНБ. Ф. 1000. Собр. отд. пост. Оп. 2. Ед. хр. 56. Л. 66.

⁸ *Языков Н. М.* Д. В. Давыдову // Московский Наблюдатель. 1835. Ч. 3. Август. Кн. 2. № 12 (цензурное разрешение 19 ноября). С. 471–475. В ноябре–декабре 1835 г. Гоголь встречался с А. С. Пушкиным и читал ему первые главы «Мертвых душ». Возможно, в то время Гоголь и слышал отзыв Пушкина о стихотворении Языкова. Позднее, 14 апреля 1836 г., Пушкин писал поэту: «Ваши стихи: вода живая... <...> Послание к Давыдову — прелесть!»

Встреча Гоголя с поэтом-партизаном Д. В. Давыдовым состоялась в Петербурге на квартире В. А. Жуковского 26 января 1836 г. «Весьма интересный и ценный материал для биографии Давыдова в последние годы его жизни представляют собою его письма к жене и сыновьям за 1836–1838 года. Переписка с женою была вызвана его поездкою в Москву и Петербург в начале 1836 г., что было необходимо в виду хлопот о помещении в учебные заведения Петербурга старших сыновей его, Василия и Николая. Большинство из этих писем совсем не были в печати... <...> В одном из писем (27 января 1836 г.) он упоминает, что обедал у Вяземского en famille <в семье; фр.>, а вечером был у Пушкина, “don't la femme est vraiment d'une beauté extraordinaire” <жена которого действительно чрезвычайно красивой; фр.>.

В том же письме, очень длинном, в виде дневника, он упоминает, что проводил вечер у Жуковского, у которого собираются каждую субботу его приятели и литераторы; у него Давыдов встретил Крылова, Плетнева, Пушкина, Вяземского, Теплякова и множество других. В то время Жуковский жил в Зимнем Дворце. Этот вечер, по словам Д. В. Давыдова, был его триумфом. «Вообрази, — писал он жене, — что из 25 умных людей я один господствовал, все меня слушали et je tenais le dé de la conversation pendant toute la soirée» <и я владел разговором в течение всего вечера; фр.>. На следующий день, 26 января утром, он представлялся Императору, который был очень милостив к нему, а затем Наследнику. Описывая впечатления этого дня, он сообщал жене, что после представления Высочайшим Особам, он вместе с Жуковским прошел весь Эрмитаж, смотрел картинную галерею, а также работу живописца Чернецова (в письме Д<ениса> В<асильевича> ошибочно названного Чернецким), который, по приказанию Государя, в то время писал две картины парадов на Марсовом поле. Художник просил разрешения на одной из его картин изобразить и фигуру старого партизана и потому, как писал Давыдов, пока он сидел у Жуковского и слушал Гоголя, читавшего свою бесподобную и чудесную комедию «Ревизор», Чернецов нарисовал его портрет во весь рост» (*Жерве В. В. Партизан-поэт Денис Васильевич Давыдов. Очерк его жизни и деятельности. 1784–1839. По материалам семейного архива и другим источникам. СПб., 1913. С. 147–148*). Позднее, 21 ноября 1836 г., Д. В. Давыдов писал князю П. А. Вяземскому из Москвы: «Хотел было послать тебе кой-что моего, но последнюю дрянью выбросил Пушкин и уже от Булгарина осыпан выговорами за две эпиграммы мои, из которых одна тебе принадлежит. Гоголь вместе со мною зацеплен. От такого товарищества, как вы оба, я не прочь» (Письма поэта-партизана Д. В. Давыдова к князю П. А. Вяземскому. Пг., 1917. С. 49). Речь идет о фельетоне Ф. В. Булгарина в «Северной Пчеле» с нападками на эпиграммы Давыдова «Меринос собакой стал...» и «Ученый разговор», а также на повесть Гоголя «Нос», напечатанные в третьем томе журнала «Современник» (<*Булгарин Ф. В.*> Литературная юмористика // Северная Пчела. 1836. 6 ноября. № 255. С. 1020).

⁹ РНБ. Ф. 1000. Собр. отд. пост. Оп. 2. Ед. хр. 56. Л. 90–91.

¹⁰ РНБ. Ф. 1000. Собр. отд. пост. Оп. 2. Ед. хр. 56. Л. 93 об.

¹¹ РНБ. Ф. 1000. Собр. отд. пост. Оп. 2. Ед. хр. 56. Л. 100 об.–104.

¹² Вероятно, имеется в виду «Завещание».

¹³ РНБ. Ф. 1000. Собр. отд. пост. Оп. 2. Ед. хр. 56. Л. 106 об.–107 об.

¹⁴ РНБ. Ф. 1000. Собр. отд. пост. Оп. 2. Ед. хр. 56. Л. 110. Цитируются строки третьего из «Четырех писем к разным лицам по поводу «Мертвых душ»» Гоголя..

¹⁵ В сороковой день после кончины Гоголя, 31 марта 1852 г.

¹⁶ Речь идет о статье Гоголя «Светлое Воскресенье» в «Выбранных местах из переписки с друзьями».

¹⁷ РНБ. Ф. 1000. Собр. отд. пост. Оп. 2. Ед. хр. 56. Л. 141–142, 144–145.

Отзывы о Гоголе А. Я. Булгакова

Гоголь в дневниковых записях А. Я. Булгакова 1852 г.

<...> <Начало марта 1852>. 21 февраля утром скончался здесь, после кратковременной болезни, известный писатель Н. В. Гоголь, сочинитель «Мертвых душ», комедии «Ревизор» и пр. <...> Гоголь первоначально был упоен чрезмерными, преувеличенными похвалами своих друзей, ставивших его не только наравне, но выше самого Гомера; потом был он озлоблен, раздражен критиками, гонениями своих неприятелей. Ядовитый Булгарин в Северной своей Пчеле не давал ему покоя. Все это, действуя на самолюбие, раздражительность и мистицизм Гоголя, должно было породить пагубные для него плоды.

Похороны Гоголя были, не знаю почему, чрезвычайно великолепны. Весь университет, все главные власти на оных присутствовали. Сам гр<аф> Закревский был в полной форме. Графиня Ростопчина напечатала в «Московских полицейских ведомостях» пышное описание всех похорон, описание, которое скорее можно назвать похвальной речью покойному Гоголю¹. На другой день выставлены во многих лавках Кузнецкого моста портреты Гоголя, лежащего в гробу и украшенного лавровым венком. Не мне судить Гоголя. Не возьму я сторону тех, кои сочи-

нения и слог Гоголя называют лакейскими, но я не нахожу оные также и возвышенными. В неестественной своей комедии «Ревизор» он покрыл позором все без изъятия сословия, всех чиновников, составляющих управление маленького уездного городка. Зачем сор из дому выносить да и представлять еще оный на всеуслышание в театре? Кто поверит, что сочинитель «Ревизора» был человек кроткий и добрый и друг Жуковского, коего я завтра уведомя о сделанной им потере², пошлю ему статью гр<афини> Ростопчиной и портрет Гоголя. <...>

<Май>. Умер также здесь известный писатель Гоголь, но самая чувствительная потеря, потеря незаменимая не только для всех его знавших, но для целой России, — это смерть добрейшего человека и знаменитого писателя Василия Андреевича Жуковского. Более месяца как не получал я от него писем. Я приписывал молчание сие огорчению, которое должна была ему принести весть о смерти Гоголя, с коим был он очень дружен, как вдруг прислали мне с иностранными газетами письмо из Баден-Бадена с черною печатью. <...> Я все думаю, что предпримут теперь в Москве для Жуковского после всех пышных и преувеличенных изъявлений скорби о смерти Гоголя. Биографическая о нем статья была помещена в «Москвитянине»³ в черной, траурной рамке. До сего времени делалось это токмо для царственных лиц. Не знаю, что находят столь особенного, чрезвычайного в Гоголе. Есть люди, и люди грамотные, кои ставят «Ревизора» выше «Горя от ума»! А по моему суждению, «Ревизор» основан на бессмыслице. Будь ревизор — умный, тонкий, ловкий мошенник, комедия Гоголя приняла бы совсем другой оборот, но ревизор Гоголя не что иное, как наглая, необразованная скотина, а этот дурак обманывает все власти, всех жителей целого города! В целом городе не нашелся один человек, который, выслушав несколько речей этого мнимого ревизора, не догадался бы тотчас, что тут просто нелепый обман. Такие ли есть в России мастера, когда дело идет выманывать деньги? А Гоголя «Ревизор» лезет просто в карман... Но лучше перестать, а то доберешься так и до «Мертвых душ», а мне и в ум не приходило давать разбор сочинений Гоголя. <...>

Первые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 753–754, 760. Печатается по первой публикации.

Александр Яковлевич Булгаков (1781–1863), московский почт-директор, сенатор.

¹ Имеется в виду статья графини Е. П. Ростопчиной «Похороны Гоголя» (см. в наст. изд.). См. также в наст. изд. письмо А. Н. Костылева П. И. Бартеневу от 9 марта 1852 г.

² См. ниже письмо А. Я. Булгакова к В. А. Жуковскому от начала марта 1852 г.

³ См в наст. изд. некролог М. П. Погодина «Кончина Гоголя».

А. Я. Булгаков — В. А. Жуковскому

<Начало марта 1852. Москва>

<...> Он <Гоголь> бывши еще на ногах и бодр, не хотел лечиться, ни принимать лекарства, говоря, что все будет тщетно, чувствуя, что пришел его час. Все убеждения друзей его были тщетны, а когда стал его упрашивать митрополит Филарет слушаться советов докторов, то он ответил: «Душу свою я уврачевал, а с телом что будет, то будет! Если Провидение не определило мне жить, то никакие человеческие усилия меня не спасут, а я чувствую, что мой час пришел!» <...>

Первые опубликовано М. Л. Гофманом в статье «Смерть Гоголя (К 75-летней годовщине)», напечатанной в 1927 г. одной из газет, выходивших в Русском Зарубежье. Печатается по газетной вырезке (без выходных данных), хранящейся в РГАЛИ: Ф. 2482. Союз русских писателей и журналистов в Югославии (1925 — конец 1930-х гг.). Оп. 1. Статьи, воспоминания, заметки <...> о Н. В. Гоголе. Ед. хр. 30. Статьи и заметки о Гоголе: Ю. И. Айхенвальда, М. Л. Гоф-

мана, А. С. Изгоева, Н. К. Кульмана и др. Вырезки из газет. 1927. 43 л. — Библиотека-читальня имени А. С. Пушкина. — Библиотека газетных вырезок № 45. К 75-летию со дня смерти Н. В. Гоголя. С. 40–42.

Неустановленное лицо — неустановленному лицу

Петрозаводск. 31 июля 1852 г.

Услыхав о смерти Н. В. Гоголя, которого имени даже я не могу вспомнить без внутреннего сочувственного волнения, я в ту же минуту невольно о Вас вспомнил и задумался над тем, что бы мы стали говорить, если б эта роковая весть застала нас вместе. Несмотря на недоверчиво-насмешливые противоречия, которые случилось мне от Вас слышать на мои восторженные суждения об этом писателе, я видел, однако ж, что он Вам нравится и, сквозь недостатки формы и частностей в его произведениях, провидите великую и глубокую душу и думу человека и автора. <...>

Гоголь, как мне кажется, несмотря на целый легион восторженных похвал и порицаний, на него обращенных, вполне оценен в нашей литературе не был, а мнение Мериме¹, за которое с такую жадностью ухватился было Булгарин², чрезвычайно поверхностно и односторонне. — Несравненно выше и правильнее суждение об нем как о человеке необыкновенном, как об уме, высказанное несколько лет тому назад Густавом Планшем или Филаретом Шалем, по поводу встречи с Гоголем³. — Как личность русская, Гоголь так разительно оригинален и самостоятелен, что ему по преимуществу принадлежит название особи <...>

Я не могу себе представить никого, в ком была бы такая глубокая скорбь, несогласимая, мучительная борьба противуречивых начал. Вчитайтесь только в его переписку и проч., поставьте его произведения лицом к лицу с его жизнью, последними минутами, и Вы увидите в нем и снедающую жажду самосовершенствования <...>, понимание возвышенного назначения человека и всей его пошлости, — предчувствие великих судеб России и видимость множества недостатков русского человека и общества; всё это выразилось в этой удивительной способности претворять слезы в смех и смех в слезы, — какую в равной силе и художественном совершенстве не обладает ни один из иностранных писателей-юмористов, посредством которой он и учит и наказует, и возвышает и повергает, жжет и согревает, — пока, наконец, не вылилось в последние минуты страдальческой жизни. <...>

Первые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. С. 767. Печатается по первой публикации.

¹ Имеется в виду статья о Гоголе П. Мериме опубликованная в 1851 г. в № 22 «*Revue des Deux Mondes*» (см.: *Мериме П. Избранные произведения*. М.; Л., 1930. С. 507).

² Ф. Б. Булгарин в «Северной Пчеле» от 19 декабря 1851 г. процитировал отрывок из статьи П. Мериме о Гоголе (см.: <Булгарин Ф. В. > Ф. Б. Заметки, выписки и корреспонденция // Северная Пчела. 1851. 19 дек. № 283). Позднее, в «Северной Пчеле» от 19 апреля 1852 г., Ф. В. Булгарин, подразумевая собственные писательские заслуги, в частности, свои романы «Дмитрий Самозванец» (1830) и «Мазепа» (1833), писал о «литературном достоинстве» Гоголя: «Мнение наше известно читателям Северной Пчелы, и оно совершенно сходствует с мнением одного из лучших европейских критиков Проспера Мериме. <...> Даже нравы в прославленном Тарасе Бульбе — копия. Прежде его был очерк старинных запорожских нравов». (Ср. уничижительный отзыв Гоголя о романе Булгарина «Мазепа» в письме к А. С. Данилевскому от 8 февраля 1833 г.)

³ Имеется в виду Ш. О. Сент-Бёв (см. в наст. изд. его статью «Русские повести Николая Гоголя, переведенные на французский язык Луи Виардо»).

<Отзыв о Гоголе А. Ф. Писемского>

<...> Нам припоминается разговор <...> в кружке литераторов 70-х годов, происходивший лет 25 назад¹. Толковали все о том же «перевороте» в душе Гоголя. Покойный А. Н. Майков высказался именно в том смысле, в каком иногда говорят о «психологии Гоголя» теперь, т. е. признал душевную драму, словившую Гоголя, явлением непостижимым и таинственным, которое объяснится лишь тому, кто сам просветится чудным светом, озарившим душу великого писателя. Присутствовавший тут Писемский² слушал все это, слегка вздыхая, и по полусонному лицу его скользило скептическое выражение.

— А вот в то время, когда Гоголь умер, гораздо проще толковали об этом³, — сказал он. — Тогда еще не собирали и не издавали его писем, и отрывки из второй части «Мертвых душ» не были известны. Знали только, что с Гоголем случилось что-то неладное, что он стал прятаться от людей, повел аскетический образ жизни, и перед смертью сжег свои рукописи. И всеобщая молва обвиняла во всем этом его друзей. Они его сбили с толку, они подстрекнули его бросить в печку второй том «Мертвых душ». Так, словно сговорившись, толковали решительно все: гимназические учителя, студенты, молодые чиновники, сидельцы из начитанных. И так мало в этом сомневались, что замечалось прямо какое-то даже озлобление против Погодина, Шевырева, Хомякова, которых главным образом обвиняли в нравственном замучивании Гоголя.

Эти слова Писемского заинтересовали присутствовавших... <...>

Конечно, это был голос безымянной толпы, склонной по-своему объяснять недоступные ей, но поражающие ее явления. <...> Но в легенде всегда есть намек на что-то действительное... <...> Кружку первых славянофилов было в высшей степени важно иметь на своей стороне писателя, после Пушкина уединенно стоявшего на вершинах русской литературы. И они очень много работали над тем, чтобы притянуть Гоголя к себе, ввести его в круг своих идей и сочувствий. Здесь и лежала, по-видимому, завязка той внутренней драмы, в которой сгорел Гоголь.

Первые опубликовано: *Авсеенко В.* Психология Гоголя // Петербургская Газета. 1902. 3 марта. № 60. Печатается, в сокращении, по первой публикации.

Алексей Феофилактович Писемский (1820–1881), писатель, драматург.

Василий Григорьевич Авсеенко (1842–1913), прозаик, критик, журналист.

Об отношении А. Ф. Писемского к творчеству Гоголя в 1840–1844 гг., точнее, о спорах Писемского (в ту пору студента Московского университета) по поводу гоголевских произведений с П. А. Катениным, см. в наст. изд. в примеч. 62 к «Истории нашего знакомства с Гоголем...» С. Т. Аксакова.

См. также в наст. изд. статью И. А. Комиссаровой «Памятник ненависти (Булгарин о Гоголе). <Заметка А. Ф. Писемского из архива Н. С. Лескова>».

¹ В 1870-х гг. А. Ф. Писемский жил в Москве.

² Писемский был женат (с 1848 г.) на Екатерине Павловне Свинойной, дочери П. П. Свинына, двоюродной сестре А. Н. Майкова.

³ В 1845–1854 гг. Писемский находился на службе в Костроме, публикуя свои произведения в «Москвитянине» и «Современнике».

Гоголь в письмах и воспоминаниях П. А. Бессонова

П. А. Бессонов — П. И. Бартеневу

Вторник. <25 марта 1852. Москва>.

<...> Гоголь <...> умер жертвою окружавшей его московской партии, которая натолковывала ему о благочестии и спасении, подливая, таким образом, масло в огонь, ибо Гоголь был и без того восприимчив к этого рода предметам. Наконец, к нему подослали какого-то сельского священника¹, который говорил ему о необходимости самоизнурения, т. е. подвигов, поста и т. п. Поздно уже увидели плоды: Гоголь не ел, не пил и говорил только о сатане и его искушениях. Хватились лечить его — он не принимал лекарств, считая это дьявольским наваждением; в страшной крайности воротился к нему тот фанатизм, который вызвал «Переписку с друзьями» и завещание. Так сгиб он ни за копейку, и партия «Москвитянина» проповедует о том спасении, которое пролила она в его душу религиозными впечатлениями, а Толстой, имея дух рассказывать, что Гоголь отдавал ему 2-й том «Мертвых душ» и он не взял, прибавляет, что, «впрочем, в псалтыре заключается всё, нужное для спасения». Если можно, достань № «Москвитянина» от 15 сего месяца: там истинно прекрасная статья Погодина². Теперь Гоголя 4 портрета: один с живого, Мамонова, плохой; другой «Гоголь во гробе» Андреева³, еще хуже; третий Васильчикова, очень удачный, но не литографированный; 4-й Рачинского⁴, студента, во гробе, очень хороший. Я припас экземпляр для тебя, и если напишешь, то перешлю. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 755. Печатается по первой публикации.

Петр Алексеевич Бессонов (1828–1898), славист и фольклорист, университетский товарищ П. И. Бартенева. В 1852 г. служил в Комиссии печатания государственных грамот.

В 1860 г. Бессонов опубликовал хранившиеся в собрании П. В. Киреевского пять рождественских колядок в записи Гоголя (см. раздел <I. Духовные рождественские стихи в записи Гоголя из собрания П. В. Киреевского> в изд.: Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2010. Т. 17. С. 7–10, 718–719).

Заметка Бессонова 1862 г. стала первой публикацией по изучению сюжетов и образов народных сказок и преданий как фольклорных источников повести Гоголя «Вий» (см.: Заметка П. А. Бессонова о песнях, помещенных во всех 4-х выпусках I-й Части, с соответствующими дополнениями, сказками, преданиями... // *Киреевский П. В.* Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1862. Ч. I. Вып. 4. С. XL–XLI; см. также: *Афанасьев А.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865. Т. 1. С. 170–171; М., 1869. Т. 3. С. 583–584; *Владимиров П. В.* Великое зеркало. (Из истории русской переводной литературы XVII века). М., 1884. С. 23; <*Драгоманов М. П.*> *Кузьмичевский П.* Шолудивый Буняк в украинских народных сказаниях // Киевская Старина. 1887. № 9–10. С. 238–239; <*Драгоманов М. П.*> *Р. Л. Н.* К рассказам о Шелудивом Буняке // Киевская Старина. 1891. № 7–9. С. 299–304; *Сумцов Н.* Параллели к повести Н. В. Гоголя «Вий» // Киевская Старина. 1892. № 1–3. С. 472–477; *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1892. Т. 2. С. 74–77, 381–382; *Милорадович В.* К вопросу об источниках «Вия» // Киевская Старина. 1896. № 7–9. Отд. 2. С. 45–48; *Петров Н. И.* Южно-русский народный элемент в ранних повестях Гоголя // Памяти Гоголя. Научно-литературный сборник, изданный Историческим обществом Нестора-летописца. Киев, 1902. Отд. 2. С. 20; <*Кревецкий И. И.*> *Королевский Ф.* Жерела «Вія», повісті М. Гоголя // Діло. 1902, 20 июня (3 июля); *Diederich V.* Von Gespenstergeschichten. Leipzig, 1903. S. 199–223, 238; Сказ Л. Д. Онбиша «Народный источник повести Гоголя «Вий», записанный В. В. Лесевичем. <Конец XIX – начало XX в.> // *РГАЛИ.* Ф. 301. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 1–4; *Чудаков Г. И.* Отражение мотивов народной словесности в произведениях Н. В. Гоголя // Университетские Известия. (Киев). 1906. № 12. С. 29–32; *Франко Ів.* Вій, Шолудивий Буняк і Юда Іскаріотський // Україна. 1907. № 1. С. 50–55; *Невірова К.* Мотиви української

демонології в «Вечерах» та «Миргороді» Гоголя. Київ, 1909. С. 18–25; *Bolte J., Polivka G.* Amerkungen zu den Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm. Leipzig, 1918, Bd. 3. S. 531–537; *Петров В. П.* <Комментарий к повести «Вий»> // *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений. <Л.>: АН СССР, 1937. Т. 2. С. 735–745; *Протв В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946. С. 60; *Карабанов Р. А.* О роли фантастики в композиции произведений Н. В. Гоголя // Уч. зап. Черновицкого гос. ун-та. 1961. Т. 42. Вып. 12. С. 61; *Иванов Вяч. Вс.* Об одной параллели к гоголевскому Вию // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 284. Труды по знаковым системам. 1971. Т. 5. С. 133–142; *Иванов Вяч. Вс.* Категория «видимого» и «невидимого»: еще раз о восточнославянских фольклорных параллелях к гоголевскому «Вию» // Structure of texts and semiotics of culture. The Hague; Paris, 1973. С. 151–176; *Еремина В. И.* Н. В. Гоголь // Русская литература и фольклор (первая половина XIX века). Л., 1976. С. 256–257; *Молдавский Д. М.* О фольклоризме Н. В. Гоголя. Предположение об имени «Вий» // *Молдавский Д. М.* Товарищ Смех. Л., 1981. С. 148–150; *Крутикова Н. Е.* Велико братство // Гоголь и современность. Творческое наследие писателя в движении эпох. Киев, 1983. С. 23–25; *Юрвева З., Филит В.* О поэтике страха в повести Гоголя «Вий» // Записки Русской Академической Группы в США. New York, 1984. Т. 17. С. 15; *Скритник Г., Курочкин О.* Народні вірування, демонологія, космогонія // Українська мінувщина. Ілюстрований етнографічний довідник. Київ, 1993. С. 220; *Виноградов И. А.* Повесть Н. В. Гоголя «Вий»: К истории замысла и его интерпретации // Гоголезнавчі студії. Гоголеведческие студии. Ніжин, 2000. Вып. 5. С. 84–108.

¹ Имеется в виду протоиерей М. А. Константиновский.

² См. в наст. изд. некролог М. П. Погодина «Кончина Гоголя».

³ Возможно, имеется в виду Александр Николаевич Андреев (1824 или 1830–1891), искусствовед, драматург и поэт; с 1848 по 1877 г. находился на службе в 4-м московском округе Главного управления путей сообщения.

⁴ См. в наст. изд. коммент. к письму С. П. Шевырева М. Н. Синельниковой от 2 апреля 1852 г. Сохранилось два рисунка, сделанные у гроба Гоголя В. А. Рачинским, с одного из которых была сделана литография, выпущенная без подписи художника и позднее неосновательно приписанная Э. А. Дмитриеву-Мамонову (см.: *Сперанский М. Н.* Портреты Н. В. Гоголя // Портреты Н. В. Гоголя. Собраны и изданы под наблюдением Общества Любителей Российской Словесности при Императорском Московском Университете. Исполнено и издано худож. фототипией К. А. Фишер. М., 1909. С. 10–12).

П. Бессонов

<Вступительная заметка к разделу «Копейкин с товарищами»
10-го выпуска «Песен, собранных П. В. Киреевским» (М., 1874)>
Фрагмент

<...> ...Предлежащие образцы чрезвычайно любопытны еще в том отношении, что, вместе с преданиями, их окружающими, породили под пером Гоголя знаменитый рассказ о проделках необыкновенного *Копейкина*, в «Мертвых душах»; герой является там без ноги именно оттого, что по песням оступился ногою (то левою, то правою) и повредил ее; после неудач в Петербурге появился он атаманом в Рязанских лесах (мы помним лично слышанные живые рассказы Гоголя на вечере у Дм. Н. С<вербее>ва¹).

Впервые опубликовано: <Бессонов П.> <Вступительная заметка к песням раздела «Копейкин с товарищами»> // Песни, собранные П. В. Киреевским. Изданы Обществом Любителей Российской словесности под ред. и с доп. П. Бессонова. М., 1874. С. 105. Печатается по первой публикации.

¹ Возможно, в данном случае П. А. Бессоновым приводится личное свидетельство П. В. Киреевского.

Князь Владимир Александрович Черкасский Фрагмент

<...> В высшем кругу тогдашнего московского общества и в родственных, близких сношениях с петербургскою знатью выдавалось семейство Васильчиковых, выдавалось сколько лучшим тоном, столько же патриархальною строгостию семейных начал и порядков, глубокою религиозностию, богатством хозяина и благоустройством дома, а вместе значительной образованностию, которая открывала ласковый и лестный прием всем видным ученым, литераторам и художникам, а даже чаще им, чем форменным визитам и чопорным посетителям раутов. Здесь можно было встретить и Хомякова в полурусском платье и поношенном коричневом сюртуке оригинального покроя, и К. С. Аксакова в его неприхотливом наряде, и Гоголя с нависшими прядями волос, в яхонтовом бархатном жилете, забрызганного снизу до колен грязью от калош... <...>

Первые опубликовано: Бессонов П. Князь Владимир Александрович Черкасский // Русский Архив. 1878. Кн. 2. № 5–8. С. 210. Печатается по первой публикации.

П. Бессонов

К вопросу о собирании и издании памятников «народного песнотворчества» Фрагмент

<...> Симпатичнее мне было исстари (по самому происхождению моих предков из Галиции и с Вольни), да и знакомее белорусского по многим отношениям, песнотворчество малорусское, оживившееся для меня еще при сближении с домом Аксаковых, где до конца держалось и процветало оно без перерыва в практике музыки и пения. Я счастлив, слышавши здесь напевы самого Гоголя и узнавши его *любимые песни*, выбором их обличавшие, как и везде у великого художника, тонкость его вкуса и глубокую верность народным преданиям (замечу, кстати, что *лучшие* из таких образцов *совсем не те*, какие обыкновенно цитируются в биографиях, характеристиках и при переписке автора)¹. Но я счастлив еще сближением там же (и у Погодина, и у Елагиных) с Максимовичем; я принял прямо из уст этого знатока указания на особенности происхождения, содержания, употребления и самого напева украинских произведений; счастлив также (не скрою) тем, что там видел даже «пляшущего» по-хохлацки (*mirabile dictu*) дорогого моего профессора Бодянского. Из хозяев особенно при этом ревностны были — Константин Сергеевич (усердно подпевавший по-малорусски, при совершенном отсутствии всякого музыкального голоса, столь громкого, впрочем, в своей обычной речи) и покойная сестра его Н<адежда> Сергеевна, весьма музыкальная (куча рукописных нот сего рода, списанных ими с голоса, куда-то исчезла; а печатные ноты Максимовича² столь редки, что приобретены для меня приятелем уже в Кракове ветхую тетрадкой). <...>

Первые опубликовано: Бессонов П. К вопросу о собирании и издании памятников «народного песнотворчества». М., 1896. С. 39–40. Печатается по первой публикации.

¹ См. в наст. изд. раздел <Любимые Гоголем украинские народные песни (по воспоминаниям С. Т. Аксакова, О. М. Бодянского, М. А. Максимовича)>. Фрагмент из «Записок о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша.

² Имеется в виду сборник: Голоса украинских песен, изданные Михаилом Максимовичем. Тетрадь первая. М., 1834; сборник переиздан: Голоса украинских песен, изданные Михаилом Максимовичем. Аранжировка Александра Алябьева. 2-е изд. под ред. и с историко-критическим очерком Б. С. Штейнпресса. М., 1961. См. в наст. изд. коммент. к *Воспоминаниям Н. С. Аксаковой в статье П. А. Кулиша «Выправка некоторых биографических известий о Гоголе».*

П. А. Бессонов

Несколько отрывочных воспоминаний о Н. В. Гоголе¹ Фрагменты

В последнее время появляется довольно много воспоминаний о Гоголе, более или менее любопытных; а между тем люди, знавшие его лично и даже просто видевшие, каждый год сходят с поприща. Это побуждает и нас прибавить несколько слов о «виденном и слышанном», в убеждении, что самые «мелочи» все имеют значение там, где дело идет о «великом».

Гоголя знали мы в заключительный период, в годы его пребывания среди Москвы и московского общества: когда талант его, давно уже воплотившийся до ступени недостижимости, не мог развиваться еще дальше, но его жизнь личная достигала необыкновенного явления и создалась самим как «подвиг», как «священное служение» при алтаре родного искусства, и самого высочайшего, и самого ответственного — в родном слове и на благо родины. К сожалению, именно совсем в обратном отношении мы были свидетелями этого в молодости, слишком ранней, чтобы оценить и понимать как должно: только лишь постепенно, и позже, и доньше, мелкие черты, схваченные как бы на лету, продолжали оживать в более полные очертания великого человека.

Встречали мы его чаще в доме Васильчиковых (где жили и сами), в семейном кругу С<ушковы>х и Аксаковых, да у Шевырева. Но слышали об нем беспрестанно, на каждом шагу: тогда обыкновенно все, и друзья, и почитатели искренние, и читатели рассерженные, с повышенным напряжением следили за всем, что касалось лично Гоголя и его последних творений. Куда, бывало, ни зайдешь, как тотчас же¹¹ вслед за минутным «молчаньем» раздается вопрос: «А что Гоголь?»

Первая встреча была как-то убийственна, и долго недоставало нам сил разобраться хорошенько в наших впечатлениях, а в минуты, последовавшие вскоре, мы не могли дать себе никакого определенного отчета. Гр<аф> Сологуб был близким родственником Васильчиковых, и мы б<ыли> сами свидетелями многого того, что им рассказано в известных «Воспоминаниях»¹. Из них же знают все, что Гоголь в трудную пору, не имея собственных средств для житья в столице, жил в частном и богатом доме Васильчиковых как «воспитатель» или «надзиратель» одного из болевших сыновей². Его сюда рекомендовали, он сам считал находкою это «место» и всегда оставался за него благодарен, а семейство, в высшей степени образованное, связанное тесно со всею жизнью искусства и русской литературы, притом высшего светского тона в обращении, тогда уже, в раннюю эпоху Гоголя, достойно приняло его и смотрело на него с уважением. Все последовавшие намеки на какую-то тяжесть тогдашнего положения и все сожаления о прожитом совершенно <на>прасны. Но домашняя челядь и прислуга, разумеется, хранила память о тех особенностях и странностях в образе жизни «учителя», усердно снабжая и нас, *по наследству*, своими рассказами. Имея полное отвращение к «задним дворам» литературных деятелей, мы, конечно, не позволяли себе повторять этих басен; но впечатление, *по молодости*,

¹ *Вместо:* Несколько отрывочных воспоминаний о Н. В. Гоголе — *вписано:* Слово отрывочного воспоминания о Н. В. Гоголе

¹¹ *В рукописи:* тотчас же как

все-таки оставалось в нас, и, ожидая встретить Гоголя, мы уже были подготовлены к «каким-то странностям». Странности наталкивались и натолковывались также и с другой стороны, а вскоре получили новое и неожиданное приращение, именно: нам известны сделались «письма» Гоголя за его последние годы; их читали и перечитывали вслух по многим дружеским семействам, то с недоумением о тех частностях и выражениях, то желая «внушить» молодежи «верный» якобы взгляд на вещи. Уже ходили по рукам и отпечатанные выдержки известной «Переписки с друзьями», а мы уже успели наскоро пробежать их. Говорим «пробежать»: введенные нашими «старшими» в эту область всяких личных отношений, индивидуальных взглядов и общих житейских воззрений писателя, но не в состоянии будучи ни уразуметь, ни догадаться, *о чем, почему и к каким целям* идет четко <?> все дело, мы, естественно, по привычке молодежи тогдашней (не нынешней, решающей все сразу и бесповоротно), склонялись с вопросительными лицами к тем же старшим. Увы, там одинаково господствовал хаос.

Все остальные нападки, внезапно разразившиеся в петербургской печати, производили действие разве в захолустьях: в столицах слишком многие близко знали самого Гоголя, чтобы поверить отзывам на слово или даже соображаться с ними. Зато здесь всего прямее высказывались «рассерженные»: так именно мы и называем их, потому что, собственно, врагов и недоброжелателей у Гоголя не было, да и не могло быть по его замкнутости в самом себе. Это без обиняков объявили на стогнах торжищах: «Бедняжка рехнулся, несчастный сошел с ума!» Были и такие, которые усматривали здесь кару Провидения (особенно помнили Гоголю из московских старожилов, из старинных помещиков и литераторов): «Нельзя, — говорили, — представлять все грязь да грязь, смеяться да осмеивать; Гоголь очернил всех русских людей, частью не зная их хорошенько из украинской глуши своей, а <нрзб.> частью как будто мстя им за *что-то*; рано или поздно совесть должна же была проснуться — и вот плоды ее!»

К прискорбию, известно, что Гоголь не только это слышал с разных концов, но даже отзывался на это и в самих «Мертв<ых> душах» и как будто оправдывался и даже искал так называемой стороны «положительной», чтобы уравновесить отрицательную. Конечно, подобные приговоры Гоголю не выдерживали критики даже в умах молодежи: наиболее индифферентные из нее вместо того просто не читали и знать не хотели «Переписки»; они читали и читали Гоголя *прежнего* как неизменного. И были правы и не правы: разумеется, во всем созданном, как и в составе своих творческих сил, художник оставался навеки тем же; но и в своих замыслах *вперед*, и в личной жизни как *человек* Гоголь был уже *не тот*; это уже чувствовали наиболее сочувственные, это замечали ближайшие, и, как сказано, жадно искали разъяснения какой-то загадки, и спрашивали друг у друга, не веря самим себе, доверяя тем, от кого ждали сведений лучших.

А между тем лучшего не оказывалось, и, естественно, перевешивало худшее. Так как славянофильство в ту пору только что разгорелось во всей силе и в лучших своих представителях, то противники обрадовались случаю и спешно взваливали все на славянофилов, в которых, известно было, считались и *лучшие друзья* Гоголя. «Это они, они, — так утверждалось в стане врагов, — они испортили, они уморили великого художника своими теориями!» Такой голос, как голос Грановского, имел для нас если не безусловный авторитет, то неотразимое влияние; а Грановский, живой, склоняя свою голову, эту восточную патриархальную голову, своим тихим и мягким, но глубоко западавшим голосом твердил нам: «Да, Гоголя мы потеряли, и ему уже не воскреснуть!» Невыразимо тяжело ложилось это на душу, как будто мы теряли что-то самое дорогое, — мы юноше, полному надежд, выговаривали: «Ты накануне смерти». Облегчения этому и отрады не давали ниоткуда, да, как убедились мы позже, и не могли дать. Погодин, знавший ближе многих других, но, когда нужно было и во всех личных отношениях упорно сдержанный, вместо ответа вызывал и выслушивал одни вопросы, молча и сурово. Шевырев, по обыкновению, горячился и выходил из себя, называл все «клеветою», усматривал «козни врагов», то нетерпеливо надвигал кверху свои рукава, то выдвигал из них сорочку, пересматривая концы

пальцев, — и ни слова о том, в чем, однако, была *сущая правда*. Старик Аксаков, разговорчивый во всем, что касалось искусства и русской литературы, стал нем, вел скудно речь о «поновлении» Гоголя, как будто дело шло о шекотливых вопросах аксаковского семейства.

Всех больше открытый и говорливый, сам Хомяков показывал в обществе вид, что ничего особенного не произошло и не случилось, но в ближайшей сфере говорил о Гоголе вполголоса и на какой-нибудь резкий вопрос в упор со стороны некоторых давал замечан<ия> кратко, что это «дело очень серьезное», как будто давал знать к сведению: «можно бы поговорить много, да, пожалуй, вы не поймете...» В такой крайности прибегали даже и к Бодянскому, а тот, по обычаю, также заводил: «А, да мы ведь с ним на “ты”. Я и говорю: “Эх, брате, то все брехня, по-конь³...” А он: “ни, — каже, — ни”»; и слушавший замолкал в своих расспросах, не дожидаясь продолжения в том же роде.

Верно было одно: лучшие люди переживали сами и всего чаяли только в будущем: «Переживается самая трудная пора, пора переходная в жизни личной и творческой; вот-вот минуют перемены благополучно, дождемся и мы, Бог даст, обнимем нашего Гоголя в обновленном цвете его неизменного гения. А до тех пор...» И это «до тех пор» длится в наших умах и воспоминаниях, в наших недоумениях и проблемах литературы до сей самой минуты. *Ясно* также одно, но сделалось яснее также ильше ныне: с Гоголем, и в нем самом, и вне его, вокруг совершалось нечто подобное, повторившееся, хотя в ином направлении, так недавно на Л. Н. Толстом; не договорил многого о себе в том же роде и Достоевский, унес на свою долю загадки в могилу и Пушкин, и в раннюю — Лермонтов, да едва ли и не каждый из великих художников оставил нам по себе ту или другую молчаливую тайну; а Гоголь говорил *о себе* всех меньше. Вина «чрезвычайно <нрзб.>» (говоря выражением самого Гоголя) лежит на всех, но вина невольная и почти безвинная, как причина естественная: чем выше творчество, тем шире и глубже входило оно в общее достояние; считая обычным, считаем своим и от дарованного переходим уже к праву на владение и даже на распоряжение; еще шаг — и с тем же правом отправляемся во внутреннюю лабораторию творческих сил и личной жизни художника; там высматриваем, там выведываем, скоро и осваиваемся и готовы хозяйничать, почему так и для чего не так, к чему то и на какой конец совершается это, мы бы ждали вот этого, и мы хотим от вас следующего...

Недавнее божество, не переставая его чтить в качестве божества, начинают, однако же, как истукана и статую, как в известной фавуле, потрагивать, охватывать, даже зондировать, доходить и до мелочей, до самой грязи, и по крайней мере всю эпидерму стараются занести в поучительные архивы литературы и склады старины. Не без вины подневольной в том же роде и сам художник: нельзя не уступить жадному любопытству, нельзя отказать себе самому в намеке или даже рассказе, как относиться к делу, чем связан с ним лично, как функционируют и направляются силы; на известной стадии пройденного поприща невольно оглядываются назад и передумывают, как придется жить вперед, и не *про себя* же только думать привыкшему говорить на весь мир, не бормотать же с *самим собою* на улице — это ступень сумасшествия, — начинают говорить о том же с людьми, с теми, кто, казалось, ждет каждого слова как Священного Завета. А тут и беда: подхватывают слова, ловят на слове, — пожалуйста к подробному отчету. Вот почему до смерти нельзя художнику пускать сторонних и самых даже близких в свою рабочую и мастерскую; и нам, к сожалению, подобает обуздать до времени свое страстное любопытство; вот почему и «дневники» подлинных «писателей» следует печатать лишь по их смерти. <...>

Нам остались одни *явления* и *факты* из последних лет жизни, и самые внешние, даже мелочные. Их-то и хотим мы пересказать, хоть несколько, во всей их частности и под углом нашего впечатления, не простирая нисколько на общее значение Гоголя, ни на его личный образ в величавом целом. При жизни писателя отмечать и выставять подобные мелочи просто или неприлично, или дерзко, как урок ему, — *memento mori*; по смерти и спустя долго растерять и не подбирать воедино: казалось бы, то же, что разбросать этюды и рисунки Иванова, разметать

усадьбу и дом Глинки, распродать бесстыдно библиотеку Соболевского, — дела, в числе многих подобных, оставшиеся на совести нашей новой России⁴.

Впервые опубликовано: *Неберкутина Е., Петров Ф., Юхименко Е.* Воспоминания П. А. Бессонова о Н. В. Гоголе // Дом Остроухова в Трубниках. Вып. 1. М., 1995. С. 222–229. Печатается по первой публикации, с уточнениями по автографу, хранящемуся в ГИМ (Ф. 56. Ед. хр. 9. Л. 84–86 об.).

¹ См. в наст. изд. раздел *Гоголь в воспоминаниях графа В. А. Соллогуба*.

² Князя В. А. Васильчикова.

³ Поконь — исконный обычай; здесь: обычное дело.

⁴ Не закончено.

Свидетельства о Гоголе неизвестных лиц

Неустановленное лицо — неустановленному лицу

<6 ноября 1852. Москва — 11 декабря 1852. Санкт-Петербург>
Москва. 6 ноября.

Из сочинений Гоголя уцелело: три неполные черновые главы второго тома «Мертвых душ», его автобиография¹ и объяснение литургии. Три главы были брошены им в шкаф с платьем, после переписки набело, и позабыты; некоторые листы потеряны. Но случилось, что сын Шевырева, перечитывая окончательную рукопись «Мертвых душ», делал из нее для себя извлечения. Теперь эти извлечения отчасти восполняют дефект утраченного творения Гоголя, но все-таки это бедные остатки. <...> О Биографии ничего обстоятельно неизвестно. Кажется, однако ж, что это-то «Прощальная повесть», о которой он упоминает в «Переписке с друзьями». <...> От Елагина² я узнал, что Автобиография Гоголя находится у Шевырева. Он не дает никому списывать. В ней Гоголь рассказывает, как образовался его талант и каким образом он писал свои произведения.

Гоголь говорит, что у него вовсе не было фантазии, что он не был в состоянии ничего выдумать. У него обыкновенно разные виденные и слышанные им мелочи были записаны на отдельных лоскутках, и когда он задумывал что-нибудь писать, то подбирал эти лоскутки и по ним уже составлял главный рассказ. Он не умел при этом сочинить плана для своего сочинения, так что планы его повестей составлял ему Пушкин, который, пленяясь его рассказами, присоветовал ему писать. Это несколько несообразно с тем, что мы знаем о сближении Гоголя с Пушкиным вследствие первых опытов Гоголя, высоко оцененных Пушкиным. А первые повести в «Вечерах на хуторе» показывают уже замечательную способность строить план композиции. <...> Всё это объяснится, когда соберутся все факты <...> — об уцелевших частях «Мертвых душ» говорят, что это черновая рукопись всего 2-го тома, но только со многими утраченными листами, а что две или три первые главы вчерне, с большими поправками и помарками, сохранились вполне.

Петербург. 11 декабря 1852.

О Гоголе я позволил себе высказать свое странное покамест мнение только в приятельском письме, в ход же пускать я решился бы его разве совершенно убедясь фактами, что дело так было.

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. С. 768. Печатается по первой публикации.

¹ Имеется в виду «Авторская исповедь».

² Вероятно, имеется в виду Василий Алексеевич Елагин.

Волосы Гоголя

Очень любопытная вещь доставлена на выставку в Румянцевский музей на этих днях через г. Миллера от Кованько. Это подлинные волосы Гоголя, заключенные в кольцо. Вот какое объяснение дает записка, которая будет приложена на выставке к этой вещичке:

«Золотое кольцо, покрытое черной эмалью, с открывающейся на шарнире частью, под которой находится прядь волос Н. В. Гоголя. На внутренней стороне кольца выгравировано: “Н. В. Гоголь 1852 фев. 21 сконч.” Кольцо принадлежало родственнице Гоголя (кузине) Марии Николаевне Ходаревской (по мужу Синельниковой), от которой по наследству поступило в род Кованько». Волосы Гоголя светлые с красноватым оттенком, что свидетельствует о том, что он был блондин. <...>

Впервые опубликовано: Волосы Гоголя // Голос Москвы. 1909. 16 апр. № 86. С. 5. Печатается по первой публикации.

Гоголь в воспоминаниях Т. И. Филиппова

Из воспоминаний Т. И. Филиппова в пересказе Н. П. Барсукова

<...> ...Островский жил в доме отца своего, у Николы в Воробьиной, вместе с отцом своим, мачехой, братьями от одной матери с ним и детьми от второго брака отца. В этом-то доме Филиппов и сделался частым гостем, все более и более сближаясь с Островским, который и тогда уже был автором повести¹ и только что закончил первое свое драматическое произведение². Повесть почти не представляла никакого значения; драматическое же произведение, *Семейная Картина*, уже носило несомненные признаки сильного таланта и между прочим произвело большое впечатление на Гоголя...³ <...>

Первые опубликовано: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. М., 1897. Т. 11. С. 65. Печатается по первой публикации.

Третий Иванович Филиппов (1825–1899), выпускник Московского университета, писатель, этнограф, историк, сенатор; до 1856 г. состоял учителем русского языка в одной из московских гимназий.

Николай Платонович Барсуков (1838–1906), историк.

¹ Имеются в виду «Записки замоскворецкого жителя» (1847), объединяющие три самостоятельных очерка.

² «Картина семейного счастья» (1847).

³ Возможно, об этом произведении А. Н. Островского, напечатанном в 1847 г. в газете «Московский Городской Листок» (№ 60–61), Гоголь узнал от С. П. Шевырева: «Александр Николаевич <...> с большим одушевлением вспоминал <...> свои первые литературные шаги, а особенно отзыв профессора Шевырева о его одноактных сценах “Семейная картина”. И в самом деле, как не закружиться было голове, когда бывшему студенту <...> предрекал славу один из самых выдающихся профессоров, друг Гоголя: “Работайте, у вас большой талант”» (*Невежин П. М.* Воспоминания об А. Н. Островском // *А. Н. Островский в воспоминаниях современников.* М., 1966. С. 262). Ранее, 6 мая 1848 г., С. П. Шевырев, намереваясь привлечь А. Н. Островского к участию в «Москвитянине», писал М. П. Погодину: «Есть какой-то г. Островский, который хорошо пишет в легком роде, как я слышал. Спроси г. Попова (возможно, имеется в виду профессор медицинского факультета Московского университета Алексей Петрович Попов, 1816–1885. — *И. В.*), не может ли он спросить у него трудов. Я посмотрел бы их, и потом обсудили бы условия...» (*Кулешов В. И.* Славянофилы и русская литература. М., 1976. С. 213).

Т. И. Филиппов

Воспоминание о графе Александре Петровиче Толстом Фрагменты

<...> Граф Александр Петрович родился 28 января 1801 г.; воспитание получил домашнее и, очевидно, незаконченное, судя по тому, что на 18-м году он поступил уже в службу юнкером (в гвардейскую артиллерийскую бригаду). Затем, через два года, он был произведен в офицеры, а еще через два года переведен в кавалергардский полк и назначен адъютантом к Дибичу. В 1824 г. был отправлен в экспедицию для обозрения берегов Каспийского и Аральского морей и для истребления морских разбойников, которая была снаряжена под начальством полковника Берга (недавно скончавшегося графа наместника Царства Польского) и в которой он про-

был 1825-й и часть 1826-го года, принимая участие в зимних походах отряда и во всех его военных действиях. По возвращении оттуда, он оставил военную службу и в конце 1826 г. был определен в ведомство иностранных дел и причислен к нашему посольству в Париже, во главе которого стоял в то время знаменитый Поццо-ди-Борго. В следующем году он отправлен с важным дипломатическим поручением в Константинополь, откуда ездил, как сказано в послужном списке, «в окрестные страны для военно-топографических описаний и с секретными поручениями»; из Константинополя возвращался в Париж — чрез Сербию и австрийские владения, — с поручением составить на пути записки об этих странах в политическом, статистическом и военном отношениях.

Затем, по объявлении в 1828 г. Турции войны, он вновь вступил в военную службу и в 1829 г. назначен флигель-адъютантом; до окончания кампании 1828 г. и во все продолжение кампании 1829 г. был во всех делах, в коих находился гр<аф> Дибич, и сверх того при отрядах, которые овладели Айдасом, Бургасом и пр. По окончании войны он думал вновь продолжать службу по министерству иностранных дел, куда и поступил в 1830 г.; но назначение его секретарем нашей миссии в Греции, которое так соответствовало бы впоследствии сложившимся его стремлениям и вкусам, в 1830 г. возбудило в нем (как я слышал от одного из товарищей его юности) сильное неудовольствие, побудившее его переменить ведомство и вступить в министерство внутренних дел, коим управлял в ту пору гр<аф> Закревский и в котором ему было предоставлено управление хозяйственным департаментом¹. В 1834 г., по собственному его желанию, он был назначен губернатором в Тверь, где испытывал замечательную встречу, которая <оказала> решительное влияние на его внутреннее настроение за весь последующий период его жизни и о которой речь будет ниже. В 1837 г. переведен военным губернатором в Одессу, где и оставался до 23 февраля 1840 г. и где заключился первый период его служебной деятельности.

С тех пор до 1855 г. гр<аф> Александр Петрович оставался в стороне от всякой общественной деятельности; в мае же 1855 г. был назначен начальником нижегородского ополчения, с которым был в походе, не далее, впрочем, Киева.

20-го сентября 1856 г. последовал Высочайший указ о назначении его обер-прокурором Св. Синода; в этом звании он пробыл около 5 1/2 лет (до 28-го февраля 1862 г.) и затем был назначен членом Государственного Совета, но обязанностей, с этим званием сопряженных, почти вовсе не исполнял: ибо, по расстроенному здоровью, числился постоянно в продолжительном отпуске и приезжал в Петербург лишь изредка, по особенно важным случаям. <...>

Я познакомился с ним в 1852 г., в первых числах того самого февраля, в 21-й день которого скончался живший в его доме Гоголь. В это время¹ гостил у него приезжий из г. Ржева (Тверской губернии) протоиерей Матвей², который имел весьма важное значение как в его, так и в моей собственной жизни, и которого на тот раз я пришел навестить вместе с одним кимерским крестьянином, искавшим оборы против уловлявших его в свои согласия старообрядцев и вообще желавшим услышать слово назидания из уст вдохновенного проповедника. Среди завязавшей между нами беседы неожиданно вошел к нам в комнату граф и своим появлением сначала смутил было моего деревенского товарища; но его привлекательная улыбка, осветившая несколько строгие черты его лица, и вообще изящная простота, с которою он приветствовал нас обоих и в которой я сразу усмотрел следы не одной внешней благовоспитанности, но и внутреннего смиренного настроения, тотчас же возвратила нашему маленькому собранию на миг стесненную свободу и непринужденность. Он пробыл с нами недолго и, уходя, выразил мне свое желание, чтобы наше знакомство с ним на этом не окончилось. Вследствие того я был у него однажды после отъезда о. Матвея (в тот самый день — в пятницу на маслянице³, — когда Го-

¹ Причину этого неудовольствия и отказа могла быть незначительность предложенной ему должности, которую он мог принять за знак недостаточного расположения гр<афа> Нессельроде иметь его в своем ведомстве. — *Примеч. Т. И. Филиппова.*

голь слег, чтобы более уже не вставать) и провел с ним около получаса, но особенного впечатления это второе свидание во мне не оставило и я не удержал в памяти ничего из этой первой нашей беседы с глазу на глаз. Затем разыгралась драма с Гоголем, которая заняла надолго все внимание впечатлительного домохозяина, пораженного этою до сих пор не вполне разгаданною и как будто умышленною кончиною; а потом, месяца через три, если не ошибаюсь, последовала кончина тестя гр<афа> Александра Петровича, знаменитого лысковского владельца кн<язя> Г. А. Грузинского, которая потребовала переселения графа в осиротевшее Лысково, и я перестал уже думать о моем новом знакомстве, причислив его к приятным, но мимолетным и не оставляющим глубокого следа встречам, каких немало бывает в жизни каждого человека.

Случилось однако иначе. Граф не забыл нашей встречи и в первый же приезд свой в Москву отыскал меня и возобновил со мною прерванное на время знакомство, которое с тех пор продолжалось уже без перерыва до самой его кончины... <...> Причина, по которой граф, так мало зная меня, искал моего знакомства, заключалась, по всем вероятностям, в каких-нибудь преувеличенных отзывах обо мне нашего общего духовного отца (протоиерея Матвея), который, как выше уже замечено, играл в истории нашей внутренней жизни весьма важную роль и о котором я считаю необходимым войти, по настоящему поводу, в некоторые подробности... <...>

О. Матвей (родился 1792 г., ум. 1857 г.), сын священника села Константинова, Новоторжского уезда Тверской губернии, воспитанник тверской семинарии, где кончил курс вместе с П. А. Плетневым (с которым в 50-х годах и возобновил свое давнее знакомство при моем посредстве), поступил дьяконом в с. Осечно (ныне известно по железнодорожной станции) Вышневолоцкого уезда, откуда, по прошествии семи лет, был переведен, по особому распоряжению архиепископа Филарета (впоследствии митрополита Московского), священником в корельское село Диево, Бежецкого уезда, помещиков Демьяновых, с которыми он был связан теснейшими узами дружбы и признательности, а оттуда, через 13 лет, перешел того же уезда в древнее село Езьско, упоминаемое в одном из исторических документов XII века в числе новгородских владений, где пробыл 3 1/2 года, до своего перевода во Ржев (1836 г.), который состоялся не без участия в том гр<афа> Александра Петровича, бывшего в ту пору тверским губернатором.

Смолоду наклонный к подвижнической жизни и способный перенести самое тяжкое лишение, восторженным чувством художника любя великолепие православного богослужебного чина, в котором он не позволял себе опустить ни единой черты, и, что всего важнее, — обладая даром слова, превосходящим всякую меру, он с первых же лет своего служения Церкви сделался учителем окрест живущего народа, и везде, где ни приходилось ему действовать, делался центром, около которого собиралось все, искавшее христианского пути и имевшее нужду в исцелении душевных язв, в восстановлении упавших сил и в ободрении на внутренний подвиг. В свою очередь и он, по собственному его признанию, был бесконечно обязан тому низко между нами поставленному, но пред Богом высокому обществу, среди которого протекли первые 24 года его учительской и пастырской деятельности. Он навсегда сохранил живое воспоминание и с восторгом и неподражаемым художеством речи передавал нам, позднейшим его ученикам, о тех поразительных проявлениях живого и деятельного благочестия между его деревенскими духовными друзьями, которых он был свидетелем, а отчасти и виною, и которые так и просились на страницы Четий-Миней. О<тец> Матвей не раз сообщал мне с некоторым даже удивлением о том впечатлении, которое его рассказы об этих высоких явлениях духа в нашем народе производили на Гоголя, слушавшего их, по библейскому выражению, отверстыми устами и не знавшего в этом никакой сытости. Мне это было понятнее, чем самому рассказчику, который едва ли вполне сознавал, какую роль в этом деле, кроме самого содержания, играло высокое художество самой формы повествования. Дело в том, что, в течение целой четверти века обращаясь посреди народа, о. Матвей, с помощью жившего в нем исключительного дара, успел усвоить себе ту идеальную народную речь, которой так долго искала и донныне ищет, не находя, наша литература и которую Гоголь, сам великий художник слова, так неожиданно обрел

готовую в устах какого-то в ту пору совершенно безвестного священника, никому, кроме небольшого, сравнительно говоря, числа его духовных детей и провинциальных почитателей, ненужного и, как я вполне уверен, этой собственно стороне своего дарования (т. е. внешней, стилистической, если бы можно было так выразиться) не знавшего надлежащей цены.

Тот же склад речи лежал и в основе церковной проповеди о. Матвея, хотя сюда по необходимости входили и другие стихии слова (как, например, церковно-славянская), которые он успел необыкновенным образом между собою мирить и сливать в единое, цельное и исполненное красоты и силы изложение⁴. Я знал во Ржеве лиц, которым, по их образу мыслей, вовсе не было нужды в церковном поучении и которые, однако, побеждаемые красотой его слова, вставляли каждое воскресенье и каждый праздник к ранней обедне, начинавшейся в 6 часов, и, презирая сон, природную лень и двухверстное расстояние, ходили без пропуска слушать его художественные и увлекательные поучения.

О. Матвей не мог привлекать или поражать своих слушателей какою-либо чертою внешней красоты; он был невысок ростом, немножко сутуловат; у него были серые, несколько не красивые и даже не особенно выразительные глаза, реденькие, немножко вьющиеся светло-русые (к старости, конечно, с проседью) волосы, довольно широкий нос; одним словом, по наружности и по внешним приемам это был самый обыкновенный мужичок, которого от крестьян села Езьска или Диева отличал только покрой его одежды. Правда, во время проповеди, всегда прочувствованной и весьма часто восторженной, а также при совершении знаменательных литургических действий лицо его озарялось и светлело, но это были преходящие последствия внезапного восхищения, по миновении коих наружность его принимала свой обычный незначительный вид.

Интонации и движения, коими сопровождалось слова о. Матвея, при всей их выразительности, были совершенно естественны и свободны и всегда вполне соответствовали внутреннему содержанию его речи. Ясность его изложения достигала до того, что даже самые возвышенные и тонкие христианские истины, которых усвоение в пору философствующему уму, он успевал приблизить к уразумению своей большею частью не книжной аудиторией... <...>

Говорить о. Матвей мог, по-видимому, без конца; он не писал и даже не приготавливал своих слов и никогда не знал, куда увлечет его наитие минуты, которому он вверял себя без всякого опасения... <...>

По назначении своем губернатором в Тверь гр<аф> А<лександр> П<етрович>, как человек государственный, не мог оставить без внимания вопроса о состоянии раскола во вверенной ему губернии и, очень хорошо понимая, что раскол и отчуждение от Церкви в значительной части нашего народа поддерживались небрежением клира и продажностью чиновников, вошел в соглашение с бывшим архиепископом тверским Григорием⁵ о том, чтобы в те места, где жители наиболее склонны к расколу, ему посылать самых испытанных в честности чиновников, а архиерею поставлять безукоризненных по жизни и учительных священников. Задача для обоих была нелегкая, и я не знаю, как было в других местах, но по отношению ко Ржеву, в котором в ту пору старообрядцы имели явное и решительное преобладание над православными, преосвященному Григорию удалось исполнить ее с большим успехом, чем гр<аф> Толстому: чиновники, назначенные туда губернатором, были не лучше соседних старицких и зубцовских; а преосвященный Григорий перевел туда из села Езьска о. Матвея, назначив его к приходской церкви Преображения, окруженной старообрядческим населением, и тем дал дальнейшему ходу раскола во Ржеве совершенно иное, для православия весьма благоприятное направление¹.

¹ За двадцать лет пребывания о. Матвея во Ржеве в городе произошла в этом отношении замечательная перемена, благодаря отчасти общему влиянию времени, но прежде всего благодаря проповеднической деятельности о. Матвея. И победа его была бы еще благотворнее, полнее и чище, если бы в последнее время своей жизни он не принял прямого и усердного участия в преследовании раскола, о чем будет сказано подробнее в своем месте. — *Примеч. Т. И. Филиппова.*

В этой-то церкви и произошла первая встреча графа Александра Петровича с о. Матвеем, за которой последовало сперва предпринятое графом из любопытства знакомство, а потом и тесное взаимное между ними сближение, продолжавшееся до самой кончины о. Матвея (1857). Рассказывают ржевские старожилы, бывшие тому будто бы свидетелями, что когда в середине обедни, совершаемой о. Матвеем, вошел в церковь граф и сопровождавшие его местные чиновники, пролагая ему путь, произвели неизбежный при их усердии шум и смятение, то о. Матвей в произнесенной им за эту обедню проповеди не оставил этого обстоятельства без смелого и для всех присутствовавших весьма внятного, хотя и не прямо на лицо направленного, обличения и что это именно обстоятельство, само по себе весьма естественное, но, по нашим нравам, необычайное, и поселило с первого же раза в гр<афе> Александре Петровиче особенное уважение к о. Матвею. <...>

...С этой поры между ними устанавливается духовный союз на всю жизнь. Я не могу сказать, было ли уже в душе гр<афа> Александра Петровича, еще до встречи с о. Матвеем, готовое расположение к усвоению строгих правил христианской жизни⁶, которое он впоследствии исполнял с такою покорностью, или же эта встреча породила в нем первую мысль о обязанности этих правил для всех, следовательно и для него самого; но то несомненно, — так как я знаю это уже от самого графа, — что в лице о. Матвея ему впервые представился никогда до знакомства с ним не виданный им образец такой именно веры, которая выражается не в одних только благочестивых размышлениях, но во всем составе жизни... <...>

О том, что было между графом и о. Матвеем со дня первого их свидания до моего знакомства с графом, я распространяться не буду, как по тому, что подробности их сношений в это время мне недостаточно известны, так еще более по тому, что дело не в них, а в том нравственном итоге, к которому они привели графа Александра Петровича... <...>¹

Я узнал графа в такое время его жизни, когда он был совершенно свободен от всякого обязательного труда и следовательно имел полную возможность весь свой досуг употреблять по своему личному вкусу и усмотрению. И все его дни, один как другой, были посвящены непрерывным заботам о внутреннем совершенствовании, о победе над остатком не усмиривших еще страстных движений сердца, о стяжении дара молитвы. Для достижения этих целей он ежедневно и помногу упражнялся в изучении Св. Писания, знаменитых его истолкователей, а также в чтении бессмертных произведений великих отцов Церкви, из коих особенно любил Св. Василия Великого, как одного из величайших учителей вселенной и недостижимо высоких художников слова. К той именно поре, о которой я говорю, относится появление в свет замечательнейших творений древних подвижников, Иоанна Лествичника⁸, Иоанна⁹ и Варсонофия, Исаака Сирина, Аввы Дорофея и иных, в славянском (Паисия Величковского¹⁰) и русском переводе, изданных усердием и трудами благочестивой Оптиной пустыни. Граф с жадностью вчитывался в эти возвышенные произведения... <...>

Он усердно исполнял все постановления Церкви и в особенности был точен в соблюдении поста, которое доводил до такой строгости, что некоторые недели великого поста избегал употребления даже постного масла. На замечания, которые ему приходилось нередко слышать о

¹ Заговорив об о. Матвее, я считаю почти неизбежным сказать хотя два слова об его отношениях к Гоголю. Говорили, будто бы «Переписка с друзьями» была последствием того влияния, которое имел на Гоголя о. Матвей. Это совершенно неверное предположение. Гоголь не имел с о. Матвеем, до издания «Переписки», никакого сношения и ни разу не видал его в лицо. Самое знакомство между ними, в первый раз заочное, началось тем, что Гоголь, подавленный бременем обрушившихся на него за издание «Переписки» оскорблений, послал свою книгу к о. Матвею во Ржев, при письме, в котором просил его суда над собою и над своею книгою⁷. Имело ли последнее свидание Гоголя с о. Матвеем влияние на его предсмертное настроение — сказать наверное не могу; но считаю его весьма вероятным, сопоставляя роковой случай с другими ему подобными и мне известными, в которых такого рода влияние о. Матвея не подлежит сомнению. — *Примеч. Т. И. Филиппова.*

бесплезности такой строгости в разборе пище, он обыкновенно отвечал, что другие, более высокие требования христианского закона, как, например, полной победы над тонкими, глубоко укоренившимися от привычки страстями, он исполнить не в силах; а потому он избирает по крайней мере такое простое и ему даже доступное средство, чтобы выразить свою покорность велениям Церкви и не поругать трудов и забот о нас тех великих учредителей христианского общества, которые, многократно собираясь со всех концов вселенной, обдумывали все способы к его благоустроению и в числе их указали на пост, поставив его наряду с молитвой. <...>

...У него в доме можно было встретить людей весьма разнообразных, большею частью низменных званий и общественных положений, которых он принимал, соображаясь единственно с их внутренним, иногда действительным, а иногда, впрочем, и мнимым достоинством. <...>

Помышления графа обращались весьма часто и на общее состояние православнои Церкви и на определение той задачи, которая по отношению к ней предназначена нашему отечеству. В последние годы своей жизни, после собственного участия в управлении делами Русской Церкви и после бедственных событий на Востоке, совершившихся не без нашей вины, он приходил, как известно его близким, к самому горькому и безотрадному заключению о том: что такое мы для Церкви и чего она может ожидать от нас вообще. Но в первые годы нашего знакомства он не только не был чужд надежды на постоянную верность России ее высокому всемирному призыванию, но даже усвоивал нам первенствующую роль в будущих судьбах Православия, как единственному великому в православном мире народу, которого внешнее могущество предназначено было, по его убеждению, в орудие Божия о Церкви промышленности. Впрочем, это были только временно посещавшие его душу надежды, в которых он искал отдохновения от глубокого и постоянного сокрушения о несообразном с нашим призванием ходе нашей общественной жизни и о заброшенном и уничтоженном положении нашей Церкви. Иногда это сокрушение переступало даже меру и ввергало его в безотрадное уныние¹¹, которое требовало врачевания, и я помню, что как-то раз по этому поводу о. Матвей очень долго говорил ему о вреде подобного настроения и в заключение привел вразумительные слова, обличившие неумеренность подобной же скорби о судьбах и путях древнего Израиля одного из ветхозаветных пророков: «зело ты во ужасе ума твоего сотворился еси ради Израиля. Или возлюбил еси его паче, неже Сотворивый его?»¹² <...>

Летом 1855 г. мне пришлось, чрез заочное посредство, познакомиться графа с И. В. Киреевским, от которого, по возвращении моем в Москву, вместе с благодарностию за устроенное мною знакомство, я услышал следующие навсегда сохранившиеся в моем сердце слова: «легче становится жить после встречи с таким человеком, как граф Александр Петрович».

Первые опубликовано: *Филиппов Т.* Воспоминание о графе Александре Петровиче Толстом // Гражданин. Газета-журнал политический и литературный / Редактор-Издатель Ф. М. Достоевский. 1874. 29 янв., № 4. С. 109–113. Печатается по первой публикации.

¹ До 5 февраля 1852 г.

² Матфей Александрович Константиновский (1791–1857), священник Спасо-Преображенской церкви г. Ржева, с 1838 г. протоиерей, настоятель Успенского собора; проповедник. Опубликовано несколько писем о. Матфея: Письма ржевского протоиерея о. Матфея Константиновского // Домашняя Беседа для народного чтения. 1861. 9 дек. № 49. С. 958–960; 16 дек. № 50. С. 982–985; 23 дек. № 51. С. 1015–1018. Запись по памяти Рождественской проповеди отца Матфея 1852 г. содержится в письме Т. И. Филиппова к М. П. Погодину из Ржева от 25 декабря этого года; см.: Просветитель. Вестник духовного просвещения. М., 1994. № 1. С. 32–33.

³ Т. е. 8 февраля 1852 г. Гоголь слег позднее. Возможно, Т. И. Филиппов имеет в виду пятницу первой недели Великого Поста, 15 февраля 1852 г.

⁴ Особенно любил протоиерей Матфей Константиновский книгу преосвященного Стефана Яворского «Камень веры»: «...Ее содержание осталось в его памяти до последних дней его жизни» (*Прешлицев Н.* Очерк жизни в Бозе почившего Ржевского протоиерея о. Матфея Александровича Константиновского // Странник. 1860. № 12. С. 248).

⁵ Пресвященный Григорий (Постников, 1784–1860), архиепископ Тверской и Кашинский с 1831 по 1 марта 1848 г.; впоследствии митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский (с 1 октября 1856 г.; назначение графа А. П. Толстого на должность обер-прокурора Святейшего Синода произошло 20 сентября 1856 г.; кончина митрополита Санкт-Петербургского и Новгородского Никанора (Клементьевского) — 17 сентября 1856 г.).

⁶ До знакомства графа А. П. Толстого с отцом Матфеем Константиновским значительное влияние на графа оказал в духовном отношении Гоголь (см.: *Виноградов И. А. Воспоминания о Гоголе и письма к нему графа А. П. Толстого* (из неопубликованных материалов П. А. Кулиша) // Н. В. Гоголь и русская литература. К 200-летию со дня рождения великого писателя. Девятое Гоголевские чтения: Сб. докл. Междунар. науч. конференции, Москва. 1–5 апреля 2009 г. / Под общ. ред. В. П. Викуловой. М., 2010. С. 75–82; см. также в наст. изд. коммент. к статье И. Родионова «Воспоминания В. А. Нащокиной о Пушкине и Гоголе»).

⁷ В январе–феврале (н. ст.) 1847 г. Гоголь писал отцу Матфею: «Я прошу вас убедительно прочитать мою книгу и сказать мне хотя два словечка о ней... <...> Напишите мне письмецо в Неаполь... <...> Приложите в моем письме маленькое письмецо, хотя также из двух строчек, к гр<афу> Александру Петровичу Толстому...». Отец Матфей ответил Гоголю, и между ними завязалась переписка, от которой до нас дошло семнадцать писем Гоголя и одно отца Матфея. П. А. Кулиш, вероятно, со слов графа А. П. Толстого сообщал: «Г<оголь> носил всегда при себе *письма О<тца> Матвея*» (см. в наст. изд. *Воспоминания о Гоголе графа А. К. Толстого, А. М. Жемчужникова и графа А. П. Толстого, записанные П. А. Кулишом*; ср. также: «Гоголь так дорожил письмами отца Матвея, что носил их всегда при себе»; <Кулиш П. А.> *Николай М. Записки о жизни Н. В. Гоголя...* СПб., 1856. Т. 2. С. 181; Соч. и письма Н. В. Гоголя. Издание П. А. Кулиша. СПб., 1857. Т. 6. С. 442). Их первая встреча состоялась в начале января 1849 г. в доме графа А. П. Толстого в Москве. Подробнее см.: *Воронаев В. А. Ржевский знаменитый проповедник. История взаимоотношений Гоголя и отца Матфея* // Москва. 1997. № 6. С. 162–174.

⁸ См. в наст. изд. примеч. 4 к фрагменту из «Жизнеописания Оптинского старца иеросхимонаха Макария» архимандрита Агапита (Беловидова).

⁹ Преподобный Иоанн Пророк (VI в.), палестинский подвижник; память совершается 9 февраля ст. ст.

¹⁰ Паисий (в мире Петр Иванович Величковский, 1722–1794), преподобный, схиархимандрит, основатель Нямецкого монастыря в Молдавии, переводчик святоотеческих творений.

¹¹ См. также в наст. изд. письмо А. О. Смирновой к графу А. П. Толстому от 6/18 сентября 1843 г. в коммент. к статье И. Родионова «Воспоминания В. А. Нащокиной о Пушкине и Гоголе».

¹² 3 Езд. 5, 33.

И. Л. Щеглов

Гоголь и о. Матвей Константиновский (История одного губительного недоразумения) Фрагменты

В Оптиной пустыни я слышал такой рассказ о первой встрече, в одном московском доме, Гоголя с пресловутым ржевским протоиереем о. Матвеем Константиновским. Гоголя представляют отцу Матвею. Отец Матвей строго и вопросительно оглядывает Гоголя:

— Вы какого будете вероисповедания?

Гоголь недоумевает.

— Разумеется, православного!

— А вы не лютеранин?

— Нет, не лютеранин...

— И не католик?

Гоголь окончательно был озадачен:

— Да нет же, я православный... Я — Гоголь!..

— А по-моему выходит — вы просто... свинья, — бесцеремонно отрезал отец Матвей. — Ка-

кой же, сударь, вы православный, когда не ищете благодати Божьей и не подходите под пастырскую благословение?..¹

Гоголь смутился, растерялся и затем, во все время беседы отца Матвея с другими гостями, сосредоточенно молчал. Очевидно было, что резкое слово ржевского протоиерея произвело на него неотразимое впечатление. Да и не на него одного только. Профессор Московского университета Шевырев, присутствовавший при этой сцене, по уходе отца Матвея, громко воскликнул: «Вот так гремели в древности Златоусты!..» <...>

Почтенный оптинский инок (о. Э<раст> В<ытропски>й)², которого мне посчастливилось обрести в пустыни и который в юности своей был одно время письмоводителем у о. Матвея по раскольничьим делам, поведал мне немало любопытного об этой оригинальной личности. Два-три рассказа из уст современника о. Матвея дорисовали мне фигуру последнего лишним ярким штрихом. Несокрушимость его веры являла иногда примеры поистине невероятные. — Как-то летом отправился он по делам в гор<од> Торжок и дорогой жестоко заболел, чуть ли не холеринной. В это время в гор<оде> Торжке происходил ремонт соборного храма, и неожиданно была открыта под алтарем могила преподобной Иулиании³. Богомольные люди поспешно бросились к заветному месту и повычерпали как целительное средство всю воду, наполнявшую могилу. Когда, невзирая на свою болезнь, на место прибыл о. Матвей, на дне могилы оставались лишь комья липкой и вонючей грязи. Недолго думая, о. Матвей опустился на самое дно, собрал благоговейно остатки, съел их... и совершенно выздоровел. — И такой случай религиозного экстаза в жизни о. Матвея — не единственный!

Когда, по доносу (о том, будто он смущал народ своими проповедями) его вызвали к тверскому архиерею⁴ и тот стал кричать на него, грозя упрятать его в острог, о. Матвей отрицательно качал головой: «Не верю, ваше преосвященство!» — «Как ты смеешь так отвечать?» — загремел владыка. «Да, не верю, ваше преосвященство, потому что это слишком большое счастье... пострадать за Христа! Я не достоин такой высокой чести!» Эти слова так озадачили владыку, что он с тех пор оставил о. Матвея в покое.

Впрочем, вскоре о. Матвею действительно пришлось пострадать и притом далеко не на шутку. Как известно, добрую половину жизни о. Матвей провел в борьбе с ржевскими раскольниками — и вот однажды в раскольничьем скиту он обрел неведомо чью мертвую главу, по некоторым слухам принадлежавшую преподобному Савве⁵. Этого было вполне достаточно, чтобы религиозный экстаз неудержимо охватил протоиерея Константиновского. Без всяких дальнейших осведомлений, без спроса архиерея и подлежащего начальства он взял эту главу и с крестным ходом, с хоругвями и иконами, при пении и колокольном звоне торжественно перенес в ржевский собор для поклонения. Эта самовольная канонизация не прошла ему даром и дело дошло до Святейшего Синода и московского митрополита Филарета. В виду полной загадочности главы, она отправлена была на хранение в Тверской кафедральный собор, а на голову о. Матвея обрушились все невзгоды судебной волокиты, особенно тягостно отразившиеся на жене о. Матвея⁶, которая, по свидетельству биографа о. М<атфея>⁷, от сильной скорби впала в чахотку и быстро угасла.

В числе добрых заступников о. Матвея, впутанных в это дело, находился также ныне покойный Тертый Иванович Филиппов, который ездил даже по этому поводу к московскому святителю. Из любопытного письма Т<ертия> И<вановича>, обретенного мною в Оптиной пустыни (у вышеупомянутого почтенного инока), явствует между прочим, что вся эта история сановному заступнику была не особенно по душе... Позволяю себе выписать с разрешения владельца письма заключительные его строки, особенно ценные как беспристрастная характеристика о. Матвея лицом, близко его знавшим: «Дело о ржевской главе очень затруднительно... Показания о. Матвея в этом деле для меня не имеют цены: как вам известно, он ни на минуту не выступал из области чудесного и явлениям самым обыкновенным любил придавать чрезвычайный смысл. Я испытал сам на своей душе вредное влияние этой черты его ума; суеверие, в

которое он впадал, прилипло и к моему уму и мне нужны были усилия, чтобы освободить свою душу от этого порабощения. И тут было не без опасностей, ибо всякий переворот, как в государстве, так и в человеческой душе совершается всегда с сильным брожением, всегда близким к беде. Вот почему я не могу принять никакого участия в возбуждении дела, которое ныне забыто и которое нуждается в новых явлениях, чтобы привлечь к себе внимание церковной власти... Ваш Т. Филиппов». <...>

Мы уже знаем об эффекте первой встречи Гоголя с о. Матвеем. Достоверность ее подтверждает устное свидетельство Т. И. Филиппова моему доброму знакомому оптинскому инок; но из дальнейших событий можно думать, что все же это была лишь мимолетная случайная встреча в толпе гостей и настоящее сближение и, вместе с тем, недоразумение между Гоголем и о. Матвеем началось собственно с посылки первым во Ржев экземпляра «Переписки с друзьями».... <...>

По словам <...> Тарасенкова, однажды, когда о. Матвей зашел, видимо, чересчур далеко в своем обличительном пафосе, Гоголь не выдержал и проронил: «Довольно, довольно!.. оставьте! Не могу долее слушать... Слишком страшно!!»⁸

Бедный Гоголь!..

Трудно, право, представить сцену более разительного контраста... Гоголь — великий Гоголь, беспощадный сатирик, гениальный провидец сердца человеческого — бледный, потрясенный, почти скованный от ужаса в своем кресле... и перед кем же? Перед невзрачным и полунежественным, иступленным, пугающим его болезное воображение лубочным свитком загробных мытарств... Разве только одна кисть Репина была бы в состоянии обессмертить на полотне эту захватывающую, тонко психологическую и глубоко национальную трагедию!..⁹ <...>

Было бы однако односторонним преувеличением приписывать личности о. Матвея исключительное влияние на безвременную кончину Гоголя. Он явился лишь «пятым актом» сложной трагедии, пережитой автором «Мертвых душ», роковая развязка которой подготавливалась исподволь, можно сказать, с того самого момента, когда получилось известие о смерти Пушкина. <...>

Первые опубликовано: *Щеглов Ив.* Гоголь и о. Матвей Константиновский. (История одного губительного недоразумения) // Новое Время. 1901. 13 дек. № 9260. С. 2–3; см. также: *Щеглов Ив.* Гоголь и о. Матвей Константиновский // *Щеглов Ив.* Подвижник слова. Новые материалы о Н. В. Гоголе. СПб., 1909. С. 78–79, 82–84, 87–88, 93–94; *Щеглов Ив.* Гоголь и о. Матвей Константиновский // *Щеглов Ив.* Н. В. Гоголь. <СПб.>, 1912. С. 78–79, 82–84, 87–88, 93–94; с письмом под статьей: «1901». Печатается по первой публикации.

¹ «Начав с нелепой басни, будто о. Матвей позволил себе при первой встрече с Гоголем, ни с того ни с сего, обозвать его свиньей, из-за того, будто бы, что последний не подошел под его благословение, автор статьи с ехидством называет эту басню “счастливо сохранившимся рассказом” и на этой канве рисует свои фантазии» (*Фиников К., ржевский протоиерей.* В защиту ржевского протоиерея Матфея Константиновского // Тверские Епархиальные Ведомости. 1902. 1 марта, № 5. Часть неофициальная (цензурное разрешение 1 марта). С. 142).

² Судя по инициалам, собеседником И. Л. Щеглова был иеромонах Ераст (в мире Ераст Кузьмич Вытропский), письмоводитель преподобного Амвросия Оптинского, автор «Исторического описания Козельской Оптиной пустыни и Предтечева скита (Калужской губернии)» (Сергиев Посад, 1902).

³ Вскрытие гробницы св. праведной Иулиании, княгини Вяземской, Новоторжской, произошло при разборке обветшавшего собора в 1815 г.

⁴ Имеется в виду либо преосвященный Григорий (Постников, 1784–1860), архиепископ Тверской и Кашинский с 1831 г. (впоследствии митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский), либо преосвященный Гавриил (Розанов, 1781–1858), архиепископ Тверской и Кашинский с 1 марта 1848 по 1857 г..

⁵ Об этом событии, случившемся 1 мая 1853 г., см. также в наст. изд. в воспоминаниях о Гоголе Е. Н. Бастамовой (рожд. Алмазовой) и в «Воспоминаниях о последних днях жизни Н. В. Гоголя» Д. Н. Свербеева.

⁶ Дочь сельского священника Мария Дмитриевна Константиновская (рожд. Григорьева) скончалась 13 марта 1854 г.

⁷ Н. Грешищева, зятя протоиерея М. А. Константиновского.

⁸ См. в наст. изд. мемуары А. Т. Тарасенкова «Последние дни жизни Николая Васильевича Гоголя».

⁹ Илья Ефимович Репин (1844–1900), художник. В 1870 г. написал серию из четырех рисунков «Поприщин». В 1878 г. создал портрет Гоголя (по дагерротипу 1845 г.; см. в наст. изд. статью В. В. Стасова «Гоголь и русские художники в Риме»). В 1902 г. предвзятая интерпретация И. Л. Щегловым взаимоотношений Гоголя и протоиерея Матфея Константиновского, сопровождаемая замечанием Щеглова (в публикации 1901 г.) о том, что «только одна кисть Репина была бы в состоянии обессмертить на полотне эту захватывающую, тонко психологическую и глубоко национальную трагедию», побудила Репина написать два эскиза «Гоголь и отец Матвей», представляющие собой иллюстрацию слов Щеглова о «бледном, потрясенном, почти скованном от ужаса» Гоголе перед «полуневежественным, иступленным, пугающим его болезное воображение» отцом Матфеем. Один из этих рисунков Репина Щеглов поместил в 1909 г. на обложке своей книги о Гоголе. Еще один, также близкий к карикатуре, рисунок Репина (с изображением Гоголя, сжигающего рукописи), — рисунок в свою очередь призванный упредить легенду о безумии «позднего» Гоголя, — с посвящением: «Ивану Леонтьевичу Щеглову. И. Репин. 19 февр<аля> 1909», — Щеглов поместил в 1909 г. в качестве отдельной вклейки к своей книге (после титульного листа). В предисловии «От автора», датированном 19 марта 1909 г., И. Л. Щеглов пояснял: «Бесконечно тронут сердечной отзывчивостью дорогого Ильи Ефимовича Репина, одухотворившего скромный труд мой двумя гениальными набросками, отмечающими как раз два наиболее трагические момента из жизни автора “Мертвых душ”: обличение Гоголя “Отцом Матвеем” и, как прямой его результат, сожжение второй части этих самых “Мертвых душ”... Мне думается, что настоящая маленькая книга <...> освещает коренные причины “великой трагедии великого страдальца земли русской” (выражение Репина из его письма ко мне о Гоголе)» (*Щеглов Ив.* Подвижник слова. Новые материалы о Н. В. Гоголе. СПб., 1909. С. I; см. также: *Щеглов Ив.* Н. В. Гоголь. <СПб.>, 1912. С. I).

В 1909 г. Репин написал также картину «Самосожжение Гоголя» сходного содержания (Государственная Третьяковская галерея). Характерны послания И. Е. Репина к В. В. Стасову 1880–1890-х гг., написанные по поводу картины художника «Запорожцы» (1878–1891). Вопреки замыслу Гоголя показать в повести общину людей, нашедших свое призвание в исполнении заповеди Спасителя: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15, 13), Репин в письме к В. В. Стасову от 31 марта 1892 г. заявлял: «...Вы не чета Ге и даже Л. Толстому в их проповедях — ведь они рабство проповедуют. Это *не сопротивление злу*. Да вообще все христианство — это рабство, это смиренное самоубийство всего, что есть лучшего <...> И вот выделились из этой забитой, серой, рутинной, покорной, темной среды христиан смелые головы, герои...» (И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка. М.; Л., 1949. Т. 2. С. 172). «Недаром про них Гоголь писал, — замечал ранее И. Е. Репин о запорожских казаках в письме к В. В. Стасову от начала ноября 1880 г., — <...> никто на всем свете не чувствовал так глубоко *свободы, равенства и братства*!» (Там же. Т. 2. С. 56). В 1901 г. праправнук святителя Иоасафа Белгородского (Горленко), критик и искусствовед В. П. Горленко (1853–1907) замечал по поводу изображения Репиным персонажей его картины, что «казаков и запорожцев, этих рыцарей, в течение веков защищавших Россию от наплыва с юга мусульманских орд», «наша публика созерцает на известной картине Репина в образах каких-то диких уродов» (см. в наст. изд. статью В. П. Горленко «Дворянское дело Гоголя»). См. также в наст. изд. статью И. Л. Щеглова «Из записной книжки. Беседа с современником о. Матвея Константиновского <протоиереем Ф. И. Образцовым>».

Из публикаций о взаимоотношениях Гоголя и протоиерея Матфея Константиновского

Е. Н. Поселянин

Гоголь и протоиерей Матфей Ржевский <По поводу статьи И. Л. Щеглова «Гоголь и о. Матвей Константиновский»> Фрагменты

Замолкло оживление Гоголевских дней, затихли похвалы славному художнику и вдумчивому проповеднику... Но и теперь, после всего многого, что сказано и писано было про Гоголя, его образ перед нами в том же неразгаданном отдалении; все та же глубокая тайна стоит между ним, его внутренним миром и нами, — всем русским, читающим и поклоняющимся ему, как вполне нами понятому и усвоенному, на самом же деле все еще непонятому, гению.

И, конечно, самая большая и пока самая непоправимая беда нашего непонимания заключается в том, что не может язычник понять христианина; почему и мы, с нашими заядлыми языческими взглядами, не можем понять Гоголя. Именно вследствие языческих настроений наших, многое в Гоголе нас смущает, раздражает. <...>

...Плохую услугу памяти Гоголя оказал г. Щеглов, поместивший в № 9260 *Нового Времени* бранную статью¹ против пользующегося доселе весьма большим и заслуженным уважением среди православных людей, доселе хранящих о нем благодарную память, как о чрезвычайно ревностном, чрезвычайно цельном пастыре-подвижнике, — против протоиерея Ржевского собора, о. Матфея Константиновского, которого г. Щеглову угодно называть изысканно вежливую кличкой «полунежественного, недалекого сельского попа». <...>

Если бы около Гоголя были личности, которые склоняли бы его к дурному, конечно, они не вызвали бы на себя столько нападков, сколько вызывает отец Матфей, доведший до конца то дело, за которым обратился к нему Гоголь, — приготовивший его к смерти.

И как будто помимо воли Божией может человек ускорить смерть другого человека. Без отца Матфея в тот же час умер бы Гоголь, но умер бы неприготовленный, без того внутреннего мира, который озарил его последние дни.

Понятно, что в нашем обществе, весьма равнодушном к вопросам будущей жизни, не будут поняты цели Гоголя и о. Матфея, смешон будет казаться этот великий покаянный подвиг писателя. <...>

Впервые опубликовано: *Поселянин Е.* Гоголь и протоиерей Матфей Ржевский // *Московские Ведомости.* 1902. 27 февр. № 57. С. 3. Печатается по первой публикации.

Евгений Николаевич Поселянин (настоящая фамилия Погожев, 1870–1931), духовный писатель, мученик.

О взаимоотношениях Гоголя и отца Матфея Константиновского см. также в наст. изд. свидетельства, помещенные в статье Е. Н. Бастамовой «Из личных воспоминаний о Н. В. Гоголе» и в разделе *Гоголь в воспоминаниях Т. И. Филиппова.*

¹ См. выше статью И. Л. Щеглова «Гоголь и о. Матвей Константиновский».

К характеристике о. Матвея Константиновского Фрагменты

Статья моя «Гоголь и о. Матвей Константиновский» (Новое Время № 9260) имела в итоге несколько сочувственных откликов по моему адресу. При этом, после чуткого письма И. Е. Репина¹, особенно дорогим и существенным явился для меня признательный отклик сына покойного Тертия Ивановича Филиппова — Сергея Тertiевича. Из личной беседы с последним подтвердилось одно очень характерное обстоятельство, а именно: что его отец, Тertiий Иванович, под давлением о. Матвея, очутился одно время в том же положении, как Гоголь в последние дни, т. е. был накануне неминуемой катастрофы. <...> В доме Филиппова это была своего рода «семейная драма», тяжело отразившаяся на домашних и особенно сильно возбуждавшая против о. Матвея его жену, досточтимейшую Марью Ивановну, родственницу Погодина. И Бог весть, чем бы кончилась без этой благородной женщины блистательная карьера Тертия Ивановича, этого гуманнейшего сановника, оказавшего, между делом, столько добра для русской словесности и многих ее представителей!.. Еще будучи невестой Тертия Ивановича и заметив губительное одностороннее влияние, производимое о. Матвеем на впечатлительную душу своего жениха, она вступила в негласную, женски-страстную борьбу с этим деспотическим влиянием и в результате, не без упорного труда, конечно, вышла счастливой победительницей. Сила гипнотизма ржевского пастыря ослабла, и Тertiий Иванович, к радости семьи, с новым рвением предался своей обычной гуманитарной и общественной деятельности.

Но, по свидетельству его сына, Сергея Тertiевича, явные следы этого влияния долго еще оставались и, не смотря на многие веские доказательства, рисовавшие о. Матвея совершенно в противоположном свете, Т<ertiий> И<ванович> ни одним словом не позволял себе отозваться о нем непочтительно. И лишь за несколько лет до своей смерти он изменил свой взгляд на ржевского пастыря и то благодаря случайно попавшему ему в руки письму о. Матвея, обнаружившему, что означенный пастырь, столько обязанный в своем духовно-судебном процессе (пресловутое дело о главе св. Саввы) поддержке Тертия Ивановича, вел, так сказать, двойную игру и был главной причиной личной размолвки Тертия Ивановича с графом А. П. Толстым... <...>

Сергей Тertiевич, ревнующий к памяти своего отца, подготавливает в настоящее время любопытное издание: «Архив Тертия Ивановича Филиппова», в котором между прочим имеется с полсотни интимных писем отца Матвея, а также любопытная записка одного духовного лица о личности ржевского протоиерея.

Нам удалось пробежать некоторые из писем и взглянуть в таинственную записку, принадлежащую, по-видимому, перу тверского архимандрита Леонида (тоже пострадавшего одно время вследствие злопамятности о. Матвея).

Письма предательски выдают черты мелочности, тщеславия и ясной двойственности в делах житейских о. Матфея, т. е. почти те же пороки, в коих ржевский пастырь столь усердно упрекал бедного Гоголя. Записка же дает характерную подробность о загадочной истории с мнимо чудотворной главою, обретенной о. Матвеем в раскольничьем скиту и самовольно им канонизированной. <...>

Любопытны в записке строки, касающиеся Гоголя. Автор записки пишет: «Гоголь как-то сказал: “Чтобы понять Священное Писание, надо иметь ум просвещенный и эстетически развитую душу”. Когда эти слова передали отцу Матвею, он отвечал: “Да, Гоголь действительно это говорил... откуда не знал «Сираха», — а как прочел «Сираха»... сразу упал!..»²

Что делать, и сам о. Матвей тоже, в свою очередь, упал в нашем мнении, когда нам пришлось перечитать некоторые документы из любопытного архива Т. И. Филиппова... Две ценные черты со слов своего покойного отца сообщил мне Сергей Тertiевич об отношении о. Матвея

к Гоголю. По рассказам Т<ертия> И<вановича> упреки отца Матвея действовали на Гоголя подавляюще, доводили его до слез... Но каждый раз, когда Гоголь в отчаянии спрашивал: «Что же наконец делать?», — о. Матвей несколько терялся... и отделялся общими фразами: «Надо соблюдать посты!», «Исполнять волю Пославшего!», и т. п. — «Равно имею полное основание полагать, — утверждал Т. И. Филиппов, что из сочинений Гоголя о. Матвей ничего не читал, кроме “Переписки”, присланной ему самим автором, а с произведениями Пушкина и вовсе знаком не был». Это в значительной степени опровергает эффектную фразу В. В. Розанова, будто бы сказанную о. Матвеем Гоголю: «Отрекись от Пушкина!...»³ Это слишком тонко для отца Матвея, даже если бы он и читал Пушкина... <...>

Кстати сказать, покойный Н. С. Тихонравов, насколько нам известно, держался более резкого взгляда на личность отца Матвея, чем тот, что заключает сущность нашей заметки, но смерть помешала Н<иколаю> С<аввичу> опубликовать обличительные факты по этому поводу, бывшие в его руках.

Впервые опубликовано: *Щеглов Ив.* К характеристике о. Матвея Константиновского // Новое Время. 1902. 16 марта. № 9350. С. 2; см. также: *Щеглов Ив.* К характеристике о. Матвея Константиновского // *Щеглов Ив.* Подвижник слова. Новые материалы о Н. В. Гоголе. СПб., 1909. С. 164–170; *Щеглов Ив.* К характеристике о. Матвея Константиновского // *Щеглов Ив.* Н. В. Гоголь. <СПб.>, 1912. С. 164–170. Печатается по первой публикации.

¹ См. примеч. 9 к статье И. Л. Щеглова «Гоголь и о. Матвей Константиновский».

² Книгу Премудрости Иисуса, сына Сирахова, Гоголь цитирует в статье «О том, что такое слово» «Выбранных мест из переписки с друзьями» (гл. 28, ст. 28–29). Ссылка на эту книгу содержится также в выписке «О слове» гоголевского сборника 1843–1844 гг. «Выбранные места из творений св. Отцов и учителей Церкви». Выписка была сделана Гоголем из статьи, помещенной в третьем томе «Христианского Чтения» за 1843 г.: «Святого Отца нашего Иоанна Златоустого Толкование на 140-й псалом. Ст. 3. *Положи, Господи, хранение устом моим*». Она была использована Гоголем при написании статьи «О том, что такое слово».

³ Фраза была впервые сообщена не В. В. Розановым, а протоиереем Ф. И. Образцовым в статье «О. Матвей Константиновский, протоиерей Ржевского собора (+14 апреля 1857 г.). По моим воспоминаниям» (см. в наст. изд.).

С. Т. Филиппов

Письмо в редакцию
<Опровержение на статью И. Л. Щеглова
«К характеристике о. Матвея Константиновского»>
Фрагменты

М. г.! Позвольте мне через посредство уважаемой газеты вашей выразить И. Л. Щеглову искреннюю мою признательность за теплые слова, посвященные им памяти покойного отца моего Т. И. Филиппова в заметке «К характеристике о. Матвея Константиновского», и вместе с тем исправить некоторые неточности, вкравшиеся в его изложение, основанное, как это он и указывает, на нашей личной беседе, в которой принял участие также и Н. П. Аксаков¹, причем им, а не мною, сообщены были не совсем верно воспроизведенные в заметке И. Л. Щеглова рассказы моего отца о влиянии о. Матвея на Гоголя. В сообщениях же И<вана> Л<еонтьевича> о влиянии, которое в свое время имел о. Матвей на отца моего, подкрепляемых указанием на беседу со мною, есть уже крупные неточности и преувеличения. Так, мне приписывается сообщение, что покойный Третий Иванович, под давлением о. Матвея, очутился одно время почти в том же положении, как Гоголь в последние дни, т. е. был накануне неминуемой катастрофы. Здесь явная ошибка или недоразумение. Ничего подобного никогда не бывало ни по рассказам

самого отца, ни по семейным воспоминаниям, ни по сведениям сверстников и современников. По крайней мере, я никогда ничего подобного не слышал. Да того и не могло быть, так как влияние о. Матвея не было исключительным, а потому не могло иметь характер «давления», влекущего за собою своего рода «гипноз», о котором далее упоминает г. Щеглов. Религиозный уже сам по себе, покойный отец мой, отнюдь не теряя своей самостоятельности, находился под влиянием не одного только о. Матвея, но и под влиянием <преподобного> Макария Оптинского, И. В. Киреевского, перед памятью которых благоговел он всю жизнь, и всего более под влиянием Отцов и учителей Церкви, труды которых ревностно изучал он тогда. Последствием влияния, выпавшего на долю о. Матвея, было только усиленно строгое соблюдение постов, которые, впрочем, и независимо от этого влияния, или «давления», отец мой соблюдал и в течение всей своей жизни. <...> Само собою разумеется, что никакой семейной драмы, о которой, также ссылаясь на меня, свидетельствует г. Щеглов, в свою очередь никогда не существовало. Если покойная мать моя, со свойственной ей чуткостью, ранее угадала некоторое двоедущие в личном отношении о. Матвея к отцу моему и не скоро убедила в том своего мужа, то происходило это прежде всего оттого, что отец мой вообще не склонен был придавать личным отношениям первенствующее значение в деле нравственной оценки человека.

Полагаю, что глубокоуважаемый И. Л. Щеглов не посетует на меня за сделанные поправки к его интересной статье.

Впервые опубликовано: Письма в редакцию. <...> П. Филиппов С. М. г.! Позвольте мне через посредство... // Новое Время. 1902. 20 марта. № 9354. С. 4. Печатается по первой публикации.

Сергей Тертиевич Филиппов, сын Т. И. Филиппова.

¹ Николай Петрович Аксаков (1848–1909), богослов, публицист, поэт.

Л. Н. Грешищев

**Письмо в редакцию
<Опровержение на статьи И. Л. Щеглова
«Гоголь и о. Матвей Константиновский» и
«К характеристике о. Матвея Константиновского»>
Фрагменты**

М. г. Не найдете ли возможным дать место в вашей уважаемой газете следующим строкам.

Связанные с недавней 50-летней годовщиной смерти Н. В. Гоголя и помещенные в №№ 9260 и 9350 «Нового Времени» две статьи: «Гоголь и о. Матвей Константиновский» и «К характеристике о. Матвея Константиновского», вынуждают меня как внука покойного сказать несколько слов в защиту его доброго имени. Опираясь якобы на свидетельство Тертия Ивановича Филиппова, г-н Ив. Щеглов приписывает о. Матвею Константиновскому губительное влияние на творчество Гоголя и какие-то неблагоприятные поступки по отношению к Тертию Ивановичу.

К сожалению, я не могу сказать многое, так как из того документального, что имело связь у о. Матвея с Гоголем, у меня ничего не сохранилось: черновых его писем к Гоголю нет, сбереженные покойной матерью моей некоторые из писем гениального к нему были в свое время отпечатаны, а присланный, по словам матери, автором деду том «Мертвых душ», который я хорошо помню, был утерян после бывшего в Ржеве 7-го июля 1871 года большого пожара, и из фактических данных того времени у меня имеется только письмо покойного Тертия Ивановича Филиппова к моему отцу в ответ на его извещение о кончине о. Матвея (14-го апреля 1857 г.), по-

меченное датой: Спб. 20-го апреля 1857 г., — и это письмо свидетельствует о том глубоком уважении и признательности, которые питал в то время к о. Матвею Третьему Ивановичу. <...> ...Я уверен, что, называя в этом письме моего деда вторым отцом своим, Третьий Иванович говорил это языком сердца, говорил от души.

Быть может, имеющиеся у Сергея Третьевича Филиппова документы того времени и сохранившиеся письма моего деда к его отцу, о которых упоминает в статьях своих г. Щеглов, и представят о. Матвея пред судом истории в другом свете, как по отношению его к «бедному Гоголю», так равно и к Т. И. Филиппову, но до их обнародования, я полагаю, преждевременно одного из друзей Гоголя, бесспорно, по своим духовным средствам, человека выдающегося, приравнивать к «любому мужику села Ески», куда архипастырской властью был некогда призван о. Матвей проповедовать слово Божие среди корел, подкрепляя это ссылкой на свидетельство Т. И. Филиппова, который, как и Гоголь, глубоко уважал деда.

Чувства великого писателя к о. Матвею Константиновскому видны в его письмах к нему, а добрую и сохранившуюся до конца дней память Третья Ивановича Филиппова к моему деду, надеюсь, не откажет подтвердить и сын его, уважаемый Сергей Третьевич.

Впервые опубликовано: Письма в редакцию. I. *Грешинцев Л. М. г.* Не найдете ли возможным... // Новое Время. 1902. 6 апр. № 9371. С. 4. Печатается по первой публикации.

Л. Н. Грешинцев, внук протоиерея М. А. Константиновского.

А. Панкратов

Отец Матфей Фрагменты

<...> На этих днях я ездил в Ржев, где он <о. Матфей Константиновский> провел последние 20 лет своей жизни. Город еще полон памяти о нем. Остались лица, знавшие его лично. Жив внук его — Л. Н. Грешинцев.

Там из расспросов предо мной обрисовалась величественная, но совсем не мрачная фигура «душеубийцы» Гоголя. <...>

Это было в 1857 году. Девяностолетний звонарь соборной колокольни Рафаилыч, который звонил еще при о. Матфее и звонит сейчас, предавал мне об этом факте так:

— Вышел указ отнять у староверов моленную. А они не дают... Вызвали солдат. Отец Матфей был, почитай, при смерти... Однако, встал и пошел через силу. И не нужно ему было, а пошел. Я его держу под руки. Идем сквозь строй солдат. А из всех домов кричат: «Антихристы! Ироды! Гонители! Бога в вас нет!» Камнями бросают.. А протопоп идет, — и мы с ним. Жутко, но приятно, — за веру терпим поношения. Сбили замки с моленной, протопоп вошел и тут же упал от слабости. Мы его вынесли на руках. <...>

Жизнь о. Матфея необычная. Ржев при нем жил общиной апостольского времени. Проповедь слова Божия была задачей жизни о. Матфея. Он ходил, как апостол, по деревням, собирал народ по ночам в церковь, беседовал у себя на дому. Неустанно, непрерывно всю жизнь проповедовал Евангелие. К старообрядцам ходил в дома, но не грозил им ничем, кроме суда Божия.

Дар проповеди редкий. Впечатление от нее потрясающее. В храме рыдали, когда он говорил. Слово его было «со властью», а воля непреклонна.

Никогда ничего не имел.

— На земле живем в гостях, — зачем нам деньги?

Ему деньги давали, но он все раздавал. Отдавал и свои деньги. Собрали ему денег на дом, а он роздал нищим. Собрали вновь и уже отдали его жене.

У него был странноприимный дом, всегда полный бедноты. Нищим за столом прислуживал иногда он сам. Его обвиняли, что он укрывает беглых от притеснений начальства. Он сказал в ответ:

— Я принимаю меньшого брата Христа. И буду принимать, как велит Евангелие... <...>

Всю жизнь провел в молитве и строгом посте. Ел столько, чтобы «сердцу всегда близки были слезы». Жил более в храме, чем дома.

Из семинарии хотел бежать в пустыню. По окончании семинарии стремился в монахи. Но мать упростила, и он пошел в дьяконы. <...> Постник и молитвенник — он шутил и часто улыбался. Это передает звонарь Рафаилыч, который жил с ним бок о бок и видел его ежедневно. <...>

Никого не проклинал, никому не грозил.

— Даже не осуждал никого никогда, — говорил Рафаилыч.

Сын о. Матфея¹, тоже священник, теперь умерший, говорил о своих юношеских годах:

— Молодой любил я веселиться, много спать и ленив был к церковной службе. Отец видел все, но никогда ничего не говорил. Разве зайдет и мимоходом сбросит: «А сегодня торжественная служба будет!...» <...>

Популярности его была огромна. Это был Иоанн Кронштадтский Ржевского уезда.

— Помещики побросали свои имения и переселились во Ржев, — рассказывает Рафаилыч.

Толпа ходила за о. Матфеем. Все хотели видеть в нем святого, ждали пророчеств, но он всегда с этим боролся. <...>

Он страшно не любил лести и сам не любил льстить.

Еще будучи дьяконом, он выступил в церкви со словом обличения против помещика — главного прихожанина². Это в крепостное-то время!.. А обличал он помещика за то, что тот смеялся и разговаривал в храме. Помещик поклялся отомстить, но ничего не мог сделать.

Его отношения к гр<афине> Адлерберг³, Третью Филиппову, гр. Толстым были чужды унижения. <...>

О Третьи Филиппове Рафаилыч рассказывал:

— Студентом званывал со мной на колокольне. Отец протопоп его и в люди вывел: сказал гр<афу> Толстому, прокурору Синода, что хороший человек...

Сам Третьи Филиппов говорил об о. Матфее:

— Через него я Бога познал. <...>

Г. Мерещковский слишком увлекся⁴. Одной черной краской своего настроения он разрисовал живую картину. Ему вообще приятен демонизм, а страшный конец Гоголя навевает самые мрачные объяснения. И он с легким сердцем рядит в мефистофельский костюм о. Матфея. <...>

Сын Н. Д. Квашнина-Самарина⁵, Д. Н. Квашнин-Самарин, передавал мне такую мысль своего отца. Последний знал о. Матфея по рассказам близких ему людей.

— О. Матфей был настолько умный человек, что мог ценить художественные произведения Гоголя. Но когда великий писатель стал решать моральные проблемы и мнил быть пророком и спасителем России, чуткий христианин о. Матфей сказал ему: «Сперва сам возвысься духовно, а потом и поучай!» Так как Гоголь не проявлял склонности возвратиться на прежний путь, то о. Матфей и посоветовал ему: «Лучше брось имя литератора! А то ты больше навредишь, чем пользы окажешь!» <...>

Первые опубликовано: Панкратов А. Отец Матфей // Русское Слово. 1909. 2 апр. № 74. С. 2; 3 апр. № 75. С. 2. Печатается по первой публикации.

¹ Дмитрий Матвеевич Константиновский, протоиерей Скорбященской церкви в Твери.

² Имеется в виду генерал Цыбульский.

³ Имеется в виду графиня Мина Егоровна Адлерберг.

⁴ Имеется в виду работа Д. С. Мережковского «Судьба Гоголя», впервые опубликованная в 1903 г. в журнале «Новый Путь» (№ 1–3) и затем неоднократно переиздававшаяся под другими названиями. Как и в случае с И. Е. Репиным (см. в наст. изд. коммент. к статье И. Л. Щеглова «Гоголь и о. Матвей Константиновский»), в основу работы Мережковского была положена предвзятая интерпретация взаимоотношений Гоголя и протоиерея Матфея Константиновского в статье И. Л. Щеглова.

⁵ Николай Дмитриевич Квашнин-Самарин (род. в 1841), член-учредитель Тверской ученой Архивной комиссии (с 1884 г.), историк.

Из воспоминаний протоиерея Феодора Образцова

Протоиерей Ф. И. Образцов

**О. Матфей Константиновский,
протоиерей Ржевского собора († 14 апреля 1857 г.).**

**По моим воспоминаниям
Фрагменты**

Видали ли вы прозорлица, приходилось ли вам слышать вещее слово его, когда в молитвенном настроении устремляет взор свой вдаль времен и вещает тайны будущего? В такие торжественные минуты как будто отрешается от земли, трепетно внимаешь каждому слову... Такие минуты не забываются во всю жизнь, и потому благоговейное изумление охватывает каждый раз, когда видишь, что вешие глаголы прозорлица исполняются в точности. В таком состоянии я находился не раз, и в настоящее время нахожусь в том же состоянии, когда читаю газетные известия об о. Матфее Константиновском и его отношениях к Н. В. Гоголю.

— Будут бранить меня, ох, сильно будут бранить.

— За что же? Ваша жизнь такая безупречная!

— Будут бранить, будут.

— Не за Гоголя ли?

— Да, и за Гоголя и за всю жизнь мою. Но я не раскаиваюсь в жизни своей, не раскаиваюсь и за отношения мои к Николаю Васильевичу.

Свидетельствуюсь совестию, что это точные слова о. Матфея, сказанные им за три месяца до своей смерти¹ и лично мною слышанные.

Наступило время исполнения сказанному. По случаю исполнения 50-летия со дня кончины Н. В. Гоголя, вспомнили и о. Матфея. Сама Оптина пустынь, обитель смиренных иноков, училище смирения и всепрощения — первая подала повод бросить грязью в человека, благоговейная память о котором сохранилась во Ржеве и во всех знавших его лично². <...>

Кто же был о. Матфей? Сперва сельский диакон, потом сельский священник, далее градский священник и соборный протоиерей. Прежде всего припоминаю внешний вид о. Матфея. Говорят, что он был суровой, печальный, строптивый, мрачный фанатик. Ничего такого не было в о. Матфее. Стоит только взглянуть на портрет его, чтобы усумниться в этих словах. Напротив, он всегда был жизнерадостен: мягкая улыбка очень часто виднелась на его кротком лице, когда он говорил с другими; никто не слышал от него гневного слова, никогда он не возвышал своего голоса: всегда был ровный, спокойный, самообладающий. Жизнь вел строго воздержную: вина никакого не пил, мяса не вкушал, свободные деньги раздавал неимущим. Ворота дома его всегда были открыты для странников... <...> Каждый день он прочитывал житие дневного святого, с 3-х часов пополудни становился на домашнюю молитву. Церковные службы совершал неопустительно и без малейших сокращений. <...> Семейная жизнь его проходила

тихо, в полном внутреннем спокойствии; дети благоговейно почитали отца, отец нежно любил детей. И что это был за дом о. Матфея. Это был дом идеальный священнический. <...> Как товарищ сына его по семинарии, я бывал в этом доме, и всякий раз, бывало, какходишь во 2-ой этаж, еще на лестнице, невольно чувствовалась потребность взглянуть внутрь себя, приготовить сердце свое только к чистому и святому. Тихая, спокойная речь о. Матфея невольно открывала сердце слушателя и собеседника. Недаром покойный Т. И. Филиппов любил засиживаться в этом доме целыми часами. <...> Когда я был в старшем классе семинарии, и по окончании курса, в течение двух лет, я был слушателем о. Матфея. Проповедь его была импровизированная, на текст дневного евангелия. Простота слова, живая образность поражала слушателя, искреннее убеждение проповедника в правоте слова и в сознании того, что он творит волю Пославшего его, неотразимо действовали на сердце слушателя... <...>

Всю жизнь он горел, как свеча пред Господом. <...> Бывший тогда преосвященный Тверской Григорий, впоследствии митрополит С.-Петербургский, заметив дар проповедничества о. Матфея, перевел его из села без прошения в Ржев к Спасской церкви, в видах вразумления раскольников. Проповеди о. Матфея не понравились раскольникам, и последовал донос владыке, что о. Матфей возмущает народ. В те времена эти слова имели страшное значение. Владыка вытребовал о. Матфея в Тверь и сурово взглянул на него, когда представился он владыке. «Что ты делаешь во Ржеве? мне доносят, что ты возмущаешь народ своими проповедями. Я тебя упрячу в острог!» — «Не верю, Ваше Высокопреосвященство», — отрицательно, слегка покачивая своей головой, отвечал о. Матфей. «Как смеешь так отвечать?» — «Да, не верю, Ваше Высокопреосвященство; слишком большое счастье пострадать за Христа, я недостоин такой высокой чести». Владыка отпустил о. Матфея с миром, но в бытность свою во Ржеве, владыка в конце литургии сказал о. Матфею: «поди, скажи проповедь», а сам сел в царских вратах и внимательно слушал. По окончании проповеди сказал о. Матфею: «ты можешь говорить проповеди, не записывая их предварительно». <...>

При своей жизни о. Матфей пользовался широкой известностью. Так, в Петербурге, куда он вызван был вместе с другими более или менее известными священниками С.-Петербургским Митрополитом Григорием для приготовления к изблечению раскола, он жил не в Лавре, как другие священники, а в домах аристократических, наприм<ер>, у Мины Егоровны Адлерберг, Т. Б. Потемкиной³ и др. В Москву также неоднократно вызывался он к своим знакомым для беседования... <...>

Все образованное общество с нетерпением ожидало 2 тома Мертвых душ, и вдруг оглашается, что Гоголь отказывается продолжать свое бессмертное произведение и даже пред смертью сжигает все, что было написано... <...>

Все образованное общество почувствовало себя оскорбленным в высшей степени. Знали, что Гоголь сблизился с о. Матфеем, находится под его влиянием, значит, о. Матфей так пагубно повлиял на Гоголя. И вот целое столетие слышатся только злобный гнев на о. Матфея и затаенное негодование на Гоголя. <...> Для уяснения этого вопроса небезынтересно знать, как о. Матфей сам смотрел на это дело?

В 1855 или 56 г. мне с покойным теперь сыном о. Матфея пришлось присутствовать при разговоре о. Матфея с Т. И. Филипповым об этом предмете. По словам о. Матфея, в то время, во время знакомства его с Гоголем, Гоголь был не прежний Гоголь, а больной, совершенно больной человек, изнуренный постоянными болезнями, цвет лица был землянистый, пальцы опухли; вследствие тяжких продолжительных страданий художественный талант его угасал и даже почти угас, — это чувствовал Гоголь: и к страданиям тела присоединились внутренние страдания. Старость надвигалась, силы ослабели, и особенно сильно преследовал его страх смерти. В таком состоянии невольно возбуждается мысль о Боге, о своей греховности. «Он искал умиротворения и внутреннего очищения».

— От чего же очищения? — спросил Третий Иванович.

— В нем была внутренняя нечистота.

— Какая же?

— Нечистота была, и он старался избавиться от ней, но не мог.

«Я помог ему очиститься, и он умер истинным христианином», — сказал о Матфее. С ним повторилось обыкновенное явление русской жизни. Наша русская жизнь немало имеет примеров того, что сильные натуры, наскучивши суетой мирской, или находя себя неспособными к прежней широкой деятельности, покидали все и уходили в монастырь искать внутреннего умиротворения и очищения своей совести. Легендарный богатырь русской земли говорит: «дал я заповедь великую пред святынями покаяться, сотворил я прегрешения»... Об Илье Муромце есть сказание, что и он успокоился у киевских угодников⁴. Было немало и других подобных явлений. Так было и с Гоголем. Он прежде говорил, что ему «нужен душевный монастырь», а пред смертью он еще сильнее пожелал его. «Что ж тут худого, что я Гоголя сделал истинным христианином?»

— Вас обвиняют в том, что, как духовный отец Гоголя, вы запретили ему писать светские творения?

— Неправда. Художественный талант есть дар Божий. Запрещения на дар Божий положить нельзя; несмотря на все запрещения, он проявится, и в Гоголе временно он проявлялся, но не в такой силе, как прежде. Правда, я советовал ему написать что-нибудь о людях добрых, т. е. изобразить людей положительных типов, а не отрицательных, которых он так талантливо изображал. Он взялся за это дело, но неудачно.

— Говорят, что вы посоветовали Гоголю сжечь 2-й том Мертвых душ?

— Неправда, и неправда... Гоголь имел обыкновение сжигать свои неудавшиеся произведения и потом снова восстанавливать их в лучшем виде. Да едва ли у него был готов 2-й том; по крайней мере, я не видал его. Дело было так: Гоголь показал мне несколько разрозненных тетрадей с надписями: Глава, как обыкновенно писал он главами. Помню, на некоторых было написано: глава I, II, III, потом, должно быть, 7, а другие были без означения; просил меня прочитать и высказать свое суждение. Я отказывался, говоря, что я не ценитель светских произведений, но он настоятельно просил, и я взял и прочел. Но в этих произведениях был не прежний Гоголь. Возвращая тетради, я воспротивился опубликованию некоторых из них. В одной или двух тетрадях был описан священник. Это был живой человек, которого всякий узнал бы, и прибавлены были такие черты, которых... во мне нет, да к тому же еще с католическими оттенками, и выходил не вполне православный священник. Я воспротивился опубликованию этих тетрадей, даже просил уничтожить. В другой из тетрадей были наброски... только наброски какого-то губернатора, каких не бывает. Я советовал не публиковать и эту тетрадь, сказавши, что осмеют за нее даже больше, чем за переписку с друзьями.

— Говорят даже, что Гоголь сжег свои творения потому, что считал их греховными?

— Едва ли, — в недоумении сказал о Матфее, — едва ли...

Он как будто в первый раз слышал такое предположение.

— Гоголь сожег, но не всё, тетради сожег, какие были под руками, и сожег потому, что считал их слабыми. <...>

О Матфее, как духовный отец Гоголя, взявший на себя обязанность, по мере воспринятой на себя благодати, очистить совесть Гоголя и приготовить его к христианской непостыдной кончине, потребовал от Гоголя отречения от Пушкина. «Отрекись от Пушкина, — потребовал о Матфее, — он был грешник и язычник».

Известно, что Гоголь до благоговения почитал Пушкина, считая его каким-то *божеством* для себя, которое вдохновляло его в творчестве. Потому отречение от Пушкина для Гоголя было крайним актом самоотвержения. За такое требование о Матфея особенно сильно нападают на него, как будто о Матфей потребовал от Гоголя чего-то чудовищного. Требование это расширили до крайних пределов. <...> Как смотрел о Матфей на Пушкина? О Матфее, сам поэ-

тическая натура, мог ли не понимать красоты Пушкинской поэзии? Он отчетливо понимал, но только советовал, особенно молодым людям, осторожно читать Пушкина, говоря, что много у него хорошего, но много и греховного. Когда ему сказали, что Пушкин был человек доброй души, о. Матфей ответил: да, это была «чистая душа», но вот что сделали с ним воспитание и светское общество. О. Матфей предполагал даже, что если бы объяснили Пушкину, что он злоупотребляет своими дарованиями, то Пушкин с своим светлым взглядом понял бы это.

В суждении о Пушкине обыкновенно эта сторона — злоупотребление дарованиями — замалчивается, а между тем это злоупотребление, не допущенное в печати⁵, сильно было распространено в рукописях среди молодежи, когда печатные стихотворения его были очень редки.

Что заставило о. Матфея потребовать такого отречения? Он говорил, что «я считал необходимым это сделать». Предсмертная агония продолжалась очень долго, а такое требование было на одном из последних свиданий между ними. Гоголю представлялось прошлое и страшило будущее. Только чистое сердце может зреть Бога, потому должно быть устранено все, что заслоняло Бога от верующего сердца.

«Но было и еще...» — прибавил о. Матфей. Но что же еще?.. Это осталось тайной между духовным отцом и духовным сыном. «Врача не обвиняют, когда он по серьезности болезни предписывает больному сильные лекарства». Такими словами закончил о. Матфей разговор о Гоголе.

Впервые опубликовано: *Образцов Ф., протоиерей*. О. Матфей Константиновский, протоиерей Ржевского собора (†14 апреля 1857 г.). По моим воспоминаниям // Тверские Епархиальные Ведомости. 1902. 1 марта. № 5. Часть неофициальная (цензурное разрешение 1 марта). С. 128–141. Частично перепечатано: Новое Время. 1902. 9 марта. № 9343; см. также: Пастырский Собеседник. 1902. № 12/13 (23–30 марта). С. 136–141. Печатается по первой публикации.

Феодор Иоаннович Образцов, протоиерей Покровской церкви в Твери.

Публикуя в 1902 г. воспоминания протоиерея Феодора Образцова, редактор «Тверских Епархиальных Ведомостей» сообщал: «В настоящее время вполне установлен тот факт, что в последние годы жизни Гоголя на него оказывало сильное влияние одно из духовных лиц Тверской епархии, именно протоиерей гор<ода> Ржева о. Матфей Константиновский. Имя этого достопочтенного пастыря так тесно связано с именем Гоголя, что правильное понимание взаимных отношений этих людей весьма важно. Вот почему для разъяснения указанного вопроса, который в печати решался не всегда правильно, и был приглашен протоиерей Покровской гор<ода> Твери церкви о. Феодор Иоаннович Образцов, который, как лично знавший о. Матфея и сохранивший об нем самые живые воспоминания, произнес в настоящем юбилейном собрании <17 февраля 1901 г.> в высшей степени интересную и обстоятельную речь об о. Матфее и его отношениях к Н. В. Гоголю. (Речь о<тца> прот<оиерея> Ф. И. Образцова напечатана ниже.)» (Торжественный акт в память Н. В. Гоголя в Тверской духовной семинарии // Тверские Епархиальные Ведомости. 1902. 1 марта, № 5. Часть неофициальная (цензурное разрешение 1 марта). С. 126–127).

¹ Т. е. в середине февраля 1857 г.

² Имеется в виду публикация И. Л. Щеглова «Гоголь и о. Матвей Константиновский. (История одного губительного недоразумения)», автор которой, сообщая о своем знакомстве с оптинским иеромонахом Ерастом (Вьтротским), стремился подкрепить свое критическое отношение к личности о. Матфея авторитетом оптинского иеромонаха.

³ Татьяна Борисовна Потемкина (рожд. княжна Голицына, 1797 или 1801 — 1869), жена действительного тайного советника, петербургского предводителя дворянства Александра Михайловича Потемкина (1787–1872), благотворительница.

⁴ Память преподобного Илии Муромца, Печерского, в Ближних пещерах (около 1188) совершается 19 декабря ст. ст.

⁵ В 1835 г. в статье «Несколько слов о Пушкине» Гоголь писал: «Под именем Пушкина рассеивалось множество самых нелепых стихов. Это обыкновенная участь таланта, пользующегося сильною известностью. Это вначале смешит, но после бывает досадно, когда наконец выходишь из молодости и видишь эти глупости непрекращающимися. Таким образом, начали наконец Пушкину приписывать: “Лекарство от холеры”, “Первую ночь” и тому подобные».

Из записной книжки.
Беседа с современником о. Матвея Константиновского
<протоиереем Ф. И. Образцовым>
Фрагмент

Очень странную беседу имел я минувшим летом с одним почтенным пастырем церкви в городе Твери!..

Но предварительно должен объяснить, каким образом попал я к этому почтенному пастырю...

Дни Гоголевского юбилея я проводил в Москве и среди обильного юбилейно-газетного вихря натолкнулся на маленькую мимоходную выдержку из воспоминаний протоиерея Образцова об о. Матвее, появившуюся в «Тверских Епархиальных Ведомостях»¹. Командированный минувшим летом министром финансов для обозрения народных театров, я на обратном пути заехал в Тверь, разыскал любопытный номер «Епархиальных Ведомостей» и, кстати же, решил лично повидать почтенного автора воспоминаний, ныне настоятеля Покровской церкви в Твери — протоиерея Феодора Ивановича Образцова.

Почтенный пастырь оказался дома; он только что вернулся, как мне сказали, из заседания Тверской консистории...

Навстречу ко мне выходит высокий, седой, еще совсем бодрый старик, с лицом строгим и несколько утомленным.

— Прошу садиться... — произносит он, слегка картавя. — С кем имею честь?

— И. Л. Щеглов.

Лицо священника заметно багровеет, и, сурово насупившись, он сразу на меня обрушивается:

— Греховодник вы, господин Щеглов. Что это вы написали об отце Матвее? Можно ли так?..¹

— Писал, что знал... Материалов мало, а истину выяснить надо.

— Небось, многое со слов оптинских монахов написали?

— Отчасти, да.

— Так, так... — иронически проговорил он, нервно теребя седую бороду. — Это все о. Е<раст> вам наплел. Он терпеть не мог о. Матвея... Был он при отце Матвее письмоводителем по раскольничьим делам... Ну, разумеется, не раз сильно попадало ему от батюшки. Впрочем, сам о. Матвей еще при жизни предсказал, что многие его потом поносить будут... Видели ли вы, между прочим, приложение к журналу «Новый Путь» — картину художника Репина: «Гоголь и о. Матвей»?

— Видел.

Я, разумеется, уклонился пояснить о. Феодору, что именно моя статья об «отце Матвее» и послужила чуткому художнику косвенным поводом к созданию гениального наброска².

— Ну, так вот о. Матвей и эту самую картину предсказал. — И на мое понятное изумление, волнуясь, добавил: «Бранить меня будут после смерти... ох, сильно будут бранить всякие людишки!.. — не раз говорил он мне, — и простые люди, и образованные, и даже архиереи... И картину на меня напишут... Большой художник картину напишет мне в поношение»... И потом еще предсказал... (И о. Феодор Образцов уставился на меня пытливым укоризненным взглядом)... предсказал, что будет еще писатель по имени Щеглов... и тоже поносить меня станет!..»

¹ «Тверск<ие> Епарх<иальные> Ведом<ости>», № 5, 1902 г.

² «Гоголь и о. Матвей Константиновский», «Новое Время», 13 декабря 1901 г.

Признаюсь, я глубоко взволновался при этом непредвиденном откровении.

— Так и предсказал: «Щеглов»? Быть не может...

Отец Феодор горько усмехнулся.

— Значит, быть может, если предсказал... Он не раз повторял мне при жизни эту фамилию, и она мне крепко в голову засела. Да такие ли еще вещи он предсказывал?.. Что и говорить — великий прозорливец был отец Матвей! <...>

— Вообще, об отношении о. Матвея к Гоголю многое превратно толкуют... — задумчиво заметил о. Феодор. — Как вы, например, толкуете последнее письмо Гоголя к о. Матвею... помните последние строки письма насчет «шубы»?³

— Отлично помню. Гоголь пишет о. Матвею, что жалеет, что не поменялся с ним шубой, и добавляет: «Ваша лучше бы меня грела».

— Ну, вот как вы эти самые слова понимаете?

— Разумеется, аллегорически.

— Ан, вот и не то. Дело тут о настоящей шубе идет... мне об этом сам отец Матвей рассказывал... «Жил Гоголь в Москве одно время в гостинице и в превеликом стеснении, холоде и голоде⁴, и, вдобавок, хозяину гостиницы сильно задолжал. А я, говорит, как раз к нему и заезжаю... Вижу, каковы дела, и предлагаю ему взять мою теплую шубу: думаю про себя, пускай рассчитается с хозяином. — А вы же, батюшка, как доедете до Ржева? — спрашивает. — Никто, как Бог! — отвечаю. (Это было любимое, всегдашнее слово о. Матвея.) Доеду по милости Божией... Но Гоголь так и не взял шубы, несмотря на уговоры. <...>

Остальная часть беседы была почти дословным повторением воспоминаний о. Феодора, изложенных в статье «Епархиальных Ведомостей». <...>

Первые опубликовано: *Щеглов Ив. Л.* Из записной книжки. Беседа с современником о. Матвея Константиновского // Исторический Вестник. 1904. Декабрь. С. 994–998; см. также: *Щеглов Ив.* Беседа с современником о. Матвея Константиновского. (Из записной книжки) // *Щеглов Ив.* Подвижник слова. Новые материалы о Н. В. Гоголе. СПб., 1909. С. 154–158; *Щеглов Ив.* Беседа с современником о. Матвея Константиновского. (Из записной книжки) // *Щеглов Ив.* Н. В. Гоголь. <СПб.>, 1912. С. 154–158; с подписью под статьей: «Сентябрь, 1903». Печатается по первой публикации.

¹ См. в наст. изд. статью протоиерея Ф. И. Образцова «О. Матфей Константиновский, протоиерей Ржевского собора (†14 апреля 1857 г.). По моим воспоминаниям».

² См. в наст. изд. коммент. к статье И. Л. Щеглова «Гоголь и о. Матвей Константиновский. (История одного губительного недоразумения)».

³ 6 февраля 1852 г. Гоголь писал протоиерею М. А. Константиновскому: «Уже написал было к вам одно письмо еще вчера, в котором просил извиненья в том, что оскорбил вас. Но вдруг милость Божия чьими-то молитвами посетила и меня жестокосердного, и сердцу моему захотелось вас благодарить крепко, так крепко, но об этом что говорить? Мне стало только жаль, что я не поменялся с вами шубой. Ваша лучше бы меня грела». 12 февраля 1852 г. отец Матфей отвечал Гоголю: «Благодарю вас за мену шубами. Будет лето, и не нужна будет ни моя вам, ни мне ваша. Господь видел ваше усердие ко мне, и оно уже принято».

⁴ Гоголь жил в то время у графа А. П. Толстого и не нуждался.

Мемуары доктора А. Т. Тарасенкова и фельдшера А. В. Зайцева о последних днях жизни Гоголя

Гоголь в воспоминаниях А. Т. Тарасенкова

А. Т. Тарасенков

Н. В. Гоголь в последнее время жизни <Черновой автограф>

Гоголь нередко говаривал, когда ему нездоровилось, что у него особенная натура, на которую все влияния действуют не так, как на всех других, и что его нельзя лечить на одну мерку, со всеми. Он относил свои слова к материальному устройству своего тела, но в особенности это должно было разуметь о его духовной стороне. Жизнь его протекала оригинальным образом, сочинения его были в высшей степени оригинальны, и кончина его по странному стечению обстоятельств произошла совершенно неожиданным и оригинальным образом.

Последние годы своей жизни он почти постоянно почитал себя больным. Признаки болезни, на которые он жаловался, состояли в охлаждении конечностей, в болезненном чувстве живота и в неправильном отпадении кишок (запоры)¹; иногда при этом он ощущал слабость сил и находился в мрачном расположении духа.

Слишком большое внимание к болезни, которая не показывала никаких важных страданий, заставляло предполагать в нем гипохондрию. Впрочем, он отличался от других гипохондриков тем, что лечиться не любил. — Не имея, кажется, даже самых поверхностных сведений о устройстве тела и вообще ни о какой медицинской науке, он приписывал большую важность действию на здоровье некоторых незначительных предметов. Безвредные он почитал сильнодействующими, от маловажных он надеялся получить огромное влияние, говоря: кто знает — может быть, ничтожные средства действуют сильнее, нежели предполагают. — Об лекарствах он имел понятие как об ядах, решительно отказывался от них, и если принимал какое-либо лекарство, то скорее по совету тех, которые утверждали об его испытанной на себе пользе, нежели по назначению самих врачей. Так он покупал за границу какие-то хваленые пилюли и иногда употреблял их. Лечение холодной водою у Пристница лет пять до смерти он исполнял неточно, разбавляя холодную воду теплою, всякий раз приступал к употребляемым там приемам с большою робостью, и вскоре, не окончив курса, бросил это лечение.

Пребывание в теплых краях, особливо в зимнее время, он считал для поддержания своего здоровья необходимостью: он был уверен, что с его расстроенным здоровьем не выдержит русской зимы. — Живя за границею, он иногда предпринимал долгие путешествия, чтобы денно и ночью оставаться в карете, почитая это для себя спасительным лекарством.

Проведя зиму 1850–1851 года в Одессе, на зиму 1851–1852 он остался в Москве, и хотя не чувствовал в себе никаких особенных болезненных явлений, однако порывался отправиться в южные теплейшие губернии — к родным своим. По свойственной ему переменчивости характера он долго советовался с своими друзьями и людьми, которых советами весьма дорожил. Ехать или не ехать? Все единодушно советовали ехать. По долгом откладывании он решился уехать и объявил об этом своим знакомым. И. В. Капнист сделал для него прощальный обед¹; в

¹ в неправильном отпадении кишок (запоры) *вписано карандашом вместо: в постоянных запорах*

день отъезда собрались к нему все его приятели проводить его; но он обманул их или себя — и отправился только спустя несколько дней². Не проехав и полдороги, он, к нечаянному изумлению всех, возвратился назад через несколько дней³. Это было осенью, остальное время которой и зиму он уже более и не говорил об своем отъезде и не только не жаловался на свою болезнь, но по-видимому чувствовал себя лучше прежнего. Ел по обычаю довольно много и притом сытные мясные блюда, запивал их крепким вином, перед обедом употребляя и немного водки, особенно любил блюда малороссийские — вареники, нередко упрекая хозяйку, где <куш>ал, что *не так* они стоговлены.

Переменять свойства и количество пищи он не мог без вреда для своего здоровья: по собственному его уверению, при постной пище он чувствовал себя слабым и нездоровым. — «Нередко я начинал есть постное по постам, но никогда не выдерживал, убедившись, что мне нужна более питательная пища», — говорил он.

В эту последнюю зиму Гоголь был постоянно погружен в себя, задумчив, неразговорчив, как всегда, но, казалось, был веселее обыкновенного. [По утрам сидел за работою.]

Деятельность его к занятиям в это время обнаруживалась большая, нежели в прежнее время: он смотрел своего Ревизора на московской сцене⁴, читал дома при актерах из него многие места⁵, чтобы внушить им, как должно их произносить, согласно с его мыслию; потом пошел посмотреть, как исполнена была пьеса после его замечаний⁶, и исполнением его казался более доволен, нежели в прежнее время, особливо Хлестаковым, которого в то время играл уже Шумский, пользовавшийся его наставлениями. Собирался также посмотреть, как идут Игроки и Женитьба.

Однажды слуга Гр<афа> Толстого при нем просился в театр. В этот день было два спектакля на Б<ольшом> и М<алом> театре. Гоголь, зная, что дадут в этот день, спросил его: «Ты в который театр идешь?» «В Большой, — отве<чал> тот, — посмотреть Аскольдову могилу»⁷. «Ну и прекрасно», — прибавил Гоголь. «А я пойду посмотреть Женитьбу»⁸, — сказал я, желая вызвать его на разговор литературный. «Не ходите сегодня, а вот я сберусь скоро и посмотрю, как она идет, и уладив все, извещу Вас». Это не сбылось. Он не видал Женитьбы, в которой ему казался смешнее всех моряк Жевачкин, хотя он почитал вообще эту пьесу пустяками. В этот день после обеда, когда происходил разговор, он был молчаливее обыкновенного: перед обедом говорил, что заболел, несмотря на то, что в комнате было +15° R. После обеда смотрел на английскую иллюстрацию и все молчал, даже не слушал, что говорят, хотя разговор, должен был его занимать (религия). Однако же он немного разговорился про театр и с пренебрежением отозвался об Провинциалке⁹. «Что это за характер: просто кокетка — и больше ничего». — Это было за час перед театром. Вскоре доложили, что приехал молодой Живокини¹⁰, который должен был в этот вечер в первый раз исполнять роль <1 нрзб.>¹ ( )¹¹. Гоголь вскочил и побежал к себе. — Это происходило не более как за месяц до смерти¹¹.

<Гоголь> начал переписывать свои прежние сочинения под собственным наблюдением, исправляя их, кое-что вставлял, и сам держал корректуру, заказав одновременное печатание каждой части в особой типографии¹¹; отделал окончательно заветное народное сочинение — Литургию, обрабатываемое им в продолжении 20 лет¹², оставался им доволен, придумал для него маленький формат книги, хотел пустить в продажу за дешевую цену и без имени, единственно ради научения и пользы всех сословий и славы Божией. [Окон<чил>] Привел к окончанию второй том Мертвых душ и уже читал из него многим отрывки, обдумал комедию, продолжение Ревизора, написал и отдал М. С. Щепкину объяснение на Ревизора¹⁴, собирался наконец

¹ Фрагмент рукописи с началом неразобранного слова оторван.

¹¹ В рукописи оставлен пробел в скобках. В журнальной редакции 1856 г.: роль Анушкина

¹¹ Абзац: Однажды слуга Гр<афа> Толстого при нем просился в театр. ~ Это происходило не более как за месяц до смерти. вписан карандашом.

¹⁴ написал и отдал М. С. Щепкину объяснение на Ревизора вписано карандашом.

посвятить себя труду по части русской истории. — Не любя раскрывать никому задушевных мыслей, особливо говорить о себе как о сочинителе, Гоголь более <любил> слушать себе похвалы или наводить разговоры об своих творениях, в последнее время он в тайной, задушевной беседе объявил, что он довольнее¹ своими последними приготовленными трудами, в которых слог трезвый, крупный, яркой, не такой, как был в прежних, уже изданных сочинениях, когда он вовсе не умел писать.

Деятельная ли жизнь имела благоприятное влияние на здоровье, или улучшенное здоровье произвело эту деятельность, решить трудно; но замечательно то, что все почитали его совершенно здоровым, и ожидали от него в скором времени не только оправдания на деле своих надежд, в которых бы ясно было всем и каждому его художничество, но и были уверены, что его слово разрешит многие вопросы, так сильно занимающие умы в настоящее время во всей Европе, особливо те, кто знал¹¹, как сильно занимали они его самого.

Уже Литургия и Мертвые души были некоторым прочитаны¹³ переписанные им самим на-бело: в руки других он не давал своих сочинений, да и невозможно было бы их переписывать по причине огромного числа перемарок. Впрочем, самое переписывание его занимало, и он часто переписывал и такие вещи, которые уже были напечатаны. В цензуру он не отдал М<ертвые> Д<уши>, потому что хотел еще раз исправить некоторые места, казавшиеся ему не совсем вразумительными. — [Зная, как он] При чтении чужих даже сочинений умел с неподражаемым искусством придавать вес и надлежащее значение каждому слову, так что ни одно из них не пропадало для слушающих. В. А. Жуковский по этому случаю выразился, что ему никогда так не нравились его собственные стихи, как после прочтения их Гоголем. — Это показывает, какого труда и скольких забот требовала одна отделка его сочинений и как много времени он должен был посвящать на них. Действительно, он с любовью и рвением работывал к<ажное> утро по несколько часов.

Однако же мрачная настроенность духа от времени до времени в нем обнаруживалась. Он любил слушать рассказы о предчувствиях, о видениях, о всем сверхъестественном и с любопытством расспрашивал подробности, с кем и как что случилось, желая особенно узнавать проявления в них Духовной Жизни и чудесных явлений Божества¹¹¹. По непонятной причине он избегал встречи с Ф. П. Гасом¹⁴; но в ночь на новый 1852 год он, выходя из своей комнаты наверх к Гр<афу> А. П. Толстому, неожиданно встретил его, выходящего от графа, на пороге. Гас ломаным русским языком старался ему сказать свое приветствие и между прочим, думая выразить известную мысль одного писателя, сказал, что он желает ему такое нового года, который бы даровал ему вечный год. — Присутствующий тут же заметил, что эти слова произвели на Гоголя невыгодное впечатление и как бы поселили уныние. Хотя оно и было скоропроходящее, но, вероятно, служило зародышем тех предчувствий, которые в последствии времени при других, более ярких впечатлениях приняли огромный размер.

В феврале захворала Хомякова, сестра Языкова, с которым он был дружен. Он знал ее с детства: ее болезнь сильно озабочивала его. Он часто навещал ее, и, когда она была уже в опасности, при нем спросили у Д<октора> Альфонского¹⁵, в каком положении он ее находит, он отвечал: «Надеюсь, что ей не давали каломель, который может ее погубить?!» Но Гоголю было известно, что каломель уже был дан — он вбегает к Графу и бранным голосом говорит: «Все кончено, она погибнет, ей дали ядовитое лекарство!» К несчастью, больная действительно в скором времени умерла¹⁶. Смерть ее не столько поразила ее мужа и всех родных, как Гоголя. Расположенный к мрачным мыслям, он не мог равнодушно снести потери драгоценной для него особы. Притом он, может быть, впервые видел здесь смерть лицом к лицу. Постоянно зани-

¹ *Вместо:* что он довольнее — *было:* как он доволен

¹¹ особенно те, кто знал *описано вместо:* особенно зная

¹¹¹ Он любил слушать ~ и чудесных явлений Божества. *описано.*

маясь чтением книг духовного содержания, он любил помышлять о конце жизни; но с этого времени мысль о смерти сделалась его преобладающей мыслью. — К этому времени приехал из Ржева Тверской губернии <отец> Матфей Александрович, священник, известный образцом строгой христианско-православной жизни, которого он уважал и с которым так любил беседовать. С особенною охотою он разговаривал с ним теперь, когда размышления религиозные были ему так по сердцу. М<атфей> А<лександрович> прямо и резко, не взвешивая личности и положения поучаемого, с беспощадною строгостию и резкостью проповедал истины Евангельские и суровые наставления Церкви. Он объяснял, что, если мы охотно делаем все для любимого лица, то чем мы должны дорожить для Иисуса Христа, Сына Божия, умершего за нас. Устав церковный написан для всех; все обязаны беспрекословно следовать ему; неужели мы будем равняться только со всеми и не захотим исполнить ничего более? Ослабление тела не может нас удерживать от пощения; какая у нас работа? Для чего нам нужны силы?.. Много званных, но мало избранных... За всякое слово праздное мы отдадим отчет... и проч. Такие и подобные речи, соединенные с обличением в неправильной жизни, не могли не действовать на Гоголя, вполне преданного Религии, восприимчивого, впечатлительного и настроенного уже на мысль о смерти, о вечности, о греховности. Притом Гоголь видел, как М<атфей> А<лександрович>, преданный святым помыслам, на деле исполняет самые строгие пустынно-монашеские¹ установления Церкви; напр<имер>, много и долго молился за обедом, почти не ел, не хотел благословлять стола в среду прежде, нежели удостоверится, что нет ничего скоромного и т. д. Разговоры этого духовного лица, об котором он имел самые высокие понятия, так сильно потрясали его, что он, не владея собою, однажды прервав речь, сказал ему: «довольно, оставьте, не могу долее слушать, слишком страшно».

Возбужденный ли наставлениями и примером этого Священника, или глубоко опечаленный смертью любимого лица, или вообще имея потребность углубиться в духовные размышления, он обложил себя книгами духовного содержания, говоря, что их нужно перечитывать, потому что нужны толчки в жизни; и с тем вместе он стал есть весьма мало, хотя, по-видимому, [он тогда] не терял аппетита и жестоко страдал от лишений [обыкновенной] пищи, к которой привык и без которой всегда чувствовал себя дурно. Свое пощение он не ограничивал <одно>ю пищею, но и сон умерил до чрезмерности: после ночной продолжительной молитвы он рано вставал, шел к заутрене, тогда как до того времени не выходил со двора, не напившись крепкого кофе. — Это все не могло не обнаружить на его организм сильного действия¹¹.

Во вторник на масленице¹⁷ он проводил М<атфея> А<лександровича> на станцию железной дороги, и весьма был огорчен¹¹¹ тем, что там все обращали на него внимание и с ненасытным любопытством его преследовали.

По отъезде его он стал подробнее изучать церковный устав и еще более говорить о смерти.

Масленицу он посвятил говенью; ходил в церковь, молился весьма много и необыкновенно тепло, от пищи воздерживался до чрезмерности^{11V}: за обедом употреблял только несколько ложек овсяного супа на воде или капустного рассола. Когда ему предлагали кушать что-либо другое, он отказывался болезнию, объясняя, что он чувствует что-то в животе, что кишки его перевертываются, что это болезнь его отца, умершего в такие же лета¹⁸, а прибегнуть к лечению не хочет, потому что эта болезнь и у отца сделалась смертельною^{11V} от того, что его лечили.

¹ самые строгие пустынно-монашеские *вписано вместо*: всякие мелочные

¹¹ Свое пощение ~ сильного действия. *вписано чернилами на полях. Над вписанным добавлено карандашом*: О М. С. Щепкине. О <2 нрзб.>.

¹¹¹ огорчен *вписано карандашом вместо*: раздосадован

^{11V} воздерживался до чрезмерности *вписано карандашом вместо*: почти вовсе воздерживался

^{11V} а прибегнуть к лечению ~ сделалась смертельною *вписано вместо*: и притом

Зная по опыту, как причащение успокаивало прежде Н<иколая> В<асильевича>, Гр<аф> А<лександр> П<етрович> посоветовал ему причащаться скорее, поговорив с духовником¹⁹, по-видимому вовсе не понимавшим его²⁰, Г<оголь> исполнил это¹ в четверг на масленице^{11 21}. Однако же и причащение его не успокоило — он оставался также мрачен, не хотел в этот день ничего есть, и когда после съел просфору, то назвал себя обжорою, окаяннным, нетерпеливцем и сокрушался сильно. Вообще болезненное изнеможение тела еще более служило к мрачному настроению духа. В один из последующих дней он поехал на извозчике в Преображенскую больницу²², подъехав к воротам, подошел к ним, воротился, долго ходил взад и вперед, долго оставался в поле, на ветру, в снегу, стоя на одном месте, и потом, не входя на двор, опять сел на лошадь и возвратился¹¹¹.

Такие необыкновенные поступки его хотя и бывали с ним прежде, однако же теперь были так продолжительны, что поразили^{IV} Графа; он уговорил его посоветоваться с врачом, для чего^V и призван был его давнишний знакомый доктор^{VI} Иноземцев²³, который нашел, что у него катарр кишок, советовал ему спиртные натирания живота, лавровишневую воду и ревенные пилюли (по случаю долго продолжавшегося запора). Не веря вообще медицине и медикам, он не воспользовался и^{VII} его советами, хотя чувствовал уже себя весьма дурно, и перестал принимать к себе знакомых, которым прежде никогда не отказывал^{VIII} (Щепкин М. С.)^{IX}. В понедельник и вторник первой недели поста²⁴ наверху у Графа была всенощная; Н<иколай> В<асильевич> едва мог дойти туда, останавливаясь на ступенях, присаживаясь на стуле, однако стоял всю всенощную и молился. День оставался почти без пищи, ночи проводил он, стоя перед образами в теплой молитве со слезами^X. — Граф, видя, как изнуряет все это Гоголя, прекратил у себя церковное служение. В один из этих дней²⁵ Гоголь изнеможенный^{XI} уснул ночью на диване, без постели, и с ним произошло что-то необыкновенное, загадочное^{XII}: проснувшись вдруг, послал он за приходским Священником²⁶, объяснил ему что он недоволен недавним причащением, и^{XIII} просил его тотчас же опять^{XIV} причащать и соборовать его^{XV}, потому что он видел себя мертвым, слышал какие-то голоса и теперь почитает^{XVI} себя уже умирающим. — Священник, видя его на ногах и не заметив в нем ничего опасного^{XVII}, уговорил его оставить это до другого времени; но с тех пор навещал его ежедневно, ел с ним вместе саго, чернослив, нарочно принесенный, и убеждал его есть вместе с ним. Неохотно, не много, но употреблял он эту пищу ежедневно: и потом^{XVIII} слушал молитвы, читаемые Священником. «Ка-

^I скорее, поговорив с духовником, по-видимому вовсе не понимавшим его, Г<оголь> исполнил это *вписано*.

^{II} *Далее было*: что он и исполнил

^{III} В один из последующих дней - и возвратился. *вписано*.

^{IV} Такие необыкновенные - что поразили *вписано вместо*: Такое необыкновенное состояние его поразило

^V для чего *вписано*.

^{VI} его давнишний знакомый доктор *вписано*.

^{VII} и *вписано*.

^{VIII} весьма дурно - никогда не отказывал *вписано вместо*: так дурно, что никого не принимал

^{IX} (Щепкин М. С.) *вписано карандашом*.

^X *Далее было*: Но в<се>

^{XI} изнеможенный *вписано*.

^{XII} и с ним произошло что-то необыкновенное, загадочное *вписано*.

^{XIII} объяснил ему что он недоволен недавним причащением, и *вписано*.

^{XIV} опять *вписано*.

^{XV} его *вписано*.

^{XVI} и теперь почитает *вписано карандашом вместо*: и почитал

^{XVII} и не заметив в нем ничего опасного *вписано вместо*: и не в дурном состоянии

^{XVIII} *Далее было*: сидел

кие молитвы^I Вам читать?» — спрашивал тот. «Читайте, все хорошо^{II}». Так провел он почти всю первую неделю поста^{III} 27.

На^{IV} этой неделе ночью²⁸ он велел своему мальчику раскрыть печную трубу и затопить печку^V; положил в нее большую кипу своих сочинений и сжег их. Мальчик возражал ему: «Зачем вы это делаете? может, они пригодятся еще»; но Гоголь его не слушал; а когда почти все сгорело, он долго сидел, задумавшись, потом заплакал^{VI}, велел позвать Графа, показал ему догорающие углы бумаги^{VII} и с горестию сказал: «вот что я сделал! хотел все сжечь некоторые вещи, давно на то приготовленные, а сжег все. Как лукавый силен, вот он до чего меня довел! — Я было думал расслать на память друзьям по тетрадке: пусть бы делали, что хотели». (А прежде этого²⁹ он делал завещание Графу взять все его сочинения и после смерти передать М<итрополиту> Филарету — пусть он наложит на них свою руку: что ему покажется ненужным, пусть зачеркивает немилосердно.)³⁰ Граф, желая отстранить от него мрачную мысль о смерти, с равнодушным^{VIII} видом сказал^{IX}: «это хороший признак — и прежде Вы сжигали все, и потом писали еще лучше. Значит и теперь это не перед смертью. Ведь Вы можете все припомнить?» — «Да, — отвечал Гоголь, положив руку на лоб, — могу, могу: у меня все это в голове», и по-видимому сделался спокойнее, перестал плакать.

Но, видно, мысль о собственной^X смерти у него запала глубоко в душу и не оставляла его. С этой ночи^{XI} он сделался еще мрачнее прежнего. Сидел в креслах^{XII} по целым дням в халате^{XIII}, протянувши ноги на другой стул, перед столом, не пускал к себе почти никого, и еще меньше говорил^{XIV}. — Замечательны слова, которые он в это время сказал Хомякову^{XV}: «надобно же умирать, и я уже готов, и умру^{XVI}». Когда Граф для рассеяния начинал^{XVII} с ним говорить о предметах весьма близких к нему и которые не могли не занимать его прежде (о письме Мухомова, о образе его матери, который затерялся было — и это также сочтено было за дурное предзнаменование^{XVIII}, — да нашелся, и проч.), он возражал с благоговейным изумлением^{XIX}: «что это Вы говорите? Можно ли рассуждать об этих^{XX} вещах, когда^{XXI} я готовлюсь к такой страшной минуте?», потом молчал и тем заставлял Графа умолкать. Впрочем, в эти же дни он делал

^I Какие молитвы *вписано* вместо: Что

^{II} Было: Все хорошо, читайте.

^{III} Далее было: постепенно ослабевая в силах. Далее в тексте следует сноска для вставки на полях. Такая же сноска поставлена и на полях, однако дополнение осталось не написанным.

^{IV} Перед: На — *вписано* и *зачеркнуто*: Озабоченный

^V и затопить печку *вписано*.

^{VI} он долго сидел, задумавшись, потом заплакал *вписано*.

^{VII} бумаги *вписано*.

^{VIII} с равнодушным *вписано* вместо: с веселым

^{IX} Далее было: что

^X собственной *вписано*.

^{XI} С этой ночи *вписано*.

^{XII} в креслах *вписано*.

^{XIII} Далее было (*зачеркнуто карандашом*): с четками в руке

^{XIV} Было: и мало г<оворил>

^{XV} Вместо: Хомякову — было: Графу

^{XVI} и умру *вписано*.

^{XVII} Было: при<нимался>

^{XVIII} и это также сочтено было за дурное предзнаменование *вписано* на полях *карандашом*.

^{XIX} возражал с благоговейным изумлением *вписано* вместо: отвечал

^{XX} Было: о таких

^{XXI} Можно ли рассуждать об этих вещах, когда *вписано* вместо: Можно ли? Когда

Графу некоторые неважные завещания насчет своего¹ человека³¹ и проч., и рассылал последние карманные деньги бедным и на свечку, так что по смерти у него не осталось ни копейки. (У Шевырева осталось около 2000 р<ублей> асс<игнациями> от вырученных за сочинения денег, прочие пошли на воспитание сестер, на долги матери и в помощь бедным студентам — 3000 р<ублей> с<серебром>, розданные втайне. От наследства матери он давно отказался уже прежде.)

Иногда по вечерам он дремал в креслах, а ночью проводил в бдении на молитве; иногда жаловался на то, что у него голова горит и руки зябнут; один раз имел небольшое кровотечение из носа, мочу имел густую, темно-окрашенную, испражнения на низ¹¹ не было во всю неделю. (Прежде сего за год он имел течение из уха будто бы от какой-то вещи, туда запавшей³²; других болезней в нем не было заметно; сношений с женщинами он давно не имел, и сам признавался, что не чувствовал в том потребности и никогда не ощущал от этого особого удовольствия; онании также не был подвержен³³. Ходил немного сгорбившись, руки в карманы¹¹¹, галстук просто подвязан, платье поношенное, чаще пальто, волосы длинные, зачесанные так, что покрывали значительную часть лба, и всегда одинаково; усы носил постоянно, коротенькие, подстриженные; вообще^{1V} видно было, что он мало заботился о своей внешней обстановке. Когда встречался, протягивал руку, жал довольно крепко, улыбался, говорил отчетливо, резко, и хотя не изысканно-складно, но фразы были правильные, без поправки, слова всегда отчетливо выбранные^V.)

Давно я не имел случая быть у Графа, но в это время (в среду на 1 неделе³⁴) прислал он за мною, и объяснил, что происходит с Гоголем. Озабоченный его положением, он желал, чтобы я его видел и сказал свое мнение о его болезни. Иноземцев же отзывался об ней неопределенно, и один день предполагал переход ее в тиф, на другой сказал, что ему лучше; однако же запретил ему выезжать.

Явившись к Графу, я, по его рассказам, наводил его на мысль: не нужно ли подумать о том, как бы заставить его^{VI} употреблять питательную пищу, каким <бы> то ни было способом, если нельзя по убеждению, то хотя против воли. — Сам Гоголь не изъявлял желанья меня видеть; надобно было употребить уловку и взойти к Графу, когда он там (он мог меня принять у него как общего знакомого, с которым Гоголь не раз вместе^{VII} обедал и беседывал); но это не удалось. — Наконец в конце этой недели³⁵ Гр<аф> ввел меня к нему, хотя тот сказал: «напрасно, но^{VIII} пожалуй». Тут только я в первый раз увидел его в болезни.

Это было в субботу на первой неделе поста. Увидев его, я ужаснулся. Не прошло месяца, как я с ним обедал вместе³⁶, — он был цветущего здоровья, бодр, свеж, крепок, — а теперь^{IX} передо мною человек как бы изнуренный до крайности чахоткою или доведенный продолжающимся тифом до необыкновенного изнеможения. Глаза его тусклы и^X впалы, лицо совершенно осунулось, щеки ввалились, голос слаб, язык трудно шевелится от сухости во рту^{XI}, выражение лица неопределенное, необъяснимое. Мне он показался мертвецом с первого взгляда. Неохотно позволил он мне пощупать пульс и посмотреть язык: пульс был довольно полон и скор, язык чист,

¹ Было: его

¹¹ Далее было: во все

¹¹¹ Далее было: в сюртуке или пальто

^{1V} Было: и вообще

^V К словам: Ходил немного сгорбившись ~ слова всегда отчетливо выбранные. — помета карандашом на полях: Наружность Гоголя — к концу статьи.

^{VI} Далее было: есть

^{VII} вместе *вписано карандашом.*

^{VIII} но *вписано карандашом.*

^{IX} Далее было: я у<видел>

^X тусклы и *вписано.*

^{XI} Далее было: глаза тусклы

но сух; кожа имела натуральную теплоту. Он сидел, протянувши ноги, не двигаясь и даже не переменив прямого¹ положения лица; только когда я подошел к нему, он приподнял голову, и то с заметным трудом мог ее держать прямо¹¹. Тогда еще не были мне сообщены предшествовавшие печальные события — его непреклонная уверенность в близкой смерти и самим им произведенное истребление творений¹¹¹. В это время^{IV} главное внимание заботящихся об нем было обращено на то, чтобы он употреблял питательную пищу и имел свободное отправление кишок. Мне хотелось поселить в нем доверие к врачевствованию и склонить на предложения медиков. Чтоб ободрить его, я показал себя равнодушным к его болезни, утверждал, что она неважна и обыкновенна^V; я говорил ему, что подобная болезнь^{VI} теперь господствует между многими и проходит скоро при пособиях; я настаивал, чтобы он, если *не может* принимать плотной пищи, то по крайней мере непременно употреблял бы поболее питья, и притом питательного (бульона, молока и т. п.). «Я употребил уже *последнее средство* — пилюли: разве питья нужно для того, чтобы его прогнать?» — сказал он. — Не обременяя его долгими разговорами, я старался ему объяснить, что^{VII} питье нужно для смягчения языка и желудка, и питательность питья^{VIII} для укрепления сил, необходимого для счастливого окончания болезни. — Наступило время обеда. Гр<аф> отправился наверх. Гоголь^{IX} опять склонил голову на грудь, как при нашем входе, и я удалился. — Испуганный, встревоженный мыслию, что Гоголь может скоро^X умереть, я едва мог говорить, рассуждать, обедать не остался^{XI}; через короткое время удалился с верха и почел обязанностию зайти опять к больному^{XII}, чтобы еще сильнее^{XIII} сказать ему мои убеждения. Я выпросил позволение его зайти к нему еще на минуту. Мне почудилось, что он колеблется в своих намерениях, что он, привыкши видеть мою искренность, послушается моих слов. — Подойдя к нему, я с видимым хладнокровием, но с полною теплотою сердечною употребил все усилия, чтобы подействовать на его волю. — Я выразил ему мысль, что врачи в болезни прибегают к совету своих собратий и их слушаются; не врачу тем более надобно следовать врачебным наставлениям^{XIV}, особенно преподаваемым с добросовестностию и полным убеждением; и тот, кто поступает иначе, делает преступление. Говоря это, я^{XV} обратил все внимание на его лицо, чтобы подсмотреть, что происходит в его душе; с прискорбием заметил я, что^{XVI} выражение его лица нисколько не изменилось: оно было так же спокойно и так же мрачно, как прежде: ни досады, ни огорчения, ни удивления, ни сомнения не показалось и тени; он смотрел как человек, для которого все задачи разрешены, всякое чувство замолкло, всякие слова напрасны; впрочем, когда я перестал говорить, он на ответ произнес внятно, довольно

¹ прямого *вписано*.

¹¹ только когда я подошел - мог ее держать прямо *вписано карандашом*.

¹¹¹ его непреклонная уверенность - истребление творений *вписано вместо: его [непреклонный] непреклонная решимость умереть и умерщвление уже произведений его духа*

^{IV} В это время *вписано*.

^V Чтоб ободрить его - неважна и обыкновенна *вписано*.

^{VI} подобная болезнь *вписано вместо: она*

^{VII} Далее было: для

^{VIII} Было: его [нужна] необходима

^{IX} Наступило время - Гоголь *вписано вместо: Он*

^X скоро *вписано*.

^{XI} обедать не остался *вписано вместо: есть я не мог*

^{XII} Было: к нему

^{XIII} сильнее *вписано*.

^{XIV} врачебным наставлениям *вписано вместо: а. советам б. наставлениям врачей*

^{XV} Говоря это, я *вписано вместо: Сколько возможно было, я уже*

^{XVI} с прискорбием заметил я, что *вписано вместо: но*

редко и хотя вяло^I, но с всею полнотою уверенности: «Я знаю, врачи добры: они всегда *желают* добра»; и вместе с тем опять наклонил голову от слабости или в знак прощания — не знаю. Я не смел его тревожить долее, пожелал ему поскорее поправиться в здравье^{II} и удалился от него.

Убежал опять к Графу, чтобы сказать^{III}, что дело плохо, и я не предвижу ничего^{IV} хорошего, если это так продолжится^V. Граф предложил мне зайти дня через два узнать, что делается. — Неопределительные отношения между медиками не позволяли мне впутываться в распоряжения врачей, тем более, что^{VI} он был на руках у своего приятеля Иноземцева, с которым был короток и который его любил искренно. — Как сокрушаюсь я теперь, что я по словам Графа приехал только спустя два дня³⁷, — может быть, я бы как-нибудь мог еще подействовать^{VII} ко спасению его. Но как и чем? Медицина не дает правил, как действовать^{VIII} при таких неопределенных явлениях и для такой исключительной личности. — Гр<аф> рассказал тогда же М<итрополиту> Филарету об опасной болезни Гоголя и его упорном poste^{IX}. Филарет прослезился и с горестию сообщил мысль, что на Гоголя^X надобно было действовать иначе; следовало убеждать^{XI} его, что его спасение не в poste, а <в> послушании. После этого он ежедневно призывал к себе окружавших больного Священников, расспрашивал их о ходе болезни, о явлениях, случающихся в ней, и о поступках больного, и препоручал им сказать ему от себя (он сам был болен в это время), что он его просит непрекословно исполнять назначения врачей во всей полноте^{XII}. —

Как видно^{XIII}, силы его падали быстро и невозвратно^{XIV}. Несмотря на то, что он был убежден, что когда ляжет в постель, то она будет для него смертным одром³⁸, и для того старался оставаться на креслах в полулежащем положении^{XV}, однако же в понедельник³⁹ уже он улегся и не вставал с постели^{XVI}, хотя был еще^{XVII} в халате и сапогах. — В воскресенье⁴⁰ пр<иходской> священник убедил его принять ложку клещ<евинного> масла; он проглотил, но^{XVIII} после этого перестал вовсе^{XIX} слушаться его и не принимал уже в последнее время никакой пищи. В этот же день Духовник^{XX} его^{XXI} убедил было^{XXII} употреблять промывательное; и хотя он согласился, но это было только на словах. Когда к нему стали прикасаться, он решительно отказался.

^I *Далее было*: безжизненно

^{II} в здравье *вписано вместо*: во всяком случае

^{III} чтобы сказать *вписано*.

^{IV} ничего *вписано*.

^V продолжится *вписано карандашом вместо*: пойдет

^{VI} *Далее было*: лечил

^{VII} мог еще подействовать *вписано карандашом вместо*: подействовал

^{VIII} Медицина не дает правил, как действовать *вписано карандашом вместо*: Правила медицинские не дают закона

^{IX} упорном poste *вписано вместо*: упорстве

^X *Было*: на него

^{XI} следовало убеждать *вписано вместо*: и убеждал

^{XII} *Следующие далее в рукописи три страницы (л. 10а, л. 10а об., л. 11) остались незаполненными.*

^{XIII} *Над словами*: Как видно — *вписано и зачеркнуто*: В воскресенье

^{XIV} невозвратно *вписано карандашом вместо*: сильно

^{XV} и для того старался оставаться на креслах в полулежащем положении *вписано*.

^{XVI} он улегся и не вставал с постели *вписано карандашом вместо*: лежал в постели

^{XVII} был еще *вписано*.

^{XVIII} *Далее было (зачеркнуто карандашом)*: уже

^{XIX} вовсе *вписано*.

^{XX} *Вместо*: В этот же день Духовник — *было*: а. Духовник б. В понедельник после причащения вечером Духовник в. В понедельник, в день причащения, вечером Духовник

^{XXI} *Далее было (зачеркнуто карандашом)*: также

^{XXII} *Далее было*: позво<лить>

В понедельник на 2 неделе⁴¹ он совершил предсмертные Таинства покаяния, причащения и елеосвящения. Ив. В. Капнист хотел также подействовать своим дружеским влиянием на него; но на его слова он ничего не отвечал. Тот сказал: «Верно, ты меня не узнаешь!» — «Как не знать?» — отвечал страдалец⁴², и назвал его по имени, прибавив: «Прошу Вас — не оставьте своим вниманием сына моего Духовника, который служит у Вас в Канцелярии», — и опять замолк.

Уже раз спасен он был от болезни в Риме без медицинских пособий; он приписывал это чуду. И в настоящее время⁴³ он сказал кому-то из убеждавших его лечиться: «Ежели будет угодно Богу, чтобы я жил еще⁴⁴, буду жив...» Между тем все соединилось не к добру. Ф. И. Иноземцев захворал и последние дни у него не был. — А. И. Овер приглашен был Графиней взойти к Гоголю в 1-ой раз в этот же понедельник⁴⁵. Вероятно, из медицинской деликатности он не посоветовал ничего другого, как не давать ему вина, которого большой спрашивал часто.

Во вторник являюсь я и встречаю Гр<афа> Т<олстого>, встревоженного через меру и сверх моего⁴⁶ ожидания. «Что Гоголь?» — «Плохо; лежит, ступайте к нему, теперь можно входить». Я взошел в его комнату; он лежал на широком диване, на боку, с закрытыми глазами, отвернувшись к стене; против его лица — образ Богоматери, в руках четки. Возле него его мальчик и другой служитель. — На тихий мой вопрос он не отвечал ни слова. Я взял его руку, чтобы пощупать пульс. Он сказал: «Не трогайте меня, пожалуйста». Однако же, когда он был в дремоте, я успел испытать, что пульс его слабый, скорый, мягкий, удобосжимаемый; руки холодноваты; голова также прохладна. Из расспросов от окружающих удостоверился я, что никаких важных болезненных симптомов во все время с ним не было: только очищения кишок не было вовсе в последние дни⁴⁷. Приехал Погодин с Альфонским. Этот предложил магнетизирование, чтобы покорить его волю и заставить употреблять пищу. Явился и Овер, который согласился на то же⁴⁸ в ожидании следующего дня, в который он предположил приступить к деятельному лечению. Но для этого он велел созвать консилиум и известить о нем Иноземцева⁴⁹.

Целый вторник Гоголь лежал, ни с кем не разговаривая, по временам поворачивался на другой бок, всегда с закрытыми глазами, нередко находился как бы в дремоте, часто просил пить красного вина, и всякой раз смотрел на свет, то ли ему подадут. Но к вечеру ему подменили вино сперва красным питьем, а потом бульоном. По-видимому, он уже не ясно различал уже качество питья, потому что сказал только: «Зачем подаешь мне мутное?», однако же выпил, и с тех пор ему стали подавать для питья бульон, когда он спрашивал пить, говоря: «Подай, подай!», после чего сам брал рюмку и выпивал.

Вечером же пришел врач Сокологорский⁵⁰ — магнетизировать. Когда он положил ему руку на голову, потом под⁵¹ ложку и стал делать пассы, Н<иколай> В<асильевич> сделал движение⁵² и сказал: «Оставьте меня!» — Поздно вечером призван Клименков⁵³ и поразил меня дерзостью своего обращения. Он стал кричать с ним, как с глухим и беспамятным, начал насильно держать его руку, добиваться, что болит⁵⁴. — «Не болит ли голова?» — «Нет». — «Под ложкою?» — «Нет», и т. д. Ясно было, что больной терял терпение и досадовал. Наконец он

⁴¹ Далее было: Вы

⁴² Уже раз спасен он ~ приписывал это чуду. И в настоящее время *вписано карандашом вместо*: Около этого времени

⁴³ жил еще *вписано вместо*: был жив

⁴⁴ в 1-ой раз в этот же понедельник *вписано вместо*: в понедельник на 2 неделе

⁴⁵ моего *вписано*.

⁴⁶ только очищения ~ в последние дни *вписано вместо*: но запор на низ продолжался

⁴⁷ Далее было: на этот вечер

⁴⁸ и известить о нем Иноземцева *вписано*. Далее с красной строки было: Вечером того же дня во вторник

⁴⁹ под *вписано карандашом вместо*: на

⁵⁰ сделал движение *вписано карандашом вместо*: отодвинулся

⁵¹ Далее было: Гоголь

опять умоляющим голосом сказал: «Оставьте меня!», завернулся и спрятал руку. — Клименков советовал кровопускание^I, лед, завертывание в мокрые холодные простыни^{II}, я^{III} предложил отсрочить эти действия до завтрашнего консилиума^{IV}. — Между тем в тот же вечер^{IV} искусным образом, когда больной^V перевертывался, ему вложили suppositorium из мыла, что также не обошлось без крика и стога.

В среду^{IV} собрались для консилиума: Овер, Евениус^{IV}, Клименков, Сокологорский^{VI} и я. Судьбе угодно было, чтобы Ворвинский^{IV} был задержан и^{VII} приехал позднее, после того, как участь больного уже решена была неумолимым советом^{VIII}. Состояние больного было почти такое же; но слабость пульса так усилилась, что мы с Сокологорским уже утром рано^{IX} думали^X попробовать мошус^{IV}.

В присутствии Гр<афа> А. П. Толстого, Ив. В. Капниста, Хомякова и довольно многочисленного собрания Овер рассказал Евениусу историю болезни. Тут взяты в расчет литераторство^{XI}, сидячая жизнь, напряженная головная работа. Религиозные^{XII} убеждения морить себя голодом, носовое кровотечение, ускоренный пульс; неприветливость приема, по его мнению, обозначали meningitis^{IV}, которая была причиной его упорства не лечиться и не есть^{XIII}. Поэтому он предложил вопрос: оставить ли больного^{XIV} так, без пособий, или поступить с ним, как с человеком, не владеющим собою, и не допускать его до умерщвления себя? Ответ Евениуса был — «да, надобно его кормить насильно^{XV}». — Пошли осматривать больного; стали его^{XVI} спрашивать. Гоголь или^{XVII} не отвечал, или отвечал коротко: «нет», — не раскрывая глаз; наконец проговорил с напряжением: «Не тревожьте меня, ради Бога!»^{XVIII} Стали давить живот; он закричал, застонал, как и от всякого другого прикосновения к нему. — Овер^{XIX} препоручил Клименкову поставить ему две пиявки к носу, сделать холодное обливание головы в теплой ванне. Тогда прибыл Ворвинский^{XX}. Коротко передал ему Овер тот же французский^{XXI} рассказ по-русски. По осмотре больного^{XXII} Ворвинский сказал: «gastroenteritis ex inanitione^{IV}; пиявок, не знаю, как вынесет он по слабости, а ванну разве буль-

^I Клименков советовал кровопускание *вписано карандашом вместо*: Я воспротивился предложению Клименкова: кровь

^{II} завертывание – простыни *вписано вместо*: холодная вода

^{III} я *вписано карандашом*

^{IV} Между тем в тот же вечер *вписано карандашом*.

^V больной *вписано вместо*: он

^{VI} Сокологорский *вписано карандашом*.

^{VII} был задержан и *вписано*.

^{VIII} Далее было (зачеркнуто карандашом): трех

^{IX} уже утром рано *вписано карандашом*.

^X Было: увид<ели>

^{XI} Тут взяты в расчет литераторство *вписано карандашом вместо*: Литератор

^{XII} работа, религиозные

^{XIII} не лечиться и не есть *вписано карандашом*.

^{XIV} Далее было: погибать

^{XV} Далее было: посадить в ванну и крикнуть — «есть».

^{XVI} его *вписано карандашом*.

^{XVII} или *вписано*.

^{XVIII} наконец проговорил с напряжением: «Не тревожьте меня, ради Бога!» *вписано*.

^{XIX} Над словом: Овер — *вписано*: Вследствие сего

^{XX} Тогда прибыл Ворвинский *вписано карандашом вместо*: Ворвинский прибыл тут же

^{XXI} французский *вписано*.

^{XXII} больного *вписано карандашом*.

онную!¹! Впрочем, навряд ли что успеете сделать при таком нежелании больного». Но его суждения никто не хотел и слушать — все разъезжались. Клименков взялся сам устроить все назначенное Овером^{II}. Я отправился, чтобы не быть свидетелем мучений страдальца^{III}. Когда я возвратился^{IV} через три часа после ухода (в 6 часу вечера), уже ванна была сделана, у ноздрей висело восемь^V крупных пиявок; к голове приложена примочка. Рассказывают, что когда его раздевали и сажали в ванну, он сильно стонал, кричал, говорил, что это делают напрасно; после того как его положили опять в постель без белья, он проговорил: «Покройте плечо, закройте спину!», а^{VI} когда ставили пиявки, он повторял^{VII}: «Не надо!»; потом, когда они уже были поставлены, твердил^{VIII}: «Снимите пиявки, поднимите (от рта) пиявки^{IX}». При мне они висели еще долго, его руку^X держали с силою, чтобы он до них не касался. — Приехали в 7 часу Овер и Клименков; они велели^{XI} подолее поддерживать кровотечение, ставить горчичники на конечности^{XII}, потом мушку на затылок, лед на голову и внутрь отвар алтейного корня с лавровишневою водою. — Обращение их было неумолимое; они распоряжались, как с сумасшедшим, кричали перед ним, как пред трупом. Клим<енков> приставал к нему, мял, ворочал, поливал на голову какой-то едкой спирт, и когда больной от этого стонал^{XIII}, Доктор спрашивал, продолжая поливать: «Что болит, Н<иколай> В<асильевич>? А? Говорите же!» Но тот стонал и не отвечал⁵¹.

Они^{XIV} уехали, я остался во весь вечер до 12 часов и внимательно наблюдал за происходящим. — Пульс вскоре и явственно упал, делался еще чаще и слабее, дыхание, уже затрудненное утром, становилось еще тяжелее; уже больной сам поворачиваться не мог, лежал смирно на одном боку и был покоен, когда ничего не делали с ним; от горчичников^{XV} стонал; по вставлении нового suppositōgium вскрикнул громко; по временам явственно повторял: «давай пить!» Уже поздно вечером он стал забываться, терять память. «Давай^{XVI} — бочонок!» — произнес он однажды. Ему подали прежнюю рюмку с бульоном, но уже он не мог сам приподнимать головы и держать рюмку; надобно было держать то и другое, однако же он тотчас выпил поданное. Еще позднее он по временам^{XVII} бормотал что-то невнятно, или повторял несколько раз: «Давай, давай! ну что же?»^{XVIII} Часу в одиннадцатом он закричал громко: «Лестницу, поскорее, давай лестницу!»⁵² Его подняли с постели, посадили на^{XIX} кресла; уже голова его не держалась на плечах и падала машинально.

^I Далее было (зачеркнуто карандашом): сделать

^{II} назначенное Овером вписано карандашом.

^{III} Вместо: Клименков взялся - мучений страдальца. — было: И я отправился, чтобы не быть свидетелем мучений страдальца. Клименков взялся сам устроить все.

^{IV} Когда я возвратился вписано карандашом вместо: Когда явился

^V висело восемь вписано карандашом вместо: висели шесть

^{VI} после того как - закройте спину!», а вписано карандашом вместо: что

^{VII} повторял вписано вместо: говорил

^{VIII} когда они уже были поставлены, твердил вписано карандашом.

^{IX} Далее было: покройте плечо, закройте спину

^X его руку вписано карандашом вместо: и руку его

^{XI} Вместо: Приехали в 7 часу - они велели — было: Приехал в 7 часу Овер и Клименков; сказал: «хорошо», велел

^{XII} на конечности вписано.

^{XIII} Далее было: то

^{XIV} Было: Когда они

^{XV} Далее было: все

^{XVI} Вместо: «давай пить!» - терять память. «Давай — было: а. давай пить, давай б. «давай пить!» Он стал забываться, терять память уже поздно вечером. «Давай

^{XVII} однако же он - позднее он по временам вписано вместо: Уже стал показываться бред, состоявший в том, что он

^{XVIII} Далее было: и потом не пил предложенного питья

^{XIX} Далее было: судно

Тут привязали ему мушку на шею, надели рубашку (он лежал после ванны голый); он только стонал. Когда его опять клали в постель, он потерял все чувства, глаза у него раскрылись безжизненно, пульс перестал биться, произошло хрипение. Этот обморок длился несколько минут; хотя пульс вскоре^I возвратился, но сделался почти неприметным, и после этого больной^{II} уже не просил ни поворачиваться, ни пить; лежал уже на спине постоянно с закрытыми глазами, не произнося ни слова. В 12 часу ночи стали холодеть ноги — я положил кувшин с горячею водою, стал почаще давать^{III} проглатывать бульона, и это по-видимому его оживляло. Тут я мог ощупать его живот, который был, как доска, вовсе без содержимого, мягкий, вялый; позвоночник через него ощущался^{IV} легко. Дыхание сделалось постоянно хриплое и тяжкое. — Лицо осунулось, как у мертвеца, под глазами посинело, кожа сделалась прохладною и покрылась^V испариною. — В таком положении оставил я страдальца^{VI}, чтобы опять не столкнуться с медиком-палачом, убежденным в том, что он спасает человека, — чтобы дать успокоение Графу, который без того не уходил в свою комнату.

В 10 часов утра в четверг 21 февраля 1852^{VII} <года> я спешу приехать ранее консультантов, которые назначили быть в 10 (а Овер в 1 час), но уже нашел не Гоголя, а труп его. Рассказали мне, что Клименков приехал вскоре после меня^{VIII}, пробыл с ним ночью несколько часов: давал ему каломель, обкладывал все тело горячим хлебом, по предложению Назимова; при этом опять возобновился стон и пронзительный крик^{IX}. Все это, вероятно, помогло ему поскорее умереть, и около 8 часов утра дыхание совершенно прекратилось. Нельзя вообразить, чтобы кто-нибудь мог терпеливее его сносить^X все врачебные пособия, насильно ему навязываемые;^{XI} лицо умершего выражало не страдание, а спокойствие, ясную мысль, унесенную с собою за гроб.

Когда я пришел^{XII}, уже успели^{XIII} осмотреть его шкафы, где не нашли ни им писанных трагедий, ни денег; уже^{XIV} его одели в^{XV} сюртук, в котором он ходил, уже^{XVI} положили на стол по обычному порядку^{XVII} и приготовились к панихиде. Я выслушал всю службу, поклонился, поцеловал лоб и руку и с сокрушенным сердцем отправился на службу, вздыхая и стара-

^I Было: но хотя пульс

^{II} после этого больной *вписано вместо*: он

^{III} стал почаще давать *вписано карандашом вместо*: давал

^{IV} ощущался *вписано карандашом вместо*: ощупывался

^V сделалась прохладною и покрылась *вписано вместо*: свежая с

^{VI} страдальца *вписано карандашом вместо*: его

^{VII} 21 февраля 1852 *вписано карандашом*.

^{VIII} приехал вскоре после меня *вписано карандашом*.

^{IX} по предложению Назимова ~ пронзительный крик *вписано вместо*: отчего продолжал стонать страдалец

^X Нельзя вообразить ~ его сносить *вписано вместо*: а. Терпеливо сносил он б. Терпеливо, как только может человек в его положении, сносил он

^{XI} Далее было: и

^{XII} Когда я пришел *вписано карандашом*.

^{XIII} Далее было: приготовиться к панихиде

^{XIV} уже *вписано карандашом*.

^{XV} Далее было: поношенной

^{XVI} уже *вписано карандашом*.

^{XVII} по обычному порядку *вписано карандашом*.

ясь разуверить себя^I, что не наяву^{II} видел^{III} я^{IV} невозвратную гибель великого художника вместе с своими^V творениями!

Что была за болезнь Гоголя, от которой он умер?

<1.> Судя просто по видимым^{VI} симптомам без внимания во все подробности его жизни, его образа мыслей, его убеждений, цели, всей обстановки, конечно, можно отделаться, назвав болезнь typhus, gastro-enteritis, meningitis, mania religiosa — как это и сделано было^{VII}. Но зная даже те подробности, которые только можно собрать у него в доме, трудно решиться произнести такое^{VIII} поверхностное суждение. — Здесь было такое^{IX} множество условий, как бы нарочно сосредоточившихся к его гибели, что только из соображения всех их была бы возможность сделать правильное заключение^X.

Духовный элемент был преобладающею причиною его болезни. Пытливый художник не довольствовался воспроизведением жизни России, но домогался^{XI} разгадать задачу, как посредством поэтических представлений так подействовать на всех, чтобы все изменились к лучшему. — Весь существующий порядок был ему не по сердцу; изучая все встречающееся^{XII}, он скорбел об нем^{XIII} и надеялся предугадать лучший порядок вещей, лучших людей, лучшую жизнь^{XIV}.

В описании пошлости в жизни он весь^{XV} переселялся в описываемое и глубоко страдал, как бы живя на время жизнью своих героев^{XVI}. Но задача его оставалась не разрешимую ни в действиях, ни в его представлениях. Окружаемый религиозными людьми^{XVII}, он всегда был предан религии, а в последнее время он подверг себя почти исключительно^{XVIII} ее влиянию, убежденный, что она разрешит и для других и для него все возможные задачи. — Кажется, он начал с себя^{XIX} самого — как ему жить и действовать, сообразно религии^{XX}?

Эта^{XXI} постоянная религиозная настроенность заставляла^{XXII} его непрерывно помышлять о будущей жизни, пренебрегать^{XXIII} настоящею. Негодовать^{XXIV} даже на себя; стремиться^{XXV} ис-

^I стараясь разуверить себя *вписано вместо*: не веря себе

^{II} не наяву *вписано карандашом*.

^{III} видел *вписано*.

^{IV} я *вписано карандашом*.

^V своими *вписано вместо*: делами р<ук>

^{VI} видимым *вписано*.

^{VII} как это и сделано было *вписано карандашом*.

^{VIII} такое *вписано карандашом*.

^{IX} такое *вписано карандашом*.

^X что только ~ правильное заключение *вписано карандашом*.

^{XI} домогался *вписано вместо*: любя ее

^{XII} изучая все встречающееся *вписано*.

^{XIII} об нем *вписано*.

^{XIV} *Абзац*: Духовный элемент ~ лучшую жизнь. — *вписан чернилами на полях после вставки, написанной карандашом*.

^{XV} весь *вписано*.

^{XVI} *Далее было*: П<ечаль> <край листа оборван> эта глубокая у него усиливалась

^{XVII} Окружаемый религиозными людьми *вписано*.

^{XVIII} *Далее было*: одно<му>

^{XIX} с себя *вписано вместо*: с того

^{XX} В описании пошлости ~ сообразно религии? *вписано на полях*.

^{XXI} Эта *вписано*.

^{XXII} *Было*: заставляла

^{XXIII} *Было*: пренебрегая

^{XXIV} *Далее было*: на все земное и

^{XXV} *Вместо*: стремиться — *было*: отсюда стремление

правлять себя, достигать совершенства. — Христианские добродетели, которые кажутся обыкновенными, но на деле трудные для совершеня¹, он сохранил все, если не от юности, по крайней мере в эпоху жизни, когда его узнали как творца, художника, поэта. Вероятно, ему показалось, что он одного не докончил — измождение плоти, о котором так высоко отзываются подвигоположники, отшельники мира. Взяв себе в образец и наставление Иоанна Лествичника, любимую его книгу⁵³, он старался достигать высших ступеней, и принял за лишения, так ярко описываемые у него. Пища сытная и обильная была им любима по необходимому требованию организма; он решил^{II}, что ему должно отказать себе и в ней, и вот он, круто повернув от французской кухни на пустынной монашеской стол, перестал есть все питательное, все ласкающее вкус, и стал довольствоваться прохлаждающим, невкусным, и то скудным, столом. Такой переход, особенно быстро произведенный, не мог остаться без важного влияния на его тело. — Чтобы не заслужить порицания других, он стал лгать, утверждая, что есть не хочет, не может по болезни, отозван в другое место (М. С. Щепкину он обещал недели за три до смерти⁵⁴ приехать обедать, но явился сказать, что не может, обещавши в другом месте). Может быть, это произвело действительное страдание брюшных внутренностей (gastroenteritis), особенно присоединившись к прежним геморoidalным засорениям и нервным раздражениям брюшных нервов. Впоследствии, вероятно, уже он и не мог есть как здоровый, и при его решимости вернуть его к прежнему быту надобно было поступать постепенно и долго.

2. Двигнуло его к этому чрезмерному посту мысль о предстоящей смерти. Растроганный смертью любимого существа, убежденный в своей болезненности и необходимости умереть, как отец, в эти же лета и от той же болезни, он видел ясное подтверждение своих догадок, действительно имея неправильные кишечные отправления^{III}.

3. Ослабши телом, ослабел он и духом. Наклонный верить всему таинственному в религии, он часто помышлял о сверхъестественных видениях; и верил, что в самом деле в забытии от слабости, особенно после продолжительных бдений на молитве, он узрел что-либо страшное, уверившее его в приближении смерти. После того предчувствие смерти перешло в убеждение.

4. Видя суету мира, художническим ясно-созерцательным глазом понимая ничтожность людей, он никому не мог открыть себя вполне; врачебную науку почитал недостаточною, вредною; как же^{IV} мог он приглашать врачей^V, обнаруживать всего себя^{VI}, слушаться вр<ачебных> советов, особенно уверенный в Промысл, не допускающий смерти, когда ее не нужно.

5. Ожидая с уверенностию близкой кончины, он не пожелал идти к Богу, оставляя по себе земную память, могущую подать кривые толкования, споры, ссоры, пересуды, за что он должен отдать отчет Богу, как за всякое праздное слово^{VII}, хотя эти слова стоили ему столько трудов, обдумываний, стремлений, надежд. Уничтожив свои творения, уже он не оставил ничего и не хотел более помышлять ни о чем, как углубиться в созерцание предсмертного часа. Таким образом можно объяснить его слова, написанные на клочках перед смертью: «Если не будете малы^{VIII}, не увидите в Царстве Божие»; «Господи! Свяжи сатану» и «Как благодарить мне за преподанный урок?..» Уже одно полное ожидание смерти в состоянии причинить смерть без болезни.

¹ совершеня *вписано вместо:* выпо<лнения>

^{II} Было: решился

^{III} Далее *вписано карандашом и зачеркнуто:* Врачевание же отвергал, будучи убежден, что оно только повредит.

^{IV} же *вписано.*

^V Далее было: рассказывать

^{VI} приглашать врачей, обнаруживать всего себя *вписано карандашом.*

^{VII} Далее было: Из всех соображений только такую картину могу я предположить истреблению [его] плода его трудов

^{VIII} Далее было: как дет<и>

б. Распоряжения¹ наперекор ему, слова и действия, производившие досаду, конечно, могли быть причиной раздражения мозга. Но внезапное падение сил усилилось и ускорилось значительным кровотечением и каломелем: без этого он мог не выздороветь, но прожить долее, нежели жил. — Итак, *gastroenteritis ex inanitione, irritatio cerebri ab anaemia, collapsus vivium mavamus acutus ab omnibus caupis debitantibus*. Пример едва ли не единственный в наше время.

1852. Апреля 6. Москва.

Хранится: ГИМ. Ф. 380. 1852 г. Ед. хр. 1. 18 л. Рукопись представляет собой черновой автограф статьи доктора Алексея Терентьевича Тарасенкова «Н. В. Гоголь в последнее время жизни», с многочисленной карандашной авторской правкой. Подписана: «1852. Апреля 6». Поступила в музей от сына А. Т. Тарасенкова Петра Алексеевича Тарасенкова в 1900 г., о чем свидетельствует надпись на первом листе рукописи: «Приношу в дар Императорскому Российскому Музею сию рукопись покойного отца моего. Петр Тарасенков. Апрель 1900 г.»

В 1856 г. статья была содержательно, композиционно и стилистически переработана автором (были сделаны также некоторые сокращения) и с измененным названием, дополнениями и примечаниями опубликована: <Тарасенков А. Т.> А. Т.—в. Последние дни жизни Николая Васильевича Гоголя // Отечественные Записки. 1856. № 12 (цензурное разрешение 1 дек.). С. 397–427. См. эту статью в наст. изд.

В 1898 г. два отрывка из рукописи (без заглавия, начальных и заключительных страниц, с редакторской правкой, ошибками и пропусками) были напечатаны в изд.: Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя. М., 1897. Т. 4. С. 806–807, 850–865. (Первый из напечатанных В. И. Шенроком фрагментов начинается словами: «В эту последнюю зиму Гоголь был постоянно погружен в себя...», — заканчивается фразой: «...в которых слог трезвый, крупный, яркий, не такой, как был в прежних, уже изданных сочинениях, когда он вовсе не умел писать»; второй из фрагментов начинается словами: «Мрачная настроенность духа от времени до времени в нем обнаруживалась», — и заканчивается: «Впоследствии, вероятно, уже он и не мог есть как здоровый, и при решимости возратить его к прежнему быту надобно было поступать постепенно и долго...») К публикации В. И. Шенрок сделал примечание: «...позволив себе, пользуясь обязательным разрешением П. А. Тарасенкова, привести отрывки из статьи его отца, лечившего Гоголя (с сохранением того, что было некогда опущено в печати и с полным обозначением лиц, о которых идет речь)» (Там же. Т. 4. С. 849).

Спустя четыре года, в 1902 г., сын А. Т. Тарасенкова Петр Алексеевич переиздал воспоминания своего отца о Гоголе, опубликованные в 1856 г.: Последние дни жизни Н. В. Гоголя. Записки его современника доктора А. Тарасенкова. Изд. 2-е, дополненное по рукописи. М., 1902 (цензурное разрешение 2 марта). 33 с. («Склад издания в Императорском Российском Историческом Музее в Москве, у Петра Алексеевича Тарасенкова»). Взяв за основу журнальную публикацию 1856 г., П. А. Тарасенков дополнил ее фрагментами чернового автографа. В результате контаминации двух источников некоторые фрагменты журнальной редакции были исключены и заменены отрывками черновой редакции, в то время как черновой автограф был представлен в публикации 1902 г. в отдельных отрывках. Под текстом воспоминаний была поставлена дата: «Москва. Апрель, 1852 г.», хотя к изданию 1856 г. рукопись была существенно переработана и дополнена автором. Кроме того, ни в публикации Шенрока 1898 г., ни в тексте, подготовленном в 1902 г. П. А. Тарасенковым, не были приведены варианты чернового автографа. В полном объеме автограф статьи А. Т. Тарасенкова публикуется впервые.

В предисловии к изданию 1902 г. П. А. Тарасенков указывал: «“Последние дни жизни Н. В. Гоголя” написаны А. Т. Тарасенковым в 1852 году, тотчас после кончины Николая Васильевича. В 1856 году статья эта была помещена в “Отечественных Записках”, в № 12, а в 1857 году она же была выпущена отдельным оттиском.

В том и в другом случае при напечатании были опущены факты и имена, которые в то время обнародовать казалось неудобным, но теперь пора им стать общим достоянием, поэтому в настоящем издании статья дополнена по сохранившимся рукописным заметкам А. Т. Тарасенкова, находящимся в библиотеке Императорского Российского Исторического Музея в Москве.

Для интересующихся личностью автора этих записок сообщаем краткие биографические сведения о нем.

Алексей Терентьевич Тарасенков родился 31 марта 1816 г., скончался 16 мая 1873 г., будучи главным доктором больницы графа Шереметьева в Москве. Образование получил в Московском университете. А. Т. Тарасенков пользо-

¹ Распоряжения *вписано карандашом вместо*: Действия

вался в Москве большой популярностью, как врач и гуманный человек. По его мысли и его стараниями на средства графа Шереметева при его Московской больнице устроено отделение для бесплатной подачи приходящим больным врачебной помощи, которую ежегодно пользуются тысячи бедных людей. Он был членом Физико-Медицинского Общества, Петербургского и Московского Обществ Русских Врачей и деятельным гласным Московской Городской Думы» (<Тарасенков П. А.> Предисловие // Последние дни жизни Н. В. Гоголя. Записки его современника доктора А. Тарасенкова. Изд. 2-е, дополненное по рукописи. М., 1902. С. 1).

«Одно время <в конце 1830-х гг.> бывший студент медицинского факультета Московского университета А. Т. Тарасенков помогал <П. Л.> Чебышеву <1821–1894> готовиться по латыни. Сестра Чебышева — Елизавета Львовна была замужем за Тарасенковым» (Телупин М. Встреча в старом переулке. Последние дни Н. В. Гоголя // Вечерняя Москва. 1965. 7 июня. № 132. С. 3). А. Т. Тарасенков является автором более двух десятков работ по медицине, в том числе «Исторической записки о составе и деятельности Физико-Медицинского Общества... за первое 50-летие его существования (1805–1855)» (М., 1856); «Исторического описания больницы Странноприимного дома графа Шереметьева в Москве» (М., 1859); «Исторической записки о Странноприимном доме графа Шереметьева в Москве» (М., 1860) и «Воспоминаний о Шереметьевской больнице» (М., 1899).

Некоторые сведения о Гоголе, передаваемые Тарасенковым, были сообщены ему В. О. Шервудом (см., в частности, ниже примеч. 18). Последний также указывал, что Тарасенков был домашним врачом Толстых, в доме которых жил Гоголь (см. в наст. изд. коммент. к фрагменту из «Записок» В. О. Шервуда «Вечера у Шевырева (Гоголь)»). Многие сведения о Гоголе Тарасенков почерпнул у графа Толстого. Личное общение самого мемуариста с Гоголем было непродолжительным.

В первоначальной редакции мемуаров «Н. В. Гоголь в последнее время жизни» Тарасенков замечал, что Гоголь еще до его болезни «не раз» с ним «вместе обедал и беседывал» за столом у графа Толстого; здесь мемуарист называл себя их «общим знакомым». Когда Тарасенков впервые встретился с Гоголем, он не сообщает, хотя в журнальной редакции мемуаров указывает, что «до 1852 года <...> знал Гоголя только по его сочинениям и по рассказам о нем». Очевидно, что все встречи Тарасенкова с Гоголем за обедами у Толстого, состоявшиеся еще до болезни писателя, относятся к январю 1852 г., и последняя из этих встреч случилась определенно 22 января 1852 г. (см. ниже примеч. 8). Далее Тарасенков, сообщая, как граф А. П. Толстой «в среду на 1 неделе» поста (13 февраля 1852 г.) пригласил его для осмотра больного Гоголя, замечал, что перед этим «давно <...> не имел случая быть у Графа» («и я не слыхал ничего о его болезни», — добавлял Тарасенков в журнальной редакции мемуаров). Но 13 февраля 1852 г. Гоголь Тарасенкова не принял, и «в первый раз <...> в болезни» тот увидел Гоголя на непродолжительное время только 16 февраля. В обеих редакциях мемуаров Тарасенков сообщил: «Увидев его, я ужаснулся. Не прошло месяца, как я с ним <...> обедал...» Здесь определенно имеется в виду обед 22 января 1852 г. Но это свидетельство Тарасенкова находится в явном противоречии с его же словами в 11-м авторском примечании к описанной встрече (22 января) в журнальной редакции мемуаров: «Этот и многие последующие разговоры с Гоголем записаны мною на память для себя...» (курсив наш. — И. В.). В основном тексте Тарасенков замечал: «Описанный день, в который мы с ним обедали, особенно мне памятен: он был пред его болезнью последний, в который мне пришлось провести довольно долгое время вместе...» Следует сделать вывод, что другие разговоры Тарасенкова с Гоголем до болезни последнего предшествовали, а не последовали беседе 22 января.

Второй раз у постели больного Гоголя Тарасенков провел целый день 19 февраля. 20 февраля он участвовал в консилиуме и, уехав, вернулся вечером того же дня, после предпринятого над Гоголем насильственного лечения. На следующий день, 21 февраля, Тарасенков приехал уже после кончины писателя. В тот же день он начал свои записки о Гоголе. В 1856 г. Тарасенков замечал: «Заметки мои составлены вскоре после смерти Гоголя; главные их основания записаны в самый день его смерти» (см. в наст. изд. 4-е авторское примеч. к журнальной редакции мемуаров Тарасенкова).

Таким образом, несколькими застольными беседами в январе 1852 г., до болезни Гоголя (из которых мемуарист привел сведения лишь об одной), а также тремя посещениями Гоголя во время болезни (16, 19 и 20 февраля) исчерпывается личное общение Тарасенкова с Гоголем. См. также в наст. изд. раздел: Князь Н. С. Назаров. Письмо к редактору. <Возражение на статью А. Т. Тарасенкова «Толки о причинах смерти Гоголя по поводу брошюры А. Тарасенкова “Последние дни жизни Гоголя”»>.

¹ Вероятно, около 20 сентября 1850 г.

² 22 сентября 1851 г. Подорожная на проезд Гоголя от Москвы до Полтавы была выдана 20 сентября 1851 г. (см. в наст. изд.).

³ Около 26 сентября 1851 г.

⁴ 22 октября 1851 г. «Понедельник, 22 Октября. <...> В Малом театре. Императорскими Российскими актерами представлено будет: РЕВИЗОР, оригинальная комедия в 5 действиях, в прозе, соч. Н. Гоголя. — КОМЕДИЯ С ДЯДЮШКОЙ, шуточная оперетка-водевиль в 1-м действии П. И. Г<ригорье>ва. <...> Нач<ало> в 7 часов» (Ведомости Московской Городской Полиции. 1851. 20 октября. № 229. С. 964). «22 <октября 1851 г.> шел Ревизор, в котором роль Хлестакова в первый раз играл г. Шумский. <...> Но г. Шумский не удовлетворил ожиданиям публики. Первый опыт его был неудачен. <...> В исполнении роли Хлестакова г. Шумским было совершенное отсутствие и дурного и хорошего, что делало роль совершенно бесцветною, и вот почему мы г. Шумского в этой роли поставим ниже Максимова, Ленского, Самарина, актеров, которых мы видали в этой роли. <...> Второй акт, в котором Хлестаков, кажется, всего более обрисовывается перед зрителями, пропал совершенно. Сцена вранья в 3 акте прошла немного лучше, но и в ней не было того, что, по моему мнению, составляет главный комизм этой сцены: Хлестаков врёт, не отдавая себе ни малейшего отчета в своих словах: он не понимает сам, что говорит; он сам почти верит всему тому, что говорит. Четвертый акт прошел не лучше предыдущих, и мы вышли из театра, испытав всю неприятность обманутых надежд. <...> Гг. Щепкин <в роли Городничего> и Садовский <в роли Осипа> были по обыкновению прекрасны в своих ролях. На сей раз гг. Бобчинский и Добчинский не были так карикатурно одеты, как они одеваются обыкновенно на нашей сцене» (Московский театр // Ведомости Московской Городской Полиции. 1851. 22 ноября. № 254. С. 1063–1064).

Во время пребывания Гоголя в Москве с 26 сентября 1839 г. по 18 мая 1840 г. представления «Ревизора» в Москве состоялись дважды: 17 октября 1839 г. и 23 апреля 1840 г. Из многочисленных свидетельств известно, что Гоголь определенно побывал на первом из этих представлений (см. в наст. изд. письмо С. Т. Аксакова к сыновьям от 17 октября 1839 г.; О. Сем. Аксаковой — Г. С. и И. С. Аксаковым от 18 октября 1839 г., Н. Ф. Павлова к С. П. Шевыреву от 20 октября 1839 г.; Н. П. Огарева к А. И. Герцену от 18 октября 1839 г., К. С. Аксакова к Г. С. и И. С. Аксаковым от 24–25 октября 1839 г., Т. Н. Грановского к Н. В. Станкевичу от 25 ноября — 10 декабря 1839 г., а также «Историю нашего знакомства с Гоголем...» С. Т. Аксакова, воспоминания С. А. Ермоловой о Гоголе в записи П. И. Бартенева, «Литературные воспоминания» И. И. Панаева и фрагмент из «Литературного обозрения» В. С. Межевича).

На московское представление пьесы 23 апреля 1840 г. Гоголь, возможно, водил мать с сестрами Анной, Елисаветой и Ольгой. 4 января 1840 г. Н. С. Аксакова, в частности, сообщала своей матери, О. Сем. Аксаковой: «...Верстовский отдал ложу Нащокину, который хочет повести мать Гоголя в театр» (см. в наст. изд.). Объявление о спектакле было напечатано 20 апреля 1840 г. в приложении к «Московским Ведомостям»: «ИМПЕРАТОРСКИЙ Московский Театр. <...> В большом Театре. <...> Во вторник, 23-го апреля, не в счет абонемента: Ревизор, оригинальная комедия в 5 действиях, в прозе, соч. Н. Гоголя. Вторник на Фоминой неделе, или продажа дешевых товаров, Московская картина в 1 действии. Начало в 7 часов» (Прибавления к № 32 Московских Ведомостей (апреля 14-го). 1840. С. 484). См. также в наст. изд. примеч. 3 к *Воспоминаниям С. А. Ермоловой о Гоголе*.

Во время пребывания Гоголя в Москве с 17 октября 1841 по 23 мая 1842 г. «Ревизор» также ставился здесь дважды, 19 декабря 1841 г. (см.: *Ельницкая Т. М.* Репертуарная сводка. Репертуар петербургского Александринского и московского Малого театров. 1826–1845 // История русского драматического театра: В 7 т. М., 1978. Т. 3. С. 305) и 3 февраля 1842 г. («Афиша. Московские театры. 1842. Февраль. <...> 3, вторник<ик>. Мал<ый театр>. Ревизор, ком<едия> в 5-ти д<ействиях>; Репертуар Русского и Пантеон Всех Европейских Театров на 1842 год, издаваемый И. П. Песоцким. СПб., 1842. Кн. 3. С. 73). На этих представлениях Гоголя, вероятно, не был. Другие ближайшие по времени московские представления комедии состоялись: до приезда Гоголя в Москву — 31 августа 1841 г. («31 <августа>. Бол<ьшой> т<еатр>. Ревизор, к<омедия> в 5 д<ействиях>; Репертуар Санктпетербургских и Московских Русских театров, с 16 августа по 1 сентября 1841 года // Репертуар Русского Театра на 1841 год, издаваемый И. П. Песоцким. СПб., 1841. Т. 2. Кн. 9 (цензурное разрешение 29 сентября 1841). <Отдельная пагинация>. С. 1); после отъезда — 26 июля 1842 г. (*Черневский С. А.* <Перечень спектаклей Малого театра в Москве, в которых исполнялись пьесы Гоголя. 1836–1893 г.г.> // *ГЦТМ. Ф. 299.* Ед. хр. 1852, черновой автограф; *Черневский С. А.* <Перечень спектаклей Малого театра в Москве, в которых исполнялись пьесы Гоголя. 1836–1897 г.г.> *ГЦТМ. Ф. 299.* Ед. хр. 1853, окончательная редакция; *Ельницкая Т. М.* Репертуарная сводка. Репертуар петербургского Александринского и московского Малого театров. 1826–1845 // История русского драматического театра: В 7 т. М., 1978. Т. 3. С. 305).

Состав исполнителей в 1842 г., за немногими исключениями (роли Хлестакова и Добчинского), был почти тем же, что на премьере 1836 г. (см. в наст. изд. коммент. к письму М. С. Щепкина к И. И. Сосницкому от 26 мая 1836 г.): «1842, июль 26, воскресенье. Состав при исполнении 26 июля 1842 г.: Гордничий — *Щепкин*; Жена его — *Львова-Синецкая*; Дочь их — *Ленская*; Хлопов — *Волков*; Жена его — *Кашина*; Судья — *П. Степанов*; Земленика — *Румянов*; Почтмейстер — *Потанчиков*; Добчинский — *Шумский*; Бобчинский — *Никифоров*; Хлестаков — *Самарин*; Осип — *Орлов*; Гибнер — *Зеленин*; Люлюков — *Кочетовский*; Ростановский — *Прохонцев*; Коробкин — *Богданов* 2; Жена его — *Златопольская*; Частный пристав — *В. Степанов*; Свистунов — *Щелго* 1; Пуговицын — *Живокيني* 2; Держиморда — *Максин* 1; Абдулин — *В. Соколов*; Пошлепкина — *Божановская*; Мишка — *Шуберт*; Половой — *Максин* 2; Жандарм — *Калинин*» (*Черневский С. А.* <Перечень спектаклей Малого театра в Москве, в которых исполнялись пьесы Гоголя. 1836–1893 гг.> // *ГЦТМ. Ф. 299. Ед. хр. 1852*). Роль Хлестакова И. В. Самарин исполнял и 17 октября 1839 г., когда Гоголь впервые видел московскую постановку «Ревизора» (см. в наст. изд. письмо Н. П. Ггарева к А. И. Герцену от 18 октября 1839 г.); на премьере в Москве в 1836 г. эту роль исполнял Д. Т. Ленский.

⁵ 5 ноября 1851 г.

⁶ 11 декабря 1851 г.

⁷ Опера А. Н. Верстовского «Аскольдова могила» (1835; либретто М. Н. Загоскина).

⁸ Описываемые события происходили 22 января 1852 г., во вторник, во время обеда у Толстых (см. ниже в наст. изд. описание этих же событий в журнальной редакции мемуаров Тарасенкова). (А. Т. Тарасенков впервые увидел Гоголя ранее на одном из таких же обедов в январе 1852 г.; см. преамбулу к наст. коммент.) В январе 1852 г. «Женитьба» в Малом театре ставилась единственный раз (вместе с «Игроками») именно 22 числа (см.: *Черневский С. А.* Перечень спектаклей Малого театра в Москве, в которых исполнялись пьесы Гоголя... 1836–1897 гг. // *ГЦТМ. Ф. 299. Ед. хр. 1853. Л. 9 об.; Ельницкая Т. М.* Репертуарная сводка. Репертуар петербургского Александринского и московского Малого театров. 1846–1861 // *История русского драматического театра: В 7 т. М., 1979. Т. 4. С. 324, 333*). Следующее представление «Женитьбы» состоялось в Малом театре в последний день масленицы, в субботу 9 февраля 1852 г. На этом спектакле Гоголь быть не мог.

⁹ Пьеса И. С. Тургенева, сыгранная в бенефис М. С. Щепкина 18 января 1851 г.

¹⁰ Д. В. Живокيني.

¹¹ Печатание было начато в октябре 1851 г. в трех московских типографиях — Университетской, Готье и А. Семена (см.: *ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 1. Ед. хр. 117. Л. 13*) — и прервано болезнью и смертью автора. Как сообщал С. П. Шевырев в письме к родным Гоголя от 7 мая 1852 г., в Университетской типографии печатались первые два тома (Из переписки С. Шевырева с О. В. и М. И. Гоголь // *Памяти Гоголя. Киев, 1902. Отд. III. С. 60*; см. также: *Русская Мысль. 1896. № 5. С. 185*). В этой же типографии было продолжено печатание этих томов в 1855 г. Гоголь успел просмотреть в корректуру около половины 1-го и 2-го томов, три четверти 3-го и почти треть 4-го. При этом он вносил в текст некоторые, подчас существенные, изменения.

¹² Начало работы Гоголя над «Размышлениями о Божественной Литургии» относится к зиме 1843/44 г.

¹³ А. Т. Тарасенков имеет в виду прежде всего графа А. П. Толстого, который в письме к сестре, графине С. П. Апраксиной, от 1–2 мая 1852 г. (см. в наст. изд.) свидетельствовал, что Гоголь читал ему свое сочинение о Литургии. Одному из первых Гоголь прочел также отрывок из своего сочинения С. П. Шевыреву в 1851 г. перед несостоявшейся поездкой на родину. Гоголь выехал из Москвы в Васильевку 22 сентября и около 27 сентября вернулся обратно в Москву, побывав в Оптиной Пустыни. Вероятно, чтение состоялось в середине сентября этого года. Об этом чтении Шевырев позднее, 2 апреля 1852 г., сообщил в письме к двоюродной сестре Гоголя М. Н. Синельниковой: «Из объяснения на Литургию он читал мне начало перед отъездом на родину, куда не доехал» (см. в наст. изд.). Главы второго тома «Мертвых душ» Гоголь читал более широкому кругу друзей и знакомых.

¹⁴ Федор Петрович Гааз (Гаас, 1780–1853), главный врач московских тюрем (с 1828 г.). «См. превосходную статью г. Кони об этой идеальной личности («Вестник Европы», 1897, I–II)» (примеч. В. И. Шенрока в изд. 1898 г.). Имеется в виду публикация: *Кони А. Ф.* Доктор Ф. П. Гааз. Очерк // *Вестник Европы. 1897. № 1. С. 8–62; № 2. С. 461–520*.

¹⁵ Аркадий Аркадиевич Альфонский (ум. в 1890), сын Арк. Ал. Альфонского, выпускник медицинского факультета Московского университета (1840), врач при Московском воспитательном доме, с 1854 г. — доктор медицины, старший врач при Работном доме.

¹⁶ 26 января 1852 г.

¹⁷ 5 февраля 1852 г.

¹⁸ Сходные высказывания Гоголя см. в наст. изд. в коммент. к фрагменту из «Записок» В. О. Шервуда «Вечера у Шевырева (Гоголь)».

¹⁹ Имеется в виду отец Иоанн Никольский.

²⁰ «Он причастился в церкви, находящейся на Девичьем поле, потому заезжал к М. П. Погодину, где его нашли очень расстроенным» (примеч. В. И. Шенрока в изд. 1898 г.).

²¹ 7 февраля 1852 г.

²² В Преображенскую больницу для умалишенных, в Сокольниках, к московскому блаженному Ивану Яковлевичу Корейше (1783–1861). По предположению Н. О. Ураковой, эта поездка состоялась ранее, во вторник 29 января 1852 г., в день похорон Е. М. Хомяковой, на которых Гоголь не присутствовал. «Все мысли Гоголя в те дни были поглощены трагической смертью Хомяковой, и поэтому можно предположить, что цель поездки была связана с событиями последних дней, и она была для Гоголя более важна, чем даже похороны Е. М. Хомяковой» (*Уракова Н. О.* «Прошу Вас выслушать сердцем мою "Прощальную повесть" ...» (О духовных причинах смерти Н. В. Гоголя) // *Лепта*. 1996. № 28. С. 168–169). См. также в наст. изд. коммент. к разделу *Из записной книжки В. С. Аксаковой 1853 г. Последние дни жизни Гоголя* и дневниковые записи М. П. Погодина от 10 и 11 мая 1849 г.

²³ Федор Иванович Иноземцев (1802–1869), московский врач, профессор, знакомый Гоголя. Ф. И. Иноземцев, запретивший Гоголю выезжать (см. журнальную редакцию мемуаров Тарасенкова), был приглашен к Гоголю между 5 и 11 февраля 1852 г. 5 февраля Гоголь жаловался С. П. Шевыреву «на расстройство желудка и на слишком сильное действие лекарства, которое ему дали» (см. в наст. изд. письмо С. П. Шевырева к М. Н. Синельниковой от 2 апреля 1852 г.). С 11 февраля Гоголь перестал выезжать. 13 февраля к Гоголю был приглашен А. Т. Тарасенков. Вскоре после этого, 14–15 февраля, Ф. И. Иноземцев заболел и перестал посещать Гоголя, поэтому 16 февраля Тарасенков был приглашен к Гоголю второй раз.

²⁴ 11 и 12 февраля 1852 г.

²⁵ В ночь с 8 на 9 февраля 1852 г. См. в наст. изд. письмо С. П. Шевырева к М. Н. Синельниковой от 2 апреля 1852 г.

²⁶ Имеется в виду отец Алексей Иоаннович Соколов (ум. 1890-е гг.), священник церкви Преподобного Симеона Столпника, впоследствии протопресвитер Храма Христа Спасителя.

²⁷ С 11 по 17 февраля 1852 г.

²⁸ В ночь с 11 на 12 февраля 1852 г.

²⁹ 10 февраля 1852 г. См. в наст. изд. некролог М. П. Погодина «Кончина Гоголя».

³⁰ «Очевидно, Гоголю хотелось сложить с себя страшную ответственность за решение в сущности неразрешимого вопроса: внушены ли его сочинения ему свыше, как он был убежден до издания «Переписки с друзьями», или же они — плод губительных внушений дьявола, как он думал иногда под влиянием обличений о. Матвея. Самое сожжение «М<ертвых> Д<уш>» произошло, конечно, в момент мгновенного торжества второго взгляда, тотчас же снова уступившего место первому убеждению. Возможность двух противоположных решений вопроса о значении его произведений, как внушения свыше или дьявольского смущения, должна была невыразимо угнетать Гоголя. *В. III.*» (примеч. В. И. Шенрока в изд. 1898 г.)

³¹ Имеется в виду С. Григорьев.

³² Вероятно, случившееся с Гоголем в начале 1851 г. «течение из уха» являлось рецидивом. За год перед тем, 11 февраля 1850 г., Н. Н. Шереметева писала Гоголю: «Вашу записку прочла за столом <...> А что мне думается насчет вашей болезни, вы давеча сказали, что у вас золотуха в голове, — и видела за ухом у вас пластырь, а я слыхала от людей знающих и опытных, что золотуху лечить не должно, — да Господь вас наставит, в каком случае и как поступить». 11–12 февраля 1850 г. Гоголь отвечал: «Благодарю вас много. Вашим советом постараюсь воспользоваться».

³³ Порочащий Гоголя слух был пущен в ход В. Г. Белинским после выхода в свет «Выбранных мест из переписки с друзьями» (см. в наст. изд. коммент. к письму В. Г. Белинского к В. П. Боткину от 6 февраля 1847 г.).

³⁴ 13 февраля 1852 г.

³⁵ В субботу 16 февраля 1852 г.

³⁶ 22 января 1852 г. (см. выше).

³⁷ 19 февраля 1852 г.

³⁸ «Психически вполне объяснимо желание поскорее подвергнуться опасности именно вследствие внушаемого ею беспредельного ужаса. Кроме того, Гоголь хотел непременно умереть, хорошо приготовившись к кончине, а не дать ей

захватить его врасплох. Потому-то Гоголь как бы *старался умереть на страже душевного спасения. В. Ш.*» (примеч. В. И. Шенрока в изд. 1898 г.).

³⁹ 18 февраля 1852 г.

⁴⁰ 17 февраля 1852 г.

⁴¹ 18 февраля 1852 г.

⁴² Константин Иванович Сокологорский (1808–1890), врач, уроженец Полтавской губернии, выпускник Харьковского университета, имел степень доктора медицины за диссертацию, написанную на латинском языке; в последние годы жизни был известен как специалист, лечивший «электро-гомеопатией» по методу итальянского врача графа Ч. Маттеи (1809–1896).

⁴³ Степан Иванович Клименков (1805–1858), врач, субинспектор и профессор Московского университета.

⁴⁴ По-видимому, несмотря на возражения А. Т. Тарасенкова, «дейтельное», или насильственное лечение Гоголя было начато уже этим вечером, 19 февраля 1852 г., и Гоголю в тот вечер в присутствии докторов А. И. Овера и С. И. Клименкова ставили пиявки. Для этого А. И. Овером был приглашен А. В. Зайцев, крепостной фельдшер помещицы Е. А. Беляковой (А. И. Овер был ее лечащим врачом) (см. в наст. изд. мемуары А. В. Зайцева «Из воспоминаний очевидца о смерти Н. В. Гоголя»).

⁴⁵ 20 февраля 1852 г.

⁴⁶ Александр Егорович Эвениус (1795–1872), профессор офтальмологии и десмургии Московского университета.

⁴⁷ И. В. Варвинский. В 1843 г. был в Риме и выехал оттуда в один день с Гоголем и Н. М. Языковым, 2 мая (н. ст.) 1843 г. (см. в наст. изд. письмо Н. М. Языкова к А. М. Языкову от 18 мая (н. ст.) 1843 г.).

⁴⁸ В публикации В. И. Шенрока 1898 г.: «moschus» (мускус; *лат.*); гомеопатическое средство.

⁴⁹ Менингит. При лечении этой болезни в то время «прибегали к кровопусканиям, выпускали кровь до обмороков, ставили пиявки, банки, прикладывали лед, холодные примочки к голове, назначали холодные обливания, ставили горчичники, мушки, обкладывали ноги бутылками с теплою водою и даже употребляли, как сильно отвлекающее средство, каленое железо, которое налагали по обеим сторонам позвоночника. Внутрь назначали слабительные, каломель, хинин» (*Полунин А., Канштатт К.* Патология и терапия, или Руководство к медицинской клинике. М., 1853. Т. 2 // Московский Врачебный Журнал. 1852 <1853>. Кн. 3 и 4. Приложение. С. 536). По предположению А. Н. Бельшевой, обкладывавая тело Гоголя горячим хлебом, врачи заменили этим каленое железо (*Бельшева А. Н.* Тайна смерти Гоголя // Нева. 1967. № 3. С. 175).

⁵⁰ Gastroenteritis ex inanitione — желудочно-кишечное воспаление вследствие истощения.

⁵¹ «В настоящее время, кажется, уже можно сообщить открыто о грубо-доброжелательных насилиях над Гоголем врачей, собиравшихся на консилиум. Грустно и страшно думать, что врачи, желая пользы пациенту, по совершенному нежеланию и неумению вникнуть в его внутреннее настроение, истязали его и только напрасно, но беспощадно, отравляли его последние часы, предназначавшиеся больным для приготовления к ожидавшей его великой минуте. Обращение некоторых врачей было таково, что более деликатный по природе Тарасенков содрогался от жестокого обращения товарищей с пациентом» (примеч. В. И. Шенрока в изд. 1898 г.).

⁵² «Любопытно, что приблизительно те же слова были сказаны пред смертью св. Тихоном Задонским» (примеч. В. И. Шенрока в изд. 1898 г.). «Я видел сон, — говорил Святитель любимцу своему, елецкому горожанину Косьюе, незадолго до своей кончины, — я видел среди монастыря необычайно высокую лестницу, которой верх скрывался в облаках. Ее окружало множество народа. Вдруг подводят меня к этой лестнице и велят всходить по ней. И я сколько ни отговаривался от сего слабостью сил моих, должен был повиноваться требованию. За мною последовал и народ, и подсаживал меня все выше и выше, так что я не чувствовал никакой усталости. Наконец, когда подходил к самым облакам, проснулся». Преставился Святитель мирно 13 августа <1783 г.> в 5 ч<асов> 45 м<инут> утра, от упадка сил всего организма» (*Гатцук А.* 100-летие кончины св. Тихона Задонского (окончание) // Газета А. Гатцука. (М.), 1883. Т. 9. 17 сент. № 40. С. 819).

⁵³ Имеется в виду «Лестница» св. Иоанна Синайского. Имеются свидетельства, что еще во второй половине 1820-х гг. Гоголь составил сборник выписок «Из книги: Лестница, возводящая на небо». См. в наст. изд. статью В. М. Зуммера «Рисунки Н. В. Гоголя в Музее Слободской Украины».

⁵⁴ По указанию А. О. Смирновой, на масленице, в пятницу 8 февраля 1852 г. (см. в наст. изд. <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> А. О. Смирновой от 25 сентября — 2 октября (н. ст.) 1877 г.).

Последние дни жизни Николая Васильевича Гоголя
<Журнальная редакция>

Много суждений было произнесено о Гоголе, но до сих пор рассматривались более сочинения его, нежели он сам; а из одних напечатанных им при жизни сочинений нельзя вывести верного заключения о его личности. Чтоб вернее оценить его как человека, надобно изучать его с разных сторон, в разных обстоятельствах его жизни⁽¹⁾. Последние дни такого загадочного художника, как Гоголь, не должны быть закрыты тому, кто хочет проследить всю его жизнь для составления полной и верной его биографии. О предсмертном его состоянии написано весьма мало; даже не много известно, при каких условиях и от какой болезни произошла его кончина⁽²⁾. Одни назвали его болезнь нервическою горячкою; другие предположили воспаление в мозгу или кишках; иные вообразили, что смерть его произошла от расстройства умственных способностей; многие были уверены, что Гоголь умер голодною смертью⁽³⁾, были и еще предположения, но, судя по ходу болезни, по признакам, которыми она проявлялась, и по другим достоверным сведениям, эти предположения представляются столь неосновательными, что не заслуживают быть упомянутыми. Прежде, нежели рассмотрим начало и ход его последней болезни, нелишним будет указать на некоторые предшествовавшие обстоятельства.

Гоголь нередко говаривал, когда ему нездоровилось, что у него особенная натура, на которую все влияния действуют не так, как на всех других, и что его нельзя мерить на одну мерку со всеми. Он относил свои слова к материальному устройству своего тела, но в особенности должно это разуметь о его духовной стороне. Жизнь его протекала оригинальным образом; сочинения его в высшей степени оригинальны, и кончина его, по странному стечению обстоятельств, произошла совершенно неожиданно и оригинально.

Болезнь Гоголя началась очень давно. Еще со времени первого своего выезда из Малороссии, он почитал себя больным⁽⁴⁾. Признаки болезни, на которые он чаще жаловался в последние годы, состояли в охлаждении конечностей, в болезненном чувстве живота и в неправильном отделении кишок; иногда при этом он ощущал слабость сил и находился в мрачном расположении духа. Иногда болезнь ему казалась тяжкою, но скоро проходила. Через некоторое время он опять начинал жаловаться на болезненное состояние и по большей части почитал его не похожим на прежнее и весьма отличным от тех страданий, которые обнаруживаются в других людях. Из описываемых им болезненных припадков нельзя было заключить, что он страдает какою-либо важною болезнью: они появлялись у него внезапно и также внезапно исчезали⁽⁵⁾. Слишком большое внимание к своей незначительной болезни заставляло бы предполагать в нем ипохондрию, но он отличался от ипохондриков тем, что лечиться не любил или боялся. Не имея, кажется, даже самых поверхностных сведений об устройстве тела и вообще ни о какой медицинской науке, он судил ошибочно о важности действия на здоровье различных предметов. Безвредные он почитал сильнодействующими, от маловажных он надеялся получить огромное влияние, говоря: «кто знает, может быть, ничтожные средства действуют сильнее, нежели предполагают». О лекарствах *аптечных* он имел понятие как о ядах и решительно отказывался от них; если же и принимал какое-либо лекарство, то скорее по совету тех, которые утверждали о его испытанной на себе пользе, нежели по назначению самих врачей. Так он покупал заграничные какие-то хваленые пилюли и иногда употреблял их. Про него можно сказать то, что он сказал про других: «он всю жизнь не верил докторам, а выдумывал сам нивесть какую дрянь, которая Бог знает почему, воображалась ему именно средством против его болезни»⁽⁶⁾. Лечение холодною водою у Пристница он исполнял неточно, разбавлял холодную воду теплою; всякий раз приступал к употребляемым там приемам с большою робостью, и вскоре, не окончив курса, бросил вовсе это лечение. Живя за границею, он иногда предприни-

мал долгие путешествия, чтоб денно и ночью оставаться в карете, и это служило для него спасительным лекарством.

Пребывание в теплых краях, особливо в зимнее время, он считал для поддержания своего здоровья необходимостью: он был уверен, что с своим расстроенным здоровьем не выдержит русской зимы⁽⁷⁾. Несмотря на это, за зиму 1851–1852 года остался он в Москве, и хотя не чувствовал в себе никаких особенных болезненных явлений⁽⁸⁾, однако порывался отправиться в южные, теплейшие губернии, к родным своим. По свойственной ему нерешительности характера он долго советовался с своими друзьями и людьми, которых советами весьма дорожил, ехать или не ехать? Все единодушно советовали ехать. По долгом откладывании он, наконец, решился переехать и объявил об этом своим знакомым. Один из его земляков² сделал для него прощальный обед³; в день отъезда собрались к нему приятели провожать его; но он обманул их (или себя): отправился не в тот день, а только спустя несколько дней⁴. Не проехав и полдороги до Малороссии, он, к нечаянному изумлению всех, возвратился в Москву⁵, побывав только в какой-то пустыне⁶. Это было осенью, остальное время которой и зиму он более и не говорил о своем отъезде⁽⁹⁾. К радости всех, он после этого не только перестал жаловаться на свою болезнь, но, по-видимому, чувствовал себя лучше прежнего, ел, по обычаю, довольно много и притом сытные мясные кушанья⁽¹⁰⁾; особенно же любил он блюда малороссийские (вареники), и нередко упрекал хозяйку, где обедал, если, по его мнению, они *не так* были изготовлены. Переменять свойство и количество пищи он не мог без вреда для своего здоровья: по собственному его уверению, при постной пище он чувствовал себя слабым и нездоровым. «Нередко я начинал есть постное по постам, — говорил он мне, — но никогда не выдерживал: после нескольких дней пощения я всякий раз чувствовал себя дурно, и убеждался, что мне нужна пища питательная». (Эти слова были ответом на мое признание, что я делаюсь неспособным к хорошему исполнению своих обязанностей, если некоторое время употребляю постную пищу.)

В эту *последнюю* зиму Гоголь был погружен в себя, задумчив, неразговорчив, как и прежде; однако близким к нему казалось, что он был веселее обыкновенного; притом он нередко выходил со двора, навещал знакомых, даже бывал иногда на обедах. Деятельности в нем в это время обнаруживалось больше, нежели прежде. Он даже стал заниматься тем, чем прежде пренебрегал, или на что не решался: он поехал в театр посмотреть своего «Ревизора» на московской сцене⁷. Оставшись недоволен исполнением его, он пригласил к себе актеров⁸ и читал при них многие сцены, чтоб внушить им, как должно произносить слова согласно с его мыслью. Потом он опять явился в театре⁹ (в ложе позади других) посмотреть, как исполняется пьеса после его замечаний, и остался доволен игрою более, нежели в прежнее время, особенно Хлестаковым, которого в это время играл уже Шумский, пользовавшийся его наставлениями. Кажется, он собирался также посмотреть, как идут «Игроки» и «Женитьба», что можно заключить из одного нечаянного разговора.

Однажды¹⁰ слуга хозяина¹¹, у которого мы обедали, пришел проситься в театр. В этот вечер было два спектакля. Гоголь, зная, что дадут в этот день, спросил его: «Ты в который театр идешь?» — «В Большой, — отве<чал> тот, — смотреть “Аскольдову могилу”¹²». «Ну, и прекрасно!» — прибавил Гоголь со смехом. Желая вызвать его на разговор литературный, я продолжал начатую речь о театре и пьесах и, обратясь к нему, сказал, что я также пойду в театр, но в Малый: там дадут «Женитьбу». «Не ходите сегодня, — перебил Гоголь, — а вот я соберусь скоро, посмотрю прежде, как она идет, и, уладив, извещу вас». Разговор о театре завязался. Гоголь признался, что до сих пор не видел «Женитьбы». Он называл эту пьесу пустяками, но моряк Жевачкин, по его мнению, должен быть смешнее всех⁽¹¹⁾.

До 1852 года я знал Гоголя только по его сочинениям и по рассказам о нем. Давно мне хотелось короче узнать этого художника, творения которого имели огромное на меня влияние. Только в этот год я достиг случая с ним познакомиться, видаться, беседовать. Описанный день, в который мы с ним обедали, особенно мне памятен: он был пред его болезнью последний, в ко-

торый мне пришлось провести довольно долгое время вместе. Я, как бы предчувствуя, что мне не удастся более слышать его, дорожил каждым его словом и наблюдал его внимательно. Выйдя к обеду, он говорил, что зябнет, несмотря на то, что в комнате было + 15°Р. Пока не подали кушанье, он скоро ходил по обширной зале, потирая руки, почти не разговаривая; на ходьбе только приостанавливался перед столом, где были разложены книги, чтоб взглянуть на них. Перед обедом он выпил полынной водки, похвалил ее; потом с удовольствием закусывал и после того сделался пободрее, перестал ежиться; за обедом прилежно ел и стал разговорчивее. Не помню почему-то, я употребил в рассказе слово *научный*; он вдруг перестает есть, смотрит во все глаза на своего соседа и повторяет несколько раз сказанное мною слово: «Научный, научный, а мы все говорили “наукообразный”»: это неловко, то гораздо лучше». Тогда я изумился, как может так сильно занимать его какое-нибудь слово; но впоследствии услышал, что он любил узнавать неизвестные ему слова и записывал их в особенные тетрадки, нарочно для того приготовленные. Таких тетрадок им исписано было много. Замечали, что он нередко, выйдя прогуляться перед обедом и не отойдя пяти шагов от дома, внезапно и быстро возвращался в свою комнату; там черкнет несколько слов в одной из этих тетрадок, и опять пойдет из дома.

После обеда Гоголь сидел в уголку дивана, смотрел на английскую иллюстрацию, все молчал, даже на этот раз не слушал, что говорили кругом него, хотя разговор должен был его занимать: разрешались религиозные вопросы, говорили о церковных писателях, которых он любил; однако ж, по нечаянному случаю, произошел описанный разговор о театре, и он стал оживляться. Зашла речь о «Провинциалке» г. Тургенева, пьесе, которой придавали тогда большое значение. «Что это за характер: просто кокетка — и больше ничего», — сказал он. Обрадовавшись, что Гоголь сделался разговорчивее, я старался, чтоб беседа не отклонилась от предметов литературных и, между прочим, завел речь о *Записках сумасшедшего*. Рассказав, что я постоянно наблюдаю психопатов и даже имею их подлинные записки, я пожелал от него узнать: не читал ли он подобных записок прежде, нежели написал это сочинение. Он отвечал: «Читал, но после». — «Да как же вы так верно приблизились к естественности?» — спросил я его. «Это легко стоит представить себе...» Я жаждал дальнейшего развития мысли, но, к прискорбью моему, подошел к нему слуга его и доложил ему о чем-то тихо. Гоголь вскочил и убежал вниз, к себе в комнаты, не окончив разговора. После я узнал, что к нему приезжал Живокини, который в этот же вечер должен был в первый раз исполнять роль Анушкина¹³. Живокини (вероятно, по совету Гоголя) выполнил эту роль проще, естественнее, нежели она была выполнена прежде, и, главное, без кривляний и фарсов, то есть так, как Гоголь желал, чтоб исполнялись и все, даже самые второстепенные роли.

По всему видно было, что Гоголь в это время еще занят был и своими творениями, и всем житейским; а это случилось не более, как за месяц до его смерти. В это время он перепечатывал прежние сочинения под собственным своим наблюдением, исправлял их, кое-что вставлял и сам держал корректуру, заказав единовременное печатание каждой части в особой типографии. Перед этим же временем он окончательно отделал и тщательно переписал свое заветное сочинение, которое было обрабатываемо им в продолжение 20-ти лет; наконец, после многих переделок, переписок, он остался им доволен, собирался печатать, придумал для него формат книги: маленький, в осмушку, который очень любил, хотел сделать это сочинение народным, пустить в продажу по дешевой цене и без своего имени, единственно ради научения и пользы всех сословий. Это сочинение названо *Литургиею*. Одному из моих знакомых¹⁴, перечитавшему почти все духовные назидательные сочинения, Гоголь прочел эту «Литургию», и по уверению этого знакомого, никакая книга не производила на него такого впечатления. «Это сочинение Гоголя нельзя и сравнить ни с каким другим сочинением того же рода: по силе слова оно превосходит все подобные сочинения, написанные на разных языках», — говорил он мне.

В эту же зиму приведен был к окончанию второй том *Мертвых Душ* и еще какие-то статьи, которые должны были войти в состав прежних четырех томов полного собрания¹⁵. Напечатать

предположенное, он собирался посвятить себя какому-то труду по части русской истории. Не любя раскрывать своих задушевных мыслей, особенно говорить о себе как о сочинителе, тем более слушать себе похвалы, он в это последнее время, в задушевной беседе, объявил, однако, что довольнее своими последними, приготовленными к печати трудами, в которых «слог трезвый, крупный, яркий, не такой, как был в прежних, уже изданных сочинениях, когда он *вовсе не умел писать*».

Деятельная ли жизнь имела благоприятное влияние на здоровье, или улучшенное здоровье произвело эту деятельность — решить трудно; но замечательно, что знакомые Гоголя почитали его в это время совершенно здоровым; они ожидали от него в скором времени новых сочинений, из которых ясна будет всем и каждому его великая творческая способность, и были уверены, что слово его разрешит многие вопросы, так сильно занимавшие в то время умы всей Европы; особенно на это надеялись те, кто знал, как сильно занимали его эти вопросы. По крайней мере им было известно, что он своим сочинениям посвящает много труда, забот и времени. В последние месяцы своей жизни Гоголь работал с любовью и рвением, почти каждое утро до обеда (4-х часов), выходя со двора для прогулки только за четверть часа, и вскоре после обеда по большей части уходил опять заниматься в свою комнату.

«Литургия» и «Мертвые души» были переписаны набело его собственною рукою, очень хорошим почерком. Он не отдавал своих сочинений для переписки в руки других; да и невозможно было бы писцу разобрать его рукописи по причине огромного числа перемарок. Впрочем, Гоголь любил сам переписывать, и переписывание так занимало его, что он иногда переписывал и то, что можно было иметь печатное. У него были целые тетради (в восьмушку почтовой бумаги), где его рукою каллиграфически были написаны большие выдержки из разных сочинений. Второй том «Мертвых душ» был прочтен им в Москве по главам в разных домах, но число слушателей было весьма ограничено, да и те обязывались не рассказывать о содержании слышанного до поры до времени. «Литургия» была еще меньшему числу его знакомых известна, а о других своих сочинениях он упоминал только изредка. Читал он отлично: слушавшие его говорят, что не знают других подобных примеров. Простота, внятность, сила его произношения производили живое впечатление, а певучесть имела в себе нечто музыкальное, гармоническое. При чтении даже чужих произведений умел он с непостижимым искусством придавать вес и надлежащее значение каждому слову, так что ни одно из них не пропадало для слушающих. В. А. Жуковский по этому поводу сказал, что ему никогда так не нравились его собственные стихи, как после прочтения их Гоголем.

И переписанные набело сочинения он все откладывал отдавать в цензуру, отзываясь тем, что желает еще исправить некоторые места, которые кажутся не совсем вразумительными. Впрочем, по его деятельности и распоряжениям можно было заключить, что у него многое уже окончательно готово.

Однако ж и в то время, когда художественная деятельность по-видимому поглощала все его внимание, он любил разговаривать о религиозных предметах, особенно о том, что принадлежит Православию. С глубоким вниманием слушал он обо всем, что относится до христианства. Некоторые молитвы, некоторые псалмы приводили его в восхищение. Так изречение Священного Писания: *Творяй Ангелы Своя духи, и слуги Своя пламень огненный*¹⁶, он повторял по несколько раз сряду и удивлялся красоте выражений славянского языка. Однажды зашел у нас разговор о любви к Богу. Я припомнил ему слова из Нового Завета: «не любяй брата своего, его же виде, Бога, Его же не виде, како может любити?» (I Иоан. IV, 20), и пожелал узнать от него: не думает ли он, что любовь к Богу можно выражать только любовью к человечеству? Он отвечал, что любовь к Богу есть еще высшее развитие любви христианской, прекрасно объясненное у писателей Церкви. При этом он указал мне на сочинение Иоанна Лествичника, в котором изображены ступени христианского совершенства, и советовал прочесть его. В другой раз общались рассказы о предчувствиях, о видениях, о разных необыкновенных случаях, бывших

с разного рода людьми. Он охотно слушал эти рассказы; и хотя сам ничего не сообщал, но с любопытством расспрашивал подробности, с кем и как что случилось, желая особенно узнавать о проявлениях духовной жизни и чудесных знамениях Божиих.

От времени до времени в нем обнаруживалась мрачная настроенность духа без всякого явного повода. По непонятной причине он избегал встречи с известным доктором Ф. П. Гаасом. В ночь на новый 1852 год, входя из своей комнаты наверх, он нечаянно встретил на пороге доктора, вышедшего из комнат хозяина дома. Гаас ломаным русским языком старался сказать ему приветствие и, между прочим, думая выразить мысль одного писателя, сказал, что желает ему такого *нового года*, который даровал бы ему *вечный год*. Присутствовавшие заметили тут же, что эти слова произвели на Гоголя невыгодное влияние и как бы поселили в нем уныние. Конечно, оно было скоропреходящее, но могло служить зародышем тех мрачных мыслей, которые впоследствии времени при других, более ярких впечатлениях приняли огромный размер.

В феврале захворала г-жа Хомякова, с которой он был дружен. Ее болезнь озоболичивала Гоголя; он часто навещал ее и разузнавал о важности, ходе и степени болезни, а также и об употребляемых пособиях. Когда ему объявили, что она в опасности и что ей назначены были аллопатические *аптечные* лекарства, он в большом волнении прибежал к своему другу¹⁷ и предсказывал неминуемую гибель. К несчастью, больная действительно умерла в скором времени¹⁸; смерть драгоценной для него особы поразила его до чрезвычайности. Он еще имел дух утешать овдовевшего мужа, но с этих пор сделалась приметна его склонность к уединению; он стал долгие молиться, читал у себя Псалтирь по покойнице.

Гоголь любил и прежде размышлять о делах человеческих, о спасении души, о конце жизни; но с этого времени мысль о смерти и о приготовлении себя к ней, кажется, сделалась преобладающею его мыслью. И прежде он охотно беседовал с духовными особами; теперь стал избирать для бесед нарочно таких людей, о которых знал, что они весьма строги в своих наставлениях. Он выражал желание, чтоб указывали ему недостатки не в одних его сочинениях, но и в жизни, и чтоб передавали ему беспристрастные замечания обо всем, что нужно исправить в нем, как в писателе и человеке⁽¹²⁾. К великому его удовольствию, в это время приехал из Ржева священник¹⁹, известный христианскою, строго-православною жизнью. Гоголь постоянно питал к нему особенно уважение и всегда любил с ним беседовать. С особенною охотою разговаривал он с этим духовным наставником теперь, когда так желалось ему слышать строгие поучения. Священник, согласно с своими убеждениями и желанием его слушателей, исполнял возложенный на него долг, как требовал того высокий его сан: он просто и прямо излагал истины Евангельские и наставления учителей Церкви. Основание его наставлений заключалось в том, что строгое выполнение учения Православной Церкви составляет необходимое условие духовного совершенства для всех, кто поставил целью своей жизни спасение души. Применяя свою речь к предлагаемым вопросам, он объяснял, как ничто земное не должно нас прельщать: «если мы охотно делаем *все* для любимого лица, то *в чем* мы можем отказать для Иисуса Христа, Сына Божия, умершего за нас? Устав церковный написан *для всех*; *все* обязаны беспрекословно следовать ему; неужели мы будем равняться только со всеми и не захотим исполнить *ничего более*? Слабость тела не может нас удерживать от пощения: какая у нас работа²⁰? Для чего нам нужны силы?.. Много званных, но мало избранных... Путь в Царствие Божие тесен... Мы отдадим отчет *за всякое слово праздное*» и проч. Такие, или подобные речи, соединенные с обличением в неправильной жизни, хотя и вызванные самим Гоголем, не могли не действовать на него, вполне преданного религии, восприимчивого и настроенного уже на мысль о греховности, смерти, вечности. Притом он видел, как этот наставник, преданный святым помыслам, на деле исполняет самые строгие пустынно-монашеские установления Церкви. Много и долго молился, ел очень мало, не только строго соблюдал постные дни, но даже не благословлял стола в среду и пятницу прежде, нежели удостоверится, что нет ничего скоромного и т. д. Несмотря на то, что Гоголь так любил духовные беседы и сам искал строгих наставлений, разговоры этого ду-

ховного лица, о котором он имел по справедливости самое высокое понятие, так сильно потрясали его, что он однажды, не владея собою, прервал его речь и сказал ему: «довольно, оставьте, не могу долее слушать, слишком страшно...»

Во вторник на масленице²¹ Гоголь проводил приезжего священника на станцию железной дороги, и весьма был огорчен тем, что там обратилось на него всеобщее внимание, и многие с ненасытным любопытством преследовали его. Возбужденный ли действием наставлений и примером этого благочестивого священника, или глубоко опечаленный смертью любимой особы, или просто имея потребность предаться душеспасительным помыслам, которые уже с давних пор так сильно его занимали, Гоголь обложил себя книгами духовного содержания более, нежели прежде, говоря, что «такие книги нужно часто перечитывать, потому что нужны уроки в жизни». С этих пор он бросил литературную работу и всякие другие занятия; стал есть весьма мало, хотя, по-видимому, не терял аппетита и жестоко страдал от лишения пищи, к которой привык и без которой всегда чувствовал себя дурно⁽¹³⁾. Свое пощение он не ограничивал одною пищею, но и сон умерял до чрезмерности; после ночной продолжительной молитвы он вставал рано и шел к заутрени, тогда как до сего времени не выходил со двора, не выпавшись достаточно и не напившись крепкого кофе. Это все не могло не обнаружить на его организм сильного действия.

Уже давно ему хотелось подробно и твердо знать устав церковный. Однажды он просил меня растолковать из него некоторые непонятые им места. По некоторым обстоятельствам жизни, я знал наизусть многое, до чего Гоголь с трудом мог доискаться в книге, и давал ему быстрые и точные ответы. Для него казались удивительными мои знания, и я должен был объяснить ему, как достиг до них. Так занимал Гоголя устав Церкви, которым монашествующие и священно- и церковно-служители руководствуются при совершении служб и назначении себе трапезы.

Наступила масленица²². По учреждениям церковным, она составляет преддверие поста: уже начинает отчасти совершаться великопостная служба; употребление мясной пищи запрещено; с самого начала недели поста, по некоторым уставам, не дозволяется вовсе употреблять никакой пищи.

Изучив подробнее устав, Гоголь начал его придерживаться и, по-видимому, старался сделать более, нежели предписано уставом. Масленицу он посвятил говенью: ходил в церковь, молился весьма много и необыкновенно тепло; от пищи воздерживался до чрезмерности, за обедом употреблял несколько ложек капустного рассола или овсяного супа на воде. Когда ему предлагали кушать что-либо другое, он отказывался болезнью, объясняя, что чувствует что-то в животе, что кишки у него перевертываются, что это болезнь его отца, умершего в такие же лета, и притом от того, что его лечили. Трудно решить, сколько правды было в его словах; однако легко можно представить, что при такой внезапной перемене образа жизни он действительно становился болен. Впрочем, в это время болезнь его выражалась только одною слабостью и в ней не было заметно ничего важного; самая слабость, видимо, происходила от чрезмерного изнурения и мрачного настроения духа. Несмотря на это ослабление тела, Гоголь продолжал поститься и проводить ночи на молитве; ослабление возрастало со дня на день. Впрочем, он еще мог выезжать и ходить.

Зная по опыту, как причащение Святых Таин успокаивало прежде Николая Васильевича во время его уныния, один из близких ему людей²³ посоветовал ему причаститься скорее, не продолжая пригласительного говения. Поговорив²⁴ с своим духовником²⁵, он причастился²⁶ в церкви, находящейся далеко от его дома (на Девичьем Поле), потом заезжал к М. П. Погодину, где его нашли очень расстроенным. Но Гоголь не успокоился: остался по-прежнему мрачен, по-прежнему упорен в своих действиях: не хотел в этот день ничего есть, и когда съел просфору, то назвал себя нетерпеливцем и сокрушался сильно.

Кажется, изнеможение тела, дошедшее до болезненного состояния, еще более усиливало мрачное настроение духа и не позволяло ему судить и действовать по-прежнему. Его поступки

сделались страннее обыкновенного, и теперь подавно нельзя было угадать его сокровенных желаний и намерений. В один из следующих дней²⁷ он поехал в Преображенскую больницу на извозчике. Подъехав к воротам больничного дома, он слез с санок, долго ходил взад и вперед у ворот, потом отошел от них, долгое время оставался в поле, на ветру, в снегу, стоя на одном месте, и, наконец, не входя во двор, опять сел в сани и велел ехать домой⁽¹⁴⁾. Вероятно, были с ним и другие приключения, которые остались неизвестными, как и вообще многое сокрыто из его жизни.

Привыкшие к Гоголю сначала не удивлялись необыкновенным его поступкам, потому что такие поступки бывали с ним и прежде и никогда не имели особенных последствий; но когда знакомые увидели, что он совершенно изменил все свои привычки, и это заметно действует на его здоровье, то уговорили его посоветоваться с врачом. Призван был доктор, давнишний знакомец Гоголя²⁸, который нашел, что у него страдание находится в животе, посоветовал ему спиртные натирания, лавровишневую воду и ревенные пилюли; запретил выезжать²⁹. Не веря вообще медицине и медикам, Гоголь не воспользовался и его советами как следовало, хотя и чувствовал себя весьма дурно. С этих пор он перестал принимать к себе знакомых, которым прежде никогда не отказывал.

Во всю масленицу³⁰ после вечерней дремоты в креслах, оставался он один по ночам, при всеобщей тишине, вставал и проводил долгое время в теплой молитве, со слезами, стоя перед образами.

Ночь с пятницы на субботу³¹ он, изнеможенный, уснул на диване, без постели, и с ним произошло что-то необыкновенное, загадочное: проснувшись вдруг, послал он за приходским священником³², объяснил ему, что он не довольствуется недавним причащением, и просил тотчас же опять причастить и соборовать его, потому что он видел себя мертвым, слышал какие-то голоса и теперь почитает себя уже умирающим. Верно, мысль о смерти преследовала его непрерывно и не оставляла даже во сне. Священник, видя его на ногах и не заметив в нем ничего опасного, уговорил его отложить исполнение таинств до другого времени. По-видимому, после посещения священника он успокоился, но не прерывал размышлений, глубоко его потрясавших.

В понедельник и вторник второй недели поста³³ в доме, где жил Гоголь, наверху, в комнатах гр<афа> Т<олстого>, было вечернее Богослужение. Николай Васильевич, оставаясь эти дни почти без пищи, уже был так слаб, что едва мог дойти туда, останавливаясь на ступенях, присаживаясь на стуле; однако ж стоял в продолжение всей службы и молился. Известно, как радушно и усердно хозяева дома заботились о нем. Чтоб отстранить усталость, которой подвергался больной стоянием на молитве, они прекратили и для себя церковное служение под благовидным предлогом.

На этой же неделе (с понедельника на вторник ночью³⁴) Николай Васильевич велел своему мальчику раскрыть печную трубу, вынул из шкапа большую кипу писанных тетрадей, положил в печь и зажег их. Мальчик заметил ему: «Зачем вы это делаете? может, они и пригодятся еще». Гоголь его не слушал; и когда почти все сгорело, он долго еще сидел, задумавшись, потом заплакал и велел пригласить к себе графа. Когда тот вошел, он показал ему догорающие листы бумаг и с горестью сказал: «Вот что я сделал! Хотел было сжечь некоторые вещи, давно на то приготовленные, а сжег все! Как лукавый силен — вот он к чему меня подвигнул! А я было там много дельного уяснил и изложил. Это был венец моей работы; из него могли бы все понять и то, что неясно у меня было в прежних сочинениях!»

Прежде этого³⁵ Гоголь делал завещание графу взять все его сочинения и после смерти передать одной духовной особе³⁶: «Пусть он наложит на них свою руку; что ему покажется ненужным, пусть зачеркивает немилосердо». Теперь, в эту ужасную минуту сожжения, Гоголь выразил другую мысль: «А я думал разослать друзьям на память по тетрадке: пусть бы делали, что хотели. Теперь все пропало». Граф, желая отстранить от него мрачную мысль о смерти, с равнодушным видом сказал: «Это хороший признак — и прежде вы сжигали все, а потом выходило

еще лучше; значит, и теперь это не перед смертью». Гоголь при этих словах стал как бы оживляться; граф продолжал: «Ведь вы можете все припомнить?» — «Да, — отвечал Гоголь, положив руку на лоб, — могу, могу: у меня все это в голове». После этого он по-видимому сделался покойнее, перестал плакать.

Были ли этот поступок им обдуман прежде и произведен как следствие предшествовавших размышлений, или это решение последовало тут же, внезапно, — разгадку этой тайны он унес с собою. Во всяком случае после уничтожения своих творений мысль о смерти, как близкой, необходимой, неотразимой, видно, запала ему глубоко в душу и не оставляла его ни на минуту. За усиленным напряжением последовало еще большее истощение. С этой несчастной ночи он сделался еще слабее, еще мрачнее прежнего: не выходил более из своей комнаты, не изъявлял желания видеть никого, сидел в креслах по целым дням, в халате, протянув ноги на другой стул, перед столом. Сам он почти ни с кем не начинал разговора; отвечал на вопросы других коротко и отрывисто. Напрасно близкие к нему люди старались воспользоваться всем, чем было только возможно, чтоб вывести его из этого положения. По ответам его видно было, что он в полной памяти, но разговаривать не желает. Замечательны слова, которые он сказал А. С. Х<омяко>ву, желавшему его утешить: *надобно же умирать, а я уже готов, и умру...* Когда гр<аф> А. П. Т<олстой>, для рассеяния, начинал с ним говорить о предметах, которые были весьма близки к нему и которые не могли не занимать его прежде (о письме общего, близкого знакомого³⁷, об образе матери, который затерялся было, да нашелся, и проч.), он возражал с благоговейным изумлением: «Что это вы говорите! Можно ли рассуждать об этих вещах, когда я готовлюсь к такой страшной минуте!» Потом он молчал, погружался в размышления и тем заставлял графа замолчать. Впрочем, в эти же дни он делал некоторые неважные завещания на счет своего крепостного человека и проч., и рассылал последние карманные деньги бедным и на свечки.

Давно мне не случалось быть в доме, где жил Гоголь, и я не слыхал ничего о его болезни. В среду на первой неделе поста³⁸ прислали из этого дома за мною и объяснили, что происходит с Гоголем. Озабоченный положением больного, хозяин дома желал, чтоб я видел и сказал свое мнение о его болезни. По его рассказам мне пришло на мысль: не нужно ли подумать о том, как бы заставить больного употреблять пищу каким бы то ни было способом? Я передал о нескольких примерах психопатов, мною виденных и исцелившихся после того, как они стали употреблять пищу.

Однако ж Гоголь на этот раз не изъявил желания меня видеть. Наконец посещавший его врач³⁹ захворал и уже не мог к нему ездить. Тогда граф настоял на своем желании ввести меня к нему. Гоголь сказал: «Напрасно, но пожалуй». Тут только я в первый раз увидел его в болезни. Это было в субботу первой недели поста⁴⁰.

Увидев его, я ужаснулся. Не прошло месяца, как я с ним вместе обедал⁴¹; он казался мне человеком цветущего здоровья, бодрым, свежим, крепким, а теперь передо мною был человек, как бы изнуренный до крайности чахоткою или доведенный каким-либо продолжительным истощением до необыкновенного изнеможения. Все тело его до чрезвычайности похудело; глаза сделались тусклыми и впали, лицо совершенно осунулось, щеки ввалились, голос ослаб, язык с трудом шевелился, выражение лица стало неопределенное, необъяснимое. Мне он показался мертвецом с первого взгляда. Он сидел, протянув ноги, не двигаясь и даже не переменяя прямого положения лица; голова его была несколько опрокинута назад и покоилась на спинке кресел. Когда я подошел к нему, он приподнял голову, но недолго мог ее удерживать прямо, да и то с заметным усилием. Хотя неохотно, но позволил он мне пощупать пульс и посмотреть язык: пульс был ослабленный, язык чистый, но сухой; кожа имела натуральную теплоту. По всем соображениям видно было, что у него нет горячечного состояния, и неупотребление пищи нельзя было приписать отсутствию аппетита.

Тогда еще не были мне сообщены предшествовавшие печальные события: его непреклонная уверенность в близкой смерти и самим им произведенное истребление своих творений⁴². В это

время главное внимание заботившихся о нем было обращено на то, чтоб он употреблял питательную пищу и имел свободное отправление кишек. Приняв состояние, в котором он теперь находился, за настоящую (соматическую) болезнь, я хотел поселить в больном доверие к врачеванию и склонить его на предложения медиков. Чтоб ободрить его, я показал себя спокойным и равнодушным к его болезни, утверждая с уверенностью, что она неважна и обыкновенна, что она теперь господствует между многими и проходит скоро *при пособиях*. Я настаивал, чтоб она, если *не может* принимать плотной пищи, то по крайней мере непременно употребляла бы поболее питья, и притом питательного — молока, бульона и т. д. «Я одну пилюлю проглотил, как *последнее* средство; она осталась без действия: разве надобно пить, чтоб прогнать ее», — сказал он. Не обременяя его долгими разговорами, я старался ему объяснить, что питье нужно для смягчения языка и желудка, а питательность питья нужна, чтоб укрепить силы, необходимые для счастливого окончания болезни. Не отвечая, больной опять склонил голову на грудь, как при нашем входе; я перестал говорить и удалился вместе с графом наверх.

Испуганный, встревоженный мыслью, что *Гоголь может скоро умереть*, я должен был бороться с силами, чтоб прийти в спокойное положение, в каком должно разговаривать с больным. Удалившись от графа, я почел обязанностью зайти опять к больному, чтоб еще сильнее высказать ему мои убеждения. Чрез служителя я выпросил у него позволение войти к нему еще на минуту. Мне вообразилось, что он колеблется в своих намерениях; я не терял надежды, что Гоголь, привыкнув видеть мою искренность, послушается меня. Подойдя к нему, я с видимым хладнокровием, но с полною теплотою сердечно употребил все усилия, чтоб подействовать на его волю. Я выразил ему мысль, что врачи в болезни прибегают к совету своих собратий и их слушаются; не врачу тем более надобно следовать медицинским наставлениям, особенно преподаваемым с добросовестностью и полным убеждением; и тот, кто поступает иначе, делает преступление пред самим собою. Говоря это, я обратил все внимание на лицо страдальца, чтоб подсмотреть, что происходит в его душе. Выражение его лица несколько не изменилось: оно было так же спокойно и так же мрачно, как прежде: ни досады, ни огорчения, ни удивления, ни сомнения не показалось и тени. Он смотрел, как человек, для которого все задачи разрешены, всякое чувство замолкло, всякие слова напрасны, колебание в решении невозможно. Впрочем, когда я перестал говорить, он в ответ произнес внятно, с расстановкой и хотя вяло, безжизненно, но со всею полною уверенности: «Я знаю, врачи добры: они всегда *желают добра*»; но вслед за этим опять наклонил голову, от слабости ли, или в знак прощания — не знаю. Я не смел его тревожить долее, пожелал ему поскорее поправляться и простился с ним, вбежал к графу, чтоб сказать, что дело плохо, и я не предвижу ничего хорошего, если это продолжится.

Как и чем было действовать при таком необыкновенном случае на эту исключительную личность? Граф употреблял все, что возможно было, для его исцеления. Советовался с духовными лицами, знакомыми своими и друзьями Гоголя, призывал для совещания знаменитейших московских докторов. Одно духовное лицо⁴³ подало совет убеждать Гоголя, что его спасение не в посте, а в послушании, и просило его непрекословно исполнять назначения врачебные во всей полноте. Духовник навещал его часто; приходской священник являлся к нему ежедневно. При нем нарочно подавали тут же кушать саго, чернослив и проч. Священник начинал первый и убеждал его есть вместе с ним.

Неохотно, немного, но употреблял он эту пищу ежедневно; потом слушал молитвы, читаемые священником. «Какие молитвы вам читать?» — спрашивал тот. «Все хорошо; читайте, читайте!» Друзья старались подействовать на него приветом, сердечным расположением, умственным влиянием; но не было лица, которое могло бы взять над ним верх; не было лекарства, которое бы перевернуло его понятия; а у больного не было желания слушать чьи-либо советы, глотать какие-либо лекарства. В воскресенье⁴⁴ приходской священник убедил больного принять ложку клещевинного масла, и в этот же день он согласился было употребить еще одно медицинское пособие (*clysma*), но это было только на словах, а на деле он решительно отказался,

и во все последующие дни он уж более не слушал ничьих увещаний и не принимал более никакой пищи (три дня), а спрашивал только пить красного вина.

Силы больного падали быстро и невозвратно. Несмотря на свое убеждение, что постель будет для него смертным одром (почему он старался оставаться в креслах), в понедельник на второй неделе поста⁴⁵ он улегся, хотя в халате и сапогах, и уж более не вставал с постели. В этот же день он приступил к напутственным тайнствам покаяния, причащения и елеосвящения.

Спешить с медицинскою помощью теперь, казалось, еще нужнее. Приезжали врачи; каждый высказывал свое мнение. Думали, судили, толковали; никто не присоветовал ничего решительного, да и не видно еще было близкой опасности. Между тем трудно было предпринять что-нибудь с человеком, который в полном сознании отвергает всякое лечение. Уже раз спасен он был от болезни в Риме без медицинских пособий; он приписывал это *чуду*. И в настоящее время сказал он одному из убеждавших его лечиться: «Ежели будет угодно Богу, чтобы я жил еще, — буду жив...» Один близкий ему земляк (И. В. К<аппис>т) хотел также подействовать на Гоголя своим дружеским влиянием, но Гоголь ничего не отвечал на его слова, так что можно было подумать, что больной уже потерял память. Посетитель сказал: «Верно, ты, Николаша, меня не узнаешь?» — «Как не знать? — отвечал Гоголь и, назвав его по имени, прибавил: — Прошу не оставить вниманием сына моего духовника, который служит у вас в канцелярии», — и опять замолк.

Во вторник⁴⁶ являюсь я и встречаю гр<афа> Т<олстого>, чрезвычайно встревоженного сверх ожидания. «Что Гоголь?» — «Плохо; лежит. Ступайте к нему, теперь можно входить».

В Москве уж прослышали о болезни Гоголя. Передняя комната была наполнена толпою почитателей таланта и знакомых его; молча стояли все с скорбными лицами, поглядывая на него издали, и не показывались ему, боясь нарушить покой страждущего. Казалось, каждый готов был поплатиться своим здоровьем, чтоб восстановить здоровье Гоголя, возвратить отечеству его художника.

Меня впустили прямо в комнату больного, без затруднения, без доклада. Гоголь лежал на широком диване, в халате, в сапогах, отвернувшись к стене, на боку, с закрытыми глазами. Против его лица — образ Богоматери; в руках четки; возле него мальчик его и другой служитель. На мой тихий вопрос он не отвечал ни слова. Мне позволили его осмотреть, я взял его руку, чтобы пощупать пульс. Он сказал: «Не трогайте меня, пожалуйста». Я отошел, расспросил подробно у окружающих о всех отправлениях больного: никаких объективных симптомов, которые бы указывали на важное страдание, как теперь, так и во все эти дни не обнаруживалось. Единственным важным припадком, продолжавшимся несколько дней, была констипация. Через несколько времени больной погрузился в дремоту, и я успел испытать, что пульс его слабый, скорый, мягкий, удобосжимаемый; руки холодноваты, голова также прохладна, дыхание ровное, правильное.

Между тем врачи, один за другим, приезжали проводить больного и узнавали, что с ним происходит. Один из почтенных врачей⁴⁷ предложил магнетизировать больного, чтоб покорить его волю и таким образом заставить его делать что нужно. На следующий день положили собрать большой консилиум из опытейших врачей, чтобы приступить к мерам энергическим.

Целый вторник Гоголь лежал, ни с кем не разговаривая, не обращая внимания на всех, подходивших к нему. По временам поворачивался он на другой бок, всегда с закрытыми глазами, нередко находился как бы в дремоте, часто просил пить красного вина, и всякий раз смотрел на свет, то ли ему подают. Вечером подмешали вино сперва красным питьем, а потом бульоном. По-видимому, он уже неясно различал качество питья, потому что сказал только: «Зачем подаешь мне мутное?», однако ж выпил. С тех пор ему стали подавать для питья бульон, когда он спрашивал пить, повторяя быстро одно и то же слово: «Подай, подай!» Когда ему подносили питье, он брал рюмку в руку, приподнимал голову и выпивал все, что ему было подано.

Вечером этого же дня пришел врач для магнетизирования⁴⁸. Когда он положил свою руку больному на голову, потом под ложку и стал делать пассы, Гоголь сделал движение телом и сказал: «Оставьте меня!» Продолжать магнетизирование было нельзя.

Еще позже в этот же вечер призван был другой врач⁴⁹. Видя, что больной лежит молча, как бы в беспамятстве, он взял его за руку и, приблизившись к его лицу, громким голосом стал добиваться, что болит. Ответа не было. «Николай Васильевич! не болит ли голова?» Больной отвечал внятно: «Нет». — «Под ложкою?» — «Нет». При дальнейших вопросах Гоголь умоляющим голосом сказал: «Оставьте меня!» — отвернулся и спрятал руку. Ясно было, что он терял терпение и досадовал. Доктор предполагал сделать больному кровопускание и проч., но все энергические действия отсрочены были до завтрашнего консилиума⁵⁰. Одно только пособие сделано было в эту же ночь: когда больной перевертывался, вложили ему suppositorium из мыла, и это не обошлось без крика и стога.

На следующий день, в среду утром⁵¹, больной находился почти в таком же положении, как и накануне; но слабость пульса усилилась весьма заметно, так что врачи, видевшие его в это время, полагали, что надобно будет прибегнуть к средствам возбуждающим (moschus). Около полудня собрались вместе приглашенные доктора (пятеро)⁵², а также несколько друзей Гоголя и множество знакомых. Тут передано было все, что случилось с больным в последнее время, и в каком положении он находится теперь. При суждении о болезни взяты в основание: его сидячая жизнь; напряженная головная работа (литературные занятия); они могли причинить прилив крови к мозгу. Усиленное стремление умерщвлять тело совершенным воздержанием от пищи, неприветливость к таким людям, которые стремятся помочь ему в болезни, упорство не лечиться, заставляли предполагать, что его сознание не находится в натуральном положении. Поэтому предложен был вопрос: оставить ли теперь больного без пособий, которые он отвергает сам, или поступать с ним, как с человеком, не владеющим собою? Решили: лечить больного, несмотря на его нежелание лечиться.

Все врачи вошли к больному, стали его осматривать и расспрашивать. Когда давили ему живот, который был так мягок и пуст, что чрез него легко можно было ощущать позвонки, то Гоголь застонал, закричал. Прикосновение к другим частям тела, вероятно, также было для него болезненно, потому что также возбуждало стон или крик. На вопросы докторов больной или не отвечал ничего, или отвечал коротко и отрывисто «нет», не раскрывая глаз. Наконец, при продолжительном исследовании, он проговорил с напряжением: «Не тревожьте меня, ради Бога!»

Кроме исчисленных явлений, ускоренный пульс и носовое кровотечение, показавшиеся было в продолжение его болезни само собою, послужили показанием к приставлению пиявок в незначительном числе. Одному из врачей⁵³ препоручено принять на себя выполнение всего того, на что согласилось большинство присутствовавших. По его распоряжению и в его присутствии было поставлено восемь пиявок к ноздрям, приложены холодные примочки на голову, а потом сделано обливание головы холодною водою в теплой ванне. Когда больного раздевали и сажали в ванну, он сильно стонал, кричал, говорил, что это делают напрасно. После ванны его опять положили в постель, обернув в простыню. Видно, он прозяб, потому что проговорил: «Покройте плечо, закройте спину!». Во время приставления пиявок он повторял неоднократно: «Не надо, не надо!»; когда они были поставлены, он твердил: «Снимите пиявки, поднимите (ото рта) пиявки!», и стремился их достать рукою, которую удерживали силою. Один из консультантов, приехавший позже других и знавший лично Гоголя⁵⁴, выслушав историю его болезни, назвал болезнь gastro-enteritis ex inanitione, объявил дурное предсказание, сказав, что навряд ли что-либо успеете сделать с *этим* больным при таком его нежелании лечиться; но другие врачи не теряли надежды на его спасение и в шесть часов вечера опять собрались у больного.

Гоголь лежал молча, как бесчувственный, и как будто не обращал внимания или не понимал того, что около него происходило, несмотря на громкий разговор окружающих. Предлагали ему вопросы, называли его по имени, но не добились ни одного слова. Тут положили ему на го-

лову лед, на руки и на ноги горчичники, поддерживали кровотечение из носа, внутрь давали лекарство. Но и эти деятельные пособия не оказали благоприятного действия. Пульс делался все слабее; дыхание, затрудненное уже утром, становилось еще тяжелее. Вскоре больной перестал сам поворачиваться и продолжал лежать смиренно на одном боку. Когда с ним ничего не делали, он был покоен, но когда ставили или снимали горчичники и вообще тревожили его, он издавал стон, или вскрикивал; по временам он явственно произносил: «Давай пить!», уже не разбирая, что ему подают.

Позже вечером он, по-видимому, стал забываться и терять память. «Давай бочонок!» — произнес он однажды, показывая, что жаждет пить. Ему подали прежнюю рюмку с бульоном, но он уже не мог сам приподнять голову и держать рюмку; надобно было придержать и то и другое, чтоб он был в состоянии выпить поданное.

Еще позже он по временам бормотал что-то невнятно, как бы во сне, или повторял несколько раз: «Давай, давай! ну что ж?» Часу в одиннадцатом он закричал громко: «Лестницу, поскорее, давай лестницу!..» Казалось, ему хотелось встать. Его подняли с постели, посадили на кресло. В это время он уже так ослабел, что голова его не могла держаться на шее и падала машинально, как у новорожденного ребенка. Тут привязали ему мушку. Во все это время он не глядел и беспрерывно стонал. Когда его опять укладывали в постель, он потерял все чувства; пульс у него перестал биться; он захрипел, глаза его раскрылись, но представлялись безжизненными. Казалось, наступает смерть, но это был обморок, который длился несколько минут. Пульс возвратился вскоре, но сделался едва приметным.

После этого обморока Гоголь уже не просил более ни пить, ни поворачиваться; постоянно лежал на спине с закрытыми глазами, не произнося ни слова.

В двенадцатом часу ночи стали холодеть ноги. Я положил кувшин с горячею водою, стал почаще давать проглатывать бульон, и это, по-видимому, его оживляло, однако ж, вскоре дыхание сделалось хрипкое и еще более затрудненное; кожа покрылась холодною испариною, под глазами посинело, лицо осунулось, как у мертвеца. В это время приехал доктор, который распорядился лечением. Он продолжал почти во всю ночь давать лекарства и употреблять разные медицинские меры. Больной только стонал, но не произносил более ни слова.

На другой день, в четверг 21-го февраля 1852 года, доктора не успели устроить нового совещания, которое предполагали возможным. Приехав в назначенный час, они нашли не Гоголя, а труп его: уже около восьми часов утра прекратилось дыхание, исчезли все признаки жизни...⁽¹⁵⁾

Москвичи еще раз собрались навестить своего любимого поэта, но увидели его уже мертвым. Тут же все узнали о сожжении его сочинений; в шкапах их не нашлось.

Печальная весть в несколько часов разнеслась по городу; кто горевал о потере Гоголя, кто о потере его умственного наследия. Всем хотелось разувериться, что погиб великий русский художник вместе с его творениями.

Я был в квартире Гоголя в десятом часу утра. Умерший лежал уже на столе, одетый в свое обыкновенное платье; над ним служили панихиду; с лица его снимали маску. Долго глядел я на него. Мне казалось, что лицо его выражало не страдание, а спокойствие, ясную мысль, унесенную с собою за гроб.

Необыкновенный человек был он при жизни; необыкновенная была и его кончина. Над такими явлениями жизни и смерти призадумывается и врач, и психолог, и всякий мыслящий человек.

Примечания

⁽¹⁾ Гоголя всякий судил по-своему, руководствуясь своим взглядом, так что в мнениях о нем более выражались понятия самих судивших, нежели истинная характеристика этой необыкновенной личности.

Иногда из немногих данных, известных о Гоголе, выводили общие заключения, которые, при более подробных и обстоятельных сведениях, оказывались несправедливыми. Особенно ошибались в суждении о нем те, которые брали в основание одну какую-либо его сторону. Таким образом приходилось слышать мнения о Гоголе совершенно противоположные одно другому. Для одних в Гоголе все было безусловно хорошо; для других его произведения были превосходны, а сам он достоин осуждения; а для некоторых поступки его, его образ мыслей, вся его жизнь были безукоризненны, а сочинения его по большей части были ничтожны, не стоили его самого, так что при оценке Гоголя они должны занимать последнее место.

Одни видели в его жизни постепенное, последовательное развитие одних и тех же начал, и предсмертные явления считали естественным следствием его жизни; другие думали наоборот, что смолоду Гоголь был не таков, как после, что он с некоторого времени, от непонятных причин, изменился, переменял образ мыслей, пошел другой дорогою, совратился с надлежащего, художнического пути, из художника сделался мыслителем, из поэта — аскетом, и смерть была как бы наказанием за это насильственное извращение природы.

Иные хотели видеть в нем более всего великого художника, другие — высокоразвившегося истинно православного христианина. Многим казалось, что его поэтические произведения могли иметь сильнейшее влияние на общество, нежели его нравственные наставления. Даже после смерти его спорили: принадлежит ли его бездыханное тело избранному числу лично известных ему людей или всей публике, знавшей его только по его произведениям; должно ли его хоронить по-семейному (как он сам любил жить: тихо, скрытно, скромно, в тишине), без церемоний, как частного человека, то есть в своем приходе, где бы искренно за него помолвились как о человеке; или совершать над ним погребение публично, в церкви, принадлежащей университету, с помпою, как над знаменитым писателем, имевшим огромное значение, великим художником, влияние которого отражается на всех его соотечественниках, как почетного члена университета, честь и славу России⁵⁵.

Будущий биограф Гоголя, которому удастся собрать все материалы для жизнеописания, должен будет решить, какие суждения о нем были справедливы, какие ложны, какие односторонни. Гоголь сам, как бы предугадывая, что о его оригинальной личности будет много кривых толков, сказал: «Чем человек менее похож на других людей, чем он необыкновеннее, чем своеобразнее, тем больше может произвести всеобщих заблуждений и недоразумений».

Завидная доля того биографа, который сумеет так прозреть Гоголя, как Гоголь прозрел Чичикова, а не так, как на Чичикова смотрели все люди.

⁽²⁾ Обыкновенно спрашивают: от какой болезни такой-то человек умер? — и удовлетворяются наименованием ее; но название болезни во многих случаях не дает полного и точного понятия о тех особенностях, с которыми болезнь протекла. Часто болезнь, известная под одним и тем же названием, проявляется различными признаками. В Гоголе все имело особенный характер и болезнь его выходила из ряда обыкновенных, часто встречающихся явлений. Ее трудно выразить словом, назвать по имени.

⁽³⁾ Насколько справедливы упомянутые мнения — видно будет из самого изложения хода болезни. Замечу только, что надобно различать причину смерти от тех обстоятельств, которые произвели болезнь. Этих обстоятельств было множество: они как бы нарочно соединились, чтоб усилить болезнь и привести ее к смертному исходу. При недостаточности верных заключений, лучшее объяснение его болезни — ее описание. Впрочем, мой собственный взгляд на нее я также представляю в конце моей статьи. Не ручаюсь за его непогрешительность, тем более, что я сам до сих пор в недоумении относительно того, что касается природы Гоголя.

⁽⁴⁾ Заметки мои составлены вскоре после смерти Гоголя; главные их основания записаны в самый день его смерти. Я оставил их почти в том виде, как они вышли из-под пера в 1852 году. Теперь считаю нелишним в примечаниях указать на некоторые места из напечатанных писем Гоголя, которые имеют близкое отношение к упоминаемым предметам. Эти места при чтении писем могут ускользать от внимания, и для отыскания их потребовалось бы перечитывать многое.

В письмах своих он весьма часто упоминает о своем болезненном состоянии. В 1832 году он называет свое *здоровье хилым* (письмо к М. П. Погодину⁵⁶). В 1833 году ему *пришло в думку* полегчитья водами,

зانه скудельный состав часто одолевает недугом и крайне дряхлеет (письмо к М. А. Максимовичу⁵⁷). В 1834 году он уверял, что *здоровье его еле держится*⁵⁸, а в 1839 году, что оно *non vale un figo*⁵⁹, хуже нынешней русской литературы⁶⁰ и т. д.

⁽⁵⁾ Из сличения собственных писем Гоголя, писанных к разным особам, или в разное время, видно, что болезнь у него по большей части обуславливалась каким-нибудь душевным расстройством. Когда дух его делался покойнее, он позабывал о своей болезни и даже переставал почитать себя больным. Кажется, чаще представлялось ему только, что он опасно болен, а на самом деле болезнь его скоро пропадала при одной перемене внешних обстоятельств, без всякого медицинского пособия. В 1840 году сообщает он из Рима от 17-го октября М. П. Погодину за тайну, что он в Вене был при смерти болен: по одному тому, что он имел тяжесть в груди и давление, он подозревал в себе чахотку⁶¹. К этому, по словам его, присоединилась тоска, которой нет описания. Он был приведен в такое состояние, что не знал решительно, куда деть себя, к чему прислониться. Ни двух минут не мог он остаться в покойном положении, ни на постеле, ни на стуле, ни на ногах. Уже он «нацарапал было» духовное завещание, но ему показалось странно умереть среди немцев; ему захотелось сделать какую-нибудь дальнюю дорогу — поехать на русской перекладной... на Камчатку! В этом положении он отправился в Италию; воздух освежил его и через два месяца (28-го декабря⁶²) он уже пишет, что здоров, чувствует даже свежесть, занимается сочинением.

⁽⁶⁾ Доказательством тому, что его понятия о болезни, о лекарствах и врачах были темны и часто ошибочны, служат также его письма. В 1832 году, приехав в Васильевку, он устал так, что едва опамятовался после бесконечной дороги и проклятой езды. Вместо отдыха поехал в Полтаву и объездил всех докторов; он из разговоров с ними заключил, что их мнения вздорны, и не нашел другого средства, как попросить заглазно у Дядьковского рецепт. Чем же выражалась его болезнь в это время? *«Мне кажется (пишет он), будто чувствую небольшую боль в печенке и спине. Иногда болит голова, немного грудь. Вот все мои припадки»*⁶³.

Рецепт Дядьковского ему выслан, пилюли из аптеки он взял, но принимать их боится, потому что в рецепте *была ошибка*⁶⁴? Чрез месяц после того он пишет, что здоровье его лучше и тяжесть в животе, может быть, происходит от того, что желудок беспрестанно занимается варением то груш, то яблок⁶⁵. Впоследствии он прямо высказывает свое убеждение, что *лечение и медикаменты только растрavляют* (Рим — в 1840 году⁶⁶). В 1845 году он пишет (к С. Т. Аксакову), что он уверился наконец, что главное дело в его болезни — нервы. Это мнение высказано ему было и Шёнлейном⁶⁷. Авторитет этого врача, вместе со всеми собранными до сих пор сведениями, не оставляют сомнения в том, что это мнение справедливо.

⁽⁷⁾ Пребывание за границей скорее его успокаивало и тогда, когда ему приходилось очень тяжело, от болезни ли, или от душевных страданий. И вероятнее то, что душевные страдания производили в нем болезненные ощущения в теле, нежели то, что болезнь телесная была причиною душевных страданий. В 1836 году он пишет: «Не доставит мне Москва спокойствия... Еду за границу, там размыкаю ту тоску, которую наносят мне ежедневно мои соотечественники»⁶⁸. В 1840 году: «О, выгони меня, ради Бога и всего святого, в Рим. Да отдохнет душа моя! Скорее, скорее! Я погибну. Еще, может быть, возможно для меня освежение!»⁶⁹ По приезде в Рим он пишет: «Дорога сделала надо мною чудо. Свежесть, бодрость взялась такая, какой я никогда не чувствовал»⁷⁰. Во многих местах его писем ясно выражается мысль, как спасительно для него жить в теплых краях по многим причинам. «Как тяжело мое существование здесь! Жду не дождусь весны и поры ехать в мой Рим, в мой рай, где я почувствую вновь свежесть и силы, охладившие здесь» (в 1840 году⁷¹). «Здоровье мое и сам я уже не гожусь для здешнего климата, а главное, моя бедная душа: ей нет здесь приюта» (в 1842 году⁷²). Перебирая письма Гоголя, нельзя не заметить, что когда он доволен и весел, то почти не упоминает о болезни; напротив, когда что-либо его огорчало, или когда он нуждался в деньгах, или вообще когда что-нибудь у него не ладилось, тогда он жалуется и на болезнь, иногда почитая ее даже опасною. Вспомним, что он писал, приготавливаясь издавать «Мертвые Души». Указывая на то, чем он жертвовал, занимаясь этим трудом, он называет себя *писателем, обремененным болезнями*⁷³. Интересно, как он описывает *физическое препятствие писать* в Москве: «Голова моя страдает всячески: если в комнате холодно, мои мозговые нервы ноют и стынут, и вы не можете себе представить, какую *муку чувствую* я всякой раз, когда стараюсь в то время пересилить себя, взять власть

над собою и заставить голову работать. Если же комната натоплена, тогда этот искусственный жар меня душит совершенно: малейшее движение *производит в голове такое странное ощущение всего, как будто бы она хотела треснуть...* Но вы сами в душе вашей можете чувствовать, как сильно могу я иногда *страдать* в то время, когда другому никому не видны мои страдания»⁷⁴.

Как трудно было ему жить в суровом климате, особенно после продолжительного пребывания в южных краях — это ясно видно также из его писем. Зимой 1850 года он пишет: «Пишу из Одессы, куда убежал от суровости зимы. Последняя зима, проведенная в Москве, *далась мне знать сильно*. Думал было, что укрепился и запаса здоровьем на юге надолго, но не тут-то было. Зима третьего года кое-как переключивалась, но прошлого — едва-едва вынеслась. Не столько были для меня несносны самые недуги, сколько то, что время пропало даром; а время мне дорого. Работа — моя жизнь; не работается — не жидется... Слабая натура моя так уже устроилась, что чувствует жизненность только там, где тепло нена топленое»⁷⁵. Видно, пребывание в теплых краях и литературный труд, одно без другого, по его натуре не могло существовать, и притом, то и другое было необходимым условием для поддержания его здоровья. Известно, как не удовлетворила его ни одна из должностей, которые он принимал для себя; как он, наконец, убедился, что в качестве писателя он исполняет тот долг, для которого призван на землю, для которого именно ему даны способности и силы, и что, исполняя этот долг, он служит в то же время своему государству. Тогда он оставил все лучшие приманки жизни; как отшельник разорвал связи со всем тем, что мило человеку на земле, затем, чтоб ни о чем другом не помышлять, кроме труда своего. «Без писательства жизнь потеряла бы для меня всю цену (говорит он); не писать — для меня совершенно значило бы то же, что не жить»⁷⁶. А как велика была его боязнь, что ему не удастся окончить то сочинение, которым занята была постоянно его мысль в течение десяти лет! Ужасно было то состояние, когда им овладел *страх смерти*: он потянул все его существование.

⁽⁸⁾ Чтoб не упускать из виду ничего такого, что относится к болезни Гоголя, упомянем здесь об одном обстоятельстве, которое иные врачи могут почитать имеющим связь с последнею его болезнью. Около этого времени⁷⁷ у него показалось небольшое течение из уха, будто бы от какой-то вещи, туда попавшей; но, по осмотре, никакого постороннего тела не найдено, ухотечение вскоре прошло почти без лечения; на боль в ухе он никогда после и не жаловался.

⁽⁹⁾ А летом (июль) он писал к сестрам⁷⁸, объясняя, почему не может ехать: «Плохи мои обстоятельства: не устроил дел своих так, чтоб иметь средства прожить эту зиму в Крыму (проезд не по карману, платить за квартиру и стол тоже не по силам) и поневоле должен остаться в Москве. *Последняя зима была здесь для меня очень тяжела. Боясь, чтоб не проболеть* опять, потому что суровый климат действует на меня с каждым годом вредоносней, и *не хотелось бы мне очень здесь оставаться*».

⁽¹⁰⁾ В одном письме к С. Т. Аксакову (1849) он включает себя в число *скоромников* и заблаговременно упоминает об этом обстоятельстве, чтоб хозяин не забыл прибавить для него кусок бычачины⁷⁹.

⁽¹¹⁾ Этот и многие последующие разговоры с Гоголем записаны мною на память для себя и не вяжутся с моим рассказом о его болезни; но я не исключил их из моих записок, потому что многие интересуются всяким, по-видимому незначительным, действием или словом гениального человека.

⁽¹²⁾ Припомним, что он писал к друзьям своим еще задолго до этого времени: «Мне больше, нежели кому-либо другому, нужно указывать на мои недостатки» (в 1840 году)⁸⁰. «Будьте взыскательны, как только можно, и постарайтесь отыскать во мне побольше недостатков, хоть бы даже они вам самим казались неважными» (в 1842)⁸¹ и т. д.

⁽¹³⁾ В один из этих дней⁸² приезжает к нему М. С. Щепкин. Видя его в хандре и желая его развеселить, рассказал он ему много смешного; и когда тот оживился, он напомнил, что у него нынче отличнейшие блины, самая лучшая икра и т. д., расписал ему обед так, что у Гоголя, как говорится, слюньки потекли. Гоголь обещался приехать обедать; условились во времени; но он приехал к Щепкину за час до обеда и, не застав его, приказал сказать, что извиняется и обедать не будет оттого, что вспомнил о прежде данном обещании обедать в другом месте. От Щепкина он возвратился домой и обедать не поехал никуда. Это, кажется, было его последнее свидание с ним. Спустя несколько дней он велел уже отказывать всем своим знакомым, и — ему!

⁽¹⁴⁾ По случаю дурной погоды он мог в такую прогулку простудиться; впрочем, начало и течение болезни не показывали простудного (острого) характера. Вероятно, во всю масленицу⁸³ он еще был здоров по обыкновенному, если не считать началом болезни уже наступавшее изнурение сил. Из дальнейшего изложения хода болезни видно будет, что и в конце первой недели поста⁸⁴ еще не было видно лихорадочного состояния и никакой особенно формы болезни, кроме увеличившегося изнурения сил. Только за три дня до смерти он слег в постель, да и тогда еще нельзя было приметить явственного поражения в каком-либо органе. При начале лечения, которое произведено было накануне его смерти, также еще не существовало симптомов, угрожавших опасностью жизни. Настоящий бред и внезапное падение сил показали только за несколько часов перед смертью.

В Преображенской Больнице находится один больной (Иван Яковлевич⁸⁵), признанный за помешанного; его весьма многие навещают, приносят ему подарки, спрашивают у него советов в трудных обстоятельствах жизни, берегут его письменные замечания и проч. Некоторые радуются, если он входит с ними в разговор; другие стыдятся признаться, что у него были... Зачем ездил Гоголь в Преображенскую Больницу — Бог весть.

⁽¹⁵⁾ Что же за болезнь была у Гоголя, от которой он умер? Мы видели, что смерть его приписывали болезням и причинам весьма различным между собою. Какое же мнение о болезни более других подходит к справедливому? Трудно признать ее за нервную горячку (тиф), которая имеет другие признаки, другой ход, продолжая определенное время и во всяком случае не причинять смерти так скоро. Воспаление мозга — хотя многие симптомы и указывали на него — также не выразилось теми явлениями, которые сопровождают дальнейшее течение этой болезни: не было ни конвульсий, ни паралича. Никак нельзя утверждать, что Гоголь умер от голода, потому что он не вовсе лишил себя пищи, исключая только три последние дня. Нет также достаточных причин предполагать сумасшествие, особенно в первое время болезни, когда он был при полном сознании, в твердой памяти, если не называть помешательством упорное выполнение задуманной мысли, может быть, ошибочной, но не безрассудной. Притом больные, страдающие *mania religiosa*, обыкновенно имеют и другие понятия запутанные.

Кроме того, главное, расстройство умственных способностей само по себе не бывает причиною смерти, по крайней мере такой быстрой. Если и можно было считать больного Гоголя не владевшим собою, то только в самое последнее время его жизни. Из всего каталога болезней трудно назвать какую-нибудь одну, которая положительно объяснила бы смерть Гоголя: одна некропсия могла бы удостоверить нас в наших предположениях.

Чтоб доставить другим возможность делать свои заключения, я представил описание состояния, в котором находился Гоголь в последние дни своей жизни, присоединив некоторые известные мне факты из его прежней жизни. Мне остается указать на некоторые обстоятельства, которые, *по моему мнению*, могли условливать происхождение болезни, влиять на ее развитие и привести ее к печальному окончанию.

Духовный элемент, кажется, был преобладающею причиною его беспокойства, потрясений, и мог вызвать телесные страдания. И задолго пред смертью одни тревожные положения, в которых он нередко находился, производили в нем такие *тяжкие и невыносимые болезненные состояния, что повеситься, или утопиться, ему казалось, как бы похожим на какое-либо лекарство* (в 1846 году)⁸⁶, а между тем главное дело в этих болезненных состояниях, и по уверению Шёнлейна, были нервы. Кроме безденежья, разных неудач, разочарований, самая деятельность, в которой он полагал свое призвание, задачу жизни, деятельность, без которой не считал и жизни за жизнь (*не работается — не живется*), самое его творчество потрясало его здоровье: в описаниях житейской пошлости он весь переселялся в описываемое и глубоко страдал, как бы живя на время жизнью своих героев. Изучая все встречающееся в жизни, он ясно понимал прошлое даже там, где другие его не видали, и скорбел о нем. Но не удовольствовался он тем, что с поразительно глубокою художественностью воспроизводил жизнь в образах; в позднейшее время он навязал своему искусству цель внешнюю: стал домогаться разрешить задачу: как посредством поэтических представлений так подействовать, чтоб все изменилось к лучшему. В последующих своих сочинениях он надеялся разрешить глубокую задачу совершенствования: представить лучший порядок вещей, лучших людей, лучшую жизнь. Окруженный религиозными людьми и сам всегда истинно преданный религии, в

последнее время он подвергся исключительному ее влиянию и окончательно убедился, что она одна разрешит и для других и для него все возможные задачи. Совершенствование, кажется, начал он с себя самого и предложил себе вопрос: как ему жить и действовать, чтоб не упустить ничего, предписываемого православием?

Религиозная настроенность заняла все его существование: непрерывно помышляя о небесном, он перестал дорожить земным и устремил все внимание на себя, чтоб достойно приготовить себя к будущей жизни достижением возможного совершенства. Беседы с духовными лицами навели его на мысль, как во многом он погрешал прежде. Тут он открыл в себе такие недостатки, которые ему показались ужасными; самые сочинения его, столь любезные ему и столь благотворно действовавшие на других, показались ему недостаточными, незрелыми, вредными, греховными; он остался так недоволен собою, что решился переломить свою натуру. Высшая христианская добродетель — смирение, перешла границы: вместо того, чтоб возвысить душу, она умертвила тело.

Вероятно, ему казалось, что он не исполнил одного из подвигов христианских — измождения плоти, о котором так высоко отзываются подвигоположники, отшельники мира; он возненавидел плоть свою, перестал ее питать, решился быть отшельником в мире. Разумеется, его художественное направление, составлявшее для него жизнь, не исчезло в нем и производило ужасное бореие, однако оно с этого времени заслонилось высшими стремлениями; не литература, *а душа и дело душевное* поглотили все его внимание в это последнее время.

Взяв себе в образец и наставление сочинение Иоанна Лествичника, которое ему так нравилось своими строгими правилами, он старался достигать высших ступеней, в нем описанных, и принялся за лишения. Пища сытная и обильная была им любима по необходимому требованию организма; он решил, что ему нужно отказать себе и в ней, и вот, круто повернув с французской кухни на пустынный стол, перестал он есть все питательное, все ласкающее вкус, и стал довольствоваться прохлаждающим, невкусным и скудным, столом. Чтоб не заслужить порицания и не подвергнуться осуждениям, он стал утверждать, что есть не хочет, или не может по болезни; иногда он принужден был лгать, отказываясь от обеда под другими предложениями. Такой переход от обычного, сытного стола к чрезмерному пощению, особенно быстро произведенный, не мог остаться без важного влияния на его тело. Позабыл он, что почитал сам нужным помнить и твердить беспрестанно всем русским: «Ничего не доводи до излишества! В наши лета совершенно переламывать привычки и прежний образ жизни опасно; иначе как раз потеряешь равновесие между телом и духом» (1851 г. январь <арх> 25-го. Одесса. П. А. Плетневу). Вероятно, это излишне быстрое *переламывание привычек и образа жизни* и действительно произвело более важное страдание брюшных внутренностей, особливо присоединившись к прежним страданиям живота. Дальнейшее воздержание от пищи еще более усилило болезнь, и наконец образовало воспалительное состояние желудка и кишок: в это время, вероятно, он уже и не мог есть, как здоровый, хотя бы и решился не поститься более.

Двинула его к этому посту не по силам мысль о предстоящей смерти. Растроганный смертью любимого существа⁸⁷, уверенный в своей болезненности и необходимости умереть, как умер его отец в эти же лета и от этой же болезни, он видел ясное подтверждение своих догадок, действительно имея болезненные ощущения в животе и неправильные кишечные отправления. Этим умер отец, этим должен умереть и он — таково было его убеждение!..

От поста, от бдений, от утомлений всякого рода его физические силы стали явственно уменьшаться: он похудел, едва мог двигаться. Ослабев телом, ослабел он и духом. *Равновесие между телом и духом потерялось*. Наклонный верить всему необычному, он часто помышлял о сверхъестественных видениях. В это время, после продолжительных бдений на молитве, вероятно, в забытии от слабости и непреодолимой дремоты, может быть, в самом деле он узрел что-либо страшное, уверившее его в приближении смерти. После этого предчувствие смерти приняло еще более огромный размер и сделалось непрерывным. Ежели задолго перед этим, когда еще не было повода думать о смерти, *страх смерти* потрясал все его существование, то теперь он действительно мог усиливать образовавшуюся болезнь и ускорять начавшийся упадок сил. Ведь занемогают же от одного страха, чувствуют же облегчение в болезни при успокаивающем обнадеживании врача и полной уверенности в силу лекарства!

Видя суету мира, понимая расстояние, отделяющее его от других людей, он хранил про себя свои задушевные тайны, никому не открывал себя вполне. Страдания моральные требовали откровенного признания, обнажения всего существа для избрания средств к исцелению. Но кому Гоголь мог рассказать все, обнаружить себя вполне? Возвратиться назад к прежней жизни, к прежним друзьям, ко всей прежней обстановке, когда душа его удовлетворялась одною поэзией, теперь уж было поздно и невозможно. От врачей старался он отстраняться — так далек он был от мысли, чтоб его болезнь могла быть понята медицинною, вылечена медикаментами; да притом, почитая врачебную науку скорее вредною, нежели полезною, как мог он слушаться врачебных советов, особенно-уверенный в Промысле, не допускающем смерти, когда ее не нужно. Развилась ли бы у Гоголя эта болезнь в такой степени, если б он был в это время в теплых краях, в долгих путешествиях, столь спасительно прежде на него действовавших, и при других, *прежних*, благоприятных условиях, — положительный ответ на это возможен был бы тогда, когда бы существовало это *если*.

Ожидая своей близкой кончины с полною уверенностью, он не пожелал на суд Божий и в то же время оставить на земную память о себе, часть себя — свои произведения, которые, как он видел на опыте, могут произвести кривые толкования, споры, ссоры, пересуды, негодование... Может быть, он представлял себе в настроении духовном, что он должен будет отдать за них отчет Богу, как за всякое праздное слово, как за грешную насмешку над людьми. Он решился не пускать их по свету, а разрушить всякую о них память. Однако ж колебание его помыслов было так велико, что сожжение, предпринятое им как Богоугодное дело, в скором времени приписано им злему наущению лукавого.

По уничтожении сочинений, у него не осталось на земле ничего и, напуганный таинствами, кончив расчет с жизнью, достигнув того, к чему стремилась душа его, исполнив все, предписанное уставом Церкви, отложив всякое житейское попечение, он ничего другого не мог делать, как углубляться в созерцание предсмертного часа. Это подтверждается и его словами, написанными пред смертью на клочках бумаги: в них он взывает к Богу; в них он думает о Царствии Божием; молит, чтоб Господь связал сатану¹.

Страдание живота отразилось и в голове: в последнее время понятия его стали путаться и вообще признаки болезни оказывали на поражение мозга; но недолго продолжались телесные страдания: внезапное падение сил (см. пр<имечание> 14) произвело полное беспомыслие, обморок; вслед за обмороком наступила агония, окончившаяся тихою, покойною смертью. Пример любопытный для врача, поучительный для человека.

Первые опубликовано: <Тарасенков А. Т.> А. Т.—в. Последние дни жизни Николая Васильевича Гоголя // Отечественные Записки. 1856. № 12 (цензурное разрешение 1 дек.). С. 397–427, с примечанием редакции журнала: «Эта статья, за которую приносим душевную благодарность доктору А. Т. Тарасенкову», может служить дополнением ко второй и последней статье о «Записках о жизни Н. В. Гоголя», напечатанной в ноябрьской книжке «Отечественных Записок» нынешнего года. *Ред.*». (в одиннадцатом номере «Отечественных Записок» за 1856 г. была завершена публикация «Записок о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша). Перепечатано в 1902 г. сыном А. Т. Тарасенкова Петром Алексеевичем Тарасенковым с дополнениями по черновому автографу: Последние дни жизни Н. В. Гоголя. Записки его современника доктора А. Тарасенкова. Изд. 2-е, дополненное по рукописи. М., 1902. 33 с. (см. выше коммент. к черновому автографу статьи). Печатается по первой публикации.

В отличие от первоначальной редакции мемуаров «Н. В. Гоголь в последнее время жизни» (см. выше) в журнальной редакции Тарасенков сопроводил свои воспоминания отрывками из писем Гоголя, которые цитировал главным образом по вышедшим незадолго перед тем «Запискам о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша (СПб., 1856. Т. 1–2; цензурное разрешение 15 января 1856 г.), а также по публикации в январе 1856 г. сорока девяти писем Гоголя к М. П. и

---

¹ Вот эти три предсмертные записочки Гоголя, писанные его дрожащею рукою:

- 1) «Как поступить, чтобы вечно, признательно и благодарно помнить в сердце полученный урок?»
- 2) «Если не будете малы, не внидете в Царствие Божие».
- 3) «Помилуй, Господи, меня грешнаго! Свяжи сатану вновь.....». — *Примеч. А. Т. Тарасенкова.*

Е. В. Погодиным 1832–1841 гг.: <Погодин М. П.> Письма Гоголя. К М. П. Погодину // Москвитянин. 1855. № 19 и 20. Октябрь (цензурное разрешение 19 янв. 1856). Кн. 1 и 2. С. 1–56.

¹ Неточная цитата из «Повести о капитане Копейкине» в десятой главе первого тома «Мертвых душ».

² В черновом автографе: «И. В. Капнист» (см. выше).

³ Вероятно, около 20 сентября 1850 г.

⁴ 22 сентября 1851 г.

⁵ Около 26 сентября 1851 г.

⁶ Имеется в виду третье посещение Гоголем Оптиной Пустыни 24 и 25 сентября 1851 г.

⁷ 22 октября 1851 г.

⁸ 5 ноября 1851 г.

⁹ 11 декабря 1851 г.

¹⁰ 22 января 1851 г. (см. выше примеч. к черновому автографу статьи А. Т. Тарасенкова).

¹¹ В черновом автографе: «Гр<афа> Толстого» (см. выше).

¹² Опера А. Н. Верстовского на сюжет М. Н. Загоскина.

¹³ В «Женитьбе».

¹⁴ Имеется в виду граф А. П. Толстой (см. выше примеч. к черновому автографу статьи А. Т. Тарасенкова).

¹⁵ На самом деле предполагался новый, пятый том собрания.

¹⁶ Пс. 103, 4.

¹⁷ В черновом автографе: «к Графу»

¹⁸ 26 января 1852 г.

¹⁹ В черновом автографе: «Матфей Александрович, священник»

²⁰ В журнальной публикации ошибочно: «забота»

²¹ 5 февраля 1852 г.

²² 4 февраля 1852 г.

²³ В черновом автографе: «Гр<аф> А. П.» (Толстой).

²⁴ Во вторник на масленице 5 февраля 1852 г.

²⁵ Имеется в виду отец Иоанн Никольский.

²⁶ Во четверг на масленице 7 февраля 1852 г.

²⁷ Поездка, по-видимому, состоялась ранее — 29 января 1852 г. (см. в наст. изд. коммент. к разделу *Из записной книжки В. С. Аксаковой 1853 г. Последние дни жизни Гоголя*).

²⁸ В черновом автографе: «Иноземцев». Ф. И. Иноземцев был приглашен к Гоголю между 5 и 11 февраля и посещал больного до 14–15 февраля 1852 г.

²⁹ Гоголь перестал выезжать с 11 февраля 1852 г.

³⁰ С 4 по 9 февраля 1852 г.

³¹ С 8 на 9 февраля 1852 г.

³² Имеется в виду отец Алексей Иоаннович Соколов (ум. 1890-е гг.), священник церкви Преподобного Симеона Столпника.

³³ 18 и 19 февраля 1852 г.

³⁴ С 18 на 19 февраля.

³⁵ 10 февраля 1852 г.

³⁶ В черновом автографе: «М<итрополиту> Филарету»

³⁷ В черновом автографе: «Муханова»

³⁸ 13 февраля 1852 г.

³⁹ Ф. И. Иноземцев.

⁴⁰ 16 февраля 1852 г.

⁴¹ 22 января 1852 г.

⁴² В ночь с 11 на 12 февраля 1852 г.

⁴³ Святитель Филарет (Дроздов), митрополит Московский и Коломенский.

⁴⁴ 17 февраля 1852 г.

⁴⁵ 18 февраля 1852 г.

⁴⁶ 19 февраля 1852 г.

⁴⁷ Арк. Арк. Альфонский.

⁴⁸ К. И. Сокологорский.

⁴⁹ С. И. Клименков.

⁵⁰ Поздно вечером 19 февраля 1852 г. фельдшером А. В. Зайцевым в присутствии врачей А. И. Овера и С. И. Клименкова Гоголю были поставлены четыре пиявки (см. в наст. изд. коммент. к первоначальной редакции мемуаров А. Т. Тарасенкова).

⁵¹ 20 февраля 1852 г.

⁵² А. И. Овер, А. Е. Эвениус, С. И. Клименков, К. И. Сокологорский, А. Т. Тарасенков.

⁵³ Имеется в виду С. И. Клименков.

⁵⁴ В черновом автографе: «Ворвинский»

⁵⁵ Об этих спорах см. также в наст. изд. в письме Д. Н. Свербеева к жене от 26 февраля 1852 г.; в письме графа А. А. Заревского к графу А. Ф. Орлову от 29 февраля 1852 г. и в письме А. С. Хомякова к А. Н. Попову от конца февраля 1852 г.

⁵⁶ Имеются в виду строки Гоголя из письма к М. П. Погодину, отправленного 20 июля 1832 г. по приезду в Васильевку: «Верите ли, что теперь один вид проезжающего экипажа производит во мне дурноту. Что-то значит хилое здоровье!» (письмо было впервые опубликовано М. П. Погодиным: <Погодин М. П.> Письма Гоголя. К М. П. Погодину // Москвитянин. 1855. № 19 и 20. Октябрь (цензурное разрешение 19 янв. 1856). Кн. 1 и 2. С. 2–4.

⁵⁷ Письмо к М. А. Максимовичу от 2 июля 1833 г. из Петербурга.

⁵⁸ В письме к М. А. Максимовичу от 28 мая 1834 г. из Петербурга.

⁵⁹ Ничего не стоит (*ит.*).

⁶⁰ Имеется в виду письмо к М. П. Балабиной от 30 мая (н. ст.) 1839 г. из Рима.

⁶¹ 17/29 октября 1840 г. Гоголь сообщал М. П. Погодину из Рима о болезни, перенесенной им в Вене во второй половине — конце августа (н. ст.) того же года: «...Нервическое мое пробуждение обратилось вдруг в раздраженье нервическое. Всё мне бросилось разом на грудь. Я испугался. Я сам не понимал своего положения. <...> Нервическое расстройство и раздражение возросло ужасно, тяжесть в груди и давление, никогда до того мною не испытанное, усилилось. По счастью, доктора нашли, что у меня еще нет чахотки, что это желудочное расстройство, остановившееся пищеварение и необыкновенное раздражение нерв. <...> К этому присоединилась болезненная тоска, которой нет описания. Я был приведен в такое состояние, что не знал решительно, куда деть себя, к чему прислониться. Ни двух минут я не мог остаться в покойном положении ни на постеле, ни на стуле, ни на ногах. О, это было ужасно, это была та сама <я> тоска и то ужасное бесплоидство, в каком я видел бедного Вельегорского в последние минуты жизни. <...> Я понимал свое положение и наскоро, собравшись с силами, нацарапал, как мог, тощее духовное завещание, чтобы хоть долги мои были выплачены немедленно после моей смерти. Но умереть среди немцев мне показалось страшно. Я велел себя посадить в дилижанс и везти в Италию. Добравшись до Триеста, я себя почувствовал лучше. Дорога, мое единственное лекарство, оказала и на этот раз свое действие. <...> О, как бы мне в это время хотелось сделать какую-нибудь дальнюю дорогу. <...> С какою бы радостью я сделался бы фельдгегерем, курьером даже на русскую перекладную и отважился бы даже в Камчатку, чем дальше, тем лучше». Письмо впервые опубликовано (в полном объеме): <Погодин М. П.> Письма Гоголя. К М. П. Погодину // Москвитянин. 1855. № 19 и 20. Октябрь (цензурное разрешение 19 янв. 1856). Кн. 1 и 2. С. 46–53. Указание Б. П. Городецкого к этому письму в академическом собрании сочинений Гоголя 1952 г. изд., что письмо впервые было напечатано П. А. Кулишом в 1857 г.: «Впервые опубликовано — с большим пропуском — в “Сочинениях и письмах”, V, стр. 415–421» (*Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. <Л.>, 1952. Т. 11. С. 439), — ошибочно.

⁶² Имеется в виду письмо Гоголя к М. П. Погодину от 28 декабря (н. ст.) 1840 г. из Рима. Впервые опубликовано: <Погодин М. П.> Письма Гоголя. К М. П. Погодину // Москвитянин. 1855. № 19 и 20. Октябрь (цензурное разрешение 19 янв. 1856). Кн. 1 и 2. С. 54–55. Указание Б. П. Городецкого к этому письму в академическом собрании сочинений Гоголя 1952 г. изд., что письмо впервые было напечатано П. А. Кулишом в 1857 г.: «Впервые опубликовано в “Сочинениях и письмах”, V, стр. 428» (*Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. <Л.>, 1952. Т. 11. С. 444), — ошибочно.

⁶³ Вновь цитируется и пересказывается письмо Гоголя к М. П. Погодину от 20 июля 1832 г. из Васильевки (см. также выше авторское примеч. 4).

⁶⁴ 2 сентября 1832 г. Гоголь писал М. П. Погодину из Васильевки: «Пилюль Дядьковского боюсь принимать (которые давно уже я получил из аптеки), потому что в рецепте, как вы пишете, была ошибка» (письмо было впервые опубликовано М. П. Погодиным в январе 1856 г.).

⁶⁵ Пересказ содержания того же письма Гоголя к М. П. Погодину от 2 сентября 1832 г.

⁶⁶ Вновь цитируется письмо Гоголя М. П. Погодину от 17/29 октября 1840 г. (см. выше авторское примеч. 5).

⁶⁷ Иоганн Лукас Шенлейн (1793–1864), немецкий врач. 29–30 октября (н. ст.) 1845 г. Гоголь писал С. Т. Аксакову из Рима: «...Холодное лечение мне помогло и заставило меня, наконец, увериться лучше всех докторов в том, что главное дело в моей болезни были нервы... <...> После Греффенберга я съездил в Берлин, нарочно с тем, чтобы повидаться с Шёнлейном... <...> Шёнлейн утвердил меня еще более в сем мнении, подивился докторам, пославшим меня в Карлсбад и Гастейн. По его мнению, сильнее всего поражены были у меня нервы в желудочной области (в так называемой системе *pergoso fascoloso*)...»

⁶⁸ Письмо к М. П. Погодину от 10 мая 1836 г. из Петербурга (впервые опубликовано М. П. Погодиным в январе 1856 г.).

⁶⁹ Письмо к М. П. Погодину от 25 января 1840 г. из Москвы. Впервые опубликовано: <Погодин М. П.> Письма Гоголя. К М. П. Погодину // Москвитинин. 1855. № 19 и 20. Октябрь (цензурное разрешение 19 янв. 1856). Кн. 1 и 2. С. 44–45. Указание Б. П. Городецкого к этому письму в академическом собрании сочинений Гоголя 1952 г. изд., что письмо впервые было напечатано П. А. Кулишом в 1857 г.: «Впервые опубликовано в “Сочинениях и письмах”, V, стр. 397–398» (*Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. <Л.>, 1952. Т. 11. С. 428), — ошибочно.

⁷⁰ В третий раз цитируется письмо Гоголя М. П. Погодину от 17/29 октября 1840 г. (см. выше авторские примеч. 5 и 6).

⁷¹ Письмо к М. А. Максимовичу от 10 января 1840 г. из Москвы.

⁷² Письмо к Н. Д. Белозерскому от 12 апреля 1840 г. из Москвы (ошибочно было датировано П. А. Кулишом 1842 г.).

⁷³ Письмо к С. С. Уварову, написанное между 24 февраля и 4 марта 1842 г.

⁷⁴ Письмо к П. А. Плетневу от 17 марта 1842 г.

⁷⁵ Письмо к П. А. Плетневу от 2 декабря 1850 г. из Одессы.

⁷⁶ Неточная цитата из «Авторской исповеди».

⁷⁷ В начале 1851 г. (см. примеч. 32 к первоначальной редакции мемуаров А. Т. Тарасенкова «Н. В. Гоголь в последнее время жизни»).

⁷⁸ Письмо к А. В. и Е. В. Гоголь от июля 1851 г.

⁷⁹ Записка относится к дню рождения Гоголя, 19 марта 1849 г., приходившемуся в этот год на субботу пятой недели Великого Поста (см. записку Гоголя в наст. изд. в разделе С. Т. Аксаков. *Продолжение кратких сведений и выписка из писем для биографии Гоголя <1845–1852 гг.>*. <Письмо к П. А. Кулишу>. <Июль–октябрь 1854>). Причисление себя Гоголем к числу «скоромников» связано с сложившимся в светском обществе в XIX в. обыкновением воздерживаться от скоромной пищи не во все дни Великого Поста, но, вопреки церковным установлениям, лишь в первую и седьмую его недели (см., в частности, в наст. изд. «Отрывки из моей памяти и переписки» А. Н. Афанасьева в разделе «Гоголь в воспоминаниях и письмах М. С. Щепкина, его знакомых и близких»). В то время граф А. П. Толстой, в доме которого жил Гоголь, находился, по-видимому, в Петербурге (см.: *РГИА*. Ф. 796. Оп. 130. № 300. 1849 г. Марта 5. По предложению Обер-Прокурора Св. Синода <графа Н. А. Протасова> о допущении чиновника Министерства Внутр. дел Графа Толстого к занятиям в Архиве Св. Синода; *РГИА*. Ф. 796. Оп. 130. № 415. 1849 г. Марта 24. О разрешении заниматься в Архиве Св. Синода чиновнику Мин. Вн. дел графу Толстому). Графиня А. Г. Толстая позднее «особенно часто вспоминала Гоголя <...> постом. Она постилась до крайней степени. Очень часто любила есть тюрю из хлеба, картофеля, квасу и луку и каждый раз за этим кушаньем говорила: “И Гоголь любил кушать тюрю. Мы часто с ним ели тюрю”» (см. в наст. изд. статью В. А. Гиляровского «Неизданное письмо Гоголя и его кресло»).

⁸⁰ Письмо к П. А. Плетневу от 6 февраля 1842 г. В «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша это письмо датировано правильно, однако в цитате из самого письма допущена опечатка: «Вот что писал он к П. А. Плетневу, от 6 февраля 1842 года, еще не зная о разнесшемся в Москве слухе, что “Мертвые души” пропущены цензурой. “Февраля 6-го (1840, из Москвы). <...>”» (<Кулиш П. А.> *Николай М.* Записки о жизни Н. В. Гоголя... СПб., 1856. Т. 1. С. 290).

⁸¹ Письмо к П. А. Плетневу от 2 ноября (н. ст.) 1842 г.

⁸² В пятницу 8 февраля 1852 г. (см. в наст. изд. <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> А. О. Смирновой от 25 сентября – 2 октября (н. ст.) 1877 г.).

⁸³ С 4 по 9 февраля 1852 г.

⁸⁴ 16 февраля 1852 г.

⁸⁵ И. Я. Корейша, московский юридивый.

⁸⁶ Письмо к П. А. Плетневу от 8/20 февраля 1846 г. из Рима.

⁸⁷ Е. М. Хомяковой.

А. Тарасенков

Толки о причинах смерти Гоголя по поводу брошюры
А. Тарасенкова «Последние дни жизни Гоголя»
Фрагменты

До издания названной брошюры весьма мало известно было о болезни Гоголя, окончившейся смертью, хотя очень много толковали о том, чем он был болен и от какой болезни умер. Разнообразие мнений о причинах его смерти весьма понятно: болезнь Гоголя не была похожа на обыкновенно встречаемые болезни, не имела резкой характеристики, а потому и могла быть определяема не одинаковым образом. Упомянутое сочинение написано мною, наблюдавшим больного Гоголя во все время его болезни. От меня, кажется, не могло ускользнуть ни одно важное болезненное явление: все, что встретилось замечательного в болезни, тогда же записано мною аккуратно. И действительно в этой брошюре я старался изложить весь ход болезни, *все причины*, которые могли произвести болезнь и влиять на ее развитие. Казалось, что такое сочинение, если оно и не объяснит болезни вполне, по причине ее запутанности, то по крайней мере рассеет разные ложные слухи о причинах смерти Гоголя, распространенные в обществе.

Брошюра прочтена многими. В некоторых газетах и журналах появилась публичная оценка этой брошюры; почти все согласно утверждали, что находящиеся в ней факты любопытны и важны. Казалось бы, что люди, писавшие об этом сочинении, могли понять ее содержание, которое действительно скрывалось в фактическом изложении. Но несмотря на это, заключения о болезни Гоголя и ее причинах, сделанные как будто бы на основании этой брошюры, чрезвычайно далеки от тех выводов, какие бы должно было сделать по внимательном прочтении ее и надлежащем соображении изложенных в ней фактов. «Современник»¹ из этой книги заключает, что *Гоголь сам уморил себя голодом сознательно и, быть может, даже преднамеренно!*

В газете Le Nord (№ 54-й 1857 года) подобная мысль выражена еще резче. «Les details fournis par ce médecin font naître un soupçon bien voisin de la certitude, à savoir que Gogol s'est laissé volontairement mourir de faim, et ce qui est plus terrible, l'est que l'idée de ce suicide (!) a été longuement méditée»². Будто Гоголь добровольно уморил себя, и это самоубийство задумано им с давнего времени?!

И это выводят из сочинения, в котором прямо сказано: «никак нельзя утверждать, что Гоголь умер от голода, потому что он не вовсе лишал себя пищи» и т. д. (стр. 27). <...>

Гоголь ради пощения уменьшил обычное количество пищи, изменил ее качество, и сделал это не постепенно, а вдруг, не предвидя, что такая быстрая перемена может произвести важную болезнь. И когда уже занемог, он, вероятно, не понимал, что недостаток пищи вредит ему. Болезнь свою он объяснял себе иначе. Незнание медицины и особенные убеждения поддерживали его мысль, и он не слушался предлагаемых советов, но сознательно, в твердой памяти, без желания губить себя.

¹ № 1 1857 года. — Примеч. А. Т. Тарасенкова.

С.-Петербургские Ведомости (№ 60-й 1857 г.)³ находят в названном сочинении *одни предположения*, но кто потрудится прочесть его, тот убедится, что весь текст состоит из изложения голых фактов, собранных именно для того, чтобы из них всякий мог вывести заключение, настолько верное, насколько позволяют эти самые факты. Факты же, относящиеся до последней болезни Гоголя, собраны *все*, не пропущено ни одного известного обстоятельства, которое прямо или косвенно могло влиять на развитие болезни или прояснить самую болезнь. Самые предположения о сущности болезни, изложенные в книге, составляют для рассмотрения болезни *факты*, ибо они высказаны известнейшими врачами, лично видевшими больного Гоголя. Эти предположения или мнения врачей, вполне достойных доверия и пользующихся ученым авторитетом, перечислены все без исключения. Свое собственное мнение о причинах смерти Гоголя (плохо понятое г. Рецензентом) автор поместил в примечаниях.

Неизвестный рецензент С.-Петербургских Ведомостей⁴ <...> выставляет свое *новое* предположение, уже не следующее ни из одного из находящихся в книге фактов. Если бы причина болезни, о которой он упоминает, существовала, она была бы и помянута; но исчислив более или менее вероятные предположения о болезни и смерти Гоголя, я прямо прибавляю, что «судя по ходу болезни, по признакам, которыми она проявлялась, и по другим достоверным сведениям, другие предположения (распространенные между не врачами) представляются столь неосновательными, что не заслуживают быть упомянутыми» (стр. 1). Я знал, что мнение, публично выраженное г. рецензентом, в ходу у некоторого кружка людей, которые, раз навсегда решив дело по-своему, не хотят разубеждаться никакими доводами; но не счел нужным даже упоминать о нем открыто, ограничиваясь только намеком на его неосновательность.

Мнение г. рецензента С.-Петербургских Ведомостей, как ни завлекательно оно выражено, не имея в основании своего факта, не может быть принято за истинное. Те quasi-факты, о которых упоминает г. рецензент, совсем не существовали. Откуда он взял, что Гоголь *впал в манию*, что у него было раздражение позвоночного столба, распространившееся потом на головной мозг? Что за *психическое расстройство*, которое *вышло наконец в форму неперменного желания заглазить поступки своей жизни!* Из чего он заключает, что к предполагаемой им причине болезни Гоголя присоединилось *анемическое, а может быть, и гидремическое состояние крови, бывшее причиною роковой развязки?* Их нет в описании, их не было и в действительности, а того, чего не было, нельзя и предполагать.

Чтобы вполне доказать всю невозможность предположения, сделанного г. рецензентом, следовало бы пересмотреть сначала почти всю брошюру. Кто желает, тот может прочесть ее сам; а я укажу г. рецензенту только на то, что Гоголь вполне был здоров за месяц до своей смерти, и что за день до смерти еще не обнаруживалось никаких объективных симптомов, которые бы указывали на важное страдание (смотри<и> стр. 7 и 17).

Разве таков ход болезни от предполагаемой г. рецензентом причины? Где постепенность истощения, слабость ног, потеря сил физических и нравственных и другие признаки, которые так хорошо известны каждому врачу и которые нелегко передать не изучавшим медицины? Самый наружный вид изобличил бы в больном скрываемую причину болезни; но на деле ничего похожего не было, и никто из врачей не нашел основания сделать подобное предположение.

Итак, смерть Гоголя не может быть объяснена *«болезнью (?) почти эпидемически (!) господствующею в молодом поколении»*, как выражается г. рецензент. Тут были причины более многосложные, более тонкие, более мудреные для объяснения.

Непонятно, что за необычайная судьба преследует Гоголя повсюду! И при жизни и по смерти толковали о нем косо да криво; пора бы наткнуться на прямой, истинный путь. Спорный вопрос о смерти Гоголя тесно связан с деятельностью всей его жизни. <...>

Желательно бы было, чтоб кто-нибудь из врачей-психологов, взвесив и обсудив изложенные в моей брошюре факты, сделал свое заключение о болезни и смерти Гоголя.

Впервые опубликовано: *Тарасенков А.* Толки о причинах смерти Гоголя по поводу брошюры А. Тарасенкова «Последние дни жизни Гоголя» // Литературный отдел Московских Ведомостей 1857 года, июля 25-го, № 89. С. 404–405; с подписью: «9-го июля. Москва». Печатается по первой публикации.

¹ Имеется в виду публикация: Заметки о журналах. Декабрь 1856 // Современник. Литературный журнал, издаваемый с 1847 г. И. Панаевым и Н. Некрасовым. 1857. Т. 61. <№ 1> (цензурное разрешение 12 июля 1857). С. 173–179.

² Подробности, предоставленные этим врачом, внушают подозрение, очень близкое к уверенности, что Гоголь решил умереть от голода, и, что ужаснее, что идея этого *самоубийства* была задумана задолго (*Фр.*).

³ Имеется в виду публикация, без подписи: <Назаров Н. С., князь> Русская литература. Книги // Санкт-Петербургские Ведомости. 1857. 16 марта. № 60. С. 299; завершающаяся словами: «Вот мнение наше о болезни Гоголя. Может быть, мы и ошибаемся...». Позднее автор заметки выступил с возражениями на статью А. Т. Тарасенкова, подписавшись: Н. Н. (см. ниже).

⁴ Князь Н. С. Назаров.

Князь Н. С. Назаров

Письмо к редактору
<Возражение на статью А. Т. Тарасенкова «Толки
о причинах смерти Гоголя по поводу брошюры
А. Тарасенкова “Последние дни жизни Гоголя”»>
Фрагмент

<...> ...Г. Тарасенков придает своей брошюре чрезвычайную важность, полагает, что она окончательно решает вопрос о последних днях жизни Гоголя... <...> ...Из его статьи <...> всякий читатель имеет прямое право заключить, что автор действительно следил за последнею болезнью Гоголя *во все продолжение ее развития*... <...> А между тем из самой брошюры <...> оказывается, что г. Тарасенков *вовсе* не следил за последнею болезнью Гоголя, что он был призван тогда уже, когда великому поэту оставалось одно только — умереть! <...>

Впервые опубликовано: <Назаров Н. С., князь> Н. Н. Письмо к редактору // Санкт-Петербургские Ведомости. 1857. 20 авг. № 179. С. 924; с подписью: «Москва. 1-го августа 1857». Печатается по первой публикации.

Князь Николай Степанович Назаров (1831–1871), литератор, в течение десяти лет был преподавателем русской словесности во 2-м московском кадетском корпусе; в 1866 г. переселился в Петербург, где занял должность секретаря при директоре Императорских театров.

Из воспоминаний очевидца о смерти Н. В. Гоголя

В 1852 году судьба забросила меня в Москву с больной госпожой моей^I Е. А. Б<еляково>й^{II}, отправленной из Симбирска, после двухлетнего лечения нашими эскулапами^{III}, в Первопрестольную. Во время^{IV} Иноземцев^I, тогдашнее медицинское светило первой величины, осмотрев больную и пожав плечами^V, сказал (конечно, не при больной): поздно уже, больная безнадежна, и наоборот отказался лечить: больной остается ехать обратно, здесь медицина уже бессильна; но в Москве нашлись другие знаменитости, Овер² и Клименков³ (я называю их знаменитостями потому, что они, как мне достоверно известно, получали за визит к больной моей по 50 руб<лей> каждый). Итак, лечение началось. Овер и Клименков ездили к больной ежедневно, словом, *старались*^{VI}.

Больную я привез^{VII} в январе, а в конце августа и эти врачи^{VIII} отказались лечить ее^{IX} и советовали^X ей ехать в деревню пользоваться^{XI} сельским воздухом, и я увез из Москвы буквально^{XII} полуживой скелет и пустую шкатулку ее^{XIII}, словом, мы возвратились в деревню налегке^{XIV}, где больная вскоре и отправилась к праотцам; у Г<-жи> Б<еляковой> был Cancer uberi<s>^{XV} 4.

В один из визитов Овер нашел^{XVI} нужным припустить^{XVII} больной к известному месту пивки; операция эта была возложена на меня, которую^{XVIII} я и выполнил в присутствии врачей,

^I Я был крепостным Г<-жи> Б<еляково>вой; сиротой кр<углым>? взят в дом 8 лет, служил Казачком в Лакейской, и Г<-жа> отдала меня учиться [в Удельную больницу] <1 нрзб.> в Уездн<ое> училище, а затем [начал] учил<ся> при Удельной Больнице [и кончил] <1 нрзб.> и сдал экзамен на Фельдшера при Си<м>би<рской> Вра<чебной> Управе и <1 нрзб.> стал врачом <?>. Автор. — Примеч. А. В. Зайцева.

В газетной публикации текст примечания А. В. Зайцева иной: Я был крепостным г-жи Беляковой; добрая барыня дала мне возможность учиться, и в 1862 г. я стал уже свободный.

^{II} В газетной публикации: Е. А. Беляковой

^{III} В газетной публикации: нашими симбирскими знаменитостями

^{IV} Слов: В то время — в газетной публикации нет.

^V Далее было: сначала

^{VI} Далее в газетной публикации: в Москву

^{VII} Место: поздно уже - старались — в газетной публикации следует: что лечить уже поздно, что больная безнадежна и что здесь медицина бессильна, и отказался от лечения. Но в Москве нашлись тогда еще знаменитости, это — Овер и Клименков, и они начали лечение; Овер и Клименков ездили к больной каждый день, ну, словом, они «старались».

^{VIII} Место: и эти врачи — в газетной публикации: Овер и Клименков

^{IX} Слов: отказались лечить ее — в газетной публикации нет.

^X В газетной публикации: посоветовали

^{XI} В газетной публикации: лечиться

^{XII} Слова: буквально — в газетной публикации нет.

^{XIII} Место: и пустую шкатулку ее — в газетной публикации: с пустой шкатулкой

^{XIV} Слов: словом, мы возвратились в деревню налегке — в газетной публикации нет.

^{XV} Cancer uberi описано. Первоначально для названия болезни был оставлен пробел, обозначенный скобками. Слов: у Г<-жи> Б<еляковой> был Cancer uberi<s> — в газетной публикации нет.

^{XVI} В газетной публикации: врачи нашли

^{XVII} В газетной публикации: припускать

^{XVIII} Место: операция - которую — в газетной публикации: это было возложено на меня, как на фельдшера, что

и вот благодаря этой операции я счастлив: я видел дней за 5 до смерти⁵ нашего великого Гоголя и даже помучал его, и это было при следующих обстоятельствах¹.

Понравились ли мои манипуляции с пиявками около больной моей, или судьба хотела^{II}, чтобы я увидел Н<иколая> В<асильевича>, только на другой день, после обычного визита к больной моей госпоже^{III}, Овер просил ее, чтобы она позволила мне ехать к больному^{IV}, которому нужно было по заключению Овера тоже^V припустить пиявки⁶, и я отправился; помню это было на Садовой улице⁷, в доме Граф<ини> Толстой^{VI} ⁸, где в то время жил Гоголь. Когда я явился к больному^{VII}, Овер и Клименков были уже там, и началось истязание^{VIII}. Н<иколай> В<асильевич> как ни умолял, как ни сопротивлялся и чуть не со слезами^{IX} просил врачей^X, чтобы они оставили его в покое, не мучили^{XI}, но все было напрасно: медикусы и не думали отступать, мы все-таки^{XII} делали свое; когда я припускал к носу больного^{XIII} пиявки, Тоголь^{XIV} стонал, кричал^{XV}, но Овер и Клименков держали в это время его за руки^{XVI}, пока пиявки высасывали кровь, словом, мы усердствовали^{XVII} (да прости мне тень великого человека, я не повинен был в крови этого праведника⁹, я творил волю великих сих^{XVIII}). Когда истязание окончилось и врачи уехали, я остался при больном до прекращения кровотоечения, и когда больной после этих мучений немного успокоился, он спросил, кто я, и я в коротких словах передал ему свою автобиографию^{XIX}, и будучи обласкан им, даже осмелился сказать ему, что читал некото-

¹ *Вместо:* и вот - при следующих обстоятельствах. — *в газетной публикации:* Благодаря, быть может, этой случайности, я имел возможность видеть дней за 5 до смерти нашего великого писателя Гоголя; случилось это по следующим обстоятельствам.

^{II} *Вместо:* судьба хотела — *в газетной публикации:* судьбе было угодно

^{III} *Вместо:* моей госпоже *нет в газетной публикации.*

^{IV} *В газетной публикации:* к одному больному

^V *Вместо:* нужно было по заключению Овера тоже — *в газетной публикации:* врачи нашли также нужным

^{VI} *Вместо:* и я отправился - Толстой — *в газетной публикации:* По получении разрешения я отправился на Садовую, в д<ом> гр<афини> Толстой

^{VII} *Далее в автографе было:* Гоголю

^{VIII} *Было:* и начали истязание. *В газетной публикации:* и мы начали свои "истязания".

^{IX} *Далее вписано:* Гоголь

^X *Вместо:* Н<иколай> В<асильевич> - просил врачей — *в газетной публикации:* Как ни сопротивлялся, как ни молил, чуть не со слезами, Гоголь врачей

^{XI} *Вместо:* не мучили *нет в газетной публикации.*

^{XII} *Вместо:* мы все-таки — *в газетной публикации:* а

^{XIII} *Вместо:* больного — *в газетной публикации:* Гоголя

^{XIV} *Вместо:* Тоголь — *в газетной публикации:* больной

^{XV} *В газетной публикации:* даже кричал

^{XVI} *Вместо:* в это время его за руки — *в газетной публикации:* его за руки во все время

^{XVII} *В газетной публикации слова взяты в кавычки:* «мы усердствовали»

^{XVIII} *Вместо:* великого человека, я не повинен был в крови этого праведника, я творил волю великих сих — *в газетной публикации:* великого Гоголя! Я не повинен был в крови этого праведника!..

^{XIX} *По-видимому, первоначально воспоминания о Гоголе А. В. Зайцев собирался сопроводить своей автобиографией, которую он в 1852 г. рассказал писателю. На заключительной странице автографа находится текст начала этой автобиографии:* [Моя] Автобиография. Я был сын крестьянина Г-на Афанасия Петровича Белякова, осиротев после матери моей 4-х лет. Нас осталось у отца трое: две сестры старше меня и я; отца моего помещик взял ко двору, где он во все время вплоть до старости занимался с пчелами. Господин его отдал помещик<у> учиться пчелиному искусству 40 лет по методу Прокоповича¹⁰, и он выучился в эти годы и грамоте, а я и сестры были взяты в господский дом: девочки в горничные, а мне когда минуло 7 лет, я отправлял обязанность в Лакейской Казачка; нередко Господин заставлял меня с лоскутом бумаги и карандашом, я страстно любил рисование и всегда рисовал с натуры или котят, играющих с

рые из его произведений, что вообще люблю читать и даже пробую иногда писать, конечно, только для себя, что у меня даже есть маленькое стихотворение, посвященное моей давно умершей матери¹. Гоголь просил принести его к нему, что я исполнил на другой же день¹¹. Когда Гоголь прочитал мое стихотворение, сделал некоторые поправки, а следующие 4 стиха

А этой скорби будет много
В печальной жизни сироты,
Но будет мать молить у Бога,
Чтоб нес с терпением ее ты.

подчеркнул их карандашом и с слезами в голосе сказал: «Да, скорби будет очень много»; посмотрел¹¹ на меня долгим, испытующим взглядом, в глазах его стояли слезы, и¹¹¹ тихо промолвил: «Читай больше, друг мой», подарил мне том своих сочинений^{1V}, «Портрет» и «Невский проспект»¹², и, взявши со стола ермолку, шитую серебряными нитями по голубой шелковой материи, подал ее мне со словами: «Возьми это на память обо мне», и тихо, тихо сказал: «прощай», повернулся на постели^V к стене лицом; я заметил, что Гоголь плакал; и я тоже вышел от него^{VI} с глазами, полными слез. На 4<-й> день¹³ я услышал, что Гоголь умер. Ермолку эту я храню, как святыню, а книга^{VII} погибла в пожаре моего дома^{VIII}.

На следующий затем день, во время обычного визита, Овер рассказывал при мне больной моей, как они с Клименковым истязались с этим больным Гоголем¹⁴.

— О! это сумасшедший какой-то, и этого человека считают многие талантом, а его сочинения^{1X}

своей матерью, или коров, когда их прогоняли мимо господского дома на луга для пастбища или на водопой, а в особенности пристрастился к изображению лошадей, до которых господин был страстный охотник; моя участь была решена, когда я изобразил на полулисте бумаги лошадь, которая была так удачно воспроизведена, что Беляков взял ее, унес и даже повесил в своем кабинете. Это был его... <не дописано>

¹ Я остался сиротой после матери 4 лет. — *Примеч. А. В. Зайцева.*

¹¹ *Вместо:* истязание окончилось - посмотрел — в газетной публикации: «истязания» окончились, — врачи уехали, я же оставался при больном до прекращения кровотечения.

Спустя некоторое время больной успокоился и спросил меня: кто я? Я в коротких словах передал ему свою незавершенную автобиографию. Будучи им обласкан, я осмелился сказать ему, что читал некоторые из его сочинений и что вообще люблю почитать и даже пробую писать, конечно, для себя, и что у меня написано маленькое стихотворение на смерть моей давно умершей матери. Гоголь просил, чтобы я прочел ему это стихотворение, что я и исполнил на другой же день. Гоголь прочел его и сделал некоторые поправки. Вот эти четыре строчки стихотворения:

...А этой скорби будет много
В печальной жизни сироты,
Но будет мать молить у Бога,
Чтоб нес с терпением ее ты...

Подчеркнув кое-где карандашом, Н<иколай> В<асильевич> со слезами в голосе сказал: «Да, скорби будет очень много»; затем, посмотрев

¹¹¹ *В газетной публикации:* он

^{1V} *Вместо:* подарил мне том своих сочинений — в газетной публикации с красной строки следует: Н<иколай> В<асильевич> подарил мне томик своих сочинений, в котором две повести:

^V *Вместо:* повернулся на постели — в газетной публикации: и повернулся

^{VI} *Вместо:* и я тоже вышел от него — в газетной публикации: Я вышел от него тоже

^{VII} *Далее в газетной публикации:* подаренная им

^{VIII} *Вместо:* в пожаре моего дома — в газетной публикации: во время пожара

^{1X} *В газетной публикации:* сочинения его

превозносят чуть не до небес, в особенности эти его «умирающий души^I», — со смехом в голосе на своем ломаном, не то французском, не то немецком языке сболтнул^{II} Овер.

— «Мертвые души» написал Гоголь, — с затаенной злобой в душе осмелился возразить я Оверу.

— Это^{III} все равно, «умирающий или мертвый душа^{IV}», — с иронией в голосе^V сказал эскулап.

Считаю не лишним передать^{VI} факт, которого я был невольным свидетелем.

После одного визита к моей больной Овер, проходя со мной по анфиладе^{VII} комнат, делал мне некоторые наставления относительно умирающей^{VIII}, и когда мы дошли до передней, доктор, развернув в зажатой^{IX} правой руке гонорар, вдруг остановился^X и приказал лакею подать ему стакан воды; лакей принес^{XI} на подносе требуемое. Овер взял стакан с водою^{XII} и, сделавши 2 глотка, бросил на поднос бумажку с заметным неудовольствием, сказав лакею^{XIII}: «Это тебе за холодной вода»; после чего^{XIV} лакей подал ему дорогой енот, эскулап^{XV} вышел на крыльцо в сопровождении лакея^{XVI}, сел на пару сытых, как и сам он^{XVII}, рысаков, запряженных в дышло, лакей застегнул богатую медвежью полость саней, и лошади быстро умчали его от подъезда...^{XVIII}

Я передал, конечно, виденное мною в лакейской больной^{XIX} моей^{XX}; выяснилось, что она ошибкой отдала^{XXI} доктору вместо 50 руб<лей>^{XXII} — 10. Больная страшно перепугалась, боясь, как бы врачи не прекратили своих визитов к ней^{XXIII}, и^{XXIV} в тот же^{XXV} день я ехал к Оверу с пакетом, на котором значилось: «доктору Оверу», я вез ему в пакете 50 руб<лей>, и визиты^{XXVI}

^I Было: душ. Вместо: умирающий души — в газетной публикации: Умирающие души

^{II} Вместо: на своем ломаном, не то французском, не то немецком языке сболтнул — в газетной публикации: сказал

^{III} В газетной публикации: Но это

^{IV} В газетной публикации: умирающий или мертвый душ

^V в голосе нет в газетной публикации.

^{VI} Далее в газетной публикации: здесь виденный мною

^{VII} В автографе и в газетной публикации ошибочно: амфиладе

^{VIII} В газетной публикации: больной

^{IX} В газетной публикации исправлено: зажатый в

^X Далее в газетной публикации: с нахмуренным челом

^{XI} В газетной публикации: подал

^{XII} с водою нет в газетной публикации.

^{XIII} Вместо: лакею — в газетной публикации: ему

^{XIV} после чего нет в газетной публикации.

^{XV} В газетной публикации: доктор

^{XVI} лакея нет в газетной публикации.

^{XVII} как и сам он нет в газетной публикации.

^{XVIII} Вместо: лакей застегнул богатую медвежью полость саней, и лошади быстро умчали его от подъезда... — в автографе: которые быстро помчали его от крыльца. (Указанные строки печатаются по газетной публикации.)

^{XIX} Далее было: госпоже

^{XX} моей нет в газетной публикации. Далее в газетной публикации: причем

^{XXI} В газетной публикации: дала

^{XXII} Далее в газетной публикации: за визит только

^{XXIII} Слова: Больная страшно перепугалась, боясь, как бы врачи не прекратили своих визитов к ней — вписаны в автографе внизу листа.

^{XXIV} и нет в газетной публикации.

^{XXV} Было: на другой

^{XXVI} Вместо: на котором ~ и визиты — в газетной публикации: в котором вез ему пятьдесят рублей. Визиты

врачей продолжались, как я сказал выше, до конца августа месяца, и тогда я тронулся¹ из Москвы с еле-еле дышащей больной и с пустым кошельком ее¹¹. Недаром говорят, что Москва деньгу любит. Мы в ней оставили только в аптеке и врачам 15 т<ысяч> руб<лей>¹¹¹.

Servus Servorum Dei.

Впервые опубликовано, с редакторской правкой: <Зайцев А. В.> *Servus Servorum Dei*. Из воспоминаний очевидца о смерти Н. В. Гоголя // Симбирские Губернские Ведомости. 1902. 23 марта. № 22. Отдел неофициальный / Редактор Д. Горчаков. С. 3. Частично пересказано, частично перепечатано: Из воспоминаний о Гоголе // Столичная молва. Политическая и литературная газета. (М.), 1909. 27 апр. № 55. С. 3.

К воспоминаниям А. В. Зайцева обращались Е. С. Смирнова-Чикина и А. Н. Бельшева, полагая, однако, что эти воспоминания остались неопубликованными: «Зайцев дежурил около Гоголя все время. В воспоминаниях, еще не напечатанных, он рассказывает о разговорах с писателем. При Толстом Гоголь молчал, на его вопросы не отвечал, а с Зайцевым спокойно беседовал, подарил ему свою парчовую шапочку (она находится в Государственном литературном музее)...» (Смирнова-Чикина Е. С. Легенда о Гоголе // Октябрь. 1959. № 4. С. 186); «Лечение проводилось насильственно. Крепостной крестьянин помещицы Б., фельдшер Зайцев, приглашенный профессором Овером, писал впоследствии (его воспоминания хранятся в Московском литературном музее): «Да простит мне тень великого человека, а я не повинен в крови этого праведника. Я выполнял волю великих мира сего»» (Бельшева А. Н. Тайна смерти Гоголя // Нева. 1967. № 3. С. 175). На публикацию мемуаров фельдшера А. В. Зайцева указано: Ворopaев В., Песков А. Последние дни жизни Гоголя и проблема второго тома «Мертвых душ» // Вопросы литературы. 1986. № 10. С. 132–146. По газетной публикации в полном объеме перепечатано: Из воспоминаний о смерти Гоголя / Публ., вступ. заметка и примеч. В. Ворopaева // Литературная учеба. М., 2000. Кн. 5/6. С. 180–187; Тень великого Гоголя. Воспоминания фельдшера Зайцева / Публ., вступ. заметка и примеч. В. Ворopaева // Гоголеведческие студии. Нежин, 2001. Вып. 7. С. 131–137. Автограф хранится: ГЛМ. Ф. 67. Оп. 1. № 8; поступил в Государственный Литературный музей в 1962 г. от внука А. В. Зайцева Б. Д. Комарова. Печатается по автографу (полный текст рукописи с зачеркнутыми вариантами воспроизводится впервые), за исключением строк: «лакей застегнул богатую медвежью полость саней, и лошади быстро умчали его от подъезда», которые печатаются по газетной публикации. Варианты черного автографа и газетной публикации приводятся в подстрочных примечаниях.

Алексей Васильевич Зайцев (после 1830 — около 1911), сын крепостного крестьянина, фельдшер; предположительно в 1864 г. получил диплом врача.

При перепечатке мемуаров в 1909 г. к ним было сделано редакционное примечание: «Автор — крепостной фельдшер помещицы Е. А. Беляковой, приехавшей в 1852 г. в Москву лечиться у д-ра Иноземцева. Последний нашел больную безнадежной, и она обратилась к докторам Оверу и Клименкову (Тарасенкову?). <...> (Старый фельдшер все время говорит о д-ре Клименкове, очевидно, просто перепутав фамилии: Гоголя лечил д-р Тарасенков, оставивший воспоминания о последних днях жизни великого писателя)» (Из воспоминаний о Гоголе // Столичная молва. Политическая и литературная газета. (М.), 1909. 27 апр., № 55. С. 3). Это ошибочное замечание редактора «Столичной молвы» вызвало возражение сына А. Т. Тарасенкова Петра Алексеевича Тарасенкова, обратившегося в редакцию газеты с письмом от 28 апреля 1909 г.: «М<илостивый> Г<осударь>. В № 55 газеты “Столичная Молва” напечатан весьма интересный рассказ фельдшера, который присутств<овал> при врачебных истязаниях, производившихся над Гоголем перед его кончиной д-ром Клименковым. При этом Вы к рассказу фельдшера добавляете от себя пояснение: везде фельдшер “все время говорит о д-ре Клименкове, очевидно, просто перепутав фамилии: Гоголя лечил д-р Тарасенков, оставивший воспоминания о последних днях жизни великого писателя”. Оговоркою этой Вы приписываете моему отцу истязания над Гоголем. Прежде чем взваливать такую тяжкую вину, следовало бы заглянуть в ту самую брошюру “Последние дни жизни Гоголя” (Записки его современника д-ра А. Т. Тарасенкова), на книгу Вы ссылаетесь, или в изданные В. И. Шенроком материалы для биографии Гоголя, и тогда легко было бы убедиться, что д-р А. Т. Тарасенков

¹ Было: мы тронулись

¹¹ Было: и с пустой ее шкатулкой

¹¹¹ Вместо: месяца, и тогда ~ 15 т<ысяч> руб. — в газетной публикации: Мы выехали из Москвы с еле дышащей больной и с пустым кошельком, оставив в Москве только в аптеке и врачам 15 тысяч руб., — недаром говорят, что Москва деньгу любит.

не только не истязал Гоголя, но относился к нему с <тепл>ой любовью, нежной предупредительностью и горячо боролся с д-ром Клименковым и др. врачами, позволявшими безжалостно мучить Гоголя. А. Т. Тарасенкова не слушали, он был “молодой” врач, а Гоголя лечили знаменитости того времени; не понимая болезни, они кровопусканиями окончательно истощили его и без того падавшие силы, чем и довели Гоголя до преждевременной смерти.

В опровержение помещенной Вами заметки прошу Вас напечатать это письмо в ближайшем № Вашей газеты. П. А. Тарасенков. 28.IV.1909» (РГАЛИ. Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 3. Черновой автограф).

В тот же день П. А. Тарасенков разослал также в редакции газет «Русские Ведомости», «Русское Слово», «Голос Москвича», «Московский Листок» письма следующего содержания: «Милостивый Государь, Господин редактор. Глубоко возмущенный заметкою, напечатанною в № 55 газеты “Столичная Молва” под заглавием: “Из воспоминаний о Гоголе”, где предсмертные истязания, производившиеся д-ром Клименковым над Гоголем, приписываются моему покойному отцу, я обращаюсь с [усердною] просьбою поместить в вашей газете [прилагаемое] мое письмо или иным способом опровергнуть эту клевету. Из стр. 23–28 прилагаемой брошюры “Последние дни жизни Гоголя” (Записки его современника д-ра А. Т. Тарасенкова) и из “Матер<иалов> для биог<рафии> Гоголя”, собран<ных> В. И. Шенроком, легко убедиться, что д-р А. Т. Тарасенков не только не истязал Гоголя, а горячо, но, к сожалению, бесплодно боролся с другими врачами, которые безжалостно мучили Гоголя и, не понимая больного, истощили кровопусканиями и без того быстро падавшие его силы, чем и довели Гоголя до преждевременной кончины.

При<мите> увер<ения> в сове<ршенном> уваж<ении> и преданности, П. А. Тар<асенков>. 28.IV.1909» (РГАЛИ. Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 1–2. Черновой автограф).

¹ Ф. И. Иноземцев.

² А. И. Овер.

³ С. И. Клименков.

⁴ Рак груди (лат.).

⁵ На самом деле за два дня до смерти, 19 февраля 1852 г.

⁶ А. Т. Тарасенков сообщает, что насильственное лечение Гоголя (в том числе применение пиявок), приступить к которому А. И. Овер предлагал 19 февраля 1852 г., было тогда якобы отложено и начато только 20 февраля после консилиума. По словам Тарасенкова, Овер 19 февраля «предположил» на «следующий день» «приступить к деятельному лечению»: «Но для этого он велел созвать консилиум и известить о нем Иноземцева» (см. в наст. изд. воспоминания А. Т. Тарасенкова «Н. В. Гоголь в последнее время жизни»). Однако это показание противоречит свидетельству А. В. Зайцева, что после применения пиявок он на другой день разговаривал с Гоголем (см. ниже), — что, безусловно, не могло состояться 21 февраля, так как в ночь с 20 на 21 февраля Гоголь находился в беспомощности и около 8 часов утра умер. Очевидно, что Овер, бывший утром или днем 19 февраля 1852 г. у постели больного Гоголя, отправился затем с визитом к Е. А. Беляковой, договорился с ней о приезде в тот же день к Гоголю фельдшера А. В. Зайцева, после чего поздно вечером вновь приехал к Гоголю, чтобы ставить ему пиявки. Об этом А. Т. Тарасенков (самый молодой из всех врачей, лечивших Гоголя), очевидно, извещен не был. Таким образом, пиявки Гоголю незадолго до смерти ставили, по-видимому, дважды: 19 и 20 февраля 1852 г.

⁷ Ошибка памяти: дом Толстых находился на Никитском бульваре.

⁸ Графиня Толстая Анна Георгиевна (рожденная княжна Грузинская, 1798–1889), жена графа А. П. Толстого.

⁹ Реминисценция 24-го стиха 27-й главы Евангелия от Матфея.

¹⁰ Петр Иванович Прокопович (1775–1850), пчеловод.

¹¹ 20 февраля 1852 г.

¹² По всей видимости, это был сборник «Арабески. Разные сочинения Н. Гоголя» (СПб., 1835), куда помимо названных повестей вошли также «Записки сумасшедшего». Возможно, однако, что Гоголь подарил фельдшеру Зайцеву третий том своего первого собрания сочинений (СПб., 1842), где, наряду с «Портретом» и «Невским проспектом», помещены повести «Нос», «Шинель», «Коляска», «Записки сумасшедшего» и «Рим».

¹³ 24 февраля 1852 г., в день похорон Гоголя.

¹⁴ Еще до предсмертной болезни Гоголя А. И. Овер видел его у Аксаковых. Это было 1 февраля 1852 г. «Несчастный!» — сказал он Вере Сергеевне Аксаковой. «Кто несчастный? — спросила она, не понимая, — да ведь это Гоголь!» — «Да, вот несчастный!» — «Отчего же несчастный?» — «Ипохондрик, не приведи Бог его лечить, это ужасно!» (Дневник Веры Сергеевны Аксаковой. СПб., 1913. С. 166; см. также в наст. изд.).

Московский генерал-губернатор граф А. А. Закревский — начальнику III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии графу А. Ф. Орлову

<29 февраля 1852. Москва>

<...> Нужным считаю сообщить тебе следующее: славянофилы с того времени, когда не велено носить бород¹, упали духом; но в настоящее время, когда умер известный писатель Гоголь, живший у бывшего одесского градоначальника графа Толстого, славянофилы Алексей Хомяков, Константин и Сергей Аксаковы, Александр Ефремов², Петр Киреевский, Александр Кошелев и магистр Попов, бывший в 1847 г. в Черногории, собравшись к графу Толстому и найдя у него некоторых лиц, начали рассуждать, где должно отпевать Гоголя³. Когда на это бывший там профессор Грановский сказал, что всего приличнее отпевать его в университетской церкви как человека, принадлежащего некоторым образом к университету, то все вышеописанные славянофилы стали на это возражать, говоря: «К университету он не принадлежит, а принадлежит народу, а потому, как человек народный, и должен быть отпеваем в церкви приходской, в которую для отдания последнего ему долга может входить лакей, кучер и всякий, кто пожелает, а в университетскую церковь подобных людей не будут пускать».

Когда об этом объявил мне попечитель университета⁴, то я в то же время для прекращения всех толков и споров славянофилов приказал Гоголя, как почетного члена здешнего университета, непременно отпевать в университетской церкви, согласно полученному прежде сего от митрополита⁵ согласию. Но когда пришло время выносить тело Гоголя из квартиры графа Толстого в университетскую церковь⁶, митрополит прислал сказать попечителю, что хотя он прежде и дозволил отпевать тело Гоголя в университетской церкви, то теперь он не может на это согласиться потому, что по просьбе его родственников он разрешил им отпевать его в церкви приходской. По получении такого извещения попечитель тотчас отправился к митрополиту и, объяснив ему, что у Гоголя нет здесь родных и что я уже приказал по изъявленному митрополитом согласию непременно отпевать его в университетской церкви, получив от митрополита вторичное согласие и приехав ко мне, рассказал, что все это делалось, как он узнал, по пропискам славянофилов. После сего приказано было от меня находиться полиции и некоторым моим чиновникам как при переносе тела Гоголя в церковь, так равно и до самого погребения.

А чтобы не было никакого ропота, то я велел пускать всех без исключения в университетскую церковь. В день погребения народу было всех сословий и обоего пола очень много, а чтобы в это время было все тихо, я приехал сам в церковь.

Упорные действия и сильные настояния славянофилов при похоронах Гоголя заставили меня усилить за ними строгий секретный надзор. <...>

29 февраля 1852. Москва.

Впервые опубликовано: *Бельчиков Н.* Похороны Н. В. Гоголя // Красный архив. Исторический журнал. 1925. Т. 2 (9). С. 300. Печатается по первой публикации.

¹ В 1837 г. (см. в наст. изд. коммент. к письму И. С. Аксакова к А. О. Смирновой от 16 мая 1849 г.).

² Александр Павлович Ефремов (1815–1876), товарищ К. С. Аксакова по Московскому университету; доктор философии, преподаватель географии в Московском университете.

³ См. также об этом в письме Д. Н. Свербеева к жене от 26 февраля 1852 г.; в письме А. С. Хомякова к А. Н. Попову от конца февраля 1852 г. и в авторском примечании 1 к мемуарам А. Т. Тарасенкова «Последние дни жизни Николая Васильевича Гоголя».

⁴ В. И. Назимов.

⁵ Митрополита Филарета.

⁶ Вечером в пятницу 22 февраля 1852 г.

Документы Московской городской полиции и Московского надворного суда о кончине Гоголя

Документы об осмотре вещей покойного Гоголя
21 февраля 1852 г.

Сообщение о кончине Гоголя, отправленное
управляющим графа А. П. Толстого А. И. Рудаковым
в полицейскую часть 21 февраля 1852 г.

Ведомства Московской управы благочиния в Арбатскую часть.

Управляющего генерал-майора графа Александра Петровича Толстого дворового его чело-
века Александра Иванова Рудакова.

Объявление.

Живший в нанимаемом господином моим доме Г-на Талызина состоящем сей части 3 квар-
тала, отставной коллежский ассесор Николай Васильевич Гоголь сего числа от одержимой его
болезни скончался, после его здесь в Москве наличных денег, сохранной казны билетов, долго-
вых документов, золотых, серебряных, бриллиантовых и прочих драгоценных вещей кроме не-
значительного носильного платья ничего не осталось, а есть общее его с родною матерью не-
движимое имение Полтавской губернии Миргородского уезда в селе Васильевке душ около
450-ти, но удостоверительно, сколько, сказать не могу, состоит ли покойный кому-либо долж-
ным, я не знаю, наследниками после его родная мать коллежская ассесорша Марья Иванова, се-
стры Анна, Елизавета¹ и Ольга Васильевны Гоголь живущие в означенном селе Васильевском
более ж их у него наследников нет, при нем находился в услужении дворовой человек матери
его Семен Григорьев, объявляя сие Арбатской части покорнейше прошу для погребения тела
покойного на кладбище Данилова монастыря снабдить похоронным билетом. Февраля 21 дня
1852 года.

Управляющий Графа Толстого Александр Иванов Рудаков.

Впервые опубликовано: *Дурьлин С. Н.* «Дело» об имуществе Гоголя // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования.
М.; Л., 1936. Т. 1. С. 361–362. Печатается по первой публикации.

«Объявление» А. И. Рудакова сопровождается подписью: «Подпись руки удостоверяю квартальный надзиратель
Протопопов».

Александр Иванович Рудаков, брат В. И. Рудакова (см. в наст. изд. коммент. к статье Н. П. Бочарова «Маска с
Н. В. Гоголя и дом, где он скончался»).

¹ К тому времени Быкова.

Протокол осмотра вещей Гоголя, составленный
квартальным надзирателем В. А. Протоповым
Фрагмент

<...> По осмотру нашему в занимаемой умершим квартире действительно кроме незначи-
тельного носильного платья и разных книг ничего не оказалось, почему мы книги и носильное

платье сложили в красного дерева принадлежащие графу Толстому одну шифоньерку и один шкаф и запечатали казенною частною и добросовестного свидетеля печатями, а одну шубу старую енотовую, крытую сукном, и суконную шинель по неудобности помещения в шкаф отдали и <1 нрзб.> под сохранение с распискою под сим постановлением управляющему графа Толстого означенному Рудакову, в чем на месте и учинили сие постановление, на спрос же наш находящийся при нем дворовый человек Семен Григорьев и управляющий Рудаков объявили, что у него здесь в Москве ни у кого денег и имения нет.

Квартальный надзиратель Протопопов.

При сем был добросовестный свидетель Страхов, а по безграмотству приложил печать.

При сем находился и опечатанное имущество и неопечатанную шубу и шинель под сохранение принял управляющий графа Толстого Александр Иванов Рудаков.

При сем находился Семен Григорьев.

Первые опубликовано: *Дурьлин С. Н.* «Дело» об имуществе Гоголя // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 362–363. Печатается по первой публикации.

Василий Лаврентьевич Протопопов, титулярный советник, квартальный надзиратель.

В начале протокола повторялся текст «объявления» А. И. Рудакова от 21 февраля 1852 г.

**Рапорт квартального надзирателя В. А. Протопопова
приставу Арбатской части об осмотре вещей Гоголя
Фрагмент**

<...> Указа об отставке между имеющихся у него бумаг не найдено и по случаю временного его пребывания здесь в Москве письменный вид его в вверенном мне квартале явлен не был, а также и духовного завещания не осталось. <...>

Первые опубликовано: *Дурьлин С. Н.* «Дело» об имуществе Гоголя // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 363. Печатается по первой публикации.

Частным приставом Арбатской части был, вероятно, майор Николай Васильевич Деренякин.

В рапорте был переписан текст протокола осмотра вещей Гоголя, составленный квартальным надзирателем В. Л. Протопоповым.

М. П. Захаров

**<Извещение о кончине Гоголя в официальной части
«Ведомостей Московской Городской Полиции»
от 22 февраля 1852 г.»
Фрагмент**

Наша литература понесла невознаградимую потерю. Вчера <...> в 8 часов утра, после кратковременной болезни, скончался в Москве, на 44 году от рождения, один из знаменитейших современных писателей, обессмертивший себя своими дивно художественными произведениями, — Николай Васильевич Гоголь. <...> ...Кто <...> не читал этого писателя, вызвавшего столько толков, составившего своими произведениями новую эпоху в нашей литературе, поведшего ее по новому указанному им писателям пути; но перед лицом всеильной смерти всякая земная мысль смолкает...

На Никитском бульваре, в доме г-на Талызина, в том доме, где скончался Н. В. Гоголь, можете поклониться праху его... <...>

Впервые опубликовано: Часть официальная. Москва // Ведомости Московской Городской Полиции. 1852. 22 февр. № 43. С. 1. Печатается по первой публикации.

Михаил Петрович Захаров (1816–1889), статский советник, редактор «Ведомостей Московской Городской Полиции», составитель путеводителей по Москве.

См. также в наст. изд. опубликованную в неофициальной части той же газеты статью графини Е. П. Ростопчиной «Похороны Гоголя».

**Рапорт пристава Арбатской части об осмотре вещей
Гоголя, поданный во 2-й департамент Московского
надворного суда 9 марта 1852 г.
Фрагмент**

<...> Квартальный надзиратель Протопопов донес, что живший вверенной мне части в доме г. Талызина литератор отставной коллежский ассесор Николай Васильевич Гоголь 43 лет от роду 21 февраля сего года волею Божиею умер; после которого духовного завещания, наличного капитала, билетов сохранной казны, долговых документов и других драгоценных вещей, а равно и указа об отставке покойного по учиненному им с добросовестным свидетелем осмотру, не оказалось. <...>

Впервые опубликовано: *Дурьлин С. Н.* «Дело» об имуществе Гоголя // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 363. Печатается по первой публикации.

В рапорте дословно приводились все данные осмотра и рапорта квартального В. Л. Протопопова.

Судьей 2-го департамента московского надворного суда в 1852 г. был надворный советник Николай Александрович Садыков.

**Постановления Московского надворного суда от 14 марта и
17 апреля 1852 г. об имуществе покойного Гоголя
Фрагмент**

<...> 1852 года 14 марта приказали: Дело внести в настольный реестр, в часть сообщить об <...>¹ оценке имущества при посторонних свидетелях; а в Миргородский земский суд сообщить об объявлении наследникам¹ об оставшемся имуществе с тем, чтобы они об утверждении их в правах наследства просили по состоянию недвижимого имения, и уведомили бы суд, желают ли они продать движимое имущество, или переслать в натуре в Миргородский земский суд для передачи им на хранение то, чтобы и прислали деньги на пересылку по почте.

Дело сие почислить решенным. Апреля 17 дня. <...>

Впервые опубликовано: *Дурьлин С. Н.* «Дело» об имуществе Гоголя // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 364. Печатается по первой публикации.

Рапорт пристава Арбатской части поступил в надворный суд 12 марта 1852 г.

¹ См. в наст. изд. письмо М. И. Гоголь к С. П. Шевыреву от 26 мая 1852 г.

¹ Смазано чернилами одно слово.

**Документы о вскрытии опечатанного имущества Гоголя
30 апреля 1852 г.**

Опись, Арбатской части 3-го квартала <надзирателем
В. А. Протопоповым> учиненная имуществу,
оставшемуся после умершего коллежского
ассессора Николая Васильевича Гоголя
<С оценкой имущества, сделанной присяжными
оценщиками И. Соколовым и Т. Кабановым>

<30 апреля¹ – 6 мая 1852. Москва>
Апреля ...¹ дня 1852 года.

№	ЧТО ИМЕННО	Серебром		Оценка № 1820
		руб- ли	коп<ей- ки>	
1	Золотые карманные часы ² на десяти камнях, о двух золотых досках под № мастера 8291	10	—	Означенного в сей описи имения в описанном их виде 6 мая 1852 года оценили сорок три рубли восемьдесят восемь копеек сере- бром. Присяжные оценщики при управе благочиния Иван Соколов, Трофим Кабанов.
2	Шуба энотовая, крытая черным сукном, старая, довольно ношенная	15	—	
3	Шинель черного сукна с бархатным воротником, на люстрине, теплая	5	—	
4	Два старых суконных сюртука черного сукна, один из них фасоном пальта	2	—	
5	Суконный синего цвета фрак с бархатным воротником, на шелковой подкладке, с бронзовыми пуговицами ³	1	—	
6	Летнее шелковое пальто фуляровое, блажевого цвета	—	50	
7	Черное люстриновое пальто старое	—	50	
8	Пикеневое старое пальто белого цвета	—	50	
9	Одно парусинное пальто старое	—	50	
10	Одни панталоны трековые мраморного цвета	—	20	
11	Трое старых парусинных панталон	—	20	
12	Пять старых бархатных жилета разных цветов	—	50	
13	Летних старых пять жилетов разных цветов	—	50	
14	Семь полотняных старых белых рубашек	—	35	
15	Салфеточного белого полотна двенадцать аршин	1	—	
16	Одна старая полотняная простыня	—	50	
17	Одно тканьеовое белое покрывало	—	50	
18	Три старых холстинных простыни	—	30	
19	Семь шерстяных старых фуфаек	—	70	
20	Четыре галстука старых, два тафтяных и два шелковых	—	4	
21	Двое канифасовых подштанников	—	10	

¹ Оставлен пробел для даты.

22	Девять холстинных старых подштанников	—	45
23	Три пары нитенных и три шерстяных старых носков	—	10
24	Три полотняных носовых старых платков	—	10
25	Четыре белых холстинных наволочки	—	20
26	Пять белых старых салфеток	—	20
27	Две пары сапог старых и три пары ботинок матеревых старых	—	20
28	Два старых фуляровых платка	—	20
29	Русских книг в переплетах восемьдесят семь	—	87
30	и таковых же без переплетов шестьдесят три	—	63
31	Иностранных книг в переплетах пятьдесят семь	—	57
32	и таковых же без переплетов двадцать семь	—	27
		43	88

Впервые опубликовано: *Дурьлин С. Н.* «Дело» об имуществе Гоголя // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 368–369. Печатается по первой публикации.

¹ См. ниже <Акт об описи имущества Гоголя, составленный квартальным надзидателем В. Л. Протопоповым, подписанный И. В. Капнистом, графом А. П. Толстым и С. П. Шевыревым 30 апреля 1852 г.>. Первоначально вскрытие опечатанного имущества Гоголя было намечено на 28 апреля 1852 г. (см. в наст. изд. письмо С. П. Шевырева к М. П. Погодину от 28 апреля 1852 г.). См. также в наст. изд. письмо А. С. Хомякова к П. М. и П. А. Бестужевым от первой половины мая 1852 г.; письмо С. П. Шевырева к М. П. Погодину от 2 мая 1852 г.; письмо И. С. Аксакова к родным от начала мая 1852 г.; письмо В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской между 5 и 11 мая 1852 г.; письмо графа А. П. Толстого к графине С. П. Апраксиной от 1–2 мая 1852 г. и «Список бумаг, оставшихся после покойного Н. В. Гоголя» С. П. Шевырева.

² Часы А. С. Пушкина, переданные Гоголю П. В. Нащокиным (см. в наст. изд. письмо П. В. Нащокина к М. П. Погодину 1844 г., а также примеч. 18 к разделу *Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни*).

³ П. А. Кулиш, комментируя слова Гоголя в письме к Г. И. Высоцкому от 26 июня 1827 г.: «Какой-то у вас модный цвет на фраки? Мне очень бы хотелось сделать себе синий с металлическими пуговицами...», — отмечал: «Этот вкус сохранился у Гоголя до конца жизни. Между платьем его, после смерти, остались синий фрак с металлическими пуговицами и несколько синих жилетов» (Соч. и письма *Н. В. Гоголя*. Издание П. А. Кулиша. СПб., 1857. Т. 5. С. 60).

**Акт об описи имущества Гоголя, составленный
квартальным надзидателем В. Л. Протопоповым,
подписанный И. В. Капнистом, графом А. П. Толстым
и С. П. Шевыревым 30 апреля 1852 г.**

1852 года апреля тридцатого¹ дня нижеподписавшиеся вследствие отношения Московского надворного суда 2-го департамента от 17-го сего апреля за № 2344-м, прибыв Арбатской части 3 квартала в доме Талызина в комнаты, которые занимал умерший коллежский ассесор Николай Васильевич Гоголь у квартирующего в оном генерал-майора графа Александра Петровича Толстого, где при посторонних лицах осмотрев наложенные на шкафе и шифоньерке как казенную частную, так и добросовестного свидетеля печати, нашли в целости, по распечатании коих находящееся в оных имущество оставшееся после покойного г. Гоголь, заключающееся в носильном платье и печатных книгах, провели через опись в известность, но бумаг и документов, которые составляли бы в себе важность, кроме одной домашней переписки, относящейся по-

¹ В публикации ошибочно: тринадцатого

койному г. Гоголь, ничего не оказалось, каковое имущество и отдали под сохранение впредь до распоряжения судебным местом с распискою под описью тайному советнику и кавалеру Ивану Васильевичу Капнисту, отставному генерал-майору графу Александру Петровичу Толстому и статскому советнику и кавалеру Степану Петровичу Шевыреву, о чем учинено сие на месте постановление.

Квартальный надзиратель Протопопов.

При сем находился добросовестный свидетель, а по безграмотству приложил именную печать.

Тайный советник И. Капнист.

Отставной генерал-майор граф Толстой.

Статский советник С. Шевырев.

Описывал квартальный надзиратель Протопопов. При сем был добросовестный свидетель Страхов, а по безграмотству своему приложил именную печать свою.

При сем находились, и все вышепрописанные вещи под свое сохранение впредь до распоряжения судебным местом приняли:

Тайный советник И. Капнист.

Отставной генерал-майор граф Толстой.

Статский советник С. Шевырев.

Впервые опубликовано: *Дурьлин С. Н.* «Дело» об имуществе Гоголя // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 366–367. Печатается по первой публикации.

**«Объявление» И. В. Капниста, графа А. П. Толстого и С. П. Шевырева
об имуществе Гоголя, поданное «московской полиции в Арбатскую
часть» 30 апреля 1852 г.**

Фрагмент

<...>...Как нам известно, что покойный г. Гоголь никому и ничего должным не состоял и в настоящее время не состоит, почему покорнейше просим дозволить нам находящееся у нас под сохранением имущество покойного г. Гоголь, заключающееся в незначительном носильном платье и печатных книгах, отправить к матери покойного майорше Марье Ивановне Гоголь, живущей ныне Полтавской губернии в Миргородском уезде в селе Васильевском. <...>

Впервые опубликовано: *Дурьлин С. Н.* «Дело» об имуществе Гоголя // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 372. Печатается по первой публикации.

**Резолюция Московского надворного суда
от 21 мая 1852 г. на «отношении» пристава
Арбатской части об имуществе Гоголя 13 мая 1852 г.**

1852 года мая 21 по слушании одного отношения приказали: приобщить к делу, а Арбатскую часть уведомить: к пересылке вещей покойного, отданных под сохранение тайному советнику Ивану Васильевичу Капнисту, графу Толстому и г. Шевыреву, к матери умершего суд с своей стороны препятствия не находит, о чем объявить наследникам Гоголя через Миргородский земский суд¹.

Впервые опубликовано: *Дурьлин С. Н. «Дело» об имуществе Гоголя // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 372. Печатается по первой публикации.*

Резолюция была наложена на «отношении» пристава Арбатской части от 13 мая 1852 г., где тот сообщал об описи имущества Гоголя, об отдаче его на сохранение и о просительном «объявлении» И. В. Капниста, графа А. П. Толстого и С. П. Шевырева (помимо надворного суда, отношение было направлено также управе благочиния, посылавшей своих оценщиков И. Соколова и Т. Кабанова; управа благочиния 5 июня 1852 г. препроводила это отношение в тот же суд) (*Дурьлин С. Н. «Дело» об имуществе Гоголя. С. 372*).

«В июне (число не проставлено) арбатский квартальный надзиратель рапортовал своему приставу <...>: Толстой “выбыл в имение свое, состоящее в Звенигородском уезде сельцо Грязи”, Шевырев живет “Лефортовской части I квартала в Сокольниках в собственном доме”, а тайный советник Капнист жительствоет в Сретенской части. 17 июня арбатский пристав донес надворному суду, что его разрешение на пересылку вещей Гоголя к его матери он отослал в Сретенскую часть “для объявления” Капнисту. <...> 11 июля от Капниста взяли, наконец, подписку, что решение надворного суда ему объявлено.

Найти Шевырева было еще труднее. <...> Полицейские усилия увенчались отобранием такого документа <подписанного уже по возвращении С. П. Шевырева из Васильевки 2 августа 1852 г.>:

“1852 года августа пятого дня я нижеподписавшийся дал сию подписку в Лефортовскую часть в том, что пересланное при сообщении Сретенской части от 16 сего июля за № 5477 отношение московского надворного суда 2 отделения департамента от 30 мая за № 3591 о том, что к пересылке вещей покойного коллежского ассесора Николая Васильевича Гоголя к матери его суд с своей стороны препятствий не имеет, от сей части объявлено.

Статский советник Степан Шевырев”.

Этой подпиской Шевырева кончилось дело об имуществе, оставшемся после коллежского ассесора Н. В. Гоголя» (*Дурьлин С. Н. «Дело» об имуществе Гоголя. С. 372–373*).

¹ Спустя пять дней, 26 мая 1852 года, М. И. Гоголь сообщила С. П. Шевыреву: «Недавно я получила повестку, чтобы прислать за книгами и бумагами, оставшимися от моего сына... если нельзя уже будет никому из друзей моего сына пожаловать к нам, то в таком случае пришлите с мальчиком к нам на мой счет» (см. в наст. изд.).

Из апокрифической мемуарной литературы о Гоголе

Р. А. Смирнова

<Воспоминания о Гоголе его сестер в передаче С. Н. Данилевской (рожденной Быковой)>

<...> ...В августе 1980 г. я поехала в гости к внучке Елизаветы Васильевны Гоголь — 93-летней полтовчанке Софье Николаевне Данилевской, урожденной Быковой, чтобы уточнить некоторые места в биографии писателя.

— Я хорошо помню младшую сестру писателя — Ольгу Васильевну, — рассказывала Софья Николаевна. — Мне было 20 лет, когда она умерла¹. Её часто навещали художники, писатели, журналисты. Они всегда останавливались в нашей Васильевке, в доме моего отца Николая Владимировича Быкова. Он был любимым внуком матери писателя Марии Ивановны Гоголь-Яновской и воспитанником Анны Васильевны, его сестры. Они свидетельствовали приезжим журналистам со слов матери, что Николай Васильевич родился в доме генеральши Протасовой². Но газетчики зачем-то выдумали небылицу, будто Гоголь родился во флигеле доктора Трахимовского. И что этот домик был крыт соломой, а в комнате имелся только глиняный пол³! В действительности доктор арендовал землю у генеральши и поставил флигель для крепостных крестьянок, — сказала Софья Николаевна. — Надо отметить, что моя бабушка Елизавета Васильевна Гоголь, как и ее сестры, родилась в доме генерал-майора Андрея Андреевича Трошинского, двоюродного брата матери писателя⁴. При крещении ее держал на руках сам бывший министр юстиции и сенатор Дмитрий Прокофьевич Трошинский, а крестной матерью была Ольга Дмитриевна, внучка последнего короля Польши Станислава Понятовского. Журналисты не понимают, что мать Гоголя принадлежала к высшему сословию, поэтому не могла рожать во флигеле вместе с крепостными крестьянками. Сочинили газетчики, что детство гения прошло в среде старосветских помещиков⁵, в доме которых почти не было книг⁶. Но всем известно, что отец Гоголя Василий Афанасьевич⁷ был известным писателем, дружил с Котляревским, Капнистом⁸. Хорошо знал Гнедича, Нарезного. А дед и прадед окончили Киевскую Духовную Академию и читали в подлинниках произведения Платона, Плутарха, Вольтера и Руссо. Мне непонятно, по какой причине журналисты пишут, что родители Гоголя бедствовали⁹. Мать Николая Васильевича происходила из богатого рода Косяровских-Щербак. Ее отец¹⁰ одолжил 25 тысяч рублей под проценты мужу своей сестры¹¹. Не получив назад денег, он отсузил часть его имения — село Лукашевку. Почти 4 тысячи подарил ей на обустройство хозяйства дядя — сенатор Дмитрий Прокофьевич Трошинский, статс-секретарь Екатерины II. Он любил Марию Ивановну как родную дочь, а отца Гоголя любил как родного сына. Поэтому большую часть времени они жили в его имении Кибинцы. Отец ставил на сцене театра Трошинского свои пьесы на русском и украинском языках, а мать Гоголя часто выступала в главных ролях, потому что была не только дивной красавицей, но и талантливым человеком. В доме сенатора Гоголь с детства видел полотна английских, французских, голландских художников, слушал музыку Баха, Бетховена, Моцарта в исполнении домашнего оркестра, а в парке любовался итальянской скульптурой. Всё это воспитывало и развивало его талант. Био-

графы умолчали¹², что с колыбели рядом с Никошей всегда находилась талантливая Катерина Ивановна Косяровская, родная сестра матери писателя. Она обладала великолепным голосом и уникальной памятью. От нее и от матери Гоголь с детства узнал сотни украинских народных песен, поверий, обычаев, забавных историй, которые позже вошли в его повести. Любил ее слушать историк Максимович, когда гостил в Васильевке. Он тоже восхищался пением Катерины Ивановны. <...>

Ольга Васильевна, младшая сестра писателя, говорила, что Танские — <...> выходцы из Польши¹³. Все они были офицерами и служили в кавалерии. У моего отца до революции хранились их документы. Я помню, что фамилию Гоголь носила мать деда писателя¹⁴. Чтобы ее сохранить, дед стал именоваться Гоголем-Яновским. В 1919 г. мы с моей мамой, Марией Александровной Пушкиной, внучкой поэта, по рекомендации писателя Короленко передали весь архив семьи Николая Васильевича в Полтавский народный музей¹⁵. Но почти все эти бесценные реликвии были разграблены фашистами в 1943 году. <...> А род Шостака, бабушки Гоголя со стороны матери, Марии Ильиничны, происходил из татар¹⁶. Предки гения — Дорошенко, Скоропадские, Лизогубы, Косяровские — знаменитые роды Украины. <...>

Впервые опубликовано: *Смирнова Р.* Польские корни Гоголя // Новая Польша. 2010. № 10 (123). С. 60–61. Печатается по первой публикации.

Софья Николаевна Данилевская (рожденная Быкова; 1887–1984), внучатая племянница Гоголя, жена племянника Г. П. Данилевского. Дочь Николая Владимировича Быкова (1856–1918) и Марии Александровны Быковой (рожд. Пушкиной — внучки А. С. Пушкина; 1862–1938 или 1939), С. Н. Данилевская приходилась внучкой сестре Гоголя Елисавете Васильевне (в замужестве Быковой). См. также в наст. изд. раздел *Воспоминания о Гоголе О. В. Головни в передаче С. Н. Данилевской* и воспоминания С. Н. Данилевской «Нетленная память».

Рената Арсентьевна Смирнова, писатель, выпускник Литературного института им. А. М. Горького 1984 г.

Необходимость создания раздела *Из апокрифической мемуарной литературы о Гоголе* продиктована существованием целого ряда свидетельств о писателе, получивших определенное распространение, но имеющих либо откровенно фальсифицированный характер, либо содержащих сведения, вероятность которых вызывает сомнения вследствие противоречия с известными фактами гоголевской биографии или по причине значительной временной дистанции, отделяющей описываемое событие от момента его фиксации. Это же относится к воспоминаниям, имеющим характер предания.

Степень достоверности того или иного свидетельства по возможности оговаривается в комментариях. В этом отношении раздел апокрифических свидетельств является естественным продолжением основного корпуса материалов, в комментариях к отдельным фрагментам которых надежность последних также либо подтверждается, либо опровергается (наиболее характерные примеры — ряд недостоверных свидетельств о Гоголе в публикациях П. В. Анненкова и О. Н. Смирновой; см. в наст. изд. в коммент. к соответствующим разделам).

¹ В 1907 г.

² Имеется в виду генеральша Дмитриева. См. в наст. изд. статью М. А. Максимовича «Родина Гоголя».

³ См. в наст. изд. статьи В. А. Гиляровского «В Гоголевщине», «В Гоголевщине (Из последней поездки)», «Троюродный брат и предки Гоголя».

⁴ Сохранилось, в частности, три письма А. А. Трошинского к В. А. Гоголю-Яновскому 1812–1813 гг. 24 декабря 1812 г. А. А. Трошинский писал Василию Афанасьевичу из Киева: «Третьего дня в вечеру через дворового человека Гаврилу доставлено ко мне извещение ваше без месяца и числа писанное, из которого замечено, что по неопытности вашей в светском обращении огорчаетесь вы такого рода сплетнями, которые для живущих в кругу большого света за ничто почитаются и не заслуживают обращения на них внимания. Но при таковых неприятных встречах для каждого чувствительного и соблюдающего непорочность нравов человека надлежит быть весьма осторожным и осмотрительным в избежание важнейших неприятностей, злобной клеветой наносимых» (*Иофанов Д. Н. В. Гоголь. Детские и юношеские годы.* Киев, 1951. С. 34).

В следующем письме из Киева от 30 января 1813 г. А. А. Трошинский замечал: «Всеусерднейше вас благодаря за все ваши извещения в упомянутом и в предыдущих двух ваших письмах заключающихся, из коих полученное мною

письмо через Мих<аила> Михайловича <Трахимовского> без означения года, месяца и числа писанное из места пребывания вашего в певческой, где и поделом вас засадили за удаление Марьи Ивановны <Гоголь-Яновской> из круга большого света. Мне на вас сильно жалуются и выводят жестокой донос в волокитстве, и в других предосудительных поступках, прибавляя к тому: вот до какой степени вы сделали дурным человеком? Ага! Вы конечно не ожидали такого себе описания; но когда прямодушно без хитрости и лести — проживать будете в большом свете, то сочинят еще лучший вам аттестат и такую небыллицу в лицах, какой еще конечно и во сне вам никогда не пригрезится. Не унывая, любезный Василий Афанасьевич, от таковых жестоких нападок и сплетней, а напротив того, вооружась терпением и благоразумием, отражая иные из них презрением, а другие шутками и хладнокровным равнодушием; но отнюдь не горячась и не принимая к сердцу сплетенных на тебя нелепостей, кои не стоят того, чтобы об них много размышлять и беспокоиться ими. Вот дружеский мой совет по сему предмету» (Там же. С. 34–35).

18 мая 1813 г. А. А. Трошинский еще раз увещевал Василия Афанасьевича из Кагарлыка: «Я не понимаю, что со всеми Вами там делается? отчего вы приходите в такое отчаяние, что охота берет вас стреляться или же забиться в глушь и не знать более со светскими людьми» (Там же. С. 35).

⁵ См. в наст. изд. коммент. к <Зписке М. И. Гоголя о сыне>.

⁶ См., в частности, в наст. изд. письмо А. А. Трошинского к М. И. Гоголь-Яновской от 12 апреля 1813 г.

⁷ См.: «Полтавская Губерния. <...> В городах: <...> В Миргороде: <...> В Земском Суде: <...> Поветовые: Маршал, Ма<йор> Григорий Иванов<ич> Чарныш, — Хорунжий, Кол<ежский> Асс<есор> Василий Афанасьев<ич> Гоголь-Яновский...» (Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской Империи на лето от Рождества Христова 1818. СПб., <1818>. Ч. 2. С. 416). Тождественные сведения о Г. И. Чарныше и В. А. Гоголе-Яновском приводятся в росписи чиновных особ на 1821 г. (см.: Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской Империи на лето от Рождества Христова 1821. СПб., <1821>. Ч. 2. С. 424).

На основании данных адрес-календарей косвенно подтверждается также свидетельство о том, что В. А. Гоголь-Яновский, будучи секретарем Д. П. Трошинского, некоторое время «исправлял даже должность маршала», т. е. губернского предводителя полтавского дворянства (см. в наст. изд. статью П. Е. Щеголева «Отец Гоголя»). Трошинский был избран полтавским губернским маршалом в феврале 1812 г. В списке чиновных особ Полтавской губернии от 29 февраля 1812 г. значится: «В Дворянском Депутатском Собрании: Губернский Маршал, Действительный Тайный Советник и Кав<алер> Дмитрий Прокофьевич Трошинский» (Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской Империи, на лето от Рождества Христова 1812. СПб., <1812>. Ч. 2. С. <II>, 387). До Трошинского полтавским губернским маршалом с 1809 по 1811 г. был статский советник Василий Иванович Черныш (отчим А. С. Данилевского) (см.: Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской Империи, на лето от Рождества Христова 1809. СПб., <1809>. Ч. 2. С. 360; Месяцеслов с росписью чиновных особ... на... 1810. СПб., <1810>. Ч. 2. С. 364; Месяцеслов с росписью чиновных особ... на... 1811. СПб., <1811>. Ч. 2. С. 378).

По-видимому, неофициальное исполнение Василием Афанасьевичем обязанностей полтавского губернского маршала относится к тому времени, когда летом 1814 г. Трошинский уехал в Петербург, будучи назначен министром юстиции. Адрес-календарь 1815 г., отражающий состояние чинов на 1 декабря 1814 г., сообщает об одновременном занятии тогда Трошинским сразу двух должностей — полтавской и петербургской: «Вышние Правительства... <...> Министерство Юстиции. (Состояние чинов по 1-е Декабря 1814.) <...> Министр, Действительный Тайный Советник Дмитрий Прокофьевич Трошинский» (Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской Империи, на лето от Рождества Христова 1815. СПб., <1815>. Ч. 1. С. 642); «Местные правления. <...> Полтавская Губерния. <...> В Дворянском Собрании: Губернский Маршал, Действительный Тайный Советник и разн<ых> орд<енов> Кав<алер> Дмитрий Прокофьевич Трошинский» (Там же. Ч. 2. С. 395).

На посту временно исполняющего обязанности губернского маршала В. А. Гоголь-Яновский неофициально состоял, по-видимому, до конца апреля — начала мая 1815 г., когда дела были переданы им новому полтавскому предводителю дворянства А. Ф. Данилевскому. Вероятно, именно об этой передаче дел идет речь в письмах В. В. Капниста к Василию Афанасьевичу от 15 февраля и 11 апреля 1814 г. (см. следующее примеч.). Возможно, к этому времени относится и свидетельство М. И. Гоголя по поводу «дворянской суммы», что «была на руках» ее мужа: «Когда он сдавал ее, то дворяне без счета у него приняли; не мог он их принудить честь» (см. в наст. изд. *Зписки матери Гоголя в виде письма к П. А. Кулишу*).

В адрес-календарях имеются также сведения о дяде М. И. Гоголь-Яновской Г. И. Шостаке, о котором Гоголь писал матери 10 февраля 1831 г. (см. в наст. изд. примеч. 9 к *Зпискам матери Гоголя в виде письма к П. А. Кулишу*): «Импе-

раторское Вольное Экономическое Общество. <...> В отделениях: <...> В 3-м: Сельского домоводства и опытного земледелия: <...> Члены: <...> Шт<абс>-Кап<итан> Григорий Ильич Шоста<к> (Месяцеслов с росписью чиновных особ или Общий штат Российской Империи, на лето от Рождества Христова 1829. СПб., <1829>. Ч. 1. С. 904). Такие же сведения о Г. И. Шостаке содержатся в адрес-календаре 1833 г. (см.: Месяцеслов и Общий штат Российской Империи на 1833. СПб., <1833>. Ч. 1. С. 784).

⁸ В конце 1808 г. В. В. Капнист писал своему семнадцатилетнему сыну Семену: «Посылаю “Бригадира” <Д. И. Фонвизина>: выучи из него роль Иванушки. Никому другому, как тебе сыграть. <...> Хорошо, если б для смеха “Трумфа” выучили <имеется в виду «святочная трагедия» в стихах И. А. Крылова “Подщипа” (1797)>, роли там рас- полага:

Князь <И. Е. Хилков> — Трумф.

Ты — царевич Слюняй.

Царь <Вакула> — Вас<илий> Аф<анасьевич> <Гоголь-Яновский> или
Вас<илий> Аким<ович>.

Гофмаршал <Дурдуран> — Вас<илий> Аф<анасьевич> или
Вас<илий> Аким<ович>.

Принцесса <царевна Подщипа> — Ваня <Капнист>.

Служанка <Чернавка> — Алеша <Капнист>.

Цыганка — Владимир <Капнист>»

(*Капнист В. В.* Собр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 453).

По-видимому, «святочную» комедию Крылова предполагалось играть на Святой Неделе, т. е. во время Рождественских Святков с 25 декабря 1808 по 4 января 1809 г.

Позднее любовное объяснение немца Трумфа царевне Подщипе из комедии Крылова: «Курит ли трупка мой — из трупка тфой пихтишь. / Или мой кафе пил — тфой в шашечка сидишь...», — было использовано Гоголем в описании бессвязного сна героя повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» (отмечено в изд.: *Гоголь Н. В.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1994. Т. 1–2. С. 445).

15 февраля 1815 г. В. В. Капнист писал самому Василию Афанасьевичу из Обуховки: «Весьма хорошо вы сделали, что не послали дел к Алексею Федоровичу (имеется в виду А. Ф. Данилевский, поветовый маршал миргородского земского суда в 1813–1815 гг., полтавский губернский маршал в 1815–1821 г.; речь в письме, очевидно, идет о передаче дел губернского маршала; см. предшествующее примеч. — *И. В.*). Я о сем с ним объяснюсь. Впрочем, дел разбивать никак не должно. Я писал по сему предмету к Дмитрию Прокофиевичу <Трощинскому> и буду ожидать его разрешения. Долго ли вы пробудете в Кибинцах? Я слышу, что Катенька <Е. И. Ходаревская> выздоровела и увезена к вам или отцу <И. М. Косяровскому>. Зачем вы ее к нам не везете: она бы скорее здесь оправилась от болезни. Все мы об ней стосковались весьма давно. Дорога теперь и погода хороша: что бы стоило Марии Ивановне <Гоголь-Яновской> привести ее к нам? Прощайте и за предводительскими делами не забывайте вашего преданного слугу. Василий Капнист» (*Капнист В. В.* Собр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 489).

11 апреля 1815 г. ему же, опять из Обуховки — по поводу передачи Василием Афанасьевичем дел губернского маршала: «Милостивый государь мой Василий Афонасьевич <так!>! Сожалею душевно, что Алексей Федорович <Данилевский>, зная по письму моему, две недели уже тому писанному, что я хотел с вами тогда видиться, чтоб, поехавши в Кибинцы, сделать опись всем делам и сдать их Алексею Федоровичу, о сем вас не уведомил и тем самым заставил вас подвергнуть драгоценное здоровье переездом от вашего хутора до Барановки. Я не премину ему сделать за это дружеское внушение, что этак подвергать опасностям изнемогающее здоровье ваше есть сущее бесчеловечие. Я за него прошу у вас прощения. Впрочем, на Страстной неделе (в 1815 г. — 12–17 апреля. — *И. В.*) одно нам с вами грешным людям дело остается — скидать торбу с старыми грехами, чтоб было куда класть новые. Итак, конгресс наш, кажется, должно отложить до второй недели после праздника <26 апреля — 2 мая>, ежели время будет не несносное. Затем прося вас простить мне прегрешения моя, равно как и милостивую государыню мою Марию Ивановну, ибо и я наконец намерен каяться, пребываю с истинным почтением и преданностью, милостивый государь мой, вашим покорнейшим слугою Василий Капнист» (Там же. С. 489–490).

⁹ В 1825 г. М. И. Гоголь, в частности, писала мужу: «...Все говорят и думают, что мы богаты, а от скупости не хотим ничего иметь, и не знают нашей, иногда крайней нужды...» (*Дурылин С.* Из семейной хроники Гоголя. М., 1928. С. 65).

¹⁰ И. М. Косяровский. В 1804 г. Косяровский в чине коллежского ассессора служил почтмейстером в Лохвице Полтавской губернии (см. в наст. изд. примеч. к *Запискам матери Гоголя в виде письма к П. А. Кулишу*), в 1805 г. — почтмейстером в Харькове (см. Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской Империи, на лето от Рождества Христова 1805. СПб., <1805>. С. 176).

¹¹ Имеется в виду Агафья Матвеевна Лукашевич (рожд. Косяровская), тетка М. И. Гоголь.

¹² Утверждение не соответствует действительности. О том, что Гоголь любил слушать малороссийские песни в исполнении Е. И. Косяровской (в замужестве Ходаревской) сообщали многие биографы Гоголя, начиная с П. А. Кулиша.

¹³ Танские происходили из румын.

¹⁴ Предание недостоверно. Бабушка Н. В. Гоголя, Татьяна Семеновна Гоголь-Яновская (после 1750 — около 1827), жена А. Д. Гоголь-Яновского, происходила из рода Лизогубов.

¹⁵ «ХАРЬКОВ, 4 марта (ТАСС). Старое “повитовое училище” в Полтаве, где учился Гоголь, сильно пострадало во время гражданской войны. Сохранявшаяся в училище парта Гоголя с его инициалами была уничтожена снарядом, попавшим в школу. Характерно, что в балловой книге 1818 года в графе “успехи” против фамилии «Гоголь-Яновский, Николай» имеется лаконичная запись: “туп, нерадив” (ср. в наст. изд. фрагмент из статьи В. В. Федотова “Новые материалы о пребывании Н. В. Гоголя в Полтавском училище”. — И. В.). *Родной дом Гоголя в селе Яновщина стоит сейчас пустым и не охраняется.*

ПОЛТАВА, 4 марта (ТАСС). Проживающая ныне в Полтаве племянница Гоголя 65-летняя старуха Мария Александровна Быкова передала недавно полтавскому государственному музею ряд вещей, принадлежавших писателю. В числе этих вещей находятся часы Пушкина, подаренные Гоголю Жуковским (на самом деле П. В. Нащокиным. — И. В.), заграничный паспорт, конторка, на которой Гоголь писал “Мертвые души”, икона, цилиндр, портрет Гоголя работы художника Моллера, альбомы с собственноручными рисунками Гоголя, письма Гоголя к матери и сестрам и пр. Все эти предметы хранятся в открытой при музее комнате Гоголя» (Там где учился и жил Гоголь // Известия Центрального Исполнительного Комитета СССР и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов. 1927. 5 марта. № 53 (2987). С. 4).

¹⁶ Предание другими источниками не подтверждается.

Е. П. Серебровская

Рассказы о Гоголе <Братья Н. И. и Ф. И. Шабельники о пребывании Гоголя в Васильевке>

<...> В селе Гоголево, Шишацкого района, Полтавской области, бывшей Васильевке, <...> еще живы люди, слышавшие рассказы о Гоголе от своих отцов, выдавших его непосредственно и разговаривавших с ним лично. <...>

Колхозник Федор Иванович Шабельник из колхоза имени Чапаева — коренной житель Васильевки, ныне Гоголева. Ему 71 год, но он бодр, молодец, полон сил. <...> ...Он <...> младший брат Никифора Ивановича Шабельника, которому через год пойдет девятым десятком и который тоже не намерен признавать себя стариком... <...>

— Вот когда я был в их возрасте, — Никифор Иванович показывает на внуков-подростков, — я частенько слушал отцовы рассказы о Гоголе. Наш отец лично знал Николая Васильевича, ему доводилось с Гоголем разговаривать.

Федор Иванович участвует в рассказе, помогая припомнить обстоятельства. Он тоже не раз слышал от отца эти рассказы о Гоголе... Рассказы эти запомнились, они дополнялись воспоминаниями других стариков-односельчан: Федора Дзюбы, Скочко Тимиша, Антона Высоцкого.

— Отец наш, Иван Михайлович Шабельник, родился в 1818 году и умер в 1896 году, — на 9 лет моложе Гоголя был, — говорит Никифор Иванович. — Он считался крепостным человеком родителей Николая Васильевича. Его в доме любили. Сначала садовнику в помощники по-

ставили, потом стал он «тююнником» — работал на посадках табака, а затем — пасечником, и оставался им до самой смерти. <...>

— В первый раз отец увидел Гоголя на полтавской дороге, — раньше через Васильевку дорога шла на Полтаву. Отец с другими крестьянами копал ямы для деревьев. Жарко было, спины у всех мокрые. Глядят — волы едут, а на телеге — Николай Васильевич. Видно, на лето в отпуск приехал.

Гоголь соскочил с телеги, вознице сказал, чтоб отвел волов в экономию. Остановил работу, чтоб отдохнуть, сел с ними, беседует. Расспрашивает, как люди живут.

А жили тогда очень бедно. <...> ...У кого железные вещи были, тот считался богатым. Ведра были деревянные, дужка — из веревочки, кружки тоже деревянные. О крышах не говорю — у самих помещиков крыши были деревянные или соломенные. Даже на сбруе для коней всё деревянное было. И, конечно, много было бескоровных крестьян. Земля богатая, а людям есть нечего.

Поговорил Гоголь, потом всем, кто копал, роздал наличные серебряные деньги, — он их держал в тросточке, оттуда и доставал. Потом, когда познакомился поближе с народом, обошел бескоровных и дал каждому на телку по 2–3 рубля. Антон Высоцкий рассказывал, что у него и до сих пор гоголевский подарок не перевелся: коровушка выросла хорошая, от нее на племя телок оставляли, и до сих пор память осталась.

Жил Гоголь во флигеле, на другом берегу реки. После его смерти сестра его Ольга Васильевна Головня сохранила его комнату без перемены.

— Я мальчонкой заходил туда, в комнату Гоголя, — говорит Никифор Иванович. — Помню, что во флигеле были разноцветные стекла. Кабинет Гоголя был очень скромно обставлен: столик, тумбочка, книги повсюду. В особом ящике — образцы грунта, земли, десятки образцов. Держал я в руках гоголевскую чернильницу стеклянную, в виде пирамидки с квадратным дном. Сверху привинчивалась металлическая крышка.

А для Ольги Васильевны, в ее бесплатную аптеку для крестьян я пьёвок поставлял, в пруде ловил. А бывало — и через забор к ней в сад лазил, груши крал... Сладкие груши были.

Отец рассказывал: очень любил Николай Васильевич песни и пляски наши. А где вечером распляшешься? У хат наших и тесно, и стеснялась молодежь при своих родителях петь и танцевать.

Гоголь и придумал — насадить поближе к полтавской дороге, позади церкви, садики для крестьян. Не нравилось ему, что люди только на других работают, в панском парке деревья сажают. Он решил — пусть и себе сделают. Указал, где сажать, в каком порядке, — ясенки и фруктовые деревья! Те садочки народ прозвал «балалайками», — они были треугольной формы. Вечерами придет туда скрипач, соберутся девчата с парубками, поют да танцуют — и никто их не тронет: так Гоголь учредил, это законное место.

После Гоголя садики эти заглохли, повыврубили их. Когда мы молодыми парнями были, здесь еще с десяток ясенков стояло. От этих садиков остались за церковью канавы, треугольником раскинуты, — можно посмотреть.

— А Гоголь любил деревья сажать — отец рассказывал, — добавил Федор Иванович. — Хотел всю полтавскую дорогу усадить деревьями. Ему бы понравились наши лесные полосы.

Плохо отзывался Гоголь о белоручках-дворянах, считал их тунеядцами, смеялся над ними. Больше интересовался он простым народом, песни записывал, расспрашивал обо всем.

Книга «Мертвые души» нам сейчас знакома. Понятно, почему помещики сбывали мертвых душ по дешевке: за них в казну платить надо было, как за живых, до новой ревизской сказки, пока не вычеркнут.

Это одна сторона дела. А была и другая. О ней каждый крестьянин прежде знал. Помещик платил за мертвого не из своего кармана, он взыскивал с семьи покойного. Кормилец помрет, а жена да сыновья за него подушную подать еще лет пяток платят.

И вот, отец рассказывал нам: Николай Васильевич сам купил однажды мертвые души. Зачем? — А чтобы облегчить крестьян. Он у одной дворянки — соседней помещицы — купил эти мертвые души, чтобы с семей больше подушную подать не брали. Заплатил медом и деньгами². Что он сделал с купчей крепостью, с документом на эту покупку, — мы не знаем. Был случай, когда отцу нашему и садовнику Гоголь приказал вырыть яму, а потом услад их на обед, да сам что-то туда и зарыл. Вернулись они, а земля уже заровнена¹. Сверху Гоголь велел накидать большой холм земли и рядом посадил дубки. У нас этот холм прозвали «могилой», он и сейчас стоит. Совсем недавно школьники наши с учителем прорыли в глубину холма отверстие и нашли там... дощечки от ящика небольшого, полуистлевшие. Что в том ящике было — мы не знаем. Может, эти самые бумаги на покупку? Им другого места и не придумаешь.

И еще отец нам рассказывал: когда он мальчишкой был, у Гоголей были в Яворивщине лес и пасека. Пасечником был там безродный дед Панько. Он до самой смерти жил у Гоголей. Отец наш у него приучался на пасеке, а позднее, когда дед Панько помер, — отец сам стал пасечником и так работал до конца дней своих (пасека принадлежала уже сестре Гоголя Ольге Васильевне). Был ли этот Панько рудым, рыжим — отец сказать не мог: он этого старика седым запомнил. Н. В. Гоголь любил ходить гулять в Яворивщину на ту пасеку³.

Гоголь не терпел, чтобы человека унижали. Ему до всего было дело. Приказчик его матери Марии Ивановны Гоголь имел привычку носить с собой цепок металлический. Отец рассказывал: работают они в парке, ямы для деревьев роют, а приказчик с цепком тут же. Чуть заметит, что люди словом перекинулись, так и ударит. Николай Васильевич увидел это, подошел и говорит приказчику: «А ну, как я принесу замок и тебе на губу повешу, хорошо тебе будет?» Приказчик надулся, говорит: «Разве я бык?» А Гоголь ему: «А разве мужики скотина, что ты их цепком погоняешь?» При Гоголе приказчик всегда с тех пор потише делался.

Все наши старики подтверждали, что Николай Васильевич просил мамашу отпустить своих крепостных. Отец наш не раз рассказывал про это. Уговаривал Николай Васильевич матушку свою. Но она на уговоры не пошла. «Не можно», — говорит, и только. Заставить ее Гоголь не мог и очень был убит этим отказом.

Мать сильно любила Николая Васильевича. Чтобы развеселить сына, решила она созвать соседей, бал устроить. Съехались помещики, пир идет на славу, окна в доме раскрыты. А Николай Васильевич ушел с обеда, не хочет с ними сидеть. Зовет он приказчика и наказывает поставить во дворе большие столы, бочку водки прикатить и закуску мужицкую подать — сало, мед, яблоки. И созвал всю голоту — нехай гуляют! Такое веселье во дворе пошло, что куда там. Ну, а мужик, выпивши, и такое скажет, чего паны и не слыхали. А Гоголь не останавливает, только пуще угощает, — пируй, голота! Пусть паны позавидуют, в окна глядя.

И вот кличет Гоголь нашего батька: «Ванько, иди сюда!» Увел его к себе во флигель, там дает ему одеть свой костюм — рубашку, жилет, шляпу и прочее. Батько наш был совсем молодой паренек тогда. Одел он гоголевский костюм, а Гоголь ему говорит: «Иди, погуляй под панскими окнами». Послал, а сам неподалеку наблюдает. «Только подошел я под первое окно, — рассказывал отец, — как меня горничные увидели, выбежали, дергают за рукав. Иду дальше, а тут сама барыня выскочила, да как замахнется... Гоголь как из-под земли вырос: “Мамаша, зачем мальчишка трогаете? Я его сам послал, пусть мой костюм с вами погуляет... А я с мужиками посижу”».

Этот случай отец наш чаще всего рассказывал, потому что тогда он не только слышал Гоголя, но и костюм его надевал. Рассказывал он и про то, как Гоголь на том пиру с мужиками разговаривал, но мы уж позабыли подробности. Ведь слушали мы эти рассказы больше 60 лет назад.

¹ В изд. 1991 г.: вырыть глубокую, но довольно узкую яму. Кончал это рытье наш батя к полдню, двое их в тот час там стояло, он и Гоголь. И вот отсылает его Николай Васильевич: иди, мол, пообедай, потом придешь. Ушел наш батя. А вернувшись, видит: ямка-то уж заровнена

В котором году был этот случай с переодеванием, сказать трудно. Гоголь в то лето из Питера в отпуск приезжал. Отец был совсем еще молодым пареньком, — гоголевский костюм напяливал, — ведь Гоголь ростом был не так велик, а мы все, Шабельники, рослые. Может, было отцу лет 13–15, не больше. <...>

Случай, о котором Иван Михайлович Шабельник рассказывал сыновьям, вернее всего мог произойти в 1832 году, судя по тому, что Гоголь называл его «мальчиком». <...> В письмах Гоголя Погодину этих лет есть следы рассказов о переодевании человека в необычайный для него костюм⁴. Такие «опыты» были характерны для Гоголя, стремившегося хоть условно, хоть на короткий срок нарушить установленный нелепый порядок... <...>

В письмах Гоголя мы нашли подтверждение одной из фамилий, названных в рассказе Никифора Ивановича Шабельника. Он назвал Федора Дзюбу в числе крестьян, которые свидетельствовали, что Гоголь помогал семьям их отцов. В четвертом томе писем Гоголя под редакцией Шенрока на стр. 408 в письме Гоголя к сестре Ольге сказано: «В распределении денег я пропустил Наума Дзюба, которому дай тоже целковый»⁵. <...>

Впервые опубликовано: *Серебровская Е.* Рассказы о Гоголе // Ленинградский альманах. Л., 1952. Кн. 4. С. 306–312; перепечатано, с уточняющими пояснениями: *Серебровская Е.* Свидание с Гоголем // Учительская газета. 1991. 6–13 августа. № 32. С. 12. Печатается по первой публикации.

Елена Павловна Серебровская (1915–2003), писатель, секретарь М. А. Шолохова; автор сценария художественного фильма «Белинский» (1951, совместно с Ю. П. Германом и Г. М. Козинцевым; в главной роли — С. И. Курилов; в роли Гоголя — Г. М. Вицин) и двух книг о В. Г. Белинском, содержащих ряд фактических ошибок (*Серебровская Е. П.* Белинский и Гоголь. (К истории борьбы за реализм). Л., 1952; *Серебровская Е. П.* Я в мире — боец. Повесть о жизни Виссариона Белинского. М., 1964).

В 1991 г. Е. П. Серебровская, перепечатывая свою статью, отметила: «Шабельники... я переписывалась с ними несколько лет, письма целы» (*Серебровская Е.* Свидание с Гоголем // Учительская газета. 1991. 6–13 августа. № 32. С. 12).

¹ «Когда это было? Вспоминаю письмо Николая Васильевича младшей сестре Ольге от 22 декабря 1851 года: “За посадку деревьев тебя очень благодарю”» (*Серебровская Е.* Свидание с Гоголем. С. 12).

² Ср.: «Я не рассматриваю здесь вопроса об источниках сюжета “Мертвых душ”. Но, в дополнение к известным уже источникам, добавлю от себя характерное устное предание, слышанное мной от <...> Н. И. Шабельника, поскольку оно характеризует круг интересов Гоголя и его осведомленность в вопросах условий жизни крестьянства. Отец Н. И. Шабельника, помнивший Гоголя лично, рассказывал, что однажды молодой Гоголь... сам покупал мертвые души. По объяснению рассказчика, он делал это с целью освободить разоренные крестьянские семьи от уплаты лишних податей. Суть была в том, что до новой ревизской сказки владелец-помещик платил за умерших крестьян налог не из своего кармана, а взыскивая с родных умершего подушную подать за покойника. По рассказу этого крестьянина, бывшего крепостного матери Гоголя, Николай Васильевич однажды купил у соседней помещицы мертвых душ, уплатив за них деньгами и медом и освободив, таким образом, их семьи от нелепой подати. Это сообщение интересно, даже как легенда, имевшая хождение в народе» (*Серебровская Е.* Белинский и Гоголь. (К истории борьбы за реализм). Л., 1952. С. 78).

³ Ср.: «Рассказчиком повестей в “Вечерах на хуторе близ Диканьки” Гоголь сделал крестьянина-пасечника Панько... <...> Из записанных нами воспоминаний крестьян села Гоголево Шишацкого района Полтавской области (бывшей Яворивщины) Никифора Ивановича и Федора Ивановича Шабельников о рассказах их отца, встречавшегося с Гоголем, следует, что в двадцатые-тридцатые годы прошлого века на пасеке Гоголей в Яворивщине был пасечником старик по имени Панько. Был он безродным, фамилии его никто не помнил, жил у Гоголей до конца дней своих, и ему был отдан в ученики отец Никифора и Федора Ивановичей — Иван Михайлович Шабельник, 1819 года рождения. Вероятнее всего, что Гоголь и воспользовался этим готовым именем...» (*Серебровская Е.* Белинский и Гоголь. С. 14). Предание о том, что пасечника в гоголевской Яворивщине звали Паньком, другими источниками не подтверждается. В. А. Чаговец, общавшийся с родными писателя, в 1901 г. сообщал: «В настоящее время в Яновщине (родина Гоголя) у помещицы Ольги Васильевны Головни (родной сестры поэта) на пасеке живет крестьянин, лет около 40, отец которого и дед были пасечниками на княжеской (Кочубеевской) пасеке под Диканькой, а возле церкви в Диканьке, на погос-

те есть могила псаломщика, прослужившего “в сем сане” пятьдесят лет и скончавшегося около десяти лет тому назад в глубокой старости. <...> Хотя из сохранившейся надписи видно, что имя его было не Фома Григорьевич, тем не менее, мне кажется, что именно он и был вдохновителем Рудого Панька» (см. в наст. изд. статью В. А. Чаговца «На родине Гоголя»). С. Н. Данилевская в начале 1980-х гг. также вспоминала: «Как рассказывали мои родители, пасака в Яворивщине началась с одного-двух ульев, а потом разрослась... <...> И Василий Афанасьевич поручил пасеку самому опытному и старательному из дворовых, понимавшему толк в пчелах. Человек этот обычно жил в Яворивщине все лето в уютном шалаше, походившем на небольшую избу. Родители не помнили, как звали этого пасечника, но все говорили, что был он наделен острым умом, знал множество преданий, народных украинских дум и песен» (см. в наст. изд. воспоминания С. Н. Данилевской «Нетленная память»).

⁴ Имеется в виду письмо Гоголя к М. П. Погодину от 1 февраля 1833 г. Ср. также упоминание во втором томе «Мертвых душ» о слухах, будто «мужики должны <быть> помещики и нарядиться во фраки, а помещики нарядятся в армяки и будут мужики...» Подробнее см. коммент. к отрывку Гоголя 1833 г. «На бесчисленных тысячах могил...» в изд.: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 7. С. 675–677.

⁵ Письмо от 5 июня 1851 г. В записной книжке Гоголя 1842–1851 гг. имя Наума Дзюбы встречается еще раз; кроме того здесь упоминаются Антон и Максим Высоцкие и Яков Шабельник: «Плотники работавшие. Антон Высоцкий. <...> Дзюба, Наум. Компанец»; «Максим Высоцкий, волы не работают»; «Хорошие пешие. <...> Яков Шабельник<ик>...» Ср. пояснение Е. П. Серебровской 1991 г.: «В моей памяти что-то шевельнулось: Шабельник... Есть, есть такая фамилия в записной книжке Гоголя! Сверху надпись: “Хорошие пешие”, под ней — “Яков Шабельник”. Да, Яков был родственником Федора Ивановича, но, конечно, не отцом. <...> Дзюба? Вспоминаю: есть в записной книжке Гоголя и Дзюба. Только не Федор, а Наум» (*Серебровская Е.* Свидание с Гоголем. С. 12).

Ф. В. Булгарин о Гоголе

Ф. В. Булгарин

Ревизор, оригинальная Комедия в пяти действиях, в прозе, соч. Н. Гоголя Фрагмент

<...> Если б мы имели дело с бесталанным писателем, мы не сказали бы ему столько горьких истин. Но мы уважаем дарование Г<-на> Гоголя, любим его дарование, не имея чести знать лично автора Ревизора¹, и говорим откровенно с ним для его собственной и для общей пользы. <...>

Первое опубликовано: <Булгарин Ф. В.> Ф. В. Булгарин, оригинальная Комедия в пяти действиях, в прозе, соч. Н. Гоголя // Северная Пчела. 1836. 1 мая. № 98. С. 392. Печатается по первой публикации.

Фаддей Венедиктович Булгарин (1789–1859), род. в семье польского шляхтича; католического вероисповедания; писатель, журналист, критик, издатель; во время Отечественной войны 1812 года служил в войсках Наполеона, впоследствии был другом декабристов, затем стал нештатным сотрудником III Отделения Императорской канцелярии; один из зачинателей «торгового направления» в русской литературе; в своей журналистской деятельности неизменно демонстрировал верноподданнические чувства.

Вероятно, ненависть и клевета Булгарина по отношению к Гоголю (см., в частности, ниже фрагмент из его публикации «Пчелка. Журнальная всякая всячина» 1854 г.) являются своеобразным продолжением его давних неприязненных отношений с А. С. Пушкиным — и отчасти объясняются сугубо личным отношением Булгарина к повести Гоголя «Невский проспект» (в которой нашли отражение как полемика Пушкина с Булгариным, так и, предположительно, отдельные факты биографии последнего; см. в наст. изд. примеч. 19 к *Воспоминаниям М. С. Щепкина о Гоголе в дневнике Ф. И. Булгаева*).

¹ Свидетельство Ф. В. Булгарина о том, что он «не имеет чести знать лично автора Ревизора», противоречит его позднейшим рассказам о знакомстве с Гоголем (см. ниже).

Ф. В. Булгарин

Журнальная всякая всячина
<1847>
Фрагмент

<...> ...Гоголь едва ли не с первыми нами познакомился¹, прибыв в Петербург из Малороссии, прежде чем напечатал первое свое сочинение, и если б не увлекся духом партии, то, верно, послужался бы наших советов, пошел бы в литературе чистым и светлым путем, проложенным Карамзиным и Жуковским, и теперь с своим оригинальным талантом стоял бы весьма высоко! <...>

Впервые опубликовано: <Булгарин Ф. В.> Ф. В. Журнальная всякая всячина // Северная Пчела. 1847. 11 янв. № 8. С. 29. Печатается по первой публикации.

¹ См. в наст. изд. примеч. к рецензии Ф. В. Булгарина 1836 г. на комедию Гоголя «Ревизор».

Ф. В. Булгарин — П. В. Хавскому

<28 февраля 1852. Санкт-Петербург>

Милостивый государь Петр Васильевич! Благодарю вас за память, но не могу догадаться, что заставило вас в двух письмах извещать меня о подробностях кончины и похорон Гоголя!¹ Если Гоголь для вас и для редактора московских полицейских ведомостей² кажется *знаменитым* писателем, то он вовсе не таким кажется мне и Н. И. Гречу. Сравнить Гоголя с Карамзиным — и *грех и смех!* Никто не нанес пагубнейшего удара чистоте, правильности русского языка и изящному вкусу, как Гоголь. Партия *натуральной школы* возвеличила его, а почести, оказанные ему в Москве, не делают чести ее литературному вкусу. <...> Узнав о смерти Гоголя — я перекрестился и сотворил молитву, как по каждом христианине. Лавровые листья, которые вы мне прислали с его гроба — не расцветут в потомстве, всегда справедливым. От другого я принял бы посылку этих лавров — *за насмешку*, но от вас получил с улыбкою, будучи уверен, что вы не читали вовеки Гоголя и мнений «Пчелы». Из ваших писем не сделаю никакого употребления и злоупотребления, за сим честь имею быть с истинным уважением и преданностию вашим покорным слугою

Ф. Булгарин.

С.-Петербург, 28 февраля 1852 г.

Впервые опубликовано: Ф. В. Булгарин по поводу смерти Н. В. Гоголя. Сообщ. П. Шапов // Русская Старина. 1872. № 3. С. 481–482. Печатается, в сокращении, по первой публикации.

Петр Васильевич Хавский (1774–1876), юрист, историк, археолог; был знаком с Гоголем (см. в наст. изд. статью Н. П. Бочарова «Н. В. Гоголь в Москве. (Историческая справка)»). По свидетельству Ф. И. Буслаева, ответ Булгарина Хавскому привел к их ссоре (см. в наст. изд. *Воспоминания М. С. Щепкина о Гоголе в дневнике Ф. И. Буслаева*).

¹ Письма не сохранились.

² Имеется в виду М. П. Захаров (см. в наст. изд. его «Извещение о кончине Гоголя в официальной части «Ведомостей Московской Городской Полиции» от 22 февраля 1852 г.»).

Ф. В. Булгарин — В. В. Толбину (?)

<21 марта 1852. Санкт-Петербург>

Копия с подлинника.

Милостивый Государь Василий Васильевич! Весьма сожалею, что Ваша умная и хорошо написанная статья «Несколько слов о Гоголе»¹ не может быть помещена в Северной пчеле, которая не может компрометироваться до такой степени, чтоб вдруг из одного угождения отречься от всех своих убеждений. — Северная пчела от выступления Гоголя на литературное поприще говорила *одно и то же* и даже за день до его смерти высказала свое мнение, противное тому, которое Вами обнаружено. Гоголь в *первое* свое пребывание в Петербурге обратился *ко мне*², чрез меня получил казенное место с жалованьем, и в *честь мою* писал стихи, которые мне стыдно даже объявлять! Издав *вечера на диканьке*, он был принят под покровительство Князем В. П. Кочубеем, а вслед за этим партия литературная взяла Гоголя, как *знамя* — для унижения других писателей. <...> По моему мнению Гоголь <...> был просто *Малороссийский жартovníк*, каких бездна в ярмарочной Немецкой литературе, и вся важность в протекции Князя Виктора Павловича Кочубея и в упрямстве литературной партии. Человек, который дерзнул описать лакея, вошедшего в комнату барина — с вонью, будочника, бьющего насекомых на воротнике — жалкая фигура! писал он *малороссийские* нравы, выдавал их за *Русские*, потому что не знал ни одного иностранного языка и ничего не читал. <...> Гоголь <...> есть только *пример раздора партий*, возвышающий <не>достойного — и пример покровительства Русского Вельможи, который может заставить кланяться и своему кучеру! Меня, однако ж, не заставишь поклониться шуту.

С истинным почтением честь имею пребыть Вашим покорным слугою

Ф. Булгарин.

21 Марта 1852. СПб.

С подлинным верно. <Подпись неразборчива.>

Впервые опубликовано, по копии из архива А. А. Краевского: Письмо Ф. Булгарина о Гоголе // Киевская Старина. 1893. № 5. С. 321–322. Печатается в сокращении по указанной копии: РНБ. Ф. 391. Ед. хр. 119.

¹ Имеется в виду статья неизвестного автора, напечатанная впоследствии отдельным изд.: Несколько слов о Гоголе. (Отрывок литературного письма). СПб., 1852 (цензурное разрешение 3 апр.). 15 с. (См. также в наст. изд. коммент. к письму П. А. Плетнева Я. К. Гроту от 4 июня 1852 г.) 3 мая 1852 г. Ф. В. Булгарин подверг эту статью, вместе со статьей И. С. Аксакова «Несколько слов о Гоголе» (см. в наст. изд.), публичной критике (см.: <Булгарин Ф. В.> Ф. В. Журнальная всякая всячина // Северная Пчела. 1852. 3 мая. № 99. С. 393–394). Автором статьи «Несколько слов о Гоголе» — которого Булгарин называет Василием Васильевичем, — предположительно, является писатель Василий Васильевич Толбин (1821–1869).

² В 1829 г. Гоголь «отправил <...> incognito к издателю «Сына Отечества»» (т. е. Ф. В. Булгарину) свое стихотворение «Италия», которое было напечатано, без подписи, в двенадцатом номере журнала (цензурное разрешение номера 22 февраля 1829 г., вышел в свет 23 марта). См. в наст. изд. раздел *Гоголь в воспоминаниях и письмах Н. Я. Прокоповича*.

Ф. В. Булгарин

Журнальная всякая всячина

<1852>

Фрагмент

<...> Г<-н> Гоголь, приехав в Петербург, явился <...> ко мне, с тетрадью *Малороссийских новостей и рассказов*, которые после, по совету приятелей¹, назвал: «*Вечера на хуторе близ Диканьки*», по названию родового села одного вельможи². *Национальной* природы, как говорит ав-

тор брошюрки³, он никогда не изучал и не знал, а описывал везде и всегда Малороссию и Малороссиян. <...> Г<-н> Гоголь не что иное, как Русский Поль-де-Кок, с тою разницею, что Поль-де-Кок знает основательно свой природный язык, а Г<-н> Гоголь весьма плохо знал язык Великороссийский, что ваш покорнейший слуга и сказал ему в глаза, когда прочел в рукописи *Вечера на хуторе*. <...>

Впервые опубликовано: <Булгарин Ф. В.> Ф. В. Журнальная всякая всячина // Северная Пчела. 1852. 3 мая. № 99. С. 394. Печатается по первой публикации.

¹ П. А. Плетнева.

² Имеется в виду князь (с 1831 г.) В. П. Кочубей.

³ Имеется в виду статья неизвестного автора (возможно, В. В. Толбина) «Несколько слов о Гоголе. (Отрывок литературного письма)» (СПб., 1852). См. в наст. изд. коммент. к письму Ф. В. Булгарина — адресованному, предположительно, В. В. Толбину — от 21 марта 1852 г.

Ф. В. Булгарин

Пчелка. Журнальная всякая всячина

<1854>

Фрагмент

<...> Господин биограф <...> утверждает, что Гоголь, прожив год в Петербурге, определился на службу в Департамент Уделов, заняв место столоначальника, но не прослужил в этом месте даже одного года¹. Не знаю, по какому случаю, господин биограф Гоголя, описывая величайшие мелочи, позабыл одно важное обстоятельство, которое я ему напомним. В конце 1829 или в начале 1830 года, хорошо не помню, один из наших журналистов², живший тогда в Почтамтской, в доме Господ Яковлевых (ныне А. М. Княжевича), сидел утром за литературною работою, как вдруг зазвенел в передней колокольчик, и в комнату вошел молодой человек, белокурый, низкого роста, расшаркался и подал журналисту бумагу. Журналист, попросив посетителя присесть, стал читать поданную ему бумагу — это были *похвальные стихи*, в которых журналиста сравнивали с Вальтер-Скоттом, Адиссоном и так далее. Разумеется, что журналист поблагодарил посетителя, автора стихов за лестное об нем мнение, и спросил, чем он может ему служить. Тут посетитель рассказал, что он прибыл в столицу из учебного заведения искать места, и не знает к кому обратиться с просьбою. Журналист просил посетителя прийти чрез два дня, обещая в это время похлопотать у людей, которые могут определять на места. Журналист в тот же день пошел к покойному Максиму Яковлевичу фон-Фоку, Управляющему III Отделением Собственной Канцелярии Его Императорского Величества³, рассказал о несчастном положении молодого человека, и усердно просил спасти его и пристроить к месту, потому что молодой человек казался близким к отчаянию. Кто только знал покойного М. Я. фон-Фока, тот умел ценить его добрую, благородную, нежную душу. Журналиста знал М. Я. фон-Фок еще в детстве, в родительском доме, быв сам молодым человеком и офицером в Легкоконном Харьковском полку, и потому охотно согласился помочь приезжему из провинции, и дал место Гоголю в Канцелярии III Отделения. Не помню, сколько времени прослужил Гоголь в этой канцелярии, в которую он являлся только за получением жалованья; но знаю, что какой-то приятель Гоголя принес в канцелярию просьбу об отставке, и взял обратно его бумаги⁴. Сам же Гоголь исчез куда неизвестно! У журналиста до сих пор хранятся *похвальные стихи Гоголя и два его письма* (о содержании которых почитаю излишним извещать); но более Гоголь журналиста не навещал. Вот истина, которую можно подтвердить стихами и двумя письмами!» <...>

Впервые опубликовано: <Булгарин Ф. В.> Ф. Б. Пчелка. Журнальная всякая всячина // Северная Пчела. 1854. 7 августа. № 175. С. 829. Печатается по первой публикации.

За пропуск статьи Ф. В. Булгарина цензуре «Северной Пчелы» В. Н. Бекетову было «поставлено на вид <...> допущенная им при сем случае неосмотрительность» (Официальная переписка по поводу сообщения Ф. Б. Булгарина о службе Гоголя в III Отделении // Литературный музей. (Цензурные материалы 1-го Отд<еления> IV секции Государственного Архивного Фонда). Под ред. А. С. Николаева и Ю. Г. Оксман. Пг., <1921>. Вып. I. С. 173–180).

Поводом для написания статьи послужил Ф. В. Булгарину выход в свет в 1854 г. «Опыта для биографии Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша. Помимо настоящей статьи, Булгарин спустя неделю напечатал еще одну статью, посвященную «Опыту...» (см.: <Булгарин Ф. В.> Ф. Б. Пчелка. Журнальная всякая всячина // Северная Пчела. 1854. 14 авг. № 181). И. С. Аксаков 27 августа 1854 г. в связи с выступлением Булгарина писал отцу: «Биография Гоголя, написанная нашим знакомым <П. А. Кулишом>, действительно заключает в себе многие неловкие места, на которые удобно нападать недоброжелательному человеку». С. Т. Аксаков в ответном письме от 9 сентября соглашался с мнением сына (см. в наст. изд. коммент. к письму И. С. Аксакова от 27 августа 1854 г.). Ф. В. Булгарин в «Библиотеке для Чтения», в свою очередь, замечал: «Автор “Опыта биографии”, не ожидал, наверно, действия, которое производит его творение: до прочтения этого панегирика многие имели гораздо выгоднейшее мнение о Гоголе» (<Булгарин Ф. В.> Литературная летопись. Июнь 1854. Новые книги // Библиотека для Чтения. 1854. № 8. Отд. 6. С. 16).

¹ Имеются в виду сведения, сообщаемые П. А. Кулишом в «Опыте биографии Н. В. Гоголя...» (СПб., 1854. С. 42): «10 апреля 1830 г. он определился на службу в Департамент Уделов и занял место помощника столоначальника, — но не прослужил здесь и году». См. в наст. изд. *Документы о службе Гоголя в Департаменте уделов*, а также коммент. к *Воспоминаниям А. Я. Головачевой (рожденной Брянской, в первом браке Панаевой)*.

² Подразумевается сам Ф. В. Булгарин.

³ Максим Яковлевич фон Фок (1777–1831), директор Особой канцелярии при Министерстве внутренних дел, с 1826 г. — управляющий III Отделением Императорской канцелярии.

⁴ До службы в Департаменте уделов с 10 апреля 1830 г. по 9 марта 1831 г., «студент» Гоголь с середины ноября 1829 г. по февраль 1830 г. проходил испытательный срок (был «употреблен на испытание») в Департаменте государственного хозяйства и публичных зданий (см. прошения Гоголя к министру внутренних дел А. А. Закревскому от 27–31 октября 1829 г., и к директору государственного хозяйства и публичных зданий И. У. Пейкеру от 25 февраля 1830 г.; прошения впервые опубликованы в 1936 г.).

О вероятных причинах ненависти и клеветы Булгарина по отношению к Гоголю см. в наст. изд. примеч. 19 к *Воспоминаниям М. С. Щепкина о Гоголе в дневнике Ф. И. Булаева*.

И. А. Комиссарова

Памятник ненависти. (Булгарин о Гоголе)
<Заметка А. Ф. Писемского из архива Н. С. Лескова>
Фрагменты

Памятник ненависти иногда приносит больше славы и чести тому, кому он воздвигнут, чем памятник любви. Такой памятник ненависти воздвиг Гоголю Булгарин в своих отзывах и суждениях о нем. <...> ...Оказывалось, что «автор “Ревизора”, желая представить Русский уездный городок, изобразил городок малороссийский или белорусский», оказывалось, что вороватые «купцы Гоголя — не русские люди, а просто жида», и делался вывод: «зачем было и клепать на Россию» («Сев<ерная> Пчела», 1836, № 98¹). <...> Злоба Булгарина на Гоголя не знала предела. Памятник ненависти, который он воздвиг Гоголю в своих статьях, можно увенчать документом, хранящимся в бумагах Н. С. Лескова в Институте русской литературы Академии наук в Ленинграде. Этот неизданный листок писан весь рукою Лескова; только слова Булгарина писаны А. Ф. Писемским.

«Особенно драгоценный манускрипт Алексея Феофилактовича Писемского. Дубликата не существует.
Отзыв Булгарина о Н. В. Гоголе — письмо А. Ф. Писемского.

Это мальчишка, который г..... пишет на заборе х..¹

****

7 окт<ября> <18>72 г. мы были у Писемского в гост<инице> “Париж” вечером, и он, рассказывая при дамах о Гоголе, привел вышеписанный отзыв о нем Ф. Булгарина. Отзыв этот, при неудобстве произнести его при дамах, Писемский написал на этом клочке и предъявил мужичинам — мне, Кашпиреву² и Авсеенке³. Я взял эту бумажку на память о Булгарине и Писемском. Н. Лесков». <...>

Публикуется впервые по рукописи: *РГАЛИ*. Ф. 2980. (Фонд С. Н. Дурылина). Оп. 1. Ед. хр. 31. Статьи 1928–1936 гг. Памятник ненависти (Булгарин о Гоголе) (за подписью: «И. Комиссарова», автограф). Л. 48–52. Цитируемая И. А. Комиссаровой записка А. Ф. Писемского от 7 октября 1872 г., с пояснениями Н. С. Лескова, хранится: *ИРЛИ*. Ф. 220. (Фонд Н. С. Лескова). № 20.

¹ «Вообще автор Ревизора, желая представить Русский уездный городок, с его нравами, изобразил городок Малороссийский или Белорусский. Купцы его не Русские люди, а просто Жиды. <...> Словом, городок автора Ревизора не Русский городок, а Малороссийский или Белорусский: так незачем было и клепать на Россию» (<Булгарин Ф. В.> Ф. Б. Ревизор, оригинальная Комедия в пяти действиях, в прозе, соч. Н. Гоголя // Северная Пчела. 1836. 1 мая. № 98. С. 391–392). В 1840 г. Ф. В. Булгарин также заявлял: «Г<-н> Гоголь написал одну комедию прозою: *Ревизор*, за которую дружеская литературная партия превозносит его превыше не только Грибоедова, но даже Мольера! <...> В *Ревизоре* нет, во-первых, никакого вымысла и завязки; во-вторых, нет характеров; в-третьих, нет натуры; в-четвертых, нет языка; в-пятых, нет ни идей, ни чувства, т. е. нет ничего, что составляет высокое создание! Сюжет избитый во всех Немецких и Французских фарсах, тот же, что *Мнимая Каталани* (Die vermeinte Catalani), *Немецкие горожане* (Die deutschen Kleinstädter), *Ложная Тальони* (die falsche Taglioni), *Городишко*, соч. Пикара (la Petite ville) и т. п., с тою разницею, что в *Ревизоре* более невероятностей. Действующие лица — ряд преувеличенных карикатур, небывалых никогда в Великороссии! Это образчики какой-то пешей Малороссийской и Белорусской шляхты, которых нам выдают за Русских помещиков. Все действующие лица пошлые дураки или отъявленные плуты, которые хвастают своим плутовством. Одно превосходное комическое лицо здесь — лакей! Вот что мастерски, так мастерски! И за отделку именно этого лица мы признаем комический талант в г. Гоголе...» (Булгарин Ф. Панорамический взгляд на современное состояние театров в Санктпетербурге, или характеристические очерки театральной публики, драматических артистов и писателей // Репертуар Русского Театра, издаваемый И. П. Песочником, на 1840 год. СПб.: В типографии А. А. Плюшара, 1840. Т. 1. Кн. 3. С. 21–22).

² Василий Владимирович Кашпирев (1836–1875), издатель, публицист, переводчик.

³ См. в наст. изд. фрагмент из статьи В. Г. Авсеенко «Психология Гоголя».

¹ На полях вписано: Собственноручное начертание руки А. Ф. Писемского.

В. П. Бурнашев о Гоголе

В. П. Бурнашев

Мое знакомство с Воейковым в 1830 году и его
пятничные литературные собрания
Фрагмент

<...> В одну из пятниц пришел я к Воейкову¹, в то время когда собрание обычных посетителей было почти в комплекте, и я застал Воейкова в каком-то особенно хорошем расположении духа, с видом как бы торжествующим и знаменательным. Одновременно почти со мною вошло еще несколько гостей. Когда все мы поздоровались с хозяином, он вынул из постоянно лежавшего пред ним портфеля завернутое в особенный поллист белой бумаги какое-то письмо и сказал, обращаясь ко мне и к двум-трем новопришедшим:

— Сегодня утром у меня был очень молодой человек, некто Николай Васильевич Гоголь-Яновский, кончивший курс в Безбородкинском лицее в Нежине, почти одновременно с Н. В. Кукольником. Он живет в Петербурге уже несколько годов и состоит на службе в департаменте уделов. В Литературной Газете была с подписью его имени статья в прозе: *Женщина*, вещь замечательная!¹ Кроме этого он писал и печатал и стихи, даже какую-то поэму², да только этот род литературных занятий не был ему удачен и благодарен. Он теперь стал испытывать себя, по совету друга и благодетеля моего В. А. Жуковского и боготворимого мною поэта А. С. Пушкина, в сочинениях вальтерскоттовского закала, описывая в очерках, повестях и рассказах знакомый ему малороссийский быт и, таким образом, создавалась вот эта книга господина Гоголя: *Вечера на Хуторе близ Диканьки, сочинения пасечника Паньки Рудаго*. Сегодня автор принес мне эту книгу свою, с письмом от Александра Сергеевича Пушкина. <...>

Во время <...> разговоров о Гоголе и его книге, явился тихонько сам Николай Васильевич Гоголь-Яновский.

Как только он вошел в комнату, Воейков приподнялся и сделал несколько шагов навстречу новому гостю, пожал ему дружески руку, сказав громко:

— А! Николай Васильевич, милости просим. Сегодня все мои гости другого занятия не имеют как рассматривание вашей книги, и другого разговора, как об этой книге.

— О моем-то «поросе»³, — улыбаясь, сказал Гоголь, усаживаясь и здороваясь с бароном Розеном и с В. Н. Щастным⁴, которых только и знал из всего общества.

— Как «поросе»? — вопрошал удивленно, поднимая очки на лоб, Воейков, которого это название так озадачило, что он не знал, что и сказать, и в раздумьи стал вытирать стекла снятых очков.

— Это так взбреднулось мне, — объяснял Гоголь, — назвать мои *Вечера на Хуторе* поросенком, хотя к этому была кое-какая причина. Дело в том, что у меня как-то оказался довольно большой баул из папки. А на крышке этого баула с наружной стороны была гравированная раскрашенная картинка, изображавшая блудного сына, пасущего свиней, из которых одна отделилась от стада и видна была на первом плане, ближе и яснее, чем даже виден был сам-то блудный сын, сидевший где-то вдали под деревом. Находящийся у меня в услужении, взятый из дома служитель прозвал баул этот «поросея», я же нашел удобным складывать в этот баул все материалы назначенные для *Вечеров на Хуторе*, и вот причина данного мною всей книге забавного прозвища. <...>

¹ Доказательство безкусия А. Ф. Воейкова, потому что статья эта была до крайности ученическая, хотя и нравилась, по-видимому, самому юному автору, подписавшему под нею свое имя в первый раз, тогда как под неудавшимися ему стихотворениями он имени не выставлял.

Не излишним считаю заметить, что я только раз в моей жизни видел Николая Васильевича Гоголя-Яновского, именно в описываемом случае⁵.

Тогда я нашел, что он был роста меньше среднего и довольно худощав, подвижен, жив, но слегка сутуловат, или, скорее, у него были кругловатые, несколько поднятые плечи. Гоголь имел светлые глаза, узкий продолговатый нос, дававший всей его физиономии что-то, словно, птичье. <...>

Впервые опубликовано: <Бурнашев В. П.> *Петербургский старожил* В. Б. Мое знакомство с Воейковым в 1830 году и его пятничные литературные собрания // *Русский Вестник*. 1871. № 11. С. 164, 167–168, 169–176.

Владимир Петрович Бурнашев (1810–1888), чиновник, литератор, сотрудник Н. И. Греча и Ф. Б. Булгарина, мемуарист с прочной репутацией фальсификатора. По оценке критики, достоверность воспоминаний В. П. Бурнашева во многом сомнительна, им присущи фактические и хронологические неточности и пристрастность. Привыкший выдавать желаемое за действительное — после долгих лет работы над похвальными адресами и газетными рекламными очерками и объявлениями, Бурнашев сохранил эту особенность и в своих мемуарах. 2 июля 1847 г. П. А. Плетнев, в частности, писал Я. К. Гроту: «Некогда лгал отчаянно <...> П. П. Свинын. За ним пошел Бурнашов» (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 3. С. 98). О недостоверности настоящих мемуаров Бурнашева см., в частности: Воспоминания А. И. Подолинского. По поводу статьи г. В. Б. «Мое знакомство с Воейковым в 1830 году» // *Русский Архив*. 1872. Кн. 1. Стб. 856–861; см. также: *Подолинский А. И.* По поводу статьи г. В. Б. «Мое знакомство с Воейковым в 1830 году» // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1985. Т. 2. С. 143–148. По замечанию А. И. Подолинского, В. П. Бурнашев в своей статье дал «полную волю своей фантазии, как в те блаженные времена, когда он составлял фельетоны для “Северной Пчелы” и сочинял хозяйственные заметки и промышленные рекламные».

¹ Александр Федорович Воейков (1779–1839), литератор.

² «Ганц Кюхельгартен». Сведения об этой ранней поэме Гоголя В. П. Бурнашев почерпнул из «Записок о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша (см. ниже примеч. 4 к статье Бурнашева «1829 г. Гоголь и Романович-Любович, угощаемые мещанскою девкою в Варваринской гостинице»).

³ 2 ноября 1831 г. Гоголь писал А. С. Данилевскому о первой части «Вечеров на хуторе близ Диканьки»: «Порося мое давно уже вышло в свет. Один экземпляр послал я к тебе в Сорочинцы». Письмо впервые было опубликовано П. А. Кулишом в 1856 г. (см.: <Кулиш П. А.> *Николай М.* Записки о жизни Н. В. Гоголя... СПб., 1856. Т. 2. С. 108–109).

⁴ Василий Николаевич Щастный (1802 — после 1854), поэт, переводчик.

⁵ Позднее В. П. Бурнашевым был придуман новый рассказ о Гоголе, в котором «мемуарист» также сообщал, что описанная им встреча с Гоголем — на этот раз в 1829 г. — была единственной (см. ниже статью Бурнашева «1829 г. Гоголь и Романович-Любович, угощаемые мещанскою девкою в Варваринской гостинице»).

В. П. Бурнашев

1829 г. Гоголь и Романович-Любович, угощаемые мещанскою девкою в Варваринской гостинице

Я начал мою службу в 1827 году на 17-м году жизни в Департаменте внешней торговли, каким тогда управлял известный Дмитрий Гаврилович Бибииков¹ безрукий (под Бородиным ядро оторвало левую руку), красавец с небольшим 30 лет. Бибииков хотел меня, как он назвал меня, «блондинного французика», определить в первое консульское отделение, где переписка большей частью производилась по-французски. Но начальник IV отделения (счетного) Михаил Сергеевич Шулепников, знакомый с моими родителями, взял меня к себе и посадил почти ребенка за гробсбух и тому подобные прелести, требуя, чтобы я вместе с другими чиновниками являлся к нему на его среды, где бывало несколько карточных столов и где все, не играющие в карты, окружали чудака старика хозяина, не выпускавшего изо рта трубки, которую он курил

бесперывно, заменяя одну другою, — играя в трик-трак с другом закадычным своим баснописцем Иваном Андреевичем Крыловым, дымившим огромную бременскую сигару, какими сигарами были битком наполнены все его карманы, как светло-синего фрака, так серых шаровар и бывшего когда-то белым жилета. После выпитого стакана чая гости имели право улетучиваться.

В числе моих тогдашних сослуживцев был полячок Василий Игнатьевич Романович-Любич², постарше меня на 5–6 лет, желтолицый брюнет с темными бакенбардами. Он был мастер влезать в душу каждого, кто попроще, и объегоривать мастерски. У меня тогда было много книг и между прочим 12 томов с 12 портретами русских писателей избранных мест из тогдашней литературы³, далеко не богатой. Романович сумел *зачитать* у меня это замечательное собрание и проделать этот фокус с многими предметами тогдашней моей собственности. Этот раз он уговорил меня поехать с ним (т. е. на извозчике на мой счет) в Варваринскую гостиницу, где со вчерашнего дня остановился бывший его по Нежинскому лицею товарищ Николай Васильевич Гоголь-Яновский⁴, которому *все* предсказывают великую будущность на поприще литературы, хотя теперь он еще ничего не печатал здесь и в Малороссии.

Мы застали Гоголя в ситцевом ваточном халатике за самоваром. Тогда это был остро- и длинноносый небольшого роста молодой лет 20<-ти> человек с волосами растрепанными и довольно длинными какого-то неопределенного цвета. Он был очень похож на свой портрет, изображающий его в молодости.

После объятий, целований, отрекомендации меня и посыпавшихся хохлацких шуток и издевок Гоголя, в отношении к Романовичу, которого он называл «польской мордой» и «лойоловским⁵ тайным удом», — Гоголь объявил, что у него за перегородкою (где было слышно какое-то движение) *девка из Мещанской*, «да не по душе», — смеялся Гоголь, — потому что от ней духа много». Романович, страстный и плотоядный любитель этого рода грязных наслаждений, не зная на то, что Гоголь о теперешней гетере отнесся с такою гадливостью, хотя и неудачно каламбура, упросил Гоголя *угостить его на даровщинку* этою дивчиной. Гоголь, хохоча и жартуя по-хохлацки, из чего я не все понимал, согласился ввести Романовича за перегородку, а сам стал на комод, стоявший у перегородки, предложив мне сделать то же, чтоб видеть «подвиги Любича», как он выразился. Я стал на комод и видел гнусную сцену, после которой я уже никогда ни с Романовичем, ни с Гоголем не встречался⁶, хотя обожал творения последнего.

Первые опубликовано: *Рейтблат А. И.* Летописец слухов. (Неопубликованные воспоминания В. П. Бурнашева) // Новое литературное обозрение. 1993. № 4. С. 166–167. Печатается по первой публикации.

Рассказ сохранился в архиве Н. С. Лескова в числе других очерков В. П. Бурнашева; датируется второй половиной 1880-х гг.

О недостоверности мемуаров В. П. Бурнашева см. в наст. изд. в коммент. к его статье «Мое знакомство с Воейковым в 1830 году...», а также ниже примеч. 4.

¹ Дмитрий Гаврилович Бибииков (1792–1870), генерал от инфантерии; директор департамента внешней торговли в 1825–1835 гг.

² Василий (Валериан) Игнатьевич Любич-Романович (1805–1888), поэт, переводчик, мемуарист; происходил из старинной дворянской литовской семьи; окончил Полоцкий иезуитский коллегиум, где был соучеником поэта В. Н. Шастного; в феврале 1821 г. поступил в нежинскую Гимназию высших наук, которую окончил в 1826 г.

³ Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах и прозе, изданное Обществом любителей отечественной словесности, в 12 частях, составлено А. И. Тургеневым, В. А. Жуковским и А. Ф. Воейковым. СПб., 1815–1817; 2-е изд. — СПб., 1821–1824.

⁴ Среди известных адресов, по которым проживал Гоголь в Петербурге, Варваринская гостиница не значится. Кроме того, в первый год пребывания в северной столице Гоголь постоянно нанимал квартиры совместно с друзьями — А. С. Данилевским и Н. Я. Прокоповичем, тогда как Бурнашев сообщает, что будто Гоголь остановился в Варваринской гостинице один. Недостоверность рассказа Бурнашева обнаруживается и при рассмотрении других обстоятельств.

Прежде всего противоречие обнаруживается при сличении двух публикаций Бурнашева, посвященных Гоголю. В 1871 г. в очерке «Мое знакомство с Воейковым в 1830 году...» Бурнашев, сообщая о своей встрече с Гоголем осенью 1831 г., подчеркивал, что «только раз» в своей жизни «видел Николая Васильевича Гоголя-Яновского, именно в описываемом случае», т. е. в 1831 г. (см. в наст. изд.). В рассказе о Варваринской гостинице, написанном полтора десятилетия спустя, автор опять сообщает, что после единственного описанного им визита к Гоголю в 1829 г. он «уже никогда ни с Романовичем, ни с Гоголем не встречался». Очевидно, что к тому времени, когда Бурнашевым был сочинен новый рассказ о Гоголе, старая выдумка (также не имевшая за собой реальных событий) была забыта; тогда как при написании первого рассказа фантазия о мнимой встрече с Гоголем в Варваринской гостинице сочинителю в голову еще не приходила.

Подробное изучение адресов, по которым проживал Гоголь в Петербурге в период 1828 — первой половины 1832 гг. (до первой поездки на родину), позволяет сделать вывод о недостоверности рассказа Бурнашева.

Гоголь с Данилевским приехали в Петербург в конце декабря 1828 г. Спустя более недели, 3 января 1829 г., Гоголь писал матери: «За квартиру мы платим восемьдесят рублей в месяц... <...> Она состоит из двух небольших комнат... <...> Адрес мой III-й Адмиралтейской части на Гороховой улице подле Семеновского моста в доме купца Галибина <Галибина> под № 130».

К середине января 1829 г. Гоголь и Данилевский переехали на новую квартиру: в дом аптекаря Трута на Екатерининском канале, между Кокушкиным и Вознесенским мостами. Данилевский, запомнивший первое место проживания, вспоминал: «На последней станции перед Петербургом (в Царском Селе; именно здесь находилась первая от Петербурга почтовая станция; вторая была в Гатчине, третья — в Выре. — *И. В.*) наши путники прочли объявление, где можно остановиться, и выбрали дом Трута у Кокушкина моста, где и пришлось Гоголю проскучать несколько дней в одиночестве, пока Данилевский, не будучи в состоянии устоять против соблазна и оставив его одного, постился странствовать по стогнам Северной Пальмиры» (см. в наст. изд. раздел *Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока*; впервые опублик. в 1890 г.). Еще менее точен в своих воспоминаниях слуга Гоголя Яким Нимченко, рассказывавший: «Выехали они в Петербург <...>, Гоголь, Данилевский и Яким. По приезде остановились в гостинице, где-то возле Кокушкина моста, а потом поселились на квартире близ того же моста в доме Зверькова...» (см. в наст. изд. фрагмент из статьи В. П. Горленко 1893 г. «Миргород и Яновщина»). (Отметим попутно, что в январе 1820 г. в доме «при Кокушкиным мосту у аптекаря Трута» проживал этнограф З. Доленга-Ходаковский, который адресовал оттуда свое письмо к И. С. Орлаю — оказавшему впоследствии в древлехранительстве М. П. Погодина; см.: *Свенцицкий И. С.* Материалы по возрождению Карпатской Руси. Львов, 1906. Т. 1. С. 27. Рукописным собранием народных песен З. Доленги-Ходаковского Гоголь широко пользовался в первой половине 1830-х гг.; см. в наст. изд. примеч. 1 к разделу *Гоголь в дневниковых записях О. М. Бодянского 1852–1856 гг.*)

В апреле 1829 г. (до 30 числа) Гоголь, вместе с Данилевским, переехал из дома Трута на Большую Мещанскую, в дом каретника И. А. Иоахима (см. письма Гоголя к матери от 30 апреля и 22 мая 1830 г.). Позднее, в письме от 20 декабря 1832 г., Гоголь напомнил Данилевскому о том времени, когда он с приложением готовился к Школе гвардейских подпрапорщиков, «живя у Иоахима». Вероятно, именно в доме Иоахима весной 1829 г. В. И. Любич-Романович познакомил Гоголя с А. Мицкевичем, который вторую половину апреля — первую половину мая 1829 г. жил в Петербурге по тому же адресу (см. ниже примеч. 5). В середине июля (до 21 числа) 1829 г. в доме Иоахима у Гоголя поселился Н. Я. Прокопович, только что приехавший в Петербург после окончания нежинской Гимназии. (К тому времени Данилевский, вероятно, либо собирался съехать, либо уже съехал от Гоголя с этой квартиры, поступив в гвардейскую школу. «Адрес его, — писал Гоголь матери 24 июля 1829 г., — в школу гвардейских подпрапорщиков у Синего мосту».)

Спустя несколько месяцев, 12 ноября 1829 г., Гоголь сообщил матери адрес своей новой квартиры, которую снял, по видимому, вместе с Прокоповичем и с кем-то еще: «...Нанимаем мы 3 комнаты <...> нас три человека вместе стоят. <...> Мой адрес: у Кокушкина мосту, в доме *Зверькова*, комната под № 16». (Любопытно, что позднее среди тех же улиц Петербурга определил место действия для своего романа «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевский.) В доме Зверькова Гоголь прожил до лета 1831 г., после чего между 16 и 21 августа этого года снял новую квартиру на последнем этаже трехэтажного дома Г. Е. Брунста на Офицерской улице во 2-й Адмиралтейской части (см. письма Гоголя к А. С. Пушкину от 16 и 21 августа 1831 г. и статью: *Шубин Вл.* «Квартира моя... в доме Брунста» // *Нева*. 1982. № 12. С. 192).

Помимо указанных адресов, в июле 1829 г. (между 21 по 26 числами) Гоголь нанимал — втайне от Прокоповича — номер в гостинице на Вознесенском проспекте, где вместе с слугой Якимом уничтожил экземпляры своей поэмы «Ганц

Кюхельгартен». Об истории этого издания впервые сообщил П. А. Кулишу (не упоминая названия книги), по-видимому, О. М. Бодянский в несохранившемся письме из Москвы, которое отправил Кулишу в ответ на его просьбу в послании от 27 февраля 1852 г. (спустя шесть дней после смерти Гоголя) «собрать известия о жизни и деяниях» писателя (Титов А. Письма П. А. Кулиша к О. М. Бодянскому. Киев, 1898. С. 55). Вероятно, откликаясь тогда на просьбу приятеля, Бодянский в числе прочего сообщил Кулишу о своей давней — еще при жизни Гоголя (возможно, осенью 1832 или в мае или августе 1835 г.) — беседе с слугой Гоголя Я. Нимченко, рассказавшим Бодянскому «о сожжении» в первый год проживания писателя в Петербурге «какой-то книги» (см. ниже). Сведения, полученные от Бодянского, подтвердил тогда же Кулишу Прокопович, впервые сообщив при этом название уничтоженной поэмы (о сожжении Прокопович, вероятно, также узнал ранее от Якима). Спустя два месяца по смерти Гоголя Кулиш в своей первой биографической статье о писателе писал: «Никто, однако ж, из его <Гоголя> покровителей не знал о стихотворном сочинении, которым он начал свое печатное поприще, и до сих пор оно было известно только одному человеку <Н. Я. Прокоповичу>, если не считать неграмотного Гоголева слуги, малороссиянина Якима. Это *Ганц Кюхельгартен*... <...> Прочитав рецензию Полевого, он <Гоголь> тотчас, в сопровождении верного своего слуги Якима, отправился по книжным магазинам, собрал экземпляры, нанял в гостинице номер и сжег все до одного. Нам, однако ж, удалось у одного из старых друзей Гоголя <П. А. Плетнева> найти один экземпляр этой редкой книги (позднее в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» Кулиш сообщал: «Один экземпляр ее находится в библиотеке П. А. Плетнева, другой принадлежит М. П. Погодину, третий Н. С. Тихонравову». — *И. В.*). Она была прислана автором этому другу incognito, и никогда между ними не было о ней помину. Книжка была брошена, в числе других негодных для чтения, в шкاف, и покоилась там мирным сном двадцать три года, пока хозяин не узнал от пишущего эти строки, чье это сочинение» (<*Кулиш П. А.*> Несколько черт для биографии Николая Васильевича Гоголя // Отечественные Записки. 1852. № 4. Отд. 8. С. 199).

Летом 1852 г. Я. Нимченко заново (после рассказов Прокоповичу и, предположительно, Бодянскому) поведал о сожжении юношеской поэмы Гоголя Г. П. Данилевскому, приехавшему в Васильевку за сведениями о жизни писателя (см. в наст. изд. статью Г. П. Данилевского «Знакомство с Гоголем»). Позднее свидетельство Я. Нимченко вновь подтвердил Кулишу Прокопович, указав, наконец, при этом и адрес гостиницы, где Гоголь сжег свою поэму. Тогда же Кулиш сообщил и то, что сведениями о сожженном произведении он обязан, кроме Прокоповича, одному из своих «друзей» (вероятно, имея в виду Бодянского): «Он <Гоголь> бросился с своим верным слугой Якимом по книжным лавкам, отобрал у книгопродавцев экземпляры, нанял номер в гостинице (Эта гостиница, по указанию г. Прокоповича, находилась в Вознесенской улице, на углу, у Вознесенского моста. — *Примеч. П. А. Кулиша.* — *И. В.*), и сжег все до одного. Гоголь, по-видимому, не подозревал, что Прокопович знал, кто автор «Танца Кюхельгартена», — иначе он, дорожа своей литературной тайною, просил бы приятеля не разглашать ее. Что касается до слуги малороссиянина, то он был неграмотен и рассказывал впоследствии одному из моих друзей <по-видимому, Бодянскому> только о сожжении какой-то книги, — но какая то была книга, об этом г. Прокопович объявил мне только после смерти поэта» (см. в наст. изд. раздел *Воспоминания Н. Я. Прокоповича, а также К. С. Павлова и некоторых других знакомых Гоголя по Гимназии высших наук князя Безбородко в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша*).

По мнению современных исследователей, гостиницей, где в 1829 г. Гоголь сжег свою первую книгу, была гостиница «Неаполь», в квартале от дома Иоахима, прямо у Вознесенского моста через Екатерининский канал: «Речь идет о гостинице «Неаполь» (ныне участок по проспекту Майорова <с 1991 г. с прежним названием — Вознесенский проспект>, 79/23; дом не сохранился)» (Гиллельсон М. И., Мануйлов В. А., Степанов А. Н. Гоголь в Петербурге. Л., 1961. С. 33).

Гостиница купца Варварина (во втором квартале 2-й Адмиралтейской части, № 76), о которой идет речь у Бурнашева, находилась на другом углу Вознесенского проспекта, на пересечении с Большой Мещанской, — поблизости от дома Иоахима и дальше от Кокушкина моста (см.: *Аллер С.* Указатель жилищ и зданий в Санктпетербурге, или Адресная книга, с планом и таблицею пожарных сигналов... на 1823 год. СПб., 1822. С. 12, 621). Имея в виду то, что Варваринская гостиница располагалась все-таки неподалеку от Кокушкина моста, публикатор неизданных очерков Бурнашева А. И. Рейтблат выдвинул предположение, «что свидетельство Бурнашева достоверно и что Гоголь один-два дня прожил в гостинице, прежде чем поселиться в доме Галибина» (*Рейтблат А. И.* Летописец слухов. (Неопубликованные воспоминания В. П. Бурнашева) // Новое литературное обозрение. 1993. № 4. С. 167). Единственным основанием этого домысла явилось то, что слуга Гоголя упоминал о «гостинице, где-то возле Кокушкина моста», — хотя из воспоминаний А. С. Данилевского определенно следовало, что Я. Нимченко имел в виду доходный дом Трута близ Кокушкина моста.

Важно обратить внимание и на то, что, как указано выше, в тех же ближайших пределах находились также другие дома, в которых проживал Гоголь в Петербурге в 1829–1832 гг.: Иоахима, Зверкова, Брунста. Следовательно, Кокушкин мост выступает ориентиром сразу для *пяти* мест проживания Гоголя в Петербурге (и уже *после* его переселения сюда из дома купца Галибина — а не до того), а потому уникальной знаковой приметой для определения *единственной* гостиницы служить не может.

Более вероятным представляется иное объяснение приуроченности рассказа Бурнашева к Варваринской гостинице. До появления публикаций Шенрока 1890 г. (с воспоминаниями Данилевского о «доме Трута у Кокушкина моста») и Горленко 1893 г. (с воспоминаниями Я. Нимченко о «гостинице, где-то возле Кокушкина моста») Бурнашев не дожил, а пользовался, для придания своим рассказам «достоверных» черт, книгой Кулиша 1856 г. «Записки о жизни Н. В. Гоголя...» В статье Бурнашева «Мое знакомство с Воейковым в 1830 году...» есть, в частности, прямое указание, что рассказанную Кулишом историю о сожжении «Ганца Кюхельгартена» «в гостинице... в Вознесенской улице» Бурнашев читал (см. в наст. изд. примеч. 2 к указанной статье). По-видимому, рассказ Кулиша запомнился Бурнашеву — и потому позднее, сочиняя новую историю о Гоголе, рассказчик, хорошо знакомый с географией Петербурга, в качестве места действия своего повествования между двух гостиниц по Вознесенскому проспекту — «Неаполем» и Варваринской — наудачу выбрал последнюю.

Мнимому свидетельству Бурнашева противоречит еще один немаловажный факт. Следует заметить, что повествование псевдо-мемуариста совершенно не соответствует тому *настроению*, с каким Гоголь, по свидетельству Данилевского, ехал в северную столицу, — а также тому, что по приезде Гоголь от пережитых волнений заболел. Данилевский вспоминал: «Дорога лежала на Москву, но Гоголь ни за что не хотел проезжать через нее, чтобы не испортить впечатления первой торжественной минуты въезда в Петербург. <...> ...По мере приближения к Петербургу нетерпение и любопытство путников возрастало с каждым часом. Наконец издали показались бесчисленные огни, возвещавшие о приближении к столице. Дело было вечером. Обоими молодыми людьми овладел невыразимый восторг... <...> Гоголь <...> за свое пылкое увлечение поплатился самым прозаическим образом, схватив насморк и легкую простуду, <...> он <...> вынужден был первые дни просидеть дома» (см. в наст. изд.). *Торжественность* въезда в столицу, по-видимому, изначально задумывалась Гоголем.

На наш взгляд, наиболее вероятным днем приезда Гоголя и Данилевского в Петербург («дело было вечером») следует признать вечер рождественского сочельника 24 декабря 1828 г. Именно в «ночь перед Рождеством» прибывает в Петербург герой написанной позднее Гоголем повести кузнец Вакула: «...Вдруг заблестел перед ним Петербург весь в огне. (Тогда была по какому-то случаю иллюминация.) <...> Боже мой! стук, гром, блеск...» — Можно вполне определенно указать повод поразившей гоголевского героя (а также самого Гоголя, вместе с Данилевским) петербургской иллюминации. По-видимому, Гоголь стремился попасть в Петербург в канун Рождества Христова — и совершавшегося в самый день праздника торжества победы над Наполеоном — «воспоминания избавления Церкви и Державы Российской от нашествия галлов и с ними двадцати язык». (Напомним в связи с этим, что день рождения Гоголя 19 марта 1809 г. совпал с днем взятия русскими войсками Парижа 19 марта 1814 г.; см.: *Виноградов И. А.* 1812 год и «Тарас Бульба»: прошедшее и настоящее в замысле Н. В. Гоголя // 1812 год и мировая литература. М., 2013. С. 91–140.)

Предположение о том, что Гоголь и Данилевский прибыли в Петербург в рождественский сочельник 1828 г., находит подтверждение и в хронологическом отношении. В упомянутом письме к матери от 3 января 1829 г. Гоголь сообщал, что, сделав обязательные визиты И. П. Косыревскому и Л. И. Голенищеву-Кутузову, он «уже около недели» сидит, «поджавши руки», вследствие «хандры» и «другого подобного». Из того же письма следует, что несколько дней до болезни Гоголь, помимо визитов, занимался необходимыми покупками и перделкой шинели, а также розысками адресатов переданных ему для вручения в Петербурге писем. Включая время болезни, этот период мог составить ровно полторы недели с 24 декабря 1828 г. по 3 января 1829 г. В свою очередь, дорога от Нежина до Петербурга, через Чернигов, Могилев, Витебск, Великие Луки, Порхов, Лугу и Царское Село, вполне могла занять в то время восемь-девять дней, с 15–16 по 24 декабря 1828 г.

⁵ Лойоловский — от имени святого католической Церкви, основателя ордена иезуитов Игнатия Лойолы (1491–1556). Вероятно, весной 1829 г. В. И. Любич-Романович, католик по вероисповеданию, познакомил Гоголя с польским поэтом А. Мицкевичем. Как указал М. Э. Гаско, Мицкевич и Гоголь в течение месяца (вторую половину апреля — первую половину мая 1829 г.) проживали в Петербурге в одном доходном доме, на одном этаже (дом каретника И. А. Иоахима на Большой Мещанской, четвертый этаж) (*Гаско М.* Мицкевич і Гоголь // Всесвіт. 1974. № 12.

С. 184–186; см. также: *Беккер И. И.* Мицкевич в Петербурге. Л., 1955. С. 164). В то время Любич-Романович переводил стихотворения Мицкевича, которые были изданы в 1829 г. Вероятно, перед самым отъездом из России Мицкевич подарил Любичу-Романовичу собственный бюст работы скульптора П. П. Соколова. (О знакомстве Любича-Романовича с Мицкевичем см. также: *Ланда С. С.* Примечания // *Мицкевич А.* Сопеты. Л., 1976. С. 317–319.)

⁶ См. предшеств. примеч., а также примеч. 5 к воспоминаниям В. П. Бурнашева «Мое знакомство с Воейковым в 1830 году...»

А. М. Лазаревский

Стихотворения Иосифа Олова Фрагмент

Проезжая летом 1855 г. чрез Москву, я счел непременно обязанностью побывать у известного там книгопродавца-библиомана Ив. Гр. Кольчугина. Между прочими книгами он показал мне «Разные стихотворения Иосифа Олова» (М. 1832, в 32-ю д<олю> л<иста>, 2 ч, ч. I: 98 стр., II: 57+VIII стр.)¹, говоря, что настоящий автор этой книжки — Н. В. Гоголь, отдавший будто бы сам г<ну> Кольчугину эту книжку на комиссию; но потом отобравший все экземпляры назад. Я приобрел «Разные стихотворения», но тогда уже усумнился в принадлежности их Гоголю... <...>

Впервые опубликовано: *Лазаревский А.* Стихотворения Иосифа Олова // Сборник, издаваемый студентами Императорского Петербургского университета. СПб., 1857. Вып. 1 (цензурное разрешение 2 окт.). С. 347–348; см. также: *Каллаш В. В.* Мелкие заметки о Гоголе // Гоголевский Сборник. Издание Русского Библиологического Общества. Оттиск из I книжки «Литературного Вестника» за 1902 год. СПб., 1902. С. 9–11. Печатается по первой публикации.

Вторая часть «Разных стихотворений Иосифа Олова» сопровождается списком «Имен особ, благоволивших подписаться на сию книгу», который состоит из более чем ста имен, в числе которых встречаются имена А. С. Хомякова и его родителей, С. А. и М. А. Хомяковых (см.: Разные стихотворения Иосифа Олова. М.: В Типографии Лазаревых Института Восточных Языков, 1832. <Пагинация 2>. С. IV).

¹ Цензурное позволение дано (в М. 1832 г. 4-го апреля) г. Снегиревым. — *Примеч. А. М. Лазаревского.*

А. А. Дунин

Воспоминания о Н. В. Гоголе

1. Прототип Плюшкина

В Курске недавно проживал дворянин Федченко, уроженец, кажется, Полтавской или Херсонской губернии. Его отец, занимавшийся скупкою хлеба и сала, близко знал Н. В. Гоголя и окрестных помещиков, с которыми писатель входил в общение как сосед, а иногда — по деловым отношениям. По его словам, некоторые из этих помещиков были взяты Гоголем в его «Мертвые души» — как типы. Для Плюшкина же прототипом послужил помещик В., один из богатейших в Полтавском уезде, феноменальнейший скряга. Вот как описывает его Федченко.

У В. было двое сыновей и дочь. Сыновья — женихи, дочь — невеста. Жены у него не было, и жил он вдовцом со своей ключницей, безобразной, злой и сварливой бабой. Сыновья не получили почти никакого образования и ушли из дома, поступив на службу приказчиками к немецкому колонисту в Херсонской губернии. Дочь бежала с офицером, ремонтером кавалерий-

ского полка. Впоследствии дети просили суд выделить им из отцовского имени долю, довольно значительную, поступившую к В. в виде приданого из матери; но суд ничего не мог поделать со скрягою. Пробовали его увещевать, приезжали к нему уездный предводитель и соседи-дворяне, стыдили его, но В. стоял на своем. «Какой я богач! — говорил он, — бедный я, разбедный, государи мои. И ничего у меня нет и не было. Насилу себя и людей своих пропитываю, где же мне взять?» Так от него и отступились.

— Я, — рассказывает Федченко, — часто заезжал на его хутор — богатейший хутор! — но дела с ним устраивать было трудно. За все просил он втридорога, и обыкновенно дело кончалось тем, что после усиленных торгов приходилось уезжать от него, ничего не купивши и без обеда, так как скряга, едва я вступал в дом его, спешил Христом-Богом уверить, что у него «ничего нет» и что он «сам сидит не жрамши».

Раз приехал к нему осенью, в самую молотьбу. На токах градом стучали десятки цепов, и зерно обильно точилось из полных колосьев, крупное, тяжеловесное.

В. стоял на гумне.

— Купи, милостивец, весь хлеб продам.

Я удивился: никогда он сразу после умолота хлеб не продавал, а держал его в амбарах по году и боле. Иногда до того додержит, что все погниет.

— Давайте, говорю, я очень рад.

Взял я зерна с току на ладонь.

— Да не этот, не этот хлеб-то! — заторопился В. — Другой, другой!

— Где же он у вас?

— Пойдем, милостивец, пойдем...

Пришли к каменному амбару. Достал он с связки у пояса крюк и стал отпирать дверь (не ключ, а крюк, так как в те времена амбары запирались изнутри деревянным засовом, снабженным зарубками, а отпирались железным крюком, которым зацепляли за эти зарубки).

Из амбара на нас пахнуло сыростью, плесенью, залежалым гнильем... Подошел я к закромам: зерна пудов тысяч пять, не менее. Запустил я руку в закром, да сейчас же и отдернул: под рукой — не зерно, а какая-то ослизлая крупа, прелая каша.

— Это сверху, милостивец, сверху, — поспешил предупредить меня В. — Так, самую малость, с крыши подмочило, а внизу — первый сорт. Говорил бурмистру, разбойнику, починить крышу. А надо, говорит, доски. А где я их возьму? Вот и подмочило зерно-то... Только сверху, а внизу крепкое зерно, как орешек.

Посмотрел я и внизу: кругом гниль. Сказал ему, что такое зерно у него не только никто не купит, — даром не возьмут. Обиделся.

— И не покупайте! И не надо! Высушу, смею и людей кормить буду и сам буду кушать.

Действительно, зерно было высушено и смолото, и скряга гнилым хлебом кормил дворовых людей или продавал муку гуртовщикам и крестьянам на «болтушку» для скота.

Николай Васильевич Гоголь, прослышал о скряге, пожелал с ним познакомиться. Знакомство это состоялось при участии моего батюшки. Можно сказать, идея «Мертвых душ» зародилась у Николая Васильевича именно при посещении им В.

В. каждому, кто к нему приезжал, обыкновенно предлагал что-нибудь купить — хлеб, гусей, овчины, сало. Гости не из купцов, посещавшие скрягу потехи ради, зло подшучивали над ним. Они серьезнейшим образом торговались, даже не посмотрев товара, и предлагали высокие цены. Обрадованный В., чтобы еще больше задобрить тароватых гостей, в таких случаях раскошеливался: колот курицу или гуся, ставил на стол вино, и гости, посмеиваясь, принимались за трапезу. А потом начиналась потеха.

В. начинал осторожно зондировать почву «насчет задатка».

— Как же, государи мои, насчет задаточка?

— Ах, да... Надо посмотреть товар.

— Да чего его смотреть-то! Товар хороший, добротный...

— Товар лицом покупают.

Гости, помирая со смеху, шли на скотный и птичий двор, в амбары, клуни; щупали, осматривали, критиковали. Птица и скот оказывались тощими, заморенными, сало — прогорклым, хлеб — гнилой, перо иструхло.

— Как же купить у вас, с позволения сказать, такую дрянь! — говорили гости. — Ведь это — срам!

Посмеявшись досыта, гости уезжали, и В. ругал шутников за съеденный обед на чем свет стоит:

— Дармоеды! Якобинцы бесхвостые!

Гоголя старик принял радушно. Осведомился, в каком он чине, сколько у него душ и где служит. Когда Николай Васильевич сказал, что он — писатель, старик поморщился и заметил:

— Гм! Писатель... Был у нас один писатель, и много пил... и на губернатора пашквиль сочинил...

Когда Гоголь уверил его, что он не пьет и не пасквилянт, — старик как будто успокоился, но тотчас заговорил о своей бедности.

— Вот подать надо платить, — жаловался он. — Да хоть было бы за кого платить-то. А то — накось! — и людей-то давно на свете нет. Померши. Они померли, а ты — плати! За этакую дрянь плати. Ведь с них что взять? Умершие души... Их не продашь, не то что хлеб или сало. Никто не купит.

И вот в этот момент, по словам Федченка, в душе Гоголя свершился знаменитый творческий процесс, обессмертивший имя великого творца русской комедии.

Гоголь как-то весь подтянулся, глаза засветились торжеством, каким-то внутренним огнем, и, волнуясь, он спросил скрягу: отчего бы ему не продать эти мертвые души?

— Да кто же их купит, батюшка? Никто не купит.

— Вы еще не пробовали продавать их? — с невозмутимо-серьезным видом спросил Гоголь.

Скряга опешил и пытливо посмотрел на собеседника.

— А разве их уже продают? — весь трепеща, тихо спросил он.

— Да, как будто... Впрочем, я, пожалуй, купил бы у вас несколько штук...

— А почему вы дадите?

— Подать заплачу за них...

— А не будет это дешево? Ведь, вот, милостивец, цены-то я и не знаю. Кабы цена на них была... А цена-то и неизвестна.

— Да больше вам никто не даст.

— Нет, как же, может быть, дадут и больше. Если стали покупать, стало быть, на них и цена есть настоящая. Надо настоящую цену узнать.

Гоголь так и не сошелся со стариком в цене.

Впоследствии В. писал ему, что готов уступить «убылые души» за одну подать; но Гоголь ему не ответил и больше у него не бывал.

— Отец мой, — рассказывал Федченко, — встречаясь с Гоголем, всегда вспоминал его шутку с В.

— Эх вы его высмеяли, Николай Васильевич. Надо же так придумать!

Гоголь в ответ только смеялся одними глазами и всегда при этом воспоминании становился задумчивым и печальным.

2. Гоголь на охоте

Гоголь не был охотником по призванию и, кажется, даже мало интересовался этим видом спорта. Может быть, влечение к охоте не создано у Николая Васильевича благодаря этнографическим условиям, среди которых он вырос: густо населенная местность и отсутствие лесов, в которых любят водиться птицы и звери, не создают охоты и не располагают к ней.

Только раз во всю жизнь Гоголь принял участие в охоте, закончившееся комическим эпизодом. Об этой охоте мы знаем из воспоминаний Федченка.

Николай Васильевич получил приглашение одного польского магната «пожаловать» в его имение в Черниговской губернии на великосветскую охоту. Гоголь приехал.

Охота состоялась в вековом лесу, недалеко от шляха, шедшего вдоль леса. На этот-то шлях, малопроезжий и тихий, около вечерней поры любил собираться зайцы, и место, где они собирались, охотники прозвали «заячьим клубом».

Охотники собрались неподалеку от «заячьего клуба», куда прибыл и Гоголь, но — к изумлению всей компании — без ружья.

— Где же ваше ружье?

— Да у меня его и не было никогда... Хочу поучиться.

— Да вы, может быть, и стрелять не умеете?

Гоголь не смутился.

— Плоховато... но надеюсь выучиться.

Ружье и весь охотничий прибор достали для Николая Васильевича у лесника.

Общество собралось большое, блестящее. Гоголь был в хорошем расположении духа и острил налево и направо.

— Ну, а теперь, господа, к дамам, — предложил хозяин.

Кавалькада прибыла на условленное место на шляхе, где расположился целый дамский цветник — жены и дочери местных помещиков, приехавшие с припасами для обеда и чая.

Увидев дам, Гоголь растерялся. Дамы засыпали его любезными, милыми приветствиями, и, что называется, окончательно затормозили Николая Васильевича. Смущение достигло апогея, когда красавица-полька графиня N. приколола к его охотничьей куртке пучок незабудок.

— Зачисляю вас моим рыцарем, — шутливо улыбнулась графиня.

А «рыцарь», как медведь, выгнанный из пущи, неуклюже переминался с ноги на ногу, не зная, куда девать руки, и не находя ни одного слова, чтобы достойно ответить на это исключительное внимание. Гоголь боялся женщин, как огня, и робел пред ними чрезвычайно.

Крестьяне-загонщики разделились на несколько отрядов и стали заходить в лес, чтобы отрезать зайцам отступление с шляха. Но неожиданное обстоятельство разрушило замыслы охотников.

По шляху, не подозревая, что тут паны охотятся, двигался на волах чумацкий обоз, прошедший как раз через то место, которое считалось «заячьим клубом».

— Гей! Гей! — раздавалось по лесу. — Цобе!

Слышались гулкие удары бича. Охотники остолбенели.

— Тысячу дьяблов! — выругался один из панов.

Охотники осыпали чумаков бранью, а более ретивые без церемонии лупили их арапниками.

— Помилуйте, паночки, мы не виноваты! — молили чумаки. — Кабы мы ведали, что ваши милости охотятся, мы не поехали бы до вас, а стали бы табором выше...

Пришлось охотиться в лесу в разбивку. Загремели выстрелы.

Часа через три все охотники, обещанные зайцами, собрались на шляхе. Не было только Гоголя. Начали уже тревожиться. Да где же он? Уж не заблудился ли? Как вдруг Гоголь показался на опушке леса, с ружьем в руке и — ни одного зайца.

— Что ж вы? — спросил кто-то из охотников. — Неужели ни одного?..

Гоголь беспечно улыбался.

— Знаете, это трудная вещь... подстрелить их, — сказал он, комически подмигивая. — Представьте, заяц вот тут, в двух шагах, но, пока я поднимаю ружье, прицеливаюсь, — зайца поминай, как звали.

Его рассказ вызвал взрыв дружного хохота.

Это была первая и последняя охота Николая Васильевича.

Первые опубликовано: *Дунин А. А.* Воспоминания о Н. В. Гоголе. 1. Прототип Плюшкина. 2. Гоголь на охоте // Исторический Вестник. 1913. Т. 131. № 2. С. 500–505. Печатается по первой публикации.

А. А. Дунин, журналист, в 1897–1900-х гг. сотрудник «Самарской газеты»; в 1910-х гг. печатался в журналах «Исторический Вестник», «Русская Мысль», «Наша Старина».

В. А. Чаговец

Gogoliana (Гоголевская выставка в «Уник») Фрагмент

<...> ...В надуманно-хлестаковском пестром наряде, в бархатном алым подбитом халате, в тонком белом голландского полотна и с недокуренной сигарой, зажатой в застывших тонких пальцах <...> он <Гоголь> изображен на недавно найденном портрете работы венецианского художника Цони (или Цани?)... <...>

Первые напечатано: *Чаговец В.* Gogoliana. (Гоголевская выставка в «Уник») // Вечерний Киев. 1927. 8 дек. № 252. С. 2. Печатается по первой публикации.

Портрет был впервые описан в 1902 г.: «<№> 50. Н. В. Гоголь (после 1839 г.). Писан неизвестным, очень плохим мастером, не с натуры, хотя узнать можно. Гоголь изображен с сигарой (Гоголь никогда не курил). Судя по типу, должен быть отнесен к позднему периоду жизни Гоголя, когда он уже не был «франтиком». Фотография с оригинала масляными красками, принадлежащего А. П. Бахрушину в Москве. — <Из собрания> М<схаила> С<перанского>» (Гоголевская выставка. Каталог. I. Портреты Н. В. Гоголя, сцены из его жизни // Гоголевский Сборник. Изданный состоящей при Историко-Филологическом Институте Кн. Безбородко Гоголевской Комиссией, под редакцией проф. М. Сперанского. Киев, 1902. С. 192). См. также: «ХАРЬКОВ, 4 марта. (По телеф<ону> от наш<его> корр<еспондента>). Всеукраинский музей им. Шевченко приобрел оригинал портрета Гоголя работы венецианского художника Зони, относящийся к 1847 г.» (К годовщине смерти Н. В. Гоголя // Известия Центрального Исполнительного Комитета СССР и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Крестьянских и Красноарм<ейских> Депутатов. 1927. 5 марта. № 53 (2987). С. 4).

Вызывает сомнение подлинность еще одного гоголевского портрета — приписываемого шестнадцатилетнему М. Ю. Лермонтову. Высказано предположение, что в конце октября 1830 — начале января 1831 г. Лермонтов со своей бабушкой Е. М. Арсеньевой был в Москве, где навещал своих родственников Лонгиновых, три брата которых были в то время учениками Гоголя, и написал шаржированный, близкий к «карикатурности» портрет Гоголя (где писатель изображен «сутулым или почти горбуном»), с подписью: «1830. Гоголь. Lermantoff»: «Портрет этот, сделанный гуашью, небольшого размера, изображает Гоголя в полный рост, в профиль. Гоголь здесь во фраке, с длинной трубкой, в очках, с книжками и тетрадами под мышкой. Упомянутый портрет хранится сейчас в Центральном историческом музее СССР, в Москве, куда попал из коллекции известного театрального деятеля и коллекционера А. А. Бахрушина. <...> ...Лермонтов в 1830 году часто подписывался на французском языке и <...> писался тогда не «Лермонтов», а «Лермантов», как это видим и на портрете, о котором идет речь... <...> 1 октября <1830 г.> Сушкова с отцом выехала из Москвы, где оставался Лермонтов со своей бабушкой. <...> ...5 октября <...> эта дата стоит со ссылкой на Москву и холеру

под стихотворением "Могила бойца". Вероятнее всего, они двинулись из Москвы в тот же или в один из ближайших дней. И оставляя охваченный холерой город, Арсеньева с внуком направилась в Петербург... <...> Это подтверждает стихотворение (зачеркнутое) Лермонтова "Сыны снегов, сыны славян" с заглавием (не зачеркнутым): "Новгород 13 октября 1830". <...> Впрочем, заголовок "Новгород 13 октября 1830" не единственное доказательство путешествия Лермонтова. <...> ...М. Н. Лонгинов, дальний родственник Лермонтова по матери, пишет в своих воспоминаниях: "Я узнал Лермонтова в 1830 году, когда он был еще отроком, а я ребенком. Он привезен был тогда из Москвы в Петербург..." (ср. в воспоминаниях М. Н. Лонгинова: "Я узнал Лермонтова в 1830 или 1831 году, когда он был еще отроком, а я ребенком. Он привезен был тогда из Москвы в Петербург, кажется, чтобы поступить в университет, но вместо того вступил в 1832 году в юнкерскую школу лейб-гусарским юнкером..."; *Лонгинов М. Н.* Заметки о Лермонтове // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 191. — *И. В.*) Добавим к этому, что три брата Лонгиновых были в это время учениками Гоголя... <...> Да и сам рисунок изображает Гоголя в роли учителя: с книгами и тетрадами под мышкой. Портрет, очевидно, рисовался Лермонтовым у Лонгиновых в конце 1830 года. Что касается самого Лермонтова, то в начале 1831 года, когда в Москве холера прекратилась, а в Петербурге, напротив, вспыхнула, — он с бабушкой, вероятно, отправился в обратный путь» (*Гаско М.* Лермонтов рисует Гоголя // *Правда Украины.* 1977. 3 марта. № 52. С. 4).

Встреча Е. А. Ляцкого с Ф. И. Буслаевым

<...> Однажды, заговорив о посещении какого-то музея, Фед<ор> Ив<анович> заметил:

— Там, кстати, я в 1 раз увидел Гоголя!

Я слушал, затаив дыхание. <...>

— Да, да, это б<ыло> тогда, к<ак> сейчас помню. Мы с графом Строгановым² остановились на ступеньках лестницы, у входа в музей. Здесь-то граф и познакомил меня с Г<оголем>.

— Расскажите, Ф<едор> И<ванович>, — взмолился я, — расскажите подробно.

— Ничего особенного я вам рассказать не могу. Скажу только, ч<то> он мне не понравился с первого взгляда. Ч<то>-то в нем б<ыло> подчеркнутое, простое — не то в костюме, не то в манере держаться. Кажется, он б<ыл> одет, к<ак> одевались тогда все рус<ские> художники. Они одевались небрежно и живописно, а живописности-то этой у Г<оголя> не б<ыло>. Разговаривая с графом, он смотрел в сторону, часто бросал на меня беглые, косые взгляды, словно изучал, что и где на мне б<ыло> надето. Мне показалось, ч<то> взгляды эти б<ыли> недружелюбны, но причины я объяснить не мог. То ли ему не нравился мой новенький костюм, то ли ч<то> другое.

Граф спросил его:

— Вы тоже направляетесь в музей?

Гоголь ответил:

— Нет, мне в музее делать нечего. Там темно и мертво. Мой музей вот, — он указал на группу цветочниц внизу, где столпилось несколько иностранцев. — Посмотрите, к<ак> их привлекает солнце... — И добавил:

— Земляк мой по музею бродит, пускай посчитает сокровища, а я его подожду.

— Притворяетесь, Ник<олай> Вас<ильевич>, — сказал граф, — притворяетесь. Сами ведь все исходили и высмотрели, а послушать вас, т<ак> вы и в Риме напрасно живете. В самом деле, если жить в Риме и по музеям не ходить — умереть можно со скуки.

Г<оголь> засмеялся — смех его тоже не б<ыл> приятен. Помнится, он отвечал т<ак>:

— И в музеях не скучно, когда чел<овек> весел, а весело ему всегда, когда здесь — он указал на сердце — не сосет. Впрочем, засосет — пойдешь, помотришь на церковку тут одну... маленькая, так себе, а помотришь на нее, легче душе станет. И входить даже не надо...

Затем Г<оголь> прибавил несколько подробностей, показывавших, ч<то> он недурно знал рим<ские> церкви. Он характеризовал их терминами, кот<орые> указывали на его понимание живописи и архитектуры. Ему, вероятно, пригодились его знакомства в среде художников. На

этом мы простились с ним и пошли в музей. Снова мне показалось, что его поклон в мою сторону был небрежен, даже уничижителен. Я вспомнил, что рассказывали о нем, и сам повторил себе мысленно: «странный человек, очень странный... и неприятный...» Мне было самому тяжело думать так об авторе «Ревизора».

— Через некоторое время я снова встретил Гоголя у одного из русских художников, которым покровительствовал граф Строганов. Он сидел перед большой картиной, изображавшей типичный итальянский пейзаж — море, пальмы, скалы, — и молча вглядывался в нее. По внешности его тоже было можно принять за художника — широкая шляпа, небрежный галстук, пестрый жилет. К нему обращались с вопросами, спрашивая о мнении. Он только улыбался и делал неопределенный жест, как будто отмахивался. Увидев меня, он сказал:

— Тогда нам не удалось поговорить о музеях, а теперь мешает картина. Вот смотрите: солнце на этом камне так и горит. И скажите: что лучше — солнце или камни? Ваши музеи — тот же камень. Согрейте и оживите его солнцу, он все же камнем останется...

Кто-то при этом сказал:

— А солнце идет и спрячется...

Другой прибавил:

— Пока его не схватит художник на полотно.

Потом заговорили о новой в то время теме — о правде в искусстве.

Гоголь сказал:

— В искусстве есть чудо, а не правда, чудо может быть и от зла, и от лжи. Разные чудеса бывают. Но что удивительно — ложь искусства рождает правду даже тогда, когда художник ее не ищет и не умеет искать.

И потом, обратившись со смешком к пейзажисту, написавшему картину, со смехом сказал:

— Разве вы искали правды, когда писали вот это море и скалы? Разве они бывают такими? Вы искали эффектов и контрастов, а не правды. Правда не то, а в том, что вошло в картину помимо вашей воли. А ваша мнимая правда на дне винной бочки...

И продолжал смеяться своим мелким, лукавым, раздражающим смехом.

Когда я рассказал Строганову об этой встрече, он показал мне письмо Гоголя, не помню, кому адресованное, где высказывались те же мысли, только с мистическими намеками. Граф говорил, что он с любопытством следит за творческим процессом Гоголя, который готовился создать нечто великое, я тоже следил за ним с огромным интересом, но встречаться с ним мне не хотелось, и я больше не видал его никогда.

Публикуется впервые по рукописи: *ИРЛИ*. Ф. 163. Архив Е. А. Ляцкого. Оп. 1. Ед. хр. 352. Л. 2 об.-4. Воспоминания записаны, возможно, со слов Е. А. Ляцкого, рукой неустановленного лица.

Федор Иванович Буслаев (1818–1897), филолог и искусствовед.

Евгений Александрович Ляцкий (1868–1942), писатель, критик и историк литературы; эмигрант, профессор русского языка и литературы Карлова университета в Праге.

¹ В опубликованных самим Ф. И. Буслаевым в 1891 г. в «Вестнике Европы» воспоминаниях о Гоголе обстоятельства их знакомства описываются иначе (см. в наст. изд.).

² Имеется в виду попечитель Московского учебного округа в 1835–1847 гг. граф Сергей Григорьевич Строганов (1794–1882), с семьей которого Ф. И. Буслаев путешествовал за границей.

Гоголь с портфелем и без Фрагмент

Одно из крупнейших мероприятий по празднованию 200-летия со дня рождения Гоголя — выставка в Государственном музее Пушкина на Пречистенке «Гоголевский бульвар». Уникальные экспонаты выставлены в трех залах

Листая перед выставкой хранящийся в запасниках альбом некоего врача Постникова, сотрудники музея Пушкина заинтересовались записью, сделанной неизвестной рукой. Графологи показали: это подлинный автограф Гоголя. Всего одна фраза: «Горько, о как горько мне было 20 мая, но как сладко будет вспомнить о нем». Запись относят к 1844 году, когда, будучи за границей, Гоголя познакомили <?> с Постниковым. Что означает эта запись? Что у Гоголя случилось 20 мая? Загадка.

Ярчайший экспонат выставки — кожаный портфель — попал в музей в 1964 году из музея в Самаре. Современники упоминали, что Гоголь возил этот портфель с собой, хранил в нем рукописи, в том числе сожженную позднее вторую часть «Мертвых душ». Портфель — единственный сохранившийся свидетель смерти писателя: он с ним не расставался до самой смерти в 1852 году. <...>

Приписываемая Гоголю надпись: «Горько, о как горько мне было 20 мая, но как сладко будет вспомнить о нем. 1844», — впервые воспроизведена в 2007 г. в виде фотокопии в журнале «Наше наследие», с подписью: «Автограф Н. В. Гоголя “Горько, о как горько... 1844” из альбома И. П. Постникова. 1830–1880-е годы. Бумага, орешковые чернила» (Михайлова Н. «Альбом есть памятник души...» // Наше наследие. 2007. № 83–84). Текст заметки печатается по изд.: Копылова В. Гоголь с портфелем и без // Московский комсомолец. 2009. 20 марта. № 58. С. 3.

Принадлежность Гоголю альбомной записи сомнительна. Еще меньше доверия относительно авторства Гоголя вызывает карандашная записка, хранящаяся в РНБ в фонде композитора и дирижера Николая Ивановича Привалова (1868–1924): «Пишет эту книгу Николай Васильевич Гоголь 1843 года Июля 2 Москва» (РНБ. Ф. 615. Ед. хр. 1249). (Гоголь 5 июня 1842 г. выехал за границу, где пробыл до 1848 г.) Записка хранится в конверте письма И. Е. Забелина, адресованного в «С. Петербург. Его Высокоородию Николаю Ивановичу Привалову. Пушкинская, д. 18, кв. 20», с почтовым штампом от 5.IV.1908 г. На конверте имеется помета: «См. в этом конверте автограф Н. И. <так!> Гоголя».

И. И. Ясинский

Анекдот о Гоголе <Воспоминания Михольского>

В 1847 или 1848 году, в Киев приехал осенью Николай Васильевич Гоголь¹. О его визите к покойному Михаилу Владимировичу Юзефовичу² рассказывал мне один очевидец. Может быть, особенного интереса рассказ этот не представляет, да впрочем, и наверно не представляет, потому что визит был самый обыкновенный и на короткое время. Но Гоголь-то человек необыкновенный; необыкновенным он был и в то время, а теперь, когда прошла давность, он представляется нам каким-то полубогом, и потому каждый шаг его и каждое слово приобретают для нас, по крайней мере для некоторых из нас, значение. Ничего, что великий человек покажется иной раз маленьким, пройдя сквозь призму наблюдательности маленького человека. Маленькие люди, приходя случайно, или благодаря своей навязчивости, в соприкосновение с людьми великими, по самой природе своей ничего не могут больше заметить, кроме черт, сбли-

жающих их в каком-нибудь маленьком отношении с великими людьми. Сапожник, вспоминая о Тургеневе, расскажет, какие он носил сапоги и сколько на них было пуговиц. Пустая барыня, которая не могла вести никаких других разговоров, кроме пустых, с великим человеком, вспомнит о нем, что он был пустослов и, в доказательство, приведет какой-нибудь его пустой разговор. Сплетник будет рассказывать о нем, что великий человек любил выслушивать сплетни, и, если великий человек, по благодущию или снисходительности к людским слабостям, проведет время в обществе, которое ниже его, то найдется биограф, который впоследствии сообщит о том, что великий человек предпочитал дрянных людей хорошим, пил и бражничал с мытарями и чуждался фарисеев. Очевидец, сообщивший мне несколько подробностей о своей встрече с Гоголем у Юзефовича, в то время не только не был проникнут благоговением к великому писателю, но в душе считал его чуть ли не пасквильянтом и разделял о нем литературное мнение барона Брамбеуса³, который не признавал Гоголя. Этот господин был тогда молод — лет двадцати пяти, приехал из глухой провинции в Киев тоже на короткое время, с целью нашить себе сюртуков и фраков у киевских портных и приобрести сердоликовую печать, так как он полагал, что, женись, необходимо иметь такую печать, — печать придаст солидности молодому помещику. Из этого можете заключить, что намерения рассказчика были маленькие, обыденные; и нечего гневаться, если Гоголь в призме представится нам тоже не гигантом, ибо Гоголя как гиганта, в особенности в ту пору, мог видеть только сам же Гоголь.

Молодой помещик, приехавший для экипировки в Киев, носил польскую фамилию, хотя родился уже в русском семействе. Польская кровь сказывалась в нем только в его наклонности к франтовству и в тяготении к аристократам. Явившись в Киев, он сейчас же свел знакомство с графом К., который служил в канцелярии генерал-губернатора⁴. Граф был, некоторым образом, знатоком мод и хорошего тона, хотя и не имел средств, и охотно взялся быть ментором Михольского. Михольский оделся с иголочки, приобрел прекрасную сердоликовую печать и, кроме того, хризопразовую в золотой оправе с бриллиантовыми искрами, и доживал в Киеве последнюю неделю, чтобы затем уехать в Харьковскую губернию, жениться и поселиться в имении своей жены. Однажды, после обеда, он заехал к графу К., с которым предполагал провести вечер в игорном доме; но застал графа за усиленным приготовлением к туалету, и на вопрос его, куда он собирается, граф объявил:

— Мне непременно надо ехать в Липки к Юзефовичу, у которого сегодня должен быть человек, интересующий собою теперь весь Киев⁵.

— Кто ж это такой?

— Это некто Гоголь, писатель, — небрежно пояснил граф К., — из хохлов.

— Я знаю, — сказал Михольский.

— Юзефович пригласил меня на Гоголя, а мне неловко не быть, — продолжал К. — Откровенно сказать, я еще не читал этого Гоголя. Что, он хорошо пишет?

— В нем нет ничего возвышенного и, так сказать, байронического, — сказал Михольский, играя своей новой хризопразовой печаткой. — Я читал критику на него. Утверждают, он плохо владеет даже русским языком.

— Это немудрено, — сказал граф К., который в канцелярии генерал-губернатора считался неспособным и никогда не мог сочинить ни одной бумаги. — Но отчего не посмотреть? же он в милости у Государя. Это что-нибудь значит, я доложу.

— Вот как! — сказал Михольский. — В таком случае мне хотелось бы тоже взглянуть на него. Но как это сделать?

— А очень просто, — сказал граф К. — поедем вместе, я представлю вас Юзефовичу — он радушный хозяин.

Михольский и граф К. отправились в Липки, и Юзефович принял незнакомого молодого человека немножко угрюмо.

На обширном балконе, выходявшем в сад, был приготовлен стол с закусками и с чаем. Собрались преимущественно молодые профессора Киевского университета, которые хотели представиться Гоголю. Все были по этому случаю одеты в новенькие вицмундиры и, в ожидании великого человека, переговаривались вполголоса. Юзефович постоянно выбегал смотреть, не едет ли Гоголь. Уж начинало смеркаться, и последние лучи заходящего солнца умирили на стекле чайной посуды, как, по некоторому движению в доме и по внезапно изменившемуся лицу Юзефовича, который, заслышав шум, убежал с балкона, гости заключили, что Гоголь, наконец, приехал. Профессора, сидевшие перед этим, встали и выстроились в ряд. Граф К. и Михольский тоже поднялись с своих мест и стали поодаль, в глубине. В раме открытых настежь дверей показались две фигуры — Юзефовича и Гоголя. Гоголь шел, понутив свою голову с длинным носом и длинными прямыми волосами. На нем был темный гранатовый сюртук, и Михольский, в качестве франта, обратил внимание на жилетку Гоголя. Эта жилетка была бархатная, в красных мушках по темно-зеленому полю, а возле красных мушек блестели светло-желтые пятнышки по соседству с темно-синими глазками. В общем жилетка казалась шкуркой лягушки. Приведя Гоголя на балкон, Юзефович отстранился, чтобы не выдвигаться вперед, а Гоголь остался перед выстроенными профессорами, словно начальник, принимающей подчиненных. Все низко ему поклонились. Он потупился и, по застенчивости или по гордости, не ответил на поклон, который заменил его потупленный взор.

Юзефович почувствовал неловкость от воцарившегося молчания, бросился из-за спины Гоголя и стал представлять ему поодиночке его почитателей.

— Профессор такой-то! Профессор Павлов⁶! Костомаров⁷!

Гоголь чуть-чуть кивал головой и произносил тихо:

— Очень приятно, весьма приятно, душевно рад во всех отношениях.

Когда представление гостей кончилось, Юзефович простер руку в некотором расстоянии от талии Гоголя и просил его сесть откусать, но Гоголь, взглянув на закуски и на чай, сделал брюзгливую гримасу, еще брюзгливее посмотрел на своих почитателей и закрыл глаза рукой, брюзгливо глянув в сторону заходящего солнца. Юзефович сделал знак какому-то молодому человеку стать у решетки балкона и заслонить собою солнце, что тот моментально и исполнил. Гоголь продолжал молчать. Никто не осмелился сесть в его присутствии.

Прошло минуты две или три. Наконец, великий человек поднял голову и пристально воззрелся в жилет Михольского, тоже бархатный, как и у него, и тоже в замысловатых крапинках, но в общем походивший не на шкурку лягушки, а на шкурку ящерицы.

— Мне кажется, как будто я вас где-то встречал, — сказал Гоголь Михольскому.

Михольский хотел отвечать, но из-за спины Гоголя Юзефович угрожающе покивал ему пальцем, и тот должен был ждать, что еще скажет Гоголь.

— Да, я вас где-то встречал, — утвердительно произнес Гоголь, — не скажу, чтобы ваша физиономия была мне очень памятна, но тем не менее я вас встречал, — повторил Гоголь. — Мне кажется, что я видел вас в каком-то трактире, и вы там ели луковый суп.

Михольский поклонился.

Гоголь погрузился снова в молчание, задумчиво глядя на жилетку Михольского. Вдруг он подал руку хозяину, сделал общий поклон его гостям, и направился к выходу. Юзефович не смел его удерживать.

Все молчали, глядя как уходит писатель, странно передвигая, с каким-то едва уловимым оттенком паралича, свои ноги, обтянутые узкими серыми брюками на широких штрипках.

Проводив Гоголя. Юзефович вернулся к гостям с лицом, сиявшим от радости.

— Господа, давайте, прежде всего, выпьем за здоровье Николая Васильевича Гоголя! Пожелаем ему многия лета!

У всех раскрылись рты, все заговорили сразу, много и шумно.

— Многия лета Николаю Васильевичу Гоголю!

— А как вы думаете, — сказал мне рассказчик в заключение своих воспоминаний о встрече с Гоголем, — что побудило знаменитого писателя так скоро уйти тогда от Юзефовича?

— Спешил. Мало ли что могло быть важного у Гоголя, что помешало ему провести время в обществе его почитателей? Может быть, его занимала какая-нибудь фигура из второй части «Мертвых Душ», или созрела в уме новая повесть, или, наконец, он устал, ему надо было отдохнуть дома.

— Ни то, ни другое, ни третье! — отвечал рассказчик, с торжеством потирая руки. — Весь вопрос проще крыловского ларчика: Гоголь позавидовал на мою жилетку. Да, это уж я вам даю честное слово. Если б меня граф К. не привез к Юзефовичу, то Гоголь и чай пил бы, и закусывал бы, и беседовал бы с поклонниками; а я совершенно невольно отравил ему жизнь своей жилеткой.

— Послушайте, может ли это быть?

— Нет, нет, не спорьте со мною. На другой день ко мне в гостиницу «Серебряный Лебедь» — это была такая гостиница на Никольской улице, где я всегда останавливался — прибежал жидок от портного, у которого я купил свою жилетку — заметьте, последнюю: такого рисунка материи у него не было. — Прошу у пана, одолжите жилет! — Зачем? — спрашиваю. — На милость Бога, дайте жилет! Дайте показать, только показать! А может быть, вы его уступите за что-нибудь? — начал он, — что это за наказание, что такого жилета нигде нельзя найти в Киеве! Приехал господин из Петербурга и купил у Гросса⁸ жилетку, подобную до вашей, а теперь подавай ему такую точно, как ваша. — А как его фамилия? — спрашиваю. — Не знаю, зачем вам фамилия? Дайте жилет, на милость Бога! Подумал я и сообразил, что это Гоголь. Недаром он на меня вчера так смотрел и луковым супом меня обидел. — Не дам я тебе, брат, жилетки, не дам! Ты хоть и Гоголь, а такой жилетки у тебя нет, как у меня! И посмотреть не дам. Уж это кончено. Ты хоть двадцать «Мертвых Душ» напиши, а жилетки не дам. Я свою жилетку выше всяких «Мертвых Душ» ставлю... Так я и не дал своей жилетки, а он три раза за ней присылал. Теперь, когда вспоминаю об этом и когда я уже знаю, что на писателя, может быть, влияет каждая мелочь, то воображаю себе, как он бесился, как, может быть, из-за этой жилетки не удались ему какие-нибудь, так называемые, лучшие страницы! Вот после этого и называйте Гоголя великим человеком. Сердоликовый перстень с гербом я ношу до сих пор, а хризопразовую печатку с бриллиантовыми искрами потерял на охоте и кажется, в 1856 году, осенью — этак после Покрова.

Первые опубликовано: Ясинский И. И. Анекдот о Гоголе // Исторический Вестник. 1891. Июнь. С. 594–598. Печатается по первой публикации.

Иероним Иеронимович Ясинский (псевдонимы Максим Белинский, Независимый, 1850–1931), писатель и журналист; после революции 1917 г. работал в Пролеткульте, вступил в коммунистическую партию.

С возражениями на публикацию И. И. Ясинского 1891 г. выступил в том же году Н. С. Лесков: «Только на сих днях я получил из Петербурга июньскую книжку “Исторического вестника”, где <...> прочел <...> рассказ “о гоголевской жилетке”, сообщенный Иеронимом Иеронимовичем Ясинским со слов помещика Михольского. <...> ...Я <...> совсем отвергаю возможность такого события при созданной Михольским обстановке. Я говорю, что рассказанного Михольским происшествия с жилетом *не могло* произойти в Киеве ни в 1847, ни в 1848 годах, ни позже, до самой кончины Гоголя, и вот тому мои доказательства».

1) <...> ...Событие, о котором Михольский рассказывал И. И. Ясинскому, можно исследовать только разве в пределах 1848 года; но тут мы увидим, что из всех указаний Михольского *ни одно* друг с другом не сходится и не согласуется.

2) Гоголь в январе 1848 года отправился из Неаполя в Иерусалим, а оттуда, *весною 1848 года*, приехал в село Васильевку, в Полтавской губернии, и жил в Малороссии целое лето. А потому хотя и возможно допустить, что Гоголь в конце лета или “по осени”, может быть, и заезжал в Киев, но он в это время никак не мог встретить там на вечере в числе профессоров Николая Ивановича Костомарова, так как Н. И. Костомаров, как известно, был арестован в Киеве на-

кануне своей свадьбы, в Фомино воскресенье, 30-го марта 1847 года, и в 1848 году уже находился на высылке, из которой не возвращался и во все остальное время до кончины Гоголя (†1852).

3) Михольский сказал И. И. Ясинскому, будто посыльный “жидок” говорил ему, что “приезжий господин” (в 1848 г.) “купил жилетку у Гросса”, но этому нельзя верить. Никакой “жидок” не мог сказать Михольскому такого вздора, потому что *портного Гросса в 1848 году в Киеве еще не было*, а лучшими и модными портными в то время были там: Червяковский, Мирецкий, и немного позднее — Вонсович. Портной же Гросс прибыл в Киев и просиял на киевском Крещатике только в 1855 или в 1856 г., то есть тогда, когда Гоголь уже перешел в лучший мир, а тело его было погребено на московском кладбище.

Особенно удивительно, как Михольский мог так напутать о портных, при посредстве которых киевским щеголям только и можно было хорошо экипироваться в 1847 или 1848 годах. В качестве франта Михольский, кажется, непременно должен бы знать, кто из портных был тогда славен в Киеве.

И 4) Михольский сказывал г-ну Ясинскому, что факторство о жилете вел “жидок, прибежавший от портного”, — но этого тоже быть не могло. В то время (при генерал-губернаторе Бибикове) в Киеве не было на постоянном жительстве ни ремесленников, ни посыльных из евреев. Единственное исключение представлял собою одиноко обитавший на Печерске “резчик печатей Давидзон”, который жил в Киеве по особенному усмотрению генерал-губернатора, “как ремесленник, необходимый для присутственных мест и почтовых учреждений”. Но этот Давидзон был человек очень старый и больной и на посылках не бегал, а почитал для себя за большую тягость даже то, что он должен был приходить и исполнять какие-то специальные занятия в кабинете почтового чиновника, на визитных карточках которого значилось: “статский советник Блюм, киевский почтовый люстратор”.

Итак, я считаю ясно установленным, что Гоголь в 1848 году не мог встретить в Киеве Костомарова, что жилета в 1848 г. нельзя было покупать в Киеве у Гросса и что посыльные евреи в 1848 году по Киеву не бегали. А три такие нескладницы в одной маленькой истории о жилете совсем подрывают всякое доверие к рассказчику, и мне кажется, что Михольский, кроме “качеств франта”, которые заметил в нем Иероним Иерон<имович> Ясинский, обнаружил еще и качества человека чрезвычайно забывчивого или неискусного выдумщика» (*Лесков Н. Нескладница о Гоголе и Костомарове. (Историческая поправка) // Петербургская газета. 1891. 16 июля. № 192. С. 1–2; с датой: «10 июля 1891 года»; см. также: Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. М., 1958. Т. 11. С. 208–212).*

¹ Речь идет о приезде Гоголя в Киев в конце мая 1848 г. См. в наст. изд. второй раздел *Воспоминаний А. С. Данилевского о последних годах жизни Гоголя, в пересказе В. И. Шенрока*. Примечательно, что статья И. И. Ясинского появилась в печати спустя полтора года после публикации В. И. Шенроком указанных воспоминаний А. С. Данилевского: *Шенрок В. И. Н. В. Гоголь и А. С. Данилевский // Вестник Европы. 1890. № 2.*

² Михаил Владимирович Юзефович (1802–1889), литератор, археолог, в 1843–1852 гг. помощник попечителя Киевского учебного округа.

³ Псевдоним О. И. Сенковского.

⁴ Имеется в виду киевский военный губернатор (с 1837 г.) Дмитрий Гаврилович Бибиков (1792–1870).

⁵ О вечере у М. В. Юзефовича в конце мая 1848 г., с участием Гоголя, упоминал также Ф. В. Чижов (см. в наст. изд. *Воспоминания Ф. В. Чижова в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша*).

⁶ Возможно, имеется в виду историк Платон Васильевич Павлов (1823–1895), в 1847 г. получивший степень магистра греческой словесности и в том же году назначенный в Киевский университет адъюнкт-профессором по кафедре русской истории. В 1849 г. получил профессорское звание; в Киевском университете служил до 1859 г.

⁷ Н. И. Костомаров был адъюнкт-профессором по кафедре русской истории в Киевском университете с осени 1846 по весну 1847 гг., после чего был арестован по делу Украина-Славянского Общества, поэтому присутствовать на встрече с Гоголем в мае 1848 г. не мог (см. выше преамбулу наст. коммент.).

⁸ По указанию Н. С. Лескова, портной Гросс появился в Киеве только в 1855 или 1856 г. (см. выше преамбулу наст. коммент.).

Путимец. Из апокрифических рассказов о Гоголе

Напечатанные в 1883 г. в журнале «Киевская Старина» письма Н. В. Гоголя¹ (которые до сих пор оставались неизвестными) пробудили в моей памяти воспоминание об одном устном рассказе, касающемся юношества поэта. Рассказ этот я не раз слышал в пятидесятых годах в Киеве от большого моего приятеля, уроженца города Пирятина, художника Ив. Вас. Гудовского², а он сказывал это со слов другого своего земляка, известного в свое время малороссийского патриота и отчасти тоже немножко поэта — Черныша³. Черныш же слышал это от какого-то своего родича, который был знаком и даже, кажется, дружен с Гоголем во время его студенчества в Нежинском лицее⁴. Этого рассказа я нигде не встречал, ни в одних материалах для биографии Гоголя, но также и не смею думать, что он достоин занять там место. Правдивость события, о котором хочу рассказать из пятых уст, мне отнюдь не представляется несомненною, хотя, однако, в этом предании мне чувствуется что-то живое, что-то во всяком случае как будто не целиком выдуманное. А потому я думаю, что это необходимо сберечь, хотя бы даже как басню, сочиненную о крупном человеке людьми, которые его любили.

Если даже это и целиком все сплошная фантазия (что допустить очень трудно), то почему не послушать, как фантазировали о гениальном юноше его соотечественники.

I

В бытность Гоголя студентом Нежинского лицея⁵ старшему Чернышу⁶ случилось ехать с ним вместе верст за пятьдесят или за сто от Нежина в деревню в гости к каким-то их общим знакомым¹. К кому именно — не знаю, но ехали они вдвоем, «спаркою на почтовых», и в перекладной тележке.

На дворе стоял невыносимый июньский зной, и раскаленный малороссийский воздух был полон той тонкой черноземной пыли, которая умеет пронизать все — обратить путников в арапов, слепить их волосы и запылить им глаза, нос и уши. Уста пересмягли, в груди томящая жажда, а руки нет силы поднять от усталости. Вокруг широко расстилается неоглядная малороссийская степь, и кажется, нет ей ни конца, ни предела. Во всем поле не встречается никакое живое существо; даже мелкие птички, и те, притомившись, пали к хлебным корням, и не видно их там, где они перемогают этот страшный зной огнепалаящей печи. Только одни грязные оводы с огромными зелеными глазищами неотступно мычат над несчастными взмысленными конями и еще более увеличивают их мучительное терзание.

Родич рассказчика сильно измучился и раскис, а потому был не в хорошем расположении духа, но Гоголь, к удивлению его, не поддавался жаре и был, напротив, очень бодр и весел. Он, как известно, любил жару и теперь шутил, говоря, что на таком угле хорошо было бы раздеться да полежать голому на солнце в горячем просе. Малороссийские сибариты старинного закала бывали большие охотники до этого своеобразного наслаждения, и Гоголю оно тоже нравилось, или он так поддразнивал своего нетерпеливого к жаре спутника. Гоголь все мурлыкал песенки, вертелся, подсвистывал на коней, сгонял прутиком оводов и в шутовском тоне заговаривал с ямщиком. Но ямщик на эту пору попался им самый несловоохотливый, и как Гоголь его

¹ Помнится, будто родственник Черныша, сообщавшего этот рассказ Гудовскому, тоже назывался Черныш. Во всяком случае, для удобства в изложении мы будем звать его этим именем. — *Примеч. Н. С. Лескова.*

ни заводил на разговоры, наконец должен был от бесед с ним отказаться. И вот тогда-то его перекинуло на спутника.

Родич Черныша столько же страстно любил малорусский народ, сколько недолюбливал «кацапов», то есть великороссов. Таких людей здесь было много. И как у нас в свое время были любители говорить местами из «Горя от ума» или из «Мертвых душ», так и у этого была своя любимая книжка — это повесть о том, «как в Туле надули малороссийского паньча»⁷. Что бы он ни прослышал из великорусских нравов, на все у него была из той книги готова поговорка: «Кого наши не надуют».

Этак он и сожалел «кацапов», и похвалял их, и порицал, и как будто вместе с тем радовался, что их уже никто в мире не надует.

«Бо вони мертве теля — и те надувають» (т<о> е<сть> убитого теленка, и того надувают).

Особенно этого чудака раздражало «московское плутовство», о котором он сам, будучи человеком безукоризненно честным во всех делах, как крупных, так и мелких, не мог слышать без душевного раздражения и всегда из-за каждого пустяка в этом роде готов был кипятиваться, и кипячение это поддерживал искреннею патриотическою скорбью, «що ті бісові плути, кацапи, наш добрий, хрестянський люд попсують».

Утрированная скорбь его, может быть, имела для себя какое-нибудь оправдание.

Гоголь, конечно, хорошо знал эту слабость своего приятеля, и, может быть, потому, что ему хотелось, как говорится, «завести орган», а может, и потому, что он, сколько известно, и в самом деле не разделял крайностей малороссийской нетерпимости, а даже любил «русскую удаль», — он начал по поводу ямщика-малоруса разговор о типическом ямщике великорусском, человеке по преимуществу общительном, разговорчивом и веселом.

— Совсем другое! — восклицал Гоголь, — великоросс совсем другое: с тем всего какой-нибудь один час проедешь — и перед тобою вся его душа выложится; вся драма его жизни тебе станет открыта. «Душа нараспашку...» Совсем другое!

А Чернышев родич отмечал в этом расхваливаемом великорусском типе другие, противоположные черты: он указывал на кацапское бесстыдство, попрошайство, лживость, божбу и прочее, чем нас обыкновенно попрекают соседи.

Гоголь очень спокойно, но без пристрастия, делал на это свои возражения и до того раззадорил Черныша, что тот, несмотря на усталость, начал и с своей стороны отвечать горячо и нетерпеливо.

Слово за слово — разговор приятелей перешел в спор, который, по мнению Черныша, Гоголь, очевидно, нарочно путал, чтобы было больше о чем спорить без всякого конца и результата. Черныш это видел и знал, что Гоголю иногда приходили такие фантазии, чтобы подразнить приятеля, но впал в такой задор, что не мог удержаться и продолжал спорить. Да и нельзя было удержаться, потому что Гоголь, по его мнению, стал уже высказывать какие-то очевидные и для пылкого малороссийского патриота совершенно нестерпимые несообразности.

II

Спор особенно обострился на том, кого легче можно культивировать, то есть воспитать и выучить, — хохла или кацапа? Гоголь это расчленил и осложнял очень обширно и, кажется, верно.

О том, что великорусский человек против малоруса гораздо находчивее, бодрее и «майстеровитее», — Чернышев родич Гоголю и не возражал. Напротив, в этой части он ему почти все уступал и говорил, что научить ремеслам и всяким деловым приемам «кацапа» можно гораздо скорее, чем приучить к тому же самому в соответственной мере хохла; но чтобы великоросс мог подать большие против малоруса надежды для успехов душевной, нравственной воспитанности, без которой немислимо гражданское преуспеяние страны, — это Черныш горячо и реши-

тельно отвергал, а Гоголь защищал «кацапов» и, как Чернышу тогда казалось, «говорил будто бы разные глупости».

— Кацапы, — проповедовал Гоголь, — такой народ...

— Душевердный! — перебивал Черныш.

— Нет, не душевердный, а совсем напротив.

— Надувалы и прихлебалы.

— Да, да, — «надувалы и прихлебалы» и все, что тебе еще угодно, можешь отыскать в них дурного, а мне в них все-таки то дорого, что им все дурное в себе преодолеть и исправить ничего не стоит; мне любо и дорого, что они как умственно, так и нравственно могут возрастать столь быстро, как никто иной на свете. Сейчас он такой, а глазом не окинешь — как он уже и перекинется, — и пречудесный.

— Перекинется из сороки вороною, — оторвал Черныш.

— Почему и для чего вороною? Нет, не вороною, а ясным соколом. У них это так и в сказках. Чудесные сказки! Ведь ты не читал этих сказок!

— Читал или не читал — это все равно: сказки на то и называются сказками, чтобы им умные люди не верили.

Гоголь весело расхохотался и, сделав гримасу, комически произнес:

— «Сказки» и «умные люди»... Ой же вы, умные люди! Яки вы поважны да рассудливы. А ти вже, що сказки складали, — ти, видать, були дурни? А вот же вас и не стане, а сказки останутся. А впрочем, если уже ты такой умный человек, что тебе сказки не по плечу, то читай книги божественные и там то же самое увидишь.

— Какие это именно книги, и что там о твоих кацапах сказано?

— Читай, что писано в «Житиях» о русских святых... Какие удивительные повороты жизни! Сегодня стяжатель и грешник — завтра все всем воздал с лихою и всем слуга сделался; сегодня блудник и сластолюбец — завтра постник и праведник... Как вы всего этого не понимаете и не цените!

— Зато ты ценишь.

— Да, я ценю, я очень ценю! Я люблю, кто способен на такие святые порывы, и скорблю о тех, кто их не ценит и не любит!

— Не скорби.

— Нет, нет: я не могу об этом не скорбеть! Ты их не любишь, а Христос их любил.

— Кого это: твоих кацапов?

— Да! то есть таких людей, как кацапы, — людей грешных, да способных быстро всходить вверх, как тесто на опаре... Закхей и Магдалина, слепец Вартимей... Над ними явлены чудеса! Только подумай, этот Вартимей... какая, по-твоему, была его слепота? Мне сдается — душевная. Чем он был слеп? — тем, что ничего не видали очи его помраченного ума... И вдруг... одно только слово, одно «малое брение», плюновение на землю, и очи отверзлись... И как широко... как далеко взглянул он. Все роздал — себе ничего не оставил. Чудо! и прекрасное чудо!.. Люблю это чудо, и люблю таких людей, с которыми оно творится.

И уж тут, как Гоголь зацепил Закхея с Магдалиной да этого Вартимея, то знавший его привычки Черныш только рукой махнул и сказал ему:

— Ну-ну, теперь «воссел еси, Господи, на апостоли Твоя, яко на кони, и мир бысть еждение Твое»⁸.

Гоголь рассмеялся, но тем не менее все продолжал ораторствовать на свою тему.

Черныш молчал. А тем временем жара и истомы становились еще сильнее, и вдруг, как неожиданная благодать, завиднелись впереди из-за хлебов присельные ракиты над греблей; потом сверкнул верх гнупого журавля над колодцем, и, наконец, постепенно открылось большое село и при самом въезде в него — колодезь. Здесь была надежда напиться самим и напоить лошадей.

Путники остановили коней и пошли в ближайший дом просить бадейки, чтобы вытащить воды из колодца.

Но попытка была напрасна; бадейки, которою бы можно зачерпнуть воды в колодце, в этом доме не оказалось. Хозяйка, истощенная пожилая женщина, отвечала:

— Мы, выбачайте, люди паньски, у нас ничогисеньки нема.

Черныш сейчас к этому случаю и прихватился.

— Ничогисеньки, говорит, у них нема, — бо они «паньски»... А кто их, бидаков, закрипосив? Ге! то це вона «мать отечества», сия большущая, великая жена, твоя всероссийская Екатерина!

Гоголь притворился, будто не слышит и занят только тем, чтобы «достать ведрце».

Однако в самом деле они насилу в третьем или в четвертом доме только достали нужное им «ведрце». Такая была здесь повсеместная бедность! А потом вытащили из колодца такую дрянную воду, что даже при всей великой жажде пить ее не могли. Какая-то совсем белая, соленая и противно отдает ржавым дротом (ржавую проволокою). Хочется пить, что называется «душа мрет, а утроба не принимает». А тут еще в сених, на земляном полу, лежит лет пятнадцати хлопчик и преласточно стонет... Такой жалкий, что видеть невозможно без душевной муки. Тощий и «притомленный», он словно ждет кончины и томится в мучительной огневице: мух от себя отогнать даже не может, а между тем говорит с тихим юмором:

— Ага! що?.. бачите, яка у нашої кринички добра водичка! Наша криничка глибока, та и припогановата... А вы з нии лучше не пиите, а идти по тий бок села до кацапа...

Путники спросили у большого мальчика: что же, у кацапа есть, что ли, колодезь с лучшей водой? А тот им отвечает, что колодезь там есть и вода в нем получше, но только и тот колодезь не годится, потому что в него «кошка упала, да еще не высвячена», но зато у того кацапа, говорит, есть корова, и ее годуют (кормят) молодым лопухом да свекольным листом, и она с того доброго корму дает молоко самое белое-пребелое и такое вкусное, что и сказать невозможно.

— Вот, — добавил больной хлопчик, — вы лучше того молока попейте, так это добре буде, бо воно стоить у него у холодном погребу в поливяных глечиках, пид камнями... Так в нем и дух и смак есть, да такой смак, что и сказать нельзя, а если жадной душою в такую жару человеку целый глечик выпить, то враз ему столько много силы прибудет, что потом хоть отбавляй — девать некуда.

Так хорошо и так уж слишком внятно рассказывал им мальчик об этом молоке, что видно было, как он живо чувствует все прелести и всю силу животворного напитка и в то же время как недостижимо представляется для него самого такое необъятное блаженство.

— А ты сам не пешь молока? — спросил его Гоголь. Мальчик молча покачал слабою головою, а потом улыбнулся и проговорил:

— Ще того здумали! молока пить! Ось, бачите, яке наше сніданье.

И он показал на стоявшую возле него грязную чашку, где мокла в воде черствая корка ржаного хлеба, над которою жужжали мухи.

— А у вас своей коровки нема?

Мальчик посмотрел недоуменно и отвечал:

— Яки в нас коровы!.. у нас и козы жидивской, и той нема, — мы крипаки (т. е. крепостные).

Гоголь поморщился, достал из вязанного кувшинчиком кошелька монету в два польские злота, подал ее хлопцу и сказал:

— Попей, хлопче, молочка на здоровье.

Хлопец поблагодарил и, приподнимаясь, чтобы показать панам, «де ихать до кацапа», прибавил, что данных ему «грошей» ему «достачить як раз на шесть глечикив», то есть на шесть кувшинчиков. А отсюда, значит, просто приходилось вывести, что у кацапа глечик, или кувшин молока, стоит десять грошей, или пять копеек на серебро.

Это по тогдашнему времени совсем не было в здешних местах дешево, потому что и еще двадцать лет позже не только в Нежине, но и в самом Киеве глечик превосходного, розового топленого молока с коричневою, грибком вздувшеюся пенкою, стоил три, а иногда даже две копейки. Следовательно, кацап брал за молоко еще дорого, и он брал такую дорогую цену потому, что мог не церемониться, ибо между бедными «крипаками» ему не было никакого соперника¹.

Так молодые путники и распростились с больным хлопцем и поехали по селу к кацапову дому. И как только они отъехали от «притомленного» больного, так Черныш опять заговорил Гоголю про Екатерину, а Гоголь слушал, улыбался и, обняв приятеля, запел ему потихоньку:

Ой, у поли озерце,
Там плавало ведрце:
Кохаймося, сердце!

— Кохайся про те сам с собою, а не со мною, — отшучивался Черныш, но Гоголь все пел и шутил неудержимо.

III

Кацапов дом, на который издали указал мальчик, стоял, как сказано, в противоположном конце села, и это был такой чисто кацапский дом, который легко можно было отличить от всех соседних малороссийских крестьянских хаток. «Кацап» держал в аренде трактовый постоянный двор, выстроенный по русскому образцу, с коньком, на две половины, и ни вокруг, ни около его не было ни вербы, ни груши, ни вишневого куста, ни лозиночки, словом — ни одной веточки, где бы свила себе гнездышко щebetунья птичка или присел в тиши помечтать и попеть серый соловушко.

Перед крыльцом травка вытоптана и в нескольких местах в пыли вырыты курами глубокие ямки; тут же вбит в землю небольшой, сверху расщепленный колышек, а возле него опрокинуто расколотое грязное корытце, которое с нетерпеливым визгом толкает привязанный за ногу полугодовой поросенок... Другой, постарше, ходит на свободе и хрюкает безумолчно... Двор полураскрыт, и по одну его сторону торчит высокая куча навоза, из которой кое-где сверкают обрывки выветренных лоскутьев и тряпок, а по другую — видно выпаленное место. Здесь, по древнерусскому обычаю, высыпает из печи горячий пепел и золу, «пока Бог грехам терпит», и двор, молитвами святых угодников, не загорается.

Словом — дом и двор вполне в известном великорусском вкусе, чего лучше не надо требовать.

Стали наши путники перед крыльцом и только что хотели встать с телеги, как на «гайдарею» выходит хозяин, очень красивый старик, лет, может быть, шестидесяти двух-трех, или еще с хвостиком, но еще очень бодрый и здоровый, глаза голубые навывкате, в левом ухе серьга, а брада Аарония — во всю грудь, так по красной касандрийской⁹ рубахе и расстилается.

— Смотри, смотри, что за красота! точно Гостомысл! — шепнул приятелю Гоголь.

— Да, это у них бывает, — отвечал тот, — по браде Анания, а по душе каналая.

— Ну вот уже и «каналия»! Глупо это, — отвечал Гоголь и, оборотясь к Гостомыслу, весело спросил:

¹ Читатель напрасно стал бы удивляться и сравнивать с этим описанием быт некоторых крепостных в Великой России. «Крепачество» в Черниговской губернии, особенно у господ мелкопоместных, было гораздо ужаснее, чем в русских губерниях, — тем более что у здешних крестьян нет никаких промыслов. — *Примеч. Н. С. Лескова.*

- Молочко есть, хозяин?
- Как не быть, — про то заезд держим.
- Давайте же нам сюда скорее вашего молочка!
- Молочко не наше, а *коровье*, — не спеша прорезонировал Гостомысл.
- Ну, коровье так коровье: давайте коровьего. А ведь коровка ваша?
- Корова наша.
- Ну, и давайте.

Красивый старик сам не тронулся с места, а только крикнул:

— Егорка!

Появился красивый паренек лет шестнадцати.

— Слазь в погреб, принеси молока, — приказал ему старик.

Тот ушел.

— Это ваш сын? — спросил Гоголь.

— Внук.

Подали молоко; оно, быть может, и не обладало всеми теми восхитительными свойствами, про какие рассказывал больной хлопец, но все-таки было холодно и вкусно и на нестерпимую жажду показалось так хорошо, что Гоголь как припал к горшочку, так уже с ним и не расстался, пока не выпил его до дна. Для спутника его потребовался другой кувшин, который на погребу у дворника тоже нашелся, а пока этот второй кувшин подали и пока Черныш его выпил, Гоголь, находясь все в том же веселом ударе, разговорился с хозяином: давно ли он здесь, откуда родом и как идут его дела, и пр., и пр.?

Почтенный Гостомысл на все отвечал не спеша и с повадкой, а на вопрос о том: «откуда», — он коротко молвил: «путимец». Это слово страсть как понравилось Гоголю — все равно как Ивану Андреевичу Крылову некогда понравилась «добрая» фамилия купца Блинова¹⁰, который, впрочем, оказался большим вымогателем и задумал «обовязать» покойного баснописца миллионной распиской.

— «Путимец!» Путимцы! — повторял вполголоса, обращаясь к Чернышу, Гоголь. — Какие хорошие звуки! И как у них все это кстати. Не намеренно, но кстати: человек «путимский», и вот он сел и сидит *при пути*, и кому надо этот путимец сейчас услужит вот так, как нам, а проезжим людям, которые в этом нуждаются, хорошо. При путях сидят «путимцы». Честное слово — это прекрасно! А притом ведь эти путимцы народ исторический: они ведь, как «куряне ведомые — то кмети»¹¹, — еще в «Слове о полку Игореве» упоминаются. Встарь они Ярославну оберегали, слышали ее стоны и вздохи, а нынче сошли на другое, сидят на путях дворниками, и все ничего: везде эти ведомые кмети пригодны...

И затем, прервав этот поток исторических воспоминаний, Гоголь весело обратился к дворнику и спросил:

— А сколько, почтенный господин хозяин, ваша милость с нас бесчестья за свое молочко положите? — и с этим сам уже опустил пальцы в кошелек, чтобы вынуть оттуда маленькую монету.

Путимец не торопился ответом и, слегка потягивая себя за сережку, начал было опять про то, что подавал им молоко не свое, а коровье, но Гоголь его остановил и сказал:

— Ну да — хорошо, «коровье», а сколько же надо отдать за это коровье молоко?

— Да что с вас... давайте хоть один рубль; и то будет.

Гоголь молча поднял на дворника глаза, и на устах его заиграла презрительная улыбка, но он сдержался. Зато Черныш вспылил не на шутку, стал нетерпеливо «ляяться», называя дворника мошенником, грабителем и всякими другими пристойными случая именами.

Гостомысл нимало этим не смущался и все тихо доил себя за серьгу и, наконец, молвил:

— Нечего, баре, сердиться: умней бы были, так, не спрося цены, не пили бы. А теперь чего сердиться? Это ведь не носильное, с плеча не снимешь, а съедобное — проглотил, и назад уже

негде взять. Ведь я вас не Христа ради поил; не снятым молоком, а цельным. Ноне день-то вона какой — жар печет, молоко киснет. О такой поре кубан молока самим хозяевам для забелки во шти дороже полтины кувшин стоит, а вы два кубана выпили да за один рубль такой спор заводите! А еще дворяне!

Черныш весь задрожал от этой наглости и вызывающих дерзостей, но Гоголь схватил приятеля за руку и «на милость Бога» молил ни слова не говорить и не трогаться, а предоставить ему одному «все удовольствие» разделаться с милым Путимцем.

— На милость Бога! на милость Бога, не вмешивайся! Сделай мне такое одолжение, позволишь из него такого дурня устроить, который сам себя высечет!

Черныш гадливо отвернулся и сказал:

— Ну тебя с ним! делай что хочешь.

Гоголь тотчас же обратился к Путимцу и преспокойно заговорил к нему.

— Не обижайтесь, пожалуйста, господин хозяин, на приятеля: он у меня всегда такой сердитый — не разберет, да и сердится. Вы ведь это, кажется, за два кувшина рубль спрашиваете?

— Знамо, что за два, — вы два выпили, я по полтине за штуку и спрашиваю; всего за два — один рубль.

— Ну вот то-то и есть! Я так и понял, что за два один рубль. А он думал, что вы за каждый глечик по рублю хотите... Это было бы дорого, а рубль за два... вот вам, возьмите рубль, возьмите... И еще спасибо вам на этом, потому что в том селе, которое мы раньше проехали, с нас по пяти злотых (75 коп<еек>) за кувшин взяли. И везде, везде теперь так берут, а у вас всех дешевле, Спасибо вам на этом, большое спасибо!

И с этим они уехали.

А Путимец, на которого Гоголь несколько раз оглядывался, все стоял и как взял в руки серебряный рубль, так на той же ладони и держал его, — очевидно, жалел, что взял дешево.

Гоголь был очень доволен и, улыбаясь своей тонкой улыбкой, не обращал ни малейшего внимания на то, что ему говорил Черныш и даже хранивший до сих пор молчание ямщик. А теперь даже и этот говорил, что «бисова кацапа стоило бы добре выбить».

IV

Едучи далее, Черныш несколько раз принимался рассуждать, как такой паук должен бедного пахаря грабить, и укорял Гоголя: зачем он позволил этому наглому человеку так грубо обмануть себя, но Гоголь все продолжал улыбаться и на все укоризны твердил одно:

— А ты погоди — он покается. Ты увидишь, зачем я так сделал, — я сделал это для того, чтобы он покался. Ты увидишь — глупо это или не глупо!

— Разумеется, преглупо, — спорил Черныш.

— Ну да это еще пан писарь знает да другие люди письменные, — отвечал Гоголь, — а ты погоди, братику! — погоди! — Он покается.

И Гоголь начал разводиться рацей о том, что никогда не нужно отчаиваться в раскаянии целого века и не стоит самому ссориться и биться, а надо так сделать, чтобы человек сам себе получил вразумление от своего характера, чтобы он сам себя наказал за свою гадость.

— Как же это он сам себя наказывать будет? Он карбованца взял, да и рад теперь, что дурня встретил.

— Ну нет, — ошибаешься, он уже и не рад; он и теперь уже скучает, что мало взял, а дурни-то будем не мы, а он, потому что он сам себя за нас бить будет. Непременно! непременно сам себя бить будет. И вот, знаешь, — мне его теперь уже даже и жалко становится, потому что я над ним черт знает какую штуку подстроил. Ужасную штуку!

— Никакой.

— Нет — ужасную! Вот ты увидишь!

Черныш перестал возражать.

Путники еще раз сменили лошадей и приятной вечерней прохладой доехали до имения своих знакомых. Здесь им, разумеется, были очень рады, встретили их весело, с добрым малороссийским гостеприимством, и оживленная беседа шла до позднего сытного ужина. Перед ужином Гоголь ходил с хозяйкою в детскую смотреть, как «молят Бога»¹ и укладывают спать детей. Молящиеся дети и молодая мать или умная, благочестивая няня, руководящая детской молитвой, диктуя им слова прошений к Творцу миров, всегда нравились Гоголю и прекрасно его настраивали¹². А потому в коротко знакомых домах он просился в детские, и ему, разумеется, не отказывали.

В данном случае и в данном месте главным кормщиком детского корабля была няня — давняя знакомая Гоголя, орловка, понятливая, умная и с поэтическими замашками. Гоголь не раз выпрашивал у нее, чтобы она диктовала ему орловские прибаутки и песенки, и записывал их. Так и теперь — он сначала смотрел, как чинная старушка «молила детей Богу», а когда детей уложили в их постельки, он с тихого нянинного пошепта записал песенную шутку про «блошку», о том, как:

Блошка банюшку топила,
С золой щелок щелочила,
Жарко парилася,
С полка вдарилася,
Себе боком —
Ненароком
Ребро проломилла,
Крысу задавила.

Потом он ходил на поляну, где под развесистой березою танцевали после ужина наемные паробки и дивчата; потом, наконец, сам ужинал, а ужин в малороссийском хлебосольном доме составляет дело не скорое и не легкое. После ужина опять долго сидели на балконе, который выходил в старый тенистый сад и был окружен большими клумбами роскошнейших роз, разливавших тонкий раздражительный аромат; а потом разошлись далеко за полночь.

Во все это время о дорожном происшествии с молоком у Путимца ни одним из приятелей не было сказано ни одного слова. Черныш хотя и имел в этом случае достаточный повод потрунить над своим оригинальным товарищем, но не сделал этого. Он замечал, что в рассказанном нами ничтожном событии, которое Гоголь вначале принял очень легко и даже весело, в существе заключалось для него нечто неприятное, нечто столь тяжелое, что он почти страдал от этого. С ним такие вещи бывали, и потому Черныш не хотел заводить речи о неприятном. Ему казалось, что еще когда они подъезжали к дому, то Гоголь «якось так на него очима зиркнув», как будто просил, чтобы об этом не говорить при посторонних. Черныш думал себе:

«Вот какой чудак! — что ему такое этот жадный мужик?» А однако из деликатности он все-таки исполнил немую просьбу Гоголя и хранил о Путимце молчание.

¹ По-малороссийски говорят так: «молите детей Бога», то есть поучите детей молиться Богу. — *Примеч. Н. С. Лескова.*

V

На ночь приятелей поместили обоих вместе в очень просторной, даже огромной бильярдной комнате на мезонине. При комнате опять был небольшой балкон, выходящий в тот же самый сад и над теми же самыми клумбами благоухающих роз.

Дверь на балкон была открыта, и оба приятеля условились, чтобы ее на ночь не закрывать, потому что и теперь все-таки было еще довольно жарко.

Им прислуживал Харитон, старый слуга, которого все в доме уважали и которого давно знал и любил Гоголь.

Харитон был человек набожный, благочестивый и кроткий, и Гоголь находил удовольствие с ним беседовать.

Черныш сразу же разделся и лег в постель, а Гоголь облачился в поданный ему очень широкий и длинный хозяйский халат из белого пике, который был ему очень длинен и волочился за ним шлейфом. Чтобы было несколько половче, Гоголь подпоясался своим большим красным фуляром, выдергал вверх буфами полы, надел на ноги желтые хозяйские шлепанцы и вышел на балкон, а потом исчез к Харитону и долго о чем-то с ним разговаривал. Потом опять прошел на балкон и оставался тут так долго, что Черныш уже успел заснуть. Но вдруг он был пробужден появлением Гоголя, который тихо подошел и уселся у него в ногах, на его постели.

— Что тебе нужно? — спросил Черныш.

— Извини меня, — отвечал взволнованно Гоголь.

— Отчего ты не спишь?

— Не могу.

— Нездоров, что ли? — объелся раков за ужином.

— Нет... не шути... никакие раки, а моя душа...

— Что там еще с твоей душой?

— Я был очень легкомыслен... я сделал дурное дело. Это невозможно так оставить: я сейчас должен уехать,

— Куда, зачем и на чем?

Гоголь назвал село, где была встреча с Путимцем.

— Опять про него!

— Не могу... я не обдумал и поддался дрянному искушению... Не могу...

— А ну его к черту! Я спать хочу.

— Нет, ты сделай милость, послушай... Я мог над ним пошутить, но я устроил над ним слишком злою... слишком злою насмешку... а у насмешника всегда бывает дрянное сердце. Это мучительно!

— Ничего я не хочу об этом слушать, это мне и днем вволю надоело.

— А может быть, он до сих пор уже что-нибудь претерпел.

— И прекрасно — он того стоит.

— Полно, пожалуйста! он старик.

— А черт ли мне до него, если он до старости все подлецом дожил.

— Но ведь еще, значит, не пришло его время: он покается.

— Черт ли мне до него — когда он задумает каяться, — может быть, перед смертью.

— А хотя бы и перед смертью. Нет, я должен был поступить совершенно иначе.

— Непременно; я тебе это самое и говорил: ты должен был бросить ему гривенник и не мешать мне толкнуть его с телеги ногой в брюхо.

Гоголь в ответ на это упрекнул приятеля в грубости и насилу позволил убедить себя, что будить теперь хозяев и поднимать весь дом для того, чтобы ехать к какому-то нахальному и жадному мужику, было бы чистым безрассудством. Но, наконец, резкие и сильные доводы Черны-

ша на него подействовали, и он отложил свое намерение спасти Путимца и рассмеялся, когда Черныш сказал ему, что тот «сам спасется».

— Да, да; вот это пожалуй — он сам спасется. Ты это попомни.

Успокоясь таким образом, Гоголь даже сам находил, что затеять ночной отъезд было бы очень неуместно, но, однако, успокоился он не совсем и не шел спать, а продолжал разговор, толкуя о различии между шуткою и насмешкою, которой он себе не мог простить, и был милосерден к себе за то, что уверял Путимца, будто молоко стоит даже дороже полтинника. Это, по его мнению, имело именно характер насмешки, желание сделать другого человека дураком. Он пустился в ученые рассуждения, приводил мнения о насмешке Тацита и Лабрюйера и вообще удивил приятеля, обнаружив перед ним, что он давно и много думал об этом. Особенно его давило мнение Тацита, что «насмешки оставляют в уме смертельные уколы и ничего не исправляют»; потом он переносился к сатире, которая «должна нападать прямо на нравы», цитировал Вольтера и Декурсея¹³, говорил о способностях разных народов различать насмешку и сатиру, о народе и о народах, об обязанностях тех, кому больше дано и с кого больше взыщется. Появилась в ночной тишине критика известного выражения *Nominem homini Deum esse* (человек — Бог для человека), и потекли доказательства, что в этом выражении нет ничего нескромного и ничего неблагочестивого.

Гоголь развивал мысль: как один человек с добрым настроением способен принести добро другому, доказать ему безобидно его недостойность и подвинуть его на лучшее. И вот такой-то человек и есть ангел, или, в известном смысле, «Бог для человека».

Черныш сквозь сон с трудом все это слушал и потом совсем заснул и не заметил, когда Гоголь от него удалился, но когда ему через некоторое время случилось проснуться, то он увидел, что постель поэта пуста. Черныш приподнялся и, к удивлению своему, увидел, что Гоголь по-прежнему опять пребывает на балконе, но только теперь он уже не шаркал в ажитации желтыми шлепанцами, а стоял в том же белом халате на коленях, со сложенными на груди руками, с низко упавшею на груди головою.

Он молился... О ком: о себе, о Путимце, о России, которую он так чисто любил и так нежно защищал, меж тем как она «была черна неправдой черной»¹⁴...

Но тогда тем более причин было о *ней* молиться...

Густо-синий фон неба, на котором с вечера так ярко горели крупные украинские звезды, теперь уже бледнел; тянуло свежей росой, и с дальних ставов слышалось пиликанье предвещающего рассвет удода.

В этом прошла вся ночь, после злой насмешки, которой в самом деле суждено было иметь очень серьезные и неприятные последствия для Путимца.

VI

Прошло сколько-то дней: никаких сцен из-за Путимца у приятелей не повторялось. Гоголь о нем словно забыл: он был весел, шутил, гулял, бегал с детьми по садам и рощам и даже пускался танцевать с деревенскими дивчатами или иногда «сам с собою в паре». Последнего рода танец происходил под собственную же музыку, состоявшую из немудрого напева очень краткой песни:

Танцуй, танцуй, мий Матвию!
Матвий каже — я не вмию.

Тут было начало, тут и конец этой танцевальной песни. Но как всем удовольствиям и радостям на свете бывает везде конец, то молодым людям настала пора возвращаться в Нежин.

Ехать надо было опять через то же село, где сидел при своем постоялом дворе «Путимец».

На этот раз погода была совсем иная: жар не томил и жажда не мучила, да хоть бы и захотелось пить, так путники от того не потерпели бы: добрые хозяева отпустили гостей «як слид по закону», то есть не только хорошо их накормили, но и положили им в повозку все, что заведено класть «по некоему древнему установлению», то есть сунули плетунец с двумя парами той наливки, которую в оные счастливые дни в Малороссии пивали вместо черт знает какого московского квасу, от которого «только в животе тарактит так, що аж на душе смутно дитесь». Если бы дорогой Чернышу и Гоголю захотелось пить после жареных «ковбасок», то им было что пить, да еще такое вкусное, что «все пальцы осмокчешь». Тут и сливянка, и вишневка, и персиковка, все с давлеными косточками, от которых такой тонкий дух сшибает, как будто перед самым носом прошла самая деликатная панночка с раздушенным платочком в белой ручке. Вынь бутылочку, хлебни, да вот он и рай Богометов. Лучше уж ничего и быть не может даже в самой Малороссии.

Однако, несмотря на весь этот богатый и роскошный запас освежающего питья, как только молодые паньчи въехали в село, где сидел в своем постоялом дворе Путимец, Черныш сейчас же велел ямщику подвергать к «кацапову дому».

— Тогда, — говорил он Гоголю, — ты сделал над ним злую насмешку, а я теперь сострою с ним добрую шутку.

Шутка эта должна была состоять в том, чтобы опять спросить у кацапа молока и молоко без торгу выпить и заплатить за него дворнику только один гривенник, то есть столько, сколько оно действительно стоит, а потом махнуть по коням и уехать.

Гоголю самому эта затея понравилась, да и вслушавшийся в разговор приятелей молодой ямщик тоже одобрял ее.

Бравый и веселый паробок тоже, очевидно, имел свои причины к неудовольствию на «жадивного кацапа» и выразил горячее желание оказать паньчам все свое содействие, чтобы его проучить. Но только паробок, как человек более непосредственный, шел дальше паньчей: он думал так, что кацапу совсем недостойно давать и гривенника, потому что «на що ему, коли у него свий гривенник есть?» А следует просто молоко у него выпить, а пустой горшок ему об голову кинуть да потом «так по коням шаркнуть, щоб аж земля затарахтела. Нехай бежит, догоняе, пока очи повилизут». Гоголя этот план рассмешил, но на осуществление его приятели, однако, не согласились, а положили сделать смирнее, то есть гривенник отдать, а потом уехать.

VII

Сговорились таким образом путники и подъезжают к постоялому двору, а Путимец, как на их счастье, тут и есть. Словно ждет их — сидит на крыльце, но только на этот раз не столько важный, а как будто больше задумчивый, но на Гостомысла все-таки похож. Сидит, наклонив немного вбок голову, и для какой-то надобности держит рукою у левого уха свернутое в комок полотенце.

Гоголь как увидал своего фаворита, так сейчас же у него на лице заиграла улыбка, и он опередил своего товарища: он сам поздоровался с Гостомыслом и спросил: «як його Бог милуе?»; но Путимец отвечал на приветы сухо и неохотно.

— Що-то есть! или вы, дедушка, нас не узнали, что и говорить с нами не хотите? — воскликнул Гоголь.

— Узнал, чего не узнать-то? — также нехотя и мрачно отвечал, не трогаясь с места, Путимец и сейчас же бесцеремонно добавил: — а говорить... про что нам говорить? Не про что.

— Да вот вам, кажется, будто нездоровится?

— Ну так что же, хоть и нездоровится; нешто вы лекаря?

— А может быть, и лекаря.

— Ну-у!

Он махнул свободной рукой и отвернулся.

— Мы у лекарей не лечимся.

— И то хорошо; но что же с вами такое? Что у вас болит? Голова?

— И в голове болит, и возле головы болит. А вам что надо-то?

— Отчего же это у вас разболелось?

— Ну вот, еще «отчего?» Разве она рассказывает, что ли, отчего она болит? Может быть, от праздника.

— От какого?

— От какого? Что ты такой любопытный? Вы ведь вот, смотри, куда-нибудь ездили на праздник, а таким же манером мог у меня и свой праздник быть.

— Это ваша совершенная правда. А молочко теперь у вас есть? Нам очень понравилось ваше молочко.

— Не наше, а коровье.

— Ну что про эту глупость спорить!

— Какая же в этом глупость — мы сами не дойны, а корова дойна.

— Ну, хорошо, хорошо, — корова! Вы очень хорошо поправили; молочко от вашей коровки превкусное, и мы вот опять заехали, — дайте нам по кувшинчику!

— Можно!

Путимец встал и, придерживая ухо ручником, пошел в сени, а Гоголь вслед ему крикнул:

— И знаете: у вас молоко очень недорого!..

Говоря это, он толкал локтем соседа, чтобы тот не вмешивался, а сам тянулся с повозки, желая расслышать, что в ответ на это молвит Путимец. Но тот распорядился самым неожиданным образом и сразу разрушил всю умышленную против него затею.

VIII

Молодые люди услышали только, как Путимец в сенях громко позвал внука, того же само-го Егорку, который их угощал ранее, и велел, чтобы он вынес кувшин молока.

Явился Егорка и принес молоко, но сам Путимец более уже не показывался.

— А где же твой дедушка? — спросил Гоголь.

— А на что он вам нужен?

— Да так, — ни на что не нужен.

— Он в избе сидит, — отвечал Егорка.

— Отчего же он к нам сюда не придет?

— А зачем ему выходить?

— Да так... просто!

— Не хочет.

— А почто так не хочет?

Егорка помолчал и потом, водя за щекою языком, неохотно молвил:

— Да зачем ему надобно выходить?

— Деньги с нас взять за молоко.

— Давайте — я возьму.

— Сколько же тебе дать?

Егорка немножко помолчал и потом молвил:

— Это все одно.

— Что это такое: все одно?

- Я деньги возьму.
- Да сколько?
- Сколько дадите.
- А я вот тебе гривенник дам.
- Ну так что ж...
- Довольно это будет?..
- Довольно.

Черныш и Гоголь переглянулись. Оборот выходил неожиданный и совершенно безэфект-ный. Гоголь подал мальчику двугривенный, и они поехали.

Мало того, что затеянная проделка с Путимцем не удалась, но теперь еще явилась забота ее разгадывать.

- Что это за чудо такое с ним поделалось! — заговорил, отъезжая, Гоголь.
- А це певно таке чудо над ним поднялось, — отозвался с облучка паробок, — що мабуть кто-сь сего бисова кацапа добре по морди набив або по потыльци ему наклав.
- Кто же его мог побить?
- А Бог цирковный его знае!..
- А ты наверное ничего не слыхал, что его били?
- Ни, я не чув, а тильки бачите, що вин такий добрый зробився.
- Но кто же его мог бить в его собственном доме?
- Еге! чи-то мало панов туточки скризь по шляху издят. Може, який войсковий ихав да и набив. Войсковии на се добре швидки от разу.
- Вот, вот и есть! вот и есть! — воскликнул Гоголь, хватая Черныша за руку, — ты увидишь, ты увидишь! — И сейчас же, не проехав села, он велел подвернуть к той хатке, где они в прошлый проезд видели больного «притомленного» хлопца с его убогим «харчем».

IX

Хлопец опять лежал, как и в тот раз, на том же земляном полу без подстилки, а возле него, как и тогда, стояла та же скамейка и «снаданье». Харчи помещались в той же «польвьяной мисочке», но только это были уже харчи значительно улучшенные: хлебные корки теперь у него плавали в молоке, а не в воде из той кринички, что весьма «глубока да припогановата».

Хлопчик в эти несколько дней как будто поправился. Он сразу же признал благодетельствовавших его добрых панычей, а панычи зато узнали от него прелюбопытную историю, которая случилась с Путимцем. Действительно, с ним случилось происшествие в том самом роде, как угадывал ямщик: ехали два офицера, спросили себе молока и выпили оное также без торгу, как Черныш и Гоголь, а когда дворник потребовал с них рубль за кувшин (по тому, что ему говорил в насмешку Гоголь), то военные, как люди на руку весьма скорые, тотчас же его жестоко за это отгузили.

Мальчик рассказывал все подробности, что и глечик пустой кацапу об голову разбили, а больше всего ухо ему скризь так повали, що аж и серьга выпала.

- .....
- А что! а что! Вот и есть, вот и есть! — заговорил опять Гоголь. — Вспомни, что я тебе ночью говорил! Я говорил, что он сам себя прибьет, вот он уже и прибил... и как больно прибил...
  - Подлец, — подсказал Черныш.
  - Да я ж тебе кажу: он *старый!* Он покается.
  - А я кажу: подлец, и никогда не раскается.
- Гоголь посмотрел на товарища и молвил:
- Сам будешь старый!

И, проговорив это, поэт сразу же задумался и упорно молчал всю дорогу до самого Нежина. Чернышу показалось даже, как будто у него несколько раз наворачивались на глаза слезы.

— Что тебе, жаль его, что ли? — осведомился Черныш.

— Да, жаль, — отвечал Гоголь и, «размахнув руками, як крыльями, навкруг во вси стороны», добавил: — понимаешь... мне жаль всех их... всех... Они все так... сами себя выбьют.

— То есть — эта вся кацапузия сама себя прибьет?

— Да, да. Не смейся надо мною: я об этом готов плакать!

— А зачем ты сам нашутковал этому Путимцу, что он такой-сякой, и добрый, и хороший, что может без ущерба даже хуже сделаться? Вот он и взаправду поверил и еще больше оскотинился, а тут его и набил такой, что сам палки не стоит.

— Да я же тебе про это и говорил! Мне ж это и было страшно!

И Гоголь отворотился и несколько раз повторил:

— Горе мужу-льстецу! Горе устом, говорящим лукавое!¹⁵

X

Через несколько дней, когда Черныш совсем уже и не вспоминал про Путимца, Гоголь признался ему, что все эти пустяки произвели на него сильное впечатление. Во-первых, его ужаснуло — как точно и как скоро исполнился в шутку им затеянный план, чтобы жадного вымогателя проучила чья-нибудь чужая суровая рука; а во-вторых — Гоголь во всем этом видел происшествие не случайное, а роковое откровение, и притом откровение, имеющее таинственную цель просветить его именно ум.

Один кацап давал ему повод к широким обобщениям: — Так всем, так всем, — говорил он, — можно Бог знает что наговорить и отъехать, как мы с тобой отъехали, обонять благоуханные розы, а тогда кто-то неожиданный подъезжает, слышит самообольщенную глупость и... рвет из уха золотую серьгу... Это скверно; нужен здоровый смех, нужно обличенье в душевной мерзости...

И, Бог весть, не от сей ли поры, не с этой ли встречи с Путимцем пошли клубиться в общих очертаниях художественные облики, которые потом в зрелых произведениях Гоголя то сами себя секли, то сами над собою смеялись. А о Путимце он все-таки заключил, что он «непременно раскается и хорошо кончит».

XI

Кончина Гоголя в Москве последовала 21 февраля 1852 года. В России о нем тужили только люди, умевшие понимать его литературное значение, но в Малороссии его оплакивали люди даже самой обыденной образованности. Тут все переболели сердцем, читая весть про душевные муки поэта, начавшиеся для него томлением, которое предшествовало и, может быть, частью вызвало «Переписку с друзьями». Из малороссов Белинскому многие не только не сочувствовали, но даже сердились на него за его злые нападки на «свратившегося Гоголя». Эти нападки и особенно суровость, с какою они высказывались, земляки поэта считали «весьма немилосердными», и, кажется, они имели достаточные причины так думать. Во всяком разе здесь Гоголя любили не только как писателя, но и как своего человека, которому готовы были простить и несравненно большие вины, а не то, за что против него ополчился Белинский. Рукописные копии письма Белинского к Гоголю ходили по рукам и в Малороссии, но они не возбуждали никакой желчи против поэта, да и не все понимали, о чем тут идет дело. Скорбь о Гоголе в Малороссии была всеобщая, а имя Белинского почти все произносили с раздражением. Места,

которые напоминали о Гоголе, получили некую святость; людей, которые его лично знали и с которыми о нем можно было поговорить, слушали с особым уважением. Словом — это были минуты действительно глубокой национальной скорби.

Приятель, сообщавший мне в пятидесятых годах рассказываемое здесь сегодня предание, упоминал, что в то время, когда его земляки предавались общей скорби о Гоголе, многим из них просто невмочь было сидеть одному с глаза на глаз с мыслью, что «его уже нет», и все тогда охотно посещали друг друга, чтобы вместе потолковать и потосковать.

Чернышев родич в эти дни навесил тех своих знакомых, на дороге к которым сидел Путимец и у которых был в комнатных услугах старый, а теперь уже престарый Харитон.

Так как поездка на сей раз была в мартовскую ростепель, то в молочных услугах Путимца надобности не было, но приятель, полный воспоминаний о друге, пожелал взглянуть и на Гостомысла или по крайней мере справиться: живет ли он и начал ли «хорошо кончать» и каяться. При подобных сочетаниях является такое любопытство. Отчего и зачем «собака, кошка,мышь жива, а нет Корделии»¹⁶? Какими соображениями какой высшей экономии оправдывается, что «нет великого Патрокла — жив презрительный Терсит»?¹⁷ Хочется взглянуть и на Терсита. Гоголь умер в молодом веке, а старый Путимец, пожалуй, позабыл считать годы и живет. Приятель заехал и к постоялому двору, спросил о старике Гостомысле. И что же оказалось? — старик действительно еще был жив, но уже не торговал и совсем здесь не жил, а «сошел в далекий Нилов монастырь» на Столбной острове, что среди озера Селигера.

— Зачем ему было так далеко идти на Селигер? — спросил приятель, — ведь Киев ближе, и монастырей там много.

А возмужавший внук Егорка отвечает, что дедушке на Селигере тамошний святой очень нравился.

— Чем же селигерский святой лучше киевских?

— А, говорит, тот преподобнее и дедушке больше по нраву стал.

— Да чем именно?

— А так, что тот, говорит, даже никогда не спал...

— Это невозможно.

— Нет, это, говорит, так верно в житиях писано: никогда не ложился, а только облегался пазухами об острые крючья.

— Ну! Зачем же это?

— Чтoб Богу угодить.

— Богу угодить... «пазухами облегался»... Ты это что-то сочинил вместе с своим дедом.

— Нет, не сочинил, — отвечал Егорка и пояснил, что он ездил даже навещать дедушку на Столбной острове и сам видел, как там священный статуи деревянный сделан и одет в таком подобии, как святой был, и висит на крючьях, а к нему прикладываются.

— Ну, и что ж? хорошо?

— Боязно, говорит, подходить, если кто грешник, а дедушке теперь, как привык, это за свою радость видеть.

Егорка вздохнул и благочестиво добавил:

— В старости своей достигает.

— Облегался пазухами?

— Да; писано, что никогда не спал, а только «мало отдыхал, облегаясь пазухами об острые крючья». Дедушка и хотел при таком святом потрудниться, чтобы в самой, какая возможно, черной работе. Просто сказать — он ныне там самые поганые ямы чистит; а дом мне оставил.

Егорка приосанился, поднял широкие плечи и, окинув довольным взглядом свои владения, молвил:

— Теперь заново построились и одни хозяйничаем.

Он смотрел таким же красавцем и, кажется, таким же дельцом, как в былую пору был его дедушка.

Придет, наверно, и для него еще иная пора, когда и он, может быть, «потруднится» и все, что в свое время нагрешит, то пойдет исправлять, «облегаясь пазухами об острые крючья».

Всякая боль своего врача ищет, и всякому достойно позаботиться о том, чтобы «хорошо кончить». Хорошо же, — по некоему старому присловию, — не всегда то, что действительно хорошо, а то, что человек за хорошее почитать склонен.

Впервые опубликовано: *Лесков Н.* Путимец. Из апокрифических рассказов о Гоголе // Газета А. Гатцука. (М.), 1883. Т. 9. 10 сент. № 39. С. 798–799, 801–803 (часть I–II); 17 сент. № 40. С. 815–818 (часть III–IV); 24 сент. № 41. С. 830–834 (часть V–VII); 1 окт. № 42. С. 844–847 (часть VIII–XI); см. также: *Лесков Н. С.* Путимец. Из апокрифических рассказов о Гоголе / Подготовка текста и примеч. И. Я. Айзенштока // Собр. соч.: В 11 т. М., 1958. Т. 11. С. 45–70. Печатается по первой публикации.

Николай Семенович Лесков (1831–1895), писатель.

Рассказ Н. С. Лескова, любителя редких преданий, представляет собой своеобразный ответ недоброжелателям Гоголя, наиболее одиозные отзывы и «свидетельства» которых об авторе «Мертвых душ» сохранились в лесковском архиве (см. в наст. изд. статью И. А. Комиссаровой «Памятник ненависти (Булгарин о Гоголе)» и статью В. П. Бурнашева «1829 г. Гоголь и Романович-Любович, угощаемые мещанскою девкою в Варваринской гостинице»). См. также выше возражения Лескова на публикацию И. И. Ясинского 1891 г. «Анекдот о Гоголе».

¹ Имеется в виду публикация трех писем Гоголя к В. В. Тарновскому: *Пономарев С.* Письма Гоголя к В. В. Тарновскому (1833–1834 г.) // Киевская Старина. 1883. Март. С. 623–629.

² Иван Васильевич Гудовский (ум. не позднее 1878), портретист, вольноприходящий ученик Академии художеств; в 1849 г. получил звание неклассного художника за «портрет с натуры»; знакомый Н. С. Лескова и Т. Г. Шевченко.

³ Речь, вероятно, идет о соседе Гоголей по имени Василии Васильевиче Черныше, сыне отставного майора, участника Отечественной войны 1812 года Василия Ивановича Черныша, отчима близкого друга Гоголя А. С. Данилевского.

⁴ Возможно, имеется в виду А. С. Данилевский.

⁵ С 1 мая 1821 по 28 июня 1828 г.

⁶ Т. е., предположительно, А. С. Данилевскому.

⁷ Имеется в виду эпизод из второй части истории Г. Ф. Квитки-Основаенко «Пан Халыавский», где старосветский украинский «паныч», будучи в Туле, вместо обычного постоялого двора попадает в роскошные покои, хозяин которых за свое «гостеприимство» на следующий день представляет постояльцу огромный счет. Настоящий фрагмент был впервые опубликован лишь в 1840 г., при первом полном издании «Пана Халыавского».

⁸ Ирмос четвертой песни нескольких канонов богослужбной Минеи. См. одну из выписок Гоголя в его сборнике «Каноны и песни церковные»: «Всел еси на кони, апостолы Твоя, Господи, и приял еси руками Твоима узды их, и спасение бысть еждение Твое верно поюшим: слава силе Твоей, Господи» (выписка <CIX> CXV. *Св<ятаго> Священномученика Анфима, Епископа Никомидийскаго, и Преподоб<наго> Отца нашего Феоктиста, сподвижника великаго Евфимия*). См. также: «Всел еси на Ангелы, якоже на кони, Человеколюбче, и приял еси рукою Твоею броды их, и спасение бысть еждение Твое непрестанно вопиюшим: славе силе Твоей, Господи» (выписка <CXCVI> CCVI. *Собор Св<ятаго> Архистратига Михаила и прочих Безплотных Сил*).

⁹ Касандрейка (александрейка) — красная в полоску хлопчатобумажная рубашечная ткань.

¹⁰ И. А. Крылов в 1841 г. купил у петербургского купца Н. И. Блинова каменный дом на Васильевском острове.

¹¹ «А мои ти Куряни свѣдоми кѣмети» («А мои ведь куряне — известные воины») («Слово о полку Игореве»).

¹² В июле 1820 г. юный Гоголь писал, в частности, своей бабушке Т. С. Гоголь-Яновской: «Прошу поцеловать за меня Гапу и сестриц моих» (имеются в виду сестры Гоголя Мария и Анна (старшая). Общавшийся с матерью Гоголя П. А. Кулиш при первой публикации этого гоголевского письма, комментируя имя «Гапа», замечал: «Няня, Агафья Семеновна Власенкова» (Соч. и письма *Н. В. Гоголя*. Издание П. А. Кулиша. СПб., 1857. Т. 5. С. 5).

¹³ Альфонс Шодрон де Курсель (1835–1919), французский дипломат.

¹⁴ Из стихотворения А. С. Хомякова «России» (1854).

¹⁵ Ср. Ис. 5, 20.

¹⁶ Цитата из трагедии У. Шекспира «Король Лир» (действие V, явление 3).

¹⁷ Цитата из баллады Шиллера «Торжество победителей» (в переводе В. А. Жуковского 1828 г.).

Преподобный Варсонофий Оптинский

Беседы Фрагменты

Беседы в Скиту Оптиной Пустыни

<...>

27 декабря 1909 г. Святки

Слава Тебе, Господи, что мы опять собрались все вместе. Люблю я эти вечера: на них отдыхаю я душою. Я и один люблю здесь сидеть в этой келлии: многие нашли здесь душевное успокоение.

Наш великий писатель Гоголь переродился духовно под влиянием бесед со старцем Макарием, которые происходили в этой самой келлии: великий произошел в нем перелом. Как натура цельная, не разорванная, он не был способен на компромисс. Поняв, что нельзя жить так, как он жил раньше, он без оглядки повернул ко Христу и устремился к Горнему Иерусалиму. Из Рима и Святых Мест, которые он посетил, он писал друзьям своим, и письма эти составили целую книгу, за которую современники осудили его. Гоголь еще не начал жить во Христе, он только пожелал этой жизни, и уже мир, враждебный Христу, воздвиг гонение против него и вынес ему жестокий приговор, признав его полусумасшедшим.

В то время как в России разная литературная мелочь вроде Чернышевского и К^о выражала свое сожаление о гибели гения Гоголя, такие великие умы, как историк германской и всеобщей литературы Шерр¹, оценили его иначе. Лютеранин, немец, не знакомый с русской жизнью и русской душою, Шерр выражает между прочим удивление тем, что в то время, когда гений Гоголя необычайно развился, кругозор его расширился и мысль устремилась в беспредельность, соотечественники не поняли его, а осудили. <...>

<Беседы 1911–1912 гг.>

<...>

Беседа <1>

Для тех, кто не бывал на прежних беседах, будет новостью то, что я сейчас скажу — у художников в душе всегда есть жилка аскетизма, и, чем выше художник, тем ярче горит в нем огонь религиозного аскетизма². Пушкин был мистик в душе и стремился в монастырь, что и выразил в своем стихотворении «К жене»³. И той обителью, куда он стремился, был Псковский Печерский монастырь. Совсем созрела в нем мысль уйти туда, оставив жену в миру для детей, но и сатана не дремал и не дал осуществиться этому замыслу. <...>

Беседа <2>

Вчера беседа наша вышла какой-то незаконченной, неожиданно прервал я ее. Сделать это пришлось, так как стало замечаться среди некоторых утомление, были вновь прибывшие, которые устали с дороги.

Кто сидел в Гогольском кресле? М<ария> А<занчевская>⁴? Я потому спросил, что с Гоголя хочу начать сегодня речь.

Гоголя называли помешанным. За что? — За тот духовный перелом, который в нем произошел, и после которого Гоголь твердо и неуклонно пошел по пути богоугождения, богослужения. Как же это случилось? В душе Гоголя, насколько мы можем судить по сохранившимся его письмам, а еще больше по сохранившимся рассказам об его устных беседах, всегда жила неудовлетворенность жизнью, хотелось ему лучшей жизни, а найти ее он не мог. «Бедному сыну пустыни снился сон...» — Так начинается одна из статей Гоголя...⁵ и сам он, и все человечество представлялось ему в образе этого бедного сына пустыни. Это состояние человечества изображено и в Псалтири, там народ Божий, алча и жаждая, блуждал в пустыне, ища града обительного, и не находил.

Так и все мы алчем и жаждем этого града обительного, и ищем его, и блуждаем в пустыне. Это состояние духа знакомо и Лермонтову, который в одном из своих стихотворений жаловался, что не может найти твердый утес, чтобы опереться на него ногой и твердо знать, что ему любить и что петь. Но Лермонтов так и не нашел града обительного, т. е. Царства Небесного, и кончил плохо.

Иной была судьба Гоголя. Мы знаем из его жизнеописания, что он удостоился мирной христианской кончины. Как же он достиг этого? — Был в Москве один дом, где собирался весь цвет, все сливки, так сказать, общества того времени, но не аристократического общества, а общества интеллигентного. Это был дом историка Погодина⁶. Речи там велись чаще всего на тему о Богоугождении. В те времена интересы интеллигентного человека, общества были несколько иные, чем теперь. Безбожников почти не было, были сомневающиеся и о Боге, и о Царствии Небесном много говорили.

Случилось и Гоголю быть у Погодина. Со свойственной ему экзальгированностью Гоголь много говорил о своих исканиях, о том, что жить так, как он живет, невозможно, а как надо жить, он не знает.

— Читайте Евангелие.

— Читал, оно-то и сказало мне, что так жить нельзя, но, как перестроить жизнь, как сделать ее святой, я не знаю.

— Однако, было много людей, угодивших Богу, читайте жития святых, особенно жития преподобных.

(Преподобный — это человек, исполнивший заповедь «Будьте совершенны, якоже Отец ваш Небесный совершен есть». Они очистили свою душу и освятители ее так, что она со своими свойствами стала подобна Богу. Понятие подобия предметов мы встречаем в математике. Один треугольник маленький, другой — большой, но по свойствам своим этот маленький совсем похож или подобен большому, подобен, но не равен. В природе мы часто наталкиваемся на случаи подобия предметов. Люди, по свойствам души своей уподобившиеся Богу, называются преподобными. Раньше их жизнеописаниями и интересовались, — теперь эти книги основательно, забыты, к великому нашему несчастью.)

— Читал и жития. И вот на что наткнулся. Много было святых, все они устремлялись к Богу, но шли к Нему разными путями. Представьте себе круг. В середине его, в центре, сходится множество радиусов, идут они все к одной точке, но с разных концов — одни сверху, другие — снизу, справа, слева. Центр — Христос, радиусы — люди святые, идущие к Нему разными путями: один спасался путем смирения, другой — терпения, третий — рассуждения, и все этими раз-

ними путями пришли к Богу. И я хочу идти к Богу, и не могу найти пути к Нему, и «человека не имам».

Гоголь здесь разумел Евангельское сказание о расслабленном при Силоамской купели. Вспомните это сказание. При купели лежит много больных, жаждущих исцеления. По времени сходит Ангел Господень и возмущает воду, и тот больной, который погрузится первым в возмущенную воду, получает исцеление. Лежит при купели расслабленный, долгие годы ждет он себе исцеления и не получает. Отчего? — Человека не имам... человека не имеет, который опустил бы его в целительную воду. Лежит расслабленный, а Бог смотрит на него.

Под образом этого расслабленного можно разуместь все больное, расслабленное, бедное человечество, зараженное первородным грехом и ждавшее себе исцеления.

Томилось человечество, а Бог смотрел на него. Конечно, Своей всемогущей силой Бог мог в одну минуту переродить человечество, сделать его из грешного святым. Силен был это сделать Господь, но не допустила того Правда Божия. Нельзя было дать повод сатане упрекнуть Бога в несправедливости, для спасения человечества нужен был человек же. И долгие века люди ждали этого Человека и томились, подобно силоамскому расслабленному. Но вот пришел Богочеловек и искупил человечество, очистил его от первородного греха. А между тем, мы опять заблудились, опять ждем человека, который властно повел бы нас на источники воды живой.

Так томился и Гоголь и высказывал это свое томление у Погодина.

— Теперь-то я понял, чего Вам надобно, Николай Васильевич, — говорил хозяин, — человека Вам надобно, так ли?

— Поняли, только теперь поняли? Не можете ли Вы мне помочь? Можете ли указать такого человека?

— Да! Такой человек есть!

— Где же искать его?

— Надо ехать в один монастырь...

При этом слове Гоголь сразу нахохлился.

— В монастырь? Да что можно услышать в монастыре? Бывал я в Италии у католических монахов, нет, не дали они мне удовлетворения.

— И все-таки, я Вам повторяю — съездите в этот монастырь!

— В монастырь, в монастырь... ну, хорошо, в какой же?

— Он называется Оптина Пустынь и находится в Калужской губернии. Это не так уж далеко от Москвы. Вы — человек холостой, семьи у Вас нет (известно, что Гоголь не женился) и при выдаваемой Вам, по приказанию Государя 5-тысячной пенсии эта поездка не будет для Вас непосильной. В Оптиной есть один старец, иеросхимонах Макарий, вот с ним-то вы и поговорите. Это и есть тот человек, которого вы ищете.

— Макарий? Что-то я никогда этого имени не слышал.

— Вот то-то и горе, что вы не знаете этого человека. Мало ли лиц вы видели, мало ли представителей искусства и науки встречали, сколькими художественными произведениями любовались...

— Да, да, я был в Риме, был, по совету своих знакомых, в Дрездене и что за чудесные минуты пережил, рассматривая произведения старинных мастеров... стоял перед Мадонной Рафаэля, да и мало ли еще пришлось видеть произведений искусства...

— Вот, видите, многое пришлось вам видеть, а гения искусства из искусств, жизни по Боге, старца, отца Макария не знаете!

— Хорошо, послушаюсь Вас, слышите? Поеду, положившись не на Вашу ученость, а доверяя Вашей искренности⁷.

И поехал. И прибыл в Оптину.

Позже, другой гениальный русский писатель, Толстой тоже приезжал сюда, подходил к двери моей и другого старца — Иосифа⁸ — и ушел. Отчего? Что помешало ему войти в ту или дру-

гую дверь? Не гордыня ли его? Что может сказать какой-то старец — кому же? — Льву Толстому, перед которым преклоняется весь мир? О чем ему говорить с этими старцами? Не мог он смирить своей гордости и ушел. Конечно, это только мое предположение, но, кто знает, не близко ли оно к истине? Ушел. Куда? В вечность. Какую? Страшно сказать! Ах! И все это произошло, так сказать, почти на моих глазах...

Иначе было с Гоголем. Есть предание, что старец о. Макарий предчувствовал приход Гоголя. Говорят, он был в то время в своей келье (кто знает, не в этой ли самой, так как пришел Гоголь прямо сюда) и быстро, ходя взад и вперед, говорил бывшему с ним иноку: «Волнуется у меня что-то сердце. Точно что необыкновенное должно совершиться, точно ждет оно кого-то». — «Отче, что же может случиться такого необыкновенного?» В это время докладывают, что пришел Николай Васильевич Гоголь.

В Евангелии рассказывается, что при приходе еллинов к Иисусу Христу Он возрадовался духом и произнес: «Ныне прославился Сын Человеческий и Бог прославился в Нем». Так, вероятно, и старец Макарий предчувствовал великое прославление, но не себя, а гениального писателя Николая Васильевича Гоголя.

— Приси! — и Гоголь у старца, и начинается беседа. Без свидетелей происходила она, никем не записана, но Бог присутствовал здесь невидимо во время ее, и Божественная благодать преобразила душу Гоголя.

Как бы я желал, да и вы, я думаю, не отказались бы послушать эту замечательную беседу великого старца с великим писателем. Вероятно, была она весьма содержательна и представляла величайший интерес.

Старец Макарий обладал в высшей степени даром властного слова, и речи его оказывали громадное влияние на душу слушателя. Выйдя от старца, Гоголь говорил: «Да, мне сказали правду, это единственный из всех, до сих пор известных мне людей, кто имеет власть и силу повести на источники воды живой». И Гоголь переродился, он сам говорил: «Вошел я к старцу одним, вышел — другим».

Гоголь хотел изобразить русскую жизнь во всей ее разносторонней полноте. С этой целью начал он свою поэму «Мертвые души» и написал уже первую часть. Мы знаем, в каком свете там отразилась русская жизнь: Плюшкины, Собакевичи, Ноздревы, Чичиковы и вся книга представляет из себя душный и темный погреб пошлости и низменности интересов. Гоголь сам испугался того, что написал, но утешал себя он тем, что это только накипь, только пена, снятая им с волн житейского моря. Он надеялся, что во втором томе ему удастся нарисовать русского православного человека во всей красоте, во всей чистоте.

Как это сделать? — Гоголь не знал. Около этого времени произошло его знакомство с Батюшкой Макарием. С обновленной душой уехал Гоголь из Оптиной, но не оставил мысли написать 2-й том «Мертвых душ» и работал над ним.

Но потом, чувствуя, что ему не по силам воплотить в образах, во всей полноте тот идеал христианина, который жил в его душе, он разочаровался в своем произведении — и вот причина сожжения второго тома «Мертвых душ».

Друзья и современники не поняли, что произошло с ним. Такой великий ум, как Белинский, только поругал Гоголя! Белинский тоже плохо кончил — вряд ли он спасен, так как был совсем неверующим, хотя умер и не в таком полном разрыве с Церковью, как Толстой.

Умер Гоголь истинным христианином. Есть предание, что незадолго до смерти он говорил своему близкому другу:

- Ах, как я много потерял, как ужасно много потерял...
- Чего? Отчего потеряли Вы?
- Оттого, что не поступил в монахи. Ах, отчего Батюшка Макарий не взял меня к себе в скит^{9?}

Неизвестно, заходил ли раньше у Гоголя с Батюшкой Макарием разговор о монашестве, неизвестно, предлагал ли ему старец поступить в монастырь. Очень возможно, что Батюшка Ма-

карий и не звал его, видя, что он не понесет трудностей нашей жизни. Монашество... сколько раз у нас заходила речь о нем, и всегда я советую, если уж самим не вступать в монастырь, то, по крайней мере, читать описания жизни святых монахов, преподобных. Они нас могут многому научить.

Когда-то раньше я вам говорил о своем гимназическом товарище. Учился он прескверно. Как-то гляжу — запустил он свои рученьки в волосы и весь углубился в чтение. Со свойственным мальчишам любопытством я стал заглядывать, что он читает. Запись — с одной стороны, с другой — оглавления не видно.

Наконец, спрашиваю:

— Что ты читаешь?

— А тебе что?

— Да, интересно! Редкое это явление! (А он никогда ничего не читал).

— Отходи!

Ну, и пришлось отойти.

Позже смотрю, кончил он читать, отложил книгу и задумался. Я подошел.

— Что ты читал, скажи теперь?

Он показал мне лист с заглавием. Гляжу — жизнеописания знаменитых ученых и художников.

— Интересно? — спрашиваю.

— Очень! И знаешь что? Я буду знаменитым ученым!

— Ну, брат, много захотел. Ты вот лучше уроки алгебры поаккуратнее учил бы, а то у тебя все двойки и единицы!

— Нет, это кончено, буду ученым!

И что же? Начал хорошо учиться, кончил прекрасно, а потом, как я слышал, был, если не великим, то одним из значительных наших ученых. Вот какое действие может оказать прочитанная книга — прочитал и переменялся.

Так и на нас жития святых могут действовать благотворно. В Прологе рассказывается следующее — в пустыне жил один подвижник. К нему пришли представители языческой школы стойков и стали спрашивать, что он делает в пустыне и в чем, по его мнению, заключается преимущество его жизни над жизнью людей их секты: «Ты постишься — постимся и мы, ты бодрствуешь — и мы не спим, ты нищ — и мы ничего не имеем, но мы занимаемся наукой, мы изыскиваем новые пути для человеческой мысли, а ты что делаешь? Какую ты приносишь пользу человечеству?» — «Что я делаю? — Ничего. Я охраняю свою душу от гибельных помыслов».

Не сказано в Прологе, как отнеслись к этому ответу стойки, но старец в этих словах выразил всю сущность монашеского делания.

Охранять свою душу от помыслов — это трудное дело, значение которого даже непонятно людям мирским. Нередко говорят: «Да зачем охранять душу от помыслов? Ну, пришла мысль и ушла, чего же бороться с нею?» Очень они ошибаются. Мысль не просто приходит и уходит. Иная мысль может погубить душу человека, иной помысел заставляет человека вовсе вернуться на жизненном пути и пойти в совсем другом направлении, чем он раньше шел. Святые Отцы говорят, что помыслы есть от Бога, помыслы от сатаны, т. е. от своего естества, и помыслы от бесов. Для того, чтобы различать, откуда приходят помыслы, внушаются ли Богом, или враждебной силой, или происходят от естества, требуется великая мудрость.

Часто принимая людей не на этой половине, а там, у мужчин, живущих вообще больше умом (женщина живет больше сердцем, чувством), мне приходится слышать жалобы на то, что мы переживаем теперь трудные времена, что теперь дана полная свобода всяким еретическим и безбожным учениям, что Церковь со всех сторон подвергается нападкам врагов, и страшно за нее становится, что одолеют ее эти мутные волны неверия и ересей. Я всегда отвечаю: «Не бес-

покойтесь! За Церковь не бойтесь! Она не погибнет: врата ада не одолеют ее до самого Страшного Суда. За нее не бойтесь, а вот за себя бояться надо, и, правда, что наше время очень трудное. Отчего? Да оттого, что теперь особенно легко отпасть от Христа, а тогда — гибель».

Те, кто последовали за Христом, преподобные Его, те и воцарятся с Ним. Но мы знаем других преподобных, уподобившихся не Христу, а врагу Его, сатане. Вы, вероятно, знаете этих преподобных, если и не по произведениям их, то хоть по именам: все эти Ницше, Ренаны и прочие развратители нравственности, какая их участь? Да по всему уподобившись виновнику всякой мерзости, всякой нечистоты — дьяволу, они по смерти попадают в его власть, в силу русской половицы: «Свой своему поневоле брат», а послуживши Христу воцарятся с Ним: «Свой своему!» И теперь особенно легко отпасть от Христа и подпасть под власть темной силы. Идешь по улице — в окне выставлена книга, трагующая, ну, хотя бы о Божественности Иисуса Христа. Помысел говорит, зайти, купи книгу, прочти. Хорошо, если человек не поверит этому помыслу, если сообразит, что внушается ему эта мысль сатаной, что книга эта явно враждебна учению св. Церкви. А другой, смотришь, зашел, купил книгу, прочел, да и повернулся в другую сторону, отошел от Христа.

Где начало его падения? — В помысле лукавом. Да и Толстой — не от помысла ли погиб он? Ведь мог бы быть праведником. Известно, что он иногда спрашивал свою жену: «А что, Сонечка, ты бы сказала, если бы я вдруг поступил в монастырь?» — Неизвестно, что отвечала ему Софья Андреевна, да и Толстой, вероятно, говорил это наполювину шутя.

Помните, у Гоголя в «Старосветских помещиках»: Афанасий Иванович любил иногда попугать Пульхерию Ивановну и говорит ей, что он вот возьмет, соберется и пойдет с турками воевать. Пульхерия Ивановна отмахивается от таких «страшных» слов мужа.

Как относилась к речи Льва Николаевича Софья Андреевна, мы не знаем, но жизнь Льва Николаевича могла бы пойти совсем иначе, не послушайся он гибельного помысла. Явилась у него мысль, что Господь Иисус Христос — не Бог, и он поверил ей, потом пришло в голову, что Евангелие написано неправильно — и этой мысли он поверил и перекроил по-своему все Евангелие, отпал от Церкви, уходил все дальше и дальше от Бога и кончил плохо.

И он приходил когда-то сюда, был у Батюшки Амвросия, вероятно, пришел под видом жаждущего спасения. Но Батюшка Амвросий очень хорошо понял его, а Толстой заговорил с ним о своем евангелии. Когда Толстой ушел от Батюшки, тот сказал про него только: — «Горд он!» — и поверьте, этим словом охарактеризовал весь его душевный недуг. Толстой вернулся в гостиницу, а там жил в это время известный писатель Леонтьев. Они были между собой знакомы, и Толстой стал рассказывать Леонтьеву о своем посещении скита.

Тот человек горячий, пришел в негодование и воскликнул:

— Как могли вы осмелиться, граф, говорить со старцем о вашем евангелии?

— А, так вы хотите на меня донести обер-прокурору? Ну, что же, донесите! Посмотрим, что из этого выйдет?!

Вот как его Толстой понял и в чем заподозрил. Да и мало ли других случаев, когда с помысла начинается гибель жизни человеческой. Вот, например, молодой человек любит девушку и начинает размышлять: «Мне она по душе, да и она, кажется, любит меня. Она рассчитывает выйти за меня замуж. Что же мне, жениться? Но тогда она мне будет в тягость. Я получаю такое-то содержание, теперь оно идет на меня одного, а тогда, после женитьбы, придется делиться с ней. Я лучше обману ее, возьму от нее все, а ее брошу, как выжатый лимон». И если он еще усумнится в своем замысле, тут какой-нибудь советчик найдется, который скажет, что понятия в нравственности условны, церковные заповеди не обязательны, что жизнь дана для наслаждения и надо брать у нее все, что она может дать. Жизнь — борьба за существование, надо жить для наслаждения и шагать через слабейших, не задумываясь, приносить их в жертву ради своего удовольствия. Вот и кончено. Удобная философия найдена — и человек бессовестно пользуется доверчивостью другого лица, не задумываясь о предстоящих жертве страданиях.

Английский философ Дарвин создал целую систему, по которой жизнь — борьба за существование, борьба сильных со слабыми, где побежденные обрекаются на гибель, победители торжествуют. Это уже начало звериной философии, а уверовавшие в нее люди не задумываются убить человека, оскорбить женщину, обокрасть самого близкого друга — и все это совершенно спокойно, с полным сознанием своего права на все эти преступления. И начало всего этого опять в помысле, которому поверили люди, в помысле, что нет ничего запретного, что Божественные заповеди не обязательны, а церковные постановления стеснительны. Нельзя доверять этим помыслам. Надо раз навсегда покорно подчиниться требованиям Церкви, как бы ни были они стеснительны. Да вовсе они и не так трудны. Чего требует Церковь? Молись, когда надо — постись, это надо исполнять. Про Свои заповеди Господь говорит, что они не тяжки. Какие же это заповеди? — «Блаженны милостивии...», ну, это еще мы, пожалуй, исполним: умягчится сердце наше, и мы окажем милость, поможем бедным людям. «Блаженны кротцыи...» — вот тут стоит высокая стена — наша раздражительность, которая мешает нам быть кроткими. «Блаженни есте, егда поносят вам...» — тут уж в нашем самолюбии и гордости почти непреодолимая преграда к исполнению этой заповеди — милость мы оказываем, пожалуй, даже справимся со своей раздражительностью, но снести поношение, еще добром заплатить за него — это уже вовсе невозможно нам. И вот преграда, которая отделяет нас от Бога и которую мы и перешагнуть не стараемся, а перешагнуть надо.

Где искать силы для этого? — В молитве.

Есть прекрасная книга, описывающая действие молитвы¹⁰. Происхождение ее таково. В Старом Афоне жил один старец, по имени о. Дисидерий. Когда там поднялись волнения, и жизнь русских иноков стала слишком тяжела, и им грозили выселением с Афона, тогда произошло совещание русских афонцев о том, что делать. Голоса разделились. Некоторые предлагали обратиться в Лондон, к английской королеве с просьбой продать им земли в Австралии для устройства там новой обители. Но это предложение было отвергнуто, а остановились на другом, а именно — переселиться на Кавказ. Здесь император Александр II пожертвовал бесплатно участок земли и здесь основан был «Новый Афон». В числе других иноков, переселившихся сюда, был о. Дисидерий. Но скоро шум общежития стал его тяготить, и он удалился в горы Кавказа для безмолвия, удалился не самочинно, а с благословения старцев. Здесь он проводил поистине равноангельскую жизнь. Чем он питался, трудно сказать, был, кажется, у него огород, значит, овощи служили ему пищей и питьем. Здесь познал он истинное счастье, которое состоит в общении души человека с Богом, и которого напрасно ищут люди, гоняясь за скоропреходящими радостями мира сего.

Отец Дисидерий имел одного ученика¹¹, с которым и вел беседы о внутреннем делании, т. е. об Иисусовой молитве. Когда о. Дисидерий умер, ученик похоронил его святое тело. Беседы их он постепенно записывал, и, когда к нему пришел третий афонец о. Венедикт, то нашел все эти беседы в рукописях. Ему пришлось в голову издать их, и с этим предложением он приехал к нам в скит.

Не имея средств, достаточных, для этого предприятия, я направил его к великой княгине Елизавете Федоровне, которая и доставила ему возможность издать эту прекрасную книгу. Несколько экземпляров ее есть у меня, и я могу дать кое-кому. Эту книгу надо прочесть несколько раз, чтобы вполне воспринять всю глубину ее содержания. Она должна доставить громадное наслаждение людям, имеющим склонность к созерцательной жизни, дай Бог, чтобы чтение это принесло вам не только высокое духовное наслаждение, но также и помощь в деле спасения своей души. *Аминь.*

Отрывок из второй беседы 1911–1912 гг.: «Случилось и Гоголю быть у Погодина — и вот причина сожжения второго тома “Мертвых душ”», — впервые опубликован, с сокращениями: *Борисов В.* Оптина пустынь // Наше наследие. 1988. № 4. С. 62–63. Полностью беседы 1911–1912 гг. впервые напечатаны: *Беседы схи-архимандрита Оптинского ски-*

та старца Варсонофия с духовными детьми. СПб.: Издание Свято-Троице-Сергиевой Лавры, 1991. С. 48, 50–58; см. также: *Преподобный Варсонофий Оптинский*. Беседы. Келейные записки. Духовные стихотворения. Воспоминания. Письма. «Венок на могилу Батюшки». Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптиная Пустынь, 2005. С. 356, 358–370 (2-е изд. — 2009; 3-е изд. — 2012). Печатается по изд. 1991 г. Беседы записаны духовной дочерью старца Марией Азанчевской.

Текст беседы 27 декабря 1909 г. впервые опубликован: *Преподобный Варсонофий Оптинский*. Беседы. Келейные записки. Духовные стихотворения. Воспоминания. Письма. «Венок на могилу Батюшки». Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптиная Пустынь, 2005. С. 58–59. Печатается по первой публикации.

Преподобный Варсонофий Оптинский (в мире Павел Иванович Плиханков, 1845–1913), схиархимандрит, игумен, старец Оптиной пустыни, канонизирован Русской Православной Церковью. В миру был полковником, происходил из Оренбургского казачества, служил при штабе военного Казанского округа.

Упоминания преподобного Варсонофия о Гоголе (относящиеся к 1892 и 1900 гг.) см. также в наст. изд. в примеч. к дневниковой записи Е. А. Хитрово от 1 февраля 1851 г. и к посланию преподобного Макария Оптинского к А. И. Войковой от 26 января 1849 г.

В беседе с духовными детьми 2 января 1911 г. преподобный Варсонофий также замечал: «У Гоголя есть рассказ “Как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем”. В нем описывается, как из-за ничтожной причины два приятеля поссорились на всю жизнь. Они истощили все свои средства на суды, дошли до бедности, лишь только бы обвинить один другого. Печальная история! В конце повествования автор добавляет: “Скучно жить на этом свете, господа”. Сейчас мы переживаем лютые времена. Люди встают один на другого, не щадя ни родства, ни дружбы; встают против законной власти. Все попорно — вера, добродетель, стыд. Не скучно, а страшно жить на этом свете, господа!» (*Преподобный Варсонофий Оптинский*. Беседы. Келейные записки. Духовные стихотворения. Воспоминания. Письма. «Венок на могилу Батюшки». Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптиная Пустынь, 2005. С. 119); в беседе 21 ноября 1911 г.: «Великий наш писатель Гоголь, часто бывавший в Оптиной и возродившийся под влиянием беседы с о. Макарием, говорит в своем сочинении “Записки сумасшедшего”: “Далеко еще до воскресения” (по-видимому, имеется в виду следующая реплика героя повести о своем начальнике: “Чтобы он выдал когда-нибудь вперед за месяц деньги — Господи, Боже мой, да скорее Страшный Суд придет”. — *И. В.*). Да, далеко еще грешной душе до воскресения, но если она жаждет этого воскресения, то рано или поздно, а оно наступит...» (Там же. С. 170).

¹ Иоганн Шерр (1817–1886), немецкий историк литературы.

² См. также отрывок из беседы преподобного Варсонофия 30 мая 1910 г.: «Лучшие писатели наши сознавали всю суету мирской жизни и стремились в монастырь. Например, Гоголь, Пушкин, Лермонтов, Тургенев» (*Преподобный Варсонофий Оптинский*. Беседы. Келейные записки. Духовные стихотворения. Воспоминания. Письма. «Венок на могилу Батюшки»). Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптиная Пустынь, 2005. С. 86).

³ Имеется в виду стихотворение А. С. Пушкина «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...» (1834).

⁴ Мария Азанчевская в Оптину Пустынь приехала впервые с матерью в 1909 г. из Москвы. См. ее воспоминания: *Азанчевская М.* Первая поездка в Оптину Пустынь // *Преподобный Варсонофий Оптинский*. Беседы. Келейные записки. Духовные стихотворения. Воспоминания. Письма. «Венок на могилу Батюшки». Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптиная Пустынь, 2005. С. 532–552.

⁵ Статья «Жизнь» (1834).

⁶ См. в наст. изд. раздел *Гоголь в письмах, дневниках и воспоминаниях М. П. Погодина*.

В 1873 г. Погодиным был опубликован также отрывок из воспоминаний о пребывании Гоголя в Москве осенью 1841 г. Предваряя этот отрывок, Погодин замечал: «Я думаю, что всякий человек, если б он внимательно следил за собою, мог бы увидеть в своей жизни много такого, что должен бы приписать особой силе, принимающей участие, имеющей влияние на его дела».

Далее Погодин писал: «Приехал ко мне Гоголь из-за границы и поселился в моем доме, вверху над кабинетом. В доме находилось у меня тогда Дривлехранилище (28 августа 1840 г. Погодин приобрел около 200 рукописей и старопечатных книг из коллекции купца И. П. Лаптева (1774–1838), которые стали основой погодинского Дривлехранилища; см. письмо Гоголя к Погодину от 17/29 октября 1840 г. — *И. В.*), а я только что перед тем услышал, что наш чудак, вместе с Николаем Боткиным, чуть было не сожгли по неосторожности гостиницу, кажется, во Флоренции (вероятно, в

первой половине сентября (н. ст.) 1840 г. — И. В.), позабыв потушить свечу, или поставив ее куда-то близ занавесок. Я боялся, чтоб он с такою же неосторожностью и здесь не стал обращаться с огнем, — какая опасность грозила моим сокровищам! Надо было предупредить Гоголя и напомнить, чтобы он думал об этом. Но как напомнить, не оскорбляя, не огорчая его, а он человек, знал я, шекотливый, раздражительный, обидчивый. Два дня приискивал я оборот в голове своей, чтоб повести с ним речь об осторожности и опасности, — и что же? На третий день выхожу я из спальни в свой кабинет, и вижу, что сам позабыл свечку на конторке, свечка без меня упала как-то из подсвечника, прожгла лист бумаги, лежавшей на конторке, и самую кожу, коею была оклеена верхняя доска, но на ней погасла. Мне как будто слышалось внутри: ты хочешь учить других осторожности, но прежде поучись сам, — и в эту минуту из противоположной двери показывается идущий ко мне Гоголь. “Ну, вот два дня я думаю о том, — сказал я ему навстречу, — как бы напомнить тебе об осторожном обращении с огнем, а вот что случилось со мною самим; посмотри сюда. Я позабыл здесь свечку и произвел было пожар”. Это был, разумеется, лучший оборот для напоминания ему об огне... Гоголь начал приводить доказательства своей осторожности, а я рад был про себя, что удачно ему напомнил» (*Погодин М. П.* Простая речь о мудреных вещах. М., 1873 (выход в свет после 28 мая). С. 262–263; перепечатано с незначительными стилистическими исправлениями, во втором и третьем изданиях книги Погодина: М., 1874. Отд. 2. С. 107–108; М., 1875. Отд. 2. С. 127; см. также: *Воропаев В. А.* Однажды Гоголь... Рассказы из жизни писателя // Уроки литературы. Прилож. к журналу «Литература в школе». 2013. № 11. С. 1–9.

Вслед за тем Погодин сообщал: «Имя Гоголя напоминает мне теперь о. Матвея, Ржевского священника, очень близкого к Гоголю. Я познакомился с ним во время одного приезда его в Москву, видел и говорил с ним раза два (см. в наст. изд. дневниковые записи Погодина от 4, 13 марта 1849 г., от 16, 22 августа, 26, 29 сентября 1852 г. — И. В.), и должен здесь кстати упомянуть, что он в особенности поразил меня образом своей речи о Промысле. Никого в жизни моей не встречал я с таким осязательным, так сказать, убеждением об участии, действии Промысла в человеческой жизни, какое он обнаружил. Он говорил о Промысле, как бы о близком себе человеке, которого он видит, слышит, ощущает ежеминутно его присутствие. Во всяком слове его звучало это убеждение. Точно такое же убеждение слышалось в словах А. М. Бухарева (бывшего отца архимандрита Феодора), в истинах Христианства. Нечего говорить, что многие имеют убеждения в том или другом, что убеждение слышится в них более или менее, но чтоб так проникло оно в каждый звук речи, и чтоб так было можно ощупать его <в изд. 1874 и 1875 гг.: “ощущать его”>, — это могу я сказать только, из известных мне, об двух людях: об о. Матвее относительно Промысла, об о. Феодоре относительно истин Христианства» (*Погодин М. П.* Простая речь о мудреных вещах. М., 1873. С. 263; см. также: Изд. 2-е, испр. и умноженное. М., 1874. Отд. 2. С. 108–109; Изд. 3-е, испр. и умноженное. М., 1875. Отд. 2. С. 128). Сходные отзывы Погодина о протоиерее Матфее Константиновском и архимандрите Феодоре см. также в наст. изд. в коммент. к разделу *Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев). Три письма к Н. В. Гоголю, писанные в 1848 году.*

⁷ Ср. строки беседы преподобного Варсонофия 1 января 1912 г.: «Я уже говорил вам про Гоголя, которого историк Погодин направил в Оптину, где тот и возродился духовно — обрел Бога. Другой наш великий писатель, Белинский, имевший высокую душу, тоже искал Бога, но не там, где нужно, гордость не позволяла ему искать Его в Церкви, и Белинский погиб. <...>

Однажды Гоголь, путешествуя по Италии, сошелся там с одним знаменитым итальянским художником. Раз, зайдя к нему, Гоголь застал художника за чтением Псалтири.

— Отчего ты читаешь Псалтирь? — удивился Гоголь.

— А ты читаешь светских писателей?

— Конечно, чтение таких художников слова, как Шекспир, Данте и других, доставляет мне всегда эстетическое наслаждение.

— Вот видишь, — ответил итальянец, — ты восторгаешься светскими писателями, а Псалтирь есть высшее художественное произведение, которое когда-либо слышало человечество. Это произведение не людей, а Духа Святого. Понять его вполне нашим умом невозможно, оно недоступно даже Ангелам. <...>

Наш известный художник Иванов, из картин которого особенно замечательна находящаяся в Румянцевском музее картина «Явление Христа народу», всегда читал Псалтирь и говорил, что из нее он черпает силы для художественного творчества» (*Преподобный Варсонофий Оптинский.* Беседы. Келейные записки. Духовные стихотворения. Воспоминания. Письма. «Венок на могилу Батюшки». Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптины Пустынь, 2005. С. 203–205).

⁸ Преподобный Иосиф Оптинский (в мире Иван Ефимович Литовкин, 2 ноября 1837 – 9 мая 1911), старец, иеросхимонах, скитоначальник.

⁹ В начале 1888 г. сестра Гоголя Анна Васильевна в письме к В. И. Шенроку также свидетельствовала, что брат «мечтал поселиться в Оптиной пустыне» (см. в наст. изд.). «...В Оптиной Пустыни старцы называли его <Гоголя> праведным...» (*Парфений <Левецкий>*, епископ <Можайский>. Слово, сказанное при заупокойном служении в Московском Даниловом монастыре в пятидесятилетие со дня кончины Николая Васильевича Гоголя, 21 февраля 1902 года // *Московские Ведомости*. 1909. 20 марта. № 65. С. 2).

¹⁰ Имеется в виду книга схимонаха Илариона (в мире И. И. Домрачев, около 1845 – 1916) «На горах Кавказа. Беседы двух старцев-пустынников о внутреннем единении с Господом наших сердец через молитву Иисусу Христу, или Духовная деятельность современных пустынножителей» (Баталпашинск, 1907; переиздана: М., 1911; Киев, 1912). «Преподобный Варсонофий любил перечитывать эту книгу и часто рекомендовал ее своим чадам. В дальнейшем, подчиняясь указанию Св. Синода от 1913 г., он говорил: “Вот дело-то какое выходит. Оказывается, есть там неправильности. Помни, сила не в слове, не в имени, а в Самом Христе именуемом. Вот оно что; оказывается, предисловие этой книги все бы выкинуть надо, но сама по себе книга хорошая!” В Оптиной Пустыни, хотя и читали эту книгу, но свое отношение к ней высказывали довольно сдержанно. Вот, например, отзыв о. Анатолия (Потапова <1855–1922>), одного из последних великих Оптинских старцев: “Я читал ее и находил в ней перлы молитвы Иисусовой, когда узнал, что Св. Синод признал в ней еретическое, я по своей прямолинейности, из послушания, как сын Православной Церкви, все выписки, сделанные из этой книги, перечеркнул. Хорошо ведь об Иисусовой молитве и у епископа Игнатия”» (*Преподобный Варсонофий Оптинский*. Беседы. Келейные записки. Духовные стихотворения. Воспоминания. Письма. «Венок на могилу Батюшки». Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптина Пустынь, 2005. С. 141).

¹¹ Имеется в виду схимонах Иларион.

Список условных сокращений

- АВПРИ* – Архив внешней политики Российской Империи Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва.
- ГАРФ* – Государственный архив Российской Федерации (бывш. *ЦГАОР*), Москва .
- ГИМ* – Отдел письменных источников Государственного исторического музея, Москва.
- ГЛМ* – Отдел рукописных фондов Государственного литературного музея, Москва.
- ГЦТМ* – Архивно-рукописный отдел Государственного центрального театрального музея им. А. А. Бахрушина, Москва.
- ИРЛИ* – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург.
- РГАДА* – Российский государственный архив древних актов, Москва.
- РГАЛИ* – Российский государственный архив литературы и искусства (бывш. *ЦГАЛИ*), Москва.
- РГВИА* – Российский государственный военно-исторический архив (бывш. *ЦГВИА*), Москва.
- РГБ* – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (бывш. *ГБЛ*), Москва.
- РГИА* – Российский государственный исторический архив (бывш. *ЦГИА*), Санкт-Петербург.
- РНБ* – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (бывш. *ГПБ*), Санкт-Петербург.
- ХИМ* – Харьковский исторический музей.
- ЦГИА СПб* – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (бывш. *ЛГИА*).
- ЦИАМ* – Центральный исторический архив Москвы (бывш. *ЦГИАМ*).

Сводный именной указатель (т. 1–3)

- А. Ж., корреспондент журнала «Москвитянин», III, 11
- А–й, знакомый О. М. Бодянского, исполнитель народных песен, I, 299–301, 304, 305; III, 222, 223
- А–у, корреспондент газеты «Одесский Вестник», III, 774
- Аарон, ветхозаветный первосвященник, III, 1003
- Абакумов, житель Калуги, II, 226
- Абеляр П., II, 321
- Абрам, слуга бабушки Г. П. Данилевского, I, 299
- Абрамович С. Л., III, 142
- Август III, король польский, III, 575
- Август, слуга графа В. А. Перовского в Риме, II, 255
- Августа Мария Луиза Катерина, императрица Германии и королева Пруссии, II, 460
- Августин, блаженный, II, 38–40, 257, 441; III, 128, 132, 659
- Августин (Сахаров), епископ Оренбургский, I, 446
- Августинович, домовладелица в Одессе, III, 782
- Авдеев М. В., III, 931
- Авдотья Степановна. См. Леонтьева А. С.
- Авель, второй сын Адама и Евы, II, 441
- Авенариус В. П., II, 189
- Аверкиев А. Е., I, 796; II, 478, 479, 483
- Аверко, сын крестьянки Марты, I, 612, 614
- Авраам праотец, св. праведный, II, 24, 40, 441
- Аврааменко, жена Ф. К. Аврааменко, III, 779, 784
- Аврааменко Ф. К., III, 779, 784
- Авраамов Н. П., II, 404, 406
- Аврам, кучер М. И. Гоголь-Яновской, I, 100, 103
- Авсеенко В. Г., III, 875, 980
- Агапит (Беловидов), архимандрит, III, 734, 735, 891
- Агарков, домовладелец в Одессе, III, 782
- Агафонов М. А., II, 40, 45
- Агин А. А., I, 395; III, 853
- Агния (Агнесса), св. дева мученица, II, 39, 304, 427, 452, 453
- Агриппа Марк, II, 436, 448
- Агриппина, горничная Погодиных, II, 526
- Адам Виртембергский, II, 42
- Адам, праотец, III, 550
- Адам Е. А., I, 585
- Адарюков В. Я., II, 545
- Аддисон Дж., I, 375; III, 978
- Адеркас Э. Б., I, 537, 550, 605
- Адина, дочь герцога Лейхтенбергского Максимилиана, II, 199, 200
- Адлерберг В. Ф., граф, I, 705; II, 37, 44, 52, 290; III, 348, 602, 604–609, 614
- Адлерберг М. Е., графиня, III, 900–902
- Адриан, римский император, II, 429, 430, 442, 448, 450, 451, 457; III, 379, 425, 447, 485
- Адриан, патриарх Московский и всея Руси, I, 18
- Азадовский М. К., III, 140, 142, 157
- Азанчевская, мать М. Азанчевской, III, 1022
- Азанчевская М., III, 1016, 1022
- Азаричева М. А., I, 622
- Айбулат А. М., II, 34
- Айвазовский И. К., II, 46, 503; III, 50, 51, 64, 305–314, 315, 316, 317, 380, 396, 397, 558, 570
- Айзеншток И. Я., I, 298; III, 788, 824, 832, 1014
- Айхенвальд Ю. И., III, 873
- Ак. С., знакомая В. С. Аксаковой, II, 830

- Акацатова, III, 73
- Акем..., знакомый Е. А. Хитрово в Риме, III, 746
- Акимова (рожд. Ребрисова) С. П., II, 759
- Акост, де, II, 284
- Аксаков А. Н., II, 877
- Аксаков А. Т., II, 781, 830, 854, 855, 858, 859, 866, 868, 962
- Аксаков Г. С., I, 163; II, 157, 542, 577–581, 614, 622, 636, 641, 695, 711, 712, 722, 738, 755, 758, 759, 778, 785–790, 797, 803, 805, 806, 808–811, 819, 903–905, 907, 930, 948, 967; III, 81, 105, 224, 278, 287, 290, 503, 648, 924
- Аксаков И. С., I, 71, 72, 128, 129, 158, 186, 188, 272, 278, 282, 290, 299, 304–306, 308, 309, 316, 320, 354, 524, 536, 642, 761; II, 49, 78, 88, 120, 130, 147, 149, 157, 168, 202, 208, 209, 213, 225, 226, 235, 237, 248, 274, 275, 280, 292, 296, 307, 310, 311, 323, 353, 373, 494, 495, 500, 542, 577–585, 587–619, 622, 623, 631, 635, 636, 644, 645, 652, 655, 656, 662, 663, 672–695, 718, 720, 738, 750–758, 762, 763, 765, 778–784, 787–791, 798, 801–803, 805, 806, 808–811, 814–816, 818, 822, 824, 825, 837, 841–845, 849–851, 853, 854, 856, 857, 861, 864, 865, 867–870, 872–878, 887, 889, 890, 894, 895, 897–899, 902, 904–946, 948, 950–953, 956, 968; III, 17, 18, 28, 37, 65, 81, 92, 176, 186, 187, 205, 228, 239, 244, 247–249, 278, 287, 290, 492, 495, 503, 524, 526, 559, 568, 570, 659, 664, 694, 711, 718, 726, 730, 738, 756–758, 784, 814, 822, 858, 924, 927, 948, 958, 964, 977, 979
- 26 сентября, II, 908*
- А. О. Смирновой (Вы примиряетесь легко...), II, 235, 311*
- А. О. Смирновой (Когда-то я порыв негодования...), II, 235, 310, 311*
- Бродяга, II, 608, 781, 867–869, 922, 923, 928, III, 197*
- Жизнь чиновника, II, 851, 907*
- Зачем душа твоя смирна..., II, 919, 921, 922*
- Зачем опять теснятся звуки..., II, 851*
- Зимняя дорога, II, 851, 907*
- Клеймо домашнего позора..., II, 872, 873*
- Не дай душе твоей забыть..., II, 919, 921, 922*
- Ночь, II, 911*
- Свой строгий суд остановив..., II, 854, 918, 919, 921, 922; III, 65*
- Сон, II, 851*
- Среди удобных и ленивых..., II, 911*
- Аксаков К. С., I, 114, 163, 304, 522, 754, 761, 850; II, 70, 88, 92, 93, 130, 134, 136, 147, 158, 161–164, 172, 178, 194, 210, 233, 268, 285, 292, 307, 322, 360, 363, 465, 476, 489, 491, 493, 501, 503, 527, 534, 542, 575–581, 583, 587, 589, 595, 596, 599–619, 622, 623, 631, 636, 638, 639, 641, 649–653, 655–658, 660, 664, 666, 667, 670, 671, 676, 680, 683, 687, 689–696, 698–701, 703, 704, 707–713, 716, 718–721, 723, 724, 727–729, 734, 737, 738, 745–747, 749, 752–755, 758, 760, 762–764, 766, 767, 778–782, 785–802, 805, 806, 809–811, 815, 816, 819, 823, 827, 829, 831–834, 842, 843, 846, 851, 852, 857, 859, 861, 866–868, 870–872, 875, 877–879, 887–890, 892, 894–899, 903, 905, 906, 908–910, 918, 920, 923–926, 928, 930, 931, 933, 934, 937, 942, 948, 950, 958, 964, 966–968; III, 14, 77, 78, 81–83, 104, 105, 126, 145, 166, 186, 188, 189, 191, 193, 194, 196, 197, 200, 201, 203, 205, 210–212, 216–219, 223, 224, 244, 246–253, 256, 267, 268, 272, 273, 278, 282–285, 287, 288, 290, 305, 308, 321, 453, 473, 485, 503, 511, 520, 524, 527, 648, 696, 697, 747, 755, 757, 812, 831, 855–858, 868, 878, 924, 958
- Ломоносов в истории русской литературы и русского языка, II, 790, 909*
- Ночное посещение (из Вецеля), II, 966*
- О современном литературном споре, II, 650, 655*
- Освобождение Москвы в 1612 году, II, 649, 650, 655, 867, 868*
- Певец (из Гете), II, 966*
- Аксаков М. С., II, 157, 473, 475, 580, 581, 672, 673, 682, 685, 689, 694, 699, 718, 755, 758, 760, 763, 778, 787, 806, 808–811, 947; III, 248, 249, 288, 290
- Аксаков Н. П., III, 897, 898
- Аксаков Н. Т., II, 160, 681, 757
- Аксаков С. Т., I, 6, 14, 15, 25, 72, 77, 79–81, 112, 115, 118–120, 125, 149, 158, 160, 161, 163, 174, 175, 183, 188, 198, 221, 282,

295–299, 304, 306, 307, 317, 318, 354, 355, 394, 522, 585, 642, 687, 688, 711, 723, 760, 828; II, 25, 34, 51, 53, 88, 93, 107, 116, 126, 127, 130, 147, 157, 160–164, 172, 180, 204, 205, 208, 209, 211, 212, 214, 215, 224–226, 241, 275, 344, 362, 369, 377, 393, 413, 416, 417, 419, 422, 471–477, 489, 494, 495, 497, 499, 500, 503, 515, 521, 522, 527, 529, 534, 542, 552, 575–627, 629–632, 635–639, 642–646, 648, 649, 652, 654–663, 665, 669, 671, 678, 680, 685, 693–697, 699, 702, 710, 715, 719, 721, 723, 724, 726, 732, 734, 738, 740, 741, 744–746, 748, 750–768, 774–781, 783, 786–790, 793–795, 797, 798, 803–811, 813–817, 819, 820–828, 830, 832–839, 842–845, 848–870, 874–886, 888–894, 897–899, 902–908, 910–943, 947, 948, 950–953, 955–958, 963–970; III, 4, 5, 9, 10, 14, 25, 30, 36, 37, 41, 48, 65, 77, 78, 87–89, 98, 99, 101, 103–105, 136, 144, 146, 151, 164, 165, 172–175, 186, 191, 208, 209, 211–213, 219, 221, 223, 224, 227, 228, 230, 233, 234, 236–238, 242, 244, 246, 247, 250, 253, 271, 277, 278, 282–285, 287, 288, 298, 301–303, 305, 381, 410, 429, 453, 463, 474–477, 480, 488, 491, 492, 497, 498, 501, 525, 526, 544, 552, 559, 568, 570, 603, 616, 641, 699, 711, 712, 717, 755, 756, 758, 762, 800, 816, 830, 844, 845, 849, 853, 854, 859, 863, 875, 878, 881, 924, 941, 942, 948, 958, 964, 979

Аленький цветочек, I, 119

Воспоминание о М. Н. Загоскине, II, 630

Воспоминания, II, 644, 754

Детские годы Багрова-внука, I, 11; II, 678, 754; III, 208, 209, 282, 287

Записки об ужении рыбы, II, 650, 655, 754, 867, 868; III, 209

Записки ружейного охотника Оренбургской губернии, II, 211, 393, 503, 604, 606–610, 612, 615–618, 626, 630, 754, 868, 877, 878, 881, 892, 928, 929, 930; III, 208, 209

Знакомство с Державиным, II, 606

Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах, II, 754; III, 209

Семейная хроника, I, 77, 80, 304; II, 393, 678, 754; III, 208, 209, 282, 287

Аксаков Т. С., I, 77

Аксакова А. С., II, 781

Аксакова А. Т. См. Воейкова (рожд. Аксакова) А. Т.

Аксакова (рожд. Тютчева) А. Ф., II, 272–274, 280, 922; III, 559

Аксакова В. С., I, 14, 15, 36, 115–117, 119, 120, 127, 143, 144, 163, 170, 174–177, 183, 187, 198, 217, 293, 331, 687, 760; II, 88, 146, 295, 500, 578–580, 582–584, 586, 590, 592, 595, 600, 604–607, 609, 613, 617, 618, 624–626, 631, 642, 645, 646, 656, 658, 666, 672–674, 676, 677, 680–682, 684–687, 689, 690, 694, 696, 697, 700, 708–711, 715, 717, 723, 724, 726, 727, 754, 758, 762, 763, 781, 788, 790, 792–795, 798, 803–886, 889–894, 897, 898, 901, 905, 907, 910, 918, 919, 922, 926, 930, 932, 946, 948, 950, 952, 956–959, 961–963, 967, 968, 970; III, 66, 105, 177, 191, 211, 246, 247, 261, 272, 287, 288, 290, 474, 478, 495, 526, 539, 543, 547, 552, 642, 709, 824, 864, 926, 946, 957, 964

Аксакова (рожд. Панова) Е. А., I, 160

Аксакова Л. С., I, 183, 187; II, 583, 600, 607, 617, 787, 798, 819, 857, 879, 881, 892, 932, 955; III, 104, 105, 288, 290

Аксакова (рожд. Зубова) М. Н., I, 77

Аксакова (в замужестве Томашевская) М. С., I, 183, 187; II, 583, 600, 607, 656, 659, 671, 677, 755, 756, 787, 798, 857, 881, 886, 948; III, 288, 290

Аксакова Н. С., I, 177, 183, 187, 286, 301, 304–306, 308, 320; II, 583, 600, 607, 611, 617, 626, 630, 727, 798, 806, 819, 834, 857, 872–876, 879, 881, 883, 886, 887, 889, 891–893, 895, 899, 948, 950, 951, 953; III, 37, 104, 221–223, 227, 230, 241, 288, 290, 878, 879, 924

Аксакова Н. Т. См. Карташевская (рожд. Аксакова) Н. Т.

Аксакова О. Г., II, 893, 897

Аксакова (рожд. Заплатаина) О. Сем., I, 30, 74, 80, 112–117, 119, 120, 128, 129, 170, 175, 183, 187, 217, 304, 306, 307, 309, 384, 760; II, 119, 147, 158, 160, 164, 212, 417, 473, 475, 489, 493, 517, 542, 577–579, 583, 595, 600, 605, 606, 612, 613, 615, 617, 619, 626, 640, 646, 653, 656, 663, 666, 676, 677, 680, 681, 686, 687, 689, 694, 696, 700, 709–711, 713, 716, 718, 721–723, 726, 727, 730, 734, 736, 737,

- 744, 745, 747, 753, 755, 756, 758–761, 766, 767, 778–784, 787–790, 794, 798, 804, 805, 811, 812, 818, 819, 829, 833, 834, 836, 840, 848, 849, 851, 854, 857, 866–868, 871, 872, 874, 876, 877, 882, 883, 885, 887, 891, 892, 896–899, 903–907, 910–923, 925–942, 947, 948, 950, 951, 970; III, 65, 104, 241, 246, 287, 288, 298, 463, 498, 501, 543, 544, 547, 711, 756, 848, 924, 964
- Аксакова О. Серг., I, 117, 176, 183, 187, 198; II, 583, 600, 607, 611, 612, 700, 749, 767, 783, 798, 819, 857, 881, 886, 890, 891, 899; III, 172–174, 288, 290, 298
- Аксакова (рожд. Шишкова) С. А., II, 614, 884
- Аксакова С. С., I, 183, 187; II, 617
- Аксаковы, I, 14, 30, 33, 51, 76, 112, 121, 143, 157, 164, 170, 183, 185, 187, 198, 282, 292, 295, 301, 304–307, 319, 320, 529, 633; II, 45, 106, 123, 144, 160, 178, 215, 225, 239, 268, 348, 416, 417, 422, 472, 473, 490, 491, 498, 515, 517, 529, 530, 536, 567, 601, 630, 635, 636, 645, 656–658, 679, 680, 686, 762, 768, 835, 837, 867, 879, 906, 951, 952, 956; III, 37, 64, 65, 81, 130, 173, 174, 176, 177, 205, 222, 242, 244, 248, 264, 278, 282, 283, 287, 288, 527, 542, 552, 599, 603, 663, 693, 694, 710, 712, 762, 831, 832, 846, 850, 852, 856, 857, 878, 879, 881, 957
- Аксюкова С. М., I, 348
- Аладьин Е. В., I, 142; III, 369
- Алан (актер). См. Прео А., де
- Алан (актриса). См. Прео А. Л, де
- Александр, слуга А. О. Смирновой в Риме, II, 252
- Александр I, Император, I, 11, 44, 59, 73, 74, 94, 202, 220, 269, 469, 487, 743, 744, 780; II, 59, 131, 132, 203, 262, 277, 314, 325, 327, 329, 330, 338, 347, 348, 353, 374, 407, 436, 484, 486, 756; III, 80, 109, 112, 550, 636, 671
- Александр II, Император. См. Александр Николаевич, Наследник Цесаревич, с 1855 г. Император Александр II
- Александр III, Император, II, 355; III, 841
- Александр VI, римский папа, II, 433
- Александр Бакарович, царевич грузинский, III, 539
- Александр Македонский, I, 535, 536, 568, 835; II, 286, 392; III, 679
- Александр Невский, св. благоверный князь, 350, 370, 591
- Александр Николаевич, Наследник Цесаревич, с 1855 г. Император Александр II, I, 129, 259, 260, 538, 653, 665, 681, 683–685, 727, 740, 825, 840, 853; II, 9–11, 37–42, 44, 45, 50–52, 61–63, 74, 198, 199, 203, 213, 231, 261, 263, 271, 274, 281, 284, 288, 306, 346, 358, 361, 407, 425, 441, 454, 457, 500, 756, 941, 942; III, 33, 38, 110, 166, 235, 239, 261, 329, 330, 349, 350, 376, 402, 403, 483, 531, 557, 558, 594, 597, 671, 682, 715, 716, 727, 738, 793, 811, 814, 872, 886, 1021
- Александра, сестра Э. Ковриго, I, 212
- Александра (Адина) Максимилиановна, дочь герцога Лейхтенбергского Максимилиана, II, 257
- Александра Михайловна, знакомая М. П. Погодина, II, 498
- Александра Николаевна, великая княгиня, дочь Императора Николая I, принцесса Гессен-Кассельская, I, 511, 727, 736; II, 43, 48, 284, 295
- Александра Николаевна, приживалка Е. А. Архаровой, I, 649
- Александра Степановна, приживалка Е. А. Архаровой, I, 652
- Александра Федоровна. См. Тимченко А. Ф.
- Александра Федоровна, знакомая Н. Н. Шереметевой и И. А. Фонвизина, III, 552
- Александра Феодоровна, Императрица, жена Императора-страстотерпца Николая II, страстотерпица, III, 645, 839
- Александра Феодоровна, Императрица, жена Николая I, I, 29, 85, 152, 179, 188, 325, 329, 663–667, 689, 692, 705, 727, 733–742, 744, 745, 749, 750, 799; II, 41, 56, 57, 59, 199, 202, 262, 264, 282, 284, 294, 319, 323, 324, 327, 330, 335, 340, 342, 343, 345–347, 350, 354, 355, 357, 503, 555, 676, 678; III, 174, 340, 483, 569, 597, 758
- Александренко, помещик в с. Великие Сорочинцы, I, 349
- Александров А. А. См. Дурова (псевдоним А. А. Александров, в замужестве Чернова) Н. А.

- Алексеев, содержатель гостиницы в Одессе, III, 781
- Алексеев А. А., I, 832
- Алексеев А. М., III, 369
- Алексеев М. П., II, 192
- Алексеев С. А., II, 221, 226
- Алексей, лакей Н. М. Смирнова, II, 267
- Алексей Михайлович, русский царь, I, 19, 340; II, 222, 722, 763
- Алексий, митрополит Московский, свт., II, 263; III, 192
- Алленов М. М., III, 307, 397
- Аллер С., III, 985
- Аллори, II, 39
- Алмазов Б. Н., II, 756, 757; III, 276, 719
- Алпатов М. В., II, 428; III, 397, 400
- Алферьев Е. Е., III, 839
- Алферьев П., III, 159
- Алферьева (рожд. Обухова), сестра В. В. Обухова, III, 159
- Алферьева (в замужестве Галахова) Е. П., III, 50, 51, 159, 322, 323, 377–379, 475, 537
- Алферьева М. П., III, 159, 322, 323, 377, 379
- Альбрехт, принц прусский, II, 331, 353
- Альфонский Арк. Ал., III, 232, 237, 576, 925
- Альфонский Арк. Арк., III, 909, 916, 925, 937, 947
- Альфред А. А., принц Великобританский, II, 281
- Альфред Великий, II, 27; III, 757
- Альфред Э. А., принц Великобританский, II, 274, 281
- Алябьев А. А., II, 951; III, 879
- Амазис, египетский царь, I, 646
- Амалия Ивановна, гувернантка детей Н. И. Лопер (во втором браке Арнольди), II, 328
- Аман Авг. И., I, 8, 449, 452–455, 457, 486, 503, 504
- Аман К. И. См. Курдюмова (рожд. Аман) К. И.
- Аматриче, римская прислуга, III, 130
- Амвросий Медиоланский, св., I, 434
- Амвросий Оптинский (Гренков), преподобный, III, 616–618, 799, 800, 893, 1020
- Амфилохий (Леонтович), епископ Переяславский и Бориспольский, I, 5, 366
- Анания, св., III, 1003
- Анастасевич В. Г., II, 137; III, 527
- Анастасий Синаит, патриарх Антиохийский, свт., III, 128–131
- Анатолий (Мартыновский), архиепископ Могилевский, II, 25, 487; III, 342
- Анатолий Оптинский (Потапов), преподобный, III, 1024
- Ангелы, семья владельцев Эпира, III, 469
- Ангулемская герцогиня Мария Тереза Шарлотта, II, 315
- Андреа делла Валле, II, 441
- Андреев А. Н., III, 876, 877
- Андреев А. С., I, 793; III, 367, 368, 370
- Андреев Н. А., I, 352; III, 816
- Андреев Н. Ф., III, 802, 803, 808
- Андреевская (рожд. Гессе) А. В., III, 800
- Андреевский А. Н., I, 798
- Андрей Боголюбский, великий князь, II, 497, 500
- Андрей Первозванный, св. апостол, I, 608, 633, 638; II, 39, 425, 433, 435, 451, 481; III, 470, 829
- Андрей Рублев, св., II, 456
- Андроник (Трубачев), игумен, III, 843
- Андроник Московский, преподобный, III, 719, 720
- Андроников (Андроникашвили) И. Л., I, 839; II, 5, 31, 32
- Андросов В. П., I, 758, 773, 809, 810; II, 4, 34, 409, 418, 470, 722, 763; III, 287, 479
- Андрущенко С. М., I, 428, 449, 535, 538, 543, 545
- Анега. См. Боратынская (рожд. Абамелек) А. Д.
- Анжелика, римлянка, III, 130
- Анисимов (Бугай), урядник в Диканьке, I, 361
- Анисимо-Яновская М. Г., I, 358, 359, 395
- Анк Марций, II, 452
- Анна, св., I, 538; II, 52; III, 135, 232, 591

- Анна, горничная княжны Е. Д. Цициановой, II, 266
- Анна, знакомая М. П. Погодина в Москве, II, 490
- Анна Антоновна, приживалка Е. А. Архаровой, I, 649
- Анна Иоанновна, Императрица, I, 235, 364; II, 253, 330
- Анна Николаевна, приживалка Е. А. Архаровой, I, 649
- Анна Семеновна, приживалка Е. А. Архаровой, I, 652
- Анненков И. В., III, 412–414, 489, 530, 531
- Анненков И. Ф., III, 417
- Анненков П. В., I, 294, 504, 511, 514, 516, 538, 549, 553, 691, 708; II, 163, 345, 354, 357, 457, 512, 645, 765, 798, 802, 867, 884; III, 14, 20, 27, 32, 34, 38, 50, 55, 87, 129, 130–133, 166, 194, 200, 230, 244, 255, 258, 263, 267–269, 275, 276, 278, 279, 286, 294–296, 298, 299, 303, 308, 316, 328, 373, 376, 378, 379, 389, 398, 399, 407, 409–419, 429, 431, 432, 442, 452, 455, 461, 465, 467–505, 513, 519, 522, 525, 527–541, 551, 820, 824, 825, 968
- Парижские письма, III, 295, 296, 539*
- Анненков Ф. В., III, 413, 414, 489, 529–531
- Анненкова Е. И., II, 801, 822, 838, 852, 855, 858, 862, 864, 879
- Аношкина (Касаткина) В. Н., I, 536, 712
- Антиной, III, 699
- Антипин И. Ф., II, 222, 226, 405, 406
- Молитва русских людей, II, 226*
- Антипин М. А., II, 226
- Антоний (Бочков), игумен, III, 616, 730
- Антоний (Медведев), наместник Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, св., II, 232, 235, 278, 344, 553, 555, 871, 872; III, 501, 538, 539, 579, 839
- Антоний (Рафальский), митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский, III, 620
- Антоний Великий, св., I, 698, 699; II, 40, 45, 46, 503
- Антоний Оптинский (Путилов), преподобный, I, 633, 637; II, 266, 279, 391; III, 733, 734
- Антоний Печерский, св., II, 235
- Антонин Пий, император, II, 424, 430, 431, 436, 438
- Антонина Ивановна, тетка Н. И. Перелыгина, III, 837
- Ануш, домовладелец в Одессе, III, 782
- Анфим, епископ Никомедийский, священномученик, III, 1014
- Аншкофер А., III, 131
- Аньезе, римлянка, III, 129
- Аполлинарий, епископ Равеннский, священномученик, III, 131
- Аполлинария, преподобная, III, 131
- Аполлоний, св. мученик, III, 131
- Апостол Д. П., I, 234, 235, 350, 639
- Апостол У., I, 639
- Аппий Клавдий, II, 428, 438, 439; III, 314, 317, 362
- Апраксин В. В., граф, I, 155; II, 78–81, 361, 940; III, 348, 558, 590, 642, 756
- Апраксин В. С., граф, II, 79
- Апраксин С. С., граф, II, 273, 291
- Апраксина (рожд. Пашкова), жена графа В. В. Апраксина, II, 361
- Апраксина М. В., графиня. См. Мещерская (рожд. графиня Апраксина) М. В., княгиня
- Апраксина Н. В., графиня, II, 79; III, 590
- Апраксина (рожд. графиня Толстая) С. П., графиня, I, 368, 724; II, 78–81, 124, 126, 207, 233, 246, 292, 361, 513, 780, 917, 940; III, 10, 13, 223, 224, 231, 345, 346, 348, 349, 351, 355, 358, 501, 590, 591, 595, 642, 669, 722, 724, 725, 756, 925, 964
- Апраксины, графы, II, 292
- Аракчеев А. А., граф (с 1799 г.), I, 763; III, 407
- Аралов Ф. Г., III, 571
- Арапулов (Серопупов), II, 274, 291, 292
- Арбенева Н. П. См. Киреевская (рожд. Арбенева) Н. П.
- Арбузов, сын Д. Н. Арбузова, III, 870
- Арбузов А. Н., III, 870
- Арбузов Д. Н., III, 870

- Арбузов Н. А., III, 868, 869, 871
 Арбузов С. А., III, 870
 Арбузова, жена Д. Н. Арбузова, III, 870
 Арендт (Арендт), мать Ник. Ф. Арендта, I, 48, 67, 68, 141, 177, 187, 195
 Арендт Н. Ф. См. Старицкая (рожд. Арендт) Н. Ф.
 Арендт Ник. Ф., I, 48, 67, 76, 510, 839; II, 31, 32, 58
 Аржевитинов И. С., III, 76, 81, 86, 477
 Аринин В. И., III, 232
 Ариосто Л., II, 38, 842
 Аристов Е. Ф., II, 458, 464
 Аристов Н. Я., II, 474
 Аристофан, I, 806, 811; II, 291; III, 522, 631, 743, 744, 756
 Арманд, капитан парохода, II, 252
 Армфельдт А. О., II, 172, 173, 503, 579, 607, 640, 652, 690, 691, 711, 789, 829; III, 301, 303
 Арнольди А. И., II, 288, 296, 377, 595
 Арнольди (рожд. Свербеева) В. Д., III, 855–858
 Арнольди И. И., II, 377, 595
 Арнольди И. К., II, 281, 282
 Арнольди Л. И., I, 294, 702; II, 122, 211, 212, 221, 222, 226, 233, 238, 241, 265–267, 272, 274, 278, 288, 296, 320, 373, 374, 377, 378, 391, 395, 401, 404, 405, 584, 599, 618, 622, 782, 861, 908, 909, 913, 915–917, 921; III, 50, 64, 215, 659, 669, 684, 693, 705, 725, 726, 799, 857, 858
 Арнольди М. И., II, 377, 595
 Арнольди Н. И. См. Лорер (в замужестве Росет, во втором браке Арнольди) Над. Ив.
 Арнольди О. И. См. Оболенская (рожд. Арнольди) О. И., княгиня
 Арсеньев И. А., III, 667, 668
 Арсеньев К. И., I, 766, 801, 802, 840; II, 5–7, 34
 Арсеньева Д., I, 187
 Арсеньева Е. М., III, 991
 Артаксеркс, II, 939
 Артынов (Артинов) А. Ю., I, 536, 556
 Артынов (Артинов) Н. Ю., I, 555, 556
 Артынов (Артинов) П. Ю., I, 536, 556
 Артюхов И. Н., I, 466
 Артюхов К. Н., I, 466
 Арутюнян Г. Г., III, 51, 61, 310, 312, 316
 Архарова (рожд. Римская-Корсакова) Е. А., I, 649, 650, 652
 Архипова А. В., III, 275
 Арцыбашев Н. С., III, 158, 159, 342
 Асдрубал (Газдурбал), II, 44
 Асенкова В. Н., I, 829
 Аскольд, князь, III, 908, 925
 Аскоченский В. И., III, 732
 Астарков С. И., II, 143; III, 847
 Ате... Б., II, 12
 Атуев Я., III, 225, 230
 Афанасий, патриарх Александрийский, св., II, 783
 Афанасий, патриарх Константинопольский, Лубенский чудотворец, св., I, 209; II, 478, 481
 Афанасий, слуга А. О. Смирновой, II, 246, 267
 Афанасий, слуга И. С. Аксакова, II, 782
 Афанасьев А. И., I, 816, 829
 Афанасьев А. К., III, 697, 698
 Афанасьев А. Н., II, 153, 761; III, 3, 10, 13, 22, 24, 25, 27, 28, 32, 35, 38, 44, 411, 495, 504, 519, 588, 685, 876, 948
 Афанасьев В. В. (монах Лазарь), III, 177
 Афанасьев-Чужбинский А. С., I, 324; II, 34, 36
 Афендик И., I, 336
 Афросимов, московский знакомый Н. В. Кукольника, I, 554
 Афросимов, родственник А. О. Смирновой, II, 873
 Аффендулево, знакомый Н. М. и А. О. Смирновых, II, 341
 Ахалин (псевдоним Волгин) Г., актер, I, 835
 Ахлестышев Д. Д., III, 760, 770, 791–793
 Ахлестышева, жена Д. Д. Ахлестышева, III, 760
 Ацаркина Э. Н., II, 353
 Ашель, святой католической Церкви, II, 302; III, 91
 Ашукин Н. С., I, 793

- Б. А., корреспондент «Литературной газеты», III, 579
- Б. и Б., лица, упоминаемые в статье «Одесского Вестника», III, 741
- Б., английский карикатурист, II, 340
- Б., знакомая Гоголей, I, 222
- Б., князь, знакомый А. О. Смирновой, II, 236
- Б., петербургские знакомые А. П. Дурново, II, 356
- Б., старик в Нежине, I, 578
- Баадер Ф. К., II, 462, 464, 465
- Бабст И. К., III, 43, 44, 552
- Бабушкин Н. Ф., III, 68
- Бавион, преподаватель французского языка, I, 747, 750
- Багaley Д. И., I, 299, 320; II, 952; III, 222
- Баденская, великая герцогиня Стефания Луиза Адриенна (рожд. Богарнэ), жена великого герцога Баденского Карла Людвиг Фридриха, II, 258, 259
- Баденский, великий герцог Карл Людвиг Фридрих, II, 258
- Бажанов Е. И., I, 10, 39, 421
- Баженов В. И., III, 815
- Базаров И. И., протоиерей, II, 49, 277; III, 564, 565
- Базилевская, I, 496; III, 109, 112, 113
- Базилевская (рожд. Грессер), жена Базилевского (младшего), III, 109, 112
- Базилевский, III, 109, 112, 113
- Базилевский (младший), III, 109, 112
- Базилевский (ошибочно). См. Фролов-Багрев А. А.
- Базилевский (старший), полковник, III, 109, 112
- Базилевский А. П., III, 856
- Базилевский В. М., I, 363
- Базили, дочь К. М. Базили, II, 326
- Базили, мать К. М. Базили, I, 546
- Базили К. М., I, 428, 431, 470, 490, 501, 503, 536, 540, 542–547, 558, 577, 594, 599, 698; II, 27, 103, 326, 378, 420, 497; III, 49, 475, 530, 602, 604, 609, 619–622, 624, 626–628, 632, 633, 779, 780
- Сирия и Палестина под турецким правительством, в историческом и политическом отношениях, I, 546*
- Базили М. А., III, 621, 622, 624
- Базили М. В., I, 545
- Базунов И. В., III, 301, 303
- Байрон Дж., I, 546, 561, 567, 686; II, 300, 321, 325, 341, 389, 444, 834; III, 193, 194, 218, 807, 995
- Дон Жуан, I, 557; III, 755*
- Каин, II, 321*
- Манфред, III, 755*
- Небо и земля, II, 321*
- Баканов Л. С., III, 15
- Бакунин, московский полицеймейстер, II, 727
- Бакунин А. А., II, 130
- Бакунин М. А., II, 130, 967; III, 27, 33, 79, 84, 144, 164, 189, 190, 264, 559, 685
- Бакунина А. А. См. Вульф (рожд. Бакунина) А. А.
- Бакунина Т. А., III, 685
- Бакунины, II, 948
- Балабин В. П., I, 182, 326; III, 100
- Балабин Е. П., I, 182, 326; III, 100
- Балабин И. П., I, 182; III, 100
- Балабин П. И., I, 175, 182, 325, 326, 404, 645, 690; II, 327; III, 100, 107, 123, 231, 232, 753
- Балабина (рожд. Уварова), жена И. П. Балабина, III, 100
- Балабина (рожд. де Пари) Варвара (Паулина) О., I, 174, 175, 182, 326, 404, 516, 521, 690; II, 327, 335, 685; III, 100, 106, 107, 123, 671, 753, 785
- Балабина Е. П. См. Репнина-Волконская (рожд. Балабина) Е. П.
- Балабина М. П. См. Вагнер (рожд. Балабина) М. П.
- Балабины, I, 182, 661, 666, 667; II, 325, 327; III, 106–109, 123
- Балакшина Ю. В., II, 119; III, 38, 695, 696, 812–814

- Баландин, поручик, I, 722
 Баландин А., III, 413
 Балдина Е. В., II, 82, 83
 Балдов, управляющий П. М. Языкова, III, 150, 151
 Балинский, курьер А. О. Смирновой, II, 258, 260
 Балугьянская (в замужестве Капгер) А. М., II, 323, 352
 Балугьянский М. А., II, 352
 Бальзак, прозвище, данное Гоголем одному из приятелей, III, 426
 Бальзак О., де, I, 539; II, 325, 348; III, 88, 142, 426
 Бальмен Я. П., де, II, 180
 Балыш (Балш) (отец), надворный советник, III, 781, 786
 Балыш (Балш) (сын), студент Ришельевского лицея, III, 786
 Банделло М., II, 336
 Баних (рожд. Данилевская) О. А., I, 526, 531; III, 81
 Баних Ф. К., I, 526
 Бантышев А. О., III, 8
 Бантыш-Каменский Д. Н., II, 497, 775; III, 447, 489
 Баранов, офицер, I, 497
 Баранов, формовщик, III, 568, 571
 Баранов А–р, I, 387
 Баранов К. Н., I, 762
 Баранов П. А., I, 448, 494, 534
 Баранов П. Т., граф, II, 42, 48
 Баранова (рожд. княжна Васильчикова) Анна А., графиня, I, 441, 650, 653
 Баранова П. А., I, 534
 Барановский Е. И., III, 372, 373
 Барановский И. И., III, 744, 756
 Барановский С. И., I, 787; III, 704
 Барант А., барон, III, 77, 82
 Барант Э., барон, III, 77, 80, 82, 207
 Барберини, князя, II, 38, 40, 425, 435; III, 426, 442, 447, 448
 Бардовский А. Ф., I, 188, 631, 734, 736–742, 749; III, 111, 112
 Бардовский (Бордовский) П. Д., I, 439, 452–456
 Барклай-де-Толли М. Б., II, 374
 Барков И. С., I, 537
 Бароло Ф. Дж., ди, маркиза, III, 132
 Барон Брамбеус. См. Сенковский О. И.
 Баррьер Т., III, 774
 Баррьер Т., Декурсель Ш. А.
     Пансионерка (La petite cousene), III, 774
 Барсамов Н. С., III, 316
 Барсуков М. П., I, 318
 Барсуков Н. П., I, 33, 120, 131–133, 155, 166, 493, 521, 637, 640, 642, 658, 725, 752, 755, 759, 804, 843, 849; II, 51, 62, 65, 112, 113, 116, 130, 134, 145, 162, 212, 213, 409, 411–413, 416, 418, 419, 459, 470, 473, 475, 476, 478, 483, 484, 487, 492–496, 499–502, 524, 542, 550, 560, 562, 568–571, 575, 594, 601, 602, 604, 609, 610, 629, 630, 760, 779, 799, 815, 929–931, 964; III, 86, 92, 197, 198, 229, 230, 268, 503, 578, 626, 633, 658, 659, 672, 673, 675, 697, 704, 723, 849, 885
 Бартнев В. С., III, 700
 Бартнев Н. С., III, 700
 Бартнев П. И., I, 17, 71, 74, 76, 297, 345, 404, 504, 548, 549, 555, 556, 601, 651, 660, 664, 709, 712, 719, 720, 763; II, 49, 62–64, 78, 130, 134, 140, 144, 147, 173, 194, 200, 201, 203, 204, 206–208, 210, 234, 235, 272, 275, 295, 313, 320, 352, 353, 365–367, 373, 374, 411, 497, 550, 551, 619, 620, 752, 755, 762, 789, 834, 924, 927, 929, 936, 943, 944; III, 50, 55, 58, 81, 98, 99, 102, 104, 114, 122, 192, 194, 195, 197, 228, 229, 242, 287, 343, 417, 487, 530, 568, 571, 621, 696–702, 711, 719, 720, 729, 730, 748, 752–756, 758, 784, 873, 876, 924
 Бартнев П. Ю., III, 700
 Бартнев Ю. Н., II, 527–529, 534; III, 671
 Бартнев Ю. П., II, 365
 Бартенева С. С. См. Сидорова-Бартенева С. С.
 Бартенева Т. П., III, 699
 Бартолини Л., III, 307
 Бартоломей И. И., I, 828; II, 668, 754, 759

- Бартоломео, II, 40
- Баршев С. И., II, 130, 172
- Барышников, знакомый П. М. и Н. М. Языковых, III, 163
- Барятинский А. И., князь, II, 42, 48
- Басанин А., II, 527, 533
- Басанин И. А., II, 527
- Басин П. В., III, 64, 561, 562
- Басистов П. Е., I, 294
- Баско, фокусник и чревоушатель, II, 261
- Басманов П. Ф., I, 776, 777, 782
- Бастамова (рожд. Алмазова) Е. Н., II, 762; III, 718, 719, 851, 893, 895
- Баталин И. А., II, 403
- Батеньков Г. С., III, 598–600
Песнь скопца, III, 600
- Баторий С., II, 426, 442
- Баттё (Бате) Ш., I, 446; III, 4
- Батурова Т. К., I, 536
- Батюшков К. Н., I, 539, 540, 780; II, 132, 342, 355; III, 226, 861
- Батюшкова Ю. Н. См. Зиновьева (рожд. Батюшкова) Ю. Н.
- Бауерова (Бауэр) Л. К. (Л. Х.), I, 134
- Баумейстер Ф. Х., I, 434, 440, 446, 477
- Бах И. С., II, 299, 323; III, 192, 751, 967
- Бахерахт Е. И., III, 77, 111
- Бахман, II, 458
- Бахметев А. Н., II, 285
- Бахметев (Бахметьев) Н. И., II, 263
- Бахрушин А. А., II, 513, 539; III, 576, 991
- Бахрушин А. П., III, 991
- Бахрушин С. В., I, 394, 396
- Бахрушин Ю. А., II, 513
- Бахтин Н. И., II, 181, 182
- Башуцкий А. П., II, 34; III, 259
Водовоз, III, 259
- Баяр Ж. Ф. А., II, 758
- Баяр Ж. Ф. А., Лоренсен (П. Э. Шапель)
- Матильда, или Ревность, II, 758*
- Беарн Г., граф, II, 258
- Бедарева А., II, 95
- Безбородко А. А., князь, I, 8, 9, 20, 39, 111, 112, 135, 385, 407, 421, 425, 430, 431, 433–438, 440–442, 444–452, 457–462, 464–467, 469–471, 475–480, 484–487, 489, 491–493, 500, 503–505, 509, 535, 537, 538, 540, 542, 543, 546–548, 552, 553, 555, 557, 559, 566, 567, 574, 575, 579, 580, 582, 592, 603, 611, 623, 625, 626, 627, 631, 643, 658, 698, 726, 799; II, 290; III, 4, 45, 303, 476, 487, 726, 784, 861, 981, 985, 991
- Безбородко И. А., граф, II, 497
- Бейне К. А., III, 312, 351, 371, 372, 396, 530
- Беккер И. И., III, 987
- Беклешова А. См. Неклюдова (рожд. Беклешова) А.
- Бекман, генерал, III, 786
- Бектышев Н. П., II, 129
- Бектышева, мать Н. П. Бектышева, II, 129
- Белавин Д. Г., II, 571, 573
- Белавин Як. Петр., I, 411
- Белавина (в замужестве Облеухова) Е. Г., II, 571
- Беларди А., III, 130
- Белехова С. П., II, 413, 766, 932; III, 97, 102
- Белинская (рожд. Орлова) М. В., II, 912; III, 263, 265, 269
- Белинская (рожд. Иванова) М. И., III, 255
- Белинская О. В., III, 265
- Белинский В. Г., I, 300, 320, 395, 431, 504, 514, 538, 549, 550, 665, 673, 674, 685, 694, 704, 715, 761, 807, 808, 810, 837; II, 5, 87, 92, 93, 97, 133, 138, 148, 167, 188, 189, 193, 240, 275, 321, 322, 347, 348, 360, 363, 443, 471, 473, 494, 521, 522, 545, 561, 587, 592, 597, 598, 655, 667, 704, 729, 742, 753, 754, 756, 761, 764–766, 787–790, 792–796, 801, 805, 808, 811, 816, 817, 826–828, 832, 833, 835, 846, 847, 855, 861, 896, 906, 912, 915, 942, 943, 957, 958, 964; III, 15, 19, 25, 27, 28, 33, 79, 82, 138, 167, 170, 186, 193, 194, 200, 214, 239, 244–273, 275–279, 281, 282, 284, 285, 287, 289–295, 299, 303–305, 315, 316, 368, 369, 373, 403, 407, 409–412, 418, 438, 456, 458, 459, 478, 480, 482, 485, 493–496, 501–509,

- 511–513, 516–529, 532–537, 540, 551, 572,
584–588, 599, 643, 644, 685, 694, 705, 709,
710, 762, 766, 772, 790, 800, 801, 824, 826,
830, 834, 863, 868, 926, 974, 1012, 1018, 1023
- Белли Дж., III, 138, 139
- Беллини В., II, 160
- Беллини Дж., II, 39, 40, 250; III, 400
- Беловольская А. И., I, 352
- Беловольская П. И., I, 352
- Беловольский И. Г., протоиерей, I, 327, 333,
350–352
- Белозерская А. М. *См.* Кулиш (рожд. Белозер-
ская, псевдоним Ганна Барвинок) А. М.
- Белозерская М. В., I, 692
- Белозерская (рожд. Ген) Н. А., I, 16, 32, 43, 44,
52, 72, 87, 88, 90, 92, 94, 98, 99, 101,
103–107, 110, 145, 146, 149–153, 155, 157,
166, 188, 271–273, 397, 398, 631, 734,
737–742; II, 354; III, 233, 237
- Белозерский В. М., I, 150; III, 237
- Белозерский Н. Д., I, 80, 322, 643, 644; II, 400,
521, 942, 952; III, 237, 434, 476, 478, 948
- Белокуров С. А., III, 228, 229
- Белосельская-Белозерская (рожд. Бибикина, во
втором браке Кочубей) Е. П., княгиня, II,
257, 276
- Белосельская-Белозерская З. А., княжна. *См.*
Волконская (рожд. княжна Белосельская-
Белозерская) З. А., княгиня
- Белосельская-Белозерская М. А., княжна. *См.*
Власова (рожд. княжна Белосельская-Бело-
зерская) М. А.
- Белосельский-Белозерский Э. А., князь, II, 276
- Белоусов И. А., I, 253
- Белоусов Н. Г., I, 460–463, 465, 466, 469–471,
481, 484, 485, 500, 502, 504, 505, 536, 537,
541, 543, 550, 558, 594, 605, 643
- Белоусов Н. Г. (ошибочно), III, 434
- Белухин, портной, I, 375
- Бельшева А. Н., III, 927, 956
- Бельчиков Н. Ф., III, 587, 695, 791, 833, 958
- Беляев И. В., III, 184
- Беляев И. Д., II, 498
- Беляев Н., II, 489
- Беляев Ф. Н., II, 279, 489, 493; III, 698
- Беляев Ю. Д., III, 134, 135
- Беляков А. П., III, 953, 954
- Белякова Е. А., III, 927, 952, 953, 955–957
- Беляновский Т., I, 629, 630
- Бем (Бёме) И., II, 332, 465
- Бенардаки Д. Е., II, 411, 460–462, 465, 469–681,
756; III, 23–25, 114, 492
- Бенардаки Н. Д., II, 462, 465
- Бенедиктов В. Г., I, 715, 801, 802, 840; II, 5–7, 34,
190, 844, 845; III, 671
- Стихотворения, I, 802*
- Бенетато, одесский домовладелец, III, 784
- Бенкендорф А. Х., граф (с 1832 г.), I, 537; II,
174, 176, 350, 407, 711; III, 23, 36, 110, 232,
251, 259, 550, 600
- Бенуа Н. Л., III, 307
- Беранже П. Ж., II, 834; III, 194
- Беранжер (прозвище), знакомый Гоголя и
А. С. Данилевского в Петербурге, I, 510
- Берг Н. В., I, 155, 283, 306; II, 105, 106, 113, 280,
492, 495, 500, 527, 534, 537, 567; III, 3, 15,
168, 230, 242, 526, 646–649, 652, 658,
660–667, 672, 674, 682, 704, 847
- Над гробом Гоголя, III, 665*
- Берг Ф. Ф., граф, III, 885
- Бередников Я. И., I, 801, 802, 804; II, 5–7
- Березин И. Н., III, 537, 538
- Березина В. П. *См.* Косярковская (в замужестве
Березина) В. П.
- Березовский М. С., II, 263
- Берлихингенг Г., фон, III, 502
- Бернардский Е. Е., I, 395, 674, 676; II, 853
- Бернини Л., III, 425
- Бернс (Борнс) Р., I, 324
- Бернштейн Б. М., III, 327, 333, 338, 343, 398,
716
- Берри К. Ф. Л., герцогиня, II, 198, 199
- Берх (Берг) В. Н., I, 776, 777, 782; III, 369

- Царствование Царя Феодора Алексеевича и история первого Стрелецкого бунта, I, 776, 777, 782*
- Берх (Берг) Е. К., I, 776, 777, 782
- Бессараб М. Я., III, 134, 135
- Бессомыкин И. И., III, 811, 814
- Бессонов П. А., III, 697, 698, 702, 856, 876–879, 882
- Бестужев (псевдоним Марлинский) А. А., I, 500, 604, 656, 668, 766; III, 142, 258, 468, 598
- Бестужев Анд. Вас., III, 77
- Бестужев Н. А., III, 598
- Бестужев П. А., II, 136; III, 196, 697
- Бестужев-Рюмин К. Н., III, 482
- Бестужева (рожд. Языкова) П. М., II, 136; III, 62, 140, 142, 143, 153, 164, 182, 196, 697, 863
- Бетлинг О. Н., I, 621
- Бетховен Л., ван, I, 79; II, 263, 299, 875; III, 967
- Бетюн (Betun), княгиня Леони, II, 245, 259
- Бецкий И. Е., I, 647; II, 464, 544–546; III, 78, 79, 84, 167, 168
- Бианки Дж., III, 131
- Бибииков Д. Г., III, 760, 982, 983, 995, 998
- Бибииков М. В., III, 549
- Бибииков М. П., II, 429; III, 125–127, 396, 572, 839
- Билевич И. В., I, 535
- Билевич М. В., I, 422, 425, 449, 461, 462, 465–467, 469, 471, 472, 481, 485, 487, 490, 503, 504, 535, 537, 541, 543; II, 937
- Билевич Н. И., I, 535, 536, 538; II, 85, 937; III, 403, 684
- Журавль, I, 536*
- Картинная галерея светской жизни, или Нравы XIX столетия, I, 536*
- Коренная ярмарка в Курске, I, 536*
- Мечты и существенность, I, 536*
- Несколько слов об историческом значении Петровского-Разумовского, I, 536*
- Николай Иванович Новиков, I, 536*
- О преподавании русского языка и словесности, I, 536*
- О цели и сущности гимназического образования, I, 536*
- Петр Иванович Короткоушкин, I, 536*
- Пребывание Карамзина в Москве, I, 536*
- Русские писательницы XVIII века, I, 536*
- Русские писательницы XIX века, I, 536*
- Святочные вечера, или Рассказы моей тетушки, I, 536*
- Сказка об Иване-Богатыре, I, 536*
- Био Ж. Б., I, 458
- Бион, I, 324
- Бирон Е. К., герцогиня. См. Виельгорская (рожд. герцогиня Бирон) Е. К., графиня
- Бирон Л. К., герцогиня. См. Виельгорская (рожд. герцогиня Бирон) Л. К., графиня
- Бирон Э. И., герцог Курляндский, I, 253
- Бисмарк О., III, 841
- Благой Д. Д., II, 274, 275, 281, 294
- Благосветлов Г. Е., II, 566
- Блан Л., II, 198, 199
- Бланк Б. К., III, 621
- Бланк В. Б., III, 530, 604, 621, 622, 624, 645
- Бланк К. И., III, 621
- Близнецов Г. П., I, 510, 735, 747
- Блинов А-р Ал., I, 411
- Блинов Н. И., III, 1004, 1014
- Блинчевская М. Я., III, 552
- Блудов Д. Н., граф (с 1842 г.), I, 763, 780; II, 54, 199, 410, 421; III, 750
- Блудова А. Д., графиня, II, 569
- Блуменбах (Блюменбах) И. Ф., I, 458
- Блэр (Блер) Г., I, 446
- Блюгерман, домовладелец в Одессе, III, 782
- Боб, фамилия родственников Гоголя, II, 291
- Бобков Ф. Д., III, 206
- Боборыкин, дядя П. Г. Волкова, III, 232
- Боборыкин (Боборикин, Бобарыкин, Бабарыкин) Д. Л., I, 35

- Боборыкин (Боборикин, Бобарыкин, Бабарыкин) Н. Н., II, 710, 711, 762; III, 77, 176
- Бобринский А. А., граф, I, 845
- Бобринский В. А., граф, III, 200
- Бог, Пресвятая Троица, Бог-Отец, Бог-Сын, Бог-Дух Святой, Господь. См. также Иисус Христос, I, 3, 11, 17, 23–27, 31, 33, 35, 38, 47–49, 51, 53, 55, 58–60, 64–72, 74–77, 80–89, 91–98, 100–110, 113–118, 120–122, 125–132, 134–136, 144, 154, 155, 160, 167, 170–172, 175, 178, 179, 181, 184, 187, 189, 194, 203, 204, 206, 207, 215, 217, 222, 225, 226, 231, 238–241, 245, 250, 252, 256, 260, 263, 265, 267–270, 272, 274, 277, 278, 302, 303, 320, 323, 345, 355, 361, 362, 364, 368, 370, 372, 374, 379, 386, 394, 399, 409, 421, 422, 433–435, 438, 440, 442–444, 449, 451, 457, 462, 463, 480–482, 485, 487, 488, 504, 505, 526, 529, 532–534, 536, 539, 563, 565, 580, 584, 593, 596, 608, 609, 611, 614, 616, 632, 634, 635, 642, 647, 650, 653, 660, 663, 664, 678, 681, 685, 686, 689, 694, 695, 702, 706, 707, 709, 718, 728, 736, 744, 745, 747, 759, 788, 799, 804, 807; II, 21–24, 28, 38–40, 45, 52–54, 56, 58, 61, 63, 67, 77, 85, 87, 90–92, 98, 103, 105, 112, 115, 117, 118, 132–134, 136, 142, 144, 180, 196, 197, 199, 204, 205, 208, 211–213, 217, 219, 220, 225, 226, 229–233, 235, 239, 240, 245, 251, 253, 255–257, 263, 265, 267, 269, 271, 273, 278–281, 284, 286, 287, 298, 305, 321, 339, 344, 345, 350, 368, 375, 379, 385, 391, 394, 397, 410, 414, 424, 426, 429, 432, 436, 441, 445, 446, 448, 450, 451, 454, 459, 463, 467, 470, 474, 475, 481, 482, 484, 488–491, 494, 495, 500, 501, 508, 511–514, 516, 532, 533, 538, 539, 553–555, 568, 569, 576, 581, 583, 585–587, 590, 592, 593, 595, 596, 600, 605, 610, 612, 613, 616–618, 620, 622, 626, 630, 632, 637, 639, 647, 649, 651, 654, 655, 659, 679, 681, 695, 697, 699, 700, 701, 703, 713, 716–718, 720, 723, 724, 726, 728, 730, 733–735, 737, 740–742, 744, 745, 747, 750, 757, 763, 764, 779, 782, 783, 787, 791, 799, 800, 805, 806, 814, 819–821, 825, 830, 836, 845, 846, 848, 851, 854–858, 861–864, 866, 871, 872, 883, 885–887, 891, 895–900, 908, 911, 914, 915, 917, 920, 923, 926, 928, 931, 956, 966; III, 6, 8, 16, 17, 19, 21, 26, 38, 39, 52, 55, 59, 60, 62–64, 70, 74, 83, 84, 91, 92, 99, 109, 115, 122, 136, 141, 142, 151–154, 164–166, 169, 172, 174, 176–178, 189, 192, 208, 210, 211, 216, 217, 233–235, 238, 247, 249, 253, 255, 258, 267, 270, 278, 285, 292, 294, 295, 297, 302, 304, 308, 324, 330, 338, 346, 364, 367, 378–380, 386, 389, 397, 432, 439, 447, 448, 453–455, 461, 462, 470, 479, 488, 491–493, 498, 500–502, 504, 514, 523, 530, 532, 536, 539, 542–548, 550, 551, 555, 558, 559, 565, 581, 593, 600, 603, 604, 615–617, 619, 631, 634–636, 643, 646, 647, 655, 658, 673–675, 678, 679, 682, 683, 685, 688, 703, 705, 708–710, 716, 719, 720, 724, 727, 728, 731, 734, 738, 739, 742, 745–748, 750–752, 756–758, 772, 776, 778, 782, 788, 789, 797–800, 802, 811, 814, 818, 822, 836, 838–843, 849, 851, 862, 863, 865–867, 870, 871, 873, 880, 881, 887, 890, 892, 895, 896, 899, 900, 902–904, 906, 908–910, 916, 917, 921, 926, 928, 931, 932, 937, 938, 941, 943, 945, 954, 957, 962, 986, 997, 1001, 1003, 1005, 1006, 1008, 1009, 1011–1013, 1016–1023**
- Богаевский П. Ф., I, 439, 446
- Богданов А. Ф., III, 7, 768–770, 774, 791, 793, 925
- Богданов Г. М., I, 378
- Богданов Д. П., III, 733, 734
- Богданов М. Г., протоиерей, II, 172, 173
- Богданова (рожд. Щепкина) Е. С., III, 768, 769, 774, 791–793
- Богомолова Е. Г., II, 103
- Богоявленский М. М., III, 694
- Боград В. Э., III, 409
- Боде, фрейлина, III, 78
- Бодров А. Ф., III, 741, 750, 754, 787
- Бодянский О. М., I, 30, 143, 291, 294, 296, 298–308, 310, 311, 313, 319, 320, 333, 394, 396, 456, 481, 536, 579, 642, 695; II, 52, 92, 374, 409–412, 464, 479, 483, 491, 492, 494, 503, 515, 572, 573, 602, 614, 630, 635, 636, 644, 768, 774, 799, 872, 874, 938, 950, 951, 954, 963; III, 4, 14, 19, 30, 36–38, 184, 185, 197, 221–223, 227–232, 236–242, 265, 320, 476, 477, 487, 492, 493, 497, 568, 658, 659, 663, 664, 671, 697, 717, 761, 763, 808, 878, 881, 984, 985
- Бодянский П. И., II, 477–479
- Божановская А. М., III, 7, 925

- Божко А. А., I, 463, 467, 472–479, 481–486, 553, 602, 643; III, 437, 480
- Бок Г. Т., II, 69, 70
- Бок Т. Е., II, 69, 70
- Бокий И. С., I, 262
- Боккаччо Дж., I, 535, 539; II, 40
Декамерон, I, 539
- Боккерини Л., II, 263
- Болейн А., II, 40
- Боленко К. Г., II, 179, 411
- Болотов М. П., III, 200
- Болтин И. Н., III, 521
- Большакова Н. В., I, 620
- Бомарше П. О. К.
Женитьба Фигаро, II, 40
Севильский цирюльник, I, 350; III, 423, 499, 717
- Бонифачио В., II, 39
- Бооль В. Г., фон, I, 580, 581; III, 287
- Боплан Г., де, I, 174; II, 659
Описание Украйны, I, 174
- Бопре, петербургский купец, I, 734
- Боратынская (рожд. Абамелек) А. Д., I, 754
- Боратынская (рожд. Энгельгардт) А. Л. (Н. Л.), I, 751–754; II, 583, 779; III, 208
- Боратынская А. Ф., 752, 753
- Боратынский (Баратынский) Е. А., I, 281, 667, 751–755, 758, 766, 773; II, 34, 177, 322, 342, 380, 390, 419, 470, 576, 670, 755, 965, 968; III, 77, 98, 154, 208, 255, 522
Есть милая страна, есть угол на земле... II, 968
Молитва (Царь небес, успокой...), II, 322
Сумерки, III, 154
- Боратынский И. А., I, 754
- Боргезе Ш. К., II, 38, 39, 426, 434, 436, 437, 446; III, 394
- Борджиа Ч., II, 39, 40
- Бордовский Г., I, 446
- Бордоне П., II, 39
- Борецкий (наст. фамилия Пустошкин) И. П., I, 622
- Борис Феодорович Годунов, I, 24, 776, 777, 782; II, 130, 479; III, 747, 757
- Борис, св. благоверный князь, III, 579
- Борисенко, сотник Сорочинский, I, 639
- Борисов В., III, 1021
- Борисов М. Я., I, 402, 403
- Борисов Я. А., III, 577
- Борисполец П. Т., III, 343
- Борковская (Барковская) У. И., I, 105, 134
- Боровиковский В. Л., I, 418
- Боровиковский И. И., I, 417, 419
- Боровиковский И. Л., I, 418
- Бородин Д., I, 718
- Бородин К. М., II, 4
- Бороздин А., II, 172
- Бороздин К. В., I, 463
- Бороздин Н. К., I, 438, 452, 453, 466
- Бороздин Ф. К., I, 438, 453–455, 466, 490, 574; III, 617
- Бороздин Я. К., I, 439, 440, 448, 453, 455, 463, 467, 472–479, 481–483, 486
- Бортнянский Д. С., II, 263
- Борх А. М., граф, II, 31
- Боссюэт Ж. Б., епископ, I, 461; II, 199, 231, 256, 284, 458; III, 83
- Бот, II, 40
- Ботвиновский Кирилл, иерей, I, 638
- Боткин В. П., I, 808; II, 138, 161–163, 249, 275, 428, 655, 765, 780, 788, 808, 811, 816, 833, 835, 867; III, 15, 19, 35, 239, 244–246, 248–254, 256–264, 266–268, 270, 271, 273, 275, 285, 289, 292–301, 303–305, 356, 357, 410, 458, 467, 468, 482, 495, 522, 525–528, 535, 539, 559, 586, 691, 695, 762, 821, 822, 926
Письма об Испании, III, 295, 296, 539
- Боткин М. П., III, 54, 62, 292, 300, 327, 331, 333, 336–338, 340, 342, 343, 345–349, 351–357, 362, 363, 375, 398, 535
- Боткин Н. П., I, 808; II, 161–163, 250, 275, 455, 457, 639, 646, 698, 760; III, 253, 258, 292, 296,

- 299, 300, 305–307, 309–314, 316, 321, 354,
355, 357, 381, 1022
- Боткин П. К., III, 292
- Боткин П. П., III, 357
- Ботникова А. Б., I, 759
- Бочаров И. Н., III, 115–117, 123, 251
- Бочаров Н. П., I, 346, 362, 366, 369, 831; II, 124,
126; III, 199, 576–578, 736, 960, 976
- Боченков В. В., I, 622
- Бочков И., купец, III, 615
- Бочкова, жена И. Бочкова, III, 615
- Бошняк А. К., Свиньин П. П.
*Ягуб Скупалов, или Исправленный муж, I,
108*
- Бравура А. А., III, 371, 372
- Брадке Е. Ф., фон, I, 632, 638
- Брамбеус. См. Сенковский О. И.
- Браницкая, графиня, I, 94
- Браницкая, дочь графини Браницкой, I, 94
- Браницкие, польский дворянский род, II, 482
- Браницкий В. К., граф, II, 253
- Брант Л. В., II, 600
- Браун А., I, 375
- Брашман Н. Д., II, 34
- Брейткопф (рожд. фон Парис) А. И., II, 327,
353
- Брин С. Ф., фон, III, 403
- Бровков Ив. Петр., I, 411
- Бровковы, I, 33, 617
- Бродский Н. Л., II, 513
- Бродский С. А., III, 781
- Бронзино А., II, 39
- Броссэ М. Ф. (М. И.), II, 573
- Брум Г., барон, III, 79, 84
- Бруни Ф. А., II, 38, 41, 425, 426, 445, 447, 451, 455,
456, 468, 813, 831; III, 116, 276, 375, 393, 396,
400, 402, 403, 561, 720
- Брунст Г. Е., III, 984, 986
- Брунст, петербургский домовладелец, III, 132,
984
- Брут А. И., I, 797, 798
- Брут М. Ю., II, 303, 305, 425, 435
- Брылкин И. А., I, 35
- Брюллов А. П., III, 369, 561
- Брюллов К. П., I, 229, 282, 395, 538, 601, 767,
807; II, 186–188, 263, 337, 352, 353, 421, 447,
450, 451, 455, 456, 499, 807, 813, 831; III, 64,
251, 292, 314, 355, 385, 393, 396, 397, 400,
402, 403, 434, 468, 478, 558, 562, 823
- Последний день Помпеи (Гибель Помпеи), I,
845*
- Брюллова (рожд. Тимм, во втором браке Греч)
Э. К. К., III, 251
- Брюсов В. Я., III, 699
- Брянские, III, 259
- Брянский (наст. фамилия Григорьев) Я. Г., I,
581; III, 79, 290
- Буало Н., II, 756
- Буальдые Ф. А., III, 116
- Бубнов, московский трактирщик, II, 269
- Бугаевский, I, 452
- Будагова Л. Н., III, 191, 839
- Будьдобрый Н. Г., III, 186, 521
- Булгаков А. Я., II, 65–67, 185; III, 667, 668, 873
- Булгаков К. А., II, 185
- Булгаков Ф. И., III, 311
- Булгаковы, III, 207
- Булгарин Ф. В., I, 282, 579, 694, 696, 715, 760,
766, 768, 804, 840, 847; II, 42, 47, 101, 212,
333, 334, 338–340, 418, 477, 518, 519, 599,
600, 629, 630, 695, 889, 935, 940, 952; III,
16–20, 60, 61, 163, 168, 262, 269, 279, 294,
366, 369, 370, 482, 505, 506, 512, 513, 524,
571, 572, 662, 685, 691, 695, 702, 704, 872,
874, 975–980, 982, 1014
- Димитрий Самозванец, III, 20, 874*
- Мазепа, III, 874*
- Похождения квартального, III, 366*
- Булгарин Я. С., III, 10, 27
- Булгарина, жена Ф. В. Булгарина, III, 19, 20
- Булгарини Ф., III, 129
- Бульдье Ф. А., II, 284

- Бунге Н. Х., I, 315
- Бунин А. И., II, 493
- Бунин И. А., III, 837, 838
- Бунина М. Г., II, 493
- Бунцен, II, 30
- Буняковский В. Я., II, 34
- Бурачек С. А., II, 279
- Бурбон Ш., де, III, 470, 537, 539
- Бурбоны, II, 299
- Бурдин Ф. А., II, 291, 296; III, 33
- Бурнашев В. П., III, 740, 981–986, 1014
- Бурнашев П. С., III, 982
- Бурнашева, жена П. С. Бурнашева, III, 982
- Бурьени Л. А., III, 805, 808
- Буслаев Ф. И., I, 396; II, 90, 91, 172, 227, 945; III, 17, 19, 20, 22, 236, 239, 265, 318–320, 975, 976, 979, 992, 993
- Буссе Г. Г., III, 125, 126
- Бустрас Х., III, 624
- Бутенев А. П., I, 672, 674; II, 62; III, 337, 583, 591
- Бутера (рожденная Шаховская) В. П., княгиня, III, 592
- Бутков И. Г., I, 417
- Бутович-Бутовский Е. Ф., II, 34, 35
- Бутурлин Д. П., II, 568
- Бутурлин М. П., I, 295, 650, 651
- Бутурлин П. М., граф, III, 559
- Бутурлины, II, 341
- Бутырский Н. И., I, 797
- Буффе М., III, 135
- Бухарев А. М. См. Феодор (Бухарев), архимандрит
- Бухарева (рожд. Родышевская) А. С., III, 709, 710
- Бухарин, домовладелец в Одессе, III, 786
- Быков А. Н., I, 316
- Быков В. И., I, 114, 150, 172–174, 214–216, 219, 231, 272, 274, 302, 311, 317; II, 626, 879, 938
- Быков Н. В., I, 49, 146, 150, 151, 166, 177–180, 186, 205, 207, 218, 219, 221, 228, 229, 271–274, 276, 316, 317, 349, 353–359, 381; II, 408; III, 576, 796, 967, 968, 975
- Быков Н. Д., III, 307
- Быков П. В., I, 80
- Быков Ю. В., I, 274, 316, 317, 321, 358
- Быкова А. В., I, 274, 316, 317
- Быкова В. А., I, 316, 317
- Быкова В. В., I, 274; II, 938
- Быкова Е. В. См. Гоголь (в замужестве Быкова) Е. В.
- Быкова Е. Н., I, 316
- Быкова (рожд. Пушкина) М. А., I, 219, 276, 316, 353, 356; III, 748, 968, 971, 975
- Быкова (в замужестве Рахубовская) М. В., I, 174, 274, 316, 317, 358
- Быкова С. Н. См. Данилевская (рожд. Быкова) С. Н.
- Быковский В. Я., II, 222, 405, 406
- Быковы, I, 174, 191, 250; II, 944; III, 364, 365
- Бычков А. Ф., III, 328, 487
- Бычков И. А., II, 43–48, 50, 52, 53
- Бьенеме Л., II, 40
- Бэкон (Бакон) Ф., I, 375
- Бюлов Г. Г., фон, III, 574
- Бюль Г., III, 574, 575
- В., брат В., знакомого Гоголя в Германии, II, 349
- В., знакомый Гоголя в Германии, II, 349
- В., корреспондент газеты «Новое Время», I, 275
- В., полтавский помещик, III, 987–989
- В. Б., корреспондент журнала «Вестник Европы», I, 362, 381
- В. Н., корреспондент журнала «Киевская Старина», I, 380
- В. Р., московский корреспондент журнала «Репертуар и Пантеон», III, 8
- В. С., корреспондент газеты «Новое время», II, 541
- В—в В., корреспондент газеты «Русские Ведомости», II, 529

- Вавринский И. В., II, 112
- Вагилевич И. Н., III, 7
- Вагнер А. Л., I, 667; III, 100
- Вагнер В. Ф., III, 778
- Вагнер Е. В. См. Погодина (рожд. Вагнер) Е. В.
- Вагнер Е. Ф., I, 132; II, 504, 510, 524, 541, 705
- Вагнер И. М., фон, III, 52, 398
- Вагнер (рожд. Балабина) М. П., I, 174, 175, 182, 183, 187, 325, 326, 516, 521, 667, 669, 675, 844; II, 30, 189, 310, 314, 325, 327, 635, 684, 685, 813; III, 100, 106–108, 110, 112, 123, 124, 414, 484, 492, 734, 753, 785, 788, 947
- Вагнер П. А., III, 123
- Вагунины, фабриканты, I, 154
- Вазари Дж., II, 281
- Вайда Анд. Як., I, 408, 411
- Ваксмут А. Я., II, 288, 296
- Вакулович М., I, 234
- Валентини Д., I, 520, 522; II, 195, 218, 229, 251, 303, 366, 427, 453, 474, 700, 718, 742; III, 98, 99, 659
- Валуев Д. А., II, 130, 269, 583, 689, 749, 779, 792, 795; III, 185, 195, 196, 198, 220, 664, 665, 849
- Валуев П. А., граф (с 1880 г.), III, 76, 81, 474
- Валуева (рожд. Языкова) А. М., III, 185
- Валуева (рожд. княжна Вяземская) Н. П., графиня, I, 521, 839, 851; III, 76, 81, 483
- Вальпусский, преподаватель немецкого языка и словесности, I, 747, 750
- Вальгер, знакомый Аксаковых, II, 779
- Ванда, дочь короля Крака, II, 462
- Ван-Дейк А., II, 677, 756
- Ванченко К. И., III, 792
- Варвара, св. великомученица, I, 203; II, 40; III, 399
- Варвара Семеновна, няня Анны В. и Е. В. Гоголь, I, 177–179, 195, 213
- Варвара Степановна. См. Зеленецкая В. С.
- Варварин, купец и содержатель гостиницы в Петербурге, III, 985, 986
- Варвинские, III, 336
- Варвинский И. В., II, 109, 112, 172; III, 53, 164, 336, 917, 927, 938, 947
- Варенцова Е. М., II, 413, 766, 932; III, 97, 102
- Варлаам (Ясинский), архиепископ Киевский, I, 18, 365
- Варлашка, II, 66
- Варсонофий Великий, преподобный, III, 727, 729, 889
- Варсонофий Оптинский (Плиханков), преподобный, III, 242, 616, 732, 758, 798, 1015, 1017, 1022–1024
- Вартимей, слепой, III, 1001
- Варфоломей (Нафанаил), св. апостол, II, 425, 433, 438, 451; III, 470
- Варфоломей, заштатный священник, I, 498, 499, 594; II, 485
- Василий, иерей старого обряда, III, 719
- Василий, повар в доме Дм. П. Трошинского, I, 51
- Василий, юродивый, II, 302
- Василий Акимович, знакомый В. В. Капниста, III, 970
- Василий Васильевич, автор статьи «Несколько слов о Гоголе». См. Толбин В. В.
- Василий Великий, св., I, 434; II, 103, 224; III, 198, 710, 743, 750, 752, 889
- Васильев, II, 527
- Васильев, граф, II, 96, 97
- Васильев В. А., II, 133
- Васильев С. В., II, 759
- Васильевич Г., III, 185
- Васильевич Л., I, 235
- Васильчиков, автор портрета Гоголя, III, 876
- Васильчиков, князь, III, 760
- Васильчиков А-р Ал., князь, I, 650, 651, 653, 657, 814
- Васильчиков А. В., князь, I, 325, 326, 599, 600, 645, 649, 651–653, 657; II, 38, 55, 73; III, 878, 879; см. также: Н., князь, заказчик художника Ап. Н. Мокрицкого (вероятно, князь А. В. Васильчиков)
- Васильчиков В. А., князь, I, 649, 651–653, 657; III, 879, 882

- Васильчиков И. В. (Л. В.), князь (с 1839 г.), II, 263
- Васильчиков П. А., князь, I, 320, 441, 650, 653; II, 73; III, 856
- Васильчикова А. П., III, 111
- Васильчикова А-ра А. См. Милорадович (рожд. княжна Васильчикова) А. А.
- Васильчикова (рожд. Архарова) А. И., княгиня, I, 599, 600, 649–653, 657, 706, 790; II, 55, 335, 607; III, 878, 879
- Васильчикова Анна А., княжна. См. Баранова (рожд. княжна Васильчикова) Анна А., графиня
- Васильчикова Е. А., княжна. См. Черкасская (рожд. княжна Васильчикова) Е. А., княгиня
- Вассиан, иеромонах Московского Данилова монастыря, III, 800
- Васьков Н. И., II, 717, 762
- Васьков Ф. И., I, 175; II, 472, 474, 527, 529, 685, 686, 752, 758, 786, 898
- Вацлав из Олеска (Залеский В.), II, 464, 953, 954; III, 221, 227
- Вацура В. Э., III, 80
- Вашенко-Захарченко А. Е., II, 298
- Вебер В. Э., III, 30
- Вебер Г., I, 83
- Вейс Ш., III, 84
- Вейсгаупт А., II, 331
- Великанов И. И., III, 60, 62, 156, 157
- Великопольский И. Е., I, 828; II, 419, 575, 576, 621, 668, 670, 809, 964, 965; III, 98
- Величко А. П., III, 671
- Величко С., I, 338
- Велланский Д. М., II, 34, 35
- Вельсовский Ник. Ив., I, 411
- Вельтман А. Ф., I, 554; II, 138, 139, 444, 500, 501, 527, 534, 630, 631; III, 588, 672
- Вельтман (рожд. Кубе) Е. И., II, 477, 630, 631
Виктор, II, 477, 630, 631
- Вельяминов А. А., II, 380, 395
- Венгеров С. А., III, 482
- Веневитинов А. В., I, 155, 653, 668, 758, 759, 763, 801, 802; II, 5–7, 77, 78, 96, 97, 128, 144, 231, 922; III, 205, 833
- Веневитинов Д. В., I, 722; II, 96, 231, 425, 428, 436, 922; III, 107
- Веневитинов М. А., II, 78; III, 24, 107, 114, 236
- Веневитинова А. М. См. Виельгорская (в замужестве Веневитинова) Ап. М., графиня
- Венедикт, афонский старец, III, 1021
- Венелин Ю. И., I, 174; II, 34, 35, 937; III, 198, 220, 664, 665, 849
- Венецианов А. Г., I, 354, 580, 601, 801, 802, 837; III, 5–7, 34, 637, 753
- Вера, св. мученица, I, 187; II, 39, 618
- Вера Константиновна, великая княжна, герцогиня Виртембергская, III, 592
- Веревкин М. Н., II, 259
- Вересаев В. В., I, 339, 591; II, 24
- Верещагин В. В., I, 395
- Верзилина (в первом браке Клингенберг) М. И., мать Клингенберг (по фамилии матери во втором браке Верзилина, в замужестве Шан-Гирей) Э. А., I, 510
- Верзилина Э. А. См. Клингенберг (по фамилии матери во втором браке Верзилиной, в замужестве Шан-Гирей) Э. А.
- Вернадский И. В., II, 951
- Верстовский А. Н., II, 107, 113, 152, 332, 552, 622, 644, 731, 733, 734, 765, 880, 881, 948; III, 924, 925, 946
- Вертнер <?>, I, 83
- Вершинский Д. С., протоиерей, II, 279, 458, 464; III, 591, 592, 604
- Веселовский Алексей Ник., III, 68
- Веселовский В. И., III, 3, 658
- Вессель И., III, 181, 189, 190
- Вефур, содержатель ресторана в Париже, I, 491
- Виардо Л., I, 327, 383; II, 93, 298, 780, 846, 847, 960, 961; III, 30, 138, 139, 170, 744, 820, 874
- Виардо П., II, 961; III, 139, 744, 820, 821
- Вигель Ф. Л., III, 36

- Вигель Ф. Ф., I, 763, 805, 838, 840, 841, 844; II, 130, 177, 179, 417; III, 36, 232, 237, 671, 725, 726, 867
- Виельгельм II, король прусский и германский, III, 164
- Виельгорская (в замужестве княгиня Шаховская) Анна М., графиня, I, 155, 156, 158, 524, 653, 686, 693, 697; II, 41, 47, 57, 76–78, 80, 81, 232, 260, 351, 357, 359, 361, 362, 367, 587, 749, 767, 850, 851, 861, 939, 940; III, 84, 85, 92, 95, 186, 488, 499, 521, 557, 581, 613, 642, 724, 756, 783
- Виельгорская (в замужестве Веневитинова) Ап. М., графиня, I, 653, 668, 763; II, 75, 77, 78, 96, 232, 359, 593, 922; III, 108
- Виельгорская (рожд. герцогиня Бирон) Е. К., графиня, I, 653
- Виельгорская (рожд. герцогиня Бирон) Л. К., графиня, I, 653–655, 693; II, 47, 57, 74–78, 80–82, 140, 206, 232, 343, 351, 358, 359, 361, 368, 369, 587; III, 24, 78–80, 84, 85, 93, 108, 111, 112, 139, 201, 230, 460, 490, 557, 724
- Виельгорская С. М., графиня. См. Соллогуб (рожденная графиня Виельгорская) С. М., графиня
- Виельгорские, I, 516; II, 74, 77, 81, 128, 206, 210, 217, 220, 228, 243, 245, 246, 260, 309, 339, 340, 361, 362, 861; III, 84, 90, 599
- Виельгорский И. М., граф, I, 294, 653; II, 40, 41, 74, 75, 78, 82–84, 140, 160, 217, 231, 232, 243, 255, 346, 358, 359, 361, 425, 426, 428, 436, 441, 452, 778; III, 96, 100, 103, 108, 110, 114, 116, 117, 139, 276, 308, 390, 451, 490, 497, 538, 947
- Виельгорский Матв. Ю., граф, I, 763; II, 72, 75, 232, 257, 327, 339, 347, 359; III, 497, 538
- Виельгорский (Виельгорский-Матюшкин) Мих. М., граф, I, 653, 665; II, 78, 81, 203, 220, 232, 246, 260, 359; III, 515, 527, 557
- Виельгорский Мих. Ю., граф, I, 653, 654, 662, 665, 683, 686, 692, 696, 763, 767, 829, 830, 838; II, 12, 14, 15, 38, 40, 41, 45, 47, 55, 72–75, 78, 82, 83, 96, 106, 160, 168, 206, 217, 228, 232, 240, 243, 244, 250, 261, 262, 265, 277, 292, 327, 330, 332, 335, 338–340, 346, 347, 350, 351, 359, 368, 415, 426, 428, 442, 452, 704, 761; III, 28, 76, 108, 112, 114, 117, 139, 165, 178, 184, 259, 497, 538, 557, 641, 642, 671, 675, 744
- Викентий Августопольский (Сарагосский, Валенсийский), диакон, священномученик, III, 128–131
- Виктория, королева Великобритании и Ирландии, II, 272–274, 281
- Викторович В. А., III, 265
- Викулин С. А., II, 40, 45, 54, 198, 260, 371, 372
- Викулова В. П., III, 205, 229, 268, 410, 413, 489, 579, 725, 891
- Виллие Я. В., баронет, I, 425, 551
- Вильгельм I, Нидерландский, II, 327, 353, 355
- Вилье, петербургский домовладелец, III, 215
- Вильчинский В. П., III, 270
- Вильям, II, 341
- Винкельман И. И., II, 444
- Виноградов Г. С., I, 16
- Виноградов И. А., I, 2, 14, 15, 30, 35, 42, 43, 69, 124, 135, 136, 186, 217, 231, 262, 369, 456, 500, 504, 521, 535, 536, 539, 679, 680, 712, 730, 731, 734, 736, 756, 776, 778, 781; II, 2, 12–16, 25, 78, 79, 82, 83, 99, 101–104, 318, 363, 367, 399, 417, 443, 494, 512, 554, 575, 582, 587, 759, 761, 766, 787, 822, 916, 942, 954; III, 1, 14, 37, 38, 49, 53, 54, 56, 61, 62, 64, 166, 167, 170, 171, 175–178, 190, 194, 209, 214, 229, 230, 244, 257, 268, 275, 290, 307, 328, 359, 360, 364, 384, 390, 395, 396, 398, 410, 411, 413, 472, 480, 484, 489, 491, 493, 501–503, 530, 542–550, 552, 579, 582, 591, 592, 601, 602, 605, 606, 608–610, 612–615, 620, 624, 644, 671, 677, 695, 711, 725, 734, 755, 758, 759, 762, 763, 801, 815, 877, 891, 986
- Виноградов С. П., I, 837
- Виноградская Н. Л., III, 677
- Винцент Д., святой католической Церкви, II, 302
- Виоланта, II, 40
- Виолле ле Дюк Э., III, 717
- Виргилий, II, 40, 332; III, 68
- Вирен В. Н., II, 409
- Виролайнен М. Н., II, 317
- Висковатов П. А., II, 236–241; III, 523
- Висконти Дж. Б. А., II, 195, 196, 230
- Виссарион (Нечаев), епископ Костромской и Галицкий, II, 495, 559

- Вистенгаузен Л. Ф. (Вистингаузен Л. А.), 180, 181, 188, 733–735, 737–742, 748–750; II, 354
- Витберг Ф. А., I, 509
- Витгенштейн Л. П., граф, II, 324, 352
- Витгенштейн П. Х., граф, с 1834 г. князь, II, 324; III, 559
- Витич К. И., II, 263, 278
- Витковский (Витховский, Вотковский), учитель танцев в Харькове, I, 59
- Вихман, учитель французского языка, I, 735
- Вицин Г. М., III, 974
- Вишнеvский В. К., I, 797
- Владимир, св. равноапостольный князь, I, 230, 427, 538, 608, 636, 707, 710; II, 290, 426, 442, 475, 637, 657, 688, 923; III, 5, 14, 31, 180, 250, 308, 330, 504, 591, 592
- Владимир Александрович, великий князь, II, 70, 355
- Владимиров Е., II, 504–507, 509–512
- Владимиров П. В., III, 876
- Владиславлев В. А., II, 34, 35; III, 245, 415
- Влас, сапожник, I, 375
- Власенкова А. С., II, 237, 317, 328; III, 1014
- Власий Кесарийский, св. мученик, I, 127
- Власова (рожд. княжна Белосельская-Белозерская) М. А., II, 82, 83; III, 109, 113, 115, 117
- Вобст Э. Ф., III, 781
- Вовенарг Л. де Клавье, II, 333
- Вовчок Марко (рожд. Вилинская М. А., в замужестве Маркович), III, 97
- Вогюэ Э. М., де, II, 298
- Воейков, жандармский капитан, II, 727
- Воейков А. Ф., I, 706, 709, 715, 724, 766, 768, 840; II, 4, 7; III, 37, 38, 142, 369, 981–984, 986, 987
- Дом сумасшедших, III, 37, 38*
- Воейков В. И., II, 935
- Воейков Н. В., II, 934, 935
- Воейков П. П., I, 235, 246
- Воейкова (рожд. Аксакова) А. Т., II, 935
- Воейкова (рожд. Протасова) Ал. Анд., II, 39, 44, 48, 203
- Воейкова Ал. Александровна, II, 203
- Воейкова А. И. (в монастыре м. Магдалина), III, 615, 617, 1022
- Воейкова Е. А., II, 43, 48
- Воейковы, II, 948
- Волкенштейн Г. С., граф, II, 283
- Волков А. А., III, 550
- Волков А. Г., I, 626–628, 630
- Волков Ал. Ем., I, 408, 411
- Волков А-р Ем., I, 408, 411
- Волков В. А., I, 191, 239, 249, 318, 321, 354, 400, 401
- Волков М., III, 7, 925
- Волков М. С., II, 34, 35; III, 413
- Волков Н. В., I, 368, 369
- Волков П. Г., I, 298; III, 228, 231, 232
- Волков С. К., III, 559
- Волкова (рожд. графиня Белинская), III, 232
- Волкова, жена Н. В. Волкова, I, 368
- Волкова Л., III, 232
- Волконская, княжна, внучка княгини Э. А. Волконской, III, 116
- Волконская А. П., княжна. См. Дурново (рожд. княжна Волконская) А. П.
- Волконская (рожд. княжна Белосельская-Белозерская) Э. А., княгиня, I, 85; II, 21–26, 34, 38, 41, 82, 83, 252, 302, 341–343, 357, 358, 425–428, 435, 436, 445–447, 455, 459, 468, 470, 471, 501; III, 73, 76, 81, 96, 97, 106–109, 111–115, 117, 287, 322, 326, 327, 374, 377, 413, 444, 488, 538, 540, 633, 717
- Песь Невская, III, 76, 81, 100*
- Волконская М. Н., III, 323
- Волконская (рожд. Кикина) М. П., княгиня, III, 743, 756
- Волконская (рожд. княжна Волконская) С. Г., светлейшая княгиня, III, 111, 112, 753
- Волконская С. Д., княжна. См. Репнина-Волконская (рожд. княжна Волконская) С. Д., княгиня
- Волконские, князья, III, 108, 559

- Волконский А-р Никитич, князь, сын З. А. Волконской, II, 23, 26, 34, 38, 82, 83, 345, 357, 428; III, 116
- Волконский А-р Никитич, двоюродный брат княгини З. А. Волконской, III, 109
- Волконский Г. П., князь, I, 518, 584, 728, 730; II, 355
- Волконский Г. С., князь, I, 518
- Волконский Д. П., князь, II, 356; III, 743, 746, 753, 756, 757, 786, 788
- Волконский Никита Г., князь, III, 112, 114, 116
- Волконский Николай Г., князь. См. Репнин-Волконский (до 1801 г. Волконский) Н. Г., князь
- Волконский П. М., светлейший князь (с 1834 г.), I, 518, 705, 779, 817; III, 3, 60, 73, 202, 262, 355, 356; III, 28, 109, 112, 251, 340, 342–344, 350, 743, 744, 753, 757, 786, 788
- Волконский С. Г., князь, III, 112
- Волконский, князь (ошибочно), III, 540
- Волтерра Д., да, II, 40
- Волчков С. С., I, 24
- Волынский П. И., протоиерей, I, 422, 433, 434, 436, 445, 450, 455–457, 465, 487, 503–505, 545, 563
- Вольперт Л. И., III, 472
- Вольге И., III, 877
- Вольгер А., II, 333, 388, 390, 544; III, 245, 270, 510, 967, 1008
- Кандид, I, 98, 101*
- Вольф А. И., I, 829
- Вольф Ф. А., II, 42
- Вольховской В. Д., II, 420, 423
- Вонсович, киевский портной, III, 998
- Вордсворт У., II, 325; III, 78, 83
- Воробьев М. Н., III, 307, 400
- Воробьев М., актер в Одессе, III, 774, 789, 792
- Воробьев С. М., III, 307, 561
- Воронец (рожд. княжна Оболенская, в первом браке Погодина) А. П., II, 538
- Вороновская (рожд. Лорер) Е. И., II, 328, 353
- Вороновский А. Е., II, 314, 317, 328, 353
- Воронцов, II, 42
- Воронцов М. С., князь, I, 55; III, 770, 789, 791
- Воронцова М. А., графиня, III, 108, 111, 112, 117
- Воронцова-Дашкова (рожд. Нарышкина) А. К., графиня, II, 32
- Воронцов-Вельяминов П. П., III, 200
- Воронцов-Дашков И. И., граф, II, 32
- Воронцовы, II, 341
- Воронянская (рожденная Квитка), I, 199
- Воронянская, соседка Гоголей, вдова, I, 216
- Воронянский, знакомый М. И. Гоголь в Харькове, I, 199
- Воронянский, сосед Гоголей, I, 209, 216
- Воропаев В. А., I, 15, 23, 135, 136, 155, 156, 535, 539, 736, 756; II, 13–16, 82, 83, 99, 101–104, 318, 474; III, 166, 167, 170, 171, 175–178, 356, 384, 542–550, 574, 582, 591, 715, 717, 732, 735, 956, 1023
- Воротников А. В., I, 762
- Востоков (наст. фамилия Останек) А. Х., II, 34, 35, 483, 487, 489, 493
- Враский (Врасский) А. В., I, 760; II, 5, 6, 579, 687, 688, 758; III, 250
- Враский (Врасский) Б. А., II, 6; III, 369, 671
- Врончевский, I, 4, 243, 373, 378
- Вронченко Ф. П., II, 12, 15
- Вротновский, II, 21, 22
- Всевожский Н. С., II, 498, 500
- Всеволодов В. И., II, 34, 35
- Вульпиус Х. А.
- Ринальдо Ринальдини, знаменитый атаман итальянских разбойников, II, 366*
- Вульф (рожд. Бакунина) А. А., III, 685
- Вульфферт В. К., III, 4
- Выйят. См. Уайт (Выйят, Виатт) Р. Д.
- Высоцкий, московский доктор, II, 783
- Высоцкий, учитель музыки, I, 735
- Высоцкий А., III, 971, 972, 975
- Высоцкий Г. И., I, 412, 430, 439, 457, 459, 501, 504, 507, 509, 536, 574, 578; III, 237, 475, 617, 964

- Высоцкий И. Г., I, 412
- Высоцкий М., III, 975
- Вышенский А. П., III, 811
- Вюртембергский принц Фридрих Евгений, I, 463
- Вяземская (рожд. княжна Гагарина) В. Ф., княгиня, I, 521, 839, 851; II, 32, 63, 335, 343, 369; III, 85, 95, 483, 867, 868
- Вяземская М. П., княжна, II, 369
- Вяземская Н. П., княжна. См. Валуева (рожд. княжна Вяземская) Н. П., графиня
- Вяземская П. П., княжна, I, 843, 844; II, 446, 455; III, 287
- Вяземские, князья, I, 763, 844–847; II, 500; III, 86, 88–90, 95
- Вяземский Павел П., князь, I, 521, 837, 839, 845, 851; II, 369; III, 119, 483, 868
- Вяземский Петр А., князь, I, 229, 300, 383, 515, 521, 540, 544, 647, 659, 660, 668, 671, 683, 684, 689, 691, 693, 694, 696–698, 712, 751, 753, 758, 763, 766, 780, 794, 801, 802, 804, 805, 829, 837, 839, 840, 842–851; II, 5–8, 31, 32, 34, 41, 51, 58, 63, 64, 67, 73, 100, 101, 130, 195, 202, 210, 218, 229, 243, 251, 259, 261, 262, 265, 270, 273, 281, 283, 288, 291, 295, 307, 309, 314, 319, 323, 324, 326, 329–331, 333, 335–339, 345, 347, 350, 353, 358, 360, 365, 368, 369, 414, 446, 455, 497–501, 530, 557, 691, 756; III, 4, 67, 68, 76, 77, 81–83, 85, 86, 88, 90, 92, 93, 119, 142, 154, 177, 178, 196, 231, 235, 237, 286, 287, 348, 369, 370, 474, 497, 500, 503, 521, 554, 556, 568, 594, 596, 633, 664, 668, 671, 763, 844, 849, 852, 857, 865, 867, 868, 871, 872
- К А. О. Россети, II, 309, 314*
- К усопшим льнет, как червь, Фиглярин неотвязный... I, 847*
- Сейчас видно, что Поэт... II, 288*
- Фон-Визин, III, 154*
- Вяземский Петр А., князь, Мятлев И. П., Пушкин А. С.
- Поминки, II, 273, 291*
- Вячеслав Константинович, великий князь, III, 592
- Г. К., читатель «Истории нашего знакомства с Гоголем...» С. Т. Аксакова, II, 692
- Г.... Иван Федорович, сосед Гоголей, I, 607, 614
- Гааз Ф. П., III, 909, 925, 932
- Габерцеттель, жена И. И. Габерцеттеля, III, 110
- Габерцеттель И. И., III, 109, 110, 113, 124
- Гавриил (Кременецкий), митрополит Киевский и Галицкий (с 1772 по 1783 г.), I, 365
- Гавриил (Розанов), архиепископ Тверской и Кашинский, III, 849, 851, 892, 893
- Гаврила, дворовый человек Трошинских, III, 968
- Гагарин, князь, домовладелец в Москве, I, 527
- Гагарин А. Е., князь, III, 779
- Гагарин А. И., князь, III, 770, 787
- Гагарин Г. Г., князь, II, 851; III, 468
- Гагарин Г. И., князь, III, 81
- Гагарин Д. И., князь, III, 772, 774, 787
- Гагарин Е. Г., князь, III, 636
- Гагарин И. С., князь, II, 265, 272, 302, 488; III, 76, 81, 91, 207, 208, 521, 550, 551
- Гагарин С. И., князь, III, 76, 77, 81, 82
- Гагарин С. С., князь, I, 581, 621, 622, 830; II, 217, 225, 228, 235, 242, 247, 293, 297; III, 51, 641
- Гагарин Ф. Ф., князь, III, 27
- Гагарина, княгиня, III, 323
- Гагарина (рожд. Пушкина) В. М., княгиня, III, 550
- Гагарина В. Ф., княжна. См. Вяземская (рожд. княжна Гагарина) В. Ф., княгиня
- Гагарина (рожд. Соймонова) Е. П., княгиня, III, 81
- Гагарина Е. С., княгиня. См. Семенова (в замужестве княгиня Гагарина) Е. С.
- Гагарина (рожд. Виленская) И. А., княгиня, II, 293, 297; III, 50, 51
- Гагарина-Стурдза (рожд. Млодецкая) А. И., княгиня, III, 751, 759, 782
- Гагарина-Стурдза (рожд. Стурдза) М. А., княгиня, III, 636, 751, 759
- Гагарин-Стурдза Г. Е., князь, III, 634, 636, 747, 753, 759
- Гаевский, дворянин в Нежине, I, 463

- Гаевский В. П., I, 16, 280, 327, 328, 331, 430, 538, 643, 722, 784; II, 960; III, 232, 237, 409, 824
- Гаевский П. И., I, 822; III, 369
- Гаetano, II, 39
- Гайдн Й., II, 263
- Гакстгаузен А. Ф., барон, II, 488, 492
- Галаган Г. П., I, 395; II, 400; III, 49–51, 55, 60, 62, 69, 72–74, 99, 101, 157, 162, 307, 331, 332, 337, 379, 381
- Галаган Е. В., III, 55, 60, 74, 331
- Галаган М. П., III, 73
- Галаган П., III, 72, 73
- Галаганы, I, 395
- Галактионов С. А., III, 369
- Галанин И. Д., II, 99
- Галахов, коллежский ассессор, III, 483
- Галахов, сын А. П. Галахова, III, 378, 379, 475, 537
- Галахов А. Д., II, 34, 35, 87, 231, 512; III, 4, 244, 296, 301–303, 522, 588
- Галахов А. П., петербургский обер-полицмейстер в 1840-х гг., III, 475, 537
- Галахов И. П., III, 75, 341
- Галахова, сестра И. П. Галахова, III, 341
- Галахова Е. П. См. Алферьева (в замужестве Галахова) Е. П.
- Галеви Я., Скриб Э.
Жидовка, I, 830
- Гален, граф, II, 331
- Галибин, купец, III, 984, 985
- Галин, домовладелец, III, 727
- Галлам Г., II, 28
- Гальберг С. И., III, 128, 132
- Гальперт, польская актриса, II, 159
- Гальяр А., I, 446
- Гамалея С. И., III, 87
- Гампельн, художник, II, 472
- Ганеман С., II, 425, 428
- Ганка В. В., I, 759; II, 113, 280, 420, 567, 865; III, 240, 242, 565, 566, 664–667, 847
- Ганна Барвинок. См. Кулиш (рожд. Белозерская, псевдоним Ганна Барвинок) А. М.
- Ганнибал (рожд. Пушкина) М. А., II, 330, 353
- Гарибальди Дж., III, 658
- Гарофало, II, 39, 40
- Гартенштейн, купец в Радзивиллове, II, 482
- Гартль, одесский слепой пианист, III, 751, 759, 787
- Гаршинский, II, 22
- Гаско М. Э., III, 986, 992
- Гасперович В. Н., III, 119, 124, 128–133, 304, 401, 582
- Гассгаген Х. Г., III, 760, 761
- Гатцук А. А., III, 927, 1014
- Гауди Ф., барон, III, 125, 126
- Гауф, лакей, II, 293
- Гауфельд (Гацфельд) С., графиня, II, 258
- Гаэтан, римский род, II, 439
- Гверчино, II, 38, 40, 441, 446
- Гвичиолли Г., II, 336
- Гвичиолли Т., II, 336
- Ге Н. Н., I, 71; III, 894
- Ге С., III, 426
- Ге София, прозвище, данное Гоголем одному из приятелей, III, 426, 473
- Гебгардт К. К., III, 56, 60
- Гегель Г. В. Ф., II, 134, 177, 194, 322, 348, 465, 489, 682, 688, 689, 791, 806; III, 83, 144, 164, 508, 831
- Гедеонов А. М., I, 682, 683, 687, 816, 819, 820, 827, 830, 831; II, 96, 97, 367, 562, 829; III, 7, 25, 234, 409, 641, 642
- Гедеонов М. А., II, 732; III, 261
- Гедеонов С. А., II, 846, 960; III, 30, 170, 641, 642
- Гедерин, составитель греко-латинского словаря, III, 226
- Гедерштерн А., I, 762
- Гезиод, II, 332
- Гейне Г., II, 325, 481
- Геккern Л. Б., барон, II, 32, 266, 355, 356
- Геласины, III, 336

- Гендриков А. И., граф, II, 259
- Гендрикова (рожд. княжна Хилкова) П. А., графиня, II, 259, 277
- Генералова Н. П., III, 831
- Геннади Г. Н., III, 860, 861
- Геннади Н., III, 861
- Генрих VIII, английский король, II, 40
- Георгиевский А., III, 834, 835
- Георгиевский Г. П., II, 512; III, 482, 724, 815, 816
- Георгиевский П. Е., III, 368, 370
- Георгий Победоносец, св. великомученик, I, 608; III, 776
- Георгий (Конисский), архиепископ Могилевский и Белорусский, свт., I, 708, 713, 716; II, 775
- Георгий, в монашестве Стратоник (Машурин), Затворник Задонский, II, 209, 210, 395; III, 616, 617
- Герард Н. И., I, 439, 452–455
- Герардо de la notti (Геррит Гонтгорст), II, 40
- Герасим, иеромонах, с 1844 г. архимандрит, настоятель храма русского посольства в Риме, II, 21, 25, 82–84, 454, 457
- Гербаневский Л., I, 385
- Гербель Н. В., I, 491, 512, 542, 546, 547, 582; III, 487, 493, 633
- Гердер И. Г., I, 686; II, 417; III, 366, 478
- Герен (Геерен) А. Г. Л., I, 727
- Герман Ю. П., III, 974
- Германов М. А., иерей, II, 495, 559
- Гернер, помещик, I, 375
- Герольд Л. Ж. Ф., III, 477
- Цампа, III, 477*
- Геронтьев, чиновник 2-го отделения Департамента уделов, I, 628
- Геррес Г., III, 125, 126
- Герсванов Н. Б., III, 413, 501
- Герц, домовладелец в Бадене, II, 259
- Герцен, московский домовладелец, II, 601
- Герцен (псевдоним Искандер) А. И., I, 355; II, 93, 130, 134, 141, 143, 147, 240, 313, 347, 348, 443, 573, 755, 761, 789; III, 12, 15, 23, 24, 26–28, 30, 33, 36, 75, 83–85, 122, 139, 151, 245, 262, 265, 270, 287, 341, 482, 518, 519, 529, 588, 726, 791, 826, 831, 834, 863, 924, 925
- Былое и думы, III, 262*
- Кто виноват?, I, 698; II, 592*
- О развитии революционных идей в России, III, 831*
- Перед грозой, III, 588*
- Сорока-воровка, III, 23, 24, 588*
- Гершензон М. О., I, 757; II, 141, 142; III, 214, 599, 600, 867
- Герштейн Э. Г., III, 80, 207
- Гесс Г. И., II, 5, 6, 34, 414
- Гете И. В., фон, I, 576, 604, 655, 731; II, 315, 321, 325, 328, 333, 338, 354, 389, 788, 828, 966; III, 90, 193, 201, 218, 420, 435, 470, 478, 502, 503, 523, 524, 755
- Гец фон Берлихинген с железною рукою, III, 465, 502*
- Годы странствия Вильгельма Мейстера, II, 333*
- Годы учения Вильгельма Мейстера, II, 333*
- Итальянское путешествие, III, 420, 470*
- Коринфская невеста, II, 315, 328*
- Страдания юного Вертера, III, 523, 524*
- Фауст, I, 731; II, 333, 348; III, 201, 446, 869*
- Гиджев, I, 380
- Гиероглифов А. С., I, 764, 765; II, 470; III, 645
- Гизо Ф., II, 231, 256, 348, 501; III, 76
- Гика, княжна, I, 111
- Гиллельсон М. И., I, 847, 848; III, 4, 80, 84, 85, 87, 985
- Гильдебрандт. См. Григорий VII, римский папа
- Гильдебрандт (Гильтебрандт) Ф. И., II, 413
- Гильдебрант Г., I, 392
- Гильфердинг А. Ф., II, 896; III, 204
- Гильфердинг Ф. И., II, 896
- Гиляровский А., I, 352
- Гиляровский В. А., I, 17, 18, 49, 218, 229–231, 320, 345, 346, 351, 352, 356, 362, 364–366, 369, 395, 533; II, 103, 126; III, 103, 558, 576, 579, 736, 796, 948, 968

- Гинтер, владелец дачи, I, 643
- Гинтовт (Гинтофт) А. Л., I, 535, 538, 545, 553; III, 403, 684
- Гинтовт (рожд. Шевелева) А. М., I, 538
- Гинтовт Л. И., I, 538
- Гиппиус В. В., I, 112, 460, 584, 585, 663, 817, 819, 822, 829; III, 37, 138, 418, 478, 524, 592
- Гиппиус Д. И., III, 228
- Гиргас Л. Ф., III, 598, 600
- Гитон де Морво Л. Б., I, 35
- Гладкова Л. В., III, 763
- Гладстон В. Э., III, 841
- Глеб, св. благоверный князь, III, 579
- Глебов, отставной полковник, III, 371, 372
- Глебов С. И., I, 23, 24, 298, 559, 566, 567, 573
- Глебова, вероятно, дочь П. Ф. и Е. П. Глебовых-Стрешневых, I, 184
- Глебов-Стрешнев, II, 173
- Глебов-Стрешнев Н. П., II, 172, 173
- Глинка (рожд. Голенищева-Кутузова) А. П., III, 77, 82
- Глинка М. И., I, 283, 794, 805; II, 3, 26, 185, 263, 327, 331, 332, 414, 415; III, 33, 201, 251, 313, 314
Жизнь за Царя, I, 792, 830; II, 26
Руслан и Людмила, I, 830
- Глинка Ф. Н., I, 758, 766, 828; II, 34, 35, 87, 160, 172, 177, 179, 353, 409, 412, 473, 594, 668, 750, 754, 767; III, 28, 77, 82, 521, 668, 671, 882
Очерки Бородинского сражения, III, 521
- Глинки, II, 160, 327
- Глушакова Ю. П., III, 115–117, 123, 251
- Глушков П. Н., III, 206
- Гмелин И. Г., II, 272, 280
- Гнедич, сестра Н. И. Гнедича, I, 78
- Гнедич Н. И., I, 78, 332, 652, 695; II, 100; III, 142, 370, 752, 967
Илиада (перевод), II, 220; III, 255, 443
На смерть Дельвига, I, 332
- Гнилокишков Ант. Марк., I, 411
- Гнилосыров, II, 291
- Гогель, домовладелец в Одессе, III, 784
- Гогель И. Г., II, 288, 296
- Гоголи Дж., III, 130
- Гоголи-Яновские, II, 327; III, 365
- Гоголь (Гогель), сестры, III, 531
- Гоголь Анд. В., I, 12, 14, 65, 177, 194
- Гоголь Андрей (ошибочно). См. Яцмирский (Яцмирский, Jacymirski) Adryan
- Гоголь Анна В., I, 12, 14–16, 21, 30, 33, 40, 42–44, 48, 49, 65, 66, 68–71, 74, 76, 86, 89, 91, 93, 96, 102, 106, 108, 110, 112, 116, 119–123, 125–127, 140, 141, 143–188, 191, 192, 194–202, 204, 205, 208–216, 231, 241, 244, 246, 254, 257, 264, 272–274, 276, 281, 286, 310–313, 316–318, 321, 348, 354, 356, 357, 386, 389, 390, 392–394, 397–399, 401, 403, 404, 420, 493, 507, 515, 525, 532, 596, 623, 624, 660, 718, 734, 738–740, 744, 750; II, 46, 50, 53, 69, 78, 112, 115, 116, 119, 131, 140, 210, 211, 271, 272, 278, 280, 290, 296, 335, 354, 384, 395, 408, 412, 413, 472, 473, 480, 520, 526, 552, 554, 577, 583, 619, 623, 626, 632, 633, 636, 637, 640, 646, 654, 672, 676, 678, 682–687, 690, 691, 693, 705, 710, 712, 713, 715, 718, 737, 741, 745, 755, 761, 766, 804, 806, 808, 809, 818, 819, 821, 823, 853, 885, 886, 898, 900, 937–939, 944, 948; III, 5, 77, 78, 82, 86, 92, 113, 188, 191, 192, 242, 474, 493, 550, 599, 639, 666, 724, 733, 736, 785, 795, 800, 855, 913, 924, 942, 948, 960, 962, 967, 971, 1024
- Гоголь Анна В. (старшая), I, 12, 14, 65, 177, 194; II, 554; III, 1014
- Гоголь В. Ф., III, 806, 808
- Гоголь Д. В., I, 12, 14, 65, 177, 194
- Гоголь Евстафий (Остап) (ошибочно – Андрей), I, 19, 20, 335, 336, 338–342, 344
- Гоголь (в замужестве Быкова) Е. В., I, 12, 14, 21, 30, 33, 40, 42, 48, 65, 66, 68, 91, 93, 96, 102, 106, 108, 110, 112, 114, 116, 119, 123, 126, 127, 140, 141, 143–146, 149–153, 155, 159, 162, 164, 165, 167, 170–180, 186–188, 191, 192, 194–197, 198, 199, 201, 202, 204, 205, 208–219, 221, 241, 244, 246, 254, 257, 264, 271, 274, 276, 281, 286, 302, 311, 313, 315, 317, 321, 348, 354, 356, 386, 389, 515, 618, 624, 660, 702, 734, 738–740, 744, 750; II, 46, 50, 53, 112, 119, 130–132, 140, 210, 211, 272,

- 278, 290, 296, 300, 335, 354, 384, 395, 412, 413, 472, 473, 480, 520, 526, 552, 554, 577, 583, 617–619, 623, 625, 626, 632, 633, 636, 637, 640, 654, 672, 676, 678, 682–687, 690–694, 696, 704, 705, 710, 712, 713, 715, 718, 737, 741, 744, 745, 755, 757, 761, 762, 766, 804, 806–809, 811, 813, 818, 819, 821, 823, 853, 868, 877, 879, 885, 886, 898, 900, 937–939, 948; III, 5, 77, 78, 82, 86, 188, 191, 192, 216, 240, 329, 356, 474, 493, 521, 542, 544, 550, 599, 666, 724, 736, 785, 795, 803, 855, 913, 924, 942, 948, 960, 962, 967, 968, 971
- Комедии и сказки, I, 180*
- Гоголь И., I, 20
- Гоголь И. В., I, 3–7, 12, 14, 26, 31, 39, 65, 81, 121, 137, 177, 194, 289, 315, 407–409, 411, 412, 414, 415, 494
- Гоголь Иоанн. См. Иоанн (Гоголь), епископ Владимиро-Волынский
- Гоголь Иоанн. См. Иоанн (Гоголь), епископ Пинский и Туровский
- Гоголь (в замужестве Трушковская) М. В., I, 12, 14, 21, 36, 48, 65, 67, 68, 74, 89, 91–93, 97, 100–102, 108–110, 123, 124, 135, 140–142, 149, 151, 175, 177–179, 187, 194–196, 199, 201, 216, 231, 241, 244, 246, 247, 254, 276, 316, 317, 321, 348, 354, 356, 383, 385, 386, 403, 597, 623, 624, 796; II, 480, 483, 554, 633; III, 544, 1014
- Гоголь Никита, I, 19
- Гоголь Н. В.
- 1834, III, 437, 480*
- Авторская исповедь, I, 280, 290, 295, 651, 697, 729, 790; II, 113, 117–120, 122, 212, 353, 370, 376, 377, 383, 517, 620, 630, 764, 936, 941; III, 23, 87, 256, 417, 437, 476, 477, 481, 498, 536, 551, 600, 666, 667, 692, 695, 814, 883, 942, 948*
- Ал-Мамун, I, 785*
- Альбом эскизов с римской природы, III, 572*
- Альфред, II, 27, 895; III, 757*
- Аннуциата, II, 148, 149, 179, 427, 477, 579, 637, 690, 702, 758, 807, 817; III, 76, 77, 81*
- Арабески, I, 39, 72, 85, 290, 302, 330, 331, 364, 399, 496, 513, 514, 579, 647, 651, 664, 711, 731, 748, 750, 765, 785; II, 131, 354, 374, 417, 542, 572, 666, 676, 685, 770, 793, 813, 831, 833; III, 110, 136, 245, 246, 255, 271, 301, 366, 395, 415, 431, 438, 439, 475, 482, 484, 505, 520, 524, 534, 536, 645, 826, 831, 954, 957*
- Аще не будете малы... II, 110; III, 217, 921, 945*
- Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала, I, 108, 330, 383*
- Близорукому приятелю, II, 26*
- Боже, содейлай безопасным путь его... I, 203*
- Борис Годунов. Поэма Пушкина, I, 24; III, 757*
- Братья Твердиславичи, славянская повесть, I, 558, 577*
- Будьте живые, а не мертвые души, II, 936*
- Быт крестьянина в Малороссии, I, 355*
- В альбом М. А. Власовой, III, 116*
- В альбом В. В. Ганки, III, 240, 242*
- В альбом Е. Г. Чертковой, II, 140*
- В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность, I, 539, 550, 689, 695; II, 322, 593, 854; III, 142, 166, 167, 257, 495, 523, 701, 711, 869, 870*
- Введение (в древнюю историю), II, 417; III, 788*
- Вечер накануне Ивана Купала, I, 330, 430, 513; II, 309, 315, 318*
- Вечера на хуторе близ Диканьки, I, 29, 32, 36, 38, 45, 85, 87, 180, 209, 219, 267, 270, 276, 280, 281, 283, 284, 289, 291, 299, 300, 310, 315, 325, 330, 352, 356, 359, 430, 513, 578, 583, 593, 632, 640, 643, 646, 647, 651, 664, 704, 707, 709, 711, 712, 720, 722, 726, 748, 751, 762, 765, 790, 792; II, 227, 248, 282, 287, 295, 309, 318, 333, 339, 347, 374, 409, 416, 417, 476, 542, 543, 548, 574, 659, 663–666, 785, 786, 825, 922, 934, 960; III, 3, 7, 20, 46, 57, 99, 140, 141, 194, 206, 241, 272, 301, 369, 373, 395, 415, 418, 431, 437, 439, 465, 471, 474, 484, 537, 645, 657, 757, 776, 812, 829, 877, 883, 974, 977, 978, 981*
- Взгляд на составление Малороссии, I, 230, 232, 326, 331, 790; II, 20, 659; III, 482, 534*
- Вий, I, 240, 335, 359, 360, 383, 538, 731; II, 287, 315, 317, 318, 328, 677, 813, 814, 845,*

- 846, 953, 960; III, 5, 12, 30, 150, 170, 271, 319, 478, 536, 812, 834, 876, 877
- Вирша, говоренная Гетьману Потемкину запорожцами на Светлый Праздник Воскресения (А. А. Головатого) (стишок), I, 45*
- Владимир 3-ей степени, I, 659, 707, 709, 710; II, 418, 475, 637, 657, 688; III, 5, 14, 31, 180, 250, 504*
- Владимирский крест, III, 504*
- Воспитанницы и пансионерки, назначенные к выпуску 1832 года (газетная вырезка), I, 735, 750; III, 36*
- Все бобрами завелись... III, 434*
- Выбранные места из переписки с друзьями, I, 86, 121, 122, 125, 128, 133, 145, 214, 226, 264, 265, 290, 300, 302, 304, 313, 328, 331, 395, 504, 505, 520, 523, 525, 532, 538, 539, 549, 550, 591, 635, 647, 677–681, 684–697, 699, 705, 719, 728, 730, 842, 848; II, 17, 27, 64, 80, 81, 95–101, 111, 113, 114, 116, 122, 188, 208, 212, 229, 235, 251, 272, 274, 279, 298, 322, 348, 363, 367–369, 374–377, 379, 388, 476, 490, 491, 494, 521, 522, 550, 556, 562, 566, 571, 588–600, 619, 623, 624, 648–651, 727, 751, 753, 765, 767, 768, 780, 797, 798, 848, 850, 852–857, 859, 861–866, 869, 871, 872, 875, 897, 914–919, 921, 924, 945; III, 12, 14, 16–19, 26, 28, 30, 36, 43, 65, 94, 115, 122, 168, 179, 184, 200, 201, 203, 213, 214, 227, 230, 234, 237, 239, 244, 248, 254, 257, 264, 266–268, 270, 271, 277, 294, 295, 315, 352, 354, 359, 360, 380, 393, 400, 403, 405, 410, 454, 459, 460, 463, 465, 466, 482, 490, 493, 495, 497, 499–501, 515–522, 524, 526, 528, 534, 536, 539, 546, 549, 561, 562, 568, 592, 594, 596–600, 631, 632, 671, 677, 678, 680, 685, 686, 694, 695, 701, 707, 709–711, 724, 726, 727, 729, 733, 734, 758, 760, 771, 776, 790, 801, 823, 825, 826, 831, 836, 837, 845, 850, 853, 854, 859, 861, 863–870, 872, 874, 876, 880, 883, 889, 891, 893, 897, 903, 926, 1012, 1015*
- Выбранные места из творений св. Отцов и учителей Церкви, I, 123, 229, 232, 382; II, 277; III, 617, 862, 897*
- Выписка «О размножении растений черенками» из книги Дж. Линдлея «Теория садоводства» в переводе И. О. Шиховского (СПб., 1845), сделанная для Н. В. Гоголя Е. А. Хитрово в Одессе 26 марта 1851 г., III, 751, 759*
- Выписки из книг церковных и из творений Отцов Церкви, II, 123*
- Выписки из Книги Бытия (гл. 1, ст. 1–9), III, 308*
- Выписки из Псалтири, II, 220, 246, 260, 294*
- Выписки из Путешествий по России, II, 123*
- Выписки стихов и прозы, II, 123*
- Ганц Кюхельгартен, I, 22, 72, 73, 288, 291, 293, 314, 325, 507, 579, 619, 731; II, 309, 316, 325, 522; III, 740, 981, 982, 985, 986*
- Гербарий, I, 210, 227, 229, 358, 382, 384, 634; III, 755*
- Гербарий, сделанный для О. Н. Смирновой, II, 300*
- Гетьман, I, 330*
- Гетьман (Мне нужно видеть полковника), III, 757*
- Гетьман (Начало исторического романа), II, 938; III, 235, 239*
- Глава из исторического романа, I, 330, 640, 658*
- Да здравствует нежинская бурса! I, 515*
- Дарственная надпись К. С. Аксакову на шмуцтитуле первого тома «Мертвых душ». М., 1842, II, 711, 762*
- Дарственная надпись семье Аксаковых на экземпляре первого тома «Мертвых душ». М., 1842, II, 711, 721*
- Две главы из малороссийской повести «Страшный кабан», I, 330, 640*
- Две рыбки. Стихотворная баллада, I, 576*
- Две сцены, выключенные как замедлявшие течение пьесы (Приложение к комедии «Ревизор»), II, 163, 699, 701, 702, 760; III, 321, 473*
- Дневник, III, 749*
- Дождь был продолжительный... III, 757*
- Документы, относящиеся к паломничеству в Иерусалим, II, 123*

- Драма из эпохи Богдана Хмельницкого*, I, 729, 808; II, 141, 162, 581, 637, 657, 679, 689, 717, 756, 757, 762; III, 13, 14, 48, 146, 149, 303, 447, 489, 525
- Драматические отрывки и отдельные сцены*, III, 14, 57, 58
- Древняя всеобщая история*, III, 489
- Друзьям моим*, I, 635; II, 619, 886, 936; III, 217, 724
- Дядька в затруднительном положении (литературная обработка перевода комедии Дж. Жиро)*, II, 355, 472, 473, 696, 698, 759, 760, 767; III, 14, 24, 307
- Женитьба*, I, 285, 297, 572, 584–586, 595, 650, 727, 752, 754, 760, 794, 809, 810, 819, 830, 839; II, 9, 37, 44, 218, 229, 243, 251, 288, 291, 418, 468, 475, 502, 579, 580, 667, 688, 730, 731–734, 758, 765, 766, 809, 831, 834–837, 841, 912, 958; III, 5–9, 14, 15, 19, 34, 39, 40, 41, 45, 57, 77, 83, 88, 89, 183, 250, 261, 262, 265, 293, 329, 460, 476, 477, 486, 761, 793, 794, 813, 818, 908, 925, 929, 930, 946
- Жених*, I, 760; II, 475
- Женихи*, I, 752, 760; II, 502, 660, 667, 754, 834, 835, 958; III, 5, 287, 293
- Женщина*, I, 330, 332, 640, 658; III, 981
- Женщина в свете*, I, 692; II, 593–595, 854, 856–860, 863; III, 360, 709
- Жизнь*, II, 685; III, 1016, 1022
- Завещание (глава из книги)*, I, 121, 131, 214, 328, 331, 677, 678, 685; II, 116, 376, 588, 590, 593, 594, 624, 854, 919; III, 16–18, 203, 352, 354, 568, 585, 647, 758, 872, 876
- Завещание (пункт VI)*, I, 86, 122; II, 123, 594, 853
- Заколдованное место*, I, 353; III, 12
- Заметки о ботанике*, II, 298
- Заметки о грамматике*, II, 298
- Заметка «о значении прирожденных страстей» на полях заключительной главы первого тома «Мертвых душ»*. М., 1842, III, 728, 735
- Заметки о первоначальном воспитании*, II, 298
- Заметки о русском быте*, III, 476
- Занимающему важное место*, II, 28, 369
- Занятия каллиграфией*, II, 123
- Занятия русской и польской историей, географией и русскими древностями*, II, 123
- Занятия сельским хозяйством и ботаникой*, II, 123
- Занятия языками греческим, латинским, итальянским и английским*, II, 123
- Записка о плане осмотра Рима для А. О. Смирновой*, II, 195, 230, 244, 251, 305
- Записки сумасшедшего*, I, 674; II, 353, 594, 633, 685, 780, 845, 846, 960, 961; III, 30, 96, 98, 100, 106, 136, 170, 254, 411, 433, 484, 593, 812, 870, 894, 930, 957, 1022
- Записки сумасшедшего мученика*, III, 411
- Записная книжка 1841–1844 гг.*, II, 411, 581, 754; III, 158, 209
- Записная книжка 1841–1845 гг.*, II, 581, 754; III, 209, 495
- Записная книжка 1842–1851 гг.*, I, 23; II, 755, 764; III, 147, 353, 660, 716, 755, 975
- Записная книжка 1845–1846 гг.*, III, 14, 729
- Записная книжка 1846–1850 гг.*, III, 599, 622, 727
- Записная книжка, потерянная в Альбано весной 1843 г.*, III, 47
- Записная тетрадь 1832–1834 гг.*, II, 660, 934; III, 757
- Записная тетрадь 1833–1836 гг.*, II, 660, 934; III, 757
- Записная тетрадь 1834–1835 гг.*, II, 660, 934; III, 757
- Записная тетрадь 1835–1836 гг.*, II, 660, 934; III, 757
- Записные книги (тетради) (шесть книг)*, II, 660, 934; III, 757
- Записные книжки*, II, 123
- Земля и Люди*, I, 750; III, 431
- И с Матреной наш Яким...* III, 434
- Иван Федорович Шпонька и его тетушка*, I, 34, 412; II, 281; III, 970
- Игроки*, I, 582, 586; II, 286, 291, 601, 731–734, 765, 766, 779, 834–837, 911,

- 958; III, 58, 77, 78, 83, 87–89, 183,
260–262, 293, 460, 813, 834, 844, 908, 925
- Из книги «Лествица, возводящая на небо»
(сборник выписок), III, 364, 365, 735, 927
- Изложение 5–12 Слов книги святителя Ин-
нокентия (Борисова) «О грехе и его пос-
ледствиях. Беседы на Святую Четыре-
десятницу». Выписка из т. 43 «Журнала
Министерства Народного Просвещения»
за 1844 г, II, 99
- Изречения из Св. Иоанна Златоуста (выпис-
ка), III, 862
- Искусство есть примирение с жизнью, III,
203, 481, 522
- Исторические афоризмы Михаила Погодина,
I, 707
- Исторический живописец Иванов, I, 689; II,
593, 596; III, 300, 313, 315, 352, 359, 360,
393, 395, 396, 399
- История Малороссии, I, 232, 632, 643, 726,
798; II, 137; III, 431
- История русской критики, I, 709; III, 479
- История Средних веков, I, 798; III, 431
- Италия, I, 579; II, 28; III, 977
- К читателю от сочинителя, I, 687; II, 95,
588, 630, 631, 854, 855; III, 24, 59, 179,
676, 677
- Как поступить, чтобы признательно... II,
110, 224; III, 217, 921, 945
- Калмыки, III, 329
- Каноны и песни церковные (сборник выпи-
сок), III, 1014
- Классные сочинения, III, 476
- Книга всякой всячины, или подручная Энцик-
лопедия, I, 17, 45, 46, 322, 430, 735, 750;
II, 659, 660, 934; III, 36, 37, 228, 757
- Книга о географии России для русского юно-
шества, III, 613
- Кое-что... из немецкой жизни, III, 484
- Коляска, I, 707, 822; II, 195, 786, 801, 845,
846, 903, 960; III, 25, 30, 170, 368, 757,
812, 957
- Комедии, I, 290, 302, 583, 584, 664; II, 766
- Комедия, II, 418, 659
- Конспект книги Г. Галлама «Европа в средние
века», II, 28
- Конспект книги П. С. Палласа «Путешест-
вие по разным провинциям Российского
государства в 1768–1773 гг.». 3 ч. в 5 т.
СПб., 1773–1788, II, 280
- Копии и выдержки из переводов Св. Отцов,
III, 724
- Кормовые, лекарственные и декоративные
растения. Список названий на латин-
ском языке, III, 80
- Коханович, Кобеляцкий... I, 515
- Крест св. Владимира, III, 31
- Кровавый бандурист, I, 730, 767
- Лакейская, I, 217, 582; III, 12, 32, 58, 504,
769, 774, 813
- Лекции и материалы по истории, II, 395
- Лекции и материалы по истории и геогра-
фии, III, 476
- Лекции по истории, III, 367, 373
- Мадонна дей Фьори, II, 425, 427, 428, 475,
758, 807; III, 81
- Майская ночь, или Утопленница, I, 38, 69, 70,
228, 244, 252, 284, 299, 649, 657; II, 237,
318, 330, 336, 454, 457, 660; III, 561
- Материалы для «объяснительного словаря»
русского языка, III, 755
- Материалы по русскому патриархальному
быту, собранные в 1848–1850 гг., I, 355;
II, 80, 637
- Мертвые души, I, 13, 14, 28, 31, 34, 36, 41,
46, 72, 113, 117, 122, 128, 130, 132, 133,
162, 172, 173, 187, 190, 193, 197, 215, 217,
222, 223, 228, 231, 244, 262–264, 273,
277, 280–283, 285, 286, 288–291, 294,
295, 299–302, 304, 305, 308, 309, 311,
315, 317, 318, 321, 326, 339, 343, 346, 347,
354, 360–363, 367–369, 406, 412, 499,
502, 516, 522, 524–526, 528, 532, 535,
537, 539, 548, 562, 572, 575, 576, 578,
581–589, 597, 601, 602, 621, 634, 636,
644, 645, 647, 651, 661–665, 667, 673,
674, 676–678, 681, 684, 687, 695, 700,
701, 717–719, 723, 729–732, 752–754,
757, 760, 761, 778, 788, 812, 819, 837, 842,
846, 847, 849, 850; II, 25, 31, 40, 46–48,
50, 56, 60, 68, 74, 90, 92–97, 106, 108,

- 110, 113, 114, 117–122, 124, 133, 134,
136, 142, 144, 149, 157, 158, 163,
167–170, 172–176, 178–182, 188, 189,
192–194, 200, 201, 206, 209, 212, 213,
217, 218, 220, 222–225, 227–230, 236,
237, 239, 240, 242, 243, 246–251, 255,
264, 268–270, 282, 287, 288, 292–295,
297, 298, 302, 306, 307, 326, 329, 337, 338,
340, 344–347, 349, 350, 353, 363, 366,
372–376, 378–380, 384–387, 389, 390,
393, 399, 400, 402, 405, 412, 429, 443, 469,
475–477, 483, 489, 490, 493, 498, 503,
505, 509, 512, 517, 519, 520, 522, 532, 533,
536, 538–543, 548–550, 559, 566, 567,
571, 573, 574, 577, 578, 580–584,
586–588, 592, 593, 596, 597, 599, 600,
604, 605, 607–610, 613, 615–619,
622–625, 630, 631, 633, 636–643,
651–654, 656–658, 672, 679, 683,
689–693, 695, 697–699, 702–704, 706,
708, 710–724, 726–730, 733–736,
738–742, 746–748, 751, 753–759,
761–766, 779, 783, 787, 789, 791–796,
798, 800, 803, 804, 806–808, 810,
814–816, 819, 821–836, 838, 839, 842,
843, 846, 848, 850, 853–856, 862, 863,
869, 871, 872, 875, 877, 882, 885, 895, 898,
899, 909, 910, 918, 919, 921, 924,
926–929, 931, 934, 936, 939, 941, 942,
944–946, 948, 956, 957, 959, 960, 963,
964; III, 4, 5, 10, 12, 13, 15, 17, 19, 21, 23,
24, 26, 28, 32, 42, 44, 46, 48, 50, 57–59, 67,
68, 76–81, 86–89, 99–104, 114, 116, 117,
120, 121, 123, 136, 144, 152, 157, 160, 161,
164, 165, 173, 175, 177–179, 181–184,
191–196, 199, 201, 203, 206, 208–211,
215–219, 236, 240, 244, 245, 248–250,
253–257, 259, 260, 268, 269, 271, 272,
275, 277, 278, 282, 284, 287, 289, 293,
297–299, 302, 303, 306, 312–315, 317,
319, 321, 325, 328, 342, 343, 347, 369, 372,
381, 382, 410, 416, 418, 426, 427, 433,
440–442, 444, 447, 452–459, 461–463,
466, 467, 473, 474, 476, 477, 480–482,
485–488, 490, 491, 493–500, 502, 503,
505, 507, 509, 511–516, 523, 526–528,
530, 534–536, 539, 540, 543, 549, 552,
554, 561, 567, 568, 575, 579, 584, 594,
598–600, 603, 613, 628, 630, 634, 637,
641, 642, 648, 650–652, 660, 664, 666,
670, 673–678, 680, 684–696, 698, 701,
708–712, 723–726, 728, 732, 736, 745,
752, 755, 758, 764, 765, 775, 776, 783, 786,
787, 791, 800, 803, 809, 811, 814–816,
818, 820, 821, 823, 825, 832, 834, 844, 846,
847, 850, 851, 855, 860, 864, 868,
870–873, 875–877, 880, 883, 893, 894,
898, 902, 903, 908, 909, 925, 926, 928, 930,
931, 940, 941, 946, 955, 956, 971, 974, 975,
987, 988, 991, 994, 997, 1000, 1014, 1018,
1021
- Миргород*, I, 32, 33, 399, 496, 513, 514, 583,
584, 639, 643, 647, 651, 664, 711, 712, 760,
761, 765, 776, 777, 781, 782, 833; II, 26,
129, 309, 315, 318, 331, 360, 418, 476, 542,
548, 666, 753, 754, 793, 934; III, 7, 107,
110, 136, 143, 180, 240, 245, 246, 255, 280,
281, 284, 415, 431, 438, 482, 484, 505, 520,
524, 526, 534–536, 540, 645, 805, 877
- Молитвы*, II, 123; III, 724
- Москва и Петербург*, I, 710
- Моя молитва*, III, 839
- На бесчисленных тысячах могил...* III, 975
- Наброски очерка о славянах*, III, 205
- Набросок начала безымянной трагедии из
английской истории. См. Альфред*
- Надпись М. П. Погодину (?) на авантитуле
книги «О средствах сберечь глаза и
зрение до самой глубокой старости. Со-
чинение, изданное для народа Федором
Гильтебрандтом».* М., 1819, II, 413
- Надпись М. П. Погодину на экземпляре книги
«Ганц Кюхельгартен. Соч. В. Алова».*
СПб., 1829, II, 522
- Невеста*, I, 760
- Невский проспект*, I, 355, 539, 711; II, 443,
685, 894; III, 20, 284, 328, 366, 368, 416,
471, 472, 484, 757, 812, 869, 954, 957, 975
- Непогода (Новоселье)*, I, 548, 550
- Несколько мыслей о преподавании детям
географии*, I, 29, 330, 640, 658; II, 417
- Несколько слов о нашей Церкви и духовенст-
ве*, I, 679, 680, 730; II, 208, 367, 915, 916;
III, 214, 501, 864
- Несколько слов о Пушкине*, I, 39; II, 189; III,
327, 366, 711, 904
- Нечто о Нежине, или Дуракам Закон не пи-
сан*, I, 574
- Новоселье (Непогода)*, I, 548, 550

- Новые сцены к комедии «Ревизор», II, 163, 699, 702; III, 321, 324, 473*
- Нос, I, 289, 646, 657, 713, 810, 845; II, 31, 353, 360, 785, 894; III, 271, 272, 367, 484, 812, 872, 957*
- Ночи на вылле, II, 140; III, 490, 491*
- Ночь перед Рождеством, I, 38, 45, 352, 562, 597; II, 637; III, 246, 493, 657, 759, 986*
- Нравы русских (выписка), III, 228*
- Нужно любить Россию, I, 681, 683–685; II, 368*
- Нужно проездиться по России, I, 681, 683–685; II, 368*
- О благодарности, II, 637*
- О гневе и безгневию. К А. О. Смирновой, III, 365*
- О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году, I, 550, 710, 713, 715, 717, 810, 903; III, 194, 281, 479, 480, 495, 525*
- О движении народов в конце V века, I, 785, 788; III, 479*
- О достоинстве сочинений <и> литературных трудов Погодина (замысел статьи), II, 523, 570*
- О духе и характере народной поэзии славянских народов, I, 798*
- О лиризме наших поэтов, II, 275, 279, 593, 594, 596, 856, 918, 919; III, 167, 495, 521, 524, 562, 701, 870*
- О малороссийских песнях, I, 227, 331, 790; II, 20, 953; III, 482, 534*
- О науке, III, 755*
- О преподавании всеобщей истории, III, 366, 826, 831*
- О Современнике, I, 652; III, 287, 495*
- О сословиях в государстве, III, 25*
- О средних веках, I, 331, 785, 790; III, 25, 366, 475, 482, 534*
- О старинных русских свадьбах (выписка), III, 228*
- О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности, II, 322, 618, 619; III, 14, 234, 400, 562, 801*
- О том же (Несколько слов о нашей Церкви и духовенстве), I, 679, 680, 730; II, 208, 367, 915, 916; III, 214, 490, 501, 864, 870*
- О том, что такое слово, II, 99, 100, 275, 322, 396, 476, 490, 494, 521, 522, 571, 593–595, 854, 855, 919; III, 203, 213, 231, 760, 897*
- О торговле русских в конце XVI и в начале XVII века (перевод), I, 36*
- Об архитектуре нынешнего времени, III, 717*
- Об Одиссее, переводимой Жуковским, I, 676, 678, 719; II, 100, 322, 588, 594, 849, 913; III, 186, 256, 380, 495, 520, 549, 845, 862*
- Обозрение всеобщей истории, III, 400*
- Объявление о выезде, II, 809, 810; III, 305*
- Объявление об издании Истории Малороссии, II, 138*
- Оглавление <к сборнику стихотворений>, III, 480, 839*
- Оглавление <предполагаемого V тома собранных сочинений 1851–1852 гг.>, III, 613*
- Осенняя родительская, I, 355*
- Особые заметки, III, 400*
- Острица (Начало исторического романа «Гетьман»), II, 938; III, 235, 239*
- Откупа, II, 411*
- Отрывки из неизвестной драмы (...[иногда чувствуешь] понятно это ужасное чувство), III, 757*
- Отрывок, III, 12, 13, 32, 58, 329, 504, 813*
- Отрывок из «Истории Малороссии», II, 659*
- Отрывок из «Истории Малороссии». Размышления Мазеты, II, 27*
- Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления «Ревизора» к одному литератору, I, 125; II, 163, 657, 659, 699, 701, 702, 760, 761; III, 5, 149, 321, 439, 473, 483*
- Отрывок неизвестной повести (Начало исторического романа «Гетьман»), II, 938*
- Пасхальная вирша «говоренная черноморцами его светлости, великому гетьману, князю Потемкину, на Светлый день праздника Пасхи» (А. А. Головатого) (список), I, 45, 606*

- Переводы под редакцией Н. В. Гоголя. Пьесы для бенефисов М. С. Щепкина, III, 14
- Песни малорусские. Три тетради Гоголя из архива П. В. Киреевского, I, 756
- Песни, собранные Гоголем, II, 160, 161
- Петербург и Москва (Из записок Дорожного), I, 710, 823
- Петербургская сцена в 1835–36 г., I, 710; II, 761; III, 250, 418, 478, 479, 525
- Петербургские записки 1836 года, I, 710, 823, 845; II, 26; III, 418, 480
- Печатать на моей бумаге... (надпись на цензурной рукописи первого тома «Мертвых душ»), II, 169
- Письмо Георгия Затворника Задонского (выписка), III, 617
- Письмо из Рыма к редактору журнала «Современник» П. А. Плетневу, II, 17; III, 119, 495
- План преподавания всеобщей истории, I, 331, 790; III, 482, 534, 831
- Пленник, I, 330
- Плодотворная почва трех частей света... I, 293
- Повести, I, 290, 302, 583, 664; II, 960
- Повесть о капитане Копейкине, I, 663, 731; II, 169, 281, 307, 512, 528, 534, 622, 779, 829; III, 12, 260, 328, 442, 455, 486–488, 493, 860, 877, 928, 946
- Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем, I, 28, 36, 190, 230, 351, 358, 393, 609, 704, 709, 726; II, 129, 273, 281, 309, 315, 317, 452, 457, 458, 478, 480, 801, 839; III, 5, 366, 367, 369, 416, 434, 478, 536, 812, 1022
- Полтава, I, 325, 326; III, 37
- Помилуй меня, грешного... I, 358; II, 110, 112; III, 217, 921, 945
- Портрет, I, 441, 582, 584, 586, 698; II, 234, 354, 455, 722, 727, 830, 831, 856; III, 28, 74, 150, 255, 328, 364, 366, 400, 458, 471, 479, 484, 495, 496, 522, 757, 812, 954
- Последний день Помпеи, I, 229, 282; II, 352, 813, 833; III, 478
- Потеря, II, 678, 752, 756
- Похождения Чичикова, или Мертвые души, I, 718, 778; II, 90, 92, 93, 134, 169, 170, 175, 180, 194, 476, 477, 719, 762–764, 787, 792, 794–796, 825–827, 829, 833, 836, 846, 855, 909, 910, 957; III, 182, 193, 194, 210, 248, 253, 271, 287, 493, 496, 503, 536, 692, 725, 765, 868
- Предисловие (к «Выбранным местам из переписки с друзьями»), II, 368, 376, 624, 852; III, 497, 870
- Предметы для лирического поэта в нынешнее время, III, 169, 758
- Предупреждение для тех, которые пожелали бы сыграть как следует «Ревизора», II, 761; III, 502
- Приложение к комедии «Ревизор», II, 698, 699, 701, 702
- Провинциальный жених, I, 760; III, 418
- Происшествия на Севере, II, 27
- Прориси на лист прозрачной кальки древних икон — иллюстраций из книги А. Дидро-на «Iconographie chrétienne» (Париж, 1843), III, 54, 364, 717
- Просвещение, III, 94, 162, 799
- Прощальная повесть, I, 131, 133, 264; II, 893; III, 758, 883, 926
- Путешествие Александры Осиповны, II, 196, 214, 218, 230, 244, 251, 305
- Разбойники. Трагедия в стихах, I, 577
- Развязка Ревизора, I, 283, 681–684, 686, 687, 819, 820; II, 95, 96, 122, 128, 287, 295, 511, 590, 595, 597, 655, 761, 765, 766, 851; III, 24, 25, 35, 36, 233, 234, 666, 692, 908
- Размышления о Божественной Литургии, I, 23, 229, 273, 280, 435, 505; II, 49, 108, 114, 115, 117–120, 122, 369, 370, 516, 630, 885, 936; III, 38, 49, 94, 122, 199, 217, 345, 490, 592, 695, 712, 724, 732, 733, 832, 883, 908, 909, 925, 930, 931
- Размышления о Божественной Литургии. Подготовительные материалы. Греческий и латинский тексты. Божественная Литургия из чинов положений Апостольских, II, 123
- Разные изречения из Св. Иоанна Златоуста (выписка), III, 897

Распределение садовых работ на осень 1848 года и весну 1849, I, 40, 46, 355

Ревизор, I, 12, 14, 125, 129, 195, 217, 222, 229, 231, 254, 272, 273, 280, 283, 286, 289, 295–300, 306, 307, 309, 318, 319, 326, 343, 347, 349, 354, 363, 383, 406, 409, 420, 427, 498, 511, 512, 525, 536, 548, 550, 562, 570–572, 595, 597, 623, 645, 647, 650, 651, 662, 681, 682, 686–688, 708, 711, 712, 727, 728, 731, 752, 796, 805–807, 809–812, 814–820, 824–830, 832–837, 840, 842, 844, 846, 850; II, 3, 9, 11, 37, 45, 46, 49, 60, 73, 76, 78, 89, 96, 97, 117, 118, 123, 128, 140, 141, 144, 146, 148, 163, 167, 168, 171, 172, 174, 176, 187, 188, 225, 228, 238, 250, 264, 267, 275, 282, 285–287, 289–292, 295, 300, 326, 332, 337–341, 343, 346, 347, 359, 367, 374, 380, 389, 390, 392, 393, 401, 405, 409, 418, 419, 444, 460, 466, 470, 472, 473, 475, 488, 492, 495, 503, 517, 519, 542, 547, 550, 552, 554, 562, 567, 571, 577, 578, 589, 590, 605, 632, 633, 636, 639, 657, 667–669, 673, 683, 693, 698–702, 706, 707, 717, 721, 732–734, 745, 752, 754, 755, 757, 760, 761, 765, 766, 778, 782, 783, 785, 786, 788, 789, 803–805, 824, 834, 835, 850–852, 880, 881, 890, 903–906, 918, 925, 932, 947, 960; III, 4–7, 12, 14, 23–25, 31–37, 39–43, 45, 76, 78, 86, 87, 89, 96, 99, 100, 106, 138, 149, 150, 180, 202, 227, 231, 233, 234, 240, 245, 246, 249, 252, 255, 271, 272, 278, 279, 281, 282, 284–286, 288, 289, 302, 306, 312, 321, 322, 324–327, 329, 365, 368, 374, 377, 415, 416, 433, 438, 439, 460, 461, 473, 476, 477, 479, 483, 484, 497, 502, 506–508, 525–527, 534–537, 540, 599, 631, 642, 650, 671, 713, 717, 741, 757, 765, 776, 791–793, 800, 811, 813, 816, 818, 824, 826, 827, 830–832, 834, 868, 872, 873, 908, 929, 975, 976, 979, 980, 993

Ревизор с Развязкой, I, 688; II, 76, 95, 96, 128; III, 25

Ревизор с Развязкой. Предупреждение, I, 686, 687; II, 76, 122, 367, 589, 590, 850, 852, 918

Рецензия для «Москвитянина». Утренняя заря, III, 415

Рецензия на книгу Е. И. Ольдекопа «Картины мира», III, 255

Рим, I, 165, 282, 596, 663, 725, 808; II, 88–91, 148, 149, 179–181, 230, 255, 427, 428, 443, 466, 477, 579, 582, 637, 640, 690, 702, 707, 758, 807, 817–819, 826; III, 25, 57, 76, 77, 81, 132, 191, 233, 238, 257–259, 292, 320, 379, 399, 411, 413–415, 442, 443, 445, 447, 449, 458, 473, 474, 483, 484, 488, 490, 653, 762, 812, 834, 957

Рисунки, II, 123

Рисунки, сделанные в Одесском карантине, III, 627

Россия под игом татар, I, 14, 29, 36, 126, 288, 293, 314; II, 715, 762, 821, 823

Рудокопов, III, 757

Рукописный журнал «Звезда», I, 577, 603

Рукописный журнал «Метеор Литературы», I, 603, 605

Русалка (список стихотворения А. С. Пушкина), III, 308

Русская история в политическом отношении, III, 76

Русские песни (сборник), II, 759

Русский помещик, II, 80, 81, 593

С Матреной наш Яким... I, 515

Сатирический стих о носе, I, 569

Сваха. См. Женидьба

Светлое Воскресенье, I, 689; II, 107, 110, 113, 515, 516; III, 664, 665, 671, 672, 871, 872

Сганарель (литературная обработка перевода комедии Ж. Б. Мольера Т. Н. Грановского и Н. Х. Кетчера), II, 153, 154; III, 14, 24, 26

Се образ жизни нечестивой... I, 574

Семенов день, I, 355

Синхронистические таблицы по всеобщей истории, I, 646

Скульптура, живопись и музыка, I, 726; II, 813

Словарь русских простонародных слов, II, 123

Собрание русских и малороссийских песен, II, 123

Совет сестрам, II, 619, 886, 936, 937; III, 724

- Советы*, I, 635
- Сорочинская ярмарка*, I, 38, 45, 69, 70, 284, 299, 356, 430; II, 332, 336, 660; III, 484, 642
- Состояние Европы неримской и народов, основавшихся на землях, не принадлежавших Римской империи*, III, 205
- Состояние королевства вестготов в Испании и завоевание ее арабами*, II, 27
- Сочинения Николая Гоголя*. В 4 т. СПб., 1842, I, 113, 117, 128, 314, 582–590, 664–667, 701, 727, 730; II, 120, 202, 495, 582, 586, 627, 647, 670, 716, 730, 731, 733, 736–738, 740–742, 744, 746, 765, 766, 779, 831, 835, 836, 941; III, 14, 58, 89, 150, 183, 262, 293, 294, 329, 455, 456, 460, 463, 464, 479, 481, 496, 596, 740, 812–814, 908, 930
- Сочинения Н. В. Гоголя, найденные после его смерти*. М., 1855, II, 113, 122; III, 417
- Сочинения Н. В. Гоголя*. В 6 т. СПб., 1855–1856, I, 117, 122, 124, 128–130, 280, 290, 294, 302, 314, 316, 701; II, 69, 107, 113, 120, 121, 124, 393, 505, 514, 620, 629, 630, 888, 890, 892–894, 896, 932, 933, 938, 941, 942; III, 208, 232, 241, 296, 500, 613, 685–687, 690–692, 696, 698, 712, 739, 811–814, 908, 930
- Соч. и письма Н. В. Гоголя*. В 6 т. Издание П. А. Кулиша. СПб., 1857, I, 272, 394, 555, 703; II, 18, 162, 399, 621, 642, 723, 724; III, 113, 498, 757, 891, 964, 1014
- Сочинения Н. В. Гоголя*. В 7 т. 10-е изд. М., СПб., 1889–1896, I, 46, 159, 322, 712, 717; II, 169, 173, 659, 758; III, 39, 486, 487, 582
- Сочинения Ломоносова и Державина*, II, 123
- Списки вещей, назначенных для покупки сестрам в 1839 г.*, II, 682, 756
- Споры*, II, 322, 363, 443; III, 187, 521
- Старосветские помещики*, I, 20, 32–34, 37, 75, 161, 165, 168, 197, 213, 218, 231, 232, 241, 246, 281, 285, 297, 319, 325, 327, 336, 337, 342, 371, 392, 403, 599, 617, 621, 664, 711, 712, 776; II, 22, 26, 331, 338, 375, 538, 575, 634, 666, 753, 754, 779, 844–846, 908, 960, 961; III, 12, 23, 24, 30, 50, 139, 170, 180, 246, 259, 280, 284, 484, 506, 536, 549, 593, 812, 1020
- Статьи об искусстве*, II, 337
- Статьи печатные и письменные о «Выбранных местах из переписки с друзьями» и «Мертвых душах», собранные Гоголем*, II, 123; III, 496
- Статья на итальянском языке для римского журнала («Diario di Roma») о собрании эскизов князя Д. М. Голицына*, II, 159, 160
- Статья неизвестного автора о положении крепостных крестьян в Малороссии (список)*, I, 217
- Стихотворная сатира на нежинских товарищей*, I, 568, 571
- Страхи и ужасы России*, II, 368, 848
- Страшная месть*, I, 284, 299, 332, 513, 751; II, 28, 152, 318, 836
- Страшная рука*, I, 720; III, 757
- Счастлив тот, кто шил себе...* I, 515; III, 121, 122
- Тарас Бульба*, I, 19, 20, 187, 190, 230, 281, 283, 284, 286, 287, 292, 297, 310, 315, 319, 352, 363, 383, 406, 536, 542, 555, 567, 580, 582, 599, 601, 621, 633, 641, 642, 664–666, 668, 673, 711, 712, 731, 746, 760, 761, 776; II, 25–27, 29, 88, 138, 188, 207, 208, 220, 246, 260, 273, 291, 296, 301, 335, 336, 347, 353, 360, 428, 493, 544, 550, 551, 575, 582, 666, 733, 753, 761, 766, 779, 786, 787, 793, 794, 802, 816, 831, 845–847, 953, 954, 960; III, 11–14, 25, 30, 36, 37, 48, 139, 149, 150, 170, 180, 194, 205, 230, 246, 249, 256, 275, 280, 329, 410, 431, 461, 479, 484, 489, 506, 526, 549, 593, 637, 642, 706, 715, 720, 752, 757, 759, 763, 765, 792, 810, 812, 834, 874, 986
- Театральный разъезд после представления новой комедии*, I, 283, 582, 667, 728, 824; II, 264, 287, 295, 597–600, 659, 731, 733, 761, 766, 779, 836, 851, 856; III, 10, 12, 58, 77, 78, 83, 88, 183, 260, 261, 460, 813
- Тетрадь выписок из Св. Отцов*, II, 220, 245, 260
- Три песни, переданные Гоголем графу А. К. Толстому (в записи П. А. Кулиша)*, II, 396
- Труд «по части русской истории»*, III, 909, 931
- Тяжба*, I, 582; II, 140, 285, 291, 295, 296, 577, 637, 690, 755, 758, 789, 803, 804, 806, 809,

- 912; III, 4, 12, 32, 43, 45, 58, 260, 278, 284, 504, 813
- Успех посольства (Из малороссийской повести «Страшный кабан»)*, I, 330, 640
- Утро делового человека*, II, 195, 284, 360; III, 12, 32, 45, 58, 504, 813
- Утро чиновника*, III, 32
- Учебная книга словесности для русского юношества*, I, 280; II, 122; III, 84, 755
- Учитель. (Из малороссийской повести «Страшный кабан»)*, I, 330, 640, 658
- Фонарь умирал...* III, 757
- Характеры и костюмы. Замечания для гг. актеров*, II, 761
- Христианин идет вперед*, III, 755
- Церковь одна (трактат А. С. Хомякова) (список)*, I, 381
- Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России*, II, 274, 275, 322, 593, 918, 919; III, 709
- Четыре письма к разным лицам по поводу «Мертвых душ»*, II, 768; III, 43, 103, 523, 562, 687, 695, 871, 872
- Чиновник*, III, 180
- Чтения русских поэтов перед публикою*, II, 767; III, 12
- Что такое губернаторша*, I, 681, 683–685; II, 313, 322, 367, 369, 895, 897, 913, 914; III, 493, 551, 694
- Шинель*, I, 217, 528, 665, 727; II, 42, 192, 301, 313, 340, 355, 375, 474, 475, 567, 733, 779, 837, 847, 908, 909; III, 12, 17, 19, 78, 89, 106, 158, 290, 329, 436, 479, 480, 553, 567, 811, 812, 860, 870, 957
- Шлецер, Миллер и Гердер*, II, 417; III, 366, 478
- Это я, Николай Васильев сын Гоголь-Яновский...* III, 481
- Южнорусские песни в записи Гоголя из собрания Н. Д. Белозерского*, I, 644
- Южнорусские песни. <Тетрадь первая>*, III, 236
- Южнорусские песни. Тетрадь вторая*, I, 389
- Юмористическое стихотворение из старинной малороссийской жизни*, I, 561, 569
- Юношеские опыты*, I, 290, 302
- Я давно уже ничего не рассказывал вам*, III, 757
- Гоголь Н. В. Приписываемое
- Богословское сочинение в 2-х томах*, III, 177
- Гицель — морда пороссяча...* I, 592
- Горько, о как горько мне было 20 мая...* III, 994
- Грамматика русского и малорусского языка*, III, 755
- Дневник русского генерала, веденный в Италии*, II, 18
- <Заметки о А. О. Смирновой и ее детях в Риме>*, II, 303
- К Тебе, о Матерь Пресвятая!* III, 838, 840–842
- Книга о русском духовенстве*, II, 852
- Наш Вралькин в мире сем редчайший человек!* I, 550, 604
- Несколько пьес вроде «Шинели»*, III, 17
- Общедоступная ботаника с сравнительным словарем народных названий растений и легендами о цветах, собранных в России, на Востоке, в Италии, в Испании*, II, 301; III, 755
- Письма к А. О. Смирновой на фр. языке*, II, 364, 365
- Пишет эту книгу Николай Васильевич Гоголь...* III, 994
- Прачка*, I, 764, 765; II, 470; III, 645
- Программа начального воспитания*, III, 755
- Пьеса из малороссийского быта*, I, 593
- Разные стихотворения Иосифа Олова (1832)*, III, 987
- Статья в журнале «Воскресное Чтение» (1838–1841)*, I, 127
- Стихи в альбом М. Н. Кульбовской*, I, 358
- Стихи в честь Ф. В. Булгарина*, III, 977, 978
- Гоголь Н. В., Одоевский В. Ф., князь
- Двойчатка (замысел совместного альманаха из двух повестей)*, III, 473
- Гоголь Н. В., Одоевский В. Ф., князь, Пушкин А. С.

Тройчатка (замысел совместного альманаха из трех повестей), I, 720; III, 472

Гоголь (Гогель) О., III, 531

Гоголь (в замужестве Головня) О. В., I, 6, 7, 12, 14, 17, 21, 26, 30, 33, 34, 40, 42, 48, 51, 65, 66, 68, 69, 74, 76, 81, 82, 86, 93, 102, 105, 106, 108, 110–112, 119, 123, 125–129, 137, 140–143, 146, 149, 151–153, 162, 164, 165, 167, 173–175, 177, 178, 185, 187, 189, 191–195, 198, 202, 211, 216, 217, 219, 221–231, 233, 241, 243–249, 252–262, 264–266, 273–275, 281, 286, 310, 311, 313, 316, 317, 321, 346, 348, 353, 356, 357, 379, 382–386, 389, 392–394, 400, 401, 403, 404, 493, 529, 532, 581, 596, 624, 634; II, 69, 99, 101, 119, 140, 210, 211, 271, 272, 280, 290, 296, 384, 395, 480, 486, 552, 554, 619, 623, 626, 633, 637, 654, 690, 691, 693, 705, 741, 745, 766, 777, 790, 809, 810, 853, 886, 900, 938; III, 5, 92, 191, 364, 493, 599, 623, 666, 724, 736, 795, 855, 924, 925, 960, 962, 964, 967, 968, 971–974

Гоголь Прок<оп> Евстафьевич (Балачко), I, 18, 338–341

Гоголь Т. В., I, 14, 21, 51, 65, 68, 140, 151, 177, 194, 195, 386; II, 554

Гоголь-Яновская (рожд. Косярковская) М. И., I, 4–6, 11–17, 20–25, 30–36, 39, 42–52, 60, 69–77, 80–101, 103–121, 123–134, 137–154, 157, 161–168, 170, 171, 174–179, 181, 184, 185, 191, 194–212, 214–223, 225, 226, 229, 231, 244–249, 254–260, 263–266, 270–273, 277, 278, 280, 281, 286–294, 310–316, 318, 320–322, 327, 335, 338, 342–344, 348, 352–356, 358, 359, 363, 374, 378, 382–387, 389, 390, 392–394, 397, 400, 403–405, 448, 459, 460, 493–496, 498, 500, 506, 508, 509, 514, 517, 519, 521, 527, 529, 532–534, 551, 578, 579, 581, 582, 594, 597, 609, 618, 624, 634, 638, 639, 698, 734, 796; II, 69, 85, 103, 104, 107, 112, 115–122, 126, 130, 140, 210, 211, 237, 271, 272, 290, 309, 331, 335, 338, 354, 370, 384, 413, 472, 478–480, 483, 486, 514, 517, 520, 524, 536, 552, 554, 575, 583, 585, 587, 593, 594, 617–621, 625, 626, 632, 635, 637, 640, 654, 655, 657, 672, 690, 691, 693, 705, 707, 710, 712, 713, 715, 718, 735–737, 741, 745, 747, 750, 753, 762, 766, 767, 777, 779, 807, 809, 818, 819, 821, 823, 831, 839, 853, 879, 883, 885, 886, 893, 898, 935–938, 948, 965; III, 5, 33, 57, 63, 111, 113, 114, 119, 128, 132, 191, 192, 235, 237, 290,

305, 328, 418, 430, 475, 476, 484, 486, 491–493, 536, 542–544, 546, 548, 599, 634, 647, 657, 666, 724, 732, 736, 762, 779, 780, 781, 795, 797, 800, 811, 833, 855, 912, 913, 924, 925, 935, 960, 962, 965–967, 969–971, 973, 984, 986, 1014

Гоголь-Яновская (рожд. Лизогуб) Т. С., I, 4, 12, 20, 21, 26, 33, 44, 45, 47, 49, 56, 62–64, 69–71, 75, 77, 80, 92, 102, 161, 206, 207, 210, 212, 217, 221, 222, 232, 233, 239–242, 244–246, 316, 338, 341, 371, 372, 374, 378, 384, 386, 387, 403, 494; III, 968, 971, 1014

Гоголь-Яновский А. Д., I, 4, 12, 17–21, 26, 27, 33, 37, 40, 44, 45, 47, 49, 50, 56, 62, 64, 69–71, 75–77, 80, 161, 206, 217, 218, 222, 232, 233, 240–244, 327, 328, 335–342, 344, 345, 363, 365, 371–373, 376, 378, 379, 383, 384, 494; III, 365, 967, 968, 971

Гоголь-Яновский В. А., I, 3–14, 16, 17, 21, 22, 24–27, 31, 33, 36–40, 44–52, 54, 56, 59–72, 75–83, 87–90, 92, 110, 119, 120, 122, 123, 126, 135, 137–139, 142, 151, 161, 162, 177, 178, 191, 194, 195, 201, 206, 207, 213, 225, 230, 242–245, 248, 249, 251, 253, 254, 276, 288–290, 311, 314, 315, 321, 325, 327, 328, 334, 338, 339, 341–345, 350, 354, 356, 363, 366, 371–376, 378–380, 384–387, 400, 402–404, 407, 414, 415, 421–423, 437, 438, 441, 448, 487, 488, 493–495, 498, 499, 534, 557, 577, 594, 617; II, 109, 119, 139, 237, 486, 487, 618, 839, 886; III, 38, 236, 365, 536, 543, 715, 717, 732, 910, 921, 933, 944, 967–971, 975

Если будешь хоть случайно..., I, 79

Записная книжка 1817–1818 гг., I, 375

Итак, понеже префект ныне..., I, 243

Купец, I, 375

О! Я, сударь из столбовых дворян... I, 375

Овца-Собака, I, 5, 11, 26, 31, 38, 289, 315, 541, 577, 581, 593

Одной природой наслаждаюсь... I, 79

Отрывок несохранившейся комедии (<Мотов>), I, 5, 245

Простак, или Хитрость женщины, перехитренная солдатом (Роман и Параска), I, 5, 11, 26, 31, 38, 45, 289, 315, 342, 581; II, 139; III, 38

Шнурочек для меня бесценный... I, 50

- Гойер, жена А. Н. фон Гойера, III, 745, 746, 751
 Гойер А. Н., фон, III, 751, 757
 Голенищева-Кутузова А. М., княжна. См. Хитрово (рожд. княжна Голенищева-Кутузова) А. М.
 Голенищева-Кутузова Д. М., княжна. См. Опочинина (рожд. княжна Голенищева-Кутузова) Д. М.
 Голенищева-Кутузова Ек. М., княжна. См. Кудашева (рожд. княжна Голенищева-Кутузова) Е. М., княгиня
 Голенищева-Кутузова Ел. М., княжна. См. Хитрово (рожд. княжна Голенищева-Кутузова, в первом браке графиня Тизенгаузен) Е. М.
 Голенищева-Кутузова П. М., княжна. См. Толстая (рожд. княжна Голенищева-Кутузова) П. М.
 Голенищев-Кутузов, граф, II, 78
 Голенищев-Кутузов Л. И., I, 5, 50, 87, 100, 103, 104, 134–136, 441, 508; II, 756; III, 986
 Голер, церемониймейстер великого герцога Баденского, II, 259
 Голицин А. М., князь, III, 200
 Голицын, князь, III, 61
 Голицын А. В., князь, III, 558
 Голицын А. Н., князь, II, 232, 353, 359, 462, 464, 465, 529; III, 79, 80
 Голицын Авг. П., князь, III, 139
 Голицын В. П., князь, II, 40, 45, 265, 427, 429; III, 177
 Голицын В. С., князь, III, 558
 Голицын Д. В., князь, I, 758, 759; II, 87–90, 105, 172, 177–180, 409, 425–428, 434, 445, 455, 457, 472, 473, 522, 640, 707, 816; III, 77, 82
 Голицын Д. М., князь, II, 159, 160
 Голицын М. А., князь, II, 218, 229, 243, 251
 Голицын Н. В., князь, II, 658, 893, 897; III, 859
 Голицын С. М., князь, II, 44, 487
 Голицын С. С., князь, II, 34
 Голицын Ф. Ф., граф, II, 24
 Голицын Ф. Ф., князь, II, 29, 293; III, 76, 81
 Голицына, княгиня, II, 42
 Голицына, жена князя Д. В. Голицына, II, 446, 455
 Голицына А. В., княгиня, II, 295
 Голицына А. В., княжна, I, 369; III, 557, 558
 Голицына (рожд. Измайлова) Е. И. (А. И.), княгиня, II, 38, 44, 487, 488
 Голицына (рожд. Похвиснева) М. И., княгиня, III, 558
 Голицына (рожд. Матюнина) П. Н., княгиня, III, 558
 Голицына С., II, 233
 Голицына Т. Б., княжна. См. Потемкина (рожд. княжна Голицына) Т. Б.
 Голицыны, князья, III, 559
 Голованев Ф. П., I, 51, 76
 Голованова Т. П., III, 726
 Головатый А. А., I, 606
 Головацкий П. Ф., III, 230
 Головацкий Я. Ф., иерей, III, 223, 230
 Головачева (рожд. Брянская, в первом браке Панаева) А. Я. (Е. Я.), II, 803; III, 79, 244, 273, 287–290, 476, 481, 979
 Головин Н. А., II, 179
 Головнин А. В., III, 695, 811, 812
 Головня, жена В. Я. Головни, I, 248
 Головня В. Я., I, 189, 192, 193, 200, 219, 233, 247, 248, 260–262, 274, 316, 382
 Головня М. Я. См. Затурская (рожд. Головня) М. Я.
 Головня Н. Я., 193, 207, 208, 251, 260–262, 316
 Головня О. В. См. Гоголь (в замужестве Головня) О. В.
 Головня С. В., I, 247, 248
 Головня Я. И., I, 207, 208, 212, 227, 231, 259, 260, 274, 316
 Голохвастов Д. П., II, 93, 133, 167, 170, 173, 476, 477; III, 229
 Голубева М. Д., III, 839
 Голубинский Ф. А., протоиерей, II, 278
 Голубцов С., протодиакон, III, 595
 Голушков Н. А., III, 552, 553
 Гольдони К., II, 469; III, 450, 490
 Гомер, I, 569, 719, 747; II, 38, 42, 57, 95, 134, 178, 189, 194, 207, 208, 330, 332, 483, 590, 594,

- 602, 604, 610, 614, 652, 676, 719, 789, 793,
798, 828, 829, 845, 846, 868, 870, 908, 910; III,
95, 99, 100, 186, 194, 247–250, 255, 256, 282,
397, 511, 518, 699, 700, 745, 803, 865
- Илиада*, I, 695, 754; II, 220, 245, 258, 263, 336,
337, 342, 503, 602, 793, 794, 827, 847, 868;
III, 255, 256, 443, 862
- Одиссея*, I, 676, 678, 699, 719; II, 42, 43, 57, 61,
66, 67, 100, 320, 322, 359, 381, 483, 588,
594, 602, 603, 607, 651, 798, 848, 849, 913;
III, 78, 80, 93, 95, 165, 166, 169, 173, 186,
256, 380, 520, 549, 684, 699, 745, 845, 862
- Гомозейка. См. Одоевский В. Ф., князь
- Гомозкова М. С., II, 413, 766, 932; III, 97, 102
- Гонзага, итальянский княжеский род, II, 426,
446, 470
- Гончаров И. А., I, 283; II, 390, 513, 567; III, 277,
278, 289, 643
- Обыкновенная история*, III, 643
- Гончаров Н. А., II, 221, 381
- Гончарова (в замужестве Фризенгоф) А. Н., II,
335
- Гончарова (в замужестве Дантес) Е. Н., II, 335
- Гончарова Н. Н. См. Пушкина (рожд. Гончаро-
ва, во втором браке Ланская) Н. Н.
- Гончаровы, II, 226, 334
- Гопка, няня А. О. Смирновой, II, 315, 317, 328
- Гораций, I, 426, 603; II, 63, 448, 449, 483; III, 635
- Оды*, II, 449, 456
- Горбенко Е. П., I, 660
- Горбовская, жена И. А. Горбовского, I, 197
- Горбовские, I, 197
- Горбовский И. А., I, 110, 196, 216, 217, 374, 379
- Горбунов И. Ф., I, 818; II, 528, 529, 534
- Горбунов К. А., I, 395; II, 807, 808; III, 251, 292,
647
- Горбунов К. П., I, 324
- Горелов П. Г., III, 871
- Горленко В. П., I, 18, 20, 173, 342, 343, 402–405;
II, 297, 300, 301, 352, 408; III, 19, 756, 787,
788, 894, 984, 986
- Горностаев И. И., III, 124
- Горова (рожд. Щитинская) Н., I, 34, 167, 169
- Городецкий Б. П., II, 127, 364; III, 947, 948
- Городинский С., I, 372
- Городницкий И., III, 365
- Горонович А. Н., I, 490
- Горонович П. Н., I, 471, 485
- Гороховый М. В., III, 117
- Горский А. В., протоиерей (с 1860 г.), II, 495, 559
- Горчаков А. М., князь, II, 277, 282, 290
- Горчаков Д., III, 956
- Горчаков М. Д., князь, II, 282, 290
- Горчаков, знакомый В. А. Жуковского, II, 42
- Горчакова Е. П., княжна, II, 583, 687, 809, 815,
816, 819, 948
- Горчаковы, знакомые Аксаковых, II, 687, 809,
815, 948
- Горшенков, актер, I, 835
- Горшков, московский актер, III, 7, 8
- Горшковы, актеры, братья, III, 40
- Горький М. (Пешков А. М.), I, 712; III, 968
- Горяинов П. Ф., II, 4, 34
- Гостилий Тулл, II, 431
- Гостомысл, новгородский посадник, III, 1003,
1004, 1009
- Готье, книготорговец и владелец типографии в
Москве, III, 925
- Гофман Г. Ф., III, 80
- Гофман М. Л., II, 58, 364, 365; III, 604, 615, 674,
712, 873
- Гофман Э. Т. А., I, 539; II, 241, 575; III, 20, 279,
471, 472, 478, 807
- Серрапионовы братья*, III, 279, 471
- Грабовский, граф, II, 482, 487
- Грабовский М. А., I, 673, 711, 712; II, 493, 494
- Грабянка Г. И., I, 338
- Грамзина Т. А., II, 317, 318
- Гранвальд, великая княгиня, II, 42
- Гране Ф. М., II, 40
- Грановский Т. Н., I, 731, 790, 791; II, 147–149,
153, 172, 348, 412, 489, 499, 640, 646, 711,
755, 789, 792, 795, 842, 851, 933; III, 24,
26–28, 33, 44, 82, 84, 198, 221, 230, 254, 287,

- 293, 381, 472, 529, 552, 586, 664–666, 727, 846, 856, 880, 924, 958
- Грацианский И. И., иерей, II, 412
- Гребенка, мать Е. П. Гребенки, I, 428
- Гребенка, сестра Е. П. Гребенки, I, 428
- Гребенко (Гребенкин) Е. П., I, 426–428, 431, 535, 540, 542, 555, 558, 559, 594, 769; II, 34, 35, 190; III, 428, 474
- Рассказы тирятинца, III, 474*
- Грегоровиус Ф., II, 256
- Грец, II, 258
- Греч А. Н., III, 251
- Греч Н. И., I, 545, 730, 731, 759, 760, 766–768, 792, 840; II, 42, 47, 50, 89, 334, 340; III, 20, 27, 139, 145, 163, 251, 279, 366, 369, 370, 479, 505, 512, 535, 861, 976, 982
- Греч Н. Н., I, 792
- Грешищев Л. Н., III, 898, 899
- Грешищев Н., III, 890, 894, 898
- Грешищева (рожд. Константиновская), мать Л. Н. Грешищева, III, 898
- Грибовский, сосед Гоголей, I, 230
- Грибоедов А. С., I, 694; II, 133, 309, 315, 757, 766, 910; III, 245, 861, 980
- Горе от ума, I, 499, 728; II, 291, 338, 339, 501, 567, 693, 757, 766; III, 8, 87, 245, 247, 249, 250, 252, 508, 527, 535, 536, 793, 870, 873, 1000*
- Григорий V, патриарх Константинопольский, св., I, 428; II, 27
- Григорий VII, римский папа, II, 483
- Григорий XVI, римский папа, II, 38, 44, 252, 303–305, 425, 466; III, 112, 157, 195, 306, 308, 311, 314, 344, 440, 442, 443, 445, 469, 471, 485, 509
- Григорий Богослов (Григорий Назианзин), свт., II, 605, 925, 927; III, 710
- Григорий Великий (Двоеслов), св., II, 425, 435
- Григорий Нисский, св., II, 260, 277
- Григорий (Митькевич), архиепископ Калужский и Боровский, II, 571, 573
- Григорий (Постников), митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский, III, 888, 891–893, 902
- Григорий Павлович, сосед Гоголей, I, 608
- Григоров, родственник Вас. И. Черныша, I, 519
- Григоров Н. П., I, 439, 440, 446, 453–455, 459, 461–465, 467, 472–479, 482, 483, 486, 490, 553
- Григорович Вас. И., I, 599, 600, 766, 769; II, 150; III, 64, 310, 328, 329, 370
- Григорович Виктор И., III, 228, 235, 239
- Григорович Д. В., I, 552; II, 390; III, 277, 278, 289, 661
- Григоровская М. А., III, 669
- Григорьев, чиновник, II, 265
- Григорьев А. А., I, 693, 820, 821; II, 488, 493, 498, 562, 563, 565, 911; III, 19, 44, 303, 630, 759
- Григорьев А. И., III, 303
- Григорьев В. В., I, 790, 791, 801, 802; II, 5–7, 34, 640, 646, 711
- Григорьев Д., иерей, III, 894
- Григорьев П. И., I, 826; II, 830; III, 41, 924
- Комедия с дядюшкой, III, 40, 41, 924*
- Похождения Павла Ивановича Чичикова (сцены в 3 картинах, составленные из второго тома «Мертвых душ»), II, 830*
- Григорьев С., I, 123, 125, 133, 263, 367; II, 108, 109, 112, 115, 121, 298, 301, 394, 395, 508, 511, 513, 528, 538, 539, 541, 553, 574; III, 135, 219, 220, 241, 297, 571, 649, 651, 652, 660, 682, 784, 805, 808, 832, 833, 913, 916, 926, 930, 934, 935, 937, 960, 961, 966
- Григорьева Т. А., III, 303
- Гризи Дж., I, 516; II, 427; III, 118, 744
- Гримм В., III, 877
- Гримм Я., III, 877
- Гринченко Н. А., II, 945; III, 18, 810
- Грифи, учитель итальянского языка, II, 450–453, 456, 468, 470
- Гриц Т. С., I, 283, 762; II, 419; III, 27, 43, 695
- Грищенко А., II, 456
- Гробов Я., I, 626
- Громов В. А., III, 17, 834
- Гросс, киевский портной, III, 997, 998
- Грот К. Я., I, 705, 819; III, 645

- Грот (рожд. Семенова) Н. П., III, 706
- Грот Р. К., I, 667, 668
- Грот Я. К., I, 326, 524, 658–677, 680, 681, 683–693, 697–700, 702, 703, 779, 787, 820; II, 69, 94–98, 100–102, 105, 106, 168, 192, 202, 203, 206–208, 210–212, 214, 309, 320, 362, 590; III, 139, 303, 474, 666, 667, 675, 702–706, 741, 754, 853, 977, 982
- Грудаков, калужский книготорговец, II, 405
- Грузинский Г. А., князь, II, 232, 235, 278, 553, 555; III, 539, 839, 887
- Грузинский-Козин, камердинер в доме графа А. П. Толстого, III, 838, 840–842
- Губер Э. И., I, 694; II, 34, 35; III, 266, 267
- Губкин М. И., III, 577
- Гугаев, капитан-лейтенант, III, 626
- Гургорт, баденский врач, II, 197, 198, 258
- Гудзий Н. К., II, 215, 225, 636, 645
- Гудович, графиня, I, 210, 351
- Гудович А. К., граф, I, 210, 351, 358
- Гудовский И. В., III, 999, 1012, 1014
- Гуковский Г. А., I, 712
- Гулак-Артемовский П. П., I, 38, 45, 597; II, 479
- Пан та собака, I, 45, 69, 70*
- Солопий та Хивря, I, 45*
- Твардовский, I, 45, 597*
- Гуминский В. М., II, 103; III, 621
- Гурбандт Ф. Е., фон, I, 722
- Гурилев А. Л., II, 554
- Гурилев Л. С., II, 552, 554
- Гурьев Н. Д., граф, II, 259
- Гус, прозвище, данное Гоголем одному из приятелей, I, 473
- Гусева Е. И., I, 650, 652, 829
- Гусева Е. Н., III, 72, 74, 171, 178, 179, 331, 339, 340, 344, 357, 561
- Густав I Ваза, король Швеции, II, 426, 442
- Гуэрра (Guerra) А., III, 582
- Гуэрра (Guerra) В., III, 582
- Гюго, прозвище, данное Гоголем одному из приятелей, III, 426, 473
- Гюго В., I, 539, 592; II, 779; III, 426
- Гюден Ж. А. Т., барон, III, 316, 569, 570
- Гюндероде, II, 41
- Гюнтер, I, 317
- Гютен С. А., I, 459, 465, 468, 470
- Д., жертвователь на памятник Н. М. Карамзину, I, 763
- Д., соседка Гоголей, I, 33, 222, 241
- Д'Аршиак О., виконт, II, 32
- Дабиж В. Д., князь, III, 761
- Давид, св. пророк, I, 57, 269; II, 233, 268, 277, 351; III, 54, 690, 737, 897
- Давидзон, киевский резчик печатей, III, 998
- Давидович Викт., I, 408, 411, 412
- Давыдов В. Д., III, 871
- Давыдов В. Л., III, 310, 322–325
- Давыдов Д. В., I, 752, 755, 766; II, 374; III, 869, 871, 872
- Этиграмма (Меринос собакой стал...), III, 872*
- Этиграмма (Ученый разговор), III, 872*
- Давыдов И. И., I, 766; II, 34, 35, 517, 565; III, 77
- Давыдов Н. Д., III, 871
- Давыдов П. Л., III, 323, 324
- Давыдов С. И., князь, II, 268, 279, 407, 408
- Давыдова, жена князя С. И. Давыдова, II, 407
- Давыдова (рожд. графиня Орлова), III, 323
- Давыдова (рожд. Потапова) А. И., III, 322, 324, 325
- Давыдова (в замужестве Переслени) Ек. В., III, 310, 322–326, 329, 717
- Давыдова Е. Е., III, 199, 203, 204
- Давыдова (рожд. графиня Самойлова, в первом браке Раевская) Ек. Никол., III, 323
- Давыдова (рожд. Чиркова) С. Н., III, 871, 872
- Дадешкальяни, князь, III, 770, 787
- Дажинкур, II, 439
- Даль В. И., I, 283, 724, 725, 728, 749, 766, 772; II, 4, 34; III, 5, 85, 142, 486, 568, 664, 725
- Вакх Сидорович Чайкин, I, 728, 730*

- Даль Л. В., I, 395
- Дальгейм М., II, 324, 333
- Дамаскин А., иерей, I, 365
- Дамиан, св. мученик, II, 39, 129, 247, 248; III, 731
- Данзас К. К., II, 32
- Даниил Московский, св. благоверный князь, I, 115, 174, 310; II, 107, 110, 113, 115, 120, 143, 210, 269, 515, 516, 554, 887; III, 102, 104, 198, 206, 220, 578, 652, 664–666, 670, 672, 712, 800, 819, 832, 846, 847, 849, 855, 871, 960
- Данилевская, мать Г. П. Данилевского, I, 310
- Данилевская О. А. См. Баних (рожд. Данилевская) О. А.
- Данилевская (рожд. Быкова) С. Н., I, 262, 276; III, 967, 968, 975
- Данилевская Т. И. См. Черныш (в первом браке Данилевская) Т. И.
- Данилевская (рожд. Похвиснева) У. Г., I, 171, 172, 192, 210, 317, 524–526, 529, 530, 532; III, 639
- Данилевские, трое детей А. С. и У. С. Данилевских, I, 317
- Данилевский, племянник Г. П. Данилевского, III, 968
- Данилевский, полковник в Белгороде, дядя А. С. Данилевского, I, 523
- Данилевский А. И., III, 370
- Данилевский А. Н., III, 369
- Данилевский А. С., I, 16, 23, 50, 51, 113, 145, 150–152, 159, 160, 162, 164, 171, 172, 192, 199, 210, 231, 289, 294, 317, 318, 320, 364, 397, 404, 407, 430, 448, 456, 457, 467, 472–479, 482–484, 486, 490–497, 499–534, 536, 540–542, 549, 550, 582, 588, 594, 595, 599, 600, 604, 638, 639, 750, 760, 839, 844, 851; II, 17, 20, 85, 87, 227, 248, 249, 309, 311, 357, 428, 457, 458, 464, 478, 480, 481, 485, 575, 623, 755; III, 49, 73, 76, 81, 98, 99, 100, 103, 106, 109–111, 113, 118, 119, 122, 132, 275, 276, 286, 300, 304, 305, 328, 351, 401, 412, 428, 434, 439, 453, 455, 475, 477, 483, 487, 491–493, 537, 540, 603, 639, 645, 765, 779, 874, 969, 982, 984, 986, 998–1009, 1011–1014
- Данилевский А. Ф., III, 969, 970
- Данилевский Г. П., I, 5, 14–16, 22, 23, 32, 36, 42, 126, 128, 143, 145, 165, 176, 278, 280, 282, 283, 286, 290–299, 306, 317–320, 322–324, 333, 362, 394, 524, 533, 550, 552, 581, 703, 794; II, 28, 189, 370, 444, 497, 517, 620, 629, 630, 762, 823, 889, 890, 950–953; III, 6, 25, 37, 50, 60, 122, 222, 223, 227, 232, 233, 238, 380, 477, 568, 572, 660, 663, 664, 802, 803, 808, 827, 830, 831, 861, 968, 983
- Запорожская дума, I, 280*
- Снегурка, I, 280, 307*
- Чумаки, I, 324*
- Данилевский Д., I, 280
- Данилевский Е. С., I, 520
- Данилевский И. С., I, 496, 511, 514, 520, 599
- Данилевский М. Г., III, 568, 660, 663, 664
- Данилевский Н. А., I, 192, 210, 529, 530
- Данилевский Н. Я., III, 644
- Данилевский С. Ф., I, 50, 493–495
- Данилевский Ф. А. (Ф. Я.), I, 528
- Данилов В. В., I, 553, 554, 641; II, 307; III, 135, 136
- Данилов С. С., I, 762; III, 829
- Данте А., I, 302, 695, 850; II, 39, 40, 45, 321, 325, 451, 483, 828; III, 68, 315, 317, 320, 443, 865, 1023
- Божественная комедия, I, 850; II, 321, 340, 354; III, 68, 255*
- Дантес (Дантез) Ж. Ш. (барон Геккерн), II, 31, 32, 265, 266, 355, 356
- Дантес Г. К., I, 76
- Данченко-Немирович (Немирович-Данченко) Н. Ф., I, 439, 445, 446, 452–456, 599
- Дарвин Ч., III, 1021
- Даргомыжский А. С., I, 794; II, 332, 415; III, 571, 572
- Торжество Вакха, I, 794*
- Эсмеральда, I, 794*
- Дарий I, персидский царь, III, 414
- Дашкевич Н. П., I, 5, 232; II, 139; III, 38
- Дашков Д. В., I, 709, 780, 845; II, 410, 411, 578
- Дашков П. Я., II, 574

- Дашкова (рожд. графиня Воронцова) Е. Р., княгиня, II, 331
- Дашкова (в замужестве княгиня Гагарина) С. А., графиня, II, 850, 851
- Дашковы, II, 253
- Де Лука Ф., римская прислуга, III, 130
- Де Пуле М. Ф., I, 805, 838
- Дебольский Г. С., иерей (с 1833 г.), протоиерей (с 1862 г.), III, 749
- Дегай П. И., II, 34, 35
- Дегуров А. А., I, 727, 777, 778, 781, 784, 786, 797; III, 832
- Дейнер, жандармский полковник в Вологде, III, 232
- Декурсель Ш. А., III, 774
- Декурсель Ш. А., Баррьер Т.
Пансионерка (La petite cousene), III, 774
- Делавинь Ж., III, 477
- Делавинь К.
Урок старикам, I, 622
- Деларю М. Д., I, 332, 722
Б. С. М. Д-г, I, 332
К Лизаньке Дельви́г, I, 332
К могиле Дельви́га, I, 332
Полет души, I, 332
- Делла Паче, испанская княгиня, III, 130
- Делла Паче, испанский князь, III, 130
- Делла Порта, II, 336
- Дельвиг А. А., барон, I, 326, 330, 332, 428, 578, 604, 641, 665, 716, 722, 724; II, 314, 420; III, 20
Изобретение ваяния, I, 332
- Дельвиг Анд. И., барон, I, 332, 722, 723; II, 395; III, 20
- Дельвиг А-р И., барон, I, 722, 723
- Дельвиг Е. А., баронесса, I, 332
- Дельвиг С. М., баронесса, I, 332
- Делюрье Ж. Ж. Г., Соваж Т. М. Ф.
Матрос, II, 912
- Демартини. См. Мартини К. А., де
- Деменитру, брат А. Л. Деменитру, III, 775, 776
- Деменитру А. Л., III, 775–778, 780–783
- Дементьев, чиновник, II, 14, 15
- Дементьев А. Г., I, 678, 679, 681–684, 686–688, 690, 695; II, 589, 592, 601, 614, 851, 857
- Демидов А. Н., I, 523, 528, 532; II, 743
- Демидов Н. П., III, 169
- Демидов П. Н., I, 523, 528, 532; II, 425
- Демидова, княгиня Сан-Дonato, жена А. Н. Демидова, князя Сан-Дonato, III, 781
- Демидова, сестра Жерома Наполеона, I, 532
- Демидова А. К. См. Карамзина (рожд. баронесса Шернваль фон Вавллер, в первом браке Демидова)
- Демосфен, I, 747
- Демут, содержатель трактира в Петербурге, III, 671
- Демут-Малиновская М. В., I, 750; III, 132
- Демут-Малиновский В. И., III, 132
- Демьяновы, III, 887
- Денель, знакомый Г. М. Левашова в Мангейме, III, 558
- Денисьева А. Д., III, 810
- Денисьева А. И. См. Соколова (рожд. Денисьева) А. И.
- Денисьева Е. А., III, 810
- Денон Д. В., барон, III, 346
- Денфер А. У., III, 231
- Депп С., III, 776, 781–783
- Депре Ф. Ф., II, 527, 533
- Деренякин Н. В., III, 961
- Державин Г. Р., I, 78, 79, 81, 428, 495, 500, 539, 552, 686, 711, 715; II, 123, 132, 322, 456, 518, 519, 606, 811; III, 202, 257, 370, 435, 701, 711, 766, 841
Бог, III, 841
Водопад, II, 390, 449, 456
- Державина (рожд. Дьякова) Д. А., I, 78
- Дерibas О. М., III, 628, 773, 778, 784
- Дерикер В. В., II, 189
- Десницкий В. А., II, 25, 188
- Деши, фон, III, 782

- Джегитов Н. П., II, 34
- Джибсон, английский скульптор, II, 446, 447
- Джорджоне (Жиорджоне), II, 39, 40
- Джотто Б., ди, II, 40, 453; III, 394
- Джулиани Р., II, 443; III, 115, 123–127
- Джулио Романо, II, 39, 40
- Джюлия, знакомая В. А. Панова в Риме, II, 163, 166; III, 473
- Дзюба Н., III, 974, 975
- Дзюба Ф., III, 971, 974
- Дибич В. И., барон, I, 541
- Дибич-Забалканский И. И., граф, I, 541; II, 332; III, 744, 885, 886
- Дивьер, графиня, III, 73
- Дидерих Б., III, 876
- Дидрон А., III, 53, 54, 364, 717
- Диев М. Я., протоиерей, II, 34, 35
- Диевский М. И., иерей, III, 782
- Диккенс Ч., II, 843, 932, 950; III, 66, 67, 202, 318, 827
- Дильдин З. Ф., II, 368, 370
- Димитрий Донской, св. благоверный князь, I, 622
- Димитрий Ростовский, св., I, 202, 245, 638; II, 43, 205, 224, 247; III, 746
- Димитрий Самозванец (Лжедимитрий), I, 79, 501; III, 20, 874
- Димитрий Солунский, св. великомученик, I, 93
- Диоген Синопский, I, 568; II, 233
- Диодор Сицилийский, III, 52, 53
- Диоклетиан, римский император, II, 441
- Дионисий Ареопагит, св., II, 205
- Дионисий, иконописец, II, 456
- Диоскуры, Кастор и Поллукс, II, 431, 433, 467
- Дирхольц, домовладелица в Бадене, II, 254
- Дисидерий (Дезидерий), афонский старец, основатель Новоафонского монастыря, III, 1021
- Дитерихс М. К., III, 744, 756, 783
- Дитерихс М. М., III, 783, 784
- Дмитренко А. Л., III, 715
- Дмитриев, III, 352
- Дмитриев (Федосеев) М. К., II, 362
- Дмитриев А. П., III, 708
- Дмитриев И. И., I, 417, 595, 659, 763, 779, 780, 845; II, 130, 132, 693; III, 4
- Басни и аполлоги, II, 693, 759*
- Чужой толк, II, 214*
- Дмитриев М. А., I, 758, 773; II, 34, 35, 88, 130, 172, 177, 179, 180, 411, 412, 473, 476, 477, 490, 498, 691, 709, 792, 817, 829
- Песнь Правде, II, 180*
- Дмитриев П. Н., III, 559
- Дмитриев-Мамонов Э. А., I, 354, 837, 838; II, 210, 237, 867, 868, 874, 883, 889, 932; III, 197, 647, 698, 848, 876, 877
- Дмитриева, генеральша, I, 16, 352, 405, 639; III, 967, 968
- Дмитрий Донской, св. благоверный князь, III, 39
- Дмитрий, родственник Д. Н. и Е. А. Свербеевых, III, 855
- Дмитрий Константинович, великий князь, III, 592
- Добровольский Л. М., III, 91–94, 833, 847, 851, 858
- Добрыня, воевода, I, 570
- Довгаль И. Ф., II, 119
- Докусов А. М., I, 712
- Долгорукая-Аргутинская Е. Д., княжна, III, 759
- Долгорукие, князья, II, 160
- Долгорукие-Аргутинские, княжны, III, 759
- Долгорукий А. С., II, 925
- Долгорукий И. А., князь, II, 259
- Долгорукий-Аргутинский И. Д., князь, III, 751, 759
- Долгорукий-Аргутинский Н. Д., князь, III, 751, 759
- Долгоруков П. В., князь, II, 42, 220, 225, 245, 265; III, 103
- Долгоруков С. А., князь, III, 77
- Долгорукова, княгиня, III, 741

- Доленга-Ходаковский З., I, 637, 638; III, 232, 236, 237, 984
- Долотова Л. М., I, 320, 441; II, 73
- Дольчи К., II, 38, 39
- Домбровский М. В., I, 347–349
- Доменикино, II, 38, 39, 425, 435, 436, 438, 441, 446
- Доменико Дж., III, 130
- Доменико О., III, 130
- Дон Хуан, брат Филиппа II, II, 38
- Дондуков-Корсаков Ал. М., князь, III, 623, 624
- Дондуков-Корсаков А-р М., князь, III, 624
- Дондуков-Корсаков М. А., князь, I, 662, 727, 730, 741, 767, 777, 778, 781, 797, 822; II, 168, 169, 217, 228, 243, 250; III, 457, 494, 538, 540, 624
- Дондуковы-Корсаковы, князья, III, 624
- Доницетти Г., III, 408, 414
- Доппельгенгер, II, 331
- Дориа, генуэзский род, II, 39, 441; III, 414
- Дориа, князь, II, 399; III, 408, 414
- Дорофеев В. П., III, 502
- Дорофей из обители аввы Сериды, преподобный, III, 727, 729, 889
- Дорошевич В. М., III, 810
- Тарас Бульба. Повесть из казачьей жизни запорожцев, III, 810*
- Дорошенко, III, 968
- Дорошенко В. Н., II, 762
- Дорошенко П. Д., I, 338
- Досифей (Силаев), архимандрит, III, 734, 735
- Досталь М. Ю., II, 165
- Достоевский А. М., I, 536; III, 3
- Достоевский М. М., I, 536; III, 3, 568, 584, 587, 664
- Достоевский Н. М., III, 3
- Достоевский Ф. М., I, 536, 712; II, 188, 297, 322, 513, 567, 765, 846–848, 911, 961, 962; III, 3, 187, 245, 254, 265, 275, 276, 315, 410, 472, 561, 584–589, 644, 772, 799, 881, 890
- Бедные люди, I, 674; II, 271, 846–848, 961, 962; III, 584*
- Бесы, III, 472*
- Двойник, I, 674; II, 847, 848; III, 584*
- Дневник писателя. 1 января 1873 г., III, 265*
- Жид Янкель, I, 536*
- Неточка Незванова, III, 588*
- Подросток, I, 536*
- Преступление и наказание, III, 984*
- Село Степанчиково и его обитатели, III, 275*
- Доу Дж., I, 441
- Драган, московский домовладелец, II, 129
- Драгоманов М. П., III, 876
- Драшусов А. Н., I, 554
- Драшусова (рожд. Ашанина, в первом браке Карлгоф) Е. А., II, 55
- Дрига М., I, 357
- Дризен Н. В., барон, I, 815; II, 201, 202
- Дрожжин, московский механик, II, 713
- Дротаевский Петр, I, 411
- Другов Н. П., протоиерей, III, 26, 28
- Дружинин А. В., II, 173, 623; III, 277, 278, 410, 467, 475, 532, 533, 562, 661, 676, 720, 824
- Дружинин Я. А., I, 723
- Друз, римский род, II, 438
- Дубельт Л. В., I, 768, 815; II, 251, 407; III, 4, 812–814
- Дубровин Н. Ф., III, 564
- Дудрович А. И., I, 425
- Дудышкин С. С., II, 573, 657
- Думитрашко-Раич Н. И., I, 439, 440, 445, 446, 454
- Думнов В. В., I, 272, 316
- Дунаев М. М., III, 472
- Дунбар (Донбар) У., I, 324
- Дунин А. А., II, 604, 606, 615, 783, 870; III, 987, 991
- Дунина-Борковская (рожд. Псиол) Г. И., I, 532; III, 100–103, 107, 751–753, 785, 787
- Дурасова, харьковская знакомая И. М. и М. И. Косяровских, I, 59
- Дурнов, московский переплетчик, III, 745

- Дурнов А. Т., I, 517; III, 124
- Дурнов И. Т., II, 964
- Дурново (рожд. княжна Волконская) А. П., II, 3, 342, 349, 355; III, 753, 788
- Дурново И. Н., I, 734
- Дурново П. Д., II, 3, 355; III, 33, 743, 753, 756, 786, 788
- Дурново П. П., II, 3, 753, 756, 786, 788
- Дуров С. Ф., II, 188, 587, 588
- Дурова (псевдоним А. А. Александров, в замужестве Чернова) Н. А., II, 34, 272
- Дурхольц, квартирная хозяйка в Бадене, II, 293, 296
- Дурылин С. Н., I, 33, 51, 76, 81, 82, 119, 120, 129; II, 305, 626; III, 11, 13, 579, 695, 960–962, 964–966, 970, 980
- Духинский Ф., II, 19
- Дышки, II, 293
- Дьяков И. Г., I, 420
- Дьяков М. А., III, 839
- Дьяков М. П., протоиерей, священномученик, III, 838
- Дьяков Я. И., I, 420
- Дьякова А. А. *См.* Капнист (рожд. Дьякова) А. А.
- Дьякова Д. А. *См.* Державина (рожд. Дьякова) Д. А.
- Дьяченко Вас., I, 408
- Дюваль, французский дипломат, секретарь разграничительной комиссии по Рейну, II, 206
- Дюма Александр, прозвище, данное Гоголем одному из приятелей, III, 426
- Дюма (Dumas) А. (Дюма-отец), I, 539; III, 17, 293, 426
- Граф Монте-Кристо, III, 463*
- Дюпен Ш., III, 369
- Дюпюи Э., II, 298, 301
- Дюр Н. О., I, 816, 825, 829; III, 7, 288, 290, 483
- Дюси Ж. Ф., I, 833
- Дюссо, петербургский ресторатор, III, 413, 510
- Дядьковский И. Е., II, 415–417; III, 136, 941, 948
- Евгения Мария де Монтихо, французская императрица, III, 555, 556
- Евгеньев-Максимов В. Е., III, 290
- Евдоким (Мещерский), бывший архиепископ Нижегородский, III, 843
- Евдокия Николаевна, знакомая иеромонаха Сергия (Веснина), III, 731
- Евлампий (Введенский), епископ Калужский и Боровский, II, 266, 267
- Евлампий. *См.* Поляков Е.
- Евлампия Николаевна, служанка графини А. Г. Толстой (рожд. Грузинской), I, 367
- Евреинова А. М., II, 317
- Еврипид, II, 332
- Евфимий Великий, преподобный, III, 1014
- Евфимий (Трунов), иеросхимонах, III, 732, 797–799
- Егоров А. Е., I, 395; II, 354, 499; III, 328
- Егоров Б. Ф., III, 200, 201, 708
- Ездра, пророк, III, 890, 891
- Екатерина, св. великомученица, I, 358, 745; II, 39, 40, 323, 327, 353; III, 263
- Екатерина I, Императрица, I, 234; II, 307
- Екатерина II, Императрица, I, 4, 5, 35, 38, 41, 45, 73, 74, 81, 242, 312, 336, 342, 372, 373, 376, 377, 385, 392, 418, 566, 567; II, 131, 213, 266, 294, 327, 329–331, 338, 347, 480, 481, 484; III, 742, 749, 766, 967, 1002, 1003
- Екатерина Павловна, королева Виртембергская, дочь Императора Павла I, II, 277; III, 565
- Екатерина Прокофьевна, двоюродная сестра М. И. Гоголь-Яновской, I, 200
- Елагин А. Ал., II, 130
- Елагин Ал. Анд., II, 136; III, 83, 831
- Елагин В. А., II, 130, 136, 194, 762; III, 164, 664, 665, 883
- Елагин Н. А., II, 130
- Елагина (рожд. Юшкова, в первом браке Киревская) А. П., I, 162, 170, 634, 701, 757, 853; II, 50–53, 57, 65, 88, 104, 130–136, 164, 167, 237, 270, 476, 493, 495, 515, 516, 644, 691, 710, 711, 762, 808, 810, 816, 818, 840, 841, 850, 852, 938; III, 77, 82, 83, 148, 149, 164, 179, 181, 185, 189, 192, 232, 233, 235, 237,

- 248, 250, 302, 305, 476, 719, 824, 831, 848, 852, 859
- Елагина Е. А., II, 136, 569; III, 83, 682, 698
- Елагина (рожд. Моейр) Е. И., II, 136; III, 600
- Елагина Е. П., III, 719
- Елагины, I, 184; II, 130, 640, 689, 711, 788, 875, 937, 938; III, 77, 164, 207, 242, 878
- Елена, св., II, 254, 432
- Елена Антоновна, знакомая Аксаковых, II, 868
- Елена Павловна, великая княгиня, жена великого князя Михаила Павловича, I, 740; II, 72, 258, 259, 347; III, 10, 691, 693, 695
- Елизавета, сестра Э. Ковриго, I, 212
- Елизавета Алексеевна, Императрица, жена Александра I, 734, 743–745; II, 263; III, 111, 636
- Елизавета Петровна, Императрица, I, 233; II, 329
- Елизавета Феодоровна, Алапаевская, великая княгиня, преподобномученица, III, 1021
- Елисавета, св., II, 262
- Елисавета Михайловна, великая княгиня, принцесса Нассауская, II, 43, 48
- Елисей, пророк, III, 361
- Елькова Е. Ю., III, 623
- Ельницкая Т. М., III, 27, 42, 685, 925
- Емельяни, знакомый М. А. Власовой, III, 109
- Енгальчев, князь, II, 498
- Еранцева, домовладелица в Одессе, III, 782
- Ераст (Эраст) (Вытропский), иеромонах, III, 892, 893, 904, 905
- Еремин М. П., III, 525
- Еремина В. И., III, 877
- Ересью П. М., I, 347, 349, 358, 359, 363
- Ермак Тимофеевич, III, 570
- Ермакова М. Я., I, 712; II, 794; III, 256
- Ермил, садовник, I, 564
- Ермилов (Ермолов) А. А., III, 42
- Ермилов В. В., II, 317
- Ермилов (Ермолов) П. А., III, 42
- Ермоланский, арзамасский почт-директор, II, 273, 291
- Ермолов А. П., I, 73; II, 472
- Ермолов Н. А.
Все кончилось! III, 774
- Ермолова (рожд. Черткова) С. А., II, 140, 147, 755, 789; III, 287, 697, 924
- Ерофеев И. Ф., III, 364, 365
- Ершов, сын И. З. Ершова, II, 407, 408
- Ершов А-р, I, 626
- Ершов И. Д., III, 369
- Ершов И. З., II, 407, 408
- Ершов П. П., II, 34, 35
- Ершова, родственница князя С. И. Давыдова, жена сына И. З. Ершова, II, 408
- Ершова С. И. См. Россет (рожд. Ершова) С. И.
- Ершovy, II, 407
- Есипов, знакомый Гоголя в Петербурге, I, 491, 600
- Есфирь (Эсфирь), св. праведная, II, 40; III, 54
- Ефебовский П. В., II, 731, 765
Гувернантка, I, 582, 585, 730; II, 731, 765
- Ефименко А. Я., II, 27
- Ефимов Д. Е., I, 518; II, 447, 451, 454, 456; III, 100, 103, 108, 124
- Ефимов Д. И., III, 785
- Ефимов Н. Е., I, 518; III, 124
- Ефимова М. Т., III, 213, 218, 219
- Ефимович К. Д., III, 642
- Ефрем Сирин, св., II, 99, 111, 269, 351; III, 652
- Ефремов А. П., II, 130, 612, 666, 754; III, 958
- Ефремов П. А., I, 710, 717; II, 71; III, 477
- Ефремов Ф. И., I, 417
- Ешевский С. В., III, 586
- Жадовская, тверская помещица, II, 9
- Жадовский, отставной офицер, II, 9
- Жан Поль (Рихтер И. П. Ф.), III, 78, 79, 84
- Жанен (Jeanin), содержатель гостиницы в Париже, I, 518
- Жанен Ж. Г., I, 539; III, 426, 471, 807, 808
Гофман и Паганини, III, 471, 472

- Исповедь*, III, 472, 473
Литературные признания, III, 471
Новые рассказы (Новые сказки), III, 471
- Жанен Жюль, прозвище, данное Гоголем
 П. В. Анненкову, I, 539; III, 286, 411, 426,
 471–473, 483, 484, 486, 538
- Жанлис, I, 60
- Жанна (Иоанна) д'Арк, Орлеанская дева, свя-
 тая католической Церкви, II, 483; III, 174
- Жанна Неаполитанская, II, 39
- Жаркевич Н. М., I, 51, 141, 334, 445, 446, 451,
 452, 459, 471, 486
- Жасмен, I, 303
- Жданов В. А., III, 485
- Жданов И. Н., I, 712; II, 317
- Жданова, соседка Гоголей, I, 212
- Железнов М. И., I, 538, 601; III, 396, 400,
 402–404, 562
- Железняк С. См. Пономарев С. И.
- Жемчужников Ал. М., I, 395; II, 399, 400; III, 18,
 28, 414, 726, 891
- Жемчужников А-р М., I, 395; II, 400
- Жемчужников В. М., I, 395
- Жемчужников Л. М., I, 46, 69, 76, 362, 391–396;
 II, 400; III, 19, 61, 239, 265, 860
- Жерар де Нерваль, III, 79, 84
- Жерве А., III, 593
- Жерве В. В., III, 872
- Жерве П. А., III, 593, 596
- Жерве Ф. О., аббат, с 1854 г. епископ Перпинь-
 янский, II, 82, 83; III, 108, 114, 117
- Жеребцов Н. А., II, 34, 35
- Жеребцова П. Н., III, 389, 390
- Жерен И. И., I, 382; III, 837
- Жернаков К., I, 585, 587–590; III, 545
- Жертковский Анд., I, 411
- Живаго С. А., II, 38, 44, 447
- Живокини В. И., II, 527, 530, 534, 731, 734, 765,
 829, 841; III, 8, 40–42, 45, 83, 770, 930
- Живокини Д. В., III, 7, 908, 925
- Животовский А. О., III, 101, 103, 787
- Жигулин Н. Г., III, 467, 468, 499, 500, 531–533,
 824
- Жиль (Жоли), зубной врач, II, 160
- Жилякова Э. М., II, 53, 57, 65, 131, 132
- Жиро Дж., граф, II, 341, 355, 472, 473, 696, 698,
 759, 760, 767; III, 14, 24, 307
- Дядька в затруднительном положении*, II,
 355, 472, 473, 696, 698, 759, 760, 767; III,
 14, 24, 307
- Жиряев А. С., III, 565, 566
- Житомирская С. В., II, 168, 213, 234, 247, 274,
 281, 294, 295, 313, 364; III, 310, 323, 324, 754
- Жихарев С. П., III, 77, 82
- Жорж М. Ж., III, 484
- Жуанвиль Ж., II, 280
- Жуков В. Г., III, 156
- Жукова М. С., III, 245
- Жуковская (в замужестве баронесса Верман)
 А. В., II, 57, 197, 198, 321, 346, 352; III, 52
- Жуковская (рожд. баронесса Рейтерн) Е. Е.
 (Е. А.), I, 697; II, 41–43, 47, 57–60, 63, 66, 67,
 69, 196–198, 246, 261, 289, 321, 346, 349, 938;
 III, 52, 143, 165, 196, 235, 556, 557
- Жуковские, I, 668; III, 349
- Жуковский В. А., I, 85, 211, 218, 228, 229, 254,
 293, 300, 308, 325, 326, 329, 331, 354, 358,
 405, 510, 516, 539, 540, 578, 604, 623, 633,
 638, 643, 645–647, 649–651, 658–660, 664,
 666, 672, 674, 676, 677, 679, 685, 686, 688,
 689, 691, 692, 695–697, 699–702, 709, 712,
 717, 719, 720, 724, 727, 729, 742, 757, 758,
 760, 766, 768, 776, 780, 784, 785, 787, 788,
 790, 793, 794, 801, 802, 804, 805, 811, 812,
 829, 833, 837, 838, 840, 842, 844–849, 853;
 II, 5–8, 10, 26, 34, 37–39, 43–73, 78, 104, 106,
 107, 113, 123, 127, 130–133, 141, 151, 167,
 177, 178, 187, 195–211, 213, 214, 219–222,
 225, 226, 234, 235, 245, 246, 248–250, 254,
 256, 258–265, 269, 271, 280–283, 288–290,
 294, 295, 298, 302, 305, 307–311, 315–317,
 319–335, 338, 344–352, 357, 359, 360, 365,
 369, 372, 381, 396, 400, 413–415, 425, 434,
 436, 443, 451, 470, 476, 483, 487–489, 493,
 495–497, 503, 505, 507, 508, 511, 512, 516,
 530, 545, 550, 551, 578, 579, 583, 588, 593,
 594, 602, 603, 628, 636, 637, 651, 675, 676,
 678, 681–685, 688, 704, 737, 740, 746, 748,

- 749, 755, 758, 788, 798, 840, 848, 849, 852, 866, 907, 938; III, 4, 14, 33, 36–38, 46, 48–50, 52, 53, 56, 62, 76, 78–85, 89–96, 103, 107, 110, 111, 114, 115, 121, 128, 143, 146, 149, 164–169, 171, 173, 175–177, 179, 184, 186, 196, 197, 200, 202, 203, 212, 222, 230, 235, 237, 239, 241–243, 247, 250, 255, 256, 278, 279, 284–286, 290, 305, 311, 315, 327–331, 335, 349, 350, 354, 355, 369, 370, 373, 380, 382, 400, 402, 426, 447, 460, 462, 474, 475, 481, 482, 484, 495, 497, 501–503, 513, 514, 521, 522, 526, 549, 556–558, 564–566, 571, 575, 593, 594, 596, 599, 622, 631–633, 642, 661, 668, 671, 673–675, 684, 700, 712, 724, 726, 731, 742, 752, 808, 820, 822, 824, 830, 847, 852, 854, 861, 862, 871–873, 909, 931, 971, 976, 981, 983
- Без самоотвержения нет молитвы...*, II, 49
- Бородинская годовщина*, III, 521
- Громобой*, III, 752
- Две повести. Подарок на Новый год Москвитину*, II, 57, 488, 493; III, 166
- Двенадцать спящих дев*, III, 807, 808
- Египетская тма*, II, 848, 849
- Илиада (перевод)*, II, 263, 503
- Императору Александру*, I, 780
- Как достигать состояния покаяния...* II, 49
- Капитан Бопп*, II, 42; III, 165, 166
- Кот в сапогах*, II, 43
- Людмила*, III, 172
- Маттео Фальконе*, II, 42; III, 165, 166
- Мысли и замечания*, II, 49
- Наль и Дамянти (перевод)*, I, 667; II, 483; III, 90
- Новый Завет (перевод)*, II, 43
- О исповеди*, II, 43
- О молитве*, I, 701; II, 49
- О поэте и современном его значении (Слова поэта — дела поэта)*, I, 701; II, 65; III, 184, 203
- О причащении*, II, 43
- О смерти*, I, 701
- Одиссея (перевод)*, I, 676, 678, 699, 719; II, 42, 43, 57, 61, 66, 67, 100, 320, 359, 360, 381, 483, 588, 594, 602, 603, 607, 651, 798, 848, 849, 913; III, 78, 80, 93, 95, 165, 166, 169, 173, 186, 256, 380, 520, 549, 684, 699, 745, 845, 862
- Причащение Святых Тайн...* II, 49
- Сказка о Иване Царевиче и сером волке*, I, 672; II, 43; III, 80, 85, 95, 166, 169
- Странствующий жид*, 269
- Тюльпанное дерево*, II, 43
- Ундина*, I, 664
- Жуковский Викт. Ив., I, 411
- Жуковский Лев Ив., I, 411
- Жуковский Н. В., II, 407
- Жуковский П. В., II, 43, 57, 58, 346, 357; III, 79, 84, 85, 565
- З., полковник, II, 455
- З., учредительницы женского пансиона в с. Будище, I, 270
- Забела В., I, 236
- Забела З. М., I, 20, 236, 237, 339
- Забела М. В., I, 20, 234–236
- Забела (рожд. Юскович) М. К., I, 236
- Забела (Забелло) Я. П., I, 448
- Забелин Е. В., II, 506
- Забелин И. Е., II, 491; III, 994
- Заблоцкий-Десятовский А. П., I, 801, 802; III, 5–7, 34; III, 744, 756
- Заболотский П. А., I, 407, 409, 412, 413
- Заборов П. Р., I, 839; II, 31, 58
- Заборова Р. Б., I, 491, 802; II, 72, 76
- Завитневич В. З., I, 231, 232
- Завьялов Ф. С., III, 58, 352
- Загор, итальянский полковник, II, 253
- Загоскин М. Н., I, 296, 554, 766, 833, 840, 841; II, 144, 146, 152, 172, 177, 179, 280, 417, 472, 490, 498, 502, 517, 595, 630, 633, 636, 641, 652, 664–666, 668, 669, 691, 707, 711, 733, 735, 766, 789, 803, 804, 806, 868, 948; III, 7, 285, 507, 527, 671, 731, 814, 822, 824, 830, 836, 837, 844, 925, 946
- Кузьма Петрович Мирошев*, II, 502

- Недовольные*, I, 840; III, 507, 527
- Загоскин С. М., III, 836
- Загоскины, III, 836
- Загрязская, фрейлина, I, 736
- Загрязская (рожд. графиня Разумовская) Н. К., II, 355; III, 100
- Задорожный Г. Е., I, 353
- Заика В., I, 350
- Заикин П. Ф., II, 193
- Зайденшнур Э. Е., III, 485
- Зайцев А. В., II, 524; III, 927, 947, 952, 953, 956
Стихотворение, посвященное покойной матери (А этой скорби будет много...), III, 954
- Зайцев А. Д., III, 700, 701, 758
- Зайцев В., III, 953, 954
- Зайцев П., I, 44, 273
- Зайцева, мать А. В. Зайцева, III, 953, 954
- Зайцева И. А., III, 7, 32, 488
- Зайцевский Е. П., III, 54
- Зайцевы, две старшие сестры А. В. Зайцева, III, 953
- Закревская (рожд. графиня Толстая) А. Ф., графиня, II, 65, 407, 604
- Закревский А. А., граф (с 1830 г.), I, 554; II, 65, 136, 145, 210, 407, 408, 604, 902; III, 18, 137, 199, 206, 476, 570, 666, 705, 817, 829, 832, 833, 847, 872, 886, 947, 958, 979
- Закревский Г., I, 336
- Заксей, мытарь, III, 1001
- Залесский Б., I, 517; II, 19, 20, 22, 25, 26
Дума Мазеты, II, 26
- Залесский Д., II, 26
- Замойский, II, 21
- Замятнин, соученик В. В. Стасова, III, 369
- Занковский Ф. Г., I, 372, 376, 377
- Заплата В. С. *См.* Самбургская (рожд. Заплата) В. С.
- Заплата О. С. *См.* Аксакова (рожд. Заплата) О. Сем.
- Зарудные, брат и сестра, I, 33, 161, 165, 168, 169
- Зарудный Н., I, 336
- Зас, II, 274
- Заславский Д. О., I, 723
- Затурская (рожд. Головня) М. Я., I, 260–262, 316
- Затурские, трое детей М. Я. Затурской (рожд. Головни), I, 261
- Захаров М. П., III, 305, 577, 757, 961, 962, 976
- Захаров Э. В., III, 220
- Захарова Л. Г., II, 9, 11, 46, 47; III, 326
- Захарченко С. О., III, 616
- Зборовский Мих. Ив., I, 410
- Зверев А., III, 791
- Зверев В. П., I, 536
- Зверев, отец Косяровской (рожд. Зверевой), I, 73
- Зверева. *См.* Косяровская (рожд. Зверева)
- Зверева, бывшая фрейлина Екатерины II, мать Косяровской (рожд. Зверевой), I, 53, 73
- Зверков, петербургский купец и домовладелец, I, 404; III, 723, 984–986
- Звигильский А. Я., III, 831
- Звinyaцковский В. Я., I, 712
- Зевакин, московский купец, II, 145
- Зеведей, отец св. апостолов Иакова и Иоанна, II, 39
- Зедергольм (рожд. Погодина) А. М., I, 175, 183; II, 525, 531, 533, 538–541
- Зедергольм К. А., пастор, I, 153; III, 726, 727
- Зедергольм К. К. *См.* Климент (Зедергольм) К. К.
- Зедергольм Н. К., I, 153, 186
- Зейдлиц К. К., II, 67, 68
- Зеленецкая В. С., I, 89, 99
- Зеленецкие, I, 89
- Зеленецкий К. П., II, 476; III, 760, 761, 776
- Зеленин Н. П., III, 7, 925
- Зеленский П. А., дьяк в Диканьке, I, 352
- Зеленцов К. А., III, 369
- Зелингер Ю. Э., II, 762
- Зельднер Е. И., I, 8, 87, 421–423, 446, 449, 452–454, 456, 457, 494, 504, 592, 596

- Зельднер М. Н., I, 422, 423, 494
- Земенков Б. С., III, 720
- Зензинов М. А., II, 549
- Зеньков (Зенков) П. Ф., I, 264, 265; II, 488, 492, 545, 558, 841; III, 167, 341, 660, 808
- Зеньковский В. В., протопресвитер, II, 760
- Зилов П. А., I, 407
- Зимин, знакомый В. А. Гоголя-Яновского, I, 375
- Зингер Ф. И., I, 488, 536, 537, 539, 540, 543, 576
- Зиновьев Н. В., II, 342, 355
- Зиновьева (рожд. Батюшкова) Ю. Н., II, 342, 355
- Златопольская Л. П., III, 7, 925
- Зленко Г. Д., III, 763, 787
- Змиев А. С., I, 471, 537, 549
- Зозулин И. Н., I, 409, 410
- Золотарев, калужский городской голова, II, 405
- Золотарев И. Ф., I, 294, 515, 519, 844; III, 111, 118–122, 129, 132, 304, 401, 726
- Золотусский И. П., I, 76
- Зонтаг (рожд. Юшкова) А. П., I, 724; II, 270
- Зотов В. Р., II, 48
- Зотов Н. И., граф, III, 667, 668
- Зотов Р. М., I, 621, 827, 830, 831; II, 375, 544; III, 32, 143
- Карл Смелый, I, 830*
- Леонид, или Некоторые черты из жизни Наполеона, II, 544*
- Зубов А. Н., II, 309, 324
- Зубов Павел, студент, I, 788
- Зубов П. А., светлейший князь, I, 41, 312, 392; II, 242
- Зубова (рожд. Оболенская) Е. А., графиня, III, 77, 82
- Зубова (рожд. Суворова) Н. А., графиня, III, 77, 82
- Зуго Дориго, испанский герцог, III, 131
- Зуго Катерина, испанская герцогиня, III, 131
- Зуммер В. М., III, 54, 62, 347–349, 351, 358, 364, 717, 735, 927
- Зусман М. Г., III, 781
- Зябловский Е. Ф., I, 457; II, 28
- И. Б., корреспондент журнала «Вестник Европы», I, 16, 25
- И. К., корреспондент «Московских Ведомостей», II, 760
- И. П. См. Цацкин Иван Прокопьевич, уездный судья в Гадяче
- И. П. Р., знакомый иеромонаха Сергия (Веснина), III, 730
- Иакинф (Бичурин), архимандрит, II, 414
- Иаков Алфеев, св. апостол, II, 425, 433, 451; III, 470
- Иаков Зеведеев, св. апостол, II, 39, 425, 433, 451; III, 470
- Иаков, брат Господень, св. апостол, II, 266, 278
- Иаков (Вечерков), архиепископ Нижегородский и Арзамасский, I, 368, 370; III, 101, 103, 748, 749, 758
- Иафет, сын Ноя, III, 500
- Иван, камердинер графа С. П. Толстого, II, 233
- Иван Ефимович. См. Трошинский И. Е.
- Иван Семенович, чиновник в Миргороде, II, 478
- Иваненко А. А., I, 440, 452, 453, 455
- Иваненко А. И., I, 440, 453
- Иваницкий Н. И., I, 784–786; III, 24, 429, 475
- Иванов А-р Анд., I, 155, 231, 301, 326, 328, 354, 369, 395, 516–518, 601; II, 25, 38, 44, 51, 71, 74, 79, 107, 116, 123, 150, 197, 198, 213, 214, 220, 225, 246, 248, 261, 277, 299, 302, 304, 305, 345, 346, 359, 363, 365, 426, 428, 445, 447, 449, 450, 457, 471, 474, 492, 499, 518, 545, 593, 596, 841, 944; III, 28, 47, 48, 50–59, 62–64, 69, 70, 72–74, 102, 116, 127, 131, 133, 154, 161, 162, 165, 167, 168, 171, 178–180, 218, 219, 231, 299, 300, 305, 307–309, 311–313, 315, 323, 326–349, 351–364, 371, 374–377, 379–400, 402, 404–407, 412, 413, 427, 444, 446, 448, 450, 468, 475, 476, 487–490, 496, 498, 509, 510, 512, 526, 531, 537, 538, 540, 561, 567, 582, 603, 604, 647, 659, 712–714, 716, 717, 722, 808, 823, 824, 830, 881, 1023
- Иванов Ал. См. Урусов (псевдоним Ал. Иванов) А. И., князь

- Иванов Анд. И., III, 57, 58, 300, 323, 326, 327, 333, 336, 342, 344, 357, 359–361, 387, 474, 476, 717
- Иванов Ант. Анд., III, 127, 312, 396, 561
- Иванов Вяч. Вс., III, 877
- Иванов Н. См. Греч Н. И.
- Иванов Н. А., III, 704
- Иванов С. А., III, 54, 60, 131, 133, 328, 335, 336, 338, 340, 343, 345, 346, 348, 356, 357, 359–363, 389, 396, 404, 487, 716
- Иванова, домовладелица в Москве, II, 721
- Иванова Е. И., III, 333, 387, 388
- Ивантышова Т., II, 165
- Ивашев В. П., III, 151, 559
- Ивашев П. Н., III, 559
- Ивашева В. А., III, 559
- Ивашева Е. П. См. Языкова (рожд. Ивашева) Ел. П.
- Ивашевы, III, 473
- Игнатий (Брянчанинов), свт., I, 369; III, 245, 478, 734
- Игнатий Лойола, святой католической Церкви, II, 39, 44; III, 983, 986
- Игнатовский Я. И., I, 17, 365
- Игнатъев, миргородский земский подсудок, I, 387
- Игнатъева. См. О... (рожд. Игнатъева)
- Игнатъевы, III, 551–553
- Игорь Святославич, князь, II, 502, 954; III, 645, 1004, 1014
- Иезуитова Р. В., III, 80
- Иеремия, пророк, I, 602; II, 110, 113, 280, 516, 567; III, 660, 665, 666, 709, 746, 749, 847, 848
- Иеропес Х. Н., I, 465, 467–469; III, 100, 103
- Изабелла Католическая (Кастильская), II, 312
- Изгоев А. С., III, 874
- Излер И. И., III, 804, 808, 869, 871
- Измаильский А. А., I, 190
- Измайлов В. В., I, 142
- Измайлов Н. В., I, 838
- Измайлов Ф. Н., I, 346
- Иисус Христос, Бог, Бог-Сын, Сын Божий, Господь, Спаситель, Спас, Искупитель, Мессия, I, 5, 13, 19, 22, 23, 38, 41, 42, 44, 51, 52, 67, 69, 72, 75, 76, 78, 84, 86, 90, 94–96, 107, 110, 116–118, 120, 121, 146, 154, 163, 166, 178, 184, 190, 201, 204, 205, 208, 217, 224, 229, 237, 238, 240, 258, 261, 269, 277, 278, 286, 288, 291, 293, 303, 309, 312, 314, 333, 348, 349, 354, 355, 358, 364, 368, 372, 382, 386, 389, 403, 406, 409, 432, 434, 461, 493, 505, 539, 564, 606, 635, 637, 639, 647, 653, 671, 678, 685–687, 694–696, 704, 708, 713, 728, 731, 745, 746, 751, 758; II, 22–24, 26, 32, 38–41, 43, 44, 59, 60, 79, 82, 100, 102–105, 107–112, 117–120, 134, 144, 190, 194, 208–212, 214, 215, 220, 224, 225, 229, 230, 245, 251, 255–257, 259, 262–264, 267, 269, 272, 274, 283, 285, 301, 302, 305, 322, 337, 345, 346, 349, 353, 363, 391, 415, 424–427, 429, 430, 432–439, 441–443, 445–447, 451–456, 460, 464, 465, 483, 485, 490, 499, 501, 505, 507, 509, 510, 515, 517, 524, 540, 554, 555, 558, 568, 580, 593–596, 616, 619, 620, 622, 624, 627–629, 637, 640, 650, 690, 709, 725, 737, 740, 744, 758, 764, 766, 813, 821–823, 854, 857, 858, 861, 865, 874, 884–891, 898, 899, 906, 907, 913, 914, 917, 919, 920, 923, 933, 944, 945; III, 16–18, 21, 26, 30, 36, 38, 48, 52, 53, 65, 66, 77, 78, 94, 101, 102, 104, 105, 108, 112, 135, 136, 167–169, 198, 199, 205, 218, 219, 226, 230, 239, 244, 245, 250, 255, 286, 290, 298, 300, 309, 313, 315, 323, 328, 343, 344, 346, 347, 357, 358, 361, 362, 364, 368, 375–377, 382, 383, 395, 397, 399, 400, 402, 407, 413, 445, 448, 454, 461, 463, 466, 468–470, 472, 482, 485, 489, 493, 497, 498, 515, 521, 522, 526, 530, 542–548, 551, 562, 564–566, 570, 572, 574, 578, 579, 591–593, 595, 600, 603, 604, 615, 616, 619, 623, 630–632, 655, 659, 664, 671, 678, 679, 684, 689, 698, 704, 707, 709, 710, 712, 713, 716, 721, 724, 728, 731–734, 742, 746, 749, 750, 752, 753, 755, 756, 761, 762, 776, 782, 783, 797–801, 819, 823, 825, 836, 839, 847, 848, 850, 863, 866, 870, 887–890, 892, 894, 895, 897, 900, 902, 903, 906, 910, 911, 916, 921, 926, 931–933, 937, 940, 944, 945, 969, 970, 976, 984, 986, 988, 1001, 1005, 1015–1018, 1020, 1021, 1023, 1024**
- Иисус, сын Сирахов, III, 664, 665, 896, 897
- Икскуль (Икскуль) А. К., барон, II, 293

- Иларион (Домрачев), схимонах, III, 1021, 1024
 Иларион, затворник Троекуровский, III, 800
 Илия, пророк, III, 361
 Илия Муромец, Печерский, преподобный, III, 903, 904
 Илличевский А. Д., III, 370
 Ильин Н. П., III, 741, 742, 744–746, 750, 754, 760, 768–770, 773, 774, 787
 Ильин-Томич А. А., I, 72
 Илюшин А. А., III, 600
 Иннокентий (Борисов), епископ Харьковский (с 1841 г., с 1845 г. архиепископ), с 1848 г. архиепископ Херсонский и Таврический, I, 163, 165, 166; II, 99, 172, 412, 472, 477, 479, 483, 495, 640, 709, 822; III, 603, 635, 636, 738, 739, 746, 750, 759, 779
 Иноземцев Ф. И., II, 109, 112, 130, 264, 269, 461, 469, 520, 880; III, 163, 164, 198, 297, 298, 729, 846, 850, 911, 913, 915, 916, 926, 934, 935, 946, 952, 956, 957
 Иоанн Богослов, св. апостол и евангелист, II, 39, 40, 113, 262, 354, 406, 425, 433, 436, 441, 451, 491; III, 94, 361, 470, 623, 716, 730, 847, 848, 894
 Иоанн Дамаскин, преподобный, III, 710
 Иоанн Златоуст, св., I, 434, 655; II, 43, 224; III, 710, 750, 862, 892
 Иоанн Креститель, I, 636; II, 38–40, 44, 82, 213, 231, 257, 304, 345, 346, 433, 435, 441, 445; III, 116, 307, 332, 338, 339, 407, 445, 485, 531, 596, 616, 669, 727, 732, 800, 893
 Иоанн Кронштадтский, св., I, 23; II, 402; III, 900
 Иоанн Лествичник, св., II, 463, 690; III, 364, 499, 729, 734, 735, 889, 921, 927, 931, 944
 Иоанн Пророк, преподобный, III, 889, 891
 Иоанн, герцог Саксонский, II, 460
 Иоанн IV, Васильевич (Грозный), II, 27, 136, 426, 442; III, 229
 Иоанн VI, Антонович, I, 20, 236, 237
 Иоанн (Гоголь), епископ Владимиро-Волынский, I, 20
 Иоанн (Гоголь), епископ Пинский и Туровский, I, 20
 Иоанна II, королева неаполитанская, II, 441
 Иоасаф (Горленко), епископ Белгородский, св., I, 403; III, 894
 Иоахим И. А., I, 289, 314, 581, 620; III, 984–986
 Иов Многострадальный, св. праведный, II, 351; III, 54, 848
 Иона, митрополит Московский, св., II, 263
 Иордан (рожд. Пушина) В. А., III, 378, 379
 Иордан Ф. И., I, 155, 229, 264, 326, 328, 349, 354, 382, 403; II, 46, 107, 116, 164, 345, 451, 454, 455, 457, 503, 527, 534; III, 47, 50–52, 72, 73, 127, 159, 162, 169, 299, 312, 323, 326, 327, 329, 332, 349, 352, 354, 355, 374, 375, 378–383, 385, 406, 407, 413, 427, 448, 474, 475, 489, 490, 509, 531, 537, 538, 540, 561, 717
 Иосиф Обручник, св. праведный, II, 38–40, 441, 452; III, 343, 399
 Иосиф Оптинский (Литовкин), преподобный, III, 1017, 1024
 Иосиф (Семашко), митрополит Литовский и Виленский, I, 840
 Иосиф, кронпринц баварский (с 1849 г. — король баварский Максимилиан II), II, 41, 46
 Иофанов Д. М., I, 7, 10, 137, 138, 151, 331, 334, 407–410, 412, 415, 416, 432, 440, 441, 443–445, 450, 452, 457, 463, 464, 470, 471, 481, 534, 538, 549, 550, 598, 692, 704; III, 45, 968
 Ипсиланти К. А., князь, I, 638
 Ираклий. См. Боратынский И. А.
 Иринея Л., III, 37
 Иринея (Фальковский), епископ Смоленский, I, 429; III, 38
 Исаак, библейский патриарх, II, 40
 Исаак Сирин, епископ Ниневийский, преподобный, I, 434; III, 727–729, 735, 889
 Исаакий Далматский, св., II, 456; III, 64, 314, 388–390
 Исаев, московский купец, II, 455, 457; III, 305
 Исаев Л. М., II, 455, 457; III, 305; см. также Исаев, московский купец
 Исаев М. А., III, 305
 Исаев С. М., II, 455, 457; III, 305; см. также Исаев, московский купец

- Исаия, пророк, II, 39, 268, 269, 441; III, 659, 710, 1014
- Исаия (Копинский), митрополит Киевский, I, 639
- Исайя, кучер С. П. Шевырева, III, 659
- Исидор, св. мученик, III, 118, 119, 128, 397
- Исидор (Грузинский-Козин), иеромонах, III, 838–843
- Искандер. См. Герцен (псевдоним Искандер) А. И.
- Иссаченко А. В., II, 318
- Истрия Д. (Duchesse d'Istrie), герцогиня, II, 260
- Иуда, четвертый сын патриарха Иакова, I, 302
- Иуда (Фаддей), св. апостол, II, 425, 433, 451; III, 470
- Иуда Искариот, I, 74; III, 470, 876
- Иудифь, II, 40
- Иулиания, княгиня Вяземская, Новоторжская, св. праведная, III, 892, 893
- Ишимова А. О., I, 690, 691; II, 34, 35, 123; III, 758
- К., граф, знакомый Михольского, III, 995–997
- К. А., III, 42
- К. Б., составитель дворянских родословий, II, 79
- К. К., корреспондент газеты «Одесский Вестник», III, 638
- К—ачь, нежинский серб, I, 548
- Кабанов Т., III, 963, 966
- Кавалерова (рожд. Воробьева) Е. М., II, 732, 765; III, 83
- Кавелин А. А., II, 676, 683, 756
- Кавелин К. Д., II, 130; III, 254, 269, 270
- Кавелина Е. А., II, 899
- Каен С. (Cahen S.), III, 54, 338, 340, 345
- Казадаев А. В., I, 599, 600
- Казак Луганский. См. Даль В. И.
- Казарин В. П., I, 712
- Казначеева, жена А. И. Казначеева, III, 760
- Казначеев А. И., III, 760, 762, 763, 782, 788–793
- Каин, старший сын Адама и Евы, II, 441
- Кайданов И. К., I, 461; III, 368, 370
- Кайзер, гувернантка детей А. О. Смирновой, II, 261
- Кайсарова, знакомая Гоголя и А. И. Тургенева в Париже, III, 79
- Кайсевич И., II, 19, 21, 23–27; III, 551
А. Целинскому, II, 21, 26
Княгине З. А. Волконской, II, 23, 26
Мадонна, II, 26
Н. Гоголю, II, 21–23, 26
Сонеты, II, 26
- Калабриец (Calabrese), II, 39, 44
- Калайдович Е., I, 188
- Калайдович И. Ф., II, 795, 796
- Калайдович К. Ф., II, 542, 796
- Калайдович Н. К., II, 542
- Калачев (Калачов) Н. В., II, 933
- Калачев Н. Д., III, 228
- Калашников И. Т., I, 766; III, 369, 370
- Калигула Г. Ц., II, 432, 439, 440
- Калинин, московский актер, III, 7, 925
- Каллаш В. В., I, 424; III, 630, 987
- Калмыков П. Д., I, 797
- Кальвин Ж., II, 38
- Кальдерон де ла Барка П., II, 325
- Кальнышевский (Калныш, Кальнаш) П. И., II, 775
- Кальяна, приживалка графини А. Г. Толстой, II, 233
- Каменев (Розенфельд) Л. Б., III, 214
- Каменецкий Д. С., I, 231, 272, 533
- Каменская (рожд. графиня Толстая) М. Ф., I, 769; III, 328, 590
- Каменский П. П., II, 34, 35; III, 245
- Каменский Петр Фед., I, 411
- Камилла, знакомая Е. В. Гоголь, I, 188
- Каминский В. К., I, 435, 505
Воспоминания поклонников Св. Земли, I, 435
- Камуччини В., II, 40; III, 446

- Кандыба (Кандиба) Т. Д., III, 782, 786
- Каневский К. Я. (К. К.), II, 451, 457; III, 108, 109, 112, 123
- Канина Л., II, 230, 235, 256; III, 52
- Канкрин (рожд. Муравьева), графиня, I, 743
- Канкрин Е. Ф., граф, I, 674, 727; II, 13
- Канова А., II, 425
- Кант И., I, 462
- Кантемир А. Д., III, 766
- Канту Ч., II, 231, 256
- Канус, актер, II, 289
- Канштатт К., III, 927
- Каплан Л. Р., I, 22, 132, 133, 143, 145, 176, 177, 493, 549, 602, 701, 725, 731, 732, 752, 760, 761, 767, 826–828, 847, 851; II, 8, 47–49, 79–81, 86, 88–93, 105, 106, 113, 131–133, 137, 143, 160, 163, 164, 166, 179, 193, 194, 195, 471, 496, 542–545, 547–549, 556–558, 561, 564, 576–583, 585, 588, 589, 591, 592, 600–603, 605–607, 610–615, 622, 721, 752, 760, 762, 778–783, 785–791, 797–799, 801, 803–817, 819, 824–829, 831, 833, 835–837, 839–849, 853, 856, 861, 868–870, 872, 874–884, 886, 889, 901, 904–906, 914, 931, 948, 950, 956–964, 967; III, 6, 39, 43, 44, 51, 53, 56, 58–64, 66, 67, 74, 75, 142–144, 146–149, 153–157, 159, 161–165, 179–186, 189–193, 195, 207, 273, 299, 322–325, 330–337, 339–342, 344–346, 351, 352, 354, 356, 358, 359, 380–382, 385–392, 550, 552, 554, 567, 569, 590, 697, 701, 702, 722, 723, 725, 740, 820, 845–847, 849, 852–856, 862, 863, 873, 874, 876, 883
- Капниси С., III, 725
- Капнист (рожд. Дьякова) А. А., I, 78, 79
- Капнист А. А. См. Чичерина (рожд. Капнист) А. А.
- Капнист А. В., I, 130, 131, 134, 135, 517, 596; III, 796, 970
- Капнист Вас. В., I, 12, 13, 22, 78, 126, 243, 288, 293, 314, 343, 639; II, 478, 481, 484, 910; III, 669, 725, 744, 796, 967, 969, 970
- Ода на рабство, I, 343*
- Ябеда, I, 343, 842; II, 338*
- Капнист Вл. В., III, 970
- Капнист Е. В., I, 78, 618
- Капнист И. В., I, 131, 134, 135, 343, 344, 355, 618; II, 113, 390, 394, 490, 505, 936; III, 667–669, 712, 715, 724, 725, 729, 907, 916, 917, 929, 937, 946, 964–966, 970
- Капнист (в замужестве графиня Метакса) Ина П., графиня, III, 668, 671
- Капнист П. И., граф, III, 668, 669, 671
- Капнист Сем. В., III, 970
- Капнист Софья В. См. Скалон (рожд. Капнист) С. В.
- Капнисты, I, 78, 101; II, 327
- Капустянский, священник в Васильевке, I, 224, 313, 357
- Карабанов Р. А., III, 877
- Караваджо М., да, II, 39, 40, 441, 446
- Караджич В., II, 768
- Каразин В. Н., I, 297
- Каракала, римский император, II, 439, 440
- Карамзин А-р Н., I, 801, 802, 804, 838; II, 5–7; III, 76, 81, 499
- Карамзин Анд. Н., I, 517, 729, 730, 801, 802, 804, 839; II, 5, 6, 30–33, 58, 196, 217, 218, 225, 228, 229, 234, 235, 242, 243, 247, 250, 275, 288, 293, 335, 357, 489, 496; III, 19, 73, 483
- Карамзин В. Н., II, 218, 229, 243, 293, 296
- Карамзин Н. М., I, 16, 20, 25, 75, 425, 428, 460, 511, 536, 604, 686, 696, 763, 802; II, 31, 48, 59, 60, 131, 132, 201, 296, 319, 347, 425, 436, 488, 489, 498, 501, 502, 518; III, 28, 228, 503, 521, 670, 672, 749, 785, 976
- История государства Российского, I, 425, 428, 714*
- Освобождение Европы и слава Александра I, I, 501*
- Карамзина (рожд. баронесса Шернваль фон Вавллер, в первом браке Демидова) А. К., I, 532, 692
- Карамзина (рожд. Колыванова, побочная дочь князя Анд. Ив. Вяземского) Е. А., I, 511; II, 30–33, 225, 235, 247, 275, 357; III, 73, 483
- Карамзина Е. Н. См. Мещерская (рожд. Карамзина) Е. Н., княгиня
- Карамзина С. Н., I, 839; II, 31, 32, 42, 335; III, 19

- Карамзины, I, 649, 838; II, 50, 58, 196, 265, 266, 327, 331, 335, 337, 340, 348, 350; III, 76, 188, 474
- Каратыгин В. А., I, 581, 600, 762, 827; III, 401, 792
Ричард Дарлингтон (пер. с фр. яз.), I, 762
- Каратыгин П. А., I, 622, 806, 829, 833, 834, 837; II, 187, 331; III, 309, 792
- Каратыгин П. П., I, 833, 834; III, 306–309, 315, 317
- Караччи Агостино, II, 38
- Караччи Аннибале, I, 291, 292; II, 38, 39
- Кардашевская. См. Карташевская (Кардашевская), родственница Карташевских
- Кардашевский Ник., I, 411
- Карл VIII, французский король, II, 433
- Карл X, французский король, II, 309, 315
- Карл XII, I, 269, 270
- Карл Великий, святой католической Церкви, II, 39, 40
- Карл Фридрих, великий герцог Саксен-Веймарский, II, 460; III, 574
- Карл, шведский скульптор, III, 131
- Карлгоф В. И., I, 767; II, 190; III, 369, 370
- Карлгоф Е. А. См. Драшусова (рожд. Ашанина, в первом браке Карлгоф) Е. А.
- Карлейль Т., III, 509
- Карлицкий, I, 454, 455
- Карломан, II, 28
- Карлье, парижский префект полиции, I, 355
- Карнеев З. Я., I, 8
- Карниолин-Пинский М. М., II, 585, 586, 664
- Каростович, I, 181
- Каростович, жена Каростовича, I, 181
- Каростович, сын Каростовича, I, 181
- Карпенков В. Я., I, 417
- Карский, соученик А. С. Данилевского в школе гвардейских подпрапорщиков, I, 404
- Картамышев А. В., III, 776–778, 783
- Картамышев К. В., III, 776–778, 783
- Карташевская (Кардашевская), родственница Карташевских, I, 113, 119, 209
- Карташевская М. Г., I, 14, 36, 187, 293, 331; II, 88, 146, 295, 578, 581, 586, 605, 616, 618, 626, 645, 646, 656, 676, 677, 680, 681, 683–685, 690, 715, 717, 720, 724, 727, 756–758, 762, 763, 775, 781, 785, 786, 792–795, 804, 807–815, 817–819, 821–850, 852, 854–871, 873–877, 879–881, 883–885, 889, 893, 897, 910, 926, 946, 952, 956–959, 961–963, 967, 968; III, 66, 105, 177, 191, 209, 211, 246–248, 261, 271, 272, 287, 478, 526, 539, 642, 709, 824, 864, 964
- Карташевская (в замужестве Маркевич) Н. Г., II, 683, 720, 757, 763
- Карташевская (рожд. Аксакова) Н. Т., II, 675, 676, 678, 680, 683, 684, 694, 756, 897, 902, 957
- Карташевские, I, 113; II, 625, 682, 717, 868, 876, 892, 956
- Карташевский В. Г., II, 882
- Карташевский Г. И., II, 675–678, 681, 685, 694, 697, 756, 760, 804
- Карташевский Д. Г., II, 882, 892; III, 105
- Карташевский Н. Г., II, 839, 840, 959
- Карташевский Я. Г., II, 821–823, 865
- Карташов В. С., II, 301
- Карус К. Г., III, 175
- Карцов Н. П., III, 768–773
- Карчевский, протоиерей в г. Николаеве, III, 780, 782, 784
- Каса, парикмахер, I, 181
- Кастор, II, 431, 433, 467
- Кастро С., де, аббат, I, 446
- Касьян, садовник в Васильевке, I, 207
- Катакази Г. А., III, 760
- Катакази К. А., III, 760, 782
- Каталани А., II, 282; III, 980
- Катарев, I, 375
- Катенин П. А., II, 756; III, 10, 27, 685, 875
- Катеринич В. С., I, 633, 638
- Катилина Л. С., II, 452
- Катков М. Н., I, 133, 306; II, 148, 166, 193, 194, 348, 513, 538, 539, 786, 788, 934, 953; III, 207, 410, 503, 508, 509, 696, 697, 699, 701, 702

- Катков, владелец дома А. И. Талызина, III, 840, 842
- Каткова М. В., III, 840, 842
- Катон, II, 438
- Кагулл, II, 449
- Кафгорова М. Я., I, 134
- Кахов И. С., III, 754
- Кахов С. Е., III, 754
- Кахова (рожд. Лорер) Ел. И., III, 754
- Каченовский М. Т., I, 45, 429, 597, 714, 766; III, 138, 167, 173, 489
- Кашина Т. П., III, 7, 925
- Кашпирев В. В., III, 980
- Квашнин-Самарин Д. Н., III, 900
- Квашнин-Самарин Н. Д., III, 900, 901
- Квитка А., харьковский губернский предводитель, I, 522
- Квитка К. А., I, 519, 522
- Квитка-Основьяненко Г. Ф., I, 199, 295–297, 522, 548, 550, 660, 674, 772; II, 34, 35, 89, 444, 479; III, 246, 301, 303, 477, 663, 1014
- Вторые дворянские выборы, I, 296*
- Выборы исправника, I, 297*
- Дворянские выборы, I, 296, 297*
- Пан Халяевский, III, 301, 303, 1014*
- Приезжий из столицы, или Суматоха в уездном городе, I, 295–297, 548, 550*
- Страница, или Саннамбулка, I, 296*
- Турецкая шаль, I, 296*
- Шельменко, I, 296*
- Ярмарка, I, 660*
- Квятковский, бухгалтер, III, 736
- Кейт Дж., II, 331, 353
- Келлер, II, 42
- Кёниг Г., I, 759, 761
- Кент В., I, 375
- Кеппен П. И., II, 34, 35
- Керн А. П., II, 331
- Кернер А., II, 331
- Кессельс, II, 40
- Кесслер, учитель музыки, III, 751, 759, 787
- Кестнер В., II, 41
- Кетчер Н. Х., II, 153, 788, 792, 795; III, 12, 24, 26, 40
- Кешаревский И., протоиерей, I, 35
- Кивлицкий Е. А., III, 787
- К–ий, корреспондент «Московских Ведомостей», III, 840, 842
- Кикилия (Цецилия), св. мученица, II, 438
- Кикин П. А., II, 428
- Кикина М. П. См. Волконская (рожд. Кикина) М. П., княгиня
- Киль Л. И., III, 337, 340, 341, 343, 349, 350
- Кине Г. Д., III, 147, 154
- Гастейнские воды, III, 147*
- Кипренский О. А., I, 292; II, 40, 45, 421; III, 119, 128, 132
- Киприан Карфагенский, св., I, 434
- Кир II Великий, III, 62
- Кир, персидский царь, III, 710
- Киреев, чиновник, I, 816
- Киреевская (рожд. графиня Толстая), III, 553
- Киреевская А. П. См. Елагина (рожд. Юшкова, в первом браке Киреевская)
- Киреевская М. А. См. Хомякова (рожд. Киреевская) М. А., мать А. С. Хомякова
- Киреевская М. В., I, 170; II, 135, 136, 148, 711, 762, 937; III, 77, 78, 83, 191, 302
- Киреевская (рожд. Арбенева) Н. П., III, 615, 616, 719, 758
- Киреевские, I, 184; II, 52
- Киреевские, родственники И. В., П. В. и М. В. Киреевских, III, 553
- Киреевский В. И., III, 719
- Киреевский И. В., I, 633, 659, 751–753, 757, 758, 766, 773; II, 57, 88, 130, 134, 148, 149, 268, 409, 413, 475, 488, 493, 495, 498, 500, 571, 640, 693, 711, 762, 793, 809, 816, 937, 945; III, 63, 77, 78, 81–83, 92, 93, 185, 187, 188, 191, 302, 553, 616, 719, 728, 732, 734, 735, 799, 849, 850, 854, 856, 859, 890, 898
- Киреевский П. В., I, 756, 758, 773; II, 130, 148, 640, 711, 762, 850, 937; III, 77, 78, 81, 83, 166,

- 184, 191, 223, 230, 302, 664, 799, 856, 876, 877, 958
- Кириана Федотьевна, слуга графини А. Г. Толстой (рожд. Грузинской), I, 367
- Кирико, одесский домовладелец, III, 774
- Кирилл, патриарх Александрийский, св., II, 783
- Кирилл, патриарх Иерусалимский, III, 620
- Кирилл, учитель Словенский, св. равноапостольный, I, 43; II, 425, 435, 447, 865; III, 229
- Кирилловна, знакомая Карташевских, II, 677
- Кирилук Э. В., I, 51, 141, 334, 445, 446, 451, 452, 459, 471, 486
- Кириченко А., I, 385
- Кирлицкий А., I, 440
- Кирпичников А. И., I, 848, 849; III, 173
- Киселев Н. Д., II, 258, 265, 282, 283, 285, 289, 295, 296, 359, 961, 962
- Киселев П. Д., граф (с 1839 г.), I, 562; II, 275, 282, 287, 290, 295–297
- Киселева (рожд. графиня Потоцкая) С. С., II, 293, 297
- Кисель, казачкий род, II, 283
- Кисель А. Г., II, 291, 296
- Кителот М., III, 791
- Китс Дж., II, 325
- Кичеев Н. П., III, 42
- Кишкин Г. Г., III, 150
- Клаве П., III, 131
- Клар П., III, 240
- Клейменов П. В., I, 734
- Клейнмихель Евд. (Дука) А., II, 196
- Клейнмихель П. А., граф (с 1839 г.), I, 722, 730; II, 196, 498, 765
- Клеман М. К., II, 513
- Клементьев, II, 499
- Кленце Л., II, 421
- Клепиков С. А., I, 456
- Клименко Ф., III, 365
- Клименков С. И., II, 112; III, 916–919, 927, 938, 947, 952–954, 956, 957
- Клименкова (Клеменкова), I, 196
- Клименковы, две дочери Клименковой, I, 196
- Климент, папа римский, священномученик, II, 256, 425, 435, 447
- Климент (Зедергольм), иеромонах, III, 726–728, 734
- Климченко (псевдоним Молотков) К. М., II, 357, 457; III, 338, 341, 342, 393, 395–398, 400, 410, 489, 567
- Клингенберг (по фамилии матери во втором браке Верзилина, в замужестве Шан-Гирей) Э. А., I, 510, 512
- Клинчин А. П., I, 283, 762; II, 419; III, 10, 27, 44, 685, 695, 792
- Клинчин П. М., III, 8
- Клиш П. А., III, 10
- Кловио (Клавио) Дж., II, 40, 45
- Клодт М. П., III, 579
- Клодт П. К., барон, I, 519
- Клопшток Ф. Г., I, 686
- Клушин П. Н., II, 272, 280, 405, 407, 408
- Клушина, первая жена П. Н. Клушина, II, 407
- Клушина (рожд. княжна Т.....я), вторая жена П. Н. Клушина, II, 407
- Клушины, сыновья П. Н. Клушина, II, 407
- Клюге фон Кюгенау, капитан, III, 279
- Ключарев Ю., III, 717
- Ключарев, тульский помещик, III, 200
- Княжевич А. В., I, 318
- Княжевич А. М., III, 369, 978
- Княжевич В. М., I, 302, 318
- Княжевич Д. В., I, 318
- Княжевич Д. М., I, 761; II, 706, 829, 875, 966; III, 144, 369, 780
- Княжевич М. Д., II, 706, 875
- Княжнин Я. Б., I, 83, 833
- Неудачный примиритель, или Без обеда домой поеду, I, 83*
- Чудаки, I, 553*
- Князев А. С., II, 209
- Кобеляцкий (Кобелецкий) И. Н., I, 439, 446, 447, 449, 455, 503, 515

- Кобрина, калужская знакомая И. С. Аксакова, II, 857
- Кобургский герцог. См. Саксен-Кобургский герцог Эрнест I
- Ковалевская, одесская домовладелица, III, 778
- Ковалевская М., III, 781, 783
- Ковалевский П., III, 781–783
- Ковалевский П. М., I, 552, 553; III, 396, 401, 405, 406
- Ковальджи К., II, 352
- Кованько, родственник М. Н. Синельниковой, III, 884
- Коведяев Е. Н., III, 6
- Ковригин Е. И., III, 561
- Ковриго, доктор, I, 212
- Ковриго Э., I, 176, 212, 218, 264, 277–279
- Козинцев Г. М., III, 974
- Козлов, купец, I, 826
- Козлов А. А., III, 561, 562
- Козлов А. И., I, 519
- Козлов И. И., I, 428, 751, 752, 758, 766, 794; II, 34, 35; III, 76, 81
Вечерний звон, I, 428, 540
- Козлов Н. А., II, 34
- Козлов Н. И., I, 519
- Козловский, II, 473
- Козловский П. Б., князь, I, 846
- Козмин Н. К., III, 136, 402–404
- Козминский (Кузьминский) Д., иерей, I, 365
- Койхен Х., III, 555
- Кок П., де, III, 17, 861, 978
- Кокушкин В., I, 404, 506, 723; III, 984–986
- Колбасин Д. Я., III, 499
- Колерт, офицер, I, 215
- Коллар Я., I, 528
- Коллинз У., III, 714
- Колмаков Н. М., I, 788, 789
- Кологривов М. А., III, 750, 760
- Колошин П. И., I, 626–628, 630
- Колумб Х., II, 461
- Кольшкевич А. И., I, 459, 471, 485, 549
- Кольцов А. В., I, 708, 715, 801, 802, 805, 807, 808, 837; II, 7, 348; III, 305, 410, 509, 810
Так и рвется душа... III, 810
Урожай, I, 805
- Кольчугин И. Г., III, 987
- Комарницкий (Камарницкий) А. Я., III, 760, 761
- Комаров А. А., I, 514, 814; III, 274–280, 529, 533, 643–645
- Комаров А. С., II, 142; III, 190, 277
- Комаров Б. Д., III, 956
- Комаров Н. И., III, 159
- Комарова, жена Н. И. Комарова, III, 159
- Комаровская А. Е., графиня. См. Шипова (рожд. графиня Комаровская) А. Е.
- Комаровский П. Е., граф, III, 60
- Комиссарова И. А., III, 875, 979, 980, 1014
- Комовский В. Д., I, 707, 710; III, 140–142, 180, 182–185, 228, 230, 369
- Кондрат, крестьянин, I, 612
- Кондрат Иванович, сосед Гоголей, I, 608
- Кони А. Ф., III, 925
- Кони Ф. А., I, 297, 826, 827; II, 34, 35, 575; III, 396
- Конобеевская И. Н., III, 534
- Конович, цензор, I, 656
- Кононенко И. К., I, 486
- Кононов А. А., III, 715
- Константин Великий, св. равноапостольный, II, 28, 424, 425, 432, 434, 452, 453
- Константин Константинович, великий князь, III, 592
- Константин Николаевич, великий князь, II, 119, 212, 504, 630; III, 10, 11, 13, 592, 691, 692, 695, 811–814
- Константин Павлович, великий князь, II, 131, 332
- Константин Синадский, св., III, 223
- Константиновская, дочь протоиерея М. А. Константиновского. См. Грешицева (рожд. Константиновская), мать Л. Н. Грешицева

- Константиновская, мать протоиерея М. А. Константиновского, III, 900
- Константиновская (рожд. Григорьева) М. Д., III, 892, 894, 899
- Константиновский А. А., диакон, III, 887
- Константиновский Д. М., протоиерей, III, 900, 902
- Константиновский М. А., протоиерей (с 1838 г.), I, 219, 313, 367–370, 572, 702; II, 109, 111, 112, 268, 269, 280, 306, 399, 400, 497, 499, 517, 526, 529, 535; III, 16, 18, 21, 22, 219, 220, 579, 603, 709, 717–720, 726, 728, 730, 846, 847, 849–851, 876, 877, 886–906, 910, 932, 933, 946, 1023
- Констанция, дочь св. равноапостольного царя Константина Великого, II, 452
- Коншина Е. Н., III, 248
- Копировский А. М., III, 398
- Копистянский В., I, 384
- Копитар В., II, 462
- Копл И. Г., I, 839; II, 57–59, 61–63, 85, 289, 290; III, 95, 147, 150, 160, 166
- Коптев Д. И., I, 676, 678, 680, 684; III, 704, 705
- Копылова В., III, 994
- Корачковский И. Г., I, 387
- Корейша И. Я., московский юридивый, II, 497, 500, 893; III, 926, 943, 949
- Корецкий Петр Ив., I, 410
- Корженевский О. В., III, 773
Окно во втором этаже, III, 773
- Коркунов М. А., I, 801, 802; III, 5, 6
- Кормилов А., I, 739
- Корнеев В. Е., III, 550
- Корнелий Непот, I, 427
- Корнелиус П., фон, II, 457; III, 397, 398, 410
- Корнель П., II, 333, 756, 757
- Корнилов А. А., II, 407, 408
- Корнилов А. М., III, 369, 370
- Корнилова А. В., I, 601
- Коробка Еф. Кар., I, 408, 411
- Коровские, III, 336
- Королева О. З., I, 347, 359
- Короленко В. Г., III, 521, 968
- Коропчевский П., I, 4
- Корреджо А., II, 38–40, 74, 254, 276, 436, 483; III, 390
- Корсаков Д. А., III, 269, 271
- Корсаков П. А., I, 822; III, 77, 81, 483
- Корсаковы, III, 624
- Корсини, II, 38
- Корсунский И. Н., II, 559
- Корт, I, 637
- Корф М. А., барон, I, 554, 691; II, 278, 420; III, 77, 811
- Корф Ф. Ф., барон, I, 690
- Корш В. Ф., I, 596; III, 271
- Корш Е. Ф., II, 547; III, 230, 295
- Косма (Козма), св. мученик, II, 39, 129, 247, 248; III, 731
- Коссович К. А., I, 684, 695, 696; II, 105, 106
Торжество светлой мысли, I, 696
- Костантини, римлянин, III, 129
- Костантини Анна, III, 129
- Костантини Аннунциата, III, 129
- Костантини П., III, 129
- Костантини Р., III, 129
- Костомаров Н. И., I, 432; III, 97, 568, 664, 737, 760, 996–998
- Костылев А. Н., III, 568, 571, 701, 702, 873
- Костырко З. Г., I, 44
- Костюшко Т., II, 462
- Косьма, житель г. Ельца, III, 927
- Косяровская (рожд. Зверева), первая жена И. М. Косяровского, I, 53
- Косяровская (рожд. Щербакова), жена М. В. Косяровского, I, 72
- Косяровская, жена Павла П. Косяровского, 201
- Косяровская, жена Петра П. Косяровского, 110
- Косяровская Агафья М. См. Лукашевич (рожд. Косяровская) А. М.
- Косяровская Анна М. См. Трощинская (рожд. Косяровская) А. М.

- Косяровская (в замужестве Березина) В. П., I, 72, 89–92, 94, 97–99, 195, 200
- Косяровская Д. М., I, 22, 52, 73
- Косяровская Е. И. *См.* Ходаревская (рожд. Косяровская) Е. И.
- Косяровская (рожд. Шостак) М. И., I, 14, 25, 39, 46, 47, 49–62, 64, 70, 71, 73, 80, 81, 89, 93, 95, 102, 118, 179, 191, 194, 197, 213, 247, 383, 403; III, 968
- Косяровская М. И. *См.* Гоголь-Яновская (рожд. Косяровская) М. И.
- Косяровские, I, 72; III, 967, 968
- Косяровские, девять сыновей И. М. Косяровского, I, 197
- Косяровский, брат М. И. Гоголь-Яновской (рожд. Косяровской), I, 46, 57, 59, 60
- Косяровский, сын Петра П. Косяровского, I, 88
- Косяровский И. М., I, 12–14, 21, 25, 35, 39, 46, 47, 49, 50, 52, 54–62, 70–72, 74, 75, 80, 81, 89, 93–97, 102, 107, 118, 179, 194, 197, 208, 213, 327, 335, 384; III, 967, 970, 971
- Косяровский И. П., I, 72, 73, 89, 94, 387; III, 986
- Нина, I, 72, 89, 94*
- Стихотворение на смерть В. А. Гоголя-Яновского, I, 89, 384, 387*
- Косяровский М. В., I, 52, 72, 73
- Косяровский П. М., I, 46, 49, 52, 72
- Косяровский Павел П., I, 49, 72, 73, 87–91, 93, 95–98, 102, 104, 166, 188, 195, 201; III, 45
- Косяровский Петр П., I, 17, 21, 24, 33, 49, 72–74, 87–101, 103–111, 147, 150, 162, 195; III, 45
- Котельников В. А., III, 732
- Котельников И. В., III, 13, 15
- Котляревский А-р Александрович, III, 704
- Котляревский А-р Анд., I, 463, 467, 472–479, 482–484, 486
- Котляревский Е. А. (Г. А.), I, 467, 472–479, 482, 483, 486
- Котляревский И. П., I, 5, 37, 38, 45, 276, 418; II, 139, 479; III, 4, 38, 967
- Виргилиева Энеида, на малороссийский язык переложенная, I, 45, 276, 418; II, 359*
- Москаль чаривник, I, 5, 37; II, 139; III, 38*
- Наталка полтавка, I, 37, 276*
- Котляревский Н. А., I, 467, 471–479, 482, 483, 484, 486
- Котошихин Г. К., II, 722, 763
- Кох К., III, 574, 575
- Коханович С. П., I, 439, 445, 446, 454, 455, 515
- Коцебу А., I, 83
- Береговое право, I, 83*
- Кочетовский, московский актер, III, 7, 925
- Кочубей, князь, I, 11, 219, 267–270, 281, 284, 310; III, 974
- Кочубей Ал. Вас., князь, II, 38
- Кочубей Ар. В., граф, I, 43; III, 726
- Кочубей В. Л., I, 11, 202, 219, 220, 267, 269, 281, 284, 310, 352; III, 974
- Кочубей В. П., граф, с 1831 г. князь, I, 11, 103, 219, 281, 284, 310, 326, 704; III, 23, 974, 977, 978
- Кочубей В. С., князь, I, 202, 219, 252, 352, 356; III, 974
- Кочубей (рожд. Жученко) Л. Ф., I, 269
- Кочубей Матрена В. (в монашестве Евфросиния), I, 202, 220, 269
- Кочубей (рожд. княжна Васильчикова) М. В., княгиня, I, 743; III, 111
- Кочубей П. А., князь, I, 190, 219; III, 974
- Кочубинский А. А., I, 797; II, 24, 26, 644; III, 229, 236, 237, 566
- Кочуков Ев. Ром., I, 411
- Кошанский Н. Ф., I, 426
- Кошевой Гавр. Мих., I, 410
- Кошелев А. В., III, 203
- Кошелев А. И., I, 118, 720; II, 113, 172, 173, 231, 607, 630, 634, 761, 815, 828; III, 198, 648, 711, 712, 845, 846, 958
- Кошелев В. А., II, 762, 767, 786, 789, 791, 795–797, 800, 801, 811, 827, 832, 910, 958; III, 82, 85, 188, 201, 203, 205, 248, 831
- Кошелев В. И., II, 373, 374
- Кошелев Н. И., II, 373, 374
- Кошелева Д. А., III, 712

- Кошелева (рожд. Петрово-Солоново) О. Ф., II, 634, 708, 761, 815, 816, 828, 881, 892, 893; III, 845, 846
- Кошман И. П., III, 736
- Коялович А., I, 542
- Кравец С. Л., III, 843
- Краевская А. Я., III, 259
- Краевский А. А., I, 309, 599, 616, 673, 685, 704, 759, 760, 761, 784, 801, 802, 804–806, 809, 810, 838; II, 4, 5, 7, 34, 470, 521, 579, 688, 743, 758, 795; III, 24, 30, 136, 229, 230, 246, 250, 258, 259, 270, 285, 286, 292–294, 296, 301, 409, 475, 479, 568, 572, 664, 747, 757, 862, 977
- Крамарев М. В., III, 631
- Крамарева, домовладелица в Одессе, III, 628
- Крамолей, актер, I, 835; III, 5
- Красинский С., II, 22, 25
Иридион, II, 21, 25
Небожественная комедия, II, 21, 22, 25
- Краснов Г. В., III, 265, 483, 644
- Красовский А. И., I, 759
- Красс, II, 339, 439
- Крашевский И. И., III, 637
- Крашенинников М. И., II, 419
- Крашенинников С. П., I, 801, 802; II, 5, 6
- Крашенинниковы, трое братьев, знакомые Гоголя в Петербурге, I, 519
- Кревецкий И. И., III, 876
- Крейц, брат графа К. А. Крейца, III, 151
- Крейц К. А., граф (с 1839 г.), III, 151
- Крестова Л. В., II, 54–56, 59, 60, 64, 197–200, 213, 215, 234, 247, 274, 275, 281, 294, 295, 352, 365, 584
- Крестовоздвиженский В. В., III, 710, 818, 819
- Кречетников М. Н., граф, II, 266
- Кречетов В. И., III, 280, 286
- Криворотовы, одесские издатели, III, 740
- Кривцов П. И., I, 522, 660; II, 14–16, 38, 49, 51, 52, 425, 426, 472–474, 657, 697, 698, 760; III, 36, 38, 73, 98, 100, 103, 106–109, 112, 123, 124, 329, 331, 343, 388–391, 785
- Кривцова (рожд. княжна Репнина-Волконская) Е. Н., III, 38, 100, 103, 107, 108, 124, 785
- Крихно Ф., I, 235
- Крон, II, 85
- Кронеберг А. И., III, 289, 290
- Кронеберг И. Я., III, 290
- Кропчевский П., I, 373
- Кротков Степан, домовладелец в Москве, III, 856
- Крузе Л. Ф., фон, II, 703, 704, 760
- Крузе Н. Ф., фон, I, 321, 322; III, 760
- Крукенберг П., III, 575
- Крупп А., III, 555, 556
- Крутикова Н. Е., I, 70, 151–153, 174, 273, 319, 704; II, 317, 416, 658; III, 877
- Крутицкий, чиновник, III, 409
- Крутицкий, чиновник князя С. С. Гагарина, I, 621
- Крутов А. И., III, 621
- Крутов М. И., III, 618, 619, 621
- Крушкин, воспитанник Академии художеств, II, 151
- Крылов А. Л., I, 822, 823; III, 271
- Крылов И. А., I, 13, 23, 417, 511, 550, 686, 694, 715, 724, 766–768, 804, 806, 837, 847; II, 5–7, 34, 179, 262, 263, 280, 335, 343, 347, 357, 414, 448, 467; III, 142, 202, 369, 370, 667, 671, 822, 824, 830, 872, 970, 983, 1004, 1014
Голик, II, 443, 448
Ларчик, III, 997
Лжец, II, 467, 470
Орел и Пчела, I, 550, 603
Осел и Соловей, I, 640
Подцита, III, 970
Урок дочкам, I, 13, 23
- Крылов Н. И., I, 710, 725; II, 34, 35, 93, 130, 167, 170, 172, 173, 442, 444, 459, 464, 493, 499, 547, 582, 762, 763, 792, 814–816, 818, 827, 829; III, 495
- Крылов Н. П., диакон, III, 620
- Крылов, студент
Друзья Гоголя, II, 106
- Крым С. С., III, 311

- Крюденер В. Ю., баронесса, II, 262, 331, 353; III, 636
- Крюков Д. Л., I, 797; III, 130, 148
- Крюков П. И., III, 206
- Ксавье (Xavier), родственница Гончаровых, II, 335
- Ксензенко А. И., I, 350–352
- Кубарев А. М., II, 499, 501
- Кудашев Н. Д., князь, II, 415
- Кудашев С. Д., князь, II, 290
- Кудашева (рожд. княжна Голенищева-Кутузова) Е. М., княгиня, II, 415
- Куделина В. Н., II, 413, 766, 932; III, 97, 102
- Кудинов А. С., II, 40, 46
- Кудрявцев П. Н., III, 33, 586, 588, 666, 727
- Кудрявцева О. Д. См. Трощинская (рожд. Кудрявцева) О. Д.
- Кудрявцева С. А., I, 101, 103
- Кузнецова А. Г., II, 759; III, 191
- Кузьмин В. Н., III, 760, 761
- Кузьмин Н. Н., III, 306, 307, 310–313, 315–317
- Кузьмин Р. И., III, 108, 112, 561, 562
- Кукольник, вдова В. Г. Кукольника, I, 422, 423
- Кукольник В. Г., I, 7, 8, 423, 425, 435, 437, 541, 543, 547, 556
- Кукольник Н. В., I, 19, 289, 424, 425, 428, 430, 431, 434, 435, 439, 456, 462, 470, 471, 485, 490, 491, 493, 501–503, 535, 536, 538–542, 545, 547, 550–559, 594, 599, 600, 715, 726, 766, 767, 769, 840; II, 190, 338, 420, 497, 518; III, 235, 239, 251, 259, 278, 281, 308, 313, 314, 370, 413, 436, 568, 571, 702, 981
- Иван Иванович Иванов, или Все заодно, III, 259*
- Князь Михайло Васильевич Скопин-Шуйский, III, 278*
- Роксолана, III, 278, 279*
- Рука Всевышнего Отечество спасла, I, 542, 599, 600; III, 278*
- Торквато Тассо, I, 559*
- Кулешов В. И., II, 136, 796, 801; III, 137, 885
- Кулжинский И. Г., I, 112, 328, 425, 429–432, 458, 460, 464, 480, 503, 505; III, 429, 475
- Малороссийская деревня, I, 429, 430*
- Куликов (псевдоним Н. Крестовский) Н. И., I, 819; II, 805, 829; III, 8, 42, 641, 642, 756, 793
- Куликова, мать Н. И. Куликова, П. И. Орловой и А. И. Шуберт, III, 792
- Куликова П. И. См. Орлова (рожд. Куликова) П. И.
- Кулиш (рожд. Белозерская, псевдоним Ганна Барвинок) А. М., I, 69, 150–152, 644, 692; II, 214, 521, 951; III, 233, 237
- Кулиш П. А., I, 4, 5, 7, 8, 15, 19–25, 30–32, 36, 40, 42–46, 48, 49, 52, 69–71, 76, 77, 80, 88, 90, 92, 99–102, 104–111, 115, 118, 119, 122, 123, 125, 130, 150–152, 161, 164, 165, 211, 220, 228, 230, 231, 272, 273, 282, 288, 290–294, 298, 318, 320, 322, 325–327, 331, 333, 335–337, 339, 343, 354, 355, 359, 362, 369, 374, 378, 384, 389, 391–395, 399, 402, 407, 429, 456, 467, 475, 481, 488, 509, 513, 518, 522, 532, 533, 543, 544, 555, 567, 574–581, 603, 623, 632–638, 640, 641, 643, 644, 648, 669, 673, 688, 692, 702–704, 711, 712, 784–786, 849; II, 17, 18, 44, 78, 111, 115, 121, 127, 130, 162, 168, 213–215, 224, 225, 235, 237, 240, 269, 297, 300, 305, 309, 310, 312, 313, 320, 354, 357, 361–363, 366, 396, 398–400, 443, 465, 489, 490, 493, 494, 521, 522, 551, 554, 573, 583, 620, 621, 626, 630–632, 635–638, 641–646, 652, 655, 656, 658–663, 692, 695, 723, 724, 726, 745, 750, 751, 753, 767, 768, 770, 774–777, 894, 895, 926, 938, 940–943, 950–952, 954, 965; III, 4, 13, 14, 18, 19, 25, 27, 28, 30, 36–38, 45, 46, 48, 49, 54, 61, 63, 65, 67, 72, 73, 81, 90, 97, 98, 113, 147, 162, 178, 187, 217, 221, 228, 230, 232, 233, 235–242, 275, 276, 290, 303, 328, 365, 378, 383, 406, 410, 414, 417, 429–432, 436, 437, 439, 444, 453, 454, 456, 457, 467, 474–478, 480–482, 484, 486–488, 490–493, 498, 503, 521, 526, 532, 533, 537, 540, 542, 558, 560, 572, 617, 644, 686, 693, 694, 697, 717, 725, 726, 733, 735–737, 757, 758, 760, 762–765, 803, 808, 824, 861, 862, 878, 879, 891, 945, 948, 964, 969, 971, 978, 979, 982, 985, 998, 1014
- Записки о Южной Руси, I, 712*
- Малороссийские рассказы, III, 236*
- Михайло Чарньшенко, I, 669; II, 465*

- Огненный змей*, III, 236
Черная рада, I, 640, 641, 669, 711, 712; II, 658, 894
- Кульбовская М. Н., I, 358
 Кульман Е. К., III, 874
 Кульчицкий А. Я., III, 253, 258, 299, 304, 305
 Кулябка А., I, 336
 Куманина (рожд. Нечаева) А. Ф., III, 3
 Куник А. А., II, 574
 Купер Ф., II, 313
 Купфер А. Я., II, 34, 35
 Куракин, московский домовладелец, II, 668
 Куракин А. Б., князь, I, 73
 Курбатов А. Д., II, 177, 179, 180
 Курбатов П. А., II, 177, 179
 Курбский А. М., князь, III, 370
 Курганов Е. Я., III, 239
 Курдюмова (рожд. Аман) К. И., I, 503
 Курилов А. С., III, 250, 252, 522
 Курилов С. И., III, 974
 Курновский С., I, 242
 Курочкин О., III, 877
 Курсель А. Ш., де, III, 1008, 1014
 Курт (Courte), владелец магазинов в Петербурге, I, 182
 Кутайсов П. И., граф, I, 763; II, 150
 Куторга М. С., I, 792, 797
 Куторга С. С., I, 582, 730, 822; II, 731, 765, 861
 Кутузов, граф, III, 483
 Кутузов (Голенищев-Кутузов-Смоленский) М. И., светлейший князь, II, 415
 Кутузов Л. И. *См.* Голенищев-Кутузов Л. И.
 Кутузова А. М., княжна. *См.* Хитрово (рожд. княжна Голенищева-Кутузова) А. М.
 Кутузова Д. М., княжна. *См.* Опочинина (рожд. княжна Голенищева-Кутузова) Д. М.
 Кутузова Ек. М., княжна. *См.* Кудашева (рожд. княжна Голенищева-Кутузова) Е. М.
 Кутузова Ел. М., княжна. *См.* Хитрово (рожд. княжна Голенищева-Кутузова, в первом браке графиня Тизенгаузен) Е. М.
 Кутузова П. М., княжна. *См.* Толстая (рожд. княжна Голенищева-Кутузова) П. М.
 Кутузовы, II, 415
 Кушелева-Безбородко (рожд. княжна Репнина-Волконская) А. Н., графиня, III, 99, 106, 107, 110
 Кушелев-Безбородко А. Г., граф, I, 8, 9, 135, 136, 138, 343, 441, 451, 504, 548, 549, 553; III, 106
 Кушелев-Безбородко Г. А., граф, I, 430, 431, 435, 538, 543, 546, 547, 552, 553, 582; II, 563; III, 106, 487, 488
 Кушников С. С., I, 763
 Кювье Ж. Л., I, 458
 Кюстин А., де, II, 198, 199, 213, 488, 493; III, 257, 258
 Кюхельбекер В. К., II, 327; III, 482
 Кюхельбекеры, II, 327
- Лабзин А. Ф., II, 529
 Лабрюйер Ж., III, 1008
 Лабрюйер Ш., де, II, 333
 Лабынцев Ю. А., III, 839
 Лаваль (рожд. Козицкая) А. Г., графиня, II, 292
 Лаваль З. И., графиня. *См.* Лебцельгерн (рожд. графиня Лаваль) З. И.
 Лаваль И. С., граф, II, 356
 Лаваньи, III, 389
 Лаваньини А., III, 330, 332, 333, 335
 Лаваньини К., III, 332
 Лаваньини Ч., III, 330, 332
 Лаврентий (Лоренцо), архидиакон, св. мученик, II, 427, 441, 448, 453
 Лаврентий Калужский, блаженный, II, 222, 226, 267, 279, 406
 Лавровский Н. А., I, 9, 430, 438, 440–451, 457–462, 464, 466, 469, 471, 479, 480, 484, 537; III, 4
 Лаврский В. В., протоиерей, III, 710
 Лагарп Ж. Ф., I, 446; III, 4
 Лагачев В. М., I, 75
 Лаголов А. Н., II, 34
 Лажечников И. И., II, 34, 35; III, 258

- Басурман*, I, 668
- Лазарев В. Я., II, 49
- Лазарев Л. И., III, 85
- Лазарев Л. Я., II, 256, 276
- Лазаревский А. М., I, 4, 17–21, 44, 233, 246, 336, 338–341, 378, 631; III, 987
- Лазаревский В. М., II, 545
- Лазаревы, III, 987
- Лазарь Четверодневный, прав., III, 312, 361, 573
- Лакордер Ж. Б. А., аббат, II, 348
- Лакшин В. Я., II, 568, 569
- Ламартин А., III, 737
- Ламбин Н., II, 967
- Ламбускини Л., кардинал, II, 466
- Ламенне Ф. Р., де, аббат, II, 348
- Ламенский, II, 263
- Ланг, II, 209
- Лангвейн, одесский знакомый Репниных-Волконских, III, 751, 759, 787
- Лангер, жена Л. Ф. Лангера, II, 790
- Лангер В. П., II, 34, 35
- Лангер Л. Ф., I, 217; II, 790, 809
- Ланда С. С., III, 987
- Ландражин И. Я., I, 449, 486, 488, 536, 537, 539, 540, 543
- Ланская А. С. См. Перфильева (рожд. Ланская) А. С.
- Ланская (рожд. Шатилова) М. В., графиня, I, 510
- Ланская Н. Н. См. Пушкина (рожд. Гончарова, во втором браке Ланская) Н. Н.
- Ланская О. С. См. Одоевская (рожд. Ланская) О. С., княгиня
- Ланской Л. См. Каплан Л. Р.
- Ланской П. П., I, 718; III, 417
- Ланской С. С., II, 262, 414
- Ланчи (Ланци, Lanci) М., аббат, III, 107, 111
- Лапаж, французский оружейник, III, 436, 479
- Лаптев И. П., III, 1022
- Лауниц Э. Ш., фон дер, II, 38, 41
- Лафатер (Лавотер) И. К., II, 262; III, 555, 556
- Лафонтен Ж., де, I, 686; II, 333
- Лафоре, II, 339
- Лачиновы, III, 760
- Лашевский И. Т., II, 401, 403, 405–407
- Лашковский, знакомый П. М. Погодина, II, 527
- Лебедев А. А., протоиерей, III, 708
- Лебедев М. И., II, 421
- Лебедева О. Б., III, 115, 144
- Лебединский Ф., иерей, I, 365
- Лебо Ш., II, 572, 573
- Лебцельгерн (рожд. графиня Лаваль) З. И., графиня, II, 296
- Лебцельгерн Л., граф, II, 292, 296
- Лев Оптинский (Наголкин), преподобный, III, 799
- Левашов В. В., граф (с 1833 г.), III, 559
- Левашов В. И., III, 559
- Левашов В. Я., III, 559
- Левашов Г. М., II, 28; III, 558, 559
- Левашов Л. В., III, 559
- Левашов М. Л., III, 559
- Левашова Е. Л. См. Толстая (рожд. Левашова) Е. Л.
- Левенец Т. Г., I, 408, 411
- Левенштерн, II, 265
- Левенштейн Ф., II, 42, 48
- Левеццари (Лавиццари) А. К., III, 371, 372
- Левин Б. Н., I, 262, 276
- Левицкий М. И., III, 760, 762
- Левицкий С. Л., III, 371, 372
- Левкеева Л. Н., III, 770
- Левкович Я. Л., III, 80
- Лежнев Н. А., II, 34
- Лейхтенбергский герцог Максимилиан, II, 200, 257, 302, 489, 493; III, 18, 342, 345, 349, 378
- Лелевель И., II, 459
- Леман И. А., I, 845

- Лемке М. К., II, 60, 174, 176; III, 12, 139, 469, 536, 538, 539, 541, 813, 814
- Ленорман (Lenormand) М. А., II, 44, 262
- Ленская А. Ф., III, 7, 8, 925
- Ленский (наст. фамилия Воробьев) Д. Т., II, 153, 154, 527, 530, 534, 733, 765; III, 7, 8, 83, 924, 925
- Лентовский М. В., III, 12
- Ленхен, горничная А. О. Смирновой, II, 266
- Ленц Н. И., III, 103, 756, 781, 782, 786
- Леон XIII, римский папа, III, 312
- Леонардо да Винчи, II, 39, 40, 441; III, 258, 400, 659
- Леонид (Кавелин), архимандрит, III, 726, 732, 735
- Леонид, архимандрит в Твери, III, 896
- Леонидов (Стакилевич) Л. Л., I, 835, 836; II, 759
- Леонтович А. В., I, 414
- Леонтович Т. А., I, 414
- Леонтьев А. И., III, 364, 365
- Леонтьев К. Н., III, 244, 727, 834, 835, 1020
- Леонтьев П. М., III, 720, 721, 727
- Леонтьева А. С., I, 107, 108
- Леопольд II, великий герцог Тосканский, III, 157
- Лепен, артист, домовладелец, I, 511, 514, 839; III, 6, 114, 433, 471, 477
- Лепид М. Э., II, 339
- Лермонтов М. Ю., I, 381, 510, 656, 805; II, 34, 35, 94, 142, 157, 185, 195, 234, 236–238, 261, 271, 277, 280, 298, 319, 326, 347, 348, 414, 415, 476, 691, 694, 959, 960; III, 33, 77, 80, 82, 103, 138, 185, 202, 207, 276, 281, 368, 373, 505, 508, 522–524, 627, 660, 754, 776, 797, 822, 824, 830, 861, 881, 991, 1016, 1022
- А. О. Смирновой (В протосердечии невежды...), II, 261, 277
- Ангел, III, 523
- Герой нашего времени, II, 171, 694; III, 368, 524, 754
- Демон, I, 381; III, 522
- Журналист, читатель, писатель, II, 383, 395
- Могила бойца, III, 992
- Молитва, III, 523
- Мцыри, II, 691; III, 207
- На светские цепи... III, 82
- Сказка для детей, III, 523
- Смерть поэта (На смерть Пушкина), III, 207
- Сыны снегов, сыны славян... III, 992
- Лернер Н. О., III, 138, 139, 410, 417, 756, 775, 776, 781–783
- Лесеневич Н., I, 336
- Лесков Н. С., III, 875, 979, 980, 983, 998, 999, 1003, 1006, 1014
- Лесли Г., I, 350, 639
- Лессевич В. В., III, 876
- Лессинг Г. Э., II, 354
- Гамбургская Драматургия, II, 333
- Натан Мудрый, II, 333
- Лешков В. Н., II, 501, 568, 814
- Лещинский С., I, 335
- Лещинский Я. Д., III, 720
- Ливен К. А., князь, I, 486, 487, 594; II, 416, 417
- Ливий, II, 303
- Ливий Т., II, 452; III, 399
- Ливия Друзилла, II, 440
- Лигерт, знакомый А. И. Тургенева в Париже, III, 79
- Лидерс А. Н., граф, III, 224, 230
- Лизогуб, братья Т. С. Гоголь-Яновской (рожд. Лизогуб), I, 206, 240
- Лизогуб, сын С. С. Лизогуба, I, 206
- Лизогуб (рожд. Танская) А. В., I, 21, 45, 161, 206, 233, 237–241, 246, 338, 374, 379, 384, 386
- Лизогуб С. С., I, 20, 21, 45, 161, 206, 233, 237–241, 245, 335, 336, 338, 341, 371, 374, 384, 386, 495; III, 365
- Лизогуб Т. С. См. Гоголь-Яновская (рожд. Лизогуб) Т. С.
- Лизогуб Я. К., I, 20, 335
- Лизогубы, I, 69, 232, 233, 384; III, 968
- Линде С. Б., II, 463, 465

- Линдлей Дж., III, 759
- Линниченко И. А., I, 15; II, 115, 119–121, 124, 354, 537, 894; III, 117, 602, 812
- Линовский В. А., III, 760, 761
- Линьков Г. А., III, 578
- Липгарт, домовладелец, I, 839
- Липинский К., II, 951, 953; III, 227
- Липман Ф. И. (Ф. Л.), II, 441, 444
- Липранди И. П., III, 529
- Лисаневич А. И., I, 439
- Лисенков И. Т., III, 740
- Лист Ференц, II, 323; III, 575
- Литвин Н. О., II, 119
- Лихачев В. Ф.
Мечтатель. Рассказ доктора, III, 812, 813
- Лихонин М. Н., II, 178, 465, 894
Век ума, II, 465
- Лloyd Э., III, 618
- Лобанов М. Е., I, 766, 782; II, 353; III, 369
Борис Годунов, I, 776, 777, 782
- Лобанов-Ростовский Я. И., князь, II, 484
- Лобков А. И., II, 172, 173, 472, 473, 475, 488, 495; III, 159
- Лободанов А. П., I, 753
- Логановский А. В., II, 454, 456, 457; III, 311, 313, 376, 379, 407, 413, 447, 489, 531
- Логановский М. В., протоиерей, III, 376, 379
- Логинов В., II, 171
- Лодий П. Д., I, 440
- Локателли А., II, 40
- Локощенко (Локошинко) Я. Я., I, 408, 411
- Ломан, учитель каллиграфии, I, 735
- Ломиковский А., I, 328
- Ломиковский В. Я., I, 624
- Ломиковский П. И., I, 448
- Ломоносов М. В., I, 383, 446; II, 59, 60, 123, 790, 811, 909; III, 570, 701, 711, 755
- Ломтев Н. П., III, 276, 337, 338, 341, 372, 403, 561, 720
- Лонг Л., III, 131
- Лонгинов, старший брат Д. Н. и М. Н. Лонгиновых, I, 645, 646; III, 991
- Лонгинов Д. Н., I, 645; III, 991
- Лонгинов М. Н., I, 19, 645, 647, 648; III, 429, 475, 992
- Лонгинов Н. М., I, 188, 325, 645–648, 733–735, 737–742, 749; II, 354; III, 991
- Лонгинова, жена Н. М. Лонгинова, I, 645–647, 743; III, 991
- Лонгинович, I, 744
- Лопухин А. А., II, 851
- Лопухин И. В., III, 87
- Лопухина (рожд. княжна Оболенская) В. А., II, 850, 851
- Лоренсен (П. Э. Шапелль), II, 758
- Лоренсен (П. Э. Шапелль), Баяр Ж. Ф. А.
Матильда, или Ревность, II, 758
- Лоренцо. См. Лаврентий (Лоренцо), архидиакон, св. мученик
- Лорер (рожд. княжна Цицианова) Е. Е., II, 314, 317, 328
- Лорер Е. И. См. Вороновская (рожд. Лорер) Е. И.
- Лорер Ел. И. См. Кахова (рожд. Лорер) Ел. И.
- Лорер (в замужестве Россет, во втором браке Арнольди) Над. Ив., II, 297, 301, 328, 353
- Лорер Ник. И., II, 297, 373, 374, 408
- Лореры, II, 407
- Лоррен (Желле) К., II, 38–40, 441
- Лотман Ю. М., III, 473, 474
- Лохвицкая, мать Н. А. Тэффи, III, 115
- Лубенский Анд., I, 408
- Лугаковский В. А., II, 19, 22–26
- Луговой А. См. Тихонов А. А.
- Луженовский Н. Н., II, 567
- Лужин И. Д., II, 172, 407; III, 225, 230, 577, 711, 757
- Луи Филипп, французский король, II, 309, 315, 340
- Луиджи, половой в римском трактире, III, 377
- Луиджи, хорватский художник, III, 131
- Луини Б., III, 258

- Лука, св. апостол и евангелист, II, 39, 40, 337, 425, 433, 441, 451; III, 94, 130, 358, 361, 399, 469, 470, 716
- Лукаш, слуга С. С. Киселевой, II, 293
- Лукашевич, полтавский почтмейстер, I, 58
- Лукашевич, дочь А. М. Лукашевич (рожд. Косяровской). См. Шлихтина (рожд. Лукашевич)
- Лукашевич, муж А. М. Косяровской (в замужестве Лукашевич), III, 967
- Лукашевич А. А., I, 440, 452, 455, 456
- Лукашевич (рожд. Косяровская) А. М., I, 22, 24, 52, 58, 73, 75, 80, 81, 92, 108, 128, 164, 200; III, 967, 971
- Лукашевич В. А., III, 97, 736, 737
- Лукашевич Е., I, 188
- Лукашевич Н. А., III, 402
- Лукашевич П. А., I, 440, 453–455, 519, 599; II, 17, 18, 419–421, 497
- Лукашевич С. В., I, 75
- Лукреция, II, 39
- Лукьянов Е. А., III, 470, 735
- Лукьянович, сын Г. С. Лукьяновича, I, 125
- Лукьянович Г. С., I, 145
- Лукьянович (Лукьяновичева) Н. Г., I, 144, 145, 177, 188, 202, 203
- Лунин М. М., I, 797
- Лунин М. С., II, 332
- Лустоно И. Л. С., I, 735
- Луш. Н., I, 171
- Лыжин Н. П., II, 69, 70
- Лысенко Анд. Петр., I, 411
- Львов А. Ф., II, 263
- Львов В. В., князь, II, 599, 600, 618, 649, 655, 863, 864, 935, 945; III, 17, 18, 214, 865, 867
- Львов Ф. Н., II, 188
- Львов Ф. П., II, 263
- Львова (рожд. Мосолова) В., княгиня, I, 153, 185–187
- Львова Е. В., княжна, II, 42, 258
- Львова П. Н., племянница Г. Р. Державина, I, 79
- Львова-Синецкая М. Д., II, 141, 830; III, 7, 8, 42, 925
- Любимов Н. И., I, 801, 802; III, 5, 6
- Любич-Романович В. И., I, 23, 24, 298, 426, 439, 446, 454, 490, 509, 536, 541–543, 545, 557, 559, 566–572, 726; II, 793; III, 513, 527, 740, 982–984, 987, 1014
- Любич-Романович И. А., I, 566, 567
- Любовь, св. мученица, I, 187; II, 39, 618
- Любомирский, чиновник в Миргороде, I, 344
- Любошинская К. К. См. Никитенко (рожд. Любошинская) К. К.
- Любошинский М. Н., I, 732
- Людвиг, герцог Баденский, II, 258
- Людовизи, кардинал, III, 414, 442
- Людовик I, баварский король, II, 46
- Людовик IX, французский король, святой католической Церкви, II, 39
- Людовик XIV, I, 748; III, 339
- Людовик Благочестивый I, II, 28
- Людовик Бонапарт, брат Наполеона I, II, 356
- Людовик Филипп, французский король, II, 458, 464; III, 570
- Люли, новорожденная, III, 751
- Лютер М., I, 318; II, 43, 425, 451; III, 190
- Лютцов Р., граф, II, 41, 46; III, 19
- Лямина Е. Э., I, 294; II, 74, 82, 83, 140, 179, 411; III, 114, 116
- Лясковский В. Н., III, 198
- Ляхович А. Ф., I, 375
- Ляцкий Е. А., II, 364; III, 244, 246, 247, 251–253, 257–262, 264, 266–268, 270, 292, 992, 993
- Лященко А. И., I, 807, 808; III, 19, 20
- М. П., польский помещик, II, 482, 487
- М., гравер, III, 745
- М., родственник Н. А. Трахимовского, I, 148
- М., сосед Гоголей, I, 348
- М–ль Г., корреспондент газеты «Одесский Листок», III, 777–779
- М–р Ульяна, фон, знакомая Е. В. Гоголь, III, 188

- Маврин М. С., I, 626–628, 630
- Магденко А. П., III, 53, 59
- Магденко В. А., III, 337
- Магницкий М. Л., I, 433
- Магомет (Магомед, Мухаммед, Мохаммед), III, 205
- Мадерна К., II, 38
- Мадноская, I, 35
- Мазаньелло (Томмазо Аньелло), II, 39
- Мазаччо (Массачио), III, 394
- Мазепа И. С., I, 5, 202, 220, 269; II, 26, 775; III, 874
- Мазер К. П., I, 837; II, 545; III, 167, 168
- Мази Ф., III, 318
- Майков А. Н., I, 283, 302, 308, 320; III, 222, 223, 529, 562, 875
- Римские очерки, I, 302*
- Савонарола, I, 302, 308; III, 222, 223*
- Три смерти, I, 302, 308; III, 222, 223*
- Майков В. Н., II, 754; III, 562, 859
- Майков Л. Н., II, 630, 631, 933, 934; III, 562
- Майков Н. А., III, 276, 561, 562
- Майкова Е. П., III, 588
- Майоров П. В., III, 985
- Макарий Великий (Египетский), св., I, 434; II, 555; III, 616
- Макарий, настоятель Болховского монастыря, II, 209
- Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский, III, 663, 664
- Макарий (Веретенников), игумен, III, 574
- Макарий Алтайский (Глухарев), архимандрит, св., I, 184, 188; III, 550
- Макарий Оптинский (Иванов), преподобный, I, 702; II, 268, 280, 299, 301, 306, 391; III, 615–617, 732–735, 799, 891, 898, 1015, 1017–1019, 1022
- Макаров. См. Кулиш П. А.
- Макаров А. Г., I, 440, 452, 453, 455
- Макаров К., I, 607
- Макаров М. Н., II, 34, 35
- Макаров Н. См. Кулиш П. А.
- Макаров Н. Я., I, 43; III, 429, 475, 537, 539, 725, 726
- Макеева М. Е., I, 750
- Макиавелли Н., II, 493, 815
- Макогоненко Г. П., III, 472
- Максенций, римский император, II, 439
- Максимов, московский знакомый Н. В. Кукольника, I, 554
- Максимов (Лоскутов) М. А., III, 288, 773, 789, 791
- Максимов (Убий-Собака), брат И. С. Убий-Собаки, I, 361
- Максимов А. М., III, 288, 290, 924
- Максимов С. В., II, 500, 568; III, 682
- Максимович А., III, 73
- Максимович А. П., I, 766; II, 34, 35
- Максимович И. А., I, 8
- Максимович М. А., I, 16, 36, 42, 45, 172, 188, 209, 210, 218, 250, 303, 320, 323, 331, 352, 415, 456, 511, 596, 632–642, 644, 712, 758, 766; II, 20, 87, 107, 208, 272, 398, 409, 412–414, 479, 496, 498–501, 522, 523, 527, 551, 611, 612, 614, 633, 634, 636, 644, 656, 657, 659, 660, 696, 759, 768, 774, 775, 777, 799, 872–876, 898, 929, 930, 948–951, 953, 954, 963; III, 37, 65, 66, 80, 92, 134–136, 221, 223, 227, 228, 232, 236, 237, 320, 381, 431, 473, 476, 478, 481, 503, 648, 658, 738, 849, 878, 879, 941, 947, 948, 968
- Максимович П. П., I, 647, 801, 802; III, 4, 5, 7, 34
- Максин Н., II, 153, 154; III, 7, 925
- Максин П. Н., III, 7, 925
- Макушин А., I, 735
- Макферсон Дж.
- Берратон, I, 603*
- Макшеев И. А., III, 231, 232
- Малиновский Д. К., II, 545; III, 497, 658, 676–678, 680, 682–684
- Малиновский И. Д., III, 677, 682, 683
- Малиновский С. К., III, 683
- Малов М. Я., II, 172
- Мальфатти, врач в Падуе, II, 341

- Мальцев А. П., протоиерей, III, 580, 592
- Мальцев П. М., III, 623
- Мамонов Э. А. См. Дмитриев-Мамонов Э. А.
- Мамонова, II, 42
- Мамчич, почтмейстер в Миргороде, I, 349
- Манассия К., II, 455
- Мандт М. М., III, 729
- Манжос Н. Г., I, 420
- Манин, венецианский дож, II, 341
- Манн Ю. В., I, 18, 419, 521; II, 548, 936; III, 118, 133, 136, 141, 261, 307, 336, 479, 488, 534, 555, 568, 581, 633
- Мантейфель Г. А. (Г. И.), граф, I, 519
- Мантенья А., II, 39, 40
- Мануйлов В. А., III, 4, 523, 985
- Манцони А., III, 324
- Обрученные, III, 324*
- Маня, ребенок в доме Дм. П. Трошинского, I, 51
- Марабути, сестра Н. С. Марабути, III, 623
- Марабути Н. С., III, 623–625
- Маразли Г. Г., III, 781, 782
- Маргулиес Ю. Э., III, 275, 276
- Маржолен, врач в Париже, I, 517
- Мариани, II, 160
- Мариво П. К., I, 833; III, 744
- Марини, III, 362
- Марини, жена Л. Марини, III, 131
- Марини Л., III, 131, 133
- Марио Дж., III, 744
- Мариучча, III, 371, 372
- Мария, Пресвятая Богородица Дева, I, 13, 24, 39, 49, 76, 80, 201, 203, 215, 230, 239, 382; II, 26, 38, 39, 40, 44, 111, 112, 178, 195, 222, 233, 263, 304, 337, 341, 349, 395, 425, 427, 428, 433, 434, 436–439, 441, 446, 447, 456, 458, 460, 475, 483, 763; III, 12, 47, 81, 117, 146, 176, 188, 343, 397–399, 426, 440, 445, 469, 470, 543, 623, 628, 750, 754, 838–842, 890, 904, 916, 937, 997, 1017
- Мария, сестра прав. Лазаря Четверодневного, III, 94, 95, 361
- Мария Египетская, преподобная, III, 752
- Мария Магдалина, св. равноапостольная, II, 38–40, 225, 412, 446, 749; III, 300, 407, 413, 1001
- Мария, римская прислуга, III, 130
- Мария Александровна, великая княгиня, дочь Императора Александра II, жена (с 1874 г.) принца Великобританского Э. А. Альфреда, II, 272–274, 281
- Мария Александровна, великая княгиня, жена наследника Александра Николаевича (с 1855 г. Императора Александра II), II, 42, 274
- Мария Луиза, герцогиня Пармская, II, 254, 276
- Мария Максимилиановна, дочь герцога Лейхтенбергского Максимилиана, II, 257
- Мария Михайловна, великая княгиня, дочь великого князя Михаила Павловича, II, 258
- Мария Николаевна, великая княгиня, дочь Императора Николая I, в первом браке герцогиня Лейхтенбергская, во втором браке за графом Г. А. Строгановым, I, 655, 662, 666, 670, 693, 727, 779, 780; II, 51, 58, 168, 196, 197, 199–203, 244, 257, 261, 264, 284, 302, 363, 566; III, 18, 19, 52, 159, 164, 165, 184, 196, 259, 378
- Мария Павловна, великая герцогиня Саксен-Веймарская, дочь Императора Павла I, II, 460; III, 574
- Мария Савельевна, горничная А. О. Смирновой, II, 329–331
- Мария Терезия, II, 450, 456
- Мария Феодоровна, Императрица, вторая жена Павла I, I, 734, 744; II, 199, 263, 284, 294, 307, 324, 329
- Марк Аврелий, II, 38, 220, 245, 430, 431, 442, 467
- Марк Антоний, II, 299, 340
- Марк, св. апостол и евангелист, II, 39, 40, 161, 162, 425, 433, 441, 451; III, 155, 470, 716
- Марк (Хомич), монах, III, 596, 616, 727, 732, 800
- Маркевич А. В., III, 737
- Маркевич А. И., I, 436, 505; III, 98, 103, 626, 631, 736, 753, 754, 756, 757, 759, 765, 773, 774, 778–787
- Маркевич А. Н., III, 233

- Маркевич Б. М., II, 352
- Маркевич Е. В., III, 55, 59
- Маркевич М. А., III, 55
- Маркевич Н. А., II, 152, 271, 488, 493; III, 55, 233, 238
- Маркелл, монах Свенского монастыря, III, 735
- Маркина Л. А., II, 37; III, 62, 386, 388, 391
- Марков А. Д., III, 154
- Марков А. Т., II, 447, 451, 456; III, 397, 561, 562
- Марков В. М., I, 439, 440, 453, 463, 465, 467, 468, 471–479, 482–484, 486, 553
- Марков М. А., II, 681, 756; III, 245
- Марков П. К., III, 578
- Марков С., III, 701
- Марковецкий С. Я., I, 835
- Маркович А. В., II, 400; III, 72, 96, 97, 110, 476, 736, 737, 763, 784
- Маркович (Маркевич) А. М., I, 526, 527, 532, 634; III, 639
- Маркович М. А. См. Вовчок Марко (рожд. Ви-линская М. А., в замужестве Маркович)
- Марковский М. Н., I, 718; II, 25
- Маркс А. Ф., I, 430
- Маркс В. М., I, 247, 252
- Маркс К., III, 214, 410
- Маркус М. А., II, 542, 543
- Марлинский. См. Бестужев (псевдоним Мар-линский) А. А.
- Мармон О. Ф. Л., герцог, II, 424, 433
- Мармье К., I, 663; II, 192; III, 78, 83, 472, 804, 808
- Гофман, III, 472*
- Марсакова Т. М., III, 715
- Марта, крестьянка, I, 611, 614
- Мартин, св., III, 484
- Мартини К. А., де, I, 462
- Мартини, чиновник русского посольства в Мюнхене, II, 85, 86
- Мартос И. П., I, 519
- Мартос И. Р., I, 243, 384, 624
- Мартос П. И., I, 490, 504, 536, 548–550
- Мартынов А. Е., II, 731, 765; III, 4, 261, 262, 641, 793
- Мартынов И. И., I, 425
- Мартынов Н. С., II, 142; III, 776
- Мартынова Н. В., I, 544
- Мартынович-Лашевский А. И., II, 401, 403, 404, 407
- Мартьянов П. К., II, 530, 536; III, 660, 673, 682
- Марфа, сестра прав. Лазаря Четверодневного, III, 94, 95, 361
- Марфа Андреевна, знакомая Е. А. Хитрово, III, 743
- Марцелл М. К., II, 437
- Марчелли В., римская прислуга, III, 130
- Марченко (рожд. Убри, Убриль), жена С. П. Марченко, I, 847; III, 76, 81
- Марченко Е. Ю., II, 24
- Марченко С. П., I, 847; III, 81
- Марья Борисовна, соседка Гоголей, I, 166
- Марья Васильевна, знакомая В. А. Гоголя-Яновского, I, 375
- Масалов В. М., III, 783
- Масальский К. П., I, 766, 840; II, 375, 765; III, 369, 370
- Масанов И. Ф., III, 553
- Масклет (Masclat), домовладелец в Ницце, II, 260
- Массильон Ж. Б., епископ, II, 458
- Массимо К. Ф., князь, III, 117
- Массинисса, нумидийский царь, II, 44
- Массуччи Джованни, III, 128
- Массуччи Джузеппе, III, 128
- Массуччи Н., III, 128
- Матвеев А., III, 727
- Матвеев И., III, 569
- Матвеев П. А., III, 122, 726–729, 732, 735, 798
- Матвеева, жена А. Матвеева, III, 727
- Матвеевский П. А., протоиерей, III, 709
- Матвеевы, II, 329

- Матис Э., II, 427
- Матисен Е. А., I, 792
- Маттеи Г., II, 40
- Маттеи Ч., граф, III, 927
- Маттео, одесский ресторатор, III, 774, 784
- Матушевич Л. П., II, 537
- Матушинский П. Ф., II, 446
- Матфей, св. апостол и евангелист, II, 39, 40, 112, 425, 433, 441, 764; III, 358, 361, 716, 957
- Матюшенко И. П., III, 357
- Матюшкин Д. М., граф, III, 527
- Матюшкин Ф. Ф., II, 420, 423
- Маурер Л., II, 805
- Мафилов Ник. Ив., I, 411
- Мафусаил, патриарх, I, 795
- Махмуд II, турецкий султан, II, 461
- Мацеевич Л. С., I, 555, 556; III, 780, 782
- Мацеевский В.А., II, 461–464
- Машинский С. И., I, 504, 537, 549, 550, 605, 798; II, 180, 575, 609, 616, 620, 621, 635, 644, 864; III, 260, 286
- Машковцев Н. Г., III, 103, 117, 168, 188, 307, 346, 354, 567
- Медведева (в замужестве Гайпукова) Н. М., III, 770
- Медем П. И., граф, II, 266, 278, 343, 357
- Медичи, флорентийский род, II, 433, 437
- Медичи К., II, 39
- Медовиков П. Е., II, 609
- Медовичева Т. А., III, 209, 236
- Меж... , знакомый М. П. Погодина в Москве, II, 498
- Межаков (отец), I, 519
- Межаков (сын), I, 519
- Межевич В. С., II, 34, 35, 146, 148, 554, 755, 789, 826; III, 287, 924
- Мей Л. А., I, 582; II, 502
- Слово о полку Игореве (перевод), II, 502*
- Мейер (Майер), археолог, II, 30; III, 108, 109
- Eduard in Rom, III, 108*
- Мейербер Дж., II, 278; III, 477
- Гугеноты, II, 278*
- Роберт-дьявол, I, 830; III, 477*
- Мелентьева, мать М. А. Мелентьевой, I, 183
- Мелентьева М. А., I, 180–183, 733, 745, 749
- Мелетий, митрополит Петры Аравийской, I, 355; II, 103; III, 530
- Мелецкая (Малецкая) М., I, 750
- Мельгунов Н. А., I, 752, 758–761, 773; II, 34, 35, 85, 130, 412, 526, 527, 534, 576, 579, 652, 758; III, 144, 173, 266, 287, 856
- Мельгунов С. П., II, 364
- Мельгунова С. К., III, 173
- Мелькович К. П., III, 551
- Мельников А-р Дан., I, 408, 411, 412
- Мельников В. Дан., I, 408, 411
- Мельников (псевдоним Андрей Печерский) П. И., I, 724
- Мен, II, 41
- Менделевичи, содержатели магазина в Одессе, III, 631
- Мендельсон Н. М., III, 468, 531–533, 824
- Мендес <?> Н., I, 384
- Ментенон Ф., маркиза, вторая жена Людовика XIV, II, 199
- Менцель В., II, 828; III, 524
- Меньшиков А. С., светлейший князь, II, 259, 260
- Меньшиков Д. А., II, 4, 34, 172
- Мердер, II, 361
- Мердер, генеральша, III, 100
- Мердер С. М., I, 666
- Мережковский Д. С., III, 900, 901
- Мерзер, I, 324
- Мерзляков А. Ф., II, 444, 604, 628, 652, 870
- Ода на разрушение Вавилона, II, 439, 444*
- Мериме П., II, 298, 348; III, 139, 759, 821, 874
- Мерославский Л., II, 21, 25
- Мессинг (рожд. Погодина), сестра М. П. Погодина, I, 112; II, 489, 490, 659

- Мессинг М. И., II, 658, 659, 692
- Местр Ж. М., де, II, 284, 302, 348, 351, 357, 554
- Местр К., де, II, 302, 331, 335
Параша, II, 331
Прокаженный, II, 331
Путешествие вокруг моей комнаты, II, 331, 335
- Местр Р., де, II, 302, 305
- Метакс, граф, III, 669
- Метелеркамп, фон, III, 305
- Метлинский А. Л., I, 644
- Меттерних (рожд. княжна Кауниц), княгиня, II, 266
- Меттерних К. В., князь, II, 353, 461; III, 509
- Мефодий, учитель Словенский, св. равноапостольный, I, 43; III, 229
- Мефодий (Пишнячевский), епископ Полтавский и Переяславский, с 1824 г. архиепископ Астраханский и Кавказский, I, 51, 76
- Мец Ф. Ф., II, 34, 35
- Меценат Г. Ц., II, 449
- Мецофанги Дж., кардинал, II, 39, 44, 451, 457; III, 449, 490
Любя Российских Муз, я голос их внимаю... III, 449
- Мещеринов, предводитель калужского дворянства, II, 405
- Мещерская (рожд. Карамзина) Е. Н., княгиня, II, 42, 48, 199, 259; III, 78, 86
- Мещерская Е. С., I, 300
- Мещерская (рожд. графиня Апраксина) М. В., княгиня, II, 79; III, 358, 590
- Мещерские, II, 32; III, 150
- Мещерский, князь, III, 358
- Мещерский Е. П., князь, II, 5, 6, 34
- Мещерский Н. И., князь, II, 747, 749, 767; III, 150, 151
- Мещерский П. В., князь, III, 749, 759
- Мещерский П. И., князь, II, 48
- Мещерский Э. П., князь, II, 465
- Миерис, голландский художник, II, 453
- Мизко Д. Т., III, 764, 765
- Мизко Н. Д., I, 644; III, 476, 496, 523, 762–767, 777, 780
Историко-статистические сведения о раздаче земель в Южной России, I, 643, 644
Памятная записка о жизни Дмитрия Тимофеевича Мизко, III, 764, 765
Столетие Русской Словесности, III, 764, 765
- Микеланджело Б., II, 39, 214, 216, 218, 219, 242, 244, 252, 256, 257, 299, 346, 425, 429, 431, 435, 438, 440, 441, 446–448, 840; III, 395, 397, 399, 407, 659
- Микешин М. О., I, 383
- Миклухо-Маклай, родственники Гоголя, II, 291, 296
- Миллер, гравер, II, 178
- Миллер, знакомый Кованько, III, 884
- Миллер, профессор, I, 423
- Миллер (Мюллер) А., II, 263
- Миллер (Мюллер) Генрих, II, 263
- Миллер (Мюллер) Георг, II, 263
- Миллер (Мюллер) И., II, 417; III, 366, 478
- Миллер Н. Н., I, 446, 463, 467, 472–479, 482–484, 486, 490, 553
- Миллер О. Ф., II, 236, 497
- Миллер (Мюллер) Ф., II, 263
- Миллер Ф. Б., II, 548
- Миловский Н. М., протоиерей, III, 595
- Милорадович (рожд. княжна Васильчикова) А. А., I, 651, 657
- Милорадович В. П., III, 876
- Милорадович Л. Г., I, 439, 447, 452, 453
- Милорадович С. Г., I, 439, 455
- Милтон (Мильтон) Дж., I, 375; II, 321
- Милькеев Е. Л., II, 684, 757
- Мильс, англичанин, II, 440
- Мильчина В. А., II, 493; III, 80, 83, 88, 89, 91
- Милюков А. П., II, 186, 188; III, 587
- Милютин Д. А., граф (с 1878 г.), I, 326; II, 46, 47; III, 323, 326, 329, 696, 717

- Милютин Н. А., III, 692, 696
 Милютини, III, 670
 Мими, домовладелец в Одессе, III, 777, 783
 Минарди Т., II, 40, 45
 Минин К., I, 600
 Миницкий А. О., I, 439, 440, 446, 453–455, 459
 Миницкий И. О., I, 439, 452–455
 Минна, няня детей Н. М. и А. О. Смирновых, II, 349
 Минстер П. Ф., I, 188
 Мирец Фед. Анд., I, 411
 Мирецкий, киевский портной, III, 998
 Миркович (Мирковичева) М. Ф., I, 750
 Миркович (Мирковичева) С. Ф., I, 750
 Миркович (Мирковичев) Ф. Я., I, 750
 Миронов Ф., I, 440, 454, 455
 Митридат, II, 307
 Митрофан, митрополит Коринфский, I, 364
 Митрофан, епископ Воронежский, св., I, 286, 312; III, 16, 18, 21, 48, 50
 Миттермайер К. И., III, 423, 470
     Состояние Италии, III, 423, 470
 Михаил Архангел, Архистратиг, I, 203, 638; II, 425, 435; III, 37, 621, 800, 836, 1014
 Михаил, св., I, 17
 Михаил (Грибановский), епископ Таврический и Симферопольский, III, 364, 365
 Михаил Куруларий (Церулларий), патриарх Константинопольский, II, 442
 Михаил Латош (Омер-паша), III, 622, 623
 Михаил Николаевич. См. Муравьев Мих. Никол., граф Виленский (с 1865 г.)
 Михаил Николаевич, великий князь, III, 123
 Михаил Павлович, великий князь, I, 329, 689, 705, 736, 740, 750; II, 41, 42, 258–260, 309, 311, 319, 324, 329–332, 339, 340, 343, 347, 355; III, 224
 Михайлов Г. К., III, 371, 372
 Михайлов К. Н., II, 574
 Михайлова А. Н., II, 500, 711
 Михайлова Н. И., III, 994
 Михайловский-Данилевский А. И., I, 766; II, 34, 35
 Михалина, горничная С. С. Киселевой, II, 293
 Михневич И. Г., III, 635, 636, 738, 779
 Михневич О. Г., III, 761
 Михно Ф. П., I, 471, 485
 Михольский, помещик, III, 50, 994–998
 Мицкевич А., I, 517, 518; II, 19–23, 25, 26, 259, 290, 426, 444, 458, 459; III, 79, 85, 93, 107, 116, 986, 987
     Гражина, I, 557
     Корчма в Уните, I, 557
     Пан Тадеуш, II, 21
 Мицкевич (рожд. Шимановская) Ц., II, 459
 Мичри, домовладелец в Одессе, III, 782
 Мишина Л. Е., III, 220
 Млодецкая, мать княгини А. И. Гагариной-Стурдза (рожд. Млодецкой), III, 751
 Млодецкая А. И. См. Гагарина-Стурдза (рожд. Млодецкая) А. И., княгиня
 Млодецкие, III, 759, 782
 Млодецкий, граф, III, 782, 786
 Млотковская Л. И., III, 791
 Многогрешный Д. И., I, 639
 Могденко М. Г., I, 750
 Могилевский Афанасий, протоиерей, I, 446
 Могилевский П. И., I, 338, 386, 795, 796
 Могилянский А. П., I, 802; II, 5, 7, 757
 Могилянский А. Ф., II, 513
 Модельницкий, I, 235
 Модерах К. Ф., I, 511, 514
 Модестов С. С., протоиерей, III, 709
 Модзалевский Б. Л., II, 576, 621, 756; III, 149, 600
 Можарова М. А., III, 758
 Мозер, часовщик, III, 37
 Моисеев К. А., I, 445, 447, 449, 453, 454, 457, 460, 466, 485, 488, 503, 535–537, 548, 552
 Моисей, св. пророк, II, 40, 218, 244, 256, 304, 441, 813; III, 255, 346

- Моисей Оптинский (Путилов), преподобный, I, 120; II, 306, 391; III, 728, 729, 732, 733, 735, 799
- Мокрицкий Ал. Н., I, 408, 411
- Мокрицкий Ап. Н., I, 404, 490, 586, 594, 599–601, 806; II, 551; III, 73, 371, 372, 403, 404, 561, 671
- Мокрицкий Мих. Н., I, 408, 411
- Мокрицкий П. Н., II, 599, 600
- Мол..., врач, двоюродный брат Ю. И. Венелина, III, 849
- Молдавский Д. М., III, 877
- Молева Н. М., II, 354; III, 328
- Моллер, сестры, III, 335
- Моллер Амалия Ант., фон, III, 335
- Моллер А. В. (О. Б.), фон, III, 329, 330, 385
- Моллер Ф. А., фон, I, 41, 154, 191, 229, 287, 313, 316, 349, 354, 382, 389, 401; II, 37, 74, 116, 121, 536, 613, 762, 792, 823; III, 54, 62, 64, 73, 117, 307, 308, 311, 312, 315, 329–335, 337, 341, 351, 353, 359, 371, 372, 374, 376–379, 382, 383, 385–392, 406, 452, 496, 561, 603, 647, 659, 971
- Моллер Ю. Ш., фон, III, 329, 330
- Молль, барон, II, 85
- Молотков (псевдоним). См. Климченко К. М.
- Молчанова С. Н., I, 153, 186, 187
Кто имя дружбы расточает..., I, 187
- Мольер Ж. Б., I, 83, 303, 651, 709, 804, 811; II, 94, 153, 154, 333, 339, 354, 360, 391; III, 24, 26, 103, 209, 417, 418, 435, 567, 749, 768, 980
Лекарь поневоле (Доктор принужденный, Medecin malgré lui), I, 553
Сганарель, II, 153, 154
Скупой (Avaré), II, 553; III, 209
Тартюф, или Обманщик, II, 377, 780, 862, 863; III, 854
Школа жен, III, 743, 756, 768, 769, 774, 793
Школа мужей, III, 209
- Мольтке П. Ф., барон, II, 42, 48
- Монигетти И. А., III, 127, 310, 371, 372, 561
- Монисов, домовладелец в Одессе, III, 782
- Монталамбер М., II, 348
- Монтекки, III, 362
- Монтень М., де, II, 333
- Монтескье Ш. Л., II, 333
- Мопассан Ги, де
На воде, I, 225
- Мордвинов А. Н., I, 815, 816
- Мордовченко Н. И., I, 809, 810, 832
- Морнет, владелец магазина в Париже, III, 79
- Морозов И. А., III, 810
- Морозов И. Л., III, 412
- Морозова Н. П., I, 75
- Моршанский (Маршанский) М. А., III, 770, 774, 777
- Мосалева Г. В., II, 759
- Мосолова В. См. Львова (рожд. Мосолова) В., княгиня
- Мосолова П. И., I, 185
- Мосоловы, I, 185
- Мостовская Н. Н., III, 467, 468, 499, 500, 531, 532, 533, 824
- Мотовилов Н. А., III, 188
- Мохнацкий М., II, 21, 22, 25
- Моцарт В. А., I, 79; II, 263, 299, 482; III, 967
- Мочалов П. С., I, 807; II, 733, 765; III, 8, 11
- Мошин А. Н., I, 247, 253, 581
- Мошинский, граф, III, 782
- Мудров М. Я., II, 179
- Мундт Н. П., I, 621, 623; II, 4, 34, 225, 358, 361, 758
- Мунк Э., III, 30
- Муравьев, московский переплетчик, III, 745
- Муравьев А. М., II, 131
- Муравьев А. Н., II, 231; III, 46, 49, 53, 177, 635
Тивериада, II, 231
- Муравьев В., тульский помещик, III, 200
- Муравьев Мих. Никит., II, 59, 131, 132, 501
- Муравьев Мих. Никол., граф Виленский (с 1865 г.), I, 840; III, 667, 668
- Муравьев Н. М., II, 131

- Муравьев Н. Н., граф Амурский (с 1858 г.), III, 201, 857, 858
- Муравьева Е. Н., II, 131
- Муравьева (рожд. баронесса Колокольцева) Е. Ф., II, 131, 132; III, 77, 82, 86
- Муравьева (рожд. Шереметева) П. В., графиня (с 1865 г.), III, 559, 668
- Муравьева-Карская, графиня, III, 559
- Муратори Л. А., II, 230, 256
- Мурзакевич М. П., III, 761
- Мурзакевич Н. Н., II, 34, 35; III, 144, 265, 626, 737, 760–763, 770, 777–779, 782
- Мурзин В. К., III, 804, 808
- Муррей Д., III, 422, 470
- Мусин-Пушкин М. Н., граф, I, 309, 320; II, 934, 935; III, 17, 691, 692, 823, 829
- Муха, сотник Краснопольский, I, 639
- Муханов, II, 80, 116; III, 912, 935, 946
- Муханов А. И., III, 595
- Муханов В. А., II, 555; III, 593–596, 732, 798, 868
- Муханов В. М., II, 555
- Муханов Н. А., III, 593–596, 868
- Муханов Н. М., II, 555
- Муханов П. А., II, 34, 35
- Муханова Ек. А., III, 593–595, 732, 798
- Муханова Ел. А., III, 593–595, 732, 798
- Муханова М. С., III, 595
- Муханова П. А., III, 593–595, 732, 798
- Муханова Т. А., III, 593–595, 732, 798
- Мухановы, III, 706
- Мыкыртычьянц. См. Тер-Мыкыртычьянц С. Н.
- Мысловский П. Н., протоиерей, I, 736, 749; III, 600
- Мышков, домовладелец в Полтаве, I, 415
- Мышковский И. Г., I, 547
- Мякотин В. А., II, 364
- Мяновский И. И., II, 299, 301
- Мяснов П. Н., III, 200, 201
- Мятлев И. П., II, 38, 43, 266, 273, 281, 291, 292, 295, 335, 337, 365, 909; III, 116
- Рассказ о русской кампании, II, 266*
- Сенсации и замечания г-жи Курдюковой за границей, дан л'Этранже, II, 346; III, 357*
- Мятлев И. П., Вяземский Петр А., князь, Пушкин А. С.
- Поминки, II, 273, 291*
- Н., корреспондент журнала «Русский Вестник», I, 505
- Н., соседка Гоголей, I, 595
- Н. М. См. Кулиш П. А.
- Навроцкий А. А., III, 97
- Надежда, св. мученица, I, 187; II, 39, 618
- Надежда Карловна. См. Зедергольм Н. К.
- Надежда Сергеевна. См. Аксакова Н. С.
- Надежда Степановна, няня Н. Н. Смирновой, II, 225, 253, 255, 303, 304
- Надеждин Н. И., I, 429, 761; II, 4, 34, 575, 659, 793, 934, 957, 958; III, 27, 134, 136, 144, 209, 272, 279, 472, 526, 868
- Надимов П. М., III, 762, 791, 794
- Назаревский А. А., I, 6, 7, 51, 81, 82, 111, 137, 141, 142, 174, 493; III, 486
- Назаров Н. С., князь, III, 923, 950, 951
- Назарова Л., III, 500
- Назимов В. И., I, 309, 538; II, 112–114, 120, 144, 172, 173, 210, 499, 501, 504, 505, 513, 516, 568, 569, 629, 934, 935, 945, 946; III, 552, 652, 666, 812–815, 829, 832, 919, 958, 959
- Наливайко С., I, 639
- Нанна, служанка Гоголя в Риме, II, 44, 166, 466; III, 412, 451
- Наполеон I, I, 17, 28; II, 119, 254, 266, 276, 341, 374, 424, 430, 433, 528, 534, 544; III, 54, 85, 111, 397, 443, 570, 648, 662, 808, 986
- Наполеон II Бонапарт, III, 570
- Наполеон Бонапарт Л. Л, племянник Наполеона I, лингвист, III, 54
- Нарезный В. Т., III, 17, 967
- Нарышкин К. А., II, 47
- Нарышкин Л., II, 259

- Нарышкин М. М., II, 373, 374, 892
- Нарышкина (рожд. княжна Лобанова-Ростовская) М. Я., II, 41, 42, 47
- Насветов (отец), священник в Васильевке, I, 223, 313, 529, 533
- Насветов (сын), диакон в Васильевке, I, 223
- Населенко Е. П., II, 575, 584, 588, 590–595, 597–601, 603, 606, 607, 609–611, 613–617, 623, 626, 642, 645, 656, 659, 723, 724, 726, 751, 756, 759, 780, 783, 786, 844, 868, 869, 875, 876, 878, 880, 888, 920, 924, 928, 931, 934
- Наумов, московский знакомый Н. В. Кукольника, I, 554
- Наумова П, прислуга княгини В. Ф. Вяземской, I, 521, 839; III, 483
- Наумовы, родственники Н. А. Языковой (рожд. Наумовой), III, 182
- Нафанаил (Савченко), с 1850 г. епископ Полтавский и Переяславский, с 1869 г. епископ Архангельский и Холмогорский, I, 533
- Нахальнов, купец, II, 538
- Нахальнов, присяжный поверенный, II, 538
- Нашокин А. П., II, 554
- Нашокин П. В., I, 198, 218, 712, 719; II, 127, 269, 465, 497, 526, 527, 550–554, 640, 711, 721, 763, 788, 948; III, 23, 27, 417, 495, 519, 924, 964, 971
- Нашокина В. А., I, 198; II, 146, 530, 550–552, 554, 767, 867; III, 539, 726, 891
- Нашокины, I, 198
- Неберкутина Е. В., III, 882
- Небольсин Г. П., I, 801, 802; II, 5–7, 34
- Невахович А. Л., III, 641, 642
- Невахович М. Л., III, 642, 864
- Неведомский В. Н., II, 353
- Невежин П. М., III, 885
- Неверов Я. М., I, 760, 774, 801, 802; II, 4, 5, 7, 34, 149; III, 255
- Неверова К., III, 876
- Неводчиков Н. В. См. Неофит (Неводчиков), архиепископ Кишиневский
- Негрескул В., I, 424; II, 519, 629
- Негри, III, 760
- Неелов С. А., II, 378, 395
- Неизвестная, жительница Ветлужского уезда Костромской губ., корреспондент Гоголя, III, 677
- Нейпперг А. А., граф, II, 254, 276
- Неклюдова (рожд. Беклешова) А., I, 749
- Неклюдова М. Г., III, 342
- Некрасов И. С., II, 157; III, 627
- Некрасов Н. А., I, 488, 647, 648, 673–685, 704; II, 205, 428, 513, 774, 961; III, 27, 273, 277, 289, 290, 298, 528, 529, 560, 643, 644, 674, 747, 757, 772, 791, 822, 863, 951
- Блажен незлобивый поэт... III, 822*
- Родина, III, 643*
- Тройка, III, 27*
- Некрасова Е. С., III, 327, 358, 380–383
- Нелединская-Мелецкая А. Ю. См. Оболенская (рожд. Нелединская-Мелецкая) А. Ю., княгиня
- Нелединский-Мелецкий Ю. А., II, 222, 279, 415; III, 694
- Нелидов А. И., III, 15
- Нелюбин А. П., II, 34, 35
- Немирович-Данченко М., I, 75
- Немчинов И. И., III, 42
- Неофит, знакомый Гоголя, III, 727
- Неофит (Неводчиков), архиепископ Кишиневский, III, 551, 633–636, 752, 753, 779, 780, 785
- Непорожний И., I, 235
- Непыйвода К., I, 235
- Нерон, II, 229–231, 251, 256, 432, 439–441; III, 424
- Нессельроде, сын графа К. В. Нессельроде, I, 698
- Нессельроде К. В., граф, I, 693, 698; II, 263, 282, 290, 340, 347, 355, 356; III, 76, 601, 602, 604, 605, 607–609, 611, 612, 614, 615, 622, 742, 755, 886
- Нессельроде (рожд. графиня Гурьева) М. Д., графиня, I, 691; II, 362; III, 111
- Нестеров Я. Д., I, 75
- Нестор, царь Пилоса, III, 169

- Нестор Летописец, св., I, 719; II, 419, 420, 525; III, 876
- Неталицкий, врач в Киеве, I, 137
- Нефф Т. А., фон, II, 456
- Нечаев В. П. См. Виссарион (Нечаев), епископ Костромской и Галицкий
- Нечаев С. Д., II, 177, 179, 180
- Нечаева В. С., I, 619; III, 740
- Нечай Д., II, 773
- Нечкина М. В., II, 297
- Нешумова Т. Ф., II, 179, 411
- Нибби А., II, 39, 44, 195, 196, 256, 466
- Нибби К. См. Пименова (рожд. Нибби) К.
- Нибур Б. Г., II, 230
- Никанор (Клементьевский), митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский, III, 891
- Никитенко (рожд. Любошинская) К. К., I, 599, 600
- Никитенко А. В., I, 283, 308, 582, 584, 585, 599, 662, 663, 665, 673, 674, 677, 678, 680, 681, 683–686, 695, 726, 729–732, 767, 771, 772, 822; II, 17, 34, 35, 43, 94–97, 169, 308, 579, 704, 708, 731, 738, 765, 916, 945; III, 24, 34, 49, 55, 56, 183, 214, 230, 259–261, 264, 267, 289, 373, 475, 486, 493, 499, 500, 535, 556, 643, 644, 694, 704, 823, 853
- Никитенко С. А., I, 729
- Никитин А. С., I, 517, 522; II, 38; III, 108, 112
- Никитин А-р Н., III, 369
- Никитин Анд. А., III, 369
- Никитич, знакомый А. О. Смирновой в Калуге, II, 266
- Никифор Монах (Уединенник), св., I, 434
- Никифор (Феотоки), архиепископ Астраханский и Ставропольский, I, 435
- Никифоров Н. М., II, 154; III, 7, 8, 42, 925
- Никколо Синчero (псевдоним). См. Рамазанов Н. А.
- Николаев А. С., I, 671, 689, 730, 731, 778–780; II, 175, 201, 942, 946; III, 563, 597, 979
- Николаев П., III, 792
- Николаева Е., III, 792
- Николаевский С. А., I, 690, 691
- Николай Мирликийский, св., I, 11, 25, 31, 36, 107, 177, 194, 202, 204, 207, 220, 225, 249, 267, 269, 389, 633, 637, 639; II, 25, 83, 120, 268, 283, 291, 405, 633; III, 82, 176, 340, 544, 619, 784
- Николай I, Император, I, 11, 14, 43, 76, 85, 86, 115, 117, 128, 259, 260, 280, 296, 311, 329, 343, 355, 393, 512, 528, 536, 541, 551, 562, 570, 585, 595, 618, 626, 660, 662, 665, 670, 671, 674, 684, 689, 692, 705, 727, 728, 730, 731, 736, 737, 743, 745, 749, 768, 771, 776, 777, 779–782, 798–800, 816, 817, 819, 820, 825, 826, 829–831, 833–836, 839, 845; II, 5, 9, 11–14, 17, 26–28, 32, 37, 44, 45, 52, 54, 55, 57–61, 65, 110, 117–119, 167–169, 172, 174, 176, 202–204, 213, 217, 225, 228, 232, 240, 243, 250, 256, 262–265, 271, 274, 275, 278, 282, 284, 287, 290, 294, 297, 307–309, 314, 315, 319, 323–327, 329–332, 338–343, 345–347, 350, 355, 357–359, 368, 401, 407, 408, 411, 454, 459, 465, 473, 478, 494, 503, 514, 575, 594, 613, 667, 704, 708, 716, 730, 731, 737, 743, 755, 765, 766, 907, 915, 918, 924, 925, 940, 941, 958; III, 7, 31, 33, 50, 61, 78, 82, 84, 85, 98, 100, 108, 110, 112, 119, 123, 171, 174, 200, 201, 228, 229, 231, 232, 234, 257, 259, 261, 301, 310, 314, 332, 337, 340–345, 348–350, 371, 379, 382, 385, 389, 413, 483, 484, 495, 501, 527, 538, 558, 559, 561, 566, 569, 574, 576, 583, 589, 591, 592, 600–602, 604, 605, 607, 609, 611, 615, 620, 622, 641, 659, 661, 668, 675, 683, 692, 718, 729, 736, 761, 794, 799, 811, 813–815, 817, 849, 857, 872, 978, 995, 1017
- Николай (Соколов), епископ Калужский и Боровский, II, 266, 267, 279, 281, 405
- Николай, слуга С. П. Шевырева, III, 659
- Николай Александрович, великий князь, I, 538; III, 42, 197, 355; III, 402, 403
- Николай Александрович, Наследник Цесаревич, с 1894 г. Император Николай II, страстотерпец, I, 316; III, 602
- Николай М. См. Кулиш П. А.
- Николай Матвеевич, знакомый Г. Рора в Москве, II, 556
- Николь Д., II, аббат, 290
- Никольский, чиновник, сын иерея И. Д. Никольского, III, 715, 717, 916, 937

- Никольский А. С., I, 446
- Никольский И. Д., иерей, II, 108, 109, 111, 505–507, 513, 526, 529, 534, 535, 537, 540, 541; III, 135, 136, 297, 298, 717, 911, 915, 916, 925, 933, 936, 937, 946
- Никольский П. И., I, 428, 440, 446, 460, 466, 477, 487, 495, 500, 540, 541, 555, 558
- Ум и рок, I, 540*
- Никольский Т. Ф., протоиерей, I, 679, 680; II, 367
- Никольский Ф. Е., III, 788, 791
- Никон (Рождественский), архиепископ Вологодский и Тотемский, III, 798–800
- Никулина Н. А., III, 42
- Нил Столбенский, преподобный, III, 1013
- Нилус С. А., III, 188, 244, 732, 797–800
- Нильский (наст. фамилия Нилус) А. А., I, 806
- Нимченко, дочь Я. Нимченко, I, 196, 316, 404, 405
- Нимченко, сын Я. Нимченко, I, 196, 316, 404
- Нимченко М., I, 179, 180, 195, 216, 401, 404, 515; III, 434
- Нимченко Н., внучка Я. Нимченко, I, 316
- Нимченко Я., I, 106, 179, 180, 195, 203, 216, 249, 288, 289, 314, 316, 401, 404, 515, 579, 580; III, 433, 434, 477, 984–986
- Нистрем К. М., III, 305
- Ницше Ф., III, 1020
- Нич Г. В., II, 452
- Ноак Ф., III, 125–127, 572
- Новакович П., I, 384
- Новиков, московский знакомый Н. В. Кукольника, I, 554
- Новиков И. И., III, 856
- Новиков Н. И., I, 75; II, 331, 478, 481; III, 87
- Новицкий А. П., I, 439; III, 358, 387
- Новицкий И., I, 336
- Новицкий К. О., I, 350, 363
- Новосельский, домовладелец в Одессе, III, 786
- Новосильцев Е. И., II, 779; III, 12
- Новосильцев П. П., II, 490, 494, 495
- Новосильцева (рожд. графиня Орлова) Е. В., графиня, II, 594, 595; III, 111
- Новохацкий А. М., I, 470, 471, 485
- Ной, праотец, III, 500
- Нордов (Нортов) В. И., протоиерей, II, 205
- Нордстрем Х. А., I, 668
- Норов А. С., I, 280, 282, 283, 298, 299, 301, 304, 308, 309, 383, 766; II, 34, 35, 120, 121, 500, 536, 941; III, 177, 227, 233, 235, 237–239, 265, 369, 671, 692, 761, 778, 811–814, 867
- Путешествие по Святой Земле в 1835 г., III, 761*
- Путешествие по Сицилии в 1822 г., III, 761*
- Носенко, городничий в Миргороде, I, 349
- Носов Матв., I, 411, 412
- Нота А., барон, III, 450, 490
- Нотбек П. А., III, 371, 372
- Нотович О. К., II, 308, 352
- Ноэль, учитель итальянского языка в Париже, I, 517
- Нума Помпилий, II, 439
- Нюландер У., III, 702, 704
- О. А., корреспондент «Московской Газеты», III, 316, 317
- О... (рожд. Игнатъева), III, 553
- Обер Ф., III, 477
- Облеухов А. Д., II, 571
- Облеухов Д. А., II, 571
- Облеухов Д. Д., II, 571–573
- Облеухова Е. Г. См. Белавина (в замужестве Облеухова) Е. Г.
- Ободовский К. П., I, 294, 515; III, 119, 121
- Оболенская, вдова коллежского советника, III, 583
- Оболенская (рожд. Нелединская-Мелецкая) А. Ю., княгиня, II, 222, 279, 913, 914; III, 208, 694
- Оболенская В. П., княжна. См. Щербатова (рожд. княжна Оболенская) В. П., княгиня
- Оболенская (рожд. Арнольди) О. И., княгиня, II, 395; III, 724, 725

- Оболенские, князья, III, 559, 849, 852
- Оболенский А-р П., князь, II, 222, 279, 913, 914; III, 207, 686, 694
- Оболенский Анд. П., князь, II, 934; III, 690, 695, 850–852, 855
- Оболенский Д. А., князь, I, 729, 730; II, 851, 878, 913, 914, 918, 919, 921–923, 935; III, 65, 208, 499, 685, 686, 688, 690, 691, 693, 694, 696, 811, 812
- Оболенский М. А., князь, III, 228, 229
- Оболенский П. С., князь, II, 395
- Обольянинов Н. А., II, 545
- Образцов Ф. И., протоиерей, III, 894, 897, 901, 904–906
- Обрезков, II, 42
- Обухов В. В., III, 159, 323, 377, 379
- Обухова (рожд. Обрезкова) Е. В., III, 159, 323, 377, 379
- Обухова М. А., III, 159, 323, 377, 379, 475, 539
- Обухова М. В., III, 71, 73
- Обуховы, II, 163, 164; III, 71, 73
- Овер А. И., II, 109, 112, 233, 269, 611, 612, 882, 883, 891; III, 297, 298, 651, 846, 850, 916–919, 927, 947, 952–957
- Овербек И. Ф., I, 395, 396; II, 38, 304, 305, 346, 357, 451, 457; III, 343, 393–400, 405, 410, 444
- Овербек М. Я., II, 196, 197, 205, 225, 247, 253, 254, 266, 300, 301, 303–305, 313, 320, 322, 323, 349, 351
- Огарев Н. А., II, 42, 48
- Огарев Н. П., II, 130, 141–143, 147, 755, 761, 789; III, 14, 33, 50, 75, 122, 149, 263, 287, 294, 341, 791, 847, 924, 925
- Бываю часто я смущен внутри души... III, 27*
- Огарева (рожд. Милославская, по др. сведениям — Рославлева) М. Л., II, 141, 142; III, 14, 50, 149
- Огарева (рожд. Тучкова) Н. А., III, 122
- Огнев И. Д., I, 416, 417
- Оголин А. С., III, 366, 369
- Одесская М. М., I, 253
- Одиссей, царь Итаки, III, 699, 700, 862
- Одоевская (рожд. Ланская) О. С., княгиня, II, 32, 76, 335, 850; III, 192
- Одоевские, князья, III, 559
- Одоевский В. Ф., князь, I, 511, 623, 654, 659, 663, 668, 707, 710, 720, 724, 752, 758–760, 766, 768, 773, 774, 801, 802, 804, 805, 837, 840; II, 4–7, 32, 34, 76, 131, 167, 168, 192, 231, 263, 323, 335, 347, 358, 414, 415, 579, 687, 711, 811, 819, 905; III, 28, 141, 180, 188, 191, 192, 205, 246, 247, 250, 257, 259, 273, 287, 369, 472, 473, 523, 671, 744, 756, 856, 863
- Дом сумасшедших, I, 659, 758*
- Княжна Мими, I, 720*
- Пестрые сказки с красным словцом, собранные Иринею Модестовичем Гомозейкою, I, 659, 707, 720*
- Последний концерт Бетговена, I, 659*
- Саламандра, II, 811*
- Одоевский В. Ф., князь, Гоголь Н. В.
- Двойчатка (замысел совместного альманаха из двух повестей), III, 473*
- Одоевский В. Ф., князь, Гоголь Н. В., Пушкин А. С.
- Тройчатка (замысел совместного альманаха из трех повестей), I, 720; III, 472*
- Одоевский М., князь, II, 180
- Озеров, русский посол в Константинополе, III, 100
- Озеров В. А., I, 79, 540; II, 338
- Дмитрий Донской, I, 622; III, 39*
- Фингал, I, 501, 538, 541, 553*
- Эдип в Афинах, I, 501, 541, 542, 558*
- Ознобишин Д. П., II, 34, 35
- Ознобишин Н. И., I, 796; II, 119; III, 640
- Окен Л., II, 421, 422, 465
- Оксана, крестьянка, I, 611
- Оксман Ю. Г., I, 671, 689, 712, 730, 731, 778–780, 823; II, 5, 175, 201, 942, 946; III, 246, 563, 597, 979
- Октавия, дочь Кая Октавия, II, 425, 437
- Окуловы, II, 498
- Оленин А. Н., I, 767; III, 378
- Оленина А. А., III, 99

- Оленина Е. М., III, 111
- Оленич-Гнененко К. И., III, 794, 795
- Оливьери А., III, 129
- Оливьери М. Л., III, 129
- Оливьери М. О., III, 129
- Оливьери, римлянин, III, 129
- Олимпиев. См. Антипин И. Ф.
- Олимпиев А., III, 368
- Олов Иосиф, III, 987
- Разные стихотворения, III, 987*
- Олсуфьев В. Д., III, 738, 739
- Ольга, св. равноапостольная княгиня, I, 638
- Ольга, горничная А. О. Смирновой, II, 266
- Ольга, московская знакомая Е. А. Хитрово, III, 752
- Ольга Дмитриевна. См. Трошинская (рожд. Кудрявцева) О. Д.
- Ольга Константиновна, великая княжна, королева Греции (с 1867), III, 592
- Ольга Николаевна, великая княгиня, дочь Императора Николая I, с 1846 г. королева Вюртембергская (Виртембергская), I, 511, 664, 666, 667, 672, 727; II, 51, 144, 258, 284, 958; III, 261, 564, 847
- Ольдекоп Е. И., I, 762, 815; III, 255, 369, 525
- Картины мира, 525*
- Ольденбургер Кир. Иак., I, 411, 412
- Ольденбургский принц Павел Фридрих Август, II, 489, 493
- Ольденбургский принц Петр Георгиевич, II, 904, 905
- Ольхин М. Д., I, 587
- Ольхович, слуга Н. М. и А. О. Смирновых, II, 404, 405
- Омер-паша. См. Михаил Латош (Омер-паша)
- Онбиш Л. Д., III, 876
- Онегин (Отто) А. Ф., II, 58, 364, 365; III, 674
- Онуфрий Великий, св., I, 215; II, 45, 46, 257, 438, 503
- Опочинин Е. Н., II, 180
- Опочинин Ф. П., II, 415
- Опочинина (рожд. княжна Голенищева-Кутузова) Д. М., II, 415
- Ордынский, чиновник, III, 20
- Ордынский Б. И., III, 743, 756, 862
- Ореус И. И., I, 5, 23, 51, 87, 137, 138
- Оризонт, III, 40
- Орлай де Карва (Карва) А-р И., I, 426; III, 762, 765, 779
- Орлай де Карва (Карва) Анд. И., I, 426; III, 762, 763, 765, 779
- Орлай де Карва (Карва) Анна И., I, 426
- Орлай де Карва (Карва) Ек. И., I, 426
- Орлай де Карва (Карва) Ел. И., I, 426
- Орлай де Карва (Карва) И. С., I, 20, 68, 87, 135, 136, 374, 383, 385, 421–423, 425, 426, 429, 430, 440, 441, 447, 448, 451, 454, 457, 504, 541, 543, 545–548, 550–553, 593; III, 80, 236, 695, 984
- Орлай де Карва (Карва) М. И., I, 426
- Орлай де Карва (Карва) Ш. И., I, 426
- Орлов, чиновник, II, 15
- Орлов А. А., II, 87
- Орлов А. Ф., граф, I, 441; II, 38, 44, 59–61, 119, 202, 203, 213, 214, 264, 297, 341, 902, 934; III, 18, 80, 85, 137, 199, 613, 692, 696, 738, 811–813, 847, 947, 958
- Орлов А. Ф., князь, III, 738
- Орлов (наст. фамилия Копылов) И. В., II, 141; III, 7, 8, 83, 791, 925
- Орлов М. И., III, 683, 684
- Орлов М. Ф., I, 752, 753; II, 130, 177, 179, 180, 472, 473, 691, 803; III, 77, 847, 848
- Орлов П. Н., II, 501; III, 312, 332, 333, 371, 372
- Орлов Р. К., II, 34, 35
- Орлова, жена М. Ф. Орлова, II, 473
- Орлова А. А., I, 794
- Орлова А. В., III, 269
- Орлова А. И., графиня, III, 111
- Орлова (рожд. Куликова) П. И., II, 732, 765; III, 8, 83, 642, 768–770, 773, 774, 793
- Орлова-Чесменская А. А., графиня, III, 80
- Орлов-Давыдов, граф, II, 210

- Орлов-Денисов В. В., граф, II, 172
- Орлов-Денисов Н. В., граф, I, 554
- Орловы, помещики, I, 375
- Орнатская Т. И., III, 275
- Орург (О'Рурк), граф, I, 525
- Орька, крепостная актриса (балерина) в доме
Дм. П. Трошинского, I, 51
- Осип, служитель гостиницы в Туле, III, 806
- Осовцов С. М., III, 136, 526
- Осокин В. Н., II, 317
- Осповат А. Л., III, 80, 83, 88, 89, 91
- Остап, крестьянин, I, 611, 612, 614
- Остен-Сакен, графиня, III, 100
- Остен-Сакен (рожд. княжна Хилкова) П. И.,
баронесса, I, 51, 73, 92–95, 135; III, 486
- Остен-Сакен С. К., барон, I, 73, 95
- Остолопов Н. Ф.
Словарь древней и новой поэзии, I, 540
- Островская (рожд. Савина) Л. И., III, 885
- Островская (рожд. баронесса Тессин) Э. А., III,
885
- Островские, III, 885
- Островский А. Н., II, 172, 467, 498–502, 504,
512, 513, 519, 520, 535, 536, 566–569, 760; III,
185, 197, 284, 356, 418, 568, 648, 662–665,
672, 673, 680, 682, 793, 815, 831, 885
*Банкрут (Свои люди — сочтемся!), II, 136,
172, 498–502, 535, 536, 566, 568, 569; III,
185, 197, 648, 662, 663, 673, 680, 682*
Бедная невеста, II, 567
Записки замоскворецкого жителя, III, 885
Картина семейного счастья, III, 885
- Островский Н. Ф., III, 885
- Остроградский М. В., II, 5, 6, 489, 493
- Остроградский П., I, 336
- Острожский К., гетман, II, 482
- Остроухов И. С., II, 456; III, 882
- Отон (Оттон) Ц. Л., III, 626, 767, 769–771, 773
- Отоцкий П., I, 193
- Офросимов Ф. С., III, 809, 810
- Офросимова (рожденная Ржевская), III, 809
- Очкин А. Н., I, 309, 320, 685, 690, 766, 800; II, 5,
6; III, 142, 162, 369
- Ошанин, тульский помещик, 200
- П., знакомый А. С. Пушкина, I, 651
- П. К., знакомый Гоголя в Москве, II, 571–573;
III, 726
- П—ко В. М., знакомый Гоголя в Петербурге, I,
328
- Паве (Pavey) В., II, 82, 83; III, 109
- Павел, св. апостол, I, 23, 90, 104, 267, 319, 433;
II, 38, 257, 427, 430, 453; III, 112, 245, 521,
710, 849, 862
- Павел I, Император, I, 44, 73, 403, 425; II, 199,
233, 261, 327, 329, 338, 484; III, 77
- Павел III, римский папа, II, 40, 431, 439
- Павел, камердинер П. П. Смирнова, II, 261
- Павлин, инок Оптиной Пустыни, III, 728
- Павлищев Л. Н., I, 717, 718; III, 477
- Павлищев Н. И., I, 717; II, 420, 423
- Павлищева (рожд. Пушкина) О. С., I, 717, 718;
II, 420, 423
- Павлов К. С., I, 8, 452, 453, 456, 504, 575, 576,
623; III, 45, 303, 327, 476, 985
- Павлов М. Г., II, 34, 35; III, 816
- Павлов Н. М., I, 688; II, 205, 209, 212, 584, 586,
588, 590, 591, 593–595, 597–599, 616–618,
620, 623, 645, 662, 663, 749–752, 759, 839,
843, 848–850, 852, 860, 862, 867–870, 883,
888, 889; III, 816
- Павлов Н. Ф., I, 586, 587, 693, 694, 696, 698, 723,
752, 753, 758, 773, 848; II, 34, 35, 41, 87, 88,
92, 100, 109, 112, 130, 144, 147, 172, 177, 419,
420, 423, 491, 497, 499, 526, 527, 530, 534,
536, 576, 596, 641, 642, 652, 670, 682, 683,
691, 711, 721, 722, 727, 729, 733, 735, 746,
752, 755, 757, 765, 787–789, 792, 795, 803,
809, 814, 816, 829, 834, 837, 850, 861, 864,
964; III, 77, 98, 161, 162, 173, 193, 198, 214,
266, 268, 270, 285–287, 294, 295, 648, 696,
833, 844, 845, 852, 854, 866, 868, 924
Аукцион, II, 682, 757; III, 193
Демон, II, 144, 423, 682, 757, 792, 795; III, 193

- Именины*, II, 682, 757; III, 193
- Маскарад*, II, 144, 423, 682, 757, 792, 795; III, 193
- Миллион*, II, 144, 423, 682, 757, 792, 795; III, 193
- Новые повести*, II, 144, 423, 682, 683, 757, 792, 795; III, 193
- Три повести*, II, 682, 757; III, 193
- Ятаган*, I, 761; II, 682, 757; III, 193
- Павлов П. В., III, 996, 998
- Павлов Р. М., III, 815, 816
- Павлова (рожд. Яниш) К. К., I, 170, 723; II, 490, 499, 501, 592, 642, 691, 721, 722, 746, 787, 788, 803, 806, 814, 815, 817, 835–837; III, 77, 161, 162, 188, 648, 702, 852, 854
- Н. М. Языкову (Приветствована вновь поэтом...)*, III, 162
- Ответ Н. М. Языкову*, III, 161, 162, 188, 189
- Павлович И., I, 234, 235
- Павлович С., иерей, I, 350, 363, 364, 366
- Павловский А. И., III, 101, 103, 742–745, 756, 782, 787
- Павловский А. П., I, 45
- Павловский И. Ф., III, 228, 230
- Павловский М. К, протоиерей, II, 269, 280; III, 635, 636, 738, 739, 779, 784, 787
- Павсаний, III, 52, 53
- Павский Г. П., протоиерей, II, 483, 487; III, 54
- Паганини Н., III, 403, 471
- Падерина Е. Г., II, 767
- Паисий (Аксенов), иеромонах Оптиной Пустыни, III, 800
- Паисий (Величковский), преподобный, III, 735, 889, 891
- Пакатский Г. А., протоиерей, III, 841, 843
- Псалтырь в стихах*, III, 841, 843
- Паламарчук П. Г., I, 731; II, 113, 114, 116; III, 645, 724
- Палацкий Ф., II, 410, 411; III, 665
- Палестрина Дж. П., да, II, 299
- Палиенко С., I, 343
- Палладий, II, 441
- Паллас П. С., II, 272, 280, 281
- Пальм А. И., III, 587
- Пальмерстон Г. Дж. Т., лорд, II, 66; III, 747
- Памфили, римский род, II, 426, 442; III, 746
- Панаев В. И., I, 108, 625, 628, 629, 766; II, 34, 35, 677; III, 273, 279, 286, 289, 290, 369, 481
- Панаев И. И., I, 488, 580, 647, 648, 685, 704, 728, 805; II, 34, 35, 73, 147, 579, 676, 684, 687, 754, 755, 774, 787–789, 803, 805, 815, 905, 906, 915, 939, 958; III, 27, 32, 33, 79, 230, 244, 247, 249, 250, 254, 266, 268, 273, 275, 276, 278, 279, 281, 283, 286–290, 298, 410, 471, 473, 481, 509, 522, 527, 530, 540, 560, 643, 644, 757, 801, 827, 828, 863, 868, 924, 951
- Родственники*, III, 27
- Панин А. Н., граф, II, 177, 180
- Панин В. Н., граф, II, 177, 180
- Панкратов А., III, 899, 900
- Панов В. А., II, 130, 157, 158, 160–166, 275, 345, 357, 465, 580, 581, 637, 638, 646, 657, 689–692, 696, 698, 759, 760, 778, 791, 809–811, 840, 850, 898; III, 82, 126, 130, 145, 146, 164, 179, 188–190, 305–316, 318, 319, 321, 323, 328, 415, 426, 440, 449, 473, 474, 485, 488, 490, 537, 540, 852
- Рим*, III, 415, 473
- Панов В. К., III, 232
- Панова Е. А. См. Аксакова (рожд. Панова) Е. А.
- Панова М. А., II, 159, 160, 165, 810; III, 473, 474
- Пановы, III, 473
- Панселин (Пезеллино), II, 299
- Пантелеев П. И., III, 805, 808
- Пантелеимон, св. великомученик, I, 357; III, 730
- Панчулидзева А. А., II, 141
- Панько, пасечник в Васильевке, III, 973
- Паради (Paradis), домовладелица в Нище, II, 220, 245, 260
- Параска, приживалка в доме Дм. П. Трошинского, I, 5, 11, 26, 31, 38, 45, 289, 315, 342, 581; III, 38
- Пари (Парис) О., II, 327
- Парилова Г. Н., III, 83, 166, 184, 185

- Пармен (Соколов), архимандрит, II, 110, 113–115, 120, 516; III, 665, 666, 671, 672
- Паррот Е. И., II, 34, 35
- Парфений (Левицкий), архиепископ Полтавский и Переяславский, III, 1024
- Паскаль Б., II, 213, 321, 333; III, 510
- Паскевич (рожд. Грибоедова) Е. А., графиня Эриванская, светлейшая княгиня Варшавская, III, 52, 53
- Паскевич И. Ф., граф Эриванский, светлейший князь Варшавский, III, 558
- Пассек В. В., II, 172, 173
- Патин, воспитанник Академии художеств, II, 151
- Паткуль А. В., I, 294; II, 231, 232, 358
- Патрокл, III, 1013
- Патрушева Н. Г., II, 945; III, 18, 810
- Паулович (Павлович) К. П., I, 425
- Пауль И. Б., III, 184
- Пахомий Великий, св., I, 698, 699
- Пахомов Д. А., I, 406
- Пашков Анд. И., I, 697
- Пашков В. К., I, 319, 592, 597; III, 4
- Пашков П. Е., II, 172; III, 815, 816
- Пашенко А-р Ив., I, 411
- Пашенко Анд. Г., I, 465, 468
- Пашенко И. Г., I, 448, 490–492, 507, 511, 550, 594, 595, 597, 599, 600, 638; III, 439
- Пашенко Иов, I, 387
- Пашенко Т. Г., I, 319, 465, 468, 512, 536, 592, 596; III, 4
- Певницкий И. М., протоиерей, II, 259, 276, 293, 296
- Пейкер И. И., II, 659
- Пейкер И. У., II, 461, 464, 967; III, 476, 979
- Пейкер П. И., II, 657, 659, 661, 703, 812, 813, 820, 967
- Пелагия, преподобная, III, 749
- Пеллико С., III, 132
- Мои темницы, III, 132*
- Пелль, знакомый Н. М. Смирнова в Неаполе, II, 341
- Первушин Н. В., III, 275
- Перголези Дж. Б., II, 299
- Перевошиков Д. М., I, 578; II, 34, 35, 498–500, 520, 522; III, 45
- Перельгин, младший брат Н. И. Перельгина, III, 837
- Перельгин Н. И., III, 837
- Переселенков С. А., III, 122
- Перети, владелец конторы дилижансов, III, 452
- Перион Н. Ф., I, 424; III, 630
- Перов В. Г., I, 343
- Перовский (псевдоним Погорельский) А. А., I, 724, 751, 766, 838
- Перовский А. В., II, 196, 198, 304, 305; III, 659
- Перовский В. А., граф (с 1855 г.), I, 295, 650, 651, 724; II, 196–198, 216, 242, 252, 254, 255, 257, 288, 289, 302, 304, 305, 312, 346, 347, 357; III, 19, 159, 165, 335, 659
- Перовский Л. А., граф (с 1849 г.), I, 108, 625–631; II, 407; III, 290, 502, 607–609, 613, 738
- Перро (Perrault), III, 371, 372
- Персидский К. А., I, 446, 449, 461, 462
- Перуджино П., II, 39, 40, 250, 337, 341, 354, 362, 434, 445, 327, 397, 398; III, 751
- Перфильев С. В., II, 491, 495, 640, 693, 711, 717, 719, 759
- Перфильева (рожд. Ланская) А. С., II, 693, 759
- Першин П., II, 538, 539
- Песков А. М., I, 751–753, 755, 773
- Песоцкий И. П., II, 139, 154; III, 396, 924, 980
- Песталоцци И. Г., I, 551
- Пестель П. И., II, 332, 353
- Петр, св. первоверховный апостол, I, 90, 267; II, 40, 103, 196, 218, 219, 229, 230, 235, 244, 251–253, 256, 257, 276, 303–305, 321, 345, 351, 424–426, 430, 433–435, 437, 438, 441, 442, 446, 447, 451–453, 455, 457, 467; III, 18, 74, 112, 195, 319, 341, 407, 424, 425, 440, 447, 470, 471, 485, 502, 669, 849
- Петр I, I, 4, 5, 18, 20, 202, 233, 239, 269, 280, 335, 336, 379, 384, 386, 387, 728, 833; II, 25, 92, 288, 327, 348, 425, 498, 694, 764, 967; III, 95,

- 182, 254, 255, 268, 271, 320, 580, 711, 728,
746, 766, 821
- Петр III, Император, II, 274
- Петр, крестьянин, I, 611
- Петр Борисович, сосед Гоголей, I, 166
- Петр Степанович, калужский священник, II,
261
- Петрарка Ф., I, 282; II, 451
- Петраш Гр., I, 408
- Петрашевский В. М., II, 478, 481
- Петрашевский (Буташевич-Петрашевский)
М. В., II, 478; III, 529, 584–589
- Петров, актер, I, 835; III, 5
- Петров А. А., I, 75
- Петров В., III, 61
- Петров В. П., III, 877
- Петров Н. И., I, 232; III, 876
- Петров О. А., I, 762
- Петров П. Н., I, 73
- Петров Ф. А., III, 697, 698, 882
- Петрова Е. П., I, 358
- Петрова К., III, 186
- Петровский А., иерей, I, 17, 345, 366
- Петровский В. В., III, 760, 761
- Петровский П. С., III, 312
- Петровы, II, 329
- Петрокино, владелец магазина в Одессе, III,
774
- Петронилла, дочь св. первоверховного апостола
Петра, св., II, 446, 455
- Петухов Е. В., I, 759
- Печерин В. С., I, 797; III, 91
- Пивинская М. И., I, 360, 361
- Пивинский Х. П., I, 346, 360–362
- Пигарев К. В., I, 754; II, 4, 968, 969
- Пигарева (рожд. Тютчева) Е. И., II, 4
- Пий IX, римский папа, III, 64
- Пикар, I, 73
- Пикар Л. Ф., III, 980
Городишко, III, 980
- Пиккиоли Р., III, 129
- Пикулин П. Л., III, 44
- Пилати, II, 38
- Пимен Великий, преподобный, II, 721; III, 670,
671
- Пименов Н. С., II, 345, 357, 451, 454; III, 311,
313, 338, 339, 407, 413
- Пименова (рожд. Нибби) К., III, 338, 339
- Пин..., знакомые Обуховых, III, 159
- Пинети, часовщик, II, 262
- Пинтуриккио (Пентуриккио, наст. имя Бернар-
дино Бетти), II, 39–41, 425, 427, 434, 462
- Пиомбино, итальянские князья, III, 414
- Пипин Короткий, король франков, II, 28
- Пиранези Дж., II, 256, 276
- Пирогов Н. И., III, 716, 756
- Пирожкова Т. Ф., I, 129; II, 209, 587, 603, 606,
611, 656, 763, 780, 851, 872, 906–943; III, 187,
205, 858
- Писарев А. А., III, 561
- Писарев А. И., I, 83
Лукавин, I, 83
Хлопотун, I, 553
- Писемская (рожд. Свинына) Е. П., III, 875
- Писемский А. Ф., II, 467, 512, 513, 567, 756, 757;
III, 284, 831, 875, 979, 980
Люди сороковых годов, II, 757
- Писемский И. П., II, 177, 179, 180
- Питирим (Нечаев), митрополит Волоколам-
ский и Юрьевский, III, 735
- Пичерин П., I, 765
- Пищалкин А. А., III, 312, 561
- Пищи-Муха, фамилия родственников Гоголя,
II, 291
- Плаксин В. Т., III, 482, 645
- Планш Г. (ошибочно). См. Сент-Бёв Ш. О.
- Платон, II, 483; III, 967
- Платон (Левшин), митрополит Московский, II,
267
- Платонов В. П., II, 33, 217, 228, 242, 243, 250,
258, 293

- Плетнев П. А., I, 2, 15, 16, 32, 33, 75, 86, 152, 153, 180, 280–282, 292, 296, 299–302, 304, 305, 307, 308, 313, 314, 325, 326, 329, 332, 355, 362, 389, 394, 404, 405, 510, 511, 524, 532, 579, 583–586, 588–601, 636, 645, 651, 658, 659, 660–707, 712, 717, 719, 722, 723, 726, 733–735, 747, 748, 763, 766, 779, 787, 788, 792, 794, 799, 801, 802, 805, 806, 819, 820, 838, 844; II, 4, 5, 7, 17, 49, 51, 52, 61, 64, 66, 68, 69, 76, 79, 94–102, 105, 106, 123, 133, 167–169, 190, 192, 195, 202–204, 206–212, 214, 217, 218, 229, 234, 243, 251, 261–264, 269, 280, 283, 290, 308–310, 315, 316, 320, 322, 325–329, 331, 333, 335, 336, 338, 344, 346, 347, 367–370, 416, 476, 493, 494, 505, 507, 508, 511, 512, 516, 545, 551, 579, 586, 588–591, 632, 636, 648, 655, 658, 675, 678, 681, 687, 719, 720, 737, 738, 793, 795, 815, 829, 834, 850–852, 900, 902, 911, 915–917, 953; III, 4, 25, 38, 76, 103, 119, 139, 168, 230, 238, 250, 257, 260, 278, 286, 289, 303, 369, 370, 381, 415–417, 457, 458, 460, 474–476, 494–498, 503, 513, 563, 568, 599, 606, 639, 642–645, 661, 664, 666, 667, 671, 674, 675, 678, 684, 695, 702, 704–706, 734, 739, 740, 742, 753, 757, 760–762, 780, 814, 815, 820, 824, 830, 853, 872, 887, 944, 948, 949, 977, 978, 982, 985
- Плетнева (рожд. княжна Щетинина) А. В., II, 105
- Плетнева (рожд. Раевская) С. А., II, 105
- Плетнева (в замужестве Лакьер) О. П., I, 693
- Плеханов Г. В., III, 122
- Плещеев, II, 408
- Плещеев А. Н., II, 407; III, 586–588
- Плещеев А. П., III, 199, 224, 230
- Плещеевы, II, 407, 408
- Плиний Младший, II, 253
- Плутарх, III, 819, 967
- Плюшар А. А., I, 359, 579; II, 4, 7, 68, 139, 280; III, 924, 980
- Погодин, брат М. П. Погодина, II, 491
- Погодин Д. И., II, 538
- Погодин Д. М., I, 175, 183, 188; II, 499, 525, 529–531, 533, 535, 536; III, 660, 673, 682
- Погодин И. И., II, 538
- Погодин И. М., II, 91, 538, 539
- Погодин М. П., I, 14, 15, 17, 33, 36, 87, 112, 113, 116, 117, 120, 122, 124, 127, 131–133, 155, 162–165, 175, 183–188, 197–199, 216, 218, 221, 229, 265, 283, 317, 333, 357, 383, 429–432, 493, 511, 516, 518, 520–523, 528, 532, 579, 585, 596, 637, 638, 640, 642, 658, 659, 670, 700, 701, 707, 708, 717, 721, 725, 731, 750, 752, 755, 758, 759, 766, 773, 804, 805, 808–810, 820, 821, 843, 849; II, 4, 18, 34, 45, 46, 51–53, 57, 62, 65, 85–93, 99, 100, 103, 104, 106, 108, 109, 111–116, 123, 126, 127, 130, 132–134, 138, 143–145, 156, 160–164, 166, 167, 169, 172, 177–181, 183, 209–214, 268, 269, 275, 305, 309, 354, 355, 369, 374, 399, 409–424, 427–429, 441–445, 455–457, 459, 461, 464–466, 470–479, 483, 484, 487, 488, 490, 492–497, 499–542, 544–551, 556–562, 564–577, 580, 584, 586, 593, 594, 599, 601, 602, 604, 609, 610, 619, 621, 623, 625, 629–631, 633, 636–640, 644–646, 652, 655, 657, 659, 661, 663, 664, 667, 669–672, 679, 686, 690–694, 696, 699–705, 707–711, 713, 714, 718, 719, 721, 723, 724, 735–738, 740–743, 745, 746, 748–750, 752, 754–756, 759–763, 766, 767, 778, 779, 782, 787–789, 793, 794, 797, 799, 804, 808, 809, 812, 815–817, 824, 825, 832, 841, 854, 862, 863, 867, 894, 898, 905–907, 919, 923, 924, 929–931, 933, 935, 954, 964–966; III, 5–7, 9, 14, 17, 18, 28, 31, 40, 65, 77, 82, 86, 92, 98, 99, 103, 104, 110, 114, 125, 126, 128, 130, 132, 135, 143, 146, 148, 149, 159, 162, 163, 167–169, 172, 181, 185, 187–190, 193, 197, 198, 209, 213, 215, 218, 221, 223, 224, 228–231, 233, 235, 238, 239, 242, 244, 250, 253, 257, 260, 267, 268, 271, 275, 276, 286, 287, 301–303, 305, 308, 311, 315, 319, 320, 341, 354, 355, 357, 380–383, 415–418, 431, 453, 458, 463, 475, 476, 479, 486–489, 498, 503, 514, 521–523, 545, 569, 572, 573, 577–579, 588, 599, 603, 604, 626, 633, 640–642, 647–649, 652, 658–660, 662–665, 672, 673, 675, 677, 678, 681, 682, 685, 694, 699, 704, 708, 712, 716, 720, 722–724, 729, 760, 763, 765, 790, 795, 808, 809, 811, 812, 815, 826, 832, 846, 849, 852, 873, 875–878, 880, 885, 890, 896, 916, 926, 933, 940, 941, 946–948, 964, 974, 975, 984, 985, 1016, 1017, 1021–1023
- Николаю Васильевичу Гоголю, III, 653, 658*
- Реестр книгам, отправленным из Москвы в Рим Гоголю 1841 года Июля 11 дня, II, 99, 473; III, 159, 230*

- Погодин П. М., I, 188; III, 526, 527, 529, 694
- Погодина (в замужестве Мессинг). См. Мессинг (рожд. Погодина), сестра М. П. Погодина
- Погодина Агр. И., II, 538
- Погодина Агр. М., I, 112, 183, 185, 186, 199; II, 526, 529, 705; III, 604
- Погодина Ал. И., II, 538
- Погодина Ал. М. См. Зедергольм (рожд. Погодина) А. М.
- Погодина (рожд. Вагнер) Е. В., I, 112, 183, 185, 186, 516, 670; II, 86, 410, 411, 421, 424–427, 434, 442, 446, 447, 455, 458, 462, 464, 466, 484, 489, 493, 494, 497, 498, 521, 522, 526, 535, 705, 710, 722, 762, 788, 789, 818, 819, 832; III, 110, 114, 168, 239, 573, 946
- Погодина Е. И., II, 529, 530, 536; III, 660, 673, 682
- Погодина (рожд. Сеймонд, в первом браке Бель) С. И., II, 574; III, 722
- Погодины, I, 170; II, 540
- Погорельский А. См. Перовский (псевдоним Погорельский) А. А.
- Погорецкий, штаб-лекарь, I, 298; III, 227
- Погуляев Н. Т., II, 907
- Подгаевский, землемер в Нежине, I, 463
- Поддубнов, знакомый М. С. Щепкина, III, 13
- Подолинский А. И., I, 722; III, 982
- Подчацкий (Подчасский) И. И., II, 373, 374
- Пожарская Д. Е., II, 756
- Пожарский Д. М., князь, I, 600; II, 143, 510; III, 196, 570
- Пожарский, содержатель трактира в Торжке, II, 674, 756
- Поздеев А. А., III, 231
- Позен М. П., I, 418
- Покровская (рожд. графиня Толстая) М. Н., III, 578
- Покровский, корреспондент «Москвитянина», III, 803
- Полевой Кс. А., I, 298; II, 374, 472, 473
- Полевой Н. А., I, 579, 582, 640, 665, 674, 760, 766, 840; II, 90, 374, 489, 545, 579, 742, 942; III, 142, 168, 208, 209, 252, 281, 436, 471, 479, 480, 496, 506, 512, 535, 985
- Живописец, III, 471*
- Полевой П. Н., I, 347
- Поленов В. А., III, 606, 607, 611, 613
- Полетика П. И., II, 356
- Поливка Г., III, 877
- Полиньяк О. Ж. А., князь, II, 315
- Поллак Л., III, 125, 126
- Поллукс, II, 431, 433, 467
- Половинкин, сосед Гоголя, I, 643
- Половцов В. А., III, 645
- Полозов Д. П., III, 32
- Полозов, знакомый Н. А. Арбузова, III, 868
- Полозовы, III, 868
- Полонский Я. Б., III, 550
- Полонский Я. П., III, 119, 775
- Полотай А., II, 410
- Полтавцев К. Н., II, 779
- Полтавцева (рожд. Макарова) Е. П., II, 779
- Полторацкий П. П., I, 448, 604
- Полторацкий С. Д., I, 604
- Полуботок П. Л., I, 20, 232, 233, 239, 384
- Полунин А. И., III, 927
- Полуэктова (рожд. Свечина), III, 76
- Поль К., II, 545; III, 167
- Поляков Е., I, 552
- Поляков, знакомый Ф. В. Чижова, III, 53
- Полян П. М., III, 645
- Полянский В. И., иерей, I, 735
- Помпей Великий, II, 431, 432, 438, 467
- Пономарев С. И., I, 270, 550, 603, 604, 606; II, 409, 412–414, 473, 496, 523, 564, 614, 644; III, 65, 473, 787, 1014
- Понятовский С., князь, III, 132, 133, 582
- Понятовский Станислав Август, польский король, I, 50; II, 424, 433, 462; III, 132, 133, 967
- Поп (Попе) А., I, 375; II, 325
- Попов, житель Калуги, II, 247

- Попов А-р Никол., II, 130, 134, 194, 588, 589,
689, 793, 796, 797, 861, 883, 922, 963; III, 61,
62, 164, 192, 197, 201, 210, 215, 248, 335, 336,
697, 848, 849, 852–855, 863, 864, 958
- Попов Ал. П., III, 885
- Попов Анд. Никол., I, 411
- Попов В. П., II, 795
- Попов Д. П., I, 797
- Попов Е. И., протоиерей, II, 271, 280
- Попов И. В., III, 859
- Попов Н. А., II, 767; III, 210, 221
- Попов Н. И., I, 759
- Попов П. С., II, 623; III, 467, 533, 676
- Попова Е. И., III, 859
- Порденоне, II, 39
- Порохов Анд. Як., I, 408, 411
- Порошин В. Г., II, 34
- Порошин В. С., I, 797
- Портелли И., I, 521, 839; III, 483
- Портиччи, курьер А. О. Смирновой, II, 261
- Порфирий (Григоров), инок Оптиной Пустыни,
II, 391, 392, 395; III, 615–618, 758, 797, 799,
800
- Порфирий (Успенский), преосвященный, I, 544;
II, 428; III, 470, 619–621, 623
- Порфирий, повар купеческого клуба в Москве,
II, 527, 533
- Поселянин (Погожев) Е. Н., мученик, III, 895
- Посошков И. Т., II, 483, 487
- Поссевин А., II, 426, 442
- Постельс А. Ф., I, 798
- Постников И. П., III, 994
- Постников И. Ф., I, 735, 747, 750
- Потанчиков Ф. С., II, 153, 154; III, 7, 39, 40, 925
- Потапенко Г. П., I, 387
- Потапов С. (ошибочно). См. Степанов Г. С.
- Потемкин А. М., III, 259, 260, 904
- Потемкин Г. А., князь, I, 41, 45, 312, 392, 606; II,
330
- Потемкин И. А., II, 24, 29, 41, 46, 257; III, 19,
378
- Потемкин С. П., граф, I, 840
- Потемкина, княгиня, I, 368
- Потемкина, жена И. А. Потемкина, II, 257
- Потемкина (рожд. княжна Голицына) Т. Б., II,
269; III, 902, 904
- Пото А., I, 187
- Потоцкие, графы, II, 482, 487
- Потоцкий, граф, II, 159
- Потоцкий Л. С., граф, III, 592, 601, 602, 604,
606, 608, 609, 611–614, 760
- Потоцкий С. О., граф, III, 762
- Поттер П., II, 39; III, 50, 51
- Похвиснев И. И., III, 812
- Похвиснева В. Г., I, 526
- Похвиснева М. Г., I, 526
- Похвиснева У. Г. См. Данилевская (рожд. Пох-
виснева) У. Г.
- Похвисневы, I, 317
- Поццо ди Борго К. А., граф, II, 315
- Поццо ди Борго К. О., граф, III, 886
- Почапин, калужский купец, II, 406
- Пошман С. А., II, 904, 905
- Пракситель, I, 748; II, 433
- Прасковья Давидовна, соседка Гоголей, I, 105
- Прасковья Степановна, содержательница при-
тона, I, 655
- Прахов А. В., III, 398
- Прео А. Л., де, II, 691, 758
- Прео А., де, актер, II, 758, 759
- Привалов Н. И., III, 994
- Прийма Ф. Я., II, 192
- Прилежаев В. А., протоиерей, II, 302, 305
- Присниц В., II, 711, 762, 819; III, 37, 38, 163,
176, 177, 239, 242, 454, 491–493, 555, 581,
907, 928
- Прокопович В. Я., I, 404, 439, 452–455, 490, 599;
II, 746
- Прокопович (рожд. Трохнева) М. Н., I, 404
- Прокопович Н. Н., III, 487

- Прокопович Н. Я., I, 11, 16, 27, 180, 291, 395, 404, 439, 452–456, 490–493, 495, 500, 504, 506, 507, 509, 512, 513, 531, 535, 536, 540, 542, 544–547, 549, 557, 558, 574–576, 578–591, 593, 594, 596, 599, 600, 605, 623, 664, 691, 702, 726, 750, 804, 814; II, 123, 169, 420, 497, 522, 551, 583, 586, 632, 716, 737, 738, 742, 744, 746, 748, 793, 827, 829, 836; III, 45, 111, 119, 128, 132, 165, 257, 261, 262, 276–278, 280, 281, 284, 286, 293, 294, 303, 426, 428, 434, 439, 455–461, 471, 473–476, 483, 487, 493–497, 507, 512, 515, 516, 519, 520, 527, 528, 537, 540, 640, 645, 693, 977, 984, 985
- Полнолуние, III, 286, 287*
- Своя семья, III, 286*
- Сон Ратмира (отрывок из поэмы), I, 582; III, 286*
- Прокопович П. И., III, 953, 957
- Прокопович Я. С., I, 504, 549, 581
- Прокопович-Антонский А. А., I, 814
- Прокофий, повар А. С. Данилевского, I, 527
- Прокофьев Н. И., II, 767
- Пропп В. Я., III, 877
- Просперо, аббат, III, 19, 659
- Протасов А. П., II, 177, 179, 180
- Протасов Н. А., граф, I, 679, 680, 840; II, 367, 472, 498, 915; III, 948
- Протасова (рожд. княжна Голицына) Н. Д., графиня, II, 263
- Протопопов В. Л., III, 960–965
- Протопопов Д. С., III, 703–706
- Протопопов М. Н., II, 544
- Прохонцев, московский актер, III, 7, 925
- Прохоров Н. Г., II, 413, 766, 932; III, 97, 102
- Прохоров (наст. фамилия Дальмаз) О. О., II, 832
- Прохорова, I, 554
- Прудон П. Ж., II, 322, 348
- Прыгунов М. Д., II, 513
- Прянишников Ф. И., I, 660
- Псиол (Псел), сестры, I, 212
- Псиол А. И., I, 188, 529, 532
- Псиол Г. И. См. Дунина-Борковская (рожд. Псиол) Г. И.
- Псиол (Псел) М. И., I, 201, 212
- Пугачев Е. И., I, 295, 650, 651
- Пужула Ж., III, 737
- Пузыревский А. О., I, 439, 446, 452–456
- Пуль, студент Ришельевского лицея, III, 776
- Пульхерия Трофимовна, соседка Гоголей, I, 608, 609, 613
- Пурталес, графиня, II, 233, 253
- Пуссен Г., II, 39
- Пуссен Н., II, 39, 40, 447; III, 375, 473
- Путята Н. В., I, 753, 754; II, 4, 583, 605, 653, 779, 870, 926, 968, 969
- Путята О. Н. См. Тютчева (рожд. Путята) О. Н.
- Путята (рожд. Энгельгардт) С. Л., I, 753, 754; II, 583, 653, 779, 968
- Путятин Е. В., II, 554
- Пушкин А. А., I, 218, 316, 356, 804
- Пушкин А. В., I, 837
- Пушкин А. С., I, 2, 24, 39, 43, 76, 89, 191, 195, 202, 211, 218, 228, 229, 254, 273, 275, 288, 289, 293, 295, 298, 300, 302, 303, 305, 307, 314, 316, 329, 346, 353–356, 362, 405, 428, 491, 495, 510–512, 517, 532, 539, 540, 548, 550, 552, 555, 557, 559, 561, 562, 566, 567, 576, 578, 586, 594, 596, 600, 601, 604, 616, 619, 641, 643, 647, 650–652, 655, 656, 658, 665, 668, 672, 681, 685, 686, 689, 695, 698, 706–724, 726, 731, 751, 758, 763, 766, 768, 784, 785, 787, 788, 790, 792–794, 801, 802, 804, 805, 810–812, 814, 823, 833, 837–840, 842, 845; II, 3, 5–7, 22, 25, 26, 30–32, 45, 59, 60, 73, 100, 123, 130, 146, 172, 180, 186, 195, 201, 213, 222, 226, 231, 259, 261, 265, 268, 271–273, 281, 282, 284, 289, 291, 292, 296–298, 300, 309–311, 313, 315–320, 322, 324–343, 345–351, 353–359, 364, 380, 381, 389, 390, 392, 414, 415, 419, 420, 423, 425, 436, 488, 492, 498, 519, 530, 550, 551, 554, 567, 594, 628, 633, 636, 640, 656–658, 660, 669, 674, 679, 683, 699, 701, 711, 755, 756, 761, 767, 788, 799, 842, 844, 845, 867, 903, 954, 959, 960; III, 4, 5, 10, 13, 20, 22, 25, 27, 32, 33, 36, 46, 53, 76, 78–81, 87, 107, 121, 122, 138, 140, 142, 145, 149, 173, 180, 187, 194, 202, 207, 208, 213, 218, 219, 227, 231, 232,

- 247, 249, 255, 262, 271, 272, 276, 279–281, 285, 286, 290, 308, 315–317, 322, 327, 366, 369, 370, 373, 376, 400, 409, 415–418, 432–435, 439, 443, 446, 448, 458, 459, 472, 473, 475–479, 482–484, 489, 493, 495, 500, 502–505, 519, 520, 522, 525, 529, 538, 539, 554, 584, 602, 627–631, 644, 645, 661, 666, 671, 684, 686, 697, 699, 700, 726, 740, 746–749, 756, 757, 767, 770, 774, 775, 777, 783, 790, 797, 816, 818, 819, 857, 861, 868, 869, 871, 872, 874, 875, 881, 883, 891, 893, 897, 903, 904, 964, 968, 971, 975, 981, 984, 994, 1015, 1022, 1025
- Анджело*, III, 281
- Арап Петра Великого*, II, 25; III, 746
- Бахчисарайский фонтан*, II, 392; III, 748, 758
- Борис Годунов*, I, 24; II, 130; III, 187, 747, 757
- Бородинская годовщина*, I, 722
- Братья разбойники*, I, 289, 315
- В тревоге пестрой и бесплодной...* III, 493, 538
- В часы забав иль праздной скуки...* II, 268, 279; III, 701
- Граф Нулин*, II, 329, 338
- Дар напрасный, дар случайный...* II, 279
- Демон*, I, 540; III, 522
- Дубровский*, I, 289; II, 281; III, 415
- Евгений Онегин*, I, 289, 315, 403, 492, 495, 500, 540, 576, 632; II, 292, 316, 317, 329, 334, 338, 665, 693, 754; III, 259, 754, 767, 804, 808
- Ее глаза*, II, 337, 338, 354; III, 493, 538
- История Пугачева*, I, 295
- К Н*** (С Гомером долго ты беседовал один...)*, I, 695; II, 100, 342, 594
- К Н. Я. Плюсковой*, I, 743
- К*** (Я помню чудное мгновенье...)*, II, 331
- Кавказский пленник*, II, 325, 331, 392
- Капитанская дочка*, I, 289
- Клеветникам России*, I, 722
- Медный всадник*, II, 25
- Моя родословная*, III, 20
- Мысли на дороге. (Возражения на книгу Радищева)*, I, 710
- На выздоровление Лукулла*, I, 768
- Опровержение на критики*, III, 416, 418
- Отцы пустынноики и жены непорочны...* II, 351, 357
- Песни западных славян*, II, 318
- Пиковая дама*, I, 720
- Повести Белкина*, I, 289, 706, 707, 720; II, 333; III, 140, 141
- Полтава*, I, 289, 315, 641; II, 25, 26
- Полубуйте же вы, дети...* III, 493, 538
- Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...* III, 1015, 1022
- Пророк*, I, 558; II, 268, 322, 351, 389; III, 701, 743, 744, 756
- Разговор книгопродавца с поэтом*, I, 43
- Русалка*, I, 794; III, 308, 376, 385
- Руслан и Людмила*, I, 830; II, 392
- Сербская песня*, III, 286
- Сказка о золотом петушке*, III, 281
- Сказка о Мертвой Царевне*, III, 281
- Сказка о попе и о работнике его Балде*, II, 340; III, 281
- Сказка о рыбаке и рыбке*, III, 281
- Сказка о царе Салтане*, III, 281
- Скупой рыцарь*, III, 10, 13
- Собрание сочинений Георгия Конисского, Архиепископа Белорусского*, I, 708, 713, 716
- Стансы Толстому*, III, 554
- Странник*, III, 701, 748, 758
- Сцена из Фауста*, III, 446, 489
- Счастлив ты в прелестных дурах...* I, 510
- Торжество Вакха*, I, 794
- Цыганы*, I, 289, 315
- Черная шаль*, II, 331
- Пушкин А. С. Приписываемое
- Гр. Орловой-Чесменской*, III, 80
- Лекарство от холеры*, III, 904
- На Фотия*, III, 80
- Первая ночь*, III, 904
- Разговор Фотия с гр. Орловой*, III, 80

- Пушкин А. С., Вяземский Петр А., князь, Мятлев И. П.
Поминки, II, 273, 291
- Пушкин А. С., Гоголь Н. В., Одоевский В. Ф., князь
Тройчатка (замысел совместного альманаха из трех повестей), I, 720; III, 472
- Пушкин В. Л., I, 780
- Пушкин Г. А., I, 218
- Пушкин И. М., диакон, III, 578
- Пушкин Л. С., III, 628–631, 740, 760, 765, 774–777, 779, 782, 784, 790
- Пушкин С. Л., II, 340
- Пушкина (в замужестве Дантес) Е. Н., II, 355
- Пушкина М. А. *См.* Быкова (рожд. Пушкина) М. А.
- Пушкина (рожд. Гончарова, во втором браке Ланская) Н. Н., I, 510, 511, 650, 708, 717, 718, 846; II, 32, 302, 334, 335, 343, 355, 356, 488; III, 417, 477, 525, 701, 748, 871, 1015
- Пушкина О. С. *См.* Павлицева (рожд. Пушкина) О. С.
- Пушина А. К. *См.* Рылеева (в замужестве Пушина) А. К.
- Пушина В. А. *См.* Иордан (рожд. Пушина) В. А.
- Пушина Е. Ф., III, 552
- Пфалер, мебельный мастер, I, 368
- Пфелер Ф. И., III, 559
- Пфеффель К., барон, III, 596
- Пфеффель Э. Ф., баронесса. *См.* Тютчева (рожд. баронесса Пфефель, в первом браке баронесса Дёрнберг) Э. Ф.
- Пыпин А. Н., I, 71; II, 168, 202, 241, 247, 366, 943; III, 81, 165, 246, 251–253, 257–264, 266–269, 271, 409, 482, 503, 524, 533, 534, 599
- Пьянов А., II, 352
- Р. Г. Л., знакомая Н. Н. Мурзакевича, III, 760
- Р... Карл Иванович, сахаровар, I, 609
- Р—ий, корреспондент журнала «Современник», I, 487, 488
- Р—н, знакомый Н. В. Гоголя и Ф. В. Чижова в Риме (возможно, Ригельман Н. А.), III, 48
- Рабкина Н. А., I, 749; III, 699
- Рабле Ф., I, 806; II, 325
- Рабус К. И., I, 838; II, 497; III, 372, 837
- Равиньян Г., католический священник, иезуит, III, 83
- Раден Э. Ф., баронесса, III, 199
- Радзивилл, князь, II, 159
- Радзивилл (в замужестве графиня Витгенштейн) С. Д., княжна, II, 323, 352
- Радищев А. Н., I, 710, 711
- Радклиф А., I, 552
- Радовиц И., II, 41, 47, 331
- Радожицкий И. Т., II, 34, 35
- Раев В. Е., III, 340, 561
- Раевская, III, 73
- Раевская П. И., I, 153, 162, 170, 173, 185–187, 217; II, 130, 132, 133, 640, 693, 694, 710, 712, 762, 810, 823; III, 188, 191, 328, 545
- Раевская (в замужестве Бороздина) Софья Никит., III, 310, 323
- Раевская Софья Никол., III, 310, 323
- Раевские, сестры, III, 380
- Раевский
Из записок почтмейстера, III, 812
- Раевский, муж П. И. Раевской, I, 185
- Раевский И., тульский помещик, III, 200
- Раевский Никита С., III, 323
- Раевский Николай А., II, 554
- Разин С. Т., II, 338
- Разумовская В. А., графиня. *См.* Репнина-Волконская (рожд. графиня Разумовская) В. А.
- Разумовская (рожд. княгиня Вяземская) М. Г., графиня, II, 32
- Разумовский А. Г., граф, II, 263
- Разумовский К. Г., граф, I, 20, 336, 339; III, 753
- Разумовский Л. К., граф, II, 373, 374
- Раич (наст. фамилия Амфитеатров) С. Е., I, 766; II, 34, 36, 138, 139, 544, 755
- Ракова М. М., III, 561
- Рамазанов Н. А., I, 156; II, 113, 116, 357, 457, 499, 501, 504, 517, 518, 555; III, 126, 307, 311,

- 313, 316, 338, 341, 342, 371, 372, 393, 396, 397, 400, 401, 410, 489, 561, 567–572, 630, 652, 702, 716, 720, 833
- Рамазанова С. А. См. Смирнова (рожд. Рамазанова) С. А.
- Рамзей А., I, 324
- Ранцев (Ранцев-Зас), офицер, II, 274
- Рапасов, чиновник, III, 601, 602
- Расин Ж., II, 333, 339, 757
Гофолия и Андромаха, I, 622
- Растрелли В. В., граф, II, 392
- Рафаил (Заборовский), архиепископ Киевский и Галицкий (с 1731 г.), с 1843 г. митрополит, I, 365
- Рафаилыч, ржевский звонарь, III, 899, 900
- Рафаэль С., I, 229, 349, 354, 382, 403; II, 38–40, 44, 178, 195, 196, 214–216, 218, 228, 242, 244, 249, 254, 257, 299, 303, 304, 337, 346, 362, 424, 425, 434–438, 440, 441, 443, 451, 483, 813; III, 147, 169, 375, 376, 394, 395, 397, 399, 400, 405, 407, 413, 444, 468, 473, 510, 531, 659, 712, 823, 1017
- Рахубовская М. В. См. Быкова (в замужестве Рахубовская) М. В.
- Рачинские, I, 753
- Рачинский В. А., II, 112, 876, 877
- Рачинский С. А., I, 751; II, 112, 113, 402; III, 199
- Рашеев В. Н., III, 783
- Рашель Э., II, 644; III, 84, 234, 238
- Регли Л., III, 408, 409
- Редкин П. Г., I, 170, 171, 431, 439, 448, 455, 502, 540–543, 545, 547, 558, 559, 591, 599, 604, 797; II, 130, 640, 691, 711; III, 196, 235
- Резанов А. И., III, 127, 561
- Резвой М. Д., I, 801, 803; II, 5–7, 34
- Рейнар, II, 72
- Рейтблат А. И., III, 983, 985
- Рейтерн Е. Е., фон. См. Жуковская (рожд. баронесса Рейтерн) Е. Е. (Е. А.)
- Рейтерн Е. Р. (Г. В.), фон, II, 150, 151, 321, 349, 352, 357
- Рейтерн (в замужестве баронесса Вебрену) М. Е., фон, II, 321, 349
- Рейтерн (рожд. Шварцель) Ш., фон, II, 349, 357
- Рейтерны, II, 349
- Рекамье Ж., II, 501
- Рекамье Ю. А., III, 77, 79, 82
- Ренан Э., III, 1020
- Рени Г., II, 38–40, 425, 427, 435, 441, 446
- Ренкевич (Рынкевич) Е. Е., II, 411
- Рено О. И. (Рейнонд Ж. Ж.), барон, III, 786, 790, 791
- Репин И. Е., I, 342; III, 372, 893, 894, 896, 901, 905
- Репнин В. А., князь, II, 426
- Репнин В. Н., князь, II, 327
- Репнин Н. В., князь, I, 518; II, 327; III, 87, 632
- Репнин П. И., князь, III, 87
- Репнина А. Н., княжна. См. Репнина-Волконская (рожд. княжна Репнина) А. Н., княгиня
- Репнина-Волконская (рожд. княжна Репнина) А. Н., княгиня, I, 518
- Репнина-Волконская А. Н., княжна. См. Кушелева-Безбородко (рожд. княжна Репнина-Волконская) А. Н., графиня
- Репнина-Волконская (рожд. графиня Разумовская) В. А., княгиня, II, 269, 327; III, 96, 97, 99–101, 103, 107, 109, 111, 112, 738, 739, 741–743, 745, 750, 752–754, 756, 762, 780–782, 784–786
- Репнина-Волконская В. В., княжна, III, 103, 744, 753, 756, 786
- Репнина-Волконская В. Н., княжна, I, 19, 86, 516, 518, 522, 530, 532; II, 269, 327, 335, 400, 623; III, 24, 38, 72, 96–99, 102–115, 117, 123, 124, 308, 330, 385, 502, 697, 737–739, 743, 744, 746–748, 750–753, 756, 758, 759, 762, 763, 780–785
- Репнина-Волконская Е. Н., княжна. См. Кривцова (рожд. княжна Репнина-Волконская) Е. Н.
- Репнина-Волконская (рожд. Балабина) Е. П., княгиня, I, 182; II, 30, 31, 269, 310, 314, 325, 327, 335, 682, 683, 686; III, 38, 100, 101, 103, 738, 739, 741–754, 756, 759, 762, 774, 781, 784, 785, 787
- Репнина-Волконская О. Н., княжна, III, 785

- Репнина-Волконская (рожд. княжна Волконская) С. Д., княгиня, III, 757, 788
- Репнин-Волконский В. В., князь, III, 101, 103, 781, 787
- Репнин-Волконский В. Н., князь, I, 182; II, 30, 31, 82, 83, 269, 327; III, 38, 100, 101, 103, 738, 739, 741, 743, 745, 749–751, 753, 754, 756, 762, 772, 780–782, 784–787
- Репнин-Волконский Н. В., князь, I, 182; III, 98, 100, 103, 753, 756, 757, 781, 785, 787, 788
- Репнин-Волконский (до 1801 г. Волконский) Н. Г., князь, I, 107, 134, 518, 548; II, 327; III, 96, 97, 99, 100, 105, 107, 108, 110–112, 753, 781, 785
- Репнин-Волконский П. В., князь, I, 182; III, 100, 101, 103, 781, 785, 787
- Репнины-Волконские, князья, II, 325, 327, 341, 358; III, 73, 105–111, 113, 114, 634, 635, 753, 754, 781, 785, 787
- Решетников, знакомый П. М. Погодина, II, 527
- Ржевская. См. Офросимова (рожд. Ржевская)
- Ржевская Н. С., III, 809, 810
- Ржевский Д. С., II, 512; III, 665, 809–815
- Ржевусские (Ржевуцкие), польский дворянский род, II, 482
- Ригельман А. И., I, 270, 394
- Ригельман Н. А., II, 779, 799, 838; III, 12, 48
- Рижский И. С., I, 446
- Римские-Корсаковы, III, 624
- Ринальди Анна Мария, III, 129–131, 133
- Ринальди Аньезе, III, 129
- Ринальди С., III, 129, 131
- Риттер, петербургский домовладелец, I, 621
- Риттер М. А., I, 318, 463, 592, 593
- Рихтер, вдова Жан Поля (И. П. Ф. Рихтера), III, 78
- Рихтер И. П., II, 261, 544, 545
- Рихтер Ф. Ф., II, 421, 425, 427, 448, 451, 453, 454; III, 352, 353, 377, 381, 382, 716
- Ричардсон С., II, 379
- Кларисса Гарлоу, II, 379*
- Риччи М., граф, II, 82, 83; III, 117
- Ришелье А. Ж., де, кардинал, II, 315
- Ришелье Э. О., герцог, II, 280, 476, 646; III, 626, 630, 636, 756, 763, 770, 775–779, 781, 783, 784, 786–788, 790
- Робертс Д., II, 257
- Ровинский Д. А., I, 292; II, 491, 506; III, 307
- Роган Ф, де Жарнак, граф, II, 293
- Родзянко, I, 78, 99
- Родзянко (рожд. Фальковская), жена П. Н. Родзянко, I, 78
- Родзянко А. Г., I, 78, 99, 100
- Родзянко Г. В., I, 78
- Родзянко (рожд. Тарнавиот) Е. И., I, 78
- Родзянко (рожд. Шрамченко) М. М., I, 78, 99, 100
- Родзянко М. Н., I, 78
- Родзянко Н. Е., I, 78
- Родзянко Н. Н., I, 471
- Родзянко Н. П., I, 78, 485, 540
- Родзянко П. Н., I, 78
- Родионов Д. П., III, 473
- Родионов И., II, 146, 530, 551, 554, 767, 867; III, 539, 726, 891
- Родионов П. И., II, 165, 473
- Родионов Р. Р., I, 848, 849
- Родионова А. И., III, 474
- Родионова А. И., II, 165, 787; III, 473, 474
- Родионовы, III, 473
- Родиславский В. И., II, 153, 154; III, 5, 14, 31, 504
- Родоканаки Ф. И., III, 775–778
- Родышевская А. С. См. Бухарева (рожд. Родышевская) А. С.
- Рожалин Н. М., II, 425, 428, 436
- Рождественский А. С., I, 417
- Рождественский Н. Ф., III, 369
- Роза, квартирная хозяйка А. С. Данилевского в Риме, III, 111, 118, 119
- Роза С., II, 39, 441; III, 309, 313
- Розанов А. С., II, 75
- Розанов В. В., III, 244, 472, 897

- Розанов И. Н., III, 85, 170, 171, 177, 399, 716
- Розелли Ф., III, 130
- Розен Е. Ф., барон, I, 332, 719, 722, 776, 782, 804, 811, 813; II, 5–7, 34, 50, 51; III, 279, 286, 369, 370, 981
- Барессе Елисавете Антоновне Дельвиц, I, 332*
- Петр Басманов, I, 776, 777*
- Тени друга, I, 332*
- Розенберг, врач, III, 561, 590
- Розенблюм Н. Г., I, 123, 125–127, 143, 263, 265, 266, 583, 585, 587–590, 642, 678, 688, 690, 758–760, 774, 821; II, 96, 128, 135, 208, 512, 562, 577, 578, 581, 582, 587, 589, 761, 784, 790–792, 796, 799, 805, 811, 814, 815, 822, 828, 838, 868, 873, 878, 881, 890, 903, 947, 950, 955, 964–966; III, 196, 246, 247, 298, 685, 864
- Розенкамф Г. А., барон, III, 369, 370
- Розини Дж., III, 307
- Роксолана, жена султана Солимана II, III, 278
- Роллен Ш., II, 307, 360
- Роман Иванович, старый приживал (1738 г. рожд.) в доме Дм. П. Трощинского, I, 5, 11, 26, 31, 38, 45, 289, 315, 342, 498, 581; III, 38
- Роман, священник в с. Великие Сорочинцы, I, 350
- Романов В., I, 626
- Романович Н. Ф., I, 439, 490
- Романовы, императорская фамилия, II, 275, 918, 919
- Романья, врач в Риме, II, 252
- Ромодановская А. А., III, 816
- Ромодановский Г. Г., князь, I, 639; II, 480
- Ромул, первый царь римлян, II, 458
- Ромул, сын римского императора Максенция, II, 439
- Ронкони Дж., II, 160
- Рор Г., I, 849; II, 556, 557
- Росковшенко И. В., II, 34, 36
- Рославский (Рославлевский) П., III, 42
- Роспильози Дж., кардинал, II, 441
- Росселини (Розеллини) И., III, 307, 346
- Россет А-р О., II, 377, 595
- Россет (Россети) А-ра О. См. Смирнова (рожд. Россет) А. О.
- Россет (Россети) Ар. О., I, 696, 843, 848; II, 64, 78, 196, 197, 204–206, 213, 216–218, 229–231, 234, 242, 243, 251, 256, 264, 265, 278, 290, 294, 296, 302, 304, 305, 312, 335, 366–370, 377, 595, 850; III, 76, 77, 81, 163, 165, 188, 242, 338, 351, 492, 595, 687, 690, 702, 704
- Россет Д. И., II, 290, 296
- Россет И. О., II, 232, 265, 278, 335, 377, 407, 408, 595; III, 711
- Россет К. О., II, 265, 267, 302, 335, 377, 388, 595, 653, 870, 913–915, 968; III, 50, 64, 215, 705, 754
- Россет Н. И. См. Лорер (в замужестве Россет, во втором браке Арнольди) Над. Ив.
- Россет Ос. Ив., II, 298, 301
- Россет (рожд. Ершова) С. И., II, 407, 408
- Росси А. К., III, 561
- Россини Дж., I, 83
- Ростовцев А. И., III, 563, 811
- Ростопчин (Растопчин) А. Ф., граф, I, 668; II, 415, 526, 661, 663, 720
- Ростопчин В. А., граф, III, 659
- Ростопчина (рожд. Сушкова) Е. П., графиня, I, 754; II, 112, 172, 173, 261, 370, 414, 415, 498, 500–502, 513, 514, 529, 530, 535, 536, 566, 568, 569; III, 18, 480, 588, 648, 659–663, 670–676, 682, 701, 702, 720, 872, 873, 962
- Насильный брак, III, 648, 659, 661, 662*
- Нелюдимка, II, 498, 500–502, 566; III, 672*
- Туда, где жизнь. Вечерняя беседа души с Ангелом-Хранителем, III, 480*
- Ротт А. О., I, 735
- Ротчев А. Г., I, 766; III, 369, 370
- Ротшильд А., барон, II, 459
- Ротшильд В. А., II, 127
- Рубан В. Г., I, 72
- Рубини Дж. Б., I, 516; III, 118, 744
- Рудаков А. И., II, 115; III, 579, 960, 961
- Рудаков В. И., I, 367–369; III, 578, 579, 960

- Рудакова (рожд. Медведева) В. Г., III, 579
- Рудакова Е. Ф., I, 369; III, 579
- Руднев Ф. М., III, 774
- Рудницкий Я. Б., I, 45, 597
- Ружемон (Ружемонт), парижский банкир, III, 99
- Румянов М., III, 7, 925
- Румянцев М. П., граф, I, 429
- Румянцев Н. П., граф, I, 46, 322, 332, 353, 369, 429, 723; III, 328, 329, 357, 757, 815, 816, 884, 1023
- Румянцев С. П., граф, I, 46, 322, 332, 353, 369, 429, 723; III, 328, 329, 357, 815, 816, 884
- Румянцев-Задунайский П. А., граф, I, 17, 242, 338, 429; II, 481
- Руссо Ж. Ж., II, 388–390, 895; III, 408, 414, 967
- Рыбаков А., I, 750
- Рыбаков Н. Х., III, 773
- Рыбакова Е. И. (К. И.), I, 746, 750
- Рыкалова Н. В., II, 759
- Рыков В. Д., I, 410
- Рылеев К. Ф., I, 549, 745, 749; III, 558
- Рылеева (в замужестве Пушина) А. К., I, 745, 749
- Рылеева Е. М., I, 749
- Рылеева (рожд. Говорова) М. И., I, 749
- Рюккерт Ф.
Наль и Дамаянти (перевод), II, 483
Сказка о мудреце Кериме, II, 493
- Рябушинский С. П., II, 456
- Рядвольский, казначей, III, 736
- Рязанцев В. И., III, 5
- С., знакомая Е. В. Гоголь в Петербурге, I, 182
- С., петербургские знакомые А. П. Дурново, II, 356
- С. Р., корреспондент газеты «Смена», III, 68
- С. Степан, киевский дворянский секретарь, I, 385
- Сабатье Ф., III, 125, 126
- Сабашников М. В., I, 394, 396
- Сабашников С. В., I, 394, 396
- Сабинин, III, 574
- Сабинина, дочь протоиерея С. К. Сабинина, II, 482
- Сабинины, сыновья протоиерея С. К. Сабинина, II, 482
- Сабинин С. К., протоиерей, II, 412, 482, 483, 487, 490; III, 175, 566, 574, 575
- Сабинина (рожд. Вещезорова) А-ра Т., II, 482, 487, 490; III, 574, 575
- Сабинина Ант. См. Сусанина (в замужестве Сабинина) А.
- Сабинина М. С., II, 274, 482; III, 175, 574
- Сабурова (рожд. Окунева) А. Т., II, 732, 765; III, 83
- Сабурова В. А., II, 154
- Савва (Тихомиров), архиепископ Тверской, III, 719, 720
- Савва Кириллович. См. Яновский С. К., иерей
- Савва Московский, преподобный, III, 718–720, 849, 851, 892, 896
- Савва Освященный, св., II, 108, 111, 506, 513, 526, 529, 540; III, 136, 298
- Савельев Н. В., II, 34
- Савельев П. С., II, 34, 36
- Савинский А. А., I, 408, 410, 412
- Савицкий Г., I, 336
- Савич А. А., I, 603
- Савонарола Дж., I, 302, 308; III, 222, 223
- Савченко С., III, 73
- Савченко Ф. Я., II, 494
- Садовников Д. Н., III, 180
- Садовский Б. А., III, 699
- Садовский М. П., III, 39, 40, 831
- Садовский П. М., I, 306; II, 154, 172, 286, 467, 498, 500, 502, 519, 520, 527, 528, 530, 534–536, 566, 569, 622, 667, 732, 779, 841; III, 11, 12, 83, 183, 672, 680, 830, 924
- Садыков Н. А., III, 962
- Сажин В. Н., I, 88, 100, 101, 104–106, 108; III, 264

- Саксен-Кобургский герцог Эрнест I, II, 261
- Салаев А. И., I, 316
- Салаев Ф. И., I, 193, 316
- Салиас де Турнемир А., граф, III, 136
- Салиас де Турнемир Евг. А., граф, III, 136
- Салиас де Турнемир (рожд. Сухово-Кобылина, псевдоним Евгения Тур) Ел. В., графиня, II, 500, 950; III, 134–136, 552, 744, 833
- Долг, III, 744*
- Племянница, III, 552*
- Салиас де Турнемир М. А., графиня, III, 136
- Салимовский Петр Вл., I, 411
- Саллюстий (Саллустий), римский историк, I, 535; II, 441; III, 414, 442, 488
- Салогуб Л. См. Соллогуб Л. А., граф
- Саломон П. П., III, 734, 735
- Салтыков М. А., II, 130
- Салтыков (псевдоним Н. Щедрин) М. Е., I, 88, 802; II, 178; III, 539, 644
- Салтыков П. И., князь, II, 527, 529
- Салтыкова Д. Н. (Салтычиха), I, 224
- Сальватор, лакей С. С. Киселевой, II, 293
- Сальпини А., III, 128
- Сальпини Т., III, 128
- Самарин Д. Ф., III, 219, 220
- Самарин И. В., I, 306, 819; II, 141, 154, 286, 289, 291, 759, 789, 804, 805, 829; III, 42, 83, 830, 924, 925
- Самарин М. Ф., III, 212, 215
- Самарин Н. Ф., III, 216–218, 220
- Самарин Ф. В., III, 216
- Самарин Ф. Д., III, 219
- Самарин Ю. Ф., II, 93, 123, 130, 134, 194, 272, 284, 321, 323, 347, 348, 366, 367, 377, 492, 495, 515, 582, 584, 589, 601–603, 613, 614, 617, 618, 641, 652, 688, 691, 711, 729, 746, 747, 758, 762–764, 766, 767, 781, 782, 791, 793–797, 806, 809, 823, 827, 832–834, 843, 850, 851, 870, 910, 913, 916, 919, 920, 957, 958; III, 67, 77, 92, 95, 173, 196, 199, 201, 203, 207–220, 269, 702, 713, 717, 846, 847, 852, 859, 868
- Самарина, актриса Московского Малого театра, II, 154; III, 42
- Самарины, II, 622; III, 207
- Самбурская (рожд. Заплатаина) В. С., II, 970
- Самбурская (в замужестве Трутовская) С. А., II, 689, 758, 899, 902, 970
- Самбурские, II, 899, 902
- Самбурский А. И., II, 902, 970
- Самовер Н. В., I, 294; II, 74, 82, 83, 140; III, 114, 116
- Самойленко Н., II, 119
- Самойлов В. В., III, 642, 770
- Самойлов В. М., III, 642
- Самойлова (в замужестве Мичурина) В. В., III, 641, 642
- Самойлова Л. В., III, 642
- Самойлова (в замужестве Загибенина) М. В., III, 642
- Самойлова (по мужу Макшеева) Н. В., III, 642, 770, 789–791
- Самойлова (рожд. Черникова) С. В., I, 762, 826; III, 642
- Самойлович (Самуйлович) И., I, 19, 269, 340, 638
- Сампсон, библейский судия и богатырь, I, 847; II, 39; III, 714, 853
- Санд Ж., II, 164, 194, 219, 244, 271, 325, 780, 834, 844, 845, 858, 909, 912, 961; III, 145, 194, 271, 706
- Валентина, III, 706*
- Мальшка Фадетт, II, 271*
- Письма путешественника, II, 271*
- Санц, одесский домовладелец, III, 781
- Сапега, II, 158
- Саргсян М. С., III, 51, 61, 310, 312, 316
- Сарти Дж., II, 263
- Сарто Андреа, дель, II, 38
- Сассоферрато (Дж. Сальви), II, 39, 441
- Сатин Н. М., II, 130, 791
- Саути (Соути) Р., I, 324
- Проклятие Кехамы, I, 324*

- Талаба — разрушитель*, I, 324
- Сахаров В. И., III, 203
- Сахаров И. П., II, 4, 34, 414, 657, 693, 759; III, 636
- Сахаров Ф., II, 153, 154; III, 83
- Сашка, крепостной танцор и музыкант в доме Дм. П. Трошинского, I, 51
- Сбоев В. А., III, 791
- Сведенборг Э., II, 332
- Свенцицкий И. С., III, 7, 236, 984
- Свербеев А. Д., III, 844, 855–858
- Свербеев В. Д., III, 855–857
- Свербеев Д. Н., I, 184; II, 102, 130, 143, 172, 173, 237, 472, 488, 493, 567, 594–596, 599, 640, 648, 655, 711, 743, 744, 752, 755, 762, 791, 792, 834, 835, 858, 859, 863, 865, 934, 935; III, 49, 77–79, 83, 87, 88, 92, 137, 141, 148, 162, 181, 197, 199, 223, 224, 695, 720, 831, 844–849, 851, 852, 855–859, 863, 864, 868, 877, 893, 947, 959
- Свербеев Н. Д., II, 865; III, 844, 855–859
- Свербеева В. Д. *См.* Арнольди (рожд. Свербеева) В. Д.
- Свербеева (рожд. княжна Щербатова) Е. А., I, 170, 184, 586, 687; II, 102, 143, 268, 472, 567, 588, 590, 691, 710, 711, 714, 743, 744, 752, 762, 792, 795, 818, 834, 835, 850, 852, 865, 868; III, 49, 59, 60, 77–79, 83, 86–88, 92, 137, 148, 162, 179, 192, 197, 199, 556, 694, 831, 844–847, 850–859, 863, 947, 959
- Свербеева Е. Д., III, 855–857
- Свербеева О. Д., III, 855–858
- Свербеевы, III, 856
- Сверчков В. Д., III, 341, 561
- Светличный С. И., I, 386
- Светлова М. К., I, 810
- Свечин Н. С., II, 357
- Свечина (рожд. Соймонова) С. П., II, 348, 351, 357; III, 76, 81, 111
- Свешников Ф., II, 763
- Свиньин П. П., I, 108, 229, 296, 298, 299, 325, 326, 383, 766; II, 34, 36; III, 37, 227, 233, 875, 982
- Свиньин П. П., Бошняк А. К.
Ягуб Скупалов, или Исправленный муж, I, 108
- Свиньина Е. П. *См.* Писемская (рожд. Свиньина) Е. П.
- Свистуновы, II, 258
- Свиязев И. И., II, 34, 36
- Свиясов Е. В., I, 32, 282, 299; II, 629, 889, 952, 953
- Святогорец. *См.* Сергей (Веснин), Святогорец, иеросхимонах
- Святослав, великий князь, II, 523
- Севастиан, св. мученик, II, 39, 40, 425, 428, 438, 439, 446
- Севенард, учредительница женского пансиона в Москве, I, 358
- Северин, св. мученик, II, 38
- Северин Д. П., II, 8; III, 631, 633
- Северина (рожд. Стурдза) Е. С., III, 633
- Севинье М., де, II, 196, 197; III, 329
- Севрюгин Ф. Е., I, 490, 495, 501
- Седуро Вл., III, 275
- Селиванов И. В., II, 178, 180
- Селюк Н. Я., II, 893, 897
- Семевский В. И., III, 200, 201
- Семевский М. И., II, 305, 308, 320, 500, 566
- Семен, повар Погодиных, II, 527, 533
- Семен, слуга М. А. Риттера, I, 592, 593
- Семен. *См.* Григорьев С.
- Семен А., II, 933; III, 925
- Семененко П., II, 19, 21–27; III, 551
- Семенов, адъюнкт-профессор, I, 798
- Семенов А-р, III, 856
- Семенов В. И., I, 75
- Семенов В. Н., I, 764, 765, 822; III, 369, 645
- Семенов П., III, 644
- Семенова, мать графа П. П. Семенова-Тянь-Шанского, III, 644
- Семенова (в замужестве княгиня Гагарина) Е. С., I, 622; III, 789, 791
- Семенова Н. П. *См.* Грот (рожд. Семенова) Н. П.

- Семенов-Тянь-Шанский В. П., III, 645
- Семенов-Тянь-Шанский П. П., граф, III, 644, 645, 796
- Сементовский К. М., I, 297
- Семирадский Г. И., II, 456
- Семирамида, царица Ассирии, III, 204, 205
- Сен-Жорж, содержатель ресторана в Петербурге, I, 647
- Сенковский О. И., I, 431, 550, 681, 687, 696, 713–715, 726, 760, 766, 804, 840; II, 94, 95, 188, 189, 334, 338–340, 418, 476, 590, 836, 903, 915, 959; III, 103, 168, 182, 252, 275, 366, 370, 413, 456, 479, 482, 494, 496, 505, 506, 512, 513, 515, 524, 534, 535, 995, 998
Большой выход сатаны, III, 366
- Сен-Мартен А. Ж., II, 572, 573
- Сен-Мартен Л. К., II, 465
- Сен-При А. Э. Ш, граф, III, 722
- Сен-При Ал., граф, III, 722, 723
- Сен-При (Saint-Priest) Э. К., граф, I, 510; II, 340, 354
- Сен-Симон А., де, II, 348
- Сен-Симон Л., герцог, II, 198, 199, 285, 295, 329
- Сент-Бёв Ш. О., I, 675; II, 93, 207, 230, 255, 348, 845–847; III, 138, 139, 170, 874
- Сенявин Л. Г., III, 602, 614
- Сенявина (рожд. баронесса д'Оггер) А. В., III, 763
- Септимий Север, II, 424, 431
- Серапин, содержатель гостиницы в Петербурге, II, 520
- Серафим Саровский, преподобный, II, 90, 232; III, 188, 539, 551, 616, 617
- Сербинович К. С., I, 619, 680; II, 106; III, 85, 699, 740
- Сервантес С. М., де, II, 325, 834, 842; III, 194, 415, 477, 567
Дон Кихот, II, 329, 333, 676; III, 256, 416, 477
- Сервий Туллий, II, 452
- Сергей Павлович. См. Потемкин С. П., граф
- Сергий (Веснин), Святогорец, иеросхимонах, II, 209; III, 730, 731, 739
- Сергий (Измайлов), игумен Свято-Троицкого Ахтырского монастыря (с декабря 1842 г.), с 1853 г. архимандрит, I, 203
- Сергий Радонежский, преподобный, I, 304; II, 235, 278, 280, 344, 553, 555, 617, 654, 763, 871, 872; III, 35, 44, 188, 233, 258, 539, 615, 617, 705, 709, 734, 745, 798–800, 839, 843, 1022
- Сердобин М. Н., барон, I, 73
- Серебренников Н. В., III, 205, 708
- Серебровская Е. П., III, 971, 974
- Серебряков В. А., II, 446, 455; III, 55, 62, 331, 332, 561
- Серединский, сын протоиерея Т. Ф. Серединского, III, 592
- Серединский Т. Ф., протоиерей, III, 591, 592, 604
- Серид Палестинский, преподобный, III, 729
- Серков А. И., I, 35; II, 179; III, 550
- Сестий, II, 38
- Сигизмунд III, польский король, I, 380
- Сигрин, пастор, II, 247
- Сидонский Ф. Ф., I, 801, 803, 804; II, 5, 6
- Сидоренко, бухгалтер, III, 794
- Сидоренко И. П., I, 449
- Сидорова-Бартенева С. С., III, 700
- Сикст V (в крещении Феличе), римский папа, II, 40, 163, 230, 235, 257, 304, 430, 433, 446, 466; III, 46, 50, 69, 118, 119, 124, 128–130, 132, 133, 147, 156, 304, 332, 395, 401, 425, 426, 440, 468, 470, 582
- Сильвестр I, папа римский, св., II, 425, 434
- Сильвестр, священник, духовник Иоанна Грозного, III, 95
- Сильвестр (Лебединский), епископ Малороссийский и Переяславский (с 1803 г. епископ Полтавский и Переяславский), I, 76
- Сильвестр, слуга Н. М. Языкова, II, 714, 762; III, 152, 153, 158
- Сильвестров, московский домовладелец, I, 127, 144
- Сильвио, повар А. О. Смирновой, II, 266
- Сильчевская, сестра П. Сильчевского, II, 191

- Сильчевский Д. П., II, 190, 191
 Сильчевский П., II, 190, 191
 Сим, сын Ноя, III, 500
 Симановский И. П., II, 159
 Симгин Н., I, 631
 Симеон Столпник, св., II, 112, 301, 889; III, 136, 198, 298, 578, 579, 926, 946
 Симонова И. А., III, 55, 61, 229
 Симоновский (Симановский) И. П., I, 490, 517, 599
 Синельников, муж М. Н. Синельниковой (рожд. Ходаревской), I, 197; III, 884
 Синельников, сын М. Н. Синельниковой (рожд. Ходаревской), I, 197
 Синельникова Е. В., I, 264, 265
 Синельникова (рожд. Ходаревская) М. Н., I, 15, 89, 91, 122, 123, 166, 188, 197, 202, 208, 214, 263, 265, 266; II, 45, 107, 111, 113, 122; III, 491, 578, 717, 877, 884, 925, 926
 Синчеро Никколо (псевдоним). См. Рамазанов Н. А.
 Сиповский В. В., II, 317, 318
 Сирани Э., II, 39
 Сиркур А. М. П., граф, III, 79, 84, 93, 94
 Скалон А. В., I, 171, 188, 214; II, 486; III, 669
 Скалон В. А., I, 171, 214, 618; III, 669
 Скалон В. В., III, 669
 Скалон Н. А., II, 265
 Скалон (рожд. Капнист) С. В., I, 33, 79, 81, 94, 134, 135, 171–174, 214, 215, 617, 618; II, 113, 484, 486; III, 669
 Скальковский А. А., I, 606; III, 637
 Скальковский Н. А., III, 637
 Сканави И., I, 459
 Скарятин А. Я., III, 54
 Скарятин В. Д., III, 845
 Склабовский А., I, 627, 629, 630
 Склабовский А. В., I, 410, 429
 Скобелев И. Н., I, 766
 Сковорода Г. С., I, 297; III, 364, 365, 663
 Скопин-Шуйский М. В., князь, III, 278
 Скоробогатый, студент Ришельевского лицея, III, 776
 Скоропадские, I, 232; III, 968
 Скоропадский И. И., I, 20, 233, 236, 239, 384, 387; II, 330
 Скоропадский М. П., I, 439, 454, 455, 515
 Скоропадский П. П., I, 439, 515
 Скотт А., II, 774
 Скотт В., I, 23, 324, 711, 712, 715, 804, 843; II, 374, 774, 828, 829, 834; III, 147, 194, 280, 410, 435, 478, 714, 978, 981
Владелец островов, I, 141, 142
Таинственный карло (Черный карлик), I, 23
 Скотти И. П. (Дж. Б.), II, 447, 456
 Скотти М. И., II, 447, 451, 456; III, 52, 352, 380, 837
 Сочко Т., III, 971
 Скриб Э., III, 477
 Скриб Э., Галеви Я.
Жидовка, I, 830
 Скрипицыны, II, 263
 Скрипник Г., III, 877
 Скуридин М. С., I, 355; II, 573; III, 37, 831
 Слепцов, московский домовладелец, II, 663
 Словацкий Ю., II, 22
 Слюсарь А. А., I, 712
 Слютинский Г., протоиерей, I, 409, 410
 Смагин С. И., I, 347
 Смирдин А. Ф., I, 510, 632, 704, 714–716, 760, 774; II, 413, 423, 579, 688, 964; III, 143, 149, 226, 247, 250, 366, 369, 370, 478, 479, 505, 515, 527
 Смирницкий В. Н., III, 838
 Смирнов И. И., II, 568
 Смирнов М. Н., II, 168, 210, 227, 234, 278, 320, 360, 361, 365, 406, 408, 555, 872; III, 50, 81, 539, 839
 Смирнов Н. М., I, 596, 672, 779, 780, 844; II, 3, 30, 31, 33, 39, 40, 63, 64, 150, 195, 200, 202, 206, 228, 250, 251, 265–267, 277, 279, 293, 296, 297, 303, 306, 310, 312, 314, 320, 322, 323, 329, 334–336, 338–344, 346, 347, 349,

- 350, 354, 357, 362, 369, 395, 401–405, 407, 408, 912–914, 917; III, 50, 64, 176, 215, 263, 372, 484, 493, 705, 733
- Смирнов П. А., III, 372, 567
- Смирнов П. П., II, 261, 277, 407
- Смирнов С. К., протоиерей, II, 560
- Смирнов Я. В., III, 552
- Смирнова А. Н., II, 351, 357
- Смирнова (рожд. Россет) А. О., I, 24, 32–34, 119, 127, 128, 144, 145, 157, 158, 160, 355, 362, 399, 510, 516, 518, 522, 536, 538, 596, 623, 633, 662, 668–672, 697, 699, 700, 702, 712, 753, 754, 779, 780, 788, 843, 845; II, 3, 30, 31, 33, 41–44, 49, 53–64, 78, 123, 167, 168, 195–227, 230, 234–241, 244, 247, 248, 252, 264, 274, 275, 277–279, 281, 282, 294, 295, 297, 298, 300–320, 322–335, 338–374, 376–379, 383, 384, 387, 391, 393–396, 398, 403–408, 443, 455, 489, 490, 501, 505, 511, 515, 516, 519, 555, 583–589, 592, 594–596, 598, 599, 606, 612–618, 620, 622, 624–626, 633, 652, 653, 655, 749, 751, 764, 767, 776, 779, 780, 782, 783, 795, 798, 799, 838, 843–845, 848, 857, 862, 864, 865, 870, 872–875, 878, 884, 885, 895, 896, 898, 907–921, 924, 926–931, 934–936, 943, 944, 962; III, 17–19, 21, 22, 28, 46, 47, 49, 50, 54, 64, 71, 76, 78, 81, 83, 85, 86, 90, 119, 139, 162, 165, 171–173, 176, 177, 195, 210–212, 214, 215, 219, 231, 242, 244, 257, 261, 263, 276, 335, 338, 339, 351, 372, 373, 400, 428, 429, 455, 460, 474, 475, 478, 480, 492, 493, 496–500, 514, 526, 527, 529, 537–540, 557, 558, 581, 599, 603, 604, 642, 659, 660, 684, 686, 693–695, 697, 705, 711, 718, 726, 730, 733, 738, 739, 754, 757, 781, 784, 839, 857, 871, 891, 927, 948, 958
- Смирнова Е. А., II, 575, 584, 588, 590–595, 597–601, 603, 606, 607, 609–611, 613–617, 623, 626, 642, 645, 656, 659, 723, 724, 726, 751, 756, 759, 780, 783, 786, 844, 868, 869, 875, 876, 878, 880, 888, 920, 924, 928, 931, 934
- Смирнова Н. Н. См. Сорен (рожд. Смирнова) Н. Н.
- Смирнова О. Н., I, 32, 157, 158, 522, 525, 623; II, 54, 78, 169, 196–199, 202, 225, 235, 236, 251, 253, 254, 257, 261, 295, 297, 298, 301–325, 327–333, 338, 341, 342, 344–355, 357–365, 369, 395, 405, 406; III, 19, 81, 90, 106, 139, 165, 187, 231, 478, 521, 659, 697, 755, 756, 968
- Смирнова Р. А., III, 967, 968
- Смирнова (рожд. Рамазанова) С. А., III, 372, 567
- Смирнова С. Н. См. Трубецкая (рожд. Смирнова) С. Н., княгиня
- Смирнова (рожд. Бухвостова) Ф. П., II, 341, 355
- Смирнова-Чикина Е. С., III, 723, 808, 956
- Смирновы, II, 221, 222, 362, 401, 404–407; III, 50
- Смоленский, III, 694
- Смоленский И., I, 240
- Смоликовский П., ксендз, II, 24
- Снегирев И. М., I, 766, 802, 804; II, 5–7, 34, 167, 170, 172, 173, 491, 515, 582; III, 16, 237, 346, 720, 815, 867, 987
- Снигиревич О., I, 417
- Снытко Т. Г., III, 599, 600
- Собещанский А. Г., III, 569
- Собизский И., II, 159
- Соболевский А. П., II, 425, 427, 434
- Соболевский С. А., I, 511, 668, 720, 801, 803, 805, 810; II, 33, 342, 551, 756; III, 76, 671, 882
- Соваж Т. М. Ф., Делюрье Ж. Ж. Г.
Матрос, II, 912
- Совецкий А., I, 19, 340
- Соймонов А. Д., III, 83, 166, 184, 185
- Соймонова Е. П. См. Гагарина (рожд. Соймонова) Е. П., княгиня
- Соймонова С. П. См. Свечина (рожд. Соймонова) С. П.
- Сокович И. И., I, 439
- Сокович П. И., I, 439
- Соколов, адъюнкт-профессор, I, 797
- Соколов, жандармский полковник в Вологде, III, 232
- Соколов А. И., III, 767–770, 773, 774, 788–791
- Соколов А. И., протопресвитер, II, 108, 112, 298, 301, 888–891, 894; III, 135, 136, 297, 298, 578, 911, 915, 926, 934, 936, 946
- Соколов В. Ф., III, 7, 42, 925
- Соколов Г. Г., III, 674
- Соколов Г. И., III, 760, 777, 778
- Соколов И., III, 963, 966

- Соколов Иван, I, 626
- Соколов И. И., II, 27
- Соколов Н. В., III, 29, 30
- Соколов Пав. П., III, 987
- Соколов Петр П., II, 185; III, 660
- Соколов Петр Ф., II, 185
- Соколова (рожд. Денисьева) А. И., II, 942; III, 12, 244, 696, 809, 810
- Соколова Т. В., I, 723
- Соколовский, учитель истории, I, 742
- Соколовский В. И., II, 34, 36
- Сокологорский К. И., II, 112; III, 916, 917, 927, 938, 947
- Соколянский М. Г., III, 483
- Сократ, I, 747; II, 483; III, 522
- Солдатенков К. Т., II, 113
- Соленик К. Т., III, 770, 773
- Соллогуб А. В., граф, II, 861
- Соллогуб А-р Ив., граф, I, 652
- Соллогуб В. А., граф, I, 515, 548, 550, 600, 649, 651, 652, 656, 657, 668, 673, 674, 685, 690, 693; II, 42, 55, 78, 185, 202, 213, 220, 245, 260, 264, 277, 361, 362, 414, 415, 566, 688, 793, 922; III, 23, 24, 67, 165, 231, 239, 557, 558, 560, 581, 641, 661, 746, 747, 757, 879, 882
- Собачка, III, 23*
- Сотрудники, или Чужим добром не наживишься, III, 746, 757*
- Тарантас, I, 656, 668; II, 206, 264; III, 67*
- Соллогуб Л. А., граф, II, 30, 217, 228, 242, 250, 293
- Соллогуб С. В., графиня, II, 861; III, 557
- Соллогуб (рожд. Архарова) С. И., графиня, I, 652, 668; II, 260, 277, 292, 325; III, 557
- Соллогуб (рожд. графиня Виельгорская) С. М., графиня, I, 294, 524, 653, 668, 690, 693; II, 55, 78, 200, 220, 232, 237, 245, 260, 292, 351, 359, 361, 587, 607, 749, 767, 859–861, 922, 940; III, 24, 276, 557, 581, 613, 641, 642
- Солнцев Е. Г., III, 341–343, 561
- Солнцев Ф. Г., III, 341, 342
- Соловьев Вл. С., III, 265
- Соловьев Вс. С., III, 265
- Соловьев Н. Ф., I, 457, 458, 478, 541, 543
- Соловьев П. А., протоиерей, III, 616, 618–620
- Соловьев С. М., II, 172, 173, 611, 614; III, 205, 235, 664–666, 856
- Соловьева В. С., II, 611
- Соловьева О. С., I, 802
- Соломка Н., I, 336
- Соломон, третий царь Израиля, I, 204, 230; II, 38, 432, 848; III, 54, 729, 848
- Песнь Песней, II, 336*
- Солоницкий А. С., III, 660
- Солоп Р. (Радько), бывший лакей Трахимовских и сторож В. И. Чарныша, I, 359
- Солунский, содержатель винного погреба в Нежине, I, 535
- Сом, возможно, Сомов О. М., I, 510
- Сомов, владелец бумажной фабрики, I, 456
- Сомов А. В., III, 52, 53, 342, 343
- Сомов О. М., I, 640, 641, 722; III, 369; *см. также Сом*
- Сомовы, помещики в Тульской губернии, III, 343
- Сорен (Saurien) А. В., II, 364, 365
- Сорен (рожд. Смирнова) Н. Н., I, 157, 158; II, 196–198, 200, 225, 234, 251–254, 257, 261, 295, 301, 303–305, 313, 321, 358, 364, 365, 371, 372, 395, 405, 406; III, 19, 90, 660
- Сорокин, крестник М. П. Погодина, II, 499, 502
- Сорокин Е. С., III, 468, 824
- Сорокин М. П., II, 34, 36
- Сорочинский Г. М., I, 415, 418, 534
- Сосницкая (рожд. Воробьева) Е. Я., I, 829; III, 261, 793
- Сосницкий И. И., I, 514, 623, 806, 816, 825, 826, 829, 832, 833; II, 141, 289, 291, 520, 683, 757, 761, 785, 804, 903; III, 4–9, 14, 15, 34, 35, 39, 86, 260, 261, 793, 794, 830, 831, 924
- Сосновский М. Ф., I, 829
- Сосновский Сем. Иос., I, 411
- София, св. мученица, II, 618

- Софокл, II, 332
- Софонеба (Софониба), II, 38, 44
- Соханская (псевдоним Кохановская) Н. С., I, 281; II, 623
- Спаньолетто (Хосе де Рибера), II, 39
- Спасский М. И., I, 12, 26, 31, 39, 121, 418, 494
- Спасский М. Ф., I, 554
- Спатти (Спетти) Дж., III, 129, 131
- Спатти А., III, 129
- Спатти Л., III, 129
- Спекторский В., II, 910; III, 576
- Сперанская Е. М. *См.* Фролова-Багреева (рожд. Сперанская) Е. М.
- Сперанский М. М., граф (с 1839 г.), I, 541, 797; II, 213, 273, 291, 331, 410; III, 113, 552, 598, 670
- Сперанский М. Н., I, 8, 9, 430, 437, 438, 441, 448, 449, 458, 462, 465–467, 469, 475–479, 484, 485, 487, 489, 492, 756, 837, 838; III, 103, 658, 660, 877, 991
- Сперанский П. А., иерей, III, 592
- Спешнев, II, 498
- Спешнев Н. А., III, 587
- Спиридон, епископ Тримифунтский, свт., I, 574; III, 615–617, 732, 758, 798
- Спиридон, греческий архимандрит в Венеции, II, 555
- Сплитстессер Д. М., I, 418
- Сребницкий И. А., I, 8, 437, 438, 441, 448, 449, 457, 462, 465–467, 469, 471, 475–479, 484, 485, 487–489, 492, 504, 537
- Срезневская (рожд. Кускова) Е. И., II, 138, 139; III, 38
- Срезневский В. И., II, 138
- Срезневский И. И., I, 5, 301, 304, 772; II, 138, 139; III, 38, 235, 246, 304, 320
- Ставассер П. А., I, 328; III, 307, 311–313, 338, 341, 342, 371, 372, 394, 396, 398, 561
- Сталь Ж., де, II, 501
- Станислав, святой католической Церкви, покровитель Польши, I, 538; II, 407, 462, 473, 475; III, 591
- Станкевич А-р В., II, 149; III, 43, 44
- Станкевич А-ра В. *См.* Щепкина (рожд. Станкевич) А. В.
- Станкевич В. И., III, 35
- Станкевич (рожд. Бодиско) Е. Е., II, 149
- Станкевич И. В., III, 44
- Станкевич (в замужестве Фролова) М. В., II, 563; III, 12, 43, 44, 299
- Станкевич Н. В., I, 762; II, 87, 147, 148, 348, 666, 667, 754, 755, 778, 789, 801, 802; III, 28, 43, 44, 82, 287, 397, 398, 467, 502, 503, 527, 534, 535, 924
- Старицкая (рожд. Арендт) Н. Ф., I, 48, 67, 195
- Старицкие, I, 195
- Старицкий, муж Н. Ф. Старицкой, I, 195
- Старицкий Петр Ив., I, 411
- Старый, псевдоним, I, 765
- Стасов В. В., I, 601, 731; II, 428, 904; III, 338, 361–363, 366, 369–373, 398, 482, 561, 894
- Стасов В. П., III, 367, 370
- Стасов Д. В., I, 729; II, 195, 297; III, 372, 373
- Стасовы, III, 367, 373
- Стасюлевич М. М., II, 499, 501; III, 34, 50, 296, 379, 411, 429, 431, 432, 467–471, 473–475, 477, 480–483, 485, 486, 488, 490, 493, 494, 496, 497, 501, 519, 527, 535–541
- Стахович А. А., III, 831
- Стахович И. А., I, 439
- Стахович М. А., II, 130
- Стелловский Ф., I, 765
- Стендаль, II, 325
- Степан, буфетчик в Туле, III, 806
- Степан Меркуриевич. *См.* Яновский С. М.
- Степанов, чиновник, II, 265
- Степанов А. Н., I, 326; III, 4, 985
- Степанов А. П., I, 840
- Постоялый двор, I, 840*
- Степанов В. А., II, 153, 154; III, 7, 83, 925
- Степанов Г. С., II, 364, 365
- Степанов Н. А., II, 34, 36
- Степанов Н. С., II, 547, 910, 933; III, 238
- Степанов П. А., III, 571, 572

- Степанов П. Г., III, 7, 8, 42, 83, 925
- Степанова А. Д., II, 153, 154
- Степанова Л., II, 933
- Стерич, петербургский домовладелец, III, 704
- Стерн Л., II, 300, 329, 340
- Сентиментальное путешествие, II, 316, 325*
- Стефан, архидиакон, св. первомученик, II, 470
- Стефан (Яворский), митрополит Рязанский и Муромский, местоблюститель патриаршего престола, III, 94, 210, 890
- Стилман Л., I, 336
- Стогнут А. С., I, 486
- Стойкович А. И., I, 425; III, 369
- Стокоза С., I, 9, 13, 23, 84, 559, 560, 567, 568
- Столыпин А. А. (Монго), II, 259
- Столыпин, генерал, I, 541
- Стороженко А. П., I, 607, 616
- Стороженко Н. В., III, 787, 788
- Стороженко Н. И., III, 236
- Стороженко П., I, 607, 609, 615
- Стратен В. В., II, 428
- Страхов, понятий при осмотре вещей покойного Гоголя, III, 961, 965
- Страхов Н. Н., II, 563, 567, 765; III, 187, 245, 254
- Стриттер (Штриттер) И. Г. (И. М.), I, 460
- Строганов А. Г., граф, II, 410
- Строганов Г. А., граф, III, 348
- Строганов Г. С., граф, III, 856
- Строганов Н., I, 446
- Строганов С. Г., граф, I, 356, 778; II, 85, 86, 174–176, 410, 411, 464, 474, 488, 489, 493; III, 223, 224, 227–229, 231, 319, 576, 992, 993
- Строев В. М., I, 523, 528
- Строев П. М., II, 138, 139; III, 184
- Стромилов С. И., II, 34
- Стромилова Л. А., I, 601
- Струве П. Б., III, 122
- Струговщиков А. Н., II, 34, 36; III, 308, 370, 379, 385
- Струева, московская актриса, III, 42
- Струйский (псевдоним Трилунный) Д. Ю., I, 801, 803; II, 5–7, 34
- Стрэтт, англичанин, III, 323
- Стрэтты, англичанине, III, 323
- Стрэшн, англичанин, III, 323
- Студитский А. Е., II, 94, 476, 498, 561; III, 103, 104
- Ступаков П. И., I, 449
- Стурдза А. С., I, 544; II, 8, 27; III, 95, 565, 631, 633–636, 670, 671, 738, 739, 747, 750, 751, 753, 759, 762, 779, 780, 782, 787, 861
- Стурдза Е. С. *См.* Северина (рожд. Стурдза) Е. С.
- Стурдза М. А. *См.* Гагарина-Стурдза (рожд. Стурдза) М. А., княгиня
- Стурдза Р. С. *См.* Эдлинг (рожд. Стурдза) Р. С., графиня
- Стурдза С. Д., III, 633
- Суворин А. С., I, 270; III, 643, 644
- Суворов А. А., князь Италийский, граф Рымницкий, III, 668
- Суворов А. В., князь Италийский, граф Рымницкий, I, 763; II, 233, 330, 463; III, 82
- Суворова Н. А. *См.* Зубова (рожд. Суворова) Н. А., графиня
- Сукин А. Я., III, 600
- Сулла, римский полководец, III, 819
- Султан-Шах М. П., I, 839; II, 6
- Сулье М. Ф., III, 409, 414
- Если б молодость ведала! Если б старость могла! III, 409, 414*
- Сульженковы, соседи Гоголей, I, 201
- Сумароков А. П., I, 79, 540
- Димитрий Самозванец, I, 79, 501*
- Сумцов Н. Ф., III, 876
- Суперфин Г. Г., III, 145, 473, 474
- Супронюк О. К., I, 552, 582; III, 287
- Суровщиков М. М., I, 319; III, 830
- Сусанин И., III, 570, 574
- Сусанина (в замужестве Сабинина) А., III, 574
- Сусанна, служанка А. А. Иванова, III, 337

- Сутулинский, зять священника Насветова, пономарь в Васильевке, I, 223
- Сухарева А. М., I, 743
- Сухих А. А. (А. Е.), III, 360
- Сухих (рожд. Иванова) Е. А., III, 360
- Сухих Е. А. (в замужестве Ганскау), дочь А. А. (А. Е.) и Е. А. Сухих, племянница А. А. Иванова, III, 360
- Сухово-Кобылин А. В., III, 134–136
- Сухово-Кобылин В. А., III, 134, 136
- Сухово-Кобылина Е. В. См. Салиас де Турнемир (рожд. Сухово-Кобылина, псевдоним Евгения Тур) Ел. В., графиня
- Сухово-Кобылина (рожд. Шепелева) М. И., III, 136
- Сучкова А. А., II, 428
- Сушицкий Д. М., I, 408, 411
- Сушков А. В., III, 991
- Сушков И. В., I, 463, 536; III, 235, 239
- Сушков Н. В., I, 297; II, 172; III, 232, 235, 237, 559, 670–672, 730, 809, 867
Бедность и благотворительность, III, 671
- Сушкова (рожд. Тютчева) Д. И., III, 232, 237, 559
- Сушкова (в замужестве Хвостова) Е. А., III, 991
- Сушковы, III, 77, 559, 809, 879
- Сципион, II, 438
- Сципионы, II, 303
- Сыробоярский А. В., III, 839
- Сю Э., II, 780, 962; III, 17, 101, 104, 554
- Т., петербургский знакомый А. О. Смирновой, II, 340
- Т—о, сосед Гоголей, I, 596
- Таке, сапожник в Москве, I, 723; II, 696
- Талалай М., II, 25
- Талейран Ш., III, 267
- Талызин А. И., I, 286, 300, 308, 367, 553; II, 68, 264, 265, 278, 507, 568; III, 222, 568, 578, 579, 641, 649, 666, 702, 816, 824, 960, 962, 964
- Талызин М. И., I, 801, 803; III, 645
- Талызина, жена А. И. Талызина, II, 529; III, 225
- Тальони М., I, 519; II, 805; III, 980
- Тальони Ф., III, 408, 414
Восстание в серале, I, 830
- Тамбурины А., III, 744
- Танеев А. С., II, 12–14; III, 229
- Танская Анна (мать), I, 21, 206, 235–238, 246
- Танская Анна В. (дочь). См. Лизогуб (рожд. Танская) А. В.
- Танские, I, 232, 233, 379, 384; III, 968, 971
- Танский А. М., I, 236, 238
- Танский В. М., I, 20, 21, 233–239, 246, 335, 336, 338, 339, 374, 379, 380, 384, 387, 388
- Танский И. А., I, 238
- Танский И. О., I, 374, 379, 380
- Танский С., I, 380
- Танта, содержательница притона в Петербурге, III, 19
- Танюша, цыганка, русская певица, III, 85
- Тарасенко-Отрешков Н. И., I, 783
- Тарасенков А. Т., I, 17, 231; II, 112, 500, 761, 894; III, 2, 5, 6, 18, 19, 137, 199, 239, 299, 486, 493, 715, 717, 830, 847, 893, 894, 907, 922, 923, 925–928, 945–949, 951, 956, 957, 959
- Тарасенков П. А., III, 922, 923, 945, 956, 957
- Тарасенкова (рожд. Чебышева) Е. Л., III, 923
- Тарасов Б. Н., III, 205, 868
- Тарквиний Гордый, II, 303, 305
- Тарковская, знакомая Ф. В. Чижова в Киеве, III, 63
- Тарланов Е. З., I, 173, 187, 188; III, 795
- Тарновский (Тарнавский) В. В., I, 439, 542, 547; III, 114, 1014
- Тарновский К. А., III, 774
- Тарновский С., I, 384
- Тархова Н. А., III, 142
- Тассо Т., I, 282, 559; II, 38, 257, 425, 438; III, 309, 313, 758
Освобожденный Иерусалим, III, 309, 313
- Татаринов В. И., II, 873, 874
- Татаринов П. П., II, 181, 182
- Татищев В. Н., I, 460

- Татишев Н. Н., граф, II, 200
 Тацит П. К., II, 256, 399, 1008
 Твардовский Д., I, 385
 Тевяшов Е. Н., I, 292
 Тегнер Э., III, 741, 754
     Сага о Фритьофе, III, 741, 754
 Тейнер (Тайнер) А., аббат, II, 426, 428, 442
 Телепин М. Я., III, 923
 Телятьев, воевода в Калуге, II, 266
 Тенар (Тернар) Л. Ж., I, 458
 Тенерани П., II, 38, 44, 304, 446
 Теньер (Тенерис, Тенирс) Д., II, 481, 487, 684, 757, 826
 Тепляков В. Г., I, 599, 600, 801, 803, 840; II, 5–7, 34; III, 671, 872
     Фракийские элегии, III, 671
 Тербенина Р. Е., II, 3; III, 33
 Тереза, римская прислуга, III, 130
 Терентий, слуга Н. А. Рамазанова, III, 568
 Теренций П., II, 40
 Терешка, дворовый человек И. П. Котляревского, I, 418
 Терещенко А. В., II, 651, 655; III, 226, 230
 Терлаич Г. И., I, 425
 Тер-Мыкыртычьянц С. Н., III, 696
 Терпигорев Н. И., I, 764
 Терпигорев С. Н., I, 764
 Терсит, III, 1013
 Теслев А. П., I, 693
 Теттенборн К. Ф., барон, II, 42
 Тиберий (Тиверий), римский император, II, 303
 Тизенгаузен Е. М., графиня. См. Хитрово (рожд. княжна Голенищева-Кутузова, в первом браке графиня Тизенгаузен) Е. М.
 Тизенгаузен Е. Ф., графиня. См. Хитрово (рожд. графиня Тизенгаузен) Е. Ф.
 Тизенгаузен Ф. И., граф, II, 415
 Тик Л., II, 478
     Последние новости, II, 153
 Тильман К. А. (К. Г.), III, 289, 290
 Тимковский Е. Ф., I, 638
 Тимм В. Ф., III, 251
 Тимм Г. Ф., III, 251
 Тимм Э. К., III, 251
 Тимофеев В. И., I, 538
 Тимченко. См. Цуревская (рожд. Тимченко), жена П. Ф. Цуревского
 Тимченко А. Ф., I, 88, 164, 166, 527, 532
 Тимченко (Темченко) В. Ф., I, 181, 527
 Тимченко Л. Ф., I, 88, 527
 Тиндаль В., II, 233
 Тинторетто Я., II, 39, 89
 Тирш Ф. В., II, 428
 Тит Флавий Веспасиан, римский император, II, 441, 442
 Титов А. А., I, 30, 394, 456, 481; II, 173, 410, 635, 644; III, 228, 242, 487, 720, 985
 Титов В. П., II, 34, 35, 102, 103; III, 83, 228, 620, 621, 760, 762
     Уединенный домик в Васильевском, I, 721
 Титов П. П., III, 83, 634, 760, 762, 782, 784
 Титова (рожд. Левицкая) Ю. М., III, 634, 760, 762, 782
 Тиунский В., III, 84
 Тихон Задонский, епископ Воронежский, свт., III, 927
 Тихонов А. А., I, 795, 796
 Тихонравов Н. С., I, 550, 579, 712, 717, 818, 824; II, 70, 155, 169, 173, 237, 316, 512, 659, 758; III, 37, 39, 113, 486, 487, 582, 677, 716, 788, 897, 985
 Тициан, II, 38–40, 441, 446
 Тищенко (Тищинко) Г., I, 387
 Товия, израильянин, сын Товита, II, 39
 Толбин В. В., I, 535, 547, 703; II, 444; III, 977, 978
 Толстая, графиня, III, 628
 Толстая, жена графа С. П. Толстого, II, 233
 Толстая (рожд. княжна Грузинская) А. Г. (А. Е.), графиня, I, 43, 44, 123, 367–369; II, 57, 108, 112, 232, 233, 235, 258, 265, 269, 278, 552–555, 568, 652, 924; III, 242, 464, 501, 538,

- 539, 552, 558, 578, 594, 722, 729, 838–842, 900, 916, 934, 948, 953, 957
- Толстая (рожд. Дудина) А. Ф., графиня, I, 769
- Толстая Е. Г., графиня, III, 781
- Толстая (рожд. Левашова) Е. Л., III, 559
- Толстая М. Н., графиня. См. Покровская (рожд. графиня Толстая) М. Н.
- Толстая М. Ф., графиня. См. Каменская (рожд. графиня Толстая) М. Ф.
- Толстая (рожд. княжна Голенщицева-Кутузова) П. М., II, 415
- Толстая (рожд. Берс) С. А., графиня, III, 1020
- Толстая С. П., графиня. См. Апраксина (рожд. графиня Толстая) С. П., графиня
- Толстая (рожд. графиня Строганова) С. С., графиня, III, 227, 231
- Толстой, граф, II, 513
- Толстой, домовладелец в Одессе, III, 777
- Толстой, московский знакомый Н. В. Кукольника, I, 554
- Толстой А. К., граф, I, 228, 395, 441; II, 268, 271, 303, 306, 320–323, 388, 396, 399, 400; III, 18, 28, 414, 476, 536, 726, 738, 739, 774, 857, 891
- Толстой А. П., граф, I, 43, 44, 123, 163, 278, 286, 300, 306, 308, 320, 366–370, 532, 654, 702, 724, 729, 732, 840, 849; II, 42, 57, 69, 79–81, 108, 109, 112–115, 124, 126, 209, 221, 232, 233, 235, 246, 258, 259, 264, 265, 268–271, 279, 280, 322, 361, 368, 371, 377, 394, 399, 400, 407, 411, 472, 474, 488, 496, 504–509, 511–513, 515, 529, 541, 552–555, 568, 571, 572, 616, 618, 650, 652, 655, 748, 767, 781, 782, 866, 867, 882, 923, 924, 935, 936, 963; III, 18, 28, 38, 73, 78, 79, 84, 85, 95, 122, 135, 200, 206, 212, 219, 223, 225, 231, 241, 242, 297, 302, 345, 346, 351, 352, 363, 414, 464, 488, 492, 498, 501, 516, 529, 538, 540, 551, 552, 556, 568, 571, 574, 575, 578, 579, 590, 594–596, 599, 603, 616, 641, 649, 651, 652, 666, 669, 677, 686–688, 690, 693, 694, 698, 702, 712, 714, 717, 719, 722–730, 734, 755, 815, 824, 832, 833, 838–843, 851, 876, 885–891, 896, 900, 906, 908, 909, 911–917, 919, 923, 925, 929, 930, 932–937, 946, 948, 956–958, 960, 961, 964–966
- Толстой Г. М., II, 688, 758
- Толстой Д. Н., граф, II, 34, 36
- Толстой И. (Жан), дипломат, II, 290
- Толстой И. П., граф, III, 227, 231, 347, 722
- Толстой Л. Н., граф, I, 153, 253, 749; II, 297, 513, 944; III, 315, 791, 816, 835, 881, 894, 1017, 1018, 1020
- Анна Каренина, II, 944*
- В чем моя вера, I, 261*
- Дорого стоит, I, 225*
- Исповедь, I, 261*
- Толстой М. Д., граф, III, 782
- Толстой М. Ф., II, 415
- Толстой С. П., граф, II, 233
- Толстой Ф. П., граф, I, 769; II, 34, 36, 693, 759; III, 340, 342, 344, 371, 561, 590
- Толстой Я. Н., III, 554
- Толстые, II, 362
- Толченев А. П., III, 739, 756, 767, 770, 773, 774, 780, 789, 794
- Губернские сплетни, III, 773*
- Толченев П. И., I, 829; III, 773
- Томара (Тамара) В. П., I, 439
- Томара (Тамара) И. П., I, 439
- Томара (Тамара) П. П., I, 439
- Томаринский А. О., диакон, III, 375, 378
- Томаринский М. А., II, 451, 454, 456; III, 375, 376, 378, 379, 447, 448, 489
- Томашевская А. И., II, 950
- Томашевская М. С. См. Аксакова (в замужестве Томашевская) М. С.
- Томашевский А. Ф., II, 472, 474, 673, 722, 755, 868, 894
- Томашевский Б. В., III, 472
- Тон К. А., III, 353, 570
- Топильский (Топелский) И. И., I, 246
- Топорковы, III, 151
- Топчибашев М. Д., II, 34, 36
- Торвальдсен Б., II, 38, 446, 447; III, 52, 126
- Торжевский П. М., III, 15
- Торлони (Торлония) А., герцог, II, 38, 44, 474, 726, 764; III, 343
- Торлони (Торлония), римские банкиры, III, 343

- Торси, II, 38
- Трахимовская (Трофимовская) К. М., I, 128, 146, 171, 172, 202, 210, 358, 359, 639
- Трахимовские (Трохимовские), I, 321
- Трахимовский (Трофимовский) А. М., I, 16, 146, 210, 358
- Трахимовский (Трохимовский) М. М., I, 16, 146, 327, 350, 519, 640; III, 969
- Трахимовский (Трохимовский, Трофимовский) М. Я., I, 11, 14, 16, 25, 31, 36, 48, 51, 65, 76, 80, 122, 146, 177, 194, 207, 249, 288, 347–349, 358, 363, 405, 519, 639; II, 273, 522; III, 492, 967
- Трахимовский Н. А., I, 16, 128, 145, 148, 149, 150, 152, 166, 172
- Трахимовский Н. М., I, 150, 519; II, 521, 522
- Траян (Троян), римский император, II, 195, 218, 229, 251, 255, 257, 303, 366, 425, 427, 442, 444, 451, 453, 454; III, 659
- Тредиаковский В. К., I, 567, 577, 709, 714
- Третьяков А. А., III, 838, 840, 842
- Третьяков П. М., I, 248, 349; III, 391
- Тригубенко Вл. Фед., I, 411
- Трико, учитель французского языка, I, 735
- Трифинский Н. Н., II, 129
- Троис Дж., III, 130
- Троицкая Ю. А., I, 368
- Тройницкий А. Г., III, 630, 783
- Тройницкий Г. А., III, 783
- Тройницкий Н. Г., III, 627, 628, 630, 631, 774, 779, 780, 782–784
Боголю, III, 628
- Тройницкий Н. Т., III, 781
- Тромонин К. Я., II, 488, 492; III, 179
- Тропман Ж. Б., III, 824, 830
- Трошинская А. А., I, 110, 178
- Трошинская (рожд. Косяровская) А. М., I, 5, 12–14, 21, 22, 24, 25, 27, 46–49, 52, 56–62, 65–71, 73, 74, 76, 80–82, 87, 90, 94, 108, 112, 118, 128, 137, 138, 164, 194, 197, 200, 207, 211, 247, 354, 358, 383
- Трошинская (рожд. Кудрявцева) О. Д., I, 50, 51, 67, 73, 82, 83, 85, 87, 90, 91, 94, 95, 99, 101, 103, 104, 139, 177, 181, 182, 188; II, 486; III, 328, 967
- Трошинская С. А., I, 110, 178
- Трошинские, I, 12, 51, 65, 78, 82, 89, 152, 177, 289, 315, 637, 638; III, 237
- Трошинский Анд. А., I, 7, 12, 22–24, 27, 46, 49–51, 56, 60, 62, 63, 67, 69–71, 74, 80, 82–87, 89, 94, 101, 103–108, 110–112, 116, 124, 132–134, 137, 138, 149, 152, 154, 172, 173, 181, 182, 188, 200, 209, 212, 215, 373, 374, 384, 448, 624; II, 484, 486, 514, 575; III, 736, 764, 772, 776–783, 795, 967, 968, 969
- Трошинский Анд. П., I, 5, 12, 21, 22, 24, 27, 73, 74, 80, 122, 137
- Трошинский Ант. Евст., I, 411
- Трошинский Дем. П., I, 5, 22
- Трошинский Дм. А., I, 116, 124, 152, 173, 188, 200; III, 779, 780
- Трошинский Дм. П., I, 3–7, 12, 16, 21–24, 26, 27, 31, 37–39, 45, 47, 50, 51, 57, 60, 63, 64, 66, 67, 69–78, 80–82, 87, 90–105, 122, 134–138, 141, 147, 177, 188, 191, 194, 200, 207, 217, 243, 245–247, 354, 373–375, 378, 383, 384, 387, 403, 406, 441, 448, 494, 497–499, 577, 581, 594, 617, 639; III, 314, 327, 330, 478, 480, 484–487, 756; III, 967, 969, 970
- Трошинский Е. П., I, 5, 22
- Трошинский И. Е., I, 99, 105; II, 484, 486
- Трошинский И. И., I, 7, 135, 384; II, 486
- Трошинский М., I, 4
- Трошинский П. И., I, 5, 122; II, 484
- Трубачева М. С., III, 843
- Трубецкая, княгиня, II, 30
- Трубецкая, княжна, II, 226
- Трубецкая (рожд. графиня Лаваль) Е. И., княгиня, II, 292
- Трубецкая (рожд. княжна Гика) К. К., княгиня, II, 258, 293
- Трубецкая (рожд. Смирнова) С. Н., княгиня, I, 702; II, 196–198, 225, 251, 253, 254, 257, 261, 293, 296, 303, 304, 313, 321, 405, 406; III, 90
- Трубецкой А., II, 259
- Трубецкой С. П., князь (до 1826 г.), II, 292, 296

- Трут, петербургский аптекарь и домовладелец, I, 506; III, 984, 986
- Трутовская С. А. *См.* Самбурская (в замужестве Трутовская) С. А.
- Трутовский, II, 490
- Трутовский К. А., I, 395, 902, 970
- Трушковская М. В. *См.* Гоголь (в замужестве Трушковская) М. В.
- Трушковский, средний сын М. В. Гоголь (в замужестве Трушковской), I, 195, 196
- Трушковский М. П., I, 194–196
- Трушковский Н. П., I, 16, 27, 36, 65, 76, 80, 110, 116–118, 122, 123, 125, 127–130, 143, 145, 171, 175, 176, 193–196, 199, 201, 207, 208, 211, 212, 218, 252, 267–270, 272, 316, 354, 356, 389, 390, 393, 394, 596; II, 112, 120, 122, 215, 516, 517, 522, 895, 896, 932, 937, 938, 941, 942; III, 38, 210, 239, 356, 406, 417, 481, 498, 660, 686, 692, 696, 738, 797, 800, 812, 833
- Трушковский П. О., I, 36, 54, 74, 109, 110, 175, 179, 194, 196, 200, 207, 252, 383
- Туманский В. И., I, 332; II, 34, 36
- К гробу барона Дельвига, I, 332*
- Туманский Ф. А., II, 34, 36
- Тур Евгения. *См.* Салиас де Турнемир (рожд. Сухово-Кобылина, псевдоним Евгения Тур), Ел. В., графиня
- Тургенев, полковник, I, 246
- Тургенев А. И., I, 495, 517, 638, 659, 660, 763, 780, 844–847; II, 41, 43, 51, 52, 55–57, 73, 130, 134, 148, 199, 259, 268, 295, 348, 365, 489, 493, 691, 758, 910; III, 76, 78–95, 174, 175, 183, 208, 261, 286, 459, 473, 477, 496, 527, 844, 863, 983
- Тургенев И. П., III, 87
- Тургенев И. С., I, 119, 158, 280, 306, 309, 320, 327, 441, 728, 788; II, 149, 227, 271, 280, 303, 308, 313, 322, 323, 347, 348, 369, 390, 408, 563, 625, 630, 631, 691, 846, 896, 932–935, 939, 945, 960; III, 6, 16–19, 22, 26–30, 33–37, 44, 132, 170, 244, 266, 296–299, 356, 357, 373, 410, 467, 468, 472, 499, 500, 526, 527, 530–533, 536, 643, 644, 661, 664, 691, 695, 699, 726, 741, 744–746, 750, 758, 766, 771, 772, 820–824, 828–835, 837, 925, 995, 1022
- Бежин луг, II, 271*
- Безденежье, III, 754*
- Вешние воды, III, 766*
- Гамлет Щигровского уезда, II, 271*
- Дворянское гнездо, II, 563; III, 44*
- Деревня, III, 27*
- Завтрак у предводителя, III, 746*
- Записки охотника, I, 310; II, 945; III, 18, 691*
- Муму, II, 271, 308*
- Нахлебник, II, 563; III, 35, 44, 296, 299, 588*
- Отцы и дети, II, 313, 322; III, 824, 830*
- Параша, III, 766*
- Певцы, III, 744*
- Постоялый двор, II, 271*
- Провинциалка, III, 35, 299, 908, 925, 930*
- Рудин, III, 499*
- Три портрета, II, 408*
- Тургенев Н. И., II, 348; III, 76, 79, 80, 83–85, 87–89, 91, 261
- Тургенев С. И., III, 87
- Тургенева О. А., II, 939
- Турчанинов И. Е., III, 42
- Турьян М. А., III, 192
- Тынянов Ю. Н., III, 80, 88, 89, 91, 275
- Тьер Л. А., II, 501, 844, 845
- Тэффи (псевдоним, рожд. Лохвицкая, в замужестве Бучинская) Н. А., III, 115, 796
- Тюнин А. П., II, 119
- Тютчев Н. И., II, 251, 262
- Тютчев Н. Н., III, 527, 528
- Тютчев Ф. И., I, 659, 660, 668; II, 4, 280, 291, 323, 348, 368, 369; III, 126, 232, 237, 542, 559, 596, 668, 810, 815, 867
- Его светлости князю А. А. Суворову, III, 668*
- Тютчева А. Ф. *См.* Аксакова (рожд. Тютчева) А. Ф.
- Тютчева Д. И. *См.* Сушкова (рожд. Тютчева) Д. И.
- Тютчева Е. И. *См.* Пигарева (рожд. Тютчева) Е. И.
- Тютчева Е. Ф., III, 559, 810, 815

- Тютчева Н. Н. См. Шереметева (рожд. Тютчева) Н. Н.
- Тютчева (рожд. Путята) О. Н., II, 605, 968, 969
- Тютчева (рожд. баронесса Пфедфель, в первом браке баронесса Дёрнберг) Э. Ф., III, 596, 763
- Тютюник Л. И., II, 9, 11
- Тюфякина Е., княгиня, II, 265
- Тяпкин-Ляпкин, слуга М. П. Погодина, II, 409; III, 238
- Уайт (Выйят, Виатт) Р. Д., II, 446, 447
- Убий-Собака И. С., I, 361
- Убри (Убриль) П. Я., I, 847; III, 41, 47; III, 76, 80
- Увар, слуга М. В. Станкевич, III, 43
- Уваров А. С., граф, II, 510
- Уваров С. С., граф (с 1846 г.), I, 427, 541, 584, 662, 670, 671, 674, 681, 689, 695, 701, 705, 727, 728, 730, 731, 758–760, 763, 768, 770, 771, 773, 776–781, 788, 793, 797, 798; II, 5, 26, 43, 58, 61, 85, 86, 105, 168, 169, 175, 202, 204, 213, 214, 250, 264, 345–348, 350, 416–418, 472, 491, 498, 500, 510, 530, 536, 743; III, 28, 63, 77, 85, 140, 170, 171, 228–230, 232, 259, 456, 457, 482, 494, 523, 534, 563, 597, 831, 948
- Уварова Е. А., III, 111
- Уварова Н. И., III, 102
- Угличанины, оренбургские помещики, II, 754
- Удино, генерал, III, 64
- Уиллс, англичанин, III, 323
- Уланд Л., II, 481
- Ульянов (Ленин) В. И., II, 513; III, 61, 117, 122, 239, 245, 248, 468, 531–533, 815, 824, 974
- Ульянов Н. И., II, 28
- Уманец Ф. М., I, 532
- Уманов А. Д., III, 290
- Умнов Д., I, 800
- Унгер (Унгер-Сабатъе) К., II, 160
- Унковская (рожд. Белкина) В. М., II, 780
- Унковская (в замужестве Кабрит) В. С., II, 780
- Унковская Е. С., II, 780
- Унковский М. С., II, 780
- Унковский С. Я., II, 780
- Унковский Ф. С., II, 783
- Уолтер (Walter), английский мебельщик, III, 288
- Уракова Н. О., II, 893; III, 926
- Урбан, святой католической Церкви, II, 439
- Урбани (Урбини) А., III, 129, 130
- Урсо О. Д., I, 490
- Урусов (псевдоним Ал. Иванов) А. И., князь, I, 805, 806; II, 918; III, 29, 30, 33, 138
- Урусова (в замужестве княгиня Радзивилл) С. А., княжна, II, 309, 314; III, 78, 83
- Усачев Ф. Н., III, 83, 183
- Усов П. С., III, 861, 862
- Усов С. М., II, 34, 36
- Успенский Л. А., II, 456
- Устинов, секретарь русского посольства в Риме, III, 350, 351
- Устинов М. М., III, 602, 609–611, 614, 622
- Устинья, приживалка в доме Гоголей, I, 212, 213
- Устрялов Н. Г., I, 281, 383, 766, 771; III, 369
- Уткин Н. И., III, 369
- Ухмылова Т. К., III, 534
- Ушаков В. А., I, 766; III, 370
- Ф., знакомый А. П. Милюкова, II, 186
- Ф–ы, знакомые Н. В. Станкевича, III, 397
- Фаге, петербургский парикмахер, III, 434
- Фаллу А. П., граф, II, 348
- Фалькони, содержатель трактира в Риме, II, 468
- Фаренфруг Е. И., I, 247, 252
- Фарнгаген фон Энзе К. А., I, 760, 761; II, 163, 164; III, 82, 145
- Фатеев Ф. И., I, 410
- Фаустина (Фавстина) Старшая, супруга императора Антонина, II, 424, 431
- Фацарди В. К., I, 554
- Феа И., аббат, II, 444

- Федор, дворовый человек Гоголей, сапожник, I, 494
- Федор Федорович, знакомый В. А. Гоголя-Яновского, I, 375
- Федоров, начальник театрального училища в Петербурге, I, 514, 623
- Федоров, обойщик в Риме, III, 157
- Федоров Б. М., I, 766, 768; III, 369, 370
- Федоров Г. А., I, 536
- Федоров Д., III, 409
- Федоров Е. Я., I, 50; II, 487
- Федоров И. Ф., II, 482
- Федоров (Худояров) С. Ф., III, 337, 338, 561
- Федорук О. О., I, 80, 644; II, 400, 521, 942, 952; III, 237
- Федот Яковлевич, разносчик, I, 171, 203, 210
- Федотов В. В., I, 414; III, 971
- Федотов П. А., I, 395; II, 172, 173; III, 561, 562, 720, 721
- Федотова К., II, 553
- Федченко (отец), III, 987–989
- Федченко (сын), III, 987, 989, 990
- Фейнберг И., II, 512
- Фейт Я., II, 40
- Фекла, горничная Е. И. Ходаревской (рожд. Косяровской), I, 208, 231
- Феличе. См. Сикст V (в крещении Феличе), римский папа
- Фельдт <?> С. Г., фон, I, 378
- Фенелон Ф., архиепископ, II, 198, 199
- Феодор Алексеевич, царь, I, 776, 777, 782
- Феодор Иоаннович, царь, III, 229
- Феодор Студит, преподобный, III, 579
- Феодор (Бухарев), архимандрит, II, 871, 872; III, 482, 707–710, 818, 819, 1023
- Феокрит (Теокрит), I, 324
- Феоктист, преподобный, III, 1014
- Феоктистов Е. М., III, 526, 695, 821–824, 829, 832–834
- Феофан (Александров), архимандрит, II, 172
- Феофан (Говоров), Затворник Вышенский, свт., III, 620
- Феофан Грек, II, 456
- Феофан (Прокопович), архиепископ Новгородский, III, 210, 766
- Ферапонтов Н. И., II, 268, 279, 283, 291
- Фердинанд I, австрийский император, II, 266
- Фердинанд II, король Обеих Сицилий, II, 438, 439, 444; III, 488
- Ферран (Феранд) К., I, 461
- Феррари, аббат, III, 323
- Феррари Г., II, 40
- Фет (наст. фамилия Шеншин) А. А., II, 488, 493, 565; III, 303
- Феш И., кардинал, II, 39, 44, 427, 446; III, 267, 268
- Фибинг К. И. (К. К.), I, 421, 423, 465, 466
- Фидий, I, 748; II, 433; III, 397
- Фикельмон (рожд. графиня Тизенгаузен) Д. Ф., графиня, II, 415
- Фикельмон К. Л., граф, II, 292, 296
- Фикельмон Ш. Л., граф, II, 265, 278, 415
- Филарет (Амфитеатров), митрополит Киевский и Галицкий, II, 139
- Филарет (Дроздов), митрополит Московский и Коломенский, свт., I, 367, 702, 728; II, 108, 112, 114, 120, 263, 268, 279, 284, 298, 300, 307, 508, 595; III, 92, 230, 464, 501, 616, 651, 670, 671, 695, 708, 709, 720, 745, 746, 749, 850, 852, 873, 887, 892, 912, 915, 946, 958, 959
- Не напрасно, не случайно... II, 279*
- Слово в день восшествия на Всероссийский Престол Благочестивейшего Государя Императора Николая Павловича, говоренное в Кафедральной церкви Чудова монастыря, Синодальным Членом, Высокпреосвященнейшим Филаретом, Митрополитом Московским, Ноября 20-го дня, 1845 го, III, 464, 501*
- Филарет (Пуляшкин), Новоспасский иеромонах, III, 616
- Филарет, иеромонах Оптиной Пустыни, III, 732, 800
- Филатов, II, 488
- Филдинг (Фильдинг) Г., I, 709; II, 300, 842

- Филимонов В. С., II, 34, 36
- Филин М. Д., II, 925; III, 17
- Филипович П., I, 45, 597
- Филипп, св. апостол, II, 425, 433, 451; III, 470
- Филипп II, испанский король, II, 38
- Филипп, митрополит, св., II, 263, 278
- Филипп В., III, 877
- Филиппо, римлянин, III, 129
- Филиппов, помещик в Орловской губернии, I, 404
- Филиппов Н. П., I, 784, 786, 801, 803; II, 5, 6
- Филиппов П. Н., III, 587
- Филиппов С. Н., I, 189, 193, 194, 532
- Филиппов С. Т., III, 896–899
- Филиппов Т. И., II, 500, 517, 569, 570; III, 709, 718, 722, 885, 886, 888–890, 892, 893, 895–900, 902
- Филиппова М. И., III, 896, 898
- Филипченко Е. И., I, 463, 471, 537
- Филипченко П. И., I, 463
- Филонов, майор, II, 211, 212, 269
- Философов А. И., II, 259
- Фиников К., протоиерей, III, 893
- Фицтум А. И., I, 307
- Фишер К. А., II, 180; III, 103, 660, 877
- Флавицкий К. Д., III, 357
- Флеров, попечитель Харьковского учебного округа, I, 486
- Флеров В. П., II, 167, 170, 171, 173, 421, 443, 455, 464
- Флетчер Дж., II, 602; III, 228, 229, 761
- Флобер Г., II, 325
- Флор Ф., III, 125, 126
- Флоренский П. А., иерей, священномученик, III, 841–843
- Флоренский П. В., III, 843
- Флориан Ж. П., I, 83
- Фок, графиня, II, 289
- Фок А. М., III, 602
- Фок М. Я, фон, III, 978, 979
- Фома, св. апостол, I, 806, 807; II, 425, 433, 451, 490, 653; III, 470, 822, 998
- Фома Кемпийский, святой католической Церкви, II, 189, 198, 199, 554, 643, 906; III, 498
- Фонвизин Д. И., I, 83, 427, 711, 843, 844; II, 338, 477, 518, 910; III, 154, 368, 549, 766
- Бригадир, III, 87, 368, 970*
- Недоросль, I, 83, 427, 501, 541–543, 553, 562, 577, 578, 842; III, 87, 368*
- Фонвизин И. А., II, 265, 655; III, 530, 549–553
- Фонвизин М. А., III, 549, 550
- Фонвизина (рожд. Пушина) Е. Ф., III, 550, 552
- Фонтана Д., II, 40
- Фон-Фохт Н. Н., III, 584
- Фор, содержатель гостиницы в Мангейме, III, 558
- Форнарина (Маргарита), натурщица С. Рафаэля, II, 39, 40, 425, 435
- Фотий, патриарх Константинопольский, II, 554
- Фотий (Спасский), архимандрит, III, 80
- Франко И. Я., III, 876
- Франц I, австрийский император, II, 276
- Франц Иосиф I, австрийский император, I, 173
- Францев В. А., III, 566, 665, 667
- Францен А. Н., I, 626, 630, 631
- Франциск Ассизский, святой католической Церкви, II, 425, 435; III, 318
- Франциск Сальский, святой католической Церкви, II, 198, 199
- Франческо Дж., III, 129
- Франчя Ф., II, 39
- Фредерикс М. П., баронесса, II, 939, 940
- Фрейдель К. В., III, 671
- Фреццолини Э., II, 160
- Фридкин В. М., III, 580, 581
- Фридлендер Г. М., II, 301, 521, 795; III, 304, 501
- Фридрих II, Великий, II, 388
- Фридрих Вильгельм III, король прусский, II, 460
- Фридрих Вильгельм IV, король прусский, II,

- 460
- Фридрих, герцог Саксен-Руссенгальский, II, 258
- Фрикке Л. X., III, 307, 561
- Фролов П. Г., II, 664, 753
- Фролова-Багреева (рожд. Сперанская) Е. М., I, 496; III, 113
- Фролов-Багреев А. А., I, 496; III, 113
- Фронгопуло П. П., III, 559
- Фундуклей И. И., III, 736
- Фурье Ш., II, 348
- Фьезоле Фра Джованни, да (Беато Фра Джованни, Беато Анджелико), святой католической Церкви, II, 39, 40, 299, 451, 457; III, 394, 398
- Х., знакомый А. М. Языкова, III, 180
- Х., лицо, упоминаемое Императором Николаем I, II, 340
- Хавский П. В., III, 16, 18, 577, 695, 976
- Хаис О. С., III, 778, 782
- Халчинский И. Д., I, 439, 440, 446, 453–455, 459, 485, 545, 546, 599
- Ханенко Н. Д., I, 235
- Ханыков В. Я., II, 267, 272
- Ханыков Я. В., II, 216, 231, 242, 244, 257, 271, 302, 304, 305, 312; III, 165
- Ханыкова, II, 232
- Харботтл, знакомая Ел. В. Давыдовой в Риме, III, 323
- Харвей (Гарвей, Harvey), А., лорд, III, 107
- Харвей (Гарвей, Harvey), лорды, три брата, III, 107
- Харитон, слуга, III, 1007, 1013
- Харитоненко, домовладелец в Полтаве, I, 359
- Хвостов Д. И., граф, I, 622, 763, 766; III, 142, 369, 370
- Хвостова Е. А., III, 373
- Хелиус, врач, II, 61
- Херасков М. М., I, 75, 428, 540
- Кадм и Гармония, I, 62, 75, 118*
- Херджулидзе, князь, III, 365
- Хетсо Г., I, 752, 753
- Хилецкий А-р Гр., I, 411
- Хилков Д. А., князь, II, 268
- Хилков И. Е., князь, I, 78, 92, 243, 384; II, 484, 485; III, 970
- Хилкова (побочная дочь Дм. П. Трошинского) Н. Д., княгиня, I, 73, 78; II, 484–486
- Хилкова П. И., княжна. См. Остен-Сакен (рожд. княжна Хилкова) П. И., баронесса
- Хитрово, московский переплетчик, III, 745
- Хитрово (рожд. княжна Голенищева-Кутузова) А. М., II, 415
- Хитрово В. И., III, 198, 203
- Хитрово Е. А., I, 573; II, 3; III, 37, 97, 327, 525, 616, 636, 642, 660, 697, 701, 736, 739, 740, 751, 753, 756, 759, 762, 774, 780, 784–787, 1022
- Хитрово (рожд. княжна Голенищева-Кутузова, в первом браке графиня Тизенгаузен) Е. М., II, 415
- Хитрово (рожд. графиня Тизенгаузен) Е. Ф., II, 415
- Хитрово Н. З., II, 415
- Хитрово Н. Ф., II, 415
- Хлюстин С. С., I, 801, 803
- Хмелевская Е. М., III, 530, 531
- Хмельницкий Б. М., I, 18, 19, 338, 340, 639, 640; II, 26, 141, 162, 296, 330, 581, 756, 757, 762; III, 14, 146, 149, 489
- Хмельницкий Н. И., I, 134, 833; II, 681, 756, 825
- Воздушные замки, I, 135*
- Говорун, I, 134*
- Хованская, княгиня, III, 153
- Хованские, III, 150, 473
- Хованский А. Н., князь, II, 165; III, 150, 474
- Ховард (Howard), II, 759
- Ховрин Н. В., II, 792, 795, 815; III, 831
- Ховрина М. Д., II, 746, 767, 792, 795, 815; III, 78, 83, 89, 831
- Хогарт (Гогарт) У., I, 846
- Ходанен Л. А., III, 304

- Ходаревская, сестра Ходаревского, I, 197
- Ходаревская (рожд. Косяровская) Е. И., I, 46, 52, 57, 60, 75, 79, 89–94, 128, 195, 197, 208, 209, 217, 231, 257, 263, 389, 390, 392, 399; II, 777; III, 968, 970, 971
- Ходаревская М. Н. См. Синельникова (рожд. Ходаревская) М. Н.
- Ходаревский, муж Е. И. Ходаревской (рожд. Косяровской), I, 197
- Ходаревский, страшный сын Е. И. Ходаревской (рожд. Косяровской), I, 197
- Хозрев-Мирза, I, 510
- Хойнацкий А. Ф., протоиерей, I, 9, 433–435, 505
- Холодов Е. Г., III, 4
- Хома Москаль, псевдоним, I, 772
- Хоменко Н. В., II, 119
- Хомутов, знакомый Е. А. Хитрово, III, 751
- Хомяков А. С., I, 184, 381, 585, 633, 637, 728, 753, 758, 766, 773, 848; II, 34, 36, 46, 64, 65, 80, 88, 92, 108, 130, 134, 136, 143–145, 172, 205, 209, 264, 265, 268, 269, 271, 292, 326, 344, 348, 360, 409, 497, 498, 503–507, 509, 511, 512, 514, 515, 517, 530, 567, 569, 576, 604, 605, 611–614, 619, 630, 640, 653, 711, 729, 732, 733, 745, 752, 755, 791–793, 795, 796, 816, 818, 819, 833, 834, 837, 844, 850, 861, 864, 865, 870, 873, 887–893, 896, 926, 933, 937, 945, 968; III, 49, 61, 62, 64, 66, 77, 78, 83, 85, 92, 95, 102, 137, 143, 148, 150, 153, 162, 163, 172, 173, 185, 187–201, 203–207, 211, 216, 218, 223, 230, 242, 244, 336, 381, 398, 399, 491, 530, 556, 588, 595, 596, 616, 648, 662, 664, 665, 675, 696–700, 712, 729, 799, 831, 832, 846, 847, 849, 850, 852, 854, 856, 859, 868, 875, 878, 881, 912, 917, 932, 935, 947, 958, 959, 964, 987
- Беззвездная полночь дышала прохладой... II, 865*
- В альбом В. Ганки, II, 865*
- Иностранка, II, 268; III, 173*
- Ключ, III, 697*
- Не гордись перед Белградом... III, 865*
- О дева-роза, для чего... III, 162, 163, 173*
- России, III, 1008, 1014*
- Семирамида (И. и. и. и.), III, 204, 205*
- Церковь одна, I, 381*
- Хомяков Д. А., III, 200
- Хомяков Н. А., II, 111, 611, 873; III, 197, 198, 491, 698
- Хомяков С. А., III, 172, 987
- Хомякова (рожд. Языкова) Е. М., I, 170, 633, 728; II, 64, 108, 111, 136, 160, 504, 505, 611, 691, 762, 837, 864, 865, 882, 887, 888, 890, 891, 893, 933; III, 50, 62, 66, 77, 92, 102, 126, 142, 143, 145–153, 157, 181, 185, 188–193, 195, 196, 198–200, 203, 242, 451, 491, 556, 596, 698, 699, 712, 847, 849, 854, 859, 909, 926, 932, 944, 949
- Хомякова (рожд. Киреевская) М. А., мать А. С. Хомякова, I, 170; II, 888, 889, 891; III, 987
- Хомякова М. А., дочь А. С. Хомякова, III, 191, 192, 200, 203
- Хомяковы, II, 887; III, 242
- Хорват, домовладелец в Одессе, III, 781
- Хотяева, гостя Гоголя на его именинном обеде 9 мая 1840 г., III, 77
- Хочянов К. С., II, 27
- Храповицкий А. В., II, 248
- Храповицкий А. И., I, 622, 623, 816, 825, 833; III, 34
- Храповицкий М. В., II, 246, 248, 272
- Христиани Г. Г., II, 46, 47; III, 326
- Христофор, слуга, II, 222; III, 405
- Хрущев П. М., III, 810
- Хьюбнер Р., III, 165, 196, 555, 556
- Ц. Надежда (Nadine), I, 170
- Цацкин Иван Прокопьевич, уездный судья в Гадяче, I, 795, 796
- Цезарь Г. Ю., I, 460; II, 264, 303, 424, 431, 432, 436–438, 440, 448, 453; III, 424, 532
- Целинский А., II, 26
- Целлариус Ф. И., I, 418
- Ценкер, московский банкир, II, 767
- Церетели Г. Ф., II, 456
- Цертелев Н. А., князь, I, 45
- Цецилия (Сесилия), святая католической Церкви, II, 38, 39

- Цецилия Метелла, II, 439
 Цибульский, генерал, III, 900
 Цигенгейст Г., III, 82, 473
 Цимбаев Н. И., II, 802; III, 205
 Цимбалистов Ег. Вас., I, 408, 411
 Цимбалистов Иос. Вас., I, 408, 411
 Циммерман, III, 722
 Циммерман А. К., III, 860, 861
 Циммерман И. Г., I, 699
     О уединении, I, 698, 699
 Цимохович М. И., II, 538
 Цинский Л. М., II, 695, 759
 Цион, жена И. Ф. Циона, III, 782
 Цион И. Ф., III, 782
 Цитович П. П., I, 597
 Цицерон, II, 432, 438, 453
 Цицианов, князь, III, 224, 750
 Цицианов Д. Е., князь, II, 328, 353
 Цицианова Е. Д., княжна, II, 266, 267, 278, 344, 357; III, 659
 Цицианова Е. Е., княжна. См. Лорер (рожд. княжна Цицианова) Е. Е.
 Цициановы, князья, II, 278
 Цициний, домовладелец в Одессе, III, 786
 Цони (Цани, Зони), венецианский художник, III, 991
 Цуккарро Т., II, 38, 39, 450
 Цуревская (рожд. Тимченко), жена П. Ф. Цуревского, I, 166, 206, 210, 527
 Цуревская, дочь П. Ф. Цуревского, I, 209, 210
 Цуревский П. Ф., I, 166
 Цыцурин Ф. С., I, 315
 Цявловский М. А., I, 719, 805, 810; II, 54–56, 59, 60, 64, 168, 197–200, 213, 215, 234, 247, 295, 353, 365, 551

 Ч., сосед Гоголей, I, 348
 Чаадаев (Чадаев) П. Я., I, 751, 753, 848–850; II, 177, 179, 348, 490, 792; III, 37, 77, 84, 93, 94, 205, 224, 237, 596, 671, 697, 699, 831, 844, 845, 856, 865, 867, 868
     Апология сумасшедшего, III, 868
     Философические письма, III, 868
 Чаговец В. А., I, 4, 5, 7, 14, 17, 20, 21, 33, 34, 50, 72, 74, 87, 89, 105, 173, 187, 194–198, 201, 202, 204, 206–211, 213, 216–221, 228–232, 239, 243–246, 262, 275, 320, 337, 362, 376, 378, 379, 382–388, 533; II, 99, 101, 115, 124, 777, 779; III, 365, 623, 796, 974, 991
 Чаев Н. А., III, 45
 Чайковский М. С., II, 22
 Чайковский П. И., III, 322
 Чапаев В. И., III, 971
 Чарныш В. И., I, 349, 359
 Чарныш Г. И., III, 969
 Чарторыйский А. К., II, 426
 Чаруковский П. А., I, 802, 803
 Чебышев П. Л., III, 923
 Чебышева Е. Л. См. Тарасенкова (рожд. Чебышева) Е. Л.
 Чеканинский И., II, 512
 Чекиев Ф. И., I, 440, 446, 454, 457
 Челли, хозяин квартиры в Риме, III, 130, 133, 426, 468
 Челли Джузеппе, римский домовладелец, III, 129, 133
 Челли С., сын Дж. Челли, III, 129, 130
 Ченчи Б., II, 336, 354, 425, 435
 Ченчи Ф., II, 354
 Червяковский, киевский портной, III, 998
 Черкасов А. И., барон, II, 213, 214; III, 77, 82
 Черкасов П., I, 417
 Черкасов П. И., барон, II, 41, 47
 Черкасская, жена князя В. А. Черкасского, княгиня, III, 35, 299
 Черкасская (рожд. княжна Васильчикова) Е. А., княгиня, I, 650, 653; II, 374
 Черкасские, II, 491
 Черкасский, князь, II, 491
 Черкасский В. А., князь, II, 130, 373, 374, 899, 902; III, 35, 299, 878
 Черкасский П. Д., князь, II, 697, 698

- Чермак Л. И., I, 536
- Черневская (рожд. Щепкина) А. П., III, 42
- Черневский С. А., II, 140, 754, 755, 759, 829; III, 7, 42, 83, 642, 924, 925
- Чернецов Г. Г., III, 307, 872
- Чернецов Н. Г., III, 307
- Чернецов П. Г., III, 307
- Черницкая А. М., I, 127, 145, 150, 152, 154–160, 166, 397, 398; II, 78, 199, 306–308
- Чернов А. В., III, 205
- Черныш Вас. Вас., I, 164, 201; II, 478, 480; III, 779, 999, 1014
- Черныш Вас. И., I, 44, 201, 210, 213, 221, 255, 384, 494, 495, 514; II, 478, 480; III, 969, 1014
- Черныш Вера В., I, 188, 201
- Черныш Г. Г. См. Суперфин Г. Г.
- Черныш (в первом браке Данилевская) Т. И., I, 495, 514, 519
- Чернышев А. И., князь, I, 727
- Чернышев А. Ф., III, 402, 403
- Чернышев З. Г., граф, III, 80
- Чернышева-Кругликова (рожд. графиня Чернышева) С. Г., графиня, III, 80
- Чернышев-Кругликов (до 1832 г. Кругликов) И. Г., граф, III, 76, 80
- Чернышевский Н. Г., III, 410, 467, 531, 532, 725, 1015
- Черныши, I, 196, 317
- Чернышов Е. Б., I, 368
- Чернышovy, графы, III, 559
- Черняк Я. Э., III, 214
- Черняховский П., I, 235
- Чертков А. Д., II, 46, 82, 138, 140, 144, 172, 177, 179, 410, 427, 452, 455, 490, 497, 803; III, 108, 110, 184, 761
- Черткова (рожд. графиня Чернышева) Е. Г., I, 170; II, 41, 46, 82, 83, 140, 144, 232, 359, 427, 452, 455, 489, 490, 493, 633, 691, 693, 694, 707, 803; III, 108, 110, 285
- Черткова С. А. См. Ермолова (рожд. Черткова) С. А.
- Чёрчель (мать), III, 622
- Чёрчель (отец), III, 622
- Чёрчель, две сестры-англичанки, III, 621, 622
- Чехов А. П., I, 347; III, 364
Архиерей, 364
- Чечевица, фамилия родственников Гоголя, II, 291
- Чивилев (Чевилев) А. И., I, 797; II, 130
- Чиж В. Ф., III, 219
- Чижевский Д. И., II, 318
- Чижов В. Ф., III, 694
- Чижов Ф. В., I, 176, 187, 272, 395, 396, 729, 802, 803, 849; II, 5–7, 25, 34, 43, 123, 130, 235, 457, 852, 861, 910, 944; III, 14, 46, 48–64, 66–69, 72–75, 85, 92, 131, 161, 162, 169–171, 177–179, 212, 229, 258, 307, 331, 332, 335–338, 340–347, 352, 356, 364, 378, 379, 381, 390, 396, 398, 399, 413, 429, 451, 474, 475, 487, 490, 501, 560, 561, 644, 697, 713, 716, 847, 856, 998
- Чижова А. В., III, 51
- Чижова Е. В., III, 51
- Чижова Н. Н., I, 521
- Чижова О. В., III, 51
- Чижова У. Д., III, 51, 332
- Чимабуэ (Ченни ди Пепо), III, 394, 400
- Чириков, помещик, II, 266
- Чистяков М. Б., II, 34, 36; III, 749, 758
- Чихачевы, III, 744
- Чичерин А. В., I, 720
- Чичерин Б. Н., III, 796
- Чичерина (рожд. Капнист) А. А., III, 645, 796
- Чудаков Г. И., II, 317; III, 876
- Чулков М. Д., II, 331
- Чухлиб Т., I, 19
- Шабельник И. М., III, 971–74
- Шабельник Н. И., III, 971, 974
- Шабельник Ф. И., III, 971, 972, 974
- Шабельник Я., III, 975
- Шагин-Гирей, II, 404
- Шад И. Е., I, 462, 541

- Шаликов П. И., князь, I, 429; II, 179
- Шаль В. Э. Ф. (ошибочно). *См.* Сент-Бёв Ш. О.
- Шамбери, французская актриса, II, 779
- Шамбо И. П., III, 597
- Шамиссо А., де
Предание об Александре Великом, II, 493
- Шамполион Ж. Ф., III, 346
- Шамшев Р., I, 99
- Шамшева С. А., I, 99
- Шапалинский (Шаполинский) К. В., I, 83, 112, 355, 385, 454, 459–461, 464–467, 469, 487, 501, 536, 537, 540, 543, 545
- Шаплет С. С., де, II, 374; III, 369
- Шаповаленко (Шаповалов) И. С., I, 326; II, 44; III, 55, 62, 322, 323, 326, 327, 332, 333, 336–338, 341, 342, 374, 376, 386, 389, 390, 392, 396, 400, 561, 572
- Шаповаленко Е., I, 438
- Шапошников А. С., I, 471
- Шапошников В. С., I, 471
- Шапошников Г. С., I, 598
- Шапошников И. С., I, 490
- Шаржинский Н. Д., I, 668
- Шаржинский С. Д., I, 532, 586, 599–601, 632, 644, 668; II, 551; III, 761
- Шарлота, ребенок в доме Дм. П. Трошинского, I, 51
- Шарль (Карл, Charles), курьер А. О. Смирновой, II, 260, 366, 367
- Шарпантье Ж., III, 83
- Шарьер, переводчик, II, 297
- Шатириян Г. М., III, 51, 61, 310, 312, 316
- Шатобриан Ф. О., I, 303; II, 198, 199
- Шатров Н. М., II, 177, 179
- Шафарик П. И., I, 759; II, 419, 420, 426, 459, 462, 464, 576, 954; III, 143, 221, 704
- Шаховская А. М., княгиня. *См.* Виельгорская (в замужестве княгиня Шаховская) Анна М., графиня
- Шаховская В. А., княгиня, III, 753
- Шаховская (в замужестве графиня Келлер) М. А., графиня, II, 940
- Шаховская (рожд. графиня Мусина-Пушкина) С. А., княгиня, III, 100
- Шаховской А. А., князь, I, 383, 766, 833, 840; II, 34, 36, 177; III, 370
- Шаховской А. И., князь, I, 653; II, 77, 939
- Шаховской Д. А., князь, III, 674
- Шаховской Н., князь, I, 273
- Шацкая А., II, 494
- Швабе Н. К., III, 61
- Шварц И. Г., III, 87
- Шварц П. И., II, 34, 36
- Шверин Г. А., фон, I, 741
- Швецов А. Н., II, 301
- Шебек, московская актриса, III, 83
- Шебуев В. К., III, 327, 328
- Шевелев М., I, 538
- Шевелева А. М. *См.* Гинтовт (рожд. Шевелева) А. М.
- Шевляков М. В., I, 557, 559, 656
- Шевченко Т. Г., I, 70, 302, 303, 319, 365, 431, 432, 641, 692; II, 151, 363, 494, 636; III, 29, 33, 97, 104, 244, 307, 475, 503, 537, 711, 737, 991, 1014
Гайдамаки, I, 319, 324
Думы, III, 29
Кобзарь, I, 319, 324
Пустка, III, 29
Художник, III, 307
- Шевырев Б. С., I, 16; II, 82, 83, 92, 107, 457, 471, 937; III, 117, 883
- Шевырев Д. С., II, 105, 107
- Шевырев С. П., I, 11, 14–16, 22, 23, 30, 36, 43, 51, 74–76, 111, 120–131, 133, 144, 145, 164, 166, 170, 216, 218, 263, 265, 266, 270, 273, 280–282, 288, 293, 304, 306, 311, 344, 384, 389, 394, 500, 516, 535, 536, 583–590, 623, 678, 680–685, 687–691, 694, 699–701, 730, 758–761, 766, 773, 774, 810, 820, 848–850; II, 4, 34, 38, 45, 46, 57, 65, 69, 83, 85–107, 111–117, 119–124, 126–130, 143, 144, 147, 152, 166, 172, 177, 179, 180, 209, 226, 268, 269, 280, 362, 373, 374, 384, 387, 395, 399, 409, 410–413, 416, 424–428, 430, 431, 434, 439, 442, 444–447, 451, 452, 455–459, 462,

- 464–471, 476, 477, 487–495, 497–500,
502–504, 511, 512, 514, 516, 517, 521–523,
527, 528, 530, 534, 536, 545, 551, 554, 567,
570, 572, 573, 582, 584–586, 589–591, 594,
599–602, 604, 617, 619, 620, 621, 623–625,
629, 630, 632, 642, 646, 647, 652, 653, 655,
661, 669, 670, 679, 700, 705, 710, 711, 714,
716, 719, 726, 728, 735–737, 740, 742–749,
754–757, 761, 762, 764–767, 782, 783, 789,
792, 793, 796, 816, 817, 823–829, 833, 834,
836, 838, 850, 851, 853, 855, 863, 883, 885,
894, 906, 907, 916, 923, 929, 936, 937, 942,
957; III, 28, 38, 77, 82, 87, 88, 91, 92, 110, 112,
114, 116, 117, 134–136, 143, 155, 161, 162,
164, 167–169, 172, 173, 179, 182, 190, 194,
197, 200, 201, 210, 219, 228–230, 235, 238,
242, 244, 254, 267, 271, 272, 282, 287, 297,
302, 303, 316, 319, 320, 329, 353, 356, 357,
364, 380, 381, 397, 400, 403, 463, 475, 479,
481, 491, 492, 496–498, 500, 503, 521, 522,
526, 527, 530, 545–548, 552, 556, 569, 572,
578, 581, 588, 599, 602–604, 646–652, 659,
660, 662–667, 672, 676–678, 681, 684, 690,
692–700, 704, 705, 712–714, 716, 717, 720,
724, 726, 732, 754, 755, 762, 780, 811,
813–815, 826, 830, 832, 845–847, 849–852,
854, 861, 871, 875, 877, 879, 880, 883, 885,
892, 913, 924–926, 962, 964–966
- Железная дорога, III, 320*
- История русской словесности, преимущественно древней, II, 444; III, 92*
- К Гоголю (Что ж дремлешь ты?), II, 45, 469–471; III, 190*
- Шевырева (рожд. Зеленская) С. Б., I, 516, 760;
II, 82, 83, 85, 92, 105, 111, 457, 462, 471; III,
110, 117, 490, 697
- Шевыревы, II, 82
- Шекспир У., I, 187, 305, 576, 681, 695, 732, 811;
II, 134, 207, 300, 325, 326, 333, 336, 354, 543,
545, 657, 661, 673, 676, 696, 703, 788, 789,
834, 845–847; III, 14, 139, 170, 194, 247–249,
370, 435, 478, 503, 511, 865, 1014, 1023
- Буря, II, 757*
- Венецианский купец, II, 336*
- Гамлет, II, 187, 545*
- Король Лир, III, 1014*
- Ромео и Джульетта, I, 305; II, 336*
- Цимбелин, I, 305*
- Шелихов Д. А., I, 762
- Шелихова (рожд. Монруа) М. Ф., I, 762
- Шелли П. Б., II, 321, 325, 336, 354
- Ченчи, II, 336, 354*
- Шеллинг Ф. В., II, 322, 428; III, 164, 504, 505,
508
- Шелухин С. П., I, 20, 319
- Шемаев В. А., I, 762
- Шемаева А. А., I, 735
- Шемелева, классная дама, I, 733
- Шенин А. Ф., II, 4, 34
- Шенлейн И. Л., III, 941, 943, 948
- Шенрок В. И., I, 4, 6, 15, 16, 23, 32, 33, 35, 43–51,
69, 74–76, 88, 90–94, 96–111, 143, 145, 148,
150–153, 155–157, 159–166, 169, 170, 172,
175, 194, 195, 231, 243, 272, 318, 320, 322, 326,
368, 369, 373, 378, 394, 397, 399, 430, 432, 456,
457, 491–507, 509–515, 517–526, 528–532,
536, 540–543, 582, 588, 591, 623, 660, 704,
749, 799, 804, 806, 829; II, 17, 20, 24, 74, 78,
81, 111, 112, 121, 126, 127, 161, 162, 169, 199,
202, 225, 234–236, 238–240, 301, 304–306,
308–311, 313–318, 320, 325, 352, 353,
357–363, 366, 371, 372, 395, 404, 408, 416,
456, 485, 521, 529, 594, 620, 623, 626, 635, 646,
658, 761, 763, 765–767, 795, 797, 861, 903,
942, 963; III, 19, 81, 97, 99, 103, 105–110,
112–114, 117–119, 122, 138, 140, 141,
143–148, 150, 151, 153, 155, 158, 160, 165,
167–170, 174–176, 179, 187, 190, 197, 198,
210, 242, 253, 278, 286, 291, 328, 356, 521, 634,
635, 639, 642, 658, 697–699, 729, 733,
740–742, 744, 745, 747, 749–754, 756, 757,
780, 781, 800, 837, 845, 864, 876, 922,
925–927, 956, 957, 974, 984, 986, 998, 1024
- Шенрок И. Х., II, 81
- Шепелев Н. Д., III, 134
- Шеппинг Д. А., III, 77, 83
- Шервуд В. О., III, 27, 239, 323, 353, 364, 712,
715, 717, 923, 925
- Шереметев В. А., III, 578
- Шереметев В. А., граф, II, 258
- Шереметев Д. Н., граф, I, 768; II, 263, 447; III,
922, 923

- Шереметева, московская домовладелица, III, 578
- Шереметева Н. А., I, 300; II, 889
- Шереметева (рожд. Тютчева) Н. Н., I, 15, 112–114, 163, 164, 170, 171, 199, 217, 749; II, 41, 42, 55, 58, 62, 63, 98, 99, 101–105, 123, 131–133, 195, 205, 255, 265, 583–586, 641, 655, 693, 712, 719, 722, 762, 820, 821, 829, 844, 927, 930; III, 49, 56, 85, 91, 166, 167, 170–178, 226, 230, 461, 492, 497, 521, 527, 530, 542–553, 559, 603, 604, 668, 718, 719, 761, 926
- Шереметева П. В. *См.* Муравьева (рожд. Шереметева) П. В., графиня (с 1865 г.)
- Шерер И. Б.
Хроника Малой России, I, 624
- Шернваль (Шерваль) А. К., баронесса. *См.* Карамзина (рожд. баронесса Шернваль фон Вавллер, в первом браке Демидова)
- Шерр И., III, 1015, 1022
- Шестаков Д. П., II, 754
- Шестаков П. Д., II, 173; III, 815
- Шиарр, II, 40
- Шигаев Ю., II, 296
- Шидловский А. В., I, 766
- Шиллер Ф., I, 165, 289, 539, 576, 578, 604, 686, 731; II, 241, 322, 328, 333, 788, 842; III, 90, 193, 302, 303, 370, 472, 478, 503, 1013, 1014
Жалоба Цереры, III, 302
Кассандра, III, 302
Торжество победителей, III, 302, 1013, 1014
Элевзинский праздник, II, 328
- Шиллинг фон Капштадт П. Л., барон, II, 414
- Шиллинг, барон, приживал Дм. П. Трощинского, II, 485
- Шимкевич К. А., III, 370
- Шимков А-р Фед., I, 411
- Шипова (рожд. графиня Комаровская) А. Е., III, 149
- Ширинский-Шихматов, князь, III, 868, 869, 871
- Ширинский-Шихматов П. А., князь, I, 309, 670; II, 568, 936, 945, 946; III, 229, 613, 738
- Ширков С. Е., князь, I, 377
- Ширмовский Д. М., иерей, I, 417
- Ширяев А. С., I, 429; II, 415, 416, 472; III, 301, 303
- Ширяев Г. И., II, 208, 209
- Шиховской И. О., II, 34, 36; III, 759
- Шишкин С. И., I, 430, 461, 462, 465, 468, 469
- Шишков А. С., I, 298, 299, 504, 549, 766, 843; II, 331, 417
- Шишков Н. А., II, 883
- Шишкова М. А., II, 883
- Шишкова С. А. *См.* Аксакова (рожд. Шишкова) С. А.
- Шлапак А., I, 343
- Шлегель А.-В., I, 576
- Шлецер (Шлѐцер) А. Л., II, 416, 417; III, 366, 478
- Шлихтин, I, 24, 73, 80
- Шлихтина (рожд. Лукашевич), I, 24, 73, 80
- Шляпкин И. А., III, 271, 272
- Шмидт, портной, II, 282
- Шмидт Х. М., III, 788, 790, 791
- Шнейдер А-р П., III, 644, 796
- Шнейдер А-ра П., III, 645
- Шнейдер В. П., III, 644, 645, 796
- Шо (Shaw) Ф. И., I, 668
- Шолохов М. А., III, 974
- Шопен Ф., III, 574
- Шостак, домовладелец в Одессе, III, 781, 782
- Шостак, жена И. Шостака, I, 53, 73
- Шостак Г. И., I, 53, 73; III, 969, 970
- Шостак И., I, 53, 73; III, 968
- Шостак М. И. *См.* Косяровская (рожд. Шостак) М. И.
- Шпаур, II, 41
- Шпейер, графиня, II, 257
- Шпенглер Л., III, 555
- Шпильман, II, 257
- Шрадер Г. А., I, 458
- Шредер К. И., I, 378
- Шрейберг, учитель немецкой словесности, I, 735

- Шретер, домовладелец в Одессе, III, 786
- Штакельберг Г. О., граф, II, 24, 29
- Штанов, прапорщик, II, 274
- Штатникова М. И., II, 282
- Штейнберг, домовладелец в Одессе, III, 782
- Штейнпресс Б. С., III, 879
- Штерн В., III, 778, 779, 782
- Штернберг В. И., III, 127, 306, 307, 309–313, 315, 370–372, 567
- Штиглиц А. Л., барон, I, 691, 696
- Штрайх С. Я., I, 723, 841
- Штраус Д., II, 421, 465, 483
- Штруве, II, 489, 493
- Штукенберг И. Ф., II, 34, 36
- Штюрмер, московский домовладелец, II, 666
- Шуберт (рожд. Куликова, во втором браке Яновская) А. И., III, 8, 642, 756, 768–770, 774, 792, 793
- Шуберт М. А., III, 7, 42, 83, 793, 925
- Шуберт Ф. Ф., II, 263
- Шубин В., III, 132, 984
- Шубинский С. Н., I, 160, 397
- Шувалов И. И., граф, II, 59
- Шульгин И. П., I, 727, 785, 788, 790, 799, 800; II, 4, 34; III, 830
- Шульц Е. И., III, 778, 781
- Шуман (рожд. Вик) К., III, 574
- Шумский (наст. фамилия Чесноков) С. В., I, 306, 307, 319; II, 154, 393, 669, 754, 755, 880, 881, 932; III, 13, 650, 770, 792, 793, 830, 831, 908, 924, 925, 929
- Шут, бандурист, III, 233
- Щавинская Л. Л., III, 839
- Щапов П. В., III, 976
- Щастный В. Н., I, 722, 766; III, 981–983
- Щеблыкин И. П., III, 396
- Щеглов, московский актер, III, 7, 925
- Щеглов А. В., III, 790
- Щеглов И. Л., II, 226, 401–403, 407; III, 617, 618, 720, 851, 871, 891, 893–899, 901, 904–906
- Щеглов Н. Т., I, 781, 782
- Начальные основания физики, I, 776, 777, 781, 782*
- Щеголев А. П., III, 775, 776
- Щеголев П. Е., I, 4–6, 21, 33, 81, 87, 137, 139, 217, 247, 294, 344, 371, 373, 376–379, 423, 448, 534, 566, 618, 624; II, 621, 658, 893, 896, 897; III, 969
- Щедрин. См. Салтыков (псевдоним Н. Щедрин) М. Е.
- Щедрин С. Ф., II, 346, 357
- Щекотов Н. М., II, 456
- Щепкин А. М., III, 4, 32, 33
- Щепкин Д. М., II, 641, 658, 659, 692, 712, 713, 759, 778, 789; III, 355
- Щепкин М. А., III, 4, 5, 7–9, 22, 24, 25, 28, 30, 32, 33, 35
- Щепкин М. С., I, 113, 163, 185, 187, 198, 216, 221, 283, 298, 301, 305, 306, 396, 405, 495, 500, 585, 595, 640, 682–684, 686, 687, 708, 762, 806, 820, 833; II, 95–97, 139, 141, 146, 153, 154, 227, 268, 269, 279, 283, 285, 286, 291, 295, 355, 359, 360, 399, 418, 419, 472, 473, 491, 492, 495, 497–502, 511, 519, 520, 527, 528, 530, 534, 536, 538–540, 569, 572, 573, 576, 579, 582, 586, 587, 597, 599, 638, 639, 641, 644, 656, 658, 668, 669, 671, 686, 687, 692–694, 696, 698, 700, 701, 703, 712, 713, 730–734, 745, 746, 752, 753, 759–761, 765, 766, 778, 779, 785–789, 804, 815, 817, 829, 836–838, 841, 851, 880, 896, 898, 902–904, 912, 920, 945, 948, 951, 964, 966; III, 3–18, 20–36, 38–45, 48, 77, 83, 86, 88, 183, 221, 233, 234, 237–239, 242, 256, 257, 259–263, 265, 281–285, 293, 296, 302, 303, 307, 319, 355, 453, 476, 477, 495, 502, 504, 519, 543, 559, 567, 569, 570, 588, 648, 650, 658, 662, 669, 672, 685, 691, 692, 694, 695, 715, 766, 768–770, 774, 789–791, 793, 794, 811, 824–826, 830, 831, 837, 908, 910, 911, 921, 924, 942, 948, 975, 976, 979
- Из записок артиста, III, 27*
- Щепкин Н. М., III, 5, 7–9, 13, 28, 35, 43
- Щепкин П. М., III, 3, 28, 43, 658

- Щепкин П. С., II, 664, 753
- Щепкина, бабушка М. С. Щепкина, III, 23
- Щепкина (рожд. Станкевич) А. В., III, 34, 35, 44
- Щепкина А. М., I, 595; II, 153, 154
- Щепкина А. П. *См.* Черневская (рожд. Щепкина) А. П.
- Щепкина (рожд. Дмитриева) Е. Д., III, 10, 11, 811
- Щепкина (рожд. Тимирязева) К. Н., II, 780
- Щепкина Е. С. *См.* Богданова (рожд. Щепкина) Е. С.
- Щепкина (в замужестве Барсова) Ф. М., I, 595; II, 153, 154
- Щербак Мих. Макс., I, 437, 438
- Щербак Мих. Мих., I, 438–440, 452–456, 494
- Щербакова. *См.* Косяровская (рожд. Щербакова)
- Щербакова М. И., III, 621
- Щербаковы, родители Косяровской (рожд. Щербаковой), I, 57, 58, 72; III, 967
- Щербатов А., III, 845
- Щербатов А. Г., князь, II, 841, 842
- Щербатов А. Ф., князь, II, 102; III, 851, 852
- Щербатов Г. А., князь, II, 495, 525; III, 658
- Щербатов М. М., III, 521
- Щербатова, княгиня, III, 845
- Щербатова (рожд. княжна Оболенская) В. П., княгиня, II, 102; III, 851, 852
- Щербатова Е. А., княжна. *См.* Свербеева (рожд. княжна Щербатова) Е. А.
- Щербатова (рожд. Штерич) М. А., княгиня, III, 77, 82
- Щербатова (рожд. графиня Апраксина) С. С., II, 841, 842
- Щербина Н. Ф., II, 172, 173, 545; III, 670, 671, 775, 790
- Греческие стихотворения, III, 670, 671, 775*
- Новые греческие стихотворения, III, 670, 671*
- Щитинская В. А., I, 34, 167, 168
- Щитинская Н. *См.* Горова (рожд. Щитинская) Н.
- Щитинский, сосед Гоголей, I, 167
- Шукин П. И., II, 234, 365; III, 24, 475
- Щурупов М. А., III, 307, 371, 372
- Э., барон, майор, II, 380
- Эвениус А. Е., II, 112; III, 917, 927, 947
- Эдельсон Е. Н., II, 567
- Эдлинг А. К., граф, III, 636
- Эдлинг (рожд. Стурдза) Р. С., графиня, III, 636
- Эйлер (в замужестве Зубова) А. А., II, 309, 314, 324, 329, 333
- Эйлер Л., II, 309
- Эльджин Т., граф, II, 299
- Эльсон Г. Г., III, 307, 561
- Эльсон М. Г., III, 307
- Эмануам В., I, 698
- Эммануэль Г. А. (Е. А.), I, 541
- Энгельгардт А. Л. *См.* Боратынская (рожд. Энгельгардт) А. Л. (Н. Л.)
- Энгельгардт Л. Н., II, 968
- Энгельгардт С. Л. *См.* Путята (рожд. Энгельгардт) С. Л.
- Энсли, англичанин, III, 323
- Эппингер Ф. И., III, 61, 307, 312, 371, 372
- Эристос Д. А., князь, I, 722
- Эстергази, князь, II, 160
- Эсхил, II, 332
- Этьен, эрцгерцог, II, 199
- Эфрос Н. Д., II, 113; III, 43, 571, 572, 863
- Югель К., II, 57
- Югурта (Югорта), царь нумидийский, II, 452
- Юдин Г. В., II, 512; III, 487
- Юдин, знакомый А. С. Данилевского, I, 528
- Юзефович М. В., I, 669; III, 49, 994–998
- Юлий II, римский папа, II, 39
- Юнгмейстер, петербургский книготорговец, I, 583
- Юнг-Штиллинг И. Г., II, 262; III, 636

- Юнкер, учредитель банка, III, 623
- Юргановы, II, 828
- Юрескул И. И., III, 794, 795
- Юркевич С., I, 240
- Юрлов А. И., II, 823, 956
- Юрченко А., I, 196, 203, 222, 357
- Юрченко М., I, 225
- Юрченко П., I, 196, 203, 222, 357
- Юрченко Я., I, 225
- Юрьев В. И., I, 528
- Юрьева Э., III, 877
- Юрьевич С. А., III, 330
- Юскевич-Красковский И. Д., III, 237
- Юскович А., жена К. Юсковича (А. Карпиха), I, 236
- Юскович К., I, 236
- Юскович М. К. См. Забела (рожд. Юскович) М. К.
- Юстиниан (Иустиниан) I Великий, св. правоверный царь, I, 460
- Юсупов Б. Н., князь, II, 274, 292
- Юхименко Е. М., III, 882
- Юшкова Авд. П. См. Елагина (рожд. Юшкова, в первом браке Киреевская) А. П.
- Юшкова Анна П. См. Зонтаг (рожд. Юшкова) А. П.
- Яблочкин А. А., III, 10
- Яворский, выпускник Варшавского университета, III, 791
- Языков А. М., II, 136, 202; III, 14, 50, 83, 126, 140, 141, 145, 146, 148–152, 154–157, 160, 163–165, 170, 173–176, 180–185, 188, 196, 228, 230, 474, 486, 492, 555, 556, 603, 696, 845, 863, 927
- Языков Д. И., I, 802, 803; III, 369
- Языков М. А., II, 906; III, 277, 278
- Языков Н. М., I, 174, 254, 539, 540, 661, 689, 691, 693, 707, 708, 710, 716, 724, 751, 758, 760, 761, 766, 773, 837, 842, 843, 847, 848, 850; II, 18, 64, 98, 101, 103, 108, 111, 125, 127, 133, 158, 160, 196, 202, 205, 210, 218, 221, 226, 229, 230, 243, 258, 269, 289, 296, 305, 345, 353, 357, 368, 380, 390, 409, 411, 459, 474, 488, 494, 505, 522, 530, 545, 579, 583–586, 588, 646, 651, 657, 698, 714, 721, 735, 737, 740, 741, 758, 762, 763, 831, 832, 835, 838, 840, 841, 844, 849, 852, 855, 887, 890, 898, 906, 907; III, 14, 46, 47–54, 56, 58, 59, 61, 62, 67, 69–74, 77, 79, 83–85, 93, 94, 102, 125, 126, 131, 140–185, 188–192, 195–198, 202, 210, 220, 244, 276, 280, 287, 312, 323, 324, 331, 332, 334, 336, 339, 340, 342, 344–348, 354, 378, 379, 382, 392, 399, 435, 451, 454, 460, 463, 486, 491–493, 496, 498, 514, 521, 545, 555, 556, 559, 560, 594, 596, 603, 644, 652, 658, 664, 665, 671, 676, 687, 697, 698, 712, 716, 761, 764, 766, 808, 844–847, 849, 852, 853, 863, 869–871, 909, 927
- Альпийская песня (Гастуна), III, 149*
- Гоголю (Благословляю твой возврат...), III, 148, 149, 189, 190*
- Д. В. Давыдову, III, 869, 871*
- Землетрясение, II, 289, 296, 380; III, 84, 169*
- К К. К. Павловой (Забыли вы меня? Я сам же виноват...), II, 158, 160; III, 125, 162, 188*
- К ненашим, III, 79, 84, 85, 93, 94*
- К Рейну, III, 697, 698*
- К стихам моим, III, 149*
- Люблю смотреть на сине море... II, 103*
- Малага, III, 276*
- Новые стихотворения, III, 169*
- Песня балтийским водам, III, 149*
- Сампсон, I, 847; III, 853*
- Стихотворения, III, 869*
- Стихотворения Николая Языкова. СПб., 1833, III, 142*
- То ли дело как бывало... II, 103*
- Элегия (Толпа ли девочек игривая, живая...), III, 296, 149*
- Языков П. А., II, 34
- Языков П. М., II, 183, 832; III, 140, 143, 145–148, 150–152, 157–159, 163, 174, 182, 190, 473, 474
- Языкова А. М. См. Валуева (рожд. Языкова) А. М.
- Языкова Ек. М. См. Хомякова (рожд. Языкова) Е. М.

- Языкова Ек. П., II, 832; III, 150, 190
- Языкова (рожд. Ивашева) Ел. П., II, 832; III, 145, 150–153, 174, 175, 190, 559
- Языкова (рожд. Наумова) Н. А., II, 136, 569; III, 146, 150–152, 157, 161, 162, 182, 682, 698
- Языкова П. М. См. Бестужева (рожд. Языкова) П. М.
- Языковы, II, 492, 714, 832; III, 473, 856
- Яким. См. Нимченко Я.
- Яков, кучер Погодиных, II, 526, 527
- Яков Васильевич, знакомый Н. Н. Шереметевой и И. А. Фонвизина, III, 551
- Яковлев, чиновник, II, 14, 15
- Яковлев И. Я., I, 735
- Яковлев М. Л., I, 722; III, 369
- Яковлева А. Р., II, 330, 353
- Яковлевы, петербургские домовладельцы, III, 978
- Якубина Ю. В., I, 51, 141, 334, 445, 446, 451, 452, 459, 471, 486
- Якубович И. Д., III, 275
- Якубович Л. А., I, 709; II, 34, 36; III, 370
- Якушкин Е. И., I, 710, 749; II, 829; III, 172, 176, 178, 543, 544, 548, 549, 552
- Якушкин И. Д., III, 542, 552
- Ямпольская А., III, 115, 124–127
- Ямпольский И. Г., I, 488, 625–631
- Ян II Казимир Ваза, король Речи Посполитой, I, 19, 335, 336, 339, 342
- Ян III Собеский, король Речи Посполитой, I, 19, 335, 336, 338–340, 343
- Янкевич Иван Антонович, миргородский уездный судья, поручик, I, 146
- Янович (Яновичева), младшая дочь генерала Яновича, II, 938
- Янович (Яновичева), старшая дочь генерала Яновича, II, 938, 939
- Янович (Яновичева) Ю., средняя дочь генерала Яновича, II, 938, 939
- Янович, генерал, I, 214; II, 938
- Янович, родственница генерала Яновича, I, 358
- Яновская, домовладелица в Полтаве, I, 172
- Яновские, I, 217
- Яновский В. С., иерей, I, 341, 345, 363–366
- Яновский Д. И., иерей, I, 17–19, 206, 217, 338, 342, 345, 362–366; III, 967
- Яновский Иоанн (Ян) Яковлевич (Прокофьевич?), иерей, I, 17, 18, 230, 338, 340, 341, 345, 362–366
- Яновский К. Д., иерей, I, 17, 206, 345, 363–366
- Яновский М. К., иерей, I, 17, 162, 206, 345, 363, 365, 366
- Яновский С. К., иерей, I, 17, 162, 165, 345, 363–366, 507
- Яновский С. М., I, 109, 206, 363
- Янушкевич А. С., II, 49; III, 115, 144
- Яньский Б., II, 21–25
- Ярославна, жена князя Игоря Святославича, I, 636; III, 1004
- Ясинский И. И., III, 50, 994, 997, 998, 1014
- Ясинский Я. И., II, 954
- Ясновский Д. Е., I, 429, 463, 469, 486, 487, 537, 538
- Ястребцов, директор гимназии, II, 463
- Ястребцов И. И., II, 34; III, 369
- Ястржембский Н. Ф., III, 685, 693, 694
- Яхонтов И. К., протоиерей, III, 94
- Яцмирский (Ячмирский, Jacymirski) Adryan (ошибочно — Гоголь Андрей), I, 19, 338, 341
- Ященко Х. А., I, 626–628, 630
- Anspach S., III, 345
- Aventino (псевдоним), знакомый М. П. Вагнер, III, 112, 123
- Brambilla, II, 160
- Carnuel, II, 329
- Conino, II, 258
- Fedi, художник в Риме, знакомый Гоголя и А. А. Иванова, II, 304
- Gabussi, II, 160
- Guene (Gegenet), горничная княжны П. И. Хилковой, II, 486

- Hochard, парижская домовладелица, II, 458, 464
- Laureani, II, 40
- Lu (Lee), знакомый А. О. Смирновой в Бадене, II, 258
- Maont, III, 742
- Mazzotti, жандарм в Риме, III, 110, 113
- Meulan P, de, II, 501
- Milici, содержательница гостиницы в Риме, II, 253
- N., знакомая А. Д. и Е. Г. Чертковых в Риме, II, 452
- N., знакомый В. С. Аксаковой, II, 900
- N., князь, заказчик художника Ап. Н. Мокрицкого (вероятно, князь А. В. Васильчиков), I, 594
- N., польская графиня, III, 990
- N., святой, II, 39
- N. N., знакомый А. С. Пушкина, I, 717
- N. N., корреспондент А. И. Тургенева, III, 78
- N. N., корреспондент журнала «Москвитянин», II, 90
- Ninette, II, 329
- Pachette, II, 333
- Padoviano, II, 39
- Potot, дочь гувернантки Potot, II, 668
- Potot, гувернантка Аксаковых, II, 668
- Saint-Priest. См. Сен-При (Saint-Priest) Э. К., граф
- Sam, II, 259
- Sarg, II, 196
- Treuttel, парижский книготорговец, III, 54
- Vohle, врач-гомеопат, III, 659
- Würtz, парижский книготорговец, III, 54

Содержание

Гоголь в воспоминаниях и письмах М. С. Щепкина	3
<i>В. И. Веселовский.</i> Первое знакомство Гоголя с Щепкиным	3
Из писем М. С. Щепкина	4
Воспоминания М. С. Щепкина о Гоголе в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша	13
<i>М. С. Щепкин.</i> Из моих записок. <i>Фрагмент</i>	15
Воспоминания М. С. Щепкина о Гоголе в дневнике Ф. И. Буслаева	16
<i>Ф. И. Буслаев.</i> К воспоминаниям о Михаиле Семеновиче Щепкине	20
<i>А. Н. Афанасьев.</i> М. С. Щепкин и его записки. <i>Фрагменты</i>	22
<i>А. Н. Афанасьев.</i> Отрывки из моей памяти и переписки. <i>Фрагменты</i>	25
<i>Князь А. И. Урусов.</i> Заметки о М. С. Щепкине. (Выдержки из дневника Н. В. Соколова)	29
<i>В. И. Родиславский.</i> О комедии Н. В. Гоголя «Владимир 3-й степени». <i>Фрагмент</i>	31
<i>М. А. Щепкин.</i> Воспоминания о М. С. Щепкине. <i>Фрагменты</i>	32
<i>Ф. А. Бурдин.</i> Воспоминания артиста об Императоре Николае Павловиче. <i>Фрагмент</i> ..	33
<i>А. В. Щепкина.</i> Михаил Семенович Щепкин в семье и на сцене. <i>Фрагменты</i>	34
Воспоминания о Гоголе С. Т. Аксакова, М. С. Щепкина, О. М. Бодянского в записи П. А. Кулиша (из материалов для биографии Гоголя)	36
Свидетельства о Гоголе актеров, близких М. С. Щепкину	39
И. И. Сосницкий — М. С. Щепкину. <i>30 мая 1836 г. Санкт-Петербург</i>	39
<i>М. П. Садовский.</i> Федор Семенович Потанчиков. (Воспоминания об актере прежнего времени). <i>Фрагмент</i>	39
<i>В. И. Живокини.</i> Из моих воспоминаний. <i>Фрагмент</i>	40
С. А. Черневский. Гоголь в переделках для сцены	42
Гоголь в письмах А. В., М. В. и И. В. Станкевичей	43
А-р В. Станкевич — Н. М. Щепкину. <i>20 февраля 1847 г.</i>	43

Из писем Марии В. Станкевич	43
Ив. В. Станкевич — Н. М. и А. В. Щепкиным. 12 марта 1852 г. Острогжск	44
Н. А. Чаев. Отрывки из воспоминаний. Д. М. Перовщиков. Фрагмент	45
Гоголь в воспоминаниях, дневниках и письмах Ф. В. Чижова	46
Воспоминания Ф. В. Чижова в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша	46
Гоголь в дневниковых записях и письмах Ф. В. Чижова	50
Гоголь в воспоминаниях и письмах Г. П. Галагана	69
<i>Г. П. Галаган. Воспоминания о Гоголе .....</i>	69
Из писем Г. П. Галагана	74
Гоголь в письмах И. П. Галахова к Ф. В. Чижову	75
Гоголь в дневниках и письмах А. И. Тургенева	76
Гоголь в дневниковых записях А. И. Тургенева	76
<i>Из дневников А. И. Тургенева 1834–1844 гг. ....</i>	76
<i>А. И. Тургенев. Хроника русского в Париже. Фрагмент .....</i>	78
<i>Из дневника А. И. Тургенева 1845 г. ....</i>	79
Из писем А. И. Тургенева	86
Свидетельства о Гоголе княжны В. Н. Репниной-Волконской и княгини З. А. Волконской (рожденной княжны Белосельской-Белозерской)	96
Гоголь в воспоминаниях княжны В. Н. Репниной-Волконской	96
<i>Записка, составленная Аф. Вас. Марковичем из письма к нему</i> <i>княжны В. Н. Репниной о Гоголе .....</i>	96
<i>П. И. Бартенев. Из воспоминаний княжны В. Н. Репниной о Гоголе .....</i>	99
<i>Воспоминания княжны В. Н. Репниной-Волконской в записи В. И. Шенрока .....</i>	105
<i>Отрывки из воспоминаний княжны В. Н. Репниной-Волконской</i> <i>в записи П. И. Бартенева .....</i>	114
<i>Н. Тэффи. После юбилея. (Отрывки впечатлений и разговоров). Фрагмент .....</i>	115
Гоголь в письмах княгини З. А. Волконской	115
Из свидетельств о жизни Гоголя в Риме в 1837–1839 гг.	118
Свидетельства о Гоголе И. Ф. Золотарева	118

<i>И. Ф. Золотарев — А. С. Данилевскому. 19 апреля (н. ст.) 1838 г. Рим</i>	118
<i>К. П. Ободовский. Рассказы о Гоголе</i>	119
<i>П. А. Матвеев. Н. В. Гоголь и его переписка с друзьями. Фрагмент</i>	122
<i>Aventino. По следам Гоголя в Риме. Фрагмент</i>	123
<i>Р. Джулиани. Рим в жизни и творчестве Гоголя. Фрагмент</i>	123
<i>Ф. Ноак. Германская культура в Риме, с конца Средних веков. Фрагмент</i>	125
В. Н. Гасперович. Н. В. Гоголь в Риме. <1837–1846 гг.> Фрагменты	128
Свидетельства о Гоголе А. В. Сухово-Кобылина и графини Е. В. Салиас де Турнемир (рожденной Сухово-Кобылиной)	134
<i>М. Я. Бессараб. Сухово-Кобылин. Фрагмент</i>	134
<i>Ю. Д. Беляев. У А. В. Сухово-Кобылина. Фрагмент</i>	134
Из писем графини Е. В. Салиас де Турнемир	135
Ш. О. Сент-Бёв. Русские повести Николая Гоголя, переведенные на французский язык Луи Виардо. Фрагмент	138
Гоголь в письмах братьев Н. М. и А. М. Языковых и их друзей	140
Из писем Н. М. Языкова	140
Из писем А. М. Языкова	180
<i>Д. А. Валуев — Н. М. Языкову. 1841 г. Москва</i>	185
<i>Н. Г. Будьдобрый — Н. М. Языкову. 16 сентября 1846 г. Тверь</i>	186
Свидетельства о Гоголе А. С. Хомякова, его родных и знакомых	188
Гоголь в письмах А. С. Хомякова и его жены Е. М. Хомяковой (рожденной Языковой)	188
Англия. Письмо А. С. Хомякова. <i>Фрагменты</i>	199
<i>М. А. Хомякова. Записная книга. Фрагмент</i>	203
Замечания (Mémoires de ma vie) Владимира Ивановича Хитрово. (Выписки из них). Воспоминания об Алексее Степановиче Хомякове. <i>Фрагмент</i>	203
<i>А. Ф. Гильфердинг. Предисловие <к запискам о всемирной истории А. С. Хомякова «Семирамида» («И. и. и. и.»)>. Фрагмент</i>	204
<i>Ф. Д. Бобков. Из записок бывшего крепостного человека. Фрагмент</i>	206
Свидетельства о Гоголе братьев Ю. Ф. и Д. Ф. Самариных	207

Гоголь в дневнике Ю. Ф. Самарина 1839–1841 гг.	207
<i>Ю. Ф. Самарин</i> . С. Т. Аксаков и его литературные произведения. <i>Фрагменты</i>	208
Из писем Ю. Ф. Самарина	210
Д. Ф. Самарин – Н. Ф. Самарину. <i>24 февраля 1852 г.</i>	219
Гоголь в письмах, дневниках и воспоминаниях О. М. Бодянского	221
Из писем О. М. Бодянского к М. П. Погодину	221
Из писем О. М. Бодянского к Г. П. Данилевскому	222
Гоголь в дневниковых записях О. М. Бодянского 1849–1851 гг.	223
Гоголь в дневниковых записях О. М. Бодянского 1852–1856 гг.	232
Воспоминания О. М. Бодянского в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша	239
Свидетельства о Гоголе В. Г. Белинского	244
Из писем В. Г. Белинского	244
<i>В. Г. Белинский</i> . Литературные и журнальные заметки. <Октябрь 1842>. <i>Фрагмент</i>	271
<i>В. Г. Белинский</i> . Литературные и журнальные заметки. <Декабрь 1842>. <i>Фрагмент</i>	272
Гоголь в письмах и воспоминаниях И. И. Панаева и А. Я. Головачевой (рожденной Брянской, в первом браке Панаевой)	273
И. И. Панаев – К. С. Аксакову. <i>8 декабря 1839 г. Санкт-Петербург</i>	273
<i>И. И. Панаев</i> . Заметки и размышления Нового Поэта по поводу русской журналистики. <i>Фрагменты</i>	273
<i>И. И. Панаев</i> . Воспоминание о Белинском. <i>Фрагменты</i>	276
<i>И. И. Панаев</i> . Петербургская жизнь. Заметки Нового Поэта. <i>Фрагмент</i>	278
<i>И. И. Панаев</i> . Литературные воспоминания. <i>Фрагменты</i>	279
Воспоминания А. Я. Головачевой. <i>Фрагменты</i>	288
Свидетельства о Гоголе братьев В. П., Н. П. и М. П. Боткиных	292
Из писем В. П. Боткина	292
Н. П. Боткин – А. А. Иванову. <i>9 марта 1851 г. Москва</i>	299
<i>М. П. Боткин</i> . Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. <i>Фрагменты</i>	300

А. Д. Галахов. Сороковые годы. Фрагмент	301
А. Я. Кульчицкий – В. Г. Белинскому. 25–27 сентября 1840 г. Харьков	304
Гоголь в воспоминаниях И. К. Айвазовского	306
<i>Н. Н. Кузьмин. Н. В. Гоголь и И. К. Айвазовский.</i> (По воспоминаниям И. К. Айвазовского). <i>Фрагмент</i>	306
<i>П. П. Каратыгин. Иван Константинович Айвазовский</i> и его художественная XLII-х летняя деятельность. 1836–1878. <i>Фрагменты</i>	309
<i>Н. Н. Кузьмин. И. К. Айвазовский и его произведения. Фрагмент</i>	310
Воспоминания о профессоре И. К. Айвазовском Н. Н. Кузьмина. <i>Фрагменты</i>	312
О. А. Айвазовский и Гоголь	316
Ф. И. Буслаев. Мои воспоминания. Фрагмент	318
Свидетельства о Гоголе Ек. В., Ел. В. и В. Л. Давыдовых	322
Ек. В. Давыдова – В. Л. и А. И. Давыдовым. <i>23 декабря (н. ст.) 1840 г. Рим</i>	322
Гоголь в дневниковых записях Ел. В. Давыдовой 1841 г.	322
Гоголь в письмах В. Л. Давыдова	324
Из воспоминаний генерал-фельдмаршала графа Д. А. Милютин	326
Свидетельства о Гоголе А. А. Иванова и его родных	327
Из писем А. А. Иванова	327
Гоголь в дневниковых записях А. А. Иванова 1844–1849 гг.	358
Из писем А. И. Иванова к С. А. Иванову	359
Е. А. Сухих – С. А. Иванову. <i>14 августа 1847 г. Санкт-Петербург</i>	360
Свидетельства о Гоголе С. А. Иванова	361
С. А. Иванов – В. В. Стасову. <i>15 мая (н. ст.) 1862 г. Рим</i>	361
С. А. Иванов о Гоголе и А. А. Иванове в воспоминаниях В. В. Стасова. <i>Фрагмент</i>	362
В. М. Зуммер. Рисунки Н. В. Гоголя в Музее Слободской Украины. Фрагменты	364
Свидетельства о Гоголе братьев В. В. и Д. В. Стасовых	366
В. В. Стасов. Училище правоведения сорок лет тому назад, в 1836–1842 гг. <i>Фрагменты</i>	366
В. В. Стасов. Живописец В. И. Штернберг. <i>Фрагмент</i>	370

<i>В. В. Стасов. Гоголь и русские художники в Риме. Фрагмент</i>	371
<i>Д. В. Стасов. Анекдоты и рассказы о Гоголе</i>	372
Гоголь в воспоминаниях и письмах Ф. И. Иордана	374
Воспоминания Ф. И. Иордана (1879 г.). <i>Фрагменты</i>	374
Записки профессора и ректора Императорской Академии Художеств Федора Ивановича Иордана. <i>Фрагменты</i>	375
<i>Д. Петербургские новости и слухи. Фрагмент</i>	380
Из писем Ф. И. Иордана	380
Пропуск на право прохода через парк Ариччио, выданный Гоголю 28 июня (н. ст.) 1841 г.	384
Гоголь в письмах Ф. А. фон Моллера	385
И. С. Шаповалов – Ф. А. фон Моллеру. Средина мая (н. ст.) 1843 г. Рим	392
<К. М. Климченко> Молотков. Письмо из Рима Никколе Синчero <Н. А. Рамазанову>. Фрагменты	393
Воспоминания о Гоголе М. И. Железнова	402
<i>М. И. Железнов. Заметка о К. П. Брюллове. Фрагмент</i>	402
Братья Ивановы. Воспоминания М. И. Железнова. <i>Фрагмент</i>	404
П. М. Ковалевский. Об Иванове и его картине. Фрагмент	405
Гоголь в воспоминаниях и письмах П. В. Анненкова	407
<i>П. В. Анненков. Письма из-за границы <В. Г. Белинскому. 1841–1842 гг.>. Фрагменты</i> ..	407
<i>П. Анненков. Материалы для биографии А. С. Пушкина. Фрагмент</i>	415
<i>П. Анненков. О значении художественных произведений для общества. Фрагменты</i>	418
<i>П. Анненков. Воспоминания о Гоголе. Рим, летом 1841 года</i>	419
<i>П. В. Анненков. Николай Владимирович Станкевич. Биографический очерк. Фрагмент</i>	502
<i>А. Н. Афанасьев. Отрывки из моей памяти и переписки. Фрагмент</i>	504
<i>П. В. Анненков. Замечательное десятилетие. Фрагменты</i>	504
Последняя встреча с Гоголем. (Из воспоминаний П. В. Анненкова о Москве осенью 1851 года)	528
Из писем П. В. Анненкова	530

М. М. Стасюлевич – П. В. Анненкову. Около 10 августа (н. ст.) 1876 г. Санкт-Петербург	540
Гоголь в письмах Н. Н. Шереметевой (рожденной Тютчевой), ее знакомых и близких	542
Из писем Н. Н. Шереметевой	542
М. А. Фонвизин – И. А. Фонвизину. 4 февраля 1847 г. <i>Тобольск</i>	549
И. С. Гагарин – Н. Н. Шереметевой. 28 марта 1849 г. <i>Лаваль</i>	550
И. А. Фонвизин – Н. Н. Шереметевой. 28 мая 1849 г. <i>Москва</i>	551
Е. И. Якушкин – И. К. Бабсту. 16 ноября 1851 г. <i>Москва</i>	552
Н. А. Голушков. Кое-что из жизни Гоголя в Москве	553
Гоголь в письмах Я. Н. Толстого к князю П. А. Вяземскому	554
Р. Хюбнер. <Гоголь в Эмсе в 1843 и 1847 гг.>	555
Из отдельных свидетельств о жизни Гоголя за границей в 1844 г.	557
Надписи на альбоме, подаренном Гоголю в Ницце в марте 1844 г.	557
Упоминание о Гоголе в путевом дневнике кн<яжны> Ал<ександры> Влад<имировны> Голицыной 1844 г.	557
Из воспоминаний Гр<игория> Мих<айловича> <Левашова> о пребывании Гоголя в Мангейме в июне 1844 г.	558
Воспоминания неизвестного о пребывании Гоголя в Остенде в июле-сентябре 1844 г., в изложении П. А. Кулиша	560
Н. П. Ломтев. Дневник 1844–1848 гг. Фрагменты	561
Отношение вице-директора Департамента государственного казначейства А. И. Ростовцева к министру народного просвещения С. С. Уварову. 31 марта 1845 г. Санкт-Петербург	563
Гоголь в воспоминаниях протоиерея Иоанна Базарова	564
Воспоминания протоиерея И. И. Базарова. <i>Фрагмент</i>	564
Воспоминания о В. А. Жуковском. Письмо священника И. Базарова. <i>Фрагмент</i>	565
А. С. Жиряев – В. В. Ганке. 20 мая (н. ст.) 1845 г. Берлин	566
Гоголь в письмах и воспоминаниях Н. А. Рамазанова и его друзей	567
Из писем Н. А. Рамазанова	567
Н. А. Рамазанов. Гюдень в Москве	569

<i>Н. А. Рамазанов. Московская городская хроника. Художественные известия. Фрагмент</i> . . .	570
Ф. Г. Аралов — Н. А. Рамазанову. <i>24 апреля 1852 г. Санкт-Петербург</i>	571
Из писем М. П. Бибикова к Н. А. Рамазанову	572
М. С. Сабинина. Записки. Фрагмент	574
Свидетельства о Гоголе в записи Н. П. Бочарова	576
<i>Н. П. Бочаров. Новинки для биографии Н. В. Гоголя.</i> <Диплом на звание почетного члена, выданный Гоголю Императорским Московским университетом>. <i>Фрагмент</i>	576
<i>Н. П. Бочаров. Н. В. Гоголь в Москве. (Историческая справка). Фрагменты</i>	577
<i>Н. П. Бочаров. Маска с Н. В. Гоголя и дом, где он скончался.</i> (Историческая справка). <i>Фрагмент</i>	578
Записи о Гоголе в курортной книге Карлсбада 1845 г.	580
Перечень отдыхающих на курорте, прибывших 20 июля (н. ст.) 1845 г. <i>Фрагмент</i>	580
Перечень лиц, выехавших из Карлсбада 15 августа (н. ст.) 1845 г. <i>Фрагмент</i>	580
Сведения о найме Гоголем квартиры в Риме с 28 октября (н. ст.) 1845 г. по 18 апреля (н. ст.) 1846 г.	582
<i>Российский чрезвычайный посланник и полномочный министр при Римском Дворе А. П. Бутенев. Общая ведомость деньгам, розданным по Высочайшему повелению Государя Императора Николая Павловича в Риме. Декабрь 1845 г.</i>	583
Свидетельства о Гоголе Ф. М. Достоевского	584
Из писем Ф. М. Достоевского	584
Объяснения и показания Ф. М. Достоевского по делу петрашевцев	585
Гоголь в письмах А. Н. Плещеева	588
Приговор по делу петрашевцев, опубликованный в газете «Русский Инвалид» от 29 декабря 1849 г. Фрагменты	589
Из отдельных свидетельств о жизни Гоголя за границей в 1846–1847 гг.	590
<i>Граф Ф. П. Толстой. Путевые записки за границей. Фрагмент</i>	590
Паспорт на проезд в Неаполь и обратно, выданный Гоголю в Риме 21 марта (н. ст.) 1846 г.	591
<i>Протоиерей Тарасий Серединский. Записки заграничного священника. Фрагмент</i>	591
Гоголь в письмах братьев В. А. и Н. А. Мухановых	593

Отношение секретаря Собственной Ее Императорского Величества Императрицы Александры Федоровны канцелярии И. П. Шамбо к министру народного просвещения графу С. С. Уварову. 17 января 1847 г. Санкт-Петербург	597
Свидетельства о Гоголе Г. С. Батенькова	598
Г. С. Батеньков — Н. А. Бестужеву. 7 октября 1855 г. Дача Соломенное, близ Томска	598
<i>Батеньков Г. С. Данные. Повесть собственной жизни. Фрагмент</i>	598
Из документов и свидетельств о паломничестве Гоголя к Святым Местам	601
Дело Его Императорского Величества Военно-Походной Канцелярии за № 37 по всеподданейшему письму Гоголя о выдаче ему заграничного паспорта для путешествия к Святым Местам. С приложением документов Министерства внутренних дел и Министерства иностранных дел	601
<i>Начальник Его Императорского Величества Военно-Походной Канцелярии граф В. Ф. Адлерберг — государственному канцлеру, министру иностранных дел графу К. В. Нессельроде. 9 января 1847 г. Санкт-Петербург</i>	605
<i>Начальник Его Императорского Величества Военно-Походной Канцелярии граф В. Ф. Адлерберг — управляющему Императорской миссией в Неаполе графу Л. С. Потоцкому. 9 января 1847 г. Санкт-Петербург</i>	606
<i>Директор Департамента внутренних сношений Министерства иностранных дел В. А. Поленов — управляющему Императорской миссией в Неаполе графу Л. С. Потоцкому. 9 января 1847 г. Санкт-Петербург</i>	606
<i>Государственный канцлер, министр иностранных дел граф К. В. Нессельроде — министру внутренних дел графу Л. А. Перовскому. 14 января 1847 г. Санкт-Петербург</i>	607
<i>Граф К. В. Нессельроде — графу В. Ф. Адлербергу. 14 января 1847 г. Санкт-Петербург</i>	608
<i>Граф Л. А. Перовский — графу К. В. Нессельроде. 15 января 1847 г. Санкт-Петербург</i>	609
<i>Граф К. В. Нессельроде — управляющему Императорской миссией в Константинополе М. М. Устинову. 20 января 1847 г. Санкт-Петербург</i>	609
<i>Директор Департамента внутренних сношений Министерства иностранных дел В. А. Поленов — управляющему Императорской миссией в Неаполе графу Л. С. Потоцкому. 21 января 1847 г. Санкт-Петербург</i>	611
<i>М. М. Устинов — графу К. В. Нессельроде. 14 февраля 1847 г. Пера</i>	611
<i>Граф Л. С. Потоцкий — графу К. В. Нессельроде. 7/19 марта 1847 г. Неаполь</i>	612

<i>Директор Азиатского департамента Л. Г. Сенявин — управляющему Императорской миссией в Константинополе М. М. Устинову, 8 апреля 1847 г. Санкт-Петербург</i>	614
<i>Граф К. В. Нессельроде — графу В. Ф. Адлербергу, 9 апреля 1847 г. Санкт-Петербург</i>	614
Гоголь на острове Корфу у мощей святителя Спиридона Тримифунтского. Свидетельства Н. П. Киреевской (рожденной Арбеневой) и отца Порфирия (Григорова)	615
<i>Преподобный Макарий Оптинский — А. И. Воейковой, 26 января 1849 г. Оптина Пустынь</i>	615
<i>Письмо преподобного Амвросия Оптинского о почитании святых мощей. Фрагмент</i>	616
<i>И. Л. Щеглов. Гоголь в Оптиной пустыни. (Из дорожных заметок). Фрагмент</i>	617
<i>Протоиерей Петр Соловьев. Встреча с Гоголем в 1848 г.</i>	618
<i>В. Б. Бланк. Воспоминания. Фрагмент</i>	621
Тысяча лет русского паломничества. Каталог выставки. <i>Фрагмент</i>	623
Князь Ал. М. Дондуков-Корсаков — российскому вице-консулу в Яффе Н. С. Марабуту. 26 мая 1848 г. <i>Бейрут</i>	623
Из воспоминаний и свидетельств о пребывании Гоголя в Одессе весной 1848 г. (с отдельными сведениями о периоде 1850–1851 гг.)	626
Движение пароходства при Одесском порте. <Сообщение газеты «Одесский Вестник» от 17 апреля 1848 г. о прибытии Гоголя в Одессу>	626
Н. Н. Мурзакевич — М. П. Погодину. <i>Вторая половина апреля 1848 г. Одесса</i>	626
И. С. Некрасов. Значение Гоголя в истории русской литературы. <i>Фрагменты</i>	627
Н. Г. Тройницкий. <Гоголь в Одессе>. <i>Фрагмент статьи «День памяти Пушкина 6 (26) июня 1880 года в Императорском Новороссийском университете»</i>	627
Гоголь в воспоминаниях и письмах А. С. Стурдзы	631
<i>А. С. Стурдза. Дань памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя. Фрагмент</i>	631
<i>Из писем А. С. Стурдзы</i>	633
<i>Преподобный Неофит (Неводчиков), архиепископ Кишиневский. Воспоминание о Н. В. Гоголе</i>	634
Н. А. Скальковский. Письмо в редакцию. <Гоголь в дневниковых записях А. А. Скальковского>. <i>Фрагмент</i>	637

К. К. Заметки и вести. <Сообщение газеты «Одесский Вестник» от 19 мая 1848 г. о пребывании Гоголя в Одессе и его отъезде>	638
Гоголь на родине накануне отъезда в Москву и Петербург летом 1848 г. (отдельные свидетельства)	639
А-р Мих. Маркович — А. С. Данилевскому. <i>Около 8 июня 1848 г. С. Сварково Глуховского уезда Черниговской губернии</i>	639
Разрешение на проезд в Санкт-Петербург и Москву, выданное Гоголю в Полтаве 17 августа 1848 г.	640
Из воспоминаний о пребывании Гоголя в Петербурге осенью 1848 г.	641
Петербургское театральное училище в воспоминаниях Н. И. Куликова. <i>Фрагмент</i> ...	641
Гоголь в воспоминаниях Н. А. Некрасова	643
<i>А. С. Суворин. Недельные очерки и картинки. Фрагмент</i>	643
<i>Из записок А. С. Суворина</i>	643
<i>В. П. Шнейдер. <Граф> Петр Петрович Семенов <Тянь-Шанский> о своих встречах с Гоголем</i>	644
Из воспоминаний и свидетельств о жизни Гоголя в Москве, Калуге и Подмоскowie в 1848–1852 гг.	646
Гоголь в воспоминаниях и письмах Н. В. Берга	646
<i>Н. В. Берг. Воспоминания о Н. В. Гоголе. 1848–1852</i>	646
<i>Н. В. Берг. Графиня Ростопчина в Москве. Фрагменты</i>	661
<i>М. Г. Данилевский. Г. П. Данилевский, по личным его письмам и литературной переписке. Фрагмент</i>	663
<i>Из писем Н. В. Берга</i>	664
Из воспоминаний о посещении Гоголем в Москве дома И. В. Капниста в 1848–1851 гг.	667
<i>И. А. Арсеньев. Слово живое о неживых. (Из моих воспоминаний). Фрагмент</i>	667
<i>Графиня И. П. Капнист. Воспоминания о графе П. И. Капнисте</i>	668
<i>Из воспоминаний о Гоголе М. А. Григоровской</i>	668
Свидетельства о Гоголе Н. В. Сушкова и графини Е. П. Ростопчиной (рожденной Сушковой)	670
<i>Н. В. Сушков. Обоз к потомству с книгами и рукописями. Фрагменты</i>	670

<i>Из писем графини Е. П. Ростопчиной</i>	672
<i>Графиня Е. П. Ростопчина. Похороны Гоголя. Фрагмент</i>	676
Гоголь в воспоминаниях Д. К. Малиновского	676
<i>Д. К. Малиновский. <История знакомства></i>	676
<i>Д. Малиновский. Нечто о Гоголе</i>	678
<i>Д. К. Малиновский. <Отрывок из воспоминаний></i>	683
М. И. Орлов — Д. К. Малиновскому. 15–17 октября 1849 г. Москва	684
А. Н. Афанасьев. Отрывки из моей памяти и переписки. Фрагмент	685
Т. А. Бакунина — А. А. Вульф (рожденной Бакуниной). 27 октября 1848 г. Москва	685
Князь Д. А. Оболенский. О первом издании посмертных сочинений Гоголя. Воспоминания. 1855 г.	685
Гоголь в дневниковых записях, письмах и воспоминаниях П. И. Бартенева	696
<i>П. И. Бартенев. Мои записки с февраля 1849 года (2-й год студенчества). Фрагменты</i>	696
<i>Из писем П. И. Бартенева к П. А. Бессонову</i>	697
<i>Примечание П. И. Бартенева к письму Гоголя Ф. Н. Беляеву от 5 марта (н. ст.) 1845 г.</i>	698
<i>Воспоминания о Гоголе П. И. Бартенева в «Материалах о жизни Гоголя» В. И. Шенрока</i>	698
<i>Б. А. Садовский. Записки. Фрагмент</i>	699
<i>Воспоминания П. И. Бартенева в записи его дочери Т. П. Бартеневой</i>	699
<i>П. Ю. Бартенев. Петр Иванович Бартенев. Некролог. Фрагмент</i>	700
<i>С. С. Сидорова-Бартенева. Мой дед Петр Иванович Бартенев в моих воспоминаниях. Фрагмент</i>	700
<i>А. Д. Зайцев. Петр Иванович Бартенев. Фрагмент</i>	700
Гоголь в письмах друзей П. И. Бартенева	701
<i>С. Марков — П. И. Бартеневу. 3 апреля 1846 г.</i>	701
<i>А. Н. Костылев — П. И. Бартеневу. 9 марта 1852 г. Москва</i>	701
Гоголь в воспоминаниях и письмах Я. К. Грота	702
<i>Я. К. Грот. Воспоминание о Гоголе</i>	702

<i>Из писем Я. К. Грота</i>	704
<i>Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев). Три письма к Н. В. Гоголю, писанные в 1848 году. Фрагменты</i>	707
Свидетельство на проезд в Тульскую, Орловскую и Калужскую губернии и обратно в Москву, выданное Гоголю 24 августа 1849 г.	711
Гоголь в письмах А. И. Кошелева	711
<i>В. О. Шервуд. Вечера у Шевырева (Гоголь). Фрагмент из «Записок»</i>	712
<i>Е. Н. Бастамова (рожденная Алмазова). Из личных воспоминаний о Н. В. Гоголе</i>	718
<i>А. В. Дружинин. Воспоминания о русском художнике Павле Андреевиче Федотове. Фрагмент</i>	720
Свидетельства о Гоголе графов А. П. и И. П. Толстых и графини А. Г. Толстой (рожденной княжны Грузинской)	722
Граф И. П. Толстой — А. А. Иванову. <i>Конец марта 1847 г. Рим</i>	722
Из писем графа А. П. Толстого	722
<i>П. А. Кулиш. Для биографии Гоголя. Заметка о воспоминаниях графа А. П. Толстого для несостоявшегося переиздания «Записок о жизни Н. В. Гоголя...»</i>	725
<i>П. А. Матвеев. Н. В. Гоголь и его переписка с друзьями. Фрагмент</i>	726
<i>П. А. Матвеев. Гоголь в Оптиной Пустыни</i>	727
Графиня А. Г. Толстая (рожденная княжна Грузинская) — А. О. Смирновой. <i>13 марта 1852 г.</i>	729
Гоголь в письмах Святогорца, иеросхимонаха Сергея (Веснина)	730
Из публикаций о пребывании Гоголя в Оптиной Пустыни	732
Пояснение к письму Н. В. Гоголя иеромонаху Оптиной Пустыни отцу Филарету от 19 июня 1850 г. Письмо неустановленного духовного лица редактору «Домашней Беседы» В. И. Аскоченскому 1863 г.	732
<i>Д. П. Богданов. Оптина Пустынь и паломничество в нее русских писателей. Фрагмент</i>	733
<i>Архимандрит Агапит (Беловидов). Жизнеописание Оптинского старца иеросхимонаха Макария. Фрагмент</i>	734
Подорожная на проезд из Канева до Одессы, выданная Гоголю 3 октября 1850 г.	736

Воспоминания Аф. Вас. Марковича

в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша 737

Из мемуаров и свидетельств о пребывании Гоголя в Одессе

осенью 1850 – весной 1851 гг. (с частичными сведениями о периоде 1848 г.) 738

Заметки и вести. <Сообщение газеты «Одесский Вестник»
от 28 октября 1850 г. о прибытии Гоголя в Одессу> 738

И. Т. Лисенков – Криворотовым. *13 ноября 1850 г. Санкт-Петербург* 740

Л. С. Пушкин – князю П. А. Вяземскому. *5 декабря 1850 г. Одесса* 740

Гоголь в Одессе. 1850–1851. <*Дневник Е. А. Хитрово*> 740

Н. Н. Мурзакевич. Записки. Фрагменты 760

Отчет Одесской Городской публичной библиотеки за 1850 г. Особые происшествия 763

Свидетельства о Гоголе Н. Д. Мизко 763

Воспоминания Н. Д. Мизко в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша 763

*Н. Д. Мизко. Тургенев. Его тридцатилетняя литературная деятельность
и его типы. Фрагмент* 766

*А. П. Толченев. Страница для биографии Гоголя.
(Из воспоминаний провинциального актера)* 767

Обед, данный Н. В. Гоголю в Одессе 774

Гоголь в воспоминаниях А. Л. Деменитру 775

*Н. О. Лернер. Несколько новых слов о пребывании Гоголя
в Одессе в 1850–51 гг. Фрагменты* 775

Г. М–ль. Гоголь в Одессе 777

Г. М–ль. Еще о Гоголе в Одессе 778

Воспоминания одесских знакомых Гоголя в записи Ал. Ив. Маркевича 779

А. И. Маркевич. Гоголь в Одессе. Фрагменты 779

*А. И. Маркевич. Воспоминания кн<язя> Н. В. Репнина
о пребывании Гоголя в Одессе* 785

Ф. Е. Никольский. Гоголь в Одессе 788

П. М. Надимов. Воспоминания актера. Фрагмент 791

А. И. Шуберт (рожденная Куликова). Моя жизнь. Фрагменты 792

Подорожная на проезд из Одессы до Москвы, выданная Гоголю 26 марта 1851 г. 794

Подорожная на проезд из Одессы до Богуслава, выданная Гоголю 26 марта 1851 г. 794

В. П. Шнейдер. Александра Алексеевна Чичерина <рожденная Капнист> тоже видела Гоголя	796
С. А. Нилус. Святыня под спудом. Тайна православного монашеского духа. (Келейные записки Оптинского иеромонаха Евфимия Трунова и отрывки из Оптинского монастырского архива). <i>Фрагменты</i>	797
Н. Ф. Андреев. Нечто о Н. В. Гоголе. (Выдержки из заметок)	802
Из отдельных свидетельств о пребывании Гоголя в Москве в 1851 г.	809
<i>А. И. Соколова (рожденная Денисьева).</i> Встречи и знакомства. <i>Фрагменты</i>	809
<i>П. Д. Шестаков.</i> Воспоминания о В. И. Назимове. <i>Фрагмент</i>	815
Воспоминания о Гоголе Р. М. Павлова, записанные Г. П. Георгиевским	815
Подорожная на проезд из Москвы до Полтавы, выданная Гоголю 20 сентября 1851 г. ...	817
В. В. Крестовоздвиженский. Заметка. <О посещении Гоголем Московской Духовной академии 1 октября 1851 г.>	818
Гоголь в письмах и воспоминаниях И. С. Тургенева, его друзей и знакомых	820
Из писем И. С. Тургенева	820
<i>И. С. Тургенев.</i> Литературные воспоминания. IV. Поездка в Альбано и Фраскати (Воспоминание об А. А. Иванове). <i>Фрагмент</i>	823
<i>И. С. Тургенев.</i> Литературные воспоминания. III. Гоголь (Жуковский, Крылов, Лермонтов, Загоскин). <i>Фрагмент</i>	824
Гоголь в письмах Е. М. Феоктистова к И. С. Тургеневу	832
<i>К. Н. Леонтьев.</i> Тургенев в Москве. (Из моих воспоминаний). 1851–1861 гг. <i>Фрагмент</i>	834
Из воспоминаний о жизни Гоголя в Москве в 1851–1852 гг.	836
Воспоминания С. М. Загоскина. <i>Фрагменты</i>	836
<i>Н. И. Перельгин.</i> Из семейной хроники. <i>Фрагмент</i>	837
<i>И. А. Бунин.</i> Из записей. <i>Фрагмент</i>	837
Молитва Гоголя	838
<i>А. А. Третьяков.</i> Молитва Гоголя	838
<i>К–ий.</i> Молитва Гоголя	840
<i>Соль земли, то есть Сказание о жизни Старца Гефсиманского Скита Иеромонаха Аввы Исидора, собранное и по порядку изложенное недостойным сыном его духовным Павлом Флоренским. Фрагменты</i>	841

Гоголь в воспоминаниях и письмах Свербеевых	844
<i>Д. Н. Свербеев.</i> Воспоминания о Петре Яковлевиче Чаадаеве. <i>Фрагмент</i>	844
Из писем Д. Н. Свербеева	844
<i>Д. Н. Свербеев.</i> Воспоминания о последних днях жизни Н. В. Гоголя	849
Гоголь в письмах Е. А. Свербеевой (рожденной княжны Щербатовой)	852
Н. Д. Свербеев — К. С. Аксакову. <i>2 апреля 1846 г.</i>	855
<i>А. Д. Свербеев.</i> Мои воспоминания. <i>Фрагменты</i>	856
Дневник Елисаветы Ивановны Поповой 1847–1852 гг. Фрагменты	859
Из отзывов современников о Гоголе	860
Гоголь в дневниковых записях Г. Н. Геннади 1845–1856 гг.	860
Б. И. Ордынский — А. А. Краевскому. <i>9 августа 1846 г.</i>	862
Гоголь в письмах А. Н. Попова	863
<i>В. И. Шенрок.</i> <О карикатуре М. Л. Неваховича «Шествие в храм славы»>	864
Письмо неустановленного лица о «Выбранных местах из переписки с друзьями», сохранившееся в бумагах Гоголя. <i>Начало 1847 г. Москва</i>	864
П. Я. Чаадаев — князю П. А. Вяземскому. <i>Середина марта 1847 —</i> <i>весна 1848 г. Москва</i>	865
Дневник Николая Алексеевича Арбузова 1850–1852 гг.	868
Отзывы о Гоголе А. Я. Булгакова	872
<i>Гоголь в дневниковых записях А. Я. Булгакова 1852 г.</i>	872
<i>А. Я. Булгаков — В. А. Жуковскому. Начало марта 1852 г. Москва</i>	873
Неустановленное лицо — неустановленному лицу. <i>31 июля 1852 г. Петрозаводск</i>	874
<i>В. Г. Авсеенко.</i> <Отзыв о Гоголе А. Ф. Писемского>	875
Гоголь в письмах и воспоминаниях П. А. Бессонова	876
П. А. Бессонов — П. И. Бартеневу. <i>25 марта 1852 г. Москва</i>	876
<i>П. Бессонов.</i> <Вступительная заметка к разделу «Копейкин с товарищами» 10-го выпуска «Песен, собранных П. В. Киреевским» (М., 1874)>. <i>Фрагмент</i>	877
<i>П. Бессонов.</i> Князь Владимир Александрович Черкасский. <i>Фрагмент</i>	878

<i>П. Бессонов</i> . К вопросу о собирании и издании памятников «народного песнотворчества». <i>Фрагмент</i>	878
<i>П. А. Бессонов</i> . Несколько отрывочных воспоминаний о Н. В. Гоголе. <i>Фрагменты</i>	879
Свидетельства о Гоголе неизвестных лиц	883
Неустановленное лицо — неустановленному лицу. 6 ноября 1852 г. Москва — 11 декабря 1852 г. Санкт-Петербург	883
Волосы Гоголя	884
Гоголь в воспоминаниях Т. И. Филиппова	885
Из воспоминаний Т. И. Филиппова в пересказе Н. П. Барсукова	885
<i>Т. И. Филиппов</i> . Воспоминания о графе Александре Петровиче Толстом. <i>Фрагменты</i> ...	885
<i>И. Л. Щеглов</i> . Гоголь и о. Матвей Константиновский. (История одного губительного недоразумения). <i>Фрагменты</i>	891
Из публикаций о взаимоотношениях Гоголя и протоиерея Матфея Константиновского	895
<i>Е. Н. Поселянин</i> . Гоголь и протоиерей Матфей Ржевский. <По поводу статьи И. Л. Щеглова «Гоголь и о. Матвей Константиновский»>. <i>Фрагменты</i>	895
<i>И. Л. Щеглов</i> . К характеристике о. Матвея Константиновского. <i>Фрагменты</i>	896
<i>С. Т. Филиппов</i> . Письмо в редакцию. <Опровержение на статью И. Л. Щеглова «К характеристике о. Матвея Константиновского»>. <i>Фрагменты</i>	897
<i>Л. Н. Грешищев</i> . Письмо в редакцию. <Опровержение на статьи И. Л. Щеглова «Гоголь и о. Матвей Константиновский» и «К характеристике о. Матвея Константиновского»>. <i>Фрагменты</i>	898
<i>А. Панкратов</i> . Отец Матфей. <i>Фрагменты</i>	899
Из воспоминаний протоиерея Феодора Образцова	901
<i>Протоиерей Ф. И. Образцов</i> . <i>О. Матфей Константиновский, протоиерей Ржевского собора (+14 апреля 1857 г.). По моим воспоминаниям. Фрагменты</i>	901
<i>И. Л. Щеглов</i> . Из записной книжки. <i>Беседа с современником о. Матвея Константиновского <протоиереем Ф. И. Образцовым>. Фрагмент</i>	905
Мемуары доктора А. Т. Тарасенкова и фельдшера А. В. Зайцева о последних днях жизни Гоголя	907
Гоголь в воспоминаниях А. Т. Тарасенкова	907

<i>А. Т. Тарасенков. Н. В. Гоголь в последнее время жизни. Черновой автограф</i>	907
<i>А. Т. Тарасенков. Последние дни жизни Николая Васильевича Гоголя. Журнальная редакция</i>	928
<i>А. Тарасенков. Толки о причинах смерти Гоголя по поводу брошюры А. Тарасенкова «Последние дни жизни Гоголя». Фрагменты</i>	949
<i>Князь Н. С. Назаров. Письмо к редактору. <Возражение на статью А. Т. Тарасенкова «Толки о причинах смерти Гоголя по поводу брошюры А. Тарасенкова «Последние дни жизни Гоголя»>. Фрагмент</i>	951
<i>А. В. Зайцев. Из воспоминаний очевидца о смерти Н. В. Гоголя</i>	952
Московский генерал-губернатор граф А. А. Закревский – начальнику III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии графу А. Ф. Орлову. 29 февраля 1852 г. Москва	958
Документы Московской городской полиции и Московского надворного суда о кончине Гоголя	960
<i>Документы об осмотре вещей покойного Гоголя 21 февраля 1852 г.</i>	960
<i>Сообщение о кончине Гоголя, отправленное управляющим графа А. П. Толстого А. И. Рудаковым в полицейскую часть 21 февраля 1852 г.</i>	960
<i>Протокол осмотра вещей Гоголя, составленный квартальным надзирателем В. Л. Протопоповым</i>	960
<i>Рапорт квартального надзирателя В. Л. Протопопова приставу Арбатской части об осмотре вещей Гоголя. Фрагмент</i>	961
<i>М. П. Захаров. <Извещение о кончине Гоголя в официальной части «Ведомостей Московской Городской Полиции» от 22 февраля 1852 г.>. Фрагмент</i>	961
<i>Рапорт пристава Арбатской части об осмотре вещей Гоголя, поданный во 2-й департамент Московского надворного суда 9 марта 1852 г.</i>	962
<i>Постановления Московского надворного суда от 14 марта и 17 апреля 1852 г. об имуществе покойного Гоголя</i>	962
<i>Документы о вскрытии опечатанного имущества Гоголя 30 апреля 1852 г.</i>	963
<i>Опись, Арбатской части 3-го квартала <надзирателем В. Л. Протопоповым> учиненная имуществу, оставшемуся после умершего коллежского assessора Николая Васильевича Гоголя. <С оценкой имущества, сделанной присяжными оценщиками И. Соколовым и Т. Кабановым>. 30 апреля – 6 мая 1852 г.</i>	963
<i>Акт об описи имущества Гоголя, составленный квартальным надзирателем В. Л. Протопоповым, подписанный И. В. Капнистом, графом А. П. Толстым и С. П. Шевыревым 30 апреля 1852 г.</i>	964

«Объявление» И. В. Капниста, графа А. П. Толстого и С. П. Шевырева об имуществе Гоголя, поданное «московской полиции в Арбатскую часть» 30 апреля 1852 г. Фрагмент	965
Резолюция Московского надворного суда от 21 мая 1852 г. на «отношении» пристава Арбатской части об имуществе Гоголя 13 мая 1852 г.	965
Из апокрифической мемуарной литературы о Гоголе	967
Р. А. Смирнова. <Воспоминания о Гоголе его сестер в передаче С. Н. Данилевской (рожденной Быковой)>	967
Е. П. Серебровская. Рассказы о Гоголе. <Братья Н. И. и Ф. И. Шабельники о пребывании Гоголя в Васильевке>	971
Ф. В. Булгарин о Гоголе	975
Ф. В. Булгарин. Ревизор, оригинальная Комедия в пяти действиях, в прозе, соч. Н. Гоголя. Фрагмент	975
Ф. В. Булгарин. Журнальная всякая всячина. <1847>. Фрагмент	976
Ф. В. Булгарин — П. В. Хавскому. 28 февраля 1852 г. Санкт-Петербург	976
Ф. В. Булгарин — В. В. Толбину (?). 21 марта 1852 г. Санкт-Петербург	977
Ф. В. Булгарин. Журнальная всякая всячина. <1852>. Фрагмент	977
Ф. В. Булгарин. Пчелка. Журнальная всякая всячина. <1854>. Фрагмент	978
И. А. Комиссарова. Памятник ненависти. (Булгарин о Гоголе). <Заметка А. Ф. Писемского из архива Н. С. Лескова>. Фрагменты	979
В. П. Бурнашев о Гоголе	981
В. П. Бурнашев. Мое знакомство с Воейковым в 1830 году и его пятничные литературные собрания. Фрагменты	981
В. П. Бурнашев. 1829 г. Гоголь и Романович-Любович, угощаемые мещанскою девкою в Варваринской гостинице	982
А. М. Лазаревский. Стихотворения Иосифа Олова. Фрагмент	987
А. А. Дунин. Воспоминания о Н. В. Гоголе	987
В. А. Чаговец. Gogoliana. (Гоголевская выставка в «Уник»). Фрагмент	991
Встреча Е. А. Ляцкого с Ф. И. Буслаевым	992
В. Копылова. Гоголь с портфелем и без. Фрагмент	994
И. И. Ясинский. Анекдот о Гоголе. <Воспоминания Михольского>	994

<i>Н. С. Лесков. Путимец. Из апокрифических рассказов о Гоголе</i>	999
<i>Преподобный Варсонофий Оптинский. Беседы. Фрагменты</i>	1015
<i>Список условных сокращений</i>	1025
<i>Сводный именной указатель (т. 1–3)</i>	1026

Научное издание

*Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН*

ГОГОЛЬ В ВОСПОМИНАНИЯХ, ДНЕВНИКАХ,
ПЕРЕПИСКЕ СОВРЕМЕННОКОВ

*Полный систематический свод
документальных свидетельств*

Издание подготовил И.А.Виноградов

Том третий

Корректор *Е. Н. Сченснович*

Компьютерная верстка *А. З. Бернштейн*

Подписано в печать 12.11.2013 г.

Формат 70×100/16. Бумага офсетная.

Гарнитура Petersburg. Печать офсетная.

Печ. л. 73,0. Усл. печ. л. 94,17. Тираж 800 экз. Заказ 4468

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт мировой литературы им. А. М. Горького

Российской академии наук

121069, Москва, ул. Поварская, дом 25-а,

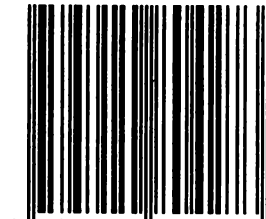
тел. (495) 690-05-61

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ППП «Типография «Наука»»

121099, Москва, Шубинский пер., д. 6

ISBN 978-5-9208-0427-3

9 785920 804273

